

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LVIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LVIII

1894

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1894

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ОКТЯБРЬ, 1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАВРЬ, 1894 г.

	СТР.
I. Старая скрипка. Повѣсть изъ быта музыкально-инструментальныхъ мастеровъ и артистовъ. I—VIII. А. И. Лемана.	5
II. Воспоминанія М. Ф. Каменской. XII. (Продолженіе)	37
III. Изъ лѣтописи усадьбы Сергѣевки. В. В. Гливсаго.	57
IV. Воспоминанія артиста А. А. Нильсаго. XXXVIII—XLIII. (Окончаніе).	86
V. Типы современной деревни. (Продолженіе). VIII. Степанъ Вѣлыхъ. А. В. Круглова.	112
VI. Колонія душевно больныхъ въ Бурашевѣ. А. П. Чехова.	130
Иллюстраціи: 1) Видъ Бурашева при въздѣ.—2) Одинъ изъ корпусовъ (женскій) Бурашевскаго заведенія.—3) Избы, въ которыхъ живутъ спокойные душевно-больные. Баракъ для хроническихъ больныхъ, способныхъ къ работѣ. Двухсемейная изба (безъ женщинъ).	
VII. Госпожа Сталь въ Россіи. А. С. Трачевскаго.	160
Иллюстрація: Портретъ г-жи Сталь.	
VIII. Записки Г. Д. Скобелъцина.	169
IX. Сельховы Дворы. (Изъ недавняго прошлаго). А. А. Танкова.	211
X. Сказаніе о Николѣ Милостливомъ	220
XI. Спасская Ружная, что на площади, церковь въ г. Ростовѣ Великомъ. А. А. Титова.	237
Иллюстрація: Спасская Ружная церковь въ г. Ростовѣ.	
XII. Иностранцы о войнѣ 1812 года. II—V. (Окончаніе). В. Т.	247
XIII. Критика и библиографія	271
1) Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Выводы и заключенія Н. П. Семенова. Спб. 1894. Б. Б. Глинскаго.—2) Франція и славянство. Рѣчь С. Н. Шарапова въ Славянскомъ обществѣ. Спб. 1894. Вл. З.—3) Повседневная записъ замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ, Кроткова. Спб. 1894. Е. Н. М.—4) Годичный отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ е. и. в. великаго князя Алексѣя Александровича, за 1893 годъ. Москва. 1894. П. А.	
XIV. Историческія мелочи	278
1) Королевскія охоты въ XVI вѣкѣ.—2) Отецъ англійской журналистики.—3) Интервью Клоштокка.—4) Культъ Гете.—5) Эпизодъ изъ исторіи французскаго владычества въ Италіи.—6) Декабрьская имперія и ея творецъ.—7) Смерть графа Парижскаго.	
XV. Заграничныя историческія новости	294
XVI. Изъ прошлаго.	301
Изъ разсказовъ гр. А. А. Аракчеева. Сообщилъ А. Л.	

См. слѣд. стр.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ НИЛЬСКІЙ.

дозв. ценз. спб., 24 сентября 1894 г.

СТАРАЯ СКРИПКА.

Повѣсть изъ быта музыкально-инструментальныхъ мастеровъ артистовъ.

I.

ВЪ БОЛЬШОМЪ свѣтломъ номерѣ хорошей гостиницы, за столомъ, уставленнымъ закусками, сидѣли два господина. Оба были среднихъ лѣтъ. Хозяинъ, смуглый блондинъ въ черномъ бархатномъ пиджакѣ, изъ-подъ котораго выглядывалъ бѣлый пикейный жилетъ, съ жаромъ проговорилъ:

— Просто я не знаю, какъ теперь и быть. Хуже ничего нельзя было придумать! Случай, какой это случай! Но, можетъ быть, во время суматохи ее просто украли?

— Ну, это было бы еще хорошо, если бы украли: она бы могла найтись, — произнесъ гость, худощавый, съ блѣднымъ измятымъ лицомъ человѣкъ.

Волосы его были острижены такъ коротко, что кожа просвѣчивала сквозь нихъ. Одѣтъ былъ онъ съ иголочки, но на всей наружности его лежалъ какой-то тусклый отпечатокъ, и ни модный клѣтчатый галстукъ, ни сиреневыя брюки не могли придать ему видъ франта и щеголя, какимъ онъ старался казаться.

Хозяинъ былъ извѣстный скрипачъ Павловичъ, а гость — концертмейстеръ¹⁾ казеннаго опернаго оркестра Тевяшевъ.

¹⁾ Играющій партію первой скрипки и соло въ оркестрѣ.

Павловичъ выпилъ стаканъ вина, стукнулъ кулакомъ по столу и, шумно поднявшись, отодвинулъ кресло. Онъ былъ плотнаго сложенія и средняго роста. Жилистыя, толстыя руки его были покрыты волосами такъ густо, что около манжетъ казались мохнатыми. По происхожденію онъ былъ не то чехъ или далматинецъ, не то русинъ, не то просто русскій. Говорилъ онъ и порусски, и понѣмецки свободно.

Онъ учился въ пражской консерваторіи, Тевяшевъ—въ петербургской. Оба давно знали другъ друга и оба мечтали о славѣ. Тевяшевъ игралъ чисто и старательно, но жидкій стеклянный тонъ, а главное робость передъ толпой помѣшали ему выдвинуться изъ сонма посредственностей. Павловичъ былъ по природѣ настоящій виртуозъ.

Виртуозъ-скрипачъ—это человѣкъ, отличающійся такими опредѣленными особенностями, которыя рѣзко бросаются въ глаза.

Виртуозъ самолюбивъ, какъ актеръ. Равнодушіе для него невыносимо. Всегда и вездѣ онъ старается занять первое мѣсто, привлечь на себя общее вниманіе и не выносить чужого успѣха. Это самый придирчивый, самый несправедливый и самый строгій судья. У него нѣтъ ни образованія, ни знаній, ни просто хорошаго воспитанія. Онъ совершенно «внѣ общества», въ которомъ не замѣчаютъ его неприглядныхъ качествъ, лишь благодаря таланту.

— Расскажи же толкомъ, какъ это случилось,—промолвилъ Тевяшевъ, весьма мало сочувствовавшій несчастью Павловича.

— Въ Орлѣ я долженъ былъ дать концертъ. Остановился я въ плохенькой гостинницѣ, которая тамъ, впрочемъ, слыветъ одной изъ лучшихъ. Ну, концертъ прошелъ отлично—славный сборъ, вѣнки и всякая штука. Позамѣшкался я въ городѣ. На другой день почитатели угощали меня въ клубѣ ужиномъ. Выпито было много. Я вернулся поздно домой и заснулъ, какъ убитый. Вдругъ меня будятъ какіе-то крики, стукъ, грохотъ, слышу, кричатъ пожаръ. Оказывается, что вся гостинница уже въ огнѣ. Не успѣлъ я одѣться, какъ комната моя наполнилась дымомъ, и ужъ изъ дверей выбивается пламя. Я кинулся къ окну, изъ окна меня и приняли пожарные на руки. Лѣстница у нихъ была приставлена. Тутъ я вспомнилъ о скрипкѣ. Начинаю умолять, общаю награду за ея спасеніе.—«Полноте, ваше благородіе, новенькую купите,—сказалъ мнѣ одинъ пожарный:—гдѣ тутъ изъ такого огня скрипку достать». А домъ былъ деревянный и дѣйствительно горѣлъ, какъ костеръ. Весь день съ тоской и смутной надеждой бродилъ я по пожарищу, розыскивая, не попадетъ ли гдѣ въ хламѣ мой футляръ. Ты его помнишь? палисандровый, съ костяной рѣзьбой, съ золотыми инициалами. Одинъ кожаный чехоль мнѣ пятьдесятъ рублей стоилъ, а весь футляръ—полтора: Кителевской

работы, другого такого не найдешь. А скрипка? Ну, гдѣ я достану такую? Тонъ, тонъ какой! — съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ: — а красота какая! Весь инструментъ былъ точно перевить черными лентами. Спинка цѣльная, лакъ густой, тонкій, красновато-золотистый. Эфы ¹⁾ мягкіе и готическіе, завитокъ прямой. Ну, словомъ, чистый Гварнери, del Jesu.

Онъ махнулъ рукой и съ волненіемъ началъ ходить по комнатамъ. Тевяшевъ продолжалъ не спѣша закусывать. Онъ намазывалъ масло на тонкіе ломтики хлѣба, накладывалъ сардинки, копался вилкой въ жестянкѣ съ раковыми шейками и съ видомъ сибарита пускалъ голубоватый дымъ изъ душистой сигаретки.

— Фа дѣзъ на баскѣ у тебя сипѣлъ. Квинта рѣзала, — съ полнымъ ртомъ произнесъ онъ.

— Ну, это вздоръ. Фа дѣзъ на всѣхъ скрипкахъ на четверть тона фальшивить. А все-таки басокъ былъ чудесный. Колоколь — такъ и гудить. Ну, вотъ, честное слово, не пожалѣлъ бы никакихъ денегъ, если бы могъ найти подобную скрипку.

Наступило молчаніе.

— Концертъ на той недѣлѣ? — проговорилъ Тевяшевъ, спустя нѣсколько времени.

— Да, въ субботу. Въ третьемъ симфоническомъ.

— Возьми моего Карла Бергонци.

— Во-первыхъ, это не Карлъ Бергонци, — насмѣшливо выставивъ губу, отвѣтилъ Павловичъ. — А, во-вторыхъ, твой инструментъ звучитъ не по мнѣ.

— Напрасно ты такъ думаешь. Попробуй-ка въ концертномъ залѣ: что ни нота, то пушка.

— Слышалъ, не разъ, братъ, слышалъ. Не возьму, спасибо за услугу.

— Какъ хочешь, — обидчиво произнесъ сквозь зубы Тевяшевъ. — Ужъ я и не знаю, гдѣ ты достанешь себѣ тогда инструментъ. Можетъ быть, Ауэръ одолжитъ тебѣ своего Страдиварія.

Павловичъ засмѣялся.

— Я не ученица консерваторіи, которымъ онъ любезно даетъ свои скрипки. У него, кажется, ихъ двѣ?

— Двѣ, — сказалъ Тевяшевъ: — одинъ институтъ лучшей эпохи, начала 1700 годовъ, а другой *amatisé*. Оба превосходны, но въ особенности хорошъ *amatisé* ²⁾, какъ образецъ этого рода.

— Надо купить, — сказалъ Павловичъ: — мнѣ безъ скрипки быть никакъ нельзя.

¹⁾ Эфами называются отверстія въ верхней декѣ скрипки для выхода приведеннаго въ колебаніе воздуха.

²⁾ Страдиваріусъ былъ ученикомъ Николая Амати и первое время подражалъ своему учителю. Инструменты этой эпохи, конца 1600 годовъ, называются *amatisé* — подражательными. Они небольшого размѣра, покрыты золотистымъ блѣдно-желтымъ лакомъ и звучатъ чистымъ серебристымъ тономъ.

— Купить,— со смѣхомъ возразилъ Тевяшевъ:— у Циммермана ¹⁾, что ли?

— Нѣтъ, скажи, не знаешь ли ты, не продается ли гдѣ хорошій инструментъ? Оставь шутки. Тутъ, говорятъ, есть любитель, нѣкто Пичъ. У него цѣлая коллекція. Можетъ быть, въ ней найдемъ что нибудь?

— Ну, врядъ ли. Я слышалъ, что Пичъ выгодно умѣетъ продавать свои скрипки, но чтобъ у него было что нибудь особенное, не слышалъ. Надо побывать у Фрейтага. Отправимся-ка къ нему. Онъ можетъ подать намъ дѣльный совѣтъ.

Павловичъ согласился и ушелъ въ спальню переодѣться.

Черезъ четверть часа, сѣвъ на перваго попавшагося извозчика, они поѣхали къ Красному мосту, гдѣ въ описываемое время гнѣздились мастерскія и магазины гардеровщиковъ, лютеровъ и гитарныхъ мастеровъ.

II.

Фрейтагъ былъ нѣмецкій солдатъ, явившійся въ Россію искать счастья. Въ Германіи онъ шилъ сапоги, собиралъ часы, подклеивалъ гитары. Все это внушило ему мысль, что онъ можетъ быть для Петербурга хорошимъ корректоромъ ²⁾. Безъ особыхъ хлопотъ онъ выправилъ себѣ въ ремесленной управѣ свидѣтельство скрипичнаго мастера и открылъ лавочку, въ которой сталъ торговать выписанными изъ Саксоніи и Мирекура струнами, колками, подставками, канифолью, и завелъ станокъ для навиванія басковъ.

Ему повезло. Скоро онъ имѣлъ возможность закупить нѣсколько дюжинъ тѣхъ дешевыхъ кустарныхъ нѣмецкихъ инструментовъ, безъ которыхъ не можетъ вести торговлю ни одинъ музыкальный магазинъ. Инструменты эти, цѣною отъ пяти до тридцати рублей, въ большомъ спросѣ, и на каждомъ можно нажить около трети его стоимости.

Магазинъ Фрейтага по входу и вывѣскамъ походилъ на парикмахерскую. Virtuозы поднялись на нѣсколько ступенекъ, отворили стеклянную дверь и увидѣли за прилавкомъ рыжеватаго, съ добродушнымъ выбритымъ лицомъ хозяина, который широко улыбнулся при видѣ Тевяшева и устремилъ осторожный взглядъ на Павловича.

— А, профессоръ!— оживляясь воскликнулъ онъ, узнавъ его.— Вотъ не ожидалъ. Давно вы въ Петербургѣ?

— Надняхъ пріѣхалъ. Выручайте, геръ Фрейтагъ: у меня скрипка пропала.

¹⁾ Музыкально-инструментальный магазинъ.

²⁾ Корректорами, или гардеровщиками, въ музыкально-инструментальномъ ремеслѣ называютъ тѣхъ мастеровъ, которые чинятъ скрипки, виолончели, контрбасы и другіе струнные инструменты.

— O mein Gott! Какъ же это такъ?

— Сгорѣла во время пожара. Чортъ знаетъ, что такое!

— У васъ былъ...

— Жозефъ Гварнери. Купилъ отъ Лауба. Три тысячи чисто-ганомъ!

— Какая жалость, какая жалость!— говорилъ, качая головой, Фрейтагъ.— Вамъ нуженъ очень хорошій инструментъ, вамъ нуженъ прекрасный инструментъ, я вамъ буду доставать такой инструментъ.

— Да ужъ нѣмецкую скрипку не куплю,—сказалъ профессоръ, скользнувъ взглядомъ по миттенвальденскимъ и маркнейкирхеновскимъ инструментамъ, которыми были набиты стеклянные шкафы магазина Фрейтага.

— О, кто говоритъ—нѣмецкую скрипку. Вы смѣтаетесь, профессоръ. Я вамъ буду доставать настоящій итальянскій инструментъ. Ein alter Geige mit grösstem Tohn. Я знаю одинъ такой. Удивительная вещь!

— У кого?—спросилъ Тевяшевъ, не придававшій особеннаго значенія паѳосу гардеровщика.

Фрейтагъ, не смотря на свои коммерческіе таланты, былъ мечтатель и человѣкъ съ фантазіей, любилъ увлекаться особенно послѣ приношеній Бахусу и въ обществѣ виртуозовъ, въ которомъ онъ былъ принятъ, какъ свой.

— У графа Мусина-Пушкина.

— Не продастъ,—отрѣзалъ Тевяшевъ.

— Ну, когда такъ, у князя Юсупова.

— Вотъ еще выдумали,—продолжалъ со скрытой ироніей концертмейстеръ, отнимая послѣднюю надежду у Павловича,

— Тогда надо хорошенько подумать,—сказалъ Фрейтагъ.

Постоявъ нѣсколько времени въ раздумьи, онъ отворилъ дверь въ мастерскую, гдѣ виднѣлось нѣсколько мальчишекъ въ полосатыхъ халатахъ, съ выбритыми макушками, которые усердно пилили, строгали и чистили куски дерева.

— Clarchen, Clarchen, kommen Sie her!

Маленькая, востроглазая нѣмка въ черномъ платьѣ и въ чепчикѣ тотчасъ появилась въ магазинѣ. Сдѣлавъ книксенъ виртуозамъ, она ласково спросила:

— Что надобно, мой другъ?

— Господинъ профессоръ долженъ приобрѣтать прекрасную скрипку. У него пропала на пожарѣ.

— Mein Gott, какое несчастье!—проговорила нѣмка, возводя глаза къ небу.

— Но въ Петербургѣ много хорошій скрипка,—продолжалъ гардеровщикъ.

Концертмейстеръ насмѣшливо захохоталъ.

— Я тоже такъ думаю.

— Ну, полно тебѣ,—остановилъ его Павловичъ:—тутъ говорятъ о дѣлѣ, а ты все смѣешься.

Фрейтагъ понялъ, что авторитетъ его колеблется въ глазахъ желанныхъ посѣтителей, и счелъ нужнымъ поскорѣе выпутаться изъ затруднительнаго положенія.

— Вы мнѣ дайте свой адресъ, господинъ профессоръ. Я сегодня узнаю, гдѣ намъ искать, и завтра приѣду къ вамъ. О, вы не беспокойтесь, старый Фрейтагъ знаетъ свое дѣло. Мы вамъ будемъ доставать такой скрипка, такой скрипка!..

Павловичъ не дослушалъ, потому что Тевяшевъ уже увлекъ его къ двери.

— Къ чорту нѣмца,—сказалъ концертмейстеръ.—Поѣдемъ къ Козьмину, онъ преемникъ Киттеля, живетъ въ Петербургѣ сорокъ лѣтъ и знаетъ тутъ каждую нору.

— Кто такой Козьминъ, никогда не слыхалъ,—говорилъ Павловичъ, усаживаясь на извозчика.—Поѣдемъ, куда хочешь, а скрипку надо достать, во что бы то ни стало.

Оказалось, что Козьминъ переѣхалъ на другую квартиру. Virtuозы отправились по новому адресу. Но тутъ имъ сказали, что Козьминъ съ мѣсяцъ назадъ выѣхалъ.

— Это не предвѣщаетъ ничего хорошаго,—произнесъ Павловичъ, съ досадой возвращаясь къ извозчику.—Дѣла что ли у него идутъ плохо?

— Это странный человекъ,—отвѣтилъ Тевяшевъ.—Онъ очень даровитъ и даже талантливъ. Другой на его мѣстѣ десять разъ капиталъ бы нажилъ, а онъ все бьется, какъ рыба объ ледъ, и замѣтъ, не пьянствуетъ, не играетъ въ карты. Просто нельзя понять, отчего у него не идутъ дѣла. Я знаю его лѣтъ пятнадцать. Раньше онъ хотѣлъ дѣлать только новыя скрипки, собралъ запасы дерева, изготовилъ нѣсколько дюжинъ смычковъ. Они того же типа, какъ и кителевскіе, но гораздо слабѣе и хуже.

— Да, вѣдь то былъ мастеръ на всю Европу,—отозвался Павловичъ.—Мнѣ самъ старикъ Жанъ-Баптистъ Вильомъ съ волненіемъ говорилъ, какъ онъ познакомился въ первый разъ съ Киттелемъ. Николай Ѳедоровичъ жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ. У него, если ты помнишь, была мастерская и магазинъ на Михайловской. Когда Вильомъ уже былъ въ славу, и его отборные смычки съ черепаховыми колодочками въ золотѣ нарасхватъ покупались артистами и любителями, Кителю привелось быть въ Парижѣ. Онъ зашелъ въ Rue de Croix, гдѣ жилъ тогда Вильомъ, и принесъ ему одинъ изъ своихъ смычковъ. Это былъ перлъ въ своемъ родѣ. Едва Вильомъ разглядѣлъ работу искуснаго мастера, какъ закричалъ на весь домъ:

— Жена, дѣти! Идите смотрѣть, какой долженъ былъ смычекъ. Вотъ это мастеръ, которому я въ ученики не гожусь!

Оба они расплакались и обнялись.

Тевяшевъ, недověрчиво сложивъ губы, съ скептическимъ видомъ выслушалъ эту исторію.

— Козьминъ,— началъ онъ:— въ одно время имѣлъ большой успѣхъ среди музыкантовъ. Онъ новаторъ, постоянно мечтаетъ изобрѣсти что-то новое; баски предлагаетъ обвивать волосомъ, а потомъ ужъ канителью. Теперь онъ занялся балалайками и, надо сказать, дѣлаетъ ихъ, какъ никто. Ненадолго, разумѣется.

— А смычки?— спросилъ Павловичъ.

— Смычки оставлены, и какая жалость, братъ. Разъ я захожу къ нему и вижу прекрасный фернамбуковый брусокъ. Это дерево очень цѣнно, и, какъ тебѣ извѣстно, ходитъ анекдотъ, что Франсуа Туртъ, царь смычковъ, установившій нашъ типъ смычка, часто принужденъ былъ дѣлать смычки изъ дуба и изъ чернаго дерева, потому что не имѣлъ средствъ на покупку фернамбука. Итакъ вижу я этотъ брусокъ и говорю Козьмину:

— Однако вы сдѣлали запасъ. Сколько тутъ можно накroить смычковъ?

Онъ засмѣялся.

— Да ни одного.

— Какъ такъ ни одного?

— Очень просто. Я теперь отъ этого бруска отпиливаю фанерки для украшенія балалаекъ. Знаменитое дерево, отъ самого Николая Федоровича осталось!

— И вамъ не жаль?

— Чего же жалѣть! Нашу публику развѣ прошибешь? Ей все подавай заграничное, а своего она и знать не хочетъ. Если бы только нашлись заказчики, развѣ бы за мной была остановка. Вотъ смотрите сами.

Съ этими словами онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и вернулся съ охапкой смычковъ, выдѣланныхъ начерно, съ есиками, съ пазами и съ выграненной тростью.

Замѣтивъ мое изумленіе, онъ съ торжествомъ воскликнулъ:

— Все моя работа! Нынче закажите, завтра сдамъ заказъ.

— Что же ему не заказываютъ?— спросилъ Павловичъ.

— Я и заказалъ,— отвѣтилъ концертмейстеръ:— такъ онъ полгода дѣлалъ мнѣ смычекъ. Надоѣло мнѣ ходить, плюнулъ на это дѣло. Все нынче да завтра. Тутъ ему нужно перемѣнить грифъ на гитарѣ, завтра поставить пружину въ контрбасъ. Послѣзавтра, глядишь, принесли ему арфу, и онъ возится съ педалями.

— Русскій человекъ,— съ улыбкой сказалъ профессоръ.

III.

Козьминъ жилъ теперь неподалеку.

У него не было магазина. Мастерская его помѣщалась въ верхнемъ этажѣ грязнаго, холоднаго, сырого дома, наружныя стѣны котораго съ мокрыми пятнами краснорѣчиво свидѣтельствовали, что квартиры тутъ отдаются безъ дровъ, что домъ давнымъ-давно принадлежитъ кредитному обществу, а настоящій хозяинъ махнулъ на него рукой.

На двери Козьмина красовались двѣ дощечки. Одна была желѣзная и представляла желтую лиру на бѣломъ фонѣ. Другая была мѣдная, и на ней было вырѣзано: «Мастеръ струнъ и струнныхъ инструментовъ, Дмитрій Васильевичъ Козьминъ».

Тевяшевъ съ улыбкой показалъ пальцемъ на строку «мастеръ струнъ».

— Да вѣдь у него, братецъ, въ позапрошломъ году за Нарвской заставой струнный заводъ былъ.

— Какъ струнный? Неужели кишки мыль?

— Все: кишки мыль, кишки бѣлили, кишки сѣрилъ, кишки красилъ, кишки сортировалъ и кишки въ продажу пускалъ. Только струнъ его никто не покупалъ. Ничего себѣ, струны въ родѣ московскихъ; для балалаекъ и гитаръ очень хороши, но, разумѣется, съ французскими имъ не равняться.

Съ этими словами онъ придавилъ пуговицу электрическаго звонка.

Оглушительный лай тотчасъ послышался за дверью. Грязный мальчишка, похожій на тѣхъ, что видѣлись въ магазинѣ Фрейтага, высунулъ голову. Коричневый худой понтеръ съ костистыми боками, скаля бѣлые зубы, продолжалъ лаять на всю лѣстницу.

— Дома Дмитрій Васильевичъ?—спросилъ Тевяшевъ.

— Дома, — сумрачно отвѣтилъ мальчишка и принялъ пальто посѣтителей.

Первая комната, въ которой они раздѣлись, была довольно велика и грязная. Три маленькіе верстака, каждый въ полтора аршина длины, безъ боковаго винта, съ ящиками и шкапиками, были покрыты стружками, изъ-подъ которыхъ видѣлись мелкіе инструменты, набросанные въ величайшемъ безпорядкѣ. Проволоки, пересѣкаясь по всѣмъ направлѣніямъ, проходили подъ потолкомъ. На нихъ висѣли покрытыя густой пылью скрипки безъ струнъ, альты. Нѣкоторые изъ этихъ инструментовъ были вскрыты¹⁾, причемъ верхнія доски были привязаны къ нимъ веревочкой вокругъ корпуса. Неуклюжіе, грубые, выкрашенные черной краской футляры отъ контрбасовъ темнѣли въ углу.

¹⁾ Вскрыть инструментъ значить отдѣлить верхнюю деку отъ бочковъ (обычаекъ).

Связки агровыхъ¹⁾ досокъ, вышитенныхъ по одному шаблону, съ грубыми очертаніями формъ скрипки, были навалены за круглой желѣзной печкой.

Въ этой мастерской не было никого изъ рабочихъ. Въ слѣдующей комнатѣ стояло дешевенькое фортепiano на точеныхъ ножкахъ. На немъ лежали футляры отъ скрипокъ. Одни были четырехугольные, другіе овальные, равномерно широкіе съ двухъ концовъ. Двѣ арфы были прислонены къ стѣнѣ. У окна находился небольшой письменный столикъ. На подоконникѣ видѣлись пузырьки разной величины съ красными и бурными лаками собственного изготовленія Козьмина. Множество агровыхъ полосокъ были покрыты для пробы этими лаками. Однѣ изъ нихъ были сухи и истрескались, другія еще не засохли и блестяли подъ пылью.

Въ старомъ стеклянномъ шкапу, утратившемъ, вѣроятно, во время переѣзда съ квартиры на квартиру ножку, которую теперь замѣнялъ кусокъ торца изъ мостовой, висѣло нѣсколько смычковъ и пять-шесть скрипокъ. Въ этой комнатѣ также никого не было.

За стѣной послышался лай понтера, дверь отворилась, и вошла тучная, черноволосая женщина, гладко причесанная, въ черномъ поношенномъ платкѣ, весьма суровая на видъ. Лицо ея нѣсколько прояснилось, и, обернувшись назадъ, она воскликнула:

— Дмитрій Васильевичъ, иди сюда! Господинъ Тевяшевъ и Павловичъ пріѣхали.

Павловичъ удивился, какъ она могла знать его фамилію, но въ это время появился самъ хозяинъ. На лицѣ его была написана живѣйшая радость.

Онъ былъ высокаго роста и очень худощавъ. Рыжевато-бѣлокурые вьющіеся волосы его были коротко острижены. Рѣдкая борода окаймляла худое, острое книзу, не лишенное пріятности лицо, густо покрытое веснушками. Но особенно портилъ его одинъ глазъ, покрытый бѣльмомъ. Но зато другой, сѣрый и зоркій, пронизательно глядѣлъ за двухъ.

Козьминъ протянулъ руку и обмѣнялся крѣпкимъ рукопожатіемъ съ Тевяшевымъ. Павловичъ также удостоился этой чести.

— Прошу садиться, господа,— говорилъ Козьминъ, подставляя стулья.— Жена, табаку, папирозъ! Курите, пожалуйста. Это заказные, подарокъ чуть ли не самого Дюбека. Одному барину три пуда прислали, а тотъ мнѣ малую толику удѣлилъ. Вы гдѣ-жъ теперь собственно находитесь? — обратился онъ къ Павловичу, запахивая свое короткое лѣтнее выцвѣтшее голубое пальто, надѣтое поверхъ ночной рубашки.— Въ N-ской консерваторіи?

¹⁾ Агръ — полосатый клеѣ, употребляемый для нижнихъ декъ, шеекъ и бичаекъ.

— Да, тамъ. Вотъ прїѣхаль сюда концертъ давать, и представьте, скрипка сгорѣла, надо покупать новую.

— Большое несчастье, — сочувственно произнесъ Козьминъ. — Вѣдь вамъ надо первоклассный инструментъ. Не какогонибудь Мантоньяна или Альбани. У васъ, кажется, былъ Петро Гварнери? У Цитовича изволили купить?

— Жозефъ Гварнери, — отвѣтилъ профессоръ.

— Какое горе! Я только, господа, и уважаю трехъ мастеровъ. Вотъ были настоящіе цари въ нашемъ дѣлѣ, это: Николай Амати, Страдивариусъ и Гварнери, а остальные... что и говорить, хороши, куда нашимъ до нихъ, но все не то, что первые.

— Такъ вотъ этихъ первыхъ намъ и надобно, — промолвилъ Тевяшевъ. — Мы были сейчасъ у Фрейтага. Онъ намъ не могъ указать ни одного мѣста. Говорилъ про Юсупова, Мусина-Пушкина...

— И охота вамъ была ѣхать къ Фрейтагу! — съ жаромъ воскликнулъ Козьминъ, вновь запахивая пальто. — Развѣ онъ знаетъ чтонибудь! Развѣ съ нимъ имѣють дѣло порядочные люди! Ему только бы нѣмецкую скрипку выписать да перепродать. Конторщикъ, галантерейщикъ, развѣ онъ смыслить чтонибудь въ итальянскихъ инструментахъ? Мошенникъ первой руки. Къ нему саратовскій помѣщикъ скрипку привезъ Жана Поля Маджини, богатѣйшій инструментъ! Знаете—агръ яблоками, двойной усь, львиная головка, плоскіе своды декъ, низенькія обичайки. И все это цѣлое, новенькое. Словомъ, скрипка на рѣдкость. Такъ онъ, каналья, старую деку снялъ, а собственную, новую поставилъ.

— Но развѣ это возможно?—перебилъ Павловичъ.

— Значить, возможно. Ему какой-то флотскій офицеръ изъ Японіи пробковую ель привезъ. Мелкослойная и вѣдь на видъ чудесная елка. Фрейтагъ надѣлалъ изъ нея резонансовъ¹⁾, и давай ихъ на старыя скрипки лѣпить. Теперь, говорить, онѣ звучать, какъ слѣдуетъ, а прежде гнусили. Что-жъ это, я васъ спрашиваю, варварство, вандализмъ! Это въ наши-то просвѣщенные времена!

— Но все-таки перейдемте къ дѣлу, — перебилъ Тевяшевъ:—гдѣ бы намъ достать скрипку?

— Господа, — трагически проговорилъ Козьминъ, скрепя рука на груди:—хорошихъ скрипокъ въ Петербургѣ нѣтъ. Привезите-ка сюда первоклассную итальянскую скрипку, вамъ за нее въ тотъ же день пять, десять, пятнадцать тысячъ дадутъ. А посредственныхъ-то у насъ сколько угодно.

— Ну, какъ не быть, Дмитрій Васильевичъ, — остановила его жена, все время не выходившая изъ комнаты:—вотъ у Барышникова на Петербургской сторонѣ хорошая скрипка Николая Амати есть.

¹⁾ Резонансъ то же, что верхняя дека.

— У какого Барышникова? — тотчас осведомился Тевяшевъ.

— Такъ, у одного человѣка, — произнесъ Козьминъ. — Онъ любитель, у него въ Коломнягахъ табачная лавочка. Живетъ онъ не нуждаясь, на скрипкѣ не играетъ. Она у него на рояли лежитъ. Я ему футляръ сдѣлалъ, отличнѣйшій футляръ! Семьдесятъ пять рублей взялъ.

— Вы можете рекомендовать мнѣ этотъ инструментъ? — спросилъ Павловичъ.

Глаза Козьмина забѣгали.

— То есть какъ вамъ сказать, — могу. Это дѣйствительно настоящая итальянская скрипка. А вамъ что собственно требуется отъ инструмента? Красота, природа, богатый тонъ? Не знаю, подойдетъ ли вамъ барышниковская скрипка. Она лежитъ у него уже лѣтъ десять. На ней никто не играетъ, и, вѣроятно, звукъ ослабъ.

— Ну, а мнѣ надо, чтобы звукъ не ослабъ. Можетъ быть, знаете, у кого другого?

— Вотъ у чиновника одного, Масловскаго, на Подъяческой хорошая скрипка есть. Настоящая итальянская, — продолжалъ мастеръ: — еще одного студента я знаю, у него Жозефа Гварнери. Только онъ ее не продаетъ, отъ отца ему осталась.

Павловичъ потерялъ терпѣніе.

— Такъ какъ же мнѣ быть? По вашимъ словамъ я вижу, что для меня все это скрипки неподходящія.

— Мы хотимъ побывать у Гвидо, — со скрытой насмѣшкой проговорилъ Тевяшевъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ надо съѣздить къ Гвидо, — откровенно отозвался Павловичъ. — Вѣдь ужъ это, кажется, настоящій знатокъ.

— Гвидо — знатокъ! — съ невыразимымъ презрѣніемъ воскликнулъ Козьминъ, съ отчаяннымъ жестомъ запахивая разлетѣвшіяся полы пальто. — Гвидо душегубецъ, Гвидо разбойникъ, Гвидо ростовщикъ!

Вдругъ онъ совершенно понизилъ голосъ и, покачивая головой, съ глубочайшимъ соболѣзнованіемъ продолжалъ:

— Удивляюсь, что можетъ находить въ немъ публика? Человѣкъ не мастеръ и даже свидѣтельства мастера не имѣетъ. Человѣкъ клеить не умѣетъ. Вскрыть скрипку боится. Какая трещина ни будь, онъ знай только ее бумажкой сверху подклеить да пальникомъ выгладить. Ну, а черезъ недѣлю, глядишь, дека опять врозь. А цѣны какія дереть! Дай ему за инструментъ триста рублей, вынеси за дверь, да вернись назадъ — онъ тебѣ двадцати пяти рублей за него не воротитъ. И неизвѣстно, съ чего это пошло: Гвидо мастеръ, Гвидо знатокъ, — и лѣзутъ всѣ къ Гвидо. Ну, а какъ обожгутся — ругаютъ. Нѣтъ, кто ко мнѣ пришелъ, тотъ къ другому не пойдетъ. У меня настоящая работа. Показалъ бы я вамъ,

господа, какой я квартетикъ Наслѣднику готовлю: двѣ скрипки, альтъ и виолончель, къ нимъ смычки, футляры. И все изъ русскаго дерева, изъ русскаго матеріала! Пусть поглядятъ, что и въ Россіи инструменты работать можно. Экъ, были бы у меня средства! Не стали бы ѣздить въ Саксонію или выписывать товаръ изъ Мирекура.

— Все это прекрасно,— отвѣтилъ Павловичъ: — однако, извините, намъ пора.

— Вашъ адресокъ, вашъ адресокъ, почтеннѣйшій профессоръ. Я къ вечеру къ вамъ забѣгу и все необходимѣйшее вамъ доставлю.

— Сдѣлайте одолженіе, — сдержанно отвѣтилъ Павловичъ и направился къ выходу.

— Новый мастеръ у насъ появился,—на ходу говорилъ Козьминъ, провожая гостей:—Александръ Бѣлинко.

— Онъ, кажется, у Фрейтага работалъ? — спросилъ Тевяшевъ.

— Да, пять лѣтъ тамъ ученикомъ выжилъ.

— Чтожъ, онъ хорошій мастеръ. Я его работу видѣлъ.

Козьминъ судорожно запахнулся.

— Хорошій мастеръ! Нѣтъ, значить, вы не видали хорошихъ. Это сапожникъ, сушій сапожникъ! А воображаетъ себя Страдивариусомъ. У него на визитныхъ карточкахъ стоитъ: «Sub disciplina Anton. Stradivarii»¹⁾). Вы только вообразите: Антоніо Страдивариусъ и Александръ Бѣлинко! Ха, ха, ха!

На кухнѣ послышались прыжки понтера и залиvistый лай.

— Онъ какой-то психопатъ,—говорилъ Павловичъ, спускаясь съ недовольнымъ видомъ съ лѣстницы:—куда ты затащилъ меня? Въ самомъ дѣлѣ, надо поѣхать къ Гвидо. Признаюсь, эта исторія начинается меня порядочно беспокоить.

IV.

Въ противоположность остальнымъ гардеровщикамъ, Гвидо жилъ очень далеко въ одной изъ заротныхъ улицъ, носившихъ, впрочемъ, другое названіе. Тевяшевъ, много разъ бывавшій у него, долго осматривался по сторонамъ, прежде чѣмъ нашелъ домъ, въ которомъ жилъ «знаменитый маэстро».

— Тѣфу, чортъ, глушь какая,—говорилъ онъ Павловичу, толкаясь руками въ двери квартиры на темной лѣстницѣ.

Колокольчикъ жалобно прозвенѣлъ какъ будто въ пустой квартирѣ.

Павловичъ прислушался и сказалъ:

¹⁾ Подъ руководствомъ Страдивариуса.

— Вѣрно, никого нѣтъ дома. У меня, братъ, такая примѣта.

Вмѣсто отвѣта Тевяшевъ дернулъ за ручку звонка еще разъ, съ удвоенной силой. Послышалось шлепанье туфель. Дверь полуотворилась,—изъ предосторожности, она удерживалась цѣпью,—и чья-то голова, выглянувъ, спросила:

— Вамъ кого нужно?

— Шарлота Ивановна, это я. Дома господинъ Гвидо?—поспѣшили сказать Тевяшевъ.

— А, это вы,—нѣсколько смягчившись, сказала старуха и сняла цѣпь съ крюка.

Въ квартирѣ итальянца царствовала полная тишина. Изъ темной прихожей, въ которой нагромождены были какіе-то ящики, товарищи вошли въ залу, служившую гостинной и частью мастерской Гвидо. Прежде всего вниманіе посѣтителей обращали тутъ восемь или девять скрипокъ, уложенныхъ на столѣ, на креслахъ и на диванѣ. На столѣ лежали онѣ рядкомъ безъ футляровъ. На креслахъ были онѣ поставлены такъ, что пуговицами опирались на сидѣнье, а ручкой поднимались кверху. Выходило, что будто каждая скрипка изображала изъ себя сидящаго гостя. На диванѣ онѣ стояли рядкомъ и тоже на пуговицахъ. Ихъ было тутъ шесть штукъ.

— Посмотри, — сказалъ Тевяшевъ Павловичу, подмигнувъ на скрипки.—Его семейство. Съ каждой разговариваетъ, и у каждой имя есть. А продать одну—замѣнить другой, и та же исторія.

— Ты шутишь...

— Нисколько не шучу. Тутъ тоже психопатія, только на другой ладъ. Да вотъ, видишь, пультъ съ нотами. Погляди-ка, что тутъ лежитъ.

Павловичъ подошелъ ближе. На прекрасномъ рѣзномъ квартетномъ юпитрѣ лежали роскошныя ноты. Тутъ были этюды Паганини, седьмой и одиннадцатый, раскрытые на самыхъ трудныхъ мѣстахъ; концертъ Эрнста, «Erl König» его же,—словомъ, труднѣйшія вещи скрипичной литературы.

— Неужели это онъ играетъ?—удивился профессоръ.

— Вѣроятно, онъ, а то кто же?

Около окна виднѣлся раскрытый футляръ виолончели. Но самага инструмента не было.

Веселый взглядъ Тевяшева упалъ на этотъ футляръ, и концертмейстеръ не могъ удержаться отъ смѣху.

— Вотъ виолончель,—сказалъ онъ, закусывая губу.

— Гдѣ?

— Предполагается, что тутъ. Видишь, какой футляръ?

Футляръ былъ превосходной кременской работы, покрытый толстымъ слоємъ прозрачнаго желтоватаго лака. Инкрустаціи изъ слоновой кости и перламутра украшали его. Павловичъ пришелъ въ восхищеніе отъ античной вещи.

— Да это роскошь, что такое! За этотъ футляръ не жаль пяти-
сотъ рублей дать.

— Теперь, представь, какова должна быть самая виолончель!

— Ты ее видѣлъ?—быстро спросилъ профессоръ, продолжая лю-
боваться тонкой работой.

— Въ томъ-то и дѣло, — не видѣлъ, и никто не видалъ. Но
Гвидо всѣхъ увѣряетъ, что у него находится Мессія виолон-
челей, сдѣланная по заказу одного изъ герцоговъ Медичи. Тебѣ
извѣстно, что Тосканскій Страдивариусъ, сдѣланный для Козьмы
Медичи въ 1690 году, изъ коллекціи графа Козіо-де-Салабу и «Мес-
сія» отысканы и находятся въ рукахъ богатѣйшей инструменталь-
ной лондонской фирмы Гилль. А виолончельскій «Мессія» находится
въ рукахъ петербургскаго Гвидо.

Негромкій разговоръ послышался за дверью. Въ сосѣдней ком-
натѣ у окна сидѣла молодая дѣвушка въ черномъ суконномъ платьѣ
безъ всякихъ украшеній. Русые волосы ея были собраны въ косу.
Блѣдно-смуглое матовое лицо, съ правильными чертами, показалось
Павловичу интереснымъ и привлекательнымъ, хотя онъ любилъ
женщинъ другой наружности и иного типа. Любилъ онъ собственно
не женщинъ, а барышень и дѣвицъ, стройныхъ, кокетливыхъ,
игриво-веселыхъ, способныхъ легко восхищаться, съ нервами, стра-
стями и всякими аффектами.

Но теперь онъ не думалъ объ этомъ. Лицо посѣтительницы Гвидо
показалось ему знакомымъ, и онъ спросилъ у Тевяшева:

— Не знаешь ли, кто это?

— Скрипачка Раковецкая. У Ауэра въ прошломъ году кончила.

— Ахъ, помню. Я ее слышалъ въ Москвѣ. Талантливая особа.

Едва они успѣли обмѣняться этими замѣчаніями, какъ въ ком-
нату вошелъ самъ хозяинъ.

По внѣшнему виду онъ нѣсколько походилъ на Козьмина. Также
былъ высокъ и худъ, очень сутуловатъ, одѣтъ въ фризовой халатъ,
который запахивалъ на груди. На ногахъ у него были кожанья
желтыя туфли. Вокругъ жилистой, худой шеи былъ обмотанъ сѣрый
шарфъ. Лицо у Гвидо было скуластое, морщинистое, съ дряблой
кожей. Густыя брови ниспадали на маленькіе сѣрые глаза, при-
крытые очками. Волосы у него были коротко выстрижены. Вытя-
нутая впередъ голова какъ бы покачивалась на тонкой шеѣ, на
подобіе тѣхъ глиняныхъ котовъ, которыхъ продаютъ на вербѣ подъ
названіемъ «забалканскихъ котиковъ».

Узловатыя руки съ красными пальцами Гвидо держалъ за спи-
ной, пристально вглядываясь въ посѣтителей.

Узнавъ концертмейстера, онъ перевелъ глаза на Павловича и
тотчасъ сказалъ:

— А, господинъ профессоръ, очень радъ васъ видѣть.

И протянулъ ему руку.

— Садитесь, пожалуйста,—продолжалъ онъ, дѣлая жестъ по направленію къ дивану и кресламъ, занятымъ четырехъ-струнною публикою.—Впрочемъ, пойдѣте въ мастерскую. Чѣмъ могу служить вамъ?

Они перешли въ сосѣдную комнату, и Тевяшевъ представилъ Павловича Раковецкой. Молодая скрипачка такъ и просіяла, увидавъ знаменитаго виртуоза.

— Вотъ что, почтеннѣйшій маэстро,—заговорилъ Тевяшевъ, когда они вступили въ узкую комнату, заваленную кусками дерева и инструментами скрипичнаго мастера.

Около окна стоялъ маленькій короткій верстакъ въ родѣ столярнаго, но безъ боковаго винта, какъ у Козьмина. На немъ виднѣлась клеенка съ клеемъ и спиртовая лампочка. Тутъ же лежалъ циркуль для измѣренія толщины декъ, деревянный съ лирообразной вырѣзкой.

На стѣнѣ на кольцахъ висѣла большая широкая доска; на ней въ ремешкахъ помѣщались инструменты для обдѣлки дерева: полукруглыя стамески, маленькіе и большіе рашпили, англійскіе штихели, ножи съ прямой ручкой и клинообразнымъ лезвеемъ, походившіе на скальпель хирурга. Множество маленькихъ винтообразныхъ струбинокъ стягивали бока только что склеенной скрипки, висѣвшей на проволокъъ подъ потолкомъ. Около печки, какъ и у Козьмина, виднѣлись груды покрытыхъ пылью скрипичныхъ декъ и резонансовъ. На мѣдномъ прутѣ подъ потолкомъ виднѣлись дюжины двѣ шеекъ съ хорошо вырѣзаннымъ завиткомъ фабричной работы. Тутъ пахло лакомъ, клеемъ и деревяннымъ масломъ.

Когда Тевяшевъ объяснилъ цѣль своего прихода, Гвидо раскрылъ старую въ кожанномъ переплетѣ книгу, унизанную адресами и замѣтками на французскомъ языкѣ. Онъ долго перелистывалъ ее, водя пальцемъ по строкамъ. И Павловичу, и Тевяшеву казалось, что вотъ-вотъ изъ устъ его раздастся то вѣщее слово, которое имъ такъ было нужно.

Старый маэстро глубоко вздохнулъ, сложилъ книгу и сунулъ ее на полку.

— Въ Петербургѣ нѣтъ нужной для васъ скрипки, — сказалъ онъ столь авторитетнымъ тономъ, что товарищи были поражены.

— Какъ нѣтъ! — воскликнулъ Тевяшевъ:—и это говорите вы, синьоръ Гвидо, въ рукахъ котораго перебивали самые лучшіе знаменитые инструменты!

— Да, это такъ, это говорю я.

— Мы были у Фрейтага и у Козьмина,—съ отчаяніемъ произнесъ Павловичъ:—тамъ тоже не дали намъ никакихъ указаній, но по крайней мѣрѣ обѣщали доставить адреса. Вы же отнимаете у меня послѣднюю надежду.

— О, мосье, я не Фрейтагъ и не Козьминъ. Это жалкіе столяры,

которымъ всякая скрипка кажется итальянской. Но если я вамъ скажу, что инструментъ хорошъ, такъ, знайте, вамъ то же скажутъ лучшіе знатоки Берлина, Парижа и Лондона.

— Все это такъ,—возразилъ ошеломленный профессоръ:—но я долженъ купить скрипку, я не могу обойтись безъ инструмента. На той недѣлѣ мнѣ необходимо играть въ концертѣ. Не могу же я брать у когонибудь напрокатъ.

— А когда такъ—идемте.

У Павловича отлегло на душѣ, и онъ послѣдовалъ за Гвидо, который перешелъ въ гостинную.

Подойдя къ одному изъ креселъ, онъ взялъ скрипку и, поглаживая по ея спинкѣ рукой, любовно разглядывалъ ее передъ свѣтомъ.

— Вотъ это настоящій Тонони. Антикварная вещь. Какіе эфы! А завитокъ какой! Строгій и благородный стиль! И все цѣлое, ни одной серьезной трещины. И какая ремонтировка!

Инструментъ былъ дѣйствительно недурень, и Павловичъ углубился въ разсматриваніе его. Патронъ казался ему нѣсколько широкимъ. Это было уклоненіе отъ античнаго образца, даннаго славными основателями кременской школы. Обычайки казались нѣсколько низкими, но полосатое дерево и нѣжный коричневый лакъ не могли не вызвать его одобренія.

Протянувъ руку къ лежавшему на столѣ смычку, онъ провелъ имъ по струнамъ и тотчасъ съ разочарованіемъ опустилъ скрипку.

— Не звучитъ!—горестно воскликнулъ онъ.

И въ подтвержденіе своихъ словъ взялъ еще нѣсколько аккордовъ. Рука была у него твердая. Но и подъ его мощнымъ смычкомъ скрипка не выдавала звука.

— Вѣрно,—согласился Гвидо,—но вы не придавайте этому большаго значенія.

И, поднявъ указательный палецъ кверху, проговорилъ трагическимъ тономъ.

— О, Тонони будетъ звучать! Тонони не можетъ не звучать! Тутъ заключено сокровище.

Но сокровище уже больше не интересовало профессора. Онъ положилъ скрипку на прежнее мѣсто и сказалъ:

— Можетъ быть, у васъ есть еще чтонибудь?

— Есть ли у меня еще чтонибудь? Смотрите и выбирайте.

Тутъ онъ вновь показалъ на засѣдавшую на его креслахъ и диванѣ итальянскую публику. Павловичъ сталъ одинъ за другимъ пробовать инструменты. По словамъ Гвидо, тутъ были и Санто-Серафимо, Руджіери, Альбано, Петръ Гварнери, другой Петръ Гварнери, племянникъ предыдущаго, Омобоно и Францискъ Страдивариусъ. Только не было Николая Амати, Іосифа Гварнери и Антонио Страдивариуса, именно тѣхъ, чьихъ инструментовъ такъ страстно искалъ Павловичъ.

Однѣ изъ этихъ скрипокъ были сильно разбиты и плохо починены. Почти у всѣхъ были перемѣнены шейки: вмѣсто короткихъ, изъ гладкаго клена старыхъ, виднѣлись новыя длинныя, изъ красиваго фигурнаго агра. У двухъ или трехъ верхня деки оказались поддѣльными, что не ускользнуло отъ опытнаго взора ни профессора, ни концертмейстера.

— Нѣтъ, я ничего не могу тутъ выбрать, — заключилъ Павловичъ, кладя послѣднюю скрипку на прежнее мѣсто.

Гвидо принялъ глубокомысленный видъ:

— Я убѣжденъ, что вы останетесь довольны скрипкой, которую я вамъ завтра доставлю.

Въ прихожей послышался звонокъ, и въ гостиную, спустя минуту, вошелъ толстый, приземистый господинъ, съ длинными по колѣна руками, одѣтый въ мѣшковатый сѣрый пиджакъ. Онъ скромно поклонился скрипачамъ и, обмѣнявшись рукопожатіемъ съ Гвидо, отошелъ въ сторону.

Павловичъ взялся за шапку. Взглядъ его упалъ на пультъ съ нотами.

— Какое у васъ интересное изданіе этюдовъ Паганини, — сказалъ онъ хозяину, перелистывая ноты. — У меня болѣе новое, но это лучше. Я, знаете ли, — прибавилъ онъ съ улыбкой, — люблю и ноты въ хорошемъ видѣ. Если бы вы уступили мнѣ ихъ, я бы охотно купилъ.

— Не могу. Это подарокъ, — сказалъ Гвидо, — вотъ его. Позвольте представить: синьоръ Батистини, учитель пѣнія. Но на самомъ дѣлѣ его призваніе совсѣмъ другое.

— Вы скрипачъ? — съ живѣйшимъ любопытствомъ спросилъ Тевяшевъ. — Я слышалъ, будто вы прекрасно играете.

Батистини пришелъ въ смущеніе.

— Совсе нѣтъ. Я въ самомъ дѣлѣ учитель пѣнія и больше ничего.

— Но зачѣмъ у васъ вещи Эрнста? — подхватилъ Павловичъ. — Стало быть, вы ихъ играете? Сдѣлайте милость, возьмите хоть нѣсколько нотъ.

Гвидо присоединился къ этой просьбѣ. Добродушному Батистини вложили въ руки скрипку, и онъ волей-неволей согласился играть.

— Но зачѣмъ мнѣ это? — говорилъ онъ. — Вы, господа, вѣрно отличные скрипачи и играете гораздо лучше меня. Исполните лучше сами чтонибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ, — съ жаромъ возразилъ Тевяшевъ, котораго забавляла вся эта исторія.

Ему пришло ребяческое желаніе, во что бы то ни стало, заставить сыграть робкаго учителя пѣнія.

Тотъ поднялъ скрипку и, исполнивъ со вкусомъ скомбинированную прелюдію, очевидно, настоящую лишь сейчасъ вылившуюся

импровизацію, началъ играть одинъ изъ труднѣйшихъ этюдовъ Паганини.

Толстые пальцы его, похожіе на сосиски, оканчивавшіеся мягкими, цѣпкими подушечками, такъ и бѣгали по струнамъ. Смычокъ чисто и ровно ударялъ по струнамъ, то скользилъ по нимъ, то подпрыгивалъ, отчеканивая каждую нотку. Чистота и прелесть игры Батистини привели въ восторгъ Павловича.

— Да вы настоящій виртуозъ!—горячо вскричалъ онъ.—Да я не знаю никого въ Петербургѣ, кто бы такъ сыгралъ этотъ этюдъ. Васъ должны всѣ знать! Намъ слѣдуетъ учиться у васъ. И зачѣмъ вы занимаетесь пѣніемъ, когда ваше призваніе скрипка, только одна скрипка, и больше ничего.

Батистини, краснѣя, потупилъ глаза. Тевяшевъ молчалъ. Завистливое чувство шевельнулось въ его душѣ. Молчавшая до сихъ поръ Раковецкая также не могла удержать своего восхищенія.

— Знаете ли,—проговорила она:—ученики консерваторіи ходятъ сюда учиться у господина Батистини, какъ играть этюды Паганини.

— О, что вы говорите!—защищался онъ съ виноватой улыбкой.

— Теперь сыграйте Эрнста.

Послѣ долгихъ упрасиваній Батистини снова взялся за смычокъ. Но на этотъ разъ его исполненіе менѣе удовлетворило взыскательныхъ слушателей.

Наконецъ, надо было уѣзжать.

— Итакъ, я васъ жду завтра,—сказалъ профессоръ, прощаясь съ Гвидо.—Повторяю вамъ, скрипка нужна мнѣ до зарѣзу, и я не могу нигдѣ ее достать.

Онъ пошелъ къ дверямъ.

Раковецкая остановила его въ прихожей.

— Я знаю, гдѣ есть инструментъ, которымъ вы останетесь довольны,—сказала она вполголоса.—Это знаменитый экземпляръ.

— Чьей работы?—съ живостью произнесъ Павловичъ, озаренный свѣтлой надеждой.

— Вы увидите,—загадочно промолвила скрипачка.—Вотъ вамъ адресъ.

Съ этими словами она подала ему визитную карточку. На ней было написано: Лариса Антоновна Кельхъ.

V.

Вечеромъ, закрывъ магазинъ, Фрейтагъ отпустилъ рабочихъ, поглядѣлъ, все ли въ порядкѣ въ мастерской, убраны ли инструменты, выметены ли стружки, и, убѣдившись, что все обстоитъ какъ слѣдуетъ, набилъ трубку, закурилъ ее и обратился къ женѣ со слѣдующими словами:

— А какъ ты думаешь, Клархенъ, надо продать скрипку Павловичу? Можно деньги заработать.

— Еще бы,—отвѣтила жена: — если десять процентовъ дать, такъ и то выйдетъ три-четыре сотни. Ему нужна вѣдь скрипка дорогая. Только гдѣ ты найдешь ее?

— Вотъ въ томъ-то и бѣда,—задумчиво покачавъ головой, отвѣчалъ гардеровщикъ.—Схожу я, Клархенъ, къ геру Пичу.

Каролина помолчавъ произнесла:

— Ну, дай Богъ, чтобы у васъ вышло чтонибудь. Пичъ ни съ кѣмъ не любитъ дѣлиться. Навѣрно, онъ уже знаетъ, что профессору нужна скрипка.

Не возражая женѣ, Фрейтагъ одѣлся и отправился въ путь.

На одной изъ людныхъ улицъ, во дворѣ громаднаго дома находилась квартира госпожи Розенталь. Большіе аншлаги красовались въ проходѣ воротъ, около дворницкой и наконецъ около лѣстницы, гдѣ жила упомянутая дама. На этихъ аншлагахъ только была означена крупными буквами ея фамилія и ничего болѣе. Непосвященнымъ не было извѣстно, что госпожа Розенталь торговала помадой для рощенія волосъ, которую она получала изъ-за границы непосредственно отъ самого изобрѣтателя. Банка помады стоила два рубля, и надо сказать, что помада отличалась дѣйствительно превосходными качествами и точно помогала выращивать волоса тамъ, гдѣ имъ вовсе не полагалось расти.

Чудодѣйственныя свойства этой помады обезпечивали ея сбытъ, который былъ на столько значителенъ, что госпожа Розенталь не только жила безбѣдно, но еще и откладывала на черный день, воспитывая трехъ взрослыхъ дочерей и одного сына. Много лѣтъ у нея снималъ комнату нѣкто Пичъ.

Это былъ небольшого роста сѣденькій старичокъ, нѣмецъ, съ гладко зачесанными назадъ сѣдыми волосами, германскимъ носомъ и востренькими сѣрыми глазами. Когда-то онъ былъ альтистомъ въ балетѣ, но, выслуживъ въ пятнадцать лѣтъ пенсію, предпочелъ выйти въ отставку и заняться частными уроками. Онъ былъ весьма извѣстенъ въ музыкальномъ мірѣ. Мнѣнія о немъ были весьма разнорѣчивыя.

Прежде всего ходили самые странные слухи о его состояніи. Одни думали, что онъ очень богатъ и нажилъ деньги выгодной продажей итальянскихъ инструментовъ. По убѣжденію другихъ, онъ былъ только коллекціонеръ-любитель, прекрасный знатокъ античныхъ инструментовъ. Третьи увѣряли, что онъ не что иное, какъ небогатый старикъ, живущій лишь на свою скудную пенсію и безумно тратящій ее на плохія скрипки, которыя легко-вѣрному любителю выдаются ловкими продавцами за итальянскія. Пичъ былъ по натурѣ скрытенъ и особенно не любилъ распространяться о своихъ дѣлахъ. Его трудно было застать дома.

Большую часть дня онъ проводилъ неизвѣстно гдѣ и возвращался лишь къ ночи.

Фрейтагъ поднялся по каменной крутой лѣстницѣ во второй этажъ. Молодая чухонка впустила его въ квартиру Розенталя.

Большія, свѣтлыя комнаты были прилично обставлены мягкой мебелью и цвѣтами. Въ залѣ стоялъ рояль. Ковры дорожками были разостланы по всѣмъ комнатамъ. Чистота и порядокъ бросались въ глаза. Комната Пича находилась около передней.

Фрейтагъ осторожно постучалъ въ дверь и тотчасъ услышалъ отвѣтъ:

— Войдите.

Пичъ сидѣлъ у стола и выводилъ ноты на разлинованной бумагѣ. Нѣсколько хорошихъ футляровъ, черныхъ, лакированныхъ, палисандровыхъ и въ кожаныхъ чехлахъ виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ. За занавѣской въ стѣнной нишѣ стояла кровать. Эта обстановка была хорошо знакома Фрейтагу, который, поздоровавшись съ Пичемъ, усѣлся на стулъ. Закуривъ трубку, онъ объяснилъ цѣль своего прихода.

Пичъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ выслушалъ мастера и сказалъ:

— У меня есть три скрипки, какихъ вы не видали, геръ Фрейтагъ. Я вамъ ихъ сейчасъ покажу.

Гардеровщикъ былъ увѣренъ, что услышитъ это самое. Всякій разъ, когда онъ приходилъ сюда, Пичъ показывалъ ему вновь пріобрѣтенные имъ инструменты, и Фрейтагъ давно потерялъ счетъ, сколько тутъ видѣлъ скрипокъ, тридцать, сорокъ, семьдесятъ пять, или даже сто.

Пичъ скрылся за занавѣской, и оттуда послышался шумъ выдвигаемыхъ изъ-подъ кровати ящиковъ. Долго не выходилъ маленькій нѣмецъ. Раза два онъ чиркалъ тамъ спичкой, причемъ по занавѣскѣ пробѣгали странныя тѣни, а самъ Пичъ казался исполненнымъ духомъ, внезапно появившимся въ комнатѣ.

Наконецъ, онъ вынесъ два футляра: одинъ большой и другой маленькій. Съ перваго взгляда гардеровщикъ рѣшилъ, что и футляровъ этихъ онъ раньше не видалъ здѣсь, и мысленно прикинулъ ихъ стоимость. Пичъ поставилъ большой футляръ на столъ, а маленький на диванъ. Въ большомъ лежали двѣ скрипки головками одна противъ другой. Обѣ скрипки были темно-вишневаго цвѣта, съ очень выпуклыми верхними деками. Фрейтагу достаточно было самаго бѣлаго осмотра, чтобы убѣдиться въ ихъ посредственномъ качествѣ.

Пичъ замѣтилъ тѣнь разочарованія, скользнувшую по лицу мастера, и тотчасъ съ живостью сказалъ:

— О, да, я знаю, онѣ не красивы, но тонъ, тонъ какой!

Съ этими словами онъ взялъ смычокъ и исполнилъ нѣсколько

пассажей. Гардеровщикъ не имѣлъ музыкальнаго слуха и не зналъ толку въ музыкѣ. Но типъ итальянскаго инструмента первокласснаго достоинства былъ ему хорошо извѣстенъ. Такой инструментъ долженъ былъ бы быть большаго формата, прекрасныхъ очертаній, съ красивыми углами и эфами. Лакъ на немъ долженъ былъ быть нѣжный, свѣтлый, золотисто-желтый или красноватый, но отнюдь не темный. Дерево волнистое съ яркими поперечными полосами на нижней декѣ, на бокахъ, на завиткѣ и шейкѣ. Верхняя же дека изъ ели, ни мелкой, ни крупной, а средней слойки, очень ровной и отнюдь не смолистой.

— Не годятся,—сказалъ онъ съ легкимъ вздохомъ Пичу.

Ничего не говоря, тотъ уложилъ скрипки на прежнее мѣсто и раскрылъ другой футляръ. Тамъ лежала большая скрипка съ широкими, короткими, круглыми эфами типа Николая Амати. Инструментъ привлекъ вниманіе гардеровщика. Онъ бережно взялъ его въ руки и тщательно разглядывалъ его, любуясь его достоинствами и отыскивая недостатки.

Теперь Пичъ не приставалъ попробовать звукъ. Онъ видѣлъ по впечатлѣнію Фрейтага, что скрипка ему нравится. Десять разъ повернулъ ее гардеровщикъ и сто разъ спрашивалъ себя, настоящая ли это Николая Амати, или произведеніе кого либо изъ его учениковъ. Еслибъ это былъ Андрей Гварнери, корпусъ у него былъ бы поуже, и эфы не такой мягкой округленной формы, а угловатые съ большими, круглыми дырочками. Для Флоринуса Феррентуса работа была слишкомъ чиста.

«Франсуа Гранцино»,—мелькнуло въ головѣ гардеровщика. Онъ зналъ лишь, что Франсуа былъ сыномъ Паоло, который недурно копировалъ своего учителя, а такъ какъ гардеровщикъ почти никогда не встрѣчалъ скрипокъ Гранцино, онъ по этому самому и рѣшилъ, что этотъ инструментъ Франсуа Гранцино и никого больше.

Въ итальянскомъ происхожденіи его не могло быть сомнѣнія.

— Сколько стоитъ?—спросилъ Фрейтагъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Тысячу рублей,—произнесъ равнодушно Пичъ.

Этотъ отвѣтъ рѣшилъ сомнѣнія гардеровщика. Онъ зналъ, что подлинный инструментъ Николая Амати Пичъ не продалъ бы и за три тысячи.

Улыбнувшись своей догадкѣ, онъ промолвилъ:

— Я назначу профессору двѣ. Мы подѣлимся, если хотите.

— Это ваше дѣло,—отвѣчалъ Пичъ съ прежнимъ безпристрастіемъ.—Я сказалъ вамъ свою цѣну. А вы можете нажать, сколько вамъ угодно. Только, конечно, надо продать инструментъ. Затѣмъ же ему оставаться у насъ на рукахъ.

— Конечно,—подхватилъ Фрейтагъ.—Я ужъ приложу всѣ старанія, и я надѣюсь, что профессоръ будетъ доволенъ этой скрипкой.

По губамъ Пича скользнула непримѣтная проницательная улыбка. Онъ обладалъ тайной дешево покупать скрипки и лишь самъ умѣлъ выгодно сбывать ихъ. Но на этотъ разъ могло случиться, что и Фрейтагъ помогъ бы ему совершить хорошую сдѣлку.

— Такъ вы позволите взять ее съ собой до завтрашняго вечера?—спросилъ искательно гардеровщикъ.

— Сдѣлайте одолженіе. Пожалуйста, только до завтрашняго вечера. На больший срокъ я вамъ не могу ее дать. У меня у самого есть въ виду покупатель.

Съ этими словами они разстались.

VI.

Еще задолго до шабаша ¹⁾ Козьминъ, съ волненіемъ ходя по комнатѣ, говорилъ женѣ:

— Ахъ, хорошо было бы всучить Павловичу тысячу въ пять скрипку, да заработать процентовъ десять-пятнадцать. Вотъ бы поправили мы свои дѣла. Ужъ я обработаю это дѣльце. Такой случай не скоро подвернется.

Мечта о крупномъ заработкѣ такъ увлекла мастера, что онъ забылъ о своихъ подмастерьяхъ, которые съ наступленіемъ вечера, побросавъ кое-какъ инструменты, одинъ за другимъ убрались по добру-здорову.

Безпорядокъ въ квартирѣ царилъ страшный. Около верстаковъ лежали кучи опилокъ и вороха свѣженатесанныхъ стружекъ. Достаточно было бы одной искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ. Мальчишка, навивавшій баски, бросилъ катушку съ серебряной канителюю на станкѣ.

Козьминъ, лихорадочно выкуривая папироску за папироской, ходилъ по комнатѣ, предаваясь сладкимъ грезамъ. Вотъ тысяча рублей у него въ рукахъ. Онъ откроетъ маленькій магазинъ, выпишетъ изъ Саксоніи нѣсколько дюжинъ дешевыхъ скрипокъ, штукъ пять виолончелей и пару контрабасовъ. Контрабасы теперь тамъ дѣлаютъ прекрасно и дешево: рубликовъ за сорокъ можно купить, а за шестьдесятъ въ Петербургѣ съ руками оторвутъ. Виолончели тоже можно достать на первый разъ не дорогія, рублей по пятидесяти, а скрипокъ дороже семидесяти-восьмидесяти рублей за дюжину и не надо. Онѣ уйдутъ рублей по пятнадцати за штуку, и покупатели благодарны будутъ.

Конечно, придется прихватить бунтовъ десять, двѣнадцать струнъ, сотенки двѣ-три колковъ, пуговицъ, подгрифковъ, грифовъ, подставокъ и прочей мелочи. На тысячу рублей славный магазинъ можно завести.

¹⁾ Конецъ дневныхъ работъ. Терминъ ремесленниковъ.

И Козьминъ размышлялъ даже о томъ, какъ онъ бросить мастерскую, разгонитъ грязныхъ, грубыхъ и лѣнивыхъ подмастерьевъ, съ которыми ему приходится браниться съ утра до вечера, и заживетъ себѣ тихо, спокойно, получая вѣрную торговую прибыль, не бѣгая за заказами и не сбивая цѣнъ.

Сначала мечты его были очень пылки, но потомъ онъ началъ остывать и за чаемъ объявилъ супругѣ, что думаетъ сходить за скрипкой завтра поутру въ рынокъ. Тамъ, у одного еврея закладчика есть замѣчательный старинный инструментъ, который, навѣрно, очень понравится Павловичу.

Жена ему на это ничего не возразила, такъ какъ хорошо знала, что у закладчика бываютъ лишь плохія скрипки, потому что онъ имѣетъ дѣло съ татарами и ходитъ по аукціонамъ. На аукціонъ же, какъ это хорошо извѣстно, дорогія скрипки никогда не попадаютъ, потому что драгоценные инструменты извѣстны въ городѣ наперечетъ, занесены въ каталоги и передаются съ осмотрительностью изъ рукъ въ руки.

На другой день, утромъ, она сказала Козьмину, чтобы онъ сходилъ къ Жилину и попросилъ бы у него денегъ. Козьминъ покорно облекся въ сюртукъ и отправился къ своему патрону, которому на самомъ дѣлѣ принадлежала и его мастерская.

Жилинъ былъ оптовый торговецъ. Торговалъ онъ всякимъ товаромъ: скрипками, балалайками, гармоніями, флейтами, монопанами и оркестріонами. Гармоники онъ получалъ большими партиями изъ Тулы, гитары — изъ Москвы, изъ Звенигорода и отъ кустарей. Прочій товаръ былъ заграничный, самый дешевый и ходкій.

Покупателями въ складахъ Жилина были преимущественно фабричные, сапожники, пригородные крестьяне и дворники. Склады его помѣщались на Садовой. На окнахъ тамъ красовались всѣ перечисленные инструменты, привлекавшіе толпы любителей музыки. Каждый изъ плохо одѣтыхъ рабочихъ жадно глядѣлъ на висѣвшія красныя, какъ пасхальное яйцо, скрипки, вычерненные флейты, украшенные синими и розовыми пѣтушками балалайки, и въ душѣ ощущалъ непреодолимое желаніе приобрести тотъ или другой инструментъ, выучиться играть на немъ и плѣнять сердца. Между этими любителями были такіе, которые по нѣсколько разъ въ день подолгу застывались предъ выставленными на улицу соблазнительными вещами, дававшими обладателю ихъ такую завидную власть надъ человѣческой душой. Но замѣчательнѣе всего здѣсь было то, что оборванный любитель, наиболѣе сгоравшій жаждой приобрести какой нибудь изъ соблазнительныхъ инструментовъ, никогда не покупалъ ничего тутъ.

Козьминъ вошелъ въ загроможденный музыкальными инструментами магазинъ съ чувствомъ зависти, собственной принижен-

ности и тайнаго недовольства собой. За прилавкомъ видѣлось нѣсколько приказчиковъ, очень развязнаго вида и плохо одѣтыхъ. Самъ хозяинъ стоялъ за конторкой и старательно, неумѣлой рукой, выводилъ записи.

Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати восьми, черноволосый, съ небольшой бородкой, съ тѣми желтокарими, блестящими, ясными глазами, какіе въ престонородіи называются безстыжими.

Тотчасъ замѣтивъ мастера, Жилинъ нагнулся къ конторкѣ и еще прилежнѣе принялся царапать каракули.

Самолюбіе Козьмина было задѣто. Но, преодолевая себя, онъ сказалъ:

— Мое почтеніе, Пароенъ Никитичъ, какъ поживаете?

— Ничего, помаленьку. Какъ дѣла, Дмитрій Васильичъ?

— Что дѣла, съ рабочими бьюсь, одолѣли разбойники.

— А вы ихъ не распускайте,—сухо произнесъ торговецъ.

Гардеровщикъ молча переминалъ шапку въ рукахъ.

— Мнѣ бы поговорить съ вами хотѣлось,—произнесъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что въ магазинъ вошелъ покупатель, и приказчики занялись съ нимъ, доставая и пробуя гитары, Козьминъ негромко продолжалъ:

— Деньжонокъ у васъ хотѣлъ просить.

— Деньги самимъ надобны. Вѣдь еще мѣсяца не прошло, какъ вы взяли у меня полтора ста рублей. Вмѣсто десяти дюжинъ балаалаекъ четырехъ не доставили. Про какія же деньги вамъ теперь говорить?

— Пожалуйста, не оставьте,—упрашивалъ Козьминъ: — всѣ кругомъ съ меня рвутъ. За мной не пропадетъ, не первый годъ знакомы.

— Сколько вамъ?

— Рублей двѣсти,—тихо выговорилъ мастеръ.

Тусклое лицо торговца нѣсколько оживилось. Онъ обернулся назадъ и досталъ съ полки небольшую дешевую цитру съ нѣсколькими проволочными струнами.

— Вотъ взгляните на эту вещичку, Дмитрій Васильевичъ.

Съ этими словами онъ положилъ цитру на конторку и прижалъ пуговицу лѣвой рукой, а указательнымъ пальцемъ правой руки провелъ по струнамъ. Послышался мягкій, стройный аккордъ, потомъ другой, третій. Вышла незамысловатая, но пріятная мелодія. Перемѣна аккордовъ, производимая нажатіемъ ручной педальки, заинтересовала Козьмина. Онъ съ любопытствомъ изобрѣтателя принялся разглядывать цитру. Жилинъ слѣдилъ за нимъ упорнымъ пристальнымъ взглядомъ.

— Вотъ не можете ли соорудить такую вещичку?

— Могу,—самоувѣренно отвѣтилъ мастеръ.

— Если можете—дѣло въ шляпѣ. Однако надо попробовать. Вы вотъ возьмите эту штучку домой, да разберите. А тамъ денька черезъ два я самъ къ вамъ зайду. Надобно, Дмитрій Васильичъ, дюжину въ три рубля вогнать.

— Ну, насчетъ этого пока ничего не могу сказать, а только такъ полагаю, что такую цитру изготовить хитрости нѣтъ никакой.

— Ладно,—съ радостью воскликнулъ Жилинъ, проникаясь увѣренностью гардеровщика.—Такъ и назовемъ «народная цитра».

Козьминъ тотчасъ сообразилъ выгоду своего положенія.

— Ну, ужъ, пожалуйста, насчетъ денегъ не откажите.

— Такъ и быть, въ послѣдній разъ,—сказалъ торговецъ.—Вотъ вамъ радужная и двѣ красненькихъ, а больше никакъ не могу. У самого сегодня большіе платежи.

Козьминъ былъ радъ сорвать хоть чтонибудь. Жилинъ подаль ему книгу, и онъ росписался въ ней. На страницѣ пестрѣла длинная колонна цифръ. Это были все деньги, забранныя Козьминымъ. Теперь онъ работалъ почти исключительно на магазины Жилина, мало-по-малу растерявъ всѣ частные и выгодные заказы. Жилинъ платилъ съ дюжины, очень скупно и мало, но такъ какъ онъ давалъ деньги впередъ, а Козьминъ постоянно нуждался въ нихъ, то освободиться отъ этой зависимости для мастера не представлялось возможности.

Вернувшись домой, Козьминъ отдалъ принесенныя деньги женѣ, утаивъ на свои расходы десять рублей, и принялся разбирать народную цитру, позабывъ обо всѣхъ скрипкахъ и виртуозахъ на свѣтѣ.

На другой день онъ принялся изготовлять тоненькіе деревянные шаблоны, и когда въ мастерскую явился Жилинъ, Козьминъ представилъ ему подробную смѣту, по которой выходило, что дюжину цитръ можно было сдѣлать за четыре рубля, при чемъ на матеріалъ шло три рубля, а рубль за работу.

Жилинъ былъ весьма доволенъ и мысленно рѣшилъ назначить въ продажѣ по три рубля за цитру. Разумѣется, сверхъ цѣны, объявленной Козьминымъ, надо было имѣть въ виду еще другіе расходы: на упаковку, на струны, на поломку. И все-таки при этомъ оставалась прибыль, которая Жилину показалась достаточной, хотя онъ былъ бы не прочь и увеличить ее.

Недѣли черезъ двѣ любители балалаекъ были весьма разочарованы въ Козьминѣ. Отъ новыхъ балалаекъ хотя онъ и не уклонялся, но назначалъ столь большіе сроки, что у всякаго пропадала охота имѣть съ нимъ дѣло.

Мастерская же его пріобрѣла новый видъ. У каждаго верстака виднѣлось по рабочему, которые усердно строгали и чистили деки для цитръ. Стекланный шкафъ доверху наполнился выдѣланными на-черно инструментами этого рода. Козьминъ уже избрѣлъ педальку съ

собственнымъ усовершенствованіемъ и каждому объяснялъ ея достоинства. А еще черезъ нѣсколько времени въ уличныхъ лоткахъ появились крупныя объявленія, гласившія, что изъ-за границы прибылъ транспортъ прекрасныхъ, дешевыхъ, новыхъ инструментовъ, подъ названіемъ народная цитра, играть на которыхъ могъ всякій, даже незнакомый съ музыкой,—и заказы одинъ за другимъ стали поступать сотнями изъ провинціи въ оптовый складъ предприимчиваго и оборотливаго Жилина.

VII.

Оставшись одинъ послѣ ухода Батистини, который недолго оставался послѣ отъѣзда Павловича и Тевяшева, Гвидо отправился въ одну изъ дальнихъ комнатъ своей квартиры и долго рылся въ большомъ ларѣ, наполненномъ футлярами, досками, ящичками для смычковъ, очень узкими и длинными во всю величину смычка, изъ краснаго дерева, съ выдвигной крышечкой на торцѣ.

Наконецъ онъ отыскалъ что нужно. Это былъ свертокъ изъ зеленой шерстяной матеріи, перевязанный бечевкой, и, бережно развязавъ его, вынулъ двѣ деки, положенныя одна въ другую, обичайки и шейку съ завиткомъ. Тутъ же лежалъ грифъ изъ чернаго дерева съ гладкой гранью для баса и подгрифокъ, украшенный рѣзбой изъ слоновой кости, такой тонкій и легкій, какіе встрѣчались только въ прошломъ столѣтіи на итальянскихъ инструментахъ. Въ этомъ сверткѣ также хранились и прочія мелкія принадлежности разобраннаго инструмента: колки, гладкіе, палисандровые, съ украшеніемъ изъ слоновой кости въ старинномъ стилѣ и съ золотомъ; дужка—та палочка, которая ставится перпендикулярно къ декамъ, внутри скрипки и служитъ для распиранія корпуса, подставка, пуговица и мантоньерка, тоже старинной формы, ложкообразная и гладкая.

Тщательно вытеревъ тряпкой части скрипки, Гвидо разогрѣлъ на спиртовой лампочкѣ клей въ клеянкѣ и, намазавъ обичайки съ одной стороны, наложилъ ихъ на нижнюю кленовую деку и привинтилъ со всѣхъ сторонъ маленькими винтовыми струбцинками, состоявшими изъ нарѣзнаго стержня и двухъ деревянныхъ круглыхъ гаекъ. На весь корпусъ пошло двадцать четыре струбцинки. Затѣмъ онъ намазалъ клеемъ грифъ, соединилъ его съ шейкой, наложивъ поверхъ грифа выдолбленную дощечку, на манеръ тѣхъ, съ которыхъ дѣти катаютъ крашенныя яйца, и скрѣпилъ всѣ части желѣзными струбцинками.

Не теряя времени, онъ подобралъ колки къ отверстіямъ завитка: два длинныхъ для баса и квинты и самый короткій для Ia. Для того, чтобы колки плавно и мягко ходили въ отверстіяхъ, онъ

слегка намылили ихъ и обсыпалъ мѣломъ, послѣ чего, тщательно протеревъ ихъ, почистилъ завитокъ влажной тряпкой.

За обѣдомъ, который ему подавала Шарлотта Ивановна, онъ былъ задумчивъ. Мысли его не отрывались отъ инструмента, который, по его мнѣнію, какъ разъ годился для Павловича. Къ вечеру онъ отвернулъ струбцинки и убѣдившись, что обичайки хорошо пристали къ нижней декѣ, принялся «закрывать» инструментъ. Верхняя дека, легкая и упругая, толстая въ грудкѣ и тонкая къ краямъ, была снизу усѣяна латками—маленькими, поперечными, четырехугольными планочками изъ еловаго дерева. Ими были скрѣплены трещины. Эти трещины были такъ искусно заклеены, что съ наружной лакированной стороны представлялись почти незамѣтными. Вдоль деки была приклеена пружина, имѣвшая форму лука. Самая высокая часть гребня ея приходилась подъ тѣмъ мѣстомъ, куда снаружи ставятъ подставку.

Гардеровщикъ намазалъ клеемъ бока обичаекъ и деки и попрежнему соединилъ эти части винтовыми струбцинками. Затѣмъ онъ приладилъ шейку съ грифомъ, вставивъ ее въ вычищенное гнѣздо, и положилъ инструментъ на полку сушиться.

На другой день онъ снялъ струбцинки, обмылъ теплой водой клей около краевъ декъ, натянулъ струны, вставилъ дужку, расположилъ гдѣ слѣдуетъ подставку, и инструментъ былъ готовъ. Долго и терпѣливо Гвидо настраивалъ его, вслушиваясь въ тембръ каждой струны, и нѣсколько разъ перемѣнялъ то квинту, то басокъ, то ре, подбиралъ струны, болѣе толстыя или тонкія, желая придать инструменту наибольшую звучность.

Когда эта работа была окончена, онъ положилъ скрипку въ футляръ и отправился къ профессору.

VIII.

Павловичъ возвращался домой отъ Гвидо въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Безплодные поиски, разговоры съ гардеровщиками утомили его. Тевяшевъ проводилъ его до гостинницы и сказалъ при прощаньи:

— Не забудь, что тебя ждуть сегодня вечеромъ Савицкіе. Это такое музыкальное семейство, прелестныя барышни, избранное общество. Я обѣщаль тебя непременно привести.

— И напрасно обѣщаль,—съ досадою отвѣтилъ профессоръ:— потому что я уже далъ слово Трубецкимъ.

— У нихъ ты успѣешь побывать въ субботу. У нихъ два раза въ недѣлю музыкальные вечера, у Савицкихъ—одинъ.

— Какое мнѣ дѣло,—говорилъ съ раздраженіемъ профессоръ.— Сегодня звали меня Звягины, Ухтомскіе, баронесса фонъ-Дерингъ.

Всѣ меня будутъ ждать, и всѣхъ я обнадежилъ, что непремѣнно буду. Посуди самъ, гдѣ же мнѣ собраться къ твоимъ Савицкимъ, о которыхъ я слышу въ первый разъ. Если хотять, чтобы я игралъ у нихъ,—пусть прїѣдутъ съ визитомъ, познакомятся, или пусть платять сто рублей за вечеръ. А такъ я не поѣду. Я не ученикъ консерваторіи.

— Но, пойми,—говорилъ разгоряченный Тевяшевъ.—Я твой другъ. Сдѣлай это ради меня, ради нашихъ общихъ интересовъ.

Павловичъ махнулъ рукой и, поднимаясь по лѣстницѣ, оборотившись, сказалъ обезкураженному концертмейстеру.

— Чортъ бы меня побралъ, если я знаю, гдѣ буду сегодня вечеромъ.

Въ своемъ номерѣ Павловичъ засталъ молодого человѣка въ щегольскомъ скрутучкѣ, въ лакированныхъ ботинкахъ, въ цвѣтной крахмальной сорочкѣ. У него былъ костистый горбатый носъ, четырехугольный лобъ и узко поставленные маленькіе глаза. Это былъ господинъ Лансье, любитель музыки, случайный газетный сотрудникъ по театральнымъ замѣткамъ. Павловичъ не зналъ, гдѣ съ нимъ познакомился, но аматеръ такъ рѣшительно атаковалъ его, являясь къ нему съ визитомъ въ каждый его прїѣздъ въ Петербургъ, что Павловичъ невольно былъ вынужденъ поддерживать это знакомство.

Лансье было извѣстно рѣшительно все въ музыкальномъ мірѣ: кто уйдетъ изъ оперы, кто попадетъ на сцену, какой оркестръ будетъ на будущій сезонъ въ симфоническомъ, какой въ Павловскѣ, какой въ Акваріумѣ; кто явится антрепренеромъ итальянской или французской труппы, какіе будутъ солисты въ выдающихся концертахъ. Кромѣ этихъ свѣдѣній, ему была всегда извѣстна и закусная сторона всякаго музыкальнаго предпріятія и даже интимная жизнь того или другого артиста или артистки.

— Любезный профессоръ,—началъ онъ трескучимъ гортаннымъ говоркомъ, обличавшимъ въ немъ француза:—я поджидаю васъ и надѣюсь, что вы окажете мнѣ большую услугу.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Павловичъ.

— Я общалъ Мусинымъ-Пушкинымъ привезти васъ къ нимъ сегодня. Тамъ будетъ пѣть моя сестра. Вы знаете, это—настоящая артистка, получившая образованіе въ Парижѣ. Колоннъ, бывшій въ Петербургѣ, сказалъ ей: «Мадемуазель, вы родная сестра Патти по голосу».

— Не могу,—сказалъ рѣшительно профессоръ.

Лансье былъ озадаченъ.

— Да почему же? Неужели вы общали комунибудь?

— Смотрите,—сказалъ профессоръ и вынесъ бронзовую чашку, на которой лежали крупныя мужскія и мелкія дамскія карточки, раздушенныя записки, щегольскіе конверты, украшенные гербами, печатями или просто виньетками.

— Всѣзвовать,—кратко добавилъ виртуозъ,—и никъ кому непоѣду.

— И прекрасно,—заговорилъ Лансье,—къ чему вамъ беспокоиться. Устроимте такъ. Заѣдемте въ кредитное общество, сегодня тамъ первое квартетное собраніе. Я долженъ тамъ непременно быть. А оттуда—къ Мусинъ-Пушкинымъ.

Павловичъ не успѣлъ ничего отвѣтить, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошелъ новый посѣтитель. Это былъ широкоплечій молодой человекъ, маленькаго роста, похожій на итальянца: съ черными смоляными кудрями, съ небольшою, тщательно выхоленной эспаньолькой, съ худошавымъ, блѣднымъ лицомъ, съ рѣзкими чертами и красивыми черными глазами. Одѣтъ онъ былъ до того пестро и съ такими претензіями, что даже Павловичъ, привыкшій ко вкусамъ виртуозовъ и актеровъ, едва могъ сдержать улыбку.

Изъ-подъ батистоваго галстуха, завязаннаго пышнымъ бантомъ, выглядывала брилліантовая запонка на кружевной гофрированной рубашкѣ, которую позволялъ видѣть широко вырѣзанный жилетъ. Другая такая же запонка блестяла на груди. Коричневый клѣтчатый сюртукъ былъ такъ коротокъ, что спускался лишь пальца на два ниже жилета. Узкія, свѣтлосѣрыя брюки, повидимому, только что были выутюжены. Краснобурья остроконечныя ботинки со свѣтлосиреневыми лампасами казались просто невѣроятными. На обѣихъ рукахъ гостя виднѣлись ярко-оранжевыя перчатки. Подъ мышкой онъ держалъ сложенный цилиндръ. Если прибавить къ этому золотое пенсне, вскинутое на носъ, уголокъ краснаго платка, торчавшій изъ наружнаго боковаго кармана сюртука, сильный запахъ шипра, который съ приходомъ гостя наполнилъ комнату, то будетъ понятно, что посѣтитель всецѣло овладѣлъ и вниманіемъ Лансье, который на его поклонъ съ любезной улыбкой сказалъ:

— Мы уже съ вами встрѣчались, Ахиллесъ Ахиллесовичъ. Помните, на прошлой недѣлѣ у мадамъ Бурдэ.

— Помню,—отвѣчалъ гость, пожимая широкой мускулистой рукой руку аматера.

Онъ былъ тоже любитель и пользовался большою извѣстностью, благодаря своему состоянію, а также прекрасному инструменту Амати, которымъ владалъ. Отецъ его, богатый помѣщикъ, былъ страстный меломанъ и оставилъ сыну оркестръ и цѣлый театръ въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ. Молодой Головинъ кончилъ курсъ миланской консерваторіи и игралъ на скрипкѣ, какъ хорошій солистъ. Онъ жилъ въ Петербургѣ и пользовался большимъ успѣхомъ въ музыкальныхъ семействахъ.

— Ахъ, кстати, что вы пришли,—сказалъ Павловичъ:—представьте, цѣлый день искалъ скрипку и не могъ ничего найти подходящаго.

— Я вамъ говорю, возьмите моего Гваданини,—возразилъ Головинъ,—и недорого уступаю. Не знаю, почему вы не хотите.

— Потому, что мнѣ нуженъ инструментъ дѣйствительно выдающійся. Ваша скрипка, конечно, недурна. Уступите Аматѣ — разговоръ будетъ другой.

— Аматѣ, — съ усмѣшкой сказалъ Головинъ. — Да знаете ли, мой отецъ за нее заплатилъ Вильому сорокъ пять тысячъ франковъ. Я былъ у Ауэра и показалъ ему ее. Онъ мнѣ и говоритъ:

— На такомъ инструментѣ жаль играть. Эта скрипка должна бы висѣть въ музеѣ, а не находиться въ частныхъ рукахъ.

— Да, замѣчательный инструментъ, — сказалъ Павловичъ.

И ему представилась блѣдножелтая изящныхъ очертаній скрипка, украшенная черной рѣзбой и двойнымъ усомъ.

— Что же, онъ сказалъ правду, — прибавилъ задумчиво онъ: — у васъ дѣйствительно историческій инструментъ. Представьте себѣ, я объѣздивъ сегодня всѣхъ извѣстныхъ гардеровщиковъ, и ни отъ кого не услышалъ дѣльнаго слова. Ахъ, кстати, господа, не знаете ли вы, кто это такая госпожа Кельхъ. Мнѣ дала ея адресъ Раковецкая.

— Раковецкая, — съ широкой улыбкой произнесъ Головинъ, — аппетитная барышня, недурно играетъ.

Лансье тоже улыбнулся.

— Да, недурна.

— Высоко летаетъ, гдѣ-то сядетъ, — продолжалъ Головинъ.

— Почему высоко? — спросилъ Павловичъ.

— Потому, что ею интересуются въ самомъ высшемъ обществѣ, — уклончиво отвѣтилъ Головинъ и продолжалъ: — Кельхъ, это, кажется, жена или дочь виленскаго скрипача. Помните, что написалъ «Воспоминанія о Москвѣ».

— Ахъ, да, помню, — сказалъ весело Павловичъ: — децимы съ форшлагами. Тра-ла-ла, тра-ла-ла, — пропѣлъ онъ и сдѣлалъ лѣвой рукой выразительное движеніе, краснорѣчивѣе всякихъ словъ объяснившее скрипачамъ, про какой пассажъ онъ говорилъ.

— Именно, именно, — подхватилъ Головинъ.

— Бѣшенный скрипачъ, — продолжалъ профессоръ. — Представьте себѣ, господа, всякую пьесу онъ начиналъ съ такого жестокаго фортиссимо и съ такимъ паэосомъ, что, казалось, ужъ дальше идти некуда, а между тѣмъ дальше все-таки вытягивалъ. Удивительный тонъ!

— Некультурное исполненіе, — вставилъ Лансье. — Я его тоже разъ слышалъ.

— Вѣроятно, у него былъ хорошій инструментъ? Но онъ вѣдь лѣтъ десять какъ умеръ. Кто же купилъ его скрипку?

— Не знаю, — отвѣтилъ Головинъ, — но помню, что мой отецъ, кажется, хотѣлъ ее купить. А моему отцу Вильомъ о всякой скрипкѣ, которую стоило приобрести, немедленно телеграфировалъ. Но почему васъ это интересуетъ, Павловичъ?

— Да потому, что Раковецкая дала мнѣ адресъ этой Кельхъ и сказала мнѣ, что у нея цѣла отцовская скрипка.

— Не думаю,—недовѣрчиво произнесъ Головинъ.

Павловичъ пригласилъ гостей отобѣдать съ нимъ.

Обѣдъ длился долго и сопровождался обильной выпивкой.

— Сыграйте чтонибудь, профессоръ,—упрашивалъ охмелѣвшій Лансье:—а я вамъ поаккомпанирую.

Головинъ тоже присоединился къ этой просьбѣ.

— Нѣтъ, господа,—отговаривался профессоръ.—Я усталъ. Притомъ Тевяшевъ просилъ меня быть сегодня вечеромъ у Савицкихъ.

— И вы поѣдете туда!—вскричалъ Лансье.—Тамъ Богъ знаетъ, кто бываетъ, и кормятъ плохо. Не совѣтую. Да притомъ, Павловичъ, вы мнѣ дали слово быть у Мусинъ-Пушкиныхъ.

— Я не давалъ вамъ слова. Сыграйте-ка лучше, Ахиллесъ Ахиллесовичъ. Говорятъ, вы сдѣлали большіе успѣхи.

Молодой щеголь охотно согласился и, взявъ лежавшую на рояли скрипку, заигралъ вариациі изъ «Фауста» Саразате подъ весьма бойкій и толковый аккомпаниментъ Лансье.

Среди самаго разгара этого импровизированнаго концерта запахнулась дверь, и въ комнату впрхнула молодая барышня, завитая барашкомъ и съ столь густо напудренными волосами, что они казались сѣдыми. Большіе сѣрые глаза ея были подрисованы. Изъ-подъ короткаго чернаго шелковаго платья виднѣлись ажурные голубые чулки и бронзовыя туфли.

— Ахъ, какъ тутъ у васъ весело!—воскликнула она звонкимъ голосомъ и усѣлась на диванъ.

Не представляя ей гостей, которые выразительно переглянулись между собой, Павловичъ придвинулъ къ ней хрустальную вазу съ фруктами и налилъ рюмку ликеру.

Появленіе юной слушательницы придадо еще болѣе огня исполнителямъ, которые, впрочемъ, успѣшили кончить концертъ и присоединиться къ профессору.

— Моя сосѣдка,—говорилъ онъ:—шансонетная пѣвица, и съ какимъ голосомъ! Спойте-ка намъ чтонибудь.

— Пѣтъ послѣ обѣда!—воскликнула съ хохотомъ молодая дѣвушка,—не могу! Притомъ я сейчасъ уѣзжаю.

— Мы васъ не пустимъ,—въ одинъ голосъ сказали Лансье и Головинъ.

— Пѣтъ я не буду,—упрямо отвѣтила напудренная барышня.— Но у меня сидитъ подруга, вотъ если хотите ее послушать, такъ я позову ее. Она поетъ гораздо лучше меня.

— Зовите, зовите,—любезно сказалъ Павловичъ.

Пѣвица скользнула въ дверь и тотчасъ возвратилась съ подругой, весьма походившей на нее по короткому платью и гриму.

Лансье усѣлся за рояль, и пѣвица весьма кокетливо пропѣла нескромную пансонетку.

Слушатели были въ восторгѣ. Ахиллесъ Ахиллесовичъ взялся за скрипку и сталъ подыгрывать пѣвицѣ, которая начала новую, еще болѣе пикантную пѣсенку.

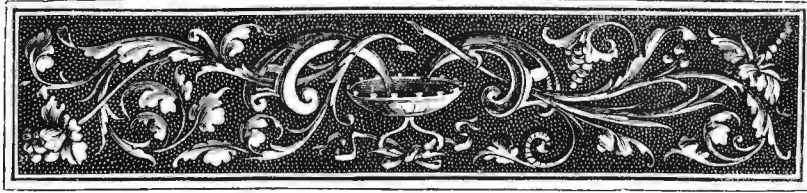
Павловичъ чувствовалъ, что глаза его смыкаются, и, откинувшись на диванъ, съ пріятнымъ утомленіемъ слушалъ пѣніе. Голова у него тихо кружилась, въ ушахъ звенѣло, и онъ думалъ о томъ, какъ хорошо имѣть талантъ, славу и такое веселое общество.

Барышни, впрочемъ, скоро исчезли, а гости Павловича уговорили его поѣхать въ квартетное собраніе, которымъ открывался музыкальный сезонъ. Павловичъ зналъ, что это не отниметъ у него много времени, и охотно согласился побывать на этомъ замѣчательномъ концертѣ.

А. Леманъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. Θ. КАМЕНСКОЙ ¹⁾.

ХІІ.

Перемѣна въ нашемъ домѣ послѣ кончины матери. — Встрѣча съ государемъ и государыней. — Маленькій переполохъ по этому случаю. — Толки о пожалованіи меня фрейлиной. — Первый выѣздъ мой въ свѣтъ. — Покровительство графини А. Θ. Закревской. — Балъ у графа Кушелева. — Раутъ у графини Лаваль. — Игрокъ генераль Сухожанетъ. — Балъ у князя Юсупова. — Приготовленіе къ нему. — Мой костюмъ. — Манера танцовать императрицы Александры Ѳедоровны. — Костюмъ княгини Юсуповой. — Необычайный костюмъ Авроры Демидовой. — Группа Кановы. — Роскошь Юсуповскаго дома. — Приключеніе съ каретой. — Кончина А. С. Пушкина. — Лучшая его маска. — Ревность Пушкина къ Закревской. — Мое знакомство съ Каменскимъ. — Я дѣлаюсь его невѣстой.

НОСЛѢ кончины маменьки въ нашемъ домѣ произошли большія перемѣны. Во-первыхъ, наша дорогая и многолюбимая Елена Николаевна Геммеръ принуждена была уйти отъ насъ къ брату своему, Константину Николаевичу Геммеру, который овдовѣлъ и умолилъ ее принять на ея добрыя руки осиротѣлый домъ и несчастныхъ сиротъ его. Это уже одна горькая перемѣна. Потомъ папенька, вѣроятно, желая для Лизаньки и меня пополнить чѣмъ нибудь ужасную пустоту нашего дома, пригласилъ къ намъ компаньонку, очень умную, среднихъ лѣтъ, дѣвицу Иванову, которая, впрочемъ, не сошлась съ Лизанькой и скоро уѣхала отъ насъ. Тетки мои, Дудины, Богъ ихъ вѣдаетъ отчего, тоже собрались и уѣхали отъ насъ въ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVII, стр. 628.

Малороссію къ старшей теткѣ моей, Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ Любовниковой, которую мнѣ при жизни ея и видѣть не довелось, потому что она вышла замужъ, когда меня еще на свѣтѣ не было, и въ Петербургъ больше не пріѣзжала. Меньшая тетка моя Сашенька Дудина вскорѣ вышла замужъ за папенькинаго дальняго родственника графа Александра Дмитріевича Толстаго. Добрую тетю Машу Дудину я совѣмъ потеряла изъ виду съ тѣхъ поръ, какъ она переселилась въ Малороссію. Всѣ эти перемѣны и разлуки дорого обошлись Лизанькѣ и мнѣ, потому что мы были сильно привязаны къ теткамъ нашимъ.

Послѣ страдальческой кончины сестры Лизаньки изъ нашего большого семейства осталось всего трое: тетка Надежда Петровна, папенька и я. Какъ я скучала послѣ этой двойной, близкой сердцу утраты, я и сказать не могу. Я просто не находила себѣ мѣста, и дорогой отецъ мой почти не отходилъ отъ меня и дѣлалъ все, что только могъ, чтобы развлечь и успокоить меня. Помню, что онъ всякій день требовалъ, чтобы я непременно ходила съ нимъ гулять пѣшкомъ. Въ первое время траура онъ водилъ меня по закоулочкамъ Васильевскаго острова, гдѣ было мало народу. Потомъ мы стали ходить съ нимъ вдоль набережной и, наконецъ, вѣроятно, желая развлечь меня побольше, онъ разъ перевелъ меня по льду на Англійскую набережную, которая въ то время считалась мѣстомъ моднаго гулянья; народу на ней всегда была пропасть. Поднявшись по лѣстницѣ, мы пошли съ нимъ подъ ручку къ Новой Голландіи. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ по тротуару, какъ папенька услышалъ, что за нами слѣдомъ кто-то быстро идетъ. Онъ обернулся и увидалъ государя Николая Павловича подъ руку съ императрицей. Отецъ мой снялъ шляпу, сейчасъ же устранился съ дороги и меня поставилъ спиною къ гранитному парапету, чтобы освободить ихъ величествамъ путь. Государь весело кивнулъ папенькѣ головой, Александра Ѳеодоровна милостиво намъ поклонилась, и они прошли дальше. Мы потихоньку пошли за ними. Помню, что государыня раза два оборачивалась и смотрѣла на меня. Потомъ, пройдя нѣсколько сажень впередъ, они вдругъ круто повернули назадъ и очутились съ нами лицомъ къ лицу. Тогда императоръ остановился и заговорилъ о чемъ-то съ папенькой. Государыня тоже остановилась и съ милою, ласковою улыбкой внимательно разглядывала меня. Потомъ вдругъ спросила у отца моего:

— *C'est votre fille, comte?* (Это ваша дочь, графъ?) — и когда услышала его утвердительный отвѣтъ, ласково взяла въ горсточку мой подбородокъ и, глядя мнѣ въ глаза, улыбаясь сказала: — *Comme elle est laide, votre fille, comte! Bon Dieu, qu' elle est laide, cette pauvre fille!* (Какъ она некрасива, ваша дочь, графъ! Боже, какъ она некрасива, эта бѣдная дѣвушка!).

Папенька весь вспыхнулъ отъ удовольствія. Я проворно чмок-

нула перчатку на рукѣ, которая приласкала меня. Государь, глядя на насъ, весело засмѣялся и похлопалъ отца моего по плечу.

Все это сдѣлалось въ одно мгновеніе, такъ что я не успѣла опомниться, какъ ея величество сѣла съ государемъ въ сани и, весело кивая мнѣ головой, унеслась отъ насъ въ морозной пыли къ Исакіевской площади.

Точно мимо меня пролетѣлъ какой-то счастливый сонъ, отъ котораго у меня отъ радости замерло сердце. Но этотъ счастливый сонъ видѣли не мы одни съ папенькой; въ эти нѣсколько минутъ, какъ государыня и государь остановились съ нами, около насъ составился полукругъ гуляющихъ, и всѣ любопытными глазами глядѣли на насъ и видѣли и слышали то же, что и мы съ папенькой. Помню, что въ первомъ ряду этихъ любопытныхъ зрителей, мнѣ кинулся въ глаза знакомый молодой человекъ Карбонье; не помню я теперь даже, какъ его звали, но я видала его часто въ домѣ у тетушки моей Екатерины Васильевны Кротковой, двоюродной сестры моего отца. Изъ этого произошло то, что не успѣли еще скрыться изъ виду государь съ государыней, какъ этотъ любознательный гуляльщикъ тоже прыгнулъ въ первыя извозчичьи сани и полетѣлъ на Шестилавочную къ этой самой тетушкѣ съ вѣстями о томъ, что видѣлъ и слышалъ. А на другое утро ранехонько тетушка Екатерина Васильевна съ старшей своей дочерью Варенькой влетѣла къ намъ съ поздравленіями, и разспросамъ не было конца.

— Счастливица!—говорила она мнѣ съ восторгомъ,—понимаешь ли ты, Машенька, какой ты милости удостоилась! Вотъ вы съ твоимъ папа ни объ чемъ не думаете, а вамъ все само въ ротъ валится. Вѣдь это будущность, душа моя, это карьера! Не надо же вамъ теперь упускать случая, нельзя теперь переставать ходить гулять на Англійскую набережную. И я нарочно пріѣхала сегодня сказать твоему папа, что если онъ занятъ по службѣ, и ему трудно удѣлять на прогулки съ тобой много времени, то, слава тебѣ, Господи, мы съ Теодоромъ люди свои, пусть онъ скажетъ слово, и я готова помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Я буду съ Варенькой заѣзжать за тобой и вмѣсто него гулять съ вами, мои дѣвочки. *Ça sera si gentil: deux jeunes filles ensemble! La famille impériale vous remarquera—Marie par sa beauté et ma Varbe par son talent* (Варенька была замѣчательная пианистка, одна изъ первыхъ ученицъ Гензельта и большая его любимица).

Хотя я о своей красотѣ очень мало думала, но мнѣ все-таки показалось странно, какъ это Варенька покажетъ царямъ свой талантъ на гранитѣ Англійской набережной? Что-то ужъ очень выходило мудрено. Конечно, для пылкаго воображенія любящей матери все могло казаться возможнымъ. Но какія бы выгоды ни мерещились тетушкѣ отъ нашихъ общихъ гуляній съ Варенькой,

мнѣ-то гулять съ ними совсѣмъ не хотѣлось. Я очень любила Вареньку, и мы съ нею много лѣтъ сряду были очень дружны, но стѣснительная, недовѣрчивая манера тетушки въ обращеніи съ дочерью мнѣ совсѣмъ не нравилась. Екатерина Васильевна держала Вареньку около себя точно на веревочкѣ, ни на шагъ отъ себя не отпускала, говорить свободно ни съ кѣмъ не позволяла и цѣлые дни не переставала дрессировать ее на великосвѣтскій манеръ. Оно и понятно, что мнѣ, вольной пташкѣ, которой отецъ и мать вѣрили безгранично, не хотѣлось попасть къ тетушкѣ въ бомондную передѣлку. Да и просто въ то время я и подумать не могла гулять съ кѣмънибудь, кромѣ папеньки, а потому и отвѣтила тетушкѣ откровенно, что я буду гулять съ отцомъ моимъ, такъ какъ и ему тоже полезно послѣ его трудовъ провѣтриться и развлечься, и что это много времени у него не отниметь. Такъ я и отлапировала тогда отъ этихъ общихъ выгодныхъ гуляній. Папенька остался очень доволенъ моимъ отвѣтомъ. и мы съ нимъ продолжали гулять по Англійской набережной. Новаго съ нами больше ничего не случилось, и государыня больше не приѣзжала. Но разъ, какъ это всегда бываетъ, я попала въ моду, то бѣганье за мною все продолжалось. Уморительный былъ, право, папенька: иной разъ онъ, видимо, былъ очень доволенъ эффектомъ, который я производила, а въ другой разъ ему это ухаживанье и заглядыванье подъ шляпку вдругъ покажется неприличнымъ, онъ сейчасъ же уведетъ меня на Васильевскій островъ и дорогою даетъ себѣ честное слово, что нога его больше никогда не будетъ на Англійской набережной, а на другой день (видно, сердце не каменное) опять захочется голубчику посмотрѣть, какъ нравится всѣмъ его возлюбленная Машенька, и онъ опять сведетъ меня туда же. Правда, что въ подобныхъ неудовольствіяхъ папеньки была много виновата тетушка Екатерина Васильевна, которая все еще не отставала отъ насъ и своими новостями и извѣстіями возмущала ему душу. Одинъ разъ она влетѣла къ намъ очень взволнованная и прямо атаковала меня вопросами:

— Машенька, ты никогда не сидѣла на натурѣ?

— Нѣтъ, я стояла на натурѣ, когда папенька писалъ нашу семейную картину. Это скука страшная!—отвѣтила я ей.

— Нѣтъ, не то! А теперь, недавно, ты не передъ кѣмъ не позировала?—подозрительно глядя мнѣ въ глаза, еще переспросила тетушка. Я отвѣтила ей, что и не думала.

— Странно, какъ же это могло случиться, что на фарфоровомъ заводѣ пишутъ теперь твой портретъ на вазѣ? Ты въ итальянскомъ костюмѣ съ кастаньетами въ рукахъ... Говорятъ, государыня сама заказала эту вазу, чтобъ подарить государю!

— Какія безсовѣстныя сплетни!—вдругъ вспылилъ папенька.— Гдѣ ты могла слышать такой вздоръ, Катенька?

— Нѣтъ, Теодоръ, это не вздоръ, а правда! Самъ Карбонье нарочно ѣздилъ на фарфоровый заводъ и своими глазами видѣлъ тамъ эту вазу и говорить, что Машенька очень похожа,—разсердившись заспорила Кроткова.

— А я говорю, что это вздоръ! Не мѣшало бы этимъ твоимъ попугаемъ подстричь язычекъ, чтобы они меньше болтали, — раскричался на свою кухню папенька.

Но это бы все ничего, покричали, поспорили, да объ этомъ и забыли. А то тетушка прилетѣла къ намъ съ новостью, которая отняла у отца моего весь душевный покой. Она забрала его одного въ сторону и тихо и таинственно сообщила ему:

— Теодоръ, ты еще ничего не знаешь? А я знаю навѣрное, что Машенька къ этой Святой будетъ сдѣлана фрейлиной императрицы.

— Опять Карбонье говорить? — спросилъ папенька и поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Совсѣмъ не онъ! Объ этомъ говорятъ въ свѣтѣ.

— Я думаю, что прежде не мѣшало бы спросить у отца, у меня, желаю ли я этого,—едва слышно проговорилъ папенька.

— Разумѣется, ты желаешь! Кто-жъ можетъ въ этомъ сомнѣваться?—съ убѣжденіемъ сказала Екатерина Васильевна.

— Это ты такъ думаешь, но, слава Богу, не всѣ! Знаешь что, Катенька: оставь ты меня въ покоѣ и не привози мнѣ никакихъ вѣстей, я не хочу ничего знать,—и папенька, не простившись съ кузиной, ушелъ въ свой кабинетъ.

Тетушка разсердилась, собралась домой и на прощанье сказала тетѣ Надѣ:

— Quel drol de corps, votre frère, ma cousine! Все хочетъ оригинальничать! Toujours le même! Но кто-жъ ему повѣрить? Разумѣется, никто!

Тогда мнѣ не объяснили, что значили всѣ эти непонятныя слова; много позднѣе я узнала все и оцѣнила вполне отцовскую любовь ко мнѣ и благородство его чувствъ. Послѣ я узнала тоже, что папенька такъ взволновался тогда вѣстью тетушки, что не могъ успокоиться. Весь великій постъ онъ не переставалъ волноваться и даже на всѣхъ придворныхъ разсылныхъ, которыхъ такъ много ѣздило по Румянцевской площади, началъ смотрѣть, какъ на личныхъ враговъ своихъ. Ему все чудилось, что кто нибудь изъ нихъ везетъ мнѣ фрейлинскій шифръ. Говорять, что неизвѣстность такъ мучила его тогда, что онъ даже рѣшился закинуть по этому поводу словечко министру двора.

— Отчего вы меня объ этомъ спрашиваете, графъ? — спросилъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій.

— Оттого, ваше сіятельство, что я не желаю, чтобы моя дочь... (и папенька шепнулъ что-то на ухо князю).

Министръ съ удивленіемъ взглянулъ на него и холодно проговорилъ:

— Послѣ того, что вы мнѣ сказали, графъ, вы можете быть покойны, дочь ваша фрейлиной не будетъ.

Я одна, виновница всѣхъ этихъ страховъ и переговоровъ, тогда ничего и не подозрѣвала. Праздники прошли для отца моего благополучно; онъ совсѣмъ успокоился. Только никогда мы больше за Неву гулять не ходили, да и гуляльщики всѣ съ Англійской набережной перекечевали въ Лѣтній садъ, а это для насъ съ папенькой было слишкомъ далеко.

14-го мая мы переѣхали на нашу дачу на Крестовскій. Съ начала лѣта у меня опять на душѣ было тайное горе: Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, который уѣзжалъ за чѣмъ-то въ Москву, вернувшись, пріѣхалъ къ намъ на дачу и велъ себя со мною во все время визита спокойно и ровно. Ни одного интимнаго слова между нами больше сказано не было. Онъ первый сдѣлалъ шагъ назадъ. Я, по женской гордости, сейчасъ же отступила отъ него на десять шаговъ, и съ тѣхъ поръ между нами установились отношенія «хорошихъ старинныхъ знакомыхъ».

Сколько я тайно плакала, бродя между прелестными розами нашего сада, это ужъ я одна знаю. А потомъ еще немилосердно залилъ меня мой дядюшка графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, которому вздумалось въ это время за мной сильно приволакиваться. Онъ то и дѣло отпускалъ мнѣ фразы въ родѣ этой:

— Ma cousine, vous êtes impossible! Не глядите на меня! Неужели вы не видите, что я страдаю, что я люблю васъ? Поймите, что не будь я честный человекъ, который разъ сказалъ себѣ, что ты бѣденъ и потому не имѣешь права жениться, что это будетъ значить разводить нищихъ на землѣ,—я страдаю и молчу,—а то бы я давно женился на васъ и былъ бы счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

— Да я за васъ и за богатаго никогда бы не пошла! А за бѣднаго, котораго полюблю, выйду непременно,—со злостью отвѣчала ему я.

— Ну, ужъ этому не бывать! Если я не женюсь на васъ, то ужъ и другому бѣдному не уступлю васъ. Какъ только замѣчу что нибудь подобное, сейчасъ же разстрою вашу свадьбу, одурачу вашего жениха.

— Я за дурака не собираюсь выходить и потому не думаю, чтобъ вамъ удалось одурачить моего будущаго мужа.

— Полноте, ma cousine: Наполеонъ были геній, и того одурачили!

— Можетъ быть, только мнѣ помнится, что Наполеона одурачили не вы.

Такъ мы съ честнымъ дядюшкой моимъ отъ великой любви его ко мнѣ не переставали всаживать другъ въ друга шпильки. И кончилось тѣмъ, что онъ мнѣ сдѣлался просто противень. Потому

нѣкоторыя слова изъ его умныхъ рѣчей невольно наводили меня на мысль: ужъ не онъ ли разстроилъ и развелъ меня съ Кукольниковомъ? И отъ одной мысли этой я его возненавидѣла.

Остальное лѣто я провела довольно весело. Добрѣйшая Анна Николаевна Рускони, желая доставить мнѣ удовольствіе, заѣзжала за мной всякое воскресенье съ другомъ своимъ молодой графиней Екатериной Ларионовной Кушелевой и сестрою ея прелестной княжной Танюшей Васильчиковой, и онѣ катали меня по островамъ въ большой линейкѣ четверкой на выносъ, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ катаются на Петергофскихъ праздникахъ.

Папенька никогда не держалъ лошадей; мы или ходили пѣшкомъ, или пробавлялись извозчиками; понятно, что эта новинка мнѣ доставляла громадное удовольствіе.

Вообще подходило то время, когда меня начали похищать изъ моей милой академіи и понемногу знакомить съ большимъ свѣтомъ. Девятаго августа со смерти бѣдной сестры Лизаньки прошло полгода. Къ 15-му августа мы перебрались съ дачи. Семнадцатаго сентября минулъ годъ по маменькѣ; оба траура кончились. Третьяго октября мнѣ стукнуло девятнадцать лѣтъ и не стало у насъ съ папенькой никакихъ отговорокъ, чтобы вывезти меня въ свѣтъ.

Тетушка Екатерина Васильевна первая выпросила у папеньки себѣ право вывезти меня и Вареньку въ первый разъ въ дворянское собраніе. Отецъ мой взялъ на себя всѣ траты по этому выѣзду; тетка Надя, какъ барыня въ душѣ и женщина со вкусомъ, распорядилась щедро моимъ туалетомъ, сдѣлала мнѣ платье изъ тюль-иллюзионъ на бѣломъ атласномъ чехлѣ съ букетами бѣло-розовыхъ яблочныхъ цвѣтовъ,—просто, молодо и мило. Причесывать насъ съ Варенькой долженъ былъ некто иной, какъ m-r Heliot, парикмахеръ, императрицы Александры Ѳедоровны, излюбленный куафѣрь бомонда. Кажется, все было задумано прекрасно, и, уѣзжай я изъ родного дома, вѣрно я бы блаженствовала вполнѣ. А тутъ вышло не совсѣмъ такъ: меня взяли къ Кротковымъ съ утра, горничная тети Нади пріѣхала только передъ обѣдомъ съ моимъ туалетомъ, пріѣхала уже огорченная и, раскладывая мое платье на диванъ въ Варенькиной комнатѣ, уже начала мнѣ причитать: «и охота была вашему папенькѣ, графу, отпустить васъ въ первый разъ изъ чужого дома? Истинно, какъ сиротку повезуть! Ни папенька, ни тетенька на васъ не полюбуются. Тетушка ваша Екатерина Васильевна, хотя вамъ и тетка, всежъ-таки не родная, покойницу графиню и совсѣмъ Господь не сподобилъ на васъ полюбоваться! То-то бы порадовалась, сердечная, на дочку милую! А теперь лежить, голубушка наша, въ сырой землѣ и ничего не видитъ».

И Аннушка, говоря все это, обливалась слезами, остерегаясь, чтобъ ей какъ нибудь не капнуть на мое платье. И я плакала съ нею вмѣстѣ.

А тетушка Екатерина Васильевна мучила насъ съ Варенькой по-своему.

За завтракомъ подали чудную кулебяку; я положила себѣ изрядный кусочекъ, Варенька только что хотѣла сдѣлать то же, какъ тетушка закричала:

— Нѣтъ, нѣтъ! Этого тебѣ нельзя, это тяжело! *Ça vous gatera le teint!* Тебѣ дадутъ яичко и бульону.

Я любила покушать вплотную и за Вареньку очень огорчилась. Чудный домашній квасъ шипѣлъ въ хрустальныхъ кувшинахъ, я запила имъ кулебяку; бѣдной Варенькѣ и его не дали, потому что онъ къ балу могъ распучить ей талію.

Сейчасъ послѣ обѣда пріѣхалъ насъ причесывать м-г Heliot. Меня посадили первую; я сидѣла покорно, смиренно и скоро была причесана. Но съ Варенькой совсѣмъ другое дѣло: какую куафюру ни придумывалъ ей несчастный французъ, тетушка и главное гувернантка m-elle Fleurie все оставались недовольны и увѣряли, что онъ на зло сдѣлалъ меня хорошенькой, а Вареньку уродомъ. Слушая эти милыя слова, Варенька плакала, французъ злился.

Послѣ ранняго обѣда тетушка придумала для дочери новую пытку: подложила ей подъ спину груди подушекъ для того, чтобъ кровь оттекала внизъ отъ лица, дала ей въ руки французскую книгу и приказала «для прононсу» читать вслухъ. Отроду меня такъ не мучили, и я тутъ же дала себѣ слово, что въ первый и въ послѣдній разъ выѣзжаю съ тетушкой Екатериной Васильевной.

Потомъ приступили къ нашему одѣванью. Аннущка, опытная горничная, одѣла меня скоро, какъ куколку. И это не понравилось m-lle Fleurie; она нѣсколько разъ подбѣгала меня осматривать, съ сердцемъ ощупывала тюль на лифѣ и со злостью ворчала: «*cette robe fait des grimaces!*».

Аннущка выходила изъ себя и тихонько шептала мнѣ: «скажите, графинюшка, этому французскому чорту, чтобъ она своими когтями по тюлю не возила... Какая свѣжесть послѣ этого будетъ?».

Наконецъ, тетушка ушла одѣваться и явилась къ намъ въ пунцовомъ бархатномъ платьѣ и желтой креповой чалмѣ съ золотой бахромой. Это къ ней очень шло: она была сильная брюнетка. Насилу-то насъ усадили въ возокъ, обитый по окнамъ медвѣжьимъ мѣхомъ, и повезли по страшнымъ ухабамъ. Меня отъ духоты и качки сейчасъ же начало тошнить и мнѣ дѣлалось дурно; еще на Невскомъ, у подъѣзда собранія, я распахнула шубу на груди, меня обхватило морозомъ, и я ожила. А потомъ (сказать ли правду?) меня подбодрило очень еще и то, что когда мы шли по направленію къ главной большой залѣ, кругомъ меня ясно слышалось: «Толстая идетъ, Толстая идетъ!». Какъ ужъ угодно, хотя я не занималась собой, а все-таки эта овація не могла не быть

мнѣ пріятна. Всю дурноту мою съ меня какъ рукой сняло, и мнѣ стало необыкновенно хорошо и весело.

Войдя въ залу, тетушка усѣлась между мной и Варенькой на красныя бархатныя скамейки полукруглаго амфитеатра и оттуда съ вышки начала лорнировать публику. Мнѣ пришлось сидѣть около самаго конца амфитеатра; оттуда меня сейчасъ же увидаль молодой человѣкъ, съ которымъ я познакомилась у дальнихъ родственниковъ нашихъ Шеншиныхъ, конно-гвардейскій офицеръ Сеницынъ. Онъ подошелъ сбоку къ амфитеатру и ангажироваль меня на контрдансъ. Я такъ обрадовалась возможности потанцовать, что сдѣлала непростительную вѣтренность: не сказавъ тетушкѣ ни слова, сбѣжала съ лѣсенки; Сеницынъ подавъ мнѣ руку, и мы съ нимъ пошли и стали въ пары французской кадрили, въ которой танцоваль кто-то изъ царской фамиліи. Когда Екатерина Васильевна обернулась въ мою сторону, мой уже и слѣдъ простылъ. Я отплясала очень весело и благополучно, и Сеницынъ привелъ меня назадъ къ тетушкѣ.

— Что ты, Машенька, со мною дѣлаешь? Развѣ это возможно? Съ кѣмъ ты изволила танцовать?—посыпались на меня вопросы.

— Съ конно-гвардейцемъ Сеницынымъ.

— Почему ты его знаешь?

— Я выдаю его у Шеншиныхъ.

— Что онъ богатъ?

— Очень, очень богатъ!

— А сколько у него душъ?—спросила у меня тетушка.

Я тогда не имѣла никакого понятія о томъ, сколько одинъ человѣкъ можетъ имѣть душъ, и отвѣтила то, что слыхала отъ Шеншиныхъ.

— У него три тысячи душъ.

— Удивительно! Теодоръ никогда ни о чемъ не хлопочеть, Машенька ни объ чемъ не думаетъ и попадаетъ во французскую кадрили съ великими князьями и танцуетъ съ человѣкомъ, у котораго три тысячи душъ. Удивительно! Все къ нимъ само такъ въ ротъ и лѣзетъ! *C'est une très bonne partie, savez-vous, ce jeune homme!* Будь съ нимъ, пожалуйста, любезна Машенька,—дала мнѣ полезный совѣтъ Екатерина Васильевна, которой всегда и во всемъ мерещились какія-то будущія блага.

Послѣ этого перваго моего выѣзда въ свѣтъ съ Кротковой меня совсѣмъ оттягала у нея другая кузина моего отца, графиня Аграфена Ѳедоровна Закревская, дочери которой Лиденькѣ Закревской минуло въ это время всего 9 лѣтъ и вывезти ее въ свѣтъ было слишкомъ рано. Поэтому, я думаю, Аграфена Ѳедоровна схватилась за меня и начала таскать по баламъ съ собою; къ тому же съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ исполнилось 18 лѣтъ, она нашла, что я красавица и двѣ капли воды похожа на нее. И вывозить

меня въ свѣтъ ей стало лестно. Почти совсѣмъ слѣпаго отца своего, дѣдушку Ѳедора Андреевича, она легко увѣрила въ томъ же. И такъ какъ сама она была скуповата, папенька не имѣлъ средствъ дѣлать мнѣ бальные туалеты, то влюбившійся, ничего не видя, со словъ дочери, въ мою красоту, тщеславный старичекъ заявилъ, что красавицу внучку свою, Машеньку Толстую, онъ будетъ одѣвать самъ. Тетушка отцовскихъ денегъ, разумѣется, не пожалѣла, сдѣлала мнѣ прелестные бальные наряды и даже изъ множества своихъ галантерейныхъ вещей подобрала подходящіе къ нимъ кольца, браслеты и серьги и подарила мнѣ. А отъ отца моего потребовала тоже жертвы, чтобы онъ ради меня появлялся на балахъ, куда ему всегда присылали приглашенія, и былъ бы нашимъ провожатымъ.

За первымъ моимъ одѣваніемъ на балъ тетка Аграфена Ѳедоровна слѣдила сама, и все ей казалось для меня недостаточно хорошо, и изъ-за всего, что ей не понравится, дѣлала цѣлыя сцены. Когда я, обуваясь, при ней надѣла на ногу чулокъ *fil d'ecosse*, она тотчасъ же раскричалась на свою камеръ-юнгферу англичанку:

— Это что такое, Луиза? Что ты не смотришь, что графиня Марья Ѳедоровна надѣваетъ? Развѣ она горничная, чтобы ей носить такую гадость! Подай сюда дюжину чулокъ изъ моего приданого.

И тотчасъ англичанка принесла мнѣ дюжину новыхъ шелковыхъ чулокъ, перевязанныхъ розовой ленточкой.

Или увидить графиня, что къ новому моему бальному платью пришито «*modestie*», и опять поднимаетъ крикъ.

— Маша, что это твоя портниха за полоску пришила къ твоему платью? Развѣ я позволю тебѣ такъ выѣхать? Это обманъ, *ma chère!* На порядочной женщинѣ должна быть вся рубашка батистовая, а не какой-то обрывочекъ. Луиза, возьми это долой, и дай графинѣ дюжину рубашекъ изъ моихъ сундуковъ.

И дюжину новыхъ съ иголки батистовыхъ рубашекъ, вышитыхъ по вороту, рукавамъ и подолу еще крѣпостными дѣвчушками, мнѣ принесли сейчасъ же изъ приданого, припасеннаго графиней для дочки. Можно себѣ представить, какъ я, не привыкшая ни къ какой роскоши, радовалась всѣмъ этимъ подаркамъ и какъ была за нихъ благодарна. На первый балъ я попала къ графу Григорію Куселеву, женатому на Екатеринѣ Иларіоновнѣ Васильчиковой, которые жили тогда въ великолѣпномъ, собственномъ домѣ, у Симеоновскаго моста. Въ этомъ домѣ я въ первый разъ въ жизни увидѣла роскошь и богатство русскихъ баръ. Особенно Куселевская столовая поразила меня, потому что у себя дома за столомъ я, кромѣ серебряныхъ столовыхъ ложекъ, никогда никакого серебра не видывала; у насъ даже серебряныхъ ножей и вилокъ въ заводѣ не было, а подавались съ деревянными ручками, а тутъ,

вообразите, бѣлая мраморная столовая по голубымъ бархатнымъ полкамъ, этажеркамъ, буфету и столамъ положительно была заставлена старинною русскою серебряною и золотой посудой и саксонскими и севрскими древними сервизами. Мало того, не знаю, зачѣмъ тутъ же въ столовой стояла семейная Куселевская рѣдкость: литая изъ чистаго серебра большая лошадь на такомъ же массивномъ серебряномъ пьедесталѣ; въ этомъ конѣ вѣрно было что нибудь особенно замѣчательное, потому что въ продолженіе всего бала около него стояли генералы въ орденахъ, какіе-то савонники въ лентахъ и звѣздахъ и не переставали судить и рѣдить, сколько въ этой лошади можетъ быть вѣсу, и сколько она можетъ стоять. А мнѣ это диво совсѣмъ даже и не понравилось. Взглянувъ на нее мимоходомъ, я сказала папенькѣ:

— Посмотрите, какой уродъ! То ли дѣло красоточки алебастровыя лошадки нашего голубчика Клодта!

Вообще эта глыба серебра не остановила меня ни на минуту. На серебряную и золотую посуду въ столовой я смотрѣла съ любопытствомъ, какъ на русскую древность, но соображать о цѣнности этихъ вещей мнѣ даже и въ голову не приходило, и хотя онѣ мнѣ очень нравились, но я, смотря на нихъ, не охала и не ахала, какъ бомондныя дамы, которыя тоже ихъ разглядывали; спокойствіе мое надо приписать и тому, что папенька терпѣть не могъ женскаго писка и визга и съ малолѣтства отучилъ меня отъ этого. А тутъ въ кругу знати моею сдержанностью я даже обратила на себя вниманіе: графиня Екатерина Иларіоновна послѣ сказала своему и нашему другу m-me Рускони:

— Какая странная дѣвушка ваша Машенька Толстая, вѣдь она въ первый разъ была на такомъ балѣ, какъ у насъ. Вѣдь я знаю, что она нигдѣ еще не могла видѣть ничего подобнаго, а посмотрѣли бы вы, та chère amie, какъ она равнодушно прогуливалась. Всѣ приходили въ восторгъ, а она ничего! Точно всѣ эти рѣдкости принадлежатъ ей, и она къ нимъ давно привыкла.

Послѣ бала у Куселевыхъ мы были на раутѣ у графини Лаваль, въ ея собственномъ домѣ, который стоялъ на Англійской набережной, совсѣмъ рядомъ съ сенатомъ; послѣ онъ былъ проданъ и принадлежалъ желѣзнодорожному богачу Полякову. А въ мое время это былъ еще чисто барскій домъ, въ которомъ проживала великая чудиха, безобразная старуха, вдова графиня Лаваль, та самая, про которую ходили слухи, что будто бы она вышивала знамя для декабристовъ, за чтѣ, говорятъ, ее въ Третьемъ отдѣленіи не похвалили. На этомъ раутѣ мнѣ было скучно. Тамъ не танцовали, а только играли въ карты. Тамъ я увидѣла въ первый разъ извѣстнаго игрока того времени, одноногаго генерала Сухозанета, который цѣлый вечеръ, не вставая, какъ приклеенный, просидѣлъ за карточнымъ столомъ и то и дѣло придвигалъ къ

себѣ по зеленому сукну цѣлыя груды червонцевъ и имперіаловъ. Помню, что къ концу вечера мужчины, въ томъ числѣ и отецъ мой, около этого стола составили сплошной кружокъ зрителей... Папенька послѣ рассказывалъ, что игра шла просто баснословная. Онъ говорилъ, что и государь Николай Павловичъ тоже не разъ подходилъ къ этому столу, внимательно слѣдилъ за игрою Сухо-занета, и видно было, что онъ имъ не очень-то былъ доволенъ.

Меня на этомъ вечерѣ ничто не интересовало: такая тоска была, что хотъ заплакать. Спасибо еще, что тетенька Аграфена Ѳедоровна это замѣтила и свела меня полюбоваться на рѣдкости въ знаменитый этрусскій кабинетъ графини Лаваль. Ну, тамъ было на что посмотрѣть. Такого множества этрусскихъ вазъ и вещей, собранныхъ въ одну коллекцію, кажется, ни у кого, кромѣ графини Лаваль, не было. И я, страшная любительница до вазъ, до этрусскихъ древностей, весь остальной вечеръ не выходила изъ этого кабинета, не переставала ихъ разглядывать и была всю мою тоску.

Послѣ раута у графини Лаваль намъ предстоялъ знаменитый балъ у князя Бориса Юсупова, женатаго на красавицѣ Зинаидѣ Нарышкиной, той самой, что впослѣдствіи, овдовѣвъ, вышла за графа Шево-де-ла-Серръ. Объ этомъ балѣ долго не могли забыть современники: до того онъ былъ великолѣпенъ. Не моему перу описывать подробно всю роскошь, богатство и чудеса изящнаго искусства, которыя заключалъ въ себѣ тогда и заключаетъ до сихъ поръ всѣмъ извѣстный домъ Юсупова, стоящій на Мойкѣ, рядомъ съ Коммиссаріатомъ (родиной моего отца). Въ настоящее время этотъ домъ, такъ какъ сынъ князя Бориса Юсупова, Николай, не оставилъ по себѣ мужескаго потомства, принадлежитъ единственной дочери его, вышедшей замужъ за молодаго графа Сумарокова-Эльстона, которая и носитъ теперь двойную фамилію княгини Юсуповой, графини Сумароковой-Эльстонъ. Такимъ образомъ домъ этотъ остался до сихъ поръ домомъ Юсупова и при внукѣ полонъ тѣхъ же чудесъ, какъ былъ и при дѣдѣ. Описывать ихъ я не буду, потому что они уже много разъ были описаны.

Считаю нужнымъ упомянуть, что балы 1836 года отличались нѣкоторою особенностью. Извѣстно, что императрица Александра Ѳедоровна любила танцовать. Но въ 1836 году доктора нашли (не могу сказать почему), что ея величеству вредно запаздывать на балахъ, и было предписано медиками, чтобы всѣ балы, которые государыня осчастливить своимъ присутствіемъ, начинались въ шесть часовъ вечера и кончались не позднѣе десяти часовъ. И это предписаніе врачей исполнялось съ величайшей строгостью.

Княгиня Юсупова, большая поклонница таланта моего отца, прислала ему вмѣстѣ со мною особое приглашеніе.

Приговленія къ этому знаменитому балу у тетупки Аграфены

Федоровны начались за годъ; она взяла своего родителя, а моего дѣдушку, за бока и вытребовала отъ него денегъ на блистательный туалетъ для меня. Потомъ начались совѣщанія, какъ одѣть меня, такъ чтобъ было не заурядно и не такъ, какъ у всѣхъ.

Въ этомъ трудномъ дѣлѣ намъ помогъ французъ, m-г Leportand, который развѣзжалъ въ тѣ времена по Петербургу съ своими товарищами. За нимъ сейчасъ же послали, и у него тетупка выбрала для меня прелестную матерію на бальное платье, и костюмъ мой вышелъ точно не заурядный и не такой, какъ у всѣхъ. Платье мнѣ сдѣлали изъ блѣдно-голубаго серебристаго газа, а чехоль подъ него изъ голубаго муаре, такъ что волны муаре, сквозя изъ-подъ газа, изобразили изъ себя рѣчную воду. Прибавлю къ этому, что газъ на юбокѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ подобрали букетами водяныхъ лилій (ненюфаровъ). Ну, и вышла изъ меня какая-то удина. Отецъ мой, какъ художникъ, одобрилъ вкусъ своей кухни, и она отъ похвалы его пришла въ неописанный восторгъ. Про меня и говорить нечего, я была на седьмомъ небѣ.

Въ назначенный для бала день m-г Heliot долженъ былъ, какъ говорили, начать причесывать дамъ съ девяти часовъ утра, потому что до пяти часовъ, когда онъ долженъ былъ причесать государыню, у него не хватило бы времени причесать чуть не четверть Петербурга, которая собралась ѣхать на балъ Юсупова. Графиня Закревской и мнѣ онъ сдѣлалъ милость причесать насъ въ двѣнадцать часовъ утра. На моей головѣ онъ по простотѣ прически показалъ весь свой талантъ. Громадную пепельную косу мою свернулъ какъ-то по античному узломъ, запутавъ въ него водяную лилію, передніе волосы завилъ въ легкіе, какъ дымъ, локоны и спустилъ ихъ мнѣ на шею, что, говорили, очень шло ко мнѣ. Чтобы поспѣть пріѣхать на балъ къ началу, мы должны были тронуться съ мѣста очень рано, и хотя отъ дома Закревскихъ, противъ Исаакіевскаго собора, до дома Юсуповыхъ на Мойкѣ было рукой подать, но мы тащились тула чуть не цѣлую вѣчность, потому что парадныя кареты гостей, запряженныя всѣ четверками навывносъ, должны были подвигаться въ линію шагъ за шагомъ, не опережая другъ друга, такъ что до иллюминированнаго дома мы доползли только къ шести часамъ. Войдя въ швейцарскую, которая была превращена въ какой-то волшебный садъ, мы поднялись по обитой краснымъ сукномъ лѣстницѣ, по обѣимъ сторонамъ которой, на каждой ступенькѣ, стояло по лакею въ какихъ-то необыкновенно богатыхъ ливреяхъ. Балъ уже начался. Въ бальной залѣ гремѣла музыка. Когда мы вошли, ея величество уже танцевала френцузскую кадрили. Не даромъ весь Петербургъ приходилъ въ восторгъ отъ ея манеры танцовать и отъ ея граціи.

Императрица Александра Феодоровна танцевала какъ-то совсѣмъ особенно: ни одного pas, ни одного прыжка или неровнаго дви-

женія у нея нельзя было замѣтить. Всѣ говорили, что она скользила по паркету, какъ плаваешь въ небѣ облачко, гонимое легкимъ вѣтеркомъ.

Хозяйка дома, красавица Зинаида Ивановна Юсупова, совсѣмъ не танцевала на своемъ балѣ, потому что въ началѣ зимы этого года, катаясь съ кѣмъ-то съ ледяной горы, сильно зашибла себѣ ногу, прихрамывала и, не опираясь на костыль, даже ходить не могла. Помню, что на балѣ у нея въ рукѣ былъ костыль какой-то дѣдовскій, старозавѣтный, чернаго дерева, до половины палки и по всей рукояткѣ сплошь усыпанный крупными брилліантами. Въ одномъ ужъ этомъ костылѣ было что-то сказочное, волшебное. Должно быть, къ нему же княгиня подобрала и весь свой нарядъ: платье на ней было не легкое, не бальное, а тяжелаго голубаго штофа; на головѣ у нея около лба горѣла одна только большая брилліантовая звѣзда, въ заднюю прическу волосъ были какъ-то впутаны два газовые шарфа: одинъ голубой съ серебряными звѣздами, а другой бѣлый съ золотыми, и оба они упали до самаго пола. Удивительно хороша была она въ этомъ нарядѣ! Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ она даже совсѣмъ не казалась похожа на простую смертную, а скорѣй на какую-то фею или добрую волшебницу изъ сказочнаго міра. Особенно княгиня была эффектна, когда прогуливалась по своимъ великолѣпнымъ чертогамъ подъ руку съ красавцемъ, русскимъ богатыремъ, императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Надобно сказать правду, что вообще этотъ балъ изобиловалъ красотою женскихъ лицъ и богатствомъ туалетовъ. Не говорю уже о патентованной красавицѣ графинѣ Завадовской, рожденной Влодекъ, которая, какъ всегда, убивала всѣхъ своею царственной, холодной красотою, но и, кромѣ нея, было много прелестныхъ женщинъ, и между ними выдавалась миловидностью и красотою жена Анатоля Демидова, графа Санъ-Донато, тоже прославленная въ Петербургѣ красавицей, Аврора Демидова, рожденная Шернваль. На этомъ балѣ она обратила на себя вниманіе всѣхъ оригинальностью своего наряда: неизвѣстно почему, вѣроятно *par esprit de contradiction*, при ея баснословномъ богатствѣ, она явилась на этотъ блистательный балъ въ самомъ простенькомъ бѣломъ, креповомъ платьицѣ, безъ всякихъ украшеній и только на шею повѣсила себѣ на тоненькой черной бархаткѣ (*à l'enfant*) брилліантовый крестъ всего изъ пяти камней. По поводу этого креста тутъ же на балѣ ходилъ анекдотъ: рассказывали, что государь Николай Павловичъ, взглянувъ на ея простенькій костюмъ, со смѣхомъ сказалъ ей.

— *Aurore, comme c'est simple, et comme cela coute peu!* (Аврора, какъ это просто и какъ это стоитъ дешево!).

Слова государя повторялись во всѣхъ углахъ, и мнѣ очень было жаль, что я не могла разсмотрѣть поближе этого креста. Спасибо

одному балагуру старичку, который пояснилъ мнѣ смыслъ словъ Николая Павловича:

— Крестикъ простенькій, графинюшка! Всего въ пять камушковъ, солитеръ посрединѣ, да такія же четыре групи. Только эти камушки такіе, что на каждый изъ нихъ можно купить большущій каменный домъ. Ну, сами посудите, барышня, — хихикая добавилъ шутникъ, — пять такихъ домовъ, вѣдь это цѣлый кварталъ и виситъ на шеѣ у одной женщины. Какъ же не удивиться, хоть бы самому императору!

Послѣ папенька сказалъ мнѣ, что этотъ крестъ считается одною изъ рѣдкостей между Демидовскими сокровищами.

Въ началѣ бала я танцевала мало, потому что мнѣ гораздо интереснѣе было смотрѣть на танцы государыни, чѣмъ танцевать самой. Время до десяти часовъ пролетѣло незамѣтно. Ровно въ десять часовъ музыка умолкла, и государыня скрылась изъ бальной залы въ уборную, куда проводилъ ее императоръ и хозяйка дома; затѣмъ ея величество должна была отбыть въ Зимній дворецъ. Предписаніе докторовъ исполнилось въ точности: балъ для ея величества кончился. Но государь, остальная царская фамилія и всѣ приглашенные не уѣхали, а остались. Въ короткій интервалъ, пока совершалось въ уборной переодѣваніе государыни, музыка молчала, царская фамилія и гости въ это время отдыхали, пили чай, гуляли по заламъ и любовались чудесами Юсуповскихъ чертоговъ. Отецъ мой и я дѣлали то же. Папенька, какъ художникъ, воспользовался этимъ временемъ, чтобы показать мнѣ знаменитую группу Амура и Психеи Кановы, которая была помѣщена въ парадной спальнѣ супруговъ Юсуповыхъ. Спальня эта, на сколько мнѣ помнится, ничѣмъ не отличалась отъ старинныхъ парадныхъ спаленъ во всѣхъ дворцахъ, съ тою только особенностью, что надъ кроватью неизбѣжнаго въ то время балдахина не было, а только красивая голубая штофная драпировка раздѣляла спальню пополамъ. За нею находилась двухспальная кровать и въ ногахъ у нея, какъ будто среди нечаянно откинутой драпировки, стоялъ бѣлый мраморный пьедесталь съ группою Кановы. Необыкновенно красиво и загадочно выглядывали изъ-подъ голубой драпировки эти два мраморныя влюбленные божества. И какъ хорошъ и прозраченъ казался мраморъ на голубомъ фонѣ!

Насмотрѣвшись на миеологическихъ боговъ, я заглянула по ту сторону драпировки и сразу попала изъ языческаго міра въ міръ христіанскій: тамъ красовалось только богатое супружеское ложе, а въ головахъ у него съ правой стороны древній кіотъ съ фамильными, унизанными драгоцѣнными камнями, старинными образами, освѣщенный золотою висячей лампадою, огонекъ которой переливался по образамъ всѣми цвѣтами радуги.

Изъ спальни отправились было мы полюбоваться на двухъ го-

лубковъ древней итальянской мозаики, но я не успѣла наглядѣться на эту прелесть, какъ, должно быть, императрица отбыла въ Зимній дворецъ, и въ Юсуповской залѣ опять грянула бальная музыка. Разумѣется, всѣ пошли въ залу, и начался новый балъ, или продолжался старый, какъ хотите.

На этомъ второмъ балѣ я танцевала много. Кажется, онъ продолжался до двухъ часовъ. Протанцевали мазурку, котильонъ съ разными затѣйными фигурами, и подошло дѣло къ ужину. Но тутъ, чтобы поняли Шехерезаду, которая предстала моимъ глазамъ, мнѣ прежде всего надо рассказать про устройство бальной залы и столовой. Бальная зала и столовая проходили, кажется, насквозь всего дома, такъ онѣ были громадны, и, вѣрно, стояли совсѣмъ плотно одна къ другой, потому что между ними была устроена эстрада для музыкантовъ, вся уставленная тропическими растеніями и кончающаяся двумя низкими бронзовыми рѣшетками, которыя выходили въ залу и въ столовую. Но такъ какъ зала и столовая были гораздо шире эстрады, то остальное пространство занимали громадныя зеркала, — вотъ теперь будетъ понятно. Какъ только кончился котильонъ, музыка заиграла польскій. Княгиня Зинаида Ивановна взяла подъ руку государя и повела его къ одной изъ боковыхъ зеркальныхъ стѣнъ, гдѣ не было никакой двери; но зеркало вдругъ поѣхало, исчезло въ стѣнѣ, и за нимъ открылась цвѣточная аллея, которая доходила до столовой. Точно то же сдѣлалось и по другой сторонѣ залы, и гости, пройдя парами, подъ звуки польскаго, по этой аллеѣ прошли въ столовую и усѣлись за ужинъ. Помню, что я шла подъ руку съ папенькой и чуть не вскрикнула, когда зеркальная стѣна, точно по волшебству, исчезла. Я переходила отъ удивленія къ удивленію: представьте себѣ, что сквозь столъ росли цѣлыя померанцевыя деревья въ полномъ цвѣтѣ. Вдоль всего стола лежало зеркальное, цѣльное, оправленное въ золото плато и тоже обхватывало стволы деревьевъ. А на плато и саксонскія, и китайскія куколки, и севрскія вазы съ цвѣтами, и фрукты въ блестящемъ, какъ брилліанты, хрусталѣ и конфекты. И ужъ чего, чего тамъ не было! И про ужинъ гастрономы говорили, что въ немъ только птичьего молока не доставало.

Послѣ ужина, когда всѣ стали развѣзжаться, съ тетужкой Аграфеной Ѳедоровной и со мной случилось маленькое несчастіе: сошли мы въ швейцарскую, а ни лакеевъ, ни шубъ нашихъ нѣтъ. Папенька и молодежь, которая насъ провожала, искали, звали, никого не нашли. Всѣ приглашенные развѣхались, а мы двѣ несчастныя стоимъ въ бальныхъ платьяхъ въ совсѣмъ остывшей швейцарской. Оказалось, что и экипажа нашего у подѣзда нѣтъ. Что дѣлать? На тетку и на меня какіе-то офицеры, чтобы мы не простудились, накинули свои шинели, и кто-то изъ нихъ предложилъ свою двухмѣстную карету, чтобы отвезти насъ. И мы, точно на-

раженныя, уѣхали домой. Папенька вспылить, разсердился, выпросилъ у кого-то изъ Юсуповской челяди себѣ шинель и на извозчикѣ полетѣлъ впередъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что два выѣздные гайдука, понадѣявшись на близость дома Юсупова отъ дома Закревскаго, вмѣсто того, чтобы ждать господь, забрали наше теплое платье, усѣлись въ барскую карету и уѣхали куда-то домой, съ тѣмъ, чтобы пріѣхать за нами къ концу бала. Но дома они поужинали, выпили лишнее и проспали. Когда отецъ мой донесъ объ этомъ Аграфенѣ Ѳедоровнѣ, она (баловщица страшная) нисколько не разсердилась, а испугалась за нихъ и сейчасъ же послала имъ сказать: «пусть эти дураки скорѣй ложатся тихо спать. Только, чтобы графъ не узналъ, а то бѣда будетъ!». А испугалась она потому, что у графа Арсенія Андреевича было свое неизмѣнное правило: разъ напьется человекъ—простить, въ другой разъ напьется—простить, а въ третій разъ напьется—въ солдаты и конецъ! Тутъ хоть жена, хоть дочь ползай передъ нимъ на колѣняхъ—не простить.

Послѣ Юсуповскаго бала ко мнѣ со всѣхъ сторонъ посыпались приглашенія, и въ этомъ сезонѣ мнѣ пришлось побывать на очень многихъ вечерахъ.

Вскорѣ всю Россію постигло великое горе: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ дрался на дуэли съ Дантесомъ и былъ опасно раненъ. Разумѣется, всѣ веселости въ Петербургѣ прекратились, все притихло, все примолкло, всѣ съ ужасомъ ждали послѣдствій этой страшной исторіи.

Не помню, куда мы пошли съ папенькой пѣшкомъ на ту сторону и уже возвращались домой, когда насъ догналъ на извозчикѣ профессоръ университета Плетневъ (не могу сказать, былъ ли онъ тогда ректоромъ, или еще нѣтъ). Узнавъ отца моего, онъ издала началъ кричать:

— Графъ, графъ! Ѳедоръ Петровичъ, остановитесь, подождите!

Папенька, увидавъ Плетнева, тотчасъ остановился и робко спросилъ:

— Ну, что, что, голубчикъ?

— Все кончено! Александръ Сергѣевичъ приказалъ вамъ долго жить!—проговорилъ онъ едва слышно, отирая перчаткой слезу.

Мы съ папенькой прекрестились и оба потихоньку заплакали.

— Пожалуйста, графъ, поскорѣе пришлите снять маску! Да пріѣзжайте!—почти закричалъ Плетневъ и, повернувъ извозчика куда-то ускакалъ.

А отецъ мой со мной перебѣжалъ черезъ Неву домой, сейчасъ же послалъ за литейщикомъ Балинымъ, который жилъ тогда противъ воротъ академіи по четвертой линіи, и отправилъ его снять маску съ Пушкина. Балинъ снялъ ее удивительно удачно. Недавно она мнѣ у кого-то попала на глаза—сходство поразитель-

ное. И нельзя сказать, чтобы страданія и смерть ужъ очень исказили лицо Александра Сергѣевича. Эта маска была чистая находка для скульпторовъ. Не помню хорошенько, кто вылѣпилъ первый бюстъ послѣ смерти Пушкина, но по-моему неопѣненный его бюстъ вылѣпленъ юнымъ скульпторомъ Терebeneвымъ, тѣмъ самымъ, который впослѣдствіи изукрасилъ Эрмитажъ своими каріатидами и статуями великихъ художниковъ. Терebeneвъ какъ-то особенно поймалъ въ этомъ бюстѣ типъ и выраженіе лица Пушкина; онъ точно такой, какимъ я его помню въ Царскомъ Селѣ во время нашего съ нимъ перваго знакомства.

Всѣмъ извѣстно, какое было тогда стеченіе народу на канавѣ у Пѣвческаго моста передъ домомъ, на которомъ мраморная дочечка до сей поры гласитъ, что въ немъ скончался Пушкинъ. Весь этотъ людъ днемъ и ночью рвался поклониться праху незабвеннаго поэта. Затѣмъ, тѣло Александра Сергѣевича до дня похоронъ поставили въ склепъ Конюшенной церкви, и тамъ поклоненія продолжались. А дамы такъ даже ночевали въ склепѣ, и самой ярой изъ нихъ оказалась тетушка Аграфена Ѳедоровна Закревская. Мало того, что ее сонъ не бралъ все время, какъ тѣло стояло въ склепѣ, мало того, что она, сидя около гроба въ мягкомъ креслѣ, не переставала обливаться горячими слезами,—нѣтъ, она еще знакомила ночевавшихъ съ нею въ склепѣ барынь съ особенными отличительными интимными чертами характера дорогого ей человѣка. Разумѣется, она первымъ дѣломъ съ наслажденіемъ повѣдала барынямъ, что Пушкинъ былъ въ нее влюбленъ безъ памяти, что онъ ревновалъ ее ко всѣмъ и каждому. Что еще недавно въ гостяхъ у Соловыхъ, онъ ревнуя ее за то, что она занималась съ кѣмъ-то больше, чѣмъ съ нимъ, разозлился на нее и впустилъ ей въ руку свои длинные ногти такъ глубоко, что показалась кровь... И тетка съ гордостью показывала любопытнымъ барынямъ повыше кисти видные еще слѣды глубокихъ царапинъ. А потомъ она еще рассказывала, что въ тотъ же вечеръ, прощаясь съ нею, Пушкинъ шепнулъ ей на ухо:

— Peut-être, vous ne me reverrez jamais! (Можетъ быть, вы никогда меня не увидите!).

И точно, она его живымъ больше не видала. Тетка Аграфена Ѳедоровна, рассказывая все это во время бессонныхъ ночей въ склепѣ, не фантазировала ни слова, а говорила только всю правду. Пушкинъ точно былъ большой поклонникъ прекраснаго пола, а Закревская была очень хороша собой, что доказываетъ ея портретъ, написанный знаменитымъ тогдашнимъ портретистомъ Дау. Этотъ удивительный портретъ принадлежитъ въ настоящее время внукѣ ея, графинѣ Гори. Тетка моя изображена на немъ въ голубомъ бархатномъ платьѣ александровскаго времени съ короткой таліей и въ необыкновенныхъ жемчугахъ. И глядя на него теперь,

всякій скажетъ, что графиня Закревская смолоду была красавица. Кромѣ того, она была безспорно умная, острая женщина (немного легкая на слово), но это не мѣшало тому, чтобъ Пушкинъ любилъ болтать съ ней, читалъ ей свои произведенія и считалъ ее другомъ. А онъ былъ такъ самолюбивъ, что не могъ перенести, чтобъ женщина, которую онъ удостоиваетъ своимъ вниманіемъ, хотя на минуту увлеклась разговоромъ съ кѣмъ нибудь другимъ.

Послѣ отпѣванья въ Конюшенной церкви, тѣло Александра Сергѣевича отвезли въ село Михайловское и тамъ похоронили въ ближайшемъ монастырѣ. Въ Петербургѣ мало-по-малу забылось горе, и все пошло постарому. Тетка моя немного успокоилась и начала меня опять таскать къ себѣ чуть не всякій день.

Не помню, чтобы въ началѣ 1837 года у насъ въ академіи случилось что нибудь особенное; но помню очень хорошо, что наканунѣ того, какъ тронуться Ладожскому льду по Невѣ, у насъ въ воскресенье вечеромъ явился новый интересный гость, недавно пріѣхавшій съ Кавказа, молодой литераторъ Павелъ Павловичъ Каменскій, котораго привели къ намъ наши старые знакомые Януарій Михайловичъ Невѣровъ и Дмитрій Васильевичъ Хвостовъ; послѣдній сильно ухаживалъ за мной и, какъ говорится, на свою шею представилъ папенькѣ Каменскаго.

Умный, милый и, кромѣ того, красивый собой Каменскій очень понравился отцу моему. Я тоже очень заинтересовалась этимъ юнымъ литераторомъ, который добровольно изъ Петербургскаго университета отправился служить юнкеромъ на Кавказъ, получилъ тамъ георгіевскій солдатскій крестъ и сдѣлался закадычнымъ другомъ Марлинскаго. Я съ наслажденіемъ проболтала съ нимъ весь вечеръ и, надо правду сказать, что онъ съ перваго же вечера задѣлъ за живое мое сердечко.

На другой день сплошной Ладожскій ледъ валилъ черезъ Неву, и перевозу не было. Мы съ папенькой съ любопытствомъ смотрѣли на него въ окно. Представьте же себѣ наше удивленіе, когда мы вдругъ увидали, что отъ набережной переходятъ къ академіи Невѣровъ, Каменскій и Хвостовъ. Папенька сейчасъ же открылъ форточку и зазвалъ ихъ къ намъ. Оказалось, что вчера вечеромъ они запоздали у насъ, застряли за льдомъ на Васильевскомъ островѣ, домой на ту сторону не попали и принуждены были отправиться ночевать къ братьямъ Крапенинниковымъ. Не могу теперь сказать, сколько времени шелъ сплошной ледъ, сообщенія съ городомъ все не было; Каменскій, Невѣровъ и Хвостовъ оставались въ плѣну и всякій день бывали у насъ. Видно, ужъ самой судьбѣ угодно было обвѣнчать меня съ Каменскимъ, потому что за эти дни онъ сдѣлался у насъ своимъ человѣкомъ въ домѣ и еще больше понравился отцу моему. А про меня ужъ и говорить нечего, онъ просто завоевалъ мое сердце. Мы болтали, бол-

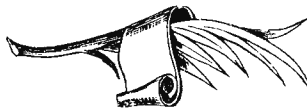
тали и договорились до того, что какъ-то нечаянно сказали, что любимъ другъ друга. Потомъ пошли вмѣстѣ съ Каменскимъ къ папенькѣ и сказали ему то же самое. Помню, что онъ выслушалъ насъ очень сердечно, поблагодарилъ Каменскаго за честь, которую онъ мнѣ дѣлаетъ, и сказалъ, что если я согласна, то и онъ согласенъ, что неволить меня въ выборѣ мужа никогда не будетъ. Но при этомъ попросилъ Павла Павловича написать скорѣе къ матушкѣ его, Маріи Ивановнѣ Каменской, и спросить позволенія жениться на мнѣ, что безъ ея согласія онъ окончательнаго слова дать не можетъ. Каменскій сейчасъ же написалъ въ Москву, и мы съ нетерпѣніемъ стали ждать отвѣта отъ старушки.

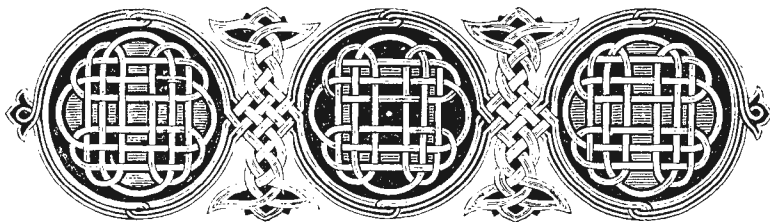
Я сама не понимаю, какъ это все скоро устроилось. Видно, судьба! Дмитрія Николаевича Толстого, чтобы разстроить нашу свадьбу, въ Петербургѣ не было, онъ служилъ тогда въ Ригѣ при Суворовѣ. Кукольникъ бывалъ у насъ часто и продолжалъ обращаться со мной на правахъ стараго знакомаго; онъ былъ друженъ съ Каменскимъ, и ревности къ нему я никакой не замѣчала. И, хотя я всю жизнь мою сохранила теплое чувство къ Нестору Васильевичу, но уже главное мѣсто въ сердцѣ моемъ занялъ Каменскій.

Въ то стародавнее время желѣзныхъ дорогъ еще въ заводѣ не было, и письмо отъ мамы шло долго. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день Каменскій влетѣлъ къ намъ, какъ помѣшанный, держа высоко въ рукѣ распечатанное письмо, и безъ всякаго позволенія, не сказавъ мнѣ даже ни слова, крѣпко обнялъ меня и расцѣловалъ. Это у него значило, что мамаша согласна. Послѣ этого я сдѣлалась форменной невѣстой, и пришло время извѣстить родныхъ и знакомыхъ о нашей семейной радости.

М. Каменская.

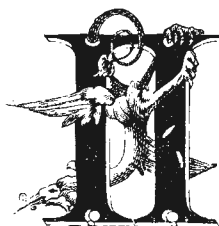
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ УСАДЬБЫ СЕРГѢВКИ.

I.

ПЕТЕРБУРГЪ пережилъ, наконецъ, «черные дни» въ видѣ холеры, взявшей себѣ въ текущемъ году особенно богатую дань съ населенія. Статистическія данныя заболѣваемости и смертности достигли минимума, и можно дышать легче и привольнѣе. Гроза пронеслась; сохранились только отдаленные, слабые раскаты грома.

Для насъ, петербуржцевъ, всякія эпидеміи привычны, наличность и послѣдствія ихъ не бросаются рѣзко въ глаза: мы такъ обжились съ разными дифтеритами, оспами, скарлатинами, что даже грозная холера была страшна болѣе по разговорамъ, по слуху о ней, нежели по видимости и осязаемости. Энергичныя распоряженія властей, санитарныя мѣропріятія, расклеенныя по городу «предостереженія», а главное рубрики въ газетахъ съ показаніемъ больныхъ и умершихъ указывали обывателямъ, что въ городѣ «не все обстоитъ благополучно», и дома «не все спокойно». Эти зловѣщія столбцы цифръ съ отдѣлами «прибыло», «выздоровѣло», «умерло», «состоить» были сами по себѣ грозны, но все же мало говорили сердцу и чувству читателей. Эти «живыя цифры» были во всякомъ случаѣ невѣдомыми «мертвыми душами». Въ нѣкоторыхъ листкахъ, правда, печатались имена взятыхъ въ міръ иной, но все это были тѣ загадочные Иваны, Семены, Марьи и Дарьи, надъ судьбами которыхъ задумывался еще Павелъ Ивановичъ Чичиковъ: кто вы такіе? каковы были? что случилось съ вашими семьями? Врядъ ли, впрочемъ, столичный житель и задумывался надъ такими вопро-

сами: что ему, благо не онъ! И бросивъ газетный листокъ, забывъ вскорѣ даже его содержаніе, онъ спѣшилъ скорѣе окунуться въ мутныя воды повседневной жизни...

Не то въ провинціи, гдѣ міръ живущихъ тѣснѣе, гдѣ жизнь однообразнѣе, гдѣ всѣ наперечетъ знаютъ другъ друга. Пронесется какая бѣда надъ тысячами городовъ, помѣстій, селъ — вотъ гдѣ картина разрушенія станетъ въ полномъ освѣщеніи и покажетъ истинное значеніе «живыхъ цифръ». Въ той избѣ скончался одинъ, тамъ смерть скосила другого, здѣсь лежитъ на смертномъ одрѣ третій — и все, вѣдь, это свои, свои знакомые, родные, друзья, все это матеріалъ для перестройки быта и жизни цѣлой группы людей. Не говоря ужъ про панику, слезы и рыданія, которыя слышатся по всему селу и у всѣхъ на глазахъ, не говоря про субъективное чувство, — всѣ эти смерти и утраты явленія экономическія, соціальныя. Съ ними связаны тутъ же на мѣстѣ и раздѣлы семей, и передѣлы земель, счеты съ сосѣдями, отношенія къ властямъ. Здѣсь принимаетъ участіе весь міръ, все жившее и дышавшее вокругъ покойниковъ. Ихъ имена звучатъ въ избахъ, въ церкви на панихидахъ, на сходахъ и въ волостномъ правленіи; о нихъ плачутъ, ихъ поминаютъ, ихъ судятъ и рядятъ.

То же самое почти можно сказать и про провинціальныя города, особенно малые, уѣздные и захолустные. Въ текущемъ году, на примѣръ, холера особенно свирѣпствовала въ Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ; статистическія данныя поражаютъ здѣсь своей численностью. Бѣда царилла со всей силой, и одинъ «черный день» непрерывно смѣнялся другимъ. Мнѣ рассказывалъ одинъ офицеръ, пріѣзжавшій въ столицу на побывку изъ той мѣстности, немало мрачныхъ эпизодовъ изъ лѣтописи этихъ «черныхъ дней». Бригада, гдѣ онъ служилъ, назначена была къ расквартированію въ одинъ пограничный съ Пруссіей городъ, гдѣ населеніе преимущественно еврейское, то закорузлое, невѣжественное, которое страшно для просвѣщенія своими крѣпкими вѣрованіями, обычаями предковъ и предразсудками талмуда, которое представляетъ собою богатую среду для всякихъ инфекцій и эпидемій своей традиціонной нечистоплотностью и грязью. Холера еще не проникла сюда, когда бригада вступила въ городъ, и послѣдній не былъ еще объявленъ зараженнымъ и опаснымъ, но черезъ короткое время между прибывшими изъ сосѣднихъ мѣстечекъ на базаръ торговцами-евреями обнаружались случаи заболѣваній, и вскорѣ весь городъ пылалъ заревомъ злого недуга. Заметалось населеніе, опустѣлъ базаръ, и въ воздухѣ пронесся крикъ скорби и отчаянія. Не пощадилъ злой недугъ и войска. Умеръ командиръ бригады, вслѣдъ за нимъ его замѣститель, сталъ переполняться солдатами и лазаретъ; войско немедленно было выведено за 20 верстъ отъ города, прекращено всякое лишнее сношеніе съ городскимъ населеніемъ, и бригада про-

стояла здѣсь въ походномъ положеніи, въ парусинныхъ палаткахъ, до наступленія морозовъ. Лагерь былъ спасень, но городъ... городъ съ ужа сающей быстротой вымиралъ. Робко, въ одиночку проскальзывали по пустыннымъ улицамъ обыватели, боясь встрѣчи съ «страшнымъ возомъ» и немилосердными санитарями. Борьба послѣднихъ съ населеніемъ была героическая. Старыя еврейки и евреи грудью отстаивали свои прокопченные углы и вѣтками накопившійся хламъ; они боролись за свои загаженные гнѣзда и встрѣчали разрушителей укоромъ и угрозой, но наука дѣлала свое дѣло, не зная жалости и послабленія. Немало хлопотъ было и съ церемоніями похоронъ; покойниковъ сваливали по 10—15 человекъ въ одинъ ящикъ, закупоривали его, обливали известью и спѣшили предать землѣ. Правовѣрные евреи пытались протестовать противъ нарушенія обрядности и ритуала, но было не до того: «лѣсъ рубятъ—щепки летятъ». Въ этой борьбѣ, въ этомъ хаосѣ и коллизіи отношеній на зловѣщемъ фонѣ окружающей жизни было много драматическаго и грустнаго. Чего не достигли санитары, довершилъ наступившій морозъ. Эпидемія стихла, но обошлась она городу до 12⁰/_о общаго числа жителей. Это все были для той мѣстности ужъ «не мертвыя души», но воистину «живыя цыфры» знакомыхъ, родныхъ и друзей, которыхъ ежедневно видѣли на базарѣ, въ синагогѣ, въ шинкахъ и лавкахъ. Горе и отчаяніе стали рельефно, когда настало время подводить итогъ отсутствующимъ—«товарищей считать»...

Да, въ провинціи явленія жизни болѣе осязательны, будь это радость или скорбь, особенно послѣдняя. И мнѣ пришлось на зарѣ моей жизни быть свидѣтелемъ, когда «черные дни» повисли надъ родной мнѣ по сердцу барской усадьбой, когда лихая болѣзнь въ нѣсколько дней унесла съ лица земли цѣлую группу людей, которыхъ я съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ видѣть ежедневно, почти ежедневно. Этому-то грустному эпизоду я и посвящаю настоящій очеркъ.

II.

Я былъ воспитанъ въ зажиточной семьѣ помѣщика Т. губерніи. Сюда привезли меня годовымъ ребенкомъ изъ негостепріимно встрѣтившей мое появленіе на свѣтъ сѣверной столицы. Хилаго, замученнаго и приговореннаго къ смерти мальчика чужіе добрые люди приняли въ свою семью, нарекли своимъ, отогрѣли и поставили на ноги. Съ тѣхъ поръ эта семья и всѣ имъ близкіе стали моими родными, по крайней мѣрѣ, по духу; съ ними связана вся моя жизнь, пока одинъ за однимъ не отошли въ вѣчность эти добрые люди. Сюда несъ я любовь и ласку, здѣсь находилъ я утѣшеніе и поддержку, и все имъ близкое и дорогое стало и моимъ

достояніемъ. Дружно и вмѣстѣ дѣлились и горе и радость, и «черные дни» этой семьи записаны мрачными красками и въ моей книгѣ жизни. Отплатилъ ли я имъ за все сдѣланное мнѣ—не знаю; врядъ ли, впрочемъ, и возможно мѣрять какою нибудь мѣркою подобныя отношенія. Скажу одно—до послѣдней ихъ минуты жизни я былъ для нихъ горячо любимымъ «пріемнымъ сыномъ», племянникомъ, а они для меня—милыми и дорогими «дядей и тетей»; ихъ дѣти были моими братьями и сестрами, ихъ родственники и родные—моими близкими людьми. Вотъ почему, какъ въ настоящемъ очеркѣ, имѣющемъ нѣкоторое касательство къ моей жизни, такъ и въ другихъ воспоминаніяхъ, если имъ суждено видѣть свѣтъ, я буду постоянно держаться родственной номенклатуры. Пусть какой нибудь «отпрыскъ рода», читая, можетъ быть, случайно мои повѣствованія и узнавая портреты дѣйствующихъ лицъ, мѣсто дѣйствія и факты, не придетъ въ недоумѣніе и не выразитъ мнѣ неудовольствія: тѣмъ усопшихъ «меня усыновила», и съ ихъ благословенія дерзаю вписать себя въ родство, не справляясь о томъ въ геральдическихъ книгахъ...

На одиннадцатомъ году жизни, когда я достаточно окрѣпъ и изъ вялаго и блѣднаго мальчика обратился въ здороваго и розоваго шалуна, меня отвезли обратно на сѣверъ и опредѣлили въ одну изъ тамошнихъ классическихъ бурсъ. Употребляю именно такое опредѣленіе, такъ какъ ничѣмъ инымъ не могу назвать того заведенія, въ которомъ провелъ шесть лѣтъ. Воспоминанія о томъ времени, въ теченіе котораго систематически, по всѣмъ правиламъ классической мудрости, калѣчили умъ и сердце ребенка, не входятъ въ программу настоящей статьи, объ этомъ когда нибудь въ другой разъ. И вотъ, пробывъ уже два года въ закрытомъ заведеніи и торжественно провалившись по двумъ предметамъ на переходныхъ экзаменахъ изъ класса въ классъ, я снова очутился лѣтомъ 1873 года въ моей милой Сергѣевкѣ¹⁾. Какъ сильно билось сердце, какъ сіяли глаза, когда наемныя лошади проѣхали шагомъ плотину черезъ широко раскинувшійся прудъ, когда ямщикъ, подобравъ возжи, рысью взялъ на горку, и передъ моими очарованными дѣтскими взорами предстала родная усадьба съ ея бѣлымъ длиннымъ домомъ подъ зеленой крышей, съ массою флигелей, службъ, съ ея роскошнымъ запущеннымъ садомъ и милыми обитателями. Опять на родинѣ! опять знакомое приволье, душевная ласковость и теплая любовь!.. Бричка подпрыгиваетъ по колеямъ проѣзжей дороги, огибааетъ амбары, колокольчикъ какъ-то звучитъ глуше, точно замираетъ, и мы въѣзжаемъ на широкій дворъ усадьбы. Съ лаемъ и тявканьемъ несется навстрѣчу, подъ ноги лошадямъ, свора дворняшекъ, весело киваютъ изъ оконъ флигелей

¹⁾ Имена и названія здѣсь вымышлены.

давно знакомыя лица, а на подъѣздѣ дома уже собралась вся семья встрѣчать своего лѣниваго и «блуднаго сына». Кажется, конца не будетъ недалекому пути, кажется, ямщикъ ѣдетъ мучительно тихо, и я, забывъ все и вся, готовъ на всемъ скаку выпрыгнуть изъ брички, чтобы ускорить свиданіе, объятія и поцѣлуи... Я весь живу настоящимъ и будущимъ; забыты и гнилые казенные пироги, и ломаная русская рѣчь воспитателей-нѣмцевъ, и безконечный рядъ единицъ и двоекъ. Только сидящій рядомъ репетиторъ-студентъ удерживаетъ мой восторгъ и порывы, невольно напоминая мнѣ недавно покинутый мертвый міръ и языковъ и людей. Лошади стоятъ у подъѣзда, и я весь, точно одурманенный чудной панорамой, перехожу изъ объятій въ объятія, отъ поцѣлуя къ поцѣлую, слезы счастья стоятъ въ глазахъ, и я не успѣваю и не умѣю отвѣчать на вопросы и замѣчанія.

— Какъ похудѣлъ!..

— Выросъ...

— Ты здоровъ?..

— Хорошо ли доѣхали?..

Вопросы, восклицанія, смѣхъ и говоръ не умолкаютъ на крыльцѣ, и никто не рѣшается войти въ домъ, точно боясь прервать первыя сладкія минуты встрѣчи...

.

Вся семья расположилась на балконѣ за вечернимъ чаемъ. Привѣтливо шумитъ самоваръ, вкусно и обильно разставлены на столѣ булки, масло, молоко и иные доморощенные продукты; всѣ чувствуютъ довольство, деревенскую нѣгу, здоровье и покой. Ничто, повидимому, не тревожитъ мысли и духа присутствующихъ. «Дворянское гнѣздо» свито хозяйственно и прочно; на горизонтѣ его нѣтъ черныхъ тучъ, нѣтъ черныхъ дней. А ночь уже спускается на землю; длинныя тѣни ползутъ по дорожкамъ аллей и цвѣточнымъ клумбамъ, и огромный фруктовый садъ по ту сторону пруда начинаетъ казаться какимъ-то таинственнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Мѣсяцъ поднялся изъ-за деревьевъ и обливаетъ своими млечными серебристыми лучами кусты бульденежей, бѣлыхъ розъ и лилій, освѣчиваетъ въ палисадникѣ серединную часть плакучей березы и ея сѣрый отъ времени стволъ, тщетно пытается заглянуть въ гущу развѣсистаго дуба и причудливо отражается на крышѣ и оконныхъ рамахъ блага барскаго дома. Ночь дышитъ благовоннымъ ароматомъ, и вся природа точно погружается въ какую-то поэтическую грезу и думу. Все примолкло, всѣ точно ждуть чего-то, даже неугомонныя галки въ боковомъ «старомъ ягодномъ саду» тихо разсѣлись по своимъ чернымъ гнѣздамъ, даже многочисленное населеніе зеленыхъ прудовъ — крикливыя лягушки, не смѣютъ нарушить торжественной встрѣчи ночи... И вотъ, въ отвѣтъ ожиданіямъ, пошла она, наконецъ, чудная, влюбленная арія царя лѣсовъ. Сна-

чала отрывисто, робко и неуверенно беретъ онъ первые аккорды, точно пробуетъ силы, затѣмъ голосъ дѣлается тверже, аккорды и рулады повторяются чаще и полнѣе, и понеслась она по саду и рощѣ эта страстная, вдохновенная пѣснь соловья. Эта пѣсня безъ словъ такъ много говоритъ сердцу, такъ будитъ чувство и нервы, что хочется и плакать, и любить, и молиться подъ эти чарующіе звуки...

А въ домѣ тѣмъ временемъ зажглись огни, и день вступилъ въ послѣднюю фазу своего существованія. Зашуршали накрахмаленныя юбки горничныхъ, зазвенѣли тарелки, рюмки и стаканы, посыпались въ подвальной кухнѣ въ крайней части дома дробные звуки поварскаго ножа. На длинномъ столѣ въ столовой дымятся горячія блюда обильнаго ужина, а въ жилыхъ комнатахъ—«большихъ», «малыхъ», «гостиныхъ», «дѣтскихъ» и просто безъ названій, высятся уже высокія горы бѣлыхъ подушекъ и душистыхъ сѣнниковъ. Черезъ часъ уже вся Сергѣевка спитъ сытымъ, здоровымъ и лѣнивымъ сномъ. Не спитъ только полунощница тетя; она еще долго мечтательно бродитъ по дому, то становясь на молитву передъ образницей въ спальнѣ, то заглядывая въ тѣ комнаты, гдѣ, разметавшись по кроватямъ, грезятъ молодыми снами дорогія ея сердцу дѣти; къ ихъ изголовьямъ она припадаетъ на колѣняхъ, всматривается въ лица и долго шепчетъ слова молитвы о ниспосланіи счастья и здоровья этимъ русымъ и темнымъ ловкамъ.

III.

Усадьба Сергѣевыхъ славилась на весь уѣздъ своимъ хлѣбосольствомъ, радушіемъ и привѣтливостью. Всѣ ѣхали сюда охотно, въ увѣренности найти довольство и ласковое слово хозяевъ. Здѣсь многими годами выработалась какая-то особенная атмосфера задушевности, простоты и истиннаго барства, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, того барства, которое не ищетъ сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ, держитъ себя ровно, спокойно и съ достоинствомъ. Оттого-то голосъ дяди, владѣльца Сергѣевки, и звучалъ авторитетно на земскихъ собраніяхъ, хотя въ словахъ его и проглядывалъ какой-то англійскій консерватизмъ, и онъ избѣгалъ должностей по выбору. Высокій, плотный мужчина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ открытымъ чисто русскимъ лицомъ, округлой съ просѣдью бородой и густыми бровями, онъ imponировалъ окружающимъ своей увѣренностью въ себя, честностью и изяществомъ. Одѣтый и раннимъ утромъ дома и въ гостяхъ просто, но со вкусомъ, онъ выдѣлялся своей выхоленной чистоплотностью, педантизмомъ отношенія и вѣжливостью къ людямъ, простотою обращенія и привѣтливостью. Воспитанный на французскихъ классикахъ и произведеніяхъ западно-европейской живописи, онъ относился нѣсколько свысока ко всему

отечественному, хотя безвыѣздно провелъ всю жизнь въ Россіи. Ему хорошо было и дома, въ своемъ кабинетѣ, увѣшанномъ сверху до низу лучшими гравюрами итальянской, фламандской и англійской школъ, уставленномъ сервскимъ и саксонскимъ фарфоромъ, среди шкафовъ, наполненныхъ произведениями Вольтера, Руссо, Дюма, Вальтерскотта и отечественныхъ корифеевъ литературы. Русскую литературу онъ любилъ, зналъ почти наизусть Батюшкова, Жуковского, Пушкина, но противъ русской живописи и музыки ратовалъ и спорилъ до крайности; исключеніе дѣлалось только для Глинки. Крестьянъ онъ освободилъ охотно, надѣлилъ ихъ достаточной землей и отслужилъ у себя во дворѣ, въ присутствіи всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ, молебень по случаю манифеста 19-го февраля. Къ земству онъ, однако, относился нѣсколько недоувѣрчиво и брезгливо избѣгалъ партійныхъ раздоровъ доморощеныхъ ландлордовъ. Въ усадьбѣ и въ сельской округѣ его глубоко уважали и боялись, хотя онъ во всю жизнь не возвысилъ даже громко голоса противъ кого либо. Тѣмъ не менѣе, однако, даже новое поколѣніе освобожденныхъ крестьянъ, не говоря уже про стариковъ, проходили мимо оконъ его кабинета со страхомъ и съ обнаженными головами, даже если шторы были спущены или ставни закрыты. Его сдержанность, молчаливость и спокойствіе наружности наводили какой-то суевѣрный ужасъ. Старушка нянюшка, членъ семьи, не рѣшалась въ его присутствіи входить въ комнату, называла его «монахомъ» и считала чуть ли не святымъ. Въ описываемое время онъ только что передалъ бразды хозяйскаго управленія сыну и, такъ сказать, находился на покоѣ.

Съ именемъ тети Вѣры, жены дяди, связано для всѣхъ знавшихъ эту прелестную женщину что-то очень сердечное, безконечно доброе, поэтическое и ласковое. Невысокаго роста, худенькая, съ большими выразительными и красиво поставленными карими глазами, съ орлинымъ носомъ и гладко зачесанными темно-каштановыми волосами, съ кружевной чѣрной наколкой на головѣ, она въ молодости была красива собой и заставляла учащенно биться не одно столичное и провинціальное мужское сердце. Съ рожденіемъ дѣтей она вся ушла въ любовь къ нимъ и на нихъ изливала обиліе своего чувства и богатство фантазіи. Дѣти просто боготворили свою маму, ей повѣряли свои проказы, блажные замыслы, въ ней находили поддержку и оправданіе своимъ прихотямъ и желаніямъ, съ ней дружески проводили въ бесѣдѣ долгіе ночные часы. Она какъ-то умѣла воплощаться въ интересы каждаго, находить въ себѣ сочувствіе и откликъ всякому положенію, всякой радости и горю. Это была поэтическая душа, которая вѣчно витала въ мірѣ образовъ, созданныхъ фантазіей, въ мірѣ красоты и порывовъ. Дворянъ на нее молилась; къ ней смѣло убѣгала въ спальню какая нибудь прачка или стряпуха отъ побоевъ пьянаго мужа,

къ ней шли съ нуждами бѣдняки и обиженные судьбою, и она же дала въ своемъ домѣ широкое пристанище множеству людей, которымъ въ жизни не къ кому и некуда было идти. Она много любила и крѣпко вѣрила. Религія ея была чужда и ханжества, и аскетизма; это былъ безконечный порывъ къ небу, гдѣ царить правда, любовь и всепрощеніе. И здѣсь, какъ и въ остальныхъ сторонахъ ея характера, заключалось много фантазіи, поэзіи и вдохновенія. У тети Вѣры былъ большой музыкальный талантъ. Когда она въ вечерніе часы садилась въ большомъ залѣ за рояль, и ея маленькая, но твердая рука извлекала изъ клавишъ задушевные мелодіи собственныхъ импровизацій или наполняла комнату могучими звуками Шопена, Бетховена, Моцарта, все обращалось въ слухъ и вниманіе. Чувствовалось тогда, что это не заурядная игра по нотамъ диллетанта, но истинный музыкальный талантъ, который переживаетъ вмѣстѣ съ композиторами и могучія страсти, и глубокія думы, и святое вдохновеніе. Не даромъ извѣстный въ свое время музыкантъ, князь Юрій Голицынъ, искалъ ея одобренія своимъ пѣвчимъ, ей первой пѣлъ свои хоровыя пѣсни и подъ звуки ея игры облегчалъ бурную и многогрѣшную душу слезами покаянія.

Родныхъ дѣтей у тети было двое—сынъ и дочь. Сынъ красивый молодой человекъ, лѣтъ 23-хъ, по окончаніи курса въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, вышелъ въ гражданскую службу и занималъ въ уѣздѣ должность мирового посредника. Его образъ за тѣ годы, о коихъ идетъ рѣчь, какъ-то блѣдно рисуется въ моей памяти; объясняю это тѣмъ, что онъ вернулся въ усадьбу изъ столицы въ то именно время, когда наступила пора мнѣ ѣхать туда, такъ что мои дѣтскіе годы слабо связаны съ его личностью. Впоследствии мы съ нимъ были большими друзьями, любили другъ друга, горячо спорили по общественнымъ вопросамъ, немало вмѣстѣ проказили, и на мою долю выпала нѣсколько лѣтъ тому назадъ грустная обязанность схоронить его въ одномъ изъ губернскихъ городовъ одинокого, обѣднѣвшаго и изстрадавшагося. Сверстницей моей и подругой юныхъ лѣтъ была его сестра, въ тѣ годы бѣлокуроый подростокъ съ длинными и пышными косами, общавшая со временемъ обратиться въ бойкую кокетку и побѣдительницу сердцецъ. Таково было ядро «дворянскаго гнѣзда», куда я пріѣхалъ на побывку въ 1873 году; но этими наскоро обрисованными лицами далеко не исчерпывается контингентъ жителей барскаго дома и его флигелей. Тутъ жило и ютилось еще много народа, которыхъ считаю долгомъ представить читателямъ.

IV.

На первомъ планѣ, такъ сказать, первымъ министромъ въ домѣ считалась Марья Николаевна, полная женщина съ выразительными, но некрасивыми чертами лица, большимъ выпуклымъ

лбомъ и гладко, на виски, полукругомъ зачесанными черными волосами. Это была недюжинная, очень умная личность, обучившая всѣхъ насъ, дѣтей, грамотѣ и состоявшая въ дружбѣ съ тетей еще съ давнихъ поръ. Она обладала твердымъ характеромъ, острымъ языкомъ, была недурно образована, хорошо знала иностранную литературу и превосходно владѣла французскимъ языкомъ. Когда обученіе брата и сестры закончились, а я отошелъ въ чужія руки, Марья Николаевна по праву дружбы осталась въ домѣ и уже всю жизнь не разлучалась съ семьей Сергѣевыхъ. Не извѣдавъ въ личной жизни счастья и семейной любви, она цѣликомъ ушла въ интересы тети и ея дѣтей и обратилась въ ихъ раба и друга. Когда въ послѣдствіи родную усадьбу окутали «черные дни» экономической неурядицы, она особенно выдвинулась и тщетно дѣлала попытки спасти утопающій корабль, но дворянская семья по всѣмъ правиламъ «оскуднѣнія» шла подъ гору, и никакія силы не могли ее возродить ни къ прежней жизни, ни къ прежнему довольству. Въ 1873 году Марья Николаевна еще руководила воспитаніемъ сестры, преподавая ей немножко исторіи, немножко географіи, французской словесности и литературы. Жалованья она не получала, но жила въ домѣ, какъ полноправный членъ семьи. Въ свободное отъ занятій время она играла на мѣлокъ съ дядей въ пикетъ, вела безконечныя ночныя бесѣды съ тетей, давала совѣты по хозяйству, писала дѣловыя письма и постоянно препиралась съ жившей въ домѣ обрусѣвшей англичанкой miss Gross. Miss Gross или, какъ я ее въ дѣтствѣ звалъ, тетя Жанна, тоже съ издавнихъ временъ жила въ домѣ Сергѣевыхъ. Приѣхавъ дѣвочкой изъ Шотландіи въ Т. губернію, она барышней лѣтъ 18-ти попала въ усадьбу Сергѣевку, когда тетя еще была невѣстой, обжилась въ домѣ, да такъ и осталась здѣсь жить. Эта добрая женщина буквально выходила меня, и ей всецѣло обязанъ я тѣмъ, что не сдѣлался ни калѣжкой, ни уродомъ. Собственно говоря, на ней лежало обиходное хозяйство дома, какъ-то: заказы обѣдовъ и ужиновъ, разливанье супа за столомъ, наблюденіе за молочною частью, птичницами и ключницами. Хозяйство, впрочемъ, шло у нея достаточно неуспѣшно, но мнѣ она оказала неоцѣненныя услуги. Когда меня больнымъ ребенкомъ привезли въ Сергѣевку, она приняла на себя высшій надзоръ за мной и моимъ лѣченіемъ, привязалась ко мнѣ, какъ къ родному сыну, и берегла, какъ зеницу ока, растирала мазями и спиртами, сажала въ лѣкарственныя ванны, поила рыбимъ жиромъ, всевозможными молоками и до утрировки боялась моей простуды: безъ чепчика или повязки я не смѣлъ выходить даже весною послѣ семи часовъ вечера въ садъ. Это служило обильнымъ матеріаломъ для насмѣшекъ надъ нами; но почему знать, можетъ быть, эти предосторожности и возвратили меня къ жизни. Спасибо ей за то моей милой, доброй тетѣ Жаннѣ! Со слезами проводила она меня на даль-

«истор. вѣстн.», октябрь, 1894 г., т. LVIII.

5

ній сѣверъ и осталась при однѣхъ курахъ, коровахъ и банкахъ варенья. Стадо коровъ съ годами убавлялось, кохинкины вымирали, кругъ немудрой дѣятельности суживался, а она продолжала себѣ жить въ Сергѣевкѣ, пока съ замужествомъ двоюродной сестры ей не нашлось дѣла въ новомъ домѣ и при новомъ маленькомъ существѣ, тоже нуждавшемся въ уходѣ и попеченіяхъ. Отличительной чертой тети Жанны, или Анны Ивановны, какъ ее величали въ домѣ, было то, что, не смотря на нѣсколько десятковъ лѣтъ жизни въ Россіи, она такъ-таки и не научилась правильно говорить по-русски, въ достаточной степени, однако, забывъ отечественный языкъ. Выговоръ у нея былъ прекрасный, но роды, падежи, согласованіе словъ остались для нея непреоборимой наукой; она, кажется, немного позировала этимъ, чѣмъ вызывала безконечныя двусмысленныя насмѣшки окружающихъ и ожесточенныя нападки жившаго въ одномъ изъ флигелей дома вольнаго художника, артиста въ душѣ, отставнаго полковника Федорова.

Зачѣмъ жилъ здѣсь собственно этотъ худенькій, маленькій старичекъ въ рыжемъ парикѣ, въ штатскомъ платьѣ и военной шинели, никто не могъ дать разумнаго отчета, но только, когда онъ разъ или два въ годъ уѣзжалъ въ Петербургъ за полученіемъ пенсіи, всѣ чувствовали какой-то пробѣлъ въ жизни и съ радостью привѣтствовали его возвращеніе. Онъ водворялся снова во флигелѣ, плодилъ по обыкновенію вокругъ себя соръ и мусоръ, вѣчно ворчалъ на холодъ и допекалъ грамматикой miss Gross. Члены семьи увѣряли, что полковникъ и англичанка не равнодушны другъ къ другу, но это была явная и злая иронія, такъ какъ всѣ прекрасно знали, что сердце Федорова всецѣло наполнено тайной и безнадежной любовью къ хозяйкѣ дома. Это-то собственно и было причиною и основаніемъ его пребыванія въ Сергѣевкѣ. Какъ-то въ Дрезденѣ, на одномъ изъ аукціоновъ гравюръ, онъ познакомился съ братомъ дяди, владѣльцемъ Святскаго, и, увлекшись споромъ о преимуществѣ итальянской живописи передъ французскою, незамѣтно для себя вернулся въ Россію и доѣхалъ до Святскаго. Здѣсь онъ увидалъ тетю Вѣру, услышалъ ея игру на рояли, наскоро собралъ свой несложный багажъ и очутился въ Сергѣевкѣ; а разъ пріѣхавъ сюда и встрѣтивъ непривычныя для него въ жизни ласку и привѣтъ, онъ рѣшилъ, что лучшаго мѣста ему на землѣ не найти, и поселился здѣсь навсегда. Дѣла у него никакого не было, если не считать довольно неудачнаго рисованья акварелью портретовъ обитателей дома; рисовалъ онъ собственно не дурно, и произведенія его кисти могли заслужить одобреніе профановъ, если бы онъ могъ остановиться на наброскахъ, на рисункѣ до послѣдней его отдѣлки, но художникъ думалъ иначе и продолжалъ пачкать картину и накладывать на нее тѣни до тѣхъ поръ, пока ее въ конецъ не портить, такъ что за темнотою красокъ нельзя было рѣшить, кто и

что здѣсь нарисовано. Вторую его страстью была музыка; самъ онъ не игралъ, но съ наступленіемъ сумерекъ, нервно шагаль по огромному залу, шморгалъ носомъ, немилосердно обкусывалъ пальцы въ нетерпѣливомъ ожиданіи, когда тетя Вѣра сядетъ за рояль. Тутъ наступалъ для него истинный мигъ блаженства. Онъ весь съеживался въ глубинѣ дивана, переставалъ шморгать и весь погружался въ слухъ и вниманіе. Бурныя мелодіи симфоній звучать громко и властно, на лицѣ старичка сіяетъ восторгъ и умиленіе, слезы текутъ по морщинамъ, и онъ готовъ въ тѣ минуты броситься къ ногамъ своей властительницы, Тетя знаетъ, что происходитъ въ углу дивана, и по просьбѣ шаловливой молодежи переходитъ внезапно отъ Листа къ Оффенбаху: полковникъ въ ужасѣ и негодованіи вскакиваетъ съ мѣста, чуть ли не съ проклятіями выбѣгаетъ изъ зала и скрывается на цѣлый вечеръ во флигелѣ. Шалуны довольны, хохочутъ, ликуютъ... Федоровъ не выноситъ каскадной музыки и считаетъ ее профанаціей искусства.—«Да вѣдь, это пошлость, пошлость, пошлость!»—въ негодованіи и отчеканивая каждый слогъ восклицаетъ онъ, когда кто нибудь начинаетъ защищать игривые мотивы оперетки. Морщины на его лицѣ какъ-то смѣшно закругляются, маленькіе круглые выпѣвшіе глаза выльзаютъ изъ орбитъ, сѣдые щетинистые усы подпрыгиваютъ, и даже рыжіи дешевенкій паричекъ лѣзетъ куда-то на сторону. Тогда ужъ наступаетъ опасный моментъ для полковника; онъ съ испугомъ хватается обѣими руками за голову, усиленно натягиваетъ на виски свой войлокъ и чуть ли не рысью исчезаетъ изъ глазъ собесѣдника. Явное отсутствіе волосъ имъ усиленно скрывается, и Боже упаси въ его присутствіи употребить слово «лысый» или «плѣшивый». Дерзкій наказывался сердитымъ взглядомъ, и отъ него полковникъ при встрѣчѣ отворачивался. Эта немилость по большей части падала на жившаго тоже невѣдомо для чего въ Сергѣевкѣ, промотавшагося гусара и дворянина Ржевскаго или moncher'a, какъ мы всѣ его называли.

Moncher былъ яркимъ представителемъ дворянскаго пустоцвѣта. Нѣкогда очень богатый человѣкъ, владѣлецъ великолѣпнаго имѣнія въ одной изъ хлѣбородныхъ губерній, онъ съ шикомъ и русской дешевой удалью служилъ въ какомъ-то армейскомъ гусарскомъ полку; но въ одну злополучную ночь за зеленымъ столомъ ухитрился спустить въ штоссъ все состояніе, не только недвижимое и движимое, но даже золотые шнуры своей элегантной венгерки. Съ этого момента онъ остался «нагъ и голъ»; и вотъ въ наемной телѣжкѣ на парѣ лошадей этотъ бывшій гусаръ печально выбылъ изъ губернскаго города и пошелъ колесить по широкой Русской землѣ. Странствуя много лѣтъ по разнымъ городамъ и весямъ, онъ очутился, наконецъ, въ усадьбѣ Сергѣевыхъ. Одѣтъ по модѣ, въ скюртучную пару отъ Боргезе изъ Москвы, на головѣ фѣтровый

котелокъ, говоритъ, что твой парижанинъ, остроумень, изобрѣтателенъ на интересные и безконечные рассказы, съ манерами чело­вѣка изъ хорошаго общества, обиженъ судьбою и одинокъ,—развѣ вся совокупность этихъ данныхъ не могла послужить основаніемъ, чтобы предложить ему комнату во флигелѣ и кусокъ хлѣба въ домѣ? Конечно, да: не объѣсть, хлѣба на всѣхъ хватить, а куда ему дѣваться! Таково было оправданіе широкаго гостепріимства и хлѣбосольства, которое много лѣтъ спустя легло тяжелымъ бременемъ на домъ Сергѣевыхъ. И вотъ moncher зажилъ себѣ въ имѣніи припѣваючи. Если остальные жители Сергѣевки, не входившіе въ кругъ родныхъ, находили себѣ еще хоть какое нибудь дѣло или были чѣмъ нибудь заняты, то Ржевскій ужъ рѣшительно ничего не дѣлалъ; онъ только все рассказывалъ и импровизировалъ, при чемъ полетъ его фантазіи не имѣлъ никакихъ предѣловъ. Ему ничего не стоило повѣдать слушателямъ о своихъ путешествіяхъ по Швейцаріи, Испаніи, Франціи, которыхъ на самомъ дѣлѣ онъ видомъ не видалъ. Въ данномъ случаѣ его выручала богатая память, и послѣдній прочитанный романъ Зола давалъ ему пищу для цѣлой серіи эпизодовъ изъ личной жизни. Дядя приходилъ въ негодованіе отъ такого явнаго вранья и сердито запирался въ кабинетѣ, а тетя слушала его съ любопытствомъ, какъ слушаютъ дѣти интересную сказку. Ей нрави­лась эта игра воображенія, потокъ красивой французской рѣчи, искусно нарисованные образы и картины, парадоксы и мѣткія остроты. Первое время пребыванія въ Сергѣевкѣ Ржевскій еще конфузился своего положенія приживальщика и все собирался куда-то ѣхать. Съ этой цѣлью посылались въ ближайшее волостное правленіе за лошадьми, а moncher садился въ столовой заку­сить и выпить на дорогу. Уныло звучитъ колокольчикъ во дворѣ, ямщикъ терпѣливо ужъ десятый разъ заходитъ съ чернаго крыльца въ домъ справиться, скоро ли баринъ поѣдетъ, а Ржев­скій за столомъ все рассказываетъ, все французитъ, остритъ, смѣ­шитъ и... хлопаетъ рюмку за рюмкой. Всѣ сборы къ отъѣзду оканчивались обыкновенно тѣмъ, что ямщикъ съ двугривеннымъ за долготерпѣніе въ карманѣ, возвращался восвояси, а moncher шелъ нетвердымъ шагомъ во флигель высыпаться. Потомъ надѣла и эта церемонія сборовъ, и онъ просто-напросто остался навсегда въ Сергѣевкѣ закусывать и высыпаться. Любимымъ его мѣ­стопробываніемъ, однако, были не чистыя комнаты, а такъ назы­ваемая «дѣвичья» и «дѣтская», гдѣ жила старушка няня. Здѣсь Ржевскій развертывался во всю: смущалъ старушку грѣховод­ными рассказами и пѣсенками, а въ дѣвичьей ходилъ пѣтухомъ вокругъ горничныхъ. Горничныя хихикали, глядя на его комиче­скую фигуру, а нянюшка отплевывалась и ворчала.

— Ну, что ты решишь, какъ жеребецъ какой? Взялъ бы себѣ да

пописалъ бумажку, какъ вотъ Оома Ильичъ, а то, тѣфу, прости Господи мое согрѣшеніе! цѣлый день скачешь, какъ оголтѣлый по дому...

Эти слова почему-то приводили Ржевскаго въ неописуемый восторгъ; онъ еще громче заливался хохотомъ и, скосивъ свои и безъ того отъ природы косые глаза, неся въ припрыжку какъ-то бокомъ навстрѣчу кому нибудь изъ домашнихъ повѣдать «смѣшную» нотацію старушки, а Оома Ильичъ, письмоводитель брата, застѣнчиво улыбался въ бороду и какъ-то виновно глядѣлъ по сторонамъ.

Для чего былъ нуженъ брату письмоводитель на жалованьи при наличности въ домѣ столькихъ праздныхъ людей, тоже одна изъ загадокъ психологіи Сергѣевки. Съ одной стороны, какъ будто совѣстились предложить черную работу гостямъ, съ другой—считали опять-таки нужнымъ приютить еще одного лишняго человѣка. Вѣдь хлѣба тогда еще было много, «золотой банкъ» еще не поглотилъ всей производительной силы имѣнія, ну, и кормили этимъ хлѣбомъ всякаго, кто въ томъ нуждался. Оома Ильичъ былъ тоже изъ «неудавшихся» въ жизни. Съ трудомъ окончивъ курсъ духовнаго училища, до семинаріи онъ не добрался, а пошелъ въ томъ же уѣздѣ по людямъ, пока не попалъ въ Сергѣевку. Тутъ дѣло представилось немудреное, жалованье платили исправно, а кормили и поили доотвала; значить—жилоь хорошо, и нужно было крѣпко держаться зубами за мѣсто, что онъ неукоснительно и дѣлалъ: не обременялъ брата «входящими» и «исходящими», былъ помолчалински безгласенъ, угодливъ со всѣми, велъ съ нянюшкой душеспасительныя бесѣды, боялся дяди и въ его присутствіи еще болѣе заикался и еще болѣе выказывалъ свои и безъ того ограниченныя умственныя способности. Въ общемъ велъ жизнь тихую, трезвую и, пожалуй, приносилъ нѣкоторую пользу.

Кромѣ него, изъ постороннихъ въ домѣ жила еще молоденькая нѣмочка изъ Либавы, приглашенная въ качествѣ компаньонки къ сестрѣ для практики въ нѣмецкомъ языкѣ; на самомъ же дѣлѣ она сама скорѣе практиковалась въ русскомъ, а также въ полькахъ и вальсахъ съ наѣзжавшими въ торжественные дни въ усадьбу кавалерами изъ сосѣдей. Въ такъ называемой «дѣтской», комнатѣ сестры, и съ нею вмѣстѣ помѣщалась няня, прелестнѣйшая старушка, типичная представительница тѣхъ нянекъ, которыя нынѣ ужъ вывелись изъ дворянскихъ семей. На ея глазахъ прошла жизнь всѣхъ прежнихъ обитателей, и выросли нынѣшніе представители Сергѣевки; по части родословной и семейнаго архива она была ходячимъ справочнымъ пособіемъ. Няня помнила нашествіе Наполеона, вынянчила тетю, звала ее до конца дней своихъ не иначе, какъ «барышня», вязала цѣлыми днями чулки и ворчала на «дѣвокъ», т. е. на горничныхъ. Въ ея комнатѣ обыкновенно собиралась на совѣты вся семья, за исключеніемъ дяди, ей повѣ-

рялись всё секреты, какъ бы родной, хотя она сама себя причисляла къ «людовой» и прислугѣ. На дѣлѣ же она служила связующимъ звеномъ между «чистой половиной» усадьбы и дворней.

V.

Если чистыя комнаты дома поражали случайнаго посѣтителя Сергѣевки обиліемъ жителей, — жителей постороннихъ и праздныхъ, то изумленіе его переступало всё границы, когда онъ заглядывалъ на черную половину или въ пристройки и службы. Тутъ копошился цѣлый рой и муравейникъ всякаго люда и сброда. Флигеля, кухни, конюшни, амбары были переполнены народомъ, который только номинально числился при дѣлѣ, а въ сущности въ большинствѣ случаевъ билъ баклуши и имѣлъ смутное понятіе, что значить въ потѣ лица добывать хлѣбъ насущный. Все это были остатки, наслѣдіе крѣпостнаго права, нѣмой укоръ минувшему порядку вещей. Дворянъ и дворовые люди въ Россіи остались забытыми великимъ законодательствомъ 19 февраля и продолжали цѣпляться за своихъ прежнихъ господъ, требуя себѣ хлѣба и, сообразно новымъ условіямъ жизни, денежнаго вознагражденія. Что имъ было до того, что господа уже не могли пропитывать всѣхъ этихъ желающихъ ѣсть и обездоленныхъ землею: это ихъ не касалось; они хотѣли жить и дорожили насиженнымъ мѣстомъ и гнѣздомъ. Къ свободному наемному труду эти разные повара, горничныя, ключницы и птичницы и прочій крѣпостной штатъ не были привычны; они привыкли работать изъ-подъ палки или... ничего не дѣлать. Палку вырвали изъ рукъ помѣщика, дисциплины и нравственнаго долга послѣдній не сумѣлъ создать, и вотъ дворовый челоувѣкъ, очутившись, на свободѣ далъ полную волю низменнымъ сторонамъ своей природы. Онъ относился свысока къ сермяжнымъ мужикамъ и бабамъ, считая себя по старой памяти нѣкоторымъ образомъ необходимою частью барской усадьбы, но и въ отношеніи господъ, съ наступленіемъ воли, его прежде принудительные страхъ и почтеніе замѣнились какимъ-то беззаботнымъ и распущеннымъ панибратствомъ. Онъ сталъ грубить и стращать «уходомъ», сталъ разгульничать, точно вознаграждая себя за прежнія лишенія и сдержанность, и при всемъ этомъ старался ничего или какъ можно меньше дѣлать и работать. Народился новый челоувѣкъ, имѣвшій, однако, свое законное и послѣдовательное развитіе изъ многовѣковой исторіи барскихъ усадебъ. Въ Сергѣевкѣ повторилась чрезвычайно рельефно и характерно вся эта отечественная дворовая эпопея съ присоединеніемъ, вдобавокъ, еще особыхъ специфическихъ свойствъ и особенностей. Конечно, и здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, при освобожденіи крестьянъ дворню забыли; законъ о томъ ничего

не сказалъ, а самимъ владѣльцамъ и въ голову не приходило зане прежде озаботиться о предотвращеніи нашествія будущаго усадебнаго пролетаріата. Объ этомъ спохватились уже позднѣе, когда всѣ служившіе при крѣпостномъ правѣ остались во дворѣ въ полномъ составѣ, потребовали себѣ мѣста, хлѣба и жалованья за свободный и наемный трудъ. Требованія эти были удовлетворены, но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Дворня стала быстро расти въ объемѣ и пополняться новыми представителями и элементами. Причины тому раскрываются въ характерѣ и свойствахъ семейства Сергѣевыхъ и въ установившемся режимѣ дома. Во-первыхъ, служащіе, упрочивъ свое положеніе въ усадьбѣ, стали обзаводиться на получаемое ежемѣсячное жалованье собственнымъ хозяйствомъ, къ которому приобщили дотолѣ невѣдомыхъ родственниковъ; и вотъ, въ людскихъ, въ саду, во флигеляхъ появились новыя лица въ ситцевыхъ платьяхъ и суконныхъ поддевахъ, которыя, однако, сторонились отъ дома и не несли здѣсь никакихъ обязанностей. Господа отнеслись къ этому равнодушно и поглядѣли на это семейное приращеніе дворни сквозь пальцы. Конечно, новозаведенныя коровы, утки, куры мѣшались съ помѣщицкими, кормились изъ Сергѣевскихъ овинновъ, гумень, съ ихъ пажитей и луговъ, ихъ соломою и мякиною. О такихъ пустякахъ, рѣшили, не стоить и говорить—на всѣхъ хватить! Во-вторыхъ, къ этому времени домъ сталъ наполняться ненужными вѣчными гостями, которые требовали за собою ухода и попеченій. Въ этихъ видахъ былъ усиленъ штатъ домовой прислуги, преимущественно изъ женскаго персонала. Дядя былъ эстетикъ, тетя—поэтъ въ душѣ, а потому какъ-то само собою установилось, чтобы горничныя дѣвушки были красивы и изящны. И дѣйствительно, любо было смотрѣть, когда за обѣдомъ молоденькія и хорошенькія служанки, въ чистенькихъ ситцевыхъ платьяхъ и съ цвѣтами въ волосахъ, разносили кушанья; это придавало обѣду что-то свѣтлое и праздничное, и холостые гости старательно выбирали съ блюда куски цыплятъ и утокъ, лишь бы поближе и подольше полюбоваться красивыми глазками и вздернутыми носиками этихъ Клавдинекъ, Любочекъ, Аксюшъ... Но эти хорошенькія горничныя были вѣдь не одиноки на бѣломъ свѣтѣ; у нихъ были папаши, мамыши, братцы и сестрицы и, очевидно, всѣхъ этихъ почтенныхъ родныхъ нужно было устроить и приглубить. И вотъ появляется во дворѣ усадьбы старшее поколѣніе совсѣмъ ненужныхъ людей: разные Абрамы, Агнюши, Кольки, Матрены и Домны; всѣмъ имъ отводятся углы, отпускается прокормленіе, и назначается жалованье. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ нѣсколько человѣкъ могли свободно управиться съ работою, оказывается двойной комплектъ, но работа оттого не только не выигрываетъ, но даже теряетъ, такъ какъ всѣ эти дубликаты между собою ссорятся, препираются и стараются другъ на друга

свалить дѣло. Сердоболіе границъ не имѣеть, и господа входятъ даже въ разсмотрѣніе слабостей и недостатковъ своего штата и восполняютъ изъяны однихъ достоинствами другихъ новыхъ призванныхъ лицъ. Такъ поварь былъ склоненъ къ хмельному и «былъ буянъ, когда домой вернется пьянъ», а потому, дорожа его искусствомъ готовить котлеты, къ нему приставляютъ подъ-повара, долженствующаго замѣнять его въ случаѣ печальной «оказіи». Ютились въ усадьбѣ и лица за выслугу лѣтъ и служеніе предкамъ; къ числу таковыхъ, на примѣръ, относился няинъ мужъ, дряхлый старичекъ, способный только сидѣть на солнышкѣ и кормить цыплятъ.

Всѣ эти категоріи и разновидности дворни лѣпились по разнымъ застольнымъ, флигелямъ, конюшнямъ и банямъ, плодились, размножались, не пеклись о завтрашнемъ днѣ и не думали о какомъ либо уходѣ на новыя мѣста. Да и кто бы ихъ взялъ къ себѣ? Справедливая молва прочно установилась на всю округу, что это народъ распущенный, балованный и неспособный къ труду, а отсюда логическій выводъ, что имъ нигдѣ, кромѣ Сергѣевской усадьбы, мѣста нѣтъ и не нужно. Благо, въ 1870-хъ годахъ закрома еще были полны, гумно еще не оскудѣло, и казна не истощилась. Правда, выкупные платежи ужъ были съѣдены въ ресторанахъ Петербурга и на выборахъ въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, но зато явился новый резервъ въ видѣ ссудъ изъ «Общества взаимнаго поземельнаго кредита», куда Сергѣевку положили для «усиленія оборотнаго капитала» хозяйства. Хозяйство, однако, не улучшалось; царило то же трехполье, тѣ же сохи и бороны, а банковскія деньги уплывали на поддержаніе безалабернаго и филантропическаго режима. Какъ-то никому и въ голову не приходилъ тогда вопросъ: а что станется черезъ нѣсколько лѣтъ, когда кредитные фонды и резервы изсякнутъ, и придется стать лицомъ къ лицу съ «чернымъ днемъ»? Не думали объ этомъ ни обитатели чистой половины барскаго дома, ни обыватели застольнъ, конюшенъ и людскихъ. Для первыхъ это время настало лишь въ половинѣ 1880-хъ годовъ, когда «дворянское гнѣздо» разсыпалось прахомъ, и представители его разбрелись по разнымъ концамъ Русской земли, а для вторыхъ «черные дни» набѣжали раньше. 1873 годъ былъ роковымъ для многихъ изъ нихъ, и тутъ судьба жестоко и безпощадно разрѣшила тотъ вопросъ о дворнѣ, о которомъ забыло освободительное законодательство. Этотъ годъ надѣлилъ ихъ землею, но не той цвѣтущей и производительной, о которой мечтали ихъ предки и они нѣкогда сами, а тѣмъ клочкомъ земли въ ростъ человѣка, гдѣ царитъ могильный холодъ и ужасъ смерти...

VI.

Мирно и тихо текутъ мои лѣтніе дни. Воспоминанія о зимнихъ мѣсяцахъ, школьныхъ шалостяхъ, карцерахъ и «безъ обѣда» отошли куда-то въ даль; лица товарищей и учителей дѣлаются все туманнѣе и блѣднѣе. Деревенскій воздухъ разогналъ всѣ кошмары, сгладилъ всѣ боли и успокоилъ нервы. Только на урокахъ рекитора просыпается иногда необходимость пошевелить мозгами, чтобы составить замысловатое предложеніе съ разными супинами, аористами и герундіями; въ остальные часы дня жизнь проходитъ лѣниво, до тошноты сытно и въ полной мѣрѣ благодушно. Дорожки роскошнаго палисадника такъ хорошо утрамбованы и посыпаны пескомъ, аллеи ягоднаго сада такъ тѣнисты, а въ фруктовомъ саду, по ту сторону пруда, за плотиной, столько простора и приволья, такая душистая высокая трава, что невольно цѣлый день проводишь на лонѣ природы, заглядывая въ домъ лишь для утреннихъ занятій, для ночнаго сна и въ часы питанія. Необходимости въ послѣднемъ, однако, на самомъ дѣлѣ не было, и дѣлалось это только потому, что ужъ такъ заведено, и дядя бы разсердился на неявившагося къ столу за нарушеніе порядка. Собственно процессъ питанія совершался цѣлый день: на кухнѣ поваръ отпускалъ авансомъ кусокъ обѣденнаго мяса или крылышко жареной птицы, на скотномъ дворѣ и въ ледникахъ для утоленія жажды пьешь вволю молоко, на огородѣ садовникъ угощаетъ стручками гороха и бобовъ, огурцами и молоденькой морковкой, въ застольной похлебаешь жирныхъ людскихъ щей; набѣгаешься до изнеможенія и завалишься подъ кустами смородины, крыжовника и малины и щиплешь себѣ ягоду за ягодкой, пока сонъ не смежить очей, и ты тутъ же подъ гудѣніе пчель, комаровъ и мошекъ насыпаешь молодымъ и беззаботнымъ сномъ. Въ Сергѣевкѣ царили тишина и покой. Урожай на хлѣбъ и фрукты былъ обильный, и хозяйскія сердца радовались предстоящей богатой жатвѣ и доходу. Но вотъ черезъ пріѣзжавшихъ въ гости сосѣднихъ помѣщиковъ стали проникать грозные слухи: въ губерніи и уѣздѣ свирѣпствуетъ эпидемія холеры, смертность населенія очень велика и все прогрессируетъ, земство очень встревожено и обратилось въ Петербургъ за экстреннымъ и немедленнымъ подкрѣпленіемъ своего медицинскаго персонала. Вскорѣ возвратился изъ отпуска и двоюродный братъ и самолично подтвердилъ, что лихая болѣзнь проникла уже въ его мировой участокъ, и многія села и деревни буквально вымираютъ. Можно себѣ представить тотъ ужасъ и страхъ которые вселили подобныя извѣстія въ сердца обывателей Сергѣевки. Moncher сталъ толковать о необходимости поѣздки въ Москву для свиданія съ какимъ-то представителемъ рода по во-

просу о фантастическомъ стотысячномъ наслѣдствѣ и въ одинъ прекрасный день, не ожидая прощальной закуски, исчезъ изъ усадьбы утренней зарей, когда весь домъ еще сладко почивалъ; полковникъ Ѳедоровъ началъ поговаривать о томъ, что ему въ текущемъ году предстоитъ получение пенсіи въ Петербургѣ раньше срока, и дѣйствительно безъ дальнихъ сборовъ укатилъ туда; писмоводитель сразу затосковалъ по своей семьѣ и довелъ брата и тетю разными праздными вопросами о холерѣ до такого отчаянія, что его съ радостью отпустили восвояси до наступленія лучшихъ временъ. Домъ опустѣлъ, и надъ усадьбой грозно повисла черная туча. Молодая команда дома первая испытала на себѣ тяжесть томительнаго ожиданія грозы. Входъ во фруктовый и ягодный садъ былъ намъ запрещенъ, приближеніе къ колодцу тоже; ежедневно стали свидѣтельствовать состояніе здоровья и повторять докучливые вопросы: «У тебя ничего не болитъ? Ты не ѣлъ сырыхъ яблоковъ?» Мои занятія со студентомъ сдѣлались продолжительнѣе, и онъ отъ нечего дѣлать все строже относился къ своимъ скучнымъ и безплоднымъ обязанностямъ. Я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ у открытаго окна, съ тоскою и завистью поглядывая на единственное въ палисадникѣ грушевое дерево, въ темной листвѣ котораго заманчиво мелькали золотистые плоды, и, зажавъ уши руками, съ остервенѣніемъ и тупо въ сотый разъ твердилъ: «Lupus capram conspicatus est»... «Lupus capram conspicatus est»... или «mons, pons, dens, confluens... mons, pons, dens, confluens»... Репетиторъ понималъ, что въ головѣ его ученика очень слабо отражается прелесть созвучія латинскихъ словъ исключенія, и только сердито окрикивалъ: «Борись, смотрите въ книгу!» «Борись, не ерзайте на стулѣ!»...

Сестра съ компаньонкой тоже все сидѣли въ дѣтской и плакались на несправедливую судьбу: вотъ, молъ, скоро наступитъ въ домѣ торжественный день рожденія брата, и изъ-за этой скверной холеры гостей не приглашать, никто изъ молодежи не прійдетъ и не съ кѣмъ будетъ танцовать, дурачиться и кокетничать. Дядя плотно заперся въ кабинетѣ и выходилъ только къ столу съ нахмуренными бровями и рѣзко обозначавшейся морщиной на лбу. Тетя чаще стала посѣщать по ночамъ наши спальни, чаще прикладывать руку къ нашимъ лбамъ, свидѣтельствуя, нѣтъ ли у насъ жара; все дольше и дольше мерцалъ изъ-за ставня огонекъ въ ея комнатѣ, и въ тихомъ безмолвіи ночи звучалъ ея страстный голосъ молитвы у образницы. Во всѣхъ горницахъ по угламъ теплились лампадки и восковые свѣчи у образовъ, чтó придавало дому строгій и торжественный колоритъ, какой онъ въ иные годы принималъ только въ великіе дни страстной седмицы. Стали поговаривать о перемѣщеніи молодежи въ Святское, имѣніе брата дяди, отстоявшее отъ Сергѣевки верстахъ

въ сорока, но для этого предварительно нужно было списаться съ владѣльцемъ Святскаго и узнать, все ли тамъ обстоитъ благополучно. Идея поѣздки въ Святское рисовалась намъ, какъ пріятный пикникъ, и мы съ нетерпѣніемъ мечтали о времени, когда вопросъ этотъ разрѣшится въ положительномъ смыслѣ. Событія не заставили себя долго ждать.

Однажды вечеромъ пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ съ поля взволнованный и встревоженный двоюродный братъ и объявилъ, что холера уже появилась въ селѣ Богатомъ, въ двухъ верстахъ отъ нашей усадьбы. Вслѣдъ за нимъ верхомъ прискакалъ прямо черезъ садъ помѣщикъ Валовъ, сосѣдъ Сергѣевки, владѣнія котораго при ходились бокъ о бокъ съ помѣстьемъ дяди и раздѣлялись только одною изъ плотинъ трехъ обширныхъ прудовъ Сергѣевки. Онъ объявилъ, что уже днемъ отправилъ свое семейство въ Самарскую губернію, совѣтуетъ тетѣ немедленно удалиться и дѣтей куданибудь подальше и сознался, что холера дня уже три свирѣпствуетъ въ Богатомъ, но объ этомъ, по уговору съ двоюроднымъ братомъ, не рѣшались повѣдать тетѣ, чтобъ сразу ее не перепугать и въ надеждѣ, что, авось, горькая чаша минетъ и его и нашу усадьбу. Бабы и мужики побросали въ большинствѣ случаевъ свои полевые работы по найму и толпами бродятъ изъ одной избы больныхъ въ другую; главное скопленіе народа у кабаковъ, и хмельное зелье уже захлестнуло, рассказывалъ онъ, всю сельскую улицу. Въ народѣ паника и отчаяніе страшныя, ходятъ самые невѣроятные слухи и легенды; не добромъ поминаютъ помѣщиковъ, прилетаютъ къ эпидеміи почему-то дворянство, толкуютъ о томъ, что кто-то по ночамъ отравляетъ воду и сыпаетъ ядовитымъ порошкомъ проѣзжія дороги, огороды и гумна. Рѣзко обозначеннаго озлобленія, однако, онъ не замѣтилъ: въ глаза бросается только тупой ужасъ деревни и какой-то безшабашный разгулъ. «Пьяный топотъ трепака» у порога кабаковъ не смолкаетъ, и народъ спѣшитъ утопить свое горе въ дикомъ забвеніи. Церковный причтъ не на высотѣ своего призванія и не брезгаетъ обильными поминками, такъ что у старичка священника уже ходуномъ ходятъ въ рукахъ крестъ и евангеліе, и не всегда внятно можно разобрать, что онъ читаетъ и какія молитвы произносить. Фельдшера мужики не пускаютъ въ избы, и надъ всѣмъ населеніемъ царить его, Валовскій, коноваль, который, сверхъ ожиданія и вопреки своей глубокой привычкѣ, ведетъ трезвую жизнь, энергично растираетъ больныхъ, ставитъ къ ногамъ кувшины горячей воды и старается успокоить мечущіяся и причитающія на всѣ голоса семьи недужныхъ. Становому приставу уже дано знать, а также послано за земскимъ докторомъ, который находится въ отлучкѣ по округу, но долженъ не сегодня, такъ завтра прибыть въ село Богатое.

Съ зловѣщимъ блескомъ во взорѣ, съ поблѣднѣвшими щеками

и сжатыми пересохшими губами слушаетъ тетьа Вѣра это повѣствованіе; ей мнится уже, что горе вползло въ домъ, и хищная смерть протянула свои костлявые пальцы по направленію ея дѣтей; а изъ корридора черезъ столовую на балконъ тихо, точно крадучись по стѣнкѣ, пробирается старушка няня и таинственными знаками вызываетъ Марью Николаевну. Но ей не скрыть этихъ знаковъ—окружающая атмосфера слишкомъ насыщена нервнымъ настроеніемъ, и вся семья спѣшитъ ей на встрѣчу: «Что такое?».

И оказывается, что пригнали коровъ, но только домой ихъ привелъ не пастухъ Адрианъ, а подпасокъ, его старшій мальчишка Егорка; самъ же Адрианъ, испивъ недалеко отъ усадьбы у болота воды, лежитъ на лугу въ травѣ въ корчахъ и мукахъ, холодѣющей и посинѣлой.

Смятеніе слушателей страшное. Братъ немедленно распоряжается о посылкѣ людей и телѣги за заболѣвшимъ, а тетьа рѣшительно требуетъ, чтобы безъ всякихъ ожиданій отвѣта насъ везли сейчасъ же въ Святское.

VII.

Тройка пѣгихъ лошадей брата уже стоитъ у подъѣзда, коренникъ кусаетъ удила, а пристяжныя, изогнувъ шеи, роютъ нетерпѣливо копытами песокъ. Все готово къ отъѣзду и сборы недолги; мы съ двоюродной сестрой идемъ прощаться съ тетей въ ея спальню, здѣсь насъ крестятъ, заставляють перецѣловать массу образковъ и ставятъ на колѣни передъ кіотами помолиться. Послѣднее «прощай», нѣтъ, впрочемъ—«досвиданья», и я, двоюродная сестра, ея компаньонка, мой репетиторъ и двоюродный братъ уже сидимъ въ линейкѣ и катимъ изъ воротъ усадьбы. На крыльцѣ еще стоитъ тетьа и посылаетъ намъ въ слѣдъ воздушные кресты; miss Gross тихо вытираетъ слезы, Марья Николаевна машетъ бѣлымъ платкомъ. Все это обычные аксессуары проводовъ, но въ нихъ отсутствуетъ одно, и что рѣзко бросается въ глаза: не слышно веселыхъ возгласовъ и благихъ пожеланій домового штата служащихъ, не видно привѣтливо кивающихъ изъ оконъ флигелей его наемныхъ обитателей. Кучками и порознь стоитъ на черномъ крыльцѣ, у воротъ и наружныхъ угловъ дома обширная дворня; всѣ лица печальны, угрюмы и блѣдны; у нѣкоторыхъ на глазахъ блестятъ слезы, и во взорѣ видится укорь, обращенный къ брату. Укорь этотъ точно говоритъ: «зачѣмъ вы насъ покидаете?».

Невесело что-то бѣжитъ лихая тройка; кучеръ Гаврило не пошвыстываетъ по обыкновенію удаю; во всей посадкѣ «наперсника младыхъ затѣй» брата не видно привычнаго ухарства и самоуверенности. Онъ мрачно молчитъ и съ несвойственной жестокостью бьетъ возжею любимую пристяжную Голубку; наконецъ, ему ста-

новится не въ мочь, онъ убавляетъ шагъ лошади и обращается какъ-то не то насмѣшливо, не то озлобленно къ брату:

— Ну, а старые господа когда уѣдутъ изъ дома?

— Они никуда не поѣдутъ,—отвѣчаетъ нехотя братъ.

— Какъ же такъ? ужъ заодно бы всѣмъ покинуть домъ, а то что тянуть-то...

— Чего ты болтаешь?

— Чего я болтаю? а то видно, что господа насъ, людей, бросать хотятъ. Оно, конечно, къ господамъ-то болѣзнь не пристаётъ, а лишь беретъ себѣ нашего брата, а все же всѣмъ боязно. Ну, и ѣхали бы ужъ всѣ вмѣстѣ, а домъ бы заколотили. Пуцай, мошь, безъ насъ люди околѣваютъ, какъ собаки!

— Гаврило!— ужъ сердито кричитъ братъ.— Я даю честное слово, что ни папа, ни мама изъ усадьбы не уѣдутъ, а я съ тобой завтра же на зарѣ вернусь домой. Мы людей и домъ не оставимъ и, если суждено умирать, то умремъ всѣ вмѣстѣ, какъ вмѣстѣ жили до сихъ поръ.

Этотъ окрикъ и горячая рѣчь брата производятъ свое дѣйствіе. Гаврило ужъ ласково оборачивается на своего барина, ухарски сдвигаетъ на бокъ плисовую съ павлиньими перьями шапку, подбираетъ возжи и пускаетъ тройку во всю, какъ онъ обыкновенно ѣздитъ съ молодымъ Сергѣевымъ.

Намъ весело на линейкѣ; мы забыли ужъ оставленные позади минуты страха и мечтаемъ о большой липовой аллеѣ Святскаго, дорожкахъ шиповника и прелестной террасѣ. Одно за однимъ мелькаютъ мимо насъ знакомыя села и усадьбы; проѣхали уже Брянцево, Оржевку, Липки, вотъ Бучелово, Ивановка, а сейчасъ будетъ Троицыно съ его красивой церковью, высокой колокольней и такъ называемымъ бабушкинымъ домомъ, гдѣ вѣчно сидитъ съ чулкомъ въ рукѣ незнакомая намъ владѣлица Троицына, дряхлая старушка въ бѣломъ чепцѣ.

Проѣхавъ троицынскую рѣчку и поднявшись карьеромъ на крутой слѣдующій берегъ, Гаврило вдругъ сталъ придерживать лошадей и къ чему-то прислушиваться.

— А вѣдь Святскіе-то къ намъ навстрѣчу идутъ.

— Ну, почему ты думаешь?

— Да ужъ такъ знаю—колокольчикъ ихъ слышенъ. Ишь вдали-то дребезжить... Это какъ въ позапрошлый годъ Анисимъ конюхъ спяна уронилъ его, такъ онъ и дребезжать сталъ. Ужъ вѣрно говорю. Нечего намъ лошадей-то гнать, обождемъ лучше. Вотъ какъ они на пригорокъ съ лога поднимутся, такъ и сами увидите.

И дѣйствительно все ближе и ближе, все громче и громче сталъ доноситься до насъ дребезжащій звукъ одинокаго колокольчика, и вскорѣ передъ нами обрисовался неуклюжій и громоздкій тарантасъ съ тройкой чахлыхъ разношерстныхъ лошадей владѣльцевъ Святскаго.

— Что случилось?—подбѣгаетъ братъ къ тарантасу.

— Въ Святскомъ холера,—со слезами отвѣтила ему тетя Люба,— т. е. не въ самой усадьбѣ, а въ деревнѣ за рѣчкой. А у васъ всѣ здоровы?

— Какое тамъ! мы оттого и ѣдемъ въ Святское, что въ самой усадьбѣ у насъ есть заболѣвшіе. Я думаю, пастухъ Адрианъ теперь уже скончался.

Рыданія въ тарантасѣ дѣлаются громче, и въ серединѣ поля, на проѣзжей дорогѣ, при набѣгающей уже ночной темнотѣ, образуется особаго рода совѣщаніе, что дѣлать и куда ѣхать.

Дядя Коля вылѣзаетъ изъ экипажа и, насвистывая какую-то итальянскую арію, шагаетъ по дорогѣ съ братомъ. Компаньонка и репетиторъ успокоиваютъ тетю, а маленькіе двоюродные братишки, воспитанники мѣстной военной гимназіи, съ жаромъ рассказываютъ мнѣ и сестрѣ о приращеніи къ ихъ громадной сворѣ собакъ новыхъ щенятъ.

Совѣщаніе кончается тѣмъ, что рѣшено ѣхать обратно въ Сергѣевку: тамъ хоть есть случай холернаго заболѣванія, но пострадавшій лежитъ не во дворѣ усадьбы, а по ту сторону пруда. Съ другой стороны, можно будетъ домъ совсѣмъ разобщить съ остальными жилыми помѣщеніями, а въ случаѣ надобности въ Сергѣевкѣ и къ доктору ближе и аптека въ большемъ порядкѣ.

И вотъ мы снова по освѣщенной луннымъ сіяніемъ дорогѣ катимъ обратно. Бодро бѣжитъ тройка брата, чуя близость родныхъ конюшенъ, посвистываетъ на козлахъ Гаврило, и съ трудомъ поспѣваетъ за нами тяжелый экипажъ Святскаго. Дома насъ встрѣчаютъ съ изумленіемъ и тревогой: не заболѣлъ ли кто въ дорогѣ? Старшіе удаляются въ кабинетъ дяди для дальнѣйшаго обсужденія дѣлъ, а молодую команду кормятъужиномъ, поятъ чаемъ и отправляютъ спать: утро вечера мудренѣе; но дожидаться этого утра не удалось.

VIII.

Ранней зарею я былъ разбуженъ какимъ-то необычайнымъ движеніемъ въ домѣ. Чей-то голосъ надъ моей кроватью тревожно говорилъ:

— Да, ну, вставай же скорѣе, очнись. Лошади ужъ запряжены, пора ѣхать.

Тусклое утро непривѣтливаго дня глядѣло въ окно, слабо освѣщая разбросанные на полу комнаты чемоданъ, кучки платья и бѣлья.

— Что такое, что случилось?—капризнымъ голосомъ спросонья спросилъ я.

— Одѣвайся, одѣвайся скорѣе, некогда разговаривать,—отвѣчала miss Gross, суетясь по комнатѣ и запихивая въ сундукъ рубашки, наволочки, простыни.

Наскоро одѣвшись, я не успѣлъ даже умыться; мнѣ велѣли идти въ столовую, но не по обычному и кратчайшему ходу—черезъ дѣвичью, а черезъ садъ, кругомъ дома. Въ столовой вся семья уже была въ сборѣ, всѣ лица были встревожены, у обѣихъ тетей глаза заплаканы, на столѣ стояли неубранные еще отъ ужина обѣдки телятины, рисоваго пудинга, стаканы недопитаго кваса; горѣла еще непогашенная лампа, что придавало при двойномъ свѣтѣ особенно неряшливый видъ комнатѣ. Откуда-то издали, изъ комнатъ за корридормомъ, раздавались глухіе стоны и рыданія; слышалось чье-то причитаніе и чей-то грубый мужской голосъ, распорядившійся посылкой за горячими каменными кувшинами. Было ясно, что злая и незванная гостья забралась въ домъ и произвела всю эту сумятицу и переполохъ. И дѣйствительно изъ отрывистыхъ разговоровъ старшихъ я понялъ, что ночью въ усадьбѣ обнаружались еще два случая заболѣванія холерой. Во флигелѣ семья управляющаго суежилась вокругъ умиравшей въ жестокихъ мученьяхъ старушки матушки, а въ домѣ, въ дѣвичьей, стонала и металась по постели одна изъ самыхъ разбитныхъ и бойкихъ горничныхъ, курносая Аксюша...

Снова насъ повели въ комнату тети, опять поставили на колѣни передъ образомъ Божьей Матери; тетя читала надъ нами молитвы, осѣняла крестнымъ знаменіемъ и, заливаясь слезами, торопилась садиться въ экипажи, чтобъ ѣхать въ Святское. Никто изъ дворни не выбѣжалъ насъ провожать, даже собаки какъ-то уныло терлись около фаятоновъ и тарантасовъ, и все, начиная съ этого глухого безмолвія кругомъ и кончая сѣрымъ зачинающимся дождливымъ днемъ, указывало на невеселую предстоящую дорогу. Утренній сырой холодъ непріятно пробѣгалъ по тѣлу, хотѣлось спать и подъ вліяніемъ слезъ провожающихъ плакать и брюзжать. Утомленные путешествіемъ наканунѣ лошади бѣгутъ вяло и неохотно, кучера сонно покрикиваютъ на своихъ коренниковъ, а мы сами въ экипажахъ клюемъ носомъ, толкаемъ во снѣ другъ друга, ворчимъ и на толчки, и на тихую ѣзду, и на невозможность протянуть ноги. Снова мимо потянулись знакомые ландшафты, не возбуждая, однако, на этотъ разъ ни веселыхъ воспоминаній, ни пріятныхъ ощущеній. Къ концу пятичасоваго безъ отдыха пути мы, наконецъ, въѣхали въ усадьбу Святское и, утомленные дорогою и безсонною ночью, завалились по всѣмъ комнатамъ, на чемъ попало спать...

Жизнь въ Святскомъ значительно различалась отъ таковой же въ Сергѣевкѣ. Хотя здѣсь также царилъ полный духовный квіетизмъ, лѣтнее бездѣйствіе, даже еще въ большей степени, но тутъ не было знакомаго многолюдія, движенія и широкаго приволья. Это ужъ было имѣніе оскудѣвшее, сдаваемое въ аренду сосѣднему купцу, за неумѣніемъ дяди Коли распорядиться несложнымъ хо-

зайствомъ, однако еще не заложенное въ Петербургскомъ банкѣ. Штатъ прислуги здѣсь былъ очень ограниченъ, флигеля, пристройки и службы почти отсутствовали; не было конскаго завода, какъ въ Сергѣевкѣ, да и самъ домъ былъ меньшихъ размѣровъ. Семья состояла изъ дяди Коли, тети Любы, его жены, и двухъ сыновей, военныхъ гимназистиковъ.

Хозяинъ Святскаго походилъ на своего брата любовью ко всему заграничному, картинамъ и гравюрамъ, но превосходилъ его начитанностью, бывалостью, такъ сказать, а главное остроуміемъ и замѣчательнымъ спокойствіемъ. Нѣкоторые злые языки говорили, что все его остроуміе не самобытное, а заимствованное изъ старинныхъ французскихъ кенігъ, которыхъ въ библіотекѣ его было множество; можетъ быть, это было и такъ, но во всякомъ случаѣ владѣлецъ Святскаго было одинъ изъ самыхъ интересныхъ собесѣдниковъ, какихъ я только встрѣчалъ въ жизни. Онъ остроумно поддразнивалъ меня латинскими цитатами, компаньонкѣ сестры задавалъ нѣмецкіе загадки и, подмигивая на моего репетитора, доводилъ ее почти до слезъ стихами изъ Гёте и Шиллера.

Тетя Люба была очень умная, добрая и душевная женщина, но отличалась одною странною, чтобъ не сказать сильнѣе, слабостью. Страсть къ собакамъ точно поглотила значительную часть ея жизни. Видаль я въ жизни собачниковъ, но ничего подобнаго тому, что происходило въ Святскомъ, я нигдѣ и никогда не наблюдалъ. Здѣсь царилъ истинный культъ, царство собачье. Множество представителей какой-то мудреной собачьей породы—маленькихъ, сѣрыхъ, кудрявыхъ, цѣлый день наполняли домъ своимъ визгомъ и лаемъ. Имъ было отведено при домѣ помѣщеніе въ двѣ комнаты съ балкономъ-террасою и прихожей и палисадникъ; при нихъ состояла особая прислуга—грязная женщина, отъ которой за много шаговъ несло псиной. Какъ только тетя просыпалась, она немедленно звала горничную, распорядилась призывомъ любимцевъ, и вотъ свора разныхъ Толли, Нелли, Руселей и другихъ подобныхъ съ радостнымъ визгомъ и лаемъ взапуски неслась къ тетѣ, всакивала на кровать и начинала лизать лицо, шею, руки своей хозяйки. Даже когда эти собаченки околѣвали, то ихъ съ торжествомъ и плачемъ предавали землѣ на особо для того отведенномъ мѣстѣ—на холмѣ, въ концѣ чудной широкой липовой аллеи, а на могилкахъ ихъ сажали кустики вербъ, какъ памятникъ жизни этихъ четвероногихъ существъ. Если откинуть эту слабость тети Любы, то въ остальныхъ сторонахъ своего характера это была очень хорошая женщина, любвеобильная, нѣжная и внимательная ко всѣмъ окружающимъ. Кадеты, т. е. военные гимназисты, какъ въ то время ихъ называли, были большіе шалуны, носились по саду, какъ вѣтеръ въ полѣ, и ни въ грошъ не ставили своего воспитателя—m-g Jean. Да и трудно было питать какое нибудь чувство почтенія

или уваженія къ этому грязному, грубому французу, по профессіи мозольному оператору. Какъ дядя, человекъ брезгливый и съ высоко-художественнымъ пониманіемъ, терпѣлъ въ домѣ эту парію, трудно себѣ объяснить. Это было невыразимо грязное, никогда не мывшееся существо, цѣлый день мечтавшее только о ночномъ времени, когда въ одиночку можно будетъ нализаться сивухой изъ мѣстнаго кабака. Въ этой терпимости къ нему сказывалась обычная Сергѣевская цепетильность: ошиблись человекомъ, ну, что же дѣлать? Надо потерпѣть — не гнать же его со двора! Впоследствии, когда Святское опустѣло и жители его перекочевали въ губернской городъ, французъ нашелъ себѣ болѣе подходящее занятіе, нежели менторство. Одинъ богатый помѣщикъ пріютилъ его у себя и приставилъ сторожемъ къ своей любимой собакѣ, отведя ему столъ и помѣщеніе въ одномъ изъ флигелей и открывъ кредитъ для удовлетворенія жажды водки въ сельскомъ питейномъ домѣ.

На всей жизни Святскаго, какъ я уже сказалъ, лежала печать оскудѣнія; тутъ не было ни обилія прислуги ни разнообразія ѣды, ни баловства, ни широкаго размаха гостепріимства. Въ домѣ вѣяло нѣкоторой пустотой и холодомъ. Конечно, намъ, гостямъ, было предоставлено всего въ волю, за нами ухаживали, насъ ласкали, но все же нѣтъ-нѣтъ, да и вспоминалась намъ милая Сергѣевка и ея жители. Что-то тамъ дѣлается, какъ тамъ поживаютъ? А вѣстей оттуда никакихъ не приходило, оба имѣнія были разобщены, и старое наше гнѣздо, точно зачумленное, было отрѣзано отъ всего міра; только объ насъ, дѣтяхъ, съ оказіями, черезъ проѣзжавшихъ купцовъ и мужиковъ, давали туда еженедѣльные вѣсточки. Въ Святское холера не проникла и разговоры о жестокой болѣзни были здѣсь рѣдки и всѣми старательно избѣгались: еще накличешь бѣду, думалось всѣмъ, а потому предпочитали настраивать себя на жизнерадостный и веселый ладъ, чему не мало содѣйствовалъ остроумный дядя Коля.

Наконецъ, послѣ двухъ недѣль карантина, въ одинъ прекрасный августовскій вечеръ, послышался громкій звонъ серебряныхъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, и во дворъ Святскаго влетѣла елсдерживаемая, нарядная, вся въ лентахъ и сверкающихъ бляхахъ, пѣгая тройка двоюроднаго брата. Ура! за нами пріѣхали... Обитатели Святскаго рѣшили, что и они будутъ насъ сопровождать, чтобъ лично посмотрѣть на освобожденное отъ заразы родное мѣсто, такъ какъ отъ бывшаго сильно навеселѣ Гаврилы трудно было разузнать что либо толкомъ. И вотъ на слѣдующій день послѣ ранняго обѣда два экипажа, находившіеся по своему наружному виду въ полной дисгармоніи, снова двинулись въ путь, но уже не съ тѣми удрученными и хмурыми путниками, какъ это было еще

недавно, а съ веселыми и нетерпѣливыми молодыми господами, жаждавшими скорѣе броситься на шею и прижаться къ сердцу своихъ дорогихъ родныхъ.

IX.

День уже клонится къ вечеру, и томительная жара начинаетъ уступать легкой прохладѣ. Лошади бѣгутъ бодрѣе, и на длинной линейкѣ раздается веселая хоровая пѣсня; проѣхали рощу, гумно, гдѣ идетъ знакомая горячая работа, и слышенъ свистъ и грохотъ молотилки и вѣялки; пронеслись мимо служилыхъ строеній и съ оглушительнымъ звономъ бубенцовъ останавливаемся у подъѣзда. Слезы счастья, радостныя восклицанія, объятія и поцѣлуи... Наши всѣ налицо, всѣ здоровы, но какъ-то точно утомлены, смущены и нѣсколько обезпокоены; въ обычной картинѣ встрѣчи чего-то недостаетъ, какая-то часть выпала, и чувствуется нѣкоторая пустота. Да, чего-то не хватаетъ... но чего именно—не разберешь. И пристально всматриваясь въ окружающій міръ, замѣчаешь, что какъ будто на дворѣ усадьбы сдѣлалось менѣелюдно, менѣе шумно. Нѣтъ въ этой порѣдѣвшей кучкѣ дворовыхъ многихъ знакомыхъ лицъ, которыя прежде такъ рельефно бросались въ глаза. Не видно широко улыбающейся глуповатой фізіономіи Емельяна, приставленнаго къ чисткѣ сапогъ и раздуванью самовара, не тѣснится къ намъ старушка-мать изъ семьи управляющаго, не бросается «къ ручкѣ» грузная и плутоватая прачка, не прыгаютъ вокругъ экипажа многіе изъ дворовыхъ малышей съ ихъ желтоватыми, точно лень волосами, не обрисовываются въ почтительномъ отдаленіи нѣкоторые изъ третлестепенныхъ обитателей служилыхъ строеній—пастухъ, скотница, стряпуха и еще другіе. Гдѣ они, куда они дѣвались? Мы удивленно осматриваемся кругомъ и читаемъ наконецъ на уловившемъ наше недоумѣніе лицѣ тети отвѣтъ мучащимъ насъ вопросамъ: ихъ нѣтъ, и больше ихъ уже мы никогда не увидимъ. Безпощаднымъ и грознымъ вихремъ налетѣлъ злой ураганъ на родную усадьбу и унесъ съ собою необходимое число жертвъ. Правда, самый домъ не пострадалъ, и даже заболѣвшая горничная Аксюша выскочила изъ когтей смерти, но дворня... дворня понесла большой уронъ, и мѣстное сельское кладбище дало пристанище болѣе, чѣмъ десятку людей, не считая дѣтей и младенцевъ.

Всѣ эти знакомыя лица, съ которыми связано было все дѣтство, и которыхъ мы привыкли видѣть и слышать ежедневно во дворѣ Сергѣевки, подвели раньше другихъ своихъ собратьевъ грустный итогъ жизни. Для нихъ уже въ 1873 году разрѣшились всякіе жгучіе вопросы о хлѣбѣ насущномъ, мѣстѣ обитанія и наемномъ трудѣ у чужихъ людей; для остальныхъ же, оставшихся тогда въ

живыхъ, всѣ эти вопросы грозно предстали къ разрѣшенію черезъ десять лѣтъ, когда сами владѣльцы Сергѣевки съ трудомъ и лишеніями находили себѣ средства пропитанія и отдохновенія. Всѣ эти оставшіеся въ живыхъ горничные, ключницы, садовники и конюхи послѣ погрома «дворянскаго гнѣзда» въ 1880-хъ годахъ разбрелись по разнымъ концамъ уѣзда и долго не имѣли возможности какъ нибудь пристроиться. Своего куска земли законъ 19 февраля имъ не далъ, къ строгимъ требованіямъ хорошаго труда они не были приучены и на вопросъ: «откуда вы?»—«мы Сергѣевскіе»... слышали только поспѣшный отказъ: «балованные, распущенные!»... Впослѣдствіи, когда много лѣтъ спустя мнѣ приходилось поинтересоваться судьбою того или другого двороваго обитателя Сергѣевки, я въ большинствѣ случаевъ получалъ неутѣшительныя извѣстія: одинъ спился и сдѣлался кабачнымъ завсегдатаемъ, другая спустилась въ тину разврата и пошла по деревнѣ ходить съ рукъ на руки подъ кличкой «гулящей бабенки»... Не приставленные закономъ къ землѣ и волею рока оторванные отъ барской усадьбы, гдѣ все же надъ ними тяготѣла хоть нѣкоторая дисциплина, всѣ эти горько обиженные судьбою явились въ села и деревни тѣмъ заразнымъ и развращающимъ элементомъ, который принесъ столько зла и вреда нашему крестьянскому люду. Плодя вокругъ себя горе и бѣду, они и сами себѣ не находили радости и довольства. Кто былъ счастливѣе: тѣ ли, что нашли свой конецъ въ «черные дни» 1873 года, или тѣ, которые еще черезъ десять лѣтъ умерли моральной смертью,—предоставляю судить читателямъ. Мнѣ некогда давать отвѣтъ—меня зовутъ въ залъ на молебень по случаю избавленія усадьбы отъ холеры...

Дребезжающимъ голосомъ читаетъ передъ аналоемъ молитвы старичекъ священникъ, гнусавымъ голосомъ подпѣваетъ ему дьячекъ, и горячо молится впереди всѣхъ на колѣняхъ тетя Вѣра. Дворянка столпилась у дверей корридора и столовой, но вмѣсто Емельяна, подававшего всегда батюшкѣ кадило, выступаетъ на первомъ планѣ дядинъ кучеръ, степенный Абрамъ. Это обстоятельство рѣзко напоминаетъ минувшее горе и прожитые «черные дни»...

Кончилась служба, и мы попрежнему всѣ вмѣстѣ, всей дружной и любящей семьей; сидимъ за вечернимъ чаемъ, наслаждаясь и присутствіемъ другъ друга и тихой прелестью спустившейся на землю лѣтней ночи. Ярko выдѣляется на темносинемъ небѣ прямо надъ балкономъ созвѣздіе Большой Медвѣдицы, тихо шелестятъ листья плакучей березы и развѣсистаго дуба, а изъ большого зала по нашей общей просьбѣ ужъ несутся могучіе звуки симфоній Моцарта и Бетховена. Тетя Вѣра точно привѣтствуетъ страстными аккордами зарю новыхъ дней и возвращеніе на родное пепелище своихъ дѣтей, которыхъ небо сохранило ей здоровыми и попрежнему счастливыми...

— Няня, а няня!—спрашиваю я старушку, раздвѣаясь въ своей комнатѣ ко сну,—а страшно было вамъ тутъ?

— И, дѣточка, зачѣмъ на сонъ грядущій вспоминать страшное: еще пригрезится что ночью. Ты вотъ лучше помолись хорошенько, да вспомни въ своихъ молитвахъ Боголюбскую Божию Матерь. Она, наша заступница, по ходатайству барыни, спасла весь домъ, и ей мы обязаны своими животами.

И няня рассказала мнѣ интересное видѣніе во снѣ тетѣ Вѣрѣ. Когда мы уѣхали въ Святское, и весь домъ точно оцѣпенѣлъ въ ужасѣ, ожидая вслѣдъ за Аксюшей и другихъ больныхъ, тетя, измученная и усталая, прилегла послѣ долгой горячей молитвы отдохнуть. Одинъ кошмаръ за другимъ тревожитъ ея нервный сонъ, она съ криками просыпается, но тутъ же тяжело опять засыпаетъ. И вдругъ ей стало какъ-то легче и отраднѣе; комната сразу наполнилась необычайнымъ блескомъ и свѣтомъ и къ постели ея подходит въ бѣлыхъ блестящихъ ризахъ посланникъ неба. Онъ приказываетъ ей немедленно отправиться въ церковь села Богатаго, отыскать тамъ образъ Боголюбской Божіей Матери, перенести его въ усадьбу и поставить въ углу большого зала, на такъ называемомъ Гениномъ мѣстѣ, гдѣ на столикѣ постоянно красовался въ память покойнаго сына Евгенія букетъ цвѣтовъ. «Тогда,—сказалъ ангель,—бѣда минуетъ твой домъ, и никто изъ живущихъ въ немъ ни заболѣетъ, ни умретъ отъ страшной болѣзни». Сказалъ и исчезъ.

Тетя въ страхѣ проснулась отъ такого необычайнаго видѣнія, передала о своемъ снѣ домашнимъ и съ дядей отправилась въ церковь за поисками образа. Но тщетно, при содѣйствіи о. Сергія, искали они указанный образъ—онъ не находился и не значился въ описи церковнаго инвентаря. Тетя вернулась домой смущенная и задумчивая. Ночью сонъ повторился, и ангель настойчиво подтвердилъ свои слова. Новая поѣздка въ церковь и, наконецъ, дѣйствительно въ углу алтаря, чуть ли не подъ самымъ потолкомъ, нашли маленькій почернѣвшій отъ времени деревянный образокъ Боголюбской Божіей Матери. Кто повѣсилъ его сюда, какъ не попалъ онъ въ опись инвентаря, оставалось для всѣхъ загадкою. Конечно, образъ былъ перевезенъ въ усадьбу, установленъ на указанномъ мѣстѣ, и тетя ежедневно совершала здѣсь свои утреннія и ночныя моленія. Появленіе этой святыни подняло духъ населенія дома, простая дѣтская, но горячая вѣра его жителей ободрила всѣхъ уstraшенныхъ и трепетавшихъ, и жизнь приняла свое нормальное теченіе. Какъ бы въ награду за эту глубокую вѣру и молитву лихая хворость пощадилась домъ. Въ то время, какъ болѣзнь дѣлала опустошенія во флигеляхъ, на конюшнѣ и другихъ службахъ, сюда она не заглядывала; даже горничная совсѣмъ оправилась, а остальные дворовые, не смотря на постоянное общеніе съ больными и отсутствіе всякихъ мѣръ предосторожности, чувствовали себя во весь періодъ эпидеміи здоровыми и бодрыми.

Снова потекли свѣтлые дни жизни въ Сергѣевкѣ, и грустное прошлое скоро забылось, но мнѣ недолго суждено было наслаждаться роднымъ привольемъ и довольствомъ. Лѣто приходило къ концу, а съ нимъ вмѣстѣ и мои каникулы. Надо было уже ѣхать на сѣверъ въ мертвый міръ языковъ и людей, сдавать переэкзаменовки изъ латинскаго и греческаго языковъ, знакомиться съ новыми преподавателями и... по всей вѣроятности, снова сидѣть за шалости въ карцерѣ и оставаться «безъ отпуски», «безъ обѣда и завтрака». Довольно—гулялъ ты немало, пора за работу, родной!».

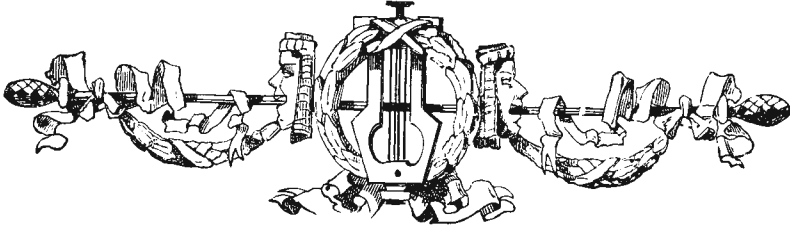
Наемная пара лошадей стоитъ у подъѣзда, чемоданы уложены и привязаны къ экипажу; раздаются послѣднія восклицанія и пожеланія:

- Будь здоровъ, береги себя!..
- Не шали и учись хорошенько...
- Кланяйся въ Петербургѣ дядѣ, тетѣ...
- Съ Богомъ, трогай!..

Ямщикъ задергалъ веревочными возжами, чахлыя лошади затоптались на мѣстѣ, и подпрыгивая и скрипя деревянными плохо смазанными колесами, бричка покатила по дорогѣ къ желѣзнодорожному вокзалу. Прощай, милая Сергѣевка, до будущаго лѣта! Прощайте и вы, дорогіе близкіе мнѣ люди!..

Больше двадцати лѣтъ уже прошло съ того времени; много воды утекло, многое исчезло съ земли. Нѣтъ уже болѣе родной Сергѣевки, нѣтъ ея милыхъ владѣльцевъ — «однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече», и осталась только свѣтлая и святая память о минувшихъ дняхъ юности. И вотъ, когда мнѣ приходится пробѣгать за послѣдніе три года разные газетные листки съ грозными рубриками «заболѣло», «выздоровѣло», «умерло», я какъ-то невольно ищу глазами той строчки, гдѣ обозначена родная мнѣ губернія. Мысль по инерціи несется къ прошлому, и возстаютъ передъ затуманившимися очами длинной вереницей картины минувшаго съ ихъ дорогими образами и знакомыми мѣстами. Цыфры рубрикъ въ этой строчкѣ для меня не «мертвыя души». Я со страхомъ и замираніемъ сердца думаю, не попалъ ли сюда кто изъ уцѣлѣвшихъ и разбросанныхъ по родному уѣзду Сергѣевскихъ жителей. А отъ этой мысли память переноситъ меня къ 1873 году, когда пришлось лишиться столькихъ ихъ братьевъ и сестеръ и записать ихъ навсегда въ сердцѣ подъ рубрику «живыхъ цыфръ» умершихъ.

Б. Глинскій.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

XXXVIII.

П. П. Пронскій.—Законодатель модъ.—Происхожденіе Пронскаго.—Начало театральной карьеры.—Одобреніе Живокини.—Закулисныя и житейскія приключенія Пронскаго.—Донъ-жуанскія наклонности.—Романическая женитьба.—Пронскій, какъ товарищъ.—На выручку губернаторскаго сына!—Служба Пронскаго въ Петербургѣ.—Его костюмы.—Претерпѣваемыя имъ неприятели изъ-за нихъ.—Переходъ на другое амплу.—Черта его характера.—Урокъ шутнику.—Объясненіе съ Ѳедоровымъ.—Тонкій полемическій приѣмъ.—Болѣзь и смерть Пронскаго.

ОДНИМЪ изъ самыхъ симпатичныхъ и близкихъ мнѣ сослуживцевъ былъ актеръ Платонъ Петровичъ Пронскій, вообще всѣми любимый за свою утонченную вѣжливость и умѣнье держать себя просто, но съ достоинствомъ, какъ за кулисами театра, такъ равно и въ обществѣ.

На сценѣ онъ рѣзко выдѣлялся среди коллегъ своими безукоризненными костюмами, всегда модными, изящными и дорогими. Поэтому онъ слылъ законодателемъ модъ, и ему рабски подражали петербургскіе джентльмены.

По рожденію Пронскій не принадлежалъ къ актерскому міру. Онъ происходилъ изъ очень богатой купеческой семьи Владиміровыхъ-Вѣтровыхъ, пользовавшейся большою извѣстностью въ городѣ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVII, стр. 678.

Тулѣ. Объ актерской карьерѣ Платонъ Петровичъ никогда не мечталъ и на сцену попалъ совершенно случайно. Осиротѣвъ въ юности, онъ наслѣдовалъ отъ родителей порядочный капиталъ, съ которымъ обращался такъ неосторожно, что вскорѣ дошелъ до полнѣйшаго разоренія. Не видя исхода наступившей крайности—онъ рѣшился, не безъ отчаянія, попытать свои силы на подмосткахъ мѣстнаго театра. Первый дебютъ увѣнчался успѣхомъ. Приѣзжавшій въ Тулу на гастроли московскій артистъ В. И. Живокини одобрилъ его первое появленіе на сценѣ и предсказалъ ему хорошую будущность. Ободренный такимъ лестнымъ вниманіемъ знаменитаго комика, Пронскій сталъ усердно работать надъ собой и вскорѣ сдѣлался прилежнымъ актеромъ. Пророчество Живокини оправдалось: Платонъ Петровичъ быстро пріобрѣлъ въ провинціи извѣстность и былъ желаннымъ гостемъ въ каждомъ большомъ городѣ. Повсюду онъ пользовался большимъ успѣхомъ и въ особенности въ Харьковѣ, гдѣ прослужилъ много лѣтъ подъ рядъ на правахъ любимца...

Вся театральная жизнь Пронскаго была переполнена различными приключеніями и въ большинствѣ любовнаго свойства. Про его донъ-жуанскія похождения составлялись легенды, а его умѣнье очаровывать женщинъ считалось неподражаемымъ. На сценѣ онъ изображалъ пылкихъ любовниковъ такъ же хорошо, какъ и въ жизни...

Обладая вполнѣ «артистической» впечатлительной натурой, Платонъ Петровичъ обожалъ во всемъ романтическую обстановку и поэтическіе эффекты. Это было его слабостью. Онъ даже и женился—то романтическимъ образомъ.

Влюбившись въ молоденькую провинціальную актрису, Платонъ Петровичъ сдѣлалъ ей предложеніе, но родители ея, въ силу какихъ-то обстоятельствъ, это предложеніе отклонили. Тогда Пронскій уговорилъ дѣвушку на тайный бракъ. Она согласилась. Послѣ какого-то утренняго обстановочнаго¹⁾ спектакля онъ увезъ ее чуть ли не въ испанскомъ костюмѣ изъ театра прямо въ церковь подъ вѣнецъ. Однако, не взирая на очевидную любовь, потребовавшую героизма, Платонъ Петровичъ недолго пользовался семейнымъ счастіемъ около домашняго очага. Молодые супруги вскорѣ послѣ свадьбы другъ въ другѣ разочаровались и разошлись. Неизвѣстно, какую о немъ сохраняла память она, но онъ никогда не припоминалъ своей жены и даже не имѣлъ ея портрета.

Пронскій идеально смотрѣлъ на товарищество. Его дружбой можно было дорожить и гордиться. Для друга онъ могъ принести

¹⁾ Т. е. костюмнаго, когда актеры фигурируютъ на сценѣ не въ обыкновенныхъ городскихъ костюмахъ современнаго покроя, а въ какихъ нибудь историческихъ или иностранныхъ.

какія угодно жертвы, никогда въ томъ не раскаиваясь. Эту симпатичную сторону его характера могу подтвердить фактомъ.

Во время своей службы въ Харьковѣ онъ былъ друженъ съ сыномъ мѣстнаго губернатора, строгаго и всесильнаго начальника губерніи. Пронскому было извѣстно, что его пріятель влюбленъ въ прекрасную дѣвушку изъ небогатаго семейства; также было извѣстно ему и то, что отецъ молодого человѣка не даетъ своего разрѣшенія на этотъ бракъ. Платонъ Петровичъ очень сочувствовалъ жениху и согласился помочь ему устроить тайную женитьбу. Влюбленные обвѣнчались, надѣясь въ недалекомъ будущемъ умилоstinить отца и получить его прощеніе. Въ городѣ оставаться было новоженамъ нельзя: губернаторъ началъ розыскивать непокорнаго сына, о свадьбѣ котораго ему было донесено. Чета скрылась въ лѣсу, отстоявшемъ неподалеку отъ Харькова. Ихъ гостепріимно пріютиль у себя лѣсникъ, у котораго они пробыли порядочное время, пока гнѣвъ отца не утихъ совершенно. Вотъ въ это-то тяжелое для молодыхъ время Пронскій и проявилъ свое мужество, выказавъ себя умѣющимъ быть истиннымъ другомъ. Когда мѣстные сыщики допрашивали его, пуская въ ходъ угрозы, о мѣстопробываніи губернаторскаго сына, онъ наотрѣзъ отказался удовлетворить ихъ законное любопытство; между тѣмъ ежедневно, подвергаясь опасности, Платонъ Петровичъ совершалъ прогулку въ лѣсъ къ своимъ «тайнобрачнымъ» друзьямъ, для чего переряжался въ крестьянскій костюмъ, дабы не быть узнаннымъ и прослѣженнымъ. Его визитами обуславливалось существованіе супруговъ, которымъ онъ доставлялъ пищу и вообще все нужное. Разумѣется, въ концѣ концовъ это, какъ и слѣдовало ожидать, окончилось благополучно, однако на Пронскаго не переставалъ сердиться губернаторъ, хотя, впрочемъ, только наружно.

Пріѣхавъ изъ провинціи въ Петербургъ и вступивъ въ составъ труппы Александринскаго театра, Платонъ Петровичъ занялъ амплу второго любовника и первоначально не пользовался успѣхомъ. Подняться въ глазахъ зрителей ему мѣшали костюмы, на которые онъ расходовалъ чуть ли не весь свой заработокъ. Всѣ его платья были безукоризненно модны и хороши, а между тѣмъ за это надѣ нимъ смѣялись до издѣвательства. Даже въ театральныхъ рецензіяхъ зоилы не упускали случая подтрунить надъ его панталонами, точно не умышленно забывая въ немъ актера. Это всегда его обижало. Да и дѣйствительно какъ было не обижаться, если его злословили только за изящные костюмы, которыми одинъ только онъ и щеголялъ. Казалось бы, что хорошій нарядъ на актерѣ долженъ производить пріятное впечатлѣніе, а между тѣмъ этимъ хорошимъ нарядомъ достигалось обратное дѣйствіе. Какъ ни странно, а фактически вѣрно. Въ наше время ужъ, конечно, онъ не былъ бы «притчею во языцѣхъ», и его гардеробъ считался бы «серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу».

Только съ переходомъ на другое амплуа, вполсѣдствіи болѣе соотвѣтствовавшее возрасту, о Пронскомъ стали отзываться одобрительно. Въ роляхъ пожилыхъ свѣтскихъ людей, благородныхъ отцовъ и даже злодѣевъ онъ сдѣлался незамѣнимымъ. Его исполненіе Гаріеса въ «Хижинѣ дяди Тома», отца въ «Злобѣ дня» и Скалозуба въ комедіи «Горе отъ ума» могло удовлетворить самага зыскательнаго критика...

Пронскій всегда бывалъ вѣжливъ, сдержанъ и любезенъ, но въ минуты раздраженія онъ становился рѣзкимъ и непримиримымъ. Будучи весьма самолюбивымъ, Платонъ Петровичъ никому не прощалъ насмѣшекъ надъ собою, даже по существу чрезвычайно невинныхъ. Онъ былъ слишкомъ чувствителенъ къ обидамъ и ни одного обидчика не оставлялъ безъ внушительнаго урока. За примѣромъ ходить не далеко. Однажды, во времена газетныхъ нападокъ на Пронскаго, заходитъ въ его уборную нѣкій чиновникъ, представлявшій изъ себя что-то такое въ хозяйственной части дирекціи. Онъ пользовался крайне сомнительной репутаціей, но считался весельчакомъ и каламбуристомъ, благодаря чему и былъ терпимъ въ обществѣ. Придерживаясь постоянно пріятельскаго тона въ обращеніи съ артистами, онъ шутя сказалъ Платону Петровичу въ присутствіи нѣкоторыхъ товарищей:

— А вы читали, какъ васъ сегодня продернули въ «Петербургскомъ Листкѣ»? Замѣчательно забавно.

Пронскій моментально измѣнился въ лицѣ, но, не теряя самообладанія, возразилъ:

— А вамъ это, кажется, доставляетъ большое удовольствіе?

— Какое-жъ мнѣ, помилуйте, удовольствіе? Я только такъ, къ слову...

— Ну, конечно же, удовольствіе! Вы съ такимъ торжествомъ, съ такой радостью объявляете мнѣ при всѣхъ эту новость.

— Ахъ, что вы! Я безъ всякой радости... просто шутя, потому что тамъ такъ смѣшно написано.

— Мало ли чего смѣшнаго пишутъ и говорятъ про людей, но это не даетъ права подходить къ осмѣяннымъ и съ злорадствомъ напоминать имъ объ этомъ. Я вотъ, напримѣръ, давно въ чрезвычайно забавныхъ выраженіяхъ слышу отъ многихъ, что вы негодяй и казнокрадъ, но я этому не смѣюсь, не рассказываю другимъ, а ужъ въ особенности никогда не рѣшился бы сообщать объ этомъ вамъ, да еще при свидѣтеляхъ. Какъ видите, по отношенію къ вамъ я до сего былъ деликатенъ, поэтому прошу и васъ быть со мною болѣе осмотрительнымъ и впредь не передавать ничего, что обо мнѣ говорятъ или пишутъ, какъ бы все это ни было смѣшно и великолѣпно.

Съ этого памятнаго вечера чиновникъ уже болѣе не заглядывалъ въ уборную Пронскаго и вообще избѣгалъ съ нимъ встрѣчь.

Нѣчто подобное было у Платона Петровича при объясненіи съ начальникомъ репертуара П. С. Ѳедоровымъ, который имѣлъ неосторожность обмолвиться ему одною изъ любимыхъ своихъ отговорокъ. Какъ-то Пронскій является официально къ нему спросить, почему ему отказано въ какой-то просьбѣ. Ѳедоровъ отвѣтилъ, что это сдѣлано по приказанію главнаго начальника театровъ барона Кистера, который будто бы его, Пронскаго, не любитъ.

Платонъ Петровичъ нервно передернулся, поблѣднѣлъ и, страшно волнуясь, воскликнулъ:

— Какъ же вамъ не грѣшно и не стыдно сообщать мнѣ это?! Говоря, что меня не любитъ баронъ Кистеръ, отъ котораго зависитъ моя служба и, слѣдовательно, все мое благосостояніе, вы отнимаете отъ меня всякую энергію, силу и надежду...

— Успокойтесь, право, я не хотѣлъ этого говорить, но вы сами поставили меня въ крайность выяснить обстоятельства, но увѣрю васъ, что отъ этого ничего дурного не послѣдуетъ. Мало ли кого онъ не любитъ, это не важно и отчаиваться не должно.

— Положимъ, что это такъ, — продолжалъ Пронскій, едва переводя дыханіе, — но все-таки если бы вы были истинно добрымъ, вы никогда не рѣшились бы сказать ничего подобного подчиненному барону Кистеру. Вы сами человѣкъ служащій, и хотя ваше положеніе несравненно лучше моего, но и васъ обезкуражило бы, если-бъ вамъ сказали, что министръ васъ ненавидитъ, а всѣ, находящіеся подъ вашимъ начальствомъ, такъ и прямо проклинаютъ вашу особу, распространяя о васъ скандальные слухи.

Ѳедоровъ едва успокоилъ его.

Года за полтора до смерти, у Пронскаго внезапно заболѣла лѣвая нога и до такой степени сильно, что онъ принужденъ былъ слечь въ постель, съ которой и не вставалъ до самой кончины. Мучительно прорадавъ цѣлый годъ, Платонъ Петровичъ скончался 10-го декабря 1878 года.

XXXIX.

П. С. Степановъ.—Случайная протекція.—Служба на казенной сценѣ.—Актерскія способности его.—Перемѣна ампула.—Страсть къ безпричинному вражду.—Самообольщеніе собственной наружностью и силой.—Передъ зеркаломъ.—Собака, разговаривающая почеловѣчески.—Шестисотрублевый табакъ.

Милѣйшею личностью былъ Петръ Степановичъ Степановъ. Его любили всѣ сослуживцы, какъ превосходнаго товарища и истинно добраго человѣка, относившагося ко всѣмъ равно незлобиво, сердечно и пріятельски. Онъ былъ далекъ отъ партійности, жилъ общими интересами, любилъ искусство.

Въ началѣ своей сценической дѣятельности Степановъ игралъ преимущественно молодыхъ драматическихъ героевъ и имѣлъ относительный успѣхъ, которому, впрочемъ, болѣе способствовала красивая сценическая наружность и громкій, вполне трагическій голосъ. Карьеру свою онъ началъ въ провинціи, а на службу въ дирекцію попалъ по рекомендаціи извѣстной артистки Надежды Васильевны Самойловой 1-й, которой случайно довелось видѣть его играющимъ въ Новгородскомъ театрѣ. Петръ Степановичъ произвелъ на нее хорошее впечатлѣніе «начинающаго» актера, и она охотно взялась привести талантъ къ извѣстности. Хотя ея мечтанія вполне не сбылись, но онъ былъ не бесполезнымъ и далеко не лишнимъ въ нашей труппѣ. Степановъ былъ актеромъ прежней, такъ называемой Каратыгинской школы, нынѣ признаваемой ходульной и ложно-классической. Весь свой успѣхъ онъ основывалъ на выкрикиваніяхъ, на внѣшнихъ эффектахъ, что очень хорошо ему удавалось. Подъ старость онъ перешелъ на роли пожилыхъ людей и иногда выступалъ даже въ полукомическихъ роляхъ легкаго репертуара. Онъ не особенно претендовалъ на измѣненіе амплу «по распоряженію начальства» и сталъ примѣняться къ требованіямъ совершенно спокойно, дѣловито и, пожалуй, даже серьезно.

Въ молодости, говорятъ, онъ считался незауряднымъ кутилой, а потомъ приобрѣлъ страсть къ охотѣ и сдѣлался отчаяннымъ вралемъ, впрочемъ, безобиднымъ и невиннымъ. Онъ такъ же, какъ и извѣстный провинціальный трагикъ Н. Х. Рыбаковъ, любилъ кстати и не кстати, однако, никого не обижая, а главное вполне вѣря самому себѣ, рассказывать такія коллосальныя небывальщины, что слушатели приходили въ смущеніе и чуть не краснѣли за самого рассказчика.

Во всемъ онъ старался казаться большимъ знатокомъ, любилъ прихвастнуть, очень часто хватая черезъ край, и кичился своей физической силой, которой на самомъ-то дѣлѣ у него не было. Однажды, одѣваясь къ спектаклю, онъ сталъ натягивать на ногу узкій сапогъ. Отъ чрезмѣрнаго усердія слабо-прикрѣпленное ушко оторвалось отъ голенища. Петръ Степановичъ съ торжествующимъ видомъ приподнялся и, обращаясь къ присутствующимъ, самодовольно пробасилъ:

— Гм... Взгляните-ка, братцы, какова еще сила у Степанова?!

И всѣ прочія «наглядныя доказательства», удостовѣрившія, по его мнѣнію, крѣпость его рѣдкостныхъ мускуловъ, были въ этомъ же родѣ.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ своей наружности, отъ своего голоса, дарованія. Иногда онъ подолгу разсматривалъ себя въ зеркало и съ увлеченіемъ игралъ лицомъ, то дѣлая его веселымъ и привѣтливымъ, то хмурымъ и жестокимъ. Часто даже разговари-

валъ самъ съ собою, при чемъ всегда говорилъ себѣ комплименты. Разъ какъ-то прохожу я мимо его уборной, не плотно притворенной, и вижу его самоулаженіе собственной физиономіей. Приостановившись, я услыхалъ фразу, экспрессивно произнесенную Петромъ Степановичемъ:

— Да... да... Степановъ еще живъ!! Торжествуй театръ — это твой долгъ!

Степановъ былъ вралець по призванію.

Однажды онъ дошелъ до того въ завираниі, что представилъ свою собаку феноменомъ, разговаривающимъ почеловѣчески. Дѣло было такъ. Перебравшись на дачу, онъ лишился своего любимого сетера, заблудившагося въ незнакомой ему мѣстности. Объ этомъ грустномъ для охотника обстоятельстве онъ подробно рассказывалъ всѣмъ и каждому. Сочувствуя его сокрушенію, конечно, при встрѣчахъ всѣ спрашивали его о результатѣ неустанныхъ розысковъ. Но вотъ какъ-то является онъ въ театръ въ ликующемъ настроеніи.

— Что это ты такой сіяющій? — спрашиваетъ его кто-то изъ товарищей.

— А вѣдь пришелъ мой-то подлець. Сегодня днемъ самъ приплелся.

— Гдѣ-жъ это онъ пропадалъ, любопытно?

— Въ Тентелевой деревнѣ...

— Да какъ же ты объ этомъ узналъ, если онъ самъ явился?

— Да вотъ такъ и узналъ... отъ него...

— Отъ него?—изумился собесѣдникъ.—Полно тебѣ врать.

— Чего врать?—обидѣлся Степановъ.—Онъ вѣдь у меня толковый. Мнѣ за него десятки тысячъ предлагали, да я не рѣшаюсь продать.

— Да какъ же онъ тебѣ могъ сказать? Развѣ собаки говорятъ?

— Вотъ у другихъ не говорятъ, а моя такъ умна, такъ, братецъ, умна, что, когда вернулась, я ее строго спросилъ: «Гдѣ ты, проклятая, шаталась?»—а она явственно и вмѣстѣ съ тѣмъ жалостливо отвѣтила: «въ Тен-те-ле-вой».

Подобныхъ анекдотовъ о Степановѣ сохранилась масса. Иногда онъ очень ловко вывертывался, когда заходилъ слишкомъ далеко и говорилъ очевидныя нелѣпости. Напримѣръ, предлагаютъ ему въ знакомомъ домѣ папиросу. Онъ отказывается, заявляя:

— Я курю только свои. Привычка—великое дѣло...

— Попробуйте нашихъ! Отличный табакъ, мнѣ его высылаютъ по шести рублей за фунтъ.

— По шести? Только-то?

Гостепріимный хозяинъ опѣшилъ.

— Да, по шести... и я нахожу его лучшимъ.

— Вы бы моихъ папиросъ попробовали, такъ не сказали бы, что ваши лучшія.

— Не смѣю спорить, однако, позвольте полюбопытствовать, какъ велика цѣна вашему табаку.

— Необычайная, батенька: шестьсотъ рубликовъ фунтъ.

— Дѣйствительно необычайная. О такой диковинѣ я не слышалъ...

— Приѣзжайте ко мнѣ, попотчую.

— Благодарю васъ, но, право, мнѣ не вѣрится, чтобъ существовалъ табакъ такой баснословной стоимости. Откуда онъ у васъ?

— Прямо изъ Турціи выписываю.

— По шестьсотъ рублей за фунтъ?—продолжалъ переспрашивать ошеломленный хозяинъ.

— Да, по шестьсотъ.

Но вдругъ Степановъ спохватился, что слишкомъ ужъ пересолил. На минуту сконфузился и вновь развязно добавилъ:

— По шестьсотъ, это вѣрно, но только я не предупредилъ васъ, что табакъ доставляется мнѣ вмѣстѣ съ золотомъ. Въ ящикѣ лежитъ пластъ золота и пластъ табаку, потомъ опять пластъ золота и пластъ табаку и т. д. Конечно, рубликовъ на пятьсотъ девяносто одного золота составитъ.

Вотъ какимъ несообразнымъ вралемъ былъ покойный сослуживецъ Петръ Степановичъ Степановъ, непримѣтно промелькнувшій на театральномъ горизонтѣ Александринской сцены.

XI.

Выходные актеры.—Ихъ положеніе и значеніе въ театральномъ механизмѣ.—Три иностранца.—Свита Фортинбраса.—Антонолина.—Имитація Штрауса.—Надгробный экспромптъ Скорбнаго Поэта.—Актеръ Рупини.—Его письмо къ режиссеру.—Актеръ Розенштремъ.—Страсть къ поэзіи.—Образчикъ его творчества.—Тетрадошка стиховъ на судъ Скорбному Поэту.—Меланхолическое стихотвореніе Розенштрема и веселый отвѣтъ на него Жудева.—Анекдоты про Розенштрема.

Перебирая въ памяти товарищей, припоминаю типичныя фигуры нѣкоторыхъ выходныхъ актеровъ стараго добраго времени, когда даже эти скромные закулисные работники были по-своему оригинальны и примѣчательны. Въ старину это были люди особаго склада идей и разсужденій, горячо преданные театру и отнюдь не относившіеся къ своему скромному положенію на сценѣ, какъ къ ремесленному занятію. Наоборотъ, они считали себя не послѣдней спицей въ колесницѣ и дѣлали это вполне резонно. Вѣдь для исполненія даже самой маленькой роли требуется дарованіе. Случается часто встрѣчать актеровъ, изображающихъ специально лакеевъ такъ неподражаемо хорошо, что признанные таланты откажутся отъ соревнованія съ ними въ этихъ «мелкихъ» роляхъ. Вы-

ходной актеръ дѣйствительно не послѣдняя спица въ колесницѣ. Отъ него очень часто зависитъ успѣхъ той или другой сцены пьесы, въ особенности классической, гдѣ массовое движеніе имѣетъ большое значеніе. Большой актеръ играетъ, маленькій—подыгрываетъ, слѣдовательно послѣдній представляетъ изъ себя не маловажную пружину театральнаго механизма.

Въ шестидесятыхъ годахъ въ нашей труппѣ всѣ небольшія роли исполнялись тремя актерами, носившими иностранныя фамиліи: Антонолини, Рупини и Розенштремъ. Ихъ такъ и называли «три иностранца», хотя они по воспитанію и по образу мыслей были совершенно русскими. Ихъ имена ежедневно пестрѣли на афишахъ и всегда почему-то вызывали улыбку зрителей, въ особенности когда, какъ, на примѣръ, въ «Гамлетѣ», они стояли рядомъ въ роляхъ свиты Фортинбраса. Антонолини считался предводителемъ этой «свиты». Ему поручалось всегда вносить «оживленіе» въ толпу статистовъ, что онъ и дѣлалъ съ величайшимъ усердіемъ, достойнымъ лучшаго назначенія.

Антонолини признавали за весьма интереснаго человѣка. Установиться этому мнѣнію помогало то, что онъ былъ чрезвычайно благообразенъ, обладалъ пріятными манерами, былъ изысканно деликатенъ и приличенъ, чѣмъ не всегда могли щегольнуть актеры одного съ нимъ положенія. Къ нему товарищески относились многіе изъ первосюжетныхъ артистовъ. Самъ онъ саркастически смотрѣлъ на свое амплуа, но совершенно покойно мирился съ нимъ, сознавая незначительную наличность своего сценическаго дарованія.

Ему очень хорошо удавались роли слугъ. А въ драмѣ Н. А. Потьхина «Былъ молодцу не укоръ» онъ имѣлъ неимовѣрно большой успѣхъ, имитируя извѣстнаго капельмейстера Іоганна Штрауса, въ то время только-что прославившагося въ Петербургѣ. По ходу драмы, одна изъ декораций изображала Павловскій вокзалъ съ эстрадой, на которой появлялся Антонолини съ оркестромъ, дирижируя которымъ онъ такъ безукоризненно подражалъ оригиналу, что на долю копіи выпадали такіе же шумные аплодисменты, какъ и самому «королю вальсовъ».

Наружность Антонолини была, какъ говорится, «благодарная». Онъ былъ необычайно молоджавъ. Имѣя болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду, онъ казался юношей лѣтъ двадцати шести-семи...

Умеръ онъ одинокимъ, въ сиротливой обстановкѣ; похороненъ любившими его товарищами, изъ которыхъ одинъ, Г. Н. Жулевъ (Скорбный поэтъ), на могилѣ его разразился экспромтомъ. Указывая на пасмурный небосводъ и на моросившій все время въ день похоронъ Антонолини дождь, онъ сказалъ:

...Нѣтъ ни денегъ, нѣтъ ни хлѣба,
И мрачна сама мнѣ твердь!
Плачетъ праведное небо,
Видя праведника смерть.

Актеръ Рупини ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся. Про него только и можно сказать, что онъ былъ примѣрнымъ труженикомъ на сценѣ и очень добрымъ человѣкомъ въ жизни. Онъ мирился съ своимъ скромнымъ закулиснымъ положеніемъ ради матеріальныхъ расчетовъ, но въ душѣ питалъ къ своему артистическому дарованію большое уваженіе. Ему всегда казалось, что его «затираютъ». Онъ считалъ себя комикомъ и долго еще послѣ отставки появлялся на кое-какихъ маленькихъ загородныхъ сценахъ въ отвѣтственныхъ комическихъ роляхъ, что доставляло ему не малое удовольствіе. Воспоминанія о немъ ограничиваются однимъ его письмомъ къ режиссеру Воронову, въ которомъ онъ хотѣлъ увѣдомить свое ближайшее начальство о своей болѣзни, не позволяющей ему быть вечеромъ на спектаклѣ и выступить въ качествѣ гостя въ комедіи «Горе отъ ума». Объ этомъ онъ доложилъ такъ: «Милостивый государь Евгеній Ивановичъ! Увѣдомляю васъ, что вслѣдствіе зубной боли сегодня я никакъ не могу быть на балу у Фамусова, о чемъ очень сожалею. Съ почтеніемъ...» и пр. ¹⁾.

Третій иностранецъ—актеръ Розенштремъ, весьма благообразный и моложавый нѣмецъ, отличался страстью къ мечтательности и къ поэзіи. Особенно насчетъ послѣдней онъ былъ неукротимъ. Онъ постоянно сочинялъ какіе-то несообразные съ здравымъ смысломъ стихи и даже издалъ маленькую книжку своихъ риемованныхъ твореній, которыми очень гордился. Это былъ мученикъ страсти, многое претерпѣвавшій за свою любовь къ «святому искусству». Изъ какой-то поэмы его, избличающей изменность чувствъ графа, обольстившаго бѣдную дѣвушку, въ памяти моей сохранилось пять строчекъ, могущихъ послужить образчикомъ его творчества:

...И поцѣлуй горячій
На щекъ запылалъ,
И голосъ сталъ телячій,
Когда онъ увѣрялъ,
Что ей не измѣнялъ...

По выходѣ въ свѣтъ этой поэмы ему кто-то внушилъ, что слово «телячій» слишкомъ безобразно. Онъ согласился съ этимъ и собственноручно выскоблилъ перочиннымъ ножомъ это слово изъ всѣхъ семисотъ экземпляровъ.

Какъ-то Розенштремъ преподнесъ рукописную тетрадочку со своими стихотвореніями Гавріилу Николаевичу Жулеву, который подъ псевдонимомъ «Скорбнаго поэта» сталъ пріобрѣтать въ журналистикѣ популярность.

¹⁾ Впрочемъ, подобныя письма не представляютъ рѣдкости. Артистка Н. Н. какъ-то писала режиссеру Ляину: «М. г. Павелъ Андреевичъ! По случаю живота не могу сегодня явиться на службу; лежу въ постелѣ. Готовая къ услугамъ такая-то».

— Посмотрите мои плоды досуга, — сказалъ онъ ему, — и оцѣните ихъ по достоинству. На вашъ талантливый судъ я положусь безапелляціонно.

Жулевъ взялъ себѣ тетрадочку и, просматривая ее, всю испестрилъ своими остроумными замѣтками, отъ которыхъ бѣдный Розенштремъ пришелъ въ отчаяніе.

На выдержку возьму одно стихотвореніе Розенштрема съ поѣтой Скорбнаго Поэта.

Розенштремъ меланхолично пишетъ:

«Ноетъ сердце, грудь болятъ,
Въ головѣ жаръ сильный;
Ничего не веселитъ —
Вѣетъ хладъ могильный.
Какъ погода—горе мнѣ:
Кости такъ и ломитъ,
Боль я чувствую вездѣ,—
Все въ могилу гонитъ.»

Жулевъ на это весело замѣчаетъ:

«Послѣ старыхъ, знать, грѣховъ
Ломитъ кость смертельно.
Не писалъ бы ты стиховъ,
А лѣчился-бъ дѣльно.»

Розенштремъ всегда былъ подъ вліяніемъ поэзіи, по крайней мѣрѣ онъ самъ о себѣ такъ выражался, и даже особенныя событія своей жизни связывалъ какимъ нибудь образомъ съ литературными шедеврами.

Если у него, бывало, спросятъ:

— Много ли вамъ лѣтъ?

Онъ отвѣчалъ обыкновенно:

— Я родился въ годъ появленія поэмы Козлова «Чернецъ».

Случилось мнѣ ѣхать съ Розенштремомъ въ казенной каретѣ, возвращаясь домой съ репетиціи. Сначала онъ «вдумчиво» молчалъ, но потомъ, пристально осмотрѣвъ себя, задалъ мнѣ вопросъ:

— Не помните ли вы, Александръ Александровичъ, когда состоялось у насъ первое представленіе пушкинскаго «Бориса Годунова»?

— Да, кажется, года два тому назадъ, а, можетъ быть, и нѣсколько побольше...

— Ахъ, что вы?! Нѣтъ-съ, мнѣ думается, не больше какъ съ годъ, пожалуй.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Что не меньше двухъ лѣтъ, такъ за это можно поручиться.

— Сомнѣваюсь, очень сомнѣваюсь,—задумчиво возразилъ Розенштремъ.— Неужели-жъ такъ прочна эта матерія?

— Почему васъ такъ интересуеетъ время постановки «Годунова»? И про какую матерію вы толкуете?

— О! съ «Годуновымъ» у меня связано очень большое обиходное обстоятельство. Я бы хотѣлъ припомнить потому время постановки, чтобы вѣрнѣе опредѣлить, какъ долго носятъ вотъ эти брюки, которыя вы видите на мнѣ. Я ихъ заказалъ именно въ тотъ самый день, когда у насъ на Маринской сценѣ впервые шелъ «Борисъ Годуновъ».

Впослѣдствіи Розенштремъ куда-то незамѣтно съ закулиснаго горизонта скрылся и остался забытымъ.

XII.

Балетъ.—Моя привязанность къ балету.—Московскій балетъ.—Фанни Эльслеръ.—Ея гастроли въ Москвѣ.—Ея колоссальный успѣхъ.—Участіе Эльслеръ въ драмѣ.—Большое впечатлѣніе.—Всѣобновленіе драмъ съ нѣмыми дѣйствующими лицами въ Петербургѣ.—Русская пляска.—Бенефисъ Эльслеръ.—Небывалые триумфы.—Подарокъ москвичей.—Эльслеръ порусски пишетъ «Москва».—Общій восторгъ.—Обожаніе балерины учащеюся молодежью.—Маленькія демонстраціи.—Чиновникъ К въ подъ лошадыми.—Выпряженные изъ экипажа лошади.—Начало моего близкаго знакомства съ балетной сценой.—Балерины петербургскаго театральнаго училища.—Балетные преподаватели.—Мое совмѣстное житіе съ Чистяковымъ.—Танцоръ Ильинъ.—Его странности.—Любовныя похождения Ильина.—Ильинъ въ разсказѣ Чернышева.—Ильинъ у насъ на жительство.—Наружный видъ Ильина.—Его слабости.—Отношенія къ женщинамъ.—Страсть къ картамъ.—Поведеніе за карточнымъ столомъ.—Два партнера.—Лампада отъ образа на ломберномъ столѣ.—Дневникъ Ильина.—Кутежъ на три копейки.—Поддержка существованія частными уроками.—«Жениховство» Ильина.—Списокъ приглашенныхъ.—Предварительныя свадебныя смѣты.—Уроки съ собственными музыкантами.—Случай съ Чистяковымъ и Бубновымъ.—Взглядъ купца на музыканта.

Я былъ поклонникомъ балета съ дѣтства. Еще будучи ребенкомъ, я съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за сюжетомъ каждаго балета, за танцами, мимикой и находилъ въ этомъ большое наслажденіе, какъ заправскій балетоманъ. Зная мою привязанность къ Терпсихорѣ, меня частенько возили въ Большой театръ, гдѣ я набирался впечатлѣній, сохраняющихся въ душѣ до сихъ поръ. Я до сихъ поръ отлично помню, какъ великолѣпно шелъ въ Москвѣ извѣстный балетъ «Сатанилла», какіе онъ дѣлалъ громадныя сборы, какъ хороши были Санковская, Ирка-Матіасъ, Монтасю и многіе другіе, не говоря уже про знаменитую Фанни Эльслеръ, отъ которой вся Москва, какъ говорится, «сходила съ ума».

Фанни Эльслеръ выступала не только въ балетахъ, какъ первоклассная балерина, но даже появлялась на драматической сценѣ. Во время своихъ продолжительныхъ гастролей въ Москвѣ, уступая просьбамъ мало-театральныхъ бенефициантовъ, она съ русскими драматическими актерами сыграла двѣ пьесы, имѣвшія колос-

сальный успѣхъ, благодаря ея участию. Пьесы эти: переводная драма Скриба «Ольга—русская сирота» и переводная же мелодрама «Энгувильскій нѣмой». Въ первой Эльслеръ изображала нѣмую Ольгу, во второй нѣмага Жоржа. Я видѣлъ ее въ обѣихъ роляхъ, и такое сильное впечатлѣніе оставила она во мнѣ своею талантливою игрою, что, когда я сдѣлался актеромъ, обѣ эти пьесы возобновились въ Александринскомъ театрѣ. «Ольга» шла въ одинъ изъ моихъ бенефисовъ при участи въ заглавной роли нашей петербургской балерины Евгеніи Соколовой, а «Энгувильскій нѣмой» при исполненіи роли Жоржа—Маріей Маріусовной Петица въ бенефисъ одного изъ товарищей, который выбралъ эту мелодраму по моему совѣту. Въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, эти пьесы имѣли порядочный успѣхъ, главнымъ образомъ благодаря талантливымъ балетнымъ исполнительницамъ.

Фанни Эльслеръ въ бытность свою въ бѣлокаменной часто появлялась въ дивертиссентахъ, помогая своимъ участіемъ бѣднымъ товарищамъ по сценѣ. Въ бенефисы суфлеровъ, сценаріусовъ, хористовъ она своимъ именемъ поднимала сборы и въ большинствѣ выступала съ русской пляской, возбуждавшей сенсацію въ публикѣ.

Мнѣ особенно памятенъ ея послѣдній бенефисъ. Такихъ триумфовъ мнѣ болѣе не приходилось видѣть. Шла впервые на московской сценѣ «Эсмеральда». Отъ публики любимой танцовщицѣ былъ поданъ драгоценный подарокъ: громадный серебряный калачъ, представлявшій изъ себя футляръ для массивнаго браслета съ шестью дорогими по величинѣ и качеству камнями. Названіе каждаго камня начиналось одной изъ тѣхъ шести буквъ, которыя составляютъ слово «Москва».

Она же въ свою очередь отблагодарила москвичей тѣмъ, что во второмъ дѣйствіи, въ сценѣ, гдѣ Эсмеральда, мечтая о Фебѣ, пишетъ на стѣнѣ это милое для нея имя, отчетливо начертала по-русски «Москва». Это вызвало единодушный восторгъ зрителей, переполнявшихъ театръ. Аплодисменты не смолкали долгое время; симпатичная балерина растрогалась до слезъ.

Ея успѣхъ былъ великъ. Чуть ли не вся Москва ею увлекалась. А учащаяся молодежь въ своемъ обожаніи доходила до степени «необузданности». Помню я, какъ эти юные поклонники, собиравшіеся необъятной толпой на актерскомъ подъѣздѣ ради того, чтобы повидать ее вблизи, устраивали иногда маленькія невинныя демонстраціи. Однажды, на масленицѣ, послѣ утренняго спектакля, толпа, дожидавшая выхода Эльслеръ изъ театра, была такъ раздосадована строгимъ приказаніемъ «разойтись», что схватила сдѣлавшаго это внушеніе солиднаго театральнаго чиновника К—ва и положила его подъ ноги лошадей, запряженныхъ въ карету балерины. И пришлось ему volens-nolens пролежать до ея выхода подъ

страхомъ быть раздавленнымъ. Можно представить себѣ, что въ этотъ промежутокъ времени онъ переиспыталъ. Но какъ только появилась на подъѣздѣ Фанни Эльслеръ, молодежь освободила непрошеннаго блюстителя порядка, да заодно освободила и лошадей, моментально ихъ отпрягши. Пылкіе поклонники повезли на себѣ любимую артистку. Полиція пыталась пріостановить это триумфальное шествіе, но ничего не могла подѣлать съ восторженной толпой.

Въ Москвѣ я зналъ балетную сцену и ея представителей издалека, изъ зрительнаго зала только. Близкое же мое знакомство съ балетнымъ міромъ началось съ моего поступленія пансіонеромъ въ Императорское петербургское театральное училище.

Петербургскій балетный классъ всегда считался лучшимъ, нежели московскій. Изъ нашей школы вышло множество знаменитыхъ балеринъ, бывшихъ украшеніемъ не только російскихъ сценъ, но даже и заграничныхъ. При своемъ поступленіи въ училищѣ я засталъ еще воспитанницами М. Н. Муравьеву, П. П. Лебедеву, Е. О. Ваземъ, Евг. Соколову, А. Н. Кемереръ, А. Д. Кошеву, М. Н. Мадаеву, Вѣру Лядову и Суровщикову (въ замужествѣ Петипа). Всѣ онѣ впослѣдствіи были звѣзды первой величины. Балетными преподавателями въ то время были такіе знатоки дѣла, какъ балетмейстеръ Перро, Фридерикъ, Гюге, Х. П. Югансонъ, М. И. Петипа, Левъ Ивановъ и Н. О. Гольцъ.

Въ періодъ своей молодости я около года прожилъ въ одной комнатѣ вмѣстѣ съ старымъ пріателемъ своимъ небезызвѣстнымъ танцоромъ и балетнымъ учителемъ А. Д. Чистяковымъ, съ которымъ знакомство началось еще въ Москвѣ, во время его пребыванія въ московскомъ театральномъ училищѣ. Совмѣстная жизнь съ балетнымъ артистомъ дала мнѣ возможность близко сойтись съ служителями и служительницами Терпсихоры, изучить ихъ любопытный бытъ, характеры и нѣкоторыя особенности, о которыхъ, впрочемъ, очень распространяться не буду. Свои балетныя воспоминанія я ограничу нѣсколькими эпизодами, которые могутъ дать достаточныя понятія вообще о типичныхъ личностяхъ балета стараго времени.

Весьма оригинальнымъ человѣкомъ былъ танцоръ Николай Тимоеевичъ Ильинъ (настоящая фамилія его Шлефогтъ). Его родная сестра нѣкогда была очень извѣстной и хорошей танцовщицей. Еще будучи воспитанникомъ театральнаго училища, Ильинъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе, какъ одержимый странностями. Объ его любовныхъ похожденияхъ, всегда неудачныхъ и постоянно комическихъ по обстановкѣ, ходила масса потѣшныхъ анекдотовъ. Свою натуру онъ называлъ «страстною» и поэтому влюблялся по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ. Влюблялся серьезно, искренно и до сумасбродства. Однако, какъ скоро влюблялся, такъ же скоро и

охладѣвалъ. Ильинъ вѣчно мечталъ о семейномъ очагѣ, но умеръ холостякомъ, не найдя себѣ достойной подруги. Въ искательствахъ жены онъ былъ опереточно-несчастливъ. Находились такія, которыя соглашались вступить съ нимъ въ бракъ, назначались дни вѣнчанія, но, въ силу какого-то тяготѣвшаго надъ нимъ рока, ни одна изъ свадебъ не состоялась. Его школьный товарищъ И. Е. Чернышевъ очень удачно списалъ съ него портретъ въ своихъ интересныхъ разсказахъ «Уголки театральнаго міра». Ильинъ фигурируетъ у него подъ именемъ Гусакова.

Во время моего совмѣстнаго сожителства съ Чистяковымъ, является къ намъ Ильинъ и проситъ убѣдительно дозволить ему на нѣсколько дней поселиться у насъ до пріисканія себѣ новаго «приличнаго» помѣщенія. Съ нашей стороны послѣдовало разрѣшеніе. Ильинъ перебрался къ намъ и вмѣсто нѣсколькихъ дней прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ это время я хорошо приглядѣлся къ забавному Николаю Тимоѣевичу. Я былъ свидѣтелемъ многихъ смѣшныхъ сценъ, которыя устраивались по милости нашего гостя.

Наружный видъ Ильина былъ далеко не привлекателенъ, съ чѣмъ, однако, онъ не соглашался. Онъ былъ о себѣ обратнаго мнѣнія и даже кичился своей красотой, благодаря чему подвергался вѣчнымъ насмѣшкамъ и ироническимъ замѣчаніямъ. Роста онъ былъ небольшого, черноватый, съ маленькими глазами и казался старше своихъ лѣтъ. Разговаривалъ глубоко комическимъ тономъ, растягивая слова и дѣлая неумѣстныя ударенія. Любилъ пофилософствовать и помечтать. Николай Тимоѣевичъ имѣлъ двѣ слабости: женщины и карты, хотя въ томъ и другомъ безпощадно проигрывалъ. Женщины его не терпѣли за крутой его нравъ во время ухаживанія. Въ періодъ увлеченія онъ дѣлался деспотомъ и безъ всякаго повода и права позволялъ себѣ ревновать ту, которую выбиралъ «для воздыханій», дѣлалъ ей сцены и грозилъ. Конечно, его быстро «отрезвляли» отъ чада любви, однако онъ успѣвалъ причинить массу неприятностей своимъ обожаніемъ всякой, имѣвшей несчастье ему понравиться.

Во время карточной игры онъ былъ не подражаемъ, въ особенности когда проигрывалъ. Волновался, ерошилъ волосы на головѣ, энергично отплевывался чуть ли не въ фізіономію партнеровъ, говорилъ всѣмъ дерзости, принимался плакать, а иногда, патетически настроясь, прибѣгалъ къ молитвѣ. Выскочить изъ-за карточнаго стола, подбѣжить къ образамъ и начнетъ креститься, что-то причитывая вслухъ.

Однажды, проживая съ нами, Ильинъ привелъ съ собой со спектакля сослуживца своего, танцора Солнцева, тоже большаго любителя картъ. Засѣли они играть въ штоссъ. Солнцевъ вызвался быть банкومتромъ. Ильинъ понтировалъ. Сумма ставки всегда на-

чиналась съ пяточка. Я недолго любовался на игроковъ, соскучился и легъ спать. Часовъ въ шесть утра слышу я сквозь сонъ: у пріятелей началось какое-то препирательство. Я раскрылъ глаза и внимательнѣе прислушиваюсь къ ихъ разговору.

— Ради Бога... Солнцевъ... промечи еще...

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Ну, пожалуйста!—жалобно упрасиваль Ильинъ.—Я ставлю восемь копеекъ.

— Надоѣло, чортовски надоѣло... Я усталъ... Кромѣ того, утромъ вѣдь есть репетиція.

— Ну, хоть одну карточку. Дай реваншъ... Хоть немного позволю отыгратъся. Гривенникъ!

— Ахъ, какой ты не разсудительный человѣкъ! Да какъ же мы будемъ играть, коли огня нѣтъ. Свѣча догорѣла, этотъ огарокъ при послѣднемъ издыханіи. Какъ же это ты свѣчами не запасся?

— Промахнулся. Винавать...

— Ну, значить, на себя и пеняй... Шабашъ! Отдавай, что програлъ, да и спать...

— Это ужасно!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Ильинъ.

Замѣтивъ передъ образомъ едва теплящуюся лампадку, Николай Тимоѣевичъ бросился за ней и, наскоро крестясь, проговорилъ:

— Владычица, прости Христа ради. Что дѣлать!—экстренный случай...

Переставя лампадку на ломберный столъ, Ильинъ съ трогательной слезинкой въ горлѣ сказалъ Солнцеву:

— Какъ хочешь, а играй... Огонь есть. Промечи, братецъ, талию. Быть можетъ, при лампадкѣ-то счастье измѣнится, и я отыграюсь... Дама—пяточокъ!

— Ну, что съ тобой, канальей, подѣлаешь? Изволь. Дама бита...

Ильинъ со школьной скамьи и до самой смерти велъ дневникъ. Будучи крайне расчетливымъ и пунктуальнымъ въ домашнемъ обиходѣ, онъ аккуратнѣйшимъ образомъ записывалъ въ дневникъ каждый истраченный грошъ. Свои записки онъ строго охранялъ отъ посторонняго глаза, но когда случайно тетрадь попадалась мнѣ или Чистякову въ руки, онъ особенно на это не претендовалъ. А въ дневникъ его встрѣчались курьезы. Напримѣръ, однажды, я наткнулся на такую помѣту: «кутежъ въ Михайловскомъ трактирѣ 3 коп. сер.».

— Что это у васъ за кутежъ былъ на три копейки серебромъ?—спрашиваю его.—Какъ это вы ухитрились раскутиться на такой капиталъ?

— Это я спросилъ себѣ папироску въ трактирѣ. Своихъ не хватило.

— Такъ какой же это кутежъ?

— Конечно, кутежъ... Папироса—это роскошь. Она не представляетъ изъ себя необходимости...

Ильинъ былъ высокаго мнѣнія о своемъ талантѣ и очень кичился званіемъ корифея. Иногда случалось ему танцовать *pas des deux* въ дивертиссентахъ. Онъ этимъ гордился.

— Меня,—говаривалъ онъ,—выдѣляютъ, потому что я не простой танцоръ, а корифей.

При недостаточности казеннаго вознагражденія прибѣгалъ онъ къ частнымъ доходамъ. Давалъ уроки танцевъ въ частныхъ домахъ и постоянно влюблялся въ своихъ ученицъ, благодаря чему имѣлъ существенный убытокъ, такъ какъ его раньше «окончанія танцевальнаго курса» отстраняли отъ преподаательства.

Ильинъ вѣчно «жениховался». Сдѣлавъ предложеніе и не получивъ отъ невѣсты положительнаго отвѣта, онъ уже озабочивался устройствомъ свадебнаго торжества и расписывалъ приблизительные на него расходы. Обѣгалъ всѣхъ петербургскихъ кухмистеровъ и отъ всѣхъ бралъ смѣты, которыя затѣмъ сличалъ, укорачивалъ, дѣлалъ воображаемыя скидки и проч. Затѣмъ Николай Тимошеевичъ составлялъ списокъ знакомыхъ, которыхъ слѣдуетъ и необходимо позвать на свадьбу. Составляя этотъ списокъ, онъ подолгу размышлялъ: все ли въ немъ вѣрно, не обошелъ ли кого? Потомъ этотъ списокъ подвергался частымъ измѣненіямъ и поправкамъ, чему способствовали измѣнявшіяся въ это время отношенія къ поименованнымъ. Ильинъ безъ милосердія однихъ вычеркивалъ, передъ другими ставилъ вопросительные знаки и, наконецъ, вносилъ новыхъ гостей.

Замѣтивъ, что Ильинъ занимался уроками, слѣдуетъ прибавить, что въ то время, когда фигуранты получали только 174 рубля годоваго содержанія, многіе изъ нихъ поддерживались уроками, которыхъ въ то время можно было имѣть много. Нѣкоторые изъ балетныхъ или даже изъ драматическихъ актеровъ, во время пребыванія своего въ театральномъ училищѣ, обучались игрѣ на какомъ нибудь оркестровомъ инструментѣ. Впослѣдствіи умѣніе, даже весьма небольшое, играть на чемъ либо оказывалось весьма полезнымъ, и изъ него почти всѣ «музыканты» извлекали пользу. Преподаватели танцевъ во многіе дома, въ силу предварительнаго условія, ходили вмѣстѣ съ музыкантами, безъ которыхъ дѣйствительно было бы трудно учить новичковъ.

Актеръ нашей драматической труппы П. Д. Бубновъ, очень милый и остроумный человѣкъ, весьма недурно игралъ на скрипкѣ и потому имѣлъ много ангажементовъ отъ учителей танцевъ. Я припоминаю это обстоятельство для того, чтобы охарактеризовать, какъ въ былое время «публика» смотрѣла на музыкантовъ; не напрасно, какъ видно, создалось изреченіе «музыкантскій столъ».

Бубновъ развѣзжалъ по урокамъ съ А. Д. Чистяковымъ. Они были старые друзья. Въ какой-то праздникъ выпалъ Чистякову урокъ въ домѣ нѣкоего богатаго купца. Подъ конецъ урока, когда съ Чистякова и Бубнова катился градомъ потъ отъ чрезмѣрнаго усердія, въ залѣ появляется массивная фигура «самого». Дружески пожавъ руку учителю, хозяинъ ласково сказалъ ему:

— Ну, на сегодня довольно мучить ребятишекъ! Не угодно ли вамъ, почтеннѣйшій Александръ Дмитриевичъ, по случаю праздника, раздѣлить съ нами хлѣбъ-соль? Сдѣлайте удовольствіе, пожалуйста въ столовую.

Затѣмъ, купецъ подошелъ къ музыканту и, фамиллярно потрепавъ его по плечу, произнесъ, многозначительно подмигивая:

— А тебѣ, любезный, водочки что ли? Ну, ладно, ладно — уболагодворю. Ступай въ переднюю — тамъ тебѣ поднесутъ.

Никакъ не ожидавшій такого пріема, представительный Бубновъ ужасно обозлился на купца. Уложивъ въ футляръ свою скрипку, онъ выпрямился и отвѣтилъ:

— Благодарю васъ! Милости прошу ко мнѣ — я васъ приму въ комнатѣ, и не потому, чтобы у меня не было передней, а потому, что я получилъ воспитаніе лучшее, нежели вы.

XLII.

За кулисами Большаго театра.—Режиссеръ И. Ф. Марсель.—Обожаніе его подчиненными.—Случай съ фигурантомъ.—Доброта Марселя.—Балетъ «Ливанская красавица».—Сорокатысячная обстановка.—Эпиграмма.—Декораторъ и машинистъ Роллеръ.—Обращеніе съ рабочими.—Подъемная машина.—Собственноручное внушеніе.—Бенефисы Роллера.—Живая картина.—Роллеръ и оплошный рабочий.—Нѣмая сцена.—Молитвы передъ танцами.—Анекдотъ про балетнаго артиста.—Недоразумѣніе.—Непонятая акушерка.—Н. О. Гольцъ.—Его мимическій талантъ.—Кончина его.—Цесарь Пуни.—Его композиторскія способности.—Артистическая натура Пуни.—Маскарады въ Большомъ театрѣ.—Посѣщеніе ихъ государемъ Николаемъ Павловичемъ.—Весѣда императора съ маской.—Оригинальный подарокъ.—Упадокъ маскарадовъ.

Свободные вечера, во время службы въ театрѣ, я съ удовольствіемъ проводилъ за кулисами балетной сцены. Всегда тамъ бывало весело, любопытно, свободно. Представители балета всегда слыли за любезныхъ и пріятныхъ людей. Въ Большомъ театрѣ были всѣ привѣтливы и общительны, начиная съ главнаго режиссера Ивана Франзовича Марселя и кончая послѣднимъ фигурантомъ.

Марсель пользовался репутаціей чрезвычайно хорошаго, добраго, снисходительнаго человѣка. Всѣ подчиненные и сослуживцы его любили или даже вѣрнѣе обожали, не смотря на его вспыльчивость

и строгость, проявлявшуюся, впрочемъ, исключительно только тогда, когда дѣло касалось службы.

Какой-то фигурантъ началъ видимо манкировать служебными обязанностями: пересталъ являться на репетиціи и даже на спектакли. Сперва режиссеръ недоумѣвалъ, здоровъ ли, молъ. Потомъ сталъ гнѣваться, почему не извѣщаетъ о своемъ отсутствіи, и, наконецъ, выйдя изъ границъ терпѣнія, послалъ за неисправнымъ танцоромъ съ строжайшимъ приказомъ: «немедленно явиться въ театръ для объясненій».

Фигурантъ явился. Марсель, завидя его еще на порогѣ, началъ раздраженно кричать:

— Ты это что же, любезный, со службой-то шутишь вздумалъ, что ли? Дармоѣдничать охота? Даромъ жалованье получать? Стыдно! На что ты рассчитываешь? Я долго терпѣлъ, но всему бываетъ конецъ. Такъ ты и знай. Я тебя прогоню! Сильно ты мнѣ надоѣлъ... Уже ты не пьянствовать ли вздумалъ? погоди, я тебя отрезвлю. Я приготовилъ рапортъ директору, и тебя завтра же отстранять отъ службы.

Оробѣвшій и переконфуженный фигурантъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ умоляющимъ взглядомъ подходитъ къ Марселю и почти шепотомъ начинаеть оправдываться:

— Иванъ Францовичъ, ради Бога, не сердитесь. Я не являлся на службу не потому, что пьянствовалъ или лѣнился...

— Почему же? Ври, ври, негодай!

— У меня сапогъ нѣтъ: купить не на что, а живу-то я, вы знаете, отъ театра далеко.

— Ахъ, ты мерзавецъ! Что же ты мнѣ объ этомъ раньше не сказалъ? За одну эту подлую скрытность тебя слѣдовало бы изъ театра по шеѣ. Ишь ты гордецъ выискался! На вотъ тебѣ десять рублей и сію же минуту отправляйся за сапогами. Да смотри — впередъ не смѣй со мной совѣститься, а не то непременно уволю.

Вотъ каковъ былъ Марсель! Какъ же было его не любить? Всѣ знали его доброе, отзывчивое сердце.

Во время режиссерства Марселя былъ поставленъ балетъ «Ливанская красавица», обстановка котораго стоила дирекціи сорокъ тысячъ рублей серебромъ. По-тогдашнему это была невѣроятная цифра. О «Ливанской красавицѣ» я заговорилъ потому, что припомнилъ эпиграмму, написанную кѣмъ-то изъ балетныхъ и напрасно приписываемую П. А. Каратыгину. Эпиграмма эта твердилась всѣми балетными долгое время.

Сорокъ тысячъ, сорокъ тысячъ
Стоитъ новый нашъ балетъ.
Балетмейстера бы высѣчь,
Чтобы помнилъ сорокъ лѣтъ,

Чтобъ не тратилъ деньги даромъ,
 Не рядилъ въ штаны дѣвицъ!
 Зачѣмъ шпаги «минераламъ»,
 Фонари зачѣмъ у птицъ?
 Чтобъ чертей на сцену нашу
 Онъ поменьше выводилъ,
 Вообще такую кашу
 Онъ отнюдь бы не варилъ!
 Сорокъ тысячъ, сорокъ тысячъ!
 Надо высѣчь,
 Надо высѣчь!

За балетными кулисами всегда бывало встрѣтишь много курьезнаго и забавнаго. Чего, на примѣръ, стоилъ извѣстный и талантливѣйшій главный тогдашній машинистъ-декораторъ Роллеръ. Его вспыльчивость и горячность бывали потѣшны. Нельзя было смотрѣть безъ смѣха, какъ онъ распоряжался установкой декораций во время антрактовъ. Подвластные ему плотники не выходили изъ состоянія какой-то обалдѣлости, потому-что онъ не церемонился съ ними и за всякій съ ихъ стороны промахъ налеталъ на провинившихся съ кулаками. Для удобнѣйшаго сообщенія съ плотниками, находящимися на самомъ верху, на такъ называемыхъ колосникахъ, у Роллера были устроены подъемныя машины. Бывало, разсердится онъ на когонибудь изъ «выспихъ» и быстро по подъемной машинѣ взберется на верхъ. Оттрепетъ виноватаго за волосы или угостить его подзатыльникомъ и моментально тѣмъ же путемъ спустится внизъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Все это дѣлалось у него скоро, дѣловито, внушительно и вмѣстѣ съ тѣмъ для посторонняго наблюдателя крайне забавно.

Ежегодно, великимъ постомъ, Роллеру давался бенефисъ. Онъ устраивалъ концертъ съ живыми картинами, которыя ставились имъ самимъ чрезвычайно эффектно и съ строго-художественной выдержкой. Первосюжетные артисты всѣхъ труппъ постоянно участвовали въ этихъ картинахъ. Приходилось и мнѣ позировать въ золоченой рамѣ. Однажды я былъ свидѣтелемъ оригинальной сцены, разыгравшейся за кулисами невидимо для зрителей, но очень замѣтно для участвовавшихъ въ картинѣ.

Картина изображала тихое море, на зеркальной поверхности котораго стояла неподвижно лодка. Мы, мужчины, окруженные прекрасными женщинами, стояли въ лодкѣ съ бокалами вина и музыкальными инструментами въ рукахъ. Устанавливая насъ, Роллеръ по обыкновенію волновался. Занявъ режиссерскую позицію внизу, подъ рамой, онъ началъ командовать. Занавѣсъ всегда взвивался послѣ третьяго хлопанья въ ладоши самого Роллера. Когда все было готово, Роллеръ ударилъ въ ладоши разъ, ударилъ—два, но въ самый этотъ торжественный моментъ какой-то неосторожный рабочій вздумалъ проскочить передъ картиной съ одной сто-

роны на другую. Роллеръ моментально сгребъ его за шиворотъ и наградилъ такой звонкой пощечиной, которая вполнѣ замѣнила условное третье хлопанье: завѣса поднялась.

Самымъ потѣшнымъ въ этомъ было то, что вмѣсто обычнаго при подобномъ столкновении крика и брани послѣдовало гробовое молчаніе. Какъ Роллеръ, такъ и провинившійся мужичекъ—оба притаили дыханіе. Мы, позировавшіе въ картинѣ, едва сдерживались отъ душиваго насъ смѣха. Когда же завѣса спустилась подлѣ лодкой началось причитыванье побитаго и несдержанная брань декоратора, послѣ паузы еще разъ внушительно ударившаго рабочаго.

Балетные артисты, на сколько я успѣлъ приглядѣться къ нимъ, всегда были преданы всей душой своему дѣлу. На танцы и миимику они смотрятъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ любой драматическій актеръ на свою любимую роль какого бы то ни было сложнаго характера. Мнѣ часто случалось видѣть, какъ передъ началомъ какой нибудь бравурной, ухарской пляски, танцоры или балерины съ благоговѣніемъ читали молитвы и осѣняли себя многократно крестнымъ знаменіемъ, послѣ чего съ очаровательной улыбкой выпархивали на сцену продѣлывать всяческія мудрости хореграфическаго искусства.

Въ самыя критическія минуты домашней жизни они не забываютъ своихъ, навязшихъ въ зубахъ, техническихъ приѣмовъ и совершенно машинально примѣняютъ ихъ къ своему обиходу.

Разсказываютъ такой забавный анекдотъ про талантливаго перваго танцора N—а, не особенно давно умершаго въ преклонномъ возрастѣ, прослуживъ балетной сценѣ около пятидесяти лѣтъ. Жена его трудно разрѣшалась отъ бремени. Онъ, понятно, очень беспокоился исходомъ родовъ. Чуть ли не каждую минуту вбѣгалъ въ комнату родильницы и съ отчаяніемъ взиралъ на больную. Акушеркѣ слишкомъ частые визиты его надоѣли, и она, заперевъ комнату на ключъ, попросила N—а болѣе не входить, не беспокоить мучившейся въ родахъ женщины и не мѣшать ей.

N—ъ нетерпѣливо расхаживалъ изъ угла въ уголь въ сосѣдней комнатѣ. Время шло невѣроятно долго. Каждая минута казалась вѣчностью. Но вотъ вдругъ онъ слышитъ дѣтскій пискъ. Подбѣгаетъ къ замкнутой двери и нерѣшительно стучится. Сжалившаяся надъ нимъ акушерка осторожно пріоткрываетъ дверь и шепотомъ говоритъ:

— Пожалуйста, тише... все кончилось... Слава Богу, все благополучно. Поздравляю васъ.

И при этомъ дѣлаетъ выразительный жестъ рукой, поднимая ее съ отдѣленными двумя пальцами вверхъ.

N—ъ съ ужасомъ отстраняется отъ двери и, едва переводя дыханіе, спрашиваетъ:

— Неужели?
 — Да, да...
 — Уродъ? Съ рогами?
 — Господь съ вами! Что вы, что вы?! Съ какими рогами? Я поздравляю васъ съ двойней...

— Двойня?!—радостно воскликнулъ счастливый отецъ и облегченно вздохнулъ.—Фу! а я такъ испугался. Ахъ, какая вы! Развѣ такъ двойню показываютъ? Двойня или вообще пара показывается пальцами, опущенными внизъ, а когда пальцы подняты къ верху, по-нашему это означаетъ рога.

Въ балетномъ мѣрѣ у меня было два очень хорошихъ знакомыхъ: ветеранъ балетной сцены Н. О. Гольцъ и Цесарь Пуни.

Гольцъ слылъ замѣчательнымъ мимикомъ, и поэтому почти всѣ драматическія роли въ балетахъ всегда поручались ему. Онъ съ такимъ совершенствомъ передавалъ мимикой все происходящее на сценѣ, всякое свое душевное движеніе, что зрители не нуждались въ либретто и понимали все до мельчайшихъ подробностей. Кромѣ этого, Гольцъ былъ извѣстенъ, какъ лучшій учитель балльных танцевъ, которые онъ преподавалъ даже высочайшимъ особамъ, не говоря уже о первыхъ аристократическихъ домахъ Петербурга и нѣкоторыхъ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ трудъ его оплачивался весьма хорошо. Ему такъ же принадлежитъ постановка танцевъ въ оперѣ Глинки «Жизнь за Царя», которые до сихъ поръ съ перваго представленія оперы сохраняются въ его аранжировкѣ.

Николай Осиповичъ былъ замѣчательно примѣрнымъ семьяниномъ и чрезвычайно религіознымъ человѣкомъ. Скончался онъ истиннымъ христіаниномъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ призвалъ своего духовника. Исповѣдался и причастился, сидя въ креслѣ. Затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ склонился на колѣни передъ священникомъ и у его ногъ, подъ эпитрахилью и св. крестомъ, отошелъ въ вѣчность. Онъ похороненъ въ Сергіевской пустынѣ, близъ которой всю жизнь проводилъ лѣтнее время на дачѣ.

Цесарь Пуни занималъ мѣсто балетнаго композитора. Существовала и такая должность. Онъ былъ очень талантливъ. Съ театральной дирекціей у него былъ заключенъ контрактъ, въ силу котораго Пуни былъ обязанъ писать музыку, когда бы она ни потребовалась для балета.

Пуни былъ необычайно плодовитъ. Онъ говаривалъ, что можетъ сочинить въ сезонъ до двадцати балетовъ, и это не было хвастовствомъ. Дѣйствительно, съ необычайною скоростью набрасывалъ онъ на нотную бумагу прелестныя мелодіи, уже давно оцѣненные по достоинству. Кто помнитъ его музыку изъ балетовъ: «Конекъ-Горбунокъ», «Катарина», «Фаустъ», «Теолinda» и мн. др.,

тотъ всегда скажетъ, что эта музыка лучшая изъ всѣхъ балетныхъ композицій.

Пуни былъ въ полномъ смыслѣ слова «свободнымъ художникомъ», какъ иногда онъ называлъ себя въ шутку. Про его артистическую простоту ходило много анекдотовъ. Онъ былъ удивительно беззаботенъ, безпеченъ и всегда матеріально нуждался. Не смотря на большое семейство, бывшее на его исключительномъ попеченіи, Пуни не умѣлъ беречь денегъ и, будучи очень добрымъ отъ природы, весьма охотно ссужалъ ими пріятелей, въ большинствѣ безвозвратно.

Какъ музыкантъ и композиторъ балетной музыки, онъ до сихъ поръ не имѣетъ соперниковъ, не исключая и талантливаго Минкуса, призваннаго на мѣсто Пуни послѣ его смерти.

Говоря о балетѣ и Большомъ театрѣ стараго времени, нельзя умолчать о шумныхъ театральныхъ маскарадахъ, которые давались дирекціею въ его стѣнахъ. Я ихъ засталъ, когда они стали терять свою грандіозность и пышную торжественность. Въ царствованіе же императора Николая Павловича, какъ извѣстно, эти маскарады процвѣтали и посѣщались лучшимъ петербургскимъ обществомъ. Самъ государь нерѣдко посѣщалъ ихъ и былъ близкимъ участникомъ искренняго веселья, царившаго въ пестрой толпѣ присутствующихъ. Николай Павловичъ вообще былъ доступенъ и простъ въ обхожденіи, но во время маскарадовъ въ особенности онъ любилъ чувствовать себя обыкновеннымъ посѣтителемъ. Къ нему совершенно свободно подходили маски и бесѣдовали. Конечно, многія женщины этимъ кичились, а нѣкоторыя даже извлекали существенную пользу. Напримѣръ, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ изъ стариковъ - сослуживцевъ, однажды ловкая и элегантная маска своимъ увлекательнымъ разговоромъ до того заинтересовала государя, что онъ, проговоривъ съ ней довольно долго, спросилъ ее: не желаетъ ли она чего-нибудь отъ него на память о пріятно проведенномъ для императора вечерѣ.

— Вы слишкомъ милостивы, ваше величество, — отвѣчала маска, — я такъ счастлива вашимъ вниманіемъ, что наоборотъ желаю просить вашего позволенія сдѣлать мнѣ самой вашему величеству подарокъ на память о сегодняшнемъ маскарадѣ.

— Отъ души приму, — отвѣтилъ государь, улыбаясь. — Но только мнѣ интересно, что ты мнѣ можешь подарить?

— Со мной этого подарка вѣтъ, но я буду просить позволенія прислать его завтра вамъ, во дворецъ.

— Прекрасно!

— Пообщайте его принять, а такъ же пообщайте сдѣлать распоряженіе, чтобы онъ былъ вамъ доставленъ безъ задержки.

— Объ этомъ не беспокойся, милая маска. Присылай, и онъ будетъ у меня. Повѣрь, я его сберегу.

Каково же было удивленіе императора, когда ему на другой день въ видѣ подарка было прислано трое малютокъ дѣтей, судьбу которыхъ неизвѣстная вручала его безграничной добротѣ. Государю такъ понравилась эта шутка, что онъ принялъ участіе въ этихъ дѣтяхъ и приказалъ опредѣлить ихъ въ институты на его счетъ.

Съ теченіемъ времени маскарады Большого театра утратили свой интересъ и уже на моей памяти дошли до положительнаго упадка. Для привлеченія охладѣвшей къ нимъ публики стали устраивать танцы при участіи кордебалетныхъ танцовщиковъ и танцовщицъ, которыя получали за это разовую плату. Они маскировались въ лучшіе казенные костюмы и усердно поддерживали оживленіе, но это не удержало маскарадовъ отъ паденія.

LXIII.

Мой выигрышъ 75.000 рублей. — Неожиданность. — Назначенный вечеръ. — Случайная покупка таблицы. — Пережитыя чувства. — Выкупъ выигрышнаго билета. — Его измѣнившійся видъ. — Страхъ. — Нравственные мытарства. — Философія мясника. — Извѣстіе о выигрышѣ, проивкшее въ «Епархіальныя Вѣдомости». — Ярославскій протоіерей. — «Сущность». — Измѣнившіяся обстоятельства. — Пріятныя и непріятныя стороны выигрыша. — Заключение.

Выдающимся событіемъ моей жизни несомнѣнно слѣдуетъ назвать мой выигрышъ 75.000 рублей въ тиражъ 1-го марта 1882 года.

Часто приходилось слышать: «ахъ, если-бъ я выигралъ, я сдѣлалъ бы то-то и то-то», или: «неужели я опять не выиграю?», или: «о, я предчувствую, что когда нибудь на мой билетъ падеть выигрышъ!». Я же никогда не мечталъ о выигрышѣ, считая это чѣмъ-то невозможнымъ и чуть ли не противоестественнымъ. Я пріобрѣталъ билеты, но не потому, чтобы разсчитывалъ на счастливую случайность, а потому, что на этомъ настаивала жена.

1-го марта 1882 года, я пригласилъ къ себѣ вмѣстѣ провести вечеръ А. Н. Островскаго и пріѣхавшихъ изъ Москвы артистовъ М. П. Садовскаго, Н. И. Музиля и еще кое-кого изъ петербургскихъ товарищей: И. Ѳ. Горбунова, покойныхъ Арди, Бурдина и др. Утромъ этого дня Островскій, Музиль, Садовскій и я уговорились встрѣтиться въ фотографіи Бергамаско. Снявшись, мы стали расходиться до свиданія вечеромъ у меня. Островскій отправился домой, а мы втроемъ рѣшили совершить прогулку по Невскому. У пассажира газетчикъ подаль мнѣ маленькую таблицу главныхъ выигрышей. Только дома я заинтересовался этой таблицей, когда сѣлъ за обѣденный столъ. Взглянувъ на цифры первыхъ двухъ выигрышей, я нашелъ сходство номера билета семидесятипятидесячнаго выигрыша съ моимъ билетомъ, находившимся въ залогъ въ государственномъ банкѣ. Меня какъ-то,

если хотите, даже неприятно передернуло. Сейчасъ же кинулся я къ письменному столу, справился съ номерами серіи и билета... да, да, мой билетъ выигралъ! Что я почувствовалъ въ эту минуту, — передать не могу и не сумѣю. Къ восторгу и радости примѣшивалось сомнѣніе, какой-то непонятный страхъ. Сердце болѣзненно сжималось, въ глазахъ темнѣло, въ головѣ роились безсвязныя мысли. Когда я вернулся въ столовую, жена съ испугомъ бросилась ко мнѣ на встрѣчу и тревожно спросила:

— Что съ тобой?

Такъ замѣтно измѣнился я въ лицѣ.

При обнаруженіи выигрыша было, конечно, ужъ не до объѣда. Сейчасъ же вмѣстѣ съ женой отправился я въ Казанскій соборъ и отслужилъ благодарственный молебенъ. При возвращеніи домой я уговорился съ нею не разглашать до времени о выигрышѣ, потому что случаются ошибки, опечатки въ таблицахъ.

Ровно полтора мѣсяца никто объ этомъ не зналъ. Совершенно успокоившись въ этотъ промежутокъ времени, я отправился въ государственный банкъ, чтобы выкупить свой счастливый билетъ и тамъ же положить его на храненіе. Когда онъ очутился въ моихъ рукахъ, я до ужаса изумился его наружнымъ измѣненіямъ. У меня промелькнула въ головѣ мысль о подмѣнѣ. Я очень хорошо помнилъ, что мой билетъ былъ старымъ, измятымъ, полинялымъ, а этотъ совершенно новый, даже ни разу не перегнутый. Поспѣшно провѣрилъ нумерацію. Она вѣрна. Чтобы разрѣшить сомнѣнія, я обратился къ дежурному чиновнику, который разъяснилъ мнѣ, что самъ банкъ производитъ обмѣнъ листовъ, находящихся у него въ залогѣ или на храненіи.

— Всѣ купоны вышли, — вамъ дали новый листъ съ новыми купонами.

Успокоившись, я отдалъ билетъ на храненіе въ отдѣленіе вкладовъ и продолжалъ молчать, при искреннемъ желаніи повѣдать всѣмъ мою радостную тайну. Прошло еще мѣсяца полтора. Прислушиваясь къ разговорамъ о выигрышахъ, я пришелъ къ выводу, что слѣдуетъ раньше объявить банку о выигрышѣ, во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній, потому что бывали случаи, когда предъявлялись фальшивые билеты, возникали споры и т. д.

Первый, кому я повѣдалъ о выигрышѣ, былъ мой любимый сослуживецъ В. Р. Шемаевъ. Съ нимъ вмѣстѣ я отправился въ банкъ и заявилъ свои права на 75.000. Изъ банка вѣсть быстро разлетѣлась по Петербургу. Въ тотъ же день на спектаклѣ товарищи меня поздравляли, а на другой день уже сообщалось это во всѣхъ столичныхъ газетахъ.

Съ этого времени начались всяческія нравственныя мытарства. Со всѣхъ сторонъ стали осаждать меня просьбами о вспоможеніи, дѣлали безчисленное множество разныхъ предложеній «устроить капиталъ подъ вѣрное и выгодное обезпеченіе»,

подбивали меня на различныя предпріятія и, наконецъ, дошло до того, что стали вымогать отъ меня деньги, при чемъ пускались въ ходъ угрозы и шантажъ.

Иногда доходило до смѣшного. Вскорѣ послѣ того, какъ обнаружился мой выигрышъ, я сталъ замѣчать, что кухарка моя стала переплачивать по нѣсколько лишнихъ копеекъ на фунтъ мяса. Я сдѣлалъ ей относительно этого замѣчаніе. Она спокойно отвѣтила:

— Теперь намъ дешевле не отдають.

— Почему?

— А ужъ такъ. Мясникъ очень вразумительно говоритъ: «какъ вамъ не стыдно торговаться, вѣдь вашъ баринъ выигралъ цѣлую уйму деньжищъ. Съ кого и брать, какъ не съ васъ?».

Точно такой же филозофіи придерживаться сталъ и мелочной лавочникъ.

О моемъ выигрышѣ проникло сообщеніе даже въ какія-то «епархіальныя вѣдомости». Знакомый мой протоіерей изъ Ярославля спросилъ какъ-то общаго нашего пріятеля, проѣзжавшаго черезъ этотъ городъ:

— А правду ли сообщаютъ такія-то «епархіальныя вѣдомости», что нашъ пріятель Александръ Александровичъ Нильскій приобрѣлъ путемъ выигрыша 75.000 рубликовъ?

— Да, это вѣрно.

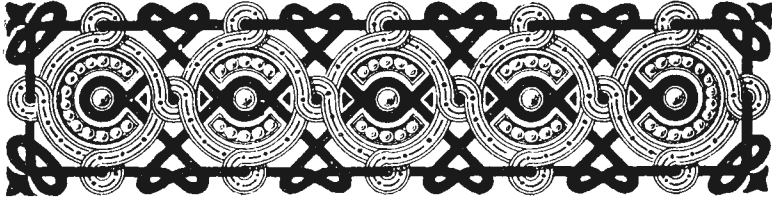
— О-го-го!.. Какова сущность!

Дѣйствительно, это была «сущность» во многихъ отношеніяхъ и пріятная, и непріятная.

Съ полученіемъ этихъ выигрышныхъ денегъ судьба моя рѣзко измѣнилась. Вскорѣ я похоронилъ жену, затѣмъ посыпались на меня невзгоды по службѣ, такъ что я *volens-nolens* долженъ былъ оставить службу при театрѣ, съ которымъ сроднился всеми фибрами сердца. Съ другой стороны, эти деньги мнѣ дали возможность существовать, не зная нужды и горя. Послѣ отставки я принимался нѣсколько разъ за службу на частныхъ сценахъ, но очень часто наталкивался на странное къ себѣ отношеніе, порождаемое все тѣмъ же выигрышемъ. Люди, имѣвшіе со мною денежныя счеты, спокойнымъ образомъ пользовались моимъ трудомъ даромъ и эксплуатировали меня безцеремонно, не находя этого безнравственнымъ только потому, что я обладаю выигрышнымъ капиталомъ, который казался имъ миллионнымъ въ моихъ рукахъ.

Этимъ эпизодомъ заканчиваю свои воспоминанія. Можно было бы еще кое-что любопытное приписать, но все остальное не можетъ появиться въ печати по преждевременности. Все же, что зналъ изъ недавней старины петербургскаго театра, то пересказалъ, какъ умѣлъ, о дальнѣйшемъ же расскажетъ попозднѣ кто нибудь.

А. Нильскій.

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ ¹⁾.

VIII.

Степанъ Бѣлыхъ.

I.

ВТО ЛѢТО мнѣ пришлось остаться въ Петербургѣ. Одинъ изъ моихъ товарищей по журнальной работѣ, уѣзжая лѣчиться въ самарскія степи, просилъ меня замѣнить его въ газетѣ, въ которой онъ велъ ежедневныя бесѣды. Я согласился. Кто знаетъ, что такое Петербургъ лѣтомъ, тотъ пойметъ мои мученія. Я бранилъ себя за то, что уступилъ просьбѣ товарища, и съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда онъ вернется. Я мечталъ о деревнѣ, какъ мечтаетъ только влюбленный юноша о свиданіи съ «царицей сердца», выражаясь языкомъ поэтовъ.

Въ одну изъ минутъ, когда тоска по деревнѣ съ особенной силой охватила меня, я получилъ письмо отъ пріятеля-инженера, купившаго лѣтъ пять тому назадъ имѣніе въ Новгородской губерніи. Лосевъ—такъ фамилія инженера—приглашалъ меня пріѣхать хотя на одинъ день въ Глухово. «Пробудь только мои именины,—и съ Богомъ опять въ Питеръ». Пріятель прибавлялъ, что будетъ кое-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., т. LV, стр. 323.

кто изъ общихъ знакомыхъ, и чтобы я не нанималъ ямщика, а спросилъ бы лошадей изъ Глухова. «Телеграфируй только, когда выѣдешь, и экипажъ будетъ дожидаться тебя у станціи. Пошлю надежнаго человѣка—Степана Бѣлыхъ»,—закаччивалъ Лосевъ свое письмо.

Я обрадовался приглашенію и отправился къ редактору. Я показалъ ему письмо и сказалъ, что ѣду на два-три дня.

— Какъ хотите—не могу... Задыхаюсь просто.

— Привыкли, батенька, къ цыганству-то... На мѣстѣ не сидится. А какъ же мы-то?

Онъ улыбнулся и добавилъ:

— Ну, Богъ съ вами... Прокатитесь... Далеко это?

— Верстъ сто съ чѣмъ-то по Николаевской дорогѣ.

— Что же: на недѣлку уволю... Будемъ изъ газетъ брать статейки... лѣтомъ сойдемъ.

Я былъ радъ, какъ школьникъ неожиданно выпавшему празднику, и немедленно телеграфировалъ пріятелю: «Завтра съ почтовымъ выѣзжаю».

Станція, на которой мнѣ нужно было выходить, изъ маленькихъ и уже за чертой дачныхъ мѣстностей. Только любители деревенской тишины, имѣющіе возможность не ѣздить часто въ городъ, поселяются въ близъ лежащей деревушкѣ, но такихъ дачныхъ отшельниковъ немного. По крайней мѣрѣ въ тотъ разъ, когда я ѣхалъ, на станціи вмѣстѣ со мною сошелъ только молодой человѣкъ, оказавшійся псаломщикомъ изъ села, лежащаго въ десяти верстахъ отъ чугунки.

Я только-что хотѣлъ идти на поиски за Степаномъ Бѣлыхъ, какъ онъ самъ подошелъ ко мнѣ.

— Не вы ли будете господинъ?..

— Степанъ Бѣлыхъ?—перебилъ я его.

— Точно такъ. Къ Павлу Ивановичу, изъ Питера, господинъ...

Я назвалъ мою фамилію.

— Вотъ, вотъ... За вами я и посланъ.

Прежде чѣмъ продолжать разговоръ, позвольте мнѣ представить вамъ Степана Бѣлыхъ, который собственно и будетъ героемъ моего очерка, если только можно употребить въ данномъ случаѣ слово «герой».

Степанъ Бѣлыхъ—высокій, сухощавый старикъ, лѣтъ пятидесяти. Потемнѣвшее лицо изрѣзано морщинами и окаймлено небольшою сѣдой бородой. Брови тоже сѣдыя. Сѣрые глаза Степанъ часто прищуриваетъ. Русые съ просѣдью волоса аккуратно расчесаны на двѣ стороны, съ пробормомъ по срединѣ. Выраженіе лица — пріятное, симпатичное. Старикъ сохранилъ еще много зубовъ и говоритъ не шамкая; но голосъ нѣсколько глухой, хотя пріятный и круглый; звукъ льются мягко и ровно. Рѣчь старика

не бьетъ по нервамъ, а какъ-то пріятно гладить ихъ,—припоминается мнѣ выраженіе знакомаго учителя. Да, именно гладить. Въ осанкѣ Степана видна степенность; движенія неторопливыя, но и не вялыя, не лѣнныя. Фигура старика полна своеобразнаго достоинства.

На Степанѣ была надѣта пестрядинная рубаха и такіе же штаны. Поверхъ рубахи какая-то кацавейка. На ногахъ сапоги, но старенькіе. Степанъ и говорилъ, и держался съ той почтительностью «къ барину», какой ни въ словахъ, ни въ движеніяхъ вы не замѣтите у большинства современныхъ крестьянъ, особенно молодыхъ.

— Гдѣ же лошади?—обратился я къ Степану.

— А лошадки на постояломъ будутъ,—отвѣтилъ онъ мягко, снова снимая свой картузь.—Я нарочно поранѣ... чтобы роздыхъ дать... Лошадки-то молодыя, до загону зачѣмъ же... Животинкѣ легче такъ-то.

— Ты у Павла Ивановича живешь въ работникахъ?

— Никакъ нѣтъ. А сусѣди мы... Моя изба-то, почитай, къ самой усадьбѣ подходитъ.

— Почему же ты пріѣхалъ?

— А прошалъ баринъ... Время горячее... Работники свои — на косьбѣ... Чего теперъ стоитъ мужикъ, сами знаете... Ну, а наше дѣло небольшое. Сынъ управляется. И я подмогаю. Силы еще есть... Да руку онамедни стравилъ: починалъ телѣгу и убилъ ее. Косы-то въ руку и не взять.

Онъ показалъ мнѣ лѣвую руку, посинѣвшую и припухшую.

— Чѣмъ же ты лѣчишь?

— Примочки баринъ давалъ... Кладалъ... Полегче быдто...

— Ну, такъ ѣдемъ,—сказалъ я.

— Сейчасъ!.. Я побѣгу на постоялый. Вы какъ: здѣсь подождете, али подойдете туды?

— Нѣтъ, подожду. Съ чемоданомъ неудобно.

— И точно... Гдѣ же съ нимъ-то? Я сейчасъ, сударь... Лошадки отдохнули.

Онъ нахлобучилъ картузь (котораго онъ не надѣвалъ, не смотря на мое замѣчаніе) и началъ спускаться со ступенекъ желѣзнодорожной платформы.

II.

Былъ чудный лѣтній вечеръ. Склонявшееся къ западу солнце уже не жгло, а мягко ласкало землю косыми лучами, золотя ея поверхность.

Отдохнувшія лошадки бѣжали бодро.

— Добрые кони,—замѣтилъ я Степану, который степенно сидѣлъ на облучкѣ тарантаса.

— Хорошія лошадки,—отвѣтилъ онъ:—молодыя еще. Коли не испортишь—цѣны не будетъ.

— Испортить, ты говоришь? Кто же будетъ портить? Павелъ Ивановичъ любить лошадей.

— Нѣшто долго?.. Мало-ль что любить... Съ нонѣшнимъ народомъ одинъ грѣхъ только: чуть не доглядѣлъ—и бѣда! У комельскаго барина какой рысакъ былъ — картина! А пьянчуга-кучеръ живой рукой сгубилъ. Напоилъ потнаго — и пропалъ конь. Тысячу стоилъ, а теперь ему грошъ цѣна.

— Что же онъ?—спросилъ я.

— Кто, кучеръ-то?

— Нѣтъ, баринъ?

— А баринъ что же: прогналъ, вѣстимо, и все тутъ, больше что же? Кабы прежняя пора, такъ на конюшнѣ бы такую дѣру дали шельмѣ, что небо въ овчинку бы показалось. А нонѣ что съ нимъ подѣлаешь, окромя того, что вонъ прогонишь. Онъ тебѣ на тыщу уронъ-то сдѣлалъ, а ты его и вдарить не смѣй. Запрещено. Послабленье пошло... Ну, и забылся народъ. Безъ страху-то какъ же не забыться?

— Развѣ лучше прежде было?

— А-то нѣшто хуже? Страхъ былъ, Бога помнили и боялись.

— Да Бога ли?—улыбнулся я:—не розги ли?

— А хоша и розги? Теперь и ничего не боятся. Вы, сударь, какъ полагаете,—обернувшись ко мнѣ, произнесъ Степанъ, съ легкой усмѣшкой во взглядѣ:—нѣшто можно дитѣ научить чему одной-то лаской да баловствомъ? Безъ страха никакъ нельзя. Что человѣкъ, сударь, то и звѣрь—все однова. Старики говорили: «кошку чѣмъ больше гладь, тѣмъ она больше хвостъ дереть». Истинно такъ. И человѣка тоже. Онъ сейчасъ забудется и знать никого не захочетъ. Возьмите вы хоша бабу. Развѣ можно, чтобы она мужа не боялась? Тогда съ ней и справки не найдешь. Она и большничать надъ мужикомъ захочетъ.

— А этого нельзя?

— Ужь чего хуже! Бабѣ дорога — отъ печки до порога. Вотъ ейное дѣло. Тутъ она и наибольшая... Эхъ, сударь, не знаю какъ васъ звать-величать: слышали вы, чай, такую поговорку: «не все то Богу любезно, что человѣку полезно». Извѣстно, человѣку воля люба. Да съ волей жить надо умѣючи. Не всякій въ начальство годится. Другой хорошъ только, когда надъ нимъ начальство есть. А дайте ему послабленье, онъ и задурить.

— Кажется, у васъ начальства-то не мало,—возразилъ я.

Степанъ усмѣхнулся.

— Начальства-то не мало, да толку мало. Вотъ грѣхъ!—сказалъ онъ.—Оттого и непорядокъ пошелъ... Народъ распустился.

— Почему же мало толку? Развѣ прежде его было больше?

— Не въ примѣръ. И сравнить нельзя съ прежнимъ! Прежде какое начальство у мужика: баринъ—и больше никого. Онъ тебя наказуетъ и милуетъ, онъ тебѣ гроза и заступленье. Ему угодили, содержишь себя въ аккуратѣ, никто не страшень. Если кто забижать почнетъ, баринъ заступится, потому хорошій мужикъ ему нуженъ. Ну, а коли ты худъ, не гнѣвайся: сама себя раба бьетъ, коли нечисто жнетъ. А теперь что же: заступы мужику ни отъ кого нѣту, да и уму-разуму наставить некому. Нѣшто такъ можно?

— Уму-разуму не палкой учать.

— А чѣмъ же?

— Ученьемъ. Грамотныхъ нынче больше, чѣмъ прежде.

— Это вѣрно... А только и грамота пустое, коли человѣкъ Бога забылъ и совѣсть потерялъ. Нѣшто мало ихъ грамотныхъ-то по кабакамъ шляется. Хозяйство на разворъ, семья чуть не по міру, а онъ винище лопааетъ. Вотъ тѣ и грамотный! А ты работай, да хрестьянское дѣло справляй, вотъ это дѣло!

— Но ученье не мѣшаетъ этому. Не грамота же виновата въ пьянствѣ! — возразилъ я.— Неужели ты противъ грамоты, Степанъ?

— Зачѣмъ противъ! Грамота дѣло хорошее. Да только прежде всего страхъ Божій! Надо, чтобы человѣкъ опаску имѣлъ, а не думалъ, что онъ самъ себѣ наибольшій, что хочетъ, то и дѣлаетъ. Нѣтъ, это не ладно. И какъ безъ узды — брыкастѣе. Не обижай зря человѣка, а въ страхѣ и повиновеніи его держи.

— Ну, а прежде его обижали и зря.

— А нонѣ думаете, сударь, не обижаютъ зря-то? Да сколько угодно: и старшина, и становой, и мало ли кто! Обижать есть кому, да больше-то обиды нѣтъ ничего. А прежде, если и обидить баринъ, то въ другой разъ и за дѣло накажетъ. Не все же зря.

— А у тебя, вѣрно, хорошій былъ баринъ?

— Ничего... Почему вы такъ извоили спросить? Нѣшто знавали его?

— Да я не знаю, чей ты и былъ,—засмѣялся я.— Но ты такъ жалѣешь о прошломъ, что, кажется, радъ былъ бы, если бы оно вернулось?

Старикъ не отвѣтилъ сразу.

— Что угадалъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, сударь, не угадали,—промолвилъ Степанъ.

— Какъ? Да ты самъ же сейчасъ хвалилъ.

— Вѣрно, хвалилъ. Да вотъ она, воля-то, балуетъ... И знаю, что лучше, а все же послѣ воли въ неволю не хочется. Разнуздай коня, онъ и кусается, когда ему въ ротъ-то удила кладешь. А все коню нельзя безъ нихъ.

— Какъ же тебя понимать,—сказалъ я: — хорошо было, а все же теперь лучше, и старое не люблю.

— Не любо. А почему? Потому человекъ на волѣ-то избаловался. Пожилъ безъ страха и не хочетъ подь страхъ опять.

— А все-таки при страхѣ лучше?

— Не въ примѣръ! Вотъ вы про барина спросили: хорошъ ли былъ онъ? Кому какъ. Иные его ругательски ругаютъ. Яшка, лакей, такъ прямо и сказалъ, какъ баринъ померъ: «Коль осиновый ему замѣсто креста на могилу!».

— Жестокъ былъ?

— Взыскателенъ. Ничего не прощалъ. Коли ты хорошъ, все въ порядкѣ, онъ тебя въ обиду не дастъ и поможетъ, а если попался въ чемъ — и не проси, не моли: не простить! Такимъ, какъ Яшка, вдоволь доставалось; ну, а къ хорошимъ и онъ былъ хорошъ.

— А къ тебѣ какъ?

— Не скажу худаго. А и мнѣ разъ влетѣло... У-ухъ, какъ влетѣло. Насилу на ноги поднялся, такъ отстегали!

— За что?

— А за дѣло. Не буду врать: самъ виновать.

— Выпилъ, что ли?

— Ни!.. Я не пью. И никогда не баловался этимъ. Богъ миловалъ. А все изъ-за горничной вышло. Былъ я женатъ. И сынъ уже былъ. А тутъ Сонька, горничная барышнина... И змѣя же была, сударь, а не дѣвка. Изъ-за нея кучеръ жизнь порѣшилъ свою. Ну, и меня смутилъ лукавый... Возьми какъ-то одинава я, да и заберись съ Сонькой въ бесѣдку... Былъ я садовникомъ и жилъ при домѣ... Вотъ и вышло дѣло. А баринъ поймалъ. Господи, какъ отстегали-то! И теперь жутко вспомнить.

— А ее?

— И ее отпорили. У насъ это было все едино: дѣвка ли, паренъ ли — одинъ конецъ: розги! И еслибъ не моленье барышни, быть бы Сонькѣ на скотномъ дворѣ, да барышня любила ее и умолила папеньку.

— И ты находишь, что это хорошо, — одобряешь порку?

— То-есть вотъ какъ хорошо... Не отпори тогда меня, я безпремѣнно бы загулялъ и спутался съ Сонькой. А тамъ — либо самому камень на шею, либо — пропасть женѣ и сыну. Ну, а какъ поучили надлежаше, дурь-то и слетѣла.

— А чѣмъ кончила Сонька?

— Худо кончила. Послѣ въ городѣ съ приказчикомъ связалась, а тотъ ее и зарѣзалъ.

Я засмѣялся.

— Гдѣ же польза твоей розги? Вѣдь не исправилась же Сонька? Степанъ махнулъ рукою.

— Такихъ рази что исправить? Пропащая душа у ней была.

— Значить, не всѣхъ розга и строгость исправляютъ?

— Вѣстимо, не всѣхъ. Забубенная головушка и Сибири не боится. Ужъ на что плети, клеймомъ клеймили, а все не дѣйствовало.

— Стало быть, и розга не при чемъ. Кто можетъ исправиться, тотъ исправится и безъ палки.

Но Степанъ стоялъ на своемъ.

— Нѣтъ, сударь, не то-съ. Все же страхъ удерживаетъ. Одинъ не боится палки, да девять боятся. А коли нѣтъ ничего—и бояться нечего.

Въ эту минуту мы подѣхали къ Сосновкѣ, небольшой, но раскинувшейся деревушкѣ. При самомъ въѣздѣ, у кабака, валялось двое пьяныхъ.

— Изволите видѣть,—указалъ Степанъ на спавшихъ крѣпко у крыльца:— время горячее, одинъ день чего стоитъ, а они пьянствуютъ. Нѣшто это было бы возможно, какъ бы страхъ былъ, да знали они, что имъ спину-то вспашутъ лучше плуга всякаго. А въ хозяйствѣ-то разворъ. Сегодня недостатокъ, завтра нѣтъ ничего. И пошло все прахомъ. Дальше и больше. Потомъ-то ужъ хоть задери его,—ему ни по чемъ. А ты во время останови, да не дай избѣ развалиться. Бабы воютъ, да что подѣлаешь. Она ему слово, а онъ ей кулакомъ въ рожу. Суди тамъ волостной. А посмѣлъ бы онъ при нашемъ баринѣ бабу-то зря окровавить, такъ ему самому бы кровь-то пустили не хуже фѣршала. Потому бабу учи, бей, да за дѣло. Да и то бей со смысломъ, не какъ поросенка, а помни, что хоша она и баба, но жена обзаконенная, Богомъ дана тебѣ. Я, вонъ, надняхъ и говорю кузнецу... Андреемъ Бѣлыхъ прозывается. Недалече отъ насъ живетъ.

— Это твой родственникъ?

— Чужой.

— А почему же Бѣлыхъ?

— Да насъ много Бѣлыхъ... Все однихъ господъ были, потому и фамилія одна. Какъ отошли, стали прописывать, ну, и спрашиваютъ каждаго: какъ твоя фамилія? А какая у мужика допрежь фамилія? Такъ жили просто... Да чей ты былъ?—спрашиваютъ. Ну, я и говорю, и Федоръ, и Андрей, всѣ говоримъ: господъ Бѣлыхъ. Ну, и написали фамилію Бѣлыхъ; такъ и пошли.

Степанъ улыбнулся и продолжалъ:

— Такъ вотъ, сударь, я про кузнеца-то: ономясь пропилъ всю одежду. Баба ему и говорить: безстыжіе твои глаза! А онъ ее хлясть по рожѣ, да и вдругорядъ. Она свалилась. А баба насносяхъ. Ему, пьяному, все ни по чемъ: давай ее лупить. Она выкинула, да и чуть Богу душу не отдала. Я ему говорю: Андрей, побойся Бога! А онъ мнѣ: и въ церкви сказано—«жена да боится мужа». А я ему опять: спроси-ка отца, какъ покойникъ баринъ за такія дѣла взыскивалъ. А онъ на это мнѣ: «Чаво спрашивать? Было да прошло... Были господа, а теперь я самъ себѣ баринъ и никого не боюсь. Вольный я человекъ!». Вотъ вамъ, сударь, и воля.

Я не сталъ болѣе оспаривать Степана. Это было бы бесполезно. Онъ не понялъ бы меня. Онъ крѣпко сжился съ тѣми взглядами, которые высказывалъ, и, не находя другого средства для «водворенія порядка», какъ выражался онъ, стоялъ за палку, наводящую страхъ. Онъ, видимо, не о крѣпостномъ правѣ сожалѣлъ, но о томъ страхѣ, который тогда «держалъ всѣхъ въ порядкѣ». Степану хотѣлось, чтобы этотъ страхъ былъ и теперь, безъ крѣпостной зависимости. Крѣпостнымъ онъ не хотѣлъ бы быть.

— Ужъ это что говорить, воля своя, али барская,—произнесъ онъ, когда я замѣтилъ ему, что тогда весь народъ былъ не болѣе, какъ вещью.—Теперь, значить, я Степанъ и есть, какъ ни бѣдень, а самъ себѣ принадлежу. Ну, а тогда—все отъ барина: иди туда, куда велятъ, будь тѣмъ, кѣмъ прикажутъ; сегодня ты садовникъ, а завтра водовозъ... Петька Кудрявый былъ у барина. Поначалу ахтеромъ состоялъ и, почитай, на барской линіи; а осердился баринъ, и сдѣлался Петька конюхомъ. А что касательно женскаго пола, такъ и вспомнить жутко. Баринъ былъ охочій до него. Красивой дѣвкѣ или бабѣ—бѣда. Ни слезы, ни поклоны—ничто не помогало. На мужицкія слезы и не смотрѣли тогда.

— Вотъ видишь, какія времена были, а еще хвалишь,—не утерпѣлъ я.

— Что худо, то худо, сударь. А только, стало, порядку было больше, и народъ себя соблюдалъ строже... А это что... Извѣстно—господа: дѣлали, что хотѣли, на то ихъ барская воля была. Ну, а народъ держали въ порядкѣ.

— Другихъ держали, а сами себя распускали,—сказалъ я.

— Что подѣлаете. Одно—господа, другое—крестьяне. И то мой сынъ намедни говоритъ мнѣ: да чѣмъ я хуже барина? Что онъ, что я,—одна статья. Ну, не ври,—говорю ему:—свиньѣ коню рыломъ и подъ хвостъ не достать. Такъ и тебѣ до барина далече. Дали волю,—ну, и благодари Господа, да Царя-Батюшку, а глупостевъ не говори и не форси. Баринъ бариномъ и останется, а ты все мужикъ, какъ ни бахвался.

Я хотѣлъ было разспросить Степана о сынѣ, но мы вѣхали на гору, и передъ нами, какъ на ладони, открылось Глухово.

— Вотъ мы и дома сейчасъ,—сказалъ Степанъ.—Э-э... да и Павелъ Ивановичъ на встрѣчу ѣдутъ... Смотрите-ка...

Лосевъ ѣхалъ верхомъ на «Мальчикѣ», любимомъ своемъ конѣ, за котораго онъ далъ большія деньги.

Пріятель, замѣтивъ меня, привсталъ на стременахъ и снялъ бѣлую фуражку.

Я отвѣтилъ поклономъ.

Минуты черезъ двѣ или три мы уже пожимали другъ другу руки.

III.

Никого еще не было. Я пріѣхалъ первымъ. Пріятель былъ радъ и нѣсколько разъ принимался благодарить меня.

— Вотъ спасибо, что пріѣхалъ. Большое спасибо... Дня два— что же такое...

— Да я у тебя больше проживу,—сказалъ я.

— А, это и еще лучше... Очень радъ!.. Живи хоть все лѣто.

— Охотно бы, да нельзя... Начальство «не пушаетъ». Оно строгое... Ахъ, вотъ кстати. Преинтересный, братъ, этотъ Степанъ. Мы всю дорогу разговаривали насчетъ строгости и порядка.

Мы сидѣли за чаемъ послѣ сытной закуски, которая стоила хорошаго обѣда.

— Понравился онъ тебѣ?

— Какъ сказать... Мужикъ разсудительный. Только большой консерваторъ, — съ улыбкой произнесъ я. — Вотъ бы Мещерскому взять его себѣ въ сотрудники.

— Ты это насчетъ розги?—засмѣялся Лосевъ.

— Да. Лучше палки у него и нѣтъ ничего. Страху, говорить, надо. Безъ страху народъ распустился.

— Да, розгу онъ «возлюбяетъ», — произнесъ Лосевъ, дѣлая медленный глотокъ чая.

— А что онъ за человѣкъ самъ по себѣ? Хорошій? — освѣдомился я у пріятеля.

— Скорѣе — да. Во-первыхъ, на его слово можно положиться. Вотъ у него сыновья есть, — тѣ побоятся и солгутъ. Пообщаются — и не сдѣлаютъ. А онъ если сказалъ — свято. И росписки съ нимъ не нужны. Взялъ на слово, все равно, что по векселю. Честный мужикъ. Ну, а свое — блюдетъ, и баринъ, коли ничего не понимаетъ, науку отъ него получить здоровую... Онъ почтителенъ не наружно только, а, такъ сказать, по принципу. У него баринъ стоитъ высоко, но это не мѣшаетъ ему, если надо, выгодно продать и поживиться на счетъ барина. Не украдетъ, нѣтъ, а сдеретъ честно на его взглядъ, потому что не обманомъ, а «ежели ты дуракъ, такъ кто-жъ виноватъ, — самъ только», таково его мнѣніе.

— А, вотъ онъ какой!

— Да, а я его люблю. Нынче и то важно, если на человѣка положиться можно. Я дѣло знаю... Ну, а въ остальномъ онъ чистъ. Ты говоришь: онъ за розгу, за палку. Видишь, въ чемъ тутъ дѣло... Вѣдь, строго говоря, онъ правъ.

— Какъ, и ты?

— погоди, дай объяснить. Конечно, я не за палку, о какой онъ говоритъ. Но вѣдь и онъ-то о такой палкѣ говоритъ только потому, что другой не знаетъ, не доросъ до нея, да и не видѣлъ

ея. Ну, а ты возьми кого угодно. Развѣ мы, напримѣръ, можемъ жить безъ палки? Она, братъ, всякому нужна, эта палка, или узда, иначе сказать. У каждого своя. У кого она прямо палка, у кого— въ видѣ принципа, закона высшаго, но непремѣнно узда. Какъ ея не стало, и—безпринципность! А безъ принциповъ — и пошла писать губернія!.. Человѣку говорятъ: нельзя воровать. А онъ на это: мнѣ плевать! Не признаю! Ну, ему и выдвигаютъ тюрьму. Другому не надо тюрьмы, а довольно совѣсти. Но развѣ это не палка своего рода? Вспомни-ка Некрасова:

Не придумать вамъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу.

Вотъ тебѣ и узда.

— Позволь, но это не то.

— Да вѣдь гдѣ же Степану понимать другое!.. Онъ жизнь-то лучше знаетъ, чѣмъ мы съ тобой. Факты на лицо, а лѣкарства не видить, кромѣ того, которое когда-то дѣйствовало. Говорилъ онъ тебѣ о покойномъ своемъ баринѣ?

— Говорилъ.

— Ну, да. Былъ баринъ—и была узда. Не стало барина—и нѣтъ узды. А чѣмъ баринъ училъ? Палкой. Стало быть, она и лѣкарство. И не Степана надо винить, друже, а интеллигенцію. Что деревня видить? Кто за мужика? Большая часть помѣщиковъ бросили деревню и ушли въ города. За чѣмъ? А чтобы болтать красивыя фразы. А кто остался — тотъ кулакомъ смотритъ и не о просвѣщеніи мужика думаетъ... Попъ... Ну, ты знаешь, конечно, что не у него мужику учиться. Отчего и почему—это длинная пѣсня. Да и ты понимаешь не хуже меня... Учителя?.. Такъ вѣдь идеальные учителя больше только въ романахъ встрѣчаются. Врачи? Изъ той же глины больше, да и когда имъ учить, когда надо лѣчить, и то иногда нечѣмъ. Ну, гдѣ же деревнѣ познакомиться съ другой палкой? Степанъ — человѣкъ умный, думаетъ. А все-таки лучше розги и страха отъ перки не нашель. А фактъ онъ подмѣтилъ вѣрно: нуженъ страхъ, нужна узда, только...

— Только совсѣмъ другая, — произнесъ я.

— Да, другая. Не въ невѣжествѣ, конечно, а въ свѣтѣ, въ школѣ. Только не въ церковно-приходской и не въ земской, какая она есть, не въ псалтырѣ и не въ звуковомъ методѣ спасенъе, а въ воспитательномъ примѣрѣ. И кончившіе университетъ мерзавцами бываютъ. А вотъ когда настоящіе люди принципа на опытѣ убѣдятъ деревню въ томъ, что есть другая палка, другая узда, помимо той, что въ крѣпостное время народъ сдерживала, — деревня измѣнится, и неустройству конецъ.

— Ты за призывъ въ деревню интеллигенціи?

— Да, только лучшихъ людей изъ нея. Деревнѣ нужна соль земли. Слава Богу, движеніе въ этомъ направленіи начинается, и

не съ прежними глупыми мечтами, а съ практической разумной цѣлью идутъ люди. И литература дѣлаетъ свое дѣло.

— Но и назадъ бѣгутъ. Возьми хотя Варкина.

— Такіе пусть бѣгутъ. Они-то и есть настоящее зло: идутъ въ деревню съ намѣреніемъ показать ей, что есть другая палка, кромѣ стоеросовой, а потомъ сами зовутъ становаго и просятъ его отлупить какого нибудь Ивана настоящей палкой. Они напоминаютъ мнѣ тѣхъ миссіонеровъ, которые проповѣдывали идею христіанской любви при помощи полиціи. «Господинъ становой, прикажите раскольнику признать нашу правду, а не то въ кутузку его». Такой проповѣдью ничего не подѣлаешь.

— Значить, нужно страдать?

— Пожалуй, и да. А то вѣрнѣе: терпѣть, выжидать. И Москва не въ одинъ день построена. Знаешь, у меня мечта: бросить службу и поселиться въ деревнѣ. И я это сдѣлаю.

— А скажи-ка мнѣ вотъ что,—перебилъ я философа-пріятеля:—много ли сыновей у Степана?

— Два сына.

— И оба—дрянь?

— Не важны. Старшій выдѣлился.

— Не бѣдствуетъ?

— Бѣдно вато живеть... пьянствуетъ... Его подожгла жена отдѣлиться, да на свою голову. Пока со старикомъ жили,—все-таки было лучше. Положимъ, Сенька и тогда не очень слушался отца, а теперь-то совсѣмъ отъ рукъ отбился. Повезъ какъ-то въ городъ продавать кору. Продалъ, да всѣ деньги и пропилъ.

— Ну?

— Заругалась жена, а онъ ее избилъ. И въ тяжелый часъ, какъ говорится, избилъ-то: съ тѣхъ поръ и бьетъ ее напропалую.

— А что же Степанъ?

— Что онъ подѣлаетъ? Сенька и отца прибьетъ, пожалуй.

— А судъ?

— Какой судъ? волостной? Водки выставилъ—и правъ. Да Степанъ и не станеть жаловаться. Что-жъ срамитъ человѣка?

— Ну, а другой сынъ?

— Другой—солдатъ, недавно пришелъ. Этотъ работникъ хорошій, да буянъ большой: брата исколотилъ, отцу слова не дастъ сказать, мать въ щель забилъ. Впрочемъ, по хозяйству справляется. Степанъ помогаетъ. Онъ еще хоть куда.

— А дочерей у него нѣтъ?

— И дочери двѣ. Старшая на мѣстѣ служить въ Петербургѣ. Изрѣдка посылаетъ.

— А другая?

— Авдотья хорошая дѣвушка. Ей всего шестнадцать лѣтъ. Степанъ ее бережетъ пуце глаза. Замышляетъ онъ выдать ее за степеннаго мужика, да не любъ онъ Дунѣ.

- Не пойдеть?
- Развѣ приневолять. Она пока еще одна сколько нибудь слушается отца.
- А сестра ее не сманивала въ Петербургъ?
- Не знаю. Да ее-то Степанъ не пустить. Онъ и Матрешку-то было назадъ вернулъ, да та ужъ волю забрала.
- А паспортъ? Вѣдь можно же не выдать?
- Пустяки! Дѣвкѣ не подати вносить! А если еще угостить кого слѣдуетъ, такъ и разговору быть не можетъ. Вѣдь вотъ что скверно, друже: учить-то мужика никто не хочетъ, друзей настоящихъ у него почти совсѣмъ нѣтъ, а враговъ, развратителей сколько угодно.
- То же самое и Степанъ говорить.
- Какъ, и онъ?
- Не этими словами, а то же самое.
- И онъ только правъ!.. Да что же ты не пьешь чай?—вдругъ спохватился Лосевъ.
- Спасибо, я уже напился.
- Такъ теперь спать, что ли?
- Почему спать?
- Не хочешь? А я думалъ—съ дороги. Тогда вотъ что: поѣдемъ къ Мореву. Мнѣ нужно его позвать, да и поговорить съ нимъ о дѣлѣ. Завтра некогда: пріѣдутъ Мотылевъ, Коскинъ,—не вырваться. Я согласился.
- Ну, и отлично.
- Лосевъ выглянулъ въ окно и крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ:
- Гаврила!
- Что прикажете?—отозвался звонкій голосъ со двора.
- Осѣдлай скорѣй Дружка и Маргаритку!

IV.

На другой день я отправился ко всенощной къ Николѣ въ Хвостахъ.

Хвосты небольшая деревня, но въ ней очень хорошенькая церковь, выстроенная графинею З., жившей когда-то въ своей усадьбѣ, по близости къ деревнѣ. Церковь и до сихъ поръ содержится на капиталъ, завѣщанный графинею. Имѣніе ея перешло давно къ какому-то купцу, роскошный домъ превратился въ руины, а чудный паркъ срубленъ на дрова.

Я засталъ всенощную, какъ говорится, на кончикѣ.

Выходя изъ церкви, я столкнулся со Степаномъ. Онъ былъ одѣтъ лучше, чѣмъ вчера, держалъ въ рукахъ новый картузь съ блестящимъ козырькомъ.

Старикъ низко поклонился мнѣ.

— Помолитесь пришли въ нашу церковь?—произнесъ онъ, по обыкновенію, не надѣвая картуза.

— Да... Только вашъ батюшка ужъ очень скоро служить.

— Это вѣрно,—согласился Степанъ, улыбаясь:—онъ у насъ проворный, говорятъ—пропускаетъ многое, да мы нѣшто понимаемъ? Другому что обѣдня, что вечерня—все едино.

— Намъ по пути, пойдемъ вмѣстѣ, все веселѣй,—предложилъ я.

— Это точно: вдвоемъ-то поваднѣе,—съ той же добродушно-почтительной улыбкой согласился Степанъ, надѣвая картузъ.

Мнѣ хотѣлось заговорить со Степаномъ о его дѣтяхъ, и я замѣтилъ ему:

— А что же ты одинъ?

— Съ кѣмъ же мнѣ? Старухѣ далеко, на ноги она слаба.

— А сыновья?

— Старшій—самъ по себѣ. Да впрочемъ оба они у меня не охочи молиться. Они изъ тѣхъ, что въ церковь-то ходятъ тогда только, когда шапку смѣнить понадобится.

Старикъ засмѣялся, но грусть послышалась въ его старческомъ смѣхѣ.

— Ты заставлялъ бы.

— Нѣшто послушаютъ! Говорятъ: сынъ—твой. Сынъ-то мой, да умъ у него свой. Какъ велишь, когда не очень смотрятъ на вельнѣе. Отецъ-то нонѣ не начальникъ. Того и гляди: скоро отцы у сыновей подъ началомъ будутъ. На то похоже. Мы, бывало, отцу-то перечить не смѣли. А нонѣ: отецъ—слово, а сынъ ему—десять.

— Ну, а дочери?

— И дочери нонѣ не смиренѣе, пожалуй. Глядя на парней, тоже зубасты стали. Да ужъ чего: бабы не хуже мужиковъ пьютъ. Разнуздали коня, ну, вотъ онъ и рыщетъ по полю.

— А ты, кажется, Степанъ, недоволенъ своими сыновьями?

— Нечѣмъ быть довольнымъ-то,—произнесъ онъ, вздыхая.—Старшій-то отдѣлился. Хотѣлъ самъ по себѣ жить. Нѣшто это лучше? Въ артели-то и каша спорѣе. Послушался бабы и отошелъ. Теперь, чай, жалѣеть, да поздно.

— А младшій?

— Этотъ солдатъ... Въ безсрочный пришель... Со мной живетъ. Да солдатъ уже что! Пословица говоритъ: курица не птица, а баба не человѣкъ. А и солдатъ—ни то, ни се. Ужъ прежнимъ мужикомъ ему не бывать.

— Почему? Вѣдь нынче не долго служить. Вотъ прежде было худо.

— А по-моему теперъ хуже. Прежде, по крайности, такъ и знали: забрали лобъ, ну, и ставъ крестъ на сынѣ,—не твой онъ, а казенный. Былъ сынъ, и не стало его. За то другіе при тебѣ

остаются, при крестьянском дѣлѣ. А нонѣ и одного берутъ, и другого берутъ. Оно пуцай и не надолго, да вѣдь ужъ какъ побывалъ въ солдатахъ, попробовалъ иной жизни,—крестьянство-то его и не тянетъ, блажь-то въ голову и понабралась.

— Какая же блажь: въ военной службѣ строгая дисциплина, по-твоему это и хорошо?

— Да какая же нынче въ солдатахъ строгость? Нѣшто при Миколаѣ Павловичѣ такія строгости были? Нонѣ и солдаты избаловались. Вездѣ послабленіе. Опять и то: живетъ онъ въ казнѣ, все готовое, безъ заботушки, съ бабами хороводится, отъ семьи отобьется, къ тому другому навикнетъ,—вернется въ деревню, глядишь, совсѣмъ не тотъ... Онъ и жрать мясное въ постъ привыкъ, и безпутству этому научился. Гдѣ солдаты, тамъ бабью порча—это ужъ извѣстное дѣло. Нѣтъ, сударь, прежде куда способнѣе было: одного отдалъ, стало быть, царю на службу, справилъ повинность, и спокоенъ; остальные — при тебѣ. А теперь сколькихъ переберутъ.

Взглядъ Степана былъ для меня совершенно новымъ.

— Неужели всѣ такъ думаютъ, какъ ты?—спросилъ я.

— Не могу сказать, у всякаго свой умъ. Я по своему уму разсуждаю, а тамъ о прочихъ не могу знать.

— Да вѣдь прежде въ солдатахъ труднѣе было служить, правда?

— Вѣстимо, труднѣе. Прежде въ солдаты шли, слезами обливались, а нынѣ и въ затылкѣ не чешутъ. Развѣ только на первыхъ порахъ тоскливо.

— Ну, вотъ видишь, какая разница!

— Что-жъ съ того: на то шли. Извѣстно, не въ бабки играть, а служить. Пошелъ въ службу — терпи нужду. Обживешься, — и въ аду ничего. За то, сударь, и видать миколаевского солдата: старикъ, а передъ нонѣшнимъ соплякомъ-молодымъ — хватъ хватомъ. Въ страхѣ-то человѣкъ сохраняется лучше.

— Признаюсь, Степанъ, для меня это новость.

— Эхъ, сударь, есть поговорка: видать, кто скачетъ, да не видать, кто плачетъ. Имъ-то легче, да намъ-то тяжелѣй. А впрочемъ и то сказать: люди мы темные, и рѣчи наши глупыя. По темнотѣ и разсуждаемъ. А извѣстно, тому лучше знать, кто выше. Съ высоты-то виднѣй.

Степанъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и замолкъ.

Такъ прошли мы нѣсколько шаговъ.

— У тебя вѣдь и дочери есть?—первый я прервалъ молчаніе.

— Есть... двѣ.

— Съ тобой живутъ?

— Одна со мной.

— А другая?

— Въ городѣ. Въ услуженіи,—неохотно отвѣтилъ Степанъ.

— Хорошо живеть?

— Должно, хорошо, коли барышней стала.

— Какъ барышней?

— А такъ: въ шляпкахъ ходить, и груди подтянуты, а на лапицахъ-то перчатки.

— Тебѣ это, я вижу, не нравится?

— Чему-жъ тутъ радоваться? Тому ли, что дѣвка деревенская мамзелью нарядилась? Приѣзжала сюда... Я ей и говорю: дура, ты дура, чего нарядилась-то павой? «Наряжаться, говоритъ, тятенька, никому не возбранено: было бы на что!». Мало ли что не возбранено: а ты ищи епанчу по своему плечу. И откуда у тебя столько денегъ? «Жалованье, да господа дарятъ». Такъ ты бы, говорю, родителямъ больше посылала. Всѣхъ нарядовъ не переносишь и всѣхъ сластей не переѣшь. Захотѣла жить на чужой сторонѣ, ну, и живи, да помни поговорку: ищи счастья на чужой сторонѣ, а свой домъ люби по старинѣ, вотъ что! А нонѣ — какъ попали въ городъ, такъ и пропали: что дѣвка, что парень, все равно. Деревня-то тюрьмой кажетъ, а крестьянская работа—волкомъ глядитъ, вотъ что скверно!

Мы уже подходили къ деревнѣ.

— А у Павла Иваныча праздникъ завтра... гости понаѣдутъ,— промолвилъ Степанъ, желая видимо переменить неприятный для него разговоръ.

Но я рѣшилъ припереть его къ стѣнѣ.

— Послушай, Степанъ,—сказалъ я:—ты не обидишься, если я скажу тебѣ вотъ что: стоишь ты за страхъ, за узду... а зачѣмъ же ты распустилъ своихъ сыновей?

— Что обижаться,—промолвилъ старикъ вдумчиво.—Да я тутъ не при чемъ, сударь.

— Какъ не при чемъ? Ты ихъ и не распускалъ бы... Сызмала держалъ бы въ повиновеніи.

— А, вы думаете, потачку давалъ? Пока малы были да юны, и хороши были. А подросли да повели компанію,—ну, и кончено. Какъ ты скотину ни береги, а въ повѣтріе не удержишь. Кругомъ баловство... Гдѣ-жъ тутъ! Прежде-то этого не было, и отцамъ способно было. А теперь: ты говоришь одно, а товарищи—другое. Куда ни пойдешь—вездѣ баловство. Отъ земли не видать,—папироску сосеть. Въ пятнадцать лѣтъ водку трескаетъ иной. Фабрики эти... Гдѣ углядѣть, да совладать. А какъ натравятъ пріятели, да научать пить, тутъ отцу и сладу нѣтъ. Одно остается—въ волость жалиться, либо по начальству. Такъ это же стало порочить. Отстегаютъ,—ну, и срамъ... Еще хуже послѣ.

— Даты самъ говорилъ, что розги полезны! Прежде жебаресѣкли.

— То баринъ выпореть, и ничего... что дома... А тутъ—судь... обчество... штрафованный, стало... Совѣмъ иное дѣло

нонѣ... Прощенья просимъ, сударь! Долго изволите пробывать у Павла Ивановича?

— Дней пять проживу.

— Такъ... лѣтомъ здѣсь хорошо. Въ городѣ душно... А здѣсь воздухъ легкій... пріятный!

Степанъ снялъ картузь.

— Прощай, Степанъ. Можетъ быть, опять ты повезешь меня?

— Не знаю... Коли понадобится—отчего же, съ удовольствіемъ... Павелъ Ивановичъ баринъ хорошій, до меня добрый, и я ему всегда слуга. Сусѣдское дѣло.

Степанъ завернулъ въ переулокъ, въ которомъ стояла его старая, но исправная изба; я направился къ воротамъ усадьбы.

V.

Я прожилъ у Лосева еще три дня послѣ именинъ, но Степана за все время мнѣ увидать не удалось. То онъ былъ на косьбѣ, на пожнѣ, то уѣзжалъ зачѣмъ-то въ дальнее село. Не пришлось мнѣ съ нимъ и возвращаться назадъ. Нужно было сдѣлать покупки на станціи, и Павелъ Ивановичъ поѣхалъ провожать меня самъ, взявъ съ собою Гаврилу.

Это былъ красивый парень, на котораго засматривались всѣ деревенскія дѣвки.

Бесѣдуя съ пріятелемъ дорогою о современной деревнѣ, я замѣтилъ ему тихонько:

— Какъ смотреть на Степана, на примѣръ, Гаврила?

— Вотъ ужъ не знаю,—отвѣтилъ Лосевъ:— а ты спроси, посмотримъ, что скажетъ.

Я заговорилъ съ Гаврилой о Дружкѣ и вдругъ, какъ бы между прочимъ, задалъ ему вопросъ:

— А что, Гаврила, каковъ по-твоему Степанъ, — что за человекъ?

— Это Бѣлыхъ?—произнесъ деревенскій красавецъ, поправляя шапку на кудрявой головѣ.

— Да.

— Что же... ничего... худого сказать нельзя. Только извѣстно—старый человекъ и на прежнее все гнетъ.

— Какъ на прежнее?

— Свое время, порядки тогдашніе хвалить, а новѣшніе ему не по праву.

— А неправда это? Не лучше было прежде, по твоему?

— Кто-жъ знаетъ... я родился на волѣ, а только понятное дѣло, что теперь лучше. Сами разсудите: слобода, или нѣтъ, какое сравненіе? И птица изъ клѣтки хочетъ выпорхнуть, не то что человекъ.

— А Степанъ говорилъ, что тогда лучше было: страхъ люди знали и Бога боялись.

— Ну, это онъ такъ, привыкъ къ страху, что песь къ цѣпи... Вѣрно спина-то по палкѣ скучаетъ,—засмѣялся Гаврила, и не то пренебреженіе, не то молодецкій задоръ послышался въ этомъ смѣхѣ.

Мы съ Лосевымъ улыгнулись.

— Такъ по-твоему безъ страха лучше?—спросилъ я:—палка ничему не можетъ научить?

— Известно, нѣтъ. Что-жъ вы палкой подѣлаете? Сегодня я смолчу, а завтра въ Косомъ переулкѣ и васъ доведу. Палкой любить не заставишь.

— Видишь,—обратился ко мнѣ Лосевъ пофранцузски:—помнишь, что я говорилъ,—правда и есть. Другая палка нужна.

— А какъ же Степанъ: вѣдь онъ умный мужикъ, а говоритъ совсѣмъ другое?—обратился я къ Гаврилѣ, не отвѣчая ничего пріятелю.

Гаврила опять поправилъ шапку и произнесъ уже съ полнымъ пренебреженіемъ:

— Говорю-жъ я: Степанъ — что песь: его бьютъ, а онъ къ землѣ приткнется, да хвостомъ виляетъ. А ну-ка, попробуйте волка не прирученаго ударить, такъ онъ зубы и покажетъ.

— Стало быть, вы, нонѣшніе—волки?—захохоталъ Лосевъ.

Засмѣялся и Гаврила.

— Зачѣмъ, Павелъ Ивановичъ!—сказалъ онъ:—я такъ только это, къ слову, на счетъ воли, значить: одно дѣло тогда, когда крѣпость была, а другое — теперь. Степанъ вонъ все говоритъ: «баринъ да баринъ». Чтожъ — баринъ! Вотъ я служу у васъ, Павелъ Ивановичъ, жалованье получаю и долженъ я за это какую ни на есть работу править. Хорошъ я — держите, худой — вонъ меня. Мнѣ не по нраву: пожалуйста расчетъ, и конецъ. Сегодня у васъ, завтра, можетъ, у такого же мужика, какъ и самъ, только богатаго. А заведу хозяйство, будетъ сила, и самъ работника найму. Чтожъ мнѣ баринъ... Баринъ—бариномъ, а я самъ по себѣ. Ктожъ нонѣ тиранить себя дозволить? Степанъ-то вонъ было попробовалъ поучить старшова сына, такъ тотъ и самъ его чуть было не перучилъ. Нонѣ и въ военной службѣ, Павелъ Ивановичъ, запрещено драться.

Гаврила замахнулся было на коренника кнутомъ, но тотъ «сдалъ», ударилъ ногами о передокъ тарантаса.

— Вишь,—промолвилъ Гаврила, повертываясь къ намъ лицомъ и указывая на лошадь: — животины, а и то кнуть не по вкусу. А Степанъ хочеть...

Гаврила не кончилъ, какъ бы найдя, что и говорить не стоитъ объ этомъ.

— Вотъ два антипода,—сказалъ я пріятелю.

— Да-а,—протянулъ тотъ задумчиво и, помолчавъ немного, вернулся къ своей любимой темѣ. Онъ опять заговорилъ о необходимости лучшей части интеллигенціи вернуться въ деревню.

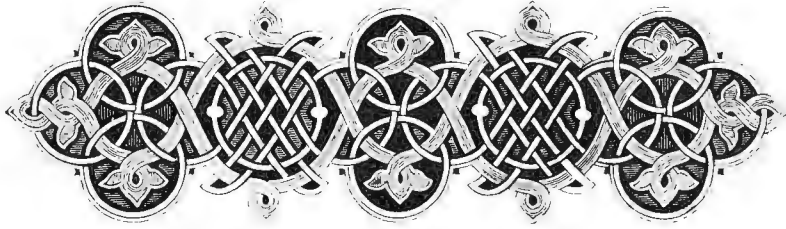
— И нечего медлить,—произнесъ онъ, попыхивая сигарой:— а то хватимся о шапкѣ, когда головы не станеть. Отъ безпорядка и большая рать гибнетъ, кажется, есть такая поговорка.

Я ничего не отвѣтилъ ему.

Черезъ нѣсколько минутъ мы выѣхали изъ лѣса. До станціи было уже не далеко.

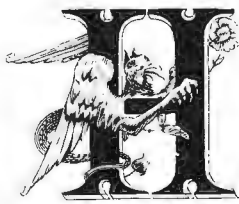
Алекс. Кругловъ.

КОЛОНИЯ ДУШЕВНО-БОЛЬНЫХЪ ВЪ БУРАШЕВѢ.

I.

НА ПОСЛѢДНЕМЪ съѣздѣ врачей въ Петербургѣ, происходившемъ въ декабрѣ 1893 года и въ январѣ 1894 года, въ засѣданіяхъ психіатрической секціи было прочитано нѣсколько очень интересныхъ и дѣльныхъ докладовъ и рефератовъ о душевныхъ болѣзняхъ. Многіе изъ этихъ докладовъ вызвали весьма оживленный обменъ мнѣній. Мнѣ приходилось посѣщать эти засѣданія и слушать эти доклады и пренія. Г.г. психіатры классифицировали душевныя болѣзни и анализировали ихъ сущность съ такою твердостью и увѣренностью, что я, какъ не врачъ, а посторонній, выходилъ изъ засѣданій съ отраднымъ сознаніемъ, что съ успѣхами психіатріи вѣковая пословица — «чужая душа потемки», — начинаетъ терять свое значеніе, что врачи уже сумѣли, хотя отчасти, освѣтить эти потемки и нашли средства даже лѣчить больную душу. Меня это очень заинтересовало, но въ то же время во мнѣ зародилась и нѣкоторая доля скептицизма. Извѣстно, что ученые доклады и рефераты ведутъ рѣчь о явленіяхъ, особенно выдающихся и чѣмъ либо особенно интересныхъ; что же касается домашняго обихода въ больницахъ и учрежденіяхъ для умалишенныхъ, ихъ содержанія, ухода за ними, лѣченія и призрѣнія. — объ этомъ въ докладахъ говорится мало, какъ о вещи заурядной, обыденной и обыкновенной. У меня подъ вліяніемъ слышаннаго на засѣданіяхъ зародилось невольное желаніе присмотрѣться поближе

къ домашней, будничной жизни какого либо изъ психіатрическихъ заведеній и провѣрить, точно ли на самомъ дѣлѣ все обстоитъ такъ блестяще, хорошо и благополучно, какъ это докладывалось на засѣданіяхъ. Съ этою цѣлью я надумалъ стѣздить въ Бурашевскую колонію душевно-больныхъ въ Тверской губерніи. До отъѣзда я о Бурашевской колоніи зналъ только то, что она существуетъ, но ни о порядкахъ, заведенныхъ въ ней, ни о способахъ лѣченія, ни о призрѣніи больныхъ, я не имѣлъ никакого понятія и ѣхалъ туда совершенно не подготовленный и безъ какого бы то ни было заранѣе выработаннаго взгляда. Съ петербургскими психіатрическими заведеніями я былъ отчасти знакомъ и писалъ о нихъ, но въ Бурашево я ѣхалъ, какъ въ мѣстность, совершенно мнѣ еще не знакомую. Тѣ впечатлѣнія, которыя я вывезъ изъ этого психіатрическаго учрежденія, и составляютъ предметъ настоящаго очерка. Въ Бурашевской колоніи я прожилъ нѣсколько дней въ январѣ этого года.

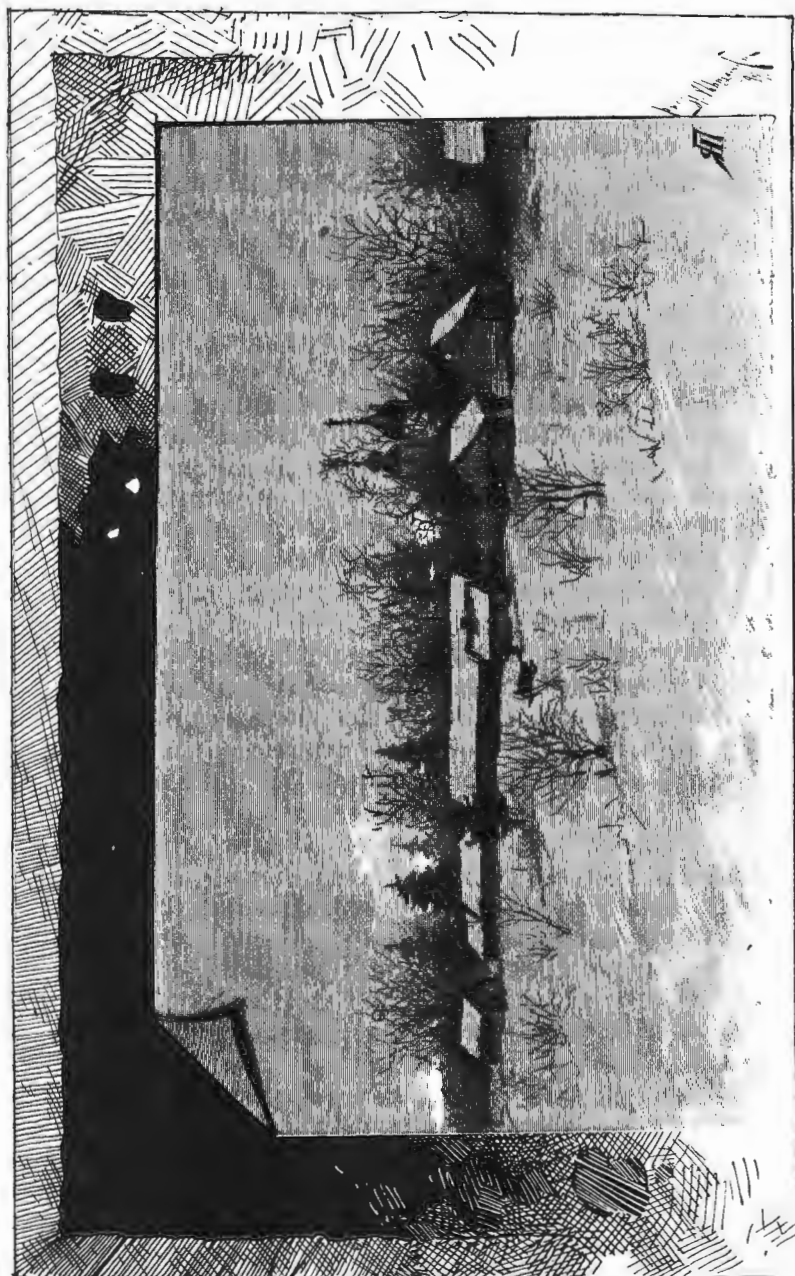
Колонія эта, призрѣвающая болѣе 400 умалишенныхъ, имѣетъ свою не лишнюю интереса исторію. Учреждена она тверскимъ земствомъ, которое тратитъ на нее почти треть своего бюджета, и въ ея исторіи можно найти не мало страницъ, испещренныхъ описаніями борьбы филантропіи и гуманности съ косностью и отсталыми взглядами. Теперь колонія эта занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ Тверской губерніи, но и во всей Россіи, дѣлаетъ свое истинно-гуманное дѣло прекрасно и процвѣтаетъ, но процвѣтаніе это стоило ей большихъ трудовъ и усилій и подчасъ очень упорной борьбы, отголоски которой отдаются эхомъ еще и теперь.

Здѣсь мнѣ необходимо слегка тронуть старину и рассказать вкратцѣ, какъ зародилась эта колонія. Душевно-больныхъ у насъ много. Въ средѣ темнаго, крестьянскаго люда эти бѣдники являются страдальцами и, какъ показала, да и теперь еще показываетъ практика, для общей безопасности въ большинствѣ случаевъ держатся на цѣпи, какъ звѣри, или же въ разныхъ чуланахъ и погребахъ. Очень естественно, что въ представителяхъ медицины и въ лучшей части населенія давно уже зародилось сознание необходимости улучшить этихъ несчастныхъ. До 1867 года тверскія богоугодныя заведенія находились въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія и въ этомъ году были переданы тверскому земству. Домъ умалишенныхъ находился въ самомъ городѣ Твери. Когда его принимало земство отъ приказа, то хватать послѣднему было нечѣмъ. Прежде всего, въ домѣ умалишенныхъ совсѣмъ не было врача психіатра, и земской управѣ на первыхъ же порахъ пришлось уволить почти весь составъ служащихъ надзирателей и служителей за дурное обращеніе съ больными; нѣкоторые изъ нихъ были даже отданы подъ судъ. Въ «Сборникѣ мате-

риаловъ для исторіи тверскаго губернскаго земства», упоминается объ одномъ служителѣ, привлеченномъ къ судебной отвѣтственности за переломъ ключицы у больного. Нѣсколько ранѣ другому больному при связываніи его переломали ребра. Больничныя зданія были ветхи, неопрятны и зловонны, такъ что земству пришлось многое перестраивать и еще больше строить вновь. Въ это время земскими дѣятелями въ Твери были Бакунинъ, кн. Трубецкой, Трубниковъ, Шиманскій и другіе. Они употребляли массу труда, усилій и денегъ для того, чтобы хоть сколько нибудь упорядочить дѣло призрѣнія душевно-больныхъ. Но дѣло подвигалось туго. Цѣлесообразности въ устройствѣ помѣщенія для умалишенныхъ управа не могла достигъ потому, что она не строила новаго зданія, а лишь увеличила прежнее, и это учрежденіе было не лѣчебницею, а скорѣе богадѣльнею съ ужасающими порядками. Гласный Толстой въ 1871 году заявилъ земскому собранію слѣдующее: «Я считаю долгомъ сказать собранію о томъ впечатлѣніи, какое вынесъ при посѣщеніи дома умалишенныхъ. Помѣщеніе дома тѣсно до крайности, вслѣдствіе чего больные не размѣщены по роду помѣщательства; порядка добиться нельзя. Я бы согласился лучше видѣть этихъ людей въ клѣткахъ, чѣмъ оставить въ такомъ положеніи». Управа обратилась къ петербургскому профессору психіатру Балинскому съ просьбою дать совѣтъ, какъ устроить лѣчебницу для душевно-больныхъ. Профессоръ откликнулся, но составленная имъ смѣта оказалась не по силамъ земству, къ тому же и министерство отказало въ тѣхъ деньгахъ, которыя просило на этотъ предметъ земство. Между тѣмъ число душевно-больныхъ все увеличивалось. Управа рѣшила тогда придѣлать къ существующему дому умалишенныхъ двухъ-этажную пристройку для неопрятныхъ и буйныхъ больныхъ. Но и это помогло дѣлу только отчасти.

Въ вѣдѣніи земства, между прочимъ, кромѣ этого дома умалишенныхъ въ чертѣ города, находилось нѣсколько благотворительныхъ учрежденій внѣ города, за Волгою. Рѣшено было перевести умалишенныхъ мужчинъ туда, въ одно изъ зданій, занимаемыхъ богадѣльней, а женщинъ въ одинъ изъ флигелей. Въ октябрѣ 1873 года это было выполнено, и положеніе душевно-больныхъ нѣсколько улучшилось. Но все это было еще далеко не удовлетворительно. Третій съѣздъ земскихъ врачей осмотрѣлъ домъ умалишенныхъ въ новомъ его помѣщеніи за Волгою и далъ отзывъ, что лучше его совѣмъ закрыть, чѣмъ оставлять въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть. Вотъ въ какой формѣ комиссія врачей, избранная третьимъ съѣздомъ, высказала свое мнѣніе:

«Что касается дома умалишенныхъ, то комиссія затрудняется приисканіемъ приличнаго термина, который былъ бы въ состояніи выразить впечатлѣніе, произведенное имъ при осмотрѣ. Мы ду-

Видъ Бурашева при въѣздѣ (со стороны Твери).

маемъ, что будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что больница производитъ впечатлѣніе звѣринца, и звѣринца, не устроеннаго, не дисциплинированнаго, въ которомъ звѣри заперты и затѣмъ оставлены на произволъ судьбы... Воздухъ наполненъ всевозможными миазмами и на столько спертъ и тяжелъ, что здоровому и непривычному человѣку трудно пробыть въ немъ болѣе 5—10 минутъ безъ обморока и головной боли. О бѣльѣ, постеляхъ и пищѣ комиссія не считаетъ нужнымъ и распространяться: все это гармонируетъ съ общимъ устройствомъ больницы; но она не можетъ умолчать о томъ, что солома въ тюфякахъ сгнившая, пища, именно, каша, стоитъ въ какой-то лохани и имѣетъ видъ какой-то бурой массы подозрительнаго вкуса. Достоинъ вниманія, что больница лишена даже правильнаго медицинскаго надзора не только врачебнаго, но и фельдшерскаго. При такомъ отсутствіи контроля невольно вѣрится заявленію одной помѣшанной, которая предстала предъ нами обнаженная, съ синяками и царапинами на тѣлѣ.... Въ видахъ челоуѣколюбія (говорится далѣе) мы рекомендовали бы губернскому земству, если оно не можетъ устроить больницу на болѣе правильныхъ и разумно гигиеническихъ началахъ, лучше закрыть ее совершенно. Смѣемъ думать, что оставленные въ деревняхъ и на волѣ, даже прикованные цѣпью, эти несчастные найдутъ лучшей пріютъ, присмотръ и наблюденіе».

Съ теченіемъ времени положеніе больныхъ нѣсколько улучшилось. Было сдѣлано еще нѣсколько пристроекъ, и выстроены два новыхъ флигеля, на что затрачено болѣе 32 тысячъ рублей, но въ домѣ умалишенныхъ появилось другое ужасное зло — переполненіе. Въ его стѣнахъ помѣщалось вдвое больше больныхъ, чѣмъ могло жить безъ ущерба для здоровья. Не хватало воздуха. Земство задумалось серьезно и стало создавать одинъ проектъ улучшенія за другимъ. Къ этому надо прибавить, что министерство внутреннихъ дѣлъ, сперва отказавшее въ субсидіи, потомъ отпустило таки 20 тысячъ. Но деньги эти ушли на разныя палліативныя поправки, а само дѣло улучшилось очень немного. Земская управа пришла, наконецъ, къ заключенію, что сколько денегъ ни бросай въ эту яму, ея не наполнишь. Надо организовать что нибудь новое, начиная дѣло съ азовъ. Придумали сперва устроить въ Твери центральный домъ умалишенныхъ для всей губерніи, но потомъ отъ этого отказались. Выяснилась также и такая курьезная страница въ исторіи земства: управа не могла остановиться ни на одномъ изъ проектовъ потому, что долго не могла никакъ прийти къ рѣшенію, въ какой формѣ она должна призрѣвать душевно-больныхъ: нужно ли ихъ только призрѣвать, какъ богачей, или же лѣчить, какъ больныхъ? Каждое изъ этихъ рѣшеній измѣняло проектъ. Въ 1875 году остановились на мысли вывести душевно-больныхъ за городъ, куда нибудь верстъ за 10—15

въ усадьбу съ землею, и дать имъ возможность заниматься полевыми и другими работами. Необходимость для больныхъ труда, какъ врачебнаго средства, сознавалась уже и тогда. Занятый работою душевно-больной отвлекается отъ своихъ идей и болѣзненнаго бреда. Особенно настаивалъ на этомъ пятый съѣздъ врачей Тверской губерніи, который относительно уже улучшеннаго дома умалишенныхъ далъ такое категорическое мнѣніе: «главнѣйшіе недостатки дома умалишенныхъ слѣдующіе: а) крайняя тѣснота помѣщеній вслѣдствіе переполненія больными; б) смѣшеніе больныхъ всѣхъ категорій, кромѣ неопытныхъ; в) недостаточная въ количественномъ отношеніи пища; г) отсутствіе приспособленій для занятій больныхъ и сада, и е) невозможность изолированія больныхъ по недостаточности помѣщеній». Интересно, между прочимъ, какъ иллюстрацію, отмѣтить, что въ 1877 году на 104 человекъ душевно-больныхъ приходилось только 5 шубъ, 8 полушубковъ и 10 паръ валенокъ. Можно судить поэтому, на какое мучительное затворничество обречены были умалишенные въ душевныхъ, переполненныхъ палатахъ. Ихъ лишали даже необходимѣйшей изъ потребностей—хотя изрѣдка дышать чистымъ воздухомъ.

Въ домѣ умалишенныхъ, приспособленномъ на 50 человекъ, помѣщалось 108. Санитарная коммиссія навела справки, сколько всѣхъ душевно-больныхъ находится въ Тверской губерніи, и насчитала ихъ 1416 человекъ! Цифра эта оказалась очень внушительною, и земская управа еще крѣпче остановилась на мысли—устроить душевно-больныхъ гдѣ нибудь въ усадьбѣ на болѣе широкихъ началахъ. При такой громадной цифрѣ, какъ почти полторы тысячи, ожидать наплыва больныхъ было неизбѣжно.

Начались серьезные разговоры и доклады на эту тему объ усадьбѣ, но они велись ни болѣе ни менѣе, какъ десять лѣтъ. Земство блуждало въ потемкахъ и ощупью. Гласные никакъ не могли столкнуться, и каждый предлагалъ свое, такъ что въ 1878 году гласный Чаплинъ заявилъ со скорбью, что «пренія въ собраніи идутъ такъ, что что ни заявленіе, то особое мнѣніе». Возгласъ этотъ дѣйствительно звучитъ грустной нотой. Въ 1879 году рѣшили окончательно выбрать усадьбу внѣ Твери и придумали остановиться на типѣ одноэтажныхъ построекъ, т. е. тѣхъ самыхъ избъ, которыя такъ удачно и успѣшно функционируютъ теперь въ Бурашевской колоніи и о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Реформа въ бытѣ душевно-больныхъ была наконецъ произведена, и неизмѣнная и твердая пропаганда ея принадлежитъ гласнымъ П. А. и А. А. Бакунинымъ, А. Б. Врасскому, а выясненіе и установка принциповъ рациональнаго призрѣнія больныхъ принадлежитъ доктору В. С. Кудрину и санитарному врачу М. И. Петрункевичу. Душевно-больные теперь, какъ мы увидимъ ниже, обставлены прекрасно, пользуются гуманнымъ уходомъ, лѣченіемъ, при-

зрѣніемъ, воздухомъ и хорошей водою и безупречнымъ помѣщеніемъ и, если бы ихъ больному мозгу было доступно сознательное чувство благодарности, то они должны были бы благодарить именно этихъ только что перечисленныхъ лицъ.

Я нарочно остановился на описаніи непригляднаго прошлаго тверскаго дома умалишенныхъ. Если бы не было печатныхъ, официальныхъ документовъ, въ которыхъ это прошлое изложено во всей наготѣ, трудно было бы повѣрить, что такое вошющее отношеніе къ несчастнымъ больнымъ могло когда либо существовать. А между тѣмъ оно—фактъ. Теперешнее положеніе больныхъ разнится отъ прошлаго, какъ небо отъ земли. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, когда сами доктора находили, что гуманнѣе держать больныхъ дома на цѣпи, нежели морить «въ звѣринцѣ», т. е. въ домѣ умалишенныхъ, никто не повѣрилъ бы въ возможность, на примѣръ, такой вещи, какъ теперешній Бурашевскій театръ или чтенія съ туманными картинами, плясками и пѣньемъ, или же массовыя экскурсіи въ окрестности больницы. Реформа была произведена твердо и безповоротно.

Въ 1880 году управа стала осматривать сосѣднія усадьбы и села: Морщикино, Никольское, Синцово и Бурашево, и остановилась на послѣднемъ, какъ на самомъ подходящемъ, высокомъ и удобномъ. Бурашево принадлежало г. Щербатскому и было куплено у него съ помощью министерства, вошедшаго въ половинныя издержки, за 20 тысячъ рублей. Лежитъ оно въ 13 верстахъ къ югу отъ Твери и заключаетъ въ своихъ границахъ 400 десятинъ земли и 103 десятины лѣса. Воды въ немъ много—цѣлая система прудовъ. Инвентаря въ усадьбѣ при покупкѣ было на 12 тысячъ рублей. Покупка была совершена съ замѣчательной быстротою. Владѣлецъ имѣнія жилъ въ Одессѣ, и г. Врасскій, не задумываясь, поѣхалъ туда и привезъ купчую. Затѣмъ онъ же ѣздилъ и въ Петербургъ хлопотать въ министерствѣ объ утвержденіи плановъ построекъ. Будущая колонія стала быстро строиться и расти.

Въ 1881 году сдѣлано было самое необходимое: приглашенъ былъ врачъ-психіатръ, о которомъ въ старомъ домѣ умалишенныхъ не было и помину. Выборъ земства палъ на теперешняго старшаго врача колоніи М. П. Литвинова, бывшаго ординатора с.-петербургскаго тюремнаго замка и больницы Николая Чудотворца въ Петербургѣ. Но на этомъ земство не остановилось. Оно командировало А. Б. Врасскаго за границу: въ Австрію, Италію, Швейцарію, Францію, Англію, Бельгію и Германію, для изученія, какъ устроены тамъ дома душевно-больныхъ, и въ какой мѣрѣ тамъ примѣняется земледѣльческій трудъ. Г. Врасскій вывезъ изъ своего путешествія тѣ планы и чертежи, по которымъ нынѣ и построена Бурашевская колонія. Торжественная закладка существующаго нынѣ средняго двухъ-этажнаго корпуса состоялась 6-го сентября 1881 года.

Одинъ изъ корпусовъ (женскій) Бурашевскаго заведенія.

Другимъ важнымъ шагомъ была командировка старшаго врача д-ра М. П. Литвинова за границу, гдѣ онъ изучилъ подробно цѣлую серію клиникъ душевно-больныхъ и различныхъ психіатрическихъ заведеній. Затѣмъ былъ сформированъ штатъ врачей, фельдшеровъ и служителей, и новая колонія начала функционировать съ 1884 года на новыхъ началахъ. 1-го ноября нынѣшняго года Бурашевская колонія будетъ праздновать десятилѣтіе своей дѣятельности.

II.

Я вѣзжалъ въ Бурашево ночью и первое, что поразило меня послѣ 15-ти-верстной темной зимней дороги на извозчикѣ, — это масса фонарей. Освѣщеніе было такъ обильно, что мнѣ показалось, будто я вѣхалъ въ небольшой благоустроенный уѣздный городокъ. Большіе каменные корпуса, бульварчикъ и сновавшіе взадъ и впередъ по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ люди дополняли иллюзію. Вѣзжая въ Бурашевскую колонію днемъ, лицо, не знающее и не подготовленное, никогда не догадается, что оно попадаетъ въ домъ сумасшедшихъ. Нигдѣ ни въ чемъ окружающемъ нельзя встрѣтить даже легкаго намека на казенщину. Ея нѣтъ и слѣда даже и во внутреннемъ обиходѣ колоніи. Вы проѣзжаете по небольшой улицѣ изъ деревянныхъ домиковъ сельскаго типа. Въ нихъ живетъ церковный причтъ и нѣкоторыя лица, служація въ колоніи. Далѣе путь проходитъ мимо деревенской каменной церкви, построенной еще въ помѣщичьи, крѣпостныя времена. Церковь обнесена оградой, и въ этой оградѣ покоятся брѣнные останки прежнихъ владѣльцевъ усадьбы. Справа и слѣва вы видите пруды, сараи, сельско-хозяйственныя постройки и деревянный помѣщичій домъ съ колоннами, — типъ барскаго дома старыхъ временъ. Въ этомъ домѣ живетъ старшій врачъ. Къ самой церкви примыкаетъ роща. Недалеко отъ нея расположена школа, и затѣмъ тянется улица чистенькихъ новенькихъ избъ. Вся эта мирная картина вовсе не производитъ впечатлѣнія, которое мы привыкли вообще связывать съ понятіемъ дома душевно-больныхъ. Никому и въ голову не придетъ, что въ этихъ избахъ, вытянутыхъ стройной линіей, живутъ неизлѣчимые хроники. Въ центрѣ усадьбы нѣсколько нарушаютъ деревенскій тонъ картины каменные 2-хъ-этажные корпуса, женскіе и мужскіе, и большое зданіе богадѣльни. Вокругъ усадьбы поясомъ разбросаны огороды и поля, обрабатываемые душевно-больными, далѣе идетъ молочная ферма, и затѣмъ все это дополняется земской лавочкой, въ которой можно найти все, что угодно, начиная отъ ситца и кончая махоркой, сардинами и ваксой. Наружный видъ колоніи не носитъ на себѣ даже и тѣни казарменности и не производитъ того удручающаго впечатлѣнія, кото-

рое мнѣ приходилось испытывать даже въ Петербургѣ при приближеніи къ традиціонной «одиннадцатой верстѣ» или во дворѣ больницы «на Удѣльной».

Въ колоніи весь день кипитъ жизнь, и производятся работы. Здѣсь практикуется англійская система «открытыхъ дверей» (open door), и больные пользуются свободой, кромѣ буйныхъ, конечно. Спокойнаго больного по лицу трудно отличить отъ здороваго, и поэтому мнѣ на первыхъ порахъ приходилось смѣшивать душевнобольныхъ съ здоровыми служителями и фельдшерами. Я, напри- мѣръ, бесѣдовалъ съ истопникомъ, складывавшимъ дрова. Онъ сообщилъ мнѣ, что онъ одинъ снабжаетъ всѣ печи колоніи дровами, рассказалъ, въ какіе часы, куда и сколько онъ носить дровъ, и т. д. Я держалъ себя съ нимъ, какъ съ истопникомъ, и только потомъ узналъ, что это былъ тихій душевно-больной. У пруда во время катанья на конькахъ я разговорился съ очень приличнымъ молодымъ человѣкомъ, который съ большимъ интересомъ разспрашивалъ меня о томъ, что дѣлается въ Питерѣ, и вообще выказалъ себя лицомъ, слѣдящимъ и за общественной жизнью и за газетными извѣстіями. Послѣ получасовой бесѣды мы разстались, дружески пожавъ другъ другу руки, и я мысленно причислилъ его къ служебному персоналу колоніи. Оказалось потомъ, что этотъ господинъ одинъ изъ пациентовъ колоніи, давно уже помѣшанный на томъ, что онъ не мѣщанинъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а князь Федоръ Ивановичъ, Фридриховичъ, Людвиговичъ, Августовичъ, Богдановичъ Хмелевскій. Обманувшись такимъ образомъ два раза, я сталъ подозрительнѣе и, встрѣтившись нѣсколько времени спустя съ ра- жимъ дѣтиною, который заговорилъ со мною, старался отвѣчать ему какъ можно осторожнѣе и даже страха ради іудейска угостилъ его папирсой. Его рѣчь и вопросы казались мнѣ какими-то не- суразными, и я былъ убѣжденъ, что имѣю дѣло съ душевно-боль- нымъ, пожалуй, даже и опаснымъ. При дальнѣйшемъ знакомствѣ выяснилось, что я имѣю дѣло съ однимъ изъ служителей, совершенно здоровымъ человѣкомъ, и при томъ самаго добродушнаго ха- рактера. Послѣ этихъ случаевъ я долгое время, пока не свелъ лич- ныхъ знакомствъ съ больными, ходилъ на помочахъ у докторовъ.

Все больное населеніе колоніи раздѣляется на острыхъ и хро- ническихъ больныхъ, которые въ свою очередь подраздѣляются на тихихъ и спокойныхъ и буйныхъ и затѣмъ на физически здоро- выхъ и слабыхъ. Кромѣ того, есть еще дѣленіе на опрятныхъ и неопрятныхъ. Въ силу этого всѣ они размѣщены сообразно съ этой классификаціей. Буйные и беспокойные изолированы и отдѣлены отъ тихихъ и спокойныхъ. Уходъ за ними и количество прислуги при нихъ различно.

Бурашевская колонія имѣетъ въ программѣ своихъ дѣйствій слѣдующую особенность, выражающую собою продуктъ послѣднихъ

успѣховъ новѣйшей психіатріи. Она, т. е. колонія, изъ всѣхъ поступающихъ въ нее больныхъ старается по возможности выработать типъ призрѣваемаго. Это явленіе на столько интересно, что я позволяю себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Главное назначеніе всякаго учрежденія для душевно-больныхъ заключается въ томъ, чтобы лѣчить ихъ. Этотъ же принципъ лежитъ въ основѣ и Бурашевской колоніи. Тамъ стараются прежде всего вылѣчить больного и привести въ порядокъ его нервную систему и головной мозгъ. Когда это удается и больной выздоравливаетъ или же поправляется на столько, что дѣлается вполне безопаснымъ для общества и можетъ работать, — его отпускаютъ съ миромъ восвосяи. Это — самые счастливые случаи въ психіатрической практикѣ. Но есть очень много такихъ больныхъ, которые неизлѣчимы и страдаютъ хроническимъ умопомѣшательствомъ, не оставляющимъ ихъ до самой смерти. Лица этой категоріи физически здоровы, могутъ работать, но не могутъ быть по какимъ либо причинамъ выпущены изъ заведенія. Причины эти разнообразны. Однихъ нельзя выпустить потому, что за ними нуженъ надзоръ, другихъ — потому, что ихъ не принимаютъ къ себѣ родные, и т. д. Такіе несчастные составляютъ бремя всякой больницы душевно-больныхъ. Лѣченія они не требуютъ никакого, ибо оно для нихъ бесполезно, а мѣсто въ больницѣ занимаютъ и занимаютъ его на счетъ тѣхъ больныхъ, для которыхъ лѣченіе необходимо и можетъ быть благотворно. Результатомъ такого явленія, составляющаго зло почти всѣхъ русскихъ домовъ умалишенныхъ, является ихъ переполненіе и страшная тѣснота. Такъ было и въ дореформенномъ домѣ умалишенныхъ въ Твери. Чтобы парализовать такой вредный порядокъ и имѣть побольше свободныхъ мѣстъ для лѣченія острыхъ больныхъ, въ Бурашевской колоніи выработано правило, по которому больной, какъ только онъ оправится, сдѣлается безвреденъ и способенъ къ работѣ, — поступаетъ въ разрядъ призрѣваемыхъ. Такихъ больныхъ помѣщаютъ въ бараки или избы, и они тамъ преспокойно доживаютъ свой вѣкъ, работая по мѣрѣ силъ и принося своей работой извѣстную долю пользы учрежденію. Система эта, какъ показала практика, оказывается на столько удачной, что и хроники благоденствуютъ, и острымъ не отказываютъ въ лѣченіи. Къ этому нужно прибавить, что содержаніе призрѣваемаго обходится земству дешевле, нежели содержаніе остраго больного, требующаго тщательнаго ухода, лѣкарствъ и лучшей пищи. Слабые неизлѣчимые, неспособные къ работѣ, содержатся тутъ же въ богадѣльнѣ. Буйные, безпокойные, неопрятные и требующіе лѣченія и ухода содержатся въ двухъ большихъ каменныхъ корпусахъ — мужскомъ и женскомъ. Остальные расселены по всему Бурашеву въ соответственныхъ хорошихъ постройкахъ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ. Объ этихъ постройкахъ рѣчь будетъ впереди.

1) Избы, въ которыхъ живутъ спокойные душевно-больные.—2) Баракъ для хроническихъ больныхъ, способныхъ къ работѣ.—3) Двух-семейная изба (безъ женщинъ).

Простора и воздуха въ колоніи—хоть отбавляй. Пища и одежда прекрасны. Работы ведутся, смотря по времени года, или на открытомъ воздухѣ, или въ мастерскихъ. На трудъ въ Бурашевѣ смотрятъ, какъ на врачебное средство, развлекающее больного и не дающее ему возможности увлекаться своимъ бредомъ. Опытъ показалъ, что этотъ взглядъ вѣренъ. Больные работаютъ очень охотно. Мужчины сапожничаютъ, портняжничаютъ, переплетничаютъ и столярничаютъ; женщины занимаются шитьемъ и рукодѣльями. Работы ведутся подъ руководствомъ мастеровъ, издѣлія продаются и приносятъ въ годъ довольно приличную сумму дохода. Интересно, что больныхъ къ работѣ никогда не принуждаютъ: работаютъ только тѣ, кто хочетъ. Докторъ обыкновенно только совѣтуетъ поработать ради развлечения точно такъ же, какъ совѣтуетъ погулять или принять лѣкарство. При такой постановкѣ дѣла, отрицающей принудительность, слѣдовало бы ожидать развитія лѣнности, но выходитъ какъ разъ наоборотъ. Лѣнтяевъ во всей колоніи, то-есть настоящихъ, сознательныхъ лѣнтяевъ, всего только два или три. Остальные сами просятся на работы. Я посѣщалъ не одинъ разъ мастерскія и всякій разъ наблюдалъ только одно: сосредоточенность на работѣ и желаніе сдѣлать получше, покрасивѣе. Даже въ корзиновой мастерской больные увлекаются работой, придумываютъ рисунки плетенія, а иногда и выказываютъ творчество. Одинъ больной сплелъ изъ камыша корзинку въ видѣ перчатки съ пальцами, а другой—въ видѣ сапога. Въ этой мастерской руками умалишенныхъ изготовляются половики, маты изъ травы, плетенія изъ соломы и корзины всевозможныхъ фасоновъ до камышеваго и покрытаго позолотой громаднаго рога изобилія на ножкахъ. Любовь къ работѣ и потребность въ ней такъ велики, что больные въ колоніи по собственной охотѣ выучиваются ремесламъ.

Есть больные, которымъ запрещено работать. Это тѣ бѣдняки, которымъ по характеру ихъ болѣзни необходимо полное спокойствіе. Работа ихъ раздражаетъ и усиливаетъ безпокойное состояніе духа.

Большинство призрѣваемыхъ въ колоніи—крестьяне, и потому всякаго рода крестьянскія работы тамъ процвѣтаютъ. Больные пахутъ, сѣютъ, жнутъ, косятъ, ухаживаютъ за огородами и работаютъ на фермѣ. Администрація колоніи распредѣляетъ работы сообразно съ способностями и силами cadaго. Рабочіе часы распредѣлены такъ, что работа чередуется съ прогулками и отдыхомъ, и больные не утомляются. Они расходуютъ свои силы именно на столько, сколько это необходимо для поддержанія правильности отправления организма и для физическаго здоровья. Хорошихъ работниковъ хвалятъ и поощряютъ, и эта похвала доставляетъ имъ большое удовольствіе и вызываетъ соревнованіе. Плохимъ работникамъ никогда не дѣлаютъ выговоровъ и позволяютъ имъ портить матеріалъ, но только, конечно, даютъ въ руки то, что похуже. По-

ступаютъ такъ потому, что на трудъ смотрятъ въ колоніи, какъ на средство врачебное. Утилитарныя цѣли стоятъ на второмъ планѣ.

Больные въ сапожной и портняжной мастерскихъ заготавливаютъ весь потребный инвентарь кожаной обуви, бѣлья и платья для всей колоніи. Здѣсь въ рабочіе часы стучать и греметь швейныя машины, за которыми сидятъ мужчины и шьютъ суконные халаты, пиджаки, пальто и прочую одежду. Въ столярной мастерской при мнѣ нѣсколько больныхъ трудились надъ исполненіемъ заказа: они строили школьные столы для какого-то училища. Заказъ былъ, кажется, платный. Во время работъ въ мастерскихъ весело: больные разговариваютъ и поютъ. Въ переплетной мастерской тоже не мало работы: одни переплетаютъ книги, другіе клеятъ конверты и бумажные мѣшечки, третьи особой машинкой разлиновываютъ учебныя тетрадки и т. д.

День раздѣленъ въ колоніи правильно: чай, обѣдъ, ужинъ, работа и отдыхъ происходятъ въ одни и тѣ же часы. Этотъ правильный режимъ соблюдается строго и представляетъ собою то, что называется правильной жизнью. Режимъ этотъ дѣйствуетъ на больныхъ очень благотворно. Кормятъ ихъ вкусной и здоровой пищей досыта. Многіе изъ нихъ у себя въ деревнѣ такъ ѣли далеко не каждый день. Выздоровленію или облегченію много помогаютъ всѣ только что перечисленныя условія и главное—отсутствие заботы о завтрашнемъ днѣ. Больной знаетъ, что онъ завтра будетъ сытъ, одѣтъ и обутъ такъ же, какъ и сегодня. Это сознаніе дѣйствуетъ на него успокоительно. Чѣмъ меньше заботъ и душевныхъ тревогъ, тѣмъ больше шансовъ на душевное спокойствіе и на поправку. Лѣкарствъ, различныхъ бромистыхъ препаратовъ, врачи колоніи даютъ мало и всѣ улучшенія въ состояніи больныхъ объясняютъ хорошимъ режимомъ и питаніемъ. Бывали случаи, что больной поправлялся и, почти здоровый, выписывался и уѣзжал восвояси. Но такъ какъ дома его встрѣчала прежняя жизнь, полная заботъ, волненій и небезпечности, то болѣзненное состояніе начинало понемногу возвращаться, и больной снова возвращался въ колонію. Мнѣ не одинъ разъ приходилось при посѣщеніи палатъ слышать отъ доктора фразу:

— Вотъ Иванъ Ивановичъ. Онъ поступаетъ къ намъ уже четвертый разъ. Федоръ Дмитріевичъ посѣщаетъ насъ третій разъ. Онъ два раза ѣздилъ домой, но дома ему не нравится: у насъ ему лучше.

Рецидивистовъ, возвращаемыхъ въ колонію второй разъ, довольно много.

Есть больные, не знающіе ремесль и скучающіе безъ работы. Я зналъ въ Бурашевѣ въ отдѣленіи спокойныхъ и опрятныхъ одного бывшего учителя. Онъ или писалъ письма, или клеилъ изъ картона уродливыя портсигары и украшалъ ихъ картинками отъ

конфетъ, ярлыковъ или обертокъ отъ папирсной бумаги. Въ бога-дѣльнѣ другой больной показывалъ мнѣ съ гордостью художника свои рисунки карандашемъ и красками, на которыхъ можно было встрѣтить желтое небо, зеленую воду и синія лица. Я осчастливилъ его на цѣлую недѣлю, придя въ притворный восторгъ отъ его мазни. Онъ рисуетъ въ силу потребности работать. Третій больной, бывший телеграфистъ, помѣшанный на томъ, что онъ знаетъ всѣ тайные ключи шифрованныхъ телеграммъ, занятъ съ утра до ночи составленіемъ тайныхъ телеграфныхъ алфавитовъ. Четвертый, грамотный человѣкъ и тоже не знающій никакого ремесла, цѣлые дни, сидя у себя въ комнатѣ за столомъ, сортируетъ типографскій шрифтъ и раскладываетъ его буква къ буквѣ. Всѣ эти лица тяготеютъ къ работѣ и скучаютъ безъ нея.

Есть больные, которые прямо влюблены въ свое дѣло. Таковъ одинъ сумасшедшій старикъ при Бурашевской школѣ. Онъ полюбилъ школу и уже много лѣтъ мететъ и чиститъ классы и мебель и топить печи. Работа въ школѣ составляетъ часть его жизни, и онъ ревниво оберегаетъ это дѣло отъ чужаго вторженія. Чтобы ктонибудь изъ больныхъ не отнялъ у него этого любимаго дѣла и не занялъ его мѣста въ школѣ, онъ тутъ же рядомъ съ зданіемъ школы выкопалъ себѣ собственными руками крохотную землянку, самъ покрылъ ее крышей, безъ посторонней помощи сложилъ въ ней печь, устроилъ себѣ столъ и кровать и нѣчто въ родѣ кладовой и живетъ въ этой землянкѣ, какъ самый вѣрный сторожъ. Чистоту въ школѣ онъ соблюдаетъ образцовую и разстанется съ своей любимой работой развѣ только тогда, когда старческія силы измѣняютъ ему. Таковъ другой тихій и привѣтливый больной, котораго всѣ зовутъ «Голубкомъ». Онъ по собственному желанію взялъ на себя трудъ снабжать всѣ печи колоніи дровами, то-есть взялъ тотъ самый трудъ разноски тяжелыхъ вязанокъ, за который пetersбургскіе дворники проклинали свою жизнь. Если этому «Голубку» запретить его работу, то онъ захвораетъ съ горя. Таковы «тепличники», то-есть больные, ухаживающіе за теплицами, въ которыхъ еще зимою засѣиваются огородныя сѣмена и цвѣты. Они всю зиму дѣлаютъ палочки для поддержки будущихъ растений, плетутъ вѣники, заготавливаютъ компостныя кучи и землю и очень довольны своимъ положеніемъ. Такихъ влюбленныхъ въ работу больныхъ много. Ординаторъ, д-ръ В. М. Башковъ, разказывалъ мнѣ тоже одинъ случай увлеченія работой. Одинъ больной пахалъ. В. М. Башковъ захотѣлъ его сфотографировать и попросилъ на секунду остановиться. Больной натянулъ возжи лошади, остановилъ ее и крикнулъ доктору:

— Снимай скорѣй. Не видишь—некогда... Дѣло дѣлаю.

По утрамъ мнѣ приходилось видѣть въ одни и тѣ же часы вереницы больныхъ въ теплыхъ полушубкахъ, уходившихъ на ра-

боту въ сараи. Сараи эти наполнены соломой. Въ одномъ изъ нихъ больные набиваютъ этой соломой мѣшки, служащія въ колоніи тю-фяками, а въ другомъ рѣжутъ солому на кормъ скоту, на ферму. Обѣ работы очень веселыя. Молодежь, а молодежи среди больныхъ довольно много, кувыркается и барахтается въ соломѣ и перемѣшиваетъ дѣло съ бездѣльемъ. Но работа отъ этого не страдаетъ. Поразило меня здѣсь, въ этихъ сараяхъ, рѣзко выраженное чувство самоохраненія и осторожности. Въ этихъ сараяхъ, набитыхъ соломой, больные курятъ, и это не только не запрещается администраціею, но даже больные получаютъ папиросы при входѣ въ сарай. Правда, имъ рекомендуется курить въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ постройки, но это не соблюдается. Вокругъ сарая по землѣ разсыпано очень много соломы, которая можетъ служить хорошимъ проводникомъ для огня, если въ нее попадетъ искорка. Мало того, я видѣлъ молодого полуидіота, рѣзавшаго солому, который съ наслажденіемъ сосалъ глиняную трубочку прямо среди сноповъ. Къ моему удивленію, служителя не только не подняли по этому поводу шума, но наоборотъ сохраняли полное спокойствіе и смотрѣли на это, какъ на вещь самую обыкновенную. Въ больныхъ, не смотря на разстройство психики, такъ сильно внутреннее чувство осторожности и самоохраненія, что они слѣдятъ за огнемъ своихъ папиросъ и трубокъ съ удивительнымъ вниманіемъ. Они прекрасно понимаютъ, что, если они заронятъ искру, то сгорятъ и сами. За всѣ десять лѣтъ существованія колоніи не было ни одного случая пожара.

Вообще медицинскій персоналъ больницы оказываетъ больнымъ большое довѣріе, конечно, тѣмъ больнымъ, которые его заслуживаютъ. Многие больные пользуются полной свободой, дѣлаютъ, что хотятъ, и ходятъ, куда хотятъ. За одними во время ихъ прогулокъ учрежденъ негласный надзоръ, а другимъ довѣряютъ вполнѣ. Между докторами и больными послѣдней категоріи установились хорошія отношенія, основанныя на взаимномъ уваженіи. Уходя изъ палаты, такой больной изъ деликатности предупреждаетъ прислугу или доктора о томъ, что онъ идетъ туда-то, по такому-то направленію и намѣренъ сдѣлать то-то. Случаевъ, когда больные не оправдывали довѣрія, насчитывается въ Бурашевѣ очень мало. И это относится одинаково какъ къ интеллигентамъ, такъ и къ мужикамъ. Опасныхъ и такихъ, которые стараются удрать тайкомъ, держать, конечно, подъ хорошимъ надзоромъ и слѣдятъ за ними. Но въ общемъ дѣло поставлено такъ, что больные при добромъ желаніи могли бы улетучиться и вырваться на свободу очень легко, но они этого не дѣлаютъ, благодаря прочно установленной гуманной дисциплинѣ и изъ боязни обмануть довѣріе. Иной больной работаетъ въ полѣ такъ далеко отъ всякаго надзора и одѣтъ онъ такъ добротпорядочно, что совершить побѣгъ было бы для него—пустое дѣло, и его никто ни по дорогѣ, ни въ сосѣднихъ деревняхъ не за-

подозрѣлъ бы, но онъ аккуратно является и къ обѣду, и къ чаю, и на ночь на свою койку.

Приведу одинъ примѣръ, который можетъ служить иллюстраціей къ только что сказанному. Въ Вурашевѣ существуетъ комната, въ которой врачи колоніи собираются для обсужденія медицинскихъ вопросовъ и врачебныхъ нуждъ учрежденія. Эти собранія врачей названы (къмъ—не знаю) «комитетомъ врачей». Въ этотъ комитетъ больные обращаются съ просьбами и заявлениями о своихъ нуждахъ. Многіе больные пишутъ письма, докладныя записки и прошенія—кому что больше нравится. Всѣ эти бумаги подшиваются къ «дѣлу» и служатъ до извѣстной степени указателемъ душевнаго состоянія больного. Мнѣ очень любезно разрѣшили прочесть довольно толстую пачку писемъ одного молодого, довольно (хотя и не вполне) интеллигентнаго человѣка. Этотъ молодой человѣкъ, о которомъ я уже упомянулъ выше, помѣшанъ на томъ, что онъ—князь Петръ Ивановичъ, Фридриховичъ, Людвиговичъ, Христіановичъ, Семеновичъ такой-то. Всѣ письма его въ комитетъ содержатъ въ себѣ только одну просьбу: отпустить его домой. Онъ считаетъ себя здоровымъ, жалуется на то, что его несправедливо держать среди больныхъ, а иногда и прямо упрекаетъ врачебный персоналъ въ умышленномъ нежеланіи возвратитъ ему свободу. Этотъ больной носитъ свое собственное очень приличное платье и имѣетъ небольшія деньги. Въ колоніи относительно прогулокъ онъ пользуется полной свободой и выходитъ безъ провожатаго. Я познакомился съ нимъ въ палатѣ, а затѣмъ встрѣтился у пруда, на которомъ больные катаются на конькахъ и на санкахъ. Во время нашей встрѣчи у пруда не было никого. Сѣли на скамеечку и разговорились. Молодой человѣкъ заговорилъ о своей тоскѣ по роднымъ, о томъ, что онъ скучаетъ безъ своего привычнаго бухгалтерскаго дѣла, и во все время разговора съ грустью смотрѣлъ на дорогу, убѣгавшую лентой къ Твери и скрывавшуюся за синѣвшимъ на горизонтѣ лѣсомъ. Онъ смотрѣлъ такимъ взглядомъ, какимъ глядитъ птица, посаженная въ клѣтку. Его тянуло неудержимо туда, гдѣ витали его мысли.

— Хорошо было бы, если бы меня поскорѣе отсюда выпустили на волю, — закончилъ онъ со вздохомъ свой разговоръ. — Надоѣло уже мнѣ, здоровому, жить среди больныхъ, да и деньги мои уменьшаются, потому что я плачу здѣсь за свое содержаніе. Пора бы ужъ и на волю, къ живымъ людямъ.

— За чѣмъ же дѣло стало?—спросилъ я его.

— Не пускаютъ.

— А сами вы развѣ по доброй волѣ уйти не можете отсюда? Вѣдь одѣты вы прилично: на васъ хорьковая шуба и бобровая шапка. Васъ нельзя принять за человѣка, который ушелъ изъ больницы...

— Это вы говорите насчетъ побѣга? Нѣтъ, мнѣ бѣжать невозможно. Я могъ бы такъ улетучиться, что и слѣдовъ моихъ не нашли бы. Но, вѣдь это будетъ не честно. Мнѣ довѣряютъ, и я долженъ оправдывать это довѣріе. Нѣтъ, никогда не рѣшусь я на такой низкій поступокъ. Лучше ужъ потерпѣть, пока сами отпустятъ...

Такъ разсуждаютъ очень многіе больные. Есть одинъ больной, который представляетъ собою ходячую жалобу и вѣчное, непреодолимое недовольство бурашевскими порядками. Онъ волнуется, брюзжитъ, бранится и божится, что онъ уйдетъ. Докторъ его выслушиваетъ, успокоиваетъ, но въ побѣгъ его не вѣритъ и предоставляетъ ему полную свободу. Другой деревенскій парень, при всякомъ появленіи доктора, кланяется въ ноги, чтобы отпустили домой, и къ каждому посѣтителю обращается съ тою же просьбой. Мнѣ онъ отвѣсилъ столько земныхъ поклоновъ, сколько было нашихъ встрѣчъ. Тоскуетъ онъ по родной деревнѣ страшно и часто во время работы задумывается и по его раздвоенному взгляду видно, что онъ думаетъ о своихъ родныхъ и о той средѣ, въ которой жилъ до больницы. Онъ могъ бы легко убѣжать, но не дѣлаетъ этого и не потому, что въ больницѣ онъ обезпеченъ и столомъ, и одеждой, и теплымъ кровомъ, а потому, что внутри его разстроеннаго организма еще не угасло чувство порядочности и сознание преступности побѣга.

Но побѣги все-таки бываютъ, и въ каждомъ годовомъ отчетѣ по колоніи въ графѣ «побѣги» стоитъ цифра. Не было, кажется, ни одного года безъ того, чтобы единичные больные не удирали. Причины побѣговъ различны и чаще всего обусловливаются психическимъ разстройствомъ. Одна старуха скрылась, и нѣсколько времени объ ней не было ни слуху, ни духу. Ее уже зачислили было въ разрядъ безъ вѣсти пропавшихъ, но къ общему удивленію она снова возвратилась въ больницу по собственной доброй волѣ. Оказалось, что она отъ скуки ходила куда-то въ монастырь на богомолье. Она искренно удивляется тому, что ея отлучку называютъ побѣгомъ.

— Никакого тутъ, отецъ родной, побѣгу не было. Не таковская я, чтобы бѣгать. Я богу молиться ходила...

Былъ случай побѣга, внушенный прямо болѣзненнымъ бредомъ. Больной воспользовался оплошностью прислуги и удралъ въ лѣсъ, гдѣ его потомъ и нашли. Въ лѣсу онъ выломалъ себѣ дубинку, сѣлъ на пенекъ и сталъ помахивать ею направо и налево. Оказалось, что онъ и убѣгалъ съ единственной цѣлью посидѣть на пнѣ съ дубинкой для собственнаго удовольствія. Подошедшихъ къ нему служителей онъ встрѣтилъ съ добродушной улыбкой и безъ сопротивленія возвратился въ больницу, заявивъ, что онъ «отвелъ душу».

Но не всѣ побѣги кончаются такъ счастливо. Больничная статистика отмѣчаетъ и безъ вѣсти пропавшихъ больныхъ. Привожу

цифры. Въ 1892 г. всѣхъ побѣговъ было совершено 37, и удавшихся было 14. Одна часть этихъ убѣжавшихъ была возвращена въ колонію лицами посторонними, а другая часть не возвращалась вовсе. Мужчины бѣгаютъ чаще, чѣмъ женщины. Изъ 37 бѣглецовъ мужчинъ было 29, а женщинъ только 8, но женщины оказываются хитрѣе мужчинъ: изъ 8 бѣглянокъ удрали 4, т. е. ровно половина, тогда какъ изъ 29 мужчинъ возвращены были 19, и удачнымъ побѣгомъ могутъ похвастаться 10, т. е. одна треть. Если разобрать хорошенько условія, при которыхъ совершаются побѣги, то окажется, что больнымъ нельзя отказать въ очень изрядной долѣ хитрости. Большинство удираютъ потому, что удается перехитрить служителей. Для этого, какъ показалъ опытъ, надо имѣть смѣтку и быть расторопнымъ. Часто больные бѣгаютъ, благодаря небрежности и невнимательности низшаго служебнаго персонала. Подобрать удачно этотъ персоналъ—дѣло довольно трудное. Жалованье служителей не велико, а служить въ домъ сумасшедшихъ пойдетъ не всякій. Служба эта требуетъ по самому своему существу внимательности, осторожности, находчивости и бдительности. Служитель постоянно долженъ быть насторожѣнъ. Чаще всего больные убѣгаютъ съ прогулокъ, когда ихъ выводятъ на воздухъ большими группами или съ наружныхъ работъ. Были случаи побѣговъ изъ бани, изъ мастерскихъ, и даже встрѣчались попытки ускользнуть черезъ форточку. Рѣже всего и при томъ въ видѣ крайняго исключенія убѣгали и такія лица, которыя пользовались довѣріемъ и свободой. Но бывало это такъ рѣдко, что не могло повліять на систему «открытыхъ дверей». Благотворные результаты, которые получаются отъ того, что больные пользуются свободой, такъ велики, что вполне искупаютъ эти побѣги.

Число служителей въ разныхъ мѣстахъ колоніи различно и зависитъ отъ характера больныхъ. Въ баракѣ слабыхъ на одного служителя приходится девять человѣкъ больныхъ; въ рабочихъ баракахъ — 18 человѣкъ. Необходимо имѣть въ виду, что рѣчь здѣсь идетъ о призрѣваемыхъ, т. е. не требующихъ особеннаго ухода больныхъ. Въ палатахъ больныхъ буйныхъ и неопрятныхъ распредѣленіе иное. Служителя набираются изъ крестьянъ сосѣднихъ деревень, и каждый изъ нихъ требуетъ и подготовки и нѣкотораго обученія дѣлу. Не всѣ они выносятъ жизнь среди больныхъ и поэтому часто мѣняются. Администрація колоніи выбираетъ изъ нихъ лучшихъ и по преимуществу людей съ добрымъ сердцемъ, но такъ какъ крестьянинъ по своему умственному кругозору не всегда способенъ постичь высшія идеи гуманнаго обращенія, то бываютъ случаи, что иногда прислуга келейно и поколачиваетъ особенно буйныхъ и надобдливыхъ паціентовъ. Само собою разумѣется, что дѣлается это подѣ строжайшимъ секретомъ, но разъ только поступить на служителя жалоба въ дурномъ обращеніи съ больными,

его немедленно удаляют. Доктора обходят палаты и въ опредѣленные часы и въ такое время дня и ночи, когда ихъ менѣе всего ожидаютъ. Цѣль этихъ внезапныхъ посѣщеній понятна. Къ этому нужно прибавить, что больные постоянно жалуются на что нибудь. Жалобы эти обуславливаются бредомъ. Особенно выдаются въ этомъ отношеніи галлюцины и страдающіе маніей преслѣдованія. Этимъ несчастнымъ кажется, что за ними подсматриваютъ сквозь полъ и стѣны и что ихъ обижаютъ и бьютъ. Я видѣлъ одного больного, который до извѣстной степени потерялъ способность различать видѣнное во снѣ отъ пережитаго наяву. Онъ тоже жаловался на дурное съ нимъ обращеніе, но на повѣрку оказалось, что онъ видѣлъ все это только во снѣ. Часто больныхъ обижаютъ такіа лица, которыхъ вовсе нѣтъ въ колоніи. Одинъ священникъ, напри- мѣръ, не можетъ спать по ночамъ потому, что на чердакѣ надъ его головою лица, извѣстныя своимъ высокимъ положеніемъ, устраи- ваютъ шумныя вечеринки. Врачу, который долженъ выслушивать эти жалобы, бываетъ трудно разобраться въ нихъ и отличить галлюцина- торный бредъ отъ правды, но прислугѣ все-таки поблажки не даютъ.

Въ колоніи содержатся также и испытуемые и тѣ подсудимые, въ нормальности умственныхъ способностей которыхъ возникаетъ почему либо сомнѣніе. Такихъ лицъ бываетъ довольно много. Въ 1892 году ихъ было: 24 мужчины и три женщины. Изъ нихъ 18 были при- знаны совершившими преступленія уже въ болѣзненномъ состояніи. Обвинялись они въ убійствѣ, нанесеніи тяжкихъ ранъ, покушеніи на убійство, въ поджогахъ, въ святотатствѣ, побѣгѣ изъ Сибири и т. д. Наибольшій процентъ дали убійцы (5 чел.) и поджигатели (4 чел.). Во время своей поѣздки въ Бурашево я познакомился съ симпатичнымъ душевно-больнымъ крестьяниномъ, убившимъ своего отца топоромъ. Онъ строилъ вмѣстѣ со старикомъ-отцомъ избу и во время работы, не питая къ нему никакой злобы, уложилъ его на мѣстѣ однимъ ударомъ. Сдѣлалъ онъ это по внушенію какого- то невѣдомаго голоса. Другой душевно-больной убилъ брата, но не помнить совершеннаго имъ преступленія и никакого раскаянія не чувствуетъ. Молодой парень, курившій такъ осторожно трубку среди соломы—о которомъ я говорилъ—обвинялся въ поджогѣ. Ни у одного изъ этихъ трехъ больныхъ ни въ выраженіи лица, ни въ послѣдующемъ поведеніи нельзя найти ничего, указывающаго на преступность. Они тихи, спокойны и работающіе и едва ли сознаютъ, что они преступники.

III.

Сдѣлать прогулку по Бурашевской колоніи очень интересно, но для этого нужно имѣть очень крѣпкіе нервы. Попробую описать то, что я видѣлъ, сопровождаемый ординаторами Р. Н. Ванов-

скимъ въ мужскихъ отдѣленіяхъ и М. П. Глинкой въ женскихъ.

Въ двухъ большихъ каменныхъ корпусахъ, построенныхъ по одному и тому же типу и почти по одному плану, помѣщаются отдѣльно мужчины и женщины. Въ этихъ корпусахъ живутъ тѣ душевно-больные, которые требуютъ лѣченія. Это и есть собственно больница колоніи. Корпуса эти раздѣлены на отдѣленія, изъ которыхъ каждое помѣчено номеромъ, одинаковымъ какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ корпусѣ. Такъ, въ первомъ мужскомъ и въ первомъ женскомъ содержатся буйные и опасные больные. Отдѣленія эти самыя тяжелыя какъ для врачей и прислуги, такъ и для посѣтителей. Больные производятъ удручающее впечатлѣніе. Они пользуются прекраснымъ уходомъ, здоровою пищею, массою воздуха и живутъ среди педантичѣйшей чистоты, но форма ихъ болѣзни, бурное и часто обостряющееся состояніе духа дѣлаетъ ихъ очень тяжелыми. Здѣсь съ утра до ночи стоитъ стономъ гулъ, шумъ, рѣзкій говоръ, и палата оглушается криками недовольства. Но я долженъ оговориться, что такое впечатлѣніе эта несчастная палата производитъ на свѣжаго человѣка только тогда, когда онъ въ первый разъ вступаетъ въ нее. Въ другой палатѣ безпокойныхъ, но не опасныхъ, шумъ и гамъ не меньше. Буйные больные далеко не такъ страшны, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Они не всегда опасны. Когда у нихъ проходитъ возбужденное состояніе, они разговариваютъ и съ врачами и съ прислугой и между собою очень спокойно. Называются они опасными и содержатся въ отдѣльной палатѣ потому, что ихъ спокойному состоянію довѣриться нельзя, и потому, что на нихъ периодически находятъ буйное раздраженіе. Въ это время они дѣйствительно опасны, и за ними слѣдятъ въ оба. Буйствуютъ они подѣ влияніемъ своихъ бредовыхъ идей и галлюцинацій. Драки между такими больными явленіе не рѣдкое. Къ чести современной психіатріи надо сказать, что для усмиренія буйныхъ не полагается никакихъ насильственныхъ мѣръ. Ихъ никогда не связываютъ, а традиціонныя, наводившія столько страха «смирительныя» или «сумасшедшія рубахи» уже давно отжили свой вѣкъ и отошли въ область преданій. Больному предоставляютъ бушевать до тѣхъ поръ, пока онъ самъ успокоится, т. е. пока пройдетъ его припадокъ. Чтобы сдѣлать такого больного безопаснымъ для сосѣдей и для него самого, его осторожно берутъ за руки, а въ случаѣ сопротивленія— и на руки, и водворяютъ въ изоляторъ. Изоляторы эти представляютъ собою отдѣльныя комнаты съ гладкими, выкрашенными масляной краской стѣнами, съ окошкомъ изъ корабельныхъ стеколъ почти у самого потолка. Изоляторы эти помѣщаются рядомъ другъ съ другомъ и вытянуты по корридору въ одну линію какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ отдѣленіи. Въ этой кельѣ нѣтъ

никакой мебели, ни одного гвоздя, ни одной щепочки, словомъ — ничего такого, чѣмъ больной могъ бы нанести себѣ вредъ. На полу лежитъ только одинъ мягкій соломенный тюфякъ. За движеніями больного, посаженнаго въ такой карцеръ, зорко слѣдятъ въ щель, продѣланную въ двери. Обыкновенно больной, побуянивъ, бросается на тюфякъ, напряженное состояніе смѣняется упадкомъ силъ, наступаетъ, какъ говорятъ врачи, реакція, и онъ засыпаетъ тѣмъ благодѣтельнымъ сномъ, послѣ котораго наступаетъ спокойное состояніе духа. Это впрочемъ бываетъ не всегда. Мнѣ рассказывали, что одинъ буйный ухитрился съ помощью зубовъ и ногтей разорвать мѣшокъ тюфяка въ длинныя ленты и, вѣроятно, сдѣлалъ бы съ собою что нибудь, но его во время захватили. Такіе случаи, однако, встрѣчаются, какъ исключенія. Когда я посѣщалъ эти карцеры то всегда находилъ заключенныхъ въ нихъ страдальцевъ спящими. Одного изъ нихъ при мнѣ докторъ разбудилъ, чтобы осмотрѣть, не ушибся ли онъ, и онъ не обнаружилъ никакого безпокойства.

Здѣсь въ этихъ отдѣленіяхъ буйныхъ и опасныхъ врачамъ достаётся отъ больныхъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ. Въ общемъ докторовъ больные очень любятъ, цѣлуютъ руки и отвѣшиваютъ имъ земные поклоны, но въ моменты буйнаго безпокойства эти больные не скупаются и сыплютъ дерзостями и упреками. Въ бреду докторъ кажется больному причиною всѣхъ его несчастій. Докторъ мучитъ его, докторъ несправедливо держитъ его, здороваго, въ плѣну, докторъ злоумышляетъ противъ него, докторъ припрятываетъ деньги больного и т. д. При обходѣ этого отдѣленія служителя стараются держаться поближе къ доктору и не безъ основанія. Ординаторъ Р. Н. Вановскій, человѣкъ чрезвычайно добраго сердца и любящій свое дѣло, самымъ добродушнымъ тономъ рассказывалъ мнѣ, какъ о сущихъ пустякахъ, что ему приходилось иногда, кромѣ брани, получать отъ больныхъ и болѣе убѣдительныя доказательства ихъ буйнаго состоянія. Обижаться на это онъ и не думалъ: съ человѣка невмѣняемаго взыскивать нельзя уже потому, что этотъ невмѣняемый, успокоившись, со слезами и вполне искренно проситъ прощенія, объясняя свой проступокъ тѣмъ, что онъ и «самъ не знаетъ, какъ это случилось, и что это съ нимъ, съ больнымъ, сдѣлалось».

Въ кабинетѣ врачей хранится цѣлый арсеналъ орудій, которыя были припасены больными въ разное время для угощенія докторовъ. Тутъ есть острые камни, и кирпичи, и поломанные ножи, и куски желѣза, довольно остроумно нанизанные на веревку, чтобы удобнѣе было взмахнуть передъ ударомъ. И только, благодаря бдительности служителей и осторожности самихъ докторовъ, всѣ эти орудія не достигаютъ своей цѣли и попадаютъ въ музей. Одинъ очень увѣсистый и острый камень былъ найденъ въ карманѣ больного послѣ прогулки. Однажды я былъ свидѣтелемъ сцены примиренія между

докторомъ и его оскорбившимъ больнымъ. Больной этотъ—къ слову сказать, преступный типъ—наговорилъ Р. Н. Вановскому дерзости. На другой день передъ обходомъ палаты послѣдній разсказалъ мнѣ объ этомъ происшествіи и посоветовалъ поближе присмотрѣться къ этому больному, какъ къ очень интересному типу. Его сумасшествіе—болѣзнь фамиліная: въ колоніи содержатся на излѣченіи и этотъ больной и его взрослый сынъ. Они живутъ въ разныхъ отдѣленіяхъ, но въ благодущныя минуты сходятся вмѣстѣ попить чайку у койки отца и при этомъ говорятъ мало и только сопятъ оба во всю силу ноздрей. Отецъ—преступникъ, но сынъ еще не успѣлъ сдѣлать ничего предосудительнаго, потому что во время попалъ на излѣченіе.

Обходя палату, Р. Н. Вановскій подошелъ къ этому больному какъ разъ во время его чаепитія съ сыномъ и заговорилъ съ ними такъ, какъ будто вчерашней ссоры и не бывало. Послѣ разпросовъ и отвѣтовъ чисто медицинскаго характера больной-отецъ заговорилъ самымъ искреннимъ тономъ:

— Вы ужъ, Рафаилъ Николаевичъ, будьте любезны, простите меня за вчерашнюю выходку. Мнѣ стыдно. Ей-Богу, не знаю, что это со мною сдѣлалось...

— Полноте, я ничего уже не помню,—добродушно отвѣтилъ докторъ и ласково потрепалъ его по плечу. Больной засіялъ, а сынъ его усиленно засопѣлъ отъ удовольствія.

Старшій врачъ колоніи М. П. Литвиновъ сообщилъ мнѣ, что больные, даже злоумышляющіе противъ врача, въ сущности вовсе не злопамятны, и въ доказательство разсказалъ слѣдующій случай изъ своей практики. Въ своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ больные руководствуются только соображеніями, вытекающими изъ ихъ болѣзненнаго бреда, и потомъ стараются заглядить сдѣланную неприятность. М. П. Литвиновъ неоднократно подвергался нападеніямъ со стороны больныхъ. Такъ, одинъ больной подкарауливалъ его за дверью, держа за спиной подъ халатомъ, накинутымъ на плечи, оторванный имъ отъ двери плинтусъ, длиною болѣе двухъ аршинъ. Когда докторъ прошелъ въ дверь, то больной моментально сбросилъ халатъ и замахнулся плинтусомъ, съ явнымъ намѣреніемъ нанести ударъ. М. П. Литвинову удалось во время поймать конецъ плинтуса и избѣжать удара. Тотъ же больной нѣсколько времени спустя, умирая на глазахъ г. Литвинова отъ легочнаго кровотеченія, обратился къ нему со словами:

— Миша, голубчикъ, родной, помоги!..

Между собою больные тоже ссорятся очень часто, но ссоры эти, благодаря своевременному вмѣшательству служителей, не влекутъ за собою печальныхъ послѣдствій. Прискорбные случаи такъ рѣдки, что заносятся въ лѣтописи учрежденія, какъ особенныя событія. Ссоры между больными бываютъ обыкновенно очень кратковременными, и сплотиться въ одну общую артель для того, чтобы соста-

вить какой либо планъ мщенія, или что либо въ этомъ родѣ, они не могутъ вслѣдствіе различія идей помѣшательства.

Мнѣ лично пришлось видѣть только одного больного въ буйномъ экстазѣ. Это былъ священникъ, въ обычное время тихій, кроткій, спокойный и даже веселый. Онъ посѣщаетъ квартиры ординаторовъ, пьетъ у нихъ чай и мирно бесѣдуетъ. Помѣшанъ онъ на томъ, что, по опредѣленію святѣйшаго синода, все Бурашево съ какими-то высшими цѣлями превращено въ пасторатъ, неограниченнымъ главою котораго поставленъ онъ, этотъ священникъ. Въ этотъ пасторатъ со всѣхъ концовъ міра стекаются миллионныя суммы. Но все несчастье этого священника заключается въ томъ, что его преслѣдуетъ коварно его двоюродный братъ. Братъ этотъ сошелся съ главнымъ докторомъ Бурашева М. П. Литвиновымъ, и оба они перехватываютъ присылаемыя на имя его, священника, деньги. Кромѣ того, главный докторъ незаконно присвоилъ себѣ его власть и этимъ мѣшаетъ выполнению благихъ предначертаній синода. Въ минуты остраго бреда этотъ больной бываетъ очень грозенъ и пишетъ массу писемъ различнымъ высокопоставленнымъ особамъ. Письма эти, конечно, не отсылаются по адресамъ. Въ одну изъ такихъ минутъ пришлось мнѣ бесѣдовать съ нимъ. Онъ мнѣ, какъ человѣку, пишущему въ газетахъ, прочелъ довольно строгій выговоръ за то, что въ газеты не попадаютъ извѣстія объ узурпаціи г. Литвиновымъ его власти, и такъ настойчиво потребовалъ, чтобы я «обличилъ зло», что даже грозно погнался за мною и за докторомъ, когда мы уходили.

Женскій корпусъ для безпокойныхъ и буйныхъ построенъ такъ же и носитъ такой же точно характеръ, какъ и мужской. Прислуга тамъ—женская. Чистота, порядокъ и масса воздуха и свѣта производятъ пріятное впечатлѣніе.

Отдѣленія для неопрятныхъ и физически крѣпкихъ больныхъ, мужскія и женскія, носятъ названіе «номеровъ вторыхъ». Здѣсь обращено особое вниманіе на вентиляцію и на поддержаніе чистоты.

Всѣхъ отдѣленій въ Бурашевѣ девять и пересчитывать ихъ было бы и долго и неинтересно. Достаточно указать на группировку въ нихъ больныхъ.

Въ отдѣленіи для острыхъ помѣщены такіе больные, которые подають надежду на выздоровленіе. Здѣсь излѣчиваются алкоголики и люди съ потрясенными нервами. На это отдѣленіе приходится наибольшее количество различныхъ успокоивающихъ лѣкарственныхъ препаратовъ. Большинство паціентовъ выходитъ отсюда въ міръ Божій съ возвращеннымъ разсудкомъ. Въ отдѣленіи неопрятныхъ и слабыхъ больные, если можно такъ выразиться, доживаютъ свой вѣкъ. Характернымъ типомъ можетъ служить одинъ несчастный алкоголикъ (не знаю, живъ ли онъ теперь), который давно уже прикованъ болѣзнию къ тюфяку и лежитъ на полу, по-

тому что падаетъ съ кровати. Во избѣжаніе пролежней, онъ покоится на большомъ резиновомъ кольцѣ. Глаза его тусклы, движенія болѣзненны и вялы, и онъ уже утратилъ способность мыслить и говорить. Весь кругъ его понятій и весь лексиконъ сосредоточился на двухъ словахъ «хинное вино». Отъ всего пережитаго имъ прошлаго сохранилось только это воспоминаніе о винѣ.

Лица, не способныя къ работѣ, составляютъ группу прирѣваемыхъ, и содержаніе ихъ обходится значительно дешевле, нежели тѣхъ, которые требуютъ лѣченія и, соответственно ходу болѣзни, улучшенныхъ порцій. Порціи эти состоятъ изъ мясныхъ блюдъ и въ случаѣ надобности дополняются и виномъ. Прирѣваемые, не способные къ работѣ, живутъ въ богадѣльнѣ, прекрасно устроенномъ зданіи съ высокими комнатами, громаднымъ количествомъ свѣта и воздуха. Жизнь здѣсь положительно безпечальная: одинъ рисуетъ, другой пишетъ, третій изобрѣтаетъ что нибудь и т. д. Всѣ прекрасно знаютъ, что они будутъ каждый день сыты, одѣты, обуты и согрѣты. Не знаютъ этого, конечно, только полные идиоты, лишеныя возможности соображать. Впрочемъ, должно прибавить, что едва ли кто либо изъ этихъ богадѣленниковъ сознаетъ, что онъ неизлѣчимъ. Въ богадѣльнѣ, кромѣ психически больныхъ, живутъ въ отдѣльномъ помѣщеніи и психически здоровые, прирѣваемые на счетъ тверскаго земства.

Самыми симпатичными являются обитатели избъ. Это—неизлѣчимый, но милый и тихій народъ. Всѣ они работаютъ, кто что можетъ. Жизнь ихъ на столько своеобразна, уютна и хороша, что я позволю себѣ нѣсколько на ней остановиться. Избы эти построены недавно въ ожиданіи холеры. Когда ждали эту азіатскую гостью, то одинъ изъ бараконъ рѣшено было очистить для тѣхъ, кто ею заболѣетъ. Для больныхъ же, населявшихъ этотъ баракъ, построили новыя избы. Такова исторія ихъ возникновенія. Въ Бурашевѣ холеры не было. Былъ только одинъ случай, не отразившійся на другихъ больныхъ. Съ нимъ справились очень скоро и удачно. Но избы тѣмъ не менѣ заселились, процвѣтаютъ и составляютъ одну изъ самыхъ отраднѣхъ сторонъ колоніи. Одна изъ этихъ избъ—двусемейная, остальные односемейныя. Семьи здѣсь безъ женщинъ. Въ избахъ хозяекъ нѣтъ. Регламенты колоніи не допускаютъ присутствія больныхъ женщинъ среди больныхъ мужчинъ. Даже въ церкви прекрасный полъ занимаетъ одну сторону, а непрекрасный становится по другую. Сходятся оба пола только на прогулкахъ и въ залѣ собраній, гдѣ происходятъ чтенія съ туманными картинами, пѣніе и пляска.

Двусемейная изба состоитъ изъ двухъ половинъ. Заселяютъ ее люди работающіе. У cadaго есть свое дѣло: одни работаютъ въ полѣ, другіе на скотномъ дворѣ, третьи въ мастерскихъ. Всякій дѣлаетъ по силамъ. То же самое практикуется и въ односемейныхъ

избахъ. Чистоту и порядокъ поддерживаютъ сами больные. Пищу они получаютъ изъ общаго котла. Больнымъ администрація колоніи и врачи довѣряютъ вполне, и не было еще случая, чтобы это довѣріе было обмануто. Утромъ больные разбредаются на работы, а вечеромъ собираются въ избы. При первомъ взглядѣ трудно предположить, чтобы среди этой чисто деревенской обстановки жили душевно-больные. Все до мелочей, начиная отъ иконъ въ переднемъ углу и кончая самой ничтожной домашней утварью, блещетъ порядкомъ. Нигдѣ нѣтъ ни одной соринки. Почти въ каждой избѣ можно встрѣтить кошку, общую любимицу. По вечерамъ я заставалъ мирныя картины: играютъ въ карты, читаютъ или что нибудь читаютъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ устроены палаты, съ которыхъ почти всегда видна чья нибудь голова, пристально и вдумчиво слѣдящая за игрою въ карты и прислушивающаяся къ общему разговору. Доктора и посѣтителя больные встрѣчаютъ ласково и привѣтливо, приглашаютъ попить вмѣстѣ чайку или стараются (если угостить нечѣмъ) рассказать что нибудь новенькое, веселенькое и пріятное. Среди этого привѣта невольно ищешь гдѣ нибудь въ углу колыбель и женщину-хозяйку. До того полна иллюзія деревенской безмятежной жизни. Вся прелесть, благотворно дѣйствующая и на больныхъ, заключается въ томъ, что въ избахъ нѣтъ и намекъ на палаты съ казенными общими залами, дортуарами и съ отѣнкомъ казарменности. Больной крестьянинъ въ избѣ чувствуетъ себя какъ дома. Эти избы вытянулись длиннымъ, стройнымъ рядомъ и напоминаютъ деревенскую улицу, расположившуюся по косогору и украшенную кое-гдѣ по фасадамъ деревьями.

Баракы для неизлѣчимыхъ хрониковъ представляютъ собою нѣчто среднее между избами и палатами. Здѣсь больные живутъ также на артельныхъ началахъ, питаются изъ общаго котла и сами поддерживаютъ порядокъ и чистоту. Но здѣсь служителя необходимы, и живутъ они среди больныхъ. Здѣсь помѣщаются больные всевозможныхъ формъ бреда. Здѣсь мнѣ показали Александра Баттенбергскаго, сидѣвшаго на полу и оравшаго пѣсно подъ аккомпаниментъ воображаемой скрипки; тутъ же я видѣлъ и нѣсколько другихъ царственныхъ особъ Западной Европы. Одинъ больной, гордящійся тѣмъ, что онъ человѣкъ русскій, не безъ презрѣнія отрекомендовалъ мнѣ всѣхъ своихъ товарищей «иностранцами». Этотъ больной признаетъ для всего безъ исключенія міра только одинъ Россійскій царствующій домъ. Все безусловно должно принадлежать Россіи. Другихъ державъ быть не должно, и рано или поздно всѣ онѣ непременно будутъ принадлежать русскому царю. Съ этой точки зрѣнія онъ, какъ патріотъ, смотритъ на своихъ сожителей—Баттенбергскихъ, не иначе, какъ свысока.

Вся колонія пьетъ фильтрованную воду изъ пруда. Всѣ зданія связаны между собою водопроводною сѣтью и снабжены подземной

сточной канализаціей по новѣйшимъ требованіямъ гигиены. Нечистоты далеко вывозятся за предѣлы больничнаго района. Заботами М. П. Литвинова теперь ведутся изысканія по каптажу со-сѣднихъ ключей и по прорытію артезіанскаго колодца. Гигіеной установлено правило, гласящее, что чѣмъ больше воды приходится на человѣка, тѣмъ здоровье этого человѣка обезпеченнѣе. Въ виду этого врачевный персоналъ колоніи хлопочетъ объ обилии воды, какъ о самой главной гарантіи здоровья душевно-больныхъ и многочисленнаго штата служащихъ. Заботы эти заслуживаютъ полнаго уваженія; чтобы понять это, нужно принять во вниманіе ту массу неопрятныхъ больныхъ, которые требуютъ ваннъ, и то огромное количество бѣлья, которое не даетъ прачешной ни одного свободнаго дня въ недѣлю. Чистотой же Бурашевская колонія щеголяетъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Воздухъ освѣжается въ зданіяхъ непрерывнымъ токомъ, даже иногда въ ущербъ теплу. И нужно сказать правду, что воздухъ въ этой мѣстности замѣчательно хорошъ. Колонія стоитъ на вершинѣ горки и кругомъ опоясана лѣсами.

Условія, въ которыя теперь поставлена Бурашевская колонія, можно назвать вполнѣ счастливыми. Врачевный персоналъ состоитъ изъ молодыхъ и преданныхъ своему дѣлу ординаторовъ во главѣ съ опытнымъ старшимъ врачомъ-психіатромъ, изучившимъ постановку психіатрическаго дѣла во всей Европѣ. Персоналъ прислуги подобранъ очень тщательно. Пища прекрасная, сытная и всегда свѣжая. Бывали случаи, что выздоровѣвшіе очень неохотно покидали больницу изъ-за однихъ только харчей. Порядки, дисциплина и гуманное обращеніе сдѣлались давно уже на столько популярными въ средѣ крестьянскаго населенія, что случилось даже нежелательное явленіе, а именно—переполненіе колоніи больными.

Больныхъ везутъ въ колонію со всѣхъ сторонъ Тверской губерніи и привозятъ ихъ иногда въ ужаснѣйшемъ видѣ. Д-ръ В. М. Бяшковъ показывалъ мнѣ цѣлую коллекцію цѣпей, въ которыхъ больные поступали въ больницу. Цѣпи эти—нѣчто ужасное, тяжелое и способное свести съ ума даже здороваго человѣка. Глядишь на эти орудія пытки и удивляешься, до чего еще велико невѣжество въ массѣ сѣраго люда въ глухихъ деревняхъ. Освобожденные отъ цѣпей страдальцы, не смотря на все свое безуміе, часто падаютъ докторамъ въ ноги съ мольбою не отправлять ихъ обратно домой. Тутъ есть и пояса, и ошейники, и поручни, и ножные кандалы, превосходящіе по вѣсу даже историческія вериги великихъ подвижниковъ. Особенно поражаетъ одинъ ошейникъ съ двумя длинными цѣпями по бокамъ. Больного привязывали на этой желѣзной привязи къ двумъ противоположнымъ стѣнамъ комнаты такъ, что онъ занималъ центръ ея, не имѣя возможности сдѣлать ни одного шага ни взадъ, ни впередъ, ни вправо, ни влѣво. Но этотъ музей В. М. Бяшкова далеко еще не полонъ. Много цѣпей родные увозятъ назадъ, такъ какъ онѣ дома нужны по хозяйству.

Есть въ музеѣ и нѣкоторыя любопытныя вещицы иного характера. Это — работы больныхъ, характеризующія ихъ большую фантазію, вкусы и потребности. Страдающіе религіознымъ помѣшательствомъ на досугѣ выдѣлываютъ изъ дерева и камней уродливыя крестики и иконки. Мнѣ показывали одинъ образецъ въ рамочкѣ, украшенный изломанными пуговицами. На мѣстѣ изображенія святаго былъ вставленъ бубновый король, содранный съ шеколадной конфекты. Есть въ этомъ музеѣ и плетенія изъ веревки. Но эти издѣлія таковы, что ни одинъ мудрецъ въ мірѣ не разгадаетъ, что это такое, и что именно хотѣлъ сдѣлать больной.

Случаи религіознаго помѣшательства очень часты. Свѣтскіе люди воображаютъ себя патріархами, архіереями и даже иногда христами. Но христы эти ничѣмъ не выдаются надъ толпою: они и бранятся, и ссорятся, какъ прочіе смертныя, а иногда даже и превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи. Я видѣлъ очень скромнаго старичка съ иконою на груди. Мнѣ рассказали потомъ, что по части религіозной нетерпимости и брани этотъ святой человѣкъ доходитъ до виртуозности. Большинство такихъ религіозно-помѣшанныхъ — ханжи. Больные этого сорта встрѣчаются одинаково какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ. У женщинъ, впрочемъ, нѣкоторыя формы психической болѣзни отличны отъ мужскихъ, такъ какъ зависятъ отъ организаціи. Говорятъ, будто бы съ женщинами ладить труднѣе, нежели съ мужчинами, и онѣ требуютъ за собою большаго ухода. Провѣрить это мнѣ не удалось, хотя и пришлось на дѣлѣ познакомиться съ женскимъ гнѣвомъ. Во время моего посѣщенія вмѣстѣ съ докторомъ Р. Н. Вановскимъ женской мастерской, одной дѣвицѣ очень не понравилось то, что «здѣсь шлеются посторонніе», и она, наградивъ меня не особенно лестными для меня эпитетами, въ то же время и попотчевала меня довольно увѣсистымъ ударомъ въ бокъ. При обходѣ палаты буйныхъ женщинъ докторъ М. П. Глинка хотѣлъ показать мнѣ одну интересную буйную, но такъ какъ она была въ сильномъ возбужденіи и потому сидѣла въ изоляторѣ, то видѣть мнѣ ее не удалось. По совѣсти сказать, я струсилъ. Заперли ее за драку, и я боялся, что достанется мнѣ и отъ нея. Мнѣ вспомнился задорный и нехорошій тонъ ударившей меня больной. Вскинувъ на меня сердитыми глазами, она задорно и злорадно спросила: «Что? Влетѣло? Теперь будешь знать». Я опасался и здѣсь встрѣтить такой же приемъ. За то я долго всматривался въ двухъ неизлѣчимыхъ идиотокъ съ вѣчно улыбающимися лицами. Обѣ онѣ подружились между собою до того, что ѣдятъ не иначе, какъ съ одной тарелки. Но въ этой дружбѣ трудно было бы отыскать что нибудь человѣческое: это скорѣе дружба двухъ неразумныхъ созданій изъ міра животныхъ. Отъ этихъ идиотокъ ни докторъ, ни я не могли добиться ни слова. Въ мужской половинѣ я видѣлъ такого же молчаливаго съ слабо развитыми мозгами человѣка. Онъ ходитъ, ѣстъ, спитъ и даже ку-

рять, вѣчно смотря безучастно въ одну точку, не интересуется ничѣмъ и произноситъ только одно слово: «Степанъ». Въ этомъ словѣ заключаются всѣ свѣдѣнія, которыя извѣстны о немъ врачамъ. Кто онъ и откуда, не знаетъ никто. Онъ—Степанъ, и только. Кто-то его доставилъ въ колонію нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ онъ живетъ, скрывая свое прошлое въ одномъ словѣ. Это — типъ непомнящаго родства, но не хитрый и преступный типъ, а полный идиотъ.

Интересно смотрѣть, когда больные большими партиями отправляются на прогулки, на работы или въ церковь. Шумъ, гамъ, веселье и остроты. Острыятъ и по адресу докторовъ и по адресу служителей и не пропускаютъ безъ замѣчанія ни одного встрѣчнаго лица. Но все это дѣлается безобидно. Въ церковь разрѣшаютъ ходить всѣмъ, даже тѣмъ слабымъ, которымъ иногда отказываютъ въ прогулкахъ. Слабыхъ водятъ подъ руки. Въ храмѣ больные ведутъ себя съ должнымъ уваженіемъ къ службѣ. Кликушъ, выкрикивающихъ во время «херувимской», нѣтъ. Этихъ истеричныхъ лѣчатъ очень успѣшно. Большинство, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, приходятъ изъ церкви въ томъ счастливомъ и спокойномъ настроеніи духа, которое сопровождается обыкновенно благочестивой рѣчью: «Богъ милости прислалъ». Случаевъ кощунства не наблюдалось. Наоборотъ, во всей массѣ проглядываетъ сильное чувство религіозности, даже и въ извращенномъ видѣ. Это впрочемъ и понятно: наибольшій контингентъ колоніи составляютъ крестьяне, не знакомые со скептицизмомъ и вѣрующіе въ простотѣ душевной, безъ умствованій.

Лѣтомъ для больныхъ устраиваются въ ясные, праздничные дни прогулки по окрестностямъ. Прогулки эти сопровождаются бубнами, пѣснями и пляской. Въ хорѣ есть свои запѣвалы. Поютъ больше народныя пѣсни. Гдѣ нибудь въ лѣсу дѣлаются привалы, ставится огромный самоваръ, и начинается пикникъ на вольномъ воздухѣ. Экскурсіи эти дѣйствуютъ на больныхъ очень благотворно, и они очень любятъ ихъ. Въ прогулкахъ принимаютъ участіе и мужчины и женщины. Сближеніе до извѣстной степени допускается, но за чистотою взаимныхъ отношеній слѣдятъ строго и въ нѣкоторыхъ случаяхъ—не безъ основанія.

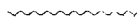
Лѣтомъ же на дворѣ колоніи устраивается открытая сцена, на которой къ общему удовольствію даются пантомимы. Дѣйствующія лица—служителя. Публика, состоящая изъ больныхъ, смотритъ сидя и стоя и слѣдитъ за дѣйствіемъ съ большимъ интересомъ. Лица оживляются, проскальзываютъ иногда проблески здраваго ума, и по окончаніи спектакля всѣ, даже самые угрюмые, расходятся въ хорошемъ расположеніи духа. На зиму театръ этотъ разбирается и прячется подъ крышу. Инициатива этихъ представленій, какъ могучаго врачебнаго средства, принадлежитъ всецѣло медицинскому персоналу съ М. П. Литвиновымъ во главѣ.

Зимою въ большомъ «залѣ собраній», носящемъ названіе «Палаты № 6, Чехова», по воскресеньямъ и праздникамъ устраиваются чтенія съ туманными картинами. Читаютъ врачи по очереди; фонаремъ заправляетъ фельдшеръ. Чтенія эти посѣщаются также очень охотно и выслушиваются съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. За чтеніями слѣдуютъ пѣсни и пляски. Все проходитъ чинно, весело, хорошо и даже съ воодушевленіемъ. Иногда врачи, слѣдящіе за этимъ воодушевленіемъ, останавливаютъ какую нибудь увлекшуюся пляской Прасковью или Аграфену изъ опасенія, что чрезмѣрное возбужденіе вредно подѣйствуетъ на ея нервную систему. Эпилептики пляшутъ какъ-то особенно, поднявъ голову, стиснувъ зубы и глядя куда-то въ потолокъ. Смотрѣть на нихъ непріятно. Среди этого веселья бывають иногда и диссонансы. Какой нибудь маниакъ, помѣшанный на религіозную тему, ходитъ угрюмо съ иконою на груди изъ угла въ уголъ и укоризненно смотритъ на общее веселье, хотя и не говоритъ ничего. Но на него мало обращаютъ вниманія.

Для больныхъ устроена при кабинетѣ врачей читальня и библіотека. Чтеніе газетъ и журналовъ происходитъ въ кабинетѣ, а книги даются на руки въ палаты, бараки и избы. На чтеніе врачи смотрятъ также, какъ на врачебное средство, отвлекающее больныхъ отъ ихъ сумрачнаго бреда. Въ кабинетѣ читають обыкновенно въ послѣобѣденное время, и кабинетъ въ это время по тишинѣ и бережному обращенію съ журналами напоминаетъ читальный залъ въ публичной библіотекѣ съ тою тою только разницею, что въ библіотекѣ вывѣшено объявленіе, приглашающее громко не разговаривать, а здѣсь больные дошли до этого сами, руководясь врожденнымъ чувствомъ деликатности и сознаніемъ благотворности такой духовной пищи, какъ чтеніе.

О Бурашевской колоніи, ея строѣ и внутренней жизни можно было бы написать во много разъ больше, чѣмъ вошло въ этотъ очеркъ. Очень возможно, что со временемъ и найдется компетентное лицо, которое серьезно займется исторіей развитія у насъ въ Россіи призрѣнія и врачеванія душевно-больныхъ. Дѣло это у насъ очень новое, и призрѣніе душевно-больныхъ далеко еще не поставлено на ту высоту, которой требуютъ челоуколюбіе, гигиена и медицинская наука. И если тверскому земству удалось, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ и трудныхъ блужданій выработать такой типъ колоніи, который дѣйствительно удовлетворяетъ какъ нуждамъ больныхъ, такъ и требованіямъ населенія губерніи, то земству этому слѣдуетъ сказать спасибо и пожелать дальнѣйшаго успѣха и развитія. Создать образцовый домъ сумасшедшихъ—дѣло не легкое и заслуга великая.

Александръ Чеховъ.

ГОСПОЖА СТАЛЬ ВЪ РОССИИ.

«Мужчины и дамы съѣзжались поглазѣть на нее... Тонъ ея не нравился, рѣчи показались слишкомъ длинны и рукава слишкомъ коротки».

Пушкинъ.

ВОПРОСЪ объ иностранномъ вліяніи, столь важный въ исторіи каждаго народа, имѣетъ особенное значеніе въ жизни Россіи. Имѣя въ виду господствующее и рѣшающее вліяніе Запада, можно бы дѣлить нашу исторію на эпохи византійскую, польскую, нѣмецкую, французскую и отчасти англійскую. Оттого у насъ такъ много писано и думано по этому вопросу, который одно время даже раздѣлялъ всю мыслящую Россію на два враждебныхъ лагеря — западниковъ и славянофиловъ.

Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что изъ новѣйшихъ вліяній болѣе всего вниманія обращало на себя вліяніе нѣмецкое: оно входило глубоко въ нашъ бытъ, впитываясь въ него, такъ сказать, непосредственно черезъ государственный организмъ и почти непрерывно. Менѣе разработанъ вопросъ о вліяніи французскомъ, которое началось позднѣе, съ Елизаветы, и часто прерывалось, а главное — дѣйствовало преимущественно въ культурномъ отношеніи. Но въ послѣднее время съ обѣихъ сторонъ стали болѣе внимательно останавливаться на этомъ вопросѣ.

Этому способствовали и теоретическія, и жизненныя причины. Историческая наука, отчасти въ силу своего внутренняго развитія, отчасти слѣдуя за открытіемъ новыхъ (преимущественно архивныхъ) матеріаловъ, пришла къ разработкѣ новѣйшаго времени,

начиная съ половины прошлаго вѣка. При этомъ естественно выдвинулись на первый планъ соотношенія между Россіей и Франціей, державами, игравшими первенствующую роль въ эпоху революціонныхъ войнъ и первой имперіи. Съ другой стороны, послѣ Садовой и Седана, послѣ необычайнаго возвеличенія Германіи въ центрѣ Европы, между ея сосѣдками справа и слѣва естественно зародилось стремленіе къ сближенію.

Но, при существенной разницѣ въ политическомъ развитіи двухъ странъ, это сближеніе должно было направляться преимущественно въ культурную сторону. Тутъ-то и можно было ожидать самыхъ поучительныхъ и плодотворныхъ результатовъ. Къ счастью, это направленіе совпало съ новою чертой нашего общественнаго развитія. Мы начинаемъ интересоваться явленіями менѣ шумными и казистыми, но болѣе глубокомысленными. Мы начинаемъ понимать внутренній смыслъ исторіи, дорожить памятью вождей нашей мысли, чествуя ихъ юбилеями, памятниками, названіемъ улицъ и кораблей ихъ именами. Чтобы указать крупный фактъ, не выходя изъ рамокъ нашего предмета, припомнимъ только, какъ встрѣчала Россія недавно «дорогихъ гостей» въ Кронштадтѣ. Тогда у насъ всѣ, словно стакнувшись, говорили именно про культурныя, просвѣтительныя связи между двумя народами, которыя разумнѣе и прочнѣе хитросплетеній дипломатіи.

По всѣмъ признакамъ, точно также смотрятъ на дѣло французы. Въ послѣднее время они стали возлагать надежды на внутреннія связи съ нашимъ отечествомъ. Съ свойственнымъ имъ увлеченіемъ, они начали изучать все своеобразіе нашего быта, отъ нашей исторіи и статистики до нашего искусства. Въ особенности занялись они нашей литературой. Знатокъ ея, академикъ Вогюзъ, совѣтуетъ имъ даже особенно изучать ее, «такъ какъ въ ней больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ литературахъ, широкихъ и прекрасныхъ началъ человѣчности». Рядомъ видимъ устройство взаимныхъ промышленныхъ выставокъ въ Парижѣ и Москвѣ. Всѣмъ памятенъ отвѣтъ французовъ на кронштадтское гостепріимство, при приѣмѣ нашихъ моряковъ въ Тулонѣ и Парижѣ. Наконецъ, началось болѣе тѣсное и серьезное личное общеніе между двумя народами, стоящими по краямъ европейскаго материка.

Въ былое время изъ Франціи были лишь случайные наѣзды въ Россію. Главнымъ образомъ къ намъ заглядывали дипломаты съ ихъ свитой; да наши бары завозили къ себѣ поваровъ, парикмахеровъ и гувернеровъ, вмѣстѣ съ *articles de Paris*. Затѣмъ стали поселяться колоніи неогоціантовъ. Теперь же учащаются посѣщенія людей всякихъ призваній, съ цѣлью личнаго ознакомленія съ Россіей: надняхъ мы ждемъ къ себѣ такихъ любопытныхъ гостей, какъ извѣстный романистъ Бурже и ему подобные писатели.

Начало такого чисто-культурнаго общенія со стороны французовъ многіе ведутъ съ прїѣзда романиста Дюма, который надѣлалъ столько шума въ 1860-хъ годахъ. Немногимъ извѣстно, что гораздо раньше посѣтило насъ болѣе блестящее свѣтило Франціи, впечатлѣніе котораго было несравненно поучительнѣе, хотя оно длилось и не такъ долго. Мы говоримъ о знаменитой госпожѣ Сталь и объ ея Десятилѣтїи изгнанія ¹⁾.

Теперь, когда въ такомъ ходу указанія на политическія связи между русскими и французами,—указанія, къ которымъ причастны и мы лично ²⁾,—намъ показалось умѣстнымъ дать непритязательную историческую справку о началѣ культурныхъ сношеній между двумя народами въ текущемъ столѣтїи. Къ тому же именно теперь подвергнуть научному пересмотру вопросъ о такомъ важномъ культурномъ явленїи, какъ сама госпожа Сталь ³⁾. Эту геніальную женщину вспомнили надняхъ и по поводу смерти знаменитаго французскаго критика, Тэна, имѣвшаго большое вліяніе и у насъ: къ ней-то примыкають, черезъ Вильмена и Сентъ-Бёва, преданія новѣйшей реальной критики.

Всякія данныя изъ культурной жизни человѣчества заставляютъ задумываться: тѣмъ болѣе поучительно для насъ припомнить, что говорилось о насъ самихъ, лѣтъ 80 тому назадъ, геніальною личностью, и сличить, на сколько мы измѣнились съ тѣхъ поръ, и въ какую сторону. Къ тому же впечатлѣнія госпожи Сталь покоятся на широкомъ основанїи. До нея французы, жившіе у насъ даже подолгу, ничего не видали, кромѣ двора и барскихъ гостиныхъ. Госпожа Сталь лишь промелькнула по Россїи, но чутье таланта

¹⁾ Dix années d'exil—такъ сама госпожа Сталь назвала свою книжку, которую издали ея сынъ и зять, послѣ ея смерти, въ 1818 году, подъ названїемъ: Mémoires de m-me de Staël. Это любопытное сочиненіе, отчасти рисующее цѣлую эпоху, писалось долго, съ перерывами скитальческой жизни. Автобіографическій разсказъ начинается съ 1800 года, то-есть, за два года до перваго изгнанія госпожи Сталь Наполеономъ I. Онъ прерывается на 1804 году смертью вѣжно-любимаго отца автора, Неккера, извѣстнаго министра временъ Людовика XVI. Разсказъ возобновляется съ 1810 года и внезапно обрывается тотчасъ по прибытіи госпожи Сталь изъ Россїи въ Швецію, осенью 1812 года. Путешествїе по Россїи какъ разъ во время нашествїя Наполеона, занимаетъ половину 2-й части, главы X—XX.

²⁾ Дипломатическія сношенія Россїи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Вышло три тома (въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества»), обнимающіе 1800—1806 годы; надняхъ выйдеть въ свѣтъ 4-й томъ, который заключаетъ бумаги петербургскаго и парижскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ за весь 1807 и часть 1808 года.

³⁾ Недавно появился цѣлый рядъ новыхъ оцѣнокъ, характеристикъ и цѣлыхъ біографій госпожи Сталь. По идеѣ и таланту, во главѣ ихъ должно поставить сочиненіе Сореля (въ сборникѣ «Les grands écrivains français»). Но по обилію фактовъ и по добросовѣстному ихъ подбору важнѣе всего біографія леди Blennerhassett: Frau von Staël, ihre Freunde und ihre Bedeutung in Politik und Literatur. Berlin. 1887—1839, 4 тома.

уже приводило ее къ народу: она старается докопаться до его души, ищетъ разгадки великаго сфинкса и въ его исторіи, и въ его современномъ быту, и путемъ сравненія съ другими націями.

Для Россіи не осталось безслѣднымъ мимолетное видѣніе знаменитой французенки. Оно прелюбопытно отразилось въ отечественной словесности. Госпожа Сталь связана ни больше ни меньше, какъ съ именемъ Пушкина. Покуда мы только затрогиваемъ этотъ интересный и еще не разработанный вопросъ въ исторіи русской литературы.

I.

Изгнанница.

Извѣстно, что госпожа Сталь и Наполеонъ I представляли собой двѣ противоположныя силы, которыя никогда не могли ужиться вмѣстѣ. Она всегда была гонима имъ: съ 36-ти-лѣтняго возраста ей пришлось скитаться 12 лѣтъ, почти до самой своей смерти. Когда весь западъ материка подчинился непобѣдимому корсиканцу, ей оставалось бѣжать на востокъ: въ разгаръ революціи она тоже готова была бѣжать даже въ Турцію. Но судьба и здѣсь наталкивала ее на ея гонителя. Госпожа Сталь пріѣхала въ Россію ровно за два мѣсяца до вступленія Наполеона въ Москву. Затѣмъ, по мѣрѣ отступленія его къ Парижу, чтобы навѣки покинуть его, она подвигалась туда же черезъ Швецію и Англію, чтобы снова поселиться въ немъ.

Такъ, въ 1812 году совершилось двойное нашествіе французовъ на Россію: рядомъ съ политическимъ властелиномъ Европы, съ гениемъ войны и автократства, насъ посѣтилъ геній культуры и того ученія, которое вскорѣ было названо «либерализмомъ»,— эта знаменитая женщина-ораторъ, публицистъ, философъ и романистъ, такая же властительница думъ, какъ Байронъ, съ которымъ она и раздѣляла славу, въ 1813 году, среди лондонскаго общества.

Госпожа Сталь не по своей волѣ побывала въ Россіи. Весной 1812 году ей стало невыносимо жить въ собственномъ имѣніи, въ Швейцаріи: префектъ слишкомъ усердствовалъ въ надзорѣ за ней, такъ какъ его предшественникъ слетѣлъ съ мѣста именно за «ослабленіе». Съ трудомъ удалось госпожѣ Сталь бѣжать, обманувъ бдительность своего аргуса. Съ трепетомъ ѣхала она до Вѣны, ожидая на каждомъ шагу погони отъ владыки Европы. Но и здѣсь не было покоя: Австрія ополчилась за одно съ Наполеономъ противъ Россіи. Госпожа Сталь возлагала всѣ свои надежды на царя, на этого рыцаря характеромъ, друга либерализма и тогда единственнаго противника Наполеона на материкѣ. Госпожа Сталь не оши-

блать. Она говоритъ: «Къ счастью, я прибыла въ Вѣну за два часа до того времени, когда русскій посланникъ, графъ Штакельбергъ, отправлялъ курьера въ Вильну, гдѣ находился тогда императоръ Александръ. Г. Штакельбергъ, обходившійся со мной съ благородною снисходительностью, которая составляетъ одну изъ лучшихъ чертъ его нрава, написалъ съ этимъ курьеромъ, чтобы дали мнѣ паспортъ, и увѣрилъ меня, что черезъ три недѣли я могу получить отвѣтъ».

Друзья увѣрили изгнанницу, что она можетъ выждать въ Вѣнѣ. Дней десять ей было хорошо, тѣмъ болѣе, что настроеніе общества подходило къ ея собственнымъ мыслямъ. «Австрійское правительство,—говоритъ она,—заключило союзъ съ Наполеономъ безъ поддержки общественнаго мнѣнія. Вѣдь видимою цѣлью войны было возстановленіе Польши: какимъ же образомъ вело бы эту войну государство, которое крѣпче, чѣмъ когда либо, держало въ своихъ рукахъ треть Польши? Правительству пришлось бы говорить собственнымъ подданнымъ въ Галиціи: «запрещаю вамъ раздѣлять поддерживаемое мною мнѣніе». Какая метафизика!»

Эта метафизика была затѣмъ примѣнена къ самой непрошенной гостьѣ: весь дворъ, начиная съ императора, обходился съ нею отчужденно (благо, французскаго посланника не было тогда въ Вѣнѣ), а полиція открыто и назойливо слѣдила за каждымъ ея шагомъ.

Госпожа Сталь поспѣшила уѣхать, не дождавшись русскаго паспорта: вѣдь, выдай ее императоръ Францъ—и ей грозила вѣчная тюрьма, что горше смерти для такой высоко-развитой и крайне общительной натуры. Тяжело было путешествіе по Галиціи, среди «евреевъ-торгашей, поляковъ-нищихъ, нѣмцевъ-шпіоновъ и русскихъ крестьянъ, лобызающихъ ноги у встрѣчныхъ господъ». Особенно была отвратительна грубость трусливыхъ чиновниковъ, которую превосходила развѣ только «крайняя глупость» полиціи: по улицамъ городовъ, на зданіяхъ полиціи висѣли объявленія аршинными буквами о строгомъ надзорѣ за госпожой Сталь... «Это,—говоритъ она,—напомнило мнѣ г. Сартина, который предлагалъ одѣть шпіоновъ въ ливреи». Наконецъ, русскій паспортъ былъ полученъ на дорогѣ; и 14-го іюля, въ день взятія Бастиліи, госпожа Сталь вступила въ предѣлы Россіи.

II.

Русскіе на Западѣ.

Госпожа Сталь попала въ Россію по необходимости, какъ бѣглянка. Врядъ ли пожелала бы она посѣтить ее нарочно. Извѣстно, какими красками описывалась тогда эта «варварская» страна въ западной печати, которая черпала свои свѣдѣнія главнымъ обра-

зомъ у французовъ, пользовавшихся у насъ особеннымъ вниманіемъ. Сама госпожа Сталь такъ выражается о Россіи въ своихъ «Мысляхъ о французской революціи»: «Это страна мало извѣстная. Народъ ея подвергался наблюденіямъ лишь въ лицѣ немногихъ царедворцевъ, недостатки которыхъ тѣмъ крупнѣе, чѣмъ неограниченнѣе власть государя». Именно изъ подобныхъ наблюденій дѣлали свои выводы такіе пресловутые мемуаристы, какъ Сегюръ и Массонъ, подолгу жившіе въ Россіи. Ихъ свѣдѣнія добавлялись такими же односторонними знатоками дѣла, поляками, которыми руководило еще ощущение свѣжей національной раны.

Для госпожи Сталь существовалъ еще одинъ источникъ, самый важный и достовѣрный, который лишь недавно открылся для насъ: это — хранящіяся въ архивахъ донесенія иностранныхъ дипломатовъ изъ Петербурга. Особенно интересны были, конечно, донесенія французскихъ посланниковъ; и они подтверждали свѣдѣнія другихъ источниковъ, такъ какъ ихъ авторы вращались въ томъ же высшемъ кругу ¹⁾.

Г-жа Сталь знала, что пишутъ дипломаты: ея салонъ былъ ихъ домашнимъ очагомъ; ея мужъ былъ шведскій посланникъ въ Парижѣ. Она могла даже провѣрять портреты съ подлинниками: въ Парижѣ толкалось много русскихъ баръ; и они считали первымъ долгомъ удостоиться чести посѣтить первую въ мірѣ гостиную. Еще дѣвушкой встрѣчала она у маршалши Ноайль, наперсницы С. Мартена, Голицыныхъ, которые тамъ и обратились въ мистичесизмъ. Въ перепискѣ ея друзей нерѣдко упоминается другой русскій баринъ, того же мистическаго пошиба, Балкъ, который оказалъ ей мелкія услуги, когда Наполеонъ запретилъ ей книгу «О Германіи». Г-жа Сталь была очарована его «восточнымъ воображеніемъ» и «евангелическими крыльями», и одно время питала къ нему «такую нѣжную дружбу, что считали ее сверхъестественной». Впрочемъ, это не мѣшало ей ядовито замѣчать, что русскіе бары, какъ и нѣмецкіе аристократы, считаютъ ее пропащею за то, что она сочиняетъ книги.

Въ Женевѣ, у знаменитаго историка Гиббона, г-жа Сталь встрѣчала Бобринскаго, который считался сыномъ Екатерины II. Она много слыхала про самую императрицу, которая также слѣдила за ней и осуждала ея бракъ ²⁾. Она ставила ее низко, какъ женщину, но высоко, какъ правительницу, которая «умѣрила не ею созданный абсолютизмъ». Вотъ какъ тепло вспоминаетъ она о ней въ своемъ «Десятилѣтїи изгнанія»: «Все, что узнаешь про нее, какъ про государыню, возбуждаетъ удивленіе. Русскіе едва ли не обя-

¹⁾ О значеніи этого рода свѣдѣній о великосвѣтскихъ нравахъ Россіи временъ Наполеона I можно судить по выше названному нашему изданію. См. особенно т. I, примѣчаніе 153.

²⁾ Сборникъ Русскаго историческаго общества, XXIII, 370.

заны ей больше, чѣмъ Петру I, тою счастливою увѣренностью въ своей непобѣдимости, которая столько содѣйствовала ихъ успѣхамъ. Женская прелесть сглаживала силу власти; и поклоненіе ея успѣхамъ скрашивалось рыцарскимъ служеніемъ дамѣ. Екатерина II въ высшей степени обладала здравымъ смысломъ управленія. Больше блестящій умъ менѣе походилъ бы на генія. Ея крѣпкій разумъ внушалъ глубокое уваженіе этимъ русскимъ, которые не довѣряютъ собственному воображенію и желаютъ, чтобы его направляли съ благоразуміемъ».

Еще больше знала г-жа Сталь о Павлѣ I. Дѣвушкой встрѣтила она его (тогда еще наследника русскаго престола) съ супругой въ салонѣ своего отца, подѣ видомъ «сѣвернаго графа». Затѣмъ она изумлялась его правленію, конечно, негодуя на его дружбу съ Бонапартомъ. «Въ его душѣ было что-то рыцарское, — говоритъ она. — Счастье Бонапарта, что онъ встрѣтилъ вѣнценосную голову, которую такъ легко было вскружить, въ которой насиліе совмѣщалось со слабостью. Онъ очень сожалѣлъ о Павлѣ I, ибо никого не могъ онъ обманывать такъ хорошо».

Г-жа Сталь задумывалась о Россіи еще по поводу Польши, которой она не разъ касалась въ своихъ сочиненіяхъ. Въ «Десятилѣтніи изгнанія» сказано: «Среди націй, которыхъ Бонапартъ увлекаетъ за собой, одни поляки возбуждаютъ интересъ. Имъ, я думаю, извѣстно не хуже насъ, что они — лишь предлогъ къ войнѣ, и что императоръ (Наполеонъ) вовсе не озабоченъ ихъ независимостью. Сколько разъ онъ не могъ удержаться, чтобы не выразить Александру I своего презрѣнія къ Польшѣ за то только, что она желаетъ быть свободной! Но ему выгодно выдвигать ее впередъ противъ Россіи». Тотчасъ послѣ поѣздки въ Россію, г-жа Сталь писала, что важнѣе всего отвлечь поляковъ отъ Наполеона, такъ какъ они одни искренни и потому опасны. Она просила друзей внушать Александру, чтобы онъ возстановилъ Польшу, провозгласивъ себя ея королемъ, такъ какъ націю всегда нужно уважать, и только національный духъ освободить Европу.

Г-жа Сталь увлекалась Александромъ I не только какъ врагомъ Наполеона: она всегда возлагала большія надежды на него, какъ на благородную и свободомыслящую личность. Въ 1814 г. она писала въ Лондонъ: «Что за человѣкъ этотъ русскій императоръ. Безъ него у насъ не было бы ничего похожаго на конституцію: онъ хочетъ видѣть ея провозглашеніе». Ея довѣріе къ нему не ослабло даже послѣ Ватерлоо, когда одна пріятельница указывала ей на зловѣщее вліяніе г-жи Крюденеръ, этой наперсницы Голицыныхъ. Г-жа Сталь отвѣчала ей любопытнымъ для нашей исторіи письмомъ ¹⁾, въ которомъ говорилось: «Императоръ возбуждаетъ

¹⁾ M-me de Staël à m-me de Gérando, 27 septembre, 1815. *Baron de Gérando, Lettres inédites.*

во мнѣ искреннее удивленіе. Если его не восхваляютъ по заслугамъ, то это оттого, что любезныя ему либеральныя мысли имѣютъ мало приверженцевъ въ салонахъ. Я страстно стремлюсь ко всему, чтò можетъ поднять этого человѣка, такъ какъ онъ представляется мнѣ знаменіемъ Провидѣнія для спасенія свободы, которой угрожаютъ опасности со всѣхъ сторонъ... Какое выгодное положеніе у императора Александра: встать во главѣ двойственнаго развитія человѣчества—одухотворенной религіи и представительнаго правленія!». А незадолго до своей смерти г-жа Сталь писала снова въ томъ же духѣ: «Представительное правленіе, религіозная терпимость, улучшеніе человѣческаго рода посредствомъ свободы и христіанства—все это не было химерой въ его глазахъ».

Г-жа Сталь умерла рано (1817 г.), чтобы не разочароваться. Убѣждая Веллингтона, передъ своею смертію, сократить срокъ занятія Франціи иностранными войсками, она сказала: «Англіи слѣдовало бы примкнуть къ либеральнымъ воззрѣніямъ императора Александра». Каннингъ горячо возразилъ: «Императора Александра сбиваютъ съ толку, чтобы онъ измѣнилъ своему долгу: императоръ Александръ—якобинецъ!».

Если бы мертвые могли говорить, г-жа Сталь, конечно, признала бы однимъ изъ лучшихъ вѣнковъ на своей могилѣ слѣдующія строки, написанныя Александромъ I ея сыну, въ благодарность за поднесеніе ея «Мыслей о французской революціи»: «Тутъ краснорѣчивое и по заслугамъ знаменитое перо взялось защищать начала, провозглашенныя нашимъ вѣкомъ... Я счелъ бы себя счастливымъ, если бы къ сознанію, что я желалъ добра, я могъ присоединить увѣренность, что и дѣлалъ его».

Съ такими-то свѣдѣніями и понятіями о Россіи и русскихъ явилась г-жа Сталь въ нашемъ отечествѣ.

III.

Украина и Москва.

Сначала перомъ нашей гостьи водило радостное сознаніе свободы отъ гоненій да чувство «признательности» къ народу, который именно тогда принималъ на свою грудь удары ея врага. Эта имперія, «столь ложно называемая варварскою», показалась ей даже «самымъ свободнымъ государствомъ въ Европѣ, чуть не республикой». Г-жа Сталь и ея спутники не знали ни слова порусски: они говорили даже языкомъ жестокаго врага Россіи. Прямой путь къ Петербургу уже былъ занятъ арміями: пришлось дать большой крюкъ, тащиться на Москву. И «никакое преслѣдованіе, никакое стѣсненіе ни на минуту не задержали иностранца путешествен-

ника: такъ велико въ Россіи гостепріимство дворянъ и народа!» Мало того, «многіе окрестные помѣщики являлись къ ней въ гостинницы съ любезностями за ея сочиненія». Замѣтимъ, что губернаторъ провинціи, Милорадовичъ, окружалъ г-жу Сталь самою любезною заботливостію, а народу въ этой пустынѣ было не до нея при тогдашнемъ переполохѣ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше мѣнялись впечатлѣнія. Даже Украина показала путешественницѣ «страною вовсе непріятною» послѣ Франціи и Швейцаріи. Самый Кіевъ она приняла нето за ряды лагерныхъ палатокъ, нето за кучи переносныхъ жилищъ татаръ: тамъ «дома строятъ въ нѣсколько дней; зачастую пожаръ истребить ихъ, и посылаютъ въ лѣсъ за домомъ, какъ ходятъ на рынокъ дѣлать запасы провизіи на зиму». Извѣстно, какъ долго даже въ Москвѣ существовалъ обычай покупать избы на рынкѣ: въ древней Руси онѣ назывались «скородомами». Если бы Наполеонъ зналъ это, онъ не изумлялся бы «варварству» русскихъ, сжегшихъ свою столицу: гдѣ цивилизація слаба, тамъ самая жизнь копейка. Отсюда эта отчаянная, дикая храбрость, которой не могли понять какъ г-жа Сталь, такъ и ея гонитель. Теперь Украина не та; но намъ невольно припоминаются впечатлѣнія наблюдательнаго англичанина Стеда, которому поселки въ Бѣлоруссіи показались «стадами черныхъ барановъ».

Не увлеклась наша гостыя и малороссами, во внѣшности которыхъ, особенно въ нарядѣ, она увидала «что-то азіатское». Да она мало и видѣла ихъ: она изумлялась, кто убиралъ эти необовримыя пажити: «такъ рѣдки жилища и селенія». Такою же скудостью жизни истомила ее природа: «Хотя меня везли очень быстро,—говорить она,—мнѣ все казалось, что я не подвигаюсь: до того страна была однообразна... Въ Россіи такой просторъ, что тутъ все теряется, даже населеніе. Можно подумать, что ѣдешь по странѣ, которую только что покинулъ народъ. Отсутствие птицъ усиливаетъ эту молчаливость».

Г-жа Сталь была поражена своеобразиемъ Москвы, какъ громадной и, главное, пестрой деревни. «Въ этомъ обширномъ мѣстѣ отражается разнообразіе нравовъ и народовъ, составляющихъ Россію. Въ этомъ огромномъ городѣ соединяются Азія съ Европой. Здѣсь больше свободы, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ по необходимости сказывается сильное вліяніе двора. Большіе бары, поселившіеся въ Москвѣ, не ищутъ мѣсть; но они проявляютъ свой патріотизмъ крупными пожертвованіями — въ мирное время на общественныя заведенія, въ военное — на нужды арміи. Громадныя состоянія большихъ баръ тратятся на разныя собранія, затѣи, празднества, образцы которыхъ въ «Тысячѣ и одной ночи»; но весьма часто они погибаютъ отъ необузданныхъ страстей своихъ обладателей. Когда я проходила мимо этихъ дворцовъ, окруженныхъ садами и захваты-

вающихъ въ городѣ столько мѣста, сколько въ иныхъ странахъ занимаютъ деревни, мнѣ говорили, что владѣлецъ вотъ этого величественнаго зданія только что далъ государству тысячу крестьянъ, а вонъ того—двѣсти. Мнѣ трудно было свыкнуться съ этимъ выраженіемъ—давать людей; но крестьяне горячо предлагали сами

Г-жа Сталь.

себя: въ этой войнѣ господа были лишь истолкователями ихъ чувствъ».

Въ данномъ случаѣ г-жа Сталь не догадалась, что изумившее ее явленіе объясняетъ, каково жилось закрѣпощенной массѣ. Но въ другомъ мѣстѣ, обрисовавъ нравъ русскихъ, она прибавила: «Но, скажутъ, народъ въ рабствѣ: какой же можетъ быть у него характеръ?». При этомъ она поспѣшила заявить: «всѣ образованные

люди желаютъ, чтобы русскій народъ вышелъ изъ этого состоянія и, быть можетъ, императоръ Александръ желаетъ этого больше всѣхъ».

Чѣмъ-то азіатскимъ повѣяло на нашу гостью отъ многихъ барскихъ домовъ, церквей и отъ самаго Кремля. Она замѣчаетъ: «Нѣкоторые изъ дворцовъ деревянные; они построены на скорую руку, чтобы легкой смѣной жилищъ удовлетворяютъ естественному у русскихъ непостоянству во всемъ, кромѣ религіозности и любви къ отечеству. Многія изъ этихъ прекрасныхъ зданій построены для одного праздника, ради блеска одного дня... Множество домовъ выкрашено въ зеленый, желтый, розовый цвѣта и испещрены ваяніемъ, словно десертныя украшенія». Въ глазахъ г-жи Сталь и торговля Москвы «носила азіатскій отпечатокъ».

IV.

Московскіе бары, французская знаменитость и Пушкинъ.

Говоря о московскихъ впечатлѣніяхъ г-жи Сталь, нельзя воздержаться отъ желанія провѣрить ихъ однимъ замѣчательнымъ свидѣтельствомъ изъ русской среды. Оно тѣмъ драгоцѣннѣе, что дополняетъ ихъ, раскрывая другую сторону дѣла. Въ высшей степени любопытно и поучительно знать, какое впечатлѣніе произвела знаменитая гостья на хозяевъ, на самихъ этихъ «большихъ баръ», сейчасъ описанныхъ ею.

Мы счастливы тѣмъ, что представляемое нами свидѣтельство дышитъ тою жизненною правдой, которую способны улавливать только великіе художники. Читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы напомнимъ ему одну бытовую картинку, набросанную перомъ такого художника. Ктому же эти строки, напоминающія такой мастерской исторической романъ, какъ Капитанская дочка, до сихъ поръ не привлекали къ себѣ должнаго вниманія общества и критики, такъ какъ это лишь небольшой отрывокъ изъ своего рода Войны и мира.

Вотъ что рассказываетъ Пушкинъ, съ свойственной ему простотой, о пребываніи г-жи Сталь въ Москвѣ, отъ лица очевидца, подруги той Полины, которая обратила на себя особое вниманіе французской знаменитости ¹⁾.

«Она пріѣхала лѣтомъ, когда большая часть московскихъ жителей разъѣхалась по деревнямъ. Русское гостепримство засуеилось, не зная, какъ угостить славную иностранку. Разумѣется, да-

¹⁾ Рославлевъ Пушкина, въ его сохранившемся видѣ, посвященъ главнымъ образомъ пребыванію г-жи Сталь въ Москвѣ.

вали ей обѣды. Мужчины и дамы съѣзжались поглядѣть на нее и были по большей части недовольны ею. Они видѣли въ ней пятидесятилѣтнюю толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ. Тонъ ея не нравился, рѣчи показались слишкомъ длинны и рукава слишкомъ коротки. Отецъ Полины, знавшій m-me de Staël еще въ Парижѣ, далъ ей обѣдъ, на который скликалъ всѣхъ нашихъ московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла я сочинительницу Корины. Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ духѣ; нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру и, казалось, были гораздо болѣе довольны ухото князя, нежели бесѣдою m-me de Staël. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожности своихъ мыслей и оробѣвшіе въ присутствіи европейской знаменитости. Во все время обѣда Полина сидѣла, какъ на иголкахъ. Вниманіе гостей раздѣлено было между блюдами и m-me de Staël. Ждали отъ нея поминутно bon mot; наконецъ вырвалось у ней двусмысліе, и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шепотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину: лицо ея пылало, и слезы показались на ея глазахъ. Гости вышли изъ-за стола, совершенно примиренные съ m-me de Staël. Она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

— «Что съ тобой сдѣлалось, ma chère?—спросила я Полину:—неужели шутка немножко вольная могла до такой степени тебя смутить?»

— «Ахъ, милая,—отвѣчала Полина:—я въ отчаяніи! Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ. Тупыя лица, тупая важность... и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что могли понять эти обезьяны просвѣщенія, и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились... Я сгорѣла со стыда, я готова была заплакать... Но пускай,—съ жаромъ продолжала Полина,—пускай она вывезетъ о нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго они достойны. По крайней мѣрѣ она видѣла нашъ добрый, простой народъ и понимаетъ его. Ты слышала, что сказала она дядюшкѣ, этому старику, несносному шуту, который, изъ угожденія иностранкѣ, вздумалъ было смѣяться надъ русскими бородами? «Народъ, который тому сто лѣтъ отстоялъ свою бороду, отстоять въ наше время и свою голову». Какъ она мила! Какъ я люблю ее! Какъ ненавижу я гонителя!..

.....

«Никогда Полина не объясняла мнѣ своихъ сношеній съ m-me de Staël, не смотря на все мое любопытство. Она была безъ памяти отъ славной женщины, столь же добродушной, какъ и гениальной.

«До чего доводитъ охота къ злословію! Недавно рассказывала я все это въ одномъ очень порядочномъ обществѣ. «Можетъ быть, — замѣтили мнѣ, — m-me de Staël была не что иное, какъ шпионъ Наполеоновъ, а княжна ** доставляла ей нужныя свѣдѣнія».

— «Помилуйте, — сказала я: — m-me de Staël, десять лѣтъ гонимая Наполеономъ, благородная, добрая m-me de Staël, насилу убѣжавшая подъ покровительство русскаго императора, m-me de Staël, другъ Шатобриана и Байрона, m-me de Staël будетъ шпиономъ у Наполеона!..

— «Очень, очень можетъ статья, — возразила мнѣ востроносая графиня Б. — Наполеонъ былъ такая бестія, а m-me de Staël претонкая штука».

Приведенный отрывокъ изъ Рославлева имѣетъ еще одно значеніе для насъ. Въ немъ Пушкинъ, устами героини своего разсказа, выразилъ собственный взглядъ на г-жу Сталь. Въ этомъ не можетъ сомнѣваться никто, потому что кто же незнакомъ съ общимъ міросозерцаніемъ нашего поэта? Но для большей убѣдительности наведемъ еще одну историческую справку, тѣмъ болѣе умѣстную, что она непосредственно касается предмета нашей статьи.

Глубокая идея, положенная въ основаніе Рославлева, выхвачена изъ жизни: оттого этотъ маленькій отрывокъ очаровываетъ, помимо своей художественности, такою горячею искренностью. Рославлевъ написанъ въ то время, когда еще не разсѣялась атмосфера того особаго рода патріотизма, подмѣченнаго и г-жею Сталь, который былъ возбужденъ бѣдствіями Отечественной войны. Лѣтъ за шесть передъ тѣмъ эта атмосфера была возмущена только что вышедшею тогда книжкой, составляющею содержаніе нашего очерка. Въ пресловутомъ «Сынѣ Отечества» появился пасквиль на Десятилѣтіе изгнанія. Автору очевидно было мало большой вѣжливости со стороны иностранной гостыи: ему хотѣлось, чтобы она похолопствовала передъ гостепріимными хозяевами за одну только тарелку щей, да и ту не безъ перца. Пасквилянтъ набросился на всю французскую націю съ избитыми фразами объ ея «вѣтrenomъ легкомысліи» и т. под. Онъ припелъ сюда и «барыню» Сталь, поставивъ ее въ разрядъ «щепетильныхъ французиковъ», набѣжавшихъ въ Россію покориться.

Благородная душа Пушкина не могла стерпѣть такого срама. Въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1825 г.) появился его протестъ, по обыкновенію краткій, мѣткій, злой и искренній, но въ вѣжливой формѣ, какъ умѣлъ писать Пушкинъ и какъ мы не умѣемъ теперъ писать. Здѣсь сказано, между прочимъ:

«Изъ всѣхъ сочиненій г-жи Сталь книга Десятилѣтнее изгна-

не должна была преимущественно обратить на себя вниманіе русскихъ. Взглядъ быстрый и пронизательный, замѣчанія разительныя по своей новости и истинѣ, благодарность и доброжелательство, водившія перомъ сочинительницы,—все приноситъ честь уму и чувствамъ необыкновенной женщины. Вотъ что сказано объ ней въ одной рукописи: «Читая ея книгу *Dix ans d'exil*, можно видѣть ясно, что, тронутая ласковымъ приѣмомъ русскихъ бояръ, она не высказала всего, что бросилось ей въ глаза»... Эта снисходительность именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россію, какъ священное убѣжище, какъ семейство, въ которое она была принята съ довѣренностью и радушіемъ. Исполняя долгъ благороднаго сердца, она говоритъ объ насъ съ уваженіемъ и скромностью, съ полнотою душевною хвалить, порицаетъ осторожно, не выносить сора изъ избы. Будемъ же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славную память, какъ она почтила гостепріимство наше... О сей барынѣ должно было говорить языкомъ вѣжливымъ образованнаго человѣка. Эту барыню удостоилъ Наполеонъ гоненія, монархи—довѣренности, Европа—своего уваженія, а г. Мухановъ—журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной».

«Уважень хочешь быть, умѣй другихъ уважить».

V.

Петербургъ и императоръ Александръ I.

Петербургъ еще болѣе поразилъ г-жу Сталь азіатскою пышностью: тамъ жили настоящіе вельможи, стоявшіе у власти. Она яркою кистью описываетъ знаменитые тогда «острова», носившіе даже имена вельможъ (теперь Каменный, Крестовскій и др.), — эти роскошныя дачи, гдѣ прохлаждался лѣтомъ сановный людъ, увиваясь вокругъ милостиво-любезной императорской четы.

Разсказавъ объ «Островѣ Орлова», она такъ рисуетъ «Островъ Строганова», столь типичный для нравовъ нашего «свѣта» того времени. «Богатый владѣлецъ привезъ изъ Греціи очень дорогія древности. Его домъ былъ открытъ каждый день до конца его жизни; и кто былъ представленъ ему, тотъ могъ всегда приходиться туда. Онъ никого не приглашалъ обѣдать или ужинать тогда-то: было установлено, что кто разъ былъ допущенъ, тотъ всегда встрѣтитъ хорошій приѣмъ. Часто онъ не зналъ и половины обѣдавшихъ у него; но это щегольство гостепріимствомъ нравилось ему, какъ всякая роскошь. Въ Петербургѣ во многихъ домахъ подобный обычай».

Петербургъ все-таки былъ пріятнѣе нашей гостѣ, чѣмъ Москва: онъ былъ понятнѣе, ближе къ Западу. Она обрадовалась, какъ дитя, завидѣвъ на Невѣ англійскій флагъ, этотъ «знакъ свободы». Она лично узнала государя, о которомъ столько слыхала, какъ о человѣкѣ не только не азиатскомъ, но болѣе европейскомъ, чѣмъ многіе европейцы. Въ ея книгѣ посвящена «императорской фамилии» цѣлая глава, любопытная не только относительно описанія, но и мыслей.

«Наконецъ,—говоритъ она,—я увидѣла этого монарха, самодержавнаго по законамъ и правамъ страны и столь умѣреннаго по своимъ собственнымъ склонностямъ... Что прежде всего поразило меня въ немъ, это—такое выраженіе доброты и достоинства, что эти два качества словно неразрывны въ немъ, слиты воедино. Меня также очень тронула благородная простота, съ которой онъ съ первыхъ словъ коснулся военного положенія Европы. Мнѣ всегда казался признакомъ посредственности этотъ страхъ обсуждать серьезные вопросы, который внушенъ большей части европейскихъ монарховъ: они боятся сказать слово, имѣющее дѣйствительный смыслъ. Императоръ Александръ, напротивъ, бесѣдовалъ со мной, какъ государственные люди Англии, полагающіе силу въ себѣ самихъ, а не въ оплотахъ, которыми можно окружать себя. Императоръ Александръ, котораго Наполеонъ старался представить въ ложномъ свѣтѣ, человѣкъ замѣчательно умный и свѣдущій; и не думаю, чтобы въ его имперіи нашелся министръ сильнѣе его въ пониманіи и направленіи дѣлъ. Онъ не скрывалъ предо мной, что сожалѣетъ, зачѣмъ подчинялся очарованію въ своихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ. Дѣдъ Александра также питалъ очень восторженные чувства къ Фридриху II».

«Есть всегда благородное побужденіе въ этихъ увлеченіяхъ, внушаемыхъ необыкновеннымъ человѣкомъ, какія бы ни проистекали отсюда ошибки. Впрочемъ, императоръ Александръ съ большою проницательностью обрисовалъ впечатлѣніе, которое производили на него эти бесѣды съ Бонапартомъ, говорившимъ самыя противоположныя вещи—словно всякій долженъ былъ изумляться каждому его слову, не обращая вниманія на противорѣчія. Онъ разсказалъ мнѣ также объ урокахъ макиавелизма, которые Наполеонъ счелъ приличнымъ преподать ему. «Смотрите,—говорилъ онъ ему,—какъ я стараюсь ссорить между собой моихъ министровъ и генераловъ, чтобы они взаимно раскрывали свои провинности. Я поддерживаю вокругъ себя вѣчную ревность моимъ обращеніемъ съ приближенными: сегодня одинъ считаетъ себя предпочтеннымъ, завтра—другой, и никогда никто не можетъ быть увѣренъ въ моей милости». Какая обиходная и ложная теорія! И неужели не найдется болѣе высокой личности, чтобы доказать этому человѣку всю ея бесполезность? Для святаго дѣла нравственности необ-

ходимо, чтобы она блестящимъ образомъ служила великому успѣху въ свѣтѣ; кто чувствуетъ все достоинство этого дѣла, тотъ съ наслажденіемъ пожертвуетъ ему всякимъ успѣхомъ. Но нужно еще дать понять этимъ гордецамъ, усматривающимъ глубокомысліе въ порокахъ, что если иногда бываетъ умъ въ безнравственности, зато гений присутствуетъ только въ добродѣтели.

«Увѣрившись въ искренности императора Александра въ его сношеніяхъ съ Наполеономъ, я убѣдилась въ то же время, что онъ не послѣдуетъ примѣру несчастныхъ монарховъ Германіи и не заключитъ мира съ врагомъ народовъ и королей. Благородную душу не обмануть дважды одному и тому же лицу. Александръ крайне осмотрительно удостоиваетъ своего довѣрія и лишаетъ его. Въ началѣ царствованія только юность да внѣшніе успѣхи могли давать поводъ заподозрѣвать его въ легкомысліи; но онъ серьезенъ, какъ только можетъ быть серьезенъ человѣкъ, испытавшій несчастіе. Александръ высказалъ мнѣ свое сожалѣніе, что онъ не великій полководецъ. Я отвѣчала на эту благородную искренность, что монарховъ меньше, чѣмъ генераловъ, и что поддерживать духъ націи своимъ примѣромъ значитъ выиграть самое важное сраженіе, которое было бы притомъ первымъ въ своемъ родѣ. Императоръ съ восторгомъ говорилъ мнѣ о своемъ народѣ и о томъ, на что онъ способенъ. Онъ выразилъ всѣмъ извѣстное свое желаніе улучшить участь крестьянъ, еще находящихся въ рабствѣ.

«Государь,—сказала я ему,—вашъ характеръ служитъ конституціей для вашей имперіи, и ваша совѣсть порукой въ томъ».— «Еслибъ и такъ,—возразилъ онъ:—все-таки я былъ бы не болѣе, какъ счастливымъ случаемъ». Прелестныя слова! И, я думаю, такіа слова были впервые произнесены самодержавнымъ монархомъ».

Въ другомъ мѣстѣ своей книжки г-жа Сталь говоритъ: «Наполеонъ ошибся въ Александрѣ: онъ принялъ его благородство за плутовство. Онъ не замѣтилъ, что если русскій императоръ слишкомъ увлекался имъ, то лишь потому, что считалъ его приверженцемъ первыхъ основъ французской революціи, которыя согласуются съ его собственными взглядами; но Александръ никогда не думалъ присоединяться къ Наполеону для пораженія Европы».

VI.

Основные черты казенной и общественной Россіи.

Рожденная публицистка, свидѣтельница столькихъ переворотовъ въ своемъ отечествѣ, г-жа Сталь не разъ возвращается къ размышленіямъ о правительственной машинѣ въ такой чудной въ ея глазахъ странѣ, какъ Россія. Тутъ-то была высказана новая мысль,

которая надѣлала тогда не мало шума: «Твердятъ, будто въ Европѣ лишь въ послѣднее время потребовали свободы: скорѣе наоборотъ. Даже въ Россіи рабство крестьянъ введено лишь въ XVI в. До Петра I формула всѣхъ указовъ была такова: бояре придумали, царь приказалъ. Петръ I, сдѣлавшій, правда, безконечно много добра Россіи, унижилъ вельможъ и совмѣстилъ въ себѣ всю свѣтскую и духовную власть, чтобы не было препятствій его замысламъ. То же дѣлалъ Ришелье во Франціи: оттого Петръ I восторгался имъ»...

Зрѣлище гробницъ въ Петропавловскомъ соборѣ вызвало г-жу Сталь на рядъ глубокихъ соціологическихъ размышленій. Болѣе всего занимала ее ходячая мысль гуманистовъ XVI вѣка и энциклопедистовъ, выраженная ею еще раньше такъ: «необразованныя націи не знаютъ свободы; но у нихъ очень часто мѣняются правители». Но изъ сочиненія г-жи Сталь о революціи видно, что она не считала возможнымъ измѣнить судьбу Россіи. Вотъ это любопытное мѣсто: «Благодаря просвѣщенной мудрости нынѣшняго монарха, въ Россіи постепенно совершаются всевозможныя улучшенія. Нѣтъ ничего нелѣпѣе рѣчей, повторяемыхъ тѣми, которые боятся образованности Александра. «Почему—говорятъ они,—этотъ императоръ, которымъ такъ восторгаются друзья свободы, не вводитъ у себя конституціоннаго правленія, которое онъ совѣтуетъ завести у себя другимъ странамъ?». Одна изъ 1001 хитростей враговъ человѣческаго разума: это—стараться помѣшать возможному и желательному у одной націи, требуя невозможнаго и нежелательнаго для другой. Въ Россіи нѣтъ еще третьяго сословія какъ же создается въ ней представительное правленіе? Почти совсѣмъ нѣтъ посредствующаго класса между боярами и народомъ. Можно бы возвеличить политически вельможъ, разрушая дѣло Петра I. Но это значило бы пятиться назадъ, а не идти впередъ: власть императора, при всемъ ея нынѣшнемъ абсолютизмѣ, есть общественное улучшеніе въ сравненіи съ тѣмъ, что была прежде русская аристократія». Затѣмъ указывается на 36 религій и народовъ въ Россіи, «не соединенныхъ, а разбросанныхъ по громадному пространству», да на «недостатокъ сосредоточеннаго просвѣщенія и людей, которые могли бы двигать учрежденіями». Отсюда выводъ: «единственная связь, соединяющая почти кочевые народы, дома которыхъ походятъ на деревянные бараки въ полѣ, это—почитаніе монарха, да національная гордость; съ теченіемъ времени разовьются и другія связи».

«Въ Россіи нѣтъ еще третьяго сословія»: это—весьма мѣткое наблюденіе. Но гораздо изумительнѣе, что залетная гостья могла замѣтить нѣчто почти неуловимое въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ разборъ общественнаго строя незнакомой и мало развитой страны. Хотя она говорила про «большихъ баръ» да про «рабовъ», однако отъ ея геніальнаго взора не укрылось значеніе разночинца, кото-

рое становится явнымъ лишь въ наше время. Вотъ ея весьма интересныя слова: «Средняго сословія нѣтъ въ Россіи, и это большая помѣха развитію наукъ и искусствъ. Но оно начинаетъ образовываться: дѣти священниковъ и купцовъ, нѣкоторые крестьяне, получившіе свободу отъ своихъ господъ, чтобы стать артистами, могутъ считаться какъ бы третьимъ сословіемъ въ государствѣ»... Г-жа Сталь вѣрно подмѣтила даже характеръ этого общественнаго зародыша. «Въ странѣ со столь юной цивилизаціей,—говоритъ она,—посредствующій классъ не имѣетъ ни простоты крестьянъ, ни величія бояръ. И нѣтъ еще общественнаго мнѣнія, которое сдерживало бы этотъ третій классъ, который существуетъ еще такъ недавно и утратилъ наивность престонародной честности, не приобрѣта чувства чести».

Послѣ такихъ проявленій проницательности уже менѣе удивительно, что г-жа Сталь, среди окружавшаго ее блеска и лести, замѣтила «недостатокъ просвѣщенія». Ее, конечно, возили по нашимъ пышнымъ казеннымъ заведеніямъ, гдѣ ей былъ подготовленъ царскій пріемъ. Восхваливъ, какъ подобаешь такой почетной гостѣ, роскошную внѣшность Екатерининскаго института, она сдѣлала такія поучительныя замѣчанія: «Всѣ эти заведенія, конечно, полезны; ихъ можно упрекнуть только въ излишнемъ блескѣ. По крайней мѣрѣ слѣдовало бы основать въ различныхъ мѣстахъ имперіи не столь выхоленные школы, но заведенія, которыя давали бы народу первоначальныя знанія. Въ Россіи все начиналось съ роскоши: крыша, такъ сказать, строилась раньше фундамента. Въ Россіи два только большихъ города: Петербургъ да Москва. Остальные врядъ ли заслуживаютъ упоминанія, да они и разбросаны далеко другъ отъ друга. Даже усадьбы большихъ баръ такъ отдалены другъ отъ друга, что ихъ владѣльцы съ трудомъ сообщаются между собой. Наконецъ, жители такъ раскинуты въ этой имперіи, что знанія однихъ не могутъ приносить пользы другимъ. Крестьяне считаютъ лишь съ помощью счетной машины (счеты); къ ней прибѣгаютъ даже почталыоны. Греческіе попы гораздо менѣе свѣдущи, чѣмъ католическіе священники, не говоря уже о протестантскихъ пасторахъ: духовенство на Руси не въ состояніи обучать народъ, какъ въ другихъ странахъ Европы. Связью народу служатъ религія да патріотизмъ. Но нѣтъ очага просвѣщенія, откуда лучи могли бы разливаться на всѣ части имперіи: двѣ столицы еще не могутъ передать провинціямъ то, чтѣ скопили онѣ по части литературы и искусства. Если бы эта страна могла наслаждаться миромъ, она воспользовалась бы всякаго рода улучшеніями въ благотворное царствованіе Александра. Но вопросъ: при нынѣшней войнѣ тѣ ли развиваются добродѣтели, которыя служатъ къ возрожденію народовъ?».

Живя въ Петербургѣ, г-жа Сталь замѣтила слѣдующую черту: «Неудача (на войнѣ) слѣдовала за неудачей; а публику не извѣщали объ этомъ. Одинъ остроумецъ сказалъ, что въ Петербургѣ — все тайна, хотя ничто не секретъ: дѣйствительно въ концѣ концовъ истина раскрывается. Но у русскихъ царедворцевъ такая привычка молчать, что они скрываютъ сегодня то, что должно быть извѣстно завтра; и они всегда невольно разоблачаютъ то, что знаютъ... Предвѣщанія о ходѣ войны были самыя печальныя, а молчаніе о нихъ было еще страшнѣе. Англичане даютъ въ своихъ журналахъ самыя точныя отчеты, цифра въ цифру, о раненыхъ, плѣнныхъ и убитыхъ во всякомъ дѣлѣ: благородная честность правительства, которое одинаково искренно какъ передъ націей, такъ и передъ ея монархомъ, признавая за ними обоими одинаковое право знать, въ какомъ положеніи находятся общественныя дѣла... Одинъ иностранецъ сказалъ мнѣ, что Смоленскъ взять и Москва въ крайней опасности. Мною овладѣло отчаяніе... Я знала, что внутреннее управленіе, какъ въ военныхъ, такъ и въ судебныхъ дѣлахъ, часто попадало въ самыя продажныя руки, и что, при хищничествѣ низшаго чиновничества, нельзя было составить себѣ вѣрнаго понятія ни о числѣ войскъ, ни о средствахъ ихъ пропитанія. Вѣдь ложь и воровство неразлучны»...

VII.

Умственное и нравственное развитіе русскихъ.

До сихъ поръ мы видѣли болѣе внѣшнюю сторону дѣла. Гораздо труднѣе понять, такъ сказать, душу своего народа, не говоря уже объ иноплеменникахъ. Наиболѣе яркимъ выразителемъ ея служить такъ называемая идеальная культура или просвѣщеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, то-есть религія, словесность, науки и искусства. Г-жа Сталь касается этихъ предметовъ вскользь, тамъ и сямъ, по разнымъ случаямъ, въ безыскусственной формѣ.

Упомянувъ о принятіи христіанства Владиміромъ, она замѣчаетъ: «Онъ избралъ греческую религію изъ-за пышности ея обрядовъ. Быть можетъ, онъ предпочелъ ее и по другимъ, болѣе важнымъ, побужденіямъ: вѣдь, греческая религія, отвергающая власть папы, предоставляетъ русскому монарху обѣ власти — и духовную, и свѣтскую. Греческая религія по необходимости менѣе нетерпима, чѣмъ католическая: сама обвиняемая въ расколѣ, она не можетъ возставать противъ еретиковъ. Оттого въ Россіи допускаются всякія религіи...¹⁾». Дворяне почти никогда не вступаютъ въ

¹⁾ Г-жа Сталь не всегда такъ думала. Въ 1814 году она писала одному итальянскому іерарху въ шутку, чтобы онъ благословилъ ее, протестантку, хоть розой, «какъ митрополитъ московскій» (*Coulmann: Réminiscences, I, 97*).

духовное званіе. Поэтому духовенство не имѣетъ большого политическаго вліянія: оно дѣйствуетъ на народъ, но само очень покорно императору. Обряды греческой религіи по крайней мѣрѣ не хуже католическихъ. Церковное пѣніе восхитительно: тутъ все влечетъ къ мечтательности; есть что-то поэтическое и чувствительное. Но мнѣ кажется, что эта обрядность больше плѣняетъ воображеніе, чѣмъ руководитъ поступками. Когда священникъ выходитъ изъ алтаря, гдѣ онъ причащается при закрытыхъ дверяхъ, кажется, будто предъ нимъ растворяются врата Дня: окружающее его облако ѳиміама, серебро, золото, драгоценныя камни, блистающіе на его облаченіи и въ церкви, — все это словно въ странѣ, гдѣ поклоняются Солнцу. Сосредоточенное чувство, возбуждаемое готикомъ въ Германіи, Франціи и Англии, нельзя и сравнить съ впечатлѣніемъ греческихъ церквей: онѣ напоминаютъ скорѣе турецкіе и арабскіе минареты, чѣмъ наши храмы. Не ожидайте тутъ и роскоши искусства, какъ въ Испаніи: самыя замѣчательныя ихъ украшенія — это Богородицы и святые, осыпанные алмазами и рубинами... Обряды при бракѣ, крещеніи и погребеніи благородны и трогательны; тутъ попадаются нѣкоторые обычаи греческаго язычества».

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Церкви у русскихъ носятъ отпечатокъ того вкуса къ роскоши, который они заимствовали изъ Азіи: въ нихъ только и видишь, что украшенія изъ золота, серебра и рубиновъ. Говорятъ, кто-то въ Россіи предложилъ сдѣлать азбуку изъ драгоценныхъ камней и напечатать ею Библию: этотъ чловѣкъ понималъ, какъ легче всего привлечь воображеніе русскихъ къ чтенію. Это воображеніе, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, не проявилось ни въ искусствахъ, ни въ поэзіи».

Послѣдняя фраза очень важна. Развѣтіемъ ея служатъ нѣсколько другихъ мѣстъ въ книгѣ г-жи Сталь, гдѣ она пытается даже подыскивать причины замѣченнаго ею явленія. Такъ, говоря объ общественной жизни русскихъ, она прибавляетъ: «Будучи вообще весьма мало образованы, они находятъ мало удовольствія въ серьезныхъ разговорахъ и не полагаютъ своего самолюбія въ томъ, чтобы блистать остроуміемъ, которое можно проявить тутъ. Въ Россіи нѣтъ поэзіи, краснорѣчія, литературы: роскошь, власть, храбрость — вотъ что составляетъ здѣсь главный предметъ гордости и честолюбія; всѣ другіе способы отличиться все еще кажутся этому народу женоподобными и суетными... Нѣкоторые изъ русскихъ дворянъ пытались блистать въ литературѣ и выказали талантъ на этомъ поприщѣ. Но просвѣщеніе недостаточно распространено, чтобы изъ сужденій отдѣльныхъ лицъ сложилось общественное мнѣніе. У русскихъ слишкомъ страстный характеръ, чтобы они могли любить сколько нибудь отвлеченныя мысли: ихъ занимаютъ только факты; у нихъ еще нѣтъ ни времени, ни охоты

возводить факты къ общимъ понятіямъ. Да и то сказать: всякая значительная мысль всегда болѣе или менѣе опасна тамъ, гдѣ всѣ наблюдаютъ другъ за другомъ и чаще всего даже завидуютъ другъ другу».

Г-жа Сталь замѣтила и то, что у насъ все лѣзетъ въ дворянство; она оцѣнила и плоды такого стремленія къ привилегированности. «Отсюда,—говоритъ она,—происходитъ то, что всякое воспитаніе кончается въ 15 лѣтъ: возможно скорѣе бросаются на военное поприще и пренебрегаютъ всѣмъ остальнымъ. Конечно, теперь не время осуждать порядокъ вещей, породившій такое прекрасное сопротивленіе врагу; но въ болѣе мирную пору можно бы сказать по справедливости, что въ гражданскомъ отношеніи внутреннее управленіе въ Россіи страдаетъ большими пробѣлами. Въ народѣ есть рвеніе и величіе; но часто все еще недостаетъ порядка и просвѣщенія въ поведеніи то правительства, то частныхъ лицъ. Въ Москвѣ я видѣла самыхъ просвѣщенныхъ людей на поприщѣ наукъ и литературы; но тамъ, какъ и въ Петербургѣ, почти всѣ профессорскія мѣста заняты нѣмцами. Въ Россіи большой недостатокъ въ свѣдущихъ людяхъ на любомъ поприщѣ: молодежь идетъ въ университетъ по большей части лишь съ тѣмъ, чтобы поскорѣе поступить въ военную службу. Въ Россіи гражданская служба даетъ чины, которые соотвѣтствуютъ чинамъ въ арміи. Духъ націи весь направленъ на войну: во всемъ остальномъ—въ управленіи, въ политической экономіи, въ народномъ просвѣщеніи и проч.—другіе народы Европы куда стоятъ выше. Впрочемъ русскіе дѣлаютъ опыты въ литературѣ: пріятность и звучность ихъ языка бросаются въ глаза даже тѣмъ, кто не понимаетъ его; онъ, вѣроятно, очень пригоденъ для музыки и поэзіи ¹⁾. Но русскіе впадаютъ въ ошибку многихъ другихъ народовъ материка: они подражаютъ французской литературѣ, которая даже по своимъ красотамъ подобаешь только французамъ. Мнѣ кажется, что русскимъ слѣдовало бы вести свою словосность скорѣе отъ грековъ, чѣмъ отъ латынянъ: ихъ письмо, столь похожее на греческое, ихъ древнія связи съ Византійскою имперіей, ихъ будущность, которая, пожалуй, приведетъ къ славнымъ памятникамъ Аѣинъ и Спарты,—все должно склонять русскихъ къ изученію греческаго языка. Но прежде всего нужно, чтобы ихъ писатели черпали поэзію изъ глубины своей души. До сихъ поръ ихъ сочиненія, такъ сказать, лишь слетали съ языка; а такого пылкаго народа не тронешь такими жидкими созвучіями».

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ сказано: «Славянскій языкъ замѣчательно звученъ. Можно сказать, въ немъ есть что-то металлическое: когда русскіе произносятъ извѣстныя буквы, совѣтъ не такія, какъ въ западныхъ нарѣчіяхъ, кажется, будто ударяютъ по мѣди».

Въ другомъ мѣстѣ высказывается та же мысль, но подыскивается объясненіе любопытному закону народной психологіи. «До сихъ поръ въ Россіи гениальные люди встрѣчались лишь на военномъ поприщѣ: во всѣхъ другихъ искусствахъ—одно подражаніе. Но вѣдь книгопечатаніе введено здѣсь всего 120 лѣтъ тому назадъ. Другіе народы Европы цивилизовались почти въ одно время; и имъ можно было примѣшивать свой природный гений къ приобрѣтеннымъ знаніямъ: у русскихъ еще не совершилось этого смѣшенія. Двѣ рѣки долго послѣ своего соединенія текутъ по одному ложу, не сливаясь: такъ и у русскихъ природа и цивилизація соединяются, но не отождествляются. Смотри по обстоятельствамъ, одинъ и тотъ же человѣкъ представляется вамъ то европейцемъ, словно созданнымъ для общности, то славяниномъ, которому знакомы лишь самыя необузданныя страсти. Гений придетъ къ нимъ въ искусствахъ и особенно въ словесности, когда они найдутъ средство проявлять свою истинную природу въ языкѣ, какъ они проявляютъ ее теперь въ дѣяніяхъ».

То же, но болѣе своеобразно, выражено въ книгѣ нашего автора «о Германіи»: «Цивилизація славянъ моложе и быстрѣ цивилизаціи другихъ народовъ. Въ нихъ доселѣ замѣтна скорѣе подражательность, чѣмъ самобытность. Все европейское у нихъ—французское; а все азіатское еще слишкомъ мало развилось, чтобы ихъ писатели могли проявлять свой истинный, природный характеръ».

VIII.

Нравъ русскаго народа.

Но самое важное, любопытное и трудное дѣло—постигнуть характеръ народа. Это почти невозможно для иностранца, который не знаетъ языка страны и пробылъ въ ней всего мѣсяца два съ половиной, притомъ въ самое тревожное время. Въ особенности мудрено понять народъ мало развитый, мало проявившій себя. Русскіе представляли еще одно затрудненіе, какъ среда, въ которой кишѣли, «не отождествляясь», крайности: здѣсь сталкивались вліянія разныхъ породъ Востока и Запада. Г-жа Сталь не испугалась трудной задачи: она часто и съ разныхъ сторонъ подходит къ ней. И здѣсь, на нашъ взглядъ, главное значеніе ея книги. Въ общемъ многое угадано ею вѣрно.

Какъ ни разбросанны, какъ ни разговорно-случайны описанія русскаго нрава въ «Десятилѣтіи изгнанія», всѣ они проникнуты одною глубокою мыслью. Что бы ни смотрѣла г-жа Сталь, въ какомъ бы кругу ни вращалась, она всегда изумлялась отсутствію той опредѣленности, той отчетливости, которыми запечатлѣны всѣ

проявленія народной психологіи на Западѣ, благодаря разсудительности, выдержкѣ, воспитанію. Отъ русскаго народа повѣяло на представительницу строгой цивилизаціи Европы азиатчиной, въ смыслѣ необузданности страстей и стремленія къ чудовищности, пышности, колоссальности. Впечатлѣніе было даже болѣе безпкойное, чѣмъ при видѣ настоящаго Востока съ его вѣками установившимся своеобразіемъ. Россія представилась нашей гостьѣ какою-то психологическою загадкой, кашей, «безначаліемъ». Г-жа Сталь съ особеннымъ усердіемъ и талантомъ подмѣчаетъ неизбѣжную среди русскихъ борьбу крайностей, которую она объясняетъ столкновеніемъ вліяній Европы и Востока. «Все,—говоритъ она,— что есть у нихъ европейскаго, связано съ придворнымъ бытомъ, который вездѣ одинаковъ; но ихъ природа—восточная».

Разсказавъ, какъ калмыки не соглашались жить въ городѣ зимой и остались среди снѣга, въ своихъ кибиткахъ, г-жа Сталь прибавляетъ: «Почти также русскіе солдаты переносятъ лишения и невзгоды климата или войны; и народъ во всѣхъ классахъ презираетъ пренятствія и физическія страданія... Въ этой націи есть какъ терпѣніе, такъ и жизненное рвеніе, какъ веселость, такъ и меланхолія. Тутъ соединяются самыя поразительныя крайности... Эта страна характеризуется смѣсю самыхъ тяжкихъ лишеній съ самыми изысканными наслажденіями. Тѣ самыя помѣщики, дома которыхъ блещутъ крайнею роскошью всѣхъ частей свѣта, питаются въ дорогѣ гораздо хуже французскихъ крестьянъ и умѣютъ переносить весьма непріятное физическое существованіе не только на войнѣ, но и во многихъ житейскихъ случаяхъ... Въ Россіи нужно очень много истратить, чтобы жить обыкновенною жизнью французскаго крестьянина. Здѣсь необходимое имѣется только при роскоши: оттого, когда роскошь невозможна, должны отказываться даже отъ необходимаго. Въ Россіи нѣтъ того, что англичане называютъ комфортомъ, а мы—довольствомъ. Никакимъ совершенствомъ не удовлетворишь воображеніе русскихъ большихъ баръ; а когда нѣтъ этой поэзіи богатства, они пьютъ медъ, спятъ на доскахъ и ѣдятъ днемъ и ночью въ открытой телѣгѣ, не думая о роскоши, къ которой, казалось бы, привыкли. Они любятъ богатство, скорѣе какъ пышность, чѣмъ какъ средство удовольствія: и тутъ сходство съ восточными людьми, которые расточаютъ гостепріимство, осыпаютъ чужихъ подарками, а въ собственной жизни часто пренебрегаютъ обыкновеннымъ довольствомъ».

«Вотъ одна изъ причинъ того привлекательнаго мужества, съ которымъ русскіе перенесли разореніе отъ пожара Москвы. Болѣе привычны къ внѣшнему великолѣпію, чѣмъ къ заботливости о себѣ самихъ, они не избалованы роскошью; и денежные жертвы льстятъ ихъ гордости такъ же, если не больше, какъ щедрость, съ которою они швыряютъ золото. Что-то гигантское во всѣхъ отношеніяхъ—

вотъ отличіе этого народа: онъ ни въ чемъ не признаетъ обыкновенныхъ размѣровъ. Я не хочу сказать, чтобы у него не встрѣчалось ни истиннаго величія, ни твердости; но смѣлость, воображеніе русскихъ не имѣютъ границъ: все у нихъ скорѣе колоссально, чѣмъ соразмѣрно, скорѣе дерзко, чѣмъ обдуманно. И если цѣль не достигается, то потому, что хватаютъ дальше нея... Пышность—отличительная черта всего на Руси: здѣсь не видятъ красоты ни въ человѣческомъ геніѣ, ни въ дарахъ природы».

Г-жа Сталь во всемъ видитъ слѣды азіатчины и борьбы дикихъ страстей съ цивилизаціей—отъ русской дѣвушки въ хороводѣ до величайшихъ событій въ нашей исторіи. Первая напоминаетъ ей индѣйскихъ баядерокъ: ея пляска—«смѣсь лѣни и живости», обозначающая «мечтательность и страстность—двѣ черты характера, которыя цивилизація не успѣла еще ни оформить, ни обуздать». «Но у себя дома это — рабыня Востока. Молодую дѣвушку подавляетъ страхъ отцовскаго проклятія: у русскаго народа отцовская власть почти также сильна, какъ въ Китаѣ». Г-жа Сталь приводит это явленіе въ связь съ предпочтеніемъ физической силы въ Азіи и вообще у неразвитыхъ народовъ. «Въ Россіи,—говоритъ она,—законъ наказываетъ одинаково какъ за убійство, такъ и за изувѣченіе. Дѣйствительно тутъ человѣкъ представляетъ собой по преимуществу военную силу: всѣ другіе роды энергіи относятся къ нравамъ и учрежденіямъ, которыя еще не допускаются нынѣшнимъ состояніемъ Россіи».

Г-жа Сталь остроумно указываетъ еще на одну черту, связанную съ этою ступенью развитія народной психологіи. «Русскіе,—говоритъ она,—очень быстро доходятъ во всемъ до извѣстной точки, но не идутъ дальше. Первые шаги зависятъ отъ даннаго толчка, но для вторыхъ требуется обдумываніе; а эти русскіе, у которыхъ нѣтъ свойствъ сѣверныхъ народовъ ¹⁾, покуда весьма мало способны къ размышленію»... И въ другомъ мѣстѣ: «Русскіе помѣщики по большей части выражаются такъ мило и прилично, что на первый разъ часто впадаешь въ заблужденіе насчетъ степени остроумія и познаній тѣхъ, съ кѣмъ говоришь. Почти всегда начало обнаруживаетъ мужчину или женщину большого ума; но въ дальнѣйшемъ иногда ничего не остается, кромѣ начала».

Но особенно занимали и страшили элегантную представительницу утонченной цивилизаціи страсти и связанные съ ними пороки варваровъ Европы. Указавъ на «милую веселость» крестьянокъ въ хороводахъ, которая «поражаетъ и въ большинствѣ престопа-

¹⁾ У г-жи Сталь не разъ повторяется мысль о южномъ происхожденіи русскихъ. Напр., «русскіе, по мнѣ, гораздо ближе къ южнымъ или, скорѣе, къ восточнымъ народамъ, чѣмъ къ сѣвернымъ. Русскіе обитатели Петербурга походятъ на южный народъ, осужденный жить на сѣверѣ... Русскіе большіе бары походятъ, по своему обхожденію, на обитателей юга».

родья», она словно спохватывается и прибавляет: «Воображаю, какъ страшны эти люди, когда затронуты ихъ страсти! Лишенные образованія, они не въ силахъ обуздывать своей горячности. Вслѣдствіе того же невѣжества они мало знакомы съ правилами нравственности. Воровство такое же обычное явленіе на Руси, какъ и гостепріимство. Русскіе даютъ вамъ или берутъ у васъ, смотря по тому, что сильнѣе дѣйствуетъ на ихъ воображеніе—великодушіе или хитрость: то и другое возбуждаетъ восторгъ въ этомъ народѣ. Все это нѣсколько подходитъ къ быту дикарей».

Несомнѣннымъ признакомъ варварства была въ глазахъ Запада русская ложь въ широкомъ смыслѣ этого слова. Г-жа Сталь говорить о ней много, причемъ снова выдвигаетъ особенно поразившій ее вопросъ о нашей искусственной молчаливости. Вотъ ея собственныя слова. «Русскіе принимаютъ съ такою любезностью, что, подумаешь, пойдетъ дружба съ перваго же дня; а ея не окажется, пожалуй, и черезъ 10 лѣтъ. Совсѣмъ необычайно молчаніе русскихъ: оно относится только къ тому, что ихъ особенно затрогиваетъ. Вообще же они говорятъ сколько угодно. Но въ ихъ разговорѣ проявляется лишь ихъ вѣжливость: онъ не выдаетъ ни ихъ чувствъ, ни ихъ взглядовъ. Ихъ часто сравнивали съ французами. По мнѣ, нѣтъ ничего недѣльнѣе этого сравненія. Они очень легко подражаютъ во всемъ, благодаря гибкости своихъ органовъ: въ обхожденіи они англичане, французы, нѣмцы, смотря по обстоятельствамъ. Но они всегда остаются русскими, т. е. они въ одно и то же время горячи и сдержанны. Они болѣе способны къ страсти, чѣмъ къ дружбѣ. Они скорѣе горды, чѣмъ деликатны; скорѣе лицемѣрны, чѣмъ добродѣтельны; скорѣе храбры, чѣмъ рыцарственны. Они такъ пылки въ своихъ желаніяхъ, что ничто не въ силахъ остановить ихъ, когда дѣло идетъ объ ихъ удовлетвореніи. Они гораздо гостепріимнѣе французовъ; но общество не состоитъ у нихъ, какъ у насъ, изъ кружка остроумныхъ мужчинъ и женщинъ, которымъ пріятно поговорить вмѣстѣ. У нихъ собираются, какъ на праздникъ, чтобы повидать много народу, покушать плодовъ и рѣдкихъ произведеній Азіи и Европы, послушать музыку, поиграть; наконецъ, чтобы хорошенько поволноваться скорѣе отъ внѣшнихъ предметовъ, чѣмъ отъ остроумія и души: послѣднее они приберегаютъ для дѣйствія, а не для общества... Общество собирается слишкомъ многочисленное, чтобы могъ установиться разговоръ извѣстной силы. Правда, всякое порядочное собраніе отличается отмѣнными манерами; но нѣтъ ни достаточно образованія среди дворянъ, ни достаточно довѣрія между лицами, вѣчно живущими подъ гнетомъ правительственнаго деспотизма, чтобы можно было познать прелесть задушевности... Въ Россіи не привыкли говорить изъ глубины сердца или ума: недавно всѣми владѣлъ такой страхъ предъ начальствомъ, что еще не успѣли привыкнуть къ благоразумной свободѣ, кото-

рою обязаны нраву Александра I... Восточное молчаніе перешло въ любезности, которыя обыкновенно не проникаютъ до основанія вещей. На минуту чувствуешь себя хорошо въ этомъ блестящемъ воздухѣ, который пріятно развлекаетъ; но дальше тутъ не учаешься, не развиваешь своихъ дарованій. И люди, такъ проводящіе время, не приобретаютъ склонности къ наукамъ или къ дѣламъ».

Тѣ же основныя свойства подмѣтила г-жа Сталь и въ домашнемъ быту русскихъ. «Мнѣ показалось,—говоритъ она,—что у нихъ больше семейныхъ добродѣтелей, чѣмъ думаютъ; но, съ другой стороны, сердечная любовь встрѣчается весьма рѣдко. Въ силу азіатскихъ обычаевъ, на которые наталкиваешься на каждомъ шагу, женщины не вмѣшиваются въ хозяйство: мужъ всѣмъ заправляетъ, а жена только рядится въ его подарки, да принимаетъ приглашенныхъ имъ гостей. Нравственности теперь въ Петербургѣ уже гораздо больше, чѣмъ въ былое время, когда высшія лица своимъ примѣромъ извращали понятія. Обѣ нынѣшнія императрицы заставили полюбить добродѣтели, которыхъ онѣ служатъ образцами. Впрочемъ тутъ, какъ и во всемъ: правила нравственности не утверждены прочно въ головѣ русскаго. Вліяніе господина всегда такъ сильно, что всякія убѣжденія мѣняются изъ царствованія въ царствованіе. Русскіе, какъ мужчины, такъ и женщины, обыкновенно вносятъ въ любовь свойственную имъ пылкость; но духъ перемѣнчивости заставляетъ ихъ легко отказываться отъ своего выбора. Извѣстный беспорядокъ воображенія не позволяетъ имъ находить счастье въ прочности... Русскіе очень непостоянны въ обыденной жизни. Они не могутъ долго восторгаться одними и тѣми же людьми, одними и тѣми же господами. Въ тиши обыденной жизни только размышленіе можетъ обезпечить прочность чувствъ и взглядовъ; а русскіе болѣе способны къ притворству, чѣмъ къ размышленію».

IX.

Отъ прошлаго къ будущему.

Тѣ же характерныя черты, которыми отличался русскій народъ, бросались въ глаза г-жѣ Сталь и въ его исторіи. Ей пришлось посѣтить императрицу-мать, Марію Ѳеодоровну, которая жила въ Таврическомъ дворцѣ. Этотъ дворецъ поразилъ ее своими размѣрами и вызвалъ на такія размышленія объ его строителѣ, Потемкинѣ: «Замыслы князя были причудливо гигантскіе. Онъ построилъ цѣлые города въ Крыму единственно для того, чтобы императрица видѣла ихъ на своемъ пути. Онъ сдѣлалъ приступъ къ одной крѣпости въ угоду красавицѣ, княгинѣ Долгорукой, которая не обращала вниманія на его ухаживанья».

Затѣмъ она продолжаетъ такъ, углубляясь въ русскую исторію для своихъ любимыхъ обобщеній: «Потемкина сдѣлала такимъ милость его государыни. Но по большей части и въ великихъ людяхъ Россіи, въ этихъ Меншиковыхъ, Суворовыхъ, въ самомъ Петрѣ I и еще раньше въ Иванѣ Васильевичѣ ¹⁾, замѣчается что-то фантастическое, буйное и вмѣстѣ съ тѣмъ ироническое. Умъ служилъ имъ скорѣе оружіемъ, чѣмъ наслажденіемъ: они руководились воображеніемъ. Великодушіе, варварство, необузданныя страсти, суевѣрія—все сливалось въ одной и той же личности. И теперь цивилизація въ Россіи не проникла до основанія даже у вельможъ. Они внѣшнимъ образомъ подражаютъ другимъ народамъ; но въ душѣ всѣ они—русскіе, что и составляетъ ихъ силу, ихъ самобытность, такъ какъ любовь къ отечеству, послѣ любви къ Богу, есть лучшее изъ чувствъ, доступныхъ человѣку».

Г-жа Сталь не разъ указывала на патріотизмъ и религіозность, изумляясь, какъ уцѣлѣли эти нравственныя силы среди печальной внѣшней исторіи Россіи. На нихъ-то она и возлагаетъ свои надежды на будущее нашего народа, хотя и не идеализируетъ ихъ. «Русскіе,—говоритъ она,—не знали рыцарства; они не принимали участія въ крестовыхъ походахъ. При вѣчныхъ войнахъ съ татарами, поляками, турками, у нихъ сложился военный духъ среди всякаго рода жестокостей, порождаемыхъ варварствомъ азиатскихъ народовъ и правившихъ Россіей тирановъ. Оттого не великодушная храбрость Баярдовъ и Перси, а неустрашимость фанатической дерзости проявлялась въ этой странѣ въ теченіе многихъ вѣковъ. Въ столь непривычныхъ для нихъ общественныхъ сношеніяхъ русскіе не отличаются рыцарственностью въ смыслѣ западныхъ народовъ; зато они всегда были страшны своимъ врагамъ. Въ самой Россіи было столько убійствъ до Петра Великаго и позже, что нравственность народа, въ особенности же вельможъ, должна была сильно пострадать. Но любовь къ отечеству и приверженность къ религіи сохранились во всей силѣ среди обломковъ этой кровавой исторіи. А нація, въ которой хранятся такія добродѣтели, еще можетъ удивить міръ».

Разсказывая о проходахъ въ армію дряхлаго Кутузова, она выразилась такъ: «Смотря на него, я боялась, что у него не хватитъ силъ бороться съ суровой молодежью, которая наводняла Россію со всѣхъ концовъ Европы. Но русскіе, эти царедворцы въ Петербургѣ, снова становятся татарами въ арміи. Примѣръ Суворова

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ такъ говорится о Грозномъ, по поводу убіенія имъ своего сына: «Это возстаніе старика-деспота противъ теченія времени представляетъ собой что-то великое и торжественное. И пѣвность, которая слѣдуетъ за яростью въ этой звѣрской душѣ, представляетъ человѣка такимъ, какимъ онъ выходитъ изъ рукъ природы: его то возмущаетъ самолюбіе, то сдерживаетъ любовь».

показаль, что ни лѣта, ни почести не могутъ ослабить ихъ физической и нравственной энергіи». Это было тѣмъ изумительнѣе, что съ виду русскій человекъ казался совсѣмъ инымъ. «Я не замѣтила ничего варварскаго въ этомъ народѣ,—свидѣтельствуешь нашъ авторъ:—напротивъ, въ его внѣшности есть что-то изящное и милое, чего не найдешь въ другомъ мѣстѣ». Оттого-то г-жа Сталь ошиблась, замѣчая всеобщее смущеніе въ началѣ нашествія Наполеона. «Я не замѣчала общественнаго духа,—сознается она:—внѣшняя подвижность впечатлѣній у русскихъ мѣшала мнѣ наблюдать его. Отчаяніе оледенило всѣ умы; а я не знала, что у этихъ крайне впечатлительныхъ людей это отчаяніе—предтеча страшнаго пробужденія. Точно также въ простомъ народѣ видишь непостижимую лѣнь до той минуты, когда пробуждается его энергія: тогда она не знаетъ преградъ, ничего не боится; она, кажется, побѣждаетъ стихіи также, какъ и людей».

Г-жа Сталь вообще относится тепло къ даровитому народу-дикарю. Вскрывая его недостатки, она всегда умѣетъ участливою рукой и тонкимъ умомъ отдѣлать его самого отъ печальныхъ внѣшнихъ условій его исторіи. Вотъ съ какимъ сочувствіемъ защищаетъ она его отъ клеветъ поверхностныхъ наблюдателей: «Нѣсколько неприглядныхъ анекдотовъ изъ прежнихъ царствованій, нѣсколько русскихъ, надѣлавшихъ долги на парижской мостовой, одно-другое красное словцо Дидро внушили французамъ убѣжденіе, будто Россія состоитъ лишь изъ развращеннаго верха, изъ комергеровъ да рабовъ. Это большая ошибка». Въ «Мысляхъ о французской революціи», послѣ словъ о нашей знати, приведенныхъ нами въ началѣ II главы, читаемъ: «Но есть что-то истинно очаровательное въ русскихъ крестьянахъ, въ этой многочисленной части народа, которая знаетъ только обрабатываемую ею землю да созерцаемое ею небо. Мягкость этихъ людей, ихъ гостепріимство, ихъ природное изящество необыкновенны. Они не знаютъ опасностей. Для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго, когда прикажетъ имъ ихъ государь».

Х.

Финляндія.

Описаніе Россіи отгѣняется картинкой Финляндіи, весьма любопытною, особенно если вспомнить, что авторъ проѣхалъ по странѣ почти безъ остановокъ. Г-жа Сталь говоритъ про финляндцевъ: «Ихъ нравы мягче, чѣмъ у русскихъ. Простой народъ отличается у нихъ обдуманною честностью, которою онъ обязанъ протестантскому образованію и чистотѣ нравовъ. По воскресеньямъ молодыя дѣвушки возвращаются съ проповѣди верхомъ, а молодые

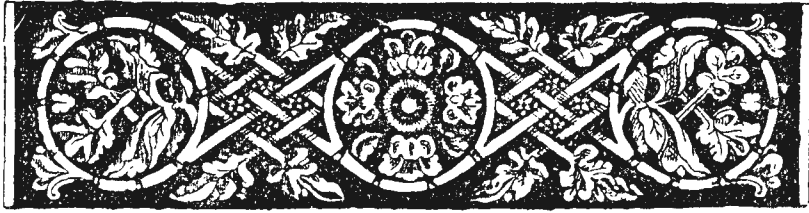
люди сопровождают ихъ пѣшкомъ. Часто встрѣчаешь гостепріимство у пасторовъ, которые считаютъ долгомъ пріютить странника; и нѣтъ ничего чище, милѣе пріема въ ихъ семьяхъ. Въ Финляндіи нѣтъ ни замковъ, ни вельможъ: пасторы по большей части первые люди въ странѣ».

А природа въ Финляндіи куда хуже, чѣмъ въ Россіи. Описавъ ея скудость, авторъ дѣлаетъ глубокомысленное замѣчаніе, напоминающее обобщенія Бокля: «Въ такихъ мѣстахъ обыкновенно обнаруживаются двѣ крайности, въ ущербъ посредствующимъ переходамъ: или люди заняты исключительно отстаиваніемъ своей жизни въ борьбѣ съ природой, или же ихъ умственная работа весьма легко впадаетъ въ мистицизмъ, такъ какъ тутъ человѣкъ все извлекаетъ изъ себя самого и вовсе не вдохновляется внѣшними предметами».

Отчего же такая разница между Россіей и только-что присоединенной къ ней Финляндіей? Г-жа Сталь объясняетъ ее историческими условіями, вплетая при этомъ новый листокъ въ вѣнокъ славы любимаго ею гуманнаго царя. «Императоръ Александръ, — говоритъ она, — сталъ господиномъ Финляндіи по праву завоеванія и договоровъ, основанныхъ на силѣ. Но нужно отдать ему справедливость: онъ пощадилъ эту новую провинцію, уважая свободу, которую она пользовалась».

А. Трачевскій.

ЗАПИСКИ Г. Д. СКОБЕЛЬЦЫНА.

ВЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ книжкѣ нашего журнала за настоящій годъ помѣщено, со словъ бывшаго военнаго фельдшера М. Г. Демидова, описаніе «бѣдственной экспедиціи» по Амуру, предпринятой въ 1855 году генераломъ Муравьевымъ, въ послѣдствіи графомъ Амурскимъ. Въ этомъ описаніи упоминается, между прочимъ, объ участіи въ экспедиціи есаула Скобельцына, но о послѣднемъ говорится вскользь, что онъ, будто, служилъ только проводникомъ и переводчикомъ въ сношеніяхъ съ ороченами и тунгусами. Между тѣмъ извѣстно, что Гавріиль Дмитріевичъ Скобельцынъ былъ не только дѣятельнымъ членомъ экспедиціи 1855 г., но и принималъ самое горячее участіе въ предшествовавшихъ экспедиціяхъ по Амуру и способствовалъ вообще изученію Амурскаго края, выручая неоднократно своею энергіею и находчивостью членовъ экспедицій изъ самыхъ затруднительныхъ положеній.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность сообщить читателямъ собственныя записки Г. Д. Скобельцына, обязательно доставленныя намъ г. Першинымъ, въ которыхъ авторъ рассказываетъ много интереснаго какъ о приключеніяхъ «бѣдственной экспедиціи» 1855 г., такъ и о предшествовавшихъ экспедиціяхъ и экскурсіяхъ по Амурскому краю.

Само собою разумѣется, что въ запискахъ Г. Д. Скобельцына, собственно объ экспедиціи 1855 г., встрѣчаются и тѣ факты, о которыхъ рассказываетъ г. Демидовъ въ описаніи «бѣдственной

экспедици»; но отъ этого описываемыя Скобельцынымъ событія нисколько не теряютъ въ своемъ интересѣ. Оба рассказчика только пополняютъ другъ друга.

I.

Въ 1849 году я принялъ присягу, и въ томъ же году началась моя трудовая казачья служба.

На первыхъ же порахъ моей службы я былъ назначенъ въ экспедицію, состоящую подъ начальствомъ полковника Ахте и имѣвшую цѣлью—изученіе совершенно неизвѣстнаго въ то время русскимъ Амурскаго края. На эту экспедицію возложено было: пройти отъ селенія Горбицы, гдѣ тогда была русско-китайская граница, рѣчку Амазоръ, перевалиться за Яблоновой хребетъ по рѣчкамъ: Бухта, Черемная и Нинюга, и подняться затѣмъ средней Ларбой и Алдокой, впадающей съ лѣвой стороны въ Алданъ.

Со мною въ экспедицію отправились капитанъ Кованько, астрономъ Шварцъ, топографы Крутиковъ и Пестиковъ и шесть чело-вѣкъ рабочихъ. Въ первое же время нашего слѣдованія астрономъ Шварцъ заболѣлъ, такъ что пришлось носить его на рукахъ въ теченіе трехъ дней.

Убѣдившись дорогою, что по Алдану нельзя идти, мы перемѣнили маршрутъ и вышли на Олекму, достигли рѣчки Крестотакъ. Здѣсь устроили изъ сосноваго лѣса паромы, на которыхъ спустились внизъ приблизительно верстъ около 200. Но сильнымъ ледоходомъ паромы наши были разбиты, и намъ пришлось ихъ бросить. Окруженные сплошнымъ льдомъ, мы съ большимъ трудомъ пробились къ берегу, едва успѣвъ захватить астрономическіе инструменты и нѣкоторые припасы, и расположились ночлегомъ. Ночью выпалъ глубокій снѣгъ, который крайне затруднилъ дальнѣйшее наше слѣдованіе.

Устроивъ плечныя котомки, мы отправились внизъ по берегу Олекмы. Но выше устья Олекмы, въ нее, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣчка Чара, которая еще не покрылась льдомъ, и потому намъ нельзя было перейти. Пришлось дожидаться замерзанія Чары, и затѣмъ по тонкому льду и при помощи жердей мы переправились на другую сторону и вскорѣ вышли на Лену, которая была покрыта сплошнымъ, плывущимъ льдомъ.

Въ это время у насъ вышли всѣ припасы, и мы очутились въ крайне опасномъ положеніи, хоть помирай съ голоду.

Желая спасти себя и товарищей отъ голодной смерти, я рѣшился съ явной опасностью для жизни переправиться черезъ Лену. Отыскавъ оморочку (берестяная лодка), оставленную на берегу ороченами, которая могла поднять не болѣе двухъ чело-вѣкъ, я пу-

стился въ громадную рѣку, лавируя между льдинами и разбивая тѣ изъ нихъ, которыя загоразживали путь. Когда я очутился на серединѣ рѣки, вдругъ громадная льдина ударила въ оморочку, пробила въ ней дыру, отъ которой оморочка моментально наполнилась водою. Сознавъ свое крайне опасное положеніе, я не растерялся и быстро выскочилъ на льдину, захвативъ съ собою и оморочку. Тѣмъ не менѣе смерть казалось мнѣ неизбѣжною. Я сталъ кричать, но кто могъ меня услышать и помочь? Я мысленно уже прощался съ дѣтьми и товарищами. Но въ послѣднюю минуту я рѣшился на отчаянный шагъ. Выбравъ удобный моментъ, я бросилъ оморочку въ воду и самъ сѣлъ въ нее такимъ образомъ, чтобы пробитая часть оказалась выше воды хотя бы на полувершокъ. День клонился къ вечеру, а я былъ еще далекъ отъ противоположнаго берега. Но послѣ неимоверныхъ усилій, когда уже совсѣмъ потемнѣло, я наконецъ достигъ берега, на которой и вскочилъ съ помощью шеста; оморочка же мигомъ была разбита напоромъ льда.

Отдохнувъ нѣсколько времени на берегу и благословивъ Бога за спасеніе жизни, я направился вверхъ по рѣкѣ и вскорѣ нашель дорогу, ведущую къ Олекминску. Случайно мнѣ встрѣтился на пути якутскій мальчикъ, котораго я спросилъ по якутски: «есть ли здѣсь какое нибудь начальство?». Получивъ въ отвѣтъ, что въ Олекминскѣ живетъ исправникъ, я въ сопровожденіи мальчугана отправился къ послѣднему. Было около 10 часовъ вечера. Исправникъ и его жена еще не спали. Они были крайне удивлены моимъ появленіемъ (я былъ одѣтъ въ костюмъ изъ звѣриныхъ шкуръ, который весь обледѣнѣлъ и съ котораго, при комнатной температурѣ, потекли ручьи воды) и съ трудомъ повѣрили моему подвигу. Я рассказалъ исправнику о моихъ товарищахъ, находящихся на другой сторонѣ Лены безъ пищи и ожидающихъ помощи. Оказалось, что исправникъ имѣлъ уже предписаніе отъ иркутскаго генераль-губернатора Муравьева — оказать намъ, въ случаѣ нужды, всякое содѣйствіе.

Согрѣвшись предложеннымъ мнѣ стаканомъ чаю и нѣсколько отдохнувъ, я просилъ исправника поторопиться помощью моимъ товарищамъ. Исправникъ нарядилъ большую лодку, далъ конвой и орудіе для разбивки льда, снабдилъ насъ разнаго рода припасами, и мы, не дожидаясь разсвѣта, отправились въ обратный путь. Съ помощью топоровъ, кайлъ и ломовъ мы прочищали себѣ дорогу и къ разсвѣту стали приближаться къ правому берегу Лены. Первый насъ замѣтилъ астрономъ Шварцъ, охотившійся на берегу за куропатками. Затѣмъ подошли и остальные товарищи, которые считали меня уже погибшимъ, и крайне обрадовались подоспѣвшей къ нимъ помощи.

Утоливъ голодъ, мы отправились въ Олекминскъ, куда прибыли благополучно. Здѣсь мы прожили съ недѣлю, въ теченіе

которой Кованько и Шварцъ составили докладъ начальнику экспедиціи, полковнику Ахте, находившемуся въ Иркутскѣ. Я былъ командированъ въ Иркутскъ съ этимъ докладомъ.

Тотчасъ по прибытіи въ Иркутскъ я былъ представленъ полковникомъ Ахте исправляющему должность генераль-губернатора, генераль-маіору Запольскому; при представленіи я былъ въ томъ же костюмѣ изъ звѣриныхъ шкуръ.

Такъ какъ въ Иркутскѣ меня освободили на нѣкоторое время отъ служебныхъ обязанностей, то я вернулся домой въ Горбицу, а оттуда отправился по собственнымъ дѣламъ въ тайгу. Но вскорѣ ко мнѣ явился казакъ съ бумагою, требующею моего возвращенія въ Горбицу. Прибывъ домой, я нашель тамъ топографа Карликова и сотеннаго командира Софронова, которые объявили мнѣ приказаніе генераль-губернатора Муравьева о назначеніи меня въ новую экспедицію.

II.

Я скоро собрался въ путь. Цѣлью этой экспедиціи было: пройти отъ вершины Амазора до Яблоноваго хребта и по протяженію послѣдняго дойти до Удскаго края, сдѣлавъ по всему пути полную сѣмку мѣстности.

Мы наняли орочена съ оленями, которые весьма пригодны при лѣсной кочевкѣ, отслужили молебень и отправились.

По незнакомству съ мѣстностью путешествіе наше представляло очень много трудностей, лишеній и даже опасности. На протяженіи 2.000 верстъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ мы не встрѣтили ни одного человѣческаго существа, такъ какъ орочены проживаютъ обыкновенно только около рѣчекъ и не кочевали по нашему пути. Только приближаясь къ Зеѣ, мы неожиданно встрѣтили орочена, охотившагося съ собакою за оленями. Сопровождавшій насъ орочень радостно вскричалъ: «вотъ и орочень!».

Я этому также обрадовался и хотѣлъ убѣдиться въ дѣйствительности сообщенія нашего проводника. Съ этой цѣлью я поднялся на валежницу, чтобы лучше видѣть, за что чуть не поплатился жизнью. Орочень, увидѣвъ меня въ красной рубашкѣ и бѣлой шляпѣ, быстро сдернулъ съ плечъ ружье, прицѣлился и готовъ былъ выстрѣлить. Я ужаснулся и закричалъ поороченски:

— Анда, что ты дѣлаешь? Не стрѣлай въ меня, я такой же человѣкъ, какъ ты.

Слова мои подѣйствовали. Онъ не сталъ стрѣлять, но въ то же время бросился бѣжать отъ насъ съ быстротою звѣря, вслѣдствіе чего мы лишились возможности получить отъ него необходимыхъ свѣдѣній относительно нашего дальнѣйшаго путешествія. Но я рѣшился найти его во что бы то ни стало. Я послалъ ему вслѣдъ нашего проводника Киприана.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, мы увидѣли въ лѣсу дымъ, который указывалъ на мѣсто расположенія орочена. Мы направились по этому слѣду, но, явившись туда, никого уже не нашли. Повидимому, ороченъ покинулъ свой таборъ. Тѣмъ не менѣе, я все наблюдалъ, не появится ли онъ гдѣ нибудь въ окрестностяхъ. И дѣйствительно черезъ нѣкоторое время я издали увидѣлъ, какъ онъ уходилъ отъ насъ съ своимъ семействомъ. Я приказалъ Киприану выбрать лучшаго оленя, догнать орочена и уговорить его, чтобъ вернулся къ намъ, ничего не опасаясь, такъ какъ мы не только никакого вреда ему не сдѣлаемъ, но и всячески вознаградимъ.

Киприанъ въ точности исполнилъ мое порученіе: послѣ долгихъ переговоровъ ороченъ вернулся на покинутый таборъ, гдѣ и мы расположились ночлегомъ.

Однако ороченъ относился къ намъ съ большимъ недовѣріемъ, дико глядѣлъ на меня и наше угощеніе принималъ съ великой осторожностью, но въ концѣ концовъ нашимъ ласковымъ обращеніемъ мы успѣли разсѣять его подозрѣніе. На мой вопросъ, почему при первой встрѣчѣ со мною онъ хотѣлъ меня застрѣлить, ороченъ отвѣтилъ, что, зная отъ своихъ предковъ, что въ этихъ лѣсахъ живутъ чучуна (разбойники), которые грабятъ ороченъ и убиваютъ ихъ, онъ принялъ меня за атамана разбойниковъ.

— Если бы ты не закричалъ поороченски,—прибавилъ онъ,—то навѣрно я бы тебя убилъ.

Мы его упросили проводить насъ хотя бы по тѣмъ мѣстностямъ, которыя ему извѣстны, обѣщая щедро его за это вознаграждать. Онъ согласился и двое сутокъ велъ насъ, но провожать дальше отказался, говоря, что дальнѣйшихъ мѣстъ самъ не знаетъ. Мы его вознаградили разными вещами и припасами, которыми онъ остался очень доволенъ, и отпустили, сами же направились дальше, держась прежняго направленія. Такимъ образомъ, мы добрались до втораго притока р. Зеи и затѣмъ достигли, наконецъ, Яблоноваго хребта. Здѣсь мы встрѣтили на пути непреодолимыя преграды: утесы, обрывы, обвалы и т. п., такъ что въ теченіе 16-ти часовъ ходьбы мы едва могли пройти 5—10 верстъ. Мы хотѣли измѣнить направленіе, но не знали, въ какую сторону. Я поэтому рѣшился отыскать ороченъ. Съ этой цѣлью я ходилъ на самыя высокіе гольцы, жегъ бѣлый мохъ, зная, что это служить для ороченъ знакомъ, что другіе орочены желаютъ съ ними встрѣтиться. Мой опытъ удался. Послѣ двухдневнаго жженія моха я замѣтилъ издали дымъ, который служилъ какъ бы отвѣтомъ на мой сигналъ. Вернувшись къ товарищамъ, я имъ объявилъ о моемъ открытіи и, вооружившись ружьемъ, палкой и небольшимъ запасомъ сухарей, отправился отыскивать ороченъ, продолжая по пути жечь мохъ. По мѣрѣ моего приближенія къ нимъ, мнѣ все

ближе отвѣчали дымомъ, и наконецъ мнѣ удалось встрѣтить двухъ ороченъ. Я имъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и просилъ вывести насъ на правильную дорогу, обѣщая должное вознагражденіе. Орочены охотно согласились на мое предложеніе, отправились въ нашъ таборъ и объяснили намъ, что по избранному нами пути нельзя идти, такъ какъ онъ и дальше не измѣнится къ лучшему. Они намъ совѣтовали вернуться назадъ и продолжать дальнѣйшее слѣдованіе по совершенно другому направленію. Поэтому мы пустились внизъ по Зеѣ, перешли ее и направились къ востоку. Отпустивъ вожаковъ ороченъ, которыхъ щедро вознаградили за труды, мы ихъ спросили, не знаютъ ли они, гдѣ находится р. Уда, на что они отвѣтили, что сами не знаютъ, но слышали, что рѣка эта лежитъ въ такомъ-то направленіи, при чемъ указали рукою на юго-востокъ. Мы приняли это къ свѣдѣнію и отправились дальше.

Послѣ 10-ти или 12-ти-дневнаго слѣдованія мы наткнулись на какую-то рѣчку, но не могли узнать, Уда ли это, или какая другая. Отсюда мы отправились слѣдующимъ порядкомъ: нѣкоторые наши спутники пошли, по моему указанію, сухимъ путемъ по берегу сказанной рѣчки; я же, сдѣлавъ изъ осиноваго лѣса небольшой плотикъ, на который уложены были всѣ имѣвшіяся при насъ необходимыя вещи, отправился съ товарищами вплавъ. Но рѣчка, по которой мы плыли, была скорѣе горнымъ потокомъ, поэтому намъ часто приходилось останавливаться и переносить плотикъ съ мѣста на мѣсто на рукахъ. Но вскорѣ въ рѣчку, съ правой ея стороны, впала другая рѣчка, Шевля; фарватеръ сдѣлался лучше, почему дальнѣйшее плаваніе представлялось болѣе свободнымъ. На устьѣ рѣки Шевли мы нашли проживающихъ здѣсь ороченъ, которые утверждали, что мы находимся въ дѣйствительности на рѣкѣ Удѣ, и такимъ образомъ дальнѣйшій нашъ путь до Удскаго края былъ обезпеченъ, куда и прибыли совершенно благополучно.

Здѣсь мы нашли начальника экспедиціи, полковника Ахте, прибывшаго съ другими членами экспедиціи изъ Аянскаго порта. Топографъ Карлиновъ представилъ ему съемочныя карты и разныя рѣдкія породы камней, собранныя по дорогѣ. Полковникъ Ахте выразилъ намъ горячую благодарность за понесенные труды, обѣщавъ исходатайствовать мнѣ пожизненную пенсію. Но обѣщаніе осталось только обѣщаніемъ.

Во время нашего пребыванія въ Удскомъ краѣ, за истощеніемъ нашихъ запасовъ, намъ пришлось питаться китовымъ жиромъ. Киты были выброшены приливомъ моря на одинъ маленькій островъ, гдѣ мы ихъ нашли подохшими. Этотъ же жиръ служилъ намъ пищею и на обратномъ пути.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Удскомъ краѣ, мнѣ, капитану Кованько и топографу Карлинову предстояло возвратиться тѣмъ же путемъ, которымъ мы шли впередъ. Пройдя на

байдарахъ вверхъ по рѣкѣ Удѣ до устья рѣки Шевли, мы вынуждены были, вслѣдствіе появившейся заразы на шедшихъ по берегу оленяхъ, остановить дальнѣйшее движеніе. Я снова отправился въ Удскій край съ донесеніемъ о случившемся. Полковникъ Ахте командировалъ меня обратно къ капитану Кованько съ требованіемъ вернуться въ Удскій край. Мы оставили больныхъ оленей съ ороченами, а сами отправились на плотикѣ къ начальнику экспедиціи. Полковникъ Ахте оставилъ при себѣ капитана Кованько; топографъ же Карлиновъ долженъ былъ идти со мною черезъ амурскіе пустынные лѣса и дѣлать съемку мѣстности.

Вернувшись къ мѣсту находженія оленей, мы выбрали изъ нихъ здоровыхъ и отправились дальше. Перейдя Яблоновый хребетъ, мы достигли рѣчки Ильканъ, при впаденіи ея въ рѣку Симанджу. Здѣсь когда-то была русская часовня, но мы ея уже не нашли, такъ какъ она была сожжена китайцами. Вблизи бывшей часовни мы замѣтили на нѣкоторыхъ деревьяхъ какія-то китайскія надписи. Мы вырубилъ эти деревья, отдѣлили мѣста съ надписями, тщательно ихъ уложили, и я унесъ ихъ на устье рѣки Шевли, гдѣ нашелъ орочень для доставки надписей полковнику Ахте.

Затѣмъ мы отправились дальше по Амурскому краю и дошли до рѣки Зей. Здѣсь въ полѣ лежалъ снѣгъ, который препятствовалъ дальнѣйшему слѣдованію; но все-таки мы кое-какъ двигались впередъ: я шель впереди на лыжахъ, а за мною слѣдовали остальные.

Такъ какъ топографъ Карлиновъ обязанъ былъ, по приказанію начальника экспедиціи, спуститься по Зеѣ внизъ для съемки на карту Зейской мѣстности, то я съ нимъ отправился для этой цѣли, оставивъ товарищей ждать нашего возвращенія. Но наше предпріятіе не удалось. Дорогою мы встрѣтили шесть человекъ мангровъ, которые внушили намъ большую опасность, почему мы рѣшились немедленно вернуться къ товарищамъ и поспѣшно отправились въ дальнѣйшій путь. Мы вышли на Гилую, добрались до рѣчки Урколь, впадающей съ правой стороны въ Зею, достигли Усть-Карека, коимъ прошли до Усть-Стрѣлки, откуда, наконецъ, благополучно прибыли въ Горбицу.

Проживъ нѣкоторое время въ Горбицѣ, я получилъ приказаніе генераль-губернатора Муравьева отправиться на розыски топографа Крутикова и урядника Шестакова, командированныхъ для изслѣдованія рѣкъ Нимана и Буреи, впадающей въ Амуръ ниже Зей.

Совершивъ свой путь до Зей, я узналъ здѣсь отъ орочень, что Крутиковъ и Шестаковъ, у которыхъ всѣ припасы утонули въ Буреѣ, выведены были нишдойцами (бродячее племя) въ Удскій край, о чемъ я подробно донесъ генералу Муравьеву, по возвращеніи моемъ въ Горбицу.

III.

Нѣсколько времени спустя, я получилъ секретное предписаніе генерала Муравьева взять нѣсколько оленей, вожака изъ тунгусовъ и отправиться на розыски безвѣстно пропавшаго офицера корпуса топографовъ Ваганова, который переправился съ двумя казаками, ниже Нерчинскаго завода, рѣчкой Маректой на китайскую сторону и не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій въ продолженіе 7 мѣсяцевъ. Исчезновеніе этихъ людей сильно тревожило генерала Муравьева, справедливо полагавшаго, что съ ними случилось несчастіе.

Я переправился на китайскую территорію по рѣчкамъ Албавихѣ, Тонгѣ и Кумарѣ, отсюда обратился рѣкою Гономъ, но на всемъ пути не нашелъ никакихъ слѣдовъ Ваганова и его спутниковъ. На мои разспросы о судьбѣ Ваганова отъ попадавшихся мнѣ въ дорогѣ манегровъ я также получалъ отрицательные отвѣты.

Вернувшись въ Горбицу, я о безуспѣшности моихъ поисковъ подробно донесъ генераль-губернатору. Вслѣдствіе этого генераль Муравьевъ снесся съ китайскими властями о розыскѣ Ваганова. При этомъ Муравьевъ сообщилъ, что Вагановъ и сопровождавшіе его казаки, будто, преступники, бѣжавшіе съ нерчинскихъ рудниковъ въ китайскія владѣнія. Сдѣлано было это въ виду того, что китайцы строго преслѣдовали всякій переходъ русскими ихъ границы, и если бы имъ сообщили правду про Ваганова и его спутниковъ, то китайскія власти не стали бы ихъ розыскивать.

Китайскія власти, по указанію Муравьева, энергично взялись за поимку мнимыхъ преступниковъ, и черезъ нѣкоторое время обнаружилось, что Вагановъ и казаки были убиты манегромъ Окольчинымъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Встрѣтившись съ русскими возлѣ рѣчки Марешки, Окольчинъ спросилъ казаковъ, не русскій ли чиновникъ Вагановъ, на что получилъ въ отвѣтъ, что Вагановъ простой охотникъ. Но манегръ имъ не повѣрилъ, и предполагая, что у Ваганова должны быть значительныя деньги, онъ рѣшилъ убить и ограбить его. Онъ издали сталъ слѣдить за русскими путешественниками, и въ одно раннее утро тихо подкрался къ ихъ ночлегу и сталъ выжидать моментъ, когда Вагановъ будетъ одинъ. Случай не заставилъ себя долго ждать. Казаки, сопровождавшіе Ваганова, отправились за лошадьми, находившимися въ лѣсу на корму, Вагановъ, въ ожиданіи лошадей, сталъ укладывать въ чемоданъ свои вещи. Въ эту мигнуту манегръ, притаившійся за деревомъ, выстрѣлилъ и убилъ наповалъ Ваганова. Манегръ захватилъ ружья, и когда казаки вернулись съ лошадьми, тогда онъ ихъ перестрѣлялъ. Затѣмъ онъ зарылъ тѣла убитыхъ на берегу рѣки Марешки, завладѣлъ всѣмъ имуществомъ убитыхъ и удалился.

Китайскіе чиновники случайно встрѣтились съ манегромъ, увидѣли у него русскія вещи и сейчасъ догадались, что имѣютъ дѣло съ убійцею. Когда манегръ сознался въ своемъ преступленіи, у него отняли награбленное имущество и потребовали указать, гдѣ брошены тѣла убитыхъ. Но отъ послѣднихъ остались только однѣ кости. Впослѣдствіи манегръ былъ казненъ, при ассистентахъ отъ русскаго правительства, близъ Кяхты, въ Маймачинѣ. Кости убитыхъ были затѣмъ доставлены въ Иркутскъ генераль-губернатору, который приказалъ похоронить ихъ на кладбищѣ съ воинскими почестями. Самъ генераль-губернаторъ несъ гробикъ съ костями вплоть до могилы, причемъ играла казачья духовая музыка. Всѣ жалѣли о трагической смерти безвременно погибшихъ русскихъ смѣльчаковъ.

Вскорѣ послѣ этого событія я, въ числѣ прочихъ урядниковъ, былъ произведенъ въ офицеры, причемъ намъ приказано было явиться въ Шилкинскій заводъ для принятія присяги. Я прибылъ туда 25-го декабря. Случайно въ тотъ же день пріѣхалъ туда изъ Нерчинскаго завода генераль Муравьевъ, которому представились всѣ мѣстныя власти. Я стоялъ отдѣльно въ сторонѣ.

Обойдя всѣхъ, генераль Муравьевъ подошелъ ко мнѣ и обратился съ вопросомъ:

— Какъ фамилія?

— Скобельцынъ,—отвѣтилъ я.

Повидимому, моя фамилія заинтересовала генерала.

— Это тотъ Скобельцынъ, который совершилъ столько славныхъ подвиговъ въ экспедиціи полковника Ахте?—спросилъ Муравьевъ.

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство,—отвѣтилъ я,—дѣйствительно я находился въ экспедиціи полковника Ахте.

Генераль Муравьевъ порывисто обнялъ меня, расцѣловалъ и горячо благодарилъ за службу.

Затѣмъ онъ сдѣлалъ знакъ всѣмъ присутствующимъ, что они могутъ удалиться; меня же онъ увелъ съ собою въ другую комнату, гдѣ была приготовлена закуска, посадилъ возлѣ себя и разспрашивалъ: бывалъ ли я на Амурѣ, знаю ли я его фарватеръ, притоки и другія подробности. Я отвѣтилъ, что знаю Амуръ довольно подробно, до Кумары, куда я плавалъ неоднократно, сопровождая своего отца, занимающагося звѣропромышленностью и имѣющаго торговыя сношенія съ ороченами, манеграми и даурами, разсѣянно живущими по берегамъ Амура.

Муравьевъ, повидимому, былъ чрезвычайно доволенъ моими сообщеніями, записалъ нѣкоторыя изъ нихъ, еще разъ благодарилъ меня за откровенность и тутъ же отдалъ приказъ объ откомандированіи меня отъ казачьяго полка и зачисленіи въ штабъ капитана 2-го ранга Казакевича, назначеннаго начальникомъ флотиліи готовившейся открытой экспедиціи по Амуру, о которой я тогда только впервые узналъ.

IV.

Во время первой экспедиціи генерала Муравьева я былъ въ личномъ его распоряженіи и пользовался полнымъ его довѣріемъ, которое старался оправдать.

Въ зиму 1853—1854 годовъ на Шилкинскомъ заводѣ строились баржи и пароходъ, которые назначены были въ экспедицію.

Въ весну 1854 г. всѣ приготовленія были окончены, и экспедиція въ полномъ составѣ должна была выступить въ путь 15 мая.

Пароходъ, названный «Аргунью» (по имени рѣки Аргуни, граничащей съ Манджуріею), былъ спущенъ на воду для испытанія, съ подобающимъ этому случаю торжествомъ, причѣмъ генераль Муравьевъ отдалъ слѣдующій приказъ.

Пароходъ «Аргунь» долженъ спуститься внизъ по Шилкѣ на двѣ версты и подняться обратно. Войскамъ выстроиться по берегамъ Шилки въ парадной формѣ, съ ружьями и пушками; при возвращеніи парохода встрѣчать его пушечными и ружейными залпами съ береговъ.

Къ сожалѣнію, торжество совершенно не удалось. Пароходикъ не имѣлъ силъ подняться противъ теченія, и его пришлось притащить въ заводъ бечевюю.

На другой день, послѣ молебна, совершилась нагрузка парохода и баржъ, и мы двинулись въ путь.

Я съ генераломъ Муравьевымъ поплылъ на передовомъ баркасѣ, а прочіе начальники съ частями плыли сзади, держась направленія нашего баркаса.

На Усть-Стрѣлкѣ къ намъ должна была присоединиться казачья сотня подъ начальствомъ есаула Имберга. По прибытіи нашемъ, послѣ осмотра этой сотни, генераль Муравьевъ лично приказалъ мнѣ выбрать изъ нихъ десять хорошихъ лоцмановъ, знакомыхъ съ фарватеромъ Амура и его притоковъ, и размѣстить ихъ на баржахъ, по одному на каждой баржѣ, что я и исполнилъ.

Затѣмъ экспедиція послѣдовала дальше. Доплывъ до нынѣшней станицы Игнашиной, мы встрѣтили нѣсколько человекъ ороченъ съ ихъ начальниками во главѣ. Я представилъ послѣднихъ генералу Муравьеву, который, осмотрѣвъ ихъ, спросилъ, нѣтъ ли недоимокъ, на что получилъ отвѣтъ, что недоимокъ нѣтъ. Муравьевъ спросилъ меня, чѣмъ наградить этихъ инородцевъ, чтобы расположить ихъ въ нашу пользу, въ случаѣ надобности. Я высказалъ мнѣніе, что оказаннаго имъ такимъ начальникомъ вниманія совершенно для нихъ достаточно; но Муравьевъ наградилъ представителей ороченъ кафтанами съ золотыми галунами, медалями и кортиками въ серебряной оправѣ, прибавивъ при этомъ: «смотрите же, будьте полезны, когда въ этомъ будетъ надобность».

Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи до Албазина ничего выдающагося съ нами не случилось. Подплывъ къ берегу Албазина, Муравьевъ вышелъ, поднялся на находящуюся тамъ насыпь, служившую когда-то крѣпостью для русскихъ, потребовалъ стаканъ вина, выпилъ его за здоровье членовъ экспедиціи, причѣмъ музыка исполнила народный гимнъ, и всѣ офицеры и войска кричала «ура». Здѣсь манегры насъ извѣстили, что 6 баржъ заплыли въ мелководную протоку и сѣли тамъ на мель. Я былъ посланъ къ нимъ, чтобы снять ихъ съ мелей и направить въ надлежащій фарватеръ, что мною было исполнено, а поручикъ Медвѣдевъ, допустившій такой беспорядокъ, получилъ отъ генерала строгій выговоръ.

Не доплывая до нынѣшней станицы Кулиры, мы замѣтили идущихъ намъ на встрѣчу 9 китайскихъ лодокъ, на которыхъ находились 6 чиновниковъ. Завидѣвъ насъ, лодки быстро скрылись въ ближайшую протоку по правому берегу Амура, но ночью онѣ опять выплыли, стараясь, однако, быть не замѣченными. Лодки, какъ мы узнали, поднимались въ верховья Амура до Горбицы съ цѣлью осмотрѣть состояніе китайскихъ пикетовъ. При возвращеніи своемъ обратно, китайскіе чиновники приказали манеграмъ, живущимъ на берегахъ Амура и занимающимся звѣропромышленностью и рыболовствомъ, чтобы они слѣдовали за ними въ Айгунъ, или же скрывались отъ русской экспедиціи въ лѣса.

Приближаясь къ Айгуну, генераль Муравьевъ приказалъ мнѣ выбрать на лѣвомъ берегу Амура удобное мѣсто для высадки войска. Я нашелъ такое мѣсто выше Айгуна. Высадившись на избранномъ мною мѣстѣ, Муравьевъ пожелалъ осмотрѣть его, для чего пригласилъ и меня.

Найдя мѣсто соотвѣтствующимъ назначенію, генераль приказалъ войскамъ высадиться, а полковнику Корсакову приказано было: раздать ввѣренному ему баталіону солдатъ по парѣ чистаго нижняго бѣлья, свѣжее мясо и усиленную порцію спирта, вычистить ружья, вернуть хорошіе кремни и выдать боевые патроны.

Черезъ нѣкоторое время генераль подошелъ къ одной артели и спросилъ солдатъ, получили ли они припасы, свѣжее мясо и спиртъ. Солдаты отвѣчали откровенно, что ничего не получили. Подойдя къ другой артели, генераль здѣсь задалъ тотъ же вопросъ и получилъ такой же отвѣтъ. Муравьевъ ужасно разсердился, быстро удалился, путаясь и чуть не падая въ высокой травѣ, и, приближаясь къ своей палаткѣ, закричалъ: «подать сюда Корсакова».

Корсаковъ, находившійся въ то время на легкомъ вельботѣ, получивъ приказъ явиться къ грозному генералу, быстро направилъ вельботъ къ яру, гдѣ ожидалъ Муравьевъ. Не успѣвъ еще выскочить изъ вельбота, Корсаковъ подвергся сильной нотации генерала, который въ крайнемъ гнѣвѣ наговорилъ Корсакову рѣз-

кости за невыполненіе своевременнаго приказанія, приче́мъ прибавилъ:

— Вы молоды, не служили на Кавказѣ, не знаете русскаго солдата; его напои, накорми, тогда хоть чорта подавай!

Корсаковъ ничего не отвѣчалъ и молча оставилъ генерала.

Въ эту минуту мы услышали барабанный бой. Начальники частей съ своими отрядами спѣшили явиться на мѣсто сборнаго пункта, куда направился и генераль Муравьевъ со всѣмъ своимъ штабомъ. На мѣстѣ сбора заиграла музыка, и были вынесены нѣсколько ведеръ спирта. Генераль почерпнулъ ковшъ и, обратившись къ войску, сказалъ:

— Я служилъ на Кавказѣ, солдаты меня любили, со мною въ огонь и воду готовы были идти. Вотъ тутъ ниже есть китайскій городокъ; могутъ быть разныя столкновенія. Надѣюсь, если будетъ нужно, вы, русскіе, на свою руку охулки не положите!

Солдаты, воодушевленные словами генерала, въ одинъ голосъ вскричали:

— Рады стараться, ваше высокопревосходительство! съ вами въ огонь и воду!

Послѣ этого солдаты, подкрѣпивъ себя хорошею порціею спирта, мигомъ повеселѣли и предались доступнымъ въ походѣ развлеченіямъ.

Въ полночь, когда всѣ уже спали, командиръ флотиліи Казакевичъ, плавая по рѣкѣ на легкомъ вельботѣ для наблюденія за баржами и пароходомъ, явился вдругъ къ спавшему также генералу Муравьеву, котораго разбудилъ, и доложилъ, что три китайскія лодки подошли на близкое къ намъ разстояніе, и китайцы кричатъ что-то непонятное, а, между прочимъ, онъ слышалъ одно слово: «Гаврила». Муравьевъ объяснилъ Казакевичу, что китайцы, вѣроятно, спрашиваютъ Гавріила Дмитріевича Скобелева, и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Вставайте, Гавріиль Дмитріевичъ! Ваши друзья, китайцы, желаютъ васъ видѣть и говорить съ вами.

Одѣвшись на скорую руку, я вышелъ на берегъ и закричалъ поманджурски:

— Кто вы? Приставайте къ берегу, я здѣсь!

Китайскія лодки подплыли къ берегу; на нихъ оказалось нѣсколько дѣйствительно мнѣ знакомыхъ чиновниковъ, которые были посланы айгунскимъ амбанемъ (губернаторъ) къ генералу Муравьеву съ предложеніемъ приостановить дальнѣйшее слѣдованіе нашей экспедиціи на 15 дней, въ теченіе которыхъ амбань хотѣлъ спросить распоряженія высшихъ китайскихъ властей относительно пропуска русской экспедиціи; при этомъ китайскіе чиновники прибавили, что все это время амбань будетъ снабжать русское войско своимъ продовольствіемъ.

Генералъ Муравьевъ велѣлъ принять означенныхъ чиновниковъ, угостилъ ихъ и поручилъ передать амбаню, что наша экспедиція снаряжена по приказу русскаго императора, и поэтому должна безостановочно спѣшить къ мѣсту назначенія, на устье Амура, куда ее призываютъ срочныя дѣла, вслѣдствіе чего не можетъ принять предложеніе амбана. При этомъ Муравьевъ прибавилъ, что желаетъ завтра лично переговорить объ этомъ предметѣ съ амбанемъ.

Утромъ генералъ Муравьевъ послѣ пушечнаго выстрѣла взошелъ со всѣмъ штабомъ на пароходъ, къ которому были прибуксированы нѣсколько баркасовъ съ солдатами на всякій случай. Оставшимся же на берегу войскамъ приказано было выстроиться, стоять въ виду Айгуна въ боевомъ порядкѣ и ждать распоряженій. Если переговоры съ амбанемъ не приведутъ къ желаемому результату, то по знаку съ парохода войска немедленно должны переправиться на правый берегъ Амура и вступить въ дѣло.

Распорядившись такимъ образомъ, генералъ отправился въ путь. Подплывъ къ Айгуну, нашъ пароходъ сдѣлалъ поворотъ и сталъ на якорь противъ китайской батареи. На пароходѣ играла военная музыка и давались частые свистки.

Берегъ Айгуна былъ усѣянъ многочисленнымъ китайскимъ войскомъ, вооруженнымъ разнороднымъ оружіемъ: луками со стрѣлами, копьями и заостренными кольями; въ особенности же окружена была сплошною массою войскъ палатка амбана. Съ парохода спущена была шлюпка, въ которой находились уполномоченные генералъ-губернатора: Свербѣевъ, Сычевскій и переводчикъ Крымскій, а также другіе офицеры, въ числѣ которыхъ былъ и я. Переговоры велись посредствомъ уполномоченныхъ, личное же свиданіе генерала Муравьева съ амбанемъ не состоялось. Переговоры длились два часа; амбань все настаивалъ на своемъ, предлагая 15-ти-дневный срокъ и продовольствіе нашимъ войскамъ, а наши уполномоченные, ссылаясь на необходимую спѣшность, на то не соглашались. Въ концѣ концовъ успѣхъ переговоровъ склонился на нашу сторону: амбань заявилъ, что задерживать насъ силою оружія онъ не можетъ, такъ какъ не имѣетъ на то распоряженій высшихъ китайскихъ властей, а поэтому рѣшилъ пропустить нашу экспедицію дальше.

Амбань принялъ насъ очень любезно; оказалось, что я былъ съ нимъ лично знакомъ, такъ какъ онъ раньше бывалъ въ Горбицѣ по разнымъ дѣламъ. На меня, кромѣ того, было возложено Муравьевымъ щекотливое порученіе—уговорить какого нибудь китаецъ, чтобы онъ сопровождалъ насъ дальше по Амуру. Поэтому во время аудіенціи нашихъ уполномоченныхъ въ палаткѣ амбана я искалъ среди китаецевъ знакомаго, съ которымъ я бы могъ условиться; но бдительная китайская полиція не позволила никому

бесѣдовать со мною, отгоняя близко стоявшихъ китайцевъ бамбуковыми палками и страдая наказаніями. При такой бдительности полиціи мнѣ не удалось подговорить вожатаго. По окончаніи переговоровъ съ амбанемъ, мы вернулись на пароходъ съ китайскими уполномоченными, которые объявили генералу Муравьеву о пропускѣ нашей экспедиціи. Угостивъ уполномоченныхъ и любезно ихъ поблагодаривъ, генераль откланялся и приказалъ сняться съ якоря.

Отплывъ отъ Айгуна приблизительно верстъ 40, мы замѣтили на берегу жилище китайца. Я отправился туда съ цѣлью нанять, если будетъ возможно, вожака, чтò мнѣ въ дѣйствительности удалось: я уговорилъ одного отставного кована (первый китайскій чинъ) за хорошее вознагражденіе сопровождать насъ до устья Буреи. Замѣчу, что сзади насъ плыли нѣсколько китайскихъ лодокъ, посланныхъ айгунскимъ амбанемъ, чтобы слѣдить за дѣйствіями нашей экспедиціи. Проплывая мимо стоявшихъ на берегу, на различномъ разстояніи, китайскихъ жилищъ, я по предложенію генерала Муравьева заѣзжалъ въ каждое изъ нихъ, и если находилъ хозяевъ, то раздавалъ имъ по нѣскольку золотыхъ или серебряныхъ монетъ. Но въ большинствѣ случаевъ обитатели такихъ жилищъ разбѣгались въ лѣса, тогда я деньги оставлялъ на какомъ нибудь видномъ мѣстѣ.

Выше Маринскаго поста нашу экспедицію встрѣтилъ флотскій офицеръ Разградскій съ донесеніемъ о своемъ пребываніи въ этомъ посту.

Наконецъ, наша экспедиція прибыла въ Маринскій постъ, гдѣ было всего одно строеніе, въ которомъ проживалъ агентъ Россійско-Американской компании, Овчинниковъ.

Здѣсь чины экспедиціи были раскомандированы слѣдующимъ порядкомъ: офицеры Ганъ и Барановъ должны были отправиться съ командою въ Ситху; капитанъ 2-го ранга Арбузовъ съ командою былъ назначенъ въ Петропавловскій портъ; капитанъ Кузьменко съ 60-ю человекѣми и орудіями, а также есаулъ Имбергъ съ сотней казаковъ должны были остаться на мѣстѣ, въ Маринскомъ посту; остальные же чины экспедиціи съ генераломъ Муравьевымъ во главѣ вышли на баркасъ въ Охотское море, гдѣ сѣли на шхуну «Востокъ» и отправились въ Аянскій портъ.

Пробывъ нѣкоторое время въ этомъ портѣ, штабные офицеры экспедиціи получили приказаніе вернуться въ Иркутскъ. вмѣстѣ съ другими офицерами отправился и я. Въ Иркутскѣ я пробылъ недолго и затѣмъ отправился домой въ Горбицу, гдѣ прожилъ до ноября мѣсяца, когда получилъ приказъ генерала Муравьева снова выѣхать въ Иркутскъ. По приглашенію генерала я остановился въ его домѣ, гдѣ прожилъ до 1-го января 1855 г. Затѣмъ я получилъ порученіе доставить въ Шилкинскій заводъ полковнику На-

зимову 40 тысячъ рублей на постройку барожъ и заготовленіе припасовъ для предназначаемой второй экспедиціи. Доставивъ благополучно эти деньги, я былъ посланъ въ Кяхту за упомянутыми выше китайскими рукописями, доставленными мною въ свое время полковнику Ахте. Когда я прибылъ въ Кяхту, градоначальникъ Ребиндеръ объявилъ мнѣ распоряженіе генерала Муравьева о выѣздѣ моемъ съ полковникомъ Заборинскимъ въ Ургу; но пріѣхавшій въ то же время адъютантъ генераль-губернатора Запольскій объявилъ мнѣ другое распоряженіе Муравьева, требующее немедленнаго моего возвращенія въ Забайкалье для набора 120-ти человекъ охотниковъ въ новую экспедицію, которая, съ наступленіемъ навигаціи, должна была отправиться въ Николаевскъ.

Въ Читѣ командующій войсками области, генераль-маіоръ Запольскій, снабдилъ меня предписаніемъ о допущеніи къ набору казаковъ. Я въ точности выполнилъ это порученіе, и въ апрѣлѣ въ Шилкинскій заводъ явились набранные мною 120 казаковъ, которые поступили въ мое распоряженіе для постройки баржъ. Съ наступленіемъ весны въ Шилкинскій заводъ начали стѣзжаться чины новой экспедиціи, и вскорѣ въ заводъ прибылъ и генераль Муравьевъ съ супругою, которая сопровождала его во всю эту экспедицію.

V.

По прибытіи генерала, работа на Шилкинскомъ заводѣ закипѣла: работали безъ остановки, днемъ и ночью. Наконецъ все было готово, и экспедиція въ маѣ мѣсяцѣ въ полномъ составѣ отправилась въ путь. Я плылъ на передовой баржѣ, за мною генераль Муравьевъ съ супругою, а затѣмъ всѣ остальные.

При выступленіи отданъ былъ приказъ, что будутъ сдѣланы три пушечныхъ выстрѣла, послѣ которыхъ всѣ барки, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, должны были двинуться разомъ. Но вышло не такъ. Адъютантъ Муравьева, Запольскій, командовавшій флотиліею, не слышалъ этихъ выстрѣловъ, выступилъ позже, почему нѣкоторые баржи, по незнанію фарватера Шилки, часто садились на мель и прибыли въ Горбицу на цѣлыя сутки позже насъ.

Генераль Муравьевъ былъ страшно возмущенъ этимъ, и когда маіоръ Запольскій явился, то Муравьевъ приказалъ ему оставить экспедицію и вернуться въ полкъ, причемъ прибавилъ, что не желаетъ служить и съ его отцомъ, бывшимъ тогда военнымъ губернаторомъ Забайкальской области.

Дальше, до Кумары, никакихъ особенно выдающихся фактовъ при слѣдованіи экспедиціи не случилось; но у Кумары мы встрѣтили пять китайскихъ джонокъ съ какими-то чиновниками, кото-

ры направлялись въ Горбицу для переговоровъ съ генераломъ Муравьевымъ.

Не смотря на то, что мы имъ объявили, что генераль здѣсь, и что имъ незначѣмъ ѣхать въ Горбицу, китайскіе уполномоченные не желали въ пути вступить въ переговоры, заявляя, что они обязаны въ точности исполнить приказаніе Богдыхана—вести переговоры въ Горбицѣ, на чертѣ русско-китайскихъ владѣній.

Мы продолжали нашъ путь дальше. Доплывъ до Айгуна, мы высадились на правомъ берегу, т. е. на китайской сторонѣ. Вскорѣ къ намъ пріѣхалъ айгунскій амбань съ 10 чиновниками. Это былъ уже другой губернаторъ, а что случилось съ прежнимъ амбанемъ, пропустившимъ насъ съ первой экспедиціею, мнѣ неизвѣстно. Говорили, впрочемъ, что, по приказанію богдыхана, онъ былъ лишенъ жизни.

Новый амбань отмѣтилъ только численность нашихъ войскъ и не препятствовалъ дальнѣйшему нашему слѣдованію. Онъ очень сожалѣлъ, что уполномоченные китайцы отправились въ Горбицу и не воспользовались пребываніемъ генерала Муравьева въ экспедиціи, чтобы переговорить съ нимъ здѣсь. Съ новымъ амбанемъ генераль Муравьевъ имѣлъ личное свиданіе, при чемъ поднесъ ему много различныхъ подарковъ. Амбань, желая съ своей стороны отблагодарить генерала, прислалъ ему двухъ свиней, которыя своимъ хрюканьемъ раздражали нервы всѣхъ. Генеральша много смѣялась по поводу подарка амбана.

Слѣдовавшій въ экспедиціи полковникъ Сеславинъ съ полубатальономъ казаковъ неоднократно садился на мели и отставалъ отъ насъ, поэтому съ нами была только часть его людей. При устьѣ Буреи Муравьевъ приказалъ мнѣ остаться съ сотнею казаковъ, но затѣмъ приказъ былъ отмѣненъ, и я продолжалъ слѣдовать дальше. Не доходя Маринскаго поста, мы встрѣтились съ о. Гаврииломъ, пріѣхавшимъ на встрѣчу своему отцу преосвященному Иннокентію, котораго ожидалъ съ нами, но владыка почему-то остался въ Иркутскѣ. О. Гаврииль познакомилъ генерала Муравьева съ положеніемъ военныхъ дѣлъ на Востокѣ, рассказавъ, между прочимъ, что соединенный англо-французскій флотъ заперъ въ гавани, близъ бухты де-Кастри, контръ-адмирала Завойко съ двумя судами, прибывшими изъ Камчатки съ людьми и разными припасами. Завойко не успѣлъ окончить выгрузку, какъ былъ застигнутъ непріятельскими судами, превосходившими наши силы какъ численностью войскъ, такъ и боевымъ вооруженіемъ. Но, не смотря на свое превосходство, непріятель почему-то ни разу не вступилъ въ рѣшительный бой, а бросилъ якорь на отдаленномъ разстояніи, и оттуда слегка бомбардировалъ черезъ острова наши суда. Между тѣмъ, контръ-адмиралъ Завойко ночью при соблюденіи глубокой тишины поднял якорь и совершенно незамѣтно прошелъ мимо непріятель-

ской эскадры и ушелъ въ Николаевскъ, гдѣ считалъ себя вполне безопаснымъ. Непріятель, считая себя полнѣйшимъ побѣдителемъ, явился на слѣдующій день въ гавань, чтобы условиться съ контръ-адмираломъ Завойко насчетъ капитуляціи, и былъ не мало удивленъ его исчезновеніемъ. Не встрѣчая, такимъ образомъ, никакого препятствія, непріятель высадилъ на берегъ 800 человекъ десанта и забралъ все оставленное Завойко на берегу и удалился. Русскихъ же было въ то время на этомъ мѣстѣ только 6 человекъ, которые убѣжали въ Маріинскій постъ, гдѣ находилась казачья сотня и 60 артиллеристовъ съ двумя единорогами (пушками). Генералъ Муравьевъ былъ страшно возмущенъ сообщенными о Гаврииломъ свѣдѣніями, и дальше мы увидимъ, какъ отнесся генералъ по этому поводу къ казакамъ.

Наконецъ наша экспедиція прибыла къ мѣсту назначенія. Муравьева встрѣтили торжественно съ музыкою. Тутъ были люди разныхъ сословій: казаки, солдаты, камчадалы.

Выйдя на берегъ, генералъ прежде всего обратился къ камчадаламъ, привѣтствуя и благодаря ихъ за пролитую кровь при защитѣ Камчатки. Ему тутъ же представили мальчика, участвовавшего въ защитѣ, таская ящики съ гранатами, и тяжело раненаго непріятельской пулею, вслѣдствіе чего онъ лишился правой руки. Генералъ обласкалъ и расцѣловалъ мальчика, и затѣмъ отправилъ къ генеральшѣ, которая приняла его подъ свое покровительство.

Послѣ этого Муравьевъ подошелъ къ казакамъ, бывшимъ подъ начальствомъ есаула Имберга. Въ одну минуту генералъ страшно измѣнился. Изъ ласковаго и добраго, какимъ онъ былъ въ разговорахъ съ камчадалами, онъ сдѣлался грознымъ и свирѣпымъ. Лицо его покрылось багровою краскою, и онъ разразился потокомъ ругательствъ.

— Гдѣ есаулъ Имбергъ?—крикнулъ Муравьевъ.

А когда тотъ подбѣжалъ, то Муравьевъ продолжалъ:

— Въ 24 часа судъ надъ тобою окончится, тебя ожидаетъ позорная смерть!

И тутъ же потребовалъ аудитора для совершенія необходимыхъ формальностей, а Имберга приказалъ взять подъ карауль.

На глазахъ Имберга стали готовить могилу, раскладывали огонь, чтобы оттаять мерзлую землю, принесли необходимые инструменты для вырытія ямы.

Я еще раньше сцены съ Имбергомъ имѣлъ приказаніе Муравьева разставить баржи, приплывшія послѣ насъ, и явиться затѣмъ обѣдать къ генералу. Когда я исполнилъ возложенное на меня порученіе, то направился въ покои Муравьева, но на пути былъ остановленъ кружкомъ офицеровъ, которые, въ виду нервнаго возбужденія генерала, не совѣтовали мнѣ идти на обѣдъ. Но я ихъ

не послушалъ. Когда я явился, обѣдъ былъ уже конченъ, а Муравьевъ взволнованный ходилъ взадъ и впередъ по каютѣ.

— Что скажешь?—спросилъ онъ меня.

— Вы приказали мнѣ явиться обѣдать,—отвѣтилъ я.

— Василій!—вскричалъ Муравьевъ:—подать приборъ.

Вскорѣ принесли мнѣ чашку со щами. Я подошелъ къ столу и, не садясь, сталъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Онъ все время смотрѣлъ на меня и молчалъ.

Когда я пообѣдалъ, генераль обратился ко мнѣ, спрашивая:

— Что станемъ дѣлать съ этими мерзавцами?

И затѣмъ началъ ругать казаковъ самыми нецензурными словами. Я, разумѣется, все время хранилъ молчаніе.

— Возьмите эту сотню казаковъ и артиллерію, — проговорилъ онъ затѣмъ, — присоедините ихъ къ своей сотнѣ, запаситесь продовольствіемъ на 10 дней, а также полными снарядами для пушекъ, и отправляйтесь немедленно въ де-Кастри.

Замѣчу кстати, что при нашемъ разговорѣ съ Муравьевымъ присутствовала также его супруга, которая все заговаривала съ нимъ пофранцузски. Она, повидимому, просила о помилованіи Имберга, но генераль возражалъ на французскомъ же языкѣ раздражительнымъ и недовольнымъ тономъ, вѣроятно, отказывая въ ея просьбѣ.

Однако есаулъ Имбергъ былъ помилованъ Муравьевымъ.

VI.

Я немедленно сталъ собираться въ де-Кастри. Поступившій въ мое непосредственное распоряженіе поручикъ Бакшеевъ, завѣдывавшій артиллеріею, потребовалъ отъ меня инструкціи генерала на случай, если непріятель высадится съ большими, противъ нашихъ, силами. Не имѣя на этотъ счетъ никакихъ распоряженій, я, вынужденный настойчивостью Бакшеева, явился къ генералу за разъясненіемъ этого вопроса. Муравьевъ въ это время находился на улицѣ, окруженный всѣмъ штабомъ.

— Какъ прикажете поступить, ваше высокопревосходительство, если непріятель высадится съ большими силами? — спросилъ я: — отступать?

Генераль грозно повернулся ко мнѣ и закричалъ:

— Какъ отступать? Впустить на берегъ и перестрѣлять! Отправляйся!

Мнѣ только и оставалось, что удалиться. Ожидавшему же меня Бакшееву я посовѣтовалъ обратиться самому къ генералу за инструкціею.

Прибывъ въ де-Кастри, я занялъ наблюдательный постъ, вы-

ставилъ куда слѣдуетъ казаковъ, а оставшихся свободными людей употребилъ на проведеніе просѣки.

Непріятеля нигдѣ не было видно. Хотя гиляки и замѣчали его присутствіе по временамъ, но онъ, повидимому, крейсировалъ за дальними отъ насъ островами. Послѣ двухдневнаго моего пребыванія на занятомъ мною посту, ко мнѣ явился чиновникъ Свербѣевъ съ приказаніемъ вернуться въ Маринскій постъ.

Въ это время туда уже подоспѣлъ отставшій отъ экспедиціи полковникъ Сеславинъ съ полубаталіономъ пѣшихъ казаковъ, изъ коихъ рота подъ командою офицера Пузина была командирована въ де-Кастри, на смѣну находящихся тамъ казаковъ. Мнѣ же поручено было отправиться съ оставшимися казаками въ Кизи, избрать удобное мѣсто и заняться постройкой казармъ. Вскорѣ къ намъ прибыли полковники Назимовъ и Корсаковъ, первый съ баталіономъ солдатъ, а второй съ продовольствіемъ. Всѣ усердно занялись постройками.

Въ началѣ августа въ Маринскій постъ прибыли китайскіе послы, встрѣтившіеся намъ на пути, о которыхъ говорилось выше. Дойдя до Горбицы и, понято, не найдя тамъ Муравьева, они вернулись въ Айгунъ, гдѣ имъ приказано было слѣдовать за Муравьевымъ. И вотъ они теперь явились. Джонки пословъ сопровождались массою гольдовъ; подъ ихъ помѣщеніе отданъ былъ единственный въ Маринскомъ посту домъ агента Россійско-Американской компаніи, Овчинникова. Переговоры пословъ съ Муравьевымъ велись въ величайшей тайнѣ, и никто изъ насъ такъ и не зналъ, о чемъ шло дѣло. Послѣ недѣльнаго пребыванія въ Маринскѣ китайскіе уполномоченные отправились обратно.

Вскорѣ изъ Маринскаго поста отбылъ также генералъ Муравьевъ, возложивъ обязанности командующаго сухопутными войсками на полковника Сеславина, и черезъ Аянь отправился въ Иркутскъ. Генеральша на прощаніе подарила мнѣ, въ знакъ памяти, золотую цѣпочку и предоставила въ мое распоряженіе всѣхъ домашнихъ животныхъ, бывшихъ въ ея хозяйствѣ.

Въ непродолжительномъ затѣмъ времени въ де-Кастри явилось американское судно «Мистеръ Чезъ», нагруженное всевозможными припасами. Не успѣли мы выгрузить на берегъ драгоцѣнные для насъ товары, какъ появилась англо-французская эскадра съ намѣреніемъ арестовать американское судно. Непріятель выслалъ впередъ на баркасахъ десантъ въ количествѣ 700 человекъ. Но попытка высадиться на берегъ имъ не удалась. Какъ только баркасы приблизились къ берегу, изъ всей нашей цѣпи, въ которой находилось 240 человекъ, открытъ былъ по нимъ ружейный огонь. Стрѣляли въ нихъ также изъ нашихъ двухъ единороговъ. Баркасы быстро повернули обратно и съ бортовъ открыли огонь по нашей цѣпи, при чемъ были убиты два артиллериста. Затѣмъ конвоиро-

вашия баркасы неприятельскіе пароходы стали бомбардировать насъ изъ всѣхъ пушекъ; на насъ посыпался градъ бомбъ и гранатъ.

Когда для насъ стало очевидно неравенство силъ, изъ де-Кастри посланъ былъ казакъ въ Кизи съ требованіемъ подвинуть всѣ части войскъ къ мѣсту дѣйствія; цѣль же наша въ де-Кастри отступила дальше въ лѣсъ, внѣ выстрѣловъ неприятеля.

Послѣ 23-хъ дневной блокады неприятель наконецъ удалился изъ де-Кастри, захвативъ, однако, съ собою американское судно. Хозяинъ судна, американецъ Чезъ, находился въ то время въ Николаевскомъ посту и ничего не зналъ о случившемся. Когда ему сообщили о постигшей его судно участи, онъ поспѣшилъ въ де-Кастри и просилъ русское начальство доставить ему случай повидаться съ кѣмъ нибудь изъ командировъ неприятельскихъ пароходовъ. Съ этой цѣлью, въ то время, когда неприятель находился не въ далекомъ разстояніи отъ берега, съ нашей стороны были выкинута парламентерскіе флаги. Тогда съ неприятельскаго парохода спущена была лодка, въ которой помѣстились 3 офицера и 30 вооруженныхъ солдатъ, и которая скоро пристала къ нашему берегу. Ихъ встрѣтилъ полковникъ Сеславинъ, который оказалъ имъ радужный пріемъ. Русскіе угостили ихъ шампанскимъ; пились тосты за скорый миръ и будущую дружбу. Затѣмъ неприятельская лодка удалилась, забравъ съ собою мистера Чеза, и чѣмъ кончилось его дѣло, мнѣ неизвѣстно.

Послѣ этого лишнія части войскъ расположились на зимнія квартиры въ Маринскомъ посту. Въ теченіе зимы ничего выдающагося не случилось, кромѣ рѣдкихъ смертныхъ случаевъ среди казаковъ, не привыкшихъ къ климату. Я все это время занимался перевозкою груза изъ бухты де-Кастри въ Маринскій постъ.

VII.

Съ наступленіемъ весны и открытіемъ навигаціи, къ намъ прибыли полковники Языковъ, Мухинъ и Облеуховъ, которые доставили намъ провіантъ и затѣмъ отправились съ частями войскъ въ обратный путь по Амуру и благополучно дошли до Кумары. Отсюда полковники Языковъ и Мухинъ, пользуясь хорошою погодою, продолжали свой путь безостановочно; полковникъ же Облеуховъ, педшій сзади, остался съ ввѣреннымъ ему полубаталіономъ въ Кумарѣ, рѣшаясь дожидаться зимняго пути. Не смотря на совѣты умнаго и опытнаго офицера Перфильева, жившаго въ Кумарѣ и завѣдывавшаго здѣсь продовольствіемъ, продолжать путь по примѣру полковниковъ Языкова и Мухина, такъ какъ зимній путь, по причинѣ морозовъ и глубокаго снѣга, крайне опасенъ,-- полковникъ Облеуховъ категорически отказался.

Къ этому надо еще прибавить, что продовольственные склады по Амуру были тогда размѣщены очень неправильно и на неровныхъ дистанціяхъ. Такъ, напримѣръ, изъ провіантскаго склада въ Кумарѣ приходилось заpastись продовольствіемъ до Албазина, находящагося въ 400-верстномъ разстояніи, причемъ солдаты, за отсутствіемъ обоза, вынуждены были носить его на своихъ плечахъ, и безъ того обремененныхъ многочисленной и тяжелой аммуниціею.

Съ наступленіемъ зимы и замерзаніемъ Амура, Облеуховъ выступилъ съ полубаталіономъ въ путь. Для солдатъ были изготовлены маленькія саночки, на которыхъ везлись тяжести, а для Облеухова былъ сдѣланъ окованный желѣзомъ возокъ. Но скоро Облеухову пришлось жестоко раскаиваться, что не послушалъ совѣта Перфильева. Черезъ нѣсколько дней по выступленіи изъ Кумары выпалъ глубокой снѣгъ, и настали сильные морозы. Солдаты побросали свои санки и все свое имущество и пустились впередъ. Но, измученные безпутицей, они скоро не были въ состояніи двигаться. Къ тому же истощились запасы продовольствія; голодъ вступилъ въ свои жестокія права; появилась голодная смерть. Паническій страхъ обуялъ всѣхъ. Обезсиленные, голодные и измученные солдаты ложились помирать десятками среди сугрубовъ снѣга пустыннаго края; люди, потерявъ разсудокъ, стали истреблять (?) равныхъ себѣ. Хищные птицы и звѣри, чуя богатую добычу, преслѣдовали несчастныхъ на близкомъ разстояніи. Но трудно и невозможно описать всѣ несчастія, постигшія солдатъ. Облеуховъ успѣшилъ ухватить верхомъ впередъ, оставивъ на произволь судьбы погибающихъ.

Я избѣгнулъ всѣхъ этихъ ужасовъ, благодаря тому, что отправился еще осенью впередъ на лодкѣ, а когда наступила зима, по знакомству моему съ манеграми и другими инородцами, вымѣнивалъ у нихъ разныя вещи на жизненные припасы и тѣмъ спасъ шедшихъ со мною людей отъ голода. Но, сознавая опасность, грозившую полубаталіону Облеухова, я предупредилъ объ этомъ поручика Прищепенко, находившагося съ баржею продовольствія въ 18 верстахъ ниже Албазина, и просилъ его, чтобы онъ отправлялъ на встрѣчу полубаталіону муку, оставляя ее на различныхъ разстояніяхъ и приготавливая по возможности хлѣбъ. Но Прищепенко, не имѣя на то предписаній высшаго начальства, отказался отъ предлагаемыхъ мною мѣръ.

— Какъ могу отправить безъ разрѣшенія начальства муку,— говорилъ онъ,— тѣмъ болѣе, что о бѣдственномъ положеніи полубаталіона Облеухова ничего оффиціального не извѣстно.

Но гораздо позднѣе, когда мои слова подтверждались распространившимися слухами о свирѣпствовавшемъ голодѣ въ полубаталіонѣ, аккуратный служака рѣшился, безъ разрѣшенія над-

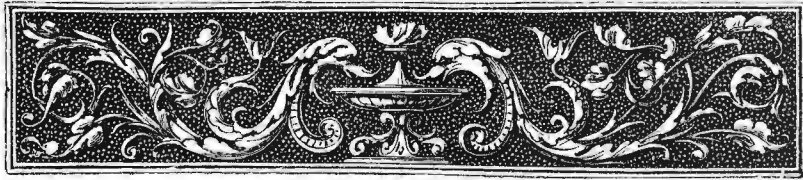
лежащаго начальства, отправлять съ людьми на саночкахъ по кулю муки на встрѣчу солдатамъ. Но эта полумѣра принесла мало пользы, такъ какъ посланные Прищепенкою люди съ мукою, понятно, не могли таскать далеко тяжести по глубокому снѣгу и не зная дороги. Результатомъ всѣхъ этихъ бѣдствій было то, что до склада съ продовольствіемъ едва ли дотащилась третья часть несчастнаго полубаталіона Облеухова. Что касается послѣдняго, то онъ сильно заболѣлъ на Усть-Сидѣлкѣ и, какъ говорили, лишился въ послѣдствіи разсудка.

Послѣ всѣхъ пережитыхъ мною событій здоровье мое было сильно надломлено. Я серьезно захворалъ и вынужденъ былъ отправиться лѣчиться на воды. Хотя я получилъ нѣкоторое облегченіе, но счелъ необходимымъ оставить службу.

Во время моего лѣченія генералъ Муравьевъ присылалъ ко мнѣ своего адъютанта съ предложеніемъ снова отправиться съ нимъ по Амуру для заключенія территоріальнаго договора съ китайцами, но лѣчившій меня на водахъ докторъ не позволилъ мнѣ предпринять это новое путешествіе, говоря, что оно окончательно погубитъ мое здоровье, почему я отказался отъ предложенія Муравьева. Генералъ, оцѣнивъ мои прежніе труды, больше не настаивалъ.

Г. Скобелъца.

СЕЛИХОВЫ ДВОРЫ.

(Изъ недавняго прошлаго).

I.

САМЪЧАТЕЛЬНЫЙ характеръ имѣеть обширная мѣстность, лежащая на югъ отъ Курска по Харьковскому шоссе. Такой мѣстности нѣтъ нигдѣ въ Курской губерніи, а, судя по картѣ, и въ сосѣднихъ съ нею. Верстъ на 25 въ длину и столько же, если не больше, въ ширину разстилается плоская возвышенность, на которой нѣтъ ни одной сколько нибудь значительной деревеньки. Бдучи на Харьковъ, по шоссе до села Медвѣнки, которое отстоитъ отъ Курска болѣе, чѣмъ на 30 верстъ, вы не встрѣтите на пути, кромѣ одинокихъ, небольшихъ хуторовъ, ни единого селенія. Чистое поле, разметавшееся во всѣ стороны, кое-гдѣ торчащія жалкіе перелѣски, многочисленные громадныя курганы, величественная издали панорама Курска, покоящагося на зеленыхъ холмахъ—вотъ общій видъ этого пустыннаго угла Курской губерніи, вообще густо заселенной. Въ старину Курскій край во многихъ мѣстахъ носилъ степной характеръ; но съ увеличеніемъ народонаселенія до 3 милліоновъ вездѣ путникъ найдетъ на небольшомъ сравнительно разстояніи деревни, села, многолюдныя слободы и т. под. Только сейчасъ упомянутая мѣстность бѣлымъ пятномъ выдѣляется на картѣ нашей губерніи. Она до сей поры сохранила пустынный, по курскому говору, «запальный» характеръ и представляетъ рѣзкій контрастъ съ долиной рѣки Сейма, кипащей поселеніями всякаго наименованія и фасона.

Вотъ что значитъ отсутствіе воды! По обѣ стороны харьковскаго шоссе нѣтъ ни рѣчки, ни ручья, а колодези необыкновенной глубины, да и изъ тѣхъ не наберешь вдоволь воды. Земля, впрочемъ, здѣсь хорошая, черноземная; нивы отличаются плодородіемъ, но луговъ, кустарниковъ, болотъ вовсе нѣтъ. Только за Медвѣнкой, по направленію къ Обояни, появляются деревни, пріютившіяся къ ручейкамъ и рѣчкамъ.

Люблю я въ лѣтнюю пору навѣщать «курскую пустыню», люблю прокатиться по шоссеиной дорогѣ, ведущей въ Харьковъ, которая болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, въ 1852 году, была сооружена... Отжила она потомъ свой шумный вѣкъ и находится въ полномъ запустѣніи. Теперь съ большимъ трудомъ вѣрится, что здѣсь прежде во всѣ времена года, днемъ и ночью, господствовало оживленное движеніе, особенно во время харьковскихъ ярмарокъ. Все это прошло и былѣмъ поросло! Скоро и свидѣтелей-очевидцевъ былого на свѣтѣ не останется.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней прошлаго года задумалъ я пройти пѣшкомъ по Харьковскому шоссе. Не смотря на ранній часъ, стояла порядочная жара. Бодро вышелъ я за Херсонскія триумфальныя ворота, миновалъ кладбище и сталъ подъ гору спускаться къ рѣкѣ Сейму, которая перерѣзываетъ шоссеиную линію. Вскорѣ я перешелъ крошечный, такъ называемый, «Чертовъ мостъ», черезъ пересыхающій лѣтомъ ручей. Замѣчательно, что свое имя этотъ мостъ получилъ не отъ «духа мрака и злобы», а отъ слова: черта: здѣсь когда-то пролегалла городская черта и дала мосту своеобразное названіе... Версты черезъ двѣ я подошелъ и къ тому мѣсту,

Гдѣ Сеймъ печально воды
Средь береговъ осиротѣлыхъ льеть...

Сверкнула лента чистой прозрачной воды, омывающая окрестности Курска. Громадная масса населенія нашей губерніи живетъ и кормится на берегахъ Сейма и его притоковъ. По немъ расположены и города, прежде бывшіе оплотомъ противъ степняковъ-кочевниковъ: Курскъ, Льговъ, Рыльскъ, Путивль и др. На шоссе черезъ Сеймъ пловучій мостъ и тутъ же остатки сооруженій нѣкогда бывшей здѣсь пристани «Александринскаго искусственнаго водяного сообщенія».

Сообщеніе это теперь отошло въ область преданій, и въ настоящее время едва ли кому извѣстно что либо о немъ. А болѣе полвѣка тому назадъ оно прогремѣло на всю Россію и даже удостоилось наименованія Александринскаго въ честь супруги императора Николая Павловича Александры Ѳеодоровны. Еще до устройства искусственнаго сообщенія курскіе купцы отправляли, начиная съ прошлаго вѣка, барки съ товарами по Сейму на Десну и Днѣпръ. Въ тридцатыхъ годахъ курское дворянство на свои средства

устроило 14 шлюзовъ отъ Курска до устья Сейма, тогда же были проложены бечевники и сдѣланы другія приспособленія для судоходства. Много надеждъ возлагали на сеймскій судоходный путь; но онѣ не оправдались. Число судовъ, проходившихъ по Сейму каждую навигацію, было ничтожно, и въ половинѣ пятидесятихъ годовъ Александринское сообщеніе закрылось. Какъ бы то ни было, но, волею судьбы, и Курскъ удостоенъ былъ чести нѣкоторое время побыть пристанью, а теперь перешелъ въ разрядъ городовъ, находящихся на сухомъ пути. То же стало и со многими русскими городами, каковы: Орель, Мценскъ, Пенза, Воронежъ, Тула, Смоленскъ и др.

Отъ Сейма вдаль по шоссе—подъемъ крутой. Долго брелъ я подъ палящими лучами солнца, пока не достигъ поселка, известнаго подъ именемъ: «Селиховы Дворы». Дѣйствительно, это только «дворы», а не деревня или хуторъ. По обѣимъ сторонамъ шоссе наго пути расположенъ рядъ дворовъ, между которыми зяютъ большіе пустыри, поросшіе бурьяномъ, гдѣ тамъ и сямъ торчатъ уцѣлѣвшія съ давнихъ поръ развалины фундаментовъ, основаній печей, осколки деревянныхъ столбовъ и проч. Теперь селиховскіе хаты—въ жалкомъ состояніи: обветшавшія, съ провалившимися крышами, скосившіяся на бокъ и т. п. А было время, когда Селиховы Дворы отличались зажиточностью, и населеніе ихъ, не пахавъ—не сѣявъ, собирало обильную жатву съ проѣзжавшаго черезъ Курскъ съ сѣвера и съ юга люда. На Селиховыхъ Дворахъ оставались тяжелые обозы съ товарами, почтовые экипажи, легкіе дилижансы, партіи арестантовъ въ звякающихъ кандалахъ, гурты скота и т. д. По старинному обычаю, проѣзжающіе и обозы не любили долго задерживаться въ городахъ, особенно такихъ большихъ, каковъ Курскъ. Его они проѣзжали поскорѣе; зато на первой станціи: Селиховской, привалы были продолжительны. Здѣсь обыватели держали обширные постоянные дворы. Когда къ станціи подходилъ обозъ, то хозяева выбѣгали на встрѣчу ему, держа въ рукахъ традиціонные ковши, наполненные овсомъ. Ковши эти имѣли «символическое» значеніе и должны были свидѣтельствовать о томъ, что кормъ на постояломъ дворѣ—отмѣнный. Извозчики поглядывали на ковши и рѣшали, къ кому «приставать». А овесъ на показъ хозяева покупали лучшій, чтобы прельщать извозчиковъ. Впослѣдствіи показываніе ковшиковъ сдѣлалось обрядомъ, формулой приглашенія, такъ что въ иной разъ приглашавшіе выбѣгали и съ пустыми ковшами, а извозчики останавливались у кого хотѣли и думали не объ овсѣ, а о болѣе интересныхъ для нихъ предметахъ, напримѣръ, о крѣпости градусовъ «горилки» на постояломъ дворѣ, смачности яствъ, достоинствѣ жареныхъ гусей, которые съ незапамятныхъ временъ служили традиціоннымъ извозничьимъ блюдомъ, и т. п.

Вокругъ Селиховскаго поселка и до сего времени—дикое мѣсто. Кромѣ «безконечныхъ» нивъ, виднѣются еще темныя рощи, остатки когда-то бывшихъ громаднхъ лѣсовъ. Сто и болѣе лѣтъ тому назадъ здѣсь, на мѣстѣ теперешнихъ полей, развертывалась во всю свою мощь степь, носившая названіе Крымской стороны. Въ лѣсахъ рыскали волки, ища себѣ добычи, лисицы и даже дикія козы ¹⁾. Среди нихъ пролегалла такъ называемая Дубоссарская почтовая дорога, по которой изъ Курска на югъ ходила почта. Дорогу эту пересѣкаетъ огромный, глубокій, затруднительный для проѣзда, логъ. Онъ замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ собиралось въ отдаленныя времена до 300 и болѣе пароконныхъ телѣгъ, на каждой усаживалось по два человѣка изъ самыхъ отважныхъ и отчаянныхъ людей, вооруженныхъ косами, ружьями и мушкетонами. Удальцы изъ Крымскаго лога отправлялись въ Малороссію за корчемнымъ виномъ, гдѣ, набравъ его по бочкѣ на каждую телѣгу, возвращались опять къ логу и затѣмъ развозили запрещенное вино по деревнямъ, или ставили бочки въ лѣсахъ, болотахъ и другихъ глухихъ мѣстахъ. Откупщики знали о походахъ корчемниковъ, но не осмѣливались останавливать ихъ каравановъ, которые иногда имѣли дерзость проходить близъ самаго Курска.

Одинъ только разъ пустынная селиховская мѣстность оживилась необыкновеннымъ образомъ. До 100.000 человѣкъ поселилось около Селиховской станціи, подъ открытымъ небомъ. «Станція привела всѣхъ въ изумленіе, — говоритъ очевидецъ, — взорамъ представилось: не городъ, потому что тамъ не было ни домовъ, ни церквей, не военный лагерь многихъ полковъ: ихъ также тамъ не было, а всего болѣе—богатѣйшая и многочисленнѣйшая ярмарка. Дворянство въ лучшихъ парадныхъ экипажахъ, прислуга въ богатыхъ ливрахъ; вездѣ разбиты были палатки и подвижныя домики изъ парусины, шалаши, сараи; во многихъ мѣстахъ гремѣла музыка, въ отдаленныхъ частяхъ стана слышались рожки, хоры пѣсенниковъ»... Такое оживленіе Селиховыхъ Дворовъ случилось въ іюнѣ 1787 года, во время проѣзда императрицы Екатерины II, совершавшей тогда знаменитое свое путешествіе на югъ Россіи. На пути слѣдованія своего по Курской губерніи Екатерина нѣсколько разъ приказывала призывать къ себѣ крестьянъ, лично съ ними разговаривала, спрашивала о нуждахъ и сожалѣла о бывшемъ въ томъ году зимою недостаткѣ хлѣба. Тутъ же она дѣлала распоряженія о выдачѣ пособій особенно нуждавшимся, на что, кромѣ казенныхъ средствъ, употребила до 10.000 р. изъ своихъ денегъ и совѣтовала крестьянамъ переселяться въ Тавриду, на вольныя земли. Совѣтъ этотъ далъ замѣчательные результаты. Много кре-

¹⁾ Эти и послѣдующія свѣдѣнія извлечены изъ старинныхъ письменныхъ источниковъ.

стьянскихъ обществъ выселилось изъ Курской губерніи и осѣло на новыхъ мѣстахъ.

На Селиховыхъ Дворахъ состоялась торжественная встрѣча царскаго поѣзда и шествіе императрицы въ Курскъ. Отсюда медленнымъ церемоніальнымъ шагомъ двинулись экипажи, въ которые, по желанію дворянъ, были впряжены лучшія лошади, вмѣсто почтовыхъ. Многіе помѣщики заняли мѣста почтальоновъ и ямщиковъ для сопровожденія поѣзда. Екатерина ѣхала въ каретѣ, съ нею находились двѣ придворныхъ дамы и одинъ изъ иностранныхъ пословъ. Погода была прекрасная, на небѣ ни одного облачка. Государыня находилась въ веселомъ настроеніи духа и нѣсколько разъ говорила о томъ, что ей понравилась панорама Курска. Какъ только поѣздъ переправился черезъ Сеймъ, и карета императрицы показалась на городской землѣ, грянулъ съ курскихъ высотъ громъ пушекъ и звонъ колоколовъ. Отъ Сейма до Херсонскихъ воротъ шпалерами были разставлены собранныя изъ слободъ дѣвушки въ нарядныхъ костюмахъ, а по городскимъ улицамъ—мѣщанки и купчихи въ золотыхъ повязкахъ и въ парчевыхъ съ золотыми галунами одеждахъ. Всѣ имѣли въ рукахъ букеты и вѣнки живыхъ цвѣтовъ и усыпали ими путь шествія Екатерины. Интересно отмѣтить, что болѣе 10.000 женщинъ стояло на дорогѣ, и слѣдовательно болѣе 20.000 букетовъ и вѣнковъ повергнуто было къ стопамъ государыни... Число же цвѣтковъ надо считать сотнями тысячъ...

II.

Походивъ нѣкоторое время около Селиховыхъ Дворовъ, я подѣлъ къ одному сѣдовласому старцу, расположившемуся на лавочкѣ у воротъ низенькой хатки.

— Добраго здоровья,—прошамкалъ мнѣ привѣтствіе старецъ...

И сейчасъ же фамиллярно спросилъ меня:

— Не будетъ ли ваша милость выпить за ваше здоровье?

Я ему, какъ говорится, «поднесъ», т.-е. велѣлъ изъ ближайшаго трактирчика (а таковыхъ здѣсь и теперь немало) вынести стаканъ водки, который старичекъ и осушилъ залпомъ. Одушевившись, онъ разговорился со мной о прошломъ, рассказалъ мнѣ, гдѣ что было въ стародавніе годы—гдѣ стоялъ почтовый домъ, кухня для почтарей, этапъ, контора дилижансовъ и проч. Вспомнивъ о почтѣ, мой собесѣдникъ воскликнулъ:

— Ухъ! да и народъ же были почтари; нѣтъ теперь такихъ. Водки и въ ротъ никогда не брали, только и уважали одинъ спиртъ, стаканами употребляли. Такъ онъ у насъ и назывался—«почтовая водка». Ухари были такіе, что бѣда!..

Старикъ покачалъ головою и сплюнулъ.

— Балыча (бывало) оттедова, съ горы ¹⁾, летить «почтова» ²⁾, лошади въ растяжку, брюхомъ землю метуть, ни старъ, ни младъ не попадайся, спуску не будетъ. А то еще,—продолжалъ старикъ,—«гангоры» ³⁾ ходили; о тѣхъ, балыча, загодя можно узнать. Еще гангоры не видно, а ужъ гуль отъ нея идетъ во всю мочь... жутко слушать. Почтари трубили, кромѣ того: «давай, молъ, дорогу!». А кто ѣдетъ, чуть слышалъ, какъ труба заиграла, въ сей минутъ сворачивать—хоть въ грязь, хоть въ снѣгъ, хоть во чтò.

— Отчего здѣсь пустырей много?—спросилъ я.

— До «желѣзки» ⁴⁾ харьковской все было застроено, ни пяди свободной земли не было. А какъ «трактъ прикончился», да «желѣзка» зачала ходить, то и пошло на Селиховыхъ запустѣніе; одинъ за однимъ выселяться взялись и разбрелись кто въ какую сторону. Осталась малая толика народу-то.

— А помнишь, дѣдушка, какъ «трактъ прикончился»?—спросилъ я.

— Еще бы не помнить; дѣло недавнее. Я тогда работникомъ у хозяина жилъ. Славный былъ хозяинъ, тепереча ужъ померъ. Вотъ въ память мнѣ, что какъ разъ передъ тѣмъ, какъ харьковская «желѣзка» пошла, годъ для Селиховскихъ хозяевъ больно прибыльный былъ, страсть какой прибыльный. Проѣздъ огромный, и заработки—лучше не надо. И гульба на дворахъ тоже здоровая. Толковали тогда умные люди, что не къ добру—прибыль та большая. Такъ ли они отъ себя говорили, или чтò о «желѣзкѣ» прослышали, доподлинно сказать вамъ не умѣю, только я самъ объ этомъ дѣлѣ вотъ какъ узналъ. Одиножды (однажды), вечеромъ, постомъ это было, передъ ужиномъ сидѣли мы въ хатѣ: хозяинъ, хозяйка и дѣти. А ждали они къ себѣ брата родного хозяйки. Онъ что-то замѣшкался. Столъ стоялъ накрытъ и все на ѣмъ, какъ слѣдуетъ,—гостя ждутъ. Шастъ! и онъ вошелъ еще съ кѣмъ-то. Поздравлялись, выпили и мнѣ поднесли.

Старикъ облизнулся и продолжалъ:

— Я хоша у хозяина въ работникахъ жилъ, одначе замѣсть (вмѣсто) родного считался и довѣріе имѣлъ на счетъ денегъ или еще чего такого. И за однимъ столомъ саживали съ собою завсегда. Вотъ хозяйкинъ братъ и говорить:

— Ну, Парѣнь Митричъ, плохо наше дѣло, конецъ намъ пришелъ. Не ждали, не гадали...

— Что, что такое?—загомонили мы всѣ.

— Такъ и этакъ, рассказалъ онъ, что дорога желѣзная строится,

¹⁾ Отъ Селиховыхъ Дворовъ къ Харькову довольно большой подъемъ.

²⁾ «Почтова» значитъ дилижансъ, который возилъ почту или проѣзжихъ «на почтовыхъ».

³⁾ Гангора—мѣстное народное названіе маль-постовъ.

⁴⁾ Желѣзная дорога.

и какъ по ней товары пойдутъ, и прочее. Погоревали, погоревали тогда, дѣлать нечего. Не по нашему произволенію дѣло становится. Да и то сказать, тогда никому и въ голову не приходило, чтобы трактъ совсѣмъ «сничтожился». А все-таки вся Селихова засумовала (загрустила). И изо дня въ день стали у насъ не радостныя вѣсти, какъ Московскій трактъ кончается, и постоянные дворы на немъ пустѣютъ, какъ въ Курскѣ купцы кладь стали отправлять на машину. Много толковали. А у насъ на дворахъ, какъ нарочно, обозовъ видимо-невидимо, откуда взялись¹⁾. Хозяева деньги гребутъ лапатою. Иные и не рады были проѣзду большому. День и ночь наѣзжаютъ подводы (телѣги). Только замѣтно стало, что извозчики приуныли крѣпко, форсу въ нихъ нѣту-ти, гулянки тоже мало стало; почуяли бѣду неминуемую. Тѣ, которые отъ Москвы на Курскъ ходили, въ обрѣзъ сократились. По шоссе Московскому трава заросла... Жалко смотрѣть на дворы постоянные тамошніе.

Старикъ на минутку умолкъ.

— Еще вамъ расскажу, какъ въ послѣдній останній разъ у насъ тутъ гангора прошла. Вѣкъ не забуду. Въ ту пору извозъ по тракту здорово ослабѣлъ. А почтари кажидень (каждый день) еще ѣздили. Вотъ слышимъ: завтра въ послѣдній день гангора пройдетъ, а больше ей не бывать. Затосковали наши хозяева. А гангора въ третьемъ часу всегда ходила. И что ты, баринъ милый, думаешь? На стрѣчу (встрѣчу) ей вся, что ни на есть, деревня вышла. Глядитъ народъ въ то мѣсто, откуда она покажется. А какъ приѣхала она къ намъ, и не знаю, что сдѣлалось, словно покойника, мы ее провожали. Покатили къ Курску почтовики, а, самъ знаешь, надалѣко дорога видна. Мужики руками машутъ, а бабы въ голосъ ударились, ревмя ревутъ, не унимаются. И ребятишки за ними голосятъ, не знаютъ—о чемъ, а тоже... А какъ гангора ушла, тихо стало на Дворахъ. Проѣзжихъ почти не было. На другой день большой переполохъ у насъ былъ.

— Пожаръ, что ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не пожаръ, а вотъ что. Въ полудень слышали мы трубу; здорово трубить отъ Харькова, значитъ, гангора опять идетъ. Засуетились мужички наши, забѣгали. А труба такъ и разливается—гулко. Иные уже заговорили: «Это насъ попустому стращали (страшили). Вчера гуторили (говорили), что больше гангоры не увидимъ, а она и сегодня идетъ. Какъ можно нашъ трактъ, который, можетъ, тысячу лѣтъ стоитъ, и вдругъ прекратить?». И, Боже ты мой! Однимъ духомъ со всѣхъ сторонъ на

¹⁾ Старикъ не могъ понять, что съ открытіемъ путей Московскаго и Кіевскаго (раньше Харьковскаго) въ Курскъ должна была съ юга стекаться масса товаровъ для слѣдованія въ западную и центральную Россію.

поссе выскочили. Глаза къ Харькову пялятъ, гангору примѣчаютъ.

— Вотъ она, голубушка наша! — крикнулъ передній изъ мужичковъ весело таково.

— Я, — продолжалъ рассказчикъ, — ажъ на «пенушекъ» взобрался, гляжу—точно съ горы лошади спускаютъ, да это совсѣмъ не гангора, «почтова» идетъ тройкой и по заведенію трубить... а что, и трубить-то было нечего, на поссе ни единой души не мотается. И мужички наши шелохнулись, назадъ подались. Видятъ, что Ѳедотъ, да не тотъ. Бросились они къ «почтовѣ», что, моль, и какъ... Отвѣчаютъ — въ послѣдній разъ идемъ. Съ завтраго почту на машинѣ возить будутъ. Почтари не въ духѣ... Смотрятъ на домъ-то свой, гдѣ приставали прежде. А имъ ничего и настряпано не было. Закусили въ сухомятку и дальше маршъ!

— Прощайте, братцы! — крикнули намъ почтари, какъ въ Курскѣ покатали, — не поминайте лихомъ.

И скрылись съ глазъ за горою. Жутко намъ стало... Подъ сердце какъ ножемъ полоснуло.

Старикъ поникъ головой.

— Скажи, пожалуйста, — промолвилъ я: — а потомъ ходили черезъ Селиховы Дворы обозы?

— Ходили, какъ не ходить. Только не попрежнему, чудно какъ-то. День пять-шесть пройдетъ балыча (бывало), никого вѣту-ти. Ждутъ-ждутъ хозяева, глаза проглядятъ, чисто просто на дорогѣ. Одначе глядь — тащится обозикъ къ Селиховымъ... одинъ на тридцать дворовъ. Куда ему приставать? И ума не дашь. Видючи такія дѣла, хозяева было очередь промежъ себя положили, кому за кѣмъ извозчиковъ принимать. Только отъ этого самаго толку мало вышло. А все-таки нѣкое время крѣпились, ждали, что перемѣна выйдеть...

— Какая перемѣна? — спросилъ я.

— А такая: «желѣзка сократится» (перестанетъ существовать).

— Что ты? Развѣ вы думали, что опять по поссе ѣздить станутъ, а не по желѣзной дорогѣ?

— То-то и дѣло, — задумчиво сказалъ мой собесѣдникъ: — были такія думы у хозяевъ нашихъ.

— Какъ же имъ это пришло въ голову, скажи, пожалуйста.

И старикъ передалъ мнѣ вотъ что.

— Зимы мы ждали, чтобы полютѣ была. Говорили, что зимою «желѣзка» не пойдетъ. Машина «охлаждаетъ» и станеть.

— Кто-жъ вамъ сказалъ это?

— А сказалъ странникъ одинъ, черезъ Селиховы проходилъ... Старый такой, сурьезный и въ желѣзномъ колпакѣ на головѣ... колпакъ на самыя брови нахлобученъ. Пришелъ онъ къ намъ, а къ нему всѣ хозяева... «Что хошь, говорить, возьми, только скажи,

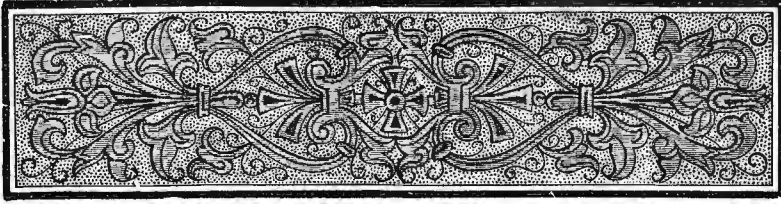
какъ намъ быть, — доѣла насъ «машина желѣзная». А странникъ и говорить — потерпите маленько. Эти, говорить, машины для иноземныхъ земель годятся, а у насъ зимою онѣ пару не дадутъ, весь паръ замерзнетъ, и машина сядетъ, какъ ракъ на мели. Снѣга потомъ пойдутъ, завалить «всю путь»... Я, говорить, видѣлъ, какъ московская машина въ сугробъ залѣзла недалече отъ Курска и «вызволиться» (высвободиться) не могла. Разъ, другой такъ — и «желѣзку» эту побросаютъ совсѣмъ. И обозы опять пойдутъ по тракту... Лишь бы морозы были хорошіе, а то вамъ робѣть нечего...

— Ужъ какъ обрадовалъ насъ странникъ тогда своими «рѣчьми»... Денегъ ему надавали, добра разнаго. Крѣпко надѣялись. Только, баринъ, занапрасно. Для машины никакой морозъ не подѣ шайку. Идетъ она въ трескучій морозъ, раздымается, только шипитъ да свиститъ хлеще... Вотъ и весь сказъ. И стали наши Дворы «разсываться», кто куда пошелъ; хаты зачали продавать да сносить, сараи ломать. Длинные сараи были для проѣзжихъ, вонъ какъ эти, что еще отъ стараго «время» остались. Такихъ сараевъ длинныхъ не то что въ деревнѣ, въ слободѣ не найдешь. Кони тамъ ставились.

Старикъ еще немного поговорилъ со мною. Попроцавшись съ нимъ, я двинулся въ обратный путь. Тихо было на Селиховыхъ, пустынно на шоссе. На обратномъ пути повстрѣчались мнѣ всего двѣ-три телѣги, на которыхъ возвращались изъ Курска крестьяне...

А. Танковъ.

СКАЗАНИЕ О НИКОЛѢ МИЛОСТЛИВОМЪ ¹⁾.

I.

ИЛИ въ одномъ городѣ два мужика: богатый и бѣдный. Не стало какъ-то у бѣднаго хлѣба, пошелъ онъ просить къ богатому.

— Дай, братъ, хлѣба: не ѣлъ ужъ который день. Отказалъ богатый.

— Нѣтъ у меня хлѣба... Да и давать-то тебѣ вѣдь нельзя: что потомъ съ такого голыша получишь...

Взмолился бѣдный:

— Такъ, коли не даешь хлѣба, дай хоть денегъ, ужъ деньги-то выплачу.

Не даетъ богатый и денегъ.

— Обманешь,— говоритъ,— знаю я вашего брата: вамъ только бы взять, а ужъ отдача плохая.

Горько стало бѣдному.

— Неужели я совсѣмъ у тебя изъ вѣры вышелъ? Такъ вотъ тебѣ при Николѣ Милостливомъ клянусь и обещаю отдать деньги на будущее лѣто...

Снял со стѣны образъ Николы Милостливаго, перекрестился и поцѣловалъ его.

¹⁾ Предлагаемое сказаніе записано мною въ Омутинскомъ заводѣ Вятской губерніи со словъ одного заводскаго рабочаго. Я передаю его почти дословно, раздѣливъ только на главы для удобства читателей.

Я пишу не «милостивый», а «милостливый», согласно съ народнымъ произношеніемъ.

Устрашился богачъ такой клятвы, повѣрилъ.

— Ну, возьми вотъ три рубля, да только смотри, не обмани: поручитель у тебя не простой человѣкъ.

Говорить это, а бѣдный мужикъ ужъ на порогѣ стоитъ, словъ отъ радости не можетъ говорить, махнулъ только головой да и побѣжалъ домой.

II.

Прошло мѣсяца два или три, захворалъ бѣдный мужикъ. Захворалъ, да и отдалъ Богу душу.

Узналъ про это богатый. Страшно онъ разсердился. Не велики были для богача три рубля, да ужъ извѣстно, что чѣмъ богаче мужикъ, тѣмъ онъ скупѣе. Ужъ и ругалъ онъ себя и зарокъ давалъ не вѣрить больше бѣднякамъ. Подъ конецъ началъ ругать Николу Милостливаго.

— Тобой,— говоритъ,— онъ клялся, такъ и ты долженъ отвѣчать. Что ты его не вылѣчилъ, отработалъ бы онъ тогда мнѣ деньги?

И началъ богачъ ругать икону непристойными словами. Ругалъ, ругалъ, потомъ снялъ образъ со стѣны. Провертѣлъ въ иконѣ дыру, продернулъ веревку и понесъ на базаръ продавать.

III.

Идетъ богатый по базару и кричить во все горло:

— Купите икону, купите за три рубля!..

Смотрить на него народъ, удивляется, а икону никто не покупаетъ. Дошелъ богачъ до перекрестка, остановился и опять кричить во все горло:

— Купите икону, купите!

Шелъ мимо мальчикъ съ лоткомъ, на лоткѣ у него булки. Только хотѣлъ закричать: «купите булокъ горячихъ», какъ услышалъ, кто-то кричить:

— Купите икону, купите!

Поразило это мальчика. «Дай, думаетъ, посмотрю». Подошелъ поближе.

— Ты, дядя, продаешь икону?

— Я продаю.

Посмотрѣлъ мальчикъ. Такъ кротко да жалостливо поглядѣли на него съ иконы глаза святого: захотѣлось мальчику купить икону.

— Сколько ты, дядя, возьмешь?

Поглядѣлъ на него богачъ, видитъ, хочется мальчику икону купить. Хотѣлъ попросить дорого, да побоялся, что у мальчика денегъ не хватить.

— Три рубля,—говорить,—только.

Вынулъ мальчикъ свой кошелекъ, только три рубля и оказалось. Больше года по копейкамъ сберегалъ эти деньги, а тутъ не пожалѣлъ.

— Бери, дядя, давай поскорѣ икону.

Вынулъ изъ нея веревку и понесъ домой, даже булки не сталъ продавать. И богачъ пошелъ, а дорогой все думалъ:

— На что этотъ дурень купилъ икону?

IV.

Купилъ мальчикъ икону, принесъ домой, а показать матери и боится. Думаетъ, что бранить будетъ. Вотъ началъ онъ икону прятать, а мать-то идетъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

Оробѣлъ мальчикъ, а солгать не посмѣлъ.

— Купилъ, мама, икону на базарѣ: мужикъ ее за три рубля продавалъ.

Начала его бранить мать:

— Дурень, ты, дурень, вздумалъ иконы покупать! До того ли намъ при нашей бѣдности! Лучше бы на эти деньги теленка купить, выкормила бы я, корова была бы, и молоко, и масло, а то, гляди, одинъ сухой хлѣбъ ѣдимъ...

И пошла, и пошла. Стоитъ мальчикъ съ иконой въ рукахъ и слова сказать не смѣетъ.

Подъ конецъ смиловилась мать.

— Ну, чего стоишь пнемъ на мѣстѣ, повѣсь икону на стѣну, да ступай булки продавать.

Обрадовался мальчикъ, что гнѣвъ у матери прошелъ, повѣсилъ икону на стѣну и побѣжалъ булки продавать.

V.

Ходитъ онъ по городу, кричить: булки горячія, булки. Скоро у него стали раскупать булки, такъ что даже удивился парень. Продавъ остатки, побѣжалъ домой, захватилъ, что было къ завтрашнему дню приготовлено, опять вышелъ, и того ужъ немного становится. Кому ни случится, всякій беретъ. Радуется парень: «вотъ,—говорить,—кабы каждый день такая продажа была, скоро бы воротилъ я матери эти три рубля. Думаетъ такъ и видитъ: подходитъ къ нему нищій, старый, весь въ лохмотьяхъ, а лицо чистое, привѣтливое. Почудилось парню, будто онъ этого нищаго гдѣ-то видалъ.

Подошелъ къ мальчику нищій поближе и сталъ на него смотрѣть. Жутко тому стало, неловко. Наконецъ спросилъ:

— Что, дѣдушка, булокъ что ли надо?

Усмѣхнулся нищій.

— Нѣтъ, не надо мнѣ булокъ.

— Такъ что же ты на меня такъ смотришь?

Еще пристальнѣе поглядѣлъ ему въ глаза нищій, точно въ душу хотѣлъ влѣзть. Повеселѣло лицо у нищаго.

— А то смотрю, что хочу къ тебѣ въ батраки идти.

Удивился мальчикъ.

— Помилуй,— говоритъ,— мы и съ матерью, вдвоемъ-то, едва кормимся, гдѣ же намъ третьяго человѣка держать. Да и дѣлать у насъ нечего.

— Дѣлать будетъ чего. А про бѣдность ты напрасно говоришь. Я и самъ прокормлю себя. Только ты пріюти... А то тяжело мнѣ старому, валяться по ночамъ на улицахъ.

Говоритъ такъ нищій и глядитъ на мальчика жалостно.

И жалко стало мальчику.

— Ну, пойдемъ, дѣдушка. Потѣсимся, такъ и тебѣ мѣсто будетъ.

VI.

Пришли они домой. Мальчикъ и говоритъ матери:

— Вотъ, матушка, я тебѣ жильца привелъ.

И началъ было рассказывать ей, какъ къ нему выпросился нищій, да не договорилъ,—сильно разсердилась мать.

— Что это, говоритъ, за день такой—однѣ неприятности! И что на тебя, Иванъ, нашло? Деньги послѣднія тратить, нищихъ домой везеть... Развѣ богачи мы какіе, чтобъ работниковъ держать?... Чѣмъ ты его кормить будешь? отъ какихъ достатковъ?

Засмѣялся нищій.

— Полно, говоритъ, матушка, ты мнѣ только уголъ дай, а ужъ прокормиться самъ сумѣю, да и тебѣ помогу. Были бы руки, будетъ и хлѣбъ.

Только сказалъ это, въ дверь постучали. Приказчикъ явился отъ купца.

— Пойдемъ, говоритъ, Ванюшка, къ намъ заборъ поправлять; заборъ упалъ, такъ надо сейчасъ же поправить, а то скотъ весь садъ и огородъ попортитъ. Пойду скорѣе еще людей искать.

Нищій и говоритъ:

— Не бѣгай попусту, скоро ли ты людей-то найдешь, а заборъ-то вѣдь надо къ ночи поправить. Вотъ мы съ Ванюшкой вдвоемъ управимся.

Сталъ было сомнѣваться приказчикъ, управятся ли вдвоемъ.

— Коли не управитесь, такъ съ деньгами проститесь.

— Ладно,—говорить нищій.

Пошли съ Ванюшкой, начали работать. Дѣло такъ и спорится. Еще солнышко высоко стояло, а у нихъ ужъ работа кончена.

Похвалилъ ихъ работу купецъ и далъ имъ три рубля. Пошли они домой. Ванюшка и отдаетъ нищему два, а себѣ беретъ рубль.

Усмѣхнулся нищій.

— Да гдѣ это видано, чтобы хозяинъ съ батракомъ выручкой дѣлился, да ему же еще и больше давалъ. Я у тебя батракъ и денегъ брать не могу. Вотъ покормить меня за работу слѣдуетъ.

Сколько Ванюшка ни бился, ничего не могъ подѣлать. Такъ три рубля и отдалъ матери.

VII.

И стали они втроемъ жить да поживать. Нищій помогалъ булки печь, дрова таскалъ, воду носилъ, мать пекла да дѣлала булки, а Ваня ихъ по городу разносилъ. Стало у нихъ и достатку прибывать. Мало-по-малу лошадей завели, на лошади стали булки возить. Потомъ коровъ завели, домъ перестроили. Видѣлъ Ваня, что не стало у нихъ нужды съ той поры, какъ нищій къ нимъ пришелъ, видѣлъ, что и мать перемѣнилась, изъ сердитой да печальной сдѣлалась доброй и веселой,—и крѣпко полюбилъ онъ нищаго. Сталъ онъ звать его дядей.

— Какой я тебѣ дядя, я нищій,—отговаривался было тотъ.

А Ваня въ отвѣтъ:

— Ты для меня все одно, что отецъ, такъ хоть дядей я тебя звать стану.

Не сталъ нищій спорить. А если кто другой спроситъ, какъ его зовутъ, такъ скажетъ:

— Нищій.

И сколько ни допытываются, своего имени не скажетъ. Даже старухѣ, Ваниной матери, и той велѣлъ звать нищимъ. И хотя жили они въ достаткѣ, однако ходилъ онъ все въ томъ же рубищѣ, въ какомъ пришелъ къ Ванѣ: коль худо что станеть, положить самъ заплатку и опять носить, а новаго не надѣваетъ. Такъ всѣ на него и рукой махнули.

VIII.

Городъ тотъ, въ которомъ жилъ Ваня, стоялъ на берегу большой рѣки. Рѣка была судоходная и не вдалекѣ въ море впадала. Ходили по рѣкѣ большіе корабли и къ городу подплывали.

Однажды, — а было это года черезъ три, какъ нищій у Вани сталъ жить,—пришелъ въ городъ челоуѣкъ изъ заморской земли.

Былъ онъ русскій и плавалъ матросомъ на военномъ кораблѣ, да попалъ въ плѣнъ. Увели солдата въ жаркія страны, продали тамъ за сто рублей въ рабы одному невѣрному. И выжилъ тамъ солдатъ двѣнадцать лѣтъ, прожилъ бы больше, да Богъ помогъ выбраться отъ невѣрныхъ. Захворалъ какъ-то его господинъ. Лѣчили, лѣчили его тамошніе лѣкаря, ничего не могли подѣлать. Сталъ больной ужъ къ смерти готовиться и одежды такія надѣлъ. Подумалъ, подумалъ солдатъ:

— Вотъ у меня господинъ умереть, отдадутъ меня другому. Этотъ ко мнѣ добръ былъ, а тотъ каковъ-то будетъ... Дай-ка, я полѣчу его своимъ русскимъ снадобьемъ. Коли вылѣчу, такъ, можетъ быть, на волю отпустятъ, а коли нѣтъ, пушай голову рубятъ. Все одно, пожалуй, не видать мнѣ земли православной.

И сталъ онъ лѣчить господина своими снадобьями. Лѣчитъ и Богу молится. Обѣтъ далъ: коли Богъ дозволить ему вылѣчить невѣрнаго и выйти на волю,—всю остальную жизнь на Бога работать.

И дозволилъ Богъ выздороветь невѣрному. Позвалъ тотъ съ радости своего лѣкаря и спрашиваетъ:

— Какой ты себѣ награды желаешь? Проси, чего хочешь, ни въ чемъ не откажу. Даль ты мнѣ жизнь, которая для насъ всего дороже,—такъ и я для тебя ничего не пожалѣю.

Сталъ солдатъ проситься на волю. «Отпусти, говоритъ, господинъ, старость ужъ подходитъ, хочется мнѣ грѣхи свои при своемъ храмѣ замолить».

Опечалился господинъ, сталъ уговаривать солдата остаться.

— Отпущу я тебя на волю, только останься. Выстрою я тебѣ домъ, дамъ имѣніе, слугъ, будешь ты жить рядомъ со мной и станешь не слугою моимъ, а другомъ. Останься, прошу тебя, и прояви еще свое искусство; много у насъ болѣетъ господъ, будешь ты ихъ лѣчить, а самъ богатѣть.

И долго еще уговаривалъ господинъ солдата. Обѣщалъ женить его на своей дочери, на службу опредѣлить,—не подался солдатъ. Вздохнулъ тогда господинъ:

— Ну, дѣлать нечего, человекъ своему слову господинъ. Обѣщаль я тебѣ, что только запросишь, и долженъ исполнить.

Одарилъ его деньгами и отпустилъ изъ своей земли.

Вотъ этотъ-то солдатъ и проходилъ на родину черезъ городъ. Сталъ онъ рассказывать про заморскія земли, про ту страну, въ которой жилъ, какъ тамъ богаты жители, и какъ хорошо съ ними торговлю вести. Теперь же, молъ, какъ разъ тамъ замиреніе.

Соблазнился рассказами солдата богатый купецъ, который Ванѣ за три рубля икону продалъ. Купилъ онъ корабль и началъ его товарами нагружать. Повалили къ богатому купцу Андрею бурлаки да матросы, соблазнились на большое жалованье. Подгово-

рилъ съ собой богачъ и другого купца, Артамона, плыть въ заморскую землю за торговлей. Снарядилъ и тотъ такой же корабль. Приготовили купцы богатые подарки султану невѣрному, такіе подарки, что весь городъ сходилъ смотрѣть ихъ. Не зачѣмъ бы стоять и плыть можно, да оставалось еще дома кое-какія дѣла уладить.

IX.

Пошелъ Ваня одинъ день на пристань и видитъ: два корабля снаряженные стоятъ. И захотѣлось Ванѣ плыть въ заморскую землю.

— Что, говорить, толку жить на одномъ мѣстѣ. На одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обростаетъ. Дожилъ я до восемнадцати лѣтъ, кромѣ своего города, ничего не видалъ. А солдатъ вонъ какія диковины рассказываетъ про заморскія земли.

И такое припало Ванѣ желаніе поглядѣть эти земли, что не утерпѣлъ онъ, побѣждалъ поскорѣе къ сходнямъ.

Дошелъ до сходень, что вѣли къ кораблямъ, и задумался: къ которому купцу идти. Да не долго думалъ: не пойду, говорить, къ Андрею; не хорошій онъ человѣкъ, при такомъ богатствѣ икону изъ дома на рынокъ продавать носить. Онъ Божьяго угодника уродуетъ, а насъ, простыхъ людей, и подавно ни во что не будетъ ставить. Пойду-ка къ Артамону.

Пришелъ къ Артамону, а тотъ на кораблѣ чай пьетъ. Устроена была такая палатка на верхней палубѣ, онъ тутъ и сидѣлъ. Стоятъ передъ нимъ капитанъ и лоцманъ, и ведетъ онъ съ ними разговоръ про дальнюю дорогу въ заморскую землю.

Поклонился ему Ванюша и сталъ высказывать свою просьбу. Усмѣхнулся купецъ.

— Нѣтъ, говорить, я на кораблѣ булокъ печь и продавать не стану, стало быть, и ты мнѣ не нуженъ. Кухарь и пекаръ хлѣба у меня уже есть. Вотъ если бы ты былъ матросомъ хорошимъ, такъ ужъ и быть, взялъ бы тебя, хотя людей довольно. А то какую ты мнѣ пользу окажешь? Развѣ умѣешь по мачтамъ лазать, парусъ ставить, грести, когда надо, якорь кидать, да другое матросское дѣло дѣлать?

Сталъ Ванюша говорить, что выучится онъ всему этому скоро.

Разсердился купецъ. Не любилъ онъ, когда его послѣ отказа еще просили.

— Что я тебя для обученія что ли на корабль возьму? Эй, молодцы, уведите его.

Подхватили его молодцы и потащили по сходнямъ. Начали угощать его тумачами да подзатыльниками, а сами приговариваютъ: «ты въ городѣ насъ кормишь городскими булками, а те-

перъ мы тебя угостимъ корабельными». Потчевали его такъ, иди по сходнямъ, а недалеко отъ берега такъ угостили, что слетѣлъ Ванюша со сходень и упалъ въ воду. Ушибся не много, а вымокъ весь. А купецъ на кораблѣ подперъ бока руками и хохочеть.

X.

Вернулся Ваня домой въ слезахъ, обидно ему было: ни за что получилъ и брань, и побои. Увидаль его нищій и спрашиваетъ:

— О чемъ плачешь?

Разказалъ ему Ванюша. Подумаль, подумаль нищій и говоритъ:

— Ну, чтожъ, коли не хочеть брать, такъ и не нужно.

Ванюша даже весь встрепенулся.

— Какъ не нужно? Не знаешь ты того, что я полъ-жизни готовъ отдать, чтобы только побывать въ этихъ странахъ!

Усмѣхнулся нищій.

— Зачѣмъ полъ-жизни, можно и меньше. А потому, говорю я, не важно, что не взялъ онъ тебя: мы и на своемъ кораблѣ поѣдемъ.

Уважалъ Ваня своего старика, слушался его во всемъ, а тутъ показалось ему, что говоритъ тотъ несообразное.

— Не пойму я тебя, что ты только говоришь? Откуда мы корабль возьмемъ, да откуда и деньги на товаръ найдутся?

— Все найдется; пойдемъ-ка вотъ на базаръ.

Пошли они на базаръ. Сталь нищій разспрашивать, нѣтъ ли у кого продажныхъ кораблей. Отыскаль, наконецъ, одного купца: былъ у того купца небольшой корабль, старый, но коли починить, такъ служить еще могъ. А купцу онъ былъ, пожалуй, не надобенъ; купецъ дѣла свои расширяль и товары развозить началъ на большихъ корабляхъ.

Купили у него этотъ корабль за сто рублей. Идутъ домой, Ванюша и говоритъ:

— Ну, вотъ мы, положимъ, корабль купили, половину денегъ своихъ издержали. А гдѣ мы товару возьмемъ? На сто рублей не много купишь, а въ долгъ намъ не повѣрятъ.

— Не печалься,—говоритъ нищій,—было бы мѣсто, и будетъ что класть. На сто рублей купимъ мы пятьсотъ пудовъ соли, да съ ней и поѣдемъ торговать.

Удивился Ванюша. Добро бы какой товаръ хорошій, а то соль, много ли отъ нея барыша будетъ. Однако припомнилъ, что всѣ совѣты ницаго шли въ пользу, и согласился.

XI.

На другой день нищій съ Ванюшей да работниками пошли корабль починять. Подходятъ къ рѣкѣ, и тамъ изъ пушекъ палятъ. Это купцы Андрей да Артамонъ поѣхали съ своими товарами въ заморскую землю торговать.

Починили корабль. Стали нагружать его солью. Подыскали рабочихъ. То да сѣ, недѣля прошла, не выдаючи, гдѣ же скоро соберешься.

Ванюша и говоритъ нищему:

— Ну, дядя, не догнать намъ нашихъ купцовъ, они, чай, ужъ на половинѣ дороги.

— Догонимъ, дай срокъ.

И точно догнали. День на третій, какъ вышли нищій съ Ванюшей на своемъ кораблѣ, — видятъ: у одного берега что-то чернѣетъ. Не могли сразу разобрать, подзорныхъ трубъ тогда не было.

Не утерпѣлъ Ванюша.

— Пойдемъ, дядя, направимъ корабль нашъ туда, что тамъ такое.

— Направимъ, — говоритъ.

Подплыли поближе, видятъ: это тѣ — корабли, на которыхъ Андрей съ Артамономъ уѣхали. Завидѣли купцы Ванюшинъ корабль, сейчасъ лодку спустили и подѣхали. Видитъ Ванюша: ѣдутъ къ нимъ купцы, и говорятъ нищему:

— Не ладно, видно, у нихъ, дядя.

— Не ладно, — говоритъ.

Подѣхали купцы и бухъ Ванѣ въ ноги.

— Помоги, — говорятъ, добрый человекъ, сѣли мы на мель, да вотъ недѣлю и не можемъ сняться. Вѣтра нѣтъ, а людей мало. Что хочешь возьми, только помоги.

Нищій и запросилъ.

— А половину товара своего отдадите?

Переглянулись купцы. Жаль имъ было добра, да дѣлать нечего. Помялись, помялись, — согласились.

— Только, — говоритъ нищій, — вы намъ товаръ тогда отдадите, какъ приѣдете въ заморскую землю. А то теперь куда мы его дѣнемъ.

Согласились купцы и на это. Мѣсто безлюдное, кругомъ вода, народу нигдѣ не найти. Волей не волей поклонисься молодцу, безъ Ванюшиныхъ матросовъ ничего не подѣлаешь.

Помогли имъ сняться Ванюшины матросы, и поѣхали все три корабля вмѣстѣ. Ванюшинъ впереди, а купеческіе корабли за нимъ. Правиль Ванюшинымъ кораблемъ нищій, онъ и дорогу велъ, а купеческіе лоцмана и рулевые уже на себя не стали надѣяться, какъ недѣлю посидѣли на мели.

XII.

Недѣли черезъ двѣ пріѣхали они въ заморскую столицу. Городъ стоялъ у самаго моря. Ванюшѣ онъ показался какимъ-то совсѣмъ чудеснымъ — съ башнями, мечетями, высокими да узенькими домами.

Сотворили наши купцы молитву и пошли на берегъ. Только сошли, побѣждалъ къ нимъ султанскій чиновникъ и спрашиваетъ, зачѣмъ пріѣхали. Говорятъ купцы на своемъ русскомъ языкѣ, — не понимаетъ тотъ. Начали было чиновники ужъ тащить русскихъ въ тюрьму, сочли ихъ за подозрительныхъ людей, да, спасибо, нищій выручилъ.

— Мы, — говоритъ, — пріѣхали торговать въ вашу землю изъ Русской земли.

Да и подаль чиновникамъ по штукѣ сукна алаго изъ купеческихъ товаровъ. Поняли арабы, сейчасъ кланяются да благодарить стали. А нищій и говоритъ:

— Вотъ вы бы намъ лавки подыскали, гдѣ бы намъ можно товары свои помѣстить.

Побѣжали пристава хлопотать, живо нашли. Привели потомъ арабовъ съ ослами, и начали тѣ у русскихъ товары перевозить.

Перевезли товары, каждый купецъ въ свою лавку, а нищій въ двѣ; въ одну пятьсотъ пудовъ соли помѣстилъ, а въ другую тѣ товары, что купцы Ванюшѣ дали.

XIII.

Устроились купцы, и повели ихъ чиновники на поклонъ къ султану.

Привели ихъ во дворецъ. Принялъ султанъ ласково, сталъ разспрашивать о Русской землѣ. Переводчикомъ все тотъ же нищій былъ. Поговорили, поговорили, потомъ стали купцы подарки свои подносить.

Принялъ султанъ отъ купцовъ подарки, поблагодарилъ, а потомъ Ваню спрашиваетъ:

— Ну, а ты что мнѣ привезъ?

Совѣстно Ванѣ поднести свой подарокъ, да не посмѣлъ ослушаться ницаго, не велѣлъ тотъ ничего изъ купеческихъ товаровъ подносить; краснѣетъ и говоритъ:

— Пудъ соли, ваше султанское величество.

Удивился султанъ. Не видалъ онъ никогда соли и спрашиваетъ:

— А на что этотъ порошокъ годенъ?

— А на то, что если его въ кушанье какое подбавить, то будетъ оно въ десять разъ вкуснѣе.

Усомнился султаль, а испытать захотѣлось.

— Позовите ко мнѣ повара.

Призвали повара. Заказалъ ему султаль изжарить барана, а нищій и попросился посмотреть за приготовленіемъ. Позволилъ султаль, а купцовъ отпустилъ, приказалъ лишь черезъ два часа приходить къ нему обѣдать.

Пришли черезъ два часа гости, готовъ былъ и обѣдъ. Султаль отъ нетерпѣнія каждые полчаса посылалъ на кухню узнавать, готово ли. Очень его занимало, какъ это отъ такого порошка кушанья будутъ лучше.

Сѣли кушать. Какъ проглотилъ султаль первый кусокъ, такъ и просіялъ весь:

— Волшебникъ ты, — говоритъ нищему, — сомнѣвался я, а теперь вполне убѣдился, что порошокъ твой чудо дѣлаетъ.

И началъ ѣсть да ѣсть. Одинъ почти всего барана скушалъ: любили купцы поѣсть, а тутъ отъ зависти и досады на Ванино счастье охоту потеряли. А Ванюша не могъ ѣсть отъ радости, что угодилъ султану.

Одарилъ султаль Ваню богато и купилъ для себя половину привезенной соли, остальное раскупили придворные: кто изъ любопытства, а кто и изъ-за того, чтобъ угодить султану.

XIV.

Распродали купцы съ Ваней всѣ свои товары и съ большими барышами поѣхали домой. О Ванѣ нечего говорить: столько везъ онъ денегъ и разныхъ драгоценностей, что приснись ему это раньше во снѣ, ни за что не повѣрилъ бы, что столько можетъ быть когда нибудь у него. И купцы получили барыши, хотя не особенно большіе, потому что половину товара они отдали Ванѣ. И грызла ихъ зависть на Ванино счастье, такъ что всю дорогу они думали, какъ бы убить Ваню и завладѣть всѣмъ его богатствомъ, да не удалось имъ это. Берегъ Ваню нищій крѣпко. Такъ ни съ чѣмъ и пріѣхали домой.

А въ городѣ безъ нихъ большое происшествіе случилось. Жилъ у нихъ въ городѣ воевода, и была у этого воеводы дочь красоты неописанной. Судѣлалъ воевода что-то несправедное и наказалъ его Господь: вселились въ прекрасную боярышню бѣсы и мучили ее несказанно. Наконецъ, увидѣлъ воевода такое видѣніе: явился ему во снѣ человекъ въ свѣтлой одеждѣ и говорить:

— За грѣхи твои наказалъ тебя Господь въ единственной дочери твоей. Повелѣвается тебѣ положить ее въ гробъ и гробъ поставить у алтаря соборнаго храма. Днемъ она будетъ лежать безъ движенія, а ночью нужно ставить къ ней человека читать псал-

тирь. И кто не хорошо псалтирь прочитаетъ, безъ страха Божія, а со страхомъ передъ бѣсовскими ухищреніями, будетъ ею сожранъ. Каждую ночь обязательно ставь къ ней человѣка. Если же не будешь исполнять этихъ велѣній Господа, то всему вашему городу будетъ страшная кара. И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не явится человѣкъ, который избавитъ васъ отъ зла.

Проснулся воевода и ужаснулся. Жестокимъ показался ему гнѣвъ Господень. Однако велѣлъ положить дочь въ гробъ и перенести въ храмъ, какъ было наказано, и нарядилъ человѣка изъ своихъ прислужниковъ читать псалтирь.

Заперли за человѣкомъ церковь. Ходилъ сторожъ вокругъ церкви, видѣлъ свѣтъ и слышалъ, какъ читаютъ псалтирь. Въ полночь вдругъ раздался стукъ, закричалъ въ церкви кто-то страшнымъ голосомъ, и огонь потухъ.

Пришли на утро, отъ читальщика только кости обглоданныя остались, да псалтирь на полу валяется. А прекрасная боярышня лежитъ въ гробу, будто живая, только не дышитъ.

XV.

Мѣсяца не прошло, какъ боярышня пріѣла почти всѣхъ людей у воеводы. Стали назначать ужъ изъ горожанъ по жребію. Кто не зналъ грамоты, тому дозволялось наизусть читать псалмы. И съ тѣми то же было. Придутъ утромъ — однѣ кости на полу. И сталъ народъ роптать и волноваться. Не посылать очереднаго было нельзя, такъ какъ могли прійти худшія напасти. Терпѣлъ народъ и проклиналъ воеводу, а того и не зналъ, что не за одинъ воеводинъ грѣхъ, а за народное нечестіе наказалъ Господь горожанъ.

Скоро послѣ того, какъ пріѣхали купцы, палъ на нихъ жребій. Должно было идти сперва Андрею читать надъ боярышней. Испугался Андрей, зналъ, что живой не вернется, а жить ему хотѣлось. Думалъ, думалъ онъ и пошелъ къ Ванѣ:

— Вотъ что, племянникъ, — говоритъ, — въ нуждѣ Ваня ужъ въ племянники попалъ, — выпалъ мнѣ жребій идти завтра читать. Пойти бы я пошелъ, да читаю я плохо, разсердится боярышня и разорветъ меня навѣрное. А самъ ты знаешь, какой я грѣшный человѣкъ; умереть, не раскаявшись, мнѣ страшно, а въ одну ночь во всѣхъ грѣхахъ не раскаешься, не припомнишь ихъ. Да и потому дѣти мои останутся безъ призора, будутъ расти въ грѣхѣ, а это мнѣ въ вину поставится. Выручи меня, племянникъ, почитай за меня. Ничего тебѣ не будетъ отъ покойницы; тѣмъ было плохо, такъ и по дѣломъ: заберутся читать, а сами и грамоты не знаютъ. А ты у насъ человѣкъ грамотный. Пожалѣй старика, сходи, почитай. Дамъ я тебѣ за это третью часть моего имѣнія...

Говорить такъ, а самъ думаетъ: коли согласится, да разорветъ его боярышня, такъ и лучше не надо. Не придется тогда мнѣ третью часть имѣнія отдавать, да и не будетъ онъ больше глаза моволить. А то больно сталъ въ гору лѣзть.

А Ванѣ и въ голову не приходило, что Андрей про себя думалъ. Не соблазнился онъ на деньги, а пожалѣлъ старика, пожалѣлъ дѣтей его и обѣщалъ почитать. «Все равно, говорить, коли когда суждено умереть, такъ и дома на печи умереть, а не суждено, такъ и на морѣ не утонешь».

XVI.

Ушелъ отъ Вани Андрей, пришли домой нищій и Ванина мать. Разсказалъ имъ парень, что обѣщалъ Андрею почитать за него въ церкви у боярышни. Завыла мать дикимъ голосомъ:

— Что ты надумалъ, сынокъ? Погинешь ты во цвѣтѣ лѣтъ,— на кого оставишь старую мать?

И пошла, и пошла. Слушалъ нищій и говорить:

— Обѣцано, такъ на половину дѣло сдѣлано. Ворочаться нельзя. Хорошо парень сдѣлалъ, что пожалѣлъ дѣтей Андрея, остались бы они сиротами. А и тебѣ, парень, погибать не гоже. Слушай, я тебя научу: какъ придешь въ церковь, выбери мѣсто у гроба и очерти вокругъ себя на сажень кругъ мѣломъ. Стань по серединѣ этого круга и читай. Читай и ни на что не смотри, ничего не пугайся. Коли чего испугаешься, тутъ и гибель твоя.

Наставилъ этакъ нищій Ваню и перекрестилъ. «Ступай», говорить. Пошелъ тотъ, а прежде поклонился въ ноги матери и нищему и поцѣловался съ ними: можетъ, вернуться-то ужъ не удастся.

XVII.

Пришелъ онъ часу въ десятомъ вечера въ церковь. Провелъ его сторожъ ко гробу. Изукрашенъ гробъ богато, крышка стоить въ сторонѣ, и увидѣлъ Ваня въ гробу дѣвицу красоты неописанной. Не вѣрилось Ванѣ, чтобы этакая красавица пожирала людей, какъ какое нибудь чудовище. Однако отошелъ онъ сажень на пять отъ гроба, очертилъ себя на сажень кругомъ мѣломъ, поставилъ въ кругѣ аналой и подсвѣчникъ, занялъ свое мѣсто, раскрылъ псалтирь и сталъ читать.

Какъ увидѣлъ сторожъ, что онъ совсѣмъ приготовился, то вышелъ изъ церкви и заперъ ее на ключъ. Боялся онъ, какъ бы Ваня не убѣжалъ изъ церкви, а тогда голодная боярышня принялась бы за него. Съ прежнимъ сторожемъ былъ такой случай, и съ тѣхъ поръ стали запираеть церковь.

Читаетъ Ваня, а сторожъ ходитъ кругомъ церкви, часы отбиваетъ. Отбилъ десять, отбилъ одиннадцать. Жутко стало Ванѣ, скоро пойдетъ страшный часъ. Отбилъ сторожъ двѣнадцать, и вдругъ гробъ съ шумомъ полетѣлъ со скамьи. Вышла изъ него женщина, только не такая, какая лежала въ гробу, а другая: лицо старое, злое, глаза блестятъ, какъ уголья, волосы космами висятъ, а на губахъ пѣна. Встала и идетъ прямо къ Ванѣ, и руки растопырила, чтобы взять его. Но дошла только до мѣловой черты, а дальше ужъ не могла. И начала она выгибаться впередъ, чтобы захватить Ваню. А тотъ читаетъ псалтирь полнымъ голосомъ. Понялъ онъ, что оробѣй немного, такъ или пошатнется, или упадетъ, а тутъ его боярышня и схватитъ. Хотъ и жутко ему было, а стоялъ онъ твердо. Билась, билась та, ходила кругомъ, а время шло да шло. Пробилъ сторожъ часъ, и пошла женщина въ свой гробъ, заскрежетала только зубами.

Утромъ сталъ сторожъ отпирать церковь и удивился, какъ услышалъ, что въ церкви псалтирь читаютъ. Въ первый разъ это еще было.

А Ваня ушелъ домой, рассказалъ, какъ было дѣло, и послалъ нищаго къ Андрею за обѣщаннымъ имѣніемъ. Подосадовалъ тотъ а, дѣлать нечего, пришлось отдать.

XVIII.

А на другой день Артамону выпала очередь читать надъ боярышней псалтирь. Прослышалъ Артамонъ, что въ прошлую ночь за Андрея Ваня ходилъ читать; задумалъ онъ также отдѣлаться отъ очереди, отправился къ Ванѣ и засталъ его на свое счастье одного.

Пришелъ и повалился парню въ ноги.

— Выручи, говоритъ, Иванъ Васильевичъ, не погуби меня. Есть у меня обѣщаній разныхъ много; нужно ихъ выполнить. Много народу могу счастливыми сдѣлать. А коли умру сегодня ночью, всего этого не удастся сдѣлать. И будетъ на моей душѣ грѣхъ... Сходи, почитай за меня. Не пожалѣю я, отдамъ тебѣ третью часть имѣнья, другую раздамъ по обѣщаніямъ, самъ останусь при третьей части.

Подумалъ Ваня: если умретъ Артамонъ, не выполнятъ жена и дѣти обѣщаній, пожалѣютъ денегъ. И рѣшилъ онъ пожертвовать собой для бѣдныхъ.

Пришли домой нищій и мать; рассказалъ онъ имъ, что обѣщаль пойти читать за Артамона. Заплакала опять мать, а нищій сказалъ:

— Трудное берешь ты на себя дѣло, ну, да ничего, какъ ни будь поможемъ тебѣ. Вотъ ужъ въ третій разъ, такъ, пожалуй,

совсѣмъ будетъ плохо... Пойдешь сегодня, такъ кругъ очерти уже на двѣ сажени. Читай, не останавливайся, а на чудовище избави тебя, Боже, взглянуть. Трудно тебѣ будетъ, да не унывай.

Опять простился съ ними Ваня и пошелъ въ церковь. Заперли за нимъ двери, и сталъ онъ читать псалтирь. А прежде вокругъ себя мѣломъ на двѣ сажени кругъ очертилъ, и въ кругъ поставилъ аналой и подсвѣчникъ.

XIX.

Пробило десять, одиннадцать часовъ, а Ванюша читаетъ себѣ громко, внятно и неторопясь. Пробило двѣнадцать, опять гробъ слетѣлъ со скамьи, и вышла изъ него женщина страшнѣе вчерашней. Увидала она Ваню и пошла къ нему. Да видитъ: въ кругу онъ стоитъ, и отъ злости зубами заскрежетала. Ходила, ходила кругомъ, ставала на черту мѣловую, ничего не могла подѣлать. Схватила она тогда свой гробъ и стала махать имъ, да не достаетъ до Вани гробъ. Коли бы во вчерашнемъ кругѣ Ваня былъ, достала бы. Наконецъ, пробилъ часъ, заскрежетала зубами женщина и ушла въ свой гробъ.

Утромъ въ городѣ всѣ удивились, когда узнали, что Ваня живъ остался. «Вотъ, говорятъ, на свою очередь надо было его нанимать, кого съѣла боярышня: ему ничего не дѣлается». А Ваня пришелъ домой едва живъ: до того его эта ночь доконала. «Не пойду, говорить, ни за кого больше, умереть не боюсь, а боюсь этакихъ страховъ».

Узналъ и воевода, что одинъ человѣкъ за другихъ двѣ ночи дежурилъ и живъ остался. Обрадовался воевода, не этотъ ли человѣкъ принесетъ избавленіе городу. Ибо было воеводѣ сказано, что прекратится это несчастье, когда найдется человѣкъ, который три ночи сряду простоятъ у гроба покойницы. И велѣлъ воевода назначить Ваню уже за себя читать надъ боярышней.

Какъ узналъ это Ваня, въ лицѣ сдѣлался не похожъ на себя. Заплакали они съ матерью. Та и говоритъ:

— Вотъ ты двухъ человѣкъ отъ смерти избавилъ, хотя за это оставили бы тебя.

А Ваня на это сказалъ:

— За тѣхъ двухъ человѣкъ я читалъ по доброй волѣ и взялъ съ нихъ деньги; милосердъ еще Богъ, что оставилъ меня тогда въ живыхъ, не смотря на мое сребролюбіе.

Какъ услышалъ нищій, что Ваня такъ говорить, обрадовался его смиренію и порѣшилъ избавить его отъ страшной смерти.

И говорить онъ Ванѣ:

— Тѣ двѣ ночи мы также боялись, однако ты живъ остался. Попробуемъ и теперь пособить тебѣ... Придешь ты въ церковь,

такъ кругомъ себя мѣломъ не очерчивай, не поможетъ это сегодня, а читай не торопясь у аналоя. Въ правой рукѣ ты держи свѣчу, а въ лѣвой вотъ эту просфору. Когда будетъ тебя пугать бѣсъ, ты не гляди на него, а какъ только женщина разинетъ ротъ поглотить тебя, ты тотчасъ же успѣвай перекрестить ее свѣчей и бросить ей въ ротъ просфору. Это самое главное. Не успѣешь—погибь.

И далъ нищій Ванѣ просфору. Простился Ваня съ нимъ и матерью и пошелъ въ церковь.

XX.

Пришелъ Ваня въ церковь. Сторожъ заперъ за нимъ двери, а самъ побѣжалъ за братомъ подговаривать его посмотрѣть съ улицы, что сегодня въ церкви будетъ. Согласился братъ, приставили они снаружи къ окну лѣстницу и стали смотрѣть.

Опять пробило десять, одиннадцать часовъ, читаетъ Ваня, а самъ старается изъ головы выбросить мысль, что будетъ. Пробило двѣнадцать, гробъ отлетѣлъ въ самый дальній конецъ церкви, и вышла изъ гроба женщина. Такое страшилище, что Ваня обмеръ, какъ увидалъ ее. Да оправился,—читаетъ псалтирь, а самъ въ умѣ Богу молится.

Стала женщина ходить кругомъ Вани, зубами скрежетать, хочеть, трогаетъ его руками. Ходила, ходила она кругомъ и вдругъ бросилась на Ваню. Увидали это сторожъ съ братомъ, обмерли они со страху и покатались кубаремъ съ лѣстницы, большой шумъ сдѣлали. Услышалъ Ваня шумъ, обернулся на сторону, а чудовище ротъ и разинуло. Чуть-чуть успѣлъ Ваня перекрестить его да просфору въ ротъ бросить. Какъ сдѣлалъ онъ это, бросилось чудовище на землю, стало кататься по полу, пѣна пошла изо рта, наконецъ содрогнулось,—и увидалъ Ваня передъ собой красавицу-боярышню, что въ гробѣ лежала. Обрадовался онъ тогда, поцѣловалъ ее въ губы и посадилъ на лавку.

А въ городѣ ужъ съ утра торопились въ церковь посмотрѣть, живъ ли останется Иванъ, будутъ ли они избавлены отъ бѣдствія. Самъ воевода пришелъ. Какъ не слышали они, чтобы ктонибудь читалъ, то ужъ подумали, что погибъ Ваня, и пожалѣли его. Отперли двери, видятъ: онъ съ боярышней на лавкѣ сидитъ и держать ее за бѣлыя руки.

XXI.

Увидалъ это народъ, и съ большой радости бросились всѣ въ ноги Ванѣ. Стали они звать его своимъ спасителемъ и избавителемъ. А какъ разъ около этого времени умеръ въ городѣ голова. И порѣшилъ народъ выбрать головой Ивана Васильевича.

А воевода на радостяхъ задумалъ выдать дочь за Ивана. Не посмотрѣлъ, что роду Иванъ простого.

И стали готовиться къ свадьбѣ. Начали столы ставить, пиво варить, брагу курить. Обвѣнчали Ивана скоро, ровно черезъ недѣлю съ той ночи, какъ онъ въ третій разъ ходилъ псалтирь читать.

Отпировали гости, молодыхъ повели на подклѣть. Пошелъ и нищій съ ними. Пришли. Сталъ Ваня раздѣваться, не успѣлъ пояса снять, какъ ахнулъ. Схватилъ нищій саблю и разрубилъ воеводину дочь надвое.

Ужаснулся Ваня.

— Что ты, говоритъ, надѣлалъ: убилъ человѣка неповиннаго, да и меня убилъ ты, такъ какъ я безъ нея жить не могу.

А нищій отвѣчалъ:

— Нужно такъ было. Ты посмотри, что изъ нея идетъ.

И увидѣлъ Ваня, какъ изъ разрубленной жены его поползли змѣи, ящерицы и всякіе гады.

Стало ему еще болѣе страшно.

— Господи, говоритъ, слава Тебѣ, что не допустилъ ты мнѣ такое чудовище въ жены взять!

— Не чудовище она, а былъ въ нее посланъ нечистый духъ и не весь еще вышелъ, когда ты въ церкви перекрестилъ ее и просфору ей далъ. Вотъ я выгоняю остальное. Сейчасъ она такой будетъ, какой прежде была.

Сложилъ нищій обѣ половины тѣла вмѣстѣ, и встала боярышня живая, только еще краше.

Палъ Иванъ передъ нищимъ на колѣни и спросилъ его:

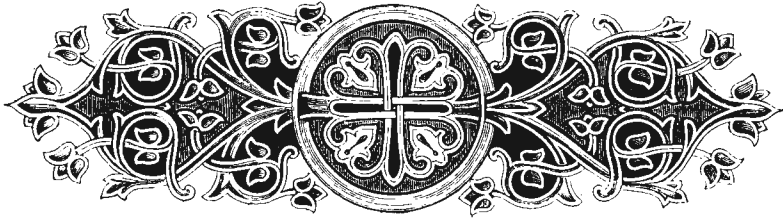
— Кто же ты, ангель или человѣкъ?

А тотъ сказалъ ему:

— Я тотъ самый, котораго ты мальчикомъ пожалѣлъ. Поругались тогда надъ моимъ изображеніемъ, а ты скорбѣлъ отъ этого. Будь такой же жалостливый, добрый и смиренный до конца своей жизни, и я тебя не оставлю.

Перекрестилъ Ивана съ женой и растаялъ, какъ дымъ. Тутъ только понялъ Иванъ, что это былъ Никола Милостливый. Поцѣловалъ онъ съ женой мѣсто, гдѣ стоялъ въ послѣдній разъ нищій, и стали благодарить Бога за его милости.

СПАССКАЯ РУЖНАЯ, ЧТО НА ПЛОЩАДИ, ЦЕРКОВЬ ВЪ Г. РОСТОВѢ ВЕЛИКОМЪ.

ЕЛИ ВСѢ вообще историческіе памятники древнерусскаго зодчества, каковы, напримѣръ, постройки время ростовскаго митрополита Іоны Сисоевича, которыми заслужилъ свою извѣстность древній кремль Ростова Великаго, способны постоянно возбуждать самый живой интересъ и достойны особенныхъ заботъ объ ихъ сохраненіи, то далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ въ этомъ отношеніи Ростовская Спасская Ружная, что на площади, церковь, отстоящая въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ кремлевской ограды, прямо противъ алтаря Успенскаго собора.

Существующій въ настоящее время каменный храмъ Всемилоствитаго Спаса построенъ въ 1690 году, вмѣсто деревянной церкви того же наименованія, сгорѣвшей въ 1671 г., а воздвигнутой въ 1654 году. На этомъ мѣстѣ, по свидѣтельству ростовскаго лѣтописца, ранѣе стояла Спасская же церковь, по тройкой относящаяся къ 1216 году, во время литовскаго погрома разграбленная и сожженная, послѣ чего мѣсто, ею занимаемое, было въ запустѣніи болѣе 40 лѣтъ.

Деревянная сгорѣвшая въ 1671 году церковь Спасская принадлежала къ числу тѣхъ «обѣтныхъ» и, пожалуй, «обыденныхъ» храмовъ, постройка коихъ являлась какъ бы искупительной жертвой въ години тяжкихъ испытаній. Къ числу послѣднихъ относится и моровая язва 1654 года, занесенная въ Ростовъ въ іюль и продолжавшаяся болѣе мѣсяца. Мѣстный лѣтописецъ въ такихъ чер-

тахъ описываетъ это страшное время: «Въ лѣто 7162 бысть на Ростовѣ и въ селахъ моръ великъ, едва успѣваху живіи опрятывати на всякъ день умираху, толко яко не успѣваху погребати ихъ, а дворовъ много затвориша безлюдій»... Любопытны замѣчанія лѣтописи о патологическомъ вліяніи язвы на человѣка: «прежде яко рогатиною ударить и явится железа и начнетъ кровію харкати и потомъ дрожъ иметь и огонь разжетъ по всѣмъ суставамъ чело-вѣческимъ, и въ той болѣзни мнози лежавъ изомроша, и бѣ болѣзнь та тяжка, множество безчисленно людей добрыхъ помре»¹⁾...

Жители города употребляли и придумывали всѣ возможныя средства къ прекращенію повѣтрія, но всѣ усилія ихъ оказывались тщетными: язва поражала цѣлыя семейства одно за другимъ, все болѣе и болѣе пустѣли дома ростовцевъ. Охваченные ужасомъ, жители наконецъ не знали, что и дѣлать, не знали, куда обратиться. Митрополита въ то время въ Ростовѣ не было: Иона Сисоевичъ съ 1654 г. три года присутствовалъ на соборахъ по поводу исправленія церковныхъ книгъ²⁾ и потому не могъ успокоить словомъ пастырскимъ смущенныхъ и павшихъ духомъ гражданъ Ростова. Въ послѣдніе дни язвы, наконецъ, вдохновенные вѣрой, по внушенію соборныхъ и приходскихъ священниковъ, жители прибѣгли къ помощи Всевышняго и, «лобызая карающую десницу Промыслителя, дали обѣтъ воздвигнуть храмъ во имя Семилюбнаго Спаса»³⁾. Съ 1-го августа повѣтріе начало ослабѣвать, а вскорѣ и совсѣмъ прекратилось. Видя въ этомъ явную милость Господа Бога, ростовцы немедленно приступили къ исполненію своего обѣщанія и въ томъ же 1654 году воздвигли деревянный храмъ, освященный во имя происхожденія честныхъ древъ Креста Господня. Поддерживаемая постоянными попеченіями жителей, Спасская деревянная церковь существовала 17 лѣтъ до пожара 1671 года, когда она, вмѣстѣ съ другими городскими зданіями, погибла въ огнѣ до основанія.

Разоренные литовскимъ погромомъ въ началѣ XVII вѣка, ослабѣвшіе въ борьбѣ съ эпидеміей въ срединѣ того же столѣтія, ростовцы окончательно обѣднѣли послѣ пожара; собирая по крохамъ свое имущество, они, однако, не забывали своего «обѣтнаго» храма; сердце ихъ постоянно болѣло при видѣ унылаго запустѣнія и развалинъ на томъ мѣстѣ «городскаго торго», гдѣ еще недавно стоялъ храмъ, особенно дорогой для нихъ тѣмъ, что былъ поставленъ въ трудное время и общими трудами всѣхъ жителей. Только къ

¹⁾ Рукописи нашего собранія № 1672. Лѣтописецъ, очевидно, подражалъ новгородской лѣтописи; см. подъ 1352 г.

²⁾ Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ, изданіе общества любителей древней письменности.

³⁾ Церковная лѣтопись Спасскаго храма.

1685 году собрались ростовцы со средствами, позволявшими подумать о началѣ постройки новой церкви.

Получивъ благословеніе митрополита, собрали ростовцы «мірской сзовъ», на которомъ и «обѣщались Всемилостивому Богу построить въ Ростовѣ внутри города, что на площади, церковь каменную, во имя Всемилостиваго Спаса..., и всѣ ростовскіе посадскіе люди выбрали церковныхъ старостъ ростовскихъ посадскихъ людей Ѳедора Звѣринцева, Михаила Серебренникова. А что кто Всемилостивому Спасу въ церковное строеніе денежнаго подаянія вкладу по мѣрѣ своей подасть, и имъ, выборнымъ людямъ, то денежное подаяніе писать въ сіи заручныя книги статьями»¹⁾...

Въ октябрѣ 1689 года, когда уже начались работы по сооруженію храма, выборные старосты били челомъ «великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея Великія и Малыя Россіи самодержцемъ», и въ своей челобитной писали: «Въ прошломъ, государи, во 7162 году, въ моровое повѣтріе, по обѣщанію городскихъ жителей построена была въ Ростовѣ на площади церковь во имя Всемилостиваго Спаса деревянная, и въ прошломъ, государи, во 7179 году, какъ градъ Ростовъ горѣлъ, и та церковь сгорѣла, и на томъ мѣстѣ за скудостію и по сіе время церковь Божія не построена. А нынѣ, государи, по благословенію вашего, великихъ государей, богомольца преосвященнаго Іоны, митрополита ростовскаго и ярославскаго, подаяніемъ всякихъ чиновъ людей, на томъ погорѣломъ церковномъ мѣстѣ заведено церковное каменное строеніе во имя Всемилостиваго Спаса, и кирпичъ и известь изготовлены, а желѣза, государи, на то церковное строеніе за скудостію малое число изготовлено, а есть, государи, въ Ростовѣ на гостинѣ дворѣ ваше, великихъ государей, желѣзо сто двадцать пудъ, осталось послѣ городского дѣла и лежитъ лѣтъ съ сорокъ и больше и поржавѣло», почему и просили «то желѣзо дать къ церкви Всемилостивому Спасу на церковное строеніе». Грамотой великихъ государей отъ 15-го октября 1689 года означенное желѣзо было отдано на постройку церкви, которая окончательно достроена была въ 1690 году, освященная, вѣроятно, самимъ митрополитомъ ростовскимъ, знакомъ чего служатъ св. мощи въ деревянномъ столбцѣ подъ престоломъ.

Средствомъ содержанія самаго храма и его священно-церковно-служителей съ начала и до сего времени служить руга, получаемая съ городскихъ доходовъ; церковные старосты тоже съ давнихъ временъ выбираются общимъ собраніемъ городского общества; прихода при Спасской церкви нѣтъ. Понятно, что при та-

¹⁾ Документы церковные въ копіяхъ въ нашемъ собраніи, рукопись № 1399.

кихъ условіяхъ существованія храмъ и его служители всецѣло зависѣли отъ владѣльцевъ рынка и въ случаѣ столкновенія интересовъ, что случалось очень часто, не мало терпѣли отъ послѣднихъ. Неразрывная связь храма съ рынкомъ, обусловленная отсутствіемъ прихода, положеніемъ церкви на бойкомъ торговомъ мѣстѣ, «кладовыми палатками» въ самомъ зданіи храма, постоянно служила предметомъ всевозможныхъ пререканій и тяжбъ между священно-церковно-служителями Спасской церкви и владѣльцами рынка, пока, наконецъ, въ 1779 г. состоялся приговоръ ростовскаго купечества и мѣщанства о предоставленіи въ пользу Спасской церкви имѣющихся при ней кладовыхъ палатокъ, выморочной лавки и 21 выморочнаго участка огородной и сѣнокосной земли въ различныхъ приходахъ Ростова.

Построенная при митрополитѣ Іонѣ III Сисоевичѣ, не безъ его, конечно, наблюденія за работами, Спасская, что на площади, церковь и теперь носитъ на себѣ очевидные признаки Іонинскихъ построекъ, а близость ея къ главному и древнѣйшему памятнику Ростова—Успенскому собору, не осталась безъ вліянія на общую архитектуру храма. Спасская церковь имѣетъ пять главъ такой же формы, какъ и соборныя, построенныя на каменныхъ фонаряхъ, окаймленныхъ поясками въ формѣ валиковъ, съ выдѣланными на нижнихъ частяхъ фонаря впадинами, въ видѣ продолговатой формы арочекъ, основавшихся изъ рядовъ полуколонокъ, имѣющихъ форму деревянныхъ балясинокъ. Фонарь большой главы имѣетъ шесть узкопродолговатыхъ пролетовъ, а нѣсколько выше окружаетъ его выдѣланная изъ кирпича ленточка въ формѣ змѣйки. Главы храма увѣнчаны восьмиконечными крестами съ подножіемъ, но безъ полулунія. Самый храмъ построенъ въ видѣ квадрата столпомъ: къ нему въ прежнее время примыкала съ южной и западной стороны паперть, уничтоженная при перестройкахъ въ XIX столѣтіи. Съ восточной же стороны храма примыкаетъ къ нему построенный по плану, въ видѣ трехъ соединяющихся полукружій, алтарь (довольно сходный по формѣ съ алтаремъ соборнымъ), съ круглыми полуколоннами снаружи. Зданіе Спасской церкви двухъ-этажное: въ верхнемъ этажѣ помѣщается церковь, а въ нижнемъ—«кладовыя палатки»¹⁾.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ Спасская церковь сохранилась до настоящаго столѣтія: если и были постройки и исправленія, то не имѣвшія никакого вліянія на цѣлость и стройность ея

¹⁾ Не лишне замѣтить, что Спасская церковь, кромѣ сходства съ соборомъ, представляла изъ себя (до современнаго намъ полнаго ея искаженія) точную копію Спасскаго Преображенскаго храма, нынѣ упраздненнаго Спасо-Песочкаго монастыря, основаннаго въ XIII столѣтіи, приписаннаго въ данное время къ Спасо-Іаковлевскому Дмитріеву монастырю. Постройка Спасской монастырской церкви относится къ XVI столѣтію.

Спасская Ружная церковь въ г. Ростовѣ.

вида. Начало нынѣшняго столѣтія было роковымъ временемъ для Спасскаго храма. Припомнимъ въ общихъ чертахъ грустную лѣтопись искаженія церкви, пользуясь церковными записками, напечатанными въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾.

Въ 1824 году, на кафедре Ярославско-Ростовской епархіи вступилъ архіепископъ Авраамъ, въ мірѣ Алексѣй Шумилинъ. «Страстный любитель строитья, этотъ архіепископъ навѣки будетъ памятенъ для Ярославской епархіи. Онъ въ великой строительной горячкѣ переломалъ и перепортилъ массу превосходныхъ древнихъ памятниковъ, драгоценныхъ и для народнаго чувства»²⁾.

По его благословенію положено начало передѣлкамъ Спасской церкви. Въ 1825 году западная сторона храма была обращена въ жилое помѣщеніе для мѣстныхъ священно-церковно-служителей, причемъ къ ней былъ пристроенъ небольшой каменный корпусъ, вслѣдствіе чего фасадная сторона паперти окончательно была уничтожена. вмѣсто существовавшихъ прежнихъ оконныхъ пролетовъ съ красиво обрамлявшими ихъ арками и полуколонками сдѣланы были въ новой стѣнѣ, подъ деревянными перемычками, четырехугольныя окна казеннаго типа, а фасадное входное крыльцо съ шатровымъ теремкомъ было сломано и погибло безвозвратно вмѣстѣ съ кафельными плитками, украшавшими наружную сторону паперти въ видѣ пояска. Въ 1859 году была построена довольно некрасивая по формѣ трехъ-этажная колокольня въ 18 сажень высотой, вовсе не гармонировавшая съ уцѣлѣвшими остатками древней Спасской церкви. Поводомъ къ постройкѣ послужило пожертвованіе однимъ изъ радѣтелей колокола, для котораго прежняя «звонница» оказалась мала! Колокольня оказалась устроенною на столько неумѣло, что вскорѣ же стала валиться, и въ 1892 году, какъ положительно угрожавшая опасностью паденія, по требованію властей, была сломана, и въ данное время отъ нея остался лишь самый нижній ярусъ, служащій входомъ-папертью и соотвѣтствующій по своему положенію древнему входному портику. Что касается самой паперти, расположенной въ западной сторонѣ церкви и ведшей на старую звонницу, то послѣ ея обращенія въ жилое помѣщеніе для священно-церковно-служителей, она перестроена вновь въ 1861 году; въ то время служители церкви были переведены въ особо выстроенный домъ близъ городского вала, а на мѣстѣ паперти устроенъ былъ придѣлъ во имя архистратига Михаила и св. Николая чудотворца. Наконецъ, въ 1868 году, на другой сторонѣ той же паперти пристроенъ новый придѣлъ во имя явленія иконы Владимірской Божіей Матери.

Всѣхъ этихъ передѣлокъ было вполне достаточно, чтобы храмъ,

¹⁾ 1887 г., №№ 21—26.

²⁾ «Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ», стр. 59.

какъ памятникъ старины, потерялъ почти все свое значеніе. Если и осталась надежда сохранить уцѣлѣвшее, то только при условіи энергичнаго вмѣшательства со стороны московскаго Археологическаго Общества и при томъ немедленнаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ Спасской церкви въ Ростовѣ грозитъ та же участь, какая постигла въ Москвѣ храмъ во имя Ржевской Божіей Матери. Вотъ что сообщаетъ о послѣднемъ «Русскій Архивъ» на 159 страницѣ пятой книжки за текущій годъ: «Еще въ прошломъ году Московской духовной консисторіей было сообщено Археологическому Обществу о желаніи причта церкви Ржевской Божіей Матери сломать старую колокольню для возведенія новой, и тогда же обществомъ командированы были спеціалисты, которые послѣ тщательнаго осмотра колокольни нашли ее «прекрасно сохранившеюся во всѣхъ частяхъ», такъ что она многіе годы могла бы простоять, и Общество не дало согласія на сломку. Но духовное начальство иначе взглянуло на просьбу причта церкви, уже заготовившаго строительный матеріалъ для новой колокольни. Пока еще не связанное обязательствомъ выполнять приговоры Археологическаго Общества, оно преспокойно разрѣшило причту сломать колокольню; причтъ же церкви немедленно воспользовался разрѣшеніемъ, и въ первыхъ числахъ марта 1894 года колокольня была разрушена до основанія...». И если допускается это въ столицѣ, въ виду запретишаго сломку Общества и при существованіи высочайшихъ повелѣній и синодскихъ указовъ, съ XVIII вѣка рѣшительно возбраняющихъ и не дозволяющихъ искаженій и передѣлокъ древнихъ храмовъ во вкусѣ современныхъ жертвователей и благоукрашителей.—то чего же ожидать намъ, въ провинціи?

Что касается Спасской церкви въ Ростовѣ, то если сломанная теперь, безобразившая въ свое время весь видъ храма, трехъ-ярусная колокольня и не допущена пока къ возведенію ея вновь, то едва ли можно быть вполне увѣреннымъ въ неизмѣнностіи этого запрещенія. Дѣло въ томъ, что благоукрашители храма, потерпѣвшіе неудачу въ первомъ своемъ ходатайствѣ о постройкѣ вновь еще болѣе высокой колокольни на мѣстѣ сломанной, возбудили новое и при томъ въ самой неожиданной формѣ: въ засѣданіи ростовской городской думы въ апрѣлѣ 1893 года слушалось прошеніе церковнаго старосты Спасской церкви и нѣкоторыхъ гласныхъ думы о разрѣшеніи имъ въ память событія 17-го октября 1888 года соорудить новую колокольню при Спасскомъ храмѣ на томъ же мѣстѣ и въ томъ же видѣ, какъ и сломанная старая, при чемъ въ помощь на постройку испрашивалось отпустить изъ городскихъ суммъ 5.000 рублей. Понятно, что въ отвѣтъ на такое предложеніе послѣдовали энергичные протесты со стороны членовъ императорскаго Археологическаго Общества, присутствовавшихъ на собраніи въ числѣ гласныхъ и предлагавшихъ, не отказывая проси-

телямъ въ отпускѣ 5.000 рублей, вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнить имъ въ непремѣнное условіе слѣдовать при постройкѣ указаніямъ Археологическаго Общества, при чемъ даже въ общихъ чертахъ былъ объясненъ и самый планъ будущей реставраціи, въ смыслѣ открытія древней заколоченной «звонницы», а изъ оставшагося нижняго яруса колокольни возобновить входный портикъ-паперть въ древней формѣ. Однако, думское постановленіе состоялось въ пользу радѣтелей за трехъярусную колокольню, дѣло съ которой, по протесту Археологическаго Общества, хотя и приостановлено, но староста и прихожане не теряютъ надежды, а, обратившись къ губернскому архитектору, составили планъ и фасадъ будущей колокольни, въ твердой увѣренности, что протестъ Археологическаго Общества останется лишь на бумагѣ, тѣмъ болѣе, что и деньги на постройку внесены въ роспись расходовъ по городу Ростову на текущій годъ.

Но мы, въ свою очередь, не менѣе увѣрены, что *viribus unitis* можно еще спасти Спасскую Ружную церковь отъ окончательнаго искаженія. Разрушая и передѣлывая древніе памятники русскаго зодчества на новѣйшій манеръ, благоуукрашители по большей части даже не снимаютъ ни общихъ видовъ, ни фасадовъ, ни плановъ прежнихъ построекъ, а случайно уцѣлѣвшіе изъ такихъ рисунковъ не сохраняются при церквахъ, попадая нерѣдко въ руки частныхъ лицъ, какъ не нужные бумаги, въ то время какъ они представляютъ изъ себя драгоценный матеріалъ какъ для науки, такъ и для любителей древностей.

По счастливой случайности уцѣлѣлъ видъ Спасской церкви до ея передѣлокъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, представляющій собою прекрасный памятникъ до-петровскаго русскаго зодчества.

Прилагая здѣсь этотъ «видъ Спасской, что на площади, Ружной церкви, въ городѣ Ростовѣ Великомъ, съ западной стороны», мы считаемъ не лишнимъ пояснить, что при взглядѣ на рисунокъ прежде всего бросается въ глаза и невольно поражаетъ оригинальностью своего стила крыльцо въ видѣ шатроваго теремка; каменная лѣстница, ведущая черезъ крыльцо въ храмъ, особо пристроена къ нему въ видѣ паперти съ шатровымъ восьмиграннымъ покрытіемъ; сѣверная сторона крыльца примыкаетъ къ низенькой, одноярусной колокольнѣ, вполне гармонирующей съ общимъ корпусомъ храма. Разсматривая покрытіе главъ церкви и устройство стропиль, мы тоже видимъ совершенную разницу сравнительно съ настоящимъ положеніемъ тѣхъ и другихъ. Что касается самой «звонницы», то она, сохраненная въ цѣлости единственно благодаря распоряженію покойнаго ярославскаго архіепископа Нила, не избѣжала все-таки поломокъ, именно, по устройствѣ новой трехъярусной колокольни, старую въ 1870-хъ годахъ признано было за

необходимое совсѣмъ закрыть деревянными щитками, а каменный шатеръ звонницы покрыть листовымъ желѣзомъ; при производствѣ этихъ работъ строителями были уничтожены выдѣланные изъ камня чешуйчатые валики, служившіе украшеніемъ восьмиграннаго шатра звонницы.

Прилагаемый рисунокъ неискаженного вида Спасской церкви наглядно показываетъ, что можно еще сдѣлать въ пользу сохраненія, до извѣстной степени, этого вида при настоящихъ условіяхъ. Сдѣлать можно слѣдующее: старую заколоченную «звонницу» открыть и, вычинивъ ея столбы, придать, по возможности, прежнюю форму ея покрытію, для чего потребуется лишь снять закрывающее шатеръ желѣзо; крыльцо по западной сторонѣ, превращенное теперь въ два придѣла, не только легко можно возстановить, но и реставрировать бывшую галерею какъ при входѣ, такъ частію и на правой сторонѣ; полнотѣ прежняго вида можетъ помочь и оставшійся нижній этажъ сломанной колокольни, который слѣдуетъ передѣлать въ формѣ входнаго крыльца-портика.

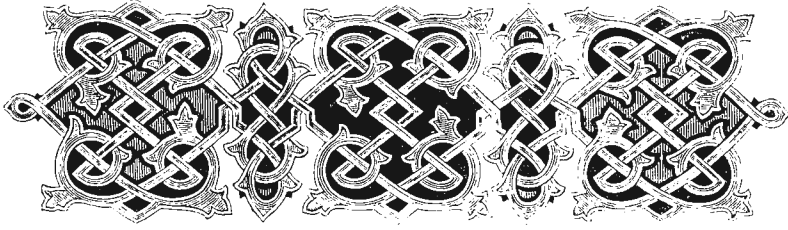
Все это намѣчается нами, конечно, только въ общихъ чертахъ и при благопріятномъ оборотѣ дѣла, безъ сомнѣнія, подробно будетъ разработано Археологическимъ Обществомъ, тѣмъ болѣе, что весь корпусъ церкви требуетъ капитальнаго ремонта; стѣны и своды храма опасны во многихъ мѣстахъ; пробитыя въ нижнемъ этажѣ арки, гдѣ помѣщаются погреба, не мало способствуютъ разрушенію зданія, и при реставраціи нужно обратить на это вниманіе.

Цѣлый рядъ блестящихъ реставрацій древнихъ зданій въ Ростовскомъ кремлѣ, произведенный въ минувшее десятилѣтіе, возстановилъ предъ нами величественную картину состоянія этого кремля во времена приснопамятнаго Ростову зиждителя-владыки Іоны Сисоевича; предъ нами на лицо въ древнемъ своемъ видѣ такіа величественныя постройки этого замѣчательнаго зодчаго XVII столѣтія, какъ «Бѣлая палата», «Княжіе терема», Спасская, что на сѣняхъ, церковь, церковь Воскресенія Христова и др. За чертой кремля, но составляя съ нимъ какъ бы одно цѣлое по духу архитектуры, стоитъ Спасская Ружная, что на торгу, церковь; стоитъ одинокая, забытая, все болѣе и болѣе теряющая свой первоначальный видъ, благодаря только тому печальному обстоятельству, что не подлежитъ вѣдѣнію кремлевской строительной комиссіи, а находится подъ покровительствомъ мало-развитыхъ и не чуткихъ сердцемъ людей, мелкихъ торговцевъ гостинаго двора и молочнаго рынка, не знающихъ ничего, что выходитъ за границы ихъ матеріальныхъ интересовъ и мелочнаго самолюбія, не дающаго имъ возможности подчиниться вполнѣ справедливому требованію науки и искусства, хотя бы такое требованіе и выходило отъ

лица Общества, находящагося подъ августѣйшимъ покровительствомъ,—знакъ того, что задачи и цѣли этого Общества обще-русскія, обще-полезныя и безусловно необходимы для огражденія памятниковъ старины отъ такихъ благоукрашителей, для которыхъ нѣтъ ничего завѣтнаго, которыхъ въ ихъ всеразрушающей дѣятельности не можетъ остановить ни историческое значеніе памятника, ни прочность, ни красота зданія...

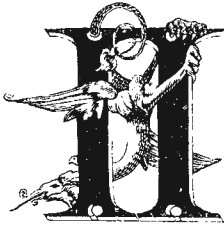
А. Титовъ.

ИНОСТРАНЦЫ О ВОЙНѢ 1812 ГОДА ¹⁾.

II.

ИРЯМЫМЪ послѣдствіемъ перехода Наполеона черезъ Нѣманъ во главѣ двухсотъ-тысячной арміи въ то время, какъ за пятнадцать миль оттуда императоръ Александръ находился на балу въ окрестностяхъ Вильны, — было отступление русскихъ и занятіе Вильны черезъ четыре дня французами. Это движеніе было совершено съ удивительной быстротой, и Наполеонъ такъ торопился всѣхъ, такъ усиливалъ свою лихорадочную дѣятельность, такъ подстрекалъ каждого къ исполненію его плана безъ промедленія и отдыха, что, по словамъ одного очевидца, «онъ какъ бы желалъ дать всѣмъ крылья». Дѣйствительно, 28-го іюня Наполеонъ вступилъ въ Вильну, но тутъ ему пришлось пробыть около трехъ недѣль и не по своей стратегической ошибкѣ, или нерѣшительности идти далѣе, какъ предполагали нѣкоторые историки, а по обстоятельствамъ, которыя слагались противъ него роковымъ образомъ съ самаго начала злополучной войны. Отсутствіе всякаго приѣма въ Вильнѣ со стороны польскаго населенія было первымъ ожидавшимъ Наполеона въ Россіи разочарованіемъ, а потомъ оно стало быстро расти, благодаря постоянному отступленію русскихъ войскъ, что мѣшало ему дать столь желанное генеральное сраженіе, неудачному для него результату посылки императоромъ Але-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVII, стр. 850.

ксандромъ къ нему Балашева съ предложеніемъ вступить въ мирныя переговоры, а главное громаднымъ потерямъ въ его арміи, климатическимъ невздамъ и печальнымъ недостаткамъ въ осуществленіи его гигантскаго плана. Однимъ изъ элементовъ своего успѣха Наполеонъ считалъ поголовное возстаніе въ польскихъ провинціяхъ Россіи, но эти чисто политическіе расчеты оказались если не совершенно, то на половину фантастичными. Масса населенія въ Литвѣ относилась равнодушно и частью враждебно къ французамъ, что легко объясняется страхомъ съ одной стороны великой арміи и ея нѣмецкихъ союзниковъ, безжалостно грабившихъ страну, а съ другой — мести русскихъ въ случаѣ неудачи Наполеона. Тщетны были всѣ усилія послѣдняго, чтобъ возбудить патріотическій энтузіазмъ, и объявленіе имъ свободы крѣпостныхъ не могло вернуть въ свои жилища бѣжавшихъ при появленіи французовъ въ лѣса поселянъ, а только возбудило противъ него крупныхъ землевладѣльцевъ и охладило преданность аристократіи, которая сомнѣвалась въ его искреннемъ желаніи воскресить Польшу. Поэтому онъ встрѣтилъ очень нерѣшительное и колеблющееся содѣйствіе тамъ, гдѣ полагалъ найти восторженную помощь. Конечно, одной громкой побѣды было бы достаточно, быть можетъ, для того, чтобъ измѣнить положеніе вещей въ Литвѣ, но эта побѣда все болѣе и болѣе становилась гадательной. Ни прежній планъ Наполеона, раздѣлить русскую армію, съ цѣлью уничтожить ее по частямъ, ни послѣдующій — помѣшать соединенію двухъ русскихъ армій съ той же цѣлью, ему не удалось; не только онъ не могъ добиться генеральнаго сраженія, но и всѣ его заботы о взятіи въ плѣнъ какъ можно болѣе русскихъ солдатъ и офицеровъ, чтобъ хоть въ этомъ отношеніи пустить пылъ въ глаза полякамъ и всей Европѣ, не осуществлялись. «Сколько плѣнныхъ?» — прежде всего спрашивалъ онъ лицъ, докладывавшихъ ему объ отдѣльныхъ стычкахъ съ русскими, и хмурился, когда отвѣтъ былъ вполнѣ неудовлетворительнымъ, такъ какъ французамъ удавалось брать въ плѣнъ только немногихъ дезертировъ, отсталыхъ солдатъ, сбившихся съ пути фуражировъ и т. д. Замѣчательно, и Вандаль особенно выставляетъ эту характеристичную, но мало извѣстную доселѣ черту начала отечественной войны, что тамъ, гдѣ встрѣчались въ бою французы и русскіе, какъ, на примѣръ, на сѣверѣ отъ Вильны, въ той мѣстности, въ которой дѣйствовали съ одной стороны Ней и Удино, а съ другой Багровъ и Витгенштейнъ, соперники дрались храбро, но безъ остервененія, потому что ихъ не одушевляла никакая національная вражда, и они еще не научились ненавидѣть другъ друга. Въ доказательство этого факта Вандаль приводитъ любопытный отрывокъ изъ неизданныхъ мемуаровъ генерала Лютэ, представляющій сцену, вполнѣ напоминающую извѣстные эпизоды Крымской войны. «Сраженіе нача-

лось, — говорить этотъ генераль, — съ разсвѣта, а среди дня наступилъ роздыхъ на часъ, или два. Оврагъ съ протекавшимъ въ немъ потокомъ воды отдѣлялъ насъ отъ русскихъ. Необходимо было обѣимъ сторонамъ напоить своихъ лошадей, и потому тѣ и другіе спустились въ оврагъ. Съ одной стороны потока находились русскіе, а съ другой мы; тотчасъ завязались разговоры, хотя мы не понимали другъ друга, и стали обоюдно угощать табакомъ и водкой; такъ какъ мы были богаче, то и оказались великодушнѣе. Вслѣдъ за этимъ новые друзья стали мѣняться пушечными выстрѣлами. Одинъ изъ русскихъ офицеровъ говорилъ пофранцузски, и я вступилъ съ нимъ въ очень пріятную бесѣду».

На другой день послѣ полученія на балу неожиданнаго извѣстія о переходѣ черезъ Нѣманъ французскихъ войскъ, Александръ послалъ къ Наполеону своего генераль-адъютанта и министра полиціи, Балашева, съ послѣднимъ предложеніемъ о мирѣ. Онъ не хотѣлъ, чтобъ его противникъ могъ ссылаться передъ Европой на свое миролюбіе и на отказъ русскаго императора принять его многочисленныя предложенія о переговорахъ; посольство Балашева было отвѣтомъ на посольство Нарбонна. Обставивъ свои миролюбивыя предложенія невозможнымъ условіемъ объ очищеніи французами русской территоріи, а слѣдовательно не прекращая желаемой имъ войны, Александръ все-таки вступалъ въ кровавую борьбу примиреннымъ съ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ и въ роли защитника своей родины, а не зачинщика. Выѣхавъ изъ Вильны, Балашевъ черезъ нѣсколько часовъ очутился на французскихъ аванпостахъ, но его допустили до Наполеона только черезъ четыре дня, и то въ Вильнѣ, въ томъ самомъ домѣ и въ той самой комнатѣ, откуда отправлялъ его Александръ. Пріѣздъ во французскую армію русскаго парламентаря произвелъ большую сенсацію; самъ Наполеонъ ликовалъ и сказалъ Бертье: «Мой братъ, Александръ, такъ гордо принявшій Нарбонна, уже хочетъ идти на сдѣлку; онъ струсилъ. Мои движенія привели втупикъ русскихъ; черезъ два мѣсяца они будутъ у моихъ ногъ». Но, какъ всегда, картинно обставляя всѣ свои поступки, онъ рѣшилъ принять Балашева только послѣ первой побѣды, а такъ какъ эта побѣда не являлась на зовъ ея баловня, то лишь вступивъ въ Вильну, онъ напелъ возможнымъ дать аудіенцію Балашеву, который все-таки былъ трофеемъ, хоть въ глазахъ поляковъ, еще такъ недавно видѣвшихъ его въ свитѣ русскаго императора при этой самой остановкѣ. Конечно, онъ зналъ, что разговоръ съ Балашевымъ не остановитъ войны, и рѣзко сказалъ Бертье, Коленкуру и Бесьеру: «Александръ смѣется надо мною; неужели онъ думаетъ, что я пришелъ въ Вильну, чтобъ заключать коммерческіе трактаты? Надо покончить съ сѣвернымъ колосомъ и отодвинуть его назадъ, поставивъ Польшу между нимъ и цивилизаціей».

Пусть русскіе принимаютъ англичанъ въ Архангельскѣ, я на это согласенъ; но Балтійское море должно быть для нихъ закрыто. Прошло то время, когда Екатерина заставляла дрожать Людовика XV и прославлять себя на всѣ тоны въ Парижѣ. Со времени Эрфурта, Александръ слишкомъ возгордился; пріобрѣтеніе Финляндіи вскружило ему голову. Если онъ хочетъ одерживать побѣды, то пусть бьетъ персіанъ, но не вмѣшивается болѣе въ европейскія дѣла; цивилизація отворачивается отъ этихъ обитателей сѣвера». Но онъ хотѣлъ любезно принять представителя своего бывшего союзника и, поразивъ его колоссальностью своихъ военныхъ приготовленій, устроить дѣло такъ, чтобъ между обоими государями, не смотря на кровавую борьбу, сохранились постоянныя сношенія, которыя могли подготовить почву для открытія дѣйствительныхъ мирныхъ переговоровъ послѣ первой рѣшительной побѣды французовъ. Разговоръ Наполеона съ Балашевымъ хорошо извѣстенъ не только по историческимъ сочиненіямъ и подлиннымъ документамъ, но и по картинному, хотя не совершенно точному, разсказу Толстаго, а потому Вандаль передаетъ въ своемъ изложеніи этой знаменитой бесѣды немного новаго. Въ первой ея части, происходившей въ кабинетѣ, Наполеонъ, по словамъ Вандаля, находился въ такомъ волненіи, что малѣйшій посторонній звукъ его раздражалъ: форточка въ окнѣ была дурно закрыта и постоянно стучала, онъ сначала гнѣвно захопнулъ ее, а когда она снова отворилась, то онъ въ ярости сорвалъ ее съ петель и бросилъ на улицу. Вторая часть разговора велась за обѣдомъ, въ присутствіи Бертье, Дюрока, Бесьера и Коленкура; тутъ уже Наполеонъ болѣе сдерживалъ себя, хотя ловкіе отвѣты Балашева видимо его раздражали, и онъ выражался очень рѣзко. Въ особенности его гнѣвнымъ выходкамъ подвергся, ни въ чемъ не виновный, Коленкуръ. Въ концѣ разговора, который продолжался послѣ обѣда въ гостинной, онъ неожиданно подошелъ къ своему благоразумному совѣтнику, все время упорно молчавшему, и слегка потрепавъ его по щекѣ, по своему обыкновенію, сказалъ: «Ну, чтожъ вы ничего не говорите, старый царедворецъ петербургскаго двора. Императоръ Александръ хорошо обращается со своими послами; онъ полагаетъ, что любезность лучшая политика, и сдѣлалъ васъ русскимъ». Коленкуръ поблѣднѣлъ, и лице его исказилось; не разъ Наполеонъ называлъ его русскимъ за то, что онъ былъ противникомъ войны, но услышать этотъ эпитетъ при чужомъ, да еще врагѣ, было слишкомъ тяжелымъ оскорбленіемъ, и потому онъ отвѣчалъ такимъ тономъ, къ которому Наполеонъ не привыкъ: «Конечно, только въ виду моей искренности, доказавшей вашему величеству, что я преданный отечеству французъ, вы какъ будто сомнѣваетесь въ этомъ. Милостивое обращеніе императора Александра имѣло предметомъ не меня, а ваше величество, а потому, какъ вашъ вѣрнопопданный, я никогда объ этомъ не забуду»

Ясно было, что Коленкуръ пораженъ въ самое сердце полученной обидой. Наполеону стало неловко, и разговоръ замялся. Перемиливъ его предметъ, онъ сказалъ еще нѣсколько словъ Балашеву и простился съ нимъ, а потомъ подошелъ къ Коленкуру, видимо стыдясь за то, что обидѣлъ своего стараго друга и вѣрнаго слугу. «Вы напрасно сердитесь, — сказалъ онъ добродушнымъ тономъ и для доказательства, что его слова были лишь шуткой, онъ хотѣлъ ее продолжать: — васъ вѣрно печалитъ тотъ вредъ, который я нанесу вашему другу». Потомъ онъ началъ еще разъ доказывать, что эта война была самымъ политичнымъ изъ всѣхъ его предпріятій, и она черезъ два мѣсяца окончится обезпеченіемъ всеобщаго мира. «Но, — рассказываетъ Вандаль, — Коленкуръ не хотѣлъ ничего слушать и сталъ громко говорить, даже кричать, что онъ былъ лучшимъ французомъ, чѣмъ тѣ, которые подстрекали императора къ этой войнѣ, что онъ гордится своей оппозиціей, и что если сомнѣваются въ его патриотизмѣ, то онъ проситъ уволить его завтра же изъ главнаго штаба и дать ему начальство надъ отрядомъ въ Испаніи, гдѣ онъ могъ бы служить его величеству вдаль отъ него. Тщетно императоръ старался его успокоить самыми любезными выраженіями; онъ продолжалъ горячиться, забывая всякую мѣру. Присутствовавшіе при этомъ скандалѣ, друзья окружили его и уговаривали замолчать, боясь, что онъ навлечетъ на себя окончательную опалу. Но Наполеонъ оставался спокойнымъ, мягкимъ и терпѣливо позволялъ ему высказать все, что угодно. Съ своимъ необыкновеннымъ знаніемъ людей онъ мѣрилъ поступки своихъ помощниковъ тѣмъ уваженіемъ, которое онъ питалъ къ нимъ, и хотя часто заставлялъ страдать искренно уважаемыхъ имъ лицъ отъ своихъ пламенныхъ выходокъ, но всегда отдавалъ имъ должное. Въмѣсто того, чтобъ возвысить голосъ и положить конецъ неприличной сценѣ, онъ только говорилъ: «Что съ вами? Кто сомнѣвается въ вашей преданности? Я знаю, что вы честный человѣкъ. Я вѣдь только пошутилъ. Вы слишкомъ щепетильны. Вы знаете, что я васъ глубоко уважаю. Вы просто бредите; я не стану болѣе вамъ отвѣчать». А когда Коленкуръ не унимался, то онъ молча ушелъ и заперся въ своемъ кабинетѣ. Громаднаго труда стоило Дюроку и Бертье, чтобъ удержать расходившагося Коленкура, который хотѣлъ послѣдовать за императоромъ и добиться немедленной отставки. Только ихъ дружескія мольбы наконецъ убѣдили этого честнаго человѣка, выведеннаго изъ себя оскорбленіемъ, продолжать службу при Наполеонѣ и дѣлить съ нимъ всѣ опасности, всѣ лишенія во время той войны, отъ которой онъ такъ смѣло, такъ мужественно удерживалъ его».

Отправивъ Балашева обратно къ Александру съ собственноручнымъ письмомъ, Наполеонъ остался въ Вильнѣ еще двѣ недѣли. Не смотря на все желаніе нагнать исчезавшаго въ простран-

ствѣ непріятеля, онъ вынужденъ былъ потерять столько драгоцѣннаго времени, въ виду неблагоприятныхъ климатическихъ условій и внутренняго разстройства арміи, которыя давали себя чувствовать самымъ роковымъ образомъ уже на порогѣ открывавшейся передъ нимъ безпредѣльной, невѣдомой Россіи. Первый эпизодъ едва начавшейся войны, именно ускоренное движеніе отъ Нѣмана до Вильны, гибельно подѣйствовало на великую армію. Многие изъ солдатъ были юные рекрута, не привыкшіе къ трудностямъ похода: они легко утомлялись, отставали и умирали отъ истощенія силъ и недостатка продовольствія. Дѣйствительно, не смотря на всѣ заботы императора, армія была недостаточно снабжена всѣмъ необходимымъ; до перехода черезъ границу у солдатъ было въ ранцахъ стѣсныхъ припасовъ лишь на нѣсколько дней, и вскорѣ эти припасы изсякли. Обозы, которые везли запасы продовольствія, благодаря ихъ многочисленности, тяжести и загроможденія ими дорогъ, очень запаздывали. Большая часть повозокъ съ хлѣбомъ и мясомъ оставались позади, а тѣ немногія, которыя достигали до войскъ, брались приступомъ голодными солдатами, все ломавшими, все грабившими, не смотря на энергичныя мѣры интендантства. Это порождало безпорядки и сцены насилія, которыя производили общее смятеніе, и безконечно задерживало остальные обозы. Такимъ образомъ великая армія терпѣла страшную нужду, просто умирала съ голода, и неудивительно, что она вынуждена была жить на счетъ той мѣстности, гдѣ находилась, то-есть русской Польши, которую Наполеонъ хотѣлъ всячески привязать къ себѣ. Эта бѣдная и дурно обработанная страна едва доставляла средства къ жизни своимъ собственнымъ жителямъ, и селенія въ ней были разбросаны на большихъ разстояніяхъ, вдали отъ дороги, такъ что для достиженія ихъ французскимъ солдатамъ приходилось выходить изъ рядовъ арміи и теряться въ лѣсной чащѣ. Увидавъ человѣчскія жилища, они шайками набрасывались на нихъ, насильно отнимали у поселянъ ихъ послѣдніе остатки, грабили ихъ хижины, уносили съ собой мебель для топлива и безжалостно разоряли страну, которую они обѣщали освободить. Число мародеровъ и отсталыхъ ежедневно увеличивалось въ громадномъ размѣрѣ. Роты, цѣлыя полки расчленялись и таяли. Съ первыхъ шаговъ, безконечные колеса громадной сложной военной машины, созданной Наполеономъ, отказывались дѣйствовать, и едва приведенная въ движеніе она уже заржавѣла, испортилась и доказывала воочию всю неосуществимость его великаго предпріятія, которымъ онъ бросилъ перчатку судьбѣ, по мѣткому выраженію Вандаля. Къ внутреннему разстройству великой арміи стали присоединяться и неблагоприятныя климатическія условія. 29-го іюня пошли безконечные холодные дожди, превращавшіе всю страну въ болото. Французамъ приходилось идти, везти свои обозы и располагать биваки

въ водѣ, въ грязи; лошади падали тысячами, орудія и повозки опрокидывались и загромождали дороги. Всѣ отъ генераловъ до солдатъ стали жаловаться, роптать и винить Наполеона въ столь гибельно начатой войнѣ. «Надо быть сумасшедшимъ, чтобы рѣшиться на такое предпріятіе!» — громко кричалъ генераль Саба-тье. Шедшій во главѣ итальянской арміи, генераль Рогэ выходилъ изъ себя и открыто проклиналъ Наполеона. Ней писалъ императору отъ 30-го іюня: «Дождь льетъ непрерывно со вчерашняго дня и положительно мѣшаетъ движенію войскъ, иначе какъ по большимъ дорогамъ: по наводненнымъ проселкамъ не можетъ двигаться пѣхота, и едва пробирается кавалерія». Мюрать, вспоминая самый печальный эпизодъ изъ своихъ походовъ, именно зимнюю кампанію 1806 года въ Польшѣ, говорилъ: «въ виду этихъ дурныхъ дорогъ, мнѣ кажется, что я снова въ Пултускѣ». Но всего болѣе пришелъ въ уныніе принцъ Евгенийъ, и онъ съ отчаяніемъ писалъ начальнику главнаго штаба: «чѣмъ далѣе мы идемъ, тѣмъ больше теряемъ лошадей. Я не могу опредѣлить именно, сколько ихъ погибло, но цифра эта очень значительна. Глубоко сожалѣю, что долженъ писать вамъ о печальномъ положеніи нашего продовольствія и нашихъ лошадей, но мой долгъ—ничего отъ васъ не скрывать. Я только надѣюсь на тѣ средства, которыя могутъ представить открывающіяся передъ нами мѣстности, а если онѣ окажутся столь же безплодными, то я право не знаю, до чего мы дойдемъ въ короткое время». Даже самъ Наполеонъ не могъ устоять противъ мрачнаго вліянія непогоды и, осматривая стоянки своихъ войскъ вокругъ Вильны, въ самый день разговора съ Балашевымъ, такъ промокъ отъ ливня, что наконецъ повернулъ свою лошадь и поскакалъ обратно въ городъ, бормоча сквозь зубы: «но это ужасный дождь».

Однако, сдѣлавъ все, что возможно, для приведенія въ порядокъ своей арміи и давъ ей необходимый роздыхъ, Наполеонъ 16-го іюля выступилъ изъ Вильны. «Началась русская война,—говоритъ въ концѣ своего блестящаго очерка Вандаль,—война безъ битвъ, противъ природы и пространства. Въ виду отступающаго врага, искавшаго защиты только въ отступленіи, Наполеонъ шелъ далѣе, все далѣе, углубляясь въ безконечность, привлекаемый таинственнымъ блескомъ мерцавшей на горизонтѣ Москвы, куда влекла его судьба, которой онъ повиновался съ самаго начала своей удивительной карьеры,—судьба, которую онъ создавалъ, повинуюсь ей, и которая обязывала его постоянно удивлять міръ своими подвигами, безъ чего ему невозможно было удерживать въ повиновеніи столько подчиненныхъ его игу народовъ».

III.

То, что рассказываетъ Вандаль о неблагопріятномъ состояніи французской арміи при самомъ ея вступленіи въ Россію, вполне подтверждаетъ Дамсъ, приводя отрывки изъ подлинныхъ писемъ и приказовъ Наполеона ¹⁾. Всѣ его заботы насчетъ устройства для своей четырехъ-сотъ-тысячной арміи обильной и быстрой доставки продовольствія оказались тщетными: заготовленные запасы не доставлялись, повозки ломались и вязли въ грязи, или болотахъ, лошади падали, волы заболѣвали чумой. Что касается до мѣстныхъ средствъ продовольствія, то даже въ Польшѣ въ нихъ оказался недостатокъ. «Войска,—по словамъ самого Наполеона,—уже на пути къ Люблину чувствовали отсутствіе съѣстныхъ припасовъ, а въ Сѣдлецѣ префектъ прямо объявилъ, что онъ не въ состояніи доставить что либо». Естественно, что при такомъ положеніи мародерство приняло громадныя, ужасающіе размѣры. «Ужасъ и отчаяніе,—писалъ Наполеонъ маршалу Нею 4-го іюня,—обуяли поляковъ отъ поведенія нашихъ войскъ; маршалъ долженъ непременно положить этому конецъ и выразить неудовольствіе императора въ приказахъ, такъ какъ страна не можетъ быть опустошена». Однако самыя строгія мѣры, въ томъ числѣ учрежденіе летучаго военного суда, который разъѣзжалъ повсюду и приговаривалъ къ смертной казни мародеровъ, не вели ни къ чему, такъ распатана была дисциплина, и такъ плохо дѣйствовали сложныя колеса военной машины, столь безупречно придуманной Наполеономъ. «Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я командую французской арміей, писалъ онъ военному министру, а никогда не видалъ военного министерства въ худшемъ положеніи: чиновники присланные сюда, не имѣютъ ни знаній, ни способностей. Понятскій только говоритъ о жалованіи и о хлѣбѣ, тогда какъ дѣло идетъ о преслѣдованіи непріятелей. Не рожь намъ нужна, а мука. Если все зерно, собранное въ магазинахъ, не будетъ во время перемолото, то съ этимъ дѣломъ не справятся мельницы никакой страны». Во всѣхъ дневныхъ приказахъ императора постоянно встрѣчаются такія фразы: «собирайте муку и фуражъ, доставляйте съѣстные припасы», или «я надѣюсь, что вы найдете съѣстные припасы» и т. д. Въ тѣхъ же приказахъ Наполеонъ безъ устали говоритъ о лучшемъ устройствѣ больницъ и лазаретовъ, такъ какъ двѣ трети солдатъ страдали кровавымъ поносомъ, а больничная часть отличалась еще большими недостатками, чѣмъ продовольственная. Всѣ эти причины, вмѣстѣ съ проливными дождями, заста-

¹⁾ Не имѣя подъ руками нѣмецкаго подлинника, мы пользуемся извлеченіемъ изъ статьи Дамса, напечатаннымъ въ «Вѣстникѣ Иностранной Литературы», 1894 г., августъ.

вили Наполеона остановиться въ Вильнѣ на двадцать дней и потомъ въ Витебскѣ на двѣ недѣли. Этотъ роздыхъ утомленной арміи хотя нарушалъ его планъ военныхъ дѣйствій и способствовалъ отступленію русскихъ, но былъ крайне необходимъ для приведенія въ порядокъ его войскъ. По несчастью для него и эти неизбежныя остановки мало содѣйствовали улучшенію внутренняго положенія великой арміи. Она продолжала страдать отъ недостатка провіанта, отъ враждебныхъ климатическихъ условій и болѣзней. «Мнѣ тяжело видѣть,—писалъ Наполеонъ 31-го іюля,—что тысячи больныхъ, оставшихся въ Вильнѣ, ѣдятъ солому; магазины совершенно пусты: Я не получаю никакой помощи, и правительство спитъ». Поэтому не удивительно, что у Наполеона въ Витебскѣ уже не было болѣе двухъ третей своей прежней арміи, а когда онъ наконецъ пошелъ далѣе и ускореннымъ маршемъ достигъ Смоленска 16-го августа, не смотря на сильныя жары, замѣнившія дожди и столь же губельно дѣйствовавшія на армію, то у него было подъ ружьемъ уже только сто шестьдесятъ тысячъ человекъ. Тутъ снова и по тѣмъ же мотивамъ онъ сдѣлалъ десятидневную передышку въ наступательномъ движеніи на Москву, и даже многіе изъ его маршаловъ, которые вообще за исключеніемъ Нея оказались далеко не прежними способными его помощниками, совѣтовали прекратить на этотъ годъ кампанію, которую можно было возобновить слѣдующею весною при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но съ одной стороны Наполеонъ все еще вѣрилъ въ свою звѣзду и въ возможность покончить войну одной рѣшительной побѣдой, а съ другой нельзя было долѣе оставаться въ Смоленскѣ, такъ какъ разразилась сильная эпидемія, и разлагавшіеся непогребенныя трупы заражали и безъ того нестерпимый отъ жары воздухъ. Кромѣ того, наступила обильная жатва, и Наполеонъ надѣялся найти продовольствіе въ открывавшейся передъ нимъ странѣ, такъ какъ рассчитывать на подвозъ провіанта сзади уже не было никакого основанія. Дѣйствительно первые дни по выступленіи французовъ изъ Смоленска, повидимому, оправдали расчеты императора. «Сѣбстныя припасы мы получаемъ здѣсь въ изобиліи,—пишетъ Лосбергъ:—всѣ крестьянскіе избы и дворы наполнены снятой съ полей жатвой», а Наполеонъ говоритъ въ письмѣ отъ 26-го августа: «Страна прекрасна, и увѣряютъ, что такъ будетъ до Москвы». Но судьбѣ было угодно, чтобъ онъ горько въ этомъ разочаровался, и послѣ Орши французская армія, идя по стопамъ отступавшихъ и все уничтожавшихъ за собою русскихъ, стала снова еще въ большемъ размѣрѣ страдать отъ недостатка пищи и другихъ безпорядковъ, окончательно уничтожившихъ въ ней всякую дисциплину. «Трудно найти худшій порядокъ, чѣмъ тотъ, который царствуетъ здѣсь», писалъ Наполеонъ Бертье изъ Гжатска за нѣсколько дней до Бородинской битвы. Даже это генеральное сраженіе, котораго такъ

долго жаждалъ Наполеонъ и на которое возлагалъ всѣ свои надежды, оказалось нерѣшительнымъ, благодаря главнымъ образомъ тому, что онъ могъ выставить только сто тридцать тысячъ солдатъ, и то разноплеменныхъ утомленныхъ, полуголодныхъ, разочарованныхъ, передъ почти одинаковымъ числомъ враговъ, бодрыхъ, свѣжихъ и одушевленныхъ пламенной любовью къ родинѣ, которую они рѣшились защищать до послѣдней капли крови. Кромѣ того, по словамъ Дамса, болѣзнь, подтачивавшая силы Наполеона и заставлявшая его говорить еще въ 1806 г.: «внутри меня скрывается зародышъ преждевременной смерти», помѣшала ему осуществить на полѣ битвы гениально задуманный планъ. Мюрать рассказываетъ, что наканунѣ сраженія, осматривая войска, императоръ нѣсколько разъ останавливался, сходилъ съ лошади, прислонялся головой къ пушкѣ и не двигался съ мѣста, пока не проходилъ болѣзненный припадокъ.

Объ этомъ таинственномъ недугѣ, который, по словамъ Дамса, былъ дизуріей, лордъ Вольслей ¹⁾ говоритъ очень неопредѣленно и характеризуетъ его неожиданнымъ физическимъ и умственнымъ изнеможеніемъ, сопровождаемымъ иногда сильными страданіями и происходившимъ обыкновенно послѣ умственнаго напряженія или физической усталости. Но каковы бы ни были эти припадки, англійскій фельдмаршалъ приписываетъ имъ главнымъ образомъ неудачный для Наполеона результатъ трехъ рѣшительныхъ битвъ: Бородинской, Дрезденской и Ватерлоской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднихъ его кампаній 1812, 1813, 1814 и 1815 гг., столь же гениально задуманныхъ, какъ славныя, побѣдоносныя войны съ Австріей и Пруссіей, но не удавшихся въ исполненіи вслѣдствіе нерѣшительности, колебанія и отсутствія у Наполеона прежней энергіи, прежней способности однимъ взглядомъ обнимать все положеніе дѣлъ въ битвѣ и безошибочнымъ быстрымъ рѣшеніемъ вырывать побѣду у судьбы. «Ничто не могло быть совершеннѣе и безупречнѣе въ стратегическомъ отношеніи, — говоритъ лордъ Вольслей, — какъ планъ Бородинской битвы, но его осуществленіе оказалось дурнымъ и неудачнымъ благодаря многимъ причинамъ, главной изъ которыхъ былъ сильный припадокъ таинственной болѣзни Наполеона въ самую критическую минуту битвы, когда Ней, одержавъ значительный успѣхъ, ждалъ только быстрой поддержки, чтобы сдѣлать Бородинское сраженіе великой и, по всей вѣроятности, рѣшительной побѣдой. А вмѣсто этого Бородинская битва, быть можетъ, самая кровавая въ современной исторіи, кончилась истощеніемъ

¹⁾ Появившись сначала въ шести номерахъ «Pall-Mall Magazine» на англійскомъ языкѣ, оригинальный и характеристичный трудъ лорда Вольслея вышелъ прежде отдѣльнаго лондонскаго изданія во французскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Le déclin et la chute de Napoléon», par le maréchal, vicomte Walseley.

обѣихъ сторонѣ, потерявшихъ до 80.000 убитыми и ранеными. Русскіе отступили, но не оставили въ рукахъ французовъ ни одного трофея: ни одной пушки, ни одного знамени; а если они и не могли помѣшать вступленію Наполеона въ Москву, то въ сущности болѣе выиграли, чѣмъ французы». То же самое произошло, по мнѣнію перваго англійскаго военнаго авторитета, подъ Дрезденомъ и Ватерло. Первое сраженіе было блестяще выиграно Наполеономъ, и обезпечено полное уничтоженіе союзной арміи, даже плѣнъ двухъ императоровъ и короля, еслибъ только онъ продолжалъ начатое самымъ энергичнымъ образомъ преслѣдованіе непріятеля. «Но неожиданно,—разсказываетъ лордъ Вольслей:—онъ покидаетъ армію и возвращается въ Дрезденъ, обязанный остановиться припадкомъ физическаго недуга. Человѣкъ, который во все время кампаніи садился на лошадь съ утренней зарей, не отказался бы отъ личнаго преслѣдованія враговъ, отчего зависѣла вся его дальнѣйшая судьба, еслибъ онъ былъ для этого достаточно силенъ физически и нравственно, но въ эту критическую минуту онъ, по видимому, сдѣлался другимъ человѣкомъ. Мы знаемъ, что во время сраженія онъ находился цѣлый день подъ проливнымъ дождемъ, и это, можетъ быть, возбудило припадокъ его таинственной болѣзни. Такое предположеніе вполнѣ подтверждается неожиданной переменою тона и духа тѣхъ писемъ, которыя онъ пишетъ по возвращеніи въ Дрезденъ, сравнительно съ тѣми, которыя онъ писалъ прежде. Его приказы маршаламъ для преслѣдованія враговъ сначала были ясны, категоричны и дышали энергіей, но вдругъ эти маршалы остаются безъ инструкцій, преслѣдованіе замедляется, и союзная армія спасена, а французамъ нанесены пораженія въ Кульмѣ, Гроссъ-Беренѣ и Кацбахѣ». Что касается до Ватерло, то съ удивительнымъ для англичанина безпристрастіемъ лордъ Вольслей настаиваетъ на томъ, что Наполеонъ былъ разбитъ, и его власть уничтожена въ этой знаменитой битвѣ не Веллингтономъ и Блюхеромъ, какъ увѣряютъ англичане и нѣмцы, не измѣной Груши, будто бы купленнаго англичанами, какъ полагаютъ французы, а припадкомъ все той же роковой болѣзни. «Военная критика, основательно разсматривая всѣ дѣйствія Наполеона въ кампаніи 1815 года,—говоритъ онъ,—не можетъ не замѣтить въ нихъ столько ошибокъ, что ихъ можно объяснить лишь возвращеніемъ того недуга, который причинилъ уже неудачу русскаго похода и Дрезденской битвы. Припадки стали учащаться и принимать болѣшую силу, а подъ ихъ вліяніемъ Наполеонъ терялъ способность на какія бы то ни было физическія, или умственныя усилія, на него нападала спячка, и его лице принимало тупое выраженіе полнаго истощенія какъ ума, такъ и тѣла. Это уже не былъ прежній маленькій человѣчекъ, герой Тиволи, худощавый, нервный, живой; онъ ожирѣлъ, обрюзгъ, опустился; отяжелѣвшее тѣло

не слушалось его, какъ прежде; онъ уже былъ старикомъ, не смотря на свои 48 лѣтъ, обнаруживалъ сѣдловласую нерѣшительность и, забывая свой прежній повелительный, никогда не сомѣвавшійся въ себѣ диктаторскій тонъ, спрашивалъ иногда совѣта у тѣхъ, которые привыкли ему повиноваться. Въ тиши своего кабинета, освободившись отъ рокового припадка, онъ попрежнему составлялъ гениальные, неизбѣжно долженствовавшіе вести къ побѣдѣ, планы битвъ, но на полѣ ему измѣняли энергія и быстрота въ распоряженіяхъ. Еслибъ онъ могъ посвятить умственные и физическія силы первой эпохи своей удивительной карьеры на исполненіе грандіознаго плана уничтоженія Велингтона и Блюхера, то я убѣжденъ, что осторожный англичанинъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, вынужденъ быстро ретироваться на Остенде для возвращенія оттуда въ Англию, а ярый пруссакъ, почти уничтоженный подъ Линьи, счелъ бы себя счастливымъ, когда увидалъ бы Рейнъ между остатками своей арміи и побѣдителемъ подъ Іеной. Иначе нельзя удовлетворительно объяснить драгоцѣнные часы, потерянные Наполеономъ, и ошибочность, а также небрежность его приказаній, благодаря которымъ англійская и прусская арміи спаслись отъ вѣрной гибели. Его истощеніе и летаргическое состояніе утромъ послѣ сраженія при Линьи были вполне понятной причиной послѣдующаго пораженія. Груши, желая начать преслѣдованіе Блюхера, старался увидѣть Наполеона на зарѣ, но послѣдній его принялъ только въ 8 часовъ, и даже тогда отъ него нельзя было добиться никакихъ опредѣленныхъ инструкцій. До 12 часовъ имъ не было отдано никакихъ приказаній, а Груши получилъ словесную инструкцію только въ часъ, что дало возможность Блюхеру явиться во время на слѣдующій день въ Ватерло. Вандамъ имѣлъ полное право тогда сказать: «Наполеона, котораго мы знали, болѣе не существуетъ... нашъ вчерашній успѣхъ не будетъ имѣть результата». Я думаю, что не дурныя дороги послѣ дождей, а припадокъ болѣзни побудилъ его начать битву подъ Ватерло такъ поздно и пропустить тѣ часы, когда онъ могъ уничтожить Велингтона до прибытія пруссаковъ. Но во всякомъ случаѣ достоверно, что во время сраженія онъ часами неподвижно сидѣлъ, облокотившись на столъ, поставленный на землѣ, поддерживая голову руками, и по временамъ дремля; ему такъ было больно сидѣть на лошади, что онъ очень мало могъ ѣздить по полю битвы, а во время бѣгства, послѣ окончательнаго пораженія, онъ едва держался въ сѣдлѣ, и офицеры должны были его поддерживать».

Если мы возвратимся къ кампаніи 1812 года, то увидимъ, что лордъ Вольслей приписываетъ все тому же упадку физическихъ силъ императора, отуманивавшихъ по временамъ его гениальный умъ, роковое промедленіе въ Москвѣ, которое уже нельзя объяснить необходимою привести въ порядокъ свою армію, какъ въ

Вильнѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Еслибъ онъ тотчасъ послѣ занятія Москвы вернулся въ Смоленскъ, то могъ безъ труда выбрать дорогу по новымъ, неопустошеннымъ мѣстностямъ, а въ Смоленскѣ перезимовать вблизи своихъ продовольственныхъ магазиновъ. Но онъ остался въ Москвѣ до морозовъ, и тогда началось гибельное отступление, представляющее, по словамъ англійскаго фельдмаршала, «одно изъ самыхъ страшныхъ событій военной исторіи, которое никогда не перестанетъ интересовать человѣчество». Французская армія,—продолжаетъ онъ,—въ три недѣли потеряла болѣе половины своего состава, а отсутствіе въ ней дисциплины достигло самыхъ ужасающихъ размѣровъ. Лошади падали такъ быстро, что ежедневно приходилось бросать пушки, и это происходило отъ недостатка предусмотрительности: именно не запаслись подковами на шипахъ, и отъ этой, повидимому, мелочи ужасы окончательной катастрофы значительно увеличились. Достигнувъ Березины, великая армія разложилась на беспорядочныя кучки людей, бывшихъ солдатъ, но теперь обезоруженныхъ и не хотѣвшихъ ни драться, ни повиноваться; только фланги и тылъ прикрывались маленькими отрядами, сохранившими кое-какой военный строй, но среди которыхъ, однако, было болѣе офицеровъ, чѣмъ слѣдовало... Достигнувъ до Ковна великая армія не имѣла и 6.000 человѣкъ. Обратный переходъ черезъ Нѣманъ ознаменовался подвигомъ Нея, который достоинъ вниманія даже среди всѣхъ совершенныхъ геройствъ этимъ храбрымъ изъ храбрыхъ, во время командованія аріергардомъ при злополучномъ отступленіи изъ Москвы. Прикрывая переправу французовъ съ горстью удалцовъ, онъ наконецъ очутился въ Ковнѣ съ сорока или тридцатью солдатами и видя, что уже мостъ находится въ рукахъ русскихъ, онъ схватилъ ружье и повелъ въ атаку своихъ немногочисленныхъ сподвижниковъ; они очистили мостъ и присоединились къ арміи. Вообще смѣлая отвага Нея въ эту критическую эпоху будетъ всегда возбуждать восторгъ во всѣхъ націяхъ, сохраняющихъ чувство уваженія къ воину, считающему свою жизнь за ничто въ сравненіи съ честью родины. Читая описаніе рыцарскихъ подвиговъ Нея въ 1812 году, мы не можемъ не сказать, что передъ нимъ блѣднѣютъ герои Гомера».

IV.

Много существуетъ разсказовъ историковъ и очевидцевъ о гибельномъ отступленіи французовъ изъ Россіи, но всякое новое личное воспоминаніе объ этомъ, быть можетъ, самымъ драматическомъ эпизодъ въ исторіи XIX вѣка, читается съ живымъ интересомъ. Поэтому нельзя не пожалѣть, что въ объемистомъ томѣ ме-

мемуары герцогини Реджіо посвящено не болѣе пятидесяти страницъ описанію того, что она видѣла, слышала и чувствовала во время своего пребыванія въ Россіи въ 1812 г., тѣмъ болѣе, что только въ этой кампаніи она сопровождала своего мужа, маршала Удино, и эта часть книги является самой любопытной. Въ сущности, какъ объясняетъ и заглавіе новаго добавленія къ обширной литературѣ французскихъ мемуаровъ о войнахъ республики и имперіи: «Маршалъ Удино, герцогъ Реджіо, по неизданнымъ воспоминаніямъ жены маршала»,—книга эта составляетъ подробную біографію одного изъ храбрѣйшихъ сподвижниковъ Наполеона, и авторъ ея Гастонъ Стиглеръ только пользовался неизданными воспоминаніями герцогини Реджіо, написанными ею подѣ старость для дѣтей и внуковъ, вставляя обширныя изъ нихъ отрывки въ свой текстъ, основанный и на другихъ матеріалахъ, въ томъ числѣ на мемуарахъ Пильса, вѣрнаго денщика, сопровождавшаго Удино во всѣхъ его походахъ. Конечно, эти отрывки придаютъ главное значеніе труду Стиглера, который иначе не отличался бы отъ дюжинныхъ біографій Наполеоновскихъ маршаловъ, но все-таки благодаря его послѣдовательному разсказу, дополняющему воспоминанія герцогини, скромная симпатичная, рыцарская личность Удино, обыкновенно ступшеваемая въ исторіяхъ того времени болѣе шумными, болѣе блестящими и болѣе бросающимися въ глаза героями Неполеоновской плеяды, какъ Ней, Мюратъ, Ланнъ, Сультъ, Даву и т. д., является передъ читателемъ во всемъ своеобразномъ величіи новаго Баяра, рыцаря безъ страха и упрека, какъ его назвалъ самъ Наполеонъ, представляя Удино, тогда еще генерала, императору Александру въ Эрфуртѣ. По странной волѣ судьбы отличительными чертами геройской жизни Удино были, съ одной стороны, громадное число ранъ, полученныхъ имъ въ битвахъ, именно тридцать двѣ, а съ другой—частыя столкновения съ русскими. Никто изъ Наполеоновскихъ маршаловъ не былъ такъ часто раненъ и такъ часто не сражался съ русскими, какъ герцогъ Реджіо; кромѣ того, онъ находился въ личныхъ сношеніяхъ съ императоромъ Александромъ и великимъ княземъ Константиномъ въ Эрфуртѣ и Парижѣ, а его смерть побудила императора Николая написать его сыну очень сочувственное письмо. Поэтому, прежде чѣмъ привести воспоминанія герцогини Реджіо о 1812 годѣ, бросимъ взглядъ на предыдущую жизнь ея мужа.

Николой-Шарль Удино, сынъ пивовара, въ Баръ-ле-Дюкѣ, родившись въ 1767 году, обнаружилъ съ юности страсть къ военному дѣлу и семнадцати лѣтъ поступилъ солдатомъ въ одинъ изъ тогдашнихъ королевскихъ полковъ, а съ самаго начала революціонныхъ войнъ принялъ въ нихъ энергичное участіе, служа то въ Рейнской арміи Моро, то въ Швейцарской генерала Массены. Въ этой послѣдней онъ занималъ постъ дивизионнаго генерала, не

смотря на свои тридцать два года, и в Швейцарии впервые ему пришлось имѣть дѣло съ русскими подъ начальствомъ Суворова и Корсакова; послѣдняго онъ обошелъ на Винтертурской дорогѣ и разбилъ на голову, взявъ Цюрихъ. Перейдя въ итальянскую армию, Удино въ битвѣ подъ Минзембано, не смотря на свой генеральскій санъ, лично отбилъ у австрійцевъ нѣсколько пушекъ, но наибольшую славу онъ приобрѣлъ во главѣ гренадерскаго корпуса въ Аустерлицкой кампаніи въ 1805 и въ Фридландской въ 1807 году, гдѣ онъ снова дрался со своими старыми пріятелями русскими. Въ первой онъ вынудилъ князя Багратиона отступить отъ Голлабрюнна съ громадными потерями, не смотря на геройскую стойкость русскихъ солдатъ, а въ послѣдней одержалъ побѣду подъ Остроленкой, хотя едва самъ не былъ взятъ въ плѣнъ казаками, овладѣлъ Данцигомъ и принялъ рѣшающее участіе въ Фридландскомъ сраженіи, гдѣ половина его солдатъ была перебита, и Наполеонъ на его требованія подрѣпленій отвѣчалъ: «Скажите Удино, что когда онъ въ дѣлѣ, то можно бояться лишь за него, и что я оставляю его съ прежними силами». Во время знаменитаго Эрфуртскаго свиданія Удино былъ назначенъ губернаторомъ этого города, такъ какъ для исполненія такой отвѣтственной должности въ присутствіи столькихъ европейскихъ государей необходимъ былъ не только военный человѣкъ, но администраторъ и дипломатъ, а Удино выказалъ свои способности въ этихъ двухъ отношеніяхъ блестящимъ управленіемъ княжества Невшатель въ 1806 году. Представляя его Алаксандру, Наполеонъ сказалъ: «Ваше величество, я представляю вамъ Баяра французской арміи; какъ доблестный рыцарь, онъ безъ страха и упрека». На это русскій государь отвѣчалъ: «Я давно его знаю, еще со времени швейцарскаго похода моего стараго Суворова». По поводу эрфуртскаго конгресса въ мемуарахъ герцогини Реджіо сообщается нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ объ императорѣ Александрѣ и великомъ князѣ Константинѣ. «Однажды,—разсказывалъ самъ Удино,—мы сопровождали двухъ императоровъ въ ихъ прогулкѣ верхомъ. Они ѣхали рядомъ, но неожиданно нашъ въ разсѣянности поѣхалъ впередъ, свистя и не обращая ни на кого вниманія. Я никогда не забуду того выраженія Александра, съ которыми онъ обратился къ одному изъ свиты съ вопросомъ: «Надо слѣдовать за нимъ?» Хотя ему отвѣчали: «Да, ваше величество», но я подсказалъ къ Наполеону и сказалъ ему, что случилось. Онъ тотчасъ вернулся, объяснилъ свой поступокъ, и этимъ все кончилось». Другой анекдотъ объ Александрѣ разсказываетъ уже не Удино, а его сынъ, исполнявшій должность пажа у императора. «Во время прогулки верхомъ обоихъ императоровъ,—говорилъ онъ,—ихъ лошади не хотѣли перепрыгнуть черезъ ровъ. Я прищпорилъ своего коня, перелетѣлъ черезъ препятствіе, соскочилъ съ сѣдла

и, взявъ лошадь Наполеона за уздцы, побудилъ ее послѣдовать моему примѣру. Тогда Александръ разгорячилъ свою лошадь и также очутился на другомъ краю рва, но при этомъ усилии его португезя лопнула, и шпага упала на землю. Я поднялъ ее, но Наполеонъ сказалъ: «Оставь у себя эту шпагу и потомъ отдай ее мнѣ: вы позволяете, государь?»—прибавилъ онъ, взглянувъ на Александра. Лицо послѣдняго мгновенно выразило удивленіе и смутное безпокойство, но черезъ секунду оно приняло свой обычный спокойный, довѣрчивый видъ, и русскій царь въ краткихъ словахъ выразилъ свое согласіе. Сходя съ лошади у дворца, Наполеонъ сказалъ своему камердинеру Констану: «Сохранить эту шпагу Александра и выдать одну изъ моихъ Удино». Потомъ, обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ: «Отнеси эту шпагу моему русскому брату и попроси его отъ моего имени согласиться на этотъ обмѣнъ оружія между нами». Я немедленно отправился къ царю, и онъ приказалъ сказать Наполеону, что черезъ нѣсколько минутъ самъ словесно выразить ему свою искреннюю благодарность. Бывшій при этомъ великій князь Константинъ воскликнулъ: «Если-бъ вашъ государь далъ мнѣ одну изъ своихъ шпагъ, то я и спалъ бы съ ней». Когда я передалъ Наполеону эти слова, то онъ приказалъ мнѣ отнести великому князю другую свою шпагу, которая была принята съ живѣйшей радостью». Своеобразный характеръ великаго князя еще болѣе выражается въ двухъ забавныхъ исторіяхъ, рассказанныхъ герцогиней со словъ мужа. Проходя какъ-то утромъ мимо дома, гдѣ жилъ великій князь Константинъ Павловичъ, Удино увидѣлъ, что у двери не стоитъ часовой, и съ неудовольствіемъ спросилъ у сопровождавшаго его офицера, что это значить; не успѣлъ послѣдній открыть рта, какъ они услышали изъ отвореннаго окна громкую команду ружейныхъ приемовъ. Удино вошелъ въ домъ, приказалъ доложить о себѣ и, принятый великимъ княземъ, напелъ его совершенно раздѣтымъ; а передъ нимъ стоялъ часовой, которому онъ въ эту минуту командовалъ во все горло: «пли». Ружье выстрѣлило, и пуля вылетѣла въ окно. «Что вы дѣлаете!»—воскликнулъ Удино, пораженный такимъ поступкомъ.—«Я забавляюсь»,—отвѣтилъ Константинъ.—«Да, но вы съ одной стороны подвергаете часоваго тяжелой отвѣтственности за нарушеніе своихъ обязанностей, а съ другой вы забываете, что у васъ есть сосѣдь».—«Мой дядя король Виртембергскій,—отвѣчалъ великій князь:—это ничего; ему пора вставать». Дѣло кое-какъ замали, но король Виртембергскій, разбуженный пулей, ударившейся въ стѣну его спальни, былъ очень недоволенъ, что великій князь и губернаторъ потѣшаются стрѣльбой въ его окна, такъ какъ ему донесли въ этомъ видѣ о случившемся. Въ другой разъ великій князь Константинъ попросилъ Удино взять его на инспекторскій смотръ гренадерскаго корпуса; старымъ служакамъ не понравилось, что ихъ инспектируетъ

чужестранецъ, и они стали ворчать себѣ подъ носъ. Вдругъ, проходя мимо одного солдата, великій князь взялъ его за плечо, чтобъ пояснить свое какое-то замѣчаніе. «Кто меня тронулъ?» — грозно воскликнулъ солдатъ. — «Я», — отвѣчалъ Удино, становясь между солдатомъ и великимъ княземъ. — «То-то», — произнесъ солдатъ, мгновенно успокоившись. Уѣзжая изъ Эрфурта, императоръ Александръ подарилъ Удино табакерку съ брильянтами, а его братъ снова выказалъ свою оригинальность: онъ вытащилъ изъ своей треуголки плюмажъ и, подавая его генералу, сказалъ: «Я младшій братъ, а потому, любезный генералъ, не могу вамъ предложить ничего лучшаго». Повидимому императоръ Александръ сохранилъ объ Удино хорошее воспоминаніе, и когда въ 1809 году послѣдній былъ произведенъ въ маршалы и сдѣланъ герцогомъ Реджіо за его блестящее участіе въ Ваграмской битвѣ, то русскій государь написалъ ему слѣдующія милостивыя строки: «Господинъ маршалъ, я слишкомъ живо интересуюсь всѣмъ касающимся до васъ, чтобъ не выразить вамъ того удовольствія, которое причинило мнѣ ваше производство въ маршалы; оно столь же искренно, какъ то уваженіе, которое я питаю къ вамъ. Я всегда пріятно вспоминаю то время, когда я познакомился съ вами, и прошу вѣрить, что мои чувства къ вамъ останутся вѣчно неизмѣнными». Посыпавшихся на него почестей Удино вполнѣ заслужилъ, такъ какъ не только по словамъ Наполеона въ 10 бюллетенѣ великой арміи онъ былъ генераломъ, доказавшимъ въ ста битвахъ столько же храбрости, сколько военнаго знанія, но въ письмѣ къ военному министру Наполеонъ прямо говоритъ: «Удино взялъ Ваграмъ», а въ приказѣ по арміи онъ же свидѣтельствуетъ, что «его величество обязано успѣхомъ своихъ войскъ герцогу Риволи и Удино, которые пробили центръ непріятельской арміи». Рѣшительная роль, сыгранная Удино въ этомъ одномъ изъ знаменитѣйшихъ сраженій Наполеона, была тѣмъ замѣчательнѣе, что, взявъ Ваграмъ, онъ дѣйствовалъ самовольно, безъ приказаній, и императоръ сказалъ ему на другой день: «Вы знаете, что вы сдѣлали вчера?» — «Я думаю, что не дурно исполнилъ свой долгъ», — отвѣчалъ Удино. — «За то, что вы сдѣлали вчера, вы заслуживаете быть разстрѣленнымъ». Если онъ не былъ разстрѣлянъ, то все-таки получилъ, какъ всегда, тяжелую рану. Въ 1810 году маршалъ потерялъ свою первую жену, и спустя два года, въ январѣ 1812 года, онъ женился вторично на двадцатилѣтней молодой дѣвушкѣ Ежени де-Куси, принадлежавшей къ хорошей дворянской семьѣ его родины, и очень характеристично сдѣлалъ предложеніе черезъ ея зятя въ слѣдующихъ словахъ: «Она знаетъ, что у меня шестеро дѣтей, что мнѣ сорокъ четыре года, и что я имѣю пятьсотъ тысячъ ливровъ годоваго дохода; мое общественное положеніе ей извѣстно, и я буду счастливъ, если она раздѣлитъ его со мной». Походъ 1812 года былъ ихъ брачною поѣздкой, такъ

какъ въ концѣ медоваго мѣсяца маршалъ отправился на русскую границу, гдѣ стоялъ второй корпусъ великой арміи, начальникомъ котораго онъ былъ назначенъ. Молодая жена сопровождала его до Берлина и оттуда вернулась въ Баръ-ле-Дюкъ, гдѣ спустя два мѣсяца прочла съ ужасомъ въ «Монитерѣ», что Удино былъ тяжело раненъ и отправленъ на излѣченіе въ Вильну. Первымъ крикомъ бѣдной женщины было: «Я ѣду въ Вильну». Дѣйствительно, въ сопровожденіи своего дяди, она отправилась въ путь, и не смотря на строгое запрещеніе женамъ участниковъ русской кампаніи слѣдовать за своими мужьями, а также на всѣ трудности путешествія, очутилась въ срединѣ октября въ Вильнѣ, въ объятіяхъ мужа. «Онъ вышелъ ко мнѣ навстрѣчу подъ ворота, — пишетъ герцогиня въ своихъ воспоминаніяхъ — обнялъ меня своей единственной рукой, такъ какъ другая была на повязкѣ. Его лицо было блѣдное, но что за бѣда — онъ былъ со мной».

Съ этой чисто семейной сцены начинается жизнь герцогини Реджіо въ Россіи, среди тяжелой години отступленія французовъ. До ея приѣзда, или, лучше сказать, до своей раны, Удино дѣйствовалъ на лѣвомъ крылѣ великой арміи, противъ Витгенштейна и дошелъ до Полоцка на пути въ Петербургъ, но далѣе двигаться онъ не могъ въ виду сильныхъ потерь, понесенныхъ его корпусомъ отъ стычекъ съ русскими, болѣзней и всякаго рода лишеній; а получивъ тяжелую рану въ плечо, онъ долженъ былъ вернуться въ Вильну и оставаться тамъ безъ дѣйствія. Въ этомъ грязномъ, еврейскомъ городѣ находились тогда герцогъ Бассано, державшій въ своихъ рукахъ всѣ нити европейской политики, и значительное число французовъ, какъ управлявшихъ различными военно-административными частями, такъ и лѣчившихся отъ ранъ, а также многочисленныя мѣстныя польскія семьи, поэтому герцогинѣ Реджіо пришлось вести сначала довольно веселую свѣтскую жизнь. Праздники слѣдовали за праздниками, но подъ блестящей внѣшностью начинали все болѣе и болѣе появляться признаки быстро надвигавшихся грозныхъ событій. Даже военные, хотя шепотомъ, горько жаловались на ужасное честолюбіе императора, которое завело его на край свѣта и грозило все большими и большими несчастіями для бѣдной Франціи; на улицахъ Вильны виднѣлись въ безконечномъ числѣ больные и раненые солдаты, на лицахъ которыхъ было написано мрачное отчаяніе; въ прогулкахъ за городъ на каждомъ шагѣ можно было натолкнуться на свѣжую могилу, на десятки, на сотни такихъ могилъ. Наконецъ 30-го октября Удино получилъ извѣстіе, что преемникъ его въ командованіи вторымъ корпусомъ маршалъ Гувіонъ-Сенъ-Сиръ былъ также раненъ, и не смотря на то, что онъ самъ не совсѣмъ оправился, послѣшилъ къ своему отряду, отступившему отъ Полоцка на Березину. Здѣсь долженъ былъ совершиться мрачный роковой эпилогъ кампаніи 1812

года. Удино тщетно старался приготовить безопасный переходъ черезъ маленькую рѣчку, которая неожиданно приобрѣла важность для отступавшаго Наполеона, и хотя онъ отбилъ отъ русскихъ Борисовъ, но мостъ уже былъ ими сожженъ. Неожиданно оказалось, однако, что выше Борисова у Студянки былъ бродъ, и Наполеонъ, явившись 26-го ноября на лѣвый берегъ Березины, приказалъ сдѣлать всѣ приготовленія для перехода на этомъ мѣстѣ остатковъ великой арміи. «Вы будете моимъ слесаремъ и отопрете мнѣ эту дверь», — сказалъ онъ Удино, который дѣйствительно, какъ только были готовы два моста, устроенные понтонерами, работавшими по плечи въ ледяной водѣ, перешелъ первый на правый берегъ, занялъ его, отбѣснилъ русскихъ и обезпечилъ переправу, но снова получилъ рану. Разсказъ объ этой ужасной переправѣ герцогиня Реджіо передаетъ со словъ адъютанта ея мужа, Телье, который прибылъ въ Вильну съ плачевной вѣстью о томъ, что маршалъ раненъ и медленно возвращается. «Поѣдемъ къ нему на встрѣчу, воскликнула я, — пишетъ герцогиня, — какъ только я поняла, въ чемъ дѣло, но Телье объявилъ, что по строжайшему приказанію маршала онъ меня не пуститъ ни на шагъ изъ Вильны, и я должна была удовольствоваться тѣмъ, что послала немедленно на встрѣчу къ раненому все, что могло ему понадобится. Сдѣлавъ это, я стала слушать подробный разсказъ Телье, который, конечно, скрылъ отъ меня серьезный характеръ раны, полученной мужемъ. «Гдѣ императоръ? гдѣ армія?» — спросила я. — «Намъ не до императора, — отвѣчалъ мрачно молодой человекъ: — дѣло идетъ о спасеніи его жертвъ; его безумное, чудовищное предпріятіе, его безграничное честолюбіе, его непримѣрный эгоизмъ стоятъ намъ 400.000 человекъ. Вы хотите имѣть извѣстія объ арміи — ея не существуетъ. Посмотрите на меня, я еще здоровѣе другихъ и лучше одѣтъ, чѣмъ остальные; я одинъ изъ немногихъ, спасшихся отъ этой ужасной катастрофы». Дѣйствительно онъ не походилъ на человѣческое существо: такъ онъ исхудалъ и былъ въ такомъ истерзанномъ, печальномъ видѣ. Въ продолженіе двухъ часовъ онъ разсказывалъ о роковомъ отступленіи изъ Москвы, сначала со словъ другихъ, а потомъ съ соединенія корпуса Удино къ остаткамъ великой арміи, какъ очевидецъ. Сначала видъ организованнаго войска, повиновавшагося своимъ начальникамъ и сохранившаго дисциплину, произвелъ громадное впечатлѣніе на несчастныхъ отступавшихъ, и можно было надѣяться, что это хорошо на нихъ подѣйствуетъ, но оказалось противное. Дурной примѣръ подѣйствовалъ на 9.000 сравнительно свѣжаго войска, и послѣ Березинской переправы они подверглись общей участи. Дѣти мои, вашъ отецъ спасъ тѣхъ, которые вернулись оттуда и всѣ отдали ему эту справедливость. Онъ первый перешелъ рѣчку, обманувъ русскихъ ложнымъ наведеніемъ моста

въ другомъ мѣстѣ, и еслибъ не эта искусная стратагема, то наша армія съ ея главой погибла бы. Не смотря на малое число войскъ, переправа долго длилась, и еще она не кончилась, какъ Чичаговъ, догадавшись о своей ошибкѣ, поспѣшилъ къ намъ на встрѣчу, а Витгенштейнъ ударилъ въ тылъ. Тутъ-то роковая переправа приняла тотъ ужасающій характеръ, котораго нельзя описать... Пока шель такой снѣгъ, что нельзя было видѣть на два шага, на мосту происходила смертельная давка, а въ рѣкѣ сотни погибали среди льдинъ, маршалъ старался сдерживать Чичагова въ лѣсной чащѣ на правомъ берегу до той минуты, когда его поразила пуля въ бокъ; онъ упалъ, держась одной ногой въ стремя, и лошадь поволокла его головой по землѣ, но по счастью одинъ изъ адъютантовъ спасъ его отъ худшей участи». Немедленно его отправили въ лазаретъ, а Наполеонъ послалъ къ нему сына Виктора. Не смотря на всѣ усилія докторовъ, пули не нашли, и его повезли въ Вильну. «Что теперь будетъ съ нами, — восклицалъ Телье въ концѣ своего разсказа:—если даже остатки Березины будутъ въ состояніи противостоять усиливающимся холодамъ, голоду, котораго нечѣмъ утолить на этой опустошенной дорогѣ, и русскимъ, преслѣдующимъ насъ методично и въ полномъ порядкѣ? Что дѣлать? Какъ достичь границы? И однако непріятель насъ ни разу не побѣдилъ. Мы погибли отъ холода и голода, а каждый разъ, когда отступая мы обращались лицомъ противъ русскихъ, то разбивали ихъ. При сооруженіи историческаго моста черезъ Березину, люди молча, по приказанію начальниковъ, погружались по плечи въ холодную воду и прекращали свою работу только, чтобъ отогнать отъ себя льдины, рѣзавшія ихъ, какъ лезвее ножа. Они колотили сваи до той минуты, пока смерть ихъ не уносила, и если никто не вернулся изъ рѣки, то постоянно прибывали туда новые работники». Не смотря на всѣ затрудненія и опасности, наконецъ, 3-го декабря раненый Удино прибылъ въ Вильно, но по дорогѣ въ Плецаницѣ онъ едва не попался въ плѣнъ казакамъ. Этотъ эпизодъ въ разсказѣ его денщика Пильса очень драматиченъ. Остановившись на ночь въ маленькомъ селеніи и лежа въ избѣ на скамейкѣ, раненный неожиданно увидалъ въ окно пика казаковъ. «Утѣшься, отецъ, — сказалъ Викторъ, подходя къ нему: — мы въ плѣну». «Пустяки, защищайся», — отвѣчалъ маршалъ и, видя себя въ простой шубѣ, приказалъ подать ленту Почетнаго Легіона: — «по крайней мѣрѣ, взявъ меня, они будутъ знать, кого берутъ», — прибавилъ онъ. Потомъ, схвативъ пистолетъ, онъ хотѣлъ сѣсть на лошадь, но не могъ и, вернувшись въ избу, стрѣлялъ въ окно, пока продолжалась схватка его эскорта съ казаками, которые отступили при появленіи на выручку отряда вестфальскаго генерала Гамерштейна.

Проведя нѣсколько дней въ Вильнѣ, Удино, однако, рѣшился ѣхать назадъ во Францію для излѣченія своей тяжелой раны,

только когда герцогъ Бассано сообщилъ ему по секрету, что императоръ ночью проѣхалъ въ Парижъ. Это путешествіе въ каретѣ съ женой и нѣсколькими приближенными лицами, по опустошенной странѣ, среди морозовъ, доходившихъ до двадцати восьми градусовъ, описывается герцогиней Реджіо въ самыхъ мрачныхъ, трагическихъ краскахъ. Днемъ кое-какъ они двигались впередъ, хотя на каждомъ шагу лошади натывались на замерзшіе окровавленные трупы, а ночью имъ приходилось останавливаться, за отсутствіемъ избъ, въ сараяхъ и подъ навѣсами, гдѣ едва находили мѣсто у разведенныхъ костровъ, вокругъ которыхъ тѣснились толпы несчастныхъ, полузамерзшихъ французовъ. Даже запасы пищи, взятой изъ Вильны, не оказывали никакой помощи, такъ какъ превращались въ льдины, а отогрѣвать ихъ не было времени. Надо было торопиться во что бы то ни стало, такъ какъ трудности пути все возрастали, и морозъ усиливался. Наконецъ достигли Ковно и перебрались черезъ совершенно замерзшій Нѣманъ, гдѣ, по словамъ герцогини Реджіо, «нѣсколько дней спустя окончилось роковое отступленіе французовъ подъ начальствомъ Нея, и исчезли послѣдніе слѣды организованнаго войска, которое уже затѣмъ разбрелось окончательно по мелкимъ группамъ, такъ что каждый шелъ какъ и куда хотѣлъ». Долго еще продолжались ужасы, среди которыхъ герцогиня везла своего раненаго мужа, и ко всему присоединялся еще страхъ казаковъ, даже ощущаемый самимъ Баяромъ французской арміи. При малѣйшемъ шумѣ, на стоянкахъ, онъ произносилъ съ непривычнымъ на его лицѣ страхомъ: «это казаки; ихъ послали меня преслѣдовать». Иногда дѣло доходило до того, что, по словамъ герцогини, она едва не сходила съ ума отъ безпокойства за мужа и отъ роковаго впечатлѣнія окружавшихъ ее картинъ. Судьба до того преслѣдовала ихъ, что когда они достигли одного богатаго неразореннаго польскаго помѣстья и думали отдохнуть въ роскошномъ домѣ, тамъ оказался тифъ, и хотя все-таки они вынуждены были провести ночь въ зараженномъ жилищѣ, полномъ умирающихъ и покойниковъ, но она была одной изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній: къ этому еще присоединился пожаръ, вспыхнувшій въ комнатѣ раненаго, но тотчасъ потушенный. Конецъ этой печальной Одиссеи наступилъ лишь въ Гумбинѣ, а затѣмъ герцогиня довезла благополучно больного до своего дома въ Баръ-ле-Дюкѣ.

Для того, чтобъ дополнить характеристику симпатичныхъ личностей Удино и его жены, прибавимъ еще нѣсколько словъ и бросимъ хоть бѣглый взглядъ на ихъ послѣдующую жизнь, описаніе которой занимаетъ около половины мемуаровъ герцогини. Оправившись отъ своей раны, маршалъ принялъ участіе въ войнахъ 1813 и 1814 годовъ, снова сражаясь съ русскими и съ своимъ старымъ противникомъ Витгенштейномъ, но въ Ватерло онъ

не участвовалъ, такъ какъ, признавъ послѣ отреченія Наполеона государемъ Франціи короля Людовика XVIII, который сохранилъ ему всѣ его титулы и званія, онъ не хотѣлъ ему измѣнить во время ста дней. На выговоръ, сдѣланный ему лично Наполеономъ, онъ гордо отвѣчалъ: «Я никому не буду служить, если я не служу вамъ», — и сдержалъ слово. По возвращеніи Бурбоновъ, Удино былъ сдѣланъ начальникомъ національной гвардіи и хотя участвовалъ въ Испанской кампаніи 1821 года, но она имѣла скорѣе политическій, чѣмъ военный характеръ. При Орлеанской монархіи, онъ былъ великимъ канцлеромъ Почетнаго Легиона и начальникомъ дома инвалидовъ, а въ 1847 году умеръ на 81 году своей жизни. Жена его, бывшая при реставраціи статсъ-дамой герцогини Берійской и, по словамъ графини Ла-Ферронэ въ ея неизданныхъ мемуарахъ, представлявшая образецъ достойнѣйшей, добрѣйшей и граціознѣйшей женщины, прожила еще двадцать одинъ годъ въ своемъ скромномъ провинціальномъ жилищѣ, гдѣ оказала послѣднюю услугу любимому мужу написаніемъ своихъ мемуаровъ, потому что онъ никогда не хотѣлъ писать записокъ, говоря: «Я ничего не сдѣлалъ достойнаго описанія». Такъ какъ въ 1814 и 1815 годахъ Удино видѣлъ въ Парижѣ императора Александра, а императоръ Николай написалъ сочувственное письмо его сыну по случаю смерти маршала, то еще необходимо упомянуть объ этихъ послѣднихъ столкновеніяхъ французскаго Баяра съ Россіей. Послѣ вступленія въ Парижъ, Александръ I посѣтилъ Удино и обошелся съ нимъ и его женой самымъ любезнымъ образомъ, чаруя ихъ своимъ милостивымъ вниманіемъ, удивительнымъ тактомъ, съ которымъ онъ говорилъ о недавнихъ событіяхъ, и рыцарскими отзывами о мужествѣ побѣжденныхъ враговъ. «Эта война, — сказалъ онъ между прочимъ, — была очень жестока къ вамъ, но если мы приобрѣли кое-какое искусство, то кому мы этимъ обязаны? Да, страшные уроки, которые вы намъ дали, послужили намъ, наконецъ, въ пользу». «Во второе свое посѣщеніе Александръ, — рассказываетъ герцогиня Реджіо, — хотя и сохранилъ свои прежнія чувства къ маршалу, но смотрѣлъ на Францію совершенно иначе и очень охладѣлъ къ ея интересамъ, но все-таки изъ его откровеннаго разговора мы поняли, что ему обязана Франція, что ее не подвергли совершенному расчлененію». Наконецъ, вотъ что писалъ императоръ Николай 18-го октября 1847 года старшему сыну маршала: «Я получилъ ваше письмо, генераль, извѣщающее меня о смерти вашего отца, почтеннаго маршала Удино. Потеря человѣка, имя котораго находилось въ числѣ первыхъ военно-начальниковъ въ такую эпоху, когда ихъ было столько, должна быть очень чувствительна для всѣхъ, кто отдаетъ честь талантамъ и военной славѣ. Поэтому она произвела и на меня подобное же впечатлѣніе. Славные подвиги и благородный характеръ маршала за-

служили ему въ свое время уваженіе и любовь моего покойнаго брата, императора Александра; и я знаю, что полученные отъ него знаки благоволенія всегда высоко цѣнились вашимъ отцемъ. По этой причинѣ я тѣмъ болѣе сожалѣю о немъ и сочувствую тому горю, которое возбудила его смерть въ вашей семьѣ и всей странѣ. Потому я очень тронутъ вашимъ вниманіемъ и считаю ваше извѣщеніе объ этомъ событіи доказательствомъ, что вы наслѣдовали тѣ чувства, которыя вашъ отецъ питалъ къ моему брату и ко мнѣ. Это усиливаетъ еще мое сожалѣніе, что я не могъ, какъ недавно надѣялся, лично съ вами познакомиться, и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ выразить вамъ это сожалѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ мое искреннее уваженіе».

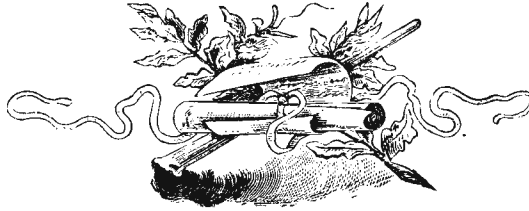
V.

Если отъ разсказовъ Вандала и Дамса, отъ мнѣній лорда Вольслея и воспоминаній герцогини Реджіо о войнѣ 1812 года мы перейдемъ къ статьѣ Медина, то намъ представится цѣлый рядъ доселѣ неизвѣстныхъ итальянскихъ поэмъ ¹⁾ и стихотвореній насчетъ этой роковой эпохи въ исторіи Наполеона. Оказывается, что, не смотря на культъ Наполеона, питаемый многими современными итальянскими поэтами, какъ, на примѣръ, Уго Фосколо, до конца видѣвшаго въ немъ защитника республиканскихъ идей, и Манцони, написавшаго на смерть Наполеона вдохновенную оду «5-е мая», какъ только начались несчастья императора, стало появляться значительное число поэмъ, одъ, сонетовъ и сатирическихъ стихотвореній, воспѣвавшихъ пораженіе тирана. Особенно война 1812 года, въ которой погибло столько итальянцевъ, послужила предметомъ многихъ подобныхъ поэтическихъ произведеній. Къ нимъ относятся «Бѣглянка» Гросси, «Эпизодъ русской войны» Расини и поэма молодаго кременца Жана Луи Радаелли, которая кончается слѣдующими строфами: «Такъ среди оскорбленій и позора падаютъ герои, а ихъ глава въ это время возвращается здравый, невредимый и съ спокойнымъ челомъ. И съ твоей разбитой побѣдной колесницы раздастся новый крикъ войны въ отвѣтъ на вопли матерей. Но вотъ возстаетъ на тебя разгнѣванная земля и твоей власти конецъ. Ты заслужилъ свою судьбу. Но я не подлець и не хочу тебя оскорблять языкомъ поэзіи, посвященной прославленію Бога. Когда ты былъ нашимъ тираномъ, я тебя презиралъ, такъ какъ свободной душѣ чужда тиранія, но теперь твой несчастья дѣлаютъ тебя въ моихъ глазахъ величайшимъ человѣкомъ, когда либо быв-

¹⁾ Въ первой статьѣ «Иностранцы о войнѣ 1812 г.» въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» на стр. 850 напечатано по ошибкѣ въ «письмахъ» вмѣсто въ «поэмахъ».

шимъ на землѣ». Однако не всѣ итальянскіе поэты относились такъ безпристрастно къ павшему Наполеону, и когда онъ послѣ Баттлерыны снова сталъ собирать свѣжія войска въ Итали, то многіе ея поэты въ анонимныхъ стихотвореніяхъ предавали его проклятью, называя чудовищемъ, убійцей, поставщикомъ мертвецовъ въ царство Плутона и выражая зависть къ русскимъ, которые его побѣдили. «Во всѣ времена, — говоритъ одинъ изъ этихъ поэтовъ: — паукъ поглощалъ муху, а Наполеонъ показалъ чудо поглощенія мухой (поитальянски муха и Москва—одинаково Мосса) паука».

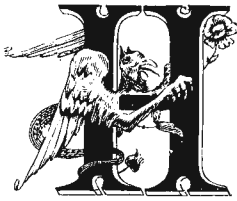
В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Выводы и заключенія Н. П. Семенова. Спб. 1894.

ИША критическая и публицистическая литература въ долгу передъ авторомъ «Освобожденія крестьянъ». Его вѣстину колоссальный трудъ прошелъ сравнительно малозамѣченнымъ, не смотря на то, что посвященъ онъ вѣболѣе жгучему и животрепещущему вопросу русской жизни. Чѣмъ объяснить это болѣе чѣмъ странное явленіе? Нужно ли искать причинъ тому въ объемѣ труда, или въ томъ, что онъ заключаетъ въ себѣ почти что сырой матеріалъ, нуждающійся еще въ сводѣ и разработкѣ, — трудно сказать, но такъ или иначе фактъ замолчанія на лицо, и да послужитъ онъ укоромъ нашимъ радѣтелямъ меньшей братіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ работа г. Семенова представляетъ сама по себѣ обильный матеріалъ для всевозможныхъ изслѣдованій: тутъ и дѣлныя для цѣлаго ряда біографическихъ очерковъ и характеристикъ главнѣйшихъ борцовъ за и противъ крестьянской реформы, тутъ и обширныя свѣдѣнія по историческому развитію освободительныхъ начинаній, наконецъ, здѣсь можно почерпнуть факты для нарисованія драматической картины борьбы въ защиту вѣковой рутины, отжившихъ традицій и нажитаго достоянія. День за днемъ, годъ за годомъ развертываются передъ читателемъ событія того время, проходитъ рядъ лицъ и дѣятелей, одно вліяніе смѣняетъ собою другое—и все это изображено безыскусственно, правдиво и стенографически точно. Да, вадъ матеріаломъ, собраннымъ г. Семеновымъ, можно поработать и поразмыслить. Вѣдъ далеко еще не наступило время, когда можно будетъ сказать, что печальное прошлое забыто, «быльемъ поросло» и отошло куда-то въ даль исторіи. Мы и понынѣ считаемся съ наслѣдіемъ крѣпостнаго права, не исчезли еще съ лица земли обрывки той заржавленной цѣпи, ударившей, по словамъ поэта, «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику». Вся лихорадочная дѣятельность въ области государственной экономіи нашихъ дней можетъ быть по справед-

ливости разсматриваема, какъ починка и исправленіе зданія, выстроенаго когда-то, хотя и грубо и топорно, но за то прочно и крѣпко, а вынѣй пришедшаго въ разрушеніе и ветхость. Старые устои этого зданія болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ были уничтожены, а новые въ значительной степени поставлены неправильно, криво, косо и далеко не крѣпко. Зданіе шатается, приходитъ въ разрушеніе, а мы изыскиваемъ палліативныя мѣры къ его поддержанію, вмѣсто того, чтобы начать съ корня вещей. Оскуденіе и шатаніе крестьянства, а съ нимъ вмѣстѣ и всей Русской земли,—явленіе не вмѣющее оправданія ни въ ходѣ развитія нашей жизни, ни въ указаніяхъ опыта исторіи. Тутъ кроется какая-то ошибка, недоразумѣніе, что-то недосказанное и недоудѣланное. Вотъ это-то недосказанное и недоудѣланное авторъ «Освобожденія крестьянъ» и пытается указать читателямъ въ своихъ «Выводахъ и заключеніяхъ». На сколько имъ во всей необходимой полнотѣ исчерпанъ вопросъ—дѣло иное, и не краткій рецензентской замѣткѣ приходится объ этомъ говорить. Для этого потребна цѣлая статья, въ которой бы можно было прослѣдить развитіе мнѣній г. Семенова шагъ за шагомъ, въ которой, можетъ быть, пришлось бы вступить на путь полемики или по крайней мѣрѣ объясненій и видоизмѣненій авторскихъ положеній, а это не входитъ въ задачи настоящаго отзыва. Крестьянскій вопросъ на столько сложенъ и обширенъ, что каждая его сторона уже имѣетъ въ настоящее время цѣлую литературу. Такъ, напримѣръ, вопросъ о сельской общинѣ еще въ наши дни служилъ темою для горячихъ дебатовъ въ Вольно-экономическомъ обществѣ и на столбцахъ повременной прессы; на эту тему исписаны цѣлыя стопы бумаги, и сломано не одно бойкое перо, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ краткой брошюрѣ г. Семенова вопросу объ общинѣ отведено значительное мѣсто, причѣмъ авторъ мнѣнія свои высказываетъ въ категорической формѣ и общими фразами. Гдѣ же тутъ вступать въ какія либо объясненія при полномъ даже сочувствіи къ тезисамъ г. Семенова? Поэтому, отказываясь отъ пріемовъ критической разработки, ограничимся простымъ ознакомленіемъ читателя съ содержаніемъ брошюры. Впрочемъ, необходимо отмѣтить общее впечатлѣніе отъ чтенія «Выводовъ и заключеній». По правдѣ признаться, нѣкоторыя мѣста здѣсь вызываютъ недоумѣніе. Авторъ, говоря о крестьянахъ, ваялъ нѣсколько въ сторону и совсѣмъ напрасно заговорилъ о дворянствѣ—о причинахъ его оскудѣнія, о его великодушіи при проведеніи реформы и благородствѣ поведенія въ знаменательные дни «освобожденія». Не говоря уже про то, что ему не удалось разъяснить дворянскаго вопроса и обрисовать историческій ходъ оскуденія дворянъ,—не говоря уже про это, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ допустилъ здѣсь неправильности и неточности. Такъ, утверждая, что уничтоженіе Опекунскаго Совѣта было гибельно для дворянства, лишивъ его необходимаго кредита для перевода прежняго хозяйства на новое положеніе, имъ замалчивается наличность у дворянъ въ то время огромныхъ денежныхъ суммъ въ видѣ выкупныхъ платежей. Зачѣмъ же ужъ такъ настоятельно былъ нуженъ благотворительный кредитъ, когда и безъ того касса хозяйства была полна? Тутъ-то заключается пробѣлъ: нужно было упомянуть, если ужъ о томъ зашла рѣчь, и о легкомысліи, съ какимъ высшее сословіе распорядилось этой кассой. Въ произведеніяхъ Щедрина, Терпигорева и нѣкоторыхъ другихъ писателей вопросъ этотъ подробно разработанъ, и мы съ достаточной наглядностью узнаемъ, куда пошли въ тѣ дни всеобщаго оживленія выкупныя деньги. Будь открытъ тогда еще Опекунскій Совѣтъ, пожалуй,

французскіе рестораторы и касимовскіе татары вывезли бы на родину еще болѣе денегъ. Кромѣ того, и вопросъ о великодушїи и единствѣ благихъ стремленїй—вопросъ спорный и сомнительный. Самъ авторъ это сознаетъ и чувствуетъ и во многихъ мѣстахъ своихъ «Выводовъ» проговаривается на этотъ счетъ, прикрывая суть дѣла риторическими фразами и дѣланнымъ пафосомъ. Если откинуть эти дефекты, то въ общемъ своемъ составѣ мнѣнія г. Семенова чрезвычайно симпатичны, пожалуй, даже демократичны и направлены къ бѣзкорыстному благу сельскаго люда. Онъ горячїй защитникъ общиннаго начала, поборникъ свободнаго и разумнаго переселенїя и расселенїя, а также неотчуждаемости крестьянской земли, и врагъ регламентаціи мірской жизни. Брошюра его распадается на три главы. Въ первой выясняется, въ какомъ положенїи засталъ крестьянское землевладѣніе великій актъ освобожденїя крестьянъ; во второй—какъ оно измѣнилось подъ вліяніемъ Положенїя 19 февраля 1861 г. и послѣдующихъ узаконенїй, и въ третьей—что предстоитъ еще сдѣлать правительству для установленїя прочныхъ отношенїй крестьянскаго населенїя къ землѣ, предоставленной ему во владѣніе. Минувъ первыя двѣ главы, имѣющія специально историческій интересъ, и на нѣкоторыя слабѣя стороны которыхъ уже указано, остановимъ вниманїе читателя на послѣдней, такъ какъ она идетъ на встрѣчу требованїямъ нашихъ дней и предназначена въ помощь правительственнымъ исканїямъ, что слѣдуетъ предпринять. Исходя изъ того положенїя, что крестьянское дѣло по свойству его нельзя считать исполнѣ завершившимся въ одно царствованїе, и что оно осталось какъ бы въ наслѣдіе «послѣдующимъ», г. Семеновъ въ десяти параграфахъ излагаетъ тѣ мѣропрїятїя, къ которымъ необходимо прибѣгнуть, чтобы «выйти благополучно слишкомъ шестидесятимилліонному крестьянскому населенїю Россїи изъ неопредѣленнаго и разорительнаго его положенїя». Мѣропрїятїя эти слѣдующія: 1) надлежитъ признать за крестьянскими обществами права неотчуждаемаго владѣнїя на земли и, какъ послѣдствїе этого, необходимость отмѣны 165 статьи Положенїя 19 февраля 1861 года; 2) слѣдуетъ устранить выкупную операцію превращенїемъ ежегодныхъ выкупныхъ платежей въ вѣчные оброчные платежи за предоставленныя крестьянамъ въ неотчуждаемое владѣніе земли; 3) въ обществахъ крестьянъ, гдѣ существуетъ общинный порядокъ землевладѣнїя, надлежитъ возстановить прежнїе тягловыя участки, опредѣливъ для данныхъ мѣстностей такой нормальный ихъ размѣръ, не допускающїй уменьшенїя участка, чтобы правильное веденїе на немъ хозяйства было возможно и удобно; 4) разверстанїе тягловыхъ участковъ въ общинахъ между домохозяевами должно быть предоставлено міру безъ вмѣшательства мѣстной власти въ это домашнее дѣло; 5) въ крестьянскихъ обществахъ, гдѣ земли состоятъ въ подворномъ пользованїи, продажа и переуступка подворныхъ участковъ постороннимъ лицамъ, не входящимъ въ составъ общества, не должны быть допускаемы, при переуступкѣ же или продажѣ участковъ одними домохозяевами другимъ необходимо возбранить скопленїе участковъ въ однѣхъ рукахъ или подборанїе ихъ одними и тѣми же домохозяевами; 6) въ селахъ и деревняхъ, гдѣ при порядкѣ общиннаго землевладѣнїя переростъ населенїя обнаруживается ясно, тѣмъ прибывающимъ брачнымъ парамъ, которымъ, при нежеланїи ихъ выйти изъ крестьянскаго состоянїя, не будетъ доставать тягловыхъ участковъ, долженъ быть открытъ или облегченъ выходъ или въ тѣ общества, въ коихъ окажется избытокъ тягловыхъ участковъ, или на свободныя земли государства, въ мѣстностяхъ

той же или других губерній; 7) крестьянскій міръ долженъ быть востановленъ во всемъ прежнемъ его значеніи, для чего необходимо: а) отмѣнить рѣшающее большинство голосовъ на сельскихъ сходахъ и признать приговоры ихъ тогда только состоявшимися, когда они постановлены единогласно, какъ это было у нихъ всегда и прежде; б) предоставить міру самому опредѣлить, кого, кромѣ домохозяевъ, считаетъ онъ нужнымъ и справедливымъ допускать на сходы въ своихъ обществахъ, согласно преданію и обычаямъ, какъ это велось до введенія Положенія 19 февраля; 8) каждое крестьянское общество должно представлять самостоятельную независимую въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ ни отъ волости, ни отъ другихъ сельскихъ обществъ и отвѣтственную бытовую единицу при сношеніяхъ съ правительствомъ, по исполненію требованій государственной власти; 9) тамъ, гдѣ порядокъ землевладѣнія въ селахъ и деревняхъ общинный, слѣдуетъ оставить въ силѣ круговую поруку въ томъ смыслѣ, какъ она вытекаетъ изъ строя общины, представляющей единицу для раскладки государственныхъ податей при ихъ взиманіи; 10) необходимо измѣнить нѣсколько характеръ нынѣшней волости и отношеній ея къ крестьянскому населенію обращеніемъ ея въ центръ мѣстнаго управленія, въ которомъ были бы сосредоточены лишь органы правительства, имѣющіе ближайшее или непосредственное прикосновеніе къ народу. Для этого надлежитъ упразднить волостные сходы, и тогда порядокъ выбора въ должность волостнаго старшины можетъ быть значительно упрощенъ, напримѣръ, такимъ образомъ, чтобы каждое сельское общество, а мелкія, соединяясь въ одно, выбирали на своемъ сельскомъ сходѣ кандидатовъ изъ своей среды на помянутую должность. Назначеніе же изъ нихъ старшины должно принадлежать, какъ и теперь, земскому начальнику.

Такова обширная программа г. Семенова для установленія прочныхъ отношеній крестьянскаго населенія къ землѣ. Какъ читатель можетъ самъ убѣдиться, программа эта обнимаетъ собою вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи въ достаточной полнотѣ и затрогиваетъ самый корень вещей. По справедливости можно сказать, что изъ всѣхъ работъ послѣдняго времени по крестьянскому вопросу въ настоящей брошюрѣ дѣло поставлено наиболѣе серьезно и обстоятельно; желательно, чтобы специалисты высказали свое слово о достоинствахъ и недостаткахъ этой программы и подвергли ее обсужденію въ одномъ изъ нашихъ ученыхъ обществъ. Программа г. Семенова того заслуживаетъ, и для пользы крестьянскаго дѣла такое обсужденіе пошло бы на благо.

Б. Глинскій.

Франція и славянство. Рѣчь С. Н. Шарапова въ Славянскомъ обществѣ. Спб. 1894.

Публицистъ и сельскій хозяинъ С. Н. Шараповъ давно уже подвизается на поприщѣ, если не разрѣшенія, то изслѣдованія разныхъ вопросовъ, нарождающихся въ современной злобѣ дня, и—надо отдать ему справедливость—говоритъ объ нихъ горячо, убѣдительно, хотя и не всегда доказательно; это во всякомъ случаѣ дѣятель энергичный писатель, чуждый всероссійской распущенности и апатіи. Кромѣ разнаго рода брошюръ по текущимъ дѣламъ, онъ издалъ уже два объемистыхъ тома своихъ сочиненій, въ которыхъ есть замѣчательные очерки его путешествій по Франціи, Италіи, Германіи, Сербіи, Румыніи, по Дунаю и Ассону, по нашимъ неурожайнымъ областямъ. Напечаталъ онъ дѣльный сборникъ писемъ о русскомъ хозяйствѣ и харак-

теристику А. Н. Энгельгардта и его значенія для русской культуры и науки. Любитъ онъ по временамъ пускаться и въ сферы политическихъ измышлений, и вышедшая нынѣ брошюра принадлежитъ къ такому роду произведеній. Авторъ говоритъ о сближеніи нашемъ съ Франціею и находитъ, что франко-русскія торжества, «безпримѣрныя въ исторіи человѣчества», по выраженію нашего «Правительственнаго Вѣстника», остались «непонятными и неоцѣненными въ ихъ истинномъ смыслѣ и значеніи». И поэтому-то авторъ старается разъяснить намъ этотъ истинный смыслъ. Толкуя однако о смущенномъ и неувѣренномъ тонѣ нашей періодической печати по поводу этого «мірового явленія», авторъ самъ впадаетъ въ панегирической тонъ, который еще страннѣе смущенія нашей журналистики. «Мы противопоставляемъ себя Европѣ, Западу, не только какъ Востокъ и какъ славянство,—говоритъ дальше г. Шараповъ, прибавляя, можетъ быть, и послavianски, только не порусски, когда является мысль о такомъ противоположеніи —наши братья по племени духовно мыслятъ только на нашей сторонѣ вмѣстѣ съ нами, а не съ Европой». Для поляковъ авторъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣлаетъ, конечно, исключеніе, но намъ кажется, что пора бы перестать разсчитывать на непреодолимое влеченіе къ намъ и другихъ славянскихъ племенъ, между которыми только горсть черногорцевъ остается намъ всегда и неизмѣнно преданной. Еще можно заподозрѣть французовъ въ расположеніи къ славянству, а между тѣмъ авторъ видитъ въ энтузіазмѣ, охватившемъ «безпокойнѣйшій и распуценнѣйшій политически народъ», не одни политическіе мотивы. На Западѣ насталъ теперь моментъ полного разложенія цивилизаціи, со всѣхъ сторонъ подрытой динамитомъ. Среди полного расцвѣта культуры появились всѣ признаки одичанія. «Въ борьбѣ съ озвѣрѣlostью человѣка разумъ вполнѣ безсиленъ». Это не такъ: въ борьбѣ съ анархіею, съ отрицаніемъ всякаго общества, всякой культуры, съ разрушеніемъ парламентовъ, музеевъ, театровъ безсиленъ не разумъ, а слишкомъ снисходителенъ правительственный надзоръ надъ дикарями цивилизаціи. Никакой разумъ, никакія теоріи не оправдаютъ подвиговъ динамитчиковъ, а имъ позволяютъ спокойно готовить свои бомбы и проповѣдывать свои ученія. Положить конецъ всѣмъ этимъ Раваполямъ и Апри вовсе не такъ трудно, потому что ихъ всетаки горсть, и масса не пойдетъ за ними взрывать палаты и рестораны. Нужно только единодушіе въ дѣйствіи европейскихъ правительствъ, а его-то и нѣтъ въ международныхъ сношеніяхъ. Русская цивилизація, по словамъ г. Шарапова, шла въ совершенномъ противоположномъ направленіи съ Европою, чѣмъ онъ очень доволенъ, хотя этому нечего особенно радоваться. До XVIII вѣка мы не были европейцами. Пушкину, Гоголю, Лермонтову, Тургеневу еще только приходилось утверждать свое равенство съ великими гениями Запада, но, по мнѣнію автора, Достоевскому и Л. Толстому уже принадлежитъ «безспорное первенство, какъ провозвѣстникамъ новаго, еще не слышаннаго доселѣ міромъ слова». И это слово — торжество внутренняго человѣка надъ внѣшнимъ». Это весьма странное выраженіе авторъ старается объяснить «освобожденіемъ живой души человѣческой отъ погубившаго ее рационализма» и неумѣнъ западной церкви удержать связь между личностью человѣка и ея Творцомъ. Но окунувшись въ глубь мистической метафизики, авторъ не развиваетъ своихъ положеній, а говоритъ только, что Франція раньше всѣхъ услышала и поняла это слово торжества внутренняго человѣка и пошла на встрѣчу

этому «пророчески ярко освѣщенному человѣку», идущему спасать гибнущаго брата и помочь ему пойти «воскресить погубленную душу человѣческую и личную и народную». Намъ всё эти тирады кажутся очень громкими, но въ сущности темными фразами, да и для самихъ французовъ врядъ ли будетъ пріятно мнѣніе, что они бросились на встрѣчу Россіи изъ страха къ анархистамъ и съ цѣлью воскрешать погубленныя народныя души. Что же касается до г. Шарапова, то намъ кажется, что онъ поступилъ бы раціональнѣе, продолжая заниматься фосфоритами Энгельгардта, а не политическими измышленіями.

Вл. З.

Повседневная записъ замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ. Кроткова. Спб. 1894.

Только что вышелъ подъ такимъ заглавіемъ объемистый трудъ полковника Кроткова въ 529 страницъ съ приложеніемъ къ нему особаго тома указателей въ 346 страницъ. Почтенный трудъ этотъ представляетъ повседневный перечень (съ краткимъ описаніемъ) всѣхъ важнѣйшихъ событій въ русскомъ флотѣ въ хронологическомъ и синхронистическомъ порядкѣ. Это — календарь, такъ сказать, почти двухсотлѣтней славной исторіи нашего русскаго флота, весьма обстоятельно составленный и тщательно обработанный. Основная руководящая мысль, побудившая автора къ составленію его труда, совершенно вѣрна. Отсутствие прочныхъ традицій является однимъ изъ коренныхъ золъ русской жизни, однимъ изъ важнѣйшихъ недуговъ нашей общественности. Ни на чемъ не можетъ подобное отсутствіе традицій отражаться съ такимъ вредомъ, какъ на нашемъ военномъ дѣлѣ. Знакомство и притомъ знакомство обстоятельное, а не поверхностное, всѣхъ офицеровъ съ исторіей арміи и флота создаетъ въ сухопутной и морской силѣ нашей то твердое самосознаніе и тотъ подъемъ духа, которые не могутъ быть созданы никакими иными средствами. Посему трудъ, подобный труду г. Кроткова, представляется не только умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ, но и положительно необходимымъ. Мы не знаемъ, имѣется ли что либо подобное въ нашей сухопутной арміи, но если въ ней не имѣется подобнаго труда, календаря ея исторіи, то составленіе его представляется предметомъ настоятельной необходимости.

Трудъ г. Кроткова составленъ лишь въ незначительной степени по архивнымъ источникамъ и въ наибольшей своей части по источникамъ печатнымъ. Имъ исчерпана вся почти существующая литература исторіи русскаго флота, и къ матеріаламъ и источникамъ, имъ приведеннымъ въ началѣ своей книги (стр. 1—5), невозможно ничего прибавить. Въ изложеніи событій приведены имена судовъ и фамиліи командировъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ; фамиліи офицеровъ и общее число нижнихъ чиновъ, убитыхъ и раненыхъ въ бояхъ; фамиліи офицеровъ и наименованія судовъ, въ нихъ отличившихся; достигнутые въ бояхъ результаты и взятые въ нихъ трофеи; полученныя за боевыя отличія награды; имена командировъ, сдѣлавшихъ географическія открытія; случаи крушенія, гибели и пожаровъ судовъ русскаго флота — большихъ боевыхъ и мелкихъ, сопровождавшіеся гибелью людей. Хотя авторъ, избѣгая чрезмѣрнаго увеличенія объема своего изданія, и отказался отъ географическихъ картъ, но зато въ книгѣ приведены планы всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ морскихъ сраженій.

Въ особой книгѣ помѣщены весьма обстоятельно составленные указатели: хронологическій, личныхъ именъ, наименованій судовъ и географическихъ названій. Четыре указателя эти позволяютъ безъ труда найти любое событіе, помѣщенное въ «Повседневной записи». Сверхъ сего, хронологическій указатель и безъ ссылокъ даже на страницы «Повседневной записи» имѣетъ, по нашему мнѣнію, и самостоятельное значеніе хронологіи исторіи русскаго флота.

Вообще трудъ г. Кроткова, независимо отъ совершенной правильности и плодотворности своей основной руководящей мысли, выполненъ весьма добросовѣстно и вполне удовлетворительно, и мы не можемъ не пожелать ему полнаго успѣха.

Е. Н. М.

Годичный отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла Общества распространеніи техническихъ знаній, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ е. и. в. великаго князя Алексѣя Александровича, за 1893 годъ. Москва. 1894.

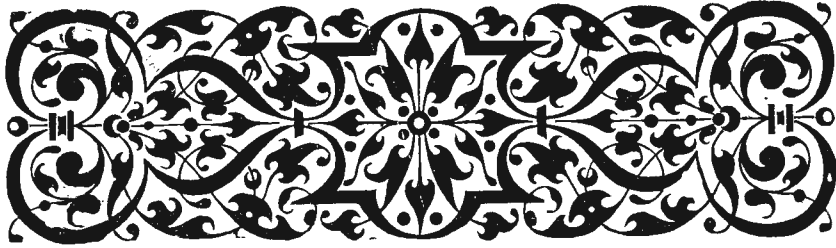
Года полтора тому назадъ, въ нѣкоторыхъ органахъ печати появилось сообщеніе о работахъ исторической комиссіи учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ по составленію книги для чтенія по средневѣковой исторіи. Въ только что отпечатанномъ (и поступившемъ въ продажу) годичномъ отчетѣ названнаго Общества находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ коллективномъ трудѣ членовъ «исторической комиссіи»: «Статьи для книги поступали въ отчетномъ году въ большемъ количествѣ, но довольно неравномѣрно, что затрудняло редакціонную работу. Вслѣдствіе этого книга не могла быть готова въ ноябрѣ 1893 года, какъ предполагалось сначала. Въ настоящее время большая часть статей уже доставлены; что же касается остальныхъ, то доставлены и обсужены въ подкомиссіяхъ ихъ планы. Такимъ образомъ, матеріалъ книги выяснилъ и вполне, и она будетъ готова (въ рукописи) не позже мая мѣсяца настоящаго (1894) года» (стр. 33).

Что касается характера новой «книги для чтенія», то она представляетъ собою нѣчто среднее между хрестоматіей и систематическимъ курсомъ. Это не систематическій курсъ, потому что состоитъ изъ совершенно законченныхъ самостоятельныхъ статей, составленныхъ различными авторами; но это и не хрестоматія, такъ какъ всѣ статьи ея, хотя и самостоятельныя, объединены однимъ общимъ планомъ и не состоятъ изъ отдѣльныхъ отрывковъ и выдержекъ изъ существующей исторической литературы, но представляютъ собою оригинальные, написанные ad hoc очерки, посвященные отдѣльнымъ событіямъ, вопросамъ или цѣлымъ эпохамъ, при чемъ каждая отдѣльная статья представляетъ самостоятельное и совершенно законченное цѣлое.

Контингентъ сотрудниковъ состоитъ изъ университетскихъ и гимназическихъ преподавателей исторіи, входящихъ въ составъ «исторической комиссіи». Работа ведется подъ руководствомъ проф. П. Г. Виноградова (предсѣдателя «комиссіи»).

Предполагаемые размѣры книги—около 1000 страницъ формата «толстыхъ журналовъ».

П. А.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

КРОЛЕВСКІЯ охоты въ XVI вѣкѣ. Французскій историкъ графъ Гекторъ де-ла-Ферьеръ помѣстилъ въ первомъ сентябрьскомъ номерѣ *La Vie Contemporaine* блестящій очеркъ королевской охоты во Франціи 300 лѣтъ тому назадъ. По его словамъ, во все времена псовая охота на оленя, ланя и кабана считалась самымъ любимымъ препровожденіемъ времени у французскихъ королей, принцевъ и аристократовъ; но никогда она не была въ такой модѣ, какъ въ XVI вѣкѣ.

Рядомъ съ такими первостепенными охотниками, какъ коннетабль Монморанси и кардиналъ Гизъ, извѣстный подъ названіемъ «бутылочнаго Кардинала», занимали видное мѣсто на охотахъ прекрасныя amazonки, какъ Марія Бурбонская и Діана, узаконенная дочь Генриха II. Сохранилось письмо первой къ коннетаблю Монморанси, въ которомъ она пишетъ: «я надняхъ принялась за свое величайшее удовольствіе, охоту на волковъ, и мнѣ одолжили одну изъ вашихъ собакъ; беру смѣлость назвать ее своей и увѣрена, что вы мнѣ въ этомъ не откажете». Но самымъ блестящимъ охотникомъ былъ король Францискъ I, которому и былъ предоставленъ титулъ «отца ловчихъ»; онъ не любилъ соколиной охоты, но питалъ страсть къ псовой, и до послѣдняго дня своей жизни говорилъ: «старый и умирающій, я всетаки буду охотиться». Его пріучилъ къ этой забавѣ дядя, Людовикъ XII, и организованная имъ охота дѣйствительно была вполне королевской. Онъ ежегодно тратилъ на нее сто пятьдесятъ тысячъ золотыхъ и въ ней принимало участіе, кромѣ егерей и доѣзжачихъ, сто пажей, двѣсти конюховъ и четыреста, или пятьсотъ придворныхъ. Любимымъ и постояннымъ товарищемъ его по охотѣ былъ Луи де-Брезе, хотя не одна охота привлекла Франциска I въ его прекрасныя помѣстья Мони и Анэ, а еще болѣе красота его жены, знаменитой Діанны-де-Пуатье. Годами

продолжались интимныя отношенія короля съ мужемъ и женой, а вернувшись послѣ своего долгаго плѣна въ Мадридѣ, онъ прежде всего отправился въ Анэ; но это былъ его послѣдній визитъ, имѣвшій, однако, историческое значеніе, такъ какъ тамъ онъ подписалъ условія брачнаго контракта своего сына герцога Орлеанскаго съ Катериной Медичи. Его новая фаворитка, герцогиня Этампъ, не для того отправила въ изгнаніе свою соперницу, графиню Шато-бріанъ, чтобъ дозволять королю проводить время въ Анэ, а потому онъ туда болѣе не возвращался. Но это не мѣшало ему попрежнему охотиться въ обществѣ своей фаворитки, цѣлаго роя молодыхъ придворныхъ дамъ и Катерины Медичи, которая также страстно любила охоту. Даже когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, то воскликнулъ: «я поѣду на охоту въ своемъ гробу!», и предпринялъ паломничество по всѣмъ любимымъ имъ охотничьимъ мѣстамъ, но въ Рамбулье онъ слегъ въ постель и уже не вставалъ. Съ восшествіемъ на престолъ Генриха II наступаетъ еще болѣе славная эпоха для французской охоты, и центромъ ея является все тотъ же Анэ; но уже не король, а Діана де-Пуатье, сдѣлавшаяся официальной фавориткой, становится во главѣ ихъ. Ея царство продолжалось недолго, но и новый король Францискъ II любилъ болѣе всего охоту, а Гизы, чтобы развязать себѣ руки, всячески поощряли его въ этомъ, такъ что, по словамъ флорентинскаго посланника, Турнабуони, король ничего не дѣлалъ, а только охотился на оленей. Эта страсть и отчасти любовь къ Маріи Стюартъ, при его слабомъ здоровьѣ, довели Франциска II до преждевременной могилы. Еще болѣе страстнымъ охотникомъ былъ Карлъ IX, и про него можно сказать, что онъ онъ былъ скорѣе ловчимъ, чѣмъ королемъ, и его царствованіе было настоящимъ царствованіемъ псовой охоты. Онъ такъ всецѣло отдавался преслѣдованію оленей, что Катерина Медичи писала коннетаблю де-Монморанси: «Я право не знаю, куда мы поѣдемъ и что мы будемъ дѣлать, это вполне зависитъ отъ воли оленей», а придворныя красавицы не разъ говорили ему въ лицо: «вы болѣе обращаете вниманіе на собакъ, чѣмъ на насъ» Даже, женившись на Елисаветѣ Австрійской, и въ самомъ разгарѣ медоваго мѣсяца, онъ скакалъ цѣлыми сутками въ погонѣ за оленями, не дозволяя женѣ и придворнымъ дамамъ ночевать иначе, какъ въ экипажахъ, или палаткахъ. Даже, заведя фаворитку Марію Туше, онъ не перемѣнилъ своего образа жизни и постоянно пугалъ мать своей неосторожной смѣлостью; такъ онъ ходилъ на кабана одинъ съ рогатиною вмѣсто всякаго оружія. Передъ смертью ему пришла въ голову мысль написать книгу объ охотѣ на оленей и посвятить ее одному изъ своихъ ловчихъ. Зато его преемникъ Генрихъ III не имѣлъ никакой склонности къ охотѣ и если увеличилъ расходы на нее, то лишь для блеска своего двора. Желая же показать, что онъ смыслилъ кое-что въ охотничьемъ дѣлѣ, онъ впервые сталъ выписывать изъ Англіи собакъ. Переходя по этому случаю отъ французскихъ охотъ къ англійскимъ, Ла-Феррьеръ замѣчаетъ, что въ классическую эпоху французской охоты англичане продолжали убивать оленей въ загражденных мѣстахъ, стрѣляя изъ луковъ. Генрихъ VIII любилъ эту забаву, и Анна Болейнъ была очень ловкимъ стрѣлкомъ изъ самострѣла, а французскій посланникъ Мовисьеръ свидѣтельствуетъ, что при Елисаветѣ королевская охота производилась самымъ патріархальнымъ образомъ. Именно королева и придворные стояли съ самострѣлами въ рукахъ на устроенной для нихъ деревянной эстрадѣ, на которую гнали собаками отъ 60 до 70 оленей. Король Іаковъ I былъ самымъ

неутомимымъ охотникомъ своего времени и выписывалъ отъ Гевриха IV собакъ, а также искусныхъ ловчихъ.

— Отецъ англійской журналистики. Съ прошедшаго года извѣстная англійская романистка, мистрисъ Олифантъ, не покидая беллетристики, стала помѣщать отъ времени до времени въ американскомъ журналѣ *Saturday Magazine* рельефныя и мастерски написанныя историческія очерки королевы Анны и главнѣйшихъ политическихъ и литературныхъ дѣятелей ея царствованія. Въ сентябрьской книжкѣ появился новый очеркъ этой серіи, посвященный знаменитому юмористу Аддисону, который вмѣстѣ со своимъ другомъ Стилемъ создалъ первую англійскую газету: *Spectator*. По словамъ мистрисъ Олифантъ, это былъ лучший критикъ и лучший юмористъ своего времени. Осмѣивая всѣ эксцентричности и странности современниковъ на прекрасномъ литературномъ языкѣ, онъ не клеймилъ безжалостно своей сатирой, а напротивъ добродушно и гуманно относился ко всему, что не было нивко, подло и жестоко, а только къ явленіямъ, обнаруживавшимъ эти три качества, онъ относился безпощадно. Поэтому, если его сочиненія теперь и не читаются, а восемь томовъ его знаменитой газеты составляютъ лишь необходимое украшеніе бібліотеки всякаго, основательно изучающаго англійскую литературу и исторію, то его имя пользуется до сихъ поръ всеобщою любовью на его родинѣ. Сынъ пастора, онъ получилъ воспитаніе въ Оксфордскомъ университетѣ и, находясь еще тамъ, обратилъ на себя вниманіе стихами на восшествіе на престолъ короля Вильгельма и благодаря имъ получилъ стипендію. По окончаніи курса, онъ не поступилъ, какъ желалъ отецъ, въ пасторы, а избралъ себѣ иную карьеру, благодаря покровительству лорда Галифакса, который обѣщаль взять его на государственную службу и, для достойной подготовки для этого, далъ ему значительную пенсію, такъ чтобы онъ былъ въ состояніи окончить свое образованіе путешествіемъ по континенту и основательнымъ изученіемъ иностранныхъ языковъ. Четыре года онъ провелъ за границей, преимущественно во Франціи и Италиі, научился не только языкамъ этихъ странъ, но близко познакомился съ внутреннимъ строемъ всѣхъ европейскихъ государствъ, и вернулся въ 1703 году въ Англію воолнѣ культурнымъ человѣкомъ, способнымъ на занятіе какой угодно общественной должности. Счастливый случай еще помогъ ему выдвинуться впередъ. Первый министръ того времени, лордъ Годольфинъ, предпринимая съ своимъ другомъ Марльборо борьбу съ Франціей, нуждался въ поэтѣ для подъема патриотическаго духа англійской націи и по совѣту Галифакса обратился къ помощи Аддисона. Послѣдній написалъ свою извѣстную поэмъ «Походъ», которая произвела громадное впечатлѣніе на всю страну и доставила ея тридцати-двухъ-лѣтнему автору мѣсто государственнаго секретаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался однимъ изъ центровъ свѣтскихъ и литературныхъ кружковъ Лондона. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ былъ назначенъ секретаремъ къ лорду намѣстнику Ирландіи, нѣчто въ родѣ теперешняго министра по ирландскимъ дѣламъ. Пока онъ тамъ находился, его товарищъ по университету Стиль сдѣлалъ первый опытъ изданія въ Англіи газеты, такъ какъ до тѣхъ поръ существовали только летучіе листы съ краткими извѣстіями. Его газета называлась «*Tatler*» (Болтуны) выходила три раза въ недѣлю и, въ формѣ письма лондонца, сообщала всей странѣ слухи и толки о всемъ, могущемъ ее интересовать. Съ шестого номера принялъ участіе въ ней Аддисонъ и затѣмъ, по словамъ Маколея, все, что было

хорошаго въ этой газетѣ, принадлежало его перу. Во всякомъ случаѣ онъ произвелъ въ газетѣ большую перемену, возвысилъ ея тонъ, увеличилъ количество сообщаемыхъ извѣстій и придалъ ей характеръ литературной и общественной хроники. По этой или другой причинѣ, Стиль прекратилъ свою газету, и Аддисонъ въ мартѣ 1711 года сталъ издавать свою собственную, подъ названіемъ «Spectator» (Зритель). Эта первая настоящая англійская газета выходила два года, и онъ писалъ въ ней все, съ начала до конца, за исключеніемъ рѣдкихъ статей Стиля. Во всемъ своемъ объемѣ, занимая восемь большихъ томовъ, эта газета представляетъ удивительную, характерную и блестящую картину Англій того времени. Передъ читателями проходитъ безконечный рядъ сценъ изъ жизни всѣхъ слоевъ общества, причемъ авторъ относится ко всему, что онъ изображаетъ, съ необыкновеннымъ, но добродушнымъ юморомъ. «Spectator» имѣлъ громадный успѣхъ, расходился въ 10—14 тыс. экземплярахъ и принесъ Аддисону значительный доходъ. Прекративъ въ 1712 году свою газету, онъ впоследствии еще разъ возобновилъ ее, но на короткое время и, кромѣ того, основалъ новую газету «Freeholder», но Spectator остается до сихъ поръ образцомъ такой газеты, какую можно было издавать въ XVIII вѣкѣ.

— Интервью Клопштока. Въ нѣмецкомъ журналѣ Deutsche Rundschau итальянскій ученый М. Луціо напечаталъ чрезвычайно важныя для исторіи литературы извлеченія изъ разговоровъ итальянскаго писателя Иосифа Ачерби съ знаменитымъ нѣмецкимъ поэтомъ Клопштокомъ. Хотя эти разговоры происходили въ 1798 и 1800 годахъ, но они имѣютъ совершенно характеръ газетнаго интервью и рельефно рисуютъ торжественно-комично-трогательную фигуру автора «Мессіады». Иосифъ Ачерби былъ однимъ изъ универсальныхъ людей, все знавшихъ и мало что основательно вѣдавшихъ; онъ былъ поэтомъ, историкомъ, философомъ, путешественникомъ, живописцемъ, филологомъ и дипломатомъ. Десять лѣтъ онъ издавалъ журналъ Biblioteca Italiana, въ которомъ преимущественно знакомилъ Италію съ иностранными писателями, и г-жа Сталь называетъ его «самымъ достойнымъ представителемъ, вмѣстѣ съ Монти, остроумной Италіи». Онъ умеръ въ 1846 году и завѣщалъ Мантуанской библіотекѣ свои рукописи, въ числѣ которыхъ теперь Луціо нашелъ подробное изложеніе разговоровъ съ Клопштокомъ, записанныхъ имъ изо дня въ день. Благодаря этому, быть можетъ, одному изъ первыхъ нашихъ литературныхъ интервью, вадолго прежде чѣмъ было изобрѣтено означенное слово, одинъ изъ предковъ современной германской повѣи представляется намъ въ его олимпійскомъ величіи, курящимъ трубку въ своемъ прекрасномъ гамбургскомъ домѣ и гордо обсуждающимъ своихъ современниковъ. Въ первый разъ Ачерби посѣтилъ Гамбургъ въ 1798 году и, услышавъ, на другой же день послѣ своего приѣзда, на обѣдѣ у пріятели Сивкина, очень понравившейся ему анекдотъ о Клопштокѣ, просилъ, чтобъ его познакомили со старымъ поэтомъ. Вся соль этого анекдота заключалась въ томъ, что, слушая чтеніе одной изъ своихъ одъ, Клопштокъ перебилъ тѣца восклицаніемъ: «во всей германской повѣи нѣтъ подьбныхъ стиховъ». Ему тогда было 74 года, и уже двадцать пять лѣтъ онъ жилъ въ Гамбургѣ; хотя болѣе сорока лѣтъ онъ лишился своей первой жены Меты, которую онъ прославлялъ въ своихъ одахъ подъ именемъ Садли, онъ продолжалъ пользоваться удовольствіями жизни и на шестьдесятъ седьмомъ году женился на молодой вдовѣ, племянницѣ его

первой жены. Поселившись въ ея роскошномъ домѣ, онъ благодушествовалъ среди остатковъ своей прежней славы, такъ какъ уже давно молодые поэты: Виландъ, Гете, Шиллеръ стужевали его значеніе и, благодаря имъ, Мессіада была отнесена къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя уважаются, но никогда не читаются. Однако самъ Клопштокъ не хотѣлъ признавать, что онъ былъ окончательно развѣнчанъ, а напротивъ продолжалъ считать себя безспорнымъ главой германской литературы и нисколько не стѣнялся славой молодыхъ поэтовъ, надѣясь, что потомство отдастъ ему справедливость. Дѣйствительно потомство могло бы быть болѣе снисходительнымъ и справедливымъ къ нему такъ какъ въ сущности онъ совершеннѣйшій германскій поэтъ послѣ Гете и не только указалъ путь классическимъ поэтамъ своего отечества, но и создалъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, романтическое движеніе первыхъ лѣтъ настоящаго столѣтія. Если онъ ввелъ олимпійскихъ боговъ въ германскую поэзію, то онъ же потомъ старался замѣнить ихъ грубыми героями Эдда. Но этотъ переворотъ онъ пытался сдѣлать слишкомъ рано, въ самый разгаръ классицизма и при томъ очень неловко и слишкомъ педантично, а потому современники смѣялись надъ нимъ. За то онъ самъ восхищался собою безъ всякой мѣры. Рассказывая о своемъ первомъ свиданіи съ Клопштокомъ, Ачерби говоритъ, что онъ увидалъ передъ собой маленькаго старичка, довольно уродливаго, небрежно одѣтаго и очень грязнаго. Онъ естественно говорилъ только о себѣ, упоминалъ объ итальянскомъ переводѣ «Мессіады» и рассказалъ, что Анжелика Кауфманъ хотѣла иллюстрировать его великую поэму, но, прочитавъ ее, отказалась отъ этого труда, находя себя не достаточно талантливой для подобной задачи. Этимъ ограничился первый разговоръ итальянца съ нѣмецкимъ поэтомъ и, только вернувшись въ Гамбургъ, спустя два года, онъ задумалъ подвергнуть Клопштока настоящему испытанью. Но, конечно, онъ не высказалъ ему своего намѣренія вывѣдать его мнѣнія о тогдашней германской поэзіи, а объяснилъ, что желаетъ составить себѣ коллекцію лучшихъ произведеній германской музыки, а потому обратился къ автору «Мессіады» для выбора. Старикъ былъ очень польщенъ подобнымъ довѣріемъ и заявилъ, что дѣйствительно для такого дѣла нѣтъ человека компетентнѣе его, но просилъ нѣсколько дней для составленія списка. Итальянцу вовсе не былъ нуженъ этотъ списокъ, и онъ тотчасъ приступилъ къ ловкому допросу старика, который легко попался въ сѣти. На вопросъ, кто первый изъ современныхъ германскихъ поэтовъ, онъ отвѣчалъ: Виландъ, а когда Ачерби спросилъ: «неужели вы ставите Виландъ выше Гете?»—то Клопштокъ сказалъ: «Гете поэтъ другаго рода, а Виландъ написалъ нѣсколько маленькихъ героическихъ поэмъ, которыя настоящіе *chefs d'oeuvre*». Но итальянецъ отъ чего не отсталъ и прямо спросилъ его мнѣніе о трагедіи Гете «Торквато Тассо». Клопштокъ долго мялся, очевидно не желая откровенно высказаться, и наконецъ произнесъ: «въ этой трагедіи много красоты, но она не представляетъ вполнѣ уравновѣшеннаго произведенія; впрочемъ мы лучше поговоримъ объ этомъ въ другой разъ». Ачерби явился во второй разъ и снова завелъ рѣчь о поэтахъ, но могъ съ трудомъ получить отъ автора Мессіады только самые лаконическіе отзывы: такъ, онъ сказалъ, что Галлеръ былъ посредственный поэтъ, но великій философъ, а Шиллеръ, являясь въ своихъ произведеніяхъ первокласснымъ, второкласснымъ и третьекласснымъ поэтомъ, часто былъ площаднымъ и банальнымъ. Чтобы заставить Клопштока высказаться подробнѣе о Шиллерѣ и Гете, итальянцу пришлось по-

сѣтить его въ третій разъ, и тогда старикъ поддался на удочку. «Я уже давно не читаю болѣе Шиллера,—сказалъ онъ:—онъ такъ тривиаленъ и такъ много думаетъ о себѣ. Напримѣръ, его «Гимнъ Радости» просто отвратителенъ. Его очень хвалили, и потому я не высказалъ своего мнѣнія; къ чему говорить съ людьми, которые не хотятъ васъ слушать. Шиллеръ написалъ три трагедіи: Разбойники, Донъ-Карлосъ и Фьеско. Первая никуда не годится: въ ней нѣтъ ни плана ни обработки, вторая не лучше. Я видѣлъ ее въ исполненіи прекрасныхъ актеровъ; рядомъ со мною дамы плакали, но я все ждалъ какого нибудь дѣйствія, завязки и развязки, но ничего не дождался. «Фьеско» написана гораздо лучше, благодаря тому, что авторъ заимствовалъ свой сюжетъ изъ исторіи. Это лучшее произведеніе Шиллера; прочтите его непременно, а другихъ его пьесъ вы не одолѣете. Я уже вамъ высказывалъ мое мнѣніе о Гете. Его лучшее сочиненіе «Вертеръ», а греческая трагедія «Ифигенія» не имѣетъ въ себѣ ничего греческаго: ни по формѣ, ни по содержанію. Что же касается до его элегій, то онѣ просто преступленіе противъ нашего языка». Еще рѣче, но гораздо справедливѣе Клопштокъ отозвался о Жанъ-Полѣ Рихтерѣ: «онъ просто въ модѣ, какъ шляпа, или платье. Дамы отъ него въ восторгѣ, и одна изъ самыхъ восторженныхъ его поклонницъ пристала ко мнѣ надвяхъ, чтобы я сказалъ свое мнѣніе о немъ. Я долго отговаривался, но наконецъ сказалъ, что Жанъ-Поль модный писатель, съ очень аффектированнымъ, искусственнымъ стилемъ, бессмысленнымъ наборомъ словъ и пустыми идеями, такъ что если у него попадаются красивыя мѣста, то они тонуть въ общей дребедени. Впрочемъ, мода на него скоро пройдетъ, и уже дамы, повидимому, начинаютъ охлаждаться къ нему».

— Культъ Гете. На сколько ошибался Клопштокъ относительно Гете доказываетъ постоянное распространеніе его культа въ Германіи. Онъ въ полномъ смыслѣ слова олимпійскій юпитеръ германской литературы XIX столѣтія, и, признавая себя дочерью его генія, она искренно пламенно преклоняется передъ нимъ, какъ Англія передъ Шекспиромъ и Италія передъ Данте. Его комментаторовъ, можно даже сказать экзегетовъ, считаютъ сотнями; каждый мѣсяцъ въ журналахъ появляется по нѣскольку статей о той или другой сторонѣ Гете, ежегодно выходитъ значительное число книгъ, посвященныхъ изслѣдованію его твореній, его домъ въ Веймарѣ представляетъ литературную Мекку, а громадное Гетевское общество, основанное въ 1885 году, изучаетъ тексты автора Фауста, подготавливаетъ критическое изданіе всѣхъ его сочиненій и ежегодно собираетъ на родинѣ поэта конгрессъ всѣхъ его поклонниковъ. На послѣднемъ изъ этихъ собраній, 17 мая нынѣшняго года, извѣстный вѣмецкій романистъ и критикъ П. Гейзе произнесъ рѣчь, которая напечатана въ августовской книжкѣ Deutsche Rundschau. Въ этой рѣчи, имѣющей громадный успѣхъ, Гейзе, самъ авторъ нѣсколькихъ популярныхъ пьесъ, поставилъ себѣ задачей рассмотреть вопросъ, почему драмы Гете, за исключеніемъ Фауста, никогда болѣе не играютъ, кромѣ торжественныхъ случаевъ. По его словамъ, директора театровъ не задумываясь отвѣтять на этотъ вопросъ: «пьесы не даются потому, что публика не желаетъ видѣть литературнаго произведенія въ полномъ смыслѣ этого слова, предпочитая легкое, сенсационное или забавное представленіе». Но въ сущности этотъ отвѣтъ слишкомъ односторонневъ, и Гейзе, при всемъ его культѣ къ Гете, признаетъ, что всѣ его драмы и даже знаменитый Фаустъ страдаютъ недостатками въ драматическомъ отношеніи, а потому Гете, какъ

поэтъ и въ особенности философскій поэтъ, выше драматурга. У него нѣтъ нигдѣ того, что называется драматическимъ дѣйствіемъ, и хотя онъ явно находился подъ вліяніемъ Шекспира, но не сумѣлъ усвоить себѣ тайны великаго творчества автора Гамлета. Поэтому, кромѣ Фауста, который навсегда останется удивительнымъ произведеніемъ поэтическаго генія, и въ которомъ затронуты самыя глубокія философскіе вопросы, ни одна изъ его пьесъ, ни Ифигенія, ни Эгмонтъ, ни Тассо, ни Гетцъ-фонъ-Берлихингенъ, не могутъ произвести впечатлѣнія на зрителей, какъ интересная драма, хотя въ нихъ много великолѣпныхъ сценъ, поэтическихъ монологовъ и такихъ блестяще нарисованныхъ типовъ, которые составляютъ съ юности любимыхъ героевъ и героинь всѣхъ образованныхъ людей, какъ Гетцъ и Адельгейда, Эгмонтъ и Кладо, Клавиго и Марьяна, Ифигенія и Тассо. «Я нисколько не хочу,— говоритъ въ концѣ своей рѣчи Гейзе,—умалять величія Гете, указывая на границы его славы. Были великіе драматурги, какъ Шекспиръ, которые соединяли гениальный инстинктъ съ талантомъ приспособленія. Гете не принадлежитъ къ ихъ числу, но то, что онъ извлекъ изъ своего сердца и ума, то, что онъ открылъ намъ изъ своего собственнаго сердечнаго опыта, придавъ ему драматическую форму, никогда не погибнетъ для сцены, и когда теперешній театральнй хаосъ разсѣется, когда литературные споры нашего времени забудутся, когда народныя массы научатся находить удовольствіе въ художественныхъ произведеніяхъ, которыя, какъ громадныя деревья, глубоко пускаютъ свои корни въ реальную почву, а макушки возвышаютъ въ синеву идеала, — то Германія вернется къ театру Гете и найдетъ его столь же достойнымъ ея восторговъ, какъ и въ первые дни появленія его на свѣтъ». Еще восторженнѣе отзываясь о Гете Германъ Гриммъ въ томъ же журналѣ; говоря объ универсальномъ значеніи его генія, по поводу новыхъ явленій Гетевской литературы онъ рассказываетъ, что на празднествѣ въ честь дня рожденія Гете, въ прошедшемъ году въ Тиролѣ, одинъ филологъ фактически доказалъ, что все новое движеніе германской филологіи беретъ свое начало изъ краткаго разговора Гете съ филологомъ Дитцемъ. «Не будетъ ничего удивительнаго,—прибавляетъ онъ,—если конецъ XX вѣка откроетъ, что двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ Гете предвидѣлъ все, до чего онъ достигнетъ. Какъ время ни будетъ быстро идти впередъ, ему никогда не удастся порвать узъ, связывающихъ Гете съ будущими поколѣніями. Что значить одно столѣтіе болѣе или менѣе для величія и значенія Гомера, или Шекспира? Напротивъ, ихъ господство надъ нашимъ умомъ и сердцемъ все растетъ и растетъ. Вскорѣ Гете займетъ принадлежащее ему мѣсто рядомъ съ этими двумя великими людьми, и они втроемъ, какъ лучезарныя звѣзды будутъ освѣщать человѣчеству путь дальнѣйшаго прогресса». Какъ всегда, исключеніе подтверждаетъ правило, и контрастъ служитъ лучшимъ аргументомъ: такъ, среди безчисленныхъ поклонниковъ Гете въ Германіи попадаются отъ времени до времени его хулители, потому что въ виду ихъ нелѣпныхъ нападокъ нельзя назвать подобныхъ бумагомарателей критиками, но они достигаютъ совершенно иного результата, чѣмъ желаютъ, и только еще болѣе увеличиваютъ славу того генія, въ которомъ отыскиваютъ пятна. Къ подобнымъ бессмысленнымъ зовамъ присоединился надняхъ какой-то невѣдомый германскій мудрецъ, благоразумно скрывшій свою фамилію подъ буквами «докторъ О. фонъ С.» и посвятившій цѣлый большой томъ изслѣдованію вопроса объ эротическомъ элементѣ второй части Фауста. Что культъ

любви игралъ большую роль въ жизни и сочиненіяхъ Гете, этого никто не можетъ отрицать, но чтобы Гете былъ эротоманомъ и порнографомъ, то лишь ученому нѣмцу, стыдливо скрывшему свое имя, удалось додуматься до такой нелѣпости. Способъ, которымъ онъ доказываетъ справедливость своего открытія, такъ же бессмысленъ, какъ это самое открытіе. Выдергивая отдѣльныя фразы изъ самыхъ лучшихъ и глубокофилософскихъ монологовъ, онъ составляетъ порнографическій винегретъ, при чемъ самыя невинныя фразы, какъ, напримѣръ: «нѣчто маленькое, находящееся въ моей рукѣ», «не трогай волосъ», «пріятно ли движеніе», «да! только не такъ скоро» и т. д.—принимаютъ въ его глазахъ такое значеніе, которое относитъ его трудъ уже къ области не литературной критики, а дѣйствительной порнографіи, нарушающей общественную нравственность.

Въ числѣ недавнихъ серьезныхъ историческихъ статей о Гете заслуживаетъ наибольшаго вниманія этюдъ г. Крейсенберга въ Preussische Jahrbücher о великой герцогинѣ Саксенъ-Веймарской Аннѣ-Амалии, которая если не сочиняла, то первая официально признала гражданство генія молодого Гете. На основаніи недавно вышедшихъ историческихъ трудовъ, авторъ рисуетъ симпатичную фигуру этой принцессы, игравшей значительную роль въ исторіи нѣмецкой литературы, такъ какъ она вызвала въ Веймарѣ Виланда, оказала покровительство Гете и дозволила ему войти въ дружескія отношенія со своимъ сыномъ великимъ герцогомъ. Анна-Амалия была дочерью герцога Брауншвейгскаго и племянницей Фридриха Великаго; воспитаніе она получила въ тогдашнемъ французскомъ духѣ и въ сущности ничего не знала, кромѣ музыки. Семнадцати лѣтъ ее выдали замужъ за молодого великаго герцога Веймарскаго, но онъ вскорѣ умеръ, и принцесса осталась молодой, но некрасивой вдовой. Отличаясь добросовѣстнымъ исполненіемъ своего долга, она до совершеннолѣтія сына всецѣло предавалась его воспитанію и государственнымъ дѣламъ; а когда власть перешла въ его руки, то она рѣшилась вполнѣ насладиться жизнью, но интеллектуально и художественно. Сначала она ставила на придворномъ театрѣ фарсы и оперетки, въ которыхъ часто сама играла роль, а когда Гете, Виландъ и Гердеръ сдѣлали по ея инициативѣ Веймаръ германскими Афинами, то не только стали даваться на ея театрѣ античныя драмы, въ томъ числѣ «Ифигенія» Гете, но она начала изучать греческій языкъ и вскорѣ бѣгло читала Аристофана въ подлинникѣ. Съ тѣхъ поръ все ея самолюбіе заключалось въ томъ, чтобы сдѣлаться музой, и она дѣйствительно заслужила прозвище «Тифуртской Музы». Она выстроила въ Тифуртѣ, близъ Веймара, замокъ въ античномъ вкусѣ и тамъ принимала всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и умныхъ людей своей столицы; тамъ же она издавала рукописный журналъ, въ которомъ участвовали ея придворные поэты и она сама. Въ 1787 году Анна-Амалия занемогла, и наступилъ конецъ золотымъ днямъ Тифурта. На слѣдующій годъ она отправилась въ Италію, гдѣ нашла Гете, а по возвращеніи на родину политическія событія не дозволили ей разыгрывать роль музы. Даже въ 1806 году она была изгнана изъ Веймара «тѣмъ могучимъ демономъ, который, подчинивъ своему игу всѣхъ людей, грозилъ сдвинуть съ его орбиты шаръ земной». Въ слѣдующемъ году она вернулась въ Веймаръ, но ея любимый Тифуртъ лежалъ въ развалинахъ, и бѣдная муза умерла отъ горя. Гете произнесъ надъ ея могилой надгробное слово и въ своей рѣчи сравнилъ ее съ тѣми «звѣздами, освѣщающими человѣчество на пути прогресса», къ которымъ причисляетъ его самого Германъ Гриммъ.

— Эпизодъ изъ исторіи французскаго владычества въ Италіи. Итальянскій историкъ Т. Мариотти разсказываетъ на страницахъ Nuova Antologia любопытное, чисто романтическое и малоизвѣстное событіе, происшедшее въ Витербѣ въ концѣ 1798 года. 24 ноября генералъ Бремонтъ, военный министръ тогдашней Римской республики, давалъ блестящій балъ высокопоставленнымъ французамъ, бывшимъ въ то время въ вѣчномъ городѣ. Не успѣлъ окончиться этотъ веселый праздникъ, какъ въ городѣ раздался звонъ набата, и распространились слухи, что армія короля Неаполитанскаго подступаетъ къ Риму. Французскому населенію было всего благоразумнѣе искать спасенія въ бѣгствѣ, и на слѣдующее утро изъ Народныхъ воротъ потянулся рядъ экипажей, во главѣ которыхъ ѣхали со своими семействами Мешень, только что назначенный администраторомъ острова Мальты, Мангури, завѣдывающій дѣлами французскаго посольства въ Неаполѣ, и Сентъ-Андрѣ, инспекторъ военныхъ сообщеній. Въ четыре часа этотъ караванъ достигъ развѣтвленія дорогъ, изъ которыхъ одна вела въ Умбрию, а другая, черезъ Витербу, въ Тоскану. Избранъ былъ этотъ послѣдній путь, такъ какъ носились слухи, что Понте-Феличе уже находился во власти неаполитанцевъ. Минуя Рончильоне, гдѣ сбѣжавшіеся изъ сосѣднихъ деревень поселяне смотрѣли съ ненавистью на французовъ, путешественники прибыли наконецъ въ Витербу въ пять часовъ ночи. Первою ихъ мыслью было отправиться въ ратушу, но она была занята угрожающей толпой, а потому они помѣстились въ гостинницѣ Delle Stufate. Но не успѣли они тамъ устроиться, какъ гостинницу окружили вооруженные люди, камни полетѣли въ окна, и стали громко раздаваться крики: «увидимъ французовъ, этихъ нехристей! Да здравствуетъ Мадонна! Смерть врагамъ Божиимъ!». Послѣ нѣсколькихъ часовъ подобной осады, несчастные послали одного молодого солдата римской арміи, Пинона, за помощью въ муниципалитетъ. Но, вернувшись черезъ два часа и едва избѣгнувъ смерти, онъ объявилъ, что городскія власти бѣжали, жандармы обезоружены, и всѣ экипажи путешественниковъ преданы грабежу возставшей толпою. Положеніе французовъ было критическое: всѣ потеряли головы, и каждый предлагалъ свое средство къ спасенію: Сентъ-Андрѣ желалъ вступить въ бой и лучше умереть, чѣмъ попасться въ плѣнъ, а Мангури совѣтывалъ прибѣгнуть къ дипломатической хитрости. Наконецъ всѣ согласились на мѣру, предложенную секретаремъ Мешена, Орто, и состоявшую въ томъ, чтобы удалиться въ церковь, гдѣ, по всей вѣроятности, возставшіе ихъ въ тронули бы. Снова Пинонъ былъ посланъ въ сосѣдній францисканскій монастырь для переговоровъ и вскорѣ привелъ одного изъ монаховъ, который отказался пріютить мужчинъ, но предложилъ пріютъ для женщинъ и дѣтей, которымъ всѣ обитательницы гостинницы дали свои одежды, чтобы облегчить имъ свободной выходъ на улицу. Послѣ нѣкотораго времени осаждавшая толпа стихла, и къ французамъ явился новый губернаторъ города, графъ Целли-Перагліа. Это былъ добрый, мужественный человѣкъ, и одного его вида было достаточно, чтобы успокоить несчастныхъ. Онъ объявилъ имъ, что городскія ворота заперты, и не оставалось никакой надежды на бѣгство; но онъ предложилъ лично проводить ихъ въ свой домъ, гдѣ они могли найти безопасное убѣжище. Дѣйствительно, онъ построилъ французовъ въ колонну, по два человѣка въ рядъ, и повелъ подъ своимъ предводительствомъ чрезъ толпу, которая почтительно разступилась передъ нимъ. Въ домѣ графа Целли французы нашли самое радушное гостепріим-

ство, но имъ не суждено было надолго успокоиться, и вскорѣ передъ окнами губернаторскаго дома стала попрежнему бушевать толпа. Оказалось, что къ городу подступилъ батальонъ французскихъ солдатъ, и витербцы грозили, въ случаѣ побѣды враговъ, истребить тѣхъ изъ нихъ, которыхъ держали въ своихъ рукахъ. По счастью для осажденныхъ, французскій батальонъ вынужденъ былъ отступить. Прошло нѣсколько дней, и хотя толпа продолжала по временамъ шумѣть передъ домомъ Целли, но французы къ этому привыкли и съ обычнымъ легкомысліемъ устраивали въ своемъ убѣжищѣ концерты и балы, въ которыхъ приняли участіе ихъ жены, вернувшіяся изъ монастыря. Одинъ изъ французовъ сочинилъ даже пантомиму, подъ названіемъ «Разбойники», которая была пародіей на поступки осаждающихъ и давалась съ большимъ успѣхомъ, подъ аккомпаниментъ грозныхъ криковъ на площади. Такъ тянулось время до 19 декабря, когда положеніе французовъ снова сдѣлалось критическимъ. Французскій генералъ Келлерманъ прислалъ сказать возставшимъ витербцамъ, что онъ подвергнетъ ихъ самой строгой карѣ, и они снова рѣшили выместить свою злобу на гостяхъ графа Целли. На этотъ разъ, по всей вѣроятности, они исполнили бы свою угрозу, если бы всеми уважаемый епископъ Витербскій, кардиналъ Бартоли, не принялъ французовъ подъ свое покровительство и не перевелъ ихъ въ свой епископскій дворецъ. Тамъ ихъ жизнь потекла прежнимъ порядкомъ. Извнѣ днемъ и ночью бушевала толпа, а внутри осажденные благодушествовали и на сколько могли веселились. Наконецъ наступилъ праздникъ св. Розы, и все населеніе, празднуя его, забыло о своихъ врагахъ; напротивъ, благодаря имъ, празднество получило еще болѣе блестящій характеръ, и статую святой, которую носили по городу въ торжественной процессіи, украсили всеми туалетными принадлежностями, которыя были награблены въ французскихъ экипажахъ. Однако, на слѣдующій день бѣдные французы подверглись еще болѣе, чѣмъ когда либо, опасности, и витербцы, узнавъ о приближеніи французскихъ войскъ, рѣшили силой взять французовъ изъ епископскаго дома и въ качествѣ заложниковъ залпереть въ тюрьму, гдѣ, конечно, ихъ ожидала смерть при первомъ успѣхѣ соотечественниковъ. Но на выручку имъ явился одинъ изъ вожаковъ возстанія: онъ обѣщалъ гарантировать ихъ безопасность, если они, съ своей стороны, обяжутся выхлопотать ему помилованіе у французскаго генерала. Дѣйствительно дѣло устроилось къ общему удовольствію, и 26 декабря французы, проведя цѣлый мѣсяцъ въ заточеніи, свободно выѣхали изъ Витербы, а спустя нѣсколько часовъ генералъ Келлерманъ вступилъ въ городъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, выразилъ благодарность всемъ, которые оказали услуги его соотечественникамъ, и не подвергъ никакой отвѣтственности возставшихъ итальянцевъ. Кромѣ романическаго интереса, эпизодъ, рассказанный Маріотти, бросаетъ новый свѣтъ на отношенія французовъ къ итальянцамъ во времена республиканскихъ войнъ, доказывая, что они, являясь освободителями Италии отъ деспотизма, возбуждали, однако, къ себѣ ненависть итальянцевъ своими крутыми мѣрами и сами по временамъ терпѣли отъ этого непріятности.

— Декабрьская имперія и ея творецъ. Если бонапартисты думаютъ воспользоваться въ своихъ интересахъ современной маніей на Наполеона I во французской литературѣ, то они очень ошибаются, и появляющіеся отъ времени до времени, по ихъ ли инициативѣ, или по другой какой

причинѣ, документы и воспоминавія, сочувственно относящіеся ко второй имперіи, проходятъ незамѣченными. Такъ, врядь ли многіе прочтуть напечатанную во второмъ сентябрьскомъ номерѣ *Vie Contemporaine* статью Генри Бушо о свѣтской жизни при Наполеонѣ III и лоншанскихъ гуляньяхъ, рисуя картину которыхъ авторъ одинаково восхищается императрицей, принцессой Матильдой, графиней Валевской, герцогиней Морни и звѣздами полу-свѣта: Корой Перль и виконтессой Пайва, потому что эта позорная эпоха уже давно не возбуждаетъ интереса съ картинной, эlegantной точки зрѣнія, которой придерживается исключительно авторъ. Точно также не имѣли никакого успѣха и едва удостоились двухъ-трехъ краткихъ газетныхъ отзывовъ письма Наполеона III, напечатанныя въ *Revue de Paris* и *Nouvelle Revue*; обѣ эти серіи относятся ко времени его заточенія въ Гамбъ: первая заключаетъ въ себѣ блѣдную и тщетно претендующую на романическій интересъ корреспонденцію съ какой-то невѣдомой дамой, выражавшей сочувствіе и даже посѣтившей молодого узника въ его тюрьмѣ. Другая же серія состоитъ изъ писемъ Луи-Наполеона и либеральнаго депутата Поже насчетъ примиренія республиканской партіи съ бонапартизмомъ, причемъ, конечно, принцъ старался пустить пыль въ глаза своими радикальными идеями, заботясь въ сущности только о своихъ личныхъ интересахъ, а наивный идеалистъ бредилъ о какомъ-то невозможномъ демократическомъ диктаторствѣ, оставаясь вполнѣ искреннимъ республиканцемъ, что онъ доказалъ, отказавшись во время президентства принца Наполеона отъ предоставленной ему значительной должности, какъ только запахло въ воздухъ вторымъ декабремъ. Но если попытки возбуждать сочувствіе къ Наполеону III и его сподвижникамъ обоего пола вполнѣ не удачны, то это не значитъ, чтобы Франція и даже Европа перестала интересоваться декабрьской имперіей, когда представляются новыя свѣдѣнія о преступной и поворной ея сторонѣ. Такъ, громадный шумъ произвела статья, помѣщенная въ августовской книжкѣ англійскаго журнала *Fortnightly Review*, Вильямомъ Грэамомъ подъ заглавіемъ: «Свѣтъ со стороны на вторую имперію». Авторъ ея основалъ свой очеркъ на подлинныхъ документахъ и воспоминавіяхъ одного изъ лицъ, принимавшихъ прямое участіе въ политической дѣятельности того времени, хотя онъ не называетъ этой личности, а только обѣщаетъ скорое появленіе въ свѣтъ важныхъ мемуаровъ, которыми онъ пользовался. Вся суть его любопытной статьи заключается въ доказательствахъ, что первенствующую роль игралъ во второй имперіи герцогъ Морни. Всѣмъ извѣстно, что этотъ ловкій авантюристъ занималъ видное мѣсто при дворѣ и въ политикѣ декабрьской имперіи, но никогда еще его значеніе такъ ярко и рельефно не было обрисовано, какъ въ очеркѣ Грэама. По его словамъ Луи-Наполеонъ и Морни были единоутробные братья, сыновья королевы Гортензій отъ голландскаго адмирала Верхюэля и французскаго графа Флаго. Что касается до послѣдняго факта, то онъ никѣмъ не оспаривается, а первый хотя и отвергается многими бонапартистами, но самъ мужъ Гортензій, король голландскій Людовикъ, братъ Наполеона I, прямо говоритъ въ письмѣ къ папѣ: «ваше святѣйшество знаетъ, что я имѣлъ несчаствіе жениться на Мессалинѣ, и что Луи Наполеонъ не мой сынъ», а, кромѣ того, характеръ, фигура, мрачная флегматичная молчаливость, и всѣ какъ недостатки, такъ и достоинства Наполеона III, по мнѣнію Грэама, имѣли чисто голландскій оттѣнокъ. «Онъ,—говоритъ англійскій авторъ,—не имѣлъ ничего

общаго съ своимъ великимъ дядей и никогда не достигъ бы престола, если бы не былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ шайки авантюристовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Морни. Въ продолженіе восемнадцати-лѣтняго его царствованія весь міръ на слово вѣрилъ, что человѣкъ, совершившій двѣ нелѣпыя и смѣшныя булонскія экспедиціи, произвелъ хладнокровный, жестокій, кровавый переворотъ 2-го декабря. Для такого дѣла необходимы твердый умъ, стальные нервы и преступная воля; все это нашлось въ Морни, который совершилъ 2-е декабря, создалъ вторую имперію и своей смертью положилъ конецъ ея процвѣтанію. Настоящая роль этого человѣка недостаточно оцѣнена до сихъ поръ по той простой причинѣ, что онъ болѣе извлекалъ изъ политики финансовую пользу, чѣмъ удовлетвореніе своего самолюбія, но въ сущности Морни былъ настоящимъ императоромъ Франціи». Разсказавъ въ нѣсколькихъ словахъ жизнь Морни въ эпоху 2-го декабря, когда онъ былъ свѣтскимъ франтомъ и ловкимъ авантюристомъ, зорко слѣдившимъ за удобнымъ случаемъ достичь власти, а главное богатства, Грэмъ подробно рисуетъ совершенно новую картину государственнаго переворота. Держа себя очень осторожно относительно брата и постоянно иронически называя его «бѣднымъ Луи», Морни при первой возможности совершить государственный переворотъ и этимъ поправить свое разстроенное финансовое положеніе, смѣло выступилъ на сцену. Онъ все подготовилъ, онъ все устроилъ, а Мона, Сентъ-Арно и Флери только исполняли его распоряженія. Последнюю рѣшительную сцену, разыгравшуюся ночью на 2-е декабря въ Елисейскомъ дворцѣ, Грэмъ изображаетъ совершенно иначе, чѣмъ Князъкъ и большинство историковъ, слѣдовавшихъ по его стопамъ. Не Флери подъ угрозой застрѣлить колебавшагося Луи-Наполеона заставилъ его рѣшиться на кровавое дѣло, а эту роль разыгралъ Морни. Онъ отвелъ своего брата въ особую комнату, вынулъ изъ кармана пистолеть и хладнокровно сказалъ: «Если ты, Луи, выйдешь отсюда, то я убью тебя». Потомъ онъ приставилъ къ двери Флери, а самъ отправился въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое уже было занято войсками, и тамъ принялъ всѣ мѣры для совершенія государственнаго переворота, въ слѣдъ за чѣмъ послѣдовала безжалостная рѣзня на бульварахъ. Переходя къ послѣдующей жизни Морни, англійскій авторъ сообщаетъ нѣсколько совершенно новыхъ фактовъ относительно его дѣятельности и смерти, а также о фавориткахъ Наполеона III. Когда онъ сталъ совѣтоваться со своимъ братомъ на счетъ брака съ Евгеніей, то Морни очень цинично сказалъ, указывая на портретъ императрицы: «покажите это парижскому народу, и пусть онъ рѣшитъ плебисцитомъ, кому быть императрицей: ей, или любой европейской принцессѣ; не беспокойтесь, народъ выберетъ по вашему вкусу». Вторая имперія была царствомъ женщинъ, и свѣтскія кокетки: герцогиня Меттернихъ, графиня Кастильонъ, графиня Валевская, герцогиня Галифе, графиня Пурталесъ и т. д., воскресили въ XIX в. эпоху послѣднихъ римскихъ цезарей, а новымъ Петрономъ и Крассомъ былъ Морни». Изъ всѣхъ женщинъ, которыя имѣли вліяніе на Наполеона III, наибольшую политическую роль играла итальянка графиня Кастильонъ; она была племянница Кавура, но отзывалась съ презрительной улыбкой о немъ и Викторѣ-Эммануилѣ, увѣряя, что не они, а она создала итальянское единство, при чемъ, указывая на свои губы, она говорила: «вотъ что съѣдало Италію». Смерть Морни также разсказывается Грэмомъ совершенно не такъ, какъ въ извѣстномъ романѣ Доде «Набобъ».

«истор. вѣстн.», октябрь, 1894 г., т. LVIII.

19

По его словамъ, исторія о пилюляхъ, принятыхъ герцогомъ въ излишней мѣрѣ и для тайной цѣли, не должна быть признана настоящей причиной его смерти, хотя онъ могъ дѣйствительно злоупотреблять подобными средствами; но умеръ онъ отъ удара шпаги. Морни, который, не смотря на то, что былъ женатъ на красавицѣ, княжнѣ Трубецкой, постоянно занимался любовными интрижками, и однажды, какъ рассказываетъ Грэмъ, старый почтенный генералъ засталъ его съ своей женой. Въ порывѣ страстнаго гнѣва, генералъ выхватилъ шпагу и пронзилъ Морни въ томъ мѣстѣ, въ которое смертельно ранилъ себя любовникъ Гедды Габлеръ. Англійскій авторъ ручается за справедливость своего разсказа и не приводитъ имени красавицы, ради которой погибъ Морни, только потому, что она еще жива. «Со смертью Морни закончился блестящій періодъ второй имперіи, говоритъ Грэмъ, и изъ его серебрянаго гроба должны были слышаться роковыя слова: *Finis imperii*. Уже тѣнь Бисмарка затмевала горизонтъ, а единственнаго человѣка, который могъ съ нимъ потягаться и уже однажды помѣшалъ своему брату объявить войну прусскому королю, ироническими словами: «полно, онъ тебя потопить въ Рейнѣ»,—уже не было въ живыхъ.

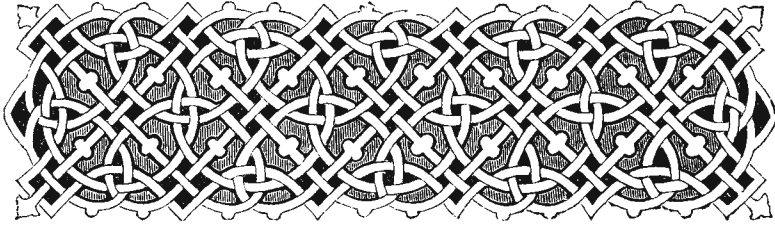
— Смерть графа Парижскаго. Хотя только что умершій претендентъ на французскій престолъ не игралъ крупной политической роли въ современной политической исторіи, но всетаки онъ былъ одной изъ тѣхъ выдающихся личностей, которыми, если не всегда, то по временамъ интересуется европейское общественное мнѣніе, а потому неудивительно, что всѣ европейскія газеты и журналы, преимущественно же французскіе и англійскіе, полны воспоминаніями, статьями и замѣтками о немъ. Нѣкоторыя изъ сообщенныхъ свѣдѣній отличаются новизной и даже историческимъ значеніемъ, такъ что вполне заслуживаютъ вниманія, хотя вообще біографія графа Парижскаго хорошо извѣстна всякому. Поэтому мы только познакомимъ читателей съ малоизвѣстными сторонами его жизни, начавшейся съ такихъ блестящихъ надеждъ и потомъ принявшей столь печальный характеръ. Мать одного изъ его предковъ, знаменитаго регента, часто говорила что феи, приглашенныя на крестины ея сына, одарили его всѣми способностями, и умомъ, и знаніемъ, и красотой, и богатствомъ, и храбростью но одна не приглашенная фея пожелала, чтобы всѣ эти способности остались безъ результата. То же самое можно сказать и о графѣ Парижскомъ: отъ рожденія онъ былъ одаренъ всѣмъ, и ему не доставало только одного счастья, а благодаря отсутствію этого элемента, онъ всю жизнь ни до чего не достигалъ, а оставался на пути ослѣпленный миражемъ возможнаго, но не осуществимаго величія. Онъ родился въ самую цвѣтущую пору Орлеанской монархіи и, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженъ былъ съ теченіемъ времени, т. е. послѣ естественной смерти своего дѣда, короля Луи-Филиппа и своего отца, герцога Орлеанскаго, вступить на французскій престолъ; но четырехъ лѣтъ онъ лишился отца, а десяти присутствовалъ при изгнаніи дѣда и въ продолженіе одного часа былъ королемъ, а съ тѣхъ поръ сорокъ шесть лѣтъ тщетно мечталъ о продолженіи своего часового царствованія, что совершенно испортило и перевернуло вверхъ дномъ всю его жизнь. Какъ человѣкъ, онъ отличался всѣми добродѣтелями, хотя съ буржуазнымъ стѣбкомъ, получилъ прекрасное образованіе, интересовался всѣми современными вопросами, относился къ нимъ съ умѣренными либеральными взглядами, и былъ въ полномъ смыслѣ слова джентльменомъ, хотя скорѣе англійскимъ, чѣмъ фран-

цувскимъ, но часовое царствованіе не давало ему покоя и лишало возможности жить спокойно и счастливо. Въ послѣдніе же года политическія интриги для достиженія, вѣчно ослѣплявшаго его глаза, престола, и въ которыхъ онъ принималъ участіе по слабости своего характера, даже набросили тѣнь на его доброе имя. Такимъ образомъ онъ всю свою жизнь былъ неудачникомъ, благодаря этому миражу королевской власти, который постоянно его манилъ туда, куда онъ не могъ идти сначала по честнымъ принципамъ, унаслѣдованнымъ отъ отца, а потомъ по свойственной ему нерѣшительности. Злая судьба какъ бы преслѣдовала его еще до рожденія, и предположенный бракъ между его отцемъ и матерью возбудилъ ожесточенную дипломатическую распрю. Въ сентябрьскомъ номерѣ «Deutsche Rundschau» Людвигъ фонъ-Гиршфельдъ очень кстати печатаетъ отрывки изъ мемуаровъ фонъ-Плессена, большаго мекленбургскаго перваго министра, о дипломатическомъ инцидентѣ, возбужденномъ сватовствомъ герцога Орлеанскаго съ дочерью великаго герцога Мекленбургскаго, Еленой. Это сватовство поддерживалось только прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, а отецъ молодой принцессы и всѣ европейскія державы, въ томъ числѣ Россія были противъ брака между представительницей божественнаго права и наслѣдникомъ народной, революціонной монархіи. Все это возбудило большое дипломатическое волненіе, и великій герцогъ Мекленбургскій, желая снять съ себя всякую отвѣтственность, предложилъ отдать дѣло на разрѣшеніе матери принцессы Елены, которая сама очень желала спорнаго брака. Но прусскій король не хотѣлъ этимъ довольствоваться, боясь, что Франція не согласится на такое условіе, и очень хитро переманилъ на свою сторону Меттерниха, побудивъ французское правительство тонко завести разговоръ о томъ, что если не удастся мекленбургскій бракъ, то будетъ выставленъ на очередь бракъ герцога Орлеанскаго съ дочерью австрійскаго эрцъ-герцога Карла, что, конечно, послѣ двухъ неудачныхъ французскихъ брачныхъ союзовъ съ представительницами Габсбургскаго дома, пугало всѣхъ его сторонниковъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, Меттернихъ сталъ открыто поддерживать мекленбургскій бракъ, и такъ какъ онъ тогда неограниченно господствовалъ въ европейской политикѣ, то его содѣйствіе наклонило всѣхъ въ пользу молодыхъ людей, и 30 мая 1837 г. состоялась свадьба въ Парижѣ. Все обѣщало счастье молодому, высокообразованному, чрезвычайно даровитому, любимому всей Франціей принцу и поэтичной, идеальной вѣмецкой принцессѣ, а рожденіе ихъ первенца, названнаго графомъ Парижскимъ изъ угожденія французской столицѣ и въ память Гуго Капета, повидимому, еще утверждало всѣ блестящія надежды. Однако, этотъ ребенокъ былъ очень болѣзненный и тщедушный, такъ что его крестили только черезъ три года, а до тѣхъ поръ кормили однимъ молокомъ, которое доставлялъ каждое утро отставной солдатъ, державшій ферму въ Понтуазѣ. Онъ живъ еще до сихъ поръ, хотя ему 102 года, и извѣстная парижская корреспондентка англійскихъ газетъ, мистрисъ Эмили Крофордъ, недавно посѣтила его, причемъ онъ разсказывалъ ей любопытныя подробности о томъ, какъ родители графа Парижскаго любили и ласкали его, какъ въ шутку называли его «молочнымъ отцемъ» ихъ ребенка, и какъ онъ былъ приглашенъ на пышныя крестины мальчика, который былъ, по его словамъ, «славнымъ, спокойнымъ, серьезнымъ мальчуганомъ съ глазами, отражавшими небо». Послѣ блестящихъ крестинъ въ соборѣ Парижской Божіей Матери, по случаю ко-

торыхъ столичный муниципалитетъ поднесъ ребенку почетный мечъ съ характеристичной надписью: «да никогда не обнажить онъ его»,—произошло первое несчастіе въ жизни графа Парижскаго. Его отецъ случайно упалъ изъ экипажа, который понесла взбѣсившаяся лошадь, и въ цвѣтъ лѣтъ умеръ, завѣщавъ своей женѣ «воспитать сына слугой, а если представится необходимость, и мученикомъ великихъ принциповъ французской революціи». Въ своемъ завѣщаніи онъ не только высказалъ эту послѣднюю волю, но подробно объяснилъ свои желанія насчетъ воспитанія сына, который долженъ былъ пройти курсъ общественной школы и держать во всякомъ случаѣ вступительный экзаменъ въ Политехническую школу, если ему помѣшаютъ государственныя обязанности явиться на выпускной. Сначала герцогиня Орлеанская свято исполняла завѣтъ мужа, но революція 1848 года вынудила ее измѣнить эту программу воспитанія сына. Самъ графъ Парижскій рассказывалъ автору его біографическаго очерка въ «Daily News» свои впечатлѣнія о роковыхъ для него февральскихъ дняхъ. 24 числа онъ спокойно занимался съ своимъ учителемъ латинскимъ переводомъ, когда впервые услышалъ шумъ перестрѣлки передъ Пале-Роялемъ; конечно, десятилѣтній мальчикъ струсиль, но учитель сказалъ, что принцы не должны ничего бояться. Однако, спустя минуту, въ комнату влетѣла пуля и, пронесшись надъ его головой, застряла въ портретѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ. Немедленно мальчика перевели въ отдаленную комнату апартаментовъ королевы, и урокъ тамъ продолжался, но вскорѣ явилась его мать и сказала учителю: «все мои опасенія осуществились, это не возстаніе, какъ думалъ король, а революція». Спустя нѣсколько минутъ, мальчика повели къ Луи-Филиппу, и тотъ объявилъ окружающимъ его придворнымъ, что онъ отрекся отъ престола въ пользу внука. Мальчику сказали, что ему надо идти въ тронную залу и принять присягу отъ его новыхъ подданныхъ. Онъ съ ужасомъ ои-рался и не зналъ, что дѣлать. Мать подошла къ нему и сказала, что онъ долженъ повиноваться королю. «Онъ долженъ повиноваться дѣду, потому что я болѣе не король; будь умница и слушайся матери». Но ребенокъ громко кричалъ: «не хочу! не хочу!», и крѣпко ухватился руками за диванъ. Въ эту минуту пули снова засвистѣли, и мать увела его въ комнату, гдѣ сохранялись, какъ святыни, любимыя вещи его отца, считая, что тамъ всего достойнѣе имъ умереть, если такова была ихъ судьба. Однако, просьбы окружающихъ и болѣзнь ея второго сына герцога Шатрсака побудили ее укрыться съ дѣтьми у ихъ дяди герцога Немурскаго. Тамъ къ ней явились сторонники орлеанскаго дома и повели ее съ обими сыновьями въ палату депутатовъ, гдѣ графъ Парижскій присутствовалъ при бурномъ засѣданіи, рѣшившемъ судьбу его династіи, и видѣлъ, какъ его матери не дали говорить, а ему самому и ей толпа угрожала смертью. Едва выйдя оттуда живыми, мать и оба сына отправились въ домъ Инвалидовъ, гдѣ смѣлая принцесса хотѣла защищать до послѣдней капли крови проигранное дѣло монархіи. Не смотря на просьбы начальника дома Инвалидовъ, маршала Молитона, искать спасенія въ бѣгствѣ, она, указывая на своего первенца, воскликнула: «посмотрите, онъ не блѣднѣетъ и не дрожитъ; я люблю моего сына, и его жизнь дороже его короны, но если надо рисковать его головой, то я готова на это рѣшиться». Король, даже десятилѣтній, долженъ умѣть умирать». Однако вся ея неустрашимость ни къ чему не повела, и окружающіе продолжали настаивать на необходимости бѣгства. Наконецъ она была вынуждена подчиниться судьбѣ,

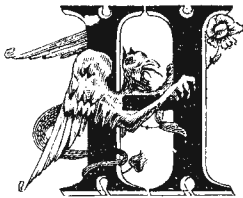
но и тутъ выказала благородную отвагу, не соглашаясь передѣться и снять ту одежду, которая могла ее выдать. «Если меня арестуютъ, то пусть арестуютъ, какъ вдову королевскаго принца,—гордо воскликнула она:—а что ты скажешь, дитя мое?». Ребенокъ бросился къ ней на шею и промолвилъ: «Не позволяй имъ увести меня изъ Франціи: я хочу остаться съ тобою!» Наконецъ очутившись съ дѣтьми въ изгнаніи, герцогиня Орлеанская посвятила себя ихъ воспитанію, прежде въ Эйзенахѣ, а потомъ въ Англіи, и сдѣлала изъ графа Парижскаго вполне современнаго и честнаго человѣка, надѣявшагося на Бога для возстановленія его на престолѣ и съ презрѣніемъ отвергывавшагося отъ всякихъ политическихъ интригъ. Такъ благородно и достойно держалъ онъ себя во все время декабрьской имперіи, лишившей Орлеанскую семью ихъ громаднхъ помѣстій во Франціи. Интересуясь экономическими вопросами, онъ написалъ два основательныхъ сочиненія объ англійскихъ рабочихъ союзахъ, а принявъ съ братомъ участіе въ войнѣ съвера съ югомъ въ Америкѣ, онъ составилъ обстоятельную въ шести томахъ исторію этой борьбы. Замѣчательно, что генералъ Макъ-Клеланъ, при которомъ состояли Орлеанскіе принцы, характеризуя ихъ, сказалъ, что герцогъ Шартрскій былъ блестящимъ кавалерійскимъ офицеромъ, а графъ Парижскій, отличаясь солидностью и благоразуміемъ, могъ бы сдѣлаться полезнымъ начальникомъ комиссаріата. Возвратясь въ Европу, послѣдній женился на своей двоюродной сестрѣ, дочери герцога Монпансье, и послѣ Седанскаго погрома вернулся во Францію, гдѣ до смерти тогдашняго претендента на французскій престолъ графа Шамбора, велъ скромную жизнь, далекую отъ политическихъ интригъ, хотя былъ выбранъ въ члены версальскаго національнаго собранія. Но когда онъ помирился съ графомъ Шамборомъ, признавъ его единственнымъ главою французскаго королевскаго дома, а главное, когда послѣ смерти послѣдняго, онъ самъ сдѣлался претендентомъ, то миражъ королевской власти отуманилъ его умъ, не отличавшійся твердостью, и подъ вліяніемъ самолюбивой жены, а также окружавшихъ его лицъ, онъ началъ, хотя очень не умѣло, разыгрывать роль врага существующаго порядка во Франціи. Такое поведеніе было не только явнымъ нарушеніемъ завѣта отца, но и черной неблагодарностью, такъ какъ республиканское правительство вернуло Орлеанамъ ихъ состояніе, превышавшее 50 милліоновъ. Естественнымъ результатомъ этого было новое изгнаніе, и послѣдніе годы своей жизни графъ Парижскій провелъ снова въ Англіи, но уже оскорбленнымъ, униженнымъ претендентомъ, составляющимъ всякіе заговоры и ковы противъ своего отечества. Исторія Буланже окончательно уронила его въ глазахъ европейскаго общественнаго мнѣнія и послужила безапелляціоннымъ приговоромъ не только надъ нимъ, но и надъ дѣломъ французской монархіи, которое онъ лишь забросалъ грязью. Однако, какъ частный человѣкъ, онъ остался образцомъ семьянина, и въ великолѣпномъ замкѣ Стоу, арендуемомъ у герцога Букингэма, онъ велъ обычную, приличную, спокойную жизнь англійскаго богатаго землевладѣльца, а потому его смерть отъ тяжелаго недуга, именно рака въ желудкѣ, произвела больше впечатлѣнія въ Англіи, чѣмъ во Франціи.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Севастопольскія воспоминанія.—Вооруженный нейтралитетъ.—Письма Тургенева въ *Revue Bleue*.—Нѣмецкій переводъ «Вопросовъ жизни» Пирогова.—Драма изъ русскоеврейской жизни.—Австрія, заботящаяся о прошломъ Босніи и Герцеговины.—Поэма Гудруна.—Мемуары генерала дю-Барайля.—Воспоминанія англійскаго журналиста.

НИКОЛАЙ Нотовичъ (есть и такой писатель и даже еще международный, ибо принадлежит къ іерусалимскому племени) издалъ «Воспоминанія о Севастополѣ» (*Souvenirs de Sebastopol*), но имѣлъ наглость приписать высокопоставленному лицу собраніе и редакцію мелкихъ фактовъ и случаевъ изъ исторіи осады, разсѣянныхъ въ разныхъ сочиненіяхъ. Тутъ и разсказъ о денщикѣ Клементіи Компанцовѣ, все просившемся у своего офицера участвовать въ защитѣ батарей. Однажды, когда онъ несъ офицеру щи съ говядиной въ блиндажѣ, французская пуля попала въ горшокъ и разбила его. Чтобы утѣшить Компанцова, ему позволили участвовать въ вылазкѣ, откуда онъ вернулся въ красныхъ штанахъ, снятыхъ съ убитаго имъ непріятели и заслужилъ медаль за храбрость. Помѣщенъ тутъ и разсказъ сестры милосердія, описывающей свои ощущенія во время ампутаціи ноги у солдата, бомбардированія города въ страстную пятницу, страданія раненыхъ въ госпиталяхъ, гдѣ бомбы разбивали крышу и потолокъ, разрывали больныхъ въ постели. Провожая раненыхъ въ лазаретъ на Павловскомъ мысѣ, также не защищенномъ отъ бомбъ, сестра милосердія схватила тифозную горячку и пролежала въ ней шесть недѣль. Всѣ подобныя разсказы читаются, конечно, съ интересомъ, но на какомъ основаніи, переводя ихъ съ русскаго, Нотовичъ издаетъ ихъ подъ вгидюю высокаго лица,—этого мы не понимаемъ.

— Поль Фошиль издалъ любопытное изложеніе о вооруженномъ нейтралитетѣ, подъ названіемъ *La diplomatie française et la ligue des neutres*. Это первая полная исторія знаменитой деклараціи 1780 года, хотя объ ней было

писано не мало. Главные документы авторъ почерпнулъ изъ архива французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Воюя въ концѣ семидесятыхъ годовъ изъ-за колоній, Англія и Франція старались каждая привлечь на свою сторону русскую императрицу. Англійскій посоль Мальмесбюри дѣйствовалъ черезъ Потемкина, враждовавшаго съ Панинымъ, бывшимъ тогда русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Но въ то же время князь Тавриды не расположенъ былъ и къ Англіи, что видѣлъ и Мальмесбюри. И Екатерина подписала декларацію вооруженнаго нейтралитета и заключила союзъ съ нейтральными государствами, направленный противъ Англіи. Фошиль, какъ французъ, приписываетъ успѣхъ этого дѣла своему министру иностранныхъ дѣлъ, но совершенно напрасно. Характеристика Потемкина въ этой книгѣ также блѣдна и не вѣрна. Теоретическія начала, на которыхъ основана декларація, гуманны и возвышенны, но практическаго значенія вооруженный нейтралитетъ не имѣлъ никакого. И въ 1781 году, когда Англія объявила войну Голландіи, Екатерина не помогла своей союзницѣ, точно также, какъ Швеція и Данія, хотя Голландія рассчитывала на эту помощь. Зато Екатерина достигла своей цѣли — нейтрализаціи Балтійскаго моря, а главные принципы ея деклараціи были признаны хотя и не вполне, и на парижскомъ конгрессѣ 1856 года, и только теперь, съ развитіемъ прусскаго флота, наше Балтійское море уже не представляетъ достаточной гаранціи въ случаѣ войны. Книга французскаго историка, не смотря на обиліе приведенныхъ въ ней документовъ, все еще не освѣщаетъ многихъ темныхъ сторонъ въ русскихъ событіяхъ 1778—1833 годовъ. Въ своей перепискѣ Екатерина только вскользь упоминаетъ о вооруженномъ нейтралитетѣ. Подробности сохраняются еще, вѣроятно, въ архивахъ. Книга премиривана французскимъ ин-ститутомъ.

— Г. Черновъ перевелъ въ *Revue Bleue* нѣсколько писемъ И. С. Тургенева, появившихся въ послѣднее время въ русскихъ журналахъ. Французскіе писатели были очень недовольны отзывами романиста объ ихъ соотечественникахъ, появившимися въ его «Шерешевскіи съ друзьями», и, вѣроятно, для того, чтобы утѣшить ихъ, г. Черновъ напечаталъ мнѣнія автора о своихъ русскихъ литературныхъ друзьяхъ, приводимыя далеко не въ тонѣ панегирика и восторженныхъ похвалъ. Давно уже замѣчено, что изъ частныхъ писемъ нельзя выводить безошибочнаго мнѣнія объ оцѣнкѣ людей и событій. Письма пишутся подъ первымъ впечатлѣніемъ, не всегда освѣщеннымъ, какъ слѣдуетъ, соединеннымъ съ увлеченіемъ, и должны быть провѣрены болѣе зрѣлымъ обсужденіемъ. Тургеневъ былъ всегда скоръ на приговоры, но часто мѣнялъ ихъ и не щадя никого въ своихъ письмахъ, не въ нихъ высказывалъ серьезныя, окончательныя мнѣнія о своихъ собратяхъ по литературѣ. Въ письмахъ къ Анненкову онъ сильно «продергивалъ» М. Н. Толстого и Гончарова, но среди ѣдкихъ и несправедливыхъ вылазокъ встрѣчаются мѣткія, остроумныя замѣчанія. Въ 1867 году онъ былъ озобоченъ обвиненіемъ, что въ своемъ романѣ «Дымъ» оскорбилъ національное достоинство. Отъ этого, можетъ быть, и его сужденія о романахъ Толстого и Гончарова принимаютъ рѣзкій тонъ. Въ «Войнѣ и мирѣ» онъ видѣлъ десятокъ удивительныхъ страницъ описавій тогдашней эпохи, но вся историческая часть романа, которою восхищается большинство, «можетъ быть названа дѣтскою комедіей и шарлатанствомъ. Ни одинъ характеръ не развитъ какъ слѣдуетъ, психологія плохая, но многія страницы приводятъ въ восторгъ». Романъ Гончарова

«Обрывъ» поражаетъ Тургенева растянутостью сценъ, пустотою характеровъ, риторикою и скукою. Все это отчасти и справедливо, но зачѣмъ же все это переводить для французовъ?

— Нѣмцы вздумали только теперь перевести «Вопросы жизни» Пирогова, которымъ скоро будетъ полстолѣтія. Въ Штутгардѣ выходитъ «Библиотека русскихъ достопамятностей» (Bibliothek der russischen Denkwürdigkeiten) Теодора Шимса, гдѣ *Lebensfrage* названы «плѣнительными (fesselnden) картинами». Нѣмцы характеризуютъ такъ нашего педагога хирурга: «это былъ ученый, не заключавшійся въ узкія рамки специальныхъ знаній; но проникательный, любившій свой предметъ, философъ (ein Stück-Schöngeist), хотя философія его не отличается особенной ясностью и систематичностью, и въ метафизикѣ много пробѣловъ». Жизнь Пирогова передана вполнѣ по его запискамъ, приведены всѣ его наблюденія надъ поколѣніемъ профессоровъ, приверженцевъ старой медицины, пластическихъ операций, микроскопической школы, людей съ весьма ограниченными познаніями. Замѣтки нашего хирурга нѣмецкая критика находитъ слишкомъ краткими, хотя остроумными, и недовольна его отзывами о нѣмецкихъ ученыхъ, о берлинскомъ госпиталѣ «Charité». Общій выводъ объ авторѣ слѣдующій: «Пироговъ былъ больше, чѣмъ ученый, это былъ характеръ, даже болѣе чѣмъ характеръ—онъ былъ хорошій человѣкъ».

— Какой-то Гейрмансъ, конечно, еврей, перевелъ съ голандскаго драму изъ русскаго быта, главное достоинство которой въ томъ, что она въ одномъ актѣ. Но она въ то же время доказываетъ, какъ плохо знакомы съ Россіей даже степенные голандцы, которые повидимому могли бы получать объ насъ болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ ихъ верхогляды-сосѣди. Драма называется «Агасферъ», а дѣйствіе ея происходитъ въ наше время на хуторѣ близъ Нижняго Новгорода, въ бѣдной жидовской избѣ, въ бурную зимнюю ночь. Семья изъ старика, его жены и помѣшанной бабушки готовится къ шабашу. Сынъ ихъ бѣжалъ, накануне, въ городъ, спасаясь отъ толпы, сбравшейся убить его, какъ и всѣхъ жидовъ. Казаки являются въ деревню, но уже поздно: народъ почти разгромилъ жидовское жилище. Возвращается и сынъ, но крестившійся ради спасенія жизни. Казачій атаманъ требуетъ у отца Каралика свидѣтельство на свободное прожитіе. У еврея нѣтъ никакихъ бумагъ, и ему съ женою приказываютъ тотчасъ же уйти съ хутора. Сынъ можетъ остаться, потому что крестился. Узнавъ это, Караликъ приходитъ въ отчаяніе и, осыпая сына проклятіями, уходитъ съ женой. Помѣшанная бабушка остается одна съ сыномъ, гаситъ ночникъ, призывая Адама,—и драма оканчивается. Къ чему сочинена вся эта исторія? зачѣмъ тутъ Агасферъ, мѣстный колоритъ въ лицѣ «батьюшки-попа», являющагося въ весьма непривлекательномъ, хоть и развеселомъ видѣ, горничной, которую зовутъ Каша, самоваръ и пр. Неужели все это даетъ хоть какое нибудь понятіе даже и о жидовскомъ бытѣ въ Россіи?

— Австрія, захватившая, съ соизволенія Европы, двѣ славянскихъ провинціи, гдѣ началось возстаніе, которое повело къ войнѣ 1877 года, хочетъ доказать ученому міру, что она заботится о культурномъ развитіи этихъ провинцій. Она основала въ 1888 году археологическій музей въ Сераевѣ, и онъ уже четвертый годъ издаетъ научный сборникъ «Гласникъ», выходящій четырьмя книгами въ годъ. Для лицъ, не знающихъ сербскаго языка, главныя статьи сборника, переводятся въ изданія: «Wissenschaftliche Mittheilun-

gen aus Bosnien und der Herzegovina». Въ послѣднѣе выпущенной книжкѣ помѣщены любопытныя статьи по части исторіи и археологіи: пещерныя раскопки въ Босніи; доисторическія мѣста жительства въ Сабунарѣ близъ Сераево; остатки бронзоваго вѣка близъ Подвизда; могильныя холмы близъ Глашница; бронзовыя монеты въ Крупѣ; латинскія надписи и памятники римской археологіи особенно въ долину Дрины и въ Сребреницкомъ округѣ, древности плоскогорья Рокитно въ Герцеговинѣ; раскопки некрополя близъ Бигача; римскія укрѣпленія близъ Добоя, гробницы въ Мостарѣ и пр. Все это пояснено въ обстоятельныхъ статьяхъ. Одинъ изъ авторовъ мадьяръ Таллочи переводитъ названіе Босніи—соленой землею. По части этнографіи выдаются статьи Михайловича: Попово поле и пещеры Завалы; Лайконовича—православная церковь въ Сераевѣ; Витмовича—монастырь Озренъ; Совко—имя и происхожденіе босняцкаго племени; Ковацевича—преданія въ Бигачѣ; Иванцевича—разсказы и легенды босняцкой крайны. Много приводится народныхъ преданій и пѣсень, хорошо разработана исторія многихъ городовъ; помѣщена сатирическая поэма противъ венеціанъ, написанная во время взятія Кандіи въ 1669 году; босняцкій текстъ изображенъ турецкими буквами. И то уже хорошо, что если Австрія душитъ современныхъ славянъ, то не истребляетъ ихъ прошлаго, а бережно сохраняетъ его.

— Французы также дѣятельно изучаютъ нѣмецкую старину, и А. Феканъ издалъ любопытное изслѣдованіе поэмы Гудруна, ея происхожденія, состава и исторіи (*Le roeme de Gudrun*). Въ этомъ драгоценномъ памятникѣ древней германской литературы, какъ извѣстно, три части. Въ первой изъ нихъ разсказаны четыре событія: въ Ирландіи живетъ король Сигебальдъ съ женою Ута. Сына ихъ Гагена во время праздника похищаетъ грифонъ. Принцъ освобождается, однако, и скрывается въ пещеру, гдѣ находитъ трехъ принцессъ, также унесенныхъ чудовищемъ. Гагенъ вооружается доспѣхами, выброшенными моремъ, убиваетъ грифона, пьетъ его кровь и получаетъ силу 12-ти человекъ. Его берутъ на корабль, но капитанъ, врагъ отца Гагена, хочетъ заковать принца въ цѣпи. Тотъ овладѣваетъ кораблемъ, возвращается въ Ирландію и женится на одной изъ освобожденныхъ имъ принцессъ; у него родится дочь Гильда, но отецъ хочетъ отдать ее только за такого же могущественнаго властелина, какъ онъ самъ, на этомъ эпизодѣ останавливается эта часть. Во второй—король Даніи Гетель слышитъ о красотѣ Гильды, но и объ отказѣ ея отца всѣмъ претендентамъ на руку принцессы. Онъ все-таки посылаетъ ко двору Гагена трехъ пословъ подъ видомъ купцовъ. Одинъ изъ нихъ нравится Гильдѣ своимъ голосомъ и передаетъ ей тайную цѣль своего пріѣзда. Она соглашается слѣдовать за ними. Они убѣждаютъ Гагена посвятить ихъ корабли и успѣваютъ увести принцесу. Король гонится за ними; они храбро защищаются и ранятъ въ битвѣ Гагена, который соглашается отдать дочь такимъ отважнымъ людямъ. Въ третьей части, отъ этого брака родится Гудруна, которая дѣлается такой красавицей, что женихи являются со всего свѣта, хотя Гетель также хочетъ отдать ее только за достойнѣйшаго. Отвергнутый имъ король Зеландіи Гервигъ является съ арміею требовать руки принцессы. Видя его храбрость въ битвѣ, Гетель отдаетъ за него дочь, но его соперникъ Зигфридъ, король Нормандіи, нападаетъ на него, и пока войска тестя и зятя отбиваютъ нападеніе, третій претендентъ, Гартмутъ, король Нормандскій, захватываетъ Гудруну и увозитъ ее въ плѣнъ. Тогда три короля идутъ на норманновъ,

чтобы отплатить имъ. Гетеля убиваютъ въ схваткѣ, Гудруна отказывается сдѣлаться женою Гартмута, и старый король жестоко обращается съ нею. Его мать Герлинда въ теченіе девяти лѣтъ заставляеть ее исполнять унизительныя работы: всякій день ее посылають на берегъ моря стирать грязное бѣлье, и однажды, когда она не такъ усердно исполняла эту обязанность, Гартмутъ схватилъ ее за волосы и бросилъ въ воду. Проходитъ еще 5½ лѣтъ, наконецъ новое поколѣніе датчанъ снаряжаетъ экспедицію противъ норманновъ; въ главѣ ея Гервихъ, прежній женихъ Гудруны. Датчане разбиваютъ норманновъ и отрубаютъ голову Гартмуту и Герлиндѣ. Въ Данію привозятъ множество плѣнныхъ, которымъ по просьбѣ Гудруны даютъ свободу. Обѣ націи примиряются. Таково содержаніе поэмы. Гдѣ она родилась и составила? Принадлежитъ она, очевидно, къ циклу сѣверныхъ легендъ, и въ основу ея легли историческіе факты, дошедшіе до слуха скандинавской расы. Героями ея отъ IV до X вѣка были норманы, пираты, любившіе войну, медъ и поэзію. Главное содержаніе ихъ пѣсень—похищеніе красивыхъ женщинъ знатнаго происхожденія. Первая часть «Гудруны» явно апокрифическая и позднѣйшаго происхожденія: она составлена какимъ нибудь переписчикомъ, подражавшимъ «Нибелунгамъ» и описывавшимъ въ ней подробно христіанскія процесіи, что неумѣстно въ языческой поэмѣ. Двѣ остальные части составляли сначала также отдѣльныя произведенія и соединены впоследствии. Вторая часть проникнута скандинавской миеологіей. Въ Эддахъ Гильда является валькиріей и богиней войны; въ трехъ послѣхъ Гетеля виденъ скандинавскій характеръ; погребеніе мертвыхъ считается священнымъ долгомъ и проч. Но нельзя видѣть во всѣхъ этихъ битвахъ, какъ это дѣлаетъ авторъ изслѣдованія поэмы, символъ борьбы лѣта съ зимою, дня съ ночью, мрака со свѣтомъ. Это олицетвореніе солнечнаго миеа въ дракѣ племенъ слишкомъ устарѣло и натянуто. Но третья часть «Гудруны» имѣеть несомнѣнно историческое, а не миеологическое значеніе. Въ IX вѣкѣ принцеса этого имени могла быть похищена норманами и потомъ освобождена датчанами и фризцами. Авторъ доказываетъ это тѣмъ, что въ двухъ договорахъ англо-саксовъ съ датчанами встрѣчается имя Гудруны. Но зачѣмъ видѣть единичный и опредѣленный фактъ въ повторявшихся не разъ подобныхъ случаяхъ? Въ поэмѣ встрѣчаются и отголоски дѣйствительно историческаго событія: въ X вѣкѣ Аделаида, дочь бургундскаго короля Конрада, была женою Лотаря, короля Италіи. Беренгаръ II, маркизъ Иврѣйскій, отравилъ Лотаря и задумалъ выдать вдову за своего сына Адальберта, распутнаго урода. Аделаида не согласилась на этотъ бракъ и подверглась жестокимъ преслѣдованіямъ Беренгара и его жены: ее посадили въ тюрьму, истязали, вырвали у нея волосы. Ей удалось бѣжать въ Каноссу, куда шелъ Отонъ I освободить принцессу. Онъ разбилъ Беренгара, заперъ его въ тюрьму, гдѣ тотъ и умеръ, и въ 901 году женился на Аделаидѣ. О ея печальной и потомъ блестящей жизни въ Германіи осталось много легендъ и поэмъ. Главное содержаніе ихъ могло перейти и въ «Гудруну». Первоначальная идея поэмы является въ сагѣ Гогни и Гедгина; третья, главная часть ея явилась въ Штирѣ въ 1212—1215 году, черезъ 30 лѣтъ къ ней прибавлена первая часть, и потомъ объ ней забыли до 1820 года. За то съ тѣхъ поръ въ Германіи написано 273 изслѣдованія о поэмѣ. Нѣмцы находятъ ее выше «Нибелунговъ» по языку, живости разсказа, ходу происшествій, изображенію характеровъ, особенно кроткой, благодушной героини, полной вѣрности и самоотверженности. Не даромъ «Гудруну» счи-

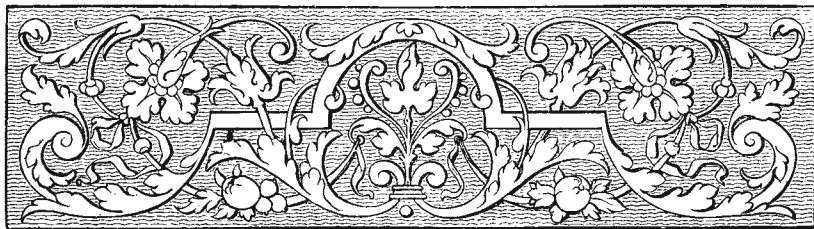
таютъ нѣмецкой Одиссеей, сравнивая ее съ Илиадою—«Нибелунгами». Конечно, и въ «Гудрунѣ» слишкомъ много описанія сраженій, турнировъ, но главное содержаніе ея все-таки жизнь женщины, вѣрной своему долгу. У насъ есть отрывки поэмы въ переводѣ Д. Минаева, но въ такомъ же фантастическомъ видѣ, какъ его «Божественная комедія» или «Дон-Жуанъ», переданные порусски безъ малѣйшаго знанія итальянскаго и англійскаго языка, на что могъ отважиться только ни передъ чѣмъ не останавливающийся русскій человѣкъ.

— Изъ мемуаровъ вышла довольно интересныя воспоминанія генерала дю Барайля, относящіяся къ 1820 — 1861 г. (*Mes souvenirs*). Написаны они живо, увлекательно и полны анекдотовъ, рассказовъ о гарнизонныхъ походехъ, охотахъ, дракахъ и сраженіяхъ съ арабами во время завоеванія Алжиріи. Дю-Барайль провелъ въ Африкѣ 20 лѣтъ, вступивъ 15-ти въ полкъ оранскихъ снаги, гдѣ всѣ офицеры были негры. Въ этомъ же полку онъ дослужился до званія полковника. Много военныхъ подвиговъ передается авторомъ не по официальнымъ документамъ. Такъ, онъ говоритъ, что взятіемъ Мизагрна обязаны не капитану Лельевру, какъ сообщило начальство, а двумъ поручикамъ, сумѣвшимъ одушевить солдатъ на подвиги отчаянной храбрости. Взятіе Смалы, лагеря Абдель-Кадера, сраженіе при Исли, осада Заатчи описаны авторомъ живыми красками. Герой его—генералъ Ламорисьеръ, принявшій наступательную систему вторженія въ непріятельскія земли, но очерченъ мѣтко и Бюжо—хорошій стратегъ, раздражавшійся болѣе всего уколами печати, осторожный Бедо, холодный Шангарнье, бей Константины Юсуфъ, интриганъ, какъ всѣ восточные люди; Маргеритъ, погибшій потомъ при Седанѣ, Монтобанѣ, будущій маршалъ Паликао, Сент-Арно, бывшій балаганный актеръ, главный виновникъ декабрскихъ убійствъ въ Парижѣ 1851 года, всегда увлекающійся Бурбаки и всегда расчетливый Канроберъ, фразеръ Трошю, несообщительный Мак-Магонъ, Флери, другъ Персиньи и одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ 2-го декабря — цѣлая галерея этихъ героевъ, готовыхъ каждую минуту за неимѣніемъ непріятели укрощать мирныхъ гражданъ. Авторъ книги — явный орлеанистъ, судя по восторженному описанію прощанія съ африканской арміей герцоговъ Омальскаго и Жуанвильскаго, послѣ провозглашенія республики 1848 года, встрѣченной солдатами съ восторгомъ, но офицерами, приверженцами юльской монархіи, въ мертвомъ молчаніи.

— Приближающійся къ 80-му году своей дѣятельной журнальной жизни Джоржъ—Августъ Сало издалъ свои воспоминанія подъ названіемъ: «Вещи, какія я видѣлъ, и лица, которыя я зналъ» (*Things I have seen and people I have known*). Это не автобіографія, которую редакторъ газеты *Daily Telegraph* обѣщалъ выпустить впоследствии, а бѣглыя, хотя и бойкія характеристики людей и событій, которыя журналистъ наблюдалъ втеченіе своей долгой жизни. А что ему много пришлось видѣть на своемъ вѣку, доказываютъ слѣдующія строки его предисловія къ своимъ мемуарамъ, приводимыя нами въ сокращеніи: «я расскажу нынѣшнему поколѣнію, что видѣлъ Луи-Филиппа, короля французовъ съ его министрами Сультомъ, Тьеромъ, Гизо, Ламартина и три революціи въ Парижѣ; я послѣдовалъ за Гарибальди въ его экспедиціи, слушалъ рѣчи О'Коннеля, лично зналъ Пальмерстона, лорда Брума, участвовалъ въ мексиканской войнѣ и при взятіи Пуэблы, 13 мѣсяцевъ провелъ въ Америкѣ во время междоусобной войны, бесѣдовалъ съ

Линкольномъ, Стаунтономъ, историкомъ Банкрофтомъ, Лонгфеллоу, Грантомъ, Мак-Клеланомъ, въ Алжирѣ говорилъ съ Наполеономъ III; былъ въ Кубѣ, когда тамъ еще существовали невольники, въ Россіи, когда они не освобождались еще тамъ Александромъ II; я былъ потомъ при его погребеніи и коронаціи Александра III; въ Константинополѣ присутствовалъ при провозглашеніи турецкой конституціи, на похоронахъ принца Альберта, ГанOVERскаго короля и герцога Кларенскаго, на свадьбѣ принца Уэльскаго и двухъ другихъ сыновей королевы, также какъ на ея коронаціи и полу-вѣковомъ юбилеѣ ея царствованія; я видѣлъ повѣшеніе 12-ти убійцъ, 25 разъ обѣдалъ на парадномъ банкетѣ лорда-мера, былъ въ Калифорніи, на Сандвичевыхъ островахъ, въ Австраліи, на Новой Зеландіи и Цейлонѣ; на сценѣ видѣлъ всѣхъ знаменитостей; Дикенсъ и Текерей были друзьями моего дѣтства». Не мудроно собрать любопытныя воспоминанія о такихъ людяхъ и событіяхъ, и характеристика этихъ друзей автора вышла особенно замѣчательной, хотя странно, что Сала защищаетъ Дикенса отъ упрековъ въ цинизмѣ. Два тома этихъ воспоминаній читаются съ большимъ интересомъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Изъ разсказовъ гр. А. А. Аракчеева.

ообщаемый здѣсь разсказъ графа А. А. Аракчеева о его отношеніяхъ къ императору Александру Павловичу записанъ Ив. Ром. Мартосомъ (двоюроднымъ братомъ скульптора И. П. Мартоса), съ которымъ Аракчеевъ, какъ видно, хорошо былъ знакомъ, когда Мартосъ служилъ въ Петербургѣ сначала въ сенатѣ, а потомъ директоромъ департамента министерства юстиціи при Трошинскомъ. Въ 1826 году Мартосъ былъ въ Кіевѣ, на покоѣ, пріютившись въ Печерской лаврѣ, гдѣ и былъ посѣщенъ Аракчеевымъ.

А. Л.

«Первое свиданіе нечаянное и внезапное случилось въ 1826 г., 13 декабря, въ 11 часовъ утра. Графъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что я его узналъ. Послѣдовалъ общій разговоръ о человѣческой и философской жизни, который и продолжался... Между прочимъ, я говорилъ ему о лентѣ Петру Андреевичу (брату Аракчеева), для чего онъ въ семь удовольствій помѣшалъ ему. Онъ возразилъ на сіе, увѣряя, что онъ по философскимъ побужденіямъ и самъ не имѣетъ ленты, т. е. Андреевской.

«Государь Павелъ Петровичъ, призвавши наслѣдника изъ комнаты императрицы Маріи Θεодоровны и взявъ его руку и руку графа Аракчеева, сложилъ ихъ и сказалъ: будьте вы оба вѣчными друзьями! Съ тѣхъ поръ началась дружба графа съ будущимъ государемъ Александромъ Павловичемъ.

Когда соединилъ ихъ такимъ образомъ государь Павелъ Петровичъ, императрица Екатерина II лежала на полу при послѣднемъ издыханіи, грудь у нея при дыханіи чрезвычайно сильно подымалась и опускалась, но она была уже въ безпамятствѣ.

«Графъ пробылъ у меня около двухъ часовъ. Мы разстались съ увѣреніемъ, что мы другъ другу не будемъ въ тягость; и такъ онъ обѣщаль посѣщать меня и показать мнѣ письма, которыя писалъ къ нему государь изъ Таганрога.

«Второе посѣщеніе, вечернее, послѣдовало по назначенію 17-го декабря, въ 6 часовъ вечера.

«Бесѣда наша началась чаемъ, который онъ пилъ съ удовольствіемъ по обыкновенію своему въ количествѣ двухъ чашекъ. Потомъ графъ мнѣ далъ читать принесенныя имъ съ собою письма государевы, полученныя изъ Таганрога. Когда я читалъ сіи письма, то часто на глазахъ его показывались слезы, особенно при чтеніи письма большаго, чрезъ которое государь принималъ въ немъ живѣйшее дружеское участіе, приглашая въ Таганрогъ. Графъ повторилъ и самъ послѣ моего чтенія. По окончаніи чтенія государевыхъ писемъ началось обѣщанное мое чтеніе записокъ о кончинѣ государевой въ Таганрогѣ¹⁾. На разныхъ мѣстахъ раза четыре онъ произносилъ: «прекрасно», а въ концѣ сдѣлалъ примѣчаніе, чтобы заключить записки смертью императрицы Елисаветы, не распространяясь далѣе. Сіе примѣчаніе и мнѣ весьма понравилось... По окончаніи чтенія послѣдовали разговоры о той же матеріи, съ присоединеніемъ слѣдующаго анекдотомъ: государь Павелъ Петровичъ, уволившій его отъ службы, принялъ опять въ свою свиту, и потомъ онъ поручалъ ему имѣть за наслѣдникомъ наблюденіе, [какъ за бабушкинымъ баловнемъ, дабы доносить ему обо всемъ. Но графъ при семъ докладывалъ государю, чтобы его величество избралъ для этого дѣла кого нибудь другого, онъ же для такого дѣла не способенъ и не можетъ быть орудіемъ несогласія между отцомъ и сыномъ. Тѣмъ это порученіе и кончилось, а графъ остался съ большой государевой милостью. Вседневные рапорты по утрамъ съ 5-ти часовъ графъ подносилъ государю лично. Эти рапорты долженъ былъ подписывать наслѣдникъ и подписывалъ ихъ въ постели, между тѣмъ Елисавета закрывалась одѣяломъ, чтобы графъ ея не видѣлъ. Онъ государю всегда докладывалъ, что наслѣдникъ уже всталъ, тогда какъ наслѣдникъ еще лежалъ въ постели.

«Третье посѣщеніе, вечернее прощальное, послѣдовало 21-го декабря, въ 6 часовъ вечера и продолжалось до конца 11-го часа. Послѣ чая графъ самъ читалъ мнѣ высочайшіе рескрипты покойнаго государя и записки, которыя онъ напечаталъ для рѣдкости въ одномъ только экземплярѣ. Потомъ читалъ онъ въ печатной же книжкѣ свое прошеніе къ государю Николаю

¹⁾ «Записки о кончинѣ государевой въ Таганрогѣ», вѣроятно, составлены были И. Р. Мартосомъ, на основаніи писемъ брата его Ф. Р. Мартоса, служившаго въ 1825 г. въ Таганрогѣ предѣвателемъ коммерческаго суда; въ письмахъ своихъ къ брату Ф. Р.—чь подробно разсказывалъ о болѣзни и смерти государя Александра Павловича. Записки эти не сохранились, но сохранились почти въ письмахъ Ф. Р. Мартоса, заключающія въ себѣ очень много интересныхъ подробностей.

Павловичу объ увольненіи въ чужіе края на теплыя воды. Послѣ читалъ отдаанный имъ приказъ по военнымъ поселеніямъ объ отлучкѣ въ чужіе края и письмо къ императрицѣ съ пожертвованіемъ 50 тысячъ, пожалованныхъ ему на дорогу, кои онъ предоставилъ на воспитаніе пяти дѣвочекъ изъ военныхъ поселянъ Новгородской губерніи съ тѣмъ, чтобы онѣ слыли воспитанницами Александра I. Потомъ онъ желалъ слышать мои бумаги, которыми остался весьма доволенъ, гораздо довольнѣе, нежели я воображалъ.

«Между прочимъ, поверхностный разговоръ былъ о Сперанскомъ. Пространный разговоръ былъ о благоустройствѣ Грузина, не только въ господской части, но и въ крестьянской. Банкъ ихъ имѣеть 140 тысячъ. Единонаслѣдіе въ Грузинѣ утверждено покойнымъ государемъ, и актъ сей хранится въ сенатѣ. Воспитавникъ его, кажется, по фамиліи Шумскій, пьяница; теперь онъ въ Грузіи, куда выписанъ въ гарнизонъ за буйство.

«Графъ, со мною прощаясь, запретилъ мнѣ бывать у него здѣсь, но прилежно просилъ побывать въ Грузинѣ. Онъ предполагалъ выѣхать отсюда въ Брянскъ, чрезъ Черниговъ и Стародубъ, 28-го декабря».

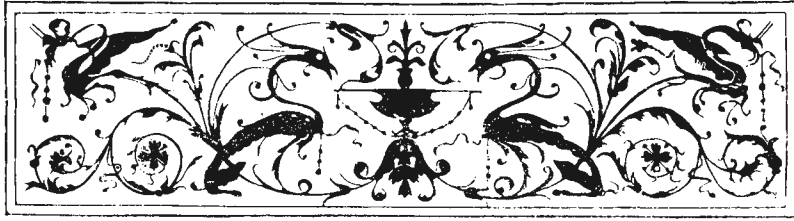
Эта записка дополняется письмомъ, посланнымъ 12-го января 1827 года И. Р. Мартосомъ къ И. П. Мартосу (скульптору); въ письмѣ этомъ читаемъ: «Не смѣю промолчать предъ вами, что въ концѣ истекшаго года, во время проѣзда чрезъ Кіевъ изъ чужихъ краевъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, онъ посѣщалъ и меня неоднократно и разговаривалъ объ васъ и работахъ вашихъ, дѣланныхъ для него, съ особеннымъ удовольствіемъ, а также и объ Алексѣѣ Ивановичѣ и Петрѣ Ивановичѣ ¹⁾ говорилъ съ похвалою. Но о покойномъ государѣ, составляющемъ главный предметъ его разговора и всѣхъ мыслей, не могъ иначе говорить со мною, какъ съ полными слезъ очами. Казалось, я ему понравился въ моемъ уединеніи, вслѣдствіе чего двукратно приходилъ онъ ко мнѣ погоревать и съ письмами, полученными имъ отъ покойнаго государя, особливо изъ Таганрога. Въ самомъ дѣлѣ, кто не читалъ сихъ писемъ, тотъ всегда можетъ ошибаться въ опредѣленіи степени взаимныхъ связей, между сими двумя особами существовавшихъ. Я приходилъ въ изумленіе, видя, сколь великая была дружба, привязанность и даже преданность государя къ графу. Хотя государь не былъ Екатерина II, хотя и графъ не былъ также князь Потемкинъ, однако разрѣшалъ его во многихъ случаяхъ такъ точно, какъ Потемкинъ разрѣшалъ Екатерину, какъ извѣстно сіе по слухамъ; да и не въ короткіе какіе либо годы, но съ того самаго времени, какъ взаимную дружбу ихъ утвердилъ государь императоръ Павелъ Петровичъ. Въ разсужденіи военныхъ поселеній, занимавшихъ при покойномъ государѣ почти первое мѣсто послѣ французской войны, я полюбостествовалъ знать, и графъ открывался мнѣ, что сіи поселенія составляютъ собственную государеву мысль: это его дитя, какъ графъ говорилъ, въ головѣ государевой родившееся, которое онъ любилъ и съ которымъ не могъ разстаться. Графъ же былъ только вѣрный исполнитель сего плана по своему вѣрноподданническому усердію. Послѣ таковаго признанія нельзя мнѣ было требовать изъясненій насчетъ дальнѣйшаго отношенія сихъ поселеній къ государству. Между прочимъ, онъ хвалился мнѣ чугунною колонадою, пожалованною ему покойнымъ государемъ въ Грузино, которая должна быть чрезвычайна. Судя по тому, что

¹⁾ Сыновья Мартоса, скульптора.

царедворецъ сей служилъ много лѣтъ у самаго сердца, такъ сказать, Юпитера, разговоръ его всегда будетъ любопытенъ, поэтому я просилъ его класть все то на бумагу, что онъ знаетъ, дабы тѣмъ одолжить исторію и потомство. Графъ уѣхалъ отсюда въ первыхъ числахъ сего мѣсяца къ другу своему Бухтееву (или Бухмейеръ?), живущему близъ Брянска. Теперь онъ отраду свою находитъ въ чтеніи священныхъ книгъ и подобныхъ имъ, именуемыхъ четіями-минееми.

«Можетъ быть, и неприлично мнѣ болтать о всемъ томъ такъ много на бумагѣ, но сіе сдѣлано мною въ полномъ увѣреніи, что моя предъ вами откровенность не произведетъ неприятныхъ послѣдствій».

СМѢСЬ.

ПРАЗДНОВАНИЕ столѣтія Одессы. 21 августа Одесса съ утра приняла оживленный, праздничный видъ. Большинство роскошныхъ магазиновъ по главнымъ улицамъ украсились транспарантами, гирляндами зелени, бюстами Екатерины II, матеріей національныхъ цвѣтовъ. Вся площадь биржи, гдѣ помѣщается зданіе городской думы, утопала въ протянутыхъ надъ нею гирляндахъ зелени, флагахъ, гербахъ...

Въ кафедральномъ соборѣ, въ присутствіи градоначальника, головы, гласныхъ думы, пріѣзжихъ депутацій, потомковъ де-Рибаса, специально приглашенныхъ на торжество и мн. др., началось служеніе заупокойной литургіи по всѣмъ былымъ дѣтелямъ Одессы: основательницѣ ея, монархамъ, херсонскимъ архіереямъ и всѣмъ вообще усопшимъ жителямъ города.

Ректоръ мѣстной семинаріи произнесъ слово въ память усопшихъ дѣтелей Одессы. Въ залѣ думы собрались гласные, депутаціи съ привѣтствіями отъ Кіева, Кишинева, Николаева, Херсона, Аккермана, почетные гости, публика... Торжественное засѣданіе открылось рѣчами городского головы и товарища его, послѣ чего рядъ депутацій городовъ, какъ и существующихъ въ Одессѣ обществъ и учреждений, передалъ городскому головѣ свои привѣтствія и вещественныя подношенія.

Въ числѣ привѣтствій были и привѣтствія отъ нѣкоторыхъ южныхъ газетъ и ни одного отъ газетъ специально одесскихъ. Гласный Адаменко внесъ, между прочимъ, въ засѣданіи предложеніе объ учрежденіи въ память столѣтія ч-тырехъ училищъ: технического, морского, земледѣльческаго и изящныхъ искусствъ. Предположеніе это, не имѣвшееся въ виду до начала засѣданія, вызвало было протесты, но дума въ принципѣ рѣшила принять предложеніе; затѣмъ гласные поспѣшили изъ думы на открытіе выставки технического образованія въ зданіи мѣстнаго отдѣленія технического общества. Были выставлены работы цѣлаго ряда школъ профессиональныхъ и ремесленныхъ, благотворительныхъ, городскихъ и частныхъ до работъ

призрѣваемыхъ въ городской больницѣ душевно-больныхъ включительно. Больше всего выставлено всякаго рода предметовъ рукодѣля, столярныя, кузнечныя, слесарныя и строительныя работы.

Городская дума Одессы отнеслась, однако, не особенно внимательно къ своему юбилею. Она послала приглашеніе на юбилей въ сосѣдній Николаевъ, на имя два года тому назадъ скончавшагося городского головы адмирала Кроуна, чѣмъ обидѣла здравствующаго голову гор. Николаева. Понадобилось специальное извиненіе по телеграфу, чтобы дѣло уладить... Затѣмъ, въ приглашеніяхъ, разосланныхъ въ массѣ, городская управа забыла упомянуть, куда именно приглашаетъ она своихъ гостей: въ думу ли, въ соборъ ли, въ театры ли, на первый или второй день юбилея.

22 августа высыпала на улицы и на балконы вся Одесса, разодѣтая по-праздничному... Главныя улицы утопали въ зелени, флагахъ, декораціяхъ, тванспарантахъ. Передъ окнами магазиновъ, украшенныхъ бюстами Екатерины II и Государя, въ цвѣтахъ, матеріяхъ, лаврахъ, вездѣ толпились нарядные горожане и особенно горожанки, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ городского статистика, Бориневича, составляющія половину мужского населенія въ Одессѣ и на юбилейныхъ празднествахъ преобладающія надъ нимъ втрое! Эта пестрая, разряженная толпа держала себя много солиднѣе и чиннѣе, чѣмъ на далекомъ сѣверѣ, не нуждаясь въ энергическихъ «честью просятъ» или «осади назадъ» гг. городскихъ и оттаптываніи обывательскихъ ногъ копытами жандармскихъ лошадей. «Сѣрый» элементъ дворницкихъ, переднихъ и портерныхъ лавокъ совсѣмъ отсутствовалъ въ толпѣ одесскихъ «европейцевъ»...

Крестный ходъ изъ Преображенскаго кафедральнаго собора двинулся по Полицейской и Пушкинской улицамъ къ памятнику «Дюка». Такого величественнаго зрѣлища одесситы давно уже не видѣли... Въ предшествіи отряда конныхъ жандармовъ и роты Люблинскаго полка, тянулась длинная вереница воспитанниковъ и воспитанницъ городскихъ училищъ и пріютовъ, гимназій, представители города, ремесленнаго и мѣщанскаго общества и духовенство въ богатыхъ ризахъ.

Послѣ возложенія вѣнка къ подножію памятника Ришелье, крестный ходъ въ небольшомъ скверикѣ, на Екатерининской площади, совершилъ закладку памятника Екатерины II. Населенію предложено было цѣлое «море удовольствій», угощеніе войскъ на Соборной площади, гулянья рѣшительно на всѣхъ удобныхъ къ тому площадяхъ, обѣды для всякаго рода бездомной голытьбы въ портѣ и на окраинахъ, спектакли во всѣхъ театрахъ, вечеромъ фейерверки въ одиннадцати мѣстахъ. Иллюминація города представляла новую для Одессы и крайне оригинальную картину: вмѣсто вѣковѣчныхъ плоскостей, коптившихъ и чадившихъ, весь городъ и каждое окно въ каждомъ домѣ убрано было стеариновыми свѣчами, которыя одновременно зажжены были къ вечеру.. Это нововведеніе избавило обывателей отъ невыносимаго смрада обычныхъ иллюминацій.

Семидесятилѣтняя годовщина смерти Козодавлева. 24-го іюля исполнилось 75 лѣтъ со дня кончины Осипа Петровича Козодавлева, умершаго въ 1819 г., занимающаго постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Фамилія Козодавлевыхъ, по своему происхожденію, нѣмецкая, передѣланная въ русскую изъ словъ Koss-von-Dahlen. Предокъ Козодавлева, камер-юнкеръ, завѣдывавшій имѣніями Анны Ивановны, когда она была еще герцогиней, а жена послѣдняго, Анна Михайловна, пользовалась особенными милостями герцогини. Козодавлевъ въ царствованіе Екатерины II, въ 1783 г., былъ назначенъ директоромъ народныхъ училищъ Петербурга, какъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, ранѣе того онъ пописывалъ стихи и занимался адвокатурою. Написанная Державиннымъ «Фелица» сдѣлалась извѣстною по нескромности Козодавлева, который, живя въ одномъ домѣ съ поетомъ, увидавъ случайно

оду, выпросилъ ее на короткое время. Вскорѣ послѣ того ода явилась въ журналѣ «Собесѣдникъ», издававшемся Дашковой и въ изданіи котораго весьма дѣятельное участіе принималъ молодой Козодавлевъ. Во время управленія министерствомъ Козодавлевымъ дѣятельность его ознаменовалась распространеніемъ фабрикъ и заботою о развитіи рациональнаго сельскаго хозяйства. Мѣсто Козодавлева занималъ князь А. Н. Голицынъ, а съ ноября 1819 г.—графъ Д. П. Кочубей, одновременно съ назначеніемъ котораго совершилось соединеніе министерства внутреннихъ дѣлъ и полиціи, тогда же департаментъ мануфактуръ и торговли присоединенъ къ министерству финансовъ. Полная біографія О. П. Козодавлева написана Сухомлиновымъ въ «Исторія Россійской академіи» и занимаетъ весь VI томъ.

Открытіе памятника И. Ѡ. Богдановичу въ Курскѣ. 13-го августа, въ Курскѣ происходило торжество открытія памятника извѣстному поэту Ипполиту Ѡдоровичу Богдановичу. Въ церкви Всесвятскаго кладбища была литургія, а затѣмъ на могилѣ И. Ѡ., почивающаго здѣсь съ 1803 года, панихида. Въ 1½ часа открыли памятникъ, въ присутствіи курскаго губернатора графа Милютина, вице-губернатора, городского головы, почетныхъ лицъ и публики. Послѣ осмотра памятника въ зданіи губернскаго правленія инспекторомъ гимназіи А. Н. Гусаковскимъ была сказана рѣчь о литературной дѣятельности Богдановича. По четыремъ сторонамъ пьедестала памятника имѣются надписи. Первая:

«Поэту Ипполиту Ѡдоровичу Богдановичу. Род. 23-го декабря 1743 г.
† 6-го января 1803 г.».

Вторая:

«Терпѣніемъ своимъ, очистясь отъ грѣха,
Наружну красоту обратно получила—
Небесною росой она ее умыла,
И стала Душенька полна, цвѣтна, бѣла,
Какъ прежь сего была».

Третья:

«Богатство мало веселить,
И радость тотъ только вкушаетъ,
Съ другими кто ее дѣлитъ».

Четвертая:

«Законъ время творить прекрасный видъ худымъ,
Наружный блескъ въ очахъ проходитъ такъ, какъ дымъ;
Но красоту души ничто не измѣняетъ—
Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ».

Памятникъ Богдановичу изображаетъ Психею, держащую въ рукахъ небольшой сосудъ. Довольно большая статуя Психеи изъ бѣлаго мрамора; она изображаетъ стройную женщину. Фигура Психеи закутана въ древне-греческую тунику, падающую легкими складками до-низу. Поверхъ туники повѣшенъ особый платъ, прикрывающій руки, держація сосудъ. Пьедесталь сооруженъ изъ мрамора въ греческомъ стилѣ. Только-что открытый памятникъ не новый; онъ сооруженъ еще въ 1834 году на средства бывшаго курскаго губернатора П. Н. Демидова и былъ поставленъ на могилѣ поэта, останки котораго покоятся на Всесвятскомъ кладбищѣ. Онъ тамъ простоялъ около 60 лѣтъ. Такъ какъ на кладбищѣ былъ недостаточенъ надзоръ, памятники сильно испортили. Въ виду этого, по инициативѣ любителя археологіи Т. І. Вержбицкаго, памятникъ возобновленъ, а затѣмъ, по желанію курскаго общества, перенесенъ съ кладбища въ центръ города и поставленъ противъ присутственныхъ мѣстъ.

Историческое Общество. Проф. Модестовъ сдѣлалъ сообщеніе объ источникахъ историческихъ трудовъ Тацита. Какъ и всѣ даровитые люди, начиная съ Гомера, Шекспира и кончая Пушкинымъ, Тацитъ, по словамъ референта, подвергался и подвергается нападкамъ съ разныхъ сторонъ. На знаменитаго римскаго историка нападали за его политическіе, аристократическіе взгляды (напримѣръ, Драгомановъ), нападали также и на его литературные труды. Существуетъ цѣлый рядъ ученыхъ, доказывающихъ, что Тацитъ — человѣкъ бездарный, что онъ простой компиляторъ, воспользовавшійся недошедшимъ до насъ историческимъ трудомъ. Еще недавно вышло обстоятельное изслѣдованіе французскаго ученаго Фабіа, который указываетъ на исторію Плинія старшаго, какъ на основаніе сочиненій Тацита. Основаніемъ для такого рода обвиненій служить нѣкоторое сходство Тацита съ сочиненіями Плутарха и Светонія, заставляющее предполагать одинъ общій источникъ. Проф. Модестовъ въ своемъ рефератѣ явился апологетомъ Тацита, указавъ на равнлицу между Плутархомъ и Тацитомъ, не только въ частностяхъ, но главнымъ образомъ въ общемъ направленіи обѣихъ писателей. Обстоятельный анализъ сочиненій Тацита привелъ г. Модестова къ заключенію, что это былъ по своему времени замѣчательно образованный человѣкъ, что для своихъ «Исторій» и «Анналовъ» онъ, помимо трудовъ предшественниковъ, пользовался и другими источниками. Въ его сочиненіяхъ сплошь и рядомъ встрѣчаются ссылки на надписи, протоколы сената, сообщенія современной римской газеты и т. п. Весь этотъ матеріалъ Тацитъ талантливо обработалъ, объединилъ одной общей идеей, изложилъ живымъ, сжатымъ, яснымъ языкомъ. Второй рефератъ, г. Колоколова, посвященъ былъ характеристикѣ личности и трудовъ о. Пирлинга, извѣстнаго цѣлымъ рядомъ работъ по русской исторіи, основанныхъ на новыхъ документахъ, извлекаемыхъ авторомъ изъ архивовъ Рима, Венеціи, Флоренціи и представляющихъ поэтому несомнѣнное значеніе для русской исторіи. Блестящее, живое изложеніе дѣлаетъ ихъ интересными не только для специалистовъ-историковъ, но и для обыкновенной публики. Одно изъ такихъ сочиненій «Россія и Востокъ», посвященное браку Зои Палеологъ съ Іоанномъ III переведено на русскій языкъ. Отдѣльные сочиненія о. Пирлинга, издавныя въ разное время, на первый взглядъ ничѣмъ не связанныя, посвящены одному вопросу — соотношеніямъ папъ съ московскими государями, объединены одной общей идеей — соединенія церкви на почвѣ свободы. Не смотря на то, что о. Пирлингъ — іезуитъ, католикъ, по словамъ г. Колоколова, онъ не можетъ быть названъ тенденціознымъ изслѣдователемъ. Въ своихъ работахъ онъ не замалчиваетъ фактовъ, даже для него неприятныхъ, не подтасовываетъ ихъ. Поэтому всѣ его сочиненія носятъ характеръ вполне научныхъ, объективныхъ, историческихъ изслѣдованій. Рефераты гг. Модестова и Колоколова вызвали нѣсколько существенныхъ замѣчаній.

Археологическая находка. Владѣлецъ деревни «Мама», близъ Керчи, Дырнъ, принесъ въ даръ археологической комисіи найденный имъ въ его имѣніи обломокъ мраморной плиты, на которой два раза повторяется по-гречески надпись: *Eraклеіон* и *Eraклеіа*. Эта находка важна въ томъ отношеніи, что служитъ косвеннымъ указаніемъ мѣстонахожденія древняго города Гераклеи, о которомъ упоминаютъ историки, какъ о находившемся вблизи древней Пантикапеи, вмѣстѣ съ городами Пареепіонъ и Мирмикіонъ. Мнѣнія археологовъ о мѣстонахожденіи Гераклеи расходились, хотя существовало предположеніе о томъ, что Гераклея находилась вблизи деревни «Мама», но найденная плита не можетъ служить окончательнымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія, такъ какъ могла быть занесена въ это мѣсто случайно.

Памятникъ на могилѣ Н. В. Шелгунова. На «литературныхъ мосткахъ» Волкова кладбища происходило открытіе памятника на могилѣ даровитаго писателя Н. В. Шелгунова. Памятникъ красивъ и изященъ: онъ представляетъ

высокій постаментъ изъ чернаго мрамора, съ поставленнымъ на немъ и довольно схожимъ бюстомъ Шелгунова. Въ день открытія онъ былъ убранъ большимъ количествомъ цвѣтовъ, а у подножія положены прѣкрасныя вѣнки отъ редакцій «Русской Мысли», «Русскаго Богатства», «Недѣли» и др. Были члены литературнаго фонда: г. Михайловскій, Вейнбергъ и др. Незадолго передъ тѣмъ замѣчательной работы бюстъ былъ поставленъ и надъ могилой В. К. Ватсона.

† Въ собственномъ имѣніи «Верянки» на Волыни, 9 августа сего года, Евгенийъ Исааковичъ Утинъ на 50-мъ году жизни. Утинъ происходилъ отъ очень вѣжиточныхъ родителей, благодаря чему съ раннихъ лѣтъ получилъ прекрасное образованіе. Старшій братъ его, извѣстный профессоръ С.-Петербургскаго университета, Борисъ Исааковичъ, оказывалъ и младшаго брата сильное вліяніе, вводя его уже на 16-мъ году отъ рѣды въ кругъ серьезныхъ общественныхъ интересовъ. Поступивъ въ здѣшній университетъ, Евгенийъ Исааковичъ со всѣмъ пыломъ своей страстной натуры отдался движенію молодежи 60-хъ годовъ. Когда разразилась студенческая исторія 1861 г., молодой Утинъ оказался въ числѣ арестованныхъ и въ числѣ другихъ многихъ товарищей провелъ нѣкоторое время въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости. Это обстоятельство, однако, не помѣшало ему въ качествѣ вольнослушателя окончить курсъ и на 19-мъ году жизни получить дипломъ на званіе кандидата юридическихъ наукъ. По окончаніи университета, онъ на нѣсколько лѣтъ уѣзжаетъ за границу, проводя свое время въ путешествіяхъ по Италіи, Франціи, Германіи и присматриваясь къ государственнымъ и общественнымъ порядкамъ Западной Европы. Онъ знакомится тутъ съ выдающимися произведеніями литературы и науки европейскихъ корифеевъ, изучаетъ драматическое искусство, изучаетъ выдающіеся образцы живописи и вааяніи и возвращается на родину во всеоружіи западнаго прогресса. Здѣсь онъ сначала пытается поступить на государственную службу, но вскорѣ смѣняетъ чиновничій вицмундиръ на значекъ присяжнаго повѣреннаго. Свободная профессія, жизнь по влеченію разума и сердца приходится ему болѣе по душѣ, и съ того времени до конца своихъ дней русское общество видитъ въ лицѣ Евгенія Исааковича выдающагося общественнаго дѣятеля. На адвокатскомъ поприщѣ онъ быстро выдвигается впередъ и по заслугамъ занимаетъ мѣсто въ ряду нашихъ первоклассныхъ судебныхъ ораторовъ. Изъ блестящихъ его защитительныхъ рѣчей слѣдуетъ отмѣтить рѣчь въ громкомъ Нечаевскомъ процессѣ и по дѣлу о черниговскихъ расколнникахъ, обвинявшихся въ сокрытіи имущества. Помимо таланта, двѣ стороны особенно выдѣляются въ дѣятельности покойнаго, какъ адвоката; стороны эти—вопервыхъ, добросовѣстность изученія дѣла и тщательность подготовки къ судовому рѣшенію и, во вторыхъ, удивительная сердечность и гуманность въ отношеніи своихъ кліентовъ. Онъ точно сроднялся съ своими дѣлителями и дѣлалъ ихъ другомъ не только на скамьѣ подсудимыхъ, но и за порогомъ храма Феиды. Такое отношеніе къ людямъ, къ нему обращавшимся за помощью, создало ему чрезвычайно почетное положеніе среди товарищей по профессіи и не только «своего» судебного округа, но и далеко за его предѣлами. Поэтому-то Евгенія Утина встрѣчали съ почетомъ, какъ выдающагося представителя корпорации адвокатовъ, во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ имперіи, гдѣ ему только ни случалось появляться. Но не только съ этой стороны оставилъ по себѣ покойный добрую память—и современная печать потеряла въ немъ выдающагося работника. Онъ рано вступилъ на журнальный путь; солидное образованіе, разносторонніи знанія, особенно европейской жизни, оказали ему неоцѣнную услугу. Когда въ 1866 году М. Стасюлевичъ сгруппировалъ своихъ бывшихъ товарищей по университетской кафедрѣ въ одну тѣсную журнальную семью, то въ этой семьѣ нашлось мѣсто и молодому Утину. На первыхъ порахъ онъ выступаетъ съ

рядомъ эту роль по драматическому искусству, а затѣмъ принимаетъ на себя обязанность обозрѣвателя иностранной жизни за подписью Е. О. Въ своихъ обозрѣніяхъ онъ является горячимъ сторонникомъ Франціи и врагомъ милитаристическихъ наклонностей молодой Германіи, объединявшейся подъ сѣвню прусскаго чернаго орла. По окончаніи борьбы этихъ двухъ европейскихъ народовъ, Евгенийъ Исааковичъ поѣхалъ въ Бордо, гдѣ въ то время засѣдало національное собраніе. Такимъ образомъ онъ не только теоретически, но и наглядно изучалъ главнѣйшія политическія событія Западной Европы. Изъ отдѣльныхъ монографій его за этотъ періодъ можно отмѣтить: «Очерки современной Франціи», «О международныхъ отношеніяхъ Германіи и Франціи», «Англія въ книгѣ Тэна», «Практическая философія XIX в.» Когда разыгрались извѣстныя событія на Балканскомъ полуостровѣ въ концѣ 1870-хъ годовъ, Евгенийъ Исааковичъ не могъ остаться по свойству своей отзывчивой натуры холоднымъ наблюдателемъ. Онъ ѣдетъ на театръ военныхъ дѣйствій и воочію провѣряетъ свои мысли и мнѣнія о современныхъ политическихъ явленіяхъ. Результатомъ этой поѣдки является рядъ «Писемъ изъ Болгаріи», напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы». Собранныя вмѣстѣ эти «Писма» вышли потомъ отдѣльнымъ изданіемъ. Къ сожалѣнію, книга эта въ настоящее время нѣсколько забыта, хотя въ виду событій нашихъ дней на территоріи Болгаріи и Сербіи было бы полезно о ней вспомнить, такъ какъ русскій туристъ еще много лѣтъ назадъ давалъ въ своихъ очеркахъ ключъ къ разумнѣю того, что совершается въ настоящее время. Выводы и заключенія Утина изъ наблюденій надъ нашими военными дѣйствіями и дипломатическими переговорами оказались довольно печальными и неутѣшительными: «прежде всего и скорѣе всего, говорить онъ, Россія должна поработать у себя и надъ самой собою». Въ 1880 г. онъ помѣстилъ въ трехъ книжкахъ «Вѣстника Европы» обширную статью «Конституціонализмъ и А. Тьеръ» по поводу вышедшей во Франціи книги «Discours parlementaires de Tiers». Задача этихъ статей заключилась въ разъясненіи, «какъ установилась конституціонная монархія, каковы были ея золотыя дни, гдѣ лежали причины порчи этого механизма, и какъ, наконецъ, онъ пришелъ къ разрушенію». Статья эта заслуживаетъ вниманія биографовъ Утина, такъ какъ, не смотря на ея компилятивный характеръ, здѣсь между строкъ въ достаточной полнотѣ обрисовываются конституціонныя симпатіи автора. «Правительство іюльской монархіи,—говоритъ онъ,—предпочло вступить на путь искаженнаго конституціонализма, на путь отпора общественнымъ требованіямъ, словомъ—на тотъ путь, который неминуемо долженъ былъ вести ее къ катастрофѣ». Онъ нападаетъ далѣе на программу Казимира Перье, называя ее лживою, такъ какъ въ этой программѣ, по его мнѣнію, для устрашенія палаты «легальныя домогательства наиболѣе развитой части французскаго общества» названы анархическими. Изъ наиболѣе крупныхъ политическихъ монографій Утина слѣдуетъ еще отмѣтить появившуюся въ 1890 г. статью «Императоръ Вильгельмъ I». Помимо подобнаго рода работъ, его перу принадлежатъ еще нѣкоторые критическіе очерки, каковы: «Сатира Щедрина», «Литература и народъ», «Глѣбъ Успенскій». Нельзя не замѣтить, однако, что, какъ критикъ и покойный писатель не оставилъ по себѣ значительнаго слѣда, и его опыты въ этомъ родѣ довольно блѣдны. Вся сила его литературной рѣчи заключалась именно въ очеркахъ, носящихъ на себѣ политической колоритъ или полемическій характеръ; здѣсь талантъ и эрудиція писателя проглядывали ярко и блестяще, и нѣкоторые его очерки оставляютъ въ читателѣ неизгладимую память. Къ числу таковыхъ, напримѣръ, должна быть отнесена отповѣдь профессору Сергіевскому по поводу его пресловутой теоріи групповой отвѣтственности. Подводя конечный итогъ журнальной дѣятельности покойнаго, слѣдуетъ въ интересахъ справедливости отвѣсти ему надлежащее

мѣсто на нашей литературной нивѣ, какъ работнику трудолюбивому, добро-совестному и умному. Онъ не можетъ быть поставленъ въ ряду первоклассныхъ политическихъ писателей, каковы были въ наши дни А. Градовскій, Кавелинъ, Аксаковъ; его роль была скромнѣе — онъ былъ хорошимъ, такъ сказать, хоровымъ исполнителемъ, и участіе его въ журналѣ никогда не вносило диссонанса въ то направленіе ученаго либерализма, которому онъ служилъ до послѣднихъ дней. Оставленное имъ, однако, вакантнымъ мѣсто въ «Вѣстникѣ Европы» не легко будетъ восполнить редактору, такъ какъ въ наши дни такихъ образованныхъ, чуткихъ и отзывчивыхъ сотрудниковъ становится все меньше и меньше. Шестидесятники, какъ принято выражаться, все чаще и чаще сходятъ со сцены, а на замѣну имъ въ равной степени и съ равными достоинствами выступаютъ все рѣже представители послѣдующихъ десятилѣтій.

† 11 августа профессоръ Петербургской духовной академіи, докторъ богословія Иванъ Федоровичъ Нильскій. По окончаніи курса въ Петербургской академіи со степенью магистра богословія, онъ занялъ каѳедру русскаго раскола, и ему выпала на долю роль строго научнаго выясненія вопросовъ о первоначальномъ происхожденіи раскола и его истинномъ значеніи. Во время вступленія его на профессорскую каѳедру наука о русскомъ расколѣ была мало извѣстна: ученыхъ изслѣдованій не много, самый матеріалъ въ большей части оставался подъ спудомъ. По строгому изученіи и выясненіи историческихъ фактовъ, покойный установилъ взглядъ на расколъ, какъ на простое возстаніе противъ церкви, отдѣленіе отъ нея изъ-за церковно-обрядовыхъ разностей; вмѣстѣ съ тѣмъ Нильскій показывалъ односторонность господствовавшей теоріи, объяснявшей возникновеніе раскола изъ политическихъ и общественныхъ мотивовъ. Взглядъ Нильскаго отчасти утвердился и въ нашей свѣтской литературѣ. Ученныя работы Нильскаго посвящены выясненію внутренней, бытовой жизни русскаго раскола. Главный трудъ, доставившій ему ученую степень доктора богословія, подъ заглавіемъ «Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ», посвященъ изложенію раскольническаго ученія о бракѣ отъ начала раскола до конца царствованія Николая I. Въ свое время надыбали много шума публичныя пренія Нильскаго съ Т. И. Филипповымъ, веденныя въ публичныхъ засѣданіяхъ петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія по вопросамъ о клятвахъ собора 1667 г., о единовѣрїи и т. п. Кромѣ того, имъ написано много другихъ сочиненій «Объ антихристѣ», «О священствѣ», «Объ единовѣрїи» и др. Умеръ онъ на 69 году. Уроженецъ Псковской губ., онъ учился сначала въ псковской духовной семинаріи и, окончивъ курсъ академіи въ 1857 г. съ званіемъ магистра богословія, былъ оставленъ при ней для приготовленія къ профессорской каѳедрѣ. Каѳедру по исторіи онъ занималъ въ теченіе 37 лѣтъ.

† Въ Новомъ Петергофѣ 26 августа Александръ Аванасьевичъ Благовѣщенскій, авторъ цѣннаго труда: «Исторія старой Казанской духовной академіи». Этотъ трудъ, составленный на основаніи архивнаго матеріала, заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ данныхъ для исторіи развитія духовнаго просвѣщенія въ Россіи. Покойный по окончаніи курса въ Петербургской духовной академіи былъ приглашенъ преподавателемъ греческаго языка въ Казанскую семинарію. Въ Казани онъ обстоятельно занялся изслѣдованіемъ мѣстнаго архивнаго матеріала. Въ 70-хъ годахъ онъ поселился въ Петербургѣ и занялъ должность воспитателя и учителя русскаго языка перваго кадетскаго корпуса. Когда открылся археологическій институтъ, онъ поступилъ въ число слушателей. Ему принадлежитъ, кромѣ «Исторіи Казанской академіи», рядъ статей, посвященныхъ преимущественно изслѣдованію русскаго стариннаго. Между прочимъ, имъ составлено дѣльное историко-географи-

ческое описаніе «Острова Эзеля, города Аренсбурга и ихъ достопримѣчательностей», изданное отдѣльной книгой. Умеръ А. А. Благовѣщ-нскій на 48 году, состоя дѣлопроизводителемъ канцеляріи академіи художествъ.

† Хранитель Зоологическаго музея академіи наукъ, на сороковомъ году, С. М. Герценштейнъ. Эта утрата особенно чувствительна въ моментъ предпріятого коренного переустройства учрежденія. Покойный въ 1875 г. получилъ въ Петербургскомъ университетѣ степень кандидата естественныхъ наукъ и съ 1879 г. занималъ должность ученаго хранителя музея академіи по отдѣленію ихтіологіи. Какъ выдающемуся знатоку, академія поручила ему разработку коллекцій центрально-азиатскихъ рыбъ, добытыхъ экспедиціями Пржевальскаго, Потанина, Пѣвцова и Грумъ-Гржимайла. Главнѣйшая и труднѣйшая часть этой обширной работы исполнена блистательно, и три выпуска III тома «Научныхъ результатовъ путешествій Пржевальскаго» признаны въ литературѣ всѣхъ странъ за образцовыя научныя сочиненія. Помимо ихтіологіи Герценштейнъ занимался изученіемъ арктическихъ моллюсковъ и издалъ по фаунѣ мягкотѣлыхъ Бѣлаго моря и Мурманскаго побережья монографію, основанную отчасти на матеріалахъ собственныхъ трехкратныхъ путешествій на Мурманъ, отчасти же на коллекціяхъ, доставленныхъ экскурсіями петербургскаго общества естествоиспытателей. Всѣ часы досуга покойный въ теченіе многихъ лѣтъ неизмѣнно посвящалъ систематическому пополненію своихъ познаній въ области естественныхъ наукъ и располагалъ, вслѣдствіе этого, изумительнымъ запасомъ свѣдѣній не только по зоологіи, но и по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Благодаря удивительной скромности, покойный смотрѣлъ на свою сокровищницу знаній, какъ на всеобщее достояніе, и со всѣми дѣлился своими познаніями, то направляя первые шаги новичка на научномъ поприщѣ, то облегчая товарищу по наукѣ кропотливый трудъ дѣльною и обстоятельною справкою. Въ ученыхъ кружкахъ столицы надолго сохранять память о свѣтлой личности скромнаго труженика.

ВИКИНГЪ

РОМАНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ИЗЪ ЭПОХИ III И IV СТОЛѢТІЙ.

(Ivar the Viking)

СОЧИНЕНІЕ

ПОЛЯ ДЮ-ШАЛЬЮ

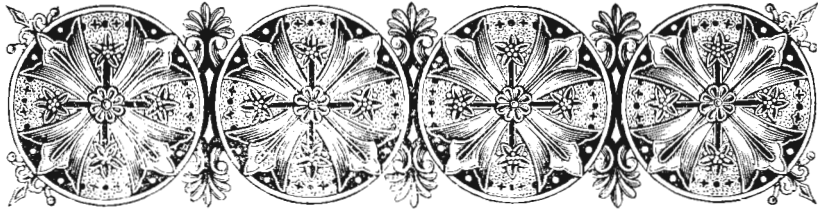
ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРЪБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1894

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ИСТОРИЯ викинга Ивара рисуетъ картину дѣйствительной жизни скандинавскихъ вождей за тысячу шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, а также обычаевъ, вѣрованій, мыслей и привычекъ подвластнаго имъ народа. Читатель этого разсказа получитъ полное понятіе о культурѣ тѣхъ сѣверныхъ витязей, которые доходили до воротъ Рима и селились въ Британіи, Галліи, Германіи, на берегахъ Средиземнаго моря и въ другихъ странахъ; онъ познакомится со всѣми подробностями того, какъ рождались, воспитывались, жили, воевали, странствовали и умирали викинги, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ существовали витязи, бѣдные люди и рабы въ скандинавскихъ странахъ, причемъ пройдетъ передъ его глазами панорама религиозныхъ церемоній, празднествъ, пировъ, похоронъ, атлетическихъ игръ, свадебъ, охотъ, поединковъ и сценъ любви. Все это основано на подлинныхъ безспорныхъ свѣдѣніяхъ о той отдаленной эпохѣ, согласно сохранившимся письменнымъ памятникамъ, сагамъ, надписямъ на гробницахъ, и всякаго рода драгоцѣннымъ остаткамъ скандинавской старины, болѣе основательно и научно представленной мною въ вышедшей три года тому назадъ книгѣ: «Вѣкъ викинговъ».

Путешествуя по Норвегіи, которую я описалъ подъ общепринятымъ теперь названіемъ «Страны полуночнаго солнца», я мало-по-малу убѣдился, что завоевателями древней Англии были не англо-саксонцы, какъ полагали такъ долго, а скандинавы, или норманы, такъ какъ всѣ видѣнныя мною древности въ мѣстныхъ му-

зеяхъ вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ остаткамъ старины, которые называются антикваріями въ Англіи англо-саксонскими и англо-римскими, а во Франціи—франкскими. Всѣ эти факты навели меня на глубокія думы, и плодомъ ихъ былъ «Вѣкъ викинговъ». Въ этомъ трудѣ я доказалъ, что на берегахъ Балтійскаго моря жили тѣ сѣверные витязи и мореходцы, которыхъ римляне называли сначала свеонами, а потомъ саксонцами. Означенный фактъ вполнѣ подтверждается существующими доселѣ тысячами скандинавскихъ могилъ того времени, въ которыхъ находятъ не только предметы, сходные съ такими же предметами древней Англіи, но римскія монеты и греческія драгоценности. Съ другой стороны ни на берегахъ Эльбы, гдѣ будто бы жили миѣическіе англо-саксонцы, или гдѣ бы то ни было внѣ Скандинавіи, мы не видимъ слѣдовъ многочисленнаго, воинственнаго и мореходнаго народа. Все это, повидимому, должно бы безспорно удостовѣрять, что предками нынѣшнихъ англичанъ были скандинавы, но моя книга подняла безконечные споры, и ученые не хотѣли вѣрить доказаннымъ мною фактамъ, какъ нѣкогда не вѣрили, что я видѣлъ въ вѣдрахъ центральной Аѳрики гориллъ и расу пигмеевъ. Но какъ тогда, такъ и теперь, я нашелъ въ Англіи многихъ защитниковъ. Къ ихъ числу относительно происхожденія предковъ современныхъ англичанъ изъ Скандинавіи я могу съ гордостью отнести Гладстона, который написалъ мнѣ въ самый разгаръ полемики, поднятой моей книгой, слѣдующее письмо въ отвѣтъ на мою просьбу высказать свое мнѣніе объ этомъ вопросѣ:

«Любезный мистеръ Дю-Шалью.

«Вы оказали мнѣ большую честь, обратившись ко мнѣ, но я боюсь, что вы апеллировали къ человѣку пристрастному и не свѣдущему. Я предупрежденъ въ вашу пользу, но не имѣлъ еще времени вполнѣ изучить какъ ваши аргументы, такъ и доводы вашихъ противниковъ. Что касается до меня самого, то въ моихъ жилахъ течетъ исключительно шотландская кровь, и я принадлежу частью къ горной Шотландіи, а частью къ низменной. Но отрасль моей семьи переселилась въ Скандинавію, кажется, въ первой половинѣ XVII столѣтія.

«Когда я бывалъ въ Норвегіи, или въ Даніи, я чувствовалъ, что какой-то внутренній голосъ говорилъ мнѣ о моей близости къ обитателямъ этихъ странъ; особенно въ Норвегіи я не ощущалъ себя чужестранцемъ, и это чувство испытываетъ большинство англійскихъ путешественниковъ.

«Любовь къ свободѣ и порядку, которая служитъ характеристикой нашей страны, также присуща Норвегіи и Даніи. Я не говорю о Швеціи, потому что я никогда тамъ не бывалъ. Этногра-

фія сѣверной Шотландіи и ея острововъ до самаго острова Мэна, а также ихъ исторія, доказываетъ сродство съ Скандинавіей.

«Однако все это только слабыя общія мѣста, и я надѣюсь, что когда буду имѣть болѣе времени, то основательнѣе изучу этотъ вопросъ. Все-таки даже и теперь, я считаю очень вѣскими аргументами соотвѣтствіе съ скандинавами нашего рыбацкаго населенія и любопытное сохраненіе скандинавскихъ окончаній словъ въ нѣкоторыхъ округахъ Англій.

«Преданный вамъ

«В. Е. Гладстонъ».

I.

Хьёрвардъ и Готландъ.

Морякъ, идущій по Балтійскому морю и огибающій берега Готланда, видитъ на выдающемся мысѣ этого острова нѣсколько кургановъ и надгробныхъ камней, которые возвышаются надъ моремъ и окружающей ихъ страной. Этотъ мысъ былъ кладбищемъ семьи могучихъ викинговъ и правителей, господствовавшихъ надъ всѣмъ островомъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій до и по Р. Х. На самые выдающіеся изъ этихъ надгробныхъ камней указываютъ, какъ на могилы Хьёрварда и его сына Ивара, героя настоящаго разказа.

Событія, о которыхъ я буду говорить, касаются ихъ жизни и случились въ концѣ III и въ началѣ IV столѣтія, между 270 и 320 годами, т. е. 1600 лѣтъ тому назадъ.

Хьёрвардъ, «широко распространяющійся», названный такъ за его широко распространенныя морскія экспедиціи, былъ одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ викинговъ своего времени. Во всѣхъ своихъ экспедиціяхъ онъ одерживалъ успѣхъ и всегда выходилъ побѣдителемъ изъ битвъ, въ которыхъ принималъ участіе. Римскіе флоты никогда не смѣли нападать на его многочисленныя суда, съ которыми онъ дѣлалъ набѣги на различныя страны, находившіяся подъ господствомъ этой обширной имперіи.

Предки Хьёрварда, рядомъ съ которыми онъ теперь покоится, были великими воинами и мореходцами. Они плавали изъ Балтійскаго моря въ Каспійское, черезъ Финскій заливъ, а также ходили на западъ вдоль береговъ Фрисландіи, Галліи и Британіи до Средиземнаго моря. Суда, употребляемыя ими для рѣчныхъ и прибрежныхъ экспедицій, во время лѣтнихъ мѣсяцевъ, не походили на римскія и возбуждали удивленіе римлянъ. Даже въ первомъ вѣкѣ послѣдніе очень боялись этихъ сѣверянъ по причинѣ значитель-

наго числа ихъ судовъ и считали ихъ обитателями самыхъ сѣверныхъ морскихъ береговъ, гдѣ-то далеко въ нѣдрахъ океана. Они называли ихъ свеонами и все, что имъ было извѣстно о странѣ этихъ сѣверянъ, было основано на томъ, что свеоны говорили о себѣ, такъ какъ Балтійское море не было извѣстно римлянамъ.

Хьёрвардъ отличался высокою родовитостью и, происходя отъ самого Одина, принадлежалъ къ той отрасли семьи Одина, которая, подъ названіемъ Инглингаръ, господствовала надъ Свитьёдомъ, страной, занимавшей большую часть теперешней Швеціи.

Его жена Сигрлинъ была красивая женщина и отличалась всѣми качествами высокаго рожденія. Она также происходила отъ Одина и была прямымъ потомкомъ Скьельда, одного изъ сыновей Одина, и отъ котораго ведутъ свое начало Скьельдунгары, повелѣвавшіе частью страны, называемой теперь Даніей, но тогда называвшейся Готландомъ. Ея отецъ, по имени Халфданъ, жилъ въ Хлейдрѣ, близъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ Копенгагенъ, и былъ одинъ изъ могущественныхъ вождей сѣвера.

Не вдалекѣ отъ указанныхъ выше надгробныхъ камней находился Дампстадиръ, главный городъ и резиденція Хьёрварда. Оттуда открывалась длинная панорама береговъ и странъ до теривагося въ туманѣ морского горизонта. Хьёрвардъ жилъ съ большимъ великолѣпіемъ. Зданія въ Дампстадирѣ считались лучшими на сѣверѣ, были различныхъ размѣровъ и разнообразной архитектуры; по обычаю же того времени они были изъ дерева. Крыши изъ драни покрыты были густымъ слоемъ смолы, черный цвѣтъ которой представлялъ пріятный контрастъ съ обнаженными деревянными стѣнами.

Всѣ многочисленныя зданія составляли громадный четырехугольникъ, среди котораго былъ расположенъ зеленый лугъ, называвшійся туномъ, или городкомъ. Изъ центра этого луга видъ былъ чрезвычайно живописенъ, такъ какъ не было двухъ зданій одинаковаго размѣра и вида. Одни были болѣе, а другія менѣе красивы, но всѣ отличались странной архитектурой; съ крышъ и съ угловъ стѣнъ выдавались стропила съ изображеніями смотрѣвшихъ во всѣ стороны, вверхъ и внизъ, головъ лошадей, драконовъ и различныхъ дикихъ звѣрей. Въ нѣкоторыхъ домахъ были башни, въ которыхъ помѣщались спальни, а во время войны отсюда наблюдали за приближеніемъ непріятельскихъ судовъ. Во многихъ постройкахъ находились житницы и кладовыя.

Двери значительнаго числа домовъ имѣли навѣсы, украшенные рѣзьбой, а въ другихъ были колокольни и темныя галлеи, на которыя вели приставныя лѣстницы; стѣны этихъ домовъ, повидимому, не боялись непогоды и времени, такъ какъ существовали по нѣскольку столѣтій. Одни изъ построекъ предназначались исключительно для женскихъ представительницъ семьи

Хьёрварда, такъ какъ въ тѣ времена женщины имѣли особыя скеммы, или покои, для ихъ исключительнаго жилья. Тамъ онѣ принимали своихъ друзей и проводили время въ шитьѣ и вышиваньѣ. Нѣсколько залъ были предназначены для ежедневнаго обихода. Зимой среди нихъ разводился огонь, и дымъ выходилъ чрезъ отверстіе въ крышѣ, которое при необходимости можно было закрывать. Вокругъ стѣнъ тянулись длинныя скамьи, а передъ ними стояли столы. Свѣтъ проникалъ въ окна, которыя вмѣсто стеколъ были затянуты пузыряремъ.

Ежедневная жизнь Хьёрварда была очень простая. Во время главной трапезы, или полдника, Сигрлинъ сидѣла налѣво отъ мужа; ближайшія къ нимъ обоемъ мѣста считались наиболѣе почетными. Мужчины, знатные, старые и мудрые, такъ какъ въ тѣ времена правители окружали себя мудрецами, знавшими старые обычаи, помѣщались налѣво отъ Хьёрварда, а женщины направо.

Самое большое и выдающееся зданіе въ громадномъ четырехугольникѣ была большая банкетная зала, гдѣ принимались самые знатные гости, и происходили великолѣпные пиры. Эта зала въ Дампстадирѣ считалась шестой по красотѣ и величію во всей странѣ викинговъ, а также отличалась глубокой стариной. Съ обоеихъ концовъ вели въ нее двѣ прекрасныя двери изъ толстаго дуба, съ желѣзными украшеніями, а широкія притолки были покрыты рѣзбой, изображавшей сцены изъ религіозной жизни. Массивныя золотыя скобы виднѣлись на обѣихъ дверяхъ. Въ одну изъ нихъ входили мужчины, а въ другую женщины.

Внутренность банкетной залы представляла такое зрѣлище, которое трудно было забыть. Лучшіе артисты и рѣзчики всего сѣвера украсили стѣны своей замѣчательной работой, представлявшей подвиги предковъ Хьёрварда, и эта рѣзба была такъ хороша, что ея не покрывали драгоценной тканью, а самое дерево приняло съ теченіемъ времени изящный темный тонъ. По стѣнамъ висѣли щиты, самой разнообразной формы и блестящихъ отѣнковъ, переливавшихъ золотомъ и серебромъ.

По тогдашнему обычаю зала была обращена на востокъ, ея длинныя стѣны смотрѣли на сѣверъ и югъ, а посреди ихъ находились другъ противъ друга два возвышенныя мѣста. Самая важная скамья помѣщалась на сѣверной стѣнѣ, и возвышенное мѣсто среди нея предназначалось хозяину, а противоположное мѣсто отводилось самому знатному изъ гостей. Эти оба мѣста были окружены перилами и двумя рѣзными столбами.

Оружіе Хьёрварда висѣло надъ его возвышеннымъ мѣстомъ, именно: саксъ, или односторонній мечъ, двухсторонній мечъ, щитъ, бринья, или кольчуга, и золотой шлемъ. Изъ нихъ двухсторонній мечъ, называемый хротти, имѣлъ украшенную золотомъ рукоятку и ножны; а лезвее было рѣдкое дамасковое. Въ мирное время мечъ

всегда висѣлъ не только въ ножнахъ, но и обвитый такъ называемыми мирными лентами, развязать которыя могъ только самъ Хьёрвардъ при объявленіи войны.

Въ разныхъ мѣстахъ зала помѣщались трофеи морскихъ экспедицій Хьёрварда и его предковъ. Къ нимъ принадлежали римскіе мечи съ латинскими надписями, статуетки, бронзовые сосуды, коллекція римскихъ монетъ отъ Августа до современнаго императора, красивые греческіе кубки и чаши, стеклянные рога для питья и различные стеклянные сосуды, съ изображеніемъ дикихъ звѣрей, поединковъ силачей и сельскихъ сценъ.

У подножія Дампстадира лежала красивая, окаймленная землею бухта, гдѣ стояли на якорѣ суда Хьёрварда; на берегу находились навѣсы, подъ которыми сохранялись отъ непогоды другіе корабли, а также эллинги, въ которыхъ постоянно ихъ строили и поправляли.

Лучшія изъ всѣхъ этихъ судовъ были дреки, или такъ называемыя драконки. Они считались самыми большими и могучими военными кораблями, а названіе ихъ происходило отъ того, что на носу и бортахъ красовались головы и хвосты драконовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были покрыты толстыми золотыми листами, которые придавали имъ большую красоту, особенно при солнечномъ свѣтѣ. Величина же ихъ доходила до того, что нѣкоторыя помѣщали пятьсотъ и семьсотъ воиновъ.

Кромѣ драконовъ, были еще другія военныя суда: быстроходныя скейды на двѣсти и болѣе человекъ, болѣе мелкія снекьи, совершенно малыя, но легко маневрировавшія скуты, съ которыхъ воины легко могли спрыгивать на непріятельскіе корабли при абордажѣ, и т. д.

Всѣ эти суда, большія и малыя, имѣли одну мачту; но были и вовсе безъ мачтъ, стараго типа, гребныя суда, описанныя Тацитомъ; эти послѣдніи были остроконечныя съ обѣихъ сторонъ, и имѣли восемьдесятъ футовъ длины и около десяти ширины. Двигались они посредствомъ тридцати, или тридцати двухъ веселъ, различной величины, но всего чаще въ двѣнадцать футъ длины. Двое, а иногда трое людей сидѣли за однимъ весломъ, а у самой уключины помѣщался воинъ со щитомъ. На кормѣ былъ руль, походившій на широкое весло. Но эти суда выходили изъ моды и быстро замѣнялись парусными, которыя также, какъ гребныя, строились изъ дубовыхъ досокъ, скрѣпленныхъ широкими желѣзными болтами.

Островъ Готландъ, надъ которымъ господствовалъ Хьёрвардъ, былъ очень густо населенъ, а по своей величинѣ и географическому положенію составлялъ большой коммерческій центръ; благодаря своимъ военнымъ и торговымъ флотамъ, онъ занималъ въ то время такое же положеніе, какое занимаетъ въ наши дни Англія.

Его обитатели отличались богатствомъ и вели обширную торговлю съ различными провинціями Рима, Греціей и странами, лежавшими по берегамъ Каспійскаго, Чернаго и Средиземнаго морей. Изъ этихъ отдаленныхъ мѣстностей они вывозили бронзовые сосуды, изящные стеклянные кубки, шелковыя и бархатныя матеріи, кожаныя издѣлія, вышитыя золотомъ и серебромъ, ткани, вино и многіе другіе предметы, которые высоко цѣнились богатыми людьми.

II.

Викинги и ихъ страна.

Въ ту эпоху страна викинговъ обнимала собой острова Балтійскаго моря, а также Большого и Малаго Бельта, большой полуостровъ, нынѣ занимаемый Швеціей и Норвегіей, и малый полуостровъ Ютландіи. Вся эта страна въ сущности была окружена моремъ. На южной оконечности Ютландіи, между двумя фіордами, возвышались большія укрѣпленія, которыя мѣшали вторженію непріятели.

Крупные острова, конечно, пользовались наибольшимъ богатствомъ и морской силой. Всѣ племена имѣли одинаковое происхожденіе, обычаи, религію и языкъ, который называли норанейскимъ.

Викинги были совершенно изолированы отъ центральной и западной Европы, а потому составляли особый отдѣльный міръ, приходившій въ частыя столкновенія съ той страной, которая называется теперь Россіей. Отъ Рима ихъ отдѣляли непроходимыя болота и лѣса Германіи, населенные дикими, варварскими племенами. Великъ былъ контрастъ между викингами и германцами. Всѣ скандинавскія племена называли себя норманами, или сѣверными людьми; съ незапамятныхъ временъ они отличались военными доблестями и искусствомъ въ мореходствѣ. Память объ ихъ подвигахъ, совершенныхъ на морѣ, переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе, благодаря гробницамъ героевъ и сохранившимся на скалахъ изображеніямъ морскихъ битвъ, служащимъ, подобно гіероглифамъ Египта, вѣчными памятниками прошедшаго.

Норманы III и IV вѣковъ употребляли только желѣзное оружіе, такъ какъ бронзовое было уже давно брошено, но они гордились своей прежней культурой и считали не малой для себя честью, что никто лучше ихъ предковъ не выдѣлывалъ оружія изъ бронзы.

Задолго до Хьрварда страна не могла содержать своего населенія, и народъ былъ вынужденъ все болѣе и болѣе предпринимать набѣги на западныя страны. Благодаря ихъ частымъ путешестві-

ямъ, они основательно познакомились съ берегами Фрисландіи, Галліи, Британіи и другихъ земель, гдѣ они искали себѣ новаго отечества. Ихъ суда сновали по всѣмъ морямъ, и ни одна страна не была безопасна отъ ихъ набѣговъ. Годъ за годомъ безконечные, непреодолимые отряды нормановъ наводняли Западную Европу и сдѣлались полными повелителями морей, а флотъ за флотомъ, возвращаясь въ Скандинавію, привозилъ громадныя запасы добычи.

Эти экспедиціи предпринимались вождями, жившими въ различныхъ частяхъ страны, и народъ стекался отовсюду подъ ихъ знамена, какъ только они объявляли походъ на древній римскій міръ. Непобѣдимые норманы называли себя избранныками божьими, любимыми дѣтьми Одина и никогда не старались обращать въ свою вѣру другія націи, питая ко всѣмъ чуждымъ религіямъ такое же презрѣніе, какъ древніе евреи. Всюду, гдѣ они утверждали свое господство, мѣстный народъ подпадалъ подъ ихъ желѣзное иго. Смерть не возбуждала въ нихъ страха, такъ какъ Валгала, гдѣ обиталъ Одинъ, должна была сдѣлаться ихъ будущимъ жилищемъ. Кромѣ того, они вѣрили въ Ньёрда, Фрея, Тора, Фрею и другихъ боговъ и богинь.

Въ странѣ викинговъ было много людей разнаго положенія, и общественный строй состоялъ изъ разныхъ ступеней. Вся страна раздѣлялась на херады, или отдѣльныя области; нѣкоторыя изъ нихъ были большого объема и пользовались значительнымъ могуществомъ. Обыкновенно помѣстья, входившія въ составъ области, переходили изъ рукъ въ руки, по праву первородства. Надъ каждымъ херадомъ господствовалъ херсиръ, который былъ высшимъ наслѣдственнымъ лицомъ въ странѣ. Титулъ дрота, или повелителя, или первосвященника, перешедшій отъ временъ Одина, исчезъ и замѣнился херсиромъ, а титулъ государя или короля еще не былъ извѣстенъ. Въ каждомъ херадѣ былъ главный храмъ, гдѣ совершались ежегодныя жертвоприношенія за весь народъ.

Херсиръ былъ главою общины: онъ предводительствовалъ на войнѣ и вершилъ правосудіе; онъ былъ первосвященникомъ, заботился о храмѣ и руководилъ жертвоприношеніями. Онъ эксплуатировалъ фермы и земли, принадлежащія храму, а также принималъ налогъ на содержаніе храма и расходы по жертвоприношенію. Онъ предсѣдательствовалъ на общемъ народномъ собраніи, называемомъ тингомъ и которое созывалось нѣсколько разъ въ годъ. Благодаря своему положенію, онъ пріобрѣталъ значительное богатство и владѣлъ многими помѣстьями какъ дома, такъ и въ тѣхъ странахъ, которыя онъ или его предки подчинили себѣ. По временамъ онъ возбуждалъ войны, обагрять кровью землю и побѣждалъ враговъ, съ цѣлью господствовать въ большемъ числѣ странъ и увеличивать свои богатства. Однако, послѣ набѣговъ онъ щедро раздавалъ захваченные драгоцѣнные предметы своимъ воинамъ и скальдамъ.

Жена херсира была обыкновенно изъ Одинова рода, и ихъ дѣти, ходившія въ тонкомъ бѣльѣ и шелковыхъ одеждахъ, считались первыми въ странѣ.

Сыновья объѣзжали лошадей, гнули щиты, искусно владѣли копьемъ, ловко гребли, и имъ приписывали способность писать чудодѣйственныя руны для спасенія человѣческой жизни, притуплять остріе мечей, усмирять чарами бурное море, понимать языкъ птицъ, гасить огонь, читать мысли, утѣшать отъ горя и отличаться силой, или энергіей восьми человѣкъ. Ихъ главнымъ занятіемъ было воевать и побѣждать враговъ. Они отличались свѣтлыми кудрями, розовыми щеками и сверкавшими, какъ у змѣй, глазами.

Дочери херсира были нѣжными существами, съ длинными пальцами, мягкой кожей, добрыми сердцами и грудью бѣлье снѣга. Русыя и граціозныя, онѣ были одарены всѣми качествами высококороченныхъ созданій.

Второе мѣсто послѣ херсира занимали хольды. Они жили на земельныхъ участкахъ, переходившихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Они составляли главную силу населенія, и никакой херсиръ не могъ пользоваться властью безъ ихъ согласія.

Ихъ сыновья, придя въ возрастъ, научались владѣть щитомъ, дѣлать самострѣлы, стрѣлять изъ нихъ, бросать копья, ѣздить верхомъ, охотиться съ собаками, рубить мечемъ, плавать, писать руны, играть въ шахматы, бороться и принимать участіе во всѣхъ атлетическихъ играхъ. Они получали такое же воспитаніе, какъ дѣти херсира, а дочери, выходя замужъ, при вѣнчаніи надѣвали одинаковую бѣлую одежду съ фатой, какъ и дочери херсира.

За хольдами слѣдовалъ еще классъ землевладѣльцевъ, называвшихся бонди. Они процвѣтали, обрабатывая землю, строили дома, дѣлали телѣги и плуги и приучали къ работѣ воловъ. Ихъ дочери помогали матерямъ въ хозяйствѣ и носили ключи на поясѣ. При вѣнчаніи имъ также дозволялся бѣлый нарядъ, и онѣ дѣлили состояніе съ мужьями.

Существовалъ еще классъ свободныхъ людей, которые арендовали землю, но не были ея собственниками. Двери ихъ домовъ были всегда открыты настежь, среди пола горѣлъ огонь, на столѣ всегда виднѣлся густо замѣшанный хлѣбъ, а часто рядомъ съ нимъ стояли котелокъ съ супомъ и телячье жаркое, которое считалось въ тѣ времена за диковину.

Наконецъ послѣдній классъ свободныхъ людей также жилъ съ отворенными дверями своихъ жилищъ. Мужъ и жена безъ устали работали; онъ носилъ короткую бороду, волоса его опускались на лобъ, и рубашка плотно обхватывала тѣло. Жена пряла и ткала, ея головной уборъ доказывалъ, что она не дѣвушка; на шеѣ она носила платокъ, а платье закрѣплялось брошками на плечахъ.

Рабы составляли отдѣльную касту: они носили одежду изъ толстой, бѣлой шерстяной матеріи, и волоса ихъ были острижены

для контраста съ длинными волосами свободныхъ людей. Они всегда были чужеземнаго происхожденія; ихъ самихъ или ихъ предковъ взяли въ плѣнъ, или купили въ отдаленныхъ странахъ, а рабство растлило ихъ; хотя имъ жилось недурно, но ихъ уродливыя лица, сгорбленные спины и морщинистые лбы доказывали, что они были рабами изъ поколѣнія въ поколѣніе. Вся ихъ жизнь проходила въ томъ, чтобы терпѣть и выносить все, что было возможно: цѣлые дни они работали и носили тяжести. Ихъ жены возвращались по вечерамъ домой, изнемогая отъ усталости, съ пузырями на ногахъ отъ постоянной ходьбы и съ загорѣлыми руками отъ вѣчнаго нахожденія подъ лучами солнца. Все это, однако, не мѣшало рабамъ и рабынямъ жить счастливо съ ихъ дѣтьми, которыя пасли свиней и козъ, рубили деревья и копали торфъ.

Таковъ былъ внутренній строй населенія, обитавшаго въ странѣ викинговъ.

III.

Хьёрвардъ совѣтуется съ оракуломъ.

Не было человѣка съ болѣе благороднымъ и смѣлымъ сердцемъ, чѣмъ Хьёрвардъ. Онъ началъ свои военные подвиги пятнадцати лѣтъ. Многіе въ странѣ говорили, что свою славу онъ пріобрѣлъ безумной отвагой и крѣпостью своихъ мышцъ, но другіе полагали, что онъ наслаждался жизнью, совершая храбрыя дѣла. Онъ заслужилъ широкую извѣстность и посѣтилъ девять различныхъ странъ.

Подобно всѣмъ крупнымъ херсирамъ, у него было двѣнадцать витязей, составлявшихъ отрядъ его тѣлохранителей; они происходили изъ различныхъ сѣверныхъ земель: одни съ береговъ теперешней Норвегіи, другіе съ болтійскихъ острововъ, а двое изъ Свитьѣда. Самые отважные люди желали служить подъ его начальствомъ, потому что ему везла удача на войнѣ, и онъ былъ не только добрымъ, радушнымъ предводителемъ, но и щедро дѣлилъ добычу. Быть старшимъ его витяземъ считалось лестнымъ для воиновъ, достичь же этого было не легко, такъ какъ въ странѣ было много удалцевъ, одинаково храбрыхъ, искусно владѣвшихъ оружіемъ и выказывавшихъ ловкость въ атлетическихъ играхъ. Тѣлохранители Хьёрварда часто во время мира ходили по странѣ и вызывали столь же извѣстныхъ воиновъ на поединки, которые происходили передъ глазами всего народа.

Витязи презирали кольчугу и все, что служило для защиты въ бою, какъ шлемы и щиты. Они даже часто дрались нагіе и по временамъ доводили себя до такого изступленія, что теряли всякое самообладаніе, не принимали въ соображеніе никакой опасности, бились съ деревьями и утесами, даже грызли свое оружіе.

Хьёрвардъ составилъ очень строгія правила для своихъ тѣлохранителей и воиновъ. Никто не могъ поступить подъ его знамя, если боялся смерти, вскрикивать отъ испуга при опасности или стоналъ, получивъ тяжелыя раны, которыя дозволялось перевязывать только на другой день послѣ полученія ихъ. Мечи ихъ не могли быть длиннѣе двухъ футовъ, но были тяжелѣе обыкновенныхъ, и удары, нанесенные ими, оставляли память о себѣ.

Въ своихъ набѣгахъ Хьёрвардъ обыкновенно останавливался со своими судами передъ выдающимися въ море мысами, такъ, чтобы всѣ ихъ видѣли. Ни на одномъ изъ нихъ не было навѣсовъ для защиты отъ непогоды. Во время бури онъ никогда не спускалъ парусовъ и на собственномъ суднѣ никогда не имѣлъ болѣе ста двадцати бойцовъ. Отличаясь рыцарскою доблестью, онъ запрещалъ своимъ воинамъ заковычивать въ цѣпи взятыхъ въ плѣнъ враговъ, оскорблять чужихъ женъ, брать ихъ дѣтей въ плѣнъ, а также, по его приказанію, они женились на молодыхъ дѣвушкахъ, съ согласія отцовъ и по уплатѣ выкупа.

Его военныя экспедиціи всегда увѣнчивались успѣхомъ, а потому всѣ желали въ нихъ участвовать, а онъ былъ очень строгъ въ выборѣ своихъ воиновъ. Никто моложе восемнадцати лѣтъ и старше пятидесяти не могъ слѣдовать за нимъ на войну, и каждый изъ его воиновъ долженъ былъ предварительно доказать свою силу, поднявъ большой камень, лежавшій передъ его жилищемъ. Всѣ вожди на Готландѣ признавали его господство, состояли съ нимъ въ родствѣ и по закону были обязаны поставлять ему въ случаѣ надобности извѣстное число судовъ и воиновъ.

Во время своей боевой жизни онъ подчинилъ себѣ нѣсколькихъ вождей на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря, и они охотно платили ему дань, такъ какъ онъ не отличался корыстолюбіемъ и очень умѣренно пользовался своею властью; но каждый изъ нихъ долженъ былъ хоть однажды подвергнуться унижительной церемоніи, состоявшей въ томъ, что Хьёрвардъ ставилъ свою ногу на его шею, въ доказательство своей власти надъ вассаломъ.

Хотя Хьёрвардъ и Сигрлинъ были женаты много лѣтъ, но у нихъ не было дѣтей, и наконецъ готландскій херсиръ рѣшилъ поѣхать въ Свитьѣдъ, самую могущественную изъ странъ викинговъ, испросить совѣта у боговъ, а также узнать свою судьбу въ Упсалирѣ, священнѣйшемъ мѣстѣ сѣверныхъ земель.

Онъ собралъ большой флотъ и, простившись съ женой, которая проводила его до корабля, отправился прямо въ тотъ фіордъ, въ концѣ котораго находится озеро Меларъ. Вѣтеръ былъ попутный, и на второй день они увидали землю. Берега были тутъ укрѣплены башнями и катапультами, для прегражденія пути непріятельскимъ судамъ, которымъ во время войны мѣшали двигаться и цѣпи, перекинутыя съ одной стороны на другую. При свѣтѣ полной луны,

Хьёрвардъ продолжалъ ночью двигаться впередъ и наконецъ достигъ самаго узкаго мѣста фьорда, называемаго теперь Ваксгольмомъ. Проходя мимо могучихъ береговыхъ укрѣпленій, его воины говорили другъ другу: «не удивительно, что Упсалирь считается неприступнымъ». Однако никто не мѣшалъ ихъ экспедиціи, такъ какъ на мачтахъ ихъ судовъ были прибиты бѣлые щиты, означавшіе миръ, и уже много лѣтъ не было войны между Готландомъ и Свитьёдомъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ озера Мелара вѣтеръ спалъ, и пришлось идти на веслахъ, при чемъ гребцы такъ усердно работали, что издали казались согнутыми пополамъ. Достигнувъ до конца фьорда, они миновали маленькіе островки, на которыхъ теперь выстроена большая часть Стокгольма, а тогда укрѣпленные многочисленными катапультами, защищавшими фарватеръ между ними. Наконецъ они вошли въ озеро, имѣющее семьдесятъ миль длины и усѣянное тысячею четырехста островами, покрытыми прекрасными лѣсами гигантскихъ дубовъ. Послѣ очень пріятнаго путешествія, Хьёрвардъ вышелъ на берегъ въ Упсалирь и былъ принятъ съ почетомъ его родственникомъ и повелителемъ Свитьёда, Ингви, который происходилъ отъ Одина по прямой линіи. Онъ устроилъ для гостя безконечный рядъ празднествъ.

Многія изъ зданій и жилищъ въ Упсалирь относились къ эпохѣ Фрея, наслѣдника Одина, а храмъ былъ, по рассказамъ, построенъ имъ самимъ. Этотъ храмъ отличался великолѣпіемъ и громадными размѣрами; его считали первой святыней на сѣверѣ. Со всѣхъ сторонъ его фантастичной и выдававшейся надъ стѣнами крыши простирались рѣзныя украшенія, какъ бы привѣтственно смотрѣвшія на толпы поклонниковъ. Вокругъ него шла галерея, поддерживаемая столбами. Выстроенъ онъ былъ изъ громадныхъ красныхъ сосенъ, и его стѣны противостояли вліянію многихъ вѣковъ. Вся внутренность: потолоки, стѣны и столбы, а также алтарь, на которомъ постоянно горѣлъ огонь, были покрыты тонкими листами краснаго золота. Одинъ только херсиръ Свитьёда могъ сидѣть въ этомъ храмѣ во время жертвоприношенія; всѣ остальные, пока не вкусятъ мяса принесеннаго въ жертву животнаго, должны были стоять.

Дверь храма была полукруглая, и удивительная рѣзба на ней представляла Одина, приносившаго жертву. На каждомъ изъ окружающихъ ее столбовъ стояла точеная кошка, а самая дверь отличалась желѣзными украшеніями и солидной золотой скобой. Не вдалекѣ отъ нея находился священнѣйшій источникъ, куда бросали людей, приносимыхъ въ жертву Одину. Вокругъ на большомъ разстояніи всѣ земли считались священными. Ни одинъ храмъ въ странѣ не могъ соперничать съ храмомъ въ Упсалирь, ни одинъ не получалъ столько дохода отъ налоговъ и добровольныхъ прино-

шеній, ни одинъ не имѣлъ такихъ большихъ и доходныхъ помѣстій. Народъ стекался сюда со всѣхъ сторонъ царства викинговъ, чтобъ видѣть жертвоприношенія, которыя тутъ происходили въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ во всемъ сѣверѣ, а въ важныхъ случаяхъ всѣ вожди собирались сюда для принесенія жертвы богамъ и узнанія своей судьбы.

Тотчасъ послѣ своего прибытія Хьёрвардъ принесъ большія жертвы богамъ, въ видѣ нарочно для этого откормленныхъ черныхъ быковъ и лучшихъ лошадей. Стѣны храма извнѣ и внутри, а также херсиры и присутствовавшая толпа были обрызганы кровью этихъ животныхъ. Вслѣдъ за жертвоприношеніемъ стали вопрошать судьбу и для этого бросали въ воздухъ окропленныя кровью животныхъ священныя дощечки. Отвѣтъ получился благопріятный для Хьёрварда: судьбѣ было угодно даровать ему сына чрезъ годъ. На радостяхъ онъ тотчасъ уѣхалъ домой, чтобъ извѣстить жену о предстоящемъ счастливомъ событіи.

Въ ожиданіи этого благополучія, онъ уже не отлучался изъ Дампстадира и проводилъ время въ наблюденіи за сельскими работами въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ и за постройкой новыхъ судовъ, а для забавы сдѣлалъ нѣсколько красивыхъ дамасковыхъ мечей. Кромѣ того, онъ надзиралъ за рыбной ловлею, особенно за ловлею тюленей, которая была хорошей школой для моряковъ, охотился съ соколами и игралъ въ шахматы на доскѣ, квадраты которой были золотые и серебряные.

IV.

Рожденіе Ивара.

Спустя четырнадцать мѣсяцевъ послѣ возвращенія Хьёрварда изъ Упсалира, въ 275 году, совершилось въ Дампстадирѣ событіе, наполнившее радостью сердца готландскаго херсира и его жены. Жертва, принесенная Хьёрвардомъ, была милостиво принята богами, и Сигрлинъ родила сына. Вѣсть объ этомъ, онъ получилъ въ то время, когда онъ принималъ въ большой банкетной залѣ посѣтившихъ его знатныхъ родственниковъ и слушалъ скальда, который воспѣвалъ геройскіе подвиги предковъ.

При рожденіи его сына присутствовали замужняя сестра Хьёрварда, Одрупъ, нѣкоторыя высокорожденные женщины Дампстадира и служанки; по мѣстному обычаю только женщины могли присутствовать при родахъ, и онѣ не удалялись до тѣхъ поръ, пока не видѣли ребенка у груди матери. Затѣмъ, согласно тому же обычаю, младенца клали на полъ въ ожиданіи отца.

Войдя въ комнату, Хьёрвардъ взялъ ребенка и покрылъ его краемъ своей одежды, что доказывало признаніе сына законнымъ.

Потомъ онъ внимательно осмотрѣлъ младенца и, убѣдившись, что онъ крѣпкаго тѣлосложенія и безъ всякихъ органическихъ недостатковъ, рѣшилъ, что онъ можетъ оставаться въ живыхъ, потому что, подобно спартанцамъ, отцы на сѣверѣ были единственными судьями того, долженъ ли родившійся ребенокъ жить, или нѣтъ.

Тогда наступилъ важный и священный обрядъ наименованія ребенка, что соотвѣтствовало крещенію и состояло въ спрыскиваніи его водой. Хьёрварду подали сосудъ съ водой, и онъ, обливъ ею ребенка, громко сказалъ: «этотъ ребенокъ будетъ называться Иваромъ, подобно своему дѣду; онъ будетъ первымъ человѣкомъ въ странѣ, какъ потомокъ Одина; будетъ участвовать во многихъ битвахъ, будетъ походить на мать и сдѣлается достойнымъ сыномъ отца, воюя съ молодости и посѣщая отдаленныя страны». Послѣ этой церемоніи жизнь Ивара, какъ всѣхъ свободныхъ людей, считалась священной, и самъ отецъ не могъ отнять у него этой жизни, иначе какъ сдѣлавшись убійцей.

Совершивъ означенный обрядъ, Хьёрвардъ положилъ рядомъ съ ребенкомъ стебель чеснока, какъ символъ того, что Иваръ будетъ возвышаться надъ другими людьми, какъ чеснокъ возвышается надъ другой травой, а, кромѣ того, двухсторонній и односторонній мечъ, кольчугу, щитъ и серебряный шлемъ. вмѣстѣ съ этимъ онъ пожаловалъ своему первенцу два помѣстья, а по мѣстному обычаю всѣ родившіяся въ этотъ день на землѣ Хьёрварда животныя со всѣмъ ихъ потомствомъ принадлежали маленькому Ивару.

Въ продолженіе слѣдовавшей за его рожденіемъ ночи во всемъ домѣ хранилось мертвое молчаніе, и не видно было нигдѣ свѣта. Ожидали также по старинному обычаю посѣщенія трехъ норниръ: Урды (прошедшее), Верданди (настоящее) и Скульды (будущее), которыя должны были предопредѣлить судьбу Ивара.

Эти три феи придавали всей жизни только что родившагося ребенка извѣстное направленіе, и даже боги не могли измѣнить предопредѣленной ими судьбы. Онѣ вырѣзали на деревянныхъ дощечкахъ то, что ожидало дѣтей въ ихъ послѣдующей жизни. Согласно вѣрованію норманъ онѣ составляли нераздѣльную триаду, и хотя были независимы другъ отъ друга, но относительно предопредѣленія судьбы дѣтей дѣйствовали заодно.

Урда была очень величественна на видъ: ея развѣвавшіеся длинные волосы были бѣлы, какъ снѣгъ, а вся мудрость прошедшаго свѣтилась въ ея красивомъ лицѣ. Ея задумчивые глаза смотрѣли назадъ въ безконечную вереницу прошедшихъ вѣковъ, и она помнила все, что случилось на землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ она возникла изъ великаго небытія. Въ ея памяти живо сохранялись всѣ перемѣны, которымъ подверглась вселенная, и она знала, что всѣ эти превращенія бытія служили къ добру.

Верданди смотрѣла съ любовью на Урду, такъ какъ настоящее не можетъ существовать безъ прошедшаго. Она сіяла красотой: ея длинные золотисто-каштановые волосы олицетворяли зрѣлую эпоху жизни и времени. Ея лицо отражало все, что было прекраснаго въ мірѣ, и только по временамъ оно принимало грустное выраженіе, такъ какъ ей было извѣстно, что горе, посѣщавшее людей, навлекалось ими самими на себя, а не было предопредѣлено норнирами.

Скульда еще болѣе поражала своей чарующей прелестью, и вокругъ нея постоянно летали бабочки, такъ какъ она олицетворяла безсмертіе. Въ одной рукѣ она держала нить жизни всѣхъ человѣческихъ существъ; ея одежда блестѣла, какъ серебряное облако, а лучи свѣта распространялись изъ ея роскошныхъ волосъ. Съ безграничной радостью смотрѣла она въ будущее, зная, что оно безсмертно. Надеждами она утѣшала дѣтей и скрывала отъ нихъ тѣ преграды, о которыя разбивается столько жизней. Свободной рукой она готова была порвать нить жизни, которая отмѣряла число дней и часовъ, предназначенныхъ норнирами для жизни каждаго человѣка.

Норниры жили въ большой залѣ въ землѣ, у громаднаго ясеня, подъ сѣнью котораго боги ежедневно постановляли свои приговоры. Ясень величайшее и лучшее изъ деревьевъ, оно вѣчно зелено, его вѣтви поднимаются къ небу, а корни глубоко проникаютъ въ землю. Подъ однимъ изъ этихъ корней находится источникъ, въ которомъ скрытъ разумъ вселенной.

Въ полночь, когда всѣ спали, среди мертвой тишины въ домѣ Хьёрварда, явились, согласно народнымъ вѣрованіямъ, Урда, Верданди и Скульда, чтобы предопредѣлить судьбу маленькаго Ивара. Онѣ пожелали ему сдѣлаться храбрѣйшимъ изъ вождей и лучшимъ изъ правителей. Онѣ размотали золотую нить его судьбы и повѣсили ее на небесахъ, на востокъ и на западъ; онѣ скрыли ея концы и предсказали, что Иваръ будетъ владѣть землями среди этихъ крайнихъ пунктовъ; а Скульда набросила одну изъ нитей на сѣверъ, говоря, что онъ никогда не завоюетъ ни одной страны къ сѣверу отъ Готланда. И дѣйствительно въ послѣдствіи всѣ его мечты о распространеніи своихъ владѣній къ сѣверу никогда не осуществились. Наконецъ онѣ пожелали ему повинать языкъ птицъ и удалились изъ дома Хьёрварда, направляя свой путь въ другія жилища, гдѣ были новорожденные дѣти, ожидавшія предопредѣленія своей судьбы.

V.

Воспитаніе Ивара.

Иваръ росъ на радость родителей, и велико было счастье во всемъ домѣ, когда у него прорѣзался первый зубъ. Согласно древнему обычаю, отецъ подарилъ ему на зубокъ ножъ въ золотомъ чехлѣ, на кожаномъ поясѣ, вышитомъ золотомъ, и съ большою золотою пряжкой. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подарилъ ему ферму близъ Дампстадира, гдѣ онъ могъ жить по достиженіи зрѣлаго возраста. Съ теченіемъ времени Иваръ становился все болѣе и болѣе красивымъ ребенкомъ, съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами; подобно всѣмъ дѣтямъ своего возраста, онъ любилъ играть, и ничто его такъ не забавляло, какъ пускать по морю маленькіе кораблики.

Когда ему минуло шесть лѣтъ, родители стали подумывать о томъ, куда его послать на воспитаніе, такъ какъ по мѣстному обычаю сыновья выдающихся въ странѣ людей никогда не воспитывались дома изъ боязни, чтобы они не сдѣлались слишкомъ избѣженными. Ихъ посылали къ одному изъ друзей родителей, извѣстному своей храбростью, мудростью, жизненнымъ тактомъ и способностями, подъ руководствомъ котораго они могли получить достойное воспитаніе.

Хьёрвардъ и Сигрлинъ безгранично любили Ивара, и имъ было очень тяжело разстаться съ нимъ на нѣсколько лѣтъ, но они сознавали свой долгъ относительно его. Мало-по-малу ихъ мысли сосредоточились на человѣкѣ, который могъ достойно быть названнымъ отцомъ Ивара. Это былъ Гудбрандъ, названный братъ Хьёрварда, такъ какъ они вмѣстѣ воспитывались у отца перваго. Онъ былъ херсиромъ острова Энгель, который до сихъ поръ такъ называется и лежитъ въ Категатѣ, близъ южнаго берега Швеціи; онъ уже давно не предпринималъ экспедиціи въ отдаленныя страны и спокойно жилъ дома. Хьёрвардъ и Сигрлинъ глубоко его уважали и не могли найти лучшаго воспитателя для своего сына.

Въ молодости Гудбрандъ и Хьёрвардъ участвовали во многихъ морскихъ набѣгахъ, и подъ ихъ мечами погибло не мало римлянъ, галловъ и британцевъ. Хотя онъ не былъ такимъ могущественнымъ херсиромъ, какъ Хьёрвардъ и не обладалъ такими богатыми помѣстьями, но также происходилъ отъ Одина и находился въ родствѣ съ главными вождями полуострова, занятаго теперь Швеціей и Норвегіей.

Выбравъ его воспитателемъ своего сына, Хьёрвардъ и Сигрлинъ никому не сказали объ этомъ ни слова и рѣшили отправить къ нему гонцевъ съ приглашеніемъ посѣтить ихъ, не обнаруживая причины этого посѣщенія. Суда были уже готовы для этой экспе-

дици, какъ случилось обстоятельство, благодаря которому ихъ отплытіе стало бесполезнымъ. Утромъ, въ тотъ день, когда суда должны были двинуться въ путь, замѣчено было съ башни Дампстадира приближеніе цѣлаго флота. Медленно приблизился онъ къ берегу, и бѣлые, мирные щиты на мачтахъ обнаружили, что онъ не имѣлъ никакихъ враждебныхъ намѣреній. Впереди шла драконка, на мачтѣ которой развѣвался флагъ, вышитый золотомъ и съ орломъ въ центрѣ. По этому символу легко было узнать, что это былъ флотъ Гудбранда.

Хьёрвардъ и Сигрлинъ были внѣ себя отъ радости и сочли такой счастливый пріѣздъ Гудбранда, именно когда его было нужно,—за хорошее предзнаменованіе для будущности ихъ сына.

Хьёрвардъ выѣхалъ въ лодкѣ навстрѣчу своему названному брату и радостно привѣтствовалъ его, такъ какъ они не видались около двухъ лѣтъ. Онъ повелъ его прямо въ большую банкетную залу и посадилъ на почетное мѣсто противъ себя. Начальники судовъ Гудбранда и его витязи заняли мѣста тамъ же, согласно своему рангу. Цѣлый день и до слѣдующаго утра пили безъ перерыва пиво и медъ въ серебряныхъ и золотыхъ рогахъ. Наконецъ, уже на зарѣ, Гудбрандъ былъ отведенъ въ приготовленное для него жилище, одно изъ лучшихъ въ Дампстадирѣ. На другой день онъ спокойно бесѣдовалъ въ банкетной залѣ съ витязями Хьёрварда, когда послѣдній подошелъ къ нему и незамѣтно посадилъ ему на колѣни своего сына Ивара. По древнему обычаю человѣкъ, на колѣни котораго былъ такимъ образомъ посаженъ ребенокъ, дѣлался его воспитателемъ до совершеннолѣтія. Всѣ присутствовавшіе громко одобрили этотъ выборъ своего предводителя, такъ какъ имъ хорошо были извѣстны всѣ достоинства Гудбранда.

Самъ же Гудбрандъ былъ очень тронутъ этимъ доказательствомъ довѣрія къ нему названнаго брата, а потому обѣщалъ воспитать маленькаго Ивара по мѣрѣ своихъ способностей и знаній.

— Ты знаешь, Хьёрвардъ,—прибавилъ онъ,—что старики говорили: «нельзя надѣяться на посѣянное поле и на ребенка, такъ какъ то и другое еще не дало плода». Ты знаешь также, что норниры не равно предопредѣляютъ судьбу всѣхъ; не многимъ онѣ обезпечиваютъ счастливую жизнь, а большому числу предопредѣляютъ невеселое существованіе. Къ тому же онѣ иногда даютъ богатому человѣку сердце скупца, а щедрому добряку безграничную бѣдность; тогда какъ слѣдовало бы напротивъ щедрому и доброму человѣку быть богатымъ, а скупому—бѣднымъ. Часто поэтъ долженъ мирить славу съ нищетою, но таковы ужъ приговоры норниръ, и никто не можетъ ни понять ихъ, ни уклониться отъ ихъ исполненія.

Много пили и веселились въ Дампстадирѣ до отъѣзда Гудбранда. Не одинъ храбрый воинъ выпилъ болѣе, чѣмъ ему слѣдовало; но

въ тѣ времена этого никому не ставили въ упрекъ, и гостепріимство было обязательно для всѣхъ.

Вечеръ за вечеромъ проходилъ въ веселой бесѣдѣ и въ слушаніи скальдовъ, которые пѣли о военныхъ подвигахъ какъ Хьёрварда и Гудбранда, такъ и ихъ предковъ. Въ свитѣ Гудбранда находился одинъ великій поэтъ, по имени Ульфъ, который никогда не говорилъ иначе, какъ стихами. Слава о немъ распространялась по всей странѣ, но, не смотря на всѣ приглашенія самыхъ могущественныхъ вождей, онъ не хотѣлъ покинуть Гудбранда, котораго очень любилъ.

Однажды вечеромъ Хьёрвардъ, по уходѣ гостей, остался одинъ съ Ульфомъ, и тотъ немедленно сочинилъ поэму о подвигахъ отца Хьёрварда, который былъ такъ тронутъ этой импровизаціей, что на другой день позвалъ своего управляющаго и спросилъ его, какъ достойнѣе вознаградить Ульфа.

— Не дать ли ему два торговыхъ корабля?—прибавилъ онъ.

— Это слишкомъ много,—отвѣчалъ управляющій.

— Другіе вожди даютъ дорогіе подарки: хорошіе мечи или золотые браслеты, за подобныя импровизаціи скальдовъ, — сказалъ Хьёрвардъ,—а повелитель Готланда выше и богаче другихъ херсировъ.

Послѣ долгихъ совѣщаній было наконецъ рѣшено, что Ульфъ получить торговый корабль, красный плащъ, золотой мечъ и тяжелый золотой браслетъ; кромѣ того, онъ былъ приглашенъ пріѣхать въ Дампстадиръ на цѣлый годъ. Ульфъ поблагодарилъ Хьёрварда и отвѣчалъ, что не можетъ вернуться ранѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ собирается навѣстить родственниковъ въ Британіи.

Проживъ три недѣли у своего названнаго брата, Гудбрандъ сталъ поговаривать объ отъѣздѣ, но Сигрлинъ всячески уговаривала его остаться долѣе, подъ предлогомъ, что не готово приданое для сына, хотя въ сущности она только желала отсрочить разлуку съ ребенкомъ, и это ей удалось сдѣлать на недѣлю.

Наконецъ наступилъ день, когда Иваръ долженъ былъ покинуть своихъ родителей и отправиться на воспитаніе въ чужой домъ. Сигрлинъ не спала въ эту ночь и такъ цѣловала, такъ обнимала спящаго ребенка, что онъ невольно просыпался. Но утромъ она встала, и на лицѣ ея не было ни малѣйшихъ слѣдовъ горя, такъ какъ изъ гордости она не хотѣла обнаруживать его передъ другими.

Послѣ утренней трапезы начались приготовленія къ отъѣзду Гудбранда. Пили прощальные кубки и забирали драгоценные подарки, данные Хьёрвардомъ не только названному брату, но и всей его свитѣ. Когда наступилъ полдень, то уже всѣ суда отчалили, кромѣ корабля Гудбранда. Этого послѣдняго и маленькаго Ивара провожали до берега Хьёрвардъ съ женой и всѣми домохадцами. Ребенокъ былъ очень веселъ, радуясь ожидавшей его перемѣнѣ въ

жизни. У сходни корабля родители простились съ нимъ; Гудбрандъ приказалъ поднять якорь и поставить паруса. Корабль медленно удалился. Сигрлинъ долго стояла на высококомъ береговомъ холмѣ и слѣдила, пока корабль не исчезъ на горизонтѣ, потомъ она вернулась въ свою комнату и тамъ наединѣ долго, безутѣшно рыдала.

Вѣтеръ былъ попутный, и черезъ три дня флотъ Гудбранда достигъ до Храфнисты, его резиденціи на островѣ Энгелѣ. Жена его Сигридъ была очень рада, что мужъ взялъ на воспитаніе Ивара, такъ какъ ребенокъ былъ благонаправный и красивый. Она приготовила для него комнату рядомъ со своей спальней и вмѣстѣ съ мужемъ порѣшила воспитать его со всевозможной заботливостью и любовью, потому что велика была отвѣтственность, принятая ими на себя. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Иваръ тосковалъ по своимъ родителямъ, товарищамъ и старомъ жилищѣ, но мало-по-малу онъ привыкъ къ новой жизни и сталъ любить своихъ названныхъ родителей.

У Гудбранда и Сигридъ былъ сынъ, котораго называли Хьялмаръ; онъ былъ на годъ старше Ивара, и родители рѣшили воспитывать Ивара вмѣстѣ съ нимъ, такъ, чтобы они сдѣлались названными братьями. Съ теченіемъ времени мальчики сильно подружились, стали неразлучными товарищами и всегда защищали другъ друга въ играхъ и спорахъ съ другими дѣтьми.

Воспитаніе ихъ приняло серьезный характеръ, какъ только они достаточно для этого выросли, и оба они дѣлали значительные успѣхи. Ихъ учили играть въ мячъ, бороться, бѣгать, прыгать, плавать, ѣздить верхомъ, грести, управлять рулемъ, поднимать и спускать паруса, строить корабли. Наибольшее вниманіе такимъ образомъ было обращено на ихъ физическое развитіе, которое тогда считалось необходимымъ для война и, кромѣ того, обезпечивало челоуѣку здоровье.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ учили писать и читать руны, чтобы они могли посылать и получать вѣсти, которыя оставались невѣдомыми необученнымъ людямъ, такъ какъ въ тѣ времена только челоуѣкъ высокаго происхожденія отличался грамотностью. Они выводили руническіе знаки на тонкихъ слояхъ березовой коры, походившихъ на папирусъ, а также вырѣзывали ихъ на деревѣ, камнѣ, золотѣ, серебрѣ и желѣзѣ. Письмена существовали на сѣверѣ съ незапамятныхъ временъ, и предполагалось, что Одинъ научилъ ему своихъ поклонниковъ; во всякомъ случаѣ въ ту эпоху, когда жилъ Иваръ, римляне, греки и норманы были единственными грамотными народами въ Европѣ.

Съ годами оба мальчика стали атлетами и превосходили въ ловкости всѣхъ своихъ сверстниковъ. Они плавали, какъ тюлени, хотя въ полномъ вооруженіи, мѣтко бросали копье, и одинаково искусно обѣими руками владѣли мечемъ, сѣкирой и щитомъ. Они

стрѣляли изъ лука, не давая промаха и столь же ловко метали камень изъ пращи. Но Иваръ выказывалъ особенное искусство въ прыганьѣ впередъ и назадъ, такъ что въ этомъ отношеніи не только остальные юноши, но и его названный братъ не могли съ нимъ сравняться.

Оба они постоянно практиковались въ морскомъ дѣлѣ, а такъ какъ викингамъ необходимо было понимать языки различныхъ странъ, куда они предпринимали свои экспедиціи, то Ивара и Хьялмара обучали языкамъ тѣхъ странъ, куда главнымъ образомъ ходили ихъ современники. Наконецъ имъ преподавали правила стихосложенія, и они писали поэтическія импровизаціи, но, конечно, поэтическій талантъ скальдовъ не могъ быть переданъ имъ ученьемъ, а былъ врожденнымъ. Еще слѣдуетъ упомянуть, что ихъ научили играть въ шахматы, которые были въ большомъ почетѣ на сѣверѣ.

Гудбрандъ съ дѣтскихъ лѣтъ вселялъ въ ихъ умы любовь къ славѣ, рассказывая о своихъ экспедиціяхъ, предпринятыхъ вмѣстѣ съ Хьёрвардомъ, или распѣвая сложенные скальдами эды о подвигахъ древнихъ витязей.

Чѣмъ Иваръ становился старше, тѣмъ онъ болѣе обнаруживалъ любознательности и задавалъ своему воспитателю всевозможные вопросы. Однажды, подойдя къ Гудбранду на берегу, онъ неожиданно спросилъ:

— Названный отецъ, скажи мнѣ, какъ начался свѣтъ?

— Ты знаешь, что наша религія самая истинная, — отвѣчалъ Гудбрандъ, — мы принадлежимъ Едину, и онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе боги насъ любятъ. До сотворенія міра ничего не было, и царилъ зіяющая пустота. Съ обѣихъ сторонъ этой пустоты были двѣ области: холода на сѣверѣ и тепла на югѣ. Та часть пустоты, которая была обращена на сѣверъ, состояла изъ льда, инея и града, а на противоположномъ концѣ дули вѣтры, и отъ близости огненной области тамъ было тепло. Отъ соединенія холода и тепла явился Имиръ. Онъ жилъ, когда не было еще ни моря, ни земли, ни травы, ни неба.

— Но чѣмъ же онъ жилъ? — спросилъ Иваръ.

— Изъ капель инея произошла корова Одумія, и ея молокомъ, которое лилось четырьмя потоками, питался Имиръ. Чтобъ достать себѣ пищи, Одумія лизала камни, покрытые инеемъ, и въ первый день подъ ея языкомъ оказались волоса челоуѣка, во второй — его голова, въ третій — его туловище. Его назвали Бури, и онъ былъ красивый, большой, могучій. Сынъ его Боръ имѣлъ трехъ сыновей: Одина, Вили и Ве. Говорятъ, что они убили Имира, и что изъ его ранъ натекло столько крови, что все потомство Имира было потоплено въ ней, и только Бельгермиръ и его жена спаслись въ хлѣбномъ ларѣ. Отъ нихъ пошла новая раса хримтурсаровъ.

— Какъ же созданъ былъ міръ?—спросилъ Иваръ.

— Земля создалась изъ плоти Имира, море изъ его крови, горы изъ его костей, деревья изъ его волосъ, а небо изъ его черепа. Триада боговъ нашла на землѣ Аска и Эмблу, которые не имѣли ни дыханія, ни крови, ни ума, ни движенія. Одинъ далъ имъ дыханіе, Хениръ—умъ, Лодуръ—кровь; а отъ нихъ пошло все человѣчество.

По временамъ отецъ Ивара заходилъ со своимъ флотомъ въ Храфнисту и съ радостью видѣлъ, что его сынъ преуспѣвалъ физически и умственно, а разъ въ два года навѣщала Ивара мать и съ любовью прижимала его къ своему сердцу.

VI.

Совершеннолѣтіе Ивара.

Въ послѣдній день шестой недѣли (у скандинавовъ недѣля состояла изъ пяти дней) того мѣсяца, который соответствовалъ нашему сентябрю, Ивару минуло четырнадцать лѣтъ, и по закону онъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ. Въ это утро Гудбрандъ подарилъ ему прекрасный корабль подъ названіемъ Элиди, на которомъ было припасено оружія на двѣсти сорокъ человѣкъ. Поднятое на мачтѣ золотое знамя, вышитое его названною матерью, было наименовано побѣдоноснымъ, и много чаръ, много заклинаній произнесено при его изготовленіи, съ цѣлью, чтобы побѣда всюду сопровождала его. Длина Элиди была сто восемьдесятъ футовъ, и на немъ находилось двадцать пять скамеекъ для гребцовъ. Кромѣ своего имени, это судно носило еще поэтическое прозвище Коня Морского Прибоя. Хьялмаръ также получилъ въ подарокъ прекрасный корабль на двѣсти сорокъ человѣкъ по имени Трани и по поэтическому прозвищу Оленя Морского Прибоя.

На слѣдующій день Гудбрандъ съ обоими юношами поплылъ къ материку и, выйдя на берегъ, отправился съ ними въ большой дубовый лѣсъ.

Раскинувъ станъ, онъ на слѣдующее утро оставилъ Ивара и Хьялмара однихъ, а самъ удалился съ собаками. Къ вечеру онъ не вернулся. Прошелъ еще день, и его все-таки не было. На третье утро юноши услышали собачій лай, а затѣмъ мимо нихъ пробѣжали два волка; наконецъ, явился Гудбрандъ съ большимъ волкомъ, котораго онъ убилъ двумя стрѣлами.

Отдохнувъ немного, Гудбрандъ вскрылъ волка и заставилъ юношей выпить его крови, а затѣмъ вынулъ сердце, изжарилъ его на огнѣ и, разрѣзавъ на двѣ части, приказалъ имъ съѣсть каждому по части. По древнему обычаю молодой витязь, выпивъ крови

и отвѣдавъ сердца волка, никогда не трусилъ, выказывалъ въ бою лютость звѣря и понималъ языкъ птицъ.

— Теперь я увѣренъ, что вы никогда не побѣжите отъ опасности, или вражескаго оружія, — сказалъ Гудбрандъ, — и будете также храбры, какъ ваши предки.

Затѣмъ они вернулись домой.

Гудбрандъ и Сигридъ любили Ивара не менѣе своего сына и рѣшили подѣлить свое наслѣдіе между ними поровну, но подобный актъ, называвшійся принятіемъ чужого лица въ наслѣдники, долженъ былъ совершаться публично, съ согласія естественныхъ наслѣдниковъ и по опредѣленной закономъ формѣ.

Поэтому назначенъ былъ день для торжественнаго принятія Ивара въ семью при свидѣтеляхъ и законныхъ наслѣдникахъ. Заблаговременно наварили пива изъ трехъ мѣръ зерна и закололи трехгодовалого быка, а съ его правой задней ноги, надъ копытомъ, содрали шкуру и изъ нея сшили башмакъ. Во время церемоніи Гудбрандъ, въ присутствіи своего прямого наслѣдника Хьялмара, пригласилъ Ивара встать въ этотъ башмакъ. А послѣ того приказалъ Хьялмару исполнить то же, что онъ и сдѣлалъ съ полной охотой.

Когда вслѣдъ за этимъ названный отецъ и названная мать поцѣловали Ивара, Гудбрандъ сказалъ въ присутствіи свидѣтелей:

— Я назначаю этого человѣка, Ивара Хьёрвардсона, моимъ наслѣдникомъ, совмѣстно съ моимъ сыномъ Хьялмаромъ, и я дѣлаю это съ согласія всѣхъ моихъ родственниковъ, которые могутъ быть моими наслѣдниками.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ напомнилъ Ивару, что онъ долженъ чрезъ каждыя двадцать лѣтъ объявлять публично о своихъ наслѣдственныхъ правахъ, пока не воспользуется ими. На это Иваръ отвѣчалъ, что онъ очень благодаренъ за родительскія заботы своего названнаго отца, но надѣется, что онъ еще долго будетъ самъ пользоваться своею собственностью.

Вскорѣ послѣ этого событія Иваръ и Хьялмаръ рѣшили вооружить свой суда и отправиться въ первую морскую экспедицію. Прежде всего намѣревались пойти въ Дампстадиръ, а затѣмъ навѣстить нѣкоторыхъ родственниковъ, правившихъ въ различныхъ мѣстностяхъ сѣвера.

Прежде чѣмъ они отправились въ путь, Гудбрандъ спросилъ ихъ:

— Взяли ли вы съ собою дорогіе подарки?

— Нѣтъ, — отвѣчали они.

— Такъ надо взять; я никогда не видалъ человѣка, который не принялъ бы съ удовольствіемъ подарка, какъ бы онъ богатъ и гостепріименъ ни былъ. Друзья всегда должны мѣняться оружіемъ или одеждой. Подарокъ, данный съ добрымъ сердцемъ и добрыми пожеланіемъ, поддерживаетъ дружбу.

Съ этими словами онъ пошелъ въ одну изъ своихъ кладовыхъ и вынесъ оттуда нѣсколько мечей, украшенныхъ золотомъ, дорогихъ чужестранныхъ одеждъ и прекрасныхъ золотыхъ браслетъ, брошекъ и ожерелій.

— Все это вы подарите, — сказалъ онъ, — высокорожденнымъ мужчинамъ и женщинамъ.

Наканунѣ выхода въ море юношей Гудбрандъ позвалъ ихъ къ себѣ и произнесъ:

— Я хочу дать вамъ нѣсколько совѣтовъ, которые могутъ вамъ пригодиться. Раздѣляя трапезу съ чужестранцами, будьте молчаливы, или говорите мало, а слушайте и смотрите вокругъ себя. Если же вы пожелаете вступить въ бесѣду, то говорите лишь о полезныхъ предметахъ, и тогда никто не станетъ упрекать васъ въ дурномъ воспитаніи. Никогда не смѣйтесь надъ гостями, или странниками. Помните, что нѣтъ такихъ добродѣтельныхъ людей, которые не ошибались бы, и нѣтъ такихъ дурныхъ людей, у которыхъ не было бы добраго качества. Не издѣвайтесь надъ стариками, потому что старики часто говорятъ хорошо и умно. Помните, что любима та дверь, которая отворяется для всѣхъ нуждающихся. Будьте щедры, а то вамъ будутъ желать всякихъ несчастій.

Въ тотъ же вечеръ Гудбрандъ позвалъ одного своего сына Хьялмара и сказалъ ему:

— Мое сердце радуется при мысли, что на твою голову никогда не наступитъ ничья нога, но тебѣ придется преодолѣть много опасностей. Вотъ возьми мечъ, который называется Драгвандиль и всюду всегда побѣждалъ; мой отецъ взялъ его у убитаго имъ Бьерна Сине-Зубаго. У меня есть еще другое замѣчательное оружіе, могучее копьё, которое я самъ отбилъ у Харека, но имъ владѣть можетъ только человекъ, достигшій полного развитія своихъ физическихъ силъ.

Прежде чѣмъ пуститься въ путь, названные братья принесли обильную жертву Фрею, богу времянь года, а въ самый день отплытія Гудбрандъ и Сигридь проводили ихъ до кораблей и тамъ нѣжно простились съ ними.

Послѣ пріятнаго и благополучнаго перехода они достигли Дампстадира, гдѣ Хьёрвардъ и Сигрлинъ приняли ихъ съ великою радостью. Они гордились своимъ сыномъ, который очень возмужалъ, а съ Хьялмаромъ также обошлись очень любезно, какъ съ названнымъ братомъ ихъ любимаго дѣтища.

Все обстояло хорошо и мирно на Готландѣ; жатва созрѣла на поляхъ, и народъ дѣятельно занимался ея уборкой. Витязи Хьёрварда не были дома; они предприняли, съ большимъ числомъ кораблей, набѣги на Галлію и Британію. Юноши проводили большую часть своего времени въ атлетическихъ играхъ, а Иваръ не только посѣщалъ своихъ родственниковъ, жившихъ на островѣ, но и ста-

рался еще болѣе развить свои знанія въ судостроеніи, такъ какъ желалъ впослѣдствіи завести себѣ лучшіе въ странѣ корабли. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ любилъ хорошихъ лошадей и выѣзжалъ ихъ. Его два верховые коня славились во всѣхъ окрестныхъ мѣстностяхъ, а четверка лошадей, которыхъ онъ запрягалъ въ красивую четырехколесную повозку, блестяли великолѣпной упряжью, украшенной золотомъ.

Среди подобныхъ занятій и развлеченій Иваръ и его названный братъ провели три года въ Дампстадирѣ.

VII.

Первая экспедиція Ивара.

Находясь въ Дампстадирѣ, Иваръ достигъ восемнадцати-лѣтняго возраста, когда молодые люди уже могли участвовать въ военныхъ набѣгахъ. Спустя нѣсколько дней послѣ этого, Хьёрвардъ, сидя на отцовскомъ курганѣ противъ своего дома, позвалъ Ивара и сказалъ ему:

— Отсюда съ кургана, гдѣ покоится твой дѣдъ, подвиги котораго извѣстны на всемъ сѣверѣ и будутъ вѣчно воспѣваться поэтами, ты можешь видѣть вокругъ себя могилы многихъ своихъ родичей, перешедшихъ въ Валгалу. Каждый изъ нихъ умеръ славной смертью. Здѣсь, окруженный ими, я хочу дать тебѣ тѣ же мудрые совѣты, которые мнѣ далъ отецъ по достиженіи мною твоего возраста. Я нашелъ ихъ очень полезными въ жизни, и они также принесутъ тебѣ пользу, если ты будешь ихъ соблюдать.

Онъ смолкъ на минуту, а потомъ продолжалъ:

— Родичъ, слушай меня. Съ незапамятныхъ временъ сыновья вождей всегда отправляются на войну и сами приобрѣтаютъ себѣ славу и богатства; движимое имущество никогда не переходитъ у насъ отъ отца къ сыну, а сожигается, или зарывается въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ. Хотя сыновья получаютъ землю и помѣстья, но они не могутъ сохранять отцовскаго титула и отцовской власти, если они сами не заслужили на войнѣ славы и не приобрѣли богатствъ, идя по стопамъ своихъ предковъ.

— Ищи славы въ добрыхъ дѣлахъ, которыя никогда не умираютъ и сохраняются вѣчно въ памяти людей. Многие люди со времени созданія міра одиноко проводили свою жизнь въ добываніи богатства и сдѣлались подъ конецъ скупцами. Ихъ сердца только радовались при видѣ золота. Но никого изъ нихъ не помнитъ потомство; ихъ имена и богатства исчезли, но слава скальдовъ и людей, совершившихъ великія дѣла, будетъ вѣчно жить, хотя бы по предопредѣленію норниръ они жили и умерли въ бѣдности. Поэтому,

сынъ мой, раздавай щедро свои богатства и полученной данью приобрѣтай преданность побѣжденныхъ тобой. Твори добрыя дѣла. Люди храбрые и великодушные живутъ на свѣтѣ лучше всѣхъ, а только глупцы боятся всего. Самый вѣрный другъ человѣка — здравый смыслъ.

— Поранивъ врага и повергнувъ его къ своимъ ногамъ, никогда не наноси ему еще раны: это уже убійство. Впрочемъ, этотъ совѣтъ излишенъ, тебѣ подскажетъ его твоя собственная доблесть. Если ты умрешь въ бою, то значить Одинъ захотѣлъ взять тебя къ себѣ, а если ты одержишь побѣду надъ врагомъ, то значить Одинъ дароваль ее тебѣ; въ томъ и другомъ случаѣ ты долженъ быть счастливъ. Сіяющая Валгала служитъ приютомъ для храбрыхъ воиновъ, погибшихъ въ бою, и Одинъ ежедневно дѣлаеть выборъ среди убитыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Эту залу убитыхъ легко узнать: ея кровля изъ стрѣлъ, стѣны изъ щитовъ, скамьи покрыты кольчугами. Въ ней пятьсотъ сорокъ дверей, и заразъ приходятъ въ нихъ восемьсотъ избранниковъ. Волкъ виситъ надъ главнымъ входомъ Валгалы. Старайся, чтобъ тебя встрѣтили тамъ съ большей честью, чѣмъ всѣхъ прежнихъ вождей, и войди въ Валгалу, обогранный кровью многихъ славныхъ подвиговъ. Одинъ дастъ побѣду своимъ сынамъ, богатство многимъ, краснорѣчіе и мудрость нѣкоторымъ, поэтическій даръ скальдамъ, удачу въ любви достойнымъ, побѣдоносное оружіе своимъ любимцамъ и попутный вѣтеръ мореходцамъ. Пора тебѣ идти на войну и сдѣлаться равнымъ по славѣ своимъ предкамъ.

— Если ты достигнешь извѣстности, то не будь надменнымъ и не кичись ею, потому что извѣстность даруется народомъ, и нѣтъ основанія гордиться передъ тѣми, кому ты всѣмъ обязанъ. Спокойное, скромное поведеніе никому не принесетъ вреда, а всѣ смѣются надъ гордецами. Многихъ людей успѣхъ дѣлаеть дураками. Человѣкъ высокаго происхожденія и достигшій славы не долженъ никогда гордиться.

Съ этими словами Хьёрвардъ далъ Ивару мечъ Ангрвадиль съ прекраснымъ дамасковымъ лезвеемъ и золотомъ украшенной рукояткой. Этотъ мечъ славился на всемъ сѣверѣ своимъ совершенствомъ, и поэты называли его: «пламенемъ Одина». «блескомъ побѣды», «рушителемъ щитовъ», «предводителемъ побѣдъ».

— Ангрвадиль, — продолжалъ отецъ, пока Иваръ любовался мечемъ: — находился въ нашей семьѣ много поколѣній и сегодня столь же хорошъ, какъ въ былые дни. Твой дѣдъ и я владѣли имъ въ шестидесяти бояхъ, и онъ всегда выходилъ побѣдителемъ. Никогда не отдавай его изъ семьи, потому что горе посѣтитъ ее, если этотъ мечъ не будетъ находиться въ рукахъ нашихъ родичей. Онъ не видалъ пораженія и, — продолжалъ Хьёрвардъ, указывая на таинственныя золотыя буквы у самой рукоятки: — смерть

слѣдуетъ за причиненной имъ раной. Мой собственный же мечъ, Хротуи, ты получишь послѣ моей смерти.

Иваръ поблагодарилъ отца и сказалъ, что этотъ подарокъ ему нравится болѣе, чѣмъ груды золота или большія помѣстья, и прибавилъ, что онъ не зналъ предопредѣленной ему норнирами судьбы, но надѣялся умереть на полѣ брани послѣ побѣды; онъ также поблагодарилъ отца за его добрые совѣты и заявилъ, что будетъ стараться слѣдовать его примѣру.

Отъ отца онъ прямо пошелъ къ матери и спросилъ у нея:

— Покажи мнѣ тѣ плащи, которые много лѣтъ тому назадъ сивила Хейда сдѣлала моему отцу.

Сигрлинъ открыла большой комодъ и отвѣчала:

— Вотъ они; время почти не испортило ихъ.

Иваръ выбралъ изъ нихъ самые два большіе плаща съ рукавами и капюшонами, которые даже закрывали лицо; ихъ считали неуязвимыми для мечей и стрѣлъ, такъ какъ при шитьѣ ихъ произносились заклинанія и совершались всевозможныя чары.

На слѣдующій день Иваръ пошелъ къ отцу съ своимъ названнымъ братомъ и сказалъ:

— Объясни намъ отецъ, который изъ викинговъ по твоему мнѣнію самый могучій и храбрый.

— Вы молодые люди думаете, что никто не можетъ противостоять вамъ,—отвѣчалъ Хьёрвардъ:—но я знаю двухъ викинговъ, Сигурда и Сигмунда, которые великіе витязи.

— Много у нихъ кораблей?

— Тридцать и на каждомъ сто двадцать людей.

— Гдѣ они живутъ?

— Въ южной части Свитьѣда; зимой они остаются дома, а лѣтомъ ходятъ по свѣту на своихъ судахъ.

— Мы найдемъ ихъ и вступимъ съ ними въ бой,—воскликнули въ одинъ голосъ названные братья:—тогда увидимъ, кто первые викинги въ странѣ.

Вскорѣ вернулись витязи Хьёрварда, съ богатой наживой, захваченной ими въ римскихъ провинціяхъ, и Хьёрвардъ просилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ принять участіе въ экспедиціи сына, который, по его словамъ, былъ еще неопытенъ въ дѣлѣ войны.

Названные братья дѣятельно принялись за подготовку своего флота, на что потребовалось немного времени. Иваръ помѣстилъ на своемъ кораблѣ «Елиди» двѣсти сорокъ избранныхъ по силѣ и ловкости витязей. Хьялмаръ также вооружилъ свое судно «Трани» искусными стрѣлками изъ лука и метальщиками изъ пращей. Они оба подняли свои флаги на мачтахъ, и когда все было готово къ отплытію, то Иваръ пошелъ объявить объ этомъ отцу.

— Скажи мнѣ,—произнесъ онъ,—какія по-твоему предзнаменованія говорить въ пользу успѣха морской экспедиціи.

— Много предзнаменованій существуетъ для людей, которые умѣютъ читать въ нихъ судьбу, — отвѣчалъ Хьёрвардъ: — полетъ черного ворона обѣщаетъ побѣду, а ни одинъ витязь не долженъ сражаться при послѣднихъ лучахъ солнца. Если, выѣзжая на бой, твоя лошадь спотыкнется, или ты упадешь, то тебя ожидаетъ опасность. Если, собравшись въ дорогу, ты увидишь передъ собой волковъ, то это хорошій признакъ. Вотъ часть предзнаменованій, могущихъ предостеречь тебя. Но, кромѣ того, я еще хочу тебѣ дать нѣсколько совѣтовъ. Не легко предводителю людей добиться мудрости и славы. Въ битвахъ важнѣе всего зоркій взглядъ, а тотъ, кто хочетъ добыть богатства, долженъ вставать рано. Рѣдко сонный волкъ достаетъ добычу, или сонный витязь одерживаетъ побѣду. Храбрость выше всякаго оружія, и я видалъ, какъ храбрецы побѣждали тупыми мечами. Вообще въ битвѣ полезнѣе быть храбрымъ, чѣмъ трусомъ, и настоящему витязю слѣдуетъ быть не только храбымъ и смѣлымъ, но также осмотрительнымъ и осторожнымъ. Дураки думаютъ, что они будутъ жить вѣчно, если избѣгаютъ битвы, но старость вмѣсто стрѣлы или меча все-таки уноситъ ихъ въ могилу.

Потомъ Хьёрвардъ проводилъ молодыхъ людей до ихъ судовъ и нѣжно простился съ ними.

Сначала они шли на парусахъ, но потомъ вѣтеръ спалъ, и пришлось взяться за весла. Когда изъ глазъ исчезла земля, то надъ кораблями пролетѣлъ воронъ, громко каркая. Иваръ посмотрѣлъ на него, а Хьялмаръ спросилъ:

— Это значитъ чтонибудь?

— Да,—отвѣчалъ Иваръ.

Вскорѣ пролетѣлъ и другой воронъ, и Хьялмаръ такъ заглядѣлся на него, что едва не выпустилъ изъ рукъ весла.

— Ты что-то очень озабоченъ карканьемъ ворона, — сказала Иваръ: — ты понимаешь его смыслъ?

— Не совѣмъ.

— А я понимаю, — произнесъ Иваръ, когда пролетѣлъ третій воронъ съ такимъ же карканьемъ, но гораздо ближе, чѣмъ первые два:—это предзнаменованіе, что мы одержимъ побѣду надъ викингамъ, противъ которыхъ теперь идемъ. Отецъ мнѣ объяснилъ, что таково значеніе полета ворона надъ отправляющимся въ экспедицію кораблемъ.

Чрезъ нѣсколько времени они подошли къ берегу Свитьѣда и бросили якорь противъ высокаго мыса. Они разбили палатки на палубѣ для ночлега, но прежде чѣмъ спать, стали при свѣтѣ фонаря играть въ шахматы. Корабельныя шахматныя доски имѣли отверстіе въ каждомъ квадратѣ, а фигуры были снабжены шпильками, такъ что качка не могла помѣшать игрѣ. Наконецъ, утомившись игрой, они легли на свои кожаные мѣшки и крѣпко заснули.

На слѣдующее утро Иваръ вышелъ на берегъ, чтобы собрать свѣдѣнія, но никого и ничего не видѣлъ передъ собой. Только пройдя чрезъ весь мысъ на противоположную сторону, онъ очутился передъ цѣлымъ флотомъ изъ тридцати кораблей, стоявшихъ на якорѣ близъ берега. Всѣ воины съ этихъ судовъ предавались на землѣ атлетическимъ играмъ: одни боролись, другіе бѣгали и прыгали, а третьи стрѣляли изъ луковъ въ цѣль, или рубились на мечахъ.

Этимъ флотомъ командовали Сигмундъ и Сигурдъ, тѣ самые викинги, о которыхъ Хьёрвардъ говорилъ названнымъ братьямъ.

Иваръ тотчасъ вернулся съ этой доброй вѣстью.

— Что намъ дѣлать?—спросилъ Хьялмаръ.

— Мы раздѣлимъ нашихъ людей и корабли на два равныхъ отряда,—отвѣчалъ Иваръ:—ты съ однимъ изъ нихъ обогнешь мысъ и поднимешь боевой крикъ, выставивъ красный щитъ на мачтѣ, а я высажу на берегъ съ этой стороны двѣ трети моихъ воиновъ и также подниму боевой крикъ. Быть можетъ, ихъ поразитъ наше неожиданное появленіе, и они уйдутъ въ лѣсъ, чѣмъ все и покончится.

Хьялмаръ и Иваръ поступили согласно этому плану, но Сигмундъ и Сигурдъ, услышавъ боевые крики на водѣ и землѣ, нимало не смутились, а ихъ воины продолжали свои игры. Тогда Хьялмаръ вышелъ на берегъ и, встрѣтивъ Ивара, сказалъ ему:

— Они не обращаютъ никакого вниманія на насъ,—что мы теперь будемъ дѣлать?

— Очень просто,—отвѣчалъ Иваръ:—мы не нападемъ на нихъ врасплохъ, а подождемъ дозавтра.

На слѣдующее утро названные братья высадили на берегъ всѣхъ своихъ воиновъ и двинулись на Сигмунда и Сигурда, которые, выстроивъ своихъ людей, ожидали боя.

Увидавъ приближеніе Хьялмара и Ивара, Сигмундъ и Сигурдъ пошли къ нимъ навстрѣчу. Сигурдъ былъ очень родовитый и могущественный викингъ. Онъ предпринималъ далекія экспедиціи и видѣлъ много странъ, неизвѣстныхъ большинству его соплеменниковъ; онъ былъ небольшого роста, и въ волосахъ его пробивалась сѣдина, такъ что онъ былъ старшій изъ четырехъ сошедшихся витязей.

Сигмундъ былъ моложе его, но старше Ивара и Хьялмара, и также принадлежалъ къ высокому роду.

— Кто вашъ предводитель?—спросилъ Сигурдъ у молодыхъ людей.

— У насъ не одинъ предводитель,—отвѣчалъ Иваръ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Сигмундъ.

— Мое имя—Иваръ и я сынъ Хьёрварда изъ Дампстадира, а это мой названный братъ—Хьялмаръ, сынъ Гудбранда, съ острова Энгеля.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?
 — Я хочу знать, кто изъ насъ сильнѣе.
 — Сколько у васъ кораблей?
 — Двадцать,—отвѣчалъ Иварь:—а у васъ сколько?
 — Тридцать,—отвѣчалъ Сигурдъ.
 — Значить на вашей сторонѣ перевѣсъ.
 — Воины съ нашихъ десяти судовъ не примутъ участія въ битвѣ,—сказалъ Сигурдъ:—и мы будемъ драться одинъ противъ одного.

— Это честный бой,—отвѣчалъ Иварь:—и такъ слѣдуетъ сражаться храбрымъ людямъ.

Немедленно обѣ стороны выстроились другъ противъ друга, и начался бой, который длился цѣлый день. Съ наступленіемъ ночи подняли мирный щитъ, и Сигурдъ спросилъ Ивара:

— Какого ты мнѣнія о сегодняшней битвѣ?

— Я очень доволенъ ею.

— Хочешь завтра продолжать игру?

— Да, я никогда не видывалъ такихъ достойныхъ противниковъ. Мы возобновимъ бой съ разсвѣтомъ.

На ночь воины той и другой стороны удалились въ свои палатки, и раненымъ была оказана помощь.

На слѣдующее утро бой возобновился и продолжался до ночи. Тогда снова былъ поднятъ мирный щитъ, и снова Сигурдъ спросилъ Ивара, доволенъ ли онъ второй битвой.

— Да,—отвѣчалъ юноша.

— Что же, ты хочешь продолжать бой на третій день?

— Да, но на третій день покончимъ бой.

Услыхавъ это, Сигурдъ, человѣкъ очень разсудительный, сказалъ:

— А что, если мы побѣдимъ, то найдемъ ли большую добычу на вашихъ судахъ?

— Никакой, — отвѣчалъ Иварь: — мы въ это лѣто не добыли ничего.

— Въ такомъ случаѣ я никогда не видалъ такихъ дураковъ, какъ мы четверо. Оказывается, что мы сражаемся изъ одного самюлюбія.

— Что же ты предлагаешь?

— Сдѣлаемся названными братьями, потому что мы всѣ одинаковой доблести.

— Хорошо сказано, — отвѣчали Иварь и Хьялмаръ въ одинъ голосъ:—если мы сдѣлаемся названными братьями, то станемъ величайшими викингами въ странѣ, что, конечно, принесетъ большую пользу каждому изъ насъ.

На слѣдующее утро были сдѣланы приготовленія для торжественнаго обряда, которымъ, согласно древнему обычаю, заключа-

лись вѣчныя узы дружбы между названными братьями, которые обязывались стоять всю жизнь другъ за друга и дѣлить общія опасности.

Прежде всего четыре викинга вырѣзали три полукруглыхъ слоя торфа, одинъ конецъ которыхъ прикрѣпили къ землѣ, а другой къ высокому копыю, которое водрузили въ землю; такимъ образомъ подъ эти слои торфа могли подойти братающіеся викинги.

Всѣ воины съ обѣихъ сторонъ были собраны для этой церемоніи. День былъ прекрасный, лѣтній; солнце ярко сіяло, природа улыбалась, птицы пѣли въ рощахъ, бабочки и пчелы перелетали съ цвѣтка на цвѣтокъ. Никому бы не вошла въ голову мысль при видѣ этой картины, что въ предыдущіе дни тутъ происходилъ кровавый бой.

Среди общаго молчанія Сигурдъ вышелъ впередъ и, обращаясь къ остальнымъ тремъ викингамъ, сказалъ:

— Вамъ извѣстно, что съ незапамятныхъ временъ люди, братающіеся между собой, обязываются мстить другъ за друга?

— Да,—отвѣчали въ одинъ голосъ Хьялмаръ, Иваръ и Сигмундъ.

Затѣмъ всѣ четверо подошли подъ слои торфа и, пустивъ себѣ кровь изъ ладони, дозволили ей свободно течь въ углубленіе, сдѣланное у ихъ ногъ и наполненное мягкой землей; когда достаточно смѣшалось крови и земли, они встали на колѣни и поклялись Однимъ, Фреемъ, Ньордомъ и другими богами, что свято сохранять братскій союзъ, въ удостовѣреніе чего крѣпко пожали другъ другу руки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ новые названные братья обязались никогда не грабить торговцевъ, и если, въ случаѣ войны, понадобится силой взять у нихъ припасы, то уплатить ихъ стоимость, а также никогда и ни подъ какимъ видомъ не грабить женщинъ, какъ бы онѣ богаты ни были, и не приводить ихъ помимо желанія на свои корабли. Если же послѣднее обязательство было бы не исполнено, и ктонибудь изъ нихъ или ихъ воиновъ оказался бы въ этомъ виновнымъ, то онъ лишался жизни.

Кромѣ того, они порѣшили, что будутъ владѣть сообща захваченной въ своихъ экспедиціяхъ добычей, и что тотъ, кто будетъ изъ нихъ дольше жить, похоронитъ остальныхъ и скроетъ въ ихъ могилахъ такое количество сокровищъ, какое найдетъ достойнымъ ихъ званія.

Здѣсь не лишне сказать, что до самой своей смерти всѣ четыре названныхъ брата нѣжно любили другъ друга и не нарушили ни одного изъ взятыхъ на себя обязательствъ.

Первымъ дѣломъ, которое порѣшили сообща совершить новые названные братья, было посѣщеніе Гудмунда, отца Сигурда, который былъ могущественный херсиръ и господствовалъ надъ боль-

XVII. Смѣсь

1) Празднованіе столѣтія Одессы.—2) Семидесятипятилѣтняя годовщина смерти Козодавлева.—3) Открытіе памятника И. Ѳ. Богдановичу въ Курскѣ.—4) Историческое общество.—5) Археологическая находка.—6) Памятникъ на могилѣ Н. В. Шелгунова.—7) Некрологи: Е. И. Утинъ; И. Ѳ. Нильскій; А. А. Благовѣщенскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ А. А. Нильскаго.—2) Викингъ. Романическая исторія изъ эпохи III и IV столѣтій. (Ivar the Viking). Сочиненіе Поля Дю-Шалю. Переводъ съ англійскаго. I—VII.—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дефтфордѣ.—Императорскій титуль.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московский маскарадъ въ 1722 году.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе сыльные.—Дочь Вирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габриелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое звѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій просп., 38), за пересылку ничего не платятъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

НОЯБРЬ, 1894.

СОДЕРЖАНИЕ.

НОЯБРЬ, 1894 г.

	СТР.
I. Императоръ Александръ III. (Руководящая идея Его царствованія)	1—xx.
II. Потроженныея тѣни. Праздникъ Венеры. I—X. С. Н. Терпигорева	313
III. О живыхъ и мертвыхъ. (Изъ воспоминаній). I. А. В. Круглова	340
IV. Старая скрипка. Повѣсть изъ быта музыкально-инструментальныхъ мастеровъ и артистовъ. IX—XIV. (Продолженіе). А. И. Лемана.	354
V. Воспоминанія. I—II. А. А. Еолюбакиной	379
VI. Личность Петра I въ исторической литературѣ. О. В. Благовидова	408
VII. Посольство въ Хиву въ 1842 году. (По разсказамъ и запискамъ очевидца). И. Н. Захарьина	427
VIII. Воспоминанія бывшего учителя русскаго языка князя Бисмарка. В. Алексѣева	448
IX. Поѣздка въ родовую вотчину Н. И. Новикова. А. А. Ярцева	459
Иллюстраціи: 1) Портретъ Н. И. Новикова. — 4) Церковь въ имѣніи Н. И. Новикова. — 2) Флигель времени Н. И. Новикова. — 3) Каменная изба, построенная Н. И. Новиковымъ.	
X. Иванъ Андреевичъ Крыловъ. (Биографическій очеркъ). А. I. Лященко	491
Иллюстрація. Портретъ Н. А. Крылова.	
XI. Возрожденное древлехранилище. И. Ф. Тюменева	510
Иллюстраціи: 1) Видъ Новгородскаго музея съ восточной стороны. — 2) Рисунки древнихъ предметовъ: знамя Кирилловскаго монастыря; грамота Іоанна Грознаго; братина; каменная фигура; вещи изъ могильника: бусы, подвѣска, пряжка, монета; настольный подсвѣчникъ; скорострѣльная пищаль; тихвинскій «чеснокъ»; коробъ для кольчуги. — 3) Рисунки церковныхъ предметовъ: образъ «Благод молчаніе»; деревянное паникадило; образъ св. Никиты; желѣзный четырехсвѣщникъ; чугунное било; колоколь; монастырское било; желѣзный витой подсвѣчникъ; аналой; рѣзное изображеніе св. Параскевы Пятницы; голосники.	
XII. Изъ исторіи колонизаціи востока. (По поводу «Описанія Амурской области», составленнаго Г. Е. Грумъ-Гржимайло, подъ редакціей П. П. Семенова). В. В. Глинскаго	531
XIII. Критика и библиографія	549
1) Очеркъ эксплуатаціи Николаевской желѣзной дороги Главнымъ Обществомъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ, 1868—1893 гг. Составлено управленіемъ дороги. Часть I. Спб. 1894. В. П. — 2) А. Е. Прѣсяковъ. «Царственная Книга», ея составъ и происхождение. Спб. 1894. Г. Щапова — 3) Фредерикъ Винкель Горнъ. Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ приложеніемъ этюда Ф. Швейцера «Скандинавское творчество новѣйшаго времени». Переводъ К. Вальмонта. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1894. А. И—ва. — 4) Михаилъ Юрьевъ. Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. Москва. 1894. Вл. З. — 5) «Кавказскій Сборникъ», издаваемый съ высочайшаго соизволенія по указанію государя великаго князя Михаила Николаевича въ бытность его императорскаго высочества главнокомандующимъ Кавказскою арміею. Подъ редакціей артиллеріи генералъ-лейтенанта Черныскаго. Томъ XV. Тифлисъ. 1894. Е. Нозубскаго. — 6) Саратовскій край. Историческіе очерки, воспоминанія, матеріалы. Изданіе Саратовскаго общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ. Выпускъ первый. Саратовъ. 1894. В. Б.	
XIV. Историческія мелочи	566
1) Гробница Александра Македонскаго. — 2) Первая библіотека и первые броненосцы. — 3) Правда объ испанской армадѣ. — 4) Развлеченія Оливера Кромвеля. — 5) Происхождение французскихъ аристократовъ. — 6) Ученый шутъ. — 7) Вольтеръ, какъ коммерсантъ. — 8) Жена Руссо. — 9) Два итальянскіе памятника. — 10) Дипломаты и салоны третьей республики.	
XV. Заграничныя историческія новости	581

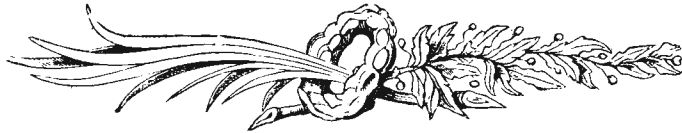
См. слѣдующую стран.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1895 году
(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1895 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія пятнадцать лѣтъ (1880—1894).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III.

(Руководящая идея Его царствования).

ВЕСЬ міръ уже облетѣла печальная и потрясающая вѣсть о томъ, что 20-го октября Императора Александра III не стало. Съ глубокой, сердечной скорбью присоединяемся къ выраженіямъ соболѣзнованія, которыми огласились какъ наше отечество, такъ и остальной цивилизованный міръ, сперва по поводу тяжелой болѣзни Монарха, а затѣмъ и по случаю преждевременной Его кончины. Личныя качества усопшаго Государя: Его необычайное прямотушіе, любовь къ правдѣ, твердость характера, вѣрность въ дружбѣ, семейныя добродѣтели, преданность долгу,—стяжали себѣ общее признаніе и были отмѣчены въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ государственными людьми, общественными дѣятелями и выразительницею общественнаго мнѣнія—печатью, съ такимъ краснорѣчіемъ, что намъ остается только указать на всѣ эти проявленія чувствъ симпатіи къ почившему Государю и занести ихъ на страницы нашего журнала.

Равнымъ образомъ и миролюбіе Александра III нашло себѣ общее признаніе и краснорѣчиво подтверждено авторитетными голосами. Государственные люди, стоящіе въ центрѣ дипломатической дѣятельности и держашіе въ своихъ рукахъ ея нити, откровенно признаютъ, что если надъ Европою не обрушилась во время недавняго остраго кризиса страш-

ная война, если сотни тысячъ жизней сохранены, если миллионы людей не оплакиваютъ гибели своихъ родныхъ и друзей,—то Европа обязана этимъ великимъ благомъ почившему Царю-Миротворцу, пожертвовавшему и вѣковыми традиціями, и личными своими симпатіями для огражденія европейскаго мира. Недаромъ исконные противники войны, англійскіе квакеры, когда получиласть вѣсть о тяжелой болѣзни усопшаго Государя, вознесли во всѣхъ своихъ храмахъ мольбы къ Богу о сохраненіи его жизни.

Но если всѣ эти качества Александра III и его заслуги, какъ миротворца, по достоинству оцѣнены всюду, гдѣ бьются сострадательныя къ бѣдствіямъ ближняго сердца и гдѣ умѣютъ цѣнить человѣческія добродѣтели, то руководящая идея царствованія почившаго Монарха еще далеко не выяснена съ надлежащею полнотою. Съ точки зрѣнія основной задачи нашего журнала, мы не можемъ лучше почтить память усопшаго Государя, какъ сдѣлавъ попытку выяснитъ связь Его царствованія съ царствованіемъ Царя-Освободителя и съ тѣми задачами, которыя на рубежѣ новаго вѣка приходится разрѣшать Россіи вмѣстѣ со всѣми другими цивилизованными странами. Этому вопросу и посвящены нижеслѣдующія строки.

Смерть Монарха какъ бы проводитъ грань между настоящимъ и прошлымъ. Вся совокупность интересовъ, связанныхъ съ государственнымъ дѣломъ, какъ бы временно пріостанавливается въ своихъ проявленіяхъ, страсти стихаютъ, всѣми овладѣваетъ желаніе сосредоточиться въ себѣ, оглянуться на пройденный путь, уяснить себѣ, куда онъ насъ ведетъ: будничныи судъ довольныхъ и недовольныхъ современниковъ до извѣстной степени замѣняется настроеніемъ позднѣйшихъ поколѣній, судомъ исторіи. Попытаемся же стать на эту широкую, безпристрастную точку зрѣнія.

Въ тяжелый для Россіи часъ вступилъ въ Бозѣ почившій Государь на престолъ. Царствованіе, ознаменовавшееся великими реформами, закончилось трагическою смертью ихъ Виновника. Монархъ, отмѣнившій крѣпостное право, обновившій судъ, даровавшій земскія учрежденія, погибъ насильственной смертью,—погибъ въ моментъ, когда, быть можетъ, думалъ завершить начатое имъ великое дѣло новыми реформами.

Но, даже независимо отъ постигшей Царя-Освободителя мученической смерти, многія явленія въ народной жизни заста-

вляли людей, преданныхъ благу родины, глубокопризадуматься. Злополучное польское возстаніе 1863 г., недовольство, постоянно сквозившее въ печати, цѣлый рядъ политическихъ преступленій вмѣстѣ съ другими менѣе яркими признаками не прекращавшагося протеста, представляли собою весьма прискорбный для всѣхъ благомыслящихъ людей отвѣтъ на великія реформы Царя-Освободителя. Трагизмъ нашей общественной и государственной жизни состоялъ въ томъ, что, по общему убѣжденію, русскій народъ и русское общество не могли дать такого отвѣта; напротивъ, они до глубины души сознавали плодотворность этихъ реформъ, и тѣмъ не менѣе выходило такъ, какъ будто они если не вызывали указанного отрицательнаго явленія, то по меньшей мѣрѣ своимъ бездѣйствіемъ способствовали его развитію и распространенію.

Гдѣ же источникъ зла?—спрашивала себя вся Россія, оффиціальная и не-оффиціальная. Дѣйствительно, получалось какое-то странное, почти загадочное явленіе. Во всѣ моменты русской исторіи, когда государству приходилось совершать какое нибудь крупное дѣло: отразить внѣшняго непріятеля, справиться съ внутреннею смутою, сдѣлать крупный шагъ на пути дальнѣйшаго культурнаго развитія, неизмѣнно происходилъ подъемъ земскихъ силъ, и, благодаря этому единодушію, достигались изумительные результаты. Вспомнимъ Смутное время, вспомнимъ Петра Великаго, царствованіе Екатерины II и Александра I. И вдругъ, оказывалось совсѣмъ иное. Правда, приступъ къ великимъ реформамъ Царя-Освободителя сопровождался сильнымъ подъемомъ общественнаго самосознанія, и важнѣйшая изъ этихъ реформъ, отмѣна крѣпостнаго права, именно благодаря этому обстоятельству, могла совершиться безъ всякихъ внутреннихъ потрясеній, съ успѣхомъ, поразившимъ весь цивилизованный міръ. Но эта реформа была только началомъ цѣлаго ряда другихъ реформъ, и—что же мы видимъ? Число недовольныхъ все увеличивалось, настроеніе общества не только не благопріятствовало этимъ реформамъ, но вызывало даже сомнѣнія въ ихъ плодотворности. Крайніе элементы уже не ограничивались словами, а перешли къ дѣйствіямъ, и дѣло кончилось катастрофой 1-го марта.

При такихъ-то условіяхъ вступилъ покойный Государь на престолъ. Надо было прежде всего ясно установить причину зла и соотвѣтственно начертать планъ дѣйствія. Послѣ почти двухмѣсячнаго зрѣлаго обсужденія этого сложнаго и

труднаго вопроса, принято было окончательное рѣшеніе, выраженное въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 29-го апрѣля 1881 года. Въ этомъ манифестѣ говорится: «Не столько строгими вѣлѣніями власти, сколько благостію ея и кротостію совершилъ Родитель Нашъ величайшее дѣло своего царствованія — освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, успѣвъ привлечь къ содѣйствію въ томъ и дворянъ владѣльцевъ, всегда послушныхъ голосу добра и чести; утвердилъ въ царствѣ судъ и подданныхъ своихъ, коихъ всѣхъ безъ различія сдѣлалъ навсегда свободными, призвалъ къ распоряженію дѣлами мѣстнаго управленія и общественнаго хозяйства. Да будетъ память Его благословенна во вѣки».

Этими словами опредѣлялось отношеніе новаго царствованія къ великимъ реформамъ Царя-Освободителя. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе на «злодѣйское убійство русскаго Государя, омрачившее всю землю Нашу скорбью и ужасомъ». «Но посреди великой Нашей скорби, — говорится далѣе въ манифестѣ, — гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на божественный промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее попятновеній».

Въ заключеніе указаны тѣ государственныя задачи, которыя возлагаются на русскихъ гражданъ: «Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и государству вѣрой и правдой къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, — къ утвержденію вѣры и нравственности, — къ доброму воспитанію дѣтей, — къ истребленію неправды и хищенія, — къ водворенію порядка и правды въ дѣйствиіи учрежденій, дарованныхъ Россіи Благодарѣлемъ ея возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ».

Еще раньше, то-есть тотчасъ по вступленіи на престолъ покойнаго Государя, разослана была представителямъ Россіи при иностранныхъ державахъ циркулярная депеша, въ которой говорилось: «Государь Императоръ посвятить себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и съ вопросами экономическими и социальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ. Внѣшняя политика Его Величества будетъ вполнѣ миролюбивою».

Эти два документа содержали въ себѣ всю правительственную программу новаго царствованія. Вкратцѣ она мо-

жетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: рѣшительная борьба съ крамолою; неприкосновенность великихъ реформъ Царя-Освободителя; полное миролюбіе во внѣшнихъ отношеніяхъ и сосредоточеніе вниманія на внутренней жизни, на вопросахъ экономическихъ и социальныхъ.

Программа эта отличалась рѣшительностью, опредѣленностью. Но руководящая идея, лежащая въ ея основаніи, еще не вполне раскрылась. Однако, уже первыя мѣропріятія правительства бросали на нее яркій свѣтъ. Прежде всего правительство энергически позаботилось о томъ, чтобы положить предѣлъ дальнѣйшему развитію дѣятельности политическихъ злоумышленниковъ. Съ этою цѣлью былъ принятъ цѣлый рядъ чрезвычайныхъ мѣръ. На случай, если бы эти мѣры оказались неэффективными, и злоумышленникамъ удалось бы достигнуть своей цѣли, установлено было регентство въ виду несовершеннолѣтія наследника престола. Эта мѣра свидѣтельствовала объ энергіи, съ какою правительство намѣревалось подавить броженіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ была принята еще одна мѣра, которая бросала не менѣе яркій свѣтъ на настроеніе и намѣренія правительства. Въ томъ же Высочайшемъ повелѣніи, въ которомъ предписывалось принять чрезвычайныя мѣры, упоминалось объ образованіи при градоначальникѣ для содѣйствія ему совѣта изъ выборныхъ отъ столичнаго населенія. Такимъ образомъ сразу опредѣлялся взглядъ правительства на истинный характеръ той преступной дѣятельности, которая имѣла такой роковой исходъ въ катастрофѣ 1-го марта. Провозглашеніе неприкосновенности началъ самодержавія не исключало единодушной дѣятельности правительства и общества; напротивъ, это единодушіе, эта совмѣстная дѣятельность правительственныхъ органовъ и общественныхъ элементовъ признавались залогомъ полного успѣха. Что правительство намѣревалось вступить именно на этотъ путь, подтверждается и послѣдовавшимъ скорѣе сообщеніемъ о созывѣ свѣдущихъ людей изъ разныхъ губерній для представленія соображеній по вопросу объ устройствѣ питейной торговли, а также объ упорядоченіи переселенческаго движенія крестьянъ. Два мѣсяца спустя, то-есть 10-го октября, состоялось первое соединенное засѣданіе государственнаго совѣта съ участіемъ земскихъ экспертовъ для обсужденія вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей.

Значить, совмѣстная дѣятельность правительственныхъ органовъ и общественныхъ элементовъ признавалась вполне

цѣлесообразною и желательною не только въ борьбѣ съ политическими злоумышленниками, но и по отношенію къ законодательнымъ мѣрамъ болѣе общаго характера, которыми должно было ознаменоваться новое царствованіе. При томъ сразу опредѣлился и характеръ этихъ общихъ мѣръ. Упорядоченіе переселенческаго движенія, устройство питейной торговли, переводъ временно-обязанныхъ крестьянъ на выкупъ ихъ надѣловъ, пониженіе выкупныхъ платежей,—вотъ тѣ вопросы, которые были возбуждены или рѣшены на первыхъ же порахъ. Кроме того, было увеличено содержаніе офицерамъ, а въ армейской кавалеріи и полевой артиллеріи имъ были предоставлены казенныя лошади. Вслѣдъ затѣмъ были приняты еще слѣдующія мѣры: дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1864 г. распространено на сѣверо-западные губерніи; установлено ежегодное празднованіе дня 19-го февраля; въ Восточной Сибири введено общее положеніе о крестьянахъ 1861 г., учрежденъ крестьянскій поземельный банкъ для облегченія крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли, изданъ законъ объ ограниченіи труда малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ. Одновременно всѣ военныя гимназіи были переименованы въ кадетскіе корпуса, женскіе врачебные курсы упразднены, военно-служащимъ запрещено публичное произнесеніе рѣчей и сужденій политическаго характера, наконецъ, газеты: «Порядокъ», «Страна», «Земство» и «Голосъ», подверглись болѣе или менѣе сильнымъ административнымъ карамъ. Для дополненія картины прибавимъ еще, что уже 26-го августа 1881 г. покойный Государь совершилъ путешествіе въ Данцигъ для свиданія съ императоромъ Вильгельмомъ I.

Достаточно вникнуть во всѣ эти мѣропріятія и дѣйствія русскаго правительства за первые два года минувшаго царствованія, чтобы убѣдиться въ слѣдующемъ: дѣйствіе великихъ реформъ Царя-Освободителя не только не было въ какомъ либо отношеніи пріостановлено, а напротивъ онѣ получили дальнѣйшее движеніе, то-есть были распространены на новыя мѣстности Россіи. На ряду съ этимъ проявлялась и забота о довершеніи самой крупной реформы Александра II, то-есть о созданіи условій, наиболѣе благопріятныхъ для обезпеченія судьбы освобожденныхъ имъ крестьянъ. Довѣріе къ земскимъ силамъ Россіи не было поколеблено; напротивъ, онѣ призывались къ новому служенію государству въ составѣ высшаго законодательнаго органа. Введеніе новаго таможеннаго тарифа свидѣтельствовало о намѣреніи оградить инте-

ресы отечественной промышленности, увеличеніе содержанія офицерамъ служило доказательствомъ заботливости о военномъ сословіи. Вскорѣ учрежденъ былъ дворянскій банкъ. Словомъ, всѣ классы русскаго общества могли убѣдиться въ дѣятельномъ попеченіи о нихъ законодателя, — всѣ, за исключеніемъ одного, за исключеніемъ той «части общества», о которой упоминалось въ постановленіи о прекращеніи «Отечественныхъ Записокъ». Правительство сочло нужнымъ энергически противодействовать начинаніямъ, которыя «внесли не мало смуты въ сознание» упомянутой части общества. Рѣчь, слѣдовательно, шла не только о борьбѣ съ такъ называемыми террористами, противъ преступной дѣятельности которыхъ принимались самыя энергичныя мѣры; вопросъ ставился шире, то-есть правительство старалось обезвредить почву, на которой зарождалось это прискорбное явленіе, другими словами, подавить проявленіе недовольства. Въ этомъ отношеніи происходила энергичная работа разрушенія очаговъ распространенія чувства недовольства. Но дѣло и этимъ не ограничилось. Внѣшнія проявленія чувства недовольства, въ формѣ ли протеста словомъ или дѣйствіемъ, имѣли, конечно, свою причину, и надо было ея доискаться. Исторически выяснилось, что наиболѣе сильное проявленіе этого чувства всегда совпадало съ эпохою болѣе или менѣе крупныхъ законодательныхъ реформъ. Вспомнимъ времена Екатерины II, Александра I и Александра II. Другими словами, упомянутая часть русскаго общества вступала въ наиболѣе сильный антагонизмъ съ официальной Россіею именно въ тѣ моменты нашей исторіи, когда само государство послѣ временной пріостановки было озабочено обновленіемъ русской жизни. Этотъ исторически выяснившійся фактъ наводилъ на мысль, что въ самомъ пониманіи государственной задачи существуетъ рознь между этою частью общества и правительствомъ, и что источникъ этой розни заключается въ отрѣшенности первой отъ жизни, въ ея стремленіи разрѣшать общественные и государственные вопросы не при помощи исторически сложившихся силъ, доказавшихъ на дѣлѣ свою способность обезпечить культурные успѣхи Россіи, а помимо этихъ силъ, на основаніи разныхъ соціальныхъ или политическихъ доктринъ крайняго характера. Изученіе родины, ея прошлаго, реальныхъ условій, въ которыя она поставлена, замѣнялось изученіемъ разныхъ крайнихъ теорій, возникшихъ на Западѣ, и русская жизнь измѣрялась мѣркою этихъ теорій, при чемъ

она, конечно, оказывалась совершенно неприглядною. Въмѣстѣ съ тѣмъ получалось нерасположеніе окунуться въ эту жизнь, жить ея интересами, приложить дѣятельную руку къ устраненію практическихъ несовершенствъ, и слагалось убѣжденіе, что дѣлу можно помочь только общими коренными реформами. А когда реформы такого рода совершались, ихъ признавали недостаточными, потому что человѣческой умъ, отрищаясь отъ дѣйствительности, отъ совокупности исторически сложившихся условій, всегда склоненъ создавать теоріи, въ сравненіи съ которыми даже самая крупная реформа представляется, конечно, недостаточною.

Въ виду этого выяснивагося положенія дѣлъ, правительство, какъ показываютъ принятыя имъ мѣропріятія, сочло своимъ долгомъ сосредоточить вниманіе на реальныхъ, практическихъ интересахъ родины. Плодотворность совершенныхъ Царемъ-Освободителемъ реформъ была признана безусловно. «Да будетъ память Его благословенна во-вѣки»,—говорилось въ манифестѣ 29-го апрѣля; но дальнѣйшія реформы въ этомъ направленіи были признаны излишними. Выдвинута была другая задача: консолидація этихъ реформъ въ самой жизни или, какъ сказано въ манифестѣ, «водвореніе порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи Благодѣтелемъ ея, возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ». Путь же, приводящій къ этой цѣли, какъ выяснилось изъ всѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій минувшаго царствованія, полагался въ томъ, чтобы поставить все государственное дѣло на прочныя основы постепеннаго историческаго развитія, отстранить неумѣренныя требованія, обусловленныя пристрастіемъ къ той или другой крайней теоріи, ввести въ общественное сознаніе мысль о дѣятельной практической работѣ у основъ народной жизни. Такимъ образомъ выдвигался историческій принципъ энергической и дѣятельной работы въ предѣлахъ установленныхъ учрежденій, какъ противовѣсъ стремленію совершать въ нихъ постоянную ломку, принципъ единенія правительственныхъ и земскихъ силъ, направленнаго къ упорядоченію въ самой жизни историческихъ и національныхъ основъ дальнѣйшаго роста и благополучія Русскаго государства. Чтобы полнѣе вникнуть въ эту руководящую идею минувшаго царствованія, мы остановимся на дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ, законодательныхъ и административныхъ.

Итакъ, борьба съ «крамолою» и съ отрицательными теченіями русской общественной мысли проявилась въ цѣломъ

рядѣ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. Положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ распространялось на новыя мѣстности или въ прежнихъ возобновлялся срокъ его дѣйствія. Равнымъ образомъ велась дѣятельная борьба съ печатью: «Отечественныя Записки» были прекращены, «Голосъ» вынужденъ былъ прекратить свою дѣятельность, вслѣдствіе закона 14-го сентября 1882 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ изданы были правила относительно открытія и содержанія публичныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, а затѣмъ состоялось распоряженіе объ изыятіи изъ этихъ библіотекъ многихъ сочиненій и журналовъ. Въ виду непрекращавшихся беспорядковъ въ разныхъ университетахъ былъ подвергнутъ пересмотру университетскій уставъ, послѣдовало прекращеніе пріема слушательницъ на высшіе женскіе курсы министерства народнаго просвѣщенія. Класснымъ наставникамъ поручено было дѣятельнѣе наблюдать за учениками гимназій и съ этою цѣлью посѣщать ихъ квартиры, даже тѣхъ, которые живутъ у родителей. Запрещено было ношеніе вѣнковъ и другихъ эмблемъ при погребальныхъ процессіяхъ. Состоялось повышеніе платы въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но всѣ эти мѣры, направленныя противъ отрицательныхъ теченій въ нашемъ обществѣ, были сами только мѣрами отрицательными. Гораздо опредѣленнѣе выразилась руководящая идея минувшаго царствованія въ положительныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ дальнѣйшему распространенію просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Разныхъ законовъ касательно народнаго образованія появилось въ минувшее царствованіе много, и всѣ они, несомнѣнно, носятъ общій характеръ. Гимназическая система образованія осталась въ главныхъ чертахъ нетронутою, и вниманіе законодателя было направлено не на измѣненіе основъ гимназическаго образованія, а, говоря языкомъ одного изъ законоположеній, на «составъ учащихся», другими словами, проявилось стремленіе по возможности избѣжать созданія такъ называемаго интеллигентнаго пролетаріата. Для достиженія этой цѣли съ одной стороны повышалась плата за ученіе, съ другой ученикамъ ставили сравнительно очень высокія требованія. Уже въ этомъ фактѣ отчасти проявляется основная мысль законодателя, но она выясняется еще болѣе, если принять во вниманіе, что его гораздо сильнѣе заботитъ созданіе въ Россіи цѣлой сѣти профессиональныхъ школъ. Не проходитъ года, чтобы не появилось нѣсколько законовъ, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. Гимназій и

прогимназіи превращаются въ промышленныя училища, происходитъ общій пересмотръ положенія о реальныхъ училищахъ, сельско-хозяйственныя, желѣзно-дорожныя, ремесленныя школы всякаго рода, создаются съ большою поспѣшностью, открывается новый технологическій институтъ въ Харьковѣ, обращается большое вниманіе на профессиональное образованіе женщинъ, создается особый типъ женскихъ училищъ съ 4-лѣтнимъ курсомъ, учреждаются промышленныя училища во многихъ провинціальныхъ городахъ, — словомъ, законодатель дорожитъ не столько обще-образовательными, сколько профессиональными учебными заведеніями, въ равной мѣрѣ какъ мужскими, такъ и женскими. Нечего и пояснять, что стремленія законодателя въ этой области совпадаютъ съ вышеуказанною руководящею идеею минувшаго царствованія. Какъ ни относиться къ утилитарному или гуманитарному направленію въ дѣлѣ народнаго образованія, одно бросается въ глаза, именно, что въ данномъ случаѣ рѣчь шла о созданіи такихъ учебныхъ заведеній, которыя удовлетворяли бы непосредственнымъ запросамъ жизни, такъ сказать, не отрывали бы дѣтей отъ среды, въ которой они родились, а напротивъ позволяли бы имъ быть по окончаніи курса полезными членами этой среды и чувствовать себя въ ней на мѣстѣ. Недостатокъ практическихъ знаній, непосредственно приложимыхъ къ жизни, разобщаетъ человѣка съ средою, въ которой онъ живетъ; наоборотъ, наличность такихъ знаній позволяетъ ему чувствовать себя въ ней хорошо и удовлетворять ея требованіямъ. Такова общая мысль, лежащая въ основаніи многообразныхъ профессиональныхъ учебныхъ заведеній, учрежденныхъ въ минувшее царствованіе, начиная съ ремесленныхъ школъ или съ низшихъ женскихъ училищъ и доходя до высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній или Ксеніевскаго института.

Но эта руководящая мысль законодателя проявляется не только въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Ею проникнуто все законодательство минувшаго царствованія. Удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ или специальныхъ интересовъ той или другой группы населенія, того или другого сословія, повидимому, главнымъ образомъ заботитъ правительство. Оно старается возбудить вниманіе общества именно въ этомъ направленіи. Если прежняя система народнаго образованія отрывала учащихся отъ родины, заставляла ихъ стремиться въ населенные центры, избѣгать работы въ деревнѣ, то и общее направленіе правительственной политики приводило взрослое населеніе къ тому

же. Деревня пустѣла; всѣ энергическіе, предприимчивые и интеллигентные элементы населенія стремились въ крупные центры, соблазняемые тою кипучею дѣятельностью, которая въ нихъ происходила. Это переполненіе центровъ оказывалось невыгоднымъ въ двоякомъ отношеніи: избытокъ молодыхъ, энергическихъ и предприимчивыхъ силъ, не находившихъ себѣ достаточнаго примѣненія, вызывалъ въ нихъ недовольство, увеличивалъ контингентъ лицъ съ отрицательнымъ направленіемъ мысли; съ другой стороны, провинція оставалась безъ столь необходимыхъ ей энергическихъ и предприимчивыхъ дѣятелей. Результаты въ послѣднемъ отношеніи оказались очень плачевными: сельское наше хозяйство пришло въ разстройство, мѣстное управленіе не дало тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыхъ отъ него ожидали. Въ минувшее царствованіе все это было признано, и усилія законодателя были направлены къ тому, чтобы измѣнить это невыгодное положеніе дѣлъ.

Главное вниманіе было направлено на подавляющее большинство населенія, т. е. на крестьянъ. Мы уже видѣли, что приступъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ въ первый же годъ минувшаго царствованія. Пониженіе выкупныхъ платежей, отмена подушной и преобразование оброчной подати, регулированіе найма на сельскія работы, учрежденіе крестьянскаго банка, упорядоченіе питейнаго дѣла, опытъ установленія казенной продажи питей, помощь, оказанная въ небывалыхъ еще размѣрахъ народной массѣ во время голода, — всѣ эти законодательныя мѣропріятія вызывались стремленіемъ обезпечить судьбу освобожденныхъ крестьянъ и должны были обратить вниманіе общества на этотъ жгучій вопросъ государственной нашей жизни. Послѣдняя цѣль въ значительной степени была достигнута. Вопросъ о деревнѣ не сходилъ со страницъ нашихъ журналовъ, со столбцовъ нашихъ газетъ. Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ находилось и стремленіе заинтересовать интеллигенцію мѣстными нуждами, побудить ее принять болѣе дѣятельное участіе въ дѣлѣ ихъ удовлетворенія. И въ этомъ направленіи были приняты разнообразныя законодательныя мѣры. Учрежденіе дворянскаго банка должно было приостановить процессъ постепеннаго обезземеленія дворянъ; институтъ земскихъ начальниковъ по идеѣ своей также соотвѣтствуетъ намѣреніямъ законодателя воспользоваться нашею интеллигенціею для обезпеченія судьбы деревни. Сюда же относится и учрежденіе министерства земледѣлія и предположенныхъ сельско-хозяйственныхъ коми-

тетовъ въ видахъ объединенія всѣхъ земскихъ и правительственныхъ силъ на пользу мѣстнаго сельскаго хозяйства.

Характеръ всѣхъ этихъ законодательныхъ мѣропріятій и реформъ уже не прежній. Довѣріе къ простому освобожденію личности, отъ стѣснявшихъ ее путь поколеблено. Вездѣ замѣчается стремленіе направить дѣятельность освобожденной личности къ той или другой, указываемой самимъ законодателемъ, цѣли, а цѣль эта, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, — прикрѣпленіе личности къ землѣ, къ мѣстнымъ реальнымъ интересамъ. Не здѣсь мѣсто разъяснять, насколько намѣренія законодателя осуществились; мы хотимъ только установить общую руководящую идею минувшаго царствованія. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать, что законодатель избралъ новый путь, и что этотъ путь непосредственно примыкалъ къ избранному Царемъ-Освободителемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ великихъ реформъ Царя-Освободителя лежало представленіе объ отвлеченномъ человѣкѣ, о способности этого отвлеченнаго человѣка, если ему дана будетъ свобода, найтись во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и устроить все къ лучшему. Но что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Освободительное движеніе пронеслось съ конца прошлаго вѣка надъ всею Европою, а между тѣмъ, даже въ странахъ, значительно насъ опередившихъ и въ культурномъ отношеніи, и въ развитіи гражданской свободы, наблюдается ясный поворотъ въ смыслѣ стремленія оградить многіе насущные интересы путемъ регламентаціи: государственный социализмъ дѣлаетъ быстрые успѣхи не только въ Германіи, но и во Франціи, Англіи, даже Соединенныхъ Штатахъ, а государственный социализмъ означаетъ стѣсненіе свободы. Отвлеченный человѣкъ, какъ представляла его себѣ философія XVIII вѣка, вызвавшая освободительное движеніе послѣдняго столѣтія, не вполнѣ соответствовалъ реальному человѣку съ его дурными инстинктами, страстями, склонностью пользоваться данною ему свободою для угнетенія другихъ, съ его неразуміемъ, неспособностью сносно устроить свою жизнь, вслѣдствіе невѣжества, неумѣнья отстаивать свои права и т. д. Кромѣ того, въ самомъ обществѣ возникаютъ всевозможные союзы, стѣсняющіе свободу своихъ членовъ въ видахъ достиженія общихъ цѣлей. Мы не можемъ прослѣдить здѣсь все это широкое движеніе, охватившее въ многообразнѣйшихъ формахъ самыя свободныя страны по сю и по ту сторону Атлантическаго океана. Да въ этомъ и не представляется надобности,

потому что всѣмъ извѣстно, какъ сильно стѣсняють свободу личности разные союзы, ассоціаціи, стачки. Для насъ важно только установить фактъ, что отвлеченное представленіе о человѣческой личности оказалось во многихъ отношеніяхъ ошибочнымъ и что установленіе свободы привело почти вездѣ къ сознанію истины, что нельзя считаться только съ отвлеченною личностью, но надо имѣть въ виду и реальнаго человека со всѣми его племенными и культурными особенностями.

Мы напомнили читателямъ объ этомъ поворотѣ въ міровой общественной мысли, чтобы выяснить, какъ тѣсно съ нимъ соприкасается руководящая идея минувшаго царствованія. Крайніе умы любятъ повторять истину, что человекъ, освобожденный законодательнымъ путемъ, не можетъ считаться свободнымъ, если его угнетаетъ экономическая неволя, если онъ поработенъ нуждою или нищетою. Значитъ, юридическое освобожденіе личности далеко не исчерпываетъ собою вопроса объ установленіи свободы. Освобожденіе крѣпостныхъ въ Россіи это вполне подтвердило тѣмъ печальнымъ положеніемъ, въ которомъ находится большинство нашихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, самую жизнь все сильнѣе и сильнѣе выдвигается вопросъ объ экономическомъ ихъ освобожденіи, и пока этотъ вопросъ не будетъ рѣшенъ, гражданская свобода останется во многихъ отношеніяхъ пустымъ звукомъ, потому что бѣдность въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ невѣжествомъ, а невѣжество — злѣйшій врагъ всякой свободы.

Освобожденіе личности не обезпечило на Западѣ народныхъ массъ, не избавило Европу отъ пролетаріата, и всюду, въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, парламенты и правительства теперь усиленно заняты рѣшеніемъ на видъ узкихъ, практическихъ вопросовъ, созданіемъ такъ называемаго соціальнаго законодательства, которое хотя до нѣкоторой степени пришло бы на помощь народнымъ массамъ. Эта задача, столь сложная, но въ то же время столь благодарная, не могла быть обойдена и Россіей, хотя и въ измѣненной формѣ. Либеральныя и консервативныя представленія, въ которыхъ путается наша общественная мысль, были отодвинуты на задній планъ, и законодатель подчеркиваетъ практическую дѣятельность, направленную къ рѣшенію наиболѣе жгучаго современнаго вопроса, — вопроса объ обезпеченіи матеріальнаго и духовнаго благосостоянія народной массы при помощи всѣхъ исторически сложившихся силъ, начиная съ самого правительства и кончая сельскою общиною.

Подвергая анализу законодательство минувшаго царствования, мы старались выяснитъ, что оно было однимъ сплошнымъ призывомъ сосредоточитъ всѣ общественныя и правительственныя силы на крупнѣйшей задачѣ нашего времени. Съ этимъ призывомъ законодатель обращался ко всѣмъ классамъ общества. Онъ легъ въ основу системы народнаго образования: въ ней состоялось широкое восполненіе гуманитарнаго направленія направленіемъ утилитарнымъ или профессиональнымъ. Такимъ образомъ подготовлялся поворотъ въ настроеніи интеллигенціи, которой предлагалось замѣнить безконечныя словопренія о народномъ благѣ непосредственною практическою дѣятельностью, направленною къ этой цѣли. Съ этимъ же призывомъ обращался законодатель къ дворянству: заботясь о матеріальномъ его благополучіи, онъ приглашалъ его принять дѣятельное участіе въ жизни деревни и учредилъ институтъ земскихъ начальниковъ. Съ этимъ же призывомъ онъ обращался и къ духовенству и, по возможности обезпечивая его матеріальное благосостояніе, расширялъ его дѣятельность по народному образованию въ церковно-приходскихъ школахъ. Въ томъ же духѣ былъ произведенъ пересмотръ городского положенія и положенія о земскихъ учрежденіяхъ, при чемъ главное вниманіе было обращено на то, чтобы установить полное единеніе правительственныхъ и земскихъ силъ въ дѣлѣ обезпеченія мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Не сокращеніе дѣятельности земскихъ силъ имѣлось въ виду, а, напротивъ, расширеніе ея, но не для игры въ политику, а для пракческаго рѣшенія насущныхъ вопросовъ мѣстнаго хозяйства, общественнаго здравія и просвѣщенія. Вопросы эти еще очень неудовлетворительно рѣшаются въ жизни, а между тѣмъ помимо ихъ рѣшенія серьезныя успѣхи немислимы, немислимо и осуществленіе гражданской свободы, ибо прочное участіе въ государственной дѣятельности можетъ принадлежать лишь тѣмъ, кто болѣе или менѣе глубоко изучилъ условія и требованія практической жизни.

Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на минувшее царствование, то намъ станетъ понятно, почему оно имѣло такой ясно выраженный національный характеръ. Современная національная политика также является естественною реакціею противъ чрезмѣрнаго увлеченія отвлеченнымъ человѣкомъ, созданнымъ философіею XVIII вѣка съ ея принципомъ всеобщаго равенства и братства. Мы видимъ, что и въ государствахъ, пользующихся наибольшею политическою свободою, существуетъ

много различныхъ партій, постоянно враждующихъ между собою и склонныхъ захватить государственную власть въ свои руки, чтобы доставить побѣду своимъ экономическимъ или социальнымъ интересамъ. Тамъ, гдѣ насильственно ниспровергались прежнія сословныя или иныя различія между людьми, тотчасъ же слагались новыя, и мечта о всеобщемъ братствѣ оставалась мечтою. Быть можетъ, пропасть, раздѣляющая по настроенію и чувствамъ современнаго рабочаго и предпринимателя, не менѣе глубока, чѣмъ пропасть, раздѣлявшая въ прежнее время сельскій людъ и поземельнаго собственника, феодала. Такимъ образомъ расчлененіе общества соотвѣтственно интересамъ отдѣльныхъ группъ населенія представляется попрежнему неизбежнымъ. Оно во многомъ совпадаетъ съ расчлененіемъ, установленнымъ исторіею. Чѣмъ менѣе данная страна подвинулась въ своемъ культурномъ и экономическомъ развитіи, тѣмъ явственнѣе будетъ это совпаденіе. Поэтому сословное начало у насъ сильнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, и всесословность или безсословность остается у насъ въ гораздо большей степени только теоретическимъ и законодательнымъ требованіемъ, чѣмъ на Западѣ. Мы льстили себя надеждою, что путемъ однихъ законодательныхъ мѣропріятій можно будетъ превратить сословную Россію въ безсословную. На дѣлѣ это не оправдалось, и минувшее царствованіе вполне признало этотъ фактъ. Сохраняя въ большинствѣ случаевъ принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ, оно въ то же время принимало во вниманіе экономическое различіе разныхъ сословій и старалось удовлетворить ихъ сепаратные интересы, не упуская изъ виду главной государственной задачи, то есть поднятія уровня матеріальнаго и духовнаго благосостоянія народной массы общими усиліями всѣхъ сословій и правительства.

О результатахъ, достигнутыхъ на этомъ пути, мы говорить не станемъ, потому что хотимъ здѣсь выяснитъ лишь общую руководящую идею минувшаго царствованія. Примиреніе расходящихся экономическихъ интересовъ сословій и иныхъ группъ населенія—задача очень трудная, особенно если она еще усложняется религіозными и племенными различіями. Это усложненіе можетъ быть настолько сильно, что оно затемняетъ основную мысль законодателя и уклоняетъ ее отъ нормальнаго пути. Какъ бы то ни было, пробужденіе національнаго чувства выразилось и въ дальнѣйшихъ энергическихъ мѣрахъ по обрусенію нашихъ окраинъ, преимущественно привислянскихъ и прибалтійскихъ губерній, на которыя было рас-

пространено дѣйствіе обще-государственныхъ учреждений и судебныхъ уставовъ 1864 года, равно какъ и были приняты мѣры къ прочному водворенію въ этихъ частяхъ имперіи обще-государственного языка. Но всѣ эти законодательныя и административныя мѣропріятія составляютъ уже не особенность минувшаго царствованія, а продолженіе той обрусительной политики, которой стало придерживаться наше правительство еще при Александрѣ II, отчасти вслѣдствіе возстанія 1863 года, отчасти же вслѣдствіе все усиливавшейся розни между нашимъ отечествомъ и Германіею.

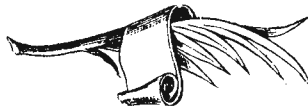
Гораздо яснѣе проявилась руководящая идея минувшаго царствованія въ томъ характерѣ, который приняла международная наша политика. Тутъ предстояло рѣшить очень трудную задачу. Съ одной стороны, въ виду всеобщихъ вооруженій, наше отечество должно было также усиленно позаботиться о дальнѣйшемъ развитіи своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; съ другой—экономическіе успѣхи Россіи и подъемъ благосостоянія народныхъ массъ настойчиво требовали сохраненія мира. Задача эта разрѣшена блестящимъ образомъ. Наши вооруженныя силы возросли въ значительной степени, владычество Россіи въ Средней Азіи упрочено почти безъ всякихъ жертвъ, западная наша граница внушительно укрѣплена, черноморскій флотъ возродился, и все это состоялось безъ нарушенія мира. А между тѣмъ именно въ минувшее царствованіе опасность его нарушенія была очень велика. Одинъ болгарскій вопросъ подвергъ уже сильному испытанію миролюбіе Россіи. Стоитъ только вспомнить болгарскія событія 1886 г., миссію Каульбарса, вызывающій образъ дѣйствія Стамбулова, чтобы въ этомъ убѣдиться. Такому могущественному государству, какъ Россія, конечно, было не легко воздержаться отъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла крошечной страны, освобожденной ею и тѣмъ не менѣе какъ бы умышленно вызывавшей ее на кровавую расправу. Оказалось однако, что за болгарскою передрягою скрывалась широкая политическая интрига, направленная противъ нашего отечества, и что главнымъ ея виновникомъ являлся бывший германскій канцлеръ, успѣвшій создать такъ-называемую лигу мира, чтобы поддерживать въ Европѣ главенство Германіи къ явному ущербу существеннымъ интересамъ Россіи. Такимъ образомъ, не смотря на свиданія въ Скерневицахъ и Кремзирѣ, постепенно выяснилось, что трехъ-императорскій союзъ утратилъ всякое значеніе, и что двое изъ мнимыхъ союзниковъ дѣятельно готовятъ

къ войнѣ противъ третьяго. Равновѣсіе силъ было явно нарушено, и вызывающій образъ дѣйствій Германіи убѣждалъ, что союзники торопятся разгромить Россію, пока она еще находится въ изолированномъ положеніи, какъ въ области нашихъ международныхъ экономическихъ интересовъ, такъ и на полѣ сраженій. Миръ могъ быть спасенъ, но только при условіи сближенія между Россією и Французскою республикою. Это сближеніе дѣйствительно состоялось и, благодаря ему, равновѣсіе силъ было восстановлено, такъ что Германія не могла безъ явнаго риска нарушить миръ, а таможенная война кончилась заключеніемъ выгоднаго для насъ торговаго договора. Роль императора Александра III въ этомъ дѣлѣ достаточно выяснена какъ нашею, такъ и заграничною печатью. Благодаря сближенію Россіи съ Франціею, страшное кровопролитіе и нарушеніе нашихъ международныхъ экономическихъ интересовъ были предотвращены. Но мы не можемъ не отмѣтить, что и тутъ проявилась руководящая идея минувшаго царствованія: миръ, столь необходимый для успѣховъ экономической жизни нашего отечества, былъ огражденъ путемъ тяжелой жертвы, путемъ отреченія отъ вѣковыхъ традицій ради достиженія первостепенной практической цѣли.

Таковъ основной характеръ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій минувшаго царствованія. Мы далеки отъ мысли, что намъ удалось въ этихъ немногихъ строкахъ начертить болѣе или менѣе полную картину этого царствованія. Нѣкоторыя стороны нами совершенно не затронуты, другихъ—мы коснулись только вскользь, но намъ казалось, что на рубежѣ двухъ царствованій умѣстнѣе всего отрѣшиться на нѣкоторое время отъ злобъ дня, отъ всего, что возбуждаетъ страсти и омрачаетъ трезвость нашего сужденія, чтобы, руководствуясь общимъ ходомъ исторіи и широкими теченіями міровой жизни, уяснить себѣ, въ чемъ заключается сущность только что пережитаго нами времени. При такой точкѣ зрѣнія многое наносное, случайное,—хотя и поглощавшее наше вниманіе, быть можетъ, больше, чѣмъ существовавшее, основное—отпадаетъ, и общее направленіе пережитой эпохи выступаетъ рѣзче, опредѣленнѣе. Направленіе это было попреимуществу дѣловое, практическое. Этого основной характеръ его подтверждается всѣми перечисленными нами законодательными и административными мѣропріятіями, а также возвращеніемъ къ традиціямъ прежнихъ царствованій, когда государственные дѣятели часто избирались не изъ лицъ родовитыхъ и близ-

кихъ къ придворнымъ сферамъ, а изъ лицъ, вращавшихся въ дѣловыхъ сферахъ, гдѣ они успѣли обнаружить свои способности, наконецъ и тѣмъ фактомъ, что грандіознѣйшее русское сооруженіе нашихъ дней, постройка великой сибирской желѣзной дороги, неразрывно связано съ именемъ новаго русскаго Царя.

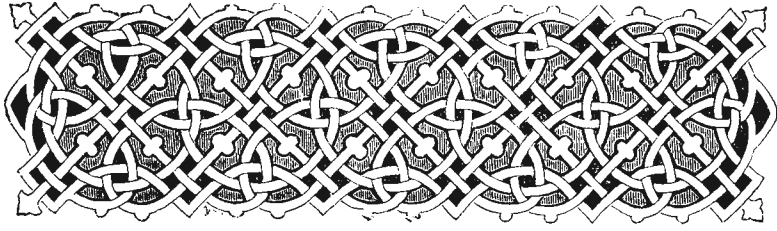
Послѣ бурнаго времени осуществленныхъ или задуманныхъ государственныхъ реформъ настала при усопшемъ Государѣ роздыхъ; но этотъ роздыхъ не означалъ бездѣйствія, а только отсрочку нѣкоторыхъ задачъ, чтобы полнѣе посвятить себя другимъ. Между послѣдними борьба съ такъ называемыми отрицательными теченіями занимала первенствующее мѣсто. Но самая эта борьба имѣла отрицательную и положительную сторону. Отрицательною своею стороною она не выходила изъ предѣловъ общеполіцейскихъ мѣръ по обезпеченію установленнаго порядка; положительною же она тѣсно соприкасалась съ духомъ времени, съ тою задачею, которую предстоитъ окончательно рѣшить всѣмъ цивилизованнымъ народамъ въ наступающемъ новомъ столѣтіи. Задача эта— обезпеченіе матеріальнаго и духовнаго благополучія освобожденныхъ массъ при помощи совмѣстныхъ усилій правительства и общества, интеллигенціи и самого народа, на почвѣ всесторонне выясняемыхъ интересовъ практической жизни. На этой-то почвѣ, устраниющей вѣчное шатаніе мысли—это наболѣвшее мѣсто нашего общественнаго самосознанія— возможно единеніе всѣхъ факторовъ государственной жизни, и, твердо вступивъ на нее, русское общество, быть можетъ, вѣрнѣе всего достигнетъ и окончательнаго обезпеченія гражданственности въ нашемъ, всѣми одинаково горячо любимомъ, отечествѣ. Прошлое царствованіе въ этомъ смыслѣ является прямымъ дополненіемъ освободительной эпохи и, будемъ надѣяться, преддверіемъ новаго дружнаго подъема культурныхъ силъ, создавшихъ единую, могущественную Россію, для рѣшенія самой насущной задачи нашего времени.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III.

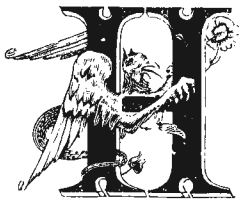
ДОВ. ЦЕНЗ. СЛБ., 26 ОКТЯБРЯ 1894 Г.

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Праздникъ Венеры.

I.

ИДАЛЕКО отъ нашей деревни было большое село Знаменское, тысячи три душъ. Насъ, дѣтей, отпускали съ гувернерами и гувернантками кататься, и мы всегда просили, чтобы кучеру приказали ѣхать мимо Знаменскаго. Тамъ на горѣ былъ большой, бѣлый, каменный барскій домъ съ колоннами, съ бельведеромъ и множествомъ какихъ-то бесѣдокъ и павильоновъ, очень красиво выглядывавшихъ изъ темной зелени стариннаго и обширнаго сада. Къ саду примыкалъ паркъ, и въ этомъ паркѣ тоже были бесѣдки и павильоны. Домъ съ усадьбой, садъ и паркъ были на одномъ—крутомъ берегу рѣки, а на другомъ, на пологомъ—деревня длинныя и сплошныя ряды низенькихъ, грязныхъ мужицкихъ избъ.

Когда, катаясь, мы проѣзжали по деревнѣ, изъ избъ выходили бабы, мужики, ребятишки, становились въ рядъ и кланялись намъ. Наша гувернантка нѣмка, Анна Карловна, и гувернеръ французъ, мсье Рамбо, всегда очень важно и милостиво отвѣчали имъ на ихъ поклоны. Ни у насъ въ деревнѣ, ни у кого изъ сосѣдей этого обыкновенія, то-есть, чтобы мужики выходили и кланялись, не было, и это насъ занимало и удивляло:

— Отчего это только тутъ такъ?

— Оттого, что здѣсь народъ вѣжливый; его учать этому.

Нѣмка Анна Карловна говорила это такимъ тономъ, что можно было понять, что это ей нравится.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1894 г., т. LVIII.

Въ Знаменскомъ никто не жилъ, то-есть домъ съ колоннами, и флигеля, и всѣ эти павильоны стояли пустыя, съ заколоченными окнами и дверями. Знаменское принадлежало какому-то Емельяникову—это мы знали—очень богатому человѣку, жившему постоянно въ Москвѣ и занимавшему тамъ какой-то важный и почетный постъ. Кромѣ Знаменскаго, у него были еще и другія имѣнія въ сосѣднихъ губерніяхъ, но на лѣто онъ переѣзжалъ изъ Москвы въ свое подмосковное, гдѣ у него тоже были и домъ, и флигеля, и даже свой театр; въ прочія имѣнія онъ не заглядывалъ. Этими имѣніями завѣдывали разные его управляющіе и присылали ему съ нихъ доходы и obroki.

Знаменское такимъ пустыннымъ я помню, когда мнѣ было лѣтъ двѣнадцать. Потомъ, когда мнѣ было ужъ лѣтъ четырнадцать, я помню его оживленнымъ: въ усадьбѣ движеніе, на дворѣ видны экипажи, народъ, то-есть ходятъ въ красныхъ рубашкахъ кучера, конюхи, видны торопливо проходящіе куда-то по двору повара въ бѣлыхъ курткахъ и бѣлыхъ колпакахъ. Въ домѣ и флигеляхъ окна ужъ не заколочены: тамъ вездѣ живутъ. Я помню даже и то, какіе этому оживленію Знаменскаго предшествовали разговоры. Къ намъ пріѣзжали сосѣди и рассказывали, что, по слухамъ, въ Знаменское скоро пріѣдетъ Емельяниковъ, навсегда покидающій Москву, такъ какъ тамъ у него вышла какая-то непріятная и скандальная исторія, и онъ поэтому вышелъ въ отставку и поселяется въ Знаменскомъ. Онъ везетъ съ собой свой оркестръ, театръ, балетъ.

— Какіхъ это денегъ стоитъ!

— Но вѣдь у него и средства огромныя. Въ Знаменскомъ всѣ съ ногъ сбились. Богдана Карловича (управляющій) узнать нельзя; похудѣлъ даже.

Этого Богдана Карловича мы знали. Онъ пріѣзжалъ къ отцу и проходилъ прямо въ кабинетъ. Когда мы тоже зачѣмъ нибудь въ это время приходили туда, мы его тамъ видѣли. Онъ такъ смѣшно говорилъ порусски. Съ нами онъ всегда здоровался по-нѣмецки и спрашивалъ, какъ мы учимся. Я помню, всѣ говорили про него, что онъ аккуратный и честный нѣмецъ, хотя я помню также, что всѣ говорили, что онъ страшно наживаетъ. Въ Знаменскомъ были оранжереи, теплицы, и онъ нерѣдко привозилъ что нибудь вырощенное въ нихъ; привезетъ вдругъ на масленицѣ свѣжихъ огурцовъ, салатъ. Матушка очень благоволила къ нему, и мы часто слышали: «Онъ славный нѣмецъ!». Отецъ добавлялъ: «Только страшный плутъ».

Я какъ сейчасъ вижу Богдана Карловича. Лысый, плѣшивый, изъ-за ушей торчатъ бѣлые пушистые волосы, лицо нѣжнаго розоваго цвѣта, щеки толстыя, жирный большой подбородокъ, нѣсколько отвислый, красныя губы. На шеѣ всегда бѣлый галстухъ, на пальцахъ, толстыхъ и короткихъ, множество колецъ. Росту онъ

былъ небольшого, и весь совсѣмъ круглый; очень большой былъ у него животъ, а ноги короткія и кривыя; панталоны на колѣнкахъ вытянулись и оттого по крайней мѣрѣ на четверть отъ полу не прикрывали сапогъ. Когда онъ шелъ, часто-часто семенялъ ногами, а руки держалъ растопыренными; казалось, что онъ боится упасть, и потому вотъ-вотъ сейчасъ упадетъ. Мы его не любили.

II.

Былъ великій постъ. Въ воздухѣ ужъ пахло весной; снѣгъ ужъ не былъ такой ослѣпительный, блестящій, какъ зимой, солнце пригрѣвало, дни стали длиннѣе; насъ чаще отпускали кататься; заложать тройку въ большія ковровыя сани, мы и ѣдемъ.

— Мы поѣдемъ въ Знаменское! Можно?

— Можно; поѣзжайте—все равно.

Однажды, во время катанья, когда мы проѣзжали въ Знаменскомъ мимо усадьбы, оттуда выѣхалъ въ санкахъ въ одну лошадь Богданъ Карловичъ, увидалъ насъ и началъ что-то кричать намъ. Кучеръ остановилъ лошадей. Богданъ Карловичъ подѣхалъ къ намъ, остановился и вступилъ въ разговоръ съ Анной Карловной и мсьё Рамбо. Они говорили, а мы слушали.

— Къ первому мая непременно пріѣдетъ. Театръ уже пріѣхалъ; вчера пріѣхали актеры и актрисы, привезли декораціи, вещи. Завтра и послѣзавтра пріѣдетъ балетъ, — рассказывалъ Богданъ Карловичъ. — Музыканты послѣ всѣхъ пріѣдутъ, — добавилъ онъ.

— Всѣ тутъ во флигеляхъ будутъ жить? — спрашивала Анна Карловна.

— Вотъ тутъ; въ этомъ вотъ актрисы, въ этомъ актеры, въ этомъ балетные, — говорилъ Богданъ Карловичъ, указывая рукой на тотъ или на другой флигель. — Одна есть какая въ балетѣ! — обратился онъ къ мсьё Рамбо, сложилъ пальцы руки въ пучечекъ и поцѣловалъ кончики ихъ.

Мсьё Рамбо улыбался. Анна Карловна сказала:

— Фуй, какой вы!

Богданъ Карловичъ разсмѣялся и продолжалъ:

— Что-жъ тутъ такое есть? Красива дѣвушка: это очень пріятно.

— И большой балетъ? — спросилъ мсьё Рамбо.

— Пятнадцать дѣвицъ и два балетмейстера при нихъ. Будутъ ставить также живыя картины; лѣтомъ въ саду, подъ открытымъ небомъ это очень будетъ пріятно. Всѣ дѣвицы изъ рязанскаго имѣнія набраны. Тамъ очень красивый народъ, особенно дѣвицы — я тамъ былъ въ прошломъ году — очень красивы. Хотите, пріѣзжайте завтра, — сказалъ онъ мсьё Рамбо.

— Въ какое время?

— Когда хотите, все равно.

Анна Карловна брезгливо улыбалась и повторяла:

— Фуй! Фуй!

М-г Рамбо и Богданъ Карловичъ смѣялись.

— Вотъ это я все Амальѣ Ивановнѣ (его жена) скажу, все скажу,— грозила ему Анна Карловна.

— Амальѣ Ивановнѣ? Да развѣ я ее боюсь. Амалья Ивановна все знаетъ.

— Хорошо, я ей все расскажу.

— А я скажу ей, это неправда.

— Фуй! Фуй!

Мы все это слушали и, ничего не понимая, тоже улыбались, смѣялись. Братъ, который былъ еще моложе меня, тоненькимъ голоскомъ закричалъ изъ саней:

— Богданъ Карловичъ, а когда вы огурцовъ намъ привезете?

— Огурцовъ? Завтра, душенька, я у папаши буду и привезу вамъ.

— Вы побольше привозите.

— Привезу много, большихъ, зеленыхъ.

Богданъ Карловичъ поболталъ еще что-то, и мы разѣхались.

Когда мы вернулись домой, мы сообщили всѣ эти новости матушкѣ.

— Онъ намъ завтра огурцовъ привезетъ, много, много, — говорилъ братъ.

— Мама, онъ говорилъ, актрисы ужъ пріѣхали. Одна, онъ говорить, такая красавица, такая красавица! М-г Рамбо завтра поѣдетъ ее смотреть,— сообщалъ я.

Присутствовавшая при этомъ Анна Карловна говорила, что мы ничего не поняли и теперь рассказываемъ Богъ знаетъ что. Матушка однако, я замѣтилъ, нѣсколько разъ вопросительно посмотрѣла на Анну Карловну и сказала, что вовсе не для чего было намъ останавливаться и разговаривать съ «Богданшкой».

За обѣдомъ мы опять начали разговаривать про театръ и актрисъ, но матушка сухо остановила:

— Довольно ужъ!

Слѣдующій разъ, когда мы начали проситься кататься, насъ отпустили, но кучеру велѣно было ѣхать не черезъ Знаменское, а по другой дорогѣ.

— Отчего же не въ Знаменское? Тамъ веселѣе.

— Тамъ вамъ нечего дѣлать. Поѣзжайте въ Алексѣевку.

Мы надулись и поѣхали съ кислыми лицами по скучной дорогѣ. Сидѣвшая съ нами Анна Карловна говорила:

— Въ другой разъ не будете болтать чего не слѣдуетъ...

М-г Рамбо въ свою очередь говорилъ:

— Сидите смирно, не высовывайтесы! На воздухѣ не слѣдуетъ говорить: можете еще простудиться. Потомъ еще за васъ отвѣчай...

III.

Такъ черезъ недѣлю послѣ этого у насъ съѣхалось нѣсколько человѣкъ сосѣдей. Дамы сидѣли въ гостиной, мужчины у отца въ кабинетѣ. Зачѣмъ-то я пошелъ къ отцу и услышалъ тамъ такой разговоръ:

— Каждый день ктонибудь ѣздитъ смотрѣть ихъ. Двѣ, говорятъ, дѣйствительно красавицы. Совсѣмъ какъ благородныя! И манеры, и руки. Руки у всѣхъ у нихъ хорошия.

— Нѣтъ, я ѣздилъ съ Михайломъ Васильичемъ и, когда Богдашка повелъ насъ показывать ихъ, я просто ахнулъ, ей-Богу! Точно гувернантки какія. Къ какой ни взойдешь въ комнату, обижается. Михайло Васильичъ — вѣдь вы знаете, какой онъ — одну взялъ за подбородокъ, такъ она какъ вырвется отъ него: «кто, — говоритъ, — вамъ это позволилъ?». Мы просили Богдашку, чтобъ онъ велѣлъ имъ въ трико одѣться и чтонибудь протанцовать, — не соглашается, боится, говоритъ, что, пожалуй, какъ бы ему за это не досталась; узнаетъ Емельяниновъ — бѣда, онъ, говорятъ, страшный ревнивецъ.

— А эту вотъ, Марью Степановну, я бы у него купилъ, — сказалъ одинъ сосѣдъ: — тысячь пять бы ему за нее далъ. Совсѣмъ, я вамъ говорю, какъ благородная, ничего этого хамскаго, рабьяго, и держать себя серьезно, скромно, съ такимъ достоинствомъ.

— Можетъ, и продать.

— Нѣтъ, ея онъ ни за что, говорятъ, не продастъ, это, говорятъ, у него самая первая актриса; Марію Стюартъ такъ играетъ, говорятъ, что хоть бы Рашели.

Я зналъ, кто такая Рашель. Отецъ получалъ много журналовъ, и къ одному изъ нихъ былъ приложенъ ея портретъ; мы его разсматривали и, когда спрашивали, кто такая Рашель, намъ говорили, что это великая актриса. Я поэтому зналъ, кто такая Рашель.

Они продолжали смѣяться и говорили все о томъ же и въ томъ же родѣ.

— А что, господа, — спросилъ князь Кундашевъ, нашъ ближайшій сосѣдъ, бывший гусарь, ужъ сѣдой старикъ: — видалъ ктонибудь изъ васъ Асенкову? Вотъ если бы у него была хоть немножко похожая на Асенкову, эту и я бы купилъ, ничего бы я за нее не пожалѣлъ.

Портретъ Асенковой, въ бѣленькомъ платьицѣ, съ гладко причесанными волосами, въ черной бархатной пелеринкѣ, висѣлъ у

отца въ кабинетѣ, и потому я зналъ, и кто такая Асенкова. Но видавшихъ извѣстную въ свое время, знаменитую петербургскую актрису никого не оказалось тутъ...

— И кончится это все тѣмъ, что у него ихъ всѣхъ растаскають, вотъ вы посмотрите.

— Это какъ же?

— Очень просто. Что-жъ онъ подѣлаеть!

— Ну, вотъ вздоръ какой!

— Ничего не вздоръ.

— Конечно, вздоръ. Ну, вы увезете ее, а потомъ что-жъ станете съ ней дѣлать, прятать ее?

— И прятать не стану. Выдамъ замужъ ее за своего кучера или повара—вотъ и конецъ; нельзя же развѣнчивать.

— Да вотъ такъ развѣ...

— Конечно.

Тотъ, который былъ въ восторгѣ отъ Марьи Степановны и сравнивалъ ее съ Рапелью, сказалъ, что она ему такъ нравится, что онъ, — не отвѣчаетъ за себя, — готовъ даже самъ жениться на ней.

— Съ ума вы сошли! — возражали ему.

— Устроить мнѣ развѣ это къ приѣзду его; приѣдетъ — и Рапели нѣтъ!

Въ кабинетъ я приходилъ за карандашемъ, за бумагой, давно досталь, что мнѣ было нужно, но продолжалъ рыться на столѣ, чтобы имѣть предлогъ оставаться въ кабинетѣ и слушать разговоры. Отецъ, наконецъ, замѣтилъ меня.

— Что ты тамъ возишься? Чего ты ищешь?

— Карандашъ.

— Да карандашъ у тебя въ рукахъ. Иди; тебѣ тутъ нечего слушать.

Я прошелъ въ гостинную, гдѣ сидѣла матушка съ дамами, и гамъ разговоръ о томъ же.

— И вы, Катерина Петровна, представить себѣ не можете, что это такое тамъ у него! Миша, братъ, ѣздилъ туда — ну, молодому человѣку все извинительно — и что потомъ онъ рассказывалъ! Нѣтъ, энъ можетъ ихъ для себя держать сколько угодно; но зачѣмъ же позволять, чтобы онѣ принимали къ себѣ постороннихъ? Этотъ старый дуракъ Богдашка, кто ни приѣдетъ, водить всѣхъ къ нимъ, показываетъ ихъ. Но что такое будетъ лѣтомъ, говорятъ! Въ саду, говорятъ, будутъ устраивать живыя картины, онѣ всѣ будутъ въ одномъ трико.

— Кто же туда поѣдетъ?

— Всѣ, посмотрите, будутъ ѣздить.

— То-есть мужчины.

— Понятно, не дамы.

— Найдутся и дамы, поѣдутъ... Я понимаю, музыку свою имѣть, музыку — это очень пріятно; можно, наконецъ, устраивать благородные спектакли. Но набрать горничныхъ, лакеевъ и заставлять ихъ передъ собою играть — я этого не понимаю! Говорятъ, ему ужъ подь семьдесятъ лѣтъ.

— Да, что-то около этого.

— И вотъ вы увидите, выберутъ еще въ губенрскіе предводители; при его состояніи, да они навѣрно выберутъ его!

Но мое присутствіе тутъ было замѣчено и тоже найдено неудобнымъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? Ты бы пошелъ въ дѣтскую или въ классную. Гдѣ м-г Рамбо? Иди, мой другъ — тебѣ нечего тутъ слушать.

Я успѣлъ, однако, составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, что такое ихъ возмущаетъ тамъ. Эти актрисы, думалъ я, должно быть, что нибудь не хорошее, онѣ тамъ дѣлаютъ Богъ знаетъ что. Но зачѣмъ же ѣздить туда смотрѣть ихъ?..

Вечеромъ насъ укладывали спать всегда въ десять часовъ, такъ что мы не присутствовали при ужинѣ. Сестры приходили прощаться съ отцомъ и матушкой въ сопровожденіи гувернантки Анны Карловны, а мы, то-есть я съ братомъ, въ сопровожденіи мсьё Рамбо. Уложивъ насъ спать, и гувернантка, и гувернеръ потомъ приходили къ ужину, и, когда они ложились спать, мы давно ужъ спали. Этотъ день мнѣ съ братомъ пришлось идти прощаться безъ сопровожденія мсьё Рамбо: его не было, онъ куда-то исчезъ.

— А гдѣ-жъ мсьё Рамбо? — спросила матушка.

— Его нѣтъ.

— Гдѣ-жъ онъ?

— Мы не знаемъ.

Она спросила у Анны Карловны. Та сказала, что тоже не знаетъ. Начались справки, и стало извѣстно, что мсьё Рамбо уѣхалъ: за нимъ прислали лошадь изъ Знаменскаго, и онъ отправился туда, обѣщаясь скоро вернуться. Этимъ извѣстіемъ матушка была страшно возмущена. Она все повторяла:

— Это ни на что не похоже! Онъ еще начнетъ «ихъ» оттуда съ собой сюда таскать! Онъ туда дѣтей когда нибудь завезетъ! Они тамъ Богъ знаетъ чего, всякихъ мерзостей насмотрятся! — И наконецъ послѣ всего объявила: — Я не желаю, если онъ даже возвратится оттуда, чтобъ послѣ этого онъ ночевалъ въ одной комнатѣ съ дѣтьми.

Намъ съ братомъ постлали постель въ угловой на диванахъ и уложили тамъ спать.

«Отчего это онъ не можетъ теперь спать съ нами въ одной комнатѣ. Что-жъ, онъ развѣ оскверненный какой оттуда пріѣдетъ?»

IV.

Весна быстро приближалась. На рѣкахъ посинѣлъ ледъ. Въ поляхъ стали большія проталины, и полосы мокрой черной земли становились все шире и больше. Деревья стояли хотя и голыя еще, но кора на нихъ сдѣлалась изжелта-зелено-сѣрой, какъ всегда это бываетъ къ веснѣ. Грачи давно ужъ прилетѣли и по вечерамъ съ крикомъ вились надъ садомъ, собираясь усаживаться на ночлеги. Вездѣ вода, лужи, ручьи.

Прошло еще совсѣмъ ужъ немного времени, и начали рассказывать, что по вечерамъ слышали свистъ пролетавшихъ утокъ.

— Прилетѣли! Теперь ужъ того гляди, рѣки тронутся.

— Ихъ не обманешь; раньше времени онѣ не прилетятъ.

— Теперь скоро; лога ужъ прошли, дня черезъ два и рѣки тронутся.

Вечеромъ на рѣкѣ услышали шумъ. Это ледъ шумитъ, это рѣка тронулась. Это самое хорошее время въ году. Въ это время всѣ ходятъ веселые, у всѣхъ на лицахъ надежда, бодрость, всѣ ждутъ отъ будущаго всего хорошаго. Идутъ рѣки и въ ясные дни, солнечные, идутъ и въ сѣренъкіе съ дождемъ. Но ужъ какъ-то такъ всегда бываетъ, что черезъ недѣлю послѣ покой воды дождикъ сильный, крупный пройдетъ непремѣнно.

— Земля омывается,—говорятъ мужики.—У хлѣба корни омываются. Безъ дожда нельзя.

И вдругъ сразу послѣ этого дожда станетъ тепло, и все зазеленѣтъ. Третьяго дня вечеромъ еще нигдѣ не было зелени, а теперь ужъ оказывается, и на землѣ что-то зазеленѣтъ, и на лѣсъ помотришь — тоже зеленѣй сталъ, хотя сучья и вѣтки попрежнему еще голые.

— Омылись и зазеленѣли.

Въ воздухѣ и на землѣ тысячи голосовъ. Слышатся и жаворонки, и воробьиныя чириканыя, и грачи кричатъ. На дворѣ тоже голоса: доносится рѣзкій крикъ домашней птицы, на скотномъ дворѣ мычатъ коровы. Пахнетъ сырой, рыхлой парной землей. Пахнетъ прѣлымъ деревомъ, сѣномъ, навозомъ. Откуда-то доносится запахъ свѣжаго печенаго, горячаго хлѣба. И надъ всѣмъ этимъ синее, яркое, безоблачное небо.

Весна пришла.

Черезъ недѣлю было уже совсѣмъ тепло. Все зазеленѣло. Показались листья. Въ низенькой, яркой зеленой травѣ пестрѣли синіе и желтые первые весенніе цвѣточки. Насъ пускали гулять и по цвѣтнику, и по саду, гдѣ угодно.

Однажды, во время такой нашей прогулки, сейчасъ же послѣ завтрака, мы увидѣли, что по дорогѣ изъ Знаменскаго ѣдетъ шагомъ

цѣлый рядъ экипажей. Дорога у насъ проходила черезъ усадьбу, какъ разъ передъ домомъ. Отецъ въ это время ходилъ по двору съ кѣмъ-то изъ начальниковъ — конюшій, староста, наѣздникъ и проч. — тоже замѣтилъ приближающіеся экипажи и, продолжая разговаривать, смотрѣлъ на нихъ. Мы наблюдали ихъ изъ цвѣтника.

— Кто это ѣдетъ?—закричалъ я отцу.

— Никто не ѣдетъ. Это ѣдутъ въ городъ изъ Знаменскаго экипажи за Емельяниновымъ.

Всѣ мы, — братъ, сестры, гувернантка, французъ-гувернеръ, — стояли вдоль заборчика, окружающаго цвѣтникъ, и смотрѣли. Впереди ѣхала громаднхъ размѣровъ карета на высокихъ рессорахъ, съ козлами, отдѣланными бархатомъ и позументомъ съ бахромой. Она была запряжена шестерикомъ, съ фореиторомъ, вожжи зеленыя, сбруя наборная, армяки на фореиторѣ и на кучерѣ зеленые, на запяткахъ два лакея въ длинныхъ зеленыхъ ливреяхъ съ позументами и съ мѣдными пуговицами. За каретой три тарантаса тройками, потомъ дроги, линейки, нѣсколько телѣгъ. Когда весь этотъ поѣздъ въѣхалъ къ намъ на дворъ, карета остановилась, и изъ нея переважно вылѣзъ Богданъ Карловичъ и подошелъ къ отцу. Кучера, лакеи и прочіе, участвовавшіе въ поѣздѣ, сняли шляпы и шапки и такъ оставались съ непокрытыми головами, пока не замѣтилъ этого отецъ и не велѣлъ имъ покрыться. Мы видѣли—отецъ, разговаривая съ Богданомъ Карловичемъ, подошелъ къ каретѣ, заглянулъ въ нее черезъ спущенное окно, потомъ осмотрѣлъ лошадей. Богданъ Карловичъ ходилъ за нимъ, переваливаясь и растопыривъ руки. Наконецъ, онъ раскланялся съ отцомъ и полѣзъ въ карету. Двое лакеевъ съ боковъ поддерживали его подъ руки и помогали ему влѣзть въ нее. Поѣздъ шагомъ тронулся дальше.

Черезъ три дня, ужъ поздно вечеромъ этотъ же поѣздъ прослѣдовалъ мимо нашей усадьбы обратно. Было темно, разглядѣть никого нельзя было. Видны были только фонари у кареты и огромный фонарь въ рукахъ у верхового, скакавшаго впереди ея

Емельяниновъ ѣхалъ къ себѣ въ Знаменское.

V.

Очень скоро послѣ этого къ намъ пріѣхалъ «дядя Миша». «Дядя Миша»—двоюродный братъ отца, высокій, полный мужчина, лѣтъ сорока пяти, осанистый, нѣсколько вялый на видъ, серьезный, даже строгій, въ сущности предобрѣйшій человекъ, котораго всѣ въ уѣздѣ любили и, какъ только онъ вышелъ въ отставку, пріѣхалъ изъ Петербурга въ деревню и поселился въ ней, его

выбрали предводителемъ. Онъ былъ очень богатъ и по женѣ имѣлъ какія-то большія связи въ Петербургѣ. Къ намъ онъ обыкновенно пріѣзжалъ всегда дня на два, на три, и въ это время мы, дѣти, не отходили отъ него.

Я былъ его крестникомъ, любимцемъ, баловнемъ и, такъ какъ у него не было своихъ дѣтей, то онъ просилъ и отца, и матушку уступить ему меня, то-есть, чтобы меня отдали къ нему жить, онъ будетъ меня воспитывать, потомъ платить за меня въ училище правовѣдѣнія, въ которое тогда предполагалось меня помѣстить, и, въ концѣ концовъ, сдѣлаетъ меня своимъ единственнымъ наследникомъ. Этотъ разговоръ начинался всякій разъ, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ, или мы бывали у него. Онъ ничѣмъ не кончался. Но нѣкоторыя уступки въ этомъ направленіи ему, однако же, дѣлались. Такъ, напримѣръ, онъ пожелалъ, чтобы я обучался англійскому языку, и для этого на свой счетъ выписалъ для меня еще одну лишнюю гувернантку англичанку. Меня отпускали съ гувернеромъ, мсьё Рамбо, иногда недѣли на двѣ, на три, гостить къ нему. По его настоянію, отецъ и матушка согласились на обученіе меня верховой ѣздѣ, чего они ужасно боялись. Онъ подарилъ мнѣ пару пони и выписалъ изъ Москвы какого-то нѣмца, который ежедневно между завтракомъ и обѣдомъ, въ хорошую погоду, по получасу ѣздилъ со мной передъ домомъ, обучая этому искусству. Были еще и другія выраженія его любви и вниманія ко мнѣ.

Этотъ разъ, пріѣхавъ къ намъ, «дядя Миша» сказалъ:

— А я къ вамъ на минутку.

Всѣ удивились.

— Почему?

— Надежда Васильевна (его жена) все что-то хандрить и послала меня, чтобы я непременно привезъ ей Сережу (то-есть меня).

Но дядя, всетаки, остался у насъ ночевать, и только на другой день послѣ завтрака мы всѣ втроемъ, то-есть онъ, я и мсьё Рамбо, отправились къ нему въ Михайловское.

Дорога шла мимо Знаменскаго. Подъѣзжая къ усадьбѣ, я взглянулъ въ окно кареты и увидалъ надъ барскимъ домомъ развѣвающійся по вѣтру флагъ. Это былъ первый флагъ, который я видѣлъ не на картинкахъ, а въ дѣйствительности.

— Дядя Миша, что это—посмотри—флагъ?—спросилъ я его.

Дядя лѣниво выглянулъ въ окошко и проговорилъ:

— Флагъ.

— Для чего его выставляютъ?—продолжалъ я.

— Это значитъ, что хозяинъ у себя, дома. А Емельяниновъ развѣ ужъ пріѣхалъ?—обратился онъ къ мсьё Рамбо.

— Третьяго дня вечеромъ,—сказалъ французъ.

— Ты знаешь, дядя Миша, у него и актрисы, и музыканты, и живописцы,—началъ я.

— А ты почему это знаешь?

— Богданъ Карловичъ рассказывалъ. И всѣ говорятъ. Ты вотъ спроси у мсьё Рамбо. Какъ же ты не знаешь? Всѣ знаютъ, всѣ ѣздятъ, смотрятъ ихъ. Они ужъ давно здѣсь. Богданъ Карловичъ всѣмъ ихъ показывалъ.

Дядя ничего мнѣ не отвѣтилъ.

Мы проѣхали мимо усадьбы, проѣхали мостъ, дорога пошла селомъ. Изъ низенькихъ, покривившихся избенокъ, по обыкновенію, выходили бабы, мужики, ребятишки, становились въ рядъ и въ поясъ кланялись намъ. Мы съ дядей сидѣли въ глубинѣ кареты на первыхъ мѣстахъ, а мсьё Рамбо передъ нами на сидѣннѣ, спиной къ кучеру; насъ не было видно мужикамъ, но его они видѣли въ окно кареты.

— Мсьё Рамбо, будьте любезны, отвѣчайте имъ за меня на поклоны,—сказалъ дядя:—меня они не видятъ, а вамъ это удобно.

Мсьё Рамбо съ достоинствомъ и съ серьезной миной началъ раскланиваться. Я посматривалъ то на него, то на дядю.

— На поклоны всегда надо отвѣчать,—сказалъ мнѣ дядя, замѣтивъ мои взгляды.

— Я всегда кланяюсь,—отвѣтилъ я.

Въ концѣ села надо было проѣзжать плотину. Она была длинная, узкая и тутъ всегда обыкновенно отпрягали пристяжныхъ и выходили изъ кареты. На плотинѣ на встрѣчу намъ попались нѣсколько мужиковъ, остановились и сняли шапки.

— Вы емельяниновскіе?—спросилъ дядя.

— Емельяниновскіе,—отвѣтили мужики.

— Ну, что-жъ, рады барину, что онъ пріѣхалъ?

— Извѣстно, какъ же, рады.

— А видали вы его?

— Гдѣ-жъ его увидишь. Намедни, сказываютъ, видѣли, когда онъ на балконъ выходилъ.

— А на деревнѣ онъ у васъ не былъ?

— Нѣтъ.

— Это самые разоренные мужики во всемъ уѣздѣ,—сказалъ дядя, обращаясь къ мсьё Рамбо.—Негодяй этотъ управляющій его совсѣмъ ихъ доканалъ.

— Кто? Богданъ Карловичъ?—спросилъ я.

Дядя посмотрѣлъ на меня и ничего не отвѣтилъ.

— вмѣсто того,—продолжалъ онъ:—чтобы заводить балеты и театры, лучше бы Емельяниновъ избы имъ новыя выстроилъ. Позорить имя дворянина. Половина деревни у него ходить-побирается Христа ради.

Мы прошли плотину. На концѣ ея насъ ожидала карета, пристяжныя были опять заложены. Мы сѣли и поѣхали.

VI.

Я жилъ у дяди ужъ около недѣли. Однажды, передъ обѣдомъ, когда мы съ мсьё Рамбо гуляли въ паркѣ, мимо насъ (дорога въ этомъ мѣстѣ проходила паркомъ) на полныхъ рысяхъ проѣхала, запряженная шестерикомъ, уже знакомая намъ, емельяниновская карета. На этотъ разъ на запяткахъ ея стояли лакеи, расшитые еще болѣе позументами; на головахъ какія-то, невиданныя мною, трехугольныя шляпы.

Вернувшись къ обѣду домой, мы узнали, что у насъ гость. Лакей, который сообщилъ намъ объ этомъ, назвалъ Емельянинова «тайнымъ совѣтникомъ», и я живо помню, что я долго ломалъ себѣ голову надъ этимъ названіемъ, все связывая его съ представленіемъ о какихъ-то тайнахъ, прежде чѣмъ мнѣ объяснили, и я по-нялъ, наконецъ, что это такъ, звукъ пустой.

Хотя дядя и жилъ открыто, на широкую ногу, постоянно у него былъ большой сѣздъ, и вообще и самъ считался аристократомъ, но появленіе Емельянинова вызвало въ домѣ все-таки сенсацію. Тетушку я засталъ въ коричневомъ шелковомъ платьѣ со шлейфомъ, необыкновенно шуршавшимъ, на головѣ тоже какой-то необыкновенный чепчикъ съ широкими пестрыми лентами. Даже говорила она и отдавала приказанія какъ-то особенно, совсѣмъ не такъ, какъ всегда, гораздо торжественнѣе, величественнѣе. На меня почему-то тоже надѣли самую новенькую курточку, голову мнѣ на-помадили, причесали, и, когда лакей пришелъ и доложилъ: «кушать готово-съ», мсьё Рамбо, тоже освѣжившій свой туалетъ и шевелюру, взялъ меня за руку и повелъ въ залу. Мнѣ показалось, что и онъ шелъ при этомъ какъ-то особенно,— не шелъ, а точно танцевалъ кадрили.

Мы застали дядю, тетушку и «тайнаго совѣтника» уже сидящими за обѣденнымъ столомъ. Тетушка большой серебряной ложкой наливала изъ миски супъ въ тарелки, и мнѣ показалось, что это она дѣлала не такъ, какъ всегда, а гораздо торжественнѣе, какъ бы совершая какое-то священнодѣйствіе— не супъ наливала она, а дѣлала возліаніе. Возлѣ нея я увидалъ остроносаго, худого, съ слезящимися, мутными голубыми глазами старика, совершенно ужъ бѣлаго, съ нѣжно-розовымъ лицомъ. Сухая, дѣланная улыбка его произвела на меня крайне непріятное впечатлѣніе.

— Это вашъ сынокъ?—спросилъ онъ, увидавъ меня и повертывая голову то къ дядѣ, то къ тетушкѣ.

— Нѣтъ, это мой племянникъ,—сказалъ дядя:—сынъ моего брата, вашего ближайшаго сосѣда.

Я шаркнулъ ножкой и сѣлъ на свое мѣсто. Мсьё Рамбо сдѣлалъ также какой-то особенный поклонъ и помѣстился со мной рядомъ.

— Я еще никому не дѣлалъ визитовъ,—продолжалъ старикъ.— У васъ я у перваго, какъ у нашего уважаемаго предводителя...

Въ это время салфетка, конецъ которой у него былъ заткнутъ за галстухъ, свалилась къ нему на колѣни, и я увидалъ двѣ большія звѣзды, одна надъ другой, пришпиленные къ лѣвой сторонѣ его фрака. Онъ торопливо опять закрылъ грудь салфеткой и началъ ѣсть супъ, низко наклоняясь надъ тарелкой. Я смотрѣлъ на его розовую лысину, на бѣлые, мертвые, точно на куклѣ, какіе-то отставшіе отъ головы волосы, на худые и костлявые старческіе его пальцы съ длинными ногтями. Салфетка, должно быть, мѣшала ему, и онъ придерживалъ ее на груди лѣвой рукой; на одномъ изъ пальцевъ этой руки былъ огромный перстень. Мнѣ не понравилось и то, какъ онъ ѣлъ. Онъ часто-часто плескалъ ложкой супъ изъ тарелки къ себѣ въ ротъ, но супъ опять попадалъ въ тарелку, Я съ брезгливой гримасой смотрѣлъ на него. Дядя замѣтилъ это и глазами показалъ мнѣ, чтобы я не уставлялся такъ. Когда подали какой-то соусъ, онъ опять весь перепачкался.

Послѣ жаркого начали разносить шампанское. У дяди его подавали всегда, все равно, былъ ли кто на обѣдѣ посторонній, или нѣтъ; лакей съ бутылкой, обернутой салфеткой, являлся непременно. Когда разлили вино, старикъ взялъ свой бокалъ и, сдѣлавъ лицо еще болѣе сладкимъ, предложилъ тостъ за здоровье тетушки. Потомъ пили за его здоровье, потомъ еще, кажется, за дворянство, или за дядю; и я замѣтилъ, что скоро на розовыхъ старческихъ щекахъ «тайнаго совѣтника» проступилъ нѣжный, юношескій румянецъ, а глаза увлажились и посоловѣли.

Разговоръ шель о томъ, какъ это онъ рѣшился оставить шумную столичную свѣтскую жизнь и поселиться въ деревенскомъ уединеніи. Онъ сказалъ въ отвѣтъ какое-то четверостишіе, гдѣ упоминалось о музахъ, о лирѣ и т. п., и сталъ объяснять, что высокое положеніе, которое онъ занималъ до сихъ поръ по службѣ, все время только лишь тяготило его.

— Музы! Служеніе музамъ! Я всегда окружалъ себя... Поэты, художники, живопись, музыка, театр...

Тетушка умиленно смотрѣла на него и слушала, точно онъ говорилъ что-то необыкновенно умное.

— И здѣсь, въ тиши уединенія, вдали отъ свѣта, отъ котораго я бѣжалъ... продолжалъ онъ меланхолично-грустно, то и дѣло вытягивая паузы и опуская глаза.

Тетушка вздохнула и сказала:

— У васъ, мы слышали, здѣсь будетъ театръ свой, балетъ, оркестръ?

— О, это единственное, что меня можетъ еще занимать! Искусство для меня все!

Тетушка высказала предположеніе, что это, должно быть, стоитъ огромныхъ денегъ.

— Я ничего для этого не жалѣю,—отвѣчалъ онъ:—никакихъ расходовъ. Я одинокъ. Послѣ моей смерти, согласно моему завѣщанію, всѣ принадлежащіе мнѣ мои музыканты, живописцы, актеры и проч. получаютъ волю. Многіе изъ нихъ несомнѣнные таланты и современемъ, я убѣжденъ, достигнуть извѣстности и даже славы. Я утѣшаю себя тѣмъ, что отчасти виновникомъ этого я могу считать себя.

— О, они этого не забудутъ, они не забудутъ того, что вы сдѣлали для нихъ!—воскликнула тетушка какъ-то особенно восторженно.

Она вообще была, какъ всѣ это говорили, глупа. Дядя слушалъ разговоръ молча, серьезно, даже строго.

— А какія есть между ними способныя натуры!—опять воскликнула тетушка.—Конечно, у кого же есть возможность давать имъ такое образованіе!

Дядя, поглядывавшій все время молча съ какой-то странной улыбкой то на нее, то на него, при этихъ ея словахъ вдругъ сдвинулъ брови и серьезно проговорилъ:

— А вы, ваше превосходительство—извините за вопросъ—были вы у себя на деревнѣ?

Старикъ поднялъ на него голову.

— Нѣтъ.

— Сходите или съѣздите какъ нибудь, посмотрите.

— Я проѣзжалъ. А что?

— Такъ, послѣ обѣда я вамъ кое-что расскажу.

Тетушка съ удивленіемъ, почти съ ужасомъ, посмотрѣла на дядю. Старикъ, очевидно, не понимавшій, въ чемъ дѣло, взглядывалъ то на нее, то на него, наконецъ спросилъ пофранцузски:

— Они» чѣмъ нибудь недовольны?

— Послѣ я вамъ скажу,—пофранцузски же отвѣтилъ дядя.

Я вспомнилъ его разговоръ съ мсье Рамбо на плотинѣ и былъ убѣжденъ, что дядя будетъ съ нимъ говорить именно о томъ же.

VII.

Обѣдъ кончился; всѣ встали. Кофе дядя велѣлъ подавать въ кабинетъ, куда онъ пошелъ вмѣстѣ съ Емельяниновымъ.

— Ахъ, этотъ Михайлъ Дмитричъ!—сказала тетушка какъ бы про себя, провожая ихъ туда глазами.

Мсье Рамбо не разслышалъ, предположилъ, что это она къ нему обращается, и спросилъ, что ей нужно.

— Я говорю, что за странный человѣкъ Михайлъ Дмитричъ,—повторила она:—Емельяниновъ у насъ первый разъ въ домѣ, и онъ не нашелъ сказать ему ничего болѣе любезнаго, какъ то, что

у него мужики разорены. Я вѣдь знаю, навѣрно онъ объ этомъ будетъ ему говорить.

— Да, и я то же думаю,—сказаль я.

Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Почему?

— А потому, когда мы ѣхали, дядя говорилъ объ этомъ мсѣ Рамбо.

— Дядя думаетъ, что распустить ихъ такъ, какъ они распущены у него самого, лучше. Первые разбойники въ уѣздѣ, дѣлаютъ, что хотятъ! Онъ все ждетъ отъ нихъ благодарности; точно это люди!—добавила тетупка.

Она сдѣлала презрительную гримасу и, шурша своимъ шлейфомъ, направилась въ гостинную.

— Это совсѣмъ не ваше дѣло было вмѣшиваться въ этотъ разговоръ,—сказаль мнѣ мсѣ Рамбо.—Вы еще мальчикъ, и до васъ это нисколько не касается; вы даже понимать этого еще не можете.

Черезъ часъ, или черезъ два, послѣ обѣда Емельяниновъ уѣхаль. Проводивъ его, всѣ собрались на балконѣ. Тетупка вздумала сдѣлать замѣчаніе дядѣ, зачѣмъ онъ говорилъ съ нимъ объ его мужикахъ.

— Точно вы не могли найти другого разговора!

— Да?—странно разсмѣявшись, спросиль дядя.—А я думаль, что это для него самый любопытный разговоръ. Онъ вѣдь такой меценатъ, благодѣтель: онъ долженъ быть мнѣ благодаренъ, что я указываю ему на нуждающихся въ его помощи, тѣмъ болѣе, что эти люди такъ близки ему.

— Тѣ, которые получили хоть какое нибудь образованіе—музыканты, живописцы, актеры—да, они могутъ еще его понять, онъ еще можетъ ихъ къ себѣ допустить, приблизить. Но какъ же это могутъ быть близки ему эти? Вѣдь это же животныя! Имъ что ни дѣлай...

Дядя уже привыкъ къ подобнымъ замѣчаніямъ тетупки, слушалъ ее разсѣянно-скучно и, наконецъ сказаль:

— Ну, довольно!

Но она что-то опять начала ему возражать.

— Пожалуйста! Я прошу! Довольно!—ужъ съ досадою сказаль онъ.

Тетупка не унималась и продолжала.

— Да вѣдь это же старый развратникъ, и ничего больше! Всѣ эти балеты, театры—все у него для одного разврата! Неужели ты, матушка, этого не понимаешь?

Дядя всталъ и, ничего не отвѣчая ей на ея дальнѣйшія возраженія, направилъ къ ступенькамъ балкона, спустился по нимъ и, заложивъ руки назадъ, пошелъ черезъ широкой газонъ въ глубину сада. Наступило общее молчаніе.

VIII.

Наконецъ, мнѣ надо было ѣхать обратно домой. Самъ дядя почему-то не могъ ѣхать со мною, какъ онъ этого хотѣлъ, и меня отправили одного, то-есть съ мсьё Рамбо.

На этотъ разъ онъ помѣстился въ каретѣ рядомъ со мною и устроился притомъ гораздо комфортабельнѣе: сѣлъ поглубже въ уголь, а ноги протянулъ на переднее сидѣнье. Мы проѣхали нѣсколько верстъ, и онъ заснулъ. Онъ спалъ всю дорогу, только поворачивался съ одного бока на другой.

Такъ мы доѣхали до Знаменскаго. Передъ плотиною карета остановилась. Кучеръ съ лакеемъ и фореиторомъ, я слышалъ, держали какой-то совѣтъ. Потомъ лакей Никифоръ подошелъ къ окну кареты и сказалъ, что выходить намъ незачѣмъ: плотину поправили, сдѣлали шире, и пристяжныхъ отпрягать не будутъ.

— Спать,—сказалъ Никифоръ, посмотрѣвъ на мсьё Рамбо. — И во что это только онъ спитъ! Цѣлый день готовъ спать. Мусьё Рамбо. А мусьё!

Я остановилъ Никифора:

— Не нужно, пускай спитъ.

— Да вѣдь сейчасъ домой пріѣдемъ. Маменька увидитъ у него заспанное лицо: гнѣваться, пожалуй, будетъ, скажетъ, что никто не смотрѣлъ за вами...

Но я все-таки настоялъ, чтобы мсьё Рамбо не потревожили. Мы переѣхали плотину, отъ соломы мягкую, какъ пуховикъ. Дорога пошла селомъ. Опять, по обыкновенію, изъ избъ торопливо выходили и выстраивались у дверей мужики, бабы и ребятишки и кланялись каретѣ.

Чтобъ кому нибудь отвѣчать на ихъ поклоны, я пересѣлъ на переднее сидѣнье и кивалъ головой направо и налево.

Все Знаменское, я уже сказалъ, вытянуто въ одну длинную улицу. На одномъ концѣ его плотина, вотъ которую мы сейчасъ переѣхали, а на другомъ мостъ, переѣзжать который намъ предстояло. Затѣмъ ужъ начиналась барская усадьба.

На этомъ мосту никогда пристяжныхъ не отпрягали, изъ кареты не выходили, а проѣзжали его обыкновенно рысью; мостъ былъ отличный. Но на этотъ разъ, вѣхавъ на мостъ, лошади пошли почему-то не только шагомъ, но еле-еле съ ноги на ногу. Я высунулся въ окошко, заглянулъ впередъ и совершенно неожиданно съ удивленіемъ увидалъ совсѣмъ непонятную мнѣ картину. Впереди насъ, въ ширину всего моста, шло цѣлое общество какихъ-то дамъ въ шляпкахъ, въ мантильяхъ, съ зонтиками, было между ними и нѣсколько мужчинъ въ пестренкиихъ сюртучкахъ и въ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями—всего человѣкъ,

я думаю, тридцать, если не больше. Въ это время въ окошечко кареты, которое позади козелъ, оборачиваясь и нагибаясь ко мнѣ, лакей Никифоръ, сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ, окликнулъ меня и сказалъ:

— Извольте посмотрѣть: генераль съ актерками своими съ прогулки идетъ. Въ окно извольте посмотрѣть! Только поосторожнѣе, не упадите! Мусьё Рамбо!

— Не нужно, не буди его, Никифоръ, — сказалъ я, высываясь въ окошко и заглядывая впередъ.

Все общество было шагахъ въ сорока, въ пятидесяти впереди насъ. Мы ѣхали за нимъ, какъ ѣдетъ обыкновенно экипажъ за господами, которые вышли пройтись, погулять. Нѣкоторые обращались на насъ и посматривали. На самомъ ужъ концѣ моста все общество раздѣлилось, остановилось и выстроилось вдоль периль, очевидно, чтобы дать дорогу намъ проѣхать. Между молоденькими дѣвушками или дамами, въ бѣленькихъ кисейныхъ платицахъ, въ соломенныхъ шляпкахъ съ цвѣтами, я увидалъ знакомую уже мнѣ фигуру Емельянинова. Онъ былъ теперь въ свѣтлопалевомъ лѣтнемъ костюмѣ, тоже въ соломенной шляпѣ, и на шеѣ его былъ повязанъ яркій, пестрый шелковый платокъ, концы котораго висѣли большимъ небрежнымъ узломъ. Я сѣлъ на свое мѣсто, откинувшись въ уголь, и оттуда посматривалъ. Мсьё Рамбо продолжалъ спать.

Когда карета совсѣмъ поравнялась съ Емельяниновымъ, онъ что-то спросилъ у кучера—я это слышалъ, но не могъ разобрать что — сталъ смотрѣть въ карету, увидалъ меня и, очень любезно улыбаясь и кивая мнѣ, послалъ рукой поцѣлуй. Я снялъ мою матросскую фуражку, — меня водили морякомъ, — и раскланялся. Емельяниновъ опять что-то, я услыхалъ, сказалъ кучеру, и вслѣдъ затѣмъ карета остановилась. Емельяниновъ шелъ къ намъ.

— Мсьё Рамбо! Мсьё Рамбо! — закричалъ я, расталкивая француза.

Но было уже поздно: Емельяниновъ стоялъ у самаго окна.

— Вы куда это, молодой человекъ? домой возвращаетесь? — говорилъ онъ.

Я растерянно что-то отвѣчалъ ему, путалъ. Мсьё Рамбо, наконецъ проснувшійся, со сна ничего не понималъ, поправлялъ волосы, теръ заспанное лицо и торопливо повторялъ:

— Что такое? Что такое? А?

— Успѣете еще домой. Пойдемте ко мнѣ чай пить! Вечеръ такой чудесный! Заходите, мой юный другъ! Что я вамъ покажу! — продолжалъ Емельяниновъ.

Я не зналъ, что ему отвѣчать, смотрѣлъ на него, глупо улыбаясь. Но я помню, мнѣ ужасно хотѣлось зайти, посмотрѣть, что и какъ это тамъ у него устроено.

— Пойдемте, мой юный другъ! — опять повторилъ Емельяниновъ и самъ отворилъ дверцу кареты.

Мсѣе Рамбо, между тѣмъ, совсѣмъ уже очнулся и что-то скоро началъ говорить ему, то и дѣло называя его «вашимъ превосходительствомъ».

— Ничего!—отвѣчалъ Емельяниновъ. — Успѣете. Скажете, что это моя вина, что это я настояль. Пойдемте!

Мсѣе Рамбо и я вышли изъ кареты.

— Поѣзжай на барскій дворъ! — крикнулъ нашему кучеру Емельяниновъ.

Карета поѣхала, а мы съ мсѣе Рамбо остались съ Емельяниновымъ и его обществомъ.

— Ну, идемте!—сказалъ Емельяниновъ, и мы тронулись.—Вы отъ Михаила Дмитрича возвращаетесь?—спросилъ онъ.

— Мы у него прогостили двѣ недѣли,—отвѣчалъ мсѣе Рамбо.—Теперь домой пора; ему заниматься надо.

— Ну, ужъ какія это занятія лѣтомъ! Лѣтомъ надо дышать воздухомъ, кататься, купаться. Занятія—на это есть осень, зима,—говорилъ Емельяниновъ. —Такъ вѣдь? правду я говорю? — обратился онъ ко мнѣ, обнимая меня за талию.

Я что-то отвѣчалъ, въ родѣ «конечно», «да».

— Вы чаще пріѣзжайте ко мнѣ. Вѣдь это такъ близко! Два раза въ недѣлю у меня театръ, балетъ. У меня много картинъ, цѣлая галлерей, библіотека. У меня много хорошенькихъ барышень; за ними можно ухаживать. Вамъ который годъ?

— Четырнадцать,—проговорилъ я.

— А какой вы большой!—удивился онъ.—Я думалъ, вамъ лѣтъ пятнадцать, по крайней мѣрѣ. Ну, все равно. Вы любите хорошенькихъ? Ухаживать за ними любите? Вотъ посмотрите, какія миленькія. Александринъ! Кити! Мари! подойдите сюда, къ намъ,—сказалъ онъ, оборачиваясь назадъ.

Двѣ-три дѣвушки въ бѣленькихъ платицахъ приблизились, почтительно улыбаясь.

Я былъ, можетъ быть, дѣйствительно и выше, и мужественнѣе чѣмъ обыкновенно бываютъ дѣти въ этотъ возрастъ; но наивенъ, неловокъ и застѣнчивъ я былъ до послѣдней степени. Я растерялся, покраснѣлъ и не зналъ, что мнѣ говорить, куда смотрѣть. Емельяниновъ же, оставивъ меня съ дѣвушками, пошелъ впередъ съ мсѣе Рамбо, о чемъ-то его разспрашивая или рассказывая ему. Дѣвушки шли около меня и задавали мнѣ вопросы, люблю ли я гулять, кататься, собирать цвѣты, люблю ли я музыку, театръ.

Я отвѣчалъ: «да», «нѣтъ».

— А въ жмурки вы любите играть?

— Да,—сказалъ я.

— Вотъ ужъ, послѣ чая, будемъ играть, — сказала одна изъ нихъ.—Я вамъ завяжу глаза крѣпко, крѣпко...

— И вы будете насъ ловить,—продолжала другая.

Я что-то имъ отвѣчалъ.

— Это вашъ гувернеръ?—спросила меня одна изъ нихъ.

— Да.

— Французъ?

— Да.

— Какой красивый! Катя, помнишь?—ужъ обращаясь къ своей подругѣ, тихонько хихикая и шепотомъ почти, сказала она:— помнишь мсьё Рипара въ Москвѣ? Я сперва подумала, что это онъ. Я даже испугалась, когда увидала...

И потомъ, снова обращаясь ко мнѣ, сказала:

— У насъ весело; вы почаще прїѣзжайте къ намъ.

Мы подошли къ саду. Ожидавшій насъ, садовникъ отворилъ рѣшетчатые ворота, и мы начали входить въ прохладную, густую тѣнь липъ, кленовъ, березъ. Вдали, на концахъ аллеи сквозь зелень бѣлѣли павильоны, храмы, бесѣдки и самый домъ съ огромнымъ балкономъ и множествомъ толстыхъ бѣлыхъ колоннъ. Дорожки были усыпаны свѣжимъ краснымъ пескомъ. Кое-гдѣ стояли зеленныя скамейки и бѣлые, правильнѣе сѣрые, потрескавшіеся и потемнѣвшіе отъ времени статуи и бюсты. Мы шли, направляясь къ дому. Передъ домомъ разстилался большой газонъ, посреди него клумба съ цвѣтами и въ ней статуя нагой женщины.

— Сейчасъ на балконъ подадутъ чай, фрукты, варенье, конфекты; а потомъ будемъ играть въ жмурки. Потомъ, передъ ужиномъ, маленькій балетикъ. Вы останетесь у насъ ночевать? Скоро станетъ темнѣть; куда-жъ вамъ ѣхать ночью!—спрашивала меня дѣвушка.

— Я не знаю. Намъ надо домой,—отвѣчалъ я.

— Успѣете! Все равно, завтра утромъ прїѣдете.

Мы дошли до газона, у котораго уже стояли, поджидая насъ, Емельяниновъ и мсьё Рамбо, окруженные женщинами.

— Ахъ, Катя, какой онъ красавецъ! Ну, совсѣмъ, совсѣмъ мсьё Рипаръ!—всматриваясь въ моего гувернера, говорила одна дѣвушка другой.

— Говори, говори! Ужъ ты договорись!—отвѣчала ей подруга.

— А ты думаешь, я боюсь? Ни вотъ на сколько!—и она показала ей кусочекъ пальца.— Ахъ, батюшки, скажите, пожалуйста! Да нисколько я не боюсь, и все тутъ!

Мы подошли, наконецъ, на столько близко, что споръ у нихъ прекратился.

— Нравится вамъ садъ?—спросилъ меня Емельяниновъ.

— Очень.

— Теперь пойдете въ домъ; я вамъ домъ покажу.

Все общество осталось на ступенькахъ широкой террасы или балкона; а мы, то-есть Емельяниновъ, я и мсьё Рамбо, пошли

черезъ широко, настежь отворенную стеклянную дверь въ обширный темный залъ съ колоннами, хорами, люстрами. Вдоль стѣнъ стояли низенькіе диванчики на золоченыхъ ножкахъ, крытые малиновымъ бархатомъ. Темный паркетный полъ былъ навощенъ до того, что по немъ трудно было даже идти. Я съ любопытствомъ посматривалъ по сторонамъ. Изъ этого огромнаго зала прошли въ другой, тоже съ колоннами и люстрами, но меньшій. Потомъ начались гостинныя. Потомъ какія-то комнаты съ диванами, стѣны ихъ отъ полу до потолка увѣшаны картинами, до того темными, что ничего не разберешь, только можно видѣть темный квадратъ и кругомъ него золотую раму. И такихъ комнатъ мы прошли много, и всѣ онѣ наполнены картинами.

— Здѣсь есть замѣчательныя вещи,—поглядывая на картины, говорилъ Емельяниновъ.— Здѣсь есть картины, подаренныя дѣду Елизаветой Петровной, Екатериной Великой. Онъ былъ вѣдь лейбъ-кампанцемъ. Елизавета Петровна очень благоволила къ нему. Но за то Разумовскій ненавидѣлъ его...

Емельяниновъ при этомъ почему-то захихикалъ.

— Я вамъ покажу портретъ дѣда; онъ снятъ въ полной парадной тогдашней формѣ. Теперь темно становится; надо велѣть свѣчи зажечь.

Въ комнатахъ становилось дѣйствительно ужъ порядочно таки темно. Мы шли все дальше, изрѣдка останавливаясь передъ какимъ нибудь портретомъ, рѣзнымъ необыкновеннымъ шкафомъ, часами, вазами.

— А теперь пойдете наверхъ въ бібліотеку,—сказалъ Емельяниновъ, когда мы подошли къ какой-то узенькой, винтообразной, деревянной лѣстницѣ.

Онъ пошелъ вверхъ, за нимъ я, а за мной мсьё Рамбо.

Библіотека эта была огромная комната, по стѣнамъ которой отъ полу до потолка стояли сплошныя шкафы съ книгами, по срединѣ комнаты большой, длинный письменный столъ, на которомъ глобусъ, большая чернильница, перья, карандаши и бумага. Емельяниновъ, остановившись и обводя глазами шкафы, сказалъ мсьё Рамбо:

— Это рѣдкая бібліотека, здѣсь собрана почти вся французская литература прошлаго столѣтія.

Мсьё Рамбо почтительно выслушалъ и тоже сталъ смотрѣть на шкафы.

— Приѣзжайте ко мнѣ, приходите сюда, запирайтесь, читайте—вамъ никто не помѣшаетъ.

Онъ поговорилъ еще что-то и, сказавъ, что теперь поведетъ насъ въ театръ, пошелъ опять къ лѣстницѣ и началъ по ней спускаться.

Театръ, то-есть зала со сценой и съ рядами кресель, былъ

внизу, въ томъ же этажѣ, гдѣ и другія залы, съ блестящими паркетными полами, съ люстрами и проч., которыя мы уже осматривали; онъ и помѣщался гдѣ-то недалеко отъ нихъ. Когда мы шли, я узнавалъ знакомые переходы, комнаты. Теперь только стало гораздо темнѣе, почти ужь смерклось. Когда мы достигли театрального зала, и передъ нами распахнулись обѣ двери, я увидаль темное, глубокое пространство, откуда на насъ пахнуло прохладой и воздухомъ нежилой, запертой комнаты.

Я остановился въ дверяхъ.

— Тутъ ступенекъ нѣтъ. Ничего, не бойтесь, идите,—сказаль Емельяниновъ.

Я пошелъ за нимъ и за мсьё Рамбо, которому Емельяниновъ что-то началъ рассказывать и объяснять, смотря и указывая на потолокъ залы. Я понялъ изъ его словъ, что тамъ, на потолкѣ, нарисована какая-то картина, замѣчательная въ художественномъ отношеніи, но что ее ложно и ошибочно считаютъ непристойной и безнравственной. Что это была за картина, я ничего не могъ разобрать, такъ какъ за темнотой виднѣлись какія-то фигуры, группы,—ничего не было видно. Емельяниновъ объяснялъ также, показывая рукой вглубь залы, откуда и гдѣ выходы, гдѣ тамъ на концѣ залы за стѣной помѣщаются уборныя для актеровъ и танцовщицъ и проч. Я съ любопытствомъ слушалъ. Это былъ первый театръ, который я видѣлъ въ моей жизни. Темнота и тишина, царствовавшая тамъ, произвели на меня сильное впечатлѣніе.

— Очень хорошо! Очень!—повторялъ все мсьё Рамбо, оглядываясь во всѣ стороны.

— Да, но это хорошо все при освѣщеніи,—отвѣчалъ Емельяниновъ:—а такъ, никакого эффекта такъ нѣтъ.

Затѣмъ мы вышли изъ театра, при чемъ Емельяниновъ сказаль что-то относительно воздуха и вентиляціи лакею, отворявшему намъ двери, и мы опять пошли изъ комнаты въ комнату. Но это были ужь другія комнаты, которыхъ мы еще не видали, и вдругъ очутились въ той, изъ которой дверь вела на террасу или на балконъ.

IX.

Странная и невиданная картина представилась мнѣ, когда мы снова вступили на террасу. Сначала я ничего не могъ понять, такъ какъ не разобраль, что это такое. Были ужь совсѣмъ сумерки, быстро темнѣло, и я различаль только людей внизу террасы на лужайкѣ; но, что они дѣлали, я не могъ понять. И потомъ, они въ какихъ-то странныхъ костюмахъ. Мнѣ показалось, что они даже полуодѣтые, почти голые—не успѣли до нашего прихода одѣться и теперъ бѣгаютъ. И были тутъ и женщины, и дѣти, и мужчины.

Но потомъ, взглянувъвшись, я замѣтилъ, что они бѣгали и суетились не затѣмъ, чтобы поскорѣе одѣться при нашемъ приходѣ—они играли или что-то дѣлали, представляли. На картинкахъ я нѣсколько разъ видалъ танцовщицъ, нарисованныхъ въ коротенькихъ юбочкахъ, и мало-по-малу сталъ скоро догадываться, что это и есть представленіе. Женщины съ голыми, какъ мнѣ это казалось, ногами, маленькими шажками перебѣгали съ одного мѣста на другое, принимали различныя позы; мужчины, одѣтые тоже въ какія-то коротенькія курточки и тоже съ голыми ногами, подхватывали ихъ за талии, тѣ перегибались и при этомъ, стоя на одной ногѣ, другую подымали высоко, высоко. Потомъ они всѣ собирались вмѣстѣ, образовывали одну большую группу и опять вновь разбѣгались по лужайкѣ. Въ вечерней полутьмѣ лѣтомъ, подъ открытымъ небомъ, это было нѣчто удивительно оригинальное, и чего я не видывалъ до тѣхъ поръ.

Незамѣтно, слѣдя за представленіемъ, мы спустились съ балкона внизъ и присѣли на ступенькахъ.

Я очнулся ужъ, когда, сидѣвшій рядомъ со мною, Емельяниновъ обнялъ меня за талию и проговорилъ:

— Вы любите балетъ? Нравится онъ вамъ, мой юный другъ? Я вижу, вы поглощены зрѣлищемъ...

Шагахъ въ десяти, пятнадцати отъ насъ, на лужайкѣ полуобнаженные женщины собрались въ группы, переплелись руками и, вдругъ развернувшись длиннымъ рядомъ, то наступали на насъ, то опять отступали, танцуя и взмахивая ногами.

Я чувствовалъ, что у меня вся кровь бросилась въ голову, щеки горять, и я какъ-то особенно дышу. А съ боку на меня смотрѣлъ улыбающійся Емельяниновъ—я видѣлъ эту улыбку ранѣе на какой-то статуѣ—и спрашивалъ:

— Вамъ нравятся танцы, мой юный другъ? а? Хорошо? Ахъ, что бы я далъ за ваши годы! Вамъ нравится?

— Нравится,—проговорилъ я.

Я оглянулся и увидалъ моего гувернера, мсьё Рамбо. Онъ сидѣлъ недалеко она насъ, тоже на ступенькахъ и, слѣдя глазами за танцующими, время отъ времени слегка глухо покашливалъ, какъ бы у него пересохло въ горлѣ.

— Мой юный другъ,—продолжая не то смотрѣть на меня, не то любоваться мною, сказалъ Емельяниновъ:—вы любили въ жизни? вы испытали любовь? Нѣтъ? а?

Я ничего не отвѣтилъ ему, потому что я не понималъ, что со мною онъ дѣлаеть, показывая мнѣ все это.

А онъ продолжалъ:

— Вы не испытали любовь? нѣтъ?

Онъ продолжительно, все также улыбаясь, посмотрѣлъ на меня еще, потомъ вынулъ изъ своего бокового кармана платокъ и махнулъ имъ.

Танцы вдругъ прекратились. Всѣ танцовщицы, оправившись, медленно пошли къ намъ; вскорѣ насъ обступило десятка два женщинъ, тяжело дышавшихъ и оправлявшихъ свои коротенькія юбочки и растрепавшіяся прически. Онѣ, одна по одной, немного погодя, всѣ разсѣлись тутъ же по ступенькамъ террасы.

Емельяниновъ, улыбающійся и радостный, посматривалъ на нихъ, нѣкоторыхъ гладилъ по головкѣ, когда онѣ подходили къ нему, бралъ за подбородокъ, ласково трепалъ по щекамъ и проч. и вдругъ, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Вамъ, мой юный другъ, больше нравятся блондинки или брюнетки?

И, не дожидаясь моего отвѣта, продолжалъ:

— У самихъ у васъ волосы темные, почти черные, стало быть, вы должны любить блондинокъ. Вы молоды, стало быть, вы должны любить полныхъ и высокиихъ. Кити!

Сидѣвшая недалеко отъ насъ танцовщица, съ распущенными густыми свѣтлыми волосами, въ которые были вплетены листья, и такіе же листья были пришилины и на ея коротенькой юбочкѣ, поднялась съ своего мѣста и, улыбающаяся, подошла къ намъ.

— Кити, вотъ молодой человекъ, мой юный другъ, еще не испытавшій любви. О, какая это сладость! Я ввѣрю его вамъ. Умѣйте поймать его въ ваши сѣти!—сказалъ Емельяниновъ, взявъ ея руку и положилъ ее въ мою, которую взялъ у меня почти насильно, и затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ рыбачка-русалочка, которая васъ увлечетъ и поймаетъ въ свои сладостныя сѣти, а вы старайтесь уйти, избѣгнуть. Идите же, играйте и рѣзвитесь!

И, взявъ насъ обоихъ за руки, онъ какъ бы оттолкнулъ насъ отъ себя вглубь сада. «Рыбачка-русалочка» крѣпко схватила меня за руку и побѣжала, увлекая за собой. Я упирался, но она съ хохотомъ тащила меня. Мы отбѣжали отъ балкона на порядочное разстояніе, то-есть перебѣжали всю лужайку, и остановились въ темнотѣ подъ вѣтвями высокиихъ, раскидистыхъ липъ и кленовъ. Затѣмъ, она побѣжала опять, увлекая меня за собой. Наконецъ, мы совсѣмъ остановились. Она знала, гдѣ тутъ скамейка, подвела меня къ ней, сѣла сама и заставила сѣсть съ собою рядомъ и меня, затѣмъ, не выпуская моей руки изъ своей, она другой рукой обвила меня вокругъ шеи и начала тихо, тихо, точно нашептывая что и передавая мнѣ, цѣловать меня въ губы. Я помню только, что въ голову мнѣ въ это время пришла мысль о русалкахъ—не настоящая ли ужъ эта?

X.

Въ домѣ и на балконѣ горѣли огни. Отъ насъ, изъ темноты, они виднѣлись такъ привѣтливо и красиво. На балконѣ видно было нѣсколько балетчицъ. Онѣ собрались всѣ вокругъ большаго круглаго стола, обступили его, нѣкоторыя облокотились на него и о чемъ-то говорили, спорили; юбочки ихъ высоко оттопыривались, и можно было видѣть ихъ ноги, обтянутыя въ розовое трико. Но ни Емельянинова, ни мсьё Рамбо не было ни между ними, ни вообще на балконѣ и нигдѣ кругомъ; балетчицы несомнѣнно были однѣ—они ихъ покинули, ушли отъ нихъ.

— Гдѣ они?

Я замѣтилъ это моею «рыбачкѣ-русалочкѣ». Та разсмѣялась и сказала:

— А намъ какое дѣло до нихъ!

И она опять обвинила меня вокругъ шеи рукой, но теперь ужъ не такъ порывисто, прижалась ко мнѣ лицомъ, и мы оба молча сидѣли. Я слышалъ, какъ она дышитъ.

— Вы ужъ больше меня не любите?—шепотомъ спросила она меня.

Я вздохнулъ.

— Нѣтъ? Больше ужъ не любите?

Она тихо подняла на меня лицо свое и смотрѣла, какъ бы дожидаясь отвѣта.

— Люблю,—проговорилъ я.

Тогда она потянулась ко мнѣ, пригнула къ себѣ мою голову и опять, также точно передавая мнѣ что или нашептывая, начала тихо, медленно, медленно цѣловать меня въ глаза, въ губы, едва-едва отрываясь, чтобы дышать. Сколько это все продолжалось, я ничего не помнилъ, не зналъ...

Но вотъ вдругъ не вдаль, а въ темнотѣ огни. Мимо насъ — мы сидѣли на перекресткѣ двухъ аллей подъ сѣнью низко спустившихся вѣтвей липъ—по главной аллеѣ пронеслась толпа балетчицъ съ факелами въ рукахъ, всѣ въ цвѣтахъ, увитыя листьями, длинной травой; и за ними, одѣтые въ какіе-то невиданные странные костюмы, мужчины, тоже съ зеленью на головѣ, съ тонкими золотыми палками въ рукахъ, украшенными лентами и цвѣтами. Впереди всѣхъ между ними я увидалъ въ такомъ же странномъ нарядѣ старика Емельянинова, а за нимъ мсьё Рамбо. Они тоже имѣли въ рукахъ золотыя длинныя палки, которыми размахивали, указывая вдаль и какъ бы предводительствуя. Они пронеслись мимо, не замѣтивъ насъ.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на мою «рыбачку-русалочку, не понимая, что это такое.

— Это праздникъ Венеры, — сказала она: — и они бѣгутъ въ храмъ ея—вонъ что бѣлѣтъ вдали, на концѣ аллеи. Этого праздника сегодня не полагалось, и онъ, навѣрно, дается въ честь васъ. Побѣжимъ туда! Они насъ не замѣтили, не увидали и будутъ искать теперь, бѣгать по всему саду. Побѣжимъ!

Она схватила меня за руку, и мы побѣжали. Я былъ совершенно въ ея власти и повиновался, ничего не соображая, ни о чемъ не раздумывая.

Впереди виднѣлся бѣлый павильонъ, со множествомъ колоннъ вокругъ, давно хорошо знакомый мнѣ издали, когда мы, катаясь, проѣзжали мимо Знаменской усадьбы. Павильонъ, или, какъ оказывалось, «храмъ Венеры», былъ освѣщенъ факелами, которые держали въ рукахъ танцовщицы, собравшіяся вокругъ него, вошедшія уже въ него и стоявшія на ступенькахъ между колоннами. Оттуда неслись крики, смѣхъ, пѣнье.

Моя «рыбачка-русалочка» положила мнѣ руку на плечо, и мы бѣжали съ ней такъ, обнявшись. Крики: раздались еще дружнее и громче, когда собравшіяся у «храма Венеры» замѣтили насъ. Танцовщицы, съ розовыми ногами, увитыя зеленью, и съ ними Емельяниновъ, за плечами котораго висѣла какая-то бѣленькая шкурка съ шерстью вверхъ, бросились намъ навстрѣчу и окружили насъ. Тутъ сразу все смѣшалось, перепуталось. Танцовщицы отнимали меня одна отъ другой, обнимали, тащили одна къ себѣ, другая къ себѣ. Я видѣлъ мелькомъ лицо моего гувернера, мсьё Рамбо, раскраснѣвшееся и какое-то обезумѣвшее; онъ то появлялся, то снова я его терялъ. «Рыбачки-русалочки» моей ужъ не было возлѣ меня. Я искалъ ее глазами и наконецъ увидаль — она стояла немного въ сторонѣ съ Емельяниновымъ и, поправляя руками растрепавшіяся волосы, смѣялась и что-то рассказывала ему, а онъ слушалъ ее, радостный, какъ-то вытянувъ шею и схватившись за бока обѣими руками.

Вдругъ снова раздались крики, пѣніе. Мнѣ на голову надѣли вѣнокъ изъ листьевъ и цвѣтовъ и подъ руки, съ пѣньемъ торжественно повели по ступенькамъ въ «храмъ». Я увидаль тамъ Емельянинова; онъ стоялъ у возвышавшейся посреднѣ павильона, мраморной статуи женщины, передъ которой былъ поставленъ жертвенникъ. Тутъ тоже все было въ цвѣтахъ и въ зелени. И вдругъ я увидаль возлѣ себя въ такомъ же вѣнкѣ мою «рыбачку-русалочку»; ее тоже держали подъ руки. Намъ,—и ей и мнѣ,—дали много, много, полны руки, цвѣтовъ, подвели къ жертвеннику и сказали, чтобъ мы ихъ положили на него. Потомъ пѣніе смолкло. Емельяниновъ, простирая руки къ статуѣ, началъ что-то говорить, указывая ей на насъ. Онъ напомнилъ мнѣ въ это время жреца, какихъ я до того видалъ на картинкахъ, если бы только не этотъ странный его нарядъ. Рѣчь его,—то, что онъ говорилъ,—была не то

молитва, не то какое-то заклинаніе. Я вслушивался въ слова, но разобрать могъ только: «О, богиня, прими ихъ! Прими ихъ, этого юношу и эту дѣву! Они въ смущеніи, ты видишь, не могутъ говорить. Они принесли тебѣ въ жертву эти цвѣты, и ты будь къ нимъ благосклонна!». Онъ говорилъ долго еще, и, когда кончилъ, всѣ опять заплѣли, закружились. Емельяниновъ, съ своей бѣленькой шкуркой за плечами, съ золотымъ жезломъ, увитымъ зеленью и лентами, протискался сквозь толпу къ намъ и, взявъ за руки меня и «русалочку-рыбачку», повелъ насъ по ступенькамъ изъ «храма». Поющая и скачущая толпа кинулась за нами, обгоняя насъ и освѣщающая темную аллею факелами, высоко поднятыми надъ головой.

Мы направлялись опять къ дому. Емельяниновъ обнялъ за талию меня и «рыбачку-русалочку» и прерывистымъ отъ усталости и волненія голосомъ все повторялъ:

— Ну, что, хорошо? Хорошо?

Я отвѣчалъ ему что-то—вѣроятно, «хорошо», потому что мнѣ дѣйствительно было такъ хорошо, какъ никогда, хотя и страшно, и въ то же время совѣстно. Мнѣ приходили въ голову на мгновеніе мысли о домашнихъ, о томъ, что скажутъ тамъ, дома, когда узнаютъ все это; но мысли эти опять сейчасъ же уходили, исчезали.

Впереди ярко горѣлъ огнями балконъ. На немъ виднѣлся сервированный столъ, на которомъ стояли большіе золотые канделябры, съ десятками зажженныхъ свѣчей. Кругомъ поспѣшно ходили слуги. Когда мы приблизились еще, я увидалъ массу серебра и золота—кувшиновъ, вазъ, кубковъ и проч., разставленныхъ вдоль стола; такого богатства я не видывалъ еще никогда.

Съ пѣньемъ мы приблизились къ балкону и поднялись на него. Емельяниновъ, въ своемъ удивительномъ нарядѣ, нисколько, повидимому, имъ не стѣсняясь, обратился къ лакеямъ во фракахъ и дѣлалъ какія-то распоряженія. Затѣмъ мы начали садиться за столъ.

Моя «рыбачка-русалочка» теперь не отходила ужъ отъ меня, поглядывая на меня и держа въ своей рукѣ мою руку; время отъ времени она крѣпко пожимала ее. Мы сѣли рядомъ посрединѣ стола, какъ разъ напротивъ Емельянинова. Я искалъ глазами мсьё Рамбо и насилу нашелъ его на концѣ стола, между двухъ танцовщицъ, которыя смѣялись съ нимъ, гладили его по головѣ, шутя ударяли по рукамъ и проч.

Что намъ подавали, какія кушанья, я теперь не помню, какъ не помнилъ и тогда, весь поглощенный происходившимъ вокругъ меня, подъ впечатлѣніемъ всего испытаннаго и пережитаго мною въ этотъ вечеръ. Я помню, что блескъ огней, серебра, золота, открытыхъ плечъ, голыхъ рукъ, смѣющихся, раскраснѣвшихъ лицъ, съ оживленными и точно пьяными отъ изступленія глазами, производилъ такое поглощающее, неотразимое впечатлѣніе, оторваться отъ котораго я не могъ, былъ совсѣмъ не въ силахъ, какъ не могъ и ни о чемъ соображать и думать.

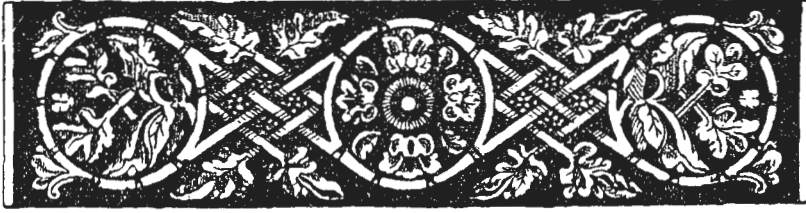
Почти сейчасъ же, какъ только мы сѣли за столъ, начали разносить вино въ серебряныхъ, золотыхъ и хрустальныхъ графинахъ и кубкахъ. Ко мнѣ протягивались со всѣхъ сторонъ руки съ бокалами, меня поздравляли, и я чокался и пилъ. Я помню, Емельяниновъ опять и здѣсь, за столомъ, произнесъ какое-то торжественное заклинаніе, или какую-то молитву, съ обращеніемъ къ богинѣ покровительницѣ, послѣ чего опять раздались крики и пѣніе, долго не смолкавшіе.

Въ глазахъ отъ блеска и свѣта у меня начало все мѣшаться. Я всматривался, и ничего ясно не разбиралъ. Голова горѣла, мнѣ хотѣлось и самому кричать, пѣть. Мнѣ наливали еще и еще вина, и я пилъ, нисколько не заботясь о томъ, что будетъ послѣ. И вдругъ я почувствовалъ,—это случилось какъ-то неожиданно,—что стулъ подо мною, и столъ, и канделябры со свѣчами, и всѣ сидящіе и стоящіе за столомъ какъ будто двигаются и клонятся всѣ въ одну сторону. Я пошатнулся вправо и прислонился къ плечу, сидѣвшей со мною рядомъ, моей «рыбачки-русалочки», которая обняла меня руками за шею и прижала мою голову къ себѣ на грудь, какъ дѣлаютъ это няньки съ засыпающими или уснувшими дѣтьми. Мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ томно, сладко, сладко, я закрылъ глаза и—дальше что было, ничего уже не помню.

С. Н. Терпигоревъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

О ЖИВЫХЪ И МЕРТВЫХЪ.

(Изъ воспоминаній).

I.

Маленькое размышленіе.—Къ біографіи Ивана Степановича Панова.—Новыя встрѣчи съ Пановымъ.—Какъ работалъ Пановъ.—Его родыхи.—«Вторники» у В. П. Бородина.—На горахъ.—Радущіе В. И. Яковлева.—В. П. Бородинъ и В. П. Острогорскій.—Два слова о П. В. Засодимскомъ.—А ргорокъ объ «Игрушечкѣ» и Пассекѣ.—С. М. Лобода.—Крапивина, ея вечера и спектакли.—Школьникство взрослыхъ.—Мечты Панова объ артельномъ журналѣ и мои невольныя размышленія по этому поводу.—Моя послѣдняя встрѣча съ Пановымъ.—Смерть И. С.

ВЪ ПРОШЛОМЪ моемъ очеркѣ («Первые шаги», «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., № 5), рассказывая о первой встрѣчѣ съ художникомъ Иваномъ Степановичемъ Пановымъ, я обѣщалъ побольше поговорить о талантливомъ иллюстраторѣ, забытомъ такъ скоро и столь незаслуженно. Впрочемъ, это едва ли удѣлъ одного Панова. Если люди вообще склонны забывать своихъ дѣятелей, то этою склонностью особенно отличаются русскіе люди, на столько равнодушные къ своимъ знаменитымъ покойникамъ, что даже совсѣмъ забываютъ ихъ могилы. Доселѣ надъ могилой Гончарова нѣтъ памятника. А Салтыковъ-Щедринъ? Въ послѣднюю годовщину его смерти на могилѣ сатирика литераторы

совѣмъ отсутствовали... А Чайковскій? Давно ли поэтъ восклицалъ, оплакивая великаго симфониста:

О, да, онъ былъ великъ. Въ минуты вдохновенья
Умѣлъ онъ уходить отъ суетной земли;
Невѣдомые намъ порывы и стремленья
Къ далекимъ небесамъ избранника влекли.
Забывъ нашъ дольний мракъ, заботы и волненья,
Воспрянувшей душой виталь онъ въ царствѣ грезъ...
Какое было тамъ ему доступно пѣнье!
Какіе звуки къ намъ оттуда онъ принесъ!
За то, что такъ хотѣлъ подняться въ міръ чудесный,
Отъ суетной земли нашъ избранный пѣвецъ,
За то, что онъ искалъ гармоніи небесной,—
Прими его въ Твои селенія, Творецъ!

Давно ли было это написано? А помянуть усопшаго, помолиться о немъ въ полугодовщину его смерти почти никто не пришелъ! «Суетная земля» и ея дѣти забыли того, кто «принесъ на землю чудные звуки».

Забвеніе постигло и Панова.

Я не берусь дѣлать подробную оцѣнку работъ художника или выяснять его значеніе. Это дѣло художественной критики, дѣло — специалистовъ. Я хочу только подѣлиться воспоминаніями о талантливомъ иллюстраторѣ, желая хоть немножко освѣтить его личность. Вскорѣ послѣ смерти И. С. я напоминалъ краткой замѣткой о немъ публикѣ. Но есть повторенія, которыя никогда не лишни. Своимъ изящнымъ карандашомъ И. С. помогалъ писателямъ, усиливая значеніе ихъ слова. Многія изданія обязаны художнику, въ томъ числѣ «Пчела», «Дѣтское Чтеніе», «Нива» и др.

Биографическія данныя, которыя извѣстны мнѣ изъ разныхъ источниковъ, очень небогаты. Иванъ Степановичъ родился въ Устюжнѣ, уѣздномъ городкѣ Новгородской губерніи, въ мартѣ мѣсяцѣ 1844 г. Объ отцѣ его я ничего не могу сообщить. По словамъ почтеннаго П. Н. Полевого, знавшаго хорошо Панова, отецъ Ивана Степановича, мѣщанинъ званіемъ, портной ремесломъ, былъ «извѣстенъ въ городѣ, какъ человѣкъ умный, начитанный и очень честный. За нимъ, правда, водился грѣшочекъ: попивалъ, какъ говорятъ въ народѣ, но съ «разумомъ», временами и до безобразія не напивался».

Ранніе годы И. С., по его собственнымъ словамъ, провелъ «вольготно», не зная стѣсненій, какъ душенькѣ было угодно. Получались колотушки, но за то и свобода полная носъ расквасить себѣ и товарищу, въ бабки поиграть, «въ города» побѣгать и побаловаться вдосталь. Бойкій, находчивый и довольно сильный мальчуганъ зачастую первенствовалъ въ дѣтской компаніи, подчиняя ее себѣ. По наружности онъ уже и тогда походилъ на отца, да и характеромъ также: та же смѣлка, находчивость, понятливость.

И. С. учился въ уѣздномъ училищѣ, но, кажется, курса не кончилъ, поступивъ въ ученѣе къ дядѣ, который занимался иконописаніемъ. О жизни въ артели ходячихъ богомазовъ И. С. отзывался всегда, какъ о времени, хотя и тяжело, но въ то же время и не лишенномъ веселья. Покойный все собирался описать эти годы, но такъ и не собрался. По совѣту добрыхъ людей Пановъ рѣшился бросить артель и поступить въ академію. Какъ удалось ему поступить, сказать уже не могу, но только онъ здѣсь скоро выдался среди товарищей своими блестящими способностями. «Талантливость проявлялась чрезвычайно разнообразно,—говоритъ П. Н. Полевой:—дюжій, здоровый, ловкій и смѣтливый юноша, за что бы ни принялся, все дѣлалъ отлично, все выполнялъ съ особеннымъ шикомъ, съ особеннымъ удалствомъ». Онъ въ это время много читалъ, пописывалъ самъ и работалъ уже для иллюстрацій. Кончивъ въ 1873 г. академію, И. С. рѣшился посвятить себя исключительно дѣятельности иллюстратора. Онъ хорошо видѣлъ какъ недостатокъ силъ на этомъ поприщѣ, такъ и всю важность этой дѣятельности. Къ тому же на такое дѣло влекла его и природная склонность. Вскорѣ послѣ выхода изъ академіи И. С. женился на вдовѣ своего пріятеля-художника, милой, доброй, необыкновенно симпатичной женщинѣ, зажилъ посемейному, бросивъ холостыя пирушки, и серьезно отдался дѣлу.

Въ этотъ періодъ жизни я и познакомился съ художникомъ.

Я описалъ въ предыдущемъ очеркѣ мою первую встрѣчу съ нимъ.

Послѣ этого я не видѣлся съ Иваномъ Степановичемъ до 1875 года.

Въ этомъ году, на масленицѣ, мы встрѣтились съ нимъ на Невскомъ. Если хотите, это не точно, потому что я не замѣтилъ Панова. Но онъ меня увидѣлъ, узналъ и окликнулъ. Забывъ мое имя и не желая называть меня по фамиліи, онъ прибѣгнулъ къ слову collega.

— Collega, куда, куда?

Я оглянулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ въ мѣховомъ пальто симпатичный иллюстраторъ.

— Куда?

— Гуляю... куда собственно.

— Ну, что гулять... лучше ѣдемъ!

Теперь я въ свою очередь спросилъ:

— Куда же ѣхать?

— На балаганы!

Я согласился и сталъ нанимать извозчика.

— Что вы! На извозчикѣ теперь-то? Нельзя! На чухонцѣ непременно!

Мы наняли чухонца и поѣхали.

Иванъ Степановичъ былъ необыкновенно веселъ, шутилъ, каламбурилъ, смѣшилъ до слезъ. И все у него выходило мило, игриво, непринужденно.

Балаганы не обходятся безъ кудельнаго дѣда.

Мы стали слушать шутки дѣда.

Толпа гоготала. Но Иванъ Степановичъ былъ недоволенъ и сказалъ мнѣ:

— Пойдемъ... топнуть!

— Да, не остро,—согласился я.

— Вотъ, батенька, чѣмъ потѣшается народъ еще... что его тѣшить!.. Ну, развѣ это соль, умно? Грубо, пошло... развратъ! Вотъ гдѣ бы цензуру-то... а то никакая книга не можетъ развращать такъ, какъ эта гадость... Узаконеніе пошлости!.. Эхъ, можно бы поострить... и съ пользой для толпы... Какъ вы думаете?

— Я думаю, что не «можно»,—улыбнулся я.

— Не «можно»?

— Да.

— Ну, такъ надо бы... я вотъ что хочу сказать! Можно въ томъ смыслѣ, что есть что осмѣять, надо осмѣять, что заслуживаетъ.

— Это иное дѣло, Иванъ Степановичъ! Вѣдь и въ прессѣ то же безцѣльное зубоскальство... Мало развѣ пошлаго смѣха?

— Не говорите!..

Онъ сказалъ экспромтъ, который, къ сожалѣнію, я не могу привести здѣсь.

Съ Царицына Луга мы отправились закусить въ ресторанъ.

— А я вѣдь на васъ, сказать правду, сердчаю,—промолвилъ Пановъ, когда мы уже сидѣли въ отдѣльной комнаткѣ ресторана.

— За что?—удивился я.

— А почему поэму-то не дали мнѣ иллюстрировать?

«Поэмой» онъ называлъ появившуюся въ «Дѣтскомъ Читеніи» мою повѣсть въ стихахъ «Въ морозные дни».

— Нельзя было, торопились, въ книжку не попала бы, а слѣдовательно...

— И аржановъ не было бы,—причина!

И онъ рассказалъ мнѣ, какъ самъ нуждался, бывало, когда еще ему платили дешево.

— А теперь за то немало получаете?—сказалъ я.

— За старое наверстываю. Иногда вижу, что дорого, да вѣдь—за старое! Молодыхъ обижаютъ, за нихъ надо мстить,—смѣясь, говорилъ онъ.—Сколько, на примѣръ, «Дѣтское Читеніе» платитъ за стихи?

Я сказалъ, что получилъ за повѣсть.

— Ишь! Ну, вотъ другой за васъ и «отомстить». Ихъ такъ и надо!

И онъ сейчасъ же сказалъ какой-то остроумный экспромптъ по этому случаю.

Прощаясь, онъ взялъ съ меня слово дать ему иллюстрировать «Въ морозные дни» при отдѣльномъ изданіи.

Мнѣ не пришлось, однако, сдержать слова. Въ 1879 г. вышла моя первая книга «Зимніе Досуги», въ которую, между прочимъ, вошли и «Морозные дни», но издатель книги, г. Головинъ, повелъ дѣло на самыхъ экономическихъ началахъ, и новыхъ иллюстрацій дѣлать не привелось.

Послѣ масленицы я нѣсколько разъ встрѣчался съ И. С., но на одну, двѣ минуты. И только въ декабрѣ того же 1875 г. я снова отправился къ художнику и опять-таки по дѣлу. Онъ жилъ въ то время на Васильевскомъ Островѣ (точного адреса я теперь не помню). вмѣстѣ со мною къ нему поѣхалъ и А. В. Арсеньевъ.

Мы застали художника за какой-то спѣшной и срочной работой.

— Вѣдь вотъ человѣкъ всегда не въ пору,—замѣтилъ И. С. шутливо:—чтобы двумя днями раньше: попалъ бы на именины жены.

— Я по дѣлу, Иванъ Степановичъ.

— А я за дѣломъ. Что тамъ?

Я подаль ему рукопись нова своей повѣсти въ стихахъ, которую тутъ же и посвятилъ падчерицѣ И. С., милой и замѣчательно красивой дѣвочкѣ, умершей, къ сожалѣнію, въ 1880 г. отъ дифтерита.

— Я теперь занятъ, голубчикъ, много не могу, а двѣ-три вещицы намараю,—сказалъ И. С.

Мы хотѣли уходить, чтобы не мѣшать работѣ, но хозяинъ объявилъ, что ему «болтовня» не мѣшаетъ, и оставилъ насъ обѣдать. Весь вечеръ мы провели у него и провели очень весело. Онъ показывалъ свои рисунки, потомъ у насъ поднялся споръ, въ которомъ приняла участіе и его жена Варвара Николаевна, симпатичнѣйшая изъ женщинъ, когда либо встрѣчаемыхъ мною. Въ этотъ вечеръ И. С. доказывалъ всю важность иллюстраціи и убѣжденно говорилъ, что «ея значеніе сдѣлается еще яснѣе въ будущемъ».

— А въ дѣтской литературѣ мы еще полезнѣе. Безъ насъ вы половину теряете. Ребенку картина, да хорошая, а не лубочная, какъ у Кашпиревой, на примѣръ, много значить. Она говоритъ его воображенію и усиливаетъ впечатлѣніе вашего слова.

Тутъ же случился маленькій эпизодикъ.

Я предложилъ И. С. нарисовать что-то.

— Не буду!

— Дадутъ дорого.

— А наплевать мнѣ на деньги! Я не продаюсь. Что нравится, за то втрое дешевле возьму. Да, буду я рисовать, чего и не знаю! Что я—шарлатанъ?

Расходился даже добродушный иллюстраторъ. Мы отправились въ какой-то ресторанчикъ «залить сердце» недорогимъ виномъ.

Послѣ этого вечера я часто встрѣчался съ И. С. Вышли «Родные отголоски», изданіе роскошное по внѣшности. Всѣ картины были выполнены Пановымъ. Кто не знаетъ этой книги? Кто не восхищался прелестью ея иллюстрацій? Къ сожалѣнію, Панемакеръ многимъ русскимъ типамъ придалъ рѣзбой французскій отпечатокъ. Покойный часто жаловался на это, но, по своему добродушію, мягко, съ легкой ироніей.

— Косецъ-то не Кольцовскій, а вѣдь съ Сены,— замѣтилъ я ему.— Офранцузили его, Иванъ Степановичъ.

— Вижу. Ну, что же, что съ Сены. Косилъ траву и попалъ на сѣно.

Покойный любилъ работать «запоемъ», безъ отдыха и за то подолгу «гулялъ»; въ это послѣднее время его отчасти можно было встрѣтить то въ Коммерческой, то въ Варваринской — двухъ гостиницахъ, которыя онъ любилъ. Здѣсь И. С. часто во время «роздыха» игралъ на билліардѣ, проигрывалъ не деньги, а рисунки своему пріятелю, издателю «Дѣтскаго Чтенія», В. П. Бородину.

— Ну, на шараду!

— Идетъ.

Играютъ на шараду.

— А теперь на букву!

Играютъ на букву.

— На заставку!

— Давай!

И какъ всегда: шутки, остроты. Любилъ я ходить сюда и присутствовать на «турнирахъ». Соблазнялъ и меня И. С., но я только разъ всего попробовалъ для «ученія» въ одномъ маленькомъ ресторанчикѣ, прорвалъ кіемъ сукно и закаялся играть болѣе. По этому случаю И. С. сказалъ мнѣ двустипіе, записанное имъ самимъ мнѣ въ памятную книжку:

«Взялъ кій и спасовалъ предъ шаромъ,
Но все же ты игралъ не даромъ».

Намекъ, что я заплатилъ за сукно.

У В. П. Бородина мы окончательно сблизились съ И. С., выпили какъ-то брудершафтъ и стали на «ты».

Къ Вячеславу Петровичу Бородину перешло «Дѣтское Чтеніе» отъ П. П. Меркулева. Редакторомъ оставался сначала А. Н. Острогорскій, а когда его перевели въ Москву директоромъ какого-то военнаго учебнаго заведенія, то редактированіе журнала взялъ на себя В. П. Острогорскій, извѣстный педагогъ, любимецъ молодежи и талантливый писатель.

Я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю это время. Дѣла «Дѣтскаго Чтенія» уже немножко пошатнулись, матеріальная сторона частенько «прихрамывала», какъ говорится, но настроеніе было бодрое. В. П. Бородинъ, — «военная косточка», какъ шуточно выражался Пановъ, — былъ человѣкъ (что значило много), и человѣкъ энергичный, искренній, простой, то что называется «душа-человѣкъ». «Что есть въ печи — на столъ мечи». Есть въ карманѣ три рубля — онъ половину отдаетъ сотруднику. А нѣтъ — не взыщи! Сотрудники не чувствовали лавочки, не чувствовали себя кустарями, которымъ нѣтъ дѣла до хозяина, а ему нѣтъ дѣла до нихъ. У насъ связь была и съ нимъ и съ редакторомъ. Я не знаю, затрудняюсь сказать, кто былъ радушнѣе и гостепріимнѣе: Бородинъ или В. П. Острогорскій. Къ тому и къ другому я шель (и не я одинъ, конечно) не какъ къ хозяину, къ чужому человѣку. Это были свои, близкіе люди. Когда ни придешь, бывало, къ В. П. Острогорскому, всегда встрѣтишь ласку, совѣтъ, и уходишь ободренный, съ новою вѣрою въ себя, въ свои силы, съ горячимъ желаніемъ работать, бороться, не уступать судьбѣ. В. П. Острогорскій умѣлъ деликатно сдѣлать указанія, дружески утѣшить въ горѣ. Я многимъ обязанъ ему въ тѣ далекіе годы. Не легко юношѣ пробивать себѣ дорогу въ столицѣ, гдѣ такъ много народу и такъ мало людей. Тѣ литературныя лавочки, которыхъ теперь такъ много, и въ которыхъ сидятъ торгаши словомъ, конечно, не могутъ быть тѣмъ для начинающихъ и молодыхъ писателей, чѣмъ было маленькое «Дѣтское Чтеніе» для насъ многихъ. И это благодаря В. П. Бородину и В. П. Острогорскому. Кто знаетъ В. П. Острогорскаго, тотъ знаетъ, что это «живая душа». Такой же душой живой былъ Бородинъ. И легче переносились невзгоды и житейскія печали. А главное то важно, что редакція не была лавочкой, мы не являлись работниками. Это была семья, которая работала недѣлю и отдыхала во вторники. Вторники — пріемные редакціонные дни. Но они скоро обратились въ оживленные журъ-фиксы, на которые собирались не только сотрудники, но и люди, не причастные къ журналу.

Въ началѣ вечеръ носилъ дѣловой характеръ. Шли разговоры о статьяxъ, о счетахъ, и т. д. Но потомъ начиналась «добрая пирушка». И. С. Пановъ являлся главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Веселый, остроумный, онъ всегда былъ самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Неистоимый на каламбуры, онъ всѣхъ смѣшилъ до слезъ. Сколько онъ зналъ анекдотовъ! Это были живые, характерные анекдоты, но безъ примѣси пошлости и сальности. Я не скажу, чтобы ихъ одобрила самая пуританская цензура. Но вѣдь эта цензура готова держать дѣвшушку чуть ли не до 19 лѣтъ на книжкѣ «для дѣтей». И. С. всегда говорилъ:

— Хлѣбъ безъ соли — не вкусенъ. Прѣсный анекдотъ хуже хлѣба безъ соли.

И соль всегда была въ его экспромптахъ, шуткахъ и разсказахъ.

Иванъ Степановичъ зналъ массу фокусовъ и показывалъ ихъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ, приводя въ восторгъ зрителей. Большой комикъ, онъ разсказывалъ сцены изъ русскаго и нѣмецкаго быта; особенно хорошо ему удавались пантомимы.

Войдешь еще, бывало, только въ переднюю: слышишь, въ комнатахъ стоитъ несмолкаемый хохотъ. Значить, Пановъ тутъ и что нибудь уже разсказываетъ. «Художникъ царить». Его всѣ любили, всѣ ему были рады, и многое ему прощали, зная его прямодушіе, его незлобивость, его широкую русскую натуру.

Зимой вторники нерѣдко оканчивались поѣздками на горы, устроенныя въ Лѣсномъ, у Василя Ивановича Яковлева, принимавшаго участіе въ изданіи «Дѣтскаго Чтенія». Добрый, мягкій, деликатный и гостепріимный человѣкъ, любящій веселье, Василій Ивановичъ встрѣчалъ радушно «ватагу», и пирушка, начатая въ редакціи, оканчивалась за городомъ.

Пановъ и на горахъ продолжалъ главенствовать, придумывая разныя «штуки», не довольствуясь обыкновеннымъ катаньемъ.

— Чего такъ-то ползать... надо что нибудь особенное,— говорилъ художникъ.

И онъ придумывалъ «особенное».

То онъ предлагалъ кататься, «какъ на фортункѣ», то-есть затылкомъ впередъ, то «грудой», то-есть на однѣ сани садилось нѣсколько человѣкъ, одинъ другому на колѣни.— Такъ виленскіе жидки въ театрѣ сидятъ, купивъ въ складчину одинъ билетъ въ кресло,— смѣялся Пановъ.

Катались мы и съ препятствіями.

Препятствія дѣлались различныя. Разставлялись въ разныхъ мѣстахъ и направленіяхъ снѣжныя «бабы», и надо было нырять между ними на саняхъ, то-есть проѣхать, не задѣвъ ни одной фигуры. Кто не умѣлъ, наѣзжалъ на снѣжную статую, и она, рассыпавшись, покрывала его снѣгомъ. Иногда нарочно устраивались эти фигуры такъ, что ихъ нельзя было миновать. Многіе слетали съ саней и лежали на каткѣ, въ разныхъ мѣстахъ. На одного налетали другіе—образовывалась куча...

— Больше куча—теплѣ!—раздавался голосъ Панова.

Громкій смѣхъ стоялъ въ холодномъ воздухѣ.

Да, веселое было время, и его вспоминаешь съ удовольствіемъ и въ то же время съ грустью, какъ страничку юности, быстро промелькнувшей, юности чистой, не знавшей тѣхъ удовольствій, которыя оставляютъ горькій осадокъ на всю жизнь, омрачая собою воспоминанія о весенней порѣ. Монахи «писаревскаго толка» если не всѣ, то многіе остались ими и на всю жизнь: упорный трудъ, горячіе споры смѣнялись увлеченіями и забавами, но это

были идеальныя увлеченія и чистыя забавы, которыя необходимы всякому труженику, ибо правъ поэтъ сказавши:

Буду слушать тѣ дѣтскія рѣчи,
Безъ которыхъ мнѣ жизнь не мила.

На вечерахъ часто бывалъ Павелъ Владимировичъ Засодимскій, принимавшій дѣятельное участіе въ «Дѣтскомъ Читаніи». П. В. Засодимскій мой землякъ (вологжанинъ), но мнѣ не пришлось сблизиться съ нимъ однимъ. Въ наше время, когда рубль получилъ такую силу, что ему охотно служить писатель, идя на разные компромиссы, идеалистъ и убѣжденный человѣкъ, какимъ несомнѣнно является авторъ «Хроники села Смурова», представляетъ собою отрадное явленіе. П. В. Засодимскій всегда былъ и остался тѣмъ идеалистомъ, который ради идеи и принципа жертвуетъ своимъ матеріальнымъ благомъ. Сколько разъ онъ бросалъ работу очень выгодную, только потому, что подмѣчалъ въ изданіи нотку, ему не симпатичную. Я со многими взглядами Засодимскаго не согласенъ; если придется, я завтра же могу вступить съ нимъ въ страстную полемику, но это не мѣшаетъ мнѣ признать за нимъ то, что ему принадлежитъ по всей справедливости. Пановъ очень любилъ Засодимскаго, какъ дѣтскаго писателя, и я согласенъ съ художникомъ, что Засодимскій прекрасный дѣтскій писатель.

По изобрѣтательности И. С. Пановъ былъ не замѣнимъ. По изяществу работы онъ не зналъ соперниковъ. И только однимъ онъ не могъ похвалиться — аккуратностью. То въ недѣлю наготовить на два мѣсяца, а то и спѣшная работа «лежитъ и ждетъ». Особенно много мѣшали работѣ «роздыхи». Въ послѣднее время (1879—1881 г.) эти роздыхи стали особенно часты. Т. П. Пассекъ, начавъ издавать «Игрушечку», разумѣется, обратилась къ Панову. Сначала болѣзнь И. С. мѣшала ему поработать для новаго журнала, а потомъ пошли «роздыхи»: по цѣлымъ мѣсяцамъ И. С. не бралъ карандаша въ руки. Онъ успѣлъ сдѣлать для «Игрушечки» всего только нѣсколько иллюстрацій, между прочимъ, нарисовалъ великолѣпнаго булочника для моей повѣсти «Иванъ Ивановичъ и Комп.», помѣщенной въ «Игрушечкѣ». Разсказъ же Крапивинной такъ и остался безъ пановскихъ иллюстрацій, хотя И. С. очень хотѣлъ сдѣлать пріятное для писательницы, которую любилъ и уважалъ.

Покойной Стефаніи Матвѣевнѣ не повезло. Она была одна изъ тѣхъ «изгоевъ» литературы, которые, не оцѣненные критикой, сходятъ въ могилу. О генияхъ вспоминаетъ потомство и поправляетъ ошибку прошлаго. Но писатели болѣе скромнаго ранга едва ли могутъ рассчитывать на такую корректуру потомства, потому что они не живутъ такъ долго. Но во имя справедливости и благодарный покойной писательницѣ я все-таки хочу напомнить о ней публикѣ, для которой она писала.

Золотое сердце было у этой женщины, много выстрадавшей въ жизни и состарѣвшейся прежде времени. Я не имѣю права раскрывать передъ читателями того, что сама покойная писательница ревниво скрывала отъ людей. Своимъ горемъ, своей тайной она дѣлилась только съ близкими друзьями. Я высоко цѣнилъ ея довѣріе и глубоко скорбѣлъ вмѣстѣ съ нею. Я былъ еще совсѣмъ юноша неопытный, увлекающійся и довѣрчивый. Въ горькія минуты я шелъ къ ней, въ ея скромную квартиру, и «отводилъ душу». Женщина въ лучшемъ смыслѣ этого слова, она чутко угадывала то, что часто было непонятно друзьямъ-мужчинамъ. Въ квартирѣ С. М. собиралось много молодежи и изъ міра учащагося. Одни шли потому, что ихъ влекла къ себѣ «добрая и образованная старушка», другіе составляли толпу поклонниковъ ея дочери, веселой и замѣчательно красивой дѣвушки. Я не былъ изъ числа послѣднихъ, хотя отдавалъ должное красавицѣ. Но меня влекли къ себѣ «золотое сердце» и «взыщный умъ» старушки, бесѣды которой приносили столько удовольствія и свѣтлаго отдохновенія. Охватить, бывало, хандра, начнутъ силы слабѣть въ тяжелой борьбѣ—идешь къ Стефаніи Матвѣевнѣ Лободѣ (Крапивина—псевдонимъ). Самой ей невесело, у самой горе, но она все забудетъ и начнетъ «лѣчить», какъ шутила она.

Она нуждалась сильно и часто. Но если случался излишекъ, она охотно ссужала, «давала перевернуться». Дочь она любила безгранично и, на сколько могла, старалась доставить ей развлеченіе. Устраивались чтенія, спектакли, на которыхъ Пановъ былъ «запѣвалой». Прекрасный актеръ, И. С. любилъ театръ, увлекался имъ и, бросая срочную работу, весь отдавался устройству сцены, рисовалъ декораціи, руководилъ артистами. Я хорошо помню это время и тотъ восторгъ, съ какимъ занимался И. С. театральнымъ дѣломъ. Спектакли шли недурно; вечера всегда отличались веселостью. Не обходилось дѣло безъ школьничества. Такъ однажды А. В. Арсеньеву (черезъ котораго я и познакомился съ Лободой), исполнявшему какую-то роль, мы поднесли вмѣсто букета вѣничекъ, которымъ смахивается пыль съ мебели. Артистъ раскланялся и торжествуя ушелъ за кулисы...

Всѣмъ намъ жилось тогда не легко, потому что всѣ мы нуждались, но были молоды и стойко переносили все. Работали въ мансардахъ и отдыхали по вторникамъ у Бородина и въ скромной квартирѣ Лободы. Сильно вѣрилось, и отъ души смѣялись...

С. М. Лобода-Крапивина писала и для взрослыхъ, но была попреимуществу писательница для дѣтей. Она обладала симпатичнымъ и недюжиннымъ талантомъ. Она писала неровно, потому что «такъ сложилась жизнь». Нерѣдко С. М. приходилось писать (какъ и многимъ) на спѣхъ, подъ давленіемъ нужды, писать не то, что хотѣлось въ данную минуту. Выходило слабо. Некогда было отдѣлы-

вать. Но у нея не мало было дивныхъ разсказовъ, которые отличаются чарующей поэзіей.

— Эхъ, кабы ей да другую обстановку, не то бы и было,—справедливо говорилъ о С. М. Лободѣ Пановъ со свойственною ему задушевностью.

И. С. всегда и вездѣ держалъ себя просто, искренно. Онъ не ломался, какъ многіе его собратья, хвастающіе «недосугомъ», «множествомъ работъ» и этимъ объясняющіе свою непростительную небрежность. Въ рукописи у автора, напримѣръ, солдатъ ѣдетъ верхомъ на лошади, а они рисуютъ солдата, лежащаго подъ березой. И. С. былъ въ работѣ честенъ и, какъ всѣ истинные таланты, скромненъ.

Что онъ былъ добръ, объ этомъ знаютъ всѣ, имѣвшіе съ нимъ дѣло. Мнѣ не одинъ разъ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ И. С. отдавалъ чуть ли не послѣдній рубль. Онъ постоянно кого нибудь кормилъ и содержалъ.

Деньги ему, впрочемъ, доставались легко. Часъ-два работы—и 30—40 рублей готовы.

Разъ мы шли по Невскому съ И. С.

— А что поѣдемъ обѣдать,—приглашаетъ И. С.

— Денегъ нѣтъ... Только послѣзавтра получу.

— И у меня нѣтъ!

А самъ смѣется.

— Ну, вотъ! На что же обѣдать? А еще зовешь!

— Нѣту денегъ—передъ деньгами... Сейчасъ добуду!

Онъ завернулъ въ редакцію иллюстрированнаго журнала и получилъ 25 рублей.

— Авансомъ?

— Завтра же сквитуюсь.

И сквитался: за чаемъ утреннимъ набросалъ виньетку—и долгъ погашенъ.

Въ 1879 году я напечаталъ въ «Малярѣ» четверостишіе, озаглавленное «Поэтъ—художнику» и послалъ № Панову. Онъ написалъ въ отвѣтъ:

Лира разбита, безъ струнокъ,
Отвѣтомъ же будетъ—рисунокъ.

Этотъ рисунокъ и былъ—нѣмецъ, для повѣсти «Ив. Ив. и Комп.».

Это случилось не задолго до серьезной болѣзни Ивана Степановича. Во время болѣзни, въ одно изъ моихъ посѣщеній, художникъ грустно сказалъ:

— Вотъ наше дѣло—рабочническое: лишись силъ, и умереть съ голода не долго. А они (то-есть издатели) дома понастроятъ... Хоть бы семью не забыли...

Онъ началъ развивать планъ объ изданіи иллюстрированнаго журнала на артельныхъ началахъ.

— И художники и писатели... пусть всё въ артель... Не все же на другихъ работать.. Вѣдь хорошо?

— Да,—отвѣтилъ я.

Да, скажу и теперь. Но все это мечта и, къ сожалѣнію, на долго мечтою останется. Многое мѣшаетъ мечтѣ превратиться въ фактъ... И рознь писательская, и бѣдность литераторская, и недо-вѣріе къ такимъ предпріятіямъ со стороны публики, и со стороны тѣхъ, отъ кого зависитъ самое разрѣшеніе. Нѣтъ, еще, видно, долго тебѣ, русскій писатель, суждено быть батракомъ-наемникомъ!.. Типографскому разсылному больше довѣрія, чѣмъ тебѣ, труженику! И становится онъ, полуграмотный, отвѣтственнымъ редакторомъ, издаетъ свой журналъ, а ты на него работай и не смѣй думать о собственности.

Въ 1881 году я уѣхалъ изъ Петербурга на югъ, потомъ жилъ въ Москвѣ и только не надолго вернулся въ невскую столицу. За этотъ пріѣздъ я не видѣлся съ Пановымъ. Я встрѣтился съ нимъ только весною 1883 года въ Москвѣ, и встрѣтился совершенно случайно. Я жилъ въ Лоскутной гостиницѣ, а И. С. въ Петергофской. Обѣ онѣ около Кремля. Какъ-то захожу я къ Генералову—извѣстный гастрономическій магазинъ; гляжу—Пановъ.

— Ты ли это, И. С.?

— Господи!.. ты какъ?

— Я здѣсь живу...

— И я здѣсь... въ «Петергофѣ»... а ты?

— Въ Лоскутной!..

— Чтобъ тебя! Въ двухъ шагахъ... Да какъ же это? И нигдѣ не встрѣчались... диво!.. Ты долго еще останешься?

— Скоро ѣду.

— Куда?

— Въ Любань. Тамъ поселяюсь. Меня изъ Питера выслали!

— Да что ты!—воскликнулъ Пановъ.—Въ чемъ попался?

— Худо веду себя... болѣю!..

— Ну, такъ что же...

— Вотъ врачи и выслали!—засмѣялся я.

— Ахъ, чтобъ тебя!.. А я испугался было! Я самъ, братъ, хвораю... Видишь, какой!..

Да, онъ сильно измѣнился: осунулся, пожелтѣлъ...

— Сильно былъ боленъ... Да вотъ поправлюсь. Ёду въ имѣніе барона Корфа.

— Отдыхать?

— Да... Вернусь—буду сильно работать. Прогулялъ много... Эхъ,—впервые съ горечью промолвилъ художникъ:—зря убито здоровье... винице это... чтобъ его нелегкая взяла!.. Силь сколько погубило!.. Не умѣемъ мы беречь себя!

Въ этихъ словахъ много ужасной правды. Не умѣетъ русскій

человѣкъ, одаренный талантомъ, взысканный Богомъ, беречь себя, свои силы, свое дарованіе. Не цѣнить онъ его, не понимаетъ великой отвѣтственности за свой талантъ передъ небомъ, надѣлившимъ его. Я хотѣлъ было сказать: «и отвѣтственности передъ обществомъ», но впору одумался. Не этому обществу, умѣющему болѣе цѣнить наѣздниковъ, чѣмъ художниковъ, предъявлять такія требованія къ своимъ выдающимся людямъ. Они виноваты передъ самими собою и небомъ, а не передъ обществомъ, которое и пальцемъ не пошевелить, чтобы улучшить положеніе людей мысли, положеніе бойцовъ за общественное благо. Ахъ, и эти друзья знаменитыхъ людей! Они во многомъ виноваты! Во имя дружбы, желая заполучить частичку славы великаго человѣка, кичась своей близостью къ знаменитости, они нисколько не оберегаютъ ни его таланта, ни его здоровья. Они попустительствуютъ знаменитымъ друзьямъ, а послѣ смерти стараются скрыть отъ общества горькую правду... «Водка сгубила!». Развѣ это можно? Нѣтъ, мозгъ не вынесъ сомнѣній, работы, сердце разорвалось отъ гражданской скорби!.. Какая фальшь! Жена И. С. боролась съ его недугомъ, но что она могла одна сдѣлать, когда десятки людей тянули его на другой путь, потворствовали ему... Многие изъ стоявшихъ около И. С. были очень юны и сами дѣлали тѣ ошибки, за которыя потомъ дорого расплатились или еще расплачиваются. Если бы И. С. Пановъ не пилъ сильно, онъ, навѣрно, и теперь еще былъ бы живъ, и художественныя заслуги были бы еще выше! Но у насъ не только писатели, художники, а и пѣвцы не умѣютъ беречь свой талантъ. Мало ли голосовъ — пропито! Это не упрекъ, это — восклицаніе скорби. Довольно фальшивой скрытности и вреднаго лицемѣрія!.. Въ этомъ случаѣ русскому талантливому человѣку надо поучиться у западнаго собрата, умѣющаго беречь и силы физическія и даръ небесный... Есть что перенять у западной публики и публикѣ русской!..

Прощаясь со мною, И. С. сказалъ:

— Ну, до осени... вѣдь пріѣдешь ко мнѣ? Да и я въ Любань загляну...

Но, увы, намъ не суждено было уже встрѣтиться на землѣ. Въ октябрѣ 1883 г. И. С. умеръ. Я прочелъ въ газетахъ извѣщеніе о его смерти и по болѣзни не могъ даже пріѣхать на его похороны, которыя были очень скромны. Другъ Ивана Степановича, П. Н. Полевой, находился въ Москвѣ. Изъ издателей только одинъ Марксъ не забылъ художника и прислалъ депутата, вѣнокъ, а женѣ покойнаго — денежное пособіе...

Закончу мои воспоминанія о И. С. Пановѣ одной юмористической сценкой.

Какъ-то разъ мнѣ и Панову В. П. Бородинъ показывалъ новые рисунки (клише) для «Дѣтскаго Чтенія». Одна изъ картинокъ

понравилась. Она отвѣчала давно задуманному мною сюжету. В. П. мнѣ сказалъ:

— Такъ пишите.

— Давай, стихи напишемъ вмѣстѣ! Первую главу ты, а вторую—я. Идетъ?—предложилъ Пановъ.

— Ладно.

Мы присѣли и тутъ же написали.

— Какъ же подпишемъ?—спросилъ я.

— Давай: Иванъ да Александръ.

— Не ловко.

— Ну, Ваня и Саша.

Рѣшили просто псевдонимомъ, и почему-то остановились на Теофанѣ Зябловѣ.

Такъ и явилось стихотвореніе за подписью Теофана Зяблова.

И. С. долго шутилъ:

— А что подѣлываетъ нашъ дебютантъ—Т. Зябловъ.

Или, обращаясь ко мнѣ:

— Ну-ка, половина Зяблова, сирѣчь Полузябловъ!

Прошло нѣкоторое время. Сидимъ однажды въ ресторанѣ—завтракаемъ. Неподалеку отъ насъ пиновала какая-то компанія; все юнцы. Вдругъ одинъ изъ нихъ обращается къ визави:

— Въ самомъ дѣлѣ ты напечаталъ стихи?

— Честное слово! Въ «Дѣтскомъ Читеніи».

— Но отчего же не подъ своей фамиліей?

— Такъ. Я взялъ фамилію дѣда: Т. Зябловъ.

Пановъ взглянулъ на меня.

— Слышите?

— Да...

— Вѣдь это насъ чести лишаютъ... Каковъ мальчикъ? О! Я его сейчасъ выведу на свѣжую воду.

— Ну, брось!

— Нѣтъ, нельзя... Хвастунишка!..

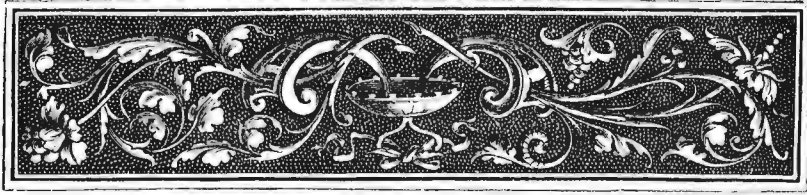
И онъ «вывелъ». Сначала юноша растерялся, а потомъ, желая вывернуться, сказалъ, что онъ просто шутилъ.

Этимъ я кончаю мои бѣглыя и нѣсколько пестрыя воспоминанія о талантливомъ художникѣ. Я здѣсь уже не сохранялъ строго хронологіи. Не предполагая болѣе возвращаться въ своихъ воспоминаніяхъ къ Панову, для полноты очерка о немъ, я не ограничивался только тѣмъ временемъ, къ которому собственно относится настоящій мой эскизъ. Но теперь снова вхожу въ рамки, приступая къ воспоминанію о своемъ сотрудничествѣ въ «Пчелѣ».

Алекс. Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СТАРАЯ СКРИПКА¹⁾.

Повѣсть изъ быта музыкально-инструментальныхъ мастеровъ и артистовъ.

IX.

ВЪ ЗАЛѢ кредитнаго общества былъ квартетный вечеръ. Два большіе матовые электрическіе фонаря ярко озаряли подъѣздъ, къ которому одинъ за другимъ подъѣзжали экипажи. Густой осенній туманъ окутывалъ улицы. Кареты и коляски, появляясь въ освѣщенномъ пространствѣ у подъѣзда, на минуту показывались и вновь пропадали въ молочную мглѣ.

Весь четырехугольникъ между Александринскимъ театромъ, главнымъ тюремнымъ управленіемъ и кредитнымъ обществомъ былъ занятъ каретами, выстроившимися тутъ тѣсными рядами. Извозчиковъ почти не было видно.

Хорошо дисциплинированная петербургская публика своевременно и безъ шума заняла свои мѣста въ концертномъ залѣ. Онъ былъ среднихъ размѣровъ и славился своими акустическими качествами. Впереди, какъ водится, находились мягкія кресла для почетныхъ членовъ, за ними въ двадцать четыре ряда — простые вѣнскіе стулья. Бѣлыя каленкоровыя, въ мелкихъ складкахъ за-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., т. LVIII, стр. 5.

навѣси закрывали исполинскія овальныя окна. Зала освѣщалась электричествомъ: маленькими съ спиральной огненной проволокой лампочками, которыя разливають такой ровный и нѣжный свѣтъ.

Прошло восемь часовъ.

На эстраду вышли четыре виртуоза въ черныхъ фракахъ съ широковырѣзанными жилетами на груди. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ свой инструментъ. Они поклонились публикѣ, привѣтствовавшей ихъ рукоплесканіями, и усѣлись на свои мѣста. Фамиліи этихъ виртуозовъ были извѣстны всему Петербургу.

Они представляли собою, такъ сказать, квинтъ-эссенцію музыкальныхъ силъ и теперь совокупными силами собрались исполнить предъ избранной публикой избранныя произведенія великихъ композиторовъ. И публика давно знала ихъ, такъ какъ изъ году въ годъ привыкла истрѣчать ихъ на той же самой эстрадѣ, съ тѣми же инструментами въ рукахъ, съ тою же улыбкой на устахъ и съ тѣмъ же самоувѣреннымъ взглядомъ.

Это были: Буръ, Ригеръ, Палкинъ и Смыковичъ. За исключеніемъ послѣдняго, который игралъ на віолончели, всѣ остальные легко могли бы помѣняться между собою партіями и мѣстами, такъ какъ всѣ почти одинаково хорошо играли на скрипкѣ. Но по заведенному уже порядку, въ которомъ соображались и служебное положеніе музыкантовъ, и степень популярности въ обществѣ, и наконецъ, что самое важное, манера игры, Буръ исполнялъ всегда партію первой скрипки, Ригеръ—второй, а Палкинъ игралъ на альтѣ.

Игра Бура въ то время считалась образцомъ изящества, щегольства и вкуса. Онъ мастерски владѣлъ всѣми оттѣнками смычка, начиная съ *détaché*, состоящаго изъ рѣзкихъ длинныхъ и отрывистыхъ ударовъ, и кончая нѣжнымъ спикато изъ живыхъ острыхъ толчковъ. Но зато большимъ мѣстомъ Бура былъ тонъ. По общему приговору публики и критики, онъ обладалъ жидкимъ, слабымъ, расплывчатымъ тономъ, что невыгодно отзывалось на его *adagio* и всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовалось пѣніе.

Какъ это всегда бываетъ, наружность, темпераментъ и внутреннія черты его характера находились въ полномъ соотвѣтствіи съ его дарованіемъ. Онъ былъ маленькаго роста, плотный, нервный и проворный человѣкъ. Свою черную крупную голову онъ давно началъ выстригать подъ гребенку, что не предохранило, однако, отъ обширной лысины, покрывавшей его темя. Мало-по-малу волосы его побѣлѣли и стали почти сливаться съ нею. Они рѣзко выдѣлялись только сзади, на затылкѣ, гдѣ были гуще и темнѣе, отъ мясистой, багровой и жирной шеи. Не смотря на сѣдину, онъ не производилъ впечатлѣнія пожилаго человѣка. Въ его быстрыхъ черныхъ глазахъ виднѣлось оживленіе, на его полныхъ чувственныхъ губахъ часто играла улыбка, но главное всѣ движенія его

отличались проворствомъ и гибкостью, свойственными юношескому возрасту.

Ригеръ мало уступалъ Буру въ технику, но онъ любилъ тяжелыя и трудныя пьесы, какъ, напримѣръ, многія вещи Вьетана, Венявскаго и Эрнста. Въ противоположность Буру онъ отличался сочнымъ и сильнымъ тономъ. Исполняя головоломные пассажи, онъ сильно надавливалъ смычкомъ на струны, извлекая изъ скрипки пронзительные крики. Двойныя ноты и аккорды и даже *agredgio* выходили у него громоздкими, угнетающими слухъ кучами звуковъ.

Онъ былъ высокъ ростомъ и плечистъ. На очень бѣломъ пухломъ лицѣ его игралъ румянецъ. У него были тоже темные глаза, орлиный носъ и бѣлые зубы, такъ что онъ нѣсколько походилъ въ этомъ отношеніи на Бура, а также и Палкина, о которомъ надо теперь сказать нѣсколько словъ.

По дарованіямъ онъ уступалъ имъ обоимъ, но зато пользовался симпатіями публики, особенно дамъ, за которыми съ успѣхомъ ухаживалъ. Онъ былъ высокаго роста и довольно толстъ.

У него тоже были живые глаза, орлиный носъ и коротко остриженные, зачесанные назадъ волосы. Только онъ былъ сѣрый блондинъ, казавшійся полинявшимъ брюнетомъ.

Вообще эти три исполнителя имѣли много родственнаго и похожаго по внѣшности. Но еще болѣе между ними было сходства внутренняго, которое замѣтить не стоило большого труда.

У всѣхъ у нихъ были плоскіе низкіе лбы, не обличавшіе ни большого ума, ни развитія. Въ глазахъ ихъ видѣлся тотъ масляный блескъ, который неизмѣнно указываетъ на чувственность темперамента. Лица ихъ были неподвижны, и ихъ не озаряла никакая мысль. Въ самоувѣренной осанкѣ и откинутой назадъ головѣ высказывалась привычка къ исключительному вниманію толпы и постоянная жажда рукоплесканій и похвалъ.

Смыковичъ былъ виолончелистъ и потому, естественно, не походилъ на скрипачей. Онъ былъ высокъ, плечистъ и худъ. Густые черные волосы шапкой лежали на его головѣ. Темныя брови рѣзко выдѣлялись на его опухшемъ отъ кутежей и запоя лицѣ, но, тѣмъ не менѣе, въ наружности его чувствовалась что-то болѣе интеллигентное, чѣмъ въ скрипачахъ, быть можетъ, благодаря именно этому запою и кутежамъ. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ виртуозовъ въ столицѣ и дѣйствительно обладалъ прекрасной техникой и мощнымъ тономъ.

Однако никто изъ этихъ исполнителей не былъ въ самомъ дѣлѣ настоящимъ артистомъ со священнымъ огнемъ въ груди и благородной, нервной, могучей организаціей.

Буръ сѣлъ на первомъ пультѣ, налѣво отъ зрителей, Ригеръ— на второмъ, Смыковичъ помѣстился съ виолончелью за Буромъ, а Палкинъ съ альтомъ—за Ригеромъ.

Въ залѣ наступила тишина. Входныя двери были плотно притворены. Нѣсколько сѣрая, но чинная и привыкшая къ строгимъ порядкамъ квартетныхъ собраній публика ничѣмъ не выражала своего нетерпѣнія. Бурь поднялъ смычокъ, взглянулъ на товарищей, и быстрое *allegro* началось. Полные, нѣжные звуки лились съ эстрады и наполняли всю залу. Съ перваго взгляда могло показаться, что это игралъ цѣлый оркестръ. Для свѣжаго человѣка, который никогда не бывалъ тутъ, но слышалъ не мало скрипачей, віолончелистовъ и тому подобнаго музыкальнаго народа, главная особенность въ исполненіи этихъ четырехъ виртуозовъ заключалась въ необычайно тонкомъ и полномъ соблюденіи всѣхъ нюансовъ пьесы. Мягко и округленно катились звуки, то вырастая и возвышаясь до самаго сильнаго *forte*, то упадая и унижаясь до самаго низкаго *morendo*, и эти переходы отличались такой, такой законченностью и отдѣлкой въ движеніяхъ смычковъ, переходахъ на позицію, что слушатель невольно покорялся очарованію, и ему казалось, что онъ слышитъ какую-то новую чудную музыку, которая неотразимо дѣйствуетъ на душу и приводитъ ее въ странное, исполненное непонятныхъ ощущеній настроеніе. Отъ этихъ звуковъ порой сжималось сердце, и стѣснялось дыханіе. Слезы подступали къ горлу, и загоралось неодолимое желаніе самому исполнить что нибудь выдающееся, великое. Но музыка смолкала, звуки исчезали, и тогда на мѣсто восторга являлось чувство сладкой истомы, и невольно изъ груди вырывался шепотъ: ахъ, какъ хорошо! Тогда становилось понятнымъ, что музыка можетъ быть могущественнымъ средствомъ для гипноза, какъ объ этомъ толкуетъ новѣйшая философская школа.

Однако, въ этой присмирѣвшей толпѣ, вѣроятно, мало было такихъ впечатлительныхъ натуръ, потому что сытыя круглыя лица были спокойны. На нихъ было мыслей не болѣе, чѣмъ у музыкантовъ. Дамы помахивали платочками и наводили на эстраду бинокли, тучные генералы напряженно отдувались, накрахмаленные студенты ласкали пальцами зародившуюся бородку или новаго золота цѣпочку, висѣвшую вдоль борта свѣжаго съ иглочки мундира.

А если бы попалъ сюда опытный, бывалый петербургскій человѣкъ, то онъ сразу увидаль бы всю суть здѣшней механики. На эстрадѣ онъ встрѣтилъ бы давно знакомыя ему лица виртуозовъ, въ публикѣ—примелькавшихся до тошноты меломановъ. А музыка была то же самое, что пять, десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ: тотъ же самый Гайденовскій и Бетховенскій квартетъ, съ тѣми же самыми эффектами на *forte* и *piano*, съ тѣми же самыми частями, изъ которыхъ первая непремѣнно *allegro*, вторая *adagio*, третья *allegretto* и четвертая финалъ въ самомъ скоромъ темпѣ. Изъ этихъ средневѣковыхъ, рутинныхъ и шаблонныхъ рамокъ,

кажется, никогда не может выйти квартетъ, вѣнецъ музыкальнаго творчества для струнныхъ инструментовъ. Бывалый человѣкъ посмотрѣлъ бы на все это, пожалъ бы плечами и торопливо усѣлся бы на свое мѣсто. Для него гипноза не могло быть.

Пока въ залѣ шло allegro, по входной лѣстницѣ продолжали подниматься новые посѣтители. Большею частью это были новички, въ первый разъ попавшіе сюда. Они съ недоумѣніемъ натыкались на запертую дверь и на сторожа, вѣжливо объяснявшаго имъ, что придется маленько обождать, пока не кончатъ. Этотъ отвѣтъ ошеломлялъ ихъ и возбуждалъ тотчасъ сильнѣйшее негодованье, смѣшанное со страхомъ за потерянные деньги. Но затѣмъ скоро объяснялось недоразумѣніе. Прибывшій узнавалъ, что его впускаютъ въ антрактъ между первой и второй частью перваго квартета, и окончательно успокоивался.

Ниже, на площадкѣ сидѣли на барскихъ ротондахъ и шубахъ горничныя и лакеи. Одни изъ нихъ дремали, другіе тоже наслаждались музыкой, которая долетала сюда въ слабыхъ, неясныхъ звукахъ. Но болѣе предприимчивые, не теряя времени даромъ, заводили новыя и пріятныя знакомства, весьма мало заботясь о господскихъ вещахъ, которыя окончательно перемѣшивались, что являлось иногда поводомъ къ знакомству и между господами.

Еще ниже, въ отдѣленіяхъ для вѣшалокъ, шла не менѣе оживленная бесѣда между мундирными сторожами кредитнаго общества, которые не безъ основанія себя причисляли къ знатокамъ музыки. Правду сказать, ихъ соображенія касались главнымъ образомъ матеріальной стороны вечера и отличались большою основательностью. Они выражали сѣтованія на то, что настоящіе баре изъ году въ годъ все меньше и меньше сюда ѣздить,—къ сожалѣнію, во всякомъ случаѣ, совершенно бесполезныя, такъ какъ баре пріѣзжали сюда съ своими лакеями и на чаекъ изъ постороннихъ никому никогда не давали.

Войдя въ залу, Павловичъ тотчасъ увидалъ множество знакомыхъ лицъ. Въ первыхъ рядахъ сидѣли присяжные меломаны. Сбоку, около эстрады виднѣлись ученики и ученицы консерваторіи и начинающіе виртуозы. По ихъ взглядамъ и жестамъ легко было понять, что они всѣ знаютъ другъ друга.

Павловичъ сѣлъ на стулъ и задумался. Его сразу привлекло исполненіе, и онъ съ интересомъ слѣдилъ за фразировкой, соображая, какъ онъ самъ играетъ эту вещь, и въ какихъ мѣстахъ употребляетъ другіе отгѣнки. Онъ не любилъ участвовать въ квартетахъ, и про него говорили въ насмѣшку, что онъ не наблюдаетъ такта, что было отчасти справедливо.

Природный виртуозъ созданъ такъ, что онъ одинъ сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе залы, одинъ возбуждаетъ въ ней различныя чувства. Онъ не можетъ становиться въ уровень съ дру-

гими исполнителями. Въ совмѣстной игрѣ онъ теряетъ весь свой блескъ и всѣ свои характерныя качества, и опытъ показываетъ, что на самомъ дѣлѣ никто изъ знаменитыхъ солистовъ-виртуозовъ не былъ въ то же время хорошимъ квартетистомъ.

Въ антрактѣ Павловичъ встрѣтился съ Раковецкой.

— А, и вы тутъ,—сказала молодая дѣвушка съ веселой улыбкой и, вспомнивъ про утреннюю встрѣчу, прибавила:

— Ну, что видѣли ли вы скрипку? Понравилась она вамъ?

— Нѣтъ, не успѣлъ. Я такъ былъ сегодня занятъ. Меня насильно затащили сюда.

— Лариса Антоновна здѣсь. Хотите, я васъ познакомлю съ ней?

— Я, право, не знаю, — возразилъ съ недоумѣніемъ Павловичъ: — вѣдь у нея, можетъ быть, и не куплю скрипку. При томъ я вовсе не хочу затруднять васъ и пользоваться вашей любезностью.

И онъ скользнулъ взглядомъ по ея гибкой стройной фигурѣ, въ томъ же черномъ платьѣ, къ которому молодая артистка не прибавила ничего, отправляясь на этотъ фешенебельный вечеръ. Онъ взглядомъ знатока разсматривалъ ея полную крѣпкую шею, хорошо сформированную грудь и ея стройныя руки, обтянутыя узкими рукавами. Отъ нея вѣяло силой и здоровьемъ. Онъ сознался въ глубинѣ души, что она очень нравится ему. Онъ не могъ удержаться отъ желанія сказать ей что нибудь пріятное.

— Я слышалъ, вы сдѣлали замѣчательные успѣхи.

— Ахъ, нѣтъ,—простодушно возразила она:—я такъ мало занимаюсь.

— Но, кажется, вы въ этомъ году выступаете съ большимъ концертомъ Венявскаго.

— Нѣтъ, боюсь. Не идетъ у меня, особенно первая часть.

И она сдѣлала быстрый и красивый жестъ, не имѣвшій для обыкновеннаго человѣка никакого значенія, но ему съ живостью напомнившій одинъ изъ труднѣйшихъ пассажей упомянутаго концерта.

Онъ улыбнулся и проговорилъ;

— Ну, это и у меня не идетъ. Гдѣ вы теперь живете?

— На Николаевской,—вскользь отвѣтила она.

Онъ подумалъ и сказалъ:

— Не навѣстите ли вы какъ нибудь меня: утромъ—до двухъ А послѣ наберется всякій народъ, и будетъ неудобно. Вы, конечно, сыграете что нибудь.

Она слегка покраснѣла, польщенная его приглашеніемъ, и сказала, что постарается пріѣхать.

Въ это время мимо нихъ проходили двѣ дамы. Одна была преклонныхъ лѣтъ со сморщеннымъ желтымъ лицомъ, на которомъ едва выдѣлялись потухшіе сѣрые глаза. Другая была моложе, вся

въ черномъ. Въ ней не было ничего, привлекавшаго вниманіе, и Павловичъ не замѣтилъ бы ея, еслибъ Раковецкая не шепнула ему:

— Вотъ госпожа Кельхъ.

Онъ съ живостью отступилъ назадъ.

— Какая вы, — съ упрекомъ проговорилъ онъ, любуясь Раковецкой.—Знаете ли, я не терплю лишнихъ знакомствъ.

— Ну, простите, простите. Вѣдь я вамъ хотѣла услужить. Слышите звонокъ, надо идти.

Павловичъ вернулся на свое мѣсто. Кельхъ сидѣла недалеко отъ него, на боковой скамейкѣ, и онъ принялся разсматривать. Лицо у нея было худощавое, длинное, съ твердо сложенными губами и упрямымъ лбомъ. Ей было лѣтъ двадцать пять, никакъ не меньше, какъ тотчасъ рѣшилъ онъ. Почему-то онъ подумалъ, что она дешево не продастъ скрипки.

Въ это время началась музыка и прервала его размышленія.

Квартетные вечера кончаются рано. Въ нихъ обыкновенно бываетъ три отдѣленія: два квартета и квинтетъ, или вмѣсто одного изъ этихъ нумеровъ—тріо. Сдержанная, проникнутая уваженіемъ къ музыкѣ публика не надоѣдала исполнителямъ вызовами и повтореніями. Тутъ, если хлопали, такъ было дѣйствительно за что хлопать, если вызывали и просили повторить, такъ вещь или исполненіе дѣйствительно заслуживали похвалы.

Когда шло заключительное presto послѣдняго квартета (1-й—Гайдена G-mol, 2-й—квинтетъ Дворжака съ фортепіано и 3-й—квартетъ Бетховена G-mol; такова была вся программа квартетнаго вечера), публика стала обнаруживать нѣкоторое движеніе, готовясь направиться къ выходу.

Съ послѣднимъ ударомъ смычка вся зала поднялась, и публика безпорядочной толпой хлынула къ выходу. Прежней чинности и сдержанности какъ не бывало. Всякій старался одѣться, какъ можно скорѣе, и выйти на улицу.

X.

Павловичъ возвращался домой одинъ. Онъ потерялъ изъ виду Лансъе и былъ доволенъ тѣмъ, что никто не беспокоилъ его, не старался завести на какойнибудь музыкальный вечеръ. Безчисленные приглашенія такъ надоѣли ему, что онъ не зналъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Не смотря на это, ему все-таки приходилось почти каждый вечеръ играть въ какомънибудь семействѣ, по большей части, въ очень богатомъ или аристократическомъ домѣ.

Павловичъ былъ свободолюбивъ и независимъ. Но почти всегда онъ соглашался играть передъ болѣе или менѣе избраннымъ обществомъ. Какъ всякій артистъ, онъ былъ избалованъ вниманіемъ

хозяевъ и любезностью дамъ. Нескрываемая зависть мужчинъ льстила ему.

Увидавъ яркоосвѣщенный ресторанъ, онъ вошелъ туда и заказалъ себѣ ужинъ. Было еще рано, около одиннадцати. Павловичъ находился въ большой комнатѣ, въ которой не было другихъ посѣтителей. Онъ сталъ разсѣянно глядѣть въ окно. По троттуару сновали прохожіе, по улицѣ быстро проносились экипажи. Все это были чужіе, незнакомые. Въ громадномъ городѣ онъ въ эту минуту почувствовалъ себя одинокимъ. Та жизнь, которую онъ велъ до сихъ поръ, удовлетворяла его, такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось. Но по временамъ онъ чувствовалъ, что что-то просачивается, подтачиваетъ основы его благополучія, чего-то ему не хватаетъ, въ чемъ-то онъ нуждается. Прежде, лѣтъ десять назадъ, онъ не замѣчалъ ничего подобнаго. Иногда ему приходило въ голову, что онъ старѣется, дряхлѣетъ. Но при одномъ взглядѣ въ зеркало на свою плотную фигуру тревожныя мысли его исчезали, какъ дымъ.

Теперь, сидя у окна въ ресторанѣ, онъ спросилъ себя, что онъ будетъ дѣлать завтра, послѣзавтра и такъ дальше. Онъ, не задумываясь, отвѣтилъ, что то же самое, что сегодня. То-есть, утромъ поздно встанетъ, лѣниво позавтракаетъ, сыграетъ нѣсколько упражненій на скрипкѣ. Потомъ придутъ пріятели, гости. Будутъ съ нимъ завтракать, или онъ отправится къ нимъ обѣдать. Потомъ вечеромъ музыка, вино, ласбозности съ женщинами и нездоровый тяжелый сонъ до полудня. Онъ не могъ не сознаться, что въ такой жизни мало привлекательнаго. Но онъ привыкъ къ ней и довольствовался ею, за неимѣніемъ лучшей.

Теперь онъ задалъ себѣ вопросъ: что-жъ бы было лучше? И не далъ себѣ отвѣта.

Ему стало скучно. Онъ взялъ шляпу, чтобы идти. Проходя мимо буфета, онъ увидаль Смыковича, который сидѣлъ съ Фрейтагомъ около стола, уставленнаго бутылками.

Гардеровщикъ фамиллярно кивнулъ ему головой и пригласилъ подсѣсть къ столу. Повидимому, онъ былъ со Смыковичемъ на самой дружеской ногѣ. Виртуозъ уже успѣлъ охмелѣть и тоже сталъ просить Павловича присоединиться къ ихъ компаніи.

Но профессоръ сухо отказался и вышелъ. Дома онъ нашель на столѣ записку, бѣгло набросанную карандашемъ:

«Сейчасъ былъ у васъ. Въ отчаяніи не знаю, что дѣлать. У Мусинъ-Пушкиныхъ васъ ждуть, а я далъ слово. Лансѣ».

Павловичъ пожалъ плечами и, скомкавъ, бросилъ бумажку подъ столъ въ корзину.

На другой день онъ всталъ раньше обыкновеннаго и отправился къ Ларисѣ Антоновнѣ. Мысль о приобрѣтеніи скрипки стала его серьезно беспокоить. Онъ не любилъ никакихъ заботъ, и въ этомъ отношеніи бездѣлица могла вывести его изъ себя.

Кельхъ жила съ теткой въ небольшой опрятной квартирѣ. Горничная-нѣмка, отворивъ Павловичу дверь, съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него. Онъ понялъ, что здѣсь не привыкли къ незнакомымъ лицамъ.

Въ маленькой пасмурной залѣ стоялъ рояль, покрытый клеенчатымъ чехломъ, и висѣла канарейка въ клѣткѣ надъ геранью. Нѣсколько хорошихъ гравюръ, изображающихъ знаменитыхъ композиторовъ, висѣло на стѣнахъ.

— Вамъ кого, барыню или барышню?—спросила горничная.

— Все равно,—сказалъ онъ:—я на одну минуту, по дѣлу. У васъ продается скрипка, такъ я хочу взглянуть на нее.

Горничная ничего не отвѣтила и скрылась.

— У насъ не продается никакой скрипки,—сказала она, вернувшись.

Павловичъ былъ раздосадованъ и удивленъ.

— Но мнѣ дали вашъ адресъ,—съ сердцемъ произнесъ онъ.

Горничная вновь безшумно исчезла. Онъ постучалъ пальцами по роялю и подумалъ, что напрасно пріѣхалъ сюда.

Въ комнату вошла пожилая дама, та самая, которая была накануне въ концертѣ.

Когда онъ объяснилъ ей цѣль своего прихода, она рѣзко и съ раздраженіемъ отвѣтила:

— У насъ нѣтъ никакой скрипки, мы ничего не продаемъ и не будемъ продавать.

— Прошу извиненія,—сухо проговорилъ онъ:—вотъ карточка, которую я вамъ оставляю, потому что она мнѣ не нужна.

Съ этими словами она подалъ дамѣ визитную карточку Раковецкой, на которой она написала адресъ Кельхъ.

— Подождите,—глухо вымолвила старуха и ушла, притворивъ дверь.

— «Странные люди,—подумалъ Павловичъ, прохаживаясь по залѣ:—и какъ здѣсь все мрачно. Будто тутъ живутъ какіе-то автоматы. И тишина какая, даже канарейки не слышно».

Дверь отворилась, и на этотъ разъ показалась сама Лариса Антоновна. Павловичъ тотчасъ узналъ ее. Губы ея были твердо сжаты, и все лицо носило вчерашнее выраженіе, которое какъ будто застыло на немъ. Въ ея чертахъ точно можно было прочесть: «Оставьте меня въ покоѣ. Я сама знаю, чего хочу. Никому до меня нѣтъ дѣла».

— Госпожа Раковецкая посовѣтовала мнѣ обратиться къ вамъ,—сказалъ онъ болѣе вѣжливо, почти любезно.—Мнѣ нужна очень хорошая скрипка. Я могу заплатить за нее дорого. Если у васъ есть такой инструментъ, то вы меня крайне обяжете, если покажете его.

Лариса Антоновна пристально и испытующе посмотрѣла на Павловича. Она никогда не видѣла его раньше, но слышала его

фамилію и знала, кто онъ такой. Отъ прежнихъ музыкальныхъ знакомствъ ея отца она сохранила въ своей памяти имена и фамиліи пріятелей, друзей, а также музыкальныхъ дѣятелей въ связи съ ихъ успѣхами въ обществѣ или на службѣ.

— Дѣйствительно, у меня есть хорошая скрипка,—послѣ нѣкотораго раздумья, съ легкимъ вздохомъ произнесла она.— Но эта скрипка покойнаго моего отца, и я ея не продаю. Сообщила ли вамъ это госпожа Раковецкая?

— Вовсе не сообщила,—нетерпѣливо произнесъ онъ, не могши преодолѣть своей досады.—Иначе я не рѣшился бы васъ попусту беспокоить.

Суровыя черты Ларисы Антоновны нѣсколько смягчились.

— Я вамъ покажу эту скрипку,—сказала она,—вы, конечно, знатокъ и, можетъ быть, сами найдете, что это дѣйствительно рѣдкій инструментъ.

Она тихо удалилась и, вернувшись, принесла скрипичный футляръ въ толстомъ шагреновомъ чехлѣ, крѣпко перетянутаго двумя широкими ремнями съ массивными серебряными застежками. Она попробовала разстегнуть, но это ей не удавалось. Павловичъ сталъ помогать ей и вынулъ футляръ, поверхъ котораго былъ другой чехоль изъ фланели верблюжьяго цвѣта. Развязавъ тесемки, онъ взялъ ключъ, который подала ему Лариса Антоновна, и отперъ замокъ футляра. Раскрывъ его, онъ увидалъ два смычка, заправленные въ крышку, обтянутую плотнымъ синимъ бархатомъ. Темноглубое, вышитое цвѣтами и птицами, атласное пуховое покрывало лежало на струнахъ скрипки.

Сдернувъ его, онъ вынулъ инструментъ, который такъ плотно входилъ въ вырѣзанное для него углубленіе, что было очевидно, что футляръ былъ приготовленъ только для этой скрипки.

Бѣглымъ взглядомъ онъ смѣрилъ величину корпуса и нашель, что это инструментъ большаго формата (маленькихъ Павловичъ не терпѣлъ). Вглядѣвшись въ него ближе, онъ не могъ удержаться отъ восторга.

Было въ этой скрипкѣ что-то благородное и значительное. Она отличалась той артистической тщательностью отдѣлки, которая удивляетъ глазъ знатока въ произведеніяхъ первокласныхъ итальянскихъ мастеровъ.

Золотистый, оранжевый, прозрачный, какъ хрусталь, лакъ—чистый янтарь —отлично сохранился на верхней декѣ, бокахъ и на кленовой спинкѣ, ярко полосатой, какъ тигровая шкура. Еще длинные, изящные, красиво выгнутые углы, напоминали стиль Амати, но уже размѣры остальныхъ частей свидѣтельствовали о глубоко обдуманномъ замыслѣ другаго мастера, который стремился достичь полнаго и могущественнаго тона. Грудь инструмента была широкая и крѣпкая. Своды декъ незамѣтно сливались съ художе-

ственно приподнятыми краями, украшенными необыкновенно искусно врѣзаннымъ твердой рукой двойнымъ усомъ, роскошными виньетками и черными орлами. Обичайки изъ прекраснаго волнистаго клена были сплошь кругомъ покрыты виньетками того же типа, какъ на декахъ, въ углахъ которыхъ блестѣли и искрились алмазы, рубины и изумруды, подобранные съ артистическимъ вкусомъ. Завитокъ небольшой, чистаго кременскаго стиля былъ тоже покрытъ черной рѣзбой. Колки темной черепахи, чрезвычайно изящные, короткіе и не слишкомъ толстые, были богато отдѣланы золотомъ.

Своеобразная, рѣшительная и оригинальная красота этой скрипки поразила профессора. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ благороднаго драгоцѣннаго инструмента, въ которомъ призналъ произведение стараго Страдиваріуса, одно изъ самыхъ вдохновенныхъ его созданий, которыя когда либо Павловичу приходилось держать въ рукахъ.

— Попробуйте, если хотите,—сказала Лариса Антоновна, внимательно слѣдившая за гостемъ.

Не ожидая вторичнаго приглашенія, Павловичъ вынулъ смычекъ и, настроивъ скрипку, попробовалъ ее во всѣхъ октавахъ. Полный, нѣжный тонъ ласкалъ его ухо. Всѣ звуки были чисты, ясны, безъ малѣйшаго сомнительнаго оттѣнка. Въ увлеченіи профессоръ исполнялъ пассажъ за пассажемъ, позабывъ о своей строгой хозяйкѣ, объ ея мрачной квартирѣ, о томъ, что эта скрипка не продается и никогда не будетъ его собственностью, и о томъ, что ему придется искать другую и, можетъ быть, долго и безуспѣшно. Пальцы его легко скользили по струнамъ. Размѣры грифа такъ точно подходили къ тому грифу, который былъ на его погибшей скрипкѣ, что, казалось, не было между ними никакой разницы. Двойныя ноты, трели, флажеолеты слѣдовали безъ перерыва одинъ за другимъ. Мощный смычекъ виртуоза, казалось, наполнилъ волнами звуковъ не только квартиру, но и лѣстницу и весь домъ.

— Боже мой, какая прелесть,—говорилъ онъ, опускаясь на стулъ и не сводя восхищенныхъ глазъ со скрипки, которую онъ поставилъ къ себѣ на колѣни.—Уступите мнѣ ее. Сколько вашъ отецъ заплатилъ за нее?

— Двѣнадцать тысячъ,—безстрастно вымолвила Лариса Антоновна.

— Я вамъ дамъ эти деньги. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о торгѣ. У Висконти въ Одессѣ есть инструментъ въ пятнадцать тысячъ, но онъ ничего не стоитъ въ сравненіи съ этимъ. Я никогда не слышалъ такого величественнаго царственнаго тона. Это что-то необыкновенное! Я говорю, что думаю и чувствую. Я не хочу унижать достоинства вашей скрипки, чтобы пріобрѣсти ее дешевле. И неужели никто не пробовалъ до сихъ поръ пріобрѣсти ее у васъ?

— Я уже сказала, что не продаю ее.

— Я не хочу этому вѣрить. Къ чему вамъ сокровище, которыми вы не пользуетесь? Подумайте, двѣнадцать тысячъ это капиталъ. Каждый годъ вы будете получать съ него проценты. Просто безразсудно съ вашей стороны бросать ихъ. Сколько лѣтъ, какъ умеръ вашъ отецъ? Пять? Десять? Эти проценты теперь для васъ потерянные деньги.

— Я могу и такъ прожить, — упрямо и покорно произнесла она: — есть вещи, съ которыми связаны дорогія воспоминанія, и ради этого нельзя разстаться съ ними. И неужели все можно покупать и продавать за деньги?

Онъ вздохнулъ и съ сожалѣнiемъ положилъ скрипку въ футляръ.

— Вы правы, — прибавилъ онъ: — извините, что я васъ побеспокоилъ. Если позволите, я найду еще какъ нибудь къ вамъ. Очень скрипка хороша, — пояснилъ онъ свою мысль, не сообразивъ, что говорить маленькую дерзость.

Она любезно простилась съ нимъ. Онъ шелъ по улицѣ, не замѣчая ничего вокругъ себя. Прекрасная скрипка овладѣла его воображенiемъ. Она представлялась ему цѣльная, нетронутая, во всей своей античной чистотѣ, блестя лакомъ, деревомъ и украшениями. Онъ вспоминалъ, какъ она звучала на разныхъ позиціяхъ и струнахъ, какъ легко передавала она малѣйшіе оттѣнки смычка, и мысленно повторялъ:

— «Какой инструментъ, какой инструментъ!»

Самъ того не сознавая, онъ былъ благодаренъ Ларисѣ Антоновнѣ за наслажденіе, которое она ему доставила.

Когда онъ пришелъ въ свой номеръ, то увидалъ тамъ Гвидо. Гардеровщикъ съ вкрадчивымъ видомъ и сладкой улыбкой подаль ему скрипичный футляръ.

— Это что? — спросилъ разсѣянно Павловичъ.

Гардеровщикъ изумился.

— Скрипка для васъ. Я вамъ обѣщала. Развѣ вы забыли?

— Ахъ, да, посмотримъ, что это такое.

Говоря эти слова, Павловичъ раскрылъ футляръ и вынулъ темновишневаго цвѣта старую скрипку.

Онъ съ досадою положилъ инструментъ на рояль.

— Вы мастеръ и знатокъ, — съ сердцемъ проговорилъ онъ: — и не знаете того, что всѣ итальянскія скрипки, имѣющія какую нибудь цѣну, свѣтлыя, оранжевыя или красноватыя, но отнюдь не темныя. Что это за лакъ? Смола.

— А тонъ, работа, — пробормоталъ озадаченный Гвидо.

— Что мнѣ за дѣло до тона, когда не хочется и взглянуть на скрипку. Попробуйте сами.

Гардеровщикъ взялъ несмѣлой рукой смычекъ и извлекъ изъ скрипки нѣсколько скрипучихъ звуковъ.

— Лукошко,—рѣшительно отрѣзаль профессоръ.

Гвидо былъ оскорбленъ до глубины души.

— Я хотѣлъ угодить вамъ, а вы вотъ какъ меня принимаете.

Павловичъ нѣсколько смягчился. Онъ былъ не злой человѣкъ. Преодолевъ свое раздраженіе, онъ взялъ вторично въ руки скрипку и внимательно осмотрѣлъ ее. Это былъ недурной старинный инструментъ неизвѣстнаго мастера, но, во всякомъ случаѣ, не первокласснаго достоинства. Бока его были редублированы (подклеены) искусной рукой. Свѣжій клей, сохранившійся кое-гдѣ на обичайкахъ, обличалъ спѣшную работу Гвидо.

— Я могу рекомендовать кому нибудь вашу скрипку,—принесъ милостиво Павловичъ.— У меня есть ученики. Но для меня она не годится. Садитесь, пожалуйста, не хотите ли сигару?

Гвидо съ угрюмымъ видомъ отозвался на то, что не имѣетъ времени, и удалился.

Вслѣдъ за нимъ вскорѣ пришелъ Фрейтагъ. Онъ принесъ съ собой три скрипки: одну Пича и двѣ изъ большаго музыкальнаго магазина, которому онъ чинилъ и поправлялъ струнные инструменты, сотнями получаемые изъ-за границы.

Павловичъ былъ такъ полно въ впечатлѣніемъ отъ инструмента Ларисы Антоновны, что немедленно забраковалъ и скрипку Пича, и двѣ другія.

Фрейтагъ, худо скрывая досаду, говорилъ, что достанетъ еще болѣе прекрасные инструменты. Павловичъ вспомнилъ о томъ, какъ гардеровщикъ кутилъ вчера со Смыковичемъ, и ощутилъ въ себѣ брезгливое чувство къ нему. Онъ не предложилъ Фрейтагу ни стула, ни сигары и, сославшись на неотложныя дѣла, самъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ него.

Къ завтраку пріѣхаль Тевяшевъ.

— Ну, что, были у тебя со скрипками?

— Были. И все такую дрянъ показывали, что смотрѣть тошно. Ничего нѣтъ подходящаго. Я тебѣ говорилъ.

— Ты гдѣ сегодня вечеромъ?

— Почему я знаю,—нетерпѣливо отозвался Павловичъ.— Посмотри, опять какая куча!

И онъ показалъ на визитныя карточки, записки и приглашенія, беспорядочной кипой лежавшія на бронзовой тарелкѣ.

— Ну, ужъ я тебя никуда не буду звать,—говорилъ концертмейстеръ:— ты меня вчера подвелъ. Ты, кажется, былъ въ квартирномъ собраніи?

— Да,—разсѣянно отозвался профессоръ:— заведенная машина. Каждый годъ одно и то же. Хотъ бы пустили кого изъ молодыхъ.

— Вотъ Ригеръ изъ молодыхъ. Да и Палкинъ тоже не особенно старъ. Лѣтъ девять всего, какъ консерваторію кончилъ.

— Девять лѣтъ! Развѣ это мало. Это цѣлая артистическая

карьера. Терезина Туа съ семи до шестнадцати лѣтъ составила себѣ имя, успѣла выйти замужъ и сойти со сцены.

— А какая была способная барышня,—задумчиво произнесъ Тевяшевъ:—и странная вещь, лишь только у женщины скажется талантъ, красота, энергія, тотчасъ она выйдетъ замужъ за какого нибудь шалопая, князюшка или графчика съ громкимъ именемъ, дырчатымъ карманомъ и пустой головой. Даже обидно становится.

— Ты бы посватался,—иронически замѣтилъ Павловичъ.

— Пойдемъ гулять,—предложилъ концертмейстеръ:—погода чудесная, и на Невскомъ пропасть хорошенькихъ.

— Старъ я, должно быть, становлюсь, мой другъ.

— Разумѣется, старъ. Я помню, ты былъ прежде совсѣмъ другой. Жилъ ты въ пятомъ этажѣ. Растворишь окно на дворъ, перекликаешься со всѣми сосѣдками, посылаешь имъ записки, ждешь ихъ у воротъ.

— Да было всего,—проговорилъ медленно Павловичъ.

И цѣлый рядъ молодыхъ, красивыхъ женскихъ лицъ представился его умственному взору. Сколько разъ онъ любилъ, сколько разъ онъ сгоралъ отъ страсти? Куда дѣлась вся эта масса чувства, энергіи? Куда ушла его молодость? И что въ концѣ концовъ осталось послѣ всего этого?

Тевяшевъ ушелъ одинъ. Павловичъ принялся просматривать газеты въ смутной надеждѣ найти гдѣ нибудь свое имя. Тщеславіе глубоко нѣдрилось въ его душѣ и неустанно требовало себѣ пища.

Ожиданія его сбылись. Въ музыкальной хроникѣ онъ нашелъ краткую замѣтку, извѣщавшую о его дебютѣ въ предстоящемъ симфоническомъ собраніи. Безпокойная мысль о скрипкѣ вновь мелькнула въ его умѣ.

— Пойду къ этому Пичу,—сказалъ онъ вслухъ.—Вотъ кстати его адресъ.

На улицѣ онъ сталъ распредѣлять свое время и рѣшилъ, что ему лучше прежде побѣдять. Въ ресторанѣ, хотя и встрѣтились знакомые, которые раскланивались съ нимъ, но никто не подѣлалъ къ его столику и не нарушилъ его уединенія, чему онъ былъ очень радъ.

Пича онъ не засталъ дома.

ХІ.

Въ этотъ мрачный осенній вечеръ по одной изъ отдаленныхъ линій Васильевского острова легкой, подпрыгивающей походкой шелъ бодрый, сухощавый старичекъ. На немъ было толстое драповое пальто съ клапанами назади и съ барашковымъ воротникомъ.

На головѣ у него плотно сидѣлъ теплый нѣмецкій картузь съ мохнатымъ суконнымъ козырькомъ.

— Какъ далеко онъ живетъ,—говорилъ старичекъ, читая номера домовъ, то написанные на воротахъ, то на фонаряхъ, освѣщенныхъ изнутри, а чаще всего сбоку на вывѣскахъ,—совсѣмъ петербургское обыкновеніе.

Дойдя до Малаго проспекта, онъ вошелъ на узкую, грязную, холодную парадную лѣстницу, безъ швейцара, и поднялся въ третій этажъ. Верхняя часть дома была деревянная.

Длинный наружный стеклянный коридоръ огибалъ изнутри маленькій четырехугольный дворъ. Въ этомъ коридорѣ стояли сундуки, шкапы для провизіи и всякихъ хозяйственныхъ надобностей. Кое-гдѣ виднѣлись сложенные дрова. Толстыя и тонкія веревки, надвязанныя, съ большими узлами, пересѣкали коридоръ по всѣмъ направленіямъ подъ потолкомъ. На нихъ было развѣшано мокрое бѣлье.

Посѣтитель былъ хорошо знакомъ съ этой обстановкой. Онъ остановился около одной изъ дверей, выходящихъ въ коридоръ, и отворилъ ее. Это былъ входъ въ кухню маленькую, неопрятную, освѣщавшуюся днемъ только черезъ окно, выходящее въ коридоръ.

Хозяйка, старая и кривая нѣмка, увидавъ вошедшаго, кивнула ему головой и затѣмъ, взявъ маленькую жестяную лампу, вошла въ длинный, темный закоулокъ, вдоль котораго были расположены меблированныя комнаты, отдававшіяся въ наймы. Старичекъ проворно шмыгнулъ въ закоулокъ, и хозяйка свѣтила ему до тѣхъ поръ, пока онъ не добрался до самой задней комнаты. Тогда хозяйка вернулась въ кухню, и закоулокъ погрузился въ непроглядную тьму.

— Можно войти?—спрашивалъ между тѣмъ старичекъ, полуотворяя дверь:—Карлъ Ивановичъ, вы дома?

— О, да, конечно,—послышался сильный голосъ съ нѣмецкимъ акцентомъ:—это вы, господинъ Пичъ?

— Я, я,—отвѣчалъ посѣтитель, разстегивая пальто и кладя картузь на старый кожаный стулъ.

Комната была большая, въ три окна, съ бѣлымъ некрашеннымъ поломъ. Но старинная ветхая мебель загромождала ее всю. За огромнымъ, краснаго дерева, платянымъ шкафомъ, поставленнымъ ребромъ къ стѣнѣ и дверцами къ окнамъ, находилась кровать хозяина, огражденная съ другой стороны тяжелыми готическими ширмами съ полинялой голубой подкладкой. На длинномъ кожаномъ диванѣ, съ плоской, очень высокой спинкой, лежала измятая подушка въ розовой ситцевой наволочкѣ, свидѣтельствовавшая, что обладатель ея любилъ отдыхать тутъ. На окнахъ были разставлены дешевые цвѣты и растенія. Около дивана виднѣлось

старое, въ видѣ четырехугольнаго ящика, на тонкихъ, витыхъ ножкахъ, фортепiano. На немъ лежало нѣсколько футляровъ отъ скрипокъ.

Карль Ивановичъ, высокій жилистый старикъ, въ длинномъ рыжемъ скюртукѣ, съ шеей, обмотанной бѣлымъ вязаннымъ шарфомъ, не смотря на свои сѣдые волосы и многочисленныя морщины, покрывавшія его бурое, нѣсколько заостренное лицо, имѣлъ бодрый видъ. Маленькіе сѣрые глаза оживленно сверкали у него изъ-подъ большихъ очковъ въ желѣзной оправѣ, два длинные прута которой заходили за уши и здѣсь застегивались третьимъ поперечнымъ прутикомъ.

Повидимому, онъ былъ очень занятъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ и тщательно чистилъ бѣлую полированную дощечку изъ полосатаго клена (агра).

Поздоровавшись съ нимъ, Пичъ сѣлъ около него и внимательно наблюдалъ за работой. Помолчавъ, онъ сказалъ:

— У васъ все теперь приготовлено?

— Все,—отвѣчалъ Карль Ивановичъ, продолжая шлифовать пластинку:—янтарь, масло и драконова кровь (красная смола).

— Ахъ,—воскликнулъ Пичъ:—сегодня мнѣ одинъ художникъ говорилъ, что драконова кровь выцвѣтаетъ на солнцѣ. Теперь я понимаю, почему наши красные лаки такъ скоро дѣлались желтыми и безцвѣтными.

— Нѣтъ,—убѣжденно возразилъ хозяинъ:—всѣ французскіе мастера употребляютъ драконову кровь, и скрипки остаются многіе годы красными. Вашъ художникъ ошибся. Съ этими словами онъ досталъ пачку рецептовъ и сталъ читать нѣкоторые изъ нихъ:

«Возьми чистую кастрюлю изъ бѣлаго желѣза, не бывшую въ употребленіи, вооружись деревяной палочкой изъ бѣлой ели, опусти въ кастрюлю отборнаго янтарю и прибавь венеціанскаго терпентину. Поставь все это на огонь горячихъ углей и помѣшивая дай янтарю распуститься. Когда растворъ будетъ нѣсколько охлажденъ, прибавь драконовой крови и очищеннаго свинцовымъ глетомъ льнянаго масла. Перелей лакъ въ чистую глиняную посуду и дай отстояться. На другой день онъ готовъ къ употребленію».

— Прекрасно,—сказалъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ Пичъ.— Тутъ все изложено очень ясно. Это мы сейчасъ и продѣлаемъ.

— А вотъ другой рецептъ,—проговорилъ сосредоточенно Карль Ивановичъ.

«Янтарь, добытый изъ морской воды, нерастворимъ ни въ чемъ: ни въ спирту, ни въ эфирѣ, ни въ хлороформѣ, ни въ кислородныхъ маслахъ. Но если подогрѣвать его на огнѣ, то онъ теряетъ янтарное масло и уксусную кислоту, «сырость», какъ выражаются техники на лаковыхъ заводахъ. Изъ желтаго прозрачнаго онъ становится темнобурнымъ и похожимъ на уголь. Въ такомъ видѣ онъ

безъ труда растворяется какъ въ спирту, такъ и въ скипидарѣ. Приготовленный обыкновеннымъ порядкомъ изъ него лакъ съ примѣсью копала принадлежитъ къ числу самыхъ прочныхъ».

— Этотъ рецептъ мнѣ не нравится,—возразилъ Пичъ:—развѣ древніе итальянскіе мастера знали, что такое уксусная кислота или янтарное масло? Однако, ихъ лаки до сихъ поръ неподражаемы. Нѣтъ, янтарь долженъ быть желтымъ и прозрачнымъ какъ въ твердомъ видѣ, такъ и въ лакѣ.

Между тѣмъ Карлъ Ивановичъ продолжалъ читать рецепты. Большинство изъ нихъ отличалось чрезвычайною запутанностью. Тамъ съ точностью перечислялось, сколько надо взять унцій то копинели, то шафрану, то марены (крапплакъ), варенаго масла и терпентину, разныхъ смоль, шеллаку, копала, ладану, гумми-лаку, аравійской камеди и мастики. Въ общемъ получалась такая смѣсь, которая, очевидно, ни къ чему не могла быть пригодна.

Въ этихъ рецептахъ спиртъ, не растворяющій варенаго масла, однако, участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ образованіи лака. Но оба алхимика, не заботясь ни о чемъ, со всѣмъ жаромъ предавались своему занятію.

Пичъ разжегъ угли въ небольшой жаровнѣ и поставилъ на жестяную кастрюльку. Едва онъ положилъ въ нее янтарю и терпентину, какъ то значилось въ рецептѣ, какъ острые пары скипидара наполнили комнату. Когда скипидаръ весь улетучился, янтарь сталъ подгорать, трещать, рассыпаться и почернѣлъ весь, какъ уголь. Вмѣсто лака получился черный нагаръ, испортившій кастрюлю. Оба пріятеля съ глубокимъ вниманіемъ разсматривали полученное вещество. Наконецъ Пичъ предложилъ повторить опытъ снова, досталъ новую кастрюльку и новую палочку изъ бѣлой ели, но результатъ получился тотъ же самый. Янтарь упорно не хотѣлъ распускаться и всякій разъ сгоралъ, когда усиливали жаръ.

Тогда у Пича блеснула счастливая идея.

— Послушайте,—сказалъ онъ съ торжествомъ:—возьмемъ вмѣсто янтаря мастиксъ.

И онъ досталъ изъ жилетнаго кармана пригоршню желтоватыхъ зеренъ, похожихъ на перловую крупу. Эти зерна довольно легко разошлись въ горячемъ скипидарѣ. Тогда, положили въ кастрюлю драконовой крови, и получилась жидкость великолѣпнаго ярко малиноваго цвѣта.

Карлъ Ивановичъ, позабывъ прибавить варенаго масла, тотчасъ вымазалъ ею отшлифованную пластинку, со всѣмъ вниманіемъ наблюдая, хорошо ли лакъ покрываетъ дерево и располагается ли на немъ ровнымъ слоемъ.

Послѣ краснаго лака друзья принялись готовить желтый, потомъ коричневый, потомъ вишневый. Уже настала глубокая ночь, и кругомъ водворилась тишина, а они все сидѣли и въ самозабвеніи варили свои лаки.

XII.

Прошла недѣля. Павловичъ нѣсколько разъ былъ у Ларисы Антоновны, и между ними установились хорошія отношенія. Она охотно приносила ему скрипку и еще охотнѣе слушала, какъ онъ игралъ. Нетерпѣливый, полный самимъ собой, какъ всякій артистъ, онъ высказывалъ ей свои мысли, планы, намѣренія. Вскорѣ ей стали извѣстна его жизнь, успѣхи и заботы. Къ первымъ она относилась съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, потому что знала, что славу дѣлаютъ женщины, а ей слишкомъ была извѣстна неразборчивость виртуозовъ въ этомъ отношеніи.

Что же касается заботъ Павловича, то изъ нихъ главная была о скрипкѣ. На этотъ счетъ у Ларисы Антоновны составилось опредѣленное мнѣніе и соответствующее рѣшеніе. Присматриваясь къ своему гостю, она нашла, что онъ добродушенъ и даже мягокъ. При нѣкоторомъ воспитаніи изъ него долженъ былъ бы выйти человекъ, которому она могла бы отдать предпочтеніе передъ многими. Но именно этого-то воспитанія и не доставало.

Съ нѣкоторыхъ поръ у нея стала пробуждаться мысль, въ которой она не смѣла сознаться себѣ. Никогда она не пользовалась вниманіемъ со стороны мужчинъ. Съ раннихъ лѣтъ въ ней установилось къ нимъ враждебное чувство. Она съ недоувѣрчивостью относилась ко всякому, кто пробовалъ заглянуть въ ея душу. Но такихъ было очень немного. Мало-по-малу она замкнулась въ броню старой дѣвы, а извѣстно, что эта броня самая непроницаемая изъ всѣхъ.

Дряхлая тетка ея рѣдко выходила къ Павловичу. Обыкновенно онъ проводилъ все время съ Ларисой Антоновной и со скрипкой. Если бы онъ былъ внимательнѣе къ окружающимъ, онъ замѣтилъ бы, какъ явно онъ отдаетъ предпочтеніе скрипкѣ передъ хозяйкой. Скрипку онъ держалъ въ рукахъ, не отрывая отъ нея глазъ, любовался ею; хозяйкѣ отвѣчалъ короткими фразами, часто невпопадъ, и тотчасъ забывалъ о ней.

Сперва Лариса Антоновна оскорблялась такимъ отношеніемъ виртуоза къ ея особѣ, но потомъ она поняла истинную причину этого и извинила его. Она безропотно подчинилась тому, что совершалось на его визитахъ. Обыкновенно онъ являлся часовъ въ семь и, мелькомъ поздоровавшись съ ней, раскрывалъ футляръ, который она приносила, послѣ чего начиналъ съ величайшимъ интересомъ разсматривать скрипку, какъ будто онъ ее видѣлъ въ первый разъ. Онъ поворачивалъ ее во всѣ стороны, у него вырывались восклицанія удивленія или восторга. Иногда онъ говорилъ самъ съ собой, не замѣчая присутствія Ларисы Антоновны. Затѣмъ, схвативъ смычекъ, начиналъ лихорадочно играть и очнувшись просилъ изви-

ненія за свою разсѣянность, но, тотчасъ позабывъ о хозяйкѣ, снова весь отдавался скрипкѣ.

Приносили чай. Павловичъ оставлялъ стаканъ остывать на столѣ или сразу осушалъ его и снова принимался играть. Утомившись, онъ садился на диванъ и рассказывалъ про свои дѣла. Онъ говорилъ въ такихъ случаяхъ почти всегда только о себѣ. Потомъ, вспомнивъ про скрипку, онъ бралъ ее въ руки и не выпускалъ ужъ до того времени, когда надо было уходить.

Лариса Антоновна скоро узнала о томъ, что ему надобно играть въ симфоническомъ собраніи, и что надняхъ состоится репетиція. Та мысль, въ которой она не смѣла сознаться себѣ, побудила ее однажды сдѣлать Павловичу выговоръ по поводу того, что онъ мало занимается и не заботится о своемъ дебютѣ. Сначала онъ не придавалъ значенія ея словамъ. Тогда она настойчивѣе повторила свои предостереженія и заставила его два раза сыграть концертъ передъ ней.

Когда она ему сдѣлала нѣсколько замѣчаній объ его игрѣ (она съ дѣтства привыкла слышать хорошую музыку), онъ очень удивился, и въ этотъ вечеръ нѣсколько минутъ были отняты отъ скрипки и удѣлены хозяйкѣ.

Наканунѣ симфоническаго собранія Павловичъ не зналъ, на какомъ инструментѣ онъ будетъ играть. Ему не приходила та простая мысль, которую ему вечеромъ сообщила Лариса Антоновна.

— Вамъ надо играть на моей скрипкѣ.

Глаза его будто прозрѣли. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему ему другой инструментъ? Развѣ онъ найдетъ болѣе лучший? Ему не надо ни примѣняться къ грифу, ни привыкать къ нюансамъ тембра. Развѣ онъ не изучилъ этой скрипки до мелочей?

Съ глубокой благодарностью онъ глядѣлъ на Ларису Антоновну и въ ту же минуту напелъ въ ней столько достоинствъ, какихъ, быть можетъ, она и не имѣла.

Само собою разумѣется, было рѣшено, что Лариса Антоновна будетъ на вечерѣ и придетъ въ артистическую комнату поздравить его съ успѣхомъ, въ которомъ нельзя было сомнѣваться.

ХІІІ.

Кто любитъ серьезную музыку, тотъ долженъ посѣщать симфоническія собранія. И дѣйствительно, отборная публика изъ году въ годъ остается неизмѣнно вѣрной залѣ дворянскаго собранія, гдѣ въ музыкальный сезонъ бываетъ десять симфоническихъ вечеровъ. Эти истинные любители съ пренебреженіемъ отзываются о садовой музыкѣ, не дѣлая снисхожденія ни Павловску, ни Акваріуму, и еще строже разбираютъ по косточкамъ садовыхъ капель-

мейстеровъ, которые, какъ водится, вербуются изъ рослыхъ, красивыхъ молодцовъ съ пылкимъ темпераментомъ и страстнымъ взглядомъ.

Около восьми часовъ, въ день симфоническаго концерта, Михайловская площадь бываетъ запружена экипажами, и озадаченные пѣшеходы, остановленные этой живой стѣной, съ изумленіемъ глядятъ во всѣ стороны, тщетно ища причины этого наплыва экипажей.

Въ залъ дворянскаго собранія нѣсколько входовъ. Пока публика тѣснится и снимаетъ верхнюю одежду въ обширномъ прохладномъ вестибюлѣ главнаго подъѣзда, болѣе солидные посѣтители, избѣгающіе тѣсноты, не спѣша проходятъ въ узкій темный корридоръ боковаго входа съ Михайловской улицы и безропотно раздѣваются въ полумракѣ, который вѣчно царитъ тутъ.

Но истинные меломаны знаютъ другой входъ—артистическій подъѣздъ. Онъ выходитъ тоже на Михайловскую, ближе къ воротамъ. Уже съ первыхъ ступеней лѣстницы все здѣсь даетъ понять о специальности этого входа. Вдоль стѣнъ неуклюже стоятъ огромные футляры отъ контрабасовъ. Въ тѣсной длинной комнатѣ виднѣются клѣтчатые полки въ родѣ тѣхъ, что бываютъ въ дешевыхъ баняхъ (тамъ на этихъ полкахъ хранятся «узлы» посѣтителей). Неизвѣстно, для чего здѣсь предназначены эти полки. Впрочемъ, на нихъ можно видѣть портфель съ надписью «Musique», или кучу порыжѣлыхъ тетрадей тоже несомнѣнно музыкальнаго происхожденія. Иногда высовывается тутъ откуда нибудь плоскій узенькій футляръ скрипки. Въ глубинѣ комнаты почти всегда выдѣляется въ сумракѣ грубо сколоченный изъ некрашенныхъ досокъ ящикъ для арфы, поднимающійся въ видѣ исполинской сѣрой рамы.

Нѣсколько выше около круглой печки стоитъ столъ, заваленный пальто, шубами, рогондами, а около него—два сторожа въ сѣрыхъ сюртукахъ съ мѣдными пуговицами и съ независимымъ видомъ. Они знаютъ въ лицо профессоровъ консерваторіи, членовъ музыкальнаго общества и свысока относятся къ оркестровымъ музыкантамъ, которыхъ иногда останавливаютъ, требуя контрамарки, къ великому негодованію тружениковъ искусства.

Еще строже относятся они къ посѣтителямъ, имѣющимъ абонементные билеты. Среди публики есть всегда много любителей музыки, которые какъ бы въ вознагражденіе за свою преданность къ искусству требуютъ особыхъ правъ и преимуществъ и предъ остальными. Къ числу такихъ привилегій они относятъ и право входить въ залу черезъ артистическій подъѣздъ,—право, которое они присваиваютъ себѣ совершенно незаконно, но съ глубочайшимъ убѣжденіемъ, что именно такъ и должно быть.

Эти посѣтители не заботятся о томъ, что тутъ нѣтъ вѣшалки, и что шубы приходится валить прямо на полъ въ общую кучу.

Они гордо предъявляют свой билетъ и направляются въ проходъ за эстрадой, закрытый отсюда невысокой деревянной перегородкой. Направо—витая лѣстница на хоры, самое интересное мѣсто для наблюдений, сбоку—входъ въ артистическую комнату, налево—мѣста за колоннами.

Еще далеко до начала, т. е. до восьми часовъ, хоры биткомъ набиты. Здѣсь мѣста не нумерованы, и всякій жаждетъ прильнуть къ баллюстрадѣ, откуда, свѣсившись внизъ, можно видѣть безчисленные ряды стульевъ, занятыхъ дамами въ свѣтлыхъ платьяхъ и мужчинами въ черныхъ сюртукахъ, среди которыхъ блестятъ золотые, серебряные эпoletы и краснѣютъ или синѣютъ тугіе гвардейскіе воротники. Опоздавшіе угрюмо прислоняются къ стѣнѣ и не смотря вънизъ, что, впрочемъ, для нихъ совершенно невозможно, такъ какъ впереди тѣснится густая толпа, съ необыкновеннымъ упорствомъ стремящаяся удержать разъ захваченныя мѣста. Эти посѣтители тяжело вздыхаютъ, потому что для истиннаго любителя, забирающагося на хоры, полное наслажденіе музыкой заключается не въ томъ, чтобы слышать, но въ томъ, чтобы видѣть, обонять, а, если можно, и осязать.

Мало-по-малу эстрада наполняется музыкантами. Вокругъ нея сидятъ въ коричневыхъ и темныхъ платьяхъ скромныя, приличныя консерваторки и весьма развязныя, предприимчивыя и не особенно приличные консерватористы въ розовыхъ галстукахъ, гороховыхъ жилетахъ, съ взбитыми вихрами и напомаженными усами.

Появленіе дирижера водворяетъ тишину. Онъ раскланивается съ публикой, хотя объ этомъ его никто не проситъ, взмахиваетъ неизбежной палочкой, которая въ наши дни служитъ атрибутомъ власти какъ фокусника, такъ и капельмейстера, и вечеръ открывается какою нибудь колоссальною симфоніей, имѣющею претензію изображать громъ, молнію, полетъ птицъ, вѣяніе вѣтерка, зарождающуюся любовь, отвѣтную страсть, ядъ ревности, убійство и самоубійство.

XIII.

Когда Павловичъ вошелъ въ артистическую комнату, только что кончился послѣдній номеръ перваго отдѣленія. Курилка была биткомъ набита. Virtuozъ тотчасъ встрѣтилъ множество знакомыхъ. Тутъ были профессора консерваторіи, скрипачи съ именами и безъ нихъ, но все съ большой любовью къ славѣ. Тутъ были знаменитыя піанистки, арфистки, пѣвицы, пѣвцы съ басами и тенорами. Молодыя ученицы наперерывъ цѣловали свою товарку, выпущенную въ прошломъ году, которая только что сыграла на рояли трудный концертъ и не провалилась на немъ, а значитъ потому,

имѣла успѣхъ. Піанистка, совсѣмъ юная миловидная дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ съ живыми цвѣтами въ волосахъ съ такой готовностью расточала свои поцѣлуи во всѣ стороны, что Павловичъ позавидовалъ ея подругамъ.

Тевяшевъ, Лансъ и прочіе знакомцы тотчасъ окружили его. Однако онъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ нихъ и прошелъ въ самую дальнюю комнату, гдѣ вынулъ драгоцѣнную скрипку изъ футляра и принялся настраивать ее.

Не смотря на то, что доступъ сюда былъ очень труденъ, два зоркіе еврейскіе репортерчика мигомъ очутились около виртуоза и заранѣе поспѣшили освѣдомиться, что будетъ онъ играть на *his*, какого мастера его скрипка, гдѣ онъ остановился, когда намѣренъ уѣхать изъ Петербурга, и куда. Къ величайшему своему изумленію, онъ замѣтилъ тутъ круглую хищную голову Гвидо, который чувствовалъ себя здѣсь, повидимому, какъ дома.

Онъ поспѣшилъ къ виртуозу и протянулъ ему свою руку. Застигнутый врасплохъ Павловичъ пожалъ ее, но тотчасъ сухо отвернулся, чѣмъ весьма обидѣлъ почтеннаго гардеровщика.

Рѣзкій звонокъ возвѣстилъ о началѣ втораго отдѣленія. Артистическая комната въ мигъ опустѣла. Тутъ остались только меломаны, которые давнымъ давно переслушали все, что исполнялось въ симфоническихъ собраніяхъ, и ѣздили сюда лишь затѣмъ, чтобы встрѣчать старыя лица и говорить старыя рѣчи.

— Вамъ-съ,—произнесъ сторожъ независимаго вида.

Павловичъ провелъ смычкомъ по струнамъ въ послѣдній разъ и убѣдившись, что строй въ порядкѣ, съ жуткой и сладкой тревогой вышелъ изъ курительной комнаты и, не глядя по сторонамъ, нервной, но самоувѣренной походкой направился къ эстрадѣ. Его встрѣтили рукоплесканіями. Онъ не могъ удержаться отъ улыбки и, раскланиваясь съ публикой, опять попробовалъ, хорошо ли настроена скрипка, и согласуется ли его *la* съ *la* оркестра.

Дирижеръ, опытный музыкантъ, зналъ, что оркестру не придется подлаживаться къ игрѣ виртуоза и смазывать его промахи. Онъ опасался только, что виртуозъ возьметъ слишкомъ быстрый темпъ въ *allegro* и этимъ затруднитъ первыхъ скрипачей оркестра, взятыхъ, впрочемъ, на подборъ. Утромъ на репетиціи въ этомъ *allegro* произошла маленькая затяжка, именно благодаря слишкомъ быстрому темпу. Взглянувъ на виртуоза, какъ бы безмолвно спрашивая его этимъ краснорѣчивымъ взглядомъ, можно ли начинать, капельмейстеръ поднялъ палочку и лѣвую руку, и оркестръ стройно и звучно исполнилъ первые шесть вступительныхъ тактовъ.

Соло скрипки начиналось тотчасъ острыми, пѣвучими и высокими нотами на квинтѣ. Павловичъ сразу взялъ тотъ быстрый темпъ, котораго опасался дирижеръ. Но онъ такъ твердо держалъ тактъ, что оркестръ приспособился къ его исполненію, и строй-

ная согласная музыка наполнила залу. Великій концертъ Мендельсона Бартольди, «блестящее исключеніе въ скрипичной литературѣ»¹⁾, былъ хорошо знакомъ не только присутствовавшимъ артистамъ, но и публикѣ. Не разъ его тутъ исполняли Лауба, Іохимъ, Саразате, Губай, и другія свѣтила въ музыкальномъ мірѣ, и каждый придавалъ этому знаменитому концерту свои индивидуальныя оттѣнки.

Прелестное чистое, нѣжное, исполненіе Лауба смѣнялось бурной строгой игрой Іохима. Впечатлительный нервный Саразате удивлялъ слушателей артистичностью исполненія, выражавшейся въ необычайно тонкой отдѣлкѣ нюансовъ, въ длительныхъ флажеолетахъ, въ красивыхъ обдуманыхъ каденцахъ и неподражаемыхъ хроматическихъ гаммахъ, которыя онъ вставлялъ сюда въ видѣ украшенія отъ себя.

И, согласно обычаю, Павловичъ исполнилъ этотъ концертъ по своему. Тутъ надо было выразить и оттѣнить три главныя его стороны: удивительно глубокую мелодію, написанную широко, страстно, съ огнемъ, въ быстромъ темпѣ, и потомъ ту же самую мелодію, красиво модулированную, въ очень медленномъ темпѣ, и затѣмъ закончить огромный и могучій концертъ изящнымъ, легкимъ, восхитительнымъ скерцо, полнымъ жизни и непринужденности.

Павловичъ оказался на высотѣ задачи. Едва стихли его сильныя, энергическія, октавныя тріоли, составлявшія заключеніе первой части, какъ дружный гулъ рукоплесканій заглушилъ tutti оркестра. Павловичъ отвѣчалъ короткимъ поклономъ и началъ второе solo. Весь концертъ онъ провелъ съ той страстью и съ тѣмъ паэосомъ, съ какимъ онъ началъ его,—дѣло, удававшееся весьма немногимъ артистамъ и требовавшее отъ исполнителя весьма большой силы.

Подъ громъ рукоплесканій онъ сошелъ съ эстрады и, не дойдя до артистической, принужденъ былъ вернуться на шумные вызовы. Не заставляя себя долго просить, онъ началъ на *bis* прелестную и живую тарантеллу Раффа, щеголяя металлическимъ стакато и чистотой интонаціи. Онъ не любилъ играть при подобныхъ вызовахъ вещи тягучія, мелодичныя и меланхолическія, что въ большой модѣ у скрипачей, воображающихъ, что послѣ быстрого темпа долженъ идти непремѣнно медленный, а послѣ *forte*—*piano*.

Послѣ тарантеллы стали опять хлопать и опять требовать повторенія, что было не къ лицу той строгой и взыскательной публикѣ, которая была обыкновенно весьма скупа на выраженіе своего одобренія. У Павловича былъ богатый обширный репертуаръ. Но теперь, стоя на эстрадѣ, онъ былъ въ нерѣшимости, что ему сыграть. И нотъ подходящихъ не было подъ руками, такъ какъ онъ былъ

¹⁾ Такъ выразился про него Антонъ Рубинштейнъ.

вполнѣ убѣжденъ, что достаточно будетъ ограничиться одной какой нибудь пьесой.

Замѣтивъ его колебаніе, дирижеръ предложилъ ему услуги въ качествѣ аккомпаниатора-піаниста, но Павловичъ шепнулъ ему нѣсколько словъ въ отвѣтъ, и дирижеръ далъ знакъ артистамъ, чтобы они положили свои инструменты, а самъ удалился съ эстрады. Публика съ недоумѣніемъ глядѣла, что будетъ дальше. Павловичъ терпѣливо ждалъ, пока утихнетъ шумъ. Ему захотѣлось исполнить старинный маршъ Кампанеллы, который онъ самъ аранжировалъ для себя въ минуты досуга.

Этотъ маршъ не сопровождался никакимъ аккомпаниментомъ и по своей основной идеѣ нѣсколько подходилъ къ знаменитой фонфарѣ изъ Фауста. Почти весь онъ былъ написанъ двойными нотами и аккордами, требовавшими короткихъ энергическихъ штриховъ. Павловичъ съ увлеченіемъ исполнилъ его, и то богатство звуковъ, которое онъ извлекъ изъ своего мощнаго инструмента, поразило и привело въ восхищеніе публику. Зала дружно требовала повторенія, и онъ долженъ былъ уступить.

Въ артистической комнатѣ подбѣжали къ нему репортеры и спрашивали, что такое онъ игралъ на bis. Они привыкли черпать свои «сужденія» изъ короткихъ отрывочныхъ объясненій, брошенныхъ имъ въ добычу тѣмъ или другимъ артистомъ, и на нихъ строили свою газетную критику.

Лариса Антоновна съ блѣднымъ лицомъ, съ котораго не сходила улыбка восхищенія, съ жаромъ пожала руки Павловича.

— Какъ вы играли, какъ вы играли,—говорила она:—я была точно на небесахъ.

Эта похвала тронула его больше всѣхъ другихъ.

— Но я всегдѣ вамъ обязанъ,—отвѣтилъ онъ.

Однако она горячо возражала, что одна скрипка сама по себѣ ничего не значить, а все дѣло въ талантѣ и вдохновеніи.

Послѣ этого вскорѣ онъ уѣхалъ съ Ларисой Антоновной, уклонившись отъ предложенія Тевяшева, Лансье и другихъ артистовъ, приглашавшихъ его ужинать и спрыснуть крупный успѣхъ. Какъ потомъ онъ сообразилъ, ему въ первый разъ въ жизни пришлось послѣ концертовъ провести время въ скромной домашней обстановкѣ, и онъ сознался, что ему не было скучно. Кубокъ славы, къ которому онъ сейчасъ прикоснулся, далъ ему теперь такое удовлетвореніе, какого онъ еще не испытывалъ.

На другой день въ музыкальныхъ хроникахъ газетъ онъ встрѣтилъ краткія замѣтки о себѣ, и это дѣйствительно свидѣтельствовало о его успѣхѣ, такъ какъ лѣнныя и неповоротливыя русскія газеты обыкновенно лишь на третій, а иногда и на четвертый день сообщаютъ своимъ невзыскательнымъ коснымъ читателямъ о томъ событіи, которое уже давно утратило свою свѣжесть.

Въ глубинѣ души Павловичъ очень хорошо сознавалъ, что въ значительной степени своихъ успѣховъ онъ обязанъ той чудесной скрипкѣ, которую такъ любезно дала ему Лариса Антоновна. Теперь надняхъ ему надо было давать свой собственный концертъ въ кредитномъ обществѣ, затѣмъ предстоялъ рядъ еще другихъ концертовъ. Онъ ждалъ, и не безъ основанія, приглашенія во дворецъ Екатерины Михайловны, столь любившей музыку и умѣвшей устраивать у себя блестящіе артистическіе вечера. Если бы могъ онъ всюду являться съ этой прекрасной скрипкой, не имѣвшей соперницъ! Но какъ достигнуть этого? Послѣ, когда уже все то совершилось, что казалось ему раньше невозможнымъ, ненужнымъ и даже опаснымъ, онъ сознавался предъ самимъ собой, что онъ никогда не имѣлъ ничего противъ того выхода, къ которому обѣ стороны пришли сами собой. Но теперь еще онъ колебался предъ рѣшительнымъ шагомъ и даже не зналъ, какъ къ нему приступить.

Анатолій Леманъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. КОЛЮБАКИНОЙ.

КАВКАЗСКІЯ воспоминанія В. А. Полторацкаго, напечатанныя въ прошломъ году въ «Историческомъ Вѣстникѣ», заинтересовали многихъ читателей этого журнала. Въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ въ зеркалѣ, отразились тѣ особенныя черты характеровъ главнѣйшихъ дѣятелей Кавказа, которыя могли выработаться только подъ вліяніемъ шестидесятилѣтней, непрестанной борьбы съ горцами.

Это былъ отдѣльный міръ, для всѣхъ крайне интересный, а для насъ, военныхъ, дорогой. Разказы о герояхъ Кавказа, отъ генерала до простого солдата, заставляютъ надѣяться, что и въ будущемъ, въ минуту роковой борьбы, эти герои воскреснутъ въ ихъ потомкахъ. Но въ большой войнѣ, которая рано или поздно предстоить Россіи, отдѣльные подвиги не только малыхъ чиновъ, но и генераловъ, потонуть въ общемъ морѣ крови. На Кавказѣ, при дѣйствіи сравнительно мелкихъ отрядовъ, это было иначе: каждый поручикъ былъ на виду, а полковникъ представлялъ изъ себя персону. Этого, если можно такъ выразиться, семейный характеръ войны заставляеть насъ слѣдить съ любовью за каждой отдѣльной личностью и интересоваться ею, какъ человѣкомъ роднымъ.

Вотъ почему я полагаю небезынтересными для читателей записки А. А. Колюбакиной, находящіяся въ моихъ рукахъ. Кто не зналъ на Кавказѣ въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ немирнаго Колюбакина? О немъ упоминаеть и Полторацкій, но вскользь. Ему, повидимому, пришлось провести службу на другомъ краю Кавказа и сталкиваться съ Николаемъ Петровичемъ только какъ съ собесѣдникомъ, а не какъ съ дѣятеlemъ.

Высокаго роста, съ широкими плечами, съ головою, гордо откинутой назадъ, Колюбакинъ олицетворялъ своей фигурой силу и могущество. Его маленькіе, живые глаза были полны ума. Превосходно образованный, начитанный, хорошо знавшій иностранные языки, особенно французскій, онъ съ живымъ любопытствомъ слѣдилъ за европейской литературой, и шкафы его были всегда полны книгъ, только что вышедшихъ изъ типографій Парижа и Берлина.

Не удивительно, что при такихъ вкусахъ Колюбакинъ, по назначеніи сенаторомъ въ Москву, не замедлилъ сойтись съ лучшими людьми того времени. Сколько мнѣ извѣстно, Аксаковъ, Самаринъ, князь Черкасскій, были его постоянными собесѣдниками, а Погодина и графа Сологуба, втеченіе моего двухдневнаго пребыванія въ Москвѣ, я встрѣтилъ въ его домѣ.

Но этотъ блестящій, высоко даровитый и безусловно честный человѣкъ обладалъ недостаткомъ, дѣлавшимъ его иногда нестерпимымъ для общества и весьма тяжелымъ для близкихъ: необузданная, ничѣмъ неукротимая вспыльчивость его переходила всякіе предѣлы. Въ такія минуты онъ становился опасенъ и могъ совершить преступленіе. Много терпѣлъ онъ отъ этого самъ, но много терпѣли и другіе, и надо еще удивляться, что онъ окончилъ жизнь въ почетномъ званіи сенатора, а не въ сѣрой солдатской шинели.

Про его продѣлки, заслужившія ему названіе немирнаго, говорилъ весь Кавказъ, и Полторацкій въ своихъ запискахъ приводитъ одинъ такой примѣръ. Расскажу другой.

У Колюбакина, когда онъ губернаторствовалъ въ Кутаисѣ, былъ одинъ чиновникъ, плѣшивенькій, маленькій старичекъ, плохо владѣвшій русской грамотой. Приноситъ онъ Николаю Петровичу какую-то бумагу, въ которой слово «лѣсъ» написано черезъ *e*. Николай Петровичъ обратилъ на это вниманіе и просилъ такой вопіющей ошибки не повторять; но на слѣдующій день злополучный «лесъ» является въ прежнемъ видѣ. Колюбакинъ раскричался; но когда то же самое повторилось и въ третій разъ, то онъ вскочилъ со стула и зарычалъ: «садитесь и читайте». Бѣдный чиновникъ сѣлъ и наклонилъ голову надъ бумагой, а грозный начальникъ, не помня себя, выворотилъ ему на лысину всю чернильницу, а потомъ и песочницу. Излишне говорить, что Колюбакинъ потомъ искренно извинялся передъ оскорбленнымъ подчиненнымъ; но каково же было переносить такія выходки людямъ, имѣвшимъ съ нимъ ежедневныя сношенія.

Въ заключеніе скажу, что жена Колюбакина, Александра Андреевна, была знакома многимъ старымъ кавказцамъ. Имя ея было окружено общимъ уваженіемъ, а правдивость вошла въ пословицу.

П. А. К—скій.

I.

Родители Н. П. Колюбакина. — Воспитаніе въ домѣ отца. — Поступленіе въ Гродненскій гусарскій полкъ. — Разжалованіе въ солдаты и переводъ на Кавказъ. — Производство въ офицеры. — Командировка для переговоровъ съ княземъ Моршани. — Характеръ Колюбакина. — Участіе въ Даргинской экспедиціи. — Его подвигъ и производство въ майоры. — Назначеніе начальникомъ Джаро-Блоканскаго округа. — Нападеніе разбойника. — Оригинальное вѣнчаніе Колюбакина. — Мгновенное излѣченіе лихорадки. — Образъ жизни въ Закавказьѣ. — Покушеніе на убійство Колюбакина. — Даніэль-Бекъ. — Критическое положеніе.

Главная цѣль моихъ воспоминаній заключается въ желаніи напомнить о человѣкѣ, котораго зналъ весь Кавказъ, и добрая память о которомъ сохраняется и понынѣ во многихъ мѣстахъ здѣшняго края. Да, можетъ быть, нѣкоторымъ — не смѣю думать многимъ — будетъ интересно прочитать нѣсколько страницъ изъ жизни кавказца сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Я хочу говорить о Николаѣ Петровичѣ Колюбакинѣ, и такъ какъ описаніе его характера и дѣятельности на Кавказѣ составляетъ главный предметъ моего простаго повѣствованія, то постараюсь сказать о немъ все, что знаю и помню. Прошу, однако, не думать, что я хочу написать его біографію, во-первыхъ, я, вѣроятно, не сумѣла бы сдѣлать этого, тѣмъ болѣе, что для такого труда необходимо имѣть матеріалы, а у меня ихъ нѣтъ. Самъ Колюбакинъ какъ-то мало дорожилъ своими бумагами и оставилъ ихъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Помню прекрасную записку его о возможности покорить Кавказъ мирнымъ способомъ, а именно установленіемъ съ нимъ торговли, но изъ нея, послѣ смерти его, я нашла только нѣсколько несвязныхъ отрывковъ. То же было и съ другими его рукописями, кромѣ одной, напечатанной, объ освобожденіи крестьянъ въ Грузіи.

Напоминая о Николаѣ Петровичѣ людямъ, знавшимъ его, я хотѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить картину прежней жизни на Кавказѣ для сравненія ея съ современной, всѣмъ болѣе знакомой; поэтому въ рассказѣ моемъ не слѣдуетъ искать опредѣленной рамки.

Полагая, что характеръ каждаго человѣка образуется съ дѣтства, подъ вліяніемъ людей, окружающихъ его, и болѣе всего родителей, — не лишнимъ считаю сказать, кто были отецъ и мать Колюбакина.

Николай Петровичъ родился въ 1812 году. Отецъ его, генералъ-лейтенантъ Петръ Ивановичъ Колюбакинъ, уроженецъ Новгородской губерніи, былъ однимъ изъ дѣятелей отечественной войны. Весь израненный, онъ прожилъ послѣ двѣнадцатаго года не болѣе пятнадцати лѣтъ, почти не вставая съ креселъ. Женатъ онъ былъ по любви на полкѣ, красавицѣ, графинѣ Пулавской, но счастливъ

не былъ; онъ страдалъ душевно, видя, что жена не только не раздѣляла съ нимъ горячей любви его къ отечеству и преданности престолу, но, напротивъ, принадлежала всѣмъ сердцемъ только соотечественникамъ своимъ, которымъ мало-по-малу передала все состояніе мужа. Дѣтей у нихъ было пятеро: двѣ дочери и три сына, изъ которыхъ Николай былъ старшій, Михаилъ второй, а Александръ младшій. При жизни отца они содержались въ роскоши, ходили въ бархатѣ и при нихъ постоянно находились, по требованію отца, три гувернера, для изученія иностранныхъ языковъ. Казалось бы, что при такой обстановкѣ дѣти должны были наслаждаться жизнью, но не тутъ-то было: жестокая и необузданно вспыльчивая мать строго наказывала ихъ за малѣйшую невинную шалость, даже за каждое пятнышко на платьяхъ и требовала отъ гувернеровъ такого же безжалостнаго обращенія съ дѣтьми, что, весьма понятно, не могло благотворно подѣйствовать на ихъ характеры. Отталкивая ихъ въ припадкахъ гнѣва и не говоря съ ними по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ, мать не только навсегда ожесточила ихъ противъ себя, но приучила не то что злопамятствовать, а долго дуться послѣ всякой ссоры. Привычка эта въ особенности привилась къ Николаю Петровичу. Михаилъ Петровичъ, менѣе вспыльчивый, умѣлъ сдерживаться и при непріятностяхъ былъ скрытенъ и молчаливъ.

Двухъ старшихъ сыновей отецъ отдалъ въ царскосельскій лицей, бывшій въ то время въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; третій сынъ воспитывался въ другомъ учебномъ заведеніи и вышелъ въ гусары; но надо полагать, что печально проведенное дѣтство и недостатокъ материнской любви иначе повліяли на его болѣе мягкій и кроткій нравъ, ибо на 19-омъ году жизни онъ удалился въ монастырь, гдѣ вскорѣ постригся. Старшіе братья его, весьма способные мальчики, учились прекрасно и тоже вышли въ военную службу.

Поступивъ въ 1830 году въ Гродненскій гусарскій полкъ, Николай Петровичъ былъ въ Варшавѣ во время польскаго мятежа; сдѣлалъ кампанію 1831 года, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, находился въ битвѣ подъ Остроленкою и при штурмѣ Варшавы и тутъ былъ раненъ саблей въ ногу. Начавъ такъ счастливо службу, онъ былъ разжалованъ въ солдаты, два года спустя, за оскорбленіе начальника своего и сосланъ на Кавказъ, гдѣ поступилъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, считавшійся какъ тогда, такъ и теперь, молодецкимъ по храбрости офицеровъ и солдатъ и образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Умный, прекрасно образованный и въ высшей степени благородный человѣкъ, Николай Петровичъ ни передъ кѣмъ не гнулъся; солдатская шинель нисколько не стѣсняла его; онъ попрежнему держалъ голову высоко и всѣмъ смотрѣлъ прямо глаза. По прибытіи

въ полкъ, онъ очень скоро пріобрѣлъ расположеніе и уваженіе командира своего, полковника Безобразова, такого же пылкаго, какимъ онъ былъ самъ, и дружбу всѣхъ своихъ сослуживцевъ, что не помѣшало ему, однако, имѣть съ ними нѣсколько дуэлей. Не смотря на это, отношенія съ товарищами были самыя дружескія, и мѣсяцы боевой жизни пролетали, какъ дни. Не стану упоминать здѣсь, въ какихъ именно экспедиціяхъ, бояхъ и перестрѣлкахъ онъ участвовалъ,—скажу только, что ихъ было очень много, и что черезъ годъ онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, послѣ чего, подѣ начальствомъ генерала Малиновскаго, а потомъ генерала Вельяминова, находился на Кубани въ непрерывныхъ военныхъ дѣлахъ. Въ маѣ 1837 года его произвели за храбрость въ прапорщики, и онъ снова началъ карьеру свою, не пользуясь втеченіе всей жизни ничьей протекціей.

Въ концѣ 1840 года его перевели на восточный берегъ Чернаго моря, для участія въ экспедиціяхъ противъ разныхъ непокорныхъ племенъ Кавказа; тутъ онъ вскорѣ былъ сдѣланъ адъютантомъ сначала при генералѣ Анрепѣ, начальникѣ черноморской береговой линіи, а затѣмъ при замѣстившемъ его генералъ-адъютантѣ Будбергѣ.

Когда Колюбакинъ находился при генералѣ Анрепѣ, ему было поручено съѣздить въ Далъ, гористую, высоко лежащую надъ уровнемъ моря и чрезвычайно живописную часть Абхазіи для переговоровъ съ княземъ Баталбеемъ Маршани, родственникомъ владѣтеля, поселившимся тамъ съ 500-ми дымами абхазцевъ. Предводительствуя враждебною намъ партією, Баталбей нападалъ на подвластную Россіи, сосѣднюю съ нимъ, Цебельду, тоже страну гористую, и не разъ вступалъ въ отважныя схватки съ нашими войсками.

Прибывъ въ Далъ, Николай Петровичъ остановился у подошвы той горы, на которой находился домъ Баталбея, и послалъ изъ команды своей одного абхазца сказать ему, что онъ присланъ генераломъ Анрепомъ для переговоровъ съ нимъ. Князь Маршани отвѣтилъ, что онъ готовъ выслушать его, только съ уговоромъ, что онъ придетъ къ нему одинъ. Колюбакинъ согласился, полагая, что и его найдетъ одного; но каково было его удивленіе, когда, поднявшись на гору, онъ увидалъ князя Баталбея, окруженнаго 400-ми вооруженныхъ абхазцевъ.

— Зачѣмъ люди эти здѣсь?—спросилъ Колюбакинъ, обращаясь къ князю Маршани:—ты пожелалъ видѣть меня одного, я согласился и не обманулъ тебя; я пришелъ съ однимъ переводчикомъ, потому что вѣрилъ въ твою честь.

— Благодарю,—отвѣчалъ Баталбей:—и прошу тебя, не бойся.

— Не говори со мною такъ!—вскричалъ Колюбакинъ:—ты можешь убить меня, но не забывай, что я русскій офицеръ и ничего

не боюсь. Прикажи же людям своимъ стрѣлять!—прибавилъ Николай Петровичъ, обнажая грудь.

Баталбей, какъ всѣ горцы вообще, высоко цѣнили храбрость и тотчасъ протянулъ Колюбакину руку. Затѣмъ послѣдовали переговоры, послѣ которыхъ князь Маршани совершенно измѣнилъ отношенія свои къ русскимъ и сдѣлался ихъ другомъ. Даже умирая, много лѣтъ спустя, онъ завѣщалъ сыновьямъ вѣрно служить Россіи.

По прибытіи въ Керчь, мѣстопробываніе начальника береговой линіи, Николай Петровичъ тотчасъ же познакомился съ моими родителями и, по прошествіи мѣсяца, былъ уже въ домѣ нашемъ, какъ свой; онъ посѣщалъ насъ не только ежедневно, но по три и по четыре раза въ день, побуждаемый къ этому единственно своею бурною и подвижною натурою и страстью къ разсужденіямъ и спорамъ о всѣхъ интересныхъ для него предметахъ. Самъ Колюкинъ говорилъ не только умно, но краснорѣчиво, и такъ какъ по образованію онъ былъ человѣкомъ свѣтскимъ и чрезвычайно пріятнымъ собесѣдникомъ, то, не смотря на пріобрѣтенныя имъ въ полку слишкомъ отважныя драгунскія манеры и на невыносимость противорѣчій, вслѣдствіе чего происходили нерѣдко вспышки, доходившія до ссоръ,—всѣ приглашали его къ себѣ и принимали съ величайшимъ удовольствіемъ. Въ особенности благоволили и были снисходительны къ нему дамы; но когда ему дѣлали или, лучше сказать, осмѣливались дѣлать замѣчанія за какую нибудь неловкость или рѣзкость къ обращеніи, онъ отвѣчалъ: «Prenez moi tel, que je suis ¹⁾. Я солдатъ и другимъ быть не хочу». Или же, взявъ фуражку, уходилъ, не простившись, и уходилъ надолго. Но надо сказать, что подобныя непріятныя столкновенія мучили его такъ сильно, что по прошествіи нѣкотораго времени онъ самъ искалъ случая помириться. Слѣдуетъ прибавить еще къ этому, что вспыльчивость его, происходившая частью отъ органическаго порока сердца, искупалась весьма немалыми достоинствами, и поэтому друзья его и знакомые извиняли ему такіе поступки, которые другому не прошли бы даромъ.

Продолжая боевую жизнь свою на черноморской береговой линіи, Колюбакинъ получилъ двѣ раны въ одномъ упорнѣйшемъ трехдневномъ бою, при взятіи многочисленныхъ заваловъ: одну рану въ бедро, очень опасную, а другую—въ правую руку на вылетъ.

Въ 1845 году, послѣ дуэли съ В. за то, что послѣдній помѣшалъ ему посадить дамъ въ карету, онъ былъ переведенъ въ Тифлисъ для участія въ готовящейся тогда большой экспедиціи противъ Шамиля, извѣстной въ военныхъ лѣтописяхъ подъ наименованіемъ «Даргинской» и совершившейся подъ начальствомъ всѣми уважаемаго намѣстника, князя Михаила Семеновича Воронцова.

¹⁾ Берите меня такимъ, каковъ я есть.

Николай Петровичъ, командовавшій въ этой экспедиціи 3-й стрѣлковой ротой Куринскаго полка, получилъ однажды приказаніе сбить горцевъ съ позиціи, занимаемой ими на возвышенности. Приближаясь къ непріятелю, солдаты наши замѣтили, что сорокъ или болѣе муллъ, распростертыя на землѣ, молились передъ сраженіемъ, громко взывая къ Аллаху. Рота остановилась предъ атакой.

— Ваше благородіе, нельзя теперь нападать на нихъ, грѣшно: видите, они молятся,—сказали солдаты.

Колюбакину нельзя было терять времени, слѣдовало тотчасъ же атаковать.

— Да что у нихъ за богъ! — вскричалъ онъ: — развѣ нашъ не лучше?

— Гораздо лучше, ваше благородіе! — воскликнули куринцы и въ ту же минуту бросились въ атаку съ громкимъ «ура»...

Черезъ нѣсколько времени непріятель былъ сбитъ, и позиція взята. Тотчасъ послѣ этого Колюбакинъ напомнилъ солдатамъ примѣръ набожности мусульманъ; сцена измѣнилась, солдаты, снявъ шапки, перекрестились, а затѣмъ, вырывъ яму и опуская въ землю своего убитаго фельдфебеля, пропѣли заупокойную молитву.

Въ эту кампанію Николай Петровичъ былъ раненъ пулею въ грудь и произведенъ въ маіоры.

По окончаніи экспедиціи онъ получилъ мѣсто окружнаго начальника въ Джаро-Вѣлоканскомъ округѣ и въ первый же мѣсяцъ пребыванія своего въ крѣпости Закачалахъ, въ развѣздѣ по округу для поимки разбойника, встрѣтившись съ нимъ неожиданно въ домѣ покорнаго намъ лезгина, обѣщавшаго выдать злодѣя, чуть не поплатился жизнью. По обыкновенію своему онъ совершалъ поѣздки по округу въ сопровожденіи не казаковъ, а мирныхъ лезгинъ, и безъ всякаго оружія, хотя ему было извѣстно, что каждый разъ по дорогамъ его ожидали засады; но онъ дѣйствовалъ подобнымъ образомъ, во-первыхъ, потому, что всегда надѣялся, что ничего не случится, что все пройдетъ благополучно, а, во-вторыхъ, чтобы выказать лезгинамъ полнѣйшее довѣріе къ ихъ вѣрности и честности и тѣмъ привязать ихъ къ себѣ, въ чемъ совершенно успѣлъ. На этотъ разъ, однако, онъ чуть не погибъ. Увидѣвъ передъ собой начальника округа, разбойникъ, не долго думая, занесъ пашку надъ его головой, но Колюбакинъ успѣлъ отклонить голову на столько, что пашка упала ему на плечо и, разрубивъ эполетъ и платье, сдѣлала легкій прорѣзъ на тѣлѣ. Не смѣя стрѣлять, изъ боязни обнаружить присутствіе свое въ домѣ, разбойникъ хотѣлъ вторично ударить начальника по головѣ, но Николай Петровичъ предупредилъ ударъ, схвативъ пашку голой рукой за лезвее, при чемъ, понятно, ранилъ себя: большой палецъ былъ почти отрѣзанъ, а на указательномъ была глубокая рана. Въ этотъ моментъ за дверью послышались шаги, и вошелъ хозяинъ дома, а испуганный

злодѣй успѣлъ скрыться, выскочивъ въ окно. Обязавъ руку платкомъ съ помощью хозяина, Коллюбакинъ отправился назадъ и къ утру вернулся домой, потерявъ много крови.

Нужно сказать, что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до перевода Коллюбакина изъ Керчи въ Тифлисъ онъ былъ уже моимъ женихомъ, но не могъ жениться до полученія мѣста съ порядочнымъ жалованьемъ, такъ какъ ни у него, ни у меня не было никакихъ денежныхъ средствъ. Въ то самое время, когда Коллюбакину приходилось оставить Керчь, одинъ изъ братьевъ моей матери, проживавшій тогда въ Тифлисъ, просилъ доставить къ нему двухъ маленькихъ дѣтей его, оставленныхъ имъ въ нашемъ домѣ на цѣлый годъ, при проѣздѣ его черезъ Керчь, и порученныхъ моему надзору.

Исполнить желаніе дяди было тогда нелегко, такъ какъ сообщеніе съ Тифлисомъ представляло различныя затрудненія, и охотниковъ ѣздить туда находилось немного. Поэтому для рѣшенія вопроса, съ кѣмъ бы изъ насъ отправить къ нему его дѣвочекъ, собрали семейный совѣтъ, и всѣ нашли, что лучше всего послать ихъ со мною съ тѣмъ, чтобы я осталась въ домѣ дяди до совершенія моего брака.

Николай Петровичъ направилъ путь свой изъ Крыма въ Тифлисъ чрезъ Ростовъ и Кавказскій переваль, а я моремъ на Поті, на военномъ пароходѣ,—частныхъ тогда не было еще.

Николая Петровича я застала еще въ Тифлисъ; но мы недолго пробыли вмѣстѣ: онъ отправился въ экспедицію, а я съ дядей на воды въ Пятигорскъ и затѣмъ въ Кисловодскъ. Тамъ провела все лѣто княгиня Воронцова, и такъ какъ къ ней по три раза въ недѣлю присылались курьеры отъ князя, то мы чрезъ нихъ получали письма и знали всѣ подробности о военныхъ дѣйствіяхъ. Извѣстія съ театра войны ожидались нами со страхомъ и трепетомъ, потому что экспедиція предсказывалась опасная и трудная. И не ошибочно—печальное предсказаніе сбылось: много послѣ этой несчастной экспедиціи осталось вдовъ и сиротъ, и немало мужей, сыновей и братьевъ вернулись въ семейства свои израненные и изувѣченные.

Спустя два или три мѣсяца по окончаніи Даргинской экспедиціи, Коллюбакинъ былъ назначенъ начальникомъ Джаро-Блоканскаго округа. Отправляясь туда, онъ обѣщалъ пріѣхать въ Тифлисъ для совершенія нашего брака; но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: свадьбѣ нашей суждено было состояться только въ іюнѣ и, такъ сказать, на большой дорогѣ. Коллюбакинъ не могъ отлучиться изъ округа болѣе, какъ на сутки, и потому просилъ меня выѣхать къ нему навстрѣчу въ мѣстечко «Царскіе Колодцы», штабъ-квартиру какой-то дивизіи.

Конечно, я согласилась на это, хотя только что начала отпра-

вляться отъ горячки, перешедшей въ лихорадку, и вотъ въ назначенный день я отправилась изъ Тифлиса въ сопровожденіи моей горничной и лакея Матвѣя.

Дядя былъ въ то время въ Петербургѣ. Дорогой со мной сдѣлался пароксизмъ лихорадки; будучи не въ состояніи выдержать тряски тарантаса, я просила остановиться и, забравшись въ чей-то виноградникъ, безъ позволенія хозяина его, ибо никто не приходилъ туда, пролежала тамъ часа три на разостланномъ коврѣ. Поэтому я прибыла очень поздно въ назначенное мѣсто и провела скверную ночь.

Николай Петровичъ, съ своей стороны, выѣхалъ изъ Закаталь съ рукою на перевязи и въ 8 часовъ утра былъ въ «Царскихъ Колодцахъ». Тутъ, встрѣтивъ на улицѣ одного знакомаго своего полковника Н — ва съ незнакомымъ ему поручикомъ княземъ Кр — нымъ, онъ просилъ перваго быть свидѣтелемъ брака, а второго — моимъ шаферомъ. Въ 12 часовъ дня насъ обвѣнчали, а черезъ часъ мы уѣхали въ Закаталы съ конвоемъ изъ 30-ти казаковъ и столькихъ же лезгинъ.

Жизнь наша въ Закаталахъ была самая безпокойная отъ частыхъ тревогъ по ночамъ, да, сверхъ того, въ первые два мѣсяца пребыванія нашего тамъ лихорадка не покидала меня, и я уже потеряла надежду на выздоровленіе, какъ вдругъ вылѣчилась отъ нея внезапно и совершенно неожиданно, безъ всякаго лѣкарства. Докторомъ моимъ явился самъ Колюбакинъ; ему приснилось однажды, что подлѣ него разбойникъ; въ одинъ моментъ онъ приподнялся и, схвативъ меня за горло, сталъ душить, полагая, вѣроятно, что держитъ злодѣя за руку. Кричать я не могла и разбудила его только сильнымъ толчкомъ по лбу. Испугъ быть задушенной, случившійся въ то время, когда у меня былъ жаръ, произвелъ во мнѣ такую реакцію, что съ тѣхъ поръ лихорадка совершенно прекратилась.

Главный начальникъ края жилъ въ стѣнахъ крѣпости, а мы на форштадтѣ, и домъ нашъ буквально былъ открытъ и днемъ, и ночью, для всѣхъ, кто желалъ видѣть начальника округа по дѣламъ и безъ таковыхъ. Такъ переводчикъ съ докладомъ о какомъ нибудь несчастномъ происшествіи врывался къ намъ ночью прямо въ спальню. Колюбакинъ въ одинъ мигъ вскакивалъ съ постели, одѣвался на ходу, садился на лошадь и летѣлъ на мѣсто катастрофы.

Всѣ лезгины, безъ исключенія, имѣли право входить къ намъ прямо безъ доклада, когда имъ было угодно, и часовымъ однажды навсегда было запрещено останавливать ихъ; поэтому ко мнѣ зачастую, въ отсутствіе мужа, являлись въ кабинетъ совершенно незнакомые мнѣ лезгины, вооруженные съ головы до ногъ: у каждаго была шашка, два пистолета — одинъ за кушакомъ за спиной, а

другой спереди, кинжалъ и ружье. Войдя въ комнату и кивнувъ мнѣ головой, не снимая папахи, лезгинъ ставилъ ружье въ уголъ комнаты, затѣмъ, осмотрѣвъ все, что находилось въ ней и на моемъ письменномъ столѣ, разглядѣвъ мою одежду и даже обувь, онъ устраивался, поджавъ ноги, на тахтѣ или просто на коврѣ, и между нами начинался разговоръ знаками, съ помощью какихъ-то неопредѣленныхъ звуковъ. Когда же мой дикій гость засиживался слишкомъ долго, то, оставляя его одного, я выходила распорядиться, чтобъ ему подали плову, и замѣчательно, что никогда ни одна изъ вещей моихъ не пропадала при такихъ визитахъ. Знакомые же лезгины, кунаки (пріятели), которыхъ у насъ было множество, приходили къ намъ обѣдать и часто ночевать въ назначенной для нихъ комнатѣ— кунакской. Они чрезвычайно любили музыку и заставляли меня играть на фортепiano и пѣть. Намъ случалось принимать къ себѣ и раненыхъ, но не въ сраженіяхъ, а въ дракахъ на пирушкахъ или на свадьбахъ.

Такое обращеніе съ ними ближайшаго начальника лезгины чрезвычайно цѣнили и за то любили его и старались ограждать отъ опасностей, доказательствомъ чего послужить слѣдующій случай.

Однажды, передъ самымъ обѣдомъ, мужъ сказалъ мнѣ:

— Не испугайся, если во время обѣда что нибудь случится.

— Что такое?—спросила я.

— Можетъ быть, будутъ выстрѣлы.

— Почему ты знаешь это?

— Меня предупредили мои лезгины, что сейчасъ долженъ прійти человѣкъ, яко бы съ просьбой, а въ сущности, это разбойникъ, ищущій убить меня. Конечно, зная это впередъ, самъ я и переводчикъ будемъ зорко слѣдить за нимъ.

Такъ какъ это было лѣтомъ, и жара была невыносимая, то Николай Петровичъ, по обыкновенію, сѣлъ за столъ безъ скюртука, въ одной сорочкѣ, не приготовивъ, конечно, для ожидаемаго случая никакого оружія, только у переводчика былъ кинжалъ.

Когда намъ подали второе блюдо, дверь съ подъѣзда отворилась, въ столовую вошелъ лезгинъ и, поставивъ ружье къ двери, остановился. Колюбакинъ всталъ, подошелъ къ нему и спросилъ, что ему нужно. Тотъ началъ рассказывать какую-то исторію, сбиваясь на каждомъ словѣ; въ то же время, держа руку на пистолетѣ и вытаскивая его медленно изъ-за пояса, онъ вдругъ вырвалъ его съ намѣреніемъ выстрѣлить. Въ тотъ же моментъ Николай Петровичъ схватилъ разбойника за плечи и вышвырнулъ его чрезъ открытое окно на улицу, закричавъ стоявшимъ у крыльца тремъ часовымъ: «Ловите!.. Держите его!»... Часовые бросились за нимъ, но онъ успѣлъ скрыться.

Расскажу еще одинъ эпизодъ изъ жизни Колюбакина въ За-католахъ, свидѣтельствующій о необыкновенномъ довѣрїи къ нему

управляемаго имъ народа, — довѣрїи, которое послужило къ спасенію намъ жизни. Эпизодъ этотъ характеризуетъ личность мужа моего вообще, а также умѣнье его управлять азіатскими народами; по этому постараюсь изложить его какъ можно вѣрнѣе.

Въ началѣ 1847 года Николай Петровичъ получилъ отъ султана Елисуйскаго Даніэль-Бека, одного изъ славныхъ наибовъ Шамиля, конфиденціальное письмо на арабскомъ языкѣ. Въ письмѣ этомъ султанъ Елисуискій, однажды уже измѣнившій Шамилю, принявъ подданство русское и прослужившій нѣсколько лѣтъ въ войскахъ нашихъ, просилъ сообщить князю Воронцову его просьбу о дозволеніи ему возвратиться въ Россію. Колюбакинъ тотчасъ же доложилъ объ этомъ намѣстнику, и, по приказанію его, съ Даніэль-Бекомъ завязалась продолжительная переписка, окончившаяся увѣдомленіемъ его, что князь Воронцовъ согласился на его просьбу, что распоряженія относительно высылки къ нему на встрѣчу лошадей и экипажа сдѣланы, и что въ Закаталахъ ему будетъ приготовлена квартира въ домѣ окружнаго начальника. Мы ожидали только извѣстій отъ султана о днѣ выѣзда его изъ Елису, чтобъ отправить за нимъ экипажъ и провожатыхъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что Шамиль, извѣщенный о намѣреніи Даніэль-Бека бѣжать въ Россію, захватилъ его женъ и дѣтей, и что вслѣдствіе этого султанъ отправился къ Шамилю съ повинной головой.

Вскорѣ затѣмъ въ Бѣлоканскомъ округѣ появились прокламаціи Шамиля, которыми онъ объявлялъ, что двинетъ на насъ многочисленное войско свое, подъ начальствомъ одного изъ главныхъ наибовъ, и предупреждалъ, что если лезгины не примутъ его съ покорностью, то не только мужчины, но всѣ женщины и дѣти будутъ перерѣзаны. Угрозы эти были, конечно, написаны въ самомъ напыщенномъ, азіатскомъ стилѣ. Но потому ли, что лезгины не довѣряли угрозамъ Шамиля, или усматривали исполненіе ихъ въ далекомъ будущемъ, или же твердо надѣялись на силу русскаго оружія, — но у насъ все шло попрежнему, ничего особеннаго не было замѣтно, и прокламаціи были забыты.

Только однажды, поздно вечеромъ, уже за полночь, сидя въ гостиной съ однимъ знакомымъ нашимъ, конечно, военнымъ, такъ какъ въ крѣпости нельзя было встрѣтить ни одного гражданскаго чиновника, — мы заговорились о петербургскомъ обществѣ, объ удовольствіяхъ столичной жизни, однимъ словомъ, о предметахъ, совершенно мирныхъ, ибо военные уже наскучили, а сплетень въ Закаталахъ не могло быть по той простой причинѣ, что сплетничать, по мнѣнію мужчинъ, — мнѣнію, смѣю думать, ошибочному, — способны однѣ женщины, а у насъ ихъ было всего четыре: супруга коменданта, ея дочь, жена баталіоннаго командира и я.

Гость нашъ, напѣвая арію изъ какой-то оперы, взялся уже

за фуражку, чтобы распротиться съ нами, какъ вдругъ отворились обѣ половинки двери, и глазамъ нашимъ представилась живая картина изъ двухъ лицъ; одно изъ нихъ былъ мужчина высокаго роста, съ правильнымъ, красивымъ, но строгимъ лицомъ и важной осанкой, въ длинной широкой одеждѣ, съ бѣлой чалмой на головѣ; другое—въ блестящемъ національномъ костюмѣ, въ полномъ вооруженіи, словно рыцарь среднихъ вѣковъ. То были лезгинскіе старшины — Шабанъ и Рамазанъ. Они остановились въ дверяхъ, какъ будто для того, чтобы дать намъ время налюбоваться ими, и дѣйствительно картина была достойна кисти хорошаго живописца. Послѣ минутнаго молчанія они объявили намъ торжественно, не спѣша, что въ Бѣлоканъ спускается по тремъ ущельямъ двадцатипяти тысячная армія Шамиля. И каково было наше удивленіе, когда мы узнали, что тотъ самый Даніэль-Бекъ, который еще такъ недавно хотѣлъ перейти на сторону русскихъ, находился теперь во главѣ наступающей арміи. Такое нашествіе врага было, однако, не шуточное, тѣмъ болѣе, что войска у насъ было очень мало, и раздроблять его на части оказалось дѣломъ совершенно невозможнымъ.

Главный начальникъ края, генераль Шварцъ, находился тогда въ отсутствіи, такъ что оборона округа лежала на отвѣтственности Колюбакина. Не теряя ни минуты, тутъ же, ночью, у насъ собрался военный совѣтъ, на которомъ присутствовали: комендантъ, плацъ-маіоръ, баталіонные и ротные командиры. Рѣшено было оставить въ Закаталахъ только необходимое количество солдатъ для содержанія караула въ крѣпости, а съ остальною малою частью идти въ лагерь на соединеніе съ находящимися уже тамъ частями войска.

Въ 5 часовъ утра выступилъ нашъ маленькій отрядъ, и я осталась одна. Комендантъ предложилъ мнѣ перебраться въ крѣпость; но я не согласилась. Ко мнѣ былъ прикомандированъ переводчикъ, передъ окномъ спальни поставлена пушка, и подлѣ нея часовой съ зажженнымъ фитилемъ. Сверхъ того, чрезъ нѣсколько дней прибыли 25 вооруженныхъ тушинъ и расположились на нашемъ дворѣ въ палаткахъ. Одинъ изъ нихъ, всѣмъ въ нашемъ краѣ извѣстный Шете, съ разбойничьей физіономіею, но самаго добродушнаго нрава, въ мирное время являлся ко мнѣ ежедневно за рюмкой водки. «Ты ничего не бойся, когда я здѣсь,—говорилъ онъ мнѣ,—я отрубилъ уже четырнадцать головъ и много, много рукъ и всегда относилъ ихъ начальникамъ, чтобъ они знали, какой Шете храбрый».

Первый и второй день прошли мирно; на третій я узнала, что офицеръ и переводчикъ, посланные въ Бѣлоканъ для разузнанія тайкомъ о численности непріятельской арміи и о мѣстопробываніи самого султана, были схвачены и звѣрскимъ образомъ убиты, и

что, сверхъ того, передъ окномъ того дома, въ которомъ расположился самъ Даніэль-Бекъ, былъ казень, по его приказанію, родной племянникъ его, прекрасный молодой человѣкъ, воспитанный въ Россіи и истинно преданный намъ. Это были первыя дошедшія до меня печальныя извѣстія. Вскорѣ начались и военныя дѣйствія, заявлявшія о себѣ пушечными выстрѣлами, слышными въ Закататахъ.

Къ величайшему счастью нашему, непріятель не догадался сжечь моста чрезъ Алазань, чтобъ отрѣзать насъ отъ Тифлиса, что дало намъ возможность сообщить князю Воронцову о положеніи нашемъ и просить подкрѣпленія, которое было обѣщано, но при-было, однако, не скоро. Населеніе теряло уже надежду на хорошій исходъ дѣла, и вотъ однажды переводчикъ прибѣжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что восемьсотъ человѣкъ лезгинъ, съ старшинами своими, собрались подъ стѣнами крѣпости, что они толкуютъ объ опасномъ положеніи, угрожающемъ имъ женамъ и дѣтямъ, въ случаѣ неудачныхъ дѣйствій малочисленнаго русскаго отряда противъ сильнаго врага, и склоняются къ мысли, что для нихъ было бы, можетъ быть, лучше, перерѣзавъ русскихъ, занять крѣпость и объявить султану о покорности своей Шамилю. Что было дѣлать? Первая мысль моя была тотчасъ же извѣститъ мужа объ этой сходкѣ, и, конечно, это было самое разумное, иначе я и не могла поступить, но я понимала, что Николай Петровичъ не могъ взять изъ-подъ носа непріятели половину отряда, чтобы бѣжать къ намъ на помощь. Думала я, думала и наконецъ придумала послать сначала переводчика къ Шабану и къ Рамазану и попросить ихъ прійти ко мнѣ. Переводчикъ одобрилъ мое намѣреніе и побѣждалъ исполнить приказаніе.

Не болѣе, какъ чрезъ полчаса, названные старшины вошли ко мнѣ съ печальными и озабоченными лицами. «Недоброе у нихъ на умѣ», подумала я и, усадивъ ихъ на диванъ, призналась имъ, что мнѣ извѣстна причина ихъ сборища около крѣпости, а также предметъ ихъ совѣщаній, и передала имъ все, что слышала отъ переводчика. Подтвердивъ мои слова, они прибавили, что не имѣютъ права жертвовать своими семействами, и припомнили прокламацію Шамиля.

— Какъ нельзя лучше понимаю трудное положеніе ваше,—отвѣчала я,—но полагая, что осторожность въ такомъ важномъ случаѣ есть главная вещь, я рѣшилась пригласить васъ къ себѣ, чтобы предложить мое мнѣніе, которое, надѣюсь, вы согласитесь выслушать.

Оба наклонили головы, приложивъ руку къ груди, и отвѣчали, что готовы исполнить мое желаніе.

Тогда я сказала имъ, что прежде, чѣмъ рѣшиться на поступокъ, отъ котораго должна зависѣть не только судьба, но и жизнь

ихъ и наша, я совѣтовала бы имъ переговорить сначала съ Колюбакинымъ, который, будучи почти ежедневно въ сношеніи съ тифлисскимъ начальствомъ и съ самимъ намѣстникомъ, одинъ знаетъ, на что мы можемъ надѣяться, чего должны ожидать. Потолковавъ еще минутъ десять за чашкой кофе со мной, а потомъ между собой, они объявили, что соглашаются съ моимъ мнѣніемъ и желаютъ повидаться съ начальникомъ, но должны сначала сообщить объ этомъ другимъ старшинамъ и всему обществу, чтобы получить на то и ихъ согласіе. Прощаясь, они просили позволенія взять съ собой переводчика, чтобы чрезъ него передать мнѣ ихъ общій, рѣшительный отвѣтъ.

Какъ только они вышли, я въ ту же минуту принялась писать къ мужу; и когда переводчикъ пришелъ сказать мнѣ, что всѣ единогласно пожелали посоветоваться съ нимъ, я заключила этими словами письмо свое и тотчасъ же отправила его къ нему съ нарочнымъ. А часа черезъ полтора получила въ отвѣтъ слѣдующую коротенькую записочку:

«Буду къ 8-ми часамъ вечера».

Отвѣтъ этотъ я немедленно отослала съ переводчикомъ къ Шабану, главному старшинѣ и наиболѣе уважаемому въ народѣ чело-
вѣку.

Въ восьмомъ часу въ залу явились, одинъ за другимъ, шесть-десять старшинъ, все люди болѣе или менѣе почтенные. Въ ожиданіи начальника они сидѣли спокойно, только изрѣдка перекидываясь нѣсколькими словами. Когда же къ дому подъѣхалъ Николай Петровичъ, они встали, а когда онъ вошелъ въ комнату, то, по обыкновенію всѣхъ азіатскихъ народовъ, поклонились ему почтительно, но съ достоинствомъ, а затѣмъ стали въ слѣдующемъ порядкѣ: тридцать чело-
вѣкъ въ рядъ съ одной стороны залы и такое же число съ другой, и затѣмъ началось совѣщаніе, продолвшееся до десяти часовъ. Я сидѣла въ смежной комнатѣ, такъ что все видѣла и слышала. Николай Петровичъ, никогда не любившій сидѣть, а еще менѣе стоять, ходилъ между старшинами взадъ и впередъ, разсуждая съ величайшимъ спокойствіемъ о томъ, что было бы для лезгинъ полезнѣе—покориться Шамилю, или остаться вѣрными русскому царю. Лезгины, въ свою очередь, говорили объ угрозахъ Шамиля, ихъ имама, объ ужасной участи семействъ своихъ, въ случаѣ, если Даніэль-Бекъ одержитъ побѣду; объ отвѣтственности, лежащей на отцахъ и на мужьяхъ, и объ ученіи религіозномъ, приводя при этомъ тексты изъ корана, которые мужъ мой истолковывалъ имъ по своему разумѣнію. Наконецъ онъ сказалъ имъ съ должною твердостью:

— Неужели же вы думаете, что, измѣнивъ русскому государю, вы спасетесь надолго?.. Нѣтъ, его императорское величество не оставитъ измѣны вашей безъ заслуженнаго вами наказанія. Сюда

придетъ русская армія, которая, побѣдивъ полчище Шамиля, заберетъ въ плѣнъ вашихъ женъ и дѣтей, а жилища превратитъ въ груды камней. Теперь же я не теряю надежды; я увѣренъ, что мы скоро прогонимъ непріятеля и водворимъ миръ въ этомъ краѣ.

Наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, всѣ старшины рѣшили, что лучше выждать еще нѣсколько времени, прибавивъ слѣдующія знаменательныя для Николая Петровича слова, произнесенныя Шабаномъ:

— Мы знаемъ тебя, Колюбакинъ: ты храбръ, честенъ и благороденъ; ты никогда не обманывалъ насъ, и мы вѣримъ тебѣ. Мы знаемъ, что ты любишь насъ, желаешь намъ добра, и увѣрены, что, если бы намъ выгодно было убить русскихъ и покориться Шамилю, ты сказалъ бы: сдѣлайте такъ.

Этими словами окончилось совѣщаніе, послѣ чего каждый изъ старшинъ, подходя по очереди къ Николаю Петровичу, цѣловалъ его въ плечо.

Хотя и успокоенный немного обѣщаніями старшинъ выжидать до крайней возможности, Николай Петровичъ, уѣзжая въ отрядъ, взялъ, однако, съ переводчика слово, съ обычною рѣшимостью своею, что онъ убьетъ меня выстрѣломъ, если-бъ я находилась въ опасности быть взятою въ плѣнъ. Разумѣется, я и не подозрѣвала этого до окончанія экспедиціи. Не мнѣ описывать, какимъ образомъ непріятель, пробывшій въ Вѣлоканскомъ округѣ почти два мѣсяца, былъ изгнанъ,—скажу только, что по выходѣ его изъ края измѣнившихъ лезгинъ оказалось всего шесть человѣкъ.

II.

Поѣздка въ Керчь.—Новое назначеніе Колюбакина и производство его въ полковники.—Жизнь въ Тифлисѣ.—Два анекдота.—Назначеніе Колюбакина кутаисскимъ вице-губернаторомъ.—Жизнь въ Сухумъ-Кале.—Природа Абхазіи.—Объявленіе войны Турціи.—Назначеніе Колюбакина въ Ріонскій отрядъ.—Княгиня Шервашидзе.—Князь Дмитрій Шервашидзе.—Исправленіе Колюбакинмъ должности кутаискаго военнаго губернатора.—Успѣхи Омера-паши.—Письмо его къ княгинѣ Дадіани.—Отвѣтъ на это письмо, составленный Колюбакинмъ.—Отступленіе Омера-паши.—Окончаніе войны и производство Колюбакина въ генераль-маіоры.—Жизнь въ Кутаисѣ.—Возмущеніе крестьянъ въ Мингреліи.

Въ 1848 году мы оставили Закаталы. Колюбакинъ взялъ отпускъ, и мы отправились въ Керчь, для свиданія съ моими родными. Это было въ декабрѣ; зима въ этотъ годъ была необыкновенно холодная, такъ что, выѣхавъ изъ Тифлиса въ саняхъ, мы доѣхали такимъ образомъ почти до Кутаиса, гдѣ братъ Николая Петровича былъ тогда вице-губернаторомъ. Замѣшкавшись немного у него, мы не застали уже парохода въ Редуть-Калэ и поскакали оттуда

въ страшную погоду верхами до Поти. Прїѣзжаемъ. «Здѣсь пароходъ?»—спрашиваетъ Колюбакинъ перваго попавшагося солдата. «Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе, только что ушелъ». «Такъ надо ѣхать догонять его»,—сказалъ Николай Петровичъ, и мы рѣшились отправиться до Сухума на турецкой кочермѣ.

Долго качало насъ, или, вѣрнѣе сказать, носило по морю это маленькое парусное судно, не имѣющее каюты, и когда мы вѣхали въ Сухумскую бухту, парохода и слѣдъ простыль. Мы напрасно вынесли ужасную ночь подъ открытымъ небомъ, страдая отъ холода и голода, да, сверхъ того, въ ожиданіи слѣдующаго парохода, должны были двѣ недѣли прожить въ Сухумѣ. Но и пароходу, убѣгавшему отъ насъ, не посчастливилось: онъ былъ выброшенъ на берегъ сильною бурей въ Одессѣ.

По возвращеніи въ Тифлисъ, мужъ мой получилъ мѣсто начальника секретнаго отдѣленія, а потомъ былъ сдѣланъ адъютантомъ въ штабѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и въ это время за исполненное порученіе, состоявшее въ усмиреніи какого-то горскаго племени, получилъ за отличіе чинъ полковника.

Въ Тифлисъ мы прожили до конца 1850-го года. Тутъ у Колюбакина было достаточно свободнаго времени, чтобы предаваться любимѣйшему занятію своему—чтенію, и посѣщать общество, гдѣ онъ находилъ величайшее удовольствіе въ бесѣдахъ съ образованными людьми.

Зимы проходили тогда довольно оживленно и весело. Княгиня Воронцова давала разъ въ недѣлю большіе вечера съ танцами и разъ въ недѣлю маленькіе—*soirées causantes*; на первыхъ мужъ мой бывалъ рѣдко, ибо никогда въ жизни не танцевалъ, а на вторыхъ—почти всегда. Остальные вечера распредѣлялись между знакомыми, изъ которыхъ чаще всего Николай Петровичъ посѣщалъ князя Гагарина, находившагося тогда въ распоряженіи князя Воронцова и бывшаго впоследствии вице-президентомъ академіи художествъ. Княгиня Гагарина, очень милая и образованная женщина, окружала себя наиболѣе интеллигентными личностями, сверхъ того, въ домѣ ея никогда не раскрывали карточныхъ столовъ, что мнѣ очень нравилось, тѣмъ болѣе, что Колюбакинъ любилъ карты и въ игрѣ горячился.

Политическія событія занимали Николая Петровича такъ сильно, что, когда одинъ хорошій знакомый нашъ, Ник. Влад. Ханыковъ, извѣстный оріенталистъ, весьма ученый человѣкъ и не менѣе мужа моего интересовавшійся политикой, являлся къ намъ по ночамъ съ какою нибудь важною новостью, Колюбакина будили, и оба пріятеля, одинъ ходя въ волненіи по комнатѣ, а другой—апатично качаясь въ креслѣ, спорили и разсуждали до утра о причинахъ, вызвавшихъ это важное событіе, о послѣдствіяхъ, долженствовавшихъ произойти отъ новаго переворота, и о вліяніи его на будущія дѣла Европы.

Ночи, проводимыя безъ сна, нисколько не утомляли Николая Петровича, ибо здоровье его было удивительно крѣпкое. Въ молодости ему ничего не значило зимой въ одной сорочкѣ просидѣть или, вѣрнѣе, пролежать съ книгой въ рукахъ у открытаго окна нѣсколько часовъ, не простужаясь, не получая даже насморка. Помню однакожь, что въ Закаталахъ онъ какъ-то простудился, и въ первый разъ въ жизни у него разболѣлись зубы. Онъ кричалъ, сердился, что никто не умѣетъ помочь ему, увѣрялъ, что ни у кого, конечно, зубы не болѣли такъ ужасно, какъ у него, что онъ сойдетъ съ ума или застрѣлится. Наконецъ, сильная боль заставила его рѣшиться вырвать зубъ, дантиста у насъ не было, и онъ принужденъ былъ довѣриться обыкновенному доктору, на искусство котораго рассчитывалъ очень мало. Но, чтобы придать ему болѣе бодрости и живости для исполненія операціи, онъ, шутя, положилъ подлѣ себя на столъ заряженный пистолеть, показавъ его предварительно врачу.

— Къ чему это оружіе? Вы хотите застрѣлиться? — спросилъ докторъ.

— Ошибаетесь, васъ хочу убить, если вы станете долго мучить меня.

Знакомый съ горячностью Колюбакина, докторъ, не совсѣмъ увѣренный въ безопасности своей, захватилъ въ поспѣшности вмѣсто больнаго зуба здоровый, вырвалъ его и, бросивъ на столъ щипцы и зубъ, опротягивъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Другой не менѣе оригинальный случай былъ въ Керчи. Чтобы припомнить забытый нѣмецкій языкъ, Николай Петровичъ уговорилъ одну изъ сестеръ моихъ нанять вмѣстѣ учителя. Сестра согласилась, учитель былъ найденъ, и уроки начались. Первые прошли благополучно и весело; однако наставникъ успѣлъ замѣтить въ ученикѣ своемъ слишкомъ много энергіи и чрезмѣрную отважность.

Разъ какъ-то всегда смирному и уступчивому нѣмцу захотѣлось выказать свой авторитетъ, и онъ рѣшился поспорить съ Колюбакинымъ о значеніи или выговорѣ какого-то слова. Ученикъ настаивалъ на своемъ, учитель не отступалъ отъ своего мнѣнія и горячился, что очень забавляло Николая Петровича.

— Ахъ! — воскликнулъ учитель, — зачѣмъ вы хотите меня учить! Я знаю, какъ нужно говорить, я карапо знаю грамматикъ, не спорьте со мной, Herr Capitain, — говорилъ нѣмецъ ломанымъ русскимъ языкомъ.

Въ ту же минуту, чтобы попугать бѣднаго нѣмца, Колюбакинъ, быстро вскочивъ со стула, схватилъ пашку, выдернулъ ее изъ ноженъ и закричалъ, бросаясь на изумленнаго учителя:

— Wie! sie dürfen streiten mit einem braven caucasischen Officier¹⁾!

¹⁾ Какъ! вы осмѣливаетесь спорить съ храбрымъ кавказскимъ офицеромъ!

Перепуганный наставник обратился въ бѣгство, оставивъ свою шапку, и къ слѣдующему уроку не явился. Его стали искать и узнали, что съ послѣднимъ пароходомъ онъ выѣхалъ изъ Керчи, не потребовавъ ни платы за данные уроки, ни шапки своей, которая нѣкоторое время хранилась въ квартирѣ сестры моей, какъ трофей неожиданной побѣды, одержанной надъ нѣмцемъ.

Хотя смѣшная исторія эта позабавила многихъ, но Николай Петровичъ сожалѣлъ о бѣдномъ бѣглецѣ, лишившемъ себя заслуженной платы, и, конечно, еслибъ ему случилось встрѣтиться съ нимъ, онъ вознаградилъ бы его щедро за нанесенную потерю.

У Колюбакина сердце было очень доброе, но, къ несчастію, онъ наслѣдовалъ безграничную вспыльчивость матери, причинившую ему много неприятныхъ и даже серьезныхъ столкновеній въ жизни. И странно, по наружности нельзя было предположить въ немъ темперамента горячаго: свѣтлые волосы, голубые глаза, нѣжность и бѣлизна кожи, признаки, по большей части, натуръ вялыхъ и апатичныхъ, не соответствовали его характеру энергичному, рѣшительному, буйному, а также его плотному, сильному сложенію и, если можно такъ выразиться, бравому виду. За этотъ самый бравый видъ и чрезмѣрную горячность друзья прозвали его — Колюбакинымъ немирнымъ, а брата его Михаила Петровича — Колюбакинымъ мирнымъ. И эти прозвища остались за ними навсегда. Однимъ словомъ, Николай Петровичъ былъ настоящимъ кавказцемъ, сыномъ того прежняго Кавказа, когда жизненные мелочи не занимали никого, когда жизнь расходовалась, какъ мелкая монета, когда ни одинъ изъ героевъ нашихъ не зналъ, будетъ ли живъ черезъ недѣлю, когда сами женщины были проникнуты особенной твердостью, какимъ-то герсизмомъ и не приходили въ отчаяніе, зная, что надъ ихъ мужьями, братьями и сыновьями непрерывно витала смерть. Тогда никто не унывалъ, и время проходило въ увеселеніяхъ; прямо съ бала, еще упоенные милыми взглядами и рѣчами, или съ веселой пирушки въ кругу товарищей, герои наши летѣли въ экспедицію, подъ пули враговъ, не заботясь объ ожидавшей ихъ опасности. И сколько изъ нихъ оставались тамъ, на полѣ брани, положивъ жизнь свою за отечество и за царя! Вотъ то былъ настоящій, навсегда памятный намъ Кавказъ.

Въ 1850 году мы переселились въ Кутаисъ, гдѣ Николай Петровичъ получилъ мѣсто вице-губернатора, но пробылъ тамъ не болѣе десяти мѣсяцевъ и былъ назначенъ начальникомъ третьяго отдѣленія черноморской береговой линіи, заключавшаго въ себѣ пространство отъ укрѣпленія «Гагры» до укрѣпленія «Николаевскъ».

Мѣстомъ жительства нашего былъ единственный городъ Абхазіи — Сухумъ-Калэ, расположенный на берегу большой, превосходной бухты. Онъ состоялъ только изъ двухъ улицъ; одна изъ нихъ тя-

нулась по берегу моря до крѣпости, существовавшей еще, но не имѣвшей уже должнаго угрожающаго вида, ибо бастионы ея начинали разрушаться, и пушки были съ нихъ сняты.

Всѣ дома, находившіеся на набережной, были заняты турками и ихъ кофейнями, гдѣ собирались матросы турецкой флотилии, состоявшей изъ кочермъ (небольшихъ парусныхъ судовъ безъ каютъ), занимавшихся привозомъ контрабанды изъ Константинополя въ Абхазію и увозомъ оттуда въ Турцію молодыхъ дѣвушекъ для продажи ихъ въ гаремы. Русскіе пароходы преслѣдовали кочермы, но суда эти спасались весьма ловко, выскакивая на берегъ, куда нашимъ людямъ было тогда еще опасно съѣзжать. Другая улица, длинная, шла отъ берега моря до трапеціи (горы); тутъ въ домахъ, большею частью, деревянныхъ, весьма простыхъ, жили всѣ служащіе, военные и гражданскіе. Въ концѣ улицы былъ ботаническій садъ, основанный княземъ Воронцовымъ; ограда его, со стороны улицы, представляла сплошную высокую стѣну вьющихся розъ, что было чрезвычайно красиво. Въ самомъ саду находилось много рѣдкихъ растений, но послѣ разоренія его въ послѣднюю войну онъ почти заброшенъ.

Когда мы жили въ Сухумѣ, въ бухтѣ круглый годъ стояла эскадра изъ восьми военныхъ судовъ, командиры и офицеры которыхъ, всѣ люди прекрасно образованные и милые, оставили въ насъ самое пріятное воспоминаніе.

Въ тѣ времена Абхазія была извѣстна злокачественностью своего климата и, надо сознаться, не даромъ, ибо каждая простуда или неосторожность въ пищѣ влекли за собой страшные лихорадочные пароксизмы.

Мужъ мой, не привыкшій беречь себя, безпрестанно простужался и сильно страдалъ отъ лихорадки, положившей, по словамъ докторовъ, зародышъ болѣзни сердца, отъ которой онъ и умеръ.

Главной причиной лихорадокъ, какъ было тогда, такъ и теперь, — міазмы, подымающіеся, при закатѣ солнца, съ горъ, покрытыхъ вѣковыми, непроходимыми лѣсами, въ которыхъ громадные дубы, орѣхи, каштаны, чинары, буковые и другія деревья, густо переплетенныя различными вьющимися растеніями, задерживаютъ теченіе воздуха, между тѣмъ какъ сверху ихъ припекаютъ жгучіе лучи солнца. Понятно, при этомъ въ нихъ содержатся постоянно, теплота, духота и сырость, производящія гніеніе растеній. Когда же вѣтеръ подуетъ съ горъ, что обыкновенно бываетъ по вечерамъ, то онъ нагоняетъ къ намъ міазмы гніющихъ корней, листьевъ и разлагающихся тѣлъ околѣвшихъ животныхъ. Скажу при этомъ, что въ здѣшнихъ лѣсахъ встрѣчаются бизоны, барсы, рыси, волки, барсуки, олени, дикія ковы, медвѣди и множество кабановъ.

Въ настоящее время лѣса на горахъ, ближайшихъ къ берегу моря, частью вырублены, частью очищены, и климатъ въ Абхазіи

очень измѣнился къ лучшему: лихорадки сдѣлались несравненно слабѣе, а о самыхъ ужасныхъ, извѣстныхъ «спячкахъ», и помину нѣтъ. И если бы нашлись люди, желающіе воспользоваться богатствами Абхазіи, этого очаровательнаго уголка земнаго шара, прелестнаго по мѣстоположенію и чуднаго по растительности, нѣтъ сомнѣнія, что съ обработкою земли климатическая болѣзнь исчезла бы совершенно.

Въ бытность нашу въ Сухумѣ больнымъ давали на каждый пріемъ отъ 20—30 грановъ хины, а одинъ докторъ,—это было на моихъ глазахъ,—принялъ заразъ сорокъ гранъ и черезъ два часа еще сорокъ; теперь же достаточны пріемы отъ 8—10 гранъ, то-есть количество, употребляемое въ Тифлисѣ. Надо еще прибавить, что больше всего страдаютъ отъ лихорадки люди, питающіеся незрѣлыми плодами, и тѣ, которые не остерегаются вечерней сырости, чувствуемой не долѣе двухъ часовъ, при закатѣ солнца. По мнѣнію докторовъ, специалистовъ грудныхъ болѣзней, всѣ больные, страдающіе воспаленіемъ легкихъ, должны были бы жить въ окрестностяхъ Сухума, гдѣ великолѣпная, разнородная растительность наполняетъ воздухъ самымъ здоровымъ для груди газомъ.

Стоитъ заглянуть на дачу полковника Введенскаго, чтобы видѣть, какіе сады можно имѣть въ Абхазіи, какія можно разводить рѣдкія экзотическія и тропическія растенія и плодовые деревья. Стоитъ также разспросить жителей и земледѣльцевъ, какой огромный доходъ даютъ виноградники и каждая десятина пахотной земли, чтобъ убѣдиться, какъ въ этомъ плодородномъ краѣ можно легко и скоро разбогатѣть. Между тѣмъ, несчастный Сухумъ послѣ погромовъ 1855 и 1877 гг. совершенно заброшенъ, а Абхазія хотя и населяется, но весьма медленно, встрѣчая затрудненія въ деньгахъ, а главное въ дорогахъ, ибо сообщеніе моремъ недостаточно.

Мы прожили въ Абхазіи два года. Осенью 1853 года была объявлена война Турціи, и вскорѣ приступлено было къ выводу гарнизоновъ изъ всѣхъ крѣпостей, расположенныхъ по береговой линіи. Едва успѣли вывести ихъ, какъ въ Босфорѣ появились неприятельскія суда союзныхъ державъ.

Оставаться долѣе въ Сухумѣ было уже невозможно, и мужъ мой рѣшилъ отправить меня въ Керчь, а оттуда я должна была при первой возможности уѣхать въ Таганрогъ, гдѣ жила одна изъ сестеръ моихъ. Мы ожидали только парохода, повезшаго въ Редутъ-Калѣ остальную часть войска, и который на возвратномъ пути въ Севастополь долженъ былъ зайти въ Сухумъ, чтобы забрать городскихъ жителей, желавшихъ отправиться въ Россію.

Сестру мою я случайно застала въ Керчи, и мы вмѣстѣ отплыли въ Таганрогъ на коммерческомъ суднѣ, подъ австрійскимъ флагомъ, такъ какъ русскимъ пароходамъ было уже небезопасно по-

казываться въ морѣ. Капитанъ нашего паруснаго корабля оказался не весьма ловкимъ морякомъ; семь сутокъ качаль онъ насъ по Азовскому морю; правда, что все это время онъ боролся съ противнымъ вѣтромъ, а на восьмой день въ сорока верстахъ отъ Таганрога сѣлъ на мель, и судно его легло на бокъ. Въ такомъ не совсѣмъ удобномъ положеніи мы простояли почти сутки. На другой день, рано утромъ, замѣтивъ къ счастью для насъ какой-то баркасъ, мы съ трудомъ дозволились его и, уговоривъ лодочника принять насъ, благополучно прибыли въ Таганрогъ поздно вечеромъ.

Съ большимъ сожалѣніемъ покидалъ Николай Петровичъ Сухумъ на другой же день послѣ моего отъѣзда; онъ основалъ въ немъ для абхазскихъ дѣтей двѣ школы — мужскую и женскую, устроилъ на берегу моря часть бульвара, существующаго теперь уже въ большомъ видѣ, и намѣревался мало-по-малу расписать городъ и украсить его, разведя садъ на большой площади, лежащей по правую сторону Колюбакинской улицы. Но намѣренія его остались мечтой, а все существовавшее при немъ было разорено непріателемъ, высадившимся въ Сухумъ вскорѣ по выѣздѣ Николая Петровича оттуда.

Прибывъ въ Тифлисъ, Колюбакинъ просилъ о прикомандированіи его къ дѣйствующей арміи и былъ назначенъ начальникомъ штаба въ зриванскій отрядъ, но пробылъ тамъ недолго. Убѣдясь, что серьезныхъ дѣлъ тамъ нечего было ожидать, онъ просилъ о переводѣ его въ главную армію, подъ Карсъ. Къ великому огорченію его, это почему-то не состоялось; онъ былъ посланъ въ распоряженіе командующаго ріонскимъ отрядомъ, князя Ив. К. Багратиона-Мухранскаго, и написалъ мнѣ тогда же, что я могу возвратиться на Кавказъ. Конечно, я не замедлила привести это въ исполненіе, проѣхавъ туда по военно-грузинской дорогѣ, то-есть черезъ кавказскій перевалъ и Тифлисъ, и поселилась въ Кутаисѣ, куда вскорѣ прибыла и супруга князя Мухранскаго, княгиня Нина Левановна, урожденная княжна Дадіани.

Мы жили съ ней въ одномъ домѣ, и понятно, что предметомъ короткихъ разговоровъ нашихъ, — княгиня затруднялась говорить порусски, — была война и опасности, которымъ подвергались наши мужья. Помню, какъ однажды, не имѣя долго извѣстій изъ отряда, мы нашли, что не худо было бы приблизиться къ нему. Вздумано-сдѣлано; явились, конечно, и кавалеры, предложившіе княгинѣ сопровождать ее. На другой же день намъ привели осѣдланыхъ лошадей, и мы отправились въ какой-то лѣсъ, гдѣ пробыли трое сутокъ, ночуя въ шалагѣ, устроенномъ изъ зеленыхъ вѣтвей, и питаясь соленой рыбой и жареными курами. При этомъ безпокойство наше почему-то разомъ уменьшилось, мы смѣялись и шутили, не смотря на то, что до насъ доносился иногда грохотъ пушечной пальбы.

Но возвратимся къ Абхазіи. Владѣтелю этой страны, князю Михаилу Шервашидзе, поручено было вывести оттуда находящіяся тамъ войска, для отправленія ихъ изъ Редута въ Грузію. Исполнивъ возложенное на него порученіе, онъ остался въ Мингрелии у князя Георгія Дадіани, на дочери котораго былъ женатъ.

Красавица, княжна Александра Георгіевна Дадіани, двоюродная сестра владѣтеля мингрельскаго, была второй женой князя Михаила: съ первой, тоже изъ дома Дадіани, онъ разошелся. Я была знакома и съ первой и со второй, но послѣдняя нравилась мнѣ гораздо больше: въ ней было что-то особенно привлекательное. Ея красивое лицо и добрый взглядъ носили оттѣнокъ постоянной грусти, располагавшей всѣхъ въ ея пользу, и, какъ мнѣ говорили многіе, она была чрезвычайно набожна и съ окружающими ласкова.

Въ маѣ мѣсяцѣ ее перевозили въ Соуксу, лѣтнее мѣстопробываніе ея на берегу моря, а въ октябрѣ она возвращалась въ Очамчыры. Путь этотъ пролегалъ чрезъ Сухумъ, и такъ какъ далекій переѣздъ совершался верхомъ, то она, со свитою своею, состоявшею изъ двадцати женщинъ, священника и нѣсколькихъ мужчинъ, останавливалась ночевать у меня. Такимъ образомъ, въ бытность мою въ Сухумѣ, я видѣлась съ нею два раза въ годъ. Тутъ бѣдняжка, какъ говорится, отводила душу, рассказывая мнѣ со слезами о горькой участи своей.

— Ахъ!—говорила она, глубоко вздыхая:—мужъ мой владѣтельный князь, онъ знатенъ и богатъ, но невесела жизнь моя; его я почти никогда не вижу, онъ всегда занятъ или на охотѣ, а дѣтей моихъ, по обычаю края, отнимаютъ у меня тотчасъ послѣ рожденія и отдаютъ чужимъ людямъ для кормленія грудью и для воспитанія. А развѣ чужіе могутъ воспитать ихъ, какъ родная мать? Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ... Еслибъ они были всегда со мной, какъ бы я берегла ихъ, какъ бы ласкала! И они любили бы меня, и я была бы счастлива. А теперь, когда котораго нибудь изъ нихъ привезутъ показать мнѣ одинъ разъ въ годъ, ребенокъ дичится, не подходитъ ко мнѣ и смотритъ на меня, какъ на чужую. У васъ, русскихъ, не такъ: у васъ гораздо лучше, вы счастливѣе насъ; у васъ сама мать кормитъ ребенка, она учитъ его ходить, говорить, смотреть, какъ онъ растетъ, какъ начинаетъ все понимать. О! нашъ законъ дикій, скверный, и, знаете ли, я терпѣть не могу кормилицъ моихъ дѣтей: я завидую имъ.

Я была однажды свидѣтельницей свиданія княгини Шервашидзе съ старшимъ сыномъ ея, Георгіемъ, такъ какъ свиданіе это было устроено Николаемъ Петровичемъ и происходило въ нашемъ домѣ. Мальчикъ не только не подходилъ къ ней, но, когда она звала его, онъ бросалъ на мать неласковый взглядъ и пряталъ голову въ колѣна кормилицы, а ему тогда было уже лѣтъ шесть,

и онъ, казалось, не зналъ, что у него есть мать, нѣжно любящая его. Да, можетъ быть, ему никогда и не говорили о ней.

Эта грустная сцена сильно разстроила меня, и я долго не могла забыть страдальческаго выраженія лица несчастной матери, ея печальныхъ, полныхъ слезами глазъ, устремленныхъ на сына, и вздоха, вырвавшагося изъ ея груди.

Не находя утѣшенія ни въ комъ и ни въ чемъ, не предвидя въ будущемъ ничего лучшаго, прелестная княгиня Александра, или, какъ ее называли здѣсь, «Цуцу», замученная горемъ и тоской, умерла въ молодыхъ годахъ отъ чахотки.

Мнѣ неизвѣстны подробности ея смерти; я знаю только, что она скончалась въ Мингрелии, въ домѣ отца своего, и что за нѣсколько мѣсяцевъ до того она ѣздила съ княземъ Михаиломъ на воды за границу; но лѣчение это не только не повело къ выздоровленію ея, а напротивъ ускорило ея смерть.

Высадившись въ Сухумѣ, Омеръ-паша не замедлилъ употребить всевозможныя старанія, чтобы привлечь на свою сторону все населеніе Абхазіи, и, не довольствуясь покорностью тѣхъ, кто находился при немъ, пробовалъ чрезъ посредниковъ соблазнить и князя Дмитрія Шервашидзе, находившагося при нашихъ войскахъ начальникомъ кавалеріи; но, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, самъ написалъ къ нему пофранцузски, стараясь объяснить, что цѣль его правительства заключается не въ завоеваніи новыхъ странъ, а единственно въ желаніи, освободивъ ихъ отъ владычества русскаго, возвратитъ прежнія права ихъ.

«Но призываю васъ,—говорилъ онъ въ концѣ своего письма,—вы сами разсудите: обязаны ли вы въ настоящихъ обстоятельствахъ посвятить своей родинѣ ваши силы и познанія».

Князь Дмитрій, не знавшій французскаго языка, обратился къ мужу моему, прося высказать Омеру-пашѣ въ учтивыхъ выраженіяхъ, что онъ считаетъ отечествомъ своимъ Россію и ни въ какомъ случаѣ не согласится принять предложеніе, оскорбляющее его честь.

Николай Петровичъ тотчасъ же составилъ въ желаемомъ смыслѣ отвѣтъ на посланіе Омера-паши и въ заключеніе прибавилъ: «Я недоступенъ заразѣ, вызываемой дурными примѣрами, и нахожу, что отечество мое тамъ, гдѣ пребываетъ мое законное правительство».

Это было первое и послѣднее письмо, адресованное князю Дмитрію изъ враждебнаго лагеря.

Мнѣ пріятно вспомнить о князѣ Дмитріѣ, который былъ у насъ въ домѣ, какъ свой. Удѣльный князь Абхазіи и двоюродный братъ владѣтеля, онъ служилъ сначала въ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку, а потомъ женился на родной сестрѣ послѣдняго владѣтеля Мингрелии, князя Давида Дадіани, съ семействомъ котораго мы всегда

были въ дружескихъ отношеніяхъ. Князя Дмитрія мы любили, какъ человѣка умнаго, и уважали за непоколебимую преданность его Россіи, доказанную во многихъ случаяхъ при исполненіи имъ должности сухумскаго окружнаго начальника, а также во время войны 1854 г., когда онъ отличался въ сраженіяхъ противъ Омера-паши.

Въ то время Колюбакинъ находился уже не въ отрядѣ: онъ исправлялъ должность кутаисскаго военнаго губернатора и жилъ въ Кутаисѣ.

Вѣсти изъ нашего отряда доходили до насъ ежедневно; такимъ образомъ, намъ было извѣстно, что непріятельская армія была гораздо сильнѣе нашей, то-есть многочисленнѣе, что князь Мухранскій требовалъ подкрѣпленія и въ ожиданіи его не могъ дѣйствовать рѣшительно.

Въ первыхъ числахъ октября 1855 года Омеръ-паша, во главѣ своей арміи, двинулся изъ Сухума въ Самурзакань, и страна эта, прилегающая къ Абхазіи, тотчасъ же покорилась ему.

Зная, какъ пламенно мингрельцы желали выйти изъ-подъ власти владѣтелей, Колюбакинъ боялся, чтобы для исполненія этого желанія они не воспользовались безпорядками, причиненными войной, и не послѣдовали примѣру самурзаканцевъ, но, къ счастью, этого не случилось, хотя было очень близко къ тому.

Между тѣмъ, турки подвигались впередъ. Они дошли уже до рѣки Ингура и готовились переправиться на другой берегъ ея, чтобы занять Мингрелію. Но тутъ встрѣтили русскихъ, и 25-го октября князь Мухранскій, защищая переправу, имѣлъ большое сраженіе, извѣстное подъ названіемъ «ингурскаго», послѣ котораго, будучи не въ силахъ удержаться на занятыхъ имъ позиціяхъ, онъ принужденъ былъ отступить. Непріятель же, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны жителей, укрывшихся въ лѣсахъ, вторгся въ Мингрелію и свободно достигъ мѣстечка Зугдиди, гдѣ владѣтели проводили обыкновенно зимніе мѣсяцы. Тутъ у нихъ былъ большой, прекрасный домъ, роскошно меблированный не задолго предъ войной выписанной изъ Парижа мебелью, и великолѣпный садъ, наполненный рѣдкими, дорогими цвѣтами.

Переходъ турецкой арміи черезъ Ингуръ встревожилъ не только княгиню Дадіани, которая принуждена была, бросивъ Зугдиди, перебраться въ горы, въ имѣнне Горди, лѣтнее мѣстопробываніе свое, но и жителей Кутаиса.

Намѣреніе Омера-паши было, взявъ Кутаисъ, добратся до Тифлиса, и, какъ говорили, войска у него для этого было достаточно. Поэтому со дня на день ожидали появленія его въ Кутаисской губерніи. Начались толки о необходимости оставить городъ, и многія семейства, не желая быть застигнутыми непріятелемъ врасплохъ, уложивъ и попрятавъ вещи, поспѣшили отправиться, кто въ Гори, кто въ Тифлисъ.

Вскорѣ затѣмъ прискакалъ къ Колюбакину курьеръ отъ князя Мухранскаго съ приказаніемъ вывезти изъ Кутаиса казначейство и дѣла губернскаго правленія. Тутъ началась настоящая суматоха; почти все женское населеніе Кутаиса стало собираться въ путь; хлопотали о средствахъ передвиженія, требуя изъ деревень лошадей, арбъ и буйволовъ, и, наконецъ, потянулись за городъ экипажи съ дамами и съ дѣтьми, повозки съ семействами гражданъ, арбы съ вещами, кошками, собаками и курами. Много мужчинъ въ чохлахъ и простыхъ женщинъ въ пестрыхъ платьяхъ и катибахъ ѣхали верхами; были между ними и деревенскіе священники въ полинялыхъ рясахъ. Уѣзжали, куда кто могъ.

Между тѣмъ, расположившись въ домѣ княгини Дадіани и покоясь на ея бархатныхъ кушеткахъ и атласныхъ креслахъ, Омеръ-паша сталъ придумывать, какими предложеніями и обѣщаніями онъ могъ бы скорѣй склонить на свою сторону гордую владѣтельница. Наконецъ, присѣвъ къ ея бюро, украшенному прелестнѣйшими инкрустаціями и множествомъ различныхъ бездѣлушекъ, онъ написалъ къ ней длинное посланіе въ самыхъ любезныхъ и лестныхъ для самолюбія ея выраженіяхъ и, между прочимъ, слѣдующее: «Настоящая война предпринята моимъ августѣйшимъ государемъ и его могущественными союзниками съ праведливымъ намѣреніемъ избавить васъ отъ ига русскаго и положить конецъ завоеваніямъ россійскаго императора. Съ этой цѣлью я нахожусь здѣсь и могу увѣрить васъ, княгиня, что у меня достаточно войскъ, чтобы изгнать непріятели изъ края, въ которомъ царствуетъ ваша свѣтлость. Единственное желаніе моего монарха заключается въ томъ, чтобы Мингрелія и сосѣднія съ нею страны приобрѣли независимость, какъ отъ Россіи, такъ и отъ другихъ державъ, и управлялись свободно своими правительствами».

Затѣмъ слѣдовало приглашеніе поскорѣе прибыть въ Зугдиди, гдѣ, по словамъ его, присутствіе княгини необходимо было для пользы ея сына и для блага подвластнаго ей народа.

Копію съ этого письма княгиня прислала моему мужу, прося придумать на него приличный отвѣтъ. Вотъ какъ отвѣтилъ Николай Петровичъ:

«Вѣжливость обязываетъ меня отвѣтить на письмо, которое вы сочли нужнымъ написать ко мнѣ. Я буду на столько кратка и ясна въ выраженіяхъ, на сколько того требуютъ обстоятельства. Вы прибыли, генераль, въ Мингрелію съ цѣлью сдѣлать ее независимою отъ Россіи, а это-то именно противно моимъ желаніямъ, да, по мнѣнію моему, и пользѣ моей страны. Мингрелія не можетъ существовать безъ сильнаго покровительства по причинамъ, которыя было бы слишкомъ долго перечислять и которыя, конечно, не ускользнули отъ вашего пониманія. Поэтому, при независимости отъ Россіи, я должна буду принять покровительство одной

изъ трехъ могущественныхъ державъ, а я скажу вамъ откровенно, почему ни одного изъ этихъ покровительствъ не желаю. Турція не можетъ помышлять о покровительствѣ другимъ, допуская надъ собой покровительство и, должно сознаться, вовсе незавидное. Странно было бы отдать себя подъ покровительство французскаго правительства, правительства случайнаго, которое не сегодня, такъ завтра само не будетъ существовать. Вы сами, генераль, не посоветовали бы мнѣ принять покровительство Англіи: индѣйцы, китайцы, іонійцы сдѣлались ихъ рабами. Наконецъ, не скажу вамъ, чтобъ я желала коллективнаго покровительства трехъ державъ, чтобы не дать вамъ повода посмѣяться надо мной».

Колюбакинъ имѣлъ привычку сочинять письма свои и важныя бумаги, ходя по комнатѣ и диктуя ихъ мнѣ, поэтому и настоящее письмо я писала подъ его диктовку и, когда оно было окончено, я замѣтила ему, что княгиня не отправитъ его по назначенію.

— Очень вѣроятно, — отвѣчалъ онъ: — я самъ знаю, что оно слишкомъ рѣзко и не дипломатично, но я пишу, какъ думаю, и равнѣ это не правда?

— Конечно, правда; только въ настоящемъ случаѣ твои пріемы сужденія не пригодны.

— Такъ пусть изорвутъ мое письмо.

И точно княгиня не воспользовалась имъ, хотя оно очень понравилось ей.

Пребываніе княгини Дадіани въ Мингреліи, въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля; сильно беспокоило насъ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ прискачетъ гонецъ съ извѣстіемъ, что княгиня и семейство ея взяты въ плѣнъ. И сколько разъ писали мы къ ней, уговаривая пріѣхать къ намъ; но она предпочла подняться въ Леджумъ и поселиться тамъ въ Цагерскомъ монастырѣ, близъ имѣнія своего Мури.

Ноября 20-го дошла до насъ радостная вѣсть о взятіи Карса, и Николай Петровичъ поспѣшилъ увѣдомить о томъ княгиню Екатерину Александровну, зная, какъ новость эта должна была обрадовать и успокоить ее, а Омера-пашу смутить и разрушить его побѣдоносные планы, ибо со взятіемъ Карса освобождалась часть осаждавшихъ его войскъ, которыя могли быть направлены на помощь намъ.

Въ это же самое время, весьма кстати для насъ, начались сильныя дожди, дороги сдѣлались непроходимы, переправы черезъ рѣки затруднительны, а слѣдовательно и подвозъ провіанта невозможенъ, вслѣдствіе чего Омеру-пашѣ оставалось одно средство къ спасенію — ретироваться къ морю, гдѣ стояли его пароходы.

Русскіе, конечно, преслѣдовали непріятеля, при чемъ были сраженія; но такъ какъ описаніе военныхъ дѣйствій совсѣмъ не по моимъ силамъ и способностямъ, я перенесусь въ жизнь граждан-

скую, мирную. Послѣ окончанія войны Николай Петровичъ былъ произведенъ въ генералы и утвержденъ въ званіи кутаисскаго военнаго губернатора и управляющаго гражданской частью. Вложивъ саблю въ ножны, онъ взялся за перо и, не смотря на то, что большую часть жизни провелъ въ экспедиціяхъ, онъ съ увлеченіемъ принялся за управленіе гражданское, приложивъ къ этому дѣлу всѣ свои старанія и способности, однимъ словомъ—предался ему всей душой. Чтобы лучше познакомиться съ характеромъ, обычаями и нуждами имеретинъ, онъ ѣздилъ по деревнямъ, оставался тамъ день и даже болѣе и, сидя въ какомъ нибудь лѣсу на пнѣ, подъ тѣнью огромнаго каштана или орѣха, собиралъ вокругъ себя помѣщиковъ и крестьянъ, рассуждалъ съ ними, выслушивалъ ихъ жалобы, толковалъ имъ законы, старался мирить ихъ и часто тутъ же на мѣстѣ рѣшалъ возникавшіе между ними поземельные споры, происходившіе отъ того, что земли не были размежеваны и раздѣлены между родственниками. Такіе гласные суды весьма облегчали крестьянъ, ибо имъ надо было бросать полевые и домашнія работы, чтобы издалека и по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ ходить за правосудіемъ въ городъ.

Кутаисъ—городъ небольшой, но красивый по мѣстоположенію своему. Въ 1484 году онъ былъ сдѣланъ столицею Имеретіи, слѣдовательно онъ существуетъ уже болѣе четырехсотъ лѣтъ, какъ главный городъ страны; основанъ же онъ былъ, вѣроятно, гораздо прежде, о чемъ свидѣлствуютъ развалины древняго монастыря, построеннаго на горѣ, возвышающейся надъ городомъ. Монастырь этотъ, напоминающій времена истинной, непоколебимой вѣры въ Бога, былъ основанъ, какъ я слышала, въ V вѣкѣ, и это весьма возможно, ибо св. Нина проповѣдовала христіанство въ Иверіи (Грузіи) въ 318 году. Чрезвычайно красивы развалины монастыря; стѣны его съ двухъ сторонъ были покрыты почти всюду плющомъ, разросшимся по разнымъ направленіямъ изъ одного корня, посаженнаго неизвѣстно кѣмъ и когда. Во всякомъ случаѣ, это было давно, очень давно, такъ какъ стволъ его близъ корня имѣлъ въ окружности десять вершковъ, толщину весьма рѣдкую для плюща.

Въ окрестностяхъ Кутаиса есть еще два монастыря: Гелатскій и Мадзаметскій, построенные въ VI вѣкѣ въ мѣстностяхъ гористыхъ и весьма живописныхъ. Въ обѣихъ обителяхъ живутъ монахи, и ихъ часто посѣщаютъ городскіе жители и путешественники, особенно Мадзаметскую, какъ обитель, находящуюся не далѣе трехъ верствъ отъ города. Гелатскій монастырь, весьма красивой архитектуры, расположенъ выше. Виды изъ него великолѣпны, но дорога, ведущая къ нему, будто нарочно выложенная большими, гладкими плитами, была тогда невозможна для экипажей: мы поднимались туда верхами, да и то съ затрудненіемъ.

Лучшій видъ въ городѣ—съ моста, перекинутаго чрезъ Ріонъ. Быстрая рѣка эта, какъ всѣ здѣшніе горные потоки, имѣетъ каменистое ложе, и потому въ мѣстахъ неглубокихъ вода, разбиваясь о камни, белѣе выдающіеся надъ поверхностью ея, образуетъ серебристую пѣну, въ которой солнечные лучи отражаются радужными цвѣтами.

Отсюда, то-есть съ моста, видна извивающаяся между скалами и рѣкой узкая дорога, ведущая къ ботаническому саду, носящему названіе это, надо признаться, совершенно незаслуженно, потому что,—такъ по крайней мѣрѣ было въ бытность нашу въ Кутаисѣ,—кромѣ нѣсколькихъ копенъ сѣна, двадцати тощихъ фруктовыхъ деревьевъ, повители да барской слѣси, я не видала никакихъ признаковъ и принадлежностей ботаническаго сада.

Лѣтомъ Кутаисъ бывалъ пустъ, такъ какъ, за исключеніемъ служащихъ, всѣ имеретинскіе и гурійскіе помѣщики, составлявшіе большую часть его населенія, разъѣзжались по деревнямъ. Зимой же, напротивъ, городъ былъ довольно оживленъ. Многолюдныя собранія и танцы происходили только въ клубѣ, а у насъ никогда. Мужъ мой, человѣкъ въ высшей степени общительный, но совершенно неспособный подчиняться свѣтскому этикету, не давалъ ни баловъ, ни парадныхъ обѣдовъ, хотя въ необходимыхъ, особенныхъ случаяхъ умѣлъ быть любезнымъ, а въ большихъ общественныхъ собраніяхъ и на публичныхъ обѣдахъ или ужинахъ ему ничего не стоило, не приготавливаясь къ тому заранѣе, сказать блистательный спичъ. За то каждый день нѣсколько мужчинъ приходили къ намъ обѣдать безъ приглашенія, дамы же пріѣзжали по вечерамъ запросто, не заботясь о нарядахъ, и всѣ гости собирались въ кабинетъ Колюбакина; тамъ можно было, не боясь помѣшать его занятіямъ, громко разговаривать и въ карты играть. Иногда хозяинъ дома предлагалъ прочесть гостямъ что нибудь интересное, и это всегда принималось съ удовольствіемъ.

Такимъ образомъ, проходили дни за днями. Между тѣмъ, до Николая Петровича доходили слухи, что въ Мингреліи должно вспыхнуть давно готовящееся возмущеніе крестьянъ противъ помѣщиковъ, и дѣйствительно въ маѣ 1857 года оно явилось на свѣтъ организованнымъ, то-есть въ немъ можно было замѣтить начальниковъ милиціи и цѣлое управленіе.

Княгиня Дадіани тотчасъ же увѣдомила о томъ Колюбакина и, находясь лично въ трудномъ и опасномъ положеніи, просила его частнымъ письмомъ пріѣхать къ ней на помощь по дружбѣ.

Мужъ мой зналъ о возстаніи мингрельцевъ еще до полученія ея письма и донесъ о томъ кутаисскому генераль-губернатору князю Гагарину, находившемуся тогда въ Абхазіи для усмиренія сосѣднихъ ей непокорныхъ убуховъ. Самъ же, по обязанности военнаго губернатора, отправился на границу своей губерніи, при-

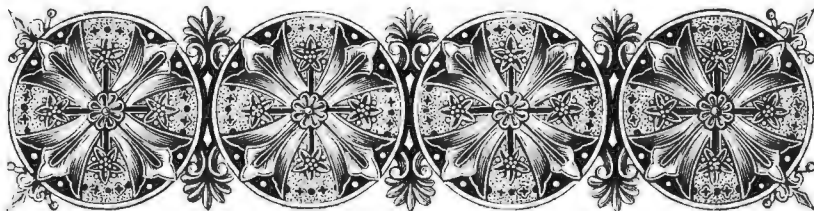
легающей къ Мингреліи, чтобы предупредить беспорядки, могущіе перейти въ Имеретію. Въ то же время онъ повидался и съ Екатериной Александровной Дадіани.

На донесеніе свое князю Гагарину о бунтѣ онъ получилъ въ отвѣтъ, что, по невозможности оставить предпринятое имъ дѣло съ убытками, онъ ему поручаетъ подавить возмущеніе и употребить для этого военную силу, если найдетъ въ томъ необходимость.

Александра Колюбакина.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛИЧНОСТЬ ПЕТРА I ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ, осуществившій на практикѣ планы и проекты лучшихъ передовыхъ людей своего времени, Петръ I отвелъ себѣ видное мѣсто въ русской исторіи, и историческая наука всегда удѣляла и удѣляетъ ему должное вниманіе. Но характеръ дѣятельности Петра, ея значеніе для общественной и государственной жизни русскаго народа и самая личность преобразователя вызывали далеко неодинаковую оцѣнку у различныхъ представителей исторической литературы. Въ то время, какъ благоговѣніе и увлеченіе выдающейся личностью Петра, или другія побужденія, не имѣющія ничего общаго съ интересами исторіи, какъ науки, заставляли однихъ преувеличивать значеніе и заслуги императора, отнимали у ихъ историко-литературныхъ произведеній характеръ и значеніе научныхъ историческихъ изслѣдованій и превращали ихъ въ панегирики, отсутствіе подобныхъ побужденій давало возможность другимъ историкамъ критически относиться къ объекту своихъ изслѣдованій.

Въ свою очередь и послѣдняя категорія историковъ, по характеру своихъ отношеній къ Петру, подраздѣлялась и подраздѣляется на двѣ особыя группы; славянофильскія тенденціи во всѣхъ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, дѣлая невозможнымъ сочувственное отношеніе къ человѣку, силою принуждавшему своихъ подданныхъ заимствовать иноземныя учрежденія и обычаи, вслѣдствіе признанія несостоятельности древне-русскаго національнаго быта, обусловливали собою не только критическое отношеніе извѣстной группы изслѣдователей къ дѣятельности Петра, но и не

вполнѣ справедливую оцѣнку его дѣятельности. Какъ въ историко-литературныхъ произведеніяхъ представителей первой группы изслѣдователей бросаются въ глаза отсутствіе критическаго отношенія авторовъ къ дѣятельности преобразователя и видимое преувеличеніе его значенія и заслугъ его въ жизни русскаго народа, такъ наоборотъ въ литературныхъ трудахъ второй группы изслѣдователей наиболѣе рельефно отгѣняются слабыя, темныя стороны преобразовательной дѣятельности Петра, при чемъ послѣднія не только не нейтрализуются его несомнѣнными достоинствами и заслугами, но даже иногда въ значительной степени и преувеличиваются. Къ той же второй группѣ изслѣдователей, несочувственно относящихся къ личности Петра, принадлежатъ и нѣкоторые изъ писателей, свободныхъ отъ славянофильскихъ тенденцій, но не извиняющихъ крупныхъ недостатковъ преобразователя тѣми условіями, въ какихъ находились Петръ и современное ему русское общество и государство.

Наконецъ, къ третьей группѣ историковъ слѣдуетъ отнести изслѣдователей, не увлекающихся личностью преобразователя до потери способности критически относиться къ объекту своихъ изслѣдованій, не преувеличивающихъ его заслугъ и значенія въ общемъ ходѣ русской исторической жизни, не закрывающихъ глазъ на его дѣйствительные и очень крупные недостатки, но въ то же время и не позволяющихъ себѣ несправедливой оцѣнки личности и дѣятельности Петра, зависящей или отъ какихъ либо предвзятыхъ, тенденціозныхъ взглядовъ, или же отъ отсутствія, въ изученіи жизни и дѣятельности реформатора, тѣсной и неразрывной связи изучаемой личности со всею исторіею современной ей эпохи.

Начало исторической литературѣ по интересующему насъ вопросу было положено еще во времена Петра и при томъ по его же собственной инициативѣ. Гордясь своими подвигами, по преимуществу военными, и озабочиваясь передачею потомству памяти о своихъ дѣлахъ, Петръ выражалъ явное желаніе видѣть описаніе своего царствованія и даже давалъ официальные порученія составить «Гисторію Свейской войны». Желаніе государя рѣшился осуществить Теофанъ Прокоповичъ, выдвинутый Петромъ за «изрядный панегирикъ», сказанный имъ въ Кіевѣ послѣ Полтавской побѣды.

Вполнѣ естественно, что отъ исторіи, писанной при такихъ условіяхъ, по желанію и инициативѣ самого государя, и такимъ человѣкомъ, какимъ былъ Теофанъ Прокоповичъ, современникъ и сотрудникъ Петра, не чуждый привычки льстить сильнымъ людямъ, невозможно ожидать безпристрастной оцѣнки личности и дѣятельности главнаго героя сочиненія. И дѣйствительно «Исторія императора Петра Валикаго», составленная Теофаномъ Прокоповичемъ, совершенно свободна отъ критическаго отношенія автора

къ дѣятельности описываемыхъ имъ лицъ и не чужда иногда очень замѣтнаго тона лести и похвалы. Описывая, напримѣръ, различныя перипетіи Сѣверной войны, Теофанъ Прокоповичъ замѣчаетъ въ своей исторіи ¹⁾: «видѣли мы великіе Петра Перваго военнаго щастія начатки, желательно есть видѣти и прочее, аки сѣмень сихъ дивныя плоды. Обученное бо правильнѣ воинство, и подвиги утвержденное, въ таковыя произыде благополучныя дѣйствія, каковыхъ ниже нечаялся кто прежде, какъ отъ нашего, такъ и отъ иноземныхъ народовъ».

Повидимому, исторія Теофана Прокоповича должна была производить на читателей впечатлѣніе, очень пріятное для Петра; по крайней мѣрѣ, издатель его труда, рассуждая о впечатлѣніи, производимомъ на людей знакомствомъ съ исторіей Петра, говорить въ сильно приподнятомъ тонѣ, что «любовью подвигается сердце каждаго російскаго гражданина при воспоминаніи о дѣлахъ Петра Великаго»; «взирая каждый на великое число его установленій, — патетически восклицаетъ издатель исторіи Теофана ²⁾, — взирая на славу Россіи, на умноженіе ея силы, торговли и словомъ на все то, что можетъ государству могущества придать и сдѣлать народъ счастливымъ, во внутреннемъ восхищеніи сердца своего каждый, его отцемъ своимъ называя, подтверждаетъ данное торжественно ему титло отца отечества». Но видно, что общій характеръ и тонъ труда Прокоповича, не непріятный для Петра, не могъ искупить въ его глазахъ значительныхъ недостатковъ въ исторической работѣ Теофана, и Петръ поручилъ составленіе исторіи своему чиновнику, кабинетъ-секретарю Макарову.

Трудъ Макарова, переправленный рукою самого Петра, увидѣлъ свѣтъ только въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія и былъ изданъ подъ именемъ «Журнала, или поденной записки, блаженной и вѣчнодостойной памяти государя императора Петра Великаго, съ 1698 года даже до заключенія Нейштатскаго мира». Правда, исторія Макарова, выправленная рукою самого Петра, не страдаетъ искаженіемъ фактовъ, не скрываетъ ни ошибокъ государя, ни поражений русскихъ войскъ, но и она, по самому происхожденію своему, не можетъ быть признана совершенно свободной отъ извѣстной доли пристрастія къ главному герою свейской войны, что неизбѣжно должно было отражаться и на характерѣ «Журнала или поденной записки...»; авторъ ея также, какъ Теофанъ Прокоповичъ, писалъ иногда языкомъ придворнаго и впадалъ въ такой тонъ лести, что побуждалъ Петра въ значительной степени ослаблять силу и впечатлѣніе его лестивыхъ выраженій. Описывая, напримѣръ, Полтавское сраженіе и характеризуя ту роль, какая принадлежала въ

¹⁾ Книга III, стр. 66.

²⁾ Предисловіе.

немъ самому Петру, Макаровъ писалъ въ своей исторіи: «Государь въ томъ случаѣ свою храбрость, великодушіе и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей высокой особѣ, въ высшемъ градусѣ показалъ». Петръ нашель нужнымъ замѣнить написанное Макаровымъ болѣе простою фразой: «Государь въ томъ нужномъ случаѣ,—написалъ онъ,—за людей и отечество не щадя своей особы, поступалъ, какъ доброму приводцу надлежитъ»¹⁾).

Какими соображеніями руководились иногда лица, занимавшіяся описаніемъ жизни и дѣятельности Петра, и какъ далеки были ихъ цѣли отъ истинныхъ интересовъ исторіи, какъ науки, всего яснѣе и нагляднѣе можно видѣть изъ сочиненія Крекшина, составившаго въ 1742 году «Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ великаго государя императора Петра Великаго»; въ немъ авторъ открыто сознается и заявляетъ, что онъ не дерзаетъ критически относиться къ личности Петра, такъ какъ недостойно отрѣшиться и ремень сапога его, и что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ прославлять его дѣла, а не описывать ихъ «образомъ исторіи». «Азъ, рабъ того благочестиваго императора, мнѣй всѣхъ,—писалъ Крекшинъ,—милость того на себѣ имѣхъ, того ради по долгу рабства и любви долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторіи писать дерзаю». Понятно, что, при такомъ намѣренномъ стремленіи авторовъ восхвалять дѣла Петра, историко-литературныя произведенія должны были превращаться въ тенденціозныя сочиненія, не заключающія въ себѣ правильной оцѣнки личности и дѣятельности императора.

Подобные крупныя и существенныя недостатки литературныхъ произведеній, посвященныхъ Петровской эпохѣ, не всегда устранялись даже и въ томъ случаѣ, если авторы ихъ сознавали необходимость критическаго элемента въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Такое, напримѣръ, сознаніе было не чуждо одному изъ наиболѣе крупныхъ историковъ, дѣписателей Петра XVIII-го вѣка, Голикову, оставившему послѣ себя многотомный трудъ «Дѣяній Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи», и «Дополненій къ дѣяніямъ»... Голиковъ самъ сознается въ заключеніи своего громаднаго труда, «что критика необходимо нужна къ исправленію историческихъ повѣствованій»²⁾, между тѣмъ во всемъ его сочиненіи невозможно отыскать ни малѣйшихъ признаковъ критическаго отношенія къ описываемымъ событіямъ и лицамъ; авторъ даже чувствуетъ, что читатели его труда будутъ имѣть право обвинять его въ пристрастномъ отношеніи къ Петру, такъ какъ онъ въ описаніи дѣяній своего героя смотрѣлъ на него исключительно только

¹⁾ Устряловъ, Исторія царствованія Петра Великаго, томъ I, Приложение II, стр. 322.

²⁾ Дѣянія Петра Великаго, изд. 1840 г., томъ XIII-й, стр. 736.

съ одной хорошей стороны¹⁾; но это сознание не побуждаетъ Голикова не закрывать глазъ на недостатки, слабости, ошибки Петра а лишь заставляеть его доказывать, путемъ неубѣдительныхъ разсужденій, что описаніе однѣхъ хорошихъ, положительныхъ сторонъ въ дѣятельности великаго государя не равносильно еще пристрастному отношенію къ нему.

По его мнѣнію, обыкновенныя человѣческія слабости, существовавшія и въ Петрѣ, при великомъ свѣтѣ его царскихъ добродѣтелей, должны быть также мало замѣчаемы въ государѣ, какъ и темныя пятна на солнцѣ,—пятна, нисколько не помрачающія и не препятствующія благотворному дѣйствию солнечныхъ лучей. Безпредѣльная же любовь Петра къ отечеству и къ подданнымъ, безпримѣрная экономія его и бережливость государственныхъ доходовъ, одинаковое для всѣхъ правосудіе и отеческое обращеніе съ подданными, отвращеніе къ лести и льстецамъ и даже признательность къ говорившимъ иногда очень колкую правду, вѣрность своему слову и рѣшительность въ предпріятіяхъ, благочестіе и преданность провидѣнію, неутомимая дѣятельность и постоянные труды на благо отечества, крайнее отвращеніе къ роскоши и расточительности, заботы о просвѣщеніи подданныхъ и покровительство наукамъ, искусствамъ и ученымъ, отеческое попеченіе о постоянномъ изобиліи въ государствѣ всевозможныхъ жизненныхъ средствъ, дальновидность и прочность всѣхъ его благотѣльныхъ предпріятій, возвысившихъ Россію до такой степени, до какой она никогда не доходила,— всѣ эти царскія достоинства, по мнѣнію Голикова, на столько сильно затемняютъ собою слабости Петра, неразлучныя съ человѣчествомъ, что дѣлають ихъ совершенно незамѣтными²⁾. Неудивительно, что при такомъ восторженномъ отношеніи автора къ герою своего литературнаго труда и при такихъ своеобразныхъ воззрѣніяхъ на недостатки Петра, какъ на темныя пятна, нисколько не препятствующія благотворному дѣйствию солнечныхъ лучей, личность государя-преобразователя выступаетъ въ произведеніи Голикова въ значительно изукрашенномъ видѣ, не соотвѣтствующемъ своему дѣйствительному оригиналу.

Увлеченіе выдающеюся личностью Петра и, какъ естественное слѣдствіе подобнаго увлеченія, пристрастное отношеніе къ царю-преобразователю, невѣрная оцѣнка его личности и неправильное опредѣленіе значенія его дѣятельности въ общемъ ходѣ русской исторической жизни встрѣчались въ XVIII-мъ вѣкѣ, какъ довольно обычныя явленія, не только въ русской исторической литературѣ, но и въ историко-литературныхъ произведеніяхъ иностранцевъ, писавшихъ о Петрѣ. Вотъ, на примѣръ, какъ опредѣляетъ цѣль своего

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, стр. 736—738.

исторического труда венецианецъ Θεодози, приступая къ описанію «жизні и славныхъ дѣлъ преславнаго императора, несравненнаго героя, нынѣшняго царства Россійскаго основателя, просвѣтителя и отца»; «я,— говоритъ онъ¹⁾»,— написалъ исторію Петра съ тою цѣлью, чтобы дать возможность своимъ читателямъ увидѣть, въ какой глубокой тьмѣ неученія и безпорядочнаго правленія находилась Россія до временъ Петра, и что Петръ Великій былъ первый человѣкъ, сумѣвшій собственнымъ своимъ разумомъ и собственнымъ трудомъ вывести ее изъ безпросвѣтной тьмы на такой свѣтъ, на который безъ блистанія великаго и удивленія смотрѣть не можно».

Еще болѣе восторженное отношеніе къ личности Петра и его дѣятельности встрѣчается въ произведеніи одного нѣмецкаго автора, гдѣ послѣдній проводитъ параллель между первымъ русскимъ императоромъ и первымъ императоромъ франковъ—Карломъ Великимъ. По его словамъ²⁾, Петръ былъ чрезвычайный человѣкъ. Онъ въ самое короткое время сдѣлалъ многіе милліоны подданныхъ славнѣйшимъ народомъ земнаго шара и показалъ себя такимъ образомомъ государей, о какомъ ученые и просвѣщеннѣйшіе философы дѣлали одно только мысленное изображеніе.

Сопоставляя между собою Петра и Карла и приходя въ восторгъ и восхищеніе отъ знакомства съ жизнью и дѣятельностью своихъ героевъ, авторъ отъ избытка чувствъ восклицаетъ въ заключеніи своего труда: «съ какой стороны ни станемъ разсматривать дѣянія двухъ великихъ императоровъ, вездѣ найдемъ столько великости, столько возвышенія и благородства въ ихъ характерахъ, чувствахъ и мысляхъ, что должны почитать ихъ, удивляться имъ, боготворить ихъ!»³⁾.

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться въ отдѣльности на каждомъ изъ довольно многочисленныхъ историко-литературныхъ произведеній, посвященныхъ эпохѣ Петра и относящихся къ первой группѣ историческихъ трудовъ, характеризующихся отсутствіемъ критическаго отношенія авторовъ къ предметамъ своихъ описаній и той или иной дозой увлеченія и пристрастія къ Петру, такъ какъ всѣ они страдаютъ болѣе или менѣе одинаковыми недостатками, давая невѣрную оцѣнку личности Петра и представляя неправильное опредѣленіе значенія его дѣятельности въ общемъ ходѣ русской исторической жизни. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ произведеніяхъ болѣе близкихъ къ нашему времени историковъ, уже не чуждыхъ знакомства съ научными требованіями, предъявляемыми къ историческимъ трудамъ.

¹⁾ Θεодози, Житіе и славныя дѣла Петра Великаго, предисловіе.

²⁾ «Сравненіе Петра Великаго съ Карломъ Великимъ», переводъ Лязогуба, стр. 11.

³⁾ Тамъ же, стр. 112.

Какъ ни велико, повидимому, должно быть различіе между такими историками Петровской эпохи, какимъ былъ, напримѣръ, въ XVIII-мъ вѣкѣ Голиковъ, авторъ «Дѣяній Петра Великаго», и историки XIX столѣтія Полевой и Погодинъ, а между тѣмъ въ статьѣ послѣдняго «Петръ Великій»¹⁾ и въ «Исторіи Петра Великаго» Полеваго встрѣчаются нѣкоторыя мѣста, вполне достойныя пера Голикова. Увлекаясь героемъ своего труда, Полевой находитъ даже недостаточнымъ считать и называть Петра великимъ человѣкомъ и готовъ видѣть въ немъ избранника Божія, генія съ всеобъемлющимъ умомъ и непобѣдимою волей. По словамъ увлекающагося автора, чѣмъ болѣе удаляется отъ насъ исполинскій образъ Петра, тѣмъ громаднѣе дѣлается онъ, тѣмъ болѣе явно спадаетъ съ него все тлѣнное, все земное, все человѣческое, и тѣмъ ярче свѣтитъ въ немъ знаменіе неба, являющее избранника Божія²⁾; не имѣя возможности объяснить всѣ дѣла Петра естественнымъ путемъ и находя ихъ стоящими неизмѣримо выше обычнаго уровня человѣческихъ дѣлъ, Полевой обращается къ сверхъестественнымъ силамъ, заставляя Петра родиться по назначенію свыше и выполнять въ своей жизни предопредѣленіе Божіе³⁾; при такомъ взглядѣ на личность и характеръ дѣятельности Петра авторъ находитъ невозможнымъ говорить о какихъ бы то ни было ошибкахъ своего героя, такъ какъ мы не знаемъ, не кажется ли намъ ошибкою то, что необходимо въ будущемъ, для насъ еще не наставшемъ, но уже предвидѣнномъ Петромъ⁴⁾.

Не менѣе восторженное отношеніе вызываетъ личность преобразователя и у Погодина. «Обозрѣвая царствованіе императора Петра Великаго,—читаемъ въ его статьѣ⁵⁾,—съ намѣреніемъ представить оное въ одной общей картинѣ, опредѣлить его значеніе въ системѣ русской и европейской исторіи, невольно чувствуешь трепеть, падаешь духомъ и не знаешь, съ чего начать, что сказать и что умолчать. Сколько созданій! Сколько разрушеній, преобразованій! Сколько дѣйствій и происшествій всякаго рода! Мысль устаетъ летать отъ одного предмета къ другому, и удивленная изнеможенная, приходитъ въ замѣшательство, останавливается.. По его мнѣнію⁶⁾, вся современная Россія во всѣхъ разнообразныхъ сферахъ своей жизни — дипломатической, политической, военной, коммерческой, мануфактурной, школьной, литературной — представляетъ собою произведеніе Петра.

Всѣ изслѣдованія какого бы то ни было явленія въ сферахъ

¹⁾ Погодинъ, Историко-критическіе отрывки, I, стр. 335.

²⁾ Полевой, Исторія Петра Великаго, IV, стр. 303.

³⁾ Тамъ же, стр. 305.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 305—306.

⁵⁾ Погодинъ, Историко-критическіе отрывки, I, стр. 336.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 335.

гражданской жизни непременно доводятся до Петра, соединяющего в своих руках концы всех наших нитей в одном узле. Куда мы ни оглянемся, вездѣ встрѣчаемся съ его колоссальною фигурой, бросающей отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее и заслоняющей собою нашу древнюю исторію.

Правда, восторженное отношеніе автора къ личности Петра, побуждавшее его восклицать, что все, что теперь ни думается, ни говорится, ни дѣлается нами, обязано своимъ происхожденіемъ великому преобразователю¹⁾, совмѣщалось у Погодина съ сознаниемъ что многія нововведенія Петра представляютъ собою не что иное, какъ древнія постановленія, имѣющія глубокой корень въ русской почвѣ и только облеченныя въ новыя формы и получившія новыя имена²⁾; у него встрѣчается даже довольно вѣрный, научный взглядъ, «что Петръ I-й былъ во многихъ случаяхъ только великимъ исполнителемъ, довершителемъ, который нашель въ своей душѣ, въ своемъ умѣ, запросы, содержавшіеся въ его народѣ и въ естественныхъ отношеніяхъ его государства къ иноземнымъ національностямъ,— нашель, взалкалъ и рѣшился удовлетворить ихъ, разумѣется, по своему личному усмотрѣнію»³⁾. Но подобныя мысли только вскользь были брошены Погодинымъ, не были развиты имъ и не оказали никакого вліянія на его сужденія о Петрѣ. Не трудно даже замѣтить, что идея о тѣсной и неразрывной связи реформаторской дѣятельности Петра съ запросами народной жизни, выработанными предшествовавшей Московской эпохой, не только не отражается на Погодинѣ, когда онъ начинаетъ высказывать свои собственные сужденія о личности Петра и значеніи его дѣятельности въ жизни русскаго народа, но и не можетъ быть признана вполне согласной и не находящейся въ нѣкоторомъ противорѣчій съ ранѣе высказанными авторомъ воззрѣніями по интересующему насъ вопросу.

Мысль о тѣсной и неразрывной связи дѣятельности Петра съ запросами народной жизни, выработанными предшествовавшей Московской эпохой,— мысль, оставшаяся безъ практическаго примѣненія въ статьѣ Погодина, должна уже была лечь въ основу научной разработки исторіи Петра и оказать несомнѣнное и существенное вліяніе на характеръ историческихъ воззрѣній, имѣющихъ отношеніе къ личности преобразователя и къ опредѣленію значенія его дѣятельности въ общемъ ходѣ русской исторической жизни.

Но на ряду съ подобной идеей должны были оказать свое вліяніе на характеръ научно-безпристрастной оцѣнки Петра и

¹⁾ Тамъ же, стр. 343.

²⁾ Тамъ же, стр. 354—355.

³⁾ Тамъ же, стр. 355.

возрѣнія писателей, представлявшихъ собою, по своимъ взглядамъ на интересующій насъ вопросъ, совершенную противоположность историкамъ первой, разсмотрѣнной нами, группы. Мы уже знаемъ, что какъ историко-литературныя произведенія писателей, причисленныхъ къ первой группѣ историковъ, страдаютъ отсутствіемъ критическаго отношенія авторовъ къ дѣятельности преобразователя, явно преувеличиваютъ его значеніе и заслуги и чрезъ то теряютъ характеръ научныхъ историческихъ изслѣдованій и нерѣдко превращаются въ панегирики, такъ и произведенія представителей второй историко-литературной группы не свободны отъ нѣкоторыхъ недостатковъ противоположнаго характера; наиболѣе рельефно обрисовывая слабыя, темныя стороны въ личности и преобразовательной дѣятельности Петра, они не всегда придаютъ должное значеніе тѣмъ условіямъ, въ какихъ находились преобразователь и современное ему русское общество и государство, что, въ свою очередь, также ведетъ за собою неправильную оцѣнку и невѣрное освѣщеніе личности и дѣятельности Петра.

Какъ начало перваго отмѣченнаго нами направленія въ исторической литературѣ восходило къ первой половинѣ прошлаго вѣка и даже было современно самому Петру, такъ и критическое, отрицательное отношеніе къ личности и дѣятельности преобразователя, появившееся еще въ средѣ нѣкоторыхъ современниковъ Петра, въ скоромъ времени изъ жизни проникло и въ историческую литературу.

Уже въ 1737 году наслѣдный прусскій принцъ, впоследствии Фридрихъ Великій, въ своемъ письмѣ, адресованномъ на имя Вольтера, ссылаясь на крайне неблагоприятныя отзывы о Петрѣ одного «мудраго историка», какого-то иностранца Зума, прослужившаго 18 лѣтъ въ Московскомъ государствѣ и затѣмъ удалившагося за границу. Стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ, утверждаетъ онъ въ своемъ письмѣ, вошедшемъ въ составъ сочиненій Фридриха Великаго, благополучныя происшествія и невѣжество иностранцевъ обусловливали собою происхожденіе представленія о царѣ Петрѣ, какъ о великомъ героѣ. Мудрый историкъ, бывший отчасти даже очевидцемъ и свидѣтелемъ жизни и дѣятельности Петра, лишаетъ, однако же, царя ореола славы, снимаетъ съ него покрывало и показываетъ намъ государя со всѣми человѣческими пороками и съ весьма незначительнымъ числомъ добродѣтелей.

Въ Петрѣ, изображенномъ мудрымъ историкомъ, не видно всеобъемлющаго ума, все понимающаго и все желающаго испытать и изслѣдовать, а виденъ только человѣкъ, стремящійся ко всему новому изъ простаго желанія блеснуть новизной; не видно въ немъ и неустрашимаго воина, пренебрегавшаго всевозможными опасностями, а виденъ боязливый и робкій государь, терявшій свою храбрость при серьезныхъ опасностяхъ; жестокой въ мирное время,

слабый въ войнѣ, возбуждавшій удивленіе въ иностранцахъ и ненависть въ своихъ подданныхъ, Петръ распространилъ рабство въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ только возможно то государю и, если успѣлъ сдѣлать что либо замѣчательное, то обязанъ тѣмъ всецѣло фортунѣ, а не своему разуму, хотя, впрочемъ, авторъ и соглашается признать его «великимъ механикомъ, прилежнымъ и переимчивымъ, готовымъ всѣмъ пожертвовать своему любопытству».

Другой иностранный писатель, аббатъ Мамбли, удивляясь дѣламъ Петра, въ то же время находилъ возможнымъ утверждать, что онъ вмѣсто великихъ дѣлъ дѣлалъ только однѣ ошибки; «можетъ быть, государь,—говоритъ онъ,—потомки, удивляясь вамъ, будутъ упрекать васъ въ томъ, что вы ничѣмъ не утвердили благополучія своего государства; можетъ быть, въ самыхъ началахъ вашего правленія они найдутъ причины его разрушенія и паденія; можетъ быть, вся политика, которой вы слѣдуете, представляетъ собою не что иное, какъ безумство въ глазахъ здраваго разсудка». По его мнѣнію, Петръ долженъ былъ начать свою дѣятельность съ внушенія своимъ подданнымъ любви къ законамъ, къ порядку и къ общественному благу, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ не только ничего не дѣлалъ для ослабленія страха, соединеннаго съ царскимъ самовластіемъ, способнымъ производить однихъ наемниковъ и рабовъ, а напротивъ во всѣхъ и важныхъ, и мало-важныхъ дѣлахъ всегда поступалъ самымъ деспотическимъ образомъ. Такой характеръ царской дѣятельности заставляетъ автора опасаться, чтобы своенравіе и страсти преемниковъ Петра не сдѣлались единственнымъ закономъ для Россіи.

Деспотизмъ, доведенный до крайней степени развитія, составлялъ довольно важный пунктъ въ ряду обвиненій, направленныхъ противъ Петра; различные представители второй историко-литературной группы обвиняли его въ непомятомъ развитіи самовластія, говорили, что онъ былъ чрезвычайно строгъ и жестокъ, любилъ казни, проливалъ кровь, не стѣсняясь ни происхожденіемъ, ни общественнымъ положеніемъ своихъ жертвъ, унижалъ себя кулачною расправой съ окружающими, убилъ своего сына, вель разгульную, развратную жизнь, и даже утверждали, что, дѣйствуя неправильно и незаконно, Петръ измѣнилъ старое лучшее на новое худшее.

Такіе отрицательные взгляды на личность и значеніе дѣятельности Петра, имѣвшіе мѣсто въ извѣстной части иностраннаго и русскаго общества, а равнымъ образомъ и той и другой литературы XVIII вѣка, сохранили свое существованіе и въ настоящемъ XIX столѣтіи. Усиленіе консервативнаго направленія, явившееся въ началѣ настоящаго вѣка естественной реакціей французскаго революціоннаго движенія и всѣхъ его послѣдствій наполеоновскаго времени, должно было извѣстнымъ образомъ отразиться и на ха-

рактёръ отношеній историковъ подобнаго направленія къ такимъ реформаторамъ, какимъ былъ первый русскій императоръ.

Карамзинъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ консервативныхъ идей, не могъ отнестись вполне сочувственно къ крутому, быстрому и насильственному перевороту, совершившемуся въ жизни русскаго народа въ царствованіе Петра. Давая оцѣнку личности великаго московскаго князя Іоанна III, Карамзинъ въ своей «Исторіи государства Россійскаго»¹⁾ сопоставляетъ Іоанна съ Петромъ и видимо отдаетъ предпочтеніе первому изъ нихъ предъ послѣднимъ. «Новѣйшіе историки,—говоритъ онъ,—замѣчаютъ въ Іоаннѣ III поразительное сходство съ Петромъ I: безъ сомнѣнія, оба они велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслить о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ...; призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы, и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но исключительно только такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху къ чести, а не къ униженію собственнаго народа». Правда, Карамзинъ заявляетъ, что не здѣсь, а въ исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ двухъ государей поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности «Исторія государства Россійскаго» не была доведена имъ до временъ Петра, но приведенныя выдержки изъ литературнаго труда Карамзина не могутъ оставить никакого сомнѣнія въ томъ, кто изъ государей заслуживалъ предпочтенія въ глазахъ историка.

Та же французская революція и событія наполеоновскаго времени, вызвавшія реакціонное движеніе въ средѣ европейскихъ народовъ, обусловливали собою развитіе и усиленіе въ извѣстной части европейскихъ странъ національнаго направленія, превратившагося въ Россіи въ славянофильство. Выходя изъ своихъ идей, представители славянофильства неизбежно должны были относиться отрицательно къ преобразовательной, реформаторской дѣятельности Петра, такъ какъ она, съ ихъ точки зрѣнія, представляла собою насильственную пересадку на русскую почву чуждыхъ учрежденій и обычаевъ, не вызывавшихся запросами народной жизни. По ихъ мнѣнію, Петръ былъ главною причиною, виной громаднаго зла, заставляющаго страдать и современную Россію; насильственно передѣлавъ на европейскій образецъ высшіе классы русскаго общества и оказавшись безсильнымъ измѣнить вѣковые жизненные устои

¹⁾ Томъ VI, гл. VII, стр. 216.

главной массы народа, Петръ произвелъ искусственное и въ высшей степени вредное разъединеніе между высшими и низшими слоями русскаго населенія.

Отрицательные взгляды на личность преобразователя, высказывавшіеся подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ соображеній, въ извѣстной части исторической литературы, проникли и въ русскую беллетристику съ ея многочисленными «историческими» романами, повѣстями и очерками, заимствующими свое содержаніе изъ отдаленнаго прошлаго, пережитаго русскимъ народомъ и государствомъ. Умалчивая о положительныхъ сторонахъ въ личности и дѣятельности Петра и останавливая вниманіе читателей преимущественно на несимпатичныхъ чертахъ своего героя, подобныя беллетристическія произведенія, претендующія на названіе историческихъ, въ большинствѣ случаевъ производятъ впечатлѣніе, крайне неблагопріятное для личности преобразователя; неблагопріятное впечатлѣніе еще болѣе усиливается вслѣдствіе отсутствія въ подобнаго рода произведеніяхъ необходимаго историческаго фона, образуемаго изображеніемъ условій жизни, современной выводимымъ персонажамъ, характеристикой нравовъ, обычаевъ и міровоззрѣнія данной эпохи и описаніемъ положенія общества и государства разсматриваемаго времени. Читая нѣкоторыя изъ такихъ беллетристическихъ произведеній, можно подумать, что «Петръ», какъ выражается одинъ изъ современныхъ защитниковъ преобразователя¹⁾, «только и дѣлалъ, что сидѣлъ въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа, рубилъ головы стрѣльцамъ, преслѣдовалъ жену и сына и безобразничалъ въ пьяной и развратной компаніи своихъ безнравственныхъ фаворитовъ».

Какъ ни односторонни были различные отрицательные взгляды представителей второй историко-литературной группы, однако же они имѣли несомнѣнное и большое значеніе для исторической науки, такъ какъ обращали ея вниманіе на многія стороны въ жизни и дѣятельности Петра, совершенно не затрогивавшіяся или намѣренно затемнявшіяся его поклонниками и панегиристами; они дѣлали несомнѣнными односторонность, увлеченія и ошибки послѣднихъ

¹⁾ Русская Старина, 1894 г., 2 кн., «Петръ Великій и Вальтеръ-Скотты могильщики», стр. 203. Самъ авторъ цитируемой статьи, воплію справедливо отмѣчая крайне одностороннее и пристрастное освѣщеніе личности Петра въ извѣстной части русской беллетристики, въ то же время не чуждъ другой противоположной крайности и, видимо, имѣетъ нѣкоторыя связи съ первой группой представителей исторической литературы. Не находя во всей всемірной исторіи никого, равнаго Петру Великому, и смѣло утверждая, что другой такой личности не было ни въ отдаленной древности, ни въ новыя времена, онъ уже совершенно несправедливо, какъ мы впоследствии увидимъ, думаетъ, что «чѣмъ болѣе всматриваешься въ величественный образъ Петра, тѣмъ болѣе сознаешь его печальное одиночество въ средѣ окружающихъ людей, для которыхъ не были доступны ни высокіе идеалы, носимые имъ въ душѣ, ни великія цѣли, къ которымъ онъ стремился» (Русская Старина, 1894 г., № 3, стр. 190).

и тѣмъ самымъ вызывали сознание необходимости безпристрастной научной разработки исторіи преобразователя.

Первымъ опытомъ научной разработки исторіи Петра можно считать трудъ Устрялова «Исторія царствованія Петра Великаго», гдѣ авторъ стремится поставить личность и дѣятельность послѣдняго въ тѣсную связь съ современнымъ ему состояніемъ русскаго народа и государства и «изобразить своего героя въ такомъ видѣ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, не скрывая его слабостей, не приписывая ему небывалыхъ достоинствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и во всей возможной полнотѣ его несомнѣннаго величія, и при томъ такъ, чтобы ни одного слова не было сказано наугадъ, чтобы каждое изъ нихъ подверждалось свидѣтельствомъ неоспоримымъ, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ»¹⁾.

Но, признавая трудъ Устрялова первымъ опытомъ научной разработки исторіи Петра, мы должны замѣтить, что научные взгляды по интересующему насъ вопросу встрѣчались иногда и ранѣе въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ представителей первыхъ двухъ историко-литературныхъ группъ. Еще историкъ XVIII-го столѣтія князь Щербатовъ въ своей статьѣ «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластїи Петра Великаго»²⁾ высказывалъ мысль о необходимости не скрывать и не отрицать слабыхъ сторонъ и недостатковъ въ личности и дѣятельности преобразователя, а разсматривать ихъ «сообразно съ обстоятельствами времени, какъ въ разсужденіи тогдашняго умоначертанія россиянь, въ разсмотрѣніи тогдашнихъ обстоятельствъ и нравовъ, такъ и разсужденіи намѣреній Петра»³⁾; между тѣмъ Щербатовъ несомнѣнно принадлежалъ къ первой группѣ историковъ, такъ какъ говорилъ, что онъ не дерзаетъ описывать своимъ слабымъ перомъ великія и достойныя похвалы дѣла Петра Великаго, и «что не похвально дѣлать не токмо несправедливыя своимъ монархамъ, но и самыя справедливыя оуленія, которыя должны быть изглаголены съ такою умѣренностью, чтобы елико можно менѣе чести сѣдящаго на престолѣ повреждали»⁴⁾.

Карамзинъ, оказавшій въ «Исторіи государства Россійскаго» явное предпочтеніе дѣятельности Іоанна III предъ дѣятельностью Петра I, въ своей статьѣ «О древней и новой Россіи» высказываетъ довольно вѣрные, научные взгляды на ту роль, какая принадлежала Петру въ сферѣ преобразованій, совершившихся въ русской жизни въ началѣ XVIII столѣтія; онъ ставитъ реформаторскую дѣятельность Петра въ тѣсную и непосредственную связь съ естественнымъ ходомъ русской исторической жизни въ предшествовавшую эпоху и разсматриваетъ преобразователя не какъ само-

¹⁾ Томъ I, Введеніе, стр. LXXXVII—LXXXVIII.

²⁾ Чтенія въ общ. ист. и древн. росс., 1860 г., кн. I, стр. 5.

³⁾ Тамъ же, стр. 9.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 7.

стоятельнаго творца новаго строя государственной и общественной жизни, а какъ государя, успѣвшаго завершить, довести до конца начатое въ прошломъ и сумѣвшаго воспользоваться для достиженія своей цѣли средствами, уже выработанными государственною жизнью Москвы. По мнѣнію Карамзина¹⁾, еще въ царствованіе первыхъ представителей дома Романовыхъ: Михаила, Алексѣя и Феодора, подъ вліяніемъ частыхъ сношеній Россіи съ европейскими дворами, вслѣдствіе принятія на службу и поселенія въ Москвѣ многихъ иностранцевъ, началось сближеніе Россіи съ Европой какъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ обычаяхъ и нравахъ народныхъ. И хотя жители Московскаго государства продолжали усердно слѣдовать своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ уже дѣйствовать заразительно, и явная польза, очевидное превосходство одерживали верхъ надъ старыми порядками и въ военныхъ дѣлахъ, и въ системѣ дипломатической, и въ образѣ воспитанія или ученія, и въ самомъ свѣтскомъ общежитіи. Измѣненіе совершалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возростаніе, безъ порывовъ и насилій. Въ этотъ періодъ всевозможныхъ заимствованій и измѣненій разнообразныхъ сторонъ государственной и общественной жизни русскаго народа и явился Петръ, получившій возможность, благодаря неограниченному самодержавію, выработанному предшествовавшей жизнью Москвы, ускорить и довести до конца начавшійся задолго до него процессъ реформирования русской жизни. Правда, Карамзинъ совершенно не развиваетъ и не доказываетъ своей мысли, но несомнѣнно, что она имѣла свое вліяніе на оцѣнку личности Петра и значенія его дѣятельности при научной разработкѣ исторіи преобразователя.

Мы признали первымъ опытомъ научной разработки исторіи преобразователя обширный трудъ Устрялова «Исторія царствованія Петра Великаго». Но, не смотря на несомнѣнные научныя достоинства «Исторіи» Устрялова, его трудъ не даетъ еще вѣрной оцѣнки личности Петра и правильнаго опредѣленія значенія его дѣятельности въ общемъ ходѣ русской исторической жизни. Устряловъ не могъ даже вполне усвоить себѣ мысли Карамзина, что русскому народу еще задолго до Петра было уже не чуждо сознаніе превосходства различныхъ сторонъ европейской жизни предъ своей родной стариной и стремленіе къ разнообразнымъ заимствованиямъ. Напротивъ, онъ стремился доказать, что людямъ Московскаго государства были незнакомы и чужды и внутреннее стремленіе къ лучшему, совершеннѣйшему, и самобытное развитіе своихъ умственныхъ и промышленныхъ силъ, и ясное сознаніе необходимости народнаго образованія²⁾. Впрочемъ естественно, что при такомъ не-

¹⁾ «О древней и новой Россіи въ ея политич. и гражд. отношеніяхъ».

²⁾ I-й томъ, Введеніе, стр. XXVIII.

вѣрномъ освѣщеніи эпохи, предшествовавшей преобразованіямъ Петра, долженъ былъ получиться и мрачный, темный фонъ, на которомъ фигура преобразователя въ картинѣ, изображенной «Исторіей» Устрялова, неизбежно должна была вырисовываться, выдѣляться болѣе рельефно, чѣмъ то требовалось исторической правдой¹⁾.

Болѣе близкой къ своему историческому оригиналу является личность Петра въ трудѣ Соловьева, усвоившаго и развившаго въ «Исторіи Россіи» удачную и вѣрную мысль Карамзина, отмѣченную нами въ его статьѣ «О древней и новой Россіи». По мнѣнію Соловьева²⁾, съ половины XVII вѣка въ жизни русскаго народа начался поворотъ на новый путь; поворотъ необходимо долженъ былъ вести къ страшному перевороту, къ болѣзненному перелому въ жизни и существѣ народа, такъ какъ здѣсь имѣло мѣсто сближеніе съ народами цивилизованными, у которыхъ нужно было учиться и которымъ слѣдовало подражать. Если же переворотъ былъ необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей русской исторіи, то такое положеніе дѣлъ вполнѣ уясняетъ и значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ—Петра Великаго: онъ является только вождемъ, а не создателемъ дѣла,—дѣла народнаго, а не личнаго, принадлежащаго одному Петру.

Разсматривая Петра съ точки зрѣнія представителя, вождя своего народа въ общенародномъ дѣлѣ, Соловьевъ, при описаніи великаго переворота, считаетъ своею обязанностью не отрывать главнаго дѣятеля отъ народа, отъ общества, а съ самаго начала слѣдить, какъ образовывалось его существо подъ вліяніемъ усло-

¹⁾ Говоря о характерѣ отношеній Устрялова къ Петру, необходимо замѣтить, что его трудъ «Исторія царствованія Петра Великаго» далеко не на всѣхъ читателей производилъ впечатлѣніе, благопріятное для преобразователя и согласное съ воззрѣніями самого автора. Появленіе его труда даже обуславливало собою развитіе и усиленіе отрицательныхъ взглядовъ на Петра, такъ какъ предоставляло въ распоряженіе читателей множество фактовъ, неспособныхъ вызывать симпатіи къ ихъ виновнику. «Ближайшимъ поводомъ къ неблагопріятной перемѣнѣ существовавшихъ у насъ взглядовъ на Петра и его реформы,—писалъ, напримѣръ, Шишкинъ въ своей статьѣ «Панегиристы и порицатели Петра Великаго» (Русское Слово, 1861 г., № 6-й, стр. 4),—послужили появившіяся въ последнее время въ нашихъ журналахъ и газетахъ статьи и статейки изъ Петровской эпохи, а болѣе всего—драгоцѣнный сборникъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ и документовъ, съ ихъ далеко не столь драгоцѣннымъ перифразомъ, извѣстный подъ названіемъ 6-го тома «Исторіи царствованія Петра Великаго», сочиненіе Н. Устрялова». Самъ авторъ упомянутой статьи, полемизируя съ «исслѣдователями-обличителями, представляющими Петра какимъ-то безобразнымъ гениемъ-разрушителемъ, какимъ-то страшнымъ Ариманомъ, производящимъ ужасы и неистовства единственно изъ любви къ искусству», стремится поставить на видъ всю нелѣпость подобныхъ взглядовъ и доказать, что безпощадно-крутыя и суровыя мѣры, помрачавшія славное царствованіе Петра, вызывались одною существеннѣйшею необходимостью и всегда имѣли въ своей основѣ разумно сознаваемое чувство законности» (Русское Слово, 1861 г., № 10, стр. 98).

²⁾ Исторія Россіи, томъ XIV, стр. 102.

вій, приготовленныхъ исторіей народа, такъ какъ явленія, видимому, самыя случайныя, имѣвшія вліяніе на характеръ историческаго дѣятеля, окрашиваются цвѣтами, господствующими въ обществѣ ¹⁾).

Но, изучая дѣятельность Петра въ тѣсной, неразрывной связи съ общественной, народной жизнью и рассматривая преобразователя, какъ представителя, вождя общенароднаго дѣла, Соловьевъ, хотя и лишаетъ его значенія создателя, творца переворота, однако же не отнимаетъ у него права на званіе великаго человѣка, такъ какъ, по его мнѣнію, Петръ оказалъ народу существенныя услуги при совершеніи труднаго подвига, необычайною энергіей своей воли привелъ въ дѣйствіе всѣ его силы и сообщил направленіе движенію ²⁾. По его словамъ ³⁾, не дѣло историка безусловно восхищаться всѣми явленіями эпохи преобразованій, безусловно оправдывать всѣ средства, употреблявшіяся преобразователемъ для лѣченія застарѣлыхъ недуговъ Россіи; но, изображая дѣятельность Петра съ необходимою въ ней темною стороною, историкъ имѣетъ право изображать ее, какъ дѣятельность великаго человѣка, послужившаго болѣе другихъ для своего народа и для человѣчества. Соглашаясь съ мнѣніемъ одной наблюдательной современницы эпохи преобразованій, что Петръ былъ очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной человѣкъ, Соловьевъ въ концѣ своего труда приходитъ къ заключенію, что свѣтлыя стороны въ жизни и дѣятельности Петра перевѣшивали черныя, и что мы, съ какой бы точки зрѣнія ни изучали эпоху преобразованій, должны прійти къ изумленію предъ нравственными и физическими силами преобразователя ⁴⁾).

Читая «Исторію» Соловьева, нельзя не видѣть, что авторъ, установивъ вполне правильную, научную точку зрѣнія на характеръ и значеніе дѣятельности Петра, въ то же время довольно снисходительно относится къ ея отрицательнымъ сторонамъ; признавая, что темныя стороны въ жизни и дѣятельности Петра перевѣшиваются свѣтлыми, Соловьевъ обрисовываетъ недостатки преобразователя сравнительно тусклыми красками, вслѣдствіе чего и личность Петра выступаетъ въ его произведеніи въ такомъ видѣ, что заставляетъ автора приходиться въ изумленіе предъ нравственными силами преобразователя.

Въ этомъ отношеніи отъ Соловьева довольно рѣзко отличается Костомаровъ; онъ не затушевываетъ недостатковъ Петра его несомнѣнными достоинствами, не обрисовываетъ сравнительно тусклыми

¹⁾ Тамъ же, стр. 106.

²⁾ Исторія Россіи, томъ XVIII, стр. 247.

³⁾ Тамъ же, стр. 250.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 258.

красками темныхъ, отрицательныхъ сторонъ его дѣятельности, не приходитъ въ изумленіе предъ его нравственными силами, а напротивъ очень рельефно оттѣняетъ недостатки преобразователя и темныя стороны его дѣятельности, близко напоминая, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, представителей второй историко-литературной группы; между тѣмъ и рѣзкія, яркія краски, употребляемыя Костомаровымъ для обрисовки недостатковъ Петра, не отнимаютъ у автора возможности отдавать должное преобразователю и, ради его несомнѣнныхъ достоинствъ, прощать Петру всё его крупныя недостатки.

При опредѣленіи значенія дѣятельности преобразователя Костомаровъ также, какъ и Соловьевъ, выходитъ изъ той основной мысли, что Петръ жилъ въ такое время, когда Россіи невозможно было оставаться на прежней избитой дорогѣ и необходимо было вступить на путь обновленія ¹⁾. Какъ человѣкъ, одаренный умственнымъ ясновидѣніемъ, Петръ, по словамъ Костомарова, созналъ эту потребность своего отечества и принялся за ея удовлетвореніе со всею своею гигантскою волей. Безграничное самодержавіе, унаслѣдованное отъ предковъ, помогло ему рѣшиться на ломку и перестройку всего государственнаго и общественнаго зданія. Много новыхъ учрежденій и жизненныхъ приемовъ внесъ преобразователь въ Россію, но, создавая новый политическій строй для Руси, Петръ однако же не могъ вдохнуть въ нее новую душу, не могъ создать новой Руси. Новаго человѣка въ Россіи могло создать только духовное воспитаніе общества, а между тѣмъ какія мѣры употреблялъ Петръ для приведенія въ исполненіе своихъ великихъ преобразованій? Пытки Преображенскаго приказа и тайной канцеляріи, мучительныя смертныя казни, тюрьмы, каторги, кнуты, равніе воздрей, шпіонство, поощреніе наградами за доносы. Понятно, что такія мѣры не могли духовно воспитывать русское общество. Самъ Петръ, по мнѣнію Костомарова, собственно личностью могъ быть образцомъ для преобразуемаго народа только по своему безмѣрному, неутомимому трудолюбію, но никакъ не по нравственнымъ качествамъ своего характера. Онъ не старался удерживать своихъ страстей, не рѣдко приводившихъ его къ бѣшенымъ и кровавымъ поступкамъ, хотя за подобные поступки жестоко казнилъ своихъ подданныхъ, позволялъ себѣ пьянство и лукавство, преслѣдуя ихъ въ своихъ подчиненныхъ. «Много совершено имъ возмутительныхъ дѣлъ, оправдываемыхъ софизмами политической необходимости. До какой степени онъ былъ свирѣпъ и кровожаденъ, показываетъ то, что онъ не побоялся унижить свое царское достоинство, взявши на себя обязанности палача во время дикой казни стрѣльцовъ; во все его царствованіе кровавый царь замученныхъ и казненныхъ въ

¹⁾ Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, 1876 г., вып. 6, стр. 781.

Преображенскомъ приказѣ заражалъ воздухъ Руси, но, какъ видно, не тревожилъ покойнаго сна ея государя»¹⁾).

Обрисовывая нравственныя качества характера Петра, Костомаровъ вспоминаетъ и царевича Алексѣя, замученнаго роднымъ отцомъ, послѣ того, какъ самъ же отецъ выманилъ его изъ безопаснаго убѣжища царскимъ обѣщаніемъ прощенія, и страданія царицы Евдокіи и множество жертвъ, погибшихъ большею частью невинно по дѣлу ея сына, и поступокъ съ малороссійскими старшинами, бывшими жертвою политическихъ цѣлей, и дѣло Монса, обвиненнаго Петромъ совсѣмъ не въ томъ, за что на самомъ дѣлѣ сердился на него государь. Авторъ указываетъ и на то, какую цѣну имѣютъ собственныя оправданія Петра, объяснявшаго свои жестокія казни потребностями правосудія, такъ какъ факты говорятъ, что не для всѣхъ онъ былъ одинаково неумолимъ въ правосудіи...

Но всѣ недостатки въ личности и дѣятельности Петра не мѣшаютъ Костомарову видѣть въ немъ высоко-нравственную черту, заставляющую забывать всѣ его крупныя пороки; любовь къ Россіи, къ русскому народу, не въ смыслѣ массы современныхъ и подвластныхъ Петру русскихъ людей, а въ смыслѣ того идеала, до какаго онъ желалъ довести русскій народъ, и составляла въ немъ, по мнѣнію Костомарова, высокое нравственное качество, побуждающее насъ, помимо нашей собственной воли, любить его личность, оставляя въ сторонѣ и его кровавыя расправы и весь его деморализующій деспотизмъ, отразившійся вреднымъ вліяніемъ на современникахъ и на потомствѣ. «За любовь преобразователя къ идеалу русскаго народа,—заключаетъ Костомаровъ свое жизнеописаніе Петра Великаго,—русскій человекъ будетъ любить Петра до тѣхъ поръ, пока самъ не утратитъ для себя народнаго идеала, и ради этой любви проститъ ему все, что тяжелымъ бременемъ легло на его памяти».

Какъ ни рѣзко, повидимому, впечатлѣніе, получающееся отъ такой характеристики недостатковъ и темныхъ сторонъ въ дѣятельности Петра, какую даетъ авторъ, однако же мы не имѣемъ никакого права обвинять Костомарова въ пристрастномъ отношеніи къ преобразователю и въ невѣрномъ освѣщеніи личности Петра, являющемся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отсутствія безпристрастія. Но, признавая несомнѣннымъ безпристрастное отношеніе Костомарова къ личности преобразователя и исторически вѣрными всѣ черты, приписываемыя имъ Петру, нельзя не замѣтить, что авторъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ своей характеристики нѣсколько болѣе ступаетъ мрачныя краски, чѣмъ то требуется исторической истиной. Такія фразы, какъ приведенное уже нами замѣчаніе Косто-

¹⁾ Тамъ же, стр. 783.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1894 г., т. LVIII.

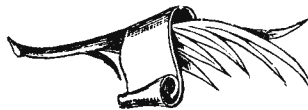
марова, что «во все царствованіе Петра кровавый паръ замученныхъ и казненныхъ въ Преображенскомъ приказѣ заражалъ воздухъ Руси и однако же не тревожилъ покойнаго сна ея государя», безъ сомнѣнія, не могутъ быть признаны отвѣчающими требованіямъ научной исторической правды; но едва ли будетъ несправедливымъ видѣть въ подобныхъ фразахъ не слѣдствіе отсутствія безпристрастнаго отношенія автора къ личности преобразователя, а слѣдствіе простаго увлеченія художника-историка создаваемыми имъ историческими картинами.

Труды Соловьева и Костомарова заканчиваютъ собою работу исторической науки надъ личностью Петра, такъ какъ въ ихъ произведеніяхъ можно найти всѣ выводы, къ какимъ пришла исторія, какъ наука, при характеристикѣ личности преобразователя и опредѣленіи значенія его дѣятельности въ общемъ ходѣ русской исторической жизни. Правда, въ исторической литературѣ существуетъ еще обширная монографія о Петрѣ¹⁾, написанная Брикнеромъ уже послѣ трудовъ Соловьева и Костомарова, но самъ авторъ замѣчаетъ, что результаты его труда совпадаютъ съ воззрѣніями на тотъ же предметъ историка Соловьева²⁾ и слѣдовательно не представляютъ собою ничего своеобразнаго, оригинальнаго.

По его мнѣнію, Петръ не создалъ новаго направленія въ историческомъ развитіи Россіи: оно началось еще до него, но, благодаря уму и силѣ воли Петра, Россія особенно быстро подвинулась впередъ въ указанномъ уже ей прежде направленіи и получила возможность осуществить на практикѣ то, что до него существовало еще только въ формѣ плановъ и проектовъ, въ сознаніи лучшей передовой части русскаго общества.

Глубокое пониманіе необходимости осуществленія на практикѣ плановъ и проектовъ лучшихъ передовыхъ людей своего времени и рѣдкая замѣчательная энергія въ выполненіи такого труднаго дѣла и доставили Петру одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской исторіи, не смотря на всѣ его крупные и довольно многочисленные недостатки.

О. Благовидовъ.

¹⁾ Брикнеръ. Исторія Петра Великаго.

²⁾ Тамъ же, томъ II, стр. 686.

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ ВЪ 1842 ГОДУ.

(По разсказамъ и запискамъ очевидца).

ВЪ АПРѢЛЬСКОЙ книгѣ «Русскаго Архива» за 1891 годъ была напечатана мною статья «Зимній походъ въ Хиву (Перовскаго) въ 1839 г.»¹⁾. Получивъ въ настоящее время въ свое распоряженіе очень интересныя и цѣнныя записки недавно умершаго подполковника Г. Н. Зеленина, между прочимъ, и объ участіи его въ бывшемъ въ 1842 году посольствѣ въ Хиву, я нахожу возможнымъ подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» имѣющимися у меня новыми свѣдѣніями въ предлагаемой статьѣ, обрисовывающей наши первыя попытки сближенія съ Хивою, а равно и внутренніе распоряжки этого ханства, существовавшіе тамъ полвѣка назадъ. Ни въ официальномъ описаніи путешествія и занятій этой «миссіи», какъ названо было это посольство на дипломатическомъ языкѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, — описаніи, составленномъ коллежскимъ регистраторомъ Григорьевымъ, ни въ появившейся впоследствии, въ одномъ изъ специальныхъ военныхъ журналовъ, краткой статьѣ объ этомъ посольствѣ нѣтъ тѣхъ чрезвычайно интересныхъ и характерныхъ подробностей, которыя мнѣ довелось встрѣтить какъ въ самыхъ запискахъ покойнаго Зеленина, такъ равно и въ устныхъ разсказахъ, слышанныхъ отъ него лично, во время моего проживанія въ 1889 и 1890 гг. въ Оренбургѣ.

¹⁾ Изъ этой статьи взято мною нѣсколько строкъ о капитанѣ Никифоровѣ и о смерти полковника Данилевскаго въ настоящую статью.

I.

Миссія въ Хиву капитана Никифорова и его біографія.—Неудача этой миссіи.—Смерть Никифорова.—Отправка изъ Хивы сановника Набіева и его поѣздка въ Петербургъ.—Отказъ Набіева вступить въ переговоры.—Состоявшееся въ Петербургѣ рѣшеніе—отправить новое посольство въ Хиву.

Несчастный походъ въ Хиву въ 1717 году князя Бековича-Черкаскаго, погибшаго со всѣмъ своимъ отрядомъ, и почти столь же несчастная участь отряда генераль-адъютанта В. А. Перовскаго въ 1839 году сдѣлали Хиву какъ бы заколдованною и недоступною для русскаго оружія. Въ правящихъ сферахъ Петербурга явилось убѣжденіе, что взять Хиву военною силою очень трудно и почти невозможно, именно вслѣдствіе ея отдаленности, а главное, безводности окружающихъ ее песчаныхъ пустынь... Рѣшено было, перейти на мирную почву и начать съ этимъ ханствомъ дипломатическія сношенія, отправивъ въ Хиву уполномоченное и довѣренное лицо для личныхъ переговоровъ съ самимъ ханомъ Алла-Куломъ. Выборъ палъ на капитана генеральнаго штаба Никифорова, недавняго участника неудачнаго похода въ Хиву. Объ этомъ офицерѣ будетъ нелишне сказать предварительно нѣсколько словъ.

Капитанъ П. А. Никифоровъ находился за все время зимняго похода въ Хиву лично при генералѣ Перовскомъ, былъ его правою рукою и *de facto* начальникомъ штаба. Незадолго до прибытія въ Оренбургъ Перовскаго (въ 1833 году) Никифоровъ былъ переведенъ изъ поручиковъ гвардейскихъ саперовъ въ одинъ изъ оренбургскихъ баталіоновъ, съ тѣмъ же чиномъ. Вскорѣ узнали, что у Никифорова въ Петербургѣ была «исторія»: онъ получилъ оскорбленіе въ компаніи гвардейской молодежи, но не вызвалъ оскорбителя на дуэль и не дрался, не желая, какъ говорили, компрометировать честь женщины, послужившей поводомъ къ ссорѣ; затѣмъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи еще какой-то неловкій шагъ, и его въ концѣ концовъ перевели изъ гвардіи въ линейный баталіонъ. По прибытіи Никифорова въ Оренбургъ, въ немъ принялъ горячее участіе начальникъ штаба оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, баронъ Рокасовскій, знавшій молодого офицера еще въ Петербургѣ. По прибытіи же въ Оренбургъ генерала Перовскаго, начальникъ штаба рекомендовалъ Никифорова, какъ очень образованнаго, способнаго и трудолюбиваго офицера, а главное, какъ очень полезнаго и хорошо ознакомившагося съ краемъ. Не прошло и года со времени перваго представленія опальнаго поручика генералу Перовскому, какъ онъ уже пользовался неограниченнымъ довѣріемъ своего корпуснаго командира и имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе. Еще годъ — и поручикъ Никифоровъ былъ, по представленію

генерала Перовскаго, прикомандированъ къ генеральному штабу, а вскорѣ и совсѣмъ зачисленъ въ него, не будучи никогда въ военной академіи. Въ 1839 году онъ былъ уже штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, имѣлъ нѣсколько отличій и состоялъ при Перовскомъ «для особыхъ порученій», не имѣя никакихъ опредѣленныхъ служебныхъ занятій, но распоряжаясь при этомъ рѣшительно всѣмъ, хотя и отъ имени своего патрона и начальника. Главное, чѣмъ дорожилъ генералъ Перовскій въ Никифоровѣ, это былъ его слогъ: онъ такъ хорошо владѣлъ перомъ, что никто, кромѣ него, не могъ въ этомъ отношеніи угодить молодому и немножко капризному начальнику; перу же Никифорова принадлежали и всѣ представленія въ Петербургъ о необходимости похода на Хиву. За этотъ походъ Никифоровъ былъ произведенъ (въ 1840 г.) въ капитаны и получилъ Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ. Наружность у Никифорова была такъ же очень замѣчательная и характерная: онъ былъ небольшого роста, широкоплечій и чрезвычайно подвижной; при этомъ онъ такъ быстро выражалъ свои мысли, то-есть, такъ скоро говорилъ, что на первыхъ порахъ весьма лишь немногіе могли понимать его рѣчь. Главное же, что поражало всѣхъ въ наружности Никифорова,—были «его огненные глаза, которые такъ и сыпали искрами», по картинному выраженію Зеленина въ его «Запискахъ»; многіе военные того времени, хорошо знавшіе по Петербургу поэта Лермонтова, находили, что «огненные глаза» Никифорова были совершенно схожи съ его глазами. Вотъ этотъ-то человѣкъ и былъ посланъ въ Хиву, къ гордому хану Алла-Кулу, въ качествѣ особо-уполномоченнаго лица для переговоровъ.

Съ капитаномъ Никифоровымъ было послано въ Хиву очень ограниченное количество спутниковъ: съ нимъ отправились двое топографовъ унтеръ-офицерскаго званія, Петровъ и Челпановъ, для съемокъ, если удастся ихъ сдѣлать въ тайнѣ отъ хивинцевъ, караванъ-баша и 12 человѣкъ уральскихъ казаковъ при урядникѣ. Эта импровизованная «миссія» отправилась изъ Оренбурга въ Хиву въ августѣ мѣсяцѣ 1841 года. Къ сожалѣнію, не осталось почти никакихъ письменныхъ слѣдовъ о томъ, какъ добрались эти люди до Хивы и что тамъ сдѣлали... Дѣло въ томъ, что, окончивъ свою миссію и благополучно вернувшись въ Оренбургъ, Никифоровъ приступилъ было къ составленію отчета, но, по распоряженію военнаго министра, былъ вызванъ въ Петербургъ лично; по дорогѣ туда онъ заѣхалъ къ своей старушкѣ-матери, въ ея имѣніе близъ Сызрани, и тутъ неожиданно умеръ отъ разрыва сердца. Послѣ его смерти изъ Оренбурга распорядились, конечно, сейчасъ же забрать всѣ его бумаги и переписку, но въ нихъ не оказалось ничего толковаго и яснаго, такъ какъ ни по дорогѣ въ Хиву, ни на обратномъ пути Никифоровъ изъ опасенія, чтобы его бумаги не

попали въ руки къ хивинцамъ, не вель ни дневника, ни какихъ либо другихъ систематическихъ путевыхъ записокъ; у него оказались лишь отрывочныя замѣтки, писанныя карандашомъ, на клочкахъ бумаги и, вдобавокъ, ни для кого не понятнымъ шрифтомъ, такъ что не довелось воспользоваться и этими отрывочными свѣдѣніями. Только отъ спутниковъ Никифорова, топографовъ Петрова и Челпанова, удалось узнать, что наша миссія не имѣла въ Хивѣ никакого успѣха, отчасти вслѣдствіе дерзкаго обхожденія Никифорова съ министрами хана, къ которымъ онъ въ первое же съ ними свиданіе держалъ черезъ переводчика такую рѣчь:

«Вы должны прилипнуть къ Россіи, какъ рубашка къ тѣлу, потому что Россія такая большая держава, что если упадетъ на васъ, то раздавить совершенно такъ же, какъ моя обувь давитъ малыхъ козявокъ на дорогѣ» и т. д. въ томъ же родѣ.

Такое краснорѣчіе не могло, конечно, особенно понравиться министрамъ Хивы, тѣмъ болѣе, что они находились еще въ чаду славы отъ неудавшагося зимняго похода Перовскаго; поэтому министры, хотя и приняли предложенные имъ подарки и вели не мало разговоровъ съ Никифоровымъ, но ни въ какія письменныя обязательства не пожелали вступить, и онъ вынужденъ былъ уѣхать изъ Хивы почти ни съ чѣмъ. Единственнымъ, впрочемъ, результатомъ этой миссіи было отправленіе къ намъ изъ Хивы, вмѣстѣ съ Никифоровымъ, особаго посольства подъ начальствомъ сановника Вансвая Набіева со свитою въ 16 человекъ.

О прибытіи этого посольства въ Оренбургъ было донесено министру иностранныхъ дѣлъ, графу Нессельроде; на это послѣдовало высочайшее повелѣніе — отправить посла съ его свитою въ Петербургъ, для чего и было ассигновано на путевыя издержки двѣ тысячи рублей.

10-го марта посолъ Набіевъ прибылъ въ Петербургъ и вскорѣ былъ представленъ ко двору. Императоръ Николай принялъ посла довольно милостиво и обласкалъ его. Почти два мѣсяца пробыло это посольство въ Петербургѣ, дивясь на невиданныя имъ дотошъ зданія, корабли и многія другія чудеса русской столицы. Вступить же съ посломъ въ какіе либо серьезные переговоры оказалось невозможнымъ, такъ какъ онъ ссылаясь на то, что, безъ предварительнаго доклада сути переговоровъ своему повелителю, хивинскому хану, онъ не можетъ согласиться ни на что; посылать же проектъ договора въ Хиву и ждать оттуда отвѣта было при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфа немисливо; поэтому посольство это отправилось 9-го мая обратно въ Оренбургъ (и Хиву), одаренное различными подарками—часами, тонкимъ сукномъ, дорогимъ бархатомъ и атласомъ, и проч.

Такъ какъ посолъ Набіевъ заявилъ все-таки, что Хива была бы не прочь заключить желаемый Россіею формальный договоръ, то

въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и рѣшено было снарядить въ Хиву особое посольство съ подробными полномочіями на предметъ заключенія съ хивинскими правителями торговаго и мирнаго трактата. Посольство это положено было отправить въ Хиву вмѣстѣ съ возвращавшимся туда посломъ Набіевымъ, для чего и велѣно было удержать послѣдняго въ Оренбургѣ нѣкоторое время, впредь до окончательнаго снаряженія нашего посольства.

Въ то время оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и завѣдывающимъ гражданскою частью былъ генераль Обручевъ, человекъ честный и доступный, но крайне медлительный; ему потребовалось почти три мѣсяца на снаряженіе назначеннаго посольства.

II.

Составъ новаго посольства въ Хиву и его снаряженіе.—Полковникъ Данилевскій.—Инструкція, данная посольству.—Подарки.—Выступленіе посольства изъ Оренбурга.—Первая аудіенція у хана Алла-Кула.—Исторія съ каретой.—Посѣщеніе министровъ и сдѣланные имъ подарки.—Второй пріемъ у хана.—Умышленное затягиваніе переговоровъ.—Смерть Алла-Кула и воцареніе новаго хана.

Во главѣ нашего посольства въ Хиву былъ поставленъ, по рекомендаціи генерала В. А. Перовскаго, полковникъ Данилевскій, человекъ вполне достойный своего высокаго назначенія и того довѣрія, которое было оказываемо ему въ данномъ случаѣ. Въ бывшемъ зимнемъ походѣ въ Хиву онъ былъ командиромъ авангарднаго отряда генерала Перовскаго и былъ однимъ изъ немногихъ начальствующихъ лицъ, не потерявшихъ энергіи, мужества и распорядительности въ этомъ трагическомъ походѣ; по окончаніи его подполковникъ Данилевскій былъ произведенъ въ полковники и получилъ Владиміра 4-й степени съ мечами.

Кромѣ полковника Данилевскаго, въ составъ посольства вошли слѣдующія лица: два офицера корпуса военныхъ топографовъ, братья Зеленины, произведенные въ офицеры за хивинскій походъ, въ которомъ они участвовали, «натуралистъ» Базинеръ, письмоводитель (онъ же и личный секретарь Данилевскаго), коллежскій регистраторъ Григорьевъ, взятый изъ «пограничной комиссіи», переводчикъ, караванъ-баша и 20 казаковъ подъ начальствомъ хорунжаго Кипиченкова. Кромѣ того, изъ Оренбурга было взято пять человекъ киргизовъ испытанной вѣрности и ловкости, хорошо знавшихъ степь и не разъ уже побывавшихъ въ Хивѣ. При посольствѣ было 40 верблюдовъ и 35 лошадей, изъ коихъ 28 были подъ казаками и чиновниками, 5 у киргизовъ, а 2 лошади были выѣздныя—подъ карету-ландо, которую везли въ подарокъ хану. Къ этому каравану полковника Данилевскаго присоединился въ Оренбургѣ приказчикъ купца Пичугина, Бочаровъ, бывавшій ранѣе въ Хивѣ съ

товарами же и порядочно говорившій похивински. Этотъ смѣлый русскій человѣкъ и теперь ѣхалъ въ Хиву съ нѣсколькими верблюдами, нагруженными различными товарами, принадлежащими его хозяину.

Посольству полковника Данилевскаго было ассигновано на расходы 5 тысячъ червонцевъ; въ томъ числѣ: 700 на подарки и 989 на экстраординарные расходы, то-есть, на взятки хивинскимъ министрамъ и чиновникамъ; остальные 3.311 червонцевъ назначались, слѣдовательно, на всѣ путевые и прочіе расходы посольства. Кромѣ денегъ, полковнику Данилевскому были вручены также многіе подарки: для самого хана—вышеупомянутая карета-ландо съ откиднымъ верхомъ, пара прекрасныхъ упряжныхъ англійскихъ лошадей съ серебряною вызолоченою сбруей, дорогіе бронзовые подсвѣчники для тумбъ (бра), особаго устройства часы ¹⁾, органъ, два куска ліонскаго бархата и два же куска атласа. Для министровъ и другихъ важныхъ чиновниковъ Хивы было взято нѣсколько золотыхъ часовъ, сукно, бархатъ и атласъ и нѣсколько десятковъ головъ сахара—подарка, особенно цѣнимаго и любимаго хивинцами.

Отправляя полковника Данилевскаго въ Хиву, наше правительство поручило ему укрѣпить, прежде всего, наше нравственное вліяніе на хивинцевъ и въ то же время ослабить вліяніе Хивы на нашу Киргизскую степь; затѣмъ, на Данилевскаго возлагалась обязанность передѣлать и точнѣе опредѣлить нашу южную границу съ Хивою (по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ), а также по сѣверному берегу Арала и сѣверному же склону Усть-Урта. Кромѣ того, въ въ гласной инструкціи, данной полковнику Данилевскому, предлагалось выхлопотать у хана Алла-Кула право держать въ Хивѣ постоянного русскаго агента, а также добиться у хивинцевъ освобожденія изъ плѣна персидскихъ невольниковъ, число которыхъ доходило въ то время до 1.500 человѣкъ, и составить, главное, формальный торговый договоръ съ Хивою, ограждающій наши купеческіе караваны отъ нападеній туркменовъ и предоставляющій русскимъ купцамъ право свободно торговать по всей Хивѣ. На Данилевскаго было возложено въ то же время и еще одно порученіе секретное, выраженное ему словесно въ самый день выѣзда его изъ Оренбурга: ему поручено было сдѣлать военно-топографиче-

¹⁾ Часы эти были столовые, прекрасной шварцвальдской работы, подъ стекломъ. Во все время хода, въ тактъ маятника, качались находившіяся надъ часами двѣ маленькія птички, а во время боя выскакивала изъ верхней форточки обыкновенная кукушка. Ханъ былъ, говорятъ, сильно удивленъ замысловатымъ механизмомъ часовъ, и, убѣжденный, что это выскакиваетъ «шайтанъ», велѣлъ «спрятать подальше» этотъ подозрительный русскій подарокъ. Вторые такіе же часы, но уже безъ колпака, который въ дорогѣ разбился, были привезены для наслѣдника хивинскаго престола, но не могли, пока, быть переданы по назначенію, такъ какъ наслѣдникъ этотъ проживалъ въ Хазараспѣ, въ 90 верстахъ отъ Хивы.

скую съемку не только того пути въ Хиву, по которому онъ пойдетъ, но въ возможной мѣрѣ и самой Хивы и окружающихъ ее городовъ и оазисовъ; для этого въ свиту Данилевскаго и были даны топографы, два брата Зеленины, офицеры испытанной опытности и смѣтливости.

Только 1-го августа 1842 года посольство это, сопутствуемое возвращавшимся въ Хиву сановникомъ хана Набіевымъ и его свитою, выступило наконецъ изъ Оренбурга... Дорогою шли безъ дневокъ и продолжительныхъ роздыховъ, и въ половинѣ сентября безъ всякихъ особыхъ приключеній добрались до Хивы; шли на Эмбу, Усть-Уртъ и вдоль западнаго берега Аральскаго моря. Въ предѣлы ханства вступили послѣ сорока-трехъ-дневнаго безостановочнаго похода и были встрѣчены на самой границѣ охраннымъ конвоемъ, высланнымъ изъ Хивы; 19-го же октября посольство съ своимъ караваномъ прошло чрезъ самый городъ Хиву и остановилось въ небольшомъ ханскомъ «дворцѣ», выстроенномъ въ саду на окраинѣ города и состоящемъ всего изъ нѣсколькихъ неважныхъ комнатъ; садъ былъ обнесенъ довольно высокою каменною стѣною.

Гордый хивинскій ханъ Алла-Куль принялъ полковника Данилевскаго не сразу: подъ разными благовидными предлогами онъ оттягивалъ аудиенцію... Наконецъ, 30-го октября, нашъ посолъ въ сопровожденіи переводчика и побывавшаго въ Петербургѣ сановника Набіева былъ принятъ ханомъ. Мехтеръ (главный министръ, онъ же и военный) представлялъ хану членовъ посольства по старшинству, называя ихъ чины и фамиліи. Пріемъ нашему послу былъ оказанъ гордый и холодный: ханъ, хотя и пригласилъ полковника Данилевскаго сѣсть, но даже не взглянулъ на преподнесенные ему подарки и не пожелалъ подойти къ окну, чтобы увидѣть стоявшую у подъязда карету ¹⁾, запряженную прекрасными

¹⁾ Съ этой каретой-ландо вышло маленькое недоразумѣніе. Полковникъ Данилевскій, огорченный холоднымъ пріемомъ хана, забылъ приказать своему конюху, доставившему карету къ ханскому дворцу, чтобы онъ объяснилъ и показалъ бы «шталмейстеру» хана, какъ снимается и откидывается верхъ кареты; въ закрытый же со всѣхъ сторонъ экипажъ ни ханъ, ни его жены не рѣшались сѣсть... Въ карету сѣли лишь дѣти хана и катались по двору; но экипажъ при этомъ едва едва двигался по слѣдующей смѣшной причинѣ: когда въ день представленія посольства карету привезли на ханскій дворъ и остановили у крыльца, то нашъ конюхъ изъ опасенія, что лошади не будутъ спокойно стоять, взялъ да и затормозилъ колесо, а потомъ, когда сѣлъ въ карету и пошелъ домой, не снялъ тормоза и ничего не сказалъ объ этомъ хивинцамъ, а они сами не догадались этого сдѣлать... Чтобы карета шла легче и быстрѣе, хивинскіе конюхи запрягали въ нее уже свои хъ лошадей—по десяти и болѣе штукъ, но карета, тѣмъ не менѣе, не двигалась все-таки скорѣе... Послѣ уже, когда хивинцу, кучеру хана, объяснили значеніе тормоза и показали, какъ надо откидывать верхъ, ханъ сѣлъ въ открытый, такимъ образомъ, экипажъ и торжественно проѣхалъ въ немъ по городу, при чемъ все населеніе Хивы высыпало на улицы смотрѣть на невиданный кортежъ. И. З.

английскими лошадьми въ блестящей сбруѣ. Черезъ переводчика ханъ сказалъ лишь Данилевскому, что онъ «соглашается» вести переговоры, но не сейчасъ, а «подумаетъ»... что онъ пришлетъ къ полковнику Данилевскому своихъ уполномоченныхъ и дастъ знать ему также о времени, когда можетъ принять его вторично.

Нѣсколько дней спустя, къ полковнику Данилевскому явились дѣйствительно хивинскіе министры, въ количествѣ восьми человекъ; пріѣхали они къ Данилевскому, какъ сами заявили, «въ гости», а не по дѣламъ; это означало: преподнеси «гостямъ» подарки... Они ѣхали верхами, имѣя каждый позади себя на той же лошади углана, мальчика лѣтъ 10—12-ти; министръ входилъ въ домъ, а мальчикъ соскакивалъ съ лошади, привязывалъ ее и затѣмъ, подавалъ своему господину кальянъ и вообще прислуживалъ ему. Усѣлись всѣ на полу на коврахъ и подушкахъ, и началось угощеніе: подали прежде всего чай, налитый въ стаканы, привезенные Данилевскимъ съ собою и незнакомые вовсе хивинцамъ, которые поэтому и не знали, какъ пить изъ нихъ, и лишь жгли себѣ руки... Данилевскій, впрочемъ, нашелся: онъ взялъ свой стаканъ и налилъ изъ него чай въ блюдо; глядя на него, то же самое сдѣлали и господа министры ¹⁾.

По окончаніи чая, поданы были фрукты и сласти; затѣмъ каждому изъ министровъ даны были подарки — по дорогому шелковому халату, по куску сукна, по кинжалу въ серебряной оправѣ кавказской работы, по фунту чая и по небольшой, фунтовъ въ десять, головѣ сахара. Подарки дѣлались не вдругъ, а съ антрактами, во время чаепитія и угощенія лакомствами. Послѣдній подарокъ, то-есть сахаръ, понравился, очевидно, болѣе всего: ко всѣмъ первымъ подаркамъ министры относились съ обычною флегмою восточныхъ человекъ; но какъ только поставили около каждого изъ нихъ по головѣ сахара, то они зацелкали языками въ знакъ особаго удовольствія и поднялись съ мѣста, что значило: мы получили, чего ожидали, и вполне довольны на этотъ разъ... Сахаръ въ то время былъ въ Хивѣ большою рѣдкостью и продавался едва ли не на вѣсъ серебра; къ тому же изъ всѣхъ подарковъ, сдѣланныхъ гостямъ, это былъ единственный, который они могли преподнести своимъ женамъ въ гаремахъ.

Спустя нѣсколько дней, полковникъ Данилевскій, въ сопро-

¹⁾ Въ послѣдующіе пріѣзды въ наше посольство министровъ, стаканы были замѣняемы для нихъ обыкновенными чайными чашками, которыя нашлись въ продажѣ у торговца Бочарова, имѣвшаго рѣшительно все, что требовалось азіатамъ—ситцы, трубки, чай и сахаръ, бусы, ножи, и проч. Мальчикамъ, сопровождавшимъ министровъ, чай подавался сначала въ фаянсовыхъ же чашкахъ; но такъ какъ они по окончаніи чая прятали каждый разъ эти чашки за пазуху, то имъ стали подавать чай въ простыхъ глиняныхъ чашкахъ мѣстнаго издѣлія, продававшихся на базарѣ въ Хивѣ. И. З.

вожденіи переводчика, обоихъ братьевъ Зелениныхъ, хорунжаго Киличенкова и натуралиста Базинера, отдалъ визитъ хивинскимъ министрамъ и принялъ ихъ угощеніе; впрочемъ, угощеніе это было очень скромное: чай, который подавался безъ сахара, и сушеные фрукты... сахару же дали въ самомъ концѣ, по нѣскольکو кусковъ каждому гостю.

10-го ноября ханъ принялъ полковника Данилевскаго вторично и уже болѣе ласково; но, ссылаясь на свою болѣзнь, сказалъ, что разговаривать о дѣлахъ онъ пока не находитъ возможнымъ и поручаетъ это своимъ министрамъ, подъ предсѣдательствомъ мехтера. Вслѣдствіе этого гг. министры стали навѣщать полковника Данилевскаго все чаще и чаще, и каждый разъ ихъ надо было надѣлать подарками, а между тѣмъ о дѣлѣ они говорили мало и неохотно... Данилевскій сталъ тревожиться прежде всего за то, хватить ли у него подарковъ для министровъ хана, если они станутъ умышленно затягивать и откладывать переговоры. Эти опасенія онъ высказалъ сопровождавшимъ его лицамъ, и на общемъ совѣтѣ рѣшено было приступить въ первое же свиданіе съ министрами хана къ письменному составленію проекта договора Россіи съ Хивою. Между тѣмъ, министры прекратили свои посѣщенія, что еще болѣе встревожило наше посольство... Вдругъ, 23-го ноября, по городу Хивѣ распространился слухъ, что ханъ Алла-Куль умеръ (нѣскольکو дней назадъ), и что въ Хивѣ царствуетъ уже другой ханъ...

Воцареніе это совершилось тайно по слѣдующимъ причинамъ. Какъ только ханъ Алла-Куль испустилъ духъ, то главный министръ, мехтеръ, распорядился тотчасъ же послать гонца въ Хазараспъ, къ старшему сыну хана, наслѣднику престола, чтобы онъ немедленно прибылъ въ столицу Хивы, для вступленія на престоль; самую же смерть хана мехтеръ сохранялъ пока въ глубокой тайнѣ, о которой знало во дворцѣ лишь нѣскольکو человекъ; остальные же считали хана тяжело больнымъ, но еще не умершимъ. Мехтеръ опасался, чтобы дяди наслѣдника, родные братья умершаго хана, узнавъ о его смерти, не вздумали до прибытія законнаго наслѣдника захватить престоль въ свои руки и не начали бы изъ-за этого рѣзни, что не разъ бывало уже въ Хивѣ ранѣе, когда нѣскольکو претендентовъ начинали оспаривать другъ у друга право на вакантный хивинскій престоль. На этотъ разъ удалось предотвратить распри: наслѣднаго принца привезли въ Хиву ночью, воцарили и только на другой день, утромъ, объявили народу о смерти бывшаго хана и о воцареніи новаго. Но и послѣ этого въ теченіе цѣлаго мѣсяца стража въ двѣсти человекъ отборныхъ туркменъ-юмудовъ охраняла ворота въ крѣпость, гдѣ находился дворецъ хана; воротъ этихъ было двое, и караулъ раздѣлялся на двѣ половины.

III.

Ухудшеніе дѣлъ посольства и злодѣйскій умыселъ хивинцевъ. — Сергѣй-ага. — Рѣшимость посольства защищаться до послѣдняго человѣка. — Находчивость и мужество полковника Данилевскаго и спасеніе посольства. — Окончаніе переговоровъ и подписаніе мирнаго трактата.

При новомъ ханѣ дѣла русскаго посольства пошли еще хуже. Начать съ того, что новый ханъ долго подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами отказывался принять полковника Данилевскаго; наконецъ, когда принялъ, то не пригласилъ сѣсть и вообще держалъ себя во время аудіенціи еще болѣе холодно и гордо, чѣмъ его предшественникъ. Однако всѣ преподнесенные ему подарки принялъ ¹⁾).

Съ тѣхъ поръ члены русскаго посольства стали замѣчать, что отношенія къ нимъ хивинцевъ круто измѣнились къ худшему: всѣ и вездѣ, начиная отъ встрѣчавшихся иногда министровъ и оканчивая торговцами на базарѣ, стали поглядывать на русскихъ враждебно и косо, а иногда и прямо заирать ихъ, явно вызывая на ссору... Отношенія, такимъ образомъ, обострялись все болѣе и болѣе, и положеніе посольства становилось тяжелымъ и, видимо, опаснымъ: чтó могли подблать эти несчастные тридцать человѣкъ русскихъ людей, находящіеся за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своей родины, отдѣленные отъ нея едва проходимыми сыпучими песками и окруженные десятками тысячъ дикаго и крайне враждебнаго имъ племени?!...

Но Провидѣнію не угодно было допустить гибель горсти этихъ отважныхъ русскихъ людей, и они были спасены.

Однажды, вечеромъ, къ занимаемому посольствомъ «дворцу» подѣхалъ верхомъ, безъ мальчика, «министръ артиллеріи» хивинской, Сергѣй-ага, котораго Данилевскій видѣлъ въ ханскомъ дворцѣ во время пріема, и о которомъ говорили, что онъ будто служилъ ранѣе въ нашемъ войскѣ. Оставивъ лошадь казаку, онъ вошелъ въ помѣщеніе, занимаемое Данилевскимъ, и пожелалъ ему «здравія» на чистомъ русскомъ языкѣ... Затѣмъ, оставшись съ Данилевскимъ съ глазу на глазъ, онъ сообщилъ подъ большимъ секретомъ, что какъ самому Данилевскому, такъ и всему его посольству, до послѣдняго человѣка, предстоитъ въ самомъ скоромъ времени участь отряда князя Бековича-Черкаскаго; что въ засѣданіи «военнаго совѣта», подъ предсѣдательствомъ самого хана,

¹⁾ Между этими подарками были и шварцвальдскіе столовые часы съ тѣмъ же самымъ затѣйливымъ механизмомъ, съ двумя птичками и кукушкой, которые были преподнесены умершему хану (только безъ стекляннаго, разбитаго уже, колпака). И. З.

рѣшено истребить посольство; что противъ этого рѣшенія были только два голоса: его, Сергѣя-аги, и мехтера, военного министра, и что только поэтому приведеніе замысла въ исполненіе отложено на нѣкоторое время, впредь до новаго засѣданія по этому дѣлу... Ни способовъ спасенія, ни совѣтовъ Сергѣй-ага не указалъ и не далъ Данилевскому, да и не могъ дать безъ риска собственной жизни; онъ лишь торопился уѣхать отъ Данилевскаго какъ можно скорѣе и не замѣченнымъ... Уходя, онъ сообщилъ о томъ, что онъ дѣйствительно русскій, служилъ на Кавказѣ въ артиллеріи фейерверкеромъ, убилъ, не стерпѣвъ обиды, батарейнаго командира и успѣлъ убѣжать въ горы, къ черкесамъ; оттуда, опасаясь, что его все-таки возьмутъ когда нибудь, ушелъ въ Персію, а затѣмъ въ Хиву ¹⁾.

Получивъ отъ Сергѣя-аги такое важное сообщеніе и имѣя многія основанія ему вѣрить, полковникъ Данилевскій тотчасъ же пригласилъ всѣхъ своихъ спутниковъ на совѣтъ. Рѣшено было, прежде всего, изготovitъся къ возможной оборонѣ и защищаться до послѣдней капли крови, отнюдь не отдаваясь въ плѣнъ, такъ какъ всѣ хорошо знали, что, взявъ кого нибудь живьемъ, хивинцы все равно потомъ убьютъ плѣннаго, подвергнувъ его предварительно самымъ жесточайшимъ мученіямъ, которыя только они способны будутъ придумать. Изъ членовъ посольства не доставало лишь одного офицера-топографа Зеленина 1-го, который, переодевшись въ простое платье, уѣхалъ съ торговцемъ Бочаровымъ за Хиву, къ оазисамъ, для выполненія секретнѣйшаго и крайне рискованнаго порученія, возложеннаго на него Данилевскимъ, именно

¹⁾ Впослѣдствіи члены посольства узнали о своемъ спасителѣ слѣдующія свѣдѣнія. Явившись въ 1830 году въ Хиву, Сергѣй-ага исправилъ хивинцамъ всѣ орудія Бековича-Черкаскаго, устроилъ къ нимъ новые лафеты и передки, отлилъ ядра и, пользуясь полученнымъ отъ англичанъ порохомъ, имѣлъ огромный успѣхъ и рѣшающее значеніе въ недавней войнѣ Хивы съ Бухарою, за что и вошелъ въ особую милость къ бывшему хану Алла-Кулу, назначившему его «министромъ артиллеріи», то-есть командиромъ той маленькой батареи, которую онъ сформировалъ изъ лежавшихъ безъ употребленія болѣе ста лѣтъ пушекъ, захваченныхъ отъ ивѣннически истребленнаго отряда Черкаскаго. Сергѣй-ага женился въ Хивѣ сначала на плѣнной русской дѣвушкѣ, взятой киргизами подъ Оренбургомъ; а потомъ, когда она умерла, то ханъ въ знакъ особаго своего благоволенія далъ ему въ жены кровную хивинку хорошей фамиліи; это была еще не выданная честь въ Хивѣ, такъ какъ всѣмъ плѣннымъ, невольникамъ и вообще нехивинцамъ давали обыкновенно въ жены плѣнныхъ персіянокъ или русскихъ, покупаемыхъ отъ оренбургскихъ киргизовъ. Въ Хивѣ Сергѣй-ага жилъ хорошо: онъ самъ устроилъ себѣ въ городѣ русскую избу (только не изъ бревенъ, а изъ камня) съ лавками, палатами и русскою печью; въ углу у него висѣли иконы, привезенныя ему изъ Оренбурга, по его приказу, бухарскими купцами; онъ даже самъ водку гналъ изъ винограда... Этою водкой и русскими же пирогами съ начинкой онъ не разъ потомъ, заѣзжая въ посольство, потчевалъ «господъ офицеровъ», а также и конвойныхъ казаковъ.

для топографическихъ съемокъ путей и мѣстностей, окружающихъ городъ Хиву, а также и другихъ меньшихъ городовъ ханства; за Зеленинымъ тотчасъ же былъ посланъ нарочный киргизъ изъ числа бывшихъ при посольствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, полковникъ Данилевскій рѣшилъ обратиться прямо къ мехтеру, какъ къ главному «министру» Хивы и человеку, на сочувствіе котораго, по разсказу Сергѣя-аги, можно было рассчитывать, не показывая ему, однако, и виду, что посольство уже предупреждено объ опасности.

На другой же день послѣ посѣщенія Сергѣя-аги, рано утромъ, Данилевскій, взявъ съ собою лишь одного казака, отправился въ домъ мехтера, который тотчасъ же принялъ его. Послѣ первыхъ же привѣтствій Данилевскій спросилъ министра: слѣдуетъ ли посольству вести переговоры далѣе и ожидать ихъ окончанія и подписанія формальнаго договора, или же, въ виду явныхъ въ послѣднее время уклоненій правительства Хивы отъ веденія этихъ переговоровъ, считать ихъ неудавшимися и законченными, и въ такомъ случаѣ посольство выступить изъ Хивы на слѣдующій же день.

Мехтеръ, по обычаю восточныхъ дипломатовъ, отвѣчалъ (черезъ переводчика, конечно) уклончиво и неопредѣленно, ссылаясь на неопытность молодого хана, на разногласія, возникшія въ средѣ его новыхъ совѣтниковъ по поводу договора съ русскими, и проч., затѣмъ, предложивъ Данилевскому чай, распорядился въ то же время послать за другими министрами. Онъ еще разъ повторилъ ханскимъ министрамъ то, что высказалъ мехтеру, и въ заключеніе прибавилъ:

— Когда мы шли къ вамъ, то умершій ханъ Алла-Куль выслалъ на границу Хивы, для нашей встрѣчи и охраны, особый конвой; теперь же, когда мы будемъ возвращаться назадъ, я попрошу васъ передать хану мое почтительное заявленіе, что никакая охрана намъ не нужна: объявляю вамъ, именемъ великаго Бѣлаго царя, что если ктонибудь въ Хивѣ позволитъ себѣ не только напасть на насъ, но даже просто оскорбить, то отъ всего вашего ханства не останется камня на камнѣ. Помните, что русскіе въ гостяхъ у васъ въ четвертый уже разъ¹⁾ и дорогу къ вамъ знаютъ, и что если они придутъ съ оружіемъ, то вамъ уже не удастся обмануть ихъ такъ, какъ сдѣлали это ваши дѣды съ княземъ Черкасскимъ...

Одной этой мужественной рѣчи было вполне достаточно, чтобы ханскіе министры заговорили совсѣмъ другимъ тономъ... Они стали увѣрять Данилевскаго въ миролюбіи Хивы и въ ихъ личномъ желаніи довести переговоры до конца...

¹⁾ То-есть: считая достиженіе Хивы отрядомъ князя Бековича-Черкаскаго, безрезультатное посольство въ Хиву же въ 1819 году полковника Муравьева, недавнюю миссію капитана Никяфорова и настоящую. И. З.

Тогда Данилевскій сказалъ имъ:

— Завтра, до полудня я буду ждать васъ всѣхъ у себя для дальнѣйшаго веденія переговоровъ. Если вы не будете, то завтра же я выступаю изъ Хивы обратно въ Оренбургъ.

Вернувшись къ себѣ, полковникъ Данилевскій, передавъ членамъ посольства о своемъ свиданіи съ министрами, приказалъ готовиться на всякій случай къ выступленію въ обратный путь... Но на другой день утромъ, во время самыхъ горячихъ хлопотъ и возни съ व्यюками, къ квартирѣ посольства подѣхали всѣ восемь министровъ съ мальчиками позади, напились чаю и затѣмъ пожелали сами приступить тотчасъ же къ переговорамъ.

На слѣдующій день министры пріѣхали вновь, и такимъ образомъ переговоры хотя и черепашымъ шагомъ, но все же стали подвигаться впередъ. Важнѣе всего, конечно, было то, что жизнь всего состава посольства, висѣвшая на волоскѣ, была теперь, несомнѣнно, спасена.

Спустя нѣсколько дней, Данилевскому была назначена аудіенція у хана, который на этотъ разъ принялъ посла болѣе вѣжливо и внимательно, пригласивъ тотчасъ же сѣсть на особо приготовленный для него низенькій табуретъ. Во время происшедшаго разговора ханъ тѣмъ не менѣе категорически объявилъ полковнику Данилевскому, что персидскихъ невольниковъ онъ не можетъ освободить, и вообще удивляется, почему русскій посолъ на этомъ настаиваетъ, такъ какъ дѣло это касается не Россіи, а Персіи, которая сама могла бы хлопотать объ этомъ, если бы желала. вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ отклонилъ и ходатайство Данилевскаго объ учрежденіи въ Хивѣ нашего постоянного политическаго агентства.

Къ 25 декабря актъ соглашенія нашего съ Хивою былъ окончательно изготвленъ. Въ немъ былъ выговоренъ безпрепятственный проходъ въ Хиву и обратно русскихъ купеческихъ каравановъ, и правительство Хивы обязывалось ограждать эти караваны отъ разбойничьихъ нападений туркменъ-іомудовъ и хивинскихъ киргизовъ, а также воспретить этимъ номадамъ дѣлать нападены на наши рыбные промыслы на Каспійскомъ морѣ и забирать рабочихъ въ плѣнъ; русскимъ купцамъ предоставлялось право открытой торговли не въ одномъ лишь городѣ Хивѣ, но и въ Куны-Ургенчи, Ханки, Хавараспѣ и др.; равно и хивинскіе купцы могли безпрепятственно и безошлинно торговать въ нашихъ предѣлахъ, а на мѣновомъ дворѣ Оренбурга и въ караванъ-сараѣ для нихъ должны быть отводимы особыя мѣста и помѣщенія. Въ томъ же договорѣ были ясно и точно обозначены наши взаимныя границы съ Хивою—по Сыръ-Дарѣ и Усть-Урту. При составленіи окончательной редакціи договора полковникъ Данилевскій пытался еще разъ склонить министровъ Хивы на согла-

сіе допустить пребываніе въ ихъ столицѣ если не политическаго, то хотя бы только торговаго агента Россіи, но, не смотря на всѣ настоянія и сдѣланные подарки, этого не удалось добиться.

Когда надо было, наконецъ, оформить составленный договоръ (писанный на двухъ языкахъ—порусски и похивински), то вышла маленькая исторія, иллюстрирующая нравы азіатскихъ савонныхъ лицъ того времени и ихъ корыстолюбіе. Полковникъ Данилевскій, подписавъ договоръ (въ двухъ экземплярахъ) и приложивъ къ нему съ государственнымъ гербомъ печать, попросилъ сдѣлать то же самое и хивинскихъ министровъ; но оказалось, прежде всего, что нѣкоторые изъ нихъ—неграмотны: взамѣнъ подписи они прикладывали обыкновенно свои печати, что должны были сдѣлать и въ этотъ разъ, но вдругъ они стали отвиливать и отнѣкиваться... Дѣло заключалось въ томъ, что за послѣднее время переговоровъ, когда писались и подробно обсуждались всѣ въ отдѣльности пункты торговаго договора, министры такъ часто ѣздили къ полковнику Данилевскому и такъ безцеремонно каждый разъ вымогали подарки, что въ посольствѣ явилось наконецъ опасеніе, что скоро нечего уже будетъ и дарить... Тогда Данилевскій сказалъ министрамъ:

— Вы очень тянете переговоры; а между тѣмъ мнѣ бы хотѣлось скорѣе преподнести каждому изъ васъ самый главный и драгоценный подарокъ... Подписывайте скорѣе договоръ, и вы получите вотъ что,—и Данилевскій показалъ имъ нѣсколько золотыхъ карманныхъ часовъ съ азіатскими циферблатами, осыпанныхъ драгоценными камнями и, вдобавокъ, съ репетиромъ. Часы эти были изъ кабинета Его Величества, заказанные въ Женевѣ, для преподнесенія собственно именитымъ восточнымъ гостямъ, пріѣзжавшимъ въ Петербургъ. И вотъ теперь, когда оставалось лишь приложить къ договору печати, министры стали отнѣкиваться, а между тѣмъ прямо не объявляютъ, въ чемъ дѣло и почему они медлятъ... И на этотъ разъ выручилъ Сергѣй-ага, сообщившій полковнику Данилевскому, что министры потому именно не подписываютъ договора и не прикладываютъ своихъ печатей, что опасаются обмана: «пустъ,—говорятъ они,—онъ дастъ намъ впередъ эти часы, а то потомъ, пожалуй, обманетъ»...

— Я-то не обману,—сказалъ Данилевскій Сергѣю-агѣ; — а я вотъ опасуюсь имъ вѣрить: ну, какъ они возьмутъ эти подарки, да опять затанутъ дѣло, а у меня, кромѣ нѣсколькихъ головъ сахара, ничего уже не осталось.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Сергѣй-ага,—они побоятся обмануть, потому что вы можете пожаловаться хану,—и онъ все равно заставить ихъ подписать договоръ, а часы отберетъ себѣ.

Полковникъ Данилевскій рѣшилъ послушаться Сергѣя-аги и выдалъ послѣдніе подарки хивинскимъ правителямъ. Въ тотъ же

день они приложили къ договору свои печати, а на другой день, 27-го декабря 1842 года, была приложена и государственная печать Хивы, то-есть, печать самого хана.

IV.

Глазomѣрныя съемки топографа Зеленина.—Встрѣча съ русскимъ дезертиромъ.—Таинственныя незнакомки въ саду посольства.—Путешествіе Бочарова и Зеленина по городамъ Хивы и оазисамъ.—Оригинальныя топографическія работы.—Опасная встрѣча и поспѣшное возвращеніе въ Хиву.

Теперь слѣдуетъ сказать о дѣятельности и приключеніяхъ въ Хивѣ топографа Г. Н. Зеленина, на котораго было возложено полковникомъ Данилевскимъ секретнѣйшее и довольно опасное порученіе — составить приблизительную топографическую карту какъ самаго города Хивы, такъ и его окрестностей и оазисовъ.

Малѣйшая оплошность, или просто неосторожность, въ этомъ дѣлѣ могла стоить жизни не только самому Зеленину, но, пожалуй, и всему посольству, потому что хивинцы вообще зорко наблюдали (послѣ похода Перовскаго), чтобы русскіе не могли снять Хиву на планъ, такъ какъ тогда, по ихъ мнѣнію, легко уже будетъ взять ихъ «неприступное» ханство, огражденное безводными и песчаными пустынями, окружавшими это въ дѣйствительности ничтожное и безсильное владѣніе.

Самый городъ Хиву Зеленинъ снималъ такъ: онъ покупалъ на базарѣ за двѣ мелкія хивинскія монеты («кара-теньга» — черная, т.-е. мѣдная, монета) дыню, бралъ ее въ руку и шелъ съ нею по Хивѣ какъ бы для прогулки; понимая немного похивински, онъ разспрашивалъ уличныхъ торговцевъ, какъ, напр., называется такой-то арыкъ, какъ зовется вотъ эта канава, этотъ садъ и т. д.; разстояніе же отъ одного пункта до другого вымѣрялъ шагами, количество ихъ обозначалъ перочиннымъ ножомъ на корѣ дыни и затѣмъ, возвращаясь домой, переводилъ уже на бумагу свои каballистическіе знаки и замѣтки. Главную осторожность надо было соблюдать въ томъ, чтобы не имѣть при себѣ ни бумаги, ни карандаша на случай подозрѣній, задержанія и обыска.

Однажды, гуляя такимъ образомъ по Хивѣ, Зеленинъ вдругъ слышитъ за собою голосъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе!..

Онъ такъ и обмеръ... Глядитъ — стоитъ передъ нимъ хивинецъ и привѣтливо улыбается... Оказалось, это былъ нашъ бѣглый солдатъ, изъ татаръ, оренбургскій уроженецъ; служа въ оренбургскомъ гарнизонѣ, онъ часто встрѣчалъ Зеленина на городскихъ улицахъ и запомнилъ лицо его, какъ офицера, передъ которымъ

приходилось снимать шапку. Онъ имѣлъ теперь въ Хивѣ свой домъ и обзавелся уже семьей. Пригласивъ къ себѣ «земляка», онъ угостилъ его чаемъ и просилъ заходить почаще; но Зеленинъ боялся потомъ бывать у него, такъ какъ сосѣди хивинцы очень недружелюбно посматривали на «уруса», а самый домъ татарина былъ на краю города, въ балкѣ. Этотъ солдатъ былъ потомъ въ домѣ посольства и предлагалъ его обитателямъ, все молодымъ и одинокимъ людямъ, довольно интимныя услуги... но мѣсто такого поставщика было уже занято. Садомъ, въ которомъ расположенъ былъ запасный «дворецъ» хана (гдѣ помѣщалось посольство), завѣдывалъ особый специальный садовникъ, изъ плѣнныхъ персіянъ, знающій хорошо свое дѣло; и вотъ, жена его, тоже плѣнная персіянка, предлагала гг. офицерамъ свои конфиденціальныя услуги: стоило только уплатить ей полуимперіаль, и въ ханскомъ саду ночью, въ сопровожденіи этой садовницы, появлялась женская фигура въ чадрѣ, въ шелковомъ халатѣ и таковыхъ же шальварахъ, закутанная въ кисею и персидскую шаль... Смотря по требованію, въ саду появлялось иногда и нѣсколько такихъ фигуръ разомъ... Подъ большимъ секретомъ персіянка увѣряла, что таинственныя незнакомки—бывшія жены умершаго хана, матеріальная участь которыхъ при новомъ владыкѣ была дѣйствительно не очень-то завидна... Очень возможно, что садовница преувеличивала происхожденіе и положеніе рекомендуемыхъ ею особъ, что это были просто плѣнныя рабыни персіянки, прислужницы изъ гарема бывшаго хана; но только костюмы ихъ были всегда очень роскошны, какихъ не могли бы имѣть простыя плѣнницы-рабыни.

Покончивъ съ съѣмкой города Хивы, Г. Н. Зеленинъ рѣшилъ какъ уже упомянуто было выше, ѣхать для съѣмокъ же по другимъ городамъ ханства; чтобы замаскировать свои дѣйствія, онъ переодѣлся приказчикомъ и отправился вмѣстѣ съ торговцемъ Бочаровымъ, ѣхавшимъ туда же съ своимъ товаромъ на нѣсколькихъ верблюдахъ... Оба они поѣхали верхами на лошадахъ, въ сопровожденіи лишь одного мальчика хивинца, нанятаго въ самой Хивѣ.

Прежде чѣмъ выѣхать изъ города, Зеленинъ, облачившись въ халатъ, жилъ цѣлую недѣлю въ караванъ-сараѣ, гдѣ останавливался Бочаровъ. Путешествіе ихъ было довольно благополучно: они безпрепятственно посѣтили города Ташкуюй, Ханки, Хазараспъ и Клычъ-Ніасбай; послѣдній городъ—въ Бухарѣ. Ихъ вездѣ встрѣчали съ нѣкоторымъ изумленіемъ; но, узнавъ отъ сопровождавшаго ихъ хивинца, что въ самой Хивѣ находится русское посольство, успокоивались и даже, случалось, принимали, какъ гостей. Въ непродолжительномъ времени Бочаровъ распродалъ почти весь свой товаръ, а Зеленинъ тѣмъ временемъ тщательно, хотя и очень

осторожно, дѣлалъ свое дѣло, которое было нелегко еще и потому, что съемку приходилось дѣлать безъ всякихъ инструментовъ, не только безъ астролябіи или мензулы, но даже безъ бусоли и цѣпи, обозначая нордъ и зюдъ по солнцу, а разстояніе—шагами... Шагами же былъ вымѣренъ и главный (въ то время) арыкъ Хивы—Полванъ, названный такъ въ честь бывшаго батыря (героя) Полвана, ставшаго потомъ святымъ и похороненнаго въ самой Хивѣ, въ главной мечети. Работы Зеленина облегчались главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что спутникъ его Бочаровъ говорилъ похивински и былъ человѣкомъ умнымъ и смѣтливымъ: все, что только надо было разузнать Зеленину, Бочаровъ исподволь, не возбуждая подозрѣній, узнавалъ отъ самихъ же хивинцевъ и затѣмъ передавалъ полученныя имъ свѣдѣнія Зеленину. Во время этихъ глазомѣрныхъ съемокъ нельзя уже было обойтись при помощи дыни и пришлось поневолѣ наносить добываемыя свѣдѣнія на бумагу, и хотя здѣсь, внѣ главнаго города Хивы и въ оазисахъ, хивинцы не слѣдили уже за Бочаровымъ такъ зорко, какъ слѣдили они за нашимъ посольствомъ въ самой Хивѣ, но, тѣмъ не менѣе, и здѣсь Зеленинъ долженъ былъ соблюдать большую осторожность: такъ, напримѣръ, маленькій карандашъ былъ вдѣланъ у него незамѣтно въ ключикъ отъ часовъ; вмѣсто бумаги онъ заносилъ свои замѣтки на внутреннія стороны крышекъ маленькихъ картонныхъ коробокъ, бывшихъ съ товаромъ у Бочарова.

Однако въ самомъ концѣ путешествія по Хивѣ Бочарова и Зеленина съ ними случилось одно происшествіе, которое легко могло погубить ихъ обоихъ.

Возвращаясь въ Хиву, они заѣхали въ послѣдній по дорогѣ городъ Куня-Ургентъ ¹⁾ и остановились у знакомаго Бочарову хивинца, бывавшаго не разъ въ Оренбургѣ, на мѣновомъ дворѣ, съ товарами. Однажды, когда Бочаровъ и хивинецъ вмѣстѣ уѣхали куда-то, Зеленинъ, разложивъ на столѣ картонныя коробки съ имѣвшимися на нихъ чертежами и замѣтками, сталъ заниматься... Вдругъ въ комнату, которой по оплошности онъ не заперъ, входитъ какой-то, лѣтъ 14-ти, мальчикъ персіянинъ и говорить по-русски:

— Здравствуйте, баринъ! Я васъ знаю...

Зеленинъ съ ужасомъ взглянулъ на мальчика и сталъ убирать со стола свои картонки.

— Я жилъ два раза въ Оренбургѣ съ прежнимъ своимъ хозяиномъ,—продолжалъ мальчикъ,—и мы квартировали рядомъ съ вашимъ домомъ... Прежній хозяинъ продалъ меня вотъ этому, у

¹⁾ Куня-Ургентъ, или Куня-Ургенчъ, бывшая столица Хивинскаго ханства, называвшаяся Харезмъ. И. З.

котораго вы теперь живете. Я вѣдь знаю, что вы все снимаете планы: я васъ однажды видѣлъ подъ Оренбургомъ—вы все съ цѣпью ходили и рисовали въ степи...

Зеленинъ былъ ни живъ ни мертвъ и ждалъ, что будетъ дальше...

— Да вы не бойтесь, баринъ!.. чортъ, ихъ возьми! я вѣдь имъ ничего не скажу: я ихъ, собакъ, не люблю... Мой отецъ и мать и теперь живутъ у нихъ въ Хивѣ, плѣнные...

Когда Зеленинъ опомнился, онъ всячески обласкалъ мальчика перса, далъ ему серебряной мелочи и подарилъ свистокъ и съ фунтъ сахара. Когда къ вечеру вернулся Бочаровъ и узналъ всю эту исторію, онъ сказалъ Зеленину:

— Ну, баринъ, надо уходить отсюда скорѣе къ своимъ! Вѣдь бѣда намъ будетъ, если мальчишка проговорится...

До Хивы было 40 верстъ, и утромъ, чуть свѣтъ, наши путешественники выѣхали изъ Куны-Ургенти и благополучно въ тотъ же день, къ вечеру, добрались до Хивы, гдѣ Зеленинъ со всѣми своими замѣтками отправился прямо въ посольство, а Бочаровъ попрежнему—въ караванъ-сарай.

V.

Прощальная аудіенція у хана.—Выступленіе посольства изъ Хивы.—Отказъ Сергѣя-аги возвратиться въ Россію.—Казнь персидскихъ плѣнниковъ.—Участь русскихъ, попавшихъ въ неволю въ Хиву.—Обратный путь посольства и вступленіе въ Оренбургъ.—Нарушеніе хивинцами договора съ Россіей.—Трагическая смерть генерала Данилевскаго.

30-го декабря, полковникъ Данилевскій испросилъ у хана прощальную аудіенцію. Во время приѣма ханъ пригласилъ посла, можетъ быть, только изъ вѣжливости пожить еще въ Хивѣ и дожидаться наступленія весны; но Данилевскій поблагодарилъ за любезность и отклонилъ предлагаемую ему честь. Ханъ, прощаясь, неожиданно объявилъ Данилевскому, что назначилъ сопровождать его своего посланца, сановника Магомедъ-Эмина, назначеннаго выразить государю «безпредѣльную благодарность за подарки и милостивое расположеніе».

На другой день, 31-го декабря 1842 года, посольство выступило въ путь. На проводы явился и Сергѣй-ага... Онъ привезъ съ собою въ гостинецъ, на дорогу своимъ уважавшимъ землякамъ, бурдюкъ вина и цѣлую корзину русскихъ пироговъ. Данилевскій звалъ его съ собою въ Оренбургъ, ручаясь за полное прощеніе, но онъ не согласился:

— Мнѣ тамъ надо въ богадѣльню идти,—отвѣчалъ со вздохомъ Сергѣй-ага,— а здѣсь я богатый человекъ и одинъ изъ первыхъ.

На самомъ выѣздѣ изъ города посольству былъ изготовленъ ужасный сюрпризъ, очевидно, умышенно, съ цѣлью устрашенія и предупрежденія: по дорогѣ сидѣли, посаженные на колья, нѣсколько персіянь... Съ руками, привязанными параллельно къ ногамъ, въ страшныхъ мукахъ кончали свою жизнь эти несчастные люди, оглашая воздухъ громкими жалостными криками: «Су! су!! су!!..» (воды).

Сопровождавшіе посольство хивинцы сообщили, что вина этихъ несчастныхъ людей состояла въ томъ, что, будучи захвачены разбойниками туркменами (іомудами) и проданы въ Хиву, въ рабство, они стоворились и убѣжали. Хивинцы на другой же день ихъ нагнали, и вотъ, въ поученіе прочимъ персамъ невольникамъ и въ видѣ назиданія уходящимъ русскимъ, жестокосердый ханъ приказалъ посадить на колъ всѣхъ этихъ несчастныхъ, въ самый день выступленія нашего посольства, по пути его слѣдованія...

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ участи плѣнныхъ, которые имѣли несчастіе попадаться къ хивинцамъ. Собственно нашихъ плѣнныхъ, русскихъ, было въ Хивѣ предъ походомъ Перовскаго болѣе тысячи человекъ, преимущественно забранныхъ туркменами съ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ, а также и схваченныхъ случайно нашими же киргизами подъ Оренбургомъ и съ хуторовъ, находящихся въ степи, во время рабочей поры, когда туда приходили работники и работницы изъ сосѣднихъ губерній, Уфимской и Самарской. Во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1829 году, болѣе половины нашихъ плѣнныхъ перемерло; остальные, въ количествѣ 419 человекъ обоого пола, были возвращены хивинцами въ Оренбургъ послѣ похода генерала Перовскаго ¹⁾. Участь русскихъ плѣнныхъ въ Хивѣ была вообще такова: ихъ тотчасъ же по доставкѣ въ ханство всячески склоняли и приневоливали принять мусульманство и въ случаѣ успѣха женили на туркменкахъ и персіянкахъ. Съ дѣвушками поступали гораздо проще: красивыя изъ нихъ пополняли гаремы хивинскихъ вельможъ и богатыхъ купцовъ, а некрасивыя—поступали туда же, въ качествѣ рабынь и прислужницъ. Если замѣчали у плѣнника намѣреніе бѣжать, то дѣлали ему, немного выше пятки, разрѣзъ, насыпали туда мелко рубленого конскаго волоса и долго искусственнымъ образомъ растревляли рану, чтобы плѣннику нельзя было скоро ходить. Если же кто нибудь изъ плѣнныхъ убѣгалъ изъ Хивы и его ловили, то сажали, на

¹⁾ Первые плѣнные—корнетъ Аитовъ и двое купцовъ—прибыли въ Оренбургъ 14-го августа 1840 года; остальная же партія, въ количествѣ 416 человекъ, пришла нѣсколько дней спустя. Хивинцы удержали у себя лишь нѣсколько десятковъ плѣнныхъ русскихъ, оставленныхъ самимъ ханомъ, его личныхъ слугъ и различныхъ мастеровъ, но и эти были впоследствии, по грозному требованію нашего правительства, возвращены.

страхъ другимъ, на колъ, и несчастный умиралъ въ жесточайшихъ мученіяхъ, длившихся иногда двое и трое сутокъ; спастись отъ казни, въ случаѣ поимки, былъ лишь одинъ исходъ—принять исламъ и жениться, что нѣкоторые и дѣлали.

Слѣдуя изъ Хивы, посольство наше направилось въ Оренбургъ нарочно не прежнимъ уже путемъ на Куны-Ургентъ, а новымъ — черезъ сѣверную часть хивинскихъ владѣній, которой никто изъ русскихъ еще не видѣлъ и не зналъ. Всю дорогу топографы дѣлали тщательную стѣмку мѣстностей, черезъ которыя теперь доводилось проходить; Магомедъ-Эмина и его свиты они мало, повидимому, стѣснялись.

Въ Оренбургъ посольство возвратилось на масляной недѣлѣ, во второй половинѣ февраля. Съ дороги еще Данилевскій послалъ въ Оренбургъ нарочнаго киргиза, изъ числа бывшихъ при немъ, съ предупреденіемъ, что онъ возвращается не одинъ, а въ сопровожденіи хивинскаго посла; поэтому, когда наши вступили въ Оренбургъ, Магомедъ-Эминъ былъ встрѣченъ съ особымъ почетомъ и торжественностью, до чего азіаты вообще большіе охотники. Тотчасъ же былъ посланъ въ Петербургъ курьеръ съ испрошеніемъ распоряженія, какъ поступить съ хивинскимъ посломъ. Отвѣтъ отъ гр. Нессельроде былъ полученъ, однако, не слишкомъ-то скоро: предлагалось отправить Магомедъ-Эмина въ Петербургъ, со всевозможными, впрочемъ, удобствами и торжественностью.

22-го апрѣля (1843 г.) хивинскій посолъ, со свитою въ пять человѣкъ, былъ отправленъ изъ Оренбурга въ Петербургъ, куда онъ и прибылъ 13-го мая. Но его приѣмъ (въ Царскомъ Селѣ), сдѣланные ему роскошные подарки и оказанная любезность не входятъ уже въ программу настоящей статьи... Мы лишь сочли не безынтереснымъ прослѣдить тѣ добрыя отношенія къ Хивѣ, которыя русское правительство того времени всячески старалось начать, установить и поддержать, поступаясь иногда собственными интересами. Но малѣйшая снисходительность со стороны Россіи была, къ сожалѣнію, принимаема хивинцами за слабость... Въ послѣдующіе же затѣмъ годы (въ 1844 и 1845 г.г.) хивинское правительство не постѣснилось нарушить только-что заключенный имъ договоръ: оно стало явно покровительствовать извѣстному мятежнику, русскому киргизу Кениссаръ (котораго безуспѣшно преслѣдовали наши отряды по степи) и разбойнику Кутеборову, скрывавшимся въ пограничныхъ хивинскихъ владѣніяхъ. Попрѣжнему начался грабежъ русскихъ купеческихъ каравановъ; степь также стала для русскихъ опасна въ пути... Дѣло дошло до того, что въ 1852 году В. А. Перовскій, находившійся въ то время въ Петербургѣ, въ званіи уже генераль-губернатора, вынужденъ былъ предложить хивинцамъ кушъ въ 200 червонцевъ за выкупъ семейства подвластнаго намъ султана Ирму-хамеда Касимова, управлявшаго

чеумекеевцами¹⁾. Наконецъ, въ 1858 году, хивинскіе правители прямо объявили полковнику Н. П. Игнатьеву (нынѣ генераль-адъютантъ и графъ), что они содержанія акта, заключеннаго ими въ 1842 году съ полковникомъ Данилевскимъ, «не помнятъ» и даже «не нашли его» въ своихъ канцеляріяхъ...

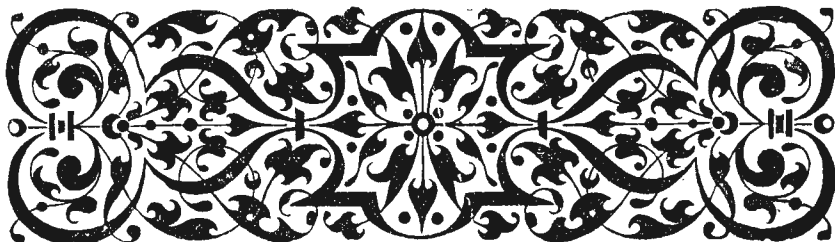
Въ заключеніе мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ полковника Данилевскаго. Произведенный за свою «миссію» въ Хиву въ генераль-маіоры, онъ перешелъ на службу въ Петербургъ и тамъ нашелъ себѣ трагическую кончину. Будучи замѣчательно красивымъ и имѣя отъ роду всего 35 лѣтъ, онъ страстно влюбился въ одну славянскую владѣтельную княжну и пользовался взаимностью; но на этотъ бракъ не согласились ея родители и рѣшили увезти ее на родину. Въ осеннія сумерки, на первой же почтовой станціи отъ Петербурга къ Москвѣ, едва только заложили лошадей въ карету, въ которой ѣхало семейство княжны и она сама, какъ къ лошадямъ спереди подошелъ высокаго роста молодой генераль и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ... Лошади поднялись было на дыбы, затѣмъ рванулись впередъ и карета проѣхала по трупу уже скончавшагося Данилевскаго.

Ив. Захарьинъ.

¹⁾ Известно, что всѣ дѣлаемые въ то время настоянія и представленія генерала Перовскаго о необходимости нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію и неизбѣжности новаго похода въ Хиву были тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде отклонены, и только двадцать лѣтъ спустя, походъ этотъ былъ предпринятъ вновь и окончился достославною побѣдою нашихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ генераль-адъютанта К. П. Гауфмана.

И. З.

ВОСПОМИНАНІЯ БЫВШАГО УЧИТЕЛЯ РУССКАГО ЯЗЫКА КНЯЗЯ БИСМАРКА.

ПАЗВИРАЯ при переѣздѣ на другую квартиру связку старыхъ писемъ, счетовъ, замѣтокъ, отрывковъ, которымъ давно уже минуло десятилѣтіе, я нашель одну пожелтѣвшую отъ времени связку разныхъ замѣтокъ, относящихся къ урокамъ русскаго языка, которые я давалъ разнымъ лицамъ, особенно же посланникамъ и состоявшимъ при разныхъ посольствахъ секретарямъ. Замѣтки эти служили мнѣ какъ бы подспорьемъ памяти: онѣ давали мнѣ возможность вспомнить все то, о чемъ говорено, что пройдено и прочитано съ каждымъ ученикомъ. Я такимъ образомъ, при многихъ урокахъ, не рисковалъ смѣшать ихъ и проходить съ однимъ то, что пройдено съ другимъ ученикомъ. Болѣе всего меня заинтересовали мои записи объ урокахъ бывшему тогда прусскому посланнику при русскомъ дворѣ, нынѣ знаменитому, князю Бисмарку-Шенгаузену. Хотя съ того времни и протекло болѣе тридцати лѣтъ, однако образъ его стоитъ еще передо мною, какъ будто все это было недавно. Извѣстно, что чѣмъ старѣе становится человѣкъ, тѣмъ память о прошломъ болѣе крѣпнетъ, а о болѣе близкихъ событіяхъ, даже и замѣчательныхъ, она слабѣетъ. Такъ и со мною. Уроки русскаго языка, данные этому замѣчательному по уму и способностямъ государственному человѣку, до такой степени вѣзались въ мою память, что я вспоминаю каждое дѣйствіе, каждое слово этого моего ученика.

Я полагаю, что читателямъ будетъ небезынтересно прочитать мои воспоминанія о немъ, чтобы убѣдиться, на сколько онъ былъ способенъ изучить русскій языкъ, представляющій каждому иностранцу такія трудности по его своеобразному письму, ударенію, по произношенію отдѣльныхъ словъ. Читатель увидитъ ниже, какъ Бисмаркъ справился въ сравнительно короткое время съ этими трудностями. Но прежде чѣмъ приступить къ послѣдовательному изложенію этихъ уроковъ, я нахожу нелишнимъ сказать, кѣмъ и по какому случаю я былъ рекомендованъ Бисмарку. Эти воспоминанія о немъ послужатъ, можетъ быть, отчасти матеріаломъ будущему его биографу. И въ мелочахъ иногда узнается великій человекъ.

I.

Въ началѣ 1859 г., будучи студентомъ юридическаго факультета, я по нуждѣ, какъ и большинство студентовъ, давалъ уроки русскаго языка молодому человеку г. Верто, племяннику гамбургскаго консула. Жена консула была съ дѣтства подругою моей матери. Племянникъ ея, одаренный блестящими способностями, дѣлалъ такіе быстрые успѣхи въ языкѣ, что по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, т. е. въ 32 урока, могъ уже понимать и говорить довольно бѣгло порусски. Бисмаркъ, знакомый съ консуломъ и не рѣдко посѣщавшій его, узналъ о быстрыхъ успѣхахъ его племянника. Намѣреваясь также ознакомиться съ русскимъ языкомъ, онъ просилъ рекомендовать ему этого учителя. При тогдашнихъ моихъ обстоятельствахъ, я, конечно, очень обрадовался новому уроку и не медля, на другой же день, отправился къ Бисмарку. Онъ жилъ на Англійской набережной, близъ Николаевского моста, въ домѣ, принадлежавшемъ тогда графу Стенбокъ-Фермору. Я явился къ нему въ 10 часовъ утра, въ такое время, когда онъ по обыкновенію пилъ утренній чай. Послѣ доклада, лакей провелъ меня въ довольно большой залъ, обставленный золоченою мебелью. Немного спустя, вышелъ Бисмаркъ въ темно-синемъ узорчатомъ халатѣ съ черною шелковою шапочкой на головѣ. Не смотря на сравнительно еще не старые годы (ему было тогда не болѣе 45 лѣтъ), на головѣ его уже была значительная лысина. Отрекомендовавшись ему студентомъ юридическаго факультета и объяснивъ цѣль моего прихода, я сталъ пристально вглядываться въ него. Передо мною стоялъ высокаго роста, широкоплечій господинъ съ густыми усами и такими же бровями. Надъ усами, на верхней губѣ замѣтенъ былъ шрамъ отъ довольно глубокой раны, полученной имъ, какъ я слышалъ, во время одной дуэли въ его молодости. Подавъ мнѣ руку, онъ съ улыбкою сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ вы мой collega: я также изучалъ юриспруденцію.

Пригласивъ съѣсть, онъ закурилъ сигару и, условившись о цѣнѣ и времени занятія уроками, прибавилъ:

— Я рѣшилъ познакомиться съ вашимъ прекраснымъ языкомъ, зная, что онъ не легко дается иностранцу, особенно же его произношеніе представляетъ большія трудности, и я рѣшилъ также постепенно отдѣлаться отъ этихъ толмачей, которые идутъ за тобою, слѣдятъ за каждымъ движеніемъ, за каждымъ словомъ: это мнѣ крайне надоѣло.

Бисмаркъ бралъ у меня уроки два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, въ 10 часовъ утра. Когда я являлся къ нему въ условленный часъ, онъ выходилъ изъ столовой съ сигарою во рту въ томъ же халатѣ и шапочкѣ, которая придавала ему молодежавый видъ и нѣкоторую молодцоватость, привѣтливо раскланивался со мною и, пожимая всякій разъ руку, подавалъ мнѣ другою рукою сигару. Онъ курилъ прекрасныя сигары, какія мнѣ рѣдко приходилось курить.

Я приступилъ къ преподаванію съ самой азбуки, объясняя примѣрами произношеніе каждой буквы. Особенное затрудненіе Бисмаркъ нашелъ въ произношеніи буквы «ы», но когда я привелъ ему нѣсколько словъ изъ нѣмецкаго языка, гдѣ буква «й» близко подходитъ къ произношенію буквы «ы», то онъ уже на столько преодолѣлъ эту трудность, что могъ довольно изрядно произносить ее. Для лучшаго усвоенія произношенія этой буквы, я просилъ его повторить нѣсколько разъ выраженіе: «отъ топота копытъ пыль по полю лежитъ». Это выраженіе его такъ поразило, что онъ, улыбаясь, сказалъ:

— Неужели найдется иностранецъ, который могъ бы выговорить эти слова; хотя языкъ по мягкости своей и не переломится, но зато его легко можно свернуть. Придумаютъ же букву! Отъ одной этой буквы откажешься учиться порусски.

При многократномъ повтореніи этой фразы и при частомъ чтеніи русскихъ книгъ, онъ уже не находилъ особеннаго затрудненія произносить ее довольно чисто. Дальнѣйшіе уроки состояли большею частью въ чтеніи книгъ и объясненіи встрѣчающихся въ нихъ словъ. Когда Бисмаркъ уже зналъ первоначальныя правила грамматики, я посоветовалъ ему прочесть и перевести со мною не задолго передъ тѣмъ появившійся въ свѣтъ романъ Тургенева «Дворянское гнѣздо» и каждое встрѣчающееся въ немъ незнакомое слово записывать на отдѣльномъ листѣ, чтобы, повторяя переводъ, онъ могъ скорѣе вспомнить слова и свободно затѣмъ переводить ихъ на нѣмецкій языкъ. При письмѣ онъ обыкновенно употреблялъ гусиное перо и писалъ крупными, характерными буквами. На мое замѣчаніе, не лучше ли было записывать карандашомъ, онъ возразилъ:

— Я этого не люблю; это я предоставляю мягкимъ, изнѣженнымъ, женоподобнымъ людямъ, не привыкшимъ вообще писать.

Вѣроятно, онъ придерживался пословицы: написаннаго перомъ не вырубишь топоромъ. Память у Бисмарка была замѣчательная. Если онъ встрѣчалъ при чтеніи слово, которое затруднялся правильно перевести понѣмецки, то онъ вспоминалъ страницу, на которой оно встрѣчается, и, дѣйствительно, раскрывъ страницу, онъ находилъ его тамъ. Кромѣ «Дворянскаго гнѣзда», предметомъ чтенія служили «Колоколь» Герцена и «Будущность» кн. Долгорукаго. Подобныя, тогда строго запрещенныя, изданія посольства получали, разумѣется, безъ просмотра цензурой.

Съ каждымъ урокомъ замѣтно увеличивались познанія Бисмарка въ русскомъ языкѣ, и этимъ быстрымъ успѣхомъ онъ обязанъ своей громадной памяти. Разговоры велись въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ попережку съ нѣмецкимъ языкомъ, а затѣмъ уже они велись только на русскомъ языкѣ. Бисмаркъ бралъ уроки довольно аккуратно. Разъ какъ-то, поздно осенью, я встрѣтилъ его верхомъ на лошади на Дворцовой набережной. Раскланиваясь радужно со мною, онъ подозвалъ меня къ себѣ и, снявъ шляпу, какъ и я (этимъ онъ ставилъ меня въ крайне неловкое положеніе, такъ и хотѣлось сказать: надѣнь, братъ, шляпу!), сообщилъ мнѣ, чтобы я не приходилъ къ нему, такъ какъ онъ намѣренъ отправиться на охоту на нѣсколько дней. На свою одежду, какъ видно, онъ не обращалъ особеннаго вниманія: шляпа его была довольно мятая, а пальто не отличалось особенною свѣжестью и имѣло рыжеватый оттѣнокъ. Не оттого ли когда-то была въ модѣ матерія цвѣта Бисмарка? Онъ тогда не былъ богатъ; его доходы, какъ я слышалъ, не превышали 8.000 талеровъ, а на посольство полагалось не болѣе 12.000 талеровъ. Онъ жилъ весьма скромно, рѣдко давалъ обѣды и вообще избѣгалъ общества. Его любимыми занятіями была кабинетная работа, верховая ѣзда и охота, особенно медвѣжья. Объ этихъ охотахъ и приключеніяхъ на нихъ онъ всегда охотно рассказывалъ. Однажды онъ показалъ мнѣ трофей одной охоты: это былъ медвѣженокъ не моложе, какъ я полагаю, четырехъ мѣсяцевъ, который свободно бѣгалъ по большому залу и доставлялъ удовольствіе его дѣтямъ. Во время урока я все озирался на него, опасаясь, какъ бы эта бестія не укусила или не оцарапала мнѣ икры ногъ. Бисмаркъ отъ души смѣялся надъ моею боязнью. Въ слѣдующій разъ онъ мнѣ сообщилъ, что медвѣженокъ какимъ-то образомъ выбѣжалъ на дворъ и пропалъ, но послѣ долгихъ поисковъ былъ найденъ у лакея графа Литке, не знавшаго, кому собственно принадлежитъ медвѣженокъ. Самъ графъ Литке, узнавъ объ этомъ, тотчасъ явился къ Бисмарку съ извиненіемъ за такую оплошность его лакея. Этотъ медвѣженокъ, какъ я слышалъ, былъ потомъ отосланъ въ Берлинъ для тамошняго зоологическаго сада.

Однажды я засталъ Бисмарка въ дурномъ расположеніи духа и раздраженнымъ. Онъ, вѣроятно, простудившись на охотѣ, страдалъ сильною ревматическою болью въ изгибѣ колѣна. По рекомендаціи г-жи Берто и моей, лѣчилъ его докторъ Вальцъ, довольно извѣстный тогда врачъ, любимый всѣми паціентами за его веселые рассказы и каламбуры. Однако, боль въ ногѣ не поддавалась быстрому лѣченію, и мнѣ пришлось выслушать отъ Бисмарка какъ бы упрекъ въ томъ, что я рекомендовалъ ему этого врача.

— Какой же это врачъ,—сказалъ онъ,—который сидитъ у больного чуть не цѣлый часъ и занимаетъ его разными анекдотами и случаями изъ своей жизни, когда ему слѣдовало бы знать, какъ дорого всякое лишнее потерянное время государственному человѣку. Такому врачу я вообще не позволилъ бы лѣчить больныхъ. Одними своими рассказами онъ можетъ ухудшить болѣзнь, раздражая паціента.

Вскорѣ послѣ этого Бисмаркъ отправился для лѣченія ноги въ Берлинъ и возвратился оттуда мѣсяца черезъ два.

II.

Во время отъѣзда Бисмарка за границу я давалъ уроки русскаго языка баварскому посланнику барону Перглеръ де-Пергласъ, отличавшемуся такою утонченною вѣжливостью, на которую я не зналъ, какъ и отвѣчать. Однажды, во время урока, ему доложили, что прусскій посланникъ Бисмаркъ пріѣхалъ и желаетъ его видѣть. Баронъ засуетился. Я хотѣлъ было уйти, не желая мѣшать ихъ свиданію и, можетъ быть, сообщенію какихъ либо политическихъ новостей, но баронъ просилъ меня остаться, замѣтивъ, что Бисмаркъ, по пріѣздѣ изъ-за границы, дѣлаетъ визиты и останется у него лишь нѣсколько минутъ. Вошелъ Бисмаркъ въ черномъ на всѣ пуговицы застегнутомъ сюртукѣ, держа цилиндръ въ рукѣ. Привѣтствуя барона, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— А, и вы здѣсь!

— Какъ видите, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я,— съ вашей легкой руки.

Онъ улыбнулся и просилъ заходить къ нему въ тѣ же часы, какъ и прежде.

Уроки теперь больше всего состояли въ разговорѣ на русскомъ языкѣ. Однажды, вставъ, вѣроятно, послѣ охоты позже обыкновеннаго, онъ пригласилъ меня въ столовую выпить съ нимъ чашку чая и представилъ меня при этомъ случаѣ своему семейству: женѣ, дочери и двумъ сыновьямъ. Послѣднимъ было тогда лѣтъ 12—14 не болѣе. И дѣйствительно, какъ онъ сообщилъ мнѣ за чаемъ, онъ былъ на охотѣ, возвратился слишкомъ поздно и чувствуетъ себя не-

много утомленнымъ. На мое замѣчаніе, что, не смотря на его утомленіе, его поѣздка за границу на столько послужила ему въ пользу, что онъ пополнѣлъ и, какъ признакъ здоровья, даже румянецъ выступилъ на его щекахъ, онъ возразилъ, что тамъ дѣйствительно дышишь воздухомъ чистымъ, незараженнымъ, что проведенные тамъ два мѣсяца стоятъ здѣшнихъ шести мѣсяцевъ.

Выйдя изъ столовой, онъ подаль мнѣ сигару изъ кожанаго портсигара, на которомъ мое вниманіе обратилъ серебряный лентообразный кружокъ, гдѣ съ одной стороны выгравировано было русскими буквами слово «ничего», а съ другой англійскими буквами «never mind». Оказалось, что въ одинъ изъ уроковъ я объяснялъ ему, приводя, конечно, нѣсколько примѣровъ, значеніе слова «ничего» и сопоставилъ его по значенію съ англійскимъ словомъ «never mind». Это ему такъ понравилось, что въ скоромъ времени затѣмъ онъ заказалъ себѣ вышеприведенный портсигаръ. Мнѣ говорили впоследствии, что онъ вспомнилъ объ этомъ словѣ лишь тогда, когда однажды на охотѣ ямщикъ вывалилъ его изъ саней, и Бисмаркъ ударился лицомъ въ снѣгъ, а ямщикъ сталъ утѣшать его словами: «ничего, баринъ, садитесь, ужъ дождемъ какъ нибудь». Впрочемъ, за достовѣрность этого факта я не ручаюсь, потому что Бисмаркъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ приключеніи съ нимъ.

Разговоры наши не только касались обыденной, общественной жизни, но и принимали иногда политической оттѣнокъ. Однажды онъ рассказывалъ мнѣ, что былъ во дворцѣ на обѣдѣ и привлекъ къ себѣ даже вниманіе покойнаго государя своимъ знаніемъ русскаго языка. Государь, разговаривая о чемъ-то порусски съ княземъ Горчаковымъ, замѣтилъ пристальный взглядъ Бисмарка, обращенный на нихъ, и спросилъ его:

— Вы понимаете порусски?

На этотъ вопросъ Бисмаркъ смѣло отвѣчалъ:

— Немного, ваше величество, если говорить медленно.

— Давно вы изучаете языкъ?—спросилъ затѣмъ государь.

— Всего четыре мѣсяца, ваше величество,—отвѣчалъ порусски Бисмаркъ.

Государь удивился его способностямъ и сказалъ нѣсколько крайне лестныхъ для Бисмарка словъ. Великій же князь Константинъ Николаевичъ, желая точнѣе убѣдиться въ знаніи имъ русскаго языка, нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ порусски. Бисмаркъ, на сколько умѣлъ, отвѣчалъ великому князю, но жалѣлъ, что выдалъ себя.

Какъ-то разъ, между прочимъ, я пожелалъ узнать его взглядъ на Россію. Онъ былъ о Россіи высокаго мнѣнія, предсказывалъ ей великую будущность и основывалъ это мнѣніе на томъ, что когда крестьянина отдадутъ въ солдаты, то черезъ годъ изъ грязнаго, забитаго, лѣниваго и безграмотнаго человѣка онъ становится

почти неузнаваемымъ, дѣлается бодрымъ, виднымъ, поворотливымъ и смѣтливымъ; если въ народѣ существуютъ такіе задатки, то они могутъ служить только въ пользу этого народа. Въ общемъ, какъ онъ выразился, Россія — это «пьяный мужикъ». Слѣдуетъ только пройтись во время праздниковъ по Вознесенскому проспекту или по Гороховой улицѣ. Эти улицы представляютъ изъ себя въ эти дни колеблющееся море пьяныхъ людей, между которыми попадаются мало интеллигентныхъ, судя, конечно, по одеждѣ, а большею частью рабочіе, солдаты, приказчики, торговцы и иногда оборванный чиновникъ съ кокардою на шапкѣ. Если возможно подобное почти въ центрѣ столицы, то что же дѣлается на окраинахъ ея, въ фабричной мѣстности, или же въ другихъ городахъ Россіи.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Польшѣ начиналось уже броженіе, появлялись тамъ и сямъ на улицахъ Варшавы и въ другихъ городахъ прокламаціи тайнаго комитета. О первыхъ двухъ раздѣлахъ Польши я почти не имѣлъ никакого понятія, о чемъ и сообщилъ Бисмарку. Въ мое время въ гимназіяхъ исторію проходили вообще весьма поверхностно, по руководству Устрялова. Бисмаркъ съ готовностію взялся изложить мнѣ исторію раздѣла Польши. Рассказывалъ онъ такъ подробно и съ такимъ знаніемъ историческихъ фактовъ, что любой профессоръ исторіи едва ли могъ лучше его изложить этотъ отдѣлъ изъ исторіи Польши. Я былъ въ восхищеніи отъ его разсказа и благодарилъ за данный мнѣ прекрасный урокъ. Въ заключеніе разсказа онъ, между прочимъ, прибавилъ, что дать самостоятельность Польшѣ значило бы совершить непростительную политическую ошибку, и всякій государственный человѣкъ, любящій свою родину, долженъ протестовать противъ всякой самостоятельности ея. Если Польшѣ ограничить самостоятельность лишь однимъ царствомъ Польскимъ, въ видѣ оплота, какъ любятъ говорить поляки, между Россіей и Европою, то кто же поручится, что поляки сживутся съ этимъ положеніемъ и не потребуютъ Познани, Галиціи и литовскихъ губерній, вплоть до самаго Кіева. Дать Польшѣ самостоятельность значило бы лишить Европу мира на много лѣтъ. Тамъ, гдѣ хозяйничаютъ ксендзы и шляхта, и гдѣ всякій желаетъ быть хозяиномъ и стать во главѣ правленія, тамъ не можетъ быть и рѣчи о самостоятельности. Россія слѣдовало бы обрусить Польшу на такихъ же началахъ, на какихъ Пруссія онѣмчила Познань.

Что Бисмаркъ, какъ дальновидный дипломатъ, мечталъ уже тогда о единствѣ Германіи, это видно изъ слѣдующихъ его словъ. Онъ сказалъ однажды:

— Можетъ ли нѣмецъ вообще называться нѣмцемъ? Этого онъ не можетъ. Онъ либо пруссакъ, саксонецъ, баварецъ, ганноверецъ, мекленбургецъ, что хотите; онъ нѣмецъ только по языку. Такъ, по моему мнѣнію, продолжаться не можетъ. У каждаго нѣмца теперь

послѣ каждаго дождя все отечество его виситъ на сапогѣ. Германія должна быть едина подѣ главенствомъ одного правителя.

При вопросѣ моемъ: кому же предоставитъ это главенство, Австріи или Пруссіи?—отъ слова «Австрія» онъ весь побагровѣлъ; глаза его, до того всегда немного прищуренные, широко открылись, какъ бы желая выскочить изъ-подъ вѣкъ. Онъ повысилъ голосъ и сказалъ:

— Этого никогда не будетъ, пока я буду считаться въ Пруссіи государственнымъ человѣкомъ! Гегемонія должна принадлежать Пруссіи. Державѣ, состоящей изъ разныхъ національностей и по преимуществу католической, нельзя предоставить гегемоніи. Католицизмъ съ своими іезуитами служить не къ развитію прогресса, а къ умаленію его. Посмотрите на Италію, Испанію и на другія католическія страны, въ какомъ невѣжествѣ пребываетъ тамъ народъ, въ какомъ забвеніи, въ какой бѣдности! Католицизмъ, стараясь господствовать въ странѣ, подавляетъ разумъ и свободу, и не даетъ имъ развитія, а въ народѣ поддерживаетъ суевѣрія и невѣжество. При единой Германіи подѣ главенствомъ Пруссіи нѣмецъ можетъ назваться нѣмцемъ и гордиться единымъ отечествомъ.

Какъ вѣрно онъ осуществилъ впоследствіи свою давно излюбленную мысль!

Послѣдній мой урокъ пришелся наканунѣ отъѣзда Бисмарка въ Парижъ. Я засталъ его въ нижнемъ этажѣ, въ небольшомъ помѣщеніи, обставленномъ разными охотничьими принадлежностями. Онъ укладывалъ въ ящики свои охотничьи ружья. На вопросъ мой: «Вѣроятно, онъ собирается на охоту?»—онъ сказалъ:

— Да, только на дальнюю охоту: я ѣду охотиться въ Парижъ; я назначенъ посланникомъ при парижскомъ дворѣ и отправляюсь туда уже завтра.

Я подаль ему счетъ причитающихся мнѣ денегъ за уроки, и онъ, взглянувъ на него, спросилъ меня, сколько платитъ за урокъ баронъ Перглеръ де-Пергласъ. Я отвѣтилъ, что баронъ платитъ по рублю за урокъ. Не говоря болѣе ни слова, Бисмаркъ выдалъ мнѣ за уроки также по рублю, хотя условіе, раньше заключенное съ нимъ, было полтора рубля за урокъ. Я, ничего не возразивъ, взялъ деньги. Надо замѣтить, что баронъ жилъ на Сергіевской улицѣ, не далеко отъ моей квартиры, у церкви Спаса Преображенія, близъ Литейнаго проспекта, Бисмаркъ же жилъ, какъ я уже сказалъ, на Англійской набережной, довольно далеко отъ моего мѣстожительства, и потому я назначилъ за урокъ, длившійся не болѣе одного часа, полтора рубля. По всей вѣроятности, Бисмаркъ, возвратившись изъ-за границы, забылъ, сколько онъ раньше платилъ. Уроки продолжались въ теченіе восьми мѣсяцевъ, и Бисмаркъ на столько освоился съ языкомъ, что могъ уже свободно перево-

дить съ русскаго языка газеты, хотя говорилъ не бѣгло, съ остатками, какъ бы ища подходящаго слова, но говорилъ довольно правильно.

Пожелавъ ему счастливаго пути и здоровья, я раскланялся съ нимъ, и тѣмъ мои уроки прекратились.

Послѣ Бисмарка прусскимъ посланникомъ былъ назначенъ графъ Гольцъ, очень любезный, но крайне вспыльчивый человѣкъ, который также бралъ у меня уроки. Однажды, во время урока, я его перебивалъ при чтеніи и объяснялъ ему неточности перевода. Это ему не понравилось; онъ весь побагровѣлъ и зашевелилъ ногами. Я отодвинулъ отъ него стулъ и, скрестивъ руки, пристально глядѣлъ на него. На каждый его вопросъ я спрашивалъ его: «что прикажете, графъ?». Краска съ лица его сошла, и онъ тихо промолвилъ: «извините». Въ другой разъ, во время урока, вошелъ въ комнату секретарь посольства (фамиліи не помню) съ портфелемъ и бумагами въ рукахъ. Графъ вспылить и крикнулъ на него: «Сколько разъ я долженъ повторять, чтобы никто не мѣшалъ мнѣ во время урока». Секретарь, сконфуженный, раскланялся и извинялся.

Уроки у него продолжались лишь четыре мѣсяца, потому что онъ былъ перемѣщенъ въ Парижъ, на мѣсто Бисмарка, сдѣлавшагося прусскимъ министромъ-президентомъ. При разставаніи графъ Гольцъ, уплативъ мнѣ за уроки, просилъ меня, до пріисканія себѣ новаго ученика, принять отъ него еще двадцать пять рублей.

Послѣ графа Гольца временно занялъ постъ посланника графъ Пернпохеръ. За короткое время его пребыванія въ Петербургѣ онъ могъ въ совершенствѣ сказать только: «Здравствуйте, какъ ваше здоровье?». Говорилъ онъ эти слова громко и ясно. Этимъ, впрочемъ, и ограничились его познанія. Затѣмъ прибылъ графъ Кейзерлингъ, вскорѣ перемѣщенный посломъ въ Константинополь. Эти лица, едва начавъ учиться русскому языку, должны были прекращать уроки.

III.

Въ заключеніе приведу здѣсь корреспонденцію изъ Москвы, появившуюся въ концѣ сентября 1888 года въ приложеніи къ газетѣ «Post» за № 270, чтобы читатель могъ судить, на сколько корреспонденты не стѣсняются иногда въ сообщеніи лживыхъ извѣстій. Вотъ она въ дословномъ переводѣ:

«Я сошелся здѣсь въ Москвѣ съ замѣчательной въ своемъ родѣ личностью, съ которою желалъ бы познакомить вашихъ читателей. Это лицо — бывший учитель русскаго языка Бисмарка. Великій канцлеръ въ 1859 и 1860 году въ теченіе полутора года, до отъѣзда его въ Парижъ, занималъ, какъ извѣстно, постъ прусскаго посланника въ Петербургѣ. Съ того времени и начинается,

говоря относительно, изученіе Бисмаркомъ русскаго языка, знаніемъ котораго онъ и по настоящее время иногда можетъ похвастаться. Всѣ иностранные дипломаты, прибывъ въ Петербургъ, тотчасъ берутъ уроки русскаго языка, но, познакомившись въ теченіе 6—8 недѣль съ трудностями произношенія, грамматики, слога и письма, они прекращаютъ брать уроки, за которые принялись было съ такимъ усердіемъ. Потомъ они довольствуются тѣмъ, что принимаютъ на службу въ посольствахъ своихъ соотечественниковъ, родившихся въ Россіи и владѣющихъ въ совершенствѣ русскимъ языкомъ. Изъ этого правила составляетъ только замѣчательное исключеніе австрійскій военный уполномоченный подполковникъ Клепшъ, владѣющій вполнѣ русскимъ языкомъ, благодаря знанію чешскаго языка, и прожившій въ Петербургѣ болѣе двадцати лѣтъ. Подобнаго блестящаго исключенія, конечно, нельзя ожидать отъ имперскаго канцлера. Но, не смотря на то, онъ не прекращалъ брать уроки во все время его пребыванія въ Петербургѣ. Учителемъ къ нему былъ рекомендованъ студентъ-филологъ С.-Петербургскаго университета, который своимъ прилежаніемъ и хорошими манерами вполнѣ подходилъ для занятія такой почетной должности. Ни рекомендовавшій его, ни онъ самъ не могли, конечно, тогда и предвидѣть, въ какой степени почетное, даже историческое значеніе имѣла обязанность познакомить величайшаго политика нашего времени съ правилами и трудностями русскаго языка и помочь ему ознакомиться также съ русскою жизнью. Бисмаркъ обходился съ своимъ молодымъ учителемъ, какъ съ равнымъ себѣ, оставлялъ его обѣдать, бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ явленіяхъ русской жизни и выслушивалъ его объясненія, не имѣвшія ничего общаго съ преподаваніемъ. Объ этихъ отношеніяхъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ теперь бывшій студентъ, занимающій въ настоящее время должность учителя въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

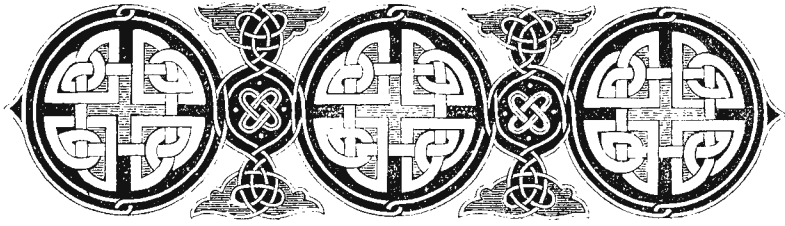
«Бисмаркъ, какъ извѣстно, былъ скрытный и, какъ говорятъ, даже рѣзкій человѣкъ; онъ не принималъ почти никакого участія въ утомительныхъ свѣтскихъ увеселеніяхъ Петербурга и, хотя былъ человѣкъ весьма представительный, однако онъ рѣзко выдѣлялся отъ всего славянскаго и отъ того, что въ Петербургѣ называлось аристократическимъ. Молодого человѣка всего болѣе поражали въ немъ серьезность, простота, непринужденность и его благосклонность къ нему. И теперь еще онъ говоритъ съ сіяющимъ взоромъ о томъ, какъ Бисмаркъ обращался съ нимъ, какъ съ образованнымъ человѣкомъ, и никогда не давалъ понятъ ему различіе, съ которыми относятся разные высшіе чины къ низшимъ и безчиновнымъ людямъ. Онъ никогда не впадалъ также въ излюбенныя другими крайности казаться то слишкомъ вѣжливымъ, то слишкомъ даже простымъ. Разговоры, вопросы, всегда

имѣли характеръ серьезности. Уроки онъ проходилъ прилежно и послѣдовательно. И по настоящее время Бисмаркъ представляется бывшему его учителю какимъ-то идеаломъ, и все нѣмецкое, нѣмецкій языкъ, нѣмецкую литературу, онъ такъ цѣнитъ, что не только самъ въ совершенствѣ владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, но и всѣ дѣти его говорятъ понѣмецки: онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Германіи и съ полнымъ уваженіемъ относится къ нѣмецкой націи и ея учрежденіямъ. Если же заговорить съ нимъ о политикѣ, то и на этомъ образованномъ человѣкѣ замѣтно также вліяніе Московскихъ Вѣдомостей».

Прочитавъ эту статью, я былъ пораженъ, откуда и отъ кого корреспондентъ могъ получить эти свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что въ концѣ сентября 1888 года я не былъ въ Москвѣ, а посѣщаль этотъ городъ всего четыре раза и то на короткое время по дѣламъ службы. Какъ читатель видѣлъ, я былъ студентомъ юридическаго, а не филологическаго факультета; я никогда не состоялъ и не состою преподавателемъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Женился я въ 1885 году, слѣдовательно мои дѣти въ 1888 году не могли еще владѣть нѣмецкимъ языкомъ. Въ Германіи я, отправляясь въ Англию, былъ всего два раза, и то проѣздомъ. Наконецъ, изъ газетъ я обыкновенно читалъ «Голосъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости», а въ послѣднее время «Новое Время», какимъ же образомъ «Московскія Вѣдомости» могли имѣть на меня вліяніе? По всей вѣроятности, корреспондентъ сошелся съ однимъ изъ бывшихъ моихъ учениковъ, которому я подробно рассказывалъ о моихъ урокахъ у Бисмарка, и который, не зная, гдѣ я и чѣмъ занимаюсь, предоставилъ корреспонденту дополнить ихъ своею собственною фантазіей.

В. Алексѣевъ.

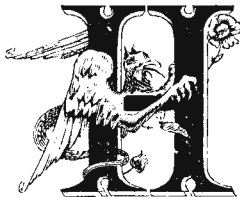

ПОѢЗДКА ВЪ РОДОВУЮ ВОТЧИНУ Н. И. НОВИКОВА.

I.

Сборы въ Авдотьино-Тихвинское.—Сбивчивыя показанія литературныхъ источниковъ объ Авдотьиной старинѣ.—Рѣшеніе ѣхать въ родовую вотчину Новикова.—Авдотьино—помѣстье города Москвы.—Снова сомнѣнія.—Отъѣздъ.

НАПРАСНО проѣздите,—говорили мнѣ, когда я собрался посѣтить родовую вотчину знаменитаго «ревнителя русскаго просвѣщенія», Николая Ивановича Новикова.—Что могло тамъ сохраниться черезъ 76 лѣтъ послѣ смерти Новикова? Современники его навѣрное всѣ умерли, а разныя вещественныя воспоминанія, въ родѣ его дома и вещей, не избѣгли общей почти у насъ участи—разрушенія, запустѣнія и расхищенія. Ужъ если такая судьба постигаетъ крупнѣйшіе наши историческіе памятники, то что и говорить о родовой вотчинѣ Новикова, одиноко и замкнуто доживавшаго тамъ свой вѣкъ...

Доводы эти были, конечно, очень основательны... Припомнилось мнѣ кое-что объ Авдотьино-Тихвинскомъ и изъ литературныхъ источниковъ. Біографъ Новикова, М. Н. Лонгиновъ, заѣзжалъ въ Авдотьино въ 1858 году, то-есть около 36 лѣтъ тому назадъ и 40 лѣтъ спустя послѣ смерти Новикова, и нашелъ тамъ немного воспоминаній о послѣднемъ владѣльцѣ Авдотьинова изъ рода Новиковыхъ. Въ церкви, по его описанію, стѣны, росписанныя клеевою краскою и альфреско, по мысли Новикова, на сюжеты изъ Библии съ мистическимъ характеромъ, были уже замазаны масляными картинами не мудрствовавшихъ лукаво живописцевъ; въ домѣ ца-

рило запустѣніе; мебели и вещей отъ Новикова осталось наперечетъ. Изъ современниковъ Новикова Лонгиновъ встрѣтилъ лишь двухъ стариковъ, сообщившихъ ему о жизни ихъ стараго барина въ Авдотьино. Вполнѣ естественно, что въ три съ половиной десятка лѣтъ и это небольшое должно было или совсѣмъ разрушиться или сильно пострадать отъ времени.

При такихъ соображеніяхъ, косвенно отрицавшихъ пользу и необходимость поѣздки въ вотчину Новикова, лучшемъ надежды для меня явился одинъ изъ современныхъ литературныхъ источниковъ. Лучъ этотъ блеснулъ мнѣ изъ очерка жизни и дѣятельности Н. И. Новикова, написаннаго г-жею Усовой («Жизнь замѣчательныхъ людей», изд. Ф. Павленкова). Въ этомъ очеркѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1892 году, категорически утверждалось, что домъ, въ которомъ жилъ Новиковъ, существуетъ и до сихъ поръ, описывалось расположеніе въ немъ комнатъ и проч. Сказано объ этомъ такъ утвердительно и безъ всякихъ оговорокъ, что является полное убѣжденіе въ томъ, что авторъ очерка, если не лично, то другимъ какимъ нибудь способомъ провѣрилъ свои слова. Но, какъ увидимъ дальше, и я, и другіе читатели очерка г-жи Усовой введены ею относительно существованія дома Новикова въ полное заблужденіе. Положимъ, для описанія жизни и характеристики самой личности и дѣятельности Н. И. Новикова, можетъ быть, и не важно, существуетъ или нѣтъ домъ, въ которомъ жилъ этотъ замѣчательный человѣкъ больше трети своей жизни, но, конечно, всякій согласится и съ тѣмъ, что приводить за достовѣрное сомнительные или непровѣренные факты въ популярной исторической книжкѣ не значитъ придавать этой книжкѣ положительныя достоинства.

Итакъ, изъ стараго литературнаго источника я почерпнулъ свѣдѣнія, скорѣе не благопріятствовавшія поѣздкѣ, тогда какъ новый и, слѣдовательно, болѣе свѣжій и живой источникъ ободрялъ меня на посѣщеніе Авдотьино-Тихвинскаго. Если существуетъ,—значитъ, охраняется и поддерживается,—старинный домъ Новикова,—соображалъ я,—то, безъ сомнѣнія, тою же заботливостью окружены и принадлежавшія ему когда-то вещи и вообще все то, что напоминаетъ о «ревнителѣ русскаго просвѣщенія». Рѣшено было, такимъ образомъ, отправиться въ Авдотьино. Къ тому жѣ черезъ недѣлю (27 апрѣля) предстоялъ памятный день,—стопятидесятилѣтіе со времени рожденія Новикова,—который собирались почтить засѣданіями нѣкоторыя изъ московскихъ обществъ, прикосновенныхъ къ литературѣ...

Надо, впрочемъ, признаться, что ни новыя литературныя данныя, выписанныя ихъ авторомъ безъ провѣрки изъ старыхъ книгъ, ни предстоявшія засѣданія обществъ, прикосновенныхъ къ литературѣ, кстати сказать, такъ и оставшіяся въ области благихъ же-

ланій, не заставили бы, сами по себѣ, пуститься хотя и въ недалекое, но все же невѣдомое странствованіе по воспѣтому въ стихахъ и прозѣ и частенько проклинаемому путниками проселку. Помимо общаго и всѣмъ понятнаго стремленія вырваться весеннею порой изъ города на широкій просторъ полей, съ ихъ нѣжною ярко-зеленою озимью, съ неумолкаемой, журчащей пѣснью жаворонка, влекло и живое желаніе самому взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ родился, жилъ и умеръ человѣкъ, далеко выдвинувшійся изъ ряда обыкновенныхъ людей,—словомъ, хотѣлось совершить своего рода паломничество.

У насъ, въ нашъ пресловутый «практическій» вѣкъ, могутъ казаться странными и сентиментальными путешествія съ такими «непрактическими» цѣлями. Русскій средній человѣкъ, впрочемъ, и независимо отъ такихъ взглядовъ и понятій, большой домосѣдъ и спокойно можетъ сиднемъ просидѣть весь свой вѣкъ въ своемъ облюбованномъ или невольно выпавшемъ на его долю углу. И за большую рѣдкость надо считать случаи, когда кружокъ интеллигентныхъ или вообще среднихъ людей отправляется въ путешествіе съ цѣлью осмотрѣть какую нибудь историческую достопримѣчательность, побывать на могилѣ знаменитаго дѣятеля и т. под. Для насъ это—или пустыки и глупости, или лѣнь насъ обуяла, или намъ «некогда» отъ постоянной погони за «дѣломъ».

Здѣсь не мѣсто, да и бесполезно, доказывать всю ложность такихъ взглядовъ, но лишній разъ указать на такое явленіе все-таки не мѣшаетъ.

Итакъ, поѣздка въ Авдотьино-Тихвинское была рѣшена. Но, прежде чѣмъ ѣхать туда, слѣдовало сдѣлать особую къ этому подготовку въ Москвѣ: необходимо было позаботиться о свободномъ пропускѣ для осмотра Новиковской усадьбы. Авдотьино, то-есть барская усадьба и около 300 десятинъ земли, принадлежит теперь, на особыхъ условіяхъ, Москвѣ. Бѣлокаменная столица получила Авдотьино въ наслѣдство отъ закрытаго недавно комитета для разбора и призрѣнія просящихъ милостыню, которому, на тѣхъ же особыхъ условіяхъ, село это было пожертвовано лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Въ прошломъ году комитетъ былъ упраздненъ, и всѣ его дѣла перешли въ вѣдѣніе городской думы, а вмѣстѣ съ дѣлами и Авдотьино. Завѣдуетъ Авдотьинымъ одинъ изъ членовъ городской управы, и къ нему-то я направился за надлежащимъ разрѣшеніемъ, дабы на заставѣ Авдотьинской усадьбы не учинили мнѣ задержки и остановки.

Визитъ мой къ нему чуть было опять не отклонилъ меня отъ мысли ѣхать въ Авдотьино. Узнавъ, что я собираюсь въ Авдотьино съ литературными цѣлями, онъ убѣдительно мнѣ замѣтилъ:

— Съ литературными цѣлями въ Авдотьино ѣхать совершенно не зачѣмъ. Отъ Новикова тамъ рѣшительно никакихъ слѣдовъ и

вспоминаній не осталось. Домъ, въ которомъ онъ жилъ, давно уже сломанъ, и на его мѣстѣ построена богадѣльня. Современники Новикова навѣрное всѣ уже отошли къ праотцамъ... Впрочемъ, конечно, если хотите, отправляйтесь... Управляющій покажетъ и расскажетъ вамъ все, что можетъ и знаетъ... Но предупреждаю, что дорога туда отъ Бронницъ убійственная. Тамъ есть такое болотце, что колеса уходятъ въ грязь по ступицу, и тарантасъ вашъ легко можетъ тутъ завязнуть.

Этотъ монологъ не предвѣщалъ ничего добраго. Но, положившись на русское «авось» и «небось», я и мой спутникъ очутились, наконецъ, въ вагонѣ московско-казанской желѣзной дороги.

II.

По пути къ Бронницамъ.— Изъ исторіи Бронницъ.— Царскій конскій заводъ и ямщичье дѣло.— Бронницы—помѣстье Софьи Витовтовны.— Древній Бронницкій соборъ.— Кладбище.— Путь до Авдотьины.— Дорожныя картины.

Отъ Москвы до станціи Бронницъ 53 версты. Мы отправились съ ночнымъ поѣздомъ, и черезъ 2 часа насъ уже рвали на части своими услугами два сторожа Бронницкой станціи, такъ какъ мы были единственными пассажирами, сошедшими съ поѣзда. Время было праздничное, и на станціи не замѣчалось никакого движенія, кромѣ полусоннаго, полусердитаго хожденія служащихъ. Ямщиковъ въ вокзалѣ тоже не было, и мы пустились въ поиски за ними. Въ предразсвѣтномъ сумракѣ около станціи темнѣла неопредѣленная масса, похожая на какую-то фантастическую колесницу. Къ нашему удовольствію колесница оказалась огромнѣйшимъ тарантасомъ, запряженнымъ тройкою приземистыхъ лошадокъ. Всмотрѣвшись попристальнѣе, увидали мы и возницу, богатырскимъ сномъ спавшаго въ глубинѣ необъятнаго экипажа.

Начались обычные сцены. Хотя и съ просонокъ, ямщикъ, однако, назначилъ цѣну за проѣздъ въ Авдотьино съ запросцемъ. Надо было торговаться, уходить въ вокзалъ, куда возница не замедлилъ явиться, и гдѣ снова пошелъ торгъ, и т. д. Наконецъ, все было улажено, мы взгромоздились на высокое сидѣнье тарантаса—и тишину наступавшаго разсвѣта смѣнило громаханье тяжелаго экипажа, топотъ лошадей и однозвучное позвякиванье бубенчиковъ.

Свѣта было уже достаточно на столько, чтобы разсмотрѣть, что на разстояніи всѣхъ десяти верстъ отъ станціи до города—однообразная, сѣренькая картина. Пробовали было мы поразспросить о городѣ ѣхавшихъ съ нами обывателей, но и тутъ получилось такое же сѣренькое впечатлѣніе: городокъ, какъ городокъ, живутъ

въ немъ, какъ и въ сотняхъ такихъ же городовъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, кстати и некстати, по лицу широкой Руси...

За версту отъ города, который уже виднѣлся вдаль, толчки шоссе вдругъ смѣнились на минуту мягкимъ покачиваніемъ: это мы ѣхали по мосту черезъ Москву-рѣку, скромно плескавшую свои тихія волны на деревянный настилъ моста. Поправился ямщикъ, повеселѣли лошадки, когда городская улица была передъ нами. Общая ужъ это привычка всѣхъ русскихъ ямщиковъ, въѣзжая въ городъ или на станцію,—поправиться и подтянуться самому и подбодрить лошадей, сколько бы онѣ передъ тѣмъ ни пробѣжали. А нашему возницѣ и тѣмъ паче не пристало отставать отъ этой вѣками усвоенной привычки, что вѣдь онъ, сидя на краешкѣ широкаго передка тарантаса, являлся передъ нами представителемъ того дѣла, которое когда-то давало Бронницамъ и славу, и значеніе. Правильно организованное коннозаводство заведено было въ Бронницахъ царскою властью больше двухсотъ лѣтъ тому назадъ, а ямской промыселъ утратилъ здѣсь свои широкіе размѣры лишь лѣтъ за тридцать до нашего времени, вмѣстѣ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ.

Бронницы—придорожное въ старину село на большомъ Коломенскомъ трактѣ и исторію свою начинаетъ съ устройства здѣсь, по преданію, царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ конскаго завода. А когда, при Екатеринѣ II, Бронницы «къ удобнѣйшему правленію, къ доставленію жителямъ ближайшаго суда и расправы и къ споспѣшествованію ихъ блага» были преобразованы въ городъ (1781 г.), то гербъ имъ былъ данъ съ изображеніемъ коня въ зеленомъ полѣ, «по находящемуся въ семъ городѣ знатному лошадиному заводу». Москва-рѣка, не обильная сама по себѣ водою, широко заливаетъ свои поемные береговые луга, дающіе много травы, и тутъ было удобно и привольно устроиться конскому заводу.

Петръ Великій отдалъ село Бронницы и конскій заводъ любимцу своему Меншикову; послѣ его ссылки село принадлежало дворцовому конюшенному вѣдомству, пока не преобразовалось въ городъ. При Елисаветѣ Петровнѣ соорудили здѣсь каменные конюшни и манежъ. Когда въѣзжаешь въ городъ, то постройки эти сразу бросаются въ глаза своимъ несоотвѣтствіемъ съ неприхотливыми и бѣдными домиками обывателей. Ими пользуется теперь артиллерійскій паркъ.

Болѣ древняя исторія Бронницъ гласитъ, что село это, подъ названіемъ Бронничи, упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1453 г. Тогда оно было вотчиною московскихъ князей. По духовному завѣщанію Софьи Витовтовны оно досталось внуку ея Юрію Васильевичу, который отказалъ его послѣ своей смерти Пафнутьевскому монастырю, Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда. И уже затѣмъ

Бронницы упоминаются снова, какъ царское вотчинное село при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ¹⁾.

Кромѣ манежа, въ Бронницахъ сохранился архитектурный памятникъ еще болѣе далекой старины. Это—соборъ, украшеніе города и гордость бронничанъ. Собственно соборъ состоитъ изъ трехъ церковныхъ зданій, монументальныхъ по своимъ размѣрамъ: колокольни, теплой и холодной церквей. Послѣдняя церковь во имя Архистратига Михаила—древнѣйшая и, по преданію, основана еще при Василии Темномъ. Съ внѣшней стороны она немного напоминаетъ извѣстную старинную церковь въ Москвѣ—Рождества Богородицы въ Путинкахъ. Но въ ней рѣзко бросается въ глаза непропорціональность покрывающихъ ее пяти главъ съ квадратомъ основанія: главы подавляютъ основаніе, хотя и оно значительныхъ размѣровъ. Внутри церкви много живописи. Иконостасъ высокій, старинный. Настѣнные картины работы художника Чернова, вверху — звѣздное небо, по поясу свода — медальонная живопись изъ земной жизни Спасителя.

Главная достопримѣчательность Бронницкаго собора—чудотворная икона Іерусалимской Божіей Матери, чтимая далеко отъ Бронницкихъ предѣловъ. Послѣ Пасхи обыкновенно икону уносятъ изъ Бронницъ за многіе десятки верстъ по окружнымъ селамъ и городамъ, и такъ продолжается почти все лѣто.

Около холоднаго собора нѣсколько могилъ—остатокъ стариннаго кладбища. Тутъ сохранились надгробные памятники, между прочимъ, на могилахъ Михаила Алексѣевича Фонвизина (генерал-майоръ, родился 20 августа 1788 г., умеръ 30 апрѣля 1854 г.), Ивана Алексѣевича Фонвизина (родился 28 августа 1790 г., умеръ 6 апрѣля 1853 г.), Ивана Ивановича Пуцина (родился 4 мая 1798 г., умеръ 4 апрѣля 1839 г.).

Осмотрѣли мы соборъ, обошли почти весь городокъ и на это потратили не больше получаса времени. Достойнаго обратить на себя наше вниманіе ничего больше не оказалось, и мы направились пить чай подъ кровъ лучшей гостинницы, во всемъ похожей на грязные трактиры столичныхъ окраинъ.

Городъ уже совсѣмъ проснулся, когда мы собрались ѣхать дальше.

— Пожалуйте, ваша милость, готово! — доложилъ намъ нашъ возница, обнажая свой бѣлый, оголенный черепъ, еще больше отѣнявшій его и безъ того мѣдно-красное лицо.

Тарантасъ стоялъ у подъѣзда, но это былъ уже не тотъ тарантасъ, напоминавшій поѣздки гоголевскихъ героевъ, въ которомъ мы

¹⁾ Кромѣ печатныхъ источниковъ («Историческое и топографическое описаніе Московской губерніи», 1787 г., «Словарь Пѣкатова» и др.), я пользовался при изложеніи исторіи Бронницъ свидѣніями, сообщенными мнѣ священникомъ Бронницкаго собора, о. А. А. Зерцаловымъ.

ѣхали со станціи. Этотъ былъ поменьше и поуютнѣе, только на двоихъ. И лошади перемѣнились и уменьшились, и даже, если принять во вниманіе протекшіе полтора два вѣка и теорію вырожденія, все же нельзя было считать нашу тройку за происходившую по прямой линіи отъ тѣхъ коней «дацкой породы», которые въ оны времена населяли Бронницкій конный заводъ.

Черезъ минуту мы были за городомъ и катили по сухому, окрѣпшему проселку. Передъ нами разстилались ярко-зеленыя, бархатистыя поля озимей, и, какъ причудливый контрастъ, кое-гдѣ, въ тѣнистыхъ овражкахъ и ложбинкахъ, бѣлѣли тающія кучки залежавшагося снѣга. Барская усадьба, весело смотрѣвшая изъ-за обнаженной еще рощи, спускъ къ ручейку, пригорки и перелѣски, земская гать — западня для неопытнаго путника, — все это и другія обычныя картинки родного придорожья быстро промелькнули передъ нашими глазами подъ веселый звонъ колокольчика.

И вотъ за однимъ изъ пригорковъ показалась темная полоса сосноваго лѣса, гребнемъ рисовавшагося на голубомъ небосклонѣ. Добрались и до лѣса, стѣною вставшаго на широкомъ взгорьѣ, а за лѣснымъ холмомъ увидали обширное поле, на краю котораго раскинулось село — цѣль нашего путешествія — Авдотьино-Тихвинское.

III.

Общій видъ Авдотьино-Тихвинскаго. — Обитатели усадьбы. — Мѣстоположеніе Авдотьино. — Вещественныя памятники старины. — Церковная лѣтопись въ Авдотьино-Тихвинскомъ.

Подбодренная ямщикомъ тройка бойкою рысью полетѣла съ холма, обогнула боковую окраину села и подкатила насъ къ барской усадьбѣ. Мы съ удивленіемъ смотрѣли въ ту сторону, на которой длиннымъ рядомъ тянулись крестьянскія избы. Это была не обыкновенная русская деревня, съ ея покривившимися, почернѣвшими деревянными избами, въ беспорядкѣ тѣснящимися другъ къ другу. Передъ нами была не деревня, а какое-то «селеніе», не то военнаго, не то колонистскаго типа. Среди совершенно русскаго пейзажа было странно и непривычно видѣть эту линію построекъ изъ камня, крытыхъ почернѣвшею и кое-гдѣ торчавшею ключьями соломой. Въ остальномъ представлялся обыкновенный, но всегда пріятный русскому глазу видъ: налѣво отъ деревенской улицы, за зеленымъ выгономъ, возвышалась окрашенная въ розовую краску церковь; напротивъ нея виднѣлись усадебныя постройки, а ближе опрятные домики причта. Въ усадьбу вела аллея, какъ это бывало изстари въ барскихъ помѣстьяхъ, а при началѣ аллеи стояли

бѣлокаменные воротные столбы, тоже, вѣроятно, помнившіе далекое время.

Прямо противъ воротъ бѣлѣлъ каменный домъ, куда мы и направились на поиски за управляющимъ этого имѣнія. Скоро мы его отыскали и начали свои историко-литературные допросы. Любезный приемъ, который мы встрѣтили у управляющаго Авдотьинымъ, С. Е. Прокудина-Горскаго, его просвѣщенная готовность употребить всѣ возможные средства, чтобы мы собрали побольше свѣдѣній, а затѣмъ таковая же любезность и готовность настоятеля авдотьинской церкви о. М. С. Смирнова, предоставившаго въ мое распоряженіе и написанную имъ мѣстную церковную лѣтопись,—послужили для меня источникомъ тѣхъ разсказовъ и данныхъ о Новиковѣ и его жизни въ Авдотьинѣ, которые читатели найдутъ далѣе. Мнѣ особенно пріятно было видѣть, что эти почтенные обитатели Авдотьины старались доставить мнѣ нужныя свѣдѣнія съ полнымъ сознаниемъ глубокаго уваженія къ памяти замѣчательнаго человѣка, когда-то жившаго здѣсь и оставившаго вещественные и невещественные слѣды своего здѣсь пребыванія.

Чтобы читателямъ яснѣе можно было представить себѣ все то, что сохранилось въ Авдотьинѣ памятнаго о Новиковѣ изъ этого вещественнаго и невещественнаго, я сначала опишу, въ связи съ исторіей села и его владѣльцевъ, тѣ уцѣлѣвшіе зданія и предметы которые напоминаютъ о Новиковѣ. А затѣмъ уже сгруппирую и тѣ разсказы и преданія, которые передаются въ Авдотьинѣ о Новиковѣ въ народной молвѣ.

Село Авдотьино-Тихвинское существуетъ, по выраженію церковной лѣтописи, съ незапамятныхъ временъ, переходя отъ одного владѣльца къ другому. Расположено оно въ Бронницкомъ уѣздѣ, на самомъ берегу рѣчки Сѣверки, которая служить естественной границей между этимъ и Коломенскимъ уѣздомъ.

Сѣверка течетъ съ южной стороны Авдотьины, и на самомъ берегу ея раскинулась барская усадьба; впереди ея, лицомъ къ югу, надъ самою рѣчкой, стоялъ домъ, въ которомъ жилъ Новиковъ. Теперь, приблизительно на мѣстѣ дома, находится богадѣльня или, какъ гласитъ надпись, «Домъ успокоенія ближняго». Если ужъ пришлось сломать домъ, въ которомъ жилъ Новиковъ, говорить, любившій ближняго, какъ самого себя, то, конечно, нельзя было ничего лучшаго построить на этомъ мѣстѣ, какъ «домъ успокоенія ближняго»...

За быстрой и свѣтлой Сѣверкой, черезъ которую при Новиковѣ былъ отъ дома перекинутъ мостъ, открывается на далекое пространство прекрасный видъ. Самый домъ Новикова, какъ описываетъ его Лонгиновъ, былъ деревянный, двухъ-этажный, съ балконами. Новиковъ жилъ въ комнатахъ, обращенныхъ къ рѣкѣ, и занималъ двѣ изъ нихъ: угловая служила библіотекой, а рядомъ была спальня и кабинетъ. Въ томъ же домѣ жила семья Новикова:

сынъ и двѣ дочери и близкіе ему, жена профессора Шварца и другъ его Гамалѣя. Домъ Новикова былъ сломанъ передъ постройкой богадѣльни, открытой въ 1879 году, и разный пригодный еще строительный матеріалъ пошелъ на новую постройку. Въ богадѣльнѣ теперь рѣзко бросаются въ глаза старинные изразцы, очевидно, сохранившіеся отъ печей прежняго дома.

Первенствующую роль въ Авдотѣинской усадьбѣ играетъ теперь домъ, въ которомъ помѣщается контора имѣнія и квартира управляющаго. Этотъ домъ каменный и построенъ Новиковымъ; при немъ домъ этотъ принадлежалъ къ дворовымъ службамъ и былъ населенъ дворовыми людьми. Въ 1858 году, когда въ Авдотѣинѣ былъ Лонгиновъ, въ этомъ флигелѣ призрѣвались дворовые люди Новикова.

Къ этому дому надо еще присоединить каменные избы крестьянъ и церковь, и тогда это и будетъ все, что осталось въ Авдотѣинѣ отъ временъ Новикова въ видѣ сооруженийъ. Мы осмотрѣли ихъ всѣ, и я теперь поведу въ нихъ читателей, начиная свой обзоръ съ церкви.

Исторія большей части нашихъ городовъ и селъ начинается вмѣстѣ съ исторіей построенія въ тѣхъ мѣстахъ храмовъ Божіихъ, и тамъ, гдѣ сохраняются объ этомъ какія нибудь данныя въ церковныхъ лѣтописяхъ, найдутся свѣдѣнія и о поселкѣ, окружающемъ церковь. Къ сожалѣнію, далеко не во всѣхъ селахъ нашего обширнаго отечества ведены были изстари церковныя лѣтописи, и, конечно, тамъ затерялись изъ памяти народной многочисленные историческіе факты, не записанные мѣстными лѣтописцами. Да и въ наше время во многихъ ли сельскихъ, въ особенности, церквахъ ведутся правильныя записи, хотя на это и обращено особое вниманіе высшимъ духовнымъ начальствомъ. Или во многихъ ли городахъ,—и даже есть ли такіе города,—ведутся городскія лѣтописныя книги? Что-то не слышно объ этомъ, а нечего и говорить, какъ это было бы важно для разработки мѣстной исторіи.

Авдотѣину въ этомъ отношеніи посчастливилось, хотя и тамъ лѣтопись церковная ведется только съ 1869 года, то-есть со времени вступленія на должность настоятеля церкви о. М. С. Смирнова, пополняющаго съ тѣхъ поръ и доселѣ свои записи. Въ этомъ несомнѣнная заслуга о. Смирнова, тѣмъ болѣе, что онъ не ограничился одними событіями церковной жизни съ 1869 года, но собралъ много данныхъ и для исторіи Авдотѣинской старины. Ему въ этомъ случаѣ помогъ одинъ столѣтній Авдотѣинскій старожиль, котораго онъ засталъ еще въ живыхъ, пріѣхавъ 25 лѣтъ тому назадъ на мѣсто служенія въ Авдотѣино. Отъ него о. Смирновъ слышалъ не мало разказовъ и о Новиковѣ¹⁾.

1) М. Н. Лонгиновъ для своего изслѣдованія о Новиковѣ пользовался рукописнымъ историческимъ описаніемъ церкви с. Тихвинскаго, составленнымъ священникомъ И. Богоявленскимъ.

IV.

Объясненіе названій: «Авдотьино» и «Тихвинское». — Родъ Новиковыхъ въ Авдотьиѣ. — Авдотьинскій приходъ. — Исторія храма. — Внѣшній видъ и внутреннее расположеніе церкви. — Чудотворная икона Тихвинской Божіей Матери. — Описаніе церкви. — Вклады Новикова. — Евангеліе, сосуды, крестъ. — Могила Новикова. — Точное опредѣленіе ея мѣста. — Колоколь «дѣдушка». — Кресло Новикова.

Авдотьино носитъ еще названіе Тихвинскаго. Академикъ Витбергъ, авторъ извѣстнаго проекта храма Христа Спасителя, на Воробьевыхъ горахъ, пріѣзжалъ въ Авдотьино къ Новикову незадолго до смерти послѣдняго. Въ своихъ запискахъ Витбергъ утверждаетъ, что Авдотьино названо Тихвинскимъ «по мѣстечку близъ Шлиссельбурга, гдѣ Новиковъ жилъ въ величайшемъ уединеніи»¹⁾. Это объясненіе нельзя признать точнымъ, потому что Новиковъ жилъ не вблизи Шлиссельбурга, а въ самомъ Шлиссельбургѣ, въ крѣпости.

Гораздо вѣроятнѣе объясненіе церковной лѣтописи, предполагающей, что село названо Тихвинскимъ отъ храма, посвященнаго Тихвинской Божіей Матери. Вполнѣ возможно, что село сначала носило названіе Тихвинскаго, а потомъ уже прибавлено и названіе Авдотьино, происшедшее, по мѣстному преданію, отъ имени Авдотьи, которое носила жена одного изъ владѣльцевъ села.

Роду Новиковыхъ Авдотьино-Тихвинское принадлежало лѣтъ четырехста и, надо полагать, считалось главной вотчиной между остальными ихъ помѣстьями въ другихъ губерніяхъ. По крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуетъ пребываніе въ Авдотьиѣ самихъ помѣщиковъ, для которыхъ это село было постоянной резиденціей.

Въ старину церковь въ Авдотьиѣ была деревянная и стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь поставленъ пирамидальный столбъ изъ камня, обозначающій, что здѣсь былъ престолъ.

При Тихвинской церкви первоначально было только одно село Авдотьино, и церковь по записямъ числилась домовою. Но со временемъ, когда деревянная церковь была замѣнена каменною, и помѣщики сосѣднихъ деррвень причислились къ Тихвинскому приходу. При этомъ случился эпизодъ, который я заимствую изъ церковной лѣтописи. Онъ характеризуетъ ту привязанность, какую имѣетъ нашъ народъ къ своей церкви, къ своему приходу, также, какъ и къ своей землѣ. Относительно послѣдняго извѣстно, что, напримѣръ, наши переселенцы, уходя въ чужой край, захватываютъ съ собою каждый хоть горстку родной земли, чтобы было чѣмъ посыпать могилу или мѣсто, гдѣ строить домъ придется.

¹⁾ Русская Старина, 1872 г., № 4, стр. 564.

Нѣчто подобное случилось и въ Авдотинѣ при переселеніи крестьянъ изъ одного прихода въ другой. Они продолжали по-прежнему ходить въ старый приходъ, а такъ какъ дорога лежала черезъ мостъ, то помѣщики ставили на мосту своихъ людей, и они прогоняли народъ палками, чтобы онъ шелъ въ новый приходъ.

Ветхость ли церкви или усердіе къ храмостроительству побудили Ивана Васильевича Новикова, отца Николая Ивановича, приняться за постройку, вмѣсто деревянной, каменной церкви,— неизвѣстно. Но въ 1753 году онъ заложилъ каменный храмъ о трехъ престолахъ, съ каменною же колокольнею. Иванъ Васильевичъ тогда былъ уже статскимъ совѣтникомъ въ отставкѣ, а Н. И. въ то время получалъ первые уроки просвѣщенія отъ дьячка Авдотинской церкви. Были, однако, какія-то причины, которыя задержали постройку церкви, такъ какъ окончательно отдѣлана была она уже Н. И. Новиковымъ въ 1789 году. Строилась церковь изъ мѣстнаго бѣлаго тесанаго камня, а мастера также были свои. Оттого, можетъ быть, произошли въ отдѣлкѣ кое-какія погрѣшности. Теперь, напримѣръ, можно замѣтить значительныя шероховатости на внутренней сторонѣ стѣны отъ недостаточно пригнанныхъ одинъ къ другому камней и не гладко стесанныхъ. Но по архитектурѣ церковь очень изящна, особенно колокольня: она трехъярусная, украшена карнизами, фронтисписами, колоннами, а на лицевой ея сторонѣ написана картина, изображающая явленіе Божіей Матери понамарю Георгію.

Церковь внутри раздѣляется на трапезную, теплую, и настоящую, холодную. Въ трапезной два придѣла: налѣво во имя св. Василія Парійскаго, направо во имя св. Алексѣя митрополита,—святыхъ, какъ надо полагать, тезоименитыхъ дѣду и брату Н. И. Новикова. Первымъ былъ освященъ придѣлъ св. Василія Парійскаго. Полотняный набивной антиминсъ на престолѣ въ этомъ придѣлѣ освященъ 4 іюня 1753 года преосвященнымъ Гавріиломъ, епископомъ коломенскимъ и каширскимъ. Правый придѣлъ, во имя св. Алексѣя митрополита, устроенъ черезъ 35 слишкомъ лѣтъ послѣ перваго: атласный антиминсъ въ немъ освященъ епископомъ Аенасіемъ 7 мая 1789 года. Въ этомъ придѣлѣ находится и высокочтимая мѣстная святыня, чудотворная икона Тихвинской Божіей Матери. Икона эта, помѣщенная за правымъ клиросомъ, греческаго писанія, въ серебряномъ окладѣ, съ вѣнцомъ, осыпаннымъ драгоценными камнями, и представляетъ точную копию съ явленной иконы, находящейся въ Тихвинскомъ монастырѣ, Новгородской губерніи. Свѣдущіе люди, осматривавшіе икону, находятъ, что ей болѣе 200 лѣтъ. Отчасти это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что икона была перенесена сюда изъ деревяннаго храма, существовавшего въ первой половинѣ прошлаго вѣка. По преданію же, икона Тихвинской Божіей Матери принесена была въ Авдотино

изъ другого имѣнія Новиковыхъ. Это видно и изъ того, что хотя церковь во имя Тихвинской иконы, но икона эта никогда не была мѣстною. И въ деревянномъ, и въ каменномъ храмѣ мѣстною иконою была и теперь такъ остается Николобесѣдская икона Богоматери.

Преданіе продолжаетъ еще далѣе въ глубь вѣковъ исторію этой иконы. Оно гласитъ, что икона и въ другое имѣніе Новиковыхъ была принесена издавна, и при томъ изъ Греціи, однимъ изъ предковъ Новикова, служившимъ воеводою. Какъ я уже замѣтилъ, икона эта особенно почитается мѣстнымъ и окрестнымъ населеніемъ, и ее носятъ всегда въ крестныхъ ходахъ. Въ день празднованія Тихвинской иконѣ Богоматери (26 іюня) въ Авдотьино стекается масса народа. Церковная лѣтопись свидѣтельствуетъ и объ исцѣленіяхъ, получавшихся по вѣрѣ отъ иконы.

Въ томъ же придѣлѣ св. Алексѣя митрополита находится въ алтарѣ тоже древняя, строгоновскаго писанія, икона Владимірской Божіей Матери; этой иконѣ насчитываютъ лѣтъ четыреста. Остальныя иконы въ трапезной церкви современнаго письма, работы художника Кондратьева. Невысокій потолокъ трапезной церкви поддерживается четырьмя колоннами, а отъ настоящей, холодной, она отдѣляется аркой съ стеклянными дверями.

Холодная церковь небольшая, очень узкая, какъ многія изъ старинныхъ церквей, и съ чрезвычайно высокимъ, не пропорціональнымъ ширинѣ, почти равнымъ колокольнѣ, куполомъ. Атласный желтый антиминсъ на престолѣ настоящей церкви освященъ епископомъ Θεодосіемъ Коломенскимъ и Каширскимъ 3 мая 1776 года¹⁾.

Алтарь въ настоящей церкви значительно возвышенъ, и это, вмѣстѣ съ четырехъяруснымъ иконостасомъ, придаетъ храму величественный видъ. Иконы въ нижнемъ ряду стариннаго письма, а въ верхнихъ — работы Кондратьева. Всѣ стѣны росписаны живописными картинами. Прежде картины, по мысли самого Новикова, написаны были на библейскіе и мистическіе сюжеты, но при позднѣйшихъ поновленіяхъ церкви эта живопись была закрашена, и на стѣнахъ оказались обыкновенныя картины духовнаго содержанія, какъ и въ другихъ сельскихъ церквахъ. Отъ старинной Новиковской живописи сохранились, впрочемъ, остатки, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ о. Смирновъ. Это — фигуры апостоловъ, написанныя на самомъ верхнемъ поясѣ, гдѣ начинается сводъ купола. Фигуры эти замѣчательно рельефно выдѣляются на фонѣ стѣны и снизу кажутся скульптурными произведеніями.

Другой остатокъ Новиковской живописи — это куполь. Въ немъ изображены семь небесъ. Картина изображаетъ небесный сводъ

¹⁾ М. Н. Лонгиновъ въ своей статьѣ «Посѣщеніе села Авдотьино-Тихвинскаго, принадлежавшаго Н. И. Новикову» («Русскій Вѣстникъ», 1858 г., № 22), говоритъ, что къ 1776 году относится обновленіе главной церкви. Изъ церковной лѣтописи этого не видно.

съ облачными наслоеніями разныхъ цвѣтовъ и въ самой вышинѣ Бога Отца. Все это вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе храма, въ которомъ и мысли и молитвы легко и свободно несутся къ престолу Небеснаго Царя. Для резонанса въ углахъ устроены особаго рода кувшины.

Мѣстная икона Богоматери въ иконостасѣ настоящей церкви, такъ называемая Николобесѣдская и изображающая явленіе Приснодѣвы съ святителемъ Николаемъ понамарю Георгію, писана при Н. И. Новиковѣ художникомъ Антонелли. Работы того же художника и еще двѣ иконы, взятые въ церковь изъ дома Новикова уже послѣ его смерти. На нихъ изображены Моленіе о чашѣ и Тайная вечеря. Обѣ иконы теперь запрестольныя.

Въ алтарѣ же находятся и главныя драгоценности Авдотинской церкви,—драгоценности, какъ потому, что онѣ имѣютъ огромную для сельской церкви стоимость, такъ и потому, что являютъ собою память о Н. И. Новиковѣ, щедромъ жертвователѣ въ свой храмъ.

Первое мѣсто среди этихъ предметовъ занимаетъ евангеліе, принесенное въ даръ Новиковымъ. Оно листовое, отпечатано на александрийской бумагѣ, въ Москвѣ, въ 1791 г. Верхняя доска евангелія обложена серебромъ и вызолочена. На ней посрединѣ изображеніе Воскресенія Христова, на финифти, а по угламъ—четыре евангелистовъ. Кромѣ того, вверху доски еще четыре изображенія: Бога Отца, свв. Василія Великаго, Григорія Богослова и внизу—Иоанна Златоустаго, всѣ вычеканенныя на серебрѣ съ чернетью. Первые же пять изображеній осыпаны драгоценными камнями разныхъ цвѣтовъ: фіолетоваго, палеваго, голубого. Нижняя доска, лежащая на четырехъ ножкахъ, также обложена вызолоченнымъ серебромъ съ изображеніемъ Распятія Христова и четырнадцати рисунковъ изъ исторіи Распятія. На этой же доскѣ вычеканены изображенія Бога Отца и ветхозавѣтныхъ пророковъ. Двѣ серебряныя застежки евангелія съ изображеніями апостоловъ Петра и Павла. Серебро, которымъ обложено евангеліе, не имѣетъ пробы.

Далѣе слѣдуетъ серебряный вызолоченный крестъ, осьмиконечный, съ изображеніями на передней сторонѣ, на финифти, Распятія, Божіей Матери и Иоанна Богослова. Вверху креста—Богъ Отецъ, внизу—Адамова голова. Задняя сторона креста гладкая; на ней выбитъ годъ—1787-й. Крестъ очень массивный: въ немъ 4 фунта вѣсу.

Потиръ серебряный, вызолоченный внутри и снаружи, обложенъ въ верхней части, гдѣ самая чаша, серебряною сѣткой; на немъ восемь священныхъ изображеній, написанныхъ на финифти.

Вся эта драгоценная утварь по описи прошлаго столѣтія стоила 12 тысячъ рублей, и это указываетъ на щедрость Н. И. Новикова.

Въ алтарѣ, кромѣ перечисленнаго мною выше, обращаетъ на себя особенное вниманіе металлическая бѣлая одежда на престолѣ,

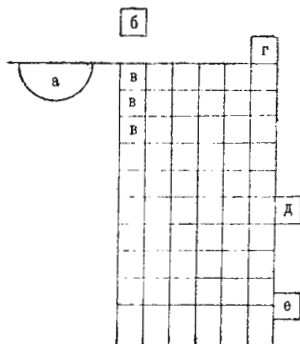
также старинная, съ рельефными изображеніями Тайной Вечери и другихъ событій изъ Страстей Господнихъ. Сохранился, кромѣ того, древній напрестольный деревянный крестъ. Есть еще въ ризницѣ авдотынской церкви одинъ достопримѣчательный сосудъ, изъ котораго, по преданію, Н. И. Новиковъ приобщался Св. Тайнъ у себя на дому. Объ этомъ преданіи мнѣ придется говорить послѣ.

Осталось, наконецъ, сказать и еще объ одной достопримѣчательности авдотынской церкви, о могилѣ самого Новикова.

Около южныхъ выходныхъ дверей изъ настоящей церкви, прибита на стѣнѣ доска съ надписью: «Здѣсь покоится тѣло раба Божія Николая Ивановича Новикова, родился 27-го апрѣля 1744 года, скончался 31-го іюля 1818 года, 73-хъ лѣтъ отъ рожденія». Было бы, однако, ошибочно думать, что прахъ Новикова погребенъ близъ стѣны, гдѣ находится доска. Да и самая доска съ надписью о погребеніи Новикова была помѣщена здѣсь черезъ сорокъ лѣтъ послѣ смерти его (1857 г.) по распоряженію С. Д. Нечаева, предсѣдателя комитета для разбора и призрѣнія нищихъ.

Я опредѣлю точнѣе, гдѣ находится могила Новикова. Дѣлаю это опредѣленіе со словъ настоятеля авдотынской церкви, о. М. С. Смирнова. А ему мѣсто могилы Новикова извѣстно потому, что при перестилкѣ каменныхъ плитъ церковнаго пола о. Смирновъ видѣлъ склепъ, въ которомъ похороненъ Новиковъ.

Если изобразить схематическій планъ мѣста могилы Новикова по отношенію къ видимымъ частямъ и предметамъ церкви, то получится представленный здѣсь чертежъ.

На этомъ планѣ буквами обозначены слѣдующія мѣста: а—амвонъ, б—икона Спасителя въ иконостасѣ, ввв — могила Н. И. Новикова, г — правый клиросъ, д—южная дверь церкви и е—доска съ надписью о погребеніи здѣсь тѣла Н. И. Новикова, описанная мною выше. Такимъ образомъ, могила Н. И. Новикова находится въ шестомъ продольномъ ряду каменныхъ плитъ, застилающихъ полъ, и подъ первыми тремя изъ нихъ отъ солей.

Я съ такою точностью описываю мѣсто могилы Новикова потому, что мѣсто это ничѣмъ въ церкви не отмѣчено, и память о томъ, гдѣ именно оно находится, можетъ съ теченіемъ времени утратиться. Значительныя же поправки и перестройки церкви, при которыхъ можетъ обнаружиться мѣсто склепа, бываютъ, конечно, очень рѣдко.

Не выходя изъ церкви, упомяну еще объ одной вещи, принадлежавшей когда-то Новикову: это его кресло чернаго дерева, кото-

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ НОВИКОВЪ.

ДОВВ. ЦЕНЗ. СПБ., 26 ОКТЯБРЯ 1894 Г.

Церковь въ имѣніи Н. И. Новикова.

рое стоитъ въ алтарѣ. А выйдя изъ церкви, укажу на колокольню, на которой виситъ кококоль съ надписью, что онъ отлитъ по усердію Н. И. Новикова. Въ колоколѣ этомъ 52 пуда, онъ очень звонокъ, и, въ уваженіе къ его старости, его зовутъ дѣдушкой.

Съ сѣверной стороны церкви, снаружи, находятся могилы: друга и единомышленника Новикова, Семена Ивановича Гамалѣи (род. 31-го іюля 1743 года, скончался 10-го мая 1822 года; на его мо-

гильномъ камнѣ надпись: «Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ» (II посланіе къ Тимоѳею, гл. IV, ст. 7), и владѣльца Авдотына, послѣ Новикова, Петра Андреевича Лопухина (родился 1772 года, скончался 1834 года).

Этимъ я и закончу описаніе церкви, которая, какъ видятъ читатели, является главнымъ хранилищемъ въ Авдотынѣ памяти о своемъ устроителѣ и благотворителѣ: здѣсь покоится его прахъ, здѣсь—дары, принесенные имъ церкви, здѣсь его мысль и настроеніе выражены въ «семи небесахъ»,—слишкомъ много всего, чтобы вспомнить о великомъ человѣкѣ и поклониться его могилѣ.

V.

Хозяйство въ Авдотынѣ при Новиковѣ.—Сохранившіяся постройки Новикова.—Каменный флигель.—Каменные избы крестьянъ.—Ихъ внѣшность и внутренній планъ.—Избы прежде и теперь.

При Николаѣ Ивановичѣ Новиковѣ Авдотынская усадьба была устроена на старинный барскій ладъ, и вообще все хозяйство у него велось на широкую ногу. Всего къ помѣстью принадлежало до 700 десятинъ земли¹⁾. Громадный садъ при усадьбѣ, занимавшій десятинъ двѣнадцать, съ оранжереями, каменный скотный дворъ, кирпичные и известковые заводы, большой барскій домъ, солидныя хозяйственныя постройки и проч.—все это строилось или поддерживалось самимъ Новиковымъ²⁾. Рассказывая о Новиковѣ, старики и теперь говорятъ, что, живя въ Авдотынѣ, онъ больше всего занимался стройкой. Это было уже послѣ освобожденія его изъ крѣпости, когда его матеріальныя средства стали оскудѣвать, и онъ обстроивалъ усадьбу и дома крестьянскіе на деньги, полученные, по предположенію Лонгинова, подъ залогъ имѣнія въ опекуномъ совѣтѣ.

Понятно, поэтому, что въ такой солидно-устроенной барской усадьбѣ для помѣщенія дворовыхъ предназначался флигель такихъ большихъ размѣровъ, какой сохранился до сихъ поръ; да еще былъ и не одинъ, а два такихъ флигеля, которые и сами по себѣ могли бы теперь служить помѣщичьими домами, даже и въ крупныхъ имѣніяхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по уцѣлѣвшему дому. Выстроенъ этотъ домъ былъ еще года за три до постройки (въ 1800 г.) того стараго, теперь уничтоженнаго, барскаго дома, въ которомъ жилъ самъ Новиковъ. Объ этомъ говорить авдотынский

¹⁾ Нынѣ къ Авдотыну принадлежить до 300 десятинъ.

²⁾ М. Н. Лонгиновъ сообщаетъ, что у Новикова былъ суконный заводъ. Я же слышалъ въ Авдотынѣ, что суконный заводъ тамъ былъ позже, при Лопухинѣ, а при Новиковѣ существовалъ заводъ сахарный.

старожилъ, родившійся еще при жизни Новикова, Степанъ Аванасьевичъ, сынъ управляющаго Новикова, и самъ потомъ многіе годы управлявшій Авдотьинымъ. Съ этимъ почтеннымъ старцемъ я познакомлю читателей впоследствии. Флигель, о которомъ идетъ рѣчь, каменный, двухъэтажный. По лицевому фасаду онъ имѣетъ вверху шесть оконъ и по срединѣ дверь, выходящую на балконъ. Внизу этой двери соотвѣтствуетъ входная дверь въ домъ, къ которой ведутъ четыре ступеньки. Рядомъ съ нижней дверью небольшая дверь ведетъ въ особую кладовую. По бокамъ отъ крыльца крытые входы въ обширные сухіе подвалы. Домъ этотъ, какъ я уже упоминалъ, занятъ теперь конторой и квартирой управляющаго имѣніемъ, а также помѣщеніями для прислуги.

Неизвѣстно, на сколько осталось неприкосновеннымъ расположеніе комнатъ въ этомъ домѣ. Говорятъ, что были внутри значительныя передѣлки. Но если вся распланировка комнатъ и вообще устройство дома носятъ на себѣ слѣды Новиковскаго типа, то можно сказать, что «ревнитель просвѣщенія» любилъ и стремился дать другимъ не только духовный свѣтъ, но и какъ можно больше свѣта физическаго. Въ домѣ буквально нѣтъ ни одного уголка, гдѣ бы, даже затворивши всѣ двери, можно было остаться въ такой хотя приблизительно абсолютной темнотѣ, какая требуется для фотографическихъ работъ. Свѣтъ, свѣтъ и свѣтъ льется въ большія окна, пробивается въ корридоры и чуланы. Въ такомъ свѣтломъ домѣ, да при такомъ помѣщикѣ, какъ Новиковъ, легко, вѣроятно, жилось дворовымъ людямъ...

Чтобы закончить объ этомъ домѣ, скажу, что въ немъ жили впоследствии тѣ же дворовые, нѣсколько человекъ, но уже какъ въ богадѣльнѣ. Тутъ же помѣщались аптека и школа для мальчиковъ. Это было въ то время, когда Авдотьино поступило въ вѣдѣніе комитета о нищихъ.

Устроивая свою усадьбу, Николай Ивановичъ съ истинно-отеческой заботливостью не позабылъ и о крестьянахъ своихъ. Они не были для него такими крѣпостными, какими были тогда крестьяне для огромнаго большинства помѣщиковъ. Человѣчное отношеніе къ крестьянину, какъ къ своему ближнему, сдѣлало Новикова «отцемъ», «благодѣтелемъ», «ангеломъ» въ глазахъ его крѣпостныхъ. И эти трогательныя названія до сихъ поръ черезъ нѣсколько поколѣній все еще повторяются авдотьинскими крестьянами. О томъ, каксе нравственное вліяніе, тоже не исчезнувшее до сихъ поръ, имѣлъ Новиковъ на крестьянъ, я скажу дальше. А теперь перейду къ тому вещественному памятнику благодѣяній Новикова крестьянамъ и заботъ объ ихъ благосостояніи, который цѣлое столѣтіе напоминаетъ авдотьинцамъ про ихъ стариннаго вотчинника.

Напоминаетъ волей-неволей, потому что этотъ памятникъ не что иное, какъ дома, въ которыхъ до сихъ поръ обитаетъ все

авдотыинское населеніе, и при томъ исключительно въ этихъ домахъ, потому что другихъ избъ позднѣйшей постройки въ Авдотыинѣ нѣтъ.

Радѣя о благѣ людей, данныхъ ему судьбой въ полную власть, Новиковъ желалъ устроить ихъ матеріальный бытъ, упрочить его, въ чемъ можно, надолго. Въ силу этого желанія ему и пришла, конечно, мысль, построить для своихъ крестьянъ каменные избы. Преимущества этихъ избъ передъ деревянными, при тѣхъ условіяхъ, какъ строились въ то время и тѣ и другія, очевидны. Деревянно-соломенная Русь и понынѣ каждое лѣто горитъ безъ конца, горитъ беспомощно, а во времена Новикова это было и подавно такъ. Избавить крестьянъ отъ этого губительнаго зла значило на практикѣ дать имъ болѣе огнеупорныя постройки. Новиковъ такъ и сдѣлалъ, поставивъ въ Авдотыинѣ рядъ каменныхъ домовъ подъ желѣзными крышами.

И помимо огнестойкости каменные избы были несравненно лучше деревянныхъ по чистотѣ и удобствамъ, которыя трудно завести въ обыкновенной курной избѣ.

Эти оригинальныя крестьянскія палаты были построены Новиковымъ по слѣдующему плану, какъ совершенно сохранился онъ и до сихъ поръ.

Каждая изба предназначалась для четырехъ семей. Чтобы размѣстить всѣ семьи отдѣльно одна отъ другой, все длинное зданіе избы раздѣлялось каменными же перегородками и сѣнями на четыре особыхъ помѣщенія. Каждое изъ этихъ помѣщеній имѣло по два окна и въ общемъ было не меньше большой крестьянской избы, какія обыкновенно у насъ ставятся. Всего въ каменной избѣ было четыре двери: двѣ по бокамъ и двѣ въ срединѣ. Изъ этихъ дверей вели черезъ сѣни ходы въ отдѣленія избы, такъ что каждая семья имѣла свой особенный, совершенно изолированный входъ въ избу. Построены избы были изъ мѣстнаго камня, который добывался въ берегахъ Сѣверки¹⁾.

Всѣ избы, весь планъ ихъ расположенія и устройства, вообще говоря, сохранились и до сихъ поръ въ прежнемъ видѣ. Но всеизмѣняющее и даже всесокрушающее время не могло не коснуться и этихъ слѣдовъ просвѣщеннаго вниманія знаменитаго гражданина къ быту его меньшихъ братьевъ. Съ внѣшней стороны избы давно уже утратили значительную долю своего прежняго благообразія. Самыя существенныя измѣненія потерпѣли кровли. Изъ желѣзныхъ онѣ съ теченіемъ времени превратились въ деревянные, а потомъ и въ соломенные. Въ послѣднемъ видѣ онѣ находятся и

¹⁾ Въ окрестностяхъ Авдотыина добывается также мраморъ, но не разрабатывается по причинѣ дорогой доставки въ Москву.

теперь, представляя собою какую-то грустную несообразность, не-
вяжущееся соединеніе камня и соломы...

И внутри избъ, въ жизни ихъ обитателей, произошло много
перемѣнъ со времени Новикова. Я говорю не о тѣхъ переворотахъ

Флигель времени Н. И. Новикова.

которые вообще постигли нашъ крестьянскій міръ. Нѣтъ, а просто
стали другими, чѣмъ прежде, условія жизни въ этихъ избахъ. Объ
этомъ повѣдали намъ мужички, когда мы заглянули въ одно изъ
Новиковскихъ сооружений для крестьянскаго жилья.

Съ тѣхъ поръ, какъ избы по извѣстному плану и расчету были построены, населеніе Авдотьяна, по общему закону, все плодилось и плодилось, количество семей прибавлялось, а избы новыхъ не ставилось. Въ концѣ концовъ на каждую семью стало доставать уже не по два окошка, а по одному, а то и вовсе по половинѣ окна, то-есть, въ каждомъ отдѣленіи, предназначенномъ для одной семьи, начали помѣщаться по двѣ и даже по четыре семьи. Такъ, въ нѣкоторыхъ избахъ и теперь ютятся въ тѣснотѣ.

Кромѣ этого неудобства, есть и другое, на которое жалуются авдотьянцы. «Холодно вато зимою бываетъ», — говорятъ они. Каменная изба беретъ много дровъ, а топка въ наше время дорогая, русскій же человѣкъ, какъ извѣстно, привыкъ къ тому, что паръ костей не ломить. Прежде лѣса были вольные, топи избу, сколько хочешь, а нынче не то,—вотъ и забнуть авдотьянцы. Да и ветшаютъ избы, вывѣтриваются, обсыпаются, а поддерживать ихъ крестьянамъ, можетъ быть, и не по силамъ, а то, можетъ быть, просто не хочется по свойственной намъ лѣни и распущенности въ хозяйствѣ.

Разсказываютъ и такъ. Избы въ Авдотьянѣ построены въ два ряда камней, а середина засыпана углемъ. А такъ какъ съ теченіемъ времени авдотьянцы сдѣлались большими любителями чаепитія, то они для растопки самоваровъ пользовались углемъ изъ стѣнъ, пока не повыбрали его оттуда.

Разумѣется, новиковскія избы простоятъ еще очень долго, но ничего нѣтъ мудренаго, что на мѣстѣ ихъ когда нибудь построятъ деревянныя хаты, и отъ разумной мысли и благихъ намѣреній Новикова не останется слѣда.

VI.

Авдотьянскіе старожилы.—Современникъ Новикова.—Его разсказы.—Жизнь Новикова въ Авдотьянѣ.—Характеристика Новикова.—Голодный годъ.—Французы въ Авдотьянѣ.—Новиковъ—фальшивый монетчикъ.—Арестъ Новикова.—Авдотьяно при Лопухинѣ.—Послѣдніе годы жизни Новикова въ Авдотьянѣ.

— Скажите, чтò напоминаетъ теперь въ Авдотьянѣ о Новиковѣ, сохранилось ли что нибудь, нѣтъ ли въ живыхъ кого нибудь изъ его современниковъ?—это были первые вопросы, которые я предложилъ С. Е. Прокудину-Горскому, управляющему Авдотьянскимъ, когда познакомился съ нимъ и замѣтилъ его готовность сообщить все, что возможно розыскать о Новиковѣ въ его бывшей родовой вотчинѣ.

— Да думаю, что найдется кое-что интересное. Вотъ передъ вами усадьба, церковь, крестьянскія избы, все это напомнитъ вамъ о Новиковѣ. Попробуемъ найти и его современниковъ, у насъ въ богадѣльнѣ есть такіе старички,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ.

Прежде всего я попросилъ дать мнѣ возможность потолковать съ старичками.

— А вотъ мы сейчасъ позовемъ ихъ сюда.

Черезъ нѣсколько минутъ мы видѣли передъ собою представителей далекой старины. Ихъ было двое. Одинъ изъ нихъ клонился уже къ дряхлости. Глубокія морщины на безжизненномъ лицѣ, темныя впадины глазныхъ орбитъ, тусклый взглядъ прежде всего указывали на долгіе, долгіе годы жизни на бѣломъ свѣтѣ. Этому старику, котораго звали Захаръ Гавриловъ, исполнилось 85 лѣтъ, и, слѣдовательно, онъ былъ 9-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, когда умеръ Новиковъ. Въ эти дѣтскіе годы память уже многое отмѣчаетъ на всю жизнь. Во всемъ Авдотьянѣ теперь только и остался одинъ Захаръ Гавриловъ, который помнитъ своего стараго барина. Есть еще старикъ, бывшій управляющій, о которомъ я скажу дальше, тоже современникъ Новикова, года на три помоложе Захара Гавриловича, но онъ уже близокъ къ той грани, когда старость переходитъ въ младенчество и память слабѣетъ до полной ея потери. Что же касается Захара Гаврилова, то онъ, такъ сказать, еще въ твердой памяти и здоровомъ умѣ, и лишь описанныя выше черты его лица и слабый, глухой, прерывистый голосъ краснорѣчиво говорятъ о его лѣтахъ.

Другой старикъ, пришедшій къ намъ для живыхъ показаній о временахъ минувшихъ, по имени Эрастъ Ивановъ, былъ еще совсемъ бодрый мужикъ, хотя и ему считалось около 70 лѣтъ. Оба они были изъ крестьянъ, а не изъ дворовыхъ Новикова.

— Вотъ что, старички,—началь, обращаясь къ нимъ, г. Прокудинъ-Горскій,—видите, вотъ господу изъ Москвы пріѣхали посмотреть наше Авдотьино, да любопытно имъ тоже поразспросить про вашего бывшего барина, про Николая Ивановича Новикова.

— Да, это точно... Николай Ивановичъ былъ баринъ нашъ... Это дѣйствительно...—заговорили старички.

— Такъ поразскажите, что о немъ знаете, что помните, что отъ своихъ стариковъ слыхивали,—еще разъ объяснилъ я имъ цѣль нашей бесѣды.

— Да, какъ не помнить... Давно только это было-то... И отъ стариковъ слыхивали... Что-жъ баринъ нашъ былъ хорошій, добрый, такихъ, можетъ, и нигдѣ не бывало...

— Ну, вотъ и разскажите... Ты-то, Захаръ Гаврилычъ, я думаю, больше помнишь?

— Вѣрно, вѣрно,—отозвался Эрастъ Ивановъ,—я знаю только то, что отъ другихъ слыхалъ, я послѣ Николая Ивановича родился, а Захаръ помнитъ.

— Да, помню,—подтвердилъ Захаръ, и на цѣлый рядъ моихъ вопросовъ началъ свой отрывочный разсказъ:—Помню, помню... Бывало, онъ ѣдетъ по деревнѣ, а мы, ребятишки-то, всѣ за нимъ:

такъ ужь, значить, привадилъ онъ насъ за собою... Кучей всѣ летимъ за нимъ... А онъ кошку съ собой возилъ съ пряниками и намъ бросалъ горстями... Которые были посмѣлѣе изъ насъ, такъ тѣ и сами, прямо изъ рукъ у Николая-то Ивановича, пряники брали... Какъ цыплята, бывало, за нимъ бѣгаемъ...

— Ну, а какъ же жилъ, что дѣлалъ Николай Ивановичъ, этого не помнишь? — спросилъ я у единственнаго оставшагося въ живыхъ изъ тѣхъ, которые ѣли пряники Новикова.

— Да что дѣлалъ—извѣстно, дѣло господское... А только Николай Ивановичъ все больше стройкой занимался... Скотный дворъ былъ огромный, и фабрика была... Избы намъ, крестьянамъ, построилъ каменные... Людей-то здѣсь у насъ мало было, такъ онъ покупалъ въ другихъ мѣстахъ и сюда переселялъ...

— Ну, а каковъ онъ былъ человѣкъ, какъ съ крѣпостными своими обращался?

— Человѣкъ-то? Да душа человѣкъ — вотъ какой. Какъ обращался, и говорить нечего: какъ отецъ родной... Ужъ что про насъ сказывать, а и вся-то округа называла его ангеломъ своимъ да благодѣтелемъ. Бывало придетъ къ нему мужичекъ. Такъ и такъ, молъ, батюшка-баринъ, вотъ у меня сынъ, или тамъ два, женить пора. «Да есть ли деньги-то?» спроситъ Николай Ивановичъ и потомъ вынетъ пять или больше золотыхъ и дастъ на свадьбу. А когда молодые на поклонъ къ нему придутъ, то также жалуется... А въ голодные годы на 50 верстъ кругомъ разсылалъ афишки, чтобы, значить, шли къ нему, въ Авдотьино, за хлѣбомъ и всѣмъ хлѣбъ даромъ раздавалъ... Покупалъ мукой, а народу печенымъ хлѣбомъ раздавалъ... Еще рассказывали старики, что во время французскаго года къ намъ сюда тоже неприятель заходилъ. И Николай Ивановичъ всю армию принялъ, всѣмъ имъ по два яблока и по бокалу водки далъ. А они никого, ни одной души у насъ тутъ не тронули... Рассказывали старики и про то, какъ Николая Ивановича подъ арестъ брали...

— За что же это его брали, какъ тутъ у васъ объ этомъ говорить?—спросилъ я.

— Молва была, что за деньги его взяли, золото онъ будто бы дѣлалъ... Вотъ въ голодное-то время на эти деньги онъ народу хлѣбъ-то и покупалъ... Къ нему золото возили слитками, а онъ его въ червонцы и выдѣлывалъ... Была для этого у него и машина такая, чтобы монеты чеканить... Съ обыскомъ къ нему три раза приѣзжали, насчетъ золота-то, а онъ какъ прознаетъ, что обыскъ будетъ, сейчасъ машинку-то на цѣпь, да въ рѣчку ее, въ самую глубину.

— Стало быть, онъ не фальшивые червонцы дѣлалъ, а изъ настоящаго золота. Тогда что же ему былъ за расчетъ этимъ заниматься?

— Да кто же его знаетъ, вѣрно такъ нужно было,— неопредѣленно замѣтилъ Эрастъ, рассказывавшій о золотѣ.

— Ну, а потомъ, какъ дѣло было?

— А такъ: прѣѣхали за нимъ солдаты, шпаги наголо, захватили его и увезли. Много горя намъ было, когда узнали про это,

Каменная изба, построенная Н. И. Новиковымъ.

да и по окружности всѣ очень его жалѣли... Ну, а тамъ прошло сколько ни на есть времени, возвратился Николай Ивановичъ, и всѣ съ радостью его встрѣчали... А онъ сильно постарѣлъ за это время и бородой обросъ...

— Послѣ Николая Ивановича у васъ кто же помѣщики были?

— Лопухинъ тутъ послѣ него поселился... Не такой онъ былъ

человѣкъ, какъ Новиковъ¹⁾, совѣтъ другой... Сердитый былъ баринъ... Бѣда съ нимъ намъ была смертельная, потому билъ онъ смертнымъ боемъ... Нагайка у него была съ серебряной ручкой, а дрался онъ ею больно... И такъ наказывалъ... Вотъ роща-то сосновая, вы проѣзжали ее, большая роща, на горкѣ передъ Авдотьинымъ,—эту рощу крѣпостные тоже въ наказаніе сажали... Много въ нее труда положили... Она у насъ Марьиной называется, потому такъ Лопухинъ назвалъ ее въ честь жены своей Марьи... А послѣ Лопухина отошли мы къ комитету, и тутъ пошло ужъ одно разоренье...

Въ дополненіе и разъясненіе разсказовъ этихъ Авдотьинскихъ старожилонъ, надо сказать, что они были не дворовые, и потому такъ мало знаютъ объ образѣ жизни Новикова. Любопытно, что въ мѣстномъ населеніи и до сихъ поръ держится преданіе о фабрикаціи Новиковымъ фальшивыхъ денегъ. Объясненіе этого вполне понятно. Кормленіе массы народа во время неурожая, требовавшее огромныхъ средствъ, и послѣдовавшій черезъ нѣсколько лѣтъ арестъ Новикова были для народной логики совершенно неразрывными фактами, вытекавшими одинъ изъ другого, какъ слѣдствіе изъ причины.

Голодъ 1787 года былъ ужасенъ: люди ѣли листья, солому и мохъ. Въ Москвѣ четверть ржи доходила въ продажѣ до 20 рублей, что и по счету на ассигнаціи (около 7 рублей серебромъ) было для того времени непомѣрной цѣной. Новиковъ и его друзья были поражены народнымъ несчастіемъ. Съ краснорѣчіемъ глубоко тронутаго чувства сказалъ Новиковъ по этому поводу рѣчь въ одномъ изъ собраній тогдашняго мыслящаго, передового круга людей, и тогда подошелъ къ нему молодой богачъ Походяшинъ и шепнулъ оратору нѣсколько словъ. Походяшинъ жертвовалъ на прокормленіе голодающихъ большую сумму денегъ и вѣрялъ ихъ Новикову, котораго былъ самымъ преданнымъ почитателемъ. Новиковъ устроилъ раздачу хлѣба въ Авдотинѣ, и это былъ прототипъ тѣхъ столовыхъ для голодающихъ, которыя возникли недавно у насъ тоже въ тяжелое время неурожая.

Какъ отнеслось тогда общество, какъ отнесся народъ къ этому благому дѣлу гуманнаго общественнаго дѣятеля? Въ обществѣ иные думали, что такимъ способомъ Новиковъ привлекаетъ на свою сторону и на сторону своихъ единомышленниковъ низшіе классы, а иные полагали, что для этого мартинисты занимались изготовленіемъ фальшивыхъ ассигнацій²⁾.

¹⁾ Замѣчу кетати, что старики произносили фамилію Новикова не по общепринятому для этой фамиліи выговору Нѣвиковъ, а съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ Новиковъ, также, какъ пишетъ ее и М. Н. Лонгиновъ въ своей монографіи о Новиковѣ.

²⁾ Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 278, 279 и слѣд.

Народъ, благодарный Новикову, который и теперь въ народной памяти слыветь «отцомъ» и «кормильцемъ», тѣмъ не менѣе долженъ былъ удивляться, наблюдая огромныя затраты на закупку хлѣба для голодающихъ. Богатства самого Новикова было для этого недостаточно. Такимъ образомъ и составила легенда о Новиковѣ, какъ о фальшивомъ монетчикѣ. Вліяніе крѣпостного права въ тогдашнее время было таково, что народъ не признавалъ даже и въ добромъ баринѣ искреннихъ побужденій добра, а искалъ какихъ нибудь побочных и, можетъ быть, даже корыстныхъ источниковъ его. Арестъ Новикова подтвердилъ, какъ будто, въ глазахъ народа предположенія о нечистыхъ дѣлахъ ихъ помѣщика въ голодное время ¹⁾.

Въ 1791 году прекратилась въ Москвѣ типографическая компанія, и Новиковъ переѣхалъ въ Авдотьино, чтобы удалиться отъ свѣта и заняться воспитаніемъ дѣтей, а 22-го апрѣля 1792 г. въ Авдотьино прискакалъ отрядъ гусаръ для обыска. 24-го апрѣля Новикова увезли въ Москву, и онъ не былъ въ Авдотьино больше четырехъ лѣтъ. Народъ считалъ его уже умершимъ, когда онъ вдругъ явился неожиданно, 19-го ноября 1796 года, въ свое Авдотьино «старъ, дряхль и согбенъ».

Тогда для Новикова начался уже полный упадокъ благосостоянія. Извѣстно, что онъ прибѣгалъ съ прошеніемъ о помощи къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, а въ 1815—1816 гг. «дошелъ до послѣдней крайности», какъ писала его дочь ²⁾. Академикъ Витбергъ, посѣтившій его въ это время, нашелъ деревеньку небольшою и бѣдною, а ветхій господскій домъ, запущенный садъ и все окружающее показывало нужду и отшельничество ³⁾.

VII.

«Домъ успокоенія ближняго» въ Авдотьино.—Исторія его.—Въ богадѣльнѣ.—
Еще современникъ Новикова.—Его рѣчи о Новиковѣ.

Замѣчательной случайностью надо считать, что въ родовой вотчинѣ Н. И. Новикова, благодѣтельствовавшего при жизни своимъ крестьянамъ, устроилась спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ его смерти богадѣльня для тѣхъ же авдотьинскихъ крестьянъ.

¹⁾ Въ Авдотьинской усадьбѣ и теперь, хотя очень, говорятъ, рѣдко, находятъ при рыткѣ земли около дома золотыя старинныя монеты, и это утверждаетъ въ народѣ еще болѣе мнѣніе, что у Новикова были огромныя богатства, и что онъ деньги самъ дѣлалъ.

²⁾ Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Тихонравова, т. IV, стр. 81 и 71.

³⁾ Русская Старина, 1872 г., № 4.

Авдотьино-Тихвинское пошло съ аукціоннаго торга на уплату долговъ, когда умеръ Новиковъ, и было куплено статсъ-дамою Елизаветой Ѳедоровной Заборовскою. Ей и принадлежала мысль объ устройствѣ богадѣльни, а исполнить это она завѣщала своему наслѣднику генераль-маіору П. А. Лопухину, — тому самому, котораго считали крестьяне «бѣдою смертельною». Онъ былъ, очевидно, однимъ изъ жестокихъ помѣщиковъ стараго времени. Даже церковная лѣтопись Авдотьиная, удостовѣряя усердіе Лопухина къ храму Божію, вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ о немъ слѣдующее: «Жизнь Лопухина слишкомъ памятна для крестьянъ, которыхъ онъ билъ безъ пощады. Рассказываютъ, что ни одного дня не проходило, чтобы человѣкъ десять не отколотить». А религіозность его выражалась, напримѣръ, въ такихъ фактахъ: если народъ на барщинѣ подь праздникъ не успѣвалъ окончить какой нибудь работы, то при первомъ ударѣ колокола ко всенощной всякое дѣло бросалось, и всѣ обязаны были идти въ церковь.

Лопухинъ двадцать лѣтъ владѣлъ Авдотьинымъ, но богадѣльни не устроилъ, а поручилъ это сдѣлать своей женѣ, которая тоже медлила и наконецъ передала исполненіе этого порученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и само Авдотьино комитету для разбора и прирѣнія просящихъ милостыню въ Москвѣ. Передача совершилась 13-го іюня 1845 года, но до устройства богадѣльни было еще далеко. Старики говорятъ, что при комитетскомъ управленіи «пошло одно разореніе». Какъ бы тамъ ни было, но богадѣльня, согласно завѣщанію Заборовской, открыта была на 25 человѣкъ лишь только въ 1879 г. президентомъ комитета Г. В. Грудевымъ. Въ Авдотьино сохранился проектъ богадѣльни, задуманный Заборовскою. По фасаду это цѣлый дворецъ съ колоннами, портиками и проч. Въ дѣйствительности же богадѣльня, находящаяся теперь вмѣстѣ со всѣмъ имѣніемъ въ вѣдѣніи московскаго городского управленія, очень далека отъ первоначальнаго плана. Построенная, очевидно, изъ стараго матеріала, она уже довольно ветха и требуетъ поправокъ.

На ея постройку пошелъ старинный домъ Новикова. Домъ этотъ, какъ рассказывалъ мнѣ Г. В. Грудевъ, въ 1877 г. былъ уже совершенно ветхъ. Фондъ богадѣльни, равный 40 тысячамъ рублей, составилъ изъ выкупныхъ крестьянскихъ суммъ.

Мы зашли въ этотъ «Домъ успокоенія ближняго» и бесѣдовали съ нѣкоторыми изъ его обитателей. Въ столовой по стѣнамъ развѣшаны литографированные портреты Н. И. Новикова, С. И. Гамалѣи, Г. В. Грудева (президентъ комитета, при которомъ открыта богадѣльня) и масляными красками статсъ-дамы Заборовской.

Изъ презрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ самымъ интереснымъ оказался 82-лѣтній старикъ Степанъ Аванасеевъ, тоже въ дѣтствѣ современникъ Новикова. Отецъ его Аванасій Петровъ былъ упра-

вляющимъ у Новикова, а братъ Филиппъ Аѳанасьевъ — камердинеромъ. Слѣдовательно, Степанъ Аѳанасьевъ стоялъ близко къ господскому дому и семьѣ Новикова и, оставшись послѣ смерти Новикова 6—7 лѣтъ и слушая о немъ разказы, могъ бы, вѣроятно, что нибудь сообщить изъ прошлаго. Но старость ослабила въ немъ память, и онъ въ инныя минуты похожъ совсѣмъ на ребенка. На видъ это тучный старикъ, слѣпой, съ серебряными кудреватыми волосами. Оказалось, что онъ уже зналъ о пріѣздѣ въ Авдотьино гостей, т.-е. о нашемъ пріѣздѣ, и счелъ нужнымъ облачиться въ черный сюртукъ, такъ что въ общемъ онъ представлялъ почтенную фигуру старца. Ему было чрезвычайно пріятно, что его старое гнѣздо посѣтили люди, интересующіеся Новиковымъ и старинной Авдотьиной. Здѣсь онъ родился и нѣсколько десятковъ лѣтъ служилъ управляющимъ, здѣсь онъ сложилъ и свои старыя кости. Теперь онъ занимаетъ въ богадѣльнѣ отдѣльную комнату.

Какимъ-то трогательно-умиленнымъ голосомъ повторялъ онъ почти при каждой фразѣ: «Ахъ, Господи, Господи...», искалъ своими руками наши руки и долго пожималъ ихъ, упрашивая погостить въ Авдотьино. Онъ производилъ положительно сильное впечатлѣніе, и я, какъ сейчасъ, слышу звукъ его жалобно-растроганнаго голоса, съ какими-то щемящими сердце и въ то же время ласкающими слухъ нотами, какъ теперь вижу его благообразное лицо съ слѣпыми глазами и чувствую прикосновеніе его мягкихъ старческихъ рукъ...

— Про Новикова? Про Новикова никто плохого не скажетъ,— говорилъ онъ на нашу просьбу рассказать что нибудь о бывшемъ его баринѣ.— Всякій хорошее скажетъ... Сколько онъ добра-то сдѣлалъ, Господи, Господи!.. И въ большую скудость самъ подъ конецъ пришелъ... Про фальшивыя деньги-то? Нѣтъ, не вѣрите, вздоръ! Деньги ему Походяшинъ далъ, три милліона далъ... За что далъ? За секту далъ, за масонство... За это его и подъ арестъ взяли, а не за деньги. Государыня сказала тогда, что престолы вездѣ рушатся отъ масонства... ну, и взяли... Всѣ, всѣ знали Новикова и любили его, а изъ Москвы сюда по пятьсотъ человѣкъ пріѣзжали... Вотъ какой былъ Новиковъ... Господи, Господи!..

VIII.

Разказы авдотьянскаго священника.—Характеристика Новикова.—Жизнь крестьянъ при немъ.—Противорѣчія въ характеристикѣ Новикова, какъ человѣка.—Масонское богословіе и церковный счетъ, писанные Новиковымъ.—Портретъ неизвѣстнаго лица.—Отношеніе Новикова къ церкви.—Масонскія богослуженія Новикова.—Серебро изъ рѣдкки, золото изъ моркови.—Авдотьянскіе клады.—Аудіенція Новикова у императора Павла I и его разговоръ съ императоромъ.—Отъѣздъ изъ Авдотьяна.

Послѣднюю бесѣду о прошломъ Авдотьяна и его знаменитомъ владѣльцѣ я велъ съ мѣстнымъ священникомъ о. М. С. Смирновымъ, о которомъ я уже упоминалъ выше.

За двадцать пять лѣтъ своей службы въ Авдотьянѣ о. Смирновъ наслушался отъ стариковъ не мало разказовъ о Новиковѣ, и я передамъ наиболѣе интересныя изъ нихъ.

— По всѣмъ разказамъ и воспоминаніямъ, сохраняющимся среди крестьянъ и доселѣ,—говорилъ о. Смирновъ,—Новиковъ былъ человѣкъ необыкновенно добрый и гуманный къ своимъ крѣпостнымъ. Въ голодный годъ, какъ вы уже, вѣроятно, слышали, онъ кормилъ цѣлую округу. Населеніе Авдотьяна и Каменки пекло хлѣбъ изъ-за припека, и этотъ хлѣбъ выдавался остальнымъ деревнямъ, а тѣмъ, которые жили далеко, отсыпали прямо мукой. Старожилы помнили, что житье-бытье крестьянское при Новиковѣ было блаженнымъ временемъ, даже когда онъ уже разорился. Кромѣ пряниковъ, которыми онъ одѣлялъ крестьянскихъ ребятъ, разказываютъ, что Новиковъ, проѣзжая по деревнѣ, разбрасывалъ горстями и мѣдныя деньги, которыми у него было набито нѣсколько подваловъ. То же бывало, когда проѣзжалъ и по сосѣднимъ деревнямъ. Въ солдаты онъ своихъ крестьянъ не отдавалъ, а оплачивался деньгами, покупая рекрутовъ у другихъ помѣщиковъ взаменъ требовавшихся съ его вотчины. Нравственное вліяніе его на крестьянъ было настолько сильно, что оно живетъ и теперь въ позднѣйшихъ ихъ поколѣніяхъ. Авдотьянскіе крестьяне не имѣютъ въ своей средѣ раскольниковъ, и они неупустительно говѣютъ. За хожденіемъ къ исповѣди и св. причастію наблюдалъ за крестьянами строго самъ Новиковъ, требуя также, чтобы они бывали вообще въ церкви. На базаръ, бывало, раньше ихъ не отпустить, пока не отойдетъ церковная служба...

По поводу послѣднихъ разказовъ кстати привести для характеристики Новикова отрывокъ изъ записной книжки князя П. А. Вяземскаго¹⁾. Д. П. Бутурлинъ разказывалъ, что онъ ѣзжалъ съ своимъ отцомъ по сосѣдству къ Новикову. У послѣдняго былъ въ родѣ секретаря молодой человѣкъ изъ крѣпостныхъ, которому онъ

¹⁾ Русскій Архивъ, 1873 г., кн. 2, стр. 2148.

далъ нѣкоторое образованіе. Молодой человѣкъ и при гостяхъ всегда обѣдалъ за однимъ столомъ съ своимъ баринномъ. Въ одно лѣто старикъ Бутурлинъ, пріѣхавъ къ Новикову, замѣтилъ отсутствіе молодого человѣка и спросилъ хозяина: гдѣ же онъ? «Онъ совсѣмъ избаловался,—отвѣчалъ Новиковъ,—и я его отдалъ въ солдаты!».

«Вотъ вамъ и либераль, мартинистъ, передовой человѣкъ!»—воскликаетъ князь Вяземскій. Но дѣло-то въ томъ, что «можно быть передовымъ человѣкомъ по тому или иному вопросу, — старается онъ далѣе оправдать Новикова,—а вмѣстѣ съ тѣмъ быть строгимъ охранителемъ и сторонникомъ порядковъ и учрежденій не только нынѣшнихъ, но и вчерашнихъ». Это, конечно, правильно, но все-таки трудно допустить, чтобы Новиковъ отдалъ въ солдаты приближеннаго къ нему образованнаго молодого человѣка за какую бы то ни было вину, а не то что за то только, что тотъ «избаловался». Если Новиковъ такъ и отвѣтилъ Бутурлину, то это скорѣе всего была шутка. Иначе, какъ связать съ этимъ благородныя стремленія Новикова къ добру и просвѣщенію, его гуманность и, наконецъ, рассказы стариковъ о томъ, что онъ никогда своихъ крестьянъ въ солдаты не отдавалъ?

Однако, чтобы быть безпристрастнымъ, упомяну и о противоположныхъ отзывахъ, характеризующихъ Новикова, какъ человѣка, съ непривлекательной стороны. Новикова нѣкоторые изъ его современниковъ обвиняютъ въ лицемеріи, корыстной ловкости, преслѣдованіи личныхъ цѣлей. Графъ Ростовчинъ въ своей «Запискѣ о мартинистахъ», писанной имъ для великой кн. Екатерины Павловны, называетъ Новикова «очень умнымъ, лицемернымъ, бѣднымъ, смѣлымъ и краснорѣчивымъ» и вообще рисуетъ Новикова и его единомышленниковъ мрачными красками ¹⁾. Мнѣ самому случилось слышать, что князь П. А. Вяземскій утверждалъ, какъ несомнѣнный фактъ, что Новиковъ былъ даже жестокъ съ своими крестьянами.

Я не стану обсуждать эти противорѣчія за неимѣніемъ неоспоримыхъ доказательствъ: это дѣло біографовъ Новикова.

По поводу поѣздокъ крестьянъ въ городъ находимъ слѣдующее замѣчаніе о Новиковѣ въ запискахъ С. Н. Глинки ²⁾. «Желая удержать подмосковныхъ своихъ поселянъ въ правилахъ возможнаго благонравія, онъ, домашнимъ запасомъ всего нужнаго и для одежды и для обуви, и для орудій полевыхъ, предостерегалъ ихъ отъ поѣздокъ въ городъ, гдѣ такъ часто выработанное въ деревнѣ оставалось тамъ за попойками».

Вотъ это болѣе похоже на Новикова.

— Пріѣхавъ сюда двадцать пять лѣтъ назадъ, — продолжалъ

¹⁾ Русскій Архивъ, 1875 г., № 9, стр. 75.

²⁾ Русскій Вѣстникъ, 1866 г., № 1, стр. 238.

о. Смирновъ,—я среди разнаго хлама нашель въ подвалѣ барскаго дома рукопись, писанную самимъ Новиковымъ. Это было масонское богословіе съ символическими знаками. Къ несчастью, я отдалъ эту рукопись почитать, и она пропала. Не знаю также, гдѣ находится теперь составленное мною историческое описаніе Тихвинской церкви и нѣкоторыя бумаги, которыя я передалъ въ половинѣ 70-хъ годовъ секретарю Московской духовной консисторіи Розонову. Въ числѣ этихъ бумагъ находился подлинный счетъ по церковному хозяйству, писанный рукою самого Новикова, какъ церковнаго старосты. Въ томъ же подвалѣ нашель я портретъ сѣдого старика, на которомъ, какъ говорятъ, изображенъ отецъ Новикова, Иванъ Васильевичъ.

Въ дополненіе къ этимъ словамъ нельзя не пожелать, чтобы наши библиографы постарались разыскать и масонское богословіе и счетъ, писанные Новиковымъ. Рукопись богословія была отдана о. Смирновымъ одному изъ своихъ родственниковъ и, можетъ быть, возможно узнать, къ кому она попала. Что касается до бумагъ, переданныхъ Н. П. Розонову, нынѣ уже умершему, то замѣчу, что ни въ числѣ его статей, ни въ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» я не встрѣтилъ описанія Авдотѣинской церкви. По всей вѣроятности, счетъ, писанный Новиковымъ, остался въ бумагахъ покойнаго Розонова.

Затѣмъ относительно портрета, который находится теперь въ конторѣ имѣнія и который я подробно осмотрѣлъ, то тоже на него не мѣшало бы библиографамъ и собирателямъ портретовъ обратить вниманіе. Портретъ поясной. На немъ масляными красками изображенъ старикъ, съ длинными сѣдыми волосами и съ сѣдою бородой, въ кафтанѣ темнокраснаго цвѣта. Общее впечатлѣніе, которое производитъ портретъ, свидѣтельствуетъ въ пользу того, что между изображеннымъ на немъ старикомъ и портретами Новикова есть общее сходство и въ чертахъ лица и въ выраженіи. Особенно, мнѣ кажется, сходна одна сторона лица, и при этомъ наибольшее сходство замѣтно при сравненіи съ портретомъ, писаннымъ Черепановымъ съ Новикова въ старости, когда онъ уже возвратился изъ крѣпости¹⁾. Не изображенъ ли на этомъ портретѣ самъ Новиковъ, когда онъ пріѣхалъ въ Авдотьино «старъ, дряхль и согбенъ», а по словамъ помнящаго его старика, и «обросъ», т. е. съ бородою? По другимъ предположеніямъ портретъ этотъ изображаетъ отца Новикова, что тоже возможно, или старосту, служившаго при Новиковѣ. Последнее предположеніе надо считать невѣрнымъ уже потому, что на портретѣ написано лицо, принадлежащее несомнѣнно не мужику, а барину и вообще человѣку интеллигентному²⁾.

¹⁾ Портретъ этотъ воспроизведенъ въ Библиографѣ, 1892 г., № 1.

²⁾ Хранящійся въ Авдотѣинѣ портретъ Петра II принадлежалъ Лопухину.

Счетъ по закупкѣ разныхъ предметовъ для церковнаго хозяйства служилъ бы доказательствомъ заботливости Новикова о благолѣпіи и благосостояніи храма. Усердіе его къ церкви мы видѣли уже по тѣмъ богатымъ вкладамъ, которые онъ жертвовалъ. Сохранились объ этомъ и преданія.

— Священно-церковно-служителей Новиковъ содержалъ очень хорошо,—разсказывалъ о. Смирновъ. — Руга шла большая. Крестьяне за исполненіе требъ не давали ничего причту, а за нихъ расплачивался Новиковъ. Поддерживая доходы церкви, Новиковъ выдавалъ церковныя свѣчи крестьянамъ и платилъ за это въ церковь изъ своихъ денегъ. Разсказываютъ, что въ Авдотьино при Новиковѣ пріѣзжалъ митрополитъ Платонъ. Въ церкви сохраняется неизвѣстно съ какого времени черепаховая гребенка изъ тѣхъ, что употребляются при архіерейскомъ облаченіи. Можетъ быть, она со временъ Платона. Къ посѣщенію церкви Новиковъ былъ усерденъ и всегда бывалъ за литургіей. А всеобщую священникъ всегда служилъ у него на дому. На домъ же священникъ ходилъ пріобщать Новикова Св. Тайнъ. И такъ бывало, что послѣ причастія, которое принималъ Новиковъ два разъ въ годъ въ Успенскій и Великій посты, священникъ будто бы оставлялъ сосудъ у Новикова. Преданіе говоритъ, что Новиковъ приказывалъ дѣлать это затѣмъ, чтобы потомъ самому совершать масонское богослуженіе и пріобщаться изъ этого сосуда. Сосудъ этотъ, пяти фунтовъ вѣсомъ, и теперь сохраняется въ церкви. Молва гласила также, что Новиковъ требовалъ назадъ изъ церкви пожертвованные имъ евангеліе и прочіе драгоценныя предметы. Богослуженіе Новиковъ, по тому же преданію, совершалъ въ угловой комнатѣ¹⁾. За это, будто бы, при арестѣ Новикова пострадалъ и его камердинеръ, присутствовавшій при богослуженіи. Про этого камердинера разсказывали, что когда онъ возвращался изъ ссылки съ бывшимъ лакеемъ Щербатова, то онъ повѣдалъ своему спутнику, что въ Авдотинѣ, по приказу Новикова, онъ зарылъ подъ одной сосной цѣлый баранъ золота. Камердинеръ пояснилъ, гдѣ именно зарыто золото, и сдѣлалъ это потому, что на дорогѣ захворалъ и умеръ. Легендѣ этой на столько вѣрили, что Лопухинъ, когда владѣлъ имѣніемъ, перерылъ всѣ сосны, но ничего не нашелъ. А относительно того, что Новиковъ дѣлалъ фальшивыя деньги, молва разсказывала, что серебро онъ приготовлялъ изъ рѣдьки, а золото изъ моркови. Во время французскаго года въ Авдотинѣ Новиковъ, будто бы, принималъ самого Наполеона или одного изъ его маршаловъ. По поводу освобожденія Новикова изъ-подъ ареста въ крѣпости преданіе разсказываетъ такъ. Когда императоръ Павелъ приказалъ привести Новикова, и онъ явился къ нему, то императоръ пред-

¹⁾ Эта комната служила Новикову библіотекой.
«истор. вѣстн.», ноябрь, 1894 г., т. LVIII.

лагалъ Новикову разныя милости и въ томъ числѣ обѣщалъ пожаловать ему всю Кишкинскую волость¹⁾. На это Новиковъ отвѣчалъ: «Побереги для себя, мнѣ не нужно. А я вотъ что тебѣ скажу. Передъ тѣмъ, какъ мнѣ тебѣ представляться, я видѣлъ сонъ, будто бы играли мы въ чехарду, и вотъ я оглянулся, а ты стоишь безъ головы». Въ этомъ преданіе видѣло указаніе на скорую смерть императора. А замкнутую жизнь, которую Новиковъ велъ въ деревнѣ по возвращеніи изъ ссылки, преданіе объясняло тѣмъ, что онъ раскаяніемъ хотѣлъ загладить свое прошлое.

Съ утра и до позднихъ сумерокъ пробыли мы въ Авдотьино. Весенній вечеръ былъ прекрасный. Не хотѣлось уѣзжать изъ гостепріимнаго Авдотьино, живописныя мѣста котораго вечернею порою получали какую-то тихую прелесть. Мы бросили послѣдній взглядъ на авдотьинскую усадьбу,—отдохнувшая тройка весело понеслась на холмъ, засаженный Лопухинскими соснами, и скоро лѣсъ скрылъ отъ насъ родовую вотчину Новикова.

Алексеѣй Ярцевъ.

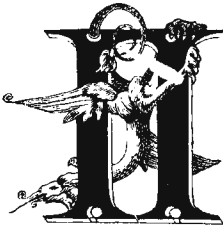

¹⁾ Новиковъ имѣлъ аудіенцію у императора Павла Петровича 5-го декабря 1796 года.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

(Биографическій очеркъ).

ПЯТЬДЕСЯТЬ лѣтъ тому назадъ, утромъ 9 ноября 1844 года, въ одной изъ линій Васильевского Острова, этого умственного центра Петербурга, скончался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Черезъ три дня отъ Исаакіевского собора къ Александроневской лаврѣ медленно двигалась печальная процессія, проводившая его останки на мѣсто вѣчнаго упокоенія. Гробъ изъ церкви вынесли на рукахъ «гг. военные генералы и первоклассные государственные чиновники», его окружала многочисленная толпа, имѣвшая во главѣ студентовъ. Такъ, едва ли не въ первый разъ, въ Россіи была почтена память человѣка, не занимавшего высшихъ государственныхъ должностей, бывшего всего только скромнымъ бібліотекаремъ Публичной бібліотеки, «отставного статскаго совѣтника». А нѣсколько лѣтъ до этого печальнаго событія (въ 1838 г.) былъ отпразднованъ въ столицѣ пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности великаго баснописца. Вскорѣ послѣ 1844 года, въ столѣтнюю годовщину его рожденія (1868 года), Академія Наукъ посвятила его памяти особое чествованіе. И всякій разъ, во дни ли праздника, въ день ли печальнаго воспоминанія, шла рѣчь о заслугахъ Крылова, о правахъ его на всеобщее вниманіе. Годы 1838, 1844 и 1868 особенно богаты статьями и воспоминаніями о Крыловѣ. Почти всѣ наши выдающіеся писатели и критики внесли свои замѣчанія, цѣнныя для общей характеристики великаго писателя. Тѣмъ не менѣе, въ то время какъ достаточно выяснено значеніе Крылова, какъ литературнаго дѣятеля, мы можемъ возстановить его біографію лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, особенно первую половину его жизни.

Крыловъ былъ человѣкомъ малосообщительнымъ, рѣдко говорилъ о себѣ и совсѣмъ не любилъ вспоминать о своемъ прошломъ. Писемъ его сохранилось самое ничтожное количество, да и изъ нихъ большая часть краткія записки. Ближайшихъ современныхъ свидѣтельствъ о Крыловѣ до двадцатыхъ годовъ очень мало. Самъ поэтъ, повидимому, равнодушно относился къ ходившимъ о немъ разговорамъ и анекдотамъ. Извѣстенъ случай (въ 1841 году), когда на просьбу исправить неточности въ его біографіи, составленной Каменскимъ, онъ отвѣчалъ:

Прочель;

Ни поправлять, ни выправлять

Ни время, ни охоты нѣтъ.

Наиболѣе популярна характеристика нашего баснописца, принадлежащая Плетневу. Послѣдній, знавшій Крылова лично, далъ художественно написанную его біографію. Галахову принадлежитъ обстоятельная оцѣнка его литературной дѣятельности. Но, по словамъ Л. Н. Майкова, «и біографъ, и критикъ имѣли въ виду Крылова главнымъ образомъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, съ убѣжденіями, выработанными всѣмъ прежнимъ ходомъ его жизни. А если такъ, то становится возможнымъ слѣдующій вопросъ: то праздное благоуміе, та безжизненная мудрость, то равнодушіе къ высшимъ интересамъ человѣческаго бытія, тотъ покой безстрастія, несимпатичныя черты, которыя Плетневъ и Галаховъ видятъ въ окончательно сложившемся характерѣ Крылова и въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ,— были ли онѣ коренными исконными свойствами его духовной природы, или же онѣ образовались съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ какихъ либо неблагоприятныхъ обстоятельствъ? Другими словами, какимъ человѣкомъ Крыловъ былъ смолоду, испыталъ ли онъ порывы и увлеченія, свойственныя юнымъ годамъ, и что подавило въ немъ живую дѣятельность ума и потушило огонь?»¹⁾ Такіе вопросы, интересовавшіе уже первыхъ біографовъ баснописца, могутъ быть рѣшены только предположительно вслѣдствіе скудости матеріаловъ. Цѣль же настоящей статьи— на основаніи имѣющихся источниковъ и изысканій припомнить въ главныхъ чертахъ біографію Крылова²⁾.

¹⁾ Л. Н. Майковъ, Первые годы Крылова на литературномъ поприщѣ, «Русскій Вѣстникъ», 1889 г. № 5.

²⁾ При недостаточно полномъ и малокритическомъ «Собраніи сочиненій Крылова», изд. Юнгмейстеромъ и Веймарномъ въ С.-Петербургѣ въ 1847 году (2-е изд. 1859 г.), въ трехъ томахъ, приложена статья Плетнева. Важны біографическія статьи о Крыловѣ: г-жи Карлгофъ («Звѣздочка» 1844 года, № 1), М. Е. Лобанова («Сынъ Отечества», 1847 г., и отдѣльно), Грота («Сборникъ отдѣленія русскаго языка Академіи Наукъ», т. VI), воспоминанія И. П. Зыстрова («Сѣвѣрная Пчела», 1845—1846 гг.), статья В. Кеневича («Вѣстникъ Европы», 1868 г., № 2), А. Н. Пыпина (ibid., № 5), Н. А. Лавровскаго («Журналъ Министерства

И. А. Крыловъ родился 2-го февраля 1768 года въ Москвѣ. Отець его былъ армейскій капитанъ, «наукамъ не учившійся», какъ сказано въ указѣ объ его отставкѣ. Въ 1772 году онъ съ женой и четырехлѣтнимъ сыномъ оказался на службѣ въ Яицкомъ городкѣ и участвовалъ въ геройской защитѣ этой крѣпости, осажденной Пугачевымъ. Выйдя въ 1775 году въ отставку, Андрей Прохоровичъ Крыловъ поселился въ Твери, гдѣ былъ предсѣдателемъ губернскаго магистрата. Маленькій Крыловъ не могъ получить сколько нибудь сноснаго правильнаго образованія. Грамотѣ обучили его еще въ семьѣ. Изъ семьи же онъ вынесъ любовь къ чтенію. У отца, повидимому, интересовавшагося литературою, оказалось довольно много книгъ; въ наслѣдство онъ оставилъ ихъ сыну цѣлый сундукъ. Мать его была женщиной, хотя необразованной, но понимавшей выгоды воспитанія и всячески поощрявшей занятія сына. Въ 1778 году умеръ отецъ Крылова. Семья его, жившая однимъ его скуднымъ жалованьемъ, осталась безъ всякихъ средствъ. Жена въ всеподданнѣйшемъ прошеніи на имя императрицы писала: «Хотя мужъ мой былъ и изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, но никакихъ вотчинъ, ниже такого достатка, коимъ бы я себя съ дѣтьми и семействомъ содержать могла, не имѣлъ, а содержалъ себя однимъ жалованьемъ...¹⁾». Неизвѣстно, получила ли семья Крылова какое либо пособіе, благодаря этому прошенію. Нужно думать, однако, что ей пришлось очень плохо, если тринадцатилѣтній Иванъ Андреевичъ долженъ былъ поступить (1781 г.) въ калязинскій уѣздный судъ подканцеляристомъ. Въ концѣ того же 1781 года онъ былъ переведенъ въ Тверской магистратъ канцеляристомъ. Служба его была, конечно, не номинальная, какъ полагають нѣкоторые, а дѣйствительная. Существуетъ рассказъ, что положеніе чиновника-писца не мѣшало Крылову пополнять урывками свое скудное образованіе. Нѣкоторое время, по совѣту матери, онъ посѣщалъ домъ совѣтника намѣстническаго правленія въ Твери Н. П. Львова и пользовался тамъ уроками гувернера-француза. До переѣзда своего въ Петербургъ въ 1782 году Кры-

Народнаго Просвѣщенія 1868 года), В. А. Жуковскаго («Собраніе сочиненій», Спб., 1878 г., т. V), Л. Н. Майкова («Русскій Вѣстникъ», 1889 года, № 5). Цѣлый VI томъ «Сборника отдѣленія русскаго языка Академіи Наукъ» (С.-Петербургъ, 1868 года) посвященъ Крылову (статья Я. К. Грота, А. В. Никитенко, И. И. Срезневскаго, А. Ф. Бычкова, архіепископа Макарія и наконецъ замѣчательныя «Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова», составленныя В. Ф. Кеневичемъ, съ приложеніемъ «Матеріаловъ для біографіи Крылова»; 2-е изданіе «Примѣчаній Кеневича», съ указателемъ литературы о Крыловѣ, С.-Петербургъ, 1878 года). Оцѣнку Галахова см. въ его «Исторіи русской словесности», С.-Петербургъ, 1880 года, т. II, Н. В. Гоголя въ письмѣ «Въ чемъ же существо русской поэзіи»?

¹⁾ Кеневичъ, Примѣчанія къ баснямъ Крылова, изд. 2-е; стр. 305—308.

ловъ, нужно думать, усвоилъ въ достаточной степени французскій языкъ,—могъ, по крайней мѣрѣ, читать французскія книги.

Причиной отъѣзда его въ Петербургъ были, по всей вѣроятности, «литературныя мечтанія». Уже въ Твери, по разсказу одного его школьнаго (?) товарища, Иванъ Андреевичъ особенно интересовался и наблюдалъ народную жизнь. Онъ «посѣщаль съ особеннымъ удовольствіемъ народныя сборища, торговыя площади, качели и кулачные бои, гдѣ толкался между пестрою толпою, прислушиваясь съ жадностью къ рѣчамъ простолудиновъ. Нерѣдко сиживаль онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги, противъ платомоекъ, и, когда возвращался къ своимъ товарищамъ, передаваль имъ забавныя анекдоты и поговорки, которыя уловилъ изъ устъ словоохотливыхъ прачекъ». По извѣстію г-жи Карлгофъ, еще въ Твери написана Крыловымъ первая его комедія (точнѣе, комическая опера) «Кофейница». Во всякомъ случаѣ, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ столицу, Иванъ Андреевичъ обратился къ книгопродавцу Брейткопфу, прося его положить на ноты куплеты «Кофейницы» и издать ее. Книгопродавецъ предложилъ за нее 60 р., но молодой авторъ предпочелъ получить свой первый литературный гонораръ книгами: онъ отобралъ для себя сочиненія Боало, Расина и Мольера, руководствуясь въ этомъ выборѣ, быть можетъ, совѣтами своего гувернера-француза. «Кофейница» появилась въ печати лишь въ 1868 году. Она свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ знакомствѣ автора съ народнымъ языкомъ и бытомъ. Если развитіе фабулы мало художественно, если встрѣчаемъ неуклюжіе стихи, то во всякомъ случаѣ содержаніе комедіи очень близко къ дѣйствительной жизни. Плуть-приказчикъ, желающій жениться на милой крестьянкѣ Анютѣ, обвиняетъ ея жениха въ кражѣ; его обвиненія подтверждаетъ кофейница, гадающая на кофейной гущѣ. Приказчикъ и кофейница, однако, уличены и несутъ должное наказаніе.

Въ Петербургѣ Крыловъ поступилъ на службу въ казенную палату, въ которой получалъ по 25 р. въ годъ; затѣмъ недолгое время (съ 1788 года по конецъ 1790 годъ) онъ числился на службѣ въ кабинетѣ ея величества.

Между тѣмъ теорія Боало и произведенія Расина не остались безъ сильнаго вліянія на начинающаго писателя. Въ 1785 году онъ написалъ трагедію «Клеопатру», не получившую, однако, одобренія И. А. Дмитревскаго, извѣстнаго драматурга и актера прошлаго вѣка. «Клеопатра» не дошла до насъ; сохранился, впрочемъ, другой опытъ Крылова въ ложноклассической драмѣ, относящейся къ 1786 году, «Филомела, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ». «Александрійскіе римованные стихи, возвышенный языкъ, то-есть смѣсь русскаго съ церковно-славянскимъ, при герояхъ наперсники, превышающіе ихъ догадливостью въ крайнихъ случаяхъ, страсти

благородныя, свойственныя лицамъ идеальнымъ, злодѣянія, выступающія за предѣлы человѣческихъ силъ, — все, что, казалось, непременно должно быть, кромѣ художественной истины и жизни съ ея красками страны и эпохи». Такими словами характеризуетъ эту трагедію Плетневъ. Къ 1786 году относятся и двѣ неудачныя комедіи Крылова «Бѣшеная семья» и «Сочинитель въ прихожей». Тѣмъ не менѣе онъ добивался ихъ постановки на сценѣ, основываясь, быть можетъ, на одобреніи Дмитревскаго¹⁾, и повидимому въ началѣ не безъ успѣха. Онъ сдѣлался извѣстенъ управленію императорскими театрами и, по порученію П. А. Соимонова, перевелъ съ французскаго оперу «L'Infante de Zamora», не имѣвшую успѣха.

На первыхъ шагахъ литературной дѣятельности Крылова мы знакомимся съ его самолюбивымъ характеромъ²⁾. Комедія «Проказники» (1787 г.) была вызвана, по словамъ Греча, слѣдующимъ обстоятельствомъ. Крыловъ былъ знакомъ съ однимъ драматическимъ писателемъ, подвергавшимся упрекамъ въ заимствованіи многого изъ французскихъ пьесъ. «Жена его, женщина умная, бойкая, дочь другого знаменитаго трагика, не влюбила за что-то Крылова, юношу тихаго, кроткаго и, какъ сказывали сверстники его, худоцаваго и застѣнчиваго. Для усовершенствованія своего во французскомъ языкѣ и для изученія италіанскаго онъ переводилъ оперы. «Что вы получили?—спросила однажды эта барыня у Крылова,—за ваши переводы?»—Мнѣ дали свободный входъ въ партеръ. — «А сколько разъ вы пользовались этимъ правомъ?» — Да разъ пять. — «Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!» Крыловъ оскорбился этимъ отзывомъ, не отвѣчалъ, но рѣшился отомстить и написалъ комедію «Проказники», въ которой выставилъ мужа ея Риенокрадомъ, а ее вывелъ подъ именемъ Тараторы. Разумѣется, на ихъ счетъ налетено было много вздору». Подъ знаменитымъ драматическимъ писателемъ нужно разумѣть Я. Б. Княжина, женатаго на дочери Сумарокова. Разсказъ Греча вполне правдоподобенъ и заключаетъ только одну неточность: Крыловъ не былъ знакомъ съ Княжинымъ; но онъ могъ стороной слышать какія либо оскорбительныя для него сужденія. Въ Публичной бібліотекѣ сохранилась копія (можетъ быть, и не отправленнаго по адресу) письма Крылова къ Княжину, представляющаго ядовитое оправданіе въ взводимомъ яко бы на него обвиненіи. «Я удивляюсь,—писалъ Крыловъ Княжину,—что вы, а не другой кто, вооружаетесь на комедію, которую я пишу на пороки, и почитаете критикою своего дома толпу развращенныхъ людей,

¹⁾ О Дмитревскомъ писалъ Крыловъ въ 1788 году: «Онъ всеѣмъ моимъ сочиненіямъ дѣлаетъ честь, ихъ переправляя».

²⁾ Въ письмѣ къ Олениной Крыловъ писалъ: «Я авторъ и, сказать вамъ на ушко, довольно самолюбивый».

описываемых мною... Я в малых строках желаю вам подать некоторое понятие о моей комедии. Она состоит из главных четырех действующих лиц: мужа, жены, дочери и ее любовника. В муже вывожу я зараженного собою парнасского шалуна, который, выкрадывая лоскути из французских и итальянских авторов, выдает за свои сочинения и который своими колкими и двоясмысленными учтивостями восхищает дураков и обижает честных людей. Признаюсь, что сей характер учтиваго гордеца и бездѣльника, не предвидя вашего гнѣва, старался я рисовать столько, сколько дозволяло мнѣ слабое мое перо; и если вы на то сердитесь, то я съ христіанскимъ чистосердечіемъ прошу у васъ прощенья. Въ женѣ показываю развращенную кокетку, украшающую голову мужа своего извѣстнымъ вамъ уборомъ, которая, восхищаяся моральными достоинствами своего супруга, не пренебрегаетъ и физическихъ дарованій въ прочихъ мужчинахъ. Действующее лицо ихъ дочери и ее жениха есть любовники, которымъ старался я дать благородныя чувства. Вы видите, есть ли хотя одна черта, схожая съ вашимъ домомъ». Впрочемъ, въ своемъ колкомъ письмѣ Крыловъ изъявлялъ согласіе умягчить тѣ пороки, которые Княжнинъ признаетъ себѣ свойственными, «если интересъ комедіи не позволить совѣмъ уничтожить» ихъ... Комедія, впрочемъ, довольно слаба.

Отношенія Крылова къ П. А. Соймонову въ 1788 г. измѣнились къ худшему. Онъ встрѣтилъ препятствія въ постановкѣ своей оперы «Американцы»¹⁾; ему даже затрудненъ былъ бесплатный входъ въ театръ, не уплоченъ гонораръ за переводъ «Инфанты». Эти неудачи вызвали очень рѣзкое письмо Крылова къ Соймонову, въ которомъ онъ подробно говоритъ о своей оперѣ, и которое поэтому имѣетъ большое значеніе для опредѣленія начитанности и критическихъ взглядовъ нашего писателя²⁾.

Въ 1788 г. умерла мать Крылова, о которой, по словамъ Плетнева, онъ не могъ вспоминать безъ сердечнаго умиленія. На основаніи немногихъ намековъ и фактовъ можно предположить, что она была женщиной очень энергичной, умѣвшей сводить концы съ концами въ своемъ хозяйствѣ и поддержать сына. Вскорѣ Крыловъ выступилъ на новый литературный путь. Онъ успѣлъ завести кое-какія литературныя знакомства, на примѣръ, съ И. Г. Рахманиновымъ — содержателемъ типографіи и переводчикомъ Вольтера, съ редакторомъ журнала «Лѣкарство отъ скуки и заботъ» Ѳ. О. Туманскимъ и начинающимъ драматическимъ писателемъ А. И. Клушинымъ. Въ журналѣ Туманскаго и въ «Утреннихъ часахъ» Рахма-

¹⁾ «Американцы» появились на сценѣ только въ 1799 г. въ передѣлкѣ Клушина, который, однако, удержалъ стихотворные куплеты Крылова.

²⁾ Подробнѣе въ статьѣ Л. Н. Майкова въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1889 г.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

нинова онъ помѣстилъ два стихотворенія: небольшую эпиграмму и стихотвореніе «Утро» (подражаніе Ломоносову). Вмѣстѣ съ Рахманиновымъ Крыловъ задумалъ изданіе сатирическаго журнала. Въ теченіе 1789 г. они выпустили 8 номеровъ «Почты духовъ, или ученой, нравственной и критической переписки арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами». «Почта духовъ»—одинъ изъ любопытнѣйшихъ русскихъ журналовъ прошлаго вѣка. Она была какъ бы продолженіемъ прерваннаго въ 1774 г. ряда сатирическихъ журналовъ, лучшая пора которыхъ

были годы 1769—1774. Уже своимъ названіемъ она можетъ быть сопоставлена съ «Адской Почтой, или перепиской хромоногаго бѣса съ кривымъ», журналомъ Ѳ. А. Эмина (1769), вышедшимъ какъ разъ въ 1788 г. вторымъ изданіемъ. Эминъ имѣлъ образцомъ le Diable Boiteux Лесажа. «Адская Почта» была однимъ изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ; издатель ея смотрѣлъ высоко на призваніе сатиры и въ возгорѣвшейся между «Трутнемъ» Н. И. Новикова и «Всякой всячиной» полемикѣ о сущности сатиры сталъ на сторону перваго. Помимо общихъ журналамъ той поры обличеній французоманіи, разврата, лихоимства, дурнаго воспитанія, угнетенія крестьянъ, Эминъ затрогивалъ вопросы болѣе общаго характера, онъ рѣшался касаться внутренней и внѣшней политики. Основой славы и благоденствія государства онъ считалъ не военныя пріобрѣтенія и милитаризмъ, а внутреннее благосостояніе; по его мнѣнію, усиленные налоги не могутъ улучшить финансовъ государства; онъ указывалъ на трудное положеніе «государей, которые не всегда могутъ имѣть твердаго пріятеля»,—вотъ почему имъ неизвѣстна масса злоупотребленій и среди мелкихъ чиновниковъ, и среди высшихъ сановниковъ; не безъ цѣли онъ останавливался наконецъ на невѣжествѣ духовенства, на жестокомъ управленіи въ Америкѣ испанцевъ, «не трудолюбимъ, но тиранствомъ власть свою распространять привыкшихъ» ¹⁾ и т. д. Указать на эти черты я считаю необходимымъ, такъ какъ до сихъ поръ принято на вѣру мнѣніе, что «Адская Почта» не имѣетъ внутренняго сходства съ журналомъ Рахманинова. Между тѣмъ можно отыскать въ обоихъ журналахъ не только совпадающія мысли, но и цѣлыя картины ²⁾. Отношенія Крылова къ «Почтѣ духовъ» нельзя назвать вполне выясненными. Крыловъ, во всякомъ случаѣ, не былъ единственнымъ вкладчикомъ журнала. Ему принадлежатъ 19 писемъ гномовъ Зора, Буристона и Вѣстодава ³⁾. Рахманиновъ, повидимому, тоже былъ не только издателемъ: «онъ былъ хорошо ученъ, зналъ языки, исторію, философію; онъ давалъ намъ матеріалы»,—такъ вспоминалъ впоследствии о немъ самъ Крыловъ. Но болѣе важнымъ сотрудникомъ считаютъ извѣстнаго автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», А. Н. Радищева. Такое мнѣніе опирается на свидѣтельство Массона и высказано въ первый разъ А. Н. Пыпинымъ. Уже Плетневъ указалъ, что статьи, принадлежащія собственно Крылову, «составляютъ одну картину, въ которой остроумный писатель рѣшился нарисовать поражавшіе его пороки, слабости и рѣзко-смѣшныя стороны своего вѣка». Въ самомъ дѣлѣ, письма Зора, Буристона и Вѣстодава по затронутымъ темамъ мало отли-

¹⁾ Адская Почта, 46, 47, 44; 115—118; 29, 23, 24; 197.

²⁾ А. П., 84; П. Д., 193.

³⁾ Въ «Собраніе сочиненій» вошло только 18 писемъ.

чаются отъ обычныхъ въ сатирическихъ журналахъ обличеній: тѣ же нападки на французскія моды, щегольство, внѣшнее образованіе, лесть, продажныя суды, развратъ, тѣ же типы французовъ воспитателей. Все это изложено по примѣру прежнихъ изданій въ чистоописательной формѣ; авторъ часто не могъ вдуматься въ эти явленія глубже, указать ихъ причины. Гораздо важнѣе и съ біографической, и съ чисто литературной стороны замѣчанія Крылова о литературѣ и театрѣ. Онъ отмѣтилъ отсутствіе въ его время хорошихъ писателей; считающіе же себя хорошими писателями—не что иное, какъ плохіе переводчики. Причина этого явленія та, «что множество авторовъ занимаются не тѣмъ, чтобы что нибудь написать, но чтобы что нибудь напечатать и поспѣшить всенародно объявить, что они невѣжи». Въ «Почтѣ духовъ» находимъ нѣсколько выходовъ противъ Княжнина (Риомокрада), справедливыхъ замѣчаній о театрѣ и его безсодержательномъ репертуарѣ. Всѣ замѣчанія и характеристики Крылова полны ѣдкой ироніи. Слѣдуетъ указать также на замѣчательный для того времени языкъ, сжатый, энергичный, полный образности.

Между корреспондентами философа Маликульмулька выдаются—безсодержательностью Бореидъ, смѣлостью и оригинальностью—Дальновидъ. Въ послѣднемъ именно съ полнымъ основаніемъ видятъ А. Н. Радищева. Самыя темы, имъ затронутыя, несомнѣнно близки къ темамъ «Путешествія»: правители, придворные, истинно честный человѣкъ, обязательность цѣломудрія для всѣхъ, истинные дворяне. Нѣкоторыя задушевные мысли Радищева несомнѣнно можно прочесть и въ журналѣ Крылова ¹⁾.

«Почта духовъ» прекратилась на августовской книжкѣ. Но Крыловъ при первомъ удобномъ случаѣ возобновилъ свою журнальную дѣятельность. Съ 1792 г. въ собственной типографіи, пріобрѣтенной отъ Рахманинова, онъ сталъ печатать журналъ «Зритель». Направленіе новаго журнала, къ участию въ которомъ были приглашены

¹⁾ Оставляя другимъ изслѣдователямъ дальнѣйшее сличеніе, я укажу только нѣкоторыя совпаденія: отрицательное отношеніе къ побѣдителямъ («Почта», I, 239 слл., «Путеш.», изд. Суворина, 99 слл.); «мизантропы полевны въ государствѣ» («Почта I, 29; Путеш.», 75; срвн. «Этюды и характеристики» Алексѣя Беселовскаго, М., 1894, стр. 148); идеаль государя («Почта», I, 9; «Пут.», 278); основа семейнаго счастья—цѣломудріе, отсутствіе ревности («Почта», II, 66, 69; «Путеш.», 201, 211). При этихъ совпаденіяхъ не могутъ быть случайны и сужденія о суетности міра и счастья въ насъ самихъ («Почта», I, 8—9; и «Путеш.», 117) и т. п. Дальновиду принадлежатъ письма 2, 4, 7, 20, 22, 24, 25, 29, 31, 33, 37; изъ нихъ только одно, 7-ое, представляетъ собою не обычное Дальновиду разсужденіе, а описаніе. Общими чертами писемъ Д. можно признать постоянные выводы изъ теоретическихъ положеній, напечатанные курсивомъ нерѣдкія восклицанія (какъ и въ «Путеш.», наконецъ, нерѣдко сознаніе того, что авторъ не описываетъ видѣнныя имъ событія, а представляетъ ихъ себѣ (срвн., напр., II, 9). Всѣ эти чисто формальныя черты роднятъ письма Д. съ «Путешествіемъ».

А. И. Клушинъ, А. Бухарскій, И. Захаровъ и другіе, осталось сатирическое. «Право писателя представлять порокъ во всей гнусности, дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе, а добродѣтель во всей ея красотѣ, дабы плѣнить ею читателя: симъ правиломъ вознамѣрился воспользоваться Зритель»,—читаемъ во «Введеніи». Наиболѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ «Зрителя» былъ Клушинъ. Крыловъ помѣстилъ въ немъ рядъ лучшихъ своихъ сатиръ: Ночи, Рѣчь, говоренная въ собраніи дураковъ, Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ, Каибъ, Мысли философа по модѣ. «Ночи»—яркая сатира на развратъ современнаго общества. День и Ночь заспорили, кто изъ нихъ видитъ больше мерзостей; богиня Ночи поручаетъ Міроброду описать его странствованія и наблюденія ночью. «Рѣчь въ память моему дѣдушкѣ»—одно изъ лучшихъ сатирическихъ сочиненій XVIII в. Она важна и какъ публицистическая выходка противъ крѣпостного права, и какъ историческая картина жизни средней руки помѣщиковъ прошлаго вѣка. Этотъ дѣдушка, «разумнѣйшій» въ цѣломъ округѣ помѣщикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «лучшій другъ собакъ всего свѣта», умѣлъ показать, «какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подданныхъ ему простолюдиновъ вырабатываютъ въ годъ; онъ сильные подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два-три съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ». Основывая свои достоинства только на происхожденіи, едва грамотный, онъ разорилъ поля своихъ крестьянъ, изгоняя изъ нихъ зайцевъ... Восточная повѣсть «Каибъ» по формѣ примыкаетъ къ цѣлому ряду подобныхъ произведеній XVIII в. Описывая востокъ, авторъ всегда имѣлъ въ виду свою страну; но самая форма позволяла ему быть болѣе откровеннымъ. Основная мысль повѣсти—счастье заключается въ сознаніи оказанныхъ благодѣяній и взаимной любви. Авторъ сумѣлъ нарисовать нѣсколько картинъ придворной жизни, примѣры льстивыхъ рѣчей, изобразилъ типъ одописца. Нѣсколько слабѣе двѣ сатиры Крылова, появившіяся въ новомъ его журналѣ «С.-Петербургскій Меркурій» (1793): «Похвальная рѣчь наукъ убивать время» и «Похвальная рѣчь Ермалафиду».

Главнымъ сотрудникомъ «Меркурія» и соредакторомъ Крылова былъ Клушинъ. Самый журналъ явился въ противовѣстъ «Московскому Журналу» Карамзина. Издатели находили у насъ недостатокъ въ хорошихъ литературныхъ журналахъ. «Для чего не сказать публикѣ о новыхъ произведеніяхъ российской литературы?—спрашивали они—Для чего не возвѣстить о театрѣ, что на немъ играно особливо новаго и какъ играно?—Сіе право дозволенное, и мы хотимъ имъ пользоваться. Наши замѣчанія, наши сужденія по сей части не есть сужденія деспотическія». Программа «Меркурія»

подходила къ программѣ «Московского Журнала»; но выполненіе ея въ журналѣ Крылова было гораздо ниже. Нѣсколько стихотвореній Крылова, Клушина, Бухарскаго, кн. Хованскаго, И. Мартынова, Карабанова, двѣ — три критическія статьи Крылова, переводныя статьи по этнографіи — вотъ и весь багажъ журнала. Можно прибавить къ этому, что Клушинъ часто писалъ замѣчательно небрежнымъ языкомъ. «Меркурій» не могъ имѣть успѣха и продержался только годъ. Самые нападки на Карамзина и его новый слогъ были, конечно, односторонними.

Немногія стихотворенія Крылова, относящіяся къ началу девяностыхъ годовъ, — довольно слабыя подражанія Державину, Дмитріеву. Въ однихъ изъ нихъ говорится о неизвѣстной намъ Анютѣ, въ нѣкоторыхъ — о любви поэта къ ней. Это обстоятельство вызвало предположенія нѣкоторыхъ біографовъ о сильной страсти Крылова къ неизвѣстной намъ дѣвушкѣ. Еще заманчивѣе казалось розыскать эту Анюту. По предположеніямъ г. Алабина, основаннымъ на воспоминаніяхъ, это была Анна Алексѣевна Константинова, дочь священника въ Брянскомъ у., гдѣ будто бы проживалъ въ 1791 г. нашъ писатель ¹⁾. Предположенія эти, однако, не могутъ быть приняты до болѣе точныхъ указаній. Дѣло въ томъ, что г. Алабинъ и другіе біографы при доказательствахъ любви Крылова къ Анютѣ приписали ему два стихотворенія, принадлежація на самомъ дѣлѣ П. М. Карабанову ²⁾. Если же на основаніи стихотвореній Крылова воссоздавать образъ Анюты, то мы увидимъ въ ней не провинціальную барышню, а столичную любительницу нарядовъ, сопровождаемую собачкою Фидель (стих. «Утѣшеніе»). По другому стихотворенію («Мое оправданіе») Анюта является пятнадцатилѣтней дѣвочкой, защищающей отъ сатирика прекрасный полъ, своей красотой обязанной лишь одной природѣ, не баночкамъ и нарядамъ, но опять таки жительницей столицы. Въ «Посланіи къ другу» поэтъ говоритъ о своей страсти къ Анютѣ; страсть эта измѣнила его совѣмъ. Наконецъ, стих. «Мой отъѣздъ» говоритъ о разлукѣ съ Анютой вслѣдствіе отъѣзда Крылова изъ Петербурга. Всѣ эти соображенія не позволяютъ видѣть въ предметѣ страсти Крылова А. А. Константинову. Анюта остается пока совершенно неизвѣстнымъ намъ лицомъ. Въ біографіи Крылова есть нѣсколько пробѣловъ. Мы не знаемъ, гдѣ онъ провелъ 1794—1796 годы. Еще въ половинѣ 1793 г. Крыловъ и Клушинъ оставили Петербургъ и передали журналъ И. И. Мартынову. Въ половинѣ 1797 г. Крыловъ познакомился въ Москвѣ съ кн. С. О. Голицынымъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ выѣхалъ изъ Москвы и поселился сначала въ Зубриловкѣ (Саратовской г.), а осенью

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1868, № 4—6.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1870, № 12, ст. Д. Языкова.

того же года переѣхалъ въ кievское имѣніе Голицыныхъ, с. Казацкое; здѣсь онъ прожилъ довольно спокойною жизнью до весны 1801 г. Онъ давалъ уроки сыновьямъ Голицына, его родственницѣ М. П. Сумароковой и Ф. Ф. Вигелю, оставившему въ своихъ «Запискахъ» далеко не безпристрастный рассказъ о пребываніи Крылова въ Казацкомъ. Отношенія поэта къ его ученикамъ и семьѣ Голицыныхъ были самыя дружескія, исключавшія какую либо возможность для Крылова играть роль приживальщика. Объ этихъ добрыхъ отношеніяхъ свидѣлствуютъ задушевные письма Крылова къ Сумароковой и кн. Н. С. Голицыной, а также теплыя воспоминанія первой изъ нихъ о немъ. Крыловъ давалъ уроки русскаго языка, не очень останавливался на грамматикѣ, старался возбудить самодѣятельность учащихся, совѣтуя писать дневники. Будучи хорошимъ музыкантомъ на скрипкѣ, онъ съ своей любимой ученицей давалъ маленькіе концерты. Во время пребыванія въ Казацкомъ имъ написана (1800) шуто-трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ «Подшипа» (иначе «Трумфъ»)¹⁾; это, быть можетъ, пародія на французскія классическія трагедіи. Нѣсколько позже (въ концѣ 1801) Крыловъ написалъ новую комедію «Пирогъ», въ художественномъ отношеніи довольно слабую, но указывающую на переворотъ въ литературномъ направленіи писателя, стремящагося отстать отъ подражанія французскимъ образцамъ и пойти собственнымъ путемъ. Въ изображеніи плутоватаго слуги, стѣвшаго вмѣстѣ съ горничною пирогъ, поднесенный его господиномъ родителямъ невѣсты, и разстроившаго поэтому свадьбу, мы видимъ нѣкоторыя народныя черты. Въ лицѣ матери невѣсты Ужимы авторъ осмѣиваетъ сентиментализмъ, начавшій уже пробиваться въ русскую литературу и жизнь²⁾.

Съ назначеніемъ кн. Голицына рижскимъ генераль-губернаторомъ Крыловъ сдѣлался его секретаремъ; впрочемъ, служба его продолжалась недолго, до сентября 1803 г. О нѣсколькихъ годахъ его дальнѣйшей жизни мы опять ничего не знаемъ. Сохранились неопредѣленные рассказы о томъ, что Крыловъ пристрастился къ карточной игрѣ, разѣзжалъ по Россіи, проигрывалъ и выигрывалъ громадныя суммы. На сколько правдоподобны такіе рассказы, судить трудно. Въ 1805 г. Крыловъ перевелъ двѣ басни Лафонтена «Дубъ и Трость» и «Разборчивая невѣста». Лобановъ передаетъ, что до этого, будучи еще четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Крыловъ перевелъ одну басню Лафонтена, и переводъ былъ одобренъ нѣкоторыми лицами, на примѣръ, И. И. Бецкимъ. «Это истинный родъ вашъ,—сказалъ ему И. И. Дмитріевъ въ 1805 г.: —наконецъ вы нашли его». Крыловъ, однако, и раньше интересовался Лафонтеномъ. У г. Лихачева сохранился французскій экземпляръ

¹⁾ «Русская Старина», 1871, т. III.

²⁾ «Сборникъ отд. русск. яз. Академіи Наукъ», т. VI.

Лафонтена, съ примѣчаніями Коста (1772 г.), подаренный Крыловымъ Клушину 29 іюля 1792 г. съ слѣдующимъ автографомъ знаменитаго баснописца:

Залогомъ дружества прими Фонтена ты,
И пусть оно въ сердцахъ тогда у насъ увянетъ,
Когда богъ ясныхъ дней свѣтитъ нашъ міръ престанетъ,
Или Фонтеновы затмитъ кто красоты ¹⁾.

Однако, прежде чѣмъ посвятить себя исключительно баснямъ, Крыловъ написалъ еще 4 комедіи. Къ сожалѣнію, до насъ дошло только начало любопытной по выведенному въ ней характеру, прототипу Обломова, комедіи «Лѣнтяй» ²⁾. Впрочемъ, изображеніе героя Лентула нѣсколько каррикатурно. Комедіи «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» Крыловъ считалъ лучшими изъ своихъ драматическихъ произведеній. Онѣ затрогиваютъ жизнь дѣйствительно русскую, отличаются хорошимъ языкомъ и большею естественностью. Онѣ осмѣиваютъ слѣпое подражаніе русскихъ французамъ. Волшебная опера «Илья богатырь» очень слаба; любопытно только отмѣтить, что наши писатели (въ томъ числѣ и Крыловъ) конца XVIII и начала XIX в. стали нерѣдко брать темы изъ народной поэзіи.

Такова была первая болѣе разнообразная половина жизни и литературной дѣятельности нашего поэта. «Природа надѣлила его умомъ дѣятельнымъ, острымъ и даже колкимъ. Въ молодости онъ увлекался всякою первою мыслью»,—говоритъ Плетневъ. «Мнѣ всегда только первый шагъ труденъ»,—писалъ самъ Крыловъ Олениной. Сослуживецъ Крылова по Публичной библиотекѣ, Лобановъ, сообщаетъ, что нашъ баснописецъ «былъ вспыльчивъ иногда до крайности, любилъ отомстить своимъ врагамъ, особливо за оскорбленное самолюбіе», что будто «многія басни получили начало въ этомъ источникѣ». Данныя его жизни позволяютъ видѣть въ немъ человѣка энергичнаго, настойчиваго въ преслѣдованіи своей цѣли, способнаго увлечься. Настойчивость эта проявилась и въ рѣшимости переселиться въ столицу, и въ стремленіи добиться славы драматурга, какъ позднѣе она выразилась въ изученіи греческаго языка. Начинаящій писатель отличался сознаниемъ своего достоинства, былъ даже самолюбивъ. Онъ интересовался музыкой, хорошо игралъ на скрипкѣ, любилъ театръ. Еще одна любопытная черта—онъ легко уживался съ разными людьми, особенно его любили дѣти (въ домѣ Голицыныхъ). Въ первую половину жизни Крыловъ проявилъ гораздо болѣе дѣятельности, при томъ довольно разнообразной. Объяснить несомнѣнно сложныя причины перехода его

¹⁾ Волжскій Вѣстникъ, 1886, № 169 (замѣтка Н. П. Лихачева). Признать Крыловскими три басни въ «Утреннихъ часахъ»—нѣтъ твердыхъ основаній. Басни эти перепечатаны въ «Русской Старинѣ», 1890, январь.

²⁾ Сборн. отд. русск. яз. Акад. Н., т. VI.

почти къ полной апатіи мы затрудняемся. Въ любопытномъ «Посланіи къ другу моему» (т. е. Клушину) Крыловъ писалъ о себѣ (1793 г.):

Суеть бывало ненавида,
 Въ тудулѣ лѣтомъ дома сидя,
 Чиновъ я пышныхъ не искалъ
 И счастья въ томъ не полагалъ,
 Чтобъ въ низкомъ важничить народѣ;
 Въ прихожихъ ползать не ходилъ.
 Мнѣ чинъ одинъ лишь лестенъ былъ,
 Который я ношу въ природѣ,—
 Чинъ человѣка: въ немъ лишь быть
 Я ставилъ должностью, забавой;
 Его достойно сохранить
 Считалъ одной неложной славой.

Но, прибавляетъ онъ шутливо, теперь, полюбивъ Анюту, я пожелалъ и чиновъ, и богатствъ, и всѣхъ благъ земныхъ. Приведенные стихи ясно указываютъ, почему Крыловъ мало дорожилъ чиновничьей карьерой и часто мѣнялъ родъ службы, пока не основался наконецъ въ Публичной библиотекѣ.

Любовь, сознается поэтъ, измѣнила его привычки:

Едва прошла одна недѣля,
 Какъ я себя не узнавалъ:
 Дичиться женщинъ пересталъ,
 Болтливыхъ ихъ бесѣдъ искалъ
 И сталъ великій пустомеля...

Стихотворенія Крылова не отличаются особыми достоинствами. Неподдѣльнымъ чувствомъ вѣрующаго человѣка дышать подражанія его нѣкоторымъ псалмамъ, особенно, подражаніе псалму 17-му. По поводу этого стихотворенія сослуживецъ Крылова по библиотекѣ, Быстровъ, рассказываетъ слѣдующее: «Въ кипѣ разрозненныхъ газетъ и журналовъ нашель я (1832) тетрадь стиховъ, писанныхъ собственною Ивана Андреевича рукою.—Въ этой тетради есть прекрасная вапа «Молитва къ Богу»,—сказалъ я И. А.—«Покажите, мой милый».—И. А. взялъ рукопись и сталъ читать ее про себя. Какой огонь, какой благоговѣйный восторгъ одушевляли въ то время поэта! И не одна слеза скатилась на грудь его!»

Съ 1808 г. Крыловъ сдѣлался постояннымъ жителемъ Петербурга. Въ 1808 г. онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Драматическаго Вѣстника», участвовалъ въ «Бесѣдѣ любителей Россійскаго слова». Въ 1811 г. былъ избранъ членомъ Россійской Академіи. Что касается служебнаго поприща, то нѣкоторое время (1808—1810 гг.) онъ состоялъ при монетномъ дворѣ, а съ 1812 по 1841 г. былъ библиотечаремъ русскаго отдѣленія Публичной библиотеки. Имя его сдѣлалось извѣстно всей Россіи съ 1809 г., со дня выхода перваго собранія его басенъ (въ количествѣ 23). Служба въ библио-

текѣ не была обременительна для спокойнаго характера Крылова; онъ аккуратно и терпѣливо дежурилъ въ опредѣленные дни. Близкое знакомство съ русскими печатными изданіями помогало ему вести дѣло. Крыловъ придумалъ для храненія брошюръ особые бумажные футляры. Особенно много пришлось ему работать со времени смерти Сопикова. Быстровъ въ своихъ воспоминаніяхъ съ благодарностью вспоминаетъ, какъ много были полезны для него библиографическія указанія Крылова. Директоръ библиотеки А. Н. Оленинъ сумѣлъ поручить должности библиотечарей извѣстнымъ въ то время писателямъ: Гнѣдичу, Крылову, Сопикову, Дельвигу и др. Всѣ эти лица часто собирались у гостепріимнаго своего начальника. Въ семействѣ Оленина особенно полюбили Крылова. Самъ Оленинъ нерѣдко являлся ходатаемъ за баснописца, съ цѣлью выхлопотать для него, за литературныя заслуги, пенсію, такъ какъ библиотечарское жалованье было невелико. Его разумѣлъ поэтъ въ слѣдующихъ стихахъ:

На меня
Щедротъ монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнливой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ.
И, можетъ, безъ тебя бь мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта!..

Всѣмъ извѣстна характеристика Крылова и его жизни въ послѣдніе годы, сдѣланная Плетневымъ. Будучи вполнѣ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, онъ велъ жизнь самую бездѣятельную, зачитывался безсодержательными романами и не любилъ являться въ обществѣ и въ литературныхъ кружкахъ; посѣщалъ онъ почти исключительно только семью Олениныхъ, да А. С. Строгонова. Въ это время, въ теченіе двухъ лѣтъ Крыловъ изучилъ греческій языкъ и даже началъ переводъ Одиссеи гекзаметромъ. Отъ этого перевода сохранилось 27 стиховъ 1-й пѣсни ¹⁾. Быстровъ сообщаетъ, что, по словамъ самого Крылова, гекзаметръ ему «не дался».—Я не могу сладить съ этимъ Голиаѳомъ,—говорилъ иногда Иванъ Андреевичъ.

Обратимся къ баснямъ Крылова. Наибольшее число ихъ (140) написаны втеченіе 1806—1819 гг., въ остальное время (1820—1843) явилось всего 61 басня. Непосредственно съ греческой басней Эзопа нашъ баснописецъ познакомился лишь въ 1818 г., когда изучилъ греческій языкъ. Первые басни, заимствованныя у Эзопа: Мотъ и Ласточка, Алкидъ, Скупой и Курица, Пловецъ и Море, Левъ и Лисица, Медвѣдь въ сѣтяхъ. Первые басни Крылова, какъ извѣстно, представляютъ собою или переводъ или подражаніе баснямъ Ла-

¹⁾ Примѣчанія Кеневица, изд. 2, 281—282.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1894 г., т. LVIII.

фонтена, котораго нашъ баснописецъ усердно изучалъ. Правда, уже въ самыхъ первыхъ переводахъ онъ сумѣлъ внести оригинальныя черты въ свои произведенія; спустя же года два, мы видимъ въ его басняхъ лишь заимствованный сюжетъ, но совершенно оригинальное построеніе и развитіе темы. При изученіи басенъ, однако, всегда нужно имѣть въ виду вліяніе на Крылова Лафонтена. Названіе даже нашего баснописца «русскимъ Лафонтеномъ» имѣетъ свое значеніе: оно свидѣтельствуетъ о томъ, чью форму басни предпочелъ Крыловъ.

Басня у насъ въ XVIII в. и началѣ XIX в. была очень любимой поэтической формой; очень многіе (теперь иногда совершенно забытые) поэты оставили намъ свои опыты въ этомъ родѣ. Хемницеръ почти исключительно писалъ басни, много басенъ оставили А. Сумароковъ, В. Майковъ, П. Сумароковъ, А. Измайловъ, Беницкий; во всѣхъ почти литературныхъ журналахъ того времени можно отыскать немало басенъ. Ближайшимъ предшественникомъ Крылова былъ Дмитріевъ, оставившій нѣсколько замѣчательныхъ басенъ.

Какъ и въ другихъ родахъ поэзіи, и въ баснѣ русскіе явились только подражателями и, не зная образцовъ басни греческой, подражали по преимуществу французской баснѣ. Нѣкоторые предшественники Крылова, однако, сообщили своимъ баснямъ оригинальныя черты; оригинальны, на примѣръ, часто по темамъ, хотя мало художественны притчи Сумарокова; написаны замѣчательнымъ языкомъ басни Хемницера; въ басняхъ Дмитріева можно найти много народнаго. Оставляя въ сторонѣ теоріи происхожденія басни и теоріи французскія, остановимся на опредѣленіяхъ басни, данныхъ въ новѣйшее время, и на требованіяхъ отъ нея новѣйшей критики, основанныхъ на изученіи греческихъ образцовъ и на замѣчаніяхъ Лессинга. «Басня, судя по сотнямъ примѣровъ, есть отвѣтъ на весьма сложные случаи, представляемые жизнью, т. е. такіе, которые будучи разложены, представляютъ одно или нѣсколько дѣйствующихъ лицъ, одно или нѣсколько дѣйствій»¹⁾. Непремѣнныя свойства басни: присутствіе въ ней дѣйствія, а не аллегорической картины, единство дѣйствія, не допускающее смѣшенія сюжетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обуславливающее одинъ выводъ (а не нѣсколько); басня не должна останавливаться на подробной характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ или на подробномъ описаніи мѣста дѣйствія и т. п., она должна быть по возможности проста; ей должна быть свойственна извѣстная конкретность и правдоподобіе образовъ²⁾. Французская басня отступала, главнымъ образомъ, во второмъ и третьемъ изъ указанныхъ пунктовъ; французская теорія допускала басню сложную, одобряла картины мѣстности, природы. Критика

¹⁾ А. Потебня, Изъ лекцій по теоріи словесности, Харьковъ, 1894.

²⁾ Тамъ же.

давно уже отмѣтила недостатки этой теоріи, которыхъ не избѣгъ и Крыловъ. Галаховъ совершенно справедливо указалъ на положительно излишніе стихи въ баснѣ «Осель и соловей»:

Внимала вся тогда природа
 Любимцу и пѣвцу Авроры:
 Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
 И прилегли стада.
 Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался
 И только иногда,
 Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.

И эта мало правдоподобная картина, совершенно во вкусѣ ложно-классиковъ, является въ одной изъ лучшихъ басенъ писателя, осмѣявшаго идиллическихъ пастушковъ и сентиментальныя чувствованія въ «Кайбѣ» и позднѣйшихъ комедіяхъ. Такъ сильна была теорія, и ей подчинялся гениальный поэтъ.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, затронутыхъ Крыловымъ въ басняхъ, былъ вопросъ о воспитаніи. Онъ совѣтуетъ избѣгать учителей-иностранцевъ (Крестьянинъ и Змѣя), родителямъ самимъ наблюдать за воспитаніемъ дѣтей (Кукушка и Горлинка). Цѣлый рядъ басенъ обличаетъ невѣжество (Пѣтухъ и Зерно, Свинья подъ дубомъ). Просвѣщеніе не должно быть наружно-европейскимъ (Червонецъ). Вопросъ о судѣ давно занималъ сатирика; ему посвящены многія письма «Почты духовъ» и немало басенъ («Оракуль», «Вельможа», «Щука» и др.). Отношенія и значенія сословій касаются басни «Листы и Корни», «Пушки и Паруса», «Гуси». Таковы главнѣйшія темы басенъ Крылова. Любопытны также басни историческія, изъ нихъ наиболѣе извѣстны 4 басни, относящіяся къ войнѣ съ Наполеономъ: Волкъ на псарнѣ, Обозъ, Ворона и Курица, Щука и Котъ. Мораль басенъ Крылова, по замѣчаніямъ критиковъ, выше морали Лафонтена. Не смотря на то, что сюжеты половины басенъ нашего великаго писателя заимствованы, онъ умѣлъ въ своей обработкѣ придать имъ характеръ народности русской. «Первенствующая красота въ этихъ художественныхъ басняхъ есть красота ихъ народности. Явленія общечеловѣческой жизни изображаютъ онѣ въ образахъ русскаго быта, въ чертахъ русскаго характера»¹⁾. Вотъ почему мы можемъ считать ихъ оригинальными, народными. На сколько удачно Крыловъ успѣвалъ переработать чужой сюжетъ, можно судить хотя по одному примѣру. Сюжетомъ для извѣстной басни «Лжеецъ» Крыловъ могъ воспользоваться или изъ басни Геллерта *Der Bauer und sein Sohn* или изъ передѣлки ея, принадлежащей А. П. Сумарокову,—скорѣе всего именно послѣдней. Приведемъ притчу Сумарокова, носящую заглавіе «Хвастунъ»:

¹⁾ Слова А. Д. Галахова.

Шель нѣкто городомъ, но града не былъ житель;
 Изъ дальнихъ былъ онъ странъ,
 И лгать ему талантъ привычкою былъ данъ.
 За нимъ его служитель,
 Слуга наемной былъ и города сего,
 Не изъ отечества его.
 Вѣщаетъ господинъ ему вѣщанья новы
 И говорить ему: въ моей землѣ коровы
 Не менѣ слоновъ.
 Слуга ему плететь и самъ расказецъ новъ:
 — Я чаю, пуда въ три такой коровы вымя;
 Словиной лутче бы ей было дати имя.
 Я думаю, у ней одинъ полпуда хвостъ,
 А мы имѣемъ мостъ,
 Къ нему теперъ подходимъ;
 По всякой день на немъ диковинку находимъ.
 Когда взойдетъ на середину,
 Кто въ оной день солжетъ, мостъ тотчасъ разойдется,
 Лишь только лжець найдется,
 А лжець падеть во глубину.
 Проѣзжій говоритъ:—Корова-то съ верблюда,
 А то бы очень былъ великъ коровій хвостъ...
 А ты скажи еще, каковъ бишь вашъ-ать мостъ?
 — А мостъ-ать нашъ таковъ, какъ я сказалъ, конечно.
 — Такой имѣти мостъ,
 Мой другъ, безчеловѣчно.
 Коровы-то у насъ
 Поболѣ, какъ у васъ.
 А мостъ-ать вашъ каковъ?—Сказалъ уже я это.
 У насъ же и зимой рѣкамъ весна и лѣто:
 Мосты всегда потребны по рѣкамъ.
 — Коровы-то и здѣсь такіяжъ, какъ и тамъ,
 Мнѣ только на этотъ часъ ложно показалось;
 И отъ того-то все неловко и сказалось,
 А мостъ-ать вашъ каковъ?
 — Какъ я сказалъ, таковъ.
 Проѣзжій говоритъ:—Коль это безъ обману,
 Такъ я черезъ рѣку у васъ ходить не стану.

Едва ли представляется необходимость указывать художественныя достоинства басни Крылова, сравнительно съ притчей Сумарокова.

Крыловъ былъ преимуществу писателемъ-сатирикомъ. Сатирической элементъ сильно замѣтенъ въ его комедіяхъ (характеристика Лентула, особенно позднѣйшія комедіи). Басни его тѣснымъ образомъ примыкають къ другимъ сатирическимъ произведеніямъ; уже въ «Почтѣ духовъ» можно отыскать первообразы его «Вороненка», «Слона и Моськи» и другихъ басенъ. Конечно, эти первообразы получили наибольшее художественное развитіе. Отличительнымъ свойствомъ художественнаго таланта Крылова была иронія. «Равнодушный ко всѣмъ выспреннымъ утопическимъ и оптимистическимъ воззрѣніямъ, тонкій наблюдатель жизни и зна-

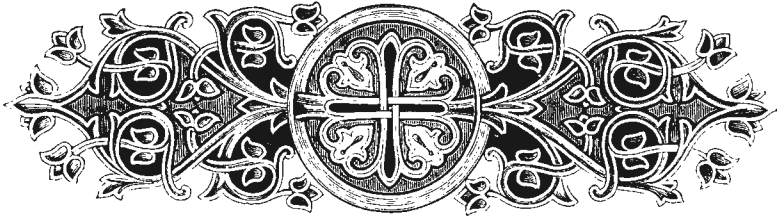
токъ человѣческаго сердца, аналитикъ и немножко скептикъ въ житейской практикѣ, онъ естественно былъ расположенъ къ ироніи; но и ее обнаруживалъ онъ въ народномъ смыслѣ и тонѣ. Эта спокойная, лукавая и вмѣстѣ добродушная иронія, въ которой сквозь незнаніе, ею высказываемое, и отстраненіе отъ себя вопроса свѣтятся какъ бы вскользь глубокое и вѣрное пониманіе настоящаго хода вещей и готовность разрѣшить вопросъ по-своему—эта иронія, повсюду разлитая въ басняхъ Крылова, есть одно изъ самыхъ коренныхъ и глубокихъ свойствъ нашей народности»¹⁾). Богатство, разнообразіе и живость образовъ, тонко подмѣченныя и очерченныя бытовые подробности, дѣлають басни Крылова неподражаемыми, классическими произведеніями, которыми наша литература справедливо можетъ гордиться. Замѣчательнъ также языкъ ихъ, близкій къ народному, черпавшій изъ его сокровищницы дѣльный рядъ чисто народныхъ формъ, оборотовъ, изреченій и обогатившій въ свою очередь словарь народныхъ изреченій новыми пословицами и поговорками. Всѣ указанныя достоинства создали И. А. Крылову славу народнаго мудреца-поэта, произведенія котораго останутся памятными надолго, какъ памятна теперь слѣдующая оцѣнка его дѣятельности, сдѣланная княземъ П. А. Вяземскимъ:

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта—наша былъ.
И не забудутъ этой были,
Пока порусски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

А. Лященко.

¹⁾ Отзывъ А. В. Никитенко.

ВОЗРОЖДЕННОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ.

В ДРЕВНЕМЪ новгородскомъ дѣтинцѣ, старыя стѣны и башни котораго приводятъ на память столько историческихъ воспоминаній, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ св. Софіи и памятника тысячелѣтія Россіи, въ недавнее время возникла очень изящная, каменная постройка, красиво отдѣляющаяся своимъ бѣлымъ цвѣтомъ отъ темной крѣпостной стѣны, къ которой она примыкаетъ. Передъ зданіемъ раскинутъ небольшой садикъ, обнесенный рѣшеткою; онъ тянется вдоль стѣны до самыхъ вѣздныхъ воротъ въ дѣтинецъ. При входѣ въ этотъ садикъ, со стороны воротъ, поставлены два высокихъ древка съ флагами, а широкая аллея сада какъ бы приглашаетъ васъ направиться къ находящемуся въ концѣ ея бѣлому зданію. Вершина башни этого зданія увѣнчана по князьку прорѣзною рѣшеткою съ дракономъ и булавою по краямъ, а на стѣнѣ начертана крупная, далеко видная надпись: «Музей».

Судя по внѣшнему виду музея, а также по тому обстоятельству, что открытіе его послѣдовало только въ январѣ 1893 года, можно было бы предположить, что Новгородскій музей древностей — младенецъ сравнительно съ музеями: Московскимъ историческимъ, Тверскимъ, Саратовскимъ и другими, а между тѣмъ онъ уже имѣетъ свою тридцатилѣтнюю давность, которая для Россіи, съ ея молодою археологическою наукою, представляется давностью весьма почтенною. Можно даже сказать, что Новгородскій музей одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ провинціальныхъ музеевъ и имѣ-

еть свою поучительную исторію, въ сотый разъ доказывающую, какъ трудно бываетъ у насъ завоевать себѣ права на существованіе всякому даже истинно полезному научному предпріятію, если оно рассчитываетъ на поддержку и помощь общества.

«Учрежденія, подобныя нашему,—говорилось при открытіи музея въ прошломъ году,—составляютъ всюду торжество истиннаго просвѣщенія, невозможнаго безъ пониманія прошлаго, безъ уваженія къ лучшимъ проявленіямъ его духовной жизни. Служа вещественнымъ отраженіемъ религіозной, исторической и бытовой жизни нашихъ предковъ, они неотразимо дѣйствуютъ на воображеніе и представляютъ нерѣдко для науки доказательство болѣе неопровержимыя, нежели самые письменные памятники. Будучи центрами умственной жизни, они облагораживаютъ и согрѣваютъ мѣстную жизнь, а въ развитіи этой мѣстной жизни все наше будущее. Настанетъ время, когда во всѣхъ уголкахъ нашего отечества затеплится сознательная любовь къ его великому прошлому, и начнется тщательное обереганіе родной старины».

Дай Богъ, чтобы эта свѣтлая надежда осуществилась какъ можно скорѣе, дай Богъ, чтобы настали наконецъ эти золотыя времена; но покуда, всматриваясь въ равнодушіе и апатію общества къ подобнаго рода вопросамъ, выслушивая разныя: зачѣмъ? да къ чему? и убѣждаясь, на сколько мелки и пусты будничные интересы большинства, не можешь подавить глубокаго вздоха за будущее. А какъ еще неразвиты въ этомъ отношеніи многіе даже, повидимому, интеллигентные люди, трудно и повѣрить! Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ Новгородскій музей явился одинъ петербуржецъ. Холодно и даже съ нѣкоторою важностью ходилъ онъ по заламъ, молча и свысока выслушивая объясненія служащаго при музеѣ «провинціала».

— А это что такое? — вдругъ спросилъ онъ, взявшись рукою за висѣвшую на стѣнѣ кольчугу.

Ему объяснили боевое значеніе желѣзной рубашки.

— Ну, ужъ это-то пустяки!—воскликнулъ онъ.—Чтобъ этакую штуку да пулей не пробить? Посмотрѣли бы вы, какія у насъ въ Петербургѣ брони пробиваютъ!

Пришлось опять объяснять ему различіе между древнимъ и нынѣшнимъ оружіемъ.

Тутъ же рядомъ находилась коллекція мисюрокъ и шишаковъ. Едва взглянувъ на нихъ, онъ отвернулся съ пренебреженіемъ.

— Этого-то добра,—замѣтилъ онъ: — и у насъ въ Петербургѣ довольно: у любого балаганщика сколько угодно найти можно.

Изъ музея онъ вышелъ разочарованнымъ и сказалъ подававшему пальто сторожу, что, прочитавъ на стѣнѣ слово: музей, думалъ, что музей, конечно, анатомическій (вѣроятно, въ родѣ тѣхъ,

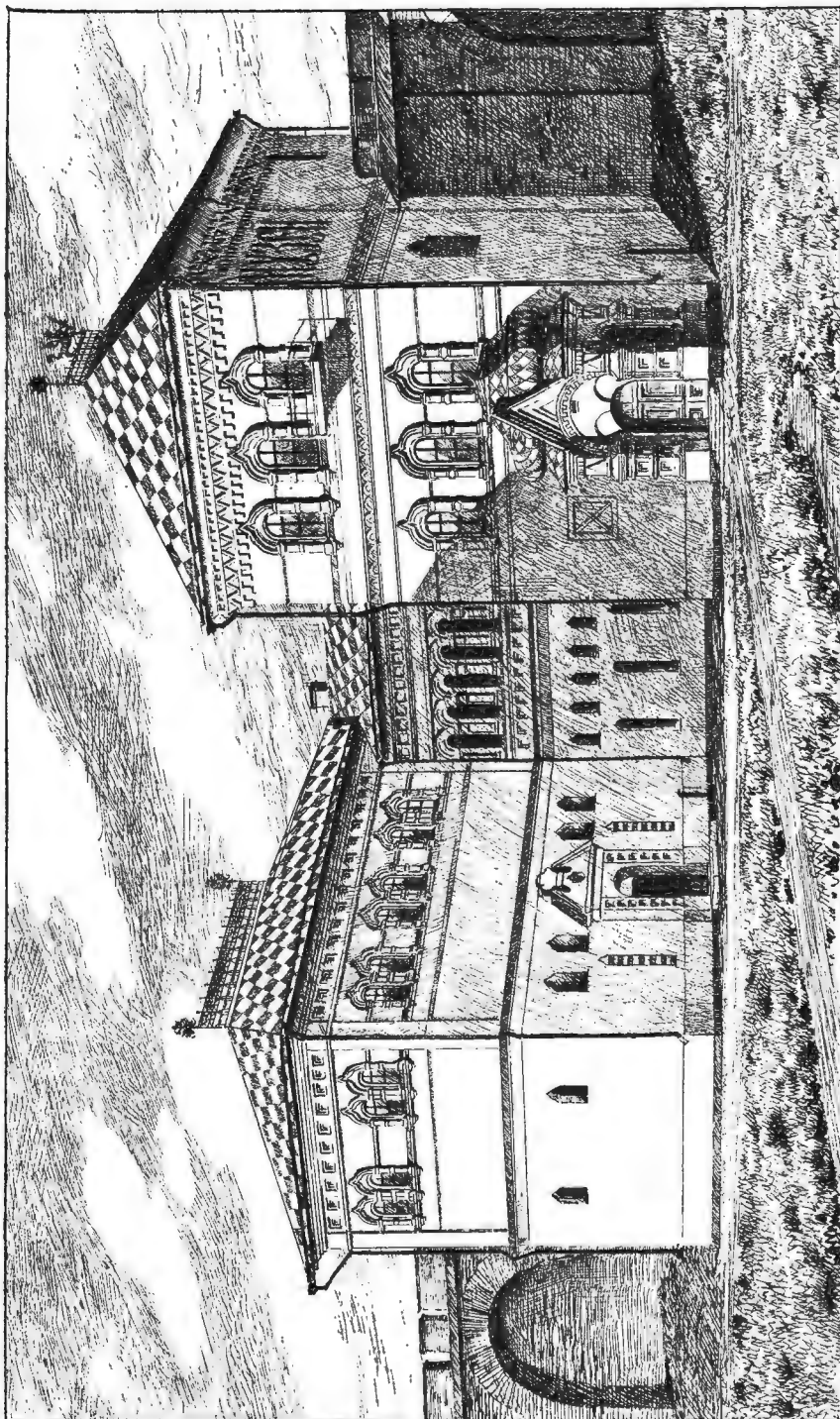
что гнѣзятся въ Пассаждѣ, съ секретными отдѣленіями и т. п.), а между тѣмъ здѣсь показываютъ вовсе не интересное.

Правда, что въ отдѣльныхъ личностяхъ, любящихъ прошлое своей родины, желающихъ посвятить ему всѣ свои силы и способности, недостатка нѣтъ, и они сами по себѣ зачастую совершаютъ настоящія чудеса, но люди эти слывутъ въ обществѣ какими-то маньяками, чудаками, и дѣло ихъ, такъ прекрасно начатое, веденное съ такою любовію, остается послѣ нихъ покинутымъ на произволь судьбы; богатѣйшія коллекціи, собиравшіяся съ такимъ трудомъ и усиліями, сваливаются въ груду и гниютъ гдѣ нибудь на чердакѣ, или же попадаютъ въ руки рыночныхъ торговцевъ, отъ которыхъ поштучно расплываются опять въ разныя стороны. Въ этомъ отношеніи исторія Новгородскаго музея представляетъ не мало поучительнаго.

Черезъ годъ послѣ открытія памятника тысячелѣтія Россіи, въ новгородскомъ статистическомъ комитетѣ возникла благая мысль начать собраніе вещественныхъ памятниковъ минувшей тысячелѣтной старины, а такъ же и предметовъ по этнографіи и промышленности Новгородскаго края. Секретаремъ комитета былъ въ то время священникъ Николай Гавриловичъ Богословскій. Ему-то комитетъ и поручилъ собирать, во время разъѣздовъ по губерніи, мѣстные древности и рѣдкости. Дѣятельный отецъ Николай отправился въ путь въ томъ же 1863 году и сразу привезъ въ Новгородъ значительную и интересную коллекцію вещей, по большей части, церковныхъ. За неимѣніемъ особаго помѣщенія коллекція была размѣщена въ квартирѣ собирателя, примыкавшей къ помѣщенію комитета, и легла краеугольнымъ камнемъ въ основу дальнѣйшаго собранія и накопленія древностей Новгородскаго края.

Начало было сдѣлано, но здѣсь самъ собою возникъ вопросъ о средствахъ для дальнѣйшаго существованія и развитія дѣла. Этими средствами комитетъ не располагалъ и рѣшилъ обратиться къ городскому управленію съ предложеніемъ принять собранныя вещи въ вѣдѣніе города и открыть мѣстный музей. Но городъ не пожелалъ заниматься этимъ дѣломъ и отклонилъ предложеніе. Маленькій музей остался при комитетѣ и попрежнему продолжалъ ютиться въ скромной квартиркѣ Николая Гавриловича, увеличиваясь и пополняясь, по недостатку средствъ, лишь крайне медленно, и то только благодаря энергіи и личнымъ стараніямъ его ревностнаго консерватора.

Прошло четыре года, и комитетъ снова рѣшилъ возобновить хлопоты о будущности музея. На этотъ разъ съ предложеніемъ обратились къ земству, и старанія увѣнчались наконецъ успѣхомъ. Земское собраніе 19-го декабря 1867 года постановило принять музей подъ свое попеченіе и на содержаніе его ассигновало сумму въ 500 рублей.

Видъ Новгородскаго музея съ восточной стороны.

Настало время благоденствія. Въ сравнительно короткое время музей значительно пополнился, увеличился, и въ 1870 году могъ уже принять участіе во Всероссийской промышленной выставкѣ въ Москвѣ. Но времена процвѣтанія были, увы, не долговѣчны. Между Николаемъ Гавриловичемъ и земскими дѣятелями возникли какія-то недоразумѣнія, а черезъ нѣсколько времени онъ отказался и отъ должности секретаря при статистическомъ комитетѣ. Здѣсь-то обнаружилось, на сколько общественные дѣятели интересовались своимъ музеемъ, на сколько мысль о пользѣ такого учрежденія проникла въ общественное сознаніе.

Какъ только удалился дѣятель, создавшій все дѣло и развивавшій его чуть ли не своими единоличными усиліями, земство (28-го января 1877 года) постановило отказаться отъ дальнѣйшаго содержанія музея и передать его обратно въ комитетъ. Не имѣя попрежнему ни средствъ, ни помѣщенія, комитетъ растерялся и, подобно утопающему, надѣющемуся на соломинку, сталъ опять предлагать музей городу. Для бѣдныхъ коллекцій настала своего рода эпоха смутнаго времени; никто не хотѣлъ хранить ихъ, стараясь навязать музей другому.

Извѣстно, что въ годину бѣдствій, переживаемыхъ какимъ нибудь государствомъ, сосѣди его очень охотно любятъ выступать въ роли благодѣтелей и покровителей имущества, остающагося безъ хозяина. Положеніе несчастнаго музея живо напоминало тяжелыя времена междоусобія, и сосѣди, какъ водится, не преминули этимъ воспользоваться.

Кто-то донесъ покойному митрополиту Исидору, что коллекція церковныхъ вещей въ Новгородскомъ музеѣ хранится несоотвѣтственно, и въ Новгородъ былъ командированъ извѣстный церковный археологъ и профессоръ Петербургской духовной академіи Н. В. Покровский для приѣма, или точнѣе для отобранія монастырскихъ и церковныхъ вещей, хранившихся въ музеѣ, и для передачи ихъ въ церковно-археологическій музей Петербургской академіи. И вотъ изъ музея лѣтомъ 1879 года было увезено ни болѣе, ни менѣе, какъ двѣ тысячи двадцать шесть предметовъ! Приемщикамъ хотѣлось даже забрать все, безъ остатка, и только особыя просьбы новгородскаго губернатора Э. В. Лерхе убѣдили ихъ нѣсколько умѣрить свои желанія. Уважаемый Н. В. Покровский недаромъ пользуется славою знатока нашей церковной старины: отъ него не ускользнула ни одна сколько нибудь интересная вещь; все лучшее было вывезено начисто, и нарядъ почтеннаго археолога былъ для музея чѣмъ-то въ родѣ Батыева нашествія.

Музей былъ, какъ говорится, *saigné à blanc*, и участь его теперь, казалось, рѣшена безповоротно. Но судьба разсудила иначе. Еще за годъ до расхищенія, а именно въ іюль 1878 года, посѣтили Новгородъ великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи

и Константинъ и Дмитрій Константиновичи. Узнавъ о тягостномъ финансовомъ положеніи музея, высокіе посѣтители пожертвовали 1.000 р. одновременно и пожелали ежегодно помогать музею извѣстною суммою. Это милостивое вниманіе придало бодрости мѣстной администраціи, во главѣ которой находился преданный любитель старины, уважаемый Э. В. Лерхе, такъ что во время разоренія музея въ груди его консерваторовъ уже теплилась надежда удержатъ и спасти хотя жалкіе остатки коллекцій, уцѣлѣвшіе отъ грома, и найти для нихъ постоянное помѣщеніе.

Въ западной стѣнѣ дѣтинца, почти противъ зданія присутственныхъ мѣстъ, находилась такъ называемая Златоустовская башня съ примыкавшими къ ней двумя каменными флигелями, которые прежде исправляли должность тюрьмы. Эти-то ветхіе, двухъэтажные флигеля и рѣшено было обратить въ помѣщеніе для музея. На перестройку зданія Э. В. Лерхе удалось собрать сумму нѣсколько болѣе 6.000 рублей. На эти средства съ обоихъ флигелей были сняты верхніе, обветшавшіе этажи; лѣвый флигель былъ приспособленъ для помѣщенія библіотеки, а правый, меньшій, занятъ музеемъ, который въ то время былъ на столько малъ, что размѣщался весь въ одной комнатѣ, при чемъ предметы старины не могли составить даже самостоятельнаго отдѣла, а были перемѣшаны съ образцами кустарныхъ и промышленныхъ издѣлій.

Въ такомъ видѣ музей былъ открытъ 19 февраля 1880 года и началъ кое-какъ оправляться отъ полученныхъ глубокихъ, почти неизлѣчимыхъ ранъ. Но внѣшняя и матеріальная обстановка его оставалась попрежнему крайне непривлекательною. Открытая при музеѣ библіотека обратилась въ простую библіотеку для чтенія и поглощала почти всѣ скудныя средства музея, ничего въ то же время не принося, кромѣ убытка. Старое зданіе, въ которомъ помѣщался музей, было очень сыро и черезъ шесть лѣтъ послѣ перестройки уже окончательно отказывалось отъ службы и грозило разрушеніемъ.

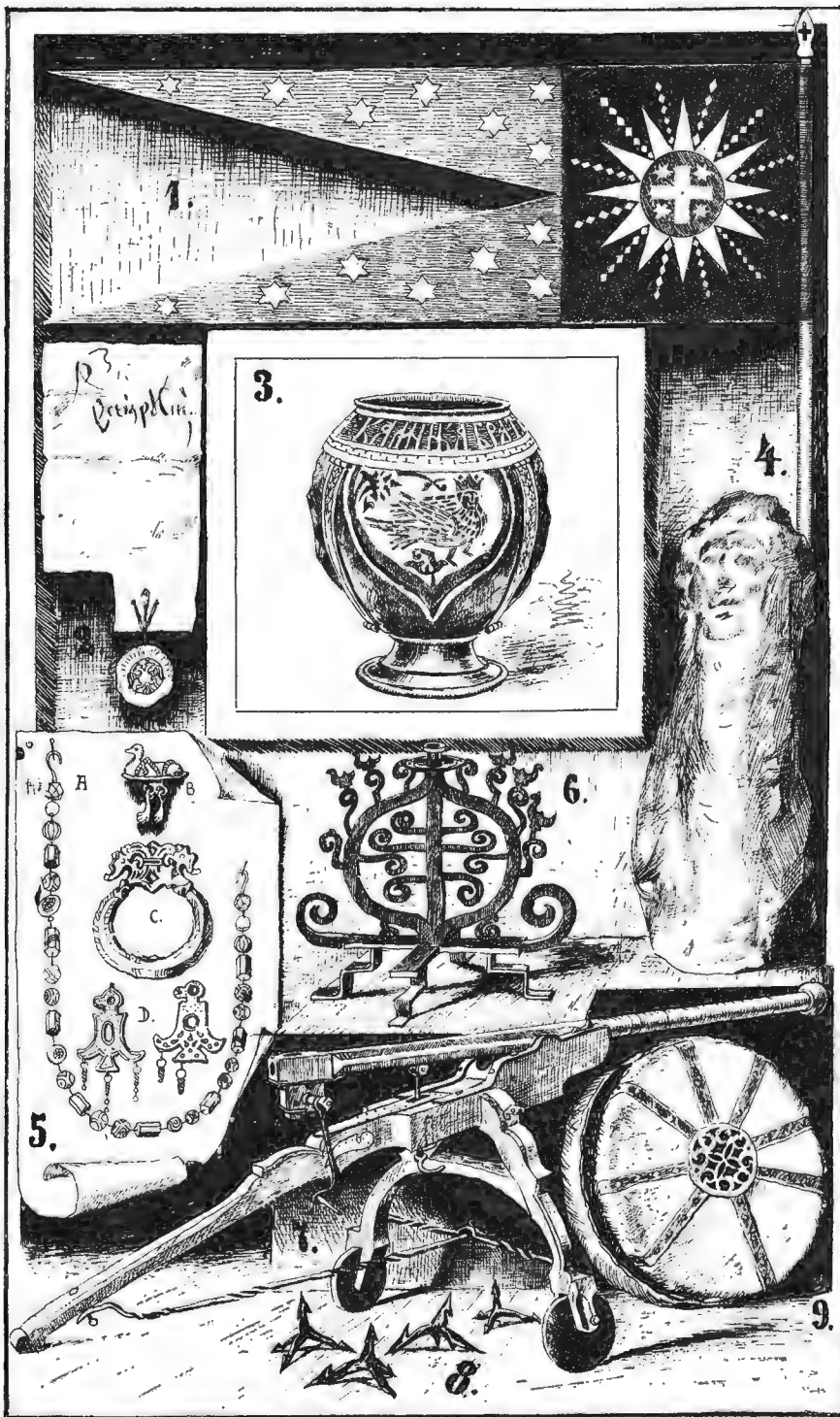
Въ концѣ этого шестилѣтняго періода существованія музея въ собственномъ помѣщеніи его посѣтилъ литераторъ А. В. Кругловъ и нашелъ дѣло музея въ самомъ жалкомъ положеніи. По словамъ сторожа, средства были на столько скудны, что нерѣдко не хватало денегъ даже на керосинъ. «Музей помѣщается, — писалъ г. Кругловъ: — въ небольшой комнаткѣ, полъ которой готовъ провалиться. Если бы не предупрежденія сторожа, я сломалъ бы, пожалуй, ногу въ импровизированномъ капканѣ». Относительно предметовъ, выставленныхъ въ музеѣ, г. Кругловъ замѣчаетъ, что главное мѣсто отведено «производству фаянсовой фабрики Кузнецова съ Волхова: тарелки и блюда всѣхъ сортовъ, чайныя сервизы, масляницы въ формѣ огурцовъ, дынь и т. д. Виситъ нѣсколько колоколовъ и колокольчиковъ, «даръ Валдая»; изъ нихъ подобраны звоны въ тер-

цію, квинту и октаву... Кольчугъ, шлемовъ, латъ, щитовъ и др. доспѣховъ XIV и XV вѣка — нѣсколько экземпляровъ; изъ оружія — интересны старинныя пищали. Коллекція старинныхъ монетъ не особенно богата; гораздо лучше витрина съ различными женскими украшеніями: серьгами, брошами, ожерельями и крестиками. Изъ церковныхъ вещей обращаютъ на себя вниманіе старинныя деревянные и желѣзные вѣнцы, и деревянное изображеніе Нила Столбенскаго въ бесѣдочкѣ. Въ передней музея находится часть каменнаго гроба съ надписями. Если прибавить сюда еще произведенія проволочныхъ заводовъ, кустарныя издѣлія изъ бересты и лыка, то будутъ перечислены всѣ богатства Новгородскаго музея».

Для спасенія музея рѣшено было закрыть на время бібліотеку, а такъ какъ въ своемъ развалившемся флигелѣ онъ существовать не могъ, то задумали перевести его въ самую Златоустовскую башню. Старый другъ дѣйствительно оказался лучше новыхъ двухъ. Сложенныя изъ дикаго камня и только снаружи облицованныя кирпичемъ, стѣны башни были на столько крѣпки, что представляли даже немалыя затрудненія для передѣлки, пробивки оконъ и пр., именно своею прочностью и неподатливостью. Рѣшено было воспользоваться для музея всѣми тремя этажами старой башни, но въ среднемъ было очень темно, въ нижнемъ не было пола, а въ верхнемъ — потолка. Тѣмъ не менѣе, 1 іюля 1886 г., собравъ кое-какія средства, администрація приступила къ работамъ, и 28 января 1887 г. музей въ новомъ своемъ помѣщеніи былъ снова открытъ для публики.

Съ этого времени дѣла многострадальнаго древлехранилища пошли успѣшнѣе; коллекціи начали пополняться довольно быстро, такъ что черезъ нѣсколько времени помѣщеніе изъ трехъ залъ и лѣстницъ стало оказываться тѣсноватымъ. Но необходимость дальнѣйшаго расширенія въ помѣщеніяхъ музея сознавалась еще во время перестройки башни, и тогда же архитекторомъ В. М. Елкашевымъ, который составлялъ смѣту и проектъ самой перестройки, былъ составленъ для будущаго проектъ надстройки зала надъ бібліотечнымъ флигелемъ и возведенія вновь особой постройки, соединяющей башню съ бібліотекою. Такимъ образомъ уже выяснились вчернѣ общія очертанія нынѣшняго зданія музея, но, за неимѣніемъ средствъ, пока только на бумагѣ.

Преемникъ г. Лерхе на постѣ новгородскаго губернатора, Александръ Николаевичъ Мосоловъ, также большой и ревностный любитель старины, неусыпно слѣдилъ за жизнію и ростомъ музея и старался оказывать ему, на сколько было возможно, свое полное содѣйствіе. Въ 1889 г., заручившись необходимыми средствами, онъ приказалъ произвести техническій осмотръ флигелей. Правый оказался окончательно никуда не годнымъ, а лѣвый, бібліотечный, вслѣдствіе разныхъ непоправимыхъ недостатковъ въ фунда-

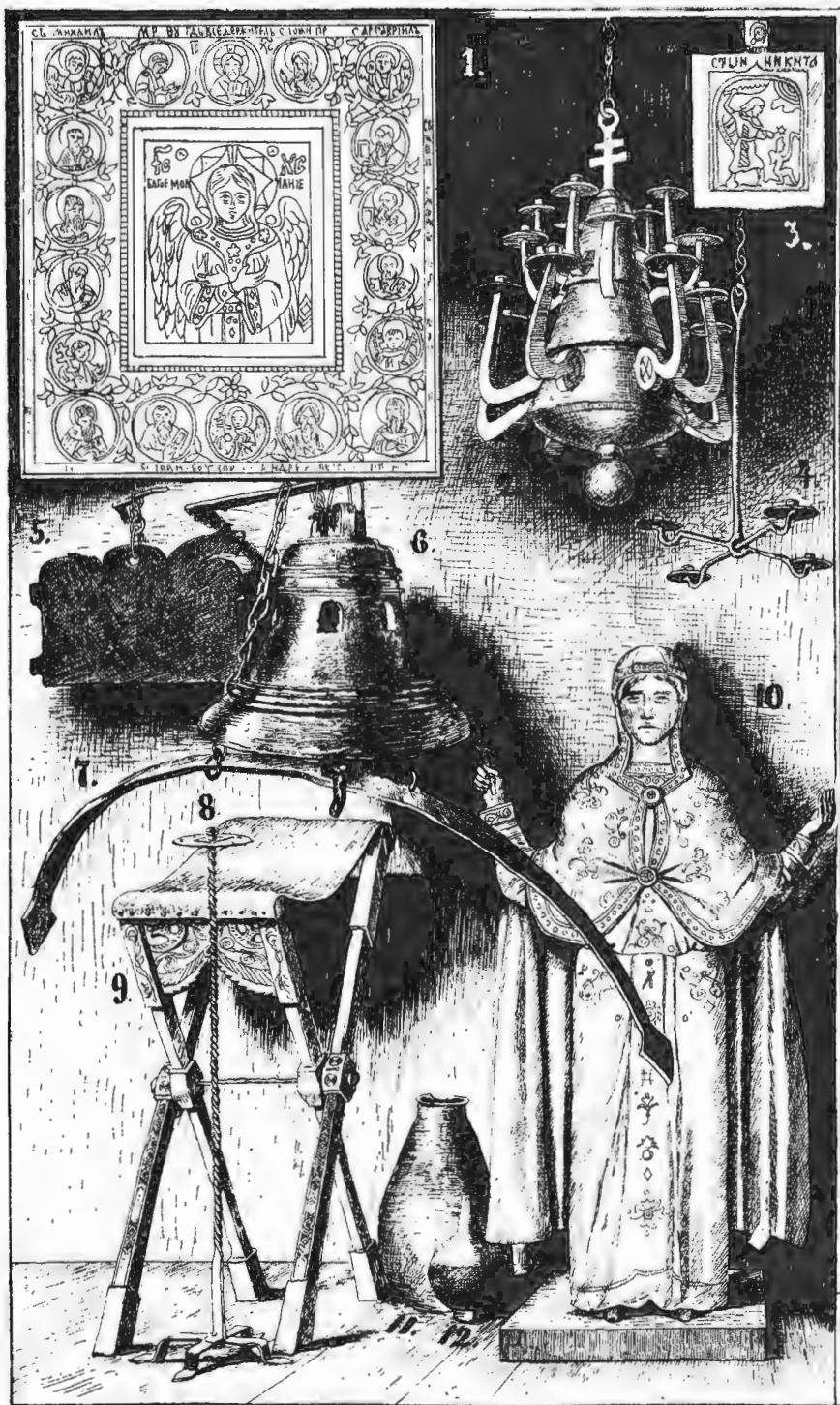

1) Знамя Кирилковского монастыря.—2) Грамота Иоанна Грозного.—3) Братина старца Калиника.—4) Каменная фигура, найденная въ Бѣловерскомъ уѣздѣ.—5) Вещи изъ Морянского могильника: А—бусы изъ камня и стекла, В—подвѣска, С—пряжка, Д—старинныя серебряныя мониста.—6) Настольный приборъ XVI в. изъ Устюжны.—7) Пищаль скорострѣльная временъ Алексѣя Михайловича.—8) Тихвинскій «чеснокъ».—9) Коробъ для кольчуги.

ментъ, тоже подавалъ мало надежды на долговѣчность. Приходилось библиотечное и соединительное зданіе возвести заново, но г. Мосоловъ передъ этимъ не остановился, и 10 сентября 1889 г. было приступлено къ работамъ по постройкѣ новаго, нынѣшняго, зданія музея. Постройка началась подъ наблюдениемъ г. губернскаго инженера Львовича-Кострицы, а затѣмъ перешла въ вѣдѣніе архитектора Ф. И. Воронца. Но душою всего предпріятія оставался А. Н. Мосоловъ. Смѣта постройки была составлена на четырнадцать съ половиною тысячъ рублей; онъ успѣлъ собрать пожертвованій отъ частныхъ лицъ болѣе 8.000 рублей и повелъ постройку не подряднымъ, а хозяйственнымъ способомъ. Дѣло было поведено на столько толково и экономно, что, не смотря на прибавленіе въ библиотечномъ зданіи еще третьяго этажа, расходъ, съ отдѣлкою, не превысилъ въ общемъ 12.835 рублей 24 коп. Къ двумъ третямъ этой суммы, пожертвованнымъ, какъ уже сказано выше, частными лицами, присоединилось пожертвованіе великихъ князей, а остальная часть суммы была покрыта изъ средствъ статистическаго комитета. Почти всѣ работы по постройкѣ и отдѣлкѣ новаго зданія музея произведены мѣстными мастерами и рабочими. Постройка удалась вполнѣ и щеголяетъ изяществомъ какъ снаружи, такъ и внутри. Въ этажахъ своего нынѣшняго троечастнаго помѣщенія (башня, соединительное зданіе и библиотека) музей размѣстился прекрасно; осталось еще мѣсто для комнатъ консерватора, бібліотекаря и сторожа, для конференцъ-зала и для канцеляріи статистическаго комитета.

Торжественное освященіе музея происходило 17-го января 1893 года. Къ этому дню ревностными сотрудниками г. Мосолова по устройству музея, В. П. Ласковскимъ и Н. А. Лашковымъ, было составлено очень толковое и обстоятельное иллюстрированное описаніе какъ самого музея, такъ и хранящихся въ немъ коллекцій.

Изъ краткаго отчета за первый годъ существованія музея мы видимъ, что по 1-е января 1894 г. въ немъ перебывало болѣе семи съ половиною тысячъ посѣтителей (7.549 челов.), въ томъ числѣ 4.260 лицъ бесплатно. Воспитанники учебныхъ заведеній во всякое время пользуются правомъ бесплатнаго посѣщенія музея; если же они являются цѣлыми классами, или большими группами, то осмотръ производится подъ руководствомъ старшаго хранителя музея, который даетъ имъ необходимыя свѣдѣнія по всѣмъ отдѣламъ выставленныхъ предметовъ. Въ истекшемъ 1893 году въ музей поступило 4.443 предмета, изъ нихъ девять помѣщены владѣльцами на храненіе. Приходъ музея за истекшій годъ выразился въ суммѣ 4.777 рублей 13 коп., при чемъ большая половина этой суммы, именно 2.765 рублей, поступила въ музей отъ частныхъ жертвователей. Новгородское земство ассигновало на нужды музея 500 рублей, городская дума—300 рублей, Новгородскій статистическій комитетъ—150 р., мѣщанское общество—100 р. и ремеслен-

1) Образъ «Благое молчаніе». — 2) Деревянное паникадило. — 3) Образъ св. Никиты, побивающаго бѣса. — 4) Железный привѣсный четырехсвѣщникъ. — 5) Чугунное било начала XVII в. — 6) Колоколь изъ Устюжны. — 7) Монастырское било XVI в. — 8) Железный витой подсвѣчникъ XV в. — 9) Анвалъ съ рѣзнымъ орнаментомъ. — 10) Рѣзное изображеніе св. Параскевы Пятницы. — 11) и 12) Голосники.

ное—50 рублей. Цифра расхода, не смотря на отчисленіе 1465 рублей въ неприкосновенный капиталъ и довольно крупныя уплаты по окончанію постройки музея, установки витринъ и починки вещей, не превысила цифры прихода, и въ результатъ получился еще небольшой остатокъ въ нѣсколько десятковъ рублей.

Обратимся теперь къ бѣглому осмотру древлехранилища въ его обновленномъ видѣ. Скверъ передъ музеемъ обнесенъ рѣшеткою, пожертвованною В. И. Милютинымъ и исполненною на его механическомъ заводѣ въ Череповцѣ. Посреди сквера возвышается, поставленная здѣсь для украшенія, каменная колонна, бывшая на старомъ Волховскомъ мосту. Прямо передъ нами высится обновленная Златоустовская башня, лѣвѣе отъ нея тянется вдоль стѣнъ трехъэтажное зданіе, соединяющее башню съ помѣщеніемъ бібліотеки. Въ немъ, въ среднемъ этажѣ, находится канцеляція статистическаго комитета, внизу помѣщается консерваторъ, а вверху—аванъ-заль музея. Въ бібліотечномъ зданіи весь верхній этажъ занятъ самымъ большимъ заломъ музея, а во второмъ устроены хоры и помѣщеніе для бібліотекаря. Въ бібліотеку изъ сквера ведетъ особая дверь, окованная по рисунку XVII—XVIII столѣтій. Надъ этою дверью помѣщенъ, на золотомъ фонѣ, гербъ Новгородской губерніи. Многія старушки-богомолки нерѣдко принимаютъ его за образъ и, сотворивъ передъ нимъ усердную молитву, пытаются отворить дверь, потомъ освѣдомляются у служащихъ въ музей, скоро ли у нихъ начнется служба.—«Скоро, скоро», — улыбаются тѣ, и дѣйствительно открытіе бібліотеки предполагается въ непродолжительномъ времени, только на этотъ разъ она будетъ приспособлена для болѣе серьезныхъ занятій, чѣмъ одно только чтеніе беллетристики.

Вдоль стѣнъ этихъ зданій положены въ скверѣ старинныя крѣпостныя орудія, большею частью изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Входъ въ музей находится внизу башни. Дверь, представляющая копію, только не раскрашенную, съ двери въ Углицкой церкви св. царевича Димитрія «что на крови» XVII—XVIII вѣка, ведетъ на небольшое крылечко. Внутри оно почти сплошь убрано бѣлозерскими изразцами съ композиціями, изображающими разныхъ охотниковъ и дамъ подъ деревьями, съ приличными случаю подписями. Вторая дверь съ крылечка ведетъ въ самую башню. Мы входимъ въ нижній этажъ, освѣщаемый однимъ окномъ, у котораго находится столъ, и продаются билеты для входа въ музей. Въ будни за входъ взимается 15 копеекъ, то-есть деньги, которые вы отдали бы въ другомъ мѣстѣ за храненіе платья. Въ праздники пускали прежде даромъ, и посѣтителей набиралось видимо-невидимо; теперь, кажется, назначена плата 5 копеекъ. Стѣны этого помѣщенія расписаны орнаментомъ XII и XIII вв. по оригиналамъ церквей Спаса Нередицы въ Новгородѣ и св. Георгія въ Старой Ладогѣ.

Широкая лѣстница поднимается снизу вдоль большой стѣны, приводит насъ къ помѣщенію канцеляріи статистическаго комитета, находящемуся, какъ сказано выше, во второмъ этажѣ соединительнаго зданія, и, сдѣлавъ поворотъ, поднимается на вторую площадку, гдѣ уже начинается выставка предметовъ, хранящихся въ музеѣ.

Передъ нами нѣсколько образцовъ старинныхъ билъ и небольшой девятипудовый колоколъ производства «желѣзной» Устюжны. Характерною особенностью этого колокола являются шесть продѣланныхъ въ немъ сквозныхъ четырехугольныхъ окошечекъ, помѣщенныхъ въ рядъ недалеко отъ его верхняго края. Изъ билъ здѣсь находятся заводское въ видѣ прямоугольника съ изображеніемъ предметовъ чугунаго дѣла, и старинное монастырское XVI в., состоящее изъ восьмиаршинной чугунной полосы, согнутой дугою. Но наиболѣе интереснымъ представляется здѣсь било временъ Михаила Ѳедоровича. Форма его правильный четырехугольникъ, но вверху углы скруглены, концы вытянуты и представляютъ подобіе орлиныхъ головъ, изъ которыхъ одна уже отбита. Это било Петръ прислалъ въ одинъ изъ новгородскихъ монастырей взаменъ отобранныхъ въ казну старинныхъ пушекъ.

Лѣстница приводит насъ на третью площадку, соответствующую уровню третьему этажу соединительнаго зданія, и затѣмъ поднимается выше. Мы остановимся на площадкѣ. Прямо передъ нами входъ, очень изящной работы, ведущій въ аванзалъ, направо входъ въ арсенальное отдѣленіе, которое устроено въ самой башнѣ.

Аванзалъ помѣщается надъ канцеляріею комитета. По стѣнамъ висятъ портреты лицъ царствующаго дома, начиная съ Петра I, портреты основателей музея Н. Г. Богословскаго, Э. В. Лерхе; здѣсь же помѣщены и изображенія лицъ, памятныхъ въ исторіи края: графа Якова Сиверса, перваго новгородскаго губернатора, Суворова, нерѣдко проживавшаго въ качествѣ помѣщика въ своемъ селѣ Кончанскомъ, Боровичскаго уѣзда, графа Аракчеева, князя А. И. Васильчикова, бывшаго губернскимъ предводителемъ дворянства, извѣстнаго своими сочиненіями: «Самоуправленіе» и «Землевладѣніе», заслужившаго себѣ общую признательность и уваженіе въ качествѣ выдающагося земскаго дѣятеля, и другихъ.

Впереди, по бокамъ двери, ведущей въ большой залъ, у стѣны, задрапированной краснымъ сукномъ, помѣщаются на возвышеніи два золоченыхъ кресла. Кресла эти находились на крытой баркѣ, на которой Екатерина II спускалась отъ Боровичъ до Новгорода во время осмотра Вышневолоцкой системы въ 1785 г.

Въ противоположномъ углу помѣщенъ мраморный бюстъ Петра I въ латахъ, украшенныхъ аллегорическими барельефами. Бюстъ вырубленъ однимъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, итальянцемъ, занимавшимся скульптурою.

Въ витринахъ, шкафахъ и на столахъ размѣщены многія интересныя вещи, на примѣръ, серебряныя золоченыя бляхи съ рисункомъ, похожимъ на гербъ, часть цѣпочки тонкой филигранной работы и другія вещи, находившіяся въ кладѣ, найденномъ въ 1892 г. близъ деревни Сельцы въ Старорусскомъ уѣздѣ. Далѣе, поступившая въ музей изъ Софійскаго собора небольшая братинка съ надписью по ободку: «Калиника брата Троецкого Сергіева монастыря казначея старца»; на ней съ трехъ сторонъ изображенія птицъ съ человѣческими головами, въ вѣнцахъ. Другая чарка въ коллекціи снабжена довольно загадочною надписью: «Чарька Оомы Ануфеева сына Бабиныхъ бѣлозерцовъ при славѣ буди съ мре». Впрочемъ надпись, какъ кажется, прервана, и конца ея не достаесть. Чарка найдена въ землѣ при работахъ по расширенію Бѣлозерскаго канала. Тогда же вмѣстѣ съ нею нашли и другія вещи, какъ-то: серебряный крестикъ четвероконечный, на которомъ напировано изображеніе креста восьмиконечнаго, филигранный серебряный окладъ, перстень, привѣски къ серьгамъ и пр.

Здѣсь же въ витринѣ хранится табакерка съ надписью на внутренней сторонѣ крышки:

Аракчеевъ за вѣр-
ность капитану
Петру Иванову
за услуги.

На табакеркѣ сверху изображенъ петиметръ, кутящій въ саду съ дамою; сбоку слуга несетъ вино. Съ другой стороны вырѣзана какая-то богиня, но работа въ общемъ очень груба. Лицамъ, занимающимся изученіемъ жизни и дѣяній покойнаго графа Алексѣя Андреевича, быть можетъ, извѣстенъ и самъ капитанъ Петръ Ивановичъ и тѣ услуги, за которыя онъ удостоился получить эту табакерку отъ грознаго графа. Замѣчу кстати, что въ музеѣ два большихъ шкафа биткомъ набиты грузинскимъ архивомъ Аракчеева, повидимому, еще ожидающимъ своего изслѣдователя.

Здѣсь же хранятся и остатки временъ доисторическихъ, каменнаго и бронзоваго вѣка, найденные въ Новгородской губерніи, при чемъ большинство изъ нихъ обязано своимъ появленіемъ на свѣтъ Божій не раскопкамъ, а плугу и водѣ, подмывавшей прибрежные могильники. Вообще надо замѣтить, что, не смотря на обиліе кургановъ въ здѣшнемъ краѣ, правильная раскопка ихъ почти не производилась, за исключеніемъ только немногихъ, на примѣръ, Синеусова кургана на Бѣломъ озерѣ, нѣкоторыхъ кургановъ около Старой Лядоги и другихъ.

На столѣ аванъ-зала помѣщены разныя диковинки: картина, вырѣзанная изъ кости и изображающая кавалера, который обнимаетъ даму во время ея прогулки въ саду; названіе этой картины: «Ахъ! какъ ты меня испугалъ!». Часы, которые, по мѣрѣ хода,

спускаются собственной тяжестью по столбику внизъ, и для того, чтобы завести ихъ, слѣдуетъ поднять часы на прежнюю высоту; счетная машинка съ металлическими лентами и т. д.

Въ особомъ шкафу за стекломъ хранятся женскіе старинные костюмы и головные уборы: кокошники, кики, повойники, повязки женскія и дѣвичьи, всѣ богато вышитыя золотомъ и жемчугомъ.

Входъ изъ аванъ-зала въ большой залъ музея, служащій помѣщеніемъ церковнаго отдѣла, запирается невысокими ажурными воротцами, очень искусно сдѣланными изъ отдѣльныхъ частей стараго, изломаннаго паникадила.

Хотя утрата, понесенная этимъ отдѣломъ въ 1879 году, невознаградима, но общими усиліями ревнителей музея сдѣлано все возможное, чтобы пополнить оскудѣвшее собраніе, и труды ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Церковный отдѣлъ опять сдѣлался самымъ крупнымъ отдѣломъ въ музеѣ и заключаетъ въ себѣ немало интересныхъ вещей.

Главною его драгоценностью слѣдуетъ признать древнія фрески изъ церкви св. Сергія Радонежскаго, что на Владычнемъ дворѣ. Судьба точно умысленно берегла ихъ въ даръ обновлявшемуся музею и открыла ихъ лишь по минованіи погрома, во время передѣлки храма въ восьмидесятыхъ годахъ. Церковь св. Сергія была построена въ XV вѣкѣ святымъ Іоною Отенскимъ, и очень возможно, что фрески были написаны въ одно время съ построеніемъ храма; если же онѣ и написаны впоследствии, то, судя по манерѣ и композиціи, должны быть отнесены ко времени отнюдь не позднѣе XVI столѣтія. Въ музеѣ онѣ помѣщены въ одинъ рядъ подъ карнизомъ зала, и надо сознаться, что помѣщеніе выбрано не совсѣмъ удачно: во-первыхъ, изображенія находятся очень высоко, чуть не подъ самымъ потолкомъ, и, во-вторыхъ, свѣтъ изъ оконъ, находящихся подъ ними, бьетъ прямо въ глаза зрителю и мѣшаетъ детально разглядывать фрески. Всѣхъ фресокъ числомъ тринадцать; на нихъ изображены житіе и чудеса преподобнаго Сергія. Здѣсь мы видимъ и рожденіе его, и крещеніе, и видѣніе въ дѣтствѣ таинственнаго старца, и постриженіе въ монахи, и воскресеніе умершаго мальчика, и неопальное причащеніе огнемъ, спустившимся въ потиръ, и, наконецъ, погребеніе преподобнаго, словомъ всѣ главные моменты, сохраненные намъ его жизнеописателемъ. Фрески эти интересны во многихъ отношеніяхъ и заслуживали бы отдѣльнаго изданія въ точныхъ хромолитографическихъ копіяхъ.

Внизу, у той же стѣны, гдѣ фрески, находятся два рѣзныхъ изображенія, относящихся къ XVII вѣку: Спаситель, сидящій въ темницѣ, измученный, окровавленный, и св. Параскева Пятница съ простертыми, по обыкновенію, руками, но свитокъ, бывшій въ правой рукѣ ея, уже отломился. Одежда ея оклеена по левкасу

холстомъ и расписана красками на яичномъ бѣлкѣ; ликъ и руки раскрашены прямо по дереву.

По части иконъ въ музеѣ имѣются образцы новгородскаго, московскаго и строгановскаго письма.

Интересна также прекрасная кіота для иконы. Она очень массивна, сдѣлана изъ чернаго дуба и украшена двумя серебряными колонками и разными мѣдными и бронзовыми изображеніями и орнаментомъ. Кіота, вмѣстѣ съ бывшею въ ней иконою, пожертвована, какъ гласитъ надпись, княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Долгорукимъ, «по родителѣ своемъ князѣ Иванѣ Алексѣевичѣ», казненномъ въ Новгородѣ въ 1739 году.

Коллекція деревянныхъ и металлическихъ складней составлена изъ образцовъ XVI, XVII и XVIII вѣка.

Въ числѣ мѣдныхъ, литыхъ иконокъ обращаютъ на себя вниманіе: изображеніе святыхъ Бориса и Глѣба на коняхъ, XIV вѣка, затѣмъ образокъ св. Никиты, валькомъ побивающаго бѣса, иконка: Не рыдай мене мати, и Благое молчаніе. На послѣдней посрединѣ изображенъ Христосъ въ видѣ ангела со сложенными на груди руками; вокругъ головы его, въ особомъ кругѣ, начертанъ семи-конечный нимбъ въ видѣ звѣзды. На широкой рамкѣ этого изображенія помѣщены въ медальонахъ, переплетенныхъ цвѣточными вѣтвями: Деисусъ, архангелы Михаилъ и Гавріилъ, апостолы Петръ и Павелъ, далѣе — Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и другіе святые; всѣхъ медальоновъ помѣщено восемнадцать. Почему на иконѣ благого молчанія изображены главные проповѣдники христіанства, сказать трудно.

Между церковными сосудами хранятся двѣ серебряныя тарелочки, пожертвованныя, въ первой половинѣ XVII вѣка, въ монастырь Саввы Вишерскаго княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ.

Въ числѣ напрестольныхъ крестовъ есть одинъ, XVI вѣка, обложенный серебряною басмою. Крестъ этотъ, вѣроятно, бывалъ часто въ употребленіи, потому что въ нижней его части басма сошла и замѣнена другою позднѣйшею, съ рисункомъ, отличнымъ отъ прежняго. Есть здѣсь также крестъ изъ числа такъ называемыхъ «тощихъ», снабженный внутри особымъ помѣщеніемъ для храненія частицъ мощей. На оборотной сторонѣ одного изъ мѣдныхъ крестовъ XVIII вѣка находимъ довольно интересную надпись. Она начинается стихирію св. кресту: «Крестъ хранитель всей вселеннѣй, крестъ красота церковная» и т. д., а затѣмъ переходитъ въ импровизацію укоризненной рѣчи отъ лица Спасителя, обращенной «къ жидамъ». Онъ напоминаетъ имъ о своей проповѣди, о своихъ трудахъ, страданіяхъ, воскресеніи, прибавляя, что все это было для ихъ вразумленія, и заканчиваетъ слѣдующими словами: «Отидите отъ меня зліи дѣлатели неправдъ въ мѣсто,

уготованное діаволу и ангеломъ его, не хочу бо васъ видѣти николи же». Въ коллекціи крестовъ тѣльниковъ многіе отличаются красивыми, замысловатыми узорами. Изъ числа панагій обращаетъ на себя вниманіе деревянная, рѣзная, съ изображеніемъ нерукотвореннаго образа и вокругъ него пяти святыхъ, фигуры которыхъ, за недостаткомъ мѣста, изображены только до колѣнъ. Есть здѣсь и складная панагія, такъ называемая дорожная, или «путная».

Изъ окладовъ на иконы упомянемъ о серебряномъ окладѣ оброчной работы XVI вѣка на иконѣ новгородскихъ чудотворцевъ.

Здѣсь, кстати, приведу разсказъ одного мѣстнаго старожила объ историческомъ, драгоцѣнномъ окладѣ, расплавленномъ въ огнѣ плавильной печи. Окладъ этотъ, изъ чистаго золота, былъ пожертвованъ Петромъ Великимъ на икону Знаменія Божіей Матери въ Новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ. Петръ I вообще не былъ особенно щедрымъ на вклады и церковныя украшенія, и эта риза могла назваться однимъ изъ немногихъ образчиковъ его религіознаго усердія. Вѣроятно, не маловажна была и причина, побудившая расчетливаго государя соорудить такой богатый окладъ. Но вотъ въ нашемъ столѣтіи петербургскому митрополиту Никанору не понравился рисунокъ этого оклада, и онъ распорядился переплавить ризу и сдѣлать новую. Узнавъ объ этомъ, знаменскій протоіерей Захарія вступился за историческую драгоцѣнность и не хотѣлъ выдавать ее, но ему пригрозили, а риза была снята и переплавлена.

Въ отдѣлѣ церковной утвари есть интересная ладонница очень хорошей работы, покрытая по ободкамъ изреченіями о мудрости: «Не ищи, человѣче, мудрости, а ищи кротости, аще обрящещи кротость, одолѣешь и мудрость. Не тотъ мудръ, кто много разумѣетъ, а тотъ мудръ, кто много добра творить».

Посреди зала виситъ большое паникадило Нюрнбергской работы, пожертвованное Борисомъ Годуновымъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; но наряду съ этимъ роскошнымъ произведеніемъ имѣется и другое паникадило деревянное, бросающееся въ глаза своею примитивностью: въ круглую, обточенную деревяшку вставлены, точно вѣтки, изогнутыя стойки для свѣчей. Впечатлѣніе получается крайне своеобразное. Изъ деревянныхъ работъ упомянемъ объ одномъ аналоѣ, украшенномъ весьма искусною рѣзбою, и о церковномъ подсвѣчникѣ, состоящемъ изъ пяти колонокъ съ очень красивою обработкою, окружающихъ шестую, центральную; всѣ онѣ стоятъ на подставкѣ, укрѣпленной въ свою очередь на четырехъ столбикахъ. Подсвѣчникъ относится къ XVI вѣку и, видимо, сдѣланъ рукою хорошаго токаря. Изъ числа металлическихъ настольныхъ подсвѣчниковъ особенно выдѣляется одинъ, имѣющій форму сердца, внутри и по краямъ его помѣщены разнообразныя завитки, а на завиткахъ снаружи разсажены птицы.

Коллекція священныхъ одеждъ не велика; изъ покрововъ на

св. дары есть нѣсколько интересныхъ, напримѣръ, одинъ съ изображеніемъ Эммануила, лежащаго на кругломъ жертвенникѣ, и другой съ вышитою на немъ иконою Свѣнско-Печерской Божіей Матери. Интересенъ также большой покровъ, помѣщавшійся прежде на гробницѣ св. Саввы Вишерскаго. На немъ по свѣтлоголубому фону написано изображеніе преподобнаго. Правою рукою онъ благословляетъ, а въ лѣвой держитъ свитокъ, содержащій въ себѣ отрывокъ изъ его предсмертной бесѣды съ учениками: «не скорбите убо, братія моя, и о семъ разумно да будетъ, аще молитва моя предъ Богомъ по моему отшествію къ Богу, обитель сія распространится». Внизу изображенія надпись: «1712 положилъ сей покровъ на св. чудотворца Савву посадникъ бурмистръ Оома Ивановъ сынъ Ларинъ по своему обѣщанію отъ потопа по себѣ и по своихъ родителейъ въ вѣчное поминовеніе». Этотъ большой покровъ помѣщенъ на мѣстѣ царскихъ вратъ въ устроенномъ у одной изъ стѣнъ иконостасѣ, собранномъ изъ старыхъ церквей.

Отдѣлъ рукописей и церковныхъ книгъ пока еще не богатъ, но и въ немъ встрѣчаются вещи, достойныя упоминанія, напримѣръ, славянская рукопись, писанная полууставомъ съ киноварными заставками, носящая названіе: «Звѣзда пресвѣтлая». Съ нею же вмѣстѣ въ одномъ переплетѣ находится житіе св. Θεодора блаженнаго и другихъ святыхъ, а также «Написаніе, чесо ради Великаго Новаграда митрополиты носятъ бѣлые клобуки»; рукописный апостоль съ помѣтою 1603 г.; молебное евангеліе 1702 г. въ 16-ю долю листа. Здѣсь интересны изображенія евангелистовъ, Спасителя, распятія и т. п. Каждое изображеніе снабжено, по обычаю времени, особымъ двустишіемъ; такъ, напримѣръ, у св. Матѳея читаемъ:

«Евангеліе Матѳеѣи святъ писаше,
«Рождшагося во плоти Бога возвѣщаше».

У св. Марка:

«Въ проповѣдь Марко положилъ зачало,
«Что въ Христѣ людямъ спасеніе стало».

У св. Луки:

«Лука сей святыи сказа жизнь Христову
«И апостольску въ міръ проповѣдь нову».

Здѣсь стихотвореніе приурочено такъ, что подходитъ къ изображенію и въ началѣ евангелія, и въ началѣ дѣяній апостольскихъ. Подъ изображеніемъ св. Іоанна помѣщено даже два двустишія:

«Отъ Бога Слова Бога богословить,
«Въ началѣ суща, въ вѣру люди ловить».

«Богословъ святыи Іоанниъ любезный,
«Чти, внемли, вѣрне, слогъ его полезный».

На изображеніи Спасителя съ крестомъ:

«Иисусъ Христосъ за люди пострадаше,
«Помощь всѣмъ святымъ крестомъ подаваше».

Особенно богато разукрашено піитикою изображеніе Распятія Господня; здѣсь мы видимъ печатныя строки со всѣхъ сторонъ. Внизу помѣщенъ текстъ изъ апостола, вверху:

«Богъ человекъ бысть человекъ ради
«Распятъ на крестѣ, міра грѣхъ заглади».

Справа:

«Носити крестъ всѣмъ по Христѣ удобно,
«Пріиметь въ небо Богъ благоутробно».

Слѣва:

«Спасительны суть Христовы намъ страсти,
«Память бо оныхъ хранить отъ напасти».

Но поэтъ и этимъ не удовольствовался: въ концѣ книги помѣщено еще особое стихотвореніе: «яко должно имѣти въ дому святое Евангеліе».

Не лишена интереса и библия 1751 г. съ гравюрами. На главномъ листѣ ея изображена императрица Елисавета, а надъ нею въ облакахъ Петръ и Екатерина, держащіе книгу съ надписью: «Да неокончанная исправиши».

Въ прошломъ году г. Логиновскій пожертвовалъ интересную лубочную картинку Петровскихъ временъ. Гравюра рѣзана голландскимъ граверомъ Тессингомъ, котораго Петръ вызвалъ въ Россію, кажется, для обученія гравированію русскихъ учениковъ. Картинка называется: «Зерцало грѣшнаго»; она складная и скомпанована такъ, что, по мѣрѣ развертыванія, передъ зрителемъ появляется послѣдовательный рядъ картинъ, изображающихъ грѣшника и его трагическій конецъ. Сначала мы видимъ Адама, сидящаго подъ деревомъ, на которомъ потомъ появляется вверху распятый Христосъ. При дальнѣйшемъ развертываніи показываются нарядные кавалеръ и дама. Рѣчи ихъ приписаны тутъ же и цѣломудріемъ не отличаются. При дальнѣйшемъ открываніи листа они оба превращаются въ два безобразныхъ скелета; внизу виденъ гробъ и разные символы смерти. Около костей помѣщенъ стихъ:

«Кости зракъ—
«Смерти знакъ,
«Зри ее всякъ:
«Будеши такъ».

Вверху въ особыхъ рамкахъ помѣщены сыновья Ноя и смерть съ косою. Надпись, на сколько помнится, слѣдующая:

«Симъ молитву дѣеть,
«Хамъ пшеницу сѣеть,
«Афеть власть имѣеть,
«Смерть всѣмъ владѣеть».

Въ заключеніе бѣлаго обзора этого большого зала упомянемъ о витринахъ съ видами Новгорода и о коллекціи прекрасныхъ фотографій г. Борщевского съ древностей, находящихся въ разныхъ мѣстахъ Новгородскаго края.

Вернемся черезъ аванъ-залъ на площадку лѣстницы и пройдемъ въ арсенальное отдѣленіе.

Здѣсь, у лѣвой стѣны отъ входа, стоятъ два большихъ шкафа съ Грузинскимъ архивомъ, о которомъ я упомянулъ выше. Около нихъ помѣщается въ двухсторонней рамкѣ грамота Іоанна Грознаго о пожалованіи окладомъ; вотъ ея содержаніе: «Се іяз князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есма Ондreja Тимофѣева сына Ивановича Окунева, в своей отчинѣ в Великомъ Новѣгородѣ половиною писчие в Русе под Михаиломъ Ступишинымъ в кормленее, а вѣдати ему та писчая и пошлина всякая имати одсель потому, какъ было преж сего». На оборотной сторонѣ подпись царя и приписка, скрѣпленная дьякомъ Капустинымъ, о томъ, что государь «перепустилъ» Окуневу половину писчей сряду на другой годъ до Благовѣщеньева дня.

Въ другихъ шкафахъ за стеклами помѣщены жалованныя грамоты царей: Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, грамоты на пожалованіе чина съ подписями Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I, Николая I и Александра II. Есть челобитныя начала XVII вѣка, вводная 1646 г. и т. п. Имѣется также небольшая коллекція книгъ XVII и прошлаго столѣтія по военному и крѣпостному дѣлу.

Своею коллекціею оружія музей обязанъ, главнымъ образомъ, Кирилло-Бѣлозерскому монастырю; она не велика, но довольно разнообразна. Въ ней находятся изъ головныхъ уборовъ шипаки двухъ типовъ, мисюрки съ бармицами, вороненыя желѣзныя шапки нѣмецкаго наемнаго войска и отдѣльная бармица съ особымъ металлическимъ кружкомъ для прикрытія темени; есть также хорошіе экземпляры кольчугъ и круглые плетеные кораба, употреблявшіеся для ихъ храненія и перевозки. Кораба состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ половинокъ, похожихъ по виду на круглые щиты; снаружи они обиты кожей и окованы желѣзомъ.

Наиболѣе древнимъ оружіемъ во всей коллекціи слѣдуетъ признать два боевые топора изъ могильниковъ Бѣлозерскаго и Тихвинскаго уѣздовъ. Затѣмъ слѣдуютъ боевые топоры XVI и XVII столѣтій, сѣкиры, бердыши и даже, какъ роскошь, одинъ протазанъ. Имѣются также желѣзныя рогатины, съ которыми ополченцы 1812 года ходили на французовъ.

Изъ метательнаго оружія здѣсь можно указать на древній лукъ и два арбалета XVII вѣка изъ коллекціи графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго.

Изъ огнестрѣльнаго оружія здѣсь имѣется коллекція пищалей-ручницъ XVI и начала XVII вѣка. Замки у нихъ фитильные. Порохъ насыпался на полку сбоку, и фитиль, вставленный въ курокъ, падалъ навзничь. Пищаль XV вѣка — еще болѣе грубой конструкціи. Но съ другой стороны здѣсь встрѣчаются вещи, которыя могутъ щегольнуть если не конструкціею, то изяществомъ внѣшней отдѣлки; таковы фальконетъ иностранной работы и пистолетъ XVI вѣка съ особымъ колесикомъ для полученія искры. Оба эти предмета находились также въ коллекціи графа Орлова.

Изъ артиллерійскихъ орудій особенно интересна скорострѣльная пищаль временъ Алексѣя Михайловича. Она утверждена на лафетѣ и заряжалась съ казенной части. Съ этой стороны къ орудію придѣланъ подвижной клинь, который при поворотѣ рукою опускался внизъ, открывая каналъ орудія для заряда, и затѣмъ, поднявшись вверхъ, наглухо закрывалъ отверстіе.

Изъ древнихъ знаменъ, хранящихся въ музей, упомянемъ объ остаткахъ шелковаго знамени съ изображеніемъ Покрова Пресвятой Богородицы; по преданію это знамя было знаменемъ новгородскаго Владычняго полка; въ музей оно поступило изъ Софійскаго собора. Другое знамя, какъ кажется, участвовало въ торжественной процессіи при встрѣчѣ въ Новгородѣ императрицы Анны Іоанновны, когда она слѣдовала въ Москву на коронацію. Есть хорошо сохранившееся знамя Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и знамя Тихвинской обители, осѣнявшее, по преданію, защитниковъ «Дома Богоматери», во время приснопамятной шведской осады. Тихвинскій же монастырь снабдилъ музей и своимъ желѣзнымъ «чесночкомъ»; такъ назывались четыре желѣзныхъ острія, соединенные такимъ образомъ, что какъ ихъ ни бросить, все одно изъ нихъ будетъ торчать вверхъ. Этотъ чесночекъ обильно разсыпался вокругъ стѣнъ монастырскихъ, и непріятельская конница его не особенно долубливала.

Выйдя изъ арсенальнаго отдѣленія, поднимемся по лѣстницѣ, ведущей въ верхній этажъ башни, гдѣ помѣщается конференцъ-залъ.

На предпоследней площадкѣ лѣстницы помѣщена коллекція голосниковъ, служившихъ въ старину резонаторами въ церквахъ, а также употреблявшихся для облегченія при кладкѣ сводовъ. Особенно поражаетъ своими размѣрами голосникъ изъ Спасской церкви на Торговой сторонѣ. Здѣсь же находятся образцы горшечковъ, служащихъ основаніемъ кирпичному полу въ Муромской церкви, изразцы и кирпичъ изъ старинныхъ новгородскихъ построекъ. На этой же площадкѣ помѣщено древнее каменное изображеніе какого-то идола, найденное въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ. На камнѣ помѣчены только черты лица, и то довольно слабыми намеками; ни рукъ, ни ногъ не замѣтно. Быть можетъ, эта работа такъ и осталась неоконченною.

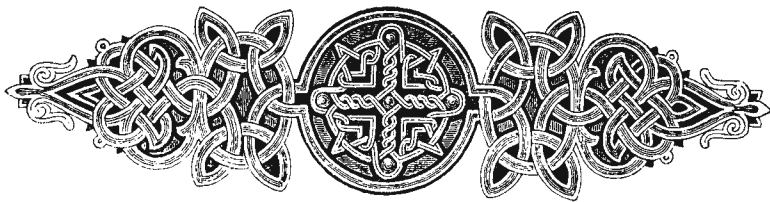
На послѣдней промежуточной площадкѣ размѣщены образцы древесныхъ породъ Новгородской губерніи и крестьянскія деревянныя издѣлія, а вверху, у входа въ конференцъ-залъ — коллекція валдайскихъ колокольчиковъ, терракотовыя и глиняныя издѣлія, заводскія и кустарныя.

Въ конференцъ-залѣ помѣщается нумизматическій отдѣлъ и коллекція раритетовъ. Въ нумизматическомъ отдѣлѣ имѣется до 2.000 монетъ. Здѣсь есть нѣсколько экземпляровъ древнихъ новгородскихъ серебряныхъ монетъ и мѣдныхъ пуль. Имѣются серебряныя деньги и копейки всѣхъ царствованій, начиная съ Іоанна III до Петра. Отъ Петра начинается коллекція серебряныхъ рублей, заканчивающаяся коронаціоннымъ рублемъ 1883 года. Изъ этой коллекціи особенно интересенъ рубль Іоанна Антоновича, запрещенный Елизаветою и встрѣчающійся довольно рѣдко.

Коллекція раритетовъ имѣетъ космополитическій характеръ: здѣсь и калмыцкіе бурханчики, и мозаика изъ св. Софіи въ Константинополѣ, и русское клеймо для преступниковъ съ буквою В (воръ), и остатки мозаичнаго пола изъ Помпеи, и двѣ краюшки окаменѣлаго хлѣба: одна изъ Помпеи, другая изъ Череповецкаго уѣзда.

Осмотръ музея оконченъ, но, спускаясь по лѣстницѣ, я долженъ еще обратить вниманіе читателя на большую картину, помѣщенную на стѣнѣ въ верхнемъ этажѣ. Въ описаніи музея объ этой картинѣ говорится, что «она изображаетъ битву новгородцевъ съ суздальскою ратью въ 1170 году и написана по изображенію, сохранившемуся подъ иконой Знаменія Божіей Матери, составляющей великую святыню Новгородскую, находящуюся въ Знаменскомъ соборѣ. Глядя на эту картину, невольно вспоминается самое событіе, послужившее для нея сюжетомъ; невольно вспоминается жизнь и обстановка государя Великаго Новгорода XII вѣка, какъ онъ изображенъ здѣсь съ своими башнями, стѣнами, церквями и монастырями. Это древнѣйшее изображеніе стараго Новгорода, дошедшее до насъ въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ». Прибавимъ отъ себя, что картина эта написана живописцемъ Соловьевымъ «стараніемъ Ивана Шаврова со участіемъ новгородскихъ гражданъ»; относительно же того, что господинъ Великій Новгородъ въ XII столѣтіи дѣйствительно имѣлъ такой видъ, какъ изображено на картинѣ, подождемъ рѣшать, пока не узнаемъ о томъ мнѣнія извѣстнаго новгородскаго археолога и предсѣдателя недавно образовавшагося общества любителей новгородскихъ древностей, Василя Степановича Передольскаго, который недавно закончилъ свой многолѣтній трудъ о топографіи и внѣшнемъ видѣ древняго Новгорода. Изслѣдованіе его уже печатается и въ непродолжительномъ времени должно выйти въ свѣтъ.

И. Тюменевъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ ВОСТОКА.

(По поводу „Описанія Амурской области“, составленнаго Г. Е. Грумъ-Гржимайло подъ редакціей П. П. Семенова).

«Если бы Амуръ могъ намъ только служить, какъ путь, черезъ который легко можно продовольствовать Камчатку, то и тогда обладаніе имъ имѣетъ уже значеніе».

(Слова Екатерины II).

I.

КОРО минетъ 50 лѣтъ, какъ извѣстный путешественникъ, академикъ Миддендорфъ, сдѣлалъ замѣчательное открытіе, получившее впоследствии для Россіи государственное значеніе. Изъ своихъ трехлѣтнихъ странствованій по Сибири Миддендорфъ вывелъ, между прочимъ, слѣдующее заключеніе: 1) гиляки, живущіе по берегамъ Восточнаго океана и въ низовьяхъ Амура, не подвластны Китаю, и 2) Китайскіе пограничные знаки поставлены южнѣ гребня Становаго хребта, чѣмъ владѣнія Россіи увеличиваются приблизительно на 50 тысячъ квадратныхъ верстъ. Этотъ неожиданный выводъ послужилъ точкою отправленія для расширенія нашей территории на Востокъ. Уже на слѣдующій годъ по Высочайшему повелѣнію снаряжается экспедиція на Амуръ подпоручика Гаврилова, а въ 1847 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ, ставитъ себѣ главной задачей изслѣдовать устье Амура и придать нашей политикѣ на крайнемъ Востокѣ больше энергіи и настойчи-

вості. Свыше десяти лѣтъ потребовалось этому государственному дѣятелю для осуществленія завѣтных мечтаній, и только въ маѣ 1858 г., по Айгунскому договору, Россія приобрѣла обширное пространство, носящее нынѣ именованіе «Амурской области». На этомъ, однако, правительство Александра II не остановилось, и черезъ два года, 2-го ноября 1860 г., графъ Игнатьевъ заключилъ чрезвычайно выгодный Пекинскій трактатъ, по которому не только подтвержденъ Айгунскій договоръ, но и указана государственная граница на всемъ протяженіи смежныхъ китайскихъ и русскихъ владѣній, вслѣдствіе чего весь Уссурійскій край съ заливомъ Петра Великаго, до границы Кореи, отошелъ къ Россіи. Ставъ «ногою твердою у моря», мы не только открыли себѣ важные рынки для торговли съ Китаемъ, Японіей и Кореей, но и приобрѣли новыя удобныя мѣста для значительной части русскаго населенія, которому тѣсно жило у себя на родинѣ. Широкииъ потокомъ хлынуло море народное на берега Буреи, Амура и Зеи, къ устьямъ Усури и къ подножію Татарскаго хребта. Тамъ, гдѣ нѣкогда исключительно бродили охотничьи племена—тунгузы, орочены, манегры, гольды, гдѣ ютились въ китайскихъ фанзахъ манджуры и дауры, тамъ въ наши дни раскинуты многочисленныя русскія села и поселки, раздастся русская пѣснь и рѣчь, слышенъ шумъ работы на русскихъ заводахъ. Національное самолюбіе удовлетворено и торжествуетъ. Пройдетъ еще немного времени, и черезъ гольцы и горные кряжи, по топяиъ и болотамъ, протянется безконечной лентой великій рельсовый путь, а въ нѣкогда таинственной и дремучей тайгѣ, гдѣ раздвигать вѣковыя вѣтви могучихъ кедра, дуба и клена было подъ силу только тибетскому медвѣдю или быстроному лосю, раздастся пронзительный свистъ паровоза. Сибирская желѣзная дорога должна произвести здѣсь полную эволюцію, должна пробудить край къ новой жизни на началахъ европейской культуры. Древняя Азія съ ея религиозными вѣрованіями и историческими преданіями доживаетъ послѣдніе дни; «вѣкъ электричества и пара» включаетъ ее въ кругъ общечеловѣческихъ интересовъ и на обломкахъ «разрушенныхъ храмовъ» и «поверженныхъ кумировъ» создаетъ единую цивилизацію. Но чтобъ разрушить эти храмы и повергнуть кумиры, чтобъ расчистить путь къ инымъ началамъ жизни, потребовалось немало времени и силъ. Много лѣтъ «лапти народные» пробивали тропу отъ обоихъ Ураловъ до Охотскаго моря, пядь за пядью отвоевывалъ себѣ русскій человѣкъ, этотъ, по удачному выраженію, «колонистъ попреимуществу», землю у негостепріимной природы и враждебнаго населенія, пока, наконецъ, не создалъ на своихъ костяхъ и силахъ оплотъ русской государственности и очагъ будущей цивилизаціи. Въ этомъ направленіи сдѣлано уже много, но еще больше осталось доверить въ будущемъ. Наша колонизація пріамурскихъ

и прибережнихъ областей совершалась какъ бы ощупью, на удачу, съ громадной и непроизводительной подчасъ затратою средствъ и силъ. Причина тому коренилась въ недостаточно точныхъ свѣдѣнiяхъ о новыхъ земляхъ Востока. Отсюда не мало ошибокъ и недочетовъ, которые въ настоящее время приходится восполнять и отъ которыхъ надлежитъ остерегаться. Въ этихъ видахъ министерство финансовъ поручило извѣстному путешественнику Г. Е. Грумъ-Гржимайло составить полное и подробное описанiе одной изъ областей, а именно Амурской. Главная редакцiя этой отвѣтственной передъ исторiей работы была поручена сенатору П. П. Семенову, а общая программа «описанiя» выработана особой комиссiей подъ предсѣдательствомъ г. министра финансовъ, С. Ю. Витте, и при содѣйствiи директора департамента мануфактуръ и торговли, В. И. Ковалевскаго. Изъ разсмотрѣнiя данныхъ географическихъ, геологическихъ, климатологическихъ, экономическихъ и статистическихъ должны были выясниться вопросы — о направленiи для Амурскаго участка великой Сибирской дороги, о мѣропрiятiяхъ по заселенiю Амурской области и о развитiи въ ней торгово-промышленной дѣятельности. Какъ видитъ читатель, программа и цѣль изданiя намѣчены широко, вопросы поставлены жизненные, и дѣло обставлено участiемъ компетентныхъ лицъ. Участiе въ трудѣ лицъ административнаго вѣдомства указываетъ на желанiе придать изслѣдованiю какъ можно болѣе практической характеръ, редакторство извѣстнаго географа и статистика, сенатора Семенова, должно было обезпечить полноту и умѣлость разработки статистическихъ данныхъ, а непосредственное и главное сотрудничество образованнаго и энергичнаго молодого путешественника, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, обѣщало серьезное и добросовѣстное отношенiе къ дѣлу, которымъ всегда отличались наши отечественные изслѣдователи Азiи. И дѣйствительно надежды оправдались; появившееся въ печати изданiе «Описанiя Амурской области», если принять во вниманiе краткость времени, въ теченiе котораго задача осуществлена, — годъ съ небольшимъ, — представляетъ собою по полнотѣ собраннаго матеріала и прекрасной его разработкѣ явленiе, заслуживающее глубокаго вниманiя нашей научной критики. Особенной полнотой и обстоятельной обработкой отличаются главы II—X, гдѣ сосредоточено этнографическое и физико-географическое описанiе страны. Геологическiй, ботаническiй и зоологическiй матеріалы собраны здѣсь и представлены со всей тщательностью и добросовѣстностью. Составитель, г. Грумъ-Гржимайло¹⁾, воспользовался бо-

¹⁾ Въ предисловіи къ изданiю указано, какія части выпали на долю каждаго изъ работавшихъ надъ «Описанiемъ». Поэтому-то въ настоящемъ очеркѣ для большаго удобства въ соответственномъ мѣстѣ и дѣлаются ссылки то на г. Грумъ-Гржимайло, то на г. Семенова.

гатыми данными, извлеченными изъ экскурсій русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ, собралъ по предмету своей задачи обширную литературу и, пропустивъ ее черезъ фильтръ научной критики, сумѣлъ нарисовать подробнѣйшую картину края. Въ этихъ главахъ описанъ каждый клочокъ земли и воды, такъ что будущимъ переселенцамъ дана крѣпкая руководящая нить, гдѣ дѣлать выборъ своему мѣстопребыванію. Для переселенческаго дѣла здѣсь неизсякаемый родникъ свѣдѣній и желательнаго, чтобы завѣдующіе судьбами переселенцевъ поближе ознакомились съ этой частью «Описанія Амурской области»: такое ознакомленіе пойдетъ на пользу и «власть имущихъ» и тѣхъ, кого неволя гонитъ съ насиженнаго мѣста на новыя мѣста Востока. Если указанные главы заслуживаютъ вниманія съ точки зрѣнія переселенческаго вопроса, то дальнѣйшія главы важны съ точки зрѣнія фискальной, политико-экономической, а также полицейско-административной. Здѣсь собраны данныя о русскомъ населеніи края, его экономической жизни, его сельскомъ хозяйствѣ, о промышленности и торговлѣ. Эта часть труда представляетъ большой интересъ и значеніе для того вѣдомства, по инициативѣ и на средства котораго издано изслѣдованіе Амурской области. Г. Семеновъ, за отсутствіемъ и недостаточностью печатнаго матеріала, обратился съ программой вопросовъ къ мѣстному генераль-губернатору С. М. Духовскому, отъ котораго и получилъ подлинныя переписные листы по каждому населенному пункту; кромѣ того, въ его распоряженіе были предоставлены непосредственныя свѣдѣнія изъ министерства финансовъ, а также изъ имѣющаго появиться труда г. Крюкова въ запискахъ Амурскаго отдѣла Русскаго географическаго общества. Нельзя сказать, чтобъ извлеченныя для работы г. Семеновымъ данныя отличались безупречной полнотою и достовѣрностью. Кое-что носитъ здѣсь характеръ гадательности и приближенія къ истинѣ. Самъ составитель сознается въ этомъ, говоря въ предисловіи къ описанію: «Особенно затруднительною представилась для насъ разработка такихъ цифровыхъ данныхъ, которыя не могутъ имѣть полной достовѣрности, при невозможности для мѣстной администраціи установить правильную регистрацію, поддающихся цифровымъ записямъ, данныхъ въ столь обширномъ и малолюдномъ краѣ. Вслѣдствіе того намъ приходилось пользоваться и такими цифрами, которыя далеки отъ точности, но при осторожномъ съ ними обращеніи могутъ служить для многихъ полезныхъ соображеній».

Если г. Грумъ-Гржимайло, имѣвшій дѣло съ спеціальной частью предмета, гдѣ творчество автора самой сущностью работы ограничено, тѣмъ не менѣе нашелъ возможнымъ придать нѣкоторое оживленіе своей части труда, то г. Семеновъ, поставленный въ значительно болѣе счастливыя условія, не можетъ похвалиться

тѣмъ же самымъ. На его части работы лежитъ нѣкоторый отпечатокъ спѣшности, сухости и даже недостаточной стилистической обработанности, вслѣдствіе чего послѣднія три главы (X—XIII) носятъ на себѣ характеръ департаментской докладной записки съ ея сухимъ чиновничьимъ изложеніемъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, какой богатый матеріалъ и какая благодарная задача были въ распоряженіи автора! При чтеніи этихъ страницъ, мысль невольно переносится за много лѣтъ назадъ, и вспоминается описаніе «поѣздки на Амуръ» С. Максимова. Въ «дорожныхъ замѣткахъ и воспоминаніяхъ» послѣдняго, аттестованныхъ г. Семеновымъ «тенденціозными», правда, нѣтъ обилія статистическихъ свѣдѣній, но зато картина жизни и исторія края представлены ярче и рельефнѣе. Сдѣланное замѣчаніе насчетъ части труда, принадлежащей г. Семенову, въ значительной степени должно быть отнесено къ тому обстоятельству, при которомъ составлялось «Описаніе». Подобнаго рода задачи немогутъ и не должны быть выполняемы исключительно въ типѣ кабинетовъ и за департаментскими столами, если только отъ этихъ задачъ ищутъ плодотворныхъ послѣдствій. Ужъ если было признано все значеніе для будущихъ мѣропріятій обстоятельнаго ознакомленія съ невѣдомымъ краемъ, то нельзя было останавливаться на полдорогѣ и передъ лишними расходами. «Копейка рубль бережетъ» — поговорка, примѣнимая не ко всѣмъ случаямъ жизни, и порою за излишней погоней въ области экономіи и бухгалтеріи можно прогадать много существеннаго, чего впоследствии не нагонишь никакими средствами. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы торопиться «описаніемъ» на основаніи исключительно печатнаго и архивнаго матеріала, лучше и цѣлесообразнѣе было бы отсрочить появленіе изданія на свѣтъ, но зато предоставить хоть тому же Грумъ-Гржимайло возможность бѣгло ознакомиться съ состояніемъ описываемаго края на основаніи личныхъ наблюденій. Архивные и печатные источники не ускользнули бы изъ его рукъ и вниманія, а личный опытъ и наблюденіе сослужили бы въ данномъ случаѣ неоцѣненную службу.

Примѣръ тому командировки, по порученію министерства государственныхъ имуществъ, по малоисслѣдованнымъ краямъ и мѣстностямъ въ былые годы Мельникова-Печерскаго и Гончарова. Можно смѣло надѣяться также, что и поѣздка на дальній Сѣверъ въ наши дни самого министра финансовъ окажется по своимъ послѣдствіямъ плодотворнѣе жизненными результатами, нежели всевозможныя департаментскія описанія и записки, если бы такими вздумали замѣнить означенную поѣздку.

II.

Минуя древнюю исторію Амурскаго края, мы наблюдаемъ въ его новѣйшей исторіи, которая и интересуеъ насъ, три рѣзко обозначенныхъ періода: первый съ половины и по конецъ XVII столѣтія, заключающій въ себѣ попытки первоначальнаго ознакомленія русскихъ людей съ Амуромъ; второй—время господства въ краѣ манджуровъ съ 1689 по 1858 годъ и, наконецъ, третій — со времени Муравьева и Айгунскаго договора до нашихъ дней. Первая экспедиція на Амуръ была снаряжена якутскимъ воеводою Головинымъ и имѣла цѣлю «провѣдать» страну, что и было болѣе или менѣе удачно выполнено письменнымъ головою Василиемъ Поярковымъ. Слѣдующій русскій человекъ, пробравшійся на Амуръ, былъ предприимчивый вологодскій крестьянинъ Ерошей Хабаровъ. Съ незначительной горстью смѣльчаковъ онъ вступилъ въ борьбу съ мѣстными инородцами и рядомъ удачныхъ дѣйствій, послѣ массы невзгодъ и опасностей, сумѣлъ укрѣпить вліяніе и власть «людей царства Лочэ», какъ называли инородцы русскихъ; но присланный вскорѣ московскій чиновникъ, Зиновьевъ, испортилъ удачно начатое дѣло завоеванія края, безъ всякаго повода устранилъ отъ главенства Хабарова и въ концѣ концовъ вынужденъ былъ удалиться съ поля дѣйствій, поручивъ нѣкоему Степанову заботы о новопріобрѣтенныхъ земляхъ. Степановъ не имѣлъ возможности и средствъ заботиться ни о заведеніи пашень, ни о правильномъ продовольствіи ввѣренныхъ ему людей. Первому обстоятельству мѣшала поголовная эмиграція инородцевъ, которые, по распоряженію Пекинскаго правительства, почти всѣ были выселены въ глубь сосѣдней Манджурии, на берега рѣки Нонни; эта эмиграція была вызвана хищническими набѣгами русскихъ шаекъ, которыя, прослышавъ о неисчерпаемыхъ богатствахъ Амуре, появились здѣсь въ большомъ числѣ и причиняли истинное горе и страданіе мирнымъ подданнымъ Поднебесной имперіи. Вслѣдствіе же отсутствія продовольствія и матеріальныхъ средствъ, казаки Степанова, по примѣру вольныхъ разбойниковъ, тоже двинулись къ берегамъ Сунгари, разрушая и грабя по своему пути богатые поселки и города. Такое поведеніе пришельцевъ вызвало вооруженное сопротивленіе манджуровъ, слѣдствіемъ чего было рѣшительное пораженіе казаковъ и возвращеніе Степанова на Лену. Черезъ семь лѣтъ приблизительно, а именно въ 1666 году, на берегахъ Амуре появляется полякъ или литвинъ Никифоръ Черниговскій, укrywшійся сюда съ толпою искателей приключеній послѣ убійства илимскаго воеводы Обухова. Сборомъ богатаго ясака съ инородцевъ и посылкою его въ казну Московскаго правительства Черниговскій снискалъ себѣ помилованіе за содѣянное преступленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ вновь пробу-

диль вниманіе русскихъ къ ушедшимъ послѣ Степанова изъ-подъ ихъ власти и вліянія областямъ. Правительство командировало въ городъ Албазинъ Осколкова, которому и поручило управленіе краемъ. Осколковъ обратилъ серьезное вниманіе на благоустройство края, создалъ рядъ поселковъ, завелъ пашни и сдѣлалъ попытки правильной колонизаціи. Такъ продолжалось до 1682 года, когда Манджуро-Китайская держава подъ властью Кинъ-Си, укрѣпивъ свою власть въ предѣлахъ Великой Стѣны, поставила себѣ задачею подчинить Китаю Халху и не допустить въ Манджурію русскихъ. Дипломатическіе переговоры китайскаго правительства съ Московскимъ по вопросамъ какъ торговымъ, такъ и политическимъ не увѣнчались успѣхомъ, и вотъ оно начинаетъ упорно оттѣснять русскихъ съ Амура и Зеи. Лѣтомъ 1685 года подъ стѣнами Албазина появляется пятнадцатитысячное войско при 150 полевыхъ и 50 осадныхъ орудіяхъ. Казацкій сходъ отвергаетъ съ гордостью предложеніе непріятеля сдаться и рѣшаетъ съ сотникомъ Алексѣемъ Толбузинымъ во главѣ защищать городъ и честь русскаго оружія до послѣдней крайности; но превосходство силъ противниковъ (въ отрядѣ казаковъ было всего 450 человекъ), недостатокъ снарядовъ и огнестрѣльнаго оружія побуждаетъ Толбузина вступить въ переговоры съ непріятелемъ; эти переговоры увѣнчались дипломатической побѣдой: русскіе сдали Албазинъ, но выговорили себѣ право безпрепятственнаго выхода въ Забайкалье. На слѣдующій годъ Толбузинъ, однако, во главѣ отряда въ 677 человекъ, при пяти мѣдныхъ и трехъ чугунныхъ орудіяхъ, снова укрѣпляется въ возстановленномъ имъ изъ праха Албазинѣ и мужественно выдерживаетъ осаду китайскихъ полчищъ. Въ одной изъ вылазокъ онъ былъ раненъ и убитъ, а главное начальство надъ отрядомъ перешло въ руки его соподвижника, нѣмца Бейтона. Цынга и непріятельскія дѣйствія уменьшили численность осажденнаго отряда до 66 человекъ, но Бейтонъ не сдавался и продолжалъ мужественно выдерживать блокаду манджурскаго войска. Такъ продолжалось до 1688 года, когда Пекинское правительство отозвало отъ стѣны Албазина свои военныя силы и, по инициативѣ и настояніямъ князя В. В. Голицына, руководившаго въ Москвѣ государственными дѣлами, вступило съ русскими въ мирныя переговоры. Переговоры эти окончились уступками съ нашей стороны изъ опасенія, чтобы китайцы не вторглись въ Забайкалье, и по Нерчинскому трактату 27-го августа 1689 года Амуръ снова отошелъ къ Китаю. Рѣчка Горбица, лѣвый притокъ рѣки Шилки, и рѣка Аргунъ назначены были границей обоихъ государствъ; на сѣверѣ же ее долженъ былъ составлять Становой хребетъ. На востокѣ граница осталась неопредѣленной, по незнанію въ точности этой мѣстности. Нерчинскимъ трактатомъ заканчивается первый періодъ исторіи Амурскаго края; слѣдующій пе-

рiодъ до середины текущаго столѣтiя можетъ быть названъ периодомъ колебанiй и неустойчивости въ дѣйствiяхъ русскаго правительства относительно Амурскаго вопроса. Постоянныя пограничныя недоразумѣнiя вызываютъ безконечныя и безплодныя дипломатическiе переговоры, въ которыхъ стороною выгадывающею остается Поднебесная имперiя. И министерство иностранныхъ дѣлъ и министерство финансовъ систематически рекомендуютъ выжидательный и уступчивый образъ дѣйствiй въ ложномъ страхѣ за нашу Кяхтинскую торговлю. Эта податливость и отсутствие энергiи дискредитируютъ русское правительство въ глазахъ сосѣдей, и нашъ Восточно-Азиатскiй вопросъ не получаетъ должнаго направленiя до появленiя у власти въ Сибири Н. Н. Муравьева. Еще раньше Муравьева, какъ уже сказано выше, на состоянiе нашихъ границъ съ Китаемъ обратилъ вниманiе академикъ Миддендорфъ; до него же русская наука не можетъ похвалиться какими либо выдающимися успѣхами по изученiю областей, расположенныхъ по Амуру и его притокамъ. Въ 1845 году были обнародованы результаты поѣздки Миддендорфа, а въ 1845 году энергичный губернаторъ Восточной Сибири ставитъ Амурскiй вопросъ на практическую почву. Съ этого времени дѣйствiя правительственныя и изслѣдованiя научнаго свойства идутъ рука объ руку: область территориальнаго умноженiя и область научныхъ познанiй расширяются и получаютъ активный характеръ. Послѣ экспедицiи Миддендорфа слѣдуютъ одна за другою непрерывно рядъ ученыхъ экскурсiй, вплоть до настоящаго времени, изъ которыхъ наиболѣе богатыми по добытымъ результатамъ могутъ считаться экспедицiи академика Шренка, Максимовича, Усольцева, Ѳ. Шмидта, полковника Назарова, профессора Коржинскаго. Какъ названными учеными такъ и нѣкоторыми другими, изслѣдована въ теченiе 50 лѣтъ площадь земли въ нѣсколько десятковъ тысячъ квадратныхъ верстъ; рядомъ съ этимъ въ тотъ же перiодъ времени и Русское государство обогатилось громадною территорiею до Восточнаго океана — отъ устьевъ Шилки, по Амуру и рѣкѣ Усури на юго-западъ и по Становому хребту на сѣверъ. Сила оружiя въ этомъ дѣлѣ не играла никакой роли — только настойчивость, энергiя и пытливость достигли того, что въ настоящее время на сѣверо-востокѣ Азiи русское влiянiе утвердилось вполне прочно, наша граница обезпечена отъ всякихъ споровъ и обставлена удобными естественными условiями природы. вмѣстѣ съ тѣмъ и великая держава новаго времени — «знанiе», неустанными трудами русскихъ ученыхъ мирно и властно завоевала себѣ обширное поле, окутанное до тѣхъ поръ непроницаемымъ туманомъ таинственности и невѣжества.

Вступивъ въ управленiе ввѣреннымъ краемъ, Муравьевъ прежде всего рѣшилъ изслѣдовать устье Амура; задача эта была возложена на энергичнаго и просвѣщеннаго капитанъ-лейтенанта Не-

вельскаго, къ каковой онъ и приступилъ въ концѣ 1849 г. послѣ утвержденія проектовъ Муравьева въ особомъ комитетѣ по амурскимъ дѣламъ, засѣдавшемъ въ Петербургѣ.

Въ теченіе 1849 и 1850 годовъ Невельскій совершилъ нѣсколько экскурсій по Охотскому морю, Татарскому проливу и устью Амура. Результатомъ этихъ поѣздокъ было слѣдующее чрезвычайно важное заключеніе, подтвердившее открытія, сдѣланныя Миддендорфомъ: 1) Сахалинъ не полуостровъ, а островъ; 2) входъ въ Амурскій лиманъ изъ Татарскаго пролива, черезъ открытый Невельскимъ проливъ, доступенъ для морскихъ судовъ всѣхъ ранговъ, а съ сѣвера изъ Охотскаго моря для судовъ съ осадкою въ 23 фута; 3) въ самое устье Амура изъ Татарскаго пролива могутъ входить суда съ осадкою въ 12 футовъ, и 4) гиляки, живущіе при устьѣ Амура, независимы отъ Китая.

Въ началѣ 1850 года по Высочайшему повелѣнію было основано зимовье на берегу Охотскаго моря, и заняты посты на Амурѣ, а въ исходѣ того же года Муравьевъ со своими помощниками, Невельскимъ и Карсаковымъ, прибылъ въ Петербургъ, гдѣ встрѣтилъ со стороны чиновныхъ и правящихъ сферъ крайне недружелюбное отношеніе и противодѣйствіе всѣмъ начинаніямъ и проектамъ по Амурскому вопросу. Особый комитетъ, подъ именемъ Гиляцкаго, единогласно отвергъ всѣ представленія генералъ-губернатора Восточной Сибири, мотивируя свое рѣшеніе опасеніемъ разрыва съ Манджурской династіей. Только благодаря вмѣшательству императора Николая Павловича, представленія Муравьева были вторично пересмотрѣны въ засѣданіи комитета подъ предсѣдательствомъ цесаревича; послѣдній сталъ на сторону Муравьева, и чиновной рутинѣ былъ данъ отпоръ: основанный на Амурѣ Николаевскій постъ былъ признанъ и узаконенъ. Въ то же время Муравьевъ въ своихъ планахъ и намѣреніяхъ приобрѣлъ еще одного сторонника въ лицѣ великаго князя Константина Николаевича. Въ теченіе 1851—1852 годовъ Невельскій, не ожидая санкціи высшаго правительства, но съ разрѣшенія своего главнаго начальника, совершаетъ рядъ экскурсій на Сахалинъ и по устью Амура, устраиваетъ русское зимовье въ Кизи на Амурѣ и постъ въ заливѣ де-Кастри, занявъ такимъ образомъ фактически тотъ важный пунктъ теченія великой рѣки, который соприкасается съ Японскимъ моремъ. Одновременно съ этимъ сухопутная экспедиція подполковника Ахте подтверждаетъ результаты изслѣдованій Миддендорфа и Невельскаго, а именно, что китайцы не установили пограничныхъ знаковъ вдоль Станового хребта, оставивъ пространство отъ устья Горбицы до Восточнаго океана не разграниченнымъ, и что низовья Амура по обѣ стороны его теченія не состоятъ во владѣніи китайцевъ. На слѣдующій годъ Муравьевъ добился въ Петербургѣ, не смотря опять-таки на всѣ интриги и недоброжелательство въ

руководящихъ кругахъ, утвержденія Амурской экспедиціи, сдѣланной такимъ образомъ отнынѣ правительственною, и разрѣшенія занять озеро Кизи, заливъ де-Кастри и островъ Сахалинъ, что было въ сущности только санкціей уже совершившагося факта. Восточная война ускорила развязку Амурскаго дѣла. Въ январѣ 1854 года Муравьеву было разрѣшено вести непосредственные переговоры съ китайскимъ правительствомъ о разграниченіи нашей восточной окраины, а также позволено «плыть по Амуру». Этотъ періодъ дѣятельности Муравьева достаточно извѣстенъ читателямъ «Историческаго Вѣстника» изъ интересныхъ статей гг. Любарскаго и Скобельцына, почему въ настоящей статьѣ не приходится повторять уже рассказаннаго. По возвращеніи Муравьева въ Иркутскъ, было поручено молодому чиновнику, состоявшему при генераль-губернаторѣ, кн. М. С. Волконскому (нынѣ товарищу министра народнаго просвѣщенія), дѣло о первомъ поселеніи русскихъ крестьянъ на Амурѣ. Въ этихъ видахъ кн. Волконскій выбралъ въ Иркутской губерніи и Забайкальѣ изъ добровольно желавшихъ переселиться на Амуръ 51 семейство въ составѣ 480 душъ и къ веснѣ 1855 года приготовилъ первую переселенческую партію. Изъ этихъ переселенцевъ было образовано пять первыхъ поселковъ на нижнемъ теченіи Амура. Во все время 1855—1858 годовъ наши наступательныя дѣйствія въ направленіи занятія Амурской и Приморской областей не прекращались: было произведено нѣсколько сплавовъ по Амуру, снаряжены экспедиціи и поставлены новые посты—Зейскій, Кумарскій и Хонганскій. Что же касается до дипломатическихъ переговоровъ съ Пекинскимъ правительствомъ, то таковыя до 1858 года были достаточно безуспѣшны, и только въ этомъ году Манджурская династія, стѣсненная внутренними и внѣшними врагами, убѣдилась, что ей не переупрямить грознаго и рѣшительнаго сосѣда—восточно-сибирскаго генераль-губернатора, и заключила съ нимъ знаменитый Айгунскій договоръ. Текстъ этого договора гласилъ: 1) лѣвый берегъ Амура, начиная отъ рѣки Аргуни до морскаго устья Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства; отъ рѣки Усури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дай-Цинскаго и Россійскаго государствъ; всѣхъ же прочихъ иностранныхъ государствъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно; находящихся по лѣвому берегу Амура отъ рѣки Зей на югъ, до деревни Хармолдзикъ, манджурскихъ жителей оставить вѣчно на мѣстахъ ихъ жительства подъ вѣдѣніемъ манджурскаго правительства, съ тѣмъ, чтобы русскіе жители обидѣ и притѣсненій имъ не дѣлали; 2) для взаимной дружбы подданныхъ двухъ государствъ дозволяется взаимная торговля проживающихъ по рѣкѣ Усури, Амуру и Сунгари подданныхъ обоихъ государствъ, а на-

чальствующіе должны покровительствовать на обоихъ берегахъ торгующимъ людямъ двухъ государствъ.

Въ томъ же году и графу Путятину удалось заключить съ Китаемъ договоръ въ Тянь-цзинѣ, послужившій дополненіемъ Айгунскому договору.

Съ этого времени Н. Н. Муравьевъ приступаетъ со свойственной ему рѣшительностью и энергіей къ колонизаціи пріобрѣтеннаго края и основываетъ по лѣвому берегу Амура рядъ станицъ, получившихъ свое названіе отъ именъ его сподвижниковъ—Корсакова, Свербеева, Буссе, Скобельцына, Волконскаго, Невельскаго и другихъ.

Въ теченіе 1859 года русское правительство черезъ посредство своего уполномоченнаго Н. П. Игнатьева продолжало вести съ Пекиномъ переговоры о дополнительныхъ условіяхъ и статьяхъ къ Айгунскому и Тянь-цзиньскому трактатамъ. Графъ Игнатьевъ сумѣлъ воспользоваться затрудненіями китайскаго правительства при улаженіи отношеній къ французскому и англійскому главнокомандующимъ и въ благодарность за успѣшное вмѣшательство въ переговоры склонилъ китайцевъ къ заключенію Пекинскаго трактата. Трактатъ этотъ не только подтвердилъ силу недавнихъ договоровъ, но и указалъ государственную границу на всемъ протяженіи смежныхъ китайскихъ и русскихъ владѣній, а именно укрѣпилъ за Россіею весь Уссурійскій край, съ заливомъ Петра Великаго, до границъ Кореи. Съ этихъ поръ, когда наши границы съ Поднебесной имперіей были вполне опредѣлены и установлены, не вызывая ни съ чьей стороны недоразумѣній и споровъ, русское правительство обратило свое вниманіе на заселеніе пріобрѣтенныхъ областей и развитіе здѣсь торговли и промышленности.

III.

Первыми русскими переселенцами, далеко не добровольными, въ Амурской области могутъ считаться привезенные сюда «первымъ сплавомъ» забайкальскіе казаки и 15 линейныхъ батальоновъ. Вторымъ сплавомъ были доставлены сюда при посредствѣ князя Волконскаго первыя крестьянскія семьи изъ губерніи Иркутской и Забайкальской области. Этимъ переселенцамъ были дарованы большія льготы: земля была отдана имъ въ полное и вѣчное владѣніе, и всѣ они со своими семьями освобождены отъ повинностей и снабжены пособіемъ отъ казны. Вслѣдъ за ними, вплоть до 1861 г., не прекращается переселеніе правительствомъ ежегодно большихъ или меньшихъ партій государственныхъ крестьянъ на счетъ казны; дальнѣйшая эмиграція уже не носитъ на себѣ принудительнаго или, правильнѣе, искусственнаго характера. Великій законодательный актъ 19 феврала далъ толчекъ уже свободной и добровольной колонизаціи при содѣйствіи, однако, правительственной власти. Это содѣй-

ствіе выразилось дарованіемъ переселенцамъ нѣкоторыхъ льготъ въ видѣ освобожденія отъ платежей и повинностей: 1) податей—подушной навсегда, оброчной и поземельной по 27 апрѣля 1891 г. и 2) всѣхъ земскихъ повинностей на три года со дня водворенія; жители же городовъ, кромѣ того, отъ государственныхъ повинностей и пошлинъ по 1 января 1886 года. Самая именно долина Амура была заселена доставленными сюда правительствомъ казаками, поэтому послѣдующая колонизація распространилась по равнинѣ, разстилающейся между западнымъ звеномъ Амурской дуги и Буреинскимъ хребтомъ и орошаемой нижними теченіями Буреи и Зеи и меньшими притоками Амура, какъ, на примѣръ, Зовитой и Бираромъ. Здѣсь колонисты въ теченіе 42 лѣтъ фактически заняли до 650.000 десятинъ, владѣя такимъ образомъ 125 десятинами на дворъ или 114 десятинами на тягло (брачную пару въ рабочемъ возрастѣ), при чемъ обширныя пространства земли остаются и понынѣ еще свободными. Начиная съ 1862 г. и по настоящее время переселенческія крестьянскія общины не думали приступать къ выкупу своихъ надѣловъ, не смотря на льготную цѣну въ 3 р. за десятину, назначенную правилами 27 апрѣля 1861 г. и продолженную до 1891 г. Только отдѣльные крестьяне, а также мѣщане изъ молочанъ, воспользовались дешевой земельной опѣнкой и приобрѣли въ собственность до 1890 г. всего 25.000 десятинъ. «Какъ крестьяне, такъ и владѣльцы заимокъ въ обширномъ Зейско-Буреинскомъ районѣ живутъ въ довольствѣ,—утверждаетъ г. Семеновъ. На вопросъ нашей программы, не встрѣчали ли переселенцы какихъ неудобствъ на мѣстахъ своего водворенія, изъ 170 листовъ, полученныхъ изъ крестьянскихъ селеній и заимокъ, почти всѣ отвѣчаютъ, что никакихъ неудобствъ не встрѣчали, и только весьма немногіе вспоминаютъ о неурожаѣ 1885 г., о нѣкоторыхъ скотскихъ падежахъ или жалуются на безденежье. Очевидно, что въ самыхъ естественныхъ условіяхъ страны неудобствъ для колонизаціи никакихъ не встрѣчается. Но не во всѣхъ, однако, районахъ округа живетъ сносно русскому поселенцу. Забайкальскіе казаки, поселенные на долину Амура, испытываютъ на себѣ всю тяжесть и горечь подневольной колонизаціи. Администрація, незнакома въ началѣ съ физическими условіями края, не умѣла указать новосѣламъ всѣ опасности, соединенныя съ близостью жилья къ водамъ Амура. Со словъ проф. Коржинскаго и г. Семеновъ, склонный вообще къ оптимистическимъ заключеніямъ, въ такихъ краскахъ рисуетъ бѣдственное положеніе пришлаго казацкаго люда: «Неожиданные разливы Амура затопляли поля и деревни переселенцевъ,—говоритъ онъ,—сносили избы, только что поставленные стога сѣна, портили хлѣбъ и вообще производили полное разореніе или, по крайней мѣрѣ, наносили большой ущербъ неустановившемуся хозяйству. Приходилось переносить поселки и пашни на болѣе или

менше возвышенныя пункты, сѣно только что скошенное свозить на бугорки и жить такъ въ вѣчномъ страхѣ, что новое, еще большее наводненіе заставитъ ихъ снова искать болѣе удобнаго мѣста. Изъ многихъ первоначально основанныхъ поселковъ жители, по мѣстному выраженію, «раскочевались», т. е. разошлись въ разныя стороны; другіе поселки были переносимы съ мѣста на мѣсто, и только очень немногія селенія остались тамъ, гдѣ они были первоначально основаны». Это указаніе проф. Коржинскаго, приведенное также г. Семеновымъ, даетъ основаніе полагать, что впечатлѣнія, вынесенныя С. Максимовымъ изъ его поѣздки на Амуръ, далеко не такъ ужъ тенденціозны, какъ утверждаетъ оффиціальное изданіе «Описанія Амурской области». Г. Максимовъ былъ на мѣстѣ именно въ то время, когда новоселы, не знавшіе на родинѣ всѣхъ климатическихъ и геологическихъ условій новыхъ областей, вели упорную борьбу съ незнакомыми имъ дотолѣ невзгодами. Если въ настоящее время, по прошествіи 30 лѣтъ, переселенцы и дали г. Семенову удовлетворительные отвѣты по 170 запискамъ, то думается, врядъ ли бы таковыя результаты получилъ онъ въ началѣ 1860-хъ годовъ даже по одной оффиціальной запискѣ. Тяжела была жизнь въ первое время нашего новосела, отчаяніе сопутствовало ему съ первыхъ шаговъ пути.

— Самъ Господь про то вѣдаетъ, что впредь будетъ, а пока хорошаго мало,—говорили колонисты Максиму ¹⁾.—Сколько тысячъ верстъ прошли, да еще чуть ли не столько обѣщаютъ. Когда еще до мѣста доберемся, а вотъ ужъ годъ цѣлый испортили. И тоскуется крѣпко.....—О родинѣ?—Родину бы Господь съ ней: мы вѣдь ее оставили затѣмъ, что тѣсновато жить стало: земли было мало, а народъ мы бѣдный. Нахвалили намъ Амуръ этотъ—одолѣлъ соблазнъ. А когда еще мы до него доберемся?!—Теперь ужъ де него недалеко.—А кто про то знаетъ?! Сказываютъ вонъ, слышь, что еще тысячь пять будетъ. Мы вѣдь, надо правду говорить, за нимъ-то и не стояли, какъ вотъ въ Сибирь эту пришли. Барабой тамъ какой-то шли, мѣста намъ тѣ приглянулись; просили оставить—отказало начальство. До Иркутска не доходя—опять мѣста ладныя были: и на тѣхъ не оставили. Вотъ и за Байкаломъ-то просились: такъ нельзя вишь оставить; на Амуръ де назначеніе вамъ вышло: туда ступайте! Пойдемъ, дѣлать нечего». Такіе разговоры слышались еще на Шилкѣ. А вотъ заключеніе простой бабы, уже пожившей на обѣтованныхъ земляхъ Амура: «Взять бы намъ мужиковъ-то своихъ передъ уходомъ сюда всѣхъ—да хорошенько выпоротъ, чтобы дури экой на себя не напускали: право такъ!—говорили мнѣ бабы, пришедшія съ мужьями изъ Воронежской губерніи. Мужья, стоявшіе тутъ же, промолчали, крѣпко

²⁾ С. Максимовъ, На Востокѣ. Поѣздка на Амуръ.

только почесавши сначала затылки, а потом—по сочувствію уже и спины свои».

По мнѣнію г. Максимова, «водвореніе государственныхъ крестьянъ великорусскихъ губерній на этихъ амурскихъ побережьяхъ произведено безрасчетно, неудачно и къ тому же несчастливо. Не приняты были въ расчетъ и соображеніе опыты старыхъ годовъ, не выполнены самыя главныя требованія всѣхъ подобнаго рода операций. Самый существенный недостатокъ, обусловившій единственнымъ образомъ неудачу, состоялъ въ томъ, что крестьянамъ отказано было въ правѣ: заблаговременно и предварительно отправить на мѣста депутатовъ, которые, будучи выбраны обществомъ, и знакомые съ его требованіями, отвѣчали бы за выборъ мѣста водворенія». Къ такимъ же печальнымъ выводамъ о первыхъ годахъ переселенческой эпопеи на Амурѣ приходитъ и г. Розовъ въ своей книжкѣ: «Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири». Онъ утверждаетъ, что въ числѣ другихъ причинъ «главныя препятствія къ развитію въ этомъ (т. е. Амурскомъ) краѣ собственно русской колонизаціи заключались въ неимѣніи точныхъ свѣдѣній о пріамурской окраинѣ въ средѣ русскаго населенія и въ полномъ отсутствіи организаціи переселенцевъ съ мѣста отправленія, при которой движеніе переселенцевъ было бы сознательно, самый процессъ переселенія былъ бы поставленъ внѣ случайности, и ближайшее будущее ихъ въ краѣ являлось бы не въ гадательной, но въ строго опредѣленной формѣ»¹⁾.

Эти грустные дни нашей Амурской колонизаціи прошли. Первые пионеры своими лишеніями и трудами проложили дорогу грядущимъ поколѣніямъ, и въ настоящее время, по свидѣтельству гг. Семенова и Розова, дѣло обставлено значительно лучше и русскимъ людямъ живется много привольнѣе. Четвертая часть Амурской области—въ пространствѣ, представляющемъ собою сегментный отрѣзокъ, гдѣ хордою служитъ прямая линія между Черняевскою станицею и Хабаровскомъ, а дугою извилистые берега Амура, занята уже густыми «кадрами» русской колоніи, достигающей цифры 50.000 человекъ обою пола. Въ пользованіи этого населенія состоитъ 980.000 десятинъ удобной земли, что выходитъ почти по 36 десятинъ на душу мужскаго пола. Остается еще доступнымъ для заселенія обширное пространство по Зеѣ, Селимджѣ, по Томи, Буреѣ и бассейну Тунгуски, обнимающее собою площадь до двѣнадцати милліоновъ десятинъ, куда свободно можетъ быть переведено изъ внутреннихъ губерній Россіи 650.000 новоселовъ, при чемъ на душу мужскаго пола придется до 18 десят. земли. Уже теперь русское населеніе области, преимущественно въ Зейско-Буреинскомъ районѣ, производитъ такое количество пище-

¹⁾ А. И. Розовъ, стр. 198—199, глава «Къ переселенческому вопросу».

ваго хлѣба (за сѣменами болѣе 1.300.000 пудовъ), что окончательно вытѣснило привозный манджурскій и избыткомъ своего производства обезпечило продовольствіе всего городского населенія области, рабочаго населенія ея золотыхъ приисковъ и даже войскъ Амурскаго края. «Если принять во вниманіе,—сказано въ «Описаніи», что піонерамъ русской земледѣльческой колонизаціи пришлось вести тяжелую борьбу съ трудно подчиняющимися челоуѣку силами природы и примѣниться къ условіямъ, имѣющимъ весьма мало сходства съ тѣми, съ которыми они свыклись на родинѣ, то результатъ кадровой русской земледѣльческой колонизаціи въ Амурской области можно считать въ высшей степени благопріятнымъ. Лучшимъ выраженіемъ успѣха этой колонизаціи служить, между прочимъ, и то обстоятельство, что естественный приростъ населенія Амурской области, не смотря на неблагопріятно на него дѣйствующія численныя отношенія между полами, значительно превосходитъ неимовѣрно возросшій послѣ упраздненія крѣпостнаго права естественный приростъ населенія въ земледѣльческомъ пространствѣ Европейской Россіи». Въ случаѣ пополненія переселенческихъ кадровъ пришлымъ русскимъ людомъ, хлѣбная производительность страны естественно возрастетъ, и мы свободно будемъ въ состояніи прокормить до шести милліоновъ народа. Эти соображенія чрезвычайно важны, имѣя въ виду сосѣднее съ Амурской областью корейское населеніе. Быстрое, однако, пополненіе кадровъ колоніи не можетъ считаться желательнымъ, и мечтать о доведеніи цыфры населенія до максимума (750.000) было бы ошибочно. Достаточно, если страна вмѣститъ 400.000 населенія; только тогда можно достигнуть раціональнаго сельскаго хозяйства, раціональной эксплуатаціи золотыхъ приисковъ. Не смотря на обиліе производимаго хлѣба, нашъ хлѣбный экспортъ еще не получилъ развитія. Причины, которыя, можетъ быть, еще долго будутъ препятствовать этому вызову, заключаются въ томъ, что сосѣднія области—Манджурія и Уссурійскій край, обладаютъ сами большими хлѣбными избытками, а на всемірномъ рынкѣ амурскій хлѣбъ, производимый уже на сѣверной окраинѣ возможной хлѣбной культуры и пока не обладающій высокими качествами, еще не можетъ имѣть большого значенія.

Если полевое хозяйство русскихъ колоній достигло значительнаго развитія, то нельзя того же сказать о другихъ сторонахъ культурной дѣятельности новоселовъ. Скотоводство стоитъ на очень низкой ступени и не удовлетворяетъ мѣстнымъ нуждамъ. Причины этому въ значительной степени лежатъ въ физическихъ условіяхъ края: сплошная тайга и густыя камышевыя заросли, препятствующія испаренію воды, накапливаемой неимовѣрнымъ обиліемъ лѣтнихъ дождей, не даютъ простора развитію пастбищъ и покосовъ, а скудость рабочихъ рукъ дѣлаетъ невозможнымъ борьбу съ вра-

гами скотоводства: чумой, сибирской язвой и хищными звѣрями, истребляющими домашнихъ животныхъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что на вывозъ животныхъ продуктовъ жители Амурской области не могутъ рассчитывать: въ сосѣдствѣ съ ними обрѣтаются опасные конкуренты — Забайкальская область, Монголія и Манджурія, славящіяся обиліемъ и высокимъ качествомъ своихъ пастбищъ. Точно также не развитъ здѣсь вывозъ лѣсного матеріала, и мѣстная администрація вполне разумно оберегаетъ для будущихъ нуждъ края обширныя лѣсныя богатства. Звѣриный промыселъ и вывозъ пушины доставляютъ значительный доходъ населенію, но есть опасность, что съ усиленіемъ колонизаціи разовьется хищническая эксплуатація этого естественнаго богатства. Въ видахъ этого правительство намѣтило рядъ законовъ, регулирующихъ охоту и звѣриный промыселъ. Необходимо также поспѣшить, съ введеніемъ правилъ, ограждающихъ рыбное богатство Амура, такъ какъ только въ такомъ случаѣ, а также при усовершенствованіи способовъ заготовленія рыбы и доставки болѣе дешевой соли, можно рассчитывать на усиленіе рыбнаго промысла для потребностей края и на усиленіе рыбнаго экспорта. Разработка минеральныхъ богатствъ можетъ со временемъ представить значительную статью дохода, но это можетъ случиться только при удешевленіи рабочей силы, что находится въ прямой зависимости отъ успѣховъ колонизаціи края. На развитіе золотопромышленности въ краѣ обратилъ серьезное вниманіе еще графъ Муравьевъ, и по его инициативѣ былъ произведенъ рядъ изысканій. Благодаря неутомимой дѣятельности горнаго инженера Аносова, въ 1866 году были открыты богатѣйшія золотыя росыпи по двумъ смежнымъ рѣчкамъ — по рѣкѣ Янкалу и рѣкѣ Джилиндѣ.

Въ настоящее время Амурскій край представляетъ мѣстность съ громаднымъ преобладаніемъ крупныхъ золотопромышленныхъ предпріятій. Около 90% добываемаго золота приходится на долю приисковъ, принадлежащихъ тремъ компаніямъ — Верхне-Амурской, Зейской и Ниманской, и только 10% выпадаетъ на долю мелкихъ золотопромышленниковъ. Всего за время 1868 — 1892 годы было, по исчисленію г. Грумъ-Гржимайло, добыто шлиховаго золота 6401½ пуда; ежегодно этотъ промыселъ въ настоящее время даетъ заработокъ болѣе чѣмъ 6.000 рабочимъ, при чемъ сумма заработка на каждаго рабочаго, не считая его пищеваго продовольствія, достигаетъ до 245 рублей въ годъ. Одною изъ самыхъ темныхъ сторонъ въ области золотопромышленности является широкое хищничество, ведущее свою исторію со временъ знаменитой «желтугинской республики». Исторія этой республики чрезвычайно характерна. Именемъ «Желтуги» назывались богатые золотые прииски на правой, китайской, сторонѣ Амура, въ мѣстности пустынной и безлюдной. Слухъ о нахожденіи здѣсь богатыхъ никому не

принадлежащихъ золотыхъ приисковъ, въ близости отъ русской границы, распространился очень быстро по Сибири и привлекъ на Желтугу массу сибирскихъ бродягъ, беспаспортныхъ ссыльно-поселенцевъ и не имѣющихъ заработка крестьянъ, сюда стеклись и бездомные китайскіе люди, такъ что вскорѣ здѣсь образовался своего рода оригинальный лагерь въ 8.000 человекъ, не признающихъ ничьей власти и никакихъ законовъ. Китайское правительство обратило серьезное вниманіе на такое ненормальное явленіе въ предѣлахъ своей имперіи и вынуждено было разгромить эту «желтугинскую республику» силою оружія. Подданные Поднебесной имперіи были казнены безъ жалости и милосердія, а русскіе хищники—одни перебрались черезъ Забайкалье въ Сибирь, а другіе остались на Амурѣ и ушли въ ближайшую тайгу отыскивать золото на ближайшей къ Желтугѣ системѣ Олдоя, примѣняя къ своимъ поискамъ хищническіе приемы. Подкрѣпляемые бродячими элементами, неспособныя къ осѣдлому земледѣльческому труду, эти шайки хищниковъ разсѣялись по всему пространству Амурской области, нанося серьезный ущербъ золотопромышленности. «Вредъ, наносимый хищниками государству и золотопромышленности, не ограничивается только тѣмъ, что добываемое золото уходитъ, при посредствѣ разныхъ темныхъ личностей въ Китай (до 150 пудовъ), но также выражается и въ порчѣ мѣсторожденія,—свидѣтельствуешь «Описаніе». — По большей части хищники сосредоточиваютъ свою дѣятельность или на тѣхъ площадяхъ, которыя уже заявлены, но еще не отведены, или же на развѣданныхъ мѣстахъ, но на которыхъ еще не было приступлено къ добычнымъ работамъ. Облюбовавъ мѣстность, хищники обыкновенно закладываютъ шурфы и сосредоточиваютъ работы на самой богатой части золотоносной россыпи, не заботясь, конечно, объ отвозкѣ торфяковъ, которыми, равно какъ и отвалами, загромаждаютъ невыработанныя золотоносныя площади. Такая порча мѣсторожденія бываетъ на столько значительна, что впоследствии исключаетъ возможность постановки правильной разработки». Жизнь и дѣятельность на золотыхъ россыпяхъ этихъ хищниковъ, а также такъ называемыхъ «старателей» и «золотничниковъ» прекрасно разработана извѣстнымъ романистомъ Маминымъ-Сибирякомъ въ романѣ «Золото»¹⁾, и лица, интересующіяся этой стороной жизни Сибири, найдутъ въ этомъ романѣ массу чрезвычайно любопытнаго матеріала.

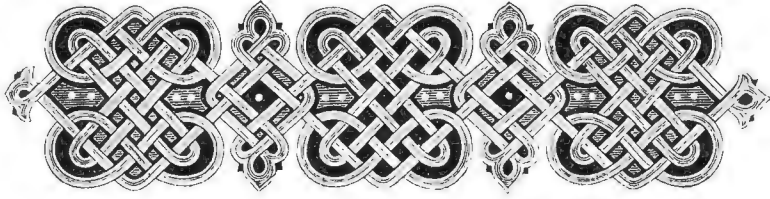
Торговля наша и промышленность обрабатывающая находятся въ Амурской области въ зачаточномъ состояніи, и только съ проведеніемъ великаго сибирскаго пути можно ожидать здѣсь оживленія и роста. Вообще, какъ читатель можетъ убѣдиться, Амурская область — страна будущаго. Природа не обидѣла ея своими

¹⁾ «Золото», романъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1892 годъ.

дарами, а энергіи и трудолюбія русскимъ колонистамъ не придется занимать на сторонѣ. Необходимо только осуществленіе для края ряда разумныхъ мѣропріятій, какъ поощрительныхъ, такъ и карательныхъ, распространеніе здѣсь просвѣщенія и знаній и скорѣйшее соединеніе области съ торговыми и промышленными центрами имперіи при помощи великой Сибирской желѣзной дороги. Тогда мы въ правѣ ожидать отъ этой обширной русской территоріи слѣдующихъ, формулированныхъ г. Семеновымъ результатовъ: 1) пригодная къ обитанію часть Амурской области, до пополненія уже занявшихъ ее переселенческихъ кадровъ, можетъ служить именно для избытка земледѣльческаго населенія имперіи одною изъ лучшихъ въ Азіатской Россіи колонизаціонныхъ площадей; 2) при постепенномъ увеличеніи въ удобныхъ для постоянного обитанія частяхъ области земледѣльческаго населенія и при приливѣ вообще рабочихъ рукъ въ область, непригодная къ обитанію часть ея можетъ сдѣлаться лучшею въ Россіи золотоносною площадью для такой правильной эксплуатаціи золотыхъ приисковъ, при которой ихъ существованіе можетъ быть надолго обезпечено, и 3) Амурская область, съ сосѣднимъ съ нею Хабаровскомъ, по постепенномъ завершеніи ея колонизаціи и пересѣченіи желѣзнымъ путемъ, можетъ играть видную роль въ установленіи нашихъ торговыхъ сношеній съ Японіею и въ открытіи правильного сухопутнаго тразита для нашей торговли съ этимъ государствомъ.

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Очеркъ эксплуатаціи Николаевской желѣзной дороги Главнымъ Обществомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, 1868—1893 гг.
Составлено управленіемъ дороги. Часть I. Спб. 1894.

КАЖДЫЙ безпристрастный человѣкъ, внимательно прочитавъ эту интересную книгу и вникнувъ въ излагаемые въ ней факты, долженъ будетъ признать, что принятая Главнымъ Обществомъ въ 1868 г. отъ казны Николаевская желѣзная дорога и сланная имъ въ казну въ 1894 г., послѣ 25-ти-лѣтней эксплуатаціи, Николаевская дорога— совершенно двѣ равныя дороги. Первая, съ размочаленными легковѣсными рельсами, съ деревянными полусгнившими мостами, съ опаснѣйшимъ переходомъ черезъ громадный Веребинскій оврагъ, съ ничтожнымъ подвижнымъ составомъ и крайне недостаточнымъ числомъ и слабыми по конструкціи локомотивами, со станціями, не достроенными по первоначальному проекту, находилась еще въ полнѣйшей кабальѣ у американцевъ братьевъ Уайненсъ, имѣвшихъ такой чудовищно несообразный контрактъ съ дорогой, что даже согласіе на расторженіе этого контракта равнѣ срока, за пятимилліонную неустойку, представляется съ точки зрѣнія интересовъ Уайненсовъ истиннымъ подвигомъ гражданскаго великодушія.

Вотъ валовыя цифры, которыя даютъ наглядное понятіе о всей работѣ дороги и ея главномъ инвентарѣ въ періодъ казеннаго управленія дорогой.

Въ 1868 году.

Длина дороги	604,18	верстъ.
Питательн. вѣтви	11,78	»
Станціи на главн. пути	38	
На побочныхъ пут.	6	
При нихъ развѣздовъ в запасн. пути	130,34	»
Число паровозовъ	202	

Вагоновъ { пассажирскихъ 252 } { товарныхъ . . . 2.879 }	всего	3.131 вагонъ.
Число пассажировъ съ 1846 по 1868 г.		19.471.816 челов.
Багажа пудовъ съ 1851 — 1868 г.		7.557.748 пудовъ.
Товаровъ малой скорости съ 1847 по 1868 г. . .		477.720.286 »
Валовой доходъ	146.648.494 рубля	16 коп.
» расходъ	99.335.931 рубль	81 »
Чистый доходъ дороги	47.312.562 рубля	35 »
Или на версту	4.613 руб.	65 »

Ко дню сдачи дороги Главному Обществу къ ней примыкали только три маленкія вѣточки, изъ которыхъ одна, на 103 верстѣ къ торфяному заводу, находилась безъ употребленія, такъ какъ заводъ не работалъ.

Вторая дорога, то-есть дорога, выкупленная казною у Главнаго Общества, должна быть оцѣнена въ строительномъ капиталѣ на 20 милліоновъ слишкомъ дороже ея первоначальной стоимости, такъ какъ въ эту сумму оцѣняются капитальныя работы по ея улучшенію и расширенію. На перестройку деревянныхъ мостовъ въ желѣзные издержано изъ этой суммы почти 7.800 000 рублей. Рельсы желѣзные и легкіе замѣнены болѣе тяжелыми стальными. Междупутье дороги, неосторожно сдѣланное слишкомъ узкимъ, что препятствовало проходу по этой дорогѣ поѣздовъ съ вагонами, требующими болѣе широкаго габарита, расширено до нормальной саженой ширины, что было особенно трудно дѣлать при крайне частомъ движеніи поѣздовъ по этой дорогѣ. Веребинскій мостъ уничтоженъ, и для обхода Веребинскаго оврага и его незначительнаго ручья сдѣлана обходная линія, удлинившая дорогу на 4,6 версты. Самый же обходъ дороги представляетъ новую почти въ 21 версту длиною линію и стоилъ съ новымъ укороченнымъ мостомъ черезъ рѣку Мсту и съ каменной трубою на Веребинскомъ ручьѣ 5.428.106 рублей и даже еще 12 копеекъ. Чтобы составить себѣ понятіе о дѣятельности новой дороги, въ моментъ сдачи ея въ казну, позволяю себѣ выписать слѣдующія фактическія данныя.

Длина главнаго пути	608,75 верстѣ.
Число стаяцій на главномъ пути 65	} всего 81 станція.
» » » побочныхъ вѣтвяхъ 16	
При нихъ развѣздныхъ путей	385,64 версты.
Число паровозовъ	457
Вагоновъ { пассажирскихъ . . . 2.879 } { товарныхъ 10.668 }	всего 13.547 вагон.

П Е Р Е В Е З Е Н О.

	Въ 1867 году.	Въ 1892 году.
Пассажировъ	1.547.128 челов.	2.175.376 челов.
Товаровъ большой скорости	629.051 пудъ.	1.586.161 пудъ.
Товаровъ малой скорости	57.172.146 пудовъ.	149.846.478 пудовъ.
		Рубли. Коп.
Валовой доходъ за 25 лѣтъ	521.456.474	60
» расходъ { эксплуатаціи	212.800.613	80
{ новыя работы	20.097.360	26
Чистый доходъ дороги	288.558.500	54
На версту около	19.000	—

Послѣдній доходъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

	Рубли.	Коп.
Правительству % по облигаціямъ	175.200.000	—
Правительству въ дивидендъ	55.739.895	42 ¹ / ₂
Расторженіе контракта Уайненсъ	6.590.358	31
Акціонерный дивидендъ	37.820.231	73

Вышеприведенныя цифры, годныя для валовыхъ сравненій прежней Николаевской дороги при казенномъ управленіи и новой, возвращаемой послѣ 25-ти-лѣтней аренды въ казну, на самомъ дѣлѣ мало уясняютъ вопросъ о различіи этихъ двухъ дорогъ въ крупныхъ и существенныхъ деталяхъ. Недостаточно сказать и сосчитать, на какую цифру увеличилось число станцій, какъ удлинились развѣздные и запасные пути, но для полной оцѣнки дѣла надо посмотрѣть, какой видъ имѣли станціи, хотя бы, напримѣръ, Любань или Чудово, въ день приѣма ихъ отъ казны и въ день ихъ сдачи обществомъ въ казну обратно. Составленный очеркъ, богато снабженный чертежами и рисунками, въ послѣднемъ отношеніи представляетъ чрезвычайный интересъ и не только для спеціалистовъ желѣзно-дорожнаго дѣла, но и для всякаго интересующагося состояніемъ нашихъ путей сообщеній вообще. Въ числѣ крупнѣйшихъ деталей, усовершенствованныхъ за 25-тилѣтіе владѣнія дорогой Главнымъ Обществомъ, нельзя не указать на Александровскій механическій заводъ, перестроенный отъ А и до ижицы за это время. Едва, едва что-то дѣлавшій, или скорѣе пытавшійся дѣлать, въ рукахъ пресловутыхъ братьевъ американцевъ, этотъ заводъ нынѣ, конечно, долженъ быть поставленъ во главѣ всѣхъ паровозныхъ и вагонныхъ заводовъ въ Россіи. На немъ нынѣ строятся превосходнѣйшіе паровозы собственныхъ чертежей и конструкторій, и еще недавно, передъ самой сдачей въ казну, этотъ же заводъ кончилъ постройку полнаго поѣзда для путешествія Императорской фамиліи за границу. Этотъ поѣздъ, вагоны котораго приспособлены для входа на паромы, перевозящіе поѣзда прямого сообщенія съ Копенгагеномъ черезъ большой Бельтъ, при существующихъ здѣсь громадныхъ дифференціяхъ въ высотѣ водостояній, безусловно въ настоящую минуту представляетъ послѣднее слово вагоннаго мастерства, не имѣющаго покуда себѣ равнаго въ цѣломъ свѣтѣ. О значительности перестройки, сдѣланной на этомъ заводѣ, можно судить хотя бы только по тому, что нынѣ, вмѣсто существовавшихъ въ немъ деревянныхъ сборныхъ сараевъ, устроены желѣзные вагонныя мастерскія, стояція въ постройкѣ болѣе 785.000 рублей. Въ такомъ же почти размѣрѣ увеличены, расширены и улучшены оборудованіемъ и всѣ прочія слесарныя, котельныя и монтировочныя мастерскія завода.

Собственно на линіи, можно въ числѣ крупныхъ деталей еще указать на значительное расширеніе двухъ головныхъ станцій: Москвы и Петербурга, и при послѣдней устройствѣ особой станціи «Сортировочной», гдѣ разсортировываются товарные поѣзда, и для чего потребовалось уложить 48 верстъ путей, при 137 переводахъ, которые управляются автоматически изъ 14 будокъ, при помощи замыкателей системы Сакеби Фармеръ. Станція эта расположена по обѣ стороны главныхъ путей, на 7 и 8 верстѣ отъ Петербурга, и вагоны въ ней разсортировываются при помощи двухъ вытяжныхъ наклонныхъ плоскостей. Въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ эта сортировочная станція признается однимъ изъ громаднѣйшихъ и удачнѣйшихъ сооружений подобнаго же рода, существующихъ у насъ и за границей.

Такъ какъ усиленная провозоспособность дороги требовала прежде всего и усиленнаго водоснабженія, то за арендный періодъ перестроено, расширено и вновь устроено много новыхъ водоемовъ, много проведено водопроводовъ, хотя бы на тотъ же Александровскій заводъ, а въ Москвѣ, страдающей маловодіемъ, устроено питаніе станціи водою при помощи большихъ артезіанскихъ колодцевъ, дающихъ до 4.000 ведеръ воды въ часъ.

Попутно съ главными своими задачами Общество за арендный періодъ успѣло сдѣлать нѣчто и въ пользу обученія дѣтей своихъ служащихъ, для чего были въ 1878 году открыты на Малой Вишерѣ приготовительные классы технического училища. За недостаткомъ, однако, средствъ (и почему это у насъ на все хватаетъ средствъ, а на просвѣщеніе не хватаетъ?) училища эти пришлось постепенно закрывать, и теперь на линіи имѣется одно только техническое училище въ Бологое, помѣщающееся въ собственномъ прекрасно устроенномъ домѣ. Нѣсколько позже, въ виду того, что въ этомъ училищѣ собирались ученики со всей линіи, не имѣвшіе родныхъ въ Бологое, на частные взносы было построено и общежитіе на 35 учениковъ. Училище это, еще ранѣе перехода Николаевской дороги въ казну, было принято въ вѣдѣніе министерства путей сообщенія, при чемъ въ совѣтѣ училища остался одинъ представитель Главнаго Общества, такъ какъ на содержаніе этого заведенія дорога продолжала отчислять изъ своихъ доходовъ по 15 рублей съ версты въ годъ.

Кромѣ постройки Бологовскаго технического училища, Николаевская дорога давала пособіе за своихъ учениковъ 18 школамъ съ характеромъ училищъ народныхъ, всего на сумму до 14.400 рублей въ годъ.

Принимая все это во вниманіе, какъ пишется въ окончательныхъ судебныхъ приговорахъ, двадцати-пятилѣтняя дѣятельность арендаторовъ Николаевской дороги должна быть признана не только свободной отъ нареканія въ косности и своекорыстной малоподвижности, но можетъ быть поставлена въ примѣръ будущему казенному управленію этой богатѣйшей и важнѣйшей дорогой. Пусть и оно каждыя 25 лѣтъ дѣлаетъ столько же для улучшенія и обогащенія дороги, какъ дѣлало Главное Общество за время своей аренды, и, конечно, ни публика, ни государство не будутъ отъ этого въ потерѣ.

Возвращаясь теперь къ оцѣнкѣ очерка, какъ литературнаго произведенія, мы и здѣсь должны отдать полную справедливость составителямъ его въ томъ, что они сумѣли придать своему сухому и фактическому матеріалу видъ и характеръ чрезвычайно занимательной и интересной исторической повѣсти. Богато украшенный политипажами и цинкографіями, удачно разбитый на рубрики и главы, этотъ очеркъ каждымъ интересующимся можетъ быть прочитанъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Сжато и отлично составленное введеніе съ валовыми выводами и цифрами весьма полно резюмируетъ все то, что съ большою подробностью и полною рассказано детально, въ дальнѣйшихъ главахъ. Введеніе это рассказываетъ и о тѣхъ трудностяхъ, какія встрѣчала на своемъ пути къ осуществленію желѣзная дорога въ нашихъ тогдашнихъ правительственныхъ сферахъ. Прочтя эту краткую, но чрезвычайно характерную лѣтопись, каждый согласится, что дорога должна называться Николаевскою не только потому, что построена въ царствованіе императора Николая Павловича, но главнымъ образомъ потому, что онъ одинъ стоялъ и настоялъ на необходимости ея безотлагательной постройки, вопреки мнѣнію тогдашнихъ министровъ и, увѣ, даже и инженеровъ.

Въ 1835 году, когда уже австрійскій инженеръ Францъ фонъ-Герстнеръ началъ въ видѣ опыта строить Царскосельскую желѣзную дорогу, появилось сочиненіе нѣкоего Наркиза Атрѣшкова «Объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи». Въ этой книгѣ авторъ, догадываясь о будущей доходности Николаевской желѣзной дороги, доказывалъ, что наибольшее количество грузовъ, на которое можно надѣяться, не превыситъ 7.000 пудовъ, а число пассажировъ не превыситъ 8.000 человекъ въ годъ; на этомъ основаніи онъ опредѣлялъ весь доходъ будущей дороги въ 5.650 рублей въ годъ!

Вотъ какъ опасны и какъ не вѣрны бываютъ эти предварительныя расчисленія о будущей доходности желѣзной дороги! Между тѣмъ, ихъ обыкновенно дѣлаютъ еще и понынѣ, то произвольно увеличивая предполагаемую доходность, желая получить концессию, то также произвольно уменьшая, не желая концессіи давать. Г. Атрѣшковъ говорилъ, конечно, и по тогдашнему положенію дѣла совершенѣйшіе пустяки, но люди, далеко выше его стоящіе по прозорливости и торговымъ познаніямъ, будучи даже ревностными сторонниками постройки дороги между двумя столицами, не ожидали отъ нея большаго, какъ перевозку 12 милліоновъ пудовъ груза въ годъ и не болѣе 120.000 пассажировъ.

Въ 1839 году по высочайшему повелѣнію были командированы въ Америку инженеры путей сообщенія Н. О. Крафтъ и П. П. Мельниковъ, съ порученіемъ подробно изучить постройку и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ, получившихъ уже тогда въ Америкѣ достаточное распространеніе. Въ это же время, однако, начали поступать частныя предложенія о постройкѣ желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ, между прочимъ, и отъ того же Герстнера, требовавшего, однако, гарантіи. Предложенія эти заинтересовали государя, и онъ приказалъ комитету министровъ разсмотрѣть по существу вопросъ о соединеніи столицъ желѣзной дорогой. Два года комитетъ разсуждалъ объ этомъ важнѣйшемъ дѣлѣ и пришелъ къ заключенію по большинству голосовъ, что желѣзный путь между столицами и невозможенъ и бесполезенъ.

Главнѣйшій путями сообщенія графъ Толь полагалъ, что мѣстныя трудности непреодолимы для инженернаго искусства, особенно при проходѣ новгородскихъ болотъ и Валдайскихъ возвышенностей, и что если бы дорогу даже и удалось выстроить, то наши морозы и снѣга будутъ мѣшать ея эксплуатаціи. Министръ финансовъ указывалъ на громадность расходовъ по постройкѣ, при полнѣйшей бездоходности будущей дороги, а инженеръ Дестремъ даже лекціи читалъ о бесполезности желѣзныхъ дорогъ въ Россіи! Не смотря на все это, 1 февраля 1842 года, на послѣднемъ засѣданіи комитета министровъ въ присутствіи государя, Николай Павловичъ, выслушавъ мнѣнія министровъ, всталъ и заявилъ, что находитъ вполне возможнымъ устройство желѣзной дороги между двумя столицами, и немедленно повелѣлъ приступить къ ея сооруженію. Вскорѣ послѣ этого былъ учрежденъ особый комитетъ для наблюденія за постройкой дороги съ назначеніемъ председателемъ этого комитета наслѣдника цесаревича Александра Николаевича.

В. П.

А. Е. Прѣсняковъ. „Царственная Книга“, ея составъ и происхождение. Спб. 1894.

Брошюра г. Прѣснякова, напечатанная отдѣльнымъ оттискомъ изъ XXXI т. «Записокъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета», представляетъ, какъ это видно изъ помѣтки на ней, сочиненіе на заданную факультетомъ тему для соисканія награды. Какъ студенческій трудъ, исполненный притомъ сравнительно въ короткій срокъ, сочиненіе г. Прѣснякова представляетъ добросовѣстный анализъ лѣтописнаго памятника, весьма важнаго для первыхъ 20-ти лѣтъ царствованія Іоанна Васильевича Грознаго, — памятника, извѣстнаго всѣмъ, занимающимся русской исторіей, по весьма неудовлетворительному изданію князя М. М. Щербатова («Царственная Книга», то-есть, лѣтописецъ царствованія царя Іоанна Васильевича, Санктъ-Петербургъ, 1769 г.). Но, какъ сочиненіе, претендующее на болѣе или менѣе научное разрѣшеніе вопроса о происхожденіи сказаннаго лѣтописнаго памятника, трудъ г. Прѣснякова оставляетъ желать весьма многого.

Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что задачей автора было—«изучить, путемъ сличенія «Царственной Книги» съ другими лѣтописными сводами, ея составъ и не разрѣшить, — на это не хватить данныхъ, — а только, по возможности, должнымъ образомъ поставить вопросъ объ ея происхожденіи». Мы не будемъ слѣдить здѣсь за любопытными соображеніями г. Прѣснякова при сличеніи текста «Царственной Книги» съ текстомъ Никоновскаго свода, а главнымъ образомъ съ текстомъ такъ называемаго лицевого (съ рисунками) Никоновскаго лѣтописца (рукопись), Львовскаго лѣтописца, Степенной Книги и Софійскаго Временника. Замѣтимъ только, что эта часть сочиненія исполнена авторомъ наиболѣе обстоятельно и добросовѣстно и что сличеніе текстовъ рукописей (работа производилась исключительно по рукописямъ) привело г. Прѣснякова къ тому заключенію, что «Царственная Книга» есть исправленный и дополненный списокъ Никоновскаго свода, дошедшій до насъ въ незаконченномъ видѣ, при чемъ первая часть его (74 листа рукописи) обильная бытовыми чертами, представляетъ передѣлку соответствующихъ мѣстъ «Софійскаго Временника», а остальная часть передѣлана по Никоновскому лицевому съ прибавленіемъ извѣстій изъ Львовскаго лѣтописца и «Степенной Книги».

Что касается происхожденія «Царственной Книги», то хотя авторъ и отказывается отъ разрѣшенія этого вопроса, тѣмъ не менѣе онъ высказывается по нему болѣе или менѣе опредѣленно. То обстоятельство, что «Царственная Книга» представляетъ передѣлку такихъ позднѣйшихъ лѣтописей, какъ Никоновскій сводъ, «Софійскій Временникъ», «Степенная Книга» и Львовскій лѣтописецъ, предрѣшаетъ уже до нѣкоторой степени вопросъ о времени составленія ея—не раньше конца XVII столѣтія. Къ тому же заключенію приводятъ г. Прѣснякова палеографическія данныя и рисунки рукописи, о которыхъ онъ говоритъ со словъ профессора А. И. Соболевскаго. Съ нѣкоторой вѣроятностью онъ связываетъ изслѣдуемую рукопись съ «Царственной Книгой», принесенной «на верхъ» въ 1677 г. Андреемъ Юлинымъ, какъ это видно изъ дѣлъ Оружейной Палаты. Въ самомъ содержаніи рукописи г. Прѣсняковъ не находитъ прямыхъ указавій на ея происхожденіе. Только по внѣшнему виду онъ заключаетъ, что «Царственную Книгу», какъ

неоконченный черновикъ, знакомящій насъ съ процессомъ составленія лѣтописныхъ сводовъ, «надо поставить особнякомъ отъ остальныхъ лицевыхъ списковъ, которые представляютъ *membra disjecta* иллюстрированнаго свода Никоновской лѣтописи». Эти мнѣнія автора о происхожденіи «Царственной Книги», повидимому, нуждаются въ значительныхъ поправкахъ, которыя, въ свою очередь, будучи приняты, могутъ радикально измѣнить и тѣ выводы, какіе г. Прѣсняковъ сдѣлалъ на основаніи сличенія рукописныхъ текстовъ. Мы желали бы обратить вниманіе автора на самое содержаніе «Царственной Книги», въ которой онъ не могъ найти указаній на ея происхожденіе. Кѣмъ составлялся этотъ лѣтописный памятникъ, такихъ указаній дѣйствительно нѣтъ, но за то есть прямые указанія на то, когда онъ составлялся. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторые мѣста изъ «Царственной Книги» по изданію князя Щербатова.

«Прежде бо сего Москва не такова бѣша народна, яко-жѣ нынѣ народомъ умножися, въ лѣта благовѣрнаго царя и великаго князя Ивана Васильевича» (стр. 141).

Далѣе, при описаніи смуты 1553 г., по поводу присяги царевичу Дмитрію во время болѣзни Іоанна IV-го, сказано:

«Онъ, государь, добрый пастырь, едва возмогъ, тогда у Бога просить и насъ добре хранилъ (очевидно, описка вмѣсто хранилъ) и благоразсуднымъ его утвержденіемъ всегда сохранены есмь и на малое время премолче къ Богу о насъ моленія простирати и насъ на благо утверждаетъ (описка вмѣсто утверждати), и вся злая и скорбная пострадали есмь» (стр. 336).

Тутъ же приписка на поляхъ:

«И за нашу разиость и неединомышленіе.. и въ насъ гордыя слова и высокія.. и начали о собѣ мудріи быти...».

Достаточно уже приведенныхъ отрывковъ, чтобы задать себѣ вопросъ: могъ ли писать такимъ образомъ, употребляя даже сказуемыя въ настоящемъ или прошедшемъ совершенномъ времени, не современникъ, болѣе того, но участникъ описываемыхъ событій? Если даже предположимъ вмѣстѣ съ г. Прѣсняковымъ, что составленіе «Царственной Книги» относится къ концу XVII столѣтія, въ такомъ случаѣ, кромѣ указанныхъ имъ источниковъ этого лѣтописнаго памятника, необходимо поискать другихъ, современныхъ смутѣ 1553 г., такъ какъ, судя по сказуемымъ въ приведенномъ выше отрывкѣ, запись велась вскорѣ послѣ этой смуты. А нѣтъ ли возможности отнести составленіе «Царственной Книги» къ болѣе раннему времени, именно къ половинѣ XVI вѣка? Г. Прѣсняковъ справедливо замѣчаетъ, что нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о времени составленія «Книги» могло бы пролить тщательное изученіе рукописи съ точки зрѣнія палеографіи и художественной археологіи. Но не преждевременно ли онъ опровергаетъ мнѣніе г. Буслаева, признающаго въ рисункахъ «Царственной Книги» копии съ рисунковъ XVI столѣтія и по нимъ изучавшаго русскую живопись этого вѣка? Къ тому же, какъ это можно заключить изъ словъ самого г. Прѣснякова, мнѣніе профессора Соболевскаго о рисункахъ «Царственной Книги» весьма верѣшительно и въ сущности даже не противорѣчитъ мнѣнію г. Буслаева.

Съ своей стороны, мы желали бы обратить вниманіе лицъ, интересующихся разбираемымъ вопросомъ, на слѣдующее стороннее указаніе. Въ «Исторіи» Татищева (т. I, стр. XII) мы читаемъ: «предъ всѣми хвалы до-

стойнѣйшій Макарій митрополитъ описалъ жизнь царя Іоанна IV Грознаго (въ текстѣ ошибкой напечатано: «царя Іоанна II-го и Грознаго») первые 26 лѣтъ, какъ порядочно по годамъ, такъ съ достаточными обстоятельствами.

Здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, что было внесено Макаріемъ въ «Степенную Книгу», потому что Татищевъ тутъ же прибавляетъ: «онъ же Кипріянову Степенную исправлялъ и дополнялъ». Такимъ образомъ митрополитъ Макарій былъ авторомъ какого-то жизнеописанія царя Іоанна Грознаго. А Макарій, какъ извѣстно, былъ большимъ любителемъ художествъ и художниковъ: отъ него велеть свое начало московская школа иконописи. Не былъ ли онъ повтому вчинателемъ лицевыхъ лѣтописцевъ, представивъ таковой въ видѣ жизнеописанія царя Іоанна IV-го? Можетъ быть, найдутся данныя, которыя позволятъ связать имя митрополита Макарія съ «Царственной Книгой». 26 лѣтъ Макарьевского жизнеописанія по времени подходятъ къ «Царственной Книгѣ», которая излагаетъ событія только 20-ти лѣтъ, но которая, очевидно, не окончена въ изданіи князя Щербатова, и окончаніе которой, по словамъ г. Прѣснякова, можно возстановить по лицевой рукописи Александро-Невской лавры. Въ случаѣ удачныхъ розысканій въ этомъ направленіи, нѣкоторыя подробности «Царственной Книги» окажутся въ высшей степени любопытными (постриженіе царскаго духовника, протопопа Ѳедора Бармина, который совершенно неожиданно «равнеможесе зѣло», появленіе вслѣдъ затѣмъ на его мѣсто Макарьевской креатуры-попа Сильвестра, паденіе Шуйскихъ, устроенное, очевидно, митрополитомъ и проч.). Между прочимъ, тогда будетъ понятно, почему въ «Царственной Книгѣ» такъ много подробностей о митрополитѣ Макаріи, почему въ ней полностью помѣщены его письма и поученія къ царю и письма царя къ нему. Кромѣ того, если удастся установить связь между литературной дѣятельностью Макарія и «Царственной Книгой», то это дастъ возможность пролить новый свѣтъ на личность этого іерарха, знаменитаго въ исторіи русскаго просвѣщенія, но мало извѣстнаго со стороны государственной дѣятельности, о которой теперь только съ вѣроятностью можно догадываться изъ «Царственной Книги». А между тѣмъ извѣстно, что въ тревожное и неустойчивое время Грознаго царя митрополитъ Макарій до конца своей жизни, въ теченіе 22-хъ лѣтъ, сохранилъ свое положеніе и, повидимому, даже вліяніе.

Мы намѣтили здѣсь рядъ вопросовъ, возникшихъ у насъ при чтеніи брошюры г. Прѣснякова. Чтобы рѣшить ихъ, необходимо тщательно изслѣдовать рукопись «Царственной Книги». Изслѣдованіе г. Прѣснякова грѣшитъ существеннымъ недостаткомъ опуская изъ виду самое содержаніе рукописи. Между тѣмъ въ немъ, какъ мы видѣли, есть такія указанія, которыя прямо противорѣчатъ выводамъ автора. Поэтому, не удовлетворяясь его изслѣдованіемъ, мы позволяемъ себѣ пожелать новаго изслѣдованія того же вопроса, главнымъ образомъ со стороны содержанія рукописи, а не простого сличенія ея съ другими лѣтописями, что не всегда приводитъ къ вѣрнымъ заключеніямъ, а также со стороны палеографіи и художественной археологіи.

Г. Шаповъ.

Фредерикъ Винкель Горнъ. Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ приложеніемъ этюда Ф. Швейцера «Скандинавское творчество новѣйшаго времени». Переводъ К. Бальмонта. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1894.

Г. Бальмонтъ, получившій не такъ давно почетную извѣстность красивыми и вѣрными стихотворными переводами изъ Шелли, говорить въ предисловіи къ этой книгѣ: «Скандинавская литература, долгое время оставшаяся совершенно чуждой русскимъ читателямъ, за послѣднее время возбудила къ себѣ въ Россіи интенсивный и исключительный интересъ, краснорѣчиво выражающійся въ цѣлой массѣ переводовъ съ норвежскаго и шведскаго, появляющихся съ одной стороны—отдѣльными изданіями, съ другой—въ различныхъ журналахъ и газетахъ. И надо думать, что хотя въ этомъ увлеченіи скандинавской литературой участвуютъ въ значительной степени элементы чисто внѣшніе (какъ, на примѣръ, мода), тѣмъ не менѣе основная причина такого увлеченія имѣетъ характеръ болѣе глубокой и коренится въ душевномъ складѣ русскаго читателя. Есть нѣчто, тѣсно сближающее насъ съ нашими сѣверными собратіями. И русскимъ, и скандинавамъ въ одинаковой степени свойственны тѣ черты, которыя дѣлаютъ нашу литературу популярной въ Скандинавіи, а скандинавскую — въ Россіи. Эти черты: широкій взмахъ мысли и чувства, неутолимая жажда героизма, идеалистическая мечтательность, глубокая грусть и горькій юморъ. Мы выросли подъ однимъ и тѣмъ же туманнымъ небомъ; съ самаго дѣтства намъ пѣла пѣсни одна и та же сѣверная мятель. Этимъ духовнымъ родствомъ вполнѣ объясняется тотъ глубокой интересъ, который былъ возбужденъ среди русской читающей публики несравненными драмами Генриха Ибсена и своеобразными романами Бьёрнстjerne Бьёрнсона, и на ряду съ этимъ то исключительное вниманіе, которымъ пользуются въ Норвегіи и Швеціи Достоевскій и Левъ Толстой. Четыре названныхъ писателя, произведенія которыхъ составляютъ сами по себѣ цѣлую литературу, гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ это можно подуматъ съ перваго взгляда».

Къ этимъ прочувствованнымъ словамъ г. Бальмонта мы позволимъ себѣ сдѣлать двѣ поправки: во-первыхъ, геній нашего народа шире и разнообразнѣе, нежели геній народовъ скандинавскихъ на столько же, на сколько разнообразнѣе природа нашей страны, и потому Пушкинъ и Гоголь въ своемъ цѣломъ не могутъ найти соотвѣтствія въ литературахъ скандинавскихъ; а, во-вторыхъ, фактически невѣрно, будто литература этихъ странъ только въ послѣднее время возбудила къ себѣ особый интересъ въ русскихъ читателяхъ. Если г. Бальмонтъ потруится заглянуть въ русскіе журналы конца 1830-хъ и начала 40-хъ годовъ, онъ убѣдится, что и въ то время литературы Швеціи и Даніи вовсе не оставались «совершенно чужды» намъ: не только наши отцы заучивали длинныя тирады изъ Фритъофа Тегнера по классически-прекрасному переводу (Я. К. Грота), не только наши матери, не смотря на насмѣшки Бѣлинскаго, зачитывались длинными романами Фредерики Бремеръ, не только «Импровизаторъ» Андерсена переводился одновременно въ двухъ журналахъ и въ отдѣльномъ изданіи истрепывался многочисленными читателями до послѣдней возможности,—но даже такіе *dii minores*, какъ Альквистъ, Никандеръ, Рунбергъ находили себѣ хорошихъ переводчиковъ и немалочислен-

ныхъ поклонниковъ. Напрасно молодые литераторы не перелистываютъ отъ времени до времени нашихъ старыхъ журналовъ! ⁴⁾.

Какъ бы то ни было, но г. Бальмонтъ правъ въ томъ отношеніи, что въ русской литературѣ желательно, даже настоятельно необходимо появленіе полного перевода Эдды и вообще пособій для болѣе близкаго ознакомленія съ литературой нашихъ сѣверныхъ сосѣдей. Книга Горна, за неимѣніемъ лучшаго, можетъ служить однимъ изъ такихъ пособій, но только за неимѣніемъ лучшаго: переводчикъ признаетъ ее «нѣсколько специальной и сухой»; по нашему мнѣнію эта характеристика не совсѣмъ удачна: книга, которая на трехстахъ съ небольшимъ страницахъ излагаетъ исторію трехъ богатыхъ литературъ, съ одной стороны не можетъ считаться очень специальной (если она не представляетъ библиографическаго перечня), а съ другой въкоторая сухость необходима должна быть ей присуща вслѣдствіе массы матеріала и, такъ сказать, компактности изложенія. Главный недостатокъ книги Горна, по нашему мнѣнію, скорѣе въ безцвѣтности характеристикъ, которыя даетъ она, и въ недостаткѣ внутренней связи между отдѣльными явленіями и эпохами. Въ Германіи теперь масса историковъ литературы пишущихъ такимъ же образомъ, какъ пишетъ Горнъ; одинъ изъ самыхъ характерныхъ и въ то же время наиболѣе извѣстныхъ такихъ историковъ— Адольфъ Штернъ, обобравшій въ семи небольшихъ книжкахъ литературы всѣхъ народовъ отъ начала возрожденія до нашихъ дней. Книга его идетъ бойко, но многимъ ли она внушила любовь къ исторіи литературы, это другой вопросъ. Адольфъ Штернъ, какъ и Горнъ, какъ и многіе другіе, обо всякомъ писателѣ высказываетъ вещи умныя и правильныя и распределяетъ писателей по школамъ и направленіямъ именно такъ, какъ принято въ лучшихъ специальныхъ сочиненіяхъ; а между тѣмъ въ результатѣ сочиненія получается нѣчто въ родѣ паспортныхъ примѣтъ лицъ, школъ и эпохъ. Такія книги читать трудно, не смотря на кажущуюся легкость ихъ изложенія, и въ головѣ читателя онѣ оставляютъ мало впечатлѣнія; но все же и отъ нихъ остается «кое-что о многомъ», и, кромѣ того, онѣ очень удобны для справокъ такого рода, которыхъ нельзя получить изъ энциклопедическаго словаря: вы желаете узнать общепринятое мнѣніе объ извѣстномъ писателѣ, о школѣ, къ которой принадлежалъ онъ, о его предшественникахъ и послѣдователяхъ, вы получите нужныя вамъ свѣдѣнія изъ такой книги, особенно если вы ее прежде перелистали. Короче сказать, такія книги даютъ канву исторіи литературы, канву некрасивую и безцвѣтную, но не безполезнаю для того, кто будетъ потомъ вышивать по ней; даютъ сухой остовъ, но читателю предоставляется посредствомъ работы надъ авторами и монографіями одѣть этотъ остовъ плотно.

Книга Горна переведена очень добросовѣстно и снабжена указателемъ; но нельзя не пожалѣть, что г. Бальмонтъ не потрудился перевести на свой страхъ заглавія произведеній; едва ли одинъ изъ сотни читателей будетъ въ состояніи разобратся въ нихъ.

¹⁾ Причина, почему пропалъ у насъ интересъ къ литературамъ сѣвера въ концѣ 1840-хъ годовъ и т. д., и почему онъ возобновился теперь, понятна: «скандинавы» выдвинулись талантами и энергіей въ послѣдній періодъ романтики и выдвинулись теперь своимъ реализмомъ: они медленно усваиваютъ общеевропейскія идеи, но усваиваютъ хорошо.

Несравненно легче читается и болѣе оставляетъ впечатлѣнія этюды Ф. Швейцера, дающій рядъ характеристикъ скандинавскихъ поэтовъ второй половины XIX вѣка (въ Норвегiи: Ибсенъ, Бьорнсонъ, Камилла Коллетъ, Торезенъ, Ионасъ Ли, Кьелландъ и др.; въ Дани: Георгъ Брандесъ, Драгманъ, Гольгеръ, Геллерупъ, Якобсенъ, Софусъ Шандорфъ, Эдгаръ Брандесъ; въ Швеци: гр. Снольскiй, Стриндбергъ, Анна Эдгренъ и др.). Видно, что и самъ переводчикъ болѣе находилъ въ немъ удовольствiя: нѣкоторые отрывки, въ немъ приводимые, онъ перевелъ очень хорошими стихами.

А. К—въ.

Михаилъ Юрьевъ. Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. Москва. 1894.

Авторъ этой книги, должно быть, историкъ, судя по тому, что онъ издалъ въ началѣ года разсужденiе о Карлѣ V и его эпохѣ, а теперь является и со вторымъ историческимъ изслѣдованiемъ. Первый трудъ его имѣлъ весьма спорное значенiе въ области науки, а вышедшiе въ маѣ спорные вопросы принадлежатъ къ давно рѣшеннымъ, или ничѣмъ не рѣшаются. Это—виновность Марiи Стюартъ въ убiйствѣ мужа, измѣна Валленштейна и сельская община у франковъ. Авторъ самъ называетъ эти вопросы не особенно важными и значительными, но отношенiе къ нимъ многихъ западныхъ ученыхъ можетъ «навести на мысли отнюдь не мелкiя», и потому «для русскихъ читателей необходимо разобратъся въ особенностяхъ европейской науки», чему авторъ и желаетъ содѣйствовать своею книгою. Зачѣмъ именно не только русскому ученому, но и простому читателю необходимо разбираться въ европейскихъ особенностяхъ, авторъ не объясняетъ, и ясно, что эти пустыя фразы одни предлоги пережевыванья избитыхъ вопросовъ, ни для кого не интересныхъ и давно сданныхъ въ архивъ. Приводя источники о личности Марiи Стюартъ, авторъ насчитываетъ дюжину сочиненiй, между которыми есть и такiе устарѣлые этюды, какъ книга Минье, вышедшая болѣе сорока лѣтъ назадъ. Г. Юрьевъ могъ бы привести еще дюжину разныхъ нѣмецкихъ геллертеровъ, а не говорить ни слова объ изслѣдованiяхъ А. Лобанова и другихъ писателей. Биографiи шотландской королевы онъ не сообщаетъ, а говоритъ только о ея участiи въ убiйствѣ Даррлея и такъ называемыхъ «письмахъ шкатулки», послужившихъ предлогомъ къ ея обвиненiю и казни. Елисавета, впрочемъ, и безъ всякихъ обвиненiй и писемъ, всетаки, кончила бы тѣмъ, что рано или поздно избавилась бы отъ опасной соперницы, которую католики признавали англiйской королевою. Письма, найденныя въ шкатулкѣ у лакея Вотведа, могли быть подложными и, во всякомъ случаѣ, поддѣланы во многихъ мѣстахъ (авторъ не рѣшаетъ положительно этого вопроса), но и безъ нихъ участiе Марiи въ катастрофѣ, подготовившей смерть Даррлея въ домѣ, гдѣ онъ былъ взорванъ порохомъ,—очевидно. Но и объ этомъ участiи г. Юрьевъ не отзывается опредѣлительно, а только допускаетъ его, основываясь на томъ, что, воспитанная при распутномъ дворѣ Генриха II, Марiя не могла получить твердыхъ, нравственныхъ началъ и убѣжденiй. Вообще посвящать 80 страницъ толкамъ о томъ, убила или нѣтъ своего мужа Марiя, и считать въ то же время, какъ дѣлаетъ авторъ, вопросъ этотъ «неважнымъ для исторiи» очень странно. «Мнѣ хотѣлось показать,—говоритъ г. Юрьевъ,— что не всѣ западные ученые безгрѣшны и не

всѣ нѣмецкіе профессора безпристрастны». Да кто же когданибудь сомнѣвался въ этомъ? Авторъ не хочетъ «разбивать себѣ лобъ передъ западной наукой», но кто же приглашаетъ его къ этому? Намъ пора перестать быть дѣтьми, «дикарями», прибавляетъ онъ, но что же такое, какъ не дѣтская забава всѣ эти толки о пустыхъ вопросахъ, всѣ выводы, ровно ни къ чему не ведущіе и ничего опредѣлительнаго не доказывающіе?..

О Валленштейнѣ авторъ приводитъ 18 источниковъ и разбираетъ ихъ. И тутъ то же переливаніе изъ пустого въ порожнее и глубокомысленныя изслѣдованія того, чего не вѣдаетъ никто. Былъ ли фриландскій герцогъ измѣнникомъ и входилъ ли онъ въ сношенія съ врагами имперіи, шведами и саксонцами, въ виду своихъ личныхъ интересовъ или переговоровъ о мирѣ и пользѣ національнаго дѣла? Это вопросъ также трудный, такъ какъ ни въ одномъ архивѣ не сохранилось официальнаго документа, заставляющаго подозрѣвать измѣну фельдмаршала. Положимъ, доказательства такого рода обыкновенно не сохраняются, а дѣлаются извѣстными только *post factum*. Но вѣдь какіе же нибудь слѣды сомнительныхъ переговоровъ должны были гдѣ нибудь остаться, а между тѣмъ никто изъ современниковъ Валленштейна не обвиняетъ его въ измѣнѣ, кромѣ партіи императора, приказавшаго убить полководца. Да и официальныя обвиненія его очень неясны и запутаны. Это скорѣе памфлеты, прокурорскія рѣчи, а не исторія. Общественное мнѣніе видѣло въ нихъ только желаніе очернить память убитаго, и послѣдующіе историки не придають имъ никакого значенія. Защитниковъ у герцога гораздо больше, чѣмъ обвинителей, и авторъ самъ сознается, что рѣшительно невозможно считать измѣнникомъ Валленштейна, бывшаго, впрочемъ, хотя и не безкорыстнымъ слугою императора, жестоко и несправедливо убитаго своимъ повелителемъ. Но тогда для чего было печатать еще 80 страницъ о давно рѣшенномъ вопросѣ?

Третій вопросъ, которому авторъ посвящаетъ еще страницъ тридцать своихъ изысканій, также нельзя причислить къ спорнымъ. Онъ состоитъ въ томъ: была ли у древнихъ франковъ община, когда они завоевали Галлію? Конечно, была, какъ и у всѣхъ первобытныхъ племенъ, находящихся на низшей степени культурнаго развитія, и если у нихъ, какъ у многихъ другихъ народовъ, сохранилось въ ихъ старинныхъ законахъ мало слѣдовъ общиннаго владѣнія и пользованія, то потому, что, захвативъ богатая области Галліи, они не имѣли нужды заботиться о правильномъ распредѣленіи сельскихъ угодій, лѣсовъ, пастбищъ, рыбной ловли и пр. Общинные законы сохранились дольше тамъ, гдѣ одно племя занимало землю другого съ обоюднаго согласія, а не по праву завоеванія. Стало быть, не о чемъ было и толковать, почему слѣды общины исчезли такъ скоро при владычествѣ франковъ.

Въ заключеніе намъ кажется, что въ историческомъ сочиненіи слѣдовало бы сохранить болѣе серьезный тонъ и не обращаться слишкомъ развязно къ читателю, называя его добрымъ и даже милымъ, какъ дѣлаетъ это г. Юрьевъ. Можно было бы также обойтись и безъ чересчуръ рѣзкихъ характеристикъ разныхъ историческихъ лицъ. Если можно согласиться съ тѣмъ, что Валленштейнъ, «жестокій до звѣрства, смотрѣлъ на войну съ промышленной точки зрѣнія и никогда не былъ борцомъ за католичество и вѣротерпимость», то называть Катилину только «помятымъ любителемъ скандаловъ», а Лжедмитрія «ловкимъ жуликомъ» — уже очень развязно, а

видѣть въ Жаннѣ Даркѣ «не дѣвственницу, хрупкую и нѣжную, съ тонкимъ профилемъ и маленькими ногами, а ширококостную суевѣрную мужичку, которая съ толпою вооруженныхъ дубинками крестьянъ помогла разбить два небольшихъ отряда»,— даже болѣе чѣмъ неприлично,

Вл. З.

«Кавказскій Сборникъ», издаваемый съ высочайшаго соизволенія по указанію государя великаго князя Михаила Николаевича въ бытность его императорскаго высочества главнокомандующимъ Кавказскою арміею. Подъ редакціею артиллеріи генераль-лейтенанта Чернявскаго. Томъ XV. Тифлисъ. 1894.

Въ 1876 г., по мысли великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго намѣстника кавказскаго, военно-историческій отдѣлъ штаба въ Тифлисѣ (прежде главнаго штаба Кавказской арміи, теперь окружнаго) сталъ издавать «Кавказскій Сборникъ». Въ настоящее время вышелъ XV-й томъ этого изданія. Такъ какъ онъ, подобно многимъ у насъ казеннымъ изданіямъ, не пользуется, внѣ специальныхъ сферъ, тою извѣстностью, которой вполне заслуживаетъ по своему интересу, то мы считаемъ не лишнимъ, прежде обзорѣнія новаго тома, сдѣлать нѣсколько замѣчаній о прежде изданныхъ четырнадцати томахъ.

Цѣль, которую преслѣдуетъ «Кавказскій Сборникъ», двоякая: во-первыхъ, сохранить воспоминанія о быломъ Кавказской войны въ видѣ записокъ, мемуаровъ и т. п., во-вторыхъ, разработать военно-историческій матеріалъ, находящійся въ архивахъ Кавказскаго края. Поэтому въ немъ помѣщались какъ воспоминанія разныхъ лицъ, такъ и статьи, составленныя на основаніи архивнаго матеріала, нерѣдко съ приложеніемъ не изданныхъ документовъ. Въ первыхъ 14 томахъ напечатаны 71 статья, изъ которыхъ большинство принадлежитъ къ категоріи статей, представляющихъ обработку архивнаго матеріала. Нѣкоторыя изъ этихъ статей, каковы статьи Н. А. Волконскаго, особенно его документальная и фундаментальная «Война на восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 г. въ связи съ мюридизмомъ» (томы X, XI, XIII, XIV), окончатъ которую, къ крайнему сожалѣнію, помѣшала ему преждевременная кончина,—статьи гг. Юрова, Ржевускаго и др., представляютъ солидные и по объему и по содержанію труды. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что большинство авторовъ сами участвовали въ Кавказской войнѣ, что, конечно, придаетъ ихъ статьямъ большую живость. Изъ воспоминаній разныхъ лицъ, помѣщенныхъ въ «Кавказскомъ Сборникѣ», укажемъ на воспоминанія гг. В. Андреева (времена Ермолова), покойнаго князя Дондукова-Корсакова (о турецкой войнѣ 1855 г.), покойнаго же героя войны 1877 г. В. А. Геймана (объ Индійской экспедиціи князя Воронцова 1845 г.) и т. д. Нѣкоторыя статьи имѣютъ интересъ, такъ сказать, обще историческій, не ограничивающійся тѣми или другими частными военными дѣйствіями на Кавказѣ; такова, напримѣръ, статья г. Н. Ш.: «Генераль Вельяминовъ и его значеніе для исторіи Кавказской войны» (томъ VII), важная для исторіи системы Кавказской войны, вышеупомянутая статья Волконскаго, вносящая много новаго въ исторію перваго періода мюридизма, статья его же: «Кавказъ въ 1787—1799 годахъ» (томъ XIV), составленная на основаніи уцѣлѣвшихъ остатковъ Георгіевскаго архива, дающаго много матеріала для исторіи русской политики на Кавказѣ и вообще

на Востокъ въ указанное время, и т. д. Если же мы примемъ во вниманіе, что исторія Кавказа и утвержденіе русской гражданственности на немъ самымъ тѣснымъ и непосредственнымъ образомъ связаны съ исторіею Кавказской войны, то признаемъ, что «Кавказскій Сборникъ» является громадной важности источникомъ не только для военныхъ историковъ, изъ которыхъ такъ называемые полковые историки, стѣсняясь въ размѣрѣ заимствованій, а лишь указаніемъ источника, переписываютъ десятки страницъ въ свои творенія, но и каждый интересующійся исторіею Кавказа вообще найдетъ богатый запасъ всякаго рода свѣдѣній: этнографическихъ, бытовыхъ, по исторіи управленія и т. д. Позволимъ себѣ сдѣлать, впрочемъ, упрекъ почтенному изданію; пользованію имъ много препятствуетъ какъ отсутствіе подробныхъ оглавленій, указателей и т. п., такъ и крайняя скудость ссылокъ и цитатъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ вся цитировка заключается въ указаніи, что статья составлена по дѣламъ такого-то архива; иногда рядомъ указывается то или другое литературное пособіе, но читатель не знаетъ, что взято изъ архива, что у пособия. Детальная цитировка была бы тѣмъ необходимою, что въ «Сборникѣ» напечатаны нѣкоторые документы изъ архивовъ, но не обозначено, что они уже напечатаны въ другомъ изданіи, между тѣмъ мы могли бы указать нѣсколько подобныхъ случаевъ.

Переходимъ къ новому XV тому. Обзоръніе его содержанія познакомитъ насъ нѣсколько вообще съ богатствомъ содержанія всего изданія. На стр. 1—51 помѣщено продолженіе статьи «Кавказъ въ 1787—1799 годахъ», являющейся послѣднимъ, не оконченнымъ трудомъ покойнаго Н. А. Волконскаго, и на значеніе которой мы уже указали. Жалкіе остатки богатаго Георгіевскаго архива дали матеріалъ не только для исторіи военныхъ дѣйствій на Кубани, но и для исторіи русской колонизаціи, въ видѣ устройства линіи, отношеній правительства къ горскимъ владѣльцамъ и Персіи и т. д.

Еще болѣе общій интересъ имѣетъ слѣдующая статья «Сборника» (стр. 52—260). Это начало записокъ покойнаго генерала Эдуарда Владимировича Бриммера: «Служба артиллерійскаго офицера, воспитывавшагося въ I кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 году». Авторъ сообщаетъ интересные воспоминанія о первомъ кадетскомъ корпусѣ въ началѣ настоящаго вѣка, о пребываніи русскаго корпуса во Франціи подъ начальствомъ графа М. С. Воронцова, о службѣ въ войскахъ въ то время. Съ 1822 г. начинается служба автора на Кавказѣ. Воспоминанія его о Кубанской экспедиціи 1822 г., о службѣ въ штабъ-квартирахъ въ Грузіи, о чеченскихъ экспедиціяхъ 1825 и 1826 годовъ, о персидской войнѣ 1826—1829 гг., написаны чрезвычайно живо, сообщаютъ массу интереснѣйшихъ данныхъ объ А. П. Ермоловѣ и другихъ выдававшихся тогда на Кавказѣ лицахъ, о бытѣ и условіяхъ жизни и т. п. Можно только пожалѣть, что записки Бриммера не попали въ болѣе распространенное изданіе.

Третья статья (стр. 261—326) г. В. Чудинова: «Имеретинская неурядица въ 1809 и 1810 годахъ», написанная на основаніи архива штаба, имѣетъ мѣстный интересъ, но и она характеризуетъ нашу политику относительно кавказскихъ владѣльцевъ.

Г. С. Филоновъ въ статіѣ: «Кавказская линія подъ управленіемъ генерала Эмануеля» (стр. 326—450), разсматриваетъ дѣятельность этого генерала въ 1826—1828 годахъ; интересны свѣдѣнія объ устройствѣ линіи. Вся статья крайне скудна указаніями источниковъ, между тѣмъ о генералѣ Эмануелѣ

существуетъ отдѣльная монографія (Жизнеописаніе ген. Эмануеля, Спб., 1851 г.). Судя по приложеніямъ и по вѣскоимъ ссылкамъ, статья составлена по архивнымъ даннымъ. Что бы стоило автору разъяснить это обстоятельство, а также отношеніе его къ указанной біографіи?

Пятая статья г. К. (стр. 451—505): «Обзоръ событія на Кавказѣ въ 1846 году», есть продолженіе статьи, помѣщенной въ томѣ XIV, въ которой авторъ на основаніи архива штаба описывалъ событія этого года въ Джаро-Белаканскомъ округѣ и въ Дагестанѣ. Въ настоящемъ томѣ описываются событія на Кумыкской плоскости и въ Чечнѣ.

Шестая и послѣдняя статья г. Ф. фонъ-Климана (стр. 506—576) составляетъ продолженіе статей покойнаго Волконскаго: «Война на восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 г. въ связи съ мюридизмомъ», носить то же заглавіе и образуетъ главы XX и XXI всего труда. Содержаніе ихъ имѣетъ общій интересъ въ исторіи Кавказа, ибо охватываетъ время начала управленія барона Ровена, когда снова поднятъ былъ вопросъ о системѣ дѣйствій противъ горцевъ и противъ Кази-муллы, бывшаго въ то время въ апогеѣ своего могущества. Мнѣніе генерала Вельямина, изложенное имъ въ замѣчательной меморіи, до сихъ поръ еще не появившейся въ печати, занимаетъ видное мѣсто въ этомъ вопросѣ; экспедиція его же въ 1831—1832 годахъ въ Аухъ и Салатавію составляетъ также предметъ 21 главы.

Изъ этого краткаго обзора статей XV тома «Кавказскаго Сборника» видно все разнообразіе его содержанія. Конечно, главное значеніе его для будущаго историка Кавказской войны заключается въ качествѣ почти сыраго матеріала, почерпнутаго изъ архивовъ, не всѣмъ доступныхъ, но, повторяемъ, и историкъ Кавказа вообще и просто интересующіеся Кавказомъ найдутъ въ немъ много интереснаго.

Заканчиваемъ нашу замѣтку повтореніемъ пожеланія, чтобы редакція «Сборника» нашла возможнымъ облегчить пользованіе вышедшими 15 томами, приложивъ оглавленія и указатели.

Е. Козубскій.

Саратовскій край. Историческіе очерки, воспоминанія, матеріалы. Изданіе Саратовскаго общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ. Выпускъ первый. Саратовъ. 1894.

Саратовъ — одинъ изъ наиболѣе крупныхъ провинціальныхъ городовъ. Въ немъ издается нѣсколько газетъ, почти не уступающихъ столичнымъ, издается не мало книгъ, и потому существуетъ классъ людей, живущихъ исключительно литературнымъ заработкомъ. Этотъ-то кружокъ Саратовскихъ литераторовъ, состоящихъ изъ людей мало обеспеченныхъ, задумалъ основать мѣстное «Общество пособія литераторамъ», подобное существующему въ Петербургѣ «Литературному фонду». Въ 1887 году такое общество было основано. Средства у него очень незначительны. Для увеличенія ихъ общество рѣшило обратиться къ предпріятію издательства и въ настоящемъ году издало очень любопытный сборникъ, заглавіе котораго мы привели выше.

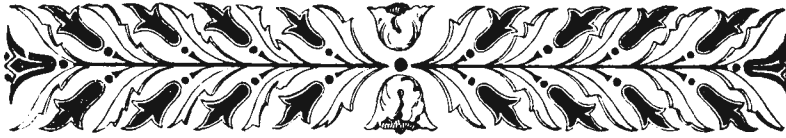
Сборникъ этотъ посвященъ исключительно мѣстнымъ интересамъ. Начинается онъ статьей г. Кедрова: «Краткій обзоръ исторіи саратовскаго края». На 15 страничкахъ авторъ обозрѣваетъ саратовскую исторію, начиная съ IX и кончая XIX вѣкомъ. Само собой понятно, что «исторіи» здѣсь нельзя искать. Авторъ намѣчаетъ только нѣсколько «условій, творившихъ сара-

товскую исторію», и въ заключеніе приходитъ къ выводу, что изученіе этихъ условій «не только должно бы уяснить вопросъ о томъ, какимъ путемъ Саратовъ достигъ своего настоящаго положенія, но и выяснитъ роль личности саратовскаго человѣка въ складѣ областной исторіи, степень участія Саратова въ союзной работѣ всей Русской земли и, что особенно важно, открыть его будущія перспективы». Ничего этого, конечно, въ статьѣ г. Кедрова не сдѣлано, и его заключительныя слова остались хотя и громкой, но все-таки простой фразой. Гораздо важнѣе для исторіи Саратова «Лѣтопись», составленная гг. Духовниковымъ и Хованскимъ, представляющая собой очень обстоятельный перечень событій, начиная съ XIII в. и кончая 1890 годомъ, а также статья г. Саблукова и г. Духовникова, посвященная исторіи топографіи города Саратова. «Записки о Саратовѣ» К. И. Попова сообщаютъ много интереснаго для характеристики быта различныхъ классовъ саратовскаго общества сороковыхъ годовъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи, посвященные изображенію внутренней жизни саратовцевъ, «Изъ исторіи печатнаго дѣла въ Саратовѣ», исторія мѣстныхъ органовъ печати—«Губернскихъ Вѣдомостей», «Саратовскаго Листка», «Изъ исторіи развитія народнаго образованія въ Саратовѣ» и др. Какъ видно изъ этихъ статей, первая типографія основана была здѣсь въ концѣ XVIII в. съ спеціальной цѣлью «въ облегченіе излишняго приказнослужителямъ затрудненія, а наче къ постепеннѣйшему выполненію налагаемыхъ по входящимъ документамъ революцій», и потому содержалась на счетъ этихъ «приказнослужителей». Положеніе этой типографіи было самое бѣдственное, не смотря на субсидіи правительства, до самаго 1838 года, когда начали издаваться «Саратовскія Губернскія Вѣдомости», доставившія нѣкоторый доходъ типографіи. Любопытна также судьба «Справочнаго Листка», начавшагося въ 1863 г. подъ видомъ «Справочнаго Листка г. Саратова». Издатель его, А. М. Флоровъ, не преслѣдовалъ какихъ-нибудь особенныхъ цѣлей, какія обыкновенно имѣются въ такихъ случаяхъ: онъ просто хотѣлъ дать справочный листокъ, затѣвалъ какъ бы коммисіонерскую контору. «Въ составленіи номеровъ газеты,—говорится въ статьѣ,—А. М. Флоровъ не затруднялся: онъ пустилъ въ ходъ свою старинную бібліотеку, заключавшую въ себѣ разныя скотолечебники, травники и проч. Такой матеріалъ надолго наполнилъ собой фельетоны газеты. Въ верхнихъ этажахъ на первомъ мѣстѣ печатались святцы, но это было не то, конечно, что теперь печатается во многихъ газетахъ петитомъ, въ видѣ текущаго календаря, а полныя святцы съ житіями святыхъ. Остальное мѣсто въ газетѣ занималось чѣмъ попало, безъ всякаго смысла». Начатая такъ печально газета въ настоящее время стала неизмѣримо выше, сдѣлалась газетой въ полномъ смыслѣ этого слова, не только дающей понятіе о современной мѣстной жизни, но и руководящей этой жизни. Также случайно, какъ и газета, началась правильная, организованная книжная торговля въ г. Саратовѣ. Обстоятельная статья гг. Духовникова и Хованскаго даетъ полный обзоръ этой торговли, начавшейся въ галантерейныхъ лавкахъ, «лавкахъ обоевъ и багетъ», гдѣ книги продавались только между прочимъ, и кончая настоящимъ временемъ. Въ статьѣ много интересныхъ фактовъ для характеристики какъ покупателей книгъ, такъ и торговцевъ. Еще въ 1855 г. книгопродавецъ Кистяковъ продавалъ книги слѣдующимъ образомъ. «Одѣтый во фракъ, въ бѣломъ галстухѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, онъ ѣздилъ по домамъ и предлагалъ приобрести тѣ или другія сочиненія. При этомъ

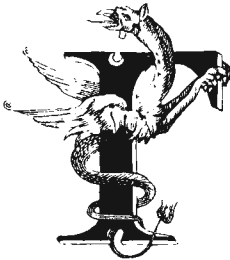
онъ обращался ко всѣмъ со слѣдующей фразой: «считая васъ за высокопросвѣщеннаго человѣка, интересующагося книжною новостью, я счелъ долгомъ доставить вамъ эту новую книгу». Продѣлывалъ онъ и такія вещи. Изданія Манухина и Леухина, печатавшіяся на сѣрой бумагѣ, разгонистымъ шрифтомъ и продававшіяся по слишкомъ высокой цѣнѣ, стали рѣже покупаться тѣми, кто съ ними ознакомился. Спросить ту или другую заманчивую книгу, посмотреть на ея сѣрую бумагу, посмотреть на несообразную цѣну, да и положить назадъ. Тогда Кистяковъ придумалъ отвѣчать покупателю, на вопросъ о новомъ Манухинскомъ и Леухинскомъ изданіи: «Недавно только выписали. Ужъ многіе подписались на нее. Вамъ можемъ оставить одинъ экземпляръ, если вы сейчасъ уплатите деньги»... Деньги уплачивались, покупатель приглашался зайти на другой день или на третій, а между тѣмъ книга снималась съ полки, завертывалась въ бумагу, и потомъ ее вручали покупателю безъ разговоровъ... Разъ купленная книга уже не принималась. Мало-по-малу нравы измѣнялись, и уже въ 1870 г. была открыта В. О. Лятошинскимъ въ Саратовѣ «Приволжская книжная торговля», чуждая меркантильныхъ интересовъ, поставившая себѣ задачей «содѣйствовать умственному и нравственному образованію общества и матеріальному его благосостоянію». Много интереснаго сообщается въ статьѣ о торговлѣ книгами раскольничьими, антикварными и лубочными.

В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ГРОБНИЦА Александра Македонскаго. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Revue d'Egypte» Максъ-де-Зогемъ представляетъ интересныя свѣдѣнія о гробницѣ Александра Великаго. Какъ извѣстно, онъ требовалъ передъ смертью, чтобы его набальзамированное тѣло было погребено въ храмѣ Юпитера Аммонскаго въ Египтѣ, такъ какъ онъ пользовался предсказаніями оракула этого храма. Дѣйствительно, его тѣло набальзамировали и помѣстили въ кованномъ золотомъ гробѣ, а для перевозки его была сооружена колесница, о богатствѣ которой подробно распространяется Діодоръ Сицилійскій. Потому ли, что не знали мѣста, гдѣ слѣдовало похоронить знаменитаго полководца, или постройка колесницы взяла много времени, но только спустя два года погребальное шествіе вышло изъ Вавилона и направилось черезъ Дамаскъ въ Египетъ, гдѣ ждалъ его Птоломей. Но еще по дорогѣ, въ Сиріи, ему пришлось разбить на голову намѣстника Пердики Полемона, который хотѣлъ отбить у него останки славнаго героя. Сначала золотой гробъ помѣстили въ Мемфисѣ, а потомъ перевезли въ Александрію и поставили въ усыпальницѣ Птоломеевъ, гдѣ онъ мирно покоился около двухъ столѣтій. Въ половинѣ перваго вѣка до Р. Х. Птоломей—Александръ I, нуждаясь въ деньгахъ, приказалъ начеканить монеты изъ золотого гроба великаго человѣка и замѣнилъ его стекляннымъ. Страбонъ, умершій при Тиверіи, Юлій Цезарь, Октавіанъ, Калигула и Септимій Северъ посѣтили гробницу Александра и видѣли его останки въ стеклянномъ гробу. Октавіанъ положилъ на его голову золотой вѣнецъ, а Калигула, напротивъ, снялъ съ него кирассу и увезъ въ Римъ. Послѣ этого память о гробницѣ Александра совершенно исчезла, и только въ послѣдніе года стали соображать, гдѣ она могла находиться. Смутно было извѣстно, что резиденція Птоломеевъ, заключавшая въ себѣ дворецъ, музей, бібліотеку и усыпальницу, находилась въ самомъ богатомъ кварталѣ города, Врухіумъ, и что большая ея часть была покрыта мечетью пророка Даниила. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что гробница Александра еще существуетъ, но она

не достижима для ученыхъ и любопытныхъ, такъ какъ сохраняется въ склепѣ подь этой мечетью. По словамъ новаго изслѣдователя этого классическаго вопроса, въ 1850 году, одному греку, живущему постоянно въ Александріи, удалось проникнуть съ проводникомъ въ этотъ склепъ. Опустившись по отлогому ходу въ корридоръ, онъ очутился передъ старой заржавленной дверью и увидалъ чрезъ щель въ ней стеклянную клѣтку, въ которой человѣческій трушъ, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ, покоился на чемъ-то въ родѣ трона. Вокругъ него были разбросаны книги и папирусы. Грекъ не могъ отдать себѣ болѣе точнаго отчета въ сдѣланномъ имъ открытіи, такъ какъ его проводникъ, одинъ изъ служителей мечети, насильно увлекъ его наружу, отказываясь оставить его долѣе въ этомъ тайникѣ. Что касается до видѣнныхъ имъ книгъ и папирусовъ, то Діонъ Кассій говоритъ, что Септимій Северъ приказалъ положить въ гробницу Александра большое количество священныхъ сочиненій древняго Египта, «чтобы никто не читалъ ихъ содержанія». Поэтому основательное изслѣдованіе этого склепа оказало бы громадную услугу археологіи, но духовныя власти отказались уважить всѣ просьбы Масперо о дозволѣніи осмотрѣть гробницу Александра и даже въ 1878 году, подь предлогомъ укрѣпленія фундамента мечети, корридоръ, ведущій къ гробницѣ Александра, заложень камнями.

— Первая бібліотека и первые броненосцы. Современная цивилизація всего болѣе кичится успѣхами книжнаго дѣла и орудіи истребленія ближнихъ; но оказывается, что первая національная бібліотека въ мірѣ была основана ассирійскимъ царемъ Ашурбанипаломъ, погречески Сарданапаломъ, за 2.500 лѣтъ до нашего времени; а первые броненосцы существовали за 1.000 лѣтъ тому назадъ у скандинавскихъ викинговъ, и во всякомъ случаѣ голландцы построили въ 1585 году обшитое броней судно подь названіемъ «Finis belli». Первый фактъ рассказываетъ Леонардъ Кингъ въ сентябрьскомъ номерѣ «Illustrated Archeologist», въ статьѣ, подь названіемъ «Ашурбанипаль, его книги и постройки». До настоящаго времени ассиріология не очень точная наука, и потому Кингъ не можетъ представить безусловныхъ доказательствъ, что дѣйствительно его герой царствовалъ отъ 669 до 625 гг. до Р. Х., тогда какъ профессоръ Сейсъ считаетъ, что Ашурбанипаль вступилъ на престолъ въ 668 году, но отказывается вѣрно опредѣлить, когда онъ умеръ. Но дѣло не въ хронологіи, а въ томъ безспорномъ фактѣ, что величайшій ассирійскій царь возбуждаетъ до сихъ поръ къ себѣ интересъ своей умственной и соціальной дѣятельностью. Онъ первый призвалъ возможнымъ собрать всеобщую коллекцію разбросанныхъ въ месо-потамскихъ храмахъ плитокъ съ письменами и создалъ первую въ свѣтѣ болѣешую національную бібліотеку. Для осуществленія своей блестящей идеи, онъ основалъ школу переписчиковъ въ Ниневіи и организовалъ цѣлый институтъ ученыхъ для чтенія и переписки памятниковъ древней ассирійской литературы. Но о бібліотекѣ, которую устроилъ Ашурбанипаль въ своемъ дворцѣ, не осталось почти никакихъ свѣдѣній, и извѣстно только, что плитки съ письменами были классифицированы по содержанію, и имъ составлены описи. Единственный памятникъ этой бібліотеки, дошедшій до насъ, заключается въ сохраняющихся въ Британскомъ музеѣ двухъ надписяхъ, на длинныхъ глиняныхъ дощечкахъ, служившихъ бібліотекарямъ для замѣтокъ: на одной изъ нихъ начертано заглавіе одного астрологическаго труда, а на другой списано нѣсколько текстовъ, относящихся до исчезнувшихъ сочиненій.

Исторія броненосцевъ составляетъ предметъ основательной статьи Р. Турстона въ англійскомъ журналѣ «Cassier's Magazine». Вообще считаютъ полковника Джона Стевенса изобрѣтателемъ покрытія кораблей броней въ 1812 году, но первый планъ подобнаго корабля составленъ его сыномъ для правительства Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1842 году, а первый броненосецъ, вышедшій въ море, былъ построенъ французами въ 1854 г., во время Крымской войны. Но почти за триста лѣтъ передъ тѣмъ, во время осады Антверпена испанцами въ 1585 г., граждане этого города выстроили громадный плоскодонный корабль, обшитый тяжелой желѣзной броней. Они считали его на столько непобѣдимымъ, что назвали его «Finis belli», то-есть концемъ войны, считая, что изобрѣли такое страшное орудіе войны, что самая война станетъ невозможной. Но, только выйдя изъ порта, первый броненосецъ сѣлъ на мель и былъ взятъ испанцами въ плѣнъ, а потомъ не участвовалъ ни въ какомъ сраженіи ни съ той ни съ другой стороны. Но, по словамъ Турстона, въ сущности и это не былъ первый броненосецъ, а онъ приводитъ выписку изъ исландской саги Торстина, написанной 500 лѣтъ тому назадъ: изъ нея видно, что за тысячу лѣтъ до нашего времени викингъ Гальфданъ имѣлъ военный корабль того типа, который назывался драконками, подъ именемъ «Желѣзный Таранъ», и надводная часть котораго, очень высокая, была вся покрыта желѣзными листами. Строили ли дѣйствительно древніе скандинавы броненосцы, или нѣтъ, но легенда Торстина вполнѣ доказываетъ, что идея о вооруженныхъ броней судахъ существовала въ отдаленныя времена на сѣверѣ Европы.

— Правда объ испанской армадѣ. Всѣ англійскія газеты полны отрывками о только что появившемся томѣ государственныхъ документовъ, издаваемыхъ обществомъ морского архива, и приводятъ интересныя выписки изъ этихъ документовъ, относящихся къ пораженію испанской армады у береговъ Англій въ 1588 году. Издатель этого драгоценнаго историческаго труда, профессоръ Оксфордскаго университета Логтонъ, въ подробномъ предисловіи указываетъ на его научное значеніе и представляетъ тѣ выводы, къ которымъ приводитъ безпристрастная оцѣнка богатыхъ свѣдѣній, заключающихся въ напечатанныхъ впервые официальныхъ донесеніяхъ: рапортахъ и письмахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ о событіи, со времени котораго Англія сдѣлалась великой морской державой. Слѣдуя по стопамъ Фруда, профессоръ утверждаетъ, что великая армада, которая, между прочимъ, по его словамъ, никогда не называлась современниками непобѣдимой, была уничтожена не Богомъ ниспосланной бурей, а вслѣдствіе девятидневной борьбы съ нею англійскаго флота подъ начальствомъ Дрѣка и лорда Говарда, при чемъ морскія силы обѣихъ сторонъ были почти равныя. Съ другой стороны Логтонъ опровергаетъ часто приписываемое историками Филиппу II желаніе привести еретическую Англію обратно въ лоно католической церкви и, напротивъ, объясняетъ посылку великой армады съ одной стороны коммерческой политикой Испаніи, а съ другой—гнѣвомъ короля на помощь, оказываемую англичанами возставшимъ противъ него Нидерландамъ. Онъ также признаетъ фантастичными рассказы о сотняхъ англійскихъ матросовъ, которые томились въ тюрьмахъ инквизиціи, или сожигались въ Испаніи на кострахъ, какъ еретики, полагая, что если случаи заточенія англичанъ и бывали, то не изъ религіозныхъ, а политическихъ причинъ, что случилось въ ту эпоху и въ Англіи относительно иностранцевъ. Если онъ

придаетъ английскому флоту и его храбрымъ начальникамъ главную роль въ пораженіи испанцевъ, то вполне безпристрастно описываетъ тѣ громадныя злоупотребленія, которыя подтачивали дѣйствительную силу английской арміи, которой пришлось бы очень плохо, если бы морякамъ не удалось отразить великую армаду. Замѣчательно, что знаменитѣйшій изъ начальниковъ англійскаго флота въ то время, Дрэкъ, писалъ тотчасъ послѣ рѣшительной девятидневной битвы: «благодаря Бога мы, я надѣюсь, такъ обойдемся въ концѣ концовъ съ герцогомъ Сидоніей, что онъ пожелаетъ какъ можно скорѣе очутиться въ испанскихъ портахъ, подъ тѣнью апельсиновыхъ деревьевъ»; а черезъ двѣсти лѣтъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ Нельсонъ писалъ въ 1801 году: «на флотѣ, подъ моимъ начальствомъ, всѣ горятъ рвеніемъ, и если господинъ Бонапартъ вздумалъ бы загородить намъ дорогу, то, я полагаю, онъ вскорѣ пожелалъ бы очутиться на Корсикѣ».

— Развлеченія Оливера Кромвеля. Когда въ настоящемъ году лошадь перваго министра лорда Розбери взяла призъ на Дербійской скачкѣ, то въ англійскихъ газетахъ началась сильная полемика насчетъ того, прилично ли чловѣку, стоящему во главѣ правительства, заниматься скачками, и самъ лордъ Розбери въ свою защиту сослался на примѣръ Кромвеля, который имѣлъ скаковую конюшню. По этому предмету въ октябрьской книжкѣ «Macmillan's Magazine» появилась интересная статья г. Фирта, подъ заглавіемъ: «Взглядъ Кромвеля на спортъ». Въ ней рисуется совершенно новый портретъ великаго Протектора, который является передъ нами не узкимъ фанатикомъ, враждебнымъ всякому развлеченію, какимъ его рисовали роялисты, а настоящимъ англійскимъ джентльменомъ, преданнымъ всякаго рода спорту и который, запрещая бой пѣтуховъ и травлю медвѣдей, страстно любилъ лошадей, собакъ, соколиную охоту и игру въ мячъ, а въ юности былъ извѣстнымъ атлетомъ. Въ письмѣ Кромвеля насчетъ того, что его сыну Ричарду не хватало получаемыхъ денегъ въ виду его любви къ спорту, онъ прямо говоритъ: «я не жалѣю для него никакого похвального развлеченія... но желаю, чтобы онъ не дѣлалъ изъ удовольствія всю цѣль жизни, а жилъ такъ, какъ угодно нашему Небесному Отцу, возвеличившему меня изъ праха до моего настоящаго положенія». Что касается до скаковой конюшни Протектора, то Фиртъ не видитъ достаточныхъ доказательствъ, чтобы признать этотъ фактъ несомнѣннымъ, и напротивъ указываетъ на то обстоятельство, что въ критическія эпохи Кромвель временно отмѣнялъ скачки и всякія другія общественныя удовольствія, а въ августѣ 1567 года провелъ билль, которымъ установленъ былъ «штрафъ въ двойной суммѣ противъ выигрыша или проигрыша во всякой игрѣ: въ карты, въ мячъ, въ скаковые пари и т. д.». Такимъ образомъ, по мѣткому выраженію Фирта, если бы Кромвель жилъ въ настоящее время, то онъ дозволилъ бы скачки, а запретилъ бы пари. Любовь его къ лошадямъ имѣла не только характеръ забавы, но и серьезнаго дѣла, такъ что, быть можетъ, онъ не достигъ бы титула лорда протектора Англій, если бы не такъ заботился о лошадяхъ своей арміи. «Онъ, говоритъ одинъ современный хроникеръ, ежедневно смотрѣлъ, какъ кормятъ и чистятъ лошадей». Два раза, во время междоусобной войны, онъ отказался дать сраженіе по той только причинѣ, что лошади были утомлены. Поэтому онъ и считается создателемъ англійской кавалеріи. Сдѣлавшись Протекторомъ, онъ появлялся въ важныхъ случаяхъ въ экипажѣ, запряженномъ шестеркою кровныхъ фладдрскихъ бу-

ланных лошадей, а подь конецъ своей жизни онъ всегда выѣзжалъ на восьмерикѣ бѣлыхъ лошадей, какихъ никогда ни бывало ни у одного англійскаго короля. Одной изъ обязанностей англійскихъ дипломатовъ на континентѣ была покупка лошадей для Протектора въ Неаполѣ, Триполи, Алеппо и т. д. Враги его даже рассказывали, что онъ однажды заставилъ ждать парламентскую депутацію два часа, въ продолженіе которыхъ онъ осматривалъ новыхъ лошадей, приреченныхъ ему изъ Африки. Самъ Кромвель любилъ не только ѣздить верхомъ, но и править лошадыми; послѣдняя страсть едва не стоила ему жизни. Въ 1654 году графъ Ольденбургскій прислалъ ему въ подарокъ шесть лошадей, и датскій посланникъ въ своей депешѣ описываетъ, какъ Кромвель, приказавъ заложить ихъ въ экипажъ, самъ сѣлъ на козлы, взялъ возжи и поѣхалъ въ паркъ. Но, повидимому, онъ слишкомъ горячилъ лошадей, и наконецъ онѣ повесели, наскочили на столбъ и вывалили Кромвеля, который, падая, запутался ногой въ возжахъ, и лошади протащили его порядочное пространство, но наконецъ онъ высвободился, и даже ему не было причинено большого ушиба. Кромѣ лошадей, онъ чрезвычайно любилъ соколиную охоту и со своими офицерами занимался этой забавой чрезъ нѣсколько дней послѣ Вурстерской побѣды, а спустя нѣсколько лѣтъ сдѣлался другомъ съ отъявленнымъ роялистомъ сэромъ Джономъ Лонгомъ только потому, что тотъ былъ знаткомъ соколинаго дѣла. Вотъ какой оригинальный и совершенно новый портретъ величайшаго изъ англійскихъ правителей рисуеъ Фиртъ, и нельзя не сказать, что этотъ портретъ представляетъ разительный контрастъ съ извѣстной характеристикой его у Маколея, который саркастически увѣряетъ, что Кромвель запретилъ травлю медвѣдей не потому, чтобъ жалѣлъ медвѣдей, а потому, что не хотѣлъ позволить народу забавляться.

— Происхожденіе французскихъ аристократовъ. Въ октябрьскихъ номерахъ «Revue de Revues» помѣщены двѣ статьи подь заглавіемъ: «Сюрпризы исторіи: нѣсколько любопытныхъ генеалогій», авторы которыхъ Нейкомъ и Бертенъ нашли въ общественныхъ бібліотекахъ Руана и Нанси двѣ драгоценныя рукописи, проливающія новый свѣтъ на подѣлку генеалогическихъ древъ и настоящее происхожденіе нѣкоторыхъ знаменитыхъ аристократическихъ родовъ Франціи. Первая изъ нихъ принадлежитъ извѣстному историку и составителю генеалогій Андрэ дю-Шену, который на своемъ вѣку сочинилъ громадное число генеалогическихъ древъ для лицъ, желавшихъ сдѣлаться аристократами, и, между прочимъ, для кардинала Ришелье, но разбогатѣвъ, благодаря этой выгодной фабрикаціи, онъ подь старость почувствовалъ угрызения совѣсти и написалъ записку, въ которой развѣнчалъ всѣхъ созданныхъ имъ аристократовъ, фактически доказавъ, что составленные имъ генеалогіи были плодомъ фантазіи. Эту записку онъ подарилъ своему пріятелю Озаме, адвокату при Парижскомъ парламентѣ, отъ котораго она перешла въ Руанскую бібліотеку. На основаніи означенной рукописи оказывается, что Ришелье не происходилъ изъ знаменитаго дома Плеси-Ришелье, который, по официальному генеалогическому древу, составленному тѣмъ же дю-Шеномъ, имѣлъ тридцать два поколѣнія и состоялъ въ родствѣ съ пятью французскими королями, двумя императорами, двумя англійскими королями и однимъ кастильскимъ, такъ что кардиналъ являлся пятернымъ родственникомъ Людовика XIII-го и прямымъ потомкомъ Карла Мартела, Анны, дочери Ярослава, Людовика Толстаго и т. д., но его настоящимъ предкомъ былъ скромный аптекаръ въ маленькомъ городѣ Англъ,

Франсуа Женульякъ. Его дочь Катерина сумѣла заслужить милость епископа мѣстной епархіи Пуатье, Амбуаза, а почтенный аптекарь за поощреніе этой связи получилъ отъ епископа участокъ земли подъ названіемъ Ришелье, который былъ сдѣланъ леннымъ помѣстьемъ, а при кардиналѣ, праправнукѣ аптекаря, оно, значительно расширенное, приняло значеніе герцогскаго лена. Что касается до его прадѣда, то онъ принялъ фамилію Пlesi отъ другаго семейнаго помѣстья; дѣдъ уже именовался дю-Плесси, а отецъ Франсуа былъ извѣстенъ подъ двойной фамиліей дю-Плесси-Ришелье, которая и перешла къ знаменитому кардиналу. Другая рукопись, найденная Нейкомомъ и Бертевомъ также въ Руанѣ, составляетъ только часть открытой ими въ Нанси «Записки, представленной Парижскимъ парламентомъ герцогу Орлеанскому противъ герцоговъ и пѣровъ въ апрѣлѣ 1716 года». Конечно, парламентъ не имѣлъ ничего общаго съ этимъ анонимнымъ памфлетомъ, распространеннымъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и онъ составленъ, какъ видно изъ приложенной къ рукописи запискѣ, писанной тѣмъ же почеркомъ, Реймскимъ архіепископомъ де-Мальи, съ цѣлью поссорить парламентъ съ герцогами и пѣрами. Каково бы, впрочемъ, ни было происхожденіе этой рукописи, но она представляетъ драгоценныя свѣдѣнія о настоящемъ, болѣе чѣмъ скромномъ происхожденіи нѣкоторыхъ изъ самыхъ знаменитыхъ аристократическихъ родовъ Франціи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Извѣстный наслѣдникъ имени великаго кардинала, герцогъ Ришелье и Фринзакъ, славившійся своими побѣдами надъ женскими сердцами, происходилъ отъ продавца соколовъ въ Пуату, Рене Виньеро, который, женившись на сестрѣ кардинала, помогалъ ему во всѣхъ любовныхъ его приключеніяхъ въ молодости. Герцогъ ла-Мельерэ имѣлъ предкомъ аптекаря въ Партенэ, женившася на дочери мясника, внучка которой была матерью кардинала Ришелье. Три сына неизвѣстнаго провинціального адвоката Альбера, по прозвищу Люинь, Братъ и Каднэ сдѣлались герцогами Люинь, Люксембургъ и Шольиъ. Герцоги ла-Рашфукю ведутъ свое начало отъ ткача Жоржа Вери, герцоги Вилеруа—отъ торговца рыбой, герцоги Нуаль — отъ лакея графа Вофора, герцоги Грамоны—отъ мѣщанки Дадуель, любовницы Генриха IV, герцоги Гаркуры—отъ незаконнаго сына епископа Байе, герцоги Виллары—отъ провинціалаго писца и т. д., и т. д. Впрочемъ, нельзя удивляться такому скромному происхожденію многихъ горныхъ французскихъ аристократовъ, когда фактически доказано, что король Людовикъ XV происходилъ по женской линіи отъ Буржскаго нотаріуса Лорана Рабана, праправнучка котораго, знаменитая Габріэль д'Эстре, имѣла сына отъ Генриха IV, герцога Вандама, бывшаго дѣдомъ матери Виктора Амедея, короля Сардинскаго, дочь котораго Марія-Аделаида была матерью Людовика XV.

— Ученый шутъ. Поль Ремеръ рисуетъ въ *La Vie Contemporaine* живую характеристику Якова-Павла Гундлинга, который исполнялъ при дворѣ отца Фридриха Великаго двойную роль: ученаго и шута. Начало XVIII столѣтія было очень грубой эпохой въ Германіи, и курфюрстъ Карлъ-Людовигъ говорилъ открыто: «мнѣ не нужно шутовъ, а когда я захочу смѣяться, то приглашаю во дворецъ двухъ профессоровъ и заставляю ихъ спорить между собой». Его примѣру слѣдовалъ король-солдатъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, который только думалъ о своей арміи, считалъ науку шарлатанствомъ и изгналъ изъ своего двора всѣхъ ученыхъ, за исключеніемъ одного Гундлинга, котораго сдѣлалъ присяжнымъ шутомъ. Этотъ бѣдный ученый, не смотря на

всѣ свои странности, мелкое самолюбіе и холопство, былъ трогательной жертвой своего времени. Самой большой его ошибкой было то, что онъ явился не во время и хотѣлъ быть ученымъ при дворѣ, который издѣвался надъ учеными. Никто не относился къ нему серьезно, и хотя сначала онъ старался сохранить свое достоинство отъ сыпавшихся на него шутокъ, но подъ конецъ уступилъ преобладавшему настроенію и сталъ искренно играть роль буффона, которую ему насильственно навязывали. Въ результатѣ же онъ заслужилъ безсмертіе своимъ буффонствомъ, чего врядъ ли когда нибудь достигъ бы своей ученостью. Родившійся близъ Нюрнберга, Яковъ-Павель Гундлингъ былъ сыномъ пастора и получилъ образованіе въ Йенскомъ университетѣ. Окончивъ курсъ, онъ сначала служилъ наставникомъ въ различныхъ аристократическихъ семьяхъ, а потомъ получилъ каяедру исторіи и литературы въ основанной Фридрихомъ I въ Берлинѣ академіи. Исполняя должность профессора, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ директоромъ геральдическаго бюро, и до восшествія на престолъ новаго короля никто не подвѣривалъ въ этомъ ученомъ педантѣ будущаго придворнаго шута. Но Фридрихъ-Вильгельмъ I перевернулъ все, и Гундлингъ потерялъ свои обѣ должности и мало-по-малу пришелъ въ совершенную бѣдность, а такъ какъ онъ всегда отличался страстью къ пиву и крѣпкимъ напиткамъ, то, не имѣя средствъ пить на свой счетъ, онъ сталъ забавлять публику извѣстнаго въ то время въ Берлинѣ кабака французскаго эмигранта Блѣзе, взаимнѣя угощенія. Тутъ съ нимъ познакомился близкій другъ короля, министръ Грумбовъ, и, найдя кабачнаго буффона очень забавнымъ, рекомендовалъ его Фридриху-Вильгельму, а тотъ въ 1715 году назначилъ его своимъ тцецомъ газетъ. Эту обязанность онъ преимущественно долженъ былъ исполнять въ извѣстной табачной коллегіи, гдѣ король и его приближенные предавались пьянству и самому грубому веселію. Вскорѣ Гундлингъ сдѣлался предметомъ постоянныхъ шутокъ, насмѣшекъ и издѣвательствъ этой веселой компаніи, а онъ дѣйствительно своей вѣшностью, отличающеюся неопытностью, нерешливостью и постояннымъ пьянымъ видомъ, а также педантизмомъ, самоуниженіемъ и чрезмѣрнымъ хвастовствомъ своей ученостью, какъ нельзя болѣе подходилъ къ своей роли буффона, болѣе пассивнаго, чѣмъ активнаго. Карлейль психологически вѣрно объясняетъ это превращеніе ученаго въ шута: «бѣднякъ не былъ буффономъ по рожденію, а сдѣлался имъ подъ вліяніемъ педантичной университетской науки того времени, нелѣпаго самолюбія, пьянства, бессмысленнаго направленія его современниковъ и его собственной глупости». Однако, человекъ въ немъ не сразу ступедался передъ буффономъ, и онъ четыре года боролся не съ окружающими обстоятельствами, а съ самими собою, и только послѣ неудачнаго бѣгства изъ Берлина, когда его поймали въ Бреславлѣ, вернули ко двору и послѣ минутнаго гнѣва короля окружили шуточнымъ уваженіемъ, провозглашая его первымъ ученымъ въ свѣтѣ,—Гундлингъ окончательно палъ. Король увеличилъ его содержаніе на 1.000 талеровъ, и онъ уже сталъ въ одномъ пьянствѣ искать забвенія, а въ немногія трезвыя минуты онъ, говорятъ, такъ объяснялъ свое положеніе: «я долго стремился въ счастью и много старался, чтобы обезпечить себѣ кусокъ хлѣба, но я нашелъ его только въ Берлинѣ и потому долженъ мириться со своей судьбой». Съ втихъ поръ онъ былъ уже совершеннымъ шутомъ, и даже его женитба на дочери одного англійскаго ученаго не придала ему человѣческаго достоинства, а напротивъ послужила только пред-

метомъ новаго издѣвательства надъ нимъ. Но зато король осыпалъ его милостями: сдѣлалъ его королевскимъ исторіографомъ, оберъ-церемоніймейстеромъ, оберъ-камергеромъ и наконецъ председателемъ академіи наукъ, вмѣсто занимавшаго этотъ постъ знаменитаго Лейбница. Этимъ путемъ онъ убивалъ разомъ двухъ зайцевъ: подстрекая самолюбіе Гундлинга, онъ дѣлалъ его еще смѣшнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ забрасывалъ грязью ненавистную ему науку. Исторія, почти не занимающаяся этимъ человѣкомъ въ качествѣ ученаго, посвящаетъ много страницъ тѣмъ шуткамъ, героемъ которыхъ онъ былъ въ качествѣ буффона. Конечно, главными его мучителями были члены табачной коллегіи, а въ томъ числѣ самъ король: они не только поднимали его на смѣхъ, но поджигали его парикъ, били его палками, бросали его на только что замерзшую рѣку, такъ что онъ проваливался черезъ ледъ въ воду, заставляли его нячиться съ обезьяной, увѣряя, что это его сынъ, устраивали надъ нимъ шуточный судъ, который приговаривалъ его къ смертной казни и доводилъ до истерики отъ испуга, наконецъ заводили ему соперника въ лицѣ другого ученаго шута Давида Фасмана, который вмѣстѣ съ обыкновенными мучителями Гундлинга доводилъ его до чортиковъ своимъ издѣвательствомъ и грубыми насильственными выходками. Какъ онъ жилъ шуткомъ, такъ и послѣ его смерти въ 1731 году ему устроили шутковскія похороны. Еще при жизни король приказалъ сдѣлать для него гробъ въ формѣ винной бочки, и онъ часто въ пьяномъ видѣ ложился туда, продолжая пить стаканъ за стаканомъ. Когда онъ умеръ, его тѣло положили въ этотъ гробъ-бочку и публично выставили. Потомъ король приказалъ отвезти этотъ гробъ въ церковь маленькаго селенія Борнштедтъ близъ Потсдама, и въ погребальномъ шествіи участвовали пятьдесятъ офицеровъ, бургомистръ и члены муниципальнаго совѣта Потсдама, представители школьнаго вѣдомства, придворные чины и придворные повара. Духовенство отказалось отпѣть его на основаніи неприличной формы гроба, и король оставилъ въ покоѣ служителей алтаря, а поручилъ шуту Фасману провзнести надгробное слово надъ его сотоварищемъ Гробница Гундлинга посреди Борнштедтской церкви существуетъ до сихъ поръ, и на ней просто написаны всѣ его титулы и званія, такъ что, читая эту надпись, посѣтители не подозреваютъ, что тутъ покоится прахъ бѣднаго шута, похороненнаго въ винной бочкѣ. Для полной характеристики этой жертвы дикой эпохи, когда человѣческое достоинство считали ни во что, надо прибавить, что онъ, какъ ученый, былъ второкласснымъ нѣмецкимъ педагогомъ-профессоромъ. Онъ написалъ много книгъ, главнымъ образомъ историческаго содержанія: такъ существуетъ цѣлый рядъ его біографій членовъ Бранденбургскаго дома, и оставилъ послѣ себя атласъ картъ Помераніи и Бранденбурга, представляющій первый опытъ географическихъ трудовъ въ Пруссіи. Но Карлейль совершенно правъ, характеризуюя его ученія заслуги саркастическимъ выраженіемъ: «это была ученость съ длинными ушами».

— Вольтеръ, какъ коммерсантъ. Благодаря статьѣ Гюбера Валлеру въ «Correspondant», въ знакомомъ образѣ Вольтера появляется новая неизвѣстная доселѣ черта. Оказывается, что онъ не только былъ философомъ, поэтомъ и драматургомъ, но и коммерсантомъ. Доказательства этого факта Валлеру нашель въ собственныхъ письмахъ Вольтера, которыя вполнѣ удостоверяютъ, что онъ завелъ фабрику часовъ и чрезвычайно ловко распространялъ торговлю ими. Купивъ Фернейскій замокъ, онъ добился у короля освобожденія отъ всѣхъ налоговъ и податей, а потомъ принялся устраивать фа-

брики, которыя могли успѣшно соперничать съ французскими и швейцарскими мануфактурами, такъ какъ имъ не приходилось ничего платить за право производства. Сначала онъ открылъ чулочную фабрику, но дѣла пошли дурно, и онъ устроилъ четыре часовыя фабрики, съ 1.200 рабочихъ. Но легче производить тотъ или другой товаръ, чѣмъ его продавать, а потому Вольтеръ съ удивительною ловкостью сталъ примѣшивать многочисленныхъ лицъ, съ которыми онъ находился въ перепискѣ, къ распространенію своихъ часовъ. Любопытно видѣть въ его письмахъ къ графу Рошфору, графинѣ Аржанталъ, маркизу Тобувиллю и многимъ другимъ аристократическимъ особамъ, съ какимъ искусствомъ онъ прибавлялъ къ философскимъ разсужденіямъ рекламы въ пользу своего товара. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ его писемъ къ придворному банкиру де-ля-Вордъ, онъ заботился о дешевой покупкѣ золота изъ Испаніи, а въ запискѣ къ герцогинѣ Шуазель онъ прямо предлагаетъ вятку часами, если ему выхлопочать званіе казеннаго поставщика. Благодаря всѣмъ этимъ письмамъ, въ которыхъ онъ вѣчно указываетъ на прекрасное достоинство и дешевизну своихъ часовъ, онъ добился дароваго отпращиванія по почтѣ ящиковъ со своимъ товаромъ. Но всего этого ему было мало, и онъ задумалъ прервать французскихъ дипломатовъ въ агентовъ фернейской фабрики. Существуетъ очень характеристичный циркуляръ, который онъ разослалъ всѣмъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ и въ которомъ проситъ ихъ не только присылать ему заказы, но и рекомендовать его часы торговцамъ той страны, гдѣ они находятся. Такъ какъ онъ пользовался въ этомъ случаѣ поддержкой герцога Шуазеля, то этотъ циркуляръ принесъ ему большую матеріальную пользу, а когда произошла перемѣна въ министерствѣ, то онъ сталъ бомбардировать своими письмами на счетъ фернейскихъ часовъ новаго министра герцога Эгвильона. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается привлечь на свою сторону известную госпожу дю-Бари и, посылая ей часы въ подарокъ, хитро замѣчаетъ въ письмѣ къ ней, что, къ сожалѣнію, эти часы не съ репетиціей, но что она можетъ заказать и часы съ репетиціей, которые будутъ стоить гораздо дешевле, чѣмъ въ Парижѣ. Успѣвъ добиться распространенія своего товара въ Испаніи, Италиі и Турціи, онъ наконецъ задумалъ сдѣлать Екатерину II агентомъ фернейской фабрики. «Я беру смѣлость, — писалъ онъ въ декабрѣ 1770 г. русской императрицѣ: — обратить ваше вниманіе на часовую фабрику въ Фернѣ и предложить вамъ ея услуги». Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ послалъ въ Петербургъ партію часовъ на образецъ, увѣряя, что нигдѣ нельзя достать лучше и дешевле, какъ у него. Императрица послала ему заказъ на нѣсколько тысячъ рублей, и онъ тотчасъ отвѣчалъ ей 30-го апрѣля 1771 года: «моя колонія работаетъ, пользуясь благодѣяніями вашего величества, и вышлетъ вамъ черезъ недѣлю три или четыре ящика съ часами, цѣной отъ 8 луидоровъ до 80. Одни изъ нихъ, украшенные брилліантами и вашимъ портретомъ, работы хорошаго художника. Всѣ часы хороши и вывѣрены. Надъ вами работали съ тою ревностью, которая обязательна, когда работаютъ на васъ. Цѣна на треть дешевле, чѣмъ въ Англіи, а достоинство не хуже». За первой посылкой слѣдовала вторая и третья, но потомъ Вольтеръ, боясь злоупотребить добротой императрицы, считаетъ нужнымъ написать ей: «я только что узналъ, что моя колонія выслала вамъ громадный ящикъ съ часами, и выбранилъ этихъ бѣдныхъ артистовъ за то, что они злоупотребляютъ вашей добротой, идя слишкомъ далеко по

пути соревнованія. Въместо того, чтобы послать часовъ на 3 или 4 тысячи, какъ я имъ сказалъ, они отправили на 8 тысячъ... Вы можете выбрать изъ нихъ на 3 или 4 тысячи, а остальное отдайте вашимъ купцамъ, которые извлекутъ огромную выгоду изъ подобной покупки». Екатерина отвѣчала очень любезно, что подобный расходъ ея не разоритъ, но прибавила съ обычной ироніей: «я не сомнѣваюсь, что произведенія вашихъ рабочихъ очень хороши, такъ какъ они находятся подъ вашимъ наблюденіемъ». Видя такое милостивое вниманіе императрицы, Вольтеръ идетъ далѣе и, пославъ цѣлый грузъ стѣнныхъ часовъ въ Петербургъ, пишетъ императрицѣ: «быть можетъ, теперь не время предложить вамъ открыть торговлю часами съ Китаемъ, но вы умѣете заниматься заразъ многими дѣлами, что составляетъ доказательство вашего величія и могущества; наши конкуренты, женевцы, недавно завели маленькую торговлю въ Кантонѣ, и ваше величество могли бы сдѣлать то же въ той мѣстности, гдѣ русскіе торгуютъ съ китайцами. Довѣренное лицо могло бы присылать изъ Петербурга заказы въ Ферней, а моя колонія будетъ доставлять серебряные часы отъ 12 до 16 рублей за штуку, а золотые отъ 30 до 40, на сумму до 200.000 рублей въ годъ, если понадобится». Повидимому, торговля часами приносила большій барышъ Вольтеру, такъ какъ онъ оставилъ послѣ своей смерти состояніе, присоединившее 200.000 ливровъ въ годъ, что для того времени было значительнымъ богатствомъ.

— Жена Руссо. «Nouvelle Revue Internationale» напечатала въ своемъ сентябрьскомъ номерѣ отрывокъ изъ воспоминаній умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ Виктора Оффруа, который представляетъ невѣдомыя доселѣ подробности о послѣднихъ годахъ жизни Терезы Лавассеръ, вдовы Жанъ-Жака Руссо. Она жила 23 года въ Плесси-Бельвилъ, небольшомъ городкѣ департамента Уазы, и тамъ умерла 23-го іюня 1801 г. на 82 году своей жизни. Со времени смерти мужа въ 1778 г. она находилась въ близкой связи съ садовникомъ замка Плесси, по фамиліи Балъи, и получала пенсію отъ издателя сочиненій мужа, а также 1.000 франковъ въ годъ, назначенныхъ Конвентомъ вдовѣ автора «Соціального Контракта». Она была маленькаго роста, очень опрятная и отличалась добротой, щедростью и предупредительностью, но была очень неэкономна и въ высшей степени простапочему часто дѣлалась жертвой недобросовѣстныхъ людей и, не смотря на свой пенсіонъ, дошла до крайней бѣдности въ послѣдніе дни. Ее часто посѣщали люди, преклонявшіеся передъ памятью Руссо, и слушали съ любопытствомъ ея рассказы о различныхъ эпизодахъ его жизни. Повидимому она питала къ нему очень нѣжныя чувства, любила говорить о немъ и подъ конецъ своей жизни ожидала съ нетерпѣніемъ смерти въ надеждѣ, что снова свидѣтся съ нимъ на томъ свѣтѣ. Авторъ воспоминаній самъ не ви, далъ ея, но посѣтилъ ея скромную могилу на кладбищѣ въ Плесси, и такъ какъ на ней не было даже креста, то ему пришлось прибѣгнуть къ помощи старухи, знавшей и Терезу и ея могилу. Проведя его къ тому мѣсту, гдѣ была похоронена жена Руссо, она сказала: «вотъ тутъ покоится Тереза, она была моей товаркой, и я присутствовала на ея похоронахъ. Ея мужъ былъ вѣкто по имени Руссо. Онъ похороненъ въ Эрменонвиллѣ, потому что не принадлежалъ къ нашей религіи. Онъ, повидимому, писалъ книги, и бѣдной женщинѣ пришлось много страдать отъ этого. Она мнѣ рассказывала, что она была вынуждена бѣжать съ нимъ, ужъ я не знаю куда. Но, не

смотря на это, она не была несчастна съ мужемъ и всегда говорила, что онъ былъ очень хорошій человѣкъ». Разставшись съ этой доброй женщиной, Викторъ Офруа долго сидѣлъ на могилѣ Терезы и по его словамъ замечтался о судьбѣ этихъ двухъ столь рѣзко отличавшихся другъ отъ друга существъ, которыя и въ смерти остались столь далекими другъ отъ друга; при жизни она находилась на различныхъ умственныхъ полюсахъ: онъ прошелъ чрезъ всѣ перипетіи генія, а она извѣдала всѣ страданія невѣжества; теперь онъ покоился въ храмѣ славы, а она подъ газономъ невѣдомаго провинціального кладбища. И все-таки Тереза, столь прекрасно очерченная въ его «Исповѣди», съ 23-хъ-лѣтняго возраста раздѣляла его судьбу, сдѣлалась несчастною матерью пятерыхъ его дѣтей и постоянной его подругой, утѣшая его въ бѣдствіяхъ, слѣдя за нимъ во Францію, Швейцарію, Англію и всюду, куда его загоняло преслѣдованіе людей, и присутствовала при его послѣднихъ минутахъ.

— Два итальянскіе памятника. Иностранныя газеты много говорили въ послѣднее время о двухъ замѣчательныхъ итальянскихъ памятникахъ, одинъ изъ которыхъ только что воздвигнуть въ честь англійскаго поэта Шелли въ Віареджіо, на томъ самомъ берегу, гдѣ былъ сожженъ его трущъ, а второй—статуя Орсини, покушавшагося на жизнь Наполеона III, никогда не существовалъ, а его мраморная модель надняхъ выставлена въ Миланскомъ музеѣ. Итальянцы очень уважаютъ память Шелли, и дѣйствительно его геній не только прекратилъ свое существованіе подъ итальянскимъ небомъ и въ итальянской водѣ, но его лучшія сочиненія навѣяны Италіей и написаны въ различныхъ ея уголкахъ. Но, конечно, всего болѣе его драматическая смерть соединила имя великаго поэта съ той страной, которую онъ такъ любилъ. Поэтому неудивительно, что наконецъ, спустя 72 года послѣ его смерти, его итальянскіе почитатели, вмѣстѣ съ нѣсколькими выдающимися англичанами, рѣшили поставить Шелли памятникъ въ Віареджіо. Комитетъ, образованный для этой цѣли, состоялъ изъ Цезаря Риччіони, адвоката въ Віареджіо, инициатора всего дѣла, перваго современнаго поэта Италиі, Карлуччи, депутата Кавалотти, Гладстона, англійскаго поэта Свинборна и нѣкоторыхъ другихъ. Необходимыя деньги были собраны по подпискѣ, а самый памятникъ сдѣланъ итальянскимъ скульпторомъ Лучези. Онъ состоитъ изъ бюста поэта, стоящаго на пьедесталѣ, съ надписью: «Персидишъ-Шелли, Сердцу Сердецъ, потовувшему въ 1822 году въ этихъ водахъ и сожженному на этомъ берегу, на которомъ онъ создалъ Раскованнаго Прометея, свой посмертный трудъ, гдѣ каждое поколѣніе найдетъ источникъ своей борьбы, слезъ и искупленія». Весь памятникъ имѣетъ пятнадцать футовъ высоты и обращенъ къ морю, которое безжалостно поглотило юнаго поэта во всемъ блескѣ его генія. При его открытіи присутствовали представители университетовъ Пизы и Рима, а также большое число итальянскихъ и англійскихъ почитателей Шелли. Конечно, при этомъ были произнесены рѣчи, но краснорѣчивѣе всего было вдохновенное лице поэта, хотя изваянное изъ мрамора, но живо воскрешавшее въ памяти всѣхъ присутствовавшихъ ту патетическую драму, которая разыгралась на этомъ берегу столько лѣтъ тому назадъ. Какъ извѣстно, Шелли жилъ съ своимъ другомъ Вильямсомъ и его женой въ маленькомъ селеніи Сантеревцо, на берегу Средиземнаго моря, и любилъ кататься въ небольшомъ двухмачтовомъ ботѣ «Аріэль». Получавъ извѣстіе о прибытіи въ Ливорно своего друга Ли-Гунта, Шелли от-

правился туда въ своемъ ботѣ и, повидавшись съ нимъ, а также съ Байрономъ, отправился обратно 8 июля, не смотря на всѣ признаки близкой бури. Дѣйствительно вечеромъ она разразилась съ громадной силой, и хотя продолжалась всего двадцать минутъ, но этого было достаточно, чтобы «Ариэль» на вѣки исчезъ. Спустя восемь дней, два еле узнаваемые тѣла были выброшены моремъ на песчаную косу близъ Віареджіо. Въ одномъ изъ нихъ признали Шелли главнымъ образомъ потому, что въ карманѣ у него найдена была книга, привезенная ему Гунтомъ, именно поэма Китса «Гиперіонъ». Трупъ поэта былъ временно закопанъ въ песокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его выдало море, а черезъ мѣсяцъ произошла на этомъ же мѣстѣ удивительно трогательная и величественная сцена. Его друзья Байронъ, Ли-Гунтъ и капитанъ Трелони, близко зная всѣ желанія и стремленія его романтической души, устроили, вопль достойные его генія, похороны. Они воздвигли костеръ по древнему обычаю и, вырывъ тѣло Шелли, сожгли его подъ голубымъ небомъ и въ виду безжалостнаго моря. Это зрѣлище такъ сильно подѣйствовало на его зрителей, что Байронъ бросился въ волны, а Трелони выхватилъ изъ огня сердце поэта, при чемъ сильно обжогъ себѣ руку. Пепель былъ потомъ собранъ и преданъ землѣ въ Римѣ, съ знаменитой надписью на латинскомъ языкѣ «Cor-Cordium» (сердце сердецъ), которое повторено и на памятникѣ въ Віареджіо.

Совершенно иныя мысли возбуждаетъ памятникъ Орсини, исторія котораго чрезвычайно интересна. Покушеніе на жизнь Наполеона III, совершенное 14 января 1858 года въ Парижѣ, считалось итальянскими патріотами причиною, побудившей Наполеона III протянуть руку помощи Италіи, и они всѣ знали тогда наизусть письмо Орсини, который передъ казнью писалъ императору, умоляя его не даровать ему жизни, а возвратить свободу Италіи. Одинъ изъ нихъ, молодой скульпторъ Джуліо Бергонцолли, вздумалъ, подъ влияніемъ этого письма, изваять памятникъ Орсини, хотя овъ очень хорошо зналъ, что его трудъ никогда не могъ быть сооруженъ въ публичномъ мѣстѣ. Поэтому овъ далъ полный просторъ своей фантазіи и представилъ Орсини въ рубашкѣ приговореннаго къ смерти преступника, съ обнаженными ногами, связанными на спинѣ руками и горло поднятой головой. Пьедесталу овъ придалъ видъ плахи, покрытой чернымъ вуалемъ, которымъ обыкновенно покрываютъ голову отцеубійцъ во Франціи, а внизу была начертана выдержка изъ письма Орсини: «итальянецъ, сынъ родены, согбенной подъ игомъ иностранцевъ, я хотѣлъ бы выстрадать за нее всѣ страданія и отдать за нее всю мою кровь». Исполнивъ свою мысль, сначала въ алебастрѣ, а потомъ въ мраморѣ, Бергонцолли сталъ показывать свое произведеніе друзьямъ, а по ихъ просьбѣ началъ дѣлать и копіи, которыя тайно продавалъ въ пользу миланскаго комитета для поддержки политической агитаціи. Не смотря на всѣ принятыя предосторожности, ломбардо-венеціанское правительство узнало о подобной въ ея глазахъ преступной демонстраціи въ пользу политическаго убійства, а главное въ пользу освобожденія Италіи отъ чужеземнаго ига, арестовало скульптора и секвестровало подлинную мраморную модель, такъ какъ копіи и форма были во время уничтожены его друзьями. Этотъ историческій процессъ разсматривался въ уголовномъ судѣ въ Венеціи 9 июня 1859 года, и мраморная модель памятника явилась въ судѣ, какъ главная улика. Адвокатъ Бергонцолли, профессоръ Деодати, теперь членъ итальянскаго сената, вѣроятно, вспомнилъ тотъ способъ, которымъ Гиперидъ защищалъ

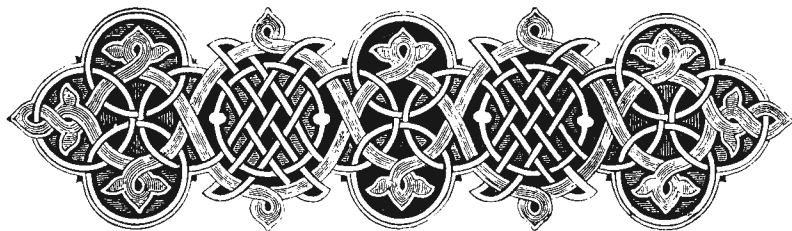
передъ ареопагомъ Фрину, и краснорѣчиво доказывалъ, что творецъ такого прекраснаго художественнаго произведенія не могъ быть преступникомъ и, производя на свѣтъ эту статую, конечно, заботился только о художественной сторонѣ дѣла, а не думалъ протестовать противъ австрійскаго владычества. Для поддержки своей смѣлой аргументаціи онъ вызвалъ въ видѣ экспертовъ двухъ извѣстныхъ итальянскихъ художниковъ: Зандоминики и Феррари, которые вознесли до небесъ произведеніе своего сотоварища. Подъ вліяніемъ ли этой защиты, или малжентской побѣды французовъ, судьи освободили Бергонцоли, но прокуроръ протестовалъ, и въ апелационной инстанціи его приговорили къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Однако, прежде чѣмъ этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, миланскій скульпторъ, благодаря Цюрихскому трактату, сдѣлался подданнымъ Виктора-Эммануила, и тогда верховный судъ кассировалъ состоявшійся приговоръ. Съ тѣхъ поръ и до 1868 года защитникъ Бергонцоли, которому онъ подарилъ мраморную модель памятника Орсини, тиетно требовалъ ея возвращенія изъ суда, и только въ означенномъ году ему удалось, наконецъ, ея добыть. Вскорѣ послѣ этого умеръ Бергонцоли, а въ концѣ настоящаго лѣта, по словамъ *L'Illustrazione Italiana*, сенаторъ Деодати пожертвовалъ ее въ Миланскій музей.

— Дипломаты и салоны третьей республики. Среди упрековъ, которые дѣлаются настоящей республикѣ во Франціи ея недоброжелателями, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ недостатки ея дипломатическаго состава и отсутствіе въ Парижѣ салоновъ, которыми онъ славился въ прежнія времена; но при безпристрастномъ взглядѣ даже на эти двѣ стороны современной французской жизни оказывается, что дипломаты третьей республики вовсе не такъ дурны, какъ о нихъ отзываются враги теперешняго порядка вещей во Франціи, а парижскіе салоны поддерживаютъ свою прежнюю славу при республикѣ нисколько не менѣе, чѣмъ при декабрьской имперіи, хотя, конечно, и уступаютъ знаменитымъ салонамъ веселаго стараго времени реставраціи и июльской монархіи. Пресловутый парижскій корреспондентъ «Times», Бловицъ, посвящаетъ современнымъ французскимъ дипломатамъ очень любопытный очеркъ въ «*Harper's Magazine*», а французская романистка, скрывающая свое имя подъ псевдонимомъ Теодоръ Бенцонъ, рисуетъ картину теперешнихъ французскихъ салоновъ въ другомъ американскомъ журналѣ «*Century Magazine*». Говоря вообще о дипломатіи третьей республики, Бловицъ даетъ ей похвальный аттестатъ. По его словамъ, хотя она представляетъ импровизацію, не имѣетъ прошедшаго и состоитъ изъ представителей, набранныхъ въ различныхъ общественныхъ классахъ, смотря по обстоятельствамъ, но она не сдѣлала ни одной ошибки, которая навсегда компрометируетъ поддерживаемое дѣло и защищаемые интересы, а неожиданно очутившись на международныхъ конференціяхъ, лицомъ къ лицу съ дипломатическими ветеранами, она ни разу не выставила себя некомпетентной, невѣжественной или способной поддаться обману. Переходя къ характеристикѣ современныхъ французскихъ дипломатовъ, Бловицъ находитъ, что наибольшій успѣхъ имѣлъ выборъ представителей республики въ Петербургѣ: первый изъ нихъ генераль де-Фло сумѣлъ до такой степени снискать симпатіи и уваженіе императора Александра II, что когда Германія вздумала вторично напасть на Францію, то вмѣшательство русскаго государя заставило ее отказаться отъ этого плана. Ге

нераль Шанви, оставшіяся въ Петербургѣ пять съ половиною лѣтъ, вполне поддержалъ то положеніе, которое имѣлъ его предшественникъ, а генераль Апперъ, женатый на датчанкѣ, сдѣлался такой persona grata при русскомъ дворѣ, что когда его неожиданно отозвали и хотѣли замѣнить генераломъ Вильо, то русское правительство вступилось за оскорбленнаго посланника и не заявило согласія принять предполагаемаго ему преемника. Что касается слѣдующихъ двухъ посланниковъ Лабулэ, бывшаго въ Петербургѣ короткое время, и теперешняго Монтебелло, то они съ большимъ искусствомъ играли значительную роль въ русско-французскомъ соглашеніи. Менѣе удаченъ былъ выборъ быстро мѣнявшихся французскихъ посланниковъ въ Лондонѣ, хотя тамъ чередовались такіе выдающіеся люди, какъ герцогъ Броули, Леонъ Сэ, Шалемель Лякуръ, но въ ихъ числѣ былъ Ваддингтонъ, англичанинъ по образованію, который въ теченіе десяти лѣтъ много содѣйствовалъ къ устраненію постоянно-возникающихъ недоразумѣній между Франціей и Англійей. Бловицъ очень строго относится къ теперешнему представителю Франціи въ Берлинѣ, Гербету, и осуждаетъ его за слишкомъ ступеванную роль, которую онъ тамъ играетъ, но отдаетъ полную справедливость его предшественникамъ: графу Сень-Валье, которому удалось сохранить миръ, и барону Курселю, отличающемуся, по его словамъ, громаднымъ тактомъ, опытностью и вѣрнымъ политическомъ взглядомъ. Изъ другихъ современныхъ французскихъ дипломатовъ онъ отдаетъ преимущество Декрэ, посланнику въ Римѣ и Вѣнѣ, гдѣ онъ одинаково велъ себя осторожно и съ достоинствомъ; Рустану, которому Франція обязана присоединеніемъ Туниса; Камбону, теперешнему послу въ Константинополѣ, котораго англійскій авторъ считаетъ едва ли не самымъ блестящимъ по уму и таланту изъ всѣхъ дипломатовъ третьей республики, и Бареру, находящемся нынѣ въ Бернѣ, но уже заявившему себя съ необычайнымъ блескомъ на берлинскомъ конгрессѣ, хотя онъ тамъ игралъ мелкую роль.

Если перейдемъ отъ дипломатовъ къ парижскимъ салонамъ, то прежде всего путеvodитель по нимъ Вендонъ знакомитъ читателей съ сохранившимися доселѣ отъ временъ декабрьской имперіи салономъ принцессы Матильды. Тутъ прежде царили Ренанъ и Тэнъ, а теперь встрѣчаются молодые модные художники: поэтъ Гередія, романистъ Бурже, критикъ Гандеракъ и т. д. Гости собираются въ двухъ большихъ гостиныхъ, украшенныхъ замѣчательными художественными произведеніями и тропическими растеніями; разговоръ рѣдко бываетъ общій, а обыкновенно посѣтители разбиваются на группы, и всюду царитъ полная непринужденность; иногда разговоры прерываются музыкой, но въ очень умѣренной дозѣ, а чай разливается запросто приворной дамой принцессы. Гораздо большее значеніе имѣетъ салонъ госпожи Обернонь-де-Нервилль, который хотя имѣетъ чисто республиканскій характеръ, но сохраняетъ все лучшія традиціи XVIII-го вѣка. Хозяйка принимаетъ, подобно знаменитой Скюдери, по субботамъ; на ея обѣдахъ никогда не бываетъ болѣе восьми, или десяти человекъ, и при этомъ только одинъ извѣстный салонный ораторъ. Долго эту роль разыгрывалъ Ренанъ, а теперь въ этомъ салонѣ, гдѣ говорятъ лучше, чѣмъ гдѣ либо въ Парижѣ, царятъ попеременно Александръ Дюма, который поражаетъ постояннымъ фейерверкомъ остроумія, Генри Бекъ, авторъ извѣстныхъ комедій, Жюль Симонъ, критикъ Брюнетьеръ, романистъ Шербюлье и профессоръ Дешанель. Сама госпожа Обернонь, чрезвычайно умная и лов-

кая женщина, даетъ тонъ всѣмъ разговорамъ, старательно предохраняетъ ихъ отъ политики, которая изгнана изъ ея салона, и вообще поддерживаетъ въ своемъ кружкѣ замѣчательную дисциплину. Въ немъ царитъ исключительно литературный разговоръ, и по временамъ она устраиваетъ спектакли, въ которыхъ участвуютъ она сама, обнаруживая не дюжинный талантъ, любители и артисты. Первыми соперницами госпожи Обернонь являются ея двоюродныя сестры, госпожи Венъеръ, которыя принимаютъ по средамъ и воскресеньямъ, но въ ихъ салонахъ болѣе преобладаютъ поэты, чѣмъ прозаики, которымъ отдаетъ преимущество госпожа Обернонь. Болѣе научнымъ и философскимъ характеромъ отличается салонъ госпожи Арманъ-де-Кальярэ гдѣ выдвигаются роли играютъ: Ляфитъ, теперешній глава позитивизма, и Викторъ Дю-Бледъ, тонкій знатокъ XVIII столѣтія, читающій по временамъ блестящія лекціи о старомъ французскомъ обществѣ. Болѣе скромнымъ, но чрезвычайно пріятнымъ характеромъ отличаются скорѣе гостиныя, чѣмъ салоны, госпожи Каро, вдовы идеалиста философа, собирающей у себя цвѣтъ аристократіи и таланта, госпожи Конъэ, историка французской реформаци, у которой собираются преимущественно слободомыслящие мужчины и женщины; остроумной публицистки, скрывающей свое имя подъ псевдонимомъ Арведъ Баринъ; госпожи Альфонсъ Додэ, жены знаменитаго романиста и талантливой писательницы, которая собираетъ въ среду пріятелей мужа: Гонкура, Пьера Лотти и т. д., госпожи Аданъ, пресловутой издательницы *Revue Nouvelle*, и госпожи Юнгъ, вдовы основателя *Revue Bleue*. Въ стѣнахъ французской академіи пріютился салонъ госпожи Камилъ Дусэ, жены непремѣннаго секретаря академіи, который составляетъ цвѣтъ старыхъ бессмертныхъ и новыхъ кандидатовъ на это званіе. Изъ собственно аристокритическихъ салоновъ Сентъ-Жерменскаго предмѣстья недавно закрылись три по смерти ихъ блестящихъ хозяекъ: графини Д'Озонвилъ, достойной внучки госпожи Сталь, графини Шамбревъ, автора нѣсколькихъ сборниковъ поэтическихъ произведеній, и маркизы Влѣквилъ, писавшей мелкіе очерки и афоризмы. Замѣчательно, по словамъ Бенцонъ, что большинство женщинъ, у которыхъ самыя замѣчательныя салоны, не имѣютъ мужей, какъ будто они въ этомъ случаѣ составляютъ помѣху. Среди всѣхъ современныхъ французенокъ, умѣющихъ хорошо говорить, нашъ авторъ отдаетъ предпочтеніе графинѣ Боленкуръ, дочери маршала Каstellана, которую онъ считаетъ послѣдней большой барыней стараго времени. Воспитанная въ салонѣ ея матери и съ дѣтства привыкшая къ блестящей бесѣдѣ Меримэ и Альфреда Мюссэ, она играла видную роль при декабрьской имперіи и хотя теперь уже давно занимается почти исключительно изготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ, за которые она получала медали на всѣхъ выставкахъ, но никто лучше ея не умѣетъ вести литературнаго и политическаго разговора, такъ что она не уступаетъ никому изъ львовъ современныхъ салоновъ. Въ концѣ своей статьи Бенцонъ приходитъ къ заключенію, что хотя демократическія стремленія современной жизни вообще не поощряютъ салоннаго разговора, но нѣтъ сомнѣнія, что въ республиканской Франціи умѣютъ говорить попрежнему въ салонахъ, и что эти салоны продолжаютъ поддерживать старое преемство Франціи въ легкомъ, блестящемъ остроумномъ разговорѣ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Очерки Кавказа въ изслѣдованіи нѣмцевъ. — «Бѣдные люди» въ англійскомъ переводѣ. — Славянскій эпосъ на чешскомъ языкѣ. — Книга о крестьянскомъ царствѣ. — Война на востокѣ съ англійской точки зрѣнія. — Нѣмецкій ученый, отыскавшій въ наше время Калигулу. — Бригадиръ Пломбьеръ. — Воспоминанія генерала Мереля.

НѢМЦЫ УСЕРДНО, какъ всегда, изучаютъ наше отечество: въ Deutsche Rundschau какой-то Карлъ Греве изъ Москвы описываетъ Ленкоранскій округъ (Der Kreis Lenkoran) на основаніи личныхъ изслѣдованій и приложилъ къ своей статьѣ такую отчетливую и подробную карту, какихъ мы не встрѣчаемъ на русскомъ языкѣ. Этотъ небольшой уголокъ Русскаго царства на западномъ берегу Каспія отъ Кизиль-Агачскаго залива на сѣверъ, до Астары на югѣ, авторъ называетъ краемъ, богато одареннымъ природою. Западная часть этого Ленкоранскаго округа ограждена Талійскими горами, отрогами персидскаго хребта Эльбурса; восточная спускается дюнами и болотами къ Каспійскому морю. На персидской границѣ вершины отдѣльныхъ горъ доходятъ до 2.350 метровъ. Много довольно значительныхъ рѣкъ впадаетъ на югѣ въ море, до пограничнаго ручья Астары. Всѣ эти горы и рѣки подробно измѣрены и описаны: озера въ 20—18 верстъ, даже дюны въ двѣ версты авторъ считаетъ замѣчательными; самые незначительные ручьи означены персидскими названіями. Авторъ обращаетъ вниманіе и на геологическія особенности округа, говоритъ о трехъ центрахъ вулканической дѣятельности въ горахъ близъ Арарата, Шемахи и Заволана, упоминаетъ о случающихся здѣсь землетрясеніяхъ, о минеральныхъ водахъ, о сѣрныхъ источникахъ, извѣстныхъ только туземцамъ, высчитываетъ даже, что на сто дней въ году въ округѣ зимою дуютъ 60 дней сѣверо-и-юго-западные вѣтры, а 25 — сѣверо-и-юго-восточные лѣтомъ, при томъ же направленіи вѣтра, 28 и 55 дней. Болотистая почва и влажность воздуха развиваютъ въ округѣ

сильныя лихорадки, но средняя годовая температура не превосходит 15° Ц, и хотя лѣтомъ достигаетъ 25—48°, но зимою, при сѣверо-восточныхъ штурмахъ, спускается до нуля. Болѣе зажиточное населеніе лѣтомъ уходитъ въ горы и зимою возвращается въ кишлаки на равнинѣ, и эта полукочевая жизнь ведетъ часто къ столкновеніямъ изъ-за луговъ и пастбищъ. Авторъ восхищается богатствомъ флоры, соединяющей въ себѣ южно-азиатскія формы съ западно-кавказскими; отдѣльные экземпляры дубовъ и другихъ породъ напоминаютъ Индію. Виноградъ растетъ въ горахъ на высотѣ 1.145 метровъ. Лѣса истребляются безъ толку и безъ милосердія. Побережье покрыто всѣми сортами фруктовыхъ деревьевъ. Дыни и арбузы занимаютъ громадныя поля. Изъ царства фауны преобладаютъ: гиены, шакалы, кабаны, пантеры, выдры, въ горахъ медвѣди, олени и пр. Въ царствѣ пернатыхъ немало сѣверо-американскихъ видовъ: фазаны, пеликаны, фламинго, чайки. Населеніе принадлежитъ къ иранской расѣ, русскіе называютъ всѣхъ неправославныхъ татарами. (На джагатайскомъ нарѣчьи слово татъ означаетъ подвластный, подчиненный). Мусульмане принадлежатъ къ шиитамъ, языкъ ихъ персидскій, они очень симпатично относились къ автору статьи. Еще въ прошломъ столѣтіи Ленкоранскій округъ составлялъ Талышинское ханство и принадлежалъ Персіи. При Аннѣ Ивановѣ юго-западныя побережья Каспія принадлежали Персіи, и генералъ Котляревскій въ 1813 году ваялъ крѣпость Ленкорань послѣ кровопролитнаго штурма. Ленкорань на персидскомъ языкѣ значить — якорное мѣсто. Въ немъ 4.000 жителей; между русскими много армянъ, молочанъ и др. сектъ. Авторъ перечисляетъ всѣ мусульманскія мѣстечки, имѣющія какое либо значеніе. Промышленность удовлетворяетъ только мѣстнымъ потребностямъ, и богатства края ждутъ еще въ далекомъ будущемъ серьезной эксплуатаціи.

— Лена Мильманъ перевела «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго (Poor folk), «первый плодъ его генія», какъ говоритъ англійская критика, называя этотъ романъ «истинно патетическимъ», имѣющимъ большое значеніе въ Россіи. Выпуская его въ свѣтъ, авторъ былъ еще неизвѣстнымъ писателемъ; это былъ первой трудъ, обѣщавшій блистательную карьеру. Въ романѣ художественно изображена жизнь бѣдняковъ въ борьбѣ съ недостатками и поисками за насущнымъ хлѣбомъ. Переводъ миссъ Мильманъ вѣрвъ и вполнѣ литературенъ, хотя и не легко было сладить съ довольно неуклюжимъ языкомъ автора и съ обиліемъ его уменьшительныхъ и ласкательныхъ именъ. Примѣчаній немного, да и никакими комментаріями не объяснить англичанину, напримѣръ, ироніи Достоевскаго, сравнивающаго барона Брамбеуса съ Гомеромъ. И въ самомъ имени героя «Дѣвушкинъ» скрывается уже иронія. Критика указываетъ и на затруднительное положеніе самого автора, борющагося въ то время съ тяжелыми обстоятельствами. Какой-то Джоржъ Муръ написалъ введеніе къ роману, стараясь уяснить читателямъ значеніе автора, но русскій писатель такъ извѣстенъ въ Европѣ, что трудъ его не требуетъ никакихъ рекомендацій, да еще такъ плохо составленныхъ.

— Чехъ Гаушъ Махаль издалъ изслѣдованіе о богатырскомъ славянскомъ эпосѣ (O bohatyrske epose Slovanskem). Авторъ давно уже работаетъ въ области славянской миеологии, и послѣдніе труды его вполнѣ замѣнили плохіе опыты «Кайсарова» по тому же предмету. Очеркъ славянскихъ преданій Махали (Nakres Slovanskeho bajeslovi), явившійся два года назадъ, имѣетъ серьезное значеніе. Чехи приписываютъ слишкомъ важное значеніе своимъ

языческимъ преданіямъ, но христіанство значительно искажило эти легенды, которыя слѣдовало бы и ограничить эпохою вступленія этихъ племенъ въ христіанство. Махаль объясняетъ міеологию народными пѣснями и сказаніями, что не всегда ведетъ къ прямой цѣли. Авторъ замѣчаетъ, что въ легендахъ луна является то въ женскомъ родѣ, то въ мужскомъ, какъ мѣсяць, и приводитъ въ примѣръ русскій языкъ, но въ мужскомъ родѣ мѣсяць является въ польскомъ, румынскомъ и мадыарскомъ языкѣ. Словопроизводство у автора также очень рисковано: такъ слово *knim* — воръ, плутъ, онъ производитъ отъ французскаго *gamin*, тогда какъ прямое происхожденіе его — славянское *гмина* и нѣмецкое *gemeinde*. Но о Россіи, соплеменной ему, авторъ имѣетъ самыя дикія повятія. Такъ онъ нашелъ, что у нашего простонародья два сорта чертей: «любостаны и фармазоны». На первое слово нѣтъ ничего похожаго въ нашемъ языкѣ, а второе стыдно приписывать миенческимъ существамъ. Книга Махали еще не кончена и говоритъ только о нѣкоторыхъ фактахъ, сохранившихся у однихъ православныхъ славянъ и совершенно исчезнувшихъ у католиковъ. Напрасно также авторъ не ознакомился съ сочиненіями, давно уже появившимися въ этой отрасли знанія: эпической Россіей Рамбо, сербской эпопеею Дозона, этюдами Ходзько и др.

— Эдуардъ Дисей издалъ книгу о крестьянскомъ государствѣ *The peasant state*. Это, конечно, Болгарія, въ которой нынѣшніе заправители ея, низвергнувъ Стамбулова, не знаютъ, что съ нимъ дѣлать, а самъ онъ, потерявъ власть, занимается только перебранкой со своими бывшими товарищами по управленію. Книга написана старымъ журналистомъ въ англійскомъ духѣ и наполнена восхваленіями стамбуловщины и всевозможнымъ вздоромъ о Россіи. Въ болгаряхъ онъ видитъ прочный, устойчивый прогрессъ, потому что они подражаютъ румынамъ. Къ сербамъ онъ относится строго, потому что они не видятъ, какъ страна ихъ идетъ къ упадку. Въ сербскихъ деревняхъ нѣтъ вовсе болгарскаго комфорта, хотя тамъ и здѣсь нѣтъ земельного вопроса и пролетаріата; только большинство сербовъ — консерваторы, а болгары склоняются къ радикализму. Авторъ сравниваетъ даже Болгарію съ Англіей, говоря, что въ обѣихъ странахъ были только эволюціи, но не революціи. По желѣзной дорогѣ отъ Рушчука до Варны Дисей наблюдаетъ развитіе земледѣлія при отсутствіи деревень; это еще слѣды прежней привычки жителей выстраивать свои хижины какъ можно дальше отъ мѣста пребыванія властей. Описавъ Филиппополь и Бургасъ, авторъ умалчиваетъ о Тырновѣ, не придавая значенія столицѣ династіи Асеней. Принадлежность Болгаріи къ Оттоманской имперіи въ экономическомъ отношеніи приноситъ пользу только грекамъ, захватившимъ въ свои руки всю промышленность. Стамбулова авторъ ставитъ выше Ристича, расхваливаетъ, какъ оратора и какъ администратора: «его мало кто любитъ, многіе ненавидятъ, всѣ боятся. Страна потеряетъ больше, чѣмъ Стамбуловъ отъ его низверженія. Онъ былъ свергнутъ партіею, а не принципомъ управленія». Авторъ считаетъ его величайшимъ человѣкомъ между болгарами во все время ихъ существованія.

— О другихъ странахъ, возбуждающихъ теперь общій интересъ: Японіи, Корей и Китаю, извѣстный публицистъ Джорджъ Курзонъ издалъ объемистое изслѣдованіе (*Japan, Corea, China*). Японію авторъ вовсе не представляетъ какимъ-то раемъ путешественниковъ и говоритъ больше всего о ея парламентѣ, представляя его далеко не въ привлекательномъ видѣ, что, впрочемъ, давно извѣстно [въ Европѣ, такъ какъ это общая судьба всѣхъ слишкомъ

быстро вводимыхъ и мало обдуманыхъ реформъ. Японскій парламентъ, впрочемъ, не похожъ на европейскій, министры не зависятъ въ немъ отъ палатъ и отвѣтственны только передъ микадо, но, завѣдуя финансами, палаты держатъ министровъ въ своихъ рукахъ, и отъ этого происходятъ постоянныя перемѣны кабинетовъ. Успѣхами, одержанными японцами въ войнѣ съ Китаемъ, страна обязана одушевленію своихъ жителей. Прекрасный флотъ, стройно дисциплинированная армія—все это развилось въ послѣднее время. Къ Китаю Курзонъ относится съ точки высшихъ соображеній, то-есть со стороны британскихъ интересовъ, но изъ отношеній Кореи къ Китаю никакъ не поймешь: считаетъ ли онъ ее зависимою, или независимою страной. Онъ сравниваетъ ее съ Непаломъ, принадлежащимъ Англій, но также считающимся независимымъ, хотя это, конечно, одна фикція. Возбужденіе вынѣшней войны онъ приписываетъ Японіи, не имѣвшей основанія къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Китая. Онъ вѣритъ, однако, не только въ возможность упорной защиты, но и побѣды китайцевъ, хотя въ ихъ воинскомъ уставѣ или наставленіи солдатамъ находится слѣдующій пунктъ: «необходимо распространять въ непріятельскомъ лагерѣ музыку, чтобы смягчить сердца враговъ». Этому правилу слѣдовалъ, можетъ быть, Платонъ, но никакъ не Мольтке. Авторъ сознается, что китайскіе офицеры не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о военныхъ обязанностяхъ. Мѣста свои обыкновенно они получаютъ или по протекціи, или покупаютъ ихъ. Они очень распушены и трусливы и, кромѣ того, открыто грабятъ казенные припасы и военные снаряды. Въ веденіи войны не соблюдается никакихъ стратегическихъ плановъ, во время сраженія начальникъ каждаго отряда дѣйствуетъ отдѣльно по своему усмотрѣнію, нисколько не заботясь объ общемъ ходѣ битвы. Франція, по мнѣнію Курзона, можетъ имѣть гораздо болѣе вліянія на ходъ войны, чѣмъ Россія. Онъ объясняетъ это отсутствіемъ русскаго флота въ китайскихъ водахъ и этому же факту приписываетъ незначительность русскаго вліянія на политику Японіи. Поэтому всѣ фразы о независимости Кореи нисколько не беспокоятъ Японію, которая, конечно, воспользуется плодами своихъ побѣдъ и не приметъ во вниманіе рѣшенія европейскихъ державъ.

— Сенсаціонная книга, появившаяся въ Мюнхенѣ и достигшая въ короткое время 15-го изданія, возбудила сильное впечатлѣніе въ Германіи. Это весьма прозрачный, во многихъ отношеніяхъ, памфлетъ, носящій названіе «Калигула—изслѣдованіе римскаго помѣшательства цезарей» («Caligula, ein Studie über römischen Caesarenwahnsinn»). Только нѣмцу могло придти въ голову сопоставить помѣшаннаго римскаго императора съ современными обстоятельствами. Вотъ какъ авторъ книги Квидде начинаетъ ее: «Когда Кай цезарь, болѣе извѣстный подъ прозвищемъ Калигулы, взошелъ на престолъ, это былъ еще совершенно молодой человѣкъ, только что вступившій въ зрѣлый возрастъ. Отецъ его умеръ при таинственныхъ обстоятельствахъ въ пѣтѣ силѣ, вдалькѣ отъ отечества, и слухи о его зловѣщей смерти дошли до стараго императора». Съ первыхъ строкъ памфлета авторъ строго слѣдитъ за подробностями біографіи своего героя, сопровождая всѣ показанія цитатами и комментаріями древнихъ авторовъ. Квидде придалъ своей книгѣ видъ чисто ученаго изысканія, чтобы цензура не могла ни къ чему придаться, но это все-таки не болѣе какъ рѣзкій, во многихъ отношеніяхъ несправедливый и натянутый, хотя, тѣмъ не менѣе, любопытный памфлетъ. Во Франціи, когда Вольтеръ и Монтескье обличали современное общество,

они вваливали всё его пороки и недостатки на турокъ и персіанъ. Нѣмецъ обставилъ свою сатиру римскими этюдами; но чистый историческій памфлетъ былъ бы мало интересенъ, и авторъ сдѣлалъ изъ него психологическій этюдъ и даже патологическій—болѣзни, которая во всё историческія времена проявлялась у многихъ монарховъ, начиная отъ восточныхъ деспотовъ до носителей тиары, отъ французскихъ Людовиковъ до ихъ нѣмецкихъ подражателей, серія которыхъ заключилась несчастнымъ Людовикомъ Баварскимъ. Авторъ выбралъ представителемъ этой цезаризмоманіи Калигулу, потому что въ немъ соединяются отдѣльныя черты маньяковъ. При началѣ своего поприща это былъ человѣкъ относительно нормальный и здоровый: чѣмъ онъ кончилъ, показываетъ намъ исторія. О молодости его мы знаемъ немного. Когда въ 20 лѣтъ онъ явился къ Тиверію, это былъ малорослый, истощенный эпилептикъ, съ кривыми ногами, страдавшій бессонницею. Діонъ Кассій говоритъ о неустойчивости его идей и впечатлѣній: то искалъ онъ публичныхъ увеселеній, то удалялся въ уединеніе. Онъ былъ страстный охотникъ до путешествій. Первымъ актомъ его по вступленію на тронъ была отставка всевластнаго временщика, начальника преторьянцевъ Макрона. Всѣ ждали перемѣны правительственныхъ взглядовъ; политической жизни дано было больше свободы, стали разрабатывать экономическіе и социальныя вопросы. Въ упоеніи власти Калигула твердилъ, что онъ совершитъ великія дѣла, оставитъ свое имя въ исторіи. Между тѣмъ безхарактерность заставляла его бросаться отъ одного проекта къ другому. Онъ заботился не о томъ, чтобы дѣлать добро и пользу, а чтобы блистать и прослыть великимъ человекомъ. Нервическая, лихорадочная дѣятельность бросала его отъ одного плана къ другому безъ всякой послѣдовательности, скачками полными противорѣчій. Къ этому присоединялась опасная фантазія дѣлать все самому. Гордая мысль, что онъ можетъ за все братья, составляетъ, по мнѣнію автора, первый признакъ цезаризмоманіи. Императоръ не терпѣлъ подлѣ себя никакой выдающейся личности. Онъ хотѣлъ не только быть самъ своимъ министромъ, но и во всѣхъ отрасляхъ управленія дѣйствовать по своей волѣ, хотя для этого натурѣ его довольно ограниченной не доставало ни знанія, ни дарованія, ни спокойствія, ни власти надъ собою. Однимъ изъ признаковъ имперскаго помѣшательства авторъ считаетъ страсть къ роскоши, усиленную жажду военныхъ триумфовъ, которая, не удовлетворяясь мирною эпохою, ищетъ ребяческой замѣны въ парадахъ, маневрахъ, смотрахъ, бесполезномъ сборѣ гарнизоновъ. Онъ очень любилъ море, особенно во время бури. Не раздѣлявшій въ этомъ отношеніи его вкусовъ Силанъ былъ имъ за это прогнанъ. «Болѣе всего Калигула заботился объ эффектѣ, какой онъ производитъ; въ этомъ отношеніи онъ всю жизнь былъ актеромъ. Страстно любя театр, онъ старался также прославиться, какъ ораторъ; часто и съ талантомъ говорилъ передъ публикой. Но онъ считалъ себя избранникомъ боговъ и требовалъ поэтому, чтобы ему воздавались божескія почести. А это уже послѣдній шагъ цезарскаго помѣшательства». Приводя правило Калигулы «*odegint, dum metuant*» (пусть ненавидятъ, лишь бы боялись), Квидде сравниваетъ эти слова съ *suprema lex regis* и говоритъ: «цезари хотятъ, чтобы всѣ дрожали передъ ихъ могуществомъ: вспомнимъ Наполеона. Хорошо еще, что не всѣ, какъ Калигула, могутъ перейти отъ мысли къ дѣйствию». Этими словами оканчивается историко-медицинскій памфлетъ. Для нашего вѣка авторъ не опасается послѣдствій моральной болѣзни, присущей римской эпохѣ, кажу-

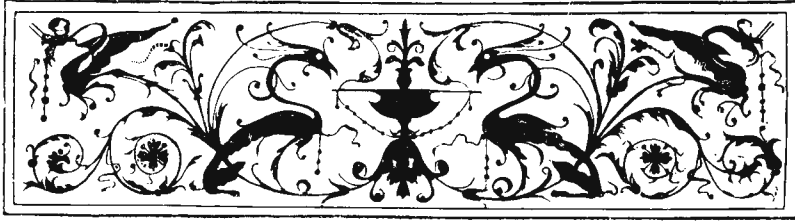
щейся намъ теперь сатирой надъ древней жизнью, хотя объ ней сохранились неоспоримые документы. Но если въ нынѣшнихъ дѣятеляхъ можно найти сходство съ римлянами, во всякомъ случаѣ такое гнусное, распущенное чудовище, какъ Калигула, не мылимо въ наше время, хотя и можетъ встрѣтиться съ нимъ сходство въ нѣкоторыхъ чертахъ нынѣшнихъ дѣятелей. Злодѣйства, убійства, распутства жестокой эпохи Калигулы невозможны въ XIX вѣкѣ, и сравнивая съ древними римлянами современныхъ маньяковъ, причисляемыхъ шаткою наукою къ вырождающимся матоидамъ (полупомѣшаннымъ), не надо забывать, что въ теченіе вѣковъ челоѣчество, не смотря на очень медленный ходъ развивающагося у насъ прогресса, всетаки достигло до невозможности возрожденія такихъ позорныхъ, чудовищныхъ личностей, какъ восточные деспоты и нѣкоторые римскіе императоры.

— Записки и воспоминанія о жизни дѣятелей первой имперіи продолжаютъ появляться въ изобиліи. Два года тому назадъ вышли въ свѣтъ мемуары простого солдата великой арміи Мерля, которому удалось вернуться изъ Россіи цѣлымъ и невредимымъ. Потомъ явилась біографія генераль-лейтенанта Мерля, отличившагося въ сраженіи при Полоцкѣ, а теперь является его новая біографія. 27-ми лѣтъ онъ былъ уже генераломъ и слѣлалъ всѣ походы первой имперіи. По поводу ихъ одна критическая статья замѣчаетъ, что если вторая имперія не можетъ сравниться съ первой своими воинственными подвигами, то и въ наше время готовность къ войнѣ, высказывающаяся въ постоянныхъ маневрахъ, смотрахъ и парадахъ, приводитъ нерѣдко къ комическимъ эпизодамъ. И журналъ приводитъ слѣдующій анекдотъ. Въ маленькомъ городкѣ съ минеральными водами, въ Пломбьерѣ, стоялъ 30-тый кирасирскій полкъ. Ждали инспекторскаго смотра герцога Маджентскаго. Въ казармахъ и павгаузахъ готовились также къ его приему: чистились и подтягивались. Позаботились также и объ украшеніяхъ. На внутренней стѣнѣ казармы вывѣсили два знамени, окружавшія названія всѣхъ сраженій, въ которыхъ участвовалъ полкъ и отличился Мак-Магонъ, начиная отъ Крыма и до Мексики. Выписываніемъ этихъ именъ занимался бригадиръ Лежеро и сталъ вступилъ передъ однимъ обстоятельствомъ: во второмъ столбцѣ названій побѣдъ оставалось одно пустое послѣднее мѣсто. Чѣмъ пополнить этотъ географическій пробѣлъ? Въ біографіи маршала было сказано: послѣ побѣдъ въ Италіи герцогъ отпраздновалъ отдохнуть въ Пломбьерѣ, гдѣ жители встрѣтили его съ восторгомъ. Бригадиръ рѣшился внести этотъ городокъ послѣднимъ въ свой списокъ. Послѣ смотра маршалъ началъ дѣлать хояйственныя замѣчанія: «рукава очень узки, панталоны слишкомъ длинны, подтяните подтяжки». Наконецъ онъ обратилъ вниманіе и на надписи. «Инкерманъ, Сольферино, Маджента»,—повторялъ онъ съ удовольствіемъ и вдругъ остановился на послѣднемъ городѣ. «Пломбьеръ! что это такое?»—не напоминая ли о томъ, что онъ ѣздилъ туда всякій годъ лечить свои ревматизмы? Нѣтъ, никто не могъ бы позволить себѣ такой насмѣшки. И онъ обратился къ полковнику. «Вы не знаете, какое сраженіе было подъ Пломбьеромъ?»—Не понимаю и не могу себѣ объяснить,—бормоталъ полковникъ.—«Кто дѣлалъ эти рисунки и надписи?»—спросилъ маршалъ. Бригадиръ вышелъ впередъ, но, конечно, не могъ ничего объяснить. Генералъ замѣтилъ полковнику, что не слѣдуетъ въ казармахъ выставлять названія лечебныхъ мѣстъ. Приказъ полку подтвердилъ это глубокомысленное распоряженіе, за нарушеніе котораго назначался двухъ-недѣльный арестъ. Бѣдный бригадиръ получилъ съ

тѣхъ поръ отъ товарищей прозваніе Пломбьера, такъ и оставшееся ему на всю жизнь. Онъ не протестовалъ, не сердился и, слыша призывъ товарищей: «Эй! ты, Пломбьеръ!»—только печально улыбался, какъ человѣкъ, глубоко чувствующій свою вину и умѣющій искупить ее.

— Въ воспоминаніяхъ генерала Мерля помѣщено много его доносеній и рапортовъ разныхъ маршаловъ и начальниковъ корпусовъ. Ему рѣдко приходилось командовать значительными силами и играть самостоятельную роль; зато онъ часто прикрывалъ отступленія. Онъ не сражался на главахъ Наполеона, да тотъ не цѣнилъ и въ близкихъ ему генералахъ отвагу и находчивость, приписывая всё побѣды своимъ стратегическимъ планамъ. Въ 12-мъ году, кромѣ Полоцка, Мерль отличился еще при Березинѣ, гдѣ въ его второмъ корпусѣ, уменьшившемся до 4.000 человекъ, не было уже ни генераловъ, ни полковниковъ, и онъ самъ командовалъ всеми движеніями. Кромѣ храбрости, Мерль отличался честностью и гуманностью; онъ не обращался грубо съ солдатами и не грабилъ ихъ, какъ очень многіе изъ знаменитыхъ маршаловъ. Поэтому Наполеонъ три раза назначалъ его начальникомъ большихъ военныхъ складовъ въ Александріи, Брунау и Везелѣ. Въ 14-мъ году онъ принялъ сторону Бурбоновъ, «бѣлую кокарду» и оставался имъ неуклонно вѣрнымъ, а между тѣмъ его въ Тулонѣ едва не убила роялистская чернь, въ Нимѣ домъ его разграбилъ монархистъ графъ Де-ла-Барль, захватившій все имущество Мерля; всё бумаги его сожгли, а поргретъ его прибили къ висѣлицѣ. За все это реставрація, въ лицѣ герцога Ангулемскаго, въ 1815-мъ году уволила его въ отставку. А между тѣмъ изъ всѣхъ генераловъ имперіи Мерль заботился объ исполненіи своего долга больше, чѣмъ о славѣ.

С М Ъ С Ъ.

ПРИСУЖДЕНИЕ наградъ графа Уварова. Предсѣдательствовали вице президентъ академіи наукъ Л. Н. Майковъ. Отчетъ читалъ непремѣнный секретарь, академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ. Публики и академиковъ было не много. Вообще присужденія премій за послѣднее время привлекаютъ не очень много публики. На соисканіе наградъ графа Уварова было представлено въ нынѣшнемъ году шесть сочиненій и два оставшихся отложенными отъ предыдущаго конкурса. Для разсмотрѣнія и оцѣнки ихъ была назначена академіею комисія. Присуждены: большая награда Н. П. Барсукову въ 1.500 р. и авторамъ двухъ сочиненій малая премія по 500 р. каждая. Увѣчанное большою наградою сочиненіе Н. П. Барсукова — «Жизнь и труды М. П. Погодина», семь книгъ изд. 1888—1893 г. Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя академикъ М. И. Сукомлиновъ.

«О богатствѣ содержанія обширнаго труда Н. П. Барсукова, говоритъ рецензентъ, можно судить по количеству и свойству его источниковъ: рукописныхъ, печатныхъ и устныхъ, которыми онъ пользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Главнымъ источникомъ служить громадный «Погодинскій архивъ», поступившій въ собственность Московскаго публичнаго и Румянцеваго музеевъ»... Архивъ этотъ состоитъ изъ дневника Погодина, начатаго въ іюль 1823 года, и обширной переписки покойнаго. Трудъ разобратся въ этомъ архивѣ былъ великъ и привелъ рецензента къ заключенію, что биографъ, избравъ своимъ девизомъ безпристрастіе и дорожа историческою истиною, приводитъ мѣнья за и противъ, чтобы освѣтить предметъ съ различныхъ сторонъ и дать читателю возможность сдѣлать вѣрное заключеніе. Желая представить обстоятельное, основанное на достовѣрныхъ источникахъ, жизнеописаніе Погодина, Н. П. Барсуковъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неутомимо собиралъ матеріалы, дорожа каждою, относящеюся къ его пѣли, чертою, встрѣчаемою въ массѣ прочитанныхъ имъ книгъ и рукописей, и тщательно провѣрялъ каждое извѣстіе, почему либо заслуживающее вниманія. Много труда и времени надо было употребить на то, чтобы разобратся

въ накопленныхъ матеріалахъ. Заключение рецензента таково: «При оцѣнкѣ труда Н. П. Барсукова болѣе существенный вопросъ заключается въ томъ, на сколько вѣрно, безпристрастно и рельефно выступаютъ основныя черты характера М. П. Погодина. Н. П. Барсуковъ работаетъ по призванію въ въ области, ему сочувственной, и его многолѣтніе труды даютъ ему право на вниманіе и поддержку со стороны ученыхъ обществъ. Премія, присужденная академіею наукъ достойному труженику, дастъ ему возможность продолжать изданіе, которое такъ желательно для исторической литературы».

Малыя уваровскія преміи присуждены двумъ сочиненіямъ:

1) Сергѣя Бѣлокурова—«Арсеній Сухановъ». Часть I. Біографія Арсенія Суханова. Москва. 1891 г. Часть II. «Сочиненія Арсенія Суханова». Выпускъ I. Москва. 1893 г.

Для оцѣнки этого сочиненія академія обратилась къ содѣйствию экстраординарнаго профессора петербургской духовной академіи П. Θ. Николаевского. При всей тщательности, съ какою авторъ отыскивалъ матеріалъ для возможно полной біографіи Арсенія Суханова, рецензентъ замѣчаетъ нѣкоторые пропуски, недосмотры и неточности. Самая біографія Суханова остается незаконченною, хотя отличается богатствомъ новыхъ свѣдѣній и фактовъ бывшихъ доселѣ неизвѣстными. Хотя она излагается въ связи съ общимъ ходомъ тогдашней русской церковно-исторической жизни, но не провозводитъ въ читателѣ цѣльнаго и яснаго впечатлѣнія и вызываетъ въ немъ вопросы. Но это только отрицательныя стороны сочиненія, зато положительныхъ много, и «въ общемъ выводѣ, заканчиваетъ рецензентъ, исслѣдованіе Бѣлокурова по богатству и новизнѣ содержанія, важности затронутыхъ и раскрываемыхъ имъ вопросовъ, не смотря на замѣчаемые въ немъ нѣкоторые недостатки заслуживаетъ вниманія и назначенія преміи».

2) М. Любавскаго.—«Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, ко времени изданія перваго литовскаго статута. Историческіе очерки, съ картою Литовско-Русскаго государства въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка. Москва, 1893 г.

Оцѣнку этого труда, по просьбѣ академіи, принялъ на себя профессоръ Петербургскаго университета С. А. Бершадскій. До настоящаго времени всѣ исслѣдователи обращали вниманіе или на изученіе политической исторіи Литовскаго государства и отдѣльныхъ его земель, или же на исторію отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Послѣ труда Ярошевича не встрѣчается попытокъ представить цѣльную картину государственнаго и общественнаго строя великаго княжества. Первая глава текста посвящена вопросу о происхожденіи областного дѣленія и доказательству федеративнаго характера Литовско-Русскаго государства. Во второй главѣ авторъ переходитъ къ выясненію принциповъ административнаго дѣленія на округа и къ разрѣшенію вопроса о значеніи волостей, повѣтовъ и проч. Разобравъ все сочиненіе, рецензентъ даетъ слѣдующее заключеніе: «Можно было бы привести много еще вопросовъ и отмѣтить тѣ или иныя неточности и не вполне обоснованныя положенія автора, но недосмотры и неполная обработка деталей являются совершенно естественными въ такомъ обширномъ трудѣ, какъ тотъ, который представилъ авторъ. Указанія на несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ положеній автора съ фактами не уменьшаютъ положительныхъ достоинствъ его сочиненія. Трудъ Любавскаго заслуживаетъ вполне преміи».

При общей оцѣнкѣ сочиненій, представленныхъ на соисканіе премій графа Уварова, комісія признала заслуживающими поощренія сочиненія В. Ф. Миллера и Н. Е. Бранденбурга и признала справедливымъ присудить имъ почетные отзывы.

1. В. Θ. Миллеръ. «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса» Москва, 1892 г.

Оцѣнка сочиненія сдѣлана академикомъ К. Г. Залеманомъ. Заслуга автора

«Экскурсею» состоитъ не въ новизнѣ общаго взгляда на сусскій эпосъ, не въ новизнѣ доказательствъ и выводовъ и не въ оригинальности метода, а лишь въ указаніи нѣкоторыхъ интересныхъ фактовъ, которыми увеличивается число параллелей къ нашимъ былинамъ. «Какъ опытъ отыскиванія новыхъ путеводныхъ нитей, собраніи новыхъ матеріаловъ для рѣшенія и болѣе или менѣе методической постановки вопроса о гениѣ русскаго быленого эпоса, представившій тройное возсозданіе процесса, которымъ были выработаны наши былины, внесшій оживленіе въ изслѣдованіе этого процесса и послужившій исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда новыхъ работъ, отступающихъ отъ узкой точки зрѣнія и односторонности, трудъ Миллера заслуживаетъ поощренія».

2. Н. Е. Бранленбургъ. «Родъ князей Мосальскихъ (XIV — XIX ст.)». Петербургъ, 1892 г.

Для оцѣнки этого труда академія воспользовалась рецензією приватъ-доцента Московскаго университета В. А. Уляинскаго.

«Принимая во вниманіе несомнѣнную трудность предстоявшей автору «Рода Мосальскихъ» задачи, говорить рецензентъ, и несомнѣнно значительный кропотливый трудъ, положенный имъ въ особенности на составленіе второй части его сочиненія, трудъ этотъ заслуживаетъ поощренія».

На основаніи § 1 положенія о наградахъ графа Уварова, одновременно съ назначеніемъ премій, могутъ быть выдаваемы поощрительныя награды за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предложенныхъ академією. Въ нынѣшнемъ отчетномъ году на полученіе такой награды было представлено сочиненіе Р. В. Зотова: «О черниговскихъ князьяхъ по Любечкому Синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время», Спб., 1892 г.

Рассмотрѣніе этого сочиненія привяло на себя академикъ А. Ф. Бычковъ. Во всемъ трудѣ Зотова встрѣчается весьма много новыхъ данныхъ и остроумныхъ соображеній по отношенію къ объясненію Синодика. Изъ всего труда автора большаго вниманія заслуживаютъ критическій разборъ помянника князей, находящагося въ Любечкомъ Синодикѣ, и краткій очеркъ исторіи Черниговскаго княжества въ татарское время. На этомъ основаніи, въ виду выдающихся достоинствъ труда Зотова, комисія постановила назначить ему поощрительную награду въ 500 рублей.

По присужденіи премій комисія, въ изъявленіе глубокой признательности, положила благодарить рецензентовъ и назначить имъ отъ имени академіи золотыя уваровскія медали.

Археологическая находка. Въ Керчи, на пепелищѣ древней Пантикапеи, недавно сдѣлана довольно рѣдкая и крупная археологическая находка. Находка эта оказалась въ саду отставнаго полковника Волошкевича, у подошвы одного давно раскопаннаго кургана. Въ Керчи, по настоящее время, день-изодня и на многіе еще годы, не смотря на строго принятые мѣры къ пресѣченію хищническихъ раскопокъ, являются болѣе или менѣе интересныя и цѣнныя въ археологическомъ отношеніи находки. Обыкновенно эти находки попадаютъ скупщикамъ-лавочникамъ и кабатчикамъ, изъ рукъ которыхъ волей-неволей приходится ихъ выкупать археологической комисіи; большинство же вещей раскупается пріѣзжими частными лицами, нерѣдко иностранцами, платящими большія деньги за античные предметы. Крупная находка въ саду Волошкевича привлекаетъ массу зрителей; экипажамъ, пешеходамъ вѣтъ конца, и всякій спѣшитъ посмотрѣть на открытаго въ землѣ каменнаго льва внушительныхъ размѣровъ.

Одинъ изъ тахъ называемыхъ «босьяковъ» натолкнулся у подошвы кургана на большую статую льва, вытѣченную изъ чистѣйшаго бѣлаго мрамора прекрасной работы, греческаго рѣзца, болѣе сажени (около 4 аршинъ) длиною, двухъ аршинъ высотой и вѣсомъ около 200 пудовъ, замѣчательно сохранившуюся и нигдѣ не поврежденную. Общій видъ ея: спокойная, твердая

постановка корпуса на массивномъ, цѣльномъ пьедесталѣ, почти съ прямымъ поворотомъ головы направо, съ весьма характерными складками свирѣпо-оскаленнаго лица; правая передняя лапа опирается на прижатое, выбитое тутъ же, въ пьедесталѣ, чело быка. Общее впечатлѣніе даетъ право думать, что работа эта глубокой классической древности. Мы видимъ бычачью голову въ такомъ положеніи (en face) на самыхъ древнихъ греческихъ одностороннихъ монетахъ, относящихся къ VII и VIII вѣкамъ до Р. Хр. Судя по заселенію и культурѣ этого края, если работа этой статуи и не столь древняя, во всякомъ случаѣ вѣка на два, на три переходить христіанскую эру. Съ боку найденной статуи находятся камни, повидимому, карнизъ отъ какого-то зданія. Думается, что это приваллежности пьедестала, на которомъ когда-то возвышалась эта статуя льва. Пріѣздъ вызваннаго по телеграмѣ предсѣдателя археологической комисиі графа Бобринскаго и дальѣйшее принятіе имъ мѣръ къ разслѣдованію данной мѣстности разрѣшить этотъ вопросъ. А пока нужно только пожелать, чтобы статуя эта, пріобрѣтенная уже за 1.000 рублей, сохранно была извлечена изъ земли и бережно доставлена въ Петербургъ, гдѣ несомнѣнно она послужитъ новымъ цѣннымъ вкладомъ въ Эрмитажъ по отдѣлу «Керченскихъ древностей». Находка эта неминуемо должна дать новую пищу археологамъ и натолкнуть ихъ на мысль заново переисслѣдовать заброшенные, копаные и перекопаные курганы.

Столѣтіе со дня рожденія И. И. Лажечникова. 14-го сентября исполнилось столѣтіе со дня рожденія знаменитаго романиста И. И. Лажечникова, автора «Послѣдняго Новика», «Ледяного дома», «Бусурмана», хотя онъ родился еще въ 1792 году. Теперь слава Лажечникова уже нѣсколько померкла, и произведенія его устарѣли, но въ тридцатыхъ, сороковыхъ и даже въ пятидесятыхъ годахъ ихъ охотно читали не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ. Его первый романъ «Послѣдній Новикъ» былъ изданъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Дессау подъ заглавіемъ «Die Eroberung Livlands», а «Ледяной домъ» переведенъ на французскій языкъ Александромъ Дюма подъ заглавіемъ: «La maison de glace». Тамъ же изданъ и нѣмецкій переводъ его: «Der Eispalast». Существоуетъ изданный въ Загребѣ переводъ на сербскій языкъ Которанина: «Ledena palaca. Poviestni ruski roman», въ Константинополѣ переводъ Махіака на греческій языкъ—«Ἡ ἔκ πάγου οἰκία», въ Стокгольмѣ—на шведскій языкъ и въ Копенгагенѣ—на датскій языкъ. «Басурманъ» былъ переведенъ на англійскій языкъ. Лучшимъ романомъ Лажечникова считается «Послѣдній Новикъ». Драматическія произведенія его: «Дочь еврея», «Горбунъ» и «Опричникъ», значительно слабѣе романовъ и теперь уже забыты. Первое сочиненіе его: «Мысли», появилось въ 1807 г. въ «Вѣстникѣ Европы»; затѣмъ отдѣльной книгой вышли «Первые опыты въ прозѣ и стихахъ», изданные въ 1817 г. и составляющіе библиографическую рѣдкость, такъ какъ самъ авторъ уничтожилъ эту книгу. Послѣднее изданіе его сочиненій выпущено въ свѣтъ Вольфомъ въ 1883—1884 годахъ. Лажечниковъ сталъ писать 15-ти, а по другимъ источникамъ и 13 ти лѣтъ. Происходилъ онъ изъ купеческой семьи. Отецъ его былъ комерціи совѣтникъ и торговалъ хлѣбомъ и солью. Родился И. И. близъ Коломны, въ помѣстьѣ своего отца и воспитывался подъ наблюденіемъ француза-гувернера, благодаря чему еще мальчикомъ уже сталъ писать пофранцузски. Онъ никогда не былъ богатъ и потому долженъ былъ добывать средства къ жизни службою. Онъ былъ записанъ въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ и въ 1812 г. поступилъ на военную службу въ Московскій гренадерскій полкъ, былъ адъютантомъ принца Карла Мекленбургскаго, потомъ Полуехтова, участвовалъ въ zahraniчныхъ походахъ, затѣмъ былъ адъютантомъ начальника гренадерскаго корпуса гр. Остермана-Толстого, потомъ перешелъ въ Павловскій полкъ и въ 1819 г. въ министерство просвѣщенія и состоялъ до 1837 г. директоромъ училищъ Пензенской губерніи, казанскихъ училищъ,

затѣмъ училищъ Тверской губерніи и снова вышелъ въ отставку. Въ 1843 г онъ получилъ мѣсто вице-губернатора въ Твери и оттуда былъ перевеленъ въ Витебскъ. Выйдя въ отставку, онъ принужденъ былъ снова изъ-за куска хлѣба поступить на службу въ петербургскій цензурный комитетъ цензоромъ. Хотя въ то время (послѣ крымской войны) права цензоровъ были очень широки, и имъ было предоставлено полное право измѣнять и чертить авторскія рукописи по собственному произволу, но всякая поправка въ рукописи дѣйствовала на И. И. Лажечникова непріятнымъ образомъ. Онъ могъ прослужить на этомъ мѣстѣ только два года и затѣмъ, по его собственнымъ словамъ, благословилъ тотъ день, когда вышелъ въ отставку.

Онъ былъ проникнутъ искренней и глубокой любовью къ родинѣ. Въ свое время онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со всеми своими сверстниками и съ Бѣлинскимъ, который въ свою очередь относился къ нему съ уваженіемъ и любовью. На Бѣлинскаго онъ неотразимо дѣйствовалъ своей искренностью и тѣмъ, что не сочувствовалъ господствовавшему въ его время казенно патріотическому направленію и преклонялся передъ ростомъ русской гражданственности.

Онъ умеръ въ іюнѣ 1869 г., оставивъ семьѣ только два выигранныхъ билета и завѣщаніе: «Состоянія женѣ и дѣтямъ моимъ не оставляю никакого, кромѣ честнаго имени, каковое завѣщаю и имъ самимъ блюсти и сохранить въ своей чистотѣ».

Кавалеристъ-дѣвица. Оказывается, что извѣстная кавалеристъ-дѣвица Надежда Дурова была не единственной въ своемъ родѣ выразительницей духа времени въ тяжелую годину двѣнадцатаго года, охватившаго русское общество въ желаніи вступить за родину. Интересныя свѣдѣнія удалось добыть «Орловскому Вѣстнику» о дѣвицѣ Салтанѣ, письменныхъ документовъ о которой въ Орлѣ, къ сожалѣнію, сохранилось весьма немного. Дѣло въ томъ, что въ апрѣлѣ 1815 г. орловскій полицеймейстеръ задержалъ въ городѣ именующаго себя поручикомъ уланскаго полка Николаемъ Ивановичемъ Салтанъ, въ казачьемъ мундирѣ, но безъ письменнаго вида. Вотъ что доносилъ объ этомъ орловскій губернский прокуроръ Абаза министру юстиціи, Д. П. Трошинскому:

«По приказанію правящаго должность гражданскаго губернатора, вице-губернатора и кавалера, произведено полицеймейстеромъ о немъ, Салтанѣ, равно и о пріѣхавшей съ нимъ, именуемой крѣпостною дѣвкою Александрю, изслѣдованіе, при коемъ Салтанъ въ допросѣ показалъ, что онъ не мужчина, а родомъ изъ города Варшавы дочь находившагося во французской службѣ и въ оной убитаго генерала Александра Павлова, сына Салтана, имя ея Варвара Александровна, отъ роду ей 17-й годъ; по смерти отца, оставшіе 12-ти лѣтъ, находилась она на воспитаніи у жившей въ Варшавѣ графини Варвары Герлицкой, а въ проѣздъ ихъ въ городъ Вильно взяты онѣ были въ плѣвъ французскими войсками и, по привозѣ въ мѣстечко Бѣлой, она, Салтанъ, представлена была къ французскому генералу Домбровскому, а Герлицкая гдѣ дѣвалась—неизвѣстно, и какъ она, Салтанъ, для сокрытія своего пола, была тогда въ мужскомъ платьѣ, то, по совѣту онаго генерала, и вступила, подъ именемъ Николая Иванова сына Салтанъ, въ квартировавшій тогда въ мѣстечкѣ Бѣлой уланскій полкъ, служба въ которомъ была въ сраженіяхъ и въ Можайскѣ награждена чиномъ поручика, а потомъ сама собою отъ полка, изъ города Вильно, отлучилась и бѣжала въ городъ Варшаву, къ родственникамъ своимъ, но, не найдя ихъ тамъ, поѣхала обратно въ Россію отыскивать ихъ и, проѣзжая чрезъ разные російскіе города, 1814 г., въ Тулѣ жила не болѣе трехъ мѣсяцевъ, гдѣ и крещена по греческому обряду; воспитанницами ей были генералъ Дороховъ и помѣщица Елизавета Крюкова, извѣстна же она была тульскому губернатору и полицеймейстеру; наконецъ, 25-го марта сего года пріѣхала въ городъ Орелъ, а изъ онаго рѣшилась было ѣхать въ Мин-

скую губернію къ родственнику отца ея, по фамиліи Салтанъ. Напротивъ того, именуемая ею крѣпостною дѣвкой показала, что она, Салтанъ, находилась подъ слѣдствіемъ въ тульской городской полиціи, по дѣлу въ намѣреніи ея изрубить, живущаго въ Тулѣ, генерала Дорохова, и потому содержалась подъ карауломъ въ тульскомъ острогѣ, а паспортъ ея, Сучковой, бывший у Салтанъ, отобранъ и отосланъ въ тульскій уѣздный судъ, отоль же съ нею, Сучковою, въ исходѣ того жъ марта мѣсяца бѣжала. Между имуществомъ Салтановой найденъ орденъ Анны 2-го класса, который она, 5-го числа того года апрѣля, надѣвши себѣ на шею, ходила съ онымъ по городу, яко бы по незнанію російскихъ законовъ, почему полицей-мейстеръ, задержавъ Салтанъ и Сучкову подъ присмотромъ въ полиціи, слѣдствіе о нихъ 8-го апрѣля представлялъ оригиналомъ къ г. вице-губернатору, которымъ требовались о нихъ отъ тульского гражданскаго губернатора надлежащія свѣдѣнія, но не получены, а сего мая 6-го числа, по сдѣланному отъ г. вице-губернатора о сихъ женщинахъ донесенію, отъ г. главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ генерала-отъ-инфантеріи и кавалера Сергѣя Козьмича Вязмитинова, съ присланнымъ штата министра полиціи гвардіи подпоручикомъ Власевымъ, предписано г. вице-губернатору произвести о нихъ, чрезъ губернскаго чиновника, подробное изслѣдованіе, которое и поручено, обще съ тѣмъ чиновникомъ, орловской гражданской палаты совѣтнику Андреянову. Поставляя долгомъ донести о семъ всепокорнѣйше вашему высокопревосходительству, честь имѣю присовокупить, что о послѣдствіяхъ, какія откроются по происходимому нынѣ изслѣдованію, я не оставлю донести въ то же время, когда оное кончено будетъ».

Послѣдующей переписки о Салтанѣ въ дѣлахъ не сохранилось, и кто такая въ дѣйствительности была Салтанъ, неизвѣстно.

Открытіе памятника Наумовичу. Съ большимъ торжествомъ 16-го сентября состоялось въ Кіевѣ открытіе памятника Наумовичу. Присутствовали: председатель Кіевского славянскаго общества, профессора, учителя, офицеры, студенты, дамы, вообще — масса людей разныхъ званій и состояній. Семью покойнаго представляли сынъ его д-ръ Н. И. Наумовичъ съ женою. Изъ Галицкой Руси прибыли: редакторъ «Галичанина» О. А. Марковъ, редакторъ «Страхопуда» и «Бесѣды» О. А. Мончаловскій, адвокатъ д-ръ И. А. Добрянскій, и селянинъ Григорій Муриный, изгнанный съ родины три года тому назадъ за то, что сказалъ рѣчь на могилѣ Наумовича. Членъ Кіевского славянскаго общества И. А. Важенковъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

«Враги гнали Наумовича и, наконецъ, изгнали изъ его родины, Галицкой Руси... Но не изгнавникомъ, ищущимъ гдѣ главу преклонити, пришелъ онъ въ Кіевъ, а гостемъ дорогимъ, братомъ, сыномъ великой Русской земли. Пришелъ и жилъ, трудился и училъ у себя дома, все въ томъ же наслѣдіи, въ которомъ родился и жилъ и страдалъ по ту сторону Збруча. Мы, русскіе люди, смѣло можемъ сказать представителямъ его родины: «Утѣшься, Русь Галицкая! Отецъ и просвѣтитель твой упокоился въ родной Русской землѣ».

Послѣднею была короткая рѣчь галицкаго селянина Григорія Мурина: «Отъ уже три года, якъ наша Галицкая Русь узнала, що нашъ дорогій учитель и просвѣтитель померъ. Вся Галицка Русь съ жалемъ сердца зарыдала за нимъ, бо сотни лѣтъ перейшло, якъ наши диды, прадиды, погыбали въ темнотѣ. Ты видкрывъ намъ очи отъ темноты, и мы узнали православну Русь и свой русскій народъ, который для нашихъ батькивъ чужимъ выдавался. Подывысь, дорогой нашъ батьку, якъ ту насъ мало, на такъ важномъ для Галицкой Руси торжествѣ, посвященіи твоего памятника, о который за твоя заслуги постарались наши дороги брата. О, батьку, нашъ батьку, встань, та подывысь, где твое стадо! Люти вовки розганяють его и нема пастыре, который бы вступывсь за твои вивци!...».

Памятникъ Наумовичу представляетъ въ общемъ четырехгранный обе-

лискъ изъ темнаго лабралора, увѣичанный осьмиконечнымъ крестомъ и окруженный желѣзною рѣшеткою изящной работы. Проектъ памятника составленъ академикомъ В. Н. Николаевымъ. Средства на сооруженіе его собрались слѣдующимъ образомъ: въ торжественномъ собраніи петербургскаго славянскаго общества, 14-го февраля 1894 г., графъ Н. П. Игнатьевъ, заявивъ о необходимости сооруженія памятника Наумовичу, предложилъ собранію принять участіе въ подпискѣ, и на этотъ предметъ собрано было 300 рублей. вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не откладывать дѣла на долгое, быть можетъ, время за недостаткомъ средствъ, Н. П. Игнатьевъ обратился съ ходатайствомъ къ министру финансовъ объ оказаніи славянскому обществу пособія въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ. Государь соизволилъ на выдачу славянскому обществу пособія въ 900 рублей для сооруженія въ Кіевѣ памятника на могилѣ отца І. Наумовича. Остальная сумма собрана въ Кіевѣ.

† Иванъ Васильевичъ Васьяновъ, полезнаго общественнаго дѣятеля по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ и въ мировыхъ учрежденіяхъ, бывшій рижскій предводитель дворянства, потомокъ старинныхъ курскихъ дворянъ, помѣстившій много статей публицистическаго характера въ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Умеръ въ селѣ Петровскомъ, 75 лѣтъ.

† Василій Васильевичъ Поповъ, докторъ медицины, 55-ти лѣтъ, близъ Харькова, авторъ многихъ цѣнныхъ изслѣдованій о питательности рыбаго мяса, о дѣйствиі рыбаго яда и др.

† Густавъ Александровичъ Вульфбергъ, не смотря на свое ливонское происхожденіе, ревностный дѣятель по славянскому объединенію, генералъ, участвовавшій при штурмѣ Ташкента въ качествѣ командовавшаго охотниками и въ войну 1877—1878 гг. писавшій много статей по славянству и военному дѣлу.

† Константинъ Александровичъ Гавронскій, преподаватель русскаго языка, опытный педагогъ, болѣе 30-ти лѣтъ занимавшій кафедру и писавшій много о своемъ предметѣ.

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

I.

По поводу статьи г. Орельскаго „Къ характеристикѣ князя Багратіона“.

Въ сентябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатана статья г. Орельскаго: «Къ характеристикѣ князя Багратіона». Рѣшительно недоумѣваю, съ какою цѣлью она написана. Письма Багратіона, въ ней приведенныя, всѣ давно напечатаны (напримѣръ: Богдановичъ, «Историч. описаніе войны 1812 года», т. II, стр. 500), а приведенные факты сильно грѣшатъ противъ истины.

Источниками для заключеній г. Орельскаго, какъ видно, главнымъ образомъ служили письма Багратіона. Кто же самъ себѣ врагъ? Тѣмъ болѣе Багратіонъ, который обладалъ страшнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ, не станеть въ своихъ письмахъ выставлять самъ себя и свои мнѣнія въ невыгодномъ свѣтѣ.

Вся статья проникнута поклоненіемъ Багратіону и стараніемъ уничтожить заслуги и таланты Барклая. Но что же при этомъ служитъ основаніемъ? Все тѣ же письма Багратіона, для котораго Барклай былъ бѣльмомъ на глазу. Эта-то ограниченность, односторонность и небезпристрастность документовъ и нѣкоторое извращеніе событій привели г. Орельскаго къ не совѣмъ вѣрной характеристикѣ личностей и фактовъ. Въ интересахъ исторической правды я считаю необходимымъ сказать нижеслѣдующее.

Война 1812 года не была неожиданностью. Ее ждали; заблаговременно соображали планъ кампаніи, подготавливали ея выполненіе.

Поклоненіе ученію Бюлова и слѣпое подражаніе Веллингтону привело нѣмецкаго выходца Пфуля къ измышленію плана кампаніи, илущаго наперекоръ обстановкѣ¹⁾. Планъ этотъ, къ несчастью, былъ одобренъ въ Петербургѣ, принятъ, и даже безъ вѣдома военнаго министра были сдѣланы предварительныя распоряженія. Самъ же Барклай еще въ 1807 г. говорилъ Нибуру: «Если бы мнѣ довелось воевать противъ Наполеона въ званіи главнокомандующаго, то я избѣгалъ бы генеральнаго сраженія и отступалъ до тѣхъ поръ, пока французы нашли бы вмѣсто рѣшительной побѣды другую Полтаву».

Расположеніе нашихъ войскъ по плану Пфуля осуждалось многими авторитетами военнаго дѣла.

Отступая въ глубь страны, мы приводили Наполеона къ длиннѣйшей операціонной и коммуникаціонной линіи, т. е. ставили въ условія, крайне невыгодныя для него и опасныя.

Не надо забывать, что Наполеону предстояло подвозить за тысячу верстъ припасы для 500 слишкомъ тысячной арміи (съ нестроевыми) и для 200 тысячъ подъемныхъ и кавалерійскихъ лошадей. Задача при немѣннй желѣзныхъ дорогахъ—почти неисполнимая. Съ появленіемъ же партизанскихъ отрядовъ, съ появленіемъ народныхъ шаекъ задача—прямо невыполнимая. Найти же что либо на мѣстѣ нельзя было и думать. Для Барклая не могъ быть неизвѣстенъ историческій фактъ: проектъ обороны Россіи, составленный Петромъ въ 1705 году и имъ осуществленный на дѣлѣ и приведшій Карла къ Полтавѣ.

До тѣхъ поръ, пока у насъ была армія, кампанія не была проиграна. Но наша армія, даже послѣ соединенія первой и второй, была болѣе чѣмъ вдвое слабѣе Наполеоновской. Принять бой при такихъ условіяхъ было безразсудно. Да, кромѣ того, двуглавое начальство, ропотъ въ войскахъ, свыше поддерживаемый, не могли обѣщать Барклаю успѣха.

¹⁾ Бюловъ видитъ самое больное мѣсто въ желудкѣ арміи, а потому для обезпеченія успѣха онъ совѣтуетъ обратить главное вниманіе на подвозъ продовольствія, на устройство широкой базы, куда бы могла отступить армія при неудачѣ, оправиться и возобновить наступленіе. И обратно для уявленія врага въ самое больное мѣсто онъ совѣтуетъ дѣйствовать на его сообщенія. Отсюда и рецептъ: одна армія съ фронта какъ бы заманиваетъ, а вторая бьетъ съ фланга на сообщенія. Онъ даже установилъ мѣрку безопасной операціи: длина базы относится къ длинѣ операціонной линіи, какъ 1 къ 2. Принимая за наибольшую базу границу государства, онъ дѣлитъ всю Европу на 15 государствъ съ такими границами, что, если прикладывать къ нимъ эту мѣрку, никакія военныя операціи не могутъ ими вестись съ успѣхомъ, такимъ образомъ наступитъ политическое равновѣсіе, и въ Европѣ будетъ вѣчный миръ.

Что на Багратиона была надежда плоха, покажутъ приведенные ниже два примѣра.

Что же касается предположенія г. Орельскаго наступленіемъ первой арміи отъ Дриссы къ Вильно (стр. 825, примѣч.) облгчить Багратиону присоединеніе, то оно разбивается ближайшимъ знакомствомъ съ историческими фактами. 26-го іюня 1-я армія находилась въ Дриссѣ, 26-го іюня 2-я армія— въ Несвижѣ, т. е. почти на одномъ меридіанѣ. Между ними въ Ольшанахъ (на томъ же меридіанѣ) Даву, а съ запада—остальные силы французовъ.

Не говорю уже про то, что въ Дриссѣ было извѣстно направленіе Наполеона на Глубокое, т. е. въ разрѣзъ со 2-ой арміей и съ цѣлью отрѣзать насъ отъ Москвы и юга Россіи, т. е. нашей базы; а также было извѣстно и то, что Мюратъ съ присоединенными колоннами Нея и Навсути стоитъ у Замоши, а Удино въ Данабургѣ.

Возможно ли соединиться двумъ арміямъ въ расположеніи непріятеля? Если это и возможно, то при одновременномъ наступленіи обѣихъ армій, то-есть, когда есть возможность заставить отступить войска противника. А такъ ли это было 26-го іюня 1812 года? Далѣе идетъ опять полное пренебреженіе историческими фактами.

Переходъ въ наступленіе былъ сдѣланъ помимо воли Барклая. Императоръ Александръ и штабъ его того требовали. 25-го іюля былъ собранъ военный совѣтъ, чтобы обсудить наступленіе, то-есть дѣйствіе, прямо противоположное плану Барклая. Этотъ совѣтъ уже былъ противъ правила стратегіи: «планъ долженъ вылиться изъ одной головы». Планъ наступленія былъ чуждъ Барклаю, а онъ былъ его исполнителемъ: второе преступленіе противъ стратегіи—исполнителемъ плана долженъ быть его составитель. Отсюда вялость и нерѣшительность исполненія.

Перейдемъ теперь къ исполненію этого плана. Хотя г. Орельскій оставляетъ армію Багратиона для защиты Смоленска (стр. 827), но въ 1812 году это было не совсемъ такъ. Въ Смоленскѣ остался 1-й пѣхотный полкъ, всѣ же остальные войска ушли 26-го іюля тремя колоннами: колонна Багратиона по берегу Днѣпра на Катань, колонна Дохтурова къ Приказъ-Выдрѣ, колонна Тучкова къ Жукову и Щеголеву, лѣвый флангъ наблюдался дивизіей Невѣровскаго у Краснаго. Конечно, г. Орельскій не впалъ бы въ такую ошибку, если бы посмотрѣлъ на карту, чтобы знать, гдѣ находится эта деревня Катань, и справился, какъ туда попалъ Багратионъ, написавшій оттуда Аракчееву цитируемое письмо отъ 26-го іюля. Рѣшеніе наступленія было основано на предполагаемой растянутости войскъ Наполеона (гвардія въ Витебскѣ, вице-король въ Суражѣ, Мюратъ съ кавалеріей въ Руднѣ, Нея въ Ліожѣ, Даву въ Дубровнѣ, Жюно въ Оршѣ, Понятовскій въ Могилевѣ, Латуръ-Мобуръ наблюдаетъ за Бобруйскомъ), не мѣшавшей, впрочемъ, ему сосредоточить до 180 тысячъ на протяженіи 30 верстъ черезъ двое сутокъ со дня полученія извѣстій о нашемъ наступленіи. Г. Орельскій упрекаетъ Барклая, что онъ не принялъ во вниманіе передвиженія кавалеріи (стр. 827, примѣч.) (какой?) и до разъясненія плана непріятеля двинулъ войска.

Но, во-первыхъ, кавалерія находилась: корпусы Монбреня и Груши у Рудни, а корпусъ Латуръ-Мобура съ дивизіей Домбровскаго 24-го іюля отправленъ для наблюденія къ Бобруйску, остальные войска находились на квартирахъ, такъ какъ 30-ти дневный походъ (450 верстъ) почти на $\frac{1}{3}$ уменьшилъ и привелъ въ ужасный видъ французскую армію; во-вторыхъ, планъ

Наполеона выяснился бы Барклаю только съ началомъ его исполненія, то-есть инициатива, эта «стратегическая независимость», подчиненіе непріятеля своей волѣ было бы упушено.

«Одно изъ главныхъ правилъ на войнѣ заключается въ томъ, чтобы не дѣлать того, что непріятель хочетъ»,— говоритъ Наполеонъ. Ошибочно ли, или нѣтъ, но разъ пришли въ нашей арміи къ сознанію, что пора наступать, то это рѣшеніе слѣдовало сейчасъ же приводить въ дѣло, такъ какъ обстановка могла измѣниться, а рѣшеніе отвѣчало той обстановкѣ, которая въ тотъ моментъ рисовалась русскимъ военачальникамъ.

Барклай, получивъ извѣстіе о сосредоточеніи непріятеля у Порѣчья, заботится о своемъ правомъ флангѣ, приостанавливаетъ наступленіе и предлагаетъ Багратіону перейти къ Приказъ-Выдрѣ. Барклай, принявъ подобное расположеніе, рассчитывалъ оттянуть непріятеля отъ Удино, базируюсь 1-ой арміей на Великіе Луки, Торопецъ, Вѣлой, а второй на Вязму, Смоленскъ, Ельню, Юхновъ. «Весьма хорошо и полезно было бы удержатъ Смоленскъ; но сей предметъ не должнъ, однако же, насъ удерживать отъ важнѣйшаго предмета, то-есть сохраненія арміи и продолженія войны, дабы между тѣмъ приготовить внутри государства сильное подкрѣпленіе сямъ арміямъ» (отношеніе военнаго министра Багратіону 29-го іюля).

Въ этомъ же документѣ Барклай указываетъ на непрерывное безпокойство непріятеля иррегулярными войсками.

Барклай получаетъ извѣстіе о сосредоточеніи французовъ у Любавичи-Дубровны. Ожидая отскока атаки и чтобы не дать отрѣзать часть первой арміи, онъ хочетъ сосредоточить обѣ арміи на позиціи у Волкова. Каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ, что «откровенный и привязанный отечеству» (стр. 826), «простившій Барклаю его вины» (стр. 827), Багратіонъ, ничего ему не доведя, ушелъ въ Смоленскъ. Оставилъ Барклай одного тотъ, который самъ говоритъ, что «одинъ защищать всю Россію не могу» (стр. 825).

2-го числа съ разсвѣтомъ французы двинулись къ Красному. 2-го числа на 3-е наши главнокомандующіе узнали о молодецкомъ боѣ Невѣровскаго, но не узнали, что противъ него двигаются главныя силы, и потому ограничились посылкою къ Невѣровскому 8-го корпуса Раевского (изъ арміи Багратіона). Съ 8 часовъ утра 4-го августа Раевскій съ 13 тысячами сражается въ Смоленскѣ противъ главныхъ силъ Наполеона. Незнаніе Наполеономъ мѣстности отсрочиваетъ гибель Смоленска. Пойди онъ на Прудитцевскую переправу, и наши войска очутились бы отрѣзанными отъ Москвы. Наши главнокомандующіе рѣшили первой арміей оборонять Смоленскъ, а со второй арміей отступать по Московской дорогѣ. Въ 4 часа утра 5-го августа 8-ой пѣхотный и 4-й кавалерійскій корпуса отступали за р. Колодню. 7-й корпусъ Раевского долженъ быть смѣненъ первой арміей.

Для защиты Смоленска назначенъ 6-й корпусъ Дохтурова, 27 дивизія Невѣровскаго, 3 дивизія Коновницына и одинъ полкъ 12-й дивизія Колюбакина 7-го корпуса, то-есть изъ арміи Багратіона.

Общее начальство вручено едва оправившемуся отъ горячки Дохтурову.

Не стану описывать этого молодецкаго боя одного противъ семи, такъ какъ цѣль моей замятки не излагать кампанію, а только вступить за истину.

Около 12 часовъ дня Наполеонъ получилъ донесеніе о движеніи массъ по Московской дорогѣ, въ чемъ лично убѣдился, побѣхавъ къ с. Шейнъ Острогъ.

Не спору: одинъ полкъ (6-й егерскій) 2 ой арміи дрался подъ Смоленскомъ, но къ какому моменту 5-го августа прикажетъ г. Орельскій отнестя слова: «Князь Багратионъ, понимая, что тутъ его задача та же, что при Голлабрюнѣ въ 1805 году, съ такимъ же геройствомъ ведетъ цѣлый день бой противъ вѣей арміи Наполеона, отражаетъ многочисленныя, упорнѣйшія штурмы и даетъ время Барклаю вернуться къ Смоленску». Какіе это упорныя штурмы надо было отражать, чтобы бѣдному Барклаю дать время вернуться въ Смоленскъ, когда до 3 часовъ дня бой ограничивался перестрѣлкой, а 6-й корпусъ арміи Барклая смѣнили корпусъ Раевского еще до разсвѣта.

Послѣ такого вольнаго отношенія къ исторіи г. Орельскій опять набрасывается на Барклая, зачѣмъ онъ отступилъ. На это можно спросить: а чѣмъ измѣнилась обстановка, чтобы Барклаю сразу отрѣшиться отъ плана, имъ взлелѣяннаго? Соотношеніе силъ осталось почти то же (нѣтъ точныхъ свѣдѣній о потеряхъ подъ Смоленскомъ), а «успѣхъ, — говоритъ Шамбре, — не обезпечивалъ его отъ дальнѣйшихъ покушеній противника, а неудача могла поставить Россію на край гибели». И какъ принять бой на позиціи, имѣющей въ тылу рѣку и путь отступленія отъ фланга (мосты за лѣвымъ флангомъ). Да и Барклаю допускалъ возможность обхода, что видно изъ его записокъ.

Указавъ на извращенія фактовъ, я позволю себѣ не согласиться съ заключеніями г. Орельскаго. Онъ приписываетъ Багратиону безусловное подчиненіе, хотя тотъ старше въ чинѣ Барклая, но онъ забываетъ, что Барклаю старше, какъ военный министръ.

Я уже привелъ примѣръ явнаго неповиновенія и отсутствія чувства товарищества въ Багратионѣ; приведу еще одинъ.

Подъ Смоленскомъ Барклаю сознавалъ серьезность своего положенія и потому, ставъ въ строго-оффиціальныя отношенія, приказываетъ начать Багратиону рѣшительное отступленіе на Москву, оставивъ за р. Колодной арьергардъ для обезпеченія отступленія первой арміи, которая отступала двумя колоннами. Главнокомандующій точно предчувствовалъ, что Багратионъ не исполнитъ приказанія — онъ остался при лѣвой колоннѣ Тучкова I-го. Начальникъ авангарда этой колонны, Тучковъ III-й, считая положеніе арьергарда у Колодни труднымъ, не остановился на бивуакѣ, а по чувству товарищества, по чувству взаимной выручки, пошелъ на его подкрѣпленіе. И что же онъ нашель — всего три казачьихъ полка.

Въ своемъ заключеніи г. Орельскій опять упрекаетъ Барклая въ отступленіи изъ-подъ Смоленска и даже увѣряетъ, что тамъ драться было выгодно, чѣмъ подъ Бородинымъ.

Хитрый Кутузъ въ прекрасно понималъ соотвѣтствіе обстановкѣ плана Барклая, но, желая поддѣлаться подъ общественное мнѣніе, съ перваго же дня назначенія твердилъ о наступленіи и.. отступалъ.

Я уже имѣлъ случай обратить вниманіе читателя на страшный рискъ, которому подверглась бы Россія, принявъ рѣшительный бой подъ стѣнами Смоленска. Рискъ былъ и подъ Бородинымъ, но его требовало общественное мнѣніе. Сраженіе не привело къ рѣшительнымъ результатамъ. Такое генеральное кровопусканіе, такой подъемъ духа привели все-таки къ отдачѣ Москвы.

«Je sens que je payerai les pots cassés, mais je me sacrifie pour le bien de ma patrie. J'ordonne la retraite», — сказалъ Кутузовъ въ Філяхъ, видя спасеніе отечества въ спасеніи арміи, пока въ отступленіи.

А. А. Рейнботъ.

II.

Е. А. Нарбуць.

Въ ночь съ 26 на 27 іюня этого года при крушеніи парохода «Владимір» погибъ учитель Кутаисской гимназіи Евгеній Антоновичъ Нарбуць. Рѣдкія качества покойнаго и его многолѣтняя хотя не громкая, но весьма почтенная дѣятельность побуждаютъ меня почтить его память.

Уроженецъ Могилевской губерніи, воспитанникъ Могилевской гимназіи, покойный окончилъ въ 1849 году С.-Петербургскій университетъ по историко-филологическому факультету со степенью кандидата и назначенъ былъ учителемъ латинскаго языка на Кавказъ въ Ставропольскую гимназію. Въ 1856 г. онъ долженъ былъ въ числѣ другихъ своихъ сотоварищей оставить гимназію. Для него началась на многіе годы жизнь, исполненная непосильныхъ трудовъ и лишеній. Сначала онъ пристроился въ качествѣ секретаря къ французу Филіолу, тогдашнему желѣзно-дорожному «королю». Другой на его мѣстѣ могъ бы пойти далеко и урвать порядочный кусокъ на пиру тогдашнихъ желѣзно-дорожныхъ тузовъ; но нашъ почившій сослуживецъ довольствовался весьма скромнымъ жалованьемъ и послѣ отъѣзда своего патрона за границу остался съ крайне скудными средствами, хотя пользовался уваженіемъ въ кругу этихъ дѣльцовъ за свое трудолюбіе, способности и скромность. Единственное пріобрѣтеніе этого періода его жизни—практическое изученіе французскаго языка (вслѣдствіе постоянного общенія съ французами и нѣсколькихъ поѣздокъ за границу), что потомъ доставило ему кусокъ хлѣба. Въ семидесятыхъ годахъ Е. А. опять переселился въ нашъ край и нашелъ себѣ работу въ газетѣ «Кавказъ», издаваемой тогда подъ редакціей его товарища, бывшаго учителя Ставропольской гимназіи Н. И. Воронова. Конечно, построчная работа въ провинціальной газетѣ не могла доставить ему хоть сколько нибудь обезпеченнаго положенія. Онъ снова принялся за педагогическую дѣятельность, выдержалъ испытаніе на званіе учителя французскаго языка и занялъ учительское мѣсто въ Кутаисской гимназіи въ 1879 году.

Евгеній Антоновичъ былъ человекъ солидно образованный. Хорошій латинистъ, онъ прекрасно владелъ французскимъ языкомъ теоретически и практически, изучилъ языки нѣмецкій и англійскій, а подъ конецъ своей жизни итальянскій. Преподаваніе французскаго языка онъ велъ въ классической гимназіи сравнительнымъ методомъ и достигалъ прекрасныхъ результатовъ. Нѣсколько его работъ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ серьезно относился онъ къ предмету своего преподаванія. Такъ въ 1883 г. имъ помѣщена была въ циркулярѣ по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ статья о сравнительномъ преподаваніи французскаго языка. Въ 1893 году напечатаны двѣ другія работы особою брошюрою 1) Упрощенный способъ составленія формъ французскихъ глаголовъ съ помощью неопредѣленнаго наклоненія и 2) Французскіе неправильные глаголы, объясненные съ помощью языковъ латинскаго и старо-французскаго. Кроме того, въ рукописи осталась оригинальная работа «о среднемъ родѣ во французскомъ языкѣ». Имѣя единственную дочь, покойный всѣ свои средства и весь свой досугъ отдавалъ на ея образованіе и воспитаніе. Онъ отправилъ ее въ Италію учиться пѣнію и

въ 1892 г. самъ уѣхалъ туда на каникулярное время, желая убѣдиться лично, какъ стоитъ въ этой странѣ музыкальное образованіе. Результатомъ этой поѣздки были двѣ статьи въ одесскихъ и кавказскихъ газетахъ съ подробнымъ разборомъ вопроса и несомнѣнными лестными отзывами объ итальянскихъ профессорахъ пѣнія. Въ эту же поѣзду онъ собралъ значительный матеріалъ для статьи о среднемъ образованіи въ Италіи. Въ послѣдніе два года жизни, въ періодъ особаго русско-французскаго энтузіазма, онъ посылалъ въ парижскіе дѣтскіе журналы рядъ маленькихъ статей о Кавказской жизни, съ собранными имъ фотографіями.

Не смотря на преклонный возрастъ (род. въ 1825 г.) Евгеній Антоновичъ отличался необыкновенною живостью характера, жизнерадостными взглядами на людей и природу и незауряднымъ трудолюбіемъ. Въ матеріальной обстановкѣ онъ довольствовался весьма не многимъ, отдавая все остальное своей семьѣ, отправленной имъ на чужбину. Покойный являлъ собою чистый типъ педагога-идеалиста пятидесятихъ годовъ, страстно преданнаго своему дѣлу, любившаго науку и искусство и сохранившаго «душу живу» до послѣдняго дня жизни. Онъ былъ истинный другъ молодежи, и она это созвала и цѣнила.

А. Стояновъ.

шимъ островомъ, называемымъ теперь Оландомъ и лежащимъ близъ нынѣшней Швеціи. Они подняли паруса на своихъ судахъ и послѣ непродолжительнаго, пріятнаго путешествія, бросили якорь въ бухтѣ, на берегу которой находится въ настоящее время мирный городокъ Боргольмъ, а тогда жилъ Гудмундъ въ мѣстечкѣ, окруженномъ могилами его предковъ.

Названнымъ братьямъ былъ устроенъ радушный пріемъ, и они много пировали, много пили; при этомъ Ивару было отведено на празднествахъ второе почетное мѣсто.

Спустя недѣлю, они собрались въ путь съ цѣлью навѣстить Гудбранда и увѣдомить его о заключеніи братскаго союза. Передъ отплытіемъ судовъ, Гудмундъ проводилъ своихъ гостей до берега и подарилъ своему сыну, Сигурду, три знаменитыя стрѣлы, украшенныя золотомъ.

— Эти стрѣлы, — сказалъ онъ: — твой прадѣдъ Кетиль-Хенгъ отнялъ у Гузи, повелѣвавшаго финнами. Онѣ принадлежать глубокой старинѣ и бьютъ безъ промаха въ цѣль.

Сигурдъ поблагодарилъ отца и прибавилъ, что никакой подарокъ не могъ быть для него пріятнѣе этого.

Отправившись въ путь, названные братья вскорѣ поровнялись съ красивой бухтой и, выйдя на берегъ, увидали большое стеченіе народа. Оказалось, что тамъ должна была произойти ордалія, или божій судъ. Одна рабыня, по имени Хьерка, сказала Вемунду, мѣстному херсиру, что она видѣла, какъ его жена Гунвора гуляла съ неизвѣстнымъ человѣкомъ. Вемундъ очень любилъ жену и потому сильно загрустилъ; но, прежде чѣмъ отомстить измѣнницѣ, онъ хотѣлъ убѣдиться въ справедливости словъ рабыни и сказалъ женѣ, въ чемъ онъ ее подозрѣваетъ. Та пришла въ ярость и отчаяніе.

— Я приму какую угодно клятву, что никогда ни съ кѣмъ не гуляла, — воскликнула она: — а въ доказательство, что слова рабыни клевета, подвергни ее ордаліи и вызови Хальфдана, повелителя Зеландіи, для освященія кипящаго котла.

Названные братья подоспѣли во время, чтобы видѣть этотъ божій судъ. Хальфданъ, въ присутствіи сотенъ свидѣтелей, освятилъ, кипѣвшую въ котлѣ, воду знаменіемъ молотка Тора и опустилъ въ него святой бѣлый камень, который обвиняемый, или обвиняемая должны были вынуть, при чемъ они признавались виновными, если рука ихъ выходила ошпаренной изъ воды.

Когда все было готово, Гунвора громко сказала:

— Я не могу призвать своихъ братьевъ для отомщенія за клевету противъ меня, потому что они всѣ умерли, но я клянусь, что невинна. Пусть Хьерка вынетъ изъ котла камень въ доказательство справедливости своего обвиненія.

Хьерка опустила руку въ кипятокъ и выдернула ее совершенно

ошпаренную. Народъ единогласно призналъ ее виновной въ клеветѣ и предалъ смерти, утопивъ въ грязной лужѣ.

На слѣдующій день дядя Сигурда, Кнутъ, дряхлый старикъ, чувствовавшій приближеніе смерти и не желавшій умереть въ постели, рѣшилъ броситься въ море съ высокаго утеса. Этотъ, повидимому, странный поступокъ объяснялся тѣмъ, что по древнему вѣрованію въ Валгалу попадалъ только витязь, убитый въ бою, или добровольно бросившійся въ море. Вся семья послѣдовала за старикомъ на берегъ моря, и онъ тамъ, при общей радости, совершилъ роковой прыжокъ. Всѣ превознесли до небесъ его мужество, и его похоронили подъ высокимъ курганомъ.

Послѣ этихъ двухъ событій, названные братья продолжали свое путешествіе вдоль береговъ Скандинавскаго полуострова. Спустя нѣсколько дней они бросили якорь въ устьѣ рѣки, противъ острова Ангеля, такъ какъ не стоило заѣзжать въ Храфнисту, гдѣ не было въ то время Гудбранда и его жены, которые поѣхали навѣстить друзей на берега теперешняго фіорда Христіаніи.

Тамъ господствовалъ храбрый херсиръ, по имени Готрекъ Старый, который когда-то былъ могущественнымъ и славнымъ викингомъ, но ужъ давно, по старости, пересталъ ходить на войну. У него было девять сыновей, которые всѣ пріобрѣли себѣ славу въ битвахъ и умерли въ бою.

Въ честь названныхъ братьевъ и ихъ воиновъ былъ устроенъ Готрекомъ великолѣпный пиръ, а его прекрасная дочь, явившись въ банкетную залу, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, подошла къ Ивару, который занималъ почетное мѣсто противъ хозяина, и, подавъ ему золотой рогъ съ медомъ, сказала:

— Да здравствуетъ Иваръ, сынъ Хьёрварда, и да здравствуютъ всѣ, прибывшіе съ нимъ, витязи и воины!

Три дня продолжались пиры у Готрека, а затѣмъ его гости отправились далѣе. Вскорѣ поднялась буря, и флотъ названныхъ братьевъ искалъ убѣжища въ устьѣ рѣки, теперь извѣстной подъ названіемъ Хамсъ. Конечно, предварительно на мачтахъ были выставлены мирные щиты.

Этой страной правилъ херсиръ Арнфидъ и, увидавъ флагъ на кораблѣ Ивара, призналъ въ немъ сына Хьёрварда, своего товарища по оружію и названнаго брата, а потому тотчасъ послалъ гонцовъ пригласить къ себѣ прибывшихъ витязей.

Но прежде чѣмъ принять это предложеніе, Иваръ, обратясь къ своимъ товарищамъ, сказалъ:

— Остережемся слишкомъ большого употребленія крѣпкихъ напитковъ. Въ дорогѣ человѣку всего дороже сохранить здравый смыслъ, а ничто такъ губительно не дѣйствуетъ на него, какъ пьянство. Крѣпкіе напитки и распри причиняютъ всего болѣе горя людемъ. Все-таки отъ предлагаемой чарки отказаться нельзя, но надо пить умѣренно.

Послѣ этого Иваръ и его товарищи въ праздничныхъ одеждахъ сошли на берегъ, и ихъ повели въ банкетную залу, гдѣ Арнфидъ устроилъ въ честь ихъ великолѣпный пиръ.

У него была дочь, славившаяся красотой и талантами, по имени Ингегерда. Она явилась въ залу въ богатой, привезенной ея отцомъ съ береговъ Каспійскаго моря, красной шерстяной одеждѣ, вышитой золотомъ и украшенной треномъ въ нѣсколько футъ длины. Ея волосы граціозно ниспадали на плечи, а на ея лбу крусовался богатый золотой вѣнчикъ. На бѣлоснѣжной шеѣ виднѣлось ожерелье изъ мелкихъ золотыхъ бусъ; золотой поясъ придавалъ еще большую красоту ея тонкой таліи; на ея рукахъ были два тонкихъ спиральныхъ золотыхъ браслета, а на одномъ изъ пальцевъ правой руки виднѣлось также спиральное кольцо, окончивавшееся головой змѣи и нѣкогда принадлежавшее ея матери.

Прежде чѣмъ начался пиръ, Арнфидъ бросилъ жребій насчетъ того, съ кѣмъ изъ красивыхъ подругъ его дочери сидѣть каждому изъ гостей. Ивару досталась сама Ингегерда, и съ ней ему пришлось весь вечеръ сидѣть и пить.

Помѣщаясь рядомъ съ нимъ, Ингегердъ гордо произнесла:

— На что ты годишься, юноша? Ты никогда не кормилъ волковъ горячей кровью, никогда не слыхалъ, какъ вороны каркаютъ на полѣ битвы, никогда не бывалъ тамъ, гдѣ скрещиваются мечи.

Этими словами она хотѣла сказать, что Иваръ никогда не бывалъ на войнѣ, а потому недостойнъ сидѣть рядомъ съ ней.

Иваръ посмотрѣлъ на гордую красавицу и отвѣчалъ:

— Я работалъ мечемъ, вороны летали надо мной, я бывалъ на войнѣ и одерживалъ верхъ на многихъ поединкахъ. Не кичись предо мной, дѣвица: я, подобно тебѣ, происхожу отъ Одина. Сынъ Хьёрварда слѣдуетъ по стопамъ своего отца.

Ингегердъ улыбнулась, и они долго весело разговаривали и много пили. Ничѣмъ на свѣтѣ такъ не дорожили скандинавскія женщины, какъ храбростью мужчинъ, и съ удовольствіемъ проводили время съ доблестными витязями.

За банкетомъ подавали вино, пиво и медъ въ золотыхъ кубкахъ, привезенныхъ изъ Греціи, и въ серебряныхъ, вывезенныхъ съ береговъ Чернаго моря. Пища, подаваемая на серебрѣ, состояла изъ жареныхъ свинины, телятины, дичи и рыбы. Хлѣбъ былъ двоякаго рода: мягкій ржаной и твердый, тонкій, въ родѣ лепешекъ, какъ до сихъ поръ употребляется въ Норвегіи.

Когда мужчины уже выпили столько, что женщинамъ нельзя было оставаться съ ними, то Ингегерда и ея подружки удалились. Но молодая красавица не могла спать въ эту ночь и все думала объ Иварѣ.

На слѣдующее утро она приготовила напитокъ, благодаря которому онъ долженъ былъ забыть предметъ своей любви, если та-

ковой былъ у него, и послала за нимъ служанку, чтобъ пригласить его въ свою свѣтлицу. Этотъ напитокъ состоялъ изъ ледяной морской воды, священной крови, внутренности рыбы, незрѣлаго зерна пшеницы, кишки принесеннаго въ жертву богамъ животного, многочисленныхъ растений, жженныхъ желудей, золы и вареной свиной печени; все это мѣшалось вмѣстѣ съ различными заклинаніями, и еще прибавлялись мистическія письмена, окрашенная красною краской. Когда Иваръ явился къ ней въ свѣтелку, то она попросила его выпить этотъ напитокъ, что онъ и сдѣлалъ; но имѣлъ ли напитокъ, или нѣтъ дѣйствительной силы, осталось не доказаннымъ, такъ какъ у Ивара не было предмета любви.

На третій день названные братья стали собираться въ дорогу, и хотя Арнфидъ просилъ ихъ остаться далѣе, но Иваръ сказалъ:

— Всегда надо уходить во время. Гость не долженъ оставаться слишкомъ долго; даже любимый человѣкъ можетъ опротивѣть слишкомъ продолжительнымъ пребываніемъ.

Они разстались подружески: Иваръ и Арнфидъ помѣнялись дорогими подарками, а Ингегерда съ тяжелымъ сердцемъ смотрѣла на отплывшіе корабли, которые увозили отъ нея Ивара. Она грустно спрашивала себя, увидитъ ли она его еще когда либо, и не знала, что, по приговору норниръ, имъ не суждено было никогда болѣе встрѣтиться.

Теперь Гудбрандъ и Сигридь уже вернулись въ Храфнисту, и названные братья заѣхали туда. Хьялмаръ остался тамъ у родителей на зиму, а Иваръ съ Сигурдомъ и Сигмундомъ отправился въ Дампстадиръ, гдѣ родители встрѣтили его съ радостью.

VIII.

Праздничныя жертвоприношенія.

Хьёрвардъ строго исполнялъ свои священныя обязанности и ревностно совершалъ установленныя жертвоприношенія. Главный Готландскій храмъ находился въ Дампстадирѣ, и каждый обитатель острова платилъ извѣстный налогъ на содержаніе храма и на жертвоприношенія. Священное зданіе помѣщалось между городомъ и курганомъ, подъ которымъ были погребены предки Хьёрварда, оно походило на всѣ подобныя храмы въ странѣ викинговъ и имѣло 250 фут. длины и 125 ширины. Его основныя стѣны выдержали много буръ и непогодъ втеченіе нѣсколькихъ столѣтій. Никому не дозволялось входить въ храмъ съ оружіемъ, и доступъ въ него былъ возбраненъ всякому, совершившему преступленіе, наказуемое закономъ, а также запрещалось ссориться, или тѣмъ болѣе драться внутри его священныя стѣны. Кто же нарушалъ эти постановленія, признавался внѣ закона, и каждый могъ его убить, какъ волка.

Внутри храма, прямо противъ двери, стояло высокое золотое сидѣнье, которое занималъ Хьёрвардъ, какъ херсиръ и верховный жрецъ. Стѣны были богато украшены золотомъ, серебромъ и драгоценными тканями. На двери была золотая скоба. Въ крайнемъ концѣ храма находился алтарь, устроенный съ большимъ искусствомъ. На немъ постоянно, днемъ и ночью поддерживался священный огонь, и находились большое золотое кольцо, на которомъ принимали присягу, а также громадный мѣдный сосудъ съ кровью отъ принесенныхъ въ жертву животныхъ. Всѣ эти предметы считались одинаково священными.

Въ году было три главныхъ жертвоприношенія, на которыя народъ стекался отовсюду. Первое—осеннее, въ мѣсяцъ Гой, или октябрь, служило привѣтствіемъ наступающей зимѣ, и по этому случаю были большіе праздники и выпивки; второе—зимнее, или святочное, происходило среди зимы въ мѣсяцъ Торъ. Это былъ праздникъ въ честь Фрея и имѣлъ цѣлью обезпечить странѣ хорошей, обильной и мирной годъ. Третье—происходило въ честь Одина, въ началѣ весны, по нашему, въ срединѣ апрѣля, прежде чѣмъ начинались экспедиціи викинговъ, и смыслъ его заключался въ призваніи на страну счастья и побѣды.

Иваръ вернулся въ Дампстадиръ послѣ осенняго праздника, такъ какъ къ этому времени возвращались домой всѣ балтійскіе викинги, не зимовавшіе въ чужеземныхъ странахъ, изъ боязни льдовъ, хотя море у береговъ Зеландіи, Фіоніи и Норвегіи за немногими исключеніями, никогда не замерзало. Но предстояло вскорѣ празднованіе святокъ, и зимнее жертвоприношеніе, самый важный праздникъ въ году, должно было произойти на этотъ разъ съ особымъ торжествомъ въ Дампстадирѣ. Черныхъ быковъ, борововъ, лошадей и соколовъ откармливали для этой цѣли въ большемъ количествѣ, чѣмъ обыкновенно. Съ разныхъ сторонъ прибывалъ народъ въ Дампстадиръ со своей провизіей и пивомъ.

Наканунѣ праздника, когда прибыли всѣ, желавшіе присутствовать при жертвоприношеніи, Хьёрвардъ, во главѣ громадной процессіи, повелъ, по обыкновенію, къ храму борова искупленія, который былъ посвященъ Фрею. Это животное отличалось красотой и величиной, а его щетина казалась золотой. Согласно священному обряду сѣверныхъ странъ на этомъ боровѣ давались обѣты викингами, при чемъ одной рукой клявшійся держался за голову животного, а другой за щетину. Между викингами и витязями, долженствовавшими давать этотъ разъ обѣты, находились Гамундъ Храбрый, Хромундъ Смѣлый, Ингальдъ Черноокій, Иваръ и многія другія высокопоставленные лица.

Въ первый вечеръ церемоніи жертвоприношенія приготовленные животныя были заколоты въ безмолвной тишинѣ, а ихъ кровь собрана въ жертвенный сосудъ, который предварительно снятъ съ

алтаря и снова туда поставленъ съ кровью, которую Хьёрвардъ освятилъ, сдѣлавъ рукой знаменіе молота Тора. Затѣмъ алтарь, стѣны храма извнѣ и внутри, а также весь собравшійся народъ были окроплены кровью.

Послѣ этого мясо принесенныхъ въ жертву животныхъ положили въ большіе котлы, висѣвшіе надъ кострами, устроенными среди храма, и Хьёрвардъ также освятилъ готовившуюся пищу знаменіемъ молота Тора. Одинаково было освящено и пиво, которыми наполнили роги. Когда всѣ эти церемоніи были окончены, и пища готова, то народъ усѣлся по стѣнамъ храма, и начался пирь.

Первый рогъ, или тостъ, была выпить за Одина, за побѣду викинговъ и продленіе могущества Хьёрварда, а второй за Тора и всѣхъ, которые надѣялись на свою силу и храбрость. Слѣдующіе тосты были за Ньерда и Фрея, а вмѣстѣ съ тѣмъ за благоденствіе и миръ. Но самый важный тостъ былъ за Брага, бога поэзіи, такъ какъ во время этого тоста произносились обѣты, которые должны быть исполнены въ теченіе года, при чемъ каждый, давшій обѣтъ, обязанъ былъ или совершить то, что обаялся сдѣлать подъ клятвой, или умереть.

Какъ только былъ провозглашенъ этотъ тостъ, Хьёрвардъ всталъ и далъ обѣтъ, что онъ прогонитъ отъ береговъ Галліи и Британіи всѣ римскія суда, которыя посмѣютъ туда явиться, или умереть, исполняя свой долгъ.

— Это плохой обѣтъ, — сказалъ Хромундъ Смѣлый: — немного надо силы и храбрости, чтобы прогнать съ моря римлянъ. Произнеси болѣе важный обѣтъ, который доказалъ бы исполнѣ твою доблесть, а затѣмъ я произнесу свой.

— Ты правъ, Хромундъ, — отвѣчалъ Хьёрвардъ. — Клянусь, что я пойду войной на Галлію и Британію и вернусь оттуда съ большою добычей; кромѣ того, клянусь принести въ жертву всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ и ихъ кровью окрасить алтарь нашихъ боговъ; наконецъ клянусь, что если римляне дерзнуть впервые пройти на своихъ судахъ въ нашу страну, на что они еще никогда не рѣшались, то ни одинъ изъ нихъ не вернется на родину.

— Этотъ обѣтъ сильнѣе перваго, названный братъ, — сказалъ Хромундъ: — но нечего опасаться, чтобы римляне пришли къ намъ, такъ какъ они пятаютъ страхъ къ нашимъ витязямъ и судамъ, но мнѣ по сердцу твое клятвенное обѣщаніе пойти противъ ихъ твердынь въ Галліи и Британіи. Я клянусь, что приму участіе въ твоей экспедиціи противъ римлянъ, со всѣми моими судами и воинами; клянусь, что я вернусь на родину только, если ты вернешься, а умру въ бою, если тебѣ суждено перейти въ Валгалу.

Тогда всталъ Гомундъ Храбрый и сказалъ:

— Клянусь послѣдовать за вами, Хьёрвардъ и Хромундъ, и не только вмѣстѣ съ вами предамъ грабежу отдаленныя провинціи

Римской имперіи, но и проникну въ Средиземное море. Мы докажемъ римлянамъ, что они не могутъ выдержать напора сѣверянъ какъ на водѣ, такъ и на землѣ.

Вслѣдъ за нимъ поднялся Ингальдъ Черноокій и произнесъ:

— Я клянусь идти съ вами, водрузить мое знамя на берегахъ Британіи и тамъ основать колонію, которой римляне не посмѣютъ беспокоить.

Иваръ также поклялся, что будетъ сопровождать отца въ его экспедиціи, и много другихъ обѣтовъ было дано въ эту ночь.

Когда былъ произнесенъ послѣдній обѣтъ, то приступили къ тостамъ въ честь умершихъ родителей. Сцена приняла торжественный и трогательный характеръ, такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ родичей умерли нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, а другіе за много столѣтій, но всѣ одинаково храбро старались придать странѣ викинговъ страшный для всѣхъ иностранцевъ характеръ. Вспомнивъ покойниковъ, всѣ присутствующіе поднялись со своихъ мѣстъ и подъ клятвой обязались идти по ихъ слѣдамъ.

Тѣ изъ обитателей страны, которые не могли прійти въ храмъ, приносили жертвы дома, и праздникъ продолжался тринадцать дней.

Въ слѣдующемъ апрѣлѣ, послѣ жертвоприношенія въ честь Одина и побѣды, всѣ викинги и витязи стали готовить свои суда къ общей громадной экспедиціи противъ римскихъ провинцій, а также для усиленія колоній, основанныхъ ихъ соотечественниками въ Британіи, Галліи, Фрисландіи и другихъ странахъ. Особенно большія приготовленія дѣлали тѣ викинги, которые произнесли обѣты на зимнемъ праздникѣ въ Дампстадирѣ, а всего энергичнѣе дѣйствовалъ Хьёрвардъ, который послалъ оповѣстить всѣхъ обитателей его области о готовящейся экспедиціи. Онъ собралъ флотъ изъ нѣсколькихъ сотенъ судовъ, экипажъ которыхъ состоялъ изъ доблестныхъ воиновъ и моряковъ со всего балтійскаго побережья нынѣшней Норвегіи и Категата, такъ какъ всѣ знали, что его предпріятія всегда увѣнчиваются побѣдой.

Всюду происходили тинги, или народныя собранія, на которыя всѣ свободные люди должны были явиться и показать, что у нихъ въ полномъ порядкѣ мечи, копья, сѣкиры и щиты. Каждый бондъ долженъ былъ, по первому призыву, поспѣшить на сборный пунктъ съ лукомъ и съ двумя дюжинами стрѣлъ.

Хьялмаръ прибылъ въ Дампстадиръ съ Энгеля съ сотней судовъ, а за нимъ на другой день послѣдовали его родственники съ двумястами кораблями. Также явились къ величайшей радости Ивара и Хьялмара ихъ названные братья Сигмундъ и Сигурдъ, съ пятьюдесятью судами у cadaго. Вообще прибыло столько судовъ, что море противъ Дампстадира казалось лѣсомъ мачтъ.

Ничѣмъ на свѣтѣ такъ не дорожили викинги, какъ своими судами, и для нихъ они не жалѣли ни своихъ богатствъ, ни своего

искусства, а соперничали другъ съ другомъ насчетъ превосходства своего флота. Драконка Хьёрварда была самымъ могучимъ изъ военныхъ судовъ, собравшихся передъ Дампстадиромъ, и развѣвавшійся на его главной мачтѣ флагъ былъ украшенъ вышитымъ золотомъ изображеніемъ вороновъ Одина.

Наканунѣ отплытія Иваръ и Хьялмаръ пошли къ сивиллѣ, по имени Хельгѣ, которая, натирая своими руками тѣла людей, отправлявшихся на войну, предохраняла ихъ своимъ заговоромъ отъ ранъ. Названные братья, кромѣ того, имѣли кольчуги, которыя обладали свойствомъ предохранять отъ ударовъ мечей. На время своего отсутствія Хьёрвардъ передалъ свою власть Сигрлинъ.

Наконецъ раздалися звуки роговъ, и флотъ двинулся въ путь къ югу. По дорогѣ къ нему присоединялось значительное число новыхъ судовъ, а въ Хлейдрѣ, главномъ городѣ Зеландіи, гдѣ господствовалъ Халфданъ, ихъ встрѣтилъ столь же могущественный и многочисленный флотъ. А когда Хьёрвардъ провелъ тутъ нѣсколько дней среди постоянныхъ пировъ, то стали прибывать еще значительные флоты одинъ за другимъ изъ Свитьёда, Фіоніи, нынѣшней Норвегіи и со всѣхъ острововъ Балтійскаго моря и Категата. Такимъ образомъ, когда всѣ эти соединенные флоты достигли Лимфјорда, то они состояли изъ 2.000 военныхъ судовъ различнаго размѣра и типа; кромѣ того, было значительное число съ провіантомъ и лошадьми, такъ какъ викинги, высадившись на непріятельскій берегъ, всегда дѣлали рекогносцировки верхомъ.

На военномъ совѣтѣ всѣхъ начальниковъ было рѣшено, что эта морская громада будетъ раздѣлена на нѣсколько флотовъ, а каждый изъ нихъ на нѣсколько эскадръ, которыя нападутъ на Римскую имперію заразъ во многихъ мѣстахъ и въ томъ числѣ въ Средиземномъ морѣ. По окончаніи этого совѣта, послышались звуки роговъ, были подняты красные щиты на мачтахъ, и раздались отовсюду такіе оглушительные военные клики, что казалось на небѣ грянулъ громъ. Это былъ сигналъ, вызывавшій на бой Римскую имперію.

Не легко было въ такомъ лѣсѣ мачтъ каждому кораблю найти свое мѣсто и двинуться по указанному пути, но морское искусство викинговъ было такъ велико, что выступленіе въ походъ совершилось благополучно.

IX.

Пораженіе римлянъ Иваромъ.

Въ продолженіе многихъ дней суда викинговъ огибали одинъ за другимъ мысъ Скагенъ и быстро исчезали на горизонтѣ, направляясь на западъ и на югъ.

Спустя два мѣсяца на всѣхъ римскихъ побережьяхъ поднялись горькіе вопли, и посланы были въ Римъ гонцы съ просьбой о помощи, но Римъ не могъ оказать этой помощи, такъ какъ норманы господствовали на морѣ и могли высадить войска, гдѣ угодно. Не даромъ они говорили, что «страна, владѣющая моремъ, располагаетъ могуществомъ». Вся Римская имперія боялась викинговъ, которые являлись съ Балтійскаго моря все въ большемъ и большемъ числѣ. Настоящій ихъ набѣгъ на римскія провинціи былъ одинъ изъ самыхъ жесточенныхъ, и смерть всюду слѣдовала за появленіемъ нормановъ.

Хьёрвардъ пошелъ войной на Британію, а Иваръ со своими тремя названными братьями и многочисленнымъ войскомъ высадился на сѣверномъ берегу Галліи, гдѣ теперь находится Булонь, тогда Болонія. Тамъ римляне выстроили сильныя укрѣпленія, но не разъ ихъ центуріоны видѣли съ ужасомъ, какъ суда викинговъ подымались по Сенѣ и овладѣвали островами на ней.

Прежде высадки, каждый воинъ умылся, причесалъ себѣ волосы, сытно поѣлъ и надѣлъ праздничную одежду, чтобы достойно вступить въ бой.

Когда римскіе центуріоны Децій и Курцій, командовавшіе въ Болоніи, увидели, что высадившійся отрядъ Ивара былъ малочисленнѣе ихъ войска, то рѣшили атаковать непріятеля и повели громадную римскую силу противъ дерзкихъ враговъ.

— Часто многочисленное войско не одерживаетъ побѣды надъ храбрыми людьми, — сказалъ Иваръ, обращаясь къ своимъ воинамъ, — мы слабы числомъ, но построимся клиномъ, чему научилъ нашихъ предковъ самъ Одинъ, а по сторонамъ поставимъ отряды людей для подкрѣпленія.

Сильно удивился Децій, увидавъ этотъ маневръ, такъ какъ римляне считали клинообразное построение своимъ изобрѣтеніемъ, никому другимъ неизвѣстнымъ. Правда, онъ слышалъ, что викинги знали это построение, но не вѣрилъ, а теперь пришелъ въ ужасъ и также построилъ свои войска треугольникомъ.

Въ свою очередь, Иваръ изумился, что римляне знали излюбленный маневръ викинговъ, а Хьялмаръ воскликнулъ:

— Они, конечно, отъ насъ переняли это построение!

Передъ началомъ битвы Иваръ отдалъ слѣдующій приказъ:

— Конница будетъ неподвижно слѣдить за нашимъ движеніемъ впередъ, готовая, при первомъ знакѣ, поддержать насъ и атаковать непріятеля; наши стрѣлки и пращники станутъ осыпать римлянъ стрѣлами и камнями. Стороны треугольника должны быть защищены щитами, какъ бы стѣной, и не слѣдуетъ ни за что дозволить непріятелю разорвать эту стѣну и нарушить наше построение, иначе наша гибель неминуема.

Названные братья рѣшили, что такъ какъ Иваръ былъ луч-

шимъ полководцемъ въ ихъ средѣ, то ему слѣдуетъ поручить начальство надъ основой треугольника, которая была всегда слабой стороною клинообразнаго построения.

— Хорошо,— сказалъ Иварь:— пусть мое знамя «побѣда» слѣдуетъ за мной съ лучшими витязями и скальдами, которые должны видѣть всѣ подробности битвы, чтобы потомъ воспѣть наше торжество.

Сигмундъ и Сигурдъ со своими знаменами и храбрыми воинами заняли двѣ остальные стороны треугольника, а Хьялмаръ съ большею частью воиновъ помѣстился внутри.

Раздались звуки военныхъ роговъ, стрѣлки и пращники наполнили воздухъ стрѣлами и камнями, которые сыпались градомъ на римлянъ, и затѣмъ послѣдовала общая атака. Не смотря на отчаянную защиту римлянъ, ихъ ряды дрогнули, и они обратились въ бѣгство. Курцій былъ убитъ, а Децій скрылся съ небольшимъ числомъ войска за своими укрѣпленіями, откуда, печально смотря на побѣдителей, воскликнулъ съ отчаяніемъ:

— Римъ! куда дѣлась твоя мощь, что ты не можешь побѣдить этихъ морскихъ разбойниковъ? Они презираютъ твои силы и смѣются надъ твоими легионами. Сегодня они здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ. Ни одна изъ твоихъ провинцій не обезпечена отъ ихъ набѣговъ. Какъ бы страна ни была могущественна, благодаря своимъ сухопутнымъ легионамъ, она не можетъ господствовать надъ міромъ, если не имѣетъ сильнаго флота.

Сигмундъ и Хьялмаръ были ранены, но не жаловались на свои страданія и молча вынесли перевязку, такъ какъ дали въ этомъ клятву до выступленія въ экспедицію.

Послѣ сраженія убитые норманы были похоронены съ ихъ оружіемъ, и курганы, подъ которыми они покоились, были окроплены кровью римскихъ плѣнниковъ, принесенныхъ въ жертву Одину за побѣду. Затѣмъ воздвигли на берегу большую мачту, обнесли вокругъ ея взятую добычу и, раздѣливъ ее на четыре равныя части, роздали воинамъ названныхъ братьевъ, при чемъ на долю побѣдителей достались также римскіе и гальскіе плѣнники, которыхъ помѣстили на суда.

Между тѣмъ многочисленныя нормандскія эскадры не остались праздными и не только увеличили свои колоніи въ различныхъ странахъ, но нанесли поражение римлянамъ и захватили большія добычи, въ томъ числѣ громадное количество римскихъ монетъ, служившихъ имъ для торговли, а частью, перелитыя въ тарелки, сосуды и т. д., украшали ихъ дома.

По предварительному соглашенію викинговъ, осенью всѣ флоты, въ томъ числѣ и эскадра Ивара, встрѣтились противъ устья рѣки Сомы въ сѣверной Галліи, которая тогда называлась Валлондіей. На общемъ военномъ совѣтѣ тутъ было рѣшено провести зиму въ

Средиземномъ морѣ, куда всѣ корабли и отправились послѣ большихъ жертвоприношеній въ честь Одина. Пройдя чрезъ Гибралтарскій проливъ, они произвели одинъ набѣгъ за другимъ на берега-распространили ужасъ во всей Греціи и взяли Сиракузы послѣ кровопролитнаго приступа.

Вернувшись къ сѣвернымъ берегамъ Португаліи, они снова раздѣлились на нѣсколько эскадръ, изъ которыхъ одни возобновили нападенія на берега Британіи, Галліи, Фрисландіи, а другіе вернулись домой съ богатой добычей, въ томъ числѣ многими красивыми невольницами.

Пока его сынъ находился въ Средиземномъ морѣ, Хьёрвардъ опустошилъ берега теперешней Бретани и, разбивъ римлянъ въ нѣсколькихъ битвахъ, взялъ много плѣнниковъ. Хромундъ Смѣлый всюду слѣдовалъ за нимъ, а Игальдъ Черноокій поселился въ Британіи, на берегу Темзы. Всѣ строго исполнили данную на зимнемъ праздникѣ клятву.

Наконецъ Хьёрвардъ вернулся домой и послалъ извѣстить объ этомъ сына.

Х.

Посѣщеніе Иваромъ Британіи.

Иваръ не отправился обратно на Готландъ, а рѣшилъ посѣтить своихъ родичей, предки которыхъ поселились въ Британіи въ І вѣкѣ. Поэтому, выйдя изъ устья рѣки Луары, онъ направился на востокъ вдоль Гальскаго берега и по дорогѣ заходилъ въ поселенія готландцевъ, которые мирно жили на берегу, въ небольшихъ, но цвѣтущихъ колоніяхъ. Римляне оставляли ихъ въ покоѣ, зная, какъ невыгодно было находиться съ ними во враждебныхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что имъ на помощь могли всегда явиться ихъ родственники съ сѣвера.

Достигнувъ, наконецъ, устья Темзы, на берегахъ которой было также нѣсколько нормандскихъ поселеній, самая большія изъ которыхъ находились тамъ, гдѣ теперь стоятъ Гриничъ и Чатамъ, Иваръ пошелъ далѣе вдоль низменнаго восточнаго берега Британіи, до Норфолока, гдѣ бросилъ якорь въ бухтѣ, или лиманѣ, называемомъ теперь Вашъ, гдѣ владѣлъ значительнымъ участкомъ земли названный братъ его отца, херсиръ Граммаръ.

Ровно двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ одинъ изъ предковъ Ивара женился на дочери могущественнаго норвежскаго херсира. Онъ былъ чрезвычайно смѣлый, предприимчивый викингъ и поселился съ большимъ числомъ своихъ соотечественниковъ близъ этой бухты въ той мѣстности, которая теперь называется Кембриджширомъ. Въ тѣ давнія времена Британія была очень рѣдко населена туземцами. Большая часть восточнаго берега представляла гладкую,

болотистую мѣстность, но въ ней было много дубовыхъ лѣсовъ, которые годились на постройку судовъ, а потому норманы тамъ и поселились. Бѣдные туземцы приняли пришельцевъ очень радушно, а благодаря многочисленнымъ чащамъ, они не боялись римлянъ. Что же касается до моря, то оно было въ полной власти сѣверныхъ жителей.

Мѣстечко, или городокъ, построенный Граммаромъ, стоялъ на берегу теперешней рѣки Камъ, по сосѣдству съ нынѣшнимъ селеніемъ Вильбрагамъ, и это мѣсто было выбрано имъ потому, что по отдаленности отъ берега оно представлялось безопаснымъ даже отъ нападеній другихъ нормановъ, которые иногда вступали въ борьбу со своими соотечественниками въ Британіи, по случаю наслѣдства умершихъ поселенцевъ. Кое-гдѣ на берегу возвышались укрѣпленія, могущественные владѣтели строили въ своихъ помѣстьяхъ высокія башни, съ которыхъ могли наблюдать за приближеніемъ враговъ, и когда показывались на горизонтѣ суда, то рѣку заграждали цѣпями.

На другой день послѣ прибытія въ бухту Иваръ со своими названными братьями отправился въ плоскодонныхъ судахъ къ городку Граммара. Имъ пришлось идти на веслахъ, такъ какъ вѣтра почти не было, а они поднимались противъ теченія. Только на другой день поэтому они достигли своей цѣли, и резиденція Граммара съ ея храмомъ въ честь Одина и другими деревянными постройками такъ походила на жилища въ ихъ родинѣ, что они спрашивали другъ друга, не вернулись ли они домой.

Услыхавъ о прибытіи Ивара, слава котораго дошла до него, Граммаръ немедленно послалъ гонцовъ пригласить его къ себѣ со всѣми его воинами и принялъ ихъ съ большой честью въ свой большой банкетный залъ, составлявшій прекрасный образецъ скандинавской архитектуры.

Самъ Граммаръ поражалъ своей благородной осанкой и длинной серебристой бородой, которую носили всѣ херсиры, достигнувъ зрѣлаго возраста. Онъ былъ высокаго роста и отличался глубокими, голубыми глазами; очертанія его рта и подбородка обнаруживали въ немъ рѣшительный характеръ, а добродушная улыбка и мягкій взглядъ свидѣтельствовали о его добромъ сердцѣ. Онъ управлялъ своимъ участкомъ земли по стариннымъ обычаямъ Скандинавіи и приносилъ жертвы сѣвернымъ богамъ, но всего болѣе Фрею, къ которому онъ питалъ наибольшее уваженіе. Онъ былъ вдовцемъ, и жена его, дочь херсира съ острова Фіоніи на Категатѣ, умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ. У него было нѣсколько прекрасныхъ дочерей, изъ которыхъ старшая называлась Гильдегуной, отъ соединенія именъ двухъ валькирій Гильды и Гуны, что часто встрѣчалось въ Скандинавіи.

Граммаръ выразилъ большое удовольствіе видѣть у себя своего

молодого родственника и объяснилъ ему, что онъ часто сражался вмѣстѣ съ его дѣдомъ и отцемъ.

— Вотъ этотъ мечъ,—сказалъ онъ, указывая на мечъ, висѣвшій надъ его возвышеннымъ мѣстомъ въ банкетной залѣ: — данъ мнѣ твоимъ дѣдомъ, Иваръ, когда я, юношей, учился воевать на его кораблѣ. Я чрезвычайно дорожу этимъ мечемъ, который по своей крѣпости называется «Камнерѣзомъ». Я всегда употреблялъ его въ бою, и онъ останется навѣки наслѣдіемъ въ нашемъ родѣ.

Потомъ онъ сталъ спрашивать у Ивара, что подѣлываютъ его родственники на сѣверѣ, и прибавилъ, что надѣется до своей смерти посѣтить старую родину.

Иваръ подробно рассказалъ о всѣхъ подвигахъ его семьи и даже о своихъ собственныхъ походахъ въ Средиземномъ морѣ.

— Хорошо,—сказалъ Граммаръ:—я вижу, что ты достоинъ своихъ умершихъ предковъ.

Тогда Иваръ подарилъ ему двѣ великолѣпныхъ бархатныхъ мантіи изъ Греціи, искусно сдѣланную на Готландѣ кольчугу, нѣсколько мечей, шлемовъ и т. д., а Гильдегунъ поднесъ прекрасное золотое ожерелье и браслеты для ея сестеръ.

Не вдалекѣ отъ резиденціи Граммара и на самомъ берегу рѣки находилось кладбище первыхъ норманскихъ поселенцевъ Британіи. Тутъ были различныя могилы: въ однѣхъ находились гробы съ тѣлами покойныхъ, а въ другихъ урны, или деревянные сосуды съ пепломъ отъ сожженныхъ труповъ; въ тѣхъ и другихъ впоследствии были найдены монеты Траяна отъ 96—98 гг. по Р. Х., Адриана отъ 117—138 гг., Аврелиана отъ 160—180 гг. и Максимиана отъ 286—305 гг.

Однажды, во время большого пира, въ банкетную залу вошла Гильдегуна, со своими сестрами. Она была высокаго роста, съ тонкой таліей, блѣлокурыми волосами, ниспадавшими до ея ногъ, голубыми глазами и розовымъ цвѣтомъ лица.

— Привѣтствую тебя, родичъ,—сказала она, подходя къ Ивару:—мы также происходимъ отъ Одина. Привѣтствую васъ всѣ, высоко-рожденные витязи.

Съ этими словами она пригубила пиво въ рогъ, который держала въ одной рукѣ, и передала его Ивару. Но онъ взялъ вмѣстѣ съ рогомъ ея руку и попросилъ ее сѣсть рядомъ съ нимъ.

— Не въ обычаяхъ викинговъ, чтобы мужчины пили вмѣстѣ съ женщинами,—отвѣчала Гильдегуна.

Иваръ, напротивъ, удостовѣрилъ, что таковъ былъ обычай викинговъ, и что если бы ему даже пришлось измѣнить законъ, то онъ сдѣлалъ бы это для того, чтобы пить съ ней.

Тогда Гильдегуна сѣла рядомъ съ нимъ и разговаривала весь вечеръ, пока скалды рассказывали о великихъ подвигахъ Граммара и Хьёрварда.

Дни весело проходили для Ивара и его названных братьевъ, тѣмъ болѣе, что, узнавъ о ихъ прибытіи, явились къ Граммару многія красивыя дѣвушки, жившія въ окрестностяхъ. Каждый вечеръ онѣ вмѣстѣ съ витязями пировали въ банкетной залѣ и съ удовольствіемъ слушали рассказы скальдовъ о геройскихъ походахъ Ивара съ его спутниками. Сами же витязи, хотя не могли, по тогдашнимъ обычаямъ, хвалиться своими подвигами, но распространялись о видѣнныхъ ими странахъ и своихъ приключеніяхъ, что возбуждало живой интересъ въ ихъ собесѣдникахъ.

Мало-по-малу между молодыми людьми возникли болѣе нѣжные чувства, и однажды Иваръ, разговаривая со своими названными братьями о прелестныхъ молодыхъ дѣвушкахъ, съ которыми они проводили вечера въ банкетной залѣ, сказалъ:

— То, что люди называютъ любовью, возникаетъ въ умѣ, потому что умъ источникъ всѣхъ нашихъ мыслей, и сердце не думаетъ и не можетъ любить. Правда, любовь заставляетъ его биться сильнѣе, но это происходитъ отъ рефлекса ума. Въ любви, какъ и во всемъ другомъ, созданномъ богами, имѣется начало; подобно цвѣтку, оно растетъ, даетъ бутонъ и роскошно распускается. Нельзя довѣрять любви, пока она еще молода, такъ какъ мужчины очень легкомысленны относительно женщинъ.

Наконецъ насталъ день отплытія, и многіе начавшіеся тутъ романы были прерваны въ самомъ зародышѣ.

XI.

Дочери Раны.

Былъ уже конецъ лѣта, когда Иваръ и Хьялмаръ рѣшились покинуть Британію и вернуться домой. Всѣ ихъ войны съ любопытствомъ спрашивали себя, проявятъ ли во время ихъ обратнаго пути свой гнѣвъ Эгиръ и Рана, богъ и богиня моря, съ ихъ дочерьми. Скандинавскій народъ вѣрилъ, что лица, потонувшія въ морѣ, прямо шли въ лоно Раны, какъ умершіе на войнѣ переходили въ Валгалу, а покончившіе жизнь естественнымъ путемъ въ постелѣ отправлялись прямо въ адъ. Мореходцы поклонялись Эгиру, потому что онъ повелѣвалъ моремъ и вѣтрами, и его женѣ Ранѣ, потому что она радушно принимала въ своемъ водяномъ дворцѣ всѣхъ людей, которыхъ захватывала брошенная ею въ море сѣть. Вѣтеръ и огонь были братьями Эгира, а отъ Раны онъ имѣлъ девять прекрасныхъ дочерей, давшихъ свои имена морскимъ волнамъ. Онѣ не были пристрастны къ людямъ и всегда появлялись во время бури.

Эгиру и Ранѣ не было угодно дозволить флоту Ивара спокойно достигнуть его родины. Не успѣлъ онъ удалиться отъ берега Британіи, какъ небо покрылось черными тучами, вѣтеръ сталъ грозно дуть, и Сѣверное море покрылось бушующими, пѣнистыми валами. На всѣхъ судахъ спустили паруса, и только на корабль Ивара они остались поднятыми, такъ какъ онъ, подобно отцу, далъ клятву не спускать парусовъ. «Элиди» поэтому быстро несея по волнамъ, словно чайка, и всѣ находившіеся на немъ воины удивлялись, что онъ такъ легко повиновался рулю. Неожиданно юго-западный вѣтеръ превратился въ сѣверо-западный, и за его сильными порывами послѣдовалъ проливной дождь.

— Хорошо, что человекъ не знаетъ своей судьбы,—сказалъ Хьялмаръ, обращаясь къ Ивару:—а то онъ постоянно былъ бы печаленъ и озабоченъ.

— День былъ прекрасный сегодня утромъ,—отвѣчалъ Иваръ,—но о днѣ можно судить только ночью, о женщинѣ—послѣ ея смерти, о мечѣ, когда его испробуешь въ бою, о льдѣ—когда перейдешь по нему, и о путешествіи—когда оно окончено. Но Расскажи мнѣ, названный братъ, о тѣхъ морскихъ дѣвахъ, которыя носятя по волнамъ и грозятъ гибелью людямъ.

— Это дочери Эгира и Раны,—произнесъ Хьялмаръ:—онѣ всегда желаютъ зла людямъ и рѣдко выказываютъ доброту мореплавателямъ. Вѣтеръ пробуждаетъ ихъ отъ сна, и онѣ, поднимая на морѣ громадныя волны, скрываются за ними. Увидавъ суда, онѣ приходятъ въ ярость и, повергнувъ ихъ въ морскую пучину, отводятъ погибшихъ людей къ своей матери Ранѣ.

— Я боюсь,—сказалъ Иваръ,—что дочери Раны находятся теперь въ гнѣвномъ настроеніи.

Вѣтеръ все усиливался.

— Знаешь что,—прибавилъ Иваръ, обращаясь къ своему названному брату:—боги хотятъ испытать насъ и посмотрѣть, храбры ли мы люди.

— Да, дочери Раны что-то разгулялись,—замѣтилъ Хьялмаръ,—я вижу ихъ въ бѣломъ одѣяніи и съ бѣлыми плечами на головахъ. Онѣ злобно несутся на наше судно.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ одна волна за другой пронеслись надъ кораблемъ и смыли часть борта, при чемъ четыре человекъ были низвергнуты въ море.

— Это Гефринга, одна изъ дочерей Раны, унесла къ своей матери четырехъ нашихъ воиновъ,—сказалъ Хьялмаръ.

— И, вѣроятно, у насъ будетъ еще не мало потерь,—отвѣчалъ Иваръ:—буря все усиливается. Поэтому лучше намъ приготовиться къ достойному появленію въ водяномъ дворцѣ Раны.

Съ этими словами онъ разрубилъ на части нѣсколько большихъ золотыхъ колець и роздалъ ихъ своимъ воинамъ, говоря:

— Надо, чтобы каждый человекъ, являясь передъ Раной, имѣлъ въ рукахъ золото, тогда она радушно его приметъ.

Становилось очень холодно, но когда многіе стали на это жаловаться, то Иваръ воскликнулъ:

— Солнце и огонь также дороги для людей, какъ здоровье и безпорочная жизнь. Но не слѣдуетъ никогда унывать, и надо встрѣтить смерть съ веселой улыбкой.

Между тѣмъ драконки Сигмунда и Сигурда на столько приблизились къ «Элиди», что названные братья могли разговаривать между собою.

— А что, дочери Раны круто поступили съ вами?—спросилъ Иваръ.

— Да,—отвѣчали ему Сигмундъ и Сигурдъ:—вѣскольکو людей у насъ уже отправилось во дворецъ Раны, и мы готовы сдѣлать то же, если такова воля судьбы.

Вскорѣ корабли приблизились къ опаснымъ берегамъ Норвегіи, и уже передъ ними возникли изъ моря грозныя скалы. При такой бурѣ близость береговъ была опасна, и они подняли паруса, чтобы скорѣе очутиться въ открытомъ морѣ. Однако и тамъ было для нихъ плохое спасеніе. Наконецъ показался вдали большой островъ, и Хьялмаръ воскликнулъ:

— Обогнемъ этотъ островъ и будемъ искать убѣжища за его берегами, такъ какъ мы не можемъ бороться съ Эгиромъ, Раной и ихъ дочерьми.

Викинги такъ и сдѣлали. Къ утру буря утихла, и они продолжали свой путь при сравнительно хорошей погодѣ. Но это продолжалось не долго, и снова поднялась еще болѣе страшная буря со снѣгомъ, который падалъ такъ густо, что съ кормы нельзя было видѣть носа. Вмѣстѣ съ тѣмъ волны начали заливать суда, и воинамъ приходилось безустали отливать воду.

— Кто много путешествуетъ,—сказалъ Иваръ,—тотъ долженъ быть готовъ къ хорошему и дурному.

— Ты правъ, названный братъ,—отвѣчалъ Хьялмаръ:—въ такую-то критическую минуту храбрецы и могутъ показать, что они не боятся смерти.

Вмѣсто отвѣта Иваръ запѣлъ народную пѣсню о странствующихъ по морямъ викингахъ.

Когда наступила ночь, положеніе ихъ стало еще опаснѣе; Иваръ и Хьялмаръ чередовались на рулѣ. Но къ утру имъ показалось, что въ воздухѣ пронеслись надъ ихъ судами девять Валкирій, съ блестящими копьями, и вскорѣ буря стихла.

— Онѣ явились къ намъ на защиту,—сказалъ Иваръ:—значитъ, намъ еще не опредѣлено умереть.

Черезъ вѣскольکو времени они увидали вдали землю, но такъ какъ она была покрыта снѣгомъ, то они не могли разобрать, гдѣ

именно находились. Осторожно и медленно они приблизились къ берегу и тогда увидѣли, что сбились съ пути. Повернувъ на югъ, они продолжали свой путь до тѣхъ поръ, пока не достигли Энгеля, гдѣ ихъ приняли радушно, и гдѣ Хьялмаръ остался у родителей на зиму.

ХІІ.

Экспедиція на Каспійское море.

На слѣдующую весну Иваръ предпринялъ со своими названными братьями экспедицію на Каспійское море по Волгѣ. Они оповѣстили объ этомъ всѣхъ молодыхъ родичей, которые приняли съ удовольствіемъ это приглашеніе, такъ какъ двое или трое изъ нихъ уже бывали въ этой южной странѣ и привезли оттуда много драгоценныхъ предметовъ, а остальные желали увидать тѣ мѣстности, гдѣ, по словамъ ихъ товарищей, можно было вести выгодную торговлю. Но экспедиція на Каспійское море была не легкимъ предпріятіемъ и требовала много времени и много заботъ.

Иваръ выбралъ три легкихъ плоскодонныхъ судна, которыя могли легко плавать по рѣкамъ теперешней Россіи: эти суда были особаго типа, и одно изъ нихъ можно видѣть въ настоящее время въ Христіаніи. Эти суда были нагружены провизіей, состоявшей большею частью изъ хлѣбныхъ лепешекъ, доселѣ употребляемыхъ въ Скандинавіи, и предметами мѣны, какъ, на примѣръ, вѣсами и гириями, а также значительнымъ количествомъ толстой золотой спиральной проволоки, которую рѣзали на части, такъ какъ норманы не имѣли монеты, а вмѣсто нихъ служили отрубленные куски этой проволоки въ видѣ колець, имѣвшихъ цѣну, смотря по тяжести. Впрочемъ, изъ римскихъ провинцій они часто привозили золотыя и серебряныя монеты, но берегали ихъ для новыхъ экспедицій въ эти страны. Для измѣренія прекрасныхъ тканей, которыя они намѣрены были привезти домой, служилъ эльъ, имѣвшій 2 фута длины, а для вина также у нихъ существовала особая мѣра.

Иваръ бралъ съ собою Ульфа, который нѣсколько разъ ходилъ изъ Балтійскаго моря въ Черное и близко зналъ Днѣпръ, Донъ и Волгу. У него даже было большое торговое поселеніе на берегу Дона. Вообще онъ былъ замѣчательнымъ мореходцемъ и велъ съ различными странами торговлю какъ морскую, такъ и сухопутную. Старый другъ Хьёрварда, онъ часто бывалъ на Готландѣ и нерѣдко исполнялъ его порученія. Именно такой чело-вѣкъ былъ нуженъ для экспедиціи названныхъ братьевъ, и они были очень рады, что онъ согласился ихъ сопровождать.

Какъ только ледъ дозволилъ имъ отправиться въ путь, они поплыли въ Финскій заливъ и оттуда, послѣ долгаго странствія по различнымъ озерамъ и рѣкамъ, достигли Волги, на берегу ко-

торой находился Холмгардъ, гдѣ жили норманскіе поселенцы. Многіе викинги брали себѣ женъ изъ этого поселенія и поддерживали постоянныя сношенія съ родиной. Тутъ происходила ежегодно громадная ярмарка, куда привозили товары съ Кавказа, Урала и даже Китая. Но Иваръ и его друзья не купили теперь никакихъ товаровъ, откладывая это до обратнаго пути, а продолжали спускаться по Волгѣ, преимущественно идя на веслахъ и останавливаясь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ радушно встрѣчали.

Когда наконецъ они благополучно достигли Каспійскаго моря, то велика была ихъ радость, и всѣ окружили Ульфа, благодаря его за лопманское искусство. Однако, самая тяжелая часть экспедиціи еще предстояла имъ, именно плаваніе по Каспійскому морю и по рѣкѣ Оксусу, а потому суда были вытаснены на берегъ, вновь законопачены и окрашены.

По окончаніи этихъ приготовленій, Иваръ съ друзьями поплылъ черезъ Каспійское море, не встрѣтивъ по пути ни одной бури, столь пагубной на этомъ морѣ, изобилующемъ мелями. Выйдя же на берегъ, они съ удивленіемъ смотрѣли на туземцевъ, которые рѣзко отличались отъ викинговъ и поклонялись солнцу и огню. Многіе изъ этихъ туземцевъ носили на головѣ тюрбаны, подобно теперешнимъ туркамъ, и вели жизнь номадовъ со своими громадными стадами, но нѣкоторые занимались промышленностью. Женщины славились своей красотой, а мужчины были очень любезны и гостепріимны. Викинги купили большой запасъ бархатныхъ и дорогихъ тканей, шитыхъ золотомъ и серебромъ, а также богатыхъ скатертей.

Пройдя черезъ Персію, они поднялись по рѣкѣ Оксусу, на которой теченіе очень быстро. Жители береговъ вездѣ были очень мирные и охотно вступали съ ними въ мѣновую торговлю. Начало зимы они провели на этой рѣкѣ, а потомъ вернулись обратно черезъ Каспійское море на Волгу, гдѣ переждали весенній разливъ, а затѣмъ только въ концѣ сентября снова очутились на Балтійскомъ морѣ, такъ какъ обратное путешествіе было гораздо труднѣе и приходилось садить на каждое весло не по два человѣка, а по три.

Хьёрвардъ и готландцы радостно встрѣтили Ивара и его товарищей, привезшихъ значительное количество товара, большая часть котораго принадлежала ловкому на торговья дѣла Улфу. Иваръ щедро одарилъ всѣхъ своихъ родственниковъ, при чемъ на долю отца пришлось нѣсколько боченковъ вина.

Слава его распространилась повсюду, и скальды стали воспѣвать его подвиги. Онъ уже теперь достигъ того возраста, когда родители думаютъ о женитьбѣ своихъ сыновей.

Однажды утромъ Хьёрвардъ позвалъ сына и сказалъ ему:

— Выслушай ты меня. Когда Фрей, сидя на Хлидскьяльфъ, смотрѣлъ на разстилавшіеся передъ нимъ мѣры, то, говорятъ, онъ видѣлъ передъ собою большую ферму, изъ которой выходила женщина. Когда она поднимала руки, то воздухъ, земля и море блестя яркимъ свѣтомъ. Эта женщина была, какъ ты знаешь, Герда, красавица изъ красавицъ. Фрей влюбился въ нее и отъ этой любви не могъ ни спать, ни пить. Наконецъ Ньёрдъ послалъ спросить у него, что съ нимъ дѣлается, а когда узналъ, что онъ убивается по прекрасной женщинѣ, то призвалъ его къ себѣ и сказалъ: «зачѣмъ ты горюешь? пойдѣ къ ней, возьми ея въ жены съ согласія или безъ согласія отца и приведи ее домой». Фрей послушался и отправилъ своего пажу Скирнира къ женщинѣ, въ которую онъ влюбился, и приказалъ ему сдѣлать за себя предложеніе. Она согласилась и объявила, что явится къ Фрею для свадьбы черезъ три ночи. Но когда Скирниръ объявилъ Фрею о результатѣ его порученія, то Фрей воскликнулъ: «долго ждатель одну ночь, еще дольше другую, а третью я не перенесу. Мѣсяцъ мнѣ казался всегда короче, чѣмъ эти три ужасныя ночи».

Передавъ эту легенду о Фреѣ, Хьёрвардъ прибавилъ:

— Иваръ, сынъ мой, я также, смотря изъ Дампстадира, вижу на западѣ, близъ Упсалы не одну, а трехъ прекрасныхъ молодыхъ дѣвушекъ, дочерей Ингва, херсира Свитьѣда. О ихъ красотѣ и талантахъ знаютъ всѣ въ сѣверныхъ странахъ. Тебѣ пора жениться, и, признаюсь, ты не могъ бы сдѣлать лучшаго выбора, какъ взявъ въ жены одну изъ дочерей Ингва. Тебѣ не найти лучшей подруги жизни, а для твоей семьи и Готланда было бы очень выгодно такое укрѣпленіе нашихъ дружескихъ узъ съ Свитьѣдскимъ херсиромъ.

— Все это такъ,— отвѣчалъ Иваръ:— но ты не забывай, отецъ, что дочери Ингва самаго высокаго происхожденія на сѣверѣ, и что, быть можетъ, онѣ мечтаютъ о женихахъ знатнѣе и могущественнѣе меня. Мнѣ кажется, было бы благоразумнѣе, прежде чѣмъ начинать сватовство, чтобъ я пріобрѣлъ себѣ болѣе славы.

— Ты напрасно, сынъ мой, беспокоишься о своемъ происхожденіи, такъ какъ всѣ мы ведемъ свое начало отъ Одина, и ты былъ бы вполне равенъ своей невѣстѣ.

На этомъ разговоръ окончился, хотя молодой человѣкъ часто потомъ думалъ о предложенной ему женитьбѣ.

XIII.

Огненное путешествіе Гака въ Валгалу.

Возвратясь съ Каспійскаго моря, названные братья нашли свою родину въ очень тревожномъ положеніи: нѣкоторые отдаленные викинги на многочисленныхъ судахъ приставали къ ея берегамъ

и безжалостно грабили одну мѣстность за другой. Въ числѣ этихъ грабителей первое мѣсто занимали два брата Гакъ и Гакбардъ. Это были могущественные викинги, и они повелѣвали большимъ числомъ воиновъ. У нихъ не было своихъ участковъ земли, и они жили постоянно на корабляхъ; также и ихъ воины были бездомными искателями приключеній. Они одинаково нападали на соотечественниковъ и враговъ, такъ что ихъ боялись не только римляне, но и туземные херсиры. Когда ихъ суда приходили въ ветхость, они строили новыя, или же овладѣвали чужими кораблями. Наконецъ имъ надоѣли западныя страны, и они вернулись на сѣверъ, гдѣ продолжали свои грабежи, и гдѣ всѣ народныя тинги объявили ихъ внѣ закона.

У Гака было двѣнадцать храбрыхъ витязей, изъ которыхъ особенно отличались Старкардъ Старый и Ульфъ Смѣлый, люди уже пожилые и служившіе подъ начальствомъ отца Гака, который также никогда не спалъ подъ кровомъ. Всѣ они дали клятву, что не умрутъ въ постели и бросятся со скалы въ воду, а непременно умрутъ съ мечемъ въ рукахъ въ открытомъ бою. Такимъ образомъ Гакъ былъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ непріятелей, съ которыми можно было вступить въ борьбу.

Однажды онъ пошелъ войной на крупнаго херсира Торкеля, не предупредивъ его, какъ бы слѣдовало по обычаю, такъ что послѣдній не успѣлъ собрать своего войска. У него также было двѣнадцать витязей, изъ которыхъ двое пользовались славой, именно Свидпадъ и Гейгадъ. Произошла жестокая битва, и Валгалъ пришлось въ этотъ день принять много новыхъ обитателей. Въ самый разгаръ сраженія Свидпадъ и Гейгадъ произвели отчаянное нападеніе на воиновъ Гака и перебили многихъ изъ нихъ. Всѣ его витязи были опасно ранены и не могли продолжать боя, тогда онъ самъ вступилъ въ единоборство и постепенно убилъ Торкеля, Свидпада и Гейгада, а землю ихъ завоевалъ и сдѣлался ея повелителемъ. Тогда впервые онъ сталъ жить на землѣ, а своихъ витязей распустилъ на всѣ четыре стороны.

Между другими викингами, которые никогда не покидали своихъ судовъ и были объявлены тингами внѣ закона, находились родственники Торкеля: Эйрикъ и Йорундъ, которые поклялись отмстить за его погибель. Узнавъ, что Гакъ распустилъ своихъ витязей, они собрали большое войско и вступили въ бой. Долго сраженіе было нерѣшительно, но подъ конецъ Гакъ, по обыкновенію, лично вступилъ въ бой: онъ положилъ на мѣстѣ столько враговъ, въ томъ числѣ Эйрика, что остальные съ Йорундомъ во главѣ бѣжали на свои суда. Но онъ самъ получилъ столько серьезныхъ ранъ, что дни его были сочтены.

Поэтому онъ приказалъ приготовить лучшій изъ своихъ кораблей, положить на палубу тѣла всѣхъ убитыхъ въ сраженіи воиновъ и

развести на носу большой костеръ изъ осмоленныхъ полѣнъ; потомъ, простившись со всѣми окружающими, онъ сказалъ, что отправляется къ Одину, и просилъ ихъ положить его на костеръ, въ полномъ вооруженіи, съ мечемъ въ рукѣ. Когда это было исполнено, онъ приказалъ поднять паруса, зажечь костеръ и оттолкнуть корабль отъ берега. Вѣтеръ дулъ прямо въ море, и плывшее судно быстро поплыло среди криковъ народа, желавшаго Гаку счастливаго путешествія въ Валгалу. Пламя все выше и выше поднималось къ небу; вспыхнули паруса, и мачта, казавшаяся огненной башней, рухнула на палубу. Народъ вѣриль, что чѣмъ выше пламя, тѣмъ радушнѣе будетъ встрѣча въ Валгалѣ. Наконецъ огонь сталъ тускнѣть, и неожиданно корабль исчезъ въ морской пучинѣ, но Гакъ и его мертвые воины были уже въ Валгалѣ, и весь скандинавскій народъ превозносилъ до небесъ великій подвигъ Гака, котораго скальды должны были воспѣвать изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Между тѣмъ Иваръ и его названные братья собрали флотъ для борьбы съ викингами, грабившими ихъ родину. Но приготовленія къ этой экспедиціи сопровождались дурными предзнаменованіями. Одинъ воинъ упалъ съ палубы въ воду и потонулъ, а въ тотъ же день Ивару показалось, что со скотнаго двора выходитъ его любимый козелъ, весь въ крови, хотя въ сущности тамъ не было никого.

Эти два дурныя предзнаменованія такъ напугали Ивара, что онъ приказалъ втащить на берегъ суда и отложилъ экспедицію до слѣдующаго года. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принесъ въ жертву Фрею четыре бѣлыхъ быка и двѣ лучшихъ лошади.

— Мнѣ также не нравятся эти предзнаменованія, — сказалъ Хьялмаръ, обращаясь къ Ивару: — спросимъ совѣта у оракула.

Вслѣдствіе этого принесена была жертва богамъ, и окропленные кровью дощечки, брошенные въ воздухъ, предсказали, что Иваръ не умретъ, но останется дома цѣлый годъ, и дорогой для него челоуѣкъ погибнетъ въ бою.

На слѣдующее лѣто Иваръ отправился на своемъ излюбленномъ кораблѣ въ Норвегію, но по дорогѣ въ Категатѣ подулъ такой противный вѣтеръ, что ему пришлось пристать къ какому-то острову. Тамъ онъ снова обратился за совѣтомъ къ оракулу, и тотъ повѣдалъ, что вѣтеръ не переменится, пока не принесутъ въ жертву Одину одного изъ воиновъ по имени Агнара. Дѣлать было нечего, пришлось исполнить волю боговъ. Всѣ высадились на берегъ, гдѣ находился кругъ камней, на которыхъ туземцы приносили людей въ жертву богамъ. Агнара положили на средній изъ этихъ камней, служившій алтаремъ, переломили ему спину и его кровью окропили всѣ камни. Послѣ этого Иваръ со своими воинами вернулся на корабль, и вѣтеръ сталъ имъ попутнымъ. Жертвенный кругъ камней, на которомъ убили Агнара, существуетъ доселѣ въ Бломгольмѣ.

XIV.

Смерть Хьёрварда.

Неблагоприятныя предзнаменованія оказались справедливыми. Во время страшной морской битвы между Хьёрвардомъ и Старкадомъ, могущественнымъ херсиромъ, съ которымъ онъ велъ долгую борьбу по случаю спорнаго наслѣдства, Хьёрвардъ получилъ смертельную рану. Во время этого кроваваго боя много пало храбрецовъ, и много человѣческихъ душъ отправилось въ Валгалу, но Хьёрварду не суждено было сразу совершить это роковое странствіе, и, привезенный домой, онъ успѣлъ еще предъ смертію сказать женѣ:

— Жена, устрой мнѣ достойныя похороны; пусть меня положить на большой костеръ, въ полномъ воинскомъ нарядѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, сожгутъ со всѣми почестями и воздвигнутъ надъ моимъ прахомъ высокій курганъ.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ испустилъ духъ, и по тогдашнему обычаю ему закрыли глаза и ротъ, старательно вымыли его тѣло и причесали волосы.

Весь народъ говорилъ, что самъ Одинъ направлялъ его корабль въ битвѣ и рѣшилъ, что пора Хьёрварду перейти въ Валгалу.

Иваръ не находился во флотѣ отца, когда произошла смерть его отца, и только на второй день прискакалъ верхомъ съ того прибрежья, у котораго находился его корабль, по причинѣ непопутнаго вѣтра. Онъ ничего не зналъ о случившемся и, какъ всегда, прямо пошелъ въ банкетную залу, чтобы выпить со своими войнами за счастливое возвращеніе домой. Никто не рѣшался повѣдать ему печальной вѣсти и, только замѣтивъ, что стѣны залы были завѣшаны черными и сѣрыми тканями, онъ понялъ, что скончался какой нибудь важный человѣкъ.

Вскорѣ вошла мать и молча сѣла подлѣ него. Увидя ея блѣдное лице, Иваръ съ безпокойствомъ воскликнулъ:

— Ты, мать, приказала печально украсить эту залу и скажи мнѣ, по комъ этотъ трауръ?

— Не стало моего мужа, херсира готландскаго,—отвѣчала Сигрлинъ: — твой отецъ Хьёрвардъ умеръ, но онъ славно палъ, одержавъ побѣду.

— Значитъ, предзнаменованіе и оракулъ были правы,—сказалъ Иваръ, глубоко вздохнувъ:—человѣка, приговореннаго судьбой къ смерти, ничто не можетъ спасти, и предопредѣленіе норниръ, произнесенное въ день рожденія отца, должно было совершиться.

Вокругъ неутѣшной вдовы собрались жены знатнѣйшихъ вождей и старались ее успокоить, рассказывая свои собственные горести.

— Не одна женщина на свѣтѣ столько не перенесла, какъ я,—

говорила сестра Хьюка:—я потеряла двухъ мужей одного за другимъ, трехъ дочерей, восемь братьевъ, четырехъ сестеръ, а все-таки живу.

— Мое горе еще больше, — замѣтила Херборга: — мой мужъ и семеро сыновей пали въ битвѣ въ чужестранной землѣ; мой отецъ, мать и четверо братьевъ погибли на морѣ. Все это произошло въ одинъ годъ, а затѣмъ меня взяли въ плѣнъ и сдѣлали рабыней того херсира, который одержалъ верхъ надъ моей семьей.

И однако Сигрлинъ молча слушала эти рассказы и не пролила ни одной слезинки.

Тогда возвысила свой голосъ Гильронда и сказала:

— Вы этимъ путемъ никогда не утѣшите бѣдной вдовы. Пойдемъ лучше, Сигрлинъ, къ твоему покойному мужу, ты посмотришь на его лице и прильнешь къ его губамъ, какъ будто бы онъ живъ.

Сигрлинъ послушалась и, отправившись къ тѣлу мужа, сняла съ него покрывало и долго смотрѣла на дорогія ей черты. Наконецъ голова ея опустилась на подушку подлѣ покойника, слезы ручьемъ полились изъ ея глазъ, и отъ сердца ея какъ бы отлегло.

Спустя пять дней совершены были похороны, или огневое путешествіе въ Валгалу, такъ какъ, по тогдашнему закону, слѣдовало предавать тѣла умершихъ огню и землѣ на пятый день. Одинъ постановилъ, чтобы всѣхъ покойниковъ сжигали съ ихъ сокровищами, такъ какъ они появлялись въ Валгалу вмѣстѣ съ ними, чтобы ихъ прахъ былъ или брошенъ въ море, или закопанъ въ землю, и чтобы въ послѣднемъ случаѣ надъ мѣстомъ, гдѣ похороненъ прахъ, былъ насыпанъ курганъ, а въ память героя еще, кромѣ того, были бы воздвигнуты надгробные камни.

Иваръ рѣшилъ со своими родственниками, что огневое путешествіе Хьёрварда совершится на суднѣ, но не въ морѣ, а на землѣ. Роль костра должно было играть большое коммерческое судно въ пятнадцать скамеекъ, такъ какъ для подобныхъ церемоній не употреблялись военные корабли; его втащили на берегъ и окружили осмоленными полѣньями. Когда все было готово, на палубу поставили кровать Хьёрварда съ его тѣломъ, въ полномъ вооруженіи и окружили покойника его верховой лошадыю въ великолѣпномъ убранствѣ, параднымъ четырехколеснымъ экипажемъ, запряженнымъ двѣнадцатью лошадыми и большимъ количествомъ соколовъ. Наконецъ Иваръ поднесъ къ этому оригинальному костру факелъ и пожелалъ своему отцу счастливаго пути въ Валгалу. Когда пламя разгорѣлось, то стали бросать въ него всѣ предметы, принадлежавшіе Хьёрварду: мечи, щиты и т. д. Мало-по-малу пламя, пожравъ все, что могло, само собою стихло и отъ судна со всѣмъ, что было на немъ, осталась только груда углей.

Обгорѣлыя кости Хьёрварда были собраны въ прекрасный

римскій бронзовый сосудъ, куда положили также нѣсколько римскихъ монетъ, остріе копья, которое причинило ему смерть, и нѣсколько фигуръ его излюбленной шахматной игры. Оставшіяся пепель былъ развѣянъ по морю, а сосудъ съ останками, покрытый двѣнадцатью щитами и согнутымъ мечемъ, былъ похороненъ подъ большимъ курганомъ, надъ которымъ воздвигли высокій надгробный камень, съ рунической надписью.

Такимъ образомъ закончилось путешествіе въ Валгалу Хьёрварда, готландскаго херсира.

XV.

Наслѣдственный пиръ.

Послѣ смерти отца Иваръ не сдѣлался готландскимъ херсиромъ, пока тингъ, или народное собраніе, не утвердилъ его власти, потому что хотя санъ херсира и былъ наслѣдственный, но никто не могъ управлять страной безъ согласія тинга, который былъ верховной властью въ странѣ и могъ низвести или не утвердить херсира, долженствовавшаго повиноваться законамъ, также какъ простые смертные.

До этого утвержденія Иваръ принесъ передъ всѣмъ народомъ установленную жертву и, убивъ козла, обагрилъ себѣ руки кровью, послѣ чего уже ему одному подобало совершать жертвоприношенія.

Онъ оставался дома до наслѣдственнаго пира, прежде чего онъ не могъ получить отцовскаго наслѣдства. По стариннымъ обычаямъ, этотъ пиръ долженъ былъ произойти въ теченіе года послѣ смерти покойника, и до тѣхъ поръ его наслѣдникъ не могъ занимать возвышеннаго мѣста въ банкетной залѣ. Такъ какъ Хьёрвардъ происходилъ отъ Одина и былъ могущественнымъ херсиромъ, то наслѣдственный пиръ послѣ него долженъ былъ отличаться необыкновеннымъ блескомъ. Иваръ и его родственники рѣшили, что онъ произойдетъ черезъ десять мѣсяцевъ, и посланы были гонцы во всѣ страны викинговъ къ знатымъ витязямъ и родичамъ Хьёрварда съ приглашеніемъ явиться на этотъ пиръ.

Между тѣмъ Сигрлинъ управляла помѣстьями своего мужа, какъ во времена его отсутствія при жизни, а Иваръ помогалъ ей въ постройкѣ новыхъ кораблей, ремонтѣ старыхъ и въ наблюденіи за обработкой полей. Но самымъ любимымъ его препровожденіемъ времени было сидѣть на курганѣ Хьёрварда, смотрѣть на море и разговаривать съ Хьялмаромъ.

Однажды, во время подобнаго разговора Иваръ сказалъ:

— Иные люди счастливы въ своихъ дѣтяхъ, другіе въ родичахъ, третьи въ богатствѣ, четвертые въ добрыхъ дѣлахъ, а пятые въ друзьяхъ. Человѣкъ долженъ быть всегда другомъ своего друга и его друзей, но не слѣдуетъ быть другомъ друзей своего

врага. Никогда не надо покидать общества своихъ друзей, такъ какъ горько на сердцѣ человѣка, который не можетъ никому повѣдать своей кручины. Однажды путешествуя я заблудился, а когда встрѣтилъ какого-то человѣка, то считалъ себя счастливѣе всякаго богача. Человѣкъ доставляетъ радость человѣку. Какъ одно полѣно загорається отъ другого, такъ и человѣкъ получаетъ свѣтъ знанія отъ бесѣды съ другими людьми. Поэтому люди, счастливые въ семьѣ и въ друзьяхъ, благоденствуютъ, какъ бы скромно ни было ихъ положеніе. Для людей дороги только, въ сущности, солнце, огонь, общество любимыхъ людей, здоровье и безпорочная жизнь.

Наконецъ наступилъ наслѣдственный пиръ, или арвель. Иваръ ничего не жалѣлъ для приданія ему наибольшаго блеска и выстроилъ для этой цѣли двѣ новыя банкетныя залы. Въ назначенное время прибыло нѣсколько могущественныхъ херсировъ и большое число витязей со всѣхъ сторонъ. Когда всѣ гости собрались, то Иваръ, по обычаю, сѣлъ на ступеняхъ, которыя вели къ возвышенному мѣсту его отца, и оставался тамъ въ продолженіе всего перваго вечера, когда пили только въ память покойника.

На второй вечеръ онъ занялъ это же мѣсто, и тосты были предложены въ честь Одина, Ньёрда, Фрея и Брага, а за послѣднимъ тостомъ были произнесены обѣты. Наконецъ всталъ Иваръ и поклялся, что въ теченіе двухъ лѣтъ отомститъ за смерть отца или умретъ въ случаѣ неудачи. Послѣ этой клятвы родственники взяли его подъ руки и посадили на возвышенное мѣсто, что и означало вступленіе въ права наслѣдства послѣ Хьёрварда.

Пиръ продолжались двѣ недѣли, и наконецъ всѣ гости разъѣхались, получивъ большіе подарки и громко заявляя, что они никогда не присутствовали на болѣе великолѣпномъ наслѣдственномъ пирѣ.

Вскорѣ послѣ этого въ семействѣ Ивара случилась еще смерть: умеръ одинъ изъ его дядей, Ингимундъ, и такъ неожиданно, что онъ не успѣлъ, согласно часто выраженному имъ желанію, броситься въ море. Поэтому ему предстояло, по мѣстнымъ вѣрованіямъ, отправиться не въ Валгалу, а въ адъ, и его похороны имѣли нѣсколько иной характеръ. Иваръ, какъ старшій въ родѣ, былъ приглашенъ на эту церемонію, и онъ отправился въ Тангводъ, гдѣ жилъ умершій. Когда онъ прибылъ, то его прямо повели, со всѣми другими гостями, въ приготовленный склепъ, подъ высокимъ курганомъ, гдѣ находился уже на кровати покойникъ въ дорогой одеждѣ и окруженный различными сокровищами.

— Ты глава семьи,—сказали сыновья Ингимунда Ивару:—и потому тебѣ надо завязать нашему отцу башмаки, въ которыхъ онъ явится въ адъ.

Иваръ исполнилъ ихъ желаніе и потомъ, обратясь ко всѣмъ присутствующимъ, спросилъ:

— Я не знаю, хорошо ли я завязалъ адскіе башмаки, и дойдеть ли въ нихъ до ада покойникъ, не потерявъ ихъ.

Осмотрѣвъ башмаки, всѣ единогласно отвѣчали:

— Ты такъ крѣпко завязалъ ихъ, Иваръ, что они не развяжутся до самаго ада.

XVI.

Мирное предложеніе Старкада.

Старкадъ, убившій Хьёрварда, боялся мести Ивара, его родичей и названныхъ братьевъ, а потому желалъ заплатить установленное вознагражденіе за смерть челоуѣка. Поэтому онъ послалъ въ Дампстадиръ одного изъ своихъ витязей, Нидуда, съ подобнымъ предложеніемъ.

Когда Нидудъ прибылъ въ резиденцію Ивара, то его прямо провели въ банкетную залу, гдѣ Иваръ пировалъ со своими войнами. Онъ посадилъ его на второе возвышенное мѣсто, и въ залѣ водворилась безмолвная тишина.

— Старкадъ прислалъ меня къ тебѣ, Иваръ,—сказалъ Нидудъ, вставая:—съ богатыми подарками и съ приглашеніемъ, чтобы ты и твои названные братья посѣтили его. Васъ всѣхъ онъ одаритъ щедро, а тебѣ, Иваръ, заплотитъ вознагражденіе за смерть отца, и тогда будетъ миръ между тобой и Старкадомъ.

Иваръ усомнился, не хочетъ ли врагъ заманить его въ западню, и отвѣчалъ:

— У меня и у моихъ названныхъ братьевъ семь залъ, полныхъ оружія: наши мечи самые острые, наши стрѣлы самыя быстрыя, наши копья самыя вѣрныя, наши кони самыя кровныя; у насъ нѣтъ недостатка ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ, а сокровища наши самыя большія на всемъ сѣверѣ.

— Вотъ вѣсточка, которую Старкадъ поручилъ мнѣ передать тебѣ, Иваръ,—произнесъ Нидудъ и подалъ ему палку, на которой находились руническія письмена.

Иваръ прочелъ ихъ и, передавая своимъ названнымъ братьямъ, промолвилъ въ полголоса:

— Я не приму его вознагражденія.

— Нѣтъ, надо посовѣтоваться, — отвѣчалъ Хьялмаръ также тихо:—это предложеніе очень странное. Старкадъ большой скряга и никогда никому не предлагалъ денегъ.

Поэтому Иваръ объявилъ Нидуду, что онъ дастъ отвѣтъ только на другой день, и удалился изъ банкетной залы, поручивъ своимъ витязямъ угощать Нидуда и сопровождавшихъ его людей.

На семейномъ совѣтѣ Сигурдъ заговорилъ первый:

— Меня очень удивляютъ богатые подарки, присланные Старкадомъ, но всего знаменательнѣе въ нихъ одно кольцо, на которомъ

привязанъ волчій волосъ. Вѣроятно, кто нибудь насъ предостерегаетъ отъ грозящей намъ бѣды.

— Это, конечно, дѣло какой нибудь доброжелательной къ намъ женщины, — отвѣчалъ Иваръ: — но кого мы знаемъ изъ женщинъ во владѣнiяхъ Старкада?

— Я думаю, что намъ прислала кольцо съ волчьимъ волосомъ его сестра, красавица Герборга, — замѣтилъ Хьялмаръ.

— Она, вѣроятно, любитъ тебя, Хьялмаръ, — произнесъ Иваръ.

— Не думаю, но она прекрасная, добрая женщина и питаетъ ко всѣмъ намъ дружескiя чувства.

Тогда они стали внимательно разбирать руническую надпись на палкѣ, и оказалось, что нѣкоторые знаки были искусно передѣланы, такъ что подъ официальнымъ текстомъ скрывалось тайное предостереженiе, чтобы Иваръ не принималъ приглашенiя, а въ случаѣ согласiя взять съ собою большое число витязей и воиновъ.

На слѣдующее утро Сигрлинъ, узнавъ о посольствѣ отъ Старкада, пошла къ Ивару, который собирался въ банкетную залу, и объяснила ему, что она видѣла сонъ, который былъ предостереженiемъ, чтобы онъ не принималъ приглашенiя врага. Выслушавъ ее, Иваръ вмѣстѣ съ ней отправился къ Нидуду, который ждалъ отвѣта.

— Нидудъ и вы всѣ, сопровождающiе его, — сказала онъ громко: — передайте Старкаду, что я на наследственномъ пиру, при всѣхъ знатныхъ родичахъ и херсирахъ, поклялся отомстить за смерть отца, или умереть. Передайте ему также, что мои названные братья и всѣ родичи отомстятъ за отца и за меня, если я погибну. Наконецъ скажите Старкаду, что нѣтъ на свѣтѣ достаточной суммы, чтобы вознаградить меня за смерть отца, и что часъ мести вскорѣ настанетъ.

— Хорошо сказано, сынъ мой, — воскликнула Сигрлинъ: — Старкадъ узнаетъ, что кровь Хьёрварда течетъ въ жилахъ его сына.

Всѣ присутствующiе, кромѣ посланныхъ Старкада, громко одобрили слова Ивара, а Нидудъ удалился со срамомъ.

XVII.

Смерть Старкада.

Послѣ отъѣзда посланцевъ Старкада, Иваръ собралъ тингъ, на которомъ было рѣшено объявить Старкаду войну слѣдующей весной. Тогда Иваръ послалъ оповѣстить всѣхъ своихъ друзей и подвластныхъ ему витязей о томъ, чтобы они были готовы къ пред-

стоящей экспедиціи. По обычаю, гонцы разносили всюду военныя стрѣлы, которыя означали, что получившій стрѣлу обязанъ вооружить известное число кораблей; если владѣтелемъ участка, куда приносили такую стрѣлу, была женщина, она должна была, если можетъ, созвать людей и вооружить суда, но въ случаѣ невозможности это сдѣлать для нея стрѣла передавалась сосѣду; мужчинамъ не дѣлалось подобнаго снисхожденія, и если они не обращали вниманія на призывъ стрѣлой, то объявлялись внѣ закона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были отправлены гонцы къ Старкаду съ вѣстью, что Иваръ идетъ на него войной въ слѣдующую весну, и представляетъ Старкаду, какъ вызванному на бой, избрать для этого мѣсто.

Старкадъ отвѣчалъ съ тѣмъ же гонцомъ, что онъ выбралъ мѣсто битвы подлѣ своей резиденціи, въ южной части полуострова Ютландіи. Послѣ этого онъ въ свою очередь послалъ военную стрѣлу ко всѣмъ подвластнымъ ему вождямъ, приказавъ, чтобы собрались подъ его знамена всѣ люди свыше пятнадцати лѣтъ, и чтобы они привели лошадей трехлѣтокъ.

Съ обѣихъ сторонъ произведены были большіе приготовленія, и весной Иваръ отправился къ назначенному мѣсту съ большимъ флотомъ. Къ нему присоединились многіе сильныя викинги и витязи съ многочисленными отрядами воиновъ. Также его сопровождали амазонки, или такъ называемыя дѣвы щита, среди которыхъ первое мѣсто занимала Вейборга, гордая красавица, съ голубыми глазами, русыми волосами и такимъ молніеноснымъ взглядомъ во время битвы, что она казалась олицетвореніемъ войны. Лошадь у нея была караковая, а ея племъ и кольчуга сверкали издали. Всего у Ивара было тридцать три филькинга, или легіона, по пяти тысячъ человѣкъ въ каждомъ.

Войско Старкада состояло изъ двадцати шести филькинговъ, и въ каждомъ изъ нихъ было меньшее число воиновъ, но его поддерживали также известные своею храбростію херсиры и витязи, а также амазонки. Среди послѣднихъ всего болѣе отличалась Визма, бывшая знаменосцемъ Старкада; она привела съ собой значительное число женщинъ вендскаго племени, обитавшаго на юго-восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря. Она была двадцати-пятилѣтняя красавица съ длинными, распущенными бѣлокуроыми волосами, которые, ниспадая изъ-подъ золотого шлема, покрывали спину ея бѣлаго коня. Она съ дѣтства такъ привыкла владѣть оружіемъ и ѣздить верхомъ, что могла соперничать въ этомъ отношеніи съ какимъ угодно витяземъ. Ни въ чемъ не уступала ей Гейда, представлявшая идеаль дѣвы щита: двадцати-восьми лѣтъ, высокаго роста, великолѣпно сложенная, она всегда появлялась во всеоружіи витязя на черномъ конѣ, спина котораго была также покрыта ея золотистыми, какъ хлѣбные колосья, волосами.

Когда оба войска выстроились на избранномъ полѣ битвы и провели ночь наканунѣ ея въ своихъ палаткахъ, то Старкадъ отправился къ своей матери, очень добросовѣтной женщинѣ, и сказалъ ей, что ему предстоитъ сражаться одному противъ двухъ.

— Ничего, — отвѣчала мать, — лучше умереть съ честью, чѣмъ жить въ позорѣ. Возьми вотъ это знамя, которое я сама вышила въ надеждѣ, что оно доставитъ тебѣ побѣду.

На этомъ знамени былъ изображенъ воронъ, летѣвшій съ распущенными крыльями, но Старкадъ, недовольный словами матери, не взялъ знамени и въ гнѣвѣ удалился.

Передъ началомъ боя опытнѣйшіе и мудрѣйшіе витязи съ обѣихъ сторонъ выстроили войска и осмотрѣли занятыя позиціи. Главныя силы обѣихъ армій составили клинообразный фронтъ, и въ основѣ треугольника у Старкада поставлена была Гейда, со своимъ знаменемъ и сотней самыхъ храбрыхъ витязей, а у Ивара — Вейборга, съ такимъ же числомъ защитниковъ.

Когда все было готово къ битвѣ, то Старкадъ послалъ одного изъ воиновъ вызвать на бой Ивара, пустивъ стрѣлу черезъ неприятельское войско, съ крикомъ: «Вы въ рукахъ Одина». Иваръ отвѣчалъ посылкой такого же воина, который съ крикомъ: «вы все въ рукахъ Одина», выстрѣлилъ изъ лука, но уже цѣля прямо во врага.

Раздались звуки роговъ, подняты красныя щиты, и бой начался. Сражались съ большимъ ожесточеніемъ, и самые храбрые витязи схватились въ единоборствѣ. Хвѣлять, одинъ изъ храбрѣйшихъ сподвижниковъ Старкада, набросился на Ивара, но послѣ долгой, упорной схватки палъ отъ его меча, и той же участи подвергся Гнепъ Старый. Но Иваръ съ ужасомъ увидалъ, что витязь противной стороны Убъ производилъ страшное опустошеніе въ рядахъ его войска, убивая однимъ ударомъ всѣхъ, кто пытался ему противостоять. Тогда Иваръ послалъ Сигмунда сказать Вейборгѣ о происходившемъ. Эта смѣлая амазонка бросилась на отважнаго витязя и осыпала его такимъ дождемъ мѣткихъ ударовъ меча, что онъ долженъ былъ только прикрываться щитомъ, забывъ о нападеніи, а когда она ловкимъ ударомъ разбила ему щитъ и нанесла рану, онъ принужденъ былъ покинуть поле битвы. Его мѣсто заняли одинъ за другимъ нѣсколько мужественныхъ витязей, но всѣ они пали подъ ея мечемъ. Наконецъ, пришелъ чередъ и Вейборгѣ, однако она встрѣтила смерть столь же мужественно, какъ сотни воиновъ, умиравшихъ вокругъ нея.

Вечеромъ были подняты бѣлые щиты, и объявлено перемиріе. Сражавшіеся удалились въ свои палатки и стали перевязывать раненыхъ.

На слѣдующее утро съ зари бой возобновился. Иваръ лично повелъ атаку на основу треугольника Старкада. Немилосердно ру-

билъ онъ всѣхъ, которые попадались ему на дорогѣ, и, видя это, дѣва щита Гейда бросилась на него на своемъ кровномъ бѣломъ конѣ. Никогда Ивару не приходилось имѣть дѣло съ такимъ опаснымъ соперникомъ; они долго сражались съ переменнымъ счастьемъ; но, наконецъ, сѣча вокругъ нихъ до того усилилась, что они были насильно разлучены. Со стороны Старкада дѣлалъ чудеса Убъ, оправившійся отъ раны, и, по приказанію Ивара, стрѣлки въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ стали осыпать его стрѣлами, отказавшись отъ борьбы съ кѣмъ либо другимъ. Онъ все-таки продолжалъ наносить направо и налево смертельные удары и палъ только тогда, когда двадцать пять стрѣлъ вонзились въ его тѣло.

При видѣ смерти этого отважнаго витязя, Старкадъ послалъ противъ Ивара своего лучшаго воина, считавшагося непобѣдимымъ, но и тотъ былъ убитъ. Тогда Гейда снова ринулась въ бой и съ неудержимымъ военнымъ пыломъ стала рубить враговъ. Иваръ просилъ своихъ воиновъ не убивать ее, а взять ее въ плѣнъ, но она не сдавалась, не смотря на то, что ее окружили со всѣхъ сторонъ и умерла наконецъ съ оружіемъ въ рукахъ.

— Погибла Гейда, дѣва щита,—воскликнулъ Иваръ:—она любила болѣе кровавую битву, чѣмъ слова любви своихъ поклонниковъ, или брачное ложе.

Съ своей стороны Старкадъ, смотря съ ужасомъ на быстро рѣдѣющіе ряды отряда, которымъ командовала Гейда, произнесъ:

— Много насъ пило вчера вечеромъ медъ, а теперь осталось насъ мало. Не вижу я даже ни одного витязя, который могъ бы пойти на Ивара, и пойду я самъ на него.

Онъ двинулся съ остатками своего войска на торжествующаго врага, и завязалась послѣдняя рѣшительная сѣча. Обѣ стороны сражались съ безумной отвагой. Въ воздухѣ было видно только сверканіе мечей, но послѣ геройской борьбы Старкадъ упалъ на землю, держа въ рукахъ свое знамя.

Увидавъ, что знамя Старкада лежитъ на землѣ, Иваръ понялъ, что Старкадъ былъ убитъ. Онъ тотчасъ же приказалъ рубить въ рога, поднять бѣлые щиты и прекратить битву.

Съ своей стороны, узнавъ, что Старкадъ убитъ, его войско не стало болѣе сражаться и приняло мирныя предложенія Ивара. Оставшіеся въ живыхъ витязи признали себя его вассалами и обязались платить ему ежегодную дань, а также присылать ему воиновъ, въ случаѣ надобности. Въ знакъ своей верховной власти надъ ними, Иваръ положилъ свою ногу на шею каждого изъ нихъ.

Тѣло Старкада было отыскано среди труповъ и похоронено подъ высокимъ курганомъ.

Иваръ приказалъ втащить на берегъ всѣ суда Старкада и, положивъ на нихъ тѣла своихъ убитыхъ витязей, предалъ ихъ огню вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ взятой добычи.

Однако этимъ не кончилась кровавая месть между домами Старкада и Ивара. Послѣ перваго осталась десятилѣтняя дочь Гервора. Достигнувъ пятнадцатилѣтняго возраста, она поклялась отомстить Ивару за смерть отца и, бросивъ все женскія занятія, стала посвящать все свое время атлетическимъ упражненіямъ: верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ лука и т. д.

Когда ей минуло двадцать лѣтъ, она рѣшилась во что бы то ни стало достать боевой мечъ своего отца, носившій названіе Тирфинга и считавшійся святыней въ ихъ родѣ. Для этой цѣли она переодѣлась мужчиной и поступила на службу къ одному викингу, который занимался грабежами и жилъ на своемъ кораблѣ. Подъ его начальствомъ она приняла участіе въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, а когда онъ былъ убитъ, то его воины избрали ее своимъ предводителемъ.

Немедленно послѣ этого она отправилась со своимъ отрядомъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ похороненъ ея отецъ. Они пристали къ берегу вечеромъ и видѣли съ корабля, что на курганѣ, подъ которымъ покоился Старкадъ, бѣгали огоньки. Хотя это были только блуждающіе огни, но сопровождающіе Гервору люди пришли въ суевѣрный страхъ и отказались слѣдовать за ней на берегъ. Поэтому на слѣдующій день она одна высадилась и прямо пошла къ кургану отца, на которомъ былъ надгробный камень съ надписью. Подойдя къ нему, она громко воскликнула:

— Вставай, Старкадъ! Твоя дочь Гервора пришла къ тебѣ и требуетъ твоего родового меча. Вставайте, все витязи и воины, почивающіе вокругъ отца, и помогите мнѣ взять острый мечъ Тирфингъ.

Съ этими словами она разрыла курганъ, вошла въ склепъ, взяла мечъ и вернулась на кораблѣ домой. Съ этой минуты ея единственной мыслью было отомстить Ивару, и на слѣдующій годъ она собрала большой флотъ и пошла войной на убійцу своего отца. Но въ жестокомъ бою она пала, не смотря на совершенныя ею чудеса храбрости.

XVIII.

Засѣданіе тинга.

Наступило время созванію тинга, и по распоряженію Ивара была послана стрѣла, но не военная, а вѣчевая, всемъ членамъ этого народнаго собранія для наказанія лицъ, нарушившихъ законы, и для вершенія подлежащихъ тингу дѣлъ.

Согласно этому все члены тинга прибыли въ Дампстадиръ: кто верхомъ, кто на кораблѣ; каждого изъ нихъ сопровождала свита, болѣе или менѣе значительная, смотря по его положенію и богатству.

Особа подобнаго тингца считалась священной, и кто либо, напавшій и оскорбившій его на пути въ собраніе или обратно, объявлялся внѣ закона.

Всѣ явились безъ оружія, такъ какъ во время тинга долженъ былъ царить миръ, и всякій, нарушавшій его, выходилъ изъ покровительства закона. Это считалось равносильнымъ оскверненію храма мира, и виновный въ такомъ преступленіи признавался отверженцемъ, волкомъ и «ничемъ», доколѣ онъ не искуплялъ своей вины.

Поляна, на которой собирался тингъ, находилась не вдалекѣ отъ храма и считалась на столько священной, что не могла быть запятнана какой бы то ни было кровью. Тингъ до конца его заведенія считался подъ особымъ покровительствомъ боговъ.

Въ центрѣ поляны находился большой кругъ, огороженный высокими мачтами, которыя соединены были между собой веревками, называвшимися вебондами, то-есть священными лентами. Внутри этого круга возсѣдали тѣ, которые должны были судить дѣла, подлежащія приговору тинга. Ни одинъ изъ этихъ судей не могъ выйти изъ круга, и никто посторонній не могъ туда проникнуть, пока продолжался судъ.

Передъ открытіемъ тинга Иваръ, по древнему обычаю, принесъ въ жертву огромнаго быка въ присутствіи всего народа, собравшагося въ храмѣ, и наполнилъ его кровью сосудъ, стоявшій на алтарѣ, затѣмъ онъ взялъ присяжное кольцо, находившееся также на алтарѣ, обмакнувъ его въ священную кровь и, надѣвъ себѣ на руку, пошелъ съ херсирами и тингцами на поляну, гдѣ занялъ мѣсто въ кругѣ, которое, находясь на возвышеніи, было видно народу со всѣхъ сторонъ.

Когда всѣ судьи заняли свои мѣста, Иваръ громкимъ голосомъ произнесъ:

— На законахъ зиждется наша земля, и беззаконіемъ она не погибнетъ, а кто не даетъ другимъ пользоваться покровительствомъ закона, самъ будетъ внѣ его.

Крики одобренія раздались отовсюду, и когда они стихли, Иваръ прибавилъ:

— Объявляю, что миръ царитъ среди всѣхъ присутствующихъ.

Тогда всѣ тингцы, которые должны были производить судъ и расправу, приняли слѣдующую присягу, держа руку на кольцѣ:

— Призываю всѣхъ въ свидѣтели, что я клянусь на этомъ кольцѣ согласно съ закономъ произнести оправдательный или обвинительный приговоръ и что покажу и рѣшу по убѣжденію, по правдѣ и по закону. Да поможетъ мнѣ Фрей, Ньердъ и Одинъ.

Первое дѣло, которое предстояло рѣшить тингу, касалось судьбы одного хольда, поранившаго другого человѣка въ порывѣ гнѣва.

— Ты знаешь,—сказалъ Иваръ послѣ совѣщанія судей:— что чѣмъ выше положеніе человѣка, тѣмъ онъ долженъ дороже запла-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ОКТЯБРЬ 1894 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 14-й.

- Александрова, П.** Первая бесѣда на поварскихъ курсахъ, прочитанная ученицамъ Женскаго Патріотическаго Общества. Ц. 15 к.
- Адресъ, Э.** Курсы для злѣкающихся. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Таблицы для заявляющихся. 5 листовъ. Ц. 1 р.
- Ан—сній, С.** Очерки народной литературы. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.
- Антидорскій, П.** Тартль. Венгерская коммерческая игра для двоихъ. Спб. 1893 г. Ц. 30 к.
- Арефа, Н.** Сборникъ правилъ о производствѣ охоты. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Ахшарумовъ, Н., и Тшшковъ, Ф.** Графология, или ученіе объ индивидуальности письма. (Объ отношеніи почерка къ характеру). Съ приложеніемъ типичныхъ автографовъ. Рига. 1894 г. Ц. 2 р.
- Багалъй, Д.** (проф.). Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Т. I. (1802—1815). Вып. I. Харьковъ. Ц. 1 р. 20 к.
- Баранцевичъ, Н.** Родныя картинки. 17 рассказовъ. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Бартелло, М.** Практическое руководство по термехиміи. Одесса. 1894 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Бегичева, Н.** Лиза. Разсказъ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Бертенсонъ, Г.** Новое міровоззрѣніе. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.
- Безръ, В.** Комментарій новыхъ провинціальныхъ учрежденій 12 июля 1889 г. Ч. 2-я. Волостной судъ и устройство судебной части. М. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Биллоусъ, А.** Философія ѣды. Наука о сохраненіи физическаго здоровья, мышечной силы и умственной дѣятельности съ помощью діетъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бильдерлингъ, А.** Просвѣтители Россіи. Фототипій. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.
- Богдановъ, О.** Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства въ 1892 г. Годъ II. Кіевъ. 1894 г. Ц. 3 р.
- Богуславскій, Л.** Апшеронская памятка (1700—1894). Краткая исторія Апшеронскаго полка для солдатъ. Съ 2 портр. и 157 рис. Ц. въ перепл. 2 р.
- Боровиковскій, А.** Отчетъ судьи. Т. III. Дѣла мужичьи. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Уставъ гражданскаго судопроизводства съ разъясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената. Изд. 3-е, дополн. и исправл. съ алфавитнымъ указателемъ. Спб. 1894 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Боровичъ, Л.** Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. Съ 164 рис. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.
- Brandes, Karl.** Послѣдствія проглатыванія искусственныхъ зубовъ. Перев. д-ръ Кадовскій. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Буилинь, В.** Путеводитель по Кіеву. Изд. 3-е. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 25 к.
- Бунге, Н.** Курсъ химической технологии. Кіевъ. 1894 г. Ц. 3 р. 30 к.
- Бѣлецкій, А.** Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе императора Николая I. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Валуева, А.** Двѣ матери. Екатерина Геге и Катарина Байронъ. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Велецкій, С.** Двадцать пять лѣтъ дѣятельности земства въ Полтавской губерніи съ 1866—1892 гг. Полтава. 1894 г. Ц. 1 р.
- Верещагинъ, В.** На войнѣ въ Азіи и

2 ОБЪЯВЛЕНИЯ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ».

- Европѣ. Воспоминанія. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Висновскій.** Посobie для пользования военными и гражданскими законами. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- Витновскій, В.** За океаномъ. Путевыя записки. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Вундтъ, В.** Лекціи о душѣ челоѣка и животныхъ. Съ 45 рис. Спб. 1894 г. Ц. 5 р.
- Вышеславцевъ, А.** Рафаэль. Посмертвое изданіе. Съ 53 рис. Спб. 1894 г. Ц. 8 р.
- Ганъ, М.** Полный словарь буквы Ъ. Изд. 5-е. Вильна. 1894 г. Ц. 50 к.
- Гейнце, Н.** Аракчеевъ. Историч. романъ въ 2 томаъ. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Гоголь, Н.** Сочиненія. Подъ ред. Н. Тихонова, въ 5 томаъ. Изд. 12-е. Спб. 1894 г. Ц. 6 р.
- Государственный строй** Германской имперіи по Лабанду. (Международн. Библиотека, № 19). Одесса. 1894 г. Ц. 15 к.
- Гриневъ, С.** Повстанцы. Романъ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гротъ, Н.** Нравственные идеалы нашего времени. Изд. 3-е. М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Гуревичъ, Я.** Исторія Греціи и Рима (курсъ систематическій). Изд. 6-е испр. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Дарвинъ, Ч.** Истиннѣ. Посмертное сочиненіе. Перев. М. Филиппова. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Деревенскій календарь** на 1895 г. Съ приложеніемъ статей по сельскому хозяйству. М. 1894 г. Ц. 25 к.
- Диниенъ, Ч.** Замогильныя записки Пиквикскаго клуба. Новый переводъ съ англ. (Дешев. Библиотека А. С. Суворина, № 315, 316). Ц. за 2 т. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
- Дмитріевскій, А.** Богослуженіе страстной пасхальной седмицы во Св. Іерусалимѣ IX и X в. Казань. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Edinger, L.,** д-ръ. Лекціи о строеніи органовъ центральной нервной системы челоѣка и животныхъ. Съ 145 рис. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.
- Животовъ, Н.** Петербургскіе профили въ 4 выпускахъ. Вып. I. На извозчичьихъ козлахъ. Шестидневное «интервью» въ роли извозчика. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Жуковъ, Н.** Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. М. 1894 г. Ц. 3 р.
- Завадскій, В.** Понудительное исполненіе и упрощенное судопроизводство. Изд. 3-е. М. 1894 г. Ц. 75 к.
- Замятинъ, А.** Алфавитное посobie для земскихъ начальниковъ и лицъ, близкихъ къ крестьянскому дѣлу. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Златовратскій, Н.** Новые рассказы. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Золя, Э.** Лурдъ. День третій. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.
- З—скій, Я.** Путешествіе о. Іоанна Кронштадтскаго по Шекснѣ и Волгѣ лѣтомъ 1893 г. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Изъ дневника Амiels.** Переводъ съ франц. М. Толстой, подъ редакц. и съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Спб. 1894 г. Ц. 35 к.
- Ильенико, А.** Смоленскъ. Дорогое ожерелье царства Русскаго. Краткій историческій очеркъ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Казанскій, П.** Изъясненіе шестопсалмія. Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 50 к.
- Карѣвъ, Н.** Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Начуринъ, И.** Житейскій узелокъ. Рассказъ. Смоленскъ. 1894 г. Ц. 25 к.
- Керенскій, Вл.** Старокатолицизмъ, его исторія и внутреннее развитіе преимущественно въ вѣронсовѣдномъ отношеніи. Казань. 1894 г. Ц. 2 р.
- Кириллъ (геромонахъ).** Ученіе св. Афанасія Великаго о св. Троицѣ. (Сравнительно съ ученіемъ о томъ же предметѣ въ три первые вѣка). Казань. 1894 г. Ц. 2 р.
- Кистеръ, М.** (баронъ). Англійскій боксъ. Съ рис. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.
- Ковалевскій, Е.** Воспитаніе молодого поколѣнія въ духѣ трезвости и воздержанія. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Козьма Прутковъ.** Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, fac-simile и биограф. свѣдѣніями. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Моноваловъ, Д.** Промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и современные приемы химической технологии. (Металлы, нефть, дерево, химическ. производства). Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Коровниковъ, Д.** Искусство выразительнаго чтенія. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Котельниковъ, М.** Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Круглый годъ.** Календарь и записная книжка на 1895 г. Ц. 75 к.
- Курнаковъ, Н.** О сложныхъ металлическихъ основаніяхъ. Разсужденіе. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Ласси.** «Тао те кингъ». Перев. съ китайскаго, съ введеніемъ Д. П. Конисси. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- Ли, Юнасъ.** Осужденный на вѣкъ. Раз-

- сказъ. Перев. съ норвежскаго. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- Ливчанъ, І.** Проектъ повсемѣстнаго сооруженія въ Россіи удешевленныхъ конноколейныхъ дорогъ. Вильна. 1893 г. Ц. 40 к.
- Лидовъ, А.** Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Съ 38 рис. въ текстѣ. Харьковъ. 1894 г. Ц. 3 р
- Стихотворенія. Смоленскъ. 1894 г. Ц. 60 к.
- Лихачевъ, Н.** Библиотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лонгфелло.** Стихотворенія. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Лухманова, Н.** Приемъшъ. Разсказъ ямщика. Съ 3 рис. М. 1894 г. Ц. 15 к.
- Любаскій, М.** Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Любимовъ, Н.** Исторія физики. Часть вторая. Періодъ средневѣковой науки. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Маврицкій, В.** Сборникъ правилъ и подробныхъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія мужскія и женскія, на 1894 — 1895 г. Изд. 8-е. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Золото. Романъ. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мансфельдъ, А.** Курсъ мельничнаго счетоводства. Руководство къ самообученію бухгалтеріи на мельницахъ по двойной итальянской системѣ. М. 1893 г. Ц. 2 р.
- Марауевъ, В.** Земледѣліе. Азотъ и ратеніе. М. 1894 г. Ц. 10 к.
- Масловскій, Д.** Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. II. Царствованіе Екатерины Великой. Съ планами, чертежами и схемами. Спб. 1894 г. Ц. съ атлас. 6 р.
- Майновъ, Л.** Историко-литературныя очерки. (Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Плетневъ, Погодинъ, Фетъ). Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Машины и станки для обработки картона.** М. 1895 г. Ц. 15 к.
- Менгеръ, Н.** Изслѣдованія о методахъ социальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Мережновскій, И.** Виноградная культура на сѣверѣ винодѣльческаго района. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Мицкій.** Итоги прожитаго. Стихотворенія. Сергіевъ Посадъ. Ц. 50 к.
- Мищенко, Я.** Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Х. Кіевъ. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Демосеенъ. Жизнь его и труды. Кіевъ. 1894 г. Ц. 35 к.
- Молло, М.** Правила адвокатской профессіи во Франціи. Перев. съ франц. М. 1894 г. Ц. 80 к.
- Мопассанъ-де-Гюи.** На водѣ. Сборникъ разсказовъ. Перев. съ франц. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М. 1894 г. Ц. 60 к.
- Мордовцевъ, Д.** Жертвы вулкана. Историч. романъ изъ послѣднихъ дней жизни Помпеи. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Морозовъ, А., и П—въ, А.** Послѣ ужина. Фарсъ въ 3-хъ дѣйств. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Настольный энциклопедическій словарь.** Вып. 89-й. (Субавицствъ—Райскія птицы). М. 1894 г. Ц. на простой бумагѣ 30 к., на веленев. бум. 40 к.
- Вып. 90-й. Ц. на веленовой бумагѣ 40 к., на простой 30 к.
- Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по центральной Азій.** Отдѣлъ зоологической. Т. I. Вып. V. Млекопитающія. 1894 г. Ц. 5 р. Выпуски I—IV по 5 рублей.
- Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р.** Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Вып. I. Спб. 1894 г. Ц. выпуска I р. 40 к.
- Объ устройствѣ водяныхъ closetовъ.** Съ 16 рис. въ текстѣ. М. 1894 г. Ц. 20 к.
- Орудія и методы естествознанія.** Вып. I. Микроскопъ и телескопъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Пеллико Сильвіо.** Мои темницы. Перев. В. Штейна. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Первая помощь при несчастіяхъ съ людьми.** Съ 45 рис. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Поздняковъ, Н.** По заолустьямъ. Разсказы и фотографіи. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Покровскій, Н.** Путеводитель по небу. М. 1894 г. Ц. 2 р.
- Поливановъ, А.** Очеркъ устройства продовольствованія русской арміи на придумайскомъ театрѣ въ кампаніи 1853—1854 и 1877 гг. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Послѣднее сочиненіе графа Л. Н. Толстого «Царство Божіе внутри Васъ».** Критическій разборъ. Харьковъ. 1894 г. Ц. 60 к.
- Потебня, А.** Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка. 1894 г. Ц. 1 р. 35 г.
- Пуше.** Жизнь земли. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Роменсъ, Д.** Наслѣдственность (критическое изложеніе теоріи Вейсмана Д. Д. Роменсомъ). Пер. Холодковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.
- Рубинштейнъ, С.** Хронологическій указатель указовъ и правит. распоряженій

по губерніямъ Западной Россіи, Бѣлорусіи и Малороссіи за 240 лѣтъ. Вильна. 1894 г. Ц. 5 р.

Русское литературное общество. Очеркъ дѣятельности общества за 1886—1894 г. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Русскіе художники. Илья Ефимовичъ Рѣпинъ. Спб. 1894 г. Ц. 12 р.

Садовскій, В. Винокурение изъ фруктовъ. Съ 15 рис. 1895 г. Ц. 60 к.

Сазоновъ, Г. Ростовщичество—кулачество. Наблюдения и изслѣдованія. Спб. 1894 г. Ц. р.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 90, 91, 92, 93. Спб. Ц. каждого тома 3 р.

Сельскій Хозяинъ. № 48, 49, 50. Ц. 20 к.

Серао, М. Прощай любовь. Романъ. Перев. съ итальянскаго. М. 1895 г. Ц. 60 к.

Сидоръвъ, В. Америка. Путевыя записки и впечатлѣнія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сказки русскаго народа. Рисунки Богатова. Вып. I и II. М. 1894 г. Ц. каждого вып. 25 к.

Соколовскій. Драгуны на травѣ. Наброски. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Справочная книга для ремесленниковъ. М. 1894 г. Ц. 1 р.

Справочная книжка международной выставки плододства и съѣзда плододовъ 1894 г. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

Стеллецкій, Н. (свѣщ.). Страстнующій украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. Кіевъ. 1894 г. Ц. 40 к.

Стенографическій отчетъ засѣданій IX съѣзда представителей акціонерныхъ земельныхъ банковъ. Съ 11-го по 27-го января 1894 г. Спб. 1894 г. Ц. 1.

Стефановскій, Д. О предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ. Очеркъ теоріи относимости доказательствъ. Ярославль. 1894 г. Ц. 1 р.

Стихотворенія Наркветы. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сто великихъ людей. Книга VI. Блаженный Августинъ, Францискъ Ассизскій (Дешевая Библиотека А. С. Суворина, № 266). Ц. 20 к., въ перепл. 35 к.

Струнгофъ, В. Курсы морского торговаго законодѣнія для мореходныхъ классовъ. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.

Сѣсицкій, Ю. Практическое руководство для должностныхъ лицъ волостного управления. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тайный порокъ. Выпускъ 2-й. I. Жизненный вопросъ нервной системы. Проф. А. Сикорскаго. — II. Цѣломудріе мужчинъ. Д-ра Окоркова. — III. Задачи воспитанія въ связи съ половую жизнью. А. Калмыковой. — IV. Творческая сила жизни. М. 1895 г. Ц. 20 к.

Тішаихъ, Р. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Перев. съ 7-го франц. изд. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к.

Титъ Ливій. Книга XXX и XXXIX. Перев. М. Мищенко. Кіевъ. 1894 г. Ц. каждой книги 80 к.

Трояновскій, Н. Здравоохраненіе личное и общественное. Краткое руководство для учебныхъ заведеній и всеобщаго употребленія. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 40 к.

Тютчевъ, Ф. Саложникъ и музыкантъ. Разсказъ. Съ 3 рис. М. 1894 г. Ц. 15 к.

Ульяновъ, К. Руководство для завѣдующихъ хозяйствомъ въ полкахъ, баталіонахъ и командахъ. Изд. 8-е, переработ. I. Защукомъ. Спб. 1894 г. Ц. 4 р. 50 к.

Утинъ, В. Государственное межеваніе и судопроизводство по межевымъ дѣламъ. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.

и Ушановъ, К. Уставы о воинской повинности и о военно-конской повинности. 4 изд. Ломжа. 1894 г. Ц. 3 р.

Фигье, Л. Пять вѣдшихъ чувствъ. Съ 20 рис. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Руководство къ фабрикаціи сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствов. приемамъ. Съ 44 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фурнье, А. Лечение сифилиса. Перев. Говсѣева. Изд. 2-е. Харьковъ. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Холодещій, А. Изслѣдованіе вліянія подвижной нагрузки на службу рельсовъ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Хруцовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Чайнинъ, А. Постройка глино-соломенной крыши. Съ 6 рис. Ц. 20 к.

Чекаловъ, Н. Vade-mecum I. Буква Ъ въ корняхъ, суффиксахъ и флексіяхъ словъ. Харьковъ. 1894 г. Ц. 5 к.

Чешихинъ, Е. Краткая исторія Прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига. 1894 г. Ц. 35 к.

Шевченко, Н. Положеніе логики среди другихъ предметовъ гимназическаго курса. Харьковъ. 1894 г. Ц. 25 к.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Т. I и II. Спб. 1894 г. Ц. каждого тома 1 р. 25 к.

Шеллеръ, А. (А. Михайловъ). Полное собраніе сочиненій. Т. XI. Семья Муратовыхъ (Безпечальное житіе.—И мюлотомъ и золотомъ.—Свѣсть). Цѣна по подпискѣ на все сочиненіе 25 р. Отдѣльно каждый томъ 2 р.

1835 — БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ — 1895

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1895 ГОДА ВЫДАЕТЪ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА изящной литературы **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Каждый нумеръ состоитъ въ общемъ изъ 3—4-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на рѣзкошной бумагѣ, съ 7—10 рисунками и съ копіями картинъ выдающихся художниковъ.

КРОМѢ 52 НУМЕРОВЪ ЖУРНАЛА, ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ БЕЗПЛАТНО

СТО ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ

I. ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ ИЗБРАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВСЕМІРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Романы и повѣсти: Додэ, Диккенса, Бретъ-Гардта, Золя, Кеплинга, Мопассана, Свифта, Сервантеса, Сенневича и др. Каждая книжка выходитъ отъ 15—20 листовъ. II. 40 нумеровъ «Новѣйшихъ модъ». III. 24 нумера «Новѣйшихъ модъ». IV. 40 нумеровъ игръ, задачъ и ребусовъ. V. 15 нумеровъ «Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій». VI. 12 выкроекъ въ натуральную величину. VII. 12 «Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ». VIII. Четыре нумера «Образцовъ для выпиливанія». IX. 1 Стѣнной календаръ (съ картою Россіи).

ПЯТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ

1) „НЕОБХОДИМАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ“.

Эта новая оригинальная и весьма цѣнная премія состоитъ изъ большого фоліанта въ 40 листовъ (640 страницъ), въ изящной оберткѣ, содержащаго всегда, вездѣ и вѣсѣмъ нужные свѣдѣнія, въ особенности эта книга принесетъ несомнѣнную пользу провинціальнымъ жителямъ.

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЫ:

1) „Возращеніе изъ гостей“ 2) „Сокольничій на охотѣ“, 3) Какъ началась живопись“ и 4) „Нападеніе волковъ“.

Кромѣ пяти бесплатныхъ премій, годовые подписчики могутъ получить **одновременно**, при подпискѣ чрезъ Главную Контору, новую большую акварельную картину (длина 22½ вершка, высота 16 вершковъ), воспроизведенную въ 23 краски, съ оригинала известнаго художника С. ВЕРЕЩАГИНА

„ЖЕРТВА ВОЛГИ“

(Картина изображаетъ известный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина).

Годовые подписчики, желающіе получить эту картину или другія за прежніе года, уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою на скалкѣ) **ОДИНЪ РУБЛЬ**.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. Цѣна за каждый металлическій бюстъ большого формата, на выборъ для подписчиковъ **ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ**, а неподписчиковъ **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** (безъ доставки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

На годъ (съ доставкою въ Спб. и по Имперіи) 8 р. На полгода 4 р. 50 к.

Безъ доставки на годъ: въ Спб. 7 р., въ Москвѣ—7 р. 50 к.

РАЗСРОЧКА ВЗНОСОВЪ ДОПУСКАЕТСЯ для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ (въ столицѣ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ.

Съ подпиской просятъ обращаться **исключительно** въ Главную Контору:

Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы по требованію бесплатно.

годъ изданія **83-й** — **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** — **1895**

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО въ двухъ изданіяхъ:
ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ выходитъ въ форматъ большихъ столичныхъ газетъ
СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи совершенно реформирована, увеличена въ форматъ, и дополнены всѣ отдѣлы. Въ каждомъ номерѣ газеты помѣщаются руководящія статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ внутренними и иностранными событіями, а также общественною жизнью. Не смотря на весьма скромную подписную цѣну на газету, всѣ свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ сообщаются при посредствѣ репортеровъ, специальныхъ корреспондентовъ и телеграммъ—

ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ СТОЛИЧНЫМИ ИЗДАНІЯМИ,
а потому газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ обновленномъ видѣ и по объему литературнаго матеріала, вполне замѣняетъ собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ И ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ, годовые подписчики получаютъ:

- 1) **52 НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ** въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщается въ теченіе года до 300 рисунковъ, а также и каррикатуры.
- 2) **40 НУМЕРОВЪ «РОМАНЫ И ПОВѢСТИ»** русскихъ и иностранныхъ писателей, что составитъ въ годъ нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
- 3) **12 НУМЕРОВЪ «МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ»**, замѣняющихъ для семьи «Модный журналъ».
- 4) «**СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ**» (съ картою Россіи), отпечатанный въ три краски и проч.

Подписная цѣна на **ПЕРВОЕ** изданіе (съ пересылкою по Имперіи):
На годъ **8 р.** На полгода **4 р. 50 к.** На три мѣс. **2 р. 50 к.** На одинъ мѣс. **1 р.**

ВТОРОЕ изданіе газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»

выходитъ **ЕЖЕДНЕВНО** листами даже и въ дни слѣдующіе за праздниками (въ годъ 360 номеровъ), въ форматъ меньше перваго, но по той же обширной программѣ и также безъ предварительной цензуры. Въ каждый номеръ газеты входятъ всѣ выдающіяся новости изъ придворной, духовной, административной, военной, ученой, внутренней и иностранной жизни. Въ отдѣлѣ беллетристики: оригинальные романы, повѣсти, рассказы, анекдоты, стихотворенія и проч. Статьи и замѣтки, имѣющія выдающийся интересъ, всегда дополняются художественными иллюстраціями.

Подписная цѣна на **ВТОРОЕ** изданіе (съ пересылкою по Имперіи):

На годъ—**4 р.** || На полгода—**2 р. 50 к.** || На три мѣс.—**1 р. 50 к.**

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ газеты „Сынъ Отечества“ могутъ получить какъ новыя большія акварельныя картины: „**БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ**“, проф. **И. Рѣпина** и „**ЖЕРТВА ВОЛГИ**“, худ. **С. Верещагина**, такъ и прежнія изданія (картины и гравюры), уплачивая за каждый экземпляръ (съ доставкой)—**ОДИНЪ РУБЛЬ.**

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: 1) **Е. И. В. Гос. Имп. АЛЕКСАНДРЪ III.** 2) **Е. И. В. Гос. Имп. МАРІЯ БЕОДОРОВНА.** 3) **Е. И. В. Гос. Имп. АЛЕКСАНДРЪ II** (въ Бозѣ почившій). 4) **Прот. ЮАННЪ СЕРГІЕВЪ** Кронштадтскій. Писатели: 5) **Пушкинъ**, 6) **Лермонтовъ**, 7) **Гоголь**, 8) **Тургеневъ**, 9) **Достоевскій**, 10) **графъ А. Толстой**. 11) **Композиторы:** Глинка и Чайковскій. Цѣна каждого бюста на выборъ, для подписчиковъ — четыре рубля, не подписчиковъ—пять рублей (безъ доставки).

Съ подпиской просятъ обращаться исключительно въ главную контору газеты:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, безплатно.

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ 1-го января 1895 года, при газетѣ «Сынъ Отечества», будетъ выходить въ свѣтъ, за особую подписную плату, **НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ**, въ видѣ совершенно самостоятельнаго большого литературнаго журнала подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА,

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРОЙ ВХОДЯТЪ:

новые романы, повѣсти и рассказы (историческіе и современные)

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

(Въ годъ двѣнадцать книгъ или 4.000 страницъ большого формата).

Приступая къ выпуску новаго ежемѣсячнаго изданія «ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА», мы не задаемъ цѣлью преслѣдовать какое нибудь модное направленіе, а ставимъ себѣ исключительною задачею дать нашимъ читателямъ въ обиліи здоровый по идеямъ и надлежащій въ смыслѣ художественнаго творчества матеріалъ для чтенія какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей, имѣя въ виду, что высокія подписныя цѣны, существующія на большіе литературные журналы, къ сожалѣнію, большинству не доступны. Организуя редакціонный составъ въ широкихъ размѣрахъ, мы пригласили къ участию извѣстныхъ писателей и журналистовъ, изъ коихъ многіе не только обѣщали свое сотрудничество въ будущемъ, но уже дали для помѣщенія въ первыхъ же книжкахъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» въ 1895 году **НОВЫЯ** свои литературныя произведенія.

Мы употребимъ все наши общія усилія, чтобы дать въ ежемѣсячныхъ книжкахъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» богатый по количеству и интересный по качеству литературный матеріалъ для чтенія, не смотря на скромную подписную годовую цѣну, которая возможна лишь исключительно въ виду обширности нашего издательскаго дѣла и нашей готовности отказаться, на первое время, отъ всякихъ прибылей, чтобы поставить дѣло на прочную почву.

Каждый томъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» будетъ содержать непременно одинъ новый законченный романъ или повѣсть, при томъ отнюдь не перепечатку литературныхъ произведеній, бывшихъ уже въ печати, какъ это нерѣдко практикуется въ послѣднее время. Соблюденіе послѣдняго условія совершенно выдѣляетъ наше новое изданіе изъ другихъ существующихъ дешевыхъ журналовъ.

Въ книжкахъ „ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ“, въ 1895 году, будутъ напечатаны слѣдующія **НОВЫЯ** оригинальныя произведенія, въ числѣ коихъ нѣкоторыя **извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:**

1) МИХАЙЛОВЪ, А. (А. К. Шеллеръ) — «Злая судьба» (романъ изъ современной жизни).	8) ЛЕМАНЪ, А. И. — «Порча жизни». Повѣсть.
2) ЯСИНСКИЙ, І. І. (Максимъ Бѣлинскій) — «Неоконченное дѣло» (большая повѣсть).	9) АЛЕКСАНДРОВЪ, А. «Безъ исхода». Ром.
3) МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. — «Искусительница» (романъ изъ восточной жизни).	10) СЪДОЙ (псевдонимъ), А. П. — «Хорошо жить на свѣтѣ». Большая повѣсть.
4) КАРНОВИЧЪ, К. — «Дитя обители» (историческій романъ изъ русской жизни).	11) ЗАРИНЪ, А. Е. — «Тихая пристань». Ром.
5) САФОНОВЪ, С. А. — «Незабудка» (новелла).	12) ДУБРОВИНА, Е. О. — «Миценіе». Романъ.
6) МАКСИМОВЪ, А. М. — «Счастье измѣнилось». Большой романъ.	13) ТАНГИЕВЪ, И. Е. А. «Загадочн. трупъ», ром.
7) НАЗАРЬЕВА, К. В. — «Наши защитники». Большой романъ изъ современной жизни.	14) КАЗИ-БЕНЪ, ЮРИЙ. — «Тайны минарета» (изъ жизни черкесовъ до покорен. Кавказа).
	15) МЕДВѢДСКИЙ, К. П. — «Дешевыя періодическія изданія и ихъ значеніе».
	16) ШВЕЦОВЪ, В. Г. — «Новости научныя и сельскохозяйственныя и 17) СМѢСЬ и проч.

Подписная цѣна на «ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ» (съ доставкой по Имперіи):

На годъ (за 12 книгъ) **ЧЕТЫРЕ** р. На полгода (за 6 книгъ) **ДВА** р. 50 к.

Первая книга «Домашней Библіотеки» выйдетъ 1-го января 1895 года.

4 р.

Съ подпиской просить обращаться исключительно въ Главную

Контору.

4 р.

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Второе
Десятилетіе
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА XI годъ
изданія.

ВОКРУГЪ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮ-
СТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮ-
ЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ.

Содержаніе каждого № составляютъ полныя захватывающаго интереса романы, изображающіе приключенія и путешествія во всѣхъ частяхъ свѣта, описанія путешествій, интересные повѣсти и рассказы, хроника событій, научныя извѣстія, смѣсь. Въ журналѣ попрежнему будутъ участвовать: Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. Н. Поталенко, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Нарзинъ, С. П. Мечъ, Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ, Э. Р. Циммерманъ, проф. А. Н. Гренъ, С. А. Качіони и многіе другіе. Иностранная литература путешествій и приключеній будетъ, какъ всегда, представлена

СВѢТА

въ журналѣ произведеніями ея корифеевъ: такъ, будутъ помѣщены новый романъ Жюль Верна, съ рисунками Беннета и Ру; романъ изъ жизни лопарей: «Снѣжная лглия», съ художественными иллюстраціями; романъ изъ эпохи возстанія сипаевъ: «Наслѣдникъ Раджи» съ рисунками Клериса и много другихъ. Очень оригинальный романъ военн. характера, написанный капитаномъ Дамири и, кромѣ того, повѣсти, рассказы и очерки Стівенсона, Киплинга, Райдера-Хаггарда, Андрэ Лори, Каниве и друг.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

50 №№ ВЪ
ГОДЪ.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

Б Е З П Л А Т Н О

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

МАЙНЪ-РИДА

- 1) Затеряющаяся гора.
- 2) Островъ діавола.
- 3) Квартирка.
- 4) Переселенцы Трансвааля.
- 5) Всадникъ безъ головы.
- 6) Водяная пустыня.

12
ТОМОВЪ.

- 7) Пропавшая сестра.
- 8) Морской волкъ.
- 9) Охотники за черепами.
- 10) Дочери скваттера.
- 11) Пролетка боерова.
- 12) Охотники за жирафами.

Кромѣ того, при доплатѣ **ОДНОГО** р. на упаковку и пересылку, годовые подписчики получатъ

РОСКОШНУЮ ПРЕМИЮ:

огромную, размѣромъ 17×27 вершк., художеств. **ОЛЕОГРАФИЮ**, испол. въ 40 крас. въ зав. бр. Кауфманъ въ Берлинѣ.

„ТЕРЕКЪ ШУМИТЪ“ съ картины художника САХАРОВА.

Эта большая картина изображаетъ горный пейзажъ на Кавказѣ «**ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА**». Исполненіе—верхъ художественности. Эффекты свѣта, ночное южное небо, пѣнящійся Терекъ—просто поразительны.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА ЗА ГОДЪ:

съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи вмѣстѣ съ собраніемъ сочиненій Майнъ-Рида.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА годовой цѣны по одному рублю въ 3 мѣсяца. Годовые подписчики, уладившіе за пересылку преміи 1 р., получатъ ее немедленно при первыхъ №№ журнала.

Адресъ редакціи «Вокругъ свѣта» Москва, Вадовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина. Паданіе Высочайше утв. Т-ва И. Д. Сытина.

4 р.

1) Присужденіе наградъ графа Уварова. — 2) Археологическая находка. — 3) Столѣтіе со дня рожденія И. И. Лажечникова. — 4) Кавалеристъ-дѣвица. — 5) Открытіе памятника Наумовичу. — 6) Некрологи: И. В. Васьяновъ; В. В. Поповъ; Г. А. Вульффертъ; К. А. Гавронскій.

1) По поводу статьи г. Орельскаго «Къ характеристикѣ князя Багратиона». А. А. Рейнбота. — 2) Е. А. Нарбутъ (некрологъ). А. Стоянова.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Императора Александра III. — 2) Викингъ. Романическая исторія изъ эпохи III и IV столѣтій. (Ivar the Viking). Сочиненіе Поля Дю-Шалью. Переводъ съ англійскаго. VIII—XVIII. — 3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ВОЗЗВАНІЕ

о пожертвованіи на сооруженіе памятника ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ въ г. Таганрогѣ.

Два вѣка тому назадъ ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ соединилъ всѣ свои Державныя помыслы на пересозданіе внутренней жизни Россіи въ связи съ расширеніемъ и укрѣпленіемъ ея границъ, опорой которыхъ на сѣверѣ и югѣ должны были служить морскія воды. На долю Азовскаго моря выпало счастье быть первою колыбелью новорожденного русскаго флота, который принялъ боевое крещеніе подъ стѣнами турецкой крѣпости на Таганьемъ-рогѣ и, одержавъ блестящую побѣду, покорилъ къ подножію Престола Таганій-рогъ съ его прибережьемъ, послужившимъ первою тропкою къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ Азовскаго и Чернаго морей, а тѣмъ самымъ и къ дальнѣйшему развитію могущества Россіи. Овладевъ Таганій-рогомъ, Петръ Великій заложилъ на немъ, въ благодарность Всевышнему, храмъ во имя Св. Троицы и крѣпость того же имени, а затѣмъ въ 1698 году учредилъ Троицкую губернію съ городомъ Троицкимъ на Таганьемъ-рогѣ, каковой городъ впоследствии, послѣ цѣлаго ряда политическихъ и историческихъ событій, былъ переименованъ въ Таганрогъ, существующій благополучно дониндѣ.

Признательные современные граждане города Таганрога, желая увѣковѣчить въ памяти потомства неопѣнимые для Россіи подвиги и дѣянія Императора Петра Великаго, предположили воздвигнуть въ Таганрогѣ, ко времени двухсотлѣтія съ основанія этого города, памятникъ Незабвенному Преобразователю Россіи, вблизи того священнаго мѣста на берегу Азовскаго моря, гдѣ Великій Петръ возносилъ державныя молитвы о будущности Россіи, предвидя своимъ гнѣвомъ, что этотъ уголокъ Азовскаго побережья послужитъ родоначальникомъ приморскихъ южныхъ странъ державы Россійской.

Благодарное стремленіе Таганрогскихъ гражданъ удостоилось Высочайшаго одобренія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и Его Императорское Величество, въ 5-й день іюня 1893 года Всемилоостивѣйше соизволивъ на сооруженіе въ городѣ Таганрогѣ памятника Императору Петру Великому и на разрѣшеніе Таганрогской городской думѣ открытъ для сего повсемѣстную по имперіи подписку съ тѣмъ, чтобы проектъ памятника былъ предварительно представленъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовозрѣніе.

Эта высокая Царская милость краснорѣчивѣ всякихъ словъ доказываетъ историческое значеніе будущаго памятника ПЕТРУ I, каковой народный памятникъ долженъ служить выразителемъ признательности благодарныхъ сыновъ Россіи «я Великому Преобразователю.

Осуществленіе размѣровъ и характера предполагаемаго памятника будетъ, разумѣется, зависѣть отъ размѣра матеріальныхъ средствъ, которыя поступятъ на его сооруженіе, а потому о всѣхъ пожертвованіяхъ и о всѣхъ дальнѣйшихъ предложеніяхъ по настоящему патриотическому дѣлу Таганрогское городское общественное управленіе почтетъ своимъ долгомъ оповѣщать во всеобщее свѣдѣніе.

Всѣ пожертвованія имѣютъ быть адресуемы: «Въ городѣ Таганрогѣ, Городской Управѣ, для комитета по сооруженію памятника Императору Петру Великому». Въ полученіи пожертвованій будутъ выдаваемы или высылаемы установленныя квитанціи.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ДЕКАБРЬ, 1894.

СОДЕРЖАНІЕ

ДЕКАВРЬ, 1894 г.

	СТР.
I. Потревоженный тѣни. Праздникъ Венеры. XI—XVII. (Окончаніе). С. Н. Тернигорова	603
II. Воспоминанія М. Ѳ. Каменской. XIII. (Окончаніе).	628
Иллюстрація: Марія Ѳедоровна Каменская.	
III. Старая скрипка. Повѣсть изъ быта музыкально-инструменталь- ныхъ мастеровъ и артистовъ. XV—XX. (Окончаніе). А. И. Лемана.	638
IV. О живыхъ и мертвыхъ. (Изъ воспоминаній). II. (Окончаніе). А. В. Круглова	660
V. Жизнь моей матери, или судьбы Провидѣнія. Е. Я. Березиной	681
VI. Воспоминанія А. А. Болубакиной. III—IV. (Окончаніе).	694
VII. Мертвые боги. Тосканская легенда. А. В. Амфитеатрова	722
Иллюстрація: Снимокъ древней латинской надписи.	
VIII. Вячеславъ Григорьевичъ Шварцъ. Г. А. Ф.	736
Иллюстраціи: 1) Вячеславъ Григорьевичъ Шварцъ.—2) Іоаннъ Грозный у гроба убитого имъ сына.—3) Іоаннъ Грозный на соколиной охотѣ.—4) Іоаннъ Грозный и іезуитъ Посевинъ.—5) Плачь Ярославны.	
IX. Желанія и ожиданія	762
X. Камеръ-юнкерская шляпа А. С. Пушкина. Барона Н. В. Дризена. Иллюстрація: Шляпа Пушкина.	775
XI. Къ біографіи А. А. Григорьева. П. Л. Юдина	779
XII. Историческіе силуэты. Графъ П. А. Толстой у Наполеона. В. К. Петерсена	787
XIII. Литературныя нужды и злобы. Б. В. Глинскаго	819
XIV. Русско-французскій союзъ при Екатеринѣ Второй. III—V. (Окон- чаніе). В. А. Тимирязева	828
XV. Критика и бібліографія	853
1) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томи 90, 91, 92 и 93. Спб. 1894. А. Б—ина.—2) М. Молло. Правила адвокат- ской профессіи во Франціи. Переводъ съ французскаго. Изданіе Н. П. Шу- бинскаго. Москва. 1894. Б. Гл.—3) Исторія германскаго народа. Карла Лампрехта. Томъ первый. Часть I и II. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова Москва. 1894. А. Н.—4) К. Гильти. Счастіе. Популя- рные очерки по нравственной философіи. Переводъ и предисловіе А. Острогор- скаго. Спб. 1894. Р. С.—5) Церковныя братства. Краткій статистическій очеркъ о положеніи церковныхъ братствъ къ началу 1893 года. А. Палкова. Спб. 1894. Е. Н. М.—6) В. Н. Сторожевъ. Родоначальникъ русской вѣтви Лермонтова. Москва. 1894. В. З.—7) Михаилъ Юрьевъ. Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. Выпускъ I-й. Москва. 1894. Z.—8) Томская губернская гимназія въ первое пятидесятилѣтіе ея существованія (1838—1888). Составилъ законо- учитель гимназіи А. А. Мисюревъ. Томскъ. 1894. Н. О.—9) Къ столѣтію ро- жденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника славянской взаимности. Кіевъ. 1894. В. З.—10) Положеніе о надзорѣ за дѣятельностью страховыхъ учрежденій и обществъ, съ дополнительными узаконеніями. Изданіе страхо- ваго отдѣла. Спб. 1894. П. Р.	
XVI. Историческія мелочи	872
1) Любовь въ исторіи.—2) Шекспиръ и его изображенія.—3) Проповѣд- ница мистицизма въ XVII вѣкѣ—4) Эпизодъ изъ исторіи прусско-саксон- скаго союза въ 1806 году.—5) Наполеонъ III и поляки.—6) Германская императрица дома.—7) Гладстонъ, какъ поэтъ.	
XVII. Заграничныя историческія новости	886

См. слѣдующую стран.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1894 года).

	СТР.
Старая скрипка. Повѣсть изъ быта музыкально-инструментальныхъ мастеровъ и артистовъ. А. И. Лемана 5, 354, 638	
Воспоминанія М. Ѳ. Каменской. XII—XIII. (Окончаніе). . . 37, 628	
Иллюстрація: Портретъ М. Ѳ. Каменской.	
Изъ лѣтописи усадьбы Сергѣевки. Б. Б. Глинскаго	57
Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго. XXXVIII—XLIII. (Окончаніе)	86
Типы современной деревни. (Продолженіе). VIII. Степанъ Бѣлыхъ. А. В. Круглова	112
Колонія душевно-больныхъ въ Бурашевѣ. А. П. Чехова	130
Иллюстраціи: 1) Видъ Бурашева при въѣздѣ.—2) Одинъ изъ корпусовъ (женскій) Бурашевскаго заведенія.—3) Избы, въ которыхъ живутъ спокойные душевно-больные. Баракъ для хроническихъ больныхъ, способныхъ къ работѣ. Двухсемейная изба (безъ женщинъ).	
Госпожа Сталь въ Россіи. А. С. Трачевскаго	160
Иллюстрація: Портретъ г-жи Сталь.	
Записки Г. Д. Скобельцына	189
Селиховы Дворы. (Изъ недавняго прошлаго). А. А. Танкова	211
Сказаніе о Николѣ Милостливомъ	220
Спасская Ружная, что на площади, церковь въ г. Ростовѣ Великомъ. А. А. Титова	237
Иллюстрація: Спасская Ружная церковь въ г. Ростовѣ.	
Иностранцы о войнѣ 1812 года. II—V. (Окончаніе). В. Т.	247
Императоръ Александръ III. (Руководящая идея Его царствованія). Ноябрь, I—XX	
Потроженные тѣни. Праздникъ Венеры. С. Н. Терпигорева	313, 603
О живыхъ и мертвыхъ. (Изъ воспоминаній). А. В. Круглова	340, 660
Воспоминанія. А. А. Колюбакиной	379, 694

	стр.
Личность Петра I въ исторической литературѣ. Ө. В. Благовидова	408
Посольство въ Хиву въ 1842 году. (По рассказамъ и запискамъ очевидца). И. Н. Захарьина	427
Воспоминанія бывшего учителя русскаго языка князя Бисмарка. В. Алексѣева	448
Поѣздка въ родовую вотчину Н. И. Новикова. А. А. Ярцева	459
Иллюстраціи: 1) Портретъ Н. И. Новикова. 2) Церковь въ имѣніи Н. И. Новикова.—3) Флигель времени Н. И. Новикова.—4) Каменная изба, построенная Н. И. Новиковымъ.	
Иванъ Андреевичъ Крыловъ. (Біографическій очеркъ). А. И. Лященко	491
Иллюстрація: Портретъ И. А. Крылова.	
Возрожденное древлехранилище. И. Ф. Тюменева	510
Иллюстраціи: 1) Видъ Новгородскаго музея съ восточной стороны.—2) Рисунки древнихъ предметовъ: знамя Кирилловскаго монастыря; грамота Іоанна Грознаго; братина; каменная фигура; вещи изъ могильника: бусы, подвѣска, пряжка мониста; настольный подсвѣчникъ; скорострѣльная пицаль; тихвинскій «чешнокъ»; коробъ для кольчуги.—3) Рисунки церковныхъ предметовъ; образъ «Благое молчаніе»; деревянное паникадило; образъ св. Никиты; желѣзный четырехсвѣчникъ; чугунное било; колоколь; монастырское било; желѣзный витой подсвѣчникъ; анадой; рѣзное изображеніе св. Параскевы Пятницы; голосники.	
Изъ исторіи колонизаціи востока. (По поводу «Описанія Амурской области», составленнаго Г. Е. Грумъ-Гржимайло, подъ редакціей П. П. Семенова). Б. Б. Глинскаго	531
Жизнь моей матери, или судьбы Провидѣнія. Е. Я. Березиной	681
Мертвые боги. Тосканская легенда. (А. М-г Mounet-Sully). А. В. Амфитеатрова	722
Иллюстрація: Снимокъ древней латинской надписи.	
Вячеславъ Григорьевичъ Шварцъ. Г. А. Ф.	736
Иллюстраціи: 1) Вячеславъ Григорьевичъ Шварцъ.—2) Иванъ Грозный у гроба убитаго имъ сына.—3) Іоаннъ Грозный на соколиной охотѣ.—4) Іоаннъ Грозный и іезуитъ Поссевинъ.—5) Плачь Ярославны.	
Желанія и ожиданія	762
Камеръ-юнкерская шляпа А. С. Пушкина. Барона Н. В. Дризена	775
Иллюстрація: Шляпа Пушкина.	
Къ біографіи А. А. Григорьева. П. Л. Юдина.	779
Историческіе силуэты. Графъ П. А. Толстой у Наполеона. В. К. Петерсена.	787
Литературныя злобы и нужды. Б. Б. Глинскаго.	819
Русско-французскій союзъ при Екатеринѣ Второй. III—V. (Окончаніе). В. А. Тимирязева	828

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

1) Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Выводы и заключенія Н. П. Семенова. Спб. 1894. Б. Б. Глинскаго.—2) Франція и славянство. Рѣчь С. Н. Шаралова въ Славянскомъ обществѣ. Спб. 1894. Вл. З.—3) Повседневная записъ замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ, Кроткова. Спб. 1894. Е. Н. М.—4) Годичный отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ е. и. в. великаго князя Алексѣя Александровича, за 1893 годъ. Москва. 1894. П. А.—5) Очеркъ эксплуатаціи Николаевской желѣзной дороги Главнымъ Обществомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, 1868—1893 гг. Составлено управленіемъ дороги. Часть I. Спб. 1894. В. П.—6) А. Е. Прѣсняковъ. «Царственная Книга», ея составъ и происхожденіе. Спб. 1894. Г. Щапова.—7) Фредерикъ Винкель Горнъ. Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ приложеніемъ этюда Ф. Швейцера «Скандинавское творчество новѣйшаго времени». Переводъ К. Бальмонта. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1894. А. Н.—8) Михаилъ Юрьевъ. Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. Москва. 1894. Вл. З.—9) «Кавказскій Сборникъ», издаваемый съ высочайшаго соизволенія по указанію государя великаго князя Михаила Николаевича въ бытность его императорскаго высочества главнокомандующимъ Кавказскою арміею. Подъ редакцію артиллеріи генералъ-лейтенанта Черныявскаго. Томъ XV. Тифлисъ. 1894. Е. Козубскаго.—10) Саратовскій край. Историческіе очерки, воспоминанія, матеріалы. Изданіе Саратовскаго общества вспоможенія нуждающимся литераторамъ. Выпускъ первый. Саратовъ. 1894. В. Б.—11) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Тома 90, 91, 92 и 93. Спб. 1894. А. Б.—12) М. Молло. Правила адвокатской профессіи во Франціи. Переводъ съ французскаго. Изданіе Н. П. Шубинскаго. Москва. 1894. Б. Гл.—13) Исторія германскаго народа. Карла Лампрехта. Томъ первый. Часть I и II. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1894. А. Н.—14) К. Гильти. Счастіе. Популярныя очерки по нравственной философіи. Переводъ и предисловіе А. Острогорскаго. Спб. 1894. Р. С.—15) Церковныя братства. Краткій статистическій очеркъ о положеніи церковныхъ братствъ къ началу 1893 года. А. Цапкова. Спб. 1894. Е. Н. М.—16) В. Н. Сторожевъ. Родоначальникъ русской вѣтви Лермонтова. Москва. 1894. В. З.—17) Михаилъ Юрьевъ. Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. Выпускъ I-й. Москва. 1894. З.—18) Томская губернская гимназія въ первое пятидесятилѣтіе ея существованія (1838—1888). Составилъ законоучитель гимназіи, А. А. Мисюревъ. Томскъ. 1894. Н. О.—19) Къ столѣтію рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника славянской взаимности. Кіевъ. 1894. В. З.—20) Положеніе о надзорѣ за дѣятельностію страховыхъ учрежденій и обществъ, съ дополнительными узаконеніями. Изданіе страховаго отдѣла. Спб. 1894. П. Р. 271, 549, 853

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

1) Королевскія охоты въ XVI вѣкѣ.—2) Отецъ авглійской журналистики.—3) Интервью Клопштока.—4) Культъ Гете.—5) Эпизодъ изъ исторіи французскаго владычества въ Италіи.—6) Декабрская имперія и ея творецъ.—7) Смерть графа Парижскаго.—8) Гробница Александра Македонскаго.—9) Первая бібліотека и первые броненосцы.—10) Правда объ испанской армадѣ.—11) Развлеченія Оливера Кромвеля.—12) Происхожденіе

французскихъ аристократовъ.—13) Ученый шутъ.—14) Вольтеръ, какъ коммерсантъ.—15) Жена Руссо.—16) Два итальянскіе памятника.—17) Дипломаты и салоны третьей республики.—18) Любость въ исторіи.—19) Шекспиръ и его изображенія.—20) Проповѣдникъ мистицизма въ XVII вѣкѣ.—21) Эпизодъ изъ исторіи прусско-саксонскаго союза въ 1806 году.—22) Наполеонъ III и поляки.—23) Германская императрица дома.—24) Гладстонъ, какъ поэтъ 278, 566, 872

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 294, 581, 886

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Изъ разсказовъ графа А. А. Аракчеева. Сообщилъ А. Л. . . 301

СМѢСЬ:

1) Празднованіе столѣтія Одессы.—2) Семидесятилѣтняя годовщина смерти Козодавлева.—3) Открытіе памятника И. О. Богдановичу въ Курскѣ.—4) Историческое общество.—5) Археологическая находка.—6) Памятникъ на могилѣ Н. В. Шелгунова.—7) Присужденіе наградъ графа Уварова.—8) Археологическая находка.—9) Столѣтіе со дня рожденія И. И. Лажечникова.—10) Кавалеристъ-дѣвица.—11) Открытіе памятника Наумовичу.—12) Десятое присужденіе Пушкинскихъ премій.—13) Археологическое общество.—14) Открытіе памятника Г. З. Елисееву.—15) Двадцатипятилѣтіе смерти В. П. Боткина.—16) Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1893 годъ.—17) XXV-й годовоіъ отчетъ Общества для распространенія свѣдѣній въ Россіи за 1893 годъ.—18) Двадцатипятилѣтіе торговаго дома В. Бессель и Комп.—19) Некрологи: Е. И. Утинъ; И. О. Нильскій; А. А. Благовѣщенскій; И. В. Васьяновъ; В. В. Поповъ; Г. А. Вульфертъ; К. А. Гавронскій; А. В. Щербакъ; В. А. Бецъ; князь Н. К. Имеретинскій; А. О. Беземан. 305, 588, 893

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) По поводу статьи г. Овельскаго «Къ характеристикѣ князя Багратіона». А. А. Рейнбота.—2) Е. А. Нарбутъ (некрологъ). А. Стоянова.—2) Къ біографіи графа А. А. Закревскаго. Графа А. Д. Нессельроде и князя А. Д. Друцкого-Соколинскаго 594, 902

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты Императора Александра III, А. А. Нильскаго и Н. П. Колюбакина. — 2) Викингъ. Романическая исторія изъ эпохи III и IV столѣтій. (Ivar the Viking). Сочиненіе Поля Дю-Шалью. Переводъ съ англійскаго. 3) Указатель личныхъ именъ упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» за 1894 годъ, и гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника».—4) Объявленія книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ КОЛЮБАКИНЪ.

ДОВ. ЦЕНЗ. СЪБ., 25 НОЯБРЯ 1894 Г.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ 1895 ГОДУ
(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1895 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія пятнадцать лѣтъ (1880—1894).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ¹⁾.

Праздникъ Венеры.

XI.

Я ПРОСНУЛСЯ отъ холода. Мнѣ было страшно холодно, и я хотѣлъ потянуть на себя одѣяло, чтобы плотнѣе закрыться; но не успѣлъ сдѣлать еще никакого движенія, какъ почувствовалъ нестерпимую головную боль и остановился, боясь пошевелиться.

Вскорѣ я услыхалъ какіе-то голоса. Я вслушался. Говорилъ Никифоръ, нашъ человѣкъ, и съ нимъ еще кто-то. Я хотѣлъ открыть глаза, чтобы увидеть, и не могъ этого сдѣлать. Я чувствовалъ и руки, и ноги мои, но онѣ были до того отяжелѣлыя и лежали, какъ чужія, что я не могъ ими двигать.

Немного погодя, я услыхалъ, какъ Никифоръ спрашивалъ кого-то: не пора ли перемѣнить? Другой голосъ ему что-то глухо отвѣтилъ. Потомъ я услыхалъ стукъ, похожій на то, когда рубить на кусочки ледъ, и онъ падаетъ обратно въ тазъ.

Затѣмъ я почувствовалъ, что у меня сняли съ головы что-то горячее и на это же мѣсто положили холодное. «Это они ледъ мнѣ прикладываютъ»,—догадался я.

Мнѣ скоро стало легче. Я открылъ глаза. Я увидалъ, прежде всего, что было сѣренькое утро. Въ комнатѣ, совершенно для меня

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVIII, стр. 313.

незнакомой, было неуютно, скучно, пусто. На низенькомъ, длинномъ турецкомъ диванѣ, тянувшемся вдоль всей правой стороны комнаты, сидѣлъ Никифоръ съ какимъ-то, неизвѣстнымъ мнѣ, чернымъ, чахлаго вида, лѣтъ сорока, человѣкомъ, и они шепотомъ разговаривали. Въ комнатѣ и вообще кругомъ тишина была самая полная. Я услыхалъ, черный сказалъ:

— Предводитель ничего не сдѣлаеть. Вы не знаете—сила!

— Михайль-то Дмитричъ ничего не сдѣлаеть?—возражалъ Никифоръ.—У него силы-то побольше!

Черный человѣкъ болѣзненно-грустно улыбнулся и, покачавъ головой, продолжалъ:

— Онъ въ Москвѣ что дѣлалъ! вы не знаете! А у себя въ подмосковномъ-то! Это вы вѣдь представить себѣ не можете! Ну, мы крѣпостные, положимъ, съ нами, что хочешь, все можно сдѣлать. А онъ вѣдь съ чиновничьими и купеческими дочерьми что дѣлалъ! Затаскивалъ ихъ, по недѣлямъ, по мѣсяцамъ у себя держалъ, и ничего! И полиція знала его, и генераль-губернаторъ... Что съ нимъ подѣлаешь? Ничего вы съ нимъ не подѣлаете!

— А все-таки я такъ думаю, если Михайль Дмитричъ захочетъ... опять началъ Никифоръ.

Но черный не дослушалъ, махнулъ рукой, дескать, что тутъ ужъ сдѣлаеть твой Михайль Дмитричъ.

Потомъ они помолчали и начали говорить о волѣ, про которую всѣ тогда говорили, хотя почему-то съ опаской и оглядываясь. Они заговорили и о волѣ такъ же уныло и безнадежно: стоитъ ли ужъ надѣяться, ждать?

— Нѣтъ, оно дать-то ее дадутъ, только не скоро еще—намъ не дожждаться!—смотря упорно на полъ и какъ бы разглядывая что, говорилъ черный: — дать-то дадутъ ее, это вѣрно, что дадутъ, да когда?

Онъ поднималъ голову и посмотрѣлъ на Никифора. Тотъ молча глядѣлъ на него, съ выраженіемъ, что, дескать, вамъ это лучше извѣстно.

Я совершенно автоматически слушалъ ихъ, нисколько не интересуясь ихъ разговоромъ, не зная, гдѣ я, что со мною. Все, что я испыталъ, видѣлъ и отчего находился теперь въ такомъ положеніи, у меня точно отшибло изъ памяти.

Я опять закрылъ глаза. Мнѣ хотѣлось только полного покоя; я боялся въ это время только, чтобы ктонибудь или чтонибудь не обезпокоило меня.

Я какъ сейчасъ помню это странное, полуживое состояніе одѣпенія, въ которомъ я тогда находился. Потомъ я его никогда ужъ не испытывалъ и, можетъ быть, потому я его такъ хорошо и запомнилъ.

Такъ же ясно и живо помню я, какъ явилось у меня потомъ

сознаніе, и я вспомнилъ все, все до мельчайшихъ подробностей и сразу. Болѣзненнаго вида человѣкъ, разговаривавшій съ Никифоровомъ, закашлялъ, но тихо, очевидно, закрывая себѣ ротъ рукой, и никакъ не могъ остановиться. Онъ мнѣ не мѣшалъ, и я открылъ глаза, ужъ самъ не знаю почему. Смотри въ его сторону, мнѣ показалось, что что-то блеститъ на стулѣ возлѣ дивана, на которомъ онъ сидѣлъ. Я сталъ всматриваться и увидалъ, что это длинная сломанная золоченая палка, увитая зеленью и лентами. Увидалъ я ее, и сразу вспомнилъ все, рѣшительно все, хотя и—странно—въ обратной какой-то послѣдовательности: сперва ужинъ, раскраснѣвшіяся лица, вѣнки изъ зелени и цвѣтовъ, обнаженные руки, груди, плечи, огни, блескъ золоченой серебряной посуды, и ужъ послѣ всего стали развертываться передо мной картины того, что было раньше, передъ тѣмъ... Я, не отдавая себѣ отчета, жадно всматривался—именно всматривался—въ эти картины воспоминанія, до того онѣ были живы передъ моими глазами.

Я услыхалъ опять голосъ Никифора и болѣзненнаго вида человѣка, шедшихъ ко мнѣ отъ дивана. Никифоръ о чемъ-то спрашивалъ меня, но я смотрѣлъ на него, ничего ему не отвѣчая; мысли мои были далеко. Наконецъ, я всмотрѣлся, вслушался и понялъ, что они спрашиваютъ меня, какъ я себя чувствую, что со мной. Картины воспоминаній начали уходить, отступать, и я что-то отвѣтилъ.

— Теперь бы вѣдь и ѣхать можно,—говорилъ Никифоръ.

Я смотрѣлъ на него, ничего не понимая.

— Домой надо ѣхать! Пора!—добавилъ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на мой вопрошающій взглядъ.—Охъ, Господи! Господи!—продолжалъ Никифоръ.

Между тѣмъ болѣзненнаго вида человѣкъ развязалъ мнѣ повязанную голову, что-то оправилъ на мнѣ,—вообще орудовалъ вокругъ меня, давалъ что-то нюхать, прикладывалъ ладонь къ моему лбу, къ темени.

Никифоръ помогъ мнѣ подняться съ дивана—я, оказалось, лежалъ на диванѣ—и, поддерживая подъ руки, хотя этого вовсе не нужно было, повелъ къ окну, къ стулу, на которомъ стоялъ тазъ и умывальникъ. Онъ заставлялъ все меня еще и еще умывать лицо, говоря, что вода холодная—это очень хорошо; и на голову онъ мнѣ все лилъ воду. Я повиновался, какъ маленькій совѣмъ, не возражая, не разсуждая; онъ мнѣ говорилъ, и я исполнялъ.

Когда я умылся, причесался, одѣлся, онъ, смотря на меня, провѣряя, все ли въ порядкѣ, испытующе и подозрительно спросилъ:

— Ну, что-жъ, ничего теперь? ѣхать можно? А то какъ было показаться въ такомъ видѣ!

Я все молчалъ.

Болѣзненнаго вида человѣкъ опять подошелъ ко мнѣ, глухо кашлянулъ и съ серьезнымъ лицомъ еще разъ приложилъ руку мнѣ ко лбу.

— Ничего, можно теперь, — проговорилъ онъ, обращиваясь на Никифора.

— Мусьё Рамбо гдѣ же теперь найдешь! — не обращая вниманія на удостовѣренія болѣзненнаго человѣка и какъ бы разсуждая самъ съ собою, продолжалъ Никифоръ. — Да если и найдешь его, въ какомъ онъ видѣ-то теперь! Нѣтъ, ужъ мы одни поѣдемъ! Лучше пускай онъ тутъ остается, потомъ пріѣдетъ.

XII.

Никифоръ, поглядывая на меня и переговаривая съ болѣзненнаго вида человѣкомъ, — при чемъ я разобралъ только, что Никифоръ сказалъ ему: «ужо вечеромъ пріѣзжайте; заплатятъ вамъ, поблагодарятъ», — подаль мнѣ мое пальто-накидку, мою матросскую фуражку, и мы ушли всѣ втроемъ изъ комнаты; куда, какой дорогой, я ничего не зналъ и не понималъ. Изъ одной пустой комнаты мы переходили въ другую, точно такую же, и шли дальше, поспѣвая, какъ бы уходя отъ кого или избѣгая съ кѣмъ нибудь встрѣчи. Наконецъ, мы дошли до комнаты, похожей на переднюю. Никифоръ отворилъ дверь изъ нея, и мы очутились на крыльцѣ маленькомъ, довольно ветхомъ, выходившемъ въ садъ. Съ крыльца мы сошли и направились, также молча и поспѣшно, направо, вдоль стѣны дома, между кустовъ сирени. Потомъ черезъ какую-то калитку вышли изъ сада на дворъ, тоже мнѣ совсѣмъ незнакомый, заросшій сорной травой, крапивой, лопухами. Никифоръ крупно шагаль, я за нимъ. Болѣзненнаго вида человѣкъ исчезъ, его ужъ не было съ нами.

Черезъ этотъ дворъ, черезъ крапиву, лопухи мы добрались до какихъ-то длинныхъ, деревянныхъ полуразвалившихся строеній, которыя оказались потомъ конюшнями. Тамъ Никифоръ оставилъ меня одного, а самъ пошелъ отыскивать кучера. Они оба скоро пришли и поспѣшно принялись выводить лошадей и запрягать ихъ въ карету. Я стоялъ и смотрѣлъ на нихъ. Кучеръ Евграфъ, отрывочно о чемъ-то перекидываясь отдѣльными фразами съ Никифоромъ, время отъ времени, закладывая лошадей, поглядывалъ на меня; и я видѣлъ по глазамъ его, что онъ смотритъ на меня и съ любопытствомъ, и съ какой-то тревогой.

Когда лошади были запряжены наконецъ, Евграфъ молча взобрался на козлы, Никифоръ отворилъ дверцу кареты, посадилъ меня, потомъ захлопнулъ дверцу, по привычкѣ необыкновенно шумно, и, крикнувъ кучеру: «пошелъ!», на ходу взобрался на козлы.

Мы выѣхали со двора, никѣмъ не провожаемые, никѣмъ не останавливаемые; кругомъ не было видно ни души: было еще очень рано.

Я совсѣмъ не зналъ, гдѣ мы ѣхали. Мы вышли хоть изъ дома, но съ той его стороны, которой я никогда не видывалъ, потому мы шли дворомъ, котораго я тоже не зналъ, и теперь мы ѣхали совсѣмъ не той дорогой, которой пріѣхали. Это пустое обстоятельство меня почему-то очень занимало, и я все всматривался черезъ окно въ окружающую мѣстность.

Когда мы порядочно ужъ отъѣхали отъ Знаменскаго, и вдали виднѣлся нашъ садъ, нашъ домъ, наша усадьба, лошади пошли шагомъ, а Никифоръ, обернувшись съ козелъ ко мнѣ, началъ говорить со мной черезъ маленькое окошко, что въ каретѣ, позади козелъ.

— Вы все какъ есть, все говорите по правдѣ, какъ было: какъ онъ насъ увидалъ на мосту, какъ зазвалъ къ себѣ, какъ приказалъ каретѣ ѣхать во дворъ, а самъ съ вами пошелъ въ садъ. Все, все, какъ было, говорите! Ничего, все равно, не скроешь; хуже только напутаемъ!

Я молчалъ. Онъ поговорилъ мнѣ еще, какъ бы съ намѣреніемъ успокоить, ободрить меня. Лошади опять пошли рысью, и скоро мы были дома.

На крыльцѣ насъ встрѣтилъ отецъ. Ему были поданы бѣговыя дрожки, на которыхъ онъ обыкновенно ѣзжалъ въ поле, и, очевидно, онъ собирался сейчасъ ѣхать. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на насъ.

— Откуда это вы? — услыхалъ я, какъ только остановились лошади.

Никифоръ ему что-то отвѣтилъ.

— Откуда? — переспросилъ отецъ, очевидно, не разслышавшій, или не понявшій, какимъ какимъ образомъ мы попали къ Емельяникову.

Никифоръ спрыгнулъ съ козелъ, отворилъ карету и выпустилъ меня. Отецъ потянулся было ко мнѣ, но вдругъ съ испуганнымъ лицомъ остановился.

— Что съ тобой?

— Я—ничего! — отвѣтилъ я.

— Онъ боленъ? Что съ нимъ? — переводя глаза на Никифора, продолжалъ отецъ.

— Теперь отходили... А то дѣйствительно...

— Да что такое было? Я ничего не понимаю! Какъ вы попали къ Емельяникову? А мсье Рамбо гдѣ же?

— Они тамъ остались, въ Знаменскомъ, — тихимъ голосомъ и съ печальнымъ видомъ началъ Никифоръ.

Отецъ вскинулъ плечами, дескать «ничего не понимаю», махнулъ рукой и, обнявъ меня, повелъ въ домъ.

— Какъ вы попали туда, къ Емельянинову, въ Знаменское?—спрашивалъ онъ меня дорогой, въ надеждѣ, вѣроятно, лучше и скорѣе добиться отъ меня, въ чемъ дѣло и какъ все случилось.

— Мы ѣхали вчера отъ дяди и встрѣтили его на мосту. Ну, онъ насъ и пригласилъ,—отвѣчалъ я.

— И что-жъ вы у него дѣлали? Вѣдь это вчера было? Ты боленъ! У тебя лицо какое!

— Нѣтъ, ничего.

— А что было съ тобой?

— Я не помню, что. Мнѣ вина все наливали...

Отецъ помолчалъ и крикнулъ:

— Никифоръ!

Явился Никифоръ.

— Что тамъ такое было? Ты что видѣлъ?

— Я ничего не видалъ-съ, — отвѣчалъ Никифоръ. — Это все у нихъ тамъ, въ саду было. Они тамъ съ мусье Рамбо были. Мнѣ какъ же туда было пойти! И потомъ за ужиномъ...

— Да что же такое было?!—продолжалъ допытываться отецъ, очевидно, ужъ начинавшій догадываться о томъ, что такое происходило у Емельянинова, и чего мы тамъ были свидѣтелями и зрителями.

— Тамъ у него представленіе какое нибудь было? Что тамъ такое было?—опять обратился онъ ко мнѣ.

— Было представленіе.

— Что-жъ такое?

— Танцы, а потомъ...

Я замаялся. Онъ съ грустнымъ лицомъ, какъ будто несчастье или горе какое узналъ, смотрѣлъ на меня.

— А потомъ?—повторилъ онъ.

— А потомъ былъ праздникъ Венеры,—сказалъ я, и почему-то добавилъ:—тоже въ саду, въ костюмахъ и съ факелами.

— И ты все это видѣлъ!—воскликнулъ вдругъ онъ.—Еще участвовалъ, пожалуй!

— Да, они меня повели...

— Кто они—Рамбо и Емельяниновъ?

Я хотѣлъ было сказать откровенно, какъ все было съ «русалкой-рыбачкой», но у меня положительно не хватило на это духу. Я чувствовалъ, что никакъ и ни за что не рѣшусь въ этомъ признаться, не только не начну самъ объ этомъ рассказывать. И потомъ, какъ же я такъ выдамъ ее, скажу, что это она все сдѣлала, повлекла меня туда, въ храмъ Венеры?

— А виномъ тебя когда же поили?—смотря на меня съ не-

обыкновенной грустью, жалостью и какъ бы убитый всѣми этими извѣстіями, спросилъ отецъ.

— Это за ужиномъ, потомъ.

— Но... а мсѣ Рамбо что-жь? Что-жь, онъ ничего, ничего не говорилъ Емельянинову?

— Онъ говорилъ,—началь было я, но отецъ перебилъ меня.

— Онъ отчего же тамъ остался? Почему онъ не пріѣхалъ? Онъ что тебѣ сказаль?

— Я не видалъ его.

Отецъ покачалъ головой, вздохнулъ и началъ ходить по кабинету изъ одного конца его въ другой. Я молчалъ, слѣдя за нимъ глазами. Наконецъ, онъ остановился передъ окномъ, спиной ко мнѣ, и смотрѣлъ въ него. Прошло съ минуту.

Вдругъ дверь въ кабинетъ отворилась, и къ намъ вошла матушка. Какъ ни рано было еще, но ее, должно быть, разбудили извѣстіемъ, что я пріѣхалъ, и она поспѣшила меня увидетьъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ней. Она хотѣла меня обнять, но по моему лицу, по всей моей фигурѣ она, должно быть, замѣтила, что что-то произошло, случилось со мною, и потомъ это странное необычное настроеніе отца, и она остановилась, недоумѣвающе и испуганно смотря то на него, то на меня.

— Что тутъ было? Что такое? Въ чемъ дѣло?—разстерянно спрашивала она.

Отецъ, вмѣсто отвѣта, только махнулъ рукой, подошелъ къ письменному столу и сѣлъ. Матушка, все ничего не понимая, не зная, смотрѣла на насъ, потомъ сѣла на диванъ и начала меня спрашивать. Я стоялъ передъ ней и повторялъ тѣ же неясные отрывочные отвѣты, что дѣлалъ и отцу.

Она скоро догадалась, поняла, въ чемъ дѣло, что за представленіе устроилъ для насъ Емельяниновъ. Она задавала мнѣ все новые вопросы. Я отвѣчалъ ей, и съ каждой новой подробностью она возмущалась сильнѣе и сильнѣе. Обыкновенно тихая и снисходительная, вообще сдержанная, она теперь, когда дѣло коснулось меня, и, по ея мнѣнію, грозила мнѣ какая-то опасность, она не могла совладать съ собою. Я никогда не видалъ ея такой ни раньше, ни позже. Она волновалась, говорила, чтобы отецъ сейчасъ же ѣхалъ и жаловался на Емельянинова, требовалъ, чтобы его удалили изъ имѣнія и вообще отсюда. Она сама хотѣла сейчасъ же ѣхать и жаловаться, просить, настаивать на его удаленіи, и кончила тѣмъ, что разрыдалась, беспомощно упавъ лицомъ на диванъ.

Эта сцена, да вообще вся эта исторія у меня передъ глазами до сихъ поръ, какъ будто все это было лишь надняхъ. Я помню до мельчайшихъ подробностей, до малѣйшихъ оттѣнковъ тѣ душевные переходы, которые я тогда испытывалъ: и стыдъ, и жгу-

чее обидное чувство за то снисходительное отношеніе къ мнѣ, какъ къ неимѣющему совершенно ужъ никакой своей воли, своего разсудка и котораго поэтому нельзя ни въ чемъ даже винить. Обиднымъ и оскорбительнымъ было для меня потомъ и отношеніе всѣхъ за меня тоже къ мсьѣ Рамбо, то-есть отзывы о немъ. (Самъ онъ къ намъ не вернулся, а прислалъ черезъ нѣсколько дней за своими вещами). Наконецъ, всѣ эти распросы меня, узнаванія стороною черезъ подосланныхъ къ Емельянинову, то-есть къ его дворнѣ, людей о томъ, какъ и что именно было, во всѣхъ ненужныхъ и праздныхъ подробностяхъ, при чемъ дознались даже до имени «рыбачки-русалочки», которая тогда, на этомъ праздникѣ Венеры, была моей покровительницей, и ее бранили. За что? При чемъ она тутъ? Были оскорблены этой придиричливой и ненужной мелочностью всѣ мои душевныя движенія и чувства, и при этомъ самое обидное—лицемѣрное отыскиваніе виновныхъ и оставленіе совсѣмъ въ сторонѣ меня, какъ ни въ чемъ неповинной жертвы; точно не я самъ согласился зайти къ Емельянинову, куда ужъ давно меня такъ подмывало любопытство, и чему я былъ такъ радъ. Не будь у меня тогда этого любопытства, желанія посмотрѣть, что такое театръ, акрисы и проч., я, конечно, не согласился бы зайти. И какъ это насильно Емельяниновъ затащилъ бы меня къ себѣ, или заставилъ бы меня пойти къ Емельянинову мсьѣ Рамбо? Емельяниновъ такой-сякой, негодяй, бранять его—я молчу. Онъ старый развратникъ, разоритель своихъ крестьянъ и т. д., и т. д.—я согласенъ. Но начинаютъ говорить неправду, несправедливости, начинаютъ бранить Рамбо, взводить на него всякія небылицы: и Емельяниновъ подговорилъ его, когда мы были еще у дяди въ Михайловскомъ, заѣхать къ нему, и было это все подготовлено со стороны Емельянинова, то-есть, что онъ вышелъ, подъ видомъ прогулки, встрѣчать насъ, и, можетъ быть—почемъ знать—Емельяниновъ, понявъ, что Рамбо такой же точно, какъ и онъ, подкупилъ его, заплативъ ему. Богъ знаетъ, что говорили! Когда никого, кромѣ меня, тутъ не было, бѣдную «рыбачку-русалку», оставившую по себѣ такія живыя во мнѣ воспоминанія, не называли иначе, какъ «дѣвкой», да еще съ разными вовсе, казалось, не идущими къ ней добавленіями.

И я все это долженъ былъ выслушивать, ничего не возражать, потому что всѣ считали, что свѣдѣнія, добытыя ими, самыя вѣрныя, а я ничего не знаю, да, кажется, едва ли и могу что знать въ этомъ случаѣ и понимать.

ХІІІ.

Это все такъ продолжалось долго. На меня всѣ смотрѣли съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ, какъ на человѣка, побы-

вавшего въ невѣдомыхъ и далекихъ странахъ и видѣвшаго тамъ несказанныя чудеса. Я былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предметомъ общаго участливаго сожалѣнія обо мнѣ. Всѣ чуть не оплакивали меня, какъ если не совсѣмъ еще погибшаго, то ужъ во всякомъ случаѣ изломаннаго, потерявшаго всѣ свои добродѣтели и достоинства. Такое настроеніе всѣхъ, послѣдовавшее за взрывомъ негодованія послѣ перваго извѣстія, обратилось въ какое-то безразсвѣтное, безконечное томленіе и скуку, переносить которыя, я чувствовалъ, у меня скоро не хватитъ силъ.

Но вотъ однажды, недѣли черезъ двѣ, три послѣ этого событія къ намъ пріѣхалъ дядя Михаилъ Дмитричъ, по обыкновенію, вечеромъ и, по обыкновенію, уже съ тѣмъ, чтобы и ночевать у насъ. Онъ уже все зналъ—отецъ тогда ѣздилъ къ нему, чтобы обсудить, что можно предпринять относительно Емельянинова—и замѣтивъ, что у насъ все еще всѣ подъ впечатлѣніемъ этой «возмутительной исторіи», какъ принято было выражаться, сказалъ совершенно спокойно, весело разсмѣявшись:

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, такое значеніе этому придаете! Матушка только съ удивленіемъ подняла на него глаза.

— Я, ей-Богу, не понимаю! Ну, онъ видѣлъ,—дядя указалъ на меня головой,—плохой балетъ, пьянаго Емельянинова, пьянаго гурвернера своего, котораго, я всегда удивлялся, зачѣмъ вы держите,—вотъ и все!

Матушка, вмѣсто отвѣта, вздохнула. А дядя продолжалъ:

— Въ балетъ возятъ въ Петербургѣ и дѣтей; и балетъ онъ тамъ, конечно, увидитъ, потому что въ извѣстные табельные дни воспитанниковъ возятъ въ театръ; и увидитъ онъ точно также танцовщицъ въ коротенькихъ юбкахъ, съ ногами въ розовомъ трико. Увидитъ онъ на улицѣ сколько угодно пьяныхъ стариковъ и молодыхъ. Ей-Богу, я не понимаю, что вы этому придаете такое значеніе!

Отецъ началъ было для него, а въ сущности, чтобы сдѣлать пріятное матушкѣ, какое-то длинное объясненіе значенія печальнаго происшествія, то-есть «возмутительной исторіи». Дядя слушалъ его хотя и со вниманіемъ, но потомъ сказалъ:

— Пустяки все! Ну, что такое? Да, наконецъ, что онъ дѣвочка, что ли! Ему, слава Богу, пятнадцатый годъ ужъ!

Тогда начала возражать ему ужъ матушка и, находя, вѣроятно, что дядинъ снисходительный тонъ и все вообще его отношеніе къ «возмутительной исторіи» можетъ нежелательнымъ образомъ повліять на меня, сказала мнѣ, чтобы я ушелъ.

Они долго потомъ, послѣ меня, говорили все на ту же тему. Но дядя, очевидно, остался при своемъ взглядѣ, потому что вечеромъ за чайнымъ столомъ, онъ шутя при всѣхъ обратился ко мнѣ съ

вопросомъ, былъ ли у Емельянинова при насъ еще кто-нибудь изъ сосѣдей, и затѣмъ, не стѣсняясь, продолжалъ:

— И вѣдь онъ въ отчаяніи, просто! Я изъ письма его это вижу.

Матушка, разливавшая чай, при этомъ съ живостью ему отвѣтила:

— Ахъ, если бы ихъ всѣхъ у него растащили! Вотъ была бы я рада!

Позже, въ тотъ же вечеръ, изъ отрывковъ ихъ разговоръ я могъ понять, что у Емельянинова двухъ какихъ-то актрисъ его или танцовщицъ надняхъ увезли ночью, неизвѣстно—кто, куда, и гдѣ онѣ теперь; что подозрѣваютъ въ этомъ двухъ нашихъ сосѣдей помѣщиковъ Доможировыхъ; что по этому именно случаю Емельяниновъ писалъ къ дядѣ, какъ къ предводителю, письмо; что дядя никакого значенія этому не придаетъ, смѣется надъ этимъ и вообще ничего въ данномъ случаѣ предпринять не намѣренъ.

— Какое мнѣ до этого дѣло!—повторялъ дядя.—Онъ можетъ жаловаться на нихъ въ судъ, полиціи, при чемъ я тутъ, предводитель?

А еще позже вечеромъ, въ тотъ же день, ужъ совсѣмъ передъ ужиномъ я узналъ отъ дяди, который остался въ кабинетѣ одинъ—матушка куда-то ушла, а отецъ толковалъ съ «начальниками», то-есть съ старостой, конюшимъ и прочими въ передней—что одна изъ этихъ похищенныхъ у Емельянинова моя «рыбачка-русалочка».

— Эту твою, въ которую ты тамъ влюбился, какъ звали?—вдругъ, смотря на меня, спросилъ дядя.

Я сконфузился, но отвѣчалъ ему:

— Кяти.

— Ну, простись съ ней! Кажется, ее-то съ другой еще какой-то Доможировы и увезли.

Сообщеніемъ мнѣ этого извѣстія онъ не то, чтобы поразилъ меня, но вызвалъ во мнѣ, прежде всего, какое-то грустное, тихое, большое чувство, которое потомъ много еще видоизмѣнилось, разрослось во мнѣ, пока-то, наконецъ, вывѣтрилось или умерло...

Этотъ прїѣздъ дяди, его спокойный тонъ до извѣстной степени повліяли на всѣхъ въ нашемъ домѣ; по крайней мѣрѣ, съ этого прїѣзда его совсѣмъ или почти совсѣмъ прекратились всѣ эти вздохи, ахи, перестали ужъ такъ непрерывно жалѣть меня, считать чуть не погибшимъ. И потомъ, много отвлекала вниманіе эта исторія съ увозомъ у Емельянинова двухъ его лучшихъ актрисъ или танцовщицъ. Она, эта исторія, занимала умы всѣхъ, о ней всѣ только и говорили. Она отодвинула на задній планъ даже такіе разговоры, какъ о предстоящей волѣ, которые велись нескончаемой скучной канителью, какъ только, бывало, сѣзжалось

вмѣстѣ нѣсколько сосѣдей-помѣщиковъ. Теперь съ этой Емельяниновской исторіей всѣ словно ожили. Теперь только и разговоровъ было, что о ней. Фамилія Доможировыхъ была у всѣхъ на языкѣ...

Подробности все новыя и новыя приходили каждый день. Разумѣется, событіе украшалось въ разказахъ каждаго все разными цвѣтами и объясненіями, но суть была все та же — двухъ самыхъ лучшихъ, или самыхъ любимыхъ, танцовщицъ, или актрисъ, увезли у Емельянинова, и увезли ихъ братья Доможировы, конечно, предварительно условившись съ танцовщицами, что пріѣдутъ и похитятъ ихъ. Доможировы были небогатые помѣщики, отставные гусары, или уланы, недаліе сосѣди Емельянинова. Они еще до его пріѣзда, при «Богдашкѣ» еще, какъ только привезли театръ и танцовщицъ, являлись въ Знаменское, «Богдашка» показывалъ имъ актрисъ, Доможировы въ двухъ изъ нихъ влюбились и, нисколько не скрывая, тогда же громко говорили всѣмъ, что если Емельяниновъ имъ не продастъ ихъ, они, все равно, увезутъ ихъ у него. Когда, наконецъ, пріѣхалъ самъ Емельяниновъ, они дѣйствительно дѣлали ему это предложеніе; но онъ, разумѣется, отказалъ имъ, не польстившись на ихъ деньги, а предложилъ имъ бывать у него и любоваться актрисами его на представленіяхъ. Доможировы прибѣгли къ хитрости, прикинулись, что помирились съ такимъ положеніемъ, и начали ѣздить къ Емельянинову. Онъ ихъ принималъ, будучи увѣренъ, что предложеніе это была просто шутка съ ихъ стороны, предлогъ пріѣхать къ нему, познакомиться, и былъ очень даже радъ компаніи веселыхъ, сравнительно молодыхъ еще людей, изъ которыхъ одинъ, къ тому же, удивительно хорошо игралъ на гитарѣ и необыкновенно задушевнымъ голосомъ пѣлъ русскія и цыганскія пѣсни.

И вдругъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разыгралась вся эта исторія. Утромъ «Богдашка» узналъ, что двухъ танцовщицъ, моей вотъ «рыбачки-русалочки» Кити и другой актрисы танцовщицы Александринъ, похожей на знаменитую Асенкову, нѣтъ, и гдѣ онъ — никому неизвѣстно. «Богдашка» сдѣлалъ все, чтобы хотя узнать, по крайней мѣрѣ, виновниковъ похищенія: онъ разослалъ всюду погоню, но ничего не узналъ. Посланные никого не догнали, и передъ завтракомъ Емельянинова «Богдашка» долженъ былъ доложить ему о случившемся. Емельяниновъ вѣрить не хотѣлъ такой дерзости со стороны Доможировыхъ — на нихъ всѣ сразу начали указывать, говорить, что это дѣло ихъ рукъ — не могъ допустить, чтобы осмѣлились они это позволить себѣ въ отношеніи его. Но это, тѣмъ не менѣе, былъ фактъ.

И вотъ, не зная, что предпринять, къ кому обратиться, Емельяниновъ написалъ письмо къ предводителю, то-есть, къ дядѣ Михаилу Дмитриевичу. Какъ отнесся къ этому дядя, было ужъ сказано выше. А новаго ничего Емельяниновъ больше не предприни-

маль, хотя и ходили слухи, что онъ писалъ еще и губернатору, и жандармскому полковнику. Но что же они могли сдѣлать, если, какъ вскорѣ тоже начали рассказывать, Доможировы оба женились на своихъ плѣнницахъ? Законъ, даже тогдашній, говорилъ прямо, что съ этимъ замужествомъ онѣ стали не только вольными, но и такого же точно дворянскаго званія, какъ ихъ бывший господинъ, самъ Емельяниновъ.

Этотъ слухъ о женитьбѣ братьевъ Доможировыхъ на похищенныхъ у Емельянинова танцовщицахъ скоро пересталъ быть слухомъ, такъ какъ вполне подтверждался. Доможировы возвратились — оттуда, куда они тамъ ѣздили жениться — и зажили у себя въ усадьбахъ, къ вѣщему соблазну сосѣдей, особенно сосѣдокъ, очень интересовавшихся всѣмъ, что дѣлалось у Доможировыхъ, но боявшихся, во-первыхъ, за своихъ мужей, за ихъ вѣрность, а, потомъ, еще и того, какъ бы Доможировы не вздумали съ этими женами своими дѣлать имъ визиты. И то, и другое ужасно всѣхъ волновало, особенно ближайшихъ сосѣдей Доможировыхъ. Но Доможировы, какъ ни въ чемъ не бывало, жили себѣ поженившись очень мирно, скромно, попрежнему бывали у всѣхъ одни безъ женъ и нисколько не скрывали ни того, что они увезли у Емельянинова любимыхъ его танцовщицъ, ни того, что они теперь женились на нихъ.

XIV.

Въ августѣ этого года меня отвезли въ нашъ губернской городъ и отдали тамъ въ гимназію, то-есть собственно такъ называемый благородный пансіонъ при гимназіи, въ которомъ воспитанники жили, занимались, готовили уроки, а въ классы ходили въ гимназію. Такіе пансіоны прежде были при всѣхъ губернскихъ гимназіяхъ, и въ нихъ воспитывались исключительно или почти исключительно дѣти мѣстныхъ помѣщиковъ. Содержались эти пансіоны на средства дворянства, такъ какъ плата за воспитанниковъ была какая-то самая маленькая. Попечителемъ, главнымъ мѣстнымъ начальствомъ былъ поэтому губернской предводитель дворянства.

Эти пансіоны пользовались очень хорошей репутаціей, и тамъ были дѣти богатыхъ и съ сильными связями мѣстныхъ помѣщиковъ, не пожелавшихъ отдавать дѣтей въ лицей или правовѣдніе, чтобы не имѣть ихъ такъ далеко отъ себя. Какъ я говорилъ уже, меня хотѣли въ началѣ отдать тоже въ лицей, въ правовѣдніе или въ морской корпусъ, но этому помѣшала, кажется, вотъ эта же самая «возмутительная исторія»; она же, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ускорила отдачу меня въ казенное учебное заведеніе. Матушка и отецъ пришли къ убѣжденію, должно быть, что долше держать меня дома не слѣдуетъ, особенно послѣ того, какъ я на «все» насмо-

трѣлся; и потомъ, хотя лицей, и правовѣдѣніе, и морской корпусъ, несомнѣнно хороши и карьера оттуда прекрасная, но мало ли что тамъ, за глазами, можетъ со мною вновь случиться, опять таки особенно послѣ того, какъ я на «все» ужъ посмотрѣлся.

Меня возилъ опредѣлять въ пансіонъ самъ отецъ. Дорога въ губернской городъ нашъ была мимо Емельяниновскаго Знаменскаго. Со времени «возмутительной исторіи» я еще не проѣзжалъ тутъ, и теперь первый разъ ѣхалъ по этой, съ дѣтства знакомой мнѣ, дорогѣ, видѣлъ мѣста, ставшія для меня по свѣжимъ воспоминаніямъ особенно дорогими и знаменательными. Я смотрѣлъ въ окно кареты на видѣвшуюся на высокомъ берегу Знаменскую усадьбу, на домъ съ бѣлыми колоннами, на выглядывавшіе изъ густой зелени сада и парка бѣлые бесѣдки, храмы, павильоны. Я узналъ между ними «Храмъ Венеры» и мысленно прикидывалъ, отыскивая глазами то мѣсто, гдѣ мы съ «рыбачкой-русалочкой» сидѣли на скамейкѣ, когда въ темномъ саду раздались призывные громкіе крики, замелькали огни, и мимо насъ пронеслась толпа сатировъ и нимфъ, съ Емельяниновымъ и мсѣ Рамбо во главѣ, къ «храму Венеры», куда вслѣдъ за тѣмъ увлекла «рыбачка-русалочка», охваченная общимъ неистовствомъ, и меня вмѣстѣ съ собою.

Это были, конечно, очень деликатныя воспоминанія, омрачавшіяся въ это время для меня только горькимъ чувствомъ сознанія, что бѣдная «рыбачка-русалочка» теперь больше ужъ не свободна меня любить, такъ какъ она стала женой Евграфа Васильевича (младшаго брата) Доможирова. Я не зналъ, о чемъ въ это время думалъ отецъ, то-есть собственно, какъ онъ думалъ; но онъ зналъ и понималъ отлично, о чемъ я, поглядывая на Знаменскую усадьбу, въ это время думалъ, потому что онъ, видимо съ желаніемъ отвлечь меня отъ моихъ мыслей и воспоминаній, въ которыхъ ничего хорошаго для моего возраста не могло быть, вдругъ спросилъ меня о чемъ-то совсѣмъ постороннемъ, не подходящемъ даже къ дѣлу, и раздраженно приказалъ кучеру ѣхать скорѣе, хотя мы и такъ ѣхали полной рысью...

Этотъ маленькій случай я запомнилъ потому, что онъ вызвалъ во мнѣ хотя очень доброе, почти благодарное чувство къ отцу за его бережливую заботливость обо мнѣ, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первый разъ и показался мнѣ наивнымъ или, по крайней мѣрѣ, очень ужъ наивно думающимъ обо мнѣ, — все равно, значить, не понимающимъ и не знающимъ меня.

Въ гимназію я поступилъ очень хорошо и легко, потому что былъ отлично приготовленъ. Такъ какъ это было въ августѣ, значить въ самый разгаръ рабочей поры, то отецъ, покончивъ со всѣми формальностями по опредѣленію меня, скоро уѣхалъ опять въ деревню, повторяя мнѣ на прощаніе, чтобы я прилежнѣе учился, потому что это и само по себѣ необходимо, съ каждымъ годомъ ста-

новится все болѣе и болѣе необходимымъ, и—что едва ли, пожалуй, не главнѣе еще—мѣшаетъ набираться въ голову всякому вздору и глупостямъ.

— Всему будетъ свое время. А теперь тебѣ еще рано. Пока тебѣ нужно учиться—и только,—заклучилъ онъ.

Я отлично понялъ, конечно, на что онъ намекалъ...

Въ благородный пансіонъ одновременно со мною привезли и тоже отдали, и въ тотъ же классъ, Лукаянова, сына помѣщика нашей же губерніи и нашего же уѣзда. Лукаяновы жили на другомъ концѣ уѣзда. Фамилію эту я слыхалъ, но знакомъ не былъ, такъ какъ ни они у насъ не бывали, ни мы у нихъ. Вася Лукаяновъ былъ очень милый малый, и, такъ какъ мы оба поступили въ одинъ классъ и оба мы съ нимъ были къ тому же еще и новичками, то скоро, дальше да дальше, мы сдѣлались съ нимъ друзьями.

Такъ черезъ недѣлю, какъ мы поступили и жили въ благородномъ пансіонѣ, однажды, гуляя съ нимъ въ свободное время, мы какъ-то разговорились о домашнихъ, о томъ, что дѣлается у насъ дома, и вспомнили о емельяниновской исторіи, то-есть о похищеніи у Емельянинова двухъ его лучшихъ танцовщицъ и проч. Какъ вдругъ Лукаяновъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— А ты знаешь, эти Доможировы вѣдь дяди мнѣ родные приходятся: они братья моей матери. И одну изъ этихъ танцовщицъ, жену дяди Граши, Катерину Степановну, или Кити, какъ зоветъ онъ ее, я видѣлъ,—продолжалъ онъ:—передъ самымъ моимъ отъѣздомъ. Она славная!—добавилъ Лукаяновъ.

— А дядя твой Граша любитъ ее?—спросилъ я.

— Конечно! Очень! Иначе, зачѣмъ же бы ему все это дѣлать—похищать ее, потомъ жениться на ней?—резонно замѣтилъ Лукаяновъ.—Ты знаешь, вѣдь она была простая крѣпостная Емельянинова и совсѣмъ почти необразованная, она едва-едва пишетъ. И дядя Граша чудакъ, — продолжалъ Лукаяновъ:—когда онъ у себя дома, и гостей никого нѣтъ, онъ заставляеть ее надѣвать коротенькій костюмъ, въ которомъ обыкновенно танцовщицы танцуютъ, на ноги надѣвать трико — этакое розовое вязанье, какъ бы тебѣ это объяснить?

— Знаю, знаю,—съ видомъ опытнаго знатока перебилъ я его.—И что-жъ?

— Ну, и она должна танцовать передъ нимъ. Онъ садится на турецкій диванъ, а она въ этакое костюмѣ танцуетъ.

Я помолчалъ и спросилъ, растравляя въ себѣ больное чувство:

— А она его любитъ?

— Навѣрно! — не допуская сомнѣній, воскликнулъ Лукаяновъ и добавилъ при этомъ:—вѣдь дядя Граша красавецъ, во-первыхъ, и, потомъ, онъ такъ играетъ на гитарѣ и такъ поетъ, что его безъ

слезъ слушать никто не можетъ. За это всѣ въ него вѣдь и влюбляются...

Я ни однимъ намекомъ не показалъ Лукаянову, что знаю его тетку Катерину Степановну Доможирову, то-есть эту «рыбачку-русалочку» Кити.

Неожиданное открытіе, что Лукаяновъ родственникъ Доможирову, конечно, сблизило меня съ нимъ еще болѣе.

Лукаяновъ охотно рассказывалъ мнѣ о своихъ родственникахъ, съ интересомъ слушалъ мои рассказы о Емельяниновѣ, объ его актерахъ, актрисахъ, танцовщицахъ, о театрѣ, обо всемъ этомъ, но чтобъ это все занимало его особенно, захватывало, какъ меня — нѣтъ. Онъ даже нѣсколько разъ съ неудомѣніемъ, и какъ-то странно спрашивалъ меня, отчего это я такъ живо принимаю къ сердцу все, относящееся къ этой исторіи, то-есть къ похищенію его дядями емельяниновскихъ актрисъ или танцовщицъ, и почему это такъ меня возмущаетъ самъ Емельяниновъ. Я ему отвѣчалъ на это, что Емельяниновъ противная личность, отвратительнаго вида старикъ, разоритель своихъ крестьянъ, что вообще вся эта исторія, какъ и самъ Емельяниновъ, возмутительны и характерны, и что какъ же этимъ не интересоваться. Я даже пускался по поводу этого въ разсужденія о предстоящимъ освобожденіи крѣпостныхъ, о чемъ тогда съ каждымъ днемъ говорили все громче. И онъ продолжалъ оставаться у меня въ полномъ невѣдѣніи относительно моего романа съ женой его дяди.

XV.

Великимъ постомъ этого года дворяне собирались для выборовъ въ комитеты по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, то-есть, проще говоря, для обсужденія условій, на которыхъ, по ихъ понятію, лучше всего можно было освободить крестьянъ—слухи о волѣ переходили въ дѣйствительность. Теперь ужъ никто больше не сомнѣвался, что съ крѣпостными прійдется разстаться. Весь вопросъ былъ только въ томъ, какъ это произойдетъ, то-есть, какъ наивыгоднѣйшимъ образомъ это устроить и, если можно, то хоть сколько нибудь затянуть развязку этого дѣла. Съ этой цѣлью готовились выбрать въ комитеты и въ разныя депутаціи людей, во-первыхъ, несомнѣнно преданныхъ дворянскимъ интересамъ, то-есть самыхъ, значить, мрачныхъ и упорныхъ крѣпостниковъ, и, потомъ, людей со средствами и со связями, такъ какъ предполагались поѣздки ихъ для ходатайствъ и всякихъ вліяній въ Петербургъ и проч.

Вопросъ былъ важный и большой для всѣхъ, и потому съѣздъ дворянъ былъ огромный. Можно сказать, что почти всѣ дворяне губерній съѣхались въ губернской городъ. Пріѣхали даже тѣ, которые не ѣздили никогда ни на какіе выборы и съѣзды, и без-

выѣздно сидѣвшіе уже лѣтъ по двадцати и по тридцати въ своихъ деревняхъ, всѣ самые дряхлые старики, давнымъ давно устранившіе себя отъ управленія своими имѣніями, передавшіе ихъ своимъ сыновьямъ, — и тѣ даже захотѣли быть на этомъ собраніи и пріѣхали, чтобы сказать свое опытное и вѣское слово о равновременности и непригодности предстоящей реформы...

Не только всѣ гостинницы, постоялые двory, всѣ частныя даже квартиры были заняты, такъ какъ у каждаго былъ хоть кто нибудь знакомый въ губернскомъ городѣ, и какъ же бы онъ не пустилъ, пріѣхавшаго издалека и по такому важному дѣлу, помѣщика? Городъ нельзя было узнать; оживленіе въ немъ было необычальное. Къ тому же, особенно кто были со средствами или могли разсчитывать на хорошее помѣщеніе, пріѣхали съ женами и даже семействами.

Пріѣхали, разумѣется, на это собраніе и мой отецъ и отецъ Лукаянова, и въ первый же праздникъ, даже наканунѣ взяли они насъ къ себѣ въ отпускъ. Новостей всякаго рода мы наслушались тутъ множество. Но самая важная новость для меня была, во-первыхъ, та, что пріѣхалъ на собраніе и Емельяниновъ, и что его навѣрно выберутъ въ какую-то депутацію, или куда тамъ, какъ человѣка, несомнѣнно преданнаго истиннымъ дворянскимъ интересамъ, богатаго и со связями, и потомъ, что тутъ пріѣхали также и два брата Доможировы, одинъ изъ нихъ даже съ женой. Я не зналъ только, который. Это послѣднее обстоятельство — предположеніе, не младшій ли это братъ съ женой своей, «рыбачкой-русалочкой» Кити — положительно поглотило все мое вниманіе, всѣ мои помыслы, я ни о чемъ другомъ не думалъ, ни до чего мнѣ не было дѣла.

Въ воскресенье вечеромъ, когда мы собрались изъ отпуска опять всѣ въ пансіонѣ, я узналъ отъ Лукаянова, что это дядя Граша пріѣхалъ, и съ нимъ и его жена. Онъ разсказалъ мнѣ, что видѣлъ даже ее, такъ какъ дядя остановился вмѣстѣ съ его отцомъ. И опять: «она славная!». Я разспросилъ его обо всѣхъ пустякахъ, относящихся до ея пріѣзда сюда, долго ли они тутъ проживутъ и проч., и проч. Я не знаю, какъ мнѣ хотѣлось ее видѣть, смотрѣть на нее, говорить съ ней; но я и мысли не допускалъ объ осуществленіи этого на дѣлѣ. Я понималъ, зналъ, что я могъ бы въ слѣдующій же отпускъ пріѣхать подъ какимъ нибудь предлогомъ къ Лукаянову и тамъ, конечно, увидалъ бы и ее. Но у меня никогда не хватило бы духу на такую смѣлую выходку, я бы сконфузился, растерялся и убѣжалъ, если бы меня и насильно привезли къ нимъ и представили ей. Мнѣ хотѣлось увидать ее такъ, чтобы никто, рѣшительно никто насъ не видалъ и никто не слышалъ бы того, что мы будемъ съ ней говорить, какъ буду я ее упрекать, и какъ она будетъ оправдываться...

Случилось, однако, все это, т.-е. наша встрѣча, на другой же день, и при томъ очень просто. Мы только-что пришли изъ гимназіи, пообедали и гуляли въ залѣ, когда дежурный вдругъ закричалъ: — Лукаяновъ! къ тебѣ дядя прѣхалъ.

Я гулялъ въ это время, разумѣется, съ Лукаяновымъ. Дежурный не разглядѣлъ насъ и крикнулъ громко, когда мы были отъ него въ какихъ нибудь трехъ, четырехъ шагахъ. Лукаяновъ не усѣлъ еще оставить меня — мы ходили, гуляли обыкновенно, положивъ другъ другу руки на плечи — какъ въ дверяхъ залы показался высокій, красивый мужчина, сильный брюнетъ, съ видной и стройной дамой. Я, какъ увидаль ихъ, остолбенѣлъ, не двинулся съ мѣста. Доможировъ съ женой поздоровались съ племянникомъ, остановились, болтали и разговаривали съ нимъ, не проходя дальше въ приемную. Они стояли отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ. Всѣ товарищи продолжали гулять, ходить по залу, разговаривали, никто не обращалъ вниманія на прѣхавшихъ къ Лукаянову родственниковъ; одинъ я только стоялъ и почему-то смотрѣлъ на нихъ, не будучи въ состояніи оторваться, все позабывъ.

Наконецъ, я пришелъ въ себя, очнулся и только хотѣлъ было бѣжать, какъ Лукаяновъ позвалъ меня, взялъ за руку и началъ представлять меня теткѣ и дядѣ, говоря имъ, что я самый лучший его товарищъ.

Что въ это время было со мною, что я переживалъ, я не берусь описывать. У меня и сердце билось такъ сильно, что я, казалось, слышалъ, какъ оно стучить, и слезы — не знаю ужъ, радостныя или отъ горя — подступили къ горлу и душили меня. Что я говорилъ, отвѣчалъ имъ, я и тогда, разумѣется, не помнилъ и не зналъ. Но я все-таки замѣтилъ, поймалъ ея взглядъ, по которому увидаль, что она, если не совсѣмъ узнала меня, то-есть не совсѣмъ увѣрилась, что я именно тотъ, въ матросской курткѣ и фуражкѣ, съ которымъ тогда, на «праздникѣ Венеры» и проч., и проч., то во всякомъ случаѣ она припоминаетъ, не можетъ только припомнить и догадаться, гдѣ и когда видѣла и познакомилась со мной.

Когда же мы пошли, наконецъ, въ приемную и усѣлись тамъ всѣ вмѣстѣ, я увидаль ясно, замѣтилъ и понялъ, что она и припомнила, наконецъ, меня и узнала; и понялъ я это потому, что она начала вдругъ стараться не глядѣть на меня, не встрѣчаться со мною взглядами. О, если бы я могъ избавить ее отъ тревоги, успокоить ее! Какую бы клятву я ей далъ тогда, что никогда никто и ничего не узнаетъ изъ нашихъ отношеній, что тайну эту я унесу съ собой въ могилу, схороню подъ гробовой доской, или какъ это тамъ говорятъ и выражаются влюбленные...

Но я не сводилъ глазъ съ нея. Я сознавалъ и чувствовалъ, что не слѣдуетъ мнѣ этого дѣлать, что это невѣжливо наконецъ, и

все-таки не могъ оторвать отъ нея глазъ. Спросить меня о чемъ нибудь ея мужъ, дядя Граша, оказавшійся вообще очень милымъ малымъ,—я отвѣчу ему, постараюсь улыбнуться и въ то же время чувствую, что не въ силахъ, не могу не взглянуть на нее. Взгляну—и не могу оторваться. Она была смущена, можетъ быть, прямо таки встревожена этими взглядами—она, конечно, не знала моей скромности и моей преданности ей—и, не зная, что ей дѣлать, то принималась усиленно спрашивать о чемъ нибудь своего мужа, то начинала говорить съ Лукаяновымъ, смѣяться...

Наконецъ, когда все это кончилось, т.-е. когда Доможировъ съ женою собрался уѣзжать и началъ прощаться съ своимъ племянникомъ, онъ сталъ звать меня, чтобы я заѣхалъ къ нему:

— Вѣдь мы съ вашимъ батюшкой старые знакомые. Сегодня даже мы видѣлись въ дворянскомъ собраніи и разговаривали. Заходите. Я очень радъ буду,—закончилъ онъ.

А она точно обрадовалась, когда, наконецъ, кончилось все, и они пошли, чтобъ уѣзжать...

— Ну, вотъ, видѣли!—сказалъ Лукаяновъ, когда мы вернулись въ залъ.—Вотъ эта и есть. А другой, жены другого дяди, я до сихъ поръ и самъ еще ни разу не видалъ. Эта славная! Она тебѣ понравилась?..

На меня въ этотъ вечеръ нашла тихая грусть. Мнѣ хотѣлось остаться одному, чтобы никто не подходилъ ко мнѣ, никто не звалъ бы меня; я весь вечеръ этотъ избѣгалъ всѣхъ, даже Лукаянова. Мнѣ не хотѣлось даже и съ нимъ разговаривать, и даже о ней разговаривать—мнѣ хотѣлось быть одному, съ собою самимъ, думать одному о ней и о «бѣдномъ» самомъ себѣ...

XVI.

Видѣть мнѣ ее, однакожъ, на этотъ разъ больше не удалось.

Съѣздъ дворянъ, о которомъ всѣ говорили, что онъ протянется, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ, кончился на слѣдующей же недѣлѣ неожиданно; и всѣ успѣшили разъѣхаться по домамъ. Я помню, какъ отецъ и дядя подсмѣивались надъ нѣкоторыми изъ помѣщиковъ нашего уѣзда, собиравшимися протестовать, читать какія-то записки на собраніяхъ, и теперь, когда получена была отъ губернатора какая-то бумага, ранѣе другихъ уѣхали, почти бѣжали въ свои имѣнія. Въ числѣ такъ успѣшно улетнувшихъ былъ и Емельяниновъ, на котораго еще вчера возлагались такія надежды. Онъ написалъ письмо предводителю, то-есть дядѣ Михаилу Дмитріевичу, съ извѣстіемъ, что боленъ, и вечеромъ того же дня, въ засѣданіи котораго была прочитана, такъ подѣйствовавшая на всѣхъ губернаторская бумага, уѣхалъ въ Знаменское.

Отецъ, дядя и многіе другіе еще помѣщики, хотя и оставались еще нѣсколько дней въ городѣ, но къ концу недѣли и они тоже уѣхали домой.

Такимъ образомъ, когда настала суббота, намъ съ Лукаяновымъ не къ кому было идти въ отпускъ. Грустные ходили мы, обнявшись, по темному, пустынному нашему залу. То-есть собственно грустнымъ былъ я. Лукаянову, конечно, хотѣлось пойти въ отпускъ, покататься, погулять; но у меня были причины быть грустнымъ посерьезнѣе его. У меня пропало, осталось при мнѣ, все, что я собирался и приготовилъ высказать «ей» при свиданіи и что я такъ хорошо обдумалъ и прочувствовалъ, и, что, какъ мнѣ казалось, вышло бы такъ благородно, великодушно и такъ эффектно... Теперь все это пропало. Точно кто посмѣялся надо мной. Было даже что-то обидное во всемъ этомъ.

Но время и трудъ, эти лучшіе цѣлители больныхъ развинченныхъ душъ, тѣмъ не менѣе мало-по-малу уврачевывали и успокаивали и меня...

Зима, такъ долго тянувшаяся, казалось, безконечная, прошла. Настала весна. Начались экзамены, кончились. Всѣ начали разѣзжаться по деревнямъ на лѣто на каникулы, всѣ строили планы, всѣ торопились. Уѣхали и мы съ Лукаяновымъ, оба мечтая, какъ будемъ ходить на охоту. (Дядя выписалъ мнѣ изъ Москвы великолѣпное ружье со всѣми охотничьими принадлежностями).

Въ деревнѣ, когда я пріѣхалъ, въ числѣ первыхъ новостей я узналъ, что у Емельянинова въ Знаменскомъ ничего ужъ нѣтъ, все кончено, то-есть ужъ нѣтъ ни театра, ни балета, ни актеровъ, ни актрисъ, ни танцовщицъ—все закрыто, кончено, всѣ распушены. Рассказывая мнѣ объ этомъ, добавляли, что сдѣлалъ это онъ не по своей волѣ, а его заставили—не прямо ему было приказано все это кончить, а губернаторъ посовѣтовалъ ему черезъ предводителя, то-есть черезъ дядю Михаила Дмитриевича, который и ѣздилъ къ нему нарочно, склонять его, доказать ему, что теперь заниматься всѣмъ этимъ не время...

— Куда же они всѣ дѣвались—всѣ эти актрисы, актеры, танцовщицы?—спрашивалъ я.

— Всѣ разбрелись, какъ тараканы, кто куда. Нѣкоторые здѣсь остались, а большая часть на оброкъ ушли, въ Москву уѣхали, надѣются тамъ пристроиться...

— Чтожъ Емельяниновъ скоро уступилъ, согласился?

— И самъ онъ понялъ отлично, что не время теперь заниматься этимъ. Это онъ такъ только спорилъ съ Михаиломъ Дмитричемъ, не соглашался, когда тотъ доказывалъ ему,—куражилъ, показать себя хотѣлъ. А самъ потомъ скоро за границу уѣхалъ.

— Какъ, его здѣсь нѣтъ?—удивился я.

— Нѣтъ; онъ еще зимой уѣхалъ.

— Кто же тутъ? «Богдашка»?

— Тоже нѣтъ. Бурмистръ всѣмъ завѣдуетъ, староста, контора.

— Такъ что домъ опять пустой?

— Пустой.

Я рѣшилъ, что первый же разъ, какъ буду на охотѣ близко отъ Знаменскаго, непременно заѣду туда и, если можно, пройду и по саду, и по парку, все посмотрю. Теперь я былъ ужъ самостоятельный. Съ поступленіемъ въ гимназію это произошло какъ-то вдругъ и вмѣстѣ незамѣтно, безъ словъ, безъ разговоровъ, объясненій, само собою. На меня смотрѣли, ко мнѣ относились, и самъ я смотрѣлъ теперь на себя совсѣмъ иначе. Къ тому же мнѣ шелъ теперь уже не пятнадцатый, а шестнадцатый годъ. Всего только одинъ годъ прошелъ, а все удивительно какъ перемѣнилось...

Въ тотъ день, какъ я узналъ, что Емельянинова въ Знаменскомъ нѣтъ, что онъ за границей, и, когда будетъ обратно, никому неизвѣстно, я спросилъ за обѣдомъ отца, по какому случаю уѣхалъ Емельяниновъ.

— Просто, изъ трусости уѣхалъ,—отвѣчалъ онъ:—боится.

— Чего же?

— А чего вонъ Мутовкинъ, Лязгинцевъ, Хохлаковъ боятся, того и онъ.

— А когда вернется, неизвѣстно?

— Вернется, конечно, когда все кончится. Да что это тебя удивляетъ?—добавилъ онъ, улыбаясь.

— Такъ, какъ-то странно.

— Напротивъ, такъ и должно было быть.

Вскорѣ я былъ на охотѣ возлѣ Знаменскаго — тамъ отличныя мѣста—и не нарочно поѣхалъ, а дѣйствительно случайно очутился тамъ и, нисколько ужъ не стѣсняясь никого, заѣхалъ на барскій дворъ—домъ, флигеля, все стояло съ затворенными окнами и ставнями—отыскалъ кого-то, спросилъ, можно ли зайти въ садъ, сказали, разумѣется, что можно, и я пошелъ туда въ сопровожденіи какого-то двороваго человѣка, предложившаго меня проводить.

Я обошелъ весь садъ, прошелъ по той дорожкѣ, по которой я въ такомъ блаженствѣ гулялъ съ «рыбачкой-русалочкой», даже посидѣлъ на той же самой скамейкѣ, на которой сидѣлъ тогда съ ней, дошелъ до «храма Венеры» на концѣ сада. Онъ стоялъ теперь заколоченный досками, но въ щели я все-таки увидалъ статую богини, и передъ ней жертвенникъ, на которомъ мы тогда приносили жертвы—клали цвѣты. Постоялъ я и передъ террасой, на которой мы послѣ всего этого ужинали тогда, и съ страннымъ какимъ-то чувствомъ оставилъ садъ...

Домъ былъ запертъ, ключи были въ конторѣ или у бурмиистра. Провожавшій меня дворовый человѣкъ предложилъ сбѣгать отыскать конторщика и попросить его отворить домъ.

- Нѣтъ, не нужно; спасибо!—сказаль я.
- Баринъ уѣхали за границу и, когда будутъ, неизвѣстно, — разсуждалъ, провозжая меня, дворовый человѣкъ.
- Скоро теперъ,—сказаль я ему въ утѣшеніе.
- Писать они развѣ изволили кому нибудь?
- Нѣтъ. А такъ...
- Дѣйствительно, здѣсь у насъ такъ всѣ говорятъ...
- И онъ было замаялся.
- Что говорить?—переспросиль я.
- На счетъ... освобожденія... Когда, говорить, освобождать...
- И опять замаялся.
- Такъ вашъ баринъ и пріѣдетъ?
- Точно такъ-съ. Говорять такъ: если все, говорить, будетъ благополучно, тогда сейчасъ пріѣдутъ, вернуться...

XVII.

Прошло слишкомъ три года, три томительныхъ года въ жизни русскаго терпѣливаго народа, пока, наконецъ, воля была ему объявлена.

Воля, то-есть Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, объявленная въ Петербургѣ въ субботу на масляной, въ провинціи, особенно по деревнямъ, объявлялась долго, въ разное время, такъ что можно было одному и тому же человѣку успѣть видѣть это объявленіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Я, напримѣръ, видѣлъ объявленіе воли въ трехъ мѣстахъ, строго говоря, даже больше: въ Петербургѣ, потомъ въ нашемъ городѣ, у себя въ деревнѣ и еще въ двухъ мѣстахъ по дорогѣ, когда я ѣхаль домой.

Желѣзныхъ дорогъ тогда почти еще не было, и приходилось ѣхать на лошадахъ. Весна въ тотъ годъ, по крайней мѣрѣ, въ нашей сторонѣ, была ранняя; пригрѣвы, паводки начались съ первыхъ чиселъ марта; луга, овраги и мелкія степныя рѣчки тоже прошли живо, другъ за другомъ, скоро тронулись и большія рѣки.

Мнѣ надо было во что бы то ни стало успѣть въ деревню не позже пятнадцатаго марта, и потому я ѣхаль, не взирая ни на какія преграды, препятствія, каждый день все съ новыми и новыми приключеніями. Но время тогда было веселое: все ожило, ожидало, надѣялось, къ тому же и самъ я былъ молодъ, полонъ силъ, бодро смотрѣлъ въ будущее и ѣхаль, не замѣчая неудобствъ, препятствій, нимало не жалуясь на нихъ, скорѣе даже радуясь всѣмъ этимъ приключеніямъ, такъ какъ они давали просторъ для самыхъ разнообразныхъ интересныхъ наблюденій. Сцены, и всѣ на подкладкѣ ожидаемой воли, слѣдовали одна за другой, и всѣ,

чтобы тамъ ни говорили, благодушныя и безъ малѣйшаго признака ожесточенія или раздраженія...

На одной изъ станцій, ужъ близко отъ нашей деревни,—я ѣхалъ съ казенной подорожной — скопилось много проѣзжающихъ. Всѣ требовали себѣ лошадей, никто не хотѣлъ ждать. Станціонный смотритель,—теперь ужъ вымершій типъ,—метался отъ одного къ другому, объяснялъ, доказывалъ, увѣрялъ, убѣждалъ, божился, что лошадей нѣтъ, а тѣ лошади, которыхъ проѣзжающіе видятъ, только что пришли, устали послѣ такой дороги, и надо же дать имъ хоть сколько нибудь отдохнуть.

Отъ нечего дѣлать, благо, къ тому же выдался теплый съ пригрѣвами денекъ, проѣзжающіе не сидѣли на станціи въ комнатахъ, а собрались на крыльцѣ, размѣстились на перилахъ, на разныхъ скамеечкахъ, кадлушкахъ и проч. и вели разговоры, спорили, жаловались на беспорядки, смѣялись и проч.

Мнѣ, какъ послѣднему изъ прибывшихъ, приходилось долго ждать; къ тому же я былъ утомленъ ѣздой съ прошлой станціи. Я велѣлъ поставить себѣ самоваръ и пошелъ внутрь станціоннаго дома. Тамъ въ единственной большой комнатѣ для проѣзжающихъ на казенномъ желтомъ диванѣ, какіе обыкновенно бывали на почтовыхъ станціяхъ, лежала, подложивъ подъ голову подушки въ дорожныхъ наволочкахъ, совсѣмъ одѣтая барыня, повидимому, еще молодая,—она лежала лицомъ къ стѣнѣ, такъ что собственно лица ея я не видалъ,—очевидно, проѣзжая, жена, сестра, дочь кого нибудь изъ засѣдавшихъ и бесѣдовавшихъ на крыльцѣ. Я думалъ, что она спитъ, и, чтобы не разбудить ея, тихонько прошелъ въ конецъ комнаты, примостился тамъ въ креслахъ и сталъ ждать самовара. Но она не спала, старалась, можетъ быть, заснуть, но не спала.

Вскорѣ пришла оттуда, снаружи, ея горничная, или какая-то дворовая женщина, и начала ей говорить, что, наконецъ, дошла и до нихъ очередь: сейчасъ станутъ запрягать ихъ возокъ. Барыня при этомъ повернулась на спину и усталымъ, убитымъ голосомъ проговорила:

— Господи! какъ подумаю, что намъ еще семьдесятъ верстъ ѣхать до Доможировки, страхъ беретъ. Вѣдь, этакая если и дальше тамъ дорога, мы завтра до дому не доберемся.

Дворовая женщина или горничная, ободряла ее, увѣряя, что завтра онѣ уже навѣрное къ обѣду будутъ дома.

— Евграфъ Васильичъ теперь съ ума, небось, сходитъ,—продолжала барыня:—какъ это онъ одну меня пустилъ... и потонули-то мы теперь... и чего-чего!..

Горничная ее успокоивала, но барыня, не обращая на нее вниманія, продолжала:

— Теперь, воображаю, что такое у насъ. Эту волю объявляютъ, меня нѣтъ, и онъ, какъ сумасшедшій, теперь тамъ одинъ...

Наконецъ, барыня и ея горничная рѣшили, что пора собирать вещи, одѣваться, такъ какъ сейчасъ лошади будутъ готовы. Барыня поднялась съ дивана. Удивительно знакомымъ показалось мнѣ ея лицо, хотя оно было заспано, смято. Гдѣ я ее видѣлъ? Она мелькомъ посмотрѣла на меня, прищуриваясь и поправляя рукой волосы на головѣ; потомъ стала надѣвать теплыя вещи, одѣваться въ дорогу.

— Въ Доможировкѣ рѣки у насъ теперь ужъ прошли, я думаю,—опять начала она.

— Въ Доможировкѣ!—вдругъ припомнилъ и сообразилъ я:—Боже мой, да неужели это «она»? Я началъ вглядываться: «она!». Но отъ нея, отъ той, какой она была тогда, какъ мало осталось... Или это я ее тогдашнюю сохранилъ въ памяти невѣрно и невѣрно себѣ представлялъ... я припомнилъ, какую я видѣлъ ее потомъ уже въ гимназiи; она измѣнилась ужъ и тогда. Но что сдѣлалось съ ней за эти три года теперь!.. Это была пухлая, вялая, навѣрно очень добрая женщина, любящая мать, домовитая жена—удивительно типичная по фигурѣ, по манерамъ, по разговору помѣщица.

Наконецъ, она и женщина при ней одѣлись, собрали свои вещи, картонки, чемоданы, мѣшки, пересчитали ихъ и пошли на крыльцо смотрѣть, скоро ли будутъ готовы лошади. Я тоже вслѣдъ за ними вышелъ на крыльцо.

Тамъ она, госпожа Доможирова, стояла и не спѣша своимъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ разговаривала о дорогѣ съ кѣмъ-то изъ проѣзжающихъ, все еще сидѣвшихъ и стоявшихъ на крыльцѣ на солнечномъ пригрѣвѣ.

— А вамъ, сударыня, далеко еще ѣхать?—спрашивалъ ее собесѣдникъ.

— Да намъ еще верстъ семьдесятъ до дому будетъ,—отвѣчала она.

— Въ имѣнiе свое изволите ѣхать?

— Да, въ имѣнiе Доможировку. Знаете, слышали?

— Не знаю, но слыхаль-съ.

— Это моего мужа съ братомъ имѣнiе...

Собесѣдникъ подумалъ и сказалъ:

— Гм... Да-съ... Нынче съ имѣнiями тоже неизвѣстно, какъ и что будетъ... У васъ волю объявили?

— А не знаю. Я двѣ недѣли какъ ужъ изъ дому: въ Москву по дѣламъ ѣздила. Да, должно быть. Вездѣ ужъ почти объявлена,—равнодушно отвѣчала она.

Наконецъ, возокъ ея былъ запряженъ, поданъ. Ямщики и какой-то человѣкъ, очевидно, ѣхавшій съ ней дворовый, принесли и размѣстили чемоданы, умяли и расправили все въ возкѣ, и она, бережно поддерживаемая этимъ дворовымъ человѣкомъ и горничной, полѣзла въ возокъ. Туда же вслѣдъ за ней отправилась эта горничная. Дворовый человѣкъ захлопнулъ дверцу и возокъ тронулся.

Я проводилъ ее глазами и, не знаю почему, почувствовалъ вдругъ себя такъ легко, легко и вздохнулъ...

Впереди ожидала меня встрѣча еще болѣе неожиданная, тяжелая и при томъ полная какого-то провиденціального смысла.

Я дождался своей очереди ѣхать ужъ довольно поздно, такъ что ямщики и смотритель совѣтовали мнѣ, соображаясь съ дорогой, лучше не выѣзжать, остаться заночевать, а завтра утромъ по морозцу—благо, стало холоднѣе—и въ путь.

— А то ни къ чему,—говорили они.—Дорога—смерть! Засвѣтло не доѣдете до слѣдующей станціи, а вечеромъ и ночью—что это будетъ за ѣзда!

Но я все-таки настоялъ на своемъ: я боялся опоздать. Мнѣ запрягли сани «гуськомъ», то-есть всю тройку вытянули въ рядъ, одну лошадь за другой, какъ летаютъ гуси. Ямщикъ взялъ длинный, предлинный веревочный кнутъ, чтобы доставать переднюю лошадь, если она будетъ лѣниться, и мы тронулись.

«Гуськомъ» ѣздить, когда узки дороги — много снѣгу, и пристяжныя вязнуть въ немъ, или въ оттепель—снѣгъ талый, и пристяжныя проваливаются въ немъ. Но теперь и «гусекъ» намъ не помогаль: проваливались точно такъ же и посрединѣ дороги и коренная, и обѣ пристяжныя, бѣжавшія впереди ея. Мы добрались до слѣдующей станціи чуть не въ полночь, измученные, промокшіе, такъ какъ приходилось то и дѣло выходить изъ саней и идти пѣшкомъ. Я напился чаю, закусилъ чѣмъ-то и завалился спать, велѣвъ разбудить себя чуть свѣтъ, чтобы ѣхать дальше.

Слѣдующій день былъ праздничный. Когда мнѣ въ полутьмѣ еще запрягали лошадей, я вышелъ на крыльцо, чтобъ поторопить ямщиковъ. Въ это время заговорили къ заутрени.

— Что, какъ тамъ дальше дорога?—спросилъ я ямщиковъ.

— Да такая же, — отвѣчали они. — Ничего, доѣдемъ, Богъ дастъ. Вотъ только развѣ въ Скуратовскомъ логу...

— А что такое въ Скуратовскомъ логу?

— Вода ужъ очень наперла. Вчера вечеромъ ѣхаль я оттуда, такъ тамъ съ Емельяниновскимъ бариномъ народъ мучился, мучился, такъ и не знаю, вытащили ли его. Потому махина: ящикъ съ гробомъ-то во какой! Гробъ, опять говорятъ, мѣдный, свинцомъ залить. Это и по хорошей ровной дорогѣ четверику только-только въ пору везти.

Я ничего не понималъ, какой это Емельяниновъ, что это за ящикъ, какой это гробъ.

— Что ты говоришь? Какой Емельяниновъ?—спросилъ я.

— Баринъ Емельяниновъ—нешто не знаете? Изъ Знаменскаго.

— Ну, такъ какой же ему гробъ везуть?

— Его самого въ гробу-то, въ ящикѣ везуть,—искренно разсмѣявшись, какъ невѣсть какой веселой шуткѣ, отвѣтилъ ямщикъ.— Вѣдь онъ зимой-то умеръ; померъ тамъ, за границей. Ну, наслѣд-

ники теперь его и перетаскиваютъ сюда. Да вотъ попали-то они съ нимъ въ распутицу.

Отъ станціи до Скуратовскаго лога было версты три. Едва мы добрались до него и только начали спускаться, ямщикъ опять-таки весело, со смѣхомъ, обернулся ко мнѣ и, указывая впередъ кнутомъ, говорилъ:

— Вонъ они! Съ Емельяниновымъ-то до сихъ поръ сидятъ. Не выбиться имъ—гдѣ тутъ!

Я заглянулъ впередъ и увидаль внизу оврага, тамъ, гдѣ бѣжала ужъ вода, какую-то огромную не то телѣгу, не то повозку, что-то очень большое, громоздкое. И кругомъ никого и ничего—рѣшительно никого, ни людей, ни лошадей.

— Что-жъ это такое?—воскликнулъ я.

— А вотъ это и есть.

— Да гдѣ же люди, лошади?

— А ужъ этого не знаю.

Мы подъѣхали ближе. У страннаго и громоздкаго экипажа, оказалось, находился одинъ человѣкъ. Онъ сидѣлъ на козлахъ, какъ-то примостившись сбоку, свѣсилъ ноги и курилъ. Мы подъѣхали совсѣмъ близко. Огромный экипажъ съ своимъ страшнымъ и тяжелымъ грузомъ глубоко засѣлъ въ снѣгу и въ водѣ, и вытянуть его да еще поднять въ гору нужно было много силы.

— Не вытянули?—спросилъ ямщикъ караульнаго.

Тотъ что-то буркнулъ ему въ отвѣтъ.

— А гдѣ-жъ народъ?

— Въ церковь пошли: волю тамъ сегодня объявляютъ, пошли слушать...

Ямщикъ мой вдругъ страшно, неистово закричалъ на лошадей:

— Грабятъ!

Лошади рванулись, кинулись въ воду. Мы съ санями погрузились тоже почти по поясъ въ воду и выскочили по той сторонѣ ручья, бѣжавшаго по дну оврага.

— Ну, слава Богу! Теперь доѣдемъ!—радостно говорилъ ямщикъ.— Теперь можно и покурить,—добавилъ онъ, останавливая лошадей, чтобъ онѣ шли шагомъ, и вынимая изъ кармана кисеть съ табакомъ.

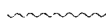
— Ты съ ума сошелъ!—воскликнулъ я.— Я весь мокрый! Поѣзжай въ село скорѣй, въ избу какую зайдемъ; обсушиться надо.

— Вона!

Онъ даже съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

Мнѣ рассказывали потомъ, что Емельяниновъ четыре дня «жилъ», какъ выражались мужики, въ оврагѣ—не до него было. Ужъ становой вытащилъ его: собралъ народъ, лошадей и потомъ доставилъ въ Знаменское, гдѣ кто-то его и похоронилъ. Наслѣдники даже и не приѣзжали.

С. Терпигоревъ.

ВОСПОМИНАНІЯ М. Ѳ. КАМЕНСКОЙ¹⁾.

ХІІІ.

Согласіе матери Каменскаго на его брак со мною.—Графиня Закревская и ея сватовство.—Иванъ Кудрявый.—Шитье приданого.—Письмо Будгарина къ моему отцу.—Открытіе Александровской колонны.—Страшная гроза.—Оберъ-полицеймейстеръ Кокошкинъ и его выходка.—Картина Брюллова.—Моя свадьба.—Торжественный ужинъ и его послѣдствія.—Заключеніе.

НОЛУЧИВЪ отъ матери желанный отвѣтъ, мой женихъ тотчасъ показалъ его папенькѣ. Письмо старушки Марьи Ивановны Каменской было написано такъ мило и сердечно, что отецъ почувствовалъ къ ней искреннее чувство и тоже далъ Павлу обѣщанное согласіе на нашъ бракъ. Помню, что они долго проговорили въ кабинетѣ отца моего съ глазу на глазъ и вышли оттуда обнявшись, очень довольные другъ другомъ; должно быть, они успѣли обо всемъ откровенно переговорить, потому что тутъ же рѣшили между собой, какъ дѣлу быть. Живой, умный, красивый женихъ мой съ первыхъ же дней полюбился папенькѣ и самъ привязался къ нему, какъ сынъ родной. Послѣ уже тетенька Надежда Петровна рассказала мнѣ, что отецъ мой, узнавъ отъ Каменскаго, что онъ человѣкъ не богатый и долженъ существовать только службой и литературнымъ трудомъ, предложилъ своему будущему зятю, для облегченія первыхъ лѣтъ нашей супружеской жизни, не обзаводиться ни особой квартирой, ни хозяйствомъ, а послѣ свадьбы

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., т. LVIII, стр. 37.

прямо переѣхать въ нашу квартиру въ академіи и жить съ нами вмѣстѣ, чѣмъ Богъ пошлетъ. Разумѣется, тогда это было великое благодѣяніе, потому что средства къ жизни у насъ были еще очень жидки... Павелъ тогда только что поступилъ на первое свое мѣсто чиновника особыхъ порученій и цензора по драматической части въ III Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, при Леонтіи Васильевичѣ Дубельтѣ, который тоже очень полюбилъ своего молодого чиновника, самъ вызвался быть его посаженнымъ отцомъ и всю жизнь не переставалъ быть его покровителемъ. Какъ въ то время люди несправедливо смотрѣли на Дубельта! Кажется, одно названіе мѣста, которое онъ занималъ, бросало на него какую-то инквизиторскую тѣнь, и всѣ его боялись, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ человѣкъ добрѣйшей души, всегда готовый на помощь ближнему, и настоящій отецъ вдовъ и сиротъ. Даже папенька, который ненавидѣлъ все, что пахло тогдашнимъ III-мъ Отдѣленіемъ, отдавалъ Дубельту полную справедливость. Въ то время отецъ мой, глубоко тронутый милостивымъ вниманіемъ начальника къ моему жениху, даже близко сошелся съ Леонтіемъ Васильевичемъ. Желая скорѣй составить наше счастье, папенька назначилъ нашу свадьбу на іюнь мѣсяць. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ было объявлено, что я выхожу замужъ за молодого литератора Павла Павловича Каменскаго.

Тетка моя, графиня Аграфена Ѳеодоровна Закревская, жила тогда на своей дачѣ, на Аптекарскомъ островѣ, и я, зная, какъ она меня любитъ, пожелала ей первой сообщить нашу семейную радость. Наняли мы съ тетей Надей коляску и отправились къ ней, но не успѣли проѣхать и половины дороги, какъ повстрѣчались съ нею самой. Веселая и радостная, она летѣла къ намъ навстрѣчу четверкой на вынось, въ своей чудной англійской коляскѣ. Увидавъ насъ, она тотчасъ же остановилась и крикнула намъ:

— Вы куда?

— Мы къ вамъ, — отвѣтила я.

— А я ѣду къ Theodor'у, везу ему и тебѣ, Маня, пріятную новость.

— Какую новость, ma cousine? — спросила съ любопытствомъ тетя Надя.

— Ёду сватать Машу за моего молодого друга, князя Кочубея, который влюбленъ въ нее безъ памяти и просить у Теодора ея руки. Счастливица! Будешь придворная дама, вѣдь онъ любимецъ государя и далеко поидетъ, — съ сіяющимъ лицомъ говорила намъ графиня Закревская.

— Ахъ, вѣтъ, этого нельзя! — съ испугомъ перебила я тетку.

— Какъ нельзя? почему нельзя? отчего нельзя? — покраснѣвъ отъ злости и забывая, что мы на улицѣ, начала кричать на меня Аграфена Ѳеодоровна.

— Да оттого нельзя, что я ѣхала вамъ сказать, что выхожу замужъ за литератора Павла Павловича Каменскаго, папенька далъ ему слово.

— Il est fou, ton père! Это еще что за новости? Откуда вы выкопали какого-то Каменскаго, вѣрно, дрянъ какая нибудь! Надо скорѣй послать ему отказъ.

— Совсѣмъ Каменскій не дрянъ! Онъ юнкеръ съ георгіевскимъ крестомъ, пріѣхалъ съ Кавказа, онъ литераторъ, другъ Марлинскаго и очень хорошъ собой, — обидѣвшись до слезъ, принялась я защищать моего жениха.

— Vous avez tort, Agrippine, Kamensky est un jeune homme très comme il faut. За дрянъ Theodor нашу Машеньку не отдастъ, — обидѣвшись въ свою очередь, строго вставила свое словцо тетка Надежда Петровна.

Аграфена Ѳедоровна не унималась и кричала все громче, такъ что проѣзжіе на насъ оглядывались.

— Дрянъ, дрянъ! Отсюда вижу, что дрянъ! Вы, кажется, всѣ съ ума сошли! Какъ? Я тебѣ говорю, что князь Кочубей красавецъ, богачъ, просить твоей руки, а ты хочешь выходить замужъ за какого-то Каменскаго!

— Да, хочу за Каменскаго! И не откажу ему только за то, что онъ не князь и не богачъ, а Кочубей вашего знать не хочу! — въ свою очередь распѣтушилась я.

На эти слова мои графиня до того вышла изъ себя, что совершенно забылась, вскочила въ экипажъ на ноги и съ высоты своего величія плюнула прямо въ нашу маленькую колясочку, обругала меня душой, приказала людямъ везти скорѣй себя домой и исчезла изъ нашихъ глазъ.

Я страшно испугалась, вообразивъ себѣ скандалъ, который вслѣдствіе этой исторіи произойдетъ между вспыльчивымъ отцомъ моимъ и сумасшедшей его кузиной Грушей, и умолила тетку Надю не говорить ему объ этомъ ни слова. И очень умно мы тогда это сдѣлали, потому что Закревская скоро положила свой гнѣвъ на милость; должно быть, любопытствуя посмотрѣть на Павла, пріѣхала къ намъ, была съ нимъ очень мила и любезна, и даже скоро подружилась, при чемъ обѣщалась непременно пріѣхать на свадьбу «двухъ дураковъ», что послѣ и исполнила въ точности.

Первымъ, послѣ того, какъ свадьба была объявлена, явился съ поздравленіемъ Иванъ Кудрявый, вольноотпущенный покойнаго графа Александра Петровича Толстого. Кромѣ сердечныхъ изліяній и поздравленій, онъ пришелъ еще съ покорнѣйшей просьбой дозволить ему изготовить на мою свадьбу парадный ужинъ.

— Вы знаете, ваше сіятельство, что я человекъ русскій въ душѣ, а на дѣлѣ ни одному французу не уступлю.

— Ахъ, милый Иванъ,— отвѣчалъ ему папенька,— я ни о какихъ торжествахъ еще не думалъ, а безъ твоего предложенія вѣрно бы обошелся съ моей русской кухаркой Натальей, которая такъ хорошо готовить.

— Нѣтъ, ужъ, ваше сіятельство, извините вы меня, но вы изволите говорить совсѣмъ не подходящія вещи. Какъ вы, вице-

Марія Федоровна Каменская въ 1850 году.

президентъ академіи художествъ, изволите выдавать замужъ свою единственную дочь, да чтобъ у графинюшки не было параднаго свадебнаго ужина! Развѣ это возможно? Если ваше сіятельство пугаетъ дороговизна, то поручите только мнѣ все для васъ устроить, и увѣряю васъ, что мой ужинъ обойдется вамъ дешевле всякаго кухаркина ужина. Сервировка, вазы, канделябры, серебро— все у меня свое, два мои повара изготовятъ вамъ ужинъ, все будетъ въ самомъ лучшемъ видѣ, и ваше сіятельство будете вполне мною

довольны. За все, что принадлежит мнѣ, я не возьму ни копейки, и вамъ придется заплатить только за провизію для ужина, стало быть, это дорого вашему сіятельству не обойдется.

Папенька долго шутилъ и смѣялся съ преданнымъ нашему дому человѣкомъ, и они все-таки покончили тѣмъ, что парадный ужинъ и всѣ хлопоты по моей свадьбѣ были поручены Ивану Кудрявому.

Получивъ въ награду за свои медали Отечественной войны табакерку въ 20.000 рублей, папенька тогда же попросилъ, кого слѣдуетъ, стоимость этой награды превратить въ деньги и тотчасъ же отдалъ ихъ въ ломбардъ, такъ что деньги были. Изъ нихъ прежде всего папенька уплатилъ всѣ свои долги, взялъ на свои собственные нужды 2.000 рублей, а изъ остальныхъ денегъ попросилъ сестру свою Надежду Петровну сдѣлать все, что будетъ нужно, для моей свадьбы.

Всѣ старинныя барыни были немного помѣшаны на полотнахъ и бѣльѣ, и потому тетка Надя накупила мнѣ всего этого тьму тьмушную и первымъ дѣломъ съ помощью друга своего, Софьи Ивановны Григоровичъ, принялась за кройку и шитье мнѣ великолѣпнаго бѣлья. Въ то время было еще въ модѣ, чтобы подружки невѣсты сходились къ ней на домъ работать ей приданое; у насъ въ залѣ на этотъ случай были поставлены столы, покрытые скатертями, и цѣлые дни на нихъ стояли разныя лакомства, и цѣлые дни въ этой добровольной и добротной швальнѣ не умолкалъ звонкій хохотъ усердныхъ швеекъ. Да и скучать имъ было некогда: цѣлое утро наши знакомые прѣзжали поздравлять меня, а вечеромъ собирались къ намъ выпускные ученики академіи, начиналось пѣніе, музыка, и часто даже затѣвался отчаянный плясъ вокругъ швальныхъ столовъ.

У насъ всегда по воскресеньямъ собирались литераторы, а съ появленіемъ въ нашемъ домѣ кавказской новинки, молодого друга Марлинскаго, ихъ стало собираться еще больше. Отецъ мой страстно любилъ литературу, и эти сходбища писателей у него доставляли ему громадное удовольствіе. Особенно теперь папенькѣ интересно было наблюдать, какъ примутъ въ свой заповѣдный кружокъ его будущаго зятя, Павла Каменскаго, петербургскіе писатели...

Здѣсь будетъ кстати привести письмо Ѳаддея Булгарина къ отцу моему, написанное имъ черезъ годъ послѣ моей свадьбы, 1838 года 21-го апрѣля. Для этого мнѣ придется перепрыгнуть на одинъ годъ. Я столько разъ прыгала въ моихъ воспоминаніяхъ впередъ и назадъ, что лишній разъ прыгнуть куда ни шло. Мнѣ было бы жаль не привести этого письма, такъ польстившаго папенькиному самолюбію. Да и само по себѣ, мнѣ кажется, это письмо, какъ образчикъ умѣнія Булгарина хвалить и ругать безъ мѣры,—не безынтересно. Вотъ оно:

«Любезный графъ Федоръ Петровичъ! Поздравляю тебя съ зятемъ! Его никто не зналъ, потому что литературный эгоизмъ только снисходителенъ къ себѣ. Я ничего не читалъ прежде изъ сочиненій твоего Каменскаго за недосугомъ и потому, что они печатаются въ плохихъ сборникахъ и журналахъ. Наконецъ, вотъ я прочелъ его повѣсти, думая прежде, что только изъ дружбы къ тебѣ надобно подумать, какъ бы спустить тихо златую посредственность. Но какъ же я удивился, когда сталъ читать! Удивленіе мое возрастало съ каждой страницей, и, прочитавъ все, я рѣшилъ, что твой зять Каменскій—человѣкъ съ необыкновеннымъ талантомъ, умомъ, чувствомъ и начитанностью, и что если онъ пойдетъ хорошимъ путемъ, то станетъ высоко. Ему недостаетъ авторскаго механизма, художественной штукатурки и пуризма въ языкѣ, чтобы шагнуть за одинъ разъ на мѣсто А. А. Бестужева. Но эти трудности легко побѣдить. Ты тесть его—будь роднымъ отцомъ и спаси Каменскаго отъ потопленія! А. А. Бестужевъ имѣлъ совѣтниковъ во мнѣ и въ Гречѣ—ни Гречъ, ни я не отказали бы тебѣ ни въ чемъ, и Гречъ охотно продержалъ бы корректуру повѣстей Каменскаго. Мы безкорыстно желаемъ ему добра. Не желаемъ отъ него ни статей, ни того, чтобъ онъ оставилъ друзей своихъ (ну, ужъ друзья!) Одоевского-недоумку et consort. Пусть себѣ онъ пишетъ безъ нихъ и водится съ ними, но пусть послушаетъ совѣта опытныхъ литераторовъ, которые желаютъ ему добра только изъ любви къ русской литературѣ, въ которой Каменскій долженъ непременно занять высокое мѣсто. Всѣ эти Одоевскіе съ братією—пигмеи передъ твоимъ Каменскимъ. У него въ мизинцѣ больше таланта, чѣмъ во всѣхъ этихъ головахъ. Я первый, я открылъ этотъ алмазъ недограненый. Завтра выйдетъ моя критика повѣстей Каменскаго, критика строгая, какъ того требуетъ сильное дарованіе, но критика сьраведливая, которая дастъ Каменскому другой вѣсъ въ литературѣ и поставитъ его высоко.

«Я дѣйствую по совѣсти. Вели Каменскому показать нѣсколько экземпляровъ повѣстей у Смирдина, а послѣ того поцѣлуй своего зятя и прижми къ сердцу, ибо въ его сердцѣ горитъ небесное пламя истиннаго, неподдѣльнаго дарованія. Ахъ, какъ жаль, что ни Гречъ, ни я не видали этихъ повѣстей въ корректурѣ! Отнынѣ участь Каменскаго рѣшена. Онъ перешелъ чрезъ Рубиконъ и будетъ въ Капитоліи, если пойдетъ истиннымъ путемъ. Вотъ что сказать тебѣ внушили мнѣ честь и совѣсть. Спасай его, ибо есть еще время. Ты не повѣришь, что я самъ радъ, какъ дитя, открывъ истинный талантъ на Русской землѣ...

«Твой вѣрный О. Булгаринъ».

«21 апрѣля 1838 г.».

Разумѣется, письмо такого литератора, какъ Оаддей Булгаринъ, очень порадовало папеньку и меня.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1894 г., т. LVIII.

3

Не могу теперь сказать, на сколько Булгаринъ и Грець помогли Павлу въ механизмѣ литературномъ, но очень хорошо помню, что мой Павелъ былъ долго сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы», а въ домахъ Греча и Булгарина всегда былъ принятъ, какъ другъ и дорогой гость. Мнѣ это очень памятно потому, что я сама съ моимъ мужемъ бывала у Гречей, у Булгариныхъ, и очень у нихъ веселилась.

Однако-жъ я болтаю о временахъ позднѣйшихъ и совсѣмъ забываю, что для меня собственно идетъ только 1837 годъ, годъ моей свадьбы, и что мнѣ гораздо интереснѣе говорить о милой академіи и о томъ, что въ ней творилось, чѣмъ о чемъ нибудь другомъ.

Папенька съ тетей Надей въ это время принялись улаживать въ нашей квартирѣ новенькое, красивое гнѣздышко для своихъ будущихъ молодыхъ. И обо всемъ подумалъ мой дорогой отецъ, чтобы намъ было удобно и уютно.

До свадьбы я еще успѣла побывать на открытіи Александровской колонны.

Наканунѣ этого торжества въ Петербургѣ была такая страшная буря, что я ее до сихъ поръ забыть не могу. И значить буря была точно страшна и опасна, если въ городѣ и за городомъ вся полиція была на ногахъ и не позволяла экипажамъ иначе ѣздить, какъ шагомъ. Смотрѣли мы съ папенькой изъ нашихъ оконъ на Неву... Послѣ во всю жизнь мою ничего подобнаго мнѣ видѣть не привелось. Чистое было свѣтопреставленье. Представьте себѣ, что небо точно разверзлось, раскаты грома и молніи не прерывались ни на минуту, а свѣтъ отъ молніи былъ такъ силенъ, что вода въ Невѣ, мостовая, дома, прохожіе, ихъ одежды и лица оставались постоянно бѣлаго, фосфорическаго цвѣта. И нигдѣ нельзя было различить ни одного цвѣтнаго пятнышка—все было убито свѣтомъ молніи. На меня это обезцвѣтенье всѣхъ предметовъ произвело тогда такое сильное впечатлѣніе, что впослѣдствіи, стоя передъ очаровательной картиной Карла Павловича Брюллова «Послѣдній день Помпеи», я осмѣлилась даже найти невѣрнымъ ея освѣщеніе. Мнѣ (помня бурю на Невѣ) казалось, что свѣтъ отъ кратера и свѣтъ отъ молніи не могли въ одно время дѣйствовать одинаково; по моему, свѣтъ молніи долженъ былъ непремѣнно обезцвѣтить и убить всѣхъ дѣйствующихъ лицъ съ ихъ аксессуарами, такъ ярко и прелестно написанными волшебной кистью Карла Брюллова, на другой половинѣ картины, освѣщенной краснымъ огнемъ Везувія. Эта картина—не великая ли фантазія художника! Вѣдь Карлъ Павловичъ не видалъ своими глазами разрушенія Помпеи, а я бурю на Невѣ видѣла и до сихъ поръ остаюсь при убѣжденіи, что на дѣлѣ, въ день разрушенія Помпеи, такого освѣщенія, какъ у него, быть не могло. Впрочемъ, я не стѣснялась высказывать самому Брюллову все, что мнѣ думалось, относительно его картинъ, и онъ со мною

часто соглашался. Помню, какъ, много лѣтъ спустя, глядя съ нимъ вмѣстѣ на его великолѣпный образъ «Вознесеніе на небо Божіей Матери», который въ настоящее время стоитъ за престоломъ въ Казанскомъ соборѣ, я вдругъ ему сказала:

— Карлъ Павловичъ, голубчикъ, у Богородицы шея толста.

Брюлловъ передернулъ плечами и смѣясь отвѣчалъ мнѣ:

— Экая проклятая бабенка! Всѣ смотрѣли, никто не замѣтилъ, а она увидала. Толста, толста! Самъ знаю, что толста, а переписывать не буду—лѣнь! И такъ сойдетъ съ рукъ!

Но возвращаюсь къ открытію Александровской колонны. Ночью буря прошла, и къ утру площадь освѣтилась яркимъ солнцемъ. Противъ Эрмитажа, на площади, на углу, гдѣ въ настоящее время стоитъ зданіе государственнаго архива, были тогда поставлены высокіе мостки, на которыхъ были назначены мѣста для чиновъ министерства двора, значить и для академіи художествъ. Намъ надо было пробраться туда ранехонько, потому что послѣ на площадь никого уже не пускали. Благоразумныя дѣвицы академіи, боясь проголодаться, захватили съ собой корзиночки съ завтракомъ и усѣлись въ первомъ ряду. Церемонія открытія памятника, на сколько я помню, не представляла ничего особеннаго и была очень похожа на обыкновенныя майскіе парады, съ прибавленіемъ только духовенства и молебствій. Разглядѣть то, что дѣлалось около самой колонны, было довольно трудно, потому что мы все-таки сидѣли довольно далеко отъ нея. Намъ невольно больше всего бросался въ глаза оберъ-полицеймейстеръ (если не ошибаюсь, тогда оберъ-полицеймейстеромъ былъ Кокоскинъ), который что-то особенно усердствовалъ, уморительно кабрируя на своей большой лошади, носился вокругъ площади и оралъ во все горло.

Вотъ мы смотрѣли, смотрѣли, проголодались, распаковали свои коробочки и начали уничтожать взятый съ собой провіантъ. Публика, сидѣвшая на сосѣднихъ съ нами мосткахъ, тянувшихся вплоть до министерства иностранныхъ дѣлъ, послѣдовала нашему благому примѣру, начала тоже развертывать бумажки и жевать что нибудь. Ретивый оберъ-полицеймейстеръ сейчасъ замѣтилъ эти неурядки во время парада, осwirѣпѣлъ, подскакалъ къ мосткамъ и заставляя своего коня ломаться и вставать на дыбы, началъ громовымъ голосомъ кричать:

— Безсовѣстные, безсердечные люди! Какъ, въ тотъ день, когда водворяется памятникъ войнѣ 1812 года, когда всѣ благодарныя русскія сердца собрались сюда молиться, вы, вы, каменные сердца, вмѣсто того, чтобы помянуть святую душу Александра Благословеннаго, освободителя Россіи отъ двенадцати языкъ, и возсылать къ небу горячія молитвы за здравіе нынѣ благополучно царствующаго императора Николая I, вы лучше ничего не выдумали, какъ

прійти сюда жрать! Долой всё съ мостковъ! Въ церковь, въ Казанскій соборъ, и падите ницъ предъ престоломъ Всевышняго!

— Дуракъ!—крикнулъ чей-то голосъ сверху, свади насъ.

— Дуракъ, дуракъ, дуракъ!—подхватили, какъ эхо, залпомъ неизвѣстно чьи голоса, и сконфуженный непрощенный проповѣдникъ въ бессильной злобѣ принужденъ былъ дать шпоры лошади и подь музыку войскъ и неистовый хохоть на мосткахъ, будто ни въ чемъ не бывало, красиво изгибаясь, загалопировалъ куда-то дальше...

Этой уморительной сценой и кончу мой рассказъ объ открытіи памятника, такъ какъ ничего интереснаго теперь не припомню, и потому лучше прямо перейду къ моей свадьбѣ.

Не помню, чтобы я когда нибудь въ жизни такъ плакала, какъ въ этотъ день, когда причесывалъ меня м-г Heliot къ вѣнцу. И папенька тоже весь въ слезахъ заглядывалъ на меня, стоя въ дверяхъ гостиной.

Свадьба моя состоялась 18-го іюля. Вѣнчалъ меня отецъ мой не какъ простую смертную, а какъ истинную дочь академіи. Представьте себѣ, что весь нижній корридоръ отъ нашей квартиры до парадной лѣстницы былъ ярко освѣщенъ шкаликами. Съ парадной лѣстницы вели меня по освѣщеннымъ кенкетами картиннымъ галереямъ вплоть до самой церкви, куда папенька въ качествѣ посаженаго отца съ графиней Закревской ввели меня.

Въ церкви, какъ водится, уже ждалъ меня женихъ, съ своими поѣзжанами и посаженнымъ отцомъ, Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ.

Не успѣла я переступить порога церковнаго, какъ полный хоръ большихъ и маленькихъ учениковъ академіи грянулъ мнѣ на встрѣчу громогласное «Гряди, голубице!». Добрѣйшій духовникъ мой о. Василій Виноградовъ и дьяконъ Тамаринскій вышли изъ алтаря, и началось торжественное вѣнчаніе. Милѣйшій скульпторъ, Николенька Рамазановъ, славившійся между учениками сильнымъ басомъ, вызвался читать апостола и невозможно страшнымъ голосомъ прооралъ мнѣ: «Да убоится жена своего мужа».

Нечего и говорить, что церковь, кромѣ нашихъ родныхъ и гостей, была биткомъ набита народомъ, и что горячимъ поздравленіямъ не было конца. Пѣвчимъ за прекрасное пѣніе папенька послалъ: старшимъ шампанскаго, а среднимъ и маленькимъ цѣлую платяную корзину конфетъ. Дома меня съ Павломъ встрѣтили съ хлѣбомъ-солью и посадили рядышкомъ на диванѣ въ голубой гостиной, гдѣ я усердно дергала скатерть за каждую изъ моихъ подругъ, желая имъ скорѣй выйти замужъ. Свадебный парадный столъ Ивана Кудряваго поразилъ всѣхъ своими богатыми аксессуарами. За ужиномъ Иванъ выказалъ свое необыкновенное умѣніе кормить и поить людей на славу. Да, вкусно тогда поѣли и попили на моей свадьбѣ гости наши, такъ что было уже поздно,

а попойка все еще продолжалась, и никого изъ гостей нельзя было выжить; выводитьъ въ одну дверь, а они войдутъ въ другую.

Значить, день вышелъ изъ ряду вонъ, если даже отецъ мой, который всегда пилъ очень мало, на радостяхъ выпилъ больше обыкновеннаго и тоже охмелѣлъ. Меня въ это время дамы увели изъ залы и переодѣли въ кружевной чепчикъ и капоть. Послѣ я съ бокаломъ въ рукѣ показала въ дверяхъ спальни и прощалась съ гостями. Тутъ папенька вдругъ неожиданно кинулся передо мною на колѣни и, началъ мнѣ говорить, обливаясь слезами, трогательную рѣчь:

— Маша, ты молода, но ты такая женщина, что всѣ должны уважать тебя. Я—твой отецъ и глубоко тебя уважаю. Маша, голубушка, не уходи отъ меня никогда! Я безъ тебя жить не могу...

Я, рыдая, старалась поднять съ колѣнъ и успокоить папеньку, но онъ не слушалъ меня, вырывался изъ рукъ моихъ и прощался со мною, точно какъ будто мы съ нимъ расстаемся на вѣки.

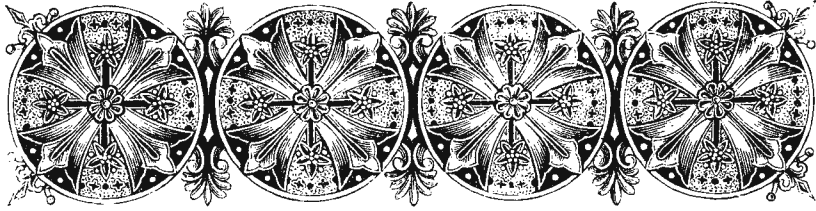
Еще смущалъ меня тогда Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, который въ началѣ вечера вель себя прилично, а тутъ вдругъ, неизвѣстно почему и зачѣмъ, тихо, горько всхлипывая, началъ ползать на колѣняхъ рядомъ съ папенькой.

Шаферъ мой, Дмитрій Николаевичъ Толстой, помѣшанный на свѣтскихъ приличіяхъ, крайне возмущился этой комической сценою въ домѣ родственника своего, графа Толстого, и началъ дѣйствовать деспотически: молодого выслалъ изъ залы, а молодую попросилъ дамъ тоже увести; мало того, даже людямъ приказалъ потушить въ залѣ огни. Гостямъ по неволѣ пришлось разойтись. Бѣдный папенька остался совсѣмъ одинъ и долго еще неутѣшно плакалъ въ темной залѣ. Добрѣйшій отецъ, какъ онъ любилъ меня, и какъ я была счастлива, что и послѣ свадьбы оставалась подъ его теплымъ крылышкомъ!

Вотъ и конецъ моей дѣвичьей жизни. И приходится, кажется, ея окончить мои воспоминанія.

Я хотѣла написать побольше и округлить мои записки изложеніемъ нѣкоторыхъ эпизодовъ моей замужней жизни, столь богатой событіями и знакомствомъ съ замѣчательными людьми, дружбой которыхъ я имѣла счастье пользоваться въ то блаженное для меня время... Но это желаніе мнѣ не удалось привести въ исполненіе. Надежда на здоровье мое обманула меня. За послѣднее время на меня обрушились всѣ лихія болѣзни. Силы, память и зрѣніе, кажется, хотятъ разомъ оставить меня. А главное, я переутомилась, при моей слабости, отъ постояннаго бесплоднаго думанья и писать больше не въ силахъ. Какія же воспоминанія вышли бы у меня безъ памяти! Да и дѣти мои, которымъ, разумѣется, жизнь моя дороже всего, умоляютъ меня отложить на время мое писаніе, отдохнуть и поправиться здоровьемъ. Слушаюсь ихъ родного совѣта и кончаю мои воспоминанія дѣвичьей жизнью.

М. Каменская.

СТАРАЯ СКРИПКА ¹⁾.

Повѣсть изъ быта музыкально-инструментальныхъ мастеровъ и артистовъ.

XV.

ДНАЖДЫ, придя вечеромъ къ Кельхъ, Павловичъ съ удивленіемъ услышалъ отъ горничной, что барышня больна и никого не принимаетъ. Незвѣстно, было ли это глубоко разсчитаннымъ ходомъ Ларисы Антоновны, или простою случайностью, но только ударъ попалъ прямо въ цѣль. Павловичъ вдругъ понялъ, что мечты его объ обладаніи скрипкой призрачны, и что онъ совершенно чужой въ этомъ домѣ, гдѣ каждую минуту передъ нимъ могутъ, какъ и теперь, закрыть двери.

Нѣсколько ошеломленный внезапнымъ отказомъ, онъ съ досадою удалился.

— Чортъ возьми,—размышлялъ онъ:—взяла бы она деньги за скрипку, и баста. А теперь просто не знаешь, что дѣлать.

И опять въ немъ вспыхнуло желаніе тотчасъ, немедленно купить какой нибудь инструментъ, лишь бы избавиться отъ той зависимости, въ которой онъ находился по отношенію къ Ларисѣ Антоновнѣ.

Едва онъ вышелъ на Невскій, какъ ему попался на встрѣчу Тевяшевъ. Онъ развалился ѣхалъ на извозчикѣ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVIII, стр. 354.

— Стой, стой!—закричалъ концертмейстеръ, сильно толкая возницу въ спину.—Садись ко мнѣ,—продолжалъ онъ, хлопая другой рукой по сидѣнью.

Павловичъ самъ не замѣтилъ, какъ очутился въ пролеткѣ, которая поѣхала дальше.

— Мы, братъ, къ Лысогорскимъ. Это такой бонтонный домъ, все на широкую ногу, ливрейные лакеи, грумы, жокеи и чортъ знаетъ еще что,—разглагольствоваль концертмейстеръ, который казался особенно оживленнымъ.

На его сѣромъ лицѣ неровными пятнами выступила краска. Тусклые глаза разгорѣлись и блестяли.

— А жокеевъ ты къ чему приплелъ?—отрывисто спросилъ Павловичъ, продолжавшій досадовать на болѣзнь Ларисы Антоновны.

— У нихъ скаковыя конюшни,—богачи, да развѣ ты не слыхаль?

— И съ какой стати ты меня тащишь туда?—спохватясь, спросилъ Павловичъ.

— Безъ всякихъ статей. Просто потому, что тамъ не знаютъ, какъ и залучить тебя. То-то обрадуются.

— Не фантази ли это твои, мой другъ?

— Какое фантази! Да ты увидишь. Направо, къ подъѣзду!—крикнулъ онъ извозчику и показалъ рукой на великолѣпный небольшой двухэтажный домъ съ зеркальными стеклами и роскошнымъ фасадомъ.

Верхній этажъ былъ залитъ свѣтомъ. Virtuозы поднялись по широкой, устланной коврами лѣстницѣ, на которой имъ попалось нѣсколько лакеевъ во фракахъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ. Огромныя пальмы въ зеленыхъ деревянныхъ кадкахъ широко раскидывали свои царственные листья.

Все общество находилось въ столовой, обширной комнатѣ, съ потолкомъ, состоявшимъ изъ темныхъ дубовыхъ досокъ съ прихотливыми рельефными изображеніями драконовъ и коней. Густокоричневыя стѣны по угламъ тонули въ сумракѣ, и все освѣщеніе было сосредоточено на столѣ, покрытомъ ослѣпительно бѣлою скатертью. На немъ блестяли серебро и хрусталь. Корзины съ фруктами видѣлись среди зелени. Маленькія зеленыя, синія, желтыя и красныя баночки изъ китайской глины съ вареньями разныхъ сортовъ обращали вниманіе оригинальностью и уродствомъ своихъ формъ.

Вокругъ стола сидѣло множество дамъ и мужчинъ. Тевяшевъ представилъ профессора хозяину и хозяйкѣ, не заботясь объ остальномъ обществѣ.

Графъ Лысогорскій, старый тучный мужчина съ большой лысиной на головѣ, съ четырехугольнымъ польскимъ лбомъ и характернымъ, сухимъ съ горбинкой носомъ, расправивъ длинные сѣ-

дые усы, радушно привѣтствовалъ виртуоза. Не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, онъ выглядѣлъ еще очень бодрымъ.

М-ме Лысогорская казалась совсѣмъ дѣвочкой. Ей Павловичъ не даль бы и восемнадцати лѣтъ. Сколько ей было въ дѣйствительности, никто не могъ сказать. Это была маленькая, живая брюнетка, съ пышными волосами, съ таліей, какъ у осы, съ блѣднымъ лицомъ, съ дугообразными бархатными бровями и желтыми, какъ у восковыхъ фигуръ, губами. Лицо ея, очень узкое и длинное, носило слѣды болѣзненности. Въ немъ было что-то надменное, упрямое и жестокое.

Павловичу она не понравилась.

Тотчасъ нашлось нѣсколько меломановъ, которые успѣшили познакомиться и заговорить съ нимъ. Такъ бывало на всѣхъ вечерахъ въ музыкальныхъ домахъ, куда виртуозу приходилось попадать. Эти любители, какъ мухи на лакомый кусокъ, облѣпляли всегда желаннаго гостя и весь вечеръ болтали разный музыкальный вздоръ, который не казался ему невыносимымъ лишь отъ долгой привычки къ подобнаго рода разговорамъ и собственной нетребовательности.

Послѣ чаю перешли въ концертную залу, гдѣ музыкальный вечеръ открыла молодая пѣвица, восходящая звѣзда, со свѣжимъ голосомъ и прелестнымъ личикомъ.

За ней «сказалъ» романсъ великосвѣтскій щеголь съ громкой фамиліей, хорошо известный въ этомъ кругу. Дамы привѣтствовали его аплодисментами и слушали его декламацию съ нескрываемымъ восхищеніемъ.

Затѣмъ слѣдовалъ номеръ Тевяшева. Онъ вышелъ на средину залы и съ галантной улыбкой пояснилъ, что уступаетъ свое мѣсто знаменитому маэстро, который находится тутъ. Съ этими словами онъ подошелъ къ Павловичу и подвелъ его къ роялю, на которомъ лежали скрипки. Польщенный профессоръ выбралъ одинъ изъ инструментовъ и попросилъ своего пріятеля сѣсть за рояль.

Тевяшевъ могъ прааккомпанировать безъ нотъ какой угодно концертъ, хотя плохо игралъ на рояли и врядъ ли сыгралъ бы правильно и двухъ-октавную гамму. Но Павловичу хорошо было извѣстно его неподражаемое искусство угадывать модуляціи, схватывать оттѣнки пьесы и широкой рукой хозяйничать въ аккордахъ.

Поэтому онъ твердо и увѣренно заигралъ одну ихъ головолomныхъ вещей своего репертуара, чувствуя себя въ особенномъ ударѣ и легко преодолевая трудности пьесы.

Послѣ шумнаго одобренія общества, какъ и всегда, онъ игралъ вторую вещь, потомъ третью, четвертую, пока не почувствовалъ, что дальше играть уже нельзя, такъ какъ будетъ испорчено все впечатлѣніе,— и не заботясь объ остальныхъ исполнителяхъ, хо-

тѣлъ было тотчасъ уѣхать, но Тевяшевѣ, поймавъ его въ дверяхъ, объявилъ, что приготовленъ великолѣпный ужинъ, и Павловичъ, подумавъ, согласился остаться.

Ужинъ дѣйствительно оказался превосходнымъ, хотя его прошло такъ долго подождать. Затѣмъ опять началась музыка и пѣніе, при чемъ вмѣсто виртуозовъ и артистокъ стали выступать любители и любительницы.

Водка и вино сдѣлали всѣхъ слушателей весьма снисходительными, и каждому исполнили дружно хлопали. Мало-по-малу чинный и даже нѣсколько чопорный вечеръ сталъ сбиваться на чиновничью вечеринку съ музыкой и танцами. И дѣйствительно, когда кто-то предложилъ потанцевать, эта мысль была встрѣчена не безъ сочувствія. Но отъ танцевъ, однако, воздержались.

Было уже за полночь, когда Павловичъ вернулся въ свой номеръ. Онъ былъ очень утомленъ и, едва добравшись до своей постели, заснулъ какъ убитый.

Когда онъ проснулся, яркое солнце, рѣдкій гость петербургской осени, весело свѣтило въ окно. Безстрастный, хорошо вымуштрованный лакей Павловича, Григорій Ивановичъ, котораго онъ всюду возилъ съ собой, стоялъ около его постели, держа въ рукахъ богатый яркомалиновый халатъ. На овальномъ серебряномъ подносѣ на столикѣ у изголовья кровати выднѣлась чашка съ шоколадомъ и сухарница съ бисквитами.

Виртуозъ съ наслажденіемъ умылся, густо намазывая лицо, голову и шею душистымъ мыломъ и обливаясь свѣжей водой.

Когда онъ окончилъ свой туалетъ и принялся прихлебывать пахучій шоколадъ, Григорій Ивановичъ медленно промолвилъ:

— Барышня какая-то васъ дожидается.

Къ Павловичу такъ много ходило разныхъ барышень, что онъ даже и не позаботился спросить у своего джентельмена-лакея, какова изъ себя эта ранняя посѣтительница. Но когда онъ заглянулъ въ кабинетъ и увидалъ тамъ Раковецкую, то съ живостью, удивившей самого, сбросилъ съ себя халатъ и, торопливо застегивая бархатный пиджакъ, нетерпѣливо прибавилъ:

— Что-жь ты, разиня, не сказалъ мнѣ раньше?

Оскорбленный Григорій Ивановичъ величественно промолчалъ и неслышно удалился.

— Я и не знала, что вы такой сибарить, — звонкимъ голосомъ проговорила молодая артистка, радостно протягивая узкую, свѣжую крѣпкую руку виртуозу, пододвинувшему ей кресло. — Вѣдь я почти часъ васъ здѣсь ожидаю.

— Простите, пожалуйста, — въ смущеніи бормоталъ Павловичъ, — эти болваны никогда не скажутъ толкомъ; я даже не зналъ, что у меня кто нибудь есть.

И по своей привычкѣ быть хлѣбосольнымъ и радушнымъ хозяиномъ сейчасъ же прибавилъ:

— Не хотите ли чаю, кофе? Я сейчасъ распоряжусь.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, оставьте. Ничего не надо. Я просто пришла на минутку къ вамъ. Какой успѣхъ вы имѣли въ симфоническомъ! До сихъ поръ всѣ говорятъ про васъ.

— Ну, что вы,—возразилъ онъ, весело смѣясь и не скрывая своего удовольствія ни отъ этой похвалы, ни отъ присутствія молодой красивой дѣвушки.—Что у васъ новаго и хорошаго?

— Ахъ, что тамъ новаго,—съ легкимъ вздохомъ произнесла она:—все новое—старое. Ну, купили вы скрипку?

— Нѣтъ, не купилъ, и даже не знаю, куплю ли. Много разъ былъ у этой Кельхъ (для Раковецкой онъ придалъ нѣсколько пренебрежительный отбѣнокъ своему голосу), и, кажется, не будетъ тутъ толку. Вы не думайте, что я всегда такъ поздно встаю. Это я вчера закутился. Затащилъ меня Тевяшевъ къ Лысогорскимъ, и мнѣ пришлось много играть.

— Да, я тамъ какъ-то была. У нихъ, кажется, очень любятъ музыку. Итакъ, вы не скучали?

Онъ пожалъ плечами, какъ бы говоря, что если и скучалъ, то отъ этого нигдѣ не уберешься, и опять принялся съ нескрываемымъ восхищеніемъ разсматривать Раковецкую. Онъ ласкалъ взоромъ ея бѣлую круглую шею, ея нѣжный подбородокъ и слегка алѣвшія на кончикахъ уши. Ему нравилась ея узкая прямая спина, высокая, нѣсколько туго стянутая корсетомъ грудь, ея посадка съ наклономъ впередъ, съ руками, брошенными на колѣни, по самой дѣвичьей манерѣ.

Они стали говорить о концертахъ, о профессорахъ консерваторіи, о предполагавшихся новинкахъ музыкальнаго сезона. Между нимъ и ею было такъ много общаго, почти родственнаго. Ему казалось, что на сколько она нравится ему, на столько и онъ интересенъ для нея. То онъ относился къ ней, какъ къ хорошему товарищу, то опять чувственность брала въ немъ верхъ, и онъ бросалъ на нее полные страсти взгляды.

Наконецъ, когда имъ надоѣло говорить, онъ заставилъ ее взять въ руки скрипку и поиграть ему. Она покорно повиновалась, а онъ обратился опять въ товарища, а затѣмъ въ наставника, строгаго профессора, разбирающаго по косточкамъ игру своего ученика. Въ иныхъ мѣстахъ онъ хмурился и нетерпѣливо топалъ ногою, въ другихъ — ласково улыбался и одобрительно качалъ головою.

Когда она кончила, онъ просто сказалъ:

— Какая вы талантливая дѣвочка!

И, притянувъ ее къ себѣ, поцѣловалъ въ лобъ.

Затѣмъ, онъ позвонилъ слугѣ и велѣлъ подавать завтракать.

Ему не хотѣлось, чтобы молодая дѣвушка соскучилась у него. За завтракомъ были фрукты и вино.

Лакею было отдано строгое приказаніе говорить всѣмъ посѣтителямъ, что его нѣтъ дома, и, не смотря на это, къ концу завтрака въ комнату внезапно появился Лансье и нарушилъ продолжительное и пріятное tête-à-tête учителя съ ученицей.

Раковецкая стала прощаться.

— Ну, вы сегодня, конечно, будете вечеромъ у Кельхъ?—загадочно улыбаясь, спросила она.

Павловича точно что-то укололо.

— И не собираюсь,—сухо отвѣтилъ онъ:—но почему это вамъ пришло въ голову?

— Да такъ, вы вообще тамъ часто бываете.

Она протянула ему руку и быстро вышла.

— Опять вы меня подвели, mon cher,—говорилъ Лансье, осушая залпомъ стаканъ краснаго вина.—Я поклялся привезти васъ вчера къ Строгановымъ, а вы разрушили всѣ мои планы.

Павловичъ, не слушая, махнулъ рукой и большими шагами принялся ходить изъ угла въ уголъ, полный мыслями о своей прелестной посѣтительницѣ и съ наслажденіемъ перебирая свои впечатлѣнія.

XVI.

Однажды Павловичу принесли большой свертокъ. Профессоръ былъ дома и съ недоумѣніемъ принялъ конвертъ съ гербомъ. Въ тонкомъ небрежномъ почеркѣ мелькнуло ему что-то знакомое.

Въ любезной запискѣ баронесса фонъ-Дерингъ просила виртуоза «по дружбѣ» принять въ подарокъ скрипку, которая ему когда-то нравилась. Тяжелый сладкій запахъ сильныхъ духовъ, брызнувшихъ на почтовую бумагу, съ живостью пробудилъ въ немъ воспоминаніе о баронессѣ. Съ этимъ воспоминаніемъ была связана та лучшая часть молодости, которая, онъ зналъ, никогда не повторится для него, и въ которой было заключено свѣтлое и отрадное, привѣтливо свѣтившее ему изъ сѣдаго мрака прошлаго.

Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ только что началъ выступать во второстепенныхъ концертахъ. Графъ Игнатьевъ рекомендовалъ его баронессѣ, какъ прекраснаго учителя, которому совѣтовалъ довѣрить музыкальное образованіе ея единственнаго девятилѣтняго сына. Баронесса въ ту зиму безвыѣздно жила въ Петербургѣ. У Павловича это былъ первый свѣтскій урокъ.

Съ чувствомъ непривычнаго смущенія вошелъ онъ въ роскошную квартиру интересной молодой вдовы, обладавшей, какъ ходила молва, крупнымъ состояніемъ.

Она сперва сдержанно, потомъ очень ласково приняла его. Мальчикъ уже учился нѣсколько мѣсяцевъ и имѣлъ прекрасныя способности. Съ круглой выстриженной головой, съ живыми блестящими темными глазами, рѣзвый и веселый, онъ очень понравился виртуозу.

Но совсѣмъ другое впечатлѣніе произвела на него молодая женщина. Позднѣе, разбирая въ себѣ его, онъ признавался, что тутъ была жуткая сладкая тревога, страхъ передъ какой-то невѣдомой силой, предчувствіе опасности и робость, переходившая въ слабость.

Она была выше средняго роста, тонкая, нервная, порывистая. Въ лицѣ ея было что-то загадочное и измѣнчивое. Иногда оно казалось прекраснымъ, иногда отталкивающимъ. У нея были темныя сросшіяся брови, нѣсколько впалыя, матовыя, очень блѣдныя щеки, цвѣтъ которыхъ рѣзко отѣняли ярко пушцовыя, точно вымазанныя свѣжей кровью, губы, очень нѣжныя, полныя, прихотливо изогнутыя, манящія къ безумнымъ поцѣлуямъ. Ноздри ея широкаго прямого носа часто вздрагивали — этотъ жестъ былъ въ ея манерѣ. Она не могла долго сидѣть на мѣстѣ. Усѣвшись, наклонялась впередъ и вперяла въ собесѣдника долгій пронизательный взглядъ, — тотчасъ поднималась и, схвативъ какую нибудь бездѣлушку, бросалась въ кресла съ лѣнивымъ сладострастнымъ видомъ, изнеможенно протягивая маленькія, прекрасно обутыя ножки.

У нея тотчасъ завязался романъ съ учителемъ. Въ этомъ романѣ было что-то безумное. Павловичъ былъ точно мышка, а она кошкой. Сначала, въ первую недѣлю знакомства, она чуть не довела его до сумасшествія внезапными переходами отъ полного высокомернаго, ледяного презрѣнія къ самой рабской покорности.

Они вмѣстѣ ѣздили кататься, посѣщали театры. Онъ у нея обѣдалъ, ужиналъ, часто оставался ночевать. Но при всемъ этомъ онъ былъ только ея гостемъ. Она упорно не хотѣла полного сближенія, увѣряя, что въ этомъ будетъ конецъ ихъ любви, что и случилось на самомъ дѣлѣ.

Однажды, доведенный до отчаянія, онъ сдѣлалъ попытку застрѣлиться. Она со смѣхомъ вырвала у него револьверъ и на нѣкоторое время оставила его въ покоѣ. Потомъ она увезла его въ Финляндію, гдѣ у нея было помѣстье. Тамъ зимой, среди трескучаго мороза, они провели три дня, опьяненные своей любовью, для которой теперь не было границъ.

По возвращеніи въ Петербургъ баронесса попросила виртуоза прекратить свои посѣщенія, и мало-по-малу, какъ онъ выражался, «отвадила» его отъ себя. Былъ ли это капризъ избалованной красавицы, или рассчитанный шагъ опытной кокетки, онъ не могъ опредѣлить себѣ. Но этотъ ударъ жестоко поразилъ его. Тогда онъ поклялся избѣгать общества и знакомства съ женщинами. Онъ весь отдался скрипкѣ и работалъ дни и ночи напролетъ, совер-

шенствуясь въ игрѣ. Вотъ эта-то работа, въ которой онъ вкусилъ такъ много чистыхъ и высокихъ наслажденій, и осталась тѣмъ крупнымъ вкладомъ въ его жизнь, о которомъ онъ всегда вспоминалъ съ благодарностью. Въ это время онъ какъ будто переродился нравственно. Умъ его будто расширился и окрѣпъ. Порою творчество осѣняло его. Тогда-то, между прочимъ, онъ написалъ тотъ маршъ, который съ такимъ успѣхомъ исполнилъ въ симфоническомъ концертѣ.

Мало-по-малу острая боль при мысли о баронессѣ затихла въ его раненомъ сердцѣ. Внутренній жаръ его, побуждавшій къ само-совершенствованію, остылъ. Онъ опять предался той беспорядочной артистической жизни, полной мимолетныхъ блестящихъ зна-комствъ, легкихъ побѣдъ, въ чаду постоянного успѣха, вина и разгула.

Года черезъ четыре онъ встрѣтился съ баронессой въ Вѣнѣ на балу въ англійскомъ посольствѣ. Прямо съ бала она увезла его къ себѣ ужинать, и онъ очнулся только на третій день, когда она, бросивъ его, уѣхала въ Парижъ.

Съ тѣхъ поръ ихъ романъ не возобновлялся. Правда, Павловичъ встрѣчался нѣсколько разъ съ этой странной опасной женщиной то въ Петербургѣ, то за границей, но она не производила на него того чарующаго впечатлѣнія, какъ прежде, а главное она сама не обращала на него своего вниманія. Она, какъ теперь, дарила свою любовь то знаменитому тенору, то віолончелисту, то піанисту съ густой шевелюрой, лихорадочнымъ взглядомъ и длинными худыми пальцами.

Такъ сидѣлъ онъ, погруженный въ свои воспоминанія, не прикасаясь къ принесенному свертку. Смутныя чувства стыда, угрызений совѣсти и сожалѣнія охватили его. Онъ зналъ, что баронесса никогда не оставалась въ долгу предъ своими избранниками и дарила то рояль, то віолончель, то, какъ теперь, скрипку. Онъ зналъ, что это былъ за инструментъ. У нея была большая блѣдно-коричневая скрипка Маджини, могущественнаго нѣсколько альтоваго суроваго тона. Онъ былъ убѣжденъ, что она находится теперь въ футлярѣ передъ нимъ.

Онъ не ошибся. Раскрывъ блестящій, розоваго дерева ящикъ въ серебряной оправѣ, онъ вынулъ древній бресчанскій инструментъ. Какое-то неудержимое чувство охватило его. Внѣ себя онъ съ размаху бросилъ скрипку на полъ, и она со звономъ разбилась.

Павловичъ съ сумрачнымъ взглядомъ смотрѣлъ на нее, какъ на только что поверженный трупъ, и прежнее негодующее чувство продолжало клокотать въ его душѣ.

— Что съ вами, профессоръ? — несмѣло окликнулъ его кто-то. Передъ нимъ стояла Раковецкая.

Ему представилось, что эта разбитая скрипка есть точное во-

площеніе его безумной, разбитой жизни. Онъ вдругъ показался себѣ безконечно жалкимъ. Онъ закрылъ лицо руками и съ глухимъ стономъ опустился въ кресло, шепча:

— Ахъ, какъ я несчастенъ, ахъ, какъ я несчастенъ!

Она не знала, что произошло передъ ея приходомъ, и какую душевную муку пережилъ сейчасъ виртуозъ. Но она женскимъ чувствомъ догадывалась, что тутъ была замѣшана любовь, и проницательнымъ строгимъ взглядомъ глядѣла на нервно вздрагивавшаго артиста.

Но она тотчасъ смягчилась и заботливо принялась ухаживать за нимъ: налила ему воды и попросила успокоиться. Ея ласковое вниманіе было ему пріятно. Онъ въ глубинѣ души сознавалъ, что уже нѣсколько рисуется передъ ней, и что его отчаяніе наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ глубоко онъ способенъ чувствовать, и черезъ это возвышаетъ его въ ея глазахъ. Но ему самому эти мысли показались мелочными и недостойными, и онъ устыдился ихъ.

— Простите меня,—проговорилъ онъ,—за эту маленькую слабость, я не знаю, что сдѣлалось со мною. А скрипка, кажется, совсѣмъ разбилась. Жаль, какой прекрасный инструментъ.

И онъ поднялъ искалѣченную скрипку и положилъ ее на столъ. Раковецкая изъ деликатности не спросила, откуда эта скрипка, и какъ это такъ случилось, что онъ уронилъ ее на полъ.

Она посоветовала ему прогуляться, и они вмѣстѣ вышли на улицу, опушенную первымъ снѣгомъ. Солнце весело блистало въ морозномъ синемъ воздухѣ. Все какъ будто помолодѣло кругомъ. Солнечный лучъ—сколько въ немъ счастья и поэзіи!

XVII.

Раковецкая въ тотъ день выступала въ благотворительномъ концертѣ въ залѣ Кононова. Павловичъ пріѣхалъ ее послушать. Вечеръ устраивала студенческая молодежь, и потому все кругомъ дышало весельемъ и непринужденностью.

Послѣ концертнаго отдѣленія предполагались танцы. Какая радость для курсистокъ и гимназистокъ, которымъ не особенно часто приходится порѣзвиться и потанцовать въ такомъ большомъ обществѣ.

Раковецкая имѣла успѣхъ, и Павловичъ пришелъ поздравить ее въ артистическую комнату, во всю длину которой стоялъ столъ, уставленный закусками, винами и фруктами. Вокругъ него хозяйничали студенты, угощавшіе исполнителей и почетныхъ посѣтителей.

Свѣжая, разгорѣвшаяся и особенно красивая молодая дѣвушка произвела особенное впечатлѣніе на виртуоза. Гордясь ея вниманіемъ, которое было теперь особенно цѣнно, потому что она въ

нѣкоторомъ родѣ являлась героиней вечера, онъ подѣлалъ къ ней и сталъ чокаться и пить за будущіе успѣхи, за процвѣтаніе искусства и вообще, за что пьютъ и чокаются артисты.

Студенты часто подходили и говорили любезности молодой дѣвушкѣ.

— Уѣдѣте отсюда,—ревниво сказалъ Павловичъ.

— Да теперь рано,—наивно произнесла она:—неужели домой? Дома дѣлать нечего.

— Да я васъ и не зову домой,—сказалъ онъ,—поѣдѣте куданибудь ужинать.

Она согласилась.

У Полицейскаго моста длиннымъ рядомъ выстроились тройки выѣхавшія на перепутку.

Павловичъ усадилъ въ широкія сани молодую дѣвушку, закрылъ ее медвѣжьей полостью и приказалъ ѣхать на острова.

Пристяжныя скакали, взрывая снѣгъ, съ храпомъ тряся головами. Мало-по-малу шумъ города затихалъ позади. По сторонамъ видѣлись покрытыя мягкимъ пушистымъ нѣжнымъ снѣгомъ, обнаженныя деревья. Нева зловѣще и молчаливо катила свои темныя со стальнымъ отблескомъ волны.

Ямщикъ остановился у ярко освѣщеннаго подъѣзда бойкаго загороднаго ресторана. Павловичъ занялъ съ своей спутницей отдѣльный кабинетъ, куда велѣлъ подать вина, закусокъ, и распорядился насчетъ ужина.

Когда лакей, подавъ все, удалился, Павловичъ принялся угощать Раковецкую. Онъ усердно подливалъ ей шампанскаго, и щеки молодой дѣвушки, разгорѣвшіяся отъ быстрой ѣзды, заалѣли еще больше, а въ глазахъ появился томный блескъ, признакъ большаго возбужденія и усталости.

Раковецкая говорила о себѣ. Она рассказывала, какъ проходила курсъ консерваторіи, куда помѣстилъ ее опекунъ. Родныхъ у нея не было. Когда опекунъ умеръ, ей пришлось давать уроки и самой платить за себя.

— Впрочемъ отъ этой платы вскорѣ освободили меня,—говорила она.—Знаете, я не скажу, чтобы мнѣ трудно жилось. Я нашла себѣ скромную недорогую комнату у одной нѣмки, которая полюбила меня и относилась ко мнѣ почти, какъ къ дочери. Уроковъ, правда, у меня было немного, но все въ солидныхъ домахъ, гдѣ платили мнѣ хорошо и аккуратно. Потомъ я кончила курсъ, стала выступать въ концертахъ, а больше рассказывать нечего. Остальное вы знаете.

— Но это все внѣшняя сторона жизни,—проговорилъ онъ,—а внутренняя: какъ вы развивались, чувствовали. Любили ли вы?—вдругъ спросилъ онъ, смѣло глядя на нее.

При другихъ обстоятельствахъ она, можетъ быть, нашла бы этотъ вопросъ дерзкимъ, но теперь просто отвѣтила:

— Сама не знаю. Кажется, нѣтъ. Да и кого любить? Ученики консерваторіи на столько ниже по развитію и образованію, да и по качествамъ, ученицъ, что мы ихъ не очень-то жаловали. Я ихъ всегда называла музыкальными подмастерьями, а изъ знакомыхъ не было никого, кто бы мнѣ нравился больше другихъ.

— Ну, такъ выпьемте за вашу будущую любовь! — со смѣхомъ воскликнулъ онъ, наливая ей полный бокаль. — Вы такъ молоды, успѣете еще десять разъ полюбить и разлюбить.

Онъ слегка въ видѣ пробы обнялъ ее за талію. Она съ безмолвнымъ упрекомъ поглядѣла ему въ глаза.

Онъ заставилъ ее осушить бокаль и привлечь ее къ себѣ.

— Оставьте меня, — шептала она, — что со мной? Голова моя кружится, я такъ утомлена. Отвезите меня домой...

Уже свѣтало, когда онъ привезъ молодую артистку къ ея дому. Быстро выдернувъ у него руку, она вошла въ темный подъѣздъ и исчезла. Со смутнымъ чувствомъ на душѣ онъ вернулся къ себѣ.

На другой день Григорій Ивановичъ съ записками, приглашеніями и визитными карточками подалъ письмо отъ Раковецкой.

«Вашъ вчерашній поступокъ глубоко поразилъ меня, — писала она. — Не старайтесь встрѣтиться со мной. Я уѣзжаю и не хочу видѣть васъ».

— Тѣмъ лучше, — произнесъ онъ, скомкавъ письмо и швырнувъ его на столъ. — Нѣтъ, никогда, никогда женщина не можетъ быть добрымъ товарищемъ. И что тутъ за грѣхъ кутнуть и выпить лишнее.

Но яркая краска стыда залила его лицо. Все-таки ему не слѣдовало пріучать молодую дѣвушку ѣздить ночью по ресторанамъ. Онъ сталъ ходить большими шагами изъ угла въ уголъ, что всегда было въ немъ признакомъ раздраженія и волненія. Ему попалась на глаза скрипка, присланная баронессой фонъ-Дерингъ.

— Какъ это глупо! — воскликнулъ онъ. — Зачѣмъ я разбилъ ее? Это непростительно даже мальчишкѣ. И какой славный инструментъ! Право, еслибъ она была цѣла, мнѣ не надобно было бы другой скрипки.

Онъ вспомнилъ о Кельхъ и прибавилъ:

— Отдамъ-ка я ее починить.

Ему представилась круглая хищная голова Гвидо. Онъ тотчасъ рѣшилъ, что ни за что не отвезетъ скрипку итальянцу.

— Но кому же отдать? — продолжалъ размышлять онъ. — Фрейтагу? Но, говорятъ, Фрейтагъ мошенникъ, на него никакъ нельзя положиться. Козьмину? Но онъ перешелъ на балалайки и народныя цитры. О, да просто поѣду я къ Тевяшеву, и мы тамъ увидимъ, что дѣлать.

XVIII.

Тевяшевъ жилъ во дворѣ огромнаго каменнаго дома. Однако квартира у него была съ двумя ходами, при чемъ парадный весьма мало отличался отъ чернаго. Павловичъ долго звонилъ. Наконецъ, желтоглазая пожилая чухонка отворила ему дверь, объявивъ, что ни барина, ни барыни нѣтъ дома.

Павловичъ никогда не слыхалъ о барынѣ и, не скрывая своего удивленія, пробормоталъ:

— Ну, такъ я оставлю ему свою записку.

Въ квартирѣ было шесть-семь мелкихъ комнатъ съ маленькими окнами. Около прихожей находился кабинетикъ, гдѣ стояли два отомана, одинъ противъ другого, и ломберный столъ у окна. На столѣ лежалъ двойной футляръ для скрипокъ. Комната была такъ мала, что, казалось, въ ней негдѣ было повернуться. Но, тѣмъ не менѣе, по угламъ стояли этажерки, бюпитръ, курительный столикъ съ металлическимъ приборамъ. Къ тому же она была завѣшана занавѣсями и драпри. Направо изъ нея былъ входъ въ спальню концертмейстера. Кровать его была загорожена ширмами. Въ остальные комнаты былъ входъ черезъ узкій корридоръ.

Павловичъ безъ труда догадался, что Тевяшевъ жилъ «у хозяйки» и снималъ эти двѣ первыя комнаты. Вырвавъ листокъ изъ записной книжки, онъ хотѣлъ было написать на немъ нѣсколько словъ, какъ чухонка сказала:

— Да барыня здѣсь наверху у маменьки. Сходить, что ли, за ней?

И, не дожидаясь отвѣта, вышла.

Павловичъ машинально раскрылъ футляръ, и улыбка скользнула по губамъ его, когда онъ увидалъ лысую скрипку тирольской работы, которую концертмейстеръ выдавалъ за Карла Бергонци, и вынулъ изъ футляра другой инструментъ неизвѣстнаго происхожденія. На немъ игралъ въ оркестрѣ его пріятель. Это была полная, широкая скрипка, очень красивая и довольно звучная. Павловичъ вспомнилъ, что прежде она совсѣмъ не имѣла тона, и Тевяшевъ тщетно возилъ ее къ разнымъ мастерамъ, всѣ усилія которыхъ помочь ему оказывались безплодными, пока наконецъ этого инструмента не увидалъ одинъ весьма извѣстный въ то время любитель. Простой перестановкой дужки онъ въ одну минуту возвратилъ скрипкѣ прежнюю полноту и звучность тона къ великому удивленію присутствовавшихъ на этомъ маленькомъ опытѣ виртуозовъ.

Въ корридорѣ послышались шаги, и въ дверяхъ показалась блѣдная молодая особа очень развязнаго вида съ распущенными волосами, въ свѣтломъ ситцевомъ платьѣ, перетянутомъ кожанымъ кушакомъ.

Павловичъ, скрывая улыбку, со вниманіемъ осмотрѣлъ ее и, вѣжливо поклонившись, произнесъ:

— Будьте такъ любезны, передайте Виктору Васильевичу, что былъ я: вотъ моя карточка. Если у него найдется время, пусть онъ зайдетъ ко мнѣ какъ нибудь.

— Да онъ сейчасъ придетъ! — воскликнула она мѣщанскимъ голосомъ. — Вы музыкантъ, што ли? Пождите немножко, почитайте газету или поиграйте на скрипкѣ.

Павловичъ колебался. Съ одной стороны ждаль Тевяшева ему не хотѣлось, а съ другой — безъ него некуда было ѣхать.

— Ну, пожалуй, я подожду, — медленно проговорилъ онъ.

— А если не хотите газеты, — воскликнула дама: — пойдете ко мнѣ, сыграете въ шашки. Ужаси какъ люблю эту игру. Или, можетъ быть, вы желаете въ карты. Да вы не церемоньтесь, будьте какъ дома. Мы люди простые. Пожалуйста, безъ всякихъ стѣсненій.

Павловичъ не успѣлъ и опомниться, какъ она провела его въ полутемную квадратную комнату, вѣроятно, служившую столовой. По крайней мѣрѣ, здѣсь находился тяжелый обѣденный столъ, покрытый черной клеенкой. На немъ лежали карты и шашечница съ шашками.

— Давненько не игралъ я въ шашки, — съ улыбкой промолвилъ Павловичъ, повторяя знаменитыя слова Чичикова въ сценѣ изъ «Мертвыхъ Душ».

Но его собесѣдница, повидимому, была лишена литературнаго образованія, потому что тотчасъ наивно отвѣтила.

— И я давненько не играла. Чуръ, уговоръ, ходовъ назадъ не брать. И безъ фуковъ. Въ «крѣпкую» или въ «поддавки»?

— Конечно, въ «крѣпкую», — отвѣчалъ Павловичъ и сдѣлалъ первый ходъ. Она тотчасъ атаковала его, и игра завязалась.

За первой партіей послѣдовала вторая, потомъ третья, пока, наконецъ, не явился Тевяшевъ. Концертмейстеръ насупился, увидавъ своего друга и хозяйку за такимъ пріятнымъ занятіемъ. Болѣе всего ему было досадно то, что Павловичъ безъ всякаго труда проникъ въ его внутреннюю жизнь, которую онъ тщательно оберегалъ отъ постороннихъ глазъ.

Виртуозы прошли въ маленькій кабинетъ съ отоманами, и здѣсь Павловичъ объяснилъ цѣль своего пріѣзда. Тевяшевъ, досада котораго еще не успѣла разсѣяться, съ неудовольствіемъ произнесъ:

— По-моему всѣ петербургскіе мастера — простые столяры. Избавь, братъ, меня отъ совѣтовъ. Дѣлай, какъ знаешь. По-моему, что Фрейтагъ, что Вурсткнабе, что Козьминъ — все равно. Скрипку твою склеять, что и требовалось доказать.

— Ну, полно, также нельзя, ты мнѣ, кажется, говорилъ, про какого-то новаго мастера, Александра Бѣлинка?

— Да вот, пожалуй, этотъ Бѣлинко лучше другихъ. Если хочешь, поѣдемъ къ нему.

Бѣлинко жилъ недалеко отъ Фрейтага, у котораго долгое время былъ главнымъ подмастерьемъ. Онъ незадолго передъ тѣмъ ушелъ отъ своего хозяина и открылъ собственную мастерскую. У него была крошечная квартира на заднемъ дворѣ по черной скользкой лѣстницѣ.

Виртуозовъ встрѣтила очень молодая, беременная на послѣднемъ мѣсяцѣ женщина. Это была жена мастера. Самъ онъ находился въ слѣдующей комнатѣ, гдѣ стояла рыночная мягкая мебель съ овальнымъ косымъ зеркаломъ надъ диваномъ, съ горшками «лимона» на окнахъ и канарейкой подъ потолкомъ.

Въ слѣдующей маленькой комнатѣ виднѣлся верстакъ, на которомъ лежали подпилки и штихеля. Вскрытые виолончели, контрабасы, скрипки наглядно свидѣтельствовали о томъ, что у «ученика Страдиваріуса» много работы.

Бѣлинко былъ очень моложавъ. Благообразное лицо его съ ясными, свѣтлоглубыми, нѣсколько наглыми глазами, обрамленное свѣтлорусыми волосами, придавало ему сходство съ сельскимъ дьячкомъ или причетникомъ. Онъ держалъ въ рукахъ маленький мѣдный рубанокъ, величиною съ наперстокъ, и выравнивалъ имъ своды деки. Наборъ такихъ рубанковъ величиною отъ желудя до утюга виднѣлся на стѣнѣ посреди множества прочихъ разнообразныхъ инструментовъ.

Павловичъ подалъ ему свою скрипку и просилъ починить. Мастеръ принялся тщательно осматривать поврежденія, хвалилъ инструментъ, завѣряя, что онъ несомнѣнно итальянскій. Тевяшевъ спросилъ его о цѣнѣ и о времени, когда будетъ починка окончена, но онъ на это не далъ отвѣта.

— Все равно, — проговорилъ Павловичъ: — надѣюсь, вы не возьмете лишняго.

— О, конечно, конечно, — торопливо заявилъ мастеръ и проводилъ посѣтителей до передней, служившей въ то же время и кухней.

Тутъ у плиты хлопотала его тяжело переваливавшаяся на ходу жена. Острый запахъ подгорѣлаго клея чувствовался въ воздухѣ. Виртуозы успѣли выйти.

— Неказисто живетъ твой мастеръ, — говорилъ профессоръ, спускаясь по темной лѣстницѣ.

— Они всѣ такъ начинаютъ, — отвѣчала Тевяшевъ. — Подожди, года черезъ два, три заведетъ себѣ лавочку, переберется въ другую квартиру, а тамъ и не замѣтишь, какъ наживетъ капиталчикъ. Ты представить себѣ не можешь, сколько они иной разъ получаютъ. У Фрейтага много берутъ басковъ. Старые онъ оставляетъ, снимаетъ навивку, собираетъ канитель съ смычковъ, пе-

ретапливается, и каждый годъ выплавляетъ нѣсколько фунтовъ чистаго серебра. Я, братъ, слитки своими глазами видѣлъ, они у него въ сундукѣ лежатъ.

— Съ канители, съ навивки нѣсколько фунтовъ серебра? Ну, кажется, ты это, братъ, хватилъ слишкомъ,—недовѣрчиво возразилъ Павловичъ.

— Совсе не слишкомъ. А починка? Почему никто изъ нихъ не дѣлаетъ новыхъ инструментовъ? Потому что это имъ невыгодно: новой скрипкѣ красная цѣна двадцать пять рублей. Тутъ надо сдѣлать и двѣ деки, и бока, и завитокъ, и грифъ, и все принадлежности, а тотъ же Бѣлинко перемѣнить одну шейку, возьметъ десять рублей, вскрытъ деку—тоже десять рублей, а пять рублей ужъ сами набѣгутъ. Что же ему за нужда возиться съ новыми инструментами? Это дѣло кустарей, мужиковъ, крестьянъ, которыми ѣсть нечего. Прошлымъ лѣтомъ я былъ въ Саксоніи, въ Марнейкирхенѣ. Представьте себѣ маленькую деревушку въ горахъ. Такъ—большая дорога, по сторонамъ домики стоятъ. Есть изъ нихъ и побольше, въ два этажа. Ну, конечно, тутъ и кирка, и ратуша, но вотъ и все. Въ базарные дни сюда приходятъ крестьяне изъ всѣхъ окрестныхъ деревушекъ. Одинъ приноситъ корзину колковъ, которую и ставить на землю и садится рядомъ въ ожиданіи покупателей. У другаго на лоткѣ лежатъ подставки, и такъ, братъ, чисто вырѣзанные, какъ весьма искусному мастеру не сдѣлать. Всю жизнь иной кустарь только сидитъ, да выпиливаетъ ихъ одну за другой. Гдѣ же съ нимъ сравнятся? Третій привезъ скрипокъ, четвертый пришелъ съ гитарами, а у того на возу контрабасы. Ни на одной фабрикѣ не видѣлъ я тамъ больше шестнадцати—восемнадцати человѣкъ, а все трое, четверо, много пятеро. Всѣ большія фирмы, извѣстныя у насъ, откуда наши Фрейтаги получаютъ товаръ, главнымъ образомъ занимаются скушкой товара у этихъ кустарей.

То же самое происходитъ во Франціи, въ Мирекурѣ, близъ Нанси. Тамъ весь городишко работаетъ музыкальные инструменты. Вотъ только и есть эти два центра не только въ Европѣ, но и въ цѣломъ мірѣ. Да за то, братъ, какъ тамъ поставлено дѣло! Туда являются поставщики дерева. Это капиталисты. Мастерамъ они открываютъ годовой кредитъ. У иного такого деревопромышленника въ складѣ тысячъ шесть агровыхъ досокъ наберется. А вѣдь ты знаешь, у насъ каждая такая дека отъ пяти до восьми рублей стоитъ. Ну, а тамъ все это идетъ чуть не за грошъ. Также есть тамъ торговцы лакомъ. Отчего всѣ эти скрипки на одинъ ладъ? Потому что матеріалъ одинъ и тотъ же. Никто не придумаетъ для себя что нибудь своего. Покупать готовое гораздо дешевле и выгоднѣе. Искусный мастеръ приобретаетъ завитки, сработанные кустаремъ, который ничего другого не производитъ. Тотъ же ма-

стерь у другого кустаря беретъ усы¹⁾). У всѣхъ одинъ шаблонъ, и отсюда шаблонная работа.

— Все это такъ,—проговорилъ Павловичъ:—но почему же древніе работали такъ хорошо?

— Да потому, что къ нимъ предъявляли совсѣмъ другія требованія. Они изготовляли очень мало инструментовъ. Но за то всякій разъ имъ заказывали скрипку или гитару непременно для знатнаго или богатаго лица и не скупились на деньги. Страдивариусъ, напримѣръ, бралъ по четыре червонца за свою скрипку и дѣлалъ ихъ штукъ десять въ годъ, а саксонскій мастеръ въ мѣсяцъ изготовляетъ со своими подмастерьями пять-шесть дюжины инструментовъ, такъ что-жъ тутъ и сравнивать?

Разговаривая такимъ образомъ, они вышли на Морскую.

— Ахъ,—сказалъ Павловичъ:—вотъ кстати, я вспомнилъ, что мнѣ надо купить струнъ. Зайдемъ къ Пинхусу.

Тевяшевъ изъявилъ согласіе, и пріятели вошли въ одинъ изъ самыхъ большихъ музыкальныхъ магазиновъ, славившійся разнообразіемъ и обиліемъ своего товара, а главное журнальными, газетными, календарными и всякими другими рекламами, на которыя тратились десятки тысячъ.

Магазинъ былъ биткомъ набитъ разными инструментами: посреди стояли рѣзные, дубовые и орѣховые гармоніумы, черныя лакированныя піанино, столъ высокія, что они напоминали шифоньерки. Множество духовыхъ инструментовъ виднѣлось на стѣнахъ. Ловкіе расторопные приказчики—сытые, выхоленные молодые нѣмцы—предупредительно ухаживали за покупателями, которыхъ было здѣсь довольно много.

Военные покупали преимущественно корнетъ-пистоны и другіе мѣдные инструменты. Франтовскіе юноши и розовые старички пріобрѣтали палки-флейты, окарины и тому подобныя вещи. Толстая помѣщица съ наслажденіемъ слушала трескучіе звуки оркестріона. Въ сосѣдней комнатѣ кто-то пробовалъ рояль, и бойкая полька доносилась оттуда. Словомъ, сразу видно было, что магазинъ торгуетъ на славу, и что всѣ имъ довольны: и хозяинъ, и публика. Также бросалось въ глаза, что главные покупатели тутъ вовсе не музыканты, а самый ходкій товаръ вовсе не тѣ инструменты, которыми создается музыка. Покупателями здѣсь являлись скучающія отъ бездѣлья дамы, разные господа неопредѣленныхъ профессій, помѣщикъ со случайно оказавшимися въ карманѣ деньгами. А товаръ былъ: палки-флейты, гитары, монопаны, симфоніоны, большіе и малые «фениксы» со стальными и мѣдными голосами и тому подобныя «модныя» рыночныя вещи. Магазинъ существовалъ

¹⁾ Украшеніе пязъ чернаго дерева вдоль красевъ скрипки.

для толпы и угождалъ вкусомъ толпы, а истиннымъ труженикамъ искусства до него не было дѣла, да и тутъ для нихъ не нашлось бы ничего подходящаго.

XIX.

Александръ Бѣлинко вставалъ рано. Тусклое петербургское утро едва заглянуло въ окна, а онъ уже сидѣлъ за своимъ верстакомъ и усердно строгалъ пружину. Прислушиваясь къ тяжелому дыханію спящей жены, онъ думалъ о своей прошлой жизни. Передъ нимъ мелькали длинной чередой однообразные, полные лишений и неприятностей, дни ученія въ мастерской Фрейтага, куда онъ попалъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Еще тогда онъ твердо рѣшилъ, что какъ только выйдутъ года, непременно завести свое хозяйство и обезпечить себя.

Отецъ его, неудачникъ-химикъ, давно умеръ. Мать-богадѣленка ничѣмъ не могла помочь ему, и онъ былъ предоставленъ вполне самому себѣ. Онъ скоро ловко и искусно приучился работать ножомъ, главнымъ инструментомъ скрипичнаго мастера. Но также надо было выучиться цѣнить скрипки и знать толкъ въ итальянскихъ инструментахъ, и это было куда труднѣе всего остального. Но безъ этихъ знаній нечего было и пробовать начинать свое дѣло.

Бѣлинко съ живостью вспомнилъ, какъ однажды къ Фрейтагу принесли продавать старую скрипку. Хозяина не было дома, а хозяйка сказала, чтобы пришли въ другой разъ. Бѣлинко замѣтилъ, что скрипка была хороша и несомнѣнно итальянская. Торопливо бросился онъ въ свой уголь, открылъ сундукъ и вынулъ оттуда накопленные тридцать рублей. Съ этими деньгами онъ вышелъ на дворъ и тутъ у воротъ подстерегъ продавца, старенькаго чиновника. Тотъ просилъ за скрипку сорокъ рублей, но Бѣлинко уговорилъ его уступить, отдалъ свои кровные рубли и бережно увесъ приобретенный инструментъ. Недѣли черезъ двѣ онъ продалъ его знакомому музыканту изъ Александринскаго театра за сто рублей. Это была его первая хорошая афера.

Затѣмъ пошли дѣлишки все въ такомъ же родѣ—дешевая покупка и дорогая продажа.

Въ то время, когда его товарищи сверстники отправлялись прокучивать недѣльный заработокъ, онъ засаживался за верстакъ и принимался за работу, взятую со стороны. Когда онъ получилъ возможность выправить себѣ свидѣтельство мастера, ему выпалъ случай жениться и взять въ приданое четыреста рублей. Это дало ему возможность завести мастерскую. Впрочемъ, при этомъ ему помогли знакомые музыканты и любители: кто подарилъ ему старое дерево, кто подпилки, рубанки и тому подобные инструменты (среди мастеровъ есть не мало охотниковъ и до ремесла скрипичнаго мастера). Бѣлинко, находившійся со всѣми въ ладахъ, умѣлъ

весьма ловко добывать эти подарки, и такимъ образомъ, устроивъ мастерскую, онъ почти не тронулъ жениныхъ денегъ.

Теперь, въ это раннее утро, онъ сидѣлъ и размышлялъ о томъ, сколько взять ему съ Павловича. Поврежденія были въ его скрипкѣ серьезныя, и надъ ней пришлось поработать. Бѣлинко, по своей привычкѣ, никогда не объявлялъ заранѣе цѣны, а всегда назначалъ ее по окончаніи работы, сообразно со средствами заказчика. Съ богатаго любителя онъ запрашивалъ иногда такъ дорого, что за цѣну починки можно было бы купить два-три порядочныхъ инструмента. По его счету выходило, что Павловичъ долженъ заплатить восемьдесятъ девять рублей, тридцать копеекъ. Бѣлинко былъ аккуратенъ и не считалъ нужнымъ округлять счетовъ.

Когда встала жена, и подали самоваръ, онъ, напившись чаю, объявилъ, что придетъ къ обѣду. Обыкновенно середину своего рабочаго дня онъ проводилъ внѣ дома: заглядывалъ на рынокъ, на какойнибудь аукціонъ, заходилъ къ богатымъ любителямъ съ извѣстіемъ о продающейся скрипкѣ или віолончели. Въ эти утренніе часы всѣхъ можно было застать дома. Возвратившись домой, онъ торопливо принимался за работу и просиживалъ за верстакомъ до глубокой ночи.

Было ясное морозное утро. Бѣлинко съ радостнымъ бодрымъ чувствомъ шель по Исаакіевской площади. Путь ему предстоялъ далекій, на Петербургскую сторону, въ одинъ изъ тѣхъ переулковъ, куда рѣдко кто попадалъ изъ обитателей незарѣчной части города. Тамъ ему наклеивалось выгодное дѣло. Онъ узналъ, что надняхъ въ корпусѣ умеръ старикъ музыкантъ, обучавшій кадетъ игрѣ на струнныхъ инструментахъ. У этого старика были двѣ итальянскихъ скрипки, и вдова его хотѣла ихъ продавать.

Бѣлинко быстро шель, не замѣчая разстоянія. Изъ бережливости онъ никогда не позволялъ себѣ ѣздить не только на извозчикахъ, но даже и на конкѣ.

Отыскавъ квартиру вдовы, онъ былъ удивленъ тѣмъ беспорядкомъ, который царилъ тутъ. Нѣсколько массивныхъ шкафовъ, два буфета, старенькая рояль загромаждали большую комнату. Дешевые желтые вѣнскіе стулья и потертая мягкая мебель стояли, какъ попало. Мастеру случалось бывать у музыканта въ корпусѣ. Тамъ было всегда все чинно прибрано. Мебель десятки лѣтъ покоилась подъ бѣлоснѣжными чехлами. Крупные массивные часы важно и мѣрно тикали не спѣша,—словомъ, все свидѣтельствовало о величайшемъ порядкѣ и объ аккуратности хозяина. Но вотъ онъ только что умеръ, и все такъ перемѣнилось.

Бѣлинко слышалъ, что вдова находится въ большихъ денежныхъ затрудненіяхъ и за безцѣнокъ распродаетъ оставшіяся вещи, закладывая, что возможно, въ ссудныхъ кассахъ. Собственно это

и давало ему надежду безъ труда приобрести скрипки, которыя не разъ ему случалось видѣть.

Хозяйка квартиры вскорѣ вышла къ нему. Это была низенькаго роста тучная нѣмка съ гладко причесанными, напомаженными масломъ, сѣдѣющими волосами и голубыми глазами. На ней было черное платье и траурная наковка. Бѣлинко объяснилъ ей цѣль своего прихода. Она достала скрипки. Хотя она двадцать лѣтъ прожила въ Россіи, но она такъ дурно говорила порусски, что этому только нужно было удивляться. Бѣлинко купилъ у нея за сто рублей два инструмента. На придачу онъ выпросилъ пару смычковъ, изъ которыхъ одинъ былъ знаменитаго французскаго мастера Вуартена, а другой—Баушъ въ золотѣ, каждый рублей въ сорокъ. Вдова знала, что эти вещи стоятъ гораздо дороже, но она находилась въ такомъ настроеніи, когда человѣка перестаетъ интересоваться матеріальной стороною жизни. Привыкнувъ постоянно жить подъ опекой заботливаго мужа, предоставленная теперь самой себѣ, она расточала его имущество съ легкомысленностью и безразсудствомъ неразумнаго ребенка.

Но Бѣлинко объ этомъ не заботился. Весьма довольный своимъ приобретениемъ, онъ перетянулъ футляръ ремнемъ и поспѣшилъ удалиться.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого онъ узналъ, что эта дама распродала все до послѣдней нитки и дошла до полной нищеты, не смотря на то, что послѣ покойнаго осталась пенсія, билеты и дача въ пять тысячъ рублей.

Дома онъ засталъ у себя Павловича.

— Ну, что же моя скрипка?—спросилъ тотъ.

— Готова,—отвѣчалъ мастеръ и снялъ съ проволоки подъ толчкомъ инструментъ профессора. Павловичъ съ величайшимъ вниманіемъ осмотрѣлъ скрипку. Трещина была превосходно запааяна. Оставалось только попробовать тонъ.

Бѣлинко подалъ виртуозу смычекъ и съ широкой радостной улыбкой слушалъ, какъ звучитъ разбитый и вновь возвращенный къ жизни благородный инструментъ Маджини.

— Недурно, очень недурно. Я доволенъ,—говорилъ Павловичъ, продолжая играть.

Онъ ходилъ по комнатѣ, натываясь то на кучу большихъ струбинокъ, то на ящикъ отъ гитары, то на контрабасъ.

— Сколько же съ меня слѣдуетъ?

— Восемьдесятъ девять рублей, тридцать копеекъ.

— Ну, это не дешево,—замѣтилъ озадаченный виртуозъ.

Бѣлинко скромно промолчалъ.

— Быть можетъ, вы уступите сколько нибудь?

— Я не имѣю обыкновенія запрашивать.

Павловичъ понялъ по тону молодого мастера, что онъ не усту-

пить ни копейки, и вынулъ радужную. Бѣлинко аккуратно далъ сдачи.

Павловичъ сѣлъ на извозчика и поѣхалъ домой.

XX.

Черезъ нѣсколько дней Павловичу случилось быть у Ларисы Антоновны. Ея болѣзнь прошла, и она радушно приняла виртуоза.

— Представьте себѣ,—сказала она съ озабоченнымъ видомъ:— моя скрипка испортилась.

— Что такое?—испуганно освѣдомился онъ.

— Въ ней показалась большая трещина. Можетъ быть, вы стукнули ее какъ нибудь о кресло или столъ. Мнѣ кажется, теперь на ней нельзя играть.

— Покажите, пожалуйста, — быстро проговорилъ онъ. — Но я обращался съ ней всегда такъ осторожно.

Лариса Антоновна принесла хорошо знакомый ему футляръ, и когда достала скрипку, то Павловичъ тотчасъ убѣдился, что верхняя дека отклеилась отъ обичаекъ на протяженіи двухъ или трехъ вершковъ.

— Ахъ, чортъ возьми, какая досада!—воскликнулъ онъ.— Впрочемъ, тутъ серьезнаго ничего нѣтъ. Починка самая пустая.

— Прекрасно, но я никому не рѣшусь отдать эту скрипку. Мало ли что можетъ случиться. Какъ же быть?

— И не надо отдавать, — отвѣтилъ онъ. — Я привезу къ вамъ мастера. Онъ починитъ скрипку у насъ на глазахъ.

И весь проникнутый мыслью объ исправленіи драгоцѣннаго инструмента, онъ немедленно поѣхалъ къ Бѣлинкѣ.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, мастеръ ласково и простодушно сказалъ:

— И какъ нарочно у меня такъ много работы. Повѣрьте, я съ превеликимъ бы удовольствіемъ услужилъ вамъ, но нѣтъ ни минуты свободной.

Павловичъ безъ труда догадался, въ чемъ, дѣло и сказалъ, что за цѣною онъ не постоитъ. Тогда Бѣлинко тотчасъ перемѣнилъ тонъ и подробно разспросилъ, въ чемъ состоятъ поврежденія скрипки, для того, чтобы захватить нужные инструменты.

Спустя полчаса, оба они уже были въ квартирѣ Ларисы Антоновны, и Бѣлинко съ нескрываемымъ восторгомъ разсматривалъ роскошный инструментъ, которому подобнаго онъ еще не видывалъ.

Павловичъ не ошибся. Починка не представляла никакихъ затрудненій. Бѣлинко подогрѣлъ клей, смазалъ трещины и, обложивъ сукномъ края обичаекъ, завинтилъ края декъ струбцинками. Затѣмъ онъ положилъ скрипку на рояль и ушелъ, объявивъ, что вернется черезъ два часа.

Когда онъ пришелъ опять, клей уже высохъ. Оставалось только снять струбки и смыть теплой водой оставшійся кое-гдѣ клей.

За эту работу мастеръ попросилъ пятнадцать рублей, съ прежнимъ смиреннымъ видомъ поясняя, что онъ потерялъ рабочий день и не успѣть удовлетворить прочихъ заказчиковъ. Павловичъ заплатилъ ему эти деньги, давъ себѣ слово больше не прибѣгать къ его услугамъ.

Это маленькое приключеніе со скрипкой явилось новымъ звеномъ для сближенія виртуоза съ Ларисой Антоновной. Онъ опять возобновилъ свои визиты подъ тѣмъ предлогомъ, что теперь требовалось послѣ починки обыграть скрипку. Ему такъ надоѣло ѣздить по музыкальнымъ домамъ, что онъ охотно проводилъ время въ этой маленькой квартиркѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя такъ легко и свободно.

Однажды вечеромъ къ нему пріѣхалъ Тевяшевъ.

— Поздравляю тебя,—сказалъ онъ:—ты женишься на Ларисѣ Антоновнѣ.

— Я?—изумился Павловичъ:—и кто это говорить? Откуда ты знаешь?

— Всѣ это говорятъ,—со смѣхомъ отозвался концертмейстеръ:—что-жъ прекрасная партія. Правда, она не первой юности, но и ты уже въ лѣтахъ. Притомъ у нея есть небольшое состояніе и прекрасная скрипка.

Изъ всей рѣчи Павловичу болѣе всего было теперь непріятно упоминаніе о скрипкѣ. Онъ съ досадою отодвинулъ кресло, на которомъ сидѣлъ, и сказалъ:

— У тебя вѣчно на умѣ однѣ глупости. Ты самъ не знаешь, что говоришь.

— Напрасно ты такъ думаешь,—отвѣтилъ его легкомысленный пріятель, нисколько не смущаясь суровымъ выраженіемъ профессора:—вся консерваторія трубитъ о твоей свадьбѣ. Гдѣ вы вѣнчаетесь?

— Это рѣшительно изъ рукъ вонъ!—возмутился Павловичъ.— Пойми, что я не дѣлалъ предложенія.

— Ну, мой другъ, въ такомъ случаѣ надо поспѣшить съ этимъ. Надѣюсь, ты пригласишь меня быть шаферомъ.

Павловичъ рѣзко попросилъ его прекратить этотъ разговоръ, но слова товарища привели его въ большое смущеніе. Собственно въ нихъ заключалось разрѣшеніе всѣхъ его сомнѣній, догадокъ, плановъ и замысловъ. И дѣйствительно, не прежде ли всего жениться на Ларисѣ Антоновнѣ? Къ ней онъ чувствуетъ ту прочную привязанность, которая лучше всякой любви, особенно въ совмѣстной долгой жизни, на почвѣ взаимныхъ уступокъ, именно той жизни, какая нужна для благоразумныхъ и уважающихъ себя супруговъ.

Весь чадъ молодости давно разсѣялся, первый мигъ страстей

улегся. Жизнь наполовину прожита; чего же ждать, чего же колебаться?

Отдѣлавшись отъ Тевяшева, онъ поѣхалъ къ Ларисѣ Антоновнѣ. Она удивилась его смущенію, съ какимъ онъ поздоровался съ ней, и тому вниманію, какого она не замѣчала раньше къ себѣ.

Павловичъ самъ не зналъ, зачѣмъ онъ теперь пріѣхалъ сюда. Но когда онъ вспомнилъ, сколько счастливыхъ часовъ провелъ въ этихъ маленькихъ комнатахъ съ этой женщиной и съ этой скрипкой, колебаніе его исчезло.

Онъ сказалъ Ларисѣ Антоновнѣ, что просить ее быть его женой, на что она просто и скромно согласилась.

Спустя двѣ недѣли, состоялось ихъ вѣнчанье, и Тевяшевъ былъ шаферомъ. Артисты пили и веселились на этой музыкальной свадьбѣ и потихоньку острили, что профессоръ разомъ женился на двухъ женахъ, при чемъ предоставлялось каждому рѣшить, которая изъ нихъ лучше.

Анатолій Леманъ.

О ЖИВЫХЪ И МЕРТВЫХЪ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

II.

Мое сотрудничество въ «Пчелѣ». — М. О. Микѣшинъ и А. В. Праховъ. — На дачѣ у Микѣшина. — Поэтъ Симборскій. — Мое знакомство съ нимъ. — Его сенсационное стихотвореніе, попавшее не въ «Шчелу», а въ «Русское Обзорѣніе» Градовскаго. — Симборскій въ качествѣ корреспондента на войнѣ. — Пятницы «Пчелы». — Общее воодушевленіе. — Портретная галлерія добровольцевъ. — А. Г. Ерошенко и Як. Зюбинъ. — Разсказы о его силѣ. — Проводы. — На концертѣ Славянскаго. — Къ характеристикѣ современныхъ нравовъ. — Мои стихи въ «Руси», «Всемирной Иллюстраціи», «Недѣлѣ», «Свѣтѣ», «Дѣлѣ» и «Нивѣ». — Памяти Вас. Петр. Попова. — Литературные выскочки и одинъ изъ нихъ. — Курьезный случай съ моимъ стихотвореніемъ «Акробатъ». — Женскія письма въ отвѣтъ на мое стихотвореніе «На встрѣчу» въ «Недѣлѣ». — Н. П. Вагнеръ и Л. Е. Оболенскій. — Мое знакомство съ поэтось-самоучкой М. А. Козыревымъ. — Разореновъ, авторъ пѣсни «Не брани меня, родная». — Окончаніе къ роману «Евгеній Онѣгинъ», написанное А. Разореновымъ. — Мое знакомство съ нимъ. — Странное поведеніе Сурикова. — Практичность писателей самоучекъ. — Моя поѣздка въ Цыгры. — Невольная роль обличителя. — Какъ увѣдныя дамы читаютъ газеты. — «Будильникъ». — Н. П. Кичеевъ. — Гербовыя марки вмѣсто гонорара. — Моя болѣзнь. — Мой дебютъ въ «Русской Рѣчи». — Какъ встрѣтила критика моего «Бездипломнаго учителя». — Я дѣлаюсь постояннымъ сотрудникомъ «Русской Рѣчи».

МОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО въ «Пчелѣ» началось, собственно говоря, еще въ тотъ періодъ моей дѣятельности, который я назвалъ «Первыми шагами». Это было во второй половинѣ 1875 года. Но, помѣстивъ два-три стихотворенія въ «Пчелѣ» при П. Н. Полевомъ, я не принималъ дальше никакого участія въ этомъ журналѣ вплоть до перехода его въ собственность нашего знаменитаго художника М. О. Микѣшина, который привлекъ къ участию въ изданіи, не

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVII, стр. 850.

только въ качествѣ сотрудника, но и въ роли редактора—А. В. Прахова. На какихъ условіяхъ М. О. Микѣшинъ приобрѣлъ «Пчелу» отъ А. С. Героглифова, я не знаю (вѣрнѣе не помню), но только скоро между послѣднимъ и М. О. начались недоразумѣнія, рѣшать которыя пришлось суду. Если не ошибаюсь, М. О. Микѣшинъ выигралъ дѣло.

Я возобновилъ сотрудничество въ «Пчелѣ» совершенно случайно. Я несъ куда-то стихи, когда мнѣ встрѣтился А. В. Арсеньевъ.

— Куда?—спросилъ я его.

— Въ «Пчелу».

Я пошелъ тоже съ нимъ и отдалъ стихи. Ихъ принялъ еще Героглифовъ, но онъ сказалъ, что рѣшеніе зависитъ уже отъ Микѣшина. Черезъ нѣсколько дней я зашелъ за отвѣтомъ.

— Стихи будутъ помѣщены.

Слѣдующіе стихи я уже отдалъ А. В. Прахову, съ которымъ тутъ же и познакомился.

— А у васъ еще нѣтъ стиховъ?—спросилъ А. В.

— Есть.

— Такъ дайте мнѣ.

— Они не съ собою.

— Принесите ихъ мнѣ.

Онъ подумалъ и добавилъ:

— Не въ редакцію, а въ квартиру NN. Я завтра буду тамъ.

Я принесъ еще нѣсколько стихотвореній. Праховъ прочелъ и взялъ всѣ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ.—Можетъ быть, вамъ нужны деньги. Я скажу Михаилу Осиповичу.

Одно изъ моихъ стихотвореній «Изъ пѣсень о погибшихъ герояхъ» не было пропущено цензурою. По поводу этого и отчасти по другимъ причинамъ я поѣхалъ къ Микѣшину на дачу. Она была у него собственная, по Сергіевской дорогѣ. М. О. встрѣтилъ меня необыкновенно радушно. Скоро подошелъ и А. В. Праховъ. Пили чай въ саду и много говорили о литературѣ и событіяхъ того времени. Ждали всѣ войны, интересовались каждой новостью съ Балканскаго полуострова. М. О. съ горячей любовью рассказывалъ мнѣ о Малороссіи, разспрашивалъ о сѣверѣ. Мои стихи ему очень понравились, равно какъ и рассказъ, который я привезъ ему. М. О., прощаясь со мною, просилъ меня побольше писать для «Пчелы», далъ мнѣ порядочный авансъ и сказалъ, что всегда готовъ поддержать дружески, если только будетъ въ силахъ. Онъ горячо принимался за дѣло изданія, и его слова дышали вѣрою въ успѣхъ предпріятія. Очарованный любезностью и простотой художника и А. В. Прахова, я въ самомъ хорошемъ настроеніи духа вернулся домой въ Петербургъ, въ свою маленькую, но чистенькую

комнатку на Офицерской улицѣ. Была чудная лѣтняя ночь. Спать не хотѣлось. Я отправился гулять, встрѣтилъ Кр—ба, и мы, поужинавъ въ какомъ-то ресторанчикѣ, поѣхали кататься по Невѣ. Была именно такая ночь, про которую можно сказать:

Такихъ божественныхъ ночей не много, другъ:
Все дышитъ сладкою истомою вокругъ,
И воздухъ напоенъ любовью и весною.

А мы говорили не о любви, мы были далеки фетовской поэзіи. Мы говорили о Сербіи, о добровольцахъ, о томъ, что пора же открыто заступиться за братьевъ. Чего ждать? Я только что вернулся изъ глуши, гдѣ мнѣ пришлось наблюдать въ самой простой средѣ сцены большого сочувствія «славянамъ». Далекіе политическіе соображенія, даже плохо знавшіе, «кто такіе болгары и сербы»,—простые люди сочувствовали единовѣрцамъ, страдающимъ отъ «мухамеданъ». При мнѣ одна старуха принесла священнику два рубля, накопленные ею съ большимъ трудомъ: «на, батюшка, пошли ихъ туда, къ тѣмъ, которыхъ турки рѣжутъ. Сиротамъ-то ихъ... отошли!».

Нельзя было оставаться равнодушнымъ при видѣ этой безза-
вѣтной любви.

— Ты бы написалъ стихи на эту тему,—сказалъ Кр—бъ.

Я обѣщаль. Но меня предупредилъ Симборскій. Симборскій? Кто такой Симборскій?—навѣрное спроситъ читатель. Я не осужу его. Такой же вопросъ задалъ мнѣ недавно одинъ интеллигентный знакомый. Я не скажу—стыдно не знать Симборскаго русскому читателю. Нѣтъ, грустно, что его не знаютъ. Онъ рано погибъ, и скверно сложилась его жизнь. Это былъ выдающійся талантъ, и, какъ поэтъ, Симборскій могъ занять видное мѣсто на русскомъ Парнасѣ. Между тѣмъ ему приходилось писать юмористическіе газетные фельетоны, правда, сильные по своему дерзкому юмору и высокому пафосу, какъ выразился про него другой поэтъ, но не эта работа могла способствовать развитію недюжиннаго таланта Н. В. Симборскаго. А прочтите его лучшіе стихи: сколько поэзіи, мощной энергіи и вдохновеннаго пафоса! Онъ не любилъ плакать и писать въ минорномъ тонѣ. Онъ, страдая, проклиналъ, а не жалобился. Нашлись друзья—издали стихи Соймонова. Хорошо сдѣлали. Но Соймоновъ маленькая величина передъ Симборскимъ. Одно время ходили слухи, что Симборскаго издадутъ. Молодой поэтъ П. А. Тулубъ даже писалъ мнѣ объ этомъ изъ Кіева. Но слова не перешли въ дѣло. Г. Тулубъ издалъ стихи Косувовича, а Симборскій попрежнему никому неизвѣстенъ. Тяжело сложилась жизнь поэта, не вынесъ онъ мученій и самовольно прервалъ нить жизни. Одни говорили, что неудачная любовь, какъ послѣдняя капля, переполнила чашу страданій. Другіе называли иные мотивы, о которыхъ неудобно гово-

рять. Я думаю, что послѣдніе ближе къ правдѣ. А, быть можетъ, то и другое вмѣстѣ... Что бы то ни было, а поэтъ погибъ въ разцвѣтѣ силъ.

Я познакомился съ Симборскимъ, благодаря стихотворенію, написанному имъ по поводу тогдашнихъ политическихъ событій. Общее воодушевленіе росло; влекомые симпатіями къ сербамъ, русскіе люди рвались на защиту угнетенныхъ, а нашъ корабль не двигался еще. Ждали только слова: впередъ! Ждали, полные мучительной тревоги. Это настроеніе я и хотѣлъ выразить въ своихъ стихахъ. Но Симборскій предупредилъ меня, написавъ сильное и прекрасное стихотвореніе. Я не помню всего его, но вотъ отрывки, уцѣлѣвшіе въ моей записной книжкѣ:

А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
Недвижный нашъ корабль стоитъ, какъ изваянье;
Раскинувшись надъ нимъ, сияютъ небеса
Въ бездушной красотѣ, въ торжественномъ сіяньѣ...
Расплавленнымъ стекломъ легла громада водъ,
Вся блескомъ залита, но мертвая, нѣмая...
Сознанье тяжкое бесилія, какъ гнетъ,
Ложится на сердце, что, страстно замирая,
Стремится съ мукою туда, гдѣ полоса
Родной земли, для глазъ чуть видная, темнѣетъ...
А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
И тишь и блескъ кругомъ, а въ сердцѣ злора зрѣть!
И тишь и блескъ кругомъ... Галлюцинаціи рядъ,
Терзая и дразня, проходитъ предъ глазами:
Вотъ волны рѣкъ родныхъ играютъ и гремятъ,
И мчатся, сжатые крутыми берегами.
Вонъ вкругъ убогихъ сель убогія поля,
Облитыя слезой обильною и кровью...
И вся желанная, далекая земля,
Какъ будто тутъ, въ глазахъ... Съ привѣтомъ я любовью
Шумятъ по скатамъ горъ зеленые лѣса,
Манятъ, зовутъ къ себѣ... Рванулса-бъ къ нимъ скорѣе,
Но вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ! Повисли паруса,
И тишь и блескъ кругомъ, и злора все сильнѣе...
Нѣтъ пытки тяжелѣй: стоять передъ врагомъ,
Съ нимъ рваться въ бой и знать, что тщетны всѣ усилія,
И въ бѣшенствѣ тупомъ, подстрѣленнымъ орломъ,
Безплодно поднимать израненныя крылья!
Близка стремленья цѣль. Въ мечтѣ ужъ подъ ногой
Шуршитъ, скрипитъ песокъ на пристани родимой,
И, тѣша жадный взоръ, открылся предъ тобой
Давно желанный видъ, знакомый и любимый,
Ужъ слышишь, чудятся родимыхъ голоса,
Ужъ видишь ихъ къ тебѣ протянутыя руки,
А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
И рвется сердце вонъ отъ скорби и отъ муки!

Окончаніе еще ярче и сильнѣе, но оно не уцѣлѣло въ моей книжкѣ. Стихотвореніе Симборскій написалъ для «Пчелы» и читалъ намъ всѣмъ въ редакціи. Мнѣ оно особенно понравилось, и я въ самыхъ

горячихъ выраженіяхъ выразилъ мой восторгъ. Поэтъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, и съ этого дня началось наше сближеніе. Цензура не пропустила стихотворенія, и оно появилось не въ «Пчелѣ», а въ «Русскомъ Обзорѣніи», издаваемомъ тогда Гр. К. Градовскимъ. Почтенный публицистъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться уже гораздо позже, когда я довольно дѣятельно работалъ въ «Новостяхъ» (1886—1887 гг.), находился въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ поэтомъ, любилъ его и высоко цѣнилъ его талантъ. Во время войны Симборскій былъ корреспондентомъ какой-то газеты съ того же театра войны, съ котораго писалъ и Гр. К. Градовскій. Симборскій временами сильно пилъ и дѣлался рѣзко и даже дерзко. Если бы не заступничество Гр. К. Градовскаго, поэту-корреспонденту пришлось бы очень тяжело поплатиться за одну изъ своихъ необузданныхъ выходокъ. Благодаря же Градовскому, находившемуся въ добрыхъ отношеніяхъ съ лицомъ, отъ котораго зависѣла въ данномъ случаѣ судьба Симборскаго, этотъ послѣдній избѣгъ тяжелой кары и былъ только высланъ.

На квартирѣ у Симборскаго я никогда не былъ. Но мы часто встрѣчались съ нимъ въ редакціи «Пчелы», особенно въ ту пору, когда она помѣщалась на Васильевскомъ островѣ. Я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Пчелы», взявъ на себя веденіе «Журнальной хроники», библиографіи и отчасти критическаго отдѣла. Молодой писатель А. В. Арсеньевъ сталъ писать фельетоны изъ общественной жизни («Фельетонные наброски» онъ подписывалъ «Азь-Рцы-Слово»). Приходилось часто бывать въ редакціи и помимо тѣхъ дней, когда производилась выдача гонорара. Въ эти дни Симборскій бывалъ уже обязательно. Нерѣдко подолгу приходилось ждать и «министра финансовъ», какъ мы шутили, и самого редактора. Соскучимся и пойдемъ въ ближайшій трактиръ—закусить, попить чайку. Симборскій чаю не пилъ. Онъ предпочиталъ «воду жизни». Сколько разъ я замѣчалъ ему: «не пейте вы такъ много... вредно»...

Онъ только рукой махнетъ:

— Все равно... Вы не знаете!

Я «не зналъ»... А онъ ничего не объяснялъ... Разспрашивать было не ловко.

Случалось, что «министръ финансовъ» совѣмъ не пріѣзжалъ. Выдача отлагалась до слѣдующей пятницы. Поэтъ хмурился и восклицалъ:

— Ну... долго ли же насъ будутъ кормить пятницами?

Впрочемъ, это случалось не часто. За то, когда можно было, выдавались щедро авансы, и радушіе издателя всѣхъ насъ умиляло и мирило съ маленькими невзгодами... Я говорю о времени, когда «Пчела» цвѣла. Во дни ея заката было уже не то. Но это происходило не отъ сквалыжничества, не отъ желанія «не платить», а просто отъ невозможности уплатить въ срокъ. Издатель всегда оставался че-

ловѣкомъ, готовымъ раздѣлить съ сотрудниками все, что было. Русский человѣкъ—человѣкъ широкой натуры. Почтеннаго художника-издателя многіе очень нагло обирали и эксплуатировали. Я считалъ его всегда и считаю до сихъ поръ человѣкомъ добрымъ. Уже во времена упадка журнала, когда дѣла шли не важно, онъ не одинъ разъ и меня и другихъ выручалъ изъ «бѣды», дѣлясь, чѣмъ могъ. Помню случай. Пришелъ юный писатель и просить аванса. Жена больна, за квартиру не заплачено.

— Сколько въ кассѣ?—спросилъ издатель у кассира.

— Сто рублей.

— Ну, дайте г. NN. 50 рублей...

Самое свѣтлое время «Пчелы» совпало съ общимъ оживленіемъ русскаго общества, которое горячо откликнулось на страданія балканскихъ братьевъ.

Конечно, въ увлеченіи не обошлись безъ ошибокъ. Ловкіе люди, пользуясь случаемъ, сумѣли наловить рыбки «въ мутной водичкѣ»... Искреннее увлеченіе часто переходило границы и крыло чужую крышу, когда текла своя. Такъ одно земство (одно ли?) послало солидную сумму денегъ на славянское дѣло, въ то время, какъ сельскіе учителя не могли получить жалованья за свой каторжный трудъ. Одинъ мой пріятель писалъ мнѣ: «И вотъ сижу я безъ гроша. Спасибо, помогъ писарь, но вѣдь этимъ я становлюсь къ нему въ кабалу. Просилъ предсѣдателя дать хотя 20 рублей. Отвѣтилъ: нѣтъ денегъ; а сербамъ послали 1.000 рублей!».

Теперь на многое смотримъ иначе, и то, что тогда казалось хорошимъ, святымъ, надъ тѣмъ теперь многіе посмѣиваются. Положимъ, и старость осмѣиваетъ тѣ пылкія увлеченія, которыми свѣтла юность. Но въ данномъ случаѣ для поздней ироніи есть и достаточно сильныя причины. Тогда нельзя было видѣть и предугадать даже то, что теперь ясно для всѣхъ. Какъ бы то ни было, въ то время царило нервное возбужденіе, всѣ были приподняты и настроены воинственно. Либерализмъ не мѣшалъ, ибо дѣло шло о свободѣ. Покойный А. Г. Ерошенко, павшій подъ Алексинацемъ 10-го августа 1876 года, былъ либераль, но онъ съ восторгомъ пошелъ бить враговъ сербовъ, потому что они были и враги—свободы, палачи ея... Молодой кандидатъ Спб. университета, А. Г. Ерошенко, не былъ зауряднымъ добровольцемъ, и ему нелишне посвятить нѣсколько строкъ. По словамъ покойнаго профессора Ор. Миллера, Ерошенко родился 12-го февраля 1851 года въ небогатой семьѣ, владѣвшей небольшимъ хуторомъ въ Полтавской губерніи. Рано лишившись матери, онъ съ сестрами остался на рукахъ отца и старухи тетки, которые видѣли въ мальчикѣ единственное свое утѣшеніе и надежду. Они любили его и баловали. Прежде чѣмъ попасть въ университетъ, Алексѣй Григорьевичъ побывалъ во многихъ заведеніяхъ. Кончивъ Роменское уѣздное училище, онъ поступилъ

въ Полтавскую гимназію, откуда, исключенный за дѣтскую шалость, перешелъ въ Нѣжинскій лицей. Съ званіемъ студента Нѣжинскаго лицея онъ переходитъ въ лицей Ярославскій, отуда въ Петербургское военно-юридическое училище, а изъ него въ университетъ, который онъ окончилъ весной 1876 года.

Чрезвычайно даровитый, горячо преданный наукѣ, патриотъ въ самомъ благородномъ значеніи этого слова, А. Г. Ерошенко, безъ сомнѣнія, съ честью и пользой послужилъ бы родинѣ, но судьба рѣшила иначе.

Я познакомился съ Ерошенко у Сильчевскаго (если не ошибаюсь). Онъ сразу произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Онъ очаровалъ меня. Изъ А. Г., если бы онъ стался живъ, вышелъ бы самый пламенный народникъ, и, конечно, народникъ серьезный, не одинъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ только сладко пѣть о мужичкѣ или возводить въ культъ даже темныя стороны народной жизни. А. Г. сложился бы въ народника дѣятельнаго. Онъ и хотѣлъ посвящать себя изученію русскаго быта... Но вдругъ забурлило великое славянское море... На сцену явились униженные и оскорбленные, которые были всегда такъ близки сердцу пылкаго юноши. Онъ не утерпѣлъ. Онъ полетѣлъ къ нимъ. Сначала онъ поѣхалъ въ Сербію только въ роли корреспондента отъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (Полетики), но онъ не могъ «писать и глядѣть», когда надо было дѣйствовать, когда кругомъ другіе умирали за свободу. Онъ бросилъ перо и кинулся въ бой. Пуля въ горло 10-го августа подъ Алексинацемъ прекратила эту молодую жизнь, полную надеждъ, навсегда угомонила пылкое сердце, бившееся горячей любовью къ угнетеннымъ.

«Пчела» помѣстила портретъ Ерошенко, сдѣлавъ надпись сверху: «больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя». Затѣмъ въ журналѣ прошла цѣлая галлерея русскихъ добровольцевъ, отправившихся въ Сербію.

Поддавшись общему теченію, рѣшилъ ѣхать въ Сербію и нашъ пріятель Я. Зюбинъ, молодой техникъ.

Замѣчательно веселый человѣкъ, Зюбинъ любилъ повеселить и другихъ, какъ выражался онъ. Онъ иногда школьничалъ, какъ мальчикъ, а если принимался острить, такъ вся кампанія умирала со смѣху. Онъ обладалъ при этомъ еще поразительной силой, чѣмъ удивлялъ незнакомыхъ людей, потому что съ виду былъ худой, тощій субъектъ, про котораго можно сказать: «въ чемъ душа держится». И вдругъ такой лядащій человѣчекъ — богатырь!

Не могу сказать, на сколько помогъ Зюбинъ дѣлу «освобожденія братьевъ», но онъ получилъ тяжелую рану въ спину и просидѣлъ два мѣсяца въ турецкой крѣпости.

Если вѣрить его словамъ (а я не вижу, почему бы не вѣрить), то многіе наши «герои-добровольцы», которые потомъ красно пи-

сами о братушкахъ, въ свою бытность на войнѣ очень плохо обращались съ братушками и оставили въ нихъ не особенно лестное воспоминаніе о русскихъ благодѣтеляхъ.

Въ послѣдній годъ изданія «Пчелы» я въ ней работалъ уже мало. За весь годъ я помѣстилъ только нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ одно приобрѣло большую извѣстность, благодаря тому, что оно переложено госпожей Славянской на музыку и вездѣ распѣвается Славянскимъ: это—«А изъ рощи, рощи темной».

Для характеристики «нѣкоторыхъ нравовъ» я остановлюсь на этой пьескѣ. Я написалъ пѣсню еще въ 1873 году и на столько забылъ, что когда услышалъ ее на концертѣ Славянскаго, то не призналъ даже сразу за свое твореніе.

— Хорошенькій мотивъ,— сказала мнѣ знакомая дама, съ которой я былъ въ концертѣ.

— Да, и слова какъ будто знакомыя.. я гдѣ-то ихъ читалъ, должно быть... Гдѣ только?..

И вдругъ въ антрактѣ я вспомнилъ.

— Боже мой, да это же мои стихи... Въ «Пчелѣ» они были помѣщены...

— Да что вы?.. Неужели вы такъ могли забыть?— удивилась дама.

— Забылъ!..

Вѣроятно, еще и оттого, что въ переложеніи два первые куплета отброшены, и пѣсня начинается прямо со словъ: «А изъ рощи, рощи темной».

Я въ антрактѣ отправился къ Славянскому, который на память поднесъ мнѣ ноты. Не знаю, почему-то тамъ стояло: слова N. N.

Г. Суворовъ въ своихъ «Запискахъ о прошломъ» сообщаетъ, между прочимъ, что романсъ мой г-жей Славянской переложень въ Сибири, при обстоятельствахъ не совѣмъ ординарныхъ. «Смѣлая и рѣшительная (пишетъ г. Суворовъ) О. X. Славянская забирается въ самую глушь Восточной Сибири и разрѣшается отъ бремени въ дрянной деревушкѣ, безъ медицинской помощи. Кажется, уже смерть подходитъ къ ея изголовью, а въ ея артистическомъ сердцѣ въ эти страшныя минуты зарождаются звуки мелодичнаго романса: «А изъ рощи, рощи темной, пѣснь любви несется» («Русское Обозр.», 1894 г., сентябрь).

Утерявъ съ переѣздами ноты, подаренныя Славянскимъ, я зашелъ купить ихъ въ какой-то магазинъ (дѣло было въ Москвѣ).

Мнѣ подають. Гляжу—новая аранжировка моего романса, принадлежащая какому-то Имберду. Но слова приписаны уже какой-то М. Валуевой. Такъ прямо и сказано: слова М. Валуевой, муз. Имберда. Кто такая Валуева, я ея знаю, но зачѣмъ ей захотѣлось присвоивать себѣ чужой романсъ, уже напечатанный,—не могу понять. Вѣдь ложь всегда можетъ быть обнаружена. Или она,

на подобіе юноши, присвоившаго себѣ псевдонимъ Теофана Зяблова, тоже только пошутила?.. Но не въ этомъ дѣло. А я не могу понять слѣдующаго: зачѣмъ понадобилось въ переложеніи на музыку слово «сердце» замѣнять словомъ «она»? Пѣть приходится она (дѣлая удареніе на ъ), а, во-вторыхъ, и смысла не выходить. Я думаю, что подобное коверканіе текста вовсе не нужно. Вѣдь не коверкали другіе композиторы моего текста, напримѣръ, Арнольдъ, написавшій музыку къ стихотворенію: «Солнышко свѣтитъ и день на землѣ», Шенкъ, очень мило положившій на музыку мой романсъ: «Да, я вижу, дитя», или Алоизъ, остановившійся на моемъ стихотвореніи: «Ты свѣжа, какъ утро мая?».

Въ 1877—1878 гг. я писалъ особенно много стиховъ. Не мало ихъ было помѣщено въ дѣтскихъ журналахъ, въ «Пчелѣ», «Руси» Микѣшина (неудачная попытка издавать народный журналъ) и затѣмъ въ «Всемирной Иллюстраціи», «Дѣлѣ», «Недѣлѣ» и «Свѣтѣ» профессора Н. П. Вагнера, а также въ литературномъ прибавленіи къ «Русскому Міру» и въ «Нивѣ». Здѣсь кстати будетъ упомянуть о свѣтлой личности В. П. Попова, редактировавшаго тогда «Всемирную Иллюстрацію». Скромный, деликатный, но высокообразованный, Василій Петровичъ былъ полнымъ антиподомъ тѣмъ юнымъ выскочкамъ, которые, попавъ по капризу судьбы на редакторское кресло, начинаютъ третировать почтенныхъ и заслуженныхъ писателей. Одинъ изъ такихъ господъ (*nomina sunt odiosa*), напримѣръ, позволилъ себѣ такую милую выходку.

Приносить въ редакцію одного иллюстрированнаго журнала (нынѣ не существующаго) статью.

Редакторъ посмотрѣлъ на подпись и возвращаетъ.

— Почему?

— Мы печатаемъ только лицъ извѣстныхъ.

Каково было литературное образованіе редактора, если онъ къ числу неизвѣстныхъ отнесъ извѣстнаго всей интеллигентной Россіи блестящаго публициста!

В. П. Поповъ былъ не изъ такихъ. Онъ былъ настоящій литераторъ, умѣлъ составить кружокъ писателей около «Всемирной Иллюстраціи», и годы его редактированія надо по справедливости признать самыми блестящими годами журнала, который потомъ пошелъ было къ упадку и только съ недавняго времени (когда редакцію взялъ на себя опытный редакторъ П. В. Быковъ) снова поднялся на должную высоту.

Послѣ долгаго перерыва въ «Дѣлѣ» я дебютировалъ разсказомъ въ стихахъ «Маленькій герой», изъ герцеговинской жизни. Вторымъ стихотвореніемъ, напечатаннымъ въ «Дѣлѣ», было «Въ забытомъ селѣ» и третьимъ «Акробатъ». За симъ шли мелкіе стихи. «Акробатъ» очень понравилось Шеллеру, и онъ писалъ мнѣ: «это стихотвореніе вамъ особенно удалось». Черезъ 3 года съ этой пьеской

случился курьезъ. Мнѣ ея не пропустили въ отдѣльномъ сборникѣ, изданномъ для дѣтей.

— Почему?—спрашиваю цензора.

— Помилуйте, вы хотите напечатать стихотвореніе М. Михайлова.

Тогда стихи М. Михайлова еще не были разрѣшены для отдѣльнаго изданія.

— Это мое, а не Михайлова.

— Нѣтъ-съ, его!

— Я лучше знаю.

— У него былъ «Акробатъ».

— Можетъ быть, но не это.

— Докажите!

Какъ я могъ доказать? Въ какомъ изданіи М. Михайловъ напечаталъ стихи, цензоръ не зналъ. Не зналъ и я. Я даже не увѣренъ, что у Михайлова дѣйствительно было стихотвореніе «Акробатъ». Такъ мой «Акробатъ» и былъ выкинутъ изъ сборника.

Въ «Недѣлѣ» я помѣстилъ нѣсколько стихотвореній. Одно изъ нихъ, «Встрѣча», посвященное учащимся женщинамъ и написанное вскорѣ послѣ открытія «Высшихъ женскихъ курсовъ», такъ понравилось покойному П. А. Гайдебурову, что онъ отмѣтилъ его въ своемъ фельетонѣ, а отъ женщинъ я получилъ болѣе десятка благодарственныхъ писемъ. Женщина вообще отзывчива. Когда я въ «Новостяхъ» (уже въ 1886 г.) помѣстилъ статью «Женщинѣ дорогу!»—женщины буквально засыпали меня письмами.

«Свѣтъ» профессора Вагнера едва ли имѣлъ большое распространеніе въ публикѣ. Но это былъ очень симпатичный и серьезный журналъ... Я случайно увидѣлъ № «Свѣта», онъ мнѣ понравился, я досталъ остальные №№, прочелъ и рѣшилъ, что надо попасть въ «Свѣтъ».

— Да, да, пора тебѣ въ «Свѣтъ» выѣзжать,—пошутилъ пріятель-учитель.

Я переписалъ два-три стихотворенія и зимой (или, вѣрнѣе, поздною осенью) отправился въ редакцію «Свѣта», т. е. въ квартиру Вагнера, въ зданіе университета. Я поѣхалъ вечеромъ, часовъ въ 7, съ рискомъ не застать редактора или быть непринятымъ въ такое позднее время.

Но на мой вопросъ:

— Дома ли баринъ? Можно ли его видѣть?

Горничная отвѣчала мнѣ, что баринъ дома, а можно ли видѣть его, она сейчасъ узнаетъ.

Н. П. принялъ и встрѣтилъ меня очень любезно.

Я подалъ стихи.

— Что же, я напечатаю, — сказалъ Н. П., пробѣжавъ ихъ.— Почему желаете?

Я назначилъ шаблонный четвертакъ.

Н. П. сосчиталъ строчки и вручилъ деньги. Это было очень кстати. Я хотѣлъ было сейчасъ же уйти, но любезный профессоръ оставилъ меня пить чай, и я просидѣлъ болѣе часа. Н. П. безпрестанно нюхалъ эфиръ, вѣроятно, у него болѣла голова... Онъ много говорилъ о литературѣ, и его замѣчанія, мнѣнія были чрезвычайно оригинальны и мѣтки. Коснулись одного критика, который тогда шелъ еще въ «пристяжкѣ», какъ говорится, а теперь держитъ себя коренникомъ и генераломъ въ одной изъ ежедневныхъ газетъ.

— Право, во всѣхъ его статьяхъ я не нашелъ ни одного умнаго слова,—простоудушно, но очень вѣрно замѣтилъ профессоръ.

Я ушелъ, очень довольный тѣмъ, что попалъ въ сотрудники «Свѣта» и познакомился съ талантливымъ авторомъ «Сказокъ Кота Мурлыки».

— Приносите еще, когда будутъ,—сказалъ Н. П., пожимая мнѣ руку на прощанье.

Черезъ мѣсяць я еще принесъ стиховъ, между прочимъ, «Новогодніе тосты», которые, не смотря на свою безобидность, не прошли въ двухъ мѣстахъ... Въ «Свѣтѣ» они прошли пѣбликомъ.

Въ мартѣ слѣдующаго года я уѣхалъ въ Шцигры, а когда вернулся оттуда, редакціей «Свѣта» завѣдывалъ уже Л. Е. Оболенскій, который скоро сдѣлался и полнымъ хозяиномъ журнала, переименовавъ его въ «Мысль».

Я совсѣмъ случайно познакомился съ Леонидомъ Егоровичемъ. Въ одной изъ осеннихъ книжекъ «Свѣта» шло мое стихотвореніе, принятое еще Вагнеромъ. Я отправился въ типографію продержать корректуру и тамъ встрѣтился съ новымъ редакторомъ.

Это былъ коренастый, плотный, невысокаго роста человѣкъ, который въ ту минуту, когда я вошелъ въ комнату, былъ весь углубленъ въ чтеніе гранокъ.

— Мнѣ бы просмотрѣть корректуру,—сказалъ я типографщику.

— А вотъ они читаютъ,—указалъ онъ на человѣка, который оказался Оболенскимъ.

Я назвалъ себя.

— А—а! очень пріятно! А я ваши стихи и читаю...

Л. Е. протянулъ мнѣ руку. Я присѣлъ, и мы разговорились.

Въ то время мы особенно не сблизились. Я заходилъ изрѣдка къ Л. Е., но только по дѣлу. Онъ жилъ скромно, и когда бывало ни зайдешь, всегда застанешь его за работой. Онъ писалъ очень много, большинство статей въ каждомъ № журнала принадлежало самому хозяину. Когда «Мысль» прекратилась, и Л. Е. купилъ «Русское Богатство», меня не было въ Петербургѣ. По возвращеніи на берега Невы, я встрѣтился съ Оболенскимъ въ «Пушкинскомъ кружкѣ», о которомъ стоитъ поговорить, и я поговорю

отдѣльно и подробно. Въ «Русскомъ Богатствѣ» я помѣстилъ всего одинъ разсказъ: «Бабье горе». Журналъ держался научнаго направленія, и беллетристика являлась въ немъ въ видѣ чего-то такого, что «было терпимо» и не считалось особенно важнымъ элементомъ. Журналъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе, но именно своимъ философско-научнымъ отдѣломъ и отчасти критическимъ (въ качествѣ критика г. Оболенскій иногда проявлялъ очень тонкое пониманіе и дѣлалъ оригинальные и мѣткіе приговоры). Беллетристика въ послѣднее время была только придаткомъ; редакція, видимо, дѣлала уступку требованіямъ тѣхъ читателей, которые безъ этого не стали бы подписываться на изданіе.

Съ 1887 года я уже не жилъ въ Петербургѣ, только время отъ времени пріѣзжалъ въ него по дѣламъ. Послѣ большого промежутка времени я встрѣтился снова съ Оболенскимъ въ Одессѣ, гдѣ, послѣ разрѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній, мы сошлись довольно близко съ Л. Е., котораго я всегда уважалъ, какъ честнаго писателя. Но о пребываніи своемъ въ Одессѣ, объ одесской журналистикѣ и очень интересныхъ явленіяхъ и типахъ ея я поговорю когда нибудь впоследствии.

А теперь возвращаюсь къ зимѣ 1878 года.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, не задолго до поѣздки въ Щигры, я познакомился съ писателемъ, вышедшимъ изъ народа, М. А. Козыревымъ.

Когда-то въ Москвѣ кружокъ писателей-самоучекъ былъ очень многочисленъ. Во главѣ его стоялъ покойный И. З. Суриковъ, считающійся преемникомъ Никитина и пользующійся теперь посмертною извѣстностью, какой не достигли остальные члены кружка. Безспорно Суриковъ выше всѣхъ цѣлою головою: это признавали и всѣ члены кружка, изъ числа которыхъ надо отмѣтить Родіонова, обладавшаго несомнѣннымъ талантомъ, М. А. Козырева и А. Разоренова.

Родіоновъ умеръ очень молодымъ отъ чахотки, и я его ни разу не видѣлъ. Съ Разореновымъ я познакомился черезъ пріятеля и земляка Вл. Ал. Гиляровскаго (поэта и издателя «Спорта»), у котораго гостилъ въ Москвѣ въ 1882 году. Въ то время Гиляровскій работалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ качествѣ хроникера. Онъ былъ замѣчательнымъ хроникеромъ, съ которымъ по части пріобрѣтенія новостей никто не могъ соперничать. Онъ зналъ всѣ закоулки Москвы. Вообще это очень оригинальная личность. Онъ жилъ и среди бурлаковъ, тянулъ съ ними барки, былъ и пластуномъ на войнѣ, служилъ и въ актерахъ. Силачъ, ловкій, онъ носился по Москвѣ въ своей буркѣ, какъ вихорь: утромъ вы его видите на одномъ концѣ города, въ полдень на другомъ.

Шутя про Гиляровскаго говорили: онъ наканунѣ знаетъ все, гдѣ что совершится. Вся Хитровка ему знакома... И нюхъ у него чертовскій, настоящій репортерскій: какъ гончая слышитъ дичь,

онъ за день чуетъ скандалъ, событіе... Онъ Шрейера за поясъ заткнетъ.

Да, серьезно, онъ лучше былъ Шрейера. Тотъ на половину вралъ, а Гиляровскій почти никогда не ошибался въ своихъ репортерскихъ сообщеніяхъ. При этомъ онъ писалъ стихи, которые потомъ и издалъ сборникомъ. Въ немъ попадаются недурныя вещицы. Настроеніе Гиляровскаго, какъ поэта, бодрое, въ противоположность большинству современныхъ «пѣвцовъ».

Онъ, по-моему, рожденъ быть корреспондентомъ, и на Западѣ, въ Америкѣ онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлался бы знаменитымъ хроникеромъ. Въ Россіи еще не на столько развито газетное дѣло, чтобы такіе хроникеры цѣнились по достоинству...

— Хочешь познакомиться съ очень интереснымъ человѣкомъ? — спросилъ меня какъ-то Гиляровскій.

— Конечно. Кто онъ?

— Поэтъ-самоучка.

— Фамилія?

— Разореновъ. Уже старикъ. Торгуетъ въ лавочкѣ.

Въ этотъ же день мы отправились къ поэту-торговцу.

Его лавочка была похожа на шкафикъ. Самъ онъ — добродушный старикъ, сѣдой, очень симпатичный, разговорчивый, умный. Мы поговорили о томъ, о семъ, выпили бутылочку квасу вкуснаго, русскаго квасу, и простились съ поэтомъ. Я обѣщался зайти къ нему передъ отъѣздомъ, но не успѣлъ. Потомъ я еще два, пріѣзжая въ Москву, бывалъ у Разоренова. Незадолго до своей смерти, въ 1890 г. (когда я жилъ всю зиму въ Москвѣ), Разореновъ подарилъ мнѣ книжку свою («Продолженіе и окончаніе Евгенія Онѣгина, А. С. Пушкина») съ слѣдующею надписью: «молодому отзывчивому писателю, А. В. Круглову, въ знакъ уваженія къ его литературнымъ трудамъ, отъ самоучки-простеца-автора. А. Разореновъ. Москва, 27 апрѣля 1890 г.».

Стихомъ Разореновъ владѣлъ недурно (относительно, конечно), что видно хотя изъ слѣдующихъ стиховъ которыми начинается поэма:

Татьяна, жалкая Татьяна!
 Еще ты любишь все тирана,
 Который жизнь твою сгубилъ:
 Твоей любви не оцѣнилъ,
 Когда въ порывѣ увлеченья
 Ему ты высказалась въ ней,
 И онъ отвергъ безъ сожалѣнья
 Весь юный пылъ души твоей,
 Твои надежды и желанья,
 Твои завѣтныя мечты,
 И далъ тебѣ одни страданья.
 Такъ губить юные цвѣты
 Морозъ нежданный въ майски дни,

И вянуть бѣдные они..
 Настала ночь. Она въ волненьи,
 Въ постели грустная лежитъ,
 И вотъ въ ея воображеньи—
 Предъ ней Онѣгинъ все стоитъ:
 Вотъ онъ колѣни преклоняетъ,
 Блѣднѣетъ, плачетъ и дрожитъ,
 Какъ сильно бѣдный онъ страдаетъ!
 И робко въ очи ей глядитъ,
 Какъ полною горькою тоскою
 Его потухшій нѣжный взоръ!..
 Онъ, какъ преступникъ предъ судьбою,
 Себѣ ждетъ строгій приговоръ;
 Вотъ руку онъ ея беретъ,
 Цѣлуетъ пламенно и жметъ.
 И какъ, руки не отнимая,
 Она смотрѣла на него,
 Любви съ нимъ чувства раздѣляя,
 И упрекала какъ его.
 Идутъ тяжелыя мгновенья;
 Ужъ полночь. Сонъ отъ ней бѣжитъ,
 А онъ, какъ будто привидѣнье,
 Въ мечтахъ предъ нею все стоитъ.
 И сердцу стало больно, больно,
 Сильнѣй раскрылись раны въ немъ,
 И слезы жаркія невольно
 Текуть изъ глазъ ея ручьемъ,
 Сильнѣй въ груди вскипѣла кровь,—
 Сильнѣй тоска, сильнѣй любовь...

«Конецъ Евгенія» по формѣ не вполне выдержанное произведение; попадаютъ стихи очень неудачные, но по содержанію романъ А. Разоренова, если смотрѣть на Онѣгина, какъ на натуру глубокую, очень правдоподобенъ и довольно удаченъ.

Покойному Разоренову принадлежитъ всѣмъ извѣстная пѣсня «Не брани меня, родная, что я такъ его люблю». Поэтъ-самоучка обладалъ еще непонятной силой гипноза. Стоило ему упорно и долго смотрѣть на человѣка, какъ тотъ лишался силъ, изъ его рукъ все падало, и онъ самъ падалъ.

М. А. Козыревъ—одинъ изъ молодыхъ членовъ кружка самоучекъ. Онъ долгое время имѣлъ свой собственный кестоваренный заводъ въ Москвѣ, за Тверской заставой. Теперь онъ занимается извознымъ промысломъ и живетъ въ прекрасномъ собственномъ домѣ.

Это—типъ русскаго человѣка и по характеру и по наружности. Высокаго роста, плотный, дородный блондинъ, кровь съ молокомъ, что называется, М. А. Козыревъ на конкурсѣ національной русскаго мужской красоты могъ бы взять одинъ изъ первыхъ призовъ. Онъ и теперь таковъ, а въ 1878 году, когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ писаннымъ русскимъ красавцемъ. Держался онъ и держится просто, порусски, одѣвается помосковски,

покупчески, и укладъ его жизни московскій и складъ его рѣчи — русскій, московскій. Онъ любитъ литературу, обладаетъ талантомъ, но говорить о себѣ не охочъ, о дарованіи отзывается небрежно и старается казаться болѣе торговымъ человѣкомъ, чѣмъ поэтомъ, писателемъ, хотя и продолжаетъ «творить» на досугѣ. Именно на досугѣ, ибо живетъ онъ, благодаря своему промыслу, которому и обязанъ всей матеріальной обстановкой. Онъ умѣлый торговый человѣкъ, котораго не обманешь. Стихи — стихами, а дѣло — дѣломъ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего дурного. Напротивъ, даже желательно, чтобы писатель жилъ не на литературный заработокъ... Вынужденное творчество не нормальное. При обезпеченномъ положеніи лучше создавать и вынашивать свои произведенія. Хорошо и то, когда писатель не только кабинетный человѣкъ, а и человѣкъ жизни. Но, къ сожалѣнію, въ Козыревѣ торговый человѣкъ, кажется, начинаетъ побѣждать и убивать писателя... Въ 1878 году М. А. выпустилъ книжку «Изъ народнаго житья-бытья», встрѣченную очень благосклонно критикою. Затѣмъ появились его «Замоскворѣцкіе типы», и писатель замолкъ. Между тѣмъ, обладая симпатичнымъ, хотя и не крупнымъ, дарованіемъ, зная прекрасно народную жизнь, быть рабочаго, мелкаго промышленника, М. А. могъ бы съ пользой для общества работать на поприщѣ беллетристики, гдѣ часто подъ видомъ народной правды подносится выдуманная правда, сочиненная въ кабинетѣ.

Отправляясь въ Щигры, я далъ слово заѣхать къ М. А. Козыреву. Дорогой я познакомился съ однимъ финляндецъ-офицеромъ, большимъ любителемъ русской литературы и очень интересующимся самоучками-писателями. Я прочелъ ему одно стихотвореніе Козырева. Оно ему понравилось, и онъ сказалъ, что непременно переведетъ его на финскій языкъ. Узнавъ, что я заѣду къ поэту, онъ попросилъ и его взять съ собой.

Я согласился, и мы прямо съ вокзала отправились къ М. А. Я забылъ точный адресъ, извозчикъ къ тому же еще сбился съ пути, и мы едва не замерзли въ полѣ (дѣло было въ морозный февральскій день). Мы уже повернули обратно въ Москву, но вблизи Тверскихъ воротъ попался солдатъ и кое-какъ объяснилъ намъ, гдѣ находится заводъ Козырева. Въ это время у поэта-самоучки былъ еще старый, маленькій домикъ, въ которомъ мы и нашли наконецъ радушный пріютъ, горячій чай и обильную закуску. Поздно вечеромъ уже поэтъ проводилъ меня на Курскій вокзалъ.

Въ этотъ разъ и мнѣ, и офицеру-финну хотѣлось познакомиться съ Суриковымъ.

Послали мальчика за нимъ въ лавку.

— Сейчасъ Иванъ Захарычъ придутъ, — принесъ отвѣтъ мальчикъ.

Прошло полчаса — нѣтъ поэта.

Опять послали за нимъ.

— Сейчасъ будутъ.

Нѣтъ его! Снова посланіе отъ М. А.: «иди, они уѣзжаютъ».

— Иванъ Захарычъ куда-то уѣхали.

Такъ мы и не видѣли поэта. Чѣмъ объяснить его столь странное поведеніе, не знаю. Мнѣ онъ незадолго передъ этимъ послалъ поклонъ и «спасибо» за разборъ его книжки стиховъ.

Суриковъ вскорѣ заболѣлъ и ѣздилъ лѣчиться на кумысь. Я такъ и не видѣлъ поэта. Когда онъ умеръ, я помѣстилъ статью, посвященную его памяти, въ «Россіи», издававшейся Спичаковымъ.

Кстати: послѣ смерти И. З. Сурикова осталась прекрасная библиотека. Говорятъ, что жена (простая русская женщина) все продала за безцѣнокъ. Правда ли? Очень жаль, если это вѣрно, потому что покойный любилъ дѣлать свои замѣчанія на книжкахъ, читая ихъ. Нужды продавать не было: послѣ покойнаго поэта остался прекрасный домъ, лавка и капиталъ. Последнее изданіе стихотвореній Сурикова принадлежитъ извѣстному меценату Солдатенкову, который обогатилъ русскую литературу, въ качествѣ издателя, многими капитальными сочиненіями. К. Т. Солдатенковъ очень любилъ поэта; остается пожалѣть, что г. Солдатенковъ не приобрѣлъ библиотеки поэта и не принесъ ея въ даръ какому нибудь учрежденію.

Вообще надо сказать, что самоучки-писатели, за исключеніемъ немногихъ, въ матеріальномъ отношеніи устроиваются очень хорошо. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что они, съ одной стороны, меньше витаютъ въ идеальныхъ сферахъ, обладаютъ смѣткой и практической выдержкой русскаго простаго человѣка, а съ другой—потому, что умѣютъ до поры до времени жить очень скромно и, подкапливая, создаютъ себѣ будущую почву. Въ этомъ отношеніи у нихъ не мѣшаетъ поучиться, не боясь упрека, какой дѣлаетъ одинъ критикъ писателямъ, пожелавшимъ обезпечить себѣ хотя скромныя похороны. Быть независимымъ для каждого человѣка—пріятно. Писателю независимость, быть можетъ, нужнѣе, чѣмъ всякому другому.

Щигры—это тотъ самый знаменитый городъ Шиши, который фигурируетъ въ романѣ Е. Маркова—«Черноземныя поля».

Городъ какъ городъ: и грязи много, и сплетня царитъ во всей красѣ. Библиотеки нѣтъ, трактиры благодушествуютъ.

Я пріѣхалъ къ родственникамъ погостить и отдохнуть отъ литературной работы. Но... сама жизнь заставила меня превратиться въ обличителя.

Замѣчательные почтовые порядки царили въ Шишахъ.

Надо вамъ купить марку: нельзя. Почтмейстеръ спитъ.

Надо деньги получить съ почты: ждите! Почему? Почтмейстеръ чай кушаетъ.

Не утерпѣлъ я и послалъ корреспонденцію въ «Будильникъ», въ которомъ я началъ работать еще при Н. Орловѣ, послѣ котораго редакция журнала перешла къ покойному Николаю Петровичу Кичееву.

Корреспонденція произвела сенсацію вдвойнѣ. Вышелъ курьезъ, какого и ожидать было нельзя.

За моей корреспонденціей шла корреспонденція изъ другого города, и въ этой корреспонденціи мѣстный хроникеръ сообщалъ о воровствѣ жены одного мѣстнаго дѣятеля, которую звали также, какъ и жену одного щигровскаго чиновника. Щигровская барыня, не разобравъ, что началась уже другая корреспонденція (хотя ясно былъ названъ другой городъ), обвинила меня въ клеветѣ.

— Васъ хотятъ привлечь къ суду,—сказалъ мнѣ родственникъ.

— За что?

Онъ сказалъ.

— Помилуйте, это другая уже корреспонденція!

Даму убѣдили. Она примирилась. Но фактъ остался. Какъ же читають газеты шишовскія дамы?

Упомянувъ «Будильникъ», я скажу кстати уже нѣсколько словъ о немъ, о его порядкахъ и выскажу мнѣніе, которое давно просится подъ перо.

Когда-то «Будильникъ» наравнѣ съ «Искрой» имѣлъ большое значеніе и пользовался успѣхомъ. Положимъ, я согласенъ отчасти съ Волынскимъ, что наша сатирическая журналистика никогда не отличалась особеннымъ пуританствомъ, необходимой осторожностью. Бичуя настоящее зло, она не рѣдко переходила границы приличія, была налѣво и направо, зря, безъ разбора, задѣвая почтенныхъ дѣятелей и осмѣивая явленія, едва ли достойныя осмѣянія. Напримѣръ, Минаевъ, не отличавшійся большой разборчивостью, довольно грубо смѣялся надъ Полонскимъ, Фетомъ, не понимая которыхъ можетъ только человѣкъ, лишенный всякаго поэтического чутья. Но при всемъ этомъ между сатирическими и юмористическими изданіями прежнихъ лѣтъ и теперешними дистанція «огромнаго размѣра». И Курочкины, и Степановы—были литературные люди и не вербовали они себѣ сотрудниковъ съ улицы, съ борки и сосенки... Посмотрите, кто работалъ въ «Искрѣ»: Н. А. Добролюбовъ, М. Михайловъ, Некрасовъ, Щедринъ, Полонскій, Панаевъ, Мей, Максимовъ, Курочкины, Минаевъ, Вейнбергъ, Кроль, Жемчужниковъ. А теперь? Недавно еще одну московскую газету редактировалъ оцѣнщикъ изъ ломбарда, можетъ быть, очень хорошо понимающій толкъ въ драпѣ, но едва ли имѣющій право на оцѣнку литературнаго творчества. «Развлеченіе» Миллера, когда работалъ въ немъ Боборыкинъ, и «Развлеченіе» теперешнее, въ которомъ работаютъ писатели, для которыхъ литература столько же дорога, какъ любому хитровцу,—изданія весьма различныя.

Н. П. Кичеевъ былъ человѣкъ безспорно литературный, даровитый, но онъ не былъ человѣкомъ крѣпкихъ убѣжденій, многое осмѣивалъ безъ достаточнаго основанія, тѣмъ не менѣе онъ держалъ журналъ на той высотѣ, на которой долженъ стоять сатирическій литературный органъ, не желающій превращаться въ органъ. «Будильникъ» давалъ мѣткія каррикатуры и недурный текстъ. Въ немъ работали Граве, Трефолевъ, Пальминъ, Михневичъ, Ясинскій, Ниль Адмирари, Суриковъ, Минаевъ, Ивановъ-Классикъ и др.

Въ личныхъ сношеніяхъ Кичеевъ, пользовавшійся большою популярностью въ театральномъ мірѣ, какъ рецензентъ, понимающій дѣло, былъ очень милъ, любезенъ, вы уходили отъ него очарованными. Но положиться на его слово было большой наивностью. Онъ многое обѣщалъ и мало исполнялъ... Забывалъ онъ постоянно, при чемъ вывертывался очень дипломатически. Такъ какъ онъ не былъ хозяиномъ, а только редакторомъ, то расчеты съ сотрудниками ему причиняли немало хлопотъ. Ему приходилось скрываться, сказываться больнымъ и «заговаривать зубы» болѣе энергичнымъ литераторамъ. Съ дамами онъ бралъ изысканной любезностью и комплиментами, но, когда и это не помогало, онъ обращался въ бѣгство. Такъ, разъ одна дама очень энергично требовала гонораръ.

— Погодите... завтра, можетъ быть...

— Но вы уже два раза говорили: завтра... когда же?

— Что дѣлать! Нѣтъ денегъ.

— Какое мнѣ дѣло? Да и не правда! Издательница — богатая женщина, это всѣмъ извѣстно. Скажите ей, что я требую деньги... Дома она?

— Да... дома.

— Идите къ ней.

— Хорошо-съ.

Онъ вышелъ изъ комнаты и... больше не возвращался.

Со мной онъ тоже разъ сыгралъ милую шутку.

Возвращаясь изъ Щигровъ въ Петербургъ, я зашелъ въ редакцію «Будильника».

Конечно, милая встрѣча.

— Стиховъ, стиховъ еще принесъ поэтъ! Радъ! Граве отъ вашего послѣдняго стихотворенія—въ восторгѣ. Не вѣрите? Читайте!

Онъ показалъ мнѣ письмо Граве.

— Это отлично,—сказалъ я,—но я за деньгами.

— Только не сегодня!

— Завтра?

— Завтра, черезъ день, но не сегодня... Сегодня послѣднія отдалъ Пальмину.

— Я завтра ѣду.

— Когда?

— Въ полдень.

— Отлично. Заходите въ 11-ть часовъ—деньги будутъ.

— Вѣрно?

— Клянусь тѣнью Пушкина!

Заѣзжаю на другой день.

— Николая Петровича нѣтъ дома,—сказала горничная.—А вотъ вамъ записка...

Читаю:

«Милѣйшій изъ поэтовъ и дорогой сотрудникъ «Будильника», деньги вамъ будутъ высланы на этой недѣлѣ въ Петербургъ: оставьте свой адресъ».

Что было дѣлать? Клялся тѣнью Пушкина, да вѣдь это ничего не значить. Оставляю адресъ.

Черезъ недѣлю въ Петербургъ получаю заказное письмо и въ немъ на 50 рублей гербовыхъ марокъ! Н. П. писалъ: «продайте кому нибудь, рублей 40 дадутъ».

И досадно и смѣшно!

Я немедленно вернулъ марки, прося выслать деньги. «Если мнѣ и придется судиться съ вами,—писалъ я,—то все же на 40 рублей марокъ очень много». Мое письмо было рѣзко.

Черезъ двѣ недѣли я, наконецъ, получилъ деньги при любезномъ письмѣ. При новой встрѣчѣ—ни слова объ инцидентѣ. Н. П. милъ, любезенъ и остроуменъ.

Кичеевъ былъ челоуѣкъ безспорно добрый, мягкій, готовый услужить. Онъ охотно покровительствовалъ дебютантамъ, молодымъ литераторамъ. Такъ онъ участливо встрѣтилъ молодыхъ поэтовъ А. Ѳедорова и А. Коринфскаго, которые теперь издали сборники стиховъ. Тогда они только что дебютировали и, конечно, нуждались въ поддержкѣ и добромъ словѣ. Жизнь поставила Кичеева въ ненормальныя условія; онъ былъ изъ тѣхъ, которые хотятъ видѣть въ ней водевиль, а не драму. Тѣмъ не менѣе, она ему была нѣрѣдко тяжелой драмой. Умеръ онъ скоропостижно въ поѣздѣ, мечтая объ осуществленіи одного журнальнаго плана.

Покойный не былъ сатирикомъ. Но юмористическая жилка у него была. Онъ писалъ остроумно, бойко, и у него явились подражатели, доведшіе легкій жанръ до переливанія изъ пустого въ порожнее. Впрочемъ, теперь трудно вести сатирическія изданія. Нельзя же сатирику повторять зады и бичевать урядника, или по поводу кражи трехъ рублей призывать громы небесныя на злодѣя... Болѣе талантливые люди это давно поняли и пробавляются легкимъ юморомъ, или сатиру со столбцовъ каррикатурныхъ журналовъ перенесли на газетные столбцы. Это все-жъ удобнѣе. Но не только въ этомъ дѣло. Чтобы писать и эзоповскимъ языкомъ Щедрина, нужно обладать талантомъ и вѣрой. У большинства современныхъ обличителей нѣтъ ни таланта, ни «бога» въ душѣ.

Имъ дорогъ одинъ пятакъ, который можетъ подвинуть на пасквилъ, на порнографію, но не способенъ зажечь въ душѣ огонь святого вдохновенія, пробудить въ сердцѣ праведный гнѣвъ.

Конецъ 1878 года былъ тяжелъ для меня.

Я простудился, купаясь въ морѣ, и схватилъ острое воспаленіе кишечника. Началось лѣчение; болѣе двухъ лѣтъ я былъ вѣрнымъ данникомъ латинскихъ поваровъ и эскулаповъ, а болѣзнь превратилась въ хроническую, продолжая мучить меня. Всѣ «прелести предыдущихъ лѣтъ», то-есть: жизнь въ сырыхъ подвалахъ, столваніе въ кухмистерскихъ и ночныя работы, сказались и принесли свои послѣдствія. «Мои нервы раскачались», и поднялись такія головныя боли, что я былъ готовъ биться головою о стѣну. Мнѣ было всего 26 лѣтъ, а въ волосахъ показалось серебро.

Совсѣмъ больной писалъ я свой первый рассказъ для «Русской Рѣчи». Это былъ «Бездипломный учитель»; я хотѣлъ нести его въ «Отечественныя Записки», но мнѣ понравилось внутреннее обозрѣніе въ январскомъ номерѣ «Русской Рѣчи», и я отправилъ рассказъ въ этотъ журналъ. Въ одинъ день со мною П. Волоховъ понесъ свой очеркъ къ Щедрину.

Его очеркъ понравился великому сатирику; мой рассказъ былъ принятъ въ «Русской Рѣчи». «Рассказъ вашъ превосходенъ,—писалъ мнѣ редакторъ «Русской Рѣчи»:—и я пушу его первымъ въ мартовскую книгу».

Это былъ первый мой рассказъ въ толстомъ журналѣ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ его появленія и того, какъ отзовется о немъ критика.

Она встрѣтила очень сочувственно. Критикъ журнала «Свѣтъ», изд. Вагнеромъ, сказала слѣдующее о первомъ моемъ дебютѣ: «Хорошій, теплый, прочувствованный рассказъ! На многія думы онъ наводитъ, много грустныхъ и свѣтлыхъ мыслей пробуждаетъ въ душѣ. Не лишень онъ и художественности и жизненной правды. Хорошій, положительно хорошій рассказъ, какихъ пишется въ послѣднее время немного. У Круглова есть то, чего нѣтъ у многихъ писателей: это искренней, задушевной теплоты, чуждой напускнаго, искусственнаго прикрашиванія и утрировки, есть способность любить своихъ дѣйствующихъ лицъ, дать въ нихъ типичные образы, есть способность цѣльно слить чувство, идею и художественность. Для начинающаго повѣствователя это даже много».

Нѣкто Гингстъ, писавшій изъ Петербурга о русской литературѣ въ «Magazin fur die Litterature des Auslandes», такъ отозвался о «Бездипломномъ учителѣ»: «прекрасное молодое дарованіе. Онъ пишетъ отъ полноты души, чуждъ всякой искусственности, обладаетъ способностью влюбляться въ начертываемые имъ образы, давать имъ типическія формы».

Критика провинціальныхъ изданій также отозвалась очень одобрительно и даже восторженно о моемъ «Бездипломномъ учителѣ».

Конечно, я былъ очень доволенъ. Удачный дебютъ (а въ толстой журналистикѣ очеркъ былъ моимъ дебютомъ) много значить. Окрыленный и ободренный принялся я писать второй очеркъ.

Когда я принесъ его редактору «Русской Рѣчи», онъ передалъ мнѣ, что мой первый рассказъ очень понравился одному изъ нашихъ заслуженныхъ (а не мельхиоровыхъ) корифеевъ художественной литературы. Это было для меня уже настоящей наградой.

Съ мая 1879 года я дѣлаюсь постояннымъ сотрудникомъ «Русской Рѣчи».

Александръ Кругловъ.

ЖИЗНЬ МОЕЙ МАТЕРИ, ИЛИ СУДЬБЫ ПРОВИДѢНІЯ.

Отъ редакціи. Печатаю нижеслѣдующій, трогательный разсказъ о злоключеніяхъ одной изъ неизвѣстныхъ, но замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, проявившей въ тяжелые дни несчастія необычайное самоотверженіе, твердость души и безропотную покорность волѣ Провидѣнія, считаемъ нужнымъ сказать, что разсказъ этотъ сообщенъ намъ въ подлинной рукописи г. Бастамовымъ. Желая приобрести небольшое имѣніе, г. Бастамовъ, между прочимъ, заѣхалъ въ прошломъ году осмотрѣть заброшенную усадьбу, принадлежавшую Н. Д. Гарцевичу, при селѣ Калинкѣ, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи. Обходя полуразрушенный домъ, г. Бастамовъ замѣтилъ въ одной изъ комнатъ, въ углу, связку покрытыхъ пылью и полуизвѣденныхъ мышами книгъ и бумагъ. Вечеромъ, отъ скуки, онъ сталъ ихъ разбирать и между ними нашелъ настоящую рукопись, которую и сохранилъ отъ окончательнаго исчезновенія, взявъ ее съ собою и препроводивъ затѣмъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника».

БДѢ мой, Борисъ Савичъ Улановъ, служилъ въ Оренбургскомъ гарнизонѣ капитаномъ, имѣлъ сына Андрея, который былъ на службѣ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, и двухъ дочерей: старшую, покойную мать мою Пелагею Борисовну, и меньшую—Марю Борисовну.

Покойная родительница моя родилась въ то время, какъ пойманъ былъ Пугачевъ, и въ ту ночь, когда бабушка была отправлена въ Красногорскую крѣпость по случаю опасности. Жили старики и блаженствовали; наконецъ дѣдушка, будучи 86 лѣтъ, въ день Воскресенія Христа Спасителя нашего, похристосовавшись съ семьею, послѣ заутрени, кончилъ жизнь въ 1778 году. При жизни его мать моя помолвлена была за капитана Далеров-

скаго, но по кончинѣ его бабкою моею, а его женою Ѳеодосей Степановой, было отказано жениху. Пришли святки, дѣвицы загадывали, мостили мостки, чему слѣдовала и мать моя; поутру каждая рассказываетъ въ свою очередь, что видѣла во снѣ; мать моя говоритъ, что она видѣла офицера красиваго собой, который пероводилъ ее чрезъ мостъ, на Каменномъ Отрядѣ. — «Это суженый», — въ одинъ голосъ сказали дѣвицы.

Дѣдъ мой былъ уроженецъ Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда, и въ сельцѣ Конюшинѣ состояло его движимое и недвижимое имѣніе, наслѣдственное Гостинницкаго прихода. Храмъ Божій сооруженъ во имя святителя Николая Чудотворца прабабкою моею Мареею Артемьевною, урожденной Шамшевой; сверхъ сего, и постройка для клирошанъ со всѣми принадлежностями ею жертвована и 143 десятины земли, что и нынѣ ветхость сія существуетъ.

По нахожденію дѣдушки на службѣ, не могъ онъ самъ управлять имѣніемъ и поручилъ онымъ распорядиться сестрѣ своей Прасковѣ Савишнѣ, или ея мужу Сергѣю Мамышеву; при жизни его въ свое время получалъ оброкъ.

Въ 1773 году наступила высочайшая воля генеральному межеванію; онъ далъ довѣренность зятю своему Сергѣю Ѳеодорову Шамшеву; земли всей состояло 268 десятинъ, что и теперь еще по межевой книгѣ за нимъ значится. Въ Оренбургѣ же имѣлъ два дома. Бабушкѣ по дѣламъ нужно было ѣхать въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Красноярскую крѣпость; она взяла съ собою мать мою, а меньшую дочь оставила у коменданта Шлыгина, ибо они были дружны. Дорога въ Красноярскъ шла чрезъ Каменный Отрядъ, что разстояніемъ отъ Оренбурга на 30 верстъ; лошади устали, и бабушка вдали отъ лагеря, гдѣ стоялъ полкъ Суздальскій драгунскій, остановилась кормить. По случаю жары и по слабому здоровью, бабушка приказала для отдыха постлатъ себѣ подъ коляскою коверъ, а мать моя, по молодости лѣтъ, нарвавъ цвѣтовъ, сѣла въ коляску и плела вѣнки и видитъ офицера, вышедшаго изъ палатки въ красной курткѣ, который, посмотрѣвъ, ушелъ въ палатку, и наконецъ, переодѣвшись въ мундиръ и поклонясь, прошелъ два раза мимо коляски. Мать моя замѣтила и вспомнила, что видѣла его во снѣ. Кучеръ пошелъ поить лошадей; онъ подошелъ къ нему, разспрашивалъ, откуда и кто его госпожа, куда ѣдетъ и кто ея знакомые короткіе въ Оренбургѣ, и долго ли пробудеть въ Красноярскѣ; разспросилъ все подробно и пошелъ въ свою палатку. Выкормивши, поѣхали въ путь. Не успѣли кончить дѣла, какъ бабушка на третій день получаетъ письмо отъ Шлыгина, чтобы какъ можно поспѣшила пріѣхать, что въ домѣ случилось несчастіе. Старуха, будучи встревожена, ѣдетъ въ обратный путь; чтобы поспѣшить къ дому, опять останавливается на Каменномъ Отрядѣ и посылаетъ нанимать лошадей за усталостію своихъ, но тщетно. Потомъ посы-

лаеть кучера въ лагерь, нельзя ли достать полковыхъ. Является къ бабушкѣ съ услугою тотъ самый офицеръ, предлагаетъ своихъ лошадей; старуха благодарить за участіе и доброту его, скачетъ въ Оренбургъ прямо къ Шлыгину; при свиданіи первый вопросъ: что за несчастіе произошло въ домѣ въ отсутствіе ея? Комендантъ и его жена Шлыгина подають письмо, изъ коего узнаеть, что офицеръ, услужившій лошадами, пишетъ коменданту и убѣждаетъ о принятіи участія, дѣлаеть предложеніе на счетъ руки моей матери. Наконецъ, бабушку уговорили, она соглашается, выдаетъ дочь за подпоручика Якова Петровича Раткова. Это мой родитель.

Черезъ годъ сказанъ походъ въ Польшу, и черезъ годъ возвращаются на старыя квартиры. Бабушка умираеть. Потомъ онятъ походъ въ Польшу. Родители мои продають дома и все, что лишнее; святыя иконы до возвращенія оставляють въ церкви своего прихода. Полкъ вступаетъ въ Вильну, и въ 1794 году родитель мой командированъ былъ въ Москву для приема касокъ, а мать, мною беременная, оставалась при лазаретѣ. Въ день Воскресенія Христова, на понедѣльникъ, поляки взбунтовались; русскіе, спасая себя, бѣжали на Погулянку, въ томъ числѣ и мать моя, выйдя изъ города, не въ силахъ была бѣжать, упала, поруча себя Создавшему, и ожидала смерти, но по счастію набѣжали наши русскіе четыре солдата и унтеръ-офицеръ; сжалившись, они дотащили до Погулянки на разсвѣтѣ. Что тутъ происходило и какъ зажгли пороховые заводы,—это извѣстно. Мать моя лишилась всего, что имѣла, вынесла только образъ преподобныхъ мученицъ Марѣи и Пелагеи, который и теперь у меня въ кіотѣ. Наконецъ, дозволено было на нѣсколько часовъ изъ города Вильны, кто могъ, брать свои пожитки; денщикъ, добрый Яковъ, нашель мать мою и изъ усердія, чтобы забрать все, что возможно съ квартиры, такъ же лошадей, коляску и узнать о двухъ людяхъ и двухъ дѣвкахъ,—все это исполниль, но судьба не дозволила довершить путь; перемиріе кончилось, и поляки лошадей обобрали, отрѣзали построжки, Якова изрубили и все имущество взорвали на воздухъ; мать моя осталась въ одной сорочкѣ, босая, прикрытая салопомъ, изнуренная холодомъ и голодомъ. Нашъ корпусъ сдѣлалъ ретираду, пришли къ одной корчмѣ, гдѣ раздѣляли печеный хлѣбъ. Тутъ уже силы ея изнемогали, она легла подъ бричку. Увидя ее въ такомъ бѣдственномъ положеніи, С.-Петербургскаго драгунскаго полка полковникъ Макаровъ изъ состраданія разспросилъ, кто она и гдѣ мужъ. Она сказала, что командированъ для приема касокъ, и болѣе ничего о немъ не знаетъ, что слѣдовало ему скоро прибыть въ полкъ, но живъ ли, или нѣтъ—не знаетъ. Полковникъ приказалъ въ корчмѣ взять таратайку и лошадь и далъ солдата; развели огонь варить кашицу; полковникъ велѣлъ внести мать мою въ корчму, на печку, обогрѣть. Но немного она симъ спокойствіемъ наслаждалась: непріятель насъ на-

стигъ, забили тревогу, и наши войска бросились по тропинкѣ, а вслѣдъ за ними поляки, которые зажгли корчму; полкомъ же командовалъ капитанъ Тучковъ, а полковникъ попался въ плѣнъ... Тутъ каждый ожидалъ смерти. Пороховые ящики поливали водой, но наши воины были ревностны и неутомимы, хранили вѣрную присягу. Когда поляки были на горѣ, а наши—подъ горою, обнявъ другъ друга, и простясь, помолясь Всевышнему, воскликнули «ура» и бросились на гору. Началось сильное сраженіе, и одержали побѣду. Наши много взяли въ плѣнъ, взорвали неприятельскій мостъ, и сами поляки потопили свои орудія. Тутъ послѣдовало повелѣніе всему корпусу слѣдовать въ Гродно, гдѣ встрѣчены были съ церемоніаломъ, какъ побѣдители; когда вступали войска, мать моя слѣдовала въ обозѣ, въ своей таратайкѣ. Тутъ она потерпѣла: кому надобно жалѣть, тѣ бранили, а кому бранить — тѣ жалѣли. Поляки говорили, сострадая: «Это, можетъ быть, была вельможная панья, а теперь въ какой колымаценкѣ ѣдетъ»... А рускіе говорили: «вытащить бы эту безмозглую польку и поднять на штыки, какъ недостойную пощады!..». Когда же успокоились по мѣстамъ, она имѣла твердую вѣру и упованіе на Бога, старалась узнавать о родителяхъ моемъ и наконецъ освѣдомилась, что онъ переведенъ въ другой полкъ. Ей сказали сперва, что этотъ полкъ на правомъ флангѣ, а наконецъ—на лѣвомъ флангѣ. Переходя отъ мѣста къ мѣсту, силы ей измѣнили, упала безъ чувствъ, но когда отъ поданія помощи опамятовалась, то видитъ и узнаетъ того унтеръ-офицера, который былъ съ моимъ отцомъ въ командировкѣ. Онъ изъ любопытства, проходя мимо, подошелъ посмотреть, кто лежитъ, и призналъ мать мою. Она узнаетъ отъ него, что отецъ мой живъ и находится на главномъ форпостѣ, въ караулѣ, гдѣ содержатся бунтовщики, и какъ она не въ силахъ была идти, то унтеръ-офицеръ позвалъ двухъ солдатъ, которые донесли ее до палатки моего батюшки, и успокоилась она чувствами тогда, когда увидѣла табакерку своего мужа. Черезъ нѣсколько часовъ родитель мой былъ увѣдомленъ, смѣненъ съ караула, и они увидѣлись... Кто въ жизни былъ счастливъ супружествомъ, тотъ можетъ судить минуту свиданія. Недолго наслаждались они спокойствіемъ, не долго забыли бѣдность и нужду свою. Наконецъ, получаютъ высочайшій приказъ: назначенъ походъ для взятія города Вильны; мать моя рѣшилась лучше умереть на полѣ брани и вытерпѣть всю жестокость дальняго и опаснаго путешествія, рѣшилась умереть на рукахъ своего мужа, а не разставаться съ нимъ, имѣя твердую вѣру и упованіе на Всевышняго, зная законы, что воспрещено брать женщинъ въ военное время. Богъ ей далъ мужество и твердость духа; переодѣвшись въ мужское платье, подъ видомъ денщика, слѣдовала она за полкомъ, Богомъ была хранима и никѣмъ неузнана.

Путь былъ конченъ. По распоряженію начальства, началось сраженіе и приступъ къ городу Вильно. Мать мою начинаетъ мучить; тутъ родитель мой открываетъ тайну полковнику Дмитрію Андреевичу Закревскому. Тотъ былъ удивленъ... Но кто не подастъ изъ христіанъ страждущему руку помощи! Мать моя въ кругу воиновъ производитъ меня на свѣтъ въ 1794 году, іюня 9 числа, въ ту самую минуту, когда взяли городъ Вильно. Унтеръ-офицеръ омылъ меня въ ключѣ, вблизи находящемся, маіоръ Кокушкинъ жертвуетъ жилетъ, отецъ мой снимаетъ подтяжки; спеленавъ меня такимъ образомъ, отправили матушку со мною въ вагенбургъ; приводятъ связаннаго ксендза, потому что добровольно не шелъ и не вѣрилъ, чтобы могъ быть ребенокъ въ военное время,—и успокоился тогда, когда услышалъ плачь мой. Онъ нарекъ мнѣ имя Катерина, и я была католическаго исповѣданія.

По окончаніи войны, выдано было всему потерпѣвшему корпусу за разореніе отъ непріятелей, по высочайшему повелѣнію, по 300 р. пособія каждому офицеру.

1-го сентября меня вмромъ помазали и нарекли Елизаветой, а полковникъ Макаровъ былъ воспріемникомъ. Отецъ мой назначенъ былъ. Послѣдовала кончина монархини нашей, и воцарился государь Павелъ Петровичъ. Тутъ родитель мой безвинно, по оговору, пострадалъ, сосланъ былъ въ Березовскіе заводы. Полковникъ Линеваго оклеветалъ, мучимъ былъ совѣстью, и съ нимъ сдѣлался параличъ. И Богъ наказалъ за невиннаго. Мать моя, съ дѣтьми, страдала разлукою; насъ было двѣ: я и сестра моя Анюта по другому году; мать наша, будучи увлекаема горестію и тоскою, въ бѣдности насъ воспитывала и оплакивала разлуку.

Во время бытности императора въ Вильнѣ, мать моя подавала лично государю прошеніе, просила о помилованіи и возвращеніи нашего родителя. Государь принялъ благосклонно, но отказалъ ей. Она осмѣлилась подать второе, на которое, по повелѣнію, выданъ былъ паспортъ, что имѣетъ право выйти замужъ за другого. И она тутъ же изорвала. Докладываютъ государю, что испровергла повелѣніе, но государь пожалъ плечами и повелѣлъ обязать подпискою, чтобы не смѣла выѣзжать изъ города Вильно. Разлука угнетала ея сердце. Наконецъ, полковника Деостада семейство увѣрило ее, что батюшка кончилъ жизнь въ Казани, и что оттуда привезъ извѣстіе офицеръ. Этотъ обманъ былъ сказанъ для сердечнаго облегченія. Мать моя была умна и тверда въ религіи. Зная, что умереть мы всѣ должны, легче оплакивать усопшаго, нежели живую разлуку, жить и не существовать на свѣтѣ. Здоровье ей день ото дня измѣняло. По обязаніи ея подпискою, она рѣшилась подать прошеніе великому князю Александру Павловичу. Умоляла объ испрашиваніи отъ государя помилованія нашему родителю, его ходатайства. Великій князь по прочтеніи онаго, вздохнувъ, сказалъ:

«молитесь Богу! мужъ вашъ будетъ возвращенъ». Прошло 6 мѣсяцевъ. Мать моя получаетъ отъ родителя моего письмо, съ радостію идетъ къ полковнику Деостаду. Его квартира была противъ нашей, черезъ дорогу. Приходъ ея и спокойствіе души удивили все семейство; видя живость на лицѣ и въ рукахъ письмо, поздоровались. Говоритъ:

— Я слышала отъ покойной моей матери, что въ старину трудно было пересылать письма изъ города въ городъ, а нынче такъ все просвѣщено, что съ того свѣта ходить почта...

Полковникъ полагалъ, что она помѣшалась, подходитъ къ ней, креститъ и говоритъ:

— Что ты, кума, Христось съ тобой! Войди въ себя и подкрѣпи свое здоровье для сиротъ, тебя окружающихъ.

— Напрасно вы полагаете,—сказала она,—что я помѣшалась! здравѣ васъ имѣю разсудокъ... А чтобы васъ увѣрить, вотъ вамъ письмо моего мужа. Вы увѣрили меня, что его нѣтъ уже на свѣтѣ, но онъ живъ и зоветъ меня къ себѣ, и я имѣю намѣреніе ѣхать.

Сколько ни старались уговаривать ее, представляли дальность пути и всѣ опасности въ дорогѣ, сколько безпокойства съ малютками должна предпринять; напомнили и то, что она обязана подпискою не выѣзжать изъ города Вильны. Она на оное сказала: «правительству будетъ извѣстно, что я ѣду въ Сибирь, а не изъ Сибири возвращаюсь».

Симъ рѣшительнымъ отвѣтомъ обратила къ себѣ болѣе состраданія; скоро разнесся слухъ объ ея рѣшительномъ пути, и многіе рѣшились помочь ей. И въ пособіе было отъ общества матери моей 1.800 рублей. Насталъ день отъѣзда; дружественно всѣ знакомые прощались; помолясь Всевышнему, мы отправились въ путь. Благополучно доѣхали до Москвы и приняты были въ домѣ полковника Николая Петровича Высоцкаго и его супруги. Матушка сдѣлалась отчаянно больна; они принимали благотворительное участіе, пользовали на свой счетъ; по выздоровленіи искали случай отпустить съ благонадежными людьми или извозчикомъ, и въ концѣ января мы отправились въ путь до Казани. По вскрытіи воды, отправились въ путь водою, на баркѣ съ казеннымъ ремонтомъ, за разлитіемъ воды, но погода благопріятствовала. Въ одну ночь сдѣлалась буря, и выбило доску волною, были въ опасности, но къ счастью, по долговременномъ стараніи, починили и воду отлили. Мать мою съ нами вытащили на палубу безъ чувствъ; буря утихла; когда мы опаматовались, сдѣлалась сильная рвота. Отъ Перми отправились одни въ путь подъ покровомъ неба, съ извозчикомъ. Селенье отъ селенья очень далеко. Часто ночевали въ лѣсу, ночи по двѣ. Когда ночь наступаетъ, матушка плачетъ, боится, чтобы извозчикъ не убилъ, или звѣрь не напалъ, ибо непроходимые дремучіе лѣса; одно лишь видно небо; встрѣчныхъ нѣтъ, кромѣ почты. Мимо проѣзжали

несчастные, подобные моему родителю. Она всю ночь сидит надъ нами, терпитъ холодъ; иногда бывали дождь, громъ, молнія, и Господь сохранилъ ее и подкрѣпилъ ея здоровье. Доѣхали до Екатеринбурга; остановились на постояломъ дворѣ, ночевали, спросили дорогу на Березовскіе заводы. Съ благословеніемъ Божиимъ рано выѣхали. Дорогою селеній нѣтъ, только маленькія избушки, одна отъ другой очень далеко; проѣхавъ ихъ очень много, матушка посылаетъ извозчика спросить, далеко ли до завода, полагая, что тутъ живутъ несчастные. Извозчикъ со страхомъ возвращается и говорить, что нѣтъ въ избѣ ни печки, ни лавочки, кромѣ пропасти, въ которую опущена веревочная лѣстница. Тутъ мать моя всплеснула руками и прижала насъ къ изнуренному своему сердцу, горько плакала, а мы, какъ дѣти, соотвѣтствовали ей тѣми же слезами, не зная причины ея скорби, а плакали потому, что мать плачетъ. Извозчикъ уговаривалъ:

— Не сокрушайся, кормилица барыня! Милость Божья, авось, когонибудь крещенаго увидимъ и спросимъ, тѣмъ ли путемъ ѣдемъ. Если пристигнетъ темная ночь, то на дорогѣ ночуемъ. Терпѣла много въ дальнемъ пути, а немного потерпѣть надобно.. авось, услышишь и увидишь друга милаго. Если въ живыхъ найдешь, обрадуешься, а умеръ, то поплачешь съ ребятишками на его могилушкѣ. Онъ и мертвый въ сырой землѣ вздохнетъ съ тобой..

Уже день на исходѣ былъ, солнце за лѣсъ закатывалось. Увидѣли мы вдали главы церковныя. Подѣхали къ заставѣ. Остановка. Спросили паспортъ. Когда узнали причину пріѣзда, удивлены были. Караульный офицеръ съ чувствомъ сказалъ:

— Богъ вознаградитъ васъ и утѣшитъ, милостивая государыня, за вѣрность и доказанную любовь въ несчастіи супругу. Увидя васъ и дѣтей, и въ несчастіи онъ почтетъ себя примѣрнымъ счастливецемъ. Я его знаю. Онъ грустилъ о васъ. Извольте ѣхать къ гауптвахтѣ... всѣ несчастные теперь на перекличкѣ. Солдатъ, проводи ихъ! Прощайте, сударыня!

Подѣзжая къ гауптвахтѣ, увидѣли толпу несчастныхъ. Кибитка наша остановилась, не доѣзжая близко. Солдатъ пошелъ сказать, что пріѣхала жена къ мужу; сдѣлалось ужасное смятеніе. Несчастные обступили повозку, многіе рыдали, завидуя счастію отца моего. Тутъ мать моя находитъ знакомыхъ: бывшаго полковника Шевнина и Николая Васильевича Шишкова. Узнала отъ нихъ, что батюшка нездоровъ, и что его нѣтъ на перекличкѣ, а на квартирѣ; говорятъ: «онъ полагалъ, что вы его забыли, не отвѣчали на его письмо. Мы вчера долго у него сидѣли». Шевнинъ и Шишковъ садятся по сторонамъ, подѣзжаемъ къ квартирѣ батюшки. Шевнинъ и Шишковъ толкнулись — калитка заперта, начали стучать, крича:

— Яковъ Петровичъ, дома ли?

Матушка услышала голосъ батюшки:

— Что вамъ надо? Я дома, братцы... сапоги шью.

— Встрѣчай, гостя дорогая пріѣхала!

— Полноте, братцы, меня обманывать... Наши жены, вѣрно, забыли насъ.

Наконецъ, опять стучать. Хозяйка отворила окно и говорить:

— Вправду кибитка у воротъ, и въ ней барыня съ ребятишками.

Батюшка, бросивъ работу, съ ремнемъ на ногѣ, бѣжить съ лѣстницы, отворяетъ калитку, бросается съ отчаяніемъ въ повозку, схватываетъ меня, обнявъ, вбѣгаетъ со мною въ избу и, сѣвъ въ передній уголъ, прижавъ къ родительскому сердцу, въ изступленіи дѣлается неподвижнымъ. Матушку берутъ Шевнинъ и Шишковъ подъ руки и ведутъ на лѣстницу. Хозяйка несетъ сестру мою Анюту. Всѣ въ изступленіи. Родители безъ чувствъ. Пришедъ въ себя, поздоровались, обнявъ другъ друга; почитали себя счастливыми. Шевнинъ и Шишковъ завидовали примѣру моей матери и утѣшенію отца моего. Поплакавъ всѣ вмѣстѣ, разспрашивали о знакомыхъ; они также имѣли женъ. Наконецъ, разошлись по домамъ; уже было довольно поздно. На другой день послѣ утренней переключки всѣ знакомые батюшкины приходили засвидѣтельствовать ей свое уваженіе; каждый искалъ случая ее видѣть. Когда узналъ начальникъ завода генераль Ярцевъ, онъ и все его семейство были удивлены. Наконецъ, мать моя со всѣми ознакомилась, всюду была принята и всѣми любима и обласкана. Родитель мой былъ опредѣленъ въ канцелярію писаремъ. Были Богомъ хранимы и начальствомъ любимы, и бѣдность въ кругу семейства сносили великодушно, не смѣли роптать на Царя небеснаго и царя земного. Наконецъ, мать моя сдѣлалась беременною и произвела дочь на свѣтъ Марію (генераль Ярцевъ былъ восприемникомъ), которая вскорѣ и умерла. Время текло непримѣтно. Наступалъ великій праздникъ Воскресенія Христова. Получили извѣстіе о кончинѣ государя Павла Петровича и восшествіи на престолъ государя императора Александра Павловича Милосерднаго. Наступилъ день Пасхи. Родители приходятъ отъ обѣдни и вмѣстѣ съ ними знакомые, кое-кто приглашены были вмѣстѣ разговѣться. Благословясь, батюшка началъ разрѣзывать куличъ. Слышимъ, стучатся у окна. Хозяйка, выглянувъ въ окно, видитъ полицейскаго солдата и говоритъ батюшкѣ:

— Баринъ, вѣрно васъ спрашиваютъ.

Батюшка отворяетъ окно, спрашиваетъ:

— Что тебѣ?

Солдатъ отвѣчаетъ:

— Ваше благородіе, пожалуйста къ генералу.

Батюшка симъ словомъ былъ испуганъ и смущенъ, ибо давно не слыхалъ сихъ почестей.

Оставя мать мою встревоженною и гостей въ недоумѣніи, спѣ-

шить къ начальнику, который по входѣ его объявляетъ, что родитель мой всемилостивѣйше прощенъ. Поздравилъ его съ возвращеніемъ прежняго достоинства и дворянства. Теперь надобно утѣшить семейство. Посылаютъ коляску за матушкой, просятъ, чтобы захватила и дѣтей обоихъ съ собою. Она въ глубочайшемъ отчаяніи садится съ нами и полагаетъ, что новое несчастье встрѣтитъ ее, проситъ Бога о подкрѣпленіи силъ, чтобы могла имѣть крѣпость и мужество выслушать то, что ей объявить должно. Подъѣзжаютъ къ крыльцу, сердце невольно бьется, ноги подкашиваются, ведутъ ее по лѣстницѣ; входитъ въ лакейскую, видитъ много чиновниковъ и дамъ. Ее встрѣчаютъ, цѣлуютъ и особенно ласкаютъ. Генералъ сажаетъ ее въ залъ, всѣ дамы обступили ее. Мать моя собираетъ всѣ силы, съ отчаяніемъ спрашиваетъ:

— Что послѣдовало съ моимъ мужемъ? Бога ради, откройте мнѣ, не томите! Я привыкла къ несчастіямъ.

— Успокойтесь,—сказалъ генералъ,—примите духъ мужества, и вамъ объявятъ.

Подали ей воды, спирту. А въ гостиную дверь была затворена. Когда мать нѣсколько успокоилась, генералъ ушелъ въ гостиную. Наконецъ, отворяется дверь въ гостиную, и генералъ выводитъ батюшку въ мундирѣ. Онъ не успѣлъ сказать ничего. Матушка, только что его увидѣла, упала безъ чувствъ, и онъ также. Всѣ были тронуты до чрезвычайности. Привели ихъ въ чувство. Тогда всѣ чиновники и дамы поздравили съ царскою милостію, и общество сдѣлало пособіе до 400 рублей.

Получа благотворительность отъ общества, родители мои заботились объ устройствѣ себя въ дорогу, и, наконецъ, насталъ день нашего отъѣзда. Всѣ друзья и знакомые провожали ихъ за три версты отъ завода, гдѣ подъ тремя соснами дана была закуска. Побесѣдовавъ за хлѣбомъ-солью съ друзьями-несчастливыми, въ числѣ которыхъ находились и сослуживцы Шевнинъ и Шишковъ Николай Васильевичъ, обнявъ другъ друга, всѣ плакали, прощались, съ увѣреніемъ помнить дружбу въ несчастіи и счастіи, не перемѣнять себя; никто не отчаивался въ милости монарха, что и сбылось въ скоромъ времени: Шишковъ и Шевнинъ всемилостивѣйше были прощены съ прочими.

Родители, перекрестясь, сѣли въ повозку; повторялись слова: «простите, друзья»; каждый изъ нихъ желалъ благополучно кончить дальнѣйшій путь. Близъ сосенъ, гдѣ была дана закуска, надобно было ѣхать подъ гору, а потомъ подыматься на гору. Оставшіеся несчастные друзья запѣли вслѣдъ пѣсню «Лучинка, лучинуска березовая» и зажгли сосны. Отголоски были слышны, и вдали виденъ былъ дымъ, который предзнаменовалъ память дружбы и разлуки. Они ѣхали тѣмъ же путемъ на Казань, гдѣ пробыли болѣе двухъ мѣсяцевъ по случаю болѣзни матушки, ибо она была въ тя-

гости, ей нужно было отдохновеніе. Въ сіе-то время Казань страдала: были каждодневные пожары, и въ одинъ день, гдѣ мы квартировали, подкинуто было письмо, что домъ нашъ будетъ горѣть. Дали знать о семь. Правительствомъ же приняты были предосторожности, но тщетно: въ глубокую полночь загорѣлся уголь бани, и хозяева были объаты страхомъ, строеніе было деревянное и ветхое. Занялся и домъ, и дворъ; всѣ находились въ смятеніи, съ горестію спѣшили собирать свои пожитки, помогая несчастнымъ хозяевамъ. Батюшка едва могъ выскочить въ окно; вскорѣ и потолокъ обвалился. При неусыпномъ стараніи полиціи, помощи подать было невозможно, потому что пожаръ былъ въ одно и то же время въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а не въ одной нашей улицѣ.

Путь ихъ по отѣздѣ былъ благополученъ, и они не имѣли большой нужды, потому что матушка и батюшка жили и въ Сибири хозяйственно, и имѣли у себя пару лошадей, работника, который нанимался возить руду, и тѣмъ себя содержали и семейство; завелись всѣмъ домашнимъ, но, когда надо было ѣхать, все распродали.

По выздоровленіи матушки мы поѣхали и были въ пути Богомъ хранимы; наконецъ, прибыли въ городъ Меленку; тутъ жила старшая сестра отца моего, Марья Петровна, она была замужемъ за Александромъ Ивановичемъ Сыробоярскимъ, и онъ тогда былъ исправникомъ; имѣли у себя одну дочь Елену, которая уже была въ совершенномъ возрастѣ. Разлука въ младенчествѣ и въ старости увидѣть родныхъ, встрѣча и радость была неописанная. Потомъ увидѣлись съ родной теткой отца моего, Ѳеклой Львовной Воейковой, и сыномъ ея Петромъ Николаевичемъ. Время проводили весело и спокойно въ кругу родныхъ, друзей и знакомыхъ. Спустя нѣсколько времени, батюшка мой въ концѣ августа мѣсяца одинъ поѣхалъ въ Москву; тамъ онъ встрѣтилъ родного и меньшого брата своего Авраама Петровича Раткова; онъ служилъ въ Семеновскомъ полку, былъ въ свитѣ его величества флигель-адъютантомъ; имѣлъ триста душъ, жалованныя покойнымъ императоромъ, и былъ женатъ, имѣлъ домъ въ Семеновскомъ полку, въ четвертой ротѣ. Когда родитель мой вступилъ въ военную службу, братъ его начиналъ только ползать, а теперь встрѣтилъ его уже въ почестяхъ и богатствѣ, имѣлъ Анну съ брилліантами на шеѣ, а родитель мой имѣлъ лишь потерянное здоровье, былъ покрытъ ранами, которыя получилъ на полѣ брани за вѣру и любезное отечество; былъ бѣденъ, и все его богатство состояло въ честности души, былъ уменъ и трезвъ, любимъ и уважаемъ въ обществѣ. Родитель мой съ тѣмъ ѣхалъ въ Москву, чтобы опять вступить въ военную службу, но братъ убѣждалъ его со слезами, чтобы отдохнулъ и поберегъ остатки здоровья для окружающаго семейства, и предложилъ ему родственныя пріютъ, имѣя въ Новоторжскомъ уѣздѣ жалованныя сто душъ, де-

ревню Сорокино и 1.500 десятинъ земли; просилъ оную устроить, и родитель далъ слово. По возвращеніи отца изъ Москвы въ городъ Меленку, мы, простясь съ сестрою и родными, отправились въ Тверь, а потомъ въ деревню Сорокино, которая въ 30-ти не болѣе верстахъ отъ Твери, гдѣ завели усадьбу, господскую запашку, скотный дворъ и скоть, все, что слѣдовало къ улучшенію хозяйственнаго распоряженія, въ угодность брату отца, и родитель мой имѣлъ полное довѣріе. Жили родители мои въ кругу новоторжскаго благороднаго дворянства, какъ въ кругу родномъ. Край сей состоялъ въ ближайшихъ сосѣдяхъ и всѣ сослуживцы гатчинскіе, какъ-то: Шамшевъ, Шигоринъ, Долгополовъ, Шнейгерсъ, Шаленбергъ, Бельстейнъ, Нелидовъ, Рюминъ, Снаксаревъ, Пovaloшвейковскій, Воронковъ, князь Енгальчевъ, Фонцильякусъ. Это все однополчане и совершенные друзья и составляли какъ бы одно семейство. Въ кругу семъ были два почтенные сосѣда, Суминъ и Николай Александровичъ Самсоновъ, имѣлъ жену Ольгу Дмитриевну, умную и милую даму; у нихъ было двое дѣтей, сынъ и дочь; родители мои были съ ними такъ дружны, какъ ближайшіе родные. Время текло непримѣтно, родители жили и блаженствовали, не полагали, чтобы могли быть разлучены. Наступилъ 1807 годъ, и формировали милицію, всѣ пошли на службу. Друзья начали уговаривать и моего родителя, чтобы онъ шелъ на службу царскую съ ними вмѣстѣ, но родитель мой отговаривался тѣмъ, что онъ состоялъ по списку Новгородской губерніи Бѣлозерскаго уѣзда, благороднаго дворянства, гдѣ и имѣніе его отца состояло 59 душъ, которымъ завладѣлъ по кончинѣ его отца, Петра Максимовича Раткова, братъ его двоюродный Иванъ Яковлевичъ Ратковъ, утая наслѣдниковъ, по нахожденіи отца моего на службѣ и по малолѣтству дяди, который по смерти отца оставался съ мачихою, и она помѣстила его въ Гатчинскую школу, и наконецъ поступилъ въ полкъ и писался не столбовымъ дворяниномъ, а оберъ-офицерскимъ сыномъ. Но когда увидѣлся онъ съ своимъ братомъ, а моимъ отцомъ, то послѣдній спросилъ его объ имѣніи отца. Дядя мой не имѣлъ о семъ свѣдѣній, но родитель мой помнилъ, что бѣлозерскій городничій Масловъ былъ другъ ихъ отцу, написалъ къ нему, какъ къ крестному отцу, и отъ него высланы были бумаги на имя его брата, а моего дяди. Вскорѣ и неправильный владѣлецъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, бросился на колѣни и убѣждалъ простить его вину, говоря: «племянникъ, прости меня, уважь сѣдины мои, я уже старъ, умру и все ваше». Такъ какъ дядя уже имѣлъ 300 душъ, то и простилъ съ своей стороны не на бумагѣ, а на словахъ, но о семъ увѣдомилъ моего добраго родителя, который также не искалъ до возраста моего и ѣздилъ въ Бѣлозерскъ и съ нимъ видѣлся. Это обстоятельство и влекло его служить въ новгородской милиціи. Но губернаторъ тверской Александръ Андреевичъ

Ушakovъ любилъ моего родителя, и онъ, его уважая, пошелъ на службу въ милицію тверскую. Его выбрали сотеннымъ начальникомъ, а Шигорина полковника тысячнымъ, и батюшка у него былъ адъютантомъ, и какъ родитель мой былъ бѣденъ, трудолюбивъ и при усердіи своемъ училъ милиціонныхъ и жилъ въ Торжкѣ, ему ввѣрено было учить воиновъ; онъ былъ любимъ генералами Баклановскимъ и Шипмаревымъ; представленіе было о немъ сдѣлано къ медали и кресту. Тутъ опять наступилъ роковой часъ новой разлуки; назначенъ былъ походъ милиціи. Сколько матушка ни убѣждала отца взять ее съ собою, но слезы и просьбы были тщетны, и матушка въ отчаяніи осталась со мною въ Сорокинѣ, а милиціонные пошли въ походъ. Матушка по разлукѣ была огорчена, она предчувствовала, ей сердце втайнѣ говорило, что батюшка не возвратится. Оставалась лягавая собака батюшки, Синьорка; она навела чрезвычайную тоску, визжала и выла, когда матушка отлучалась изъ дому, и по возвращеніи домой бросалась на шею матушкѣ и навела день ото дня все болѣе и болѣе уныніа и горести. Синьорка, выкопавъ подъ окошкомъ яму, ложилась въ оную, потомъ, ласкаясь особенно, уходила и обратно возвращалась съ визгомъ. Однажды ласкалась, выла, ушла и болѣе не возвращалась. Матушка жалѣла о потерѣ собаки; потомъ нашли ея кости у пруда въ ржаномъ полѣ, гдѣ она сама выкопала себѣ яму. Предвѣстницы нашей, Синьорки, уже не было. Матушка очень скучала и 15 августа получила роковое извѣстіе, что батюшка, будучи боленъ только три дня, въ городѣ Невелѣ кончилъ жизнь 11 іюля. Наступила и Богомъ опредѣленная вѣковѣчная и невозвратимая разлука; горестъ матушки столь была велика по отдачіи долга поминовенія, что во время совершенія заупокойной литургіи она упала въ церкви и лежала безъ всякихъ чувствъ; въ такомъ же положеніи и домой была привезена. Добрыя сосѣдственныя дамы окружали ее, но всѣ совѣты въ подкрѣпленіи горести были напрасны, ибо человекъ на свою горестъ не можетъ имѣть никакого разсудка; одно лишь придавало единственное утѣшеніе: 6 недѣль, день и ночь, читала псалтирь; поминать вслухъ покойнаго было ей отрадою. Съ кончиною батюшки она, любя его, навсегда потеряла свое здоровье, страдала жестокою истерикою, получила чахотку и грудную водяную, но поддерживаема была докторами. Одно имѣла утѣшеніе въ богоугодномъ занятіи: сидя въ постели нѣсколько лѣтъ, занималась работою—вышивала фольгою образа; ей много заказывали, и отъ трудовъ своихъ дѣлала пожертвованія по церквамъ, просила и отъ другихъ пожертвованій. Въ 1810 году я выдана была замужъ за поручика Березина; мужъ мой находился въ Тверскомъ инвалидѣ, въ 1811 году командированъ былъ по губерніи учреждать инвалиды, какъ прежде назывались губернскія роты, и перемѣщенъ былъ въ городъ Бѣжецкъ начальникомъ инвалидной

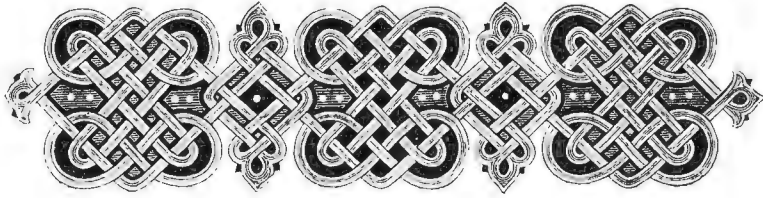
команды. Матушка по болѣзни своей оставила Сорокино и жила уже съ нами. Дядя мой любилъ и уважалъ мать мою и не оставлялъ своимъ родственнымъ покровительствомъ; на лѣкарства и на собственныя ея издержки высылалъ деньги и во всемъ утѣшалъ ее, что она отъ него требовала. День отъ дня болѣзнь усиливалась; въ 1815 году, на Страстной недѣлѣ, она соборовалась масломъ и получила облегченіе, могла выходить въ другую комнату съ дозволенія доктора. На другой день Свѣтлаго Воскресенія, въ 1815 году, насъ посѣтили утромъ всѣ приходскіе священно-іереи, и потомъ прїѣзжали знакомые; она вышла въ гостинную, сѣвъ на диванъ, попросила поль-чашки кофе разговѣться; только что ей подали, взявъ чашку, едва успѣла поставить оную на маленькій столикъ, съ словами «смерть моя» упала на диванъ безъ чувствъ и вся охолодѣла, но у сердца была теплота, означавшая признакъ живности. Мы послали за соборнымъ протопопомъ; онъ былъ ея духовникъ. И она въ такомъ положеніи была сутки; сдѣлана была глухая исповѣдь, приобщили Св. Таинъ, покрыли скатертью и ожидали конца... Къ суткамъ начала оживляться, показался цвѣтъ лица, потомъ, вздохнувъ, открыла глаза, перекрестилась, повторила три раза «Христосъ Воскресе». Докторъ приказалъ перенести ее на кровать; она слабымъ голосомъ сказала:

— Лиза, другъ мой, поднимите отъ Спаса чудотворную икону Печерской Божіей Матери, отслужите всенощную и молебенъ съ водоосвященіемъ, можетъ, Заступница и подкрѣпитъ меня грѣшную.

Заблаговѣстили къ вечернѣ, мы съ мужемъ пошли къ Спасу, подняли образъ Божіей Матери; началась всенощная, и матушка заснула во время службы крѣпкимъ сномъ.

Е. Я. Березина.

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. КОЛЮБАКИНОЙ ¹⁾.

III.

Назначеніе Колюбакина управляющимъ Мингреліею. — Мингрельскіе нравы. — Братья Дадишкиліани. — Убійство князя Гагарина. — Назначеніе Колюбакина эриванскимъ военнымъ губернаторомъ. — Поѣздка въ Эривань. — Подземное озеро. — Жизнь въ Эривани.

ВОЗСТАНИЕ въ Мингреліи было подавлено, введено русское управленіе, и въ августѣ, по выѣздѣ княгини Дадіани съ семействомъ изъ владѣній ея, Николая Петровича назначили управляющимъ Мингреліею. Мы поселились въ мѣстечкѣ Квашихоры, въ домѣ князя Элизбара Дадіани, одного изъ дядей владѣтеля, то-есть въ домѣ ботоно-швили: члены владѣтельной фамиліи назывались — дидиботоно или ботоно-швили ²⁾). Домъ этотъ былъ до того ветхъ, что во время сильныхъ вѣтровъ грозилъ паденіемъ крыши или, еще вѣрнѣе, совершеннымъ разрушеніемъ. Поэтому въ такіе дни изъ предосторожности мы ложились спать на половину одѣтыми, чтобы при малѣйшей опасности тотчасъ же можно было выскочить изъ дому, и я спала тогда, что называется, однимъ глазомъ. Вдобавокъ къ этому неудобству надо прибавить еще, что низменные мѣста Мингреліи буквально затоплялись осенью отъ непрерывныхъ проливныхъ дождей, и рѣки переполнялись водой на столько, что

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., т. LVIII, стр. 379.

²⁾ Диди — значить большою, швили — сынъ, ботоно — господинъ.

арбы не могли переправляться черезъ нихъ, конечно, по установленному въ краѣ порядку — вбродъ. Поэтому намъ случалось по нѣскольку дней оставаться безъ провизіи и безъ дровъ, а въ это время, на бѣду мою, Николай Петровичъ заболѣлъ, и комнату его необходимо было нагрѣвать до 16°. За лѣкарствомъ для него и за провизіей я кое-какъ посылала верховаго вплавь черезъ рѣки и огромныя глубокія рытвины, наполненныя грязью, а для топки печей люди наши ломали изгороди. Мы могли бы жить въ Зугдиди, но турки, уходя изъ Мингреліи, разорили и домъ и садъ владѣтельницы и всѣ остальные постройки.

Усадьбы какъ мингрельскихъ, такъ имеретинскихъ, гурійскихъ и абхазскихъ князей, дворянъ и крестьянъ разбросаны далеко одна отъ другой и расположены слѣдующимъ образомъ: на большой полянѣ, покрытой травой, стоитъ одноэтажный домъ съ большимъ балкономъ, а подлѣ него двѣ сакли для прислуги и еще нѣсколько хозяйственныхъ построекъ. На балконѣ господскаго дома устроены тахты; тамъ княгини проводятъ цѣлые дни, перебирая чѣтки и пересказывая одна другой старыя сплетни и новыя извѣстія. Тутъ же передъ ботонами сидятъ на полу два или три бичо (слугъ), и, опершись на перила, стоятъ нѣсколько гого (служанокъ) и, слушая новости и пересуды господъ, часто вмѣшиваются въ ихъ разговоры. Старые князья, для жалобъ на дворянъ и на крестьянъ, а также для обсужденія дѣлъ, касающихся всего края, или для сообщенія секретно всего, что дѣлается въ домѣ владѣтеля, избираютъ преимущественно мѣсто подъ большимъ орховымъ или каштановымъ деревомъ, обнесеннымъ скамьей, а такихъ деревьевъ бываетъ обыкновенно на полянѣ четыре или пять. Пока они разсуждаютъ, большею частью, вполголоса, къ тому или къ другому изъ князей подходятъ босые и чуть не нагіе люди съ докладами: это крестьяне низшаго класса, что-то въ родѣ рабовъ. Подойдя къ князю, согнувшись и держа руку на груди, рабъ цѣлуетъ полу княжеской чохи и затѣмъ передаетъ ему, что слѣдуетъ. Выслушавъ его, князь отвѣчаетъ ему коротко и сухо, и тотъ, приложившись снова къ краю господской чохи, уходитъ, не разгибая спины.

Молодые же люди, проводящіе большую часть жизни на охотѣ, забавляются вечеромъ на полянѣ игрой въ мячъ, и часто забава эта кончается порядочными ушибами и кровотеченіемъ отъ полуреченнаго удара по носу.

Точно такая поляна была и въ Квашихорахъ. Княгиня Меники⁴ первая супруга владѣтеля Абхазіи, князя Михаила, покинутая имъ, жила подлѣ насъ въ особомъ, принадлежавшемъ ей маленькомъ домѣ, поэтому я часто имѣла удовольствіе видѣться съ ней и, признаюсь, неудовольствіе выслушивать жалобы ея на то, что съ введеніемъ въ Мингрелію русскаго управленія она лишилась

прежняго дохода съ ворованнаго скота. Доходъ же этотъ состоялъ въ томъ, что, когда подвластному ей дворянину или крестьянину удавалось украсть буйволовъ или лошадей, то онъ былъ обязанъ одно изъ животныхъ представить ей.

Воровство скота считалось такимъ удалствомъ, что дѣвушка, выходя замужъ, гордилась женихомъ, если онъ былъ ловокъ въ этомъ похвальномъ занятіи.

Прошу читателя не забывать, что я описываю былое, впрочемъ, не весьма отдаленное время, но надо сказать, къ чести здѣшняго края, что хотя не все еще, однако очень многое измѣнилось къ лучшему, и есть надежда на быстрые успѣхи въ развитіи страны и ея жителей.

Въ то время, когда мужъ мой управлялъ Мингреліею, въ Кутаисѣ разыгралась страшная кровавая драма. Кутаисскій генералъ-губернаторъ князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ, его чиновникъ особыхъ порученій Ильинъ и переводчикъ были убиты княземъ Константиномъ Дадишкилиани, членомъ фамиліи бывшихъ сванетскихъ владѣтелей.

Я не желала бы упоминать объ этомъ ужасномъ происшествіи, но принуждена описать его и довольно подробно, потому что съ нимъ связана судьба моего мужа.

Всѣмъ извѣстно, что значить кровомщеніе. Этотъ варварскій обычай, порождавшій когда-то безчисленныя преступленія, разрывавшія самыя близкія родственныя узы между христіанами и соблюдаемый нынѣ одними мусульманами, какъ догматъ религіозный,— въ бытность нашу въ Мингреліи исполнялся, да и теперь, кажется, исполняется еще въ Сванетіи, хотя христіанство было введено тамъ въ одно время съ Грузіей. Доказательствомъ тому могутъ служить многочисленныя древніе христіанскіе храмы, существующіе въ Сванетіи.

Страна эта, благодаря гористому мѣстоположенію своему, какъ будто отдѣлена отъ всего окружающаго ее міра. Подобно орлиному гнѣзду, скрытому между скалами на недосыгаемой вершинѣ, она не страшилась ничьего нападенія, не признавала ничьей власти и, пользуясь полной свободой, придерживалась прежнихъ дикихъ обычаевъ своихъ, хотя такъ же, какъ Имеретія и сосѣдняя съ нею Мингрелія, была подвластна Россіи. Обитатели ея—настоящіе атлеты; они трудолюбивы, честны, одарены умственными способностями, какъ всѣ кавказскіе горцы, самостоятельны и отважны. Кинжалъ въ рукѣ сванета то же самое, что линейка въ рукѣ школьнаго учителя, и дикій горецъ не задумается употребить его въ дѣло при малѣйшей ссорѣ или обидѣ. Мудрено ли, что у такого народа каждое убійство влекло за собой кровавое возмездіе, и что семейство, не отмстившее смертью за смерть, считалось у нихъ опозореннымъ.

Такъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, подобное кровомщеніе велось между двумя родственными домами князей Дадишкилиани.

Жили они въ домахъ, укрѣпленныхъ на подобіе средневѣковыхъ замковъ, среди народа, находившагося въ совершенно дикомъ состояніи, не имѣвшаго понятія, за исключеніемъ набѣговъ и разбоевъ, о другихъ занятіяхъ, кромѣ земледѣлія. Пріятное же препровожденіе времени составляли охоты, джигитовки да нѣкоторыя игры, гдѣ выказанная ловкость или сила цѣнились превыше всѣхъ нравственныхъ достоинствъ, и которыя нерѣдко оканчивались ссорой и пораненіемъ. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, заключать, чтобы по природѣ они были злы и жестоки: напротивъ того, нрава они мягкаго и чувствительны къ ласковому обращенію съ ними. Но кровомщеніе исполнялось у нихъ, какъ законъ, и князья Дадишкилиани послѣ каждаго убійства, совершавшагося въ одномъ изъ семействъ ихъ, отплачивали тѣмъ же. Обиженная сторона вооружалась, осаждала жилище враговъ своихъ и не отступала, пока сила или хитрость не рѣшала побѣды, т. е. пока имъ не удавалось убить одного изъ членовъ враждебнаго дома.

Въ одномъ изъ названныхъ двухъ семействъ два старшіе брата—Александръ и Константинъ Дадишкилиани, были воспитаны въ Россіи и считались въ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку; но служба съ нихъ не спрашивалась: они проживали въ горахъ своихъ и спускались съ нихъ только въ рѣдкихъ случаяхъ,—большею частью, когда того требовало начальство.

Раза два, для прекращенія распрей между враждующими домами, сванетскими Monteci и Capuletti, были посылаемы къ нимъ небольшія команды русскихъ войскъ, но мѣра эта не принесла ожидаемой пользы; нападенія повторялись, и тогда князь Гагаринъ рѣшился вызвать къ себѣ князей Александра и Константина.

Получивъ приказаніе генераль-губернатора, оба брата тотчасъ же собрались въ путь налегкѣ, не взявъ съ собою ни вещей, ни денегъ, ибо рассчитывали скоро вернуться домой, и прискакали въ Кутаисъ, гдѣ узнали совершенно неожиданно, что они арестуются, и что возвращеніе въ Сванетію имъ запрещается. Ихъ, однако, оставили на свободѣ, но потребовали, чтобъ они вызвали съ горъ младшихъ братьевъ своихъ—Тенгиза, Ислама и Ціоха, на чтò они не согласились, говоря, что братья ихъ—дикари, что двое изъ нихъ очень молоды, что они никогда никуда не выѣзжали и ни за что не согласятся спуститься съ горъ, тѣмъ болѣе, если узнаютъ объ ихъ арестованіи.

Нѣсколько дней спустя, по распоряженію князя Барятинскаго, бывшаго тогда намѣстникомъ, князь Александръ былъ отосланъ въ Тифлисъ, а оттуда въ Сибирь, на Амуръ. Графъ Муравьевъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты и, въ продолженіе нѣсколькихъ

лѣтъ служенія его при немъ, былъ имъ очень доволенъ и повышалъ въ чинахъ.

Съ мужемъ моимъ князь Александръ былъ въ перепискѣ. Онъ много интереснаго передавалъ ему о Сибири и о Японіи, куда ѣздилъ съ графомъ Муравьевымъ.

Судьба князя Константина разыгралась иначе. Его приказано было задержать въ Кутаисѣ, куда, на несчастье его, былъ присланъ для наблюденія за нимъ и помѣщенъ въ одной съ нимъ квартирѣ полковникъ Б—ей, человѣкъ весьма болѣзненный и желчный. Въ бесѣдахъ съ княземъ онъ не только не щадилъ его самолюбія, но старался умалять и унижать санъ его и значеніе въ подвластномъ ему народѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе его въ обществѣ русскихъ, не воображая, вѣроятно, какъ глубоко уязвлялъ этимъ и безъ надобности раздражалъ порученнаго ему гордаго князя. Подобнымъ обращеніемъ полковникъ Б—ей довелъ его до изступленія, такъ что, чувствуя уже сильнѣйшую ненависть къ нему, князь Константинъ отправился однажды предупредить князя Гагарина, что онъ не въ силахъ долѣе переносить такіа оскорбленія. Не заставъ его дома, онъ выяснилъ положеніе свое супругѣ его, прося ее передать князю все сказанное имъ, и прибавилъ: «Не забывайте, что во мнѣ течетъ кровь горца, и что, если пытка моя продлится еще нѣсколько дней, я не отвѣчаю, чѣмъ это кончится».

Мы хорошо знали князя Константина и легко могли представить себѣ, что происходило въ его душѣ, какое озлобленіе онъ долженъ былъ получить противъ ментора своего. Красивый собой, огромнаго роста, полный силы и энергіи, князь Дадишкилиани нимало, однако, не походилъ на юнаго Телемаха и, хотя ему было не болѣе 35-ти лѣтъ, онъ былъ мужемъ и отцомъ восьмерыхъ дѣтей. Носилъ онъ всегда черкеску безъ галуновъ, что доказывало высокое происхожденіе, на кудрявыхъ волосахъ папанаку и на ногахъ чувяки, придававшіе походкѣ его какую-то особую мягкость и элегантность, а на поясѣ кинжалъ, неизбѣжную принадлежность всѣхъ горцевъ.

Не разъ, я думаю, въ пылу горячности, при выслушиваніи оскорбительныхъ рѣчей полковника Б—ей, рука его бессознательно опускалась на рукоять кинжала, а въ головѣ пролетала мысль о возможности однимъ взмахомъ этого оружія освободиться отъ своего притѣснителя.

Покойный мужъ мой зналъ по опыту, что этотъ самый, какъ казалось, необузданный человѣкъ, въ минуты сильнѣйшаго раздраженія, при изъявленіи дружескаго участія или отъ уговоровъ, выраженныхъ ласково, тотчасъ же смирялся, какъ дитя, а на глазахъ его наворачивались слезы благодарности за доброе отношеніе къ нему. Таковъ былъ злополучный убійца трехъ своихъ невинныхъ жертвъ.

Между тѣмъ, прошла недѣля, другая и третья, и князь Гагаринъ въ ожиданіи скорого и окончательнаго рѣшенія судьбы князя Константина не принималъ никакихъ мѣръ для облегченія его тяжкаго положенія. Но какъ всякому, такъ и этому дѣлу насталъ конецъ: получено было распоряженіе осылкѣ князя Дадишкилиани на жительство въ Эривань, что слѣдовало немедленно сообщить ему. Приближенные генераль-губернатора, знавшіе, въ какомъ озлобленномъ настроеніи находился тогда горскій князь, и предчувствуя что-то недоброе, совѣтовали князю Гагарину не объявлять ему о приговорѣ самолично, а поручить это кому нибудь другому, но князь не послушалъ предложеннаго ему совѣта.

Это происходило въ воскресенье. Князь Константинъ былъ у обѣдни, и за нимъ послали въ церковь.

Не догадываясь, зачѣмъ его требуютъ, онъ отвѣчалъ, что обѣдня скоро кончится, и тогда онъ придетъ.

Князь Гагаринъ, весьма добрый и мягкій человекъ, но въ эту минуту, вѣроятно, взволнованный тяжелою обязанностью сообщить близкому знакомому своему неприятную вѣсть, остался недоволенъ отвѣтомъ князя Константина и, когда тотъ пришелъ, принялъ его сухо, объявивъ ему довольно сурово, безъ всякихъ предосторожностей, что онъ ссылается въ Эривань.

— Ссылаюсь!... За какое же преступленіе наказываютъ меня?— спросилъ князь Дадишкилиани.— Я, кажется, не измѣнникъ,— прибавилъ онъ.

Не знаю, что отвѣчалъ ему на это генераль-губернаторъ, но послѣдняя фраза его была слѣдующая: «Перекладная готова, жандармы тоже—садитесь и поѣзжайте».

— Позвольте мнѣ, князь, съѣздить въ Сванетію, проститься съ женой, дѣтьми и взять денегъ; я здѣсь безъ всего.

— Этого дозволить я не могу.

— Во второй разъ прошу васъ объ этомъ, князь; я тотчасъ же возвращусь.

— Нельзя, не могу.

— Прошу васъ о томъ въ третій разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... уѣзжайте.

Тутъ князь Константинъ, взбѣшенный отказомъ, не помня уже себя, въ тупомъ отчаяніи, съ глазами, налитыми кровью, выхватилъ кинжалъ и вонзилъ его князю Гагарину въ животъ.

Несчастный князь, смертельно раненый, не упалъ, онъ имѣлъ даже довольно силы, чтобы, зажавъ рану рукой, повернуться и сдѣлать нѣсколько шаговъ изъ кабинета къ дверямъ спальни; но князь Дадишкилиани, видя, что жертва его еще на ногахъ, хотѣлъ нанести ему вторичный ударъ. Въ эту минуту Ильинъ, стоявшій позади, схватилъ его за плечи.

Почувствовавъ, что его держатъ, обезумѣвшій убійца рванулся

и, однимъ размахомъ кинжала снявъ противнику своему часть черепа, выбѣжалъ въ другую комнату; здѣсь бросился на него пероводчикъ, но и этого онъ положилъ на мѣстѣ. Очнувшись немного, когда онъ находился уже на чистомъ воздухѣ, князь Дадишкиліани, видя, что его преслѣдуютъ, выбѣжалъ въ первый попавшійся домъ и заперся тамъ въ одной комнатѣ; но вскорѣ, раненый черезъ окно, изъ котораго самъ сдѣлалъ, въ защиту свою, нѣсколько выстрѣловъ, — онъ былъ взятъ призванной командой солдатъ, связанъ и отведенъ на гауптвахту. Недѣли черезъ двѣ, осужденный полемъ судомъ, онъ былъ разстрѣлянъ.

Жаль, что послѣ совершенныхъ имъ убійствъ онъ не вздумалъ тотчасъ же самовольно отдаться въ руки правосудія.

Прибавлю здѣсь, что, имѣя дозволеніе избрать себѣ защитника на судѣ, онъ изъявилъ желаніе, чтобъ адвокатомъ его былъ Колюбакинъ; но когда ему сказали, что Николай Петровичъ занятъ и не можетъ пріѣхать изъ Мингреліи, онъ отвѣчалъ: «Если такъ, то назначайте сами, кого хотите: я выбралъ Колюбакина потому, что онъ человѣкъ съ душой». Такъ кончилась эта печальная исторія.

Только девять мѣсяцевъ прожили мы въ Квашихорахъ, но они показались мнѣ девятию годами; зима тянулась безконечно, и я съ нетерпѣніемъ ожидала весны. Наконецъ, наступилъ желанный апрѣль, и вмѣстѣ съ тѣмъ произошла перемѣна въ нашей жизни: судьба перенесла насъ къ Арарату. Николай Петровичъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Эривань, а мѣсто его въ Мингреліи занялъ братъ его Михаилъ Петровичъ.

Напрасно порадовалась я избавленію отъ Квашихоръ; какъ ни было неудобно это мѣсто, мы промѣняли его, надо признаться, на худшее, относительно климата. Здѣсь мы страдали отъ сырости, а тамъ пришлось мучиться отъ сухого, душнаго, зловоннаго воздуха да, сверхъ того, отъ зловердной воды; но, такъ какъ выборъ зависѣлъ не отъ насъ, оставалось одно — покориться судьбѣ. Поэтому мужъ мой, оправившійся отъ болѣзни, дождавшись брата и передавъ ему всѣ дѣла по управленію Мингреліею, отправился въ Эривань, а я, по просьбѣ Михаила Петровича, осталась у него около двухъ мѣсяцевъ.

Потомъ, съѣздивъ въ Петербургъ по семейнымъ дѣламъ, я прибыла въ Эривань только въ концѣ сентября и застала мужа больнымъ и въ сильнѣйшемъ нервномъ раздраженіи.

Странно сказать и трудно, я думаю, повѣрить, чтобы раздражительность и нетерпѣніе у взрослога человѣка, какъ у капризнаго ребенка, который, ничего не слушая, кричитъ, чтобъ ему достали луну съ неба, — происходили отъ совершеннаго непониманія практической жизни. Но такъ было съ Колюбакинымъ. Онъ, напримѣръ, сердился и не хотѣлъ вѣрить, чтобы бульонъ, закаванный изъ живой еще курицы въ десять часовъ, не могъ быть

поданъ ему въ четверть одиннадцатаго, а подобныя причины къ раздраженію случались весьма часто, особенно въ мое отсутствіе. Ему вообще казалось, что всякое предпріятіе его или желаніе могло быть осуществляемо съ неестественной быстротой.

Полагая, что не всѣмъ извѣстенъ путь въ страну нашу, примыкающую въ Персіи, позволю себѣ описать путешествіе мое въ Эривань.

Пріѣхавъ изъ Петербурга въ Тифлисъ и узнавъ, что тамъ временно находится милая знакомая моя княгиня Чавчавадзе, которую я не могла еще видѣть послѣ освобожденія ея изъ плѣна у Шамиля, я тотчасъ отправилась отыскивать ее въ гостиницахъ и по дорогѣ встрѣтилась съ знакомымъ, подошедшимъ ко мнѣ съ восклицаніемъ: «А бѣдный нашъ князь Дмитрій Шервашидзе!»...— «Что съ нимъ, говорите скорѣй, я ничего не знаю!»— «Какъ? неужели вы не слышали, что онъ умеръ почти внезапно, то-есть въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и въ страшныхъ мученіяхъ?».

Ужасно поразила меня смерть его. Ему не было еще сорока лѣтъ, и онъ былъ полонъ силы и здоровья.

Въ грустномъ настроеніи отправилась я въ Эривань. Я ѣхала одна съ горничной и съ лакеемъ, и хотя путь этотъ былъ мнѣ совершенно не знакомъ, я даже не подумала о могущихъ встрѣтиться опасностяхъ; впрочемъ, по правдѣ сказать, не было слышно, чтобы тамъ случались тогда убійства или грабежи.

Дорога шла по безконечной степи, утомительной однообразіемъ своимъ. Жара была страшная, и въ закрытомъ экипажѣ было нестерпимо душно; аппетита ни малѣйшаго, что было весьма кстати, потому что на станціяхъ ничего нельзя было бы достать. На слѣдующій день, къ вечеру, я увидѣла съ радостью, что по сторонамъ стали появляться горы, которыя, увеличиваясь постепенно и сдвигаясь, образовали наконецъ прелестное Делижанское ущелье, въ глубинѣ котораго быстрая рѣка, перебрасывая воды свои съ камня на камень, разсыпала ихъ въ жемчужныя капельки.

Незамѣтно взобрались мы на высоту въ 7.000 футъ надъ поверхностью моря — говорю незамѣтно, потому, что вышина подъёмовъ измѣряется путешественниками только наглядно — страшными пропастями, надъ которыми пролегаетъ почтовая дорога; здѣсь же пропасти такъ хорошо скрыты подъ густою, сплошною, не тронутою человѣческой рукой растительностью, что ихъ нельзя было замѣтить; только бѣдныя лошади чувствовали, на какую высь поднимаются, изо всѣхъ силъ натягивая постромки. На Военно-Грузинской и Потійской дорогахъ совсѣмъ не то: тамъ вершины горъ состоятъ большею частью изъ скалъ, на скатахъ же горъ, покрытыхъ лѣсами, такъ много полянъ, луговъ и зеленѣющихъ или желтѣющихъ подъ посѣвами полей, что тотчасъ видно, на какую поднимаешься высоту. При слѣдованіи по возвышенности

Малаго Кавказа и при постепенномъ спускѣ вдругъ на одномъ поворотѣ дороги неожиданно открывается огромное, чудное Гогчинское озеро.

Къ сожалѣнію, оно находится среди безцвѣтныхъ, голыхъ скалъ, въ мѣстности, не только непривѣтливой, но очень печальной. Мнѣ говорили, что озеро это образовалось вслѣдствіе провалившейся на томъ мѣстѣ земли. Не знаю, на сколько вѣрно это преданіе, но такъ какъ почва въ этой странѣ вулканическая, и въ Арменіи, какъ извѣстно, бывали частыя и страшныя землетрясенія, то такая вещь легко могла случиться.

Прелестный бирюзовый цвѣтъ Гогчинскаго озера напомнилъ мнѣ другое, подобное ему, открытое въ Пятигорскѣ, въ нѣдрахъ горы Машука. На склонѣ этой горы было круглое, аршина въ три величиной, отверстіе, изъ котораго постоянно выходилъ запахъ сѣры. Мѣсто это было цѣлью прогулокъ многихъ посѣтителей пятигорскихъ минеральныхъ водъ, между которыми въ 1831 году находилась и я.

Всѣ мы съ любопытствомъ осматривали провалъ, всѣ бросали въ него камни, чтобы, хотя приблизительно, разсчитать его глубину, и всѣ уходили отъ загадочнаго провала, не узнавъ ничего. Однако, не навсегда осталась неузнанною тайна его. Много лѣтъ спустя, мнѣ пришлось быть опять въ Пятигорскѣ на нѣсколько дней; о загадочномъ провалѣ я бы и не вспомнила, если бы директоръ водъ, хорошій знакомый мой, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, не предложилъ мнѣ сѣздить съ нимъ посмотрѣть прорытый имъ подземный ходъ въ Машукѣ.

— Съ удовольствіемъ принимаю предложеніе ваше, баронъ, — сказала я: — но тоннели нынѣ вѣдь не рѣдкость.

— Мой тоннель не такой, какъ другіе; онъ есть только входъ въ... но не скажу куда — сами увидите.

— Можетъ быть, входъ въ кабинетъ Плутона?

— Да, именно: вы угадали.

— О, если такъ, то поѣдемте скорѣй!

Баронъ посадилъ меня въ свой маленькій шарабанъ, самъ сѣлъ на козлы, собралъ возжи, и лошадка помчалась рысью, а черезъ четверть часа мы остановились передъ желѣзной дверью.

Всѣ знаютъ по опыту, что чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ сильнѣе дѣлается любопытство — такъ было и со мной, и когда мы подъѣхали къ входу тоннеля, я быстро выскочила изъ шарабана.

— Tenez-vous le diable sous clé, mon cher baron, ou bien il court le monde?

— Certainement qu'il court le monde et pourquoi ne le ferait il pas; il y est très bien reçu, — отвѣчала баронъ.

Но вотъ дверь отворилась; мы уже въ тоннелѣ, проходимъ его,

прошли... и что я увидѣла!.. Въ самомъ дѣлѣ это былъ кабинетъ бога подземнаго міра.

Представьте себѣ великолѣпный, огромный гротъ, раздѣленный самой природой на двѣ неравныя части, изъ коихъ меньшая, состоящая изъ полукруга суши, была убрана диванчиками, столиками и стульями, а большую часть грота занимало озеро чуднаго лазореваго цвѣта, съ нависшими надъ нимъ разнообразной формы скалами и сталактитами, подъ которыми исчезала, вѣроятно, бѣлая половина озера. Освѣщался гротъ сверху, чрезъ загадочное отверстіе провала.

Пройхавъ Гогчу, я съ удовольствіемъ замѣтила, что природа измѣнилась: опять лѣса и зелень. А вотъ—въ пятидесяти верстахъ отъ Эривани, на значительной еще возвышенности и вблизи почтовой дороги, лежитъ урочище Дарачичагъ, лѣтняя кочевка, гдѣ спасаются отъ чисто адскихъ лѣтнихъ жаровъ и зловредной городской духоты начальникъ губерніи, чиновники и вообще всѣ, кто имѣетъ средства для перекочевки, за исключеніемъ людей торгующихъ—эти несчастные прячутся въ дорбазахъ, т. е. подвалахъ, куда никогда не проникаютъ солнечные лучи, и гдѣ земляные или каменные полы спрыскиваются водою каждыя десять минутъ.

Дарачичагъ—что значить долина цвѣтовъ—есть просто селеніе, состоящее изъ крестьянскихъ домовъ, расположенныхъ въ лѣсу, на скатѣ горы; такъ было, по крайней мѣрѣ, въ то время, о которомъ я говорю. При вѣздѣ въ него, первое, что бросается въ глаза, это—большая круглая башня, очень древняя, а выше ея развалины армянскаго монастыря и, что не совсѣмъ пріятно,—старое кладбище съ множествомъ разбросанныхъ и разбитыхъ памятниковъ. Но за то тутъ прохладно, легко дышится, и главное—есть чистая, здоровая вода.

Мужъ мой провелъ все лѣто въ Дарачичагѣ; но, не смотря на всѣ благоприятныя условія кочевки, я нашла его больнымъ и уже на зимней квартирѣ.

Никогда еще и нигдѣ не случалось мнѣ видѣть города, подобнаго Эривани. Представьте себѣ обширную, голую площадь и на ней одноэтажное строеніе, похожее внѣшнимъ видомъ своимъ на казарму: это помѣщеніе начальника губерніи; затѣмъ, за исключеніемъ упомянутаго зданія и еще нѣсколькихъ казенныхъ домовъ, всѣ остальные скрывались за высокими глиняными, сѣраго цвѣта высокими стѣнами, тянувшимися по обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ. Правда, что изъ-за этихъ стѣнъ высывались деревья; но вѣдь для оживленія города надо видѣть дома съ ихъ жителями, надо видѣть въ окнахъ смѣющіяся дѣтскія личики.

По лѣвую сторону губернаторскаго дома разстилался большой лугъ, засѣянный іонжой, а вдоль окраины его тянулась аллея, ведущая къ персидскому, зеркальному дворцу, сохраняющемуся, какъ па-

мятникъ владычества персіянъ въ Арменіи. Немудрено представить себѣ, какой унылый видъ имѣеть такой городъ, но, повторяю, такимъ онъ былъ въ наше время; съ тѣхъ поръ, слѣдуя общему закону прогресса, онъ могъ улучшиться, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, весьма мало.

Для удобства, а главное въ виду здоровья жителей, Колюбакинъ устроилъ на площади фонтанъ, проведя въ него воду издалека; но, къ сожалѣнію, въ настоящее время онъ, говорятъ, испорченъ и загрязненъ. А для своего удовольствія, какъ любитель цвѣтовъ, Николай Петровичъ построилъ въ квартирѣ своей оранжерею, родъ маленькаго зимняго садика, соединивъ ее съ весьма красивой зеркальной комнатою въ персидскомъ вкусѣ, которую опишу для тѣхъ, кому не случилось бывать на востокѣ. Въ трехъ стѣнахъ этой комнаты было по четыре довольно большихъ ниши, составленныхъ изъ зеркальныхъ кусковъ. Передняя часть комнаты выдавалась наравнѣ съ оранжереей, и стѣна этого выступа состояла изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, представлявшихъ различные арабески; она раздѣлялась на четыре части, или рамы, которыя могли задвигаться въ обѣ стороны такимъ образомъ, что оставалась пустота во всю ширину и вышину комнаты. Убранство нашего восточнаго покоя составляли низкія тахты, покрытыя коврами, табуреты и, понятно, ковры на полу. Противъ оранжереи была большая и очень широкая тахта, на которой можно было растянуться во весь ростъ, а подлѣ нея, на полу, лежала синяя вышитая подушка, гдѣ покоилась рыжая собака хозяина дома.

Вечеромъ, когда спадалъ жаръ, передняя стѣна задвигалась или, вѣрнѣе, въ одинъ моментъ исчезала, и передъ глазами открывался очаровательный видъ на снѣжный Араратъ, облитый лучами заходящаго солнца. Араратъ собственно не одинъ, онъ образуетъ двѣ горы—большой Араратъ и малый; большой выше, массивнѣе и неправильной формы; малый несравненно изящнѣе: онъ имѣеть видъ граціозно раскинутой остроконечной палатки. Снѣжный покровъ Арарата нѣсколько разъ въ день мѣняетъ свой цвѣтъ: то онъ серебристо-голубоватый, то прозрачно розовый или свѣтло-фіолетовый, то золотистый. Ежедневно любовались мы съ одинаковымъ восторгомъ красотой его — Николай Петровичъ въ любимомъ положеніи своемъ, лежа на большой тахтѣ противъ оранжереи, наполненной лимонными деревьями и разными цвѣтами, а я сидя съ работою, такъ какъ не въ моей натурѣ восточная нѣга.

Въ зеркальной комнатѣ мы проводили обыкновенно послѣобѣденные и вечерніе часы въ разговорахъ, а чаще всего въ чтеніи журналовъ и другихъ книгъ.

Климатъ въ Эривани престранный: жары начинаются съ апрѣля, а въ іюнѣ доходятъ отъ 40 до 50° по Реомюру, зимою же бываютъ морозы отъ 15 до 20°. Растительность хоть и порядочная, но ея

мало занимаютъ; зелень въ городѣ есть, а цвѣтовъ я не видала, и для глазъ ничего, кромѣ вида на Араратъ, правда, прелестнаго. За то есть большое разнообразіе въ ядовитыхъ насѣкомыхъ: тамъ множество скорпіоновъ, фалангъ, тарантуловъ, мѣшающихъ спокойствію жизни, а главный бичъ жителей этой страны—мускиты: эти микроскопическія насѣкомыя могутъ довести до отчаянія, такъ какъ отъ нихъ не избавляютъ ни затворенныя окна, ни кисейныя занавѣси.

Трудно уроженцу сѣвера привыкнуть къ жарамъ южныхъ странъ, а къ такому угнетающему воздуху, какой въ Эривани, просто невозможно. Лѣтомъ земля накаляется, какъ плита въ очагѣ, а надъ городомъ стоитъ сухая, палящая атмосфера; тогда на площади и въ улицахъ, до захожденія солнца, не видно ни души, и пустой городъ кажется заброшеннымъ, проклятымъ мѣстомъ.

IV.

Отправленіе Колюбакина посланникомъ въ Персію.—Персидскій докторъ.—Гробница Ноя.—Поѣздка въ Нахичевань.—Пріемъ нахичеванскихъ хановъ.—Гаремъ.—Бесѣда съ ханскими женами.—Эчміадзинъ.—Назначеніе Колюбакина кутаискимъ генералъ-губернаторомъ.—Похороны князя Дадишкилиани.—Назначеніе Колюбакина сенаторомъ.—Прощальный обѣдъ Колюбакину.—Жизнь въ Москвѣ.—Болезнь и кончина Колюбакина.

Въ концѣ іюля 1859 г. Колюбакинъ былъ отправленъ въ Тавризмъ посланникомъ къ его величеству шаху. Какъ истому русскому, какимъ былъ Николай Петровичъ, ему захотѣлось пощеголять предъ азіатскимъ народомъ хоть какимъ нибудь русскимъ обрядомъ. Стали придумывать разныя вещи, да все какъ-то не слаживалось.

— Покажу-ка я персамъ, какъ ѣздить у насъ въ Россіи,—сказалъ Николай Петровичъ и, долго не думая, заказалъ для своей коляски настоящую національную упряжь съ красными вожжами и бубенчиками на шесть лошадей пугомъ, потому что приходилось ѣхать по узкимъ и тяжелымъ дорогамъ; а кучеровъ и фореиторовъ одѣлъ поямщицки, въ синіе кафтаны, такіе же шаровары, красныя рубахи, того же цвѣта кушаки и синія шапки, молодецки заломленныя за ухо.

16-го августа онъ переправился за Араксъ, въ знакомомъ ему мѣстечкѣ Джульфы, знакомомъ потому, что еще въ молодыхъ лѣтахъ два раза былъ посылаемъ туда по порученіямъ служебнымъ. Въ отсутствіи онъ былъ всего мѣсяцъ и возвратился домой, украшенный орденомъ Льва и Солнца 1-ой степени. Часть слѣдующей зимы прошла тягостно для всѣхъ, такъ какъ болѣзнь Николая

Петровича усилилась и до крайности раздражила его нервы. Никто не могъ угодить ему, ни одинъ врачъ не удовлетворялъ его. Тутъ, какимъ-то образомъ, въ Эривани появился персидскій докторъ; Колюбакинъ послалъ за нимъ и довѣрился ему. Признаюсь, что, съ своей стороны, я нисколько не довѣряла искусству персидскаго эскулапа; однако черезъ три или четыре недѣли послѣ строгаго лѣченія больному сдѣлалось несравненно лучше, и вскорѣ онъ былъ почти совсѣмъ здоровъ.

Такъ какъ по нѣкоторымъ служебнымъ обстоятельствамъ Николаю Петровичу необходимо было побывать въ Нахичевани, то для путешествія этого онъ избралъ зимнее время, какъ самое удобное, и предложилъ мнѣ сопутствовать ему, на что я согласилась очень охотно, тѣмъ болѣе, что нахичеванскіе ханы — Исмаилъ и Колбалай, родные братья, оба воспитанные въ Россіи, неоднократно приглашали меня посѣтить ихъ замокъ. Мы отправились туда въ сопровожденіи нѣкоторыхъ лицъ, служащихъ при губернаторѣ, и нарочно очень рано, чтобы къ ночи добраться до мѣста назначенія.

Погода была ясная, термометръ показывалъ 22° морозу, и мы, конечно, одѣлись, какъ одѣваются въ это время въ Петербургѣ. Мы ѣхали по гладкой, ровной дорогѣ, покрытой снѣгомъ, хотя легкимъ слоємъ, но все же снѣгомъ; вся долина сіяла на солнцѣ, какъ огромная пелена, усыпанная брилліантами, или, говоря попросту, какъ поле руссійское, искрящееся въ солнечный день при трескучемъ морозѣ. Ну, какъ тутъ было не забыть, что мы на югѣ, и не вспомнить сѣверной родины нашей.

При въѣздѣ въ городъ, намъ указали на гробницу благочестиваго прародителя нашего Ноя. Никакъ не ожидали мы увидѣть надъ прахомъ возстановителя земнаго населенія памятникъ, сложенный изъ простыхъ, неотесанныхъ плитъ, частью уже развалившихся. «Ахъ, Боже мой! какой скромный памятникъ соорудили тебѣ люди, избранникъ Божій», — подумала я и взглянула на Араратъ, этотъ неразрушимый другой памятникъ Ноя.

Только въ 12 часовъ ночи остановились мы передъ оградой персидскаго замка, расположеннаго на берегу Аракса, гдѣ оба хана встрѣтили насъ и провели въ домъ свой чрезъ огромныя ворота. Отсюда общій видъ замка представляетъ букву П; весь средній большой корпусъ зданія, находящійся въ глубинѣ двора, занимаютъ парадныя комнаты; направо, въ болѣе низкомъ строеніи — гаремъ, а налѣво, противъ него — бани и что-то похожее на небольшой садикъ, видно не заслуживающій вниманія, такъ какъ намъ его не показывали. Пройдя длинный дворъ, середину котораго занималъ большой продолговатый резервуаръ воды, обнесенный низкой каменной оградой, съ множествомъ вдѣланныхъ въ ней металлическихъ колець, къ коимъ привязаны были серебряными цѣпочками

соколы, употребляемые на охотѣ и нарочно для этого обученные,—мы взопли на главное крыльцо. Въ первой комнатѣ, вѣроятно, съ намѣреніемъ мало освѣщенной, меня ожидали обѣ ханши въ богатыхъ парчевыхъ національныхъ костюмахъ и, къ удивленію нашему, съ открытыми лицами. Но тутъ мы видѣлись весьма недолго, не болѣе десяти минутъ, потому что послѣ нѣсколькихъ, въ восточномъ вкусѣ, очень любезныхъ привѣтствій съ ихъ стороны и, къ стыду моему, весьма обыкновенныхъ съ моею, онѣ откланялись и удалились въ гаремъ, а мы были приглашены въ гостиную, настоящую персидскую комнату, безъ всякой примѣси европейскихкихъ украшеній. Здѣсь все дышало востокомъ, зеркальныя ниши были уставлены богатыми золотыми и серебряными кувшинами и чашами необыкновенной формы, кальянами и другими рѣдкостями, и завѣшены голубымъ газомъ, вышитымъ серебромъ; полъ былъ покрытъ огромнымъ, превосходнымъ ковромъ, а низенькія тахты дорогими тонкими турецкими шалами, на нихъ лежали шелковыя мутаки, шитыя золотомъ и разноцвѣтными шелками, а около тахтъ и оконъ стояли табуреты съ рѣзными украшеніями. Все это освѣщалось въ настоящій вечерній часъ цвѣтнымъ висячимъ фонаремъ; днемъ же свѣтъ проходилъ сквозь разноцвѣтныя оконныя стекла и разливалъ въ комнатѣ такой пріятный полусвѣтъ, въ которомъ зрѣніе отдыхало отъ слишкомъ яркихъ солнечныхъ лучей.

Комната эта восхищала Николая Петровича своимъ изяществомъ. «Тутъ не достаетъ только цвѣтовъ»,—говорилъ онъ.—«И красивой одалиски»,—думали, вѣроятно, молодые люди.

Едва успѣли мы расположиться на чрезвычайно мягкихъ тахтахъ, какъ, по обычаю востока, человекъ внесъ большой серебряный подносъ съ различными сладостями; подойдя ко мнѣ, онъ сталъ на одно колѣно, держа передо мной подносъ, и что-то проговорилъ. «Что сказалъ онъ?»—спросила я Колбалай-хана.—«Онъ сказалъ—мой глаза на твоихъ подошвахъ». Фраза эта, вѣроятно, значила, что онъ будетъ слѣдить за каждымъ шагомъ моимъ, чтобы предупредить мои желанія. Другой человекъ принесъ чай, а затѣмъ насъ пригласили ужинать. Столъ былъ сервированъ поевропейски, о чемъ я пожалѣла; но блюда были азіатскія: подали пловъ, кабабъ и шашлыки, а послѣ ужина намъ принесли кальяны.

Я много слышала о пріятности такого способа куренія, и мнѣ захотѣлось испытать его. Сначала, отъ неумѣнья обращаться съ кальяномъ, этотъ родъ куренья показался мнѣ чрезвычайно утомительнымъ; но послѣ нѣсколькихъ уроковъ, данныхъ мнѣ самимъ хозяиномъ, я, что называется, вошла во вкусъ и, пока мы находились въ Нахичевани, продолжала курить каждое послѣ-обѣда. Для кальяна необходимо имѣть особенный табакъ, если не ошибаюсь—Ширахскій, котораго въ Россію, кажется, не привозятъ. Еще понравилось мнѣ у персіанъ то, что слуги ихъ ходятъ по

комнатамъ въ шерстяныхъ короткихъ чулкахъ, поэтому шаговъ ихъ не слышно; сверхъ того, они чрезвычайно услужливы, учтивы, строго исполняютъ волю господина по одному взгляду его и при всемъ этомъ держатъ себя съ удивительнымъ достоинствомъ, рабства нисколько не замѣтно въ нихъ. Все это весьма пріятно поражаетъ европейца, не привыкшаго къ такому спокойствію и тишинѣ. Въ цѣлый мѣсяцъ, проведенный въ Нахичевани, я не слышала не только криковъ господъ на людей, но даже ни одного упрека; не было ссоръ и между прислугой, и намъ не случилось видѣть ни одного пьянаго челоуѣка.

Мнѣ было чрезвычайно любопытно заглянуть въ гаремъ, да и надо же было сдѣлать визитъ любезнымъ хозяйкамъ; поэтому на слѣдующій день я спросила на то разрѣшенія у хановъ; они не только не воспротивились желанію моему, но Калбалай-ханъ самъ вызвался проводить меня къ ханшамъ и быть моимъ переводчикомъ.

При входѣ въ гаремъ, гдѣ я ожидала увидѣть вездѣ бархаты, золото и дорогіе каменья, я была поражена простотой женскаго помѣщенія: комнаты низкія, окна небольшія изъ бѣлыхъ стеколъ, но, разумѣется, завѣшенные; на полу неизбежныя ковры, а около стѣнъ узкія тахты, накрытыя персидскою матеріею, и больше ничего. Въ слѣдующей комнатѣ, точно также убранной, я застала трехъ женщинъ, сидѣвшихъ на полу, но на подушкахъ предъ какимъ-то, какъ мнѣ показалось, большимъ низкимъ столомъ, накрытымъ ватнымъ шелковымъ одѣяломъ. Я была увѣрена, что онѣ занимались стеганьемъ этого одѣяла; но оказалось, что это былъ огромный мангалъ, т.-е. желѣзный ящикъ съ горящимъ углемъ на днѣ его и, если не ошибаюсь, опущенный въ землю на столько, чтобы накрывавшее его одѣяло не могло загорѣться. Около этого мангала жены и дѣти хановъ грѣются всю зиму; здѣсь ханши работаютъ, ѣдятъ и принимаютъ гостей, что, впрочемъ, случается не особенно часто; онѣ, бѣдныя, не избалованы удовольствіями, и жизнь ихъ вообще такъ однообразна и печальна, что лучшее и почти единственное развлеченіе ихъ составляютъ бани, куда онѣ ходятъ ежедневно и гдѣ остаются по нѣскольکو часовъ. Я знала, что ни Измаиль-ханъ, ни братъ его не придерживались многоженства, и потому третью женщину приняла за гостью, но это была ихъ племянница. Когда мы вошли, эта молодая и хорошенькая дѣвушка встала, чтобъ уступить мнѣ мѣсто подлѣ хозяйки; но ханши съ трудомъ поднялись съ подушекъ своихъ, и мы сѣли на тахту, а молодая племянница ихъ осталась подлѣ мангала и, продолжая работать, не говорила ни слова.

Хотя Калбалай-ханъ самъ переводилъ разговоръ мой съ ханшами, это, однако, не помѣшало имъ обѣимъ жаловаться на ихъ затворническую и невыносимо скучную жизнь.

— Мы живемъ, какъ въ тюрьмѣ,—говорила, между прочимъ, жена Калбалай-хана: — насъ кормятъ, одѣваютъ и думаютъ, что этого для насъ достаточно; но они ошибаются: мы хотимъ быть, какъ всѣ другія, какъ женщины свободныя, которыхъ учатъ всему, что онѣ должны знать—учатъ играть, пѣть, танцовать.

— Да,—подхватила другая ханша,—сами мужья наши учились у государя и теперь служатъ; у нихъ много знакомыхъ и не только мужчинъ, но и женщинъ: они ѣздятъ къ нимъ, и онѣ имъ нравятся, а мы вѣчно сидимъ дома, ничего не видимъ, ничего не знаемъ, ничего не понимаемъ: такъ не мудро, что ханамъ не о чемъ разговаривать съ нами.

— Вы ошибаетесь,—отвѣчала я ханшѣ,—вашимъ мужьямъ не нравятся такія женщины, какъ наши, и если бы...

— Нравятся, нравятся!—воскликнула ханша Калбалая.—О! русскія женщины счастливыя,—прибавила она:—онѣ умѣютъ читать, писать, онѣ знаютъ все, что дѣлается на свѣтѣ... имъ даютъ много денегъ, и онѣ могутъ хорошо одѣваться, лица ихъ открыты; мужчины смотрятъ на нихъ, говорятъ съ ними, а насъ прячутъ отъ нихъ, и зачѣмъ? — вѣдь русскіе мужчины такіе же, какъ наши, только умнѣе.

Калбалай-ханъ разсмѣялся, переводя послѣднюю фразу, и я тоже.

— Попробуйте уговорить хановъ дать вамъ свободу,—сказала я,—и пріѣзжайте къ намъ въ Эривань.

— Ахъ, какъ бы это было весело!—вскричали обѣ затворницы:—да вѣдь это невозможно, они никогда не выпустятъ насъ. Калбалай увѣряетъ, что мы не умѣемъ ни ходить, ни сидѣть, какъ надо,—сказала жена его.

— Мы не судили бы васъ такъ строго,—замѣтила я.—Право.

— Вы очень добры, а наши мужья насъ не жалѣютъ. О! я увѣрена, что ваши мужчины умѣютъ любить лучше, нежели наши,—прибавила она и, улыбаясь, взглянула на мужа.

Немного погодя, я простилась съ ханшами, и мы вышли изъ гарема.

— Скажите мнѣ откровенно, ханъ, неужели мусульмане такъ ревнивы, что изъ-за этого боятся дать свободу своимъ женщинамъ?—спросила я.

— Нисколько. Я съ радостью отворилъ бы всѣ двери замка женѣ моей, но это противно нашему закону, а измѣнить его нельзя; къ тому же наши жены не воспитаны для свѣта.

— Такъ образуйте, по крайней мѣрѣ, дочерей вашихъ.

— Постараюсь; да вотъ племянница моя воспитывалась въ тифлисскомъ институтѣ, между тѣмъ...

— Какъ! неужели?... слѣдовательно, она говоритъ порусски?

— Да, говорить.

— Ахъ, какъ я рада! Такъ позвольте ей приходить ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ.

При этомъ ханъ сообщилъ мнѣ, что племянница его невѣста, что она скоро выйдетъ замужъ за одного молодого хана.

— И, конечно, по варварскому обычаю вашему, ханъ, она не знаетъ и не видала жениха своего?

— Ошибаетесь; скажу вамъ по секрету, что она часто видится съ нимъ; но у насъ это дѣлается не такъ, какъ у васъ.

— А какъ же?

— У васъ невѣсты видятъ жениховъ своихъ днемъ, а у насъ — ночью.

— Не можетъ быть; вы шутите, ханъ.

— Право, нѣтъ. Хотите знать, какъ это дѣлается?

— Хочу, непременно хочу.

— Ну, вотъ видите: въ извѣстные дни молодому человѣку дозволяется приходить во дворъ ночью, тихонько, чтобы никто не зналъ этого; тогда невѣста, въ назначенный для свиданья часъ, выходитъ къ нему въ сопровожденіи старой няни, которая остается при нихъ, пока они бесѣдуютъ, гуляя по двору. Конечно, такія свиданія остаются семейной тайной, — прибавилъ ханъ.

— Я очень, очень рада, что узнала это: вы не повѣрите, ханъ, какъ меня всегда мучила мысль, что столько молодыхъ дѣвушекъ отдають жизнь свою безъ любви, не зная того, кто похищаетъ ее изъ родной семьи.

Дѣла по Нахичеванскому уѣзду задержали Николая Петровича цѣлый мѣсяцъ въ домѣ хановъ; каждый день къ нему приходили люди съ просьбами и жалобами, которыя онъ разбиралъ во дворѣ замка. Въ это время я навѣщала иногда бѣдныхъ затворницъ, а чаще всего старый слуга гарема приводилъ ко мнѣ молодую родственницу ихъ, окутанную съ головы до ногъ густымъ покрываломъ, для предохраненія ея отъ нескромныхъ взглядовъ гяуровъ. Онъ не воображалъ, рассчитывая, можетъ быть, на мою строгость, что нѣсколько минутъ спустя, молоденькая институтка, приподнявъ край занавѣси, будетъ смотрѣть на молодыхъ чиновниковъ-русскихъ, сообщать мнѣ свои замѣчанія о нихъ и признаваться, который ей больше нравился.

По вечерамъ ханы устраивали для развлеченія гостей бои барановъ или пѣтуховъ, на которыхъ присутствовала и я; описывать ихъ нахожу лишнимъ, такъ какъ всѣ уже имѣютъ понятіе о нихъ; скажу только, что такое препровожденіе времени женщины не могутъ называть удовольствіемъ.

По восточному обычаю нельзя отпустить гостей, не одаривъ ихъ, что ставитъ самихъ гостей въ очень неловкое положеніе, такъ какъ отказываться отъ подарковъ значитъ обидѣть хозяина; такимъ образомъ, Николай Петровичъ долженъ былъ принять поднесенный ему

прекрасный кальянъ, а я—голубую шелковую абу, вытканную на спинѣ и на плечахъ золотомъ, да еще маленькій прелестный коверъ. Пребываніе въ Нахичевани и сдѣланный намъ ханами въ высшей степени любезный пріемъ навсегда остались въ памяти нашей.

Мы поѣхали въ Нахичевань при сильномъ морозѣ, а когда вернулись оттуда, то было уже жарко. И вотъ опять мы дома, опять книги, газеты, письма, опять цвѣты и тотъ же видъ на Араратъ, та же прежняя жизнь.

Смотря на Большой Араратъ, какъ-то трудно представить себѣ, чтобъ этотъ ледяной, безмолвный великанъ могъ внезапно заревѣть, затрястися и, развернувъ пасть, выбросить изъ себя водяные пары, газы, а потомъ огромные камни. Между тѣмъ, такое ужасное изверженіе было въ 1840 году, слѣдовательно, за семнадцать лѣтъ до прибытія нашего въ Эривань. Оно совершенно уничтожило расположенное на скатѣ горы большое селеніе Ахури, имѣвшее не менѣе двухъ тысячъ жителей, а также древній монастырь св. Іакова, основанный въ X вѣкѣ. Все это было разрушено и завалено камнями. Нельзя, кажется, представить себѣ ужаса, объявшаго жителей Ахури, когда началось землетрясеніе, и на Араратѣ показалось пламя; вѣдь это уже была смерть, но смерть еще живая. Преданіе говорить, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло это селеніе, Ной, спустившись съ Арарата, посадилъ первую виноградную лозу.

Въ томъ же самомъ году, весною, я ѣздила съ Колюбакинымъ осматривать Эчміадзинскій монастырь, мѣстопробываніе армянскаго патріарха, или, какъ его называютъ еще, католикоса,—основанный, какъ полагаютъ, въ VI столѣтіи, однимъ изъ армянскихъ царей. Онъ стоитъ, точно крѣпость, за двумя высокими стѣнами съ множествомъ башенъ; не достаетъ только пушекъ, которыя прежде были бы, вѣроятно, не лишними. Къ этому монастырю принадлежатъ еще четыре особые храма, расположенные вокругъ него, внѣ стѣнъ и въ довольно значительномъ разстояніи отъ него. Въ главномъ храмѣ намъ показывали мѣсто, гдѣ Спаситель являлся св. Григорію; затѣмъ насъ повели въ парадныя комнаты патріарха, гдѣ мы видѣли двѣ замѣчательныя залы: одна изъ нихъ зеркальная, а другая съ портретами всѣхъ армянскихъ царей. Еще осмотрѣли мы очень богатую ризницу и, наконецъ, бібліотеку съ множествомъ древнихъ рукописей.

Нельзя сказать, чтобъ Эчміадзинъ произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе, да этого и быть не можетъ, потому что онъ расположенъ въ сухой, бесплодной, тоску наводящей мѣстности; любопытно видѣть его, какъ всякую древность, какъ памятникъ многочисленныхъ, болѣе или менѣе интересныхъ событій.

Осенью 1860 года я такъ сильно заболѣла, что докторъ нашелъ необходимымъ отправить меня за границу, что и было исполнено,

а слѣдующею весною Николай Петровичъ, будучи вызванъ по дѣламъ въ Тифлисъ, подалъ намѣстнику кавказскому, князю Барятинскому, просьбу объ отпускѣ его на четыре мѣсяца за границу. Ему хотѣлось отдохнуть и полѣчиться, а главное—взглянуть на другія страны, посмотреть, какъ тамъ живутъ, потолкаться и потолковать съ людьми различныхъ націй; Азія прискучила ему; особенно тянуло его во Францію, откуда онъ намѣревался заѣхать ко мнѣ, но князь Барятинскій не пустилъ его.

— Вы мнѣ нужны, нужны въ эту минуту, — сказалъ онъ и прибавилъ:— у меня только два Колюбакина и оба мнѣ необходимы; откуда же мнѣ достать третьяго?

Затѣмъ тотчасъ же назначилъ его кутаисскимъ генераль-губернаторомъ. Такимъ образомъ, Колюбакину пришлось въ третій разъ быть начальникомъ въ хорошо знакомомъ ему краѣ, и снова началась для него спокойная и пріятная жизнь и дѣятельность.

Кромѣ трудовъ и попеченій о благосостояніи населенія ввѣренныхъ ему четырехъ прежнихъ владѣтельныхъ княжествъ—Имеретіи, Мингрелии, Гуріи и Абхазіи, онъ находилъ еще время посѣщать кутаисскую гимназію, слѣдить за преподаваніемъ учителей и за успѣхами учениковъ, старавшихся отличиться передъ генераль-губернаторомъ, умѣвшимъ оцѣнивать ихъ способности и старанія. Я сказала, что такого рода жизнь приходилась Колюбакину по сердцу, и, можетъ быть, она продлилась бы еще много лѣтъ, если бы не представилось обстоятельство, совершенно измѣнившее положеніе его.

Прежде всего необходимо сказать, что вдова князя Константина Дадишкилиани неоднократно обращалась къ Николаю Петровичу, черезъ посредство родственниковъ своихъ, съ просьбой о дозволеніи ей перенести тѣло мужа своего съ позорнаго мѣста, гдѣ онъ былъ казненъ, въ храмъ Божій, и каждый разъ получала отказъ. Наконецъ, уже по прошествіи трехъ лѣтъ по смерти мужа, времени, кажется, достаточнаго всякому христіанину для прощенія даже злѣйшаго врага, несчастная княгиня Дадишкилиани явилась къ Колюбакину со всѣми дѣтьми своими и, преклонивъ колѣна, повторила просьбу свою. Колюбакинъ не устоялъ противъ ея слезъ, отчаянія и мольбы цѣлаго семейства. Да и зачѣмъ было отказывать! Онъ былъ увѣренъ, что добрая и чистая душа покойнаго князя Гагарина, не способная къ мщенію на землѣ, не могла, переходя въ лучшій міръ, унести съ собою ненависть къ ближнему, и согласился на просьбу несчастной вдовы, съ условіемъ, однакожь, что перенесеніе тѣла мужа ея въ небольшую церковь, находящуюся чуть не за городомъ, совершится въ вечернія сумерки и безъ всѣхъ обычныхъ въ этомъ краѣ погребальныхъ церемоній. Сверхъ того, разрѣшая похороны князя Дадишкилиани, онъ дѣйствовалъ не произвольно: въ его рукахъ была бумага, полученная имъ изъ Петер-

бурга, и на ея содержаніи было основано дозволеніе его перенести въ церковь тѣло князя Константина. Вотъ содержаніе этой бумаги, оправдывающей поступокъ моего мужа:

«Отношеніе начальника главнаго штаба къ кутаисскому генералъ-губернатору 1-го февраля 1861 года.

«Пунктъ I. Въ отзывѣ главнокомандующаго къ г. военному министру отъ 6-го сентября 1860 года сказано, между прочимъ: 3.000 рублей должны быть употреблены на похороны и поминки какъ самой княгини Дадишкилиани, такъ и покойнаго мужа ея, по мѣстнымъ обычаямъ. Пунктъ II. Исполнить предположеніе главнокомандующаго о распредѣленіи между вдовой и дѣтьми всемилостивѣйше пожалованнаго капитала» и проч., и проч.

Но какъ ни были скромны похороны князя Дадишкилиани, они все же не могли остаться тайной для родственниковъ князя Гагарина.

Не стану объяснять здѣсь, какимъ образомъ сѣтованія нѣкоторыхъ изъ нихъ на поступокъ Николая Петровича была доведены до свѣдѣнія государя императора, но спрошу, не есть ли это тоже мщеніе, мщеніе безсильное надъ трупомъ убійцы?... Пострадалъ отъ него только человѣкъ правый, такъ какъ послѣдствіемъ этого былъ переводъ Колюбакина изъ Кутаиса въ Петербургъ съ назначеніемъ его сенаторомъ.

Не думая, не гадая, чтобы дѣло, въ сущности христіанское, да еще дозволенное правительствомъ, могло принять подобный оборотъ, Николай Петровичъ продолжалъ спокойно заниматься дѣлами, какъ вдругъ, въ апрѣлѣ 1863 года, получаетъ бумагу о переводѣ своемъ. Неожиданное извѣстіе это показалось ему до того невѣроятнымъ, что онъ прибѣжалъ съ полученной бумагой ко мнѣ, чтобы удостовѣриться, такъ ли онъ понялъ ее.

Весьма тяжелъ и чувствителенъ былъ для него этотъ ударъ. Не пожелавъ, однако, оправдываться передъ княземъ Барятинскимъ, онъ написалъ только начальнику управленія намѣстника кавказскаго:

«Получилъ я письмо вашего превосходительства. Человѣку моихъ лѣтъ и моего общественнаго положенія болѣе чѣмъ прискорбно быть въ необходимости оправдываться въ поступкѣ, который въ глазахъ исправляющаго должность царскаго намѣстника беззаконностью своею превзошелъ размѣры вѣроятія. Но дѣло сдѣлано: съ разрѣшенія моего тѣло князя Дадишкилиани безъ всякой торжественности, безъ предварительнаго заявленія публикѣ, вечеромъ, загороднымъ путемъ, перенесено вдовою его и дѣтьми къ оградѣ небольшой уединенной церкви. За признаніемъ факта, не могу, однако, не подвергнуть оцѣнкѣ его значеніе общественное, религіозное и легальное, для опредѣленія рода и степени моего въ этомъ дѣлѣ участія. Оставленіе тѣла князя Константина Дадишкилиани на мѣстѣ казни,

въ позорной ямѣ, оскорбляя обычаи, христіанское чувство и аристократическія предубѣжденія страны, не только раздражало его родныхъ, весьма вліятельныхъ въ различныхъ земляхъ здѣшняго Закавказья, не только печалило бывшихъ его подвластныхъ, но еще возбуждало нѣкое тайное и безотчетное неудовольствіе во всемъ здѣсь близкомъ къ нему сословномъ слоѣ. Всѣ эти сочувствія и соболѣзнованія, возносясь надъ могилой казеннаго, какъ бы вѣнчали его ореоломъ страдальца и жертвы народныхъ законовъ. Погребеніе сняло съ него обаяніе земного преслѣдованія за гробомъ... Итакъ, обрядъ, совершенный надъ княземъ Дадишкіліани, принесъ, мнѣ кажется, пользу гражданскую. По возрѣнію религіозному, смѣю думать, что, дозволивъ погребеніе по обряду церковному преступника, съ раскаяніемъ лобзавшаго передъ смертью святое Распятіе, я не учинилъ поступка, противнаго канонамъ православной церкви. Когда я проникаюсь глубже чувствомъ религіознымъ, мнѣ даже кажется, что тѣмъ самымъ я успокоилъ духъ несчастной жертвы убійцы, которая, по извѣстной намъ и мнѣ въ особенности чистотѣ природы своей, не могла унести въ могилу ни злобы, ни мщенія... Нѣтъ, какъ христіанинъ, я не виноватъ, я правъ, я правъ передъ церковью, и сердце говоритъ мнѣ—я правъ передъ жертвою преступленія... Да не укорить меня неутѣшная, богобоязливая вдова...

«Наконецъ, перехожу къ сторонѣ легальной. И тутъ обсужденіе поступка моего можетъ зависѣть не отъ разнородности взглядовъ и нравственныхъ или религіозныхъ убѣжденій, а развѣ отъ различія въ пониманіи писаннаго слова: «По представленію намѣстника кавказскаго, высочайше утвержденному 25-го декабря 1860 года, положеніемъ кавказскаго комитета, изъ денегъ, отпущенныхъ княгинѣ Дадишкіліани, отчислено 3.000 рублей на похороны и поминки, по народнымъ обычаямъ, казеннаго мужа ея». Слѣдовательно я виноватъ развѣ только въ небуквальномъ исполненіи сего высочайшаго повелѣнія, не допустивъ похоронъ по народнымъ обычаямъ, то-есть съ полною торжественностью, тризной, сорокоуствомъ, пиршествомъ и ристалищемъ. Если я не началъ прямо съ послѣдняго оправданія и не ограничился имъ, то потому только, что, уважая личное мнѣніе князя Г. Д. Орбеліани и ваше, милостивый государь, я хотѣлъ не только сложить съ себя отвѣтственность служебную, но еще быть правымъ, какъ гражданинъ и христіанинъ».

Я знаю, что извѣстіе о погребеніи князя Дадишкіліани было доложено его величеству шефомъ жандармовъ. Узнавъ о происшедшемъ, государь немедленно потребовалъ къ себѣ намѣстника кавказскаго, находившагося тогда въ Петербургѣ, и изволилъ обратиться къ нему съ вопросомъ: «Знаешь ли ты, что сдѣлалъ твой Колюбакинъ немирный?». Князь Барятинскій удивился; онъ ничего еще не слышалъ о вышеупомянутомъ событіи. Но если бы въ эту минуту онъ вспомнилъ, что Николай Петровичъ, не смотря на

горячность свою, былъ всегда точнымъ исполнителемъ законовъ и предписаній высшаго начальства, а потому и въ настоящемъ случаѣ не разрѣшилъ бы погребенія князя Дадишкилиани безъ уважительной, легальной причины на то,—если бы, повторяю, онъ вспомнилъ обо всемъ этомъ и о бумагахъ, разрѣшавшей похороны, и доложилъ его императорскому величеству, какъ было дѣло, я увѣрена, что милостивый монархъ, въ справедливости своей, не призналъ бы мужа моего виновнымъ въ неисполненіи своего долга.

Да... если бы, если бы... но кто не знаетъ, кто не испыталъ на себѣ, какое важное значеніе въ жизни человѣческой имѣетъ маленькое слово—«если бы».

Разскажу кстати слѣдующій случай: узнавъ, что одно важное дѣло было доложено князю Воронцову невѣрно, вслѣдствіе чего должно было послѣдовать, весьма натурально, несправедливое рѣшеніе намѣстника, Колубакинъ немедленно отправился къ нему, съ просьбой выслушать его мнѣніе относительно этого дѣла. Князь, всегда доступный, принялъ его, и когда Николай Петровичъ кончилъ говорить, онъ обнялъ его и сказалъ: «*Mon cher Kolubakine, vous êtes un vrai chevalier*»¹⁾. Такія слова, сказанныя такимъ государственнымъ человѣкомъ, каковъ былъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, чрезвычайно порадовали мужа моего. Между тѣмъ, если бы Колубакинъ не пошелъ къ князю-намѣстнику, два человѣка, не заслуживавшіе смертной казни, были бы повѣшены.

Я намѣревалась говорить только о Николаѣ Петровичѣ, но такъ какъ дѣйствія его въ нѣкоторыхъ случаяхъ были въ связи съ моими, я не могла или, можетъ быть, не сумѣла изъять личность мою изъ разсказа о его кавказской жизни, хотя старалась упоминать о себѣ, какъ можно меньше.

Теперь оканчивая воспоминанія мои, не могу не помѣтить здѣсь описанія обѣда, даннаго Колубакину дворянствомъ имеретинскимъ. Описаніе обѣда по своему мѣстному характеру, можетъ быть, покажется интереснымъ, а слова, сказанныя на немъ, дадутъ понятіе о томъ отрадномъ и пріятномъ чувствѣ, которое Николай Петровичъ вынесъ изъ страны, гдѣ его такъ хорошо знали и любили.

«Кутаисская губернія знаетъ Николая Петровича болѣе 12 лѣтъ; онъ служилъ въ ней и вице-губернаторомъ и военнымъ губернаторомъ. Въ рѣдкой деревнѣ не бывалъ онъ; всякому онъ былъ доступенъ, всякому были открыты двери его дома. Во всей служебной дѣятельности его видны были честь и доброта; въ каждомъ распоряженіи и рѣшеніи—нелицепріятная и неуклонная правда; въ каждомъ мѣропріятіи—сердечное стремленіе къ благу общественному; къ нуждамъ частнымъ—во всѣхъ случаяхъ теплое и

¹⁾ Любезный Колубакинъ, вы настоящій рыцарь.

плодотворное вниманіе; въ собственной жизни—строгая нравственная чистота; всѣ эти качества поставили его высоко въ народномъ мнѣніи и приобрѣли ему общее глубокое, искреннее уваженіе.

«Питая такія чувства и желая выразить ихъ какимъ нибудь торжественнымъ актомъ, 300 князей и дворянъ съѣхались въ Кутаисъ и единогласно согласились дать въ честь Николая Петровича обѣдъ. Всѣ радостно приняли участіе въ этомъ праздникѣ любви и уваженія. Для обѣда приготовлены были залы гимназіи. Въ обѣденной залѣ фестоны и гирлянды изъ лавра, плюща и рододендрона, искусно перевитые, превратили потолокъ въ изящный наметъ, а стѣны — въ живописныя декораціи; всѣ полы были устланы коврами, а въ углахъ и въ разныхъ мѣстахъ комнатъ стояли оранжерейныя растенія. За главнымъ кресломъ сіяло вензелевое изображеніе виновника торжества; на стѣнѣ, насупротивъ, красовалось такое же изображеніе изъ зелени и цвѣтовъ.

«Въ главномъ залѣ столы были поставлены кругомъ стѣнъ; противъ нихъ, между арками, столъ для распорядителей обѣда; за арками—сервировка по туземному, въ боковыхъ залахъ столы въ два ряда. Три хора музыки: военная, бальная и туземная, поставлены были тоже въ залахъ; за арками гурійскіе пѣсенники. Передъ домомъ цехи съ значками и огромная толпа народа.

«Къ обѣду приглашены были: епископъ имеретинскій Гавріиль и высшее духовенство; бывшій проѣздомъ въ Кутаисъ атаманъ донскихъ казачьихъ полковъ на Кавказѣ А. П. Хрещатицкій; всѣ мѣстные военные и гражданскіе чины и именитѣйшіе изъ гражданъ.

«Въ четыре часа прибылъ Николай Петровичъ, въ сопровожденіи четырехъ почетнѣйшихъ князей. Громкое «ура» и звуки народной музыки возвѣстили прибытіе вождѣльнаго гостя. У подѣзда его превосходительства встрѣченъ былъ почетнѣйшими князьями и дворянами, а въ первыхъ залахъ приняло его все остальное дворянство.

«Дворянству мало было дать обѣдъ, ему хотѣлось еще сохранить о немъ видимое воспоминаніе: ему хотѣлось имѣть портретъ Николая Петровича въ средѣ всей группы своей. Для этого на площади, передъ гимназическимъ домомъ, приготовленъ былъ аппаратъ, и послѣ первыхъ привѣтствій, по прибытіи его превосходительства, дворянство попросило его появиться на балконѣ и само разсыпалось по всей огромной длинѣ его и даже по окнамъ. Снимокъ удался превосходный и чрезвычайно живописный.

«Въ половинѣ пятаго сѣли за обѣдъ. За креслами его превосходительства стояли, по туземному обычаю, для принятія и передачи аллаверди отъ него и для исполненія прочихъ порученій два почетныхъ лица отъ князей и дворянъ. Блюда были туземныя, весьма роскошныя, пили изъ турьихъ роговъ, изъ старинныхъ

серебряныхъ чашъ; тутъ были азарпеты, бадіи, таси и кулы разной величины и разныхъ формъ. Оркестры музыки играли поочередно, а мѣстные пѣсенники пѣли постоянно. Обѣдъ шелъ весело.

«Первый тостъ провозглашенъ былъ генераль-губернаторомъ за драгоцѣнное здоровье того, кто первый у всякаго въ сердцѣ, при каждомъ торжественномъ событіи,—за здоровье его императорскаго величества государя императора. Продолжительное, задушевное трехкратное «ура» выразило всю любовь неподдѣльную въ здѣшнемъ чистосердечномъ населеніи къ своему монарху. Народный гимнъ выслушанъ былъ въ глубокомъ благоговѣйномъ молчаніи. Второй тостъ провозглашенъ имъ же за здоровье его императорскаго величества государя наслѣдника и принятъ былъ такимъ же немолкаемымъ «ура».

«Послѣ почтительной за симъ паузы одинъ изъ распорядителей обѣда 75-лѣтній старецъ, князь Абашидзе, подошелъ къ генераль-губернатору и дрожащимъ голосомъ произнесъ слѣдующія слова:

«Ваше превосходительство! Дворянство Кутаисской губерніи, присутствующее на этомъ обѣдѣ въ честь вашу, поручило мнѣ выразить вамъ тѣ чувства глубокой признательности, которыми проникнуто оно вашею многотрудною и полезною дѣятельностью въ нашемъ краѣ. Въ продолженіе многолѣтняго управленія вашего вы заслужили всеобщее уваженіе и любовь вашею справедливостью, безукоризненною честностью, прямымъ откровеннымъ характеромъ. Мы привыкли видѣть въ васъ, Николай Петровичъ, не только просвѣщеннаго правителя и неутомимаго дѣятеля, но и друга нашего, и имя ваше популярно у насъ. Мы любимъ васъ, мы глубоко уважаемъ васъ... мы васъ любимъ, Николай Петровичъ... за ваше здоровье!

«Съ глубокимъ почтительнымъ вниманьемъ всѣ слушали слова старца, переводимыя княземъ Гуриелли тутъ же слово за словомъ. При послѣднемъ словѣ князь Абашидзе выпилъ изъ большого турьяго рога, и громкое, долгое «ура» огласило залы. Какъ на самомъ веселомъ праздникѣ, всѣ стали чокаться другъ съ другомъ, возобновляли «ура», снова чокались, и опять «ура» долгое, не унимающееся.

«Николай Петровичъ, сильно тронутый такимъ неподдѣльнымъ выраженіемъ чувствъ, отвѣчалъ слѣдующими словами:

«Господа! я такъ тронуть, такъ взволнованъ, что, хотя имѣю привычку слова, едва ли, однако, сумѣю передать вамъ все, чѣмъ полно въ настоящее время сердце мое. Я прибылъ на Кавказъ двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, еще очень молодымъ человекомъ. Теперь, касаясь старости, чувствовалъ необходимость отдать себѣ отчетъ въ той дѣятельности, которой посвятилъ силы, способности, лучшіе годы мои. Вы, господа, значительно облегчили мнѣ этотъ отчетъ выраженіемъ признательности своей за мои межъ вами труды въ различныхъ должностяхъ: вице-губернатора, воен-

наго губернатора и наконецъ генераль-губернатора. Могутъ сказать, что эта признательность, это одобреніе—не всёхъ... что здѣсь не всё... Я, господа, вижу здѣсь старцевъ, отцовъ семействъ, людей, коихъ дѣти на службѣ, людей, трудящихся для родины, въ разныхъ родахъ службы государственной, вижу молодыхъ людей, получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ головѣ и въ сердцѣ которыхъ будущность страны... Съ меня довольно, довольно для моего сердца и самолюбія. Если Богъ приведетъ меня приютить старость мою въ Россіи, то буду тамъ наслаждаться мыслію, что изъ милліона разноплеменныхъ народовъ, которыми я разновременно управлялъ на Кавказѣ, если не всё, то, конечно, многіе вспомнятъ меня добромъ и скажутъ обо мнѣ доброе слово дѣтямъ своимъ... Это единственное достояніе, которое унесу съ собою... но не отдамъ его ни за какое злато. Благодарю васъ, господа. Теперь обращусь къ значенію этого торжества относительно васъ самихъ. Скажу вамъ прямо: оно дѣлаетъ вамъ честь, ибо если я приобрѣлъ вашу признательность, ваше одобреніе, то не лестію, не потворствомъ худымъ страстямъ, не соблазномъ шировъ и веселій свѣтскихъ, а жизнью строгою, справедливостью подчасъ суровою, трудомъ добросовѣстнымъ; тѣ же люди, которые сознаютъ эти свойства въ человѣкѣ и отдають ему уваженіе, тѣ сами одарены натурою доброю, благородною. Въ настоящую минуту мы наслаждаемся величайшимъ, какое только доступно человѣку, счастьемъ, счастьемъ нравственнымъ, сознаниемъ собственного достоинства. Остается намъ, господа, обратиться къ присутствующему здѣсь отцу духовному, всѣми уважаемому архипастырю, съ просьбой призвать благословеніе Божіе на союзъ сердецъ нашихъ, для пользы края, для вѣрнаго служенія возлюбленному монарху».

«Князь Церетели передавалъ эти слова на грузинскомъ языкѣ. Когда онъ кончилъ, къ Николаю Петровичу стали подходить всѣ участвовавшіе въ обѣдѣ, одинъ за другимъ; каждый особо привѣтствовалъ его, выражая ему свое уваженіе и привязанность и пилъ за его здоровье.

«Послѣ обѣда сожженъ былъ фейерверкъ, послѣдняя декорачія коего былъ щитъ съ бриллиантовымъ вензелемъ виновника торжества, и затѣмъ его превосходительство уѣхалъ домой при прощальныхъ благодарственныхъ «ура». Совершенно неожиданно городъ былъ иллюминированъ. Жители его въ соревнованіе дворянству вздумали изъяснить такимъ образомъ генераль-губернатору свои чувства любви и признательности.

«Многіе дворяне сожалѣли, что не могли пріѣхать въ Кутаисъ къ этому обѣду, за то они письменно выразили сожалѣніе свое».

Въ маѣ 1863 года, мы прибыли въ Петербургъ, но Колюбакинъ не пожелалъ служить тамъ и просилъ о переводѣ его сенаторомъ въ Москву, что и было исполнено.

— Я не гоужуь для столичнаго города,—говориль онъ, полушутя, полусерьезно:—живя въ Петербургѣ, мнѣ, конечно, придется иногда являться ко двору, и я, право, боюсь, чтобы мои драгунскія манеры, мой заносчивый характеръ и привычка говорить все, что есть на душѣ, не надѣлали мнѣ бѣды.

Шесть лѣтъ прожили мы въ Москвѣ; все это время Коллюбакинъ грустиль о Кавказѣ, ежедневно вспоминаль о немъ; ему не доставало его чудной природы, его горъ, прохлады лѣсовъ, быстрыхъ шумящихъ рѣкъ, яснаго неба юга и той дѣятельности живой и пріятной, какую онъ имѣль въ томъ краѣ. Не говорю уже о многочисленныхъ оставленныхъ имъ друзьяхъ и о братѣ.

Въ стѣнахъ сената ему казалось душно, и это раздражало его: онъ спориль, кричалъ, но горячность его разбивалась о хладнокровное благоразуміе другихъ сенаторовъ, называвшихъ его шутя мальчишкомъ, такъ какъ онъ былъ моложе всѣхъ въ своемъ департаментѣ. Поэтому онъ возвращался изъ сената почти всегда въ дурномъ расположеніи духа.

По вечерамъ онъ постоянно выѣзжалъ и чаще всего бывалъ у сенатора Тимирязева, бывшаго командиромъ того гусарскаго полка, въ которомъ Николай Петровичъ служиль въ Варшавѣ, будучи совершенно молодымъ человѣкомъ,—да еще у князя В. Одоевскаго, гдѣ находиль всегда пріятное общество; были у него и другіе хорошіе знакомые, но не очень много. Расскажу при этомъ одинъ забавный случай: до свѣдѣнія государя какимъ-то образомъ дошелъ слухъ, что немирный Коллюбакинъ, въ пылу обычной его горячности, будто бы позволиль себѣ ударить Каткова. Изъ Петербурга была потребована справка объ этомъ происшествіи, и вотъ отвѣтъ, посланный на нее: «Сенаторъ Коллюбакинъ не могъ имѣть никакого непріятнаго столкновенія съ господиномъ Катковымъ, ибо онъ не только не знакомъ съ нимъ, но ни разу еще не встрѣчалъ его». Когда ему рассказали это, онъ много смѣялся. «Теперь,—сказалъ онъ,—я уже непременно постараюсь познакомиться съ человѣкомъ, котораго имѣль несчастье оскорбить дѣйствіемъ, ни разу не видѣвъ его».

Такъ прошли три года. Однажды, во время засѣданія въ сенатѣ, ему подали къ подписи бумагу; онъ хотѣль взять перо, но оно выпало изъ руки его.

— А! вотъ оно что!—воскликнулъ онъ: — у меня ударъ, господа.

Онъ не ошибся, но ударъ былъ слабый, не оставившій никакихъ послѣдствій. Черезъ годъ онъ повториль сильнѣе, такъ что Николай Петровичъ сталъ дурно владѣть ногою и писалъ уже лѣвой рукой, не переставая однако-жъ ѣздить каждый день въ сенатъ.

Въ 1867 году, выѣхавъ со двора зимой, онъ забылъ снять калоши въ передней и, проходя въ нихъ въ другую комнату, поскользнулся въ дверяхъ, упалъ бокомъ на эфесъ сабли и переломилъ ногу въ бедрѣ. Несчастный случай этотъ принудилъ его пролежать въ постели тринадцать недѣль въ одномъ положеніи, весьма вредномъ по роду его болѣзни. Вслѣдствіе этого, у него сдѣлался третій ударъ, послѣ котораго онъ не могъ уже поправиться; къ тому же и болѣзнь сердца, обнаруживавшаяся по пріѣздѣ нашемъ въ Москву, быстро развивалась и принимала все болѣе опасный характеръ. Докторъ требовалъ, чтобъ онъ пересталъ ѣздить въ сенатъ и заниматься дѣлами; но онъ не слушалъ его. Между тѣмъ, отъ прилива крови къ головѣ разрывались иногда кровеносные сосуды и заливали мозгъ кровью, отъ этого онъ терялъ память, мысли его путались, онъ называлъ предметы не настоящими ихъ именами, и рѣчь его дѣлалась непонятной. Всѣ знавшіе Николая Петровича, этого пылкаго, энергическаго человѣка, необыкновенно быстро и легко схватывавшаго и обсуждаващаго всякое серьезное и трудное дѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладавшаго живымъ, свѣтскимъ остроуміемъ, поймутъ, какъ тяжело было видѣть его въ такомъ ужасномъ состояніи. Всего ужаснѣе было то, что онъ чувствовалъ это. Серьезныя книги, которыя онъ читалъ прежде съ такимъ увлеченіемъ, замѣнились самыми пустыми романами, да и тѣхъ онъ иногда не понималъ, и потому большую часть дня, по возвращеніи изъ сената, онъ проводилъ въ молчаніи, сидя въ креслѣ, глядя на цвѣты и думая о близкой смерти.

Видя такой ужасный упадокъ духа, докторъ, въ надеждѣ развлечь его и ободрить, совѣтовалъ ему съѣздить за границу. Хотя неохотно, но онъ согласился на это; я не могла сопутствовать ему, такъ какъ безъ помощи мужчины онъ не могъ обойтись, а на троихъ у насъ не доставало средствъ, поэтому онъ рѣшился ѣхать съ однимъ камердинеромъ и отправился въ Парижъ.

Путешествіе, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько ободрило его, но вмѣсто того, чтобы полѣчиться, онъ всѣ дни проводилъ въ разговорахъ съ Н. В. Ханьковымъ, проживавшимъ въ Парижѣ.

Въ первыхъ дняхъ августа онъ возвратился и провелъ остатокъ лѣта на дачѣ, гдѣ я жила.

По переѣздѣ нашемъ въ Москву, Николай Петровичъ, послѣ долгаго отдыха, снова началъ посѣщать сенатъ; но по гостямъ уже не ѣздилъ, а принималъ у себя. Здоровье его видимо ухудшалось. 14-го октября 1868-го года, къ удивленію всѣхъ окружающихъ его, онъ всталъ въ необыкновенно мирномъ настроеніи и не только не выходилъ изъ терпѣнія, пока человѣкъ и я одѣвали его, но даже шутилъ и смѣялся, ходя по комнатѣ съ помощью палки. Возвратясь изъ сената въ такомъ же спокойномъ состояніи, онъ позавтракалъ и легъ отдохнуть, сказавъ мнѣ, чтобы я принимала

всѣхъ, кто прїѣдетъ. Часа черезъ полтора онъ всталъ, пришелъ въ гостиную и очень обрадовался, заставъ тамъ одного изъ знакомыхъ своихъ, а спустя четверть часа—новый ударъ.

Въ 12 часовъ ночи его не стало.

Онъ похороненъ въ Москвѣ, въ Дѣвичьемъ монастырѣ, близъ церкви.

Александра Колюбакина.

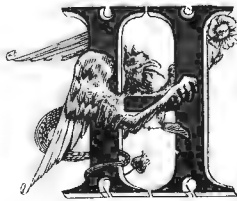

МЕРТВЫЕ БОГИ.

Тосканская легенда.

(A M-r Mounet-Sully).

НА НЕБѢ стояла хвостатая звѣзда. Кровавый блескъ ея огромнаго ядра спорилъ со свѣтомъ луны, и набожные люди, съ трепетомъ встрѣчая ея еженочное появленіе, ждали отъ нея большихъ бѣдъ христіанскому міру. Когда комета въ урочный часъ медленно поднималась надъ горизонтомъ, влача за собой длиннымъ хвостомъ круглый столбъ краснаго тумана, въ ея мощномъ движеніи было нѣчто сверхъестественно грозное. Казалось, будто въ синій просторъ Божьяго міра ползеть изъ первобытнаго мрака свирѣпый царь его, огненный драконъ Апокалипсиса, готовый пожрать мѣсяцъ и звѣзды и раздавить землю обломками небснаго свода. Комета смущала воображеніе не только людей, но и животныхъ: сторожевые псы выли по цѣлымъ ночамъ, съ тоскливымъ испугомъ глядясь въ повисшій надъ землею пламенный мечъ и словно пытая: правду ли говорятъ ихъ хозяева о чудномъ явленіи? точно ли оно—предвѣстникъ близкой кончины міра? Свѣтопреставленія ждала вся Европа; булла папы и эдикты королей приглашали вѣрующихъ къ молитвѣ, посту и покаянію, ибо наступающій годъ, послѣдній въ первомъ тысячелѣтіи по Рождествѣ Христовомъ, долженъ былъ, по предположенію астрологовъ, быть и послѣднимъ годомъ земли и тверди: годомъ, когда явится предсказанный апостоломъ ангелъ и, ставъ одною стопою на сушѣ, другою на морѣ, поклянется Живущимъ во вѣки, что времени уже не будетъ.

Безъ числа ходили слухи о чудесахъ и знаменіяхъ. Въ Кромѣ видѣли, на закатѣ, въ облакахъ двухъ огненныхъ воиновъ, по виду сарациновъ, въ бою между собою. Въ Нантѣ овца растерзала волка. Жители Авиньона втеченіе трехъ часовъ слышали великій воздушный шумъ—ярые голоса невидимыхъ ратей и звонъ оружія. Въ самомъ Римѣ прекрасная принцесса Джеронима Альдобранди, скончавшаяся отъ изнурительной лихорадки, очнулась, къ радости родныхъ, на третій день отъ смертнаго сна, встала изъ гроба и пошла, славя Бога, слушать мессу, заказанную за ея упокой. Къ страхамъ вымышленнымъ присоединялись страхи дѣйствительные. Землетрясеніе неутомимою волною перекатывалось по тремъ полуостровамъ Средиземнаго моря, чума бродила по Ломбардіи и Провансу, норманы неистовствовали на западѣ, мусульмане напирали на Европу съ востока и юга. На сѣверо-востокахъ нарождались славянскія государства, еще невѣдомыя, но слышно, что могучія, страшныя, грозныя. Отъ Атлантическаго океана до Волги все бродило, какъ въ мѣхѣ съ молодымъ виномъ. Что-то зрѣло въ воздухѣ, и народамъ, удрученнымъ переживаніемъ этого броженія, думалось, что зрѣеть недоброе. Для людей, суевѣрныхъ и утомленныхъ тяжелыми временами, вѣсть о свѣтопреставленіи была сигналомъ потерять голову и превратиться въ пораженное паникой стадо.

Одни готовили себя къ переходу въ лучший міръ молитвами, вступали въ монастыри, бѣжали въ пустыни, горныя пещеры и, въ аскетическихъ трудахъ, подъ власяницами, ждали судной трубы архангела. Другіе, хотя увѣренные въ непремѣнномъ разрушеніи вселенной, все-таки находили нужнымъ зачѣмъ-то составить духовныя завѣщанія. Третьи, наконецъ, впадали въ свирѣпое отчаяніе и убивали остатокъ жизни на пьянство, развратъ, преступленія. Никогда еще Европа не молилась и не грѣшила съ большимъ усердіемъ. Боязнь ожидаемаго переворота была такъ велика, что многіе предпочитали кончить жизнь самоубійствомъ, лишь бы не быть свидѣтелями наступающихъ ужасовъ Божьяго гнѣва. Равнодушныхъ было очень мало, невѣрующихъ презирали и ненавидѣли; за сомнѣніе въ состоявшемся уже, по слухамъ, пришествіи антихриста побивали камнями. Фанатики клятвенно увѣряли, будто антихристъ не только родился, но и воцарился и сидитъ на римскомъ престолѣ подъ видомъ папы — безбожника, ученаго чернокнижника Сильвестра.

Въ такое-то время случилось на дикомъ горномъ пустырьѣ, невдалекѣ отъ города Пизы, странное происшествіе, записанное въ монастырскихъ меморіалахъ подъ названіемъ: «Дивныя и пречудныя приключенія Николая Флореаса, уроженца славнаго города Камайоре, оружейныхъ дѣлъ мастера и нѣкогда добраго христіанина».

Николай Флореасъ былъ молодъ и красивъ собою. Оружейное ремесло закалило его силы, развило ловкость; частое общеніе съ

людьми благороднаго происхожденія усвоило Флореасу привычки, видъ и обращеніе его знатныхъ заказчиковъ и покупателей. Женщины говорили, что нѣтъ въ Камайоре мужчины, болѣе достойнаго любви, чѣмъ Николай Флореасъ, даже и между рыцарями герцогскаго двора. Если бы Флореасъ жилъ во Флоренціи, Пизѣ или Сьеннѣ, онъ, по талантамъ своимъ, навѣрное сдѣлался бы однимъ изъ народныхъ вождей, какихъ такъ много создавали гражданскія междоусобія средневѣковой Италіи. Они выходили изъ низшихъ общественныхъ слоевъ, какъ Сфорца и Медичи, чтобы потомъ лѣтъ на пятьсотъ протянуть свою родословную, полную блистательныхъ именъ и громкихъ подвиговъ. Но Николай Флореасъ былъ обывателемъ Камайоре, глухаго горнаго городка, гдѣ горожане жили мирно, не дѣлясь на политическія партіи. Сверхъ того, онъ былъ человѣкъ скромный, хотя рѣшительный и способный. Какъ большинство оружейниковъ, онъ зналъ грамоту. Онъ сочинялъ сонеты и игралъ на лютнѣ. Сосѣди говорили, что Флореасъ человѣкъ хорошій, только слишкомъ мечтательный.

Въ одинъ лѣтній день Николай Флореасъ окончилъ кольчатую броню, заказанную ему начальникомъ наемниковъ пизанской цитадели, длинноусымъ норманомъ Гвальтье. Взваливъ свою ношу на осла, мастеръ въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ подмастерьевъ направился изъ Камайоре горами въ Пизу. Лѣтняя ночь застала Флореаса въ дорогѣ. Она упала сразу, черная и глухая; на аспидномъ небѣ зажглись громадныя звѣзды и огненный столпъ кометы. Напрасно было бы въ то дикое, разбойниче время трубить ночью у воротъ какого либо городка или замка. Отвѣтомъ пришельцу свистнула бы туча стрѣлъ, — и только. Средневѣковое гостепріимство кончалось съ закатомъ солнца. Пришлецъ былъ другомъ, когда приходилъ при солнечномъ сіяніи, и врагомъ послѣ того, какъ замыкались рогатки, и поднимались мосты со рвовъ, наполненныхъ водою. Флореасъ и его спутники заночевали на перепутьи у костра, разложеннаго у ногъ каменной Мадонны. Боясь ночнаго нападенія, путники рѣшили спать по очереди. Двое, по жребію, спали съ оружіемъ въ рукахъ, а одинъ бодрствовалъ на стражѣ. Первый жребій не спать выпалъ самому Флореасу. Прислонясь къ обломку скалы, онъ безопасно наблюдалъ медленный токъ свѣтилъ по небеснымъ кругамъ. Пламя костра играло на его лицѣ красными лучами. Развѣюченный осель бродилъ, не отходя далеко отъ стана, на подножномъ корму. Флореасъ слушалъ звуки горной ночи. Имъ овладѣло трогательное настроеніе, въ какое повергаетъ всѣхъ впечатлительныхъ людей торжественная тишь спящей пустыни. Но вотъ внезапно среди величественнаго безмолвія раздался странный звукъ.словно кто нибудь коротко взялъ аккордъ на церковномъ органѣ,—взялъ и бросилъ. Звукъ рванулся въ воздухъ и сейчасъ же заглохъ, не успѣвъ удержаться и развиться

въ немъ. Точно кто-то зарыдалъ было, но, устыдившись своей слабости, задалъ рыданіе. Николай Флореасъ осмотрѣлся. Онъ не понималъ, ни что это за звукъ, ни откуда онъ прилетѣлъ. Такъ какъ звукъ не повторялся, Флореасъ рѣшилъ, что, вѣроятно, онъ задремалъ, и въ дремѣ обманутыя чувства создали изъ обычныхъ звуковъ ночи этотъ загадочный аккордъ. Но, когда онъ, совсѣмъ успокоенный, опять прилежъ къ костру, звукъ снова задрожалъ въ воздухѣ и уже яснѣе и болѣе продолжительно, чѣмъ въ первый разъ, какъ будто сразу заплѣло нѣсколько арфъ подъ перстами искусныхъ трубадуровъ. Флореасъ вскочилъ въ волненіи. Онъ зналъ, что по близости нѣтъ ни одного значительнаго селенія, откуда могъ бы примчаться таинственный звукъ. Трудно было предположить, чтобы по сосѣдству ночевалъ путевой караванъ какого либо синьора со свитою и челядью, среди которой могли случиться игроки на арфѣ. Ночлегъ Флореаса былъ расположенъ на высотѣ холма: окрестности были видны на далекое пространство, но хоть бы гдѣ нибудь костру оружейника отвѣтили другой костеръ. Флореасъ съ легкой дрожью подумалъ единственное, что ему и осталось подумать: что онъ слышалъ звуки не здѣшняго міра. Какъ человѣкъ набожный и мужественный, онъ не потерялся, а разбудилъ своихъ спутниковъ и рассказалъ, что съ нимъ было. Они не повѣрили.

— Просто ты спалъ, мастеръ, и тебѣ показалось это во снѣ,— сказали они.

Но звукъ снова налетѣлъ изъ безвѣстной дали, какъ волна, и такъ же быстро, какъ волна о песокъ, разбился и растаялъ въ воздухѣ.

— Это скалы поютъ,—въ испугѣ сказалъ одинъ подмастерье.

— Или дьяволъ справляетъ свою свадьбу,—крестясь прибавилъ второй.

— Друзья мои,—сказалъ Флореасъ,—все это можетъ быть; но я не буду спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не узнаю, откуда эти звуки и зачѣмъ они. Поэтому пойдемъ въ ту сторону, откуда они звенятъ...

Но подмастерья наотрѣвъ отказались.

— Если намъ судьба попасть въ когти дьявола,—говорили они,—то успѣемъ еще попасть послѣ смерти, а зачѣмъ будемъ лѣзть къ нему живьемъ?

— Тогда я пойду одинъ,—сказалъ Флореасъ,—потому что мое желаніе узнать тайну сильнѣе меня, и я не могу быть спокоенъ, пока ея не разрѣшу. Ждите же на этомъ мѣстѣ моего возвращенія, а я пойду, куда зоветъ меня музыка.

Подмастерья пришли въ ужасъ и умоляли Флореаса не подвергать себя опасности ночнаго пути невѣсть куда и зачѣмъ, но онъ остался непреклоннымъ. Тогда они попытались удержать его силой. Но Николай Флореасъ обнажилъ кинжалъ и грозилъ поразить перваго, кто осмѣлится до него коснуться. Подмастерья въ страхѣ от-

ступили, а онъ воспользовался ихъ замѣпательствомъ, чтобы въ два прыжка исчезнуть въ темнотѣ ночи.

Флореасъ долго блуждалъ во мракѣ по пустымъ равнинамъ и неглубокимъ оврагамъ. На небо взбѣжали тучи. И комета, и звѣзды измѣнили Флореасу. Онъ шелъ, самъ не зная, куда идетъ: на сѣверъ, на западъ или на югъ, такъ что, если бы онъ и хотѣлъ вернуться къ своимъ подмастерьямъ, то уже не могъ бы. Притомъ всякій разъ, какъ только мысль о возвращеніи приходила въ голову Флореаса, таинственный звукъ, непостижимо призвавшій его къ странствованію, снова звучалъ съ такою силою страсти и страданія, какъ будто все хрустальное небо разрушалось, со звономъ разсыпая осколки на грудь матери земли. Наконецъ Флореасъ замѣтилъ вдали мерцаніе красной точки—далекаго костра или окна въ хижинѣ.

— Я пойду на этотъ свѣтъ,—подумалъ Флореасъ,—я достаточно сдѣлалъ, чтобы удовлетворить своему желанію; но тайна упорно не дается мнѣ въ руки, и я не въ силахъ бороться съ невозможнымъ—долженъ возвратиться. Если это мои спутники, тѣмъ лучше; если нѣтъ, то авось эти люди не откажутъ мнѣ въ ночлегъ и укажутъ дорогу въ Пизу... Онъ шелъ на огонь до тѣхъ поръ, пока нога его не оступилась съ ровной почвы въ провалъ; путникъ едва успѣлъ откинуться назадъ, чтобы не сорваться въ глубь пропасти. Онъ усѣлся на краю обрыва, едва не втянувшего его въ свои нѣдра, и сталъ ждать разсвѣта. Безцѣльно глядя предъ собою, Флореасъ замѣтилъ, что огонекъ, на который онъ шелъ, какъ будто растетъ силою пламени... дробится на многія свѣтящіяся точки... Флореасъ не могъ дать себѣ отчета, что это за огни. Не можетъ быть, чтобы Пиза! Но,—если нѣтъ—куда же онъ попалъ? Видно было, что подъ нимъ въ глубокой котловинѣ лежитъ большой городъ. Выступили изъ мрака очертанія горныхъ вершинъ; востокъ поблѣлъ; огромная голубая звѣзда проплыла на горизонтѣ и растаяла въ потокѣ румянаго свѣта. Три широкихъ бѣлыхъ луча, разбѣгаясь, какъ спицы колеса, высоко брызнули изъ-за горъ въ просторъ неба... Птицы пустыни тысячами голосовъ привѣтствовали утро; пестрыя ящерицы проворно скользили по сѣрымъ камнямъ, въ радостной жаждѣ солнечнаго тепла.

Внизу, въ долинѣ еще клубился туманъ. Но такъ какъ Флореасъ зналъ, что подъ его бѣлымъ покровомъ спитъ какое-то жильѣ, то рѣшился спуститься. Онъ увидѣлъ тропинку-лѣстницу, вырубленную въ скалѣ... Давно никто не ходилъ по ней: растреснутыя, иззубренные временемъ ступеньки поросли репейникомъ и мареною; длинные ужи, шипя, уползали изъ-подъ ногъ Флореаса; онъ раздавилъ своимъ кованымъ сапогомъ не одну семью скорпионовъ.

Солнце встало надъ горами; туманъ растаялъ. Флореасъ одиноко стоялъ среди желтой песчаной лощины, сдавленной зелеными го-

рами, и удивлялся: не только города, ни одной хижины не было по близости... Вѣтеръ уныло качалъ высокія сорныя травы... Песокъ блестяль подъ солнцемъ... Сѣрѣло ложе широкой, но совершенно высохшей отъ лѣтняго зноя рѣки... Вотъ и все.

Въ досадѣ разочарованія бродилъ Флореасъ по лощинѣ. Онъ чувствовалъ себя страшно усталымъ: о возвращеніи нечего было и думать. Изъ шнура, стягивавшаго сборки его кафтана, онъ сдѣлалъ пращу и, набравъ гладкихъ голышей, убилъ ими съ дюжину мелкихъ пташекъ пустыни. Обѣдъ его былъ обезпеченъ. Надо было найти воды. Она журчала неподалеку. Флореасъ пошелъ на звукъ... Ручей текъ обильною волною изъ-подъ низко нависшихъ орѣховыхъ кустовъ. Флореасу показалось страннымъ правильное ложе потока. Нагнувшись къ водѣ, онъ увидаль, что когда-то ручей былъ заключенъ въ мраморныя плиты: желтоватый гладкій камень еще проглядывалъ кое-гдѣ сквозь густой мохъ, темнымъ бархатомъ облѣпившій дно и стѣнки источника. Раздвигая цѣпкія вѣтви орѣшника, Флореасъ пошелъ вверхъ по теченію и скоро добрался до обширной лѣсной поляны. На ней въ безпорядкѣ громоздились сѣрые громадные камни. Флореасъ узнавалъ ступени, обломки карнизовъ; толстая колонна съ отбитою капителю лежала поперекъ дороги... Посрединѣ поляны возвышалась гряда камней въ полроста человѣческаго, похожая и на очагъ, и на надгробный памятникъ. Осколки мраморнаго щебня валялись кругомъ. Ручей текъ прямо изъ-подъ этой гряды, которая, какъ и его русло, была когда-то обдѣлана въ мраморъ. Еще видѣлись кое-гдѣ слѣды обшивки, испещренной бурными буквами давно разрушенной и утратившей смыслъ надписи. Флореасъ прочиталъ:

Оружейникъ оглядѣлъ мѣстность и подумалъ, что расположиться для обѣда здѣсь, на полянѣ, между зелеными стѣнами узкаго ущелья, пріятнѣе, чѣмъ въ песчаной пустынѣ, только-что имъ оставленной. Онъ устроилъ костеръ на древнемъ памятникѣ-очагѣ и, нанизавъ убитыхъ птицъ на гибкій пруть, изжарилъ ихъ надъ огнемъ. Синій дымъ весело поднялся къ небу зыбкимъ столбомъ. Голодный Флореасъ наскоро съѣлъ свой скудный обѣдъ, запилъ водой изъ ручья... Его сморило сномъ.

Флореасъ проснулся впотьмахъ, позднимъ вечеромъ. Ему очень не хотѣлось вставать съ земли, но онъ сдѣлалъ надъ собою усилие... И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ поднималъ свою еще отягченную сномъ голову, онъ видѣлъ, какъ поднимается изъ праха поверженная колонна. Онъ бросился къ ней, — на ней не оставалось ни мховъ, ни ракушекъ, ни плѣсени: блестящій и гладкій столбъ красного порфира, гордо увѣнчанный бѣломраморнымъ узоромъ капители. Флореасъ осязалъ воскресшую колонну, чувствовала ея холодъ... Десятки такихъ же колоннъ съ глухимъ рокотомъ выходили изъ-подъ земли, слагаясь въ длинные портики. Дымный и грязный очагъ превратился въ великолѣпный жертвенникъ. Костеръ Флореаса разгорѣлся на немъ съ такою силою, что розовое пламя, казалось, лизало своими острыми языками темное небо, и зарево играло на далекихъ скалахъ. Цвѣточныя гирлянды змѣями взвивались невѣдомо откуда, прицѣплялись къ колоннамъ и, чуть качаемыя вѣтромъ, тепло и мягко обвѣвали Флореаса благоуханіями.

Молодой человѣкъ понялъ, что стоитъ у разгадки тайны, въ которую вовлекли его прошлою ночью невѣдомые звуки. А они, какъ нарочно, снова задрожали въ воздухѣ, но уже не рыдающіе, какъ вчера, а весело-торжествующіе. Ущелье сверкало тысячами огней, гудѣло праздничнымъ гуломъ тысячеголовой толпы. И голоса, и огни близились къ храму. Предъ изумленнымъ Флореасомъ медленно проходили важные сѣдобородые мужи въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, украшенные дубовыми вѣнками, и становились рядомъ налѣво отъ пылающаго жертвенника, а направо собирались рѣзвою толпою прекрасныя полуобнаженныя дѣвы. Ихъ тѣла были, какъ молоко. Флореасу казалось, что онѣ свѣтятся и прозрачны, какъ туманъ, летающій въ лунную ночь надъ водами Арно. Каждая потрясала дроптикомъ или лукомъ; у иныхъ за плечами висѣли колчаны, полные стрѣлъ; многія сверхъ короткихъ, едва закрывавшихъ колѣна, туникъ были покрыты пестрыми шкурами звѣрей, неизвѣстныхъ Флореасу. Нѣмъ и неподвиженъ стоялъ оружейникъ въ широкомъ промежуткѣ между рядами таинственныхъ мужей и дѣвъ... Онъ начиналъ думать, что попалъ на шабашъ бѣсовъ, но никогда не предположилъ бы онъ, чтобы бѣсы могли быть такъ величавы и прекрасны.

Новые огни, новые голоса наполнили храмъ. Девять женъ чуд-

ной красоты поднимались по мраморной лѣстницѣ, оплетаясь хороводомъ вокругъ мощнаго юноши, который сіялъ, какъ солнце, и блескъ, исходившій отъ его лица, затмевалъ блескъ лампадъ храма. Въ рукахъ юноши сверкала золотая лира, и со струнъ ея летѣли тѣ самые звуки, чтó приманили Флореаса. И мужи въ бѣлыхъ одеждахъ, и вооруженныя дѣвы упали въ прахъ предъ лицомъ юноши. Остался на ногахъ только Флореасъ, но его какъ будто никто не замѣчалъ въ странномъ сборищѣ, хотя стоялъ онъ ближе всѣхъ къ жертвенному огню. Юноша гордо сталъ предъ жертвенникомъ, опередивъ Флореаса, и, радостно простирая къ огню руки, воскликнулъ голосомъ, подобнымъ удару грома:

— Проснись, сестра! Твое царство возвратилось.

Радостно зазвенѣли золотыя струны его лиры, и онъ запѣлъ гимнъ, отъ котораго потряслись скалы, зашатались деревья въ ущельи и, какъ испуганныя очи, замигали звѣзды на небѣ. Онъ пѣлъ, а вокругъ него съ крикомъ неслись въ пляскѣ его прекрасныя спутницы. Мужи въ бѣлыхъ одеждахъ и вооруженныя дѣвы подхватили гимнъ. Схватившись за руки, они ошлели жертвенникъ цѣлымъ рядомъ хороводовъ. У Флореаса кружилась голова отъ мельканія пляски, звенѣло въ ушахъ отъ пѣнія, вопля и грома лиры. Онъ позабылъ всѣ молитвы, какія зналъ, рука его не хотѣла подняться для крестнаго знаменія.

— Проснись, сестра!—звалъ юноша.

— Встань, царица! проснись, богиня!—вторила толпа...

Вооруженныя дѣвы выхватывали изъ колчановъ стрѣлы и проводили ими глубокія борозды на своихъ бѣлоснѣжныхъ челахъ. Кровь струями текла по ихъ ланитамъ, они собирали ее въ горсть и бросали капли въ жертвенный огонь...

Пламя раздвоилось, какъ широко распахнувшійся пологъ; надъ жертвенникомъ встало облако благаго пара. Когда же оно порѣдѣло и тусклымъ свиткомъ уплыло изъ храма къ дальнимъ горамъ, на жертвенникѣ, между двухъ стѣнъ огня, осталась женщина, мертвенно-блѣдная, съ закрытыми глазами. Она была одѣта въ такую же короткую туннику, какъ и всѣ дѣвы храма, такъ же имѣла лукъ въ рукахъ и колчанъ за плечами, но была прекраснѣе всѣхъ; строгимъ холодомъ вѣяло отъ ея неподвижнаго лица. Мольбы, крики, пѣсни и пляски росли, какъ буря на морѣ, пламя сверкало, напрягая всю свою мощь, чтобы согрѣть и разбудить мертвую красавицу. Синія жилки, точно по мрамору, побѣжали подъ ея тонкой кожей; грудь дрогнула; губы покраснѣли и шевельнулись, и, съ глубокимъ вздохомъ, будто сбросивъ съ плечъ тяжесть надгробнаго памятника, она пробудилась отъ сна. Оглушительный вопль привѣтствовалъ ее... Всѣ упали ницъ; самъ юноша съ золотою лирою склонилъ свою прекрасную голову. Огонь на жертвенникѣ угасъ самъ собою, а надъ челомъ красавицы вспыхнулъ яркій полумѣсяцъ. Онъ росъ

и заострялъ свои рога, и въ свѣтѣ его купалось тѣло богини, точно въ расплавленномъ серебрѣ. Она водила по толпѣ огромными черными глазами, мрачными, какъ сама ночь, подъ бархатнымъ пухомъ длинныхъ рѣсницъ. Взглядъ ея встрѣтился съ взглядомъ Флореаса, и оружейникъ почувствовалъ, что она смотритъ ему прямо въ душу, и что не преклониться предъ нею и не обожать ея можетъ развѣ лишь тотъ, у кого вовсе не гнутся колѣна, у кого въ сердцѣ не осталось ни искры тепла, а въ жилахъ—ни капли крови. Кто-то далъ ему въ руки стрѣлу, и онъ, въ восторженномъ упоеніи, сдѣлалъ то же, что раньше дѣлали всѣ вокругъ: глубоко изранилъ ея остріемъ свой лобъ и, когда заструилась кровь, собралъ капли въ горсть и бросилъ къ ногамъ богини съ громкимъ воплемъ:

— Радуйся, царица!

И въ отвѣтъ его воплю, среди внезапно воцарившейся тишины, раздался мощный голосъ, глухо и торжественно вѣщавшій медлительную рѣчь:

— Здравствуй, мой свѣтлый богъ и братъ, царь лиры и солнца! Здравствуйте, мои вѣрные спутницы и слуги! Здравствуй и ты, чужой юноша, будь желаннымъ гостемъ между нами. Семь вѣковъ прошло, какъ закатилось солнце боговъ, и я, владычица ночей, умерла, покинутая людьми, нашедшими себѣ новыхъ боговъ въ новой вѣрѣ. Здѣсь былъ мой храмъ—здѣсь стала моя могила. Вымерли мои слуги, прахомъ разсыпались мои алтари, сорными травами заросли мои храмы, жилище змѣй и скорпионовъ; мои кумиры стали забавой людей чужой вѣры. Жертвенный огонь не возгорался на моей могилѣ, я не обоняла сладкаго дыма всесожженій. Я спала въ землѣ, какъ спятъ человѣческіе трупы, какъ спите всѣ вы, мои спутницы и слуги; я—мертвая богиня побѣжденной вѣры, царица призраковъ и мертвецовъ! Юноша разбудилъ меня. Онъ пришелъ на таинственный зовъ, онъ оживилъ мой храмъ и согрѣлъ огнемъ мой жертвенникъ. Клянусь отцомъ моимъ, спящимъ на вершинѣ Олимпа,—великъ его подвигъ и велика будетъ его награда. Николай Флореасъ! хочешь ли ты забыть міръ живыхъ и здѣсь въ пустынѣ стать полубогомъ среди забытыхъ боговъ? Хочешь ли ты свободно коротать съ нами веселыя и торжественныя ночи и въ вихряхъ носиться надъ землею, отъ льдинъ великаго моря блаженныхъ Гипербореевъ къ слонамъ и чернымъ пигмеямъ лѣсистой Африки? Хочешь ли ты назвать своимъ братомъ бога звуковъ и свѣта? Скажи: хочу, отрекись отъ своего міра, и я отдамъ тебѣ свою любовь, которой не зналъ еще никто изъ боговъ и смертныхъ.

И небо, и земля молчали, и вѣтеръ не дышалъ, когда Флореасъ тихо отвѣтилъ:

— Хочу. Я твой рабъ, и жизнь моя принадлежитъ тебѣ.

Пламенемъ вспыхнули очи богини, радостно дрогнули ея ноздри,

громкій крикъ, похожій на охотничій призывъ, вырвался изъ ея груди. Она сошла съ жертвенника и, прямая и трепещущая, какъ стрѣла, только что сорвавшаяся съ тетивы, приблизилась къ Флореасу. Теплыя уста съ дыханіемъ, пропитаннымъ ароматомъ животоворящей амброзіи, коснулись его губъ; теплая рука обвила его шею и закрыла ему глаза. Флореасъ слышалъ, какъ богиня отдѣлила его отъ земли... какъ они медленно и плавно поднялись въ воздухъ, сырой и прохладный... Съ шумомъ, пѣснями и смѣхомъ взвилась за ними вся толпа, наполнявшая храмъ; ея движеніе рождало въ воздухѣ волны, какъ въ морѣ... Богиня сняла руку съ глазъ Флореаса; онъ увидалъ себя на страшной высотѣ; огни храма меркли глубоко внизу. Закрывъ глаза, онъ почти безъ чувствъ склонился на плечо богини, пропитанное свѣтомъ осѣнявшаго ее полумѣсяца... Какъ сквозь сонъ, слышалъ онъ охотничьи крики и свѣтъ вихря, помчавшаго воздушный поѣздъ въ безвѣстную даль. Волосы богини, подхваченные вѣтромъ, хлестали его по лицу.

— Не бойся!—слышалъ ея голосъ Флореасъ,—не бойся, супругъ мой. Тотъ, кого держу я въ своихъ объятіяхъ, не долженъ ничего бояться. Онъ сильнѣе природы, она его слуга...

Они мчались надъ широкими рѣками въ плоскихъ берегахъ, надъ темными городами съ стрѣлкообразными колокольнями, надъ тихо шепчущими маисовыми полями, изрѣзанными сѣтью мутныхъ каналовъ, надъ болотами, окутанными въ густую пелену опасныхъ тумановъ, направляясь на далекій сѣверъ къ неприступной стѣнѣ суровыхъ Альповъ. Снѣжная мятель захватила поѣздъ, потащила его по узкимъ ущельямъ къ сверкающимъ льдинамъ глетчера и долго крутила по снѣжнымъ полямъ охоту богини. Стадо сернь пронеслось такъ далеко, что Флореасу оно показалось стадомъ какихъ-то рогатыхъ мышей. Но богиня бросила стрѣлу, и стадо рухнуло въ внезапно открывшуюся предъ нимъ бездну.

— Галло—э! добыча! добыча!—закричала богиня. И хохотомъ и воплями отвѣчала ей дикая охота. Гремѣли рога, выли псы, звенѣла арфа прекраснаго, свѣтлаго бога.

Они спускались къ тихимъ озерамъ, чтобы поражать проворныхъ выдръ, когда онѣ выныривали изъ-подъ воды, держа въ зубахъ карпа или щуку. Богиня опрокидывала постройки умныхъ бобровъ и, когда звѣрки темными пятнами ускользали въ разныя стороны, сыпала въ нихъ убійственныя стрѣлы. Потянулись лѣсистыя равнины Германіи. Лиственное море шумѣло и волновалось отъ вѣянія волшебнаго полета. Ноги Флореаса скользили по вершинамъ столѣтнихъ дубовъ. Мохнатыя зубы, вѣтворогіе лоси, лани съ кроткими глазами, привлеченныя блескомъ полумѣсяца на челѣ великой охотницы, выбѣгали на лѣсныя прогалины и метались, оглашая ночную тишь мычаніемъ и блеяніемъ. Имъ отвѣ-

чали въ кустарникахъ голодные волки, испуганные медвѣди жалобно рыкали въ глубокихъ берлогахъ. Но стрѣлы богини падали, какъ дождь, и, когда поѣздъ дикой охоты улеталъ, ревъ и вой животныхъ смѣнялся зловѣщею тишиною кладбища. Запахъ крови поднимался отъ лѣса. Богиня жадно впивала его, раздувая ноздри, привычныя къ жертвеннымъ ароматамъ. Глаза ея сверкали, какъ у тигрицы, впускающей когти въ оленя. Она казалась двуногимъ звѣремъ, но звѣремъ сверхъестественнымъ, въ которомъ соединялись и самое возвышенное, и самое ужасное существа животнаго міра: звѣрь — самый хищный и самый красивый, самый кроваво-жадный и самый величественный, самый жестокой и самый обаятельный. Предъ нею надо было трепетать, но нельзя было не восторгаться ею и не поработиться ей всей душой. Подъ обаяніемъ ея взгляда Флореасъ кричалъ такъ же, какъ она, вмѣстѣ съ нею разсыпалъ смертоносныя стрѣлы, съ тѣмъ же наслажденіемъ впивалъ одуряющій запахъ потоковъ крови, обозначавшихъ ихъ страшный путь по сѣвернымъ лѣсамъ.

Они мчались надъ Рейномъ, великою рѣкою чудесъ. Флореасъ видѣлъ, какъ въ его волнахъ сверкали золотые клады, хранимые лебедиными дѣвами, слышалъ, какъ грохотали водопады, какъ въ мѣдныхъ замкахъ храпѣли ихъ глупые востелитины, свирѣпыя великаны. Изъ щелей въ береговыхъ скалахъ выползали рудокопы-гномы и дивились дикой охотѣ, задирая головы до тѣхъ поръ, пока красныя шапочки сваливались съ макушекъ. Ушей Флореаса коснулся грозный шумъ морскаго прибоя. Морскіе валы рвались въ устье, побѣждая силу теченія рѣки великана. На сотни миль кругомъ кипѣло сѣдыми валами сѣверное море угрюмое, холодное, съ бурою водою подъ бѣлесоватымъ небомъ, море — врагъ, море — чудовище. Востокъ блѣднѣлъ, звѣзды меркли и уходили за водную равнину...

— Домой! домой! — звала богиня. Голосъ ея звучалъ рѣзко и печально, точно голосъ ночной птицы, зачуявшей близость утра. У Флореаса заняло дыханіе отъ усиленной быстроты полета. Въ промежуткахъ головокруженія онъ едва успѣлъ замѣтить, какъ длинною вереницею вились за поѣздомъ тѣни убитыхъ звѣрей. Но чѣмъ больше бѣлѣлъ востокъ, тѣмъ блѣднѣе становились эти тѣни; то одинъ, то другой призракъ изъ свиты богини исчезалъ, сливаясь съ утренними облаками; тише раздавались охотничьи крики и хохотъ, замолкъ звонъ золотой лиры, потускнѣлъ вѣнчавшій богиню полумѣсяцъ, и только она сама оставалась неизмѣнно прекрасною и сильною; такъ же мощно и еще нѣжнѣе и довѣрчивѣе, чѣмъ прежде, обнимала ея рука плечи Флореаса; то огнемъ восторженнаго возбужденія, то туманомъ нѣги покрывались ея обращенные къ нему глаза... Они опустились въ таинственный храмъ, откуда нѣсколько часовъ тому назадъ унесъ ихъ поѣздъ дикой

охоты. Флореасъ былъ одинъ съ богиней — предъ ея опустѣлымъ жертвенникомъ-могилой. Безпокойнымъ взоромъ обвела она окрестныя вершины: въ сизыхъ облакахъ уже дрожали золото и румянецъ близкой зари... И Флореасъ въ послѣдній разъ услыхалъ голосъ богини:

— Мой день конченъ... теперь—любовь и сонъ. Когда весь міръ спитъ, встаемъ и царствуемъ мы, старые, побѣжденные боги, и умираемъ, когда живете вы... Мой день конченъ... теперь—любовь и сонъ... Приди же ко мнѣ и будь моимъ господиномъ.

Солнце роняло на землю отвѣсные лучи полдня. Флореасъ въ задумчивомъ оцѣпенѣннн сидѣлъ среди безобразныхъ грудъ разрушеннаго храма. Онъ не разбиралъ, что было съ нимъ ночью: сонъ ли ясный, какъ дѣйствительность, или дѣйствительность, похожая на сонъ. Да и не хотѣлъ разбирать. Онъ понималъ одно: что судьба его рѣшена, что никогда уже не оторваться ему отъ этого пустыннаго мѣста, одарившаго его такими страшными и очаровательными тайнами... Если даже это были только грезы, то стоило забыть для нихъ весь міръ и жить въ нихъ однѣхъ. Только бы снова мчаться сквозь сумракъ ночи въ вихрѣ дикой охоты, припавъ головою къ плечу богини, и на разсвѣтѣ снова замирать въ ея объятіяхъ сномъ, полнымъ дивныхъ видѣній. А что минувшая ночь вернется, даже тѣнь сомнѣнія не кралась въ восторженно смущенный умъ Флореаса.

Такъ, полный сладкихъ воспоминаній, въ предчувствіи близкихъ бурныхъ наслажденій ночи, сидѣлъ онъ и не замѣчалъ медленно текущаго жаркаго дня, уставивъ неподвижный взоръ на остатки жертвенника, гдѣ явилась вчера богиня.

И загадочныя буквы, растеряанныя по обломкамъ разрушенной надписи, теперь открывали ему свой ясный смыслъ, для него радостный смыслъ вѣрнаго обѣтованія:

Hic jacet Diana Dea
Inter mortuos viva
Inter vivos mortua.

«Здѣсь покоится богиня Діана, живая между мертвыми, мертвая между живыми».

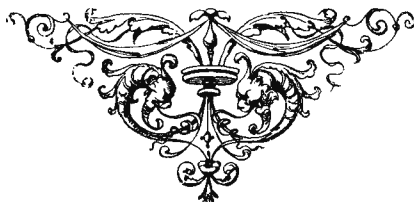
Подмастерья Флореаса, добравшись до Пизы, рассказали, какъ таинственно пропалъ ихъ хозяинъ. Не только Камайоре, но и всѣ сосѣдніе городки приняли участіе въ поискахъ за безъ вѣсти исчезнувшимъ оружейникомъ, но ихъ трудъ былъ напрасенъ. Тогда судьи добраго города Камайоре рѣшили, что Флореасъ и не думалъ пропадать, а просто его убили подмастерья и зарыли гдѣ нибудь въ пустынь. Бѣдняковъ бросили въ подземную темницу съ тѣмъ,

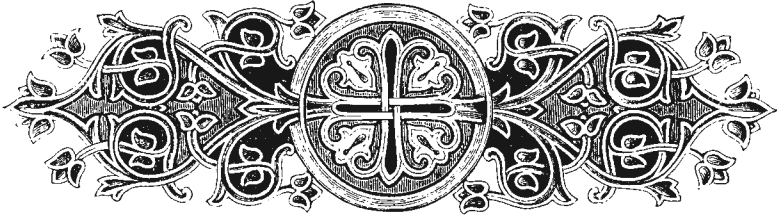
чтобы, если Флореасъ не явится въ годовой срокъ со дня своего исчезновенія, повѣсить подозрѣваемыхъ убійцъ на каменной висѣлицѣ у городскихъ воротъ. Къ счастью для невинныхъ, незадолго до конца этого срока, синьоръ Авеллано да Виареджіо, гонимая за дикимъ вепремъ, попалъ вмѣстѣ со всею своей свитой въ ту же труппу, что поглотила молодую жизнь Николая Флореаса. Пробираясь сквозь буреломъ, кустарники и скалы, охотники наткнулись на одичалаго человѣка въ рубищѣ, обросшаго волосами, съ когтями дикаго звѣря. Онъ бросился отъ людей, какъ отъ чумы; однако его догнали и схватили. Напрасно рычалъ онъ, боролся и кусался, напрасно хватался за каждый камень, за каждое дерево, когда понималъ, что его хотятъ увлечь изъ пустыни. Дикаря привезли въ Виареджіо, насильственно остригли и вымыли, и знакомые съ ужасомъ узнали въ немъ Николая Флореаса.

Пріоръ нагорной обители босоногихъ капуциновъ въ Камайоре далъ пріютъ несчастному оружейнику въ кельѣ, приставивъ къ ней двухъ дюжихъ служекъ. Но въ первую же ночь стражи, караульщики убѣжали отъ кельи, перепуганные бурнымъ вихремъ и странными голосами; невѣдомо откуда налетѣли они въ монастырскую тишь и, то рыдая, то смѣясь, звали къ себѣ Флореаса. А онъ, между тѣмъ, безумно бился въ своей кельѣ, какъ птица въ клѣткѣ, и отвѣчалъ на призывы незримыхъ друзей такими воплями, какъ будто съ него съ живого сдирали кожу. Въ слѣдующую ночь самъ пріоръ былъ свидѣтелемъ этого чуда, противъ котораго оказались бессильными и заклинательныя молитвы и святая вода. «Тогда стало ясно, что Флореасъ чародѣй, и рѣшено было, пока не надѣлалъ онъ бѣды и соблазна христіанскому міру, сжечь его, во славу Божию, по законамъ страны и церковному уставу, огнемъ, на торговой площади добраго города Камайоре, въ праздникъ Святой Троицы, послѣ обѣдни. До самаго праздника Святой Троицы жилъ Флореасъ въ монастырѣ, ночью буйствуя и пугая братію дьявольскимъ наважденіемъ, а днемъ тихій, кроткій и молчаливый. Онъ снова выучился понимать человѣческую рѣчь и изрѣдка обмѣнивался словами со своими стражами. Когда ему объявили его участь, онъ равнодушно выслушалъ приговоръ и даже улыбнулся: такова была его вѣра въ могущество помогавшаго ему бѣса. Разумъ его не всегда былъ затемненъ, и монастырскому врачу, кроткому брату Эджиціо изъ Фіэзоле, удалось выпытать у грѣшника, какъ вступилъ онъ въ союзъ съ оболстившимъ его бѣсомъ, каковой разсказъ Фра Эджиціо и записалъ смиренномудро въ монастырскій меморіалъ на страхъ и поученіе всѣмъ добрымъ христіанамъ о коварныхъ козняхъ и оболщеніяхъ неуставнаго отца всякаго грѣха и лжи, вѣчно злодѣющаго сатаны. Совершивъ откровенное признаніе, колдунъ Флореасъ сталъ хирѣть и чахнуть и умеръ въ канунъ дня Святой Троицы, назна-

ченнаго ему милосердіемъ властей, дабы онъ могъ очистить огненною смертью тяжкій грѣхъ союза съ адомъ, взятый имъ на свою душу. Но дьяволъ, коварный врагъ всякаго добраго начинанія, не допустилъ своей жертвы до спасительнаго костра и задушилъ Флореаса въ ночи, такъ что поутру стражи, пришедшіе за колдуномъ, нашли въ кельѣ только холодный трупъ его, который, по благому разсужденію пріора и городскихъ судей, былъ возложенъ на костеръ предъ очами благочестивыхъ горожанъ города Камайоре. Когда же тѣло колдуна обратилось въ пепель, внезапно, при тихой погодѣ и солнечномъ днѣ, налетѣлъ жестокій вихрь и, разметавъ костеръ, умчался въ горы, къ ужасу всѣхъ присутствующихъ господъ, дамъ и всякаго званія народа, которые не усомнились, что въ ономъ вихрѣ незримо прилеталъ за душой покойнаго Флореаса погубившій его своими обольщеніями дьяволъ».

А. Амфитеатровъ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШВАРЦЪ.

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ году минуло двадцать пять лѣтъ съ той поры, какъ смерть преждевременно унесла въ лицѣ академика исторической живописи, Вячеслава Григорьевича Шварца, одного изъ выдающихся художниковъ нашего времени. Значеніе Шварца особенно ярко выразилось послѣ его смерти. Только тогда стала сознаться вся сила его таланта и важная заслуга его передъ отечественнымъ искусствомъ.

Мы вообще рѣдко цѣнимъ своихъ талантливыхъ людей при ихъ жизни. Большинство относится равнодушно и къ памяти своихъ выдающихся современниковъ и предаётъ ихъ имена полному забвенію. Но имя Шварца оставило такой глубокой слѣдъ въ исторіи роднаго искусства, что вопреки такому равнодушію оно продолжаетъ жить и за его могилой. Двадцатипятилѣтняя годовщина со дня его смерти невольно пробудила живой интересъ къ его личности. Русская печать не только даётъ ему первенствующее мѣсто среди нашихъ художниковъ, но единогласно признаётъ его «основателемъ новѣйшей исторической живописи» и, воздавая должное его памяти, наполняется воспоминаніями о нёмъ.

Художественная дѣятельность Вячеслава Григорьевича была очень непродолжительна. Могила взяла его молодымъ, въ первомъ періодѣ разцвѣта его таланта; онъ не могъ даже оставить послѣ себя крупныхъ произведеній, но, тѣмъ не менѣе, извѣстность его росла и крѣпнела съ каждымъ годомъ. В. Г. Шварцъ былъ пер-

вый русскій художникъ, проникнувшійся міросозерцаніемъ своего народа. Онъ открылъ въ нашемъ искусствѣ новую, до него еще неизвѣданную, область самобытнаго творчества и проложилъ путь къ болѣе широкой, самостоятельной художественной дѣятельности.

Толчокъ, данный Шварцемъ, выдвинулъ цѣлый рядъ талантливыхъ художниковъ, воспріявшихъ отъ этого перваго самобытнаго художника ту необходимую самостоятельность въ искусствѣ, благодаря которой возникла новая русская историческая школа. И въ эти двадцать пять лѣтъ она выросла, развилась и заявила себя въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ.

Наша склонность къ подражанію отозвалась и на родномъ искусствѣ. Оно возникло и развилось на западно-европейской почвѣ. Педантичный классицизмъ, навѣянный намъ иноземной культурой, господствовалъ во всей своей силѣ. Рабское подражаніе ввело ту мертвящую рутину, которая погубила не одинъ талантъ. Подражаніе могло быть полезно развитію техники, но искусство не есть мертвое совершенство техники, а живое выраженіе духовной правды. Только глубокое пониманіе нашихъ историческихъ началъ, сложившихся на неопровержимыхъ историческихъ данныхъ, вмѣстѣ съ полною независимостью отъ всякихъ иноземныхъ вліяній, способно ввести наше искусство въ тотъ міръ идей и образовъ, которыми мы въ теченіе вѣковъ жили, мыслили и чувствовали.

Вячеславъ Григорьевичъ Шварцъ первый высказался въ этомъ направленіи. Съ появленіемъ въ началѣ 1860-хъ годовъ его художественныхъ произведеній наступаетъ періодъ пересозданія русской школы, возникаетъ чисто русское направленіе.

Для осуществленія такой реформы въ искусствѣ надо было имѣть, кромѣ природныхъ дарованій, и всестороннее образованіе и ту серьезную научную подготовку, которыми отличался В. Г. Шварцъ. «Художникъ мысли» стоялъ вполне на высотѣ своей великой художественной задачи. Онъ первый освободился отъ гнета рутины академическаго классицизма и, оставляя минувшему прошлому прежніе идеалы, создалъ новые, родные сердцу, идеалы русской жизни, русской мысли, и создалъ ихъ во всей ихъ цѣльности и своеобразности.

Разрушая старое направленіе, онъ изъ праха далекихъ, канувшихъ уже въ вѣчность временъ, по однимъ мертвымъ сказаніямъ, воскресилъ живую историческую дѣйствительность. Она выступаетъ въ его произведеніяхъ въ формѣ совершенно новой, своеобразной, не имѣющей ничего подобнаго со всей предшествующей художественной дѣятельностью. Съ изумительнымъ археологическимъ знаніемъ, съ глубокимъ пониманіемъ характеровъ, онъ возсоздаетъ передъ нами отдаленную эпоху до-петровской Руси, съ ея дѣйствительной жизнью, внѣшней и внутренней, обыденной обстановкой, бытовыми условіями и всѣмъ ея своеобразнымъ строемъ. Рас-

кривая духовное значеніе историческихъ событій, онъ въ то же время умѣлъ съ удивительнымъ мастерствомъ уловить національныя черты людей этой эпохи. Типъ русской исторической личности былъ несомнѣнно созданъ Шварцемъ. Такихъ типовъ не изображалъ до него ни одинъ нашъ историческій живописецъ. Это все живыя лица, созданныя его талантомъ. Такое знаменательное въ исторіи нашего искусства художественное творчество даетъ Шварцу характеръ «основателя», родоначальника русской исторической живописи.

Первый его опытъ въ этомъ родѣ былъ рисунокъ перомъ, доставившій ему, въ 1860 году, его первую отъ академіи серебряную медаль. Рисунокъ изображаетъ: «Свиданіе великаго князя Святослава съ греческимъ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ». Въ этомъ еще юношескомъ рисункѣ уже выказался своеобразный талантъ Шварца. Въ художественной его дѣятельности рисунокъ этотъ имѣлъ большое значеніе. Онъ былъ первымъ его шагомъ въ томъ историческомъ направленіи, которое впоследствии стало его главной задачей. Въ томъ же году онъ сдѣлалъ еще два рисунка перомъ: «Взятіе Пскова» и «Взятіе Казани». За послѣдній на третьемъ академическомъ экзаменѣ получилъ еще одну серебряную медаль. Вслѣдъ за тѣмъ онъ исполнилъ картонъ чернымъ и бѣлымъ карандашемъ: «Въѣздъ князя Скопина-Шуйскаго и Делагарди въ Москву послѣ побѣды надъ Самозванцемъ». Это былъ первый его опытъ картины большаго размѣра. Картонъ исполненъ очень характерно, и въ немъ уже видно серьезное знаніе нашей старины. Академія дала за него малую серебряную медаль.

Въ 1861 году Шварцъ исполнилъ большой картонъ углемъ въ натуральную величину: «Іоаннъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына». Это произведеніе можно считать однимъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ его произведеній. Въ немъ онъ проявилъ свой талантъ во всей полнотѣ и силѣ. Вотъ что говоритъ В. В. Стасовъ объ этомъ картонѣ¹⁾: «Подобной великой задачи, исторической и душевной, не смѣлъ и не умѣлъ взять ни одинъ нашъ живописецъ раньше Шварца. Да и ни одинъ изъ его предшественниковъ у насъ и не совладалъ бы съ нею, еслибъ даже ктонибудь и натолкнулъ его на такую задачу. «Іоаннъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына» картонъ 22-хъ-лѣтняго Шварца—достойный pendant къ сценѣ 26-ти-лѣтняго Пушкина въ его «Борисѣ Годуновѣ», гдѣ замученный совѣстью убійца Дмитрія-царевича является передъ зрителемъ во всемъ ужасѣ своей души, во всей беспомощности сложенной вдругъ дикой силы. Далѣе В. В. Стасовъ говоритъ: «Я думаю, какъ отъ «Свѣжаго кавалера» Фодотова пошла наша бытовая живопись, такъ отъ «Ивана Грознаго» Шварца пошла наша настоящая историческая живопись».

¹⁾ Вѣстникъ изящныхъ искусствъ, 1884 г., т. II, стр. 12.

Въ своемъ отзывѣ В. В. Стасовъ сдѣлалъ вполне справедливую оцѣнку одного изъ глубочайшихъ по мысли и своеобразныхъ по характеру созданий въ области художества.

Картонъ «Іоаннъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына» производитъ потрясающее впечатлѣніе. Съ чуткостью психолога Шварцъ изобразилъ въ немъ тотъ захватывающій душу драматическій моментъ, когда предъ бездыханной жертвой роковаго безумія, въ мрачной тишинѣ безмятежнаго спокойствія смерти, возникаетъ въ памяти царя кровавое событіе во всей ужасающей силѣ, и подъ гнетомъ мучительныхъ угрызений и навѣки разрушенной надежды смирились всѣ необузданныя страсти жестокой и властной, доселѣ ничѣмъ не сокрушимой, души. Это Грозный, страдающій всѣмъ существомъ своимъ, безмолвно поникнувшій головой въ покорномъ безсиліи, угнетенный, удрученный, подавленный. Это картина воплощеннаго мученія, отчаянія души и страшнаго, потрясающаго, безысходнаго горя.

Художникъ-психологъ въ своемъ совершеннѣйшемъ созданіи по правдивому реализму драмы передалъ то, что не можетъ выразить слово. Картонъ этотъ имѣлъ громаднѣйшій успѣхъ. Академическій совѣтъ присудилъ за него первую серебряную медаль. Имя Шварца сразу получило популярность и стало гремѣть въ художественномъ мѣрѣ. Молодому творцу этого картона предвѣщали блестящую будущность. Сильное впечатлѣніе произвело это произведение и на тогдашняго президента академіи художествъ — великую княгиню Марію Николаевну. По ея желанію картонъ былъ привезенъ къ ней во дворецъ и находился тамъ цѣлый мѣсяць.

«Іоаннъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына», кромѣ художественнаго достоинства, имѣетъ еще другое важное значеніе, по которому долженъ занять выдающееся мѣсто въ исторіи русскаго искусства. Картонъ этотъ положилъ начало новой эры въ нашемъ искусствѣ, далъ ему новое направленіе. Подъ вліяніемъ «Іоанна Грознаго у тѣла убитаго сына» стала развиваться наша историческая живопись. Шварцъ, первый изобразивъ Іоанна IV, создалъ типъ Грознаго, который съ тѣхъ поръ копировался и изображался въ скульптурѣ и живописи.

Въ 1862 году Шварцъ написалъ свою первую масляными красками картину, на тотъ же сюжетъ съ вышеупомянутымъ картономъ, но въ значительно меньшемъ размѣрѣ. Но эта картина, въ сравненіи съ прежнимъ картономъ, казалась неудовлетворительною. Въ композиціи многое было измѣнено къ худшему, вслѣдствіе чего и утратилось прежнее глубоко-потрашающее впечатлѣніе. Къ тому же она была не колоритна. Однако, не смотря на это, академія дала ему за нее вторую серебряную медаль. Шварцъ самъ былъ недоволенъ этой картиной, долго послѣ нея не принимался за краски и сталъ преимущественно рисовать перомъ.

Къ этому времени (1862—1863 гг.) относятся его 5 рисунковъ къ «Пѣснѣ про купца Калашникова», Лермонтова, и 4 рисунка къ роману графа А. Толстаго «Князь Серебряный». Рисунки къ «Пѣснѣ про купца Калашникова» живописны болѣе по внѣшней обстановкѣ, чѣмъ по внутреннему содержанию. Вся внѣшняя обстановка, какъ-то: архитектура, костюмы, мебель, утварь, представляетъ результатъ серьезнаго изученія нашей археологіи, но по композиціи они не представляютъ той характерности типовъ, которой такъ отличались произведенія Шварца, за исключеніемъ Іоанна Грознаго, который у него всегда типиченъ. Но за то рисунки къ «Князю Серебряному» выполнены съ замѣчательнымъ совершенствомъ, они полны характерности и исторической правды.

Къ періоду 1864—1865 годовъ принадлежатъ слѣдующія произведенія Шварца: картины: «Баянъ съ гуслими», «Царь Алексѣй Михайловичъ, играющій въ шахматы», «Воевода временъ царя Алексѣя Михайловича», «Поцѣлуй» и «Угощеніе боярина» изъ романа графа А. Толстаго «Князь Серебряный», и рисунки перомъ: «Стрѣлецъ XVI вѣка» и «Іоаннъ Грозный и посолъ іезуитъ Антоній Поссевинъ». Между упомянутыми произведеніями, къ числу выдающихся принадлежатъ: «Царь Алексѣй Михайловичъ, играющій въ шахматы», «Стрѣлецъ XVI вѣка» и «Воевода временъ царя Алексѣя Михайловича». Въ этихъ картинахъ, не говоря уже о замѣчательной исторической вѣрности, выполнено все: лица, фигуры, внѣшняя обстановка, а равно и колоритъ, съ удивительнымъ мастерствомъ.

Въ 1865 г., на осенней академической выставкѣ, Шварцъ выставилъ картину «Вербное шествіе патріарха на осляти, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ», за которую академія дала ему званіе академика. Эта картина въ высшей степени живописна, колоритна и характерна. Знаніе старины доведено въ ней до такого совершенства, что по одному этому ее можно причислить къ числу лучшихъ произведеній Шварца. Однако, не смотря на это, не смотря на то почетное отличіе, которое онъ заслужилъ отъ академіи, эта картина вызвала критику. Находили, что она не составляетъ истинной силы характерности таланта Шварца, что нѣтъ въ ней типовъ, которые были бы дѣйствительно народны, что позы и движенія какъ-то элегантны и изящны поевропейски и не соответствуютъ старой Руси XVII вѣка. Это приписывалось вліянію его годоваго пребыванія въ Парижѣ. Но такое сужденіе болѣе воображаемое, чѣмъ основательное. Никакого особеннаго изящества, ни элегантности въ изображенныхъ Шварцемъ типахъ быть не могло, такъ какъ всѣ типы до одинаго человѣка взяты съ природы: это все портреты крестьянъ, дьячковъ, кучеровъ Рязанской губерніи, Сапожковскаго уѣзда, типы именно той мѣстности, гдѣ Шварцъ писалъ свою картину. Слѣдовательно, одно это уже опровергаетъ такую критику.

В. Шварцъ

Вячеславъ Григорьевичъ Шварцъ.

Нельзя по поводу этого не вспомнить и подлинныхъ словъ Шварца, въ доказательство того, какъ строго онъ самъ придерживался характерности изображаемыхъ типовъ: «Какъ бы ни былъ вѣренъ костюмъ данной эпохи,—говорилъ онъ,—какъ бы удачно ни былъ выбранъ типъ, все-таки этого еще мало. Есть еще нѣчто болѣе важное. Надо передать движеніе, свойственное эпохѣ. Въ данный моментъ при одинаковыхъ условіяхъ, люди одного и того же сословія, но различныхъ эпохъ, выражаютъ иными движеніями свои душевныя ощущенія». Въ своей теоріи Шварцъ шелъ еще далѣе;

онъ увѣрялъ: «что даже складки одежды обуславливаются нашими движеніями и должны носить на себѣ характеръ эпохи, такъ что еслибъ теперь стали вдругъ снова носить костюмъ, положимъ, XV вѣка, онъ бы на насъ сидѣлъ иначе, чѣмъ на людяхъ того времени. Задача художника вжиться въ ту среду, обобщиться съ людьми того міра, сдѣлаться ихъ современниками, жить ихъ жизнью».

Такъ смотрѣлъ Шварцъ на задачу художника, и такой взглядъ всегда руководилъ имъ въ его работѣ. Только такое глубоко-серьезное отношеніе къ дѣлу могло создать ту «историчность» и ту до него еще неизвѣстную характерность народныхъ типовъ.

Въ 1866 году В. Г. исполнилъ, по просьбѣ графа А. Толстаго, съ которымъ былъ очень друженъ, цѣлую серію рисунковъ акварелью русскихъ типовъ историческихъ личностей, эпохи Іоанна Грознаго, для постановки на сцену трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго». Графъ А. Толстой, упросивъ Шварца нарисовать типы и костюмы для своей пьесы, хорошо зналъ, что ни одинъ художникъ, кромѣ него, не могъ исполнить эту задачу, такъ какъ въ то время ни одинъ изъ нихъ такъ глубоко не изучалъ нашей старины, какъ Шварцъ.

Къ этому времени относится его маленькая, но прекрасно исполненная картина «Схимники».

Въ томъ же году Шварцъ написалъ еще слѣдующія, выдающіяся по композиціи и колориту, историческія картины: «Русскій посолъ при дворѣ германскаго императора въ XVI вѣкѣ» и «Гольштинскіе послы Крузіусъ и Бруггманъ въ посольскомъ приказѣ». Въ этой послѣдней Шварцъ очень мѣтко характеризуетъ наши тогдашнія политическія сношенія съ Западомъ. Въ противопоставленіи двухъ столь несхожихъ міровъ онъ съ большимъ талантомъ обрисовываетъ рѣзкое отличіе древней Руси отъ цивилизованной Европы. По исторической правдивости и психологической глубинѣ эта картина считается однимъ изъ лучшихъ произведеній всей русской школы. На всемірной выставкѣ въ Парижѣ международное жюри присудило за нее Шварцу золотую медаль. Затѣмъ онъ сдѣлалъ прелестный рисунокъ перомъ къ «Слову о полку Игоревѣ» «Плачь Ярославны». Фигура Ярославны, сидящей на забралѣ стѣны крѣпости и задумчиво устремившей свой взоръ вдаль, въ высшей степени поэтична.

Въ 1869 году Шварцъ написалъ маленькую картину «Патріархъ Никонъ въ Новомъ Іерусалимѣ». Это произведеніе принадлежитъ ко времени пребыванія В. Г. въ Парижѣ. Познакомившись тамъ съ Мессонье, онъ часто посѣщалъ его мастерскую и всматривался въ его работу, такъ что по колоритности и удивительно тонкой обработкѣ эта картина явно свидѣтельствуетъ о влияніи Мессонье. Но что касается ея содержанія и характерности, то Шварцъ

остался все тѣмъ же самостоятельнымъ художникомъ, независимымъ отъ всякаго посторонняго вліянія.

Въ 1868 году онъ сдѣлалъ два рисунка перомъ «Обрядъ поднесенія перчатки Иоанну Грозному на соколиной охотѣ» и «Нареченіе царской невѣсты». Рисунки отличаются удачной группировкой и глубокимъ пониманіемъ древняго строя русской жизни. Затѣмъ онъ написалъ маленькую картину «Гонецъ XVI вѣка»; по концепціи, колоритности и тщательной отдѣлкѣ, она считается настоящимъ совершенствомъ. Въ концѣ этого же года Шварцъ написалъ свою послѣднюю картину «Царскій поѣздъ на богомолье во времена царя Алексѣя Михайловича». Это произведеніе замѣчательно во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по серьезному знанію старины и національнаго характера, вѣрной передачѣ природы, такъ и по высокому мастерству исполненія. Академія дала ему за него званіе почетнаго вольнаго общника.

В. Г. постоянно желалъ написать еще двѣ картины большаго размѣра: одну, въ натуральную величину, на любимый имъ сюжетъ «Иоаннъ Грозный у тѣла убитаго сына», а другую на сюжетъ, относящійся къ эпохѣ борьбы Великаго Новгорода за свои права и вольности. Онъ предполагалъ изобразить одно изъ буйныхъ сборищъ на вѣчевой площади, предшествовавшихъ паденію Новгорода. Къ сожалѣнію, этому намѣренію В. Г. не суждено было сбыться.

Кромѣ вышеупомянутыхъ картинъ и рисунковъ, исполненныхъ имъ, онъ сдѣлалъ и многіе другіе на разные сюжеты. Шварцъ вообще былъ очень разнообразенъ въ своихъ произведеніяхъ. Тонкая наблюдательность позволяла ему бѣглыми штрихами схватывать на лету случайныя сцены и мимоходные типы и изображать ихъ съ такою правдою и глубиною, что, судя по многимъ его рисункамъ, можно было даже заключить, что изъ него выйдетъ крупный художникъ жанристъ.

Лучшими его произведеніями на разные другіе сюжеты были слѣдующія: «Лагерь Валленштейна» (Шиллера). Это его первый рисунокъ перомъ, исполненный 1858 г. еще во время его пребыванія въ лицей. Съ большимъ юморомъ изобразилъ онъ въ немъ тотъ комическій моментъ, когда въ лагерь, въ самый разгаръ оргіи, является толстый капуцинъ проповѣдникъ. Въ этомъ почти что дѣтскомъ рисункѣ видны уже задатки несомнѣннаго таланта. Въ 1859 г. онъ сдѣлалъ рисунокъ карандашомъ «Демонъ» и рисунокъ перомъ къ поэмѣ «Валерикъ» (Лермонтова), представляющей лежащаго подъ тѣнью дуба убитаго капитана, и рисунокъ перомъ «Явленіе статуи командора Донъ-Жуану», затѣмъ въ 1860 г. рисунокъ перомъ большаго размѣра «Сонъ графа Эгмонда передъ казнію». Рисунокъ представляетъ спящаго въ темницѣ гр. Эгмонда. Надъ нимъ въ туманномъ облакѣ являются эшафотъ и фигура генія

съ лавровымъ вѣнкомъ въ рукахъ, для возложенія на голову осужденнаго. Затѣмъ нѣсколько жанровыхъ рисунковъ перомъ: «Лишеніе свободы» (будочникъ, ведущій мазурика), «Крестьянинъ съ лошадыю», «Именитое дворянство» и «Государственные мужи».

Въ 1861 г. Шварцъ нарисовалъ углемъ очень большого размѣра картонъ (5 арш. вышины и 8 длины) совершенно противоположнаго характера сравнительно съ предшествовавшими его произведеніями. Картонъ былъ исполненъ на сюжетъ изъ Фауста, Гёте: «Вальпургіева ночь». Такое отступленіе отъ историческаго направленія было слѣдствіемъ вліянія Каульбаха, подъ обаяніемъ котораго онъ въ время находилса, сильно увлекаясь его аллегорическимъ и символическимъ идеализмомъ. Картонъ блисталъ остроуміемъ, прекрасной группировкой и смѣлостью фантазіи. Но такое вліяніе было лишь временное; послѣ этого картона Шварцъ никогда болѣе не брался за фантастическіе сюжеты. Въ публикѣ это произведеніе возбудило большой интересъ, такъ какъ Шварцъ по склонности своей къ сатирѣ помѣстилъ въ числѣ вѣдѣмъ и гномовъ портреты нѣкоторыхъ лицъ петербургскаго высшаго круга. Картонъ этотъ ему пришлось рисовать у одного своего родственника, князя Гр. Ник. Вяземскаго, такъ какъ его мастерская, всегда загроможденная, не вмѣщала картона такого размѣра. Вяземскій предложилъ ему свою залу, которая и преобразилась въ мастерскую. Во время работы В. Г. сильно надобѣдали посѣтителі, въ особенности тетка князя, столь извѣстная въ то время 90-лѣтняя графиня Марія Григорьевна Разумовская. Она постоянно сидѣла въ его мастерской, бесѣдуя съ нимъ. Тогда Шварцъ, по совѣту Вяземскаго, рѣшился изобразить ее въ образѣ старой вѣдьмы, верхомъ скачущей на метлѣ. Картонъ былъ вполнѣ удаченъ, очень понравился великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ и былъ по ея желанію выставленъ въ ея дворцѣ. Великая княгиня въ то же время потребовала къ себѣ автора этого произведенія. Сходство графини Разумовской было такъ поразительно, что великая княгиня стала убѣждать Шварца нѣсколько передѣлать лицо графини. Она просила такъ убѣдительно, что Шварцъ, покоряясь ея волѣ, тутъ же при ней нѣсколькими штрихами измѣнилъ сходство.

Въ періодъ 1862—1865 гг. были имъ сдѣланы: рисунокъ перомъ «Большой выходъ за обѣдней», «Суворовъ въ Сенъ-Бернардскомъ монастырѣ» (акварель), «Даніиль-Паломникъ представляется королю Балдуину I въ Іерусалимѣ». Съ этого рисунка были сдѣланы въ Парижѣ фотографическіе снимки, которые были приложены къ экземплярамъ изданія А. С. Норова «Путешествіе игумена Даніила по Святой Землѣ». Затѣмъ слѣдовали «Манфредъ, смотрящій въ окно на закатъ солнца» (акварель), «Заброшенное кладбище» (сепія), «Католическій патеръ верхомъ на ослѣ» (рисунокъ перомъ), «Русланъ и голова» (маленькая картина масля-

Иоаннъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына.
Съ рисунка Шварца копія перомъ А. П. Рабушкина.

ными красками), «Австріецъ, пруссакъ и баварецъ» (масляными красками), «Инвалидъ» (рисунокъ перомъ).

Самымъ лучшимъ и талантливымъ произведеніемъ по части жанра былъ его путевой альбомъ, наполненный тщательно отдѣланными рисунками перомъ. Во время своихъ путешествій онъ наблюдалъ типы и рисовалъ ихъ съ натуры и на память. Этотъ интересный альбомъ полонъ юмора и комизма. Въ немъ можно видѣть типы германскіе, русскіе и типы нашего Западнаго края. Къ числу выдающихся рисунковъ принадлежатъ: «Нѣмецкій чиновникъ и его супруга», «Австрійскій офицеръ», «Католическая исповѣдь», «Еврейскій концертъ», «Три еврея», «Еврейскій мудрецъ», «Динабургскій помѣщикъ», «Монахъ съ кружкой», «Банкометы» (типы русскихъ офицеровъ), «Панихида на православномъ кладбищѣ».

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ произведеніи Шварца совсѣмъ только въ другомъ родѣ. Это рисунокъ медали, которая была выбита въ память 50-ти-лѣтія Александровскаго лицея (19-го октября 1861 г.). Медаль отличалась простотой и своеобразностью. На одной сторонѣ былъ изображенъ портретъ основателя лицея, императора Александра I, со стихомъ Пушкина «Онъ создалъ нашъ лицей», а на другой сторонѣ гербъ лицея. Проектъ этой медали оставался почему-то долго неутвержденнымъ.

Всѣ эти разнообразныя произведенія Шварца явно свидѣтельствуютъ, съ какою серьезностью и добросовѣстностью онъ всегда относился къ искусству. Въ своихъ бытовыхъ сценахъ современной жизни онъ не ограничивается только изображеніемъ обычаевъ и обстановки, а выясняетъ нравственный обликъ каждой личности. Трудно найти такое правдивое и вмѣстѣ съ тѣмъ такое художественное воплощеніе типовъ. Но чѣмъ выше художникъ, тѣмъ глубже правда его изображеній.

Не многіе люди были такъ богато одарены природой, какъ Вячеславъ Григорьевичъ. Независимо отъ своего художественнаго таланта, онъ былъ и человѣкомъ, выдающимся во многихъ отношеніяхъ. Такіе люди невольно возбуждаютъ интересъ къ своей личности, и жизнь ихъ должна быть изложена среди всей полноты окружавшихъ ихъ условій, обстоятельствъ и причинъ, среди которыхъ они росли и воспитывались. Нижеслѣдующій біографическій очеркъ Шварца укажетъ на тѣ причины и вліянія, въ силу которыхъ выработался въ немъ не только первоклассный художникъ, но и личность, выходящая изъ ряда обыкновенныхъ.

Вячеславъ Григорьевичъ Шварцъ родился въ г. Курскѣ 22 сентября 1839 года. Отецъ его былъ извѣстный боевой генералъ Григорій Ефимовичъ Шварцъ, ветеранъ двѣнадцатаго года, прославившійся впоследствии своими военными подвигами на Кавказѣ. Онъ первый проникъ въ самыя нѣдра горъ южнаго Дагестана, гдѣ до него

не ступала еще русская нога, затѣмъ разбилъ на голову одного изъ нашихъ въ то время опаснѣйшихъ враговъ, Элисуйскаго султана, и взялъ его въ плѣнъ. Шварцы по происхожденію — датчани. Родъ ихъ, бывшій болѣе двухъ сотъ лѣтъ въ Россіи, принадлежалъ къ православному исповѣданію.

Первые дѣтскіе годы В. Г. провелъ на Кавказѣ, въ Джаро-Бѣлоканскомъ военномъ округѣ, которымъ въ то время командовалъ его отецъ. Дикая, фантастическая красота природы Кавказа и постоянныя драматическія сцены борьбы русскихъ съ горцами не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на воспримчивую душу ребенка, лично пережившаго не только осаду крѣпости Закаталы, въ которой жила его семья, но и нѣкоторые кровавые эпизоды этой непрерывной борьбы.

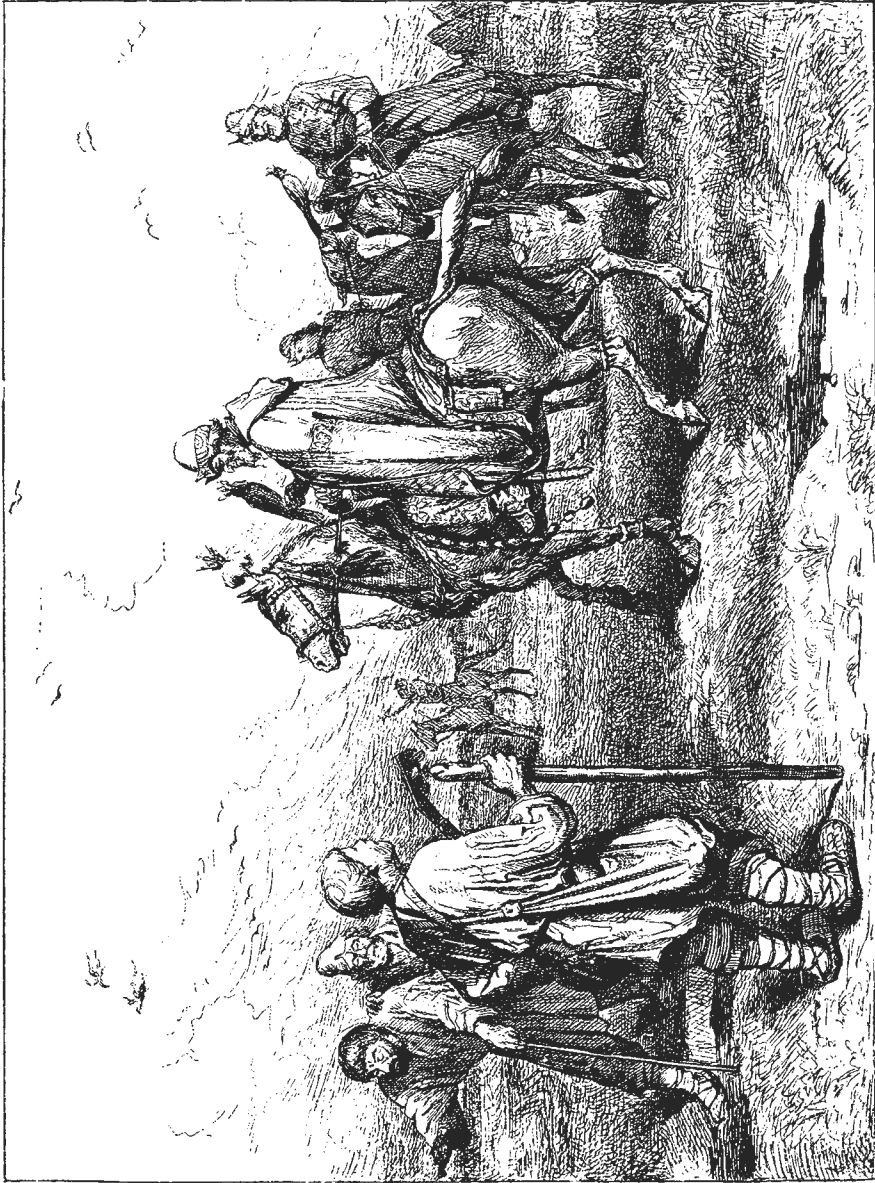
Любовь къ рисованью пробудилась въ немъ необыкновенно рано. Трехлѣтнимъ мальчикомъ онъ уже чертилъ разныя фигуры мѣломъ. Шести лѣтъ онъ бойко владѣлъ карандашемъ и набрасывалъ сцены всего видѣннаго и пережитаго имъ. Военный элементъ, окружавшій его, а равно и жизнь среди столькихъ тревогъ и опасностей всецѣло отразились въ его дѣтскихъ рисункахъ, изображавшихъ преимущественно сцены изъ военной, боевой жизни.

На Кавказѣ В. Г. пробылъ до восьмилѣтняго возраста. Серьезное воспитаніе въ этой дикой странѣ было невысказано, и семья его переѣхала въ Москву. Здѣсь вмѣстѣ съ другими занятіями В. Г. началъ учиться рисовать. Его первымъ учителемъ состоялъ бывшій ученикъ московской рисовальной школы С. Щеголевъ. Но эти уроки продолжались не болѣе года; семья его переѣхала въ деревню въ село Бѣлый-Колодезь, Курской губерніи. Въ деревнѣ воспитаніе В. Г. велось съ строгою послѣдовательностью при самыхъ благоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Большое вниманіе было обращено на его умственное и нравственное развитіе, но что касается рисованія, то въ этомъ онъ былъ предоставленъ самому себѣ и могъ только предаваться своему любимому занятію въ свободное отъ уроковъ время. Внѣшняя обстановка въ деревнѣ не мало содѣйствовала развитію его художественнаго инстинкта. Въ большомъ домѣ была обширная картинная галерея старинныхъ иностранныхъ художниковъ. Въ этой коллекціи находились картины: Рубенса, Фіаминго Монтигорста фонъ-деръ-Лейса, Теньера, Мюшера, Лессюера, Бридоля, Гаккеля, Бургинена. Такая художественная обстановка придавала всему дому совершенно своеобразный, артистическій характеръ. Воспитаніе и та среда, въ которой росъ Шварцъ, вполне соотвѣтствовали его природнымъ дарованіямъ.

В. Г. былъ общимъ любимцемъ. Нельзя было не любить этого умнаго, кроткаго, не по лѣтамъ серьезнаго мальчика. Онъ былъ какимъ-то исключительнымъ ребенкомъ. Не любилъ дѣтскихъ игръ, никогда не шалилъ и не рѣзвился, и былъ всегда задумчивый и

сосредоточенный. Домъ былъ всегда полонъ учителями и гувернантками разныхъ національностей, такъ что 10 лѣтъ Шварцъ уже хорошо владѣлъ языками: нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ, впослѣдствіи изучилъ и итальянскій. Способность къ наукамъ у него была замѣчательная и къ тому необыкновенная память. Все давалось ему легко. Надворъ же за нимъ и за его братомъ Юліемъ, который былъ моложе его на два года, исключительно былъ поручень пожилой англичанкѣ, miss Кордъ. Воспитательница эта представляла собою совершенно особенный типъ. Всегда невозмутимо спокойная, она, казалось, никогда ничего не принимала къ сердцу, точно всѣ человѣческія чувства уже замерли въ ней при самомъ ея рожденіи. Хладнокровіе ея нарушалось только тогда, когда она занималась своимъ любимцемъ Вячеславомъ. Одинъ онъ могъ вызвать улыбку на ея безжизненномъ лицѣ. На свои обязанности она смотрѣла, какъ на святыню, вообще смотрѣла такъ и на всякую обязанность и внушала такія же понятія своему воспитаннику. Дѣло воспитанія исполнялось ею какъ-то систематически, съ какимъ-то торжественнымъ величіемъ, точно священнодѣйствіе. Невозмутимое спокойствіе ея характера невольно сообщилось В. Г. Онъ никогда въ жизни не сердился и не волновался. Товарищемъ его дѣтства былъ его братъ Юлій, который являлся во всѣхъ отношеніяхъ совершеннѣйшимъ съ нимъ контрастомъ. Но, не смотря на такую противоположность характера, самая нѣжная дружба соединяла двухъ братьевъ, они были неразлучны. В. Г. всегда забавляли выходы рѣзваго и живаго брата, но онъ никогда не принималъ участія въ его шалостяхъ и всегда былъ его заступникомъ.

Въ праздничные и воскресные дни В. Г. постоянно рисовалъ и дѣлалъ копіи съ картинъ, преимущественно съ батальныхъ, а именно: съ Гаккеля, Бридоля, Бургинена. Во время рисованія англичанка, miss Кордъ, читала ему всегда въ слухъ, большею частью сочиненія историческія и англійскіе классиковъ, такъ что В. Г. очень рано ознакомился съ англійской литературой. Отецъ его поддерживалъ въ немъ вкусъ къ рисованію. Онъ самъ писалъ масляными красками и былъ знаткомъ и любителемъ изящныхъ искусствъ. Отецъ В. Г. былъ очень своеобразною, типическою личностью; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые вполне, забывая свое собственное «я», съ полнымъ самоотверженіемъ посвящаютъ свою жизнь отечеству. Онъ былъ фанатикъ въ отношеніи долга и обязанностей. Такое сознаніе долга уже съ дѣтскихъ лѣтъ вкоренилось въ понятія В. Г. и въ продолженіе всей его жизни у него долгъ и обязанности стояли всегда на первомъ планѣ. Характеръ челоѣка есть результатъ воспитанія. А воспитаніе В. Г., подъ руководствомъ его умной, кроткой матери, въ той серьезной средѣ, въ которой онъ росъ, не могло не имѣть вліянія на всю послѣдующую его жизнь. При такихъ условіяхъ, въ мир-

Иоаннъ Грозный на соколиной охотѣ.

Съ рисунка Шварца (къ роману «Князь Серебряный») коня перою А. П. Рабушкина.

ной, серьезной семьѣ, среди художественной обстановки и деревенской ненарушимой тишины, тихо и безмятежно протекли отроческіе годы Вячеслава Григорьевича.

Въ 1853 году В. Г. Шварцъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Императорскій Александровскій лицей. Еще въ 1847 году, послѣ взятія генераломъ Шварцемъ Элису и плѣненія султана, его сыновья Вячеславъ и Юлій были пожалованы въ пажи. Но В. Г. въ пажескій корпусъ не поступилъ. Родители, желая дать старшему сыну гражданское образованіе, помѣстили его въ лицей. Въ лицей онъ поступилъ отлично подготовленнымъ и въ продолженіе шестилѣтняго курса все время былъ первымъ ученикомъ и кончилъ курсъ въ 1859 г. XXIII выпускомъ, съ первою золотою медалью.

По отзывамъ лицейскихъ товарищей, Шварцъ былъ любимъ и уважаемъ всѣмъ своимъ классомъ безъ исключенія, любимъ и начальствомъ, у котораго всегда былъ на хорошемъ счету. Шварцъ очень скромно относился къ своимъ успѣхамъ. Со всѣми товарищами былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Характера былъ тихаго. Вспышекъ и страстей никогда никто не видалъ у него. Держалъ себя независимо. Когда классомъ заявлялось требованіе объясненія съ начальствомъ, онъ всегда попадалъ въ депутаты, и никогда отъ этого не отказывался, хотя подобныя объясненія могли повлечь за собой и непріятныя послѣдствія. Шварцъ былъ вообще мало сообщителенъ и весь уходилъ въ самого себя. Игръ и развлеченій онъ не любилъ. Памятью отличался почти баснословной. Прочитавъ страницу изъ любой книги, онъ могъ слово въ слово повторить ее наизусть. Въ лицейѣ тоже приходилось ему мало заниматься рисованьемъ. Хотя рисованье и входило въ лицейскій курсъ, но образовательнымъ предметомъ оно не считалось, и ему придавали мало значенія. Учителемъ рисованья былъ въ то время г. Васильевскій. Когда Васильевскій въ первый разъ пришелъ въ классъ, и Шварцъ показалъ ему свои рисунки, сдѣланные имъ въ деревнѣ, нѣсколько сценъ изъ военной жизни Кавказа, карандашемъ, и большую акварель Ев. Луки, копію съ картины изъ лекціи его отца, то у Васильевского тутъ же вырвались пророческія слова: «Дорогой мой, Богъ далъ вамъ талантъ, и право не лгу, большой онъ будетъ, только, миленькій мой, учитесь!»—и съ тѣхъ поръ Васильевскій всегда относился къ Шварцу съ какой-то трогательною нѣжностью. Въ третьемъ классѣ рисованье уже не преподавалось, и В. Г. приходилось рисовать урывками; часто рисовалъ онъ даже во время класса, вмѣсто того, чтобы записывать лекціи. Слушая профессоровъ, онъ иной разъ иллюстрировалъ лекціи гражданскаго и полицейскаго права или дѣлалъ портреты профессоровъ. Рисуя часто во время класса, Шварцъ привыкъ рисовать перомъ. Въ рисункахъ этихъ былъ отбѣнокъ сатиры, нѣкоторые были очень комичны. Многие его такіе рисунки были под-

несены покойному наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу профессоромъ Мюнцловомъ, преподававшимъ нѣмецкій языкъ въ лицей и наслѣднику цесаревичу. Лѣтомъ, во время вакацій В. Г. всякій годъ ѣздилъ въ деревню, въ Курскую губернію. Тамъ онъ могъ вполне предаваться своему любимому занятію. Онъ рисовалъ съ натуры сельскіе виды и дѣлалъ портреты крестьянъ и сосѣдей.

Лицейскіе годы В. Г. были омрачены смертью его брата Юлія, умершаго въ Пажескомъ корпусѣ отъ кори. Утрата этого веселаго товарища дѣтства глубоко потрясла его, онъ съ горя заболѣлъ и долго не могъ оправиться.

Въ послѣдній годъ своего пребыванія въ лицей Шварцъ сталъ брать первые уроки живописи у нашего талантливаго пейзажиста А. И. Мещерскаго. Мещерскій рассказываетъ: «въ эту пору Шварцъ рѣшительно ничего другаго не имѣлъ въ виду по части живописи, какъ сдѣлаться баталистомъ. Былъ очень трудолюбивъ, много рисовалъ съ натуры, и человѣческія фигуры ему всегда удавались, но пейзажъ сильно хромалъ». Вотъ почему Шварцъ и ухватился за представившійся случай брать уроки у пейзажиста. Его первыми произведеніями масляными красками были: эпизодъ изъ побѣды Наполеона I подъ Маренго и видъ Финляндіи. Занятія его съ А. И. Мещерскимъ продолжались только нѣсколько мѣсяцевъ.

По окончаніи лицейскаго курса В. Г. поступилъ на службу съ чиномъ IX класса въ I-е отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, кавказскаго и сибирскаго комитета. Родители Шварца, никогда не готовившіе его въ художники, желали, чтобы онъ служилъ. Въ то время никто и не воображалъ, что онъ будетъ когда нибудь художникомъ. Исполняя волю родителей, В. Г. сталъ служить, но не чувствовалъ никакого призванія къ канцелярскому труду. М. С. Кахановъ (нынѣ статсъ-секретарь) былъ тогда секретаремъ кавказскаго комитета. Онъ говорилъ: «хотя Шварцъ и не чувствовалъ призванія къ бумажному труду, но былъ одаренъ большимъ запасомъ добросовѣстности во всемъ, что дѣлалъ, потому въ канцеляріи нашей онъ всегда въ точности исполнялъ возлагавшіяся на него занятія, посвящая, конечно, главнѣйшимъ образомъ свое время искусству, и мастерская его въ Шпалерной улицѣ видѣла его, конечно, чаще, чѣмъ наша канцелярія. Самъ онъ былъ въ высшей степени скромный и рассчитывалъ больше на усидчивый трудъ, чѣмъ на дарованіе, которое мы ясно видѣли въ немъ».

Изъ этого можно заключить, что служебная карьера не составляла главной задачи его жизни. Одновременно со службой Шварцъ, не удовлетворяясь лицейскимъ образованіемъ, поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ въ качествѣ вольнаго слушателя на историко-филологическій факультетъ и сталъ изучать персидскій и арабскій языки. Но, кромѣ посѣщенія этихъ лекцій, онъ

слушалъ и лекціи Костомарова, которыми очень интересовался. Эти лекціи производили на него сильное впечатлѣніе; подъ влияніемъ ихъ совершился цѣлый переворотъ въ образѣ его мыслей. Въ эту пору онъ уже начинаетъ рисовать типы людей XVI и XVII вѣка. Познакомившись съ Костомаровымъ, онъ часто видѣлся съ нимъ. Костомарову нравились рисунки Шварца, и онъ очень сочувственно относился къ нему. Но не одно только научное развитіе поглощало тогда все его время, его художественная натура влекла его къ артистической дѣятельности, и въ 1860 году онъ поступаетъ въ академію художествъ. Предварительно онъ отправился къ ректору академіи Э. А. Бруни, который, принявъ его за диллетанта, отнесся къ нему холодно и сухо. Но когда Шварцъ, вмѣстѣ съ своими документами, представилъ ему свой лицейскій рисунокъ перомъ «Лагерь Валленштейна», Бруни сейчасъ же перемѣнилъ тонъ. Истинный художникъ тутъ же усмотрѣлъ въ этомъ юношескомъ произведеніи задатки большого таланта. Впослѣдствіи самая искренняя дружба соединяла ихъ. Все еще оставаясь вѣрнымъ первоначальнымъ впечатлѣніемъ своего дѣтства, такъ глубоко запечатлѣвшимся въ его душѣ, онъ не покидалъ мечты сдѣлаться баталистомъ и съ этою цѣлью, при поступленіи въ академію художествъ, записался въ число учениковъ профессора Виллевалда, въ то время перваго нашего баталиста. Но, не смотря на это влеченіе къ батальной живописи, Шварцъ не сдѣлалъ ни одной баталической картины. По поступленіи въ академію его образъ мыслей тутъ же принялъ совершенно иное настроеніе. Баталическое увлеченіе утратило свое прежнее обаяніе, и въ немъ стало пробуждаться то историческое направленіе, которое съ такою могучею жизнью высказалось въ его послѣдующей художественной дѣятельности. Этой перемѣнѣ не мало способствовали лекціи Костомарова, но способствовали именно потому, что совпадали съ его коренными симпатіями и тѣмъ настроеніемъ мыслей, которыя, не сознаваемые и только какъ бы смутно предчувствуемыя, всегда таились въ глубинѣ его души.

Его природное расположеніе къ историческому направленію выражалось и въ его чтеніяхъ. Еще въ лицейѣ Шварцъ всегда читалъ серьезныя книги, преимущественно его влекло ко всему русскому. Очень любилъ онъ и нѣмецкую литературу, въ особенности нѣмецкую философію. Пофранцузски читалъ мало, романовъ же никогда не читалъ. По выходѣ изъ лицея, онъ увлекался чтеніемъ слѣдующихъ книгъ: «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», «Письма Курбскаго», «Сказанія о Самозванцѣ», «Записки о Московіи Герберштейна», и т. п. Онъ тщательно изучалъ палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей архимандрита Саввы. У него всегда были подъ рукой и такія книги, какъ «Сказанія иностранцевъ о Россіи», Снегирева, «Древности Россійскаго

государства», «Описаніе старинныхъ царскихъ одеждъ, утвари и проч.» Савванитова. Къ тому же онъ постоянно посѣщалъ Публичную Библиотеку и читалъ тамъ путешествія иностранцевъ въ древнюю Россію и сочиненія о до-Петровской эпохѣ. Таково было его настроеніе, и таковъ былъ его запасъ историческаго матеріала, когда онъ поступилъ въ академію художествъ.

Въ гипсовомъ классѣ Шварцъ никогда не получалъ номера выше 5-го. За представленный имъ на третьемъ экзаменѣ картонъ углемъ съ извѣстной античной группы «Борющіеся юноши»

Иоаннъ Грозный и іезуитъ Поссевинъ.

Съ рисунка Шварца копія перомъ А. П. Рябушкина.

(Панкратиасты) онъ былъ переведенъ въ натуральный классъ. Въ натуральномъ классѣ В. Г. шелъ гораздо лучше. Тутъ же онъ исполнилъ рисунокъ перомъ на заданную академіей тему «Иоаннъ Грозный и Василий Шибановъ». Рисунокъ представляетъ тотъ моментъ, когда во время чтенія посланія Курбскаго Грозный вонзаетъ свой остроконечный посохъ въ ногу Шибанова. Академія дала ему за него первый номеръ.

Въ концѣ 1861 года Шварцъ оставляетъ академію и уѣзжаетъ за границу. Своеобразность его была такъ велика, что

трудно было ему удовлетворяться сухимъ академическимъ направлениемъ. Его самостоятельная художественная натура не терпѣла подражанія, не могла слѣдовать указаніямъ давно пріобрѣтенной привычки, и онъ уже идетъ не по рутинному академическому шаблону, а прямо къ своей цѣли, по новому своеобразному пути, къ живому національному искусству.

Заграничная поѣздка Шварца имѣла цѣлью усовершенствовать колоритъ, который не удавался ему; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ необходимымъ ознакомиться съ лучшими европейскими художественными произведеніями. Въ эту поѣздку свою Шварцъ объѣхалъ всю Германію, но преимущественно пробылъ въ Берлинѣ, гдѣ поступилъ въ мастерскую профессора Шрадера, извѣстнаго историческаго живописца, и, находясь подъ обаяніемъ его таланта, посѣщалъ нѣкоторое время его мастерскую.

Путешествуя съ мѣста на мѣсто, В. Г. много наблюдалъ и много рисовалъ съ натуры. Въ числѣ тѣхъ немногихъ писемъ, которыя сохранились послѣ него, приводимъ здѣсь одно изъ Дрездена, отъ 1-го іюля 1861 года, къ его сестрѣ. Это письмо частью написано поанглійски, порусски и поитальянски. Шварцъ всегда писалъ свои письма къ сестрѣ на нѣсколькихъ языкахъ:

«Хотя я не писалъ тебѣ, моя дорогая, съ самаго отъѣзда своего изъ Россіи, но ты не должна на это сердиться. Если я комунибудь не пишу, это вовсе не значитъ, что я о томъ человѣкѣ не думаю. Иной разъ прямо наоборотъ. Изъ послѣдняго моего письма къ отцу ты должна знать, что я еще въ Дрезденѣ. Я останусь здѣсь еще 4—5 дней. Съѣзжу въ Саксонскую Швейцарію». Далѣе слѣдуетъ описаніе дрезденскаго праздника «стрѣлковъ». Затѣмъ онъ пишетъ: «Вчера шелъ дождь, и я послѣ прогулки по музеямъ оставался дома, сѣлъ у окна и сталъ рисовать. Здѣсь улицы такъ узки, что снять портретъ черезъ улицу вещь вовсе не трудная. Противъ меня находится мастерская von einem Damen-Schneidermeister (дамскаго портного), гдѣ работаютъ einige Fräulein (нѣсколько дѣвицъ). Конечно, я счелъ священнымъ долгомъ срисовать ихъ портреты. Онѣ замѣтили это, и, должно быть, имъ очень было лестно, потому что по моимъ телеграфическимъ знакамъ онѣ позировали очень хорошо, но работали, должно быть, очень плохо, потому что Schneidermeister изволилъ разсердиться и на ихъ мѣсто посадилъ три безобразныя Парки. Но я точно также телеграфировалъ тремъ Паркамъ, что и онѣ попадутъ въ мой альбомъ, на что три Парки прогнѣвались, хлопнули окошкомъ, опустили стору и только изрѣдка выглядывали изъ-подъ нея. А такъ какъ я все время просидѣлъ передъ окномъ, рисовалъ и читалъ, то три Парки изъ боязни попасть въ альбомъ весь день проработали въ потемкахъ. Отвѣтъ на это письмо пиши въ Кельнъ. Goodbye, be well. Your beautiful brother V. Schwartz» (прощай, будь здорова, твой красивый братъ).

По возвращеніи изъ-за границы, Шварцъ усердно принялся за работу. Это была та пора его дѣятельности, когда опредѣлилось направленіе его таланта, и въ душѣ его горѣла святая искра творчества. В. Г. уже исключительно посвящаетъ себя изученію русской исторіи и археологіи и той эпохи, когда русскіе люди жили по своему обычаю. Въ неутомимомъ трудѣ проводилъ онъ цѣлые дни, и этотъ трудъ былъ его наслажденіемъ. Отрѣшившись отъ общихъ условій и не подчиняясь никакимъ академическимъ правиламъ, онъ твердо сталъ на томъ поприщѣ, къ которому былъ призванъ, и на которомъ свободно могли развернуться всѣ силы его души.

Въ началѣ 1863 года Шварцъ опять отправился за границу. Обѣздивъ всю Германію и ознакомившись со всѣми тамошними произведеніями искусства, ему хотѣлось ознакомиться и съ новѣйшей французской живописью, и въ то же время, сознавая недостатки своего колорита, онъ чувствовалъ необходимость поучиться колориту, техника котораго такъ трудно давалась ему.

Приѣхавъ въ Парижъ, Шварцъ поступилъ въ ученики къ Лефевру (Lefevre), который славился своимъ колоритомъ, что и заставило Шварца заниматься подъ его руководствомъ. Одновременно онъ посѣщалъ мастерскія Конта (Comte) и знаменитаго Жерома, историческія картины котораго сильно его привлекали.

Въ бытность свою въ Парижѣ Шварцъ встрѣтился съ молодыми русскими художниками: Перовымъ, Алекс. Поповымъ (пейзажистомъ), И. Соколовымъ, Э. Комаромъ-Риццони, Г. Китнеромъ, и проводилъ съ ними свободное отъ занятій время. Въ Парижѣ все занимало и интересовало его. Съ Лефевромъ и другими художниками онъ часто ѣздилъ въ Фонтенебло и Барбизонъ и тамъ писалъ съ натуры. Въ Барбизонѣ въ одной бесѣдкѣ художники какъ-то вздумали въ одну изъ своихъ туда поѣздокъ нарисовать что нибудь на память о себѣ; Шварцъ тамъ написалъ «Николая Угодника» во весь ростъ.

Шварцъ прожилъ въ Парижѣ цѣлый годъ. Это пребываніе принесло ему много пользы, техника его живописи очень усовершенствовалась, и когда онъ снова принялся за масляныя краски, то его небольшого размѣра картины, очевидно, свидѣтельствовали объ его успѣхахъ въ колоритѣ и отдѣлкѣ.

Шварцъ сдѣлался страстнымъ поклонникомъ новѣйшей французской школы, реальной и правдивой. Не смотря, однако, на все свое пристрастіе къ ней, онъ остался вѣренъ своей задачѣ—быть прежде всего въ искусствѣ русскимъ, безъ примѣси чуждаго русскому характеру элемента. У французскихъ живописцевъ онъ только перенялъ технику живописи, оставаясь все тѣмъ же самобытнымъ и своеобразнымъ художникомъ. В. Г. вообще не терпѣлъ подражательности, не любилъ копію, а всегда добивался своего, добивался «ни на кого не походить».

Лѣто 1864 года онъ прожилъ въ деревнѣ, въ Курской губерніи. Тамъ онъ сдѣлалъ много этюдовъ съ натуры и продолжалъ свои археологическія занятія. Зимой онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и сталъ посѣщать костюмные классы въ академіи. Шварцъ продолжалъ неумоимо заниматься, постоянно рисовалъ и дома и въ гостяхъ.

Начало шестидесятыхъ годовъ можно считать одной изъ лучшихъ и свѣтлыхъ эпохъ нашей общественной жизни. Все какъ-то проснулось. Это было время великихъ реформъ, возникло столько вопросовъ, полныхъ живыхъ интересовъ, и въ этихъ живыхъ вопросахъ, въ этомъ общемъ стремленіи къ чему-то лучшему, въ этомъ общественномъ пробужденіи воспиталось русское поколѣніе 60-хъ годовъ. Все это крайне интересовало Шварца. Товарищи и знакомые часто собирались къ нему, рисовали, читали, бесѣдовали и спорили о волновавшихъ вопросахъ. Изъ художниковъ чаще всего можно было встрѣтить у него Трутовскаго, Солова, Вилье, Мещерскаго, Китнера, Литовченко. Этотъ талантливый художникъ былъ его страстнымъ поклонникомъ и послѣдователемъ.

Шварцъ, вѣчно веселый, остроумный, живой, былъ всегда душою общества. Онъ былъ въ высшей степени добрымъ человекомъ, всегда готовымъ помочь всякому, въ особенности собрату по искусству, ничуть не завистливый и очень снисходительный въ своихъ сужденіяхъ.

Другъ Шварца, М. Я. Вилье (извѣстный нашъ акварелистъ), рассказываетъ намъ про это время слѣдующее: «Какъ часто глубокія сумерки заставляли насъ спорящими въ его маленькой мастерской, уставленной мольбертами, манекенами и рисунками. И эта мастерская, гдѣ часто ни стать, ни сѣсть было негдѣ, почти всегда была полна народу, и жилось въ ней чудесно. Тутъ все—философія, политика, исторія, было поочередно предметомъ нашихъ аргументацій. Мы сошлись съ Шварцемъ», — продолжаетъ Вилье, — кажется, на «пятницахъ» въ академіи художествъ. Да и кто бы сразу не полюбилъ такого нравственно здороваго, умнаго и остроумнаго молодого человека? Шварцъ былъ весь наружу, человекъ сердца и дѣла. Товарищъ неподобный, собесѣдникъ неоцѣненный, онъ соединялъ въ себѣ все самое привлекающее: широкую душу, бодрый духъ, развитый умъ. Какое-то кровно-русское удалство было въ немъ, съ легкою примѣсью того, что парижскій гаменъ называетъ «blague». Бесѣда его блестяла остроуміемъ, рассказывалъ онъ превосходно. Веселый нравъ Шварца дѣлалъ его неисчерпаемымъ источникомъ всякихъ юмористическихъ рассказовъ и остротъ. Встрѣчались мы съ нимъ часто у Э. А. Бруни, у А. К. Трутовскаго, у Бильдерлинга и у вице-президента академіи графа Э. П. Толстого. Одно время мы каждую недѣлю обѣдали у Бруни въ академіи. Я тогда

Плачь Ярославны.

Съ рисунка Шварца копія перомъ А. П. Рябушкина.

ежедневно работаль въ Эрмитажѣ, и Шварцъ заходилъ за мною. Отправляясь вмѣстѣ, мы останавливались передъ разными картинами Эрмитажа. Шварцъ предпочиталь всѣмъ другимъ художникамъ Рембрандта, Гальса и Веласкеса. Его вообще не увлекаль «тонь» той или другой отдѣльной части картины, а характерность передачи даннаго типа; онъ болѣе цѣнилъ содержаніе, чѣмъ техническое исполненіе».

Весною того же года онъ уѣхалъ въ Москву къ своему лицейскому товарищу, А. М. Смирнову, который былъ женатъ на его сестрѣ. Въ Москвѣ онъ вполне предался изученію русской старины и съ такимъ совершенствомъ изучилъ ее, что, благодаря своей удивительной памяти, могъ все съ мельчайшими подробностями рисовать на память. Рано утромъ онъ обыкновенно отправлялся въ Кремль и тамъ проводилъ цѣлые дни. Онъ любилъ бродить по Москвѣ, и положительно не было той древней церкви и того древняго зданія, которыхъ онъ бы не срисовалъ. Часто посѣщалъ Оружейную палату и срисовывалъ тамъ предметы русской древности. Лѣтомъ отправился вмѣстѣ съ сестрою и зятемъ въ Рязанскую губернію, въ Сапожковскій уѣздъ. Тамъ В. Г. написалъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ картину «Вербное шествіе патріарха на осляти при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ». Съ пяти часовъ утра онъ уже сидѣлъ за своей работой. Его трудовая, мирная и беззаботная жизнь только нарушалась частыми пожарами. Каждый разъ, какъ ударятъ въ набатъ, В. Г. бросалъ свою палитру и спѣшилъ на пожаръ. Управляя пожарною трубой, онъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ способствовалъ тушенію пожара. В. Г. своимъ простымъ и привѣтливымъ обращеніемъ приобрѣлъ большую популярность между крестьянами. Съ любовью вспоминалъ онъ всегда свое пребываніе въ Рязанской губерніи. Эти дни онъ считалъ лучшими въ своей жизни и не разъ говорилъ своей сестрѣ: «Когда задумаю писать что нибудь серьезное, приѣду въ Рязанскую губернію».

Въ началѣ 1867 года Шварцъ уѣхалъ въ Парижъ устраивать художественный отдѣлъ на всемірной выставкѣ, такъ какъ былъ командированъ туда въ качествѣ комиссара отъ академіи художествъ. Шварцъ получилъ въ Парижѣ бронзовую медаль и орденъ Почетнаго Легіона. По окончаніи всѣхъ работъ по устройству выставки онъ снова принялся за живопись.

Пребываніе В. Г. въ Парижѣ было одной изъ самыхъ счастливыхъ эпохъ его жизни. Все ему удавалось, все улыбалось. Имя его все болѣе и болѣе приобрѣтало извѣстность. Весело и беззаботно проходили дни. Какъ делегату отъ русскаго художественнаго отдѣла, ему приходилось бывать на всѣхъ балахъ и празднествахъ, устраиваемыхъ Наполеономъ III по случаю приѣзда коронованныхъ особъ. Шварцъ невольно втягивался въ шумную жизнь ликующаго Парижа и сталъ уже съ пристрастіемъ относиться ко всему французскому. Но эта парижская жизнь имѣла какое-то пагубное, роковое вліяніе на все существо его, а его влекло къ этой бездомной, уличной жизни, въ сущности совсѣмъ не соответствовавшей складу его ума и характера. Но, какъ человѣкъ крайне впечатлительный, онъ легко подчинялся внѣшнимъ вліяніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что увлеченіе подобной жизнью могло быть только временное, такъ какъ по природѣ своей онъ былъ трудолюбивъ и любилъ мирную, семейную жизнь.

По окончаніи выставки Шварцъ отправился въ Веймаръ по личному приглашенію герцога, при дворѣ котораго пробылъ цѣлый мѣсяцъ. Въ то время на веймарской сценѣ, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, ставили трагедію графа А. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго», въ постановкѣ которой Шварцъ принималъ самое дѣятельное участіе. Всѣ декорации и костюмы были сдѣланы по его указанію.

Въ Петербургѣ онъ вернулся въ концѣ 1868 года вмѣстѣ съ художественнымъ отдѣломъ. Въ это время праздновалось двадцатипятилѣтіе попечительства надъ лицеемъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Шварцъ по этому случаю вызвался написать его портретъ и принести его въ даръ лицію. Но вслѣдствіе внезапной кончины Шварца портретъ остался неконченнымъ.

По возвращеніи изъ Парижа здоровье В. Г. стало видимо разрушаться, но онъ никогда не жаловался на свои недуги. Шварцъ вообще очень небрежно относился къ своему здоровью. Онъ не желалъ долгой жизни и не дорожилъ ею. «Надо умереть молодымъ,— говорилъ онъ часто, — умереть во-время, лишь бы себя не пережить».

Чувствуя себя очень дурно, Шварцъ оставилъ Петербургъ и поѣхалъ въ деревню, въ Курскую губернію, гдѣ жили его родители. Онъ былъ увѣренъ, что тихая, деревенская жизнь среди родной семьи возстановитъ его силы. Но едва онъ пріѣхалъ туда, какъ единогласно былъ избранъ въ предводители дворянства Щигровскаго уѣзда (Курской губ.). Съ необыкновенною добросовѣстностью принялся онъ за эту совершенно чуждую ему дѣятельность; вникая во всѣ нужды своего уѣзда, онъ помогалъ каждому, чѣмъ только могъ.

Въ деревнѣ здоровье В. Г. на столько поправилось, что не внушало уже никакихъ тревогъ, и никто изъ его близкихъ не подозревалъ приближающейся печальной развязки. Чувствуя себя совершенно здоровымъ, Шварцъ въ концѣ марта 1869 года поѣхалъ въ Курскъ съ намѣреніемъ пробыть тамъ лишь нѣсколько дней и, весело простившись съ отцомъ и матерью, общалъ имъ скоро вернуться. Въ тотъ же день вечеромъ, пріѣхавъ въ Курскъ, онъ почувствовалъ небольшое утомленіе, на которое не обратилъ никакого вниманія. На слѣдующее утро сильная слабость заставила его лечь въ постель. Упадокъ силъ увеличивался съ каждымъ часомъ, и призванные тотчасъ доктора нашли его состояніе безнадежнымъ. Но сознаніе не покидало его ни на одну минуту, онъ все время разговаривалъ и шутилъ съ навѣщавшими его знакомыми. Никто изъ его близкихъ не находился въ то время въ Курскѣ, но при немъ безотлучно находились его друзья: бывший въ то время курскій губернаторъ А. Н. Жедринскій и жена его Марія Дмитриевна, которые своими нѣжными заботами успокоили послѣдніе часы его жизни. Хотя В. Г. и былъ все время въ полной памяти, но, ка-

залось, не сознавалъ близости своей кончины. Въ 6 часовъ онъ исповѣдывался и причастился, а затѣмъ уже почти не говорилъ. Только за полчаса до смерти на вопросъ, сдѣланный ему М. Д. Жедринской: «не чувствуете ли какой боли?», отвѣчалъ: «нѣтъ, мнѣ хорошо, ничего не болитъ». Въ 10 часовъ вечера онъ тихо угасъ... Мирно и безмятежно отошла въ вѣчность его чистая, свѣтлая душа. Это была смерть безъ страданій, безъ агоніи, ясная и печальная, какъ тихій закатъ потухающаго дня... Онъ умеръ 29 марта 1869 года.

Смерть В. Г. поразила всѣхъ своею неожиданностью и вызвала искреннюю скорбь въ душѣ каждаго, кто только зналъ его. Велика была эта потеря для всей художественной Россіи, утратившей въ немъ одну изъ свѣтлыхъ надеждъ своихъ.

Отпѣваніе Шварца было совершено въ Курскѣ архіепископомъ Сергіемъ (нынѣ митрополитомъ московскимъ) съ большою торжественностью. Весь городъ провожалъ его тѣло до заставы. Затѣмъ по всему пути на разстояніи 70-ти верстъ со всѣхъ сторонъ стекался народъ и провожалъ его до могилы. Въ городѣ Шиграхъ, по желанію дворянства, тѣло его стояло три дня въ соборѣ и только 8-го апрѣля прибыло въ село Бѣлый Колодезь, гдѣ при огромномъ стеченіи народа совершено было погребеніе. Нынѣ надъ его могилой выстроена его братомъ, Евгеніемъ Григорьевичемъ, церковь, по рисунку, сдѣланному другомъ покойнаго І. С. Китнеромъ; иконы на иконостасѣ писаны академикомъ Литовченко.

Двадцатипятилѣтняя давность не изгладила изъ памяти тѣхъ, кто зналъ и видѣлъ Шварца, его симпатичной личности. В. Г. обладалъ необыкновенно обаятельной натурой. Это была открытая, чисто-русская душа. Всегда веселый и привѣтливый, онъ невольно привлекалъ къ себѣ всѣ сердца. Блескъ его ума съ нѣкоторою склонностью къ парадоксу и ироніи и выдающееся, всестороннее образованіе при необыкновенной скромности производили чарующее впечатлѣніе. Беззавѣтно добрый, крайне снисходительный въ своихъ сужденіяхъ и невозмутимо спокойный, онъ всегда беззаботно и равнодушно относился къ своей личной судьбѣ и ко всѣмъ тревоженіямъ жизни. Но отзывчивая его душа была всегда впечатлительна къ чужому горю и полна сочувствіемъ къ несчастію другихъ. В. Г. обладалъ тою сердечною чуткостью, которая позволяла ему входить въ положеніе каждаго, не оскорбляя чьего либо чувства. Все существо его дышало какой-то душевною чистотою.

Шварцъ никогда не искалъ славы и не стремился къ извѣстности. Слава не была главнымъ двигателемъ его художественной дѣятельности. Его природное расположеніе къ искусству заставило его горячо полюбить послѣднее единственно только потому, что оно искусство. Онъ всегда былъ удачникомъ, и все давалось ему легко. Сюжеты его зарождались разомъ. Не долго думая, не напрягая фантазіи, онъ набрасывалъ ихъ съ легкостью и безыскусственностью. Несо-

мнѣнно, что тому много способствовали тотъ запасъ историческаго матеріала и та ученая подготовка, которыми обладалъ Шварцъ, и которые такъ ярко отражались въ его произведеніяхъ.

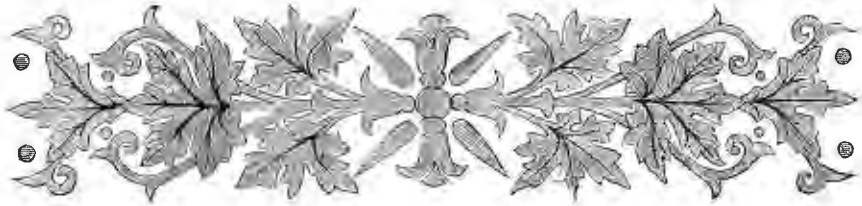
Вся художественная дѣятельность его, очевидно, свидѣтельствуетъ, какъ научное знаніе необходимо для художника. Самый талантливыи художникъ, при ограниченности умственнаго развитія, хотя и блеснетъ фантазіей, но въ борьбѣ съ препятствіями, легко устранимыми знаніемъ, не произведетъ все-таки ничего соотвѣтственнаго размѣрамъ своихъ способностей. Несомнѣнно, что не мало способствуютъ развитію таланта и благопріятныя внѣшнія условія жизни; они кладутъ свой отпечатокъ на все существо человѣка, опредѣляютъ особенности его личности, его наклонности и душевныя настроенія. Въ данномъ случаѣ судьба вполнѣ благопріятствовала Вячеславу Григорьевичу. Онъ не зналъ невзгодъ жизни, не зналъ суровой житейской борьбы и раздражающихъ диссонансовъ житейскаго горя. Ничто не омрачало его сердца и не внесло горькаго разочарованія въ его возрѣнія на жизнь.

При такихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ разумнаго воспитанія, въ средѣ развитой, гдѣ печать стройности лежала на всемъ складѣ семейной жизни, и въ привычкѣ съ дѣтства къ умственному труду выработались та извѣстная выдержка и тѣ самообладаніе и стойкость, благодаря которымъ только и могли такъ блистательно развиться его природныя дарованія.

Дѣятельность Шварца говоритъ сама за себя. Національный элементъ, который онъ внесъ въ наше искусство, былъ явнымъ протестомъ противъ банальной условности. Инстинктомъ художника угадавъ далекое прошлое и постигнувъ русскую душу въ малѣйшихъ ея изгибахъ, онъ бросилъ лучъ свѣта на искусство и пробудилъ въ немъ новыя жизненныя силы. Все то, что казалось непонятнымъ, неяснымъ, что таилось въ отдаленномъ туманѣ вѣковъ, — все это ожило въ его произведеніяхъ. Создатель типовъ русской жизни вложилъ въ нихъ свою душу, свой умъ, свое знаніе. Только гениальный художникъ могъ мыслить такими образами и достигнуть того, чтобы родное искусство получило тотъ авторитетъ, который могъ бы равняться съ авторитетомъ европейскаго искусства.

Г. А. Ф.

ЖЕЛАНИЯ И ОЖИДАНИЯ.

СТОЛЬ НЕОЖИДАННО послѣдовавшая у насъ перемѣна царствованія вызываетъ разнообразныя историческія воспоминанія.

Покойный государь былъ тринадцатымъ русскимъ императоромъ; царствованіе его было сравнительно кратковременно: оно продолжалось съ небольшимъ тринадцать лѣтъ. Самымъ продолжительнымъ было царствованіе Петра I (36 лѣтъ или даже 43 г.), затѣмъ слѣдуютъ царствованія: Екатерины II (34 г.), Николая I (30 лѣтъ), Александра II (26 лѣтъ), Александра I (24 г.), Елизаветы Петровны (20 лѣтъ), Александра III (13 лѣтъ) и Анны Ивановны (10 лѣтъ). Такимъ образомъ изъ тринадцати монарховъ трое процарствовали не менѣе 30 лѣтъ, трое—не менѣе 20 и двое—не менѣе 10 лѣтъ, а въ общей сложности они процарствовали 200 лѣтъ; на кратковременныя же царствованія приходится всего 12 лѣтъ.

Продолжительность царствованія представляетъ во многихъ отношеніяхъ очень выгодное условіе: значеніе той или другой правительственной системы можетъ быть установлено опытнымъ путемъ только въ томъ случаѣ, если она послѣдовательно примѣняется въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени. Правительственныя начинанія такихъ монарховъ, какъ Петръ Великій, Екатерина II и Александръ II, не могли бы выясниться такъ наглядно, если бы ихъ виновники процарствовали не долго, и если бы, слѣдовательно, ихъ правительственная система не была осуществлена съ должною послѣдовательностью. Что стало бы, напримѣръ, съ петровскою Русью, если бы Петръ скончался не въ 1725 г., а десятью

или пятнадцатю годами раньше? Мы знаемъ, что тотчасъ же послѣ смерти великаго преобразователя со всѣхъ сторонъ его благодѣтельными реформамъ стали угрожать опасности: многое было уничтожено, подорвано, но, тѣмъ не менѣе, дѣло его не погибло, продолжало развиваться и крѣпнуть, потому что онъ успѣлъ, благодаря продолжительности своего царствованія, взростить многія посянныя имъ сѣмена, лично позаботиться о томъ, чтобы они не погибли. То же самое приходится сказать и о другихъ выдающихся царствованіяхъ послѣднихъ двухъ столѣтій. Даже та или другая ошибка въ правительственной системѣ можетъ выясниться опытнымъ путемъ только въ томъ случаѣ, если она въ жизни дала несомнѣнные отрицательные результаты, а для этого требуется опять таки болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени.

Такъ представляется вопросъ съ широкой исторической точки зрѣнія, но судъ современниковъ бываетъ обыкновенно иной. Даже во время правленія великаго Петра число недовольныхъ, то-есть, лицъ, желавшихъ переменъ царствованія, было очень значительно: одни были недовольны отъѣною того, съ чѣмъ они сроднились, другіе жаловались на нарушеніе ихъ сословныхъ или личныхъ интересовъ, словомъ, число недовольныхъ было очень велико, и если просвѣщенная Россія оплакивала смерть великаго преобразователя, то нашлось не мало общественныхъ элементовъ, возлагавшихъ большія надежды на новыя царствованія, на переѣну въ системѣ управленія странюю. Послѣ безотраднато царствованія Петра II, а затѣмъ послѣ бироновщины, всѣ вздохнули свободнѣе, когда на престолъ вступила дочь Петра Великаго, воспѣтая Ломоносовымъ, Елизавета. Послѣ блестящей екатерининской эпохи наступило мрачное правленіе Павла, того Павла, который, однако, впервые дѣятельно позаботился о судьбѣ русскаго мужика, вспомнилъ, что и онъ человѣкъ и имѣетъ нѣкоторое право на плоды собственнаго кроваваго труда. А когда Павла не стало, Державинъ, давая выраженіе общему чувству новыхъ свѣтлыхъ ожиданій, привѣтствовалъ воцареніе Александра I извѣстными стихами:

Вѣкъ новый! Царь младый, прекрасный
 Пришелъ днесь къ намъ весны стезей!
 Мои предвѣстья велегласны
 Уже сбылись, сбылись судьбой.
 Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
 Закрылся грозный, страшный взглядъ;
 Зефиры вспорхнули крылаты,
 На воздухъ вѣютъ ароматъ.

Такъ смѣнялись недовольство и свѣтлыя ожиданія, а тѣмъ временемъ государственное дѣло шло своимъ порядкомъ, развивалось, давало плоды независимо отъ всѣхъ этихъ сѣтованій и надеждъ. Каждая эпоха имѣла свою задачу, которую жизнь выдвигала съ

большею или меньшею настойчивостью и которая такъ или иначе постепенно разрѣшалась совмѣстными усиліями правительства, общества и народа. Созданное Петромъ не погибло: оно получило дальнѣйшее развитіе отчасти въ царствованіе Елизаветы, отчасти въ блестящій екатерининскій вѣкъ. Чего добивался главнымъ образомъ Петръ? Онъ хотѣлъ приобщить Россію къ европейской культурѣ, сдѣлать ее благоустроенной, просвѣщенной и способной отстаивать свои государственные интересы противъ могущественныхъ сосѣдей. Онъ разрѣшалъ и въ значительной степени разрѣшилъ великую внутреннюю и внѣшнюю задачу, и, если мы теперь оглянемся на пройденный Россіею путь, то можно ли утверждать, что мы прожили даромъ эти два вѣка, истекающіе со времени кипучей дѣятельности царя-преобразователя? О внѣшней задачѣ и говорить нечего. Ни Швеція, ни Польша, ни Турція намъ уже не страшны. Уже при Елизаветѣ Петровнѣ Россія на столько окрѣпла, что могла принять участіе въ рѣшеніи обще-европейскихъ международныхъ вопросовъ. При Александрѣ I Россія дала отпоръ соединеннымъ силамъ Европы, и ея военное могущество на столько упрочилось, что при Николаѣ I голосъ Россіи былъ первенствующимъ въ совѣтѣ державъ. Даже такая катастрофа, какъ севастопольскій погромъ, не надолго омрачила блескъ нашего могущества, и еще недавно, по случаю кончины Александра III, вся Европа съ рѣдкимъ единодушіемъ признала, что, если миръ не былъ нарушенъ во время остраго международного кризиса конца восьмидесятыхъ годовъ, то, главнымъ образомъ, благодаря Россіи, благодаря принятой на себя почившимъ русскимъ императоромъ роли миротворца. Понятно, столь благой починъ, избавившій Европу отъ страшнаго кровопролитія, могъ осуществиться только при громадномъ военномъ могуществѣ, внушавшемъ спасительный страхъ государствамъ, склоннымъ нарушить миръ. Во всякомъ случаѣ между петровскою Россіею и Россіею конца XIX вѣка разница, несомнѣнно, такая же громадная, какъ между Пруссіею временъ курфюрстовъ и нынѣшнею объединенною Германіею. Значить, мы въ этомъ отношеніи не отстали отъ самыхъ просвѣщенныхъ западныхъ государствъ.

Что касается до внутренней задачи, то она заключалась въ томъ, чтобы превратить Россію изъ страны полуварварской въ страну культурную. Если мы при Петрѣ Великомъ въ военномъ отношеніи значительно отставали отъ другихъ цивилизованныхъ странъ, то въ смыслѣ гражданственности разница была несравненно значительнѣе. Западъ имѣлъ уже свои университеты, цѣлую сеть всякихъ учебныхъ заведеній вплоть до городскихъ училищъ, до деревенскихъ школъ; у насъ этого ничего не было. Все наше образованіе было духовное, свѣтскихъ школъ не было; интеллигенція почти отсутствовала. Западъ имѣлъ развитую промыш-

ленность и торговлю; у насъ все это находилось въ зародышномъ состояніи или также почти отсутствовало. Петръ хотѣлъ все сразу создать: и школы, и академію, и промышленность, и торговлю. Онъ сдѣлалъ много, больше, чѣмъ обыкновенно дано простому смертному, но тѣмъ не менѣе онъ могъ только коснуться верхнихъ слоевъ народной жизни, и его преемникамъ предстояла трудная задача на первыхъ порахъ оградить его дѣло противъ натиска враждебныхъ силъ и со временемъ дать ему дальнѣйшее развитіе. Мы видимъ, что эта задача ни на мигъ не прерывается. Исторія знаетъ моменты ослабленія энергіи, но затѣмъ мы присутствуемъ постоянно при новыхъ рѣшительныхъ шагахъ, направленныхъ къ осуществленію этой задачи. По мѣрѣ того, какъ создаются разныя учебныя заведенія, какъ возникаетъ интеллигенція, подготовленная къ многообразнымъ видамъ государственнаго и общественнаго служенія, возникаетъ и вопросъ о томъ, какъ приобщить народъ въ тѣсномъ значеніи этого слова къ благамъ цивилизаціи. Кто первый въ Россіи возбуждаетъ этотъ вопросъ? Екатерина II въ своихъ письмахъ къ Вольному Экономическому Обществу. Она прямо предлагаетъ этому Обществу высказать свое мнѣніе, долженъ ли земледѣлецъ имѣть поземельную собственность и, если долженъ имѣть, то какую: общинную, мірскую или участковую, при чемъ указываетъ, что «земледѣльство не можетъ процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго», и что «всякой человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отъиметь». Не довольствуясь этимъ, она назначила премію за лучшее сочиненіе, написанное на эту тему, и когда лучшимъ сочиненіемъ оказалось разсужденіе француза Беарде де-л'Абея, въ которомъ авторъ высказывался за освобожденіе крѣпостныхъ и провозглашалъ, что «слава царей, составляя славу государства, не можетъ получить сильнѣйшаго блистанія, какъ отъ дарованія свободы», — Екатерина рѣшительно высказалась за появленіе этого труда на русскомъ языкѣ.

Но не таково было мнѣніе значительнаго большинства членовъ Экономическаго Общества; не таково было мнѣніе и тогдашней русской интеллигенціи, цвѣтъ которой сосредоточивался въ Петербургѣ. Знаменитый нашъ драматургъ или, какъ его называютъ въ исторіяхъ нашей литературы, «первый русскій публицистъ», Сумароковъ поспѣшилъ послать въ Экономическое Общество возраженіе, въ которомъ писалъ: «Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи. Однако, одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно нужно для крестьянина, а другое ради дворянина»; и, дѣлая общій выводъ своимъ соображеніямъ, онъ въ заключеніе говоритъ: «Что-жъ, дворянинъ будетъ тогда, когда мужики и земля будутъ не его; а ему что останется? Впрочемъ, свобода крестьянская не

токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежитъ».

Въ Европѣ удивились смѣлому почину императрицы Екатерины. На предложенную тему было прислано 160 трудовъ на всевозможныхъ языкахъ; но въ самой Россіи къ намѣреніямъ императрицы отнеслись очень несочувственно. Подоспѣли и другія событія, въ особенности же броженіе, охватившее Францію и другія страны передъ великою французскою революціею, и улучшение быта крестьянъ было отсрочено. Но уже преемникъ Екатерины II, какъ мы отмѣтили, совершилъ немаловажную реформу для достиженія той же цѣли. Императоръ Александръ I долго носился съ мыслью объ освобожденіи крестьянъ и освободилъ ихъ дѣйствительно въ Остзейскомъ краѣ. Послѣ этой реформы онъ пріѣхалъ въ Москву и тутъ убѣдился, что дворянство, которое представляло тогда, конечно, цвѣтъ русской интеллигенціи, рѣшительно ей противилось. Такіе просвѣщенные дѣятели, какъ Карамзинъ и Каразинъ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ высказывались противъ отмѣны крѣпостного права. Присоединилась къ этому и злополучная исторія въ Семеновскомъ полку, постепенно началось революціонное броженіе, и реформа снова была отложена. Но и при Николаѣ Павловичѣ, усматривавшемъ главную свою задачу въ борьбѣ съ революціонными элементами, были приняты немаловажныя мѣры въ пользу крестьянъ, неразрывно связанныя съ именемъ такого просвѣщеннаго дѣятеля, какъ графъ Киселевъ. Наконецъ, въ царствованіе Александра II крестьяне были освобождены съ землею на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. И въ этомъ отношеніи Россія запоздала противъ запада только на тринадцать лѣтъ, такъ какъ во многихъ европейскихъ государствахъ крѣпостное право окончательно отмѣнено только въ 1848 году.

Отмѣна крѣпостного права была самою крупною реформою, совершенною въ Европѣ съ конца прошлаго столѣтія. Она означаетъ собою не только уничтоженіе клейма, позорившаго человѣчество втеченіе долгихъ вѣковъ, отмѣну послѣдняго вида рабства, но и коренной переломъ во всемъ экономическомъ строѣ цивилизованныхъ народовъ. Подневольный и свободный трудъ—въ этихъ двухъ выраженіяхъ заключается социальный, экономической и политической переворотъ громадной важности, отражающійся на всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, на народномъ хозяйствѣ, на умственной жизни, на государственномъ строѣ. Если классическая древность, не смотря на всѣ успѣхи цивилизаціи, если средніе вѣка, не смотря на вліятельную роль намѣстника Христа, папы, если новое время, не смотря на всѣ его великія открытія и успѣхи во многихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, не могли устранить подневольный трудъ, то одно уже это обстоятельство въ достаточной степени показываетъ, какъ не легко было обойтись безъ под-

невольнаго труда, какіе сложные интересы препятствовали его устраненію. Только новѣйшему времени дано было справиться съ этою трудною задачею, благодаря изумительнымъ успѣхамъ промышленности и техническимъ усовершенствованіямъ, которыя позволили замѣнить живую рабочую силу силою механическою. Закрѣпощенныя народныя массы были освобождены, но эта крупная социальная реформа, которой человѣчество ожидало много вѣковъ, далеко еще не исчерпываетъ вопроса; въ сущности это значить только остановиться на полпути, потому что освобожденная рабочая сила, даже если освобожденіе произошло, какъ у насъ, на очень выгодныхъ для нея условіяхъ, во многихъ отношеніяхъ остается, такъ сказать, внѣ культуры, внѣ тѣхъ благъ, которыми пользуется остальное цивилизованное человѣчество, или, какъ остроумно выразился одинъ французскій писатель, въ то время, какъ высшіе классы общества живутъ въ концѣ XIX столѣтія, народная масса во многихъ отношеніяхъ живетъ еще въ XVI или XV столѣтіи. И если взглянуть на этотъ вопросъ съ государственной точки зрѣнія, то-есть съ точки зрѣнія общаго блага, то мы убѣдимся, что правительственная власть ни одной европейской страны не можетъ уклониться отъ задачи окончательной эмансипаціи народной массы,—эмансипаціи уже не юридической, а социальной и экономической,—не подвергая всего существованія государства большой опасности, потому что и въ финансовомъ, и въ военномъ отношеніяхъ, равно какъ и въ интересахъ охраненія внутренняго порядка, такое положеніе дѣль, когда, по словамъ упомянутаго французскаго писателя, сравнительно немногочисленные классы общества живутъ въ концѣ XIX столѣтія, а народная масса въ XV, представляетъ страшную опасность. Если умственный уровень, если благосостояніе народной массы ничтожны, то не можетъ процвѣтать и государство. Поэтому всѣ современные правительства преимущественно заняты такъ называемымъ социальнымъ вопросомъ, то-есть вопросомъ о поднятіи умственнаго уровня и матеріальнаго благосостоянія народной массы. Эту мысль прекрасно выразилъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ и могущественныхъ европейскихъ монарховъ, заявивъ, что для новѣйшаго времени основная задача правительства заключалась въ освобожденіи народныхъ массъ, и что теперь основная задача правительства измѣнилась только по формѣ, по существу же остается прежней и заключается въ томъ, чтобы обезпечить духовное и матеріальное благосостоянія многомилліоннаго рабочаго люда, вполне законно требующаго участія въ современной цивилизаціи и культурѣ. Заботиться о нихъ, говорилъ монархъ, повелѣваютъ ему разумъ и совѣсть, и никакія соображенія не могутъ его удержать отъ исполненія того, что онъ признаетъ своимъ долгомъ.

Если теперь взглянуть съ точки зрѣнія этой основной задачи истекающаго вѣка на наше прошлое, на то чувство неудовле-

творенности или на тѣ надежды, которыя смѣнялись въ нашемъ обществѣ при перемѣнѣ царствованій, то мы поражены будемъ слѣдующимъ явленіемъ. Государственная власть шла, быть можетъ, медленно, но послѣдовательно и твердо къ вышеуказанной цѣли; общество же наше, не только ей часто не содѣйствовало, но даже служило во многихъ отношеніяхъ прямымъ препятствіемъ. Для ясности мысли требуется, однако, оговорка. Правительство черпало свои силы для осуществленія реформъ, понятно, въ самомъ обществѣ, въ наиболѣе просвѣщенной его части, и въ этомъ смыслѣ безъ содѣйствія общества оно, конечно, оказалось бы какъ безъ рукъ. Но, кромѣ того, уже давно у насъ существовали общественные элементы, либеральнаго или консервативнаго оттѣнка, которые добивались общаго блага, на собственную руку, помимо правительства. Эти-то общественные элементы мы и имѣемъ главнымъ образомъ въ виду, когда говоримъ въ данномъ случаѣ объ обществѣ. И вотъ, какъ мы уже указывали, при Екатеринѣ II, впервые возбудившей вопросъ объ обеспеченіи матеріальнаго благосостоянія крестьянской массы и даже сочувствовавшей ея освобожденію, тогдашняя интеллигенція оказала отпоръ этимъ благимъ начинаніямъ, затѣмъ, увлекаясь броженіемъ, происходившимъ въ Европѣ вообще, охладила реформаторскій пылъ императрицы; французскія событія, то-есть революція съ ея излишествами, только довершили дѣло остановки тѣхъ благихъ начинаній, которыми ознаменовалось царствованіе Екатерины II. При Александрѣ I произошло совершенно тождественное явленіе. Его намѣреніе покончить съ крѣпостнымъ правомъ встрѣтило рѣшительный отпоръ со стороны общества, со стороны самой его просвѣщенной части, а затѣмъ революціонное броженіе въ Европѣ и у насъ совершенно пріостановило реформы въ либеральномъ духѣ и даже вызвало прямую реакцію въ этомъ направленіи, длившуюся почти 30 лѣтъ. Это не значитъ, что правительство охладѣло къ культурнымъ задачамъ Россіи: открывались новые университеты, высшія и среднія учебныя заведенія, достигнуты были во многихъ отношеніяхъ блестящія успѣхи, неразрывно связанные съ громкими именами Сперанскаго, Канкринна, Уварова, Киселева, но рѣшительный приступъ къ осуществленію главной культурной задачи нашего времени былъ отсроченъ, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, революціонное броженіе оказало Россіи плохую услугу. Но наконецъ освобожденіе крестьянъ состоялось, и можно было, кажется, ожидать, что та часть общества, которая добивалась государственныхъ реформъ помимо или даже противъ законодательныхъ сферъ, примкнетъ теперь къ великому дѣлу обновленія русской жизни. На самомъ дѣлѣ эти ожиданія не оправдались. Какъ только вопросъ перешелъ изъ области умозрѣнія, вождедѣній, надеждъ на почву практическую, упомянутая часть общества про-

явила большое неумѣнье и скорѣе препятствовала плодотворнымъ реформамъ, чѣмъ содѣйствовала имъ. Поставленная законодателемъ великая задача освобожденія личности была понята узко, почти исключительно съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ, даннаго общественнаго класса. Перечитаемъ теперь труды безкорыстно и горячо преданныхъ своей идеѣ литературныхъ дѣятелей того времени, Добролюбова, Писарева, Чернышевскаго, и мы убѣдимся, что народныя интересы въ тѣсномъ значеніи этого слова ихъ мало занимали. Добролюбовъ и Писаревъ почти о нихъ не писали, Чернышевскій же рѣшалъ вопросы нашей крестьянской жизни съ точки зрѣнія западныхъ теорій, имѣющихъ весьма слабое отношеніе къ тѣмъ многообразнымъ практическимъ вопросамъ, которые выдвигались самою жизнью, вслѣдствіе состоявшейся крупной реформы. Вопросъ объ освобожденіи личности былъ понятъ главнымъ образомъ въ смыслѣ дарованія правъ разночинцамъ, въ смыслѣ освобожденія этого народившагося новаго общественнаго класса, а вовсе не въ смыслѣ непосредственной его обязанности участвовать тяжелымъ трудомъ въ культурныхъ задачахъ отечества. Созданъ былъ отвлеченный типъ «мыслящаго реалиста»; молодежь стремилась въ города, чтобы рѣшать міровые вопросы, получая казенныя оклады, то-есть живя на средства, доставляемыя мужикомъ; но о дѣятельной работѣ у основъ народной жизни, въ деревенскомъ захолустьѣ, никто не помышлялъ; черная работа, безъ которой, однако, культурныя успѣхи немыслимы, никого не соблазняла; всѣ чувствовали себя призванными рѣшать болѣе крупныя вопросы, слыть вершителями судебъ отечества, и принимались за это, вооружившись послѣднею модною экономическою или соціальною теоріею, безъ всякой подготовки, безъ всякаго серьезнаго знанія жизни. Конечно, дѣйствительность не соотвѣтствовала этимъ передовымъ моднымъ теоріямъ, и получался безконечный протестъ вмѣсто дѣла, разжигались политическія страсти, произошло снова революціонное броженіе, которое обезсиливало руку законодателя, внушало сомнѣнія въ вѣрности избраннаго пути. Всѣ думы и надежды интеллигентныхъ людей исчерпывались вопросомъ о торжествѣ консервативныхъ, либеральныхъ или радикальныхъ началъ, но жизнь развивалась самостоятельно, внѣ этихъ условныхъ рамокъ, и когда мы наконецъ очнулись отъ всего этого тумана, напущеннаго на наше общественное самосознаніе плохо переваренными западными теоріями, оказалось, что, не смотря на освобожденіе крестьянъ, деревня, то-есть почти вся Россія, представляетъ печальное зрѣлище обнищанія нашего кормильца мужика, народненія мірофдовъ, народнаго невѣжества, распутства, пьянства и т. д.

«Мыслящій реалистъ» оказался плохимъ работникомъ на народной нивѣ. Чтобы хоть нѣсколько оправдать себя, мы говоримъ,

что крестьянинъ получилъ слишкомъ мало земли (но въ другихъ странахъ онъ получилъ несравненно меньше, или оставленъ былъ безъ всякаго земельного надѣла), что бремя налоговъ слишкомъ тяжело (но Россія одна изъ наименѣе обложенныхъ въ мѣръ странъ). Все это очевидно только пустыя отговорки, чтобы скрыть собственную культурную несостоятельность. Отъ крестьянина, очевидно, много требовать нельзя: вѣковое рабство и мракъ невѣжества не могли его подготовить къ рѣшенію современныхъ культурныхъ задачъ, къ переходу отъ примитивной обработки земли къ болѣе совершенной, къ умѣнью устроить свои дѣла въ качествѣ свободного члена общества, къ заботѣ о своемъ образованіи и т. д. Успѣхи культуры такимъ образомъ въ значительной степени зависѣли отъ участія, которое приметъ интеллигенція въ его жизни. Но какъ же было это участіе? Надо сознаться, мы проявили и тутъ полную практическую неумѣлость. Мы безъ умолку повторяли, сидя въ центрахъ, фразу о необходимости освободить личность, но даже не спрашивали себя никогда серьезно: какую личность мы собственно хотимъ освободить? На повѣрку оказалось, что мы, горячо сочувствуя мужику, сокрушаясь объ его тяжелой долѣ, въ сущности думали больше о себѣ, освобождали не мужика отъ тяжелого гнета условій, въ которыхъ онъ поставленъ, а самихъ себя отъ всего, что стѣсняло насъ въ нашихъ часто слишкомъ некрасивыхъ пополюзованіяхъ. Какъ въ другія эпохи нашей исторіи, такъ и теперь, мы проявили замѣчательную, почти невѣроятную неспособность приносить пользу въ тѣхъ рамкахъ и при помощи тѣхъ силъ, которыя сложились исторически, какъ продуктъ условій, въ которыхъ была поставлена Россія. Начиная съ городничаго гоголевскихъ временъ и кончая хотя бы нынѣшнимъ земскимъ начальникомъ, мы постоянно относились очень скептически къ дѣятельности представителей мѣстной администраціи, но никогда не спрашивали себя: откуда этотъ скептицизмъ, почему мы относимся такъ мало сочувственно къ тѣмъ дѣятелямъ, которые прямо поставлены помогать народу въ рѣшеніи культурныхъ задачъ? Намъ и въ голову не приходитъ остановиться на томъ поучительномъ фактѣ, что Гоголь изобразилъ намъ на ряду съ городничимъ Ноздревыхъ, Собакевичей, Маниловыхъ, цѣлую галерею живыхъ типовъ, выхваченныхъ изъ самого общества, и что всѣ эти Ноздревы, Собакевичи и Маниловы, если бы имъ дана была административная власть, оказались бы немногимъ лучше, а, можетъ быть, и хуже городничаго. Мы зачитываемся произведеніями Гончарова, Тургенева, Салтыкова, живописующими намъ наше общество, но не задумываемся надъ вопросомъ, что эти произведенія вѣдь составляютъ безпощадный приговоръ надъ нами самими, надъ нашею способностью рѣшать въ самой жизни культурные вопросы. Представимъ себѣ на минуту, что наши земскіе начальники напоминали бы собою по

просвѣщенности, добросовѣстности, умѣнью рѣшать практическіе вопросы, знакомству съ народными нуждами, хотя бы прежнихъ англійскихъ мировыхъ судей, не говоря уже о болѣе идеальныхъ мѣстныхъ администраторахъ,—какимъ благотворнымъ оказался бы въ смыслѣ содѣйствія рѣшенію культурныхъ задачъ этотъ столь скептически у насъ встрѣченный институтъ! Значить, повторяя давнишнее изреченіе, дѣло не въ учрежденіяхъ, дѣло въ людяхъ. И если мы жалуемся, что насъ нерѣдко къ дѣятельности въ самомъ народѣ не подпускаютъ, то не происходитъ ли это потому, что мы, желая служить народу, становимся на точку зрѣнія не его реальныхъ нуждъ, а нашихъ собственныхъ стремленій и теорій? Глубока въ Россіи рознь между народомъ и интеллигенціею, а много ли нами сдѣлано, чтобы ослабить эту рознь, и не ясно ли, что она исчезнетъ только тогда, когда мы на почвѣ практической научимся пользоваться существующими формами для осуществленія культурныхъ задачъ нашего времени?

И вотъ теперь, когда въ Россіи произошла снова перемѣна царствованія, мы вмѣсто того, чтобы «оборотиться на себя», вспомнить весь ходъ развитія культуры нашего отечества, взвѣситъ, на сколько мы, стоящіе въ сторонѣ отъ государственнаго дѣла или примыкающіе къ нему только нашимъ участіемъ въ полученіи окладовъ, а не сознательнымъ и охотнымъ трудомъ, нашимъ карманомъ, а не нашей душой, исполняемъ нашъ гражданскій долгъ,—мы снова чего-то ожидаемъ, на что-то надѣемся помимо себя, помимо нашихъ собственныхъ усилій, направленныхъ къ рѣшенію великихъ культурныхъ задачъ не въ какой-то фантастической области, а въ будничной жизни, въ томъ дѣлѣ, которое намъ предназначено всѣмъ историческимъ развитіемъ Россіи, всѣми окружающими насъ условіями. Мы постоянно забываемъ, что великія культурныя задачи рѣшаются не только путемъ законодательныхъ постановленій (въ такомъ случаѣ можно было бы въ одинъ день превратить полуварварскій народъ въ народъ цивилизованный), но и путемъ упорнаго, осмысленнаго труда миллионовъ мелкихъ работниковъ; мы забываемъ, что самыя возвышенныя теоріи, самыя благіе порывы ни къ чему не ведутъ, когда народъ не располагаетъ силою и умѣнемъ осуществлять задуманное путемъ практической дѣятельности; мы забываемъ, что государство не въ насъ, а въ насъ самихъ, и что самыя благодѣтельныя реформы ни къ чему не ведутъ, когда общество и народъ не умѣютъ ими пользоваться для собственнаго блага. Государство, повторяемъ, въ каждомъ изъ насъ, и только тогда, когда всѣ отъ мала до велика, справляются съ дѣломъ, къ которому приставлены, какъ бы мелкимъ оно ни казалось, только тогда культурные успѣхи серьезно обезпечены.

Какъ-то въ интимной бесѣдѣ нашъ незабвенный Пушкинъ сказалъ: «Не протестами въ гостинныхъ служатъ родинѣ; ей слу-

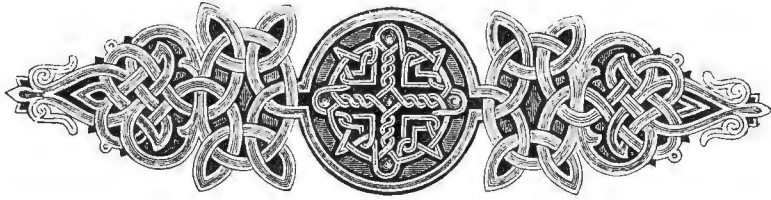
жать, исполняя законы простой честности». Съ тѣхъ поръ, какъ произнесены эти глубокія слова, прошло уже шестьдесятъ лѣтъ, а мы все еще полагаемъ, что самое возвышенное служеніе родинѣ это — протестъ въ гостиныхъ, за стаканомъ вина, въ печати, словомъ вездѣ, гдѣ насъ могутъ слышать. Правда, этотъ видъ служенія родинѣ незамысловатъ и по большей части удобенъ, потому что мы умѣемъ часто устроиваться такъ, что нашъ протестъ не имѣетъ для насъ печальныхъ послѣдствій. Служить же родинѣ дѣломъ, исполняя простые законы честности, гораздо труднѣе. Это требуетъ соотвѣтственныхъ знаній и нравственныхъ качествъ. Если бы Пушкинъ воскресъ теперь, онъ убѣдился бы съ жгучею болью въ сердцѣ, что наше общество очень мало подвинулось въ этомъ отношеніи, хотя со времени его смерти прошло уже болѣе полулѣтвѣка. И простая честность у насъ встрѣчается рѣдко, а еще рѣже встрѣчается честность общественная, та честность, которая не допускаетъ раздвоенія между нашею службою обществу и нашими убѣжденіями. Русская совѣсть ужасно покладаста въ этомъ отношеніи. Служить значить у насъ получать извѣстный окладъ и за это отбывать постылый трудъ, и самые почтенные люди полагаютъ, что, поступая такъ, они не грѣшатъ противъ правилъ честности. Мы подсмѣиваемся надъ узостью нѣмцевъ, которые умѣютъ въ самое мелкое дѣло влагать свою душу, относиться къ нему преданно, любовно, и намъ не приходится въ голову, что отъ такого труда въ узкой на видъ сферѣ въ значительной степени зависятъ всѣ культурные успѣхи. Мы не понимаемъ, что всякое дѣло, даже повидимому чисто семейное или личное, отражается тѣмъ или другимъ способомъ на обществѣ и государствѣ, и что тотъ, кто не умѣетъ быть честнымъ у себя дома, не будетъ честнымъ ни на службѣ общественной, ни на службѣ государственной. Дѣйствительно, какъ безотраднa русская жизнь въ этомъ отношеніи! Мы философствуемъ, критикуемъ, протестуемъ, но многіе ли изъ насъ честно исполняютъ то мелкое или крупное дѣло, къ которому они приставлены,—честно, то-есть съ сознаниемъ своей отвѣтственности и съ пониманіемъ той тѣсной связи, которая существуетъ между самою ничтожною на видъ дѣятельностью и культурными задачами народа, благомъ родины, отечества, государства?

Поэтому, когда теперь, въ виду наступленія новаго царствованія, высказываются разныя благопожеланія, когда всѣ ожидаютъ, какъ сложится государственное дѣло при новомъ молодомъ нашемъ Монархѣ, нельзя довольствоваться однимъ обращеніемъ къ государственной власти, надо подумать и о нашемъ обществѣ, о томъ, чѣмъ оно можетъ послужить государственному дѣлу, чтобы наступившая новая эра оказалась счастливою и плодотворною. Со всѣхъ сторонъ раздаются благопожеланія: одни говорятъ о дальнѣйшемъ осуществленіи культурныхъ задачъ, другіе приглашаютъ государ-

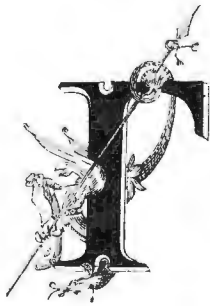
ственную власть быть защитницею интересовъ нашего крестьянства, третьи желаютъ, чтобы новое царствованіе было продолженіемъ царствованія Александра II. Должно быть, при всѣхъ этихъ благопожеланіяхъ подразумевается, что общество наше сумѣетъ исполнить свой долгъ, что оно находится на высотѣ положенія, и что все зависитъ только отъ того, какое направленіе приметъ наше законодательство. До сихъ поръ, однако, общество наше только въ моменты сильнаго подъема духа находилось на высотѣ положенія, и то не всегда, а въ будничной работѣ у основъ народной жизни оно постоянно оказывалось несостоятельнымъ. Самое лучшее законодательство намъ не поможетъ, если мы не будемъ умѣло пользоваться имъ для обезпеченія блага родины, если мы не будемъ, по выраженію нашего сатирика, видѣть «собственную пользу въ общей пользѣ», если мы будемъ забывать глубокую истину, заключающуюся въ вышеприведенныхъ словахъ Пушкина, что въ служеніи родинѣ надо быть прежде всего честнымъ. Намъ говорить о дальнѣйшихъ культурныхъ успѣхахъ Россіи, но никто съ широкой исторической точки зрѣнія не станетъ отрицать, что наиболѣе имъ содѣйствовало въ Россіи государство, что, выражаясь словами Ломоносова, «когдабъ великаго Петра (и не только Петра, но и другихъ монарховъ) мы не имѣли, мы бы въ лодочкѣхъ на лужѣ чуть сидѣли». Государство много сдѣлало, но безъ содѣйствія общества осуществленіе наилучшихъ намѣреній государственной власти разбивается о непреодолимые препятствія. Если бы намѣренія Петра полнѣе осуществились, Россія не пережила бы того печальнаго времени, какое наступило послѣ его смерти. Мы старались выяснитъ, что то же явленіе въ измѣненной формѣ повторилось и въ другія славныя наши царствованія, что оно повторялось до царствованія Александра II включительно. Теперь высказываютъ пожеланіе, чтобы наступившее новое царствованіе было продолженіемъ достославной эпохи Царя-Освободителя. Но почему въ сознаніи лицъ, высказывающихъ это пожеланіе, произошелъ какой-то перерывъ? Мы въ предыдущемъ старались отвѣтить на этотъ вопросъ. То, что этимъ лицамъ представляется перерывомъ, на нашъ взглядъ не имѣетъ этого смысла. Напротивъ, этотъ мнимый перерывъ во многихъ отношеніяхъ является прямымъ продолженіемъ освободительной эпохи. Послѣ юридическаго освобожденія крестьянъ настало время ихъ экономическаго освобожденія. Для перваго достаточно было простаго ведѣнія законодателя, но для втораго требуются громадныя, продолжительныя усилія и законодателя, и общества, и самого народа, требуется будничная работа въ провинціи, требуется незамѣтное, но самоотверженное служеніе всѣхъ, отъ мала до велика, какое бы дѣло ни выпало на долю каждаго изъ насъ. Кто высоко ставитъ и чтитъ эпоху Царя-Освободителя, тотъ долженъ загладить грѣхъ, совершенный по отношенію къ нему русскимъ обществомъ, а загладить этотъ грѣхъ можно,

только отрекаясь отъ того, въ чемъ мы согрѣшили. Теперь, на нѣкоторомъ отдаленіи отъ этой эпохи, мы можемъ отнестись болѣе безпристрастно къ вопросу, понять, что главный нашъ грѣхъ заключался въ недостаточной фактической поддержкѣ, оказанной благимъ начинаніямъ законодателя. На словахъ мы, конечно, были далеко впереди вѣка; на дѣлѣ мы не сумѣли исполнить элементарныхъ требованій времени, мы забыли, что реформы нуждаются въ исполнителяхъ, и при томъ не только такихъ, которые дѣйствуютъ на виду у всѣхъ, которые предписываютъ изъ канцелярій, но и такихъ, которые дѣйствуютъ въ тиши, въ сѣромъ мракѣ жизни, гдѣ они не вызываютъ одобрительныхъ возгласовъ, а просто исполняютъ свой долгъ общественнаго служенія, хотя бы въ самой скромной сферѣ. Если бы мы это сознали и поняли въ свое время, то помѣщичьи и крестьянскія хозяйства не пришли бы въ разореніе, наша деревня не представляла бы того печальнаго зрѣлица, какое она представляетъ теперь, а между интеллигенціею и народомъ не существовало бы той пропасти, которая теперь страшитъ всякаго благомыслящаго человѣка. Въ прошлое царствованіе законодатель старался по возможности исцѣлить недуги, вызванные разобщенностью интеллигенціи и народа, призвать ихъ къ совмѣстному служенію интересамъ родины. Въ этомъ смыслѣ минувшее царствованіе было прямымъ продолженіемъ освободительной эпохи, и если не всѣ попытки законодателя увѣялись успѣхомъ, то опять-таки вина въ значительной степени на сторонѣ русскаго общества, которое все еще не можетъ проникнуться сознаніемъ, что насаждать культуру изъ центровъ невозможно, если на мѣстѣ не происходитъ дѣятельная работа въ этомъ направленіи. Кажется, что, привѣтствуя новое царствованіе, намъ обо всемъ этомъ не слѣдуетъ забывать и, возлагая надежды на новую эпоху, намъ надо помнить, что каждый изъ насъ, какъ бы ни было скромно его общественное положеніе, является работникомъ на нивѣ народной жизни, что отъ каждаго изъ насъ зависятъ культурные успѣхи, и что помимо честнаго, умѣлаго, упорнаго труда милліоновъ работниковъ обезпечить благополучіе родины немислимо. Тутъ не могутъ помочь ни самыя краснорѣчивыя фразы, ни самый звучный протестъ, ни «народничанье», ни «интеллигентныя колоніи». Надо трудиться, работать съ выдержкою, примѣняясь къ существующимъ условіямъ и по возможности расширяя ихъ, имѣть въ виду реальныя нужды, согласовать свою пользу съ общей пользою, вникать въ требованія жизни, прислушиваться къ ея голосу и, если нужно, довольствоваться маленькимъ дѣломъ, потому что умѣлое, честное и любовное исполненіе маленькаго дѣла, что бы намъ ни сулило будущее, составляетъ неизбѣжное условіе всякихъ серьезныхъ культурныхъ успѣховъ.

КАМЕРЬ-ЮНКЕРСКАЯ ШЛЯПА А. С. ПУШКИНА.

ГОВОРЯТЪ, не знаешь, гдѣ что найдешь, гдѣ потеряешь. Навѣстивъ недавно дядю моего, Н. Н. Пономарева, въ его имѣніи, селѣ Прошковѣ, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи, я среди рѣдкостей дядинаго кабинета: замѣчательной библіотеки XVIII столѣтія, рукописнаго альбома С. Д. Пономаревой ¹⁾, «Московскихъ Вѣдомостей» прошлаго вѣка, наткнулся на предметъ, сразу обратившій особое мое вниманіе: это была камерь-юнкерская шляпа А. С. Пушкина ²⁾. Извѣстно, съ какимъ живымъ любопытствомъ русская печать въ свое время интересовалась перипетіями, испытанными перстнемъ великаго поэта. Правда, перстню всегда придавали значеніе талисмана, связывали его съ тѣми предчувствіями, которыя тяготѣли надъ Пушкинымъ передъ роковой развязкой его кровавой драмы; шляпѣ же здѣсь не принадлежало никакой роли. Тѣмъ не менѣе, разъ предметъ находится на лицо и при томъ отлично сохранился (для бѣльшей наглядности прилагаемъ при семъ снимокъ), странно было бы о немъ умолчать, тѣмъ болѣе, что шляпою одно

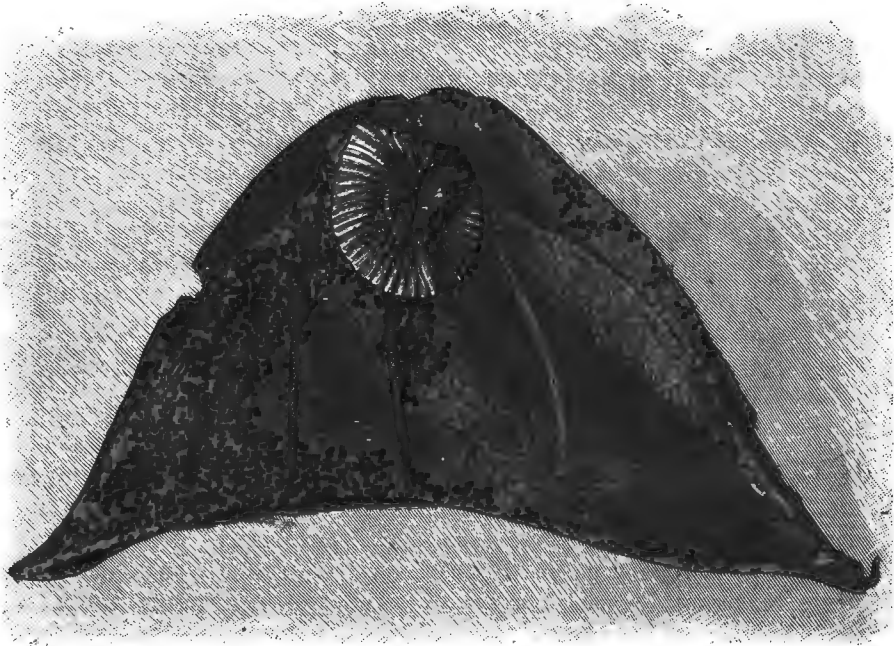
¹⁾ Извлеченія изъ этого альбома были напечатаны мною въ приложеніи къ «Нивѣ», 1894 г., май, въ статьѣ «Литературный альбомъ 20-хъ годовъ».

²⁾ А. С. Пушкинъ пожалованъ въ камерь-юнкеры 29-го декабря 1833 года, о чемъ онъ самъ пишетъ въ своемъ дневникѣ (т. V, стр. 201, изд. Литер. фонда): «1-го января 1834 г. Третьяго дня я пожалованъ въ камерь-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камерь-юнкерствомъ.—Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хотъ въ камерь-пажи, только бы не заставили меня учиться фронту, вокабуламъ и ариѳметикѣ».

время интересовались, и извѣстіе о существованіи ея не избѣгло даже печати. Приводимъ данныя, свидѣтельствующія о подлинности находки. Въ литературномъ сборникѣ 1851 года «Рауть», издававшемся Н. В. Сушковымъ съ благотворительною цѣлью, на страницѣ 7 мы читаемъ слѣдующее:

Пушкина шляпа.

«Недавно войдя въ кабинетъ Н. Г. Головина¹⁾, вижу я у него въ рукахъ довольно поношенную, треугольную шляпу съ плюмажемъ. Онъ разсматривалъ ее съ любовью антикварія и гордостью археолога.—«Ужъ не въ камеръ-юнкеры ли вы готовитесь?»—спро-

силъ я отставного конногвардейца.—«Нѣтъ!»—отвѣчалъ онъ:—я радуюсь и печалюсь, глядя на эту шляпу: она мнѣ дороже всѣхъ моихъ древнихъ медалей и монетъ». (Головинъ нумизматикъ). Я взялъ шляпу, на ней печать и ярлычекъ съ надписью²⁾.—«А! это Пушкина шляпа. Какъ она вамъ досталась?»...—«Н. И. Тарасенко-

¹⁾ Ник. Гаврил. Головинъ, бывший уѣздный предводитель дворянства Московской губерніи, былъ отцомъ жены моего дяди, Ольги Ник. Пономаревой. Такимъ образомъ шляпа Пушкина, перейдя къ ней по наслѣдству, составляетъ ея неотъемлемую собственность.

²⁾ Ярлычекъ этотъ съ надписью утерявъ съ переездомъ Н. Н. Пономарева изъ имѣнія Тверской губерніи въ село Прошково, Новгородской губерніи.

Отрѣшковъ подарилъ намъ ее. Вотъ и письмо отъ него къ моей женѣ» (Вѣра Петровна Головина). Изъ этого письма я узналъ, что г. Отрѣшковъ (основавшій въ 1839 году «Журналъ Общепользныхъ Свѣдѣній») былъ однимъ изъ опекуновъ надъ малолѣтними дѣтьми и надъ имуществомъ Пушкина, въ очень лестномъ товариществѣ: В. А. Жуковскаго, графа Г. А. Строганова и графа М. Ю. Вельгорскаго. Эту шляпу я видѣлъ на гробѣ Пушкина 1-го февраля 1837 года, когда весь Петербургъ, какъ бы представитель изумленной поразительною вѣстью Россіи, отдалъ ему послѣдній долгъ. Какъ тревожно горевалъ, негодовалъ, молился, то надѣялся, то отчаивался многолюдный Петербургъ 27, 28 и 29 января—въ среду, четвергъ и роковую пятницу; въ три часа безъ четверти по полудни не стало страдальца!... На другой день послѣ отпѣванія эту шляпу принесъ Отрѣшковъ старый дядька покойнаго, Никита Козловъ, который, можно сказать, не покидалъ своего питомца отъ колыбели до могилы. Онъ былъ, помнится, при немъ и въ Москвѣ, гдѣ шаловливый и острый ребенокъ уже набирался раннихъ впечатлѣній, рѣвываясь и бѣгая на колокольню Ивана Великаго и знакомясь со всѣми закоулками и окрестностями златоглавой столицы. Не знаю, былъ ли при немъ вѣрный дядька въ лицѣ, гдѣ вдохновенный юноша испытывалъ свои поэтическія силы, и позже въ Одессѣ и въ Бессарабіи, гдѣ такъ еще живо помнятъ безпечнаго и милого поэта. Но онъ былъ съ нимъ и въ Псковскомъ уединеніи—въ сельцѣ Михайловскомъ, гдѣ восторженный юноша созрѣвалъ духомъ творчества, и сопровождалъ уже славнаго писателя изъ сѣверной столицы въ послѣдній приютъ: въ Святогорскій Успенскій монастырь, Псковской губерніи, Опочковскаго уѣзда».

Письмо, о которомъ говорить Сушковъ и которымъ онъ пользуется для сообщенія нѣкоторыхъ отрывковъ, сохранилось въ подлинникѣ у моего дяди. Мнѣ оно доставлено въ точной копіи, которую и привожу:

«Милостивая государыня

«Вѣра Петровна!

«Зная, что покойный Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ постоянно находился въ весьма дружескихъ отношеніяхъ съ супругомъ вашимъ Николаемъ Гавриловичемъ, съ которымъ онъ состоитъ въ родствѣ, бывъ внукомъ дочери адмирала Ивана Михайловича Головина, Евдокии Ивановны, супруги Александра Петровича Пушкина, дѣда Александра Сергѣевича¹⁾, и что поэтому производится по снудоду поминовеніе бабки его и самого Александра Сергѣе-

¹⁾ Замѣчательно, что родъ Головиныхъ, по женскому колѣну, связанъ съ двумя поколѣніями писателей: князя Кантемира и Пушкиныхъ (племянникъ и дядя В. Л. Пушкинъ). «Родословная Головиныхъ и села Новоспасскаго-Деденово, сочиненіе Казанскаго, Москва, 1847 г., типогр. Селиванова». Прим. Н. Сушкова.

вича Пушкиныхъ въ церкви Михаила Архангела, основанной великимъ княземъ Михайломъ Александровичемъ Тверскимъ, Старицкаго уѣзда, въ бывшемъ приходѣ удѣльнаго княжества Микулинскомъ, что нынѣ Микулино-Городище ¹⁾), принадлежащемъ вамъ съ супругомъ вашимъ, я вмѣняю себѣ за особое удовольствіе принести вамъ въ даръ для сохраненія въ родѣ вашемъ препровождаемую у сего камеръ-юнкерскую шляпу великаго нашего поэта. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ постоянно употреблялъ эту шляпу до послѣдняго времени своей жизни съ камеръ-юнкерскимъ мундиромъ. Она получена мною на другой день погребенія Александра Сергѣевича отъ стараго дядьки его Никиты Козлова, который находился при немъ въ малолѣтствѣ, потомъ состоялъ при немъ все время пребыванія въ Псковской его деревнѣ, гдѣ онъ написалъ лучшія свои произведенія, и оставался до послѣдней минуты жизни его. Ему же поручено было отвезти тѣло Александра Сергѣевича въ монастырь близъ той деревни, гдѣ онъ и погребъ его.

«Примите этотъ даръ, столь для меня драгоценный, какъ знакъ признательности моей за то дружеское расположеніе, которое вы и Николай Гавриловичъ втеченіе столь многихъ лѣтъ оказывали мнѣ. Но этотъ даръ принадлежитъ вамъ по праву, по любви вашей къ отечественной словесности и по тому постоянному дарованію, которымъ природа столь щедро надѣлила васъ въ числѣ другихъ превосходныхъ качествъ вашихъ ²⁾. Я прошу васъ принять увѣреніе и т. д.»

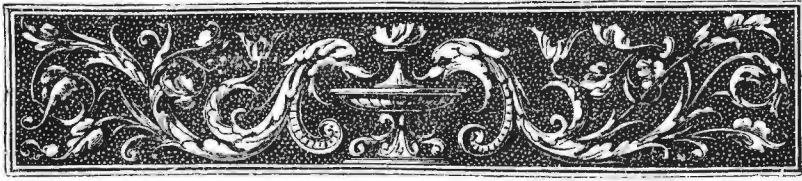
«Нарцизъ Тарасенко-Отрѣшковъ, бывшій опекунъ надъ малолѣтними дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина».

Баронъ Н. В. Дризенъ.

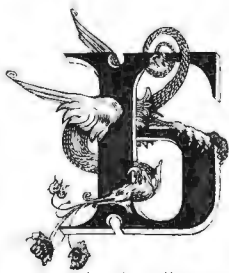

¹⁾ См. брошюру И. Снегирева: «Соборъ въ Никулинѣ Городищѣ», Москва, 1851 года.

²⁾ Вѣра Петровна Головина не чужда была литературѣ. Кромѣ участія во многихъ современныхъ журналахъ (между прочимъ, въ томъ же «Раутѣ» Сушкова), фамилія ея попадаетъ въ заглавіи различныхъ стихотвореній, изданныхъ «по поводу». Такъ, перу ея принадлежатъ: «Кантата въ два голоса съ хоромъ» (Москва, 1851 г.), «Весенняя русская пѣсня къ солнышку» (Москва, 1854 г.), «Достопамятные для Россіи годы: 1812 годъ» (Москва, 1854 г.) и др.

КЪ БЮГРАФІИ А. А. ГРИГОРЬЕВА.

ЛАГОДАРЯ любезности директора Оренбургскаго Николаевскаго кадетскаго корпуса, генераль-маіора Ф. М. Самоцвѣтъ, мнѣ удалось отыскать въ корпусномъ архивѣ три довольно интересныхъ дѣла, касающихся извѣстнаго покойнаго критика А. А. Григорьева. Въ первомъ изъ нихъ есть весьма цѣнныя данныя о его происхожденіи и служебной дѣятельности ранѣе поступленія сюда преподавателемъ, а послѣдніе два характеризуютъ его жизнь въ Оренбургѣ¹⁾.

I.

Изъ аттестата, выданнаго директоромъ училищъ Московской губерніи, отъ 4-го мая 1860 г., за № 667, видно, что коллежскій ассесоръ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ (въ то время 37 лѣтъ) происходилъ изъ мѣщанъ, обучался въ Московскомъ университетѣ и, по исключеніи въ 1842 году правительствующимъ сенатомъ изъ податнаго сословія, окончилъ курсъ наукъ со степенью кандидата. Въ томъ же году, 22-го декабря, поступилъ на службу въ библиотеку этого университета съ переименованіемъ въ коллежскіе секретари, а 19-го августа слѣдующаго 1843 года утвержденъ въ должности секретаря университетскаго совѣта. Отсюда

¹⁾ Здѣсь не могу не выразить искренней благодарности надворному совѣтнику Н. М. Григорьеву (бухгалтеру корпуса) и подполковнику В. Ф. Эвальдъ за ихъ рассказы и указанія.

25-го сентября того же года, А. А. былъ перемѣщенъ во 2-й департаментъ С.-Петербургской управы благочинія канцелярскимъ чиновникомъ, затѣмъ 14-го декабря 1844 г. переведенъ въ 1-е отдѣленіе 5-го департамента правительствующаго сената, гдѣ 6-го марта 1845 г. утвержденъ младшимъ помощникомъ секретаря, но недолго оставался въ этой должности и въ этомъ же году, 7 іюня, былъ уволенъ, съ обращеніемъ, согласно 381 ст. т. III св. зак. (изд. 1842 г.), во 2-й департаментъ С.-Петербургской управы благочинія, откуда по прошенію «уволенъ отъ службы» 7-го декабря того же года.

Пробывъ безъ службы послѣ этого около трехъ лѣтъ, А. А. 1-го августа 1848 г. снова «опредѣлился на опытъ» въ Александровскій сиротскій институтъ учителемъ гражданскихъ и межевыхъ законовъ и практическаго дѣлопроизводства, въ каковой должности былъ утвержденъ 18-го августа 1849 г., «со дня вступленія на опытъ». 24-го мая 1850 г., на основаніи высочайшаго повелѣнія, по случаю преобразованія сиротскаго института въ кадетскій корпусъ, вмѣстѣ съ воспитанниками двухъ специальныхъ классовъ, для окончанія ими институтскаго курса, переведенъ въ Московскій воспитательный домъ, гдѣ за успѣхи произведенъ въ титулярные совѣтники, со старшинствомъ 22-го апрѣля 1850 г. Помимо этихъ прямыхъ своихъ обязанностей, онъ, съ 15-го марта 1851 г., несъ еще обязанности старшаго учителя законовѣдѣнія при 1-й Московской гимназіи, въ которой съ 16-го октября того же года по 4-е сентября 1852 г. состоялъ секретаремъ педагогическаго совѣта. Когда же 1-го августа 1853 г. совершенно окончились занятія при воспитательномъ домѣ, Ап. Алекс. въ ноябрѣ, съ высочайшаго соизволенія, получилъ за эту службу «единовременное награжденіе» 300 рублей сер., а за отличіе по службѣ въ гимназіи, 21-го августа 1856 г., всемилостивѣйше пожалованъ «обыкновеннымъ подаркомъ въ 250 рублей», вмѣсто коего получилъ деньгами. Въ слѣдующемъ же году, высочайшимъ приказомъ 12-го февраля, за выслугу лѣтъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, со старшинствомъ 12-го апрѣля 1856 года. Но вскорѣ послѣ этого, а именно 5-го января 1858 г., согласно прошенію, приказомъ за № 4, уволенъ отъ службы, по болѣзни, и до опредѣленія учителемъ въ Неплюевскій кадетскій корпусъ никуда на службу не поступалъ.

Во время службы «въ походахъ, штрафахъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ»; пользовался отпускомъ два раза: въ 1844 г. на 24 дня, который былъ продолженъ еще на 14 дней и изъ отпуска «явился въ срокъ»; другой разъ былъ уволенъ съ высочайшаго соизволенія на 4 мѣсяца за границу: въ Италію и Южную Францію, «каковымъ отпускомъ воспользовался съ 4 іюля 1857 г. и до увольненія отъ службы къ должности изъ этого отпуска не являлся».

Дальнѣйшія свѣдѣнія послужного списка А. А. показываютъ, что онъ «къ опредѣленію статской службы аттестовался способнымъ

и къ повышенію чиномъ достойнымъ; случаямъ, лишающимъ его права на полученіе знака отличія безпорочной службы, не подвергался; женатъ первымъ бракомъ на Лидіи Ѳедоровнѣ Коршъ ¹⁾, имѣеть дѣтей—сыновей ²⁾: Петра, рожденнаго 23 января 1850 г., и Александра,—въ январѣ 1852 г. Какъ онъ самъ, такъ жена и дѣти вѣроисповѣданія православнаго».

По выходѣ изъ Московской гимназіи въ отставку, обстоятельства для Аполлона Александровича, видимо, сложились не особенно благоприятно, не смотря даже на то, что у жены его въ Москвѣ, на Якиманкѣ, въ приходѣ Успенія въ Наливкахъ (V-й кварталъ) былъ собственный домъ,—такъ что ему снова пришлось искать службы. Какъ разъ, вскорѣ послѣ этого, въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, послѣ смерти учителя А. П. Грязнова, открылась вакансія на должность преподавателя словесности, и А. А. подалъ прошеніе о назначеніи его туда, тѣмъ болѣе, что корпусъ этотъ, въ силу дарованныхъ ему императоромъ Александромъ I-мъ привилегій, былъ единственнымъ ближайшимъ къ центру Россіи учебнымъ заведеніемъ, пользовавшимся громадными передъ прочими преимуществами. Всѣ, поступающіе въ него на службу, хотя бы изъ отставки, имѣли право на полученіе двойныхъ прогоновъ и не въ зачетъ годового оклада жалованья на подъемъ и обзаведеніе, но только съ обязательствомъ прослужить тамъ не менѣе трехъ лѣтъ. А такъ какъ къ тому же Оренбургъ былъ въ то время центромъ управленія всего обширнаго Оренбургскаго края и могъ представляться приличнымъ городомъ «во всѣхъ отношеніяхъ», гдѣ можно было бы обмѣняться мыслями и не погрязнуть въ тенетахъ рутины и во мракѣ невѣжества, то служба здѣсь казалась одной изъ заманчивыхъ. Такъ, по всей вѣроятности, думалъ и А. А., но впоследствии долженъ былъ горько разочароваться.

Опредѣленіе его сюда «учителемъ 3-го рода по предмету русскаго языка» состоялось по высочайшему приказу 29-го марта 1861 года, объявленному въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ за № 2858, но явился онъ въ Оренбургъ только 9-го іюня, то-есть слишкомъ черезъ два мѣсяца.

Почему произошла такая медленность въ его отъѣздѣ изъ Петербурга, гдѣ онъ жилъ въ то время, изъ дѣлъ не видно. Вѣроятно, одной изъ существенныхъ причинъ этого было или позднее полученіе имъ предписанія о назначеніи, или же главнымъ штабомъ военно-учебныхъ заведеній почему либо задерживалась выдача

¹⁾ Сестра редактора сначала Московскихъ, а потомъ Петербургскихъ Вѣдомостей.

²⁾ Изъ сыновей А. А. остался въ живыхъ Александръ Аполлоновичъ, который состоитъ въ настоящее время чиновникомъ особыхъ порученій министерства финансовъ, Петръ же Аполлоновичъ умеръ въ началѣ 1893 г.

прогонныхъ денегъ, и поэтому А. А. только 20-го мая имѣлъ возможность выѣхать изъ столицы.

Передъ выѣздомъ ему было выдано: половина оклада слѣдующаго не въ зачетъ жалованія (за вычетомъ 10% въ пользу увѣчныхъ) 364 рубля 50 к., а вмѣсто двойныхъ прогонъ ординарные и подорожная на двѣ лошади; кромѣ того, наканунѣ отъѣзда онъ занялъ у петербургскаго купца Насовскаго еще 63 рубля. Такимъ образомъ у него скопилось болѣе 500 р. серебр., сумма по тогдашнему времени, при счетѣ на ассигнаціи, не малая. На эти деньги можно было бы прекрасно проѣхать 3 тысячи верстъ отъ Петербурга до Оренбурга, не нуждаясь ни въ чемъ, и прекрасно устроиться въ Оренбургѣ. Однако А. А. умудрился пріѣхать туда почти безъ копейки въ карманѣ, не говоря уже о различныхъ пожиткахъ и домашнемъ скарбѣ, и тотчасъ же по пріѣздѣ обратился къ директору корпуса генераль-маіору М. С. Шилову съ просьбой «о выдачѣ ему на домашнее устройство и обзаведеніе 200 рублей сер. въ зачетъ слѣдующей отъ корпуса второй половины годового оклада жалованія». По докладѣ о томъ Оренбургскому генераль-губернатору, Безаку ¹⁾, послѣдній 18-го іюня положилъ резолюцію: «согласенъ», и деньги были безпрепятственно выданы, но ихъ А. А. едва-едва хватило на мѣсяць.

Видимо онъ не старался «беречь копеечку про черный день» и тратилъ деньги попустому. Это всего яснѣе видно уже изъ того, что А. А. мало заботился выплачивать «по заемнымъ письмамъ» долги и совсѣмъ не думалъ объ оставшейся въ Москвѣ семьѣ, такъ что жена его Лидія Федоровна принуждена была не разъ обращаться то къ генералу Безаку, то къ директору корпуса, прося вычитать «изъ причитающагося мужу ея жалованья слѣдующую по закону сумму».

Служакой былъ А. А. не завиднымъ. Такъ, напримѣръ, уѣзжая изъ Петербурга, онъ не только не потрудился явиться по начальству, но даже «формально» не сообщил о днѣ своего выѣзда штабу военно-учебныхъ заведеній, такъ что послѣднему пришлось 23-го августа сдѣлать запросъ директору корпуса—«прибыль ли учитель Григорьевъ въ Оренбургъ, когда именно и почему преподаватель этотъ, вопреки предписанія, даннаго ему штабомъ, отъ 17-го мая 1861 г. за № 2520, о днѣ отправленія своего къ мѣсту новаго его служенія не донесъ». Генераль-майоръ Шилонъ потребовалъ отъ А. А. объясненія по этому случаю, и онъ 11-го сентября представилъ ему такой курьезный рапортъ:

«Вслѣдствіе резолюціи вашего превосходительства на предпи-

¹⁾ Генераль-адъютантъ, генераль-отъ-артиллеріи Безакъ, бывший впоследствии (съ 1864 г.) кievскимъ, подольскимъ и волынскимъ генераль-губернаторомъ, правилъ Оренбургскимъ краемъ съ 1860—1864 г.

саніи Штаба военно-учебныхъ заведеній, 23 августа, № 4868, имѣю честь почтительнѣйше донести, что въ самый день отъѣзда моего изъ Санктъ-Петербурга, мая 20-го дня, я написалъ рапортъ объ отъѣздѣ моемъ въ Штабъ военно-учебныхъ заведеній и опустилъ оный въ ящикъ городской почты, не считая необязаннымъ привозить его лично».

Директоръ корпуса сообщилъ, конечно, объ этомъ въ Петербургъ, и дѣло этимъ кончилось безъ всякихъ для А. А. послѣдствій.

II.

Поселился А. А. въ Оренбургѣ на Губернской (что нынѣ Большая Николаевская) улицѣ, въ домѣ купца Ладыгина, всего въ какихъ нибудь ста шагахъ отъ корпуса, занявъ квартиру только въ двѣ комнаты, и велъ самую безалаберную жизнь.

Не смотря на массу денегъ (болѣе 1000 рублей), полученныхъ имъ въ очень короткій срокъ (съ 19 мая по 24-е октября), онъ ровно ничего не имѣлъ, ибо все это было скоро спущено въ трубу съ друзьями, въ которыхъ нигдѣ недостатка нѣтъ, особенно когда есть даровое угощеніе.

Первое время, впрочемъ, какъ говорятъ еще и до сихъ поръ здравствующіе его сослуживцы, онъ былъ вполне приличнымъ молодымъ человѣкомъ, былъ принятъ всюду въ обществѣ и пользовался по уму и умѣнію держать себя общимъ почетомъ и уваженіемъ какъ корпуснаго начальства, такъ и товарищей-преподавателей.

На долю его выпало преподаваніе словесности во 2-мъ эскадронѣ корпуса¹⁾, гдѣ слушателями были туземцы, люди, хотя и не съ особенно обширнымъ кругозоромъ, но гораздо больше вникающіе въ смыслъ науки и лучше понимающіе жизнь, чѣмъ избалованныя помѣщичьи дѣти. Будучи къ тому же несравненно нравственнѣе послѣднихъ, они, по своимъ восприимчивымъ натурамъ и жаждѣ знаній, глубже вникали въ предметъ и гораздо скорѣе усвоивали все то, что имъ преподавали. Аполлонъ же Александровичъ, любя свою «словесность» не только какъ учитель, но и какъ

¹⁾ Здѣсь необходимо замѣтить, что до перевода Оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса въ нынѣшнее помѣщеніе на Караванъ-сарайской площади, кадеты корпуса размѣщались въ двухъ зданіяхъ. Первый эскадронъ, гдѣ были исключительно дѣти дворянъ и помѣщиковъ Оренбургской губерніи, помѣщался въ домахъ, которые въ настоящее время занимаются женской гимназіей и прогимназіей на углу Введенской и Неплюевской улицъ, противъ церкви св. Троицы, второй эскадронъ для дѣтей казачьихъ офицеровъ и туземцевъ квартировалъ въ зданіи нынѣшняго учительскаго института, на Николаевской улицѣ, между улицами Эссенской и Неплюевской, противъ Александровскаго сквера; тутъ же рядомъ, черезъ Николаевскую улицу былъ ихъ манежъ, который потомъ передѣланъ въ городской театр, остающійся въ такомъ видѣ до сихъ поръ.

писатель, со всёмъ пыломъ молодости и страстнаго увлеченія старался вложить въ сердца этихъ слушателей свои познанія и развить въ нихъ эстетическое чувство ко всему доброму и прекрасному. И всё воспитанники любили его и съ замѣтнымъ удовольствіемъ всегда слушали его прочувствованныя лекціи.

Видя, что и въ захолустьи есть благія желанія и стремленія къ лучшему, и чувствуя, что бросаемя имъ сѣмена не пропадаютъ даромъ, Григорьевъ рѣшился перенести свою дѣятельность и за стѣны корпуса. Чтобы дать толчокъ къ болѣе возвышеннымъ чувствамъ, пробудить мѣстное общество отъ вѣковѣчной спячки и заставить интеллигенцію думать и понимать такъ, какъ онъ мыслилъ и думалъ, А. А. задумалъ прочесть въ общественномъ собраніи рядъ лекцій «О современномъ образованіи и объ улучшеніи воспитанія юношества», и, кажется, успѣлъ прочитать только одну, но на первыхъ же порахъ встрѣтился съ заскорузлой рутинной. Интеллигенты и особенно устарѣвшіе, съ отжившими взглядами, преподаватели кадетскаго корпуса проводили его съ кафедры злораднымъ смѣхомъ: «Экъ, моль, что вздумалъ проповѣдывать! Видно, человѣкъ ума рехнулся!».

Понятно, послѣ такого приема, у А. А. пропала всякая охота сыпать бисеръ своихъ познаній тамъ, гдѣ онъ попирался ногами. Съ этой поры онъ все больше и больше сталъ избѣгать своихъ товарищей, удалялся отъ общества, лишь въ двухъ, трехъ домахъ отводя душу. Въ это время онъ близко сошелся съ однимъ изъ корпусныхъ дежурныхъ оберъ-офицеровъ Степаномъ Николаевичемъ Федоровымъ, кутилой—какихъ мало, но человѣкомъ не глупымъ и довольно развитымъ.

Сначала новые друзья бесѣдовали тихо и скромно объ отвлеченныхъ матеріяхъ и выпивали только «по единой», потомъ же, чѣмъ дальше, тѣмъ доза живительной влаги начала увеличиваться, и въ концѣ-концовъ А. А. совсѣмъ свихнулся съ истиннаго пути, сталъ манкировать службой, часто пропускалъ лекціи и повелъ жизнь самую, можно даже сказать, неприличную. Знакомые и товарищи отъ него отшатнулись. Начальство стало уже косо поглядывать на его поведеніе и занятія. Только одинъ инспекторъ классовъ, полковникъ П. В. Митуричъ, преклоняясь передъ его умомъ и сочувствуя его положенію, оставался вѣренъ ему и всёми мѣрами старался защищать его отъ нападокъ директора и преподавателей¹⁾. А. А. до того опустился, что если у него не было на что выпить, онъ спокойно являлся въ чей нибудь знакомый домъ, безъ церемоніи требовалъ водки и напивался до положенія ризъ.

¹⁾ Говорятъ, что Митуричъ самъ любилъ выпить и лишь потому защищалъ своего друга, что они частенько съ нимъ вдвоемъ проводили длинные зимніе вечера за штофчикомъ «ведена вина».

О себѣ онъ положительно не заботился. Ходилъ въ старомъ потертомъ сюртукѣ, грязный, оборванный, съ длинными нечесанными волосами и имѣлъ самый непривлекательный видъ. «Даже вчужѣ жалко было смотрѣть на него»,—вспоминаютъ еще до сихъ поръ бывшіе его сослуживцы. — «А вѣдь какой прекрасный человѣкъ былъ, душа-человѣкъ, скромный, умный, даровитый человѣкъ! Если бы кто сумѣлъ поддержать его, онъ бы такъ не пилъ и могъ много принести пользы».

Въ концѣ-концовъ, А. А. и самъ не могъ вынести такую безалаберную жизнь въ душной ему атмосферѣ, взялъ отпускъ, уѣхалъ 5-го іюня 1862 г. въ Петербургъ и оттуда больше не возвращался.

III.

Отпускъ А. А. «въ города Москву и Петербургъ для устройства домашнихъ дѣлъ и перевозки семейства въ Оренбургъ» былъ разрѣшенъ до 1-го августа, но настало и это число, прошелъ мѣсяць, потомъ другой, наконецъ, уже наступила зима, а онъ никакихъ извѣстій о себѣ не подавалъ. Начальство корпуса терялось въ догадкахъ о причинѣ такого долгаго молчанія и, такъ какъ со дня окончанія отпуска прошло четыре мѣсяца, то былъ составленъ докладъ, коимъ 4-го декабря 1862 г. директоръ корпуса вошелъ съ представленіемъ объ увольненіи учителя Григорьева «вовсе отъ должности». Генераль-адъютантъ Безакъ съ этимъ, конечно, согласился.

Уже было приготовлено объ этомъ донесеніе въ штабъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, какъ 14-го декабря А. А. самъ прислалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ заболѣлъ я воспаленіемъ печени, но, надѣясь излѣчиться, не увѣдомляя моего начальства по командѣ. Нынѣ же болѣзнь моя еще болѣе усилилась, и я вовсе не могу продолжать службы». При прошеніи было приложено медицинское свидѣтельство, выданное отъ сверхштатнаго врача при петербургской полиціи Баканина и помѣченное 19-мъ августа 1862 г., изъ котораго также видно, что А. А. «съ 27 іюля сего года заболѣлъ воспаленіемъ печени и катаромъ двѣнадцати-перстной кишки (hepatitis cum cathari in duodenal intest) и поэтому не можетъ продолжать путь».

Видимо, А. А. или по случаю болѣзни не въ состояніи былъ своевременно послать это свидѣтельство, или же, чувствуя свою виновность передъ начальствомъ, просто хотѣлъ обфлить себя. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней отъ него было получено другое свидѣтельство, выданное старшимъ врачомъ 2-го кадетскаго корпуса, докторомъ медицины, статскимъ совѣтникомъ Соренко, отъ

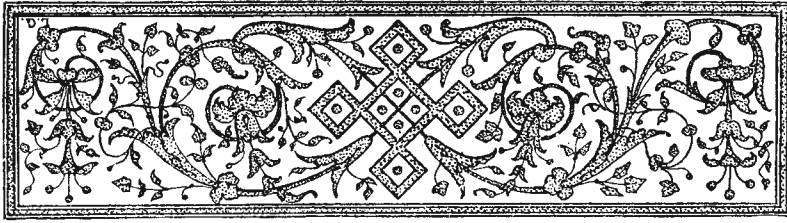
31-го декабря 1862 г., въ которомъ уже значилось, что «А. А. Григорьевъ, 40 лѣтъ отъ роду, страдаетъ хроническимъ легочнымъ катарромъ и завалами брюшныхъ внутренностей съ разстройствомъ пищеваренія, болѣзнь требуетъ постояннаго и продолжительнаго лѣченія при устраненіи служебныхъ обязанностей».

Само собою разумѣется, основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, А. А. корпуснымъ начальствомъ былъ представленъ «по прошенію къ увольненію въ отставку за болѣзною» и 5-го мая 1863 г., за № 20, состоялся объ этомъ высочайшій приказъ, а на его мѣсто учителемъ былъ опредѣленъ Павелъ Николаевичъ Распоповъ, кандидатъ словесныхъ наукъ.

Но этимъ мытарство А. А. не кончилось. Такъ какъ онъ не выслужилъ въ корпусѣ положеннаго трехгодичнаго срока, то съ него причиталось взыскать выданные ему въ пособіе 810 рублей (годовой окладъ). Когда полиція явилась къ нему на квартиру (онъ жилъ по Вознесенскому проспекту, въ домѣ Соболевой, III части, 5 квартала) описывать за этотъ долгъ его имущество, у него ровно ничего не нашли. Онъ не имѣлъ даже рубля, чтобы выслать въ Неплюевскій корпусъ на гербовый листъ для написанія ему аттестата, и только какая-то редакція исполнила это требованіе корпуснаго начальства.

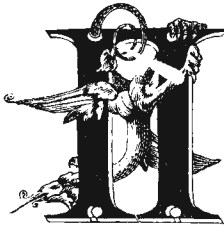
П. Юдинъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ СИЛУЭТЫ.

Графъ П. А. Толстой у Наполеона ¹⁾).

ОЭТЫ и художники всего охотнѣе ищутъ въ жизни человѣческой трагедій, комедій и водевиля. На самомъ же дѣлѣ, какъ посмотрѣть да посравнить, жизнь человѣческая большая любительница злой сатиры. Олицетворяя эту жизнь, невольно скажешь, что ей нравится ставить людей на неподходящія для нихъ мѣста, нравится задавать имъ работы не по сердцу, да и не по силамъ, съ единственною цѣлью зло посмѣяться надъ потугами и усиліями бѣднаго человѣка сдѣлать то, чего онъ дѣлать не умѣетъ, стать съ достоинствомъ тамъ, гдѣ ему, по всей организаціи индивидуальной и индивидуальнымъ привычкамъ и наклонностямъ, стоять трудно или даже и совсѣмъ невозможно. Въ сущности всѣми нами жизнь играетъ, какъ кошка съ мышью, нимало не смущаясь, какія въ этихъ случаяхъ слезки достаются бѣдной мыши...

Восемьдесятъ-девятый томъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, главнымъ образомъ, заключающій въ себѣ письма и донесенія графа П. А. Толстого, занимавшаго отвѣтственный постъ чрезвычайнаго посла императора Александра у особы Наполеона въ періодъ между Тильзитомъ и Эрфуртомъ, предста-

¹⁾ Посольство графа П. А. Толстого въ Парижъ, въ 1807 и 1808 годахъ. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ LXXXIX. Изданъ подъ редакціею Н. К. Шильдера. Спб. 1894.

вляеть яркій образчикъ подобной жизненной сатиры, гдѣ на долю бѣднаго и прямодушнаго Толстого выпала неблагоприятная роль мыши въ игрѣ съ такой кошкой, какою былъ по натурѣ и хотѣлъ быть сознательно Наполеонъ. Сатира эта кажется по отношенію къ Толстому тѣмъ болѣе жестокой и злой, что онъ ни одной минуты не признавалъ себя сколько нибудь способнымъ къ тонкой и трудной роли дипломата при «небываломъ» дворѣ, какую ему надлежало выполнить на новомъ мѣстѣ. По понятіямъ того времени, Толстой принадлежалъ къ партіи, которая, такъ сказать, прямо изъ монархическихъ традицій, упорно не желала признавать въ Наполеонѣ императора французовъ, и когда, въ этомъ отношеніи, подъ вліяніемъ политическихъ событій, и особенно послѣ Фридриандскаго погрома, императоръ Александръ почелъ за благо круто и радикально измѣнить свое подобное же мнѣніе на противоположное, Толстой продолжалъ оставаться при прежнемъ образѣ мыслей и съ трудомъ переваривалъ Наполеона, какъ настоящаго монарха. Конечно, трудно не согласиться съ Н. К. Шильдеромъ, что это было смѣшно, но нельзя не признать также, что лично, по отношенію къ образу мыслей Толстого, это было въ то же время и честно. Онъ вѣдь ни минуты не скрывалъ своего постояннаго образа мыслей на Наполеона, какъ на проходимца и счастливаго авантюриста, не скрывалъ ни отъ кого и тѣмъ менѣе отъ своего государя, сколь тяжело и не по сердцу ему было принять новое высокое назначеніе, къ которому онъ считалъ себя совсѣмъ не подготовленнымъ. Но императору Александру почему-то казалось особенно важнымъ послать къ Наполеону вмѣсто дипломата храбраго воина, который бы умѣлъ говорить съ нимъ открыто, посолдатски, и тѣмъ скрѣпить возникшую на Нѣманскомъ плоту дружбу русскаго потомственнаго государя къ корсиканскому выскоккѣ. Если бы Наполеонъ былъ только солдатъ, только полководецъ, то, можетъ быть, выборъ графа Толстого, какъ посла, могъ бы оправдать возлагавшіяся на него надежды, но императоръ французовъ былъ не даромъ корсиканцемъ, то-есть имѣлъ въ своихъ жилахъ достаточно итальянской крови, чтобы понимать Макіавеля, и прямодушію Толстого противопоставлять чрезвычайную любезность и подчеркнутую предупредительность, за которыми солдатъ и воинъ вскорѣ началъ подозрѣвать всякаго рода злыя намѣренія и коварные замыслы «данаица, дары приносящаго», противъ Россіи и ея союзниковъ. Къ этому же времени, какъ извѣстно, относится и попытка Наполеона войти въ родство съ русскимъ императорскимъ домомъ посредствомъ женитьбы на сестрѣ императора Александра, великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Между тѣмъ, такая дерзость со стороны корсиканца приводила честнаго и преданнаго графа въ истинное и изумленное негодованіе.

Къ довершенію еще крайне трагикомическаго положенія нашего

посла слѣдуетъ отнести недостатокъ отпущенныхъ ему средствъ на представительство, что сразу же поставило его въ неловкое положеніе посла, вынужденнаго одолажаться разнаго рода подарками и милостями монарха, у персоны котораго онъ былъ акредитованъ. Такъ, узнавъ, что Толстой остановился въ гостинницѣ, Наполеонъ поспѣшилъ подарить ему отель, вполне меблированный, а также предложилъ ему пользоваться императорской конюшнею. Конечно, въ Петербургѣ тотчасъ же по прибытіи вмѣсто Савари новаго посла Наполеона, Коленкура, также поспѣшили подарить ему домъ на набережной, купленный у князя Волконскаго, еще болѣе роскошный, а также и двѣ запряжки чудныхъ лошадей; но, во всякомъ случаѣ, инициатива осталась и здѣсь, какъ и на поляхъ битвъ, за корсиканцемъ, и инициатива тѣмъ болѣе обидная, что Толстой, по недостатку отпущенныхъ ему средствъ, въ самомъ дѣлѣ нуждался въ подаркѣ Наполеона, тогда какъ по царски обставленный и раззолоченный Коленкуръ, державшій себя при русскомъ дворѣ на высотѣ самаго строжайшаго этикета, требовавшій отдачіи ему, какъ императорскому послу, всѣхъ принятыхъ и даже сугубыхъ почестей, въ сдѣланномъ ему отвѣтномъ подаркѣ нуждался мало¹⁾.

Далѣе, пославъ къ Наполеону Толстого—воина и солдата, императоръ Александръ находилъ нужнымъ имѣть сношенія съ французскимъ дворомъ и вообще съ Франціею помимо своего официальнаго посла, такъ что иногда этотъ послѣдній получалъ свѣдѣнія о Россіи непосредственно отъ Наполеона же, при чемъ тотъ, конечно, сообщая эти свѣдѣнія русскому послу, добродушно посмѣивался. Сообразивъ все это, легко себѣ представить, какъ страстно, какъ усердно молилъ Толстой и министра иностранныхъ дѣлъ Румянцева (приверженца Наполеона), и всѣхъ своихъ друзей, имѣвшихъ значеніе при дворѣ, о своемъ наискорѣйшемъ отозваніи изъ Парижа. Истинными слезами писаны нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, и впечатлѣніе, которое они оставляютъ въ читателѣ, усиливается еще тѣмъ болѣе, что эти молебны и эти просьбы, начавшіяся почти тотчасъ же по прибытіи Толстого въ Парижъ, не были услышаны втеченіе цѣлаго года. Понятно также, что какъ ни искренно хо-

¹⁾ Кстати замѣтить, что домъ, подаренный посольству Наполеономъ и по его счету стоившій миллионъ франковъ, по оцѣнкѣ князя Куракина, наследовавшаго послѣ Толстого мѣсто посла, никуда не годился, былъ малъ, тѣсенъ до того, что, издержавъ на ремонтъ этого отеля 40.000 франковъ, Толстой помѣщался въ одномъ небольшомъ кабинетѣ, который служилъ ему въ то же время спальней и будуаромъ. Домъ, купленный у насъ, у князя Волконскаго и подаренный Коленкуру, не могъ по удобствамъ идти въ сравненіе съ домомъ, подареннымъ Наполеономъ. Любопытно, какъ характеристика личнаго характера графа П. А. Толстого, что онъ никогда не сообщалъ объ этихъ неудобствахъ и недостаткахъ даренаго коня, которому въ зубы не смотря — ни слова. Богачъ же Куракинъ сейчасъ же донесъ о невозможности существовать въ «знаменитомъ» отелѣ своему правительству.

тѣль и желалъ Толстой служить своему государю и творить не свою, а его волю, но это удавалось плохо, и въ концѣ концовъ къ Эрфурту сама собой подготовилась почва взаимнаго недовѣрія и недовольства тогдашнихъ властителей Европы, что въ сущности и привело къ событіямъ отечественной войны, а въ концѣ концовъ и къ паденію Наполеона.

Приходится замѣтить, что составитель превосходнѣйшаго введенія къ этому тому сборника, представляющаго прекрасный очеркъ событій отъ Аустерлица до Эрфурта, Н. К. Шильдеръ, редактировавшій весь томъ, нѣсколько строго относится къ недостаткамъ Толстого, какъ дипломата, и какъ бы приписываетъ ему лично многое, что совершилось въ послѣдствіи, и въ числѣ такихъ укоровъ особенно указываетъ на подчиненіе Толстого — Метерниху, тогда австрійскому посланнику въ Парижѣ, откуда вытекало чрезмѣрное вниманіе, оказываемое нашимъ посломъ дѣламъ въ Испаніи, въ которыхъ Толстой не безъ основанія, однако, провидѣлъ интриги своекорыстія Наполеона и откуда заключалъ о неискренности его въ дружбѣ монарховъ, закрѣпленной Тильзитскимъ договоромъ. А вѣдь въ сущности Толстой оказался правымъ, и фактически событія оправдали его догадку. Надо очень оптимистически смотрѣть на характеръ и честолюбіе Наполеона, чтобы приписывать эти факты будущаго неумѣлости Толстого, какъ нашего перваго посла, и его личному предубѣжденію противъ особы императора французовъ. Конечно, исторіи не передѣлаешь, какъ можно повторить или передѣлать лабораторный сомнительный опытъ; конечно, Толстой, благодаря своимъ личнымъ враждебнымъ воззрѣніямъ на Наполеона, не могъ много помочь укрѣпленію союза послѣдняго съ Александромъ, однако надо же что нибудь оставить и на долю рока, который въ исторіи играетъ громадную и господствующую роль. Какъ и сознавался въ одномъ изъ своихъ писемъ императоръ Александръ, у него не было подходящаго человѣка для трудной роли перваго чрезвычайнаго посла у персоны Наполеона, и онъ выбралъ Толстого, какъ человѣка, который если и не сумѣетъ распутывать и разрубать дипломатически тонко сѣть, которую неизбежно сталъ бы сплетать властитель Франціи вокругъ русскаго посла, кто бы послѣдній не былъ, зато обѣщалъ по свойству характера держать себя съ тактомъ и соотвѣтственно достоинству Россіи, не прибѣгая къ тѣмъ вычурамъ и къ тому нахальному тону спѣсиваго выскочки, которымъ отличился у насъ Коленкуръ, какъ посолъ Наполеона. Толстой былъ всегда простъ, и это какъ нельзя лучше соотвѣтствовало достоинству Россіи, какъ могущества прочнаго и стараго. Крімъ того, Толстой зорко слѣдилъ за Наполеономъ и доставлялъ своему правительству свѣдѣнія достаточно подробныя о всемъ, что происходило при французскомъ дворѣ того времени, и съ этой стороны онъ былъ гораздо лучше Куракина, получив-

шаго то же назначеніе послѣ него и едва не сторѣвшаго на роковомъ балу австрійскаго посла, данномъ въ честь бракосоченія Наполеона съ Маріей-Луизой.

Возможно, что нерасположеніе нашего посла къ личности монарха, около котораго онъ былъ акредитованъ, нѣсколько ускорили ходъ событій и придали Эрфуртскому свиданію его острый и агрессивный, со стороны Наполеона, характеръ, но едва ли справедливо думать, что это нерасположеніе создало событія, которыя, вѣроятно, совершились бы годомъ или двумя позже, чѣмъ они случились на самомъ дѣлѣ. Итакъ, можно сказать, что посольство Толстого Россіи повредило мало, а, можетъ быть, и совсѣмъ не повредило, но что самъ онъ безусловно прожилъ прескверный годъ и находился въ зломъ и нерѣдко крайне тяжеломъ положеніи, это видно изъ каждой строчки его частныхъ писемъ и даже донесеній изъ Парижа. Жизнь насмѣшница въ волю поиграла имъ и заставила выдѣлывать такіе смѣшные выверты, какихъ онъ, какъ честный и преданный слуга своему государю, навѣрное не заслуживалъ. Высказавъ такимъ образомъ мой собственный взглядъ на посольство Толстого въ Парижъ въ 1807 и 1808 годахъ, на основаніи матеріала, находящагося въ поименованномъ Сборникѣ, я считаю себя обязаннымъ нѣсколько подробнѣе сказать о фактическомъ содержаніи этого любопытнаго и поучительнаго тома.

Я уже упоминалъ, что Сборникъ начинается прекрасно составленнымъ введеніемъ, гдѣ сжато, кратко, рѣзко и съ необычайною рельефностью, обусловленною превосходнымъ и детальнѣйшимъ изученіемъ Н. К. Шильдеромъ этой любопытной эпохи нашей исторіи, изображены событія, предшествовавшія Фридландскому погрому и слѣдовавшему за нимъ Тильзитскому миру.

Весь томъ по характеру находящагося въ немъ матеріала раздѣленъ на шесть отдѣловъ. Первые три отдѣла состоятъ изъ дипломатической и военной переписки, относящейся до событій, предшествовавшихъ поѣздкѣ Толстаго въ Парижъ; четвертый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ спеціальныя инструкціи и всякаго рода промеморіи для нашего акредитованнаго посла и только пятый и шестой отдѣлы, самые большіе, конечно, заключаютъ письма и донесенія Толстаго и его переписку съ графомъ Румянцевымъ и частію съ императоромъ Александромъ.

Въ первомъ отдѣлѣ, носящемъ подзаглавіе: «Изъ дипломатической и военной переписки, относящейся къ событіямъ, предшествовавшимъ Тильзитскому миру», конечно, всего интереснѣе донесенія Бенингсена императору Александру о понесенномъ нами пораженіи подъ Фридландомъ и о печальной необходимости заключить съ французами мѣсячное перемиріе. 29 мая императоръ послалъ Бенингсену слѣдующій короткій рескриптъ изъ Тильзита:

«Я получилъ, генераль, вашъ рапортъ отъ 28-го. Ожидаю, что вы исполните вашу обязанность и все, что вашъ долгъ, честь и слава Россіи отъ васъ требуютъ».

Въ этотъ же день авангардъ французовъ атаковалъ Бенингсена при Гельсбергѣ и былъ съ урономъ отброшенъ, но Бенингсенъ поторопился разславить объ этомъ дѣлѣ, какъ объ окончательной и большой побѣдѣ надъ самимъ Наполеономъ.

Въ письмѣ къ Толстому, находившемуся тогда при особѣ прусскаго короля, Бенингсенъ приписалъ слѣдующія знаменательныя строки:

«Что дѣлаютъ австрійцы? Ихъ поведеніе по истинѣ непонятно. Проходимецъ Бонапартъ, увлекшись опять слишкомъ далеко, не даетъ развѣ австрійцамъ большихъ преимуществъ? Если бы они захотѣли, то безъ труда могли бы покончить съ этимъ человѣкомъ, и эрцъ-герцогъ Карлъ, этотъ великій человѣкъ, могъ бы оказать ему даже милосердіе. Нѣтъ, Бонапартъ, я это всегда буду утверждать, болѣе нежели счастливъ».

Это было писано 1 іюня, а 3 іюня изъ Аленбурга тотъ же Бенингсенъ писалъ императору Александру:

«Я долженъ доложить В. И. В., что вчерашній день былъ настолько же неблагоприятенъ нашему оружію, какъ счастливы были предшествовавшіе».

Далѣе слѣдуетъ описаніе фридландскаго погрома, причины котораго указываются въ прорывѣ центра, гдѣ пѣхота, потерявшая многихъ лучшихъ офицеровъ, не выдержала, дала передъ атакой французской кавалеріей тылъ и побѣжала.

Въ заключеніе Бенингсенъ тутъ же пишетъ:

«Во всякомъ случаѣ, я полагаю неизбѣжнымъ и согласнымъ съ осторожностью начать переговоры о мирѣ, хотя бы только съ цѣлью выиграть время и пополнить наши потери».

На это неожиданное извѣстіе императоръ Александръ такъ отвѣтилъ своему разбитому генералу:

«Олита 4-го іюня.

«Генераль, я далеко не ожидалъ такихъ извѣстій, которыя я только что получилъ отъ васъ, послѣ того какъ я вамъ довѣрилъ такую прекрасную армію, уже давшую столько доказательствъ своего мужества. Если у васъ нѣтъ другихъ средствъ выйти изъ затрудненій, въ которыхъ вы находитесь, какъ только начать переговоры о перемиріи, я вамъ разрѣшаю это сдѣлать, но только отъ вашего имени. Я почелъ полезнымъ послать къ вамъ генераль-лейтенанта князя Лобанова, котораго нахожу во всѣхъ отношеніяхъ способнымъ, чтобы ему можно было поручить эти тернистыя переговоры. Онъ вамъ на словахъ расскажетъ о приказаніяхъ, какія я ему далъ, и послѣ соглашенія съ генераломъ По-

повымъ и съ нимъ вы его пошлете къ Бонапарту. Вы должны чувствовать, что мнѣ стоитъ прибѣгать къ этому средству!»

Немного, слѣдовательно, оставилъ зарвавшійся проходимецъ времени великому эрцъ-герцогу австрійскому, чтобы оказать себѣ достаточное великодушіе. Да, и Бенингсенъ и Бонапартъ обладали по праву одной и той же головной буквой Б., но у послѣдняго она служила синонимомъ богатыря, а у Бенингсена—благера или порусски блазня, почему и воевать богатырю съ блазнемъ было трудно... для послѣдняго, конечно! Кстати, въ примѣчаніяхъ къ этимъ матеріаламъ, мы находимъ любопытнѣйшее свѣдѣніе о призваніи послѣ Фридриха и послѣдовавшихъ затѣмъ отступленій графа Буксгевдена, назначеннаго рижскимъ военнымъ губернаторомъ послѣ назначенія Бенингсена главнокомандующимъ дѣйствовавшею арміею. Буксгевденъ ненавидѣлъ Бенингсена, и однажды даже написалъ ему прямо и ясно: «ваша манера думать и дѣйствовать должна возмущать всякаго честнаго человѣка!»

Призванный упорядочить армію, распущенную Бенингсеномъ, графъ Буксгевденъ писалъ брату своему 6-го іюня:

«Ты правъ, говоря, что государь оправдалъ меня въ глазахъ Европы, но дѣло, которое онъ мнѣ передалъ,—заново переорганизовать 200.000 армію и привести въ прежнее положеніе остатки прекрасной арміи, которую я послѣ себя оставилъ, превратившуюся, благодаря несчастному... (неразобранное ругательное слово по адресу Бенингсена) въ безначальную орду, въ которой неповиновеніе достигло высшей степени,—превышаетъ мои силы, и я не вѣрю, чтобы, не смотря на данную мнѣ безграничную власть, можно было скоро возстановить необходимый военный порядокъ».

Однако графъ принялъ таки это дѣло въ свои руки и повелъ его съ такимъ нѣмецкимъ усердіемъ, что самъ же писалъ тому же брату въ ноябрѣ мѣсяцѣ: «какъ много офицеровъ подали въ отставку или просили о переводѣ ихъ въ другія части!».

«Такъ бываетъ всегда,—прибавлялъ онъ,—когда люди отвыкли отъ службы и жили, подобно запорожцамъ! Теперь все имъ кажется труднымъ, мнѣ же, впрочемъ, нравится, что самые плохіе отъ меня уходятъ».

Какъ одну изъ характеристикъ самого Буксгевдена, интересно вспомнить, что писалъ о немъ Ланжеронъ въ своихъ запискахъ:

«Никогда не соединялось болѣе гордости и менѣе таланта, большія претензіи и большая посредственность, болѣе самолюбія и менѣе ума. Его лицо довольно красивое, напыщенное, неподвижное, на которомъ не отражалось никакого чувства, было прекраснымъ зеркаломъ глупости и самодовольства. Буксгевденъ былъ порядочнымъ субалтерномъ, но, какъ генералъ, онъ, конечно, наиболѣе ничтожный и наиболѣе неспособный къ самостоятельному командованію. Безъ женитьбы (на дочери Г. Г. Орлова) онъ бы

прозябалъ въ низшихъ чинахъ. Но его жена сообщила ему свое чванство, которое онъ не могъ смягчить никакими достоинствами».

Второй отдѣлъ Сборника занятъ Тильзитскимъ мирнымъ договоромъ, если не ошибаюсь, напечатаннымъ здѣсь въ первый разъ съ подлинника со всѣми пометками и со всѣми чертами личнаго участія двухъ императоровъ въ его составленіи. Не знаю, былъ ли когда либо въ исторіи подобный случай заключенія договора, гдѣ оба противника такъ много работали лично и частію даже безъ секретарей, какъ это имѣло мѣсто въ Тильзитѣ. Отсюда, конечно, понятенъ тотъ высокій интересъ, какой долженъ представлять историкамъ эпохи, не имѣющимъ доступа къ архивамъ, этотъ второй отдѣлъ Сборника.

Третій отдѣлъ, состоящій изъ историческихъ матеріаловъ и дипломатической переписки отъ заключенія Тильзитскаго мира до отъѣзда графа П. А. Толстого въ Парижъ, и четвертый: Инструкціи, данныя графу Толстому, представляя такой же серьезный, детально историческій интересъ, не допускаютъ компилятивнаго къ себѣ отношенія, и потому, указавъ на эти части Сборника, какъ на наиболѣе серьезныя и исторически цѣнныя, я болѣе подробно остановлюсь на послѣднихъ двухъ отдѣлахъ, V и VI, касающихся самаго пребыванія Толстого въ Парижѣ въ 1807 году, а затѣмъ и въ 1808 году, тѣмъ болѣе, что только здѣсь можно достаточно хорошо разглядѣть историческій силуэтъ графа Толстого, вырисовывающійся вблизи маленькой фигурки корсиканскаго богатыря до Тильзита презрѣннаго Бонапартія, почти антихриста (какъ тогда заявляли народу съ церковныхъ папертей), а теперь — «нашего добраго брата императора Наполеона».

II.

Четырнадцатаго сентября 1807 года императоръ Александръ подписалъ большую инструкцію своему послу, которая начиналась такъ:

«Господинъ генералъ-лейтенантъ графъ Толстой. Возстановленіе мира между Россіей и Франціей заставляеть меня назначить посла въ Парижъ, я тѣмъ менѣе колебался остановить мой выборъ на васъ, что знаю вашу преданность, ваше усердіе ко благу родины и вашу привязанность къ моей особѣ, нисколько не сомнѣваюсь, что вы справитесь, къ моему полному удовольствію, съ дѣломъ, которое я вамъ поручаю».

Этотъ официальный тонъ рескрипта былъ еще смягченъ собственноручнымъ письмомъ императора, составленнымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Я посылаю вамъ, дорогой другъ, письмо къ императору Наполеону и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы отъ всей души по-

желать вамъ счастливаго путешествія и всякаго успѣха въ вашемъ порученіи. Увѣрьте себя, что я смотрю на это, какъ на новую службу, которую вы мнѣ оказываете, и что нельзя быть болѣе, чѣмъ я, къ вамъ привязаннымъ».

Толстой выѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ сентября и прибылъ, почти нигдѣ въ дорогѣ не останавливаясь, въ Парижъ къ 21 октября.

Тотчасъ по пріѣздѣ онъ далъ знать о томъ министру иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, находившемуся вмѣстѣ съ императоромъ въ Фонтенебло, и просилъ назначить ему время торжественной аудіенціи у императора. Почему-то Шампаньи не отвѣтилъ на это въ продолженіе сутокъ, по истеченіи которыхъ фельдъегерь министра сообщилъ Толстому, что Наполеонъ, ожидавшій его пріѣзда съ большимъ нетерпѣніемъ, назначилъ аудіенцію на 24-е октября. Тогда, въ свою очередь, Толстой просилъ отложить этотъ торжественный пріемъ еще на сутки, такъ какъ у него, по его словамъ, ничего для этого пріема не было готово. Въ силу этого пріемъ состоялся только на слѣдующій день, то-есть 6-го ноября по новому стилю, и происходилъ по общепринятой мѣркѣ съ необычайными церемоніями, которыя въ данномъ случаѣ казались Толстому тѣмъ менѣе у мѣста, чѣмъ труднѣе ему было видѣть въ Наполеонѣ императора. Тѣмъ не менѣе все обошлось отлично.

Графъ Толстой, введенный съ разными почестями и церемоніями въ кабинетъ императора, привѣтствовалъ его такую рѣчью:

— «Государь! императоръ мой верховный повелитель, торопясь послать меня къ вашему величеству, хотѣлъ доставить новое доказательство его искренняго желанія связать и укрѣпить дружественныя отношенія, которыя установлены между двумя правительствами Тильзитскимъ договоромъ, въ степени задушевности, столь согласующейся съ ихъ взаимными интересами. Предназначая мнѣ эту почетную и важную задачу, онъ далъ мнѣ понять самое лестное и высокое ко мнѣ благоволеніе, которое я оправдаю только въ томъ случаѣ, если заслужу ваше довѣріе, которое одно можетъ обезпечить успѣхъ моей задачи».

На это съ своей стороны Наполеонъ отвѣчалъ:

— «Я вижу въ задушевномъ союзѣ двухъ націй залогъ не только ихъ собственнаго счастья, но и всей Европы. Я не могу достаточно оцѣнить дружбу императора Александра. Двадцать дней, которые я провелъ съ нимъ въ Тильзитѣ, лучшіе дни моей жизни. Я высоко цѣню и уважаю всѣ качества русскаго народа» и т. д.

Послѣ этого, какъ пишетъ Толстой, слѣдовали разныя любезности по его собственному адресу.

Затѣмъ, когда всѣ церемоніи по представленію посла императору и императрицѣ были наконецъ закончены, Толстому былъ оказанъ пріемъ самый дружественный, по его же собственному

донесенію, и онъ получилъ всѣ права и даже большія, какими пользовались и даже не пользовались многіе нѣмецкіе владѣтельные принцы. Вообще, съ первыхъ же дней Наполеонъ осыпалъ его любезностями и старался очаровать откровенностью, которая должна была подкупить честную душу вѣрнаго солдата, какимъ былъ и хотѣлъ только быть русскій посоль при дворѣ Наполеона. Приѣмъ этотъ былъ на столько необыченъ и тепелъ, такъ сказать, что Толстой сейчасъ же поспѣшилъ написать Румянцеву о томъ, чтобы Коленкуру, отправлявшемуся тогда же къ императору Александру, былъ оказанъ приѣмъ не менѣе того любезный и по внѣшности почетный.

Для характеристики Толстого не лишнее указать на его собственноручную приписку въ томъ мѣстѣ официальнаго письма, въ которомъ онъ рекомендуетъ Румянцеву позаботиться о надлежащемъ приѣмѣ при нашемъ дворѣ Коленкура.

«Вѣдь отличія и милости не составляютъ еще довѣрія, которое при нашемъ дворѣ оказывается часто безъ границъ и безъ мѣры».

И вотъ принятый съ такой помпой официально и съ такимъ дружественнымъ и откровеннымъ доброжелательствомъ неофициально, Толстой, возвратясь изъ дворца, тотчасъ же пишетъ Румянцеву, а на другой день и государю жаркую просьбу о своемъ отозваніи.

Румянцеву онъ пишетъ 26 октября:

«Свѣдѣнія, которыя я имѣлъ честь сообщить вамъ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, о недостаточности моихъ способностей для занятія поста такой чрезвычайной важности, увеличиваются по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства съ громадностью моихъ полномочій и моею отвѣтственности. Переговоры о заключеніи мира съ Турціей будутъ начаты въ Парижѣ. Императоръ Наполеонъ требуетъ для меня болѣе обширныхъ полномочій, чтобы не быть вынужденнымъ постоянно зависѣть отъ громадности разстоянія между Парижемъ и Петербургомъ. Я же не сумѣлъ бы сладить съ дѣломъ столь великимъ и рѣшилъ не приниматься за него. Я никогда не былъ негодіаторомъ и не имѣю ничего такого, что нужно для исполненія столь труднаго призванія. Уже теперь я часто нахожусь въ затрудненіи, не имѣя таланта и свѣдѣній, чтобы бороться противъ министерства, составленнаго изъ людей ловкихъ и глубоко изучившихъ эти дѣла. Оно слишкомъ сильно, чтобы я не могъ удержаться, и чтобы моя нетерпѣливость не повредила въ концѣ концовъ всему дѣлу. Въ заключеніе мой образъ мыслей остался тѣмъ же, и милости императора Наполеона не могли ихъ измѣнить».

Въ концѣ этого же письма, которое довольно длинно, Толстой почти проговаривается о настоящей причинѣ его недовольства. По инструкціи, ему данной, онъ долженъ былъ говорить съ На-

полеономъ объ уступкѣ намъ Молдавіи и Валахіи, какъ о собственной своей идеѣ, а между тѣмъ на одномъ изъ первыхъ же частныхъ свиданій съ Наполеономъ послѣдній высказалъ нашему послу эту мысль, какъ сообщенную ему прямо изъ Петербурга. Между тѣмъ Толстой поставилъ себѣ первой задачей добиться отъ императора исполненія Тильзитскаго трактата по отношенію къ прусскому королю.

«Надо сначала, — пишетъ онъ, — остановить гангрену съ этой стороны, такъ какъ нельзя ручаться, куда повлечетъ Наполеона его вулканическое честолюбіе. У насъ онъ навѣрное надѣется отобрать польскія провинціи, недаромъ же онъ сказалъ въ Варшавѣ Понятовскому:

— «Прощайте, князь, вы обладаете энергіей, имѣете подъ ружьемъ 30.000 человекъ, устройте ихъ, удвойте числомъ, и то, что мы не сумѣли сдѣлать теперь, то можетъ быть сдѣлано черезъ два года».

«Намъ же Наполеонъ оставляетъ большое дѣло въ Азіи, стараясь удалить наши войска частію въ Швецію, частію въ Персію до Остъ-Индіи включительно».

Въ заключеніе опять просьба немедленно отозвать его, такъ какъ онъ можетъ быть полезнѣе добытыми свѣдѣніями изъ разговоровъ съ Наполеономъ двору въ Петербургѣ, чѣмъ въ Парижѣ.

На слѣдующій день, то-есть 28-го октября, Толстой повторяетъ ту же просьбу императору Александру собственноручнымъ письмомъ, которое оканчивается такъ:

«Государь, я бы почелъ себя виновнымъ передъ лицомъ вашего величества, оставаясь долѣ здѣсь; я буду вреденъ вашимъ интересамъ и интересамъ моей страны, и не могу заблуждаться въ послѣднемъ случаѣ. Кромѣ того, мое здоровье очень пострадало за послѣднее время и продолжаетъ страдать отъ волненій нравственныхъ, которыя я испытываю. Я буду у предѣла моихъ желаній, государь, если вамъ угодно будетъ снизить къ моей просьбѣ и удостоить принять мою отставку, которую, основываясь на такихъ ясныхъ мотивахъ, я осмѣливаюсь положить къ вашимъ стопамъ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ просьбъ опять къ Румянцеву летѣло посланіе, начинавшееся словами:

«Чувствуя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе недостаточность моихъ способностей для службы, которую меня заставили принять, я еще разъ повторяю вашему превосходительству мою просьбу объ отозваніи» и т. д.

По всему вѣроятію, уже въ началѣ декабря того же 1807 года графъ Толстой писалъ слѣдующее донесеніе, писанное порусски и имѣющее довольно рѣзкую и категорическую форму:

«Всемилоствѣйшій государь, донесенія мои изъ Фонтенебло достаточно представляютъ вашему императорскому величеству дальновидныя желанія и подвиги французскаго правительства къ но-

вымъ приобрѣтеніямъ чужихъ земель, къ покоренію сосѣднихъ государствъ и къ расширенію своего владычества до конца Европы. Надежда возстановить съ симъ правительствомъ долговременный и основательный миръ есть обманъ, коимъ ослѣпляются слабыя умы, не чувствующіе въ себѣ никакой силы сопротивленія, теряя тѣмъ время и самые способы приуготовить себя къ оборонѣ.

«Дѣйствіе необузданной власти императора Наполеона, дѣятельность и искусство людей, его окружающихъ, необыкновенны. Гишпанія и Португалія скоро падутъ подъ иго Франціи, а потомъ возстановленіе Польши будетъ предметомъ его славолюбія.

«Теперь есть еще время, всемилостивѣйшій государь, усилить Россійскія войска... возстановить дисциплину и т. д.

«Ежели же не примутся нужныя мѣры, то внезапно и съ удивленіемъ увидимъ мы французскія арміи въ границахъ нашихъ, и тогда послѣдствія будутъ неисчислимы.

«Съ угнетеніемъ сердца повергаю къ стопамъ вашего императорскаго величества искренность моихъ мыслей и повтореніе всеподданнѣйшей моей просьбы о увольненіи меня отъ службы, столь мнѣ чуждой и въ коей я ничего успѣть не надѣюсь».

На всѣ эти увѣренія въ неспособности, на всѣ эти просьбы объ отозваніи и увольненіи въ теченіе всего 1807 года Толстой не получалъ рѣшительно никакого отвѣта. Повидимому, какой-то отвѣтъ съ указаніемъ, что императоръ Александръ очень доволенъ своимъ посломъ въ Парижѣ и готовъ его наградить за его полезную и высокую службу, былъ полученъ Толстымъ въ февралѣ 1808 года (письма этого нѣтъ въ Сборникѣ)¹⁾. Но это письмо его видимо крайне обидѣло, и Толстой отвѣчаетъ на него, мало затушевывая свое негодованіе, очень большимъ письмомъ, также безъ числа, но гдѣ мы читаемъ слѣдующія фразы:

«Я не думаю, чтобы была необходимость напомнить вашему превосходительству обстоятельства, которыя меня заставили принять постъ посла при этомъ дворѣ. Вы были свидѣтелемъ всѣхъ моихъ увѣреній и доказательствъ, какъ мало я себя считалъ способнымъ, но я былъ пойманъ и посланъ сюда связаннымъ по ногамъ и по рукамъ, послѣ того какъ многіе, воспитанные на дипломатическомъ поприщѣ, отказались ѣхать. И у меня, графъ, есть собственная метода раздѣлять лицъ, призванныхъ на государственную службу. Одни живутъ на службѣ для того только, чтобы пользоваться почетомъ и милостями, которыя она доставляетъ, другіе только служатъ противъ своего государства, а тѣ, кто бы захотѣлъ пожертвовать собою, чтобы быть ему полезнымъ, наиболѣе часто дѣлаются цѣлью несправедливости правительства».

¹⁾ Если не считать № 68, въ которомъ говорится нѣчто подобное.

Далѣ:

«Вы, графъ, меня достаточно хорошо знаете, чтобы понять, насколько перемѣнчивость и лживость не входятъ въ основы моего характера, и что если я захотѣлъ оставить службу, то твердости и настойчивости для достиженія этой цѣли у меня всегда хватить. Ничто не заставитъ меня отъ этого отказаться, и я прошу ваше превосходительство поддержать передъ государемъ императоромъ мою просьбу объ отставкѣ, на которую я имѣю право по привилегіямъ моего рожденія и на которую я тѣмъ менѣе боюсь получить отказъ, что со времени царствованія императрицы Екатерины и досегодня никого еще не лишали права удалиться со службы.

«Я долженъ еще сознаться, графъ, что мнѣ было крайне тяжело, и что я былъ даже оскорбленъ, увидѣвъ, что ваше превосходительство предполагаете, будто перспектива какихъ нибудь наградъ и отличій могутъ меня отклонить отъ однажды поставленной цѣли. Мнѣ кажется, что въ моментъ, когда Европѣ грозятъ величайшія бѣдствія, когда Россія потеряла свое вліяніе, даже свою независимость, русскому можно было всего этого и желать и его единственной наградой должна служить возможность заботиться о благѣ родины, и вотъ только потому, что я глубоко убѣжденъ въ полной невозможности проявить такія заботы въ положеніи, въ которомъ я нахожусь, я и прошу о моемъ смѣщеніи».

Однако прошелъ февраль, мартъ и половина апрѣля, но отвѣта на эти просьбы все еще не было. Тогда 17 апрѣля Толстой пишетъ своему начальнику слѣдующую угрозу:

«Графъ, я могъ надѣяться получить если не официальный, то хоть конфиденціальный отвѣтъ отъ вашего превосходительства на просьбы мои объ отставкѣ—сознайтесь же, графъ, что даже съ унтеръ-офицеромъ, служащимъ въ чужомъ краю, обращались бы съ большимъ вниманіемъ? Я не знаю за собой вины, которая бы навлекала на меня немилость государя. Будбергъ, Вязмитиновъ, Волконскій, Ливень, наконецъ, Кологривовъ, Милютинъ и такъ далѣе, могли же получить желаемое? Такимъ образомъ изъ русскихъ только я одинъ, просьбы котораго не выслушиваются. Я не могу слѣдить за дѣломъ, графъ, я вамъ повторяю, что боленъ, я приговоренъ надолго къ невозможности ѣздить верхомъ, питье водъ мнѣ необходимо въ теченіе настоящаго лѣта, и я спрашиваю у вашего превосходительства: какую выгоду извлечетъ государь, оставляя меня на посту, гдѣ я только разстроиваю здоровье и состояніе моихъ дѣтей? Я наконецъ буду вынужденъ послать форменную просьбу военному министру, потому что ваше превосходительство не соображаете мнѣ отвѣтить. Я даже не вѣрю, чтобы вы докладывали всѣ мои соображенія его величеству императору, и что онъ видѣлъ всѣ мои письма, между тѣмъ понятно же, что я ихъ писалъ именно съ послѣднею цѣлью, графъ».

Кажется, это ли не страстная и даже почти грубая просьба? Но и на нее не послѣдовало вождельвнаго отвѣта.

Тогда Толстой посылаетъ свою жену въ Петербургъ, со слѣдующей запиской къ Румянцеву:

«Графъ, не получая отъ васъ никакого отвѣта на мои просьбы, чтобы получить отставку, я полагаю, что эти просьбы не имѣютъ уже значенія у трона. Но мое положеніе стало для меня невыносимымъ, и я просилъ жену ѣхать вмѣстѣ съ дѣтьми, чтобы вымолить у его величества императора мнѣ прощеніе, если считаютъ меня виноватымъ, и чтобы получить для меня отставку, чтобы я могъ выльѣчиться. Я прошу ваше превосходительство не отказать ей въ вашемъ содѣйствіи, если она будетъ поставлена въ необходимость къ вамъ прибѣгнуть».

Но и эта угроза не помогла, и Толстой уже въ августѣ опять пишетъ Румянцеву.

Приведа соображенія, какъ мы плохо воспользовались желаніемъ Наполеона, чтобы заведенные имъ въ Испаніи порядки послѣ удаленія короля были нами санкціонированы и не потребовали отъ него никакихъ уступокъ, Толстой заключаетъ:

«Мы могли бы выиграть нѣчто при этомъ обстоятельстве, такъ какъ Наполеонъ считалъ это весьма важнымъ и купилъ бы нашу санкцію какими либо уступками. Плохо судить о немъ тѣмъ, кто думаетъ, что онъ уступить что либо тѣмъ, кто предупреждаетъ его желанія. Опытъ цѣлаго года могъ бы, однако, просвѣтить насъ, къ чему послужили до сихъ поръ всѣ наши любезности. Я не могъ даже добиться возвращенія двухъ русскихъ кораблей, конфискованныхъ вопреки правосудію и третьему параграфу Тильзитскаго договора. Вотъ слѣдовательно, какъ поставленъ посолъ Россіи въ Парижѣ, въ минуту, когда царствуетъ самая искренняя дружба (подчеркнуто въ подлинникѣ) между императоромъ Александромъ и императоромъ Наполеономъ?»

«Если, благодаря откровенности, съ которой я выражалъ всегда мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ нашего двора, я имѣлъ несчастіе потерять довѣріе на столько, что уже не считаютъ нужнымъ сообщать мнѣ о самыхъ обыденныхъ рѣшеніяхъ послѣдняго, то не лучше ли было бы отозвать меня съ поста, съ которого я такъ часто просилъ и до сихъ поръ умоляю быть смѣщеннымъ?»

Кончается же это письмо такой горькой фразой:

«Если его императорское величество считаетъ меня недостойнымъ, то хотя бы онъ пересталъ вредить интересамъ имперіи своей, оставляя на моемъ посту слугу, имѣвшаго несчастіе потерять его благоволеніе и потому не имѣющаго возможности быть ему полезнымъ въ самой слабой степени. Если высказываясь передъ нимъ правдиво и откровенно, какъ я всегда дѣлаю, я подвергся его немилости, пусть хоть соблаговолитъ онъ дать мнѣ возможность

нести послѣдствія этой немилости въ Россіи, а не здѣсь передъ лицомъ всей Европы».

Вѣроятно, къ этому же письму было приложено еще и слѣдующее письмо лично императору Александру:

«Государы! Ваше императорское величество, въ письмѣ, которымъ соблаговолили меня осчастливить передъ моимъ отъѣздомъ, пожалали мнѣ обѣщать уступить моей первой просьбѣ объ отозваніи, которую я повергну къ подножію трона. Вотъ скоро уже годъ, какъ я несу тяжесть назначенія, къ которому не могу привыкнуть. Ваше величество, послѣ того, какъ многіе отказались отъ этого же назначенія, приказали мнѣ принять его, и я подчинился вашей августѣйшей волѣ. Но все имѣетъ предѣлы, государь, и я не могу повѣрить, чтобы я только одинъ не могъ заслужить милосердія вашего величества. Если ежедневно доказываютъ, какъ легко каждому изъ вашихъ подданныхъ, только на основаніи дворянской привилегіи, удалиться со службы, прибѣгать къ вашему правосудію и получать его, то несчастное положеніе моего семейства, мои разстроенныя дѣла, мое потерянное здоровье—все заставляетъ меня, государь, просить у васъ послѣдней милости. Я здѣсь ничего не дѣлаю, безусловно ничего, и я совершенно бесполезенъ, какъ, ваше величество, и сами это отлично знаете. Всякій другой исполнитъ дѣла лучше меня, а многіе и гораздо лучше, такъ какъ я не могу болѣе скрывать отъ себя, что дѣлаюсь смѣшнымъ и правительству у котораго акредитованъ, и публикѣ, среди которой долженъ появляться. Мое положеніе стало мнѣ нестерпимымъ, государь, я въ самомъ дѣлѣ боленъ, и я заболѣю еще серьезнѣе, если благоволеніе вашего императорскаго величества не придетъ ко мнѣ на помощь и не дастъ отставки, чтобы имѣть возможность и надежду возстановить здоровье ранѣе зимы и ненастнаго времени».

Только 1 октября, когда императоръ Александръ прибылъ въ Эрфуртъ, и куда Наполеонъ пригласилъ Толстого за собой слѣдовать, было получено извѣстіе объ отозваніи Толстого, и 29 ноября 1808 года его замѣнилъ князь Борисъ Куракинъ.

Мученія Толстого кончились, но развѣ, судя по справедливости, онъ ихъ заслуживалъ?

III.

Въ самомъ дѣлѣ, заслуживалъ ли Толстой быть цѣлью правительственной несправедливости, какъ онъ самъ о томъ напоминаетъ Румянцеву въ цитованномъ выше письмѣ?

Какъ ни простъ, повидимому, поставленный вопросъ, онъ однако требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеній, прежде чѣмъ можно будетъ на него исторически правильно отвѣтить.

Дѣло въ томъ, что у графа Толстого и у Наполеона были разныя этики. Первый вѣрилъ въ святость разнаго рода словъ. Слово «родина» казалось ему словомъ высокимъ. Передъ словомъ «государь» онъ преклонялся еще ниже; онъ вѣрилъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего тверже и прочнѣе честнаго слова всегда и вездѣ, онъ думалъ поэтому, что утвержденныя подписями договоры святы и незыблемы. Все это было превосходно на судѣ морали, но все это же никуда не годилось на судѣ Наполеона. Этотъ былъ глубоко убѣжденъ, что все хорошее Наполеону хорошо и Франціи. Онъ заключалъ договоры съ большою легкостью, зная, какъ ему легко, заключивъ договоръ, его не исполнить. Толстой уважалъ человѣчество, а Наполеонъ, выдѣливъ себя изъ человѣчества, презиралъ средѹ, изъ которой вышелъ. Общее—Толстой не только мыслить, но главнымъ образомъ чувствовалъ, а Наполеонъ только мыслить, запрещая себѣ чувствовать, но зато стараясь сколь возможно болѣе понимать. Толстой былъ сама правда, Наполеонъ говорилъ и правду и ложь одинаково спокойно и съ одинаковымъ достоинствомъ, сохраняя въ запасѣ утвержденіе, что и ложь, имъ сказанная, все та же правда. Понятно, что такіе два человѣка не могли понимать другъ друга. Но ошибочно было бы думать, что по интеллектуальнымъ дарованіямъ Толстой много уступалъ Наполеону. Напротивъ, этотъ человѣкъ отлично предвидѣлъ и предугадывалъ бѣдствія отечественной войны и послѣдующихъ. Онъ прекрасно понималъ особенности двора, при которомъ былъ акредитованъ и гдѣ съ невообразимымъ блескомъ соблюдался самый строгій и сложный этикетъ, понятный еще при дворѣ стараго режима и совершенно непонятный при дворѣ сына корсиканскаго адвоката, возвысившагося, кромѣ своихъ дарованій и игры случая, еще благодаря жесточайшей и демократичнѣйшей революціи¹⁾. Герцоги—«бывшіе маркеры и повара подражали напыщен-

¹⁾ Боясь выйти изъ рамки моей задачи, я не привожу разныхъ фактовъ дерзкаго и чванливаго поведенія Коленкура при нашемъ дворѣ, но вотъ маленькая исторія, рисующая бдительность и требовательность въ этомъ же отношеніи самого Наполеона.

Съ письмомъ императора Александра, по испанскимъ дѣламъ, былъ посланъ къ Наполеону князь Никита Волконскій въ чинѣ гвардіи полковника. Принятый въ Байоннѣ любезно, онъ при прощаніи съ Наполеономъ черезъ Дюрока, нагнавшаго его на лѣстницѣ послѣ прощальной аудіенціи, получилъ въ подарокъ небольшое кольцо съ маленькимъ брилліантомъ. Найдя для себя этотъ подарокъ незначительнымъ и не по чину, Волконскій, вернувшись въ Парижъ, подарилъ перстень съ сопровождавшему его жандарму «на память отъ русскаго офицера».

И чтожь? Черезъ мѣсяцъ послѣ возвращенія Волконскаго въ Петербургъ, Коленкуромъ былъ, по приказанію Наполеона, возбужденъ формальный запросъ о неуваженіи, оказанномъ Волконскимъ подарку императора.

Разспрашивая по этому поводу своего курьера, императоръ Александръ выразился:

— Хотя вы и не совѣмъ не правы въ этой исторіи, но вашей неосторожностью чуть было серьезно не поссорили меня съ Наполеономъ.

ностью своему великому господину, но, не смотря на усердіе, не переставали постоянно отдавать билліардной и кухней» (выраженіе Буксгевдена). И вотъ среди нихъ-то приходилось играть роль представителя великой монархіи родовитому русскому аристократу. Понятно, что тутъ обѣ стороны совершенно не понимали другъ друга, при чемъ Наполеонъ, вѣроятно, сознавалъ основныя причины подобнаго непониманія и говорилъ и писалъ открыто, что обѣ извѣстныхъ вещахъ съ Толстымъ разговаривать невозможно, но Толстой совершенно не могъ стать на точку зрѣнія Наполеона и, конечно, только видѣлъ, сколько онъ, а частію и его государство, теряютъ отъ подобнаго неумѣнія.

Между тѣмъ, если въ этой игрѣ въ кошку и мышку, мышка была безусловно честна вообще, то и кошкѣ нельзя было отказать въ извѣстной порядочности, а также и въ извѣстной правильности расчетовъ, если признать, что и у кошки могутъ быть законныя потребности и естественныя желанія, сообразныя съ хищнымъ характеромъ ея природы.

И вотъ въ этомъ-то послѣднемъ отношеніи Наполеонъ невольно подкупалъ и до сихъ поръ подкупаетъ почти каждого, кто только не моралистъ—искренностью своей наглою, хищнической программы. Изданный подъ редакціей Н. К. Шильдера томъ Сборника Историческаго Общества много пополняетъ свѣдѣнія, существующія въ этомъ отношеніи въ другихъ источникахъ.

Тутъ рядомъ мы видимъ плавныя, мягкія, обусловленныя доказательствами рѣчи нашего посла, нашего министра иностранныхъ дѣлъ и наконецъ самого императора Александра, которые всѣ имѣли тенденцію болѣе доказывать и убѣждать, опираясь на обычную прописную мораль, между тѣмъ какъ эпистолы Наполеона носятъ чисто повелительный характеръ, съ кѣмъ бы и объ чемъ бы онъ ни говорилъ. Силою и дерзостью дышатъ всѣ написанныя имъ строчки, и если онъ иногда прибѣгаетъ къ доказательствамъ, то это всегда доказательства льва, который считаетъ уже себя правымъ потому, что къ не принадлежащей ему части общаго дѣлежа не осмѣлится притронуться тотъ, кто самъ не чувствуетъ себя львомъ и еще столь же сильнымъ.

Ниже я приведу нѣсколько выдержекъ для доказательства этой мысли; здѣсь же позволю себѣ сказать, что если по собственному сознанію Толстой сталъ смѣшнымъ въ глазахъ двора и французской публики, то вовсе не потому, что былъ недовонокъ и ограниченъ по природѣ. Сейчасъ читатели увидятъ изъ приводимыхъ разговоровъ съ Наполеономъ, что нашъ посолъ далеко не уступалъ императору въ остроуміи, а, напротивъ, иной разъ и превосходилъ его. Но Толстой былъ, грубо говоря, взнузданъ традиціями и своей родовой аристократической этикой, а Наполеонъ былъ необыкновенно сильный, дикій конь, не терпѣвшій

никакой узды и полагавшійся вполне и на свою силу, и на свой природный гений. Въ результатѣ и оказывалось, что на турнирѣ этихъ двухъ людей терялъ, конечно, Толстой и терялъ тѣмъ еще болѣе, что его взгляды сильно противорѣчили тогдашнимъ взглядамъ нашего двора, гдѣ съ каждымъ часомъ увеличивалось число сторонниковъ императора французовъ.

Мы знаемъ, что великій русскій поэтъ вложилъ въ уста Моцарта выраженіе, что «гений и злодѣйство двѣ вещи несовмѣстныя».

И у Моцарта, и у Пушкина это выраженіе—аксіома. Но плохо бы заявилъ свою интеллигенцію тотъ, кто бы захотѣлъ эту же формулу примѣнить къ такимъ гениямъ, какимъ былъ Наполеонъ всегда, а Метернихъ только на почвѣ коварной дипломатіи. Тутъ гений и злодѣйство почти синонимы, и поэтому понятно, какую жалкую и въ самомъ дѣлѣ смѣшную роль игралъ русскій честный воинъ среди двора Наполеона, и при томъ слушая часто коварные и всегда своекорыстные совѣты Метерниха. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ трехъ только Толстой, если не былъ гениальнымъ, зато былъ честенъ.

Съ другой стороны, между общою гениальностью властной и сильной природы Наполеона и своеобразной также гениальностью коварнаго и хитраго Метерниха есть громадная разница. Первый, будучи великъ, не былъ и не могъ быть низокъ. Иное дѣло Метернихъ, этотъ былъ по столько гениаленъ, по сколько былъ низкимъ и коварнымъ. Но вотъ что по истинѣ странно до чудесности—это способность письма сохранять живыя черты пишущаго не только для современниковъ, но, можетъ быть, еще болѣе и для потомства. Въ самыхъ предосудительныхъ писаніяхъ и диктовкахъ Наполеона вы чувствуете и какъ бы даже видите силу, коварство же становится видимымъ, такъ сказать, вполнѣ дѣйстви, и всего болѣе изъ сопоставленія историческихъ фактовъ. Напротивъ, у Метерниха все коварство, все ложь, даже фактическая правда и та у него ложь, до того гениально лживъ былъ этотъ человѣкъ, игравшій такую видную, но незавидную роль въ наполеоновской Европѣ. Напротивъ, истинно ангельская простота составляетъ отличіе писемъ и донесеній Толстого, который, если вѣрилъ Метерниху, то только потому, что самъ не лгалъ и не умѣлъ лгать, если же не вѣрилъ Наполеону, то единственно потому, что сердечно любилъ свою родину и своего государя, и принималъ сильныя предосторожности, чтобы не дать себя закуштить не только лестью и подарками, но даже и признаваемымъ имъ величіемъ характера, военными и административными дарованіями корсиканца. Говорятъ, что военный долженъ храбро драться, юристъ — храбро сомнѣваться въ очевидностяхъ даже, дипломатъ же — еще болѣе храбро лгать, вѣря, что языкъ ему данъ для сокрытія его настоящихъ мыслей. Толстой былъ однимъ изъ любимѣйшихъ офицеровъ Суворова, а этотъ умѣлъ угадывать военные таланты и настоящую военную доблесть. Метернихъ, въ свою

очередь, былъ не даромъ противникомъ столь же лживаго Талейрана, который, получивъ санкцію лгать въ пользу родины, скоро дошелъ до мысли, что еще выгоднѣе лгать направо и налѣво въ свою собственную пользу. Въ сравненіи съ послѣднимъ, который продавалъ свои услуги всѣмъ, кто только хотѣлъ и былъ въ состояніи за нихъ заплатить, самъ Метернихъ долженъ быть признанъ идеаломъ честности, такъ какъ онъ лгалъ и лукавилъ только въ пользу своего отечества и своего государя. Вотъ, слѣдовательно, какъ сугубо относительно добродѣтель съ государственной точки зрѣнія! Отсюда уже понятно, что каждаго подобнаго дѣятеля надо и должно судить только и единственно относительно поставленныхъ ими себѣ цѣлей. Наполеонъ пользовался средствами простѣйшими и ближайшими, не разбирая, какъ послѣднія относятся къ принципамъ безусловной морали, и предпочиталъ немедленную пользу и немедленный выигрышъ благодарному удивленію потомства. Метернихъ поступалъ такъ же, но въ кругу меньшаго діаметра, а Толстой, который все время заглядывалъ въ кодексъ обязательной морали для человѣка, себя уважающаго, хотъ и не упуская цѣли наблюденія за Наполеономъ, добился титула ограниченнаго человѣка и «дипломата поневолѣ», какъ титуловалъ его въ частныхъ письмахъ тотъ же его менторъ и учитель Метернихъ.

Какая же цѣль была у Толстого? На это я долженъ отвѣтить, на сколько понимаю дѣло и могу судить по имѣющимся у меня матеріаламъ; цѣль была совершенно почтенная и разумная. Онъ постоянно писалъ и просилъ Румянцева и императора Александра не довѣрять увѣреніямъ Наполеона, повторяя имъ во многихъ донесеніяхъ, что вѣжливость и предупредительность Наполеона не значать ничего, что надо бояться дружбы съ этимъ безпокойнымъ человѣкомъ, который ведетъ войну не съ народами, а съ династіями, и не успокоится, покуда не овладѣетъ міромъ. Онъ съ похвальнымъ вниманіемъ слѣдилъ за вооруженіями французовъ и упорно сообщалъ о нихъ для предостереженій нашему двору. Онъ съ замѣчательною логикой и даже почти пророчествомъ предсказывалъ зру отечественной войны, громко осуждалъ нашу войну со Швеціей и вовсе не раздѣлялъ общей радости послѣ завоеванія Финляндіи и просилъ держать какъ можно больше войскъ на границѣ Польши, и о принятіи немедленныхъ мѣръ, какія должны были бы служить къ возможно большому укрѣпленію военныхъ силъ Россіи. Но у насъ ему не вѣрили. Это общая участь всѣхъ, кому по волѣ Божіей выпадаетъ на долю грустная участь Ксандры. Но понялъ и оцѣнилъ его кто же? Конечно, Наполеонъ, который потому и заслуживаетъ имени великаго и генія, что никогда не закрывалъ глаза на дѣйствительность, на факты, и не позволялъ себя убаюкивать какими бы то ни было пріятными соображеніями. Онъ отлично понялъ, какую бы онъ могъ извлечь пользу для себя изъ

преданности такого слуги, какъ Толстой, если бы среди своихъ слугъ, которыхъ онъ держалъ на привязи почетами неслыханными, давая имъ герцогскіе титулы и королевскія полномочія и надѣляя за счетъ, положимъ, побѣжденныхъ громадными богатствами, нашелъ бы такого ¹⁾. Онъ боялся Толстого потому всего болѣе, что въ глубинѣ души уважалъ его.

О мнѣніяхъ Толстого и о его предостереженіяхъ, посылаемыхъ своему правительству, Наполеонъ узналъ довольно скоро черезъ возвратившагося изъ Петербурга посланника своего Савари. И вотъ на одной изъ императорскихъ охотъ, куда всего охотнѣе приглашался изъ всѣхъ пословъ одинъ только Толстой, и во время которыхъ Наполеонъ особенно охотно съ нимъ разговаривалъ, произошелъ слѣдующій случай.

Послѣ завтрака, во время котораго императоръ говорилъ съ нашимъ посломъ болѣе всего о торговлѣ Россіи, пришлось до самаго мѣста охоты ѣхать еще нѣсколько верстъ въ экипажахъ. Толстого посадили съ герцогомъ Кобургскимъ, княземъ Боргезе и маршаломъ Неемъ. Въ этой коляскѣ говорили о военныхъ дѣлахъ и перебирали разные случаи послѣдней кампаніи, и, по словамъ Толстого, Ней, по свойственной ему военной же простотѣ и грубости, высказывалъ очень странныя предположенія, хотя они обычны въ устахъ большинства французскихъ генераловъ. Слушая все это, нашъ посолъ молчалъ. Наконецъ, уже непосредственно обращаясь къ нему и даже принимая какъ бы угрожающій тонъ, Ней началъ восхвалять основанія послѣдней новой конскрипціи и особенно настаивалъ на правильной предусмотрительности Наполеона, не упускавшаго случая увеличивать свои силы.

На это Толстой отвѣтилъ:

— Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе и могу только восхищаться мудростью императора Наполеона. Но, не желая ему уступить въ такой же предусмотрительности, завтра же посылаю курьера къ нашему двору, чтобы посовѣтовать послѣдовать его благому примѣру и объявить наборъ въ сто тысячъ человѣкъ, такъ какъ для того, чтобы дружба была постоянной и прочной, друзьямъ всегда надо быть равными другъ другу.

Отвѣтъ этотъ, конечно, сообщили Наполеону, и тотъ, разговаривая съ Метернихомъ, сказалъ ему по этому же поводу:

— Военные ничего не стоятъ въ дипломатіи! Встрѣтивъ другаго военнаго, они не могутъ удержаться, чтобы не заговорить о своихъ походахъ, а это часто замѣшиваетъ неудовольствіе въ дѣла.

¹⁾ Передъ своимъ отъѣздомъ въ Италію, въ ноябрѣ 1807 года, Наполеонъ, узнавъ о недовольствѣ, появившемся среди его маршаловъ, роздалъ имъ, по словамъ Толстого, 12 милліоновъ франковъ, при чемъ безъ всякихъ поводовъ и причинъ маршалъ Ланнъ получилъ на свою долю цѣлый милліонъ франковъ.

Вотъ, напримѣръ, Толстой, какой честный и откровенный человѣкъ, но и онъ подверженъ той же слабости! Да и мои не лучше, хотя бы Савари или Андреоси.

Въ другой разъ, и также на охотѣ, когда уже Наполеонъ навѣрное зналъ черезъ Савари, какъ вообще отрицательно относится русскій посолье ко всѣмъ его дѣйствіямъ и увѣреніямъ, онъ началъ съ нимъ такой разговоръ. На этотъ разъ Толстой вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Прускимъ и Бертье сидѣлъ въ коляскѣ самого императора.

— Скажите, есть у васъ какія либо новыя свѣдѣнія изъ Россіи?

— Нѣтъ, государь.

— А у меня есть, отъ 10-го августа, самыя свѣжія. А вотъ у васъ ихъ нѣтъ,— сказалъ онъ подсмѣиваясь:— я это отлично знаю, и знаю даже — почему.

— Я не признаю,— возразилъ Толстой,— чтобы въ интересахъ Россіи было оповѣщать васъ ранѣе, чѣмъ меня.

— А эти великолѣпные совѣты,— продолжалъ онъ,— которыми пожелали снабдить императора? Если бы онъ имъ послѣдовалъ, что бы теперь уже случилось съ Россіей? Графъ Толстой давалъ также совѣты. Какіе они?

— Я не знаю, государь, давали ли эти совѣты другіе, но во всякомъ случаѣ я былъ первымъ между совѣтчиками. Если бы меня слушали, то мы имѣли бы теперь то же, что имѣемъ, но только благодаря себѣ, а не Испаніи.

— Нѣтъ,— отвѣтилъ Наполеонъ.— Императоръ Александръ сдѣлалъ много добра Россіи, и я лично полонъ самой искренней дружбой къ нему и доброжелательности къ Россіи.

— Но это не все,— замѣтилъ Толстой.— И я позволю себѣ повторить то, что вы мнѣ такъ часто повторяли. Не ширококѣпцательныя увѣренія монарховъ между собою обезпечиваютъ прочность мира. Не по увѣреніямъ, а по фактамъ судятъ о настоящихъ отношеніяхъ различныхъ государствъ. И не императоръ Наполеонъ договаривается съ императоромъ Александромъ о своихъ личныхъ интересахъ, но мы сравниваемъ интересы Россіи и Франціи.

— Но согласитесь же, что, пріобрѣтая Финляндію, а также Молдавію съ Валахіею (чему Наполеонъ, однако, всѣми силами мѣшалъ), Россія выгадала многое, тогда какъ я самъ ничего не получилъ со времени Тильзита.

— Какъ ваше величество,— воскликнулъ Толстой.— А Тоскана? а Палская область? а...

Но Наполеонъ рѣзко перебилъ его:

— Ахъ, да, я знаю! Вамъ угодно говорить о земляхъ, какія я роздалъ моимъ братьямъ? Но вѣдь это же не Франція. Дѣти этихъ моихъ братьевъ едва ли будутъ друзьями, а внуки навѣрное будутъ уже непріятелями.

— Но, государь, вѣдь я состою при вашей особѣ не для того, чтобы устанавливать вѣчный миръ и работать для потомства. Благо было бы поддержать его только въ теченіе вашего царствованія.

— Но вы же взяли Финляндію? Шведскій король теперь сталъ развѣ что великимъ герцогомъ шведскимъ и находится въ полной вашей вассальной зависимости.

— Не вѣрится что-то, — отвѣтилъ Толстой, — чтобы онъ былъ только въ зависимости у насъ однихъ? Ваше величество сдѣлаетъ все возможное, чтобы сохранить надъ нимъ и свое вліяніе.

Наполеонъ засмѣялся.

— Да, — сказалъ онъ, — прескверное положеніе этого короля, да этотъ глупецъ лучшаго и не заслуживаетъ. Но во всякомъ случаѣ для васъ Финляндія очень цѣнное приобрѣтеніе.

— Финляндія, государь, представляетъ страну, на которую вы бы не позарились, если бы ее знали. Молдавія и Валахія не дадутъ намъ болѣе 2 миллионъ жителей и требуютъ войска для того, чтобы мы могли ихъ удержать. Нашъ государь, однако, не ищетъ завоеваній, имѣя въ виду только благо подданныхъ и спокойствіе сосѣдей... тогда какъ вы — государь, вы — завоеватель, какого еще до сихъ поръ не знали и намѣренія котораго не имѣютъ границы. Вы имѣете трехъ солдатъ противъ одного и втрое болѣе средствъ, чѣмъ мы, и потому я не буду спокоенъ, покада и мы не будемъ имѣть столько же. Сознаюсь вамъ, что я даже сказалъ графу Метерниху въ день знаменитой общей аудіенціи по слову, что онъ напрасно не сказалъ вамъ прямо и просто: что его дворъ предпринялъ мѣры оборонительнаго характера, ради страха за свою цѣлость, страха, который вы же на нихъ нагоняете.

— Исторія, — возразилъ Наполеонъ, — не представляетъ случаяевъ, гдѣ народы юга захватывали бы и покушались бы на сѣверъ. Напротивъ, сѣверяне наводняли югъ! Вѣдь у васъ слишкомъ холодно. Кому нужны ваши снѣга? А вы, вы напротивъ можете очень завидовать нашему прекрасному климату.

— Есть, однако, большая разница между тѣмъ, что было, и что есть, — возразилъ Толстой. — Сѣверъ и теперь почти столько же подчиненъ вамъ, какъ и Франціи. Лично же я предпочитаю мои снѣга прекрасному климату Франціи. Позвольте же мнѣ сказать, ваше величество, что я совѣтовалъ, совѣтую и буду совѣтовать моему государю обезпечить себѣ всѣ средства защиты и организовать такія мѣры, чтобы ваше величество не могли и думать о нападеніи на Россію, и я даю вамъ мое честное слово, что я никогда не предлагалъ моему государю воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы объявить вамъ войну.

— О!.. это-то я знаю и нисколько не обвиняю васъ!..

— Въ настоящую же минуту, — прибавилъ Толстой, — я даже

не говорю, чтобы союзъ съ вами, если онъ искренній, не смотря на многія жертвы, принесенныя Россіей, не былъ ей полезенъ. Однако время покажетъ, кто изъ насъ правъ въ настоящую минуту.

Вотъ также блестящая острота графа Толстого, которая могла бы сдѣлать честь любому испытанному дипломату.

Разговаривая съ Толстымъ, Наполеонъ выражалъ гнѣвъ на генерала Дюпона, позволившаго себѣ капитулировать.

— Его слѣдовало бы разстрѣлять для примѣра прочимъ! Такой примѣръ уже давно необходимъ! Я не понимаю генерала, который въ подобномъ случаѣ не умѣетъ умереть съ оружіемъ въ рукахъ!

Затѣмъ, быстро перемѣнивъ разговоръ (это была всегдашняя привычка Наполеона), онъ спросилъ Толстого:

— Зачѣмъ это вооружается Австрія? Вѣдь она находится въ мирѣ какъ со мной, такъ и съ вами? Если же она хочетъ со мною ссориться, то къ чему бы могли послужить ей ея вооруженія?

— Чтобы избѣжать судьбы генерала Дюпона! — отвѣтилъ Толстой и тотчасъ же прибавилъ:—Вы, ваше величество, сейчасъ потребовали разстрѣлянія этого генерала за то, что онъ не умѣлъ пасть со славой. То же самое надо думать и о націи, и о правительствѣ, не умѣющихъ въ своихъ дѣйствіяхъ держаться того же принципа. Ихъ слѣдуетъ признать столь же преступными!

Ну, развѣ-жъ эти слова «дипломата по неволѣ» и не остроумны и не благородны въ одно и то же время?

Вообще Наполеонъ, очевидно, находилъ весьма полезнымъ часто бесѣдовать съ Толстымъ относительно своихъ собственныхъ вооруженій, отлично понимая цѣну мнѣній и донесеній Толстого своему правительству, именно въ этой хорошо ему, какъ военному и притомъ еще суворовскому ученику, извѣстной сферѣ.

Когда въ февралѣ 1808 года была вновь объявлена конскрипція въ огромномъ размѣрѣ, испугавшая Толстого, то Наполеонъ поторопился успокоить его словами, что все это дѣло раздувается только съ цѣлью импонировать и напугать какъ можно болѣе его вѣчнаго врага Англію.

— Я надѣюсь, что я достаточно убѣдилъ васъ моими разъясненіями и доказалъ вамъ, какъ вы мало логичны,—закончилъ свои слова Наполеонъ.

На это Толстой въ свою очередь успѣшилъ возразить, что его собственная логика мало убѣдительна, особенно для него, Толстого, привыкшаго вѣрить фактамъ, а не словамъ.

Тогда Наполеонъ, давъ себя, очевидно, увлечь своему неукротимому характеру, схватилъ съ головы шляпу обѣими руками и, бѣшено бросивъ ее подъ ноги, сказалъ слѣдующее:

— Послушайте, господинъ Толстой, это уже не императоръ французовъ говорить съ вами, но простой начальникъ дивизіи говорить такому же начальнику дивизіи: пусть буду я послѣднимъ человѣ-

комъ, если я не выполню до мелочей всего, чѣмъ я обязался въ Тильзитѣ, и если я не очищу Пруссію и Варшаву, какъ только вы отзовете войска изъ Молдавіи и Валахіи. Какъ вы можете въ этомъ сомнѣваться?! Вѣдь я же не безумецъ и не ребенокъ, чтобы не знать, о чемъ я договариваюсь, а въ чемъ я договорился, то я исполняю постоянно. Вы же какія удостовѣренія можете мнѣ дать?

— Я не думаю, государь, чтобы мнѣ надлежало вамъ ихъ давать,— отвѣчала Толстой.— Все, что мой повелитель обѣщаетъ, то онъ держитъ. Онъ это доказывалъ постоянно и еще разъ доказалъ съ такою очевидностью еще недавно.

— Черезъ годъ все будетъ устроено между Россіей и Франціей,— сказалъ Наполеонъ.

— Какъ, ваше величество, черезъ годъ!—воскликнулъ Толстой.

— Ну, само собой понятно, считая отъ Тильзита,—поправился Наполеонъ и затѣмъ еще прибавилъ шутливо:— Видно вотъ, что вы не дипломатъ! Вамъ бы хотѣлось заставить всѣ дѣла идти такъ, какъ ходятъ полки и бригады. Вамъ бы хотѣлось еще болѣе, чтобы они шли галопомъ. Вы не знаете, что такихъ дѣлъ, которыми мы занимаемся въ настоящую минуту, можетъ быть, по ихъ важности и не было еще въ Европѣ. Они, чтобы развиться, должны хорошенько созрѣть, но мнѣ кажется, что у васъ у самого система мыслить нѣсколько отличная отъ мыслей вашего правительства.

На послѣднюю шпильку Толстой отвѣчалъ съ неменьшимъ достоинствомъ:

— Я не могу имѣть системы, отличной отъ мыслей и системы моего государя. Но, конечно, про себя каждый можетъ мыслить по своему и имѣть собственные убѣжденія. Но если служить, то исполняютъ волю пославшаго.

Теперь позволительно спросить: развѣ въ этихъ случаяхъ посолъ Россіи не исполнилъ своей обязанности? Или въ самомъ дѣлѣ стоялъ не на высотѣ задачи? Вовсе нѣтъ, но онъ имѣлъ неосторожность говорить прямо и открыто то, что настоящіе дипломаты думали, и, конечно, проигрывалъ и, къ несчастію, проигрывалъ всего болѣе у себя дома.

IV.

Въ области астрономіи, гдѣ все разсчитано, измѣрено, взвѣшено и опредѣлено, существуютъ загадочныя свѣтила, повергающія при своемъ появленіи земной міръ въ уныніе, а иногда даже и въ трепеть. Это кометы. Являясь Богъ знаетъ откуда и уходя невѣдомо куда, онѣ много заставляютъ говорить о себѣ и возбуждаютъ часто множество грозныхъ предсказаній. Какъ бы ни были правы тѣ астрономы, которые видятъ въ этихъ загадочныхъ тѣлахъ съ беспорядочнымъ движеніемъ и гиперболической орбитой скопленіе

чрезвычайно разряженнаго газа, частицы котораго имѣютъ, однако, быстрое, почти безконечно быстрое движеніе,— появленіе такихъ кометъ все же беспокоитъ земное населеніе потому, что вѣсь—вѣсомъ, а скорость—скоростью, и несомнѣнно, что даже при наименьшей плотности громадная скорость молекулярныхъ частицъ можетъ повліять на математически правильную орбиту земли, можетъ или придать или убавить въ ней скорости и этимъ произвести безконечно большія перемѣны въ нашей естественной и искусственной жизни. Уменьшился ходъ годоваго движенія земли около солнца—всѣ банкиры должны играть на пониженіе. За большее время они получаютъ менѣе процентовъ, напротивъ ускорился ходъ событий, и биржа сразу богатѣетъ на многіе милліоны, не дѣйствительные, конечно, однако въ гроссъ-бухи записанные. Исторія имѣетъ также свои кометы, и къ числу наигромаднѣйшихъ изъ нихъ слѣдуетъ такъ причислить Петра Великаго и Наполеона Перваго. Сравненіе это не мое, оно давно и многимъ приходило въ голову, но я нахожу его болѣе всякихъ иныхъ аналогій справедливымъ по отношенію къ Наполеону. По внѣшности, это былъ человѣкъ самый заурядный, толстенькій, коротенькій и, если вѣрять его нѣмецкимъ врагамъ, обрюзглый и некрасивый. Национальности не только не важной, но почти отверженной. Образованія, какъ доказали новые историки, самаго плохого, недостаточнаго и даже до того недостаточнаго, что писалъ формально безграмотно. И этотъ человѣкъ такъ потрясъ культурный міръ, какъ никто ранѣе и какъ еще менѣе никто послѣ него. Онъ стоилъ человѣчеству милліоновъ другихъ человѣческихъ жизней и по внѣшности, въ окончательномъ результатѣ, какъ будто даже и ничего не сдѣлалъ. Величайшія власти въ Европѣ, однако, трепетали его имени, святѣйшій папскій престолъ трепалъ въ то время, когда этотъ странный феноменальный человѣкъ изрекъ даже какъ будто и формальную глупость: что если есть намѣстникъ (викарій) Божій на землѣ, то это не кто другой, какъ онъ, въ собственной своей персонѣ, а вовсе не какой-то тамъ святой отецъ, котораго такъ просто отрѣшить отъ должности и сослать въ Авиньонъ, для исполненія обязанностей простого главнаго священника арміи и флота. Этотъ человѣкъ не только самъ царствовалъ, какъ не царствовалъ даже Людовикъ XIV въ прекрасной Франціи, но и надѣлалъ новыхъ королевствъ, герцогствъ и раздалъ ихъ своимъ безчисленнѣйшимъ и неспособнѣйшимъ братьямъ. А настоящіе монархи, Божіею милостью, все это видѣли, все это понимали и не смѣли иначе титуловать не только самого Наполеона, но и его Люсьеновъ, Жеромовъ и Іосифовъ, какъ настоящихъ своихъ братьевъ и королей! Самый щепетильный, самый аристократическій дворъ въ Европѣ, домъ Габсбурговъ, послалъ ему въ жены одну изъ своихъ принцессъ, послѣ того, какъ онъ

насилъно развелся съ Жозефиной, не дававшей ему дѣтей. По выраженію грубаго Буксгевдена, маркеры и повара, изъ которыхъ онъ надѣлалъ герцоговъ, преспкойно первыми протягивали руки законнѣйшимъ и древнѣйшимъ государямъ, оставаясь передъ лицомъ своего монарха не болѣе, какъ лакеями. Есть разсказъ, какъ однажды послѣ обѣда у прусской королевы, этой «святой красавицы», какъ до сихъ поръ называютъ ее нѣмцы, но которая пускала съ Наполеономъ въ ходъ самое утонченное кокетство, для блага разбитой родины, Наполеонъ черезъ плечо протянулъ чашку Мюрату (королю Неаполитанскому). Тотъ одну секунду замедлилъ взять чашку и былъ опеломленъ грубымъ окрикомъ своего двоюроднаго брата и повелителя.

Въ имѣющихся у меня матеріалахъ крайне любопытно въ этомъ отношеніи письмо Наполеона къ наслѣдному принцу Баденскому, женатому на дочери Жозефины, Стефаніи, и не исполнявшему по отношенію къ ней супружескихъ обязанностей въ степени, какую требовалъ его коронованный тестъ.

«Вы самый скверный дурачекъ между принцами,—писалъ ему, между прочимъ, свирѣпый тестюшка,—и я предлагаю вамъ возвратить мнѣ мое дитя, и тогда да сжалится надъ вами Вседержитель!»

Представители Варшавскаго герцогства, наводненнаго послѣ Гильзита еще французскими войсками, пріѣхали къ нему въ Дрезденъ искать ослабленія своихъ обязанностей и увеличенія своихъ правъ:

— Садитесь и пишите! — скомандовалъ имъ Наполеонъ и съ одного маху продиктовалъ имъ условія будущей конституціи, которыми они, конечно, не могли остаться довольны.

Съ императоромъ Александромъ по этому же поводу Наполеонъ былъ откровеннѣе и говорилъ ему, предлагая подѣлать Европу до Эльбы и послѣ Эльбы:

— Я очень люблю поляковъ на полѣ битвы: это храбрый и достойный народъ, но что касается до ихъ *liberum veto* и всякихъ тамъ конфедерацій, то все это я считаю игрой и опасной и совершенно бесполезной для Европы.

И, не смотря на это, до послѣднихъ дней поляки умирали за этого челоуѣка до послѣдняго, и самъ Понятовскій утонулъ ему же во славу въ Элстерѣ.

Но все это блѣднѣетъ передъ тѣми прямо недостойными злодѣйствами, при помощи которыхъ онъ сбиль Бурбоновъ съ испанскаго престола. Тутъ коварство правителя прямо равнялось генію полководца. Въ цитируемомъ мною матеріалѣ чрезвычайный интересъ представляетъ примѣчаніе за № 84, гдѣ мы находимъ статьи «Монитера» по испанскимъ дѣламъ, заключающія въ себѣ описаніе кровавой расправы французовъ съ инсургентами возстанія,

возникшаго послѣ сверженія князя Мира и воцаренія на минуту его брата князя Астурійскаго. О характерѣ этого усмиренія можно судить потому, что у французовъ въ числѣ трехъ тысячъ дѣйствовавшихъ противъ народа войскъ было 25 убитыхъ и болѣе 50 раненыхъ; число же убитыхъ въ возмущившейся толпѣ самъ «Мониторъ» насчитываетъ много тысячъ, но въ утѣшеніе человѣческое прибавляетъ: и все самыхъ отъявленныхъ негодяевъ!

Въ подобныхъ случаяхъ Наполеонъ говорилъ: «все для народа, но ничего при посредствѣ народа, и тѣ монархи, которые приучаютъ народъ къ крови и самосуду, сѣютъ сѣмена такого всхода, съ которымъ не въ силахъ будетъ сладить никакая жатва».

Еще рѣзче эта же мысль выражена имъ такъ: «Приобрѣтите за себя негодяевъ (la canaille)—остальные будутъ ваши».

И тѣмъ не менѣе народы чувствовали къ Наполеону какую-то слѣпую привязанность, что-то въ родѣ бессознательнаго обоженія, что не только замѣтно вездѣ и повсюду во время жизни этого императора, но и далеко-далеко послѣ его смерти. Онъ буквально обладалъ даромъ гипнотизировать человѣчество, и въ такомъ полусознающемъ себя состояніи отлично внушалъ имъ тѣ идеи, которыя были ему самому любы.

Къ чести же нашего посланника надо сказать, что на него эта способность усыпленія бдительности, поражавшая всѣхъ приходившихъ въ ближайшее общеніе съ Наполеономъ, положительно не дѣйствовала. Онъ, по крайней мѣрѣ, по скольку я смѣю судить, видѣлъ все дѣло съ ясностью и простотою также въ своемъ родѣ замѣчательными. Къ нему въ этомъ отношеніи примѣнимо выраженіе: что истина часто глаголетъ устами младенцевъ. Онъ былъ нравственно чистымъ человѣкомъ, искалъ правды, вѣрилъ въ правду, и потому очень просто избѣгалъ самыхъ даже отчаянныхъ подвоховъ владыки, у котораго былъ акредитованъ, на примѣръ, хотя бы предложенія Фуше поиграть въ свою пользу на биржѣ, благодаря тайнымъ свѣдѣніямъ, какъ будетъ принято при русскомъ дворѣ брачное предложеніе Наполеона великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Кстати замѣчу сейчасъ же, что эта дерзость Наполеона казалась Толстому столь невѣроятной, что онъ видимо теряетъ свою обычную простоту и откровенность въ письмахъ и донесеніяхъ и въ первый разъ, сообщая объ этихъ слухахъ, циркулировавшихъ въ Парижѣ, Румянцеву, пробуетъ какъ бы дипломатничать и дѣлаетъ видъ, что сообщаетъ объ этомъ единственно потому, чтобы не оказаться ниже порученной ему задачи. Но Румянцевъ взглянулъ на это дѣло иначе, и потому въ дальнѣйшихъ сообщеніяхъ Толстого, по вопросу о предполагавшемся разводѣ съ Жозефиной, сквозитъ дурно скрытая гадливость.

Если же перейти теперь къ вопросамъ высшей и строгой поли-

тики, то нельзя не видѣть, что Толстой имѣлъ совершенно, можно даже сказать, дѣтски правильный и простой взглядъ на Наполеона, который въ концѣ превратился въ родъ паническаго страха передъ тою ужасною махинаціею и дипломатическою и военною, какую продѣлалъ этотъ владыка въ Испаніи съ несчастнымъ королемъ Карломъ IV и его враждующими другъ съ другомъ наслѣдниками. Но и въ послѣднемъ случаѣ онъ видѣлъ вопросъ съ его настоящей стороны и рисковалъ писать и Румянцеву и даже лично императору Александру, чтобы они видѣли въ горькой и позорной судьбѣ этого послѣдняго Бурбона прототипъ того, что Наполеонъ готовить имъ самимъ.

«Наполеонъ,—писалъ Толстой,—враждуетъ не съ народами, а съ династіями, которыя однѣ только ему и опасны и подозрительны».

Посылая описаніе въ газетахъ подробностей объ арестованіи въ Аранжуецѣ князя Мира, который, просидѣвъ 45 часовъ на чердакѣ и затѣмъ выгнанный жаждой на улицу, былъ узванъ и едва не зарѣзанъ, при чемъ, однако, ему вышибли тросточкой глазъ, Толстой пишетъ:

«Посылаю вамъ эти детали, а также прокламаціи, и актъ отреченія короля, какъ печальные памятники слабости монарха, который увеличитъ только толпу князей, не умѣвшихъ ни защищать свои троны противъ разрушительнаго потока нашего времени, ни погребсти себя подъ ихъ развалинами».

Далѣе онъ въ томъ же письмѣ пишетъ весьма прозрачно слѣдующее:

«Несчастія Испаніи обогащаютъ случаи въ исторіи одною изъ тѣхъ ужасающихъ катастрофъ, которыя стали такъ часты въ наше время. Не знаешь, на что болѣе обращать вниманіе, на величіе ли этихъ уроковъ, или на ихъ полную бесполезность. Можно даже опасаться, что этотъ примѣръ, наиболѣе яркій изъ всѣхъ, не былъ бы потерянъ для тѣхъ, кому онъ, какъ урокъ, назначается. Кто изъ монарховъ пожертвовалъ Франціи столько, какъ этотъ несчастный Карлъ IV? Но какую цѣною было заплачено ему за всѣ эти услуги? Какое предостереженіе для государствъ и правительствъ, которые еще надѣются заслужить покой и спасти собственное существованіе подобной же системой? Какихъ также увѣреній въ дружбѣ могутъ они ждать, кромѣ тѣхъ, какія были расточаемы и получаемы испанскимъ правительствомъ въ теченіе столькихъ лѣтъ?»

«Одинаковыя причины даютъ и одинаковыя слѣдствія.

«Трактовать съ неукротимымъ непріателемъ Европы не значитъ его обезоружить. Довѣрять его доброжелательнымъ демонстраціямъ, вѣрить въ возможность мира и покоя, усыпляя себя призракнымъ спокойствіемъ, и уменьшать собственные оборонительныя средства въ предпріятіяхъ, имъ же для насъ придуманныхъ,—значитъ ра-

ботать на свою погибель, и вотъ, графъ, между прочимъ, ошибки, которыя мы дѣлаемъ со времени Тильзитскаго мира, и при томъ съ настойчивостью, для меня непонятной. Но я вамъ повторяю, и факты доказываютъ это лучше моихъ разсужденій, что рядомъ съ настоящею властью во Франціи не можетъ существовать никакой иной силы на континентѣ. Но въ послѣднемъ положеніи остались только Австрія и Россія. Пусть же несчастіе Испаніи, какъ урокъ, не будетъ для нихъ потеряно!».

Въ письмѣ, нѣсколько болѣе раннемъ, Толстой даже позволяетъ себѣ еще болѣе острый намекъ.

Надо замѣтить, что изгнанные, а частію прямо и насильно вывезенные французскими генералами испанскіе Бурбоны, явивъ, шись ко двору Наполеона, держали себя униженно до возмутительности. Испанская королева щеголяла невообразимыми туалетами и приближеннымъ раздавала щедрой рукой коронныя брилліанты Испаніи. Она не стыдилась въ то же время цѣловать руку у Жюзефины, не обращая вниманія на дѣйствительно и принципиально преданныхъ ей лицъ, въ родѣ той гофмейстерины, которую за письменно выраженное нежеланіе играть роль «тюремщицы у Бурбоновъ» Наполеонъ безъ церемоніи сослалъ въ Тулу, приказавъ ей жить не въ городѣ или собственномъ ея замкѣ, но въ ближайшей деревнѣ въ простомъ домѣ. Такихъ лицъ королева-франтиха и совершенно струсившій престарѣлый король замѣчать и не могли, и не смѣли. Все это возмущало даже простыхъ лакеевъ, и потому не мудрено, что по этому поводу Толстой писалъ своимъ:

«Не знаешь, что болѣе оскорбляетъ: эта ли слабость монарха, подписывающаго подложныя, собственноручныя письма, продиктованныя Наполеономъ, и бросаетъ подъ ноги всѣ обязанности по отношенію къ своему народу, или злоупотребленіе силой, которая все это предписываетъ? Но подобной же судьбы должны ждать всѣ монархи, которые ставятъ себя передъ Наполеономъ въ пассивное положеніе и ждутъ всего отъ его произволенія. Вотъ новый примѣръ, какъ опасно для монарховъ лично входить съ нимъ въ переговоры».

Наконецъ, чтобы судить вполне о характерѣ и желаніяхъ Толстого, какъ политика и дипломата, достаточно привести выдержки изъ его большого письма отъ 25 апрѣля 1808 года.

Въ началѣ онъ предпосылаетъ все ту же предостерегающую мысль:

«Паденіе или разрушеніе Испаніи заняло Наполеона на одну минуту. Послѣ своего возвращенія изъ Байоны ему понадобится новое поле битвы, такъ какъ надѣяться на миръ и спокойствіе Европы, покуда онъ будетъ жить, значитъ предаваться мечтамъ, опасность которыхъ доказана множествомъ примѣровъ. Онъ никогда не подписывалъ мира, недомолвки котораго не сѣяли бы новыхъ сѣмянъ для будущихъ раздоровъ, и нѣтъ государства, кото-

рое бы не нашло своей гибели, придавая соглашениямъ съ Франціей—значеніе прочнаго мира».

Затѣмъ онъ переходитъ къ мотивировкѣ разумной политики Россіи, которая должна состоять, по его мнѣнію, въ нижеслѣдующемъ:

1) Довести нашу армію до самаго большаго численнаго состава, на которое только способна Россія.

2) Возможно скорѣе заключить миръ съ Турціей.

3) Ограничить наши дѣйствія противъ Швеціи занятіемъ одной Финляндіи, и ни подъ какимъ предлогомъ не переходить черезъ Ботнической заливъ. Въ то же время большую часть дѣйствующихъ тамъ войскъ перевести въ лагерь подъ Витебскомъ, но мало-помалу и подъ предлогомъ недостаточности для нихъ въ Финляндіи продовольствія и запасовъ.

4) Согласиться съ Австріей о проектахъ, какіе можетъ имѣть Наполеонъ послѣ возвращенія изъ Испаніи, и быть приготовленными отвѣчать на всѣ предложенія, какія онъ поторопится сдѣлать. О настоящемъ союзѣ въ виду взаимнаго нерасположенія этихъ народовъ нельзя еще и думать, довольно только предохранительнаго согласія на всякій случай, и то его слѣдуетъ держать въ величайшемъ секретѣ, такъ какъ необыкновенно опасно даже затронуть чѣмъ либо въ этомъ направленіи вниманіе Наполеона.

5) А затѣмъ—миръ съ Англіей.

Пусть эта ясная и разумная программа въ 1808 году и напоминаетъ немного стремленіе мыши окургузить кошку,—пусть; надо было еще много униженій и много новыхъ разрушеній, сдѣланныхъ Наполеономъ, въ глубочайшихъ традиціяхъ родовитой Европы, но вѣдь въ концѣ концовъ, послѣ Москвы, пришли же мы къ этому же самому результату?

Почему же не отдать справедливости дальновидности нашего посла, хотя бы только война, а не дипломата?

Но этой справедливости ему не отдавали, и въ одномъ изъ писемъ, полученныхъ имъ отъ Румянцева, онъ подвергается даже выговору за... рекомендованную ему же дружбу съ Метернихомъ. Къ отчаянію Толстого мы признали законность испанскаго переворота, и послѣ Тильзитскаго свиданія императоръ Александръ посѣтилъ Эрфуртъ.

Тутъ кстати будетъ цитировать вполне коротенькую шифрованную записку Толстого къ Румянцеву такого содержанія:

«Имѣя вѣрнѣйшія свѣдѣнія о причинѣ отправленія г-на Монте-скью съ предложеніемъ государю императору свиданія въ Веймарнѣ или Эрфуртѣ, предполагая, что обстоятельства, препятствовавшія оному весной, по отдаленію теперь англійскихъ военныхъ силъ не существуютъ, я не удивляюсь, что Наполеонъ сохраняетъ сіе отъ меня въ тайнѣ, но что ваше сіятельство таите то, что я знаю во всѣхъ подробностяхъ, мнѣ непонятно».

Мы уже знаемъ, что Наполеонъ предложилъ Толстому сопутствовать себѣ въ Эрфуртъ и не удостоилъ, не смотря на просьбу, той же чести Метерниха. Но мы видѣли, что отозваніе Толстого послѣдовало изъ Эрфурта, и, можетъ быть, именно потому, что Александръ не желалъ видѣться съ своимъ уполномоченнымъ при особѣ Наполеона, въ Эрфуртской обстановкѣ, которую, вѣроятно, предчувствовалъ.

Достаточно вспомнить, какъ во время этого свиданія союзниковъ, Наполеонъ заставилъ императора Александра поневолѣ присутствовать при раздачѣ имъ своимъ гренадерамъ орденовъ Почетнаго Легіона за подвиги, совершенные подъ Фридрихсдорфомъ. Слѣдя за этой безтактной и почти глупой церемоніей, императоръ Александръ могъ серьезно вспоминать многое изъ еще столь недавнихъ донесеній своего воина-дипломата.

Представляя здѣсь исторію встрѣчи Толстого съ Наполеономъ въ Тюльери и Фонтенебло подъ другимъ угломъ зрѣнія, нежели сдѣлалъ это глубокой знатокъ эпохи Н. К. Шильдеръ, я, вѣроятно, превзошелъ мою компетенцію. Сама логика, слѣдовательно, должна подсказать читателю, въ чью сторону онъ обязанъ склонить свое благосклонное вниманіе. Конечно, въ сторону мнѣнія Н. К. Шильдера. Но я вѣдь не имѣю ни малѣйшей претензіи этой компиляціей заслужить пальмы историка. Мнѣ просто казалось, что здѣсь, кромѣ политиковъ и дипломатовъ, болѣе или менѣе искусныхъ, были и простые люди, съ простыми чувствами, и хотя съ неумѣлымъ, можетъ быть, и неискуснымъ стремленіемъ къ добру, то во всякомъ случаѣ по самому намѣренію и искренности своихъ добрыхъ чувствъ заслуживавшихъ снисхожденія.

Положимъ, правы тѣ, которые видятъ въ упрямой нетерпимости Толстого серьезную причину разстройства добрыхъ отношеній императора Александра къ Наполеону, послужившей отчасти причиной ихъ значительнаго охлажденія другъ къ другу, а затѣмъ и полнаго разрыва. Но развѣ нельзя разсуждать съ достаточной логикой и иначе? Можетъ быть, если бы Толстыхъ въ наполеоновское время было побольше, если бы тогда монархи, хотя бы тотъ же король Испаніи, въ самомъ дѣлѣ умѣли бы не отдѣлять личныхъ интересовъ отъ интересовъ своего народа, то и Наполеонъ не былъ бы—Наполеономъ. Его гипнотизирующая способность стала бы меньшей, вѣра въ его непогрѣшимую непобѣдимую не росла бы такъ крѣпко и сильно въ сердцахъ его подданныхъ и въ мозгу перетрусившихъ его враговъ, и исторія вѣка вышла бы совершенно иною.

Въ наши дни столь многіе сомнѣваются, надо ли воевать, и строить всякаго рода искусственные союзы, конференціи и лиги мира для разрѣшенія на началахъ справедливости политическихъ столкновеній, гдѣ по существу самаго дѣла справедливости, равноправной для всѣхъ, не можетъ и быть, такъ какъ всякіе полити-

чекіе конфликты—своекорыстны. Правъ вѣдь былъ Наполеонъ, сомнѣваясь, чтобы кому нибудь снѣга были нужны, между тѣмъ какъ хорошій климатъ нуженъ каждому, даже самому замороженному сѣверянину. Человѣкъ любить и тепло и солнце, и охотно идетъ туда, гдѣ и теплѣе и свѣтлѣе, чѣмъ на родинѣ. Но вотъ другой вопросъ: нужна ли ложь, хотя бы и въ дипломатической формѣ? Нужно ли это хитросплетенное взаимное надувательство, въ которое, однако, никто не вѣритъ, а честные и наивные люди запутываются? Нужна ли эта ложь для сохраненія мира, или напротивъ служить только бессознательнымъ орудіемъ для приличнаго возбужденія неизбежной почему либо войны? Если эта ложь нужна—готовъ отдать графа П. А. Толстого на историческое закланіе, онъ не умѣлъ лгать, но если не нужна... то пусть читатель вмѣстѣ со мною въ этомъ дипломатѣ по неволѣ пожалѣетъ страдавшаго напрасно честнаго слугу Россіи.

В. Петерсенъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗЛОБЫ И НУЖДЫ.

СТЕКАЮЩІЙ годъ богатъ вопросами объ обезпеченіи быта литературныхъ тружениковъ. Литераторъ сталъ интересоваться собою общество, вниманіе къ условіямъ его жизни и дѣятельности дѣлается все сильнѣе. Интересовались имъ и прежде, но не какъ простымъ смертнымъ, живущимъ въ условіяхъ обыденной жизни, но преимущественно какъ творцомъ и носителемъ идеи. Корифеи нашей литературы и ихъ произведенія всегда пользовались вниманіемъ читателей, при чемъ этотъ интересъ особенно усугублялся послѣ смерти этихъ корифеевъ. Но рядомъ съ этимъ сами литераторы употребляли всѣ усилія, чтобы убѣдить публику, что люди, которые служатъ обществу перомъ, на самомъ дѣлѣ въ своей интимной жизни не заслуживаютъ уваженія. Это прискорбное явленіе стѣбитъ того, чтобы на немъ остановиться. Сословіе литераторовъ почему-то усиленно всегда оскорблялось своими же собратьями, не въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, но какъ вѣчто собирательное, коллективное, какъ типъ. Типъ литератора, выведенный въ нашей изящной литературѣ, поистинѣ долженъ изумлять читателей своей неприглядностью: умственная его дѣятельность, работа сердца и добраго чувства, которымъ онъ руководится въ своей работѣ, не указываются; напротивъ, низменныя стороны души, слабости характера и изъяны воли особенно подчеркиваются, выставляются на первый планъ и становятся доминирующими. Выводъ читателя подъ такимъ давленіемъ одинъ—писатель, какъ человекъ, самъ по себѣ, не заслуживаетъ любви и уваженія; имъ можно увлекаться въ его произведеніяхъ, но самого его слѣдуетъ избѣгать. Чтобы не быть голо-

словнымъ, укажу на нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ литературы послѣднихъ лѣтъ: «Лицемеры» Ясинскаго, «Не герой» Потапенко, «Саранча» Льдова. Какое впечатлѣніе можетъ вынести читатель изъ всѣхъ нарисованныхъ здѣсь персонажей? это какое-то скопище негодяевъ, алькоголиковъ, эротомановъ, при томъ все ограниченныхъ, все глупыхъ. Кто говорить, и среди литературныхъ работниковъ попадаются дефектные экземпляры, семья не безъ урода, да въ какомъ же слоѣ общества этого нѣтъ? И у отдѣльныхъ представителей печати проглядываютъ тѣ или другія слабости, но зачѣмъ же ихъ обобщать, зачѣмъ ставить основаніемъ всего характера, всей общественной дѣятельности? При такомъ отношеніи писателей къ своей же пишущей братіи, какого сочувствія, какого уваженія и любви можемъ мы ожидать отъ читателей къ сословію литераторовъ?

Однажды ужъ зашла рѣчь объ отношеніяхъ между собою членовъ литературной семьи, то нельзя умолчать и о другомъ явленіи въ той же области, тяжело и деморализующе отзывающемся на читающей публикѣ. Это постоянное поѣданіе другъ друга, полемика на личной почвѣ. У насъ какъ-то завелся обычай всѣ вопросы и споры сводить на личности. Это, конечно, придаетъ страстность, паюсъ и, подчасъ, остроуміе рѣчи, но читатель въ большинствѣ случаевъ отъ того не въ выигрышѣ. Онъ возбужденъ скандаломъ, но рядомъ съ этимъ въ душу его невольно закрадывается неуваженіе къ тѣмъ, кого онъ слушаетъ и читаетъ.

Сказанное выше въ значительной степени расколаживаетъ общество въ его личныхъ отношеніяхъ къ писательскому міру и почему знать? можетъ быть, отчасти препятствуетъ ему идти всегда на встрѣчу призыву о помощи и сочувствіи литературной братіи въ ея нуждахъ повседневной жизни. А нужды эти растутъ и настояще удовлетвореніе ихъ дѣлается все настоятельнѣе и настоятельнѣе. Читатель и общество видятъ лицевую сторону жизни писателя; домашняя, обиходная жизнь его скрыты отъ взоровъ публики. А какая подчасъ, пожалуй, по большей части, она невеселая, полная невзгодъ и лишеній. Это знаетъ «Литературный фондъ», или официально именуемое «Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», имѣющее вступить въ тридцатипятилѣтіе своего существованія. Это почтенное учрежденіе поработало не мало, чтобы спасти отъ голода, смерти и безвыходной нужды не одну сотню литературныхъ дѣятелей и ихъ семей. Двадцатипятилѣтняя исторія фонда уже написана и повторять здѣсь извѣстное нѣтъ надобности, а сдѣлать сводъ за послѣдующее десятилѣтіе не позволяетъ мѣсто и время. Отмѣтимъ лишь, что за послѣдній (1892—1893) отчетный годъ было оказано пособій разнымъ лицамъ въ видѣ пенсій, стипендій, пособій единовременныхъ, продолжительныхъ, на воспитаніе дѣтей, а также безсрочныхъ ссудъ

всего на сумму двадцать съ половиною тысячъ слишкомъ рублей. Конечно, означенная сумма далеко не удовлетворила всѣхъ обратившихся къ фонду—многія просьбы были отклонены, нѣкоторыя выдачи сдѣланы въ неудовлетворяющемъ нужду размѣрѣ. Вина тому—недостатокъ средствъ и обиліе обращающихся. Вотъ это-то обстоятельство, то-есть не полный результатъ удовлетвореній (обычная злоба всѣхъ благотворительныхъ учрежденій), и послужило темой для очень острой и врядъ ли полезной фонду полемики. Застрѣльщикомъ выступилъ сотрудникъ «Новостей» г. Михневичъ. Онъ обвинилъ комитетъ Общества въ излишне придирчивой требовательности ценза для полученія права пользования его пособиями, указалъ на малый размѣръ назначаемого пособия, обвинилъ комитетъ въ недостаткѣ творчества и инициативы, возсталъ противъ филантропическихъ основъ фонда и категорически высказалъ мнѣніе о необходимости его реорганизаціи на началахъ литературной ассоціаціи, взаимопомощи, экономическаго объединенія литературныхъ силъ. Г. Михневичемъ,—я въ томъ не сомнѣваюсь,—руководили благія намѣренія сказать доброе слово на пользу своихъ недостаточныхъ товарищей; нѣкоторыя его мысли, минуя оцѣнку имъ фонда, заслуживаютъ вниманія и симпатій, но все имъ сказанное, начиная съ формы рѣчи, носило на себѣ отпечатокъ рѣзкой полемической выходки, при чемъ онъ совсѣмъ произвольно искажилъ цыфры и факты. Члены комитета, конечно, сочли нужнымъ выступить на защиту своей дѣятельности и цѣлости ввѣреннаго имъ общимъ собраніемъ учрежденія. Возражали гг. Манасеинъ и Арсеньевъ. Первый указалъ на фактическія неточности, второй разобралъ мнѣніе г. Михневича по существу. Со свойственной этому публицисту эрудиціей, логикой и стройностью рѣчи, онъ, что называется, разбилъ своего противника на-голову. Указавъ на путанность положеній и противорѣчія въ фельетонѣ г. Михневича, устранивъ спорные вопросы о крупныхъ и мелкихъ выгодахъ, онъ поставилъ вопросъ на вполне разумную почву. «Пускай всѣ тѣ, которымъ дороги интересы фонда,—говорилъ онъ,—всѣ тѣ, которымъ не нравится дѣятельность комитета, вступятъ въ члены фонда и начнутъ принимать активное участіе въ общихъ собраніяхъ. Одно изъ двухъ: или этимъ путемъ выяснится неосновательность обвиненій, взводимыхъ на комитетъ, или въ управленіе обществомъ будетъ введенъ новый элементъ, отъ котораго и будетъ зависѣть новая постановка дѣла». Въ слѣдующемъ своемъ возраженіи г. Арсеньевъ такъ резюмируетъ существенное спора, то-есть, вопросъ о бытіи самого общества. «Онъ, то-есть, г. Михневичъ, желаетъ реорганизаціи фонда въ томъ смыслѣ, чтобы помощь нуждающимся литераторамъ опиралась на право, на взаимность; мы думаемъ, что помощь этого рода должна и можетъ быть организована помимо фонда, хотя бы и при его участіи и содѣйствіи

(на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ оно было оказано Кассѣ Взаимопомощи), а самый фондъ не требуетъ радикальнаго переустройства», и въ другомъ мѣстѣ: «Пособія и пенсіи, выдаваемые литературнымъ фондомъ, не имѣютъ ничего общаго съ милостыней уже потому, что самая ихъ выдача доказываетъ право на ихъ полученіе,—право, не создаваемое, а только констатируемое комитетомъ фонда». Этими положеніями г. Михневича и возраженіями г. Арсеньева вопросъ можетъ быть исчерпанъ. Возраженія остальныхъ оппонентовъ публицисту «Новостей» не внесли ничего новаго въ разъясненіе дѣла и носили на себѣ характеръ острой полемики съ тѣмъ отгѣнкомъ, о которомъ сказано выше. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о фондѣ выступаютъ слѣдующія положенія: фондъ долженъ существовать въ настоящемъ своемъ видѣ, но рядомъ съ нимъ и подъ его покровительствомъ желательно учрежденіе общества на началахъ взаимности для помощи нуждающимся литераторамъ, подобно тому, какъ уже существуетъ «Касса Взаимопомощи», основанная на принципѣ взаимнаго страхованія, «объщающая много полезнаго въ будущемъ», по словамъ г. Арсеньева. За г. Михневичемъ такимъ образомъ нельзя не признать заслуги, что онъ принципиально намѣтилъ для будущаго времени литературное учрежденіе, не находящееся въ зависимости ни отъ какихъ стороннихъ обстоятельствъ.

Объ спорящія стороны неоднократно ссылаются на Кассу Взаимопомощи, почему небезынтересно ознакомиться съ этимъ учрежденіемъ и его исторіей.

Въ началѣ 1880 года, публицистъ Г. К. Градовскій внесъ въ комитетъ литературнаго фонда проектъ кассы взаимопомощи, но проектъ этотъ почему-то не получилъ движенія. Г. Михневичъ утверждаетъ, что проектъ этотъ «провалился въ дѣлопроизводствѣ фонда едва ли не десятокъ лѣтъ», г. Арсеньевъ утверждаетъ, что онъ былъ «отвергнутъ какъ комитетомъ, такъ и общимъ собраніемъ»; такъ или иначе, но только лишь въ 1889 году мы видимъ, что данъ толчокъ мысли о необходимости литературной взаимопомощи. Въ февралѣ мѣсяцѣ на общемъ собраніи членовъ фонда профессоръ Сергѣевичъ, предсѣдатель комитета, произнесъ горячую рѣчь на тему о Дружининской копѣйкѣ¹⁾. «Будемъ же надѣяться,—сказалъ

¹⁾ Дружининъ, инициаторъ «Литературнаго фонда», предлагалъ, чтобъ издатели журналовъ и газетъ вносили по 1 копѣйкѣ съ подписчика; авторы оригинальныхъ статей размѣромъ болѣе печатнаго листа—по 1 рублю со статьи; авторы переводовъ того же журнала—по 50 коп. Эти взносы дѣлаются въ редакціи при полученіи гонорара. Авторы-издатели отдѣльныхъ сочиненій по 5 коп. съ экземпляра, стоящаго нѣсколько рублей. Эта мысль осуществилась, и при фондѣ и понинѣ имѣется рубрика поступленій въ «Дружининскую копѣйку», какъ первообразъ Литературнаго фонда. Въ 1892 году «Дружининская копѣйка» составляла 155 рубл. 50 коп.

онъ, — что число литераторовъ, ученыхъ и издателей, не состоящихъ еще членами фонда, будетъ постоянно сокращаться, и что Дружининская копейка займетъ въ доходахъ фонда подобающее ей мѣсто. Тогда фондъ будетъ литературнымъ не по назначенію только своихъ капиталовъ, но въ значительной степени и по ихъ происхожденію, и наше общество явить Россіи поучительный примѣръ самопомощи». Къ этому же времени относится обычный товарищескій обѣдъ, устраиваемый «Новостями», на которомъ составила за подписью 26 человекъ петиція къ комитету фонда, гдѣ выражено было пожеланіе, чтобъ фондъ былъ реорганизованъ на началахъ взаимопомощи. Всѣ эти обстоятельства оживили вопросъ о литературной взаимопомощи, вслѣдствіе чего была избрана изъ членовъ «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» коммиссія, въ число которой, кромѣ г. Градовскаго, вошли еще гг. Сергѣевичъ, Гайдебуровъ, Исаевъ и друг. Проектъ г. Градовскаго быстро былъ разработанъ и уже втеченіе осени 1890 года получилъ свое законодательное утвержденіе, а когда записалось участниками «Кассы Взаимопомощи» сто лицъ, то 5-го мая 1891 г. было созвано первое общее собраніе, въ которомъ участвовало 35 человекъ членовъ Кассы, живущихъ въ Петербургѣ. Г. Градовскій, столь много поработавшій на торжество идеи литературной взаимопомощи, конечно, былъ избранъ предсѣдателемъ кассы. Эту обязанность онъ несетъ и понынѣ, хотя это и противорѣчитъ уставу, но дѣлается это съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія. Къ исходатайствованію такого отступленія отъ устава члены Кассы вынуждены въ видахъ пользы дѣла. Дѣло еще не окрѣпло, нуждается въ поддержкѣ, въ развитіи своихъ отдѣленій въ провинціи, а для этого необходима единая упорная воля, которая только и можетъ быть присуща инициатору дѣла.

Три мотива лежатъ въ основѣ «Кассы Взаимопомощи при литературномъ фондѣ»: а) желаніе обезпечить семью на случай смерти (взаимная страховка на этотъ случай), б) желаніе обезпечить самого себя (страховка отъ инвалидности и пенсіи), в) желаніе придти на помощь своимъ собратьямъ и сохранить по себѣ добрую память оставленіемъ капитала въ общую пользу Кассы, при посредствѣ весьма необременительныхъ взносовъ¹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что здѣсь переплетаются цѣли идеальныя, альтруистическія съ соображеніями практической жизни: жертвуя ежегодно въ Кассу, въ пользу другихъ, небольшія суммы отъ 1 до 50 рублей, участникъ кассы тѣмъ самымъ готовитъ себѣ под старость или своимъ наслѣдникамъ послѣ смерти нѣкоторое обезпеченіе. Размѣръ этого сбереженія пропорціоналенъ ежегодному

¹⁾ Такъ поступилъ покойный П. А. Гайдебуровъ.

взнос и числу наличныхъ членовъ Кассы въ данный моментъ. Въ основу устава легли всевозможныя мѣры къ приданію солидности Кассѣ, какъ-то: допущена разсрочка годового платежа, утроенъ первоначальный взносъ и ему же разрѣшена льготная разсрочка, такъ что на нормировку способовъ выплаты обращено должное и предусмотрительное вниманіе. Въ число участниковъ кассы принимаются всѣ лица, причастныя журнальному и литературному труду, въ томъ числѣ переводчики, репортеры и т. п. Вопросъ о числѣ участниковъ Кассы, то-есть, до какого предѣла онъ можетъ расти, можетъ быть рѣшенъ двоякимъ путемъ: во-первыхъ, обозначеніемъ maximum'a ежегоднаго прироста членовъ и, во-вторыхъ, обозначеніемъ того основнаго числа, далѣе котораго этотъ приростъ не желателенъ и когда пріемъ новыхъ членовъ можетъ допускаться исключительно на имѣющіяся вакансіи, по мѣрѣ убыли прежнихъ участниковъ. Вопросъ этотъ остается открытымъ и рѣшеніе его основывается на соображеніяхъ ариѳметическаго свойства, которыми не хочу утруждать читателя. Не благотворительный, а правовой исключительно характеръ такимъ образомъ носить на себѣ полученіе изъ Кассы капиталовъ—все основано на взаимномъ договорѣ участниковъ. Дабы освободить Кассу отъ могущихъ возникнуть судебныхъ споровъ, уставъ требуетъ, чтобы вступающій въ нее членъ точно обозначилъ, кому надлежитъ выдать причитающійся ему капиталъ, въ случаѣ смерти. Касса допускаетъ и учрежденіе филиальныхъ отдѣленій въ остальныхъ городахъ Россіи, для содѣйствія правленію въ выполненіи лежащихъ на немъ обязанностей, и чтобы предоставить мѣстнымъ участникамъ возможность принимать въ Кассѣ участіе. Уставъ Кассы разработанъ чрезвычайно тщательно, и по мѣрѣ возможности предвидѣны главнѣйшіе вопросы практики. Конечно, жизнь идетъ своимъ чередомъ и предъявляетъ дѣятелямъ новые случаи практики; къ числу таковыхъ долженъ быть отнесенъ вопросъ о предѣльномъ возрастѣ участника Кассы. Послѣ многихъ и горячихъ споровъ старшій предѣльный возрастъ установленъ 55 годами, при томъ, однако, исключеніи, что правило это не распространяется на лицъ, желающихъ быть членами Кассы изъ сочувствія къ общимъ ея задачамъ, отказавшимся отъ доставляемыхъ ею матеріальныхъ средствъ.

Касса быстро овладѣла симпатіями литературно-ученаго міра ¹⁾, и въ настоящее время (по отчету за 1893 г.) въ ней числится уже 180 участниковъ, при чемъ предполагалось къ избранію на 1894 г. еще 28 новыхъ членовъ. Средній возрастъ участника составлялъ на 1893 г. 40,72 и большинство записано по 3-хъ-рубле-

¹⁾ Извѣстный экономистъ И. Янжуль отнесся къ ея принципамъ и организаціи съ величайшею похвалою въ печати.

вому разряду. Обороты кассы и успѣхъ принципа взаимнаго страхованія въ настоящее время могутъ быть представлены такъ: лицо, записавшееся по 50 рублевому взносу, въ случаѣ внезапной смерти, предоставляетъ своимъ наслѣдникамъ капиталъ въ 1,036 рубл., по 1 рублевому взносу—207 рублей. Цыфры говорятъ сами за себя и краснорѣчивѣ всякихъ доказательствъ и соображеній. Общій оборотъ кассы въ 1893 году равнялся 6.129 руб. 55 коп., по балансу же въ дѣйствительности состояло наличными 4.251 руб. 40 коп.

Успѣхъ «Кассы Взаимопомощи» былъ на столько очевиденъ, что и другіе города скоро обратились къ правленію съ просьбой объ открытіи филиальныхъ отдѣленій; ходатайства были признаны уважительными, и въ мартѣ настоящаго года было открыто отдѣленіе въ Москвѣ, а въ апрѣлѣ—въ Юрьевѣ. По слухамъ и въ Кіевѣ въ недалекомъ будущемъ состоится открытіе филиальнаго отдѣленія. Для открытія таковыхъ отдѣленій общее собраніе участниковъ Кассы выработало особыя правила, гдѣ точно указаны отношенія метрополіи и колоній, если можно такъ выразиться.

Можно удивляться только тому обстоятельству, что такіе крупные умственные центры провинціи ¹⁾, каковы Казань, Харьковъ, Одесса, Варшава и другіе города не откликаются на благое и полезное дѣло, а самымъ наивнымъ образомъ продолжаютъ плакаться на горестную будущность русскаго литератора въ старости и измышлять несбыточные проекты обезпеченія. Съ вопросомъ объ обезпеченіи литературныхъ семей послѣ смерти работника выступали многія провинціальныя газеты и въ числѣ прочихъ, напримѣръ, газета «Каспій». Газета эта утверждаетъ, что нынѣшняя безпомощность не устранится, пока не будетъ существовать нормальныхъ условій между сотрудниками и издателемъ. Та же бакинская газета проектируетъ единую для всѣхъ пишущихъ эмеритальную кассу. «Стоитъ только, говоритъ она, гг. издателямъ поставить въ обязательное условіе: вносить извѣстный, самый необременительный, процентъ съ подписной платы своего изданія и такой же процентъ вычитать изъ гонорара или жалованья своихъ сотрудниковъ. Наконецъ, обложить хотя бы самымъ минимальнымъ процентомъ и поступающія объявленія». Все это благія пожеланія и мечты, но какъ ихъ осуществить и кому осуществлять! Отношенія между издателемъ и сотрудникомъ часто бываютъ такъ сложны, что постороннему лицу тутъ разобраться становится болѣе чѣмъ трудно. Прибѣгать же къ содѣйствію административной власти для вычетовъ и обложенія процентомъ врядъ ли желательно. Въмѣсто того, чтобы думать объ опекахъ, лучше обратиться къ принципу свободнаго страхованія, столь удачно

¹⁾ Во многихъ не числится ни одного участника.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1894 г., т. LVIII.

проведенному въ Петербургѣ и другихъ городахъ г. Градовскимъ. Точно также неосуществимо и не имѣть солидныхъ основаній мечтаніе «Виленскаго Вѣстника» о сѣздѣ провинціальныхъ журналистовъ для обсужденія вопроса объ обезпеченіи литературныхъ тружениковъ. Такой сѣздъ врядъ ли будетъ разрѣшенъ, и правительство укажетъ обратившимся съ подобнаго рода просьбой на учрежденіе, уже дѣйствующее на законномъ основаніи, гдѣ волнующій вопросъ вполнѣ удачно разрѣшенъ—на «Кассу Взаимопомощи».

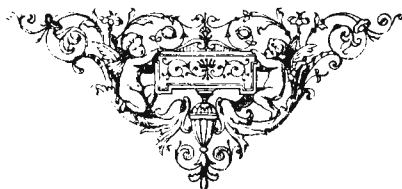
Вопросъ о литературныхъ сѣздахъ давнишнее между прочимъ мечтаніе журналистовъ, объ немъ въ разныхъ кружкахъ не разъ мечтали и гадали. Въ Москвѣ, по случаю Пушкинскаго торжества, онъ однажды осуществился, но больше ничего подобнаго не повторялось вотъ уже 14 лѣтъ и врядъ ли по нежеланію самой прессы. Вотъ и теперь г. Загуляевъ высказалъ чрезвычайно смѣлое и симпатичное положеніе о необходимости представителямъ русской прессы объединиться въ правильно-организованный союзъ, какъ для пріобрѣтенія развитія и защиты своихъ правъ, такъ и для того, чтобы получить возможность участія въ международномъ союзѣ. Мысль эта была высказана въ «Русскомъ литературномъ Обществѣ», впервые открывшемъ свои двери постороннимъ лицамъ. Кстати, объ этомъ обществѣ. Нельзя не согласиться съ г. Михайловскимъ, высказавшимъ удивленіе ¹⁾ о странности поведенія этого Общества относительно русской прессы. Оно существуетъ, имѣетъ имѣетъ свой уставъ, тамъ читаютъ рефераты, но дѣлается это какъ-то таинственно и въ секретѣ отъ другихъ; оно рѣшается даже на такой крупный шагъ, какъ посылку делегата на европейскій конгрессъ отъ имени всей прессы, но опять-таки келейно, особнякомъ отъ всѣхъ. Точно тамъ возсѣдаютъ какіе-то избранники литературы, а вся остальная армія тружениковъ пера недостойна ихъ благодати и не заслужила имени прессы. А вмѣстѣ съ тѣмъ, судя по слухамъ, въ этомъ Обществѣ читаются не только простые литературные рефераты, но подчасъ обсуждаются очень жгучіе вопросы, волнующіе весь журнальный міръ. Такъ, на сколько извѣстно, это Общество приняло къ сердцу вопросъ о литературной конвенціи и удѣлило ему не мало времени и силъ. Хорошо, что хоть на нынѣшній разъ сдѣлано исключеніе, и такой важный, животрепещущій вопросъ, какъ вопросъ о союзѣ русской прессы, былъ обсуждаемъ не при закрытыхъ дверяхъ. По крайней мѣрѣ въ настоящее время можно принять участіе въ обсужденіи его путемъ печати на основаніи точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, а не по слухамъ, глухимъ и отрывочнымъ. Вопросъ этотъ, какъ свидѣтельствуешь отчетъ «Новостей» ²⁾, стоитъ такъ. Собраніе «Литера-

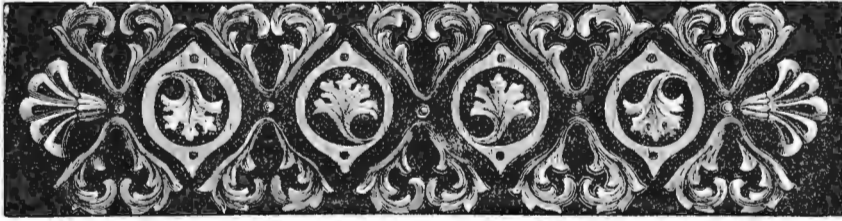
¹⁾ «Русское Богатство» 1894 г., № 8.

²⁾ «Новости», № 310.

турнаго Общества» отнеслось съ сочувствіемъ къ мысли г. Загуляева и приступило тутъ же къ обсужденію, какъ осуществить эту мысль. «Предсѣдательствовавшій въ собраніи г. Исаковъ указалъ два способа: или ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи союза русскихъ журналистовъ съ предоставленіемъ ему необходимыхъ правъ, или же воспользоваться готовымъ уставомъ Русскаго Литературнаго Общества, предоставляющимъ Обществу право открывать отдѣленія для разнообразныхъ литературныхъ цѣлей, и создать такой союзъ при Обществѣ, въ видѣ особаго отдѣленія. Собраніе почти единодушно одобрило послѣдній изъ предложенныхъ способовъ, какъ наименѣ хлопотливый». Далѣе предположено совѣтомъ Общества—выработать проектъ учрежденія союза прессы, «какъ состоящихъ членами Общества, такъ и тѣхъ, которые, хотя и не состоятъ, но интересы которыхъ затронуты возбуждаемымъ вопросомъ объ организаціи сѣзда русской прессы». Послѣдняя фраза репортерскаго отчета неясна; что значать эти «хотя», «но»? Очевидно, тутъ что нибудь не такъ передано. Во всякомъ случаѣ рѣшеніе совѣта заслуживаетъ вниманія и, если благія намѣренія осуществляются, русская пресса можетъ отъ души сказать спасибо «Русскому Литературному Обществу». Въ добрый часъ! Мы именно нуждаемся въ объединяющемъ началѣ, гдѣ можно почерпнуть душевныя силы и братскую связь.

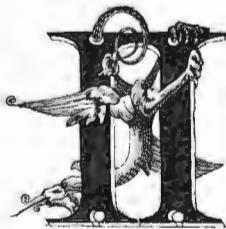
Б. Глинскій.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СОЮЗЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II ¹⁾.

III.

ПРЕБЫВАНІЕ въ Петербургѣ графа Сегюра въ качествѣ французскаго посланника составляетъ самую блестящую страницу въ исторіи дипломатическихъ сношеній Франціи съ Россіей въ концѣ XVIII столѣтія. Въ продолженіе пяти лѣтъ, проведенныхъ имъ при русскомъ дворѣ, «хорошенькій французъ», по выраженію его друга принца де-Линя, возстановилъ дружескія отношенія между двумя странами, заключилъ коммерческій трактатъ между ними и подготовилъ еще болѣе важное событіе, именно русско-французскій союзъ, а если ему не удалось довершить этого важнаго дѣла,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 499. Печатаніе настоящей статьи было отложено для дополненія ея новыми свѣдѣніями изъ помѣщаемого съ январскаго номера въ «Le Monde Latin et le Monde Slave», очерка маркиза Баррала-Монферра: «Попытка заключенія русско-французскаго союза въ концѣ XVIII столѣтія», служащаго продолженіемъ тѣхъ главъ его перваго тома, «Десять лѣтъ вооруженнаго мира между Франціей и Англійей», которыя касаются исторіи дипломатическихъ сношеній между Франціей и Россіей отъ 1783 по 1787 г. Но этотъ любопытный трудъ, снабженный выписками изъ подлинной корреспонденціи тогдашнихъ французскихъ дипломатовъ прерванъ за прекращеніемъ журнала, въ которомъ онъ помѣщался, а второй томъ книги Монферра, въ составъ котораго онъ долженъ войти, еще не появился въ свѣтъ. Поэтому настоящая статья помѣщается въ прежнемъ своемъ видѣ, лишь съ небольшими добавленіями изъ впервые обнародованнаго французскимъ историкомъ въ первой главѣ его очерка депешъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Берлинѣ Фальціоли и министра иностранныхъ дѣлъ Монморена.

то въ этомъ виновны были независѣвшія отъ него обстоятельства. За отъѣздомъ Сегюра произошелъ полный разрывъ между Россіей и Франціей, благодаря ненависти Екатерины къ революціи, и потому его посольство обнимаетъ собою всё перипетіи знаменательной попытки заключенія русско-французскаго союза сто лѣтъ тому назадъ. Юность же «хорошенькаго француза» и блестящіе его успѣхи въ Петербургѣ, гдѣ онъ въ короткое время превратилъ холодность Екатерины и Потемкина къ Франціи въ самыя любезныя, дружескія отношенія, придаютъ этому дипломатическому эпизоду чисто романическій характеръ, тѣмъ болѣе, что сцена, гдѣ разыгрался этотъ эпизодъ, была не только веселая, пышная, придворная среда тогдашняго Петербурга, но и фантастичная обстановка знаменитаго таврическаго путешествія Екатерины, которую сопровождалъ Сегюръ въ числѣ ея избранной свиты.

Назначеніе новаго французскаго посланника въ Петербургъ въ 1785 году, послѣ того, какъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ были только повѣренныя въ дѣлахъ, въ виду существовавшаго между обѣими правительствами полнаго охлажденія, удивило весь дипломатическій миръ. Даже самъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Верженъ, задумавшій снова устроить сближеніе съ Россіей, не вѣрилъ въ счастливый результатъ этой попытки, что доказывается выборомъ лица для совершенія столь важнаго дѣла и данными ему инструкціями. Графъ Луи-Филиппъ Сегюръ, сынъ маршала и военнаго министра, былъ въ то время тридцати-двухъ-лѣтнимъ драгунскимъ полковникомъ, только что вернувшимся изъ Америки, гдѣ онъ отважно сражался за свободу Соединенныхъ Штатовъ и откуда вернулся съ либеральными идеями, внушенными ему Лафаетомъ, съ которымъ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Ничто не указывало въ немъ на дипломатическія способности, и его назначеніе на важный постъ посланника въ Россіи только изъ угожденія его отцу ясно свидѣтельствовало, что Верженъ не рассчитывалъ на успѣхъ подобнаго посольства, а потому не заботился послать въ Петербургъ опытнаго, ловкаго дипломата, а считалъ достаточнымъ «имѣть простаго внимательнаго наблюдателя при дворѣ, на который его страна не имѣла никакого вліянія». Этими словами самъ Сегюръ характеризуетъ порученное ему дѣло въ своихъ мемуарахъ, отличающихся не только интересными анекдотами, но и вѣрными свѣдѣніями. Не смотря на такую, повидимому, скромную дѣятельность, ожидавшую его въ Россіи, онъ откровенно говоритъ: «Перемена въ моей карьерѣ производила непріятный переворотъ во всей моей жизни и налагала на меня бремя, которое могло оказаться мнѣ не по силамъ, такъ какъ я нисколько не былъ подготовленъ, чтобъ явиться на сценѣ, гдѣ должны были рѣшаться великіе, интересовавшіе всю Европу, вопросы; надо было бросить мечъ для пера, философію для политики, откровенность для ловкости, веселость

для серьезности, удовольствія для дѣла и совѣстливо работать для обезпеченія мира, тогда какъ я пламенно желалъ войны, что было очень естественно молодому офицеру»¹⁾). Какъ бы то ни было, запасши свѣдѣнїями о Россїи у всѣхъ знавшихъ ее французовъ, между прочимъ, у бывшаго посланника въ Петербургѣ Бретеля и Гримма, находившагося въ постоянной перепискѣ съ Екатериной, Сегюръ отправился въ путь. Данныя ему инструкціи Людовикомъ XVI и Верженомъ были самаго безнадежнаго характера; въ нихъ прямо говорилось, что со времени опалы, а затѣмъ смерти Панина, старавшагося примирить императрицу съ Франціей и удалить ее изъ-подъ влїянїя Англіи, русская политика сосредоточивалась въ рукахъ Потемкина, друга Англіи и врага Франціи, а потому нечего было ожидать хорошаго результата отъ всѣхъ усилій прїобрѣсти дружбу Екатерины II, даже нельзя было льстить себя надеждой заключить коммерческій трактатъ съ Россїей, и пока будетъ царствовать эта государыня, отношенїя къ ней французскаго короля должны были ограничиваться простыми знаками уваженїя²⁾). Дѣйствительно, явившись въ Петербургъ, Сегюръ былъ пораженъ сдѣланнымъ ему холоднымъ прїемомъ. Какъ при дворѣ, такъ и въ правительственной сферѣ и въ высшемъ обществѣ съ нимъ обращались учтиво, но церемонно, и по его собственному выраженїю самое имя француза казалось въ опалѣ, а австрійскій посланникъ, хитрый графъ Кобенцель, и въ особенности ловкій, изворотливый представитель Англіи, Фицъ-Гербертъ, царили неограниченно, пользуясь дружескими милостями Екатерины. При такихъ обстоятельствахъ, представляясь императрицѣ, ново-испеченный французскій дипломатъ естественно смутился и, забывъ приготовленную рѣчь, произнесъ нѣсколько совершенно импровизированныхъ словъ, на которыя Екатерина также должна была отвѣтить экспромтомъ, а не заранѣе придуманными фразами. Однако, не смотря на неудачный дебютъ и на столь неблагоприятныя условїя его дипломатической дѣятельности, еще болѣе затрудняемой коварными наущенїями недовольнаго русскимъ дворомъ прусскаго посланника, графа Гольца, который рисовалъ ему русскихъ министровъ «настоящими демонами», какъ впоследствии признавался самъ Сегюръ графу Безбородко³⁾), въ нѣсколько мѣсяцевъ все измѣнилось. «Хорошенькій французъ» сдѣлался не только *persona grata* при русскомъ дворѣ и въ высшемъ обществѣ, но сталъ пользоваться особыми милостями Екатерины, допустившей его въ свой интимный кружокъ, дружбой Потемкина и Мамонова, тогдаш-

¹⁾ Mémoires du comte de Ségur, Paris, 1826, t. XII, p. 71.

²⁾ Recueil des instructions, tome IX, p. 391—392.

³⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ 24, стр. 118. Письмо графа Безбородко графу Александру Воронцову отъ 8 іюля 1785 года.

наго фаворита императрицы, наконецъ уваженіемъ Безбородко и Остермана, которые руководили внѣшней политикой подъ высшимъ надзоромъ Потемкина. Эта перемѣна произошла, благодаря частью его ловкости, любезности, изящнымъ манерамъ, остроумію, веселому характеру и умѣнію устраивать всякаго рода удовольствія, а частью недовольству Екатерины Англіей по случаю заключенія послѣдней союза съ Пруссіей.

Тутъ произошелъ обычный переворотъ русской политики, которая постоянно колебалась между враждебными вліяніями Англіи и Франціи, то наклоняя вѣсы въ пользу одной страны, то другой, при чемъ съ аккуратной точностью то понижалось вліяніе Англіи, то возвышалось вліяніе Франціи и обратно. Когда была объявлена знаменитая декларація вооруженнаго нейтралитета, и наступило охлажденіе между Россіей и Англіей, то быстро развилось франко-русское сближеніе, а какъ только французское правительство своими интригами противъ Россіи въ Константинополѣ побудило Екатерину отшатнуться отъ Версальскаго двора, то она снова стала благоволить къ Англіи, особенно послѣ оказанныхъ сочувственнымъ ей министерствомъ Фокса услугъ для торжества русской восточной политики. Но все-таки императрица, не смотря на возвращеніе къ своей прежней англофильской политикѣ и самыя дружескія отношенія къ англійскому послу, Фицъ-Герберту, не согласилась возобновить союзнаго трактата и даже заключить новый коммерческій договоръ безъ включенія въ нихъ признанія принциповъ вооруженнаго нейтралитета, что прямо противорѣчило интересамъ Англіи. Наконецъ видя, что всѣ усилія ни къ чему не ведутъ, что на всѣ хлопоты о русскомъ союзѣ получается отъ графа Остермана одинъ отвѣтъ: «по нерѣшимости настоящихъ въ Европѣ обстоятельствъ неудобно было бы о семъ дѣлѣ трактовать»¹⁾, новое англійское министерство Пита, подъ предлогомъ, что ему неудобно оставаться безъ союза на «матерой землѣ»²⁾, неожиданно заключило союзъ съ Пруссіей противъ ближайшаго соперника Россіи, императора Іосифа II. Екатерина пришла въ сильное негодованіе отъ такого враждебнаго поступка со стороны государства, настойчиво добивавшагося заключенія союза съ ней, и потребовала уничтоженія только-что заключеннаго трактата, говоря въ своей инструкціи графу Воронцову, русскому посланнику въ Лондонѣ, что «нынѣшніе поступки лондонскаго двора надлежитъ причестъ къ тѣмъ многочисленнымъ ошибкамъ и заблужденіямъ, коими политика его будетъ славиться въ исторіи послѣднихъ временъ нашихъ»³⁾. Когда же англійское правительство от-

1) Собраніе трактатовъ, томъ IX, стр. 329.

2) Ibidem, стр. 330.

3) Ibidem.

казалось исполнить требованіе Екатерины, ссылаясь на упрямство короля, а въ виду несогласія Россіи на англійское предложеніе по поводу коммерческаго трактата стало угрожать наложеніемъ разныхъ на русскую торговлю тягостей, то императрица совершенно озлилась и приказала графу Воронцову объяснить «непристойность сего поступка» и напомнить, что Россія также можетъ наложить налоги на англійскіе товары¹⁾. Въ результатѣ получилось прекращеніе переговоровъ о коммерческомъ трактатѣ, неприязненность Екатерины къ Англии и прямо враждебныя дѣйствія англійскаго правительства противъ Россіи въ послѣдовавшей скорѣ турецкой войнѣ. Какъ всегда, императрица, отворачиваясь отъ Англии, стала приближаться къ Франціи, а тутъ кстати подвернулся «хорошенькій французъ», съ его остроуміемъ, неистощимой веселостью, умѣньемъ постоянно развлекать Екатерину; прямымъ слѣдствіемъ этихъ новыхъ условій была перемена въ русской политикѣ, сближеніе съ Франціей и милостивыя дружескія отношенія Екатерины къ Сегюру. Съ своей обычной прозорливостью она съ первыхъ дней прибытія Сегюра писала Гримму: «Я не удивляюсь репутаціи Сегюра, и мнѣ кажется, что она вполне заслуженная; во всякомъ случаѣ у насъ не было никого лучше его до сихъ поръ изъ вашей страны; остается посмотрѣть, будутъ ли его глаза ослѣплены архивными знаніями, привычками и предрасудками, или онъ станетъ глядѣть на все ясно и не будетъ находить все дурнымъ, что не дѣлается въ его странѣ, подобно политическимъ дѣятелямъ нѣкоторыхъ странъ, которые откидываютъ свою голову назадъ, какъ турецкія и персидскія лошади отъ ужасной кисти, которая виситъ между ихъ глазами, чего англійскія лошади никогда не знаютъ»²⁾. А черезъ два мѣсяца послѣ путешествія въ Москву вмѣстѣ съ нимъ и Фицъ-Гербертомъ, въ числѣ своей свиты, она отзывается о немъ самымъ лестнымъ образомъ тому же Гримму: «Надо отдать справедливость Сегюру: трудно быть любезнѣе и остроумнѣе; ему, повидимому, нравится у насъ, и онъ веселъ, какъ яблокъ. Онъ писалъ стихи и сочинялъ романсы, а мы отвѣчали ему дурной прозой. Онъ былъ очень недоволенъ вернуться въ Петербургъ и послѣдовалъ бы за мной на край свѣта, еслибъ я захотѣла. Если во Франціи много такихъ людей, какъ Сегюръ, то я поздравляю ее; къ своимъ достоинствамъ, уму, талантамъ и знаніямъ онъ присоединяетъ благородство и любезность»³⁾. Далѣе въ письмахъ Екатерины къ Гримму, относящихся къ 1785 и 1786 гг., часто встрѣчаются самыя сочувственныя и дружескія замѣчанія о Сегюрѣ: такъ она

1) Ibidem, стр. 335—336.

2) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ IX, стр. 337.

3) Ibidem, стр. 342.

приводить съ похвалою стихи, написанные имъ по случаю смерти ея любимой собаки Земиры и вырѣзанные по ея приказанію на гранитной пирамидѣ въ Царскосельскомъ саду¹⁾; весело рассказываетъ, что, возвращаясь однажды по Невѣ изъ Пеллы, «сдѣлали посланника и графиню Браницкую, сидѣвшихъ на одномъ креслѣ, королею Дагоберомъ и королевою Бертой, что дало поводъ къ безконечнымъ шуткамъ и вознѣ»²⁾; и лестно отзывается о поставленной на эрмитажномъ театрѣ пьесѣ Сегюра.

Конечно, одной изъ главныхъ причинъ перемѣны, происшедшей въ обращеніи Екатерины съ Сегюромъ и ея дружескихъ милостей къ нему, было сближеніе ловкаго француза съ Потемкинымъ, который расположилъ въ его пользу и императрицу. Сначала всемогущій временщикъ, ненавидѣвшій Францію, какъ покровительницу поляковъ, турокъ и шведовъ, и упорно дружившій съ Англіею и находившійся въ интимныхъ отношеніяхъ съ Фицъ-Гербертомъ, очень холодно и надменно обращался съ Сегюромъ, но тотъ, съ одной стороны, веселой предупредительностью и сохраненіемъ своего достоинства, что всегда влѣяетъ на самодуровъ, а съ другой—указаніями на выгоду для устраиваемой тогда Потемкинымъ колонизаціи южной Россіи отъ развитія торговли съ Франціею, которая въ то время была первой торговой державой на Средиземномъ морѣ и въ Левантѣ, сумѣлъ вскорѣ совершенно обворожить Потемкина. Наконецъ, послѣдній пригласилъ его къ себѣ запросто, принявъ его въ постелѣ и безъ всякихъ предисловіиъ сказалъ: «Любезный графъ, я чувствую къ вамъ истинную дружбу, и если вы питаете ко мнѣ такія же чувства, то бросимъ всякія церемоніи и будемъ жить друзьями». Въ отвѣтъ на это Сегюръ фамиллярно сѣлъ на кровать, взялъ князя за руку и произнесъ: «Я согласенъ отъ всего сердца, любезный князь; новое знакомство требуетъ извѣстныхъ формальностей, но разъ, что произнесено слово дружба, то уже не можетъ быть и рѣчи о всемъ, что стѣсняетъ и надоѣдаетъ»³⁾. Съ этой минуты установились между ними самыя дружескія и фамиллярныя отношенія, чѣмъ были чрезвычайно удивлены при дворѣ, а въ особенности иностранные дипломаты. Потемкинъ сталъ откровенно бесѣдовать съ Сегюромъ, выражалъ ему удивленіе, что французы, такіе любезные, учтивые и блестящіе люди, упорствовали въ покровительствѣ варварамъ туркамъ, развивалъ передъ нимъ знаменитый греческій проектъ объ оттѣсненіи турокъ въ Азію и раздѣлѣ Европейской Турціи между державами, при чемъ на долю Франціи могли бы достаться Кандія, или Египетъ; наконецъ, уличалъ своего прежняго друга Англію въ коварныхъ интригахъ про-

¹⁾ Ibidem, стр. 347, 357.

²⁾ Ibidem, стр. 347.

³⁾ Mémoires du comte de Ségur, tome II, p. 288—289.

тивъ Россіи на востокѣ и ея союзъ съ Пруссіей называлъ гнусной измѣной, за которую онъ жаждалъ имъ отомстить ¹⁾). Разговоръ насчетъ Англіи происходилъ во время путешествія императрицы въ Москву, именно на озерѣ Ильменѣ, и Сегюръ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, заявилъ, что лучшимъ способомъ отомстить Англіи бы было заключеніе коммерческаго трактата съ Франціей. «Я васъ понимаю, — отвѣчалъ Потемкинъ съ улыбкой, — я говорю съ вами, какъ съ другомъ. Вы давно желаете заключенія этого трактата, а теперь минута удобная, воспользуйтесь ею. Императрица забыла свои прежнія предразсудки противъ Франціи и восстановлена противъ Англіи. Представьте ей хорошо мотивированное предложеніе заключить коммерческой трактатъ, и даю вамъ слово, что я поддержу васъ всей своей властью». Но Сегюръ возразилъ, что онъ не можетъ сдѣлать подобнаго оффиціального предложенія, такъ какъ при существующихъ между двумя кабинетами холодныхъ отношеніяхъ онъ не имѣетъ на это уполномочія и не рѣшится скомпрометировать своего короля возможнымъ отказомъ. Потемкинъ задумался и потомъ сказалъ: «Ваши опасенія не основательны, но, чтобъ успокоить васъ, я вотъ что придумалъ. Напишите мнѣ совершенно конфиденціальную записку, въ которой изложите то, что вы уже часто мнѣ говорили на словахъ о пользѣ коммерческаго трактата между обѣими странами; даже не подписывайте этой записки и отдайте мнѣ ее. Я поступлю съ ней, какъ знаю, и она попадетъ въ руки министровъ, только когда вы получите желаемый отвѣтъ. Но, повторяю, куйте желѣзо, пока оно горячо. Садитесь сейчасъ за работу». Сегюръ послушался этого добраго совѣта и по ироніи судьбы, не имѣя при себѣ чернильницы и пера, занялъ то и другое у Фицъ-Герберта, который вмѣстѣ съ нимъ сопровождалъ Екатерину. Такимъ образомъ, благодаря случайности, проектъ франко-русскаго торговаго договора былъ написанъ англійскими чернилами и англійскимъ перомъ. Черезъ два часа записка была готова и отдана Потемкину, который отнесъ ее императрицѣ и на другой же день объявилъ Сегюру, что она съ удовольствіемъ прочла записку, согласна заключить трактатъ и гарантируетъ успѣхъ оффиціального предложенія со стороны Франціи. Сама императрица очень любезно подтвердила Сегюру свое согласіе. «Вы знаете уже мой отвѣтъ, — сказала она, — данныя вашимъ королемъ недавно доказательства въ его дружбѣ ко мнѣ побуждаютъ меня охотно соединиться съ нимъ болѣе близкими узами. Ваше довѣріе меня очень тронуло. Я съ большимъ удовольствіемъ вижу васъ при моемъ дворѣ и желала бы, чтобъ столь важные переговоры для обѣихъ странъ были ведены и окончены вами» ²⁾).

¹⁾ Mémoires du comte de Ségur, tome 2, p. 312, 337, 350.

²⁾ Ibidem, p. 338—348.

По возвращеніи въ Петербургъ приступлено было къ этимъ переговорамъ, но они безконечно затянулись, благодаря расположенному въ пользу англичанъ и враждебному Франціи министру Екатерины, Остерману и Безбородко. Не смотря на всѣ усилія Сегюра, покровительство Потемкина, дружбу Мамонова и желаніе самой Екатерины покончить скорѣе дѣло, трактатъ былъ подписанъ только 11-го января 1787 года. Главныя его условія заключались въ томъ, что Франція и Россія предоставляли другъ другу права націи, пользующейся наибольшими преимуществами, что въ большихъ портахъ и значительныхъ коммерческихъ городахъ обѣихъ странъ учреждались генеральные консулы, консулы и вице-консулы, что съ обѣихъ сторонъ уменьшены пошлины на разные предметы, и что снова признавались принципы вооруженнаго нейтралитета¹⁾. Такъ какъ Потемкимъ имѣлъ въ виду преимущественно интересы южной Россіи, то и прамымъ послѣдствіемъ этого трактата было развитіе черноморскихъ портовъ и соотвѣтственное расширеніе марсельской торговли. Заключеніе же этого франко-русскаго торговаго договора было тѣмъ болѣе побѣдой для Сегюра, что всѣ его предшественники, начиная отъ Десхе и Курменена въ 1629 году до Ла-Шетарди, Бретеля и т. д., терпѣли въ этомъ отношеніи неудачу, и что нѣкогда всемогущіе въ Петербургѣ англичане не могли теперь добиться возобновленія своего трактата. Успѣхъ «хорошенькаго француза» возбудилъ къ нему всеобщее уваженіе и даже неблаговолившій къ нему прежде Безбородко писалъ Семену и Александру Воронцовымъ, что Сегюръ отличался любезностью, большими познаніями, значительными способностями и нисколько не походилъ на своихъ предшественниковъ, которые были или дураками, какъ Бретель, или скотами, какъ Веракъ, Жюинье и Боссэ²⁾. Спустя шесть дней послѣ подписи торговаго трактата, Сегюръ отправился съ Екатериной въ знаменитое таврическое путешествіе, которое было апогеемъ его славы и вліянія въ Россіи, а также сблизило его съ принцемъ Насау-Зигеномъ, его ревностнымъ помощникомъ въ дѣлѣ заключенія русско-французскаго союза.

IV.

Триумфальное путешествіе Екатерины въ Крымъ, обставленное фантастичнымъ великолѣпіемъ, послужило для Сегюра, который находился въ ея свитѣ вмѣстѣ съ англійскимъ и австрійскимъ посланниками, удобнымъ случаемъ для еще болѣе сближенія съ

¹⁾ Recueil des instructions, t. IX, p. 409.

²⁾ Архивъ Воронцова, томъ XIII, стр. 81, 94, 108, 118; Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ 24, стр. 118.

императрицей и Потемкинымъ. Находясь постоянно въ ихъ обществѣ на самой интимной ногѣ и занимая почетное мѣсто не только за обѣдомъ и на вечерахъ императрицы, но на ея пышной галерѣ и въ ея дорожномъ экипажѣ, онъ черпалъ въ своемъ неистощимомъ остроуміи и веселости постоянный источникъ для ихъ развлечения. Но забавляя Екатерину и даже обучая ее писать стихи на французскомъ языкѣ, хотя не съ большимъ успѣхомъ, по ея собственнымъ словамъ ¹⁾, «хорошенькій французъ» не забывалъ своихъ политическихъ цѣлей, продолжалъ всячески стараться о развитіи русско-французскаго сближенія и ловко парировалъ удары, наносимые этому сближенію интригами французскаго посланника къ Константинополѣ, Шуазеля, который тайно подбивалъ Порту противъ Россіи. Эта двойственность французской дипломатіи объяснялась смертью Вержена, о чемъ Екатерина писала Гримму, какъ о большей потерѣ для Франціи ²⁾, и замѣщеніемъ его графомъ Монмореномъ, который подъ руководствомъ новаго перваго министра, тулузскаго архіепископа Ломени де-Бриенна, придавъ французской политикѣ характеръ и колебанія слабости, однимъ словомъ, по мѣткому выраженію Сегюра, свелъ ее къ интригѣ ³⁾. Такимъ образомъ положеніе Сегюра сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ, особенно, когда было узнано, что французскіе инженеры укрѣпляли Очаковъ. Окружающіе Екатерины пришли въ негодованье и по словамъ Сегюра говорили: «какъ! въ ту минуту, когда мы подписали дружескій трактатъ съ Франціей, и императрица везетъ съ собой въ своемъ путешествіи французскаго посланника, осыпая его милостями и знаками довѣрія, французы руководятъ военными приготовленіями нашихъ враговъ!» Потемкинъ съ горечью жаловался своему другу на подобные поступки его правительства и восклицалъ съ пламеннымъ недовольствомъ: «Значить рѣшено, что ваша нація, самая просвѣщенная въ свѣтѣ, всегда будетъ покровительствовать фанатизму и невѣжеству, а подъ какимъ предлогомъ? лишь изъ боязни потерять торговлю, которую вамъ можно гарантировать блестящими пріобрѣтеніями въ Архипелагѣ; вся Европа имѣетъ право обвинять Францію, которая одна настаиваетъ на сохраненіи въ ея нѣдрахъ варварства и чумы» ⁴⁾. Но съ удивительной ловкостью Сегюръ доказывалъ, что всѣ вооруженія турокъ имѣли характеръ оборонительный, внушенный страхомъ путешествія Екатерины, сбора войска на границѣ, а флота на Черномъ морѣ, что французскіе инженеры служатъ въ Турціи ранѣе франко-русскаго

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXIII, стр. 408. Mémoires du C. de Segur, t. III, p. 119.

²⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXIII стр. 399.

³⁾ Mémoires du c. de Segur, t. III, p. 262.

⁴⁾ Ibidem, p. 146, 97.

сближенія, что Людовикъ XVI заботится только о всеобщемъ мирѣ, и никакая надежда на новыя територіальныя приобрѣтенія не заставитъ его нарушить этотъ миръ. Потемкинъ и Екатерина успокоились, заявили представителю Франціи о своихъ мирныхъ намѣреніяхъ относительно Порты, и въ этомъ духѣ были посланы депеши въ Константинополь графомъ Безбородко¹⁾. Императрица въ знакъ своей особой милости пожаловала Сегюру портретъ, украшенный брилліантами, дорогіе мѣха и 40.000 франковъ²⁾, а Храповицкому говорила въ это время: «графъ Сегюръ понимаетъ, сколь сильна Россія, но министерство, обманутое своими эмиссарами, тому не вѣрять и воображаетъ мнимую силу Порты; полезнѣе бы для Франціи не интриговать; Сегюръ, кромѣ здѣшняго двора, нигдѣ министромъ быть не хочетъ³⁾». Потемкинъ же простеръ свое довѣріе къ Сегюру до того, что прямо заявилъ ему о возможности и пользѣ заключенія формальнаго союза между Россіей и Франціей; по крайней мѣрѣ, такъ говоритъ «хорошенькій французъ» въ своихъ мемуарахъ, и нѣтъ основанія ему не вѣрять. На подобное неожиданное предложеніе онъ возразилъ, что прежде всего необходимо знать, отказывается ли русскій дворъ отъ уничтоженія Турецкой имперіи, и получилъ въ отвѣтъ: «Надо отказаться потому, что вы хотите сохранить чуму и не согласны съ тѣмъ, что христіанское правительство, или греческія республики лучше гарантировали бы нашу торговлю, чѣмъ капризная и презрительная гордость мусульманъ. Но по крайней мѣрѣ вы должны дозволить ограниченіе турокъ болѣе естественными предѣлами для избѣжанія войны, которая теперь грозитъ во всякое время»⁴⁾. Этотъ разговоръ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій, и Сегюръ вскользь упомянулъ о немъ въ своей депешѣ къ Монморену, такъ глубоко онъ былъ убѣжденъ, что новое французское правительство не рѣшится на заключеніе союза съ Россіей. Но онъ не зналъ, что эта депеша придетъ въ Парижъ спустя два мѣсяца въ то самое время, когда Пруссія при поддержкѣ Англіи унизила Францію въ Голландіи, и приведетъ въ восторгъ какъ Монморена, такъ и Ломени де-Бріена⁵⁾. Такимъ образомъ первая мысль о франко-русскомъ союзѣ, о которомъ даже не смѣлъ мечтать Сегюръ, была высказана Потемкинымъ, питавшимъ до тѣхъ поръ самыя враждебныя чувства къ Франціи, и, благодаря обстоятельствамъ, стала быстро развиваться по возвращеніи Екатерины въ Петербургъ изъ своего таврическаго путешествія. Но это путешествіе не только посѣяло первое сѣмя франко-русскаго союза, но и доставило Се-

¹⁾ Dix ans de paix armée, par Barral-Monferrat, t. I, p. 287.

²⁾ Mémoires du c. de Segur, t. III, p. 98.

³⁾ Дневникъ Храповицкаго, стр. 36.

⁴⁾ Mémoires du c. de Segur, t. III, p. 105—107.

⁵⁾ Dix ans de paix armée, par Barral-Monferrat, t. I, p. 291.

гюру энергичнаго помощника для осуществленія столь излюбленной для него идеи въ лицѣ принца Нассау-Зигена.

Этотъ, по мѣткому выраженію Вандаля, «странствующій рыцарь франко-русскаго союза», явился къ Потемкину въ Кіевѣ и, снискавъ его расположеніе, былъ приглашенъ сопутствовать Ека-ринѣ въ ея блестящей свитѣ. Одинъ изъ тѣхъ искателей приключеній, которыми такъ богатъ былъ XVIII вѣкъ, принцъ Карлъ Нассау-Зигенъ, нѣмецъ по отцу и французъ по матери, избралъ, чтобъ достигнуть Россіи, самый длинный путь. Онъ прежде всего совершилъ съ Бугенвилемъ кругосвѣтное плаваніе, потомъ пытался основать себѣ царство въ Дагомеѣ, участвовалъ въ американской войнѣ за независимость и въ осадѣ Гибралтара, получилъ чинъ генерала во Франціи и Испаніи, женился на богатой полячкѣ, вдовѣ князя Сангушко, и наконецъ явился въ Россію, съ цѣлью основать правильную навигацію на рѣкѣ Днѣстрѣ и съ дипломатическимъ порученіемъ отъ польскаго короля. Потемкину онъ пришелся по сердцу, какъ молодой, красивый, веселый малый, а Екатерина, хотя и писала своему любимцу при первомъ извѣщеніи о пріѣздѣ его новаго друга: «странно, какъ тебѣ князь Нассау понравился, когда повсюду имѣеть репутацію d'un serveau brulé»¹⁾, но, узнавъ его лично, стала очень милостиво съ нимъ обращаться, однако врядъ ли была съ «сорви-головой» на такой дружеской ногѣ во время крымскаго путешествія, какъ онъ описываетъ въ своихъ письмахъ къ женѣ²⁾. Впрочемъ, онъ всячески старался снискать расположеніе Екатерины, выписывалъ для нея картины и «почтарей, искусно трубящихъ въ рога», игралъ съ ней въ карты и лѣзъ изъ кожи, чтобъ ей угодить. Сегюръ зналъ его еще въ Парижѣ, и послѣ дуэли между ними изъ-за какой-то пустой причины они поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ, а потому, неожиданно встрѣтившись въ Кіевѣ, они возобновили свои интимныя отношенія, и Сегюръ познакомилъ Нассау-Зигена съ проектомъ русско-французскаго союза. Эта мысль чрезвычайно понравилась сорви-головѣ, который былъ какъ бы созданъ для того, чтобъ служить если не посредникомъ, то курьеромъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, требовавшемъ много ловкости и главное тайны. Дѣйствительно, онъ съ жаромъ принимаетъ на себя эту роль и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ крымскаго путешествія носится съ необыкновенной быстротой взадъ и впередъ между Парижемъ, Петербургомъ и главной квартирой Потемкина, принявшаго главное начальство надъ арміей, по случаю войны съ Турціей. Всюду онъ хлопочетъ объ успѣхѣ взятаго на себя дѣла, перевозитъ кон-

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXVII, стр. 396.

²⁾ Un Paladin au XVIII siècle: le prince Nassay-Siegen, par le marquis d'Aragon.

фиденціальныя депеши, передаетъ секретныя порученія на словахъ, подстрекаетъ Монморена, уговариваетъ Ломени де-Бриенна, поддерживаетъ расположеніе къ трактату Потемкина и Екатерины, старается усилить ревность русскихъ министровъ къ его заключенію и пользуется такимъ довѣріемъ обѣихъ сторонъ, что разыгрываетъ роль второго тайнаго представителя Франціи. Когда же дѣло не подвигается такъ быстро, какъ бы онъ желалъ, Нассау поступаетъ на русскую службу, отправляется въ армію Потемкина, получаетъ тамъ начальство надъ флотиліей на Днѣпровскомъ лиманѣ и одерживаетъ побѣды, за что Потемкинъ превозноситъ его до небесъ, а Екатерина щедро вознаграждаетъ. Своимъ примѣромъ онъ воспламеняетъ французскую молодежь, и самые извѣстные аристократы, какъ герцогъ Ришелье, графъ Дама, графъ Ламбаль, скрѣпляютъ идею о русско-французскомъ союзѣ на полѣ брани, поступая волонтерами въ русскую армію и проливая свою кровь за Екатерину. Подобное руссофильство, однако, проявляется не только въ придворныхъ кружкахъ, и пока герцогъ Лозенъ умоляетъ Екатерину призвать его подъ свои знамена, невѣдомый артиллерійскій офицеръ, по имени Бонапартъ, пишетъ русскому генералу Тамарѣ, какъ удостовѣряетъ Ростопчинъ, видѣвшій это письмо, и предлагаетъ свои услуги, подъ условіемъ сохраненія въ русской арміи его чина¹⁾.

Если мы перейдемъ изъ внѣшней стороны движенія въ пользу русско-французскаго союза къ внутренней, то съ одной стороны изъ переписки Екатерины съ Потемкинымъ, а съ другой—изъ депешъ Сегюра и Монморена, узнаемъ весь ходъ переговоровъ между обоими правительствами. «Князь Нассау еще не пріѣхалъ,—пишетъ Екатерина отъ 6-го ноября 1787 года,—а какъ пріѣдетъ, то приму его сходственно усердію, которое онъ повсюду выставляетъ, а Александръ Матвѣевичъ постарается изъ него вывести *le fond du sac*; но потому, что французское министерство употребляетъ подобные способы, ввѣряя половину довѣренности Нассау, а другую половину Сегюру, оно не токмо вредитъ своимъ дѣламъ, но еще показываетъ при томъ свою слабость и болѣе охоту къ интригамъ и каверзамъ, нежели пристойно, прилично и прибыльно знаменитой державѣ. Видно, что средства архіепископа тулузскаго при управленіи дѣлами такъ же мелочны и ничтожны, какъ тѣ, которыя доставили ему постъ главнаго министра; сколько бы они ни гордились своимъ настоящимъ положеніемъ, у нихъ теперь нѣтъ ни денегъ, ни войска, и щелчокъ, полученный ими въ Голландіи, нынѣ во мнѣніи всей Европы ихъ поставилъ нарочито низко»²⁾). Въ концѣ того же письма

¹⁾ Le prince Charles de Nassau-Siegen, par d'Aragon; p. 176—186.

²⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXVII, стр. 444.

она прибавляетъ: «буде никакой надежды къ миру чрезъ зиму не будетъ, то какъ рано возможно весною отправимъ отселѣ флотъ; нужно, чтобъ оному отъ Англiи не было препятствiя, конечно, когда мои двадцать кораблей пройдутъ Гибралтарскiй заливъ, тогда, признаюсь, что и лестно, и полезно быть могло, чтобъ авангардъ его была эскадра французовъ и арiергардъ той же наци, а наши корабли составили бы коръ-д'арме и такъ бы дѣйствовали и шли кончить войну, проходя проливы; за сiю услугу и заслужа грѣхи, французамъ бы дать можно участие въ Египтѣ, а англичане намъ въ семь не подмогутъ» ¹⁾). Говоря это, императрица, однако, замѣчаетъ, что Сегюръ «весьма унылъ и самъ отзывается, что его дворъ ему менѣе вѣрить прежняго, и что епископъ тулузскiй и Монморенъ враги отпу его» ²⁾, но съ прибытiемъ принца Нассау, повидимому, все измѣнилось, и она пишетъ черезъ мѣсяць: «Сегюръ здѣсь предлагалъ также готовность ихъ двора войти съ нами въ союзъ; Нассау, говоря со мной, сказалъ мнѣ теперешнiя расположенiя французскаго двора и перемѣну въ ихъ образѣ мыслей. Я приняла все сiе съ прiятнымъ видомъ и сказала, что съ удовольствiемъ вижу, что инако думаютъ, нежели думали, и благодарила за оказанное его усердiе и добрыя старательства, и показывала опасенiя, чтобъ тотъ дворъ паки не перемѣнялъ своего добраго расположенiя; на что онъ самъ отовзался, что если по полученiи перваго курьера онъ примѣтитъ малѣйшее колебанiе въ мысляхъ французскаго министерства, то онъ паки поскачетъ во Францiю, чтобъ употребить все свои силы къ подкрѣпленiю того двора въ добрыхъ къ намъ расположенiяхъ. Когда онъ говорилъ о сближенiи союзомъ, я сказала, что я отъ него не скрою, что мы въ весьма деликатныхъ обстоятельствахъ въ разсужденiи нашего торга съ Англiею и относительно великаго морского нашего отселѣ вооруженiя, и что для сего мы привыкли находить убѣжища въ англiйскихъ портахъ; на сiе онъ предлагалъ французскiе, а я сказала, что локальное положенiе первыхъ удобнѣе, что все сiе говорится, однако, для того болѣе, чтобъ изыскивать съ нимъ удобства въ томъ или другомъ положенiи, и что я признаю и уже видѣла разныя выгоды отъ дружбы Людовика XVI, и мы разстались весьма ладно, и все говорено, что можно было. Они вооружаются и имѣтъ войну будутъ, ибо сами чувствуютъ, что отъ голландскаго дѣла, естли его оставить такъ, потеряютъ всякую консидерацiю» ³⁾). Спустя полтора мѣсяца, положенiе снова измѣняется, и Екатерина въ письмѣ къ Потемкину отъ 30-го декабря жалуется на коварныя колебанiя фран-

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXVII, стр. 448.

²⁾ Ibidem, стр. 445.

³⁾ Ibidem, стр. 450—451.

цузскаго двора: «Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, тебѣ извѣстно, съ чѣмъ Нассау сюда пріѣхалъ, и пріѣхавши я его выслушала; вскорѣ потомъ Сегюръ послалъ курьера во Францію, котораго онъ и Нассау нетерпѣливо ждали; сей курьеръ на сихъ дняхъ дѣйствительно возвратился, и Сегюръ послѣ того имѣлъ конференцію съ вице-канцлеромъ, въ которой искалъ своему разговору дать видъ такой, будто я ищуща съ Франціею установить союзъ, и чтобъ для того отселтъ посланы были полномочія во Францію, чтобъ о томъ дѣлѣ тамо трактовать, а не здѣсь. Нассау же просилъ, чтобъ я его къ себѣ допустила, и пришедъ мнѣ сказалъ, что онъ въ крайней откровенности и съ глубокимъ огорченіемъ долженствуетъ мнѣ сказать, что французскій дворъ его во всемъ здѣсь сказанномъ совершенно *désavoué* ирываетъ, и что оный дворъ съ лондонскимъ въ негоціаціи находится, чего онъ отъ меня не скроетъ. Сколько во всѣхъ сихъ, или предыдущихъ разговорахъ правды, или коварства, оставляю тебѣ самому разбирать; но о томъ нимало не сомнѣваюсь, что то и другое болѣе со стороны двора, нежели Нассау и Сегюра. Первый теперь ѣдетъ къ тебѣ, ибо болѣе здѣсь остаться не хочетъ, и если поступить сходственно желанію его двора, то будетъ искать тебя отвратить ото всякаго предпріятія противъ турокъ, къ которымъ, кажется, наклонность какъ французскаго, такъ и англійскаго министерства и двора равносильна въ нынѣшнее время»¹⁾).

Возвратясь изъ Крыма, Сегюръ хотѣлъ уѣхать въ отпускъ и уже сдалъ посольство повѣренному въ дѣлахъ, Луи Сентъ-Круа, присланному изъ Парижа, какъ на вечерѣ въ Эрмитажѣ, гдѣ давали его трагедію «Коріоланъ», онъ узналъ о complicаціяхъ въ Константинополѣ, грозившихъ войной съ Россіей, а изъ словъ Екатерины понялъ, что ему слѣдовало оставаться. Вскорѣ затѣмъ произошли съ одной стороны разрывъ между Портой и императрицей, благодаря проискамъ Англии и Пруссіи, а съ другой окончательное поражение французской политики Пруссіей въ Голландіи, что, по словамъ Іосифа II, составляло «такое паденіе для Франціи, отъ котораго ей не подняться»²⁾. Въ этомъ-то затруднительномъ положеніи французское правительство ухватились за идею, поданную Сегюромъ, о русско-французскомъ союзѣ, и еще расширило его до четвернаго союза между Франціей, Россіей, Австріей и Испаніей для противо-дѣйствія англо-прусской лигѣ. Но съ отличавшей Монморена и Бриенна нерѣшительностью, они принялись за дѣло очень неумѣло и со всевозможными оговорками, а Сегюръ всей душой напротивъ отдался осуществленію своей идеи, какъ ясно видво изъ депешъ

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXVII, стр. 458—459.

²⁾ Dix ans de paix armée, par Barral-Monferrat, t. I, p. 254.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1894 г., т. LVIII.

съ обѣихъ сторонъ. Такъ, въ то время, когда Монморенъ только намеками и легкими инсинуаціями давалъ понять о возможности заключить четверной союзъ, оговариваясь, что онъ не имѣетъ никакихъ инструкцій короля на этотъ предметъ, тѣмъ болѣе, что не было причины торопиться съ разрѣшеніемъ вопроса подобной важности, и поручалъ вывѣдать намѣренія императрицы ¹⁾, Сегюръ прямо писалъ 12 сентября: «король можетъ только избрать одинъ изъ трехъ путей: или принять сторону Турціи противъ Россіи, которая вернется тогда въ объятія Англіи, не смотря на теперешнее охлажденіе между ними, или соединиться съ Россіей, разсорившись съ Портой, или наконецъ сохранить абсолютный нейтралитетъ, предоставляя себѣ возможность явиться въ удобную минуту посредникомъ для примиренія враждебныхъ сторонъ ²⁾» и если насчетъ проекта четвернаго союза онъ 28 октября говоритъ дипломатично, «хотя я считаю своевременнымъ въ теперешнемъ критическомъ положеніи европейскихъ дѣлъ начать отливку новой, солидной системы, которая заставитъ притихнуть гордыхъ враговъ французскаго вліянія, но не бойтесь, я не пойду слишкомъ далеко, и если вы не согласитесь со мной въ необходимости быстрого осуществленія этого проекта, то я всегда оставлю возможность вамъ воспользоваться его подробностями для поступленія такъ, какъ вы найдете нужнымъ» ³⁾, но 6 ноября онъ торжественно заявляетъ: «сближеніе вполне совершенно, и надо поспѣшить имъ воспользоваться». Что эти слова не были пустымъ хвастовствомъ, доказывается разговорами императрицы, Безбородко и Остермана съ Сегюромъ, а также секретными донесеніями новаго англійскаго посланника въ Петербургъ Фрезера и перепиской Дорсета, англійскаго посланника въ Парижѣ, съ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Узнавъ отъ Безбородко, что Сегюръ предлагалъ соединиться Россіи и Франціи для обезпеченія спокойствія Европы, нарушеннаго самолюбивыми происками Англіи и Пруссіи, Екатерина лично сказала представителю Франціи съ сверкающими отъ удовольствія глазами: «То, что мнѣ сообщилъ Безбородко о вашемъ разговорѣ, мнѣ доставило большее удовольствіе. Я вижу, что король понимаетъ, какими средствами можно уничтожить интриги, которыми хотятъ нарушить его покой и мой. Я очень расположена заключить полезный союзъ съ нимъ; онъ долженъ, я надѣюсь, рассчитывать на содѣйствіе Испаніи, а я не имѣю причинъ сомнѣваться въ поддержкѣ императора. Мы уже видѣли всю пользу такого союза въ 1756 году; старый трактатъ укажетъ намъ достаточно основы того, который

¹⁾ Dix ans de paix armée, par Barral-Monferrat, t. I, p. 311. Mémoires du c. de Segur, t. III, p. 392—393.

²⁾ Dix ans de paix armée, par Barral-Monferrat, t. I, p. 315.

³⁾ Ibid., p. 325.

можно теперь заключить. Вы видите, все зависитъ отъ вашего кабинета, и я съ удовольствіемъ увижу усиленіе Франціи относительно ея враговъ». На другой день Безбородко заявилъ Сегюру, что императрица желала поскорѣе кончить это великое дѣло, и потому слѣдовало ему официально вступить въ переговоры съ вице-канцлеромъ Остерманомъ. Когда же, предварительно посовѣтовавшись съ австрійскимъ посланникомъ, графомъ Кобенцелемъ, желавшимъ еще пламеннѣе подобнаго четвернаго союза, Сегюрь объяснился съ Остерманомъ, то онъ сначала пришелъ въ удивленіе, а потомъ, доложивъ объ этомъ Екатеринѣ, отвѣтилъ: «императрица, очень тронутая желаніемъ короля войти съ нею въ близкій союзъ, дастъ приказаніе объ открытіи переговоровъ и находитъ нужнымъ, чтобы французское правительство выслало своему представителю уполномія и проектъ трактата»¹⁾. Въ себя отъ радости, Сегюрь послалъ тотчасъ курьера въ Версаль, а между тѣмъ Фрззеръ, употребившій большія суммы на подкупъ для сохраненія англійскаго вліянія въ Петербургѣ, о чемъ сообщилъ Сегюру испанскій посланникъ²⁾, добылъ тайнымъ путемъ свѣдѣнія о переговорахъ Франціи съ Россіей и увѣдомилъ объ этомъ свое правительство, прибавляя, что императрица очень расположена къ заключенію союза съ Людовикомъ XVI и Іосифомъ II³⁾. Съ своей стороны Дорсетъ писалъ изъ Парижа 18-го октября, что переговоры о франко-русскомъ союзѣ серьезно начаты и могутъ повести къ уступкѣ Франціи Кипра или Египта⁴⁾. Такимъ образомъ франко-русскій союзъ сдѣлался всѣмъ извѣстнымъ, и это нимало не смутило Сегюра, такъ какъ онъ надѣялся, что подобная публичность заставитъ его правительство дѣйствовать откровеннѣе и рѣшительнѣе; точно также не умѣрило его пыла въ этомъ дѣлѣ и то обстоятельство, что Ломени де-Бриенъ, ставя его въ неловкое положеніе своими неполными, нерѣшительными инструкціями, въ то же время поручилъ принцу Нассау-Зигену объясниться съ Потемкинымъ въ гораздо болѣе опредѣленномъ тонѣ насчетъ предполагаемаго союза и дѣлалъ это изъ личной мести къ отцу Сегюра, который, разсорившись съ нимъ, вышелъ въ отставку, и изъ желанія, чтобы не приписали Сегюру всего успѣха такого важнаго дѣла, еслибъ ему суждено было осуществиться. Напротивъ, объяснившись съ прибывшимъ въ Петербургъ Нассау, который ничего не зналъ объ этой интригѣ, Сегюрь былъ очень доволенъ, найдя себѣ помощника, и вдвоемъ они стали еще энергичнѣе дѣйствовать⁵⁾. Въ депешѣ отъ 12-го ноября «хорошенькій французъ», превратившійся въ серьезнаго, тонкаго дипломата, подробно

¹⁾ Mémoires de Segur, t. III, p. 294—297.

²⁾ Dix ans de paix armée, par Barral-Monferrat, p. 224.

³⁾ Dix ans de paix armée, par Barral-Monferrat, t. I, 323.

⁴⁾ Ibid., p. 304.

⁵⁾ Le prince Charle de Nassau-Sigen, par d'Aragon, p. 185.

передаетъ свои совѣщанія съ Остерманомъ, который ему сообщилъ, что Екатерина нашла нужнымъ прежде дальнѣйшаго соглашенія обсудить съ императоромъ основы четвернаго союза, вслѣдствіе чего и послала курьера въ Вѣну, и разговоръ съ однимъ изъ русскихъ министровъ, котораго онъ не называетъ, но который высказалъ ему откровенно, что если французы окажутъ императрицѣ помощь въ войнѣ съ Турціей, то она приметъ мѣры, чтобъ французская торговля съ Левантомъ нимало не пострадала, и что не слѣдовало Франціи настаивать на немедленномъ разрывѣ Россіи съ Англіей, такъ какъ это погубило бы значительную русскую торговлю съ этой страной. «Но главное, по словамъ этого министра, было заключить союзъ, который онъ считалъ дѣломъ рѣшеннымъ, а потомъ уже этотъ союзъ самъ собою расширился бы»¹⁾. Въ слѣдующей депешѣ отъ 23-го ноября Сегюръ сообщаетъ Монморену, что по желанію императрицы принцъ Нассау-Зигенъ отправится въ Версаль для личныхъ переговоровъ, и что принцъ имѣлъ продолжительную бесѣду по этому предмету съ Екатериной, которая спрашивала его, можетъ ли она рассчитывать на надежность происшедшей перемѣны во французской политикѣ, и въ виду утвердительнаго его отвѣта и замѣчанія, что Франція ждетъ закрытія русскихъ портовъ для Англіи въ случаѣ ея войны съ этой державой, она сказала: «Я ни на что не говорю нѣтъ, все будетъ зависетьъ отъ того, что Франція сдѣлаетъ для меня, а я отъ васъ не скрою, что я пошлю большой флотъ въ Средиземное море, и что прежде всего мнѣ необходимъ проходъ туда этого флота». «Изъ всего этого вы видите, — прибавляетъ Сегюръ, — что мы не можемъ оставаться въ нерѣшительномъ положеніи. Въ прежнія времена мы должны были стоять за турокъ, которыми руководили; ихъ выходка противъ Россіи по подстрекательству Англіи все-таки дозволяла намъ сначала оставаться нейтральными съ цѣлью играть роль миротворца при случаѣ, но послѣ того, что мы сдѣлали предложеніе о союзѣ, которое охотно принято императрицей, отказавшей въ подобномъ предложеніи Англіи, мы можемъ быть только или ея открытыми друзьями, или врагами. Она такъ искренно отдалась намъ и выказала столь пламенное желаніе заключить съ нами союзъ, что если мы обманемъ ея надежды, то она бросится въ объятія Англіи, въ которой она нуждается для своихъ флотовъ, и затѣетъ противъ насъ такую ненависть, которой никогда не уничтожить. Вотъ какое наше положеніе, и я считаю долгомъ заявить, что если этотъ союзъ не будетъ заключенъ, то Англія отниметъ у насъ всякое вліяніе въ Петербургѣ еще легче, чѣмъ она это сдѣлала въ Константинополѣ и Гагѣ, а если, напротивъ, союзъ заключится, то прусскій король будетъ наказанъ за свое содѣйствіе англича-

¹⁾ Dix ans de paix armée, par Barral-Monferrat, t. I, p. 325—328.

намъ, а оба императорскіе двора гарантируютъ намъ нашу торговлю съ Левантомъ»¹⁾).

Однако, принцу Нассау не пришлось снова исполнить роли курьера франко-русскаго союза, и въ самыхъ переговорахъ произошла временная приостановка. Сегюръ получилъ отъ Монморена депешу съ строгимъ выговоромъ за слишкомъ большую поспѣшность и приказаніе всячески медлить съ дѣломъ, которому онъ такъ энергично служилъ. Бриеннъ не только давалъ понять, что его мысли измѣнились, но началъ заигрывать съ Англіей, настаивая на томъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ Франція нуждалась въ экономіи и мирѣ, даже постыдномъ. Нассау въ отчаяніи бросилъ несродную ему дипломатію и поскакалъ на войну, а Сегюръ до того приунылъ, что даже на вечерахъ въ Эрмитажѣ сидѣлъ одинъ въ уголкѣ, погруженный въ тяжелыя думы. Однажды императрица подошла къ нему незамѣтно и сказала на ухо: «Зачѣмъ грустить? Вѣдь вы ни въ чемъ не виноваты». Она не хотѣла вѣрить, чтобы слабость французскаго правительства долго продолжалась, тѣмъ болѣе, что Іосифъ II сильно поощрялъ ее къ заключенію четвернаго союза, а онъ не могъ не знать намѣреній своего зятя и союзника Людовика XVI, а потому Екатерина продолжала надѣяться на заключеніе этого союза, и «хорошенькій французъ» по-прежнему остался *persona grata* при ея дворѣ²⁾).

V.

Если Екатерина не хотѣла вѣрить въ окончательную неудачу русско-французскаго союза, и Сегюръ старался поддержать дружескія ея чувства къ Франціи, то въ сущности Монморенъ и Бриеннъ никогда искренно не желали подобнаго союза. Этотъ фактъ чрезвычайно рельефно выставляется Барралемъ-Монферра въ первой главѣ его очерка «Попытка заключенія русско-французскаго союза въ концѣ XVIII столѣтія», въ которомъ онъ приводитъ неизвѣстные доселѣ и очень любопытные отрывки изъ переписки Монморена съ французскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, Фальчиола. Изъ этихъ драгоценныхъ документовъ ясно видно, что французское правительство вело двойную игру и, не смотря на понесенное отъ Пруссіи пораженіе въ Голландіи, хлопотало о сближеніи съ этимъ дворомъ въ то самое время, когда оно вело переговоры о союзѣ съ Россіей противъ Пруссіи и Англіи. Фальчиола въ своемъ донесеніи отъ 29-го октября 1787 года говоритъ, что изъ инструкціи Монморена онъ заключилъ, что «французское правительство

¹⁾ Dix ans de paix armée, par Barral-Monferrat, t. I, p. 328—361.

²⁾ Mémoires du comte de Segur, tome III, p. 305—308.

желаетъ возстановить прежнія дружескія отношенія съ берлинскимъ дворомъ», а потому всячески старается добиться этой цѣли и удостоивъриться, нѣтъ ли средствъ оторвать Пруссію отъ ея союза съ Англіей¹⁾. Въ слѣдующихъ затѣмъ депешахъ онъ распространяется о добрыхъ чувствахъ Пруссіи къ Франціи, о непонятной для него любезности австрійскаго посланника, который былъ очень холоденъ со времени голландскаго эпизода, а мимоходомъ съ совершеннымъ недоуміемъ сообщаетъ слухъ, переданный ему прусскимъ министромъ графомъ Герцбергомъ о будто бы начатыхъ переговорахъ насчетъ заключенія франко-русско-австрійскаго союза. Фальчиола, очевидно, такъ же, какъ Сегюръ, не былъ посвященъ во всѣ тайны странной, губительной для Франціи политики ея тогдашняго правительства, которую Барраль справедливо клеймитъ, какъ причину изолированнаго положенія Франціи, навлекшаго на нее впоследствии столько бѣдствій. По его словамъ, внимательное изученіе всей дипломатической переписки того времени приводитъ къ сомнѣнію въ искренности желанія Монморена и Бриенна заключить союзъ съ Россіей, переговоры о которомъ они вели, только чтобы напугать Англію и добиться соглашенія съ Пруссіей. «Конечно,—говоритъ Барраль,—сблизиться съ Россіей значило нарушить традиціонную политику Франціи, покровительствовавшую всегда Турціи, Польшѣ и Швеціи, и порвать съ дипломатическими ошибками многихъ вѣковъ, но въ виду англо-прусской лиги, которой не сумѣли помѣшать, было необходимо смѣло, мужественно покончить съ прошедшимъ и энергично, рѣшительно перевернуть всю европейскую систему. Благодаря такой такой политикѣ, можно было сохранить за Франціей ея прежнюю роль и престижъ среди европейскихъ дворовъ. Дѣйствовать же иначе и прибѣгать къ полумѣрамъ значило подвергнуть себя изолированному положенію въ Европѣ. Тогдашніе совѣтники Людовика XVI этого не поняли; они не имѣли ни мужества создать новый порядокъ вещей, ни смиренія довольствоваться старымъ. Они льстили себя надеждой, что, подготавливая, повидимому, радикальную перемѣну въ дипломатической системѣ Европы, они побудятъ Пруссію нарушить только что заключенный союзъ съ Англіей и на колѣняхъ умолять о возстановленіи прежней дружбы съ Франціей. Они думали, что если этотъ результатъ не будетъ достигнутъ, то всегда можно будетъ вернуться къ проекту Сегюра, точно, однажды пропустивъ удобный случай, его можно вернуть. Изолированное положеніе, въ которомъ очутилась Франція въ началѣ революціи, происходило не исключительно отъ опасенія, возбужденнаго въ европейскихъ монархіяхъ революціоннымъ движеніемъ, а оно существовало уже ранѣе и было дѣломъ Монморена.

¹⁾ Une tentative d'alliance, par Barral-Monferrat. — Le Monde Latin, 1894, janvier, p. 2—4.

Еслибъ онъ въ 1787 году не держался такой нерѣшительной, колеблющейся политики, то, быть можетъ, не была бы издана Тильзитская декларація, и Франціи не пришлось бы бороться съ европейскою коалиціей»¹⁾).

Какъ бы то ни было, еще полтора года прошло въ переговорахъ, то откладываемыхъ, то снова возобновляемыхъ между Версалемъ и Петербургомъ, прежде чѣмъ пришлось открыто сознаться, что русско-французскій союзъ былъ мертворожденнымъ. До весны 1788 года не видно слѣдовъ о возобновленіи переговоровъ, и только по случаю войны Россіи съ Турціей, а потомъ и со Швеціей, французское правительство предлагаетъ свое посредничество для водворенія мира, какъ видно изъ депешъ Монморена къ Сегюру²⁾, писемъ императрицы къ Гриму и ея разговоровъ съ Храповицкимъ. 22-го апрѣля она пишетъ: «Все хорошее, что вы говорите о Монморенѣ, меня очень радуетъ, потому что всегда лучше имѣть дѣло съ честными людьми, чѣмъ съ безчестными, но я молю небо, чтобъ онъ не обнаруживалъ колебанія на указанномъ ему обстоятельствами пути, такъ какъ по всему, что я вижу, французы чертовски заботятся о сохраненіи турокъ. Какъ Франція можетъ доставить мнѣ достойный съ ними миръ? Этому мѣшаютъ отдаленность и неимѣніе ихъ чаклыми посланниками никакого значенія. Отъ меня требуютъ указанія условій мира, а я о мирѣ и говорить не могу. По чести я не могу ни на что согласиться, и никакая другая держава, кромѣ моей, не въ состояніи доставить мнѣ честнаго мира. Но бѣдные люди (какъ Екатерина всегда называетъ французовъ—*die armen Leute*, въ письмахъ къ Гриму) всегда хотятъ парламентировать, слишкомъ любятъ турокъ и не чистосердечны какъ слѣдуетъ большой державѣ»³⁾. Въ іюлѣ императрица говоритъ Храповицкому, что «Сегюру поручено обще съ французскимъ министромъ въ Стокгольмѣ стараться о примиреніи насъ со шведами»⁴⁾, но 21-го августа она уже сообщаетъ своему обычному собесѣднику, что прибылъ изъ Парижа курьеръ, и «гр. Сегюръ уполномоченъ къ утвержденію съ нами оборонительнаго союза, но выходитъ недоразумѣніе о Польшѣ, ибо Франція не соглашается на утвержденіе ея конституціи»⁵⁾. Хотя Сегюръ не получалъ подобнаго уполномочія, но, какъ видно изъ его депешъ отъ 10-го сентября, онъ снова возобновилъ старанія убѣдить французское правительство поскорѣе заключить союзъ съ Россіей, какъ единственное средство его отечеству выйти изъ затруднительнаго

¹⁾ Une tentative d'alliance Franco-Russe à la fin du XVIII siècle, par Barral-Monferrat. — Le Monde Latin et le Monde Slave, 1894, janvier, p. 6.

²⁾ Recueil des instructions, t. IX, p. 435.

³⁾ Сборникъ И. Р. Ист. Общества, томъ 23, стр. 444.

⁴⁾ Дневникъ Храповицкаго, стр. 118.

⁵⁾ Ibidem, стр. 135.

положенія, потому что въ это время мѣсто Бриенна занялъ Неккеръ, и повидимому явилась снова возможность покончить предпринятое имъ важное дѣло, которое было отложено въ долгій ящикъ, по мнѣнію русскаго двора, благодаря «превращенію Франціи въ архі-епископство», по словамъ Потемкина, говорившаго въ шутку, что онъ «посоветывалъ бы своей государынѣ войти въ союзъ съ Людовикомъ - Толстымъ, Людовикомъ - Святымъ, Ловкимъ - Людовикомъ XI, Мудрымъ-Людовикомъ XII, Людовикомъ-Великимъ, даже Людовикомъ-Многолюбимымъ (Bien-Aimé), но не съ Людовикомъ-Викарнымъ» (Suffragant) ¹⁾. Въ этой депешѣ Сегюръ еще разъ совѣтуетъ не настаивать тотчасъ на помощи Россіи противъ Англіи, такъ какъ, насколько онъ знаетъ Екатерину, этого можно добиться только съ теченіемъ времени, когда утвержденный обстоятельствами союзъ создастъ обоюдность интересовъ и убѣдить императрицу переимѣнить въ корнѣ свою систему» ²⁾. Монморенъ отвѣчаетъ Сегюру въ болѣе рѣшительномъ тонѣ, прямо говорить, что король не измѣнилъ своей рѣшимости относительно союза съ Россіей, который имъ считается полезнымъ и соотвѣтственнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, но такъ какъ дѣло идетъ не о переговорахъ, а о составленіи трактата, то онъ считаетъ необходимымъ войти въ соглашеніе съ Испаніей объ условіяхъ четвернаго союза, а по достиженіи этого согласія Сегюръ немедленно получить необходимыя уполномочія для заключенія трактата ³⁾. Эта новая проволочка приводитъ въ отчаяніе Сегюра, и 13-го января онъ пишетъ своему медлительному министру: «Въ настоящемъ критическомъ положеніи европейскихъ дѣлъ недѣли и дни становятся драгоценными, вотъ уже годъ, какъ мы пользуемся здѣсь большимъ вліяніемъ, но въ минуту, когда оно намъ всего болѣе потребуется, мы можемъ его потерять, а потому я съ нетерпѣніемъ жду отвѣта испанскаго двора и вашего окончательнаго рѣшенія» ⁴⁾. Но какъ у Сегюра, такъ и у Екатерины не хватило терпѣнія ждать и они послали въ Мадридъ своего излюбленнаго курьера, принца Нассау-Зигена, который подъ предлогомъ частной поѣздки для поздравленія съ вступленіемъ на престолъ новаго короля Карла IV, близко ему знакомаго еще въ качествѣ принца, долженъ былъ добиться согласія Испаніи на четверной союзъ.

Эта быстрая поѣздка чрезъ всю Европу «странствующаго рыцаря русско-французскаго союза», котораго Екатерина уже не называла «сорви-головой», а о которомъ говорила Храповицкому: «*Sa tête va avec la mienne*» (его голова подходитъ къ моей) ⁵⁾, обратила

¹⁾ Mémoires de c. de Segur, t. 3, p. 452.

²⁾ Сборникъ И. Р. Ист. Общества, томъ 23, стр. 443—445.

³⁾ Ibidem, стр. 445—446.

⁴⁾ Ibidem, стр. 448—449.

⁵⁾ Дневникъ Храповицкаго, стр. 307.

на себя вниманіе всей Европы. Сама Екатерина, отправляя его въ путь, сказала: «Я вижу, что въ Мадридѣ рѣшится великій вопросъ, отъ котораго, быть можетъ, зависитъ судьба Бурбонскаго дома въ Европѣ»¹⁾. Смыслъ ея послѣднихъ словъ объясняется тѣмъ, что она полагала лучшимъ средствомъ выйти Франціи изъ тогдашнихъ ея внутреннихъ волненій внѣшнюю войну, долженствовавшую быть результатомъ четвернаго союза, и прямо говорила Храповицкому: «Королю должно войти въ войну, дабы избѣгнуть сдѣланнаго обѣщанія о собраніи чиновъ государственныхъ»²⁾. Напротивъ, Сегюръ въ запискѣ, составленной имъ для руководства принцу Нассау, указываетъ, что этотъ союзъ имѣеть цѣлью обезпеченіе мира, характеръ оборонительный и задачей помѣшать общей войнѣ, почему такъ его и боится прусско-англійская лига, стремящаяся, напротивъ, только къ войнѣ³⁾. Впрочемъ и Екатерина, какъ видно изъ ея письма къ Гримму, отъ 19-го марта, видѣла въ войнѣ, или даже въ военной демонстраціи со стороны Франціи, только средство къ достиженію окончательнаго мира. «Вы пишете,—говоритъ она,—что по словамъ безумцевъ уже нѣтъ болѣе Екатерины, но если бы дѣйствительно ея не было, то остается Россія и ея не уничтожить ни Фальстафу (прусскому королю), ни Гу (шведскому королю) даже въ союзѣ съ другомъ Абдуль-Гамидомъ, и чѣмъ мы болѣе выиграемъ времени, тѣмъ сильнѣе станемъ. Будьте увѣрены, кромѣ того, что всѣ эти узлы могутъ развязаться въ четверть часа, и еслибъ die armen Leute захотѣли поднять голосъ, то они оказали бы мнѣ большую помощь... Нѣтъ ли какого средства побудить этотъ дворъ на какое нибудь дѣйствіе, пусть онъ покажетъ, что Франція еще существуетъ въ средѣ державъ, и, имѣя 80 военныхъ кораблей, перестаетъ гноить ихъ въ портахъ безъ всякой пользы для государства. Своей бездѣятельностью этотъ дворъ теряетъ всякое уваженіе. Меня никогда не обвиняли въ пристрастіи къ нему, но мой интересъ и интересъ всей Европы требуетъ, чтобъ Франція возвратила себѣ то положеніе, которое ей приличествуетъ, и то какъ можно скорѣе, что доставило бы всей націи честь въ этомъ вѣкѣ и въ послѣдующихъ. Французы любятъ честь и славу; они все сдѣлаютъ, если имъ показать, чего требуютъ ихъ честь и слава; каждый французъ не можетъ не признать, что нѣтъ ни того, ни другого въ томъ положеніи политическаго небытія, въ которомъ черпаютъ силы внутренніе беспорядки. Пусть Франція распространить свои руки извнѣ, и эти беспорядки перестанутъ ее точить внутри, какъ черви корабль... Еслибъ Франція подняла свой тонъ и возвратила себѣ свое мѣсто,

1) Mémoires de Segur, t. 3, p. 448.

2) Дневникъ Храповицкаго, стр. 61.

3) Recueil des instructions, t. IX, p. 458.

то миръ вскорѣ былъ бы заключенъ; почему бы ей для этой цѣли не послать флота въ Архипелагъ?»¹⁾ Какое бы, впрочемъ, ни имѣлъ прямое послѣдствіе русско-французскій, или четверной союзъ, но онъ дѣйствительно составлялъ въ эту минуту общую работу всей Европы, и одни его страстно желали, а другіе столь же пламенно опасались. Поѣздка принца Нассау-Зигена въ Мадридъ поэтому волновала не только дипломатовъ, но и газеты, которыя тогда еще имѣли очень малое значеніе и только просто извѣщали, какъ «Journal Publique de Bruxelles» объ его поѣздѣ черезъ Парижъ по дорогѣ изъ Россіи въ Испанію, или сообщали ложныя извѣстія объ его цѣли, какъ «Варшавская Газета», увѣрявшая, что онъ ѣдетъ въ Мадридъ по дѣлу о мирномъ посредничествѣ испанскаго короля между Россіей и Турціей. Но дипломаты знали лучше, въ чемъ дѣло, и баронъ Сталь, зять Неккера, шведскій посланникъ въ Парижѣ, писалъ своему двору: «говорять о проектѣ четвернаго союза между императрицей Екатериной, императоромъ Иосифомъ, Франціей и Испаніей; повидимому, поѣздка принца Нассау, находящагося здѣсь по дорогѣ въ Мадридъ, имѣетъ въ виду достиженіе этой цѣли. Я полагаю, что версальскій дворъ не прочь отъ такого союза, но еще ничего не рѣшено»²⁾. Однако, не смотря на всю энергію курьера Екатерины и Сегюра, его путешествіе ни къ чему не повело, и гора родила мышь. Прежде чѣмъ выяснился результатъ мадридскихъ переговоровъ принца Нассау-Зигена, уже полученъ былъ въ Петербургѣ Остерманомъ отвѣтъ Испаніи, отказывавшейся отъ предлагаемаго ей союза въ виду опасенія, чтобъ подобный союзъ не возбудилъ общей европейской войны³⁾. Наконецъ, вернулся изъ Мадрида въ Парижъ Нассау, и Монморенъ тотчасъ отправилъ двѣ депеши, официальную и секретную, Сегюру. Въ нихъ онъ снова распространяется о желаніи короля войти въ союзъ съ императрицей, но прямо говорить, что въ виду отказа, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, Испаніи присоединиться къ этому союзу, его величество находитъ несвоевременнымъ принимать окончательнаго рѣшенія по этому вопросу, откладывая формальное заключеніе союза до окончанія войны Россіи съ Турціей и приведенія въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ Франціи результатомъ созванія генеральныхъ штатовъ. Но въ доказательство того, что король попрежнему настаиваетъ на сближеніи съ Россіей, Монморенъ предлагалъ продолжать переговоры объ основахъ союзнаго трактата и даже приложилъ къ своимъ депешамъ проектъ трактата. Этотъ проектъ въ сущности составлялъ только бланкъ, который слѣдовало пополнить въ виду обстоятельствъ,

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXIII, стр. 474—475.

²⁾ Le prince Charles de Nassau-Siegen, par d'Aragon, p. 291.

³⁾ Recueil des instructions, tome IX, p. 451.

и въ немъ лишь устанавлилась канва статей, гарантировавшихъ дружбу и оборонительный союзъ обоихъ государствъ, обязывавшихся въ случаѣ вторженія въ предѣлы того или другого непріятельскихъ войскъ помогать другъ другу арміей и флотомъ или соотвѣтственной суммой денегъ¹⁾. Не смотря на этотъ проектъ и громкія фразы, ясно было, что дѣло о союзѣ похоронено, и, не желая оставаться въ долгу, Екатерина тотчасъ велѣла отвѣтить Франціи, что если король не хочетъ ничего дѣлать безъ соглашенія съ Испаніей, то и она не можетъ сдѣлать болѣе ни шага безъ императора Иосифа, а потому откладываетъ разсмотрѣніе присланнаго проекта до болѣе удобнаго времени²⁾.

Бѣдный Сегюръ былъ въ отчаяніи и писалъ Монморену, что онъ не можетъ ручаться за поддержаніе въ Россіи желанія заключить союзъ, который откладываютъ на такое время, когда въ немъ Россія уже не будетъ нуждаться, и что еслибъ, даже не смотря на явное безсиліе, обнаруженное Франціей, и недовольство Екатерины, Потемкина, Остермана и всѣхъ русскихъ такой проволочкой, ему удалось достигъ этого, то уже не придется заключить союза на такихъ выгодныхъ условіяхъ, какъ въ эту минуту, когда Россія находилась въ критическомъ положеніи, и Екатерина готова была всѣмъ пожертвовать для подобнаго союза. «Я, — оканчиваетъ онъ свою депешу отъ 14-го апрѣля 1789 года:—впродолженіе пяти лѣтъ добился отъ Россіи всего, что было мнѣ поручено добиться королемъ: довѣрія, коммерческаго трактата, союза, вліянія, посредничества или равнаго этому. Внутреннія волненія умалили наши силы; нашъ дворъ долго поддерживалъ здѣсь свое вліяніе и достоинство. Я усилю свои старанія, чтобъ сохранить часть этого блестящаго положенія, но если сцена измѣнится, то, надѣюсь, доброта ко мнѣ короля и милостивое вниманіе королевскаго совѣта отнесутъ этотъ переворотъ къ обстоятельствамъ, которыхъ я не въ состояніи предотвратить»³⁾.

Грустныя предчувствія Сегюра очень быстро исполнились. Екатерина съ негодованіемъ отвернулась отъ Франціи, хотя сохранила милостивыя отношенія къ ея представителю, и какъ всегда бросилась въ объятія Англіи, по совѣту Потемкина, который сказалъ англійскому посланнику: «Нашъ проектъ союза съ Франціей существовалъ только на одну минуту; увѣренія и обѣщанія Сегюра насъ увлекли, но вскорѣ, открывъ глаза, мы признали, что нельзя рассчитывать на французское правительство, тогда какъ тысячи причинъ доказываютъ пользу интимнаго союза съ Англіей»⁴⁾. Взятіе Бастиліи, которое по словамъ русскаго посланника въ Па-

¹⁾ Recueil des instructions, tome IX, p. 461—463.

²⁾ Ibidem, p. 464—466.

³⁾ Ibidem, p. 469—471.

⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1875 г., томъ II, стр. 410.

рижѣ, Симолина, сдѣлало Францію «какъ бы несуществующей для русскихъ дѣлъ и уничтожило всякую мысль о союзѣ съ ней», окончательно спутало карты, и Екатерина изъ друга Франціи превратилась въ ея врага. Сегюръ видѣлъ, что ему дѣлать нечего въ Петербургѣ, и уѣхалъ оттуда 11-го октября 1789 года, откланявшись императрицѣ, которая отпустила его съ щедрыми подарками и слѣдующими милостивыми словами: «Я очень сожалѣю, что вы уѣзжаете; вы лучше сдѣлали бы, оставшись при мнѣ, а не спѣшили на встрѣчу грозѣ, силу которой вы, можетъ быть, не сознаете. Ваша склонность къ философіи и свободѣ побудитъ васъ неизбѣжно къ поддержкѣ народнаго дѣла, а это мнѣ будетъ непріятно, такъ какъ я останусь аристократкой, это мое ремесло»¹⁾).

Вотъ печальный конецъ блестяще начатаго и такъ энергично веденнаго дѣла «хорошенькимъ французомъ» и «странствующимъ рыцаремъ русско-французскаго союза»²⁾. Потребовалось ровно сто лѣтъ, чтобъ этотъ союзъ сталъ снова возможенъ, но уже путемъ не дипломатическихъ переговоровъ, придворныхъ интригъ и посылокъ княжескихъ курьеровъ, а путемъ народной дружбы и обмѣна братскихъ сердечныхъ чувствъ двухъ націй, какъ въ веселыя минуты международныхъ пировъ, такъ и въ печальную годину общаго національнаго траура.

В. Тимирязевъ.

¹⁾ Mémoires de Segur, tome III, p. 351.

²⁾ Дальнѣйшая судьба Сегюра была не особенно блестяща, а принца Нассау-Зигена даже печальна. Первый, пробывъ короткое время посланникомъ въ Римъ и Берлинъ, жилъ въ своемъ помѣстьѣ во все время революціи, и при Наполеонѣ былъ членомъ законодательнаго корпуса, академикомъ и сенаторомъ, а при реставраціи — членомъ палаты пэровъ и умеръ въ 1803 г. Принцъ Нассау, потерпѣвъ поражение при Свенксундѣ, впалъ въ немилость Екатерины и послѣ неудачнаго участія въ дѣйствіяхъ эмигрантовъ противъ Франціи поселился въ своемъ подольскомъ помѣстьѣ, гдѣ и умеръ, забытый всѣми, въ 1808 году.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.!

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.
Томы 90, 91, 92 и 93. Спб. 1894.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Историческое Общество не задолго до кончины почетнаго предсѣдателя, Императора Александра III, выпустило въ свѣтъ пять новыхъ томовъ своего «Сборника». Такъ какъ о первомъ изъ этихъ томовъ, 89-мъ, «Историческій Вѣстникъ» даетъ особую статью, то въ настоящей замѣткѣ мы ограничимся обзоромъ матеріала, заключающагося въ остальныхъ четырехъ томахъ.

Въ 91 томѣ напечатаны донесенія и другія бумаги англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ съ 7-го марта 1741 года по 16-е іюля 1742 г., а въ 92 томѣ помѣщены депеши маркиза де-ла-Шетарди и отвѣты на нихъ французскаго короля и министерства, за время съ ноября 1740 г. по іюнь 1741 г. Такимъ образомъ документы этихъ двухъ томовъ относятся преимущественно къ эпохѣ правленія Анны Леопольдовны и частью къ концу царствованія Анны Іоанновны и къ началу царствованія Елизаветы Петровны. Часть бумагъ маркиза де-ла-Шетарди была напечатана академикомъ Пекарскимъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи: «Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи»; но въ изданіе Пекарскаго не вошли депеши между ноябремъ 1740 г. и мартомъ 1741 г., кромѣ того, документы напечатаны у Пекарскаго съ нѣкоторыми сокращеніями, а между тѣмъ для изслѣдователя необходимо имѣть всѣ депеши того времени для выясненія вопроса о томъ, какъ относилось французское правительство къ готовившемуся въ Россіи перевороту съ цѣлью возведенія на престолъ Елизаветы Петровны. Какъ извѣстно, черезъ Лестока велись переговоры съ

Шетарди и Нолькеномъ о содѣйствіи плану Елизаветы со стороны Франціи и Швеціи. Шетарди и Лестокъ являются дѣятельными помощниками Елизаветы, но и сама она, какъ видно изъ депешъ, далеко не играла пассивной роли. Вотъ, на примѣръ, отчетъ посла о бесѣдѣ съ Елизаветой: «ея рѣчи, хотя и косвеннымъ образомъ, довольно часто наводили на мысль объ удивленіи, какое испыталь бы Петръ I, если бы увидѣлъ настоящее положеніе и привязанность, какую неизмѣнно сохраняетъ гвардія къ этому государю и его потомству. Менѣе сдержанно высказалась принцесса о возможности надѣяться на лицъ, составляющихъ министерство; она обрисовала кн. Черкаскаго въ самыхъ вѣрныхъ краскахъ, а гр. Головкинъ, по ея мнѣнію, на столько незначителенъ, что на него мало можно рассчитывать; она съ живостью припомнила время, когда она, хотя и очень молодая, видѣла гр. Остермана въ незначительной секретарской должности. Съ порицаніемъ отовзалась она о поступкѣ фельдмаршала Миниха по отношенію къ герцогу Курляндскому и придала смѣшной отгѣнокъ той славѣ, которую онъ думаетъ стяжать опасностью, соединенной съ его предпріятіемъ; принцесса признала эти дѣйствія скорѣе проявленіемъ слабости, нежели отваги, такъ какъ, обезпечивъ за собой силу, они не могли встрѣтить затрудненій. Ей удалось подмѣтить, что такимъ образомъ получилъ силу способъ, дѣлающій ненадежнымъ положеніе всякаго и дающій возможность тому, кто захватитъ силу въ свои руки, предпринимать все. Она распространилась о томъ, какому повору предавался русскій народъ, и отмѣтила, что если и было благоразумно привлекать иностранцевъ, то совершенно неподходяще предоставлять имъ отправление высшихъ должностей и ставить во главѣ всѣхъ полковъ».

Въ другое посѣщеніе маркиза Шетарди Елизавета горько жаловалась ему на правительницу и Миниха, говорила, что Остерманъ расположенъ въ ея пользу, что она можетъ рассчитывать на кн. Черкаскаго и на всѣхъ офицеровъ гвардіи русскаго происхожденія. При дальнѣйшихъ свиданіяхъ планъ переворота все лучше обсуждался, подготовлялась почва для успѣха задуманнаго предпріятія. Содѣйствуя Елизаветѣ, представители Франціи и Швеціи далеко не были вполне безкорыстны: Елизавета должна была, по ихъ мнѣнію, достигнуть престола цѣной значительныхъ уступокъ въ пользу Швеціи. Но обстоятельства такъ сложились, что дочери Петровой удалось достигнуть престола безъ ущерба для государственныхъ интересовъ Россіи.

Донесенія Шетарди французскому правительству интересно сопоставить съ депешами англійскаго посланника, Эд. Финча, который вполне сочувствовалъ правительницѣ Аннѣ. Финчъ, дающій вообще очень рѣзкую характеристику современнаго ему русскаго общества, отзываясь о Елизаветѣ пренебрежительно и даже весьма грубо. Онъ говоритъ, что Елизавету не только не слѣдуетъ стѣснять въ деньгахъ, но даже нужно выпутывать ее изъ тѣхъ долговъ, которые она сдѣлаетъ впредь, такъ какъ «великая княжна очень предана развлеченіямъ и всегда растратитъ на нихъ всѣ деньги, какія только ей удастся собрать; жизнь же въ правдомъ веселіи ослабитъ ея характеръ, уменьшитъ ея популярность. Не стѣсняемая въ безпорядочной жизни, великая княжна даетъ намъ право выразиться о себѣ словами, вложенными Шекспиромъ въ уста Юлію Цезарю: «она слишкомъ ожирѣла для заговоровъ». Дальнѣйшія событія доказали всю неосновательность такого рѣзкаго отзыва англійскаго дипломата. Вообще донесенія

Финча и его преемника, Вейча, представляют много интересных данных для сужденія о лицахъ и фактахъ той эпохи, но, пользуясь этими донесеніями, не слѣдуетъ забывать, въ какую сторону клонились симпатіи ихъ авторовъ.

Остальные два тома «Сборника» заключаютъ въ себѣ документы уже не изъ иностранныхъ архивовъ, а наши собственные. Въ 90-мъ томѣ помѣщены нѣкоторыя важнѣйшія бумаги комитета, учрежденнаго высочайшимъ рескриптомъ 6-го декабря 1826 года. По характеру содержащагося въ нихъ матеріала бумаги эти сгруппированы въ три отдѣла. Въ составъ перваго вошли проекты, относящіеся къ устройству высшаго государственнаго управления. Здѣсь помѣщены, кромѣ бумагъ, хранившихся до 1826 года въ кабинетѣ императора Александра I, всѣ составленные комитетомъ проекты, за исключеніемъ не вполне оконченнаго проекта общаго учрежденія министерствъ. Особенный интересъ представляютъ записки гр. Гурьева, статсъ-секретаря Балугьянскаго и Сперанскаго: въ этихъ запискахъ мы находимъ очень обстоятельную критику недостатковъ первоначальнаго устройства государственнаго совѣта, министерствъ и другихъ высшихъ учрежденій, указаніе неопредѣленности ихъ компетенціи и отсутствія раздѣленія властей. Второй отдѣлъ настоящаго тома составили бумаги, касающіяся преобразования губернскаго управления, при чемъ въ виду имѣлось главнымъ образомъ объединеніе дѣйствій разнообразныхъ провинціальныхъ учрежденій. Наконецъ, третій отдѣлъ посвященъ наиболѣе обширной работѣ комитета—проекту дополнителнаго закона о сестояніяхъ. Сюда вошли также журналы происходившихъ въ началѣ 1830 года чрезвычайныхъ собраній государственнаго совѣта, въ которыхъ обсуждался упомянутый проектъ.

Послѣдній изъ вышедшихъ томовъ «Сборника», 93-й, заключаетъ въ себѣ продолженіе матеріаловъ екатерининской законодательной комиссіи. Въ этомъ томѣ закончено печатаніе дворянскихъ наказовъ депутатамъ, и начинается печатаніе наказовъ отъ городскихъ жителей. Во всѣхъ наказахъ, не смотря на предоставленную населенію императрицей Екатериной полную свободу говорить о своихъ нуждахъ и недостаткахъ, наблюдается одна чрезвычайно характерная черта, на которую указываетъ редакторъ матеріаловъ, проф. В. И. Сергѣевичъ. У всѣхъ городскихъ жителей идеаломъ является дѣйствующее законодательство, и они просятъ только о его упроченіи. Все для нихъ желательное намѣчено и дано дѣйствующимъ правомъ, за его предѣлы ихъ мысль не заходитъ. Всего рѣшительнѣе это высказано жителями города Дмитрова, которые всѣ единогласно заявляли, что «по обстоятельству здѣшняго города никакихъ общихъ нуждъ не имѣютъ представить». Въ нѣкоторыхъ наказахъ говорится о нуждахъ и недостаткахъ, но опять же идеаломъ является дѣйствующее право, а недостатки заключаются въ несоблюденіи существующихъ законодательныхъ нормъ. Жители городовъ стремятся обособиться отъ другихъ сословій, стремятся монополизировать въ своихъ рукахъ торговлю и мануфактурное производство, они просятъ если не о расширеніи своихъ правъ, то, по крайней мѣрѣ, о личной безопасности и о возможности пользоваться уже имѣющимися привилегіями. До какой степени безправно было ихъ положеніе, видно изъ статей объ отбываніи постоянной повинности. Офицеры разныхъ командъ занимали квартиры не по отводу, а по своему усмотрѣнію, и не только брали столько комнатъ, кладовыхъ, сараевъ, сколько хотѣли, держали въ

нихъ дѣлыя своры охотничьихъ собакъ и производили въ комнатахъ и во дворахъ обученіе солдатъ военному строю, но и передѣлывали свои квартыры, ставили стѣны и прорубали двери, гдѣ ихъ не было. А. Б—инъ.

М. Молло. Правила адвокатской профессіи во Франціи. Переводъ съ французскаго. Изданіе Н. П. Шубинскаго. Москва. 1894.

«Правила» Молло уже давно приобрѣли интернаціональное значеніе. Бельгія, Германія, даже отчасти Россія (книга Васьковскаго) знакомы съ этимъ прекраснымъ французскимъ трудомъ. Г. Шубинскій въ настоящее время вводитъ русскаго читателя въ полный кругъ ознакомленія со всѣми частями «Правиль». Въ предисловіи онъ объясняетъ, почему предиринялъ настоящее изданіе, какую роль для отечественной современной жизни могутъ имѣть «Правила», каково положеніе адвоката въ обществѣ и каково отношеніе къ нему послѣдняго. Авторъ предисловія—лицо заинтересованное, и голосъ его звучитъ нотами воодушевленія, что придаетъ немногимъ страницамъ «отъ издателя» особенный интересъ. Въ виду предстоящей реорганизации адвокатуры и тѣхъ формъ въ какихъ можетъ она найти свое новое бытіе, выслушать мнѣніе специалиста любопытно для всякаго интеллигентнаго читателя. Всякому приходится такъ или иначе въ жизни соприкасаться съ адвокатской профессіей. О ней читаемъ мы ежедневно въ газетахъ, представителей ея всѣ судятъ и рядятъ, адвокатъ—лицо всѣмъ нужное и, наконецъ, въ послѣднее время у насъ въ значительной части прессы «адвокатъ» сталъ прозвищемъ чуть ли не браннымъ и во всякомъ случаѣ карикатурнымъ. Г. Шубинскій рѣзко возстаетъ противъ послѣдняго обстоятельства и справедливо указываетъ, что ошибки и промахи меньшинства, и при томъ весьма небольшого, навязываются безъ всякаго логическаго и этическаго основанія большинству. Онъ утверждаетъ, что современная адвокатура и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи остается на прежней высотѣ. «Для истинной оцѣнки умственнаго значенія адвокатуры,—говоритъ онъ,—справедливо просмотрѣть хотя по немногимъ выдающимся дѣламъ апелляціонныя и кассационныя жалобы сторонъ и сообразить, сколько дали они мотивовъ для рѣшеній, послѣдовавшихъ по нимъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ большинствѣ случаевъ имъ принадлежатъ главнѣйшіе мотивы». Центръ такъ называемаго «адвокатскаго вопроса» лежитъ въ невыясненности законодательными постановленіями адвокатской организаціи. «Пусть будетъ узаконена строжайшая дисциплина, самыя тяжелыя формы ея, ибо то, что вредоносно, позволительно отсѣкать всякими средствами!—говоритъ авторъ предисловія.— Но пусть будетъ внесена ясная регламентація, точно опредѣляющая все недозволенное, выражающая принципиальные взгляды сословія и устанавливающая кару за нарушеніе ихъ». Современная организація адвокатовъ исключительно регулируется этическими принципами. Во всѣхъ профессіяхъ дѣйствуетъ общій законъ, общіе принципы: что не запрещено, то дозволено; въ адвокатской же практикѣ каждый шагъ, каждый поступокъ регулируется съ точки зрѣнія согласованія съ достоинствомъ и честью сословія. Одна законодательная регламентація можетъ совлечь подобную постановку вопроса съ провинцальнаго постаменту. Послѣдній долженъ быть замѣненъ чѣмъ нибудь болѣе невыблемымъ и строго опредѣленнымъ. Г. Шубинскій

стоитъ въ выработкѣ этого труднаго вопроса за трудъ цѣлаго сословія. «Пусть прошлое совѣтской практики, сист-мативированное, предстанетъ предъ общими собраніями присяжныхъ повѣренныхъ и утвержденное и дополненное ими войдетъ, какъ органическій законъ, въ жизнь сословія». Для скорѣйшаго успѣха дѣла онъ рекомендуетъ періодическіе съѣзды представителей адвокатскихъ корпорацій. Точно предчувствуя несбыточность рѣшенія дѣла такимъ путемъ, онъ, дѣлая уступку «независящимъ обстоятельствамъ», соглашается и на иной исходъ. «Если бы трудъ созданія и выработки ихъ угодно было взять на себя государственной власти,—говоритъ онъ,—то прошлое совѣтской практики даетъ достаточный матеріалъ для того. Это не посособствуетъ организаціи корпоративнаго духа, но зато внесетъ опредѣленность, особенно важную въ виду нерѣдкихъ случаевъ выхода дѣлъ изъ стѣвъ сословнаго суда и поступленія ихъ на рѣшеніе представителей короннаго суда». Таковы содержаніе и взгляды автора предисловія. Не входя въ ихъ разсмотрѣніе по существу, не можемъ не замѣтить, что кругъ вопросовъ, въ немъ задѣтыхъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны ихъ жизненности. Желательно, чтобъ специально-юридическая печать откликнулась на нихъ и придала имъ больше гласности и распространенности. Адвокатское дѣло, смѣемъ думать, отъ того только выиграетъ.

О самомъ трудѣ французскаго ученаго, конечно, не приходится говорить. Многое изъ «Правиль» его примѣнимо и къ нашей жизни, многое же, сообразно историческимъ основамъ нашего строя, конечно, подлежитъ отсѣченію и видоизмѣненію, и Бельгія, принявшая цѣликомъ правила французской адвокатуры, намъ не указъ.

Б. Гл.

Исторія германскаго народа. Карла Лампрехта. Томъ первый. Часть I и II. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1894.

Очень непріятно положеніе рецензента, когда ему приходится высказаться неодобрительно о хорошей книгѣ, къ тому же старательно обработанной. А въ переводной литературѣ возможны такіе странные случаи, и передъ нами одинъ изъ нихъ.

Карль Лампрехтъ—одна изъ крупнѣйшихъ научныхъ силъ современной Германіи, молодой и талантливый историкъ¹⁾, прекрасно подготовившій себя предыдущими занятіями къ тому тяжелому и важному труду, за который взялся онъ въ послѣдніе годы. Онъ усердно занимался германистикой (нѣмецкими нарѣчіями и литературой); онъ писалъ хорошія журнальныя статьи по разнообразнымъ историческимъ вопросамъ; онъ хорошій историкъ-экономистъ и еще въ 1879 г. издалъ очень дѣльное изслѣдованіе по экономическому быту Франціи въ XI вѣкѣ (Beiträge zur Geschichte des französischen

¹⁾ Онъ родился въ Эссенѣ, близъ Виттемберга, 25-го февраля 1856 года, учился въ Ихульпфортской гимназіи (въ Тюрингіи), потомъ въ университетѣхъ Гёттингенскомъ, Лейпцигскомъ и Мюнхенскомъ, былъ учителемъ въ гимназіи Фридриха-Вильгельма въ Кёльнѣ, а теперь занимаетъ профессорскую кафедру въ Боннѣ.

Wirtschaftslebens im XI Jahrh.)¹⁾, и онъ же усердно и съ благими результатами занимался исторіей искусства²⁾. Не ясно ли, что такой человекъ можетъ взяться за обработку исторіи германскаго народа, и что публика вправѣ ожидать отъ него не только политической исторіи, но также и культурной въ самомъ широкомъ смыслѣ? К. Лампрехтъ и талантливо и старательно удовлетворяетъ этимъ ожиданіямъ въ первомъ томѣ своего труда.

Съ другой стороны и переводчикъ г. Николаевъ очень старательно отнесся къ дѣлу и, имѣя въ виду, что русская читающая публика не настолько знакома съ фактами и терминами, касающимися нѣмецкой исторіи, снабдилъ свой переводъ многочисленными примѣчаніями переводчика³⁾, въ которыхъ иногда переводитъ техническихъ слова изъ текста и мотивируетъ свой способъ перевода ихъ.

Все это прекрасно, а результатъ выходитъ вовсе не прекрасный: книга испорчена малоподготовленнымъ переводчикомъ и плохой корректурой.

Вотъ нѣсколько фактовъ изъ безчисленнаго множества.

На стр. 11 въ пѣснѣ Вальтера Фогельвейде: *der ist betrogen*, переведено: тотъ въ возбужденіи (заблужденіи?) *lange müeze ich leben darinne* переведено да, я живу здѣсь долгіе годы (да живу я здѣсь долгіе годы?). На этой же страницѣ большой абзацъ со словъ: кто не усмотритъ и пр., оказывается совершенно непонятнымъ.

На стран. 31 упоминается монета штатеръ (т. е. статеръ). Здѣсь же Гальштатскій вѣкъ.

На стран. 45 въ примѣчаніи *Trogus bei Justin*, какъ названіе сочиненія.

На стран. 69 въ примѣч. Фюфъиръ «завѣщаетъ Регину свою долю наслѣдства» (должно читать: лишаетъ Регина его доли наслѣдства).

На стран. 78 Асы—мужескія божества, боровшіяся съ Венами (читай Ваннами).

На стран. 106 переводчикъ принялъ готское *t* придыхательное за *r* и составилъ небывалое слово *hundofaps* (читай: *hundafaths*).

На стран. 113 примѣчаніе лишено всякаго смысла⁴⁾.

И т. д. и т. д.

Очень характеренъ примѣръ на стран. 465, гдѣ видны одновременно и усердіе переводчика и малая степень его подготовки. Авторъ называетъ Оттона III съ его ранней перезрѣлостью въ дѣлѣ науки Эвфоріонъ X столѣтія, справедливо предполагая, что всѣ его читатели знакомы съ Фаустомъ Гете и помнятъ безвременно погибшаго сына Елены. Г. Николаевъ отпра-

¹⁾ Въ 1886 году онъ издалъ 4 тома *Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter*.

²⁾ Кромѣ журнальныхъ статей, онъ написалъ прекрасную монографію о рукописной орнаментикѣ отъ VIII до XIII вѣковъ (*Initial-Ornamentik des VIII bis XIII Jahrh.*, 1882) и былъ однимъ изъ основателей журнала: *Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst*.

³⁾ Иногда онъ бываетъ даже слишкомъ щедръ въ этомъ отношеніи: едва ли нужно объяснять читателямъ такой книги, что такое вульгата и пр., и, конечно, нѣтъ нужды по нѣскольку разъ объяснять одно и то же (см., напр., на стран. 275 и 467 объясненія слова *Héliand*, въ которыхъ нельзя не замѣтить противорѣчія).

⁴⁾ *Magistratus* но Цезарю. Имѣется здѣсь, разумѣется, въ виду герцогъ *in pace nullus est communis magistratus*.

вляется странствовать по словарямъ и вылавливаетъ отсюда слѣдующій курьезный комментарий: «Euphron — греческій поэтъ изъ Халкиды въ Эвбеѣ; родившись въ 975 г. (? Christ не можетъ опредѣлить года рожденія Эвфроніона) и получивъ образованіе въ Аѣнахъ, онъ былъ впоследствии бібліотекаремъ короля Антиоха».

Всего непріятнѣе, что такой переводъ явился между изданіями К. Т. Солдатенкова, къ которымъ публика уже многіе десятки лѣтъ привыкла относиться съ полнымъ и заслуженнымъ довѣріемъ. А. К.

К. Гильти. Счастіе. Популярныя очерки по нравственной философіи. Переводъ и предисловіе А. Острогорскаго. Спб. 1894.

Книги, посвященныя вопросу, какъ обрѣсти на землѣ счастье, обыкновенно не читаются сколько нибудь опытными людьми, какъ не читаются и книги, посвященныя вопросамъ о *regretium mobile* или квадратурѣ круга. Спрашивается, даетъ ли книга, заглавіе которой мы здѣсь выписали, вѣчто болѣе существенное, чѣмъ прописную мораль, чѣмъ тѣ золотыя истины, которыя провозглашены споконъ вѣка и которыя тѣмъ не менѣе не приблизили человѣчества къ счастью? Не смотря на все сочувствіе, которое возбуждаетъ эта книга по основной своей здоровой тенденціи, мы должны отвѣтить на поставленный нами вопросъ отрицательно. Въ книгѣ много вѣсѣмъ давно извѣстныхъ прописныхъ истинъ, но, кромѣ того, въ ней есть еще больше противорѣчій, которыя могутъ къ ней совершенно охладить даже человѣка, относящагося съ величайшей симпатіею къ ея основной тенденціи. Дѣйствительно, въ чемъ, по мнѣнію автора, заключается счастье? Главный его выводъ выраженъ на страницѣ 80-ой въ слѣдующемъ возгласѣ: «Наша жизнь длится 70, много 80 лѣтъ, а если она, къ тому же, была полна хорошаго труда и работы (?), то она все-таки была прекрасна. Вотъ въ чемъ счастье!». На страницѣ же 70-ой мы читаемъ, что трудъ «самъ по себѣ не равнозначущъ со счастьемъ», что «нужно быть глупцомъ, чтобы быть довольнымъ своей работой», даже когда она кажется намъ удовлетворительной. Примирить это противорѣчіе, кажется, очень трудно. Далѣе авторъ намъ поясняетъ, что ни добродѣтель, ни чистая совѣсть, ни любовь, ни наконецъ вѣра не могутъ привести человѣка къ счастью. Добродѣтель, «этотъ идолъ неподкупнаго Робеспьера», какъ и чистая совѣсть недоступны людямъ недалекихъ и не распространяется на тѣхъ, которые способны на лучшее разумѣніе». Это говорится на 71-ой страницѣ, а на 72-ой мы читаемъ, что «единственный, остающійся открытымъ путь (для достиженія счастья)— это тотъ, который указанъ въ нагорной проповѣди». Эта мысль обстоятельнѣе разъясняется слѣдующимъ образомъ: «Все другое, кромѣ... жизни въ увѣренности въ существованіи нравственнаго порядка вещей и труда, которые внутренне между собою нераздѣльны, и еще третьяго пункта, о которомъ рѣчь будетъ ниже, не существенно и второстепенно». Какой же это третій пунктъ? Авторъ его формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Несчастье составляетъ необходимую принадлежность человѣческой жизни... Какая сила,— восклицаетъ далѣе авторъ, — какое глубокое внутреннее счастье заключается въ несчастьи!». Итакъ съ одной стороны вѣра — «привилегія людей

недалекихъ», но въ то же время безъ нея счастье немислимо; трудъ къ счастью не приводитъ, но безъ труда истиннаго счастья нѣтъ; трудъ приводитъ къ счастью, только если человѣкъ вѣритъ въ существованіе нравственнаго порядка, а вѣрятъ въ существованіе нравственнаго порядка только люди недалекіе, но всетаки единственный намъ открытый путь къ счастью это—вѣра, убѣжденіе въ спасительности нагорной проповѣди; наконецъ авторъ пишетъ намъ книгу о томъ, какъ обрѣсти счастье, и въ то же время заявляетъ, что «глубокое внутреннее счастье заключается въ несчастіи»!...

Итакъ, по существу читатель не найдетъ въ книгѣ разрѣшенія вопроса о счастьѣ. Остановимся теперь на нѣкоторыхъ практическихъ совѣтахъ автора. У него есть глава, посвященная вопросу объ искусствѣ работать, въ другой изучается «искусство имѣть время». Такъ какъ авторъ придаетъ большое значеніе труду, то, конечно, очень существенно установить вѣрныя условія работы. Между этими условіями фигурируютъ слѣдующія: куреніе табаку онъ безусловно отвергаетъ въ виду вызываемой имъ «громадной траты времени вслѣдствіе тѣхъ приготовленій, которыя съ нимъ связаны». Мы рѣшительно не понимаемъ, о какихъ приготовленіяхъ говоритъ авторъ. Чтобы закурить сигару или папиросу, кажется, особыхъ приготовленій не требуется. Далѣе онъ совѣтуетъ быстро работать, потому что «лучшія и полезнѣйшія работы это—тѣ, которыя были быстро выполнены». Вслѣдъ за тѣмъ онъ, однако, жалуется, что люди часто даже не знаютъ основательно того, о чемъ пишутъ, а это вѣдь при быстрой работѣ почти неизбѣжно. Особенно же возмущается авторъ чтеніемъ дурныхъ романовъ и драмъ, оставляя невыясненнымъ, какіе романы и драмы онъ признаетъ хорошими, и совѣтуетъ своимъ читателямъ не посѣщать театровъ, потому что они нуждаются въ коренныхъ реформахъ (какія это реформы, — также остается неизвѣстнымъ), чтобы удовлетворить своему назначенію, негодуетъ на пивоваровъ, этихъ «самыхъ большихъ губителей (!) времени» и на издателей газетъ, потому что «есть много образованныхъ людей, которые ничего другаго, кромѣ газетъ, не читаютъ». Конечно, если романовъ не читать, театровъ не посѣщать, въ пивныхъ не бывать и газетъ не пробѣгать, то сохранится много времени; но спрашивается, не наивно ли сваливать въ одну кучу куреніе табаку, потребленіе пива, чтеніе романовъ и газетъ и посѣщеніе театровъ? Театры и газеты сослужили такую громадную службу человѣчеству въ смыслѣ распространенія знаній и подъема нравственнаго чувства, что обращать вниманіе на однѣ ихъ отрицательныя стороны — верхъ несправедливости.

Въ общемъ, слѣдовательно, какъ мы видимъ, и практическіе совѣты автора такъ же мало удовлетворительны, какъ и его выясненіе сущности человѣческаго счастья.

Переводчикъ въ своемъ предисловіи, однако, горячо рекомендуетъ переведенную имъ книгу, но, къ сожалѣнію, онъ очевидно самъ въ нее не вдумался, иначе онъ, восхваляя ее, не вступилъ бы съ нею въ странное, даже нѣсколько комическое противорѣчіе. Такъ, онъ въ предисловіи говоритъ, что «нужно побольше углубляться въ себя, чтобы стать хорошимъ человѣкомъ», а восхваляемый имъ авторъ утверждаетъ, что «всякое самоанализированіе очень опасно». Переводчикъ спрашиваетъ: что «станетъ съ человѣчествомъ, если отнять спасительную для него возможность трудиться, что да-

дите вы ему взаѣмнъ этого? Вѣру?»—и отвѣчаетъ, что вѣры у многихъ нѣтъ, а что трудъ всеѣмъ доступенъ, и что можно быть счастливымъ безъ вѣры, «отдаваясь истинному труду». Между тѣмъ авторъ категорически заявляетъ, что истинный трудъ, т.-е. трудъ, приводящій къ счастью, «возможенъ лишь при такомъ міросозерцаніи, которое... считаетъ земную жизнь лишь частицей жизни», т.-е. что истинный трудъ безъ вѣры не можетъ привести къ счастью. Такимъ образомъ переводчикъ только еще усиливаетъ хаосъ противорѣчивыхъ понятій, которыя вызываетъ въ головѣ читателей авторъ. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, этихъ противорѣчій у послѣдняго такъ много, и она такъ существенны, что переводчикъ долженъ былъ бы указать на нихъ, если бы онъ отнесся сколько нибудь внимательно къ содержанию переведенной имъ книги. Кромѣ того, ему слѣдовало бы предостеречь читателя противъ многихъ устарѣвшихъ, можно даже сказать, прямо закорюзлыхъ взглядовъ автора. Такъ, послѣдній рекомендуетъ, между прочимъ, «относиться холодно» ко всеѣмъ особамъ «знатнымъ, богатымъ и въ особенности къ дамамъ, которыя по большей части не понимаютъ направленной на нихъ любви». Для нервно-больныхъ дамъ онъ рекомендуетъ устраивать «работѣ дома». Какъ будто выходитъ, что авторъ относится съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ особамъ прекраснаго пола. Но, можетъ быть, онъ не распространяетъ своего пренебреженія на женщинъ вообще? Къ сожалѣнію, это не такъ. На страницѣ 74-ой онъ прямо заявляетъ, что надо «избѣгать общенія съ женщинами», потому что отъ него, какъ справедливо кто-то замѣтилъ, «всегда происходитъ дымъ или огонь». Это уже прямо пахнетъ домостроемъ или монашескимъ аскетизмомъ.

Самое лучшее въ книгѣ Гильти принадлежитъ не автору, а старому, очень старому философу, именно Эпиктету. Мысли послѣдняго, составляющія значительную часть книги Гильти, все еще свѣжи и поучительны, не смотря на то, что изложены почти 2.000 лѣтъ тому назадъ, и, конечно, въ нихъ мы не найдемъ и тѣни тѣхъ комическихъ противорѣчій, которыми наполнена книга Гильти. Эпиктетъ, какъ извѣстно, былъ стойкомъ. Включивъ его мысли въ свою книгу, Гильти тѣмъ самымъ подтверждаетъ, что онъ горячій сторонникъ стоической философіи, но онъ точнѣе же расхолаживаетъ и тутъ читателя, заявляя, что стоическое міросозерцаніе «требуетъ въ высокой степени разума и силы воли, недоступныхъ большинству людей». Какъ бы то ни было, мы видимъ, что дѣлаются попытки возрожденія стоической философіи, имѣвшей у насъ еще 150 лѣтъ тому назадъ такого горячаго и краснорѣчиваго глашатая, какъ Кантемиръ. Кантемиръ также перевелъ Эпиктета на русскій языкъ. Кромѣ того, мы должны еще отмѣтить, что основное содержаніе мыслей Эпиктета, какъ и основная ихъ тенденція нашли себѣ умѣлаго и глубокаго истолкователя въ лицѣ нашего незабвеннаго сатирика, и если бы г. Островскій, вмѣсто того, чтобы перевести книгу Гильти, издалъ бы съ надлежащими комментаріями письма Кантемира объ «Истинномъ счастьѣ» («О природѣ и человѣкѣ»), напомнилъ бы русской читающей публикѣ о глубокихъ мысляхъ, изложенныхъ въ этихъ письмахъ, то онъ, конечно, оказалъ бы ей и дѣлу, которому онъ хочетъ служить, несравненно большую услугу, чѣмъ переводя книгу Гильти, представляющую весьма сомнительныя достоинства. Мы даже спросимъ, нужны ли вообще намъ, русскимъ, подобныя книги послѣ того, какъ нашу литературу уже 150 лѣтъ украшаютъ такія глубокія произведенія, какъ сатара «Объ

истинномъ блаженствѣ», въ которой съ замѣчательною силою и притомъ въ краткихъ, ясныхъ, образныхъ словахъ изложены всѣ мысли, пространно, сбивчиво, противорѣчиво и неумѣло изложенныя въ книгѣ Гильти.

Намъ кажется, что нашимъ педагогамъ было бы умѣстнѣе подумать о томъ, почему проповѣди такихъ краснорѣчивыхъ моралистовъ, каковымъ былъ Кантемиръ, остаются безплодными. Въдь уже 150 лѣтъ тому назадъ Кантемиръ намъ говорилъ:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить...

Онъ училъ насъ, что «добрымъ быть собою мзда есть уже не мала», что «если человѣкъ живетъ честно, ища, что ему и другимъ полезно, онъ будетъ счастливъ, и слава его вѣчно будетъ жить между добрыми людьми». Все это составляетъ и основную тенденцію такихъ книгъ, какъ книга Гильти. Но тѣмъ не менѣе наше общество проявляетъ все еще мало склонности «топтать надежну стезю», указанную ему такъ краснорѣчиво Кантемиромъ, и все еще убѣждено, что счастье на него снизойдетъ откуда-то сверху, а не будетъ результатомъ его собственныхъ усилій. Вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ призадуматься, вотъ о чемъ слѣдуетъ писать. Въ разбираемой нами книгѣ встрѣчаются двѣ мысли, брошенныя вскользь одна авторомъ, другая переводчикомъ, очевидно не уяснившими себѣ ихъ значенія, а между тѣмъ представляющія на нашъ взглядъ разгадку всѣхъ нравственныхъ и душевныхъ зловключеній современнаго общества. Авторъ говоритъ, что радостны тѣ эпохи, когда человечество думаетъ, что «нашло секретъ всеобщаго улучшенія въ какой нибудь философской, религіозной или экономической формулѣ», и что наоборотъ «мрачны тѣ времена, какъ, на примѣръ, наше, когда люди проникаются убѣжденіемъ, что всѣ эти формулы—одна иллюзія». Переводчикъ же высказываетъ слѣдующій афоризмъ: «Если эпохи создаютъ людей, то и люди создаютъ эпохи, т.-е. составъ общества создаетъ его направленіе оно въ большей своей части зависитъ отъ характера желаній и стремленій отдѣльныхъ людей, составляющихъ общество». Но если это такъ, то переводчикъ совершенно напрасно, повторяя избитую фразу, жалуется на то, что «современная дѣйствительность представляетъ мало отраднаго», что «все лучшее прошлое забывается или попирается ногами». Наше прошлое именно и составляетъ эпоху, когда люди думали, что «въ той или другой формулѣ заключается секретъ всеобщаго улучшенія», а въ наше время люди начинаютъ понимать, хотя еще очень недостаточно, что эти формулы обезпеченія счастья, помимо единичныхъ усилій каждаго отдѣльнаго лица, нѣ что иное, какъ «одна иллюзія». Мы все полагали, что не мы виноваты въ разныхъ нашихъ невзгодахъ, что виноваты «общія условія» и люди, ихъ вѣдающія, а поэтому только ныли, протестовали, но сами бездѣйствовали. Теперь мы въ этомъ отношеніи начинаемъ смотрѣть болѣе трезво на вещи, и вотъ почему въ нашемъ обществѣ замѣчается интересъ къ вопросамъ нравственной философіи, вотъ почему и г. Острогорскій, не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета, счелъ нужнымъ предложить публикѣ, къ сожалѣнію, весьма неумѣло написанную книгу Гильти, и вотъ почему мы сами наконецъ подвергли эту книгу болѣе обстоятельному разбору, чѣмъ какого она собственно заслуживаетъ.

Что касается до перевода, то онъ хотя и тяжеловатъ, но довольно точенъ. Только одно насъ поразило. Въ книгѣ два раза упоминается о ка-

комъ-то св. Юстѣ, собиравшемся замѣнить религію морально-полицейскими предписаніями. Что это за таинственный святой? Въ концѣ книги мы нашли поправку, что этотъ святой Юстѣ собственно пишется Жюстѣ. Значить вотъ это кто. Это—просто Сень-Жюстѣ. Такъ мало помнить прошлое дѣйствительно непохвально.

Р. С.

Церковныя братства. Краткій статистическій очеркъ о положеніи церковныхъ братствъ къ началу 1893 года. А. Палкова. Спб. 1894.

Книжка эта представляетъ систематическую разработку статистическихъ данныхъ о положеніи и дѣятельности нашихъ церковныхъ братствъ къ началу истекшаго года. Всѣхъ братствъ въ Россіи нынѣ 159. Они обладаютъ неприкосновеннымъ, запаснымъ и остаточнымъ капиталомъ въ размѣрѣ 1.629.707 рублей. Годовой приходъ ихъ составляетъ 803.963 рубля, а годовой расходъ 598.220 рублей. Учредившись за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ въ силу закона 8 мая 1864 года, всѣ братства эти имѣютъ цѣлью своей дѣятельности религіозное просвѣщеніе, благотворительность, церковное благоустройство и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сверхъ сего вѣропроповѣдничество (миссіонерство). Дѣятельность огромнаго большинства братствъ слагается изъ религіозно-просвѣтительной, благотворительной и церковно-благоустроительной. Весьма немногія, сверхъ этихъ трехъ родовъ дѣятельности, несутъ еще и дѣятельность миссіонерскую. Нѣкоторыя ограничиваются двумя изъ вышеуказанныхъ родовъ дѣятельности, а нѣкоторыя, наконецъ, однимъ. Большинство изъ братствъ ставятъ на первомъ планѣ задачу религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей, и нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ на столько поглощены этой задачей, что на совѣты ихъ возложены права и обязанности епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ. Такую замѣну училищныхъ совѣтовъ братскими совѣтами по управленію церковными школами встрѣчаемъ въ 18 епархіяхъ. Религіозно-нравственное просвѣщеніе взрослыхъ достигается путемъ вѣбогослужебныхъ собесѣдованій и духовно-нравственныхъ публичныхъ чтеній. Собесѣдованія и чтенія эти, въ которыхъ вѣ храма собесѣдователями-лекторами являются иногда и свѣтскія лица, приносятъ видимую пользу народной нравственности. Подъ ихъ живымъ впечатлѣніемъ происходитъ всеобщее учрежденіе обществъ трезвости и закрытіе питейныхъ заведеній. Бесѣды и чтенія эти будятъ вмѣстѣ съ тѣмъ народную мысль и направляютъ ее къ чтенію книгъ и брошюръ. Рядомъ съ этими собесѣдованіями и чтеніями идетъ устройство книжныхъ складовъ и библиотекъ и распространеніе книгъ, брошюръ и листовъ. Въ 1890—1891 годахъ продано и роздано ихъ 666.371, и устроено 485 книжныхъ складовъ и 507 библиотекъ. Миссіонерская дѣятельность братствъ направлена на борьбу съ расколомъ и просвѣщеніе инородцевъ свѣтомъ христіанства. Въ 1890 году дѣйствовало 219 братскихъ миссіонеровъ, и обращено ими въ православіе изъ раскола, сектантства, христіанскихъ и нехристіанскихъ вѣроисповѣданій 2534 человекъ. Въ слѣдующіе 1891 и 1892 годы, за которые не имѣется свѣдѣній по вѣмъ епархіямъ, успѣхи миссіонерской дѣятельности братствъ видимо увеличиваются. Почти половина изъ всѣхъ существующихъ братствъ посвящаетъ свою дѣятельность благотворительности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ 1890—1891 годахъ оказана братствами помощь 3.346 бѣднымъ въ размѣрѣ 22.361 рубль. Сверхъ

того, учреждено братствами за тотъ же періодъ 52 благотворительныхъ заведенія. Наконецъ въ области церковно-благоустроительской братства стремятся поддерживать благолѣпіе храмовъ и величественность богослуженія. Въ періодъ 1890—1891 годовъ устроено нашими братствами 20 храмовъ и 14 хоровъ. Нѣкоторыя братства, сверхъ сего, устроили при своихъ помѣщеніяхъ хранилища древнихъ книгъ и предметовъ; нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ настоящіе археологическіе музеи. Таковы историческое древлехранилище Владимірскаго Александро-Невскаго братства, Волинскаго Крестовоздвиженскаго братства въ г. Луцкѣ, Волинскаго Свято-Владимірскаго братства, помѣщающагося въ бывшей ризницѣ храма Мстиславова, и т. д.

Разработка статистическихъ данныхъ сдѣлана г. Папковымъ добросовѣстно и обстоятельно. Но авторъ этой разработки выходитъ за предѣлы официального отчета: онъ даетъ краткій историческій очеркъ прошлаго православныхъ церковныхъ братствъ на Руси (стр. 3—10), онъ излагаетъ за симъ ихъ будущность (стр. 121—128), онъ подчеркиваетъ наконецъ значеніе нашихъ западныхъ братствъ въ дѣлѣ охраненія православія и народности на нашихъ окраинахъ (стр. 54—55), напоминая, что нашъ Западный край и до сего времени не мало терпитъ отъ латино-польской пропаганды и гнета еврейскаго. Протрекая братствамъ нашимъ великую будущность въ дѣлѣ просвѣщенія русскаго народа и поднятія его нравственнаго уровня, авторъ залогомъ дальнѣйшаго развитія братскаго дѣла призываетъ именно славное и поучительное прошлое братскихъ учрежденій (стр. 121). Такимъ образомъ авторскій статистическій очеркъ является въ значительной степени очеркомъ историческимъ, и мы считаемъ необходимымъ коснуться этой исторической его стороны.

Прежде всего, выставляя славное прошлое западно-русскихъ православныхъ братствъ залогомъ великой будущности церковныхъ братствъ въ Россіи, авторъ совершенно игнорируетъ огромную разницу въ условіяхъ и способахъ возникновенія и происхожденія тѣхъ и другихъ. Западно-русскія братства возникли въ тяжкую годину тяжелыхъ испытаній православной вѣры, въ силу движенія самого русскаго народа, по инициативѣ самого православнаго общества; они воплотили въ себѣ великій духъ благочестія и ревности о своей православной вѣрѣ, присущій тому времени (XV, XVI, XVII вѣка) и вызванный къ такому воплощенію внѣшними обстоятельствами. Нынѣшнія наши церковныя братства, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ, возникшихъ въ Западной Руси во второй половинѣ прошлаго и первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, явились къ бытію единственно во осуществленіе закона 8 мая 1864 года, въ силу движенія сверху, по инициативѣ правительственной власти, по волѣ закона, безъ всякой инициативы со стороны общества и народа. Не видѣть и не понимать этой разницы невозможно. Сверхъ сего, и нынѣшнія усилія православной вѣры въ наше время, слава Богу, совсѣмъ не тѣ, при какихъ и въ силу какихъ возникли западно-русскія братства.

Далѣе, справедливо отдавая должную дань уваженія, удивленія и признательности великой и многоплодной дѣятельности западно-русскихъ братствъ, явившихся во время своего существованія неутомимыми и ревностными борцами за вѣру православную, авторъ совершенно упустилъ тѣмъ не менѣе коснуться судьбы и дѣятельности возстановленнаго въ 1865 году, т. е. около 30 лѣтъ тому назадъ, знаменитаго въ старину Вилевскаго Свято-Духовскаго братства, а равно и просвѣдательной дѣятельности Пустынскаго мужскаго

монастыря близъ г. Мстиславля Могилевской губ., вполне заслуживающей особаго вниманія и должнаго указанія. Въмѣстѣ съ тѣмъ авторъ совершенно не упоминаетъ даже о знаменитомъ Лѣвнинскомъ женскомъ монастырѣ Сѣдлецкой губ., почти на рубежѣ Литвы и царства Польскаго. Между тѣмъ дѣятельность Пустынскаго монастыря въ области религіозно-просвѣтительной вполне совпадаетъ съ дѣятельностью братствъ въ той же области, Лѣвнинская же женская монастырская община въ своей замѣчательной дѣятельности представляетъ православное женское братство, построенное на самыхъ широкихъ началахъ и преслѣдующее задачи столь многосложныя и разнообразныя, далѣе которыхъ не шло еще ни одно православное братство на Руси ни въ прежнія, ни въ настоящія времена. Мы считаемъ поэтому своей обязанностью сказать нѣсколько словъ объ означенныхъ братствахъ и двухъ монастыряхъ.

Г. Папковъ въ общемъ сводѣ свѣдѣній о положеніи церковныхъ братствъ нашихъ, указывая въ подлежащей графѣ, что настоящее Виленское Свято-Духовское братство основано въ 1865 году, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ древнее братство того же наименованія, основанное въ 1458 году (стр. 20—21), и такимъ образомъ оно въ 1865 году является лишь возобновленнымъ. Указаніе такое не совсемъ вѣрно. Въ 1458 году основано Свято-Троицкое православное братство при Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ. Когда затѣмъ въ исходѣ XVI вѣка стало угрожать Литвѣ и Западной Руси введеніе униі, то всѣ духовные и свѣтскіе члены Свято-Троицкаго братства, не пожелавшіе идти ни на какія сдѣлки съ польскимъ правительствомъ и католицизмомъ, около 1590 года приобрѣли себѣ особый участокъ земли противъ Троицкаго монастыря черезъ улицу и построили здѣсь новый Свято-Духовскій монастырь, при которомъ и учредили новое Свято-Духовское братство. Такимъ образомъ образованіе Свято-Духовскаго братства, впоследствии такъ прославившагося ревностной защитой православія, было вызвано отпаченіемъ Троицкаго монастыря униатамъ. Поэтому Свято-Духовское братство никоимъ образомъ нельзя считать продолженіемъ Свято-Троицкаго братства, и годомъ его основанія является вовсе не годъ основанія послѣдняго (1458), а послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка (1590—1594). Возобновленное въ 1865 году Свято-Духовское братство въ первые два-три года по возобновленіи явило примѣръ оживленной дѣятельности. Но уже въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ дѣятельность эта быстро стала упадать и нынѣ упала до такой степени, что на общемъ собраніи 1892 года сдѣлано было однимъ изъ братчиковъ, лицомъ весьма вліятельнымъ, предложеніе удѣлять часть братскихъ средствъ виленскому благотворительному обществу «Доброхотная Конейка», имѣющему свою цѣлью оказаніе вспомоствованія бѣднымъ безъ различія вѣроисповѣданій. Въ томъ же 1892 году Свято-Духовское братство приглашало въ число братчиковъ желающихъ изъ чиновъ одного вѣдомства, весьма обширнаго и пользующагося весьма хорошими окладами. На приглашеніе это получился лаоническій отвѣтъ предсѣдателя, что желающихъ не оказалось. Одинъ изъ братчиковъ, получающій около 4.000 рубл. въ годъ, гражданскій генераль, въ 1890 г. дѣлалъ братству взносъ въ размѣрѣ 50 коп. Всѣ подобныя факты, свидѣтельствующіе о крайнемъ упадкѣ братства, не слѣдуетъ замалчивать. Всякій преднамѣренный оптимизмъ въ подобномъ дѣлѣ непростителенъ и крайне вреденъ. Необходимо наоборотъ доискиваться причинъ упадка и бездѣятельности и устранять ихъ.

Говоря о церковныхъ школахъ, содержимыхъ братствами, г. Папковъ указываетъ, между прочимъ, на то, что Могилевское Успенско-Пустынское братство устроило при церковно-учительской двухклассной школѣ курсы сельскаго хозяйства, не упоминая вовсе объ общей религіозно-просвѣтительной дѣятельности этой школы (стр. 67). Между тѣмъ эта послѣдняя заслуживаетъ по своимъ размѣрамъ и своему характеру большаго вниманія, нежели учрежденные при ней сельско-хозяйственные курсы. Пустыньскій монастырь, окруженный со всѣхъ сторонъ смѣшаннымъ русско-польскимъ населеніемъ, переданъ въ 1863 году православному вѣдомству въ крайне бѣдственномъ состояніи. Въ 1869 году основалось при немъ братство, а въ началѣ 1870 г. устроено имъ въ стѣнахъ для сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей центральное церковное училище. Въ 1888—1889 году было въ немъ 159 учениковъ. Въ 1884 году училище преобразовано въ двухклассное и съ того времени получаетъ правительственное пособіе въ размѣрѣ 1.000 рублей въ годъ. Благодаря центральной школѣ, братствомъ устроено уже нынѣ въ окрестныхъ селеніяхъ множество церковно-приходскихъ школъ, учителями въ которыхъ являются лучшіе ученики центральной школы. Съ 1872 года ведутся при монастырѣ общедоступныя бесѣды и чтенія религіозно-нравственнаго содержания, и сверхъ сего имѣется при немъ библіотека религіозно-нравственныхъ и научно-популярныхъ сочиненій. Имѣется наконецъ при монастырѣ больница для оказанія врачебными совѣтами и лѣкарствами помощи окрестному населенію. Неудивительно, что въ окрестной мѣстности вовсе не встрѣчается той враждебности православію, какая распространена между католиками Западнаго края.

Наконецъ Лѣснинскій женскій монастырь, о которомъ г. Папковъ, какъ сказано уже выше, даже не упоминаетъ, содержитъ пріютъ-школу для дѣвочекъ-сиротъ и дочерей бѣдняковъ, которыхъ находится нынѣ на содержаніи монастыря 87 (изъ нихъ 19 совершенно малолѣтнихъ и 3 даже на рукахъ). Монастырь этотъ основанъ въ 1885 году среди сплошнаго упорствующаго бывшаго униатскаго населенія въ селеніи Лѣснѣ Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., вблизи границы ея съ Гродненской. Основанъ онъ въ развалинахъ бывшаго католическаго Паулинскаго монастыря, который съ трудомъ приведены въ состояніе, допускающее возможность жительства. Школа-пріютъ помѣщается въ особомъ прекрасномъ деревянномъ зданіи, при которомъ устроена небольшая церковь. Всегда въ монастырѣ имѣется 10—12 сестеръ монахинь или послушницъ, окончившихъ высшіе женскіе курсы, гимназіи и институты. Онѣ несутъ всѣ послушанія, гдѣ требуется знаніе: ведутъ школу, завѣдуютъ больницей, ведутъ письменную часть и т. д. Монастырь этотъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что принимаетъ въ свои стѣны и тѣхъ, которыя не думаютъ быть инокинями, а желаютъ лишь временно потрудиться на пользу ближнихъ. Такія послушницы принимаются на время и приносятъ дѣлу и обителя немалую пользу. При монастырѣ имѣется маленькая богадѣлня и нѣсколько мастерскихъ для изготовленія церковныхъ облачений, шитья башмаковъ, переплета книгъ, тканія и пряденія и т. д. Тутъ же ведется огородничество и пчеловодство. Съ 1890 года Лѣснинскій монастырь получаетъ казенное пособіе въ размѣрѣ 2.430 рублей въ годъ и нынѣ содержитъ 80 сестеръ и 86 дѣтей въ школѣ-пріютѣ. Вокругъ монастыря открываются непрерывно школы грамотности, въ которыхъ учительницами являются окончившія воспитанницы школы-пріюта. Дѣятель-

ность Лѣвинскаго монастыря на столько плодотворна, что упорствующіе уніатки, лѣтъ по 20 не бывавшія въ церкви, являются въ монастырь, говѣютъ, приобщаются, а наконецъ и католическія дѣти, обучающіяся въ этихъ школахъ, съ согласія родителей добровольно присоединяются къ православію. Таковы результаты трудовъ этой женской миссіонерско-просвѣтительно-благотворительной монастырской общины.

Подобные факты также не слѣдуетъ обходить молчаніемъ. Наоборотъ они крайне отрадны и указываютъ на новыя и плодотворныя пути къ братской дѣятельности.

Е. Н. М.

В. Н. Сторожевъ. Родоначальникъ русской вѣтви Лермонтова. Москва. 1894.

Въ Москвѣ существуетъ малоизвѣстный «Библиографическій кружокъ», издающій ежемѣсячный журналъ «Книговѣдніе», отличающійся отъ другихъ періодическихъ изданій тѣмъ, что члены кружка и подписчики платятъ ежегодно за страницу объявленій, помѣщаемыхъ въ журналъ, 35 рублей, а неподписчики 50 рублей. Въ лѣтнихъ нумерахъ журнала была напечатана рѣчь г. Сторожева, читанная имъ въ Обществѣ исторіи и древностей, вышедшая теперь отдѣльной брошюрой. Въ ней дѣло идетъ о родоначальникѣ русскаго поэта, предки котораго были шотландцами, что окончательно утвердилъ только В. Никольскій, открывшій и напечатавшій въ «Русской Старинѣ» 1873 года три документа, относящіеся къ этому вопросу. Г. Сторожевъ разбираетъ снова эти документа и доказываетъ, что въ своей обширной біографіи поэта, приложенной къ изданію его произведеній В. Рихтеромъ, профессоръ Висковатый очень небрежно отнесся къ этимъ бумагамъ, многое въ нихъ перепуталъ. Что въ профессорской біографіи много «существенныхъ научныхъ недостатковъ», это давно извѣстно, также какъ и то, что въ ней «много недоузданнаго и затронутаго». Г. Сторожевъ беретъся додѣлать, что неокончено въ біографіи, хотя родословная въ ней вовсе не такой важный пунктъ, какъ исковерканіе цѣлой поэмы «Демонъ», или оставленіе поэта въ подозрѣніи по задержкѣ имъ письма съ деньгами, въ чемъ—хотя и не прямо—обвиняетъ его убійца Мартыновъ, почти повѣрка молчавшій о причинахъ своей дуэли, общавшій все разъяснить въ своихъ посмертныхъ запискахъ и ничего не разъяснившій. Положимъ и генеалогія поэта любопытна, но далеко не такъ существенна, да и въ ней авторъ прибавляетъ немного новаго, находя путаницу и въ документахъ Никольскаго и въ бумагахъ разряднаго и помѣстнаго приказовъ. Онъ говоритъ, что за изслѣдованіемъ этого вопроса онъ обращался въ московскій архивъ министерства юстиціи. Изъ брошюры не видно, обращался ли туда авторъ. Выводы его заключаются въ томъ, что въ 1613 году, по взятіи воеводами царя Михаила города Бѣлый, они нашли въ немъ 60 англійскихъ и шотландскихъ авантюристовъ, состоявшихъ на польской службѣ; всѣ эти выходцы были приняты въ русскую службу; въ числѣ ихъ былъ и шляхтичъ Георгъ Лермонтъ! Онъ храбро дрался потомъ въ 1518 году и за свои заслуги получилъ помѣстье въ Галицкомъ уѣздѣ. Ротмистръ Георгъ Лермонтъ былъ въ 1632 году учителемъ во вновь формируемыхъ полкахъ, а черезъ два года сложилъ свою голову за московскаго царя.

Одинъ изъ его потомковъ крестился въ 1653 году. Къ брошюрѣ приложены всѣ официальные документы по этому дѣлу, даже выписка въ разрядѣ, списокъ Бѣльскихъ сидѣльцевъ шкотскихъ и ирландскихъ нѣмцевъ, вышедшихъ въ Московское государство. Въ вводной грамотѣ на галицкое помѣстье причислены всѣ владѣнія Лермонта, гдѣ было всего только 53 души крестьянъ. Послѣдній документъ, поколѣнная роспись рода Лермонтовыхъ, поданная въ разрядъ въ 1688 году, доказываетъ, какъ разросся этотъ родъ. Въ росписи почему-то приводится и причина оставленія шотландцами своей родины: «въ лѣтѣ отъ Рождества Христова 1037 прямого наслѣдника шкотскіе земли Милколумбуса (Малькольма) изгналъ тиранъ Макбѣтусъ и отца Милколумбуса, Данкануса III, и погубилъ». Къ чему въ росписи приводятся легендарные факты, происходившіе VI вѣковъ назадъ? Развѣ для того, чтобы упомянуть, что за изгнаніе Макбета Лермонты получали вотчины и на родинѣ?..

В. З.

Михаилъ Юрьевъ. Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. Выпускъ 1-й. Москва. 1894.

Книга г. Юрьева начинается введеніемъ, въ которомъ авторъ покушается сдѣлать характеристику современнаго состоянія исторической науки въ Россіи, но ничего изъ этой попытки не выходитъ, кромѣ жалкихъ и безплодныхъ потугъ, обнаруживающихъ, съ одной стороны, вопіющее незанятство автора какъ съ своимъ специальнымъ вопросомъ, такъ и съ задачами и приемами исторической науки вообще, съ другой стороны—полнѣйшую беспомощность и совершенное неумѣнье разобраться даже въ томъ обширномъ матеріалѣ, который, повидимому, извѣстенъ автору. Еще труднѣе разобраться читателю въ этомъ «Взглядѣ и нѣчто», авторъ котораго, очевидно, самъ не отдастъ себѣ отчета въ своихъ «мысляхъ». Напрямѣръ, съ одной стороны, г. Юрьевъ въ восторгѣ отъ русской исторической науки, отъ ея «серьезнаго и благороднаго тона» (5 стр.); онъ увѣренъ, что именно русской наукѣ будетъ обязана Западная Европа тѣмъ, что первая «установитъ правильную и твердую исторію Западной Европы» (10 стр.); съ другой стороны, имена русскихъ историковъ приводятся авторомъ, кажется, лишь для того, чтобы бросить въ нихъ комъ грязи. Такъ, извѣстный своими учеными работами и на Западѣ, профессоръ Виноградовъ аттестуется слѣдующимъ образомъ: «Даже лучшія изъ среднихъ работъ не свободны отъ небрежности. Возьмемъ хоть статьи проф. Виноградова: косолапо (sic) писанныя, статьи эти новаго ничего не говорятъ»... (стр. 9). «Г. Виноградовъ издалъ учебникъ: даже близкіе къ нему люди (?) и тѣ возмущались (!) безобразной формой изложенія историческихъ событій» (!?) (10 стр.). О проф. Афанасьевѣ г. Юрьевъ отзывается такъ: «Конечно, книга г. Афанасьева мелка, да и самъ г. Афанасьевъ мелокъ» (!?) (7 стр.). Покойный проф. Кудрявцевъ, о которомъ, впрочемъ, авторъ ничего не говоритъ во введеніи, удостоивается въ одной изъ слѣдующихъ главъ такого отзыва: «Кромѣ того, если говорить вполне откровенно, все это изложено у Кудрявцева преотвратительнѣйшимъ (sic) языкомъ. Это какой-то приторный, пухлый—точно сыро испеченная булка—языкъ!» (sic!!) (65 стр.). То-ли дѣло—«языкъ» г. Юрьева!

Что до научныхъ достоинствъ книги г. Юрьева, то авторъ, говорящій

о ней, какъ о своемъ «ученическомъ» (т.-е. студенческомъ) сочиненіи, которое онъ счелъ нужнымъ *grorgio motu* предать тисненію, въ виду того интереса, какой, по его мнѣнію, могутъ представлять для читателя его «мысли» (!) (см. предисловіе),—авторъ избавляетъ насъ отъ необходимости формулировать характеристику его книги съ точки зрѣнія ея научныхъ достоинствъ; самъ г. Юрьевъ даетъ довольно вѣрную оцѣнку своему произведенію: «я очень невѣжественъ...» (144 стр.), «я своимъ сочиненіемъ очень далекъ отъ науки; если г. Ардашевъ называетъ свое сочиненіе по перепискѣ Цицерона «плодомъ недолгой науки», то про мое сочиненіе и этого сказать нельзя... Если я и говорю о наукѣ, то говорю такъ же, какъ мальчишъ говоритъ про незнакому ему красавицу, красавицу, съ которой онъ ни одного слова не сказалъ и, можетъ быть, не скажетъ...» (11 стр.). Къ этой мѣткой характеристикѣ мы ничего не имѣемъ прибавить, скажемъ только, что книга г. Юрева служитъ блестящей иллюстраціей вышеприведенныхъ словъ.

Одно остается намъ не совсѣмъ яснымъ: какимъ образомъ это сознаваемое самимъ авторомъ «невѣжество» и совершенное «незнакомство» съ наукой выжета съ тѣмъ болѣе чѣмъ рѣшительнымъ тономъ, какимъ онъ изрекаетъ свои приговоры надъ признанными представителями науки. Это для читателя остается загадкой, на которую авторъ не даетъ отвѣта. Загадкой же остается и самый фактъ появленія въ свѣтъ книги, авторъ которой, трактуя о научныхъ матеріяхъ, въ то же время признается съ героической откровенностью въ своемъ кругломъ невѣжествѣ и научной несостоятельности, а книгою своею обнаруживаетъ, кромѣ того, еще и недостаточную грамотность. Впрочемъ, случается изрѣдка и автору обмолвиться правдивымъ словомъ.

«Мы странные люди—русскіе люди,—говоритъ г. Юрьевъ на 157 страницѣ.—Я не говорю, что мы не уважаемъ науки а все-таки, когда кто нибудь плюнетъ на науку,—плюнетъ, можетъ быть, невзначай, но такъ, что брызги все-таки оскверняютъ ея свѣтлый и чистый ликъ,—мы смолчимъ. Нигдѣ нѣтъ такой безграмотности, какъ у насъ въ Россіи; но ни у кого нѣтъ такой смѣлости, какъ у русскихъ людей... Эти смѣлыя рѣчи говорятся всегда людьми, съ наукою никогда никакихъ дѣлъ не имѣвшими. Это въ сущности грустно, но еще грустнѣе, чего же молчать наши ученые, когда чужой человѣкъ врывается въ ихъ область. Въ Германіи бы этого не случилось... Да, правъ, тысячу разъ правъ авторъ: въ Германіи было бы немислимо появленіе книги, подобной книгѣ г. Михаила Юрева.

Z.

Томская губернская гимназія въ первое пятидесятилѣтіе ея существованія (1838—1888). Составилъ законоучитель гимназіи, А. А. Мисюревъ. Томскъ. 1894.

Въ 1888 году исполнилось пятидесятилѣтіе Томской гимназіи, и это обстоятельство послужило поводомъ къ составленію исторической записки, вышедшей въ нынѣшнемъ году. Авторъ брошюры, о. Мисюревъ, дѣлитъ пятидесятилѣтнюю жизнь гимназіи на четыре періода по разнымъ выдающимся событіямъ. Первый періодъ—это время перваго выпуска, второй періодъ ограничивается моментомъ учрежденія въ Западной Сибири должности

главнаго инспектора училищъ, оказавшаго благотворное вліяніе и на дѣла Томской гимназіи; періодъ третій продолжается до введенія устава гимназій 1871 года и, наконецъ, четвертый періодъ заканчивается 1888 юбилейнымъ годомъ. О. Мисюревъ въ одномъ мѣстѣ своей записки замѣчаетъ, что имъ «взяты только свѣтлыя стороны» жизни разсматриваемаго учебнаго заведенія. Намъ думается, въ этомъ ошибка автора. Разъ, по его собственному сознанію, были и темныя стороны, то раскрытіе ихъ прямо необходимо въ виду поучительности, того же требуетъ, конечно, и историческая правдивость въ изложеніи фактовъ. Не говоря уже о недостаткѣ въ преподавателяхъ и учебныхъ пособіяхъ, объ ошибочномъ иногда веденіи учебно-воспитательнаго дѣла вообще, въ исторіи Томской гимназіи печальнѣе всего то, что она за свое полувѣковое существованіе до настоящихъ дней не имѣетъ собственнаго зданія. Въ первыя времена своего существованія это учрежденіе находило себѣ пріютъ только въ частныхъ квартирахъ, теперь же оно помѣщается частію (съ 1844 года) въ домѣ Томскаго мѣщанскаго сословія, построенномъ собственно для уѣзднаго училища, частію (съ 1887 года) въ зданіи Томскаго университета; и, надо добавить, эти помѣщенія находятся другъ отъ друга почти на трехверстномъ разстояніи. Конечно, нечего и говорить о ненормальности гигиеническихъ условій при существованіи Томской гимназіи въ помѣщеніяхъ, совсѣмъ для нея не приуроченныхъ. Тутъ на учащагося приходится только 143 и даже 102 куб. фута воздуха, тогда какъ, по научнымъ требованіямъ, должно быть minimum 500. Кончившихъ курсъ Томской гимназіи за весь пятидесятилѣтній періодъ было 400 съ небольшимъ. Жаль, что авторъ записки не показалъ попутно количества некончившихъ. Вѣроятно, получилась бы любопытная цифра, такъ какъ извѣстно, что было время, когда изъ 50—60 вступающихъ въ первый классъ оканчивала курсъ незначительная часть, напримѣръ, человекъ 5—6. Изъ питомцевъ Томской гимназіи, выдвинувшихся въ литературѣ, можно назвать покойныхъ Н. М. Ядринцева и И. А. Кушевскаго, а также нынѣ здравствующаго Н. И. Наумова. Въ заключеніе намъ остается упомянуть о трудолюбіи автора, выразившемся въ тщательномъ знакомствѣ съ литературой о жизни гимназіи и вообще въ прилежной группировкѣ даже мельчайшихъ фактовъ, рисующихъ, однако, весьма наглядно, какъ у насъ въ провинціи идетъ дѣло просвѣщенія. Н. О.

Къ столѣтію рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника славянской взаимности. Кіевъ. 1894.

Въ Кіевѣ историческое общество Нестора лѣтописца праздновало юбилей Яна Коллара, выдающагося дѣятеля бѣдной, угнетенной мадьярами, славянской земли. Докладъ читалъ А. Степовичъ, приватъ-доцентъ славяновѣдѣнія. Матеріалы для біографіи были собраны еще въ 1852 году и пополнены въ концѣ 1893 года. Лучшимъ источникомъ свѣдѣній о поэтѣ служить, конечно, его автобіографія, написанная еще въ 1849 году. Тутъ перечислены всѣ его чешскія, словацкія и латинскія произведенія. Не смотря на всю слержанность автора, въ его біографіи краткими, но рѣзкими и довольно яркими чертами обрисована дикая ненависть мадьяръ, какъ къ самому поэту, такъ и ко всему славянскому міру, ихъ угрозы и дѣйствія, вслѣдствіе которыхъ оказывалось невозможнымъ исполненіе Колларомъ

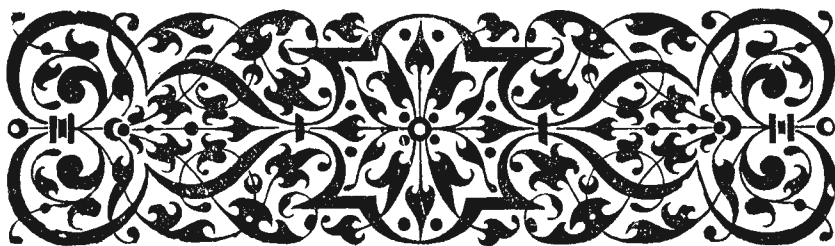
даже своихъ священническихъ обязанностей; въ Пештѣ строго воспрещалось даже говорить послavianски. А между тѣмъ эта же автобіографія была составлена Колларомъ для занятія въ Вѣнскомъ университетѣ кафедры славянскихъ древностей. Послѣ 30-ти-лѣтнихъ гоненій въ Пештѣ, Колларъ прожилъ въ Вѣнѣ всего только три года и умеръ въ 1852 году. Колларъ былъ собственно ученый поэтъ, это замѣтилъ еще Чвалаковскій. Поэма «Дочь славы» — воплощеніе славянскаго духа; въ ней болѣе 600 сонетовъ: исчисляются обиды, нанесенныя другими народами славянамъ, слабымъ своею рознью, и которыхъ поэтъ призываетъ къ согласію и напряженію всѣхъ силъ. Дѣѣ послѣднихъ пѣсни сухо и дидактически представляютъ блаженство людей, служившихъ славянству, и страданіе тѣхъ, кто вредилъ ему. Героиня поэмы — лицо двойственное: это возлюбленная поэта славянскаго, хоть и онѣмеченнаго рода, съ другой стороны это отвлеченная идея все-славянскаго отечества. Г. Степовичъ подробно разбираетъ поэму, хотя большаго изслѣдованія требовало бы разсужденіе о славянской литературной взаимности. Слишкомъ много вниманія также обращаетъ онъ на обстоятельства, вліявшія на развитіе въ Колларѣ панславянской идеи. Достаточно было прожить столько лѣтъ между мадьярами и нѣмцами, чтобы возмутиться ихъ отношеніями къ славянству. Г. Степовичъ жалуется, что Россія почти ничѣмъ не проявила своего участія въ празднованіи юбилея Коллара, и совѣтуетъ перевести порусски сборникъ статей о его политической и ученой дѣятельности, изданный въ Вѣнѣ. Не думаемъ, чтобы у насъ этотъ переводъ могъ имѣть успѣхъ и возбудить интересъ. Авторъ одной изъ статей въ «Сборникѣ» Муркъ находитъ и русскую науку довольно не важною и отказываетъ ей въ самобытности, доказывая это тѣмъ, что въ программѣ лекцій Петербургскаго университета 1887—1888 года большая часть сочиненій, указываемыхъ профессорами слушателямъ, не славянскаго происхожденія, и даже по исторіи православной церкви указаны только иноязычные труды, одинъ даже новогреческій и ни одного русскаго! За то въ русской литературѣ виденъ необыкновенный гуманизмъ направленія и соединеніе реализма съ идеализмомъ.

В. З.

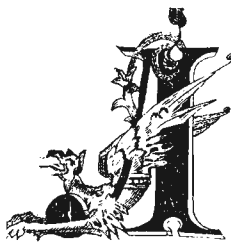
Положеніе о надзорѣ за дѣятельностью страховыхъ учреждений и обществъ, съ дополнительными узаконеніями. Изданіе страховаго отдѣла. Спб. 1894.

Эта небольшая, но тщательно составленная и изящно изданная брошюра является, сколько намъ извѣстно, первымъ изданіемъ новаго учрежденія. Въ ней находится самый текстъ закона 6-го іюня 1894 года и всѣ статьи другихъ законоположеній, на которыя въ немъ содержатся ссылки, а также и подробныя правила контроля операций дѣйствующихъ въ Россіи иностранныхъ обществъ страхованія жизни. Въ такомъ видѣ брошюра даетъ полное представленіе о характерѣ и значеніи правительственнаго страховаго надзора и потому представляетъ интересъ не только для страховыхъ агентовъ и вообще специалистовъ по страхованію (для которыхъ она должна быть настольной книгой), но и для всѣхъ страхователей, которые могутъ почерпнуть изъ нея достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, на сколько обезпечиваетъ ихъ интересы вновь учрежденный правительственный контроль.

П. Р.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ЛЮБОВЬ ВЪ ИСТОРИИ. Недавно скончавшійся, англійскій историкъ Фрудъ, началъ въ «Cosmopolitan» рядъ романическихъ очерковъ о замѣчательныхъ исторіяхъ любви великихъ людей. Предметомъ своей первой характеристики онъ выбралъ Клеопатру и ея отношенія къ Юлію Цезарю и Марку Антонію. Подробно изслѣдовавъ ту позорную интригу, въ которой, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, принималъ участіе великій полководецъ, Фрудъ признаетъ этотъ фактъ ничѣмъ не доказаннымъ, хотя сама Клеопатра первая подала поводъ къ составленію означенной легенды. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что Клеопатра находилась съ Юліемъ Цезаремъ во дворцѣ, во время осады; но англійскій историкъ считаетъ невѣроятнымъ, чтобы среди столь опаснаго положенія Цезарь занимался такимъ легкомысленнымъ дѣломъ и увеличилъ бы окружавшія его затрудненія, измѣнически обольстивъ дѣвушку, бывшую подъ покровительствомъ Рима, и которую онъ хотѣлъ сдѣлать государыней Египта. Быть можетъ, александрійская очаровательница свернула голову и великому диктатору, какъ и многимъ другимъ, но если бы вопросъ объ ея связи съ нимъ отдать на судъ непричастныхъ критиковъ, то они, конечно, вынесли бы приговоръ, что обвиненіе ничѣмъ не подтверждено. Совершенно вѣрными представляются отношенія Клеопатры къ Марку Антонію. Очень рельефно и блестяще рисуетъ Фрудъ картину этой знаменитой исторической любви. По его словамъ, Маркъ Антоній былъ типическимъ римскимъ воиномъ своей эпохи. Тогда уже исчезла нравственная суровость временъ Сципіона; хотя остались храбрость, дисциплина и мужественная сила, но эти качества не могли противостоять соблазнамъ, которымъ подвергались побѣдители всего міра. Физическое развитіе легко дѣлало ихъ жертвой страстей. Клеопатрѣ было тогда двадцать восемь лѣтъ, и она была въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты; но подъ ея тѣлес-

ными прелестями скрывался смѣлый, ловкій, хладнокровный умъ, умѣвшій ловить рыбу въ мутной водѣ и поставившій себѣ цѣлью такъ обойти судью, чтобы онъ не только снисходительно отнесся къ ея винѣ, но и сдѣлался орудіемъ ея дальнѣйшихъ успѣховъ. Трудно сказать, до чего могли простирались ея стремленія, но несомнѣнно она думала, что, овладѣвъ Антоніемъ, она можетъ овладѣть Римомъ и отомстить ему за всѣ бѣдствія подчиненнаго имъ себѣ міра. Что касается Антонія, то, по мѣткому выраженію Фруда, «онъ попалъ въ ловушку, воображая, что любимъ, благодаря его собственнымъ достоинствамъ, и на немъ повторилась вѣчная исторія, которой никогда не будетъ конца, пока женщины будутъ женщинами, а мужчины мужчинами». Разсказавъ въ художественныхъ краскахъ драматическую смерть Клеопатры, англійскій историкъ находитъ, что эта сенсационная смерть вполне соответствуетъ всей ея жизни, и если ее нельзя назвать благородной, то во всякомъ случаѣ она возбуждаетъ чувство уваженія къ женщинѣ, которая, какова бы она ни была, нашла въ себѣ достаточно мужества, чтобы предпочесть смерть безславію.

— Шекспиръ и его изображенія. О Шекспирѣ никогда не удастся писать въ Англии, и въ послѣднихъ номерахъ лондонскихъ журналовъ мы находимъ нѣсколько любопытныхъ и характеристичныхъ статей, разсматривающихъ великаго поэта и драматурга съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ въ «Quarterly Review» помѣщено очень рѣзкое обвиненіе творца «Гамлета» въ томъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ естественной исторіи, въ подтвержденіе чего анонимный авторъ приводитъ много примѣровъ изъ произведеній Шекспира, въ которыхъ дѣйствительно находятся зоологическія и ботаническія ошибки. Оказывается, что, кромѣ лошадей, собакъ, оленей и вообще животныхъ, касающихся охоты, которыхъ онъ изображалъ съ любовью, знаніемъ и художественной прелестью, всѣхъ остальныхъ звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ, онъ описывалъ невѣрно и стереотипно. Поэтому строгій критикъ, самодовольно гордясь тѣмъ, что онъ сдѣлалъ очень важное открытіе, торжественно объявляетъ, что Бенъ Джонсонъ гораздо выше Шекспира, какъ натуралистъ, но все-таки, стараясь развѣнчать великаго поэта, хоть съ одной точки зрѣнія,— онъ на столько добросовѣстный изслѣдователь выбраннаго имъ, весьма страннаго вопроса о Шекспирѣ, въ качествѣ естественника, что въ концѣ-концовъ самъ говоритъ: «его изображенія природы, хотя и неправильны, но до того прекрасны, до того удивительно прекрасны, что его невѣрно изображенная природа какъ бы лучше настоящей». Эта чарующая Шекспировская природа тѣмъ болѣе сердитъ его, строгаго критика, что онъ имѣлъ терпѣніе прослѣдить вліяніе Шекспира на послѣдующихъ поэтовъ въ этомъ отношеніи, и оказывается, что, напримѣръ, его звѣри, погрѣшающіе въ зоологіи, живутъ до сихъ поръ въ англійской поэзіи. Столь же спеціальныи, хотя въ другомъ смыслѣ, Шекспировскій вопросъ разбираетъ профессоръ Гельсъ въ «The English Historical Review»: его интересуетъ отношеніе Шекспира къ евреямъ, и онъ старается доказать, что великій драматургъ не думалъ «Венеціанскимъ купцомъ» возбуждать народную ненависть противъ евреевъ. Хотя дѣйствительно подобное обвиненіе предъявлялось противъ Шекспира встарину, но уже давно этотъ вопросъ разрѣшенъ, и въ настоящее время даже смѣшно доказывать гуманность творца Шейлока и Порціи. Не довольствуясь собственными критиками, англій-

скіе журналы стали съ нѣкотораго времени обращаться къ помощи ино-
 странныхъ. Такъ «Fortnightly Review» поручилъ французскому поэту Полю
 Верлену написать параллель между Расиномъ и Шекспиромъ. Француз-
 скій поэтъ отнесся къ данной ему задачѣ очень осторожно и въ сущности
 не сказалъ ничего, ни новаго, ни блестящаго, очень банально прихвали-
 вая и автора «Короля Лира» и автора «Федры», которые, по его сло-
 вамъ, равны въ своемъ царствѣ. Но Шекспиръ ему кажется болѣе интел-
 лектуальнымъ, чѣмъ страстнымъ, а потому Расинъ превосходитъ его въ
 изображеніи женщинъ: «Расинъ,—говоритъ Верленъ,—держитъ женщину въ
 рукѣ, а Шекспиръ — въ головѣ, что не мѣшаетъ имъ перевести ее одина-
 ково изъ руки и головы въ свое сердце». Этой туманной критикой уго-
 щаетъ французскій поэтъ англійскую публику, а если вѣрить Виванку,
 автору «Голландецъ въ Парижѣ въ 1891 году», Поль Верленъ открыто въ
 Парижѣ проповѣдовалъ три года тому назадъ, что Шекспиръ, хотя имѣлъ
 талантъ, но неизмѣримо ниже Расина, и вообще педантъ, развратникъ и
 грязная личность. Гораздо оригинальнѣе относится къ Шекспиру англій-
 скій романистъ Голль Кэпъ, который на страницахъ «New Review» очень
 характеристично изучаетъ Шекспира, какъ романиста. Основываясь на
 словахъ Гете, который находилъ, что романъ имѣетъ дѣло съ чувствами и
 событіями, а драма—съ характерами и дѣйствіями, новый критикъ доказы-
 ваетъ, что англійскій романъ ведетъ свое начало не отъ сэра Филипа Сид-
 нея, Дефо и другихъ авторовъ того времени, но отъ Шекспировскихъ драмъ.
 Въ доказательство того, что у Шекспира былъ методъ не драматическій, а ро-
 маническій, онъ подробно разбираетъ знаменитую сцену съ кинжаломъ въ
 «Макбетѣ»: «спрашивали ли вы когда нибудь себя,—говоритъ онъ:—что та-
 кое эта сцена? Для какой драматической цѣли она написана? Оказываетъ ли
 она какое либо содѣйствіе развитію драматической завязки и развязки? Не
 сочтите меня за еретика, но я рѣшительно отрицаю въ этой сценѣ какое либо
 драматическое значеніе. Она рѣшительно не служитъ ни къ чему въ планѣ
 пьесы. Какъ извѣстно, король пошелъ спать, его тѣлохранители пьяны, и
 убійство совершенно подготовлено. Макбетъ съ факеломъ въ рукѣ прохо-
 дитъ чрезъ открытый дворъ замка, со своимъ слугою и встрѣчаетъ Банко
 съ его сыномъ, которые идутъ спать. Ночь темная, не видать ни луны, ни
 звѣздъ. Банко и сынъ уходятъ, а слугу Макбетъ посылаетъ къ женѣ ска-
 зать ей, чтобы она позвонила, когда его напитокъ будетъ готовъ. Макбетъ
 остается одинъ, ожидая звонка, который долженъ быть для него сигналомъ
 убійства Дункана. Драматическое дѣйствіе тутъ совершенно прекращается.
 Звонокъ только механическій способъ объяснить эту паузу. Въ сущности
 Шекспиръ дѣлаетъ въ этой сценѣ то, что Гете совѣтуетъ романисту, именно
 задерживаетъ дѣйствіе, чтобы объяснить чувства героя. А для чего онъ
 такъ поступаетъ? Потому что воображеніе зрителя еще недостаточно под-
 готовлено для того, что должно послѣдовать. Зритель не увидитъ самаго
 убійства, но онъ долженъ его заранѣе реализовать, и не только въ своемъ
 умѣ, но и въ умѣ того, кто совершитъ убійство. Въ этой удивительной, мо-
 гучей сценѣ нѣтъ, однако, драмы. Въ ней Шекспиръ рисуетъ сцену, проис-
 ходящую за кулисами, и такимъ образомъ является не драматургомъ, а
 романистомъ». Точно также, по словамъ Кэпа, привидѣнія Шекспира не
 драматичны, а субъективны, и потому также изобличаютъ приѣмъ рома-
 ниста. Если нельзя отказать этому новому критику въ оригинальности,

то онъ зато грѣшить въ логикѣ и, рѣзко разграничивая область романиста и драматурга, идетъ гораздо далѣе Гете и очевидно забываетъ, что хотя искусство романиста и драматурга во многомъ разнится, но въ изображеніи человѣческихъ дѣйствій тотъ и другой долженъ одинаково объяснить читателю или зрителю побуждающія къ этимъ дѣйствіямъ чувства, что неизвѣжно должно затянуть развитіе завязки и развязки.

Конечно, въ новѣйшихъ шекспировскихъ статьяхъ не можетъ быть обойденъ вѣчный вопросъ: кто писалъ Шекспира? и въ Pall Mall Magazine напечатанъ очень рѣзкій, хотя краткій, литературный наѣздъ на тѣхъ, которые признаютъ «Страдфордскаго обывателя» настоящимъ Шекспиромъ. Анонимный авторъ этой статьи не говоритъ, кто, по его мнѣнію, писалъ безсмертныя драмы Шекспира, но доказываетъ злобно и превратно, что ихъ не могъ писать Шекспиръ. Онъ повторяетъ всѣ извѣстные доводы противъ авторства Шекспира, именно неимѣніе ни одной рукописи его драмъ, несоотвѣтствие простого, необразованнаго, бѣднаго актера, какимъ былъ въ сущности Шекспиръ, съ творцомъ его великихъ произведеній, невозможность Шекспиру владѣть тѣми знаніями и тѣмъ блестящимъ литературнымъ языкомъ, которыми отличаются его драмы, и т. д. Все это уже давно было сказано и пересказано, а потому повторять старыя доводы безъ новой теоріи о настоящемъ Шекспирѣ является вполне безцѣльнымъ. По крайней мѣрѣ, защитники Бэконовской теоріи имѣютъ за себя хоть ясность, опредѣленность и извѣстнаго рода логичность, а, по остроумному замѣчанію одного изъ лондонскихъ публицистовъ, критикъ Pall Mall Magazine стрѣляетъ на воздухъ, если не имѣетъ тайной цѣли доказать, что никто не писалъ Шекспира. Но наибольшій интересъ для поклонниковъ Шекспира представляетъ статья Александра Карджиля въ Strand Magazine о портретахъ Шекспира, или, лучше сказать, объ его изображеніяхъ, такъ какъ въ ней дѣло идетъ о существующихъ портретахъ великаго драматурга, объ его страдфордскомъ бюстѣ и знаменитой маскѣ. Какъ жизнь и сочиненія Шекспира представляютъ до сихъ поръ загадку, такъ не существуетъ и подлиннаго, безспорнаго его изображенія при жизни. Конечно, самое знаменитое изъ дошедшихъ до насъ художественныхъ воспроизведеній его лица, тотъ знаменитый бюстъ, который находится надъ его могилой, въ церкви св. Троицы, въ его родномъ городѣ Страдфордѣ на Эвонѣ. По общему предположенію, Шекспиръ умеръ 25 апрѣля 1616 года, 52 лѣтъ отъ роду, и маска съ его лица была снята скульпторомъ, изваявшимъ этотъ бюстъ. Точно также полагаютъ, что этого скульптора звали Герардъ, или Геральдъ Джонсонъ, и что онъ былъ по происхожденію голландецъ. Одинаково существуетъ мнѣніе, что его художественный трудъ былъ одобренъ родственниками Шекспира за его сходство и найденъ достойнымъ его гробницы. Какъ извѣстно, отличительной чертой этого бюста—спокойное достоинство, выражающееся во всемъ его лицѣ, что вполне соответствуетъ популярному идеалу величайшаго писателя Англіи, если не всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. Со времени его постановки, между 1616 и 1623, онъ подвергался не малымъ измѣненіямъ. Сначала онъ былъ раскрашенъ по тогдашней модѣ и въ этомъ видѣ сохранялся до 1648 года, когда, по инициативѣ извѣстной актрисы Сиддонсъ, онъ былъ подновленъ, а спустя пятьдесятъ лѣтъ Маллонъ, пламенный поклонникъ и комментаторъ Шекспира, вздумалъ не извѣстно на какомъ основаніи выбѣлить бюстъ. Конечно, это святотатство возбудило общее негодованіе, и

черезъ вѣсколько лѣтъ бюсту былъ приданъ его прежній видъ, въ которомъ онъ тщательно сохранился до настоящаго времени. Что касается маски, снятой съ лица Шекспира послѣ его смерти и послужившей оригиналомъ для стратфордскаго бюста, то долго о ней не было никакихъ свѣдѣній. Неожиданно, въ 1849 году, какой-то нѣмецъ по имени Беккеръ заявилъ, что онъ нашелъ въ г. Майнцѣ эту знаменитую маску. Какъ и слѣдовало ожидать, подобное открытіе взволновало весь художественный и литературный міръ; одинъ американскій скульпторъ Пэдждъ нарочно предпринялъ путешествіе въ Германію для изслѣдованія подлинности этой маски. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что это вполнѣ достовѣрный снимокъ съ лица Шекспира и на его основаніи изваялъ нѣскольکو бюстовъ, которые возбудили всеобщее вниманіе. Самая Беккерская маска была привезена въ Лондонъ и выставлена для общаго обозрѣнія, а впоследствии лордъ Рональдъ Гауэръ, прежде чѣмъ изваять Шекспировскій монументъ, пожертвованный городу Стратфорду, старательно изучилъ ее, сравнивъ самымъ тщательнымъ образомъ со стратфордскимъ бюстомъ. По его словамъ, приведеннымъ въ *Review of Reviews*, онъ измѣрилъ то и другое по Бертиленовской системѣ и пришелъ къ полному убѣжденію, что бюстъ практически изваянъ съ маски, за исключеніемъ длины носа, конецъ котораго въ бюстѣ былъ сломанъ и при его восстановленіи укороченъ. Поэтому лордъ Рональдъ Гауэръ изваялъ своего Шекспира по этой маскѣ, которую онъ такъ высоко цѣнилъ, что старался купить ее и пожертвовать въ стратфордскій музей. Но нѣмецъ запросилъ за нее 10.000 фунт. стерл., т. е. около 100.000 рубл. сер., а потому эта Шекспировская святыня остается доселѣ въ Германіи. Относительно портретовъ Шекспира любопытная и прекрасно иллюстрированная статья Карджия не представляетъ ничего новаго, и въ ней упоминаются извѣстные уже всѣмъ поклонникамъ Шекспира портреты Янсена, Чандосскій, Фельтонскій, Стратфордскій, Гильярдскій и Дунфордскій, а также Зуста, Стэса, Цуккери и Цинке, миниатюры Гильярда и Орбеля наконецъ, гравюры Дрейшота.

— Проповѣдница мистицизма въ XVII вѣкѣ. Во второй октябрьской книжкѣ *Revue de Paris*, Соломовъ Рейнакъ рисуетъ очень обстоятельную и рельефную характеристику Антуанеты Буриньонъ, которая давно всѣми забыта, но въ свое время, т. е. за 200 лѣтъ тому назадъ, пользовалась славой во всей Европѣ, имѣла не малое число учениковъ, едва не основала особаго государства и считалась нѣкоторыми за святую. Ея сочиненія, конечно, уже давно не читаются, а свѣдѣнія, о ней находятся только въ двухъ статьяхъ историческаго словаря Бейля, который отзывается о ней съ свойственной ему ироніей, и въ краткомъ очеркѣ ея жизни, напечатанномъ анонимно въ 1876 году,—но она представляется очень характеристичной личностью, особенно въ такъ называемомъ золотомъ вѣкѣ Людовика XIV, и заслуживаетъ, чтобы вспомнили о ней, когда снова проявляются мистическія стремленія, даже въ самыхъ свѣтлыхъ умахъ. Антуанета Буриньонъ не была обыкновеннымъ типомъ мистика, предающагося празднему созерцанію въ одиночествѣ, а обнаруживала смѣлый, воинственный духъ въ попыткахъ практическаго примѣненія своихъ мистическихъ идей. Не смотря на то, что она была подвержена видѣніямъ, она не думала только о будущей жизни, а хотѣла создать здѣсь на землѣ республику совершенныхъ людей, которые бы вели жизнь первыхъ христіанъ. Пламенно вѣруя и не допуская мысли о

грѣхѣ, она въ то же время отличалась рѣдкой терпимостью къ религіознымъ догматамъ. Это соединеніе живой вѣры и богословскаго равнодушія, по замѣчанію Рейнака, приближаетъ Буриньонъ къ нашему времени, и въ этомъ отношеніи она напоминаетъ Толстого. Ея мистицизмъ не довольствуется туманными надеждами, и она предчувствуетъ появленіе на землѣ ея идеала среди человѣчества, не только нравственно возрожденнаго, но и физически измѣненнаго. Такимъ образомъ, благодаря нѣкоторымъ изъ своихъ смѣлыхъ идей она подаетъ руку современнымъ мечтателямъ о золотомъ вѣкѣ. Если же мы прибавимъ къ этому, что жизнь Антуанеты представляетъ цѣлый рядъ романическихъ перипетій, то нельзя не признать, что она вполне заслуживаетъ посвященіе ей страницъ въ новомъ парижскомъ журналѣ. Родившись въ Лионѣ въ 1616 году отъ отца итальянца и матери фламандки, Антуанета Буриньонъ была съ дѣтства чрезвычайно уродлива, и даже пришлось ей сдѣлать операцію, чтобы отдѣлить носъ отъ верхней губы. Очень рано она стала выказывать мечтательный характеръ и любовь къ созерцанію: четырехъ лѣтъ она спрашивала, гдѣ живутъ настоящіе христіане, и такъ горевала отъ домашнихъ ссоръ родителей, что молила Бога никогда не дозволить ей выйти замужъ. 18-ти лѣтъ она впервые стала бесѣдовать съ Богомъ, сначала во снѣ, а потомъ въ явствленіи, при чемъ трудно заподозрѣть ее, какъ дѣлали современники, въ шарлатанствѣ, такъ какъ она сама, очевидно, вѣрила въ свое мистическое общеніе съ Богомъ и предупреждала противъ матеріалистическаго объясненія этихъ общеній, говоря: «голосъ Бога не слышенъ физическими ушами, но познается душой, такъ какъ Богъ и душа сливаются духовно». Когда ей минуло двадцать лѣтъ, то родители рѣшили выдать ее замужъ и въ виду ея упорныхъ отказовъ обратились за помощью къ ея духовнику, іезуиту, который на исповѣди отказался отпустить ей грѣхи, если она не выйдетъ замужъ. Не смотря на это, Антуанета явилась къ причастію, и когда патеръ не хотѣлъ ее причастить, она громко при всѣхъ сказала: «я не сознаю за собою никакого грѣха, который могъ бы отстранить меня отъ святыхъ тайнъ». Съ этой минуты религіозная энтузіастка прекратила всякія отношенія съ іезуитами, которые за это мстили ей во всю ея жизнь. Въ сущности она не имѣла ничего противъ предлагаемыхъ ей жениховъ, а только не хотѣла подчинить себя игу мужа и грѣху брачной жизни, какъ она сама выражалась. Подъ вліяніемъ подобнаго настроенія, она естественно хотѣла пойти въ монастырь, но отецъ отказался дать ей необходимый вкладъ, а монастыри не хотѣли принять ее безъ этого, а потому она рѣшилась сдѣлаться схимницей въ виду того, что монастыри дѣйствовали противно евангельскому духу, и убѣжала изъ родительскаго дома въ сшитой ею схимнической одеждѣ. Но она ушла не далеко, и въ Генегау солдаты признали въ схимникѣ женщину, и только сельскій патеръ едва спасъ ее отъ грубаго насилія, спрятавъ ее въ шкафу. Убѣдившись въ искренности ея религіозныхъ чувствъ, онъ донесъ о случившемся камбрейскому архіепископу, который принялъ въ ней участіе; но по просьбѣ ея родителей уговорилъ ее вернуться къ нимъ. Снова послѣдніе стали убѣждать ее выйти замужъ, и снова она убѣждала къ архіепископу, дозволившему ей составить общину набожныхъ сестеръ, которыя посвящали бы свою жизнь молитвѣ и ручному труду. При этомъ онъ, въ видѣ особаго довѣрія къ Антуанетѣ, дозволилъ ей читать евангеліе, которое оказалось настолько соответственнымъ ея внутреннимъ стремленіямъ, что она наивно говорила: «если бы мнѣ пришлось опи-

сать свои чувства, то я сочинила бы книгу, похожую на евангеліе». Черпая смѣлость въ евангельской проповѣди, эта странная молодая дѣвушка стала открыто проповѣдывать противъ разврата католическаго духовенства и разгнѣванные іезуиты побудили архіепископа взять навадь данное имъ разрѣшеніе объ открытіи ея общины. Еще разъ пришлось Антуанетѣ бѣжать, и она странствовала по различнымъ городамъ до тѣхъ поръ, пока смерть матери не заставила ее вернуться въ Лилъ и заняться хозяйствомъ въ домѣ отца. Нѣсколько времени она жила спокойно, но, когда отецъ снова сталъ принуждать ее выйти замужъ и самъ вторично женился, она сначала возбудила противъ него процессъ за наслѣдство матери, а потомъ, отказавшись отъ всего, поселилась одна въ окрестностяхъ Лилля, выработывая плетениемъ кружевъ кусокъ хлѣба. Въ этомъ одиночествѣ и постоянномъ общеніи съ Богомъ она провела очень счастливо четыре года. Затѣмъ, по смерти отца, она завела длинный процессъ съ мачихой и получила половину отцовскаго состоянія. Современники часто осуждали ее за любовь къ деньгамъ и за отличавшую ее неприязнь къ бѣднымъ, которымъ она никогда не помогала матеріально, но она защищала свой первый недостатокъ тѣмъ, что лучше было имѣть деньги ей, умѣвшей посвящать ихъ на славу Божію, чѣмъ тѣмъ, которые злоупотребляли бы ими, а относительно второго она говорила, что настоящихъ бѣдныхъ очень мало, и милостыней часто увеличивается на землѣ грѣхъ. Последнюю теорію она примѣняла и впоследствии въ восточной Фрисландіи, гдѣ завела больницу и помогала бѣднымъ своимъ трудомъ и личнымъ ухаживаніемъ за ними въ случаѣ надобности, но никогда не давала имъ денегъ. Хотя Бейль совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ отношеніи въ Антуанетѣ Буриньонъ не было и слѣда мистической фанатички, а обнаруживался ловкій, изворотливый умъ, но всею своею жизнью она доказала, что не имѣла никакихъ эгоистичныхъ, а тѣмъ болѣе корыстныхъ побужденій. Во время своего процесса съ матерью, Антуанета случайно познакомилась съ чрезвычайно ловкимъ поселяниномъ, по имени Жаномъ Сенсолё. Онъ прикинулся мистикомъ, увѣрялъ ее, что постоянно находится въ духовномъ общеніи съ Богомъ и что онъ совершенно умертвилъ свою плоть, а потому предложилъ ей выйти за него замужъ для общаго служенія Богу, обѣщая, что ихъ бракъ будетъ только духовнымъ. Антуанета повѣрила его мистическому призванію и вступила съ нимъ въ близкія, духовныя отношенія, но когда онъ не сталъ довольствоваться этимъ мистическимъ союзомъ и подвергъ ее оскорбительнымъ преслѣдованіямъ,—она обратилась къ помощи суда, на которомъ онъ сначала увѣрялъ, что находился съ ней въ связи, а потомъ торжественно взялъ навадь свои слова. Этотъ поклонникъ уродливой, но богатой Антуанеты, видя свою неудачу съ ней, обезчестилъ одну изъ ея ученицъ и сталъ открыто вести самую развратную жизнь. Еще во время своихъ дружескихъ сношеній съ этимъ человекомъ Антуанета основала сиротскій пріютъ и, чтобы отдѣлаться отъ всякихъ преслѣдованій со стороны мужчинъ, испросила у архіепископа разрѣшеніе носить монашескую рясу. Нѣсколько времени дѣла пріюта шли прекрасно, но Антуанета обращалась съ дѣтьми очень строго, постоянно прибѣгая къ розгамъ, и болѣе говорила своимъ ученицамъ о чортѣ, чѣмъ о Богѣ. Въ концѣ концовъ дѣвочки стали поголовно воображать, что онѣ одержимы злымъ духомъ. Іезуиты воспользовались этимъ и обвинили Антуанету въ колдовствѣ; ее предали суду, и хотя судъ не призналъ ея виноватой, но она

сочла болѣе безопаснымъ перебраться въ Гентъ. Вскорѣ послѣ этого она приобрѣла новаго ученика—Христіана Де-Корта, настоятеля монастыря и директора сиротскаго пріюта въ Мехельнѣ. Онъ также былъ подверженъ видѣніямъ и на основаніи одного изъ нихъ посвятилъ все свое состояніе на устройство приобретеннаго отъ герцога Гольштейнъ-Готорпскаго острова Нордстранда, гдѣ онъ намѣревался создать царство настоящихъ слугъ Бога. Увѣровавъ въ Антуанету, онъ предложилъ ей отправиться вмѣстѣ въ эту новую Икарію. Сначала ей претила мысль поселиться въ протестантской странѣ, но, спросивъ совѣта у Бога, она получила въ отвѣтъ, что спасеніе зависѣло не отъ религіозныхъ догматовъ, а отъ любви къ Богу и добродѣтели, которыя надо цѣнить во всѣхъ людяхъ, какой бы внѣшней религіозной формы они ни придерживались. Поэтому Антуанета рѣшилась послѣдовать за Де-Кортомъ въ Амстердамъ и тамъ провела цѣлый годъ, пока готовилось ихъ поселеніе въ Нордстрандѣ. Тамъ она издала двѣ книги, являвшія ея мистическія теоріи, и сдѣлалась центромъ всѣхъ мѣстныхъ богослововъ и философовъ съ мистическимъ направленіемъ, но, отличаясь чрезвычайно рѣзкимъ и авторитетнымъ характеромъ, она скорѣ поссорилась со всѣми своими учениками и сочувствовавшими ей людьми, такъ какъ хотя проповѣдывала, что настоящее смиреніе состоитъ въ отрицаніи собственнаго я, но на практикѣ считала лицемѣріемъ мягкое отношеніе къ тому, въ чемъ видѣла зло, а потому возбуждала противъ себя даже своихъ друзей и постоянно выносила тяжелыя преслѣдованія, которыя терпѣла гордо, говоря, что Богъ не можетъ ничего лучшаго дать своимъ вѣрнымъ слугамъ, какъ гоненіе. Одной изъ причинъ этихъ преслѣдованій была смерть ея вѣрнаго ученика Де-Корта, который завѣщалъ ей свое состояніе, и процессъ изъ-за Нордстранда, благодаря которому она была привлечена къ суду и бѣжала изъ Амстерлама, спрятавшаяся въ корзинѣ. Не желая отказаться отъ идеи основать царство божьихъ слугъ въ Нордстрандѣ, она отправилась въ Гольштейнъ, гдѣ герцогъ принялъ ее очень любезно, но Мехельнскіе монахи такъ ловко отстаивали свои права на это владѣніе, что ей пришлось въ концѣ концовъ отказаться отъ него. Чтобы, хоть отчасти, осуществить свою идею, она основала въ Гузумѣ женскую общину и вызвала туда двадцать семействъ изъ Фрисландіи, но они оказались неспособными вести евангельскую жизнь, а хотѣли, по словамъ Антуанеты, завести въ ея общинѣ постоянный ремесъ. Разочарованная, она распустила своихъ ученицъ и принялась за дѣятельную пропаганду своихъ идей книгами, для чего завела собственную типографію. Но враги побудили мѣстныя власти закрыть эту типографію, и Антуанета бѣжала въ Фленсбургъ, гдѣ также іезуиты возбудили все населенія противъ нея, а отъ герцога Гольштейнскаго добились приказа объ ея арестѣ. Но генераль Ванъ-деръ-Викъ, которому пришлось исполнять этотъ приказъ, случайно прочелъ нѣсколько страницъ одной изъ книгъ Антуанеты, увѣровавъ въ ея ученіе и добился отъ герцога отмины приказа. Вскорѣ къ іезуитамъ присоединились лютеранскіе пасторы, и Антуанета вынуждена была еще разъ бѣжать отъ своихъ враговъ и удалиться въ Гамбургъ, гдѣ также ей жилось не спокойно, и она должна была постоянно скрываться. Въ концѣ концовъ, она снова переселилась въ восточную Фрисландію и открыла тамъ дѣтскій пріютъ. Однако и тутъ ей не повезло, и она еще разъ, но въ послѣдній, бѣжала въ зимнее время, простудилась и умерла 30 октября 1680 года въ Франкерфѣ. Послѣ нея ученіе Антуанеты Буриньонъ, или, какъ

его называли, буриньонизмъ, занесено было въ Шотландію, и тамъ оно существовало до того времени, когда Вейль писалъ свой отчетъ объ Антуанетъ. Хотя она оставила девятнадцать томовъ своихъ религіозныхъ сочиненій, но уже въ концѣ XVII столѣтія ихъ не стали читать, а, по свидѣтельству Рейнака, экземпляръ этихъ сочиненій, которымъ онъ пользовался въ Парижской Национальной библиотекѣ, никѣмъ не былъ прочитанъ до него. Въ сущности эта проповѣдница мистицизма не создала новой религіи и всегда говорила: «обратитесь къ евангелію: я не имѣю другой религіи». На этомъ основаніи она всегда чуждалась богословскихъ догматовъ и проповѣдывала, что «полезнѣе догматическихъ пререканій было бы христіанамъ соединиться въ Иисусѣ Христѣ, а не бороться и не убивать другъ друга изъ-за пустыхъ формальностей». Что касается до ея мистицизма, то она считала, что безъ прямого общенія съ Богомъ нельзя спасти свою душу, и воставала противъ всѣхъ посредниковъ между человѣкомъ и Богомъ. Поэтому она отвергала всѣ обряды и внѣшнія, условныя стороны религіи съ бѣльшимъ пыломъ, чѣмъ протестантскіе богословы. Она предсказывала скорый конецъ свѣта и перерожденіе его въ Иисусѣ Христѣ, потому что не было уже въ ея время «настоящихъ христіанъ какого бы то ни было исповѣданія, а антихристъ уже царилъ въ видѣ развращенія нравовъ, разложенія церковей и общаго забвенія евангельской проповѣди». Но въ вѣкоторыхъ отношеніяхъ Антуанета рѣзко отличалась отъ обыкновенныхъ мистиковъ и проповѣдывала, что было большою рѣдкостью въ то время,—терпимостью ко всѣмъ христіанскимъ религіямъ и даже къ еврейству. вмѣстѣ съ тѣмъ она шла въ разрѣвъ съ общепринятыми теоріями мистицизма, отстаивая человѣческую свободу вѣры. Не защищая прямо общественнаго равенства женщинъ съ мужчинами, она, однако, считала, что нѣтъ никакого различія между душой мужчины и женщины. Наконецъ, заслуживаетъ полнаго вниманія въ Антуанетѣ Буриньонъ еще одна особенность, которая, странно сказать, приближаетъ ее къ главѣ позитивизма, Конту. Указавъ на ея сходство съ Толстымъ относительно преданности чистому евангельскому ученію, безъ всякихъ послѣдующихъ догматическихъ наслоеній, Рейнакъ также видитъ замѣчательное соотвѣтствіе идей этой проповѣдницы мистицизма въ XVII вѣкѣ съ теоріями апостола позитивизма, въ ихъ мистическомъ представленіи о будущности любви. По словамъ Антуанеты, Богъ создалъ людей совершенными, и только благодаря грѣхопадению, ихъ натура раздвоилась на мужскую и женскую, а наступитъ время царствія Иисуса Христа на землѣ, когда люди переставутъ посягать, и будутъ размножаться, какъ ангелы, вѣчной благодатью. Идя отъ совершенно другого начала, не мистическаго, а социологическаго, Контъ учитъ, что путемъ эволюціи наступитъ наконецъ такой прогрессъ въ человѣческой расѣ, что реализуется средневѣковая утопія о размноженіи человѣческаго рода съ сохраненіемъ женскаго цѣломудрія. «Такимъ образомъ, точный математическій умъ нашего времени, по какой-то странной провѣи, замѣчаетъ Рейнакъ, приходитъ къ такому же выводу насчетъ человѣческой любви, какъ христіанская интуитивка за двѣсти лѣтъ тому назадъ».

— Эпизодъ изъ исторіи прусско-саксонскаго союза въ 1806 г. Журналъ *Nouvelle Revue* въ своей второй октябрьской книжкѣ напечаталъ небольшую статью барона Гесса объ отношеніяхъ пруссаковъ къ своимъ союзникамъ саксонцамъ передъ сраженіемъ при Іенѣ. Этотъ рассказъ основанъ на донесеніи саксонскаго маіора Функа начальнику саксонской арміи, генералу

Цезшвицу, которое напечатано въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ и составляетъ библиографическую рѣдкость. Изъ этого донесенія оказывается, что пруссаки всегда относились самымъ надменнымъ и дерзкимъ образомъ къ своимъ нѣмецкимъ союзникамъ, которые, въ свою очередь, ихъ пламенно ненавидѣли. Въ 1806 году пруссаки имѣли въ войнѣ противъ Наполеона только однихъ союзниковъ саксонцевъ и несчастное ихъ положеніе нисколько не сбило обычной прусской спеси относительно этихъ союзниковъ; армія послѣднихъ подъ Генной находилась подъ начальствомъ князя Гогенлоэ, и подчиненный ему саксонскій генералъ Цезшвицъ два раза посылалъ къ нему своего адъютанта Функа съ извѣщеніемъ, что Наполеонъ наступаетъ, но князь очень грубо сказалъ, обращаясь къ офицеру: «Это вамъ кажется со страху. Ваши войска ни къ чоргу не годятся, вы только причиняете намъ поражения». А когда Функъ сталъ доказывать, что прусскіе начальники мѣшаютъ движенію саксонцевъ, посылаютъ ихъ куда не слѣдуетъ и не даютъ имъ ни хлѣба, ни фуража, то Гогенлоэ воскликнулъ: «какъ вы смѣете меня беспокоить такими пустяками! впрочемъ я наведу справки». Этимъ кончилась аудіенція, и князь Гогенлоэ не только не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы встрѣтить врага и оказать помощь союзникамъ, но сталъ маневрировать такимъ образомъ, чтобы встать въ изолированное положеніе и если можно—одержать отдѣльную побѣду, во вредъ общему плану главнокомандующаго герцога Брауншвейгскаго, котораго онъ ненавидѣлъ. Функъ, вернувшись къ своему генералу, нашелъ саксонскій отрядъ въ отчаянномъ положеніи. Пруссаки не только отбивали у своихъ союзниковъ съѣстные припасы и фуражъ, но прогоняли ихъ съ назначеннаго поста и расположеніемъ своихъ войскъ ясно доказывали, что намѣрены отдать Дрезденъ на съѣденіе французамъ. Цезшвицъ еще разъ послалъ Функа къ князю Гогенлоэ съ твердымъ намѣреніемъ, въ случаѣ неуспѣха этихъ переговоровъ, также дѣйствовать отдѣльно для защиты своей родины и ея столицы. Князь былъ въ постели и, не слушая маіора, сталъ кричать: «какъ вы смѣете надѣяться мнѣ съ подобными мелочами: экая важность, что вашимъ солдатамъ нечего ѣсть. Видно, что вы не привыкли къ войнѣ». Тогда маіоръ Функъ возвысилъ голосъ въ свою очередь и торжественно сказалъ: «въ такомъ случаѣ мнѣ поручено объявить вашему превосходительству, что мы болѣе голодать не будемъ, бросимъ васъ и пойдемъ на Дрезденъ». Князь покраснѣлъ и произнесъ въ смущеніи: «вопросъ о продовольствіи относится не ко мнѣ, а къ интендантству, а за свою угрозу генералъ Цезшвицъ можетъ заплатить головой». «Онъ это хорошо знаетъ и несетъ голову своему государю, который одинъ имѣетъ право осудить его»,—отвѣчалъ маіоръ. — «А развѣ вы думаете, что мое положеніе пріятное! воскликнулъ прусскій генералъ: всему виною герцогъ Брауншвейгскій, онъ хочетъ привлечь врага въ Дрезденъ и пожертвовать вами, а не я. Ну, полно, намъ съ вами надо поладить. Вы не бросите меня наканунѣ сраженія, а насчетъ продовольствія я сейчасъ распоряжусь, чтобы все подѣлили поровну между пруссаками и саксонцами. Ну, дайте же мнѣ слово, что вы остаетесь». Дѣлать было нечего, Функъ далъ слово, и саксонцы остались и хотя они и получили нѣсколько фургоновъ продовольствія, но не по распоряженію Гогенлоэ, а вслѣдствіе ихъ собственныхъ насильственныхъ дѣйствій относительно прусскихъ интендантовъ. Въ такомъ положеніи застала пруссаковъ и саксонцевъ знаменитая Іенская битва. Саксонцы составляли лѣвое крыло союзной арміи, и Го-

генлоэ приказалъ имъ стоять и не двигаться, а самъ, не говоря ни слова, очистилъ Іену и увелъ съ собою саксонскую артиллерію и часть артиллеріи, такимъ образомъ саксонская армія оказалась ослабленной и брошенной на произволъ судьбы. Началось сраженіе, и саксонцы продолжали стоять. Французы начали обходить ихъ со всѣхъ сторонъ, но Гогенлоэ еще разъ послалъ имъ сказать, чтобы они не смѣли трогаться съ мѣста. Цевшицъ, повинувшись военной дисциплинѣ, остался на мѣстѣ, когда же, въ вилу обошедшихъ его со всѣхъ сторонъ французовъ, рѣшился отступить, то было уже поздно, и на его вопросъ: «что намъ дѣлать?» — маіоръ Функъ отвѣчалъ хладнокровно: «идти во Францію». Дѣйствительно весь саксонскій корпусъ былъ взятъ въ плѣнъ, но не на долго, такъ какъ саксонскій курфюрстъ, видя, какую пользу принесъ ему союзъ съ Пруссіей, вошелъ въ отдѣльные переговоры съ Наполеономъ и изъ врага сдѣлался его другомъ, за что получилъ королевскій престолъ. Этотъ любопытный историческій эпизодъ, по словамъ барона Гесса, рисуется, какъ нельзя лучше, всю подноготную отношеній Пруссіи къ своимъ союзникамъ, которая, въ сущности, нисколько не измѣнилась и въ настоящее время, такъ какъ теперешняя Германія сохранила всѣ привычки и замашки прежней Пруссіи.

— Наполеонъ III и поляки. Въ Journal des Debats отъ 25 октября помѣщены новыя, неизвѣстныя подробности объ отношеніяхъ Наполеона III къ послѣднему польскому возстанію, на основаніи недавно вышедшей въ Краковѣ книги Станислава Козміана «Правда о 1811 г.». Переговоры поляковъ съ министрами Наполеона III велъ князь Чарторійскій, и сначала французское правительство выказывало большое хладнокровіе къ польскому дѣлу. Съ одной стороны Наполеонъ находилъ, что на него слишкомъ мало обращаютъ вниманія, а онъ не любилъ «кухни, въ которой самъ не стряпалъ», а съ другой стороны онъ въ то время питалъ надежду заключить союзъ съ Россіей, что, конечно, не вышло съ помощью полякамъ. Поэтому князь Чарторійскій далъ знать Краковскому комитету, чтобы они не рассчитывали на помощь Франціи. Но неожиданно положеніе дѣла измѣнилось. 8 февраля 1863 года Россія и Пруссія заключили между собою конвенцію относительно тождественныхъ дѣйствій по польскому вопросу, и Наполеонъ III, покинувъ всякую мысль о союзѣ съ Россіей, сталъ выказывать полное сочувствіе къ польскому возстанію. Козміанъ жестоко упрекаетъ его въ этомъ, такъ какъ его новая политика подала полякамъ надежды, которымъ не суждено было осуществиться. Князь Чарторійскій увѣдомилъ тотчасъ Краковскій комитетъ о перемѣнѣ въ возрѣніяхъ французскаго императора и совѣтовалъ не придавать національному движенію революціоннаго характера, что могло бы помѣшать французскому вмѣшательству. Наполеонъ III не хотѣлъ оказать помощи Польшѣ одинъ, а желалъ имѣть въ этомъ дѣлѣ союзникомъ Австрію. Князь Меттернихъ, австрійскій посолъ въ Парижѣ взялся вести переговоры между двумя кабинетами и отправился для этой цѣли въ Вѣну. Но его усилія не привели ни къ чему, хотя неизвѣстно по какой причинѣ, и онъ вернулся въ Парижъ, не добившись ничего. Послѣ этого французскіе министры, продолжая поощрять поляковъ къ возстанію, прямо заявляли имъ, чтобы они не рассчитывали на помощь императора. Приведенные въ отчаяніе, Краковскій и Львовскій комитеты послали Козміана въ Парижъ, чтобы лично объясниться съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Валевскимъ. Онъ прямо спросилъ у этого незаконнаго сына Наполеона

отъ польской графини, совѣтуеть ли онъ полякамъ продолжать возстаніе, или нѣтъ. Сначала Валевскій сталъ распространяться о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя мѣшали Франціи вступить за Польшу, а когда Козміанъ требовалъ категоричнаго отвѣта, то онъ воскликнулъ: «конечно, да; другого выхода нѣтъ». Прежде чѣмъ покинуть Парижъ, Козміанъ посѣтилъ графиню Валевскую, и она, по просьбѣ мужа, передала ему номеръ газеты *Patrie*, въ которомъ отмѣчена была снимкомъ карандашемъ статья, говорившая, что «между европейскими кабинетами происходили переговоры насчетъ польскаго вопроса и основой которыхъ не были трактаты 1815 года». Козміанъ отвезъ эту газету въ Краковскій комитетъ, и результатъ его посольства въ Парижъ привелъ еще въ большее отчаяніе поляковъ. 18 апрѣля 1864 года, князь Чарторійскій видѣлся въ послѣдній разъ съ Наполеономъ III, и тотъ объявилъ ему, что все было кончено, что полякамъ оставалось только сложить оружіе. Вотъ каковы были, по словамъ Козміана, отношенія Наполеона III къ польскому возстанію, которое онъ поджигалъ обѣщаніемъ своей помощи, но въ пользу котораго не ударилъ пальцемъ о палецъ.

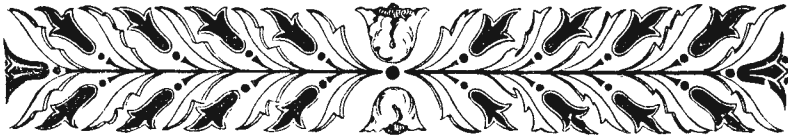
— Германская императрица дома. Артуръ Ворренъ въ октябрьской книжкѣ лондонскаго журнала «*Woman at Home*» рисуетъ интересную картину домашней жизни германской императрицы Августы-Викторіи, которая представляетъ идеалъ буржуазной хозяйки. Какъ извѣстно, двадцатилѣтній Вильгельмъ, влюбившись въ «розу», какъ онъ называлъ свою будущую жену, писалъ матери: «Моя возлюбленная, быть можетъ, не самая прелестная женщина на свѣтѣ, но у нея положительно самыя лучшія въ мірѣ руки». Вообще, принцесса Шлезвигъ-Гольштейнская до и послѣ замужества представляла въ его глазахъ идеалъ женщины. Не разъ Вильгельмъ II высказывалъ, что онъ предпочитаетъ жену, умѣющую варить варенье, такой, которая умѣла бы разсуждать о конститутціи, а императрица вполне подходитъ подъ это требованіе: она хорошо варитъ варенье и нимало не заботится о политикѣ. Точно также любимое выраженіе императора, что всѣмъ германскимъ женщинамъ слѣдуетъ идти по стопамъ императрицы и посвятить всю свою жизнь церкви, дѣтямъ и кухнѣ. О первомъ свиданіи Вильгельма съ его будущей женой существуетъ романическій рассказъ. Онъ, говорятъ, увидалъ ее въ первый разъ во время охоты въ помѣстьѣ ея отца; сбившись съ дороги, онъ неожиданно очутился передъ сельскимъ павильономъ въ паркѣ къ стѣнѣ котораго, заросшей розанами, былъ привѣшенъ гамакъ. Въ этомъ гамакѣ спала молодая дѣвушка, и при видѣ ея онъ вспомнилъ извѣстную нѣмецкую поему, подъ названіемъ «Роза», поэтомъ, когда онъ встрѣтилъ въ тотъ же день вечеромъ эту молодую дѣвушку въ замкѣ отца, то сказалъ: «Это моя роза», и почти мгновенно влюбился въ нее. Со времени этой идиллической сцены прошло много лѣтъ, и ея героиня сдѣлалась образцовой хозяйкой и матерью многочисленной семьи. Каждый день она встаетъ въ шесть часовъ и ложится въ половицѣ одиннадцатаго. Утромъ она сама дѣлаетъ кофе для мужа, они обѣдаютъ въ часъ и ужинаютъ въ восемь. У нея теперь шестеро мальчиковъ и одна дочь, за которыми она одинаково присматриваетъ, какъ во время уроковъ, такъ и игрѣ. Они страстно любятъ ѣздить взапуски на маленькихъ лошадакахъ и мать устраиваетъ имъ скачки, служа судьей и раздавая, вмѣсто призовъ, голубыя ленточки. Они также любятъ удить рыбу, кататься на велосипедахъ и въ особенности играть въ солдаты, при чемъ берутъ присгупомъ крѣпость, устроенную для ихъ забавы, въ саду.

Старшій сынъ, наслѣдный принцъ, въ нѣкоторомъ отношеніи *enfant terrible*. Однажды онъ послѣ безконечной бесѣды пастора о томъ, что всѣ люди грѣшники, воскликнулъ съ нетерпѣніемъ: «Можетъ быть, отецъ грѣшникъ, но я увѣренъ, что мать не грѣшница». Когда императоръ уволилъ Бисмарка, то этотъ же мальчикъ воскликнулъ, обращаясь къ отцу: «Папа, ты теперь будешь одинъ командовать народомъ; это тебѣ, вѣроятно, будетъ очень пріятно?» Маленькихъ принцевъ одѣваютъ по англійской модѣ, и они прекрасно говорятъ поанглійски. Сама императрица предпочитаетъ англійскій туалетъ нѣмецкому и носить очень скромно вырѣзанныя платья, что, однако, не помѣшало, къ величайшему негодованію императора, нѣкоторымъ берлинскимъ пасторамъ запретить своимъ прихожанамъ покупку портретовъ императрицы, на которыхъ она изображена съ открытымъ лифомъ. Какъ образцовая хозяйка, Августа-Викторія умѣетъ шить, вязать и штопать, готовить кушанья, печь хлѣбъ и варить пиво. Конечно, со времени своей свадьбы ей рѣдко приходится практически примѣнять эти таланты, но молодой дѣвушкой она сама шила себѣ платья, а теперь, говорятъ, она лично смотритъ за бѣльемъ своего мужа, нашиваетъ пуговицы на его рубашки и штопаетъ ему носки. Какъ императоръ, такъ и его братъ принцъ Герихъ, исключительно носятъ англійскіе носки, и когда однажды жена послѣдняго выговаривала ему за подобное непатріотическое предпочтеніе, то онъ отвѣчалъ: «Патріотизмъ дѣло хорошее, но нельзя допустить, чтобы патріотизмъ красилъ ноги». Самъ императоръ не менѣе жены отличается буржуазными семейными качествами. Находясь въ отсутствіи, онъ ежедневно посылаетъ женѣ и дѣтямъ письма, телеграммы и подарки, а обѣдая внѣ дома, набираетъ тарелку конфетъ и охапку цвѣтовъ, которые немедленно отправляетъ своей отсутствующей семьѣ. Каждый понедѣльникъ вечеромъ императрица собираетъ вокругъ себя молодыхъ дѣвушекъ и дамъ, принадлежащихъ ко двору, и всѣ вмѣстѣ шьютъ одежду для бѣдныхъ. Слуги чрезвычайно любятъ ее, и она заботится о ихъ благосостояніи. Вообще она очень мало разговариваетъ, и ея слова рѣдко попадаютъ въ печать, а потому тѣмъ большій интересъ имѣетъ высказанное ею мнѣніе о женской прислугѣ, которое приводится въ статьѣ Воррена: «По моему мнѣнію, причина неудовлетворительности нашей прислуги заключается въ томъ, что хозяйки недостаточно заботятся объ ихъ благоденствіи. Всего болѣе служанки жалуются на то, что онѣ слишкомъ много работаютъ и слишкомъ мало имѣютъ свободнаго времени. Но если бы мы давали имъ болѣе свободы, то подвергали бы ихъ серьезному соблазну. Поэтому мы должны бы дѣлать всевозможное, чтобы нашимъ служанкамъ было хорошо дома, и намъ слѣдуетъ въ особенности заботиться, чтобы у нихъ были удобныя, веселыя комнаты, что въ настоящее время большая рѣдкость. Я надѣюсь, что архитекторы будутъ имѣть это въ виду въ будущихъ своихъ постройкахъ. Кромѣ того, слѣдовало бы учредить для служанокъ собранія, гдѣ онѣ могли бы въ воскресенье вечеромъ сходиться для обсужденія интересующихъ ихъ вопросовъ и для обученія своимъ прямымъ обязанностямъ. Но, главное, мы должны заботиться о развитіи нравственной стороны нашихъ служанокъ, такъ какъ онѣ имѣютъ самое большое вліяніе на нашихъ дѣтей».

— Гладстонъ, какъ поэтъ. Всѣ англійскія газеты переполнены статьями о недавно вышедшемъ переводѣ Гладстономъ одъ Горация въ стихахъ; сначала отрывки изъ этого перевода появились въ одномъ изъ лон-

донскихъ журналовъ, а теперь онъ изданъ отдѣльной книгой. Конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы у великаго старика неожиданно проявился поэтический талантъ, но его стихотворная передача на англійскомъ языкѣ знаменитаго классика сама по себѣ представляется замѣчательнымъ трудомъ по близости къ подлиннику, правильности стиха и основательному знанію подлинника во всѣхъ его тонкостяхъ. Но если принять въ соображеніе, что этотъ переводъ сдѣланъ маститымъ государственнымъ человѣкомъ во время послѣдняго его министерства и оконченъ въ тотъ самый день, когда онъ подалъ въ отставку, то это литературное произведеніе принимаетъ характеръ необыкновеннаго подвига, врядъ ли имѣющаго себѣ что либо равное въ исторіи. Всѣмъ извѣстно, что во время своей долгой государственной дѣятельности Гладстонъ занимался литературой, и что онъ былъ не только великимъ политическимъ дѣятелемъ и ораторомъ, но замѣчательнымъ лингвистомъ, богословомъ, изслѣдователемъ Гомера и публицистомъ, помѣщающимъ чуть ли не каждый мѣсяцъ въ журналахъ статьи по всевозможнымъ предметамъ, преимущественно богословскимъ и политическимъ. Но врядъ ли кто, даже въ самыхъ пламенныхъ его поклонниковъ, подозрѣвалъ въ немъ еще и поэта. Въ этомъ качествѣ ему суждено было проявиться только подъ конецъ своей жизни, когда болѣзнь глазъ и еще не вполне выясненныя усложненія внутренней англійской политики обязали этого перваго государственнаго человѣка нашего времени провести послѣдніе свои дни вдали отъ власти, которой онъ еще такъ недавно энергично пользовался для блага своей родины. Конечно, очень трудно, суля о литературныхъ трудахъ не присяжнаго писателя, а государственнаго человѣка, освободиться отъ политическаго пристрастія къ нему, и потому отзывы англійскихъ газетъ о Гладстонѣ, какъ поэтѣ, невольно обнаруживаютъ ихъ взгляды на Гладстона, какъ политическаго дѣятеля. Такъ консервативные органы, помня ироническія слова Дизраели, который увѣрялъ, что онъ можетъ слушать цѣлый день рѣчь Гладстона, но не въ состояніи прочесть ни одной, написанной имъ страницы, — смѣются надъ Гладстоновскимъ стихосложеніемъ, считаютъ его переводъ Горация непереваримо-тяжеловѣснымъ и слятся найти въ немъ ошибки. Напротивъ, либеральныя газеты приходятъ въ восторгъ отъ сжатости его стиха, прекрасныхъ оборотовъ его поэтическихъ фразъ и въ особенности отъ той необыкновенной энергіи, которую обнаруживаетъ въ этомъ литературномъ трудѣ полуслѣпой великій старикъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, однако, всѣ единогласно сходятся, какъ сторонники, такъ и враги Гладстона; дѣйствительно, если его старческой поэтической трудъ не доставитъ ему новой славы, то прибавитъ любопытную черту къ характеристикѣ этого во всѣхъ отношеніяхъ удивительнаго человѣка.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Современная Россія въ нѣмецкой оцѣнкѣ.—Какъ французы изображаютъ русскую жизнь. — Англо-русское литературное общество. — Рукописи Леонардо да Винчи, изданныя г. Сабашниковымъ.—Болгарскій сборникъ.—Новая книга Курзона о Китаѣ.—Основы международного права.—Письма Картуша.

ВТО ВРЕМЯ, когда властители всего міра, вся серьезная политическая печать выражаетъ искреннія сочувствія Россіи, литературная пресса продолжаетъ относиться къ намъ далеко не дружелюбно и не симпатично. Какой-то Германъ Менкесъ, ужъ, конечно, изъ іерусалимскихъ дворянъ, соединивъ въ одинъ критическій очеркъ разборъ трехъ русскихъ сочиненій, выливаетъ на насъ давно извѣстныя клеветы и инсинуаціи подъ названіемъ «Современная Россія» («Das moderne Russland»). «Никакая страна,—говоритъ онъ,—не привлекаетъ теперь такъ къ научнымъ изслѣдованіямъ, какъ Россія». Стало быть, повтому не слѣдовало бы обвинять ее во всякихъ нелѣпостяхъ. Авторъ объясняетъ стремленіе къ изученію Россіи ея безпримѣрнымъ развитіемъ въ послѣднее время. «За крѣпостничествомъ послѣдовали культурныя тенденціи, потомъ реакція, нигилизмъ и фанатическій панславизмъ; всѣ эти стремленія оставили слѣды въ русской жизни, перепутавшіеся такъ, что трудно отличить ея характерныя черты. Россія кажется сфинксомъ настоящаго и напоминаетъ славянское преданіе о богатырѣ, у котораго вся его сила заключалась въ звѣздѣ на лбу, стояло только сорвать съ него эту звѣзду, и вся сила его исчезала». Для характеристики современной Россіи авторъ беретъ сочиненія: «Положеніе Россіи» англичанина Ланина, хотя онъ вовсе не англичанинъ, а русскій эмигрантъ, нѣмца Виктора Гена, получившаго на службѣ въ нашей публичной библиотекѣ генеральство и пенсію, и бѣжавшаго въ Берлинъ, чтобы оттуда безнаказанно клеветать на насъ. Его книга носитъ названіе «De moribus rithenorum». Далѣе разбираются двѣ русскихъ книги: «Земскіе рассказы» Глѣба Успенскаго и «Оскуднѣніе дворянства» С. Терпигорева. Послѣдняя

книга вышла уже давно даже въ нѣмецкомъ переводѣ. По мнѣнію автора, Ланинъ не фанатикъ, а правдивый писатель. «Викторъ Генъ — германецъ античнаго гетевскаго идеала. Онъ ученый и вмѣстѣ съ тѣмъ юмористъ. Русскіе писатели еще суровѣе относятся къ своему отечеству, превосходя въ обвиненіи своей родины Гоголя, Тургенева и Салтыкова. Гоголь, пораженный открытіемъ множества злоупотребленій, впалъ въ мистицизмъ и сошелъ съ ума; не лучше картины видѣлъ и Достоевскій въ мертвомъ домѣ». Ланинъ и Генъ сходятся въ опредѣленіи русскаго характера: при недостаткѣ производительной оригинальности русскому народу недостаетъ еще и идеализма. Отпечатокъ реализма лежитъ на всемъ, твердое понятіе о честности, долгѣ, достоинствѣ, русскій долженъ пріобрѣтать со стороны. Онъ не любитъ много трудиться, хотя ему предстоитъ еще много работы вперед; охотнѣе всего онъ изучаетъ ариметику и отлично играетъ въ карты; любовь къ техникѣ влечетъ его и къ военной службѣ и къ чиновничеству, заключающемуся въ регулярномъ веденіи отчетовъ, реестровъ и предписаній. Въ недостаткѣ оригинальности авторъ, впрочемъ, оправдываетъ русскихъ, у которыхъ были Гоголь, Тургеневъ, Глинка, но сознаетъ, что народъ не имѣетъ привязанности къ управленію, требующему только послушанія. Надъ нѣмецкой бережливостію въ Россіи смѣются, а еще сколько сокровищъ можно извлечь изъ русской земли. Обо всемъ этомъ Генъ представляетъ только легучія замѣтки. Книга Ланина гораздо систематичнѣе, и онъ придаетъ ей этическое значеніе. Цѣль его — обратить вниманіе на плачевное положеніе крестьянства. Авторъ признаетъ и прирожденные способности русскихъ, ихъ жизненную силу, искусство въ подражаніи, но все это погибаетъ въ социальныхъ, политическихъ и другихъ условіяхъ и дѣлаетъ этихъ богатоодаренныхъ натурою людей безличными въ родѣ египтянъ, воздвигавшихъ Хеопсовы пирамиды безъ всякой видимой пользы, или полиповъ, поднимающихъ въ Тихомъ океанѣ коралловые рифы. Авторъ останавливается и надъ русскими пословицами. Рѣшеніе вопроса «о свободной волѣ» онъ видитъ въ поговоркахъ: «всякому предназначена его участь заранѣе» и «что будетъ — то будетъ». Черты народнаго фатализма онъ видитъ въ поговоркахъ: «отъ судьбы и на конѣ не укачешь», «палки найдутся, когда нужно убить собаку». Въ русской философіи и теологіи нѣтъ прямыхъ отвѣтовъ на спорные вопросы. Наука къ русскому человѣку прививается съ трудомъ; основныя понятія его очень туманны и сбивчивы, суевѣріе заставляетъ его вѣрить всякимъ ложнымъ чудесамъ и предразсудкамъ. Въ народныхъ обрядахъ немного мистическаго и дикаго. Онъ охотно прощаетъ чужія прегрѣшенія, чувствуя, что самъ склоненъ къ такимъ же. Приводится изъ газетъ нѣсколько фактовъ безпечности, апатіи и лѣности чиновнаго міра, цитируются неприглядные факты и изъ литературныхъ трудовъ. Анекдоты изъ политическаго міра слишкомъ неправдоподобны, чтобы приводить ихъ. Но какую же общую картину современной Россіи видитъ нѣмецкій критикъ въ сопоставленіи этихъ разнородныхъ и отовсюду надерганныхъ картинокъ? Можно ли сдѣлать изъ нихъ какой нибудь общій выводъ? Критикъ заканчиваетъ свои изслѣдованія словами: «Удивляются, что русскіе писатели оставили плохія трагедіи, вѣроятно, отъ того, что они пережили гораздо болѣе драматическія положенія».

— Если непріятно дѣйствуютъ на русскаго читателя нѣмецкія клеветы и инсинуаціи, то нельзя сказать, чтобы большое удовольствіе доставляли

французское верхоглядство, легкомысліе, пустозвонство и ничѣмъ непоколебимая увѣренность въ томъ, что французы отлично знаютъ Россію, если вспомнили слова: самоваръ, яѣба и т. п. Къ такимъ самозваннымъ знатокамъ Россіи принадлежитъ г-жа Гревиль, неутомимо печатающая русскія повѣсти. Въ послѣднемъ своемъ романѣ «Фиделька» (Fidelka) она выводитъ на сцену авантюриста музыканта и укротителя женщинъ, бархатные взгляды котораго гипнотизируютъ знатную даму, исполняющую всѣ капризы артиста. Овдовѣвъ и получивъ возможность соединить свою страсть съ законными обязанностями, она готова отдать ему свою руку и состояніе, но узнаетъ въ послѣднюю минуту, что ея возлюбленный неголай и мошенникъ. Тогда она застрѣливается, но вотъ какимъ образомъ русская графиня объясняется съ ложнымъ княземъ Адріаномъ: «я дала обѣтъ и поклялась передъ Иверскою Богородицею остаться чистою. Если вы сдѣлаетесь преступнымъ,—а увлечь меня къ грѣху есть уже преступленіе,—я поклялась оторвать васъ отъ моей жизни. Если отъ неожиданности съ вашей стороны или по слабости съ моей я сдѣлаюсь недостойной смотрѣть въ глаза моей матери, я никогда васъ не увижу».—«О, если бы вы знали, какъ я васъ люблю,—отвѣчалъ герой,—какъ я жажду васъ, но не бойтесь ничего, Марья Ивановна, я не хочу стоять вамъ ни одной слезы». Онъ сталъ передъ нею на колѣни и поцѣловалъ подошву ея платья. Она положила руку на его согнутую голову. «Кирилль!—сказала она,—благословляю тебя на новую жизнь, призываю на тебя милость Господа, который проститъ нашу любовь, потому что мы «отказались отъ грѣха». Она перекрестила молодого человѣка по русскому обычаю, прибавивъ: «Обними меня теперь на вѣчную разлуку». Онъ прижалъ ее къ сердцу, и души ихъ далеко улетѣли. Потомъ она начинаетъ плакать, но увѣряетъ, что все-таки счастлива. «А я нѣтъ!—говорятъ Адріанъ, у котораго натура вступила въ свои права,—но такъ какъ вы этого хотите...». И такимъ языкомъ французскіе авторы пишутъ русскіе романы, наполняя ихъ подобными нелѣпыми сценами. Какъ не стыдно въ наше время заниматься такою литературой, а французы расхваливаютъ до небесъ блестящій языкъ г-жи Гревиль и ея глубокое знаніе русской жизни.

— Англо-русское литературное общество не прекращало своихъ засѣданій въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы. Александръ Кинлокъ читалъ рефератъ «О русскомъ языкѣ». Во введеніи лекторъ говорилъ о превращеніи древняго языка въ гражданскій алфавитъ. О славянскомъ періодѣ на Руси переданы вѣрные взгляды, говорится обо всѣхъ произведеніяхъ тогдашней литературы, хотя и въ сжатомъ видѣ. Изученіе современнаго русскаго языка лекторъ находитъ легкимъ, если слѣдовать сравнительному методу. Затруднительнѣе всего провзыношеніе, затѣмъ грамматика. Поэтическія картины народнаго языка не переводимы. Ни къ какимъ практическимъ результатамъ лекція не привела. Въ лекціи Марчанда «о Пушкинѣ» приводятся черезчуръ краткіе очерки далеко не всѣхъ его произведеній, но достаточные для ознакомленія съ нашимъ поэтомъ. Гавелокъ представилъ характеристику Достоевскаго, болѣзненная натура котораго напоминаетъ Самуила Джонсона, а произведенія Джекенса и Виктора Гюго. Лекторъ говоритъ, что въ Сибири Достоевскій сдѣлался настоящимъ тори, но захворалъ падучей болѣзью. Романы его несомнѣнно проникнуты социализмомъ, но въ то же время полны глубокой симпатіей къ страданіямъ его земляковъ, что и было

причиною ихъ успѣха. Онъ утверждаетъ, что ненормальное положеніе народа, лишенія и страданія всякаго рода происходятъ отъ историческихъ причинъ, духа учреждений, несправедливости властей. Читался переводъ съ русскаго реферата П. Кускова «Наши идеалы». Это разговоръ между русскимъ и западнымъ европейцемъ, упрекающимъ перваго въ отсутствіи идеаловъ. Кусковъ доказываетъ, что у русскаго крестьянина, не смотря на его невѣжество, гораздо больше нравственныхъ и религіозныхъ идеаловъ, чѣмъ у западниковъ. «Вашъ идеаль,—говоритъ Кусковъ,—борьба съ другими, нашъ—борьба съ собою», и приводитъ, какъ идеаль, Некрасовскаго «Власа». На западѣ богача уважаютъ, въ Россіи считаютъ кулакомъ. Большинство не играетъ тамъ такой подавляющей роли. Мы ищемъ только мира и правды, а не того, чтобы быть выше другихъ. Нельзя сказать, чтобы рефератъ Кускова отличался особенной оригинальностью и убѣдительностью. Утверждать, что русскій человѣкъ не видитъ идеала въ богатствѣ, немножко нескромно, или что у него нѣтъ стремленія къ власти. Говорить, что русскій человѣкъ охотно научается якутскому языку для того, чтобы понимать инородца, бездоказательно, также, какъ и то, что въ Россіи общественной совѣсти въ пятеро больше, чѣмъ въ Германіи. Россія отдѣльный міръ, а не имперія. Мы такъ любимъ свободу, что ненавидимъ всѣ письменныя доказательства, которыя наши крестьяне считаютъ дьявольскими документами, губящими душу; только договоры должны быть исполняемы, потому что безъ нихъ нѣтъ мира и спокойствія. Все это весьма спорныя сужденія. Въ ноябрьскомъ засѣданіи президентъ выразилъ резолюцію слѣдующаго содержанія: «Великая потеря, понесенная Россіей, глубоко тронула сердца многихъ англійскихъ друзей ея въ англо-литературномъ обществѣ, которые просятъ позволенія присоединить свою горестъ къ горести вѣрнопопданнаго почившаго государя и выразить имъ свое сердечное сочувствіе». Общество горячо приняло эту резолюцію. Читались письма Мачина, бывшаго преподавателя англійскаго языка у почившаго императора, и Гладстона. Оба изъявляютъ сожалѣніе, что преклонный возрастъ не позволяетъ имъ принять участія въ трудахъ общества. Знаюкъ русской религіозной жизни Бербекъ говорилъ о благочестіи царя и о томъ, что выборъ Нижняго-Новгорода для всероссійской выставки сдѣланъ покойнымъ государемъ не для привлеченія иностранцевъ, а чтобы устроить встрѣчу русскихъ производителей и покупателей. Капитанъ Пембертонъ, бывшій въ Сибири и Туркестанѣ въ 1892 году, говорилъ въ томъ же смыслѣ. Молодая англичанка, миссъ Годжетсъ, воспитывавшаяся въ Россіи, внесла рефератъ «Мысли о русскомъ народномъ творествѣ» (Thoughts on russian folklore), сопоставляющія наши преданія съ мифологическими легендами другихъ народовъ. Въ засѣданіи былъ сэръ Николаѣ Эльгстонъ, внукъ екатерининскаго адмирала, командовавшаго русскимъ флотомъ при Чесмѣ. Онъ женился и поселился въ Россіи, гдѣ жили четыре его поколѣнія. Нынѣшній глава дома живетъ въ Лондонѣ, сочувственно относясь къ Россіи.

— Вышли «Основы международнаго права» Ниса, добросовѣстная и полезная компиляція трактатовъ, мѣтій, анекдотовъ, цитатъ, изъ исторіи сношеній между народами отъ паденія Рима до XVI вѣка. Слѣдую классической школы юристовъ, авторъ причисляетъ международное право къ числу обычныхъ, признанныхъ всѣми правъ, хотя оно очень часто нарушалось сильными державами, и принципы его отстаивали только Швейцарія, Нидер-

ланды, Бельгія. Авторъ подерживаетъ основательную мысль, что право можетъ установиться и существовать безъ официального признанія и уголовной санкціи, таковы всѣ обычные права, до ихъ кодификаціи часто нарушаемыя, хотя и всѣми признанныя. Основаніе права авторъ ищетъ въ международной морали, въ традиціяхъ римскаго права, но для чего утверждать, что въ нравственномъ мірѣ не умираетъ никакая идея? Въ книгѣ приводится подробно теорія и практика военного устава по римскому и каноническому праву. Авторъ уже чрезчуръ идеализируетъ рыцарство, говоритъ также и о военныхъ обычаяхъ мусульманъ, о комерціи и дипломатіи, о колониальныхъ и морскихъ сношеніяхъ XVI вѣка. Въ концѣ воздается хвала Гроціусу, основателю международного права вошедшаго въ обычай всего свѣта. Еще Гегель говорилъ: «всемірный духъ долженъ современнымъ поглотить духъ національности, и это будетъ концомъ войны». Пора бы осуществиться этому предсказанію.

— Мода на мемуары дошла до того, что стали печатать письма воровъ и мошенниковъ, и въ журналахъ появилась корреспонденція знаменитаго плута Картуша. Обнародованіе ея объясняютъ тѣмъ, что въ частной перепискѣ встрѣчается много любопытныхъ подробностей; но развѣ это причина, чтобы перепечатывать письма всякаго вора? Кромѣ своихъ кражъ, Картушъ замѣчательнъ еще и тѣмъ, что былъ любимцемъ дамъ, и отъ наслѣдниковъ одной изъ нихъ доставленъ въ редакцію его письма. Не названа только изъ деликатности особа, которой они адресованы. Издатель ихъ находитъ, что потомство мало знало знаменитаго вора и говорило только о его поступкахъ, не изслѣдуя ихъ причинъ и вліянія на нихъ его времени. «Еще ребенкомъ,—пишетъ онъ къ своей подругѣ,—я задумывался надъ общественными дѣйствіями. Отецъ мой бочаръ мало зарабатывалъ своимъ трудомъ, и семья его не всякій день обѣдала, я хотѣлъ еще ребенкомъ принести ей помощь. Въ нашей улицѣ была фруктовая лавка, я разсудилъ, что намъ было бы пріятно съѣсть нѣсколько вкусныхъ сливъ. Воспользовавшись отсутствіемъ фруктощика, я утащилъ нѣсколько плодовъ и принесъ ихъ отцу, который за это сильно высѣкъ меня; но изъ этого я вывелъ совсѣмъ не то правоученіе, какое слѣдовало, и разсудилъ: что семья—учрежденіе не логичное, также какъ и отношеніе отцовъ къ дѣтямъ; это заставило меня покинуть домъ отеческій, и я съ тѣхъ поръ не видалъ ни его, ни родныхъ». Это по крайней мѣрѣ откровенно, и Картушъ поставилъ себѣ правиломъ не подчиняться въ жизни никакимъ общественнымъ законамъ. Онъ вступилъ въ французскую гвардію и дрался на войнѣ въ Испаніи, переноса всѣ тягости военной жизни; «я былъ тогда полонъ иллюзіи,—пишетъ онъ,—вѣрилъ въ короля, въ честь, въ знамя, во множество предрасудковъ, но я находилъ удовольствіе и въ военной жизни, пока подъ Барселоню рана въ ногу не убѣдила меня, что война—вещь ужасная, и я сталъ искать сочувственную мнѣ душу». Вернувшись въ Парижъ, онъ женился на Екатеринѣ Леруа. «Сначала счастье наше было полное; о хозяйствѣ я не заботился и проводилъ все свободное время въ трактирѣ съ друзьями». Имъ помогалъ прежній обожатель Катерины, но онъ вскорѣ умеръ. Картушъ началъ думать, какъ бы добыть денегъ. Въ Сен-Клу жилъ старикъ, имѣвшій по слухамъ большія деньги. Картушъ, нерѣдко голодавшій, нашелъ, что это несправедливо. Онъ задавилъ старика, но денегъ нашелъ у него очень мало. «Дѣло было, однако, не въ томъ,—философствуетъ мошенникъ,—чтобы обратъ ближняго, но чтобы лишить богача сокровищъ, которыя онъ не употребляетъ на пользу другихъ». И онъ с сталъ

тѣхъ поръ безъ церемоніи присвоивать себѣ чужія сокровища. Въ его письмахъ встрѣчаются наивно-циническія сцены. Однажды близъ кафе Гросоре онъ встрѣтилъ женщину въ блестящемъ брилліантовомъ ожерельѣ. Онъ предложилъ ей свои услуги, она просила его отыскать ея экипажъ; подъ этимъ предлогомъ онъ завелъ ее въ глухой переулокъ и задушилъ, сорвавъ съ нея ожерелье, которое подарилъ своей возлюбленной Розеттѣ. Свои убійства и кражи онъ оправдывалъ тѣмъ, что дѣйствуетъ для общаго блага, и въ то время, когда ему ломали кости на Гревской площади, онъ имѣлъ наглость закричать: «подлецы! я умираю за человѣчество!» Современные анархисты работаютъ въ томъ же направленіи, но вѣдь въ свое время Картушъ былъ все-таки исключеніемъ, хотъ и не рѣдкимъ.

— Свою судьбу имѣютъ не только книги, но и ихъ авторы. Послѣ почти четырехвѣкового забвенія Леонардо да Винчи, какъ писателя, принялись, наконецъ, за изданіе его рукописей, оставшихся неизвѣстными для большинства. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы ихъ не знали ученые, составившіе изъ рукописей извлеченія и переводы, но полныя изданія ихъ начались съ девяностыхъ годовъ. Радассонъ Моллиенъ перевелъ пофранцузски шесть томовъ, Миллеръ Вальде издалъ ихъ на нѣмецкомъ языкѣ. Итальянцы выпустили пять изданій, послѣднее, впрочемъ, принадлежитъ нашему соотечественнику Федору Сабашникову и издано съ французскимъ переводомъ. Для многихъ съ именемъ да-Винчи соединяется понятіе о даровитомъ живописцѣ, между тѣмъ, этотъ человѣкъ обладалъ универсальными знаніями и занимался всѣми науками, какія только процвѣтали въ его время. Изданіе Сабашникова отличается изяществомъ и вѣрностью. Въ этомъ отношеніи ему мало уступаетъ французскій переводъ, гдѣ въ первый разъ является рукопись Леонардо «О полетѣ птицъ», воспроизведенная въ видѣ факсимиле, такъ что ее трудно отличить отъ оригинала; даже пятна на бумагѣ сохранены тѣ же самыя. Далеко ушла бы наука о «воздухоплаваніи», если бъ не были забыты изслѣдованія Леонардо. Его званіе механики изумительно даже для нашего времени; въ трактатѣ видно глубокое знакомство съ отвлеченными изысканіями; тутъ же онъ говоритъ объ отливкѣ медалей, о брилліантахъ и эмали, о производствѣ красокъ; какъ всѣ рукописи живописца, этотъ трактатъ испещренъ его рисунками: цвѣтами, листьями, архитектурными набросками, механическими чертежами. И тутъ же по временамъ онъ вставляетъ мысли и афоризмы, даже замѣтки по хозяйству: такъ, онъ озабоченъ средствомъ собирать снѣгъ съ горныхъ вершинъ и сохранять его до лѣтнихъ жаровъ. Онъ устроилъ даже искусственную птицу для поддержанія своей теоріи; въ ногахъ птицы онъ видитъ органъ безполезный для летанія, тогда какъ при полетѣ человѣка ноги могутъ оказать ему большое пособіе и двигать машиною, а руки человѣка должны служить для управленія и поддержанія равновѣсія машины. Эта часть рукописи, изданная Сабашниковымъ, куплена имъ въ девяносто второмъ году у графа Манцони въ Либо; ея нѣтъ ни въ библиотекѣ Мазарина, ни въ Лондонѣ. Изъ послѣдней ее укралъ извѣстный библиотафъ «Либри» въ 48 году. Она явилась на публичныхъ аукціонахъ 67 года, когда продавалось все награбленное книжнымъ воромъ, но Либри болѣе любопытные листы рукописей вырывалъ и продавалъ разнымъ лицамъ, и изъ нихъ только немногіе возвратились въ Парижъ, а главная часть была прибрѣтена у Манцони, въ ней недостаетъ все-таки четырехъ листовъ, которые Сабашниковъ не отчаявается найти.

— Болгарское министерство народнаго просвѣщенія издало «Сборникъ за народны умотвореня, наука и книжнини». Главная статья принадлежит профессору Драгоманову «О легендѣ мірозданія», которую онъ считаетъ перешедшею въ Болгарію отъ армянскихъ павликіанъ. Легенда сравнивается съ преданіями и другихъ народовъ. Бобчевъ характеризуетъ произведенія народнаго болгарскаго эпоса, Ататовъ—литературныя преданія страны. Шапкаревъ, выпустившій въ свѣтъ хорошее изданіе болгарскихъ балладъ, изслѣдуетъ народную медицину въ Македоніи. Интересны извлеченія изъ автобіографіи Чайковскаго, умершаго въ 1868 году, бывшаго турецкаго генерала подъ именемъ Садыкъ-паша. Извлеченія сообщены его дочерью Суходольскою. Поѣздка по долинамъ Струмы, Нестлы и Брегалницы рисуетъ настоящее положеніе Македоніи; въ статьѣ собрано также много мѣстныхъ пѣсень балладъ, легендъ, сказокъ и проч. и много словъ для новаго болгарскаго словаря, положительно необходимаго для этой страны. Словарь Богорова очень плохъ, а о трудѣ Соловейкова по этой части слухи что-то замолкли.

— Не смотря на то, что Китай обратился уже къ европейскимъ державамъ, прося ихъ побудить Японію къ заключенію мира, Курзонъ издалъ еще книгу «Задачи дальняго востока» (Problems of the far east). Давно уже на востокѣ перестали вѣрить въ силу и могущество небесной имперіи, но и въ Европѣ нынѣшняя война осязательно доказала невозможность сопротивленія громадной имперіи всякимъ противникамъ. А давно ли завоеваніе Джунгаріи и западнаго Туркестана навело такой страхъ на среднюю Азію, что даже между магометанами явилось преданіе о покореніи всего міра китайцами. Афганскій эмиръ всегда опасался нападенія китайцевъ, но какимъ образомъ эти опасенія перешли въ лондонскую печать, увѣряющую еще три мѣсяца тому назадъ, что Китай существенная, страшная сила въ Азіи. Курзонъ, впрочемъ, былъ всегда противъ этого мнѣнія и писалъ, что китайскія вооруженія чистое заблужденіе, а ея военная сила—фарсъ. Побѣды японцевъ на сушѣ и на морѣ ясно доказывали это. О безсиліи Китая дипломатія узнала уже давно. Пржевальскій считалъ всегда ложью всё толки о могуществѣ имперіи, даже самъ маркизъ Цзенгъ сознавалъ, что Китай спитъ. Японія разбудила его, и это, пожалуй, къ лучшему, такъ какъ если бы за это взялись европейцы, они перессорились бы между собою. Ни изъ-за какихъ Памировъ Китай не вошелъ бы въ препирательства. Кляузничать, оттягивать, надувать—это его единственная политика, да и вся сила правительства. Съ 60 года китайцы позабыли, конечно, объ опасности, какой они подвергались отъ нашествія ивземцевъ, но японцы напомнили имъ теперь, что проживъ три, четыре тысячи лѣтъ въ дикихъ и невѣжественныхъ понятіяхъ, пора же, наконецъ, и очеловѣчиться, а Курзонъ еще ничего не зналъ о послѣднихъ событіяхъ въ имперіи, о возвращеніи въ управленіе принца Кунга, облеченнаго диктаторскою властью и, какъ кажется, единственнаго не моченника въ Китаѣ; о неумѣннн не только управляя, но и прилично держать себя взыбаломннаго мальчика богдыхана, о пощечинѣ, данной имъ при всѣхъ молодой императрицѣ, послѣ чего она отравилась. Все это, конечно, симптомы, на которые дипломатіи и публицистикѣ слѣдовало бы больше обращать вниманія, чѣмъ на бравады дряхлѣющей имперіи, которая непременно должна обновиться, если хочетъ продолжать свое существованіе въ ряду даже второстепенныхъ державъ.

С М Ъ С Ъ.

ДЕСЯТОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ пушкинских премій. Въ академіи наукъ происходило публичное засѣданіе, на которомъ прочитанъ отчетъ по присужденію пушкинскихъ премій, въ присутствіи академикомъ Л. Н. Майкова, М. И. Сухомлинова, К. Н. Вестужева-Рюмина, В. Г. Васильевскаго, секретаря Н. Ѳ. Дубровина, члена государственнаго совѣта Н. И. Стояновскаго и очень небольшого стеченія публики.

На конкурсъ поступило десять печатныхъ сочиненій, въ томъ числѣ въ стихотворной формѣ пять оригинальныхъ и одно переводное, и рукопись, взятая обратно авторомъ; сверхъ того, къ конкурсу присоединено сочиненіе, оставшееся отъ предшествовавшаго года. Сочиненія эти были рассмотрѣны членами отдѣленія академіи и приглашенными учеными. Полная пушкинская премія присуждена графу А. А. Голенищеву-Кутузову за его «Сочиненія». Разсматривалъ этотъ трудъ Н. Н. Страховъ. Между нашими поэтами послѣдняго періода, начинающагося приблизительно съ турецкой войны, Голенищевъ-Кутузовъ, по словамъ рецензента, уже давно занимаетъ видное мѣсто. Въ шестидесятыхъ годахъ поэзія была въ загонѣ и писали только три извѣстныхъ поэта: Майковъ, Полонскій и Феть, своими именами обозначившіе цѣлый періодъ исторіи нашей поэзіи. Но къ концу семидесятыхъ годовъ стали появляться новые писатели стиховъ и понемногу ихъ явилось чрезвычайное множество; восьмидесятые годы представляютъ такое обиліе стиховъ и стихотворцевъ, какого никогда не бывало въ русской литературѣ. Въ этой толпѣ показался и графъ Голенищевъ-Кутузовъ и постепенно занялъ выдающееся положеніе. Эпохою, когда установилась его извѣстность, нужно считать появленіе трехъ его поэмъ: «Старыя рѣчи» 1879 г., «Дѣдъ простилъ» 1881 г. и «Рассвѣтъ» 1882 г. Увлеченіе стихотворствомъ, переживаемое нами, большею частью явленіе неправильное, указывающее на то, что въ литературѣ понизились строгія требованія и получили просторъ низменные вкусы. Появилось обиліе стиховъ и самое дурное въ этомъ обиліи заключается не въ томъ, что большинство ихъ слабо, а въ томъ, что и у тѣхъ стихотворцевъ, которые обнаруживаютъ нѣкоторое дарованіе, мы находимъ отсутствіе школы,

существующей со временъ Жуковского, Батюшкова и Пушкина, не видимъ вліянія великихъ поэтовъ. Въ этомъ отношеніи Голенищевъ-Кутузовъ представляетъ исключеніе,—онъ истинный питомецъ русской школы, онъ можетъ быть даже прямо названъ подражателемъ Пушкина. Велѣдствіе этого онъ очень замѣтно выдѣлился среди другихъ стихотворцевъ своимъ безукоризненнымъ вкусомъ. Велико или мало его дарованіе, много или немного онъ создастъ, но все, имъ написанное, чуждо явныхъ и грубыхъ недостатковъ; ни одна пьеса не оскорбляетъ вкуса. Вездѣ видна сдержанность и строгость, составляющія главную черту всякаго изящества и у гр. Голенищева-Кутузова доведенныя до какой-то стыдливости и стѣсненности. Въ заключеніе Н. Н. Страховъ говоритъ, что «Сочиненія» гр. Кутузова составляютъ дѣйствительное приобрѣтеніе нашей литературы, очень цѣнное и прочное.

Похвальный отзывъ по большинству голосовъ академической комисіи былъ присужденъ К. С. Баранцевичу за его романъ «Двѣ жены». Разсмотрѣніе этого труда принялъ на себя, по просьбѣ отдѣленія, А. С. Суворинъ.

«Г. Баранцевичъ, говоритъ рецензентъ, началъ работать лѣтъ 20 тому назадъ. До настоящаго года издано 10 томовъ его произведеній, состоящихъ изъ рассказовъ, повѣстей, одной драмы: «Опричина», и двухъ романовъ: «Раба» и «Двѣ жены»; послѣдній появился въ текущемъ году. Авторъ не принадлежитъ къ беллетристамъ, которые выдвигаютъ впередъ тенденцію, и при помощи ея распоряжаются своими героями, какъ шашками, мало заботясь о правдѣ. У него почти всегда есть нѣкоторое чувство мѣры и здравомыслія. Онъ даже попреимуществу здравомыслящій беллетристъ среди того поколѣнія новыхъ беллетристовъ, которымъ теперь отъ 30 до 45 лѣтъ. Тема романа: «Двѣ жены»—семейное счастье. Дѣйствіе происходитъ главнымъ образомъ въ средѣ служащаго и отставнаго мелкаго чиновничества. Разобравъ подробно содержаніе романа, рецензентъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе. Г. Баранцевичъ не обладаетъ талантомъ, выдающимся на столько, чтобы замѣтить и представить несущественныя черты жизни такъ ярко, чтобы сдѣлать ихъ важными, чтобы нарисовать съ тою художественностью, которая можетъ быть уподоблена у талантовъ значительныхъ микроскопу, дающему возможность въ каплѣ воды открыть цѣлый міръ живыхъ существъ; дѣйствующія лица г. Баранцевича никого не увлекаютъ, никому не покажутъ новыхъ путей, никому даже не скажутъ ничего новаго. Г. Баранцевичъ не пророкъ, не проповѣдникъ, даже не учитель въ высокомъ значеніи этого слова, но онъ все-таки учитель почтенный для своихъ читателей; онъ твердо говоритъ то, что думаетъ. Нельзя сказать, что авторъ сумѣлъ сдѣлать героевъ своего романа привлекательными и интересными, но онъ представилъ ихъ достаточно правдивыми. Въ романѣ есть сцены, тепло написанныя; есть фигуры вскизно, но хорошо начерченные; есть сцены трагическія. Авторъ не позволяетъ ничего такого, что оскорбляло бы нравственное чувство. Г. Баранцевичъ — беллетристъ, преимущественно здравомыслящій среди новаго поколѣнія писателей рассказовъ, повѣстей и романовъ. Обладая гуманнымъ чувствомъ, сочувствуя униженнымъ и оскорбленнымъ, онъ остается почтеннымъ проповѣдникомъ долга, честности, трудолюбія, семейнаго начала. Ничего новаго романъ его не даетъ, ни новой среды, ни характеровъ какихъ нибудь оригинальныхъ, ни идей, но старое выражено имъ твердо, безъ колебаній, выражено въ опроверженіе тѣхъ легкихъ взглядовъ на бракъ, которые проповѣдуются въ средѣ, изображенной романомъ. Въ немъ не безъ длинноты, которая такъ обычна въ произведеніяхъ г. Баранцевича, не безъ нѣкоторой фальши, происходящей отчасти отъ незнакомства автора съ нѣкоторыми сторонами жизни, имъ описываемой, отчасти отъ сомнительной психологіи тамъ, гдѣ ему приходится наталкиваться на сложныя положенія. Романъ можетъ показаться и даже долженъ показаться мало интереснымъ для читателей, избалованныхъ произведеніями лучшихъ нашихъ романистовъ,

гдѣ являются многія новыя откровенія русской жизни, русской души; но романъ сослужить свою полезную роль среди публики менѣе възыскательной, но многочисленной».

Почетнаго же отзыва удостоено сочиненіе А. В. Лонгинова, подъ заглавіемъ: «Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 году». Подробный разборъ этого сочиненія составленъ по порученію отдѣленія профессоромъ университета св. Владимира П. В. Владимировымъ. По словамъ рецензента, авторъ разсматриваемаго изслѣдованія внимательно изучилъ не только литературу предмета и указалъ нѣкоторыя недостатки въ выдающихся изслѣдованіяхъ, но и присоединилъ къ изученію Слова о Полку Игоревѣ нѣкоторыя новыя данныя. Такъ, кромѣ многочисленныхъ сличеній Слова съ лѣтописями, онъ привлекъ къ изслѣдованію и другіе древне-русскіе памятники, какъ Слово неизвѣстнаго проповѣдника до-монгольскаго періода, какъ различные переводные и оригинальные памятники литературы. Нѣкоторыя новыя чтенія г. Лонгинова заслуживаютъ вниманія. Точно также заслуживаетъ вниманія и раздѣленіе Слова на стихи и особенно на части, заканчивающіяся припѣвами, и многое другое. Изслѣдованіе этихъ припѣвовъ въ связи съ другими сторонами пѣсеннаго склада Слова можетъ выяснитъ литературную сторону Слова. Наконецъ, въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, при множествѣ объясненій отдѣльныхъ выраженій Слова, встрѣчаются нѣкоторыя новыя и удачныя толкованія.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ изъясненіе своей благодарности присудило золотыя пушкинскія медали слѣдующимъ лицамъ: члену-корреспонденту отдѣленія Н. Н. Страхову, А. С. Суворину, профессору П. В. Владимірову и Ю. Н. Говорухо-Отроку.

Археологическое общество. Въ новомъ помѣщеніи русскаго археологическаго общества, специально для него отведенномъ въ домѣ государственной канцеляріи (Литейный, 44), состоялось первое въ настоящемъ совѣтъ засѣданіе этого общества, по отдѣленію славянской и русской археологии, подъ предсѣдательствомъ управляющаго отдѣленіемъ, профессора С. Θ. Платонова. Докладчиками явились А. А. Спицынъ («Могильникъ Камской чуди X вѣка») и А. Е. Прѣсняковъ («О рукописи, содержащей московскій лѣтописный сводъ»). При раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ этого года А. А. Спицынымъ, по порученію императорской археологической комиссіи, въ Пермской губерніи, нашему изслѣдователю впервые удалось произвести такую раскопку чудскаго могильника, что она дала болѣе ясное, чѣмъ было до сихъ поръ, представленіе объ обрядѣ погребенія у Камской чуди: трупъ погребался на поверхности земли и засыпался землей изъ ямъ, которыя и окружаютъ теперь каждый подобный могильникъ. Въ обследованномъ могильникѣ оказался костякъ дѣвочки и при немъ серебряная маска и другіе предметы металлическихъ украшеній. Въ сообщеніи своемъ о рукописи, принадлежащей орловскому доктору А. Н. Лебедеву, А. Е. Прѣсняковъ указалъ на особое значеніе заключающагося въ этой рукописи Московскаго лѣтописнаго свода, въ которомъ, напримѣръ, подъ 1563 годомъ, помѣщенъ столь подробный рассказъ о полоцкомъ походѣ, что статья эта представляетъ, несомнѣнно, отдѣльное сказаніе. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія русскаго археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ барона Розена, почтили вставаніемъ память умершихъ: молодого ориенталиста А. П. Орлова и Н. М. Ядринцева, оказавшаго громадную услугу востоковѣдѣнію своими археологическими открытіями въ долинѣ Орхона. Г. Н. Потанинъ прочелъ очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго Н. М. Ядринцева. С. Ольденбургъ сдѣлалъ докладъ о геммахъ Н. Θ. Петровскаго, а В. Бартольдъ представилъ рефератъ «о слѣдахъ греческихъ мѣоовъ въ Средней Азіи». В. Бартольдъ сообщилъ интересное сказаніе о разрушеніи Самарканда, взятаго посредствомъ хитрости, напоминаю-

щей хитрость грековъ при взятіи Трои, и другое сказаніе, напоминающее мнѣ о Дедалѣ и Икарѣ.

Открытие памятника Г. З. Елисееву. Два года тому назадъ скончался извѣстный публицистъ, сотрудничавшій преимущественно въ «Отечественныхъ Запискахъ», Григорій Захаровичъ Елисеевъ. Смерть его послѣдовала отъ воспаления легкихъ. Все свое имущество покойный завѣщалъ литературному фонду, въ которомъ состоялъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Стоимость этого имущества доходитъ до 50.000 рублей. Литературный фондъ опредѣлилъ увѣковѣчить память Григорія Захаровича постановкой памятника на могилѣ покойнаго на Волковомъ кладбищѣ, на «литераторскихъ мосткахъ». При освященіи присутствовали предсѣдатель литературнаго фонда и многие литераторы и ученые. Памятникъ изъ сѣраго мрамора, на немъ вырѣзано имя, отчество и фамилія, годъ рожденія и смерти покойнаго. Посреди пьедестала рельефно выдается медальонъ съ изображеніемъ лица супруги Григорія Захаровича. На бронзовомъ бюстѣ, установленномъ на пьедесталѣ, вырѣзана слѣдующая надпись: «Для каждаго времени является свой мужъ». Бюстъ и медальонъ изготовлены на средства извѣстнаго богача Сибирякова. Памятникъ Елисееву находится близъ памятниковъ Костомарову и Тютчеву.

Двадцатипятилѣтіе смерти В. П. Боткина. 10-го октября исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти пользовавшагося въ свое время извѣстностью писателя, публициста и критика Василя Петровича Боткина, автора «Писемъ объ Испаніи». Въ сороковыхъ годахъ его читали съ большимъ интересомъ и даже критика 60-хъ годовъ находила, что въ «Письмахъ объ Испаніи» вполне выразился талантъ В. П. Боткина, талантъ по преимуществу художественный, отличавшійся умѣнемъ подмѣчать поэтическія стороны жизни и прискивать для нихъ привлекательную форму («Голосъ», 1869 г., № 281). Онъ былъ выдающимся въ свое время любителемъ и вѣнкомъ искусствъ и литературы. Въ ранней молодости онъ, какъ сынъ купца, не получилъ почти никакого образованія, и уже позже занялся самообразованіемъ и занялся такъ усердно, что впоследствии выдѣлился въ крупную личность съ обширнымъ дарованіемъ. Литература, наука, музыка и живопись—все было ему одинаково доступно, и обо всемъ онъ судилъ если не съ знаніемъ дѣла, то съ развитымъ вкусомъ. Одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ московскаго кружка передовыхъ людей, горячо ратовавшихъ за дѣло развитія и образованія, онъ состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Бѣлинскимъ и Грановскимъ. Люди, которые съ начала сороковыхъ годовъ стояли у насъ въ главѣ литературнаго движенія, дѣлились съ нимъ своими произведеніями еще до появленія ихъ въ свѣтъ. Мѣткость приговоровъ В. П. Боткина привлекала къ нему литераторовъ. Въ кругу артистовъ онъ пользовался большимъ авторитетомъ. Около него собирались люди самыхъ разнообразныхъ убѣжденій. Къ нему тянула его терпимость и то, что каждый находилъ въ немъ доброжелательный отзывъ на разнообразные интеллектуальные вопросы. Онъ писалъ много. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ напечаталъ рядъ статей объ искусствѣ и произведеніяхъ иностранной литературы; въ «Современникѣ» 1847 г. разбросано много статей его. Утверждаютъ даже («Петерб. Вѣдом.», 1869 г., № 282), что будто страницы о романизмѣ въ статьяхъ Бѣлинскаго написаны Боткинымъ. Не задолго до смерти, онъ предпринялъ собраніе матеріаловъ для того, чтобы написать большое сочиненіе объ исторіи искусствъ. Матеріаловъ было собрано много, но обработать ихъ помѣшало ему нездоровье, не оставлявшее его до самой могилы. Въ 1868 г., по совѣту врачей и своего брата Сергѣя Петровича Боткина, онъ уѣхалъ за границу. Но и тамъ его не оставляла восприимчивость и интересъ къ явленіямъ общественной жизни въ Россіи. Даже больной онъ слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось въ Россіи, и его, какъ истиннаго патріота, тянуло домой, не смотря на то, что петербургскій климатъ былъ для него вреденъ. «Лучше умереть на родинѣ...»,—говорилъ онъ.

Желаніе его исполнилось. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ за три недѣли до своей смерти и умеръ въ Петербургѣ на рукахъ брата. Тѣло его перевезли въ Москву и похоронили на Покровскомъ кладбищѣ. Лучшей характеристикой того, что его произведенія читались публикой довольно долгое время, служить то, что его «Письма объ Испаніи», напечатанныя въ «Современникѣ» въ 1847 году, вышли отдѣльной книгой черезъ годъ; затѣмъ второе изданіе этой книги выпущено въ 1857 г. и наконецъ третье (изданіе журнала «Пантеонъ Литературы») появилось въ 1890 году. Умирая, онъ завѣщалъ 70 тысячъ равнымъ учрежденіямъ на поощреніе наукъ и искусствъ. Въ Московскомъ университетѣ лежатъ капиталъ на выдачу стипендій, на преміи за сочиненія и на покупку художественныхъ произведеній для музея. Петербургская и Московская консерваторіи получили отъ него по 15 тыс. рублей. Петербургское общество поощренія художествъ имѣетъ отъ него 5 тыс. рублей на выдачу премій за лучшія картины; Московское художественное общество—тоже... Въ этомъ спискѣ находится и Московскій художественно-промышленный музей. Списокъ этотъ характеризуетъ Воткина не только какъ писателя сдѣлавшаго свой вкладъ въ литературу, но и какъ человѣка, заботившагося о развитіи литературы и изящныхъ искусствъ въ отечествѣ.

Отчетъ Одесской городской публичной бібліотеки за 1893 г. (63 годъ существованія). Управление бібліотеки въ 1893 г. состояло изъ 4 членовъ подъ наблюденіемъ 3-хъ профессоровъ. Какъ выдающійся фактъ въ жизни бібліотеки, слѣдуетъ отмѣтить крупное пожертвованіе магистра гражданского права А. А. Борзенко, состоящее изъ собранія историческихъ, философскихъ, юридическихъ и экономическихъ сочиненій (болѣе трехсотъ названій) и собранія автографовъ и портретовъ. Жертвователемъ напечатанъ каталогъ отдѣла и постепенно дѣлаются новыя пожертвованія. На содержаніе бібліотеки городское общественное управленіе отпустило въ 1893 г. 8.620 рублей. Сравнительно съ предшествующимъ годомъ бюджетъ отчетнаго увеличенъ всего на 100 рублей на отопленіе и освѣщеніе, вслѣдствіе расширенія бібліотеки пристройкою и замѣною газоваго освѣщенія—электрическимъ. Въ общемъ пожертвованій въ отчетномъ году поступило 2.602 тома, на сумму 4.200 рублей Покупкою приобрѣтено 740 томовъ, на сумму 1.429 рубл. 68 коп. Такимъ образомъ, сверхъ смѣты израсходовано 129 рубл. 68 коп., пожертвованные городскимъ головою, на которыя приобрѣтено 79 томовъ рѣдкихъ изданій. Въ обмѣнъ на свои дублиеты бібліотека получила 31 томъ цѣною въ 35 рубл. 45 коп., за которые отдано дублетовъ на 25 рубл. Всего въ отчетномъ году поступило въ бібліотеку 1.940 названій въ 3.373 томахъ, на сумму до 5.670 рубл. Сравнительно съ предшествующимъ годомъ нѣсколько менѣе (въ 1892 г. 2.556 названій въ 3761 томѣ). Такимъ образомъ къ 1-му января 1894 г. бібліотека состояла изъ 39.063 названій и 76.900 томовъ. Кромѣ книгъ, бібліотека имѣетъ 12 рукописей, 177 гравюръ и коллекцію автографовъ, портретовъ и проч. русскихъ и иностранныхъ писателей и ученыхъ въ числѣ 215 экземпляровъ. Сверхъ того, при городской бібліотекѣ, находится въ распоряженіи ея администраціи и для пользованія ея посѣтителей, бібліотека одесскаго славянскаго благотворительнаго общества имени св. Кирилла и Меодія, состоящая изъ книгъ 2.545 названій въ 3.647 томахъ, небольшой коллекціи рукописей и старопечатныхъ книгъ (54). Библіотека эта имѣетъ свой отдѣльный печатный каталогъ. Билетовъ для занятій въ бібліотекѣ выдано нѣсколько менѣе предшествующаго года, а именно 4.296, изъ нихъ мужчинамъ 3.607, женщинамъ 689; въ 1892 г. было выдано всего 4.513, изъ нихъ мужчинамъ 4.034, женщинамъ 479; такимъ образомъ процентное отношеніе увеличилось для послѣднихъ. Изъ нихъ дворянъ (личныхъ и потомственныхъ) 739 мужчинъ, 126 женщинъ; мѣщанъ 1.497 мужчинъ, 409 женщинъ. Эти читатели бібліотеки посѣтили ее 46.790 разъ (мужчины 40.582 и

женщины 6.208), такъ какъ читальныхъ дней было 307, то среднимъ числомъ приходится около 153 человекъ въ день. Въ предшествующемъ 1892 г. было нѣсколько болѣе, около 164 человекъ въ день.

XXV-й годово́й отчетъ Общества для распространя́нiя св. писанiя въ Россiи за 1893 годъ. Въ отчетномъ 1893 г. исполнилось тридцать лѣтъ со дня перваго собранiя небольшого частнаго дружескаго кружка, изъ коего возникло потомъ Общество для распространя́нiя св. писанiя въ Россiи. Оно, постепенно возрастая, раскинуло вѣтви дѣятельности своей на всю Россiю, до крайнихъ предѣловъ ея, преимущественно помощiю своихъ книгоношъ, которые не только распространяли книги съ великимъ трудомъ и самоотверженiемъ, но своею дѣятельностiю привлекали и новыхъ сотрудниковъ этому дѣлу. Такъ съ 1863 г. распространено было 1.588.413 экз. книгъ по городамъ и селамъ какъ Европейской, такъ и Азиатской Россiи. Половину дѣла выполнили книгоноши (число коихъ всегда было весьма ограничено), начиная съ перваго изъ нихъ, подавшаго примѣръ прочимъ и самую мысль объ учрежденiи общества, Оттона Боглановича Форхгамера, датскаго уроженца, доживающаго нынѣ свой вѣкъ въ Москвѣ, восьмидесятилѣтнимъ старцемъ. Въ 1888 г. въ память исполнившагося двадцатипятилѣтiя дѣятельности книгоношъ при правленiи Общества учрежденъ былъ «фондъ пособiй для книгоношъ», разстроившихъ здоровье свое на службѣ Общества, а въ случаѣ кончины ихъ на службѣ — ихъ семействамъ. Въ настоящее время фондъ этотъ составляютъ 1.341 руб., собранныхъ отъ членовъ петербургскихъ и московскихъ; желателно, чтобы и прочiе члены приняли посильное участiе въ этомъ фондѣ. Пожертвованiя въ пользу «фонда пособiй для книгоношъ» принимаются въ правленiи Общества въ Петербургѣ (Вас. Остр., 7-я линiя, № 42). Минувшiй 1893 годъ былъ особенно благопрiятенъ для дѣла Общества. Въ приходѣ было 44.824 рубл. 32 коп., израсходовано — 44.316 рубл. 46 коп., въ остаткѣ 507 рубл. 86 коп., изъ коего 100 рубл. отчислено въ фондъ пособiй для книгоношъ, а остальнымъ излишкомъ покрытъ дефицитъ въ капиталѣ Общества. Книгъ распространено было 74.053 экземпляра, въ томъ числѣ подарено 1.734 экземпляра въ школы, тюрьмы, богадѣльни, больницы и бѣднымъ людямъ. Въ этомъ же году принято въ Общество трое новыхъ и при томъ весьма усердныхъ и дѣльныхъ книгоношъ.

Настоящiй отчетъ особенно обяненъ интересными сообщенiями книгоношъ общества. Посланные на Колумбiйскую выставку въ Чикаго образцы всѣхъ книгъ Общества, по окончанiи выставки, переданы были епископу алеутскому и аляскинскому для раздачи русскимъ въ Америкѣ на память. Добровольный флотъ бесплатно перевозитъ нашихъ книгоношъ на дальнiй востокъ и книги, нерѣдко отправляемыя значительными партiями отъ 100 до 300 пудовъ.

Къ исходу 1893 г. въ обществѣ состояло 1.265 членовъ, въ томъ числѣ 444 духовныхъ лицъ и 8 книгоношъ. Входящихъ бумагъ было 2.474, исходящихъ — 2.198. Къ 1-му января 1894 года капиталъ общества, собственно въ наличныхъ деньгахъ и % бумагахъ, составлялъ 10.158 рубл. 68 коп.

Въ настоящiй отчетный годъ исполнилось и 25-тилѣтiе служенiя дѣлу Общества книгоноши А. В. Ларіоновой. Дѣятельность ея ограничивалась Петербургомъ и его окрестностями, гдѣ ею распространено 96.374 экземпляра книгъ св. писанiя, преимущественно новаго завѣта на русскомъ языкѣ, главнымъ образомъ среди солдатъ, всегда съ радостiю встрѣчавшихъ свою «бабушку». Съ тяжелою сумкою на плечѣ, до верха нагруженною книгами, бодро ходила она изо дня въ день по улицамъ Петербурга, Кронштадта, Оравіенбаума, Царскаго Села, Павловска, Гатчины, заходя на рынки, въ лавки, трактиры, мастерскiя, казармы или въ Красносельскомъ лагерѣ по палаткамъ, предлагая свои книги, убѣждая записаться ими. Въ

1887 г., проболѣвъ съ недѣлю и едва оправясь, она опять принялась за свою работу и въ отчетномъ году распространила еще 3.535 экземпляровъ книгъ, но наконецъ слегла въ богадѣльню.

Двадцатипятилѣтіе торговаго дома В. Бессель и К^о Музыкальная торговля «В. Бессель и К^о» была основана осенью 1869 г. свободнымъ художникомъ музыки Василіемъ Васильевичемъ Бессель вмѣстѣ съ братомъ его Иваномъ. Возникшая фирма прежде всего обратила вниманіе на устройство торговли музыкою; для этой цѣли В. Бессель посвѣтилъ всѣхъ выдающихся издателей музыки за границу: въ Германіи, Франціи и Италіи. При составленіи сортиमेंта нотъ большое вниманіе было обращено на отдѣлы: партитурный, оперный и камерной музыки, при чемъ сочиненія русскихъ композиторовъ, весьма и многочисленныхъ въ то время, были приобретены полностью. Устроенный на новыхъ основаніяхъ новый музыкальный магазинъ подъ названіемъ «Музыкальная торговля» приобрѣлъ расположеніе какъ публики, такъ и артистовъ, значительное число которыхъ было или сослуживцами В. Бесселя по театру, или его товарищами по консерваторіи. Близкія отношенія къ музыкальному міру породили въ братьяхъ-основателяхъ фирмы совершенно особенныя взгляды на торговлю нотами и на музыкально-издательское дѣло.

Въ первые же мѣсяцы существованія фирма приступила къ изданію симфоническаго произведенія «Иванъ Грозный» А. Рубинштейна въ переложеніи П. Чайковскаго (для фортепiano въ 4 руки). Единственнымъ серьезнымъ издателемъ сочиненій русскихъ композиторовъ въ Россіи былъ тогда Стелловскій въ Петербургѣ; онъ издавалъ въ свѣтъ сочиненія Глинки и Даргомыжскаго и приступилъ къ изданію оперъ Сѣрова. Напечатавъ «Рогифду», онъ вскорѣ умеръ, и долго послѣ его смерти другія оперы Сѣрова не появлялись въ печати. Не только оперныя произведенія русскихъ композиторовъ не находили издателей, оркестровыя партитуры и серьезные фортепiаннныя сочиненія также оставались неизданными. Единичныя попытки изданія нѣсколькихъ романсовъ, танцевъ или фортепiанной пьески нельзя было признать за серьезную издательскую дѣятельность. Дѣятельность фирмы началась съ того, что права собственности были приобретены за обусловленную денежную плату отъ Рубинштейна, ни одно его сочиненіе уже не издавалось бесплатно въ Россіи, какъ это случилось нѣрѣдко до того времени; болѣе полсотни романсовъ 15 хоровъ и кантата «Утро» были изваны съ русскими словами. Кантата «Утро» (ор. 74) первоначально сочинена на русской текстъ Я. Полонскаго, но за отсутствіемъ серьезныхъ издателей въ Россіи должна была появиться въ печати въ Германіи (конечно, съ переводнымъ нѣмецкимъ текстомъ) и затѣмъ уже была издана въ Россіи съ оригинальнымъ текстомъ на русскомъ языкѣ. Множество фортепiанннхъ сочиненій были напечатаны въ болѣе дешевыхъ изданіяхъ и могли проникнуть на всѣ русскіе нотные рынки. Началось сближеніе фирмы съ Даргомыжскимъ, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, А. П. Бородинымъ. Серія романсовъ польскаго композитора Монюшко вышла въ свѣтъ въ числѣ первыхъ изданій фирмы.

Въ 1874 г. фирма приняла на себя какъ изданіе, такъ и хлопоты по постановкѣ оперы Чайковскаго «Опричникъ», хлопоты увеличались успѣхомъ; клавирауспугъ, отдѣльные нумера и переложенія были изданы своевременно къ первому представленію (пришлось почти все напечатать въ Лейпцигѣ). Молодая издательская фирма не задумалась надъ тысячными затратами на изданіе этой оперы Чайковскаго, хотя ей было прекрасно извѣстно о неуспѣхѣ предыдущей его оперы въ Москвѣ. Въ 1872 г. основанъ фирмою специальный «Музыкальный листокъ», съ исключительною цѣлью содѣйствовать установленію болѣе правильнаго отношенія музыкальнаго міра и любителей музыки къ творческому таланту нашихъ композиторовъ.

Оперныхъ, оркестровыхъ партитуръ, русскихъ композиторовъ — издано фирмою шесть: «Кавказскій плѣнникъ» Кюи; «Хованщина» Мусоргскаго; «Снѣгурочка» Римскаго-Корсакова; «Демонъ» А. Рубинштейна; «Корделія» (Местъ) Н. Соловьева и «Псковитянка» Н. Римскаго-Корсакова. Клавирауспуговъ оригинальныхъ русскихъ оперъ—пятнадцать. Хорошихъ и вообще вокальныхъ сочиненій въ оркестровыхъ партитурахъ—тридцать. Оркестровыхъ партитуръ и партій оригинальныхъ инструментальныхъ сочиненій русскихъ композиторовъ—тридцать шесть (въ числѣ ихъ: пять симфоній, двѣ большія оркестровыя сюиты, увертюры, фантазіи, симфоническія поэмы и пр.). Хоровъ для смѣшанныхъ голосовъ, мужскихъ и женскихъ, съ аккомпаниментомъ фортепьяно или à capella-оригинальныхъ, русскихъ авторовъ—70; переводныхъ—72 и нѣсколько (школьныхъ) педагогическихъ сборниковъ. Романсовъ, дуэтовъ, тріо и пр., для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепьяно—1.500 (оригинальныхъ болѣе 800, переводныхъ около 700). Сочиненій для фортепьяно въ 2 руки—1.230 (оригинальныхъ 750, иностранныхъ авторовъ 480), кромѣ танцевъ и пр. Всего издано (съ 1869 г. по 1894 г.) около 4.000 произведеній. Въ собственной нотопечатнѣ фирмы ежегодно печатается около 5.000.000 нотныхъ страницъ на двухъ скоропечатныхъ и четырехъ ручныхъ станкахъ. Въ Чикаго фирма удостоена высшей награды (медаль и дипломъ) за оперныя и педагогическія изданія.

† Александръ Викторовичъ Щербакъ, въ Нагасаки отъ рака въ гортани и полости рта. Этой мучительной болѣзью покойный хворалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ и года два назадъ перенесъ тяжелую операцію, произведенную профессоромъ Павловымъ въ больницѣ Кресто-Воздвиженской общины. Докторъ Щербакъ пользовался широкой извѣстностью и энергіей врача и русскаго корреспондента. Движимый любовью къ ближнему, онъ вызвался во время сербско-турецкой войны 1876 г. ѣхать въ отрядъ «Краснаго Креста» въ Черногорію. Здѣсь, на театрѣ военныхъ дѣйствій, полный самоотверженія и энергіи, онъ оказалъ немаловажныя услуги. Многіе раненые обязаны его хирургическимъ знаніямъ и опытности своимъ исцѣленіемъ и полнымъ выздоровленіемъ. Участвуя въ сраженіяхъ и стычкахъ съ турками, А. В. находилъ время корреспондировать изъ Черногоріи въ «Голосъ». Въ одной изъ стлечекъ онъ былъ контуженъ. Когда разгорѣлась русско-турецкая война, общество «Краснаго Креста» пригласило покойнаго стать въ главѣ врачебно-санитарнаго пункта при отрядѣ Наслѣдника Цесаревича. Особенно памятно участіе Щербака въ Ахаль-Текинской экспедиціи. Здѣсь подъ его наблюденіемъ было сформировано нѣсколько санитарныхъ пунктовъ. Онъ, будучи на великокняжеской позиціи, всегда поспѣвалъ туда, гдѣ требовалась немедленная медицинская помощь и участвовалъ во взятіи Геокъ-Тепе. Экспедиція подробно описана имъ въ корреспонденціяхъ, напечатанныхъ въ 1880—1881 въ «Порядкѣ». Корреспонденціи эти были пополнены и изданы отдѣльной интересной книжкой, подъ заглавіемъ: «Ахаль-Текинская экспедиція генерала Скобелева». Послѣ войны А. В. служилъ врачомъ въ петербургской Александровской больницѣ для черноработчихъ, затѣмъ судовымъ врачомъ Добровольнаго флота и сопровождалъ неоднократно партіи ссыльныхъ на Сахалинъ и въ другія мѣста Сибири. Всѣдуя съ ссыльными въ пути и наблюдая ихъ образъ жизни на Сахалинѣ, Щербакъ написалъ рядъ очерковъ «Ссылнокааторжные на Сахалинѣ», напечатанныхъ въ «Новомъ Времени». Кромѣ того, нѣсколько статей его о ссылкѣ было помѣщено въ «Тюремномъ Вѣстникѣ». Живя на дальнемъ Востокѣ, онъ присылалъ оттуда «Новому Времени» интересныя корреспонденціи. А. В. Щербакъ родился въ 1848 г., образование закончилъ въ Медико-хирургической академіи. Какъ человекъ, онъ обладалъ симпатичнымъ характеромъ, отзывчивымъ на все доброе и хорошее. Всѣ знавшіе его надолго сохраняютъ память о немъ, какъ о свѣтлой личности, неутомимо работавшей ради ближняго.

† ординарный профессор по кафедрѣ анатоміи въ университетѣ св. Владиміра, докторъ медицины Владиміръ Алексѣевичъ Бецъ. Онъ извѣстенъ своими многочисленными научными работами и особенно цѣнными изслѣдованіями надъ головнымъ мозгомъ. Имъ были произведены изслѣдованія надъ мозгомъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, зародышей, также надъ головнымъ мозгомъ животныхъ (обезьянъ), при чемъ было сдѣлано болѣе 5.000 препаратовъ. Изслѣдованія Беца были вызваны стремленіемъ точно показать зависимость строенія сѣраго вещества мозговыхъ извилинъ отъ наслѣдственности. Это отчасти удалось ему въ статьѣ «Объ измѣненіяхъ съ возрастомъ костей черепа у мужчинъ и женщинъ». Покойный ученый констатировалъ впервые замѣчательное явленіе: мужскіе черепа костенѣютъ раньше, чѣмъ женскіе, у мужчинъ окостенѣніе начинается снизу и распространяется постепенно кверху, у женщинъ наоборотъ. Работа эта вызвала лѣтъ десять тому назадъ большое оживленіе въ медицинской литературѣ. В. А. Бецъ — изъ потомственныхъ дворянъ Полтавской губерніи, родился 14-го апрѣля 1834 г. Медицинское образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ университета св. Владиміра и окончилъ его за границей. По возвращеніи изъ-за границы онъ блестяще защитилъ на степень доктора медицины диссертацию подъ заглавіемъ: «О кровообращеніи въ печени». Кафедру анатоміи въ университетѣ св. Владиміра покойный занималъ въ продолженіе 26 лѣтъ, раньше же читалъ гистологію. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ докладчика почти на всѣхъ бывшихъ при немъ врачебныхъ антропологическихъ и археологическихъ съѣздахъ, на всероссійской же мануфактурной выставкѣ экспонировалъ удачно приготовленные препараты (слѣпками) головного мозга, за что получилъ большую серебряную медаль. Изъ многочисленныхъ работъ В. А. Беца назовемъ: «Новый методъ изслѣдованія центральной нервной системы чловѣка», «Къ анатоміи и топографіи чловѣческаго мозга» и др. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ предпринялъ совместно съ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ цѣнное изданіе: «Историческіе дѣятели юго-западной Россіи».

† отъ удара генералъ свѣтлѣйшій князь Николай Константиновичъ Имеретинскій, одинъ изъ внуковъ царя Давида Георгіевича, царствовавшего въ Имеретіи съ 1784 г. Покойный родился 30-го декабря 1830 г., воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, по окончаніи курса поступилъ въ Преображенскій полкъ. Прослуживъ 13 лѣтъ, князь Н. К. поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, гдѣ съ успѣхомъ кончилъ курсъ. Назначенный военнымъ начальникомъ Виленскаго уѣзда, онъ принималъ участіе въ усмирении польскихъ мятежниковъ и въ этой кампаніи ознакомился съ главнѣйшей эпохой дѣятельности Муравьева (Виленскаго). Въ концѣ 60-хъ годовъ Имеретинскій былъ избранъ волынскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, затѣмъ занималъ должность помощника предсѣдателя областного правленія Войска Донскаго до 1874 г., когда былъ причисленъ къ Россійской миссіи въ Бернѣ. Уволенный по домашнимъ обстоятельствомъ отъ службы въ 1886 г., онъ посвятилъ свои силы литературному труду. Хорошо ознакомленный съ государственной и общественной дѣятельностью М. Н. Муравьева, онъ написалъ подробную характеристику графа въ «Русскомъ Обзорѣніи» и затѣмъ отмѣтилъ въ статьѣ «Воспоминанія о графѣ М. Н. Муравьевѣ» («Историческій Вѣстникъ», декабрь, 1892) борьбу графа съ тройной силою: полонизма, полонофильства и западничества. Въ статьѣ «Изъ записокъ стараго преображенца», въ нѣсколькихъ номерахъ «Русской Старины» за 1893 г. Имеретинскій набросалъ рядъ картинъ полковой жизни преображенцевъ конца царствованія Николая I и перваго десятилѣтія царствованія Александра II. Кромѣ того, перу покойного принадлежатъ изслѣдованія: «Дворяне, разночинцы и крестьяне въ современномъ русскомъ землевладѣніи» («Русск. Обзор.») и «Дворянство Волынской губ.» («Журн. Мин. Нар. Просв.»)

1893 и 1894 г.). Последнимъ литературнымъ трудомъ Н. К. была историческая характеристика «Перваго періода столѣтней народной борьбы въ юго-западномъ краѣ съ 1793 по 1893 г.» («Русск. Обзор.»).

† 8-го октября въ больницѣ, на Удѣльной, писатель, каллиграфъ, переводчикъ и поэтъ Адольфъ Федоровичъ Беземанъ. Ему было не болѣе 45 лѣтъ. Беземанъ долго занимался въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, такъ какъ лучшаго каллиграфа и рисовальщика было трудно встрѣтить. По части каллиграфіи Беземанъ составилъ множество художественныхъ виньетокъ для адресовъ, книгъ. Онъ рисовалъ и нѣкоторые рисунки для государственныхъ бумагъ. О мѣстѣ своего служенія онъ написалъ обширный фельетонъ: «Фатерландъ на Фонтанкѣ», который надѣлалъ очень много шума, обличивъ нѣмецкую партію экспедиціи. Беземанъ перевелъ нѣсколько оперетокъ, въ томъ числѣ «Маскотту», изъ-за которой велъ упорный процессъ съ покойнымъ І. Я. Сѣтовымъ. Онъ сотрудничалъ во многихъ газетахъ и юмористическихъ изданіяхъ. Хорошо владѣя стихомъ, онъ любилъ застольную поэзію и за обѣдомъ или за ужиномъ писалъ стихи пѣлыми страницами порусски, пофранцузски и понѣмецки. Пробовалъ Беземанъ свои силы въ театрѣ и даже въ нѣмецкомъ клубѣ выступилъ въ роли прекрасной Елены. За послѣдніе годы онъ былъ пораженъ параличемъ и печально кончилъ дни свои въ больницѣ умалишенныхъ.

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

Къ біографіи графа А. А. Закревскаго.

Въ сентябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» напечатано продолженіе воспоминаній М. Ѳ. Каменской. Авторъ этихъ воспоминаній отзывается въ нихъ о нашемъ дѣдѣ графѣ Арсеніи Андреевичѣ Закревскомъ такимъ образомъ, что на насъ, его внукахъ, лежитъ обязанность возстановить истину. Мы нисколько не намѣрены входить въ полемику съ авторомъ воспоминаній, а только цитируемъ факты, что не можетъ имѣть никакого вліянія на успѣхъ или неуспѣхъ самого литературнаго произведенія. Полагаемъ, не мы одни, а всѣ того мнѣнія, что печатаемая нынѣ въ такомъ изобиліи воспоминанія — это передача впечатлѣній фактовъ, а не объективное ихъ воспроизведеніе.

Въ воспоминаніяхъ г-жи Каменской, на стр. 635 сказано: «у нихъ съ дѣдомъ была всего одна дочь, Аграфена Федоровна, которую они выдали замужъ за адъютанта фельдмаршала графа Каменскаго, Арсенія Андреевича Закревскаго, человѣка совсѣмъ бѣднаго, правда трезваго и чрезвычайно аккуратнаго, но не блиставшаго умственными способностями».

Далѣе: «Женившись на Аграфенѣ Федоровнѣ, Закревскій, по милости фельдмаршала Каменскаго, который не переставалъ ходатайствовать за него, быстро пошелъ въ гору: скоро былъ сдѣланъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ; потомъ попалъ въ министры внутреннихъ дѣлъ и былъ пожалованъ въ графы. Но за какое-то опрометчивое распоряженіе въ 1831 году, во время первой холеры, съ этого мѣста слетѣлъ и попалъ въ сильную немилость государя Николая Павловича, которую, много лѣтъ спустя, могъ переломить своею силою только канцлеръ графъ Нессельроде».

Графъ Закревскій никогда не былъ адъютантомъ фельдмаршала Каменскаго, а былъ адъютантомъ сына этого фельдмаршала, графа Николая Михайловича Каменскаго, которому онъ оказалъ услугу подъ Аустерлицемъ; но уже въ 1809 году онъ былъ не адъютантомъ графа Каменскаго, а начальникомъ его канцеляріи во время финляндской кампаніи, въ продолженіе которой дѣйствія графа Каменскаго составляютъ одну изъ блестящихъ страницъ русской военной исторіи. Въ той же должности состоялъ графъ Закревскій и во время Молдавской кампаніи, окончить которую не удалось графу Каменскому, такъ какъ онъ умеръ въ Одессѣ въ началѣ осени 1811 года и, разумѣется, долѣе не могъ уже оказывать протекцію своему любимцу. 12-го декабря 1811 года графъ Закревскій былъ назначенъ адъютантомъ къ военному министру Барклаю-де-Толли, а 21-го марта 1812 года Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, былъ назначенъ директоромъ особенной канцеляріи при военномъ министрѣ и въ этой должности оставался при Барклаѣ во все время кампаніи 1812 года до извѣстнаго историческаго совѣщанія въ Филахъ. Высочайшимъ приказомъ 3-го декабря 1812 года онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству. За отличіе въ сраженіяхъ подъ Люценомъ, Вауценомъ, Дрезденомъ и Кульмомъ онъ былъ произведенъ 15-го сентября 1813 года въ генераль-маіоры; а послѣ Лейпцигскаго сраженія 8-го октября того же 1813 года былъ назначенъ генераль-адъютантомъ къ его императорскому величеству. Въ 27 лѣтъ (графъ Закревскій родился 13-го сентября 1786 г.) быть генераль-адъютантомъ въ то время, когда ихъ было всего семь человѣкъ, считая въ томъ числѣ и великаго князя Константина Павловича, заставляетъ предполагать въ получившемъ это званіе нѣкоторую долю умственныхъ способностей.

29-го мая 1815 года графу Закревскому было поручено въ Гейдельбергѣ сформированіе главнаго штаба, а 12-го декабря того же 1815 года онъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба. Каково положеніе его было тогда и нуждался ли онъ въ чужой протекціи, крайне ясно показываютъ письма его и къ нему, напечатанныя въ семьдесятъ третьемъ томѣ сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, особенно письма начальника главнаго штаба князя П. М. Волконскаго во время Тропаускаго и Веронскаго конгрессовъ.

Дѣйствительно, 8—14 августа 1830 года графъ Закревскій былъ пожалованъ въ графы. Въ Высочайшемъ рескриптѣ по этому поводу было, между прочимъ, сказано, что «государь оказываетъ сей знакъ монаршаго благоволенія тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что оный согласуется съ желаніемъ, изъявленнымъ финляндскимъ сенатомъ». Отчего графъ Закревскій вышелъ въ отставку 19-го ноября 1831 года и тѣмъ отказался отъ званія министра внутреннихъ дѣлъ, — имъ самимъ выяснено въ одной его запискѣ, также напечатанной тѣмъ же Обществомъ.

Въ семействѣ у насъ не разъ мы слышали, что дѣдъ послѣ долгихъ колебаній принялъ должность московскаго генераль-губернатора и то только по настоянію великаго князя Михаила Павловича, съ которымъ онъ сохранилъ во все время своей отставки близкія отношенія. 6-го мая 1848 года графъ Закревскій былъ назначенъ московскимъ генераль-губернаторомъ, и вмѣстѣ ему было возвращено генераль-адъютантское званіе; 1-го ноября того же года онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и вскорѣ полу-

чиль высшій орденъ св. Андрея Первозваннаго. Затѣмъ, всеѣмъ извѣстно, и это сохранилось въ нашихъ семейныхъ бумагахъ, что онъ, какъ генераль-губернаторъ, имѣлъ весьма широкія исключительныя полномочія. Все это такого рода факты, которые плохо вяжутся съ получениемъ мѣста, благодаря искательству, съ одной стороны, и протекціи — съ другой. Какова бы ни была оцѣнка дѣятельности нашего дѣда, но врядъ ли можно его упрекнуть въ отсутствіи самостоятельности характера.

Графъ А. Д. Нессельроде.

Князь А. Д. Друцкой-Соколынинскій.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1894 г ¹⁾.

А.

- Абдъ-Уссатаръ Назембень**, учитель турецкаго языка, т. LV, 91.
- Абисари**, губернаторъ Тира, т. LV, 247.
- Августа-Винторія**, германская императрица. *Замѣтка* о ея домашней жизни, т. LVIII, 883—884.
- Авраамъ** (Шумилинъ), архіепископъ ростовскій, т. LVIII, 242.
- Агильеръ**, Раймондъ, историкъ, т. LVI, 293.
- Адаменно**, гласный одесской городской думы, т. LVIII, 305.
- Аддисонъ**, американскій писатель. *Замѣтка о немъ*: Отецъ англійской журналистики, т. LVIII, 280, 281.
- Адлербергъ**, гр. В. Ѳ., министръ двора, т. LV, 129, 130; т. LVI, 665.
- Адриановъ**, С. А. *Статья его*: Русскіе кортецы, т. LVI, 725—770. *Библиографическія замѣтки его*: Русская историческая библиографія. Указатель книгъ и статей по всеобщей и русской исторіи и вспомогательнымъ наукамъ за 1800—1854 гг. включительно. Томъ III. Составилъ В. И. Межовъ. Т. LV, 246. Историческое обозрѣніе. Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества при Императорскомъ Слб. уни-
- верситетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. Томы V и VI. Т. LV, 550. Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать девятая. Т. LV, 852—853. Историческія статьи П. В. Безобразова. Выпускъ первый. Т. LVI, 548, 549. Н. Н. Оглоблинъ. Библиотека сибирскаго митрополита Игнатія 1700 года. Т. LVI, 551.
- Анинфовъ**, воевода пустоозерскій, т. LVI, 757.
- Аксановъ**, И. С., писатель, т. LVII, 900.
- Александра Θεодоровна**, императрица, т. LVII, 39.
- Александръ I**, императоръ. *Упомянется*, т. LV, 35, 52—54, 571; т. LVI, 29, 30; т. LVIII, 173, 247—270, 301, 763, 764, 766, 788, 789, 792.
- Александръ II**, императоръ, т. LVI, 216, 217. *Замѣтка*: Открытіе памятника Александру II въ Гельсингфорсѣ. Т. LVI, 868—871; т. LVII, 38, 738, 739; т. LVIII, 773.
- Александръ III**, императоръ. *Статья*: Руководящая идея его царствованія, т. LVIII, ноябрь, стр. I—XX, 762.
- Александръ Македонскій**, т. LVIII, 566.
- Аленѣвъ**, В. *Статья его*: Воспоминанія бывшаго учителя русскаго языка князя Бисмарка, т. LVIII, 448—458.

¹⁾ Въ „Указатель“ не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ къ „Историческому Вѣстнику“.

- Аленсѣй Михайловичъ**, царь, т. LVII, 760, 781.
- Алиса**, принцесса Гессенъ-Дармштадтская. *Дневникъ ея*. Т. LVI, 814—829; т. LVII, 190—201.
- Алла-Куль**, хивинскій ханъ, т. LVIII, 433, 435.
- Альбрехтъ**, Евг. Карл., инспекторъ оркестровъ Слб. театровъ. *Некрологъ его*, т. LVI, 303—304.
- Альфонсъ XII**, король испанскій, т. LVI, 281.
- Амвросій**, раскольничій митрополитъ, т. LVI, 804.
- Аменофисъ III**, фараонъ египетскій, т. LV, 247.
- Аменофисъ IV**, фараонъ египетскій, т. LV, 247.
- Амилахвари**, князь, т. LVII, 95.
- Амфитеатровъ, А. В.** *Повѣсть его*: Мертвые боги. Тосканская легенда. Т. LVIII, 722—735.
- Анастасія**, дочь Ярослава I, княжна, т. LV, 202.
- Ангальтъ**, Фридр., графъ, т. LVII, 258. *Замѣтка* о его биографіи, т. LVII, 262—264.
- Андреевскій**, Ив. Ефимовичъ, ректоръ Слб. университета, т. LV, 504, 505, 512.
- Андреевъ-Бурланъ**, Вас. Ник., т. LVII, 701.
- Андрей I**, король венгерскій, т. LV, 202.
- Андреянова**, танцовщица, т. LV, 355; т. LVII, 355.
- Андрейковичъ**, польскій патриотъ, т. LVI, 711.
- Анисимовъ, Н. И.**, завѣдующій библиотекою Черкесова, т. LVI, 101—103.
- Аничковъ, Е.**, т. LVII, 891.
- Анна Ярославна**, дочь Ярослава Мудраго. *Статья о ней*: Французская королева Анна Ярославна. Т. LV, 198—209.
- Антокольскій, I.**, скульпторъ. *Статья о немъ*: Идеалы въ искусствѣ. Т. LVI, 634—649.
- Антоній Маркъ**, римскій полководецъ, т. LVIII, 872.
- Антолини**, актеръ, т. LVIII, 94.
- Анучинъ, Д. Н.**, профессоръ. *Библиографическая замѣтка о его изданіи*: „Землеводѣдніе“. Периодическое изданіе географическаго отдѣленія императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Книжка I. Т. LVII, 866—868.
- Анценгрюберъ**, австрійскій поэтъ, т. LVI, 646.
- Апухтинъ, А. Н.**, поэтъ. *Стихотвореніе его*: Передъ операцией. Т. LV, 299—301.
- Аракчеевъ, А. А.**, графъ, военный министръ, т. LV, 740; т. LVI, 204; т. LVII, 816. *Рассказы его*, т. LVIII, 301—304.
- Ардашевъ**, Пав. Ник., археографъ. *Библиографическія замѣтки его*: М. С. Корелинъ. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ 1-й. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. Т. LV, 848, 849. Учебникъ всеобщей исторіи. Составилъ Павелъ Виноградовъ, профессоръ Моск. университета. Часть I. Древній міръ. Изд. 2-е. Часть II. Средніе вѣка. Т. LVII, 533, 534. Годичный отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. Т. LVIII, 277.
- Арнушевскій**, помѣщикъ, т. LVI, 723.
- Арнольди, Н.** *Замѣтка его*: Къ биографіи пѣвца Саріоти. Т. LVI, 304.
- Арсеньевъ**, Конст. Конст., писатель-публицистъ, т. LVI, 874; т. LVIII, 821.
- А. В., писатель, т. LVIII, 664.
- д'Артаньянъ**, Шарль де-Баерт, де-Кастельморъ, графъ. *Замѣтка* о немъ, т. LV, 557, 558.
- Арціоне**, итальянскій генералъ, т. LVII, 548—550.
- Аспорида**, графъ, т. LVII, 392.
- Астыревъ**, Ник. Мих., народникъ-беллетристъ. *Некрологъ его*. Т. LVII, 182—189.
- Атласовъ**, Владиміръ, завоеватель Камчатки, т. LVI, 769.
- Атрѣшковъ**, Ник., т. LVIII, 553.
- Аубель, Л. Ф.**, помощникъ управляющаго Слб. театральнаго школой. Т. LV, 134—136, 144.
- Ахметъ III**, турецкій султанъ, т. LVI, 772.
- Ахте**, полковникъ, т. LVIII, 192.
- Ачерби**, Иосифъ, итальянскій писатель, т. LVIII, 281—283.
- Ашурбанипаль**, ассирійскій царь, т. LVIII, 567.
- Аѳанасій**, раскольничій архіерей, т. LVI, 800, 801.

Б.

- Багратіонъ**, кн., герой 1812 года. *Статья о немъ*: „Къ характеристикѣ кн. Багратіона“. Т. LVII, 824—831. *Замѣтка о немъ*, т. LVIII, 594—596.
- Баженовъ**, поручикъ, т. LVI, 737.
- Бажина**, Серафима Никит., писательница. *Некрологъ ея*. Т. LVII, 899.
- Базери**, французскій полковникъ, т. LV, 575.
- Базинеръ**, натуралистъ, т. LVIII, 431, 435.
- Бануръ**, писатель, французскій посланникъ, т. LV, 568.

- Бакшеевъ**, поручикъ, т. LVIII, 206.
Балашовъ, Захаръ, т. LV, 417.
Балинь, литейщикъ, т. LVIII, 53.
Бальмонтъ, К. Библиографическая за-
 мѣтка о переводѣ его: Фредерикъ Вин-
 кель *Горизъ*. Исторія скандинавской ли-
 тературы съ древнѣйшихъ временъ до
 нашихъ дней. Съ приложеніемъ этюда
 Ф. Швейцера «Скандинавское творчество
 новѣйшаго времени». Т. LVIII, 557—559.
Банкрофтъ, Губертъ, американскій из-
 датель-историкъ. Т. LVIII, 540—542.
Барайль, французскій генераль, т. LVIII,
 299.
Барановъ, офицеръ, т. LVIII, 202.
Баранцевичъ, К. С., писатель, т. LVIII,
 894.
Баратынскій, Евг. Абр., поэтъ, т. LVII,
 556.
Барботъ, Елизавета Егоровна, жена
 гр. П. А. Толстого. *Упомянется*, т. LV,
 36.
Барбье, Жюль, французскій драматургъ,
 т. LV, 258.
Барингтонъ, лэди, воспитательница прин-
 цессы Алисы, т. LVI, 816.
Барнлай де-Толли, графъ, главнокоман-
 дующій русской арміей, т. LVII, 828—
 831; т. LVIII, 595.
Барнова, Аделаида Фед., писательница,
 т. LVII, 434.
Барсовъ, Н. И., профессоръ духовной
 академіи, т. LV, 278.
Барсуковъ, Ник. Пл. *Библиографическая
 замѣтка о книгѣ его*: «Жизнь и труды М.
 П. Погодина». Книга восьмая. Т. LVII,
 525—528; т. LVIII, 588.
Бартоли, епископъ Витербскій, т. LVIII,
 287.
Барынова, П. В., т. LVII, 37.
Бахтуринъ, К. А., поэтъ. Воспоминанія
 о немъ. Т. LV, 171—176.
Башуцнй, Александръ Павловичъ, ли-
 тераторъ, т. LVII, 49.
Беземанъ, Адольфъ Фед., писатель, пе-
 реводчикъ, т. LVIII, 902.
Безобразовъ, П. В. *Библиографическая
 замѣтка о его книгѣ*: Историческія ста-
 тьи. Выпускъ первый. Т. LVI, 548, 549.
Бекетовъ, Андрей Ник., ректоръ Спб.
 университета, т. LV, 504, 511.
Беновичъ-Чернаскій, кн., т. LVIII, 437.
Белень, графъ, французскій эмигрантъ,
 т. LVII, 880.
Бельдюдджозо, княгиня, т. LVII, 543.
Бенедиктовъ, В. Г., поэтъ, т. LV, 175.
Бенингсенъ, генераль, главнокомандую-
 щій русской арміей въ 1812 г., т. LVIII,
 792.
Бергонцолли, Джуліо, скульпторъ, т.
 LVIII, 577.
Бергхершъ, леди, т. LV, 570.
Березина, Е. И. *Записки ея*: Жизнь
 моей матери, или судьбы Провидѣнія.
 Т. LVIII, 681—693.
Березинцевъ, А. (Ф. Дм. Крюковъ).
Разказы его: Пособіе. Очеркъ изъ ста-
 ничнаго быта. Т. LVII, 102—118. Шуль-
 гинская расправа. Т. LVII, 653—677.
Бержеранъ, Сирано, т. LVII, 892.
Бернгарди, Теодоръ, дипломатъ, т. LVI,
 523.
Бергъ, С. А., писатель. *О написанной
 имъ биографіи Л. Н. Толстаго*. Т. LV,
 79.
Бертъе, писатель, т. LVII, 552.
Бессель, Вас. Вас., издатель музыкаль-
 ныхъ произведеній. *Замѣтка о двадца-
 типятилѣтн торгованаго дома В. Бессель
 и К^о*. Т. LVIII, 899.
Бессельсъ, Адамъ, секретарь посоль-
 ства, т. LVII, 789.
Бестужевъ-Рюминъ, Конст. Ник., исто-
 рикъ, т. LV, 503, 510.
Бестужевы:
 — А. А. (Марлинскій), писатель, т.
 LVI, 33, 34; т. LVIII, 633.
 — Павелъ, т. LVI, 34.
Бетезатуль, генераль, т. LVI, 488.
Беттигеръ, русскій резидентъ въ Гам-
 бургѣ, т. LVI, 519.
Бець, Владиміръ Алексѣевичъ, докторъ
 медицины, профессоръ Кіевскаго универ-
 ситета, т. LVIII, 901.
Бибиковъ, Д. Г., кіевскій генераль-гу-
 бернаторъ, т. LVII, 121.
Бире, Эдмондъ, французскій писатель,
 т. LVII, 253.
Бисмаркъ, Отто, графъ, германскій го-
 сударственный канцлеръ, т. LVI, 863;
 т. LVIII, 448—458.
Благовидовъ, Ф. В. *Статья его*: Лич-
 ность Петра I въ исторической литера-
 турѣ, т. LVIII, 408—426.
Благовѣщенскій, Александръ Аванасье-
 вичъ, писатель-педагогъ. *Некрологъ его*,
 т. LVIII, 311, 312.
Бланкъ, Эдуардъ, путешественникъ, т.
 LV, 265.
Бловиць, парижскій корреспондентъ, т.
 LVIII, 578.
Бирнинъ, Иванъ, воевода, т. LVI, 759.
Богарне, Стефанія, герцогиня Баден-
 ская, т. LV, 268.
Богдановичъ, И. Ф., поэтъ. *Замѣтка о
 его памятникѣ въ Курскѣ*, т. LV, 279; т.
 LVIII, 307.
Боголюбовъ, Н. П. *Библиографическая
 замѣтка о его книгѣ*: Графъ Мориць
 Беньовскій. Историческая быль, т. LVI,
 268, 269.

- Богословскій, Ник. Гавр., священникъ,** т. LVIII, 512.
- Бодэ-Дюлари, французскій депутатъ,** т. LV, 531.
- Болдаковъ, И. М.,** библіотекаръ Императорской публичной библіотеки. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его:* Сэра Томаса Смита, путешествіе и пребываніе въ Россіи, т. LVII, 228.
- Болъе, Павелъ, офицеръ,** т. LVII, 789.
- Борейскій, Дм. Ив.,** т. LVII, 772.
- Борзенко, членъ англо-русскаго международнаго общества,** т. LV, 573.
- Борисовъ, Ив. П.,** т. LV, 424.
- Бородинъ, Вяч. Петр., редакторъ журнала „Дѣтское Чтеніе“,** т. LVIII, 345.
- Бородинковъ, Конст. Григ., артистъ,** т. LVII, 678—683.
- Бородины:**
— А. К. *Библиографическая замѣтка его:* Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества, т. LVIII, 853—856.
— К. М., попечитель Сиб. учебнаго округа, т. LV, 493.
- Борхъ, А. М., гр., директоръ императорскихъ театровъ,** т. LV, 686; т. LVI, 662.
- Боткинъ, В. П., публицистъ. Замѣтка о двадцатипятилѣтіи со дня его смерти,** т. LVIII, 896, 897.
- Бочановскій, Вл. Ѳ. Статья его:** Николай Саввичъ Тихонравовъ, т. LV, 215—221. *Библиографическія замѣтки его:* В. Васильевъ. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Т. LV, 243—245. Рѣка Западная Двина. Историко-географическій обзоръ. Съ картами, планами и рисунками. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Т. LV, 545, 546. М. Дьяконовъ. Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія. Т. LV, 853—854. Л. М. Савеловъ. Опытъ библиографическаго указателя по исторіи и генеалогіи русскаго дворянства. Т. LVI, 269, 270. А. Гитовъ. Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости. Неофициальная часть. Списокъ и указатель статей, помѣщенныхъ въ Вѣдомостяхъ за все время ихъ существованія 1860—1892 г. Т. LVI, 272. П. Бракенгеймеръ. *Αλεξίου Κορυνηού ποιητα παραμετιχόν* въ сравненіи съ русскимъ Домостроемъ. Т. LVI, 837, 838. Саратовскій историческій сборникъ, издаваемый саратовской ученой архивной комиссіей въ память трехсотлѣтія города Саратова. Черный томъ. Изданъ подъ редакціей дѣйствительнаго члена комиссіи В. П. Соколова. Т. LVI, 840, 841. Учебный историческій атласъ. Составилъ баронъ Н. Н. Торнау. Т. LVI, 841, 842. Архивъ князя Ѳ. А. Курякина. Книга четвертая, изданн. подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Т. LVII, 223, 224. Образование и образовательныя средства въ г. Великихъ-Лукахъ и его уѣздѣ. Историко-статистическій очеркъ А. И. Пульхерова. Т. LVII, 226, 227. Сэра Томаса Смита путешествіе и пребываніе въ Россіи. Переводъ, введеніе и примѣчанія И. М. Болдакова. Т. LVII, 228. Новгородскія кабальныя книги 7108 (1599—1600) года. Т. LVII, 534. Саратовскій край. Историческіе очерки, воспоминанія, матеріалы. Изданіе Саратовскаго общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ. Вып. первый. Т. LVIII, 563—565.
- Бочаровъ, декораторъ,** т. LVI, 662.
- Бракенгеймеръ, П. Библиографическая замѣтка о книгѣ его:** *Αλεξίου Κορυνηού ποιητα παραμετιχόν* въ сравненіи съ русскимъ Домостроемъ. Т. LVI, 837, 838.
- Бранденбургъ, Н. Е.,** т. LVIII, 590.
- Брандесъ, Библиографическая замѣтка о сочиненіи его:** Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекціи, читанныя въ Копенгагенскомъ университетѣ. Переводъ В. Невѣдомскаго. Англійская литература. Т. LV, 237—240.
- Браннованъ, молдавскій господарь,** т. LVI, 782.
- Браунингъ, англійскій поэтъ,** т. LVI, 852.
- Браунъ, американскій спиритъ,** т. LV, 558.
- Бредихинъ, Ѳ. А., академикъ, астрономъ,** т. LV, 579.
- Бредневъ, Яковъ, уральскій казакъ,** т. LVI, 801.
- Бремонъ, военный министръ Римской республики,** т. LVIII, 286.
- Бретель, баронъ, французскій посланникъ,** т. LVI, 503; т. LVIII, 830, 835.
- Бризбэнъ, американскій богачъ,** т. LV, 531.
- Бриннеръ, А. Г., профессоръ. Статья его:** Петръ Великій и князь Меншиковъ въ Гамбургѣ въ 1713 г. Т. LVI, 517—522.
- Брылевъ, унтеръ-офицеръ,** т. LV, 449, 450.
- Брюловъ, Карлъ Павл., художникъ,** т. LVIII, 634.
- Бубновъ, П. Д., актеръ,** т. LVIII, 102.
- Будейнъ, Арнольдъ,** т. LVII, 789.
- Будиловичъ, А. С., профессоръ Юрьевскаго университета,** т. LV, 580.
- Букананъ, Робертъ. Переводъ его романа:** Подъ тѣнью меча (*The Shadow of the Sword*). (Приложеніе). Т. LV—LVII.
- Бунсгвандъ, графъ, полковникъ кор-**

пуса жандармовъ, т. LVII, 119, 120, 125—133; т. LVIII, 793.

Булгановъ, Дм. Ник., инженерный офицеръ, т. LVII, 328.

— **Яковъ Ал.**, полномочный министр, т. LVII, 389.

Булгаринъ, О. В., писатель, т. LV, 604; т. LVII, 317, 318 (Письмо его); т. LVIII, 633.

Буличъ, К. С., т. LVII, 897, 898.

Бульонъ, Роза, французская патриотка, т. LVI, 843.

Бунге, Ник. Христ., проф. Киевскаго университета, т. LVI, 473, 474.

Бураковский, С. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: „Тарасъ Бульба“ Н. Гоголя.* Разборъ повѣсти для учащихся, съ приложеніемъ статьи „Характеристика и значеніе поэзіи Гоголя“. Т. LVII, 871.

Бурдинъ, актеръ, т. LVII, 694.

Буренинъ, Викторъ Петр., критикъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Графъ Алексисъ Жасминовъ.* Пша и Пуся, или горе отъ любви. Разказы и комедія во вкусъ fin de siècle. Т. LVII, 864, 865.

Бурже, французскій романистъ, т. LVII, 243.

Буржуа, Анисэ, французскій драматургъ, т. LV, 258.

Буриньонъ, Антуанета, проповѣдница мистицизма. *Замѣтка о ней.* Т. LVIII, 876—880.

Бурз-де-Корберонъ, французскій посланникъ, т. LVI, 506, 512.

Буссе, полковникъ, т. LV, 446.

Бущинскій, П. Н., проф. Харьковскаго университета, т. LVI, 752, 766.

Бушо, Генри, писатель, т. LVIII, 288.

Бѣлинскій, Вас. Григ., критикъ, т. LVII, 372.

Бѣлонуровъ, Сергѣй, изслѣдователь, т. LVIII, 589.

Бѣляевъ, Д. О. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Ежедневные и воскресные приемы византийскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X в.* Т. LV, 232—235.

— **Н. И.**, т. LV, 174.

Бюисонъ, Фердинандъ, французскій писатель, т. LV, 248.

Бюловъ, Гансъ, музыкантъ, т. LVI, 531.

Бюландъ, французскій генералъ, т. LV, 575.

Бюрго, Э., французскій полковникъ, т. LV, 575.

Бюто, Генри, французскій писатель, т. LV, 199.

Бяшковъ, В. М., докторъ, т. LVIII, 156.

В.

Вагановъ, чиновникъ, т. LVIII, 196.

Вагнеръ, Н. П., профессоръ, т. LVIII, 669.

Вагнеръ, композиторъ, т. LVI, 531.

Вайтекеръ, Джорджъ, англійскій писатель, т. LVI, 283.

Вайтъ, Джонъ, профессоръ Гарвардскаго университета, т. LV, 552.

Валевская, графиня, т. LV, 270.

Валуевъ, полковникъ, т. LVI, 727, 728.

Вальдштейнъ, лекторъ по археологіи въ Кембриджѣ, т. LV, 553.

Вангъ-Хень, китайскій императоръ, т. LVII, 872.

Вандаль, Альберъ, писатель, т. LVII, 850.

Варенскій, наставница Ж. Ж. Руссо, т. LVII, 894.

Василевскій, Ип. Оед., писатель, т. LVI, 874.

Васильевскій, Вас. Григ., историкъ, профессоръ Сиб. университета, т. LV, 508; т. LVII, 897, 898.

Васильевъ, Василій. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ.* Т. LV, 243—245.

— **В. А.** *Замѣтка его: Къ біографіи артиста Саріоти.* Т. LV, 886—887. *Поправка къ біографіи Саріоти.* Т. LVI, 591—592.

— **В. Г.**, 1-й, актеръ, т. LV, 351.

— **Иосифъ**, настоятель русской церкви въ Парижѣ, т. LVI, 677.

— **Сергѣй Вас.**, актеръ, т. LV, 682.

— **Павель Вас.**, актеръ, т. LVI, 661, 669; т. LVII, 348—359.

Василько-Петровъ, Вас. Петр., фельетописецъ „Спб. Вѣдомостей“, т. LV, 127, 142—145.

Васильчикова, Екат. Иларіоновна, кн., т. LVIII, 46.

Васильчиковъ, Иларіонъ Вас., князь, т. LVI, 36, 624.

Васьяновъ, Ив. Вас., общественный дѣятель. *Некрологъ его*, т. LVIII, 594.

Веллингтонъ, М., герцогъ, т. LVI, 279.

Вельяминовъ, полковникъ, т. LV, 480.

Венелинъ, Ю. Н., историкъ, т. LVII, 862.

Венеціанова, Марѳа А., жена художника, т. LVII, 48.

Вержищнй, Г. Г., полицеймейстеръ, археологъ, т. LVIII, 307.

Верковичъ, С. И., сербско-болгарскій археологъ, т. LVII, 861.

Вернадскій, общественный дѣятель, т. LV, 516.

Вероника, іудейская царица, т. LVI, 296.

- Верстовскій**, композиторъ, т. LVI, 29.
Верхюэль, голландскій адмиралъ, т. LVIII, 288.
Веселитскій, Сергій Гавр., генералъ-лейтенантъ, т. LVI, 184.
Веселовскій, А. Н., академикъ, профессоръ Слб. Университета, т. LV, 508.
Вестфалли, актриса, т. LVI, 654.
Вигуре, товарищъ Консидерана, т. LV, 529.
Викторія, королева англійская, т. LVI, 815.
Вилардъ, американская филантропка, т. LV, 558.
Виллерсъ, Б., голландецъ, т. LVII, 789.
Вильгельмъ II, императоръ германскій, т. LVII, 885.
Вилье, М. Я., акварелистъ, т. LVIII, 756.
Вильямсъ, Елеазаръ, американскій пасторъ, т. LV, 861.
Виніусъ, Андрей, переводчикъ, т. LVII, 775.
Виноградовъ, Павелъ, профессоръ Московскаго университета. *Библиографическая замѣтка о его книгахъ*: Учебникъ всеобщей исторіи. Часть I. Древній міръ. Изд. 2-е исправленное. Часть II. Средніе вѣка. Т. LVII, 533, 534.
 — Вас., священникъ, т. LVI, 632.
Винтеръ, профессоръ междунагоднаго права, т. LV, 112.
Висконти, архитекторъ, т. LV, 256.
Вистенгаузенъ, начальникъ патриотическаго училища, т. LV, 320.
Витгенштейнъ, княжна, т. LVI, 531.
Вителларо, Н. Ф., учитель пѣнія, т. LV, 360.
Владимірова, Е. В., аргистка, т. LVI, 426, 670.
Владиміръ Мономахъ, русскій князь, т. LV, 201.
Владиславлевъ, Мнх. Ив., ректоръ Слб. университета, профессоръ философіи, т. LV, 513.
Влодекъ, т. LVIII, 50.
Воейнова, Оекла Львовна, т. LVIII, 690.
Войцеховскій, О. П., профессоръ китайской словесности, т. LV, 91.
Волновъ, А., генералъ, т. LV, 588.
 — Н. *Замѣтка его*: къ „Очеркамъ Москвы“, т. LV, 588.
Волнонская, Марья Ник., княжна (въ замужествѣ Толстая), т. LV, 84.
Волнонскій, М. С., кн., товарищъ министра народнаго просвѣщенія, т. LVIII, 540.
 — Никита, кн., полковникъ, т. LVIII, 802.
 — Петръ Мнх., кн., т. LVIII, 41.
Воллзъ, американскій естествоиспытатель, т. LV, 558.
Волоскозъ, Т. И., механикъ-самоучка, т. LVI, 705.
Волошиновъ, Ник. Афанасьевичъ, полковникъ генеральнаго штаба. *Некрологъ его*, т. LV, 279, 280.
Волховской, К. *Замѣтка его*: къ біографіи графа Ангальта, т. LVII, 262—264.
Вольслей, лордъ, т. LVIII, 256.
Вольтеръ, французскій писатель, т. LVIII, 573—575.
Воробьева, А. Я., пѣвица, т. LVII, 643.
Вороновъ, Е. И., режиссеръ, т. LV, 145; т. LVI, 82—87.
Воронцовъ, М. Р., графъ, канцлеръ, т. LVI, 503.
 — М. С., князь, одесскій генералъ-губернаторъ, т. LVII, 403, 407, 408.
Воротынскій, Иванъ Алекс., князь, т. LVII, 783.
Воскресенскій, А., ректоръ Слб. университета, т. LV, 504.
Вронченко, П. П., поэтъ, т. LVII, 406.
Всеволодъ-Гавриилъ, св., псковскій князь. *Замѣтка о празднованіи 700-лѣтія его*. Т. LV, 577.
Всеволодъ Ярославовичъ, русскій князь, т. LV, 202.
Всеволожскій, Всеволодъ Андреевичъ, т. LVI, 337; т. LVII, 318.
Вульффертъ, Густавъ Александр. *Некрологъ его*. Т. LVIII, 594.
 — Карлъ Карловичъ, негоціантъ, т. LV, 604.
Высоцкій, Ник. Петр., полковникъ, т. LVIII, 687.
Вярри, тальманъ крестьянскаго сословія, т. LVI, 870.
Вячеславъ Ярославовичъ, русскій князь, т. LV, 202.
- ## Г.
- Гавриилъ**, архимандритъ, т. LV, 95.
Гавронскій, Конст. Александр., педагогъ. *Некрологъ его*. Т. LVIII, 594.
Гагаринъ, Александръ Ив., кн., кутаискій генералъ-губернаторъ. Т. LVIII, 406, 693, 699.
Гагедорнъ, датскій посланникъ, т. LVI, 520.
Гайдебуровъ, Павелъ Александровичъ, публицистъ, редакторъ газеты «Недѣля». *Статья о немъ*. Т. LV, 524—527. *Некрологъ его*, т. LV, 582—583. *Упомянется*, т. LV, 663.
Галахова, Ольга Вас. См. Шеншина, О. В.
Гальбергъ, скульпторъ, т. LV, 167.

- Гамлѣй, Семень Ив., другъ Н. И. Новикова, т. LVIII, 473.
- Гамерштейнъ, вестфальскій генераль, т. LVIII, 266.
- Гансброхъ, графъ, іезуитъ, т. LVI, 557.
- Ганъ, офицеръ, т. LVIII, 202.
- Гаральдъ, король норвежскій, т. LV, 202.
- Гарибальди, итальянскій патриотъ, т. LVII, 548.
- Гаркортъ, Вильямъ, сэръ, англійскій государственный дѣятель, т. LVI, 245.
- Гармсенъ, Тереза Ив., т. LVI, 27.
- Гарольдъ, англійскій король, т. LV, 201.
- Гаррисонъ, Фредрикъ, англійскій писатель-публицистъ, т. LVI, 852.
- Гаррисъ, англійскій посланникъ, т. LVI, 509—514.
- Гартманъ, Отто, нѣмецкій историкъ, т. LVI, 862.
- Гаршинъ, Всеволодъ, писатель, т. LVI, 293.
- Гедесоновъ, Александръ Мих., директоръ Императорскихъ театровъ, т. LV, 124, 350—358, 688.
- Гейрмансъ, переводчикъ, т. LVIII, 296.
- Гейне, Генрихъ, нѣмецкій поэтъ, т. LVI, 853. *Замѣтка* о его памятникѣ. Т. LVII, 542—545.
- Геленсъ, ландмаршалъ, т. LVI, 870.
- Геммеръ, Конст. Ник., т. LVIII, 37.
- Генрихъ I, король французскій, т. LV, 198.
- V, король французскій, т. LVI, 577.
- VIII, англійскій король, т. LVI, 282.
- Мореплаватель, принцъ, т. LVI, 283.
- Георгъ II, герцогъ Саксенъ-Мейнингенскій, *Замѣтка* о немъ: Принцъ-режиссеръ. Т. LV, 559—561.
- Герстнеръ-фонъ, Францъ, австрійскій инженеръ, т. LVIII, 553.
- Герценъ, А. И., писатель-публицистъ, т. LVIII, 451.
- Герценштейнъ, С. М., хранитель зоологическаго музея Академіи Наукъ. *Некрологъ* его. Т. LVIII, 312.
- Герштейнцевейгъ, генераль, начальникъ главнаго штаба, т. LVI, 495.
- Гете, В., писатель, т. LVI, 851, 852. *Замѣтка* о его культѣ. Т. LVIII, 283—285.
- Гизо, французскій историкъ. *Разсказъ* его объ участіи Россіи въ сооруженіи гробницы Наполеона. Т. LV, 255—257.
- Гиллеръ, Агатонъ, польскій патриотъ. Т. LVII, 554.
- Гилунина, жена Аменофиса III, т. LV, 248.
- Гильти, К. *Библиографическая замѣтка о книгѣ* его: Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Переводъ и предисловіе А. Острогорскаго. Т. LVIII, 859—863.
- Гиляровскій, Вл. Ал., поэтъ, т. LVIII, 671, 672.
- Героглифовъ, А. С., издатель, т. LVIII, 661.
- Главачевская, помѣшанная, т. LV, 312.
- Гладстонъ, англійскій государственный дѣятель. Т. LVI, 237; т. LVIII, 884, 885.
- Глинна, О. Н., писатель, т. LVII, 407.
- Вас. Алекс., архитекторъ, т. LVI, 632; т. LVII, 49.
- Мих. Ив., композиторъ, т. LV, 128; т. LVII, 643, 644.
- М. П., докторъ, т. LVIII, 157.
- Глинскій, В. Б. *Статьи* его: Семидесятипятилѣтіе Петербургскаго университета. Т. LV, 489—516. Русскіе пионеры въ Монголіи. Т. LV, 804—825. Николай Михайловичъ Астыревъ. Некрологъ. Т. LVII, 182—189. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Т. LVII, 412—451. Изъ лѣтописи усадьбы Сергѣевки. Т. LVIII, 57—85. Изъ исторіи колонизаціи Востока. Т. LVIII, 531—548. Литературныя злобы и нужды. Т. LVIII, 819—827. *Библиографическія замѣтки* его: Сочиненія В. Д. Спасовича. Томы V—VII. Т. LVII, 217—219. Жизнь и труды И. П. Погодина, Николая Барсукова. Книга восьмая. Т. LVII, 525—528. Отчетъ Императорской публичной библиотеки за 1891 годъ. Т. LVII, 860—863. С. Н. Южаковъ. Доброволецъ «Петербургъ». Т. LVII, 869, 870. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Выводы и заключенія Н. П. Семенова. Т. LVIII, 271—274. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М. Молло. Т. LVIII, 856, 857.
- Глѣбовъ, С. И. *Разсказъ* его: Бѣлый генераль, т. LV, 794—803.
- Гнѣдичъ, Ник. Иван., поэтъ, переводчикъ «Илиады», т. LV, 605, 606. *Замѣтка* о его портретѣ. Т. LVII, 261, 262.
- Гоберъ, французскій актеръ, т. LV, 257.
- Гоголь, Ник. Вас., писатель, т. LV, 165, 166; т. LVII, 52, 81, 629, 871.
- Годуновъ, Д. И., бояринъ, т. LVI, 754.
- Голандъ, Эдуардъ, американскій социологъ, т. LV, 536.
- Голицына, Н. С., княгиня, т. LVIII, 502.
- Голицынъ, В. В., князь, т. LVIII, 537.
- Д. Влад., князь, московскій главнокомандующій, т. LVII, 733.
- Головачевъ, Д. М., т. LVII, 868.
- Головина, Вѣра Петр., т. LVIII, 778.

- Головинъ, Н. Г., уѣздный предводитель дворянства, т. LVIII, 776.
- Гольцъ, графъ, прусскій посланникъ, т. LVIII, 456, 830.
- Н. О., балетный танцовщикъ, т. LVIII, 107.
- Гомзинъ, архитекторъ, т. LVI, 35.
- Гондри, англійскій публицистъ, т. LV, 264.
- Гончаровъ, Ив. Александр., писатель, т. LVI, 660.
- Горбылевъ, Иосифъ Григорьевичъ, бур-
мистръ, т. LV, 415.
- Гордонъ, Дюффъ, т. LVI, 853.
- Горленко, Иосафъ, еп. бѣлоградскій, т. LVII, 257.
- Горловъ, профессоръ политической эконо-
міи, т. LV, 111.
- Горнь, Фредерикъ. *Библиографическая за-
мѣтка о книгѣ его: Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ
временъ до нашихъ дней. Съ приложе-
ніемъ этюда Ф. Швейцера „Скандинавское
творчество новѣйшаго времени“.* Переводъ К. Вальмонта. Т. LVIII, 557—559.
- Горская, артистка, т. LVI, 654.
- Горчакова, Целагея Николаевна, княжна (жена графа И. А. Толстого), т. LV, 83, 87.
- Горчаковъ, князь, т. LVI, 191, 533.
- Госелень де-Шалинякъ, рыцарь, т. LV, 204.
- Госсе, журнальный критикъ, т. LV, 558.
- Готье Савейръ, епископъ, т. LV, 204.
- Гофштетеръ, майоръ, т. LVI, 750.
- де-Гохе, Ромейнъ, голландскій гравертъ, т. LVII, 762.
- Граве, Карлъ, этнографъ, т. LV, 879.
- Гравьё де Верженъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. LVI, 504, 506, 512, 515.
- Градовскій, Александръ Дмитр., профессоръ, т. LV, 507.
- Гр. К., издатель журнала «Русское Обзорѣніе», т. LVIII, 664, 821.
- Графе, ганноверскій резидентъ, т. LVI, 520.
- Гребницкій, Н. А., управляющій Командорскими островами, т. LV, 579.
- Греве, Карлъ, писатель, т. LVIII, 581.
- Гревиль, писательница, т. LVIII, 888.
- Гречь, Варвара Даниловна, жена писателя, т. LV, 604.
- Николай Ивановичъ, писатель, т. LV, 604, 605, 610; т. LVII, 317; т. LVII, 633.
- Грибовъ, художникъ, т. LVI, 156.
- Григорій V, папа римскій, т. LV, 203.
- Григоровичъ, Вас. Ив., конференцъ-секретарь Академіи Художествъ, т. LVI, 30, 340, 341, 348, 349; т. LVI, 629, 632, 633.
- Григоровъ, Мисаиль, келарь Троицкой лавры, т. LVII, 472.
- Григорьева, Екат. Яковл., учительница, т. LV, 422.
- Григорьевъ, Ап. Александр., критикъ, т. LVII, 680, 692. *Статья о немъ,* т. LVIII, 779—786.
- П. В., писатель, т. LVI, 401—403.
- Петръ Ник., писатель, т. LVI, 403.
- Петръ Ив., драматическій писатель, т. LVI, 209, 431.
- Петръ Григ., актеръ, т. LVI, 431—433.
- Гримъ, Германъ, т. LVII, 789; т. LVIII, 836.
- Гротъ, Я. К., академикъ, т. LV, 505.
- Грудцынъ, Вавила, купецъ, т. LVII, 770.
- Грумъ-Гржимайло, Г. Е. *Статья его: По ступенямъ Божьяго трона, т. LV, 147—163. Статья о книгѣ его: Описание Амурской области. Т. LVIII, 531—548. Замятка о присужденіи преміи ему, т. LV, 279.*
- Гуго, графъ Вермандуа, т. LV, 205.
- Гудовичъ, генералъ-поручикъ, т. LVII, 389—391.
- Гумбинъ, оперный артистъ, т. LV, 480.
- Гундлингъ, Яковъ, ученый шугъ, т. LVIII, 571, 572.
- Гуниусъ, докторъ, т. LVI, 24.
- Гуревичъ, Л. Я., издательница журнала «Сѣверный Вѣстникъ», т. LVI, 874—880.
- Гусаковскій, А. Н., инспекторъ гимназіи, т. LVIII, 307.
- Гусевъ, Павелъ, балетный фигурантъ, т. LV, 133.
- Гэль, Натанъ, американскій патриотъ. *Замятка по поводу открытія его статуи въ Нью-Йоркѣ. Т. LV, 554, 555.*
- Гюго, Викторъ, французскій писатель, т. LVII, 252, 253.

Д.

- Дадишилиани, Конст., кн., т. LVIII, 696, 697, 700, 712, 713.
- Дадіани, Александра Георг., княжна, т. LVIII, 400, 404.
- Дамсъ, Густавъ, нѣмецкій историкъ, т. LVII, 850.
- Данилевскій, полковникъ, посланникъ въ Хивѣ, т. LVIII, 431—435, 438, 440, 444.
- Даниловъ, генералъ, т. LV, 786.
- Даніэль-Бенъ, султанъ Елисейскій, т. LVIII, 389.

- Даргомыжскій, композиторъ, т. LV, 474, 478.
- Дарскій, М. Е., актеръ, т. LVII, 73.
- Дасаевъ, капитанъ, т. LV, 757.
- Девлетъ-Гирей, крымскій ханъ, т. LVI, 777.
- Дегуни-Нижегородская, Марія, черкешенка, русская плѣнница. *Статья о ней*, т. LVII, 94—101.
- Де-Линь, герцогъ, т. LVII, 881.
- Демидовъ, Анатолий, т. LVIII, 50.
- Маркъ Григорьевъ, военный фельдшеръ. *Разсказъ его: Бѣдственная экспедиція*, т. LV, 427—452.
- Демьяновъ, Г. П. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Путеводитель по Волгѣ*. Изд. 2-е. Т. LVI, 842.
- Деостадъ, полковникъ, т. LVIII, 685.
- Де-Рибасъ, генераль-маіоръ, т. LVII, 389—391, 393.
- Джорджъ, Генри, американскій социалистъ, т. LV, 558.
- Дидло, балетмейстеръ, т. LVI, 623.
- Дизартъ, лордъ, т. LVI, 282.
- Димсдаемъ, докторъ, т. LV, 276.
- Дисей, Эд., писатель, т. LVIII, 583.
- Діана де-Пуатье, фаворитка короля Генриха II, т. LVIII, 279.
- Діонисій (Зобнинскій), архимандритъ Троице-Сергіевой лавры, 703, 706.
- Добржелецкій, помѣщикъ, т. LVI, 723.
- Добролюбовъ, критикъ, т. LV, 461.
- Дмитревскій, В., преподаватель Псковской духовной семинаріи, т. LV, 577.
- Дмитріевъ, Фед. Мих., сенаторъ. *Некрологъ его*, т. LVI, 303.
- Добень, помѣщикъ, т. LVI, 489—492.
- Довнаръ-Запольскій, М., эгнотграфъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Мотивы свадебныхъ пѣсень инчуковъ*. Т. LVII, 227, 228.
- Дождь, Мартенъ, профессоръ Мичиганскаго университета, т. LV, 552.
- Дойль, Кононъ, англійскій романистъ, т. LVII, 877.
- Долгорукий, Юрій Алекс., кн., т. LVI, 778.
- Долгоруковъ, Вл. Андр., кн., генераль-губернаторъ, т. LVII, 737, 738.
- Домиціанъ, императоръ, т. LVII, 894.
- Домонтовичъ, И. И., гласный, т. LV, 511.
- Достоевскій, Фед. Мих., писатель, т. LVI, 91—94.
- Драгомировъ, М. И., генераль, профессоръ, т. LVII, 823.
- генераль, т. LVI, 564.
- Дризень, Н. В., баронъ. *Замѣтка его: Камеръ-юнкерская шляпа А. С. Пушкина*, т. LVIII, 775—778.
- Друцкой-Соколинскій, А. Д., князь. *Замѣтка его: Къ біографіи А. А. За-кревскаго*, т. LVIII, 902—904.
- Дубасовъ, И. И. *Статья его: Тамбовскіе земцы XVII и начала XVIII в., т. LVII, 153—165.*
- Дубельтъ, Леонтій Вас., начальникъ III отдѣленія собств. Е. И. В. канцеляріи, т. LVIII, 529.
- Дудина, Анна Фед., жена графа Ф. П. Толстого, т. LV, 40.
- Марья Степановна, т. LV, 39, 604.
- Дудины:
- Фед. Фед., преподаватель русскаго языка, т. LVI, 27.
- Александръ Фед., т. LVI, 633.
- Дунмейеръ, Фридрихъ, нѣмецкій писатель, т. LV, 869; т. LVII, 249.
- Дунморъ, лордъ, англійскій публицистъ, т. LVII, 551.
- Дурасова, Степ. А., т. LVII, 635.
- Дурова-Александрова, Надежда Александровна. *Биографическая замѣтка о ней*, т. LV, 788—793.
- Духовниковъ, провинціальный ученый, т. LVIII, 564.
- Дьяконовъ, М., профессоръ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія*, т. LV, 853, 854; т. LVI, 512.
- Дьяченко, В. А., драматургъ, т. LV, 131; т. LVI, 428.
- Дювернуа, профессоръ Слб. университета, т. LV, 512.
- Дюгомье, французскій главнокомандующій, т. LV, 829; т. LVII, 880.
- Дю-Ланъ, іезуитскій проповѣдникъ, т. LVI, 558.
- Дюма, Александръ (отецъ), французскій писатель, т. LV, 257, 557; т. LVII, 877.
- Александръ (сынъ), французскій писатель. *Замѣтка: Настоящій д'Артабьянъ*, т. LV, 557.
- Дюпюи, президентъ парижской палаты депутатов, т. LV, 260—261.
- Дюррокъ, военный маршалъ, т. LV, 270.
- Дюшемень, Марія, французская патріотка, т. LVI, 843.

Е.

- Егоровъ, А. Е., профессоръ живописи, т. LV, 42; т. LVI, 349—352; т. LVII, 328, 642.
- Екатерина I, императрица, т. LVI, 785.
- Екатерина II, императрица. *Упомят.* т. LV, 36, 37, 276; т. LVI, 290—293. *Статья: Русско-французскій союзъ при Екатеринѣ II*, т. LVI, 499—516; т. LVII, 389, 392. Рюльеръ и Екатерина II, т. LVII, 508—524; т. LVIII, 165, 166, 302.

Елизавета Алексѣевна, императрица, т. LV, 315—322; т. LVI, 27, 29, 37—39.

Елизавета Петровна, императрица. *Упомин.* т. LV, 35; LVI, 631; т. LVIII, 302.

Елизавета-Христина, жена Фридриха Веллскаго, т. LV, 859.

Елизавета, дочь Ярослава I, княжна, т. LV, 202.

Елисеевъ, Г. З., публицистъ. *Замѣтка* объ открытіи памятника ему, т. LVIII, 896.

Елисеѣвъ, А., д-ръ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: По бѣду свѣту (очерки и картинки изъ путешествій), т. LVI, 832—836.

Елнашевъ, В. М., архитекторъ, т. LVIII, 516.

Енжеранъ, Ферманъ, французскій историкъ, т. LVII, 535.

Ерманъ Тимошевичъ, покоритель Сибири. *Замѣтка*: Еще одно сказаніе о немъ, т. LV, 883—884; т. LVI, 753.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, генералъ, намѣстникъ Кавказа. *Замѣтка* о его могилѣ, т. LV, 278—279; т. LVIII, 562.

— М. А., т. LVII, 262.

Ерошенко, А. Г., доброволецъ, т. LVIII, 665, 666.

Ершовъ, П. П., поэтъ. *Замѣтка* о двадцатипятилѣтней годовщинѣ со дня его смерти, т. LVII, 898, 899; т. LV, 175.

Есиповичъ, М. Г., сенаторъ. *Замѣтка* о его юбилеѣ, т. LV, 581—582.

Ж.

Жаровъ, московскій купецъ, т. LVI, 797.

Ждановъ, И. Н., профессоръ Сиб. историко-филологическаго института. *Замѣтка о его рефератѣ*: Двѣ византійскія повѣсти въ древне-русской обработкѣ. Т. LV, 881.

Жебелевъ, С. А., т. LVII, 897.

Желухинъ, В. Ѳ., предводитель дворянства, т. LV, 113.

Жигало, Елена, т. LVII, 235.

Жозефина, жена Наполеона I, т. LV, 269, 555—557; т. LVI, 846.

Жоржъ, известная французская актриса, т. LV, 257.

Жуковский, Вас. Андр., поэтъ, т. LVI, 531; т. LVII, 862.

Жуновъ, Иванъ, преподаватель арабско-персидской словесности въ Казанскомъ университетѣ, т. LV, 91.

Жулевъ, Г. Н., актеръ, писатель, т. LVII, 687.

Журавскій, ротный командиръ, т. LV, 756.

Жюинье, маркизь, французскій посланникъ, т. LVI, 504—506.

Жюно, маршалъ, т. LVII, 880.

Жюссеранъ, Ж., французскій писатель, т. LV, 857.

З.

Заборовская, Елизавета Ѳед., статсъ-дама, т. LVIII, 484.

Заборинскій, полковникъ, т. LVIII, 203.

Завишъ, польскій патриотъ, т. LVI, 712.

Завойно, контръ-адмиралъ, т. LVIII, 205.

Загоскинъ, Н. П., профессоръ Казанскаго университета. *Статья его*: Графъ Л. Н. Толстой и его студенческіе годы. Т. LV, 78—124.

Зайцевъ, полковникъ, т. LVI, 489, 491, 734.

Закревская, Аграфена Ѳед., графиня, т. LV, 617; т. LVII, 635; т. LVIII, 45, 46, 902.

Закревскій, гр., Арсеній Андр., московск. генералъ-губернаторъ, т. LVI, 211; т. LVII, 635. *Замѣтка къ его биографіи*. Т. LVIII, 902—904.

— Дм. Андр., полковникъ, т. LVIII, 685.

Зальцеръ, капитанъ, т. LV, 756.

Замбони, актеръ, т. LVII, 396.

Замысловскій, Е. Е., профессоръ, т. LVII, 761.

Запольскій, офицеръ, т. LV, 429, 430, 431; т. LVIII, 203.

Засодимскій, Пав. Влад., писатель, т. LVIII, 348.

Захарьинъ, И. Н. *Статья его*: Посольство въ Хиву въ 1842 году. По рассказамъ и запискамъ очевидца. Т. LVIII, 427—447.

Завѣревъ, Ст., секретарь воронежскаго губ. статист. комитета. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Памятная книжка Воронежской губерніи на 1894 г. Т. LVII, 219, 220.

Звѣринцевъ, Ѳед., староста, т. LVIII, 239.

Зеленецкій, К. П., писатель, т. LVII, 407.

Зеленинъ, Г. Н., офицеръ-топографъ, т. LVIII, 437, 441, 442—444.

де-Зогель, Максъ, изслѣдователь, т. LVIII, 566.

Золя, Эмиль, французскій романистъ, т. LV, 190, 192; т. LVII, 243. *Статья о немъ*: Золя дома. Т. LV, 222—231.

Зоммеръ, субъ-инспекторъ, т. LV, 123.

Зонтагъ, А. П., поэтъ, т. LVII, 406, — Генриета, пианистка, т. LVI, 531.

Зотовъ, Вл. Раф., писатель. *Статья его: При Николаѣ I и Фридрихъ-Вильгельмъ IV.* Т. LVI, 523—537. *Библиографическія замѣтки его:* М. Л. Песковскій. Въ глуши. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Т. LV, 546—549. Словарь русскихъ художниковъ съ XI до XIX вѣка. Составилъ Н. П. Собко. Томъ первый, выпускъ первый. Т. LVII, 221, 222. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Т. LVII, 529—531. Графъ Алексисъ Жасминовъ (В. Буренинъ). Плача и Пуса, или горе отъ любви. Разсказы комедіи во вкусѣ fin de siècle. Т. LVII, 864, 865. Исторія новаго времени. 1610—1789 гг. Составилъ Лакуръ-Гайе. Переводъ съ французскаго. Т. LVII, 870, 871. Франція и славянство. Рѣчь С. Н. Шаралова въ Славянскомъ обществѣ. Т. LVIII, 274—276. Михайлъ Юрьевъ. Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. Т. LVIII, 559—561. В. Н. Сторожевъ. Родоначальникъ русской вѣтви Лермонтова. Т. LVIII, 867, 868. Къ столѣтію рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника славянской независимости. Т. LVIII, 870, 871. *Зараничныя историческія новости.* Т. LV—LVIII.

Зубровъ, П. И., актеръ, т. LVII, 81, 363—369.

Зуттеръ, Клеманъ, т. LVII, 880.

Зюбинъ, Я., техникъ, т. LVIII, 666.

И.

Ибсенъ, Генрихъ, норвежскій писатель. *Статья о немъ: Что такое Ибсенъ?* Т. LVII, 792—812; т. LV, 189.

Ивановъ (Классикъ), Алексѣй Федор., поэтъ. *Некрологъ его*, т. LV, 583, 584.

— Архипъ, дьяконъ, т. LV, 87.

— К. А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Средневѣковый замокъ и его обитатели.* Т. LVII, 528, 529.

— Н. А., профессоръ русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ, т. LV, 112, 115, 116.

Иванъ IV, Грозный. *Замѣтка: Характеристика Ивана IV у русскихъ историковъ.* Т. LVI, 584, 585; т. LVIII, 732, 733.

Иванъ, царевичъ, сынъ Ивана IV Грознаго, т. LVII, 257.

Игнатій, митроп. сибирскій, т. LVI, 551.

Игнатьевъ, саратовскій губернаторъ, т. LVI, 801.

— И. Л., инспекторъ, т. LV, 644.

Измайловъ, В. В., режиссеръ, т. LVI, 409—415.

Изяславъ Ярославичъ, русскій князь, т. LV, 202.

Ильинъ, Ник. Тим., танцоръ, т. LVIII, 99—101.

Имбергъ, есаулъ, т. LV, 438; т. LVIII, 198, 205.

Имеретинскій, Николай Конст., свѣтлѣйшій князь, писатель. *Некрологъ его*, т. LVIII, 901, 902.

Иннокентій, архіеп. херсонскій. Воспоминанія о немъ, т. LVI, 221—228.

Ирвингъ, актеръ, т. LV, 558.

Ирина, жена князя Ярослава Мудраго, т. LV, 201.

Ириной, архіеп. иркутскій, т. LVI, 226.

І.

Іенчъ, Карлъ, нѣмецкій ученый, т. LVI, 572.

Іонай, Мавръ, венгерскій писатель и публицистъ. *Замѣтка о его юбилеѣ*, т. LV, 565—567.

Іоанна д'Аръ, Орлеанская дѣва. *Замѣтка о ея канонизаціи*, т. LVI, 554—556.

Іоаннъ (Максимовичъ), митроп. сибирскій, т. LVII, 861.

Іона, митрополитъ, т. LVIII, 239.

К.

Кавеньякъ, писательница, т. LVII, 251.

Казалеть, президентъ англо-русскаго литературнаго общества, т. LV, 572.

Казанскій, Ал., священникъ, т. LV, 411.

Казембекъ, А. К., профессоръ турецкаго языка, т. LV, 91.

Калигула, римскій императоръ, т. LVIII, 584, 585.

Камбень, профессоръ римскаго права въ Казанскомъ университетѣ, т. LV, 110.

Камбль, Джонъ, профессоръ Монреальскаго университета, т. LVI, 275.

Каменская, Марья Фед., писательница. *Воспоминанія ея*, т. LV, 34—58, 302—322, 603—629; т. LVI, 18—43, 329—354, 621—633; т. LVII, 35—52, 315—332, 628—652; т. LVIII, 628—637. *Замѣтка о ея воспоминаніяхъ*, т. LVIII—902—904.

Каменскій, А. В., писатель, т. LVI, 404.

— Пав. Павл., писатель, т. LVIII, 55, 629, 633.

Камерари, нѣмецкій ученый, т. LVII, 875.

Камю-Бюффе, профессоръ исторіи, т. LVI, 576.

Канло, французскій генералъ, т. LVII, 79.

- Кантемиръ, Антиохъ Дмитриевичъ, кн., сатирикъ. *Статья о немъ*: Родоначальникъ нашей облачительной литературы, т. LV, 691—712.
— молдавскій господарь, т. LVI, 782.
- Наперъ, Самюэль, американскій писатель, т. LV, 250.
- Наратыгинъ, Вас. Андр., артистъ, т. LVII, 644, 650.
— П. А., артистъ, т. LV, 371, 674. *Стихотворенія его*, т. LVI, 115, 429, 430, 651, 652, 654, 674. *Воспоминанія о немъ*, т. LVI, 650—658; т. LVII, 358; т. LVIII, 104.
— П. П., писатель, т. LV, 166.
- Нарлиновъ, топографъ, т. LVIII, 192.
- Нарль XII, шведскій король, т. LVI, 771—790.
- Нарно, президентъ Французской республики. *Статья о немъ*: Первый гражданинъ Франціи, т. LVII, 202—216.
- Нарпинскій, польскій повстанецъ, т. LVI, 748.
- Нарто, французскій главнокомандующій, т. LV, 828.
- Нартушъ, мошенникъ, т. LVIII, 890, 891.
- Наръевъ, Ник. Ив., профессоръ Сиб. университета, т. LV, 278, 514.
- Насель, начальница Смольнаго института, т. LVI, 40.
- Настельонъ, Себастьянъ, ректоръ протестантской школы въ Женевѣ, т. LV, 248—250.
- Натенинъ, А. А., оренбургскій генералъ губернаторъ, т. LVI, 804, 805.
- Натина, французскій маршалъ, т. LV, 575.
- Натновъ, М. Н., публицистъ, т. LVIII, 719.
- Нашперовъ, Влад. Ник., композиторъ. *Некрологъ его*, т. LVII, 559.
- Нашпирева, редакторъ «Семейныхъ Вечеровъ», т. LVI, 103, 104.
- Нвидде, писатель, т. LVIII, 584.
- Нейзерлингъ, графъ, дипломатъ, т. LVII, 885.
- Нейзеръ, Рихардъ, капитанъ, т. LVII, 762.
- фонъ-Келлеръ, оберъ-гофмейстеръ, т. LVII, 774.
- Немболъ, Джонъ, канадскій профессоръ, т. LVII, 872.
- Нениссаръ, киргизъ, т. LVIII, 446.
- Нерманъ, маюръ, т. LVI, 736, 747.
- Несслеръ, К., ректоръ Сиб. университета, т. LV, 504.
- Нзелль, историкъ, т. LVII, 894.
- Нивлицій, С. А., редакторъ «Кіевской Старины», т. LVII, 557.
- Нинлахъ, Александръ, секретарь англо-русскаго общества, т. LVII, 250.
- Кинлонъ, Александръ, т. LVIII, 888.
- Кинъ, англійскій писатель, т. LV, 572.
- Кирпичниковъ, А. И., профессоръ. *Воспоминанія его* о проф. Н. С. Тихомировѣ, т. LV, 482—488. Столѣтіе Одессы, т. LVII, 389—411. *Упоминается*, т. LV, 880. *Библиографическія замѣтки его*: Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекція, читанная въ Копенгагенскомъ университетѣ г. Брандесомъ. Переводъ В. Невѣдомскаго (съ нѣмецк. изд. Ад. Штродмана). Англійская литература. Т. LV, 237—240. «Тарасъ Бульба» Н. В. Гоголя. Разборъ повѣсти для учащихся, съ приложеніемъ статьи «Характеристика и значеніе Гоголя». Составилъ С. Бураковскій. Т. LVII, 871. Фредерикъ Винкель Горнъ. Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ приложеніемъ этюда Ф. Швейцера «Скандинавское творчество новѣйшаго времени». Переводъ К. Вальмонта. Т. LVIII, 557—559. Исторія германскаго народа. К. Лампрехта. Томъ первый. Пер. П. Николаева. Т. LVIII, 857—859.
- Киръевъ, А. А., т. LV, 580.
- Киселевъ, губернский предводитель дворянства, т. LV, 83.
- Китнеръ, І. С., архитекторъ, т. LVIII, 760.
- Кичеевъ, Ник. Петр., редакторъ «Будильника», т. LVIII, 676.
- Кишкинъ, Вас., лебедянкскій воевода, т. LVII, 472.
- Кіуперли, турецкій паша, т. LVI, 778.
- Клари, Дезире, т. LV, 269.
- Клейнмихель, графъ, т. LVI, 24.
- Клемонъ, Франкъ, докторъ, т. LVII, 891.
- Кленнъ, Конрадъ, голландецъ, авторъ записокъ о Россіи. *Статья о немъ*: т. LVII, 760—791.
- Клеопатра, царица египетская, т. LVIII, 872.
- Климанъ, Ф., т. LVIII, 563.
- Климовъ, докторъ, т. LVII, 250.
- Клодтъ, Петръ Карл., баронъ, скульпторъ, т. LVII, 326, 327, 328.
- Клопштонъ, нѣмецкій поэтъ, т. LVIII, 281—283.
- Кляузе, помѣщикъ, т. LVI, 744.
- Княжевичъ, Д. М., попечитель Одесскаго учебнаго округа, т. LVII, 409.
- Кобенцель, графъ, австрійскій посланникъ, т. LVIII, 830.
- Ковалева, Ф. Г., преподавательница пѣнія, т. LV, 360.
- Ковалевскій, М. О., профессоръ монгольской словесности въ Казанскомъ университетѣ, т. LV, 91.

- Кованько, капитанъ, т. LVIII, 194.
 Кожуховъ, Ник. Степ., московскій почтъ-директоръ, т. LV, 39, 40.
 Козляниновъ, полковникъ, т. LVI, 726.
 Козодавлевъ, Осипъ Петр., министръ внутреннихъ дѣлъ. *Замѣтка* о семидесятипятнадцатилѣтней годовщинѣ со дня его смерти, т. LVIII, 306, 307.
 Козубскій, Е. *Библиографическая замѣтка* его: Кавказскій сборникъ, издаваемый съ высочайшаго соизволенія по указанію государя вел. кн. Михаила Николаевича въ бытность его императорскаго высочества главнокомандующимъ кавказской арміей. Т. LVIII, 561—563.
 Козыревъ, М. А., писатель-народникъ, т. LVIII, 671, 673, 674.
 Кокасть, Бальгазаръ, т. LVII, 789—791.
 Коноревъ, В. А., откупщикъ, т. LV, 169.
 — Григ., воевода, т. LVI, 759, 760.
 Коленнуръ, французскій посланникъ, т. LVIII, 789.
 Колеснинова, Марья Алексѣевна, т. LV, 619.
 Колларъ, Иванъ, чешскій поэтъ, т. LV, 580, 871.
 Колоколовъ, П., писатель, т. LVIII, 308.
 Колосова, Александра Мих., артистка, т. LVII, 644, 650.
 Колумбъ, Христофоръ, т. LVII, 867, 868, 872—874.
 Кольбе, начальникъ польской шайки, т. LVI, 726.
 Кольмэ де-Сантерръ, деканъ юридическаго факультета въ Парижѣ, т. LVI, 846.
 Кольцовъ, А. В., поэтъ, т. LV, 268.
 Колюбакина, А. А. *Воспоминанія* ея, т. LVIII, 379—407, 694—721.
 Колюбакинъ, Ник. Петр., генералъ, сенаторъ, *Воспоминанія* о немъ, т. LVIII, 379—407, 694—721.
 Колюпановъ, Ниль Петр., публицистъ. *Некрологъ* его, т. LVII, 559, 560.
 Компанцовъ, Клементій, денщикъ, т. LVIII, 294.
 Конарскій, польскій патриотъ, т. LVI, 712.
 Консидеранъ, Викторъ, извѣстный социологъ-утопистъ. *Статья* о немъ: Утопіи на практикѣ. Т. LV, 528—541.
 Константинъ Константиновичъ, великій князь, поэтъ, т. LV, 268.
 Константинъ Павловичъ, великій князь, т. LVIII, 262.
 Корелинъ, М. С. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Иллюстрированное чтеніе по культурной исторіи. Выпускъ 1-й. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. Т. LV, 848—849.
 Корнинскій, проф., т. LVIII, 542.
 Корниловъ, А., публицистъ, т. LV, 516.
 Коробовъ, А. М., докторъ, т. LV, 665.
 Корреджіо, живописецъ. *Замѣтка* о его четырехсогласіемъ юбилеѣ, т. LVII, 545, 548.
 Корсановъ, подполковникъ, т. LV, 433.
 Корфъ, Модестъ Андр., баронъ, т. LVI, 804.
 Костомаровъ, Н. И., историкъ, т. LVI, 668; т. LVIII, 752.
 Костромитиновъ, А. *Статья* его: По поводу краковскихъ „юбилейныхъ“ безпорядковъ, т. LVI, 538—541.
 Костыревъ, капитанъ, т. LV, 775.
 Костюшко, польскій патриотъ, т. LVI, 710.
 Котельниковъ, профессоръ физики, т. LV, 95.
 Кошно, П. Ф., земскій начальникъ, т. LV, 739.
 Кошутъ, Людвигъ, венгерскій патриотъ, т. LVI, 284—289.
 Краевскій, А. А., литераторъ, т. LVII, 862.
 Крантъцъ, французскій вице-адмиралъ, т. LVI, 861.
 Красновъ, А. Н., проф. *Статья* его: На Сахалинѣ. Изъ воспоминаній путешественника, т. LV, 383—410, 713—737. *Упом.* т. LV, 512.
 Краснодембскій, помѣщикъ, т. LVI, 735.
 Крашенинниковъ, Ѳ. П., т. LVII, 642.
 Кремлевъ, членъ англо-русскаго литературнаго общества, т. LV, 573.
 Кривцовъ, Л. В., чернскій помѣщикъ, т. LV, 411.
 Криспи, Франческо, итальянскій первый министръ, т. LV, 865.
 Кромвель, Оливеръ, англійскій диктаторъ, т. LVII, 241; т. LVIII, 569.
 Кроткова, Екат. Вас., т. LVIII, 39.
 Кротковъ, полковникъ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Повседневная записъ замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ, т. LVIII, 276, 277.
 Крофордъ, Эмили, корреспондентка англійскихъ газетъ, т. LVIII, 291.
 Кругловъ, А. В. *Разсказы* его: Типы современной деревни. На господскую ногу, т. LV, 323—349. Накаунѣ (изъ воспоминаній), т. LV, 643—668. Первые шаги (воспоминанія), т. LVI, 84—107, 389—408. Степанъ Бѣлыхъ, т. LVIII, 112—129. О живыхъ и мертвыхъ (изъ воспоминаній), т. LVIII, 340—353, 660—680. *Библиографическая замѣтка* о его романѣ: Свои-чужіе, т. LVI, 546—548.

Крузенштернъ, путешественникъ, т. LVI, 532; т. LVII, 42, 43.

Крумахеръ, потсдамскій пасторъ, т. LVI, 534.

Крутиковъ, топографъ, т. LVIII, 195.

Крыловъ:

— Викторъ Алекс., писатель. *Статья его*: Композиторъ Ц. А. Кюи, т. LV, 472—481. *Библиографическая замѣтка его*: Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1892—1893 гг. Т. LVI, 836, 837.

— Иванъ Андреевичъ, баснописецъ. *Библиографическій очеркъ его*, т. LVIII, 491—509. *Упоми.* т. LV, 605, 606; т. LVI, 35.

Крюденеръ, баронесса, писательница, т. LVII, 406.

Кудравый, Иванъ, камерднеръ, т. LV, 58.

Кудряшевъ, Петръ Тимоеевичъ, т. LV, 421.

Кузень, Жанъ, французскій шкиперъ, т. LV, 855.

Кузменно, капитанъ, т. LV, 438; т. LVIII, 202.

Кузьминъ-Караваевъ, полковникъ, т. LVI, 797, 798—805.

Кузлинъ, М. М., педагогъ, т. LV, 645.

Кукольнинъ, Несторъ Вас., писатель, т. LVII, 331, 332, 628—632, 636, 640, 644, 645.

Куликовскій, Г. Н., географъ, т. LVII, 866.

Куликовъ, Ник. Ив., драматургъ, т. LVI, 117; т. LVII, 74, 87—93.

Кунигунда, дочь маркграфа Мейсенскаго, т. LV, 202.

Купреянова, Н. В., т. LV, 660.

Куракинъ, Ѳ. А., князь. *Библиографическая замѣтка о его изданіи*: Архивъ князя Куракина. Книга четвертая, подъ редакціей В. Н. Смольянинова, т. LVII, 223, 224.

Курзонъ, Джорджъ, публицистъ, т. LVIII, 583, 892.

Курочкинъ, В. С., писатель, т. LV, 656.

Куртень, комерц. совѣтн., т. LVI, 869.

Куршумли, визирь, т. LVI, 777.

Кусовъ, П., писатель, т. LVIII, 889.

Кусовъ:

— Иванъ Вас., глава петербургскаго купечества, т. LV, 623.

— Сергій Ив., коммерціи совѣтникъ, т. LVI, 40.

Кутеборовъ, разбойникъ, т. LVIII, 446.

Кутше, Н. А. *Статья его*: Дуровъ-Александровъ, т. LV, 788—793.

Кущинскій, Трофимъ Егоровичъ, протоіерей. *Статья о немъ*: Первый изъ духовныхъ кавалеровъ георгіевской ленты, т. LVII, 134—152.

Кушниковъ, С. С., сенаторъ, т. LV, 83.

Кэ-де-Сентъ-Емуръ, виконтъ, т. LV, 199.

Кюи, Цезарь Антоновичъ, композиторъ. *Воспоминанія о немъ*, т. LV, 472—481.

Л.

Лабзинъ, вице-президентъ Академіи Художествъ, т. LV, 312.

Лаваль, гр., т. LVIII, 48.

Лавассеръ, Тереза, вдова Ж. Ж. Руссо, т. LVIII, 575.

Лаврентьева, С. *Разсказъ ея*: Страницка изъ прошлаго. Т. LVII, 813—818.

Лаврентьевъ, Александръ Ивановичъ, редакторъ «Военнаго Сборника». *Некрологъ его*, т. LVI, 588.

Лаврскій, К. В., провинціальный журналистъ, т. LV, 807.

Лажечниковъ, И. И., романистъ, т. LVIII, 591.

Лануръ-Гайе. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Исторія новаго времени 1610—1789. Переводъ съ французскаго. Изданіе Л. Пантелъева. Т. LVII, 870, 871.

Ламанскій, Влад. Нв., профессоръ Спб. университета, т. LV, 508, 510.

Ламбертъ, графъ, т. LVI, 479, 488.

Лампрехтъ, Карлъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Исторія германскаго народа. Томъ первый. Часть I и II. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Т. LVIII, 857—859.

Ланге, Ник. Ив., сенаторъ. *Некрологъ его*, т. LVII, 899.

Ланжеронъ, графъ, одесскій губернаторъ, т. LVII, 400.

Лаппо-Данилевскій, Александръ Серг., профессоръ Спб. историко-филологическаго института, т. LV, 512.

Ласковскій, В. П., т. LVIII, 518.

Лафаржъ, т. LVII, 234.

Лашковъ, Н. А., т. LVIII, 518.

Лебедева, московская балерина, т. LV, 144.

Лебединцевъ, П., протоіерей. *Замѣтка его*: О постыженіи Кіево-Софійскаго собора герцогами Монпансье въ 1833 г. и его пожертвованіи собору. Т. LV, 886.

Левенсонъ, Павелъ Яковл., присяжный повѣренный. *Некрологъ его*, т. LVI, 303.

Левенфельдъ, Рафаэль, біографъ графа Л. Н. Толстого, т. LV, 88.

Леветцовъ, Ульрика. *Замѣтка о ней*: Последняя любовь Гете. Т. LVI, 851—852.

Левитскій, М. И., педагогъ, т. LV, 646.

Левкѣва, Е. М., драматическая артистка, т. LV, 675.

- Легра**, профессоръ, т. LVII, 543.
- Леманъ**, Анат. И. *Повѣсть его*: Старая скрипка. Т. LVIII, 1—36, 354—378, 638—639.
- Ленскій**, Дм. Тимоѳ., водевиллистъ. *Статья о немъ*: Старый водевиллистъ. Т. LVII, 452—462.
- Ленцъ**, ректоръ Спб. университета, т. LV, 504.
- Леонардо да Винчи**, писатель-гуманистъ, т. LVIII, 891.
- Леонидовъ**, Л. Л., актеръ, т. LVI, 663. — А. Л., брагъ его, актеръ, т. LVII, 355.
- Леонидъ**, архимандритъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова. Въ четырехъ частяхъ. Т. LVI, 830—832.
- Лермонтовъ**, М. Ю., поэтъ. *Замѣтка* по поводу приписываемыхъ ему стихотвореній. Т. LVII, 900; т. LV, 268; т. LVII, 474—491.
- Лерхе**, Э. В., новгородскій губернаторъ, т. LVIII, 514, 515.
- Левфевръ**, герцогъ Данцигскій, т. LVII, 879.
- Ливень**, Доротея, княгиня, жена русскаго посланника въ Лондонѣ, т. LV, 568—570.
- Лидерсъ**, графъ, т. LVI, 495.
- Лизандеръ**, Дм. Карл., писатель. *Хронологъ его*, т. LVI, 873.
- Линевъ**, полковникъ, т. LVIII, 685.
- Линкольнъ**, президентъ Сѣв. Амер. Штатовъ, т. LVI, 552—554.
- Листъ**, извѣстный композиторъ - пианистъ, т. LVI, 531.
- Литвиновъ**, М. П., докторъ, т. LVIII, 136, 152, 153.
- Литовченко**, академикъ, т. LVIII, 760.
- Лихачевъ**, Н. П., приватъ-доцентъ. *Библиографическія замѣтки его*: Д. Ф. Щляевъ. Ежедневные и воскресные приемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X вв. Т. LV, 232—235. *Упомянется*: т. LVII, 254.
- И. Ф., вице-адмиралъ. *Замѣтка* о его музеѣ въ Казани. Т. LV, 279.
- Ли-Хунъ-Чангъ**, китайскій дипломатъ, т. LV, 264.
- Лишинъ**, К. Н., т. LVII, 897.
- Лобановъ**, Леонъ, т. LV, 417.
- Михайлъ Евстаѳевичъ, переводчикъ, т. LV, 604.
- Мих. Евгр., т. LVI, 623.
- Лобановъ-Ростовскій**, князь, т. LV, 199, 200; т. LVI, 804, 806.
- Лобачевскій**, Н. И., математикъ, т. LVII, 558.
- Лобода** (Крапивна), Стефанія Мать, писательница, т. LVIII, 348, 349.
- Лобшидъ**, пасторъ, т. LVII, 874.
- Ловягинъ**, А. М. *Статьи его*: Борьба за балтійское побережье въ XVI вѣкѣ, т. LVI, 229—236. Голландецъ Кленкъ въ Москвѣ, т. LVII, 760—791. *Библиографическія замѣтки его*: Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томы 84, 85, 86, 87. Т. LV, 241—242. Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 года съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Шесть лекцій 1885 года. Съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ. Проф. Эд. Фримана. Пер. П. Николаева, т. LVI, 514—546.
- Логтонъ**, проф. Оксфордскаго университета, т. LVIII, 568.
- Лойола**, Игнатій, основатель іезуитскаго ордена, т. LVI, 557, 559.
- Ломбарди**, Г. Б., докторъ, т. LVII, 546.
- Ломени-де-Бриеннъ**, архіепископъ, т. LVIII, 836, 837, 839.
- Ломоносовъ**, Мих. Вас., писатель. *Статья о немъ*: Родоначальникъ нашей патріотической литературы, т. LVII, 370—388.
- Лонгиновъ**, М. Н., ученый, т. LVIII, 459.
- Ник. Мих., статсъ-секретарь, т. LV, 314—318.
- Лопаревъ**, Хрисанъ Меоодіевичъ, секретарь Имп. Общ. любителей древней письменности, т. LV, 278. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Описаніе рукописей Императорскаго общества любителей древней письменности, т. LVII, 224, 225.
- Лорнъ**, маркизъ, зять англійской королевы, т. LV, 558.
- Лотти**, Пьеръ, французскій романистъ, т. LVI, 558.
- Лофтусъ**, Августъ, англійскій дипломатъ, т. LVI, 863.
- Лунашевскій**, препод. латинскаго языка въ Казанскомъ университетѣ, т. LV, 112.
- Лукинъ**, Вл. Иг., писатель, т. LVII, 259.
- Луньяновъ**, Антонъ, дякъ, т. LVII, 764.
- Лутовиновъ**, Ив. Ив., помѣщикъ, дядя И. С. Тургенева, т. LV, 412—414.
- Луціо**, М., итальянскій ученый, т. LVIII, 281.
- Лѣсковъ**, Ник. Семеновичъ, писатель, т. LVI, 591.
- (Корельскій), Николай Теофилактовичъ. *Разсказъ его*: „Умеръ натуральной

смертью", т. LV, 630—642. *Замѣтка о немъ*, т. LVI, 590—591.

Любавскій, М., изслѣдователь, т. LVIII, 589.

Любарскій, И. В. *Статья его*: Бѣдственная экспедиція, т. LV, 427—452. *Замѣтка его*: Царская резолюція, т. LVI, 579—580.

Любичъ-Романовичъ, Вас. Игн., поэтъ. *О немъ*, т. LV, 164—169.

Любовникова, Е. Ѳ., т. LVIII, 38.

Любовниковъ, П. Я., прокуроръ, т. LV, 40, 311.

Любогощинскій, Самсонъ, т. LVII, 466.

Любомирскій, кн., т. LVI, 708.

Людвигъ Благочестивый, король французскій, т. LV, 204.

Людвигъ: XIV, король французскій, т. LV, 247, 574.

— XVII, французскій король, т. LVII, 241—243.

— XVIII, французскій король. *Замѣтка*: Наполеонъ I и Людвигъ XVIII, т. LV, 555—557.

Лютынскій, польскій доводца, т. LVI, 740.

Лядовъ, Конст. Ник., канцельмейстеръ, т. LV, 359, 363, 364.

Лященко, Арк. Иоак. *Статья его*: Иванъ Андреевичъ Крыловъ (біографическій очеркъ), т. LVIII, 491—509.

М.

Магометь-Эминъ, хивинскій посоль, т. LVIII, 446.

Магометь II, турецкій султанъ, т. LVI, 277.

Магометь-паша, комендантъ Очакова, т. LVI, 772.

Мазаевъ, Мих. Ник., писатель. *Статя его*: Памяти П. А. Гайдебурова, т. LV, 524—527. Старый воденилистъ, т. LVII, 452—462. *Библиографическая замѣтка его*: Шаховъ, Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ, т. LVII, 225, 226. *Замѣтка его*: По поводу „Сна Рылѣевой“, т. LV, 588.

Мазепа, малороссійскій гетманъ, т. LVI, 777.

Майковъ, А. Н., поэтъ. *Библиографическая замѣтка* о полномъ собраніи его сочиненій (6-е изданіе) въ трехъ томахъ, т. LV, 549—550.

Манарій, московскій митрополитъ, т. LVIII, 556.

Манаровъ:

— подковникъ, т. LVIII, 683.

— К. Н. *Воспоминанія его*: Люди стараго времени, т. LV, 164—176.

Максимиліанъ, герцогъ Лейхтенбергскій, т. LV, 113.

Мансимовъ: Алексѣй Мих., артистъ, т. LVI, 115, 416—421; т. LVII, 91—93.

— М. А., актеръ, т. LVII, 707—712.

— С. В., писатель, т. LVIII, 543, 544.

— унтеръ-офицеръ, т. LVI, 731.

Макишеева, Евемія Ермиловна, т. LV, 39.

Манъ-Келанъ, французскій генералъ, т. LVIII, 293.

Ма-Латри, графъ, историкъ, т. LVI, 277.

Малейнъ, А. I. *Библиографическая замѣтка его*: О положеніи ученыхъ въ правленіе Домиціана. Повѣсть въ стихахъ римской поэтессы Сульпиція (Введение, текстъ, переводъ и примѣчанія). Т. LVI, 270, 271.

Маллэ, придворная дама Жозефины, жены Наполеона I, т. LV, 555.

Малышевъ, артистъ, т. LV, 143, 371.

Мальмсбери, лордъ, т. LVI, 509.

Мальцевъ, Мих. Троф., раскольникъ, т. LVI, 798.

Мальянъ, французскій драматургъ, т. LV, 258.

Маминъ-Сибирякъ, Д. М., писатель, т. LVII, 867.

Манжанъ, канцельмейстеръ, т. LVII, 703.

Маннъ, И. А., членъ театально-литературнаго комитета, т. LV, 673, 674.

Мансуровъ, А., *Статья его*: Къ біографіи Н. С. Тихонравова. Т. LVII, 819—823.

Мантовани, актеръ, т. LVII, 396.

Мариотти, Т., итальянскій историкъ, т. LVIII, 286.

Марія-Луиза, жена Наполеона I, т. LV, 270.

Марія Павловна, великая герцогиня, т. LVI, 531.

Марія Федоровна, императрица, супруга Павла I, т. LVI, 535.

Марія Николаевна, великая княжна, т. LVII, 38, 39; т. LVIII, 744.

Маркевичъ, Б. М., романистъ, т. LVI, 664.

Маронетти, театральннй докторъ, т. LV, 137.

Марсель, Иванъ Франц., режиссеръ, т. LVIII, 103.

Мартосъ, Ив. Ром., т. LVIII, 301, 302.

— Ив. Петр., скульпторъ, т. LVI, 339 — 342, 346 — 349, 626, 631, 632; т. LVII, 329, 632.

— Екатер. Ив., дочь его, т. LVI, 632.

Мартыновъ, А. Е., актеръ, т. LV, 683; т. LVI, 415—417.

- Ник. Солом., убійца Лермонтова. *Статья* о его бумагахъ. Т. LVII, 474—491.
- Мартыновъ, П. К.** *Статья* его: Мартыновскія бумаги. Т. LVII, 474—491.
- Маршани, Балбей, кн.,** т. LVIII, 383.
- Масловскій, Петръ, протоіерей,** т. LVI, 35.
- Массонъ, Фредерикъ, французскій ученый,** т. LV, 268; т. LVI, 846.
- Матвѣева, Марія Андреевна, см.** Румянцова, М. А.
- Матвѣевъ, Артамонъ Серг., бояринъ,** т. LVI, 765; т. LVII, 776, 778, 780, 783. — Андрей Артамоновичъ, бояринъ, т. LV, 304.
- Матиньонъ, иезуитскій проповѣдникъ,** т. LVI, 558.
- Матрена, Ефремовна, няня гр. О. П. Толстого,** т. LV, 35—39.
- Матросовъ, Е. Н.** *Разсказъ* его: Миссіонеръ, т. LVII, 333—347. *Библиографическія замѣтки* его: Повседневная записъ замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ. Т. LVIII, 276, 277. Церковныя братства. Краткій статистическій очеркъ о положеніи церковныхъ братствъ къ началу 1893 года. А. Папкова. Т. LVIII, 863—867.
- Махаль, Ганушъ, изслѣдователь,** т. LVIII, 582.
- Махарадзе, поручикъ,** т. LVII, 94.
- Махмудовъ, Мухамедъ-Али, преподаватель восточной каллиграфіи,** т. LV, 91.
- Мачтегъ, Г. А., писатель,** т. LVI, 403.
- Медвѣдскій, К. П.** *Статья* его: Современныя литературныя дѣятели. К. К. Случевскій. Т. LVII, 746—759.
- Мезовъ, Вл. Изм., библиографъ.** *Статья* о его библиографическихъ трудахъ. Т. LVII, 174—181.
- Мейеръ, Д. П., профессоръ гражданскаго права въ Казанскомъ университетѣ,** т. LV, 112, 119.
- Мельгуновъ, Петръ Павловичъ, ученый.** *Некрологъ* его. Т. LV, 885.
- Мельниковъ, проф. архитектуры,** т. LVI, 341.
- Менделѣевъ, Д. И., извѣстный химикъ,** т. LV, 513; т. LVII, 890.
- Мендесъ, Кагуль, французскій писатель,** т. LV, 267.
- Меники, кн.,** т. LVIII, 695.
- Менкесъ, Германъ, писатель,** т. LVIII, 886.
- Ментенонъ, маркиза, фаворитка Людовика XIV,** т. LVII, 877—879.
- Меншиковъ, Александръ Дан., свѣтлѣйшій князь.** *Статья* о немъ: Петръ Великій и князь Меншиковъ въ Гамбургѣ въ 1713 году. Т. LVI, 517—522.
- Мерль, генераль-лейтенантъ,** т. LVIII, 586, 587.
- Мерседесъ, принцесса,** т. LVI, 281.
- Метенъ, французскій декадентъ,** т. LVI, 573.
- Меттернихъ, графъ, дипломатъ,** т. LVIII, 804—806.
- Мехтеръ, главный министр хивинскаго хана,** т. LVIII, 433, 437, 438.
- Мещерскій, А. И., пейзажистъ,** т. LVIII, 751.
- Мижувъ, П. Г.** *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Т. LVI, 549—551.
- Минъшинъ, М. О., художникъ,** т. LVIII, 660, 661.
- Милевская-Милевичъ, членъ англо-русскаго литературнаго общества,** т. LV, 573.
- Миллеръ, Максъ, извѣстный лингвистъ,** т. LV, 265.
- Орестъ Фод., профессоръ Спб. университета, т. LV, 496, 509, 510, 512.
- В. О., изслѣдователь, т. LVIII, 589.
- Миловичъ, Влад., польскій патриотъ,** т. LVII, 555.
- Миловскій, Н. К., провинціальный актеръ,** т. LV, 675.
- Мильманъ, Лена, переводчица,** т. LVIII, 582.
- Мильнсъ, англійскій поэтъ,** т. LVI, 854.
- Милоновъ, П., историкъ,** т. LVII, 889.
- Милютинъ, Дмитрій Алекс., графъ, членъ государственнаго совѣта, военный министр.** *Замѣтка* о его шестидесятилѣтней государственной дѣятельности. Т. LV, 277.
- Минаевъ, Иванъ Павл., санскритологъ,** т. LV, 508; т. LVII, 861.
- Д. Д., писатель, т. LVI, 671.
- Миронова, Прасковья Серг., актриса,** т. LV, 128.
- Мисюревъ, А. А., священникъ.** *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Томская губернская гимназія въ первое пятидесятилѣтіе ея существованія (1838—1888 гг.). Т. LVIII, 869—870.
- Миткевичъ, В.** *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Казачья лава. Т. LV, 242, 243.
- Митропольскій, С. И.,** т. LVII, 255.
- Митуричъ, П. В., полковникъ,** т. LVIII, 784.
- Михайловскій, В. Г.,** т. LVII, 867.
- Михайловскій-Данилевскій, генераль, историкъ,** т. LVI, 525.
- Михневичъ, Вл. О., писатель,** т. LVIII, 821, 822.
- Михѣвъ, Вас., бугурусланскій купецъ,** т. LVII, 801.

- Модестовъ, В. И.**, профессоръ. *Замѣтка* о третейскомъ судѣ по его дѣлу съ редакціей журнала „Сѣверный Вѣстникъ“. Т. LVI, 874—880; т. LVIII, 308.
- Модестъ, архієпископъ** волынской, т. LV, 879.
- Можайскій, Василій**, священникъ, т. LV, 87.
- Молинонъ, маршалъ**, т. LVIII, 292.
- Молло, М.** *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Правила адвокатской профессіи во Франціи. Переводъ съ французскаго. Т. LVIII, 856, 857.
- Молчановъ, А. Е.**, редакторъ „Ежегодника императорскихъ театровъ“. Т. LVI, 836.
- Монаховъ, Ип. Ив.**, т. LV, 677; т. LVII, 359—363.
- Монморанси, коннетабль**, т. LVIII, 278.
- Монпансье, герцогъ**, т. LV, 198, 886; т. LVI, 281.
- де-Монтеспанъ, фаворитка** короля Людовика XIV, т. LVII, 879.
- Монферанъ, живописецъ**, т. LVII, 256.
- Морозовъ, П.**, одесскій литераторъ, т. LVII, 406.
- Морфиль, В.**, англійскій писатель, славяновѣдъ, т. LV, 574.
- Мосоловъ, А. Н.**, новгородскій губернаторъ, т. LVIII, 516, 518.
- Мстиславскій, Ѳед. Ив. кн.**, т. LVIII, 524.
- Муравьева, Екатерина Ник.**, графиня, жена Н. Н. Муравьева, т. LV, 433.
- Известная танцовщица, т. LV, 144.
- Муравьевъ, Н. Н.**, графъ, генераль-губернаторъ Восточной Сибири. Т. LV, 428—452; т. LVIII, 197—201, 203—206, 530, 539, 540.
- Муррей, Джонъ**, путешественникъ, т. LV, 855.
- Мусоргскій, Модестъ**, композиторъ, т. LV, 480.
- Мухинъ, полковникъ**, т. LVIII, 208.
- Мухранскій, кн.**, т. LVIII, 402.
- Мякотинъ, В. А.** *Замѣтка* о его рефератѣ въ Историческомъ Обществѣ. Т. LVI, 300—302.
- Мясоедовъ, художникъ**, т. LV, 474, 475.
- Н.**
- Набievъ, посолъ** хивинскаго хана, т. LVIII, 430.
- Надлеръ, Вас. Карловичъ**, докторъ русской исторіи, т. LVI, 589.
- Назаріанцъ, С. И.**, преподаватель армянской словесности, т. LV, 91.
- Назарьевъ, В. Н.**, авторъ статей о гр. Д. Н. Толстомъ, т. LV, 79, 92, 93.
- Нансенъ, путешественникъ**, т. LV, 876.
- Наполеонъ I**, французскій императоръ. *Замѣтки о немъ*: Разсказъ Гизо объ участіи Россіи въ сооруженіи гробницы Наполеона. Т. LV, 255—257. Наполеонъ на спенѣ. Т. LV, 257—259, 268—271. Наполеонъ и Людовикъ XVIII. Т. LV, 555—557. Первый столѣтній юбилей Наполеона. Т. LV, 826—845. Воспоминанія о немъ, т. LV, 873—875; т. LVI, 560—566. Наполеонъ I, какъ двоеженецъ. Т. LVI, 846—851; т. LVII, 230, 553, 850—860, 881, 882—885; т. LVIII, 247—270. Графъ П. А. Толстой у Наполеона. Т. LVIII, 787—808.
- Наполеонъ III**, императоръ, т. LVI, 532, 566—568; т. LVIII, 288—290, 882—883.
- Направникъ, Э. Ф.**, капельмейстеръ Мариинскаго театра, композиторъ, т. LV, 359.
- Нарбутъ, Е. А.**, педагогъ. *Некрологъ его*, т. LVIII, 599, 600.
- Настѣнинъ, городничій**, т. LVI, 799.
- Наумовичъ, I.**, протоіерей, галицкій патриотъ, т. LVIII, 593.
- Нахимовъ, Пав. Степ.**, адмиралъ, т. LV, 267.
- Нахтигаль, путешественникъ**, т. LVI, 857.
- Невельскій, капитанъ-лейтенантъ**, т. LVIII, 539.
- Невѣдомскій, В.** *Библиографическая замѣтка о его переводѣ*: Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекція, читанная въ Коненгагенскомъ университетѣ Брандесомъ. Англійская литература. Т. LV, 237—240.
- Ней, маршалъ**, т. LVIII, 806.
- Нейгебауеръ, нѣмецкій публицистъ**, т. LVI, 518.
- Нейноммъ, историкъ**, т. LVII, 894.
- Некрасовъ, Н. А.**, поэтъ, т. LV, 268; т. LVI, 391.
- Нектарій, архієп. сибирскій**, т. LVI, 767.
- Нельсонъ, англійскій адмиралъ**, т. LV, 310.
- Нессельроде, А. Д.**, графъ. *Замѣтка его*: Къ біографіи А. А. Закревскаго. Т. LVIII, 902—904.
- Нинитенно, Александръ Вас.**, профессоръ, т. LV, 496.
- Никитинъ, Дм. Ник.**, поручикъ, т. LVI, 330.
- Никифоровъ, П. А.**, капитанъ, т. LVIII, 428—430.
- Никодимъ, стародубскій раскольникъ**, т. LVI, 794.
- Николаевъ, П.** *Библиографическая замѣтка* о его переводѣ: А. Фулье. Исто-

- рія философія. Т. LV, 846—848. Эд. Фримант. Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 г. съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Т. LVI, 544—546. Исторія германскаго народа. Карла Ламирехта. Томъ первый. Часть I и II. Переводъ съ нѣмецкаго. Т. LVIII, 857—859.
— А. Н., земскій фельдшеръ, т. LV, 656.
Николай I Павловичъ, императоръ, т. LV, 129, 132, 780—785; т. LVI, 36, 39, 339. *Статья*: При Николаѣ I и Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Т. LVI, 523—537, 623, 625, 627, 629; т. LVIII, 109.
Николай II, папа римскій, т. LV, 205.
Никольскій, Ф. К., артистъ, т. LV, 359.
Никольсонъ, пасторъ, т. LV, 558.
Нинотера, Дж., итальянскій патріотъ, т. LVII, 548—550.
Ниль, Столбенскій, св., т. LVI, 149.
Нильскій, А. А., артистъ. *Воспоминанія его*, т. LV, 125—146, 350—382, 669—690; т. LVI, 108—127, 409—434, 650—678; т. LVII, 72—93, 348—369, 678—712; т. LVIII, 86—111.
— Иванъ Фед., профессоръ Сиб. духовной академіи. *Некрологъ его*, т. LVIII, 311.
Нина, св., просвѣтительница Грузіи, т. LVIII, 405.
Нись, юристъ, т. LVIII, 889, 890.
Ницше, Фридрихъ, философъ, т. LV, 188.
Новиковъ, Ив. Вас., отецъ писателя, т. LVIII, 469.
— Ник. Ив., писатель, т. LVII, 258. *Статья о немъ*: Поѣздка въ родовую вотчину Н. И. Новикова. Т. LVIII, 459—490.
Нордау, Максъ, англійскій писатель. *О его сочиненіи*: «Врожденіе». Т. LV, 177—197.
Норманъ, лекторъ нѣмецкаго языка въ Казанскомъ университетѣ, т. LV, 112.
Нотовичъ, Ник., писатель, т. LVIII, 294.
Нугезъ, французскій генералъ, т. LVII, 880.
- О.**
- Оберъ**, Ф. Н., начальникъ Сиб. театральнаго училища, т. LV, 129.
Облеуховъ, полковникъ, т. LVIII, 208.
Оболенскій, Д. Д., князь. *Замѣтка его*: Передъ операцией. Незданное стихотвореніе А. Н. Апухтина. Т. LV, 299—301; т. LVII, 489.
— Л. Е., писатель, т. LVIII, 670, 671.
Оболяниновъ, общественный дѣятель, т. LV, 516.
Обуховъ, Павелъ Матв., основатель Обуховскаго завода, т. LVI, 161—183.
Овень, желѣзнодорожный топографъ, т. LV, 536.
Оверлахъ, докторъ, т. LVII, 651.
Оглоблинъ, Н. Н. *Статья его*: Лебедянскій воевода А. А. Тургеневъ. Т. LVII, 463—473. *Библиографическая замѣтка о его статьяхъ*: Библиотека сибирскаго митрополита Игнатія. Т. LVI, 551.
Ода, дочь графа Леопольда Шгадтскаго, т. LV, 202.
Одоевскій, Никита Ив., бояринъ, т. LVII, 778.
Озерецковскій, Павелъ, оберъ-священникъ арміи и флота, т. LVII, 148.
Оксеновъ, Н. В. *Библиографическія замѣтки его*: А. Д. Твердохлѣбовъ. Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища (1790—1890). Изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Т. LV, 245, 246. Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края. Т. LVI, 266—268. П. Мижуевъ. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Т. LVI, 549—551. Томская губернская гимназія въ первое пятидесятилѣтіе ея существованія (1838—1888). Составилъ законоучитель гимназіи А. А. Мисюревъ. Т. LVIII, 869, 870.
Олафъ I, шведскій король, т. LV, 201.
Оленинъ, Алексій Ник., президентъ Академіи Художествъ, т. LVI, 336—337, 626.
— Агаоклея Марковна, жена его, см. Полторацкая.
Олифантъ, англійская романистка, т. LVIII, 280.
Ольденбургъ, приватъ-доцентъ Сиб. университета, т. LV, 512.
Омулевскій-Федоровъ, поэтъ, т. LVII, 420.
Онсло, лордъ, англійскій губернаторъ въ Австраліи, т. LV, 539.
Орельскій, А. *Статья его*: Къ характеристикѣ князя Багратіона. Т. LVII, 824—831. *Замѣтка* по поводу его статьи. Т. LVIII, 594—596.
Орсини, итальянскій патріотъ, т. LVIII, 577.
Осиповъ, В., т. LV, 646.
Осокинъ, Е. Г., профессоръ финансоваго права въ Казанскомъ университетѣ, т. LV, 112.
— Якушко, казакъ, т. LVI, 765.

Остенъ-Саненъ, Александра, графиня (урожд. Толстая), т. LV, 83, 85, 89.

Островскій, А. Н., драматургъ, т. LVI, 428; т. LVII, 688, 693—702.

— скульпторъ, т. LV, 279.

Острогорскій, А. Н., писатель-педагогъ, т. LV, 882; т. LVI, 97, 98.

— В. П., писатель-педагогъ, т. LV, 496, 882; т. LVI, 97; т. LVIII, 345, 346.

Офруа, Викторъ, т. LVIII, 575.

II.

Павелъ I, императоръ. Упомянется, т. LV, 36; т. LVI, 841; т. LVIII, 166, 301.

Павленковъ, Л. Н. *Статья его*: Книжное дѣло и периодическая печать въ Россіи въ 1893 году. Т. LVII, 265—283, 561—587. *Библиографическая замѣтка его*: Памятная книжка Воронежской губерніи на 1894 годъ. Составилъ Ст. Звѣревъ. Т. LVII, 219—221.

Павлиновъ, А. М., академикъ. *Статья о книгѣ его*: Исторія русской архитектуры. Т. LVI, 807—813.

— Н. М., земскій дѣятель, т. LVII, 420.

Павлова, Каролина Павловна, писательница, т. LV, 584.

Павловскій, Исаакъ, переводчикъ, т. LVI, 573.

Павловъ, Платонъ Вас., историкъ, т. LVI, 476—477.

— П. *Статья его*: Воспоминанія очевидца о бунтѣ военныхъ поселенъ въ 1831 г. Т. LV, 738—787.

Падучевъ, П. П. *Статья его*: Первые русскія стальные пушки. Т. LVI, 161—183.

Палень, Гр., т. LVII, 829.

Палицынъ, А., воевода, т. LVI, 759.

Панаевъ, И. И., писатель, т. LV, 169.

Пановъ, Иванъ Степ., художникъ, т. LVI, 395—397; т. LVIII, 340—353.

Папновъ, А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Церковныя братства. Краткій статистическій очеркъ о положеніи церковныхъ братствъ къ началу 1893 года. Т. LVIII, 863—867.

Парень, Марія, французская патріотка, т. LVI, 844.

Парижскій, графъ. *Замѣтка о его смерти*, т. LVIII, 290—292.

Парманъ, Франсисъ, американскій историкъ. *Замѣтка о немъ*, т. LV, 252—253.

Партеръ, Делія, американская писательница, т. LV, 253.

Паскевичъ, И. Ф., князь, намістникъ въ царствѣ Польскомъ, т. LVI, 716, 722; т. LVII, 119, 120, 121.

Паскье, канцлеръ, авторъ мемуаровъ о Наполеонѣ, т. LV, 873.

Пенрозъ, англійскій архитекторъ, т. LV, 553.

Перглеръ де-Пергласъ, бар., баварскій посланникъ, т. LVIII, 452.

Перегримовъ, Петръ Мих., т. LV, 411.

Перенсъ, Ф., академикъ, т. LV, 248.

Перетцъ, В. Н. *Библиографическія замѣтки его*: Я. Амосъ Коменскій. Великая дидактика. Перевелъ съ латинскаго А. Щенинскій. Т. LVI, 271, 272. Хр. Лопаревъ. Описание рукописей Императорскаго общества любителей древней письменности. Часть II. Т. LVII, 224, 225. Довнаръ-Запольскій, М. Мотивы свадебныхъ пѣсень пинчуковъ. Т. LVII, 227, 228.

Перецъ, газетный рецензентъ, т. LVI, 657.

Перовская, Анна Алексѣевна, т. LV, 306.

Перовскій, В. А., генераль-адъютантъ, т. LVIII, 428.

Перфильевъ, офицеръ, т. LVIII, 208.

Перье, Казимиръ, президентъ Французской республики, т. LVI, 557, 558.

Песновскій, М. Л. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Въ глуши. Повѣсть въ трехъ частяхъ, т. LV, 546—549.

Петерсенъ, В. К. *Статья его*: Историческіе силуэты, т. LVIII, 787—818. *Библиографическія замѣтки его*: Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка, т. I—III. Составилъ В. Потто, т. LVI, 542—544. Очеркъ эксплуатаціи Николаевской желѣзной дороги главнымъ обществомъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ, 1868—1893 гг. Т. LVIII, 549—553.

Петипа, М. И., балетмейстеръ, т. LVI, 424.

Петровы:

— Павелъ, препод. санскритскаго яз. въ Казанскомъ университетѣ, т. LV, 91.

— А. Н. *Статья его*: Противникъ Петра Великаго въ Турціи (Русскіе на Прутѣ), т. LVI, 771—790.

— О. А., пѣвецъ, т. LVII, 643.

— П. Н., библиографъ, т. LV, 166.

— Егоръ Степ., фельдфебель, т. LV, 757.

Петръ I Великій, императоръ. *Замѣтки*: Дубинка Петра Великаго, т. LV, 276, 304. Домикъ Петра Великаго въ Саардамѣ, т. LV, 878. Домикъ Петра Великаго въ Борисовкѣ, т. LVI, 300. *Статьи*: Петръ Великій и кн. Меншиковъ въ Гамбургѣ въ 1713 г., т. LVI, 517—522, 560, 765. Противникъ Петра В. въ Турціи, т. LVI, 771—790; т. LVII, 725. Личность

- Петра I въ исторической литературѣ, т. LVIII, 408—426, 769.
- II, императоръ, т. LV, 35.
- III, императоръ, т. LVII, 509, 524.
- Петуниновъ, А. Н., ботаникъ, т. LVII, 744.
- Пизани, аббатъ, т. LVII, 229.
- Пиленко, Александръ Осиповичъ, секретарь петербургскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству. *Некрологъ его*, т. LV, 885.
- Пименовъ, художникъ, т. LVII, 326.
- Писансонъ, Вяицентъ, т. LV, 856.
- Пирлингъ, о., иезуитъ, историкъ, т. LVIII, 308.
- Пироговъ, Н. И., профессоръ, хирургъ, т. LVIII, 296.
- Писаревъ, Д. И., критикъ, т. LV, 461; т. LVIII, 769.
- де-Плани, лекторъ французскаго языка въ Казанскомъ университетѣ, т. LV, 112.
- Платоновъ, Сергѣй Ѳед., профессоръ Спб. университета, т. LV, 512. *Замѣтка о его рефератѣ: Характеристика Ивана Грознаго у русскихъ историковъ*, т. LVI, 584—585.
- Плетневъ, профессоръ Спб. университета, т. LVIII, 53.
- Плещеевъ, А. Н., поэтъ, т. LV, 268.
- Погодинъ, М. П., историкъ, т. LVII, 525—528.
- Погосскій, писатель, т. LVII, 359.
- Подобѣдова 2-я, артистка, т. LV, 143.
- Подолинскій, А., поэтъ, т. LV, 506.
- Покровскій:
- Дм. Алексѣевичъ. *Статья его: Очерки Москвы*, т. LVII, 713—745. *Замѣтка по поводу его статьи: „Очерки Москвы“*, т. LV, 588. *Некрологъ его*, т. LVII, 899, 900.
- Н. В., профессоръ Спб. духовной академіи, т. LVIII, 514.
- Полевой, П. Н., писатель. *Статья его: Еще одна попытка по исторіи русской архитектуры*, т. LVI, 807—813; т. LVIII, 341.
- Полежаевъ, балетный фигурантъ, т. LV, 133.
- Полетилло, каштелянъ холмскій, т. LVI, 710.
- Полонскій:
- Я. П., поэтъ, т. LV, 268.
- А. С., чтець, т. LVII, 703—707.
- Полторацкая, Агаѳоклея, т. LVI, 336.
- Полье, Адольфъ, графъ, т. LVI, 352.
- Пономарева, О. Н., т. LVIII, 776.
- Понятовскій, графъ, претендентъ на польскую корону, т. LV, 270.
- Поповскій, Юсифъ, т. LV, 263.
- Поповъ:
- Александръ, профессоръ, т. LV, 91.
- Вас. Вас., докторъ. *Некрологъ его*, т. LVIII, 594.
- Л. К. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Иллюстрированная жизнь живогныхъ по Брэмю и многимъ другимъ источникамъ въ популярномъ изложеніи Эльпе. Домашняя кошка*, т. LV, 240—241.
- Мих., священникъ. *Статья его: Архіепископъ Инокентій херсонскій*, т. LVI, 221—228.
- Попруженко, И. Г. *Статья, его: На С.-Готардѣ*, т. LV, 517—523. Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства, т. LVI, 708—724; т. LVII, 119—133.
- Поротовъ, штабъ-капитанъ, т. LV, 449.
- Потанина, Александра Викторовна, путешественница, т. LV, 805; т. LVII, 868.
- Потанинъ, Григ. Ник., путешественникъ, т. LV, 805—825; т. LVII, 419.
- Потапенко, И., писатель, т. LVII, 890.
- Потемкинъ-Тавричскій, Г. А., кн., генералъ-фельдмаршалъ, т. LVII, 137; т. LVIII, 830, 831.
- Потто, В. А. *Статья его: Марія Дегужи-Нижегородская*, т. LVII, 94—101. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка. Томы I, II и III*, т. LVI, 542—544.
- Потѣхинъ, Н. А., драматургъ, т. LVI, 116, 652.
- А. А., писатель, т. LVI, 652, 655.
- Похвисневъ, А. Н., водевиллистъ, т. LVII, 364.
- Поз, Эдгаръ, американскій поэтъ, т. LV, 454.
- Поярновъ, Вас., т. LVIII, 536.
- Праховъ, А. В., редакторъ журнала „Пчела“, т. LVIII, 661.
- Преображенскій, П., редакторъ журнала „Дѣтское Чтеніе“, т. LV, 883.
- Пржевальскій, Ник. Мих., извѣстный путешественникъ, т. LV, 804—825.
- Прищепенко, поручикъ, т. LVIII, 209.
- Прозоровскій, Дмитрій Ник., профессоръ археологическаго института. *Некрологъ его*, т. LVII, 899.
- Прокторъ, астрономъ, т. LV, 558.
- Пронудинъ-Горскій, С. Е., т. LVIII, 478.
- Пронскій, Платонъ Петровичъ, актеръ, т. LV, 378; т. LVIII, 87—90.
- Протопоповъ, Н. П., поэтъ, т. LVII, 408.
- Прѣсняновъ, А. Е., историкъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: „Царственная книга“*, ея составъ и происхожденіе, т. LVIII, 554—556, 895.
- Пряжевскій, есаулъ, т. LV, 433, 439.

- Прияшниковъ, Ѳ. И., главный началь-
никъ почтъ, т. LV, 39, 40.
- Пузино, есаулъ, т. LV, 442, 444.
- Пулавская, гр., т. LVIII, 381.
- Пульхеровъ, А. И. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Образование и образовательныя средства въ г. Великихъ-Лукахъ и его уѣздѣ. Историко-статистическій очеркъ, т. LVII, 226, 227.
- Пуни, Цезарь, танцовщикъ, т. LVIII, 107.
- Пушкинъ, А. С., поэтъ, т. LV, 267; т. LVII, 40, 403, 404, 552; т. LVIII, 53, 54, 55, 170—173. *Замѣтка* о его камеръ-юнкерской шляпѣ, т. LVIII, 775—778.
- Пушинъ, Ив. Ив., т. LVIII, 464.
- Пфуль, генераль, т. LVII, 824.
- Пѣтуховъ, Евг. Вяч., профессоръ. *Библиографическая замѣтка его*: Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова. Въ четырехъ частяхъ, съ 13 снимками. Сост. архимандритъ Леонидъ, т. LVI, 830—832.
- Перлундни, Джіованни, извѣстный композиторъ. *Замѣтка* о его трехсотлѣтнемъ юбилеѣ, т. LV, 866—868.
- Р.**
- Рабини, докторъ словесности, т. LVI, 294.
- Радаелли, Жанъ, итальянскій поэтъ, т. LVIII, 269.
- Радищевъ, А. Н., писатель, т. LVIII, 499.
- Раевскій, И. И., т. LV, 299.
- Разинъ, Стенька, казакъ, т. LVII, 784.
- Разореновъ, А., поэтъ-самоучка, т. LVIII, 672.
- Разумовская, Марья Григ., графиня, т. LVIII, 744.
- Ралль, генераль, т. LVI, 742.
- Рамазановъ, Ник., скульпторъ, т. LVIII, 636.
- Рамбо, Альфредъ, французскій писатель, т. LV, 267.
- Ратовскій, адъюнктъ Казанскаго университета, т. LV, 112.
- Ратовъ, Авраамъ Петр., т. LVIII, 690, 691.
- Яковъ Петр., т. LVIII, 683.
- Рауль, графъ де-Крени, французскій феодалъ, т. LV, 206.
- Реджіо, герцогиня, т. LVIII, 260, 268.
- Рей, графъ, польскій патріотъ, т. LVI, 708, 715.
- Рейнбогъ, А. А. *Замѣтка его*: По поводу статьи г. Орельскаго „Къ характеристикѣ князя Багратіона“. Т. LVIII, 594—598.
- Рейнгильдъ, докторъ, т. LVI, 38.
- Рейтеръ, адмираль, т. LVII, 763.
- Рейхардтъ, музыкантъ, т. LVII, 895.
- Ремезовъ, И. С., помощникъ статсъ-секретаря, т. LV, 511.
- Ремеръ, Поль, писатель, т. LVIII, 571.
- Ренанъ, историкъ, т. LVI, 273.
- Реневаль, графъ, русскій посланникъ въ Парижѣ, т. LV, 256.
- Ренчицкій, врачъ, т. LV, 446.
- Ржевусскій, графъ, т. LVI, 533.
- Ржонца, злоумышленникъ, т. LVI, 496, 497, 498.
- Рихтеръ, Жанъ-Поль, нѣмецкій писатель, т. LVIII, 283.
- Риччи, учитель пѣнія, т. LV, 360—362.
- Ришелье, кардиналь, т. LVIII, 570.
- герцогъ, т. LVII, 398, 399.
- Робертъ II, король французскій, т. LV, 203.
- Робине-де-Клери, французскій публицистъ, т. LVI, 232.
- Робуери, Джакомо, итальянскій художникъ, т. LVII, 237.
- Ровинскій, Д. А., сенаторъ. *Замѣтка* о его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ. Т. LVI, 581—583.
- Роганъ, кардиналь, т. LVII, 895.
- Родиславскій, В. И., драматическій писатель, т. LV, 674, 675.
- Родригезъ-Хозе, испанскій социологъ, т. LV, 532—536.
- Ронерь, епископъ шалонскій, т. LV, 204.
- Розбери, графъ, англійскій государственный дѣятель, т. LVI, 241; т. LVIII, 569.
- Розенбургъ, докторъ, т. LVII, 787.
- Розенштремъ, актеръ, т. LVIII, 94, 95, 96.
- Ронасовскій, баронъ, т. LVIII, 428.
- Роллеръ, декораторъ, т. LVIII, 105.
- Романовъ, С. *Замѣтка его*: Могила П. М. Садовскаго. Т. LV, 586, 587.
- Ромеръ, Ѳ. Ѳ. *Статья его*: По поводу одной книги. Т. LVI, 462—477.
- Роспини, оптикъ, т. LVI, 335.
- Россель, Фед. Ив., губернерь графа Л. Н. Толстого, т. LV, 88.
- Ростовцевъ, Яковъ Алекс., политико-экономъ. *Некрологъ его*, т. LVII, 560.
- Яковъ Ив., т. LVII, 820.
- Ростонинская, Танька, разбойница, т. LVII, 720.
- Румянцова, Марія Андреевна, крестница Петра Великаго, т. LV, 304—305.
- Рункевичъ, С. Г., магистръ богословія. *Статья его*: Протоіерей Т. Е. Хуцинскій, первый изъ духовныхъ кавалеръ георгіевской ленты. Т. LVII, 134—152.
- Рупини, актеръ, т. LVIII, 94, 95.
- Русановъ, унтеръ-офицеръ, т. LV, 757.
- Рускони, Анна Ник., т. LVI, 35, 36, 623.

Руссо, Ж. Ж., французскій писатель. *Замѣтка* о его женѣ. Т. LVIII, 575, 576.

Рыжковъ, Н. *Библиографическая замѣтка* его: К. А. Ивановъ. Средневѣковый замокъ и его обитатели. Т. LVII, 528, 529.

Рылѣевъ, К. Ѳ., писатель, т. LV, 210—214, 588; т. LVI, 29, 33, 42, 43.

Рында, И. Ф., *Статья* его: Черты изъ жизни И. С. Тургенева. Т. LV, 411—426.

Рытова, генеральша, т. LV, 56.

Рѣдинъ, А., писатель, т. LVII, 78.

— **Петръ Григ.**, профессоръ Сиб. университета, т. LV, 504, 507.

Рѣзановъ, В., священникъ, т. LV, 411.

Рѣзвая, генеральша, т. LVI, 22.

Рѣпинъ, художникъ. *Статья* о немъ: Идеалы въ искусствѣ. Т. LVI, 634—649; т. LVII, 53—71.

Рюль, докторъ, т. LVI, 38.

Рюльеръ, Клодъ. *Статья* о немъ: Рюльеръ и Екатерина II. Т. LVII, 503—524.

Рюшпонэ, Луи, членъ федеральнаго совѣта швейцарской республики. *Замѣтка* о немъ: Первый гражданинъ Швейцарской республики. Т. LV, 250—252.

С.

Сабатье, Павелъ, французскій писатель, т. LVI, 295.

Сабуровъ, Андрей Ив., директоръ театровъ, т. LV, 681.

Савеловъ, Л. М. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: опытъ библиографическаго указателя по исторіи и генеалогіи российскаго дворянства. Т. LVI, 269, 270.

Савинъ, Вас. Ник., офицеръ, т. LV, 211. — филантропъ. т. LVI, 683.

Савицкая, В. *Рассказъ* ея: Сонъ Рылѣевой. Т. LV, 210 — 214. *Замѣтка* объ этомъ рассказѣ, т. LV, 588.

Садовниковъ, Д. Н., поэтъ, т. LV, 166.

Садовскій, П. М., артистъ. *Замѣтка* о его могилѣ. Т. LV, 587, 887 — 888. *Упомянется*, т. LVII, 693, 822, 823.

Сазоновъ, Н. Ф., артистъ императорскихъ театровъ, т. LV, 143.

Салиасъ, Е. А., графъ, писатель. Историческій романъ его: *Via facti*. Т. LV, 1—33, 281—298, 593—602; т. LVI, 5—17; т. LVII, 264.

Сало, Августъ, англійскій журналистъ, т. LVIII, 299.

Салтанъ, Ник. Ив. (Варвара Александровна), дѣвица-кавалеристъ, т. LVIII, 592, 593.

де-Сальеръ, французскій посланникъ въ Константинополь, т. LVI, 774.

Самойлова, Вѣра Васильевна, артистка т. LV, 143.

Самойловъ, Вас. Вас., артистъ, т. LVI, 422—431, 661, 663, 670.

Самсоновъ, Ник. Ал., т. LVIII, 691.

Санинъ, казанскій купецъ, т. LVI, 799.

Сантис, П. Л., сенаторъ, т. LV, 83.

Сапожниковъ, Андрей Петр., т. LVI, 22—24.

Сапуновъ, А. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: Рѣка Западная Двина. Историко-географическій обзоръ. Съ картами, планами и рисунками. Т. LV, 545, 546.

Сарду, французскій писатель, т. LV, 258; т. LVII, 879.

Сариоти, Мих. Ив., оперный артистъ, т. LV, 365 — 369. *Замѣтки* о немъ: т. LV, 886 — 887; т. LVI, 304. Поправка къ его биографіи, т. LVI, 591—592.

Сбоевъ, Вас. Ав., профессоръ Казанскаго университета, т. LV, 92, 93.

Светтъ, Леонардъ, американскій криминалистъ, т. LVI, 553.

Свѣденцевъ, Н. И., преподаватель, театр. училища, т. LV, 145.

Свѣчинъ, Александръ Ѳед., писатель. *Некрологъ* его. Т. LVI, 588.

— **Ник. Дм.**, артистъ, т. LVI, 592.

Свѣшниковъ, М., приватъ-доцентъ, т. LV, 512.

Сегюръ, Луи-Филиппъ, графъ, французскій посланникъ, т. LVI, 515; т. LVIII, 829—852.

Седдонъ, Робертъ, первый министръ въ Новой Зеландіи, т. LV, 540.

Семовскій, Вас. Ив., докторъ русской исторіи, т. LVI, 302.

Семеновъ, Д. Д., редакторъ журнала «Дѣтское Чтеніе», т. LV, 882.

— **Н. П.**, сенаторъ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Выводы и заключенія. Т. LVIII, 271—274.

— **П. П.**, сенаторъ, т. LV, 511.

Сементковскій, Р. И. *Статьи* его: Върожденіе или невѣжество. Т. LV, 177—197. Философія и жизнь. Т. LV, 453—471. Родоначальникъ нашей обличительной литературы. Т. LV, 691—712. Ѳединька Донъ-Кихотъ. Т. LVI, 44—83, 355—388. Идеалы въ искусствѣ. Т. LVI, 634—649. Т. LVII, 53—71. Родоначальникъ нашей патріотической литературы. Т. LVII, 370—388. Что такое Ибсенъ? Т. LVII, 792—812. *Библиографическія замѣтки* его: А. Фулье. Исторія философіи. Переводъ П. Николаева. Т. LV, 846—848. Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній. Томъ второй. Т.

- LVI, 263—266. К. Гильти. Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Переводъ и предисловіе А. Острогорскаго. Т. LVIII, 859—863.
- Сень-Павень, поэтъ, т. LVII, 876.
- Сергій, настоятель раскольничьяго Верхне-Преображенскаго монастыря, т. LVI, 792.
- Сергій-Ага, министр артиллеріи хивинской, т. LVIII, 436, 437.
- Сергѣевичъ, Василій Ивановичъ, профессоръ Спб. университета, т. LV, 512.
- Серебренниковъ, Мих., церковный староста, т. LVIII, 239.
- Серебряновъ, Петръ Мих., учитель, т. LV, 422.
- Сеславинъ, подполковникъ, т. LV, 428, 444—448; т. LVIII, 204.
- Сибирская, артистка, т. LVI, 653.
- Сильвестръ, Арманъ, французскій писатель, т. LVII, 552.
- Сильчевскій, Д., писатель, т. LVI, 403.
- Симашко, Юл. Ив., педагогъ, т. LVI, 400—401, 407.
- Симборскій, Н. В., поэтъ, т. LVIII, 662, 663.
- Симолинъ, русскій посланникъ въ Лондонъ, т. LVI, 510.
- Симонъ, Жюль, французскій писатель, т. LVI, 855.
- Симоръ, профессоръ американской школы, т. LV, 553.
- Синельниковъ, Н. П., сенаторъ. *Статья о немъ*, т. LVI, 203—220, 488.
- Синицынъ, офицеръ, т. LVIII, 45.
- Скабичевскій, А. М., критикъ. *Замѣтка о его юбилеѣ*. Т. LVI, 583—584. *Упоминается*, т. LV, 498; т. LVII, 747, 748.
- Скворцовъ, И. М., протоіерей, т. LVI, 223.
- Скобелевъ, Мих. Дм., генералъ. *Замѣтка о немъ*: Бѣлый генералъ. Т. LV, 794—803.
- Скобелъцынъ, Г. Д. *Записки его*, т. LVIII, 189—210.
- есаулъ, т. LV, 447—449.
- Скопинъ, Ник. Герас., протоіерей. *Библиографическая замѣтка о его дневникѣ*, т. LVI, 840, 841.
- Скорубскій, архитекторъ, т. LV, 474.
- Славянская, О. Х., пѣвица, т. LVIII, 667.
- Сластниковъ, С. И. *Библиографическая замѣтка его*: Землеводіе. Периодическое изданіе географическаго отдѣленія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи подъ редакціей Д. Н. Анучина. Книжка I. Т. LVII, 866—868.
- Случевскій, К. К., писатель. *Статья о немъ*, т. LVII, 746—759.
- Смирновъ, М. С., священникъ, т. LVIII, 466, 486, 488.
- протоіерей, настоятель Исаакіевскаго собора, т. LVII, 255.
- В. А., театральннй антрепренеръ, т. LV, 666.
- Смитъ, Томасъ, англійскій посланникъ, т. LVII, 228.
- Смольниковъ, Ѳ. К., антрепренеръ, т. LVI, 671.
- Смоляниновъ, В. Н. *Библиографическая замѣтка* о его изданіи: Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга четвертая. Т. LVII, 223, 224.
- Смышляевъ, Дмитрій Дмитриевичъ, провинціальннй общественный дѣятель. *Некрологъ его*: т. LV, 884—885.
- Ситънова, Ф. А., артистка Александрійскаго театра, т. LV, 143.
- Собоно, Н. П. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Словарь русскихъ художниковъ съ XI до XIX вѣка. Томъ первый, выч. первый. Т. LVII, 221, 222.
- Соболевскій, А. И., профессоръ Спб. университета, т. LV, 273; т. LVII, 255.
- Сокальскій, Н. П., одесскій литераторъ, т. LVII, 409.
- Соковининъ, Прокофій, т. LVI, 764.
- Соколова, Е., балерина, т. LVIII, 98.
- Соколовъ, А. А., фельетонистъ, т. LVI, 91.
- Нилъ Ив., профес. Военной Медико-Хирургической Академіи. *Некрологъ его*, т. LVI, 873, 874.
- *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Церковная реформа императора Юсифа II. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія изъ исторіи западныхъ исповѣданій, т. LV, 542—545.
- Соллогубъ, В. А., графъ, писатель, т. LV, 131; т. LVI, 424, 656.
- Солнцевъ, танцоръ, т. LVIII, 100.
- Соловей, польскій доводца, т. LVI, 737, 740, 741.
- Соловьевъ, Е. А., писатель, т. LV, 501.
- Сорель, французскій историкъ, т. LVII, 243.
- Сорокинъ, Н. В. *Библиографическая замѣтка его*: Д-ръ А. Елисѣевъ. „По бѣлу свѣту“ (очерки и картинки изъ путешествій), т. LVI, 832—836.
- Сосниціе:
- Ив. Ив., артистъ, т. LV, 683; т. LVI, 108—127. *Замѣтка о столѣтней годовщинѣ его рожденія*, т. LVI, 303.
- Елена Яковлевна, его жена, т. LVI, 111.
- Спасовичъ, В. Д. *Библиографическія замѣтки о его сочиненіяхъ*, томы V—VII. Т. LV, 495; т. LVII, 217—219.

- Спиридонова, Ульяна Ив., т. LVII, 328.
 Сталь *Статья о ней*: Госпожа Сталь въ Россіи, т. LVIII, 160—188.
 Станиславскій, А. Г., профессоръ гражданскаго права, т. LV, 93.
 Станиславъ Лещинскій, польскій король, т. LVI, 773.
 Стасовъ, Влад. Вас., писатель, т. LV, 472. *Замѣтка* о его юбилеѣ, т. LV, 580, 581.
 Стасюлевичъ, М. М., профессоръ, т. LV, 499, 503.
 Стахѣевъ, Дм. Ив., романистъ, т. LVI, 99.
 Стевенсъ, Джонъ, англійскій полковникъ, т. LVIII, 568.
 Степановъ, П. С., актеръ, т. LVIII, 90—93.
 Степовичъ, А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Къ столѣтію рожденія Яна Коллара, т. LVIII, 870, 871.
 Столянский, Ник. Петр., педагогъ, т. LVI, 87.
 Столыпинъ, Дм. Аркадьевичъ, публицистъ, общественный дѣятель. *Некрологъ его*, т. LV, 585, 586. *Упоминается*, т. LV, 278.
 Сторожевъ, В. Н., историкъ, т. LVII, 220. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Родоначальникъ русской вѣтви Лермонтова, т. LVIII, 867, 868.
 Стороженко, Н. В. *Замѣтка его*: Къ исторіи декабристовъ, т. LV, 272—274.
 Стояновъ, А. *Замѣтка его*: Е. А. Нарбутъ, т. LVIII, 599—600.
 Стракошъ-Гросманъ, историкъ, т. LVI, 296.
 Стратчей, Эд., англійскій историкъ, т. LVII, 241.
 Страусъ, Фридрихъ, ученый богословъ, т. LVII, 191.
 Строгановъ, А. Г., графъ, одесскій генералъ-губернаторъ, т. LVII, 409, 410.
 Струйская, Елена Павловна, актриса, т. LV, 143, 676.
 Стурдза, А. С., писатель, т. LVII, 408.
 Стрѣльская, артистка императорскихъ театровъ, т. LV, 143.
 Стрѣльскій, воспитанникъ Спб. театральной школы, т. LV, 135.
 Стэдманъ, американскій поэтъ, т. LV, 558.
 Суворинъ, А. С., публицистъ, т. LV, 229.
 Суворовъ-Рымникскій, кн. А. В., генералиссимусъ, т. LVI, 862 т. LVII, 134.
 Суворовъ, П. П. *Статьи его*: Сенаторъ Н. П. Синельниковъ (біографическій очеркъ). Т. LVI, 203—220.
 Судѣнко, Іосифъ Степ., тайный содѣйникъ, т. LV, 879.
- Сумароковъ-Эльстонъ, гр., т. LVIII, 48.
 Суперанскій, М. Ф. *Библиографическая замѣтка его*: Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. Т. LV, 235—237.
 Суриковъ, Ив. Зах., поэтъ, т. LVIII, 675.
 Сухозанетъ, генералъ, т. LVI, 192, 199.
 Сухомлиновъ, М. И., академикъ, т. LV, 880.
 Сухонинъ (Шардинъ), писатель, т. LVI, 96.
 Сухотина, Клеопатра Дм., т. LV, 425.
 Сушновъ, Н. В., т. LVIII, 776.
 Сфорца, Францискъ, графъ, т. LVI, 278.
 Сцѣгонный, ксендзъ, т. LVI, 714.
 Сыробоарскій, Александръ Ив., исправникъ, т. LVIII, 690.
 Сыромятниковъ, С., писатель, т. LV, 199.
 Сысоева, Екатерина Алексѣевна, редакторъ-издательница журнала „Родникъ“ *Некрологъ ея*. Т. LV, 586.
 Сѣровъ, А. Н., композиторъ, т. LV, 474; т. LVI, 668.
 Сѣтовъ, О. Я., артистъ, т. LV, 359.
 Сз, Камиль, французскій публицистъ, т. LVII, 877.

Т.

- Тальма, извѣстный французскій актеръ, т. LV, 257.
 Тамаринскій, діаконъ, т. LVI, 632.
 Та-Мингъ, китайскій императоръ, т. LVII, 873.
 Танковъ, А. А. *Статья его*: Селиховы дворы. Т. LVIII, 211—219.
 Тарасенко-Отрѣшковъ, Н. П., т. LVIII, 776.
 Тарачковъ, Н. С., ботаникъ, т. LVII, 221.
 Тарновскій, графъ, т. LVI, 718.
 Тацитъ, римскій историкъ, т. LVIII, 308.
 Твердохлѣбовъ, А. Д. *Библиографическая замѣтка*: Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища (1790—1890). Изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Т. LV, 245, 246.
 Телицынъ, Абрамъ, раскольникъ, т. LVI, 798.
 Теннисонъ, англійскій поэтъ, т. LVI, 852.
 Тень-Горнь, Янъ, книгопродавецъ, т. LVII, 788.
 Теляковъ, В. Г., поэтъ, т. LVII, 407.
 Тербеневъ, скульпторъ, т. LVII, 642.
 Терлецкій, Владиміръ, архимандритъ, т. LVI, 712.

- Терпигоревъ, С. Н.**, писатель. *Разказъ его: Потревоженный тѣни. Емельяновскія узницы*. Т. LV, 59—77. Праздникъ Венеры, т. LVIII, 313—339, 603—627.
- Тестъ, французскій генералъ**, авторъ мемуаровъ, т. LV, 875.
- Тимирязевъ, В. А.** *Статьи его: Французская королева Анна Ярославна*, т. LV, 198—209. Зола дома, т. LV, 222—231. Утопін на практикѣ, т. LV, 528—541. Первый столѣтній юбилей Наполеона, т. LV, 826—845. Премники Гладстона, т. LVI, 237—256. Русско-французскій союзъ при Екатеринѣ II, т. LVI, 499—516; т. LVIII, 828—852. Дневникъ принцессы Алисы, т. LVI, 814—829; т. LVII, 190—201. Первый гражданинъ Франціи, т. LVII, 202—214. Рюльеръ и Екатерина II, т. LVII, 508—524. Иностранцы о войнѣ 1812 года, т. LVII, 850—860; т. LVIII, 247—270. Историческія мелочи, т. LV—LVIII.
- Тиндаль, Джонъ**, извѣстный англійскій ученый. *Замѣтка* о его смерти. Т. LV, 261—262.
- Тинторетто**, см. Робустя.
- Тиррель, генералъ-маіоръ**, т. LVII, 250.
- Тисень, Юлія Даниловна, камеръ-фрейлина имп. Елисаветы Алексѣевны**, т. LVI, 29, 38, 39.
- Титовъ, А. А.** *Статья его: Спасская ружная, что на площади, церковь въ г. Ростовѣ*. Т. LVIII, 237—246.
- Тихоновъ, Аванасій, дьякъ**, т. LVII, 767.
- Тихонравовъ, Ник. Саввичъ, академикъ**, т. LV, 215—221. *Воспоминанія о немъ*: т. LV, 482—488. *Замѣтка къ его биографіи*, т. LVII, 819—823.
- Тихонъ, Задонскій, св.**, т. LVI, 131.
- Ткачевъ, Г. П.**, докторъ медицины. *Замѣтка о его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ*. Т. LVI, 583.
- Толбузинъ, Алексѣй, сотникъ**, т. LVIII, 537.
- Толстиковая, Ѳекла, раскольница**, т. LVI, 803.
- Толстыя, графини:**
— Александра Серг., т. LV, 115.
— Анна Ѳед., см. Духина, А. Ѳ.
— Вѣра Петровна, т. LV, 37, 302, 303.
— Елис. Егоровна, см. Барботъ, Е. Е.
— Елисавета Ѳед., т. LV, 43; т. LVI, 26.
— Марія Алексѣевна (урожд. Сень-При), т. LV, 308.
— Марья Ник., см. Волконская, М. И., княжна.
— Надежда Петровна, т. LV, 37, 307—309.
— Пелагея Ильинична (въ замужествѣ В. И. Юшкова), т. LV, 83, 85, 86, 89.
- Пелагея Ник., см. Горчакова, П. Н.
- Толстыя, графы:**
— Александръ Петр., т. LV, 37, 46—58.
— Алексѣй Конст., писатель, т. LVI, 658—665, 668, 675, 676. *Письма его: т. LVI, 669—670, 673—675; т. LVII, 742.*
— Андр. Андр., т. LVII, 36.
— Владиміръ Петровичъ, т. LV, 37, 303.
— Дмитрій Ник., т. LV, 103.
— Илья Андреевичъ, т. LV, 82.
— Константианъ Петровичъ, т. LV, 37, 304—307.
— Левъ Николаевъ, писатель. *Статья о немъ: Графъ Л. Н. Толстой и его студенческие годы*. Т. LV, 78—124. *Упоминается*, т. LV, 190, 191, 299, 459—465, 573.
— Левъ Львовичъ, писатель, LVII, 892.
— Николай Ильичъ, т. LV, 84, 85.
— П. А., чрезвычайный посолъ Александра I. *Статья о его пребываніи у Наполеона*. Т. LVIII, 787—818.
— Петръ Андреевъ, генералъ-крѣгсъ-коммиссаръ. *О немъ*, т. LV, 35, 45, 81, 618, 619.
— Петръ Петровичъ, т. LV, 37, 310, 311.
— Сергій Ник., т. LV, 103.
— Ѳедоръ Андреевичъ, т. LV, 618.
— Ѳед. Ив. (американецъ), т. LVII, 41—44.
— Ѳед. Петр., вице-президентъ академіи художествъ. *Воспоминанія о немъ*, т. LV, 34, 37, 311.
- Тольмачъ, Лионель, англійскій лордъ**, т. LVI, 282.
- Тотлебенъ, отставной маіоръ**, т. LVII, 246.
- Торнау, Н. Н., баронъ. Библиографическая замѣтка о его: Учебномъ историческомъ атласѣ. Т. LVI, 841, 842.**
- Трапезниковъ, Ник. Ник.**, т. LVI, 94.
- Трачевскій, А. С.**, профессоръ. *Статья его: Госпожа Сталь въ Россіи*. Т. LVIII, 160—188.
- Тремуапль, Шарлота-Амалия, принцесса Ольденбургская**, т. LVI, 574.
- Треснинъ, Ник. Алекс.**, цензоръ. *Некрологъ его*, т. LVII, 261.
- Третьяковъ, Серг. Мих.**, т. LVII, 743, 744.
- Трефолевъ, Леонидъ Ник.**, поэтъ, т. LV, 667.
- Тромбинскій, поручикъ, начальникъ польской банды**, т. LVI, 726, 729, 730.
- Туловскій, поручикъ**, т. LV, 448.
- Тулубъ, П. А.**, поэтъ, т. LVIII, 662.
- Тулубевъ, генералъ**, т. LVI, 533.
- Туманскій, В. И.**, поэтъ, т. LVII, 407, 861.

- Тупиковъ, Н. М., т. LVII, 257.
 Турба, Вас. Петр., издатель журнала „Сіяніе“, т. LV, 661.
 Тургенева, Варвара Петровна, мать писателя, т. LV, 413, 414.
 Тургеневъ, Сергѣй Ник., офицеръ, отецъ писателя, т. LV, 414.
 — И. С., писатель. *Статья о немъ*: Черты изъ жизни И. С. Тургенева. Т. LV, 411—426. *Упоминается*, т. LV, 268; т. LVII, 801; т. LVIII, 295, 450, 451.
 — А. А., воевода. *Статья о немъ*: Лебедянской воевода. Т. LVII, 463—473.
 Турчанинова, магнетизерка, т. LVII, 318—321.
 Тучковъ, капитанъ, т. LVIII, 684.
 Туше, Марія, фаворитка короля Карла IX, т. LVIII, 279.
 Тьебо, Поль, баронъ, авторъ мемуаровъ, т. LVII, 252.
 Тюменевъ, И. Ф. *Статьи его*: Въ верховьяхъ Волги (путевые наброски), т. LVI, 128—160, 435—461, 679—707. Возрожденное древлехранилище, т. LVIII, 510—530.
 Тютчева, Эрнестина Фед., жена поэта. *Некрологъ ея*, т. LVI, 873.
 Тютчевъ, поэтъ, т. LV, 268.

У.

- Уварова, П. С., графиня, археологъ, т. LVII, 868.
 Уваровъ, С. С., графъ, попечитель Спб. учебнаго округа, т. LV, 492.
 — Мих. Степ., воевода, т. LVII, 764, 766.
 Удино, Ник., маршалъ, т. LVIII, 260—265, 267, 268.
 Улановъ, Борисъ Фед., капитанъ, т. LVIII, 681.
 Уманецъ, С. И. *Статья его*: Захара (мусульманская легенда), т. LVII, 832—849. *Библиографическая замѣтка его*: Временникъ Эстляндской губерніи. Труды эстляндскаго губернскаго статистическаго комитета. Томъ IX, кн. 1. Т. LVII, 531, 532.
 Унгернъ-Штернбергъ, русскій посланникъ въ Копенгагенъ, т. LVI, 531.
 Унновскій, Алексѣй Мих., писатель, видный общественный дѣятель. *Некрологъ его*, т. LV, 585.
 Успенскій, В. П., священникъ, археологъ, т. LVI, 452.
 — редакторъ-издатель газеты „Сынъ Отечества“, т. LVI, 94—96.
 Утинъ, Евг. Исааковичъ, присяжный повѣренный, писатель. *Некрологъ его*, т. LVIII, 309, 310, 311.
 Ушановъ, А. А., тверской губернаторъ, т. LVIII, 692.

Ф.

- Файфъ, Гамильтонъ, романистъ, т. LVI, 293.
 Фатеръ, профессоръ, т. LV, 95.
 Фаресовъ, А. И. *Библиографическія замѣтки его*: Полное собраніе сочиненій А. К. Шейлера (А. Михайлова). Томъ I. Т. LVI, 258—262. Историческій очеркъ Свято-Троицкой общины сестеръ милосердія въ С.-Петербургѣ за пятидесятилѣтіе 1844—1894 гг. Т. LVI, 838—840.
 Фекинъ, А., французскій ученый, т. LVIII, 297.
 Ферлюдинъ, П. *Статья по поводу его книги*: Историческій обзоръ мѣръ къ высшему образованію въ Россіи. Т. LVI, 462.
 Ферникъ, Фелиситъ, т. LVI, 844—846.
 Ферьеръ, Гекторъ, гр., французскій историкъ, т. LVIII, 278.
 Феть, Аванасій Аванасевичъ, поэтъ, т. LV, 268, 419.
 Фигеръ, Тереза, женщина-солдатъ, т. LVII, 880.
 Филаретъ, митрополитъ московскій, т. LVI, 224.
 Филипповъ, Т. И., государственный контролеръ, т. LVI, 704.
 Филиппъ I, король французскій, т. LV, 206.
 Филоновъ, Г. С., т. LVIII, 562.
 Филонъ Александрійскій, философъ, т. LVI, 273.
 Фицъ-Гербертъ, англійскій посланникъ, т. LVIII, 830, 831, 834.
 Фицтумъ, инспекторъ студентовъ, т. LV, 474, 475.
 Флаго, графъ, т. LVIII, 288.
 Флоровъ, А. М., издатель газеты «Саратовскій Листокъ», т. LVIII, 564.
 Флурансъ, французскій дипломатъ, т. LVI, 558, 559.
 Фогель, Густавъ, криминалистъ, т. LV, 110.
 Фонвизинъ, Мих. Алексѣевичъ, генералъ-майоръ, т. LVIII, 464.
 — Ив. Алекс., т. LVIII, 464.
 Форстенъ, Г. В., докторъ всеобщей исторіи. *Статья о книгѣ его*: «Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв.». Т. LVI, 229—236.
 Фосколо, Уго, итальянскій поэтъ, т. LVIII, 269.
 Фотинскій, О. А., преподаватель, т. LV, 879.
 Фошиль, Поль, французскій писатель, т. LVIII, 295.
 Франко, Вероника, поэтесса. *Замѣтка о ней*: Венеціанская куртизанка въ эпоху Возрожденія. Т. LVII, 539—540.

Франциск I, французский король, т. LVIII, 278.

Франциск Ассизский, св., т. LVI, 295.

Френъ, ориенталистъ, т. LV, 90.

Фрибесъ, майоръ, т. LVI, 189.

Фридрих III, императоръ германский, т. LVII, 885.

Фридрих-Вильгельм IV, германский императоръ. *Статья о немъ*: При Николаѣ I и Фридрихъ-Вильгельм IV. Т. LVI, 523—537.

Фридрих Великий, король прусский, т. LV, 859—861.

фонъ-Фриненъ, А. А., инспекторъ сельского хозяйства на Сахалинѣ, т. LV, 383.

Фриманъ, Эд., профессоръ. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 года съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Главные періоды европейской исторіи. Шесть лекцій 1885 года. Съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ. Переводъ П. Николаева. Т. LVI, 544—546. *Упомянется*, т. LV, 253—255.

Фриульскій, герцогъ, т. LV, 270.

Фрудъ, англійскій историкъ, т. LVIII, 872.

Фулье, А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Исторія философіи. Переводъ П. Николаева. Т. LV, 846—848.

Фуресъ, полковникъ, т. LV, 270.

Фурнель, Шарль, наставникъ императора Фридриха III, т. LVII, 885.

Фурнье, Маркъ, епископъ, т. LVII, 553.

Фурье, французскій социологъ, т. LV, 529, 532.

Х.

Хабаровъ, Ерофей, крестьянинъ, т. LVIII, 536.

Хаджа-Мирь-Абуталибъ-Мирь-Моминовъ, лекторъ персидскаго языка въ Казанскомъ университетѣ, т. LV, 91.

Ханыновъ, Ник. Влад., ориенталистъ, т. LVIII, 394.

Хлодвигъ, французскій король, т. LV, 208.

Хованскій, провинціальный ученый, т. LVIII, 564.

— Ив. Андр., воевода, т. LVII, 788.

Холмскій, А. С., т. LVII, 744.

Холоднякъ, И. Н., магистръ римской словесности, т. LVII, 254.

Хоренскій, Мосей, армянскій историкъ, т. LVI, 575.

Храповицкая, Надежда Александровна, т. LVI, 27.

Хрипуновъ, Д., воевода, т. LVI, 760.

Хрисанфидесъ, К., писатель, т. LV, 573.

Христіанъ, принцъ Шлезвигъ-Гольштинскій, т. LVI, 815.

Хрулевъ, генераль, т. LVI, 188.

Ц.

Цезарь, Юлій, римскій полководецъ, т. LVIII, 872.

Цезшвиць, генераль, начальникъ саксонской арміи, т. LVIII, 881.

Целли-Перагліа, графъ, т. LVIII, 286, 287.

Церетели, грузинскій князь, т. LVIII, 718.

Церетелли, Г. Ф., т. LVII, 254.

Ч.

Черевновъ, В. Д. *Статья его*: Восхождение на вулканъ Гедеъ. Т. LVII, 492—507.

Чередовъ, Власъ, воевода, т. LVI, 763.

Чермный, А. Н. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Черный капитанъ. Морская легенда. Т. LV, 850—851.

Чернецовъ, пейзажистъ, т. LVI, 623.

Черниговскій, Никифоръ, т. LVIII, 536.

Чернышевскій, Н. Г., критикъ-публицистъ, т. LV, 461.

Чернышевъ, Иванъ Егоровичъ, драматическій писатель. Т. LV, 139, 146, 683, т. LVII, 417, 633—688.

Черныавскіе:

— генераль-лейтенантъ. *Библиографическая замѣтка о редактируемой имъ книгѣ*: Кавказскій Сборникъ, издаваемый съ высочайшаго соизволенія по указанію государя вел. кн. Михаила Николаевича въ бытность его императорскаго высочества главнокомандующимъ кавказскою арміею. Т. LVIII, 561—563.

— докторъ, т. LV, 480.

Черняевъ, П. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: О положеніи ученыхъ въ правленіе Домиціана. Повѣсть въ стихахъ римской поэтессы Сульпиціи. (Введеніе, текстъ, переводъ и примѣчанія). Т. LVI, 270, 271.

Чеховы:

— Александръ Пав. *Статьи его*: Буршевская колонія. Т. LVIII, 130—159. *Библиографическая замѣтка его*: А. Н. Чермный. Черный капитанъ. Морская легенда. Т. LV, 850, 851.

— Антонъ Павловичъ, писатель, т. LVII, 890.

Чечулинъ, Ник. Дм., приватъ-доцентъ Спб. университета. Т. LV, 512. *Замѣтка о его рефератѣ*: „Попытка государственнаго совѣта при Екатеринѣ II“. Т. LVI, 302.

Чешихинъ, Вас. *Замѣтка его*: По поводу приписываемыхъ Лермонтову стихотвореній. Т. LVII, 900.

Чистовичъ, Иларіонъ Алексѣевичъ, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, ученый. *Некрологъ его*. Т. LV, 280.

Чистяковъ, А. Д., танцмейстеръ, т. LVIII, 99.

Чихачевъ, П. А., т. LV, 279.

Чудиновы:

— А. *Библиографическая замѣтка о его Словарѣ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка*. Т. LVII, 529—531.

— Ц., т. LVIII, 568.

III.

Шабанъ, переводчикъ, т. LVIII, 392.

Шальо-дю, Поль, англійскій романистъ. *Романъ его*: Викингъ. Романическая исторія изъ эпохи III и IV столѣтій. (Ivar the Viking). Т. LVIII (приложеніе).

Шамиль, имамъ, т. LVIII, 389, 391, 393.

Шамшевъ, Серг. Фед., т. LVIII, 682.

Шараповъ, С. Н. *Библиографическая замѣтка о его соч.*: Франція и славянство. Рѣчь въ Славянскомъ обществѣ. Т. LVIII, 274—276.

Шастель, французскій офицеръ, т. LVII, 880.

Шафировъ, вице-канцлеръ, т. LVI, 785—788.

Шаховской, Миронъ, кн., воевода, т. LVI, 760.

Шаховъ, А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ, т. LVII, 225, 226.

Шашковъ, С., писатель, т. LVII, 420.

Шварцъ, Вяч. Григ., академикъ исторической живописи. *Статья о немъ*, т. LVIII, 736—761.

— Григ. Ефимовичъ, генералъ, отецъ художника, т. LVIII, 746.

Швейцеръ, Ф., историкъ, т. LVIII, 557.

Шевнинъ, полковникъ, т. LVIII, 687.

Шево-де-ла-Серръ, гр., т. LVIII, 48.

Шекспиръ, англійскій писатель. *Замѣтки*: Кто писалъ Шекспира? Т. LV, 558,

579. Шекспиръ и его изображенія. Т. LVIII, 853—876.

Шелгуновъ, Ник. Вас., писатель публицистъ. *Замѣтка о его памятникѣ*. Т. LVIII, 308, 309; т. LV, 651.

Шеллеръ (Михайловъ), А. К., писатель *Библиографическая замѣтка о Полномъ собраніи сочиненій*, т. I. Т. LVI, 258—262. *Упомянется*, т. LV, 663.

Шелли, англійскій поэтъ, т. LVIII, 576.

Шельхеръ, Викторъ, французскій революціонеръ, т. LV, 563—565.

Шемаевъ, артистъ, т. LV, 143.

Шеншина, Надежда Аванасьевна, сестра поэта, т. LV, 424.

— Ольга Вас. (по мужу Галахова), т. LV, 425.

Шень-дю, Андрэ, генеалогъ, т. LVIII, 570.

Шервашидзе, Мих., владѣтельн. князь, т. LVIII, 400.

— Дмитрій, т. LVIII, 401.

Шереметевъ, гр., фельдмаршалъ, т. LVI, 782, 785, 786.

Шестановъ, Андрей Егоровичъ, докторъ, т. LV, 625; т. LVI, 34; т. LVII, 651.

Шестеркинъ, Ив. Ив., купецъ, т. LVII, 742.

Шете, горюцъ, т. LVIII, 390.

Шиллеръ, Христіана, сестра поэта, т. LVII, 336.

Шиллеръ, поэтъ, т. LVII, 336; т. LVIII, 282.

Шильдеръ, Ник. Карл., генераль-лейтенантъ, историкъ, т. LVII, 790.

Шипова, Анна Евграфовна, т. LV, 100.

Шиповъ, Сергѣй Павловичъ, генералъ, т. LV, 100.

Ширяевъ, Ник. Лавр., библиографъ. *Библиографическія замѣтки его*: Систематическій указатель статей историческаго журнала «Древняя и Новая Россія» 1875—1881 гг. Изданіе А. С. Суворина. Т. LV, 551. Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи. Т. LV, 851—853.

Шишовъ, Дмитрій Семеновичъ, братъ адмирала А. С. Шишкова, т. LV, 303.

— Ник. Вас., т. LVIII, 687.

— декораторъ, т. LVI, 662.

Шлювскій, Н. В., т. LVII, 868.

Шлыгинъ, комендантъ, т. LVIII, 682.

Шляпкинъ, И. А., магистръ русской словесности, т. LV, 512.

Шмановъ, Ив. Александр., инженеръ. *Некрологъ его*, т. LVI, 304.

Шредеръ, О. Н., пѣвица, т. LV, 361.

Штакеншнейдеръ, А. А., т. LVI, 672.

Штолльеръ, П. П., писатель, т. LVI, 124, 125.

Штофрегенъ, лейбъ-медикъ, т. LVI, 38.
Шуазель, герцогъ, французскій министр иностранныхъ дѣлъ, т. LVI, 504.

Шубинскій:

— Сергѣй Ник., редакторъ „Историческаго Вѣстника“. *Библиографическія замѣтки его*: Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ третій, 1704—1705 гг. Т. LVI, 262—263. Н. П. Боголюбовъ. Графъ Морицъ Бенювскій. Историческая бѣль. Т. LVI, 268, 269. Путеводитель по Волгѣ, Г. П. Демьянова. Изд. 2-е, т. LVI, 842. *Замѣтка его*: Маленькое объясненіе, т. LVI, 590—591. *Упомян.* т. LVI, 874.

— П. П. *Библиографическая замѣтка его*: В. Миткевичъ. Казацья лава, т. LV, 242, 243.

Шуваловъ, Петръ Андр., графъ, шефъ жандармовъ, т. LVI, 677.

Шульгинъ, Вит. Яковл., историкъ, т. LVI, 475—476.

Шумскій, С. В., актеръ, т. LVI, 423.

Щ.

Щаповъ, Г. *Библиографическая замѣтка его*: А. Е. Прѣсняковъ. „Царственная книга“, ея составъ и происхожденіе, т. LVIII, 554—556.

Щепинскій, А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Я. Амосъ Коменскій. Великая дидактика, т. LVI, 271, 272.

Щепинъ:

— М. С., артистъ, т. LVII, 557.

— Мих. Александровичъ, т. LV, 411.

Щербанъ, Александръ Викторовичъ, писатель. *Некрологъ его*, т. LVIII, 900, 901.

Щербанъ, Ник. Вас., публицистъ. *Некрологъ его*, т. LV, 280.

Щербина, Н. Ѳ., поэтъ, т. LVII, 258, 259.

Щербовичъ-Вечора, В. *Воспоминанія его* о польскомъ возстаніи, т. LVI, 181—202, 478—498, 725—741.

Щукинъ, Н. С., т. LVII, 417, 419.

Э.

Эллиотъ, Джорджъ, англійскій богачъ, т. LV, 561—563.

Эльнанъ, шпіонъ, т. LVI, 28.

Эльслеръ, Фанни, балерина, т. LVIII, 97.

Эмануель, генераль, т. LVIII, 562.

Энжеранъ, Фернанъ, французскій писатель, т. LVII, 874.

Эрдманъ, Ѳедоръ, профессоръ восточн. яз., т. LV, 90.

Эшкепъ, калмыцкій тайша, т. LVI, 763.

Ю.

Юдинъ, П. Л. *Статьи его*: Изъ исторіи сектанства, т. LVI, 791—806. Курганы и подземныя пещеры въ Самарской губерніи, т. LVII, 166—173. Къ біографіи А. А. Григорьева, т. LVIII, 779—786.

Южановъ, С. Н. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Доброволецъ Петербурга, т. LVII, 869, 870.

Юзефовичъ, М. В., попечитель Кіевскаго учебнаго округа, т. LVI, 469—473.

Юнгъ, Екатерина Ѳед., т. LV, 316; т. LVI, 41.

Юнгъ, Артуръ, англійскій богачъ, т. LV, 531.

Юргенсъ, А. Ѳ., управляющей театральной конторой, т. LV, 686.

Юрневичъ, П. И., тайный совѣтникъ, т. LV, 131.

Юрьевъ, М. *Библиографическая замѣтка о книгѣхъ его*: Спорные вопросы западно-европейской исторической науки, т. LVIII, 559—561. Карль пятый и его время. Этюдъ. Вып. первый, т. LVIII, 868, 869.

Юсуповъ, Борисъ, кн., т. LVIII, 48.

Юханцевъ, Ник. Ив., т. LVI, 27.

Юшковъ, Вл. Ив., казанскій помѣщикъ, т. LV, 85, 86.

Я.

Яблочковъ, Пав. Ник., изобрѣтатель электрической свѣчи. *Некрологъ его*. Т. LVI, 589—590.

Ядринцевъ, Ник. Мих., редакторъ „Восточнаго Обзорнія“. *Статья о немъ*, т. LVII, 412—451.

Языковъ:

— Д. Д., бібліографъ. *Статья его*: Библиографическіе труды В. И. Межова, т. LVII, 174—181.

— полковникъ, т. LVIII, 208.

— Семень Ивановичъ, помѣщикъ, т. LV, 87.

Яковлева, Александра Ивановна, т. LV, 39.

Яковлевъ, В. А., докторъ русской словесности. *Замѣтка о его диссерт.* т. LV, 277—278.

Яковъ I, Стюартъ, шотландскій король, т. LV, 857.

Яненко, Яковъ Ѳедосѣевичъ, художникъ. *Воспоминанія о немъ*, т. LV, 169—171.

Янковскій, польскій доводца, т. LVI, 750.

Ярославъ I, Мудрый, русскій князь, т. LV, 201.

Ярошинскій, злоумышленникъ, т. LVI, 496.

Ярцевъ, А. А., *Замѣтка его*: Могила актера П. М. Садовскаго, т. LV, 887—888. *Статья его*: Поѣздка въ родовую вотчину Н. И. Новикова, т. LVIII, 459—490.

Ясинскій, I. I., писатель. *Романъ его*: Юрьева могила, т. LVI, 305—328, 593—620; т. LVII, 5—34, 285—314, 589—627.

Ястребовъ, Иванъ Степ., русскій консулъ въ Салоникахъ. *Некрологъ его*, т. LV, 884.

Яцновскій, маіоръ, т. LV, 764.

Ө.

Федорова, Праскозья Сергѣевна, т. LV, 376, 669.

Федоровичъ, Н., писатель, т. LV, 647.

Федоровъ:

— Александръ, дячокъ, т. LV, 87.

— Павелъ Степ., управляющій спб. театральнымъ училищемъ, т. LV, 125—134, 358, 362—382, 669—680; т. LVI, 662, 664, 667.

— Степ. Ник., оберъ-офицеръ, т. LVIII, 784.

Федоръ Алексѣевичъ, царь московскій, т. LVII, 786, 787; т. LVIII, 463.

Феофиль, византийскій императоръ, т. LV, 204.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1894 г.

Портреты:

- Александръ III, императоръ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LVIII, стр. II.
Гарнортъ, Вильямъ, англійскій премьеръ, т. LVI, 245.
Гедеоновъ, Александръ Мих., директоръ театровъ, т. LV, 353.
Гнѣдичъ, Николай Ив., писатель *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LVII, 3.
Дегужи-Нижегородская, Марія, русская плѣнница, т. LVII, 97.
Зола, въ своемъ кабинетѣ, т. LV, 225.
Ибсенъ, норвежскій драматургъ, т. LVII, 797.
Каменская, М. Ѳ., писательница, т. LVIII, 631.
Кантемиръ, Антіохъ Дмитріевичъ, кн., писатель, т. LV, 693.
Карно, президентъ Французской республики, т. LVII, 203, 209.
Каратыгинъ, Петръ Андр., артистъ, т. LVI, 653.
Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, т. LVIII, 497.
Ленскій, Дмитрій Тимоѣевичъ, воевода *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LVII, 285.
Наполеонъ I, т. LV:
— съ портрета, написаннаго Жераромъ, 833.
— съ неизданнаго эскиза Енгра, 837.
Нильскій, Александръ Александровичъ, артистъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LVIII, 3.
Нильскій, А. А., въ роли Іоанна Грознаго *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LVI, 592.
Новиновъ, Николай Ив., писатель *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LVIII, 465.
Обуховъ, Павелъ Матвѣевичъ, основатель Обуховскаго завода, т. LVI, 165.
Ришелье, герцогъ (съ гравированнаго портрета Мансфельда), т. LVII, 401.
Розбери, графъ, англійскій первый министръ, т. LVI, 241.
Сабуровъ, Андрей Ивановичъ, директоръ императорскихъ театровъ, т. LV, 681.
Сегюръ, графъ, французскій посоль при дворѣ Екатерины II *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LVI, 305.
Синельниковъ, Ник. Петровичъ, волынскій губернаторъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LVI, 1.
Случевскій, Конст. Конст., поэтъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LVII, 587.
Сосницкій, Иванъ Ивановичъ, артистъ, т. LVI, 113.

- Сталь, французская эмигрантка, т. LVIII, 169.
 Тихонравовъ, Ник. Саввичъ, академикъ, т. LV, 217.
 Толстой, Левъ Николаевичъ, графъ, писатель, въ 1848 году (*на отдѣльномъ листѣ*), т. LV, 4.
 Толстой, Федоръ Петровичъ, графъ, вице-президентъ Академіи Художествъ (*на отдѣльномъ листѣ*), т. LV, 592.
 Шварцъ, Вячесл. Григ., художникъ, т. LVIII, 741.
 Федоровъ, Павелъ Степановичъ, управляющій Спб. театрами (*на отдѣльномъ листѣ*), т. LV, 280.

Копія съ иконъ, картинъ, бюстовъ и др.

- Горельефъ, изображающій графа Ф. П. Толстаго, его жену и дочь (*на отдѣльномъ листѣ*), т. LV, 49.
 Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіевой лавры (съ старинной иконы XVII в.), т. LVI, 703.
 Кленкъ, голландскій посланникъ. Снимки съ современныхъ гравюръ, т. LVII:
 — Отплытіе посольства изъ Архангельска, 765.
 — Въездъ Кленка въ Вологду, 769.
 — Въездъ Кленка въ Москву, 772.
 — Аудіенція Кленка у царя Алексѣя Михайловича, 777.
 Ниль Столбенскій, святой. Снимокъ съ рѣзнаго изображенія, т. LVI, 149.
 Снимки съ древностей, хранящихся въ Новгородскомъ музеѣ, т. LVIII, 517, 519.
 Фансимиле подписи Анны Ярославны, т. LV, 209.
 Шварца, В. Григ., т. LVIII:
 — Иванъ Грозный у гроба убитаго имъ сына, 745.
 — Иванъ Грозный на соколиной охотѣ, 749.
 — Иванъ Грозный и іезуитъ Поссевинъ, 753.
 — Плачь Ярославны, 757.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій:

- Бурашевская колонія душевно-больныхъ, т. LVIII:
 — Видъ Бурашева при въѣздѣ, 133.
 — Одинъ изъ корпусовъ Бурашевскаго заведенія (женскій), 137.
 — Избы, въ которыхъ живутъ спокойные больные, 140.
 — Баракъ для хроническихъ больныхъ, 140.
 — Двухсемейная изба, 140.
 Волга, т. LVI:
 — Схематическій чертежъ мѣстности, занимаемой озеромъ Селигеромъ, 129.
 — Село Корюковое, 132.
 — Село Полново, 137.
 — На Селигерѣ, 140.
 — Кравотынское плесо, 145.
 — Нилова пустынь (съ юго-восточной стороны), 153.
 — Башня-маякъ и полуостровъ Свѣтца, 157.
 — Икона XVII в. съ изображеніемъ Ниловой пустыни, 159.
 — городъ Осташковъ, 437.
 — Нилова пустынь съ сѣверо-западной стороны, 439.
 — Николо-Рожковскій погостъ, 441.
 — Первый мостъ черезъ Волгу, 444.
 — Часовня надъ истокомъ Волги и деревня Волговерховье, 447.
 — Часовня на мѣстѣ упраздненнаго монастыря въ деревнѣ Волговерховье, 451.
 — Петропавловскій погостъ и Стерженскій крестъ, 453.
 — Рѣка Руна, 459.

- Житный монастырь близъ Осташкова, 681.
- Селижаровскій посадъ со стороны Осташкова, 685.
- Слияніе Волги съ Селижаровкою, 687.
- Св. Троицкій монастырь въ Селижаровскомъ посадѣ, 689.
- Волга у деревни Кривцовы горы, 695.
- Городъ Ржевъ, 699.
- Старинный уголокъ въ г. Ржевѣ, 701.
- Вотчина Н. И. Новикова, т. LVIII:**
- Церковь въ его имѣніи, 473.
- Флигель его времени, 477.
- Каменная изба, построенная Н. И. Новиковымъ, 481.
- Нитай, т. LV:**
- Моренное озеро у подошвы горы Богдо-ола, 153.
- Старая кумирня на берегу озера, 157.
- Могила Дуровой-Александровой, т. LV, 791.**
- Новгородское древлехранилище. Видъ съ восточной стороны, т. LVIII, 513.**
- Одесса, т. LVII:**
- въ началѣ нынѣшняго столѣтія, 397.
- въ 1840 году (съ гравюры того времени), т. LVII, 405.
- Ростовъ. Спасская ружная церковь, т. LVIII, 240.**
- Самарская губернія, т. LVII:**
- Укрѣпленіе на валу близъ с. Алексѣевского на р. Кинельѣ, 167.
- Подземное озеро въ пещерахъ Бугульминскаго уѣзда, 169.
- Сахалинъ, т. LV:**
- Дорога черезъ тайгу на хребтѣ Тилинга, 395.
- Горѣлая тайга на берегу Сахалинской рѣки, 397.
- Лиственный лѣсъ на Сахалинѣ, 400.
- Поселокъ Лиственничный на Сахалинѣ, 721.
- Исполинская растительность на Сахалинѣ (*Angelophyllum* и *Spirea* — представители флоры елавей), 725.
- Александровская тюрьма на Сахалинѣ, 727.
- Постройки въ Дуэ, гдѣ помѣщаются живущіе внѣ тюрьмы каторжнне, 729.

Бытовые и другіе рисунки:

- Древнія вещи, найденныя въ Бугульминской пещерѣ Самарской губ., т. LVII, 171.**
- Намеръ-юнкерская шляпа А. С. Пушкина, т. LVIII, 776.**
- Польское возстаніе, т. LVI:**
- Обученіе польскаго ополченія въ Галиціи (съ картины польскаго художника Крушевскаго), 539.
- Походъ польскаго ополченія въ Россію, 540.
- Сахалинъ, т. LV:**
- Гиляки-надзиратели за ссыльно-каторжными Александровскаго округа, 393.
- Орочыи съ Сахалина, изъ деревни Тарайка, въ устьяхъ Пороная, 405.
- Аины съ восточнаго берега Сахалина, изъ деревни Найбы, 723.
- Айносы съ восточнаго берега Сахалина, 731.

тить за нарушение закона, такъ какъ онъ обязанъ служить примѣромъ для другихъ. Судъ постановилъ, чтобы ты заплатилъ за нанесенную рану шесть золотыхъ колець, по двѣнадцати ораровъ вѣса, что составитъ вдвое большую сумму, чѣмъ заплатилъ бы бондъ, и въ двѣнадцать разъ болѣе, чѣмъ заплатили бы другіе свободные люди.

Слѣдующій подсудимый былъ человѣкъ, совершившій кражу на коммерческомъ суднѣ во время путешествія, и вмѣстѣ съ нимъ явились всѣ моряки, бывшіе на кораблѣ, на которомъ была совершена имъ кража.

— Ты знаешь, чему подвергаешься по закону? Тебѣ обрѣютъ голову, обмажутъ ее смолой и осыплютъ перьями, потомъ всѣ моряки судна, на которомъ ты совершилъ преступленіе, встанутъ въ два ряда, и ты долженъ между ними бѣжать въ лѣсъ, пока они будутъ бросать въ тебя камнями и палками. Если кто либо изъ нихъ не исполнитъ своей обязанности, то подвергнется пени въ девять ортупаровъ.

Дѣйствительно вора обмазали смолой, осыпали перьями, и онъ побѣжалъ со всѣхъ ногъ мимо двойного ряда моряковъ, но не достигъ лѣса и упалъ, тяжело раненый.

Теперь предсталъ передъ судомъ бондъ и объявилъ, что онъ убилъ двухъ воровъ, которые защищались, когда онъ поймалъ ихъ съ поличнымъ.

— Ты хорошо поступилъ, — объявлено было ему судомъ: — убитые тобою люди были внѣ закона, и тебѣ не слѣдуетъ платить пени за лишеніе ихъ жизни.

Послѣ этого представленъ былъ человѣкъ, совершившій кражу со взломомъ и пойманный съ орудіемъ преступленія въ рукахъ.

— Ты знаешь законъ, — произнесъ Иваръ: — ты вышелъ изъ-подъ покровительства закона и ты умрешь; страна не нуждается въ такихъ существахъ, какъ ты.

Но наибольшій интересъ возбудило дѣло Асмунда, который подозрѣвался въ убійствѣ одного изъ витязей Хьёрварда, по имени Асгрима. Никто не видалъ этого убійства, потому Асмунду было предоставлено снять съ себя подозрѣніе очистительной присягой. Иваръ снялъ со своей руки кольцо, и въ присутствіи всей толпы Асмундъ произнесъ согласно закону:

— Я избираю Торальда и Олафа свидѣтелями того, что подъ присягой на священномъ кольцѣ я заявляю, что не принималъ никакого участія въ убійствѣ Асгрима. Клянусь, что это правда, и да поможетъ мнѣ въ этомъ Одинъ, Фрей и Ньердъ.

Общее сочувствіе возбудилъ къ себѣ бѣднякъ, который судился за кражу хлѣба. Онъ доказалъ, что укралъ этотъ хлѣбъ съ голода и послѣ того, что напрасно просилъ работы у многихъ лицъ. Эти лица, въ качествѣ свидѣтелей, подтвердили, что онъ дѣйствительно

приходилъ къ нимъ и просилъ работы, но у нихъ не было для него никакихъ занятій.

— Иди своей дорогой,—сказалъ Иваръ:—хотя законъ не дозволяетъ кражи, но не подвергаетъ наказанію человѣка, крадущаго пищу съ голода и отъ недостатка работы.

Вслѣдъ за этимъ невмѣняемымъ воровъ явился другой, который совершилъ троекратную кражу, и ему Иваръ объявилъ приговоръ суда въ слѣдующихъ словахъ:

— Ты не заслуживаешь никакого снисхожденія: ты природный воръ, и по закону троекратная кража наказуется повѣшеніемъ, такъ какъ нельзя странѣ терпѣть такихъ преступниковъ.

Четыре дня продолжался тингъ, и послѣднее, разсмотрѣнное имъ дѣло, окончилось необычайнымъ образомъ. Оно заключалось въ спорѣ между родственниками изъ-за наслѣдства. Стороны такъ горячились, что наконецъ потеряли головы и, вытащивъ изъ-подъ одежды скрытые мечи, обагрили кровью священный кругъ тинга. Толпа подняла страшный крикъ, такъ какъ никогда въ Дампстадирѣ не было видно ничего подобнаго. Люди, совершившіе подобное святотатство, были объявлены внѣ закона, а Иваръ заявилъ, что отнынѣ тингъ не можетъ собираться на оскверненномъ мѣстѣ, и онъ съ согласія членовъ тинга избралъ другое мѣсто для слѣдующихъ собраній.

XIX.

Посѣщеніе Ингва Иваромъ.

Послѣ закрытія тинга Иваръ съ многими витязями отправился къ Ингву, херсиру Свитьѣда, который прислалъ ему приглашеніе на участіе въ атлетическихъ играхъ въ его резиденціи. Это приглашеніе было уже давно получено, и, принявъ его, Иваръ оповѣстилъ всѣхъ сосѣднихъ херсировъ и ихъ витязей о томъ, чтобы они готовились принять участіе, вмѣстѣ съ нимъ, въ этихъ играхъ. Въ это время его мать приготовила ему самыя драгоцѣнныя одежды, шелковое и полотняное бѣлье, роскошныя кожаные пояса, украшенныя золотомъ и драгоцѣнными камнями, серебряную сбрую для коней, пряжки съ рѣдкою эмалью и т. д. Всѣ сопровождавшія его лица также взяли съ собой великолѣпныя одежды и вооруженіе.

Флотъ, на которомъ онъ долженъ былъ отправиться въ путь, состоялъ изъ самыхъ блестящихъ и нарядныхъ судовъ во всей странѣ викинговъ. Паруса на нихъ были пестрые, флаги вышиты золотомъ, а мирныя щиты и драконы на носу ярко горѣли подъ лучами солнца. Пятнадцать судовъ съ провизіей и подарками слѣдовали за этимъ флотомъ. Между прочимъ Иваръ везъ въ пода-

рокъ Свитьѣдскому херсиру нѣсколько прекрасныхъ кровныхъ коней и также рѣшили подарить ему новую, только что отстроенную драконку, обшитую поверхъ водяной линіи тонкими золотыми листами.

Хьялмаръ, Сигурдъ и Сигмундъ присоединились къ Ивару на не менѣе прекрасныхъ судахъ, и всѣ вмѣстѣ двинулись въ путь.

Путешествіе не сопровождалось ничѣмъ особеннымъ, и они благополучно достигли озера Меллара и высадились на берегу его, близъ Упсалира, или Упсалы, куда отправились верхомъ. Иваръ, сидя на конѣ, въ блестящей красной мантии и золотомъ шлемѣ съ соколомъ на рукѣ, и окруженный блестящей свитой, представлялъ такое великолѣпное зрѣлище, что, завидѣвъ его издали, часовые на стѣнахъ города сказали Ингву:

— На солнцѣ сверкаютъ шлемы, щиты и копья. Это, должно быть, ѣдутъ твои гости, и, судя по всему, они должны быть высокаго происхожденія.

Ингвъ поспѣшилъ въ свою банкетную залу и тамъ принялъ съ подобающею честью прибывшаго прямо туда, Ивара. Самъ Ингвъ былъ красивый старикъ, хотя не высокаго роста, голубые глаза его свѣтились добротой, а одѣтъ онъ былъ очень роскошно. Долго и пристально смотрѣлъ онъ на своего гостя, какъ бы стараясь убѣдиться, достоинъ ли онъ руки одной изъ его дочерей, которыя, по обычаю, въ первый вечеръ не явились на пиръ.

Въ то время Упсала была самымъ великолѣпнымъ городомъ на сѣверѣ и славилась своими громадными, хотя деревянными домами, на постройку которыхъ пошли гигантскіе дубы и сосны. Внутри они были украшены золотомъ и серебромъ, а снаружи отличались фантастичностью своихъ украшеній. Между ними первое мѣсто занимала большая банкетная зала, отличавшаяся внутри самой рѣдкой рѣзбой, изображавшей религіозные обряды, богатыми тканями, вышитыми изображеніями морскихъ битвъ, замѣчательной коллекціей щитовъ, всякаго рода сосудовъ, бронзовыхъ греческихъ статуетокъ и золотыхъ римскихъ монетъ, а также громадными рогами для питья, украшенными золотыми фигурами, представлявшими всадниковъ, звѣрей, рыбъ и т. д. Возвышенныя мѣста для хозяина и самаго почетнаго гостя были изъ чистаго золота, и надъ тѣмъ изъ нихъ, которое было предназначено Ингву, висѣли его мечъ, щитъ и шлемъ.

Близъ Упсалы находилось то мѣсто, гдѣ должны были произойти атлетическія игры. Онѣ обыкновенно устраивались весной и осенью, до отплытія викинговъ въ экспедиціи и по возвращеніи ихъ. Но на этотъ разъ игры имѣли особенно важный характеръ, и на нихъ должно было рѣшиться, кто первый боецъ и первый атлетъ на всемъ сѣверѣ.

Ингвъ собралъ вокругъ себя всѣхъ славнѣйшихъ херсировъ и

витязей, такъ какъ онъ славился гостепріимствомъ, любезностью и щедростью. Его кладовыя ложились отъ золота, серебра и другихъ драгоценностей, а ни одинъ изъ его гостей не удался изъ Упсалы безъ богатыхъ подарковъ. По обычаю всѣхъ могущественныхъ херсировъ, онъ имѣлъ двѣнадцать бойцовъ, которые были извѣстны своей силой и ловкостью. Когда появлялись въ Упсалѣ чужестранцы, то они обращались къ нимъ со словами: «ну-ка, выходите на насъ. Посмотримъ, на что вы годитесь». Но Ингвъ тогда громко говорилъ: «Это мои гости», и единоборство не могло имѣть мѣста. Всѣ они для увеличенія своей доблести выпили волчьей крови и съѣли кусокъ волчьяго сердца, а между данными ими обѣтами они поклялись никогда не бѣжать отъ огня. Съ этой клятвой была связана исторія объ одномъ ихъ подвигѣ.

Однажды во время экспедиціи вмѣстѣ съ Ингвомъ они до того много пили, что заснули въ банкетной залѣ коварнаго херсира, у котораго были въ гостяхъ. Пока они спали, залу подожгли, но они, проснувшись, не двинулись съ мѣста, говоря: «бѣдные соколы, пожалуй, задохнётся», и только по приказанію Ингва проложить ему путь чрезъ огонь, они плечами вышибли стѣны и однимъ этимъ подвигомъ навели такой страхъ на враговъ, что тѣ обратились въ бѣгство.

Самымъ любимымъ изъ бойцовъ Ингва былъ Свидгагъ, который восемнадцатилѣтнимъ юношей явился въ Упсалу во время атлетическихъ игръ, и видя, что ворота города закрыты, не сказалъ ни слова часовымъ, снялъ ихъ съ петель и въѣхалъ въ городъ. Изумленный этой смѣлостью и силой, Ингвъ допустилъ его до единоборства съ лучшими своими бойцами, а когда онъ положилъ на мѣстѣ перваго изъ нихъ, то прекратилъ дальнѣйшую борьбу словами:

— Ты нанесъ мнѣ большую потерю, убивъ одного изъ моихъ лучшихъ бойцовъ, но ты сдѣлалъ это въ честномъ единоборствѣ и достоинъ занять его мѣсто. Будь отнынѣ моимъ тѣлохранителемъ.

Но не смотря на то, что Ингвъ придавалъ большую цѣну своимъ бойцамъ, онъ еще болѣе дорожилъ скальдами, и когда не было у него въ гостяхъ чужестранцевъ, то садилъ ихъ противъ себя на второе возвышенное мѣсто въ банкетной залѣ. Одинъ изъ нихъ, по имени Одунъ, носилъ прозвище сатирика, потому что онъ слагалъ сатирическія пѣсни. Онъ былъ самымъ старымъ скальдомъ, но выше его считался Хальдоръ, который всегда говорилъ стихами. Они оба и всѣ остальные скальды Ингва были храбрыми витязями и всегда сопровождали его въ битвахъ.

XX.

Дочери Ингва.

Три дочери Ингва славились своей красотой и достоинствами на всемъ сѣверѣ. Старшую звали Астридой, и ей было двадцать два года, вторую двадцати лѣтъ—Рандалиной и младшую девятнадцати лѣтъ—Гунхильдой.

Астрида считалась первой красавицей въ Скандинавіи. Ея волосы, тонкіе, какъ шелкъ, и свѣтлые, какъ янтарь съ золотистымъ отбѣнкомъ, были такъ длинны, что она могла покрыть ими все свое тѣло. Высокаго роста, съ граціозной тонкой таліей, она поражала совершенствомъ чертъ своего лица: ея носъ былъ греческій, глаза темно-синіе, представлявшіе удивительный контрастъ съ ея свѣтлой бѣлизной, щеки нѣжно-розовыя, напоминавшія цвѣтокъ яблони, губы казались жемчугами между вишневыми губками, руки маленькія, аристократическія, а ножки, съ высокимъ подъемомъ, очень миниатюрны. Поступь ея отличалась удивительнымъ для ея возраста достоинствомъ, а ко всѣмъ этимъ прелестямъ присоединялся нѣжный, мелодичный голосъ.

Рандалина была средняго роста и нѣсколько дороднѣе Астриды. Она походила, какъ двѣ капли воды, на отца, имѣла голубые глаза и гораздо болѣе красныя щеки, чѣмъ у старшей сестры, потому что страстно любила гулять и ѣздить верхомъ. Она была очень развита и замѣчательно образована для того времени, даже знала греческій языкъ, которому ее научила одна невольница гречанка. Она любила общество скальдовъ и цѣнила въ мужчинахъ болѣе всего храбрость. Для нея красота ничего не значила безъ мужества, знанія и хорошихъ манеръ.

Гунхильда была одинаковаго роста со старшей сестрой; своими темно-голубыми глазами она походила на мать, ея густые каштановые волосы ниспадали на плечи, а маленькій ротъ привлекалъ къ себѣ всѣ взгляды обворожительной улыбкой. Она была кокетливѣе своихъ сестеръ и любила окружать себя толпой обожателей молодыхъ и старыхъ. Она отличалась способностью вселять убѣжденіе въ каждомъ, что онъ пользовался ея предпочтеніемъ, но въ сущности никого не любила и даже не знала, что такое любовь.

Всѣ три сестры дышали аристократическимъ достоинствомъ, казались рожденными, чтобы повелѣвать людьми, и съ головы до ногъ были настоящими дочерьми херсира. Красота ихъ такъ поражала всѣхъ, что, по общему мнѣнію, норниры одарили ихъ всевозможными дарами и сдѣлали ихъ первыми красавицами въ свѣтѣ, передъ которыми должны были преклоняться самые храбрые, знатные и умные люди на свѣтѣ. Ихъ присутствіе возбуждало атле-

товъ и бойцовъ къ величайшимъ подвигамъ, а скальдъ онъ воодушевляли самымъ поэтическимъ образомъ.

Многіе славные витязи предпринимали опасныя экспедиціи, вызвали на единоборство самыхъ знаменитыхъ бойцовъ въ странѣ и совершали самые смѣлыя подвиги, чтобы только обратить на себя вниманіе дочерей Свитьѣдскаго херсира, которыя считались лучшими невѣстами во всей странѣ викинговъ; но еще никто не осмѣливался сдѣлать имъ предложеніе, такъ какъ ни одинъ витязь не считалъ себя достаточно славнымъ, чтобы надѣяться на успѣхъ.

Дочери Ингва жили въ своей скемѣ, или свѣтлицѣ, гдѣ онѣ шили, вышивали и занимались всякаго рода рукодѣліемъ, окруженныя свободными служанками и невольницами, а также принимали своихъ друзей.

Каждая изъ нихъ имѣла нѣсколько невольницъ, которыхъ онѣ очень любили и считали членами своей семьи. Въ числѣ этихъ невольницъ, взятыхъ въ дѣтствѣ въ плѣнъ съ ихъ родителями, были двѣ уроженки Британіи, двѣ—Галліи и одна—Рима:

Астрида завѣдывала хозяйствомъ въ домѣ отца со времени смерти матери за два года передъ тѣмъ. Она наблюдала за варкой пива и гордилась тѣмъ, что никто не умѣлъ лучше ея ни сварить пиво, ни соткать полотна или шерстяной матеріи.

Такъ какъ ни одна изъ сестеръ не явилась въ банкетную залу въ первый вечеръ, то Иваръ и пріѣхавшія съ нимъ лица сторали любопытствомъ ихъ видѣть, а потому они ходили взадъ и впередъ подъ окнами того дома, въ которомъ жили сестры. Это былъ очень красивый домъ. Въ нижнемъ этажѣ, куда проникали черезъ нарядный украшенный роскошной рѣзьбой портикъ, находилась большая комната, въ которой стояли прялки и ткацкіе станки. Тамъ же обѣдали и по стѣнамъ виднѣлись на полкахъ тарелки, сосуды и т. д. Рядомъ находилось еще нѣсколько покоевъ, въ которыхъ шили, вышивали и занимались другими рукодѣльями. Весь верхній этажъ, куда поднимались по лѣстницѣ, выходящей на балконъ, былъ посвященъ спальнямъ.

Астрида спала одна, а ея младшія сестры вдвоемъ. Ихъ кровати были деревянные, съ дома сотканными пестрыми, шерстяными занавѣсами. Двѣ ступеньки вели къ постели, а остальная меблировка этихъ двухъ комнатъ состояла изъ столовъ, стульевъ, шкафовъ и комодовъ, украшенныхъ рѣзьбой. Въ томъ же этажѣ находилось нѣсколько маленькихъ комнатъ для гардероба сестеръ. Въ большихъ крашеныхъ шкафахъ тамъ висѣли парадныя платья съ шлейфами изъ парчи и шерстяной матеріи, вышитой золотомъ, болѣе скромныя ежедневныя костюмы, полотняные и шерстяные, и верхняя одежда, совершенно походившая на мужскую. Въ отдѣльной комнатѣ хранилось полотняное и шелковое бѣлье, а въ небольшихъ сундукахъ находились золотыя и серебряныя украше-

нія, а также браслеты, серьги и ожерелья изъ драгоценныхъ камней.

Въ это время у дочерей Свитьѣдскаго херсира гостило много родственницъ, дочерей сосѣднихъ херсировъ, также очень пріятныхъ и красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ.

На третій день прибытія Ивара и его свиты въ банкетную залу явилась Астрида со своими сестрами и всѣми гостившими у нея дѣвицами. Ихъ встрѣтилъ общій крикъ восторга, такъ какъ никогда въ Упсалѣ не видали такого цвѣтника красавицъ. Каждая изъ нихъ держала по золотому рогу съ виномъ, медомъ или пивомъ и предложила его одному изъ гостей. Потомъ бросили жребій, кому изъ нихъ сидѣть подлѣ кого. Ивару досталась Рандалина, Хьялмару—Астрида, Сигурду—Свангильда, а Сигмунду—Сольвега. Весь вечеръ названные братья весело бесѣдовали со своими красавицами, и такъ какъ на слѣдующіе дни они продолжали пользоваться обществомъ тѣхъ же обворожительныхъ созданій, то многіе изъ присутствующихъ предсказывали, что годъ не окончится безъ нѣсколькихъ свадебъ.

Наканунѣ открытія атлетическихъ игръ Астрида видѣла сонъ, въ которомъ покровительствующій ей духъ, въ родѣ римскихъ ларовъ и пенатовъ, предупреждалъ ее, чтобы она и сестры не влюбились въ прибывшихъ на игры витязей. Потомъ явились передъ нею двѣнадцать орловъ, которые клевали человѣческое тѣло, и духъ-покровитель сказалъ ей, чтобы она любезно приняла Ивара и его названныхъ братьевъ. Проснувшись, Астрида очень перепугалась и тотчасъ пошла къ Блингердѣ, которая слыла за искусную толковательницу сновъ.

— Твой сонъ предсказываетъ великія событія, — сказала она, узнавъ, въ чемъ дѣло:—двѣнадцать орловъ означаютъ двѣнадцать сыновей витязя Герварда, и много храбрыхъ людей падеть ради тебя.

Возвратясь домой, Астрида рассказала отцу и сестрамъ о своемъ снѣ и о томъ, какъ объяснила его Блингерда. Всѣ вмѣстѣ они рѣшили, что сестрамъ необходимо принести жертву ихъ духамъ-покровителямъ въ особой залѣ, прилегавшей къ ихъ дому и въ которой находился каменный алтарь для жертвоприношеній.

Когда все было готово, и сестры только что хотѣли принести въ жертву двухъ черныхъ быковъ и любимую лошадь, какъ служанка объявила имъ, что Иваръ и его названные братья приближаются къ ихъ жилищу.

Услыхавъ объ этомъ, Астрида съ испугомъ выбѣжала изъ двери и, увидавъ чужестранныхъ витязей, воскликнула:

— Не ходите сюда, это мѣсто священное! мы приносимъ жертвы нашимъ духамъ-покровителямъ. Неужели вы не боитесь гнѣва Одина и смѣете идти къ намъ?

— Мы не боимся гнѣва Одина, красавица Свитьѣда,—отвѣчалъ Иваръ:—мы рѣшились бы навлечь на себя этотъ гнѣвъ ради васъ, но мы не пойдѣмъ къ вамъ, если вы приносите жертвы.

Говоря это, названные братья удалились, а Астрида пошла обратно къ своимъ сестрамъ для окончанія прерваннаго жертвоприношенія.

XXI.

Атлетическія игры.

День открытія атлетическихъ игръ насталъ. Всѣ витязи и бойцы, желавшіе принять участіе въ играхъ и единоборствѣ, прибыли или землей, или водой. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней повсюду виднѣлись люди, приготовлявшіеся гимнастическими упражненіями и борьбой между собою къ предстоящему торжеству. Самыя красивыя женщины и молодыя дѣвушки изъ всей страны викинговъ собрались также въ Упсалу. Туда же сошлись со всѣхъ сторонъ и большія толпы простолюдиновъ, которые принесли съ собою палатки и жизненные припасы.

Женщины всегда представляли одинъ изъ главныхъ элементовъ игръ; онѣ являлись съ цѣлью рукоплескать побѣдителямъ и побуждать соперниковъ къ обнаруженію наибольшаго искусства. Поэтому не удивительно, что многіе теряли свои сердца, и вскорѣ по окончаніи игръ праздновалась не одна свадьба.

При видѣ ихъ Иваръ и всѣ намѣревавшіеся оспаривать у него первенство были преисполнены самолюбивыхъ мыслей и говорили про себя: «я долженъ побѣдить, чтобы эти красавицы взглянули на меня съ восторгомъ». И дѣйствительно стоило для кого напрямъ свои силы и проявить свою ловкость. Тутъ былъ цвѣтникъ женской юности и красоты. Всѣ представительницы прекраснаго пола сѣверныхъ странъ были въ самыхъ роскошныхъ нарядахъ; на нихъ сверкали золотыя діадемы, ожерелья и браслеты. На талии у нихъ виднѣлись золотые пояса, самой изящной работы. Платья ихъ были короткія, такъ какъ предназначались для гулянья, но сверху были накинуты плащи различныхъ, преимущественно яркихъ, цвѣтовъ, вышитые золотомъ и съ художественными, также золотыми, застежками.

— Какое прелестное зрѣлище! — воскликнулъ Сигмундъ, обращаясь къ своимъ названнымъ братьямъ и указывая имъ на длинный рядъ бѣлокурыхъ красавицъ, роскошные волосы которыхъ переливали всѣми оттѣнками: — взгляните, какіе богатые, какіе блестящіе кудри!

— А посмотри,—сказалъ Сигурдъ, взявъ за руку Ивара:—вонъ на ту молодую дѣвушку: какіе у нея глубокіе синіе глаза, точно въ нихъ отражается море.

— Нѣтъ, ты лучше взгляни на эту очаровательницу, — произнесъ Иваръ:—ея волосы ниспадають волной до ея ногъ и кажутся хлѣбнымъ полемъ, на которомъ играетъ солнце.

— Все это ничто въ сравненіи съ черноокой прелестницей, которая сидитъ рядомъ съ твоей красоткой,—отвѣчала Хьялмаръ, указывая на единственную брюнетку во всемъ собраніи:—ея глаза метаютъ молніи, а волоса чернѣе воронова крыла. Она должна быть изъ страны гунновъ.

— Названные братья,—сказалъ Сигурдъ:—дѣйствительно никто изъ насъ не видалъ такихъ убійственныхъ глазъ, которые, какъ стрѣлы, пронизываютъ наши сердца и возбуждаютъ любовь. Одни изъ нихъ глядятъ на васъ мягко, мечтательно; другіе -- пылаютъ страстью; третьи—сверкаютъ грозно. Не даромъ глаза называютъ зеркаломъ мыслей: они краснорѣчиво говорятъ о любви, горѣ или гнѣвѣ.

Между собравшимися викингами, херсирами и витязями были представители всего цвѣта рыцарской среды сѣверныхъ странъ. Многіе изъ нихъ провели большую часть своей жизни на морѣ и въ чужихъ странахъ, побѣждая всюду и возвращаясь триумфаторами. Ихъ загорѣлыя, загрубѣвшія лица свидѣтельствовали, что они не разъ смѣло боролись съ дочерьми Эгира и Раны. Страхъ былъ имъ не вѣдомъ. Нигдѣ на свѣтѣ нельзя было встрѣтить такіе типы мужской красоты и доблести. Спартанцы на взглядъ, они были удивительно развиты физически, такъ какъ слабыхъ дѣтей предавали смерти при рожденіи, а вся ихъ юность проведена среди гимнастическихъ упражненій и атлетическихъ игръ. Было между ними не мало людей большого роста, но встрѣчались и средняго, даже малаго; всѣ они одинаково были сильны и ловки. Случалось нерѣдко, что даже бойцы небольшого роста брали верхъ надъ своими рослыми соперниками. Почти всѣ были бѣлокурые, но попадалось между ними и нѣсколько людей съ черными волосами и бородами.

Ингвъ со своими тремя прекрасными дочерьми и гостями обоего пола занялъ мѣста на возвышеніи, откуда можно было видѣть всѣ игры.

На Астридѣ было красное платье и малиновый плащъ съ кружевами; на Рандалинѣ — малиновое платье съ золотымъ поясомъ, за который она запрягала роскошные пряди своихъ волосъ и синій плащъ; на Гунгильдѣ — голубая куртка и короткое, изящно обхватывавшее ея талію, платье. Всѣ остальныя женщины и дѣвушки отличались также нарядными костюмами.

Представительницы прекраснаго пола заняли первыя мѣста, а подлѣ нихъ составили отдѣльную группу Ингвъ, херсиры и скальды, которые должны были играть роль посредниковъ. Какъ только Иваръ и его названные братья явились на поле, отведенное для

игръ, они подошли къ дочерямъ Ингва и отвѣсили имъ низкій поклонъ. Въ отвѣтъ на это красавицы улыгнулись и покраснѣли.

Затѣмъ они привѣтствовали Ингва и другихъ херсировъ.

— Ты первенствуешь во многихъ играхъ?—спросилъ Ингвъ у Ивара.

— Не знаю. Мой названный отецъ находилъ, что я выказываю искусство въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но я никогда не принималъ участія на публичныхъ играхъ и боюсь, что ты не найдешь меня достойнымъ соперникомъ собравшихся здѣсь бойцовъ.

Иваръ отвѣчалъ такъ, помня совѣтъ отца, никогда не хвастать, а вести себя скромно.

Игры начались съ единоборства, которое было наиболѣе популярнымъ изъ нихъ. Самая простая форма этой забавы заключалась въ томъ, что бойцы брали другъ друга за руки, или за поясъ и старались силою своихъ мышцъ повалить другъ друга на землю.

Свіяры и готландцы вступили между собою въ бой; первые уже нѣсколько лѣтъ первенствовали въ этой борьбѣ, и Иваръ съ товарищами рѣшился отбить у нихъ эту честь. Всѣ, желавшіе принять участіе въ борьбѣ, раздѣлились попарно, а такъ какъ на сторонѣ Ивара не доставало двухъ бойцовъ, то ихъ мѣста заняли двое изъ свіяровъ.

Прежде всего бойцы сбросили съ себя верхнюю одежду и остались въ легкихъ костюмахъ, которые обнаруживали ихъ широко развитыя груди и крѣпкіе мускулы. Съ каждой стороны было по двадцать два человѣка.

Сначала бой происходилъ очень равномерно, и если падалъ свіяръ, то вслѣдъ затѣмъ былъ побѣжденъ и готландецъ. Зрители съ лихорадочнымъ интересомъ слѣдили за ходомъ борьбы и за напряженіемъ мускуловъ соперниковъ. Наконецъ, остались со стороны готландцевъ одинъ Иваръ, а со стороны свіяровъ четыре, одержавшихъ дотолѣ побѣду. Онъ долго и упорно боролся съ каждымъ изъ нихъ, но въ концѣ концовъ одержалъ надъ ними побѣду, которая была привѣтствована громкими восторженными криками толпы.

Послѣ окончанія единоборства, Иваръ и его названные братья отправились обѣдать въ банкетную залу. По дорогѣ Сигмундъ былъ очарованъ красотой одной молодой дѣвушки, которая пристально смотрѣла на него. Она произвела на него такое сильное впечатлѣніе своей чарующей прелестью, что Сигмундъ сталъ разузнавать, кто она. Оказалось, что это Тора, сестра одного херсира. Для Сигмунда она была первой красавицей изъ всѣхъ зрительницъ, и, подойдя къ ней, онъ вступилъ въ разговоръ, изъ котораго выяснилось, что они встрѣчались прежде на зимнемъ жертвоприношеніи. Послѣ обѣда и небольшого отдыха игры продолжались.

На второй день продолжалось единоборство, но въ новой, болѣе трудной формѣ, именно соперники должны были опредѣленными

движеніями рукъ и ногъ свалить другъ друга на землю. Иваръ не хотѣлъ принимать участія въ этой борьбѣ и рисковать потерей пріобрѣтеннаго наканунѣ первенства, а потому явился на арену въ большомъ плащѣ съ капюшономъ, который закрывалъ часть его лица.

Между участниками единоборства былъ одинъ удивительно сильный атлетъ, по имени Торбьёрнъ. Онъ ходилъ среди толпы и пріискивалъ себѣ достойнаго соперника, а когда глаза его останавливались на излюбленномъ человѣкѣ, то онъ бралъ его за руку и выводилъ на арену, гдѣ легко сваливалъ на землю, къ величайшему удовольствію зрителей. Наконецъ, уже не было для него выбора, и онъ, считая себя непобѣдимымъ, сталъ гордо вызывать охотниковъ побороть его. Неожиданно онъ увидалъ высокаго, рослаго человѣка въ плащѣ съ капюшономъ и, подойдя къ нему, схватилъ его за руку, но тотъ не двинулся съ мѣста. Торбьёрнъ потянулъ его къ себѣ изо всей силы, но также тщетно.

— Никто никогда не могъ устоять противъ меня!—воскликнулъ онъ: — кто ты такой?

Незнакомецъ поднялъ капюшонъ, и Торбьёрнъ произнесъ:

— Иваръ Хьёрвардсонъ! Милости просимъ на единоборство со мной.

— Я пересталъ бороться,—отвѣчалъ Иваръ, подвиговъ котораго наканунѣ не видалъ Торбьёрнъ: — но было время, когда я очень любилъ единоборство.

Однако они вступили въ бой. Торбьёрнъ стремительно бросился на Ивара, но тотъ выдержалъ напоръ и, обхвативъ руками спину соперника, приподнялъ его и перебросилъ черезъ свою голову, такъ что Торбьёрнъ ударился плечами о землю. Это великолѣпное проявленіе силы и ловкости вызвало взрывъ восторженныхъ рукоплесканій.

Тогда одинъ изъ братьевъ Торбьёрна, Ангуль, вызвалъ на бой Ивара, но тотъ сказалъ:

— Дай мнѣ отдохнуть, а потомъ поборемся.

Этотъ новый поединокъ возбудилъ общій интересъ. Соперники долго боролись, одерживая перевѣсъ то одинъ, то другой; дважды они оба падали на колѣна и такъ крѣпко сжимали другъ друга, что лица ихъ посинѣли, но подъ конецъ все-таки Ангуль грохнулся на землю.

Иваръ выказалъ въ эти два дня такую необыкновенную силу, что въ толпѣ стали требовать вступленія его въ бой съ двумя соперниками. Это было противъ правилъ и допускалось только по изъявленіи личнаго желанія кѣмъ либо на такую неравную борьбу. Иваръ сказалъ, что онъ чувствуетъ себя способнымъ на подобный подвигъ, но просилъ отдыха и отложенія борьбы до вечера.

Послѣ обѣда вышли на него два могучихъ бойца и разомъ на-

пали на него, но, не смотря на все ихъ искусство, они были побѣждены Иваромъ и оба упали на землю. Всѣ зрители восторженно привѣтствовали побѣдителя, и онъ былъ провозглашенъ первымъ бойцомъ сѣвера.

Третій и четвертый день были посвящены игрѣ въ мячъ, такъ какъ она имѣла три различныхъ вида, и желающихъ участвовать въ ней явилось большое количество, не смотря на ея опасный характеръ, благодаря тяжелымъ мячамъ, деревяннымъ и кожанымъ, набитымъ роговыми стружками.

Гордъ, величайшій игрокъ въ мячъ съ острова Зеланда, вызвалъ на состязаніе готландцевъ, при чемъ были выбраны игроки одинаковой силы, такъ что шансы были равны. Хьялмаръ былъ также лучшимъ игрокомъ въ мячъ на островѣ Энгелѣ. Поэтому игра приняла очень живой и даже ожесточенный характеръ. Готландцы одержали побѣду, но трое изъ нихъ и четверо противниковъ понесли тяжелыя увѣчья.

Въ то же время въ различныхъ мѣстахъ поля происходили такія же игры.

На четвертый день зрителей и участниковъ въ играхъ собралось еще болѣе. Въ числѣ послѣднихъ явились два неизвѣстныхъ чело-вѣка, которые, поклонившись Ингву, объявили, что ихъ зовутъ Храфнъ и Кракъ, что они родомъ съ острова Борнгольма, и что никто лучше ихъ не играетъ въ мячъ. Въ виду такого хвастовства ихъ стали вызывать на состязаніе, не смотря на то, что они предупредили о своемъ грубомъ обращеніи во время игры. Дѣйствительно эти братья одержали верхъ въ нѣсколькихъ играхъ, но такъ грубо толкались и такъ безцеремонно наносили удары, что ихъ соперники получили нѣсколько тяжелыхъ поврежденій.

Тогда Сигурдъ и Сигмундъ рѣшились помѣряться силами въ этой игрѣ съ ними. Храфнъ взялъ мячъ, а Кракъ лапту и стали играть по своей обыкновенной системѣ. Но вскорѣ Сигурдъ отбилъ у Храфна мячъ и, вырвавъ изъ рукъ Крака лапту, бросилъ ее Сигмунду. Потомъ они долго играли, не выпуская изъ рукъ ни мяча, ни лапты. Такимъ образомъ Сигурдъ и Сигмундъ были объявлены первыми игроками въ мячъ.

Бѣгъ взапуски былъ двойкій и состоялъ въ состязаніи людей между собою и въ состязаніи людей съ лошадьми. Хьялмаръ по общему мнѣнію бѣгалъ скорѣе всѣхъ, а потому ему выбрали въ соперники одну изъ самыхъ быстрыхъ лошадей. По данному сигналу, онъ побѣжалъ рядомъ съ лошадыю, и хотя она почти все время опережала его, но къ столбу онъ явился ранѣе. Затѣмъ это состязаніе повторилось съ другой еще болѣе быстрой лошадыю, и на этотъ разъ Хьялмаръ держался впереди. Но въ минуту побѣды одинъ изъ судей сказалъ:

— Кажется, Хьялмаръ побѣжалъ прежде лошади.

Въ виду такого замѣчанія Хьялмаръ потребовалъ перебѣжки и стоялъ, пока ѣздокъ не пришпорилъ коня, и судья не закричалъ: «бѣги». Тогда онъ ринулся впередъ и, вскорѣ обогнавъ лошадь, пришелъ къ столбу гораздо ранѣе ея. Толпа громко рукоплескала ему, и въ этихъ рукоплесканіяхъ принимали участіе красавицы. Астрида же, во все время игръ слѣдившая за нимъ съ восторженнымъ вниманіемъ, воскликнула:

— Молодецъ Хьялмаръ Гудбрандсонъ съ Энгеля!

Послѣ этого начался бѣгъ взапуски между людьми, и также Хьялмаръ побѣдилъ всѣхъ, почему его и провозгласили первымъ въ этого рода состязаніяхъ, къ величайшей радости Астриды, которая уже тайно любила его, хотя сама этого не признавала.

XXII.

Подвиги Ивара и Хьялмара.

Слѣдующіе два дня были посвящены стрѣльбѣ изъ луковъ, метанію копій и фехтованію мечемъ.

— Ты искусенъ въ военныхъ состязаніяхъ?—спросилъ Ингв у Ивара.

— Мои названные родители считали меня очень искуснымъ въ этомъ,—отвѣчалъ Иваръ съ обычной скромностью:—но я никогда не состязался публично и боюсь, что въ этомъ отношеніи уступлю своимъ достойнымъ соперникамъ. При этомъ я столько уже разъ одерживалъ верхъ въ настоящихъ играхъ, что странно было бы, еслибъ счастье и теперь улыбнулось мнѣ. Но все-таки я попробую свои силы.

Къ нему подошелъ Ульфъ, извѣстный викингъ, лучший стрѣлокъ изъ лука во всей Норвегіи, и произнесъ:

— Давай, помѣряемся силами, ты моложе меня, но, говорятъ, ловко стрѣляешь.

Съ этими словами Ульфъ взялъ копье и воткнулъ его въ землю, потомъ натянулъ тетиву лука и пустилъ вверхъ стрѣлу, которая повернулась въ воздухѣ и вонзилась въ древко копья. Послѣ этого Иваръ повторилъ тотъ же выстрѣлъ, но его стрѣла вонзилась въ стрѣлу соперника.

Въ видѣ розыдыха отъ стрѣльбы они приступили къ метанію копій. Ульфъ бросилъ свое копье такъ далеко и такъ прямо, что всѣ пришли въ удивленіе, но копье Ивара легло за копьемъ противника, прикасаясь своимъ древкомъ къ его острію. Ульфъ этимъ не удовольствовался и, взявъ снова свое копье, бросилъ его гораздо далѣе того мѣста, гдѣ лежало копье Ивара.

— Ну, теперь не стоитъ и бросать,—сказалъ Иваръ.

— Попробуй,—отвѣчалъ Ульфъ.

Иваръ бросилъ копье, и оно легло еще далѣе.

Тогда снова вернулись къ стрѣльбѣ изъ лука.

Ульфъ воткнулъ ножъ въ дерево и выстрѣлилъ такъ мѣтко, что стрѣла вонзилась въ рукоятку ножа.

Иваръ взялъ свой лукъ, и Ульфъ, стоя подлѣ него, замѣтилъ:

— Ты очень самолюбивый человѣкъ, и стрѣлы твои украшены золотомъ.

— Не я сдѣлалъ эти стрѣлы, а мнѣ ихъ подарили,—отвѣчалъ Иваръ стрѣлая, и стрѣла его, расколовъ черенокъ ножа, вонзилась въ дерево рядомъ съ его лезвеемъ.

— Ну, теперь попробуемъ, кто выстрѣлитъ дальше,—произнесъ Ульфъ.

Говоря это, онъ такъ натянулъ тетиву своего лука, что его концы почти сошлись. Стрѣла пролетѣла громадное разстояніе и вонзилась въ маленькій сучекъ, въ который онъ мѣтилъ. Всѣ ахнули отъ удивленія, но Иваръ поставилъ себѣ цѣлью орѣхъ и на еще большемъ разстояніи попалъ въ него. При этомъ восторгъ толпы былъ неописанный.

— Ну, теперь,—сказалъ Ульфъ:—я положу этотъ орѣхъ на голову моего раба Бьерна и, если ты попадешь въ орѣхъ на такомъ же большемъ разстояніи, то я дарюю ему свободу. Впрочемъ я не обязываю его быть живой мишенью, а предлагаю ему доказать свою смѣлость и довѣріе къ твоему искусству.

Бьернъ радостно согласился рисковать своей жизнью ради обѣщанной свободы.

— А ты будешь стоять тихо и не дрогнешь?—спросилъ Иваръ.

— Конечно,—отвѣчалъ Бьернъ, видѣвшій предыдущіе подвиги Ивара.

— А ты, Ульфъ,—прибавилъ Иваръ:—встань подлѣ него и наблюдай, попаду ли я въ орѣхъ.

Ульфъ исполнилъ его желаніе, и Иваръ натянулъ тетиву лука. Стрѣла быстро полетѣла, скользнула по головѣ Бьерна и, столкнувъ орѣхъ, пролетѣла еще значительное разстояніе.

— Ну, что, онъ попалъ въ орѣхъ?—спросилъ Ингвъ.

— Онъ сдѣлалъ лучше,—отвѣчалъ Ульфъ:—его стрѣла прошла между головой и орѣхомъ, не причинивъ никакого вреда Бьерну.

Этотъ удивительный подвигъ Ивара возбудилъ общій восторгъ, но всѣхъ болѣе радовались Рандалина и Бьернъ, получившій свободу.

Послѣ этого Иваръ взялъ мячъ и сталъ дѣйствовать имъ то правой, то лѣвой рукой и такъ быстро вертѣлъ имъ въ воздухѣ, что онъ казался тройнымъ. Кромѣ того, онъ бросалъ его вверхъ и ловилъ лѣвой рукой, тогда какъ правой держалъ щитъ. Счастье Рандалины при этихъ успѣхахъ Ивара не имѣло границъ.

Теперь наступила очередь прыганья. Многіе въ полномъ вооруженіи прыгали безъ разбѣга впередъ и назадъ, на длину своего роста; но Иваръ легко превзошелъ всѣхъ, прыгая также взадъ и впередъ чрезъ гораздо большее пространство, чѣмъ его ростъ. Поэтому его также провозгласили первымъ въ прыганьи.

Въ послѣдній день игры состоялось состязаніе въ плаваніи, и тутъ явились самыми опасными соперниками двѣнадцать сыновей витязя Герварда. Каждый изъ нихъ самъ былъ славный витязь и участвовалъ въ многочисленныхъ битвахъ, постоянно одерживая побѣду. Всѣ они отличались одинаковой силой и ловкостью, за исключеніемъ Торгрива, который былъ сильнѣе всѣхъ. Третій изъ братьевъ, по имени Буй, поклялся въ предыдущій зимній праздникъ въ домѣ своего отца, что онъ женится на Астридѣ, или, если она или отецъ ему откажутъ, то не дозволить никому другому называть ее своей женой. Остальные одиннадцать братьевъ дали обѣтъ, что они поддержать его.

До сихъ поръ Бую не удалось пріобрѣсти первенства на какомъ либо состязаніи, и, видя не только успѣхъ Хьялмара, но и замѣтное предпочтеніе, оказываемое ему Астридой, онъ рѣшилъ потопить Хьялмара, съ помощью своихъ братьевъ, во время состязанія въ плаваніи.

Ингвѣ и всѣ его гости обоого пола присутствовали при томъ, какъ пловцы выказывали свое искусство. Между ними особенно отличился одинъ витязь, по имени Ольвиръ.

— Давай-ка, поборемся въ водѣ, — сказалъ онъ, подходя къ Ивару.

— Изволь, — отвѣчалъ послѣдній: — говорятъ, что мы съ тобой одинаковой силы.

Они бросились въ воду и долго тянули другъ друга внизъ; наконецъ оба исчезли и оставались такъ долго подъ водой, что зрители начали опасаться за ихъ жизнь. Однако, спустя нѣкоторое время, Ольвиръ выплылъ на берегъ, но въ такомъ изнеможеніи, что долго не могъ одѣться. Никто не смѣлъ спросить его, что случилось съ Иваромъ. Прошло еще много времени, и послѣдній выплылъ, держась руками за большого тюленя, котораго онъ отпустилъ, достигнувъ берега.

— Отчего ты не убилъ тюленя ножомъ, который у тебя былъ за поясомъ? — спросили у него окружающія лица.

— Потому что, — отвѣчалъ Иваръ: — если бы я это сдѣлалъ, то Ольвиръ сказалъ бы, что я поймалъ мертваго тюленя.

Хотя Ольвиръ первый вышелъ на берегъ, но Иваръ дольше его оставался подъ водой и одержалъ верхъ не только надъ нимъ, но и надъ тюленемъ, а потому онъ былъ признанъ первымъ пловцомъ, къ величайшему удовольствію Рандалины.

Послѣ этого приступили къ плаванію въ полномъ вооруженіи.

Немногіе, однако, рѣшались на подобный смѣлый подвигъ. Хьялмаръ завязалъ въ плащъ свой шлемъ, кольчугу и мечъ, привязалъ этотъ узелъ себѣ на спину и, отломивъ древко копья, бросилъ его далеко въ воду, а самъ поплылъ и не только досталъ древко, но еще продолжалъ плыть до острова, отстоявшаго на значительномъ разстояніи. Такъ какъ никто такъ далеко не проплылъ, то Хьялмаръ былъ признанъ первымъ пловцомъ, къ величайшей радости Астриды.

Послѣ обѣда и обязательной попойки, Торгринъ, старшій сынъ Герварда, позвалъ своихъ братьевъ на берегъ и, обратясь къ Гизлу, сказалъ:

— Вызови на состязаніе Хьялмара и потопа его. Я надѣюсь на тебя.

Но Гизлъ сталъ отговариваться, ссылаясь на трудность такого поступка, и тогда Торгринъ поручилъ это дѣло Бую. Тотъ согласился, хотя и высказалъ сомнѣніе въ успѣхѣхъ.

Хьялмаръ принялъ вызовъ Буя, потому что послѣдній считался самымъ опаснымъ соперникомъ въ подобныхъ состязаніяхъ.

— Не попробоватъ ли намъ, кто дальше проплыветъ?— сказалъ Буй.

— Хорошо,— отвѣчалъ Хьялмаръ:— ты, пожалуй, одержишь верхъ надо мной въ другихъ состязаніяхъ на водѣ.

Они бросились въ воду и долго плыли. Наконецъ, Буй предложилъ вернуться, но Хьялмаръ продолжалъ плыть далѣе. Буй сталъ подвигаться все тише и тише.

— Ты еще будешь долго плыть?— спросилъ онъ.

— Да,— отвѣчалъ Хьялмаръ:— но ты можешь одинъ вернуться, если хочешь.

— Я такъ и сдѣлаю,— произнесъ Буй и повернулъ обратно.

Но силы, видимо, ему измѣнили, и Хьялмаръ подплылъ къ нему, предлагая свою помощь, но самолюбіе Буя не позволило ему принять его предложеніе.

— Пустяки,— сказалъ Хьялмаръ:— я не хочу, чтобы ты потонулъ. Положи твои руки на мою спину, и я тебя доставлю до берега.

Они такъ и сдѣлали, а когда Буй, вѣв себя отъ утомленія, добрался до того мѣста, гдѣ сидѣлъ Торгринъ, то послѣдній спросилъ его:

— Отчего ты не исполнилъ моего порученія?

— Я не остался бы въ живыхъ, если бы Хьялмаръ не былъ добръ и великодушень.

— Теперь твоя очередь, Кетиль,— сказалъ Торгринъ, нимало не тронутый рассказомъ брата:— попробуй ты потопить Хьялмара.

— Нѣтъ, не хочу; попытка Буя послужила только къ большей славѣ Хьялмара.

Тогда Торгринъ самъ вызвалъ Хьялмара на состязаніе и, скинувъ одежду, бросился въ воду.

Хьялмаръ послѣдовалъ за нимъ. Какъ только онъ приблизился къ Торгрину, то послѣдній изо всей силы толкнулъ его въ глубину. Оба они исчезли подъ водой, и черезъ нѣсколько времени вынырнулъ одинъ Торгринъ, который и вернулся спокойно на берегъ.

Иваръ и его остальные два названные брата были очень опечалены непопадніемъ Хьялмара, и всѣ присутствующіе рѣшили, что онъ потонулъ, а бѣдная Астрида упала въ обморокъ.

Вечеромъ въ банкетной залѣ не было никакого веселія. Ингвъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, такъ какъ всѣ были убѣждены, что Торгринъ потопилъ Хьялмара, и его названные братья поклялись отомстить за его смерть; но Торгринъ утверждалъ, что Хьялмаръ потонулъ отъ истощенія силъ, и предлагалъ дать очистительную присягу въ томъ, что невиновенъ въ его смерти. Въ то время какъ всѣ разсуждали объ этомъ печальномъ событіи, дверь открылась, и Хьялмаръ вошелъ въ залу. Среди общихъ радостныхъ криковъ, онъ прямо направился къ Торгрину и положилъ ему на колѣни ножъ, который находился за поясомъ у Торгрина, когда онъ бросился въ воду. Этимъ онъ ясно доказалъ, что у нихъ подъ водой была борьба, и что онъ, отнявъ у Торгрина ножъ, пощадилъ его.

Хьялмаръ долго держался подъ водой и потомъ вышелъ на берегъ небольшого острова, незамѣтно для зрителей атлетическихъ игръ. Когда вѣсть объ его счастливомъ возвращеніи достигла до Астриды, то она вошла въ залу вмѣстѣ со своими сестрами и подругами.

— Да здравствуетъ благородный Хьялмаръ,— сказала она, подходя къ нему и подавая золотой рогъ съ пивомъ:— да здравствуетъ трижды Хьялмаръ въ виду его избавленія отъ опасности.

Она сѣла рядомъ съ нимъ и бросила гнѣвный взглядъ на двѣнадцать сыновей Герварда, которые не смѣли обнаружить своей злобы, такъ какъ всѣ присутствующіе радостно ликовали.

XXIII.

Любовь названныхъ братьевъ.

Не одно сердце молодого витязя было побѣждено женскою красотою во время Упсальскихъ игръ; не одна влюбленная парочка поклялась другъ другу въ вѣчной любви. Поэтому, когда стала приближаться минута разставанія, многіе юноши и молодыя дѣвушки приуныли и не спали ночей.

Однажды вечеромъ названные братья не пошли по обыкновенію

въ банкетную залу, а, оставшись въ отвѣденномъ имъ помѣщеніи, молча сидѣли въ печальной думѣ.

— Отчего ты такой скучный?—спросилъ наконецъ Сигурдъ у Ивара:—что тебя озабочиваетъ?

— Я думаю объ основѣ всей человѣческой жизни, о любви,—отвѣчалъ Иваръ:—любовь родилась вмѣстѣ со свѣтомъ, атомы любовью привлекались другъ къ другу, и отъ этого созданъ міръ. Сѣмена цвѣтовъ витаютъ въ воздухѣ, пока не встрѣтятъ излюбленнаго цвѣтка и не скажутъ ему въ страстномъ лобзаніи: я тебя люблю! Море цѣлуетъ прибрежныя скалы, солнце—землю, буря—морскія волны, тепло—холодъ, дождь и роса—зеленую мураву. Люди рождены любовью и странствуютъ по свѣту, пока не найдутъ предмета, достойнаго своей любви; жизнь безъ любви—не жизнь.

— Да,—воскликнулъ Хьялмаръ:—для насъ женщина—воплощеніе любви и всего, что есть хорошаго и прекраснаго на свѣтѣ. Мы забываемъ Одина изъ-за любимой женщины и готовы ради ея отдать свою послѣднюю каплю крови. О, любовь!—прибавилъ онъ, мысленно вызывая передъ собою образъ Астриды:—осѣни меня своими крыльями, вдохни въ меня твою мощную силу я буду впредь жить только тобою, только для тебя!

— Ты, должно быть, влюбленъ!—воскликнули въ одинъ голосъ остальные названные братья.

— Не одинъ я, а мы всѣ влюблены,—отвѣчалъ онъ.

— Это правда,—хоромъ произнесли остальные, и всѣ начали сообщать другъ другу о своей любви.

Первый Иваръ заявилъ, что онъ любитъ вторую дочь Ингва, Рандалину.

— Когда она говоритъ,—воскликнулъ онъ:—то ея голосъ мнѣ кажется нѣжнѣе звуковъ арфы, а сама она прелестнѣе розы и слаще меда.

Общій веселый смѣхъ привѣтствовалъ это послѣднее сравненіе.

— А я люблю,—сказалъ Хьялмаръ,—старшую дочь Ингва, Астриду, и она меня любитъ, поэтому я поклялся, что никто другой не женится на ней, пока я живъ.

— Мы всѣ будемъ стоять за тебя!—воскликнули его названные братья.

Сигмундъ заявилъ, что онъ любитъ Сольвегу, дочь Бѣрна, могущественнаго херсира, жившаго въ Голарѣ. Онъ видѣлъ ее еще ранѣе на ея родинѣ и горячо полюбилъ, а теперь, снова встрѣтивъ ее въ Упсалѣ, окончательно обезумѣлъ отъ нея. Она отличалась скромностью и застѣнчивостью, но ея красота и чарующая прелесть возбудили любовь молодого витязя.

— Я зналъ,—произнесъ Иваръ,—что ты, Хьялмаръ, влюбленъ въ Астриду, и что она тебя любитъ; не даромъ старики говорили, что глаза не могутъ скрыть любви мужчины или женщины.

— Я могу сказать о тебѣ то же самое,—отвѣчалъ Хьялмаръ,—мы всѣ замѣчали, что ты и Рандалина любите другъ друга. Вѣдь старики также говорили, что влюбленные поступаютъ странно, хотя виновна въ томъ любовь, а не они.

— Но что же, милый Сигурдъ,—произнесли остальные трое въ одинъ голосъ:—ты не говоришь о предметѣ своей любви? А ты старшій изъ насъ, и мы знаемъ, какъ ты уважаешь женщинъ и любишь ихъ общество.

— Какъ вамъ извѣстно, я странствовалъ по свѣту болѣе, чѣмъ кто либо изъ васъ,—отвѣчалъ Сигурдъ:—но я еще не видалъ той женщины, съ которой меня соединила бы судьба. Раза два я встрѣчалъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя мнѣ нравились, но мнѣ не суждено было встрѣтиться съ ними болѣе, и вотъ отчего я до сихъ поръ...

— Однако тебѣ, Сигурдъ, слѣдуетъ жениться, потому что ты одинъ въ своемъ родѣ,—отвѣчали его три товарища:—не благо-разумно человѣку умереть, не оставивъ наслѣдника своей славы.

Послѣ этого разговора названные братья разстались и пошли каждый въ свою сторону.

Иваръ безсознательно отправился къ жилищу Рандалины, но встрѣтилъ ее по дорогѣ. Она шла къ отцу и, увидавъ молодого витязя, покраснѣла, а потомъ поблѣднѣла. Инстинктивное чувство подсказало ей, что Иваръ тотчасъ сдѣлаетъ предложеніе. Сопровождавшая ее невольница отстала на нѣсколько шаговъ, и Иваръ пошелъ рядомъ съ нею.

— Ты знаешь, Рандалина,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—что богиня Варъ внемлетъ клятвамъ влюбленныхъ и наказуетъ ихъ за нарушеніе этихъ клятвъ. Я хочу, чтобы она слышала то, что я теперь тебѣ скажу, и то, что ты мнѣ отвѣтишь. Помнишь, ты, красавица изъ красавицъ, тотъ день, когда мы встрѣтились впервые?

— Помню, какъ будто это было сегодня.

— Помнишь, какъ наши глаза устремились другъ на друга. Я ощутилъ тогда нѣчто необыкновенное, чего прежде не чувствовалъ. Я полюбилъ тебя, и мнѣ казалось, что ты также полюбила меня. Уходя, ты обернулась, и мы обмѣнялись такимъ взглядомъ, который ясно говорилъ, что мы снова скоро увидимся.

— Да, я все это помню.

— Съ тѣхъ поръ я постоянно думалъ о тебѣ весь день, а ночью видѣлъ тебя во снѣ. Прежде чѣмъ отправиться домой, я долженъ сказать тебѣ о моей любви и просить тебя выйти за меня замужъ. Если ты скажешь «нѣтъ», то жизнь потеряетъ для меня всякое значеніе. Война, слава, все для меня опостылѣтъ: я не могу жить безъ тебя.

Впродолженіе минуты Рандалина не могла произнести ни слова, потомъ взяла Ивара за обѣ руки, посмотрѣла ему прямо въ глаза и сказала:

— Иваръ, я буду твоей женой и никого другого!

XXIV.

Обрученіе Ивара и Рандалины.

На слѣдующее утро Иваръ отправился къ двумъ своимъ дядямъ: Рандвиру, брату матери, и Висбуру, брату отца, съ которыми онъ прибылъ въ Упсалу, и сказалъ имъ:

— Родственники, пойдите къ Ингву и посватайте мнѣ его вторую дочь Рандалину.

— Твой выборъ дѣлаетъ тебѣ честь, — отвѣчали оба дяди въ одинъ голосъ:—Рандалина прекрасная молодая дѣвушка и вполне достойная для тебя невѣста. Это одна изъ лучшихъ партій на всемъ сѣверѣ, и мы надѣмся, что ея отецъ и она согласятся на этотъ бракъ.

— Я уже объяснилъ Рандалинѣ свою любовь къ ней, и она сказала, что не выйдетъ замужъ ни за кого другого.

Дяди Ивара тотчасъ отправились къ Ингву, и Висбуръ первый повелъ рѣчь:

— Мы родственники съ тобою и хотимъ еще ближе породниться, поэтому мы просимъ руки твоей второй дочери Рандалины для Ивара. Твоя дочь самага высокаго происхожденія во всей Упсалѣ, такъ какъ твой родъ ведетъ свое начало прямо отъ боговъ. Мы надѣмся, что ты захочешь сдѣлать Ивара своимъ зятемъ.

Ингвъ ничего не отвѣчалъ и видимо раздумывалъ.

— Иваръ храбрый витязь,—продолжалъ Висбуръ:—онъ бывалъ во многихъ битвахъ, много путешествовалъ и для своихъ лѣтъ человекъ замѣчательнаго разума, но главное, что онъ любитъ твою дочь Рандалину, и мы увѣрены, что этотъ бракъ будетъ счастливымъ и принесетъ пользу нашимъ странамъ, укрѣпивъ связующіе ихъ узы дружбы.

— Я знаю, что этотъ бракъ вполне равный,—отвѣчалъ Ингвъ:—потому что Иваръ и Рандалина одинаково происходятъ отъ Одина. Иваръ извѣстный витязь и владѣтель могущественной области на сѣверѣ. Нѣтъ никакихъ препятствій къ этому браку, такъ какъ молодые люди родственники въ пятой степени, а при такомъ родствѣ браки дозволены нашими законами, которые очень строго охраняютъ въ этомъ отношеніи чистоту расы. Но я не хочу дать слова безъ согласія Рандалины. Она чрезвычайно умная молодая дѣвушка; къ тому же она совершеннолѣтняя, ей болѣе 15-ти лѣтъ,

и она владѣть землями по собственному праву, а потому можетъ выйти замужъ за кого хочетъ, хотя было бы неблагоразумно съ ея стороны не спросить моего согласія. Всетаки, прежде чѣмъ я поговорю съ ней, намъ надо порѣшить все относительно приданого. Вы знаете, что Рандалина имѣетъ уже теперь треть наслѣдственныхъ земель ея матери, а впослѣдствіи къ ней перейдетъ еще болѣе значительное состояніе. Договоримся насчетъ того, что будетъ признано по брачному контракту ея приданымъ, и что ея мужъ дастъ ей, какъ контръ-приданое. Порѣшивъ съ этимъ вопросомъ, я передамъ все дѣло на благоусмотрѣніе самой Рандалины. Ея братья теперь воюютъ въ Средиземномъ морѣ, но они будутъ очень рады, что ихъ сестра выйдетъ замужъ за ихъ товарища и дальняго родственника, Ивара Хьервардсона. По нашимъ законамъ,—прибавилъ онъ,—каждая женщина, выходя замужъ, должна имѣть приданое, и мужъ долженъ выдать ей контръ-приданое, то и другое принадлежитъ ей до смерти, а затѣмъ ея наслѣдникамъ послѣ ея смерти; но мужъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ касаться до этого двойного приданого. Конечно, если она умретъ бездѣтной, то ея приданое возвращается въ ея родъ, а контръ-приданое—въ родъ мужа. Кромѣ того, жена имѣетъ право наслѣдовать послѣ мужа въ одной трети движимаго и недвижимаго имущества, нажитаго имъ во время брачной жизни.

— Ты говоришь разумно,—отвѣчали оба дяди,—и мы можемъ объявить, что Иваръ дастъ въ приданое Рандалинѣ три помѣстья: Бьельстадъ, Лисъ и Гоеръ, а, кромѣ того, пятьсотъ золотыхъ.

— Я согласенъ на это приданое.

— А ты что даешь за своей дочерью?

— Большое помѣстье Родельсвелиръ и пятьсотъ золотыхъ.

— Ты поступаешь великодушно, что же касается до вещей, то Иваръ устроить дѣло самымъ великолѣпнымъ образомъ, и ничего не пожалѣетъ, чтобы Рандалина имѣла въ этомъ отношеніи приданое, достойное дочери Свитьѣдскаго херсира.

Вслѣдъ за этимъ Ингвъ послалъ за Рандалиной и сказалъ ей:

— У меня просятъ твоей руки, и хотя этотъ бракъ, я увѣренъ, будетъ тобою одобренъ, но я не хотѣлъ дать слова безъ тебя. Желаешь ты быть женою Ивара Хьервардсона? Лучшей партіи нѣтъ для тебя на всемъ сѣверѣ.

— Отецъ,—отвѣчала Рандалина:—ниче предложеніе не могло бы меня такъ обрадовать, какъ предложеніе Ивара, потому что мы любимъ другъ друга и поклялись въ этомъ передъ богиней Варъ.

Тогда послали за Иваромъ, и, обращаясь къ нему, Ингвъ сказалъ:

— Я не далъ бы тебѣ, Иваръ, своей дочери, если бы не любилъ тебя, и прямо говорю, что считаю тебя лучшимъ мужемъ для Рандалины по храбрости, смѣлости и уму.

Иваръ поблагодарилъ Ингва за его лестный отзывъ и согласіе на бракъ съ Рандалиной.

Потомъ порѣшены были все условія брачнаго контракта, и призваны были для его подписи по шести свидѣтелей съ каждой стороны. вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено, что свадьба состоится не позже года, если не встрѣтятся къ тому непредвидѣнные обстоятельства.

Наконецъ приступили къ обряду обрученія, при которомъ также находились тѣ же свидѣтели.

— Рандалина,—сказалъ Ингвъ:—я обручаю тебя Ивару по закону, какъ отецъ и попечитель. Объявляю тебя обрученной съ Иваромъ при свидѣтеляхъ.

Рандалина, въ свою очередь, произнесла:

— Ты, Иваръ, обручаешься со мной въ присутствіи свидѣтелей, по закону, ты даешь мнѣ контръ-приданое и обязуешься исполнить все условія контракта, которыя только что прочтены намъ, безъ всякаго обмана. Да будетъ наше обрученіе полное и законное.

— Согласно закону ты, Рандалина, обручаешься со мною,—отвѣчалъ Иваръ:—я пожимаю тебѣ руку въ знакъ своего обязательства исполнить прочтенный намъ контрактъ.

— А ты знаешь, Иваръ,—сказалъ со смѣхомъ одинъ изъ его дядей, что кто нарушить обручальное обязательство, то лишается условленнаго приданого.

— Мы этого не боимся!—воскликнули въ одинъ голосъ Иваръ и Рандалина.

— Рандалина,—сказалъ Ингвъ, обращаясь къ Ивару:—не имѣть никакихъ недостатковъ. Если ты впослѣдствіи ихъ найдешь, то я не буду отвѣтственнымъ передъ тобою, потому что я объ нихъ не знаю. Ея мать могла бы вѣдать объ этомъ, но, какъ тебѣ извѣстно, она уже давно умерла. Рандалина сама говоритъ, что у нея нѣтъ недостатковъ, но если они окажутся, то можешь на ней не жениться и въ случаѣ доказанности этихъ недостатковъ можешь получить, по закону, ея приданое.

Тогда они все разошлись, очень счастливые, что дѣло о бракѣ Ивара съ Рандалиной покончено. Ингвъ, оставшись наединѣ со своею дочерью, сказалъ ей:

— Ты думаешь, что Иваръ совершенство. А пройдетъ немного времени послѣ твоей свадьбы, какъ ты найдешь въ немъ недостатки и пожалѣешь, что не вышла замужъ за Торстина, который, подобно Ивару, любитъ тебя и безмолвно страдаетъ. Но если бы ты вышла замужъ за него, то и въ немъ оказались бы недостатки, такъ какъ нѣтъ человѣка совершеннаго, какъ бы онъ добръ и храбръ ни былъ. Много юношескихъ мечтаній исчезаетъ съ годами. Норниры мудры, и никто не знаетъ predetermined ими судьбы.

На слѣдующее утро Иваръ отправился, съ нѣсколькими высоко-рожденными готландскими витязами и родственниками Хьялмара, къ Ингву и сталъ сватать Астриду за Хьялмара.

— Я намѣревался обручить мою дочь съ другимъ человѣкомъ,— отвѣчалъ Свитьѣдскій херсирь:—потому что я не зналъ о любви Хьялмара и Астриды. Я очень высокаго о немъ мнѣнія: онъ храбрый витязъ и одинъ изъ моихъ защитниковъ. Его семья происходитъ отъ Одина, и бракъ съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный для моей дочери.

Условія брачнаго контракта были такія же, какъ у Ивара, и одинаково былъ назначенъ годичный срокъ для свадьбы.

Вслѣдъ за этимъ продѣлали то же самое и относительно Сигмунда съ Сольвегой, такъ что изъ четырехъ названныхъ братьевъ одинъ Сигурдъ остался свободнымъ.

XXX.

Поединокъ Ивара съ Кетилемъ.

Спустя два дня послѣ окончанія игръ, Ингвъ далъ торжественный банкетъ въ честь своихъ гостей, которые наполнили всѣ три банкетныя залы. Во время тостовъ Ингвъ объявилъ о помолвкѣ своихъ двухъ дочерей, и Бьернъ сдѣлалъ то же. Такъ какъ свадьба Ивара и Рандалины должна была быть первой, то немедленно многіе изъ присутствующихъ были приглашены на нее.

Узнавъ, что Астрида обручена съ Хьялмаромъ, Буй вспомнилъ о клятвѣ, данной имъ во время зимняго праздника. Поэтому съ самый разгаръ пира онъ вошелъ въ залу и, остановившись передъ Ингвомъ, объявилъ, что онъ пріѣхалъ въ Упсалу съ намѣреніемъ просить руки Астриды, и что поклялся убить всякаго, кто женился бы на ней, кромѣ него. Бросивъ вызывающій взглядъ на Хьялмара, онъ потребовалъ немедленнаго отвѣта. Въ залѣ воцарилась тишина, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, что скажетъ Свитьѣдскій херсирь, но онъ не успѣлъ еще произнести ни слова, какъ вскочилъ Хьялмаръ и воскликнулъ:

— Я всегда хотѣлъ жениться на Астридѣ. Не забудь, Ингвъ, что я всегда защищалъ и увеличивалъ твои владѣнія. Ты обручилъ меня съ своей дочерью, и я не знаю, зачѣмъ этотъ человѣкъ просить ея руки. Я также далъ клятву, что женюсь на Астридѣ, или не позволю жениться никому другому на ней, къ тому же я полагаю, что для нашей страны будетъ лучше, если она избавится отъ этихъ двѣнадцати братьевъ.

Тогда Ингвъ обратился къ Астридѣ и произнесъ:

— А ты что скажешь?

— Я обручена съ Хьялмаромъ и люблю его, — отвѣчала Астрида. — Я не выйду замужъ ни за кого другого, потому что Хьялмаръ добрый и храбрый человекъ, а насчетъ Буя и его братьевъ я слышала много нехорошаго. Къ тому же я видѣла во снѣ моего духа покровителя, и онъ предупреждалъ меня объ опасности, которая угрожаетъ мнѣ со стороны двѣнадцати сыновей Герварда.

Услыхавъ эти слова, Буй при всѣхъ гостяхъ вызвалъ Хьялмара на поединокъ и прибавилъ, что онъ будетъ подлецомъ, если откажется отъ него. Хьялмаръ презрительно отвѣчалъ, что онъ принимаетъ вызовъ, и тотчасъ было рѣшено, что поединокъ произойдетъ на островѣ Самсеѣ.

Какъ только покончили съ этимъ дѣломъ, поднялся со своего мѣста одинъ могущественный извѣстный своею доблестью херсиръ, по имени Кетиль; онъ подошелъ къ Ингву и сказалъ:

— Я только что прибылъ въ Упсалу. Противные вѣтры помѣшали мнѣ явиться во время къ играмъ. Это большое для меня разочарованіе, потому что я хотѣлъ помѣряться силами съ Иваромъ въ глазахъ Рандалины. Я поклялся жениться на ней, и что никто другой не женится на ней, иначе, какъ переступивъ чрезъ мое мертвое тѣло. Я поэтому вызываю на бой Ивара и назначаю ему мѣсто въ Архогѣ, въ первый день зимняго праздника. Если ты, Иваръ, не примешь этого вызова, то будешь подлецомъ.

Иваръ, такъ же какъ Хьялмаръ, немедленно согласился на поединокъ.

Кетиль и его войны приносили жертвы въ Архогѣ. Онъ не вѣрилъ въ Одина и въ другихъ боговъ, а только въ солнце и своего духа покровителя, въ честь которыхъ онъ и совершалъ жертвоприношенія. Ходили слухи, что онъ занимался колдовствомъ, и многіе полагали, что никакой мечъ и копье не могутъ пронзить его кольчуги.

По окончаніи пира Иваръ и его названные братья уѣхали изъ Упсалы, а также разѣхалось и большинство гостей Ингва.

Сыновья Герварда отправились прямо къ отцу и объяснили ему неудачное сватовство Буя и вызовъ имъ Хьялмара на поединокъ.

— Я никогда такъ не беспокоился о васъ, — отвѣчалъ отецъ: — какъ во время вашего пребыванія въ Упсалѣ. Я не знаю людей болѣе храбрыхъ и ловкихъ въ бою, какъ Иваръ и его три названные брата.

Сказавъ это, онъ нахмурилъ брови, и очевидно было, что его тревожилъ предстоявшій поединокъ Буя.

Послѣ отъѣзда Хьялмара Астрида начала замѣтно грустить. Ея роскошное жилище потеряло для нея всякую прелесть, и она думала днемъ и ночью только о предстоящемъ поединкѣ ея жениха. Однажды вечеромъ она сидѣла одна съ отцемъ и была такъ блѣдна, такъ взволнована, что Ингвъ сказалъ нѣжно:

— Что съ тобой, дочь моя?

Она положила свою голову къ нему на грудь и скрыла свое лице въ его плащѣ. Онъ взявъ ее за руку, которая была сухая, горячая, и, не зная причины ея горя, спросилъ, не сожалѣеть ли она о своемъ обрученіи съ Хьялмаромъ. Астрида ничего не отвѣчала и горько заплакала. Когда же слезы нѣсколько успокоили ее, она промолвила:

— Отецъ, я очень довольна своимъ обрученіемъ и ни за кого не выйду замужъ, кромѣ Хьялмара, но я не знаю, почему мнѣ кажется, что я никогда его болѣе не увижу.

— Отчего?

— Передъ началомъ игръ я видѣла сонъ: мнѣ явился мой духъ покровитель и предупредилъ меня, что мнѣ грозитъ опасность отъ двѣнадцати сыновей Герварда. Я боюсь, что это предвѣщаетъ смерть Хьялмара и мою.

Ингвъ прижалъ ее къ своему сердцу и старался успокоить, но тщетно.

Рандалина также беспокоилась о результатѣ поединка съ Кетилемъ, но ни тому, ни другому поединкамъ нельзя было воспрепятствовать.

Вскорѣ стало приближаться время для перваго изъ нихъ. Иваръ снарядилъ два корабля, пригласилъ съ собою многихъ храбрыхъ витязей и оповѣстилъ по всему Свитьѣду о томъ, что произойдетъ въ Архогѣ, съ цѣлью привлечь туда изъ Упсалы воиновъ, которые могли бы передать Рандалинѣ вѣсть объ его побѣдѣ, или славной смерти.

Иваръ прибылъ въ Архогъ со своими названными братьями за три дня до назначеннаго срока. Его встрѣтилъ сынъ Кетилия, Бодмодъ, и, пригласивъ въ банкетную залу, сталъ на славу угощать его и сопровождавшихъ его лицъ.

Во время разговора Иваръ упомянулъ имя Одина, и Бодмодъ гнѣвно воскликнулъ:

— Я никогда не поклонялся Одину и знаю, что голова Ивара падетъ скорѣе, чѣмъ моя или моего отца.

— Я поклоняюсь Одину и другимъ богамъ, приношу имъ жертвы и знаю, что они окажутъ мнѣ свою милость.

Въ день, назначенный для поединка, Иваръ и его братья перѣехали на лодкѣ на маленькій островъ, гдѣ долженъ былъ произойти бой. Тамъ уже дожидался ихъ Кетиль.

Большая толпа собралась на противоположныхъ берегахъ рѣки, чтобы увидѣть поединокъ, который въ глазахъ народа имѣлъ характеръ ордали, такъ какъ боги явно произносили свой приговоръ въ пользу побѣдителя.

— А какого рода поединокъ ты выбираешь, — спросилъ Кетиль у Ивара: — голымгангу или эйнвигу? Ты вызванъ на бой, и тебѣ принадлежитъ право выбора.

— Я выбираю хольмгангу,—отвѣчалъ Иварь:—этого рода поединокъ придаетъ побѣдителю большую славу, а я отправился въ Упсалу на игры съ намѣреніемъ прославиться какъ можно болѣе. Мнѣ предстоитъ одно изъ двухъ: или одержать побѣду надъ тобой, или умереть съ честью, а то и другое лучше, чѣмъ влечить позорную жизнь.

— Но зачѣмъ ты выбираешь хольмгангу? Ты молодежь и неопытенъ, а въ хольмгангѣ есть трудныя правила, которыхъ нѣтъ въ эйнвигѣ.

— Я лучше рискну помѣряться съ тобой въ хольмгангѣ и по крайней мѣрѣ я буду тогда стоять на совершенно равной съ тобою ногѣ, хотя я моложе и менѣе опытенъ, чѣмъ ты, но я не боюсь тяжелыхъ правилъ поединка. Я часто владѣлъ мечемъ, хотя никогда не сражался на поединкѣ. Но мой названный отецъ научилъ меня, какъ слѣдуетъ вести себя въ подобномъ случаѣ.

Тогда, согласно обычаю, Сигурдь объявилъ правила поединка.

— Вотъ въ чемъ состоитъ хольмганга, — сказалъ онъ: — надо положить на землю плащъ, и соперники становятся на него. Первымъ начинается бой вызванный на поединокъ. Щиты передъ ними держатъ ихъ посредники, но если три щита будутъ сломаны, то соперники должны продолжать бой открыто. Если кто ступитъ одной ногой на землю, то это считается уклоненіемъ отъ боя, а если кто ступитъ на землю обѣими ногами, то это считается бѣгствомъ и служитъ доказательствомъ пораженія. Если кровь изъ раны одного бойца упадетъ на плащъ, то онъ не обязанъ продолжать боя. Вы слышали Кетиль и Иварь правила хольмганги?—прибавилъ Сигурдь.

— Ты совершенно ясно изложилъ эти правила, — отвѣчалъ Иварь.

Кромѣ этихъ правилъ, хольмганга подразумѣвала еще, что побѣдитель получаетъ то, за что предьявленъ вызовъ, а въ случаѣ смерти одного изъ соперниковъ его наслѣдство переходило къ побѣдителю. А если побѣжденный былъ только раненъ, то онъ долженъ былъ заплатить уговоренную заранѣе сумму побѣдителю.

Передъ началомъ поединка Кетиль сказалъ Ивару:

— Мнѣ кажется, что твой мечъ длиннѣе, чѣмъ допускаютъ правила въ хольмгангѣ.

— Измѣрь мой мечъ, — отвѣчалъ Иварь,—и ты увидишь, что онъ дозволенной длины.

Послѣ этого онъ обратился къ Хьялмару и произнесъ:

— Названный братъ, ты будешь держать передо мною щитъ.

— Я еще ни для кого этого не дѣлалъ,—отвѣчалъ Хьялмаръ:—и, конечно, готовъ все сдѣлать для тебя, но я боюсь, не слишкомъ ли ты рискуешь, вступая въ бой съ Кетилемъ. Дозволь мнѣ сравниться съ нимъ.

— Благодарю тебя,—отвѣчалъ Иварь:—но это не возможно.

— Если ты умрешь,—сказалъ Хьялмарь:—то каждый изъ насъ, твоихъ названныхъ братьевъ, будетъ мстить за твою смерть, согласно нашей клятвѣ.

Съ этими словами онъ подошелъ къ Ивару и, взявъ три щита, которые должны были попеременно охранять Ивара, передалъ два изъ нихъ Сигурду и Сигмунду.

— Названный братъ,—сказалъ онъ, снова обращаясь къ Ивару:—будемъ надѣяться, что ты побѣдишь; но ты будешь драться съ однимъ изъ первыхъ бойцовъ на сѣверѣ; онъ искуснѣе всѣхъ владѣетъ мечемъ.

— Довольно болтать,—произнесъ Кетиль.

— Ты правъ,—отвѣчалъ Иварь и прибавилъ:—о, красавица Свитьѣда! я сражаюсь сегодня за тебя и вернусь къ тебѣ побѣдителемъ.

Кетиль между тѣмъ пришелъ въ такой воинственный пылъ, что пѣна показалась на его губахъ, и онъ укусилъ зубами край своего щита. Когда онъ нѣсколько успокоился, то оба противника пожали другъ другу руки и вступили на плацъ.

Иварь произнесъ первый:

— Ты, Кетиль, сегодня увидишь Одина.

А затѣмъ сказалъ Кетиль:

— Я не вѣрю въ Одина, но ты, Иварь, передъ закатомъ солнца будешь въ области мертвецовъ.

Хьялмарь держалъ щитъ Ивара, а Бодмодъ — щитъ отца. У Ивара былъ его мечъ Хроттъ, и при первомъ его ударѣ по щиту Кетилия посыпались искры, при видѣ которыхъ онъ воскликнулъ:

— Я не сталъ бы драться съ тобою, если бы зналъ, что у тебя Хроттъ. Не даромъ отецъ говорилъ, что всѣ его сыновья будутъ недолговѣчны, за исключеніемъ его тезки.

Не обращая вниманія на эти слова соперника, Иварь такъ быстро сталъ наносить ему ударъ за ударомъ, что онъ не могъ самъ нападать, а долженъ былъ искать спасенія за щитомъ; но какъ только Иварь отступилъ на шагъ, чтобы имѣть болѣе мѣста для размаха меча, Кетиль бросился на него и перерубилъ пополамъ щитъ Ивара. Тогда имъ обоимъ перемѣнили щиты, но и новые щиты ожидала та же участь. Противникамъ остались только послѣдніе щиты, и борьба приняла ожесточенный характеръ. Все-таки Кетиль продолжалъ говорить:

— Нѣтъ недостатка храбрости во мнѣ. Мой мечъ Хвитингъ остеръ и не дастъ промаха. Ты, Иварь, не надѣйся на одного Одина, а лучше защищай себя своимъ мечемъ. Впрочемъ, ничто тебѣ не поможетъ, и ты умрешь сегодня.

— Не хвались, Кетиль,—отвѣчалъ Иварь:—ты самъ погибнешь. Кетиль отступилъ на шагъ, чтобы размахнуться и нанести

смертельный ударъ Ивару, но тотъ самъ бросился на него и своимъ мечемъ перерубилъ ему лѣвое плечо надвое. Кетиль зашатался и упалъ, смертельно раненый.

Черезъ нѣсколько минутъ его не стало въ живыхъ, а Иваръ, какъ побѣдитель, согласно старинному обычаю, принесъ на этомъ мѣстѣ быка въ жертву Одину.

Послѣ этого Иваръ вернулся домой, а свіяры поѣхали въ Упсалу, чтобы увѣдомить Рандалину о побѣдѣ Ивара, которая еще болѣе прославила его на всемъ сѣверѣ.

XXVI.

Смерть Хьялмара и Астриды.

Недолго пришлось Ивару оставаться въ Дампстадирѣ, такъ какъ ему вскорѣ надо было отправиться со своими названными братьями на островъ Самсей, гдѣ долженъ былъ произойти поединокъ между Хьялмаромъ и Бумемъ.

Прежде отплытія на двухъ мелкихъ судахъ, Хьялмаръ принесъ жертву Одину для обезпеченія себѣ побѣды. Путешествіе ихъ не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ, и они благополучно бросили якорь въ Мунарвогской бухтѣ.

Сыновья Герварда съ своей стороны также сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія. Наканунѣ отплытія Торгринъ видѣлъ сонъ и рассказалъ о немъ своему отцу.

— Мнѣ снилось,—говорилъ онъ:—что я съ братьями находился на Самсеѣ; тамъ было много птицъ, и мы убили всѣхъ. Потомъ мы пошли на противоположный берегъ острова, и на насъ налетѣли два орла. Я жестоко сражался съ однимъ изъ нихъ и былъ тяжело раненъ; другой же орелъ одолѣлъ всѣхъ моихъ братьевъ.

Услыхавъ объ этомъ снѣ, Гервардъ очень встревожился, считая, что это было предзнаменованіемъ смерти его сыновей.

— Этотъ сонъ нечего и объяснять,—сказалъ онъ:—все въ немъ ясно, и я боюсь, что онъ предвѣщаетъ вашу гибель.

Братья отвѣчали, что они никогда ничего не боялись, такъ какъ всегда одерживали побѣду.

— Всякій умираетъ въ тотъ день, когда ему предопредѣлено,—замѣтилъ старикъ.

На слѣдующее утро двѣнадцать братьевъ сѣли на корабль, а отецъ, проводивъ ихъ до берега, далъ имъ свое лучшее оружіе.

— Вы не можете теперь полагаться на одну свою отвагу: ваши противники одни изъ самыхъ храбрыхъ витязей во всей странѣ.

Простившись съ отцомъ, братья пустились въ путь и, достигнувъ Самсея, вышли на берегъ въ противоположномъ концѣ острова отъ той бухты, гдѣ высадились Хьялмаръ съ товарищами.

Сыновья Герварда прошли черезъ весь островъ, розыскивая своихъ противниковъ, и, выйдя на другой берегъ, увидели два причаленныхъ корабля, которые, по всей вѣроятности, принадлежали Хьялмару, но ни его, ни его товарищей не было видно. Сыновья Герварда пришли въ ярость и въ порывѣ военнаго пыла бросились на корабли, взяли ихъ приступомъ, изрубили всѣхъ находившихся тамъ воиновъ и вернулись на берегъ побѣдителями.

Съ своей стороны Хьялмаръ и его названные братья розыскивали своихъ соперниковъ и, взойдя на возвышенный холмъ, увидели, что съ ихъ судовъ сходили люди съ окровавленными мечами и щитами. Они легко узнали въ этихъ людяхъ сыновей Герварда.

— Наши храбрые воины убиты, — сказалъ Хьялмаръ, — это, конечно, предвѣщаетъ, что намъ всѣмъ сегодня ночевать въ Валгалѣ.

— Храбрость часто лучше всякихъ мечей, — замѣтилъ Иваръ, удивляясь, что Хьялмаръ первый разъ въ жизни обнаружилъ страхъ, — я увѣренъ, что мы одержимъ побѣду надъ сыновьями Герварда, хотя они и перебили всѣхъ воиновъ на нашихъ судахъ.

— Мы никогда не бѣгали отъ враговъ, — произнесъ Сигурдъ, — лучше умремъ съ честью и смѣло выступимъ на бой, поочередно съ каждымъ изъ братьевъ.

— Вы правы! — воскликнулъ Хьялмаръ, — мы не пойдёмъ сегодня къ Одину, а побѣдимъ нашихъ враговъ, и я женюсь на Астридѣ.

Вскорѣ они встрѣтились съ сыновьями Герварда. Избранный родъ поединка между Хьялмаромъ и Бумъ былъ эйнвига, по правиламъ котораго можно было двигаться сколько угодно, но противниковъ не ограждали щиты. У Буя былъ мечъ Рангвидъ, а у Хьялмара — Драгвандиль, который ему далъ отецъ при его совершеннѣтти. Передъ началомъ поединка Буй сказалъ:

— Если одинъ изъ насъ переживетъ другого, то пусть не беретъ оружія своего противника; я желаю, чтобы меня похоронили съ моимъ мечемъ, и сдѣлаю то же для Хьялмара, если останусь побѣдителемъ.

Послѣ этого противники схватились и стали наносить другъ другу быстрые, тяжелые удары.

Посмотрѣвъ на поединокъ впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, Иваръ, Сигмундъ и Сигурдъ отошли въ сторону и вызвали на бой остальныхъ сыновей Герварда.

— Мы будемъ драться, какъ витязи, а не какъ рабы, — сказалъ Иваръ своимъ противникамъ, — выходите на бой со мною одинъ послѣ другого.

Они согласились, и Семингъ вышелъ первый, чтобы помѣряться силами съ Иваромъ. Мечъ послѣдняго, Хроттъ, блеснулъ въ воздухѣ, и черезъ нѣсколько минутъ Семингъ упалъ мертвый на землю. Его мѣсто занялъ Ольвиръ и послѣ краткой борьбы былъ также убитъ. Теперь очередь была за Гизломъ. Послѣ Торгринна онъ былъ

самый сильный и ловкий из братьевъ. Онъ съ такой яростью напалъ на Ивара, что тотъ долго могъ только защищаться; но его спасала очарованная рубашка, которую сшила для него Рандалина, и въ концѣ концовъ онъ нанесъ смертельный ударъ своему противнику. Тогда пришлось вступить въ бой Торгрину. Его борьба съ Иваромъ продолжалась очень долго и съ переменнымъ счастьемъ. Но и ему было суждено умереть. Остальные братья поочередно заняли его мѣсто и такъ же храбро пали, истекая кровью. Иваръ совершенно утомился, но не хотѣлъ принять предложенной помощи Сигурда и Сигмунда, такъ какъ боялся рисковать ихъ жизнью и болѣе рассчитывалъ на себя для борьбы съ такими опасными противниками.

Послѣ этого названные братья вернулись къ тому мѣсту, гдѣ происходилъ поединокъ Буя съ Хьялмаромъ, и увидали, что первый лежалъ неподвижно на землѣ, а послѣдній сидѣлъ, прислонившись къ утесу, но блѣдный, какъ смерть.

— Что съ тобой!—воскликнулъ Иваръ, подбѣгая къ нему,—ты измѣнился въ лицѣ. У тебя тяжелыя раны. Твой племъ изрубленъ твоя кольчуга пробита у самаго сердца. Тебѣ жить уже не долго, и ты вскорѣ пойдешь въ Валгалу.

— У меня шестнадцать ранъ, — отвѣчалъ Хьялмаръ слабымъ голосомъ, — я ничего не вижу и не могу подняться съ мѣста. Мечъ Буя прикоснулся къ моему сердцу отравленнымъ концомъ. Жизнь моя кончена, и я пойду къ Одину, не женившись на Астридѣ. Таково предопредѣленіе норниръ. Иваръ!—прибавилъ онъ, подзывая къ себѣ названаго брата, — сними съ моей руки золотое кольцо и отдай его Астридѣ. Я знаю, что она будетъ горевать всю жизнь обо мнѣ.

Онъ умолкъ, но черезъ нѣсколько минутъ снова произнесъ:

— Никто въ Упсалѣ не будетъ смѣяться надо мной: я не уклонился отъ честнаго боя и убилъ своего врага прежде, чѣмъ самому умереть. Отнеси, Иваръ, мой племъ и мою кольчугу Астридѣ. Ея сердце дрогнетъ при видѣ ихъ. Вотъ летитъ орель; онъ вкуситъ моей крови... Все кончено... Хьялмару не видать болѣе банкетной залы Ингва, не пить ему болѣе пива съ его воинами, не любоваться ему болѣе его дочерьми...

Онъ снова умолкъ, такъ сильны были его страданія. Но, давъ клятву никогда не жаловаться, онъ ни единымъ стономъ не обнаружилъ своихъ мукъ.

— Двое изъ васъ, — произнесъ онъ послѣ долгаго молчанія, — пойдите и вырубите мнѣ изъ камня гробъ, а третій останься со мной и пиши сагу, которую я слогу о своей жизни.

И онъ началъ диктовать, а Сигмундъ быстро чертилъ ножомъ его слова на деревянныхъ дощечкахъ. Чѣмъ болѣе близилась эта поэма къ своему концу, тѣмъ слабѣе становился голосъ Хьялмара. Наконецъ, онъ умеръ. Храбрый витязъ ушелъ къ Одину.

Тогда Иваръ торжественно произнесъ:

— Вездѣ и долго сохранится память объ этомъ человѣкѣ, какъ самомъ благородномъ и доблестномъ изъ людей.

Молча взглянули остальные названные братья на своего погибшаго товарища и затаили въ своемъ сердцѣ понесенную ими вознаграждаемую потерю.

Спустя нѣкоторое время, они сложили въ груду тѣла всѣхъ сыновей Герварда въ ихъ одеждѣ и съ ихъ оружіемъ, накрыли сучьями и дерномъ, а потомъ, засыпавъ землей, воздвигли надъ ними высокій курганъ. Затѣмъ они отпѣвались на суда, перенесли на берегъ трупы своихъ воиновъ и похоронили ихъ такимъ же образомъ.

Покончивъ съ этимъ, три названные брата помѣстили тѣло Хьялмара на одинъ изъ кораблей и поплыли въ Упсалу. Выйдя на берегъ, Иваръ положилъ себѣ на спину трупъ Хьялмара и понесъ его къ банкетной залѣ въ сопровожденіи Сигмунда и Сигурда, которые громко славили геройскіе подвиги покойнаго.

У дверей залы Иваръ положилъ свою ношу; войдя, онъ направился прямо къ Ингву, сидѣвшему на своемъ возвышенномъ мѣстѣ, и положилъ къ его ногамъ пробитую кольчугу Хьялмара, его мечъ, шлемъ и разбитый щитъ. Эти предметы краснорѣчивѣе словъ говорили о смерти храбраго витязя.

Затѣмъ Иваръ съ названными братьями пошелъ въ свѣтлицу Астриды. Она сидѣла за работой, вышивая плащъ для своего жениха, и думала о немъ.

— Я принесъ тебѣ, Астрида, печальную вѣсть, — сказала Иваръ, подавая ей кольцо, и передалъ послѣднія слова умирающаго.

Астрида взяла кольцо и поняла, что Хьялмаръ умеръ. Она не произнесла ни слова, поблѣднѣла, какъ полотно, и голова ея поникла. Она такъ долго не приходила въ себя, что женщины съ испугомъ окружили ее. Къ ихъ удивленію и отчаянію, она была мертвая.

— Ничего лучше этого никогда не случилось на сѣверѣ, — сказалъ Иваръ, — это событіе надо привѣтствовать всѣмъ сердцемъ, хотя оно причинить горе свитьѣдскому херсиру.

Онъ взялъ Астриду на руки, понесъ ее къ дверямъ банкетной залы, положилъ ее въ объятія Хьялмара и, войдя къ Ингву, объявилъ о смерти его дочери.

Съ глубокой горестью увидалъ старикъ бездыханные трупы Астриды и ея жениха.

Въ Упсалѣ выстроили большой склепъ для Хьялмара и Астриды, такъ какъ ихъ не сожгли, а положили рядомъ на брачное ложе изъ цвѣтовъ. Хьялмара одѣли въ его лучшую боевую одежду, съ шлемомъ на головѣ и мечемъ въ рукахъ. На Астридѣ было бѣлое вѣнчалное платье и драгоцѣнные украшения. Надъ ними обоими

воздвигли высокій курганъ, подъ которымъ Хьялмаръ-храбрый и Астрида-красавица безмолвно спятъ въ объятіяхъ другъ друга.

Ихъ могила доселѣ смотритъ съ гранитнаго берега на корабли, снующіе взадъ и впередъ по морю, которое они такъ любили; вѣтеръ и волны вѣчно поминаютъ въ своемъ свистѣ и грохотѣ ихъ имена. Ежегодно, съ возвращеніемъ лѣта, пчелы и бабочки перелетаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ надъ ихъ могилой, а веселыя птицы мелодично тянутъ свою вѣчную пѣсню любви, какъ нѣкогда пѣли ее Хьялмаръ и Астрида.

Они жили, любили и умерли. Въ этомъ какъ въ старину, такъ и теперь заключается вся человѣческая жизнь. Астрида послѣ смерти перешла въ жилище богини Гефьены, которой служили всѣ умершія дѣвы, а Хьялмаръ переселился въ Валгалу, откуда могъ постоянно видѣть свою возлюбленную.

Иваръ, Сигурдъ и Сигмундъ горько оплакивали своего названнаго брата, и даже, когда время нѣсколько сгладило ихъ печаль, они всегда помнили о немъ, славили его геройскіе подвиги и во время пировъ предлагали тосты въ честь его. А въ Скандинавіи доселѣ народъ любитъ рассказывать исторію Хьялмара и Астриды.

XXVII.

Свадьба Ивара и Рандалины.

Спустя годъ послѣ смерти Хьялмара и Астриды, произошла свадьба Ивара и Рандалины. Большія приготовленія были сдѣланы по этому случаю въ Упсалѣ. Изъ кладовыхъ свитьедскаго херсира вынесли драгоценныя вышивки, которыми украшались стѣны банкетной залы только во дни свадебъ, а также вѣнчальную скамью, украшенную золотомъ, серебромъ и дорогою рѣзбою. Сколько прекрасныхъ дочерей свитьедскихъ херсировъ сидѣло на этой скамьѣ! Сколько прелестныхъ дѣвъ мечтало тутъ о счастьѣ и сколько этихъ мечтаній оказались не сбыточными! Сколько молодыхъ женъ убѣдилось горькимъ опытомъ, что богатство, знатность, слава, могущество не даютъ счастья, и сколькимъ изъ нихъ пришлось въ минуты печали завидовать веселому смѣху, раздававшемуся изъ скромныхъ жилищъ бѣдняковъ и даже невольниковъ!

Въ продолженіе двухъ недѣль передъ свадьбой стѣзжались гости со всѣхъ сторонъ, и для нихъ были отведены роскошныя помѣщенія. Иваръ прибылъ за четыре дня до свадьбы, съ большою свитой.

Наконецъ, наступилъ день вѣнчанія. Когда всѣ гости собрались въ банкетной залѣ, вошла въ нее Рандалина, въ бѣлоснѣжномъ брачномъ нарядѣ, окруженная подругами. Ея прекрасное лицо

смутно видѣлось изъ-подъ опущенной фаты, которая была прикрѣплена на головѣ драгоцѣннымъ камнемъ большой стоимости. На ея шеѣ видѣлось золотое ожерелье художественной работы, а на золотомъ поясѣ висѣла связка ключей, доказывавшая, что она будетъ завѣдывать хозяйствомъ въ домѣ Ивара. Тихой, величественной поступью приблизилась она къ брачной скамьѣ и сѣла среди десяти подругъ.

Затѣмъ въ залу вошелъ женихъ въ сопровожденіи десяти товарищей, во главѣ которыхъ шли Сигурдъ и Сигмундъ. Онъ помѣстился на возвышенномъ мѣстѣ, противъ Ингва, который былъ окруженъ многими херсирами и витязями.

Сцена была поистинѣ великолѣпна. Женщины соперничали другъ съ другомъ красотой, роскошью своихъ нарядовъ и блестящимъ дорогихъ украшеній. На всѣхъ было праздничное платье— «следуръ», съ длиннымъ шлейфомъ изъ драгоцѣнныхъ матерій, вышитыхъ золотомъ. Волосы были убраны различно: у однѣхъ они были зачесаны кверху и украшены золотой діадемой, а у другихъ—заплетены въ косу, уложены на головѣ и закрѣплены громадными золотыми булавками. На шеѣ и на рукахъ блестяли золотые и мозаичные ожерелья и браслеты.

Иваръ и его товарищи и вообще всѣ мужчины были роскошно одѣты, а на ихъ плечахъ висѣли плащи, доказывавшіе ихъ высокое происхождение.

Когда всѣ усѣлись по мѣстамъ, Ингвъ, какъ первосвященникъ, всталъ и освятилъ бракъ знаменіемъ Молота Тора, а также воззваніемъ къ богинѣ Варъ, которая невидимо присутствовала при ихъ обрученіи. Съ этой минуты Рандалина стала женой Ивара и священной въ глазахъ всѣхъ остальныхъ мужчинъ.

По окончаніи этой церемоніи, Иваръ подошелъ къ Рандалинѣ и поднесъ ей линъ-фи, то-есть приданое, состоявшее изъ золотыхъ діадемъ ожерелій, шелковой и бархатной одежды, перчатокъ, башмаковъ и тончайшаго бѣлья.

Вслѣдъ за нимъ приблизились къ Рандалинѣ гости и стали подавать ей подарки, которые носили общее названіе «подарковъ брачной скамьи», такъ какъ молодая принимала ихъ, сидя на брачной скамьѣ. Среди этихъ подарковъ было много римскихъ золотыхъ монетъ временъ Тиверія, Клавдія и Тита, много золотыхъ и серебряныхъ украшеній, самой изящной работы, серебряныхъ блюдецъ и кубковъ, греческой стеклянной посуды, дорогихъ тканей и т. д. Ингвъ, кромѣ многихъ золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, подарилъ дочери два большихъ помѣстья: одно въ теперешней Курляндіи, а другое въ теперешней Помераніи. Вообще всѣ эти подарки составляли значительное состояніе.

Послѣдовавшій за этимъ свадебный банкетъ поражалъ роскошью и великолѣпіемъ. Свитьѣдскій херсиръ не жалѣлъ никакихъ расхо-

довъ. Въ трехъ банкетныхъ залахъ были расположены столы, освѣщенные восковыми свѣчами и уставленные золотыми и серебряными кубками, блюдами и рогами.

Присутствовавшіе херсиры рѣшили занимать по очереди почетныя мѣста, что избавило Ингва отъ большого безпокойства, такъ какъ при малѣйшемъ недосмотрѣ могло возникнуть мѣстничество. Жаркія: телятина, свинина, оленина и дичь, подавались на золотыхъ блюдахъ, а гости ѣли на серебряныхъ тарелкахъ. Прислуга была такъ многочисленна, что въ составѣ ея видѣлись и невольники, а главное — красивыя невольницы, привезенныя изъ Британіи, Галліи, Рима и Греціи. Онѣ вмѣстѣ съ другими слугами наполняли рога виномъ, медомъ и пивомъ, разносили ихъ и наблюдали, чтобы рога были всегда полны.

Весело пировали молодые и ихъ гости въ продолженіе не одного дня, а шести недѣль. Скальды пѣли вновь сложенные поэмы, прославляя подвиги предковъ, а молодежь ухаживала другъ за другомъ, подготавливая въ будущемъ новыя свадьбы. Никто никогда не видывалъ такого великолѣпнаго свадебнаго пира, а когда гости стали разъѣзжаться, то получили дорогіе подарки.

Наконецъ, наступило Рандалинѣ время покинуть Упсалу и все, что она дотолѣ любила, но она нисколько не печалилась о разлукѣ со всѣмъ для нея роднымъ, такъ какъ она уѣзжала съ Иваромъ, а въ немъ теперь сосредоточивалось все ея счастье. Она не думала о томъ, что ее могли ожидать тяжелыя испытанія, и готова была пожертвовать своей жизнью для Ивара. Будущность представлялась ей лучезарнѣе солнца. Иваръ былъ ея мужемъ, и любовь соединяла ихъ своими радужными узами.

Корабль, на которомъ плыли Иваръ и Рандалина изъ Упсалы въ Дампстадиръ, несъ на себѣ по морскимъ волнамъ прелестнѣйшую изъ женъ и благороднѣйшаго изъ мужей.

К О Н Е Ц Ъ .

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ НОЯБРЬ 1894 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 15-й.

- Аверіева, Е.** Црактическіе совѣты по садоводству. Яблоня и груша. 87 рис. 1894 г. Ц. 60 к.
- **Малина.** Съ 13 рис. М. 1894 г. Ц. 20 к.
- Азбелевъ, М.** Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15 рис. М. 1895 г. Ц. 75 к.
- Андерсенъ.** Собраніе сочиненій въ 4 томахъ. Перев. съ датскаго А. и И. Ганзенъ. Т. III в. X. Импрровизаторъ.— Петька-счастливецъ.
- Вып. XI. Петька-Счастливецъ. Картинки-Невидимки. Путевые очерки. Ц. по подпискѣ на все сочин.—6 р.
- Арефа, Н.** Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Артистъ.** Журналъ изящныхъ искусствъ и литературы. № 42. М. 1894 г. Ц. 2 р.
- Атласъ сраженій XIX вѣка.** Планы важнѣйшихъ сраженій, боевъ и осадъ съ объяснительнымъ текстомъ. Перев. съ нѣмецкаго подполковника Чекмарева. Вып. IV. Ц. 1 р. 50 к.
- Ахшарумовъ, И.** Потомокъ Бетрицевыхъ. Романъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Бессонъ, А.** Техническіе результаты изъ практики эксплуатаціи одной центральной станціи электрическаго освѣщенія въ Россіи. Съ 3 лст. чертежей и 8 фигурами въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Блуменау, Л.** д-ръ. О разстройствѣхъ сознания у душевно-больныхъ. Казань. 1895 г. Ц. 40 к.
- Bow, R.** Графическія данныя рациональнаго расчега рѣшетчатыхъ фирмъ. М. 1895 г. Ц. 3 р.
- Быстранинъ, В.** Житейскія быдл. Очерки и рассказы. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Бычихинъ, А.** Состояніе огородничества на поляхъ, орошаемыхъ нечистыми водами гор. Одессы въ связи съ огородничествомъ въ предѣлахъ Одесскаго градоначальства. Одесса. 1894 г. Ц. 35 к.
- Бьернсонъ.** Повѣсти и рассказы. Т. II. Перев. съ норвежскаго О. М. Петерсенъ. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Ванновъ, С.** Турбины. Практическое руководство для техникувъ, владѣльцевъ заводовъ и мельницъ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Васильчиновъ, А.** Семейство Разумовскихъ. Т. V. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Венеze, Ф.** Адъ и рай внутри человѣка. Въ 3-хъ частяхъ. Ч. I. Совѣсть порочная. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Верещагинъ, Ю.** Къ вопросу о преподаваніи теоріи словесности въ VIII классѣ гимназій. Воронежъ. 1894 г. Ц. 20 к.
- Двѣ статьи: 1) Изученіе словесности въ нашихъ гимназійхъ. 2) Каковъ долженъ быть гимназическій учебникъ словесности. Воронежъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Вейерштрассъ.** Къ мемуару Линдемана «О Лудольфовомъ числѣ» (доказательство невозможности квадратуры круга). Перев. съ дополненіями И. Скалзубова. Казань. 1894 г. Цѣна 40 к.
- Вейнбергъ, П.** Новые рассказы и сценн. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.
- Витебскій, В. И.** И. Неплюевъ, организаторъ Оренбургскаго края. Казань. 1894 г. Ц. 20 к.
- Галицко-русскій Вѣстникъ.** Ежемѣсячный историко-литературный и политич. журналъ, № 2. Сентимбрь-октябрь 1894 г. Ц. 50 к.
- Гамовъ, И.** Очерки далекой Сибири. Гомель. 1884 г. Ц. 35 к.

- Гайонъ, У.** О пастеризаціи винограднаго вина. Перев. съ франц. Съ 16 рис. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Гейнце, Н.** Малюта Скуратовъ. Историч. романъ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р.
- Германъ, Ф.** Врачебное сословіе древняго Рима. Культурно-историческій очеркъ. Харьков. 1894 г. Ц. 50 к.
- Гиляровъ, А.** Старые годы въ новыяхъ русскихъ переводахъ—Дантъ, Боккаччо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ. Критическій очеркъ съ точки зрѣнія ученія о поэзіи, какъ выраженіи вселенскаго логоса. Кіевъ. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гордіевичъ, О.** Высшее образованіе въ Римѣ во времена императоровъ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Годлевскій, С.** О судебной экспертизѣ (въ вопросу о значеніи «свѣдущихъ людей» въ уголовномъ судопроизводствѣ). Ц. 40 к.
- Греновъ, А.** Среди донскихъ обывателей (Новочеркаскъ—Ростовъ—Таганрогъ—Нахичевань). Ростовъ-на-Дону. 1894 г. Ц. 50 к.
- Десницкій, Н.** Лечение водою въ зимній сезонъ. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. М. 1894 г. Ц. 20 к.
- Дмитріевъ, Д.** Пр. Сергій, великій поборникъ земли Русской, и его обитель. М. 1894 г. Ц. 20 к.
- Доде, А.** Собраніе сочиненій. Т. I. Ц. за всѣ сочин. по подпискѣ 3 р.
- Жизнь замѣчательныхъ людей.** Октябрь Контъ. Біогр. очеркъ В. Яковенко.—Н. М. Карамзинъ. Біогр. очеркъ Евг. Соловьева. Ц. кажд. біогр. 25 к.
- Знаменскій, П.** Жгучій вопросъ (журнально-критическая замѣтка. Казань. 1884 г. Ц. 60 к.
- Чиновичья слеза. Этюдъ. Казань. 1894 г. Ц. 40 к.
- Ивановъ, Ив.** Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII в. М. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Извѣстія** русскаго астрономическаго общества. Вып. II и III. Спб. 1894 г. Ц. кажд. вып. 1 р.
- Интеллигентъ и буржуа** (аналитическій очеркъ К. Л.—а). М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Истоминъ, В.** Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Державина, Жуковскаго и Батюшкова въ лексическомъ, этимологическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ. Варшава. 1893 г. Ц. 1 р.
- Главнѣйшія особенности языка и слога комедіи В. Калиста «Ябеда» и романтической поэмы И. Богдановича «Душенька». Варшава. 1894 г. Ц. 50 к.
- Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній М. Лермонтова, А. Грибоѣдова и А. Пушкина. Варшава. 1894 г. Ц. 1 р.
- Кабештовъ, И.** Лѣсонасажденіе, питомники и школы въ имѣніяхъ гсафа М. М. Толстаго. Харьковъ. 1894 г. Ц. 40 к.
- Найгородовъ, Д. М.** Изъ зеленого парства. Популярныя очерки изъ міра растений. Со многими рисунками. Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 6 р.
- Колесовъ, А.** Опѣнка имѣній. Краткое руководство. Изданіе 2-е, исправл. и дополн. Харьковъ. 1895 г. Ц. 50 к.
- Коренблигъ, А.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XXII. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- Корсаковъ, В.** Дешевыя огнеупорныя постройки и ихъ сооруженія. Спб. 1894. Ц. 25 к.
- Костомаровъ, Н.** Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. II. Господство Дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. 4-е изд. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Костромская старина.** Сборникъ, издаваемый Костромскою губернскою ученою архивною комиссіей. Вып. 3-й. Кострома. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Краткое наставленіе** для уничтоженія саранчи, ирусика и кобылокъ. Съ 21 рис. Спб. 1894 г. Ц. 5 к.
- Кругловъ, А.** Дѣтямъ. Стихотвореніе. Спб. 1894 г. Ц. въ перелегѣ 75 к.
- Добрымъ дѣтямъ. Иллюстрированныя рассказы въ прозѣ и стихахъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ланцертъ, В.** Спутникъ по Россіи. Зимнее движеніе 1894—1895 г. Ц. 40 к.
- Лебе, В.** Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Съ 42 рис. Спб. 1895 г. Ц. 90 к.
- Линдманъ, К.** О наѣскомыхъ, вредящихъ огороднымъ растениямъ, и о мѣрахъ ихъ истребленія. Съ 30 рис. М. 1894 г. Ц. 35 к.
- Луговой, А.** Сочиненія. Т. II. Грани жизни. Романъ. Спб. 1894 г. Ц. по подпискѣ 5 р. Отдѣльно каждый томъ 2 р.
- Луначинъ, А.** Темные люди. Рассказъ для дѣтей и юношества. Съ рисунками. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Лухманова, Н.** Двадцать лѣтъ назадъ. (Воспоминанія изъ инстатууской жизни). Женскіе сидѣтцы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- М. Д.** Металлическіе снимки при помощи электричества съ художественныхъ, античныхъ и другихъ предметовъ. Отдѣлы гальваноластики: «Осажденіе металловъ толстымъ слоемъ». Съ чертежами. Спб. 1895 г. Ц. 35 к.

- Мансименно, Н.** Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Масперо, Ж.** Древняя исторія народовъ Востока. Перев. съ IV франц. изданія. М. 1895 г. Ц. 3 р.
- Меновъ, В.** Библіографія Азіи. Указатель книгъ и статей объ Азіи. Т. III. Инородцы финскаго, татарскаго и монгольскаго происхожденія, обитающіе въ Россіи. Кавказскіе инородцы. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.
- Наумовъ, И., д-ръ.** О сомнительныхъ душевныхъ состояніяхъ передъ судомъ. Казань. 1895 г. Ц. 50 к.
- Новый пассажирскій тарифъ.** Спб. 1894 г. Ц. 10 к.
- Озеровъ, И.** Общества потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Подъ ред. и съ предисловіемъ профессора И. Янжула. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оршанскій, И., проф.** Гомеопатія. Публичная лекція. Харьковъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Павловскій, А., инженеръ.** Коммерческое значеніе Двинско-Витебской желѣзной дороги въ связи съ общими экономическими успѣхами Витебской губерніи (1872—1892). Витебскъ. 1894 г. Ц. 60 к.
- Перетцъ, В.** Деревня Будогоща и ея преданія (этнографическій очеркъ). Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Петровъ, М., проф.** Лекціи по всемірной исторіи, изданныя подъ редакц. проф. В. Надлера. Томъ IV. Исторія новыя вѣковъ (отъ Вестфальскаго мира до эпохи національнаго конвента) въ обработкѣ проф. В. Бузескула. Харьковъ. 1894 г. Ц. 2 р.
- Полный карманный путеводитель** съ 15-го окт. по май. 1895 г. Ц. 50 к.
- Порчинскій, І.** О кобылкахъ, повреждавшихъ посѣвы и травы въ губерніяхъ: Пермской, Тобольской и Оренбургской. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.
- Плутархъ.** Сравнительныя жизнеописанія. Т. IX, в. I. Артаксерксъ. Аратъ. («Дешевая Библіотека» А. С. Суворина. № 181). Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.
- Rabow, S., проф.** Способы прописыванія лекарственныхъ веществъ. Харьковъ. 1894 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Райскій, Д.** Канализація или сфагнумъ? Къ вопросу объ очисткѣ и ассенизаціи русскихъ городовъ. Спб. 1894 г. Ц. 35 к.
- Ренлю, Э.** Земля. Описаніе жизни земного шара. Переводъ съ послѣдн. франц. изданія подъ ред. и съ примѣчан. Н. Рубакина. Вып. I. Земля, какъ планета.— Горы и равнины. Съ 26 рис. и 4 картами. Спб. 1895 г. Ц. 90 к.
- Рибась-де, Л.** Изъ прошлаго Одессы. Сборникъ статей. Одесса. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ромашневичъ, П.** Полный русскій орфографическій словарь. Изд. 3-е, испр. и вновь обработанное. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Русскіе символисты.** Вып. 2-й. М. 1894 г. Ц. 30 к.
- „Сельскій хозяинъ“**, №№ 1, 2, 3. Ц. по 20 к.
- Синцовъ, Д.** Систематическій указатель книгъ и статей по чистой и прикладной математикѣ, напечатанныхъ въ Казани по 1890 г. включительно. Казань. 1893 г. Ц. 25 к.
- Сворцовъ, Ир. (проф.).** Основныя вопросы лечебной гігіены. Отдѣлъ первый. Лечение климатическое. Харьковъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сворцовъ, И.** Русская исторія. Ч. I. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Сладковъ, В.** Руководство къ постройкѣ деревянныхъ приводовъ для сельскохозяйственныхъ машинъ. Саратовъ. 1894 г. Ц. 50 к.
- Списокъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читальнъ и библіотекъ.** Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Стаховичъ, Н.** Повѣсти и рассказы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Струковъ, Н.** Краткій очеркъ современнаго состоянія школъ для подмастерьевъ и десятниковъ строительнаго дѣла въ Россіи. М. 1894 г. Ц. 25 к.
- Суворинъ, А.** Онъ въ отставкѣ. Сцены въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Тенкерей, В.** Собраніе сочиненій. Т. I. Ц. по подпискѣ 3 р.
- Троицкій, В.** Черемисско-русскій словарь. Казань. 1894 г. Ц. 1 р.
- Турцевичъ, Ар.** Русская исторія (въ связи съ исторіей великаго княжества Литовскаго). Курсъ III класса гимназій и реальн. училищъ. Вильна. 1894. Ц. 50 к.
- Фаусеттъ,** Популярная политическая экономія. Перев. съ 7-го англійскаго изд. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Фирсовъ, Н.** Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности Ивана Ивановича Неллѣева. Казань. 1894 г. Ц. 20 к.
- Фрумъ.** Указатель путешествій по Россіи. Ноябрь-январь. Ц. 60 к.
- Фулье, А.** Декартъ. Перев. съ франц. подъ ред. проф. Н. Грота съ приложеніемъ статьи В. Виндельбанда «Варухъ Спиноза». М. 1895 г. Ц. 80 к.
- Царствованіе Императора Александра III, Царя-Миротворца.** Спб. 1894 г. Ц. 20 к.

- Чернуновъ, Н.** Учебникъ географіи. Курсъ 1-го класса гимназій. Кіевъ. 1894 г. Ц. 40 к.
- Чеховъ, А.** Пестрые рассказы. Изд. 6-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Шевченко, Т.** Кобзарь. Съ портретомъ и видомъ могилы. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Тоже. Ц. 35 к.
- Шелгунова, Л.** Звѣздочка. Рассказы для маленькихъ дѣтей. Съ рис. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шенбергъ, Г.** Новая политическая экономія. Перев. І. Юровскаго (Международн. Библіотека, № 20). Одесса. 1894 г. Ц. 15 к.
- Шепелевичъ, Д.** «Безъ догмата». Романъ Сенкевича. Разборъ. Харьковъ. 1894 г. Ц. 20 к.
- Кудруна. Историко-литературный этюдъ. Харьковъ. 1894 г. Ц. 1 рубль 50 к.
- Широновъ, Н.** Контрольный ежегодникъ за 1893 г. Справочная книга для чиновъ государственнаго контроля. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шишковъ, А.** Сельско-хозяйственная экономія. Введеніе и часть I. Общяя. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шпернкъ, Ф.** Мысль и рефлексія. Афоризмы. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Юрьевъ, М.** Мои письма. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Янтарева, Р.** Марраны. Изъ временъ испанской инквизиціи. Повѣсть для юношества. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ДОСТОВЕРЖАГО

ПОДПИСЧИКИ «НИВЫ» получают въ **52 №№** художеств.-литерат. журн. «Нива», въ прежн. объемѣ. **1895 г.**

12 книгъ второй половины соч. ДОСТОВЕРЖАГО, которыя вмѣстѣ съ 12 книгами, прил. въ 1894 г., составляютъ **ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧ. ДОСТОВЕРЖАГО.**

12 ВЫПУСКОВЪ «Ежемесячныхъ литературныхъ приложеній».

12 №№ ежемѣсячнаго приложенія «Парижскія моды» (съ 300 модныхъ рисунковъ).

12 №№ рукодѣльныхъ и вышивальныхъ работъ и выкроекъ (около 600 рисунковъ и чертежей).

карта жел. дорогъ Россійской Имперіи, большая, подробная

картина проф. Г. И. Семирадскаго „Гіогіаіа“, печатанная 18 красками.

картина академика П. И. Грузинскаго «ЧЕРКЕСЫ ВЪ ГО- СТВЕННОЙ КАЛЕНДАРЬ» въ 15 красокъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. НОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ НА 1895 Г.

Лица, не состоящія подписчиками «Нивы» въ 1894 г., но желаю- щія подписаться на 1895 г., могутъ получить также первую полу- вину соч. Достоевскаго въ 12-ти книгахъ, приложен. въ 1894 г., за небѣроятно дешевую цѣну: безъ пер.—2 р., съ перес. 2 р. 50 к., каковая сумма уплачивается немедленно при подпискѣ, и всѣ 12 книгъ выдаются или высылаются при первомъ № «Нивы».

Отдѣльно отъ журнала соч. Достоевскаго не продаются.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Нивы» со всѣми приложеніями:

Въ Петербургѣ: безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к. Безъ дост. въ Москвѣ, чр. конт. Печковской, 6 р. Съ перес. во всѣ мѣста Россіи 7 р. За границу 10 р.

Для гг. подписчиковъ, желаю- щихъ получить, кромѣ «Нивы» со всѣми приложеніями за 1895 годъ—

ПРИ

ЕЩЕ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ СОЧИНЕНІЙ ДОСТОВЕРЖАГО

въ 12 книгахъ, приложен. въ 1894 г.

Подписная цѣна: въ С.-Петербургѣ, безъ дост. 7 р., съ дост. 9 р. Безъ дост. въ Москвѣ, въ конт. Н. Печковской (Петровскія линіи) 8 р. 25 к. Съ перес. въ Москву и во всѣ города и мѣстности Россіи 9 р. 50 к. За границу 14 р.

Допускается разсрочка платежа въ два и три срока. Стоимость 12 книгъ соч. Достоевскаго за 1894 г. уплачи- вается сразу при подпискѣ.

Съ требованіями обращаться въ Гла- вную Контору журн. «НИВА», С.-Пе- тербургъ, М. Морская, д. № 22.

БЕЗПЛАТНОЕ

ПРИЛОЖЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ

НИВА

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ГОЛУБЫЕ ЗВУКИ И БѢЛЫЯ ПОЭМЫ

Графа Алексиса Жасминова (В. П. Буренина). Ц. 1 р. с.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступилъ въ продажу **ВТОРОЙ ТОМЪ**
СОЧИНЕНІЙ**А. ЛУГОВОГО.**

СОДЕРЖАНІЕ:

ГРАНИ ЖИЗНИ.

Романъ въ 5-ти частяхъ. 526 стран. въ 8-ю долю листа. Цѣна 2 р., пересылка по разстоянію. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типогр. М. М. Стасюлева, С.-Петербургъ, Васильевскій Остр., 5-я линія, д. 28.

Тамъ же продолжается подписка

на 1-й, 2-й и 3-й томы сочиненій А. Лугового по 5 р. (вмѣсто 6 р.) за всѣ три тома вмѣстѣ. Подписывающіеся уплачиваютъ 3 р. для полученія 1-го тома и по 1 рублю для полученія каждаго слѣдующаго тома. Пересылка по разстоянію.

ТОМЪ 1-й—572 стран. въ 8-ю долю листа. **ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:** Не судилъ Богъ!—Однимъ часомъ.— На куриномъ насѣтѣ.— За грозой—ведро.— Не отъ міра сего.— Ольга Ярославна.— Швейцарь. **ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:** «За золотымъ руномъ!» сцены изъ похода современныхъ аргонатовъ, въ 4 д.— «Озимь», драма въ 4 д. **СТИХОТВОРЕНІЯ:** Крымскіе пейзажи.— Опять на Волгѣ!— Борь.— Русь.— Въ майскую ночь.— «Жадко Гуса!» и др. Цѣна 2 р. Пересылка по разстоянію.**ТОМЪ 3-й. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:** Pollice verso. — Нѣсколько подѣлуевъ. — Тепло въ повѣяло.— Счастливецъ.— Исполнили.— Простая случайность.— Изъ повѣдки къ голодающимъ. — Nocturne. — Нервная ночь. — Музыкантъ въ своемъ родѣ.— Между двухъ смутныхъ идеаловъ.— Альмпрор! **СТИХОТВОРЕНІЯ:** Сумашедшее проклятіе.— Taedium vitae.— Credo... quia absurdum—и друг. Цѣна 2 рубля. Пересылка по разстоянію.

Подписка принимается также въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Нарбасникова, „Русской Мысли“, „Артиста“ и друг.

Со дня поступленія въ продажу 3-го тома подписка по уменьшенной цѣнѣ будетъ прекращена.

СОЧИНЕНІЯ А. В. КРУГЛОВА:**СВОИ-ЧУЖІЕ.** Романъ. Ц. 1 р.**ПОДЪ КОЛЕСОМЪ ЖИЗНИ.** Повѣсти. Ц. 1 р.**СРЕДИ НАСЪ.** Повѣсти. Ц. 1 р. 25 к.**ГУБЕРНСКІЯ СКАЗКИ.** Сатирическія повѣсти. Ц. 1 р. 80 к.**НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РѢКѢ.** Путевые очерки. Ц. 1 р.**ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ.** Повѣсть. Ц. 75 к.**ГОСПОДА ЗЕМЦЫ.** Очерки. Ц. 75 к.**ЛѢСНЫЕ ЛЮДИ.** Очерки. Ц. 75 к.**НЕ ГЕРОМЪ.** Очерки и разказы. Ц. 1 р.**НА ЧУЖОМЪ ПОЛѢ.** Очерки и разказы. (Печатается и скоро выйдетъ).

Цѣна 1 рубль.

Иногороднихъ просятъ обращаться въ книжные магазины Суворина (С.-Петербургъ, Москва, Одесса, Саратовъ).

1) Десятое присужденіе Пушкинскихъ премій.—2) Археологическое Общество.—3) Открытіе памятника Г. З. Елисееву.—4) Двадцатипятилѣтіе смерти В. П. Боткина.—5) Отчетъ Одесской городской публичной библиотеки за 1893 г.—6) XXV-й годовоі отчетъ Общества для распространенія свящ. писанія въ Россіи за 1893 годъ.—7) Двадцатипятилѣтіе торговаго дома В. Бесселя и Комп.—8) Некрологи: А. В. Щербакъ; В. А. Бецъ; князь Н. К. Имеретинскій; А. Г. Беземанъ.

Къ біографіи графа А. А. Закревскаго. Графа А. Д. Нессельроде и князя А. Д. Друцко-Соколинскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Н. И. Колюбакина.—2) Викингъ. Романическая исторія изъ эпохи III и IV столѣтій. (Ivar the Viking). Сочиненіе Поля Дю-Шалью. Переводъ съ англійскаго. XIX—XXVII. (Окончаніе).—3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1894 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника». — 4) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

При этой книжкѣ разсылаются городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ объявленія о подпискѣ въ 1895 году на журналы: «Новъ», «Задушевное Слово», «Живописное Обзорѣніе» и «Сынъ Отечества» и только иногороднимъ подписчикамъ—образецъ картъ «Учебнаго атласа по русской исторіи» барона Н. Н. Торнау и объявленіе отъ редакціи «Нѣдѣли».

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дептфордѣ.—Императорскій титуль.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московский маскарадъ въ 1722 году.—Память Петра Великаго въ Сестротцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полипеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе сыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габриелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое звѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій просп., 38), за пересылку ничего не платятъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"

